This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

+ STAV 603.70

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1883.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій п., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

Slav 30.11
P Slav 605.10

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.
DUPLICATE.

DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ТЕМНОЕ ДѢЛО. Повѣсть изъ нижневолжской жизни. Гл. VI и VII. *Окончаніе.*—**Н. К. Бобылева** 1

II. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ. Историческій очеркъ. Гл. VI.—**А. Я. Ефименко** 43

III. «ДОШУТИЛАСЬ». Повѣсть. Гл. I—VIII.—**А. Алексѣевой** . . 74

IV. МАЗУРЫ.—**В. Гецевича.** 122

V. РАФАЭЛЬ САНЦІО (по поводу 400-лѣтняго юбилея).—**А. Кирпичникова.** 140

VI. ВЪ НОВЫХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ ЧЕРНОГОРІИ (очерки изъ путешествія). Варъ.—**П. А. Ровинскаго.** 161

VII. СБИТЫЙ СЪ ТОЛКУ. Экспериментальный романъ **Марка Монье.** Гл. X—XV. Переводъ съ французскаго. 218

VIII. ИСТОРІЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНОРУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА. II: **Борьба козаковъ съ поляками.**—**Н. И. Костомарова.** 269

IX. ПУСТЬ НА ПИРЪ... Стихотв.—**П. А. Козлова.** 308

X. ОТЪ МОСКВЫ ДО ТОМСКА.—**И. Левитова.** 1

XI. ПОЛИТИКА РОССІИ И ПРУССІИ ВЪ ЭПОХУ, ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ПЕРВОМУ РАЗДѢЛУ ПОЛЬШИ. (По оффиціальнымъ документамъ, изданнымъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.)—**В. К.** 31

XII. БИБЛІОГРАФІЯ:

«Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 годахъ». *И. Цвѣтаева.* Москва, 1883 г.—«Очерки путешествія въ Гималайи». *Г. и г-жи Верещагиныхъ.* С.-Петерб. 1883 г.—«Воспоминаніе о Крымѣ». *Княг. Е. Горчаковой.* Москва, 1883 г.—«Европейскіе писатели и мыслители. IX—Петроній». Изд. *В. В. Чуйко.* С.-Петерб. 1882 г.—«Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ». Изд. *Ф. Павленкова.* С.-Петерб. 1883 г.—«Русскія дѣтскія сказки», собр. *Н. А. Аѳанасьевымъ.* Изд. *А. К. Заѣсской и К°.* Москва, 1883 г.—«Узорочная пестрядь». *Сергѣя Атавы (С. Н. Терпигорева).* Изд. *Ф. Н. Плотникова.* С.-Петерб. 1883 г.—«Китай-городъ». Романъ *Петра Боборыкина.* Т. I и II. Изд. *М. О. Вольфъ.* С.-Петерб., 1883 г.—«Стихи и проза». *Г. И. Гуревичъ-Нечая.* Одесса, 1882 г.—«Грёзы и пѣсни». Стихотворенія *Ив. Якунина* (1871—1873 г.). С.-Петерб. 1883 г.—**Е. Н.** 57

Стр.

«Болѣзни воли». *Рибо* («Les maladies de la volonté». Th. Ribot. Paris, 1883).—«Современная физика. Историческіе и философскіе этюды». *Эрнеста Навилля* («La physique moderne. Études historiques et philosophiques». Ernest Naville. Paris, 1883).—«Инстинктивная и умственная жизнь». *Жакинэ* («La vie instinctive et la vie de l'esprit». Jacquinet. Paris, 1883).—«Борьба противъ нищеты». *Ипполита Маза* («La lutte contre la misère». Hippolyte Maze. Paris, 1883).—**В. А. Гольцева** . 73

XIII. СВѢДѢНІЯ ПО КНИЖНОМУ И МУЗЫКАЛЬНОМУ ДѢЛУ.

Приложеніе: БУРНОЕ ВРЕМЯ. Историческій романъ **Т. Т. Ежа.** Переводъ съ польскаго. . . . . 193—240

ТЕМНОЕ ДѢЛО.

БИБЛІОТЕКА СЕМЕННИКОВА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

(Повѣсть изъ нижневолжской жизни.)

VI *).

Со времени, о которомъ только-что говорилось, прошло безъ малаго три года. Стояла хмурая поздняя осень, перевалившая за вторую половину ноября. Несмотря на это время, ни отзимковъ, ни льда еще не было и тяжелая, холодная, густая поверхность Волги, тихо колеблясь, тяжко плескала мутныя волны. Сѣрое пасмурное небо съ бѣлесоватыми облаками, предвѣстниками снѣга, да послѣднія суда, отводимыя и становившіяся на зимовку, едва отражались въ ней. Обычное движеніе замирало не по днямъ, а по часамъ. Не весело было на Волгѣ,—все насупилось, точно чей-то кончины ежечасно дожидались тамъ. Въ довершеніе всего, сухими, легкими хлопьями запорошилъ лѣниво рѣдкій снѣжокъ, то переставая, то какъ-то нехотя припуская вновь.

Среди соннаго, вялаго, пасмурнаго впечатлѣнія окрестнаго міра тѣмъ страннѣе и изумительнѣе была шумная, живая, торопливая суматоха, невольно обращавшая на себя общее вниманіе на той же Волгѣ.

Около самаго берега, не далеко отъ пароходныхъ пристаней, стояла и грузилась баржа; на берегъ съ нея лежали сходни и кипучая лихорадочная дѣятельность кипѣла около нея и со стороны рѣки, и съ берега. Съ берега подвозили и таскали по сходнямъ сѣробурые хоралы съ хлопкомъ, исчезавшіе въ трюму, на палубѣ стучали плотники, сколачивая лари для рыбы, а съ воды, изъ прорѣзей, тѣснившихся около, въ трехъ-четырехъ мѣстахъ,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

кувыркаясь летѣлъ въ воздухѣ и серебрянымъ дождемъ сыпался на палубу трепетавшій живой судакъ, громко считаемый въ десять устъ. Безпрестанно слышалось: «сотня, сотня, сотня!»—и всѣ они быстро рѣзались на биркахъ и сдающихъ, и пріемщиковъ. Видно было, что торопились и работали, что называется, въ хвостъ и въ голову.

По неволѣ этотъ шумъ и суматоха въ общей тишинѣ привлекали вниманіе. Несомнѣнно, баржа готовилась куда-то вверхъ, и готовилась въ такое время, когда добрые люди предполагали, что зима на носу. «Кого это лѣшій несетъ?—спрашивалъ другъ друга крещеный людъ, съ недоумѣніемъ покачивая головой.— Вѣдь изъ Саратова телеграфъ былъ, што ледъ тамъ».

Да, дѣйствительно, изъ Саратова телеграма была, что ледъ тамъ, кругомъ падалъ снѣгъ хлопьями, точно желая напугать безумнаго человѣка, а на баржѣ безпрестанно слышалось: «живѣе, живѣе!»—и она, въ хвостъ и въ голову, продолжала грузиться хлопкомъ и судакомъ. Дерзкая, азартная игра съ природою, вѣроятностью, логикою вещей и обстоятельствъ, съ цѣлымъ здравымъ смысломъ, казалось, завязывалась тутъ, на глазахъ всего крещенаго міра,—какъ тутъ было не разинуть рта и не покачать головой?

Вскорѣ рядомъ на баржу, гдѣ находилась конторка общества «Кавказъ и Меркурій», высыпало нѣсколько человѣкъ и остановилось въ носовой части, съ любопытствомъ смотря на происходившую суматоху. Впереди стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, повидимому управляющій, въ фуражкѣ морского офицера.

— Что же это такое, куда грузится?—мотнулъ онъ головой по направленію къ баржѣ, не обращаясь ни къ кому въ частности.

— Въ Царицынъ, говорятъ,—отвѣчали сзади.

— Гм... до Царицына... Что-жь за сумасшедшій пароходъ ведетъ,—двухголовый, что ли?—Онъ пожалъ плечами.

— «Сорванецъ»—Рагожинскій.

— Да, вотъ что!... Этотъ «Сорванецъ», кажется, самъ еле ноги таскаетъ?

— Ничего, бѣгаетъ кой-какъ... Хорошаго не дадутъ теперь.

— То-то не дадутъ!... Какой же это чортъ отправляетъ?... Съ цѣпи сорвался?

Кругомъ молчали,—должно-быть не знали имени отправителя.

— Эй, Семеновъ!—крикнулъ управляющій кому-то вродѣ водолива или артельщика,—какой это чортъ отправляетъ?!—опять кивнулъ онъ на баржу.

Семеновъ подбѣжалъ, снялъ картузъ и, ухмыляясь, доложилъ, что отправитель—Брехуновъ Петръ Петровъ.

— Это што за Брехуновъ?... Не помню што-то.

— А есть такой тутъ... колотырникъ одинъ. Еще не въ память ли вамъ, Владиміръ Васильичъ, рыбу сухую у насъ отправлялъ?...

— А-а-а!... Собака, кажется?

— Говорить нечево-съ!

Стоявшіе посмѣялись, подивились и разошлись.

Въ порту давно кричалъ на весь городъ свистокъ къ обѣду, а на грузимой баржѣ голосъ Брехунова торопилъ грузчиковъ. «Живѣе, живѣй!»—безпрестанно слышалось оттуда.

Да, баржа и голосъ принадлежали, дѣйствительно, Петру Петровичу Брехунову, и между тѣмъ какъ большинство, издали, смотрѣло на дѣло какъ на рулетку, гдѣ вся почти ставка была на одномъ нумерѣ, другіе, вполнѣ знакомые съ дѣломъ, рукоплескали геніальной находчивости и смѣлости Брехунова. По ихъ понятіямъ, почти безо всякаго риска, онъ замахивался теперь на большой кушъ. Дѣло было разсчитано такъ аккуратно, что нельзя было ждать, чтобы карта была бита. Однимъ словомъ, въ случаѣ успѣха, впереди стоялъ большой барышъ, въ случаѣ неудачи—самый пустой убытокъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Время и случай послали-таки въ товарищи Брехунову человѣчка, такого же дерзкаго и алчнаго на наживу, каковъ былъ и самъ онъ. Между тѣмъ времена подошли такія и обстоятельства складывались такъ, что товарищи, артисты провинціальной сцены, нашли наконецъ необходимымъ и возможнымъ дать себѣ надлежащій бенефисъ, и дѣло, казалось бы, было разсчитано и обставлено такъ, что подъ него, какъ говорится, нельзя было иголки подпустить.

Совершенно случайно, но кстати, настоящій товарищъ Брехунова долгое время до этого занимался доставкою, то-есть транспортировкою, кладей до Москвы и попутныхъ городовъ, былъ мелкимъ подрядчикомъ-кулакомъ, сдиравшимъ верхи съ отправителей и подушныя съ извощиковъ. Во время, о которомъ идетъ рѣчь, вслѣдствіе развитія легкаго и грузового пароходства съ од-

ной стороны и обществъ и конторъ транспортированія съ другой, дѣло это сдѣлалось совершенно недоступнымъ частному лицу лѣтомъ и едва-едва возможнымъ зимой. Естественно было, что новый товарищъ Брехунова, Зажилинъ, съ охотою вступилъ въ дѣло съ такимъ разбитнымъ и дальновиднымъ компаньономъ, каковъ былъ тотъ, не покидая впрочемъ стараго дѣла.

Всякому читающему, мало-мальски развитому лицу, извѣстно, какъ отразилась на насъ, да и на цѣлой мануфактурной Европѣ вражда и кровавая распря сѣверянъ и южанъ—гражданъ великаго Американскаго Союза. Разореніе хлопковыхъ плантацій, запустѣніе ихъ и повсемѣстная нужда въ хлопкѣ сдѣлали то въ Оренбургѣ и Астрахани, что азіятскіе хлопки выросли тамъ чуть ли не въ пять разъ выше своей обычной стоимости. За годъ до описываемаго времени палъ Ричмондъ, и хотя еще долго хлопковое дѣло не могло прійти въ свое нормальное положеніе, но тѣмъ не менѣе всѣ дикіе азіяты спѣшили по возможности сбывать свой хлопокъ, чтобъ успѣть попользоваться все еще страшно высокими цѣнами, стоявшими на продуктъ. Не мудрено, что изъ Персіи въ Астрахань, не взирая на сумасшедшія фрахтовыя цѣны, хлопокъ валили валомъ, особенно въ теченіе той осени, о которой идетъ дѣло. Но, увы, навигація шла, шла и пришла-таки къ концу, доказывая въ несчетный разъ, что ничего вѣчнаго подъ луной нѣтъ. Что за дѣло? Навигація по рѣкѣ прекращалась, а съ моря своимъ чередомъ хлопокъ продолжалъ прибывать и его скопилось въ городѣ достаточно. Вотъ было первое обстоятельство, обратившее на себя вниманіе нашей компаніи. Къ нему присоединились и другія — и друзья начали обдумывать довольно замысловатую штуку, способную дѣйствительно дать имъ блестящій бенефисъ.

Осень стояла такъ долго, что въ воздухѣ сдѣлалось свѣжо и за морозами едва ли стало бы дѣло, а между тѣмъ времени до зимняго Николы, когда на рыбу бываютъ высокія цѣны вверху, оставалось не ахти-сколько. Такое стеченіе обстоятельствъ допускало отправку рыбы безъ боязни за ея порчу и ручалось за огромный барышъ, въ случаѣ ея успѣшной доставки. Вотъ чѣмъ объяснялась торопливая грузка хлопка и судака въ баржу, на которой раздавалось брехуновское—«живѣй, живѣй!»

Въ довершеніе всего, еще одно совершенно нежданное обстоятельство сложилось въ пользу компаніи. Позднею осенью, то-есть совершенно не во-время, какъ это случается у насъ посто-

янно, отъ морского начальства пришло распоряженіе о немедленномъ переводѣ изъ Астраханскаго порта въ Кронштадтскій чуть ли не двухъ экипажей моряковъ. Естественно, что несчастныя семьи нижнихъ чиновъ, съ окончаніемъ навигаціи и прекращеніемъ всякаго сообщенія юга съ сѣверомъ, должны были ждать по крайней мѣрѣ зимняго пути, если не слѣдующей весны. Однимъ словомъ, несчастнымъ бабамъ и ребятишкамъ или приходилось путешествовать изъ конца въ конецъ Россіи зимою, или разстаться съ мужьями болѣе нежели на полгода.

Само-собой разумѣется, какъ только пароходъ у Рагожина былъ законтрактованъ компаніей и это стало извѣстно, на баржу, какъ на штурмъ, полѣзли пассажиры, натискъ которыхъ едва можно было сдержать. Кладчики, персы и армяне, были такъ рады отправить хлопокъ, что его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ навезли къ баржѣ девять тысячъ пудовъ, то-есть такое количество, которое не могло помѣститься въ трюмѣ вполнѣ, а исадчики *) судака, котораго было некуда дѣвать съ прекращеніемъ навигаціи, кромѣ посола для сушки на весну, рады были отдать прямо изъ прорѣзей живого за мало-мальски подходящую цѣну, лишь бы развязаться съ нимъ и сохранить соль и помѣщеніе для посола слѣдующихъ улововъ, потому что его везли отъ неводовъ съ каждымъ часомъ.

Можно было догадаться, по какимъ высокимъ цѣнамъ компанія везла людей и грузъ и по какимъ низкимъ покупала рыбу.

Противъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, стоявшихъ на сторонѣ Брехунова и К°, было, какъ казалось со стороны, только два, которыя могли бы перетянуть всѣ ихъ совсѣмъ въ нежданную и нежелаемую сторону. Это или неожиданно быстрый и сильный морозъ, или несвоевременно долгая оттепель. Но, какъ оказывалось на дѣлѣ, пріятели вовсе не боялись перваго и обезпечили себя на случай второй.

Ранняго мороза и замерзанія барки на пути къ Царицыну бояться было нечего, такъ какъ грузъ и товаръ оказались бы все-таки впереди цѣлаго города. А главное—можно было во-время, «чуть не живенькую», заморозить рыбу и перенять ѣдущихъ съ верху первыхъ извощиковъ, то-есть быть въ Москвѣ все-таки прежде всѣхъ своихъ конкурентовъ и въ дѣлѣ транспортированія, и въ дѣлѣ торговли.

---

* *Исадчики*—торговцы Малыхъ исадъ, владѣльцы живорыбныхъ садковъ и собственныхъ неводовъ.

Что касается оттепели, то, на всякій случай, съ пароходовладѣльцемъ было обусловлено, что пароходъ, по усмотрѣнію арендаторовъ и погодѣ, можетъ быть пущенъ и мимо Царицына до Саратова. Въ послѣднемъ случаѣ, еслибы даже судна пришлось разрѣзать на малосолъ и посолить, то все-таки оставалась огромная выгода въ доставкѣ хлопка.

Зная все это, нельзя было не согласиться, что подпустить иглу подъ такое дѣло было трудно.

Было, впрочемъ, еще одно обстоятельство, которое стояло не за компанію. Поставка хлопка была срочная и съ неустойкою, безъ чего отправителей не находилось. Поневолѣ работа на баржѣ кипѣла ключомъ.

Смеркалось. И безъ того хмурый осенній день темнѣлъ окончательно, хотя по часамъ было еще не поздно. Нагрузка баржи тоже приходила къ концу, суета и гамъ около нея затихали и вещи Зажилина уже были сданы на стоявшій около пароходъ, на высокихъ кожухахъ котораго можно было разобрать «Сорванецъ». На немъ разводили пары и, время отъ времени, кричалъ свистокъ, какъ-то одиноко и тоскливо пропадавшій въ сыромъ холодномъ полумракѣ широкаго простора Волги, теперь казавшагося безпредѣльнымъ.

— Готово, што ли?—послышался громкій вопросъ Брехунова на баржѣ.—Какого чорта копаетесь?!

— Сейчасъ, сейчасъ,—послѣднюю рыбу докладаемъ. Чего тамъ ждете,—берите буксиръ-то!—отвѣчалъ чей-то досадливый голосъ.

— На пароходѣ!... На пароходѣ!!—въ рупоръ гремѣлъ голосъ, вѣроятно, водолива и отдавался далеко по водѣ.

— Есть!—отвѣчали оттуда.

— Буксиръ при-ни-ма-ай!

Вскорѣ толстый канатъ бултыхнулся въ воду и съ помощію тонкой веревки (подачи) переползъ на пароходъ.

Черезъ десять минутъ изъ трубы парохода повалилъ густой снопъ красноватыхъ искръ и онъ тяжело засопѣлъ и сталъ маневрировать. Буксиръ вытянулся. И съ баржи, и съ парохода все лишнее убрали и люди сошли на берегъ и на сосѣдніе мостки. А пароходъ все ворчалъ, сопѣлъ и раздражительно посвистывалъ, очевидно недовольный позднимъ, безумнымъ путешествіемъ въ такое время, когда товарищи на зимовку становятся. По-

видимому, не болѣе довольна была и команда. Все дѣлалось съ недовольнымъ видомъ, всякое слово выкрикивалось и походило на ругательство; однако Брехунова, которому, по условію, все было отдано въ полнѣйшее распоряженіе, слушались, зная, что съ нимъ шутки плохи.

— Ну, съ Богомъ!—наконецъ рѣшилъ онъ, прощаясь съ Зажилинымъ.—Завтра догоню васъ, а до того,—обратился онъ къ лоцману и командѣ,—слушать вотъ его!—указалъ онъ на Зажилина.—Если что не такъ, со мною дѣло имѣть будете,—помните!... Ты, смотри, въ зубы-то имъ не очень гляди!—на прощанье напомнилъ онъ и послѣднему, съѣзжая на берегъ.

Черезъ минуту «Сорванецъ», который не сорвался-таки, засопѣлъ, засыпалъ искрами еще сильнѣе и, тяжело и прерывисто дыша, точно чахоточный больной, потащилъ баржу, едва вмѣщавшую ожидаемый бенефисъ компаніи. Мало-помалу болѣзненное дыханіе и огненный снопъ парохода стали исчезать вдали.

— Ну, задохся! — послышалось среди провожавшихъ и они стали расходиться, а большинство уѣхали съ Брехуновымъ.

Только около трехъ часовъ ночи успѣлъ Петръ Петровичъ разсчесться съ насадчиками за рыбу и кое-какъ, наскоро, составить накладныя на отправленный грузъ. Черезъ полчаса онъ былъ уже за Волгой, на почтовой станціи, на форпостѣ. Подорожная была выправлена еще поутру, и потому, ничѣмъ не задерживаемый, скоро онъ покатилъ въ перекладной на сѣверъ по дорогѣ, подсушенной легкимъ утренничкомъ. Всѣми правдами и неправдами: просьбами и убѣжденіями на станціяхъ, ругательствомъ съ ямщиками, а въ особенности полтинниками—Брехуновъ кое-какъ добился того, что нагналъ пароходъ около Краснаго Яра, гдѣ тотъ остановился грузить дрова. Здѣсь онъ разстался съ санями, въ которыя только было еще пересѣлъ, со вновь выпавшимъ снѣгомъ, и перебрался на «Сорванца», который вовсе не оправдывалъ своего имени. Какъ оказывалось, на немъ все обстояло благополучно, хотя, обрадованный прибытіемъ Брехунова, Зажилинъ по секрету и сообщилъ ему, что замѣтно общее недовольство команды и въ особенности лоцмана, отъ котораго можно было ждать всякой помѣхи и пакости.

Сообщеніе это, разумѣется, имѣло свои основанія и оправдалось въ самомъ скоромъ времени. Какъ было не бѣситься командѣ и лоцману, когда, вмѣсто того, чтобы сдать пароходъ

на зимовку, получить разсчетъ и отправиться во-свояси, имъ приходилось идти Богъ вѣсть куда и въ какую погоду, съ опасностію замерзнуть въ пустынномъ мѣстѣ на пути, или проспереть до Саратова, по капризу какого-то чорта Брехунова. Приходилось держать ухо остро.

Въ самомъ дѣлѣ, только-что Петръ, измученный суетою послѣднихъ дней и долгою бесѣдой въ веселой каютъ-компаніи, на «Сорванцѣ», успѣлъ завести глаза и заснуть, какъ его разбудили самымъ безцеремоннымъ образомъ.

— А?... Што такое?... Какъ?!—спросилъ онъ, спуская ноги съ дивана и путемъ не сознавая еще, гдѣ онъ.—Чево такое?...

— Стоимъ мы, Петръ Петровичъ.

— Какъ стоимъ?! Зачѣмъ, гдѣ?!

— Ледъ кругомъ,—извольте сами взглянуть. Лоцманъ васъ приказалъ послать.

Вскочившій со сна тутъ только понялъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Съ быстротою кошки, онъ кинулся наверхъ и очутился на мостикѣ у штурвала *).

— Што это?... Чево мы стоимъ?!—съ сердцемъ обратился онъ къ лоцману.

— Куда же идти-то?—съ досадливой ироніей и нескрываемымъ злорадствомъ полюбопытствовалъ тотъ.

— Какъ куда? Заблудился, што ли?!

— Гляньте впередъ-то: заблудишься тутъ. Вишь, ледъ кругомъ.

Непріятное ощущеніе поползло у Брехунова по спинѣ и затылку, какъ онъ ни былъ приготовленъ ко всему.

— Около насъ, кажется, ничего нѣтъ?—болѣе миролюбиво спросилъ онъ.

— Взгляните, сойдите. Эй, ребята, покажьте ему!

Брехуновъ сбѣжалъ на палубу. Рабочій взялъ зюзьгу **) и, зачерпнувъ ею воду, поднесъ къ Брехунову. Зюзьга была полна льдомъ-молодикомъ. Отъ этого льда Брехунову опять стало холодно.

Неторопливыми шагами онъ опять поднялся на мостикъ и сталъ всматриваться въ окружавшее, напрягая всѣ силы зрѣнія.

*) Штурвалъ—валъ, дающій направленіе рулю парохода. Рукоятя колеса—всегда въ рукахъ лоцмановъ, стоящихъ на самомъ высшемъ пунктѣ парохода, на мостикѣ.

**) Зюзьга—гнутый деревянный или желѣзный обручъ на длинной рукояткѣ, обтянутый частою сѣткой.

Чудная и дикая картина развернулась передъ нимъ.

Должно-быть было еще не поздно. Почти полная луна стояла еще невысоко надъ горизонтомъ, хотя отливала уже серебромъ. Бѣлыя, легкія, просвѣчивающія облака быстро неслись по синеватому фону неба, почти не позволяя ея видѣть. Лишь на минуту открывая ея ликъ, тотчасъ же спѣшили они вновь покрыть его или задернуть легкимъ флёромъ паровъ, сопровождавшихъ ихъ. Какой-то трепетный, волшебный, колеблющійся полумракъ-полусвѣтъ, мерцая, освѣщалъ неясный, фантастическій, неоглядный просторъ Волги. Что-то Оссіановское было тутъ; какая-то печать Валгаллы лежала на окружавшемъ, принимавшемъ огромные, неясные, величественные размѣры жилища боговъ и героевъ. Впереди и вправо,—тамъ, гдѣ стояла луна,—на темной водной поверхности рѣки бѣлѣла обширная неоглядная равнина, въ которой при быстромъ, мимолетномъ свѣтѣ луны можно было узнать ледъ.

Не до Скандинавскаго рая было несчастному Брехунову, когда голая волжская дѣйствительность бросала его то въ жаръ, то въ холодъ. Дѣло, какъ ни верти его, было не легкое. Какъ тутъ поступить и что дѣлать?...

— Какъ же быть-то, а?—совсѣмъ уже миролюбиво отнесся онъ къ лоцману.

— Какъ прикажете?... Велите пойти—пойду, только за пароходъ не мой отвѣтъ чтобы...

— Фу, чортъ возьми! Развѣ тебѣ объ этомъ говорятъ?... Мѣста тутъ нѣтъ ли близко покойнаго: затона, что ли, заводи какой или хоть ерика,—отстояться бы.

— Какъ это отстояться?... Отъ чего?—съ ироніей спросилъ проклятый лоцманъ. Въ другое время Брехуновъ съ удовольствіемъ пощупалъ бы ему ребра, а теперь приходилось терпѣть.

— Ну, переночевать бы хоть, што ли.

— Да, переночевать... А замерзнемъ?

— Ну, замерзнемъ, такъ замерзнемъ... Чортъ съ нимъ,—одинъ конецъ!

— Вы што говорите-то, Господь васъ знаетъ,—вѣдь здѣсь и съ вашимъ судакомъ съ голоду подохнешь.

— Какъ это, то-есть?...

— Да такъ! Когда станетъ, да окрѣпнетъ Волга-то?... Рази она вамъ скажетъ? Можетъ двѣ-три недѣли пройдетъ...

— Ну?...

— Вотъ вамъ и «ну»! Отсюда на десять верстъ и мѣста-то жилого нѣтъ, да и не попадешь въ его ни за что,—вода кругомъ, Воложки! Говорю, съ голода помрешь. Отъ судака-то и костей не останется,—злорадно ухмыльнулся насмѣшливый парень, точно желая сказать: «Куда тебя лѣшій несетъ! Еще распоряжаешься».

Видя, что отъ лоцмана никакого путнаго совѣта, кромѣ насмѣшекъ, не дождешься, а еще, пожалуй, получишь и вредный, Брехуновъ сразу пришелъ въ себя и, со свойственнымъ ему самолюбіемъ, рѣшилъ взять всю инициативу дѣла въ собственныя руки и отвѣтственность на себя. Онъ сейчасъ же приказалъ поднять якорь, идти обратно на послѣднюю, только-что пройденную, пристань и стать на ней на ночлегъ, не прерывая сообщенія съ берегомъ, а тотчасъ по приходѣ туда разбудить его. Дѣлать больше было нечего.

— Найдешь чай дорогу назадъ-то, не заблудишься?!—съ ироніей, въ свою очередь, кольнулъ онъ лоцмана.

— Небойсь, въ глухое мѣсто зимовать не пойду,—отгрызся тотъ.

Пароходъ и баржа поворотили назадъ и скоро живая глубокая вода заплескала подъ ними. Льда точно не бывало.

«Что это за оказія? По дѣлу ли мы шли-то?»—вертѣлось въ головѣ Брехунова.

Въ каютѣ, гдѣ бодрствовали, вскорѣ объяснилось, къ великому бѣшенству пришедшаго, что шелъ пароходъ вовсе не по дѣлу и что все это было только дерзкой попыткой проэкзаменовать, пощупать его, Брехунова, чтобы знать, что съ нимъ можно будетъ продѣлать впередъ. Между пассажирами парохода былъ одинъ капитанъ, хорошо знавшій Волгу. По его мнѣнію, лоцманъ далъ пароходъ вправо, въ луговую сторону, и ввелъ его въ ледъ, который становится гораздо раньше вообще по мелкимъ тихимъ мѣстамъ. Необходимо было узнать, сколько воды подъ пароходомъ, когда зюзьгой поднимали ледъ. Это, по незнанію, упустили изъ вида и обманъ удался лоцману вполнѣ. «Въ лужѣ всегда найдешь ледъ», закончилъ догадливый морякъ. По его совѣту рѣшили, впрочемъ, ночевать, такъ какъ онъ вполнѣ одобрилъ рѣшеніе Брехунова.

— Утро вечера мудренѣе, да и виднѣе,—улыбаясь закончилъ онъ.—Осторожность никогда не мѣшаетъ.

На утро, едва забрезжило, къ великому удивленію лоцмана, велѣно было разводить пары и пароходъ шелъ цѣлые сутки безъ всякаго препятствія и остановокъ. Очевидно, бодрость Брехунова воскресла, а довѣрчивость умерла. Провести его на пустомъ сдѣлалось трудно. Однако, черезъ сутки, по утру, случилось тоже непріятное и вовсе нежданное приключеніе, чуть было не погубившее все дѣло.

Пароходъ легко ткнулся во дно и остановился, давъ сначала задній ходъ. Хорошо, что шли тихо и баржа не настигла и не ударила его. Дѣло все-таки было плохо, если не проходилъ даже пароходъ, впрочемъ, сидѣвшій въ водѣ немного меньше баржи.

Когда Брехуновъ выскочилъ на палубу, пароходъ и баржа опять стояли; вторая нѣсколько сзади и поперекъ, видимо во-время и нарочно такъ поставленная.

Къ борту баржи подводили лодку, въ которую сошли водоливъ и двое рабочихъ.

— Давай сюда!—махнулъ ей Брехуновъ.

Лодка подошла.

Онъ схватилъ футштокъ *), сбѣжалъ въ нее и поѣхалъ вдадъ и впередъ поперекъ протока, промѣривая высоту воды. Къ величайшему ужасу, глубины необходимой для прохода баржи не оказывалось. Вода нахолодѣла и спала, какъ обыкновенно бываетъ въ это время года. Что было тутъ дѣлать? Паузиться **)?— Но вѣдь это стоило бы и денегъ, и времени, и порчи товара. Холодъ опять сталъ пронимать Брехунова; онъ вернулся на пароходъ совсѣмъ обезкураженный. Зажилинъ тоже повѣсилъ носъ.

— Что, братъ, нѣтъ глубѣ-то?— упадшимъ голосомъ спросилъ онъ пріятеля.

— Одна вода!—отрывисто отвѣчалъ тотъ и задумался, оглядывая окрестность.

Пассажиры и команда съ любопытствомъ слѣдили, что будетъ.

— Постой-ка!—обратился Брехуновъ къ лоцману,—это вѣдь островъ будетъ?... Тамъ, за нимъ, тоже вода видна?—спросилъ онъ, указывая влѣво, въ горную сторону.

— Островъ.

— Можетъ, тамъ ходъ есть?

— Не знаю... Завсегда здѣсь ходятъ,—прямѣе.

---

*) *Футштокъ*—шестъ, раздѣленный на футы, для промѣра воды.

**) *Паузиться*—отгружаться, убавить часть груза.

— Ну-ка, отдай буксиръ-то — попробуемъ, не пробѣжимъ ли тамъ.

Пароходъ бросилъ баржевой канатъ и, оставивъ баржу на мѣстѣ, повернулъ назадъ и пошелъ вокругъ острова, безпрестанно промѣривая воду. Какова же была радость компаньоновъ, когда они убѣдились, что около самаго горнаго берега лежалъ капризный фарватеръ рѣки, позволявшій «Сорванцу» пройти и провести баржу. Это было сдѣлано тотчасъ и на пятый день, поутру, пріятели подходили къ Царицыну. Стоялъ легкій морозецъ и рѣка подъ городомъ была покрыта льдомъ.

Пароходъ сталъ ломаться къ берегу. Черезъ часъ изъ баржи стали выстилать судака на ледъ и выгружать хлопокъ на берегъ.

Въ Москву тотчасъ полетѣла телеграмма съ вопросомъ о цѣнѣ на первенькаго судака.

Въ четыре часа вечера послѣдовалъ отвѣтъ: «Если поспѣетъ къ Николину дню, то даютъ шесть рублей за пудъ».

Брехуновъ считалъ, что ему восемьдесятъ тысячъ судака въ Царицынѣ обойдутся никакъ не болѣе пятидесяти пяти копѣекъ за пудъ, потому что онъ покупался въ Астрахани по тридцати пяти рублей за тысячу рыбъ, въ которой было около ста пудовъ.

Царицынскій покупатель Галкинъ, у котораго были законтрактованные извощики, давалъ уже за пятнадцать тысячъ рыбъ, т. е. за полторы тысячи пудовъ, по девяносто копѣекъ за пудъ, далъ бы и по рублю, но пріятели, послѣ московской телеграммы, и слушать его не хотѣли. Они летали, точно на крыльяхъ. Передъ ихъ глазами носился капиталъ.

Прошло двое сутокъ и наступили третьи. «Сорванецъ» давно ушелъ обратно въ Астрахань; судакъ лежалъ рядами, раскиданный на льду; подъ небольшую часть хлопка приходили рядиться извощики, которыхъ Галкинъ, по условію, продолжалъ кормить попусту, такъ какъ груза у него не было,—рыбы не ловилось и садки стояли пустыми. Погода была, что называется, «ни то, ни сё»: къ ночи—легкіе морозцы, короткими днями—легкія оттепели. Все бы ничего, одно было не очень пріятно компаніи. Несмотря на прочный путь, ставшій вверхъ отъ Царицына, извощиковъ оттуда не было, Галкинскихъ было мало, а хлопокъ, какъ извѣстно, былъ взятъ на срокъ и съ неустойкою. Времени, однако-жь, еще было довольно,—все дѣло, стало-быть, было за морозами и

извощиками, которыхъ ждали съ минуты на минуту. Брехуновъ даже въ карманѣ носилъ градусникъ и по три-четыре раза ночью выскакивалъ съ фонаремъ на крыльцо, гдѣ его вѣшалъ.

Вотъ и теперь, проснувшись отъ лихорадочнаго, но сладкаго сна, исполнившаго чуть ли не всѣ его упованія, Брехуновъ потянулся, сладко зѣвнулъ, перевернулся съ боку на бокъ и только-что хотѣлъ спустить ноги съ дивана въ стоявшія около калоши, чтобъ идти на свою метеорологическую обсерваторію, какъ странный, монотонный и тихій шелестъ привлекъ на себя все его вниманіе. Во тьмѣ разбойничей, непроглядной ночи словно плакалъ кто-то, тихо сморкаясь и сдерживая льющіяся слезы. Брехуновъ поднялъ голову съ подушки и замеръ, превратись въ слухъ. Тяжелый, захлебывавшійся храпъ Зажилина несся съ полу съ такимъ остервенѣніемъ, что проснувшемуся захотѣлось плюнуть и крикнуть: «Отпусти супонь-то, лѣшій!»—такъ онъ мѣшалъ слушать.

Да, онъ слушалъ, поднявшись на локоть,—слушалъ, слушалъ и вдругъ всю окрестную тьму, его личную тьму, какъ молнія, освѣтило страшное сознаніе, безобразное открытіе. Онъ закричалъ во всю глотку, еще не вѣря себѣ.

— Зажилинъ, Зажилинъ!... Зажилинъ!!

— Што такое?... Што?—испуганно отозвался тотъ со сна.

— Слышишь?!...

— Чево такое?

— Слышишь?!...—съ какимъ-то нетерпѣливымъ воплемъ повторилъ Петръ.

— Да што такое?...—прислушался тотъ. Стѣнные часы тикали съ убійственнымъ хладнокровіемъ. Въ стекла что-то постукивало.—Дождь никакъ?—догадался, наконецъ, онъ.

— Дождь никакъ! — съ бѣшенствомъ передразнилъ его Брехуновъ.—Дождь никакъ... Чортъ!! Вѣдь это наши души сквозь строй гонятъ, дьяволъ!... Вѣдь это—погибель!

Въ это время дождь припустилъ должно-быть сильнѣе, потому что сдѣлался слышнѣй. Брехуновъ спустилъ ноги съ дивана и сѣлъ, опустивъ голову на руки. А дождь шелъ не переставая, каждою каплей падая въ продрогшее сердце, больное неутолимой, обманутою жаждой наживы.

Брехуновъ слушалъ-слушалъ, думалъ-думалъ, безцѣльно и безпомощно, потомъ всталъ, зажегъ свѣчу, изъ фляжки Зажи-

лина налилъ себѣ полный стаканъ водки, которой не пилъ до того, и проглотилъ ее залпомъ.

— Лей, лей! — потрясъ онъ кулакомъ туда, откуда падалъ дождь, и нехорошо и злобно выругался.

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,—покорнымъ и убитымъ голосомъ выговорилъ Зажигинъ.

— Ну, нѣтъ! Посмотримъ еще!... Лей, такъ твою... все одно!... Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!

Онъ потушилъ свѣчу и брякнулся на диванъ такъ, что тотъ хрястнулъ и пискнулъ, точно придавленный.

Долго говорить о разрѣшеніи всей этой исторіи, кажется, нечего. Блестящее предпріятіе кончилось полнѣйшимъ фіаско. Чѣмъ свѣтъ, поутру, пришли сказать, что судака надо скорѣе убрать, что ледъ сталъ садиться и на немъ выступаетъ вода. Пришлось покидать его кое-какъ на грязный берегъ, гдѣ онъ напрасно валялся еще дня три-четыре, пока его не изрѣзали на молосолъ и не посолили въ тары. Продали его уже позже, зимою, на Урюпинской ярмаркѣ и, принимая въ соображеніе расходы, провозы, уборку, провѣсъ, пропажу, полежалое и т. п., разумѣется, съ убыткомъ. Еще хуже вышло дѣло съ поставкою хлопка. Дождливая погода испортила всѣ пути сообщенія и прежде всего, разумѣется, зимній санный путь. Фрахты вздорожали, извощиковъ не было, а неустойка росла да росла. Пошло судбище съ отправителями, которые не хотѣли платить, и съ извощиками, которымъ нечего было платить. Однимъ словомъ, паденіе было полное и Брехуновъ былъ радъ-радёхонекъ, что кое-какъ, хотя голъ какъ соколъ, ушелъ отъ этого дѣла и миновалъ каменнаго мѣшка. О благопріобрѣтенномъ капиталѣ нечего было и говорить. Никто и не видалъ, какъ самъ онъ вернулся въ Астрахань; никто и не замѣтилъ, какъ пропалъ изъ вида. «Повадился кувшинъ по воду ходить...» Рѣдко, очень рѣдко вспоминалъ его кое-кто.

Хуже всего неудача эта отразилась на нравственной сторонѣ самого Брехунова. Она сразу отняла у него лучшее его качество—ту энергію, на которую, нельзя не признать, онъ былъ дѣйствительно способенъ, хотя она чаще проявлялась въ немъ какъ вспышка, какъ результатъ увлеченія дѣломъ, а не настойчивости въ немъ. Ударъ показался ему такъ неожиданъ, неразуменъ и силенъ, какъ свалившійся на голову съ карниза кир-

ничъ,—такъ же обиденъ и такъ же мало заслуженъ. Онъ махнулъ рукой на все, ожесточился и началъ зашибаться, опускаясь все ниже и ниже и погрязая въ той средѣ, которую зовутъ подонками общества. Можно было подумать, что онъ потерялъ интересъ ко всему, еслибы не насмѣшки надъ его послѣдней погоней за бенефисомъ, которыя выводили его изъ себя и часто, просто-напросто, дѣлали звѣремъ, особенно подъ пьяную руку. Чувство задѣтаго дьявольскаго самолюбія тотчасъ вставало въ немъ на дыбы, какъ дикая необузданная лошадь, незаслуженно получившая шпоры. Онъ очень хорошо зналъ, чего стоили люди, которые теперь смѣются надъ нимъ, и что сталось бы съ ними въ случаѣ его успѣха, въ случаѣ замѣны одного неразумнаго, противозаконнаго обстоятельства другимъ, болѣе вѣроятнымъ, дождя—морозомъ. «Подлецы! Халуи успѣха!!»—рычалъ и думалъ онъ со скрежетомъ зубовъ. Какъ низко ни палъ онъ, онъ рѣшился добиться такого успѣха во что бы то ни стало,—добиться, еслибы для этого пришлось вырѣзать младенца изъ чрева матери или задушить беззащитную старуху. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ становился все въ болѣе враждебныя, въ волчьи отношенія къ обществу. Вино еще бо[illegible]е бередило его желчь, волновало и взбалтывало гнѣвъ, и въ эти минуты онъ самъ не поручился бы, что могъ сдѣлать.

Что онъ дѣлалъ, чѣмъ существовалъ въ это время, трудно опредѣлить. Кажется, рыскалъ, какъ голодный волкъ, высматривая добычу. По крайней мѣрѣ его видалъ кое-кто въ такой волчей компаніи.

Прошло четыре года со времени рѣшенія Степана ѣхать домой за женой и бѣлокурымъ сынишкой. Было бы долго разсказывать, какъ просто и трогательно произошло свиданіе между мужемъ и женой и съ какою теплотой и радостью встрѣтила его Арина.

Когда нежданный-негаданный, растроганный и счастливый, онъ, прямо съ дороги, съ ребенкомъ на рукахъ, появился въ отчей избѣ, баба, обезумѣвшая отъ неожиданности и счастья, заплакала въ три ручья и повалилась ему въ ноги, забывъ всѣ свои долгія и недавнія муки и думы, все свое непереносное горе горькое.

Безъ упрековъ, безъ оправданій, безъ словъ, они стерли, забыли, похоронили прошлое и все простили другъ другу. Толь-

ко теперь для нихъ наступилъ настоящій, ясный, благоуханный и цвѣтущій медовый мѣсяцъ,—только теперь они чувствовали что-то близкое, родное, болѣзное и кровное у трепещущаго сердца.

Отпраздновавъ покосъ, весело поспѣшили они въ Астрахань, къ осеннему лову. Мальчикъ не отходилъ отъ отца. «Ну, собирайся, въ море пойдемъ; нечево около матери-то сидѣть!»—смѣялся послѣдній, а Арина плакала, провожая мужа ровно въ могилу. Съ непривычки-то боязно, страшно казалось ей это море.

«Стерпится—слюбится», недаромъ говоритъ народная мудрость. Въ самомъ дѣлѣ, слюбилось,—много воды утекло за эти четыре года, много и прибыло.

Прежде всего двери темницы распахнулись для ловца-молодца. Вольный ловъ развязалъ закрѣпощенныя руки *), «вольная полоса» опоясала помѣщичьи морскіе берега **); вѣчная Божья воля вернулась въ прибрежныя, отъ вѣка свободныя воды моря, безсмысленно закрѣпощенныя человѣкомъ ***). Капиталу стало легче, конкуренціи больше и труду просторнѣе и выгоднѣе. Народъ могъ вздохнуть полною грудью,—промысловое дѣло начинало разливаться и выстлать изъ береговъ.

Время было хорошее. Толстосумы и откупщики еще не знали, что дѣлать и какъ встрѣтить непривычныя обстоятельства. Они видѣли, что мела новая метла, и совершенно упустили изъ виду ту истину, что «что дано, то можно взять назадъ».

А между тѣмъ появилась на свѣтъ «вольная полоса», стали появляться, одно за другимъ, и новыя поселенія на ней. Колонисты выселялись къ вольному морю въ раздробь и, тамъ и сямъ, точно грибы послѣ теплыхъ дождей, выростали ватажки, станья, хозяйственныя постройки и жилье.

Вотъ такое появилось на одномъ изъ ериковъ, впадающихъ въ Синее Морцо.

Сначала—домикъ, потомъ навѣсъ и скворешня. Заболтали, заговорили, затрещали и замяукали скворцы и защебетали ласт-

*) Подъ именемъ *вольнаго лова* здѣсь разумѣется введеніе устава каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, Высочайше утвержденнаго 25 мая 1865 года.

**) *Вольная береговая полоса*—верстовая полоса, параллельно берегамъ моря, отчужденная отъ владѣльцевъ и нарѣзанная для пристанища ловцовъ.

***) До сего времени морскія воды, лежащія противу помѣщичьихъ прибрежій моря, до четырехсаженной глубины (очень далекой),—принадлежали послѣднимъ.

точки вокругъ дома. Птицы хлопотали у себя, хозяева—у себя. Весело было смотрѣть на нихъ,—точно тѣ и другіе знали, что гнѣздились въ вольной полосѣ.

А гнѣздо росло съ каждымъ часомъ. Заливали знакомые собачьи голоса, замычала корова, закудахтали куры, гуси и утки поплыли по глубокому ерику. Благосостояніе и домовитость, улыбаясь, привѣтствовали васъ. Красивая молодуха и здоровый краснощекій паренекъ, съ крохотной сестренкой на рукахъ, встрѣчали отца у воротъ. Въ это счастливое время хорошо жилось на свѣтѣ Степану. Все у него ладилось,—Божья благодать бдила надъ домомъ,

Дѣдъ Ульянъ часто наѣзжалъ по праздникамъ къ новымъ поселенцамъ подѣлиться радостью и посовѣтовать о дѣлѣ. Не разъ сваталъ онъ разбойницу Ленушку Степанову парню и, посмѣиваясь, билъ съ отцомъ по рукамъ. Арина, зная отъ мужа, чѣмъ обязана старику, чуть не молилась на него.

Казалось, такъ бы и вѣкъ свѣковать добрымъ, хорошимъ, работящимъ людямъ,—и у Степана, и у Арины, и у рабочихъ дѣло въ рукахъ кипѣло.

Такъ наступила масляница и незамѣтно подкрадывалась четвертая весна. Постомъ предстояло поплотнѣе приняться за дѣло,—время было готовиться къ вешнему лову. А дѣла было довольно. Двѣ посуды—одна при одной, другая при двухъ лодкахъ—ходили у Степана въ далекія эмбенскія воды.

Къ лову надобилось то и другое, а между тѣмъ на дворѣ теплѣло и за оттепелью ждали ростопели, за которой здѣсь долго дѣло не стоитъ. Потому Степанъ, пока еще держался зимній путь, надумалъ, на денекъ на другой, съѣздить въ Астрахань и купить кое-что.

Не долго думая, Степанъ Григорьевъ заложилъ сытаго вороного мерена въ пошевни, бросилъ туда мохнатый царицынскій коверъ, посадилъ сынка Гриню, простился съ хозяйкой, наказавшею, чтобы скорѣе пріѣзжалъ, и покатилъ по дорожкѣ, проторенной въ Бузанъ, мимо Марѳина*). Гриня порывался править все время, пока отецъ не уважилъ его.

Несмотря на добрый путь и добрую ѣзду, въ городъ отецъ съ сыномъ поспѣли только къ вечеру и пристали гдѣ-то, по

*) Марѳино (Вшивое тожъ)—большое село съ церковью на Бузанѣ, восточн. рукавѣ Волги.

знакомству, на селеніи *). Была вторая половина масляницы и дикіе, пьяные крики и пѣсни долго не давали имъ спать.

На другой день поутру, исправивъ все, что было нужно, Степанъ только-что вышелъ изъ лавки, чтобы направиться восвояси, какъ вдругъ его остановилъ совершенно незнакомый возгласъ, несомнѣнно обращенный къ нему.

— А... Степанъ... какъ бишь тебя! Старый дружище!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ, а?.. Вотъ оказія-то, а?...

Изумленный парень обернулся въ сторону нежданнаго друга, сомнѣваясь еще, по его ли адресу посланы эти любезности. Къ величайшему изумленію, его старый баржевой спутникъ, котораго даже прозвище вылетѣло у него изъ головы, стоялъ прямо передъ нимъ, добродушно и дружелюбно улыбаясь.

Отъ такой перемѣны въ человѣкѣ, добрякъ совершенно растерялся и, не зная, какъ отнестись къ встрѣченному и его наружному радушію, онъ было объяснилъ все это себѣ масляницею и молчалъ, переминаясь на мѣстѣ.

— Што-жь это, братъ, загордился видно?... Старыхъ друзей не узнаешь?... Аль богатъ нонѣ сталъ, а?—весело и добродушно подсмѣивался Брехуновъ, натягивая на себя баранью шкуру, чтобы прикрыть волчьи зубы.

Степанъ попалъ на эту уду и смѣшался вдосталь. Онъ сталъ неловко оправдываться, самъ не зная въ чемъ, и только путался.

Брехуновъ расхохотался самымъ чистосердечнымъ, теплымъ смѣхомъ и потрепалъ пріятеля дружелюбно по плечу.

— Ну, ну!... Ахъ ты чудакъ, а!.. Вижу ужь, вижу—та же все добрая душа, та же!... Тотъ же все настоящій человѣкъ, значитъ. Ну, пошутилъ я, право слово пошутилъ. Дай, думаю, я ево, для масляной, значитъ... Али я повѣрю, што ты стараго пріятеля забудешь?... Ни въ жизнь. Ахъ, ты!—съ видомъ упрека покачалъ онъ головой.

Тутъ пріятели разговорились о томъ, о семъ, какъ вдругъ Брехуновъ спохватился.

— Ахъ, што-жь это мы тутъ на улицѣ-то стоимъ, а? Ахъ я, дурень, право дурень! Пойдемъ, братъ, пойдемъ ко мнѣ,—къ блинамъ къ самымъ попадемъ и чайку...

— Нѣтъ, много доволенъ... Мнѣ домой пора.

---

*) *Селеніе*—часть города за р. Кутумомъ, гдѣ въ то время жили астраханскіе ловцы и находились постоялые дворы.

— Што ты! Куда?... Въ кои-то вѣки встрѣлись. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя такъ-то! Не по-божески это.

— Нельзя мнѣ, Петръ Петровичъ,—хозяйка ждать станетъ, да и парнишка соскучился. Запоздаешь опять,—дорога дальняя, самъ знаешь. Нѣтъ, ужь въ другой разъ когда, а теперь прощенья просимъ.

— Какъ? Ужли обидѣть захочешь?... Не повѣрю я этому. Въ кои-то вѣки, масляная на дворѣ и—на-ка! Ты хоть на полчасика, право. Дѣло у меня есть къ тебѣ; право. Ну, зайди!

Черезъ четверть часа пріятели сидѣли за блинами и самоваромъ, такъ какъ отъ водки Степанъ начисто отказался.

Въ недолгое время много новаго узнали другъ о другѣ старые спутники, по правду,—всю правду, какъ и прежде,—узналъ одинъ, потому что другому нечего было таить,—его душа была покойна, счастлива и — открыта. Другой моталъ себѣ на усъ. «Развился», думалъ онъ.

Тутъ кстати передалъ Брехуновъ Степану и свою просьбу. Дѣло заключалось въ томъ, что ему необходима была средняя свойская на весну изъ проката. Онъ будто бы искалъ и не находилъ ея въ городѣ болѣе трехъ недѣль и хотѣлъ уже ѣхать по ловецкимъ селамъ въ черни, такъ какъ весною собирался съ товарищами покупать рыбу въ морѣ.

— Искалъ, да гдѣ ее найдешь? Всякій самъ наровитъ тоже. Время знаешь какое: отошла масляница барамъ-то, да и полнымъ сундукамъ тоже. Смотри, што вольнаго народа въ море идетъ.

Степанъ, у котораго была одна лодка, хоть и не совсѣмъ залишняя, но большая, по добротѣ своей не отказалъ любезному своему пріятелю, только велѣлъ прибѣгать за ней раньше, чтобы со вскрытіемъ воды.

— Самъ рано въ море уйду,—закончилъ онъ и распрощался съ ласковымъ хозяиномъ.

«Вотъ ты и пойми человѣка-то!—разсуждалъ онъ самъ съ собою, иди домой, на селеніе.—Тотъ да не тотъ! Со всѣмъ радушіемъ человѣкъ, выходитъ, я и его еще надысь... Вотъ тутъ и понимай! Пудъ соли съѣсть съ человѣкомъ-то надо, сказываютъ, да и то еще... Надо-быть онъ меня не призналъ тогда за настоящаго-то».

Въ ночи отецъ съ сыномъ опять были дома, а тамъ наступилъ постъ и работа, тамъ все это свиданіе и забылось,—совсѣмъ изъ головы выскочило.

Не тотъ человѣкъ былъ Петръ Петровичъ, чтобы не напомнить о себѣ въ свое время.

Съ каждымъ днемъ все выше и выше забиралось въ небѣ вешнее солнце и припекало все теплѣй. Изъ-подъ снѣгу, тамъ и сямъ, выглянула земля; ледъ чи́знулъ, какъ говорятъ здѣсь,— ру́бище зимы ветшало и рѣдѣло. Казалось, вотъ-вотъ спящая царевна-дельта проснется, встанетъ и перемѣнитъ покровы. Ужъ голоса птицъ, летящихъ съ юга и вереницами колебавшихся въ небѣ, привѣтствовали и будили ее: «Встань, встань!... Пробудись!... Разомкни вѣжды»; въ тепломъ океанѣ неба взывали утки, гуси, лебеди, колпицы, ибисы и сотни иной пернатой твари. Пѣли жаворонки, щебетали ласточки, безъ умолка болтали скворцы; темносиніе шелковистые грачи торжественно-важно шагали по обнаженнымъ мѣстамъ родимой груди, клювомъ стуча и врываясь въ ея сердце, точно желая пробудить его и сказать: «вставать пора!»

Могла ли она остаться глуха къ этому зову?...

О, нѣтъ! Все слышнѣе дѣлалось біеніе ея сердца, все теплѣе дыханіе туманами поднималось къ небу. Зажурчали ручьи, проиграли протоки, проносило послѣдній ледъ къ морю,— пульсъ и кровообращеніе возстановились въ дельтѣ. Пора, пора!... Бѣлые паруса двинулись и затрепетали въ воздухѣ. Ожила прекрасная царевна.

Время близилось къ Благовѣщенью. Морскія суда и лодки— черныя птицы съ бѣлыми крыльями, что никогда гнѣзда не вьютъ, собирались летѣть въ родимое море.

Суда Степана, казалось, тоже, вотъ-вотъ, взмахнутъ бѣлыми крыльями парусовъ. Все было готово къ отвалу, все ходило веселое и довольное, хотя и работало, не покладая рукъ,— въ особенности Гриня ногъ подъ собой не чуялъ. Одна Арина была точно въ воду опущенная,—отецъ бралъ сына въ море; нельзя было,—парню одиннадцатый годъ пошелъ. Само не зная отчего, боялось этого моря вѣщее женское сердце.

Каждая минута теперь была дорога́ матери: уже вечерѣло, а на утро, чуть солнышко глянетъ, ей и слѣда не останется отъ родимыхъ людей,—улетятъ ровно чайки морскія. Но и тутъ добрые люди не дали бабѣ наглядѣться на нихъ.

Въ ерикѣ показался рваный парусишка съ выстрѣломъ и небольшая остроноска остановилась противъ воротъ. Петръ Пе-

тревичъ не забылъ напомнить о себѣ, явившись по уговору за свойской, которую кстати только-что столкнули на воду.

Безцеремонный гость этотъ остался ночевать и, какъ на грѣхъ, цѣлый вечеръ точилъ лясы съ молчаливымъ хозяиномъ, которому, правду сказать, было не до того. Глядя на жену, у него у самого выболѣло все сердце. Ему стало жаль Ариши, видя, какъ тихо, покорно и жестоко она убивается, какъ не отпускаетъ отъ себя на шагъ Гриню, ровно его на смерть везутъ.

А любознательный Петръ Петровичъ, между дѣломъ, обо всемъ поинтересовался и выспросилъ у Степана: и о томъ, кому онъ рыбу сдаетъ, и о томъ, гдѣ ловить думаетъ, и сколь много рабочихъ беретъ, да и о многомъ такомъ подходящемъ. А узнавъ, гдѣ его найти въ морѣ, даже въ гости къ нему побывать обѣщался, Гринѣ гостинца изъ города привезть. Всѣмъ желалъ угодить ласковый, разговорчивый гость, да — на-поди — не лежало къ гостю сердце глупой бабы,—клняла она его за пріѣздъ.

На утро, гость еще спалъ, когда у Степана зашевелились, поднялись и совсѣмъ изготовились въ путь. Оставалось только расшить паруса, красиво подвязанные буфами у реевъ (подшитые, по выраженію моряковъ).

Пришло время, посидѣли, помолились иконамъ святымъ — и Арина, какъ мертвая, повисла на шею мужа. Она задохнулась, не могла выговорить слова, даже рыдать не могла. Она только вскрикнула отрывисто и глухо и — замолчала; только тѣло несчастной трепетало и вздрагивало. Каждую секунду казалось, вотъ вырвется страстный, пронзительный вопль, но его не было. Даже зубы бѣдной судорожно сжались. Никогда еще не видалъ Степанъ ничего подобнаго. Онъ не зналъ, что дѣлать, и растерялся какъ малый ребенокъ. Съ чувствомъ необъяснимой жалости онъ обхватилъ жену и притянулъ къ себѣ Гриню, точно думалъ имъ смягчить ея горе. Всѣ въ слезахъ, долго они стояли такъ. Въ немъ внезапно, Богъ вѣсть откуда, явилось такое непобѣдимое чувство тоски и состраданія, что потребуй у него тогда Арина, чтобъ онъ остался, онъ бы, кажется, сдѣлалъ это, какъ оно ни смѣшно и ни безумно казалось въ обыденной ловецкой жизни.

— Ариша,—тихо наклонился онъ къ ней,—Ариша!

Она подняла голову съ его мокраго плеча, облитаго слезами, и взглянула ему въ лицо.

— Ариша, ты, пожалуй, ужь возьми Гришу-то, коли непереносно тебѣ,—пущай съ тобой останется...

Мальчикъ услыхалъ и запланалъ,—ему очень хотѣлось идти съ отцомъ, къ которому онъ, чѣмъ дальше, все крѣпче приростал сердцемъ.

Горькіе глаза матери обратились на него; она тихо покачала головой и, безпомощно махнувъ рукой, упала на колѣна.

— Ступайте, ужь ступайте,—чего тутъ!...

Черезъ пять минутъ фокъ взлетѣлъ по мачтѣ и, окрашенный встающимъ розовымъ солнцемъ, напружился, словно зобъ фламинго, и потянулъ къ морю. За нимъ поднялся гигантскій топъ и заколыхался въ небѣ. Арина не видала ничего этого.

Хорошо, что Степанъ не послушалъ чудного женскаго разума, хорошо, что вѣры не далъ капризному тайному женскому чувству. Такими-то ловами Господь благословилъ въ эту весну, что не у жениной юпки было ее сидѣть,—люди рыбу въ городъ съ моря вывозить не успѣвали; да и въ морѣ, сказываютъ, уборка не брала,—съ ногъ сбились. Не мало посмѣивался надъ Аришей дѣдушка Ульянъ, который чаще всѣхъ навѣщалъ ее въ ея одиночествѣ.

— Эко дѣло какое, подумаешь,—море! Да моихъ ребятъ, бывало, хлѣбомъ не корми, только въ море возьми. А то изъ лѣсу-то пріѣхала, хочешь и здѣсь по своему уставу жить... Чай, не видала,—чево и боишься-то?

— Не видала, дѣдынька,—признавалась ободренная Арина.

— То-то!... А возьми тебя и ты бы оттоль не ушла.

— Нѣтъ, Господь съ имъ, Ульянъ Дмитричъ!

— Чево, Господь съ имъ? Ай, думаешь, у насъ бабъ-то въ морѣ нѣтъ?... Еще такія есть, что и безъ мужиковъ ловятъ. Поѣзжай-ка на Джамбай *), взгляни... То-то!

Ариша дивилась женской смѣлости, но сама въ море не хотѣла.

Такъ шли дни за днями и прошло ихъ не мало. Каждый день, каждую ночь, ждала хозяйка мужа съ сыномъ и начинала уставать ждать. Время спокойнаго, терпѣливаго ожиданія миновало и Арину опять дѣлалось трудно узнать. Баба сдѣлалась нервною, раздражительною; у ней не стало ни аппетита, ни сна.

---

*) *Джамбай* (Никольское тожъ)—селеніе на берегу моря, все на островахъ, когда-то принадлежавшее Юсупову. Женская работа въ морѣ тамъ не въ рѣдкость.

Такъ прошло Вознесенье, Троицынъ и Духовъ день. Наступило начало іюня. Большинство ловцовъ-хозяевъ успѣли вывезти рыбу и побывали дома раза по два, а о Степанѣ—ни слуху, ни духу. Арина потеряла всякое терпѣніе и отправилась въ городъ, чтобы тамъ разузнать, что можно, отъ хозяевъ-покупателей, которымъ постоянно сдавалъ рыбу Степанъ.

Бѣжать въ городъ приходилось мимо Вязовыхъ, и дѣдъ, видя какъ убивается Арина, не захотѣлъ пустить женщину одну и самъ отправился съ нею. Правду сказать, онъ хоть и молчалъ, хоть и успокоивалъ бабу, но самъ былъ далеко не спокоенъ. Отсутствіе Степана нельзя было объяснить и оправдать ничѣмъ, если только онъ не высылалъ рыбы, съ моря, съ кормщикомъ. Теперь это должно было разъясниться. «А то хоть въ море посылать, такъ въ ту пору. Не безъ бѣды тутъ,—никто вѣдь бѣляка *) квасить въ морѣ не станетъ, да и икра опять... Ишь, сердце-то у бабы—вѣщунъ», подумалъ про себя и покачалъ головой Ульянъ.

Три дня пробыли и протолкались старикъ съ Ариной въ городѣ, но узнать такъ-таки ничего и не узнали.

Дошли до нихъ, правда, неопредѣленныя свѣдѣнія, которыя только окончательно сбивали ихъ съ толку. Говорили, наприм., что одинъ изъ ловцовъ забѣгалъ къ Степану на посуду и чай у него пилъ, что было это еще въ концѣ апрѣля, что стоялъ онъ на лову въ нордѣ отъ Кулаловъ, что бѣлуги у него было много и что онъ ждалъ только лоцмана, съ другой посуды, съ товаромъ, чтобы погрузить туда же и свой и бѣжать въ Астрахань. Ловецъ, о которомъ говорили, давно ушелъ опять въ море и удостовѣрить слуха было некому. Что касается братьевъ Золиныхъ, которымъ Степанъ сдавалъ товаръ, то, и къ ихъ величайшему удивленію, никакой сдачи отъ него не было, несмотря на изобильный ловъ въ морѣ вообще.

Можно было бы сказать, что Арина и дѣдъ вернулись домой ни съ чѣмъ, еслибъ и та и другой не привезли съ собою тяжелаго сердца. Старикъ боялся въ глаза смотрѣть бабѣ, точно былъ виноватъ тутъ, точно онъ силою спровадилъ Степана въ море. Въ умѣ онъ давно рѣшилъ немедля отправиться на развѣдки между окрестными ловцами, чтобъ отыскать такихъ, которые ловили въ одной части моря со Степаномъ. Въ Астрахани

*) *Бѣляк*—гуртовая вешняя бѣлуга, идущая дружно и косяками.

онъ тоже просилъ и кланялся, чтобы, въ случаѣ вѣсти о парнѣ, дали знать ему немедленно.

Одна только польза, кажется, и получилась отъ поѣздки дѣда и Арины въ городъ. Слухъ объ исчезновеніи Степана распространился вообще между ловецкимъ населеніемъ—и астраханскимъ, и приходящимъ—и послужилъ причиною, что о дѣлѣ заговорили, что появились на свѣтъ еще кое-какія указанія и вѣсти о пропавшемъ. Вообще вниманіе было возбуждено не только въ населеніи, но и въ начальствѣ, а это уже что-нибудь значило.

Прошло еще немного времени, но Арина и дѣдъ уже не могли спокойно сидѣть на мѣстѣ. Первая, въ особенности, не находила себѣ покоя,—она металась, какъ мать, потерявшая дѣтей. Вскорѣ они уѣхали въ Астрахань вновь—подавать явку о пропажѣ отца и сына.

VII.

Еще съ мѣсяцъ назадъ, въ началѣ мая, надъ Астраханью стояло ясное, безпощадно жаркое утро, вовсе не похожее на майское. Время близилось къ двѣнадцати часамъ и солнце стояло въ зенитѣ, обдавая все и всѣхъ тропическимъ жаромъ, отъ котораго некуда было дѣваться.

Однако въ выходахъ*), по берегу, за Волгою, вытянутыхъ противъ самаго города, кипѣла неустанная работа. Къ мосткамъ, выступавшимъ на самую поверхность рѣки, противъ каждаго выхода, жались десятки морскихъ ловецкихъ лодокъ всякаго размѣра, но большею частію свойскихъ. Лодки были гружены рыбой и одна за другой ожидали очереди—поскорѣе свалить товаръ хозяевамъ или арендаторамъ выходовъ, чтобы получить разсчетъ, искупиться и вновь идти въ далекое море. Время было дорого,—ловъ Богъ послалъ обильный. Все точно радовалось, работало весело; весело было и со стороны смотрѣть на такой общій праздникъ, въ которомъ участвовалъ каждый, начиная съ

*) *Выходъ*—сооруженіе для храненія рыбы, въ видѣ длинной широкой галереи, въ нѣсколько десятковъ саженъ длины, освѣщенной иллюминаторами сверху. Средина такого выхода занята огромными рыбосольными ларями, на нѣсколько тысячъ пудовъ каждый, а кругомъ, по наружной стѣнѣ, огромными ледниками, одна набивка которыхъ иногда переходитъ за тысячу рублей, несмотря на близость Волги, а слѣдовательно и льда. Стоимость такихъ выходовъ доходитъ до пятидесяти тысячъ рублей и масса хранившейся въ немъ рыбы—до сотни тысячъ пудовъ. Рыба покупается и хранится здѣсь большею частію красная: бѣлуга, осетръ и севрюга.

милліонера до послѣдняго нищаго. Обыкновенно такъ рѣдко бываетъ и благополучіе одного влечетъ за собою ущербъ другихъ.

Въ выходѣ Смолокуровыхъ, гдѣ шла та же суета, у самыхъ вѣсовъ, противъ тяжелыхъ растворовъ передвыходья, стояла куча народа и слышался споръ о чемъ-то между пріемщикомъ и сдатчикомъ, безъ котораго обходится здѣсь рѣдкая сдача рыбы.

— Ты што же это — принялъ, принялъ, болѣ половины въ лари свалилъ, а теперь, на-ка, браковать сталъ, а?...—звучалъ голосъ рыжаго мужика, со злыми, хитрыми, зеленоватыми глазами и угрюмымъ лицомъ. — Рази это резонъ?... Такъ ту я-бъ те и сдавать не сталъ.

— Ты, почтенной, не шуми,—здѣсь не кабакъ! Не хочешь сдавать,—не надо. Много вашего брата! На данное количество бери записку, да и проваливай, сдавай кому хошь. Здѣсь, видишь, што народу ждетъ.

— Ненадо мнѣ записки твоей. Подай мою рыбу назадъ—и все тутъ. Записка!—принялъ рыжій.

— Ахъ ты чортова голова,—разсердился прикащикъ, — ты чево-жь давеча не дышалъ, какая у тебя рыба-то въ лодкѣ,— я бы и принять не сталъ.

— Какая такая рыба?!...

— А такая! Сверху-то чуть не коренная была — совсѣмъ просоленая, а теперь, чѣмъ ниже, все свѣжѣй идетъ. На днѣ, значитъ, совсѣмъ свѣжая будетъ. Такую рыбу совсѣмъ и принять нельзя. Ей надо еще на выходѣ полежать, стечь, чортова ты образина! Знаешь ты это али нѣтъ? А то «браковать, браковать», туда же!—передразнилъ рыжаго прикащикъ.—Песъ тебя знаетъ, гдѣ ты тамъ эту и рыбу-то бралъ,—вверхъ дномъ вся перебуторена. Право!

— Ну, ужь прими, нечево дѣлать, — какъ-то вдругъ, внезапно, осѣлъ и смѣшался сдатчикъ.—Перебуторена... Изъ одной посуды въ другую перекладали, вотъ и перебуторена,—поправился онъ немного погодя.

— А говорилъ, давеча, въ морѣ скупали... Что же, вы ее у одного, што ли, купили? Одинъ товаръ-то сейчасъ видать,— вставилъ прикащикъ, не придавая впрочемъ случаю особеннаго значенія.

Рыжій совсѣмъ смолкъ.

— Какъ тебя?!...— обратился къ нему прикащикъ, когда сдача была кончена.

— Ась?!

— Да ты хозяинъ, што ли, рыбѣ-то? На кого записку-то писать?

— А, да, да! На Иванова на Тимоѳея пиши. На Иванова.

— Какъ на Иванова?... На какого на Иванова? — въ недоумѣніи посмотрѣлъ прикащикъ въ конторскую записку, которой ему приказывалось принять рыбу. — Тутъ Брехуновъ стоитъ... Вотъ, Петръ Петровъ Брехуновъ—ясно писано.

— А? Ну, ну, все одно, хошь на Брехунова пиши... Все одно,—товарищи мы,—какъ-то испуганно заторопился сдатчикъ.

Записка была выдана и деньги въ конторѣ извѣстныхъ братьевъ Смолокуровыхъ получены по ней сполна.

Такъ бы этому дѣлу и въ вѣчность кануть, да случилось еще одно незначительное обстоятельство.

Времени прошло побольше мѣсяца.

Въ томъ же Смолокуровскомъ выходѣ, къ Нижегородской ярмаркѣ, перебивали ловецкую паюсную икру изъ разнокалиберной тары въ однообразную дубовую—калиберную, какъ называютъ ее здѣсь. Жиръ стоялъ пальца на два выше уминаемой черной икорной массы, выступалъ сквозь верхнее дно только-что закупоренныхъ таръ и сочился по ихъ уторамъ. Кругомъ стояла и лежала только-что опростанная икорная тара самыхъ разнообразныхъ видовъ и величинъ—кульки, мѣшки, бочонки и даже кадушки и пересѣки.

Невдалекѣ вѣшали принимаемую вновь икру и рыбу.

Въ этой послѣдней группѣ, среди смолокуровскихъ рабочихъ, противъ прикащика, выглядывало старческое добродушное лицо съ подслѣповатыми, безпрестанно моргавшими глазками, очевидно принадлежавшее ловцу-сдатчику.

Наблюдая за вѣсомъ собственной рыбы, этотъ маленькій юркій старичокъ, въ то же время, не переставалъ интересоваться и уборкой икры. Вдругъ лицо его оживилось, точно освѣтилось чѣмъ, и онъ съ улыбкой обратился къ выходному прикащику.

— Што?... Аль нашелся пропавшій-то?!

— Какой пропавшій?—съ недоумѣніемъ спросилъ ничего не понимавшій прикащикъ.—Ты про што это?...

— А про Стужина, про Степана,—ай не знаете?...

— Што это за Стужинъ такой?

— Какъ? Да рази онъ не вамъ рыбу-то сдаетъ?

— Говорятъ тебѣ—не знаемъ такого.

— Та-а-анъ... Оказія! — въ недоумѣніи и замѣшательствѣ протянулъ, озираясь кругомъ, старикъ.

Во время разговора подошли кое-кто изъ постороннихъ, бывшихъ на выходѣ, въ томъ числѣ и старшій прикащикъ Смолокуровыхъ.

— Фу, ты, да говори толкомъ, што такое,—рѣзко крикнулъ онъ на мявшагося ловца,—што за пропавшій?!...

— Сказать-то оно почему не сказать, да только дѣло-то ровно неладно будто... Какъ бы не вышло чего?

— Што, што за дѣло,—што такое, сказывай толкомъ!—загудѣли кругомъ.

Вотъ, вишь, какая оказія-то,—обратился добродушно старикъ къ окружавшимъ,—шаберъ *) одинъ у насъ нонѣ весною съ моря не выходилъ, такъ и по сейчасъ нѣтъ!

— Ну, ну?!...

— Ну, сродственники-то совсѣмъ голову потеряли, ужь и явку объ ёмъ подали,—анъ такъ и нѣтъ ни слуху, ни духу. Сгинулъ, значитъ, въ морѣ и—шабашъ!

— Да, можетъ, еще ловитъ гдѣ...

— Нѣтъ, куда!... Промыселъ хорошій,—хошь бы лодку да выслалъ... Стужина Степана, можетъ, не слыхали ли,—про него сказываю.

— Ахъ, да! Какже, слыхали, слыхали... Это объ немъ дѣло-то?... Ищутъ, сказываютъ, какъ же!... Ну, да, такъ што-жь?—наперерывъ спрашивали любопытные голоса.

— А то, што здѣсь, вотъ, доводится мнѣ его товаръ увидать—вотъ оно што! Я было думалъ спервоначала-то, што вышелъ онъ, анъ, сами слышали, нѣтъ, говорятъ.

— Ты што это, любезный, помнишь ли, что говоришь-то? Угорѣлъ што ли?—вступился было прикащикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ужь оставь—не мѣшай ему. За напраслину самъ въ отвѣтѣ будетъ. Началъ, такъ пусть кончитъ,—загудѣло опять кругомъ.—Ну, ну, старина, какой такой товаръ тамъ, указывай!—обратились сильно заинтересованные окружавшіе къ ловцу.—Этакого дѣла нельзя такъ оставить,—можетъ, ему хошь концы найдутъ!

— Вѣстимо дѣло, зачѣмъ пропадать душѣ христіанской,—добродушно, но серьезно, согласился старикъ.—Пропустите-ка!—

*) *Шаберъ*—сосѣдъ.

протискался онъ къ вынильной узорчатой деревянной переборкѣ *), отдѣлявшей ледники отъ внутренняго коридора выхода, занятаго ларями. Около нея убиралась икра и валились опростанныя ловецкія тары.

Старикъ взялъ часть дна отъ раскупореннаго липоваго бочонка, стоявшаго у переборки. Она еще лоснилась свѣжимъ жиромъ и чернѣла тамъ и сямъ крупинками пристанувшей икры. Вся толпа быстро шарахнулась за нимъ и съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла, что будетъ дальше.

— Вишь ты, какъ не плохи глаза-то, а разобралъ,—отнесся онъ къ окружавшимъ, потрясая только-что взятою частью дна, словно трофеемъ.

— Да што такое, што?—послышались недоумѣвающіе вопросы и даже смѣхъ обманутаго ожиданія.

— Ты што-жь тутъ — народъ смѣшить пришелъ, а?! Да еще такія слова говоришь,—съ сердцемъ и невольнымъ смѣхомъ крикнулъ на ловца старшій смолокуровскій прикащикъ.—А еще старикъ!—съ укоромъ покачалъ онъ головой.

— Нѣтъ, ты постой, другъ любезный, Петръ Егорычъ, погоди смѣяться-то. Да!... Ты мнѣ скажи, что вотъ это такое?... Да!—добродушно возразилъ старикъ, оборачивая нижнюю сторону доски къ свѣту.

На внутренней жировой поверхности ея ясно обозначились двѣ выженныя буквы, то-есть клеймо, С. С.

— Я хошь грамотѣ-то и не мастакъ, а тавро Степановс знаю,—не больно хитро оно. Это вотъ вѣдь *слово?*—спросилъ онъ окружавшихъ, указывая на первую букву.

— Слово, дѣдушка, слово!—зашумѣли вокругъ.

— То-то!... Значитъ, и это тоже слово?—полувопросительно, полуутвердительно произнесъ онъ.

— Да, да, тоже, слово. Ай да старина, грамотей! — одобрительно слышалось кругомъ.

— Ну, такъ оно и есть—Степанъ Стужинъ... Какъ мнѣ Степанова тавра не знать!...

Нечего и говорить, что послѣ заявленія полиціи и прокурору Вязоваго и Арины и слуховъ, ходившихъ въ народѣ, это «Сте-

*) Деревянная переборка между ледниками и выходомъ, т. е. ларями, гдѣ солятъ рыбу, дѣлается обыкновенно пропильной узорчатой, чтобы холодъ изъ ледниковъ безпрепятственно достигалъ въ выходъ.

ново тавро», таившееся на внутренней сторонѣ бочонка, подняло цѣлое дѣло.

На выходѣ Смолокуровыхъ въ тотъ же день полиція составила актъ и его посѣтилъ не только слѣдователь, но и прокуроръ. Дѣло пошло въ ходъ и стало понемногу распутываться и запутываться вновь, точно рваный мотокъ, какъ это обыкновенно бывало и бываетъ у насъ, гдѣ на одинъ конецъ, настоящій, являются десять ложныхъ. Однимъ словомъ, дѣло, какъ говорится, затягивалось поминутно.

Прежде всего у Смолокуровыхъ долго не могли опредѣлить, отъ кого именно была куплена и принята икра въ этихъ клейменыхъ бочонкахъ, такъ какъ времени тому прошло не мало, да и икры было куплено и собрано много. Затѣмъ, хотя, по соображеніи и свѣркѣ съ книгами, и можно было указать на какого-то Петра Брехунова, но удостовѣрить точность такого показанія было рѣшительно трудно, такъ какъ разсчеты съ ловцами велись въ то время у капиталистовъ-покупателей чуть ли не первобытнымъ способомъ, въ чемъ хозяева-покупатели были заинтересованы, разумѣется, больше ловцовъ. Кромѣ того, самого Брехунова пріемщикъ Смолокуровыхъ не зналъ и кто сдавалъ рыбу и икру, разумѣется, не помнилъ. Впрочемъ, перебуторенная рыба и сбивчивыя показанія сдатчика не исчезли изъ его памяти и всплыли наверхъ, послуживъ, разумѣется, не въ пользу заподозрѣннаго. Сперва было даже самая фамилія Брехуновъ принималась за вымышленную, пока множество лицъ не удостовѣрили существованіе такого лица. Между свидѣтелями были дѣдъ и Арина. Только тогда полиція принялась за Петра Брехунова. Между тѣмъ всѣ такія показанія пріобщались къ дѣлу и, почти еще не родившись на свѣтъ,—оно росло не по днямъ, а по часамъ.

Долго искало попечительное начальство мѣсто жительства Брехунова и, пожалуй, такъ бы и не нашло, что въ Астрахани для него было не въ диковину, еслибы добрые люди, принимавшіе въ пропажѣ Степана горячее участіе, не указали его.

А мѣсто жительства Петра Петровича было тамъ же, гдѣ посѣщалъ его Степанъ на масляницѣ. Это было гдѣ-то на Кріуцѣ, въ домикѣ торговки, съ которою, какъ оказалось, квартирантъ состоялъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. И здѣсь, какъ выяснилось позднѣе, красивая наружность парня и женская увлекающаяся натура сослужили ему добрую службу. Жен-

щина пріютила его въ самые темные и тяжелые дни его жизни, когда онъ упалъ духомъ, ожесточился, сталъ зашибаться и погибалъ совершенно въ той ужасной средѣ, отнуда, казалось бы, нѣтъ возврата. Она старалась поднять и поддержать его, изощряя всѣ силы своей привязанности, а онъ — эксплоатировалъ ее, сколько могъ.

Понятно, какъ скоро сдѣлались извѣстными отношенія жильца и хозяйки, къ ней явились гости съ обыскомъ и допросомъ и тотчасъ же поняли, что она была готова защищать свое сокровище когтями и зубами, еслибъ это оказалось необходимо. Изъ отвѣтовъ ея, кромѣ того, оказалось, что она была еще и приготовлена отвѣчать чуть не на каждый вопросъ.

Прежде всего она заявила, что дѣлъ своего постояльца не знаетъ и отвѣчать на предлагаемые ей вопросы съ достовѣрностью не можетъ, что его дѣло мужское, а ея—бабье, и общаго между ними ничего нѣтъ, да и быть не можетъ.

Такимъ образомъ она впередъ обезпечила себѣ отступленіе, еслибы что и показала не въ пользу или даже во вредъ Брехунова. Такъ это и было во множествѣ случаевъ. Сперва, напримѣръ, она показала было, что постоялецъ ея ходилъ въ море на рыболовство, но когда ясно опредѣлилось, что Петръ, уѣхавшій изъ Астрахани поздно и возвратившійся рано, успѣлъ наловиться несообразно быстро, она стала показывать, что онъ ходилъ можетъ-быть и для покупки товара и что дѣлъ его въ морѣ знать ей нельзя.

Однимъ словомъ, такимъ и подобными отвѣтами умная, разбитная баба лавировала между Сциллой и Харибдой, избѣгая той и другой. По возможности она не запиралась и не отказывалась отвѣчать, но самые отвѣты свои дѣлала для себя неотвѣтственными, очень основательно объясняя ихъ незнаніемъ мужского ловецкаго или морского дѣла.

Вообще она вилась и ускальзывала какъ угорь, пока обстоятельства дѣла и факты не бросили тѣни на нее и ея слова. Такъ, на прямой вопросъ полицейскаго офицера, есть ли у нея въ домѣ деньги, она не задумываясь объявила, что есть малость только на текущіе расходы и что всѣ свои другія деньги она отдала еще по веснѣ Петру Петровичу на покупку рыбы. Между тѣмъ, при обыскѣ, старый угольный ящикъ у печи оказался съ двойнымъ дномъ и подъ нимъ сумма въ шестьсотъ рублей кредитными билетами, которые она признала своими, а сокрытіе ихъ

объяснила боязнью появленія полиціи, которая, какъ она яко бы слыхала, лакома на такія находки.

Повидимому, даже не взирая на улики, баба не терялась, а еще точно издѣвалась надъ полиціей, съ видомъ простоты заставляя частнаго пристава, бывшаго при обыскѣ, выслушивать не совсѣмъ-то пріятныя истины. Она точно хотѣла вывести его изъ себя.

Когда дѣло коснулось рабочихъ, которые ходили въ море съ Брехуновымъ, и потребовались ихъ имена, прозванія и званія, то она, назвавъ первыя, отозвалась совершеннымъ незнаніемъ послѣднихъ, причемъ показала, что одинъ изъ рабочихъ Брехуновымъ уже разочтенъ и уволенъ, а мѣстопребываніе его ей неизвѣстно. «Кажись, вверхъ, домой ушелъ», предусмотрительно добавила она. Только послѣ долгихъ настояній и угрозъ добились кое-чего болѣе опредѣленнаго. Что касалось самого Брехунова, то, по ея показаніямъ, онъ теперь находится въ морѣ и когда вернется ей неизвѣстно: «Чай, какъ съ дѣлами управится,— вѣдь онъ туда не на гулянку пошелъ»,— съ досадливой ироніей пояснила она.

Подозрѣнія, правда, явились довольно основательныя, но вотъ и все, что было добыто. Только объемъ дѣла росъ и росъ постоянно.

Принялись искать рабочаго, уволеннаго Брехуновымъ, а кстати вышелъ съ моря и лоцманъ Степана. Новыя лица и новыя показанія, такъ какъ рабочаго брехуновскаго успѣли захватить еще не на пути *вверхъ*, а на пути въ одинъ изъ астраханскихъ кабаковъ.

Лоцманъ Степанова судна показалъ, что ловилъ онъ близъ Аистовыхъ, въ Мертвомъ Култукѣ, и, отправивъ хозяину раннюю уловленную рыбу, какъ было приказано имъ раньше, предполагалъ, что хозяинъ давнымъ-давно въ городѣ, откуда ждалъ его возвращенія и продовольствія въ теченіе болѣе мѣсяца, пока совершенно не обезхлѣбѣлъ,—что только тогда пошелъ онъ на мѣсто стоянки хозяйской посуды въ нордъ-нордъ-вестѣ отъ Кулаловъ, но, не найдя и не встрѣтивъ тамъ никого, по неволѣ направился въ городъ. Показанія же бывшаго брехуновскаго рабочаго были до того несообразны сами по себѣ и несогласны съ показаніями домохозяйки Петра, что, несомнѣнно, были измышлены его собственной глупою головой, почему онъ первый попалъ за желѣзную рѣшетку впредь до свиданія съ Брехуновымъ. Такимъ образомъ дѣло было только за послѣднимъ.

Наконецъ-то явился и онъ и, надо отдать ему справедливость, сдѣлалъ это молодцомъ. Едва приставъ онъ въ Астрахани, едва успѣлъ узнать положеніе, въ которомъ находилось дѣло его и обвиненія, которыя на него напрасно взводили,—какъ горячо протестовалъ невинный,—онъ ту же минуту, не заходя и домой, бросился къ жандармскому штабъ-офицеру и постарался доказать ему всю свою непричастность къ кляузному дѣлу, взводимому на него. Онъ объявилъ ему, что дѣйствительно собирался и бѣгалъ въ море покупать рыбные товары, но что противузаконнаго тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ такихъ покупателей сотни. Подтвердилъ, что дѣйствительно вывезъ съ моря и сдалъ рыбу и икру братьямъ Смолокуровымъ и получилъ отъ нихъ разсчетъ сполна. Что, на самомъ дѣлѣ, имъ было сдано нѣсколько липовыхъ бочонковъ съ икрой, но были ли они клейменые и они ли именно найдены у Смолокуровыхъ, ему неизвѣстно, и что отвѣчать за нихъ, если даже они поступили и въ его товарѣ, онъ не можетъ, такъ какъ покупалъ икру въ морѣ отъ разныхъ лицъ, а о клеймѣ и знать не могъ. Да и кромѣ всего, развѣ не могла имъ быть куплена икра отъ лица, обокравшаго или ограбившаго Степана Стужина, съ которымъ онъ самъ лично былъ въ пріятельскихъ и добрыхъ отношеніяхъ, въ удостовѣреніе чего служитъ самая лодка, въ которой онъ, Брехуновъ, бѣгалъ въ море за покупкой,—лодка, которая дана ему Степаномъ для этого дѣла безо всякой съ его стороны записки или письменнаго условія, по-пріятельски.

Добрый полковникъ такъ проникся невинностью напрасно преслѣдуемаго бѣднаго парня, что рѣшительно и твердо,—по-солдатски, какъ выражался самъ,—сталъ на его сторону и обѣщалъ не упускать изъ виду такого *вопіющаго* дѣла.

Совсѣмъ съ другой точки зрѣнія смотрѣлъ на это *вопіющее* дѣло прокуроръ, которому были извѣстны всѣ мелочи, вся суть его, чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе и убѣдительнѣе говорившая о виновности и прикосновенности къ нему Брехунова. Показанія Брехунова и рабочихъ, бывшихъ съ нимъ весною въ морѣ, не только разнились одно отъ другого, но часто всѣ противорѣчили между собой. Даже на такіе простые и естественные вопросы слѣдователя: «куда они пошли по выходѣ въ море, что дѣлали и гдѣ были потомъ и откуда возвратились въ Астрахань?»—получились такіе разнорѣчивые отвѣты, что доказывали только то, что въ нихъ нѣтъ слова правды, а лишь одинъ невообразимый сумбуръ. По-

слѣ очной ставки, на которой всѣ нелѣпыя показанія рабочихъ Петръ объяснилъ злобою на себя и злонамѣренными подъученіями враговъ, пріятелей разсадили въ отдѣльныя клѣтки, но, къ сожалѣнію, въ одномъ и томъ же общемъ садкѣ острога.

Пока то да сё, а неугомонное время шло впередъ и дѣломъ успѣло заинтересоваться не только общество, но оно дошло и до губернатора, котораго заинтересовало вдвойнѣ, такъ какъ выслушивалось имъ отъ двухъ лицъ съ совершенно различными взглядами на него. Одно слышалъ онъ отъ прокурора, другое отъ жандармскаго полковника, и оно получало отъ этого своего рода разнообразіе, чрезвычайно интриговавшее вниманіе его превосходительства.

Даже мнѣніе общества раздѣлилось отъ этого антагонизма между властями, и тогда какъ одни считали Брехунова за несомнѣннаго преступника, другіе видѣли въ немъ только человѣка невинно пострадавшаго, вслѣдствіе стеченія запутанныхъ обстоятельствъ.

Въ довершеніе всего, обвиняемые не только не винились, но и показанія свои взяли назадъ, замѣняя ихъ все болѣе сходными между собою и однообразными, пока, слово-въ-слово, не стали говорить одного и того же. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, была видна польза острожнаго заключенія. Рабочіе сознались, что первыя свои показанія дѣлали дѣйствительно по злобѣ на хозяина.

А время все шло и дѣлу не видѣлось конца.

Оно, разумѣется, изъ устъ въ уста ловецкаго населенія разлилось по всей дельтѣ, точно масло по водѣ. Сотни лодокъ, приходившихъ и уходившихъ изъ города, уносили вѣсть о немъ далеко по окрестности и взамѣнъ привозили новые, болѣе или менѣе опредѣленные, слухи.

Такъ, разсказывали о двухъ мимошедшихъ ловцахъ-товарищахъ, которыхъ мертвый штиль заставилъ ночевать близъ того мѣста, гдѣ, по показаніямъ, должна была стоять на лову Степанова посуда. И дѣйствительно, еще засвѣтло, такъ какъ заштилѣло въ вечерни, не совсѣмъ вдалекѣ, въ остъ-зюйдъ-остѣ, они видѣли посуду съ подчалкомъ. Ночью было тихо, какъ въ могилѣ, и одинъ изъ товарищей, которому не спалось, часто выходилъ на палубу, чтобы посмотрѣть, не дышетъ ли (дуетъ тихо) откуда. Каково-жъ было его изумленіе, когда, вмѣсто вѣтра, крикъ, вопли и стукъ, точно смертная драка, донеслись до него съ мѣста стоявшей посуды. Онъ не утерпѣлъ, чтобы не разбудить то-

варища; однако дѣлать было нечего,—мертвый мракъ и штиль не позволяли тронуться съ мѣста, чтобъ узнать, что тамъ такое. Объ этомъ нечего было и думать,—въ пяти саженяхъ нельзя было найти судна. Еще сильнѣйшее изумленіе готовилось имъ утромъ, когда, проснувшись, на мѣстѣ стоявшей посуды они не увидали ничего, ровно ничего, кромѣ недвижнаго, едва дышавшаго, моря. О томъ, что слышали и видѣли сами, они не повѣрили бы никому,—уйти судну, по ихъ словамъ, было некуда и нечѣмъ. Было это въ ночь на тридцатое апрѣля, потому что 1-е мая они встрѣтили близъ Камызякскаго банка *). Время это соотвѣтствовало соображеніямъ Степанова лоцмана и показаніямъ ловца, дѣйствительно пившаго чай на посудѣ перваго.

Надо ли говорить, что̀ перенесла въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ Арина? Это была пытка въ жесточайшемъ смыслѣ этого слова,—пытка безжалостная, непрерывная, дававшая матери и женѣ рѣдкія минуты надежды только затѣмъ, чтобы не убить ее сразу и продолжать свою дикую, звѣрскую, бѣшеную забаву живымъ, трепещущимъ женскимъ сердцемъ. Искренне и не разъ баба молила себѣ смерти и, увы, роптала на неслышавшаго молитвы. Вмѣсто солнца, такъ ярко освѣтившаго ея послѣдніе годы, теперь наступилъ такой непроглядный мракъ, что она не видала себя и ничего кругомъ. Напрасно дѣдъ указывалъ горемычной на ея улыбавшуюся дочку,—улыбка эта горячими клещами рвала сердце матери, напоминая мужа и Гриню... Гриню?!. Господи! Зачѣмъ она не оставила хоть его?... По цѣлымъ часамъ теперь сидѣла она неподвижно, въ окружавшей тьмѣ, не видя ничего, кромѣ далекаго, темнаго, волнующагося моря—огромной водной могилы, гдѣ лежатъ они безъ креста, безъ молитвы, безъ думы о ней горемычной,—каково-то ей?..

Баба рисковала сойти съ ума, еслибъ ее не свалила горячка. Было тутъ хлопотъ дѣду и ея тёскѣ, Аришѣ, которые поселились съ нею на время болѣзни.

А что-то, въ самомъ дѣлѣ, было *тамъ*,—тамъ, въ этомъ далекомъ, темномъ, волнующемся морѣ?... Ужели ничего не всплыло на поверхность и осталось поглощеннымъ все?... Вѣдь трупы

*) Камызякъ—рѣка, рукавъ Волги, впадающій въ море и замѣчательный казенными милліонами, положенными на дно его ради углубленія фарватера, нисколько не углубленнаго. Къ сожалѣнію, въ Россіи много такихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ. Интересна бы статистика ихъ.

всплываютъ и смертныя тайны выходятъ наружу изъ нѣдръ земли и моря. Да. Какъ это бываетъ обыкновенно, бездна выкинула горькую тайну и едва ли не истину. Откуда-то, Богъ вѣсть откуда, чуть ли не изъ острога, выплыла она и потекла въ народъ, сперва тихо, боязливо, шепотомъ, какъ ничтожная струя родника, потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе и громче и, наконецъ, разлилась мощной, всезахватывающей, бурливой рѣкой, которой ни-по-чемъ грузы людского горя. Людскою молвой называется эта рѣка и впадаетъ въ Лету. Приблизительно вотъ что ходило въ народѣ.

Весною Степанъ, выбравшись въ море Камызякскимъ банкомъ, какъ это случается обыкновенно, неподалеку встрѣтилъ еще ледъ. Въ черняхъ, въ протокахъ, воцарилась уже весна, но хмурая, отживающая, неуступчивая зима царствовала еще въ морѣ. Застланное, насыщенное парами небо и бѣлѣющая блѣдно-зеленоватая равнина льда, по которой только кое-гдѣ извивались и уходили вдаль темныя трещины—*разводины* и *проглеи*, какъ зовутъ ихъ здѣсь.

Предстояло выбрать путь, по которому идти въ вольныя эмбенскія воды. Надо было пробраться въ самый сѣверо-восточный уголъ моря и притомъ такъ, чтобы захватить первый самый добычливый ловъ, а это значило прійти еще къ рушенью льда. Въ этомъ случаѣ было необходимо сообразоваться съ вѣтрами. Если они черневые, сѣверные, т. е. съ берега, то ледъ ими обыкновенно отжимается въ море и путь на Эмбу открывается вдоль черней, то-есть береговъ. Если же вѣтры съ моря, то ледъ, напротивъ, нажимаетъ къ берегамъ, очищая путь кругомъ, т. е. въ морѣ. Разумѣется, сообразно съ этимъ поступилъ и Степанъ. Вѣтры стояли морскіе, теплые, и онъ сталъ пробиваться въ открытое море, оставляя за собой берега и ледяныя равнины и бугры. Вскорѣ подъ нимъ зашевелились, захлестали и зарокотали свободныя волны и Гриню стало укачивать, къ счастію, не сильно и не надолго. Черезъ два дня мальчикъ ходилъ, какъ встрепанный. На меридіанѣ Кулалинскаго острова, впереди—въ остѣ, опять показался ледъ и пришлось остановиться. Во время такихъ остановокъ ловцы часто *пытаютъ* рыбу, то-есть на пробу выбиваютъ немного снасти. Попыталъ и Степанъ. Бѣлуга оказалась гуртовая и ловилась хлестко, такъ что бросить мѣсто было жаль. Тогда онъ велѣлъ выбивать всю снасть на одну лодку сполна, а лоцмана съ посудой, при

двухъ другихъ лодкахъ, отправилъ къ Аистовымъ, гдѣ рыба предполагалась икрянистѣе и слѣдовательно выгоднѣе, какъ вообще въ прибрежныхъ водахъ. Вотъ чѣмъ объясняется мѣсто стоянки Степана. Изобильный ловъ удержалъ его такъ дольше, нежели онъ предполагалъ. Даже Благовѣщенье, когда птица гнѣзда не вьетъ, имъ пришлось работать не покладая рукъ.

— Счастливый твой выходъ, Гриня!—не разъ говорилъ мальчику измученный отецъ:—вишь Господь што работы посылаетъ. Есть около чево поучиться,—сразу хочетъ тебя морякомъ сдѣлать.

А мальчикъ самодовольно ухмылялся, стараясь смѣкать и по-неволѣ смѣкая морское дѣло.

Рѣдко говорили они о матери,—развѣ вечеркомъ, въ теплой каютѣ, за сопѣвшимъ или пѣвшимъ самоваромъ — отрадой одинокихъ моряковъ, когда паръ клубами давилъ низкій потолокъ тѣснаго убѣжища. Не до того было, да и не мужское это дѣло нюни распускать,—не на языкѣ привязанность, а въ сердцѣ. Несмотря на то, оба они чувствовали себя хорошо, очень хорошо, когда мальчикъ засыпалъ, плотно прижимаясь къ отцу.

Такъ они жили тихо, день за днемъ, можно бы сказать ощущеніемъ другъ друга, еслибъ у одного не присоединялось къ этому возбуждающей, бодрой сферы независимаго труда, у другого—наитія моря—впечатлѣнія цѣлаго, новаго, живого, мощнаго міра.

Гости и вѣсти съ моря и изъ города заходили на судно Степана рѣдко,—мѣсто было такое. Уединеніе и единообразіе окружавшаго искупалось обильнымъ ловомъ, заставлявшимъ забывать временныя лишенія и почти не оставлявшимъ мѣста для скуки.

Почти всѣ данныя о жизни Степана въ это время получились изъ показаній лоцмана и рѣдкихъ гостей, заходившихъ на его судно, стоявшее въ сторонѣ отъ бойкаго морского *тракта*.

Что было дальше, говорила людская молва.

Говорила она, что, въ числѣ гостей, побывалъ у Степана и памятливый Петръ Петровичъ. Отыскалъ-таки пріятеля въ морѣ, хотя тотъ ловилъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ разсчитывалъ прежде. Отыскалъ, и гостинцу Гринѣ изъ города привезъ,—не любилъ, значитъ, кидать слова на вѣтеръ. Пусть, молъ, знаютъ, что обстоятельнаго человѣка сейчасъ видать.

Да и радъ же былъ за Степана въ то время доброжелательный малый,—такъ радъ, что и сказать нельзя. Какъ вступилъ

онъ на палубу судна, да увидалъ, что оно рыбой и икрою полно, такъ даже руками всплеснулъ и въ умиленіе пришелъ.

— Ну, — говоритъ, — Степа, порадовалъ ты меня, поздравляю! По неволѣ повѣришь, что Господь добрымъ людямъ невидимо пособляетъ,—знаетъ, значитъ, кто чего стоитъ!

— Нечего сказать, половили, Петръ Петровичъ!—привѣтливо встрѣтилъ прибывшаго Степанъ.—Надо Бога благодарить, хорошо половили нынче...

— Чево—«хорошо половили?...» На рѣдкость! Тутъ чай тысячъ на шесть поболѣ будетъ, — задыхаясь отъ волненія, заглянулъ онъ въ трюмъ.

Потомъ они поздоровались и провели вмѣстѣ чуть не цѣлый день.

А рыбы дѣйствительно было *изъ годовъ вонъ* много у счастливаго ловца. Только наканунѣ привезли ее изъ Аистовыхъ, чуть не цѣлую свойскую, такъ что Степану, который думалъ было бѣжать въ городъ въ той же лодкѣ, догрузивъ ее,—пришлось, напротивъ, выгрузить рыбу въ судно, иначе всей рыбы не увезти бы. Въ виду такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ было рѣшено, что Степанъ, Гриня и одинъ изъ рабочихъ пойдутъ на суднѣ съ товаромъ въ городъ, а переборочная снастная лодка, выдравъ снасть и взявъ остатокъ продовольствія, направится въ Аистовы, чтобы ловить тамъ у лоцмана до срока, то-есть до Петрова дня.

Свойская, выгрузивъ рыбу, ушла назадъ еще въ ночь, и теперь дѣло оставалось только за тѣмъ, чтобъ убрать окончательно товаръ и выдрать лежащую на лову въ морѣ снасть. На все это понадобилось бы много-много два дня.

Домой, домой! — пѣло въ сердцахъ отца и Грини и образъ жены и матери уже не покидалъ ихъ.

Въ эти-то счастливые дни и посѣтилъ ихъ привѣтливый гость.

— Вотъ какъ Господь доводитъ, — весело кричалъ онъ изъ лодки, простившись съ хозяевами и отваливая отъ посуды:—и въ море васъ провожалъ, и изъ моря тоже. По крайности узнаешь, што рука у меня легкая!

Да, легкая рука...

Для моряка нѣтъ ничего печальнѣе и ужаснѣе штиля, когда всего нужнѣе вѣтеръ. Это какой-то параличъ, поражающій всѣ его силы, мужа обращающій въ безпомощнаго младенца, юно-

шу—въ дряхлаго старика. Ужасно знать, желать, стремиться и—не мочь. Ужасно—въ жизни и въ морѣ.

Ничто такъ не учитъ терпѣнію, какъ стихійное veto: не съ кѣмъ бороться и враждовать, даже жаловаться не на кого и некому,—это испыталъ каждый.

Вотъ и теперь, чѣмъ болѣе время близилось къ отправленію и работы подходили къ концу, тѣмъ болѣе и болѣе затихалъ вѣтеръ. По вечерамъ часто бываетъ такая тишина въ морѣ. Точно огромный двигатель солнце, сходя со сцены, прекращаетъ всякую работу, даже движеніе воздушныхъ слоевъ.

А солнце дѣйствительно сходило со сцены на багряномъ западѣ. Въ небѣ не то что тучилось, а расплывалась какая-то невозмутимая мгла. По лику темнаго засыпающаго моря, тамъ и сямъ, можно было еще видѣть тихую, мимолетную, тайно кравшуюся рябь, точно невольную, непозволительную усмѣшку на притворно-досадливомъ лицѣ. Вѣтеръ то затихалъ, то вновь скользилъ по хмурому лицу моря, но все рѣже и рѣже падалъ на него, тише крался по немъ и легче касался его поверхности, точно его робкіе вздохи боялись разбудить засыпавшаго. Темнѣло. Стихало. Мракъ и тишь все неограниченнѣе воцарялись въ морѣ, пока не осталось ничего кромѣ тьмы.

Никто и не видалъ, какъ еще засвѣтло, съ осту, вмѣстѣ съ тихой рябью подвигалась, точно тоже крадась, лодка къ посудѣ Степана. Шагъ за шагомъ, то останавливаясь въ безсиліи и опуская паруса, то какъ призракъ, оживляемый дыханіемъ вѣтра, вновь подвигаясь впередъ, подходила она все ближе, скрываемая наступавшею тьмой.

Такъ подходила она все ближе, ближе, ближе, пока явственно не зарокоталъ канатъ и якорь бултыхнувшійся въ воду, точно клещъ, не вцѣпился въ морское дно.

Некому было слушать этого,—добрые люди спали мертвымъ сномъ. Все стихло...

Снилось ли что Степану и Гринѣ на порогѣ къ дому? Ужель, хоть во снѣ, не побывали они тамъ?... Не хотѣлось бы вѣрить этому. Вѣдь помыслы ихъ были полны этимъ домомъ, а мы знаемъ, что помыслы, воображеніе, воспоминанія—сѣмена, изъ которыхъ растутъ и разцвѣтаютъ сны.

Отрадно вѣрить, что они видѣли эти сны, полные счастья, радости и ласки матери и жены. Вѣдь страшно только Макбету,

что онъ убилъ сонъ, а умереть лучше въ ясномъ, тепломъ, глубокомъ снѣ, чѣмъ въ темной леденящей дѣйствительности. Вмѣстѣ они спали спокойнымъ сномъ. Мѣрное дыханіе, точно волна, вставало и падало въ глубинѣ каюты.

Что это—точно тихій всплескъ?... Разъ, два!... Разъ, два!... Разъ, два! — было едва-едва слышно все ближе, однако разсмотрѣть что-нибудь не было никакой возможности. Только долго приглядѣвшись можно было различить кое-что въ двухъ-трехъ шагахъ, но приглядываться было некому, кромѣ тихо работавшихъ веслами.

Подъ бортомъ судна, наконецъ, появилась лодка съ тремя темными силуэтами, словно тѣнями, и беззвучно притаилась подъ кормой. Прошло нѣсколько минутъ мертваго молчанія, точно кто прислушивался къ чему.

Немного погодя, одна за другой, тѣни появились на борту судна. Хозяева спали мертвымъ сномъ, не ожидая гостей.

— Знаешь, гдѣ спятъ? — послышался сдержанный шепотъ, все-таки нарушивъ мертвую тишину.

Тс-сс-съ!... Берегите рабочихъ-то, черти! Носовую каюту карауль,—сказано вѣдь! Остальное ужь мое дѣло,—отвѣчалъ сердитый шепотъ.—Ступайте, да допрежъ меня не начинать, смотри!

Послѣ этого тѣни раздѣлились: двѣ двинулись на носъ, а одна на корму. У всѣхъ было что-то въ рукахъ.

Люкъ кормовой каюты, гдѣ спали хозяева, былъ открытъ, и притомъ было душно въ заштилѣвшемъ морѣ. Подошедшій остановился около и слушалъ. Мѣрное, отчетливое дыханіе спящихъ убѣждало въ легкости дѣла. Онъ тихо свѣсилъ ноги и исчезъ подъ палубой. Тамъ онъ опять остановился, замеръ на мѣстѣ въ непроглядномъ мракѣ и опять слушалъ. Первыя минуты сердце въ немъ билось такъ сильно, что онъ не слыхалъ ничего болѣе и, смотря во всѣ глаза, не видалъ ни зги. Очевидно, только слухъ да осязаніе нужны были здѣсь,—приходилось дѣйствовать ощупью.

Дыханіе слышалось въ двухъ-трехъ шагахъ, вправо; онъ сдѣлалъ эти три шага вправо, выставивъ свободную руку впередъ, и нащупалъ койку и Степана, лежавшаго съ краю. «Вотъ ноги, туловище, руки, голова...»—соображалъ осязавшій.

Двѣ-три секунды—и тьму разбудилъ рѣзкій ударъ и невольный страдальческій сильный крикъ, огласившій пустынную окрестность недвижнаго моря. Но должно-быть топоръ попалъ вскользь.

— Ребята!... Ребята!! Разбой!!!... Убиваютъ!—закричалъ несчастный Степанъ и вскочилъ было на ноги.—Раз...

Но ему не дали кончить. Ударъ повторился, еще и еще... На полъ каюты что-то рухнуло и на минуту все смолкло.

— Тятя!—вдругъ вскрикнулъ испуганный дѣтскій голосъ.—Тятя!... Што это?... Господи!... Я боюсь, —жалобно и робко простоналъ бѣдный ребенокъ и заплакалъ.

Такъ ужасно и дико отозвался дѣтскій вопль во тьмѣ хмурой ночи и въ злодѣйскомъ сердцѣ убійцы, что онъ въ мигъ очутился на палубѣ.

А на носу судна началась и шла та же исторія. Пробужденные крикомъ, рабочіе повскакали и кинулись на верхъ, попадая подъ удары. Борьба, топотъ, стоны и крики длились недолго. Одни были со сна и не разбирали ничего, другіе присмотрѣлись и ждали. Чрезъ нѣсколько минутъ въ суднѣ было четыре трупа. Все стихло; только плачъ и крики ребенка, звавшаго отца, звучали проклятіемъ звѣрскому дѣлу. Увы, то былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Уберите мальчонку-то!... Долго ли ему зѣвать? — досадливо и теперь уже громко приказалъ одинъ изъ участниковъ, должно-быть старшій. Остальные молчали.

— Какого лѣшаго рты-то разинули? Вамъ говорятъ!—повысилъ голосъ первый.

Одинъ изъ двухъ двинулся было къ каютѣ, но тотчасъ же пріостановился.

— Куда-жь ево уберешь-то таперича?—въ недоумѣніи и смущеніи проговорилъ онъ.

— Куда?!... На шею себѣ повѣсь! — съ насмѣшкой и пренебреженіемъ отвѣчалъ первый голосъ.—Ахъ ты, чучело, чучело!... Учить тебя, што ли?

— Нѣтъ, ужь довольно, довольно съ тебя неповинной-то крови!... Довольно, слышь ты?!—вдругъ вернулся и съ бѣшенствомъ, чуть не съ ненавистью, закричалъ тотъ.

Распорядитель даже назадъ подался,—до того мало ожидалъ онъ этого.

— Ты што? Угорѣлъ, што ли?... Бѣлены объѣлся?... Што-жь ты съ нимъ дѣлать станешь, умная голова?

Тотъ стоялъ и молчалъ, видимо, не зная, что отвѣчать и дѣлать, и, кажется, напрягая всѣ свои умственныя способности.

— Жаль парнишку-то!—тихо, хмуро и недоумѣло произнесъ онъ.

— Ну, жаль,—что-жь изъ этого?... Такъ-то ему лучше, што-ль?... Чудакъ ты! Вѣдь, какъ башкой-то ни верти, дѣлу не помочь: не матери ты его повезешь. А тутъ одинъ конецъ, по крайности: давнулъ или стукнулъ чѣмъ и—баста!... Головушка!...

А плачъ и крики ребенка, звавшаго отца, продолжали надрывать или, по крайней мѣрѣ, казнить сердца злодѣевъ.

— Ахъ, ты... Вотъ наказаніе-то! И я толкую съ этимъ бабьемъ... Самому давно бы...—Онъ было двинулся къ каютѣ, но стоявшій противъ заступилъ ему дорогу.

— Ни-ни! Не ходи, нетрожь! Самъ ужь я, какъ ни-на-есть, самъ... Не дамъ мучить паренька...—сказано: «довольно»!—Онъ обернулся и тихо пошелъ на зовъ.

— Вотъ чучело-то!—засмѣялся первый, когда они остались вдвоемъ.—Ты чево-жь это не шелъ?—полюбопытствовалъ онъ у другого.

— Ишь ты!... Чай *онъ* тамъ,—отвѣчалъ молодой робкій голосъ.

— Кто это?

— А отецъ-отъ.

— Ну?

— То-то!... Ай мертвецы-то не ходятъ?... Изъ могилъ уходятъ, а не то что...

— Ахъ ты, теленокъ, теленокъ!—съ сарказмомъ покачалъ головой старшій, хотя чувствовалъ себя и неловко въ молчаливой тьмѣ.

— Да, толкуй тутъ... Ишь сынокъ-то зоветъ,—встанешь тутъ! Не токма отца,—чужого подниметъ... Чай родная младенческая душа-то.

Въ это время плачъ сдѣлался было сильнѣе, но вскорѣ притихъ. Изъ каюты поднялась темная тѣнь съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ кошомку, вѣроятно, сдернутую съ койки.

— Дяденька, боюсь я,—всхлипывалъ бѣдный Гриня, не понимая, кто и куда его несетъ.—Къ тятѣ!—просилъ онъ.

— Небось, родимый, не плачь,—уговаривалъ несшій.—Ни-ни, сейчасъ, вотъ, тятю найдемъ. Сейчасъ,—пожди маленько... Ребята,—обратился онъ къ товарищамъ,—я вотъ што мекаю: оставить бы намъ парнишку-то здѣсь въ подчалкѣ, право. Про-

визіи ему положить, да маякъ на лодкѣ-то вздернуть. Можетъ какой набѣжитъ—возьметъ. Чего онъ знаетъ? Ишь, темь,—отца роднаго не разберешь. Право, ну?—просительно закончилъ онъ.

— Ты, што, рехнулся совсѣмъ? Тебѣ башка-то, можетъ, ничего не стоитъ? Давай-ко его сюда!—потянулся было старшій.

Гриня закричалъ благимъ матомъ и прижался къ защитнику съ инстинктивнымъ ужасомъ, не понимая, о чемъ шла рѣчь.

— Не трожь! Слышь ты, сказано, самъ я.

— Слушай ты, чортова баба, долго намъ съ тобой канителиться, а?... Время-то идетъ,—свѣта, што ли, ждать? Кончать, такъ кончай, лѣшій ты этакій!

Державшій Гриню понялъ должно-быть справедливость довода товарища и безвыходность своего положенія, потому что опустился на палубу, разостлалъ по ней кошму и положилъ поперекъ ея ребенка, уговаривая его не бояться и лечь, что онъ его сейчасъ къ тятѣ снесетъ. Съ этими словами онъ моментально закаталъ мальчика въ войлокъ и обвязалъ какимъ-то обрывкомъ веревки. Образовалось нѣчто въ родѣ сѣроватаго узла, изъ котораго опять, но уже глуше, донесся плачъ ребенка. Черезъ секунду все исчезло въ тихомъ морѣ.

— Безъ боли, по крайности! — съ какой-то угрюмой жалостью выговорилъ могильщикъ.

Людской говоръ не много прибавлялъ къ этому.

Новые владѣльцы торопились хозяйничать по-своему. Подачею подвели они къ судну свою лодку и выгрузили въ нее сперва что подороже: клей, икру, вязигу и потомъ уже рыбу, сколько пошло. Стало свѣтать, когда эта работа была кончена. Подъ судномъ было сажень шесть-семь воды. Его просверлили и прорубили въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вода зажурчала и забурлила, наполняя его. Море алчно и быстро поглощало свои жертвы,—грузъ еще остававшейся рыбы помогалъ этому. Со свѣтомъ, пока еще все спало кругомъ и не надолго захлипалъ утренній вѣтерокъ, грузная лодка подняла паруса и ушла по норду. За ней оставался надъ водою только верхъ, только бѣлая стеньга судовой мачты; немного спустя исчезла и она. Когда на горизонтѣ вновь показалось румяное солнце, на мѣстѣ Степановой посуды было чисто.

Кто были ночные посѣтители, такъ и осталось «темнымъ дѣломъ».

Какъ?... А брехуновское дѣло такъ и кончилось?

И не думало! Идетъ на всѣхъ парáхъ. Помилуйте, въ милліонеры глядитъ. Если дѣло не идетъ, развѣ станешь каменныя палаты съ балконами строить? Что касается острожнаго дѣла—напраслины, взведенной было на Петра Петровича, то и оно въ сущности ничѣмъ не кончилось. Протомили только напрасно людей въ острогѣ около года. Рѣшено было, за несознаніемъ и недостаткомъ уликъ, оставить хозяина и рабочихъ въ подозрѣніи и выслать на мѣсто жительства, на родину, въ чемъ предусмотрительно взяты съ нихъ подписки при выпускѣ изъ *четырехтрубнаго* парохода, какъ именуютъ острогъ въ Астрахани.

Выѣзжалъ ли Петръ Брехуновъ на родину—неизвѣстно, но, по всѣмъ даннымъ—нѣтъ. Да и зачѣмъ? Какъ оказалось впослѣдствіи, у него уже было намѣчено доброе дѣльце на мѣстѣ; онъ теперь вполнѣ присмотрѣлся къ окружавшему міру и понялъ, на чемъ надо играть безъ проигрыша и риска. Онъ догадался, что ничего-то нѣтъ доходнѣй людской слабости и темноты. Впрочемъ, на нѣсколько лѣтъ, послѣ непріятной квартиры и напраслины, перенесенной имъ, Брехуновъ почелъ необходимымъ стушеваться, пропасть, и провалился съ глазъ людскихъ невѣдомо куда.

Но, вотъ, прошло нѣсколько лѣтъ и имя Брехунова вновь воскресло и возродилось изъ пепла, какъ фениксъ, вновь заставило заговорить о себѣ. Мало-помалу оно засверкало въ Астрахани на десяткахъ вывѣсокъ, подъ магическими словами: «распивочно и на выносъ». То же было чуть не во всѣхъ богатыхъ промысловыхъ селахъ волжской дельты. Брехуновъ, Брехуновъ, Брехуновъ, мозолило оно глаза всѣмъ—и пьющимъ и непьющимъ, и правымъ и виноватымъ.

Развѣ могло оставаться глухо правосудное общество къ этимъ напоминаніямъ?—Разумѣется, нѣтъ. Дѣла Брехунова цвѣли, связи завязывались и укрѣплялись, довѣріе къ человѣку росло, даже доброе сердце нашлось подъ толстымъ бумажникомъ, какъ это бываетъ съ тысячами Брехуновыхъ во всей вселенной. Успѣхъ все оправдываетъ! Да и какъ было не успѣвать Петру Петровичу,—вѣдь за его здравіе и благоденствіе спаивался и пилъ чуть не цѣлый край, ради чего оказывались дозволительными и практиковались всѣ средства. Обманъ, развратъ, преступленіе—развѣ не настоящее ихъ мѣсто въ кабакѣ, въ распаленномъ виномъ сердцѣ и отуманенной головѣ? «Что за дѣло! Пакачивай ихъ!!»

Правда, такимъ людямъ, какъ Брехуновъ, нѣтъ дѣла до всего этого, но общество? Или и ему тоже?—Надо полагать, если оно среди себя даетъ мѣсто такимъ Брехуновымъ и предупредительно раскрываетъ имъ свои объятія. И вотъ цѣлая туча кабаковъ, кабаковъ, кабаковъ, точно египетская казнь, точно зараза, растетъ и поражаетъ Россію.

Интересно бы знать, что думаютъ гг. Брехуновы о сокращеніи кабаковъ въ Россіи? Чего не подадутъ своего мнѣнія эти во-истину «знающіе» люди?...

Н. Бобылевъ.

Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ.

(Историческій очеркъ.)

VI*).

Кризисъ этотъ пріурочивается по времени изданія межевыхъ инструкцій 1754 и 1766 гг. Но «межевыя инструкціи» были лишь рѣшительнымъ шагомъ въ направленіи, которое начало обозначаться съ начала XVIII вѣка, со времени императора Петра I-го и его реформъ.

Основною формулой внутренней политики Московскаго государства было то, что земля не должна выходить изъ тягла (дополненіемъ котораго была служба), иначе говоря—всѣ силы страны должны служить цѣлямъ и интересамъ государства: «все—для государства». Но московское правительство не могло привести въ дѣйствіе другой формулы, которая должна была служить дополненіемъ и развитіемъ первой: «все—черезъ государство». Это дополненіе, совершенно необходимое для того, чтобы первая формула получила все возможное для нея осуществленіе и примѣненіе, была выдвинута XVIII вѣкомъ, т. е. собственно императоромъ Петромъ, направившимъ теченіе нашей государственной жизни въ новое русло. Московскій государственный механизмъ весь былъ приспособленъ къ тому, чтобы возможно больше извлекать изъ данныхъ силъ земли; петербургскій же ставилъ себѣ болѣе широкія цѣли—организовать силы земли такъ, чтобъ онѣ возможно лучше служили цѣлямъ государства.

Казалось, московская формула: «чтобы земля не выходила изъ тягла»—была всеобъемлюща; но это только казалось. На самомъ дѣлѣ масса силъ выскользала изъ-подъ нея, выдвигая впе-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

реди себя тяглецовъ, которые и расплачивались передъ государствомъ за все про все. Народившійся Петербургъ замѣтилъ ошибку и принялся за ея исправленіе. Ревизія (1719 г.) и указъ о введеніи подушной подати (1722 года) ввели, на мѣсто стараго принципа, «чтобы земля не выходила изъ тягла», новый, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ», т. е. «чтобъ никто не былъ безъ платежа подушной подати»: «хотя въ той губерніи, такъ какъ и въ прочихъ губерніяхъ, скудные, также старые, малые и дряхлые и малолѣтніе находятся, однако же безъ платежа подушныхъ денегъ быть имъ невозможно»,—таково указное разъясненіе закона на донесеніе сибирскаго губернатора *).

Но очевидно, что выбираться подать должна была съ той же земли. Правительство это такъ и понимало съ самаго начала. Въ только-что упомянутомъ указѣ 1725 года прямо сказано: «чтобъ верстались по землѣ и по тягламъ»; то же—и въ указѣ 1739 года о взысканіи недоимокъ, который предназначался для дворцовыхъ крестьянъ, но примѣнялся и къ черносошнымъ, такъ какъ эти двѣ категоріи крестьянъ постоянно смѣшивались между собой: «не безъизвѣстно, что подушныя деньги платятъ только за себя, включая самыхъ убогихъ, умершихъ, бѣглыхъ и взятыхъ въ службу, и для того при взысканіи съ нихъ такой доимки будутъ отговариваться, что они за себя платить готовы, а за выбылыхъ платить не должны, но такихъ отговорокъ не принимая, разложить доимку по тягламъ, сколько съ кого по платежу и по владѣнію земли придетъ..., всякъ изъ нихъ по препорціи земель, кто сколько пашетъ, также и по препорціи своихъ пожитковъ и другихъ промысловъ и доимку заплатить должны». «Чтобы подать располагаема была не по числу въ семействѣ состоящихъ душъ, а соразмѣрно имѣнію у каждаго земли, промысла и работниковъ», какъ выражались позднѣе, въ концѣ XVIII вѣка **).

Итакъ, платежъ за прежнихъ «избылыхъ» легъ на ту же самую землю, которая и безъ того была отягощена тягломъ до невозможности. Ясно, что ничего нельзя было подѣлать, не реорганизовавъ самыя платежныя силы. Планъ реорганизаціи подсказывался всѣмъ прошлымъ, всей исторіей: съ одной стороны, постоянная тенденція государства утвердить свое верховное право собственности на всякую землю, въ томъ числѣ и тяглую,—тен-

*) Указъ 1725 года.

**) Приказъ директора экономіи старостѣ Матигорской волости 1786 года.

денція, получившая при императорѣ Петрѣ новую жизненность; съ другой—самый этотъ принципъ, «чтобъ никто не былъ въ избыткѣ», породившій ревизію и подушную подать. Если государство есть настоящій собственникъ тяглой земли, а не крестьянство, если каждая душа должна платить,—естественный выводъ, что государство обязано обезпечить за каждою душой возможность платить путемъ надѣленія ея землей. Уже и въ первой половинѣ XVIII вѣка эта идея, которой предстояло въ будущемъ такое грандіозное осуществленіе, чувствовалась, такъ-сказать носилась въ воздухѣ, просвѣчивала въ указахъ и распоряженіяхъ правительства; но для осуществленія ея дѣйствительность представляла слишкомъ много препятствій (просимъ читателя не забывать, что мы освѣщаемъ всѣ факты лишь съ той точки зрѣнія, на какую ставитъ насъ ознакомленіе съ фактами исторіи землевладѣнія нашего сѣвера).

Въ самомъ дѣлѣ, идея эта и та дѣйствительность, которую представляло собою въ XVIII вѣкѣ сѣверное землевладѣніе, являлись такъ противоположными другъ другу, какъ могутъ быть противоположны два соціальные типа, воспитанные и вскормленные совсѣмъ различными историческими теченіями. Крестьянство продолжало жить съ спокойною вѣрой въ незыблемость своихъ правъ на земельную собственность и продолжало распоряжаться своею землей согласно своимъ представленіямъ о правѣ. А между тѣмъ старый деревенскій укладъ уже рушился. Съ разрушеніемъ деревни рушились и тѣ естественныя препятствія, на которыя мы указали выше, къ скопленію въ отдѣльныхъ рукахъ земельной собственности. Въ средѣ самого крестьянства росло неравенство. Въ то же время въ деревню вторгалось постороннее владѣніе, главнымъ образомъ, въ видѣ владѣнія посадскихъ людей.

Что же должно было предпринять правительство, для осуществленія того, что настойчиво навязывалось какъ прошлымъ, такъ и потребностями настоящаго?

Какъ во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ, передъ правительствомъ было два пути: во-первыхъ, путь медленнаго движенія къ намѣченной цѣли при посредствѣ подготовительныхъ мѣръ и, во-вторыхъ, путь переворота. Правительство избрало второй путь. Межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію,—да и не къ нему одному,—являются настоящими декретами конвента. Если ихъ революціонный характеръ не вызвалъ въ сѣверномъ населеніи насильственной реакціи, то, ко-

нечно, только потому, что издать указъ еще не значило привесть его въ исполненіе. На самомъ дѣлѣ зданіе старыхъ порядковъ хотя и было подкопано въ фундаментѣ, но оно все-таки еще держалось, и держалось довольно долго, разрушаясь по частямъ. Не мгновенное разрушеніе стараго и возникновеніе новаго было результатомъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны правительства, а хаосъ и броженіе, въ которомъ одна часть дѣйствующихъ элементовъ держалась на обломкахъ стараго, другая хваталась за выдвигающееся новое, причемъ само правительство, вынуждаемое живучестью старыхъ началъ, не разъ отступало назадъ, дѣлая уступки обстоятельствамъ.

Межевыя инструкціи 1754 и 1766 гг. и манифестъ 1765 г. съ нѣкоторыми объяснительными указами послужили поворотными гранями въ исторіи сѣвернаго землевладѣнія. Не имѣя ни по формѣ, ни, повидимому, по сущности ничего, что выводило бы ихъ изъ ряда простыхъ административныхъ распоряженій, межевыя инструкціи, тѣмъ не менѣе, получили характеръ и значеніе настоящихъ законодательныхъ актовъ. Вотъ наиболѣе важные для сѣвера пункты этихъ инструкцій (по редакціи 1766 г.): «Тяглыя земли, деревенскіе участки и всякія угодья, которыя бы послѣ Уложенія государственные крестьяне въ Вятскомъ и другихъ уѣздахъ отдали въ поминовеніе по умершихъ и вкладомъ въ домъ архіерейскій, въ монастыри и къ церквамъ, или продали, заложили и поступились воеводамъ, канцелярскимъ служителямъ, церковнымъ причетникамъ, монастырскимъ служкамъ и другимъ всякихъ чиновъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ въ подушномъ окладѣ, или которыя бы за иски были отданы кому-нибудь изъ такихъ же людей отъ канцелярій, въ случаѣ споровъ безденежно возвращать въ число государственныхъ земель черносошныхъ крестьянъ». «Земли, которыя крестьяне государственныхъ черносошныхъ волостей, расчистивъ вновь въ тѣхъ же волостяхъ и деревняхъ, написанныхъ за ними въ прежнихъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ, подъ видомъ своихъ собственныхъ продали и заложили разныхъ чиновъ людямъ тѣхъ провинцій, или которыя, бывъ расчищены крестьянами, отданы отъ канцелярій за иски, также отбирать отъ владѣльцевъ и межевать въ число земель государственныхъ». «Деревенскіе участки и пречищныя земли, проданныя и заложенныя отъ государственныхъ крестьянъ посадскимъ людямъ тѣхъ же городовъ и наоборотъ, хотя и межевать къ общественнымъ землямъ всѣхъ

жителей селенія, но представленныя купчія и закладныя должны разсматривать и утверждать мѣста, до которыхъ это принадлежитъ... Мѣста же сіи должны утверждать земли только за тѣми, которымъ онѣ по именнымъ указамъ и жалованнымъ грамотамъ, а не по какимъ другимъ указамъ и опредѣленіямъ законно принадлежать будутъ». «Съ изданія сей инструкціи какъ купцамъ, такъ и государственнымъ крестьянамъ... недвижимыхъ имѣній никому, какъ посторонимъ, такъ и между собой, не продавать и не закладывать, и въ иски, также и по векселямъ и за долги не отдавать». «Земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наслѣдниками и женами на части не дѣлить и за дочерьми, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя приписаны будутъ». «Если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ онѣ принадлежали, оставлять въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній». Указомъ 1766 г. было подтверждено, что черносошные крестьяне не могутъ совершать купчихъ на земли *).

Правительство впервые заявило, совершенно опредѣленно и категорически, что земля, на которой сидятъ такъ-называемые государственные крестьяне, есть его собственность, распоряженіе которою принадлежитъ только ему. Старыя права крестьянъ прямо названы узурпаціей: «а земли, которыя крестьяне черносошныхъ волостей... *подъ видомъ своихъ собственныхъ* продали и заложили...» Крестьянамъ впередъ запрещались какого бы то ни было вида отчужденія ихъ земель: они не могли больше ни продавать земель, ни закладывать, ни отдавать ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ, ни давать въ приданое за дочерьми; запрещеніе это имѣло отчасти даже обратное дѣйствіе до временъ Уложенія. Посадскіе люди, въ силу вышеупомянутыхъ положеній, совсѣмъ изгонялись изъ деревень, такъ какъ права на владѣніе

*) „Собраніе сочиненій Неволина“, т. IV, стр. 310—312.

деревенскими угодьями признавались лишь за тѣми изъ нихъ, кто могъ представить именные указы и жалованныя грамоты на владѣніе, а такіе составляли ничтожное исключеніе.

Межевыя инструкціи ничего не говорятъ объ уравненіи земель между крестьянами. Но душевой раздѣлъ явился неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ принциповъ, устанавливаемыхъ инструкціями, въ связи съ принятою системой подушной подати. Выводъ этотъ сдѣланъ былъ не сразу, такъ какъ не сразу и жизнь поддалась напору новыхъ принциповъ, проводимыхъ инструкціями. Межевая инструкція 1754 г. осталась на сѣверѣ почти безъ всякаго результата; инструкція 1766 г. съ манифестомъ 1765 г. обнаружили дѣйствіе, хотя далеко не вдругъ и не во всей полнотѣ своего содержанія.

Неопредѣленное броженіе было первымъ результатомъ провозглашенія новыхъ принциповъ. Не появлялось ничего новаго и все, повидимому, оставалось такъ, какъ и было, за исключеніемъ того, что крестьянство чувствовало себя нѣсколько стѣсненнымъ въ распоряженіи своими землями, хотя все-таки продолжало ихъ отчуждать: продавать, закладывать (строгія запрещенія повторялись то-и-дѣло). Но въ то же время уже замѣтно было, что старые устои колеблются: тамъ сотскій, не извѣстно на какомъ основаніи, отбираетъ у крестьянъ и передаетъ другому давнымъ-давно купленный бабкою перваго у прадѣда второго его «деревенскій хлѣбопашенный участокъ» *); тамъ крестьянинъ беретъ на выкупъ, безъ сколько-нибудь достаточнаго права, земли, много десятиновъ лѣтъ тому назадъ проданныя предками его жены въ разныя руки **); тамъ крестьянинъ, купившій землю у другого передъ межевыми инструкціями, спѣшитъ перепродать ее обратно старому владѣльцу ***) и т. д. Чувствуется неувѣренность въ прочности своихъ правъ, каждый старается подкрѣпить ихъ, чѣмъ можно, или вообще обезопасить себя на случай всякой неожиданности; болѣе сильные и ловкіе, какъ всегда, пользуются обстоятельствами и ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Но дѣло не могло долго оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, и новое не замедлило явиться въ болѣе опредѣленныхъ формахъ.

Въ 1775 году черносошные крестьяне поступили въ вѣдѣніе

*) Указъ изъ архангельской губернской канцеляріи сотскому Матигорской волости 1776 г.

**) Дѣло холмогорской нижней расправы 1798 г.

***) Купчая 1774 г.

казенныхъ палатъ; особому члену казенной палаты, подъ именемъ директора экономіи, поручено было завѣдывать ими *). Новый спеціальный органъ для крестьянскаго управленія поставилъ себѣ задачей развитіе новыхъ принциповъ, провозглашенныхъ межевыми инструкціями, и прививку ихъ къ народной жизни.

У насъ есть одинъ любопытнѣйшій документъ ввидѣ приказа, даннаго въ 1786 году архангельскимъ директоромъ экономіи старостѣ и крестьянамъ Николаевской Матигорской волости. Приказъ этотъ помимо всего, что обрисовываетъ самую интересную личность мудраго администратора, лелѣющаго идеалъ насажденія деревенской податной идилліи, представляетъ собою прекрасное выраженіе новыхъ взглядовъ правительства, поставившаго себѣ цѣлью до корня реорганизовать платежныя силы. То, что мы выше назвали логическимъ, хотя еще только подразумѣваемымъ выводомъ изъ межевыхъ инструкцій, въ приказѣ это выражено въ вполнѣ ясной, категорической формѣ: «справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую всѣ подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ, съ коихъ платежъ податей производится»,—слѣдовательно, и «уравненіе земель, особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыватели хлѣбопашествомъ болѣе нежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, *почитать надлежитъ неминуемо нужнымъ*, сколько для доставленія способа платить поселянамъ подати свои безостаточно, тѣмъ не менѣе для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ».

Въ 1785 г. упомянутый директоръ экономіи, вѣроятно, руководствуясь указаніями свыше **), предписалъ во всѣ волости своего округа, старостамъ и крестьянамъ, «дабы они всѣ тяглыя земли между собой уравнили безобиднымъ раздѣломъ, и гдѣ оныхъ недостаточно, чтобъ къ разработыванію новыхъ полевыхъ земель приступили общими мірскими силами». Предписаніе это, понятно, вызвало общій переполохъ. Директору экономіи, въ казенную палату, генералъ-губернатору Архангельскаго и Оленецкаго намѣстничества посыпались просьбы и жалобы крестьянъ на то, что волостные старосты съ выборными «отнимаютъ у нихъ земли и отдаютъ постороннимъ владѣльцамъ тамія, которыя прежде рас-

*) *Чичеринъ*: „Опыты по исторіи русскаго права“, стр. 55.

**) Можетъ-быть онъ руководствовался „Наставленіями экономическимъ правленіямъ“ 1771 г., 6-й пунктъ которыхъ говоритъ о дѣлежѣ земель между крестьянами. Вообще, смѣшеніе экономическихъ крестьянъ съ черносошными должно было играть значительную роль въ процессѣ экспропріированія сѣвернаго крестьянства.

чищены и обработаны были собственными ихъ трудами, а у другихъ издавна куплены за наличныя деньги». Правительство не могло не обратить вниманія на этотъ градъ протестовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отобрать расчищенныя самими крестьянами земли у ихъ владѣльцевъ, «которые употребили трудъ и стараніе къ разработыванію дикихъ и неудобныхъ земель», значило: отбить охоту къ расчисткѣ новыхъ земель, а слишкомъ нетрудно было понять, что въ такихъ расчисткахъ заключается существенный интересъ государства. Съ другой стороны, отобрать земли, на которыя есть у нихъ владѣльцевъ безспорные законные документы,—т. е. такіе документы, которымъ само правительство дало свою правовую санкцію,—не могло не представляться дѣломъ очень неудобнымъ. Гораздо легче было высказать принципъ въ общей формулѣ, чѣмъ рѣшиться дать ему приложеніе въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ случаяхъ. И вотъ правительство рѣшилось сдѣлать нѣкоторую уступку: не поступаясь принципомъ, «чтобы поселяне, платя одинаковую подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земляныхъ», не нарушить въ то же время правъ тѣхъ крестьянъ, которые, съ одной стороны, сами расчистили землю, съ другой—имѣли на нее законные документы. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были распоряженія мѣстнымъ властямъ, которые обязывались примирить непримиримое, рѣшить въ своемъ родѣ квадратуру круга. Предписывалось пустить въ уравнительный раздѣлъ «земли общественныя тяглыя, т. е. никѣмъ особенно не расчищенныя и не пріобрѣтенныя по купчимъ и другимъ крѣпостямъ», а земли расчищенныя или пріобрѣтенныя по законнымъ документамъ оставить за владѣльцами. Но предписывающій центръ очевидно очень не ясно понималъ дѣйствительное положеніе вещей: никакихъ общественныхъ тяглыхъ земель,—развѣ за ничтожнымъ исключеніемъ запустѣвшихъ земельныхъ участковъ,—не было: были лишь земли, находящіяся во владѣніи крестьянъ на правахъ болѣе или менѣе обезпеченной закономъ частной собственности, по купчимъ, по духовнымъ завѣщаніямъ, по наслѣдству; наконецъ, давность владѣнія могла покрывать собою то, что не покрывалъ какой-нибудь документъ или другое легальное право. Единственнымъ важнымъ исходомъ былъ разборъ правъ каждаго отдѣльнаго крестьянина, причемъ судебная казуистика должна бы была рѣшить, что слѣдовало признать законнымъ правомъ и что нѣтъ; но взяться за такое дѣло административная власть не имѣла ни права, ни возможности. Оче-

видно, мѣстнымъ властямъ не оставалось ничего другого, какъ обойти предписанія подъ какимъ-нибудь пологомъ, представляя дѣла ихъ естественному теченію. Предлогъ для обхода въ Архангельской губерніи былъ подъ рукой. Уравнительный раздѣлъ долженъ былъ имѣть цѣлью надѣлить крестьянъ такой «препорціей» земли, которая бы была достаточна для обезпеченія, а слѣдовательно и для безпрепятственнаго отбыванія податей и повинностей. Такою «препорціей» полагалось на ревизскую душу (не знаемъ, вообще ли или только для сѣвера, центральной ли властью или мѣстной, и въ какомъ отношеніи эта препорція стояла къ 15-десятинной препорціи, установленной межевыми инструкціями)— «въ трехъ поляхъ пашни по три десятины». А между тѣмъ во многихъ волостяхъ Архангельской губерніи, вслѣдствіе ея малоземелья, уравнительный раздѣлъ всей тяглой земли на ревизскія души не могъ снабдить ихъ полною «препорціей». Такой же раздѣлъ земли, который не могъ снабдить каждую ревизскую душу полною «препорціей», по мнѣнію мѣстной мудрой администраціи, «болѣе вреда нежели пользы принесть можетъ, ибо раздѣля малое количество земли на мелкіе по душамъ участки всѣ крестьяне вообще останутся въ землѣ недостаточны, слѣдовательно и главный предметъ пользы общественной, т. е. расширеніе земледѣльства, въ тамошнемъ краѣ будетъ невыполненнымъ».

Директоръ экономіи, который являлся вершителемъ судебъ крестьянства, видя, съ какими трудностями, почти непреодолимыми, соединено подведеніе сѣвернаго крестьянства подъ идеальный типъ, выработанный государственною мудростью центра, съ своей стороны озаботился мѣропріятіями, которыя предназначены были помочь злу. Онъ предписалъ крестьянамъ, чтобъ они «общими силами расчистили такое земли количество, какое по измѣренію нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и вовсе не имѣющихъ земли крестьянъ полною всѣхъ угодій препорціею». Всякому, кто хотя сколько-нибудь представляетъ мѣстное положеніе: всѣ трудности, съ какими боролось крестьянство, вѣками выдирая изъ-подъ лѣса или высушивая изъ тундры лоскуты своихъ деревень, ту жадность, съ какой оно цѣплялось за всякій клочокъ годной земли, ничего не жалѣя, чтобъ овладѣть имъ,— легко понять всю комичность этихъ чиновничьихъ предписаній и предложеній. Но этого мало: «какъ для сихъ безпахатныхъ и бѣдныхъ недовольно еще одного снабденія удобною землей, а на первый случай потребны имъ для хлѣбопашества

лошади и на унавоживаніе земли скотъ, то и въ семъ случаѣ нужна имъ также общая мірская помочь, которая будетъ и для всей волости полезна», поэтому предлагаетъ міру снабдить такихъ неимущихъ всѣмъ необходимымъ. Розовыя иллюзіи невиннаго вѣка, впервые вкусившаго отъ плода административныхъ мѣропріятій!... Какъ легко, казалось, облагодѣтельствовать младенчествующій народъ и въ то же время благоустроить подати и повинности!

Но мы увлеклись административными иллюзіями и уклонились нѣсколько отъ нашего предмета.

Такимъ образомъ, само правительство, въ лицѣ мѣстныхъ властей, отказалось пока отъ приведенія въ исполненіе своей идеи объ уравнительномъ раздѣлѣ земли по душамъ. Но идея эта была громко высказана и запала въ сознаніе народа. Почва для ея воспріятія была подготовлена отчасти дѣйствіями правительства, отчасти старыми традиціями деревенскихъ передѣловъ и уравниваній, но, главное, тѣмъ обстоятельствомъ, что при развивающемся въ деревняхъ земельномъ неравенствѣ всюду было много малоземельныхъ и безземельныхъ, которые видѣли въ осуществленіи правительственной идеи объ уравнительномъ раздѣлѣ возможность улучшить свое экономическое положеніе. Напримѣръ, въ Николаевско-Матигорской волости, къ которой относится вышеупомянутый приказъ директора экономіи, было крестьянъ имѣющихъ «достаточныя земли», т. е. выше установленной начальствомъ препорціи, 56 душъ, имѣющихъ «недостаточныя земли», т. е. ниже препорціи, 375 душъ и совсѣмъ безземельныхъ 16 душъ *); неравенство въ распредѣленіи земельной собственности внутри каждой изъ деревень волости было такъ велико, что количество земли одного домохозяина превышало количество земли другого, случалось, въ 10—15 разъ **). Понятно, что при такомъ положеніи земельной собственности, — положеніи, которое необходимо сопровождалось и разрушеніемъ старыхъ патріархальныхъ связей, нѣкогда скрѣплявшихъ деревню, — идея объ уравнительномъ раздѣлѣ, пущенная въ сознаніе массъ, не могла въ немъ не пустить ростковъ.

Наступилъ хаосъ, въ которомъ крайне трудно ориентироваться. Правительство, естественно, покровительствуетъ всему, въ чемъ проявляется тенденція уравнительнаго раздѣла; но въ то

*) Вѣдомость 1784 г. о достаточныхъ и недостаточныхъ земляхъ.

**) Вѣдомость 1765 г.

ке время оно настаиваетъ и на томъ, чтобы «дѣлить не по прихотямъ, а по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ» *), то-есть, не нарушая старыхъ правъ, желаетъ, слѣдовательно, и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, но не разъясняетъ своимъ агентамъ, какъ осуществить эту хитрую задачу. На этотъ сумбуръ жизнь отзывается такимъ же сумбуромъ. Начинается масса дѣлъ, исковъ, тяжбъ, съ безсмысленными мотивами и основаніями, съ безсмысленными рѣшеніями судовъ. Всѣ правовыя понятія — и въ головахъ тяжущихся, и въ головахъ судей всѣхъ инстанцій — кружатся въ какомъ-то дикомъ танцѣ. Нѣтъ ничего, на что такое или иное право могло бы опереться съ увѣренностью,— все предоставлено произволу, случайности, усмотрѣнію.

Главный узелъ путаницы — въ томъ, что постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго: съ одной стороны — право, держащееся на старыхъ документахъ и другихъ законныхъ основаніяхъ, съ другой стороны — тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе. Столкновеніе этихъ совершенно непримиримыхъ принциповъ порождало такіе Гордіевы узлы, разрубить которые съ легкостью могли только тогдашніе провинціальные суды, для которыхъ законъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «дышло,—куда поворотишь, туда и вышло».

Изъ массы беремъ на удачу нѣсколько примѣровъ, обрисовывающихъ хаотическое состояніе, въ которое погрузилась на сѣверѣ земельная собственность. Въ 1784 году крестьянинъ закладываетъ свое поле на два года другому крестьянину, но когда начинаетъ просить его обратно, уплачивая деньги, то закладчикъ отказывается возвратить его на томъ основаніи, что у него на 5 ревизскихъ душъ столько же земли, сколько у заложившаго на одну душу **). Одинъ крестьянинъ закладываетъ другому поле, потомъ черезъ 8 лѣтъ отбираетъ его, ничего не заплатя: обиженный проситъ не объ уплатѣ денегъ, а о томъ, чтобъ ему отдали поле назадъ, такъ какъ у него мало земли, а у отвѣтчика много ***). Крестьянинъ, владѣя деревней въ складствѣ съ другимъ, продаетъ свою землю: складникъ проситъ ее на выкупъ на томъ основаніи, что онъ имѣетъ «семейство му-

*) Указъ 1789 г.

**) Дѣло холмогорской нижней расправы 1790 года.

***) Указъ изъ холмогорскаго земскаго суда выборнымъ Матигорской волости 1813 года.

песка пола многолюдное, а пропорціи на души земли не находится» *). Крестьянинъ отбираетъ у другого землю, проданную чуть не столѣтіе тому назадъ, основываясь на томъ, что «та земля состояла изстари за прадѣдомъ его» **) и т. д.

Міръ, впутываясь по необходимости въ земельныя дѣла, только производилъ пущій сумбуръ. Напримѣръ, дѣдъ крестьянина Сѣдачева, во времена оны, заложилъ дѣду крестьянъ Тончихиныхъ свою землю. Такъ какъ у Сѣдачева было недостаточно земли на 3 его ревизскихъ души, то міръ приговариваетъ выкупить у Тончихиныхъ родовую землю. Черезъ нѣсколько времени оказывается, что у Сѣдачева душъ меньше, а земли на души больше, чѣмъ у Тончихиныхъ, и вотъ выкупленная земля снова возвращается Тончихинымъ. Но дальше міръ усматриваетъ, что отобранная земля есть «издревле по грамотѣ его, Сѣдачева, родовая», и дѣлаетъ общественный приговоръ отобрать и отвесть ему во владѣніе «коренной его деревенскій участокъ» ***). Или другой случай. Крестьянинъ Рюминъ въ 1742 году покупаетъ землю у крестьянъ Макавеевыхъ и въ 1774 году перепродаетъ ее обратно Макавеевымъ. Въ 1802 году племянникъ Рюмина хочетъ выкупить землю у Макавеевыхъ. Общество, ссылаясь на вервную книгу, въ которой земля записана за Рюминымъ, даетъ приговоръ взять ту землю на выкупъ и впредь владѣть «по указной крѣпости и въ разсужденіе большесемейства просителя Рюмина». Но потомъ опять отмѣняетъ свой приговоръ и признаетъ землю за Макавеевыми и т. д. ****).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ расшатались и перепутались у крестьянъ всѣ правовыя воззрѣнія на земельную собственность: архаическія права рода съ его выкупомъ, послѣдующее право, основанное на частномъ договорѣ, позднѣйшее право на надѣлъ, на земельное обезпеченіе отъ государства. Вотъ еще одинъ образчикъ. Крестьяне Перепелкины въ 1735 и 1749 годахъ продали свои земли двумъ разнымъ крестьянамъ. Тѣ владѣли «спокойно, безъ всякого отъ кого-либо спору» до 1769 года; въ этомъ году крестьянинъ Корельскій, женатый на дочери одного изъ продавцовъ Перепелкиныхъ, началъ требовать тѣ проданныя

*) Прошеніе крестьянина Курейской волости пятисотскому и выборнымъ 1799 года.

**) Дѣло холмогорской нижней расправы 1790 года.

***) Указъ изъ пинежскаго земскаго суда Пильегорской волости выборнымъ 1817 года.

****) Дѣло холмогорской нижней расправы 1804 года.

земли на выкупъ. Покупщики уступили, и Корельскій тоже безспорно владѣлъ этими землями до 1798 года. Въ этомъ году какой-то Перепелкинъ, принудивъ первоначальнаго владѣльца земли, вступился и началъ требовать землю на выкупъ, какъ родовую. Выборные и міръ рѣшили въ его пользу, такъ какъ та земля «дѣйствительно принадлежитъ на корень Перепелкину», «издревле состояла во владѣніи роду Перепелкиныхъ», то и принадлежитъ быть за прежними владѣльцами».

Легко догадаться, что такое броженіе понятій и неустойчивость правъ раскрыли широкое поле дѣйствію хищническихъ инстинктовъ, злоупотребленіямъ всякаго рода. Крестьяне начинали дѣла явно недобросовѣстныя, съ единственною цѣлью, что называется, сорвать. Довольно распространенъ былъ слѣдующій видъ этихъ недобросовѣстныхъ исковъ: крестьянинъ, который могъ доказать, что земля была когда-нибудь въ его родѣ и перешла въ другой по купчей или закладной, начинаетъ требовать ее на выкупъ, чтобы вынудить дополнительный платежъ у настоящаго владѣльца: тому, естественно, жалко было поступиться насиженной землей, тѣмъ болѣе, что и цѣнность денегъ, за болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, должна была понизиться, а выкупъ совершался по номинальной цѣнѣ,— и онъ входилъ въ сдѣлку. Такимъ образомъ вымогалась иногда сумма, значительно превышающая первоначальную стоимость земли, по которой совершена была продажа. Такъ земля продана была въ 1749 году за 40 руб., въ 1792 году крестьянинъ береть на той же проданѣ дополнительный платежъ въ 150 руб. да еще выговариваетъ себѣ изъ этой земли два огорода *).

Нечего и говорить о судахъ, которые рѣшали вкривь и вкось— то въ пользу одной стороны, то въ пользу другой, самымъ нелѣпымъ образомъ мотивируя свои рѣшенія и руководствуясь, конечно, лишь количествомъ и качествомъ приношеній со стороны тяжущихся: даже точныя и несомнѣнныя предписанія закона самымъ безцеремоннымъ образомъ перетолковывались, сообразно желаніямъ нелицепріятныхъ судей. Деморализовался и крестьянскій міръ: не рѣдки указанія на «снисхожденіе выборныхъ», на «лакомство сотскаго». Да оно и не могло быть иначе.

Любопытно, что категорическія запрещенія правительства насчетъ отчужденія земель крестьянами,—запрещенія, то и дѣло по-

*) Поступное письмо 1792 года.

вторявшіяся, оказывали очень слабое дѣйствіе. Крестьяне продолжали закладывать свои земли, какъ видно изъ только-что приведенныхъ примѣровъ. Мало того, продолжали совершаться даже формальныя продажи, только измѣнившія немного внѣшность, чтобы не попасть подъ кару закона. Купчая называется не купчей, а «полюбовнымъ» или «поступнымъ письмомъ», но тѣмъ не менѣе представляетъ собою настоящую купчую какъ по формѣ, такъ и по содержанію: «уступаю поле все по вереянной книгѣ и по старымъ межамъ безъ остатка, и онымъ полемъ владѣть ему (покупщику) или по немъ, кому отъ него право сіе передано и утверждено будетъ, навсегда безспорно въ вѣчное и потомственное владѣніе». Присутственныя мѣста допускали такіе акты и къ законному укрѣпленію. Правда, подобныя продажи совершались обыкновенно между крестьянами одной и той же деревни: продажа въ другую деревню, а тѣмъ болѣе въ другую волость была несравненно затруднительнѣе. Но крестьяне и тутъ находили возможнымъ обойти прямой законъ *).

Хаосъ усиливался еще тѣмъ, что правительство одновременно задалось цѣлью изгнать изъ деревень постороннее владѣніе, которое сводилось на сѣверѣ почти исключительно къ владѣнію посадскихъ людей, купцовъ и мѣщанъ. Новый, провозглашенный межевыми инструкціями принципъ права собственности государства на всю тяглую крестьянскую землю не могъ примириться съ этимъ владѣніемъ; къ тому же оно было прямо невыгодно для государства, такъ какъ, съ одной стороны, стѣсняло крестьянъ, отнимая у нихъ земли, необходимыя для ихъ обезпеченія, съ другой—обнаруживало тенденцію совсѣмъ уводить землю изъ тягла. Руководствуясь этими соображеніями, правительство энергически принялось за изгнаніе посадскихъ людей изъ деревень. Мы уже указали выше на тѣ пункты межевыхъ инструкцій, которые должны были устранить купцовъ и мѣщанъ отъ участія въ деревенскомъ владѣніи. Но такъ какъ межевыя инструкціи не оказали желаемаго дѣйствія, то въ 1782 году изданъ былъ спеціальный указъ, которымъ предписывалось, «чтобъ тѣ, которые запишутся по городамъ въ купечество или въ мѣщанство, переселялись бы на отведенныя городомъ земли, не оставаясь въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ подъ разными видами и буде бы та-

*) Прошеніе крестьянъ Курейской волости 1799 года.

ковые гдѣ-либо случились, то ихъ надлежитъ, конечно, понудить, чтобъ они поселились по мѣстамъ въ городахъ и предмѣстьяхъ при промыслахъ и упражненіяхъ, званію ихъ свойственныхъ»*).

Желанія правительства были здѣсь выражены въ очень ясной и категорической формѣ; но тѣмъ не менѣе привесть ихъ въ исполненіе было дѣломъ далеко не легкимъ. Если правительство нашло необходимымъ сдѣлать уступку старымъ правамъ крестьянъ, то вѣдь и права посадскихъ на ихъ земли заслуживали такого же уваженія. «Предки наши въ давнихъ годахъ, имѣя позволенное закономъ право, тѣ земли покупали отъ черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, бравъ отъ оныхъ, съ платежемъ узаконенныхъ пошлинъ, совершаемыя у крѣпостныхъ дѣлъ купчія крѣпости, такъ же и на доставшіеся по наслѣдству утвержденныя духовныя, ибо до состоянія межевымъ канцеляріямъ и конторамъ въ 1766 году инструкцій земли продавать государственнымъ черносошнымъ крестьянамъ было позволено разнаго званія людямъ яко свою собственность... Послѣ же умертвія предковъ оныя владѣемыя ими земли, по указнымъ крѣпостямъ и духовнымъ яко собственность ихъ и мы получили къ себѣ во владѣніе по праву наслѣдства, поелику всякъ, получившій отъ предковъ по наслѣдству движимое и недвижимое имѣніе, въ чемъ бы оное ни состояло, имѣетъ право почитать не иначе какъ своею собственностью и распоряжаться онымъ, какъ узаконеніями предписано...» Такъ объясняли посадскіе люди свои права, прося суды «защитить ихъ огражденіемъ законнымъ». Къ этимъ аргументамъ отъ правъ они прибавляли и аргументы отъ практической пользы. Они объясняли, что отъ ихъ владѣнія въ деревняхъ «крестьянамъ не только нѣтъ ни малѣйшаго отягощенія, наиболѣе еще для нихъ полезно, потому за бѣдныхъ, неимущихъ и умершихъ крестьянъ, по расположенію собственно по ихъ крестьянъ, безъ всякаго отрицанія оплачиваемъ мы подушныя и прочія подати, а сверхъ того при обработываніи той земли получаютъ тѣхъ же самыхъ волостей крестьяне, по добровольному согласію, достойную отъ насъ плату въ собственное ихъ для пропитанія удовольствіе...»**).

Конечно такого рода аргументы были очень натянуты и правительство не могло не видѣть ясно, что и утѣсненіе и отяго-

*) Высочайшій указъ 1782 г. и подтвердительный указъ сената того же года.

**) Дѣло холмогорской нижней расправы о владѣніи архангельскими и холмогорскими купцами и мѣщанами деревенскими земляными участками 1791 г.

щеніе для крестьянъ отъ посадскихъ людей есть несомнѣнное; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ловко было оставить безъ вниманія всѣ эти болѣе или менѣе законныя права. Потянулись судебныя дѣла, съ переходомъ изъ суда въ судъ, отъ инстанціи къ инстанціи, съ разсмотрѣніемъ документовъ, съ собираніемъ вотчинскихъ справокъ — процедура сложная, длинная и совсѣмъ ненужная, такъ какъ правительство заранѣе и твердо рѣшилось привесть дѣло къ намѣченному имъ концу. Вообще, правительство въ дѣлѣ посадскихъ людей дѣйствовало гораздо прямолинейнѣе, чѣмъ въ дѣлахъ крестьянскихъ. Существовало предположеніе о такомъ приличномъ выходѣ изъ затруднительнаго положенія: чтобы крестьяне выкупили земли посадскихъ людей, лежащія въ ихъ деревняхъ. Но предположеніе это не могло быть осуществлено,— некому было выкупать. Волостной міръ не былъ заинтересованъ въ дѣлахъ такого рода, такъ какъ земельною единицей была деревня; деревня же не представляла собой достаточно сильнаго и солидарнаго цѣлаго: въ замѣнъ распавшейся поземельной связи она не пріобрѣла даже той внѣшней административной скрѣпы, которая стягивала волость. Тѣ изъ крестьянъ, которые имѣли по родовымъ связямъ нѣкоторыя права на земли, отошедшія къ посадскимъ, могли бы ихъ требовать на выкунъ, но они предпочитали, пользуясь смутой, просто-напросто отбирать у посадскихъ въ свою пользу купеческія и мѣщанскія земли, обходясь безъ всякаго выкупа. Напримѣръ, крестьянинъ отбираетъ у посадскаго «сильно, безъ всякаго отъ начальства повелѣнія» землю, которою тотъ владѣетъ уже тридцать лѣтъ по совершенно законному духовному завѣщанію своего дѣда,— отбираетъ на томъ основаніи, что онъ приходится этому дѣду двоюроднымъ племянникомъ, а къ тому же «по малоимѣнію земли на каждый годъ для пропитанія себи прикупаетъ хлѣба въ немаломъ количествѣ». Другой отбираетъ у посадскихъ людей сѣнные покосы, которые «въ прежнихъ годахъ отъ дѣда его вошли во владѣніе» предкамъ тѣхъ посадскихъ,— отбираетъ на томъ основаніи, что «по числу семейства своего противъ положенной препорціи земли не имѣетъ» и т. д. *).

Итакъ, правительству ничего не оставалось, какъ дѣйствовать на-проломъ, съ соблюденіемъ лишь самыхъ необходимыхъ яко бы судебныхъ приличій. Въ 1790 г. повелѣно было въ по-

*) Тамъ же.

слѣдній разъ всѣ земляныя угодья изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ исключить и присоединить оныя къ тяглу тѣхъ селеній, въ коихъ они по мѣстоположенію состоятъ; ежели жъ изъ купцовъ и мѣщанъ на владѣніе сихъ земель представлены будутъ жалованныя предками ихъ граматы или другія указныя крѣпости, то оныя, отобравъ, препроводить для разсмотрѣнія куда слѣдуетъ по закону». Черезъ два года земли уже были окончательно отобраны у всѣхъ владѣльцевъ изъ посадскихъ людей, кромѣ Баженинныхъ, за которыми осталась ихъ старинная деревня Вавчуга. Быстрота, съ какою дѣйствовали мѣстные суды, вѣроятно, находилась въ связи съ угрозами «чувствительнѣйшаго оштрафованія» за проволочку, которыя слались имъ свыше: иначе они не разстались бы такъ просто и скоро съ купцами и мѣщанами.

Такимъ образомъ земли, состоявшія за посадскими людьми, отошли къ крестьянамъ. Онѣ не могли сдѣлаться собственностью отдѣльныхъ крестьянъ, а отошли къ деревнямъ, въ районѣ которыхъ находились. Такъ началъ образовываться фондъ общественныхъ земель, относительно которыхъ уже могъ быть примѣненъ безъ всякихъ затрудненій выдвигаемый правительствомъ принципъ уравнительнаго или душевого раздѣла. Скоро этотъ фондъ еще значительно увеличился.

Выше было сказано, что правительство, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ представителей, останавливалось передъ окончательнымъ душевымъ раздѣломъ на сѣверѣ тяглой земли, между прочимъ, и въ виду крестьянскаго малоземелья, такъ какъ уравнительный раздѣлъ не могъ дать на душу такого количества земли, которое бы обезпечивало крестьянина по разсчетамъ властей *). Но во власти государства былъ большой запасъ оброчныхъ земель. Отдать эти земли крестьянамъ, смѣшать ихъ съ тяглыми землями значило убить однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: съ одной стороны—подвинуть къ рѣшенію вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землей, съ другой—сдѣлать важный шагъ ко введенію уравнительнаго раздѣла всей земли. Правительство скоро напало на эту мысль и принялось за ея осуществленіе.

Осуществленіе это относится къ самому концу XVIII вѣка и къ первымъ годамъ XIX. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка оброчныя земли были на старомъ положеніи—

*) Въ этомъ смыслѣ мотивировано было одно предписаніе министра финансовъ архангельской казенной палатѣ даже въ 1827 г.

отдавались всѣмъ желающимъ изъ-за платежа оброка, причемъ, впрочемъ, уже отдавалось предпочтеніе малоземельнымъ крестьянамъ *). Было даже предположеніе продать оброчныя земли тѣмъ лицамъ, за которыми онѣ состояли на оброкѣ. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ дошедшей до насъ просьбы крестьянина, который, основываясь на какомъ-то указѣ сената отъ 1796 г., заявляетъ, что онъ желаетъ «купить въ вѣчное себѣ владѣніе оброчную казенную пашенную землю, которая съ давнихъ лѣтъ имѣлась во владѣніи за отцомъ моимъ, черносошнымъ крестьяниномъ, а послѣ смерти его по наслѣдству нынѣ имѣется и за мною» **). Но уже съ конца девяностыхъ годовъ всюду идетъ передача оброчныхъ земель въ надѣлъ на волости.

Процессъ надѣленія волостей оброчными землями тянулся лѣтъ около двадцати. Каждый волостной міръ долженъ былъ особо ходатайствовать объ отдачѣ ему «смежныхъ» оброчныхъ статей, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что у него нѣтъ указной пропорціи на души. Земля отводилась, но съ постояннымъ напоминаніемъ, что она дается для обезпеченія «скудныхъ» крестьянъ, и потому непремѣнно должна быть подѣлена между ними. Но волости не всегда распоряжались перешедшими въ ихъ власть оброчными статьями такъ, какъ имъ предписывалось: мы видимъ, что онѣ раздаютъ эти земли крестьянамъ какъ бы въ арендное содержаніе изъ платежа и даже отдаютъ «въ вѣчное владѣніе» ***). Но подлежащія власти строго слѣдятъ за такими уклоненіями отъ предписаній и преслѣдуютъ ихъ. Такъ казенная палата предписываетъ въ 1801 г. холмогорскому земскому суду, «чтобъ означенныя по Холмогорскому уѣзду оброчныя статьи и пустопорожнія мѣста къ наполненію крестьянамъ тяглыхъ ихъ земель, нимало не мѣшкавъ, отвелъ каждому селенію въ дѣйствительное ихъ владѣніе, причемъ старостамъ съ выборными и всѣмъ крестьянамъ строжайше подтвердилъ, да и сами, особливо исправникъ, наблюдали, дабы отведенная имъ казенная оброчная и пустопорожняя земля раздѣлена была такъ, чтобы каждая ревизская мужскаго пола душа имѣла оной вообще съ

*) Указъ изъ архангельскаго намѣстническаго правленія холмогорской нижней расправѣ 1795 г.

**) *Архангельскія Губернскія Вѣдомости* 1868 г., № 18, ст. „Родъ крестьянъ Головиныхъ". П. Ефименко.

***) Дѣло о неправильной продажѣ оброчныхъ статей крестьянами Матигорской волости съ выборными 1808—1809 г.

тяглой непремѣнно 15 десятинъ, а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было измѣренія, присоединя отводимую оброчную казенную къ тяглой ихъ землѣ изо всей оной раздѣлить же на каждую ревизскую душу, но сколько причтется, а чтобъ по таковому удовольствію каждаго семейства землей непремѣнно старались оплачивать государственныя подати бездоимочно».

Изъ этого предписанія видно, что начальство, вмѣстѣ съ раздѣломъ оброчной, желало добиться и передѣла всей земли. Добиться раздѣла оброчныхъ земель было нетрудно: ничто ни въ правовыхъ воззрѣніяхъ, ни въ привычкахъ крестьянъ не стояло поперекъ осуществленія такого раздѣла. И дѣйствительно, то въ той, то въ другой волости дѣлается «разводъ оброчныхъ земель по душамъ», онѣ «поравниваются на души». Дорога для общаго передѣла уже порасчищена, но онъ еще все-таки впереди.

Послѣ раздѣла оброчной земли, крестьянское земельное владѣніе принимаетъ слѣдующій видъ. Земля каждаго крестьянина состоитъ изъ двухъ частей: одной, которою онъ владѣетъ по старымъ правамъ, его «родовой» земли, и другой, которую онъ получилъ по душевому раздѣлу—«добавочной» *). Разумѣется, уже дѣло только времени—перемѣшать одну землю съ другой и подвергнуть всю вмѣстѣ общему душевому раздѣлу. Крестьяне предчувствуютъ этотъ неизбѣжный исходъ и, еще крѣпко держась за родовую, коренную землю и ведя о ней безконечныя тяжбы, уже толкуютъ о будущемъ «генеральномъ поравненіи» **). Это забавное выраженіе есть плодъ смѣшенія понятія общаго передѣла съ понятіемъ генеральнаго межеванія,—генеральнаго межеванія, оказавшагося на нашей почвѣ если не причиной, то ближайшимъ поводомъ настоящаго соціальнаго переворота, одну изъ сторонъ котораго мы изобразили въ настоящей главѣ, насколько позволили намъ наши силы и средства.

Не заставило себя долго ждать и «генеральное поравненіе». Подготовительныя мѣры и указы шли одинъ за другимъ, напримѣръ—указъ о томъ, чтобы не вступаться въ родовую землю тому, кто сидитъ на жениномъ деревенскомъ земляномъ участкѣ ***) и т. п. Мѣстныя власти не разъ по разнымъ поводамъ

*) Кромѣ оброчной были подѣлена еще экономическая земля, но мы не имѣемъ о ней подробныхъ свѣдѣній.

**) Указъ изъ пинежскаго земскаго суда выборнымъ Пильегорской волости 1817 г.

***) Высочайшій указъ 1815 г.

дѣлали предписанія волостямъ—«передѣлить всю владѣемую землю по душамъ», но все это пока ни къ чему не приводило: нигдѣ не приступали къ такимъ раздѣламъ «за несогласіемъ большого количества крестьянъ». Наступили тридцатые годы—и вмѣстѣ съ ними послѣдняя стадія въ развитіи того процесса, который долженъ былъ превратить сѣверную деревню въ современную поземельную общину.

Въ концѣ 1829 г. появилось циркулярное предписаніе министра финансовъ казеннымъ палатамъ, гласящее, «чтобы земли, принадлежащія каждому казенному селенію, раздѣляемы были между поселянами онаго для обработыванія и платежа податей, на основаніи мірского приговора, по тягламъ», а также, «чтобы казенные поселяне не отдавали никому въ наемъ или въ кортому или подъ закладъ своихъ участковъ изъ денежнаго или хлѣбнаго платежа, но обрабатывали оные сами; равно не допускать и передачу участковъ подъ условіемъ, чтобы пріобрѣтающіе оные участки платили подати за уступающихъ, и отвращать всякія злоупотребленія въ захватѣ земель подъ видомъ возвѣщенія долга или подъ другими предлогами случающіяся, какія бы они ни были» *).

Архангельская казенная палата въ своемъ циркулярѣ отъ 6 марта 1830 года констатировала фактъ, что въ районѣ ея вѣдѣнія «поселяне имѣютъ владѣніе почти повсюду неуравнительное, т. е. въ одномъ и томъ же селеніи одинъ болѣе, а другіе менѣе, отъ чего происходятъ, во-первыхъ, безпрестанныя между ними несогласія и тяжбы, чувствительныя для обѣихъ сторонъ, и, во-вторыхъ, значительная неуравнительность въ платежѣ податей и прочихъ сборовъ, который въ большей части казенныхъ имѣній производится по числу владѣемыхъ каждымъ крестьяниномъ земляныхъ угодій, а въ нѣкоторыхъ и съ земель и съ душъ вмѣстѣ, но таковой разнообразности сихъ платежей усчитывать волостныя начальства въ собираемыхъ съ крестьянъ деньгахъ не только затруднительно, но даже почти невозможно, отъ сего возникаютъ излишніе съ крестьянъ поборы».

Руководствуясь предписаніемъ министра финансовъ, палата рѣшила распорядиться, «чтобы по тѣмъ казеннымъ имѣніямъ здѣшней губерніи, гдѣ владѣніе землями поселяне имѣютъ несообразно

*) Министръ ссылался въ своемъ предписаніи на наставленія экономическимъ правленіямъ 1771 г. и на 8 ст. Высочайше утвержденнаго доклада экспедиціи государственнаго хозяйства 1797 г.

съ правилами, въ предписаніи изложенными, раздѣлъ таковыхъ угодій производимъ былъ съ наступленіемъ удобнаго къ тому времени, весною сего года, непремѣнно, на точномъ основаніи означенныхъ узаконеній». Изъ раздѣла должны быть, по мнѣнію палаты, изъяты только разсчеты, на которые дается сорокалѣтній льготный срокъ; ни о какихъ старыхъ законныхъ правахъ уже нѣтъ и помину. Распоряженіе это нашло себѣ поддержку въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 1831 года, которымъ повелѣно было «уравнять по Архангельской губерніи земли между крестьянами».

Въ первый разъ вопросъ объ общемъ раздѣлѣ поставленъ былъ ребромъ, такъ что архангельскимъ крестьянамъ уже нельзя было дальше уклоняться. Дѣйствительно, въ 1830—1831 г. всюду приступлено было къ общему раздѣлу земель, не различая уже больше никакихъ родовыхъ или добавочныхъ.

Крестьяне давнымъ-давно ждали наступившаго «генеральнаго поравненія». И однако же они далеко не были къ нему подготовлены. Отъ самаго 1830 года до насъ дошли дѣла, изъ которыхъ видно, что крестьянскій міръ все еще тянетъ ту же старую безисходную путаницу: напримѣръ, по жалобѣ крестьянина, не имѣющаго земли на свои ревизскія души, приговариваетъ отобрать въ пользу этого крестьянина у другого землю, на которую жалобщикъ имѣетъ какія-то права, какъ на свою родовую; или утверждаетъ своимъ приговоромъ передачу однимъ крестьяниномъ расчищенной имъ земли другому «въ вѣчное и потомственное владѣніе» (т. е. попросту—продажу) *) и т. д.

Самый актъ раздѣла показываетъ, какъ мало были къ нему подготовлены крестьяне.

Чтобы крестьяне и на этотъ разъ не уклонились отъ раздѣла, выборные обязывались рапортовать казенной палатѣ о томъ, что указъ «насчетъ непремѣннаго раздѣла пашенной и сѣнокосной земли» полученъ и прочтенъ въ земской избѣ всему міру, а также и объ исполненіи указа. Изъ этихъ рапортовъ видно, какъ трудно было произвесть раздѣлъ. «Въ теченіе осеннаго времени чинили было о раздѣлѣ земель одиннадцать мірскихъ сходовъ, но превратить къ законному раздѣлу крестьянъ не могли», такъ рапортуютъ выборные одной волости **). Мы знали одного ста-

*) Приговоръ выборныхъ и крестьянъ Быстрокурской волости, Холмогорскаго уѣзда, 1830 года.

**) Рапортъ выборныхъ Войгекой волости, Пинежскаго уѣзда, 1830 года.

рика, который не только хорошо понимать этотъ первый раздѣлъ, но и принималъ въ немъ дѣятельное участіе въ качествѣ пищика или дѣлильщика: онъ говорилъ, что «первый дѣлъ былъ шуточной», т. е. что первый раздѣлъ былъ шуточный, сдѣланный кое-какъ, на скорую руку, лишь бы исполнить настоятельный приказъ начальства. Разумѣется, все это сопровождалось ссорами крестьянъ между собой и всячесними безпорядками. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ, во время чтенія въ церковной трапезѣ, при собраніи міра, указа о раздѣлѣ земли, «произвелъ великій шумъ, укорялъ выборныхъ, называлъ ихъ дуранами и говорилъ: «пожалуй, грабьте и обирайте отъ меня землю», отъ какова крику хоть и былъ удержанъ священникомъ, но продолжалъ говорить... и, наконецъ, когда священникъ просилъ соцкаго, чтобы его закликать, онъ сказалъ соцкому: «я знать васъ, выборныхъ дураковъ, не хочу и никогда не думаю... Во время вздумалъ объявлять указъ, а то прежде объявили въ земской избѣ ночью да еще и вино пили...» *). Или другой случай, гдѣ крестьянинъ, при раздѣлѣ, тоже «съ какимъ-то намѣреніемъ нагло приступилъ къ выборнымъ со всякими неподобными словами, поносилъ, а особенно пищика ругалъ» и т. д. Трудно сказать теперь съ увѣренностью, за вину или безъ вины нападали крестьяне на своихъ выборныхъ. Но безъ огня дыму не бываетъ,—говоритъ пословица; да и положеніе дѣлъ было такое, что для разгула естественныхъ слабостей человѣческихъ было открыто широкое и гладкое поле. Все то, что еще наканунѣ считалось правомъ — и такимъ, къ которому крестьянинъ привыкъ вѣками относиться съ уваженіемъ—сегодня уже не право; правда, все это уже было порасшатано, но далеко не вырвано съ корнемъ,—не такъ-то легко вырывается изъ народнаго сознанія то, что воспитывалось вѣками. Новые порядки, не выросшіе органически, а предписанные указомъ свыше, какъ бы ни были хороши сами по себѣ, всегда дурны въ томъ отношеніи, что, не имѣя за собой выработанныхъ жизнью правовыхъ нормъ, допускаютъ, при ихъ подворотнѣ, въ широкихъ размѣрахъ участіе произвола со всѣми его темными спутниками. Немудрено, что и выборные съ прочимъ крестьянскимъ волостнымъ начальствомъ, очутившись, среди всеобщей перетасовки, вершителями судебъ своихъ собратій, не удерживались на высотѣ своего положенія, дѣлали «снисхожде-

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда о противозаконныхъ дѣйствіяхъ крестьянина Рюмина въ церковной трапезѣ Матигорскаго прихода 1830—1831 г.

ція», по родству, по знакомству, по корыстнымъ разсчетамъ, пользовались удобнымъ случаемъ, чтобы неблагопріятствовать благопріятелю и насолить врагу. «Новелѣно по здѣшней губерніи уравнять между казенными обывателями земли, каковыя и раздѣлены, но не могу рѣшительно сказать, между всѣми ли безобидно, однако жь не безъ того» (т. е. не безъ обиды)—наивно пишетъ одинъ крестьянинъ въ своей жалобѣ на неправильный раздѣлъ *).

Приступая къ раздѣлу, крестьяне руководствовались обычаями, выработанными ими для общаго волостного вервленія; міръ приглашалъ знающихъ людей въ дѣльщики и заключалъ съ ними договоръ о производствѣ правильнаго раздѣла за опредѣленное вознагражденіе деньгами, льготами по мірской службѣ. Основанія перваго раздѣла, одобренныя начальствомъ, были таковы: каждый крестьянинъ могъ самъ оставлять изъ своей земли столько, сколько приходилось ему по разсчету на его душевые надѣлы. Такимъ образомъ, болѣе зажиточные крестьяне все-таки остались пока на своихъ лучшихъ земляхъ, отведя неимущимъ лишь «оплошные» (плохія) и новинныя земли. Уравненіе было пока лишь количественное, а не качественное. Разумѣется, основанія эти соблюдались не съ большой строгостью, особенно если дѣло касалось тѣхъ, кто не могъ постоять за себя. Отсюда—жалобы, въ которыхъ опять появляются на сценѣ купчія крѣпости. Напримѣръ, крестьянская вдова жалуется, что по раздѣлу ей дали меньше земли, чѣмъ слѣдуетъ, и только «оплошной», а хорошей, которою она владѣла по купчей крѣпости, не дали вовсе; проситъ судъ, чтобъ ей выдѣлили, сколько ей приходится еще земли по надѣлу, непремѣнно изъ ея старой земли. Судъ находитъ ея просьбу заслуживающей удовлетворенія **).

Вообще замѣшательства по дѣламъ о землѣ выходили безконечныя. Помимо злоупотребленій со стороны выборныхъ и прочаго волостного начальства, крестьянскій міръ bona fide, вслѣдствіе того, что порядки были совсѣмъ новые, непривычные,—такіе, съ основаніями которыхъ онъ еще не успѣлъ освоиться,—допускалъ и даже самъ учинялъ несообразности, усложнявшія положеніе. Напримѣръ, міръ даетъ крестьянину поле подъ усадьбу и кладетъ его въ счетъ тяглой земли; или, не догадавшись образовать запасные участки, не знаетъ, какъ удовлетворить сол-

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда 1884 года.

**) *Архан. Губ. Вѣдомости* 1871 года, № 42, ст. „Изъ архивныхъ дѣлъ".

дата, которому начальство приказываетъ дать землю, и беретъ изъ надѣльной земли у крестьянина и т. д. Столкновеній между отдѣльными крестьянами,—столкновеній, часто рѣшавшихся «поленъ и дреколіемъ», нѣтъ числа. Видно, какъ трудно было крестьянину освоиться съ мыслью, что его неоспоримая вчерашняя собственность сегодня уже сдѣлалась почему-то не его, а чужая, и онъ невольно относился къ раздѣлу—какъ къ акту насилія. Встрѣчаются въ этомъ смыслѣ забавныя дѣла. Напримѣръ, крестьянка жалуется на крестьянина, который не допускаетъ ее «къ снятію руна» съ поля, доставшагося ей отъ отца, хотя это поле, какъ она сама сообщаетъ въ своей жалобѣ, еще прошлой осенью отошло по раздѣлу «въ разсужденіи надѣленія по душамъ земли» тому крестьянину *). Особенно много столкновеній было изъ-за засѣва полей. Такъ какъ не успѣло еще образоваться никакихъ юридическихъ обычаевъ, которые бы были приспособлены къ новымъ обстоятельствамъ, то каждый толковалъ свои права въ свою пользу. Одинъ засѣваетъ поле, ужъ ему не принадлежащее; другой жнетъ, гдѣ не сѣялъ, на томъ основаніи, что земли отошла къ нему по раздѣлу и онъ платитъ за нее подать и т. д.

Но были и такіе крестьяне—изъ гордой деревенской аристократіи, сидѣвшей «на лучшихъ деревняхъ», «деревняхъ первой статьи» **), которые просто-напросто отказывались давать свои земли въ раздѣлъ, основываясь по-прежнему на давнихъ лѣтахъ и законныхъ документахъ. Оно и немудрено: для такого «лучшаго человѣка» деревни поравненіе было дѣйствительно жестокимъ ударомъ. Деревня не смѣетъ попросту отобрать у него землю, а «неоднократно склоняетъ о положеніи по купчей крѣпости въ раздѣлъ на печище», но никакъ не можетъ склонить. Она входитъ съ нимъ въ сдѣлку, предлагаетъ ему, «включая сѣнокосную землю, поравнять съ прочими крестьянами онаго печища, не включая пашенной земли въ оное поравненіе», «но онъ и на сіе предложеніе ихъ не склоняется». Самое интересное то, что когда дѣло переходитъ въ мѣстный судъ, то судьи, конечно, ублаготворенные зажиточнымъ крестьяниномъ, рѣшаются склонить дѣло въ его пользу и постановляютъ оставить землю «въ собственное его распоряженіе, отнюдь не причисляя ее въ число

*) Тамъ же.

**) *Крестинин*: „Опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ".

прочихъ тяглыхъ общественныхъ посельскихъ земель» *). Такія рѣшенія мѣстныхъ низшихъ судебныхъ инстанцій, идущія прямо въ разрѣзъ всѣмъ ясно выраженнымъ желаніямъ и намѣреніямъ правительства, получившимъ уже выраженіе въ законодательныхъ актахъ, встрѣчаются не разъ. Но высшія инстанціи послѣ 1830 г. постоянно перерѣшали подобныя дѣла въ одномъ смыслѣ—«отдать землю въ раздѣлъ съ прочими той деревни землями». Такимъ образомъ, несмотря на иски, тяжбы и даже благопріятныя рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій, нигдѣ въ предѣлахъ Архангельской губерніи не осталось за крестьянами послѣ тридцатыхъ годовъ никакого кусочка земли.

Но какую путаницу ни производило все это, центръ земельныхъ замѣшательствъ, сопровождавшихъ первое «генеральное поравненіе», все-таки былъ не тутъ. Самый главный и сложный узелъ заключался несомнѣнно въ томъ вопросѣ, который представлялся каждому крестьянскому міру: по какой единицѣ произвести раздѣлъ—по деревнѣ или по волости? Отъ такого или иного рѣшенія существенно измѣнялись результаты поравненія. Деревни крайне различались между собой количествомъ и качествомъ земель. Отсюда столкновеніе интересовъ одной части крестьянства съ другой: крестьяне относительно многоземельныхъ деревень были за раздѣлъ по деревнямъ, а малоземельныхъ—по волости. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне не могли придти ни къ какому соглашенію, такъ какъ противоположность интересовъ была слишкомъ рѣзка, а потому ничего нельзя было подѣлать съ вопросомъ о раздѣлѣ. Необходимо было вмѣшательство правительства: лишь оно, такъ или иначе, могло разрѣшить возникшее неразрѣшимое затрудненіе. Правительство и приняло на себя рѣшеніе.

Но тутъ вмѣшалось одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство ввидѣ недоразумѣнія, на первый взглядъ крайне ничтожнаго, но на самомъ дѣлѣ очень важнаго. Недоразумѣніе это заключалось просто въ словахъ. Мы уже имѣли выше **) случай объяснить, что значатъ на языкѣ сѣвернаго крестьянина выраженія «деревня» и «волость»; но въ языкѣ правящаго и предписывающаго центра, который имѣлъ передъ глазами строй средней Россіи, терминологія была иная. Вмѣсто «волость и деревня» онъ употреблялъ выраженія «волость и селеніе», причемъ подъ

*) Журналы холмогорскаго уѣзднаго суда 1833 года.

**) Въ первой главѣ настоящаго труда (*Русская Мысль* 1882 г., кн. IV).

селеніемъ никакъ не подразумѣвалась сѣверная деревня, а великорусское большое село, скорѣе подходящее подъ сѣверное понятіе волости (совокупность маленькихъ близлежащихъ деревенъ, тянущихъ къ одному погосту, т. е. церкви), чѣмъ деревня. На мѣстѣ же центральная терминологія толковалась по-своему: «волость» — это совокупность деревушекъ, группирующихся около церкви (великорусское село, селеніе), а «селеніе» — отдѣльная деревня. Въ результатѣ выходило то, что предписаніе понималось и исполнялось какъ разъ навыворотъ, а потому путаница, нелѣпость, несообразности всякаго рода доходили до Геркулесовыхъ столбовъ. Можетъ-быть иному читателю покажется страннымъ и даже не совсѣмъ правдоподобнымъ, что такое глупое недоразумѣніе можетъ отражаться на фактахъ жизни, а тѣмъ болѣе на такихъ важныхъ общественныхъ фактахъ, какъ организація земельныхъ отношеній. Но исторія «in spe» нашихъ окраинъ навѣрное докажетъ, что подобные случаи не совсѣмъ какое-нибудь исключительное явленіе.

Еще въ концѣ XVIII вѣка (въ 1797 г.) былъ изданъ такой Высочайшій указъ: «какъ разныя казенныя селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земли и угодій, но бываетъ у однихъ много, а у другихъ мало земли, то всякое селеніе, владѣя ему принадлежащимъ, дѣлаетъ свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тяглamъ и въ оное волостной голова вмѣшиваться не долженъ, потому что раскладка дѣлается не по мірскому приговору всей волости, но по каждому селенію особенно».

Указомъ этимъ, очевидно, опредѣлялась и единица, по которой долженъ былъ производиться земельный раздѣлъ. На этомъ-то указѣ и основывалось начальство, разрѣшая затрудненія сѣверныхъ крестьянъ, какъ дѣлить: по волости или по отдѣльнымъ деревнямъ.

«По точности законныхъ правилъ и предписаній высшаго начальства, каждое селеніе дѣлить только принадлежащія одному ему земли между крестьянами онаго, не входя въ границы земель другихъ селеній»—такъ разрѣшало начальство крестьянскія недоразумѣнія. «По селеніямъ, т. е. по деревнямъ»—толковало крестьянство: толкованіе тѣмъ болѣе для него вразумительное, что всегда единицей землевладѣнія была деревня или печище. Какъ толковали, такъ и дѣлали: первый раздѣлъ всюду былъ произведенъ по деревнямъ и по печищамъ.

Но крестьяне въ массѣ не были довольны этимъ дѣленіемъ, и понятно. Для уравненія были потоптаны всѣ ихъ старыя права, опрокинутъ строй, съ которымъ они свились вѣками, и это не могло не отражаться въ крестьянской душѣ недовольствомъ, болью. Но чувство справедливаго, воплощающагося въ строгой уравнительности, въ концѣ концовъ примирило бы крестьянина съ новыми порядками,—тѣмъ болѣе, что они были выгодны для большинства. А между тѣмъ настоящей уравнительности-то и не было при новомъ раздѣлѣ. У одного крестьянина могло быть значительно больше или меньше земли, чѣмъ у его сосѣда, живущаго отъ него въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей; деревни часто лежали очень близко одна отъ другой, нерѣдко даже совсѣмъ сливались. «Отобрать—отобрали, а поравнять—не поравняли», такъ долженъ былъ полагать деревенскій обыватель насчетъ новыхъ порядковъ. Вотъ примѣръ того, какъ велико было неравенство,—примѣръ, приводимый нами со словъ старика-старожила: «Есть въ Быстрокурьѣ (Быстрокурская волость, Быстрокурское селеніе, что—одно и то же) рядомъ двѣ деревни: Микентьева и Захосовская. Въ первой встарину было много дворовъ, но они сгорѣли, а во время «дѣла» оставалось два двора. Изъ одного двора владѣльцы ушли въ пріемыши и разошлись. Остался одинъ домохозяинъ во всей деревнѣ. При дѣленіи по печищамъ вся земля, до 30 мѣръ одной пахоты, осталась за нимъ однимъ. А въ деревнѣ Захосовской ревизскихъ душъ считалось много, а земли очень мало, такъ что при раздѣлѣ пахоты пришлось сажени по три на душу». Могли ли крестьяне быть довольны такимъ уравненіемъ? Напрасно обиженныя деревни волновались, представляли, ходатайствовали,—отвѣтъ былъ одинъ: «по точности законныхъ правилъ каждое селеніе дѣлить тожно и т. д....» Только значительно позже палата государственныхъ имуществъ поняла недоразумѣніе и начала разъяснять крестьянамъ, что «земля принадлежитъ къ селеніямъ, а не къ деревнямъ», и крестьяне принялись уравниваться по-настоящему. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм. въ Пинежскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ сохранился передѣлъ по печищамъ *). А между тѣмъ мы именно относительно Пинежскаго уѣзда знаемъ, что въ тридцатомъ году тамъ крестьяне никакъ не могли произвесть раздѣлъ, оттого что не хотѣли дѣлиться по деревнямъ,

*) *Дѣло* 1880 г., № 4, ст. г. *Сергѣева:* „Очерки общиннаго владѣнія въ Архангельской губ.“.

а требовали раздѣла по волости, на который не согласилось начальство *).

Разъ старыя права были разбиты, дѣло уравненія уже покатилось по наклонной плоскости до своего естественнаго крайняго предѣла. Правительство, руководствуясь разными соображеніями, преимущественно соображеніями хозяйственной выгоды, время отъ времени дѣлало попытки затормозить это движеніе; таковъ указъ, чтобы не отбирать удобренной земли, «чтобы запустошенные крестьянами участки оставлять при раздѣлахъ за ними въ число причитающейся имъ земли» **). Но крестьянство шло дальше. Оно скоро отбросило старыя основанія, по которымъ производился первый раздѣлъ, т. е. чтобы каждый удерживалъ изъ имѣющейся у него земли, сколько причтется на его души, и лишь остальное отдавалъ въ раздѣлъ. Отъ количественнаго раздѣла крестьяне черезъ нѣсколько лѣтъ перешли къ качественному. Они нашли болѣе справедливымъ раздѣлить всю землю на разряды—хорошей, средней и плохой земли, подобно тому, какъ земли дѣлились встарину по вервямъ, и затѣмъ уже дѣлить отдѣльно каждый разрядъ, чтобы всѣ получали земли не только количественно, но и качественно равныя.

Принципъ генеральнаго уравненія былъ установленъ окончательно въ то самое время, какъ установленъ былъ его коррелативъ, что «владѣніе крестьянъ землею не можетъ происходить инымъ образомъ, какъ по отдачѣ оной въ надѣлъ отъ казны», и потому «всякая земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, есть собственность казны» ***).

Не безъинтересно заглянуть во взбудораженную физіономію деревни, когда надъ ней разразился административный громъ 1830 года въ видѣ указовъ о непремѣннѣйшемъ раздѣлѣ. Одно имѣющееся у насъ дѣло объ Ананьинскомъ печищѣ доставляетъ возможность немножко освѣтить то броженіе, въ которое погрузилась деревня. Ананьинское печище—это восемь дворовъ, пять дворовъ Пентелеевыхъ, да три двора Аксеновыхъ; земли 166 верев. саж. «собственной», да 85 саж. экономической. Въ 1831 году, повинуясь строжайшимъ повелѣніямъ, кое-какъ подѣлили собственную землю «по согласью». Въ слѣдующемъ году опять

*) *Арханг. Губ. Вѣдомости* 1871 г., № 44, ст. „Изъ архивныхъ дѣлъ".
**) Тамъ же.
***) Дѣло 1848 г. арханг. палаты гражданскаго и уголовнаго суда о спорной пожнѣ между крестьянами и Моржегорскою церковью.

снова дѣлять, «по прихоти крестьянъ Пентелеевыхъ», уже всю землю—и собственную, и экономическую. Послѣ дѣленья оказывается какимъ-то образомъ, что у Пентелеевыхъ, болѣе сильныхъ, больше земли, чѣмъ имъ слѣдуетъ по точному разсчету, а у Аксеновыхъ меньше. Аксеновы возстаютъ на Пентелеевыхъ: сначала обращаются къ выборному изъ общества, который, дѣйствительно, «сообразя съ землями по печищу и числу душъ», даетъ выписку той земли, изъ которой тоже видно, что Пентелеевы покривили душой, позабирали лишнее. Обиженные и выборный «стараются согнать снова для передѣла того печища народъ, но тщетно», т. е. Пентелеевы не идутъ дѣлиться. Аксеновы жалуются волостному головѣ, исправнику, но, «не предвидя никакого удовлетворенія», идутъ въ судъ. Они приносятъ суду слезную жалобу на Пентелеевыхъ, «которые, корыствуясь землей съ 1831 г., могли черезъ нашу собственность получить выгоды значительныя». Въ концѣ концовъ мирятся, «почувствовавъ въ сердцахъ нашихъ по великому посту раскаяніе» *). Черезъ два года снова волнуется наше печище. Міръ печища, т. е. четыре мужика и три бабы Пентелеевыхъ и Аксеновыхъ, въ качествѣ домохозяевъ семи дворовъ, возстаютъ на восьмой дворъ, уже очутившійся въ рукахъ какой-то жонки Кочегаровой, которую обвиняютъ въ неправильномъ захватѣ земли отсутствующихъ душъ. Идутъ самые точнѣйшіе разсчеты земли—не только саженями и аршинами, но вершками: «на каждую ревизскую душу приводится изъ полевой земли по 1126 саж. 2 аршина 14 вершковъ и т. д.», причемъ оказывается, по разсчету міра, что Кочегарова позабирала себѣ лишняго не только вершками или аршинами, но саженями и десятинами, какъ ихъ ни мало въ печищѣ. Снова идетъ горькая жалоба: «пусть правительство усмотритъ, за что невинность наша нѣсколько лѣтъ страдала и за что мы по сіе время лишались принадлежащей на часть нашу земли». Въ концѣ концовъ міръ семи домохозяевъ, изъ которыхъ четыре Пентелеевыхъ, единогласно учиняетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, приговоръ—отобрать землю у Кочегаровой и отдать ее Пентелеевымъ.

Некрасивую картину, надо думать, представляла собой взбудораженная деревня.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*) Дѣло холмогор. уѣзднаго суда 1884 г.

„ДОШУТИЛАСЬ".

(повѣсть.)

I.

Марья Алексѣевна Козочкина открыла глаза, потянулась съ легкимъ, сладкимъ зѣвкомъ, протянула руку къ ночному столику и, не глядя, позвонила.

Послышались тяжелые шаги, дверь скрипнула и изъ-за пестрой портьеры выглянула Дуняша, горничная.

— Который часъ?

— Безъ десяти восемь.

— Баринъ давно всталъ?

— Давно,—ужь кофею напились.

Она отдергивала занавѣску на черномъ коленкорѣ.

— Погоди, я еще поваляюсь,—холодно. Затопи каминъ.

Марья Алексѣевна говорила лѣниво, кутаясь въ атласное бордо одѣяло, на фонѣ котораго ея изящная, миніатюрная, бѣлокурая головка, съ спутанными отъ сна волосами подъ чепчикомъ, казалась картинкою въ рамкѣ.

Дуняша вышла на цыпочкахъ. Въ комнатѣ опять воцарился пріятный полумракъ.

Марья Алексѣевна задремала, но вдругъ вздрогнула. Въ дверяхъ стояла Дуняша съ кошелкою полѣньевъ и щепокъ, изъ которыхъ нѣсколько упало на полъ.

— Ахъ, несносная! Скорѣй, и убирайся.

Дуняша съ виноватымъ видомъ опустилась на колѣни у камина. Марья Алексѣевна сердито надвинула на ухо одѣяло, но звукъ полѣньевъ, которыя горничная пихала въ каминъ, трескъ ло-

маемыхъ щепокъ, даже чирканье спичекъ—все ловило ей чуткое ухо, и это дѣйствовало на ея нервы, раздражая ее.

— Ну, что же, скоро?—спросила она нетерпѣливо.

— Да не загораются дрова, барыня,—должно, отсырѣли.

— Вѣдь это безсовѣстно, наконецъ! Не могла раньше высушить. Все ваша небрежность.

Она отбросила одѣяло, но тотчасъ опять закуталась. Голосъ уже звенѣлъ.

Насилу-насилу Дуняшѣ удалось растопить каминъ. А то у нея ужь руки начали дрожать. Она была десятка скромнаго, пугливаго, а барыня если раскричится, такъ удержу нѣтъ,—ужь больно вспыльчива. Впрочемъ, у нея скоро сердце сходило и въ сущности она была добра, какъ ангелъ, проста съ прислугою, не заносчива, не брезгала ими и всегда входила въ ихъ нужды и интересы.

Марья Алексѣевна вздохнула свободно, нервы угомонились и она уже ласково спросила:

— Какая погода сегодня?

— Дурная,—отвѣтила обрадованная Дуняша.

— Дождь?—разочарованно продолжала барыня, поднявъ тоненькія, немного переломленныя въ серединѣ, бровки.

— Нѣтъ, а туманъ, пасмурно.

Опять дрогнули нервы и натянулись, какъ струны.

— Ахъ, какая тоска!

— Кухарка велѣла сказать, что говядины нѣту людской,—продолжала ободренная горничная, поправляя дрова щипцами.

— Ахъ, уснѣете,—не умрете съ голоду. Уходи!

Дуняша поспѣшно спряталась, придержавъ дверь, чтобъ она не хлопнула.

Марья Алексѣевна грустно вздохнула и уставилась на каминъ.

Что значитъ нервная натура. Какъ дурная погода, сейчасъ хандра, и жизнь противна, не глядѣла бы на свѣтъ Божій. Зато когда солнце, и на душѣ сейчасъ повеселѣетъ, станетъ свѣтло. И жить хочется тогда, и дѣло дѣлать; а то и руки опускаются, ничего не занимаетъ, ничего не идетъ на умъ. Положимъ, занятья у нея не ахти какія, а все-таки... чтеніе, вышиваніе нескончаемыхъ подушекъ, музыка, пѣніе, хозяйство... Она энергичная, жизни въ ней бездна, не любитъ сидѣть сложа руки; но въ тѣ несносные дни и дѣло постыло, все злитъ, ко всему придираешься и кончаешь тѣмъ, что расплачешься. Впрочемъ, она

иногда и злоупотребляетъ слезами безъ повода: ей такъ пріятно, когда ее утѣшаетъ ея Васинька. Обниметъ такъ одною рукой и начнетъ по головѣ гладить, приговаривая:

— Ну, курочка моя, уточка, дѣточка, успокойся.

И голосъ такой нѣжный, такъ и хватаетъ за сердце. Ея Васинька ужасно любитъ ее, живетъ ею, мыслитъ, дышетъ, трудится все ею, все для нея. Даже въ клубъ каждый вечеръ обязательно ходитъ все для нея же: чтобъ выиграть и Манечкѣ купить шляпку, или туфельки съ чулочками цвѣтными. Васинька— прелесть, голубчикъ, поночка! Нѣтъ такого другого нѣжнаго, преданнаго, заботливаго мужа. Еслибы нужно было живымъ изжариться, по горячимъ плитамъ босикомъ пройтись, или на морозѣ голымъ верхомъ проскакать для ея счастья, и то не задумался бы. Она за это голову прозакладываетъ.

— Что это? Фу!...

Марья Алексѣевна, увлекшаяся было перечисленіемъ достоинствъ Васиньки, потянула носомъ съ подвижными, розовыми ноздрями и вдругъ вскочила, схватилась за колокольчикъ. Но, отъ быстраго движенія, она зацѣпила за перо рунаюмъ и онъ съ грохотомъ покатился на полъ подъ постель.

— Ахъ, безрукая! Дуняша, Вася!—отчаянно взвизгнула она.

Никто не откликнулся, не явился на зовъ.

Марья Алексѣевна, какъ молнія, выскочила изъ-подъ одѣяла, просунула ноги въ туфли безъ каблуковъ, которыя она прозвала «шлепанцами», хотя онѣ совсѣмъ не шлепали,—напротивъ, въ нихъ удобно шмыгать неслышно по комнатамъ и подслушивать, не будучи замѣченной; потомъ она набросила халатикъ, стрѣлой пролетѣла въ другую комнату и выдвинула каминную задвижку отъ трубы. У нея даже въ глазахъ потемнѣло и въ голову стукнуло отъ испуга: у нея была такая слабая голова, что не выносила малѣйшаго угара или запаха дыма.

— Дура, уморить меня хочешь? Сегодня прогоню,—крикнула она на Дуняшу, вытаращившую глаза, увидя барыню въ такомъ видѣ, когда думала, что она спитъ. Барыня сердито хлопнула дверью, сбросила «шлепанцы» и юркнула въ кровать, дрожа и ежимаясь отъ холода. Она была малокровна и ноги у нея всегда были какъ ледъ.

Каминъ разгорѣлся и весело потрескивалъ, дразня синими и красными языками; воздухъ начиналъ наполняться пріятною теплотой; пламя играло, падая на яркое одѣяло, согрѣвая съежив-

шеося подъ нимъ нѣжное тѣльце, освѣщало заревомъ ея личико, отражаясь въ блестящихъ, расширившихся отъ гнѣва, черныхъ зрачкахъ.

Марья Алексѣевна вторично поднялась, полила одеколономъ на плитку камина, присѣла на секунду на корточкахъ передъ огнемъ и опять легла, устремивъ глаза на огонь, и задумалась. Малу-помалу думы перешли въ мечты, приняли болѣе легкій, радужный характеръ, лишенный всякаго оттѣнка серьезности.

Да и чего было не мечтать? О чемъ было думать серьезно? Чего не хватало ей?... Молодости, здоровья, красоты, денегъ?... Мужъ балуетъ, нѣжитъ, холитъ, чуть не на рукахъ носитъ; одѣваетъ какъ куклу, обожаетъ какъ кумиръ; кажется, готовъ за стеклышко поставить и молиться. Другая мать такъ не лелѣетъ ребенка. Ну, и остается одно—строить замки воздушные.

Въ комнатѣ таинственный полусвѣтъ, нахнетъ пріятно духами; подъ одѣяломъ такъ уютно, тепло, покойно: все это невольно навѣваетъ грёзы, тѣмъ болѣе, что тишина такая, будто вымерло все. Еще бы посмѣли они стучать, когда «она» спитъ. Лишь тогда начинается жизнь «во всю», когда раздается ея голосъ; а до той минуты всѣ обязаны ходить на цыпочкахъ, говорить шепотомъ, иначе рискуютъ навлечь на свою голову бурю, громы и молніи.

Вѣдь если разсудить строго, то счастливѣе ея и нѣтъ. Ей стоитъ пожелать, чтобы все исполнилось «по щучьему велѣнью, по моему прошенью» (вѣрнѣе—«по моему хотѣнью»). Кататься ли захочетъ, поѣсть вкусно,—все къ ея услугамъ; выѣхать ли нарядившись въ собраніе,—всѣ падамъ до ногъ, на-перехватъ берутъ танцевать. Мужчины, дамы—всѣ искренно восхищаются; даже самые злые языки не имѣютъ что сказать дурнаго, потому что она со всѣми ровна: съ дамами одинаково мила, любезна, всѣмъ найдетъ сказать пріятное; мужчинамъ всѣмъ дѣлаетъ одинаково глазки, одѣляетъ всѣхъ равно улыбками и кадрилями. Она—общая любимица.

Комнатка ея—рай, маленькая, уютная. Вотъ трюмо въ видѣ шкафа; вотъ изогнутая кушетка съ персидскою подушечкой для ногъ; мраморный столикъ съ цѣпочками, гдѣ она по утрамъ пьетъ какао; вонъ пяльцы у окна съ корзинкою шерстей и шелковъ: на это одно что денегъ брошено, а безъ проку валяется, пылится только. Вонъ туалетъ, весь въ бантикахъ, буффахъ, оборкахъ, точно нарядное платье бальное; кютъ съ бла-

головокруженіемъ, свѣчами, вѣнкомъ флеръ-д'оранжа, украшавшимъ когда-то ея дѣтскую, своевольную головку; бумага на немъ, уже пожелтѣвшій весь и на половину осыпавшійся. И умирать не надо. Все здѣсь ей такъ знакомо, дорого, мило, связано тысячью воспоминаній и сценъ самаго нѣжнаго свойства. На кушеткѣ, напримѣръ, онъ просилъ у нея на колѣняхъ прощенья, когда сперва довелъ ее до «первой» истерики; у письменнаго стола, заваленнаго бездѣлушками, произошла ссора, а потомъ примиренье, по поводу того, что онъ лишній часъ заигрался въ стуколку въ клубѣ, заставивъ ее прождать до двѣнадцати, когда она привыкла ровно въ одиннадцать отворять ему сама дверь. У пяленъ она хныкала и нервничала, прося въ Москву купить новую шляпку и посмотрѣть новую драму своего знакомаго. Да мало ли? Каждая вещица, каждый даже цвѣтокъ на коврѣ—и тѣ напоминаютъ что-нибудь и ужь по этому одному ей близки.

И жизнь за два года она помнитъ до мелочей,—даже числа, слова. Какъ познакомились, какъ онъ ѣздилъ къ нимъ, какъ произошло объясненіе, потомъ предложеніе и, наконецъ, вѣнчаніе и медовый мѣсяцъ. Впрочемъ, и предложенія не было никакого, а просто она пришла и объявила, что замужъ выходитъ, и тогда начали шить приданое. У нея папа и мама такіе добрые были, плясали по ея дудкѣ, чуть только она отъ земли видна стала. Съ колыбели какъ сыръ въ маслѣ катается; видно, въ сорочкѣ родилась не даромъ. Да и какъ было не отдать за Василиньку? Положимъ, не такъ молодъ, почти вдвое старше ея; за то честный, умный, дѣльный, милый, душа общества, какъ всѣ говорятъ. А симпатичный? Одна улыбка чего стоитъ. Она такъ любитъ эту улыбку, когда щеки покроются морщинками и глаза сдѣлаются маленькими, маленькими щелками. Она его сейчасъ цѣлуетъ,—не можетъ удержаться. Впрочемъ, вѣдь онъ и собою хорошъ, даже очень хорошъ. Это—не пристрастье влюбленной жены, это находятъ всѣ дамы и кокетничаютъ съ нимъ; но она не ревнуетъ, а смѣется надъ ними. Она смѣло можетъ сказать, что если-бы даже его оставить въ средѣ тысячи красавицъ, то и тогда бы была спокойна и знала, что онъ ей не измѣнитъ даже въ помыслахъ. Вѣдь онъ безъ ума влюбленъ въ свою безпокойную, капризную, маленькую жонну. Кто-то назвалъ ее за это самоувѣренной и сказалъ, что ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ среди тысячи красавицъ останется вѣренъ, а что если оставить его съ глазу на глазъ съ одной красавицей, то почемъ знать,—

кто поручится... Она въ глаза чуть не вцѣпилась этому дерзкому и цѣлый мѣсяцъ не выходила къ нему; насилу Васинька уговорилъ. Она сама—красоточка, козочка бѣленькая, и вдругъ онъ ее промѣняетъ!...

А медовый мѣсяцъ какъ провели! Ахъ, ни у кого не было такого медоваго мѣсяца!... Они скрывались отъ всѣхъ и въ то же время такъ много видѣли, побывали въ стольких мѣстахъ. Вели какой-то кочующій, цыганскій образъ жизни. Съ утра убѣгали изъ гостиницы, обѣдали, ужинали—все въ разныхъ мѣстахъ. Потомъ театры, концерты; а то просто шныряли по улицамъ, глазѣли на магазины, заходили къ Филиппову въ кондитерскую или молочную скушать пирожокъ, печенья, выпить стаканъ молока. И что за блаженное это было время! Идешь, бывало, вечеромъ, какъ фонари зажгутъ, по Кузнецкому. Магазины слѣпятъ огнями и рѣдкостями въ окнахъ, глаза разбѣгаются, морозъ щиплетъ щеки, духъ захватываетъ. Идешь, подпрыгиваешь, мелкими шажками, чтобъ угнаться за нимъ, повиснешь на его рукѣ, молчишь и только изрѣдка, съ улыбкою, взглядываешь другъ на друга и читаешь въ глазахъ другъ друга именно то, что хочется прочесть въ эту минуту. И знаешь, что никто не смѣетъ разлучить, помѣшать счастью,—знаешь, что они «одни въ мірѣ», слились душами и не хотятъ ничего знать, кромѣ того, что тамъ, на днѣ этихъ душъ. Что за упоенье!...

Помнитъ она даже, какъ приставала къ нему, прося показать ночныхъ бабочекъ, спрашивая, почему они, мужчины, узнаютъ ихъ, а она не можетъ. И какъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ сторонилась отъ нихъ, когда онъ, не стѣсняясь, громко говорилъ: «вотъ, смотри, и эта тоже»,—не спрашивая себя, что привело несчастныхъ на эти тротуары, отняло у нихъ стыдъ и совѣсть, заглушило человѣческое чувство, а только видя въ нихъ развратныхъ, падшихъ и презрѣнныхъ тварей... Она, шалунья, упросила даже разъ Васиньку идти въ отдаленіи, а сама побѣжала впередъ, желая испытать, посмѣютъ ли къ ней пристать или нѣтъ. Но когда посмѣли, то испугалась и пустилась бѣгомъ подъ его защиту. А потомъ хохотала до коликъ.

Вездѣ, вездѣ побывали они за это время, только въ маскарадъ не съѣздили ни разу, какъ она ни просила. Вася находилъ это неприличнымъ. А какъ ей хотѣлось! Одна маска, прикрывающая лицо и заставляющая разыгрываться фантазію, чего стоила! Ей бы ужасно хотѣлось попробовать поинтриговать. Не да-

ромъ она съ пеленокъ слыла бѣдовою, зубастою. А что за удовольствіе, напримѣръ, поздно вернувшись въ нумеръ, усталою, озябшею, сбросивъ башмаки и поджавъ ноги, усѣсться на диванъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что никто не потревожитъ и не помѣшаетъ заснуть здоровымъ, крѣпкимъ сномъ!...

Вотъ когда начиналась самая-то жизнь, самая суть: на столѣ самоваръ кипитъ, испуская шипѣнье, клубы пара поютъ веселую пѣсенку... Изъ бумажнаго мѣшка несется соблазнительный запахъ горячихъ булокъ, такъ и щекочетъ ноздри, раздражая обоняніе и вкусъ. Слюнки текутъ и только облизываешься, позволяя себѣ, въ ожиданіи чая, ковырнуть миндалинку или изюминку для большаго возбужденія аппетита. Глотнешь горячаго, душистаго чая—обожжешь языкъ; внутри разольется точно живительная, теплотворная струя по всѣмъ жиламъ. Такъ и набросишься на калачъ или напьешься изъ дичи, и среди этого, въ довершеніе всего, страстное объятіе, нѣжное, шепоткомъ сказанное слово, разжигающій поцѣлуй... Ну, можно ли чего желать больше?

Но отпускъ Васиньки длился не долго и они вернулись въ «его» городъ, въ «его» домъ, чтобы сдѣлаться осѣдлыми людьми. Что за бѣда? Развѣ осѣдлость и сидячая жизнь мѣшаютъ имъ продолжать медовый мѣсяцъ?—Ничуть. Васинька служитъ головою, лицо видное, почетное; она дѣлается «madame голова»,—нужно обуздать себя, взять въ руки, напустить серьезность, сбросить легкомысліе, перестать быть «шалуньей-дѣвочкой», какъ ее называетъ Вася. Ха-ха-ха!... Она—дѣвочка! Ну, сохрани Богъ, кабы всѣ были такими дѣвочками! Мамаши бы тогда заживо зарылись отъ стыда... Тяжко ей было прощаться съ Москвою, гдѣ она провела столько хорошихъ, счастливыхъ дней. Она безъ памяти любила эту милую, вонючую, русскую, наивную деревню, съ ея пылью, грязью, конкою и шумомъ. Здѣсь она родилась, выросла, воспиталась. Особенно любила она Кузнецкій, куда бѣгала за французскими романами въ библіотеку Готье, и Петровку съ пассажемъ. Тамъ у нея былъ знакомый красавчикъ-купецъ, похожій на лорда,—она тамъ находила; къ нему она, подъ разными предлогами, забѣгала въ магазинъ и тараторила по часамъ о всевозможныхъ пустякахъ. Глазки разгорались, щечки пылали, голосокъ прерывался. По ночамъ все мечтала о немъ, видѣла его во снѣ. Ахъ, невозвратное время, единственное въ жизни!

Но Васинька былъ дорогъ Москвы и она утѣшалась мыслью, что покидаетъ ее ради «него». Ихъ провожали родные, знако-

мые; она вспыхнула, но лишь поѣздъ тронулся и она увидѣла себя въ купэ, наединѣ съ своимъ божествомъ, слезы мгновенно просохли отъ улыбки счастья; впрочемъ, она и тутъ поплакала немножко, склонивъ головку на грудь мужа, но уже отъ другого: то были слезы умиленія и благодарности судьбѣ.

И, вотъ, уже два года, какъ она неограниченно царитъ и властвуетъ въ своемъ маленькомъ царствѣ, чинитъ судъ и расправу, милуя и наказуя, выдавая и принимая, разсчитывая и тратя. Ею все стоитъ, все держится. Не заикни она обѣда, забудь вынуть чистое бѣлье, Васинька просидитъ голоднымъ и неодѣтымъ. Онъ такъ привыкъ, чтобъ она была всюдѣ и всюду; онъ, какъ за каменной стѣной, живетъ за нею. Его дѣло только деньги добывать для ея удовольствій и потребностей—вотъ что, остальное же не должно его касаться; она уже разъ, тайъ заявила и не терпитъ вмѣшательства въ свои распоряженія и непослушанія. Она самая примѣрная жена, хозяйка; поѣздъ у нея чистота, порядокъ. Она не только въ кухню, даже въ сараи и конюшни несь суетъ: сама выдаетъ овесъ, отвѣшиваетъ и отмѣриваетъ провизію, не довѣряя ключей никому. Она хоть и идеалистка, но не вѣритъ въ людскую честность и бескорыстіе; она знаетъ одного безсребренника—своего Васю; остальные же всѣ—мошенники и плуты. Отвѣтовъ она не любитъ, возраженія не допускаетъ, совѣтовъ ничьихъ не слушаетъ и поступаетъ всегда по своему разуму. Словомъ, во всемъ видна избалованная дочка нѣжныхъ родителей.

Одна бѣда—нѣтъ дѣтей. Она ужь и къ доктору обращалась,—нѣтъ и нѣтъ. Что ты будешь дѣлать? Еслибъ она вѣрила въ сказки, то выписала бы рыбу такую, какъ та царица безплодная, чтобы только имѣть пискунчика: «мама», «папа».... «Агу, дѣтонка, агу»,—а онъ бы чмокалъ, топорщилъ губки и дѣлалъ бы этотъ милый звукъ: «аски»... Она ужь и пѣсенку придумала, какой бы убаюкивала его; сама бы пеленала, купала, кормила; поставила бы люльку около своей постели,—авось бы Васинька ничего не имѣлъ противъ... А то бы и прогнала его изъ спальни, право! И няньки бы не брала. Вотъ бы было весело! А вдругъ бы заболѣлъ и умеръ?—Нѣтъ, сохрани Богъ, лучше не нужно. Все равно бы скучала и тяготилась, вѣдь она знаетъ себя... Это только такъ кажется, что хорошо: тамъ бы захотѣлось на вечеръ ѣхать, а тутъ—пеленай, корми; танцевала бы и думала, что съ

ники тамъ... Куда ей быть матерью, съ ея натурой, характеромъ! Вотъ постарше будетъ—другое дѣло, а теперь въ ней и степенности нѣтъ,—еще тянетъ порхать, пружиться и... и побѣждать. Ну, да, побѣждать,—что-жъ тутъ дурнаго? Развѣ ей мѣшаетъ это любить своего Васиньку больше всего на свѣтѣ и не промѣнять ни на кого? Что она теряетъ, если разокъ-другой кому сдѣлаетъ глазки?—Ровно ничего, да и онъ тоже. Все-таки она его любитъ, она его жена, вѣрная, нѣжная, добрая, ласковая. А отчего же не покружить какому-нибудь дураку головы, если это доставляетъ удовольствіе, щекочетъ самолюбіе? Тутъ никто ничего безнравственнаго не найдетъ. Въ сущности вѣдь хоть она и страстная, горячая женщина, все-таки во многомъ—ребенокъ, на многое смотритъ по-дѣтски, а ребенку и пошалить дозволительно. Войдетъ въ лѣта,—перестанетъ и смотрѣть на всѣхъ; а пока молода, живи и пользуйся преимуществами молодости. Состарѣться-то успѣешь, хоть она увѣрена, что до гробовой доски останется молода душой, и Васинька понимаетъ, что все это невинно, шутки, потому и не ревнуетъ... Да, не ревнуетъ. Вотъ эта-то вторая бѣда—и самая горькая—еще важнѣе первой: ужъ какъ она ни вызывала его на ревность, что ни продѣлывала,—нѣтъ и нѣтъ. Разъ, напримѣръ, чуть не сама подошла знакомиться съ мальчишкою—студентомъ перваго курса, молоденькимъ, хорошенькимъ, пухленькимъ, застѣнчивымъ, какъ дѣвочка. Чуть усики пробиваются, но въ глазахъ что-то трогательно-мечтательное, Лермонтовское, смущается и опускаетъ глазки такъ мило, избѣгая взгляда другихъ. Это было, положимъ, нехорошо и неловко, но предосудительнаго, «особеннаго», въ этомъ ничего не было,—захотѣлось просто познакомиться съ человѣкомъ, показавшимся порядочнѣе другихъ, который еще не напрактиковался въ житейскихъ мерзостяхъ и не умѣетъ говорить женщинѣ гадостей. Главное, ее подкупило убѣжденіе, что молодежь идеально смотритъ на женщину,—это было ея мнѣніе,—да притомъ онъ выглядѣлъ такимъ comme il faut.

Увлечься, полюбить она, конечно, не могла бы. Боже мой! полюбить... Это даже кощунство—такія выраженія употреблять, зная ея чувство къ мужу, всю силу ея любви, величіе ея взглядовъ на семейный очагъ. А еще главнѣе—ей хотѣлось, чтобы мужъ ея поревновалъ чуточку. Но и тутъ не вышло: побранилъ ее, по обыкновенію сказалъ, что «неприлично, не водится»,—да тѣмъ дѣло и кончилось.

Глупый, глупый Васинька!.. Развѣ она этого добивалась? Нужно ей эти нотаціи,—и такъ надоѣли по горло. Вообще, она не понимаетъ его. Вѣдь ясно, что любитъ ее безъ ума, а самъ хладнокровенъ, спокоенъ, невозмутимъ,—ни подойдетъ самъ приласкаться, ни поцѣлуетъ лишній разъ. Все принуждай, силою вызывай, да и то не всегда удается. А такою развѣ она себѣ воображала замужнюю жизнь? Виновата ли, что она любитъ его до изступленья, до дурноты, какъ сумашедшая, голову теряетъ иногда отъ одного звука его голоса, шаговъ, а онъ... онъ какъ истуканъ бездушный, каменная баба, что на курганѣ стоитъ гдѣ-то,—забыла гдѣ. Ей ея бабушка говорила, что видѣла... Мало ей одной этой любви, что гдѣ-то, въ глубинѣ души, таится, не выходя на свѣтъ Божій, какъ ее ни старается она вытащить оттуда обѣими руками. Не довольствуется она однимъ сознаніемъ существованія этой любви,—нѣтъ, вы ее подавайте ей всю, чтобы на виду была, не пряталась, чтобы давала себя чувствовать ежеминутно, во всемъ, вездѣ,—какъ ея чувство у всѣхъ на глазахъ. И Дуняша, и Никитка-кучеръ, и Мотька-дворникъ—всѣ, всѣ знаютъ, насколько барыня любитъ своего барина—«обмираетъ по немъ»—и она еще нарочно на-показъ ласкается; она не стыдится, а гордится. Тутъ таиться нечего: онъ—мужъ. А Васинька, наоборотъ, никогда, ни при комъ не цѣлуетъ и сердится даже, если кто замѣтитъ. Удивительно странный человѣкъ! Неужели серьезность мѣшаетъ быть нѣжнымъ? Называетъ ее «расплывчатой». Ну, да, она расплывчата, сентиментальна, идеалистка,—ее воспитали на французскомъ романѣ,—съ пылкимъ воображеніемъ, широкою фантазіей, часто поднимающей ее отъ земли и уносящей далеко въ облака. Но вѣдь это доказываетъ поэтичность натуры, художественные инстинкты, и ничего болѣе. Что-жь, лучше бы было, еслибъ и она была такою же рыбой? Вѣдь это что же вышло бы? Разъ бы въ недѣлю цѣловались... Удовлетворитъ ли подобная жизнь такую живую, кипучую натуру?... Оттого ли онъ такой, что отжилъ уже бурную пору молодости съ ея порывами, понятными ей одной? Она не можетъ сказать, но только чувствуетъ, что ея жизнь не полна,—не такимъ бы хотѣла она его видѣть, своего Васю.

Оттого и скука, хандра у нея, оттого и выкидываетъ она разныя штуки, чтобъ расшевелить его; а то точно замерзшій, безкровный. Ахъ, она такъ обожаетъ ссоры,—не маленькія, но настоящія, пахнущія драмою, трагедіей, кровью. И потомъ—миръ,

клятвы, обѣты... Ничего не можетъ быть пріятнѣе въ семейной жизни.

Вотъ онъ находитъ, что семья — это покой, отдыхъ для души, а она — напротивъ. Для нея семья — это жизнь, а она иначе не можетъ представить себѣ жизни, какъ съ бурями, тревоженіями, порывами. Она — огненная женщина, порывистая и вмѣстѣ чувствительная, отчаянная и покорная, кроткая. Она по себѣ видитъ, что эти качества совмѣстимы. Она не понимаетъ однообразной жизни — по струнѣ, по механизму, какъ урокъ заученный. Это не жизнь, а молоко кислое. И она бы тогда закисла и ни на что бы не сдѣлалась годна. Да, да, въ Васинькѣ ея недостаетъ именно того, безъ чего она прожить не можетъ, — жизни, огня! Вотъ она договорилась. Онъ смѣется надъ нею и ея понятіями «о жизни», говоря, что эти понятія самыя извращенныя, ложныя, грубыя; но относительно этого ему ея не перевоспитать, — напрасный трудъ, — она останется при своемъ; и потому, при всемъ своемъ счастьѣ, она все-таки немножко несчастна, недовольна.

Да и что такое, если разобрать, изъ теперешняя жизнь? — Утромъ встанутъ, пьютъ чай, кофе; онъ уѣзжаетъ на должность, она — по хозяйству, садится вышивать. Онъ возвращается, беретъ газету и прочитываетъ отъ передовой статьи до объявленій включительно, держа на колѣняхъ моську-собаку, или шагаетъ по комнатѣ, играя опять съ моською. Потомъ — обѣдъ. Онъ отдыхаетъ, она читаетъ; тамъ снова чай, газета и моська, клубъ и музыка. Опять — сонъ, чай, моська и т. д. безъ конца... видно, монотонно. И это жизнь?... Это — прозябаніе, вотъ это что! А моська эта... о, она ее ненавидитъ по-временамъ! Это — ея злѣйшій врагъ: она отнимаетъ у нея мужа, поглощая его вниманіе. Вѣдь либо съ моською играть, либо... И вотъ она, раздраженная, выведенная изъ себя его равнодушіемъ, начинаетъ его мучить: теребитъ его, щипаетъ, дергаетъ за бороду, за волосы, за уши, щелкаетъ по носу, по щекамъ, чтобы заставить обругать ее, толкнуть, ударить, что-ли, наконецъ, — чтобы было, словомъ, къ нему придраться и начать «сцену». Когда же и это не беретъ, она хлопаетъ дверью и начинаетъ все ломать и топтать, клянется мѣсяцъ не подходить къ нему, проучить, — и въ то же время прислушивается, какъ онъ играетъ съ моською, ослѣпая ее самыми заискательными улыбками. Горькія слезы обиды застилаютъ ей глаза, и она, убѣдившись, что онъ ее совсѣмъ не

любитъ,—ему собаки дороже,—называетъ себя несчастною, молитъ небо о смерти, болѣзни, всякихъ напастяхъ, потому что жизнь «противна».

Но проходитъ день, наступаетъ ночь, и она, по его возвращеніи изъ клуба, вмѣсто того, чтобы проморозить его, какъ обѣщала утромъ, бѣжитъ босикомъ, забывъ измѣнчивость и холодъ, отворить ему и овечкою прижимается къ его рукѣ, едва онъ успѣваетъ взяться за руку. По правдѣ сказать, она дурнаго нрава, очень дурнаго,—эгоистка. Сколько разъ она давала себѣ обѣщаніе исправиться, сдерживаться, покорять буйное сердце разуму,—нѣтъ. Чуть что—и «ндравъ» опять прорывается наружу. Впрочемъ, ему что?—Онъ знаетъ, что она первая подойдетъ все равно. А все-таки она его любитъ, ни на кого не промѣняетъ,—до того любитъ, что иногда просто усталость чувствуетъ и пресыщенье отъ страсти и полноты счастья.

II.

Дверь тихо отворилась. Онъ!

Марья Алексѣевна съ головою накрылась одѣяломъ и притворилась спящею, но сама хохотала, боясь выдать себя. Василій Николаевичъ подошелъ къ постели и засмѣялся. Это былъ высокій, полный, могуче-сложенный, красивый брюнетъ. Лицо его, фигура дышали силою, здоровьемъ, самоувѣренностью и довольствомъ.

— Не надуешь... Будетъ валяться, киска!—промолвилъ онъ, сдергивая одѣяло.—Десять часовъ.

«Уже десять! Какъ незамѣтно пролетѣло время».

Она потянулась, смотря на него и играя глазами, фыркнула и протянула ему руки.

Но Василій Николаевичъ былъ уже у окна и раздвигалъ занавѣси. Ясная, солнечная погода глянула въ окно и освѣтила радостнымъ лучомъ сердце мечтательницы-институтки даже замужемъ.

Марья Алексѣевна взвизгнула, подпрыгнула на постели и, доставъ мужа, дернула за рукавъ, а сама, смѣясь, упала навзничь на подушки.

— Почочка, милый, обними меня, поцѣлуй!—вскричала она съ самымъ счастливымъ видомъ.

Она пригнула его голову и осыпала поцѣлуями его лицо, шею, насильно посадивъ его на постель.

— Задушишь, пусти, — задыхаясь проговорилъ онъ, вырываясь.—Волосы всѣ спутала.

— Не пущу, не пущу! Мой, мой,—никому не отдамъ!

Она была такъ мила въ четчинѣ, съ выбивавшимися изъ-подъ него прядями, что у мужа загорѣлись глаза. Марья Алексѣевна такъ и подпрыгнула. Онъ ее поцѣловалъ въ губы.

— Ну, ну, вотъ и поцѣловалъ... Что же дальше?

Она поглядѣла ему въ глаза, засмѣялась и оттолкнула.

— Убирайся—вотъ что дальше! Ты не человѣкъ, а колода непонятливая.

Она высунула ноги.

— Подай чулки!

Тотъ подалъ.

— Надѣнь!—повелительно промолвила она.

— Ну, ужъ это спасибо,—у самой есть руки.

— Да не хочу я сама.

— Позови Дуняшу.

Онъ приглаживалъ волосы у трюмо.

— Я хочу, чтобы непремѣнно ты... Ну, голубчикъ, — ну, миленькій!

— Перестань капризничать!

— Ну, такъ ножку поцѣлуй.

— Ну, да... Это еще что за новости?

— Попочка!—капризно вымолвила она.

— Перестань упрямиться,—я ухожу.

— Ну, понимаешь, до смерти хочется. Не проживу безъ этого.

Онъ двинулся къ двери.

— Это, значитъ, ты любишь?

Онъ откашлялся и закурилъ папиросу.

— Такъ не поцѣлуешь, отвѣчай?... Вася, отвѣчай!

Она знала, что деспотизмомъ и своеволіемъ съ нимъ ничего не возьмешь, но теперь на нее нашла минута каприза, а она была «женщиною минуты». Онъ ее звалъ даже: «минутка».

— Одѣвайся,—я сейчасъ уѣзжаю.

— А, ну, хорошо... И не возвращайтесь. Можете хоть недѣлю,—не заплачу!—отрывисто выговорила она, нервно натягивая чулки.—Теперь я вижу, какъ вы меня любите,—продолжала она, возвышая голосъ.—Я сегодня же ѣду на вечеръ и все время сидѣть буду съ хорошенькимъ студентомъ, танцевать и ходить... Слышите?

— Слышу.

— Тебѣ все равно будетъ?

Его невозмутимость лишала ее самообладанія.

— Мнѣ-то какое дѣло? — пожалъ онъ плечами. — Это дѣло твое.

— Пожалѣешь, погоди! — злобно прошипѣла она вслѣдъ, потрясая кулакомъ. — Противное дерево! Ну, есть ли еще такіе?... Молоденькая, свѣженькая, хорошенькая жена сама лѣзетъ съ ласками, а онъ носъ воротитъ. Мурло противное! А теперь навѣрное съ моською... Ну, какое терпѣнье тутъ устоитъ?

Она подбѣжала къ окну и, натягивая юпку, стала глядѣть, какъ онъ садился въ сани.

— Пень, полѣно! — прошептала она и высунула ему языкъ.

Она наскоро одѣлась, распорядилась по хозяйству и сѣла за рояль пѣть экзерцисы.

Моська, сидѣвшая на привязи у ея кровати, чтобы не убѣжала за бариномъ, оборвалась, перегрызя тесьму, и прискакала къ ней на трехъ ногахъ. Она не могла равнодушно слышать ея пѣнія и всегда укладывалась у ея ногъ на ковринѣ и вздыхала, сопѣла, кряхтѣла отъ избытка удовольствія. Марья Алексѣевна, не замѣтившая ея, пѣла съ наслажденіемъ. Она была въ голосѣ, и это немного спасибо съ нея сердце. Окончивъ десятокъ этюдовъ, она перешла къ фисгармоніи и мечтательно начала трогательную вещичку, подъ названіемъ «Ave Maria», наклоняя головку то направо, то налѣво. Аккорды сливались въ чудную мелодію, ножка въ бархатной туфелькѣ граціозно двигалась, нажимая педаль... Музыкантша унеслась въ облака, поднявъ глаза на стоящій за гармоніею цвѣтокъ, какъ вдругъ какая-то фальшь рѣзнула ея ухо, еще, еще — и по комнатамъ понесся какой-то отчаянный вопль, вой, смѣшанный съ визгливыми нотами. Марья Алексѣевна, поднявъ одну руку и не докончивъ чувствительной трели, обернулась и побагровѣла.

Моська, съ обрывкомъ на шеѣ, свернувъ на бокъ голову и оттопыривъ ухо, вся превратившись въ напряженное вниманіе, выводила жалобные звуки подъ тактъ «Молитвы»... Марья Алексѣевна, раздраженная, дала ей плеча, привязала на мѣсто и уложила нѣсколькими пинками ногой. Но понятно, что играть дальше она не могла, — моська все перевернула въ ея душѣ. Она углубилась въ платье, которое должна была надѣть вечеромъ.

Пріѣхалъ мужъ и дернулъ за затворенную на задвижку дверь.

— Убирайтесь!—хотѣла она крикнуть, но сдержалась и только кашлянула.

— Отвори,—промолвилъ онъ за дверью.—Будетъ глупить.

«Ахъ, этотъ голосъ, сколько онъ въ ней вызываетъ!»

Она взглянула въ зеркало. На нее глянуло продолговатое личико съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица; тоненькій, прямой, немного вздернутый носикъ, голубые, съ длинными, загнутыми кверху рѣсницами, глаза. Пунцовыя, полныя губки капризно изгибались; въ бровяхъ, въ складкахъ лба и въ пухленькомъ подбородкѣ съ ямочкою лежало своевольное, упрямое выраженіе. «Какая она душечка!»

Она послала себѣ поцѣлуй. Она даже смягчилась душой и подумала, что слѣдовало бы помириться съ попочкою, но подавила въ себѣ этотъ порывъ.

«Пусть... Это—урокъ. Увидитъ, что она такая хорошенькая, и пожалѣетъ».

Мужъ вошелъ въ другую дверь и сталъ мѣнять сюртукъ. Моська, чесавшая съ старческимъ покряхтываньемъ ухо, кинулась къ нему и стала на дыбы, удерживаемая привязью.

— Ахъ, колодникъ, бѣдный!—жалобно говорилъ Василій Николаевичъ, маня ее. Моська пищала и рвалась, ожидая отъ барина спасенія.

Тотъ отвязалъ ее и, присѣвъ на корточки, сталъ гладить по спинкѣ. Моська щурилась и облизывалась.

Марья Алексѣевна искоса глядѣла на мужа, громко шурша платьемъ.

«Скажите на милость, хоть бы что, будто и не произошло ничего между нами. О, идолъ, безчувственное созданіе, эгоистъ!»

— Чего это ты заперлась?—спросилъ онъ, продолжая играть съ собакою, лежавшею кверху животомъ и кусающею его руки.

Она промолчала, сдѣлавъ строгое лицо.

— Ты бы лучше кофе сварила, Маня, чѣмъ съ глупостями возиться.

«Глупости... Собака—не глупости, а платье... Съ собакою можно возиться,—это дѣло, занятіе,—а... Это онъ въ пику все, въ пику».

Она молчала и только сдвинула брови.

— Куда это ты собралась?—продолжалъ онъ, видимо не дуя въ усъ.

— Не ваше дѣло, отстаньте!

Онъ изумленно поднялъ голову.

«И этого не помнитъ. Нарочно притворяется,—отлично знаетъ».

— Еще не сошло, значитъ?

«Скажите, еще смѣяться смѣетъ».

Она готова была разорвать его на куски за его невозмутимость.

«До сцены меня довести хочетъ, вѣрно. Такъ вотъ нарочно не стану»—съ злостью подумала она.

Онъ вышелъ, не затворивъ даже дверь. Моська бѣжала за нимъ, кусая его за панталоны. Онъ взялъ ее на руки.

— Проклятый!... Живите съ вашей моськой, обнимайтесь, а я не стану,—убѣгу... Къ любовнику убѣгу!—крикнула она вслѣдъ и на весь домъ хлопнула дверью.

«Что она сказала? Съ ума сошла? Сама будетъ виновата, и поправить нельзя будетъ. Какого еще выдумала любовника? Ну, не сумашедшая ли?»

— Господи, Господи, за что я такая несчастная!—воскликнула она.

Она сѣла на постель, закрылась руками и заплакала.

Солнце, морозъ, вечеръ, платье—все потеряло для нея цѣну и прелесть. Прибѣжала моська и, вспрыгнувъ на ея платье, начала ласкаться и лизать у нея за ухомъ.

— Вонъ!—неистово крикнула она и швырнула ее такъ, что та кубаремъ покатилась и ударилась головой о дверь.

Она ужасно любила мосиньку, съ ея бородавочками, черною мордочкой и хвостикомъ колечкомъ; но теперь она была ея соперницей, ея личнымъ врагомъ,—она стояла между нею и мужемъ.

Въ залѣ послышались голоса. Марья Алексѣевна мгновенно стихла, заглянула въ щелку, съ влажными щеками и глазами.

«А, Петровъ... Хорошо. Тѣмъ лучше».

Петровъ былъ хлыщъ, обожатель Марьи Алексѣевны, и питалъ тайную надежду влюбить въ себя хорошенькую «головку», какъ себя называла шутя Марья Алексѣевна.

Она припудрилась и вышла съ самою любезною улыбкой.

— А, пріѣхали?—заиграла она глазками, удерживая его руку въ своей.—А сказали, что боитесь меня видѣть, чтобъ не потерять голову.

Онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Марья Алексѣевна слыла за неприступную и зажимала ротъ при первой «гадости»,

но она уже продолжала трещать, хохотать и щуриться на него кокетливо, грозить ему пальцемъ. Она была неузнаваема.

Василій Николаевичъ былъ тоже веселъ, шутилъ, смѣялся, часто взглядывая на жену,—словомъ, держалъ себя какъ ни въ чемъ ни бывало.

Все это еще болѣе раздражало Марью Алексѣевну. Она начинала въ себѣ чувствовать приступъ отчаянности, безшабашности.

«А, онъ хочетъ показать, что мы живемъ голубями. У, хитрый!»

Она заговорила о скукѣ, о вечерѣ, просила Петрова непремѣнно быть, обѣщала ему вторую кадриль, сказавъ, что первую танцуетъ съ хорошенькимъ студентомъ, и начала распрашивать о немъ съ самымъ живѣйшимъ интересомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Василій Николаевичъ спокойно курилъ и молчалъ, изрѣдка кашляя. Этотъ кашель выводилъ изъ себя Марью Алексѣевну,—онъ былъ ей ненавистенъ.

Петровъ уѣхалъ въ восторгѣ: такое начало обѣщало еще лучшій конецъ.

Моська, все время лизавшая сапоги гостя, чѣмъ приводила его въ немалое смущеніе, очутилась снова въ объятіяхъ барина и торжественно была внесена въ кабинетъ, гдѣ улеглась на колѣняхъ хозяина, въ сосѣдствѣ газетъ и ящика съ папиросами, на вольтеровскомъ креслѣ, въ углу.

Марья Алексѣевна явилась туда съ сверкающими глазами и пылающими щеками.

— Не смѣйте заговаривать со мною, когда я на васъ зла!—промолвила она.—Меня приличіе обязываетъ отвѣчать при чужихъ, а я этого не хочу, слышите? Лицемѣръ! никого вы не обманете этимъ. Прислуга первая видитъ и разнесетъ. Понимаете?

Василій Николаевичъ ничего не понималъ, кромѣ того, что на жену «нашло», и потому лучше не трогать, пока не «сойдетъ» само собою.

III.

Обѣдъ начался въ торжественномъ молчаніи. Василій Николаевичъ кушалъ беззаботнымъ образомъ и гладилъ моську, просившуюся на колѣни; Марья Алексѣевна гремѣла ложками, тарелками, просыпала соль и подбирала ее, поминая всѣхъ чер-

той и дьяволовъ. Пискъ моськи перешелъ скоро въ жалобный, избалованный лай. Только-что Василій Николаевичъ протянулъ руку, чтобы, по обыкновенію, взявъ ее за загривокъ, помочь ему выбраться, какъ собачонка, неожиданнымъ образомъ, проскользнула мимо его руки, вспрыгнула сама на колѣни и потащила лапами за конецъ скатерти. Тарелка, стоявшая на самомъ краю, покачнулась, супъ разлился на скатерть и панталоны барина; кость съ говядиною съ шумомъ шлепнулась на только-что вымытый полъ, образовавъ сальное пятно, и, подхваченная виновницею переполоха, была унесена въ кабинетъ.

Марья Алексѣевна взбеленилась.

— Сами кряха и собаку пріучаете!—прошептала она, вспыхнувъ до корня волосъ, и задохнулась отъ подступившихъ слезъ.

Василій Николаевичъ только кряхнулъ, вытирая салфеткою панталоны, но мокрый конецъ скатерти такъ и остался висѣть, пачкая ихъ опять.

Подали жаркое.

— Это что такое?... Куда вся говядина дѣвалась?—ткнула хозяйка пальцемъ въ сотейникъ.

Дуняша испуганно взглянула на барыню.

— Вся тутъ.

— Врешь, я много давала! Украла... Скажи, что она воровка.

— Маня,—осторожно замѣтилъ мужъ,—стоитъ изъ-за этихъ пустяковъ волноваться.

— У такихъ рохлей все пустяки!—сверкнула она на него глазами.—А это что? Опять сотейникъ не вычищенъ, опять?

Она видѣла, что лучше нельзя вычистить,—онъ сіялъ, какъ золото,—но нужно было отвести душу, придраться къ чему-нибудь.

Дуняша чуть улыбнулась.

— Какъ ты смѣешь смѣяться, дрянь?—крикнула она, ударивъ рукою по столу, такъ что браслетъ разстегнулся и упалъ.—Вонъ отсюда!

Вмигъ тарелка съ котлетою загремѣла по полу, а вилка воткнулась въ половицу. Не посторонись горничная, фарфоръ пришелся бы ей по лбу,—у Марьи Алексѣевны глазъ былъ вѣренъ, а злость придала ей силу.

Моська, поджавъ хвостъ, нырнула подъ бариновъ стулъ, но потомъ, осторожно высунувшись на-половину, стала подлизывать соусъ.

— Простите, барыня, я не знала... Не буду больше,— прошептала пожертвовавшая Дуняша, складывая руки.

— Ахъ, Боже мой!—вытолкнулъ Василій Николаевичъ, сморщившись болѣзненно и запустивъ отчаянный жестъ руку въ волосы.

Это восклицаніе только подлило масла въ огонь.

— Вамъ бы только охать... Кисель вы, мямли, рыба, вамъ дѣла нѣтъ! Ваше дѣло проучить, чтобъ не смѣла грубить,—затрещала жена дрожащимъ голосомъ.

— Да кто тебѣ грубитъ?

Дуняша, подобравъ тарелки, удрала въ кухню посѣтить о томъ, что вѣрно господа поссорились: баринъ молчитъ, а барыня «и рветъ, и мечетъ».

— А это не грубость, не грубость? Смѣетъ улыбаться... дрянь... Вѣрно не даромъ, что заступается за нее,—есть прич...

Но она прикусила языкъ.

«Что она опять говоритъ? Чисто бѣшеная... Такъ зачѣмъ же ее бѣсятъ?»

Василій Николаевичъ всталъ и ушелъ спать, не проронивъ ни слова. Марья Алексѣевна упала головой на столъ и разрыдалась злобно, желчно.

«Совсѣмъ онъ ея не любитъ, не любитъ, не любитъ!» Она чувствовала себя одинокою, жалкою, покинутою всѣми «жертвою».

Успокоившись немного, она тоже улеглась, но не забыла ни на минуту, что сегодня вечеръ и что она должна быть интересна. Она укрылась пледомъ, но заснуть не могла, ворочалась, вздыхала и нервно всхлипывала безъ слезъ. Василій Николаевичъ, напротивъ, спалъ, казалось, самымъ беззаботнымъ сномъ. Марья Алексѣевна стала размышлять на грустныя темы.

«Боже мой,—думалось ей,—неужели же чѣмъ дальше, тѣмъ онъ будетъ все хладнокровнѣе, истуканнѣе? Она чувствуетъ, что чѣмъ старше дѣлается, тѣмъ горячѣе, пламеннѣе чувствуетъ и любитъ его, тѣмъ сильнѣе въ ней и необходимѣе потребность любви. Бальзаковскія женщины — самыя страстныя; говоритъ, этотъ «бабій вѣкъ» именно опасный, роковой для нихъ. А кѣдь ему будетъ тогда сколько? Почти семьдесятъ—ужасно! Повѣситься на отдушникѣ, или удушиться подушкою—одно остается».

Она стала вспоминать разные случаи самоубійствъ.

«Какъ это умираютъ? Въ Парижѣ все угарцемъ, жаровню разведутъ... А вотъ въ послѣднее время стали съ башни бросать-

ся. Это [illegible] летишь—Умрешь». Она содрогнулась и зажмурилась, точно увидѣла себя летящей съ башни. «Маленькою, она хотѣла сдѣлать опытъ съ двумя зонтиками, взобралась на чердакъ... Спасибо, прачка увидала, а то бы теперь и замужемъ не была за этимъ... О, какъ она на него зла,—убила бы!»

— Постылый!—прошептала она, грозя кулакомъ ему въ спину и сжавъ зубы, и отвернулась.

«Нѣтъ, она бы никогда не рѣшилась на самоубійство, хотя частенько приходитъ въ голову. Лучше въ летаргическомъ снѣ быть. Одѣли бы въ бѣлое, убрали цвѣтами живыми.

Разубрали меня, разукрасили,
А ужь я ли красой не цвѣла?—

пришло ей въ голову. Ахъ, когда-то и она восхищалась этими стихами, и сама писала... про гондолу, луну, замокъ, посвящая «риѳмоплетство» учителю словесности, котораго обожала въ институтѣ. А сочиненія ея?... Напримѣръ: «Какъ великъ Богъ». Тутъ и пастушокъ съ пастушкою, и лебеди на озерѣ, подъ тѣнью плакучей ивы, и солнце... чего, чего не было? И откуда что бралось. «Геніальная головка», называли ее, «золотое сердце». Одинъ «этотъ» не цѣнитъ. Умерла бы, тогда бы оцѣнилъ».

У нея защекатало въ носу, она заморгала.

«Упалъ бы у гроба, обхватилъ его руками и рыдалъ, рыдалъ... Охъ, хотѣлось бы испытать, чтобъ узнать, насколько сильна его любовь къ ней. Вѣдь тогда бы вполнѣ выказалась. Притвориться?—Да нельзя,—выдастъ это глупое сердце... Кабы выпить что, чтобъ оно совсѣмъ неслышно билось, и вдругъ бы, когда стали опускать въ могилу, она бы встала, пробудилась отъ электрическаго... фу, что она вретъ?—отъ летаргическаго сна... Впрочемъ нельзя,—крышка закрыта... Ну, раньше... Словомъ, все равно... И вотъ бы обрадовался, съ ума сошелъ! И тогда бы навѣрно любилъ больше, дорожилъ, боялся потерять опять. Какъ это тамъ, въ «Трущобахъ» этихъ, женщина очутилась въ могилѣ... Мыши, червяки, и вдругъ слышать... у-у! Какъ это ее звали? Забыла. Она зачитывалась, упивалась этою книгой, бредила ночью мертвецами и перепугала няньку».

Марья Алексѣевна засмѣялась и заглушила смѣхъ подушкою.

«А то одинъ актеръ, играя, долженъ былъ заколоться золотою булавкой и взаправду ее всадилъ въ сердце... Что, еслибъ она?... Можно было бы спасти, или нѣтъ?... У нея есть длинная булавка для шали. За то перепугу, перепугу...»

Что-то скребнуло у двери и стихло. Марья Алексѣевна вздрогнула и уставилась туда. «Это что? Опять мышь завелись? Надо мышьяку».

Скребъ усилился, сдѣлался дерзче, перешелъ въ стукъ, громкій, смѣлый.

— Моська... Ахъ, избалованная дрянь!

«Гамъ, гамъ!»—смѣло раздалось за дверью.

— Ахъ, подлая! Еще разбудитъ... Цыцъ!—шикнула она, поднимаясь, наготовѣ задать трепку баловницѣ.

«Стоитъ заботиться объ этомъ безсердечномъ, охранять его покой».

Но не успѣла она поровняться съ дверью, какъ моська, обѣжавъ кругомъ, растворила съ размаху другую дверь, вскочила на постель Василія Николаевича, взобралась на подушку, къ нему на голову и завертѣлась, приловчаясь улечься попокойнѣе.

Марья Алексѣевна схватила ее за хвостъ, чтобы сдернуть, но моська огрызнулась и исчезла подъ одѣяломъ, внезапно приподнятымъ бариномъ. Черезъ секунду оттуда послышалось ея самодовольное сопѣнье. Марья Алексѣевна посмотрѣла на мужа; въ ней опять шевельнулось недоброе чувство.

«Видите, какія нѣжности. А попробовала бы она... Моська въ ротъ, кажется, влѣзетъ, и то ничего».

Василій Николаевичъ уже заснулъ опять, какъ вдругъ жена выпалила:

— Прогоните собаку,—она мнѣ спать не даетъ: ищетъ все блохъ, щелкаетъ зубами, на нервы дѣйствуетъ.

Никто не шевельнулся, только изъ-подъ одѣяла доносилось кряхтенье и чмоканье. Это моська, придерживаемая рукой барина, чесала ухо и потомъ облизывала лапу.

«Притворяется»,—подумала жена.

Она долго сидѣла на постели, глядя на спину мужа, потомъ медленно встала и, съ размаху навалившись на него сзади, обхватила за голову.

Испуганный Василій Николаевичъ вздрогнулъ.

— Ахъ, ну что такое, Боже мой!—сердито выговорилъ онъ.—Не мѣшай спать пожалуйста.

Онъ закрылся съ головою.

Красящее, виноватое, любовное выраженіе на лицѣ супруги смѣнилось опять задорнымъ, надутымъ и враждебнымъ.

— Ничего,—отрывисто отвѣтила она и добавила черезъ секунду:—Конечно, я не моська.

Она обругала себя за проявленіе ласки и желаніе помириться и, зарывшись головою подъ подушку, скоро заснула.

IV.

Проснувшись, она увидѣла мужа за умывальникомъ. Шторы были спущены.

«Заботливость...—подумала она.—Да не безпокойтесь, не замаслите ничѣмъ».

Марья Алексѣевна накинула на лицо плодъ и пролежала, пока мужъ не ушелъ. Тогда она вскочила, сердито велѣла «Авдотьѣ» принести чаю въ спальню, выпила двѣ чашки съ булками и приступила къ прическѣ, такъ какъ было уже поздно.

Вошелъ мужъ, подошелъ къ трюмо и пригладился, не глядя на нее, хотя она нарочно приблизила къ зеркалу лицо, выправляя брови и рѣсницы.

— Очаровательна, обворожительна!—проговорилъ онъ, усмѣхнувшись, и вдругъ, взявъ ее деспотично, двумя пальцами, за локончикъ на лбу, потрясъ его такъ, что голова закачалась.

— Эхъ, ты, смѣшная дѣвочка!

Марья Алексѣевна чуть не лишилась чувствъ; у нея даже въ глазахъ потемнѣло отъ обиды.

— Какъ вы смѣете? Вонъ изъ моей комнаты!—глухо проговорила она, чувствуя, что горло ея сдавило клещами и слезы готовы брызнуть.

— Да что ты бѣсишься сегодня?

— Вонъ, вонъ!—взвизгнула она не своимъ голосомъ,—или я убѣгу.

Она стремительно кинулась къ двери, но онъ ее удержалъ.

— Куда это?

— На дворъ, на улицу, на морозъ.

— Это зачѣмъ же?

— Горячку получить, простудиться... Пустите!—сквозь зубы пролепетала она, вырываясь и морщась отъ боли, такъ какъ онъ пальцами стиснулъ ей браслетъ.

— Маня!—убѣдительно промолвилъ онъ,—вѣдь это, наконецъ, смѣшно. Ты не маленькая и не дурочка.

— Смѣйтесь... Вамъ смѣшно. Вотъ когда умру, тогда смѣйтесь,—проговорила она сквозь слезы и заплакала тихо, капризно, жалобно, топая ногою.

Василій Николаевичъ сѣлъ и посадилъ ее на колѣни.

— Да что съ тобой?

Онъ старался повернуть къ себѣ ея лицо, но она упиралась, хотя чувствовала отъ его давленія красное пятно на щекѣ.

«Припудрюсь, ничего,—думала она.—Пусть помучается. Урокъ,—не мучай меня».

— Какая же ты, однако, злая, я не зналъ.

Онъ ее ссадилъ съ колѣнъ.

— Ну, Богъ съ тобой.

Ей почудилось, что его голосъ дрогнулъ. Сердце ея защемило. Она изподлобья глянула на него.

— Такъ зачѣмъ же ты меня злишь?

— Чѣмъ я тебя злю?

— Не знаешь... Не притворяйся пожалуйста!

— Ей-богу, не знаю.

— Я тебя о чемъ утромъ просила?

Онъ глядѣлъ, недоумѣвая.

— Забылъ?... Видно, что я для тебя интересна. Моська гораздо интереснѣе.

— Конечно, интереснѣе,—засмѣялся онъ и погладилъ ее по головѣ, проговоривъ:—Ахъ, ты, умница моя!

Этотъ тонъ снисхожденья всегда ее злилъ, но тутъ она не выдержала, кинулась ему на шею и спрятала лицо на его груди.

— Милый... ну, зачѣмъ ты смѣешься? Такъ забылъ?... А это что?

Она выставила прелестную ножку въ ажуровомъ чулкѣ и изящной туфлѣ, хоть она и безъ того была вся на виду изъ-подъ коротенькой крахмальной юпочки. Съ распущенными по плечамъ волосами, мокрыми глазами, миніатюрная, какъ куколка, она была прелестна, симпатична до-нельзя. Мужъ искренно любовался ею.

— И отлично помнишь... Все врешь.

Она глядѣла на него нѣжно, любовно, кротко, ластясь, какъ кошечка.

— Попочка, вѣдь ты влюбленъ въ свою жонку, скажи?

Она держала его за голову руками и попеременно глядѣла то въ одинъ, то въ другой глазъ.

— Опять съ глупостями... Нѣтъ, не влюбленъ!

— Въ кого же вы влюблены, сударь?

— Въ Дуняшу.

— Вре-ешь!—протянула она лукаво.—А глаза-то?.. Глаза и выдаютъ.

Она закричала, хлопая въ ладоши.

— Обожаешь, влюбленъ, страдаешь, не наглядишься. И-и, оба!—прошептала она, съ невѣроятною силой прижимая его къ груди, и впилась страстно поцѣлуемъ въ его губы.

— Больно,—прошепталъ онъ, тихо отстраняя ее и тяжело дыша,—задохнулся совсѣмъ. Фу, задушишь...

— Вѣдь мы скоро вернемся съ вечера? Мнѣ и ѣхать-то не хочется. Этотъ дуракъ и вправду подумаетъ, что я хочу его видѣть. Ужасно люблю ихъ морочить. Вѣдь онъ вообразилъ, что я готова тебѣ измѣнить ради него. Вотъ осина-то! Я его терпѣть не могу, — болтала она, водя рукой по атласу его сукна на рукавѣ и ощущая пріятное чувство отъ этого прикосновенія.

— Такъ не ѣзди совсѣмъ.

— А ты?

— Я скоро вернусь. Мнѣ нужно по дѣлу, видѣть кое-кого.

— Не женщину?

— Конечно, женщину, свой предметъ.

Она его ударила по щекѣ.

— Нѣтъ, и я. Я не разстанусь съ тобой ни на минуту. Я хочу, чтобъ ты мною любовался. Я буду такая душка. Вѣдь нѣтъ лучше меня, нѣтъ?

— Нѣтъ, есть, много есть.

Выраженіе досады пробѣжало у ней въ глазахъ.

— Врешь, нѣтъ,—для тебя нѣтъ.

— Ну, мнѣ пора,—опоздаю. Я буду ждать тебя.

— Такъ и знала!—надулась она.—Какъ заговорю о любви, сейчасъ — некогда!... Нѣтъ, ты далеко меня не такъ любишь, какъ я тебя. И не говори, не говори,—не повѣрю.

— Да я и не говорю.

— Ну, addio, mio caro, addio,—томно проговорила она.

Онъ пошелъ, крѣпко пожавъ ея руку.

— Тютичка!—крикнула она вдругъ.

Онъ былъ уже въ передней.

— Поди, поди сюда, скорѣе.

Онъ вошелъ уже въ шубѣ.

— Ну?

Она сидѣла и кивала ему лукаво, маня его пальцемъ.

— Стань на колѣнии передо мной, я тебя поцѣлую въ глазки.

— Ахъ, я думалъ, дѣло скажетъ! — досадливо вымолвилъ онъ, поворачиваясь.—Вѣдь, право, надоѣло. На все свое время!

— Ну, да, теперь на карты время. Матушка, жизненочекъ, солнце мое красное, заря восхожая, мѣсяцъ ясный,—запѣла она, протягивая руки и глядя умоляюще, — ну, на минутку, только стань, опустись.

— Прощай. Послѣ.

— Не хочу я послѣ!—взвизгнула она.

Онъ топалъ, надѣвая калоши.

— Чудовище, рыбина!—шепнула она.—Придетъ моя очередь, погоди, и я отплачу.

Она прислушалась, какъ онъ уходилъ.

«И непремѣнно папироса въ зубахъ. Хоть бы минуту побылъ безъ этой соски. Какъ это онъ еще шубу или носъ себѣ не спалитъ».

Но на душѣ у нея затихло. Прикалывая цвѣтокъ, она вдругъ нашла, что голубой цвѣтъ ей сегодня не идетъ, нужно черный. Черный придастъ ей интересную блѣдность.

Мгновенно голубая гирлянда очутилась на полу и замѣнилась блѣдно-палевою розой, живописно выглядывавшею изъ-подъ чернаго кружева, задрапированнаго на головѣ красивыми, мягкими складками.

Руки Марьи Алексѣевны дрожали, щеки начинали горѣть лихорадочнымъ румянцемъ, внутри что-то дрожало безпокойно, глаза блестѣли отъ волненія, ожиданія и нетерпѣнія. Она выглядѣла очень эффектно и совсѣмъ иначе, нежели въ коротенькомъ платьѣ. Тогда она совсѣмъ казалась козочкою, бѣленькою, нѣженькою и легкою, выхоленною, теперь же платье придало ей строгость — и въ фигурѣ, и въ очертаніяхъ лица—и какую-то таинственную, заманчивую прелесть.

Моська, не переставшая вертѣться и умильно глядѣть на нее, виляя своимъ колечкомъ, вдругъ, отъ избытка счастья и любви, разлеглась на расправленномъ и подколотомъ шлейфѣ.

Эта дерзость снова навела Марью Алексѣевну на воспоминаніе о холодности мужа, и она, уже собиравшаяся приласкать собачонку, отпихнула ее ногой такъ, что та перевернулась въ воздухѣ и съ визгомъ спряталась подъ кровать.

— Тальму, теплыя калоши,—уронила она небрежно, натягивая перчатку и въ бокъ оглядывая себя. — Ты меня проводишь. Возьми вѣеръ.

Дуняша метнулась, зацѣпилась за стулъ и стукнулась о дверь лбомъ.

— Пощади... Дверь проломишь,—усмѣхнулась барыня. Она укуталась съ лицомъ, такъ что глаза одни остались видны, и вышла, предварительно затушивъ собственноручно всѣ лампы и отдавъ строгій приказъ, чтобъ отнюдь не забыли заправить лампадку, какъ это обыкновенно случалось съ безпамятною горничной.

V.

До клуба было два шага. Веселая морозная ночь, съ мигающими звѣздами и улыбающимся ликомъ мѣсяца, звуки музыки, доносившіеся изъ форточекъ, раскрытыхъ для освѣженія залы,— отрадно подѣйствовали на душу молодой женщины и расположили ее къ веселости и спокойному настроенію. Раздраженія не осталось и слѣда. «А тамъ еще... поклонниковъ рой, танцы... божественный вальсъ, упоительная мазурка... Вася ждетъ и будетъ любоваться,—глаза загорятся; поужинаютъ и пойдутъ подъ ручку домой».

Ссору она забыла уже. Лакеи встрѣтили ее съ почтеніемъ и улыбкой уваженія, поклонами. Корридоръ былъ биткомъ заваленъ по стѣнамъ шубами, пальто, шапками. Ряды калошъ тянулись по обѣ стороны. Мужчины оправлялись передъ зеркаломъ. Кто надѣвалъ перчатки, кто очки протиралъ, кто просто глазѣлъ на пріѣзжающихъ, стоя въ дверяхъ залы. Дверь уборной поминутно открывалась, впуская и выпуская дамъ раздушенныхъ, разодѣтыхъ, подвитыхъ. Танцевали вальсъ. Марья Алексѣевна, при входѣ въ уборную, была встрѣчена радостными восклицаніями, кивками. Горничная съ фамильярною улыбкой кинулась ее раздѣвать,—Марья Алексѣевна была щедрая барыня. Кто хвалилъ ея туалетъ, кто прическу, кто красоту. Марья Алексѣевна улыбалась во весь ротъ, бросая на себя горделивые взоры въ зеркало и расправляя локончики на лбу. Она чувствовала себя въ своей сферѣ, въ своей тарелкѣ. На душѣ ея разцвѣтали розы, разливался цѣлительный бальзамъ, заглушая и безъ того уже закрывшуюся ранку раздраженія. Ее поднимала знакомая волна удовлетвореннаго тщеславія.

Въ дверяхъ залы она была подхвачена инженеромъ и понеслась въ безуминомъ вихрѣ вальса. Отъ него она перешла въ объятія полковника съ густыми эполетами и четырехъ-вершковыми надушенными усами; тамъ передана доктору-холостяку, поляку-говоруну, и, наконецъ, усталая, чуть дыша, съ бьющимся сердцемъ и поблѣднѣвшими щеками, была перенесена черезъ залу и опущена на диванъ въ гостиной товарищемъ прокурора.

Волна уже совсѣмъ подняла ее надъ землей и несла все выше и выше. «Она—центръ вниманья, поклоненія, восторговъ; она—царица, и это ее нисколько не удивляетъ».

Толпа артиллеристовъ подлетѣла къ ней, но она объявила, что кончила. Чуть пошатываясь отъ круженія въ головѣ, она прошла въ игорную, ища глазами мужа.

— Вотъ, здѣсь, сюда пожалуйте,—вскричалъ шутникъ мировой судья, привлекая ее подъ ручку къ столу.—Давно дожидается васъ супругъ.

Но Марья Алексѣевна, хоть и была близорука, инстинктомъ уже раньше узнала мужа и просіяла.

«Сейчасъ оглядитъ ее всю и...» У нея замерло сердце.

Всѣ встали, раскланялись почтительно, кто-то ей подвинулъ стулъ. Она сѣла и прикусила губу: мужъ даже не взглянулъ на нее, углубившись въ карты. Ее взорвало. Она прищурилась и оглядѣла комнату. Все знакомыя лица. Вотъ кто-то отвѣшиваетъ ей низкій поклонъ. Она граціозно наклонила голову, но не можетъ узнать въ полумракѣ... «Всѣ ее уважаютъ, одинъ онъ...»

Она взглянула на мужа. Онъ смѣялся съ партнеромъ.

«Теперь она для него не существуетъ,—теперь карты... Зачѣмъ она одѣвалась, пріѣхала? Все даромъ».

Она почувствовала тоску, досаду, озлобленье. Сдали карты. Она потянулась разобрать ихъ, но мужъ ее предупредилъ. Ноздри ея дрогнули. Подошелъ Петровъ.

«Постой же».

— Здѣсь Ливановъ? — громко освѣдомилась она у Петрова про студента.

— Нѣтъ. Говорятъ, его даже въ городѣ нѣтъ.

— Вздоръ, я съ нимъ вчера гуляла и мы сговорились быть вмѣстѣ,—нетерпѣливо отвѣтила она, хотя знала, отлично знала, что вретъ. Но что ей было до того? Ей надо было привлечь вниманіе мужа.

Василій Николаевичъ и не слыхалъ, переговариваясь съ партнеромъ.

— Но если онъ не пріѣдетъ, кадриль моя?

Петровъ глядѣлъ на нее игриво. Ее передернуло.

«Какъ онъ смѣетъ, дуракъ, дѣлать такіе глаза?»

— Такъ я буду его ждать до второй.

— Помилуйте, вторая моя!—завопилъ тотъ.—Вы вчера сами обѣщали, то-бишь—сегодня даже. Василій Николаевичъ, вы свидѣтель.

«Сейчасъ взглянетъ на меня»,—подумала она и склонила кокетливо головку.

— Что такое? — удивленно спросилъ мужъ, отрываясь отъ картъ.

Петровъ повторилъ.

Василій Николаевичъ, дѣйствительно, взглянулъ на жену, но такъ, какъ взглядываютъ на потолокъ, на стѣну,—безсмысленно, машинально, не замѣчая ихъ.

Слезы подступили у ней къ горлу; она опустила голову и стала раскрывать и закрывать вѣеръ, чтобы не выдать себя.

— Дайте мнѣ винограду! — рѣзко промолвила она, спустя минуту, Петрову.

Она знала, что мужъ не любитъ, чтобъ она брала отъ чужихъ, но сдѣлала ему на-зло. Тотъ принесъ.

— Не разоритесь?—засмѣялась она, чтобъ этимъ вопросомъ окончательно доказать, что принимаетъ виноградъ отъ Петрова, а не на свой счетъ.

Петровъ что-то шепнулъ ей, близко нагнувшись; она отклонилась, покраснѣвъ, и стала глядѣть въ карты мужа.

«Наглецъ... Сама виновата,—напросилась... Ручку поцѣловать... Она ему въ рожу дастъ вмѣсто поцѣлуя... А все изъ-за «него».

Она злобно взглянула на мужа, говорившаго о сносѣ картъ и горячо споришаго, доказывая невѣрность хода.

«Вотъ въ чемъ для него жизнь. А надъ нею смѣется... Игрокъ!»

Онъ сталъ ей противенъ. Она брякнула блюдечко съ виноградомъ на столъ и встала, хотѣла идти, но мысль, что Петровъ увяжется за нею, остановила ее. Тотъ не отставалъ, продолжая нашептывать.

— Убирайтесь!—чуть не на всю комнату крикнула она на него.—Вы—дуракъ и наглецъ!... Я съ вами не буду танцевать.

Многіе на нее оглянулись. Василій Николаевичъ нахмурился и, обернувшись, тоже строго взглянулъ на нее.

— Уходи пожалуйста, ты намъ мѣшаешь,—шепнулъ онъ.

«А, прогоняетъ... Хорошо...»

Но она не хотѣла уступить такъ скоро.

— Тебѣ везетъ?—спросила она, улыбаясь и стоя, облокотившись за его стуломъ.

— Я тебя прошу отойти. Ты насъ развлекаешь.

Она поблѣднѣла и прошла въ гостиную, стиснувъ зубы.

— Какой у васъ супругъ строгій. А должно-быть вы его побаиваетесь,—не переставалъ «наглецъ», слѣдуя за нею по пятамъ.

Она остановилась и смѣрила его съ головы до ногъ.

— Если вы не замолчите съ вашими пошлостями, я попрошу васъ вывести!—прошипѣла она.

Онъ покраснѣлъ и вытянулъ физіономію, но она уже сидѣла съ прокуроромъ въ уголкѣ, на диванѣ, и смѣялась, слушая какой-то анекдотъ. Она не танцевала больше и все время просидѣла съ нимъ. Это удивляло и занимало всѣхъ. Ей только и нужно было. «Завтра выдумаютъ сплетню, дойдетъ до мужа». Въ концѣ четвертой кадрили она замѣтила Василья Николаевича, стоявшаго у двери съ мировымъ.

«Сейчасъ подойдетъ».

Мировой, переваливаясь, шелъ къ ней и подставилъ руку кренделемъ.

— Пожалуйте.

— Это куда?

— Къ супругу.

— Мнѣ и тутъ хорошо.

— Нужно на два слова.

— Спросите эти два слова и передайте мнѣ.

— Интимныя...—убѣдительно промолвилъ тотъ, прикладывая руку къ сердцу и хлопая глазами.

— Какія бы ни были, я не двинусь.

— Такъ я и скажу.

— Такъ и скажите,—пожала она плечомъ и обернулась къ прокурору.

Василій Николаевичъ недовольно сдвинулъ брови.

«Все привередничаетъ... Несносно!... Но онъ ее уведетъ во что бы то ни стало, иначе она на скандалъ наткнется».

— Супругъ уходитъ, у него голова болитъ,—вторично подошелъ «гоненъ».

— Такъ что же?—недоумѣло спросила она.

— Вы развѣ не пойдете? Онъ васъ дожидается.

— Не пойду,—я буду танцевать мазурку.

— Съ кѣмъ же вы останетесь?

— Да съ вами.

Она сдержанно улыбалась, играя вѣеромъ.

— А неприлично?

— Я не смотрю на приличія.

— А мужъ разсердится?—продолжалъ серьезно мировой, тараща смѣшливые глаза.

— Я не боюсь.

Тотъ поглядѣлъ съ минуту на обоихъ, потомъ проговорилъ, указывая на прокурора:

— Да вы не рисуйтесь передъ нимъ. Вѣдь онъ знаетъ, что вы—примѣрная супруга, и самъ онъ—женатый человѣкъ.

Прокуроръ хохоталъ. Она обозлилась. Ее оскорбилъ этотъ циничный хохотъ, это вмѣшательство не въ свои дѣла.

— Отойдите, шутъ гороховый, вы мнѣ надоѣли!—огрызнулась она.

— Такъ серьезно остаетесь?

— Нѣтъ, шутя. Скажите, буду ужинать съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ и потомъ онъ меня проводитъ... Не откажете?

— Съ удовольствіемъ, весь къ вашимъ услугамъ!—осклабился прокуроръ-ловеласъ.

Она нарочно сказала. Мужъ какъ-то просилъ ее быть дальше отъ прокурора, циника и пошляка. Мировой покачалъ головой и отошелъ. Она зѣвнула подъ вѣеръ. Ей было невыносимо скучно слушать монотонный голосъ любезника, одни и тѣ же комплименты, повторявшіеся каждый разъ при ихъ встрѣчѣ. Но она сидѣла и сидѣла, болтала, хохотала и чуть не засыпала, такъ какъ было уже поздно. Нужно же было отплатить за равнодушіе мужа къ ея красотѣ и наряду, нужно было насолить, побольнѣе уколоть, заставить подумать, что она увлеклась, и наконецъ приревновать. Это ей казалось верхомъ блаженства, раемъ. При одной мысли объ этомъ ея сердце усиленно начинало биться.

Василій Николаевичъ, между тѣмъ, нерѣшительно стоялъ въ корридорѣ съ мировымъ. Онъ зналъ упрямство и сумасбродство жены, но ужь это переходило границы. «Ну, а какъ подойти

сказать? Еще скандалъ учинитъ. Совсѣмъ взбалмошная, невмѣняемая женщина, когда разозлится. Очевидно, злится, но отчего? Придется остаться».

Въ корридорѣ мелькнуло черное платье. Марья Алексѣевна оглянулась и направилась къ нимъ.

— Ты уходишь?—враждебно начала она.

— Да, нездоровится.

— А ужинать? Ты обѣщалъ.

Лицо его было усталое, мятое. У нея сжалось сердце.

«Вѣрно вправду боленъ».

— Хорошо, я иду.

— Вотъ этакъ-то лучше, не уступать,—шепнулъ ему мировой.—Однако, у нея характерецъ—ой-ой!

Она впереди его, молча, вышла изъ клуба.

— Не упади, дай руку,—промолвилъ онъ на крыльцѣ. Она молча подала. Онъ осторожно ее свелъ.

VI.

— Маня,—началъ онъ уже на улицѣ,—я долженъ тебѣ сказать, я нарочно увелъ тебя,—у меня голова не болитъ...

«Увелъ... Черезчуръ сильно,—подумала она.—Что дальше?»

— Ты себя окончательно неприлично вела сегодня. Мнѣ было совѣстно за тебя. Помилуй, развѣ можно допускать такую близость?

— Какую близость? Это еще что за новости?—промолвила она строго, вырывая руку.

— Какъ какую? Ты весь вечеръ сидѣла съ прокуроромъ. Гдѣ это водится? Это извѣстная дрянь. Если тогда съ Ливановымъ сошло, то тутъ навѣрное сплетню выдумаютъ. Этотъ негодяй первый пуститъ. Такихъ людей надо сторониться. Сидѣть цѣлый вечеръ въ углу, шушукаться все съ однимъ — это безтактность. И съ Петровымъ ты такъ рѣзка... Нельзя дѣлать все на-показъ. Мало ли кто не симпатиченъ? Нужно умѣть владѣть собой. Не хочешь же ты себя сдѣлать сказкою города. Тебя до сихъ поръ всѣ уважали.

Торжествующая улыбка промелькнула на губахъ Марьи Алексѣевны.

«Ревнуетъ наконецъ!»

— Что это ты, ужь не ревновать ли вздумалъ?—насмѣшливо спросила она.

Они стояли у воротъ. Онъ позвонилъ.

— Ты сама знаешь, что я тебя никогда не ревновалъ.

«Еще бы не знать... Слишкомъ хорошо знаю».

— И не буду ревновать.

«Ну, это еще увидимъ. Бабушка на-двое сказала».

— Слѣдовательно, нечего и глупости говорить на вѣтеръ. Морочить меня нечего.

— Еще бы. Вы такой благородный. У васъ всегда разумъ на первомъ планѣ. У кого нѣтъ сердца, тотъ всегда прикрывается головой.

Они всходили по темной лѣстницѣ.

— Какъ и у всѣхъ, я думаю. Дай руку,—унадешь.

— Меня сдѣлайте исключеніемъ. Безъ вашей помощи дойду и... проживу,—не маленькая!—оттолкнула она его руку.

— Нѣтъ, маленькая, значитъ, если даже держать себя не умѣешь прилично.

Они дошли до двери. Ихъ руки встрѣтились у звонка. Точно искра электрическая пробѣжала по тѣлу молодой женщины.

— Хочу и буду!—отрѣзала она.

Она сильно рванула дверь и, ударившись грудью о ручку, застонала.

— Ну, вотъ, вѣчно съ своими рѣзкостями. До добра не доведутъ! — заботливо произнесъ онъ и прибавилъ:—Ушиблась?... Очень больно?

— Ахъ, отстаньте!

Дуняша, въ одной юпкѣ, босикомъ, прикрывшись платочкомъ, чиркала спичками, чтобы зажечь свѣчу. Марья Алексѣевна, кряхтя, прошла въ спальню, сбросивъ на ходу тальму на полъ. Мужъ ее поднялъ и бережно повѣсилъ на вѣшалку. Изъ передней слышались его и Дуняшинъ голоса. Марья Алексѣевна вдругъ затихла и затаила дыханіе. Ей показалось, что мужъ любезничаетъ съ горничною. Она подкралась къ двери и прислушалась.

— Когда присылали?—спрашивалъ мужъ.

— Да вотъ какъ ушли, скоро послѣ того.

— Надо было прислать,—можетъ нужное. Это всегда такъ!—недовольно отвѣтилъ онъ, и шаги его зазвучали дальше.

Марьѣ Алексѣевнѣ совѣстно стало за свои подозрѣнья.

— Авдотья!—крикнула она, загремѣвъ дверью.

Дуняша вздрогнула всѣмъ тѣломъ и сжалась.

— Это что за разгильдяйство?... Голая скоро будешь барину

показываться?—продолжала она уже въ спальнѣ, пока та раздѣвала ее.—Это что, это что?

Она рванула за платокъ, прикрывавшій ея плечи. Дуняша опять стыдливо прикрылась.

— Завтра получишь разсчетъ, — я не могу такихъ безстыжихъ держать.

Она нагнулась надъ умывальникомъ, испугавшись, что та догадается объ ея мысляхъ и посмѣется.

«Вотъ какая я гадкая, скверная, злая. Хочу его заставить ревновать, а самой только показалось, такъ... Каково же бы и ему было? Эгоистка я и ничего больше...»

— Ступай. Попробуй еще разъ раздѣться раньше...

Дуняша вышла, сильно стуча пятками. Марья Алексѣевна медленно улеглась, медленно надѣла чепецъ, медленно растерла кольдъ-кремомъ лицо и руки, взбрызнула одеколономъ постель, потерла имъ руки и кофточку и, повернувшись спиною къ постели мужа, легла. У нихъ были разныя постели, которыя Марья Алексѣевна сдвигала и раздвигала по своему капризу. На этотъ разъ онѣ стояли рядомъ. Такъ она пролежала минуты двѣ, прислушиваясь къ стуку тарелокъ. Мысли, безъ связи, копошились въ ея разгоряченномъ мозгу. Ей живо представилась моська, на заднихъ лапкахъ, съ хвостикомъ закорючкою, положивъ мордочку на колѣни барина, въ ожиданіи подачки,—спокойное, сытое лицо мужа, его плавныя, точно разсчитанныя, движенія. Она такъ ужь изучила эти движенія и пріемы: какъ онъ закуриваетъ папиросу, какъ ходитъ или сидитъ съ газетою, какъ даже за солью руку протягиваетъ. Всегда одинаковъ, хотя бы малѣйшее измѣненіе въ чемъ. Вѣдь это наконецъ противно, невольно разстраиваетъ первы, какъ этотъ противный монотонный звукъ воды, капающей изъ умывальника въ ведро, съ однообразнымъ шлепаньемъ. Она вскочила, заткнула пробкой отверстіе таза и вдругъ, словно по высшему наитію, стала босикомъ раздвигать кровати, спѣшно, дрожа отъ желанія поскорѣе сдѣлать. Мужъ засталъ ее, когда она, вся красная, натужившись, тащила тяжелый ночной шкапчикъ, приподнявъ его отъ земли, чтобы не дѣлать шума. Онъ остановился въ дверяхъ.

«Гнѣвается, значитъ, не на шутку», подумалъ онъ.

— Здравствуйте! Перемѣна декорацій опять? — засмѣялся онъ. — Ну, ну, давай я тебѣ помогу. И босикомъ. Глупая ты киска... Опять хочешь насморкъ получить?

«Нѣтъ, это невозможно! Его ничѣмъ не расшевелишь».

— Сами вы котъ жирный, заплыли жиромъ отъ вашего довольства... У... ю-юй!

Она бросила столъ и, схватившись за ногу, стала вертѣться на другой, какъ ребенокъ. Нечаянно она ударилась косточкою объ уголъ.

— Боже мой, Боже мой!

— Отдавила? Ну, вотъ и отлично,—не будешь больше безобразничать. Приложи холодной водой.

Она исистово замахала рукой, сжимая другою раненую ногу.

«Ему все равно, а еще любитъ... Радуется. Кабы совсѣмъ отвалилась, охромѣла, и то бы... Извергъ, чудовище! Небось, кабы моська...»

Она упала головой въ подушку и заплакала. Мужу стало ее жаль. Онъ сѣлъ къ ней, обнялъ ее и, пригнувшись къ самому уху, сталъ нашептывать шутливо и нѣжно:

— Ну, кисынька, уточка моя, птичка, рыбка золотая, до свадьбы заживетъ. Спрячь ножку, а то простудишься.

Она его оттолкнула. Плачъ усилился. Онъ ее уложилъ насильно, укуталъ и сталъ цѣловать въ шейку, гдѣ вились мелкіе волосики.

«Ахъ, какъ онъ любитъ свою кисыньку! Не столько страстно, сколько преданно, нѣжно. Это какая-то идеальная любовь, рѣдкая...»

Но рюмка водки, выпитая имъ въ клубѣ, во время игры, передъ пирожкомъ, да рюмки двѣ мадеры за ужиномъ сдѣлали то, что въ эту минуту онъ позабылъ объ идеальномъ и, увидавъ ея ножку, выглядывавшую изъ одѣяла, поцѣловалъ ее. Ножка дрогнула, спряталась. Ему показалось, будто Маня фыркнула. Онъ самъ собирался засмѣяться, какъ она подняла голову и, сдвинувъ брови, проговорила:

— Что вамъ нужно отъ меня?

Онъ даже не нашелся, что отвѣтить сразу.

— Чтобъ ты меня поцѣловала!—сказалъ онъ, обхватывая ее за плечи.

Она уперлась руками въ его грудь и откинула голову.

— Подальше, прошу,—и не намѣрена шутить.

Лицо ея было трагично. Онъ захохоталъ, какъ смѣются надъ дѣтьми, напустившими на себя [illegible].

— Слышите?—заскрежетала она зубами,—вы меня оскорбляете при всѣхъ, чтобъ всѣ видѣли и сказали, что я—боюсь, овца глупая.

— Никто этого не скажетъ,—спокойно возразилъ онъ.

— Нѣтъ, скажутъ, скажутъ! Первый Ѳедоръ Алексѣичъ...

— Ну, и пусть. Тебѣ-то что?

Но она продолжала, захлебываясь и обрывая слова:

— Если еще разъ осмѣлитесь, я нарочно останусь на чужой счетъ ужинать,—я не хочу униженья.

— Какого униженья?

— Чтобъ всѣ видѣли, что помыкаете, на помочахъ меня водите.

— А кто говорилъ, что для того, кто любитъ, нѣтъ униженья ни въ чемъ?

— Никогда я не говорила.

— Такъ я буду записывать и обличать тебя.

— Кто любитъ... А я васъ терпѣть не могу.

— Съ какихъ поръ?

Ей хотѣлось ему вцѣпиться въ волосы, въ глаза, за его равнодушный тонъ. Онъ ее лишалъ самообладанія. Она голову теряла.

— Давно... Одинъ вы не видите. Вамъ мое удовольствіе гроша мѣднаго не стóитъ... Эгоистъ, притворщикъ, обманщикъ!... Не смѣйте трогать!

Она яростно отбивалась чуть не кулаками, морщась отъ боли, когда ея кости стукались объ его кости.

— Покорно благодарю. Кого же вы любите?

— Прокурора.

Она тяжело дышала. Мужу было смѣшно.

«Одною рукой могу сдавить и ничего не останется, а туда же, кошечка, бархатныя лапки»,—подумалъ онъ.

— Ступайте, я хочу спать!—вымолвила она отрывисто, зажмуриваясь.

— Не уйду!—шепотомъ отвѣчалъ онъ.—Ну, кошечка, дѣточка, прости меня, если я обидѣлъ тебя; ты знаешь, какъ я тебя люблю. Ты—моя честь, и я не позволю, чтобъ мое, твое имя... Ты сердце мое,—одно мое на свѣтѣ,—понимаешь ты?

«Ахъ, блаженство!—она упивалась этими словами.—Онъ, передъ ней, святой, а она вѣдьма.»

— Серьезный человѣкъ не говоритъ о сердцѣ. Это унижаетъ его достоинство мужчины, дѣльца,—буркнула она, отстраняя его слабо.

Что бы она дала, чтобъ обвить его шею руками и прижаться къ нему поцѣлуемъ и замереть такъ. Но руки лежали, какъ плети, вдоль одѣяла, губы сжались и были сухи, глаза сомкнуты.

— Мосинька, умилостиви хоть ты барыню,—продолжалъ онъ, взявъ моську, удобно примостившуюся у подушки клубкомъ и вилявшую во снѣ хвостикомъ, и пихнулъ ее къ лицу жены. Моська съ просонокъ залаяла и полѣзла къ ней на голову, но тотчасъ начала лизать у нея за ухомъ. У нея ни одинъ мускулъ не дрогнулъ; лицо ея было каменное, безжизненное, и еслибъ не сердце, бившееся, какъ голубь, можно бы было подумать, что она умерла. Она сама удивлялась въ себѣ этой стойкости, твердости характера. Мужъ взялъ ее за голову и сталъ цѣловать въ губы, медленно, горячо, долго, твердо вѣря, что уже это должно растопить «чудную льдинку». Но губы ея не шевельнулись и отвѣтнаго поцѣлуя не послѣдовало.

Онъ всталъ, вздохнулъ и отошелъ. У него что-то повернулось въ груди. Она никогда не бывала такою. Что означало это?

У нея даже передернуло внутри. Она глянула на него въ полглаза.

«Сейчасъ, сейчасъ кинется къ нему,—не выдержитъ. Ахъ, дрянь она! Чего она добивается, чего?!»

Но другой голосъ, не менѣе сильный и убѣдительный, шепталъ съ другой стороны:

«Если теперь, безъ причины, такъ ласкаетъ, то что же будетъ, когда ты затронешь его, дѣйствительно, за живое?»

Картины, одна другой плѣнительнѣе, заиграли передъ ея глазами. Вотъ она видитъ его на колѣняхъ, рыдающаго; онъ клянется въ вѣчной любви, умоляетъ не покидать его,—говоритъ, что умретъ, потерявъ ее... «Господи, ну, хоть бы на мигъ испытать подобное что-нибудь. Зачѣмъ она не встрѣтилась съ нимъ раньше, въ его молодости? Но тогда вѣдь ей было десять лѣтъ всего, не больше, и любовь на умъ не шла... Впрочемъ, нѣтъ—шла: она была влюблена даже семи лѣтъ въ своего учителя танцевъ, а потомъ въ учителя музыки. Тринадцати лѣтъ она даже мечтала совсѣмъ не по-дѣтски. Она не виновата, что развилась рано. Ей съ малолѣтства не запрещали ничего читать, а какъ кончила курсъ, на французскіе романы набросилась, глотала ихъ съ жадностью... А теперь ужь и исправиться не легко, переродиться,—корни пущены черезчуръ глубоко. Вѣдь она убѣждена, что умри Вася,—ахъ, сохрани Богъ!... (она даже перекрестилась

подъ одѣяломъ, взглянувъ набожно на образъ),—она бы, навѣрное, не вышла больше замужъ и не полюбила. Даже еслибъ былъ боленъ, калѣка, съ нея бы довольно было его присутствія, голоса, взгляда, пожатія руки. Вѣдь истинное ея чувство къ нему такое тихое: довѣріе, дружба, уваженіе, нѣжность,—совсѣмъ платонизмъ. Да вѣдь нельзя же прожить однимъ этимъ всю жизнь. Вѣдь они—мужъ и жена, и самъ Богъ...» Она начала припоминать обрядъ вѣнчанія, слова, которыя говорилъ и читалъ священникъ. «Жена да боится мужа, а мужъ да любитъ жену». Кажется, что-то въ родѣ этого... Ей стало смѣшно. «Она боится—вотъ смѣхъ. Онъ скорѣе трепещетъ. Вѣдь, ей-богу, боится, что она разлюбитъ его когда-нибудь. Разъ какъ-то проговорился, и она ему за это дала щелчокъ въ носъ и проревѣла потомъ цѣлый часъ. Онъ не смѣетъ не вѣрить въ нее. Это—кощунство. Нуженъ ей кто!... Лучше его никого нѣтъ нигдѣ. Да еслибъ и были,—она на нихъ и смотрѣть не захочетъ. Если бы можно было взять вѣсы и взвѣсить ихъ чувства другъ къ другу, то ея бы перетянули, навѣрное. А какъ хорошо было вѣнчаться! Она струсила, какъ вошла въ церковь... Вѣдь она была красоточка подъ бѣлою вуалью, какъ въ туманѣ. Батюшка подвелъ его; она чуть не кинулась къ нему на шею,—до того обрадовалась. Стыдно ничего не было,—они были ужь такъ близки душою. А жутко какъ то... Не то, что обрядъ, важность его,—по правдѣ, ее больше всего занимало платье и вуаль, розовый платокъ, торжество дня, ужинъ съ поздравленіями, балъ,—а оттого было жутко, что всѣ глядѣли, церковь была биткомъ набита. Все время она улыбалась, глядя на него сбоку, и думала о томъ, какъ это они останутся en deux, tête-à-tête?... А какъ стали водить кругомъ, она ему руку стала жать. О томъ, что она несчастна можетъ быть, она не думала, потому что это несообразно было бы съ ея настроеніемъ; такъ оно и вышло. Впрочемъ, нѣтъ, при всемъ счастьи, она бываетъ иногда такъ такъ несчастна, что не задумалась бы умереть. Напримѣръ теперь: вотъ она мучается, а онъ и ухомъ не ведетъ, дрыхнетъ. Какой то чурбанъ!»

Василій Николаевичъ зашевелился и, поднявшись, выпилъ изъ графина. «Не спитъ. Значитъ—взволнованъ, если пьетъ. Она—причина... Ему больно, тяжело,—она его обидѣла, огорчила, оскорбила. Да, небось нехорошо, а когда мнѣ... Можетъ-быть онъ оттого пьетъ, что соленаго объѣлся!»

Она припомнила обѣдъ. Соленаго ничего не было.

«А котлета, а тарелка хорошая?... Даромъ разбила. Ну, не вѣдьма ли?... Да еще кіевская, змѣя подколодная. Она ноги его должна цѣловать—вотъ что».

Слезы затуманили ея взглядъ, губы задрожали, искривились.

«А что если бъ онъ измѣнилъ ей,—простила бы она, или нѣтъ?»

Глаза ея устремились на лампадку, съ изображеніемъ какой-то святой. Сердце расширилось, наполнилось умиленьемъ.

«Да, все бы простила. Она бы пожертвовала собой... его счастью. Вотъ эти мучились, а она, любя, сама мучитъ. Господи, прости ее, окаянную грѣшницу,—никогда больше не будетъ. Голоса не возвыситъ и будетъ его обезоруживать кротостью агнца. Вѣдь, въ сущности, она его ребро, ничто другое... Впрочемъ, нѣтъ, Адамово ребро...»

Она набожно перекрестилась и тихонько дернула за одѣяло мужа.

Тотъ не двинулся.

Она встала, неслышно наклонилась надъ нимъ, слушая его дыханье.

«Неужели ужь заснулъ? Ну, кабанъ,—никакого чувства жалости нѣтъ и человѣчности. И ничего ему не подсказываетъ, что я мучусь, каюсь?»

Мужъ мѣрно, спокойно дышалъ. Моська покоилась на его рукѣ.

«Милая собачка, бархатная головка, отласныя ушки». Она поцѣловала моськино ухо и перевела губы на волосы мужа.

«Ухъ, сколько сѣдыхъ волосъ!... А все черезъ меня».

И, убаюкивая себя этою надеждой, она отвела одѣяло отъ его лица и заглянула черезъ его плечо. Моська подняла морду и уставилась на нее заспанными, слипавшимися глазами, потомъ протяжно зѣвнула.

Василій Николаевичъ, почувствовавъ на себѣ ея взглядъ, раскрылъ глаза и обернулся. На него смотрѣло покорное, виноватое лицо, съ блестящими отъ слезъ глазами.

— Попочка, прости, я—гадкая... Я тебя люблю ужасно!—дрогнувшими губами выговорила она, припадая къ его рукѣ.

Онъ вздрогнулъ, закрылъ глаза и привлекъ ее къ себѣ.

— Ахъ ты, прелесть моя!—нѣжно прошепталъ онъ, цѣлуя ее въ голову.

Она спрятала лицо на его плечѣ и крѣпко прижалась къ нему.

VII.

Марья Алексѣевна, заснувшая съ отраднымъ чувствомъ на рукѣ мужа, проснулась съ головною болью. Мужа уже не было. Отдернувъ занавѣсъ, она увидѣла пасмурное сѣрое небо, туманъ вдали, мелкій, мокрый снѣгъ, падающій и липнущій къ стекламъ, и на душѣ у нея стало тоже кисло и пасмурно. На природѣ былъ больной, плачевный видъ. Лицо Марьи Алексѣевны было тоже блѣдно, желто, подъ глазами темно. Она даже руками всплеснула. «Что такое?» Вдругъ она покачнулась и чуть не упала, но схватилась за столъ. «Голова кружится, тошнитъ, бьется сердце... Неужели?...»

Марья Алексѣевна кликнула Дуняшу, лѣниво приказала себя одѣть, надѣла изящный капотъ, чепчикъ и улеглась въ граціозной позѣ, нюхая одеколонъ. Она и припудриться не забыла. На губахъ ея блуждала томная улыбка, глаза подернулись влагой мечтательности.

— Вася!—кликнула она растянутымъ голосомъ.

Тотъ вошелъ, тоже хмурый, кислый, съ гримасою на лицѣ.

— Что тебѣ, Маня?

Она съ тихою улыбкой протянула ему руку.

— Сядь, милый. Ты боленъ?

— Нездоровъ,—голова болитъ.

— Какое у насъ сочувствіе. Знаешь, что я тебѣ скажу? Ты радъ будешь, скажи?

Въ голосѣ ея звучала драматическая нотка.

— Ахъ, жизнь моя, насилу-то!

Онъ глядѣлъ на нее съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: «Ты не рехнулась ли, Маничка?»

Она приподнялась, уцѣпившись за его рукавъ, и дотронулась до его уха.

— Я, кажется, «того»..:—прошептала она смущенно, опуская глаза.

— Что «того?»—недоумѣло спросилъ онъ.

Она дернула бровками и плечиками.

— Ахъ, какой!... Все надо разжевать и въ ротъ положить. Никогда самъ не поймешь. Пискунъ будетъ—вотъ что.

Онъ наморщилъ лобъ.

— Пискунъ?

— Ахъ, милый, ну, что это за наказаніе!—раздосадованно вскричала она, ударяя его по рукѣ.—Видишь, я какая. Хороша? Это чего признаки, чего? Ну, понялъ теперь?...

Василій Николаевичъ засмѣялся и погладилъ ее по щекѣ.

— Ахъ ты, моя фантазёрка! Успокойся, милая, это просто угаръ. У меня тоже тѣ же признаки. Вчера Дуняша, отъ усердія, рано закрыла печку и рано отдушники открыла. Одѣнься и погуляй,—пройдетъ.

Онъ собирался уйти. Она разочарованно глядѣла передъ собой. «Вотъ тебѣ и мечты, и надежды, и преждевременная радость! А все-таки онъ—безсовѣстный: развѣ можно такъ рѣзко, точно обухомъ по головѣ? Пискунъ и... угаръ,—похоже!... Всѣ они—грубые матеріалисты, циники».

Но на воздухъ надо было непремѣнно. Въ головѣ ея тотчасъ созрѣлъ планъ. Она надѣла изящную шляпку, блестящую, какъ игрушка, шубку, бѣлый шелковый платокъ на шею и вышла въ кабинетъ.

— Я ѣду съ тобой!—объявила она безапелляціонно.

Василій Николаевичъ, съ моською на колѣняхъ, заслоненный газетой, не шевельнулся.

— Нельзя,—отвѣтилъ онъ.

— Это почему еще?

— Потому, что нельзя. Я долго буду въ думѣ.

— Я тебя подожду, посижу, а тамъ поѣдемъ кататься.

— Ахъ, Боже мой, да нельзя же! Не приставай лучше.

Онъ началъ одѣваться.

— Спрячь моську, а то уйдетъ,—приказалъ онъ.

Она молчала, сдвинувъ брови и обрывая концы платка.

— Такъ рѣшительно не хочешь брать съ собой?—задорно спросила она, когда онъ надѣвалъ калоши.

— Не не-хочу, а не могу. Ступай, гуляй.

— Не хочу я гулять,—я ѣхать хочу!

— Поѣзжай, а я пѣшкомъ пойду.

— Ты знаешь, я не выношу противорѣчій? Ты меня хочешь сдѣлать желчной, какъ шафранъ?

— Прощай. Такъ не нужна лошадь?

— Убирайтесь вы съ вашей лошадью!

Она сѣла; глаза ея потемнѣли. Перчатка треснула и полетѣла на полъ; изящная шляпка была сорвана съ головы и брошена на диванъ. Она топнула и закрылась руками, собираясь разлиться

слезами негодованія. Но вдругъ вспрыгнула, кинулась въ корридоръ. Мужъ садился, кутаясь въ шубу.

— Такъ не возьмете?—выпалила она изъ окна.

Отвѣта не послѣдовало. Сани тронулись, скрипя полозьями.

— Вы меня больше не увидите. Слышите?—закричала она благимъ матомъ.

Сани завернули за уголъ дома и скрылись.

— Да что же я за несчастная?—вскричала она, взмахнувъ руками, и начала оправлять завернувшееся платье. Она вернулась въ домъ и сѣла въ раздумьи.

«Куда онъ могъ поѣхать, если нельзя ее взять? Въ думу?—Тамъ она сколько разъ его ждала на лошади. Почему же сегодня нельзя? Что за особенная причина?—Придирка просто. А если у него свиданіе? Пройдетъ въ думу, а оттуда, задними воротами, въ городъ и... У-у, измѣнникъ! Она убьетъ его тогда, застрѣлитъ. Нѣтъ, его жалко, не хватитъ духу,—а ту, подлую, соперницу... и его вмѣстѣ, обоихъ». Она кинулась къ ящику, вытащила револьверъ въ чехлѣ, оглядѣла...

— Ай, заряженъ!

Она бросила его испуганно на столъ и отскочила. Ей всегда казалось, что онъ можетъ самъ выпалить. «Себя хватитъ развѣ? Фу, стоитъ того! Плевать ей на все! Пусть измѣняетъ,—она ему этимъ же отплатитъ. Только кивнуть первому встрѣчному... прокурору. Фу, гадость!»

Она съ ожесточеніемъ плюнула.

«Нѣтъ, зачѣмъ такъ круто? Она лучше придумаетъ».

Она обернулась къ дивану за шляпкой. «Гдѣ-жь она?» Моська рычала подъ столомъ и злилась; вотъ показался ея хвостикъ, спинка дымчатая съ полоской, голова съ курносымъ носомъ и хлопавшими ушами, и—о, ужасъ!—обомлѣвшимъ очамъ хозяйки представилась шикарная шляпка въ зубахъ моськи. Одно изъ кудрявыхъ страусовыхъ перьевъ было оторвано, изуродовано и наполовину съѣдено. Моська торжественно тащила бренные останки «игрушки» въ гостиную, подъ диванъ, «доѣдать».

Марья Алексѣевна взвизгнула и кинулась за ней. Моська улепетывала во всѣ лопатки, выронивъ въ залѣ недоѣденное изящество, и спряталась подъ диванъ. Но раздраженная барыня вытащила ее за хвостъ и, несмотря на ея вопль, подняла надъ землей за уши, потрясла и выкинула за дверь, приправивъ наказаніе здоровеннымъ пинкомъ ногой. Подвергнутая остракизму,

моська спаслась бѣгствомъ на дворъ, гдѣ стала лаять, гоняясь за курами. Поднялся писк, визгъ, клохтанье, — словомъ, концертъ невообразимый.

Но Марья Алексѣевна не слышала и не видѣла ничего. Въ другое время она бы отхлестала моську, но въ эту минуту отчаянія она помнила одну шляпку съ отгрызаннымъ перомъ... Она замерла надъ ней. Озлобленіе противъ мужа усилилось. «Это все онъ виноватъ, одинъ онъ! Еслибы взялъ съ собой, она бы не бросила ее; а не скатись она, собака бы не сгрызла. Какъ теперь поправить?»

О вчерашнемъ смиреніи не было и рѣчи. Кое-какъ, дрожащими руками, поправила она изъянъ и ушла, не предупредивъ никого.

VIII.

Вернувшись домой поздно, Василій Николаевичъ не нашелъ жены и обрадовался, надѣясь, что воздухъ разсѣетъ ея дурное настроеніе. Но пришло время обѣда и онъ спросилъ у горничной, гдѣ барыня. Та отвѣчала съ удивленіемъ, что не знаетъ.

Василій Николаевичъ заглянулъ въ картонку, въ шкапъ: ни шубы, ни шляпы,—ушла. Онъ пообѣдалъ одинъ и легъ спать въ полной увѣренности, что жена зашла къ знакомымъ, какъ и бывало часто, и осталась обѣдать, но что не замедлитъ вернуться къ чаю и разбудитъ его поцѣлуемъ. Онъ очень любилъ покой и семейную жизнь, уютную комнату съ лампочкою подъ розовымъ абажуромъ, самоваръ и ручки Манички въ колечкахъ и браслетахъ, копошащіяся на столѣ у чашекъ. Обѣдать безъ нея ему было чистымъ горемъ. Онъ такъ привыкъ къ ея голосу, смѣху или ругатнѣ, надутости, которая шла къ ней какъ нельзя лучше. А чай, налитый не ея ручками, казался и не такимъ сладкимъ, и не такимъ вкуснымъ.

Но Маничка и къ чаю не вернулась. Василью Николаевичу досадно стало. «И гдѣ она можетъ пропадать? Она никогда такъ долго не бывала въ отлучкѣ. Ужь не случилось ли чего? Не заболѣла ли и не можетъ дойти?... Тогда бы прислали сказать».

Онъ послалъ Дуняшу къ однимъ знакомымъ узнать, тамъ ли барыня, и просить скорѣе домой, а самъ сталъ ходить по комнатамъ, размышляя объ ея странномъ характерѣ. «Право, онъ не могъ сказать навѣрное, что она сдѣлаетъ черезъ полчаса. Во всемъ порывъ, и всѣмъ занимается порывами: накинется на что и днями не разстается съ своею фантазіей; а то броситъ сразу и ужь

ничѣмъ не заставишь взяться опять. Напримѣръ, въ первый годъ женитьбы что пришлось вынесть? Вдругъ задалась идеей на сцену поступить, перестала ѣсть, пить, бредила и днемъ и ночью, похудѣла, какъ тѣнь стала. Такъ прошло съ мѣсяцъ, а тамъ себя назвала дурой, и вѣдь искренно, съ убѣжденіемъ, и всѣмъ кричала о томъ, что съ ума сошла, съ жиру взбѣсилась. Потомъ пѣніемъ занялась съ жаромъ, музыкою; а теперь бросила и не заманишь къ роялю,—вдругъ нашла клавиши тугими. Чего-чего не придумывала! А вотъ не будь ея, и жизнь бы опустѣла, потемнѣла. Въ комнатѣ и то пусто безъ нея, неприглядно, не хватаетъ чего-то. Онъ привыкъ во всемъ видѣть ея руку, ея глазъ, ея вкусъ. И все то, что бы она ни творила, ему кажется верхомъ совершенства, идеальнымъ. А что если онъ не всегда потакаетъ, то желая ей же пользы. На такіе характеры непремѣнно маленькая узда нужна, иначе они погибнутъ. Погибнутъ... Примѣнимо это и къ ней развѣ? Могла ли бы и она погибнуть?— Конечно, больше, чѣмъ кто другой. Какъ-то она сказала, что, разлюби онъ ее, она бы сгоряча на всякую гадость могла рѣшиться, даже пасть, кокоткой сдѣлаться. Такъ вотъ и сказала прямо. Не думалъ совсѣмъ жениться, а увидѣлъ ее... Что значитъ судьба!»

Вернувшаяся Дуняша объявила, что барыни тамъ нѣтъ и не была.

«Значитъ, у другихъ. У кого? Не посылать же ко всѣмъ... Смѣшно: жена сбѣжала, мужъ ищетъ; скажутъ, боится, что рога наставитъ... Ничего я не боюсь и не ревную, а просто зло беретъ отъ ея глупостей. Что за шалости, что за шутки неумѣстныя? Шутила бы дома, а не дѣлала бы на-показъ всѣмъ».

Но за сердце скребло и грызло. Клубъ былъ забытъ, карты потеряли прелесть и не тянуло къ нимъ.

Стемнѣло; загорѣлись фонари, огни въ домахъ.

«Это чортъ знаетъ, что такое!»

Онъ пошелъ въ клубъ, но сыгралъ всего три робера, проигралъ, къ великому изумленію всѣхъ, не простился ни съ кѣмъ и ушелъ.

— Барыня дома?—хотѣлъ онъ спросить у кучера, но устыдился и промолчалъ.

Отворила Дуняша. Ужь это одно обстоятельство указало ему истину, но онъ подумалъ, что жена сердится еще, или полѣнилась встать, побоялась холода.

— Пришла барыня?—спросилъ онъ для очистки совѣсти больше.

Дуняша, съ просонокъ, не разобрала.

Онъ повторилъ съ сердцемъ вопросъ. Та отвѣтила отрицательно и подумала:

«Вотъ потѣха-то: барыня наша пропала. Чудны дѣла твои Господи!» (эту фразу она подхватила у барыни).

У Василья Николаевича заныло, защемило внутри еще сильнѣе.

«Ужь это, наконецъ, изъ рукъ вонъ!»

Онъ не дотронулся до ужина, состоявшаго изъ сыру и молока и стоявшаго на ея письменномъ столѣ, зажегъ свѣчку и машинально сталъ заглядывать подъ кровать, на шкафъ, за кушетку, гдѣ висѣли ея юпки, подъ простыню.

«Какъ онъ глупъ! Станетъ она прятаться теперь, какъ бывало... Нѣтъ, ужь это не шутка; это—скандалъ, безобразіе, а не игра, не комедія».

Ему вспомнилось, какъ часто, возвращаясь изъ клуба, онъ принужденъ былъ искать свою шалунью, и какъ она, открытая въ своей засадѣ, радовалась и прыгала ему на шею. Разъ за кроватью нашелъ; у нея даже ноги затекли, и она насилу выдержала, а потомъ охала. А то, за шкафомъ, на окнѣ за занавѣсью спряталась и выдала себя, фыркнувъ, такъ какъ онъ не могъ ее найти. А то забралась въ шкафъ съ платьемъ... Онъ ощупалъ, потомъ заперъ на ключъ шкафъ и она закричала, боясь задохнуться, и стала стучаться въ испугѣ.

Сердце его перевернулось при этихъ дорогихъ, счастливыхъ воспоминаніяхъ.

«Что ему дѣлать: ждать ее, или спать? Но развѣ сонъ пойдетъ на умъ?... Читать?»

Онъ взялъ газету, но строчки передъ его глазами и слова сливались, расплывались... Онъ бросилъ газету. Моська, чувствуя себя забытой, кусала его за ноги, въ порывѣ оскорбленнаго чувства.

Василій Николаевичъ подошелъ къ окну. Ночь была темна; не было слышно ни звука, только изрѣдка проѣзжалъ съ глухимъ гуломъ извощикъ, да раздавалось откуда-то трынканье гармоники и возгласъ запоздавшаго сапожника, распѣвающаго пѣсни и выводящаго ногами «мыслѣте» по упругому, подмерзшему снѣгу. Все тоскливѣе и тоскливѣе дѣлалось на душѣ Василья Николаевича. Онъ долго стоялъ, вперивъ глаза въ темноту ночи. Сердце его стучало какъ маятникъ въ часахъ, висѣвшихъ надъ дверью. Вотъ они зашипѣли и послышались удары.

«Двѣнадцать!—прошепталъ онъ.—Господи, что же это? Куда она ушла, зачѣмъ?»

Рука его невольно легла на глаза, оттуда перешла на голову и замерла, вцѣпившись пальцами въ густые, волнистые волосы. Онъ не чувствовалъ ни гнѣва, ни злобы, но разбитость, усталость, доходящія до отчаянія.

«Наконецъ!»

Онъ бросился въ спальню, зажегъ другую свѣчу и выдвинулъ ихъ на край стола, чтобы лучше видѣть ея лицо при входѣ.

Лязгъ отворяемаго крючка и быстрый вопросъ: «баринъ дома?»

Отъ этого звука голоса у него забѣгали муравьи на темени, надъ волосами и холодно стало.

Шаги, шелестъ шелковаго платья, дерзкій топотъ каблучковъ... Она вошла, свѣжая, румяная, беззаботная, съ неопредѣленной улыбкой на губахъ—не то усталости, не то мечтательности...

Василій Николаевичъ ястребомъ глядѣлъ на нее, на ея лицо, стараясь въ немъ прочесть вопросъ, мучившій его,—на складки ея короткаго, на подъемѣ, платья, соболій воротникъ, чуть заиндевѣвшій на морозѣ.

Она кинула на него небрежный взглядъ насмѣшки,—такъ ему показалось,—и стала поднимать осторожно замерзшую вуалетку. Онъ опустился въ кресло,—у него дрожали и подкашивались ноги,—и спросилъ твердо, рѣзко:

— Гдѣ была?

Послѣдовало молчаніе, потомъ она отвѣтила равнодушно:

— Гдѣ была, тамъ меня нѣтъ теперь.

Онъ сжалъ нервно ручку кресла. Ему захотѣлось скомкать ея шляпку, прическу, побить ее.

— Гдѣ ты была, спрашиваю я?—повторилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Вамъ-то какое дѣло?... Гдѣ хотѣла, тамъ и была.

Онъ поднялъ руку, готовясь ударить. Она взглянула на него и захохотала. Онъ уронилъ руку въ безсиліи, попятился и пошелъ къ кровати.

— Что-жь, побейте...—донеслось до него.—Лишь этого недоставало для полноты нашего счастья.

«Какой голосъ... Онъ не узнавалъ его».

Она, посмѣиваясь, наблюдала за нимъ. Онъ раздѣвался молча.

— Руки коротки,—не доросли. Ваша теорія только на словахъ сильна, а на практикѣ...

Она прищелкнула языкомъ.

Разъ онъ ей сказалъ, что чѣмъ больше мужъ бьетъ жену, тѣмъ она вѣрнѣе и преданнѣе и привязывается сильнѣе—и она пристала къ нему, чтобы побилъ, чтобъ испытать на себѣ. «Конечно, если онъ бьетъ изъ любви, ревности, а не съ-пьяну, какъ мужики,—потому только, что руки расходились и хочется ихъ почесать».

Баба ей одна сказала, что несчастна тѣмъ, что мужъ ея «не жалѣетъ».

— Бьетъ?—спросила она.

— Нѣ: кабы билъ, значитъ бы жалѣлъ, а то—то и бѣда, что не бьетъ, значитъ—не любитъ, не жалѣетъ.

Ее это тогда привело въ ярость, и она битый часъ старалась вразумить эту дуру, но напрасно: та осталась при своемъ, нѣсколькими вѣками и поколѣніями усвоенномъ, убѣжденіи, выработанномъ крестьянскимъ опытомъ.

— Успокойтесь, я была у Котиковой,—промолвила она, уже ложась.

— Лжешь!—отвѣтилъ онъ отрывисто.

— Что такое?

— Лжешь. Я туда посылалъ,—тебя не было.

И онъ стукнулъ кулакомъ такъ, что стаканъ подпрыгнулъ.

Она презрительно усмѣхнулась.

— А уже вы шпіонили?... Дѣлаетъ вамъ честь. Слѣдовало ожидать.

«Опять она такъ? Зачѣмъ это она?... Ахъ, дрянь!»

— Гдѣ шлялась все время, отвѣчай?!—крикнулъ онъ.

Она его не узнавала. Куда дѣвалась мягкость его голоса? Онъ говорилъ деспотично, повелительно, почти грубо.

«Ревнуетъ... Ревнуетъ, навѣрное».

— Вы съ ума сошли! Я не намѣрена вамъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ.

Онъ отвернулся и легъ, тяжело дыша. Марья Алексѣевна ворочалась, взбивала подушку, металась и стонала. Она не могла спать. Она вспоминала сегоднешнее странствованіе по знакомымъ. У однихъ кофе пила, у другихъ обѣдала, у третьихъ чай, а у четвертыхъ играла въ ералашъ и продула два рубля. «По дѣломъ,—не убѣгай на цѣлый день». Ей самой было смѣшно. У четвертыхъ ей представили пріѣзжаго знакомаго, какого-то Чудова. «Ужь, дѣйствительно, чудо-юдо. Боже, такого урода она

никогда не могла представить! Настоящій сатиръ, только рожекъ и хвостика не достаетъ». Она вдругъ расхохоталась раскатистымъ, громкимъ смѣхомъ и зарылась лицомъ въ подушку. Василій Николаевичъ судорожно надвинулъ на голову одѣяло. Онъ не спалъ и мучился, прислушиваясь къ движеніямъ жены. Ея безсонница, безпокойное метанье по постели, стоны—все это болѣе и болѣе утверждало его въ мысли, что она его разлюбила и увлеклась другимъ. «Кѣмъ? Прокуроромъ?... Какъ онъ не подумалъ объ этомъ раньше?» А когда она засмѣялась,—ему показалось, что это надъ нимъ смѣется. «Онъ смѣшонъ, жалокъ ей съ своими требованіями и самоувѣренностью». Онъ спихнулъ моську, кряхтѣвшую, какъ старуха на печи. Марья Алексѣевна уложила ее съ собою, гладила, цѣловала, приговаривая:

— Собаченька, мосинька, ненаглядная моя!

«Это всегда такъ... Отъ избытка счастья любовь переносятъ на животныхъ, если нельзя высказать»,—подумалъ съ горечью Василій Николаевичъ.

Марья Алексѣевна уже сладко спала, когда онъ поднялся на локтѣ и сталъ глядѣть на нее, прислушиваясь къ ея храпу.

«Нѣтъ, это невозможно. Неспособна она измѣнить... Чтобъ такъ скоро увлечься, отдаться безъ любви, безъ борьбы, однимъ воображеньемъ увлекшись вчера же вѣдь еще... Опять—капризъ: мучитъ его, испытываетъ... Испытываетъ... Ха-ха-ха!...»

Онъ усмѣхнулся горько, криво, съ жгучею болью въ сердцѣ.

«Но гдѣ же она была? Что ее удерживало?... Зачѣмъ тогда эти ужасныя, разрывающія душу, муки? Эта тоска—предчувствіе чего-то страшнаго, рокового...»

Проснувшись часовъ въ пять, жена не нашла его въ комнатѣ и, подкравшись къ кабинету, заглянула въ щелку. Онъ сидѣлъ напротивъ двери, положивъ голову на руку и грустно глядя передъ собой. Ей стало до того жалко его, что она чуть не бросилась просить прощенія. Но тщеславіе, эгоизмъ и любопытство опять перевѣсили.

Пролежавъ до девяти часовъ съ открытыми глазами и мечтая о томъ, что будетъ съ Васей дальше, если она поведетъ дѣло съ тактомъ и обдуманною послѣдовательностью, она вышла въ столовую къ чаю. Дверь въ кабинетъ была чуть притворена; его кресло находилось рядомъ. Дуняша, перетиравшая чашки, струхнула, ожидая обѣщаннаго разсчета; но барыня, глянувъ на мужнину дверь, начала дружески-фамильярно:

— Знаешь, Дуняша, какого я вчера видѣла красавца у Котиковыхъ!

Дуняша осклабилась во весь ротъ. Василій Николаевичъ насторожилъ уши.

«А, вотъ она—разгадка!»

— Настоящій Мефистофель,—продолжала Марья Алексѣевна, косясь на дверь.—Ты знаешь, что такое Мефистофель?—Это соблазнитель-дьяволъ, который въ насъ влагаетъ грѣшные помыслы. Понимаешь?

Дуняша качала головой съ ужасомъ. Полотенце замерло въ поднятой рукѣ. Вдругъ она выронила чашку и разбила.

«Вотъ тебѣ и дьяволъ!—пронеслось въ ея головѣ.—Сейчасъ барыня прогонитъ».

Но барыня не прогнала. Сдѣлавъ жестъ рукой, означавшій: «ничего, брось»,—она продолжала, понижая голосъ:

— Онъ въ меня влюбился. Мы сегодня опять увидимся въ концертѣ. Хочешь его посмотрѣть?

— Хочу, сударыня,—покажите! Я люблю хорошенькихъ.—Она захихикала.

«Господи, до чего забылась,—съ горничной пустилась въ откровенности!»—мелькало въ разгоряченномъ мозгу мужа.

— Отъ него барыни всѣ съ ума сходятъ, всѣ мужья перебѣсились. Чистый демонъ Лермонтова. Ты не читала «Демона?»

Она ужь не понимала сама смысла своихъ словъ,—у нея путалось въ головѣ.

Дверь распахнулась и на порогѣ кабинета показался халатъ и туфли мужа. Его лицо было блѣдно, искажено страданьемъ.

— Вели лошадь запрягать!—промолвилъ онъ коротко.

Онъ не думалъ сегодня ѣхать, но надо было ихъ разлучить—госпожу и служанку, а то бы онѣ договорились Богъ знаетъ до чего. Дуняша исчезла.

Марья Алексѣевна, спиною къ мужу, высунула языкъ. «Ахъ, какъ хорошо! Она растопила его. Онъ слышалъ. А еще то ли будетъ? Она продолжитъ это блаженство, эти сильныя ощущенія. Нужно насладиться ими надолго, на будущее время. Она его доведетъ до изступленія, и тогда уже признается. Еще больше будетъ ее любить и ласкать».

А. Алексѣева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Мазуры *).

Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ одно изъ польскихъ племенъ, часть котораго занимаетъ пограничныя мѣста губерній Сувалкской (въ южной части), Ломжинской и Плоцкой, а другая часть, несравненно бо́льшая, составляетъ почти сплошное населеніе юго-восточнаго угла Пруссіи. Сѣверныя границы этого племени опредѣляются линіей, которую можно провести отъ посада Пшеросль (Сувалкской губерніи) на западъ къ Голдапѣ, а оттуда на Растиборъ (Растенбургъ), Бискупецъ (Bischofsburg), къ городу Млавѣ (Плоцкой губерніи).

Среди этихъ границъ, на малоплодородной, покрытой обширными лѣсами и озерами землѣ, испоконъ вѣку живетъ мазурское племя. Въ силу историческихъ судебъ, племя это не могло принять участія въ политической жизни польскаго народа,—въ XIII уже вѣкѣ оно переходитъ къ крестоносцамъ и съ того времени до настоящей минуты находится подъ нѣмецкимъ владычествомъ. Мы знаемъ, что въ XIII и XIV вѣкахъ здѣсь вполнѣ господствовало польское право, что имъ пользовалось не только славяно-польское населеніе края, но и сами нѣмцы стремились къ нему и старались получить у орденскихъ властей привилегіи, на основаніи которыхъ могли жить *more et jure Polonico* **). Прусскіе неофиты, принявшіе въ XIII вѣкѣ св. крещеніе, по предоставленному имъ праву избрали себѣ *legem mundanam et saecularia judicia Polonorum vicinorum suorum* ***). Изъ

*) „O mazurach". Napisał Dr. Kętrzynski. Poznań. 1872.

**) См. грамоту магистра ордена, Конрада изъ Тирберга, отъ 1284 г., приведенную отчасти у Хэльцеля: „Starodawne prawa polskiego pomniki". Kraków, 1870, стр. XVII.

***) См. Кишпорскую (Христбургскую) мирную грамоту, помѣщенную у *Dogel*: „Codex diplomatic. Reg. Poloniae et M. D. Situaniae". Вильно. 1758—1764, т. IV, стр. 17; также у Хэльцеля: „Pomniki", II, 9, nota 1.

приведенныхъ нѣсколькихъ фактовъ вполнѣ ясно, что въ XIII вѣкѣ на территоріи нынѣшней Пруссіи славяно-польскій элементъ игралъ далеко не послѣднюю роль, что, слѣдовательно, и по своей численности онъ занималъ весьма видное мѣсто. Всматриваясь ближе въ исторію призваннаго княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ ордена крестоносцевъ, возможно даже прійти къ болѣе важнымъ заключеніямъ. Возможно констатировать тотъ фактъ, что въ то время, когда въ Польшѣ славянскіе институты вымирали подъ гнетомъ нѣмецкаго права, въ то же самое время въ Пруссіи польское право было чѣмъ-то высшимъ *(mundana lex)*, какою-то привилегіей, къ коей стремились сами пруссы.

Несмотря однако на всю неопровержимость того факта, что мазуры составляютъ коренное населеніе края, что они, такъ-сказать, первородные сыны своей родной земли,—несмотря на все это, нѣмецкіе ученые стараются отрицать этотъ фактъ. Эти господа утверждаютъ, что мазуры явились на Прусской землѣ сравнительно поздно, что они переселились изъ Польши, спасаясь отъ своеволій пановъ и религіозныхъ преслѣдованій.—Доказательствомъ противнаго могутъ служить прежде всего названія мѣстныхъ поселеній *), относительно которыхъ никто не станетъ утверждать, что они германскаго происхожденія. И здѣсь, дѣйствительно, нѣмцы стараются изгнать непріятные для нихъ славянскіе звуки: вмѣсто Растибора является у нихъ Rastenburg, вмѣсто Щенсна—Sehsten и т. д.; но эти навязанныя названія имѣютъ только оффиціальное значеніе,—народъ всегда останется вѣренъ своимъ роднымъ названіямъ и не промѣняетъ ихъ на чуждые для него нѣмецкіе звуки.—Другимъ аргументомъ противъ приведеннаго выше мнѣнія нѣмецкихъ писателей могутъ послужить ихъ же собственныя слова. Такъ Гоерреи въ своей «Masurens Geschichte»**) говоритъ между прочимъ, что въ XIV и XV вѣкахъ польская національность пользовалась въ Пруссіи преобладающимъ значеніемъ. Это обстоятельство само собою уничтожаетъ всякую возможность позднѣйшей колонизаціи. Другой нѣмецкій писатель, Гарткнохъ (писавшій въ XVII вѣкѣ), въ своей диссертаціи: «de variis rebus Prussicis»—откровенно признаетъ, что еще во время до призванія Конрадомъ ордена крестоносцевъ (то-есть до 1227 года) польскій элементъ въ Пруссіи занималъ

*) Напримѣръ: Растиборъ, Щенсно, Бискупецъ, Домброва, Дзялдово, Лазьно, Орлово и проч.

**) Danzig, 1870, стр. 116.

весьма видное мѣсто и что князья (duces) его были *ex Slavonico sanguine oriundi*.

Волнообразная поверхность занимаемой мазурами земли покрыта, какъ мы уже упомянули, огромными лѣсами и озерами. Изъ лѣсовъ болѣе другихъ извѣстна Яновская пуща. Озера нерѣдко достигаютъ весьма почтеннаго размѣра, что дало возможность устроить на нихъ даже пароходное сообщеніе. Но эти удобства не могутъ все-таки поднять матеріальнаго благосостоянія мазура: главное его занятіе составляетъ земледѣліе, а малоплодородная—мѣстами песчаная, мѣстами каменистая—почва представляетъ въ этомъ отношеніи далеко не благопріятное условіе. Изъ хлѣбныхъ растеній главнымъ образомъ воздѣлываютъ картофель, гречиху и рожь, иногда ленъ, рѣдко ячмень и овесъ.

Не удивительно поэтому, что мазуръ живетъ бѣдно,—обстановка его жизни сводится къ предметамъ первой необходимости; о роскоши, объ удобствахъ не помышляетъ никто. Одна изъ мазурскихъ пѣсенъ *) весьма подробно и ярко описываетъ положеніе тамошняго крестьянина, его отношенія къ мѣстнымъ властямъ и притѣсненія со стороны послѣднихъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько отрывковъ въ буквальномъ переводѣ:

Посмотрятъ тамъ (въ судѣ) всѣ на тебя,
Спросятъ, есть ли у тебя деньги?
. . . . . .
Пристанутъ къ тебѣ какъ смола:
Продашь изъ-за нихъ коня и вола.
Отдашь имъ (деньги) и останешься ни съ чѣмъ.

Или въ другомъ мѣстѣ пѣсня описываетъ процессъ взысканія податей съ крестьянъ. Пріѣзжіе чиновники прежде всего радѣютъ о своихъ интересахъ,—взыскиваютъ съ крестьянъ всевозможныя посуточныя, поверстныя, а потомъ за казенныя недоимки хотятъ описывать имущество.

Но войтъ на это отвѣтилъ:
Еслибы вы знали о томъ,
Какая въ нашей деревнѣ бѣдность,—
Не трудились бы понапрасну.
Нешто вы здѣсь первые?
На прошлой недѣлѣ другіе были:
Ходили, описывали,
Бѣдный народъ обирали.

*) Помѣщена въ указанной уже книжкѣ д-ра Кентжинскаго, № 54.

Ясно, стало-быть, что матеріальный бытъ мазура далеко не приглядѣнъ, и это, какъ мы думаемъ, составляетъ одну изъ причинъ того грустнаго явленія, что мазуры весьма легко поддаются нѣмецкимъ вліяніямъ и какъ-то апатично смотрятъ на усильныя старанія нѣмцевъ обезличить ихъ въ національномъ отношеніи.

Деревни мазурскія строятся почти всегда въ одну улицу. По обѣимъ ея сторонамъ размѣщаются маленькіе, низенькіе домики, съ крошечными окошечками, съ маленькими, еле выдающимися надъ крышей, дымовыми трубами. Другія хозяйскія постройки такъ же незначительны по своимъ размѣрамъ, какъ и жилые дома, да и строить ихъ большими нѣтъ никакой надобности,—хлѣба мазуръ собираетъ немного, скотомъ тоже похвалиться не можетъ. Пара небольшихъ, худенькихъ, длинношерстыхъ лошаденокъ, одна-другая корова, тоже не Богъ вѣсть какая, да пары двѣ-три овецъ—вотъ и все богатство мазура.

Внутри дома мазуръ любитъ чистоту и порядокъ: на стѣнахъ у него красуются лубочныя картины по большей части религіознаго содержанія, а дальше, на прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ полкахъ, разставлены миски, разложены ложки и, вообще, на нихъ красуются всѣ лучшія принадлежности домашняго хозяйства. У дверей вы находите большую печь, принадлежность всякой мазурской избы, необходимую въ силу климатическихъ условій.

Но если мазурскія деревни неприглядны сами по себѣ, за то почти всегда онѣ размѣщаются въ весьма красивомъ мѣстоположеніи. Мазуръ любитъ лѣсъ и еще больше воду, и поэтому деревни ихъ располагаются чаще всего вблизи озеръ и лѣсовъ. Эта любовь, впрочемъ, вызывается и экономическими условіями,—при неуспѣшности земледѣлія озера даютъ возможность заняться рыбною ловлей, и этотъ промыселъ составляетъ весьма важное подспорье въ скудномъ хозяйствѣ мазура.

По внѣшнему своему виду мазуръ средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго тѣлосложенія; лицо открытое, интеллигентное. Между женщинами нерѣдко попадаются красавицы.

Костюмъ мазура не затѣйливъ: лѣтомъ—длинополый, особаго покроя, кафтанъ, по большей части темносиняго цвѣта, и съ широкими полями соломенная или войлочная шляпа; зимою—барашковый тулупъ и такая же шапка. Женскій костюмъ тоже весьма простъ и нѣкоторую особенность представляютъ только голов-

ные уборы. Дѣвушки ходятъ съ непокрытою головой; волосы онѣ заплетаютъ въ двѣ косы, которыя, перекрещивая сзади, прикрѣпляютъ потомъ по бокамъ головы. Замужнія женщины и вдовы носятъ шерстяные или шелковые яркоцвѣтные платки, которые надѣваются особымъ образомъ: остающіеся концы нѣсколько разъ обматываются вокругъ головы и затѣмъ завязываются въ узелъ надъ челомъ; кончики узла расправляются и стоятъ торчкомъ въ видѣ крыльевъ бабочки.

По характеру своему мазуръ прежде всего гостепріименъ, общителенъ и веселъ,—веселъ до крайности. Вездѣ онъ ищетъ общества, забавы; никогда не прочь выпить, спѣть веселую пѣсню, проплясать свою національную мазурку. Поэтому-то и сложилась относительно мазуровъ извѣстная польская пословица: «i do wypitki, i do wybitki; i do tanca, i do rożańca»*). Мазуръ также добръ и сострадателенъ,—со всякимъ всегда готовъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба, послѣднею рюмкой водки, а нищему почти никогда не отказываетъ въ милостынѣ. Но веселость мазура и любовь его къ крѣпкимъ напиткамъ влечетъ за собой нѣкоторыя дурныя послѣдствія. Задорный и упрямый по своей натурѣ, подъ пьяную руку онъ даетъ волю этимъ чертамъ своего характера, а оттуда происходятъ ссоры и весьма часто даже серьезныя драки.

По религіи мазуры живущіе въ Пруссіи—лютеране, а живущіе въ Царствѣ Польскомъ—католики; но и здѣсь и тамъ они одинаково набожны: по воскресеньямъ и праздникамъ храмы Божіе вездѣ биткомъ набиты народомъ.

Народные обычаи мазуровъ носятъ на себѣ чисто-славянскій характеръ. Съ такимъ характеромъ является обычай, именуемый okrężne, или въ иныхъ мѣстахъ dożynki. Опишемъ этотъ обычай, основываясь отчасти на данныхъ д-ра Кентшинскаго, отчасти на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ.

Въ день окончанія жатвы, когда послѣдній колосъ срѣзанъ и уложенъ въ снопъ, работники украшаютъ свои серпы и косы цвѣтами и вѣнками и всею гурьбой, распѣвая пѣсни, направляются къ помѣщичьей усадьбѣ. Впереди идетъ избранная дѣвушка; голова ея украшена вѣнкомъ изъ золотистыхъ колосьевъ ржи, перемѣшанныхъ съ разными полевыми цвѣтами. Въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ вѣнка, другая дѣвушка несетъ букетъ**), опять-таки

*) И выпить гораздъ, и храбръ; и веселъ, и набоженъ.

**) Этотъ букетъ называется równiaпka.

составленный изъ ржаныхъ колосьевъ съ примѣсью полевыхъ цвѣтовъ. Уже издали слышны веселыя пѣсни этой толпы. Вотъ звуки приближаются, уже видны косы медленно слѣдующихъ сзади косарей, ужь можно различать веселыя и радостныя лица дѣвушекъ, съ радостью несущихъ вѣнокъ и ґówniank'y. Но тутъ затихаютъ веселыя пѣсни, толпа нѣкоторое время слѣдуетъ въ молчаніи и только спустя немного изъ нѣсколькихъ десятковъ грудей вырывается какой - то тоскливый, задушевный мотивъ. Это «Plon» (жатва),—мотивъ, одинаково знакомый всѣмъ западнымъ славянамъ отъ Буга до Одера, отъ Балтійскаго моря до Карпатъ. Содержаніе пѣсни не представляетъ изъ себя чего - либо постояннаго: смотря по мѣстности, оно постоянно варьируется. Однако во всѣхъ этихъ варіантахъ можно замѣтить одинъ общій сюжетъ: это—pan и panї. Для примѣра приведемъ нѣсколько строфъ съ подстрочнымъ переводомъ.

O wy nasa pani otwierajcie wrota,—
Niesiemy ruchlankie ze scernego zlota.
Plon niesiemy, plon
Ze wszystkich stron *).
О вы, наша пани, отворяйте ворота,—
Несемъ мы вѣнокъ изъ чистаго золота.
Жатву несемъ мы, жатву
Изъ всѣхъ концовъ (поля?).
O wy nasa pani nie załujcie piwa,
Dajcie nam pochwili kawał mięsiwa.
О вы, наша пани, не жалѣйте пива,
Дайте намъ послѣ и кусокъ мяса.
(Припѣвъ.)
I na olsynie serokie liście,
U nasego pana wielkie obejście.
А на ольхѣ широкіе листья,
У нашего пана хорошее обхожденіе.
(Припѣвъ.)

Съ этою-то пѣснью вся толпа рабочихъ приближается къ помѣщичьему дому; въ нѣсколькихъ шагахъ всѣ останавливаются. Пѣніе все продолжается и продолжается, иногда очень долго, такъ какъ тутъ же какой-нибудь болѣе находчивый паренекъ или дѣ-

*) Два послѣднихъ стиха составляютъ припѣвъ, который повторяется послѣ каждой строфы.

вушка щеголяютъ сочиненіемъ новыхъ куплетовъ. Между тѣмъ въ сѣняхъ и на крыльцѣ помѣщичьяго дома собираются всѣ домашніе, прислуга и, вооружившись кто ушатомъ, кто ведромъ или ковшикомъ съ водою, ожидаютъ «вѣнка».

Къ этому времени изъ толпы слышатся два послѣднихъ куплета, въ которыхъ выражаются пожеланія хозяевамъ:

Bodaj by zboze plonowało,
Dziesięć korcy z mendla dało.
Дай Богъ, чтобъ хлѣбъ уродился,
Десять корцевъ далъ бы изъ мендля *).

(Припѣвъ.)

Bodaj my w sdrowiu plonowali,
Drugiego roku doczekali.
Дай Богъ намъ въ здоровьи жатву собирать,
До слѣдующаго года дожить.

(Припѣвъ.)

Кончивъ пѣніе, дѣвушки съ вѣнкомъ и równiank'ою приближаются къ помѣщичьему дому, но тутъ со всѣхъ сторонъ льются на нихъ цѣлыя струи воды. Промокшія до послѣдней нитки, царицы праздника входятъ на крыльцо и передаютъ пану и пани свои украшенія. Затѣмъ начинается угощеніе. На дворѣ разставляются столы съ яствами, водкою и пивомъ. Нерѣдко приглашаютъ музыку и тогда далеко за полночь продолжаются пляска и пѣсни веселой компаніи. Въ иныхъ мѣстахъ сами «господа» принимаютъ, или, вѣрнѣе говоря, принимали когда-то участіе въ неподдѣльномъ веселіи своихъ рабочихъ. Частенько можно было видѣть «панича», отплясывающаго родную мазурку съ какой-нибудь крестьянскою дѣвушкой. Теперь ужь не то: мы слишкомъ стали «господами»,—насъ шокируютъ манеры деревенской молодицы, ея простая прическа, ея не парижскій костюмъ и... мы удаляемся отъ народа все больше и больше. Хорошо ли это?— Едва ли.

Опишемъ еще въ краткихъ словахъ нѣкоторые свадебные обычаи. Задолго еще до свадьбы *дружба* (такъ называется шаферъ) въ праздничномъ одѣяніи, украсивъ себя красными, голубыми и бѣлыми лентами, верхомъ разъѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ и селамъ и приглашаетъ сосѣдей на свадьбу.

*) Употребителенъ особый счетъ сноповъ по *мендлямъ*. Мендель=15 снопамъ.

Во время приглашенія *дружба* не сходитъ съ лошади, а если домъ и двери достаточно высоки, то даже въѣзжаетъ верхомъ въ горницу и здѣсь объясняетъ цѣль своего прибытія. Продолжая сидѣть на лошади, онъ произноситъ пригласительную рѣчь въ стихахъ, начиная ее словами: «*prose, prose na weselе*» (прошу васъ, прошу на свадьбу). Въ рѣчи этой онъ расхваливаетъ угощеніе, которое ожидаетъ приглашаемыхъ; описываетъ красоту невѣсты, гостепріимство жениха; говоритъ, наконецъ, что пива и водки будетъ вволю, а музыканты будутъ изъ самаго Кролевца (Кёнигсберга). Въ день свадьбы *państwo młodzi* (молодые) съ *дружбами* и *сватами* въ праздничныхъ одѣяніяхъ, съ цвѣтами, вѣнками и разноцвѣтными лентами, въ телѣжкахъ отправляются въ костелъ; впереди скачутъ верхами два *дружба* и громкими своими криками возвѣщаютъ прибытіе брачнаго портежа. Послѣ вѣнчанія слѣдуетъ угощеніе, а затѣмъ танцы, иногда продолжающіеся нѣсколько дней.

У мазуровъ не существуетъ того строгаго взгляда на нравственность и невинность дѣвушки, который присущъ почти всѣмъ славянскимъ племенамъ. Дѣвушки, завѣдомо жившія съ кѣмъ-нибудь въ конкубинатѣ, одинаково легко находятъ себѣ мужей, какъ и невинныя ихъ подруги. Въ настоящее даже время, какъ передаетъ г. Кентжинскій, принято у мазуровъ, что молодые люди, намѣревающіеся вступить въ бракъ, раньше вступаютъ въ сожительство... для пробы. Впрочемъ, этотъ послѣдній обычай слѣдуетъ относить только къ прусскимъ мазурамъ,—въ губерніяхъ Царства Польскаго онъ положительно неизвѣстенъ. Въ такомъ «сожительствѣ для пробы» краснорѣчиво сказывается деморализующее вліяніе нѣмцевъ на славянское племя мазуровъ; извѣстно вѣдь, что эти Probe-Nächte составляютъ особенность германскаго племени и, между прочимъ, практикуются и въ Остзейскомъ краѣ.

Вдовы очень рѣдко остаются незамужними; ловкая вдовушка почти всегда отыскиваетъ себѣ мужа и очень часто спустя едва нѣсколько недѣль послѣ смерти перваго супруга уже вступаетъ во второй бракъ.

За то и вдовцы не очень долго сохраняютъ память о своихъ умершихъ женахъ. Очень часто даже въ день похоронъ умершей супруги опечаленный мужъ приглашаетъ къ себѣ въ сожительство какую-нибудь дѣвушку или вдову; послѣдняя переѣзжаетъ къ нему въ домъ и вступаетъ во всѣ права хозяйки

и жены. Г. Кентшинскій приводитъ по этому поводу одинъ довольно интересный фактъ.

Нѣмій молодой вдовецъ изъ деревни Петраше пригласилъ къ себѣ подобнымъ образомъ молодую и небѣдную дѣвушку изъ сосѣдней деревни. Прежде, однако, чѣмъ переѣхать окончательно къ своему возлюбленному, она отправилась вмѣстѣ съ своей будущей тещей къ ксендзу и просила его благословенія на задуманный шагъ. Понятное дѣло, что благословенія не послѣдовало,—напротивъ, послѣдовали увѣщанія и совѣтъ отказаться отъ подобнаго антирелигіознаго намѣренія. Тѣмъ не менѣе, однако, спустя нѣсколько дней, молодая дѣвушка переѣхала къ пригласившему ее вдовцу и здѣсь, несмотря на побои, на жестокое обращеніе своего возлюбленнаго, съ истинно-ангельскимъ терпѣніемъ перенесла все и наконецъ дождалась свадьбы.

Веселый и любящій выпить мазуръ во всѣ почти юридическія сдѣлки вводитъ также выпивку, именуемую тамъ *borysz* или *magorycz*, какъ необходимую санкцію заключаемаго договора. Такъ, если какая-нибудь деревня нанимаетъ къ себѣ пастуха или кузнеца, то эти послѣдніе обязаны, такъ-сказать—для скрѣпленія договора, поставить нанимателямъ нѣсколько штофовъ водки.

Несмотря на свою религіозность и набожность, мазуръ въ высшей степени суевѣренъ, что, впрочемъ, вполнѣ объясняется недостаткомъ образованія. Эти суевѣрія и «примѣты» составляютъ собою цѣлый кодексъ, которымъ запрещаются тѣ или другія дѣйствія подъ страхомъ извѣстныхъ несчастныхъ или непріятныхъ послѣдствій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ четвергъ послѣ ужина нельзя носить воду и мыть посуду; нельзя точно также прясть и пасти лошадей. Въ субботу послѣ обѣда нельзя производить никакихъ полевыхъ работъ, а также стирать бѣлье. Ослушники должны опасаться града, который неминуемо долженъ принести существенный вредъ ихъ посѣвамъ. Но мазуръ наивенъ и простодушенъ; онъ крайне оригинально избѣгаетъ тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ изъ указаннаго запрещенія: въ четвергъ, если есть работа, подаютъ ужинъ только послѣ ея окончанія; въ субботу такимъ же образомъ подаютъ обѣдъ. А при этомъ условіи и «волки остаются сыты, и овцы цѣлы».

Кошку нельзя возить въ телѣжкѣ,—она, по мнѣнію мазура, производитъ то, что даже самыя сильныя лошади устаютъ и вы-

бивается изъ силъ. Но отъ этого легко избавиться: стоитъ только въ телѣжку, гдѣ помѣщается вошка, положить камень.

На порогѣ и на углѣ печи не годится точить ножъ; у нарушающаго это правило весь скотъ переболѣетъ и наконецъ околѣетъ.

Поющая курица считается вѣстникомъ несчастія. Чтобъ избѣгнуть грозящихъ отсюда бѣдъ, употребляютъ слѣдующее средство. Берутъ виновную курицу и измѣряютъ ею, какъ аршиномъ, все пространство избы, начиная отъ стѣны, находящейся противъ двери, вплоть до самаго порога. При этомъ необходимо соблюдать извѣстный порядокъ: если первый разъ курица была положена головою къ стѣнѣ, то слѣдующій разъ ее кладутъ головою къ двери и т. д., пока не дойдутъ до порога. Если при послѣднемъ пріемѣ къ порогу обращается хвостъ, то его обрѣзаютъ; если же—голова, то голову отсѣкаютъ, а изъ самой курицы приготовляютъ супъ.

Соблюденіе всѣхъ этихъ и многихъ другихъ суевѣрій указываетъ на низкую степень умственнаго развитія мазура. Поэтому не удивительно, что въ народѣ этомъ вполнѣ еще сохранилась вѣра въ колдовство и въ его представителей—колдуновъ и колдуній. Впрочемъ о колдунахъ народъ поговариваетъ сравнительно весьма рѣдко и почти всегда «знакомство съ чортомъ, съ нечистою силой» приписываетъ женщинамъ, по преимуществу старухамъ, безобразнымъ или обладающимъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ. Нѣкоему пастору Е. показывали разъ такую колдунью: это была безобразная старуха, съ красными, воспаленными глазами; спеціальность ея въ дѣлѣ колдовства заключалась въ томъ, что она «отнимала» молоко у чужихъ дойныхъ коровъ и передавала его своимъ.

Упомянемъ здѣсь кстати, что, по убѣжденію народа, всякая колдунья сильна своимъ искусствомъ только въ извѣстной, такъ-сказать—спеціальной своей сферѣ. Такъ, одна «отнимаетъ» у коровъ молоко; другая можетъ «сглазить» домашнюю птицу или ребенка; третья дѣлаетъ что-то недоброе съ посѣвами; четвертая способна вселить любовь или нелюбовь въ сердцѣ того или другого парня или дѣвушки, — однимъ словомъ, какъ мы уже сказали, всякая колдунья владѣетъ своею спеціальностью.

Не безъинтересны и тѣ средства, которыя употребляютъ колдуньи для достиженія предполагаемой цѣли или вѣрнѣе говоря — для введенія въ обманъ легковѣрнаго народа. Пишу-

щему эти строки разъ удалось пріобрѣсти отъ колдуньи секретъ снискивать любовь и расположеніе особъ (преимущественно женщинъ) симпатичныхъ, и избавляться отъ навязчивости людей, которые почему-либо не нравятся. Магическое это средство состоитъ въ слѣдующемъ. Надо собственноручно поймать и убить летучую мышь и затѣмъ, высмотрѣвши предварительно въ дремучемъ лѣсу муравейникъ, отправиться къ нему въ такое время, чтобы быть на мѣстѣ къ закату солнца. Когда солнце сядетъ до половины, надо заранѣе приготовленною палкой сдѣлать въ муравейникѣ небольшое углубленіе и, положивъ туда летучую мышь, привести его снова въ прежній видъ. Производя всю эту работу и затѣмъ возвращаясь изъ лѣсу домой, слѣдуетъ хранить глубокое молчаніе и отнюдь не оглядываться по сторонамъ. Спустя три дня надо опять отправиться къ муравейнику, тою же самой палкой разрыть его и вынуть оттуда оставшіяся косточки рукокрылаго. Между ними найдутся крючекъ и вильцы, и эти-то именно два предмета должны обладать сверхъестественною силой «притягиванія» и «отталкиванія» людей.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній относительно способовъ колдовства въ другихъ случаяхъ, и поэтому воспользуемся хоть нѣсколькими фактами, которые приводитъ д-ръ Кентжинскій.

Какой-то крестьянинъ, убирая съ поля свой хлѣбъ, нашелъ въ одномъ изъ сноповъ пять лягушекъ и семь мышей, связанныхъ вмѣстѣ. Время отъ времени онъ находилъ также на своей пашнѣ куски сѣры. И то и другое весьма трудно объяснить простою случайностью: очевидно, что кто-нибудь изъ колдуновъ или колдуній хотѣлъ проявить посредствомъ названныхъ предметовъ свою сверхъестественную власть. — Другой крестьянинъ нашелъ въ крышѣ своей избы куриное яйцо; по его убѣжденію, это тоже была колдовская продѣлка. — По убѣжденію народа, имѣется также у колдуновъ способъ, посредствомъ котораго можно «перетянуть» съ сосѣдняго участка весь почти урожай на свой собственный. Это «перетягиваніе» надо понимать въ томъ смыслѣ, что, въ силу употребленныхъ колдуномъ пріемовъ, хлѣбъ на полѣ сосѣда, несмотря на присутствіе всѣхъ необходимыхъ условій, родится скверно, а на участкѣ колдуна, напротивъ, зрѣютъ прекрасные, буйные колосья. Иногда случается слышать разсказы мужичковъ о томъ, что такой-то у такого-то «перетягивалъ» урожай. По этимъ разсказамъ, самый процессъ «перетягиванія» заключается въ томъ, что колдунъ, раздѣвшись совер-

пищу до-гола и нашептывая какія-то непонятныя слова, обходитъ данный участокъ и бросаетъ на него зерна, перемѣшанныя съ землею и еще съ чѣмъ-то другимъ.

Но если народъ убѣжденъ въ существованіи колдовства и его власти надъ человѣкомъ, то, съ другой стороны, онъ имѣетъ цѣлый запасъ средствъ, которыми можно дѣйствовать съ успѣхомъ не только противъ колдуновъ и колдуній, но даже противъ самого чорта. Эти средства отчасти общеизвѣстны всему населенію данной мѣстности, отчасти составляютъ тайну тѣхъ же колдуновъ и колдуній.

Одно изъ такихъ общеизвѣстныхъ средствъ составляютъ «живое серебро» (ртуть) и сталь. Чортъ прежде всего боится стали, и поэтому въ пеленки новорожденнаго младенца обыкновенно вкладываютъ кусокъ этого металла. Соблюдать это правило необходимо въ виду того, что чортъ очень часто похищаетъ новорожденнаго ребенка (если онъ еще не крещенъ) и вмѣсто него оставляетъ *odmiańka* *).

Противъ колдуній, «отнимающихъ» молоко у коровъ, употребляются ртуть или три стальныхъ крестика. Слѣдуетъ эти предметы положить подъ порогъ того строенія, гдѣ помѣщается рогатый скотъ, и тогда ни одна колдунья, ни даже самъ чортъ не посмѣютъ перешагнуть порога. Съ неменьшимъ успѣхомъ можно употребить и другой способъ: въ рогъ коровы, на молоко которой особенно зарится колдунья, надо вбить стальную иголку,—сталь и здѣсь окажетъ свое таинственное дѣйствіе.

Кромѣ указанныхъ средствъ есть еще и другія; но эти послѣднія употребляются уже не противъ колдуновъ и чертей, а противъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ тѣми или другими цѣлями. Такія средства чаще всего употребляются противъ воровъ. Въ случаѣ кражи лошади, суевѣрный мазуръ беретъ сейчасъ подкову и на длинной веревкѣ опускаетъ ее въ колодезь или въ озеро. Въ ту самую минуту, когда подкова погрузится въ воду, бѣгущій воръ непремѣнно остановится или потому, что подъ нимъ захромаетъ лошадь, или потому, что полиція откроетъ его преступленіе. Съ этою же цѣлью опрокидываютъ вверхъ ногами столы и скамейки, произносятъ разныя заклинанія и т. п.

Болѣзни, по убѣжденію мазура, лучше всего излѣчиваются посредствомъ разныхъ заклинаній и «заговоровъ». Между прочимъ

*) *Odmiank'ом* называютъ ребенка, а иногда и взрослаго человѣка, необыкновеннаго, *отмѣннаго* по своимъ дурнымъ качествамъ.

отъ зубной боли практикуется такое средство. Глядя на луну въ то время, когда она въ первый разъ показывается послѣ новолунія, надо произнести слѣдующія слова: «Jest na niebie księżyc, jest w jeziorze kamień, jest na boru dąb; kiedy te trzy brácia gdziekolwiek się zejdo, tedy niech mnie boli ząb». *).

Въ заключеніе нашего разсказа о мазурскихъ суевѣріяхъ приведемъ еще описаніе того способа, посредствомъ котораго наивный простолюдинъ-мазуръ старается достать волшебный талеръ, имѣющій свойство всегда возвращаться къ тому, кто пріобрѣлъ его этимъ небывалымъ способомъ.

Въ Ивановскую ночь, ровно въ 12 часовъ, надо взять мѣшокъ, посадить въ него кошку и, завязавъ его крѣпко, нисколько не медля, отправиться къ костелу. Тутъ, начиная отъ извѣстнаго опредѣленнаго мѣста, надо обойти три раза вокругъ костела. Совершивъ это, практикующій описываемое средство встрѣтитъ маленькаго старичка въ сѣромъ платьѣ. Старичокъ этотъ обратится къ нему съ вопросомъ о томъ, что находится въ мѣшкѣ. На это слѣдуетъ отвѣчать, что въ мѣшкѣ находится заяцъ для продажи и что цѣна ему—талеръ. Узнавъ объ этомъ, старикъ отдаетъ талеръ и, взявъ мѣшокъ, станетъ его развязывать съ цѣлью осмотрѣть свою покупку. Въ это время необходимо бѣжать изо всей мочи и, вбѣжавъ въ домъ, поскорѣе и покрѣпче запереть за собою двери. А то дѣло въ томъ, что старикъ, открывъ обманъ, станетъ гнаться за смѣльчакомъ, и бѣда, если настигнетъ его подъ открытымъ небомъ. По мнѣнію мазура, послѣдствіемъ такой неудачи бываетъ смерть.

Скажемъ нѣсколько словъ о языкѣ мазуровъ. Весьма многіе, а вмѣстѣ съ ними и г. Кентжинскій, совершенно отрицаютъ существованіе мазурскаго языка: «мазурскій языкъ, говорятъ, это выдумка,—его не существуетъ», и прибавляютъ при этомъ, что мазуры говорятъ по-польски. Нѣтъ, дѣйствительно, сомнѣнія, что мазурскій языкъ весьма близокъ къ польскому, но это обстоятельство едва ли можетъ дать право дѣлать подобныя заключенія. Всякому извѣстно, что всѣ славянскіе языки весьма близки другъ къ другу, что они произошли отъ видоизмѣненія однихъ общеславянскихъ корней; однако, на этомъ основаніи никто не утверждаетъ, что нѣтъ языковъ польскаго, чешскаго, русскаго и т. д., а что существуетъ одинъ только языкъ славянскій.

*) „Есть на небѣ мѣсяцъ, есть въ озерѣ камень, есть въ лѣсу дубъ; когда эти три брата сойдутся гдѣ-либо, пусть тогда болитъ у меня зубъ".

Постараемся привести нѣсколько аргументовъ въ пользу нашего мнѣнія:

1) Польскій алфавитъ и орѳографія для мазурскаго языка во многихъ случаяхъ оказываются совершенно неподходящими и даже непригодными. Такъ, напримѣръ, существуетъ въ мазурскомъ нарѣчіи мягкій звукъ *ш*, средній между польскими *cz* и *ś*; мягкій звукъ *r*—средній между польскими *rz* и *ć* и вполнѣ отвѣчающій сербскому *h*; есть также звукъ средній между польскимъ *w* и *u*. Всѣ эти звуки не могутъ быть выражены надлежащимъ образомъ посредствомъ письменныхъ знаковъ, принятыхъ въ языкѣ польскомъ.

2) Въ мазурскомъ языкѣ есть много словъ, совершенно не употребляемыхъ въ польскомъ или употребляемыхъ, но въ иномъ значеніи. Напримѣръ: śurek=польск. żotr (негодяй); śmienić=польское zmienić (размѣнять); hołować=польск. sprowadzać (приводить, выписывать); ruchlanka=польск. wieniec (вѣнецъ) и такъ далѣе *).

3) Мазурскому нарѣчію свойственны нѣкоторыя грамматическія формы, неизвѣстныя въ польскомъ языкѣ или существенно отъ нихъ отличающіяся. Для примѣра приводимъ глагольныя формы прошедшаго времени съ окончаніемъ на *wa* и *ta*: byliśwa, byliśta=мы были, вы были. Не слѣдуетъ ли усматривать въ этихъ формахъ остатковъ двойственнаго числа, которое до сихъ поръ сохранилось въ разговорномъ языкѣ литовцевъ, такъ какъ извѣстно, что мазуры жили нѣкоторое время подъ вліяніемъ литовскаго племени и, во всякомъ случаѣ, до настоящаго даже времени живутъ въ весьма близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ **)?

Приведенныя филологическія особенности даютъ полную возможность утверждать, что мазурскій языкъ если и не имѣетъ права на вполнѣ самостоятельное признаніе, то во всякомъ случаѣ долженъ быть принятъ какъ нарѣчіе, какъ одинъ изъ говоровъ языка польскаго. Противники этого мнѣнія указываютъ еще на то обстоятельство, что у мазуровъ нѣтъ ни своего особеннаго

---

*) Эти примѣры заимствованы изъ писемъ, напечатанныхъ при указанной брошюрѣ г. Кентжинскаго.

**) Самое названіе мазуровъ производятъ отъ литовскаго слова *mazuras*, обозначающаго человѣка небольшого роста. Замѣтимъ между прочимъ, что и въ настоящее время на занимаемой мазурами землѣ, хотя и сравнительно рѣдко, попадаются слѣды литовскаго вліянія. Эти слѣды можно усматривать въ названіяхъ поселеній чисто-литовскаго происхожденія, наприм. Пилекальни—отъ литовскаго *pile*—насыпанный и *kalnas*—гора.

алфавита, ни своей грамматики. Фактъ совершенно справедливъ, но, какъ доказательство, онъ не имѣетъ никакой силы. Если у мазуровъ нѣтъ ни того, ни другого, то это только потому, что не нашлось до сихъ поръ между ними образованнаго филолога, который бы взялся за составленіе мазурской грамматики и изобрѣлъ бы для этого языка особые письменные знаки.

Мы пишемъ не филологическое изслѣдованіе и поэтому не станемъ утруждать читателя изложеніемъ частныхъ фонетическихъ особенностей мазурскаго нарѣчія, такъ какъ думаемъ, что сказаннаго нами вполнѣ достаточно для того, чтобы составить о немъ нѣкоторое общее представленіе.

Образованіе у мазуровъ находится на весьма низкой степени. Полное отсутствіе литературы стоитъ въ связи съ упомянутою нами необработанностью языка. Весь литературный репертуаръ мазура состоитъ изъ Св. Писанія, кое-какихъ молитвенниковъ, пѣсенниковъ и изъ календаря, который издается въ городѣ Лецѣ нѣкіимъ г. Гершемъ. Въ періодическихъ изданіяхъ мазуры чувствуютъ тоже крайній недостатокъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ блаженной памяти пасторъ Гезевіушъ издавалъ спеціально для мазуровъ два журнала: это—*Przyjaciel Lecki* и *Kurek Mazurski*. Но со смертью многоуважаемаго пастора изданія эти прекратились, а вмѣстѣ съ этимъ исчезъ и тотъ источникъ, изъ котораго мазурскій простолюдинъ могъ почерпать средства для своего умственнаго развитія. Правда, и въ настоящее время выходитъ въ Кёнигсбергѣ *Pruski Przyjaciel Ludu*; но этотъ журналъ, издаваемый подъ ферулою нѣмецкихъ властей, отличается своею тенденціозностью и скорѣе можетъ вредить, чѣмъ помогать здравому развитію мазуровъ. Можно только порадоваться тому, что самъ народъ недружелюбно относится къ журналу и почти не читаетъ его: почти весь контингентъ подписчиковъ составляется изъ лицъ обязанныхъ получать журналъ,—изъ лицъ вродѣ, наприм., сельскихъ учителей, содержателей трактирныхъ заведеній и т. п. Прибавимъ здѣсь еще, что въ срединѣ 60-хъ годовъ нѣсколько благонамѣренныхъ патріотовъ старались объ основаніи мазурскаго народнаго журнала, но всѣ ихъ хлопоты и желанія потерпѣли полную неудачу, въ силу противодѣйствія со стороны нѣмецкой администраціи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при изложенныхъ условіяхъ, усилія нѣмецкаго правительства, направленныя къ національному обезличенію мазуровъ, даютъ весьма хорошіе результаты. Надо

отдать справедливость нѣмецкимъ властямъ въ томъ отношеніи, что всѣ употребляемыя ими средства заранѣе намѣчены и разсчитаны, и что проводятся они въ жизнь крайне послѣдовательно и энергично. Изъ такихъ средствъ прежде всего надо отмѣтить учебныя заведенія и затѣмъ военную службу: первыя по большей части кладутъ только основаніе дѣлу германизаціи, вторая — завершаетъ его окончательно.

Не безъинтересно будетъ бросить общій взглядъ на постепенное усиленіе въ сельскихъ и городскихъ училищахъ нѣмецкаго языка въ ущербъ мѣстному народному нарѣчію. До 1804 года оффиціальнымъ языкомъ во всѣхъ мазурскихъ училищахъ былъ языкъ польскій. Въ указанномъ году было постановлено, чтобы всякій учитель былъ непремѣнно, хоть въ общихъ чертахъ, знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ. Въ 1811 году состоялось постановленіе, по которому дѣти родителей-нѣмцевъ должны обязательно обучаться нѣмецкому языку, а изъ дѣтей мазуровъ — тѣ только, которыя заявятъ свое желаніе. Въ 1830 году было приказано, чтобы нѣмецкій языкъ преподавался во всѣхъ мазурскихъ училищахъ въ объемѣ не менѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Постановленіе 1832 года увеличиваетъ этотъ объемъ до восьми часовъ еженедѣльно. Законъ 1834 года постановляетъ, чтобы всѣ ученики, безъ исключенія, несмотря на свое національное происхожденіе, обязательно обучались нѣмецкому языку; обученіе это (въ одноклассныхъ училищахъ) въ низшемъ отдѣленіи доходитъ до минимума 12 часовъ въ недѣлю, въ среднемъ до 8 часовъ и высшемъ до 6 часовъ. Наконецъ, постановленіе министерства отъ 24 ноября 1865 года завершаетъ собою рядъ мѣръ, направленныхъ къ окончательному изгнанію польскаго языка изъ народныхъ мазурскихъ училищъ. Въ силу этого постановленія, польскій языкъ *терпимъ* только въ низшихъ отдѣленіяхъ училищъ, и, надо замѣтить, терпимъ не какъ цѣль, не какъ самостоятельный предметъ, а скорѣе какъ средство для болѣе успѣшнаго изученія языка нѣмецкаго.

Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ всякій мазуръ, поступившій въ школу, выходитъ изъ нея чѣмъ-то среднимъ между мазуромъ и нѣмцемъ: родному языку его не обучали, а нѣмецкому не успѣли выучить. Изъ этихъ, надо замѣтить, господъ составляется почти весь контингентъ народныхъ сельскихъ учителей. Забывъ еще на ученической скамейкѣ свой родной языкъ, обучившись немного «высшему» языку — нѣмецкому, онъ начи-

наетъ презирать свою національность и, сдѣлавшись учителемъ, понятное дѣло, старается внушать эти лжеистины своимъ новымъ воспитанникамъ.

Въ гимназіяхъ мѣстное нарѣчіе тоже игнорируется: оффиціальнымъ языкомъ считается языкъ нѣмецкій, а о польскомъ или мазурскомъ никто не подумываетъ. Если принять во вниманіе, что полный курсъ ученія въ гимназіи продолжается довольно долго, то станетъ вполнѣ яснымъ, что кончившаго такой курсъ мазура можно считать совершенно потерянымъ для своей національности. Онъ вполнѣ становится нѣмцемъ: родной языкъ его считается чѣмъ-то низшимъ, недостойнымъ вниманія образованнаго человѣка. Но это—не увлеченія, не отвлеченности: это—фактъ, который частенько попадается въ жизни.

Поступивши въ университетъ, мазуръ и тамъ не найдетъ того истиннаго свѣтила правды и науки, которое могло бы разсѣять его заблужденія. И въ университетѣ повторяютъ все ту же пѣсню о превосходствѣ германской расы надъ славянскою, о той высокой чести, которую доставляетъ одно названіе «нѣмецъ»,— и здѣсь толкуютъ о «ничтожествѣ» славянскаго племени, о «презрѣнности» славянскаго языка. Существуетъ, правда, въ Кёнигсбергскомъ университетѣ особая мазурская корпорація, но въ сущности она не имѣетъ ничего общаго съ мазурами, точно такъ же какъ корпораціи бодричей и лютиковъ. Слѣдуетъ пожалѣть только о томъ, что эти въ сущности нѣмецкія учрежденія гордятся своими славянскими названіями.

Въ учебникахъ, находящихся въ рукахъ учащагося юношества, сплошь и рядомъ попадаются мѣста, которыя своей тенденціозностью переходятъ даже границы приличія. Приводимъ одно мѣсто изъ общеупотребительнаго въ Пруссіи учебника: «Gedrängte Uebersicht der vaterländischen Geschichte», von Dr. Heinel:

«Пора ужь наконецъ, чтобы жители этихъ земель (Судавской и Голендзкой) перестали называть себя мазурами, такъ какъ, поистинѣ говоря, это имя никакой имъ чести не приноситъ; пора имъ наконецъ предпочесть благородный нѣмецкій языкъ презрѣнному языку славянскому, на которомъ говорятъ до сихъ поръ. Годится ли въ самомъ дѣлѣ прусаку, живущему на нѣмецкой землѣ, продолжать и далѣе—хотя бы только по языку—быть полякомъ?» Не слѣдуетъ забывать, что подобные учебники предназначаются для среднихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно для такихъ молодыхъ людей, которые неспособны отнестись къ нимъ

критически, которые всякую печатную строчку принимаютъ за абсолютную истину.

Мы указали средства, употребляемыя нѣмцами для германизаціи славянскаго населенія мазуровъ. Укажемъ еще результаты.

Въ городахъ германизаціонныя стремленія правительства окончательно достигли своей цѣли. Лѣтъ 20 назадъ, — говоритъ г. Кентжинскій, — почти во всякомъ домѣ любого мазурскаго города можно было встрѣтить польскій языкъ, какъ языкъ господствующій въ семьѣ. Теперь совершенно другое: польскій языкъ составляетъ рѣдкость и служитъ только онѣмеченнымъ мазурамъ какъ средство разговориться съ работниками или крестьянами, пріѣзжающими на рынокъ.

Въ деревняхъ мы видимъ то же самое. Помѣщики онѣмечились окончательно, и только среди простого народа живетъ еще національный духъ. Однако сравнительно недавно, не болѣе какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, отношенія двухъ національностей — славянской и германской — въ восточной Пруссіи были совершенно другія. Г. Кентжинскому показывали въ одномъ имѣніи фамильный альбомъ, основанный лѣтъ 30 тому назадъ, въ которомъ большинство надписей было сдѣлано по-польски, несмотря на то, что фамиліи почти исключительно были нѣмецкія. Въ самомъ дѣлѣ, прежде ополячивались нѣмцы, а теперь, наоборотъ, онѣмечиваются поляки.

Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что численное отношеніе *) между нѣмцами и славянами, на опредѣленной въ началѣ статьи территоріи, даетъ значительный перевѣсъ послѣднимъ и что, слѣдовательно, успѣхи германизаціи надо приписывать отчасти тѣмъ строго разсчитаннымъ мѣрамъ, которыя принимаются нѣмецкимъ правительствомъ, отчасти же причинамъ, лежащимъ въ экономическомъ и нравственномъ быту мазура.

Вячеславъ Гецевичъ.

---

*) По указаніямъ г. Кентжинскаго, мазуровъ въ восточной Пруссіи считается 250.000, а нѣмцевъ—только 70.000.

Рафаэль Санціо.

(По поводу 400 лѣтняго юбилея).

Въ средней Италіи, въ гористой Умбріи, среди Аппенинъ, лежитъ небольшой городокъ Урбино, столица небольшого герцогства. Во второй половинѣ XV вѣка этимъ герцогствомъ управляла фамилія Монтефельтро. Герцогъ Фридрихъ, умершій за годъ до рожденія Рафаэля, т. е. въ 1482 году, особенно возвысилъ ея значеніе. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ даровитыхъ до геніальности, разносторонних до поразительности людей, которыми была такъ богата эпоха «возрожденія». Строго говоря, онъ былъ храбрый кондотьеръ, т. е. наемный воинъ, готовый продавать свою кровь всякому, кто заплатитъ дороже. Какъ и всѣ подобные ему начальники дружинъ, онъ не былъ тѣмъ, что называется честнымъ человѣкомъ,—да въ высшемъ итальянскомъ обществѣ и понятія такого не существовало,—за то онъ былъ вполнѣ gaiant'uomo, какъ человѣкъ и какъ государь. О подвигахъ его говорила вся Италія; его подданные въ немъ души не чаяли; для науки и искусства онъ дѣлалъ не меньше, чѣмъ сами Медичи, и городъ Урбино обязанъ ему своимъ научнымъ и художественнымъ значеніемъ. Герцогъ Фридрихъ истратилъ 30.000 дукатовъ, т. е. на современный счетъ около 1½ милл. франковъ, на библіотеку, которая теперь составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Ватикана, и книги (точнѣе рукописи: какъ истинный библіофилъ, онъ не любилъ продуктовъ новаго изобрѣтенія—книгопечатанія) для него не были только предметомъ хвастовства,—онъ самъ читалъ очень много. Онъ самъ завѣдывалъ постройкой своего дворца, самъ сочинялъ для него орнаменты, самъ составилъ одну изъ лучшихъ картинныхъ галлерей, при

чемъ обнаруживалъ, такъ сказать даръ предвѣдѣнія, отдавая предпочтеніе фламандской живописи; онъ составилъ кабинетъ древностей, который вмѣстѣ съ галлереей былъ впослѣдствіи времени оцѣненъ въ 150.000 дукатовъ, т. е. въ 7½ милл. франковъ. Его сынъ и наслѣдникъ, Гвидобальдо, получилъ отличное воспитаніе и во всѣхъ отношеніяхъ явился достойнымъ преемникомъ Фридриха. Въ первый годъ послѣ его вступленія на герцогскій престолъ въ городѣ Урбино родился величайшій живописецъ въ мірѣ, Рафаэль Санціо.

Фамилія Санти была не изъ высокородныхъ: она переселилась въ городъ изъ пригорода, когда тамъ жить стало небезопасно. Дѣдъ Рафаэля занимался мелочною торговлей и велъ ее такъ удачно, что нажилъ домъ, въ которомъ и родился его знаменитый внукъ.

Теперь доказано наукой, что расы древнихъ родовъ вырождаются и что свѣжая простонародная кровь представляетъ больше данныхъ для того, чтобы производить людей крѣпкихъ и энергичныхъ. Но только въ видѣ исключенія непосредственно изъ народа выходятъ люди геніальные; несравненно чаще между дѣдомъ-крестьяниномъ и внукомъ-художникомъ или поэтомъ посредствуетъ отецъ, унаслѣдовавшій силу одного и способный дать свою культуру другому. Въ такихъ именно благопріятныхъ условіяхъ находился Рафаэль: отецъ его, живописецъ Джованни Санти, былъ по своимъ привычкамъ и родственнымъ связямъ буржуа; онъ былъ ремесленникомъ въ своей спеціальности и не отказался бы за хорошую цѣну взять на себя малярную работу. Но въ то же время онъ былъ и художникомъ, и поэтомъ; онъ путешествовалъ, имѣлъ связи съ знаменитыми живописцами и литераторами. Въ своей «рисованной хроникѣ», посвященной восхваленію герцога Фридриха, о многихъ знаменитостяхъ говоритъ онъ какъ о своихъ друзьяхъ. До насъ дошли его картины—всѣ, очевидно, рисованныя по заказу для церквей: мадонны, благовѣщеніе, святыя семейства; въ нихъ виденъ талантъ неподдѣльный и благотворное вліяніе Мантеньи, одного изъ величайшихъ провозвѣстниковъ свободы и классической пластики въ живописи.

25 марта 1483 года у Джованни Санти родился сынъ Рафаэль, который такимъ образомъ съ дѣтства былъ окруженъ кроткими ликами мадоннъ и св. младенцевъ. Про первые годы его жизни намъ мало извѣстно; восьми лѣтъ онъ имѣлъ не-

счастіе потерять мать, а черезъ годъ послѣ того новое несчастіе пріобрѣсти, невидимому, не особенно благорасположенную къ нему мачиху: по крайней мѣрѣ впослѣдствіи ни о ней, ни о своей единокровной сестрѣ Рафаэль нигдѣ не упоминаетъ въ своихъ письмахъ, какъ о людяхъ близкихъ. Джованни не долго пожилъ съ молодою женой и умеръ въ 1494 году, когда сыну его минуло 11 лѣтъ. Послѣдній остался подъ опекой дяди-священника и не безъ куска хлѣба, такъ какъ отецъ къ концу своей жизни имѣлъ заказы и отъ герцогскаго дворца. Одиннадцатилѣтній Рафаэль былъ уже не совсѣмъ ребенокъ: въ противоположность только-что окончившимся среднимъ вѣкамъ, когда годы ученія считались десятками, въ эту эпоху люди развивались и жили вообще очень быстро: Неруччино поступилъ въ ученіе къ живописцу девяти лѣтъ отъ роду; Андреа дель-Сарто—къ золотыхъ дѣлъ мастеру семи лѣтъ; Микель Анджело уже 15 лѣтъ былъ довольно опытнымъ скульпторомъ. Хотя сказаніе о томъ, будто десятилѣтній Рафаэль помогалъ своему отцу въ его мадоннахъ, признано миѳомъ,—нѣтъ сомнѣнія, что онъ успѣлъ воспользоваться уроками отца, и если не кисть, то карандашъ умѣлъ держать въ рукахъ довольно твердо. Общее образованіе для художника онъ получилъ не дурное, что видно по его превосходному почерку и орѳографіи, по знакомству съ сюжетами священной и свѣтской исторіи и по знанію латинскихъ техническихъ терминовъ; но само собой разумѣется, что для него, какъ и для другихъ его современниковъ, образованіе продолжалось всю жизнь.

Сейчасъ же послѣ смерти отца начались ссоры между его дядей и мачихой, но мальчикъ не могъ чувствовать себя покинутымъ и несчастнымъ: родственники заботились о немъ, а сбереженія отца дали ему возможность не торопиться зарабатывать деньги и отдать учебные годы ученію.

Богатство и крайняя бѣдность одинаково могутъ служить препятствіемъ для развитія таланта: первое балуетъ ребенка, заставляетъ его попусту тратить время, вторая же закаляетъ характеръ, но за то поглощаетъ массу силъ, озлобляетъ и преждевременно старитъ человѣка. Рафаэль былъ не настолько богатъ, чтобы жить въ бездѣйствіи и роскоши, но и не настолько бѣденъ, чтобы нуждаться въ кускѣ хлѣба.

Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, чтобы знать, у кого учился онъ послѣ смерти отца, но онъ несомнѣнно учился

много и долго, вѣроятнѣе всего — въ родномъ городѣ. Въ 1499 г., 16 лѣтъ отъ роду, онъ отправился заканчивать свое художественное ученіе къ знаменитѣйшему въ то время представителю умбрійской школы Пьетро Ванучи, прозванному по мѣсту жительства Перуджино. Еще отецъ Рафаэля въ своей рифмованной хроникѣ ставитъ его рядомъ съ Леонардо да-Винчи и называетъ его божественнымъ живописцемъ. Такимъ образомъ молодой урбинецъ, отправляясь въ Перуджію, слѣдовалъ указанію своего покойнаго отца. Перуджія въ то время номинально была подчинена папѣ; въ ней, какъ и вездѣ, были свои враждовавшія дворянскія фамиліи, но ихъ рѣзня не подавила развитія народнаго богатства и гражданства. Тамъ былъ знаменитый въ то время университетъ; тамъ было много богатыхъ и — что въ средней Италіи было рѣдкостью — благочестивыхъ мѣщанъ, не жалѣвшихъ денегъ на украшеніе своихъ храмовъ и божницъ произведеніями живописи. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай: въ 1507 году простой банкирчикъ заказалъ для своей церкви икону Богоматери съ двумя святыми за огромную по тому времени сумму — 47 золотыхъ дукатовъ.

Соотвѣтственно этому живописная школа, развившаяся въ Умбріи и спеціально въ Перуджіи, носила благочестивый характеръ и не подчинялась вліянію древности. Перуджино былъ искусный мастеръ, хотя по направленію скорѣй ремесленникъ, чѣмъ художникъ, постоянно повторявшійся, жадный къ деньгамъ и довольно невѣжественный, судя по его орѳографіи; но онъ много видалъ на своемъ вѣку, когда-то работалъ во Флоренціи въ мастерской Веррокіо, рядомъ съ Леонардо да-Винчи. Когда къ нему явился Рафаэль, онъ былъ на верху своей славы: у него было множество учениковъ; онъ получалъ массу предложеній изъ другихъ городовъ и жилъ по-тогдашнему роскошно; у него была молодая красавица жена, для которой, говорятъ, онъ самъ сочинялъ костюмы и прическу. Рафаэль, вѣроятно, поступилъ къ нему не въ качествѣ ученика въ строгомъ смыслѣ слова, который долженъ былъ платить за ученіе, а въ качествѣ помощника (garzone); такіе помощники обыкновенно первый годъ ничего не платили и не получали, а на второй годъ становились сотрудниками съ небольшимъ жалованьемъ. Рафаэль, судя по разсказу Вазари, близко сошелся съ учителемъ и нѣкоторыми другими живописцами Перуджіи. Въ 1501 году въ Перуджію пріѣзжалъ знаменитый Пинтуриккіо; съ нимъ сблизился Рафаэль, что было для него очень

выгодно, такъ какъ у Пинтуриккіо было несравненно болѣе воображенія, чѣмъ у Перуджино, болѣе свободы и болѣе натурализма. Черезъ годъ послѣ этого Рафаэль долженъ былъ разстаться съ Перуджино, который отправился работать во Флоренцію, но 18-тилѣтній урбинецъ могъ уже жить и работать самостоятельно: онъ сейчасъ же началъ получать заказы, преимущественно мадоннъ; въ этихъ раннихъ мадоннахъ онъ слѣдуетъ преданію благочестивой и далекой отъ природы умбрійской школы, но сзади мадоннъ уже рискуетъ рисовать пейзажъ. Скоро онъ еще болѣе освобождается отъ гіератики, по-нашему сказать—отъ иконописанія: вводитъ роскошныя зданія, болѣе обширные пейзажи, натуру; такъ, въ изображеніи Срѣтенія младенецъ Христосъ упирается ручонками, не желая идти съ рукъ матери къ чужому человѣку. Знаменитѣйшее произведеніе этой ранней эпохи—такъ-называемое sposalizio, на которомъ молодой художникъ въ первый разъ выставилъ свое полное имя: Raphael Urbinas M. D. III (до тѣхъ поръ онъ иногда выставлялъ только букву R). Картина эта рисована для церкви небольшого умбрійскаго города Citta di Castello, гдѣ жила богатая фамилія Вителли, покровительствовавшая художникамъ. Въ этой картинѣ все Перуджиновское и въ то же время все оригинально. На заднемъ планѣ—антично-строгій многоугольный храмъ съ круглымъ куполомъ; по бокамъ его—ландшафтъ; впереди его—нѣсколько мелкихъ группъ людей въ оживленномъ разговорѣ. На первомъ планѣ, налѣво отъ зрителя, пять спутницъ Маріи, а впереди ихъ Святая Дѣва съ кроткимъ, покорнымъ Богу выраженіемъ лица; лѣвою рукой она поддерживаетъ упавшую съ плеча тогу, а правую протянула впередъ. Въ центрѣ—жрецъ съ длинною бородой, внимательно слѣдящій за совершеніемъ обряда; направо отъ него—Св. Іосифъ, мужчина лѣтъ сорока, съ небольшой курчавою бородой, правою рукой надѣваетъ Маріи на палецъ кольцо, а въ лѣвой держитъ свой разцвѣтшій жезлъ; на лицѣ его зритель читаетъ покорность Провидѣнію, не по заслугамъ выбравшему его изъ многихъ; сзади его нѣсколько другихъ жениховъ, ломающихъ съ досады свои палки. Съ 1504 года Рафаэль разъѣзжаетъ по средней Италіи, то расширяетъ кругъ своихъ свѣдѣній въ обществѣ гуманистовъ, то съ жаромъ работаетъ. Онъ довольно долго прожилъ въ родномъ городѣ Урбино, куда счастливо возвратился герцогъ Гвидобальдо; при дворѣ его веселой супруги собиралось, можетъ-быть, лучшее въ то время въ Италіи общество; молодыхъ людей и дамъ, свѣт-

ски образованныхъ. Памятникомъ этого салона осталась знаменитая книга Кастильоне, изъ которой Тэнъ дѣлаетъ такія обширныя выписки. Общество свѣтскихъ и въ то же время развитыхъ людей имѣло благотворное вліяніе на молодого живописца, который до тѣхъ поръ жилъ среди ремесленниковъ и своихъ благочестивыхъ, но не развитыхъ, заказчиковъ. Уже въ октябрѣ 1504 года Рафаэль посѣтилъ Флоренцію, куда онъ явился съ рекомендательнымъ письмомъ къ пожизненному гонфалоньеру республики Содерини. Хотя въ это время Флоренція была еще подъ впечатлѣніемъ живыхъ воспоминаній о Саванаролѣ, хотя знаменитая коллекція Медичисовъ была распродана по частямъ, все же царица Тосканы могла быть хорошею школой для итальянскаго художника: такъ-называемое раннее возрожденіе, XV вѣкъ именно здѣсь оставилъ свои лучшіе памятники. Хотя въ то время на всемъ полуостровѣ не было города безъ маленькаго музея древностей, Флоренція и въ этомъ отношеніи послѣ Рима занимала первое мѣсто. Здѣсь Рафаэль имѣлъ полную возможность завершить свое художественное образованіе знакомствомъ съ антиками и освободиться окончательно отъ иконописныхъ преданій урбинской школы. Съ этихъ поръ, по выраженію одного современнаго критика, древность стала ему служить зеркаломъ, въ которомъ отражалась природа. И въ этомъ отношеніи Рафаэль былъ поставленъ судьбой въ замѣчательно-счастливыя условія: познакомься онъ съ антиками въ ранней молодости, онъ, можетъ-быть, остался бы на всю жизнь ихъ подражателемъ; узнай онъ ихъ позднѣе, когда его талантъ сложился и окрѣпъ, онъ былъ бы не въ состояніи освободиться отъ традиціи; теперь было самое время для того, чтобы принять классиковъ не какъ объектъ для подражанія, но подчинить свое, оригинальное, чуднымъ законамъ совершенства формы, слить христіанское благочестіе и широту взгляда новаго человѣка съ реализмомъ и пластикой греко-римскаго міра.

Рафаэль во Флоренціи былъ принятъ хорошо, отчасти благодаря рекомендаціи Перуджино, отчасти собственной ранней славѣ. Художественный міръ Флоренціи былъ въ это время раздѣленъ на двѣ партіи; всѣхъ интересовала борьба между Леонардо да-Винчи, представителемъ красоты, и Микель Анджело, представителемъ силы. Рафаэль сталъ на сторону перваго, тѣмъ болѣе, что Микель Анджело всегда относился враждебно къ Перуджино и вообще къ урбинскимъ иконописцамъ. Съ этого време-

ни ведетъ свое начало знаменитое въ исторіи искусства соперничество Микель Анджело и Рафаэля.

Несмотря на частыя отлучки Рафаэля въ другіе города, эта эпоха его дѣятельности до 1508 года называется съ полнымъ правомъ флорентійскою эпохой. Рафаэль въ это время рисуетъ массу картинъ для любителей, не особенно богатыхъ, и иностранцевъ, тѣмъ не менѣе онъ зарабатывалъ хорошія деньги, судя по тому, что успѣлъ купить домъ на родинѣ. Это время можетъ быть названо періодомъ мадоннъ, которыхъ Рафаэль произвелъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ; сюда относится и «la belle Jardinière», и «del Granduca», и многія другія. Мадонны этого періода свободны отъ умбрійскаго мистицизма, но еще не достигли полноты формъ и величія римской эпохи. Это—настоящія матери и младенцы ихъ—настоящія дѣти. Божественны въ нихъ красота и грація, хоть и реализмъ уже даетъ себя знать. Несмотря на то, что Рафаэль писалъ ихъ такъ много, надъ каждой онъ старательно трудился, о чемъ свидѣтельствуетъ масса дошедшихъ до насъ эскизовъ. Прежде всего онъ копировалъ живую модель въ той позѣ, какая подходила къ его идеѣ, иногда не одинъ, а нѣсколько разъ, потомъ копировалъ ту же модель въ драпировкѣ, постепенно приближаясь къ своей идеѣ, и только тогда приступалъ къ картинѣ. Единство сюжета никогда не заставляло Рафаэля повторяться; въ томъ и выразилась сила его генія, что изъ одной, повидимому, такой простой художественной идеи—изображенія молодой матери съ ребенкомъ—онъ умѣлъ извлечь всѣ совершенные образы, въ которыхъ она можетъ проявляться.

Во Флоренціи Рафаэль принялся за портреты, которые составляли изстари славу флорентинцевъ. Вначалѣ Рафаэль только слѣдуетъ природѣ, воспроизводитъ лицо человѣка такимъ, какимъ оно является ему въ моментъ сеанса, позднѣе же онъ идетъ далѣе. По мѣткому выраженію одного изъ современниковъ, портретъ Рафаэля больше походилъ на оригиналъ, чѣмъ оригиналъ самъ на себя, то-есть художникъ умѣлъ создать или по крайней мѣрѣ схватить такой моментъ въ лицѣ человѣка, когда его лучшія характерныя особенности проявлялись съ наибольшею рѣдкостью. Изъ большихъ картинъ къ флорентійскому періоду относится, между прочимъ, знаменитое «Положеніе во гробъ». Оно было написано Рафаэлемъ по заказу одной перуджинской аристократки, Аталанты Баліони, по особенному случаю: ея сынъ, убій-

ца нѣсколькихъ своихъ родственниковъ, умеръ на ея рукахъ самъ отъ ножа убійцы, простивши, по ея просьбѣ, своимъ врагамъ. Чтобы воспроизвести въ формѣ иконы самый тяжелый моментъ своей жизни, Аталанта заказала «Положеніе во гробъ», какъ сцену изъ жизни другой несчастной матери. Тѣло Христа, только-что снятое съ позорнаго орудія казни, переносятъ на полотнѣ нѣсколько сильныхъ людей въ то время, какъ Марія направо отъ зрителя падаетъ въ обморокѣ на руки своихъ спутницъ, а Магдалина и Іоаннъ спѣшатъ наглядѣться на лицо дорогого имъ мертвеца. Въ сильной мускулатурѣ молодого человѣка, поддерживающаго ноги Спасителя, видятъ вліяніе Микель Анджело. Картина интересна въ исторіи творчества Рафаэля въ томъ отношеніи, что по ней ясно видно, какъ старательно изучалъ скелетъ и анатомію великій представитель идеализма въ живописи.

Въ 1508 году слава двадцатипяти-лѣтняго Рафаэля уже достигаетъ Рима, и папа приглашаетъ его украшать свой новый дворецъ.

Въ эту эпоху Римъ заключалъ въ себѣ какъ бы три города: Римъ античный, руины котораго пользовались все большимъ и большимъ уваженіемъ; Римъ средневѣковый съ узкими и грязными улицами, съ башнями, строители которыхъ заботились только о прочности; рядомъ съ ними строился Римъ возрожденія, съ великолѣпными дворцами и храмами. Римъ былъ тогда музеемъ Италіи. Римскія развалины, храмы временъ Константина, съ своими мозаиками, капеллы, расписанныя знаменитыми художниками, были лучшею школой для Рафаэля, нежели сама Флоренція. Въ одной Сикстинской капеллѣ работали и Ботичелли, и Гирляндаіо, и многіе другіе. Папскій престолъ въ то время занималъ воинственный Юлій II, передъ которымъ дрожала вся Италія. Онъ былъ человѣкъ не ученый и гуманистовъ не высоко цѣнилъ: «Зачѣмъ мнѣ книгу въ руки?... Лучше мечъ,—я не знатокъ въ наукѣ» *), говорилъ онъ Микель Анджело, рисовавшему его портретъ. Юлій II, дѣйствительно, не тратилъ, подобно своимъ предшественникамъ, папской казны на манускрипты и ихъ комментаторы, но онъ страстно любилъ искусство и понималъ его. Въ дѣлѣ художества этотъ гордый, демонски-самолюбивый человѣкъ жертвовалъ своими личными симпатіями; такъ, несмотря на свою привязанность къ архитектору Юліану da san Gallo, но-

*) „Che libro? Una spada, ch'io per me non so lettere".

стройку храма Св. Петра онъ поручилъ его сопернику—Браманте. Сообразно своему характеру, онъ отдавалъ предпочтеніе грандіозному передъ красивымъ; но хотя геній Микель Анджело былъ ему болѣе симпатиченъ, тѣмъ не менѣе онъ завалилъ работою Рафаэля Урбинскаго.

И кромѣ папы въ Римѣ было много богатыхъ цѣнителей и любителей искусства: суроваго Юлія II окружала цѣлая толпа кардиналовъ и другихъ высокихъ чиновъ куріи, страстно преданныхъ искусству и гуманистической наукѣ. Все это были люди веселые, любящіе пожить; почти всѣ они, не чувствуя ни малѣйшей неловкости, участвовали въ карнавальныхъ увеселеніяхъ; многіе изъ нихъ открыто жили съ своими любовницами и производили дѣтей, которымъ впослѣдствіи доставляли выгодныя и почетныя должности. Легкомысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и распутство не мѣшали имъ понимать толкъ въ серьезномъ и прекрасномъ, и даровитый художникъ или знающій гуманистъ находили въ салонѣ такого кардинала искренно дружескій пріемъ.

Въ Римѣ были и богатые банкиры, цѣнители прекраснаго; изъ среды ихъ особенно выдавался одинъ изъ богатѣйшихъ людей того времени, Киджи, владѣвшій цѣлымъ флотомъ купеческихъ кораблей и имѣвшій въ разныхъ городахъ Европы болѣе ста конторъ.

Всѣ знаменитости Италіи и даже средней Европы отъ времени до времени ѣздили въ Римъ на поклоненіе папѣ, и художникъ, допущенный въ высшее общество, имѣлъ возможность свести знакомство и съ Аріосто, и съ Эразмомъ Роттердамскимъ, и съ посланниками всѣхъ дворовъ Европы. Между поселившимися въ Римѣ художниками своими дарованіями, богатствомъ и вліяніемъ особенно выдавался Браманте, живописецъ, граверъ, поэтъ и архитекторъ—все вмѣстѣ, человѣкъ замѣчательно умный и находчивый. И въ этомъ случаѣ счастіе служило Рафаэлю, какъ никому другому: Браманте былъ родомъ урбинецъ, и его домъ былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ урбинцевъ, посѣщавшихъ Римъ. Къ Рафаэлю онъ почувствовалъ особенное расположеніе и употребилъ всѣ усилія, чтобы выдвинуть впередъ даровитаго соотечественника. Не безъ его участія Рафаэль сразу на новой почвѣ пріобрѣлъ и массу заказовъ, и учениковъ, и связи. Вѣроятно, и самому папѣ Рафаэля рекомендовалъ Браманте.

Но скоро Рафаэль при папскомъ дворѣ уже не имѣлъ нужды въ чьемъ-либо покровительствѣ: восхищенный его первыми ра-

ботами, Юлій II не только заказалъ ему цѣлый рядъ фресокъ, но, по свойственной ему стремительности, потребовалъ уничтоженія всѣхъ прежнихъ фресокъ, чтобы Рафаэль на ихъ мѣсто написалъ новыя. Велика была честь молодому живописцу, которому первый государь Италіи отдалъ такое предпочтеніе передъ знаменитыми старыми мастерами, но Рафаэль не желалъ ею воспользоваться въ полной мѣрѣ: онъ выпросилъ у папы позволеніе сохранить неприкосновенными нѣкоторыя фрески Перуджино, Перуцци и Содомы, а съ другихъ до уничтоженія заказалъ снять копіи.

Рафаэль получилъ заказъ расписать 4 большія залы папскаго дворца: это его знаменитыя stanze. Первая изъ нихъ—stanza della Segnatura, названная такъ потому, что въ ней обыкновенно папы подписывали бумаги—украшена по потолку четырьмя большими аллегорическими фигурами: теологіи, философіи, поэзіи и юриспруденціи, а по стѣнамъ—двумя огромными фресками; на одной изображена такъ-называемая Disputa; на другой, напротивъ нея, Аѳинская школа; на первой собраны въ группу представители мудрости христіанской, на второй—языческой. Такимъ образомъ, въ одной и той же залѣ папскаго дворца, только на противуположныхъ стѣнахъ, изображены Св. Іеронимъ и Платонъ, Блаженный Августинъ и Аристотель—характерное выраженіе свѣтлой стороны итальянскаго возрожденія. Къ сожалѣнію, свѣтская наука и католическая теологія очень не долго жили въ такой гармоніи, скоро пришлось и духовнымъ и свѣтскимъ представителямъ интеллигенціи выбирать между тѣмъ или другимъ. Въ Disputa Рафаэль употребилъ пріемъ, который впослѣдствіи сдѣлался для него обычнымъ и который придавалъ такую эпическую полноту его картинамъ: дѣйствіе происходитъ въ одно время и на небѣ, гдѣ возсѣдаетъ Христосъ, имѣющій отъ себя по правую руку Богоматерь, а по лѣвую—Іоанна Крестителя; нѣсколько ниже его—апостолы и святые, а надъ нимъ Богъ-Отецъ съ державой, окруженный ангелами. На землѣ, въ центрѣ картины, стоитъ алтарь, приготовленный къ принесенію безкровной жертвы, и вокругъ него отцы церкви, вѣроучители и простые вѣрующіе люди въ нѣсколькихъ оживленныхъ группахъ. На небѣ все спокойно, здѣсь же, на землѣ, все полно движенія и борьбы; между землей и небомъ есть посредники: это—четыре евангелія, несомыя ангелами.

Сцена «Аѳинской школы»—великолѣпный античный портикъ, украшенный статуями. Въ центрѣ, на главномъ мѣстѣ, находятся

два величайшіе героя человѣческой мысли: устремляющій руку и мысли къ небу идеалистъ Платонъ и смотрящій въ землю реалистъ Аристотель; они окружены внимательными слушателями; ниже ихъ, въ группахъ и въ-одиночку, греческіе философы и ученые древняго міра и среднихъ вѣковъ.

Описывать подробно обѣ фрески значило бы представить въ главныхъ чертахъ исторію богословскихъ системъ, съ одной стороны, и исторію человѣческой мысли, съ другой,—то и другое съ точки зрѣнія одного изъ геніальнѣйшихъ представителей эпохи возрожденія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Рафаэль относительно плана своихъ фресокъ и расположенія отдѣльныхъ группъ совѣтовался съ гуманистами и учеными богословами; можетъ-быть какой-нибудь гуманистъ, знатокъ въ искусствѣ, прямо далъ ему программу для картины, все же за нимъ остается заслуга, что онъ съумѣлъ съ такимъ пониманіемъ дѣла выполнить планъ или даже изъ нѣсколькихъ плановъ выбрать лучшій.

Третья большая фреска въ комнатѣ della Segnatura написана надъ выходной рѣзною дверью; она изображаетъ Парнасъ, т. е. Аполлона, окруженнаго музами и поэтами античными и итальянскими. Надъ этой станцой Рафаэль работалъ около трехъ лѣтъ, затѣмъ перешелъ къ слѣдующей, къ комнатѣ Геліодора, которая такъ названа по полной драматизма и глубокаго историческаго смысла картинѣ изгнанія Геліодора изъ храма. При расписываніи этой залы онъ въ первый разъ прибѣгъ къ помощи своего любимаго ученика, двадцатилѣтняго Джуліо Романо.

На работѣ за этой комнатой застала его смерть папы Юлія II, на службѣ котораго такимъ образомъ Рафаэль провелъ около пяти лѣтъ, отъ 1508 до 1513 года. Громадныя фрески Ватикана составляютъ едва только половину того, что сдѣлалъ за это время Рафаэль. Въ этотъ же періодъ было написано имъ много портретовъ и нѣсколько мадоннъ, въ томъ числѣ Мадонна въ діадемѣ, на которой въ первый разъ фигурируютъ античныя развалины, Мадонна di Foligno и Мадонна съ рыбою. И въ то же время влюбленный Рафаэль успѣвалъ сочинять сонеты, которые писалъ онъ на оборотѣ своихъ эскизовъ.

Въ 1513 году на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Льва X, человѣкъ самою судьбой предназначенный къ тому, чтобы поднять искусство въ столицѣ міра на такую высоту, до какой только могли довести его совмѣстныя усилія знающаго и безконечно щедраго мецената и цѣлаго ряда великихъ художни-

ковъ. Іоаннъ Медичи былъ сынъ Лаврентія Великолѣпнаго, ученикъ лучшихъ гуманистовъ: Полиціана, Мирандолы, Фичино. Уже до 15 лѣтъ одѣлся онъ въ кардинальскую пурпуровую мантію. Говорятъ, его роднымъ это стоило 200.000 дукатовъ—громадную по тому времени сумму. Вскорѣ послѣ этого Медичисовъ изгнали; но юному кардиналу изгнаніе было не особенно тягостно: онъ проживалъ въ Римѣ, собирая антики, заказывая картины и сочиняя очень недурные латинскіе стихи. На себя лично онъ тратилъ немного, а между тѣмъ ко времени смерти Юлія II онъ былъ кругомъ въ долгахъ: его громадное состояніе ушло на искусство и науку. Онъ былъ извѣстенъ кротостію своего характера, и поэтому его избраніе на престолъ послѣ Юлія II, который многимъ солоно пришелся, было встрѣчено съ восторгомъ почти всей Италіей.

Въ отношеніи гуманности и щедрости онъ оправдалъ самыя пылкія надежды: онъ велѣлъ освободить Помпонація, обвиненнаго въ атеизмѣ; онъ способствовалъ даже прекращенію гоненія на многихъ враговъ своей фамиліи. Щедрость его была безпредѣльна: давать деньги, подарки, угощать посѣтителей—для него было положительное наслажденіе; онъ дѣлалъ подарки, стоющіе на наши деньги десятки милліоновъ франковъ; каждый день ему подавали блюдо съ золотомъ для мелкихъ раздачъ, и къ вечеру это блюдо было всегда пусто; столъ его, при замѣчательной его личной воздержности, поглощалъ огромныя суммы. Къ сожалѣнію, съ этою щедростью была соединена поразительная неразборчивость въ добываніи средствъ. Левъ X-й продавалъ всѣ должности, продавалъ даже свободу тѣмъ, кто былъ уличенъ въ заговорѣ противъ него. Въ добываніи денегъ этотъ добродушный, гуманный аристократъ проявлялъ хитрость лисы и свирѣпость голоднаго волка. Ясно, что отъ такого человѣка безумно было ждать церковной реформы и поднятія нравственнаго уровня духовенства, и когда реформа явилась не съ той стороны, откуда ее ожидали, ученикъ Полиціана оказался несравненно ниже своей задачи. Онъ съ полнымъ правомъ могъ бы сказать про себя словами Гамлета:

.... распалась связь временъ,
Зачѣмъ же *я* скрѣпить ее рожденъ?

Достаточно посмотрѣть на портретъ его, написанный Рафаэлемъ, на эти мягкія, красивыя руки, держащія луну, на полныя щеки, алыя пухлыя губы, на добродушно-лукавые глаза,—на всю

его фигуру, болѣе приличную аристократкѣ, начинающей старѣться, чѣмъ монаху,—чтобы видѣть, что этотъ человѣкъ едва ли найдетъ вкусъ въ борьбѣ съ Лютеромъ. Но тѣ же самыя черты безсмертнаго портрета показываютъ, что этотъ недѣятельный государь и легкомысленный папа долженъ быть страстнымъ и знающимъ покровителемъ искусствъ, превосходнымъ заказчикомъ для геніальнаго художника.

Подъ предводительствомъ папы римская аристократія предалась безумному веселью, невиданному со временъ имперіи эпикурепзму; праздники, передъ которыми блѣднѣютъ версальскія увеселенія, не говоря уже про наши жалкія и прозаичныя торжества, слѣдовали за праздниками. Папа страстно любилъ всякія зрѣлища и театръ, и при каждомъ удобномъ случаѣ давались представленія въ самой роскошной обстановкѣ, съ декораціями, надъ которыми трудились лучшіе артисты. Папа любилъ охоту, и его выѣзды на это недуховное удовольствіе по многочисленности участниковъ равнялись крестнымъ ходамъ. Расточительность папы дѣйствовала заразительно на богатыхъ людей. Вышеупомянутый банкиръ Киджи задавалъ для папы и его свиты не одинъ разъ необыкновенно роскошные пиры; на одномъ изъ таковыхъ хозяину донесли, что пропало неизвѣстно куда 11 большихъ серебряныхъ блюдъ, цѣнность которыхъ равнялась цѣлому состоянію, и онъ велѣлъ молчать объ этомъ, чтобы не портить удовольствія. Другой разъ, по его приказанію, всѣ убираемыя со стола блюда кидали въ Тибръ и замѣняли новыми. Правда, для хозяина это было не особенно убыточно: подъ водой были протянуты сѣти и блюда по окончаніи пира были благополучно выловлены. Характерная черта итальянскаго разсчетливаго безумія!

Возвращаюсь къ Рафаэлю Урбинскому. Послѣ смерти Юлія II онъ былъ въ нѣкоторомъ страхѣ: ну, какъ коллегія выберетъ папу равнодушнаго къ искусству и тотъ помѣшаетъ ему кончить расписку залъ! Выборъ Льва X его вполнѣ успокоилъ: заказчикъ и художникъ сошлись на жизнь и на смерть. Казалось, они были созданы другъ для друга; ихъ пожиралъ одинъ и тотъ же огонь творчества. Левъ X такъ же широко смотрѣлъ на дѣло, какъ Рафаэль, такъ же былъ свободенъ отъ педантизма, рѣзко разграничивающаго области искусства, такъ же по натурѣ своей чувствовалъ большую склонность къ граціозному и изящному, чѣмъ къ грандіозному и величественному, и Рафаэль во многихъ

отношеніяхъ былъ для него симпатичнѣй, чѣмъ Микель Анджело, который счелъ бы униженіемъ для себя расписывать театральныя декораціи и рисовать портретъ слона, что охотно дѣлалъ Рафаэль для удовольствія своего щедраго мецената. Рафаэль однако былъ далеко отъ того, чтобы злоупотреблять этою щедростью; цифрами можно доказать, что художникъ, наиболѣе прославившій своимъ геніемъ царствованіе Льва X, стоилъ ему дешевле довольно посредственныхъ музыкантовъ.

Левъ X, въ одинаковой степени съ искусствомъ цѣнившій науку, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и въ этомъ отношеніи долженъ былъ оказывать лучшее вліяніе на Рафаэля, нежели Юлій: онъ способствовалъ умственному развитію, расширенію кругозора художника; онъ, между прочимъ, привлекъ въ Римъ одного скромнаго, но серьезнаго ученаго, Марка Кальво. Рафаэль близко сошелся съ нимъ, поселилъ его въ своемъ домѣ, и тотъ въ благодарность оказалъ ему огромную услугу, переведя для него Витрувія.

Витрувій былъ нуженъ Рафаэлю, какъ архитектору, а архитекторомъ урбинскаго живописца сдѣлалъ тотъ же Левъ X, когда черезъ годъ послѣ вступленія его на престолъ умеръ старикъ Браманте. Левъ, согласно съ предсмертною просьбой послѣдняго, назначилъ Рафаэля руководителемъ работъ по постройкѣ собора Св. Петра съ жалованьемъ въ 300 дукатовъ въ годъ, разумѣется, не освободивъ его отъ обязанности расписывать залы.

При Львѣ X Рафаэль окончилъ вторую залу, гдѣ написалъ «Встрѣчу папы Льва и Атилы» и «Освобожденіе Св. Петра изъ темницы» —фреску, особенно поражающую искусствомъ освѣщенія. Въ третьей залѣ его кисти несомнѣнно принадлежитъ только главная картина—«Пожаръ города», остальныя же фрески въ ней написаны его учениками по его картонамъ, да и тѣмъ иногда онъ не имѣлъ времени придать окончательную отдѣлку.

Еще не окончивъ stanze, Рафаэль долженъ былъ приняться за Loggie—галлереи дворца, которыя до самаго XIX столѣтія оставались открытыми всѣмъ вѣтрамъ. Ложи заключаютъ въ себѣ 52 картины, всѣ на сюжеты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта: это такъ-называемая Библія Рафаэля, дающая любопытныя данныя для сравненія его съ Микель Анджело, художникомъ Сикстинской капеллы. Въ противуположность мрачному трагику и лирику—Микель Анджело, Рафаэль—спокойный эпикъ, отдающій предпочтеніе отрадному, идилліи.

Расписываніе Ватикана и наблюденіе за работами по постройкѣ храма Св. Петра могли поглотить самаго дѣятельнаго человѣка, но и папой и художникомъ, какъ сказано выше, овладѣла горячка творчества. Тому же Рафаэлю Левъ X поручилъ украшеніе своей любимой виллы Magliana и составленіе картоновъ для ковровъ, которые должны были украсить свободныя стороны Сикстины. Въ составленіи рисунковъ для ковровъ не было никакого униженія для таланта Рафаэля: это не то, что портретъ слона или раскраска декорацій,—картоны для ковровъ рисовали и Мантенья, и Леонардо да-Винчи.

Для этихъ 10 картоновъ Рафаэль, вѣроятно, по неволѣ выбралъ сюжетомъ дѣянія апостоловъ: сюжетъ не удачный, такъ какъ для ковровъ нужно нѣчто роскошное; сцены изъ исторіи Востока, изъ Ветхаго Завѣта были бы гораздо удобнѣе. Но Рафаэль сдѣлалъ все возможное. Онъ глубоко проникъ въ идею сюжетовъ: его апостолы—великіе люди плебейскаго типа; въ композиціи сценъ онъ достигъ полнаго развитія драматизма (см. наприм. Ананію), и когда 26 декабря 1519 г. ковры были выставлены, они возбудили всеобщій энтузіазмъ. Съ этихъ поръ ковры входятъ въ моду и вполнѣ подчиняются живописи; ученикъ Рафаэля, Джуліо Романо, написалъ болѣе сотни картоновъ для ковровъ.

Ковры по картонамъ Рафаэля дѣлались въ Брюсселѣ, и каждый изъ нихъ обошелся папѣ въ 1.500 дукатовъ, а Рафаэль изъ этой суммы получалъ за свои труды только по 100 дукатовъ.

Но и всѣ работы для папы, считая въ томъ же числѣ рисунки для блюдъ, для ящичковъ съ благовоніями, не поглощали дѣятельности Рафаэля. Вторымъ послѣ папы заказчикомъ былъ банкиръ Киджи, человѣкъ не ученый, даже необразованный, но обладавшій вѣрнымъ вкусомъ и глазомъ. По его заказу Рафаэль написалъ въ церкви Madonna della Pace своихъ Сивиллъ и принялъ на себя украшеніе его Транстеверинской виллы. Тамъ писана имъ знаменитая Галатея *) и расписана зала Психеи. На фрескахъ изъ исторіи Психеи яснѣе, нежели гдѣ-нибудь, видно, какъ много творчества въ композиціяхъ Рафаэля, какъ свободно онъ относился къ своимъ источникамъ. Сюжетъ взятъ имъ, какъ извѣстно, изъ «Метаморфозъ» Апулея, итальянскій пе-

*) Сюжетъ взятъ изъ Полиціановой поэмы „Giostra“ (1-ое изд. 1494 г.). Тема заключается въ стихахъ:

Due formosi delfini un carro tirano
Sovr'esso è Galatea, che il fren correge.

реводъ которыхъ былъ опубликованъ въ 1500 г. Апулей—скептикъ; онъ пародировалъ боговъ почти такъ же, какъ пародируетъ ихъ Оффенбахъ въ «Орфеѣ». Рафаэль, какъ человѣкъ возрожденія, не могъ усвоить такого взгляда и въ картинахъ придалъ имъ благородство и величіе; Венерѣ, которую Апулей изображаетъ «ревущею и дрожащею отъ злости», онъ придаетъ олимпійское спокойствіе; онъ идетъ еще дальше—облагораживаетъ миѳъ христіанскою идеей: Психея, возносящаяся на небо съ благоговѣйно сложенными на груди руками, имѣетъ выраженіе мученицы. Само собой разумѣется, что и для виллы Киджи Рафаэль давалъ только картоны; на известку ихъ переводили ученики его.

Рафаэль находилъ время работать и для другихъ заказчиковъ картины масляными красками; ко второй половинѣ римскаго періода, т. е. ко времени Льва X, относится картина «Несеніе креста» (Spasimo di Sicilia), о которой чуть ли не при жизни Рафаэля возникла цѣлая легенда. Она была написана для одного палермскаго монастыря и на кораблѣ отправлена къ мѣсту назначенія. Корабль разбило бурею, но Провидѣніе заботилось о чудной картинѣ: ящикъ, въ которомъ была она, невредимо былъ прибитъ къ берегу около Генуи, и когда его открыли, неиспорченное водой чудо искусства засіяло во всемъ блескѣ. Слава о найденной картинѣ разнеслась по всей Италіи; узнали о ея спасеніи и монахи-заказчики и черезъ папу вытребовали ее къ себѣ. Не лишена интереса и дальнѣйшая ея судьба, хотя похожа на судьбу многихъ великихъ произведеній итальянскаго rinascimento: въ эпоху политическаго и нравственнаго паденія Италіи король испанскій Филиппъ IV заплатилъ за нее монахамъ 1.000 скуди и увезъ картину въ Мадридъ. Во время испанской войны Наполеонъ обобралъ мадридскую галлерею, какъ прежде обобралъ Ватиканъ, и перевезъ Spasimo въ Лувръ. Побѣдивъ его, союзники возвратили картину въ Испанію, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Въ 1513 г. одна болоньская дама имѣла видѣніе: голосъ съ неба повелѣлъ ей посвятить капеллу имени Св. Цециліи. Черезъ своего дядю кардинала она заказала Рафаэлю икону для этой капеллы, которую онъ окончилъ въ 1516 году; это его знаменитая картина—«Св. Цецилія», въ которой чудесный мотивъ заказа такъ удачно соединенъ съ земной, но высокохудожественной, идеей—апоѳеозы музыки. И объ этой картинѣ Вазари сообщаетъ легенду: Рафаэль, отправляя ее въ Болонью, просилъ присмотрѣть за ея постановкой своего пріятеля, живописца Франчу, и,

если что окажется нужнымъ, поправить въ ней. Пораженный красотой картины, Франча умеръ съ горя о томъ, что онъ не можетъ такъ писать. Мотивомъ для возникновенія легенды послужила смерть Франчи въ началѣ 1517 г.,—смерть, которую легко объясняетъ почтенный его возрастъ: ему было 67 лѣтъ.

Въ 1517 г. родственникъ папы, Юлій Медичи, только-что назначенный епископомъ Нарбонны, заказалъ для собора этого города двѣ картины: одну—Себастьяну венеціанскому («Воскрешеніе Лазаря»), другую—Рафаэлю. Рафаэль, какъ видно по эскизамъ, задумалъ «Воскресеніе Христово», но потомъ, неизвѣстно почему, измѣнилъ тему и сталъ писать «Преображеніе», одну изъ знаменитѣйшихъ картинъ своихъ, свое «духовное завѣщаніе», хотя смерть помѣшала ему дать ей окончательную отдѣлку. Въ композиціи этой картины Рафаэль проявилъ замѣчательную смѣлость и находчивость. Картина изображаетъ двѣ сцены: на верху, на горѣ Ѳаворѣ, совершается Преображеніе; Христосъ между Ильей и Моисеемъ, у ногъ ихъ три апостола, а налѣво отъ зрителя—на колѣняхъ Св. Юліанъ и Св. Лаврентій, патроны дяди и отца заказчика. Внизу, у подошвы горы, нѣсколько апостоловъ и толпа народа, окружающая бѣсноватаго мальчика, котораго родители привели къ апостоламъ для исцѣленія. Одинъ изъ апостоловъ соединяетъ обѣ группы, верхнюю и нижнюю, въ одно гармоническое цѣлое: онъ указываетъ родителямъ мальчика наверхъ, какъ бы говоря: вотъ гдѣ слѣдуетъ искать спасенія. Два плана представляютъ противуположность земли и неба: на землѣ—все страданіе и смятеніе; на верху—все свѣтъ, спокойствіе и радость. Соединивъ съ преображеніемъ исцѣленіе бѣсноватаго, Рафаэль не нарушилъ исторической правды: обѣ эти сцены описаны евангелистомъ Матѳеемъ въ 17-й главѣ.

Къ этой второй половинѣ римскаго періода относится нѣсколько мадоннъ. И теперь, на верху славы, Рафаэль такъ же заботливо подготовлялся къ каждой картинѣ, долго обдумывалъ ее, дѣлалъ эскизы, по нѣскольку разъ копировалъ натурщицу то полуодѣтой, то въ крестьянскомъ костюмѣ. По странной случайности до насъ не дошло ни одного эскиза совершеннѣйшей изъ мадоннъ Рафаэля и, по мнѣнію многихъ, послѣдней—Сикстинской, точно это божественное произведеніе явилось чудеснымъ образомъ, по вдохновенію.

Въ послѣдніе годы жизни Рафаэль много занимался архитектурой, очень довольный своимъ назначеніемъ на мѣсто Браманте,

въ виду грандіозности дѣла—постройки храма Св. Петра; по его планамъ было построено нѣсколько церквей, дворцовъ и виллъ, но для самаго собора онъ успѣлъ сдѣлать очень немного. Онъ дѣлалъ рисунки и для скульпторовъ; одно время даже разнесся слухъ, что Рафаэль взялся за рѣзецъ, и слухъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ мастерской знаменитаго соперника Рафаэля—Микель Анджело.

Въ Римѣ, и преимущественно при Львѣ X, Рафаэль серьезно взялся за изученіе древности: «въ вѣчномъ городѣ» еще оставалась масса античныхъ фресокъ; въ папскомъ антикваріумѣ были собраны и Аполлонъ Бельведерскій, и Лаокоонъ, и торсъ Геркулеса; здѣсь была масса частныхъ музеевъ. Слѣдуя примѣру своего покойнаго покровителя, Браманте, Рафаэль со всѣхъ антиковъ снималъ или заказывалъ снимать копіи и возъимѣлъ великую мысль возстановить въ рисункахъ древній Римъ. Нѣтъ сомнѣнія, что только серьезное изученіе древности сдѣлало его настоящимъ главою школы: безъ нея могъ быть только недосягаемый для талантовъ примѣръ; подъ вліяніемъ ея явились *правила* прекраснаго; благодаря ей, Рафаэль до сихъ поръ—великій учитель всѣхъ живописцевъ.

Заваленный работой, Рафаэль съ 1515 г. не имѣлъ возможности хотя бы на нѣсколько недѣль покинуть свою мастерскую. Его буквально осаждали заказами богачи, учрежденія и государи; послѣдніе иногда грозили ему вендеттой, если онъ не почтитъ ихъ своей картиной; онъ отдѣлывался отъ нихъ, какъ могъ, даря имъ картоны. Задатковъ онъ не бралъ, будто не вѣрилъ въ продолжительность своей жизни. Къ тому же въ деньгахъ онъ не имѣлъ нужды: онъ не успѣвалъ тратить своихъ заработковъ. Левъ X сдѣлалъ его своимъ камергеромъ и рыцаремъ золотой шпоры; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, ему предстояло въ близкомъ будущемъ надѣть красную кардинальскую шляпу, но Рафаэль не торопился разстаться съ своей мастерской и учениками. Когда онъ выходилъ изъ дому, его всегда окружала толпа человѣкъ въ 50, ловившихъ всякое слово учителя *); въ ней были живописцы уже съ именами, работавшіе дольше Рафаэля и старѣй-

*) Извѣстенъ анекдотъ, къ которому можно примѣнить итальянскую поговорку: „se non è vero, è ben trovato“. М. Анджело, встрѣтивъ Рафаэля, сказалъ ему: „ты шествуешь, окруженный свитою, какъ полководецъ“.—„А ты бродишь въ одиночествѣ, какъ палачъ“, будто бы отвѣчалъ ему Рафаэль, показавшій на этотъ разъ больше находчивости, чѣмъ любезности.

шіе его по лѣтамъ. Между ними было нѣсколько граверовъ, въ числѣ другихъ и знаменитый Маркъ-Антоніо Раймонди, распространявшій картоны и болѣе законченные эскизы Рафаэля въ тысячахъ оттисковъ по всей Италіи и Европѣ. Болѣе способныхъ изъ живописцевъ онъ отличалъ тѣмъ, что дѣлалъ ихъ своими сотрудниками. Эти ученики, по обычаю того времени, жили у Рафаэля, пили и ѣли. Домъ Браманте, который послѣ смерти архитектора перешелъ въ его собственность, оказался не довольно помѣстителенъ, и Рафаэль долженъ былъ принанимать квартиры по сосѣдству. Въ началѣ 1520 г. онъ купилъ большой кусокъ земли въ лучшемъ кварталѣ города и готовился строить настоящій palazzo.

Но судьба, какъ бы желавшая показать на Рафаэлѣ, что она не всегда осыпаетъ своими милостями посредственности, будто истощилась въ непривычныхъ усиліяхъ вознести истиннаго генія: 24 марта Рафаэль подписывалъ контрактъ о пріобрѣтеніи земли, а черезъ нѣсколько дней лежалъ въ припадкахъ злостной римской лихорадки, смертельной для его истощеннаго необыкновеннымъ напряженіемъ организма *). Весь Римъ былъ заинтересованъ исходомъ болѣзни Рафаэля; папа присылалъ справляться по нѣскольку разъ въ день. Но Рафаэль, еще болѣе ослабленный неумѣстнымъ кровопусканіемъ, почувствовалъ приближеніе смерти и составилъ свое завѣщаніе: свои картины и эскизы онъ оставилъ двумъ любимымъ ученикамъ: Джуліо Романо и Джованни Пенни; имущество, цѣнность котораго доходила до 300.000 рублей на наши деньги, онъ оставилъ отчасти родственникамъ, отчасти слугамъ, отчасти на надгробную капеллу себѣ.

Рафаэль умеръ въ пятницу на Страстной недѣлѣ, 6 апрѣля 1520 г., имѣя ровно 37 лѣтъ отъ роду. Вся римская интеллигенція была глубоко потрясена его преждевременною кончиной;

*) Вазари приписываетъ его истощенность другой причинѣ, менѣе благородной: Рафаэль, въ ожиданіи не особенно для него пріятнаго брака съ племянницей кардинала Бибіены, или кардинальской шляпы, con tinuò fuor di modo i pia ceri amorosi, а невѣжественные доктора сдѣлали ему кровопусканіе. Въ другомъ мѣстѣ Вазари говоритъ о его любовницѣ, которую онъ отпустилъ, прилично наградивъ передъ составленіемъ завѣщанія. Вазари не называетъ ея имени; по словамъ одного свидѣтельства второй половины XVI вѣка, она называлась Маргаритой. Прозвище Форнарины (булочницы) и разсказы о ней относятся къ области легенды. Такъ-называемый портретъ ея, находящійся въ Uffizi,—картина Sebastiano del Piombo.

Посланникъ герцога Феррарскаго писалъ своему государю: Рафаэль è morto di una febre continuata e acuta, che gia octo giorni l'assaltò.

папа плакалъ горькими слезами. Въ народѣ сейчасъ же составилась легенда, связавшая смерть художника съ трещиной и другими поврежденіями, которыя появились въ папскомъ дворцѣ. Рядомъ съ тѣломъ художника, говоритъ Вазари, была выставлена неоконченная его картина—«Преображеніе», «и созерцаніе жизненности, которой была проникнута картина, и мертвенности ея творца заставляло сердце зрителя разрываться отъ горести».

Гробъ Рафаэля сопровождали всѣ выдающіеся римскіе художники, безъ различія спеціальностей. Множество поэтовъ Италіи оплакивали его въ латинскихъ и итальянскихъ стихахъ.

Поэты и публика теряли въ немъ великаго художника, усладителя жизни человѣческой; они могли утѣшиться тѣмъ, что лучшая часть души его — его фрески и картины остались для будущаго. Но ученики лишались въ немъ не только геніальнаго учителя,—для нихъ прежде всего *человѣкъ онъ былъ;* благодаря вліянію его симпатичной личности, эта полусотенная толпа составляла одну дружную семью, безъ зависти и ссоръ, а извѣстно, что гг. художники—gens irixarum cupidissime. Само собою понятно, что эти люди почти сейчасъ же разошлись въ разныя стороны, но всѣ они на всю жизнь сохранили почтеніе къ памяти великаго учителя. Джуліо Романо и Джованни д'Udino назвали своихъ сыновей его именемъ; Джованни завѣщалъ похоронить его непремѣнно рядомъ съ Рафаэлемъ. Черезъ 22 года послѣ смерти Рафаэля нѣсколько его учениковъ основали общество «Congregazione dei Virtuosi», существующее и до сихъ поръ. Можно привести еще болѣе отрадный фактъ: въ 1527 г. взятіе Рима разорило одного даровитаго живописца Perino del Vaga; его ученикъ по школѣ Рафаэля *Бавьера,* во имя незабвеннаго учителя, сейчасъ же поспѣшилъ къ нему на помощь. Еслибъ отъ Рафаэля не осталось ни одной картины, никто не сказалъ бы, что онъ жилъ напрасно: оказывать изъ-за гроба такое вліяніе можетъ только очень хорошій человѣкъ.

Жизнь человѣчества имѣетъ ту выгоду передъ жизнью отдѣльной личности, что въ первой за старостью, истощенностью, слѣдуетъ не смерть, а новая жизнь. Человѣчество, какъ Антей, коснувшись могильной земли, обновляетъ свои силы. Сегодня всѣ формы жизни кажутся до того обветшалыми, всѣ идеи до того истасканными, опошлившимися, идеалы — недостижимыми, что люди рождаются на свѣтъ стариками, живутъ безъ вѣры и любви, и, угрюмо оглядываясь назадъ, плетутся къ могилѣ. Завтра

засвѣтится заря новой жизни, сердца людей переполняются надеждой и вѣрой, и они бодро слѣдуютъ за энергичными вождями, носителями идеи, все впередъ и впередъ. Въ такія эпохи лучшіе люди живутъ спѣша; отъ внутренняго огня быстро перегораютъ ихъ напряженныя силы и они умираютъ безъ горькаго чувства: многое уже сдѣлано, еще больше остается сдѣлать; но, судя по себѣ, они твердо вѣруютъ въ энергію послѣдующихъ поколѣній, твердо вѣруютъ въ прогрессъ. Вотъ отчего представителями такихъ эпохъ такъ часто являются юноши или люди, сошедшіе со сцены въ полномъ цвѣтѣ силъ, какъ Александръ Македонскій, ораторы Жиронды, Периклъ, Сципіонъ, Петръ Великій, какъ будто всѣ они предпочли, подобно Ахиллесу, краткій, но славный вѣкъ долгому прозябанію; вотъ почему христіане новыхъ вѣковъ выбрали для выраженія своей идеи юношески-прекрасную фигуру добраго пастыря.

Начало XVI вѣка — одна изъ такихъ эпохъ увлеченія, юности и надеждъ, особенно въ области науки и искусства. Можно ли найти лучшаго представителя ея, чѣмъ идеально-прекрасный юноша въ бархатномъ беретѣ на длинныхъ кудряхъ, съ женственно-мягкою улыбкой на устахъ, съ огнемъ воодушевленія въ черныхъ задумчивыхъ глазахъ, портретъ котораго, видѣнный одинъ разъ, врѣзывается въ память на всю жизнь, какъ идеальное изображеніе художника, жреца прекраснаго?

Еслибы не было на свѣтѣ Рафаэля, искусство должно было бы его *выдумать*.

А. Кирпичниковъ.

Въ новыхъ владѣніяхъ Черногоріи.

(Очерки изъ путешествія.)

Баръ и Ульцынъ.

Продолжая свои очерки Черногоріи, я послѣ Нѣгушей перехожу прямо къ окраинамъ, пропустивъ даже Цетинье, и дѣлаю это для того, чтобы поскорѣе познакомить нашихъ читателей съ мѣстами, которыя, во-первыхъ, совсѣмъ неизвѣстны русской публикѣ и, во-вторыхъ, представляютъ сами по себѣ больше интереса, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ ихъ начинается новая жизнь Черногоріи. Въ устройствѣ этихъ новыхъ краевъ она впервые испытываетъ свои культурныя силы и передъ цѣлымъ свѣтомъ должна оправдать тѣ надежды и упованія, которыя возлагали и возлагаютъ на нее народы и отдѣльныя лица, оказывавшіе ей всегда свои горячія симпатіи.

Постепенное присоединеніе къ Черногоріи такъ-называемыхъ Бердъ, то-есть Бѣлопавличей, Пиперъ, Моračанъ, Васоевичей и т. д., было не что иное какъ фактическое установленіе той связи, которая всегда была между ними въ видѣ никогда не прекращавшагося стремленія отдѣльныхъ племенъ къ объединенію. Не требовалось никакого особеннаго искусства, чтобы привлечь ихъ и удержать при Черногоріи; нужно было только дать имъ средства къ борьбѣ съ общимъ врагомъ—турчиномъ и помогать имъ въ нуждѣ. Не Черногорія ихъ къ себѣ присоединила,—они сами присоединились къ ней.

Совсѣмъ другое представляютъ Баръ и Ульцинъ: ихъ пришлось завоевывать и покорять.

Правда, и эти мѣста когда-то входили въ составъ Зеты, часть которой составляетъ нынѣшняя Черногорія, когда-то и тамъ господствовалъ сербскій православный элементъ; но исто-

рія повернула здѣсь такъ, что сербы или покатоличились, или потурчились, а иные потеряли даже свою народность и православный элементъ едва удержался подъ двойнымъ гнетомъ—магометанства и латинства.

И теперь Черногоріи, по занятіи этихъ мѣстъ, приходится имѣть дѣло съ элементами чуждыми ей и отчасти враждебными, которые имѣютъ опору внѣ предѣловъ своего новаго отечества. Черногоріи нужно примирить ихъ съ собою, заставить забыть, что они покорены силой, и почувствовать себя въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ были прежде, подъ господствомъ турокъ. Задача легкая и трудная: легкая потому, что при туркахъ для края не дѣлалось ничего и все, что бы ни сдѣлало новое правительство въ пользу края, будетъ имѣть значеніе; а трудная потому, что люди такъ свыкаются съ извѣстными порядками, хотя бы самыми безобразными, что всякое улучшеніе кажется имъ посягательствомъ на ихъ индивидуальность.

Для перваго раза Черногорія сдѣлала весьма много: она уже успѣла убѣдить своихъ новыхъ гражданъ, что черногорскій режимъ лучше турецкаго: кто прежде былъ угнетаемъ, тотъ теперь чувствуетъ себя свободнымъ; кто былъ свободенъ, тотъ остается при своемъ и сверхъ того пользуется тѣмъ мирнымъ состояніемъ, какого не испытывалъ въ турецкое время.

Всѣ жители, безъ различія вѣры и народности, смотрятъ открыто и относятся къ правительству съ довѣріемъ. И если дѣло пойдетъ такъ впередъ, то можно будетъ сказать, что первая ступень—пріобрѣтеніе народнаго расположенія и довѣрія—пройдена. Затѣмъ слѣдуетъ просвѣщеніе края, чтобъ образовать новыхъ гражданъ для Черногоріи, и оживленіе края торговлей и промышленностью. И въ этомъ отношеніи начало положено.

Но здѣсь, благодаря приморскому положенію, развитіе пойдетъ скорѣе, чѣмъ въ континентальной части Черногоріи; поэтому правительство должно ставить своими представителями лучшихъ людей, а откуда ихъ взять? Это ведетъ къ тому, что Черногоріи предстоитъ необходимость, не медля ни минуты, позаботиться о своемъ собственномъ гражданскомъ развитіи: она должна измѣнить свои старые порядки сообразно съ духомъ времени и новыми потребностями и приготовить людей, которые были бы способны удовлетворять этимъ новымъ условіямъ жизни.

Въ представляемомъ очеркѣ мы, держась характера путевыхъ наблюденій, стараемся по возможности дать читателю рядъ фак-

товъ изъ современнаго быта и изъ исторіи края, изъ различныхъ проявленій народной жизни и окружающей ее природы, чтобъ изъ этихъ свѣдѣній, отрывочныхъ и безъ системы, можно было все-таки составить себѣ цѣльное представленіе. Съ этою цѣлью я долѣе останавливаюсь на нѣкоторыхъ предметахъ, чтобы сдѣлать свой очеркъ по возможности болѣе полнымъ.

Я пропустилъ осаду Бара, которая имѣетъ съ цѣлымъ этимъ походомъ составляетъ самое сложное событіе въ продолженіе всей войны и, какъ весьма интересный эпизодъ, заслуживаетъ занять отдѣльную главу; но это было бы слишкомъ много для журнальной статьи, тѣмъ болѣе, что публика отчасти знакома съ этимъ изъ сочиненія доктора Щербака.

Считаю еще нужнымъ сдѣлать одну оговорку: въ собственныхъ именахъ я держусь того произношенія, которое существуетъ на мѣстѣ, и потому пишу—Баръ, Ульцинъ, Скадаръ — вмѣсто Антивари, Дульциньо, Скутари и т. п.

I.

Путь отъ Цетинья до Бара.

Сухимъ путемъ лучше, чѣмъ моремъ.—Плохой годъ и вообще бѣдность природы.—Всѣ ключи исчезаютъ.—На Обзовицѣ: богатый ключъ; чобанка; черногорская деликатность.—Выселокъ.—Колиба и жизнь въ ней.—Церминица; другой характеръ природы.—Подгаръ: общій видъ села; не видно людей; роскошная растительность.—Сотоничи; дѣвушка на деревѣ; ея участіе въ войнѣ; на ключѣ; привѣтливость; допросъ и жалобы.—Разселенье черногорцевъ; ихъ стремленье въ Россію; они ошибаются относительно Россіи.—Сравненіе сельскаго быта черногорскаго съ нашимъ.—Черезъ Суторманъ; взятіе черногорцами турецкаго форта; Вашингтонъ; природа на другой сторонѣ.—Тудьемили и Зубцы.—Видъ моря.—За часъ до Бара.—Наконецъ Баръ виденъ; картина разрушенья.

Изъ Цетинья въ Баръ ведутъ два пути: одинъ черезъ Которъ моремъ на пароходѣ, отправляющемся разъ въ недѣлю; другой—по суши, верхомъ на лошади или еще проще пѣшкомъ, какъ здѣсь говорятъ: «пѣшки на опанки». Въ первомъ случаѣ вы путешествуете со всѣми удобствами, если не случится бури, и любуетесь тѣми же самыми видами, которые вамъ уже приглядѣлись, покуда вы путешествовали изъ Тріеста вдоль всей Далмаціи и Приморья; во второмъ—вы не имѣете конечно тѣхъ удобствъ, за то сохраняете за собою больше свободы: отправляетесь, когда вамъ угодно, не соображаясь съ однимъ опредѣленнымъ днемъ и часомъ, и можете гораздо больше видѣть. Только при такомъ путешествіи вы увидите во всей рѣзкости разнообразіе природы: изъ тѣсной котловины Цетинья, не дающей вамъ

видѣть ничего дальше, кромѣ Ловчена, вы спускаетесь въ Цермницу, съ одной стороны окруженную лѣсистыми горами, съ другой—открывающуюся къ обширному Скадарскому озеру, которое въ туманной дали сливается съ еще обширнѣйшею равниной Нижней-Зеты, а за нею цѣлый амфитеатръ горъ съ бѣлыми снѣжными гребнями. Притомъ вы на этомъ пути видите и море, а при помощи хорошаго бинокля, въ ясную погоду, можно видѣть даже противуположный берегъ Италіи.

Такое же разнообразіе и въ богатствѣ природы: съ высокаго плато, гдѣ только хлѣбъ сѣютъ и нѣтъ почти фруктовыхъ садовъ, вы вступаете въ мѣстность, которая представляетъ изъ себя одинъ роскошный садъ: виноградники смѣшаны съ нивами, фруктовыя деревья представляютъ изъ себя цѣлыя рощи, раскидистыя смоквы, никѣмъ не насажденныя, растутъ вездѣ, гдѣ ихъ и ненужно, давая густую тѣнь и принося дважды въ годъ свой сладкій, питательный плодъ. А въ Барѣ вы вступаете въ область оливы, лавра и мирты. Наконецъ, здѣсь вы наблюдаете человѣка и народную жизнь, которая на морѣ ограничивается только пассажирами и экипажемъ, да толпою людей на двухъ пристаняхъ, съ которою не имѣете возможности сказать нѣсколько словъ.

Не одна дорога ведетъ и сухимъ путемъ: можно пойти на Рѣку (городъ), оттуда до Вирбазара—на лодкѣ, или идти черезъ гору, или прямо черезъ Цермницу. Но оба пути сходятся на Суторманѣ, хребтѣ, раздѣляющемъ равнины Цермницы, Бара, Нижней-Зеты и Адріатическаго моря. Первый путь легче и интереснѣе; но я выбралъ второй потому, что на Рѣкѣ уже былъ и не хотѣлъ повторять стараго. Я отправился съ попутчикомъ, который шелъ въ Баръ по своей надобности. Это было въ половинѣ іюня 1879 года, когда послѣ страшно-дождливой зимы и холодной весны вдругъ настали невыносимые жары и засуха. Маленькіе клочки земли, лежащіе въ углубленіяхъ между голыхъ скалъ и носящіе названіе нивъ, едва покрывались слабыми всходами, а иные оставались черны, какъ не засѣянные. Травы почти не было; даже листъ на деревьяхъ какой-то тощій. Ни росинки на травѣ и на листвѣ, несмотря на раннее утро.

Дорога идетъ ложбиной между горъ, по одну сторону которыхъ лежитъ Рѣка, по другую—Приморье, отдѣленное отъ Черногоріи высокою цѣпью горъ, непрерывно идущей отъ Ловчена до Барской низменности. Съ Суторманомъ эти горы связываются

менѣе высокимъ поперечнымъ хребтомъ, черезъ который и проложена дорога. Мѣстность замкнутая и крайне однообразная: безпрестанно спускаешься въ котловины, чтобы потомъ опять подниматься, или пробираешься по ихъ окраинамъ; подъ ногами всюду голый камень; тѣни почти нѣтъ,—лишь кое-гдѣ выдается какое-нибудь деревцо, букъ или ясень, а то все низкій, карявый кустарникъ, обезображенный козами.

Черезъ два часа такого пути вы встрѣчаете церковку, одиноко стоящую на холмѣ, какъ памятникъ, напоминающій, что и здѣсь, въ этой пустынѣ, была когда-то жизнь и какое-то событіе дало поводъ ея существованію. Она дѣйствительно существуетъ для того только, чтобы разъ въ годъ, въ день Св. Петра и Павла, огласиться богослуженіемъ. Находящееся вблизи село Угни скрылось куда-то между скалами, — съ дороги видно только два-три дома.

Отсюда мѣстность оживляется небольшимъ потокомъ, составляющимся изъ нѣсколькихъ ключей, что и дало поводъ названію «Врела» (т. е. ключи) или Млины (мельницы). Потокъ однако тутъ же растекается и исчезаетъ. Поднимаясь отсюда по крутой дорожкѣ, какъ по ступенямъ каменной лѣстницы, мы выбрались на высоту, съ которой, глядя назадъ, обозрѣваемъ все пройденное пространство, представляющее хаотическое смѣшеніе горъ и углубленій, съ высящимся надо всѣмъ этимъ пространствомъ Ловченомъ, на вершинѣ котораго виднѣется еще снѣгъ. Тутъ же стоитъ громадный, раскидистый дубъ, который гостепріимно укрываетъ насъ отъ жгучихъ лучей солнца. Откуда-то доносится шумъ воды. Это—опять ключи, которые бьютъ прямо изъ камня: одинъ нѣсколькими струями падаетъ въ каскадахъ и разсыпается на нѣсколько свѣтлыхъ нитей; другой же обложенъ камнемъ и направленъ по желобку въ деревянное корыто для пойла скота, изъ котораго, переливаясь черезъ края, живо, стремительно соединяется съ своимъ болѣе сильнымъ и шумнымъ сосѣдомъ, потомъ оба исчезаютъ, проваливаясь въ глубину какой-то подземной щели. Это—Обзовица, пунктъ отдыха какъ для путника, такъ и для стадъ.

Останавливаемся отдохнуть и закусить, потому что впереди на далекое разстояніе не будетъ воды. Кругомъ бродятъ козы, карабкаются по скаламъ и, становясь на заднія ноги, обгрызаютъ до верху молодые побѣги на приземистыхъ дубкахъ и ясеняхъ. Дѣвочка-чобанка, взобравшись на одну изъ выдающихся

скалъ, сидитъ и что-то вяжетъ изъ толстой шерстяной пряжи, наблюдая въ то же время за своимъ разбредшимся стадомъ. По временамъ она крикнетъ только: «Кець-кець!» — и всѣ козы сбиваются въ кучку, поворачиваются глазами къ ней съ блеяньемъ, какъ будто спрашивая, въ чемъ дѣло, и затѣмъ снова предаются своей работѣ.

Подошли къ водѣ двое поселянъ, которые тутъ же окапываютъ кукурузу. Послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ, начинается жалоба на плохой годъ.

— Но вѣдь лѣто еще въ началѣ; можетъ-быть перепадутъ дожди и все поправится, — утѣшалъ я ихъ.

— Нѣтъ, не говори намъ. Знаемъ мы хорошо, что ничего не будетъ: въ добрый годъ объ эту пору мы окапывали бы кукурузу въ другой разъ, а теперь только первый, и то дѣлаемъ лишь отъ стыда, чтобы не попрекнулъ кто въ лѣни. Если не прокормитъ насъ Русія, перемремъ мы съ голоду или должны будемъ разбѣжаться по свѣту. У иного и теперь уже ничего нѣтъ; только и питаются молокомъ да сыромъ.

Я пригласилъ ихъ закусить со мной и предложилъ имъ, что имѣлъ: бѣлаго хлѣба и яицъ. Отказались.

— Береги для себя: ты — путникъ; а намъ и рано еще. Мы пришли, чтобы только горло смочить водой, — пересохло отъ работы на жарѣ, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

На дѣлѣ они, конечно, были голоднѣе, чѣмъ я; но отказывались изъ деликатности, не желая лишить меня того, чего я не могъ найти на моемъ пути. Простой человѣкъ, привыкшій терпѣть нужду, никогда не польстится на лакомый кусокъ человѣка зажиточнаго, если видитъ, что это составляетъ для него лишенье, и всегда готовъ скорѣе подѣлиться съ нимъ своимъ послѣднимъ, чѣмъ взять что-нибудь отъ него. И это въ годъ голода, когда не было бы стыдно никому протянуть руку.

Съ Обзовицы поднимаемся еще выше, откуда виднѣется Скадарское озеро и пространство за нимъ. Подъ нами, въ глубокой ямѣ, слышится гдѣ-то лай пса, звяканье погремушекъ на козлахъ-вожакахъ и кое-когда крикъ чобана. Вглядываясь ближе, вы усматриваете тамъ человѣческія жилья, прижавшіяся къ скаламъ въ тѣнистыхъ уголкахъ, окруженныя нивами. Какъ пріятно въ такой неприступной мѣстности видѣть разработанныя поля! Какъ живописны они въ той пропасти подъ грозно нависшими мрачными скалами!... Но какъ забрались сюда люди, и чего сто-

нить эта обработка? А обработаны не только площадки земли на днѣ этого каменнаго мѣшка, но и уступы каменныхъ горъ до самаго верху, гдѣ только есть какая-нибудь ложбинка, для чего поперекъ ея крутого паденья сложенъ цѣлый рядъ каменныхъ стѣнокъ, задерживающихъ землю отъ смыванья. Насколько красивы эти поля, настолько непривлекательны жилища, въ которыхъ отдыхаетъ отъ труда и укрывается отъ непогоды тотъ, кто ихъ создалъ и обработалъ. Это—каменный сарай со стѣнами вышиною не болѣе двухъ аршинъ, крытый соломой, безъ пола, безъ оконъ, съ маленькими дверьми, безъ потолка, безъ всякой мебели; здѣсь цѣлая семья день и ночь группируется около очага, то сидя, поджавши подъ себя ноги, то разлегшись въ-повалку на земляномъ полу, не снимая одежды, безъ постели и прикрываясь сверху какою-нибудь старой одеждой. Собственно это не села и даже не выселки, а *катуны* или хутора (заимки—посибирски), и жилища эти—не настоящіе дома, а временныя *колибы*; но въ нихъ проводятъ иногда цѣлую жизнь: здѣсь родятся, умираютъ и имѣютъ свое собственное кладбище. Это дѣлаетъ тѣснота: въ селѣ, которое находится за три часа отсюда, нѣтъ земли; все имѣпье жителей этихъ хуторовъ заключается въ клочкахъ, удаленныхъ отъ села и лишенныхъ всякихъ удобствъ, безъ воды, за которою приходится ходить верстъ за пять и болѣе.

Здѣсь вездѣ однако сохранился лѣсъ ввидѣ отдѣльныхъ рощицъ и полосъ по краямъ дороги, и вы идете точно по аллеѣ: съ одной стороны тянется лѣсъ, съ другой—голыя скалы, то ввидѣ стѣнъ, то ввидѣ громадныхъ выступовъ и безпорядочныхъ нагроможденій, съ пещерами, трещинами и острыми шпицами, точно какія сторожевыя башни или укрѣпленія. Черезъ часъ вы стоите уже на краю того неровнаго плато, которое вело васъ все время, пока вы поднялись на верхъ изъ цетинской равнины, и передъ вами открывается правильная долина, чрезвычайно глубокая, а по бокамъ обступаютъ высокія горы, сплошь покрытыя лѣсомъ, и только кое-гдѣ на южныхъ склонахъ виднѣются голыя стѣны и скалы. На днѣ долины бѣлѣется уже русло потока, но сухое, заваленное крупными и мелкими валунами. Характеръ мѣстности совершенно измѣняется: другая конфигурація, другая почва и другая растительность.

Спустившись до самаго дна долины, вы все еще находитесь на значительной высотѣ, какъ абсолютной, такъ и относитель-

ной, надъ равниной Церницы; долина то съуживается, то расширяется и постоянно загибаетъ влѣво. Мѣстность довольно дикая и пустынная: обработки почти не видать, кое-гдѣ только узкая нива или полоса расчищеннаго луга. Отъ нагрѣвшагося бѣлаго камня обдаетъ жаромъ, какъ изъ печи, нѣтъ ни капли воды и за изгибами не видать исхода. Наконецъ впереди открывается что-то: по горизонтальной линіи взглядъ упирается въ середину Сутормана, видиѣющагося поперекъ дороги, по ту сторону Церницы, тогда какъ самая равнина лежитъ глубоко внизу. Скоро начинаются ключи свѣжей воды; долина сплошь покрыта полями; попадаются и виноградники.

Черезъ три часа добраго хода отъ Обзовицы мы достигли перваго церницкаго села Подгара: это—такъ-называемая Горняя-Церница, отдѣляющаяся отъ Нижней небольшимъ поперечнымъ кряжемъ. Отсюда выбѣгаетъ рѣчонка Ораошгица, обходящая этотъ кряжъ и у Вирбазара соединяющаяся съ р. Церницей. Долина этой рѣчонки чрезвычайно живописна и вмѣстѣ съ тѣмъ отлично обработана. Здѣсь уже повсюду встрѣчается виноградная лоза, окаймляющая всякую ниву. Отсюда идетъ полоса винодѣлія, хотя вино это не того качества, какъ въ Нижней-Церницѣ. Собственно здѣсь производится лучшая водка, такъ-называемый *первенацъ*, т. е. первая, вытекающая изъ котла водка, которой выбирается немного: она очень крѣпка, остальная идетъ уже слабѣе.

Кромѣ Подгара, здѣсь села всюду, куда ни посмотрите: Утргъ, Томичи, Брчело и др. Довольно высокіе дома съ достаточнымъ количествомъ оконъ, выбѣленные снаружи, въ-одиночку и группами, весело выглядываютъ среди цѣлыхъ рощъ фруктовыхъ деревьевъ: тутоваго, грецкаго орѣха, грушъ, сливъ, персиковъ, смоквъ, айвы и др. Передъ нѣкоторыми домами—круглыя, выложенныя каменными плитами, площадки, съ каменными же краями, точно какіе бассейны для воды: это—токи, на которыхъ молотятъ хлѣбъ. Ни клочка необработанной земли, только кое-гдѣ торчатъ голые скалистые холмы; всюду изобиліе воды, которою пользуются для орошенія полей; мѣстами устроены мельницы, въ которыхъ изъ круглаго каменнаго бассейна вода съ высоты двухъ-трехъ саженъ падаетъ по трубѣ на водяное колесо съ вертикальною осью, какъ въ турбинахъ; ниже мельницы на потокѣ полощатся гуси и утки. Совершенно не похоже на Черную-Гору. Картина живая и веселая; только людей видно какъ-то

мало. Куда ни посмотрите, дома точно пустые; нигдѣ не видно, чтобъ около копошился народъ или бѣгали дѣти. Не видно людей и въ полѣ: кое-гдѣ группа въ 3—4 человѣка взбиваетъ землю мотыгой; межъ кустарниковъ бродятъ козы, и при нихъ, безъ сомнѣнія, тоже есть какой-нибудь пастушонко, но онъ скрывается, прижавшись у дерева подъ тѣнью. Дома стоятъ далеко отъ дороги, и трудно пробраться къ нимъ, не зная тропинки, ведущей къ каждому дому отдѣльно; кругомъ каменные заборы,—не высокіе правда, такъ что ихъ легко перескочить, но на нихъ навалянъ колючій кустарникъ, который не даромъ называется *драча* (отъ глагола драть): онъ цѣпляется такимъ множествомъ своихъ тонкихъ иглъ, что трудно отпутаться. Дозваться кого-нибудь тоже мудрено: здѣшніе люди не охотно подаются на зовъ проходящаго, если не услышатъ въ немъ голоса знакомаго или если вы чѣмъ-нибудь не возбудите ихъ любопытства. Поэтому мы останавливались отдыхать просто при потокѣ, подъ тѣнью большого тутоваго дерева, съ котораго сами собою падаютъ на землю зрѣлыя ягоды, закусывали, спали и шли далѣе. Дорога не совсѣмъ хороша, но прелестная окрестность заставляетъ не обращать вниманія на дорогу; только жаръ невыносимъ; никакого движенія въ воздухѣ. Проходимъ одно село, другое; тамъ, вдали, на холмѣ стоитъ церковь, а у подножія холма роскошныя нивы и виноградники; всюду струится вода; около дороги шпалерой идетъ густой, непроницаемый кустарникъ терновника, баярышника, гранатника; мѣстами высится стройная черешня или раскидистый грецкій орѣхъ, обдающій ароматомъ своихъ листьевъ, а тамъ—пирамидальный тополь, по которому до самой вершины вьется виноградъ; дикій виноградъ и разнаго рода плющъ, какъ полостью, укрываютъ верхи кустарника. Проходимъ монастырь, который больше похожъ на старую ферму; изъ окна его высовывается единственный монахъ и изъ любопытства допрашиваетъ насъ, кто мы и откуда. Но намъ не до того. «Русь!»—отвѣчаетъ мой спутникъ, и идемъ дальше; а недоумѣвающій монахъ такъ и остался въ окнѣ, провожая насъ глазами, соображая, кто мы, и дивясь, какіе мы неразговорчивые люди.

Прошелъ полдень, но солнце печетъ по-прежнему; воздухъ накалился; одолѣваетъ страшная жажда. Близъ дороги течетъ потокъ, но вода въ немъ согрѣлась, потому что онъ идетъ издалека, медленно пробираясь между раскалившимися валунами; мѣстами онъ совершенно исчезаетъ, проваливаясь въ дырявомъ из-

вестникѣ, или тонкою струей точится въ ямку, гдѣ тотчасъ же зацвѣтаетъ и покрывается зеленью. Достигаемъ села Сотоничей, которое стоитъ уже не столь высоко надъ равниной. Здѣсь лучшее вино въ цѣлой Черницѣ. Дорога идетъ рядомъ съ домами; дома довольно скучены; всюду крупныя, тѣнистыя деревья. Село занимаетъ большое пространство. Дорога дѣлится, направляясь къ различнымъ его частямъ, и потому легко спутаться, а по такому жару всякій лишній шагъ непріятенъ. Но спросить и здѣсь некого.

Видимъ, что-то шевелится на верху тутоваго дерева, въ чащѣ его роскошной зелени. Это оказывается дѣвушка лѣтъ 16—17, красивая блондинка, съ толстою косой и сѣрыми живыми глазами. Спускается она съ дерева, куда взобралась, чтобы поѣсть тутовыхъ ягодъ; спустившись, она обула, оставленные внизу, стоптанные башмаки, одернула рубашку и обратилась къ намъ съ обычнымъ привѣтствіемъ: «Помогай Богъ», устремившись ко мнѣ, чтобы схватить и поцѣловать мою руку. «Добрà ти срѣтья, дѣвойко!»—отвѣчаю я, отклонивъ ея покушенія на мою руку, и затѣмъ начинаемъ распрашивать о дорогѣ. Объяснила она намъ дорогу безъ всякой застѣнчивости и даже предложила зайти къ ней въ домъ, отъ чего мы вѣжливо отказались, продливши однако бесѣду на дорогѣ. Оказалось, что она отлично знаетъ дорогу вплоть до Бара. Это меня удивило, такъ какъ городъ до недавняго времени былъ турецкій.

— Еще бы мнѣ не знать,—отвѣтила она,—когда я два мѣсяца провела подъ Баромъ съ войскомъ!

— Что же ты дѣлала тамъ?—спросилъ я.

— Была при раненыхъ.

— И тебѣ не было страшно?

— Нисколько. Да развѣ можно бояться съ такимъ большимъ войскомъ, да еще когда у насъ были большія пушки?... Одну мою подругу ранили, когда мы поднимали убитаго.

Далѣе она разсказала намъ, какъ одна женщина во время осады Бара приходила къ своему мужу и всегда садилась на камнѣ, который постоянно обстрѣливали турки изъ крѣпости. Она дѣлала это съ цѣлью подхрабрить своихъ, и находилась тамъ все время, пока наконецъ не велѣно было удалиться, потому что многихъ на томъ мѣстѣ убивали.

Разставшись съ дѣвушкой, идемъ дальше все черезъ село; останавливаемся еще у воды, которая въ два широкихъ рукава

бьетъ изъ камня. Нѣсколько женщинъ моютъ бѣлье и тутъ же развѣшиваютъ его на вѣтви деревьевъ; около нихъ полощатся мальчишки. За одно съ бѣльемъ одна женщина принялась мыть своего ребенка, который пищалъ, барахтался и отбивался; справиться съ нимъ помогала маленькая же, но немного побольше его, сестренка. Едва мы остановились, подошелъ къ намъ старикъ лѣтъ 60 и началъ обычные распросы. Узнавъ, что я русскій, онъ тотчасъ спросилъ мое имя.

— Павелъ,—отвѣчаю ему я.

— Да си ми здравъ, брате Павле!—сказалъ онъ и, приподнявъ шапку въ знакъ привѣтствія, продолжалъ свою рѣчь:— По такому жару идти можетъ только крайняя неволя; вамъ достаточно нынче прійти на ночлегъ въ Лимляны,—менѣе двухъ часовъ отсюда, отлично дойдете холодкомъ,—а завтра къ обѣду во всякомъ случаѣ поспѣете въ Баръ. Теперь же, чтобы прошло незамѣтно время, я принесу винца—своего, домашняго, да и поразговоримся. Пріятно намъ поговорить съ русомъ.

«Умныя рѣчи любо и слушать», говоритъ русская пословица, и мы соглашаемся на любезное предложеніе. Не прошло пяти минутъ, какъ принесено было вино, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли и новые собесѣдники. Мы провели здѣсь часа два. Распросамъ не было конца. Сначала допрашиваютъ о моей личности: имѣешь ли жену, дѣтей, братьевъ, сестеръ, отца, мать; изъ какого мѣста, какъ зовется твое село; кто тебя послалъ, какую получаешь плату и т. д. Затѣмъ идутъ вопросы политическаго свойства: вполнѣ ли вы помирились съ турчиномъ; какъ стоитъ вашъ Царь съ цесаремъ (австрійскимъ императоромъ); гдѣ теперь Игнатьевъ, котораго лично знаетъ множество черногорцевъ, бывшихъ въ Царградѣ, и котораго всѣ они уважаютъ, какъ великаго *юнака* по отношенію къ туркамъ и необыкновенно добраго по отношенію къ черногорцамъ. Знаютъ эти люди и Горчакова, какъ защитника славянства; знаютъ и о томъ, что была война между Германіей и Франціей, и потому спрашиваютъ и объ ихъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ, эти люди, безъ всякой науки, безграмотные, приблизительно знаютъ общее политическое положеніе вещей въ Европѣ, насколько оно можетъ имѣть значенія для ихъ отечества, и по-своему слѣдятъ за политикой, не пропуская случаевъ распросить человѣка грамотнаго, знающаго. Покончивъ съ допросомъ и политикой, начинаютъ жаловаться на тѣсноту и бѣдность:

«Тебѣ вотъ полюбилось наше мѣсто; по-истинѣ, хорошія мѣста. Добыты они нашею кровью, сдобрены нашимъ потомъ, и теперь можно бы жить во здравіе господаря (такъ зовутъ они князя) и Русскаго Царя; только ужь больно тѣсно стало. Старики наши еще помнятъ, что гдѣ было 5—10 дворовъ, тамъ теперь 20—30; люди у насъ, слава Богу, родятся хорошо, а земля все та же. Вотъ отчего наши идутъ на заработки въ Царьградъ. Рѣдкій изъ нашихъ не побывалъ тамъ; изъ нашего села еще меньше идутъ, а вотъ у глуходолянъ по одному и болѣе уходитъ изъ каждаго дома. А знаешь ли, какая тамъ жизнь?... Портится нашъ народъ тамъ: проработаетъ недѣлю, скопитъ денегъ да послѣ и бездѣльничаетъ недѣли двѣ; пустится въ развратъ, попутается съ ворами, да и самъ сдѣлается воромъ. Домой воротиться ему уже не мило, а иному и совѣстно, потому что у насъ воръ на глаза не показывайся добрымъ людямъ. Хорошо, какъ добрый человѣкъ *хорватъ-баша* *) и не даетъ потачки худымъ людямъ, а то иной и самъ съ ними воруетъ. Не даромъ говоритъ наша пословица: «Ко види врата одъ Леванта, не види го ни отицъ, ни майка». А что будешь дѣлать?—Нужда гонитъ... Вотъ-у васъ въ Россіи просторъ. Что, еслибы Русскій Царь пустилъ насъ туда? Половина бы выселилась. Тогда легче было бы и тѣмъ, которые останутся дома».

Одного поверхностнаго взгляда на старую Черную-Гору достаточно, чтобъ убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ, въ справедливости жалобъ. Замѣчательно, что въ Черногоріи очень мало поселенцевъ изъ другихъ, сосѣднихъ, земель, и только въ сѣверной части есть небольшое поселенье *ускоковъ* изъ Герцеговины; тогда какъ черногорцевъ вы встрѣтите по цѣлой Боккѣ: село Доброта, рядомъ съ Которомъ, все составилось изъ черногорцевъ; то же самое и въ южномъ Приморьи, куда преимущественно выселялись цермничане. Не доходя Подгара есть одна старая, брошенная церковь «Св. Петка», Граболянская: это было цѣлое село, которое переселилось за Баръ въ Мрковичи, гдѣ потомъ всѣ потурчились, т. е. приняли магометанскую вѣру. Масса черногорцевъ нахо-

*) Такъ какъ тамъ постоянно находится до 3.000 черногорцевъ въ качествѣ рабочихъ, называемыхъ тамъ *аргатъ* (имя, передѣланное по-сербски въ *хорватъ*), то черногорское правительство назначаетъ имъ одного капитана, котораго должность состоитъ въ разбирательствѣ смѣшанныхъ дѣлъ и вообще въ наблюденіи за находящимися тамъ черногорцами; его-то и называютъ *хорватъ-баша*.

дится въ княжествѣ Сербіи, куда они въ послѣдніе годы всего больше стремятся; а тѣ 3.000 или болѣе аргатовъ въ Цареградѣ развѣ не потеряны для Черногоріи? Но что было бы, еслибъ они не выселялись и не скитались по свѣту?—Навѣрное можно сказать, что населеніе удвоилось бы менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ. Всѣхъ плодовитѣе, говорятъ, цермничане и цуцы, два племени, находящіяся на двухъ противуположныхъ оконечностяхъ. О послѣднихъ разсказываютъ, что если у кого въ домѣ менѣе 7 человѣкъ дѣтей мужскаго пола, то онъ приходитъ въ отчаянье, что его родъ исчезнетъ съ лица земли.

Уже одна физическая тѣснота дѣлала расширеніе границъ Черногоріи условіемъ, безъ котораго невозможно было его дальнѣйшее существованіе, и въ настоящее время, хотя бы изъ всѣхъ новоприобрѣтенныхъ земель выселилось все магометанское населеніе, Черногорія не пострадаетъ, а можетъ-быть даже выиграетъ, потому что магометанскій элементъ сильно тормозитъ развитіе народа во всѣхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи мы приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя относительно христіанскаго и магометанскаго населенія, которыя говорятъ не въ пользу послѣдняго.

Относительно желанія многихъ переселиться въ Россію замѣчу, что вообще здѣсь существуетъ фантастическое представленіе о Россіи, о ея просторѣ, плодородіи и народномъ богатствѣ. Черногорцы не имѣютъ понятія о томъ, что такое *просторъ* въ нашихъ юго-восточныхъ степяхъ, напримѣръ въ Самарской, Саратовской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ лѣтомъ вы ничего не найдете, кромѣ сѣрой полыни, карявой, запыленной,—гдѣ, покуда не скосятъ луговъ и скотина ходитъ по степи, молоко отдаетъ горечью и запахомъ полыни; они не знаютъ, что у насъ въ степяхъ на сотни верстъ не найдешь кустика, чтобъ укрыться отъ солнца, ни капли воды, чтобы смочить запекшіяся уста.

До сихъ поръ у черногорцевъ сохраняется общее владѣніе только такъ-называемою *планиной:* это—пастбища, удаленныя отъ поселеній, на высокихъ горахъ, гдѣ въ то же время и косятъ сѣно, а иногда дѣлаютъ и запашки. Цѣлая планина, т. е. цѣлая группа горъ и долинъ, считается принадлежностью всего племени, наприм.—кучей, пиперъ, васоевичей; а отдѣльныя части ихъ принадлежатъ отдѣльнымъ родамъ, или братствамъ, которые прежде дѣлали и новыя пріобрѣтенія, отнимая земли у сосѣдей оружіемъ: Такая общая земля называется въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ *комунница*, въ другихъ—*метехъ* или *мета*, *катамъ*, *заедница* и *беглукъ*.

Но и эта *комунница* въ новое время начинаетъ подвергаться отчужденію въ частную собственность. При мнѣ одинъ капитанъ подѣлилъ комуницу,—не знаю, по чьему желанію, но знаю, что это всѣхъ поставило въ большое затрудненіе. Вообще я замѣтилъ, что въ старикахъ общинный духъ сильнѣе, чѣмъ въ молодомъ поколѣніи.

Если мы сравнимъ устройство дома и двора черногорца и русскаго, то найдемъ большую разницу, происходящую столько отъ различія мѣстности и климата, столько и отъ различія въ характерѣ того и другого. Огородивши все свое поле, черногорецъ не имѣетъ уже потребности особенно огораживать домъ, поэтому здѣсь дома большею частью не имѣютъ вокругъ ни плетня, ни забора, ни воротъ, подобно нашему. Чаще всего самая мѣстность, нѣсколько приподнятая или окруженная скалами, образуетъ нѣчто вродѣ двора. Нѣтъ также надворныхъ построекъ вродѣ нашихъ клѣвушковъ, свинятниковъ, курниковъ, сарайчиковъ, амбарчиковъ, повѣтей и т. п. Домъ у черногорца большой, въ два этажа, и вмѣщаетъ въ себѣ все: вверху—жилье, а внизу такъ-называемая *изба*, или *конюба*, вмѣщаетъ въ себѣ конюшни и особыя отдѣленія для коровъ, свиней, а иногда, покуда не отогнаны въ планину, и для козъ и овецъ, которыя большею частью остаются внѣ, въ особо отгороженномъ базкѣ при домѣ или въ переносномъ *торѣ* на какой-нибудь нивѣ, чтобъ удобрить ее.

Изъ хозяйственныхъ построекъ около дома вы видите только *коши*, въ которыхъ держится необмолоченная кукуруза въ початкахъ. Это—круглыя, плетеныя изъ тонкаго хвороста, корзины въ сажень или болѣе въ діаметрѣ и до двухъ саженъ въ вышину, покрытыя кукурузною соломой. Иногда впрочемъ коши нѣтъ, и тогда запасы кукурузы держатся въ корзинахъ въ домѣ подъ крышей. Постоянная принадлежность двора какое-нибудь большое фруктовое дерево, напримѣръ—тутовое, грецкій орѣхъ черешня.

Внутреннее устройство дома, его расположеніе, обстановка—также не имѣютъ ничего похожаго на наше; но мы не будемъ останавливаться на этомъ, такъ какъ цѣль нашего путешествія составляетъ Баръ. Замѣчу только, что Цермница когда-то была очень богата. Это видно по домамъ, которые отличаются своей высотой и наружною отдѣлкой: фасадъ всегда почти выложенъ

тесаннымъ камнемъ, изукрашенъ какими-нибудь рѣзными фигурами; высокія крыльца изъ такого же камня. Проходя Лимляны, вы увидите влѣво отъ дороги какую-то развалину вродѣ небольшой крѣпостцы въ три этажа. Это, по разсказамъ, домъ одного богатаго человѣка, который затѣялъ его такъ высоко, что мѣстные мастера не сумѣли поставить крышу; а потомъ начались различныя смуты: битвы между собой и съ арнаутами, и домъ такъ и остался недостроеннымъ. Кромѣ того здѣсь большая часть домовъ имѣютъ такъ-называемыя *пушкарицы*, т. е. маленькія отверстія въ стѣнахъ для стрѣльбы изъ ружей, что указываетъ на немирное положеніе. Дѣйствительно, миръ здѣсь бываетъ рѣдко: то бьются съ арнаутами, которые живутъ тотчасъ за Суторманомъ и еще ближе въ горахъ надъ Скадарскимъ озеромъ, гдѣ рядомъ *планины* цермничанъ и арнаутъ; то какая-нибудь партія цермничанъ ударитъ на село Тудьемили; то арнауты нападутъ на цермницкіе катуны. Нерѣдко бились они и съ сосѣдними пантровичами изъ-за границъ, а то и другъ съ другомъ, родъ съ родомъ.

Чтобы прекратить набѣги цермничанъ черезъ Сутормань, скадарскій вали, Измаилъ-паша, послѣ 1862 года построилъ на верху его крѣпость, съ которой можно было обстрѣливать всю равнину Цермницы; а Австрія тоже воздвигла крѣпостцу на Просѣкѣ, надъ селомъ Глухи-долъ. Въ настоящее время обѣ эти крѣпости разрушены: австрійцы разрушили свою сами, вслѣдствіе ея ненадобности, такъ какъ при добрыхъ отношеніяхъ никогда нельзя бояться Черногорья, а турецкая пала во время послѣдней войны. Взятіе этой крѣпости имѣло важность для цѣлой экспедиціи черногорцевъ противъ Баръ: господствуя надъ равниной Цермницы, она еще крѣпче защищала другую сторону Сутормана, которая потомъ не могла дать проходящему войску никакого прикрытія, такъ какъ лѣсъ съ той стороны былъ весь уничтоженъ. Говорятъ, что турецкое правительство предлагало громадную сумму за лѣсъ, находящійся на сторонѣ Цермницы, и уже нѣкоторые согласились было, но этому воспротивился воевода Пламенацъ и продажа, на счастье Черногорья, не состоялась: въ нашемъ случаѣ лѣсъ пригодился, какъ нельзя больше. Пользуясь его прикрытіемъ, черногорцы, 6 баталіоновъ съ 8-ю орудіями, взобрались на верхъ Сутормана, выбрали позиціи и начали бомбардировать крѣпость, которая тоже отвѣчала имъ довольно жарко, не столько впрочемъ пушечною пальбой, такъ какъ

тамъ была лишь одна пушка, сколько изъ ружей англійской системы, которыя бьютъ очень далеко и мѣтко. Она держалась крѣпко еще потому, что занимала позицію гораздо выше черногорскихъ. Но часть черногорцевъ обошла крѣпость со стороны озера, взгромоздилась на скалу, стоявшую какъ разъ надъ крѣпостью, и сверху открыла ружейную пальбу въ людей, находившихся при пушкѣ и засѣвшихъ съ ружьями у люнетовъ. Это окончательно смутило турокъ, и они сдались послѣ двухчасовой перестрѣлки. Три блокгауза, стоявшіе вдоль спуска съ Суторина, также сдались, когда увидали, что не могъ устоять ихъ главный фортъ, и такимъ образомъ путь къ Бару сдѣлался свободенъ. Въ прошломъ году этотъ лѣсъ значительно пострадалъ отъ черногорскаго войска, которое стояло тамъ лагеремъ въ продолженіе 6 недѣль, въ ожиданіи похода на Ульцинъ. Но когда я проходилъ въ первый разъ, онъ былъ еще цѣлъ и производилъ чарующее впечатлѣніе: вступая въ него, вы какъ будто отдѣляетесь отъ остального міра; кругомъ мертвая тишина и едва слышенъ шорохъ собственныхъ шаговъ отъ ступанья по мягкому перегною, устланному сверху слоемъ слегшихся уже листьевъ; а гдѣ-то вдали слышится журчанье ручья и манитъ къ себѣ, чтобъ утолить жажду холодною струей. Это—ключъ, называемый *Башина-вода*. Судя по низкой температурѣ воды (+10° Ц.), онъ бьетъ изъ большой глубины; вода его съ игрой, чрезвычайно пріятна на вкусъ и легка. О ней говорятъ: сколько бы ни пѣлъ человѣкъ, если попьетъ ея, опять почувствуетъ голодъ. Изъ жолоба поставлено нѣсколько длинныхъ долбленыхъ корытъ, одно подъ другимъ, и вода, переливаясь по нимъ, какъ по трубамъ производитъ то гармоническое журчанье, которое слышится еще издали. Кругомъ высокія, стройныя буковыя деревья, смѣшанныя съ дубомъ, ясенемъ и кое-гдѣ съ кленомъ; въ глубинѣ лѣса на маленькихъ полянкахъ, множество земляники; она уже созрѣла въ то время и красныя ягоды ярко рдѣлись въ травѣ, освѣщаемой солнечными лучами, пробиравшимися между вершинами деревьевъ. Хорошій бѣлый хлѣбъ и молодой сыръ, взятые нами въ Цетинья, съ земляникой составили такую закуску, которая какъ нельзя болѣе гармонировала съ мѣстностью. А передъ нами прямо вдали виднѣлись безчисленные верхи горъ, между которыми трудно вообразить что-нибудь жилое; внизу роскошная Церница—вся какъ на ладони; по ровному ярко-зеленому дну ея, между нивами и лугами, сверкаетъ извилистая рѣчка, составляя

щая цѣлую сѣть съ своими рукавами и притоками; склоны обступавшихъ кругомъ горъ пестрѣютъ бѣлыми домами, въ перемежку съ нивами и виноградниками.

Перейдя на другую сторону Сутормана, вы получаете совершенно другія впечатлѣнія. Лѣсъ исчезаетъ и замѣняется каряваго кустарникомъ; всюду голыя скалы и трещины; въ водѣ нѣтъ недостатка, но вода мутная и теплая; солнце припекаетъ и отъ жару укрыться некуда. Слѣва надъ вами высятся голыя зубчатыя стѣны хребта между двумя вершинами Сутормана и Руміи, а справа спускается такою же стѣной Верхсута. Все пространство между ними, шириной версты въ двѣ, загромождено скалами, между которыми также идутъ другія болѣе узкія долины или овраги съ новыми нагроможденіями и со скалами меньшихъ размѣровъ. Путь здѣсь не проложенъ искусствомъ, а вьется по тропинкамъ, протореннымъ пѣшеходами или пастухами съ ихъ стадами. По такимъ дорогамъ турки построили цѣлый рядъ укрѣпленій; по нимъ подвозили въ эти форты пушки и боевые снаряды и цѣлые годы содержали тамъ гарнизоны. Чего все это стоило и къ чему послужило!...

Скверная дорога отбиваетъ охоту любоваться видами, а между тѣмъ есть чѣмъ любоваться въ широкой впадинѣ. Тамъ, у подножія Руміи, зелеными полосами спускаются внизъ нивы, а подъ ними въ ложбинкахъ и по холмамъ разметалось село Тудьемили. Бѣлые дома въ два этажа съ галлереями окружены фруктовыми деревьями; въ маленькихъ садикахъ передъ домами цвѣты и различные овощи; тыквы распустили свои плети по землѣ и перебросились черезъ огорожу, или живою стѣной закрываютъ высокое каменное крыльцо; мѣстами сдѣланы крытыя аллейки изъ винограда. Неподалеку другое село—Зубцы, жители котораго—католики по вѣрѣ и сербы по народности, тогда какъ въ первомъ селѣ магометане, сербы и арнауты. Зубцы — большое село съ двумя церквами, но оно совершенно исчезаетъ въ цѣломъ фруктовомъ лѣсу. Берущая здѣсь свое начало рѣчка Желѣзница съ шумомъ скачетъ по камнямъ, то показываясь, то скрываясь въ глубокомъ ложѣ подъ навѣсомъ деревьевъ и густого кустарника. Но вмѣстѣ съ этимъ журчаньемъ, которое слышится, какъ одна непрерывная нота, до вашего слуха доносится издали шумъ другого рода, который періодически то поднимается, то стихаетъ: это—шумъ морскихъ волнъ, бьющихся о берегъ; и черезъ все близкое къ вамъ море зелени вы видите другое море—синее, сли-

вающееся подъ одно съ синимъ же сводомъ неба. Издали вы не видите волнъ и море представляется гладкимъ и чистымъ, какъ зеркало; только набѣгающія по временамъ тѣни отъ облаковъ пестрятъ его и кажутся плывучими островами, которые то исчезаютъ, то снова появляются; а бѣлая пѣна серебряною каймой обрамляетъ плоскій берегъ, вдавшійся въ материкъ пологою дугой, при одномъ концѣ которой, прижавшись къ высокой косѣ, видѣется кучка домовъ чисто европейскаго типа: это—Барская пристань.

Море даетъ себя чувствовать легкимъ вѣтромъ, идущимъ отъ него; но, принужденные безпрестанно спускаться въ овраги и снова подниматься, вы не пользуетесь этимъ благомъ и задыхаетесь отъ жара. По прямому направленію до Бара не далеко, но изъ-подъ Руміи идетъ поперекъ пути огромный выступъ, который нужно или обойти по низу, или пересѣчь напрямки. Этотъ послѣдній путь вдвое ближе, а потому мы имъ и пошли.

Подъемъ совершается по каменистой дорожкѣ, съ обѣихъ сторонъ обставленной не высокою оградой изъ камня, сложеннаго безъ извести и даже безъ глины, что называется здѣсь *сувомедья*, или природною живой изгородью, въ которой главную роль играютъ, конечно, вышеупомянутая драча, баярышникъ, терновникъ, шиповникъ, разнаго рода спиреи, а кое-когда попадается уже лавръ и мирта. Прямо по дорогѣ течетъ вода, остающаяся лишнею послѣ поливки полей; она журчитъ также всюду въ канавкахъ. Мѣстами наша узкая дорожка идетъ подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ, съ той и другой стороны сплетшихся вѣтвями. Цвѣтовъ мало, — видно, что весна миновала давно; цвѣтетъ еще какое-то странное растеніе вродѣ окуги: гладкіе, безъ листьевъ, зеленые прутья, составляющіе вѣтви, выходятъ близъ корня пучкомъ, необыкновенно твердые и подъ вершинкой каждаго изъ нихъ небольшой рядъ желтыхъ цвѣтовъ, какъ на акаціи. Это *жукка* (spartium junceum), изъ которой здѣсь дѣлаютъ мѣшки и грубый холстъ. Множество вьющихся растеній густою сѣтью оплетаетъ вершины деревьевъ и кустовъ, а снизу ихъ цѣпляется душистый горошекъ нѣсколькихъ видовъ. На деревьяхъ готовый плодъ; черешня ужь отошла; поспѣли слива и смоква, несмотря на неблагопріятное время.

Сѣрый лохматый червь превратился въ красную съ черными пятнами бабочку и цѣлые рои ихъ толпятся передъ нами въ воздухѣ; въ кустахъ безпрестанно шелестятъ рѣзвыя птицы;

змѣи переползаютъ дорогу, а одна съ забора перевѣсилась мнѣ черезъ плечо, скользнувъ по шеѣ, соскочила внизъ и мгновенно исчезла въ чащѣ кустарника. «Это слѣпая змѣя, — говоритъ мой спутникъ.—Она никогда не укуситъ ни человѣка, ни животное; ее не нужно только убивать, потому что тогда непремѣнно случится какое-нибудь несчастіе». Тѣмъ не менѣе послѣ я часто видѣлъ этихъ змѣй убитыми на дорогѣ: видно, что не всѣ держатся такого вѣрованія. Поднявшись на верхъ, мы вступаемъ въ область маслины, которую, не зная, можно принять за вербу: только листъ еще сѣрѣе, мельче и гораздо жестче, а стволъ весь какъ будто изверченъ; у старыхъ деревьевъ онъ къ низу раздѣляется такъ, какъ будто сросся изъ нѣсколькихъ. Отсюда внизъ все сплошь занято маслинными рощами.

А Баръ все не видать, хотя, по словамъ спутника, до него оставалось не болѣе четверти часа пути. Здѣсь уже видны слѣды войны. Тамъ обширнымъ кольцомъ огибаютъ цѣлую высокую косу сложенные кое-какъ изъ камня шанцы, изъ-за которыхъ турки встрѣчали черногорское войско; вмѣстѣ съ дикимъ камнемъ попали надгробные памятники ввидѣ каменныхъ столбиковъ съ вырѣзанными на верхнемъ концѣ тюрбанами и фесами, взятые съ находящагося тутъ же турецкаго кладбища. Тамъ разрушено какое-то большое зданіе, повидимому казенное. Маслины всѣ срублены подъ корень, и теперь на мѣстѣ ихъ возникли цѣлые кусты молодыхъ побѣговъ... «Это посѣкло черногорское войско,—толкуетъ мнѣ мой чичероне.—Лютая была тогда зима; такъ и порубили ихъ, чтобъ обогрѣваться». Да, война не щадитъ никого и ничего.

Вотъ, наконецъ, и Баръ прямо подъ нами; но какой видъ! Такъ-называемый *градъ*, стоящій на небольшомъ возвышеніи, окруженный стѣною и представлявшій когда-то сплошную массу домовъ въ 3—4 этажа со множествомъ минаретовъ, смотрѣлъ теперь какою-то неопредѣленною массой, которая вся продырявлена, разодрана, исковеркана. Другіе дома внѣ града, разбросанные по долинѣ, надъ которой мы стояли, разрушены меньше. Поэтому видно, что градъ составлялъ центръ, на который направлена была вся боевая сила черногорскаго войска, состоявшая изъ 10 орудій и дѣйствовавшая почти непрерывно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Баръ съ этой стороны показывается такъ неожиданно, и видъ его въ настоящее время такъ поразителенъ, что невольно

но остановившись въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не хочется сдѣлать шага впередъ. Ужасъ войны является тутъ во всей его отвратительности. Камень, на которомъ я сидѣлъ, разсматривая разрушеніе, былъ весь пестрый, въ черныхъ пятнахъ: это—слѣды пуль, которыми, какъ градомъ, обсыпали черноторцевъ изъ крѣпости. Остальной городъ, собственно базаръ, отсюда не виденъ, потому что лежитъ слишкомъ близко подъ нами. Видны только кое-гдѣ по горѣ дома, скрывающіеся въ зелени, изъ средины которой высятся три темныя, почти черныя, тонкія пирамиды кипариса; а далѣе, куда ни посмотришь, все маслина, то сливающаяся подъ одно своею сѣроватою зеленью съ сѣрымъ фономъ голыхъ скалъ, то рѣзко отдѣляющаяся отъ темной зелени идущаго сзади дубоваго лѣса. Надъ этою картиной высится коническая вершина Румія, достигающая болѣе 5.000 футовъ высоты, съ ея отпрысками, которые при краѣ спускаются отвѣсными стѣнами, сіяютъ темными щелями и разбиваются на отдѣльныя скалы. А тамъ, вдали, плещется море у края роскошной, всюду зеленѣющей, равнины.

II.

Баръ (Антивари).

Что уцѣлѣло отъ разрушенія.—Среди развалинъ; слѣды венеціанскаго владычества; жалкіе остатки православія.—Роль Венеціи въ судьбѣ Бара; упадокъ народнаго духа; подготовка къ турецкой тиранніи.—Селимъ-беговъ „сарай"; внѣшній дворъ и гаремъ.—Селимъ-бегъ въ семьѣ; какъ общественный дѣятель; народная забитость; во время осады Бара и послѣ; оргіи на берегу моря.—Причины отсутствія стойкости и предпріимчивости въ жителяхъ; „бегованье"; исторія съ Юріемъ Бранковичемъ.—Баръ въ настоящее время; стремленіе къ образованію; читальня; духъ общественности; физическій типъ.—На пристани.—Баръ или Спичъ?—Задача Черногорья въ новыхъ краяхъ и значенье моря для ея будущаго.

Въ самомъ Барѣ уцѣлѣло всего десятка полтора домовъ на возвышеніи около католическаго викаріата и за нимъ; всѣ они принадлежатъ католикамъ. Все же остальное если не разрушено, то сгорѣло. Въ окрестности же разрушенъ только «дворецъ» Селимъ-бега за то, что Селимъ-бегъ былъ однимъ изъ виновниковъ долгаго сопротивленія города.

Въ настоящее время магометане живутъ въ домахъ внѣ города, въ своихъ «чифтлинахъ» (помѣстьяхъ), а католики и православные — въ домахъ, которые уцѣлѣли отъ разгрома, благодаря отчасти тому, что ихъ намѣренно щадили черногорцы, частію же отъ того, что находились на краю города, внѣ

района, подвергавшагося обстрѣливанію. Въ серединѣ же города имѣ выстроены деревянныя лавчонки, которыя и составляютъ единственную улицу. Въ то же время нѣсколько домовъ возобновлено, въ которыхъ помѣщаются: телеграфъ съ почтовою конторой, городская управа, школа, казенный хлѣбный магазинъ, квартира офицера, завѣдующаго крѣпостью и стражей, и двѣ-три норы съ жилыми помѣщеніями. Вотъ и весь Баръ.

Въ виду солидныхъ стѣнъ крѣпости, построенной еще венеціанцами и украшенной фигурами венеціянскаго льва и гербами, всѣ эти жилья представляются жалкими лачугами временно проживающаго торговаго люда. Еще болѣе кочевой характеръ придаютъ городскимъ постройкамъ мастерскія цыганъ. Это просто деревянные ящики, на скорую руку сколоченные, иногда съ одной стороны завѣшанные только рогожей; по серединѣ—наковальня, горнъ и раздувальный мѣхъ, и у этого несложнаго аппарата, сидя, работаетъ цыганъ: одною рукой нажимаетъ мѣхъ, другою держитъ щипцами желѣзо въ горну, а послѣ, только повернувшись немного, начинаетъ колотить; въ колоченьи иногда помогаетъ маленькій сынишка или дочка, стоя на колѣняхъ. Впрочемъ, есть двѣ кузницы, съ края города, большія, служащія спеціально для выковки болѣе крупныхъ вещей и для ковки лошадей. Въ такомъ видѣ цыганскихъ мастерскихъ, конечно, неповинно общее разрушеніе города: онѣ таковы здѣсь вездѣ, даже тамъ, гдѣ городъ не подвергался никакому разрушенію. Здѣсь онѣ только болѣе гармонируютъ съ общимъ видомъ и не составляютъ рѣзкаго исключенія.

Итакъ, въ общемъ Баръ — городъ вымершій, который только-что возникаетъ заново изъ груды развалинъ и мусора. Ходя по немъ, мы, какъ въ Помпеѣ, открываете слѣды прежней жизни, прекратившейся сразу вслѣдствіе страшнаго переворота. Вотъ прекрасный фонтанъ и подъ нимъ искусно сдѣланная ваза, оба украшенные рѣзьбою; недостаетъ только бьющей воды, которая изсякла. Надъ воротами домовъ щиты съ различными гербами и шифрами; на многихъ стоятъ буквы: I. H. S. (Jesus hominum salvator), свидѣтельствующія, что эти дома принадлежали церкви или какому-нибудь лицу изъ католическаго клира; на одномъ зданіи уцѣлѣла надпись, которою городъ «Antibar» выражаетъ свою признательность къ памяти какого-то «Joanni Cigoniae». Пощажены отъ разрушенья также двѣ великолѣпныя церкви, передній фасадъ которыхъ обложенъ пестрымъ мраморомъ,

со вставленными въ стѣны бѣлыми мраморными досками, на которыхъ вырѣзаны латинскія надписи. Одна изъ этихъ надписей удобочитаемы и относятся къ останкамъ похороненныхъ тамъ славныхъ мужей церкви, а надъ воротами надпись гласитъ о возобновленіи этой церкви въ 1543 году; другія же весьма трудны для чтенія, потому что болѣе стерлись, характеръ буквъ весьма кудрявый, похожій на позднѣйшій греческій, и на одной изъ нихъ по догадкѣ можно читать *1338 года*. Эти послѣднія дощечки видимо принесены сюда и взяты изъ какого-то другого, болѣе стараго, зданія.

Самая большая церковь—Св. Георгія, съ рѣзанымъ изображеніемъ надъ дверьми святого на конѣ, поражающаго дьявола. Она до двѣнадцати саженъ въ длину и около шести въ ширину; внутри отлично вымощена плитами въ родѣ мозаики; своды готическіе, заостренные; изъ-подъ опавшей штукатурки виднѣется ликъ святого съ надписью S. Hieronimus. Въ другой церкви живопись внутри не заштукатурена, а только стерлась отъ сырости и копоти, и можно еще разобрать изображенія изъ жизни Христа — крещеніе, рожденіе и другія; а надъ однимъ изображеніемъ можно даже разобрать надпись: «gloria in excelsis» (слава въ вышнихъ), ясно доказывающая, что и эта церковь—латинская. Въ одной церкви, тоже католической, внутри съ обѣихъ сторонъ въ полу сдѣланы каменные резервуары, въ которые собиралось приношеніе оливковаго масла; а такъ какъ масло было сборное и потому не одинаковаго достоинства, то они раздѣлены перегородками на девять отдѣленій.

Всего было шесть довольно большихъ церквей и нѣсколько церковныхъ домовъ, изъ которыхъ на одномъ противъ церкви Св. Георгія изображена архіепископская митра. Кромѣ того есть двѣ маленькія церкви, которыя отличаются отъ тѣхъ самою конструкціей: онѣ раздѣлены на три части, чего нѣтъ въ католическихъ церквахъ; затѣмъ въ полукругломъ алтарѣ находится окошечко и два окошечка съ боковъ.

Въ одной такой церкви чуть виднѣется живопись по стѣнамъ, но разобрать рѣшительно ничего невозможно; другая же, стоящая подлѣ церкви Св. Георгія, впослѣдствіи видимо была соединена съ этою послѣдней прорытымъ ходомъ, и потому въ алтарѣ продѣлана дверь; она такимъ образомъ обращена была въ сакристію: крестъ надъ передними дверьми уцѣлѣлъ, и совершенно такой, какіе можно до сихъ поръ видѣть на старинныхъ

сербскихъ церквахъ и кладбищахъ. Однимъ словомъ, это, несомнѣнно, сербскія церкви.

Какой же смыслъ онѣ имѣли при обширныхъ, великолѣпныхъ церквахъ католическихъ? Съ какой стати допускать православную церковку при большомъ храмѣ католическомъ? Это одно доказываетъ, что церкви эти существовали здѣсь прежде, и одну изъ нихъ католики обратили въ сакристію. Да и самая церковь Св. Георгія не возникла ли на мѣстѣ прежней православной церкви? Что касается другой, также большой церкви Св. Марка, то въ ней вы ясно по наружнымъ стѣнамъ видите, какъ она пристраивалась вдоль и поперекъ, и надстраивалась сверху, и совмѣстила такимъ образомъ въ себѣ цѣлую стѣну отъ какого-то болѣе стараго зданія.

Итакъ, мы можемъ не сомнѣваясь сказать, что великолѣпные храмы западно-римскаго культа возникли здѣсь позже грекоправославныхъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, на развалинахъ этихъ послѣднихъ. Это первый актъ разрушенья. На чьихъ развалинахъ водворился культъ православный или, примѣняя къ національности, скажемъ, культъ сербскій, мы того не знаемъ, но и этотъ фактъ также несомнѣнный, потому что сербы пришли сюда въ позднѣйшее время. Тогда являются два акта разрушенія и возникновенія новой жизни изъ развалинъ старой. Затѣмъ католическія церкви были не разрушены, а просто обращены въ мечети, причемъ выброшены были только всѣ внутреннія украшенія и принадлежности, а фрески замазаны известкой и пристроенъ минаретъ.

Черногорцы въ послѣднее время совершили четвертый актъ, которымъ однако разрушеніе не кончилось: въ февралѣ 1881 года громомъ ударило въ церковь Св. Георгія, гдѣ находился складъ пороха, начиненныхъ бомбъ и гранатъ, да ружейныхъ патроновъ болѣе 800 ящиковъ, и вся эта часть взлетѣла на воздухъ, оставивъ гладкую площадь, усѣянную обломками; а 22-го іюня многое рушилось отъ землетрясенья.

Кромѣ нѣсколькихъ церквей, пощаженныхъ осаждавшими, несмотря на то, что тогда онѣ были обращены въ мечети, не осталось въ цѣлости ни одного дома. Крыши и потолки, провалившись, представляютъ груду мусора, завалившаго весь нижній этажъ; каменные дверные косяки и своды надъ воротами выдвинуты изъ своихъ мѣстъ и разбиты въ мелкіе куски; если какая-нибудь стѣна не разодрана съ верху до низу, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ про-

бита насквозь или треснула, такъ что дальнѣйшее разрушенье идетъ само собою. Тѣмъ не менѣе можно видѣть, какъ расположены были улицы и каковы были самые дома.

Улицы были узкія и кривыя, какъ во всѣхъ городахъ нынѣшней Далмаціи; но дома когда-то были роскошными палаццо. Есть дома въ пять этажей; множество оконъ съ колонками по бокамъ и есть двойныя, раздѣленныя двумя арками надвое; надъ каждымъ окномъ по два выдающихся камня съ отверстіями для подъемныхъ жалюзи; вездѣ были балконы съ красивыми кронштейнами; внизу большія полукруглыя окна, какъ въ магазинахъ; ворота со сводами на двѣ и на три стороны, если домъ выходилъ не на одну улицу, и нѣтъ ни однихъ воротъ, которыя не были бы украшены гербами и различною рѣзьбой. Внутри можно видѣть лѣпныя украшенія; особенно изящно были отдѣланы камины. Городъ былъ раздѣленъ на-двое и между тѣмъ и другимъ ворота; кромѣ того одни ворота вели вонъ изъ города на заднюю сторону, которая обнесена была другою стѣной и служила только для помѣщенія какихъ-нибудь казармъ и другихъ военныхъ потребностей; въ самомъ же городѣ помѣщеніе для войска могло быть только внутри самой стѣны, которая необыновенно толста. По ней вездѣ строены бастіоны, иногда въ два этажа, съ тройнымъ рядомъ бойницъ для ружейной пальбы и для маленькихъ пушекъ. Стѣна эта мѣстами имѣетъ до шести саженъ въ толщину и внутри ея находятся различныя помѣщенія. Въ одномъ изъ такихъ помѣщеній въ продолженіе всей осады города жили двое скадарскихъ беговъ съ семействами, прибывшіе въ Баръ въ гости и захваченные врасплохъ. Въ воротахъ есть одно помѣщеніе вродѣ конуры съ узкимъ отверстіемъ и конечно безъ всякаго свѣта; въ немъ во время осады спасался Селимъ-бегъ, такъ какъ во всѣ другія зданія пролетали ядра. Попытка черногорцевъ сдѣлать въ этой стѣнѣ брешь посредствомъ динамита не удалась,—обсыпалась только наружная обшивка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены башни, въ которыхъ также много различныхъ помѣщеній. Особенно интересна одна изъ нихъ, выходящая какъ разъ на базаръ.

Со двора вы спускаетесь немного внизъ и потомъ идете подъ сводомъ саженъ 5. Изъ-подъ этого свода въ бокъ спускъ по лѣсенкѣ въ камеру со сводомъ и съ отверстіями—однимъ вверху, а другимъ внизу; послѣднее идетъ сквозь стѣну и обращено къ базару. При входѣ ширина камеры—до 2-хъ саженъ, вышина—

до 2½ аршинъ; въ глубь сводъ спускается до полу, боковыя же стѣнки съуживаются до 1 аршина. Трудно сказать, была ли это темница, или помѣщеніе стражи. Изъ-подъ свода прямо—дверь, которая ведетъ въ помѣщеніе шириной въ 2 сажени, длиной въ 3 и съ высокимъ сводомъ. Осмотрѣвшись при помощи свѣчей (другого свѣта тамъ нѣтъ), вы узнаете въ этомъ помѣщеніи церковь, притомъ, положительно говоримъ, православную. Мы вошли дверью, продѣланною въ алтарѣ; справа—углубленье, какое обыкновенно дѣлаютъ при жертвенникѣ для храненія Святыхъ Даровъ, и подъ нимъ — мраморная доска, вдѣланная въ стѣну, какъ столъ: это и былъ жертвенникъ. Церковь по срединѣ раздѣлена аркой, а прямо противъ насъ заложена дверь внѣшняя въ 1 аршинъ шириной и саженi въ 2 вышиной; надъ ней полукруглое углубленіе для иконы, а еще выше, тоже заложенное, окно. Въ самомъ сводѣ надъ дверью отверстіе для бо́льшаго доступа воздуха или для того, чтобы звонить. Въ аркѣ, раздѣляющей церковь на-двое, видно, гдѣ висѣло паникадило. Въ алтарѣ сбоку четвероугольная дверка, вродѣ окна, въ помѣщеніе, гдѣ могли храниться различныя церковныя вещи; самая дверка, по всѣмъ вѣроятіямъ, была желѣзная, и въ каменныхъ косякахъ видно, гдѣ были пробои для петель и для замка. Что же это была за церковь? Дверь черезъ алтарь продѣлана, конечно, въ позднѣйшее время; но какъ же ходили черезъ внѣшнюю дверь, которая въ настоящее время находится на семи или осьмисаженной, почти отвѣсной, высотѣ? А между тѣмъ не для птицъ же служили эти двери! Нѣтъ сомнѣнія, что эта церковь построена въ то время, когда еще не было крѣпостной стѣны и къ ней непремѣнно должна была вести какая-нибудь тропинка или лѣсенка, которая послѣ уничтожена и бокамъ придана неприступная крутизна. Это было, конечно, тогда, когда строили крѣпость; строили же ее сначала венеціянцы, а послѣ подстраивали турки. Такимъ образомъ храмъ мирнаго служенія Богу съ тѣхъ поръ отнятъ у народа и скрытъ отъ его глазъ подъ бровею военныхъ сооруженій. Вмѣсто звона колокола, призывающаго на молитву, вмѣсто гармоническаго церковнаго пѣнія, загремѣли пушки, раздались дикіе военные клики. А и безъ войны, въ такъ-называемое мирное время, не осквернялась ли эта церковь муками и пытками людей, можетъ-быть ни въ чемъ невинныхъ, во время господства венеціянцевъ, которые всюду являлись въ сопровожденіи инквизиціи, и во время турокъ, ко-

торые также не жалѣли мукъ для бѣдной *райи*?... На эту мысль невольно наводятъ три камеры, вродѣ описанной выше, въ которыя ведутъ внизъ лѣсенки изъ церкви. Здѣсь мы нападаемъ на слѣды того времени, когда не было этой грозной крѣпости, которая стоила милліоновъ венеціянцамъ и туркамъ,—когда все это возвышеніе не было еще отдѣлено неприступною стѣной отъ остальной части города, лежащей внизу. Оно и въ то время было центромъ города, гдѣ помѣщались и церкви, которыя не были ни особенно велики, ни богаты, но вполнѣ отвѣчали скромному состоянію своихъ богомольцевъ. Тогда тамъ не было великолѣпныхъ дворцовъ, не было рѣзкаго различія сословій, не было понятія объ аристократіи и низкомъ плебсѣ, не было большого скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ, не было: ни крайнихъ бѣдняковъ, ни крезовъ. Венеціянцы перевернули эту жизнь вверхъ дномъ. Они раздѣлили сербскій народъ на католиковъ и православныхъ, на простыхъ и знатныхъ; они начали прельщать своимъ наружнымъ блескомъ и величіемъ, соблазнять и развращать своимъ богатствомъ, не внося въ то же время ничего новаго жизненнаго—ни науки, ни промышленности. Они отняли у народа его собственныя небогатыя церкви, въ добавокъ наругавшись надъ ними, и на ихъ развалинахъ возвели свои великолѣпные храмы, входя въ которые народъ чувствовалъ только свою бѣдность и ничтожество. Рядомъ съ церквами возникли, не уступающіе имъ въ блескѣ, дворцы епископовъ, съ которыми конкурировали и свѣтскіе аристократы-богачи. Говорятъ, будто, венеціянцы первые насадили здѣсь маслины, платя за каждое посаженное дерево по дукату; но мы знаемъ, что еще до нихъ православные монастыри здѣсь собирали свою дань оливковымъ масломъ. Безъ сомнѣнія, насажденія ихъ относятся еще ко времени римскому или греческому. Венеціянское господство было тираніей въ полномъ смыслѣ: православные были такъ стѣснены, что должны были строить свои церкви далеко внѣ города, а послѣ и тѣ были отняты. Впрочемъ и католикамъ было не много легче. Монастырь на Ротцѣ (на морѣ между Спичомъ и Барской пристанью) во имя Божіей Матери, построенный въ 1310 году королемъ Милутиномъ и матерью его Еленой, они разрушили пушками; послѣ чего монахи разбрелись по другимъ монастырямъ—кто въ Цермницу, кто въ Паштровичи, забравъ съ собою всю святыню: мощи своихъ святыхъ, книги, грамоты и различныя сокровища; а иное, по преданію народному, закопали и въ землю.

Венеціянцы не только заняли городъ, но и всѣ окрестности Бара обратили въ вассалы, о чемъ свидѣтельствуютъ дома венеціянской постройки, до сихъ поръ находящіеся по селамъ. Трудно себѣ представить, гдѣ жилъ тогда народъ, потому что всѣ лучшія мѣста были заняты господами. Къ этому времени относится и разселеніе народа отсюда. Сербскаго населенія осталось весьма немного, да и изъ того большая часть принуждена была принять католичество. Такимъ образомъ венеціянская тиранія подготовила *рая* и турки пришли на готовое, такъ что народъ не ощутилъ съ приходомъ турокъ никакой существенной перемѣны,—напротивъ, въ первое время ему было даже легче. Въ разрѣженное населеніе легко вошли настоящіе турки, а послѣ и арнауты, и какъ прежде венеціянцы латинили, такъ теперь турки стали турчить, т. е. обращать въ магометанство.

Водворившись въ городѣ, турки вошли въ готовые дома,—тѣ самые, развалины которыхъ видимъ и теперь,—приспособивши ихъ только къ своему вкусу и своимъ потребностямъ. Прежде всего въ нижнихъ этажахъ они заложили двери и окна, выходящія на улицу; потомъ внутри стали городить клѣтушки вмѣсто прежнихъ просторныхъ комнатъ и салоновъ; понизили вездѣ потолки; прекрасные камины обратили въ простые очаги; надъ ними, гдѣ было жилѣво, стали развѣшивать на палкахъ нитки краснаго перцу, табакъ, или сушить какія-нибудь тряпки. Церкви обратили въ мечети; одна церковь на памяти живыхъ еще людей обращена просто въ домъ, а каждая площадка обращена въ кладбище. Замѣчательно, что они не тронули ни одного наружнаго украшенія, ни надписи на домахъ и на церквахъ, если то не мѣшало ихъ практическимъ потребностямъ. Въ стѣнахъ мечетей были заложены кости какихъ-то святыхъ, прикрытыя мраморными досками съ латинскими надписями; онѣ такъ и оставались и только обнаружены теперь, когда черногорское ядро отбило уголъ церкви; турецкій *кади* жилъ въ домѣ архіепископа и не тронулъ на немъ герба съ изображеніемъ митры. Венеціянскіе львы остались вездѣ на стѣнахъ крѣпости. Подъ однимъ изъ нихъ, надъ главными воротами, вставили только плиту съ турецкою надписью; но между брюхомъ льва и этою плитой оставлены нетронутыми три щита съ гербами, означающими три какія-то провинціи.

За то, впрочемъ, они и не создавали ничего: всѣ до одного дома, огромныя цистерны для воды, водопроводъ, часовая башня—

все это венеціянское; даже загородные дома, за малыми исключеніями, также венеціанскіе, что можно ясно видѣть по заложеннымъ дверямъ и окнамъ и по различнымъ принадлежностямъ, которымъ они не знаютъ употребленія, какъ кронштейны для жалюзи, высокія крыльца съ террасами, выходящими на дорогу или на какое-нибудь открытое мѣсто.

Чтобы составить болѣе наглядное представленіе объ этихъ жилищахъ и потому составить себѣ понятіе о самой жизни ихъ знатныхъ владѣтелей, разсмотримъ ближе жилище одного изъ первыхъ беговъ Бара, который не одинъ десятокъ лѣтъ былъ его тираномъ и отчасти былъ причиной его окончательнаго разрушенія.

На отлогомъ возвышеніи изъ-подъ Румія, откуда бы ни посмотрѣли, вы всюду увидите среди полей, луговъ и маслиновыхъ рощъ группу домовъ, которые теперь разрушены, но своимъ прелестнымъ положеніемъ и обиліемъ построекъ невольно обращаютъ на себя вниманіе. Это «Селимъ-беговы дворы» или «сарай». На первомъ планѣ вы видите большое длинное зданіе, вмѣщающее въ себѣ нѣсколько домовъ: одна часть въ три этажа съ большими окнами, другая—на одинъ этажъ ниже. Передъ нимъ обширный дворъ, обнесенный каменною стѣной, или, собственно говоря, роскошный лугъ, посреди котораго до десятка тутовыхъ деревьевъ. Передъ самымъ домомъ на разстояніи трехъ саженъ отдѣльно стоитъ крыльцо въ 14 ступенекъ изъ тесанаго камня; за крыльцомъ на одной высотѣ съ нимъ стоятъ три каменныхъ столба, показывающіе, что крыльцо это было связано съ домомъ эстрадой. Здѣсь владѣлецъ проводилъ время днемъ въ кругу своихъ приближенныхъ, пріятелей, гостей и другихъ посѣтителей; здѣсь же онъ чинилъ судъ и расправу, содержа для этого при себѣ до 40 *можковъ*, которые назывались «*дворяне*» или «*заптіи*» и составляли его стражу: 25 человѣкъ изъ нихъ были набраны изъ мирдитовъ, а остальные—изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ народностей. Кромѣ того около него просто толпились преданные ему граждане Бара. Сидя на высокомъ крыльцѣ, онъ любовался *градомъ*, съ его тяжелыми стѣнами и бастіонами, стоящимъ на отдѣльной высотѣ метровъ 150 — 180 надъ равниной. Особенно красовалась мечеть, передѣланная изъ церкви Св. Георгія: она стояла совсѣмъ на краю, на самой высокой площадкѣ, которая свѣшивается надъ этою природною стѣной; а подъ нею съ шумомъ низвергается потокъ, то скача каскадами, то

пробираясь въ глубинѣ между громадными, свалившимися въ него съ высоты каменными глыбами. Берега всѣ въ зелени. Кое-гдѣ выглядываютъ домики, составляющіе отдѣльный кварталъ съ собственною мечетью и лѣпящіеся какъ разъ у подножія *града*. Его узкія, кривыя улицы скрываются подъ густою листвой деревьевъ, а въ глубокихъ, узкихъ канавахъ постоянно струится вода, отдѣляющаяся отъ главнаго потока.

Отсюда можно видѣть часть базара, дорогу, идущую въ Скадаръ и Ульцинъ, и каменный мостъ, высокою крутой аркой перекидывающійся черезъ быструю рѣчку. Не укроется здѣсь отъ наблюдающаго ока ни пѣшеходъ, ни всадникъ. Видитъ, наконецъ, Селимъ-бегъ отсюда всю равнину до моря, видитъ пристань и самое море. Задымитъ ли гдѣ пароходъ, или забѣлѣетъ парусъ рыбацкой лодки или купеческой *трабакулы*, онъ наводитъ подзорную трубу и видитъ все, какъ на ладони. Любуется онъ и своимъ дворцомъ на берегу моря, какъ разъ по срединѣ дуги Барскаго залива: онъ стоитъ одиноко среди обширной равнины, передъ разстилающимся моремъ безъ края. Надоѣстъ ему здѣсь,—онъ ѣдетъ туда, чтобы полюбоваться закатомъ солнца, понѣжиться прохладою вечера подъ убаюкивающую музыку неугомонной морской зыби. Посмотритъ ли кругомъ въ сторону горъ, вплоть до границы, гдѣ начинаются голыя скалы,—онъ видитъ сплошь сѣроватую зелень маслинъ, то же самое и подъ нимъ. И все это—его, его собственность, которая приноситъ ему доходъ, составляющій $^1/_3$ доходовъ цѣлаго Бара. Развѣ гдѣ-нибудь затѣшается какой-нибудь клочокъ чужого, но и это ему легко присвоить, потому что весь Баръ отданъ въ его полное распоряженіе: онъ—бегъ надъ бегами и для него никто не значитъ ни какой-то чиновникъ, поставленный за судью и управителя властью изъ Царьграда, ни скадарскій *вали*, управляющій всею Албаніей и причисленными къ ней землями между Скадарскимъ озеромъ и моремъ.

Но это жизнь, такъ-сказать, оффиціальная, дѣловая, и всѣ созерцанія, пробуждающіяся въ немъ здѣсь, въ сообществѣ его слугъ, друзей и клевретовъ, носятъ на себѣ дѣловой отпечатокъ. Онъ здѣсь работаетъ, волнуется и, можетъ-быть, страдаетъ. Настоящая жизнь, полная мира и наслажденій, не должна быть передъ глазами у всѣхъ. Она кроется за другою стѣной, на другомъ дворѣ, куда не можетъ проникнуть никто, кромѣ того, кто составляетъ предметъ наслажденья или помощника въ его достиженіи.

Рядомъ съ описаннымъ дворомъ находится другой, куда ведетъ небольшая дверь. Это уже не просто дворъ, а прелестный садъ, среди котораго расположена новая группа построекъ, составляющихъ гаремъ съ относящимися къ нему службами. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ отдѣленій, связанныхъ вмѣстѣ, но расположенныхъ такъ, что два изъ нихъ стоятъ въ рядъ, а одно подъ прямымъ угломъ къ нимъ. Два первыя имѣютъ по три этажа, послѣднее только два, вслѣдствіе того, что мѣстность нѣсколько возвышеннѣе, и его низъ соотвѣтствуетъ второму этажу первыхъ двухъ. По первоначальному плану всѣ эти отдѣленія имѣли на всѣ стороны достаточное число оконъ и нѣсколько внѣшнихъ дверей внизу и вверху. Въ каждомъ отдѣленіи въ одномъ этажѣ было не менѣе четырехъ оконъ, а въ одномъ, вдавшемся въ садъ, было восемь и одинъ балконъ, съ котораго шла каменная лѣстница по обѣ стороны въ садъ. Послѣ большая часть оконъ заложена и оставлено въ четырехъ комнатахъ второго и третьяго этажей по одному окну, и только въ одной комнатѣ третьяго этажа оставлено три окна: это—угольная комната, изъ которой можно было глядѣть во дворъ, въ проходъ къ воротамъ, ведущимъ на другой дворъ, и въ садикъ, отдѣленный особою стѣной отъ прохода. Она, безъ сомнѣнія, занималась самимъ хозяиномъ. Всѣ комнаты имѣли двери изъ одной комнаты въ другую и кромѣ того отдѣльныя двери вели назадъ, на маленькую террасу, на уровнѣ третьяго этажа, откуда можно было пройти въ баню и еще маленькое отдѣленьице, которыя расположены въ углу между главными отдѣленіями. Гдѣ были окна, вездѣ подѣланы ниши, чтобы ставить въ нихъ что-нибудь; остались только прежніе камины, да и то не вездѣ: въ одной комнатѣ просто очагъ въ углѣ. Въ нижнихъ этажахъ жила, конечно, прислуга и были склады разныхъ вещей. Къ нимъ примыкала еще маленькая пристройка вродѣ кухни или прачешной. Дворъ находился между домомъ и стѣной, обращенной къ морю, и тамъ же главная входная дверь: въ длину онъ около 20 саженъ, въ ширину около 5; въ одномъ изъ угловъ большой очагъ, въ другомъ—сорная яма и по срединѣ колодезь. Дворъ представляетъ изъ себя также лугъ съ нѣсколькими деревьями. Изъ него по одну сторону можно пройти прямо въ садъ, по другую—къ воротамъ. Вся стѣна густо покрыта плющомъ. Близъ одного изъ угловъ находится дверка, ведущая въ маленькую бойницу съ шестью отверстіями для ружей. Садикъ занимаетъ

небольшое пространство изъ двухъ террасъ: на одной изъ нихъ груша лимонныхъ деревьевъ, лавровъ, олеандровъ и др. и тамъ же каменный резервуаръ для воды; на другой — вдоль стѣны идутъ сливы нѣсколькихъ сортовъ, айвы, черешни, яблони и еще какія-то деревья; а внутри — нѣсколько сортовъ розъ, которыя представляютъ одну густую заросль и не переставали цѣсти даже въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, вѣчнозеленый барвинокъ, розмаринъ, гвоздики, душистая базилика, нарциссы, гіацинты и лиліи. Въ одномъ углу была бесѣдка, крыша которой поддерживалась пятью каменными колоннами съ изящными капителями, несомнѣнно, также венеціанской работы. Вдоль одной внѣшней стѣны проведена была вода, которая шла во дворъ въ каменное корытце, для полосканія бѣлья, и потомъ исчезала въ отверстіе, продѣланное внизу противуположной стѣны; эта же вода наполняла и упомянутый выше резервуаръ. Кромѣ того проведена была вода и въ баню, которая была паровая и топилась снизу; въ самой мыльнѣ, вродѣ ротонды, въ одномъ углу два отверстія, которыми отнуда-то извнѣ проводилась вода, и подъ ними два мраморныхъ бассейна.

По этой внѣшней обстановкѣ можно представить себѣ и внутреннее убранство. Все убранство и украшеніе турецкаго дома состоитъ въ различныхъ рѣзныхъ перегородкахъ и шкапчикахъ, низкой мостѣ вокругъ стѣнъ, покрытомъ тюфяками и коврами, на которомъ днемъ сидятъ, подмавши ноги, а ночью спятъ, наостивши еще въ обиліи тюфяковъ, набитыхъ шерстью, различныхъ формъ и величинъ подушекъ и одѣялъ, у богатыхъ людей шелковыхъ, атласныхъ и съ золотымъ шитьемъ; затѣмъ цѣлый различнаго рода посуда, размѣщенная на полкахъ подъ потолкомъ въ видѣ украшенія, и одежда, отчасти развѣшанная, отчасти скрытая въ сундукахъ, окрашенныхъ пестро и на высокихъ подставкахъ подъ углами. Комната хозяина украшается прежде всего оружіемъ, которое развѣшивается по стѣнамъ. Есть небольшія зеркальца и картины, представляющія Али въ битвѣ съ какимъ-то великаномъ, и другіе сюжеты изъ жизни Магомета и его послѣдователей. Потолокъ состоитъ изъ мелкихъ клѣточекъ, расположенныхъ сначала ввидѣ квадрата, потомъ ввидѣ осмиугольника, а въ самой серединѣ обращающихся въ кругъ; онъ бываетъ рѣзной, какъ кружево, или просто раскрашенъ. Изящны также низенькіе круглые столики, на которые во время ѣды ставится большой круглый подносъ посеребренный

или изъ бѣлой жести. Чубуки съ янтарными массивными мундштуками составляютъ неизбѣжное украшеніе кабинета; у нѣкоторыхъ есть и *наргиле* (кальянъ). Наконецъ въ зимнее время неизбѣжная вещь—*мангалъ*: это—жаровня для согрѣванія комнаты, у богатыхъ людей ввидѣ плоской вазы на высокой ножкѣ съ широкимъ основаніемъ, изъ красной мѣди, снаружи также украшенная рѣзьбой.

Познакомившись съ внѣшней и внутренней обстановкой жизни, намъ хотѣлось бы познакомиться и съ самою жизнію. Но жизнь магометанина такъ заминута, со всѣхъ сторонъ огорожена физически и нравственно, что проникнуть въ нее постороннему нѣтъ никакой возможности. О здѣшнихъ магометанахъ нужно сказать вообще, что многоженство у нихъ не распространено: привольность ихъ жизни заключается въ томъ, что они разводятся со своими женами, когда онѣ имъ наскучатъ или не нравятся и имѣется въ виду жена другая, моложе и красивѣе; дѣло тогда оканчивается взносомъ суммы, которая обусловлена при вступленіи въ бракъ. Но и это бываетъ большею частью, покуда нѣтъ дѣтей, и бездѣтность нерѣдко служитъ поводомъ развода. Иногда главы семействъ распространяютъ супружескія права на красивыхъ служанокъ, большею частію изъ христіанъ, противъ чего жены не ропщутъ, такъ какъ этимъ предотвращается разводъ.

Селимъ-бегъ въ этомъ отношеніи былъ исключеніемъ: онъ всегда держалъ по нѣскольку женъ и постоянно пополнялъ свой гаремъ новыми. Кромѣ того, онъ отнималъ чужихъ женъ, для чего прибѣгалъ къ такому маневру: схватывалъ мужа, у котораго была красивая жена, сажалъ его въ темницу, устроенную при его же домѣ, и держалъ до тѣхъ поръ, пока не приходила къ нему, жена заключеннаго. Хваталъ онъ замужнихъ и дѣвицъ съ улицы и съ дороги, если только попадались ему на глаза. Особенно же онъ любилъ цыганокъ, которыя дѣйствительно здѣсь необыкновенно красивы, и ни одна цыганская дѣвушка не выходила замужъ, не побывавши прежде у него. Добывалъ онъ себѣ женъ и издалека, изъ Царьграда. И теперь у него живетъ какая-то черкешенка, которая вовсе некрасива, но тѣмъ не менѣе пользуется его особенною любовью, несмотря на то, что ему уже подъ семьдесятъ лѣтъ. Когда онъ, послѣ сдачи Бара, съ тремя стами магометанскихъ семействъ удалился въ Далмацію и послѣ воротился, то прежде всего, не справляясь, что ожидаетъ въ Барѣ его и всѣхъ жителей, въ какомъ положеніи ихъ общее дѣло,

онъ молилъ поскорѣе доставить ему его *молитву*, которая была отдѣлена отъ него вмѣстѣ съ остальными женщинами.

Говоря о внутренней жизни человѣка, мы разумѣемъ конечно его семейную жизнь; но что за семья можетъ быть тамъ, гдѣ составъ ея постоянно мѣняется и гдѣ во главѣ ея нѣтъ никакого начала, кромѣ простой дикой страсти? Въ такую семью нѣтъ интереса проникнуть, потому что она представляетъ собою только домъ временнаго жительства. Говорятъ, Селимъ-бегъ имѣлъ двоихъ дѣтей: дочь, которую рано выдалъ замужъ въ Скадаръ, чтобъ имѣть тамъ связи, и сына, который умеръ въ первые молодые годы. Но Селимъ-бегъ долго былъ главой общественной жизни Бара, совмѣщая въ себѣ всѣ функціи: административную, судебную и политическую. Въ его рукахъ были всѣ и все. Онъ не признавалъ надъ собою никакой власти и представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ Махмуда Бушатли, который, однако, пользуясь безграничною властью въ Скадрѣ, мечталъ не о личныхъ наслажденіяхъ, а о возстановленіи державы Скандеръ-бега; этотъ же не мечталъ ни объ чемъ другомъ, какъ объ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ. Послѣ страсти къ женщинамъ въ немъ была развита сильнѣе всего страсть къ богатству, устремленная спеціально на пріобрѣтеніе земли. Онъ дѣлалъ всевозможныя притѣсненія своимъ слабымъ сосѣдямъ, чтобы принудить ихъ продать ему землю за безцѣнокъ. Сиротскія земли всѣ переходили въ его руки. Однажды ему представился случай еще присоединить къ своимъ владѣніямъ лакомый сиротскій кусокъ. Онъ сдѣлалъ уже всѣ нужныя распоряженія относительно его, какъ вдругъ ему говорятъ, что имѣніе этихъ сиротъ взяла на свое попеченіе католическая община, въ которой состояло это семейство: долги тотчасъ же были выплачены, а надъ имѣніемъ назначены опекуны, которые обязаны были распоряжаться имъ такъ, чтобы дѣтямъ шло необходимое содержаніе, а все превышающее этотъ весьма небольшой расходъ чтобъ откладывалось въ капиталъ и отдавалось въ оборотъ. Этого бегъ не предвидѣлъ и былъ пораженъ такимъ обстоятельствомъ, какъ громомъ. Онъ увидѣлъ, что тутъ община поступила такъ смѣло вслѣдствіе надежды на поддержку извнѣ, т. е. со стороны Австріи, которая являлась покровительницею наслѣдниковъ, какъ своихъ единовѣрцевъ, и что вслѣдствіе того здѣсь борьба трудная. Вскипѣлъ бегъ сначала, но потомъ одумался, наружно смирился и началъ переговоры, желая до-

стигнуть цѣли хитростью. Все однако было напрасно. Во главѣ этого дѣла сталъ Мато Дьокичъ, человѣкъ не особенно богатый, но умный, бывалый въ свѣтѣ, находчивый и съ твердымъ, неустрашимымъ характеромъ. Селимъ-бегъ зоветъ его къ себѣ на чашку кофе, чтобы дескать тутъ же поговорить и о дѣлѣ.

— Не ходи,—совѣтовали Мату его пріятели,—чтобы не было чего.

— Не можетъ онъ мнѣ ничего сдѣлать!—отвѣчаетъ Мато и идетъ. Но его не пускаютъ одного, а отправилось нѣсколько человѣкъ проводить.

Едва они вошли въ ворота, какъ бегъ уже сидитъ на высокомъ крыльцѣ, покуривая трубку.

— А, радъ видѣть тебя, Мато!—говоритъ бегъ ласково.— Я позвалъ тебя поговорить о дѣлѣ. Кафу,—крикнулъ онъ своимъ слугамъ,—да хорошую, свѣжую!

— Не нужно мнѣ кафе,—отвѣчаетъ Мато,—а объ дѣлѣ сказывай. Славный бегъ, чего ты отъ меня хочешь?

— А, ты не хочешь кафе! — сказалъ приготовленный къ тому бегъ и тотчасъ далъ извѣстный знакъ своимъ слугамъ. Вмигъ Мато былъ схваченъ и отведенъ въ подвальное помѣщеніе тутъ же подлѣ крыльца, а его спутниковъ связали и оставили лежать на землѣ.

Вся эта сцена, очевидно, была заранѣе подготовлена. Можетъ-быть Селимъ-бегъ хотѣлъ отравить Мато кофе, который однако не поддался на это, что также предвидѣлъ хитрый бегъ, и потому приготовилъ другой исходъ.

Оставался еще часъ до *акшама*, т. е. до заката солнца, когда у магометанъ прекращается всякое дѣло и не продолжается даже начатая битва. Бегъ спокойно сидѣлъ, пуская клубы дыму и глядя въ безграничную даль моря. Огненный шаръ солнца готовъ былъ уже спуститься въ воду и послѣдніе лучи его косвенно скользили по легкой морской ряби, дробясь на тысячи огненно-кровавыхъ искръ; вотъ оно уже окунулось однимъ краемъ, тонетъ глубже и глубже... Бегъ поднимается въ ожиданьи чего-то. Въ это время раздается на одномъ минаретѣ: «Аллахъ экберъ ла-иллахъ...», затѣмъ на другомъ, на третьемъ и наконецъ со всѣхъ минаретовъ вмѣстѣ зазвучалъ призывъ на молитву на различные голоса, но въ одинаково-уныломъ тонѣ. Бегъ ударилъ въ ладоши, и нѣсколько момковъ явились передъ нимъ, какъ изъ земли выросли.

— Довольно!...—крикнулъ онъ.—А этихъ развязать.

Черезъ минуту изъ подвала вынесли мертвое тѣло Мато.

— Возьмите его,—обратился онъ къ спутникамъ Мато,—и несите, куда хотите... Да знайте впередъ, какъ имѣть дѣло со мною!

Затѣмъ бегъ отправился въ гаремъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось; а эти несчастные взяли тѣло своего товарища и понесли домой, гдѣ давно уже ожидала его жена, вся семья и многіе изъ постороннихъ, предвидя что-то недоброе. Мато однако очнулся и остался живъ, но былъ избитъ страшно. На подошвахъ не осталось ни кожи, ни мяса,—все сошло пузыремъ съ кровью. Онъ пролежалъ годъ въ кровати; но сильная натура вынесла все, и онъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Теперь ему болѣе 70 лѣтъ: онъ сухъ, на видъ слабъ, но свѣжъ; только съ ногъ постоянно слѣзаетъ кожа, да не можетъ ходить, какъ бывало прежде.

Дѣло это не обошлось тирану даромъ: его позвали въ Скадаръ, а оттуда отправили въ Царьградъ. Кончилось оно однако тѣмъ, что съ него взяли порядочный откупъ и лишили прежней власти. Но онъ остался богатъ по-прежнему, и если не могъ совершать прежнихъ насилій явно, то всегда имѣлъ вліяніе на дѣло черезъ турецкихъ чиновниковъ, которые угождали ему ради его богатства и хлѣбосольства. Онъ всегда былъ храбръ или вѣрнѣе сказать—дерзокъ и нахаленъ, потому что въ цѣломъ Барѣ не находилось людей отважныхъ. Нѣсколько разъ другіе беги, оскорбленные имъ, поднимали противъ него весь городъ; онъ затворялся въ своемъ дворцѣ, какъ въ крѣпости, и защищался, а тѣмъ временемъ посылалъ гонца къ сосѣднимъ арнаутамъ за помощью. Арнауты являлись, и возмутители разбѣгались, спасаясь, кто куда могъ. Въ цѣломъ Барѣ не находилось ни одного человѣка, который рѣшился бы лично выступить противъ него: было одно только покушенье убить его изъ засады, которое однако не удалось, и именно потому, что было слишкомъ робко.

Баряне насчитываютъ между собою нѣсколько юнаковъ, показавшихъ себя въ различныхъ бояхъ то съ арнаутами, то съ черногорцами. Но въ общемъ нельзя сказать, чтобы жители цѣлой окружности Бара или, какъ говорилось, «державы барской» отличались мужествомъ. Они никогда не поднимали головы противъ своихъ притѣснителей, въ то время, какъ ихъ сосѣди-паштровичи бились постоянно за свои права и свободу. Прини-

на этого заключается съ одной стороны въ разнородности элементовъ и, главнымъ образомъ, въ антагонизмѣ между католиками и православными, причемъ, надобно замѣтить, первые имѣли полный перевѣсъ надъ послѣдними, опираясь на протекцію Австріи, которая пользовалась большимъ вліяніемъ и уваженіемъ со стороны турецкихъ властей. Поэтому католики были поставлены довольно независимо,—они были свободнѣе, чѣмъ магометане, а надъ православными даже господствовали, покуда не установился русскій консулатъ въ Скадрѣ. И, несмотря на это, они переносили многія насилія такъ-сказать добровольно. Таковы всѣ католики въ Босніи и Герцеговинѣ, съ весьма малыми исключеніями: они всегда ждутъ защиты только со стороны своего духовенства, которому покорны, какъ рабы, а сами никогда не рѣшатся на открытое сопротивленіе. Этимъ только и можно объяснить безнаказанное совершеніе Селимъ-бегомъ такихъ насилій. Кромѣ того, какъ я выше замѣтилъ, уже венеціянское господство убило народный духъ и воспитало для турокъ *райю*.

Во время осады Бара Селимъ-бегъ является борцомъ за народное дѣло. Въ то время, какъ Варъ колебался—продолжать сопротивленіе или сдаться, онъ съ 300 скадрянъ и ульцинянъ пробрался въ крѣпость и поддерживалъ духъ въ осажденныхъ. Въ свою очередь и онъ бодрился поддержкой австрійскаго консула, который увѣрялъ его, что Австрія вмѣстѣ съ другими державами скоро принудитъ черногорцевъ снять осаду. Австрія дѣйствительно разсчитывала на это, но ошиблась въ своемъ разсчетѣ и обманула осажденныхъ. Поддержка со стороны Австріи была явная: Австрійскій консулъ помѣстился въ домѣ, близкомъ къ крѣпости, и имѣлъ съ нею постоянныя сношенія. Это знали черногорцы и потому употребили всѣ средства, чтобы выжить его оттуда, такъ какъ онъ добровольно не соглашался удалиться, да еще протестовалъ противъ черногорцевъ, что они не уважаютъ австрійскаго флага.

Когда же одно сферическое ядро, пробивъ стѣну въ комнатѣ, гдѣ онъ находился съ своимъ семействомъ, пронесшись надъ его головой и пробивши слѣдующую стѣнку, засѣло въ стѣнѣ забора, онъ увидѣлъ, что долѣе оставаться невозможно, и удалился на пароходѣ, прибывшемъ нарочно для принятія его съ семействомъ. Отправляясь, онъ все-таки далъ знать своимъ союзникамъ, что освобожденіе ихъ послѣдуетъ, во что бы то ни стало;

и—сдался опять. А между тѣмъ чего стоила эта ложь! Если бы не было этихъ ложныхъ увѣреній со стороны представителя Австріи, Баръ давно бы сдался и остался бы цѣлъ отъ разгрома. Теперь же страшно было войти въ него, когда онъ сдался послѣ двухмѣсячной осады: не говоря уже о разрушеніи зданій, въ немъ можно было задохнуться отъ смрада, производимаго нечистотами и кучами лежавшихъ и медленно разлагавшихся труповъ. Сотни раненныхъ и больныхъ лежали безъ всякаго призрѣнія, наводя уныніе на своихъ уцѣлѣвшихъ сотоварищей, которые тоже были въ положеніи отчаянномъ.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ находился и Селимъ-бегъ. Войдя въ крѣпость съ полной увѣренностью на скорое освобожденіе, онъ ошибся въ разсчетѣ и цѣлый мѣсяцъ долженъ былъ просидѣть въ такой канурѣ, въ какой онъ прежде держалъ своихъ плѣнниковъ. Прежняго гордаго бега нельзя было узнать: спавшій съ тѣла, убитый духомъ, онъ стоялъ въ толпѣ, покорно сложа руки и склонивъ голову, какъ бы въ ожиданіи, что вотъ кто-нибудь прикладомъ его сверху. Кто-то изъ черногорскихъ военачальниковъ пожелалъ его видѣть, но въ этомъ видѣ нельзя было представиться, потому что, кромѣ слоя грязи, онъ былъ весь покрытъ паразитами. Поэтому велѣно было отвести его въ какой-нибудь христіанскій домъ, и совершенно случайно его привели въ домъ Мата Дьокича. Жена Мата, вскрикнула отъ ужаса и негодованія, увидѣвъ въ своемъ домѣ тирана ея мужа и цѣлаго народа; но Мато тотчасъ унялъ ее и велѣлъ принести воды, чистое бѣлье и платье, а затѣмъ сварить кофе.

Ни на волосъ не измѣнились отношенія. Мато такъ же почтительно, какъ и прежде, служилъ бегу: сбрасывалъ съ него грязную одежду, освобождая отъ всякой нечистоты, мылъ его, чесалъ и помогъ одѣться во все чистое; а бегъ съ прежнимъ сознаніемъ своего достоинства принималъ услуги и заявлялъ свои требованія. Одѣвшись и напившись кофе, онъ, не сказавъ «съ Богомъ», вышелъ изъ дома и въ сопровожденіи черногорца отправился туда, куда его звали.

Жизнь Селимъ-бега представляетъ собою цѣлый періодъ въ исторіи Бара; поэтому мы разскажемъ еще одинъ эпизодъ изъ этой жизни. Я упоминалъ уже, что онъ имѣлъ *кулу* на берегу моря: это—большой домъ, также передѣланный изъ венеціанскаго; подлѣ него нѣтъ ни садика, ни огорожи; только колодезь съ отличною водой, а передъ нимъ вплоть до моря голый камень, крупные и

какую-то интригу противъ Черногоріи, разсчитывая все-таки на поддержку Австріи; но когда правительство потребовало отъ него отвѣта и австрійской помощи не оказалось, онъ страшно струсилъ и, несмотря на болѣзнь, отправился въ Цетинье на поклоненіе. Цетинскому правительству больше ничего не нужно было, какъ только напугать старика. Онъ былъ даже обласканъ. Съ тѣхъ поръ онъ снова поднялся на ноги, и еслибы не дряхлость, онъ, при его громадномъ богатствѣ, могъ бы еще разъ сыграть новую роль; но нѣтъ у него духа, подавленнаго плотскими наслажденіями,—нѣтъ ни ума, ни характера, потому что его создали рабы и забитые люди, которыхъ теперь нѣтъ.

Я видѣлъ его нѣсколько разъ и старался отыскать въ немъ что-нибудь человѣческое; но кромѣ грубыхъ инстинктовъ не нашелъ ничего. Онъ большею частью сидитъ и лежитъ, задыхаясь отъ ожиренья; брюзжитъ на весь міръ; старается держаться съ важностью, которая выражается только грубымъ отношеніемъ къ людямъ безъ ранга, а съ людьми, имѣющими значенье, держится приниженно и показываетъ необычайную суетливость. Опираясь на протекцію свыше, онъ умѣетъ дѣлать оппозицію мѣстной власти; но оппозиція эта не идетъ дальше заочнаго ругательства и возникла вслѣдствіе того, что его устранили отъ вмѣшательства въ дѣла общественныя, какъ человѣка ни къ чему неспособнаго.

Есть однако люди, для которыхъ самый фактъ его тиранніи служитъ доказательствомъ его необыкновеннаго ума и характера, которые потому не только относятся къ нему съ большой симпатіей, но и готовы бы были возвратить ему хоть часть прежняго вліянія; есть наконецъ люди, которые и теперь чувствуютъ передъ нимъ какой-то страхъ и уваженіе. Это—люди, стоящіе недалеко одинъ отъ другого: одни—сами съ тираническими наклонностями, другіе — рабы, которые чувствуютъ свое призваніе передъ кѣмъ-нибудь пресмыкаться, находя для себя въ томъ корысть и наслажденіе.

Но дальше отъ этихъ типовъ! Я не остановился бы на Селимъ-бегѣ такъ долго, еслибъ въ немъ не характеризовалась исключительно эта мѣстность. Такого типа вы не найдете ни въ Ульцинѣ, ни въ Скадрѣ, ни въ Подгорицѣ, ни въ Никшичахъ.

Что же создало его въ Барѣ?—Отчасти мы указали уже причины такого явленія, находя ихъ въ исторіи этого края, въ тиранническомъ господствѣ сначала венеціанцевъ, а потомъ турокъ которое вмѣстѣ съ тѣмъ произвело разложеніе народа. Отчасти

жертва была женщина, недавно вышедшая замужъ, о красотѣ которой говорилось много, когда она была еще дѣвушкой, и потому для сластолюбиваго тирана была настоящимъ владомъ. Достигнувъ цѣли, пропустили, хозяинъ съ гостями пошелъ къ домъ, а вооруженные слуги стали кругомъ на-стражѣ.

Началась оргія. Похищенная женщина была положена въ той же комнатѣ рядомъ съ бегомъ. Цыгане начали представлять сцену, въ которой актерами были мужчины съ женщинами. Сцена была такая гризная, какую можно только вообразить, а не видѣть въ дѣйствительности. И гости и хозяинъ, подогрѣваемые мастикой, млѣли отъ наслажденія. А что происходило съ той женщиной?... Она ничего не видѣла, ничего не чувствовала, а между тѣмъ эта сцена была продѣлана именно въ назиданье ей. «Поняла ты, въ чемъ дѣло, или нѣтъ, мнѣ все равно» — сказалъ бегъ, наклонясь къ ней, и затѣмъ всѣ гости вышли изъ этой комнаты.... Поздно бегъ воротился домой; остались только нѣкоторые изъ его близкихъ довершать оргію. Въ концѣ концовъ, въ ту же ночь эта женщина, осрамленная, истерзанная физически и нравственно, была выведена въ поле и тамъ оставлена. Нѣсколько дней бродила она, какъ помѣшанная, не смѣя пойти домой; наконецъ ее привели въ родной домъ, но сознаніе къ ней не возвращалось. Промучившись такимъ образомъ годъ или болѣе, она умерла, а дѣло такъ и кануло въ вѣчность. Ни законъ, ни мнѣніе свѣта, ни месть рода — ничто не поднялось во имя несчастной. Такая среда только и способна была создавать тирановъ.

Говорятъ, когда-то Селимъ-бегъ былъ чрезвычайно красивъ, храбръ и уменъ. Что онъ былъ красивъ, это вполнѣ возможно: до сихъ поръ можно видѣть чрезвычайно правильныя черты лица; большіе сѣроголубые глаза подъ щитомъ густыхъ рѣсницъ и темныхъ высокихъ бровей имѣли бы пріятное выраженіе, еслибы не были тусклы отъ старости и распутной жизни, еслибы не было въ нихъ чего-то суроваго, звѣрскаго; онъ былъ высокъ, статенъ, ловокъ, первый наѣздникъ и первый стрѣлокъ. Въ настоящее время онъ представляетъ изъ себя старика съ обрюзглымъ, отекшимъ лицомъ, которое все покрыто синевато-красными жилками, со вздутымъ животомъ и съ сильной одышкой; ходитъ онъ почти не можетъ и на ногахъ едва держится.

Возвратившись изъ Далмаціи, куда удалился было съ тремя стами другихъ семействъ изъ Бара, онъ имѣлъ еще духъ затѣять

ешь, куда их причислить: въ бѣлой крахмальной рубашкѣ съ манжетами, стоячими воротничками, въ соломенной шляпѣ или фесѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ, въ опанкахъ или штиблетахъ, въ жилетѣ или елекѣ; прическа съ англійскимъ проборомъ, усы нафабрены и закручены по-венгерски; онъ при часахъ съ брелоками, на рукахъ носитъ перстни и притомъ говоритъ постоянно по-французски, точно по-сербски совсѣмъ не знаетъ. Это—селякъ изъ Зубцовъ или Шушаня, который, проживая въ Цареградѣ, перемѣнилъ всю свою физіономію и тѣмъ хвастаетъ передъ своими земляками. Осенью и весной съ каждымъ пароходомъ цѣлыя толпы ихъ отправляются въ Царьградъ, оставляя дома свои семьи, женъ и дѣтей. Они, конечно, жалуются, что дома нечѣмъ жить; но съ этимъ трудно согласиться, видя, какъ я замѣтилъ выше, просторъ земли, лежащей втунѣ. Не скорѣе ли ихъ влечетъ въ Царьградъ легкость труда и веселая жизнь, послѣ которой жизнь дома становится скучной и тяжелой?

Благодаря богатой природѣ, человѣкъ здѣсь прилагаетъ весьма мало труда къ обработкѣ земли. Кукуруза, составляющая здѣсь главный хлѣбъ, идетъ только на мѣстное потребленіе; вывоза же его нѣтъ никакого. Главный доходъ приноситъ, безъ сомнѣнія, маслины, которыя въ большомъ количествѣ идутъ за границу цѣликомъ или переработанныя въ масло. Одно маслиновое дерево въ добрый годъ приноситъ дохода отъ 10 до 15 гульденовъ, а уходъ за ними послѣ первой посадки весьма небольшой: отъ времени до времени вскапывать землю и класть удобреніе, что дѣлается прилежными людьми, напримѣръ, въ Ульцинѣ, всякій третій годъ; въ Барѣ же не всегда это дѣлается и одинъ разъ въ пять лѣтъ. Сборъ маслины производится въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда все другое давно уже убрано. Чего же стоитъ держать десятокъ такихъ деревьевъ, которыя, давая урожай только всякій второй годъ, будутъ приносить дохода 70 гульденовъ? У добрыхъ людей не гуляло бы и пространство между деревьями, и картофель былъ бы полезенъ для самыхъ деревьевъ; но здѣсь этого нѣтъ въ обычаѣ: картофель не садится нигдѣ, а привозится изъ Цериницы или изъ Италіи. При обиліи воды, которая вездѣ легко можетъ быть проведена для поливки, сколько можно бы было имѣть различныхъ огородныхъ овощей, которыхъ достало бы и для вывоза за границу; а между тѣмъ ихъ не имѣютъ и для себя, кромѣ лука, краснаго перцу, разнаго рода тыквъ, дынь и арбузовъ. Винодѣлію здѣсь, конечно, мѣшало магометанство. Но и

главный продуктъ здѣшній, оливковое масло, добывается такимъ первобытнымъ способомъ, что итальянцы пріѣзжаютъ сюда, привозятъ съ собою переносную машину и добываютъ снова значительное количество масла изъ выжимковъ. Сколько тамъ заѣзжихъ людей, которые и сами имѣютъ маслиновыя рощи, и держатъ маслобойни, а никому до Маши Врбицы не пришли въ голову тѣ усовершенствованія, которыя ввелъ онъ и тѣмъ больше чѣмъ вдвое усилилъ производительность своей маслобойни.

Имѣя подъ ногами море съ пристанью, никто изъ мѣстныхъ жителей не имѣетъ не только ни одного торговаго судна, но и ни одной рыболовной лодки. Ловить рыбу пріѣзжаютъ люди изъ Будвы и другихъ мѣстъ по тому берегу.

О торговлѣ Бара трудно судить теперь, когда онъ такъ разоренъ; но торговцы и теперь на-лицо почти всѣ тѣ, которые были и прежде. Сравнительно съ Ульцинимъ ихъ мало, такъ какъ Баръ почти вдвое больше самъ по себѣ и гораздо обширнѣе районъ, на который простирается его торговая дѣятельность: на барскій базаръ приходятъ люди съ береговъ Скадарскаго озера, изъ Цермницы и изъ окрестностей Спича; тогда какъ Ульцинъ не имѣетъ ничего кромѣ своего небольшого округа и притомъ слишкомъ близко стоитъ къ обширнѣйшему во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ рынку—скадарскому.

Не имѣя въ рукахъ точныхъ статистическихъ данныхъ, по одному только общему сравненію можно судить, что Баръ отстаетъ отъ другихъ сосѣднихъ мѣстностей въ торговой дѣятельности. Въ немъ именно видимъ всѣ данныя для развитія роскоши и жизни досужихъ классовъ, какими здѣсь являются беги, почему на здѣшнемъ сербскомъ языкѣ эта жизнь называется *бегованьемъ*, а по нашему сказать—*барствомъ*, что и было въ дѣйствительности. Но какъ барство не мыслимо безъ рабства, такъ и здѣсь были развиты именно эти два крайнія начала. Поэтому Селимъ-бегъ есть чисто продуктъ этой почвы, и не нужно было имѣть ни особеннаго ума, ни особенной энергіи, чтобы сдѣлаться полнымъ тираномъ: нужно было имѣть только нахальство при весьма небольшихъ умственныхъ способностяхъ и при полномъ отсутствіи качествъ нравственныхъ.

Слабость характера въ жителяхъ Бара сказывалась давно. Она обрисовывается еще въ началѣ XV вѣка, въ исторіи Юрія Бранковича, которую и припомнимъ здѣсь въ короткихъ чертахъ. Георгій Бранковичъ, сынъ злополучнаго Вука, котораго народная

память проклята, какъ измѣнника на Косовомъ-полѣ, и внукъ царя Лазаря, который вслѣдствіе этой измѣны погибъ самъ и погубилъ Сербское царство въ роковой коссовской битвѣ, олицетворяетъ собою послѣдніе дни независимости сербскаго народа. Сдѣлавшись сербскимъ деспотомъ на закатѣ своихъ дней, именно на 60-мъ году отъ рожденія, онъ обнаружилъ такую дѣятельность, какой нельзя было бы не дивиться въ человѣкѣ цвѣтущихъ лѣтъ. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ умомъ, развитымъ высокимъ образованіемъ, онъ весь предался политикѣ, преслѣдуя, конечно, патріотическую идею. Не бывши еще сербскимъ деспотомъ, а только зетскимъ баномъ, онъ успѣлъ познакомиться и войти въ сношенія со всѣми европейскими дворами, отъ которыхъ сколько-нибудь можно было ожидать помощи его несчастному отечеству, и потому, принявъ въ свои руки управленіе сербскимъ народомъ, онъ явился во всеоружіи политической мудрости и политическихъ связей, при обладаніи притомъ громадными по тому времени богатствами. И все это направлено было у него не къ возвеличенію самого себя, а къ воскрешенію сербской независимости. Самопожертвованію его не было границъ: онъ отдаетъ свою дочь Марину въ жены Амурату второму, даетъ заложниками двоихъ сыновей своихъ,—и въ то же время устремляетъ всѣ свои усилія на уничтоженіе турецкаго господства въ Европѣ, не щадя средствъ матеріальныхъ и рискуя собственною головой. Но расположеніе Европы было таково, что отъ нея не могло быть никакой помощи. Единственно принимавшая участіе въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, Венгрія далеко не стояла на той высотѣ пониманія политической ситуаціи, чтобъ отречься отъ узкихъ завоевательныхъ цѣлей, соединенными силами вмѣстѣ съ сербскимъ народомъ поразить турокъ и тѣмъ предотвратить тѣ тяжкіе удары, которые впослѣдствіи обрушились на нее самое.

Мы теперь удивляемся высокому политическому смыслу и широтѣ замысловъ этого человѣка; но общее положеніе было таково, что онъ долженъ былъ пасть. Бракъ дочери не помогъ дѣлу, сыновья его звѣрски ослѣплены и, наконецъ, доведя всѣ свои усилія до крайности, онъ становится въ безвыходное положеніе и спасается отъ турокъ бѣгствомъ, не оставляя однако своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Убѣжищемъ своимъ онъ избираетъ Баръ, гдѣ жилъ прежде и жители котораго были преданные ему люди, не поддававшіеся венеціянцамъ и не страшившіеся еще въ то время турокъ. И каково же было его разочарованіе, когда онъ

узнаетъ, что его хотятъ выдать Амурату—не изъ страха опасности, а просто за деньги! Переправивъ свои сокровища тайно ближе къ морю, онъ въ одно раннее утро отправляется будто на охоту, пробирается никѣмъ незамѣченный черезъ густыя маслины и достигаетъ благополучно лодки, которая отвозитъ его въ Будву. Изъ Будвы онъ также долженъ былъ удалиться по настоянію Черноевича, который боялся его соперничества. Потомъ точно такъ же отказали ему въ пріютѣ и дубровчане. Но нигдѣ, какъ въ Барѣ, не дѣлали покушенія на его личность, не дѣйствовали измѣннически, а говорили ему прямо и давали ему средства къ спасенію.

Это въ сущности неважное событіе составляетъ то темное облачко на исторіи Бара, которое со временемъ разростается въ черную тучу, покрывающую его въ продолженіе четырехъ столѣтій: не обладая природною стойкостью, жители его, во время послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга господствъ Венеціи и Турціи, постепенно отрекаются отъ прежней вѣры, народности и, наконецъ, дѣлаются совершенно рабами, которые охотно служатъ своему врагу противъ своей братіи, ищутъ юнацкихъ лавровъ въ бояхъ съ черногорцами и выноситъ въ то же время безропотно самую гнусную тиранію простого грабителя и развратника.

Рабство это наконецъ сломлено, никакой тиранніи нѣтъ больше мѣста, и Бару предстоитъ развить свои силы въ новой жизни—на основахъ общаго равенства передъ закономъ и свободы политической и религіозной. Освободившись отъ гнета, Баръ стряхнетъ съ себя прежнюю апатію и безжизненность, на которую обрекали его природа, слишкомъ нѣжно лаская, и люди, слишкомъ угнетая. Въ этомъ увѣряютъ насъ какъ признаки всеобщаго пробужденья въ послѣднее время, такъ и тѣ хорошія черты, которыя проявлялись въ жителяхъ Бара даже во время турецкаго господства. Одну изъ этихъ чертъ составляетъ стремленье къ образованію. Какъ ни были неблагопріятны обстоятельства, баряне всегда поддерживали школы и старались дать образованіе своимъ дѣтямъ, для чего посылали ихъ въ Скадаръ, гдѣ находится довольно хорошо устроенный коллегіумъ съ пансіономъ при немъ, и въ Далмацію или въ Тріестъ. Одинъ изъ нихъ, именно сынъ Мата, приключеніе съ которымъ я разсказалъ выше, получилъ вполнѣ европейское образованіе и въ настоящее время состоитъ на государственной черногорской службѣ, исполняя часто особён-

ныя порученія въ сношеніяхъ съ иностранцами. Вообще жители Бара отличаются хорошими способностями: гибкимъ, свѣтлымъ умомъ и большою воспріимчивостью. Въ настоящее время барская основная школа—одна изъ лучшихъ въ Черногоріи.

Насколько успѣхи этой школы зависятъ отъ учителя, который также одинъ изъ лучшихъ и изъ самыхъ способныхъ, настолько и отъ способностей учениковъ. Учитель менѣе способный не могъ бы и управлять ими, что и оказалось на дѣлѣ, когда ихъ настоящаго учителя перевели было въ другое мѣсто. Въ этой школѣ, надобно замѣтить, учатся дѣти трехъ исповѣданій: православнаго, католическаго и магометанскаго, и во всѣхъ вы видите одинаковое горячее стремленіе къ наукѣ и одинаковые успѣхи въ ней, и чуть ли не болѣе способными оказываются магометане.

Соразмѣрно успѣхамъ этой школы исчезаетъ все болѣе и болѣе всякая рознь и между родителями этихъ дѣтей. Недавно тамъ открыта читальня,—правда, по иниціативѣ одного черногорца, бывшаго учителя и поэта, но участіе въ ней всѣхъ горожанъ было такъ велико и горячо, что нельзя было не удивляться. Участіе это обнаружилось тотчасъ же щедрыми взносами на основаніе ея, причемъ одинъ не хотѣлъ уступить другому въ усердіи, и въ числѣ основателей фигурируетъ опять множество магометанъ. Тотчасъ же найдено помѣщеніе, которое приспособлено для своего назначенія какъ нельзя лучше, и для этого не пожалѣли довольно значительныхъ издержекъ. Передъ нею устроена терраса, а барьеромъ ея служитъ цѣлая стѣна въ формѣ громаднаго щита, всѣ части котораго составлены изъ камней со старинными надписями и изображеніями изъ Барскаго града и различныхъ архитектурныхъ остатковъ стараго времени. Помѣстить ихъ внутри читальни невозможно; но здѣсь эти памятники вполнѣ сохраняются, удобно расположены для разсматриванія и въ то же время служатъ прекраснымъ, вполнѣ сообразнымъ и оригинальнымъ украшеніемъ. Такимъ образомъ читальня эта въ одно и то же время служитъ мѣстнымъ археологическимъ музеемъ и, безъ сомнѣнія, не замедлятъ явиться коллекціи естественно-историческія и этнографическія, и тогда Баръ пріобрѣтетъ интересъ ученаго міра.

Я былъ въ Барѣ нѣсколько разъ, и всякій разъ замѣчалъ, какъ онъ понемногу оживляется, прибываетъ населенія, выстраиваются постоянно новыя лавки, многолюднѣе становятся базары,

Но самое отрадное явленіе—единодушіе общества, съ какимъ оно относится ко всякому общественному дѣлу. Читальня въ этомъ отношеніи помогаетъ объединенію и развитію духа общественности. Пріятно войти въ эту скромную, чистенькую комнатку, гдѣ, засѣвъ около круглаго стола, всѣ съ серьезнымъ видомъ предаются чтенію. Знающіе турецкій языкъ читаютъ, выписываемый для нихъ, *Вакитъ* и послѣ сообщаютъ вычитанныя ими извѣстія своимъ сотоварищамъ, незнающимъ турецкаго языка, которые въ свою очередь дѣлятся съ ними новостями изъ другихъ газетъ.

Трудно опредѣлить наружный типъ населенія тамъ, гдѣ оно представляетъ изъ себя смѣсь, образованіе которой не остановилось еще до послѣдней минуты, какъ въ городѣ Барѣ. Что касается бековъ, то иные изъ нихъ прибыли изъ Герцеговины или Босніи, другіе изъ Скадра, и брали женъ себѣ тоже изъ различныхъ мѣстъ; торговцы также большею частью переселенцы—кто изъ Черногоріи, кто изъ Краины, изъ Албаніи, Старой Сербіи, Македоніи. Одно только можно замѣтить, что блондиновъ здѣсь нѣтъ вовсе и нѣтъ людей особенно крупныхъ: обыкновенно, лицо сухое, сложенье деликатное, если не сказать слабое, что можетъ-быть обусловливается страшно нездоровымъ климатомъ, производящимъ здѣсь убійственныя лихорадки, переходящія иногда въ горячку и тифъ. Жители селъ, какъ Зубцовъ, Тудьемиль и другихъ, представляютъ уже болѣе общій, установившійся типъ или, вѣрнѣе, два типа: сербскій и арнаутскій. Между первыми вы больше встрѣтите широколицыхъ съ большими глазами, умѣренно широкимъ носомъ и открытою физіономіей; вторые отличаются небольшою сухою головой, съ тонкимъ орлинымъ носомъ, небольшими, остро-смотрящими глазами или съ неопредѣленнымъ взглядомъ, какъ бы изъ подлобья. Первые и крупнѣе, хотя и тѣ и другіе одинаково тонки въ таліи, ловки въ движеніи. Еще рѣзче разница видна въ женщинахъ: сербскія—дѣвушки онѣ или замужнія—отличаются здоровымъ и крѣпкимъ сложеніемъ, красивы, но выраженіе лицъ нѣсколько рѣзко и грубо; арнаутскія же, напротивъ, сложенія деликатнаго: всѣ члены необыкновенно тонки и мелки, черты лица тоже тонки; выраженье глазъ томное, задумчивое; волосы у дѣвушекъ распущенные до плечъ, черные, но съ какимъ-то свѣтлымъ оттѣнкомъ, и густо обрамляющіе продолговатое смуглое личико, и уже по одному виду кажутся мягче, шелковистѣе, чѣмъ у дѣвушки сербской.

Что касается костюма барынъ, то онъ общій во всѣхъ почти турецкихъ городахъ: въ мужскомъ костюмѣ преобладаетъ красный цвѣтъ съ чернымъ, напримѣръ—красная куртка съ узкими рукавами, обшитая чернымъ шнуркомъ узорами, такой же *елекъ* (родъ жилета, не застегивающагося спереди), у магометанъ часто и штаны краснаго или малиноваго цвѣта, широкіе въ шагу и съуженные, въ обтяжку, ниже колѣнъ. Въ женскомъ костюмѣ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ и пестрая бываетъ только юпка; на головахъ бѣлые, распущенные платки, а грудь завѣшивается какимъ-нибудь цвѣтнымъ платочкомъ. Вмѣсто пояса служитъ длинная шаль, которою обматывается тѣло ниже таліи, захватывая часть живота, что скрываетъ собственно талію и придаетъ цѣлому корпусу видъ неуклюжести. Иногда такъ одѣваются совершенно маленькія дѣвочки, лѣтъ 10—12-ти, что очень безобразно. Волосы у дѣвушекъ заплетаются и обвиваются вокругъ головы, а у замужнихъ спереди подстрижены и спущены на лобъ; двѣ пряди также подстрижены, но гораздо длиннѣе, спускаются около висковъ, остальные же собираются въ кучу и скрываются повязкой. Это у всѣхъ арнаутскихъ женщинъ въ городахъ, а сербскими горожанками перенято отъ нихъ. Тогда какъ всѣ городскія женщины—арнаутки и сербки, христіанки и магометанки—носятъ широкія шальвары, стягивающіяся у щиколки, у сельскихъ сербскихъ женщинъ этого нѣтъ совсѣмъ; арнаутки христіанки носятъ неширокія бѣлыя панталоны, которыя немного виднѣются изъ-подъ длинной рубашки или юпки, да и то не во всѣхъ селахъ.

Мужчины въ селахъ сербскихъ и арнаутскихъ носятъ костюмъ узкій: куртку и штаны изъ бѣлаго домашняго сукна, расшитыя узорами изъ чернаго шерстянаго шнура. Этотъ костюмъ носятъ всюду въ Албаніи, а также у Кучъ и Васоевичей. На головѣ *тюлафъ*, родъ феса, валянаго изъ бѣлой шерсти, который теперь замѣняется черногорскою кепи. Магометанскихъ женщинъ въ городѣ видѣть трудно, потому что онѣ мало выходятъ и всегда покрыты съ головы до пятъ. Но разъ случилось увидѣть молодую женщину по дорогѣ въ сопровожденіи негритянки: она была вся закутана въ бѣлое тонкое покрывало, но можно было видѣть пестрые широкіе шальвары, на ногахъ красные востроносые баши мани; лицо было открыто и набѣлено, какъ стѣна, на щекахъ два красныхъ кружка совершенно обрѣзанные: видъ безобразный только и можно было замѣтить красоту по правильному, тонкому

очертанію носа и губъ, по большимъ чернымъ глазамъ съ густыми рѣсницами и тонкимъ высокимъ бровямъ, иначе это была бы просто маска. Волосы женщины здѣсь всегда чернятъ, потому настоящаго цвѣта ихъ не увидите. На головѣ, надъ лбомъ, всегда какія-нибудь украшенія изъ подвѣшанныхъ золотыхъ или позолоченныхъ монетъ. Вообще уставщикомъ городскихъ модъ является Скадръ — какъ здѣсь, такъ въ Ульцинѣ и Подгорицѣ.

Отдавъ все вниманіе развалинамъ, мы ничего не сказали о той части города, гдѣ люди живутъ и дѣйствуютъ теперь. Но эта часть не заслуживаетъ описанія, потому что еще не обстроилась и не имѣетъ никакого опредѣленнаго вида. Вообще же о расположеніи его можно сказать, что оно крайне неудобно: главная улица съ базарною площадью, идущая рядомъ съ градомъ, довольно крута, такъ что, идя по чрезвычайно выглаженнымъ камнямъ мостовой, вы рискуете поскользнуться и расшибиться, и куда бы вы ни пошли, вездѣ встрѣтите довольно крутые подъемы. Внѣ крѣпости мѣста весьма мало, гдѣ дома могли бы быть скучены. Кромѣ того, весь городъ слишкомъ плотно прижался къ горамъ и вошелъ внутрь ихъ, вслѣдствіе чего онъ совершенно замкнутъ, что въ лѣтнее время производитъ невыносимую духоту; жаръ здѣсь двойной: прямо отъ солнца и отъ нагрѣтыхъ имъ высокихъ скалъ съ отвѣсными стѣнами, возвращающихъ свою удушающую теплоту и въ продолженіе ночи.

На вопросъ: «зачѣмъ городъ удалился отъ моря и выбралъ такое неудобное мѣсто»—отвѣчаютъ обыкновенно, что къ этому принудили нападенія морскихъ пиратовъ. Но отчего же не ушелъ отъ моря Ульцинъ, стоящій рядомъ? Онъ выстроилъ крѣпость на высокомъ скалистомъ берегу, а самъ расположился по долинѣ. Баръ могъ также выстроить крѣпость на Волуйкѣ, которая защищаетъ пристань и доминируетъ надъ цѣлою равниной. Да и что могли сдѣлать пираты противъ такого большого, солидно построеннаго, города, какимъ былъ Баръ именно въ то время, когда отъ пиратовъ могла быть какая-нибудь опасность? Но причины были болѣе уважительныя, физическія. Мѣстность близъ моря лежитъ слишкомъ низко и во время продолжительныхъ зимнихъ дождей вся сплошь покрывается водою, которая во впадинахъ задерживается и лѣтомъ образуетъ болота, производящія лихорадки. Удалившись, городъ поднялся на возвышеніе, но тѣмъ не онъ еще вполнѣ обезпечить себя отъ вредныхъ болотныхъ испа-

рений, доносящихся и туда, и при всемъ томъ въ городѣ, несмотря на крайнюю удушливость, климатъ здоровѣе, чѣмъ на пристани. Кромѣ того на пристани нѣтъ хорошей ключевой воды, которой такъ много въ городѣ, откуда она, собираясь въ одно русло внизу, течетъ уже рѣчкой Рикавцемъ, изъ которой разводится канавами для орошенья всѣхъ полей и падаетъ въ море у самой пристани, но, задерживаемая морскими волнами, растекается и образуетъ стоячія воды.

Теперь тамъ находятся агентство австрійскаго Лойда, управленіе морскою полиціей и санитарною частью, три казенныхъ магазина съ хлѣбнымъ провіантомъ и съ солью, одинъ торговый домъ, гостиница съ комнатами для пріѣзжающихъ и другая гостиница низшаго разряда и, наконецъ, телеграфная станція и карантинъ. Всѣ эти зданія, кромѣ двухъ, расположены въ рядъ подъ небольшимъ возвышеніемъ, которое вдалось въ море мысомъ, защищающимъ портъ отъ южнаго вѣтра; на краю его находится маякъ, а прежде тамъ же было укрѣпленіе Волуйца, геройски выдержавшее бомбардированіе со стороны трехъ турецкихъ кораблей, во время осады черногорцами Бара.

Разбитый передъ главнымъ зданіемъ цвѣтникомъ придаетъ особенно пріятный видъ и напоминаетъ станціи желѣзныхъ дорогъ. Посаженъ здѣсь также рядъ деревьевъ *eucalyptus*, въ видахъ уничтоженія лихорадочной миазмы. Но самое важное, конечно, будетъ осушеніе болота: часть его уже отдана въ частныя руки, тотчасъ же спущена вода, земля перепахана для посѣвовъ и посажены фруктовыя деревья. Между пристанью и городомъ проложена отличная дорога, возвышенная противъ потопленія и усыпанная щебнемъ, чтобы не превращалась въ грязь.

Каждую недѣлю приходятъ сюда пароходы Лойда—одинъ изъ Тріеста въ Корфу и далѣе, другой—обратно. Для выгрузки товара стоитъ на якоряхъ большая баржа, съ которой послѣ перевозятъ его на берегъ въ лодкахъ, такъ какъ пароходъ останавливается далеко отъ него. Заходятъ иногда итальянскія и греческія *трабакули* (торговыя суда), чтобъ отстояться во время бури. А во время хода рыбы прибываетъ нѣсколько лодокъ изъ Будвы для рыбной ловли.

Когда приходитъ пароходъ, пристань оживляется. Изъ города прибываютъ торговцы для пріема товара; иногда соберутся пассажиры, отправляющіеся въ Царьградъ, и съ ними толпа провожающихъ. На это время приходятъ изъ Бара нѣсколько тор-

говыхъ разночинцовъ съ табакомъ, хлѣбомъ и фруктами. Самое оживленное время было, когда ожидалось принятіе Ульцина. Тогда тамъ постоянно проживало нѣсколько черногорскихъ чиновниковъ и иностранныхъ корреспондентовъ. Каждый день толпились съ лошадьми и лошаками переносчики провіанта для войска, стоявшаго на Сутерманѣ, а съ каждымъ пароходомъ привозился этотъ провіантъ и происходила выгрузка его иногда до полночи. Тогда около магазиновъ зажигались фонари, а по берегу раскладывались костры, и между этими огнями двигались фигуры носильщиковъ цыганъ, которые сопровождаютъ свою работу пѣснями или какими-нибудь криками. Кончится выгрузка на берегъ, цыгане остаются здѣсь для переноски груза въ магазинъ въ ту же ночь или на другой день. Имъ дается хорошая выпивка и они во время отдыха затѣваютъ дикую пляску или представляютъ какую-нибудь пантомиму, большею частью, сальнаго содержанія. Иногда съ цыганами приходятъ ихъ дѣти и жены и проводятъ здѣсь всю ночь, пріучаясь проводить время, ничего не дѣлая и предаваясь дикому веселью.

Цыгане здѣсь—единственные рабочіе, которыхъ можно нанять поденно или подрядомъ на какую-нибудь работу, не требующую никакого мастерства: носить что-нибудь, сходить куда-нибудь посыльнымъ, подбирать маслины и т. п. Работаютъ они всегда весело; способны не спать ночь и работать, не отдыхая и не теряя веселости, если имъ дадутъ хорошо выпить, и все это за какой-нибудь гульденъ въ день; за тотъ же гульденъ или за полтора онъ отправится и понесетъ вамъ что-нибудь въ Ульцинъ, за шесть часовъ (30 верстъ) разстоянія. Но въ работѣ, требующей большаго вниманія и постоянства, они никуда не годны,—измучившься, глядя только на ихъ работу. Въ этомъ отношеніи они выдерживаютъ тотъ общій характеръ, съ которымъ являются цыгане въ цѣломъ свѣтѣ. Но нѣтъ у нихъ ни воровства, ни мошенничества, чѣмъ такъ отличаются наши цыгане,—нѣтъ ни той нахальной навязчивости и досадливой болтовни, ни попрошайничества. Они живутъ всѣ трудомъ, кузнечнымъ ремесломъ или поденщиной, и держатся съ достоинствомъ, какъ и другіе. Женщины ихъ отчасти попрошайничаютъ и то не даромъ, а за какія-нибудь услуги, особенно помогая женщинамъ въ магометанскихъ домахъ. Они всѣ магометане и потому, когда была осада Вара, все время провели въ крѣпости и показали себя

чрезвычайно храбрыми и стойкими. Я остановился на цыганахъ при описаніи потому, что здѣсь имѣлъ случай наблюдать ихъ.

Но обратимся еще къ самой пристани.

Въ обычное время она поражаетъ своею пустынностью. Постоянные ея жители сидятъ по домамъ, укрываясь отъ жара и непогоды и не имѣя никакого занятія на берегу. Стоящая на якорѣ баржа, черная, безъ мачтъ и безъ людей, смотритъ какою-то пловучею гробницей; нѣсколько лодокъ, вытащенныя на берегъ, лежатъ опрокинутыя. Только никогда не умолкающій шумъ волнъ нарушаетъ общую мертвую тишину. Такъ же мертво и вдоль всего берега, идущаго дугой на протяженіи верстъ пяти или семи. Какъ съ той стороны конецъ дуги составляетъ Волуйца, такъ съ другой—мысъ Ротанъ, на которомъ виднѣются развалины монастыря, разрушеннаго сначала венеціянцами, а потомъ турками. Далѣе за нимъ на отдѣльномъ холмѣ бѣлѣетъ Нехайградъ, а еще далѣе—высоты, скрывающія подъ собою Спичъ съ его пристанью, которая совершенно слилась бы съ Барскою, еслибъ ее не отгораживалъ массивный мысъ, идущій изъ-подъ Верхсуты. Тѣмъ не менѣе онѣ прежде не были раздѣлены; а пароходы останавливались только въ Барѣ, не заходя въ Спичъ, потому, во-первыхъ, что въ Спичѣ нѣтъ и не можетъ быть значительной торговли, такъ какъ вокругъ него нѣтъ большого населенія; а во-вторыхъ потому, что Барская пристань лучше по своему природному положенію: она опасна только при такъ-называемомъ ponente—вѣтрѣ, дующемъ съ запада, когда судно можетъ выбросить на берегъ, и при сѣверномъ, который можетъ разбить судно объ скалы Волуйцы; но эти два вѣтра бываютъ весьма рѣдко и держатся не долго—день или полтора, тогда какъ Спичъ страдаетъ и отъ южнаго вѣтра. Австрія, раздѣлившая эти двѣ пристани, старается, во что бы то ни стало, поднять Спичъ, и пароходы постоянно должны доходить туда; но часто это бываетъ невозможно, а во время зимы и совсѣмъ рѣдко бываетъ возможно войти туда и остановиться. Поэтому спичане до сихъ поръ держатся пристани Барской.

Устройствомъ мола можетъ быть устранено это неудобство; но для кого же онъ нуженъ? Барская пристань, кромѣ своего ближайшаго района, имѣетъ въ виду служить всей Черногоріи; когда будетъ оконченъ путь черезъ Сутормань къ Блату, тогда даже Которъ потеряетъ свое прежнее значеніе, такъ какъ отъ Бара будетъ ближе Подгорица, съ которой тѣсно связаны вся долина

Зеты, сосѣдніе Кучи, Пиперы и Морачане, а также и окраины—Васоевичи и Дробняки; за которомъ останется только Катунская нахія, а богатая Цермница и нахія Рѣцкая также стоятъ ближе къ Бару, чѣмъ къ Котору. Кромѣ того отъ Бара 8 часовъ пути до Скадра и мѣстность эта чрезвычайно удобна для прокладки хорошей шоссейной дороги. Вопросъ только въ средствахъ. Что же касается дороги до Скадарскаго озера, то половина ея до перевала черезъ Суторманъ окончена, а чтобы довершить другую половину, средствъ у Черногоріи достанетъ. Съ установленіемъ же мирныхъ отношеній къ Турціи можно надѣяться, что проложится дорога и въ Скадръ. Самая трудная задача заключается въ устройствѣ порта, какъ вслѣдствіе условій мѣстности, такъ и вслѣдствіе недостатка капитала. Но это должно быть непремѣнно,—найдутся капиталы и на сторонѣ, когда яснѣе опредѣлится торговое значеніе этого порта.

Съ тѣхъ поръ, какъ черногорцы заняли Баръ, прошло два съ половиной года; время слишкомъ короткое для того, чтобы могли произойти важныя перемѣны въ жизни цѣлаго края. Но именно теперь полагаются тѣ краеугольные камни, на которыхъ будетъ создаваться и развиваться новая жизнь, и потому теперь уже можно видѣть, какое направленіе дано будетъ этой жизни, и сообразно съ этимъ заключить, останется ли она при томъ коснѣніи, въ какомъ находилась во время турокъ, или двинется впередъ. Для этого приведемъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыя должны послужить намъ исходнымъ пунктомъ.

Что Баръ когда-то былъ цвѣтущимъ городомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ томъ убѣждаютъ насъ сохранившіеся до нашего времени дома, хоть и разрушенные въ послѣднее время, а прежде обезображенные ихъ новыми владѣльцами турками; большія полукруглыя двери и окна въ нижнихъ этажахъ этихъ домовъ указываютъ, что это были магазины, въ которыхъ продавались товары, привозимые венеціянцами изъ разныхъ странъ. На основаніи старыхъ свидѣтельствъ, Фарлати говоритъ, что это былъ самый цвѣтущій городъ въ цѣлой Далмаціи, что по красотѣ построекъ, по знатности гражданъ, по богатству и торговлѣ—не было города равнаго ему; кромѣ четырехъ великолѣпныхъ церквей, тамъ было 30 монастырей. Чѣмъ онъ сталъ во время турокъ, свидѣтельствуетъ Экгардъ, бывшій въ 1860 г. французскимъ консуломъ въ Скадрѣ. «Въ Антивари,—говоритъ онъ,—около 250 домовъ, которые всѣ почти низкіе и

жалкаго вида; на нѣкоторыхъ еще видны вырѣзанные гербы венеціянскихъ патриціевъ. Улицы такъ узки, что при встрѣчѣ три человѣка едва могутъ разойтись; вымощенныя острыми камнями, онѣ дѣлаютъ хожденіе по нимъ очень труднымъ и содержатся грязно». Въ его время въ крѣпости находилось 50 магометанскихъ семействъ, а за нею проживало около 4.000 душъ, которые по вѣрѣ распредѣлялись такъ: 2.500 магометанъ, 850 католиковъ и 650 православныхъ; до 140 лавокъ, нѣсколько мечетей и 1 церковь католическая; пристань въ плохомъ видѣ.

За прошлый (1880) годъ я имѣю слѣдующія данныя, полученныя мною изъ распросовъ мѣстныхъ жителей: магометанъ 600 ружей или около 2.000 душъ мужского пола, католиковъ болѣе 200 д. муж. пола, православныхъ до 120 душъ муж. пола и цыганъ (всѣ они магометане) 100 ружей или около 300 д. муж. пола. Въ сложности это составитъ около 5.000 душъ обоего пола. Въ немъ, находятся четыре мечети и двѣ церкви: одна—католическая, другая—православная (построенная въ 60-хъ годахъ содѣйствіемъ русскаго консула въ Скадрѣ).

Судя по этому, Баръ во время турокъ находился въ періодѣ упадка; черногорцы нанесли послѣдній ударъ, разрушивши окончательно городъ, но населеніе осталось то же, какое и было, и въ настоящее время населяется вновь. Видѣвши Баръ вскорѣ послѣ его взятія и теперь, я нахожу значительную разницу: въ немъ постоянно пребываютъ торговцы изъ Черногоріи и Герцеговины, а также и изъ Скадра; пристань настолько измѣнилась къ лучшему, что нѣтъ ничего похожаго на прежнюю: вновь устроена отличная, обсаженная деревьями, дорога, по которой могутъ идти экипажи, чистота на берегу и ресторанъ, въ которомъ есть все необходимое для посѣтителей, дѣлаютъ ее любимымъ мѣстомъ прогулокъ; а главное—организовано управленіе портомъ, и, какъ ни мало сдѣлано, а портъ приноситъ столько дохода, что содержитъ самъ себя и даетъ средства для улучшеній его; доходы эти постепенно растутъ. Въ Барѣ теперь постоянно находятся нѣсколько иностранныхъ купцовъ, закупающихъ маслины или масло, кожи и другіе мѣстные продукты. Едва Черногорія ступила на море, какъ явились предложенія отъ различныхъ иностранныхъ компаній установить пароходно-торговое сообщеніе съ Баромъ. Одно общество предлагало услуги выстроить портъ. Въ настоящее время далматинская компанія Манонъ съ товарищами открыла уже рейсы своими пароходами, что должно удешевить

сообщеніе; кромѣ того эта компанія привела два парохода, изъ которыхъ одинъ будетъ ходить отъ Бара вверхъ по Боянѣ до мѣста Оботи, а другой—оттуда въ Скадарское озеро и будетъ содержать сообщеніе между всѣми лежащими на немъ пунктами. Это несомнѣнно должно оживить цѣлый край. Кредитъ, который оказываютъ Черногоріи иностранные торговцы, являющіеся съ предложеніями услугъ, доказываетъ, что въ положеніи дѣлъ здѣсь произошла большая перемѣна къ лучшему: торговые люди лучше всякаго умѣютъ оцѣнить это положеніе и предвидятъ, что этотъ край ожидаетъ хорошая будущность.

Самую существенную перемѣну составляетъ измѣненіе духа и системы управленія краемъ. Въ то время, какъ Турція всю свою заботу полагала только на насильственное удержаніе этого края за собой, для чего возводила здѣсь крѣпости, постройка и содержаніе которыхъ поглощали доходы, получаемые здѣсь, содержало войско, не заботясь ни о торговлѣ, ни о промышленности края,—черногорское правительство тотчасъ же по вступленіи разоружаетъ всѣхъ и само разоружается, оставивъ только ничтожную стражу на границѣ, обращается къ жителямъ съ довѣріемъ, поручивъ имъ поддержаніе внутренняго порядка, уничтожаетъ тиранію, объявляетъ полную свободу и равенство всѣхъ исповѣданій и народностей и въ то же время старается сдѣлать все, что можетъ помочь благосостоянію народа. Мыслимо ли было во время господства турокъ, чтобы въ городскомъ управленіи засѣдали съ одинаковыми правами магометанинъ, католикъ и православный, чтобы дѣти трехъ исповѣданій учились въ одной школѣ и сохраняли взаимную симпатію, а отцы ихъ такъ же дружелюбно сходились бы въ одной общей читальнѣ? И наоборотъ: мыслимо ли теперь существованіе Селимъ-бега или подобныхъ ему? Сами магометане удивляются тому, какъ теперь никто не боится запоздать вечеромъ не только внѣ дома, но и вовсе за городомъ: куда только является черногорецъ, тамъ нѣтъ мѣста ни воровству, ни разбою,—тамъ полная безопасность.

Вся забота черногорскаго правительства—ввести въ управленіе новымъ краемъ порядокъ и справедливость, сообщить всему благообразіе и пристойность и помочь развитію силъ и богатствъ края, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ. Это вы ясно читаете на знамени Черногоріи, а успѣхъ будетъ, конечно, зависѣть отъ успѣховъ гражданственности его самого и отъ выбора людей, которые будутъ представителями въ этомъ краѣ.

Если Черногорія вообще чувствуетъ необходимость замѣнять, по возможности, своихъ прежнихъ капитановъ, не получившихъ никакой науки, людьми, по крайней мѣрѣ, грамотными, то въ краю новомъ, гдѣ являются новые элементы и новыя условія жизни, во главѣ управленія должны быть люди если не вполнѣ съ европейскимъ образованіемъ, то вообще люди окончившіе школу и съ европейскимъ духомъ.

Надобно замѣтить, что вначалѣ въ Барѣ былъ большой хаосъ: между жителями—взаимный антагонизмъ, въ католикахъ и магометанахъ духъ сопротивленія, и было нѣчто въ родѣ заговора, во что былъ замѣшанъ Селимъ-бегъ и католическій викарій; но все утихло и совершенно преобразилось, благодаря тому, что во главѣ управленія поставленъ былъ человѣкъ хотя не высокаго образованія, но вращавшійся постоянно между иностранцами, въ обществѣ людей съ высокимъ европейскимъ образованіемъ,—притомъ человѣкъ честный, справедливый и энергичный, который никогда не зналъ покоя, никогда не затворялся въ квартирѣ, которая всякую минуту была открыта для всякаго, имѣющаго дѣло, и былъ по духу вполнѣ европеецъ. Это Вукъ Пейовичъ, который удалился по болѣзни, но имя его всегда будетъ вспоминаться рядомъ съ воспоминаніемъ о возрожденіи Бара. Такой именно человѣкъ необходимъ здѣсь, гдѣ Черногорія стоитъ прямо лицомъ къ лицу съ Европой.

Пріобрѣтеніе Черногоріей клочка Адріатическаго моря имѣетъ для нея значеніе аналогичное съ тѣмъ, какое имѣло для Россіи пріобрѣтеніе Балтійскаго моря. До сихъ поръ Черногорія, находясь въ Европѣ, жила своею особенною, вполнѣ оригинальною жизнію, не похожею на жизнь остальныхъ европейскихъ народовъ. Эта оригинальность доходила до совершеннаго коснѣнія и нѣкоторой закорузлости, что значительно тормозило ея успѣхи въ гражданственности, дѣлала ихъ почти невозможными. Существованіе рядомъ съ нею Турціи, которая не только не развивалась, но сама собою разлагалась отъ внутренняго застоя, отъ несособности къ общеевропейской цивилизованной жизни, было зломъ и добромъ для Черногоріи: зломъ потому, что Турція не давала ей мира и оказывала на нее заражающее вліяніе своею неизлѣчимою болѣзнію; добромъ потому, что своею слабостію поощряла ее къ политическому расширенію и давала ей возможность играть роль государства, симпатичнаго всему цивилизованному міру. Но значительную часть Турціи заняла уже Австрія и не далеко то

время, когда Европа силой водрузитъ свое знамя и на остальныхъ, еще не освобожденныхъ, частяхъ Балканскаго полуострова. Тогда—конецъ роли прежней Черногоріи съ ея воинственнымъ духомъ, съ ея старыми патріархальными формами при старой оригинальной жизни. Но это было неизбѣжно только до пріобрѣтенія моря: горы, служащія ей защитой противъ вторженій внѣшняго непріятеля, въ то же время ставили непреодолимую физическую преграду ея болѣе тѣсному сліянію съ культурною жизнію остальныхъ европейскихъ народовъ. Теперь же, ставъ уже одною ногой на морѣ, Черногорія волей-неволей выходитъ изъ своего прежняго военно-патріархальнаго быта и должна быть европейскою державой не по формѣ только, но и по духу. Она должна приноровить свои учрежденія къ тѣмъ отношеніямъ къ цивилизаціи Европы, которыя теперь становятся для нея обязательными. Ей предстоитъ теперь обновить себя новыми учрежденіями и новыми людьми, если хочетъ активно участвовать въ жизни Европы, усвоивъ вполнѣ ея задачи культурныя, политическія и экономическія.

Отношенія Черногоріи къ Турціи существенно не измѣнились; но теперь Черногорія должна наносить ей удары не оружіемъ, а своими успѣхами гражданственности. Таковы же ея отношенія и къ Австріи: всякій культурный успѣхъ Черногоріи—ударъ и этой великой, но основанной на насиліи, державѣ. Чѣмъ заявитъ себя Черногорія въ освобожденныхъ ею изъ-подъ турецкаго ярма земляхъ, отъ того зависитъ ея ближайшее и болѣе отдаленное будущее.

Князь Николай, который такъ жадно стремился къ морю и такъ геніально осуществилъ свою идею, побѣдивъ, можно сказать, препятствія непреодолимыя, займетъ самое почетное мѣсто въ ряду владѣтельныхъ современниковъ, если, ставъ теперь на морѣ, съ тою же энергіей поведетъ свое расширенное государство къ завоеваніямъ другого рода—со знаменемъ гражданственности въ одной рукѣ и со свѣточемъ науки въ другой.

П. Ровинскій.

Цетинье.
4 іюля 1881 года.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

СБИТЫЙ СЪ ТОЛКУ.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

МАРКА МОНЬЕ.

X *).

Романтическое воспитаніе.

Ромена уже четыре года жила у миссъ Бессъ въ Пиццофальконе. Въ первое время дѣвочка была очень несчастна; она скучала не о семьѣ, конечно, а объ улицѣ,—скучала потому, что здѣсь нельзя залѣзть въ лужу послѣ дождя, приходилось мыть руки, не прыгать по стульямъ, не влѣзать на столы и фортепьяно, надо было говорить по-французски,—противный языкъ!—запрещено было даже кошекъ таскать за хвостъ, а ихъ было штукъ семь или восемь. Разъ, чтобъ убить муху, Ромена ударила кулакомъ въ стекло, разбила его въ дребезги и обрѣзала руку.

— Это муха отплатила,—спокойно сказала миссъ Бессъ.

Муха въ самомъ дѣлѣ спаслась отъ избіенія, сѣла на носъ учительницы и потирала лапки, точно поддразнивала плачущую дѣвочку. Ромена тотчасъ же вытерла слезы и подумала:

— А дома-то меня бы прибили.

Миссъ Бессъ была стара, дурна собой и полна разныхъ странностей, по-французски говорила съ англійскимъ акцентомъ, находя это болѣе приличнымъ, чѣмъ чистый выговоръ, свои сѣдые волосы завивала тирбушонами, разговаривала съ кошками и пресерьезно дѣлала имъ выговоры. Но миссъ Бессъ не била ни кошекъ, ни дѣтей, даже не бранилась; она ихъ любила и дѣло

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

кончалось тѣмъ, что рано или поздно дѣти начинали любить миссъ Бессъ. Однажды Ромена, принесшая съ собой въ числѣ игрушекъ латунную трубу, стала трубить въ нее подъ самымъ ухомъ учительницы. Миссъ Бессъ не разсердилась, а лишь тихо сказала:

— Вы меня оглушите этою музыкой.

— Ну, что же?— отвѣтила дѣвочка.— Оглохните, тогда не будете ее слышать.

Миссъ Бессъ ущипнула себя за носъ: она всегда это дѣлала, чтобы не расхохотаться. Съ этого дня она такъ привязалась къ дѣвочкѣ и такъ ясно выказывала это, не позволяя ей никакихъ неприличныхъ и злыхъ выходокъ, но относясь снисходительно къ невиннымъ шалостямъ, что мѣсяца черезъ два Ромена уже не лазила по столамъ и стульямъ, не таскала за хвостъ кошекъ, не щипала няньку и даже по воскресеньямъ не хотѣла идти домой къ матери, гдѣ ей было скучно. За то какой бывалъ праздникъ, какое веселье съ миссъ Бессъ, большой охотницей до загородныхъ прогулокъ по крутымъ тропинкамъ! Всѣ рвали цвѣты, больше всѣхъ миссъ Бессъ; когда поспѣвали винныя ягоды, она платила нѣсколько су знакомому садовнику и позволяла дѣтямъ самимъ рвать ихъ, ѣсть сколько угодно и кататься по мягкой травѣ лужаекъ. А сама садилась въ сторонѣ, любовалась чудною игрой свѣтовыхъ переливовъ вечерняго солнца, прислушивалась къ рокоту моря, всматривалась въ темные силуэты Везувія, въ высоты Кастелламаре, Сарренто и Капри и думала о своей родинѣ, о ея сосновыхъ лѣсахъ, запушенныхъ снѣгомъ и инеемъ, о морѣ, вѣчно покрытомъ туманомъ. Сидя на холмѣ Паузилиппы, она переносилась мечтою въ дальній и холодный Лондонъ или разсказывала дѣтямъ о доблестяхъ спартанцевъ и подвигахъ Леонида. Миссъ Бессъ была прекрасно образована и обладала массою положительныхъ свѣдѣній: она могла безъ ошибки назвать по порядку всѣ десять острововъ Зеленаго мыса, точно сказать года смерти Ромула, короля Лира и Вильгельма Теля. И если кто-нибудь выражалъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи когда-либо этихъ знаменитыхъ мужей, она очень разумно отвѣчала:

— Исторія можетъ быть правдивою, хотя бы самого событія и не было въ дѣйствительности.

Какъ бы такъ ни было, а миссъ Бессъ была превосходною наставницей. Въ ея школѣ Ромена выучилась многому: во-пер-

выхъ, узнала названія животныхъ и растеній, стала говорить по-французски, пересмотрѣла массу картинокъ и прочла множество занимательныхъ разсказовъ: «Мальчикъ съ пальчикъ, Синяя борода, Сандрильона, Котъ въ сапогахъ, Красная шапочка, Спящая красавица»—и мало ли другихъ дивныхъ экскурсій въ міръ фантазіи, столь любимый великими людьми и маленькими дѣтьми! Ромену въ особенности удивило, что всѣ эти исторіи уже были ей знакомы,—ихъ разсказывала, только нѣсколько иначе, глухая бабушка; но какъ она могла ихъ узнать, когда не умѣла читать?

— Ей ея бабушка разсказывала,—отвѣтила миссъ Бессъ,—а та отъ своей бабушки слышала, а та—отъ своей. Въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ другихъ сказокъ не существуетъ.

— Такъ ихъ Ева сочинила?

— Она начала сочинять, а потомъ каждая бабушка присочинила къ нимъ что-нибудь свое.

— Ева разсказывала ихъ своимъ сыновьямъ?

— Конечно, дитя мое.

— Навѣрное, ихъ любилъ Авель и терпѣть не могъ Каинъ,—заключила Ромена.

Такимъ образомъ дочь дона Руфа пріобрѣтала быть-можетъ не совсѣмъ точныя понятія о вещахъ. Когда она подросла, миссъ Бессъ стала ей разсказывать про Эпаминонда, Аристида, Цинцината, Регула и про другихъ хорошихъ людей. По степени достовѣрности эти исторіи немногимъ отличались отъ прежнихъ, но имѣли передъ ними то преимущество, что могли вселить желаніе подражать добрымъ примѣрамъ. Особенно охотно останавливалась воспитательница на жизни нѣкоторыхъ героинь, какъ, напримѣръ, Руфи, Юдифи, Корнеліи, Порціи (Шекспировской Порціи), мученицъ—Іоанны д'Аркъ, Шарлоты Корде, говорила даже о современницахъ, и скоро Ромена такъ же хорошо знала мать Кайроли и мать Побріо, какъ уже знала Сандрильону и добрую фею. Благодаря этому, дѣвочка получила очень высокое понятіе о прекрасномъ полѣ, который миссъ Бессъ считала много превосходнѣйшимъ непрекраснаго, вслѣдствіе кое-какихъ разочарованій, испытанныхъ ею лѣтъ сорокъ назадъ. Потому-то наставница никогда не говорила о Далилѣ и тщательно умалчивала о женѣ Пентефрія: легенды о нихъ казались ей совсѣмъ неправдоподобными; къ тому же есть вещи, которыхъ совсѣмъ не слѣдуетъ знать маленькимъ дѣвочкамъ.

— Полное невѣдѣніе представляетъ своего рода опасность,— замѣтилъ однажды г. пасторъ, человѣкъ очень умный и съ большимъ жизненнымъ опытомъ.

— Это правда,—отвѣтила миссъ Бессъ,—но главная опасность заключается въ неудовлетворенномъ любопытствѣ, чего избѣжать всегда есть возможность. Въ прошлое воскресенье мы гуляли за городомъ и проходили мимо стада. На Ромонѣ былъ красный казакъ. Ее увидалъ огромный быкъ и бросился на нее съ опущенными рогами. Къ счастью, у меня былъ красный фуляръ и я бросила его разъяренному животному. Пока онъ его топталъ и рвалъ, мы успѣли сѣсть въ лодку. Ромена плакала—не отъ страха уже, а отъ стыда, что испугалась. Чтобъ ее успокоить, я сказала ей, что быки—очень злыя животныя и что при подобномъ же случаѣ съ Корнеліей, матерью Гракховъ, она спаслась такъ же точно, какъ мы. Дѣвочка успокоилась и ея мысли приняли другое направленіе. Угадайте, господинъ пасторъ, о чемъ она меня спросила?

— Кто были Гракхи?

— Это она давно знаетъ. Она спросила, какая разница между быкомъ и воломъ?

Пастора началъ разбирать смѣхъ, но онъ удержался, считая нужнымъ сохранять серьезность.

— Что бы вы отвѣтили, господинъ пасторъ?—продолжала миссъ Бессъ, глядя прямо въ глаза собесѣдника.

А г. пастору становилось уже не въ мочь,—неудержимый хохотъ схватывалъ ему горло.

— Ну, такъ я ей отвѣтила то же, что мнѣ было сказано въ моей родинѣ, когда я была маленькою дѣвочкой, много лѣтъ назадъ: «быкъ—папаша теленка, а волъ—это его дядя».

Г. пасторъ не выдержалъ и разразился громогласнѣйшимъ хохотомъ. Ромена прибѣжала узнать, что такъ забавляло гостя.

— Ступайте отсюда, дитя мое!—приказала миссъ Бессъ, говорившая всѣмъ «вы», по англійскому обыкновенію.

— Это объясненіе,—продолжала она, когда дѣвочка ушла,—удовлетворяло меня до двадцать пятаго года. Все, чего я прошу у Бога, это чтобы Ромена считала его достаточнымъ до того же возраста.

— Въ этомъ есть однако же своего рода неудобство,—возразилъ пасторъ.—Она можетъ предположить, что папаши злѣе дядюшекъ или... тетушекъ.

Пасторъ былъ правъ. Ромена знала миссъ Бессъ «тетей», многому у нея научилась, лишь не знала любви къ родителямъ,— этому выучиваются только дома. Это соображеніе сильно огорчило воспитательницу. На другой же день она позвала къ себѣ Ромену и долго говорила ей о Маріаннѣ и донѣ Руфѣ. Правда, не многое могла она передать о нихъ по личному впечатлѣнію, такъ какъ сама видала того и другую очень нерѣдка, но это отсутствіе положительныхъ данныхъ восполнялось множествомъ подходящихъ поэтическихъ произведеній и образовъ, хранившихся въ памяти наставницы. Глубоко тронутая, Ромена пожелала видѣть свою мать. Миссъ Бессъ повела ее къ Маріаннѣ, которая въ то время была больна и лѣчилась у доктора Вонголи. Увы, мать и дочь не узнали другъ друга и молча, удивленно смотрѣли другъ на друга. Голосъ крови молчалъ; ему такъ же необходимо выучиваться говорить, какъ слѣпому послѣ операціи необходимо учиться смотрѣть.

— Что съ нею?—спросила Ромена у миссъ Бессъ.

— Она была больна и потеряла память.

— Ей бы слѣдовало не отпускать меня отъ себя.... Правда вѣдь?

Это была святая истина. Дѣти часто высказываютъ такія истины, если имъ позволяютъ высказываться. Миссъ Бессъ вынуждена была что-нибудь отвѣтить и не нашла ничего лучше довольно плохого довода.

— Матери слишкомъ добры, слишкомъ любятъ маленькихъ дѣвочекъ и балуютъ ихъ,—сказала она.

Ромена не поняла, почему доброта и любовь могутъ быть вредны. Воспитательница не могла разъяснить ей (она, впрочемъ, и сама этого не знала), что Маріаннина была такъ слабодушна, что ею можно было вертѣть какъ угодно, что донъ Руфъ, послѣдователь натурализма, былъ бы стѣсненъ присутствіемъ малютки-дочери и не могъ бы при ней высказывать своихъ идей; онѣ ему, пожалуй, и въ голову бы не пришли, еслибъ онъ нянчилъ ребенка. Самое удобное было спровадить дѣвочку, что онъ и сдѣлалъ по совѣту одного иностранца, случайно встрѣченнаго у антикварія. По одному только пункту онъ нашелъ нужнымъ дать воспитательницѣ положительныя указанія:

— Никогда не говорите ей ни о Св. Януаріи, ни о папѣ, ни объ адѣ, не подпускайте къ ней близко ни одного монаха, ни священника, ни даже аббата!

Это было совершенно въ духѣ миссъ Бессъ: она была еретичка—протестантка, христіанство понимала какъ источникъ любви, добра и милосердія и въ такомъ видѣ передала его Роменѣ, которой минуло уже двѣнадцать лѣтъ. Когда умерла Маріанина, дѣвочка надѣла трауръ и долго, долго плакала. О чемъ?—О мечтѣ, быть-можетъ: она видѣла свою мать въ какой-то розовой мглѣ, сквозь поэтическій туманъ, напѣянный тетею Бессъ.

Разъ донъ Руфъ, сидя въ кофейной, прочелъ въ извѣстномъ парижскомъ журналѣ статью своего излюбленнаго писателя противъ протестантскаго духа, «грозящаго все охватить собою: литературу, прессу, политику. Протестантизмъ—это Библія; въ ней человѣкъ замурованъ и нѣтъ изъ нея выхода. Всякій протестантъ невыносимо педантиченъ и скученъ, мораль буржуазна и основана на Евангеліи. Въ результатѣ получается полудѣтская литература, тяжелая, сѣренькая, пропитанная сладкимъ идеализмомъ, склонная къ проповѣдничеству. Ея произведенія безцвѣтны и романтичны; ихъ мнимая нравственность только сбиваетъ съ толку благовоспитанныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Противъ нея надо вооружиться!... Убить слѣдуетъ эту язву!...» и т. д. Когда аббатъ Симплицій нападалъ на протестантство, донъ Руфъ только презрительно пожималъ плечами. Другое дѣло теперь: за то же взялся его любимый авторъ, — дѣло приняло серьезный оборотъ и нельзя было терять времени. Донъ Руфъ былъ отцомъ и сознавалъ всю важность своихъ обязанностей. Миссъ Бессъ—протестантка, и, оставаясь у нея, Ромена подвергалась большой опасности: ее замуруютъ въ Библію, не будетъ ей изъ нея выхода, ее собьютъ съ толку безцвѣтною литературой. Дочь послѣдователя натуралистической школы сдѣлается скучной и несносною педанткой, какова всѣ протестантскія дѣвушки. Необходимость вырвать Ромену какъ можно скорѣе изъ рукъ миссъ Бессъ была очевидна. Но куда дѣвать ее? Дону Руфу ни на мгновенье не пришла въ голову мысль взять дочь къ себѣ; тогда пришлось бы припрятывать и запирать всѣ книжки въ желтыхъ обертками. Что касается неаполитанскихъ канеіоновъ, то въ нихъ, по мнѣнію дона Руфа, ничему не обучали, кромѣ любовныхъ похожденій. Спросить совѣта у аббата Симплиція?—Ни въ какомъ случаѣ: духовенство, все поголовно, казалось ему крайне опаснымъ, самые безукоризненные изъ его членовъ страдаютъ умственнымъ разстройствомъ, дѣлающимъ ихъ способными ко всевозможнымъ легкомысленнымъ и безумнымъ поступкамъ.

Онъ это достовѣрно узналъ въ Батиньолѣ. Онъ не подумалъ равнымъ образомъ спросить мнѣнія доктора Шарфа, съ которымъ онъ впрочемъ никогда не говорилъ о Ромонѣ, опасаясь вліянія человѣка безъ религіи не на женщинъ вообще, а въ частности на свою дочь, въ чемъ онъ самъ себѣ не сознавался и что не мѣшало ему самому называться атеистомъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, донъ Руфъ рѣшился въ этомъ дѣлѣ поступить по собственному разумѣнію и усмотрѣнію. Въ ту минуту, когда онъ такъ разсуждалъ и принялъ такое рѣшеніе на углу Толедской улицы, хлынулъ ливень; каретцеллы по близости не было и онъ сѣлъ въ омнибусъ. Сидѣвшіе рядомъ съ нимъ два господина расхваливали пансіонъ монахинь француженокъ, расположенный въ здоровой мѣстности, надъ Корсо.

«Здоровая мѣстность, — подумалъ донъ Руфъ, — содержатъ француженки: слѣдовательно, ни неаполитанскаго, ни протестантскаго духа. Лучше желать нечего.

Такъ онъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію и разумѣнію.

Дождь пересталъ. Донъ Руфъ взялъ каретцеллу и отправился прямо къ монахинямъ француженкамъ. Домъ—монастырскаго вида, прекрасный садъ, много воздуха и свѣта, кролики и куры, начальница румяная, веселая бургиньонка (дону Руфу показалось, что отъ нея пахнетъ свѣжими плодами)—все это возрадовало его родительское сердце; онъ сразу рѣшился и обѣщалъ привезти дочь. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы взять ее отъ миссъ Бессъ. Донъ Руфъ, какъ уже мы знаемъ, отчаянный радикалъ въ теоріи, былъ слабоватъ, когда приходилось дѣйствовать,—на словахъ города бралъ, а на дѣлѣ передъ зайцемъ пасовалъ. Придя вечеромъ въ домъ воспитательницы, онъ засталъ миссъ Бессъ и Ромену читающими, обнявшись, почувствовалъ, что онѣ любятъ другъ друга, и ни съ того ни съ сего обозлился. Брюзгливый видъ и тонъ дона Руфа удивили миссъ Бессъ.

— Я бы желалъ знать, что въ сущности дѣлаетъ у васъ моя дочь,—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Согласитесь, что, какъ отецъ, я имѣю право...

— Полное право,—тихо отвѣтила воспитательница и показала ему тетрадки, рисунки, географическія карты, альбомъ, въ который Ромена выписывала стихи.

— Гм... Все это очень романтично,—бурчалъ донъ Руфъ.— Вы ее, пожалуй, учите играть на фортепьяно?

— Нѣтъ, не учу,—сказала миссъ Бессъ.

Донъ Руфъ ненавидѣлъ фортепьяно, какъ вещь несовмѣстимую съ натурализмомъ; по его мнѣнію, упражненія на этомъ инструментѣ вредны, уродуютъ молодыхъ дѣвушекъ и дѣлаютъ ихъ несносными. Онъ разсчитывалъ высказать это миссъ Бессъ и въ томъ найти предлогъ для разрыва; неудача его еще болѣе раздосадовала.

— А по части религіи чему вы ее обучаете?—спросилъ онъ.

— Какъ вамъ было сказано.

— Вы дѣлаете ее протестанткою. Протестантизмъ—это Библія...—и онъ повторилъ все вычитанное въ кофейной.

Миссъ Бессъ глаза вытаращила отъ удивленія, что человѣкъ, казавшійся образованнымъ, могъ высказывать такой длинный рядъ нелѣпостей.

— А католицизмъ?—спросила она съ тонкою улыбкой.

— Невыблемый католицизмъ покоится на основахъ, оправдывающихъ его существованіе,—заявилъ донъ Руфъ и пустился въ такія разсужденія, что миссъ Бессъ нашла нужнымъ попросить Ромену пойти приказать подать чай.

Послѣ длинной рѣчи натуралистъ выпилъ чашку этого напитка,—его пили въ Батиньолѣ. Крѣпкій чай окончательно разстроилъ нервы дона Руфа; ища поводовъ къ придиркѣ, онъ взглянулъ на книгу, которую читала Ромена съ своею воспитательницею въ минуту его прихода.

— Романъ Вальтеръ Скотта!—воскликнулъ онъ.—О, это переходитъ всякія границы!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, не поклонившись, и уже на самомъ дѣлѣ взбѣшенный. На другой день миссъ Бессъ получила письмо, сочиненіе котораго не легко далось родителю Ромены. Оно не было зло написано,—донъ Руфъ не любилъ рѣзкостей,—тонъ былъ даже нѣсколько смиренный и неувѣренный, такъ какъ ни гордиться своимъ постуникомъ, ни имѣть увѣренности въ своей правотѣ донъ Руфъ не могъ. Но сквозь всѣ длинныя, запутанныя и тяжеловато-дидактическія фразы ясно сказывалось требованіе возвратить ему дочь. Миссъ Бессъ поняла это и не унизилась до возраженій. А Ромена выплакала всѣ свои слезы: до сихъ поръ она знала только одно горе—потерю матери; но тогда она оплакивала призракъ, теперь же у нея отнимали живую дѣйствительность.

XI.

Натуралистическая мораль.

Едва привезенная въ пансіонъ, Ромена сильно занемогла, къ превеликому страху дона Руфа; въ бреду она все звала тетю Бессъ, и донъ Руфъ былъ уже готовъ ѣхать за старою миссъ. Отъѣздъ ея на родину, въ Локль, спасъ дона Руфа отъ этого униженія. Послѣ того, какъ у нея отняли Ромену, она затосковала въ Неаполѣ и уѣхала въ свои горы, покрытыя сосновыми лѣсами и туманами. Къ счастью, бургиньонка Розалія умѣла превосходно ухаживать за больными; она не читала книгъ, кромѣ маленькаго латинскаго молитвенника, въ которомъ не понимала ни слова; она не рвала цвѣтовъ, за то сажала артишоки, полола и прорѣжала ихъ, сѣяла и пересаживала огурцы и потомъ мариновала; въ особенности же мастерски она приготовляла варенье. Вставала она до свѣта, въ точности выполняла всѣ монашескія правила и затѣмъ принималась за свои дѣла. Цѣлый день на ногахъ, она вездѣ поспѣвала—въ кухнѣ, въ саду, въ классѣ. Дѣтей она любила тоже по-своему и не могла безъ сожалѣнія видѣть ихъ запертыми въ классѣ, особливо весной и осенью, когда такъ хорошо, не жарко на воздухѣ. Она часто заходила въ классъ, гдѣ учила дѣтей ея помощница, тоже монахиня, глупая, какъ индюшка, и добрая, какъ ребенокъ. При входѣ матери-Розаліи дѣвочки разомъ вставали, бургиньонка хлопала въ ладоши и говорила звонкимъ, свѣжимъ голосомъ:

— Довольно, дѣтки! Пойдемъ играть!

Веселая толпа выбѣгала на дворъ, въ садъ, смѣялась, кричала, пѣла,—кто во что горазъ. Сосѣди знали порядки, заведенные въ пансіонѣ, и, улыбаясь, говорили другъ другу:

— Это начался урокъ матушки-Розаліи.

То былъ дѣйствительно ея урокъ; сама веселая, довольная, съ открытой, любящей душой, она учила ихъ веселью, счастью и довольству. У всякаго свой методъ воспитанія, и всѣ методы хороши, когда въ основѣ ихъ лежитъ искренняя любовь къ дѣтямъ.

Вначалѣ, когда всѣ играли на дворѣ, Ромена убѣгала въ глубину сада, въ бесѣдку, обвитую виноградомъ, и тамъ одна плакала. Разъ бургиньонка пришла туда за нею.

— О чемъ, дѣтка, плачешь? Большое горе?—спросила она. Мать-Розалія всѣмъ говорила «ты».

— О, да.

— О тетѣ Бессъ?

— Да, да...

— Ну, что же дѣлать. Надо тетѣ написать...

Ромена бросилась на шею матушкѣ.

— Я давно объ этомъ думала, — прошептала она, все еще немного всхлипывая, только не рѣшалась вамъ сказать.

— Почему?

— Потому... потому, что тетя Бессъ... протестантка.

— Что же за важность? У Господа Бога руки достаточно длинны, чтобы благословить насъ всѣхъ.

Ромена написала миссъ Бессъ и получила отъ нея отвѣтъ. Въ конвертѣ были вложены два цвѣтка, а въ припискѣ подчеркнуты слова:

«Скажи матушкѣ, что я ее очень люблю, и отдай ей отъ меня одинъ изъ этихъ цвѣтковъ».

Бургиньонка послала миссъ Бессъ крѣпко увязанную и хорошо уложенную банку превосходнаго абрикосоваго желе. Всякій даритъ, что самъ любитъ. Ромена утѣшилась и все-таки ходила одиноко мечтать въ виноградную бесѣдку. Мать-Розалія этого не любила: по ея мнѣнію, дѣти должны играть, а не задумываться.

— Послушай, Ромена,—сказала ей однажды бургиньонка,— молодымъ дѣвушкамъ не слѣдуетъ слишкомъ много задумываться.

— Почему, матушка?

— Во-первыхъ, потому, что кто задумывается, тотъ въ это время ничего не дѣлаетъ; во-вторыхъ, тотъ слишкомъ много занимается собой, думаетъ о себѣ...

— И о другихъ тоже.

— И о другихъ нечего думать,—надо дѣлать. Нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ, какъ дѣлать что-нибудь для другихъ.

Въ то время, какъ Ромена и ея воспитательница такъ разсуждали, донъ Руфъ говорилъ Франчискьелю, сидѣвшему рядомъ съ нимъ въ фіакрѣ:

— Другъ любезный, собственный интересъ выше всего. Прими это къ свѣдѣнію. Внѣ этого все фальшиво, все дѣлано.

Франчискьель былъ одѣтъ баріномъ: въ шляпѣ, въ пиджакѣ, жилетѣ, панталонахъ, въ сѣрыхъ перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ. Къ нему не шелъ и стѣснялъ его этотъ безобразный костюмъ. Попалъ онъ въ него нижеслѣдующимъ образомъ: со времени переѣзда дона Руфа на другую квартиру, по-

гонщикъ не видалъ его цѣлыхъ полтора года; затѣмъ они случайно встрѣтились на Корсо. Донъ Руфъ остановилъ свою кароцеллу и нѣсколько минутъ проговорилъ съ Франчискьелемъ. Недѣль черезъ пять-шесть юноша позволилъ себѣ подойти къ синьору и заговорить съ нимъ.

— Синьоръ-патронъ,—сказалъ онъ, — я получилъ большой пакетъ. Будьте милостивы, прочтите, что въ немъ такое.

— Любезный другъ,—отвѣтилъ донъ Руфъ, пробѣжавши бумагу,—тебя вызываетъ квесторъ явиться къ нему какъ можно скорѣе.

— Боже!... Квесторъ!...—воскликнулъ Франчискьель.

Надо замѣтить, что квесторъ — это начальникъ неаполитанской полиціи,—лицо, котораго всѣ боятся, по свѣжимъ еще воспоминіямъ о Бурбонахъ; его не иначе себѣ представляютъ, какъ окруженнымъ сбирами, кандалами, крючьями и орудіями пытокъ,— точно дьявола. Донъ Руфъ, при всей своей лѣни, человѣкъ готовый оказать услугу, предложилъ Франчискьелю доѣхать съ нимъ до квестора. Тотъ принялъ ихъ очень любезно, усадилъ и назвалъ погонщика «синьоромъ». Пріятно, очень пріятно услыхать въ первый разъ въ жизни, что васъ такъ титулуютъ.

— Синьоръ,—сказалъ квесторъ,—позвольте узнать имя вашего батюшки.

Сильно сконфуженный, юноша назвалъ имя и фамилію своего отца.

— Скажите,—продолжалъ квесторъ,—въ «бытность» Бурбоновъ не находился ли вашъ отецъ на службѣ общественной безопасности?

Отъ стыда Франчискьель опустилъ голову...

— И затѣмъ, когда нашъ славный государь Викторъ-Эммануилъ вступилъ въ Неаполь, не послѣдовалъ ли вашъ отецъ въ Римъ за низвергнутымъ королемъ, изгнаннымъ народною волею?

Франчискьель сильно поблѣднѣлъ, думая, что его сейчасъ схватятъ и посадятъ въ тюрьму, какъ сына приверженца Бурбоновъ. Донъ Руфъ поспѣшилъ отвѣтить за него:

— Это совершенно вѣрно; но сынъ не имѣетъ ничего общаго съ отцомъ, не раздѣляетъ его убѣжденій и даже...

— Я знаю, — перебилъ его квесторъ, — и вполнѣ одобряю молодого человѣка. Вамъ же синьоръ,—обратился онъ къ Франчискьелю,—я долженъ передать печальное извѣстіе...

Бѣдному погонщику ословъ съ полною отчетливостью начали уже представляться мрачныя подземелья Сентъ-Эльмскаго форта.

— Вашъ батюшка скончался въ Швейцаріи, куда онъ переселился въ 1870 году.

Франчискьель залился слезами. Изъ уваженія къ его горю, квесторъ тихо заговорилъ съ дономъ Руфомъ:

— Вы, повидимому, принимаете участіе въ этомъ юношѣ,— сказалъ онъ по-французски.— Рекомендуйте ему быть какъ можно осторожнѣе. Мнѣ удалось разыскать его съ величайшимъ трудомъ. Одинъ изъ его дядей, услугами котораго мнѣ иногда приходится пользоваться, увѣрялъ меня, что онъ давно умеръ. Къ счастью, я мало довѣряю дядямъ, услугами которыхъ пользуюсь. Я приказалъ навести точныя справки. Одинъ изъ моихъ агентовъ, служащій въ сберегательной кассѣ, сообщилъ мнѣ, что такое имя значится въ ихъ книгахъ. Умершій его отецъ былъ мерзавецъ; онъ умеръ, не оставивши завѣщанія. Слѣдовательно, все его состояніе должно достаться единственному сыну. А состояніе не дурное: у отца было пятьсотъ тысячъ франковъ; да, кромѣ того, двѣсти тысячъ отъ матери, умершей десять лѣтъ тому назадъ, тоже повыросли за это время. Поѣзжайте къ нотаріусу Гарбугліа, на Спакка-Наполи,—всѣ документы у него,— и скажите, что я васъ прислалъ. Онъ меня побаивается, а въ подобныхъ дѣлахъ припугнуть никогда не мѣшаетъ. Въ особенности не берегитесь дядюшекъ и въ частности того, услугами котораго я пользуюсь. Онъ добирается до наслѣдства и способенъ на все. Припугните и его.

Донъ Руфъ былъ внѣ себѣ отъ восторга; помимо счастья, выпавшаго на долю Франчискьеля, его восхищало богатство человѣческихъ документовъ, попадавшихъ въ его руки. Онъ не преминулъ высказать сентенцію:

— Міръ—это союзъ мерзавцевъ противъ честныхъ людей.

— Изъ чего слѣдуетъ, что есть въ немъ и честные люди,— замѣтилъ квесторъ.

Донъ Руфъ прикусилъ языкъ: по части натурализма онъ налетѣлъ на квестора, какъ коса на камень. Чтобы наверстать испытанное униженье, онъ увелъ все еще плачущаго Франчискьеля и сказалъ ему на лѣстницѣ:

— Ты плачешь, уродъ, о комъ?—О человѣкѣ, бросившемъ тебя на улицѣ и не вспомнившемъ о тебѣ въ теченіе пятнадцати лѣтъ!

— Все-таки онъ былъ моимъ отцомъ.

У подъѣзда квестуры ихъ ждала карроццелла. Франчискьель сѣлъ опять на козлы; донъ Руфъ приказалъ ѣхать къ нотаріусу.

— Патронъ занятъ съ кліентами, — заявилъ слуга, отворившій имъ дверь.

— Скажите ему, что мы отъ квестора.

Донъ Руфъ и погонщикъ были немедленно приняты. Кліентъ, совѣщавшійся съ нотаріусомъ, хотѣлъ ускользнуть не замѣченнымъ; его узналъ Франчискьель,—это былъ его дядя.

— Ахъ, синьоръ дядюшка,—воскликнулъ юноша, рыдая,—простите меня... Знаете, папаша вѣдь скончался!...

— Чего нужно отъ меня этому нищему, лаззарони? — спросилъ дядя.—Какъ Богъ святъ, я его не знаю.

— За то квесторъ знаетъ! — возразилъ донъ Руфъ, возвышая голосъ.

Дядюшка моментально сократился и исчезъ. Между тѣмъ нотаріусъ, до приторности вѣжливый, вскочилъ и раскланивался, упрашивая садиться, подставляя дону Руфу два кресла (еслибы три было, онъ бы и три подставилъ), взялъ шляпу изъ рукъ важнаго посѣтителя и почтительно приглаживалъ ее обшлагомъ рукава. Донъ Руфъ сѣлъ и изложилъ права Франчискьеля на наслѣдство. По свѣркѣ документовъ было приступлено къ приведенію въ извѣстность наличнаго капитала. Донъ Руфъ, хотя натуралистъ, былъ силенъ по счетной части, обстоятельно выписывалъ цифры, дѣлалъ сложенія и умноженія, тройныя правила и вычисленія простыхъ и сложныхъ процентовъ. Нотаріусъ, старавшійся съ своей стороны указывать на необходимость нѣкоторыхъ вычитаній, не могъ обсчитать его ни на одинъ сантимъ. Франчискьель пересталъ плакать и очень скучалъ.

— Синьоръ патронъ, — спросилъ онъ, когда они вышли,— что это вы тамъ разсчитывали съ этимъ старикомъ? Нумера, что ли, разыскивали лотерейныхъ билетовъ?

— Теперь это уже не нужно, ты выигралъ, — таинственно отвѣтилъ донъ Руфъ.—Садись на козлы, мы поѣдемъ къ морю.

Пріѣхавши на набережную, идущую отъ Мола къ Кармелитамъ, донъ Руфъ пошелъ по деревяннымъ подмосткамъ, съ будочками для раздѣванья, построенными надъ водою.

— Вы хотите искупаться?

— Не я, а ты купайся,—приказалъ донъ Руфъ.

Франчискьель былъ очень радъ исполнить такой приказъ; въ три секунды онъ былъ голъ, какъ червякъ, и хорошъ, какъ юный Вакхъ. На возвратномъ пути донъ Руфъ зашелъ къ торговцу бѣльемъ, къ сапожнику, потомъ къ портному и приказалъ одѣть Франчискьеля съ головы до ногъ.

Надо, однако же, сказать правду, потонщикъословъ много потерялъ отъ такого превращенія въ синьора; городской костюмъ былъ ему не къ лицу, вездѣ жалъ, давилъ, стѣснялъ свободу движеній. Но дону Руфу нужно было произвести эффектъ; когда они вышли на улицу и юноша хотѣлъ попрежнему сѣсть на козлы, патронъ торжественно проговорилъ:

— Не туда, другъ... Садись рядомъ со мной. Я должень тебѣ объявить, что въ настоящее время ты имѣешь сорокъ семь тысячъ ливровъ годового дохода.

Франчискьель попросилъ объясненія и, какъ только узналъ, что такое богатство досталось ему отъ отца, то наотрѣзъ объявилъ, что эти деньги пріобрѣтены путемъ безчестнымъ и что онъ ихъ не возьметъ. Донъ Руфъ такъ и подпрыгнулъ.

— Опять романтизмъ!—воскликнулъ онъ.—Да ты, несчастный, до мозга костей стало-быть пропитанъ этими нравственными романами, биткомъ набитыми сентиментальными фразами, нелѣпостями соціальной морали, изображеніемъ великосвѣтской жизни, квинтъ-эссенціи моды и хорошаго тона, утонченностями разнѣживающей религіозности. Все это пошло и глупо, все это—ложь, убаюкивающая праздныхъ людей и сбитыхъ съ толку, глубокая развращенность воображенія!...

Послѣ такого вступленія, длившагося пять минутъ, ораторъ перешелъ отъ общихъ соображеній къ частнымъ выводамъ.

— Ты отказываешься отъ этихъ денегъ? Почему?... Все это фальшиво, все это ложь, навѣянная пагубнымъ чтеніемъ разныхъ Октавовъ Фелье, Эмилей Ожье и имъ подобныхъ поставщиковъ читаленъ. Посмотри кругомъ: видишь эти кареты, купе, ландо, коляски, берлины, тильбюри, шарабаны, дормезы, викторіи, кабріолеты... (онъ долго еще пересчитывалъ,—силенъ былъ на это донъ Руфъ),—видишь, кто въ нихъ ѣдетъ?... Такъ знай же, что ихъ отцы воровали или воруютъ... Да я самъ...

Донъ Руфъ вдругъ осѣкся.

— Сами вы?—спросилъ Франчискьель.

— Дѣло не обо мнѣ идетъ... Говорю тебѣ: ихъ отцы воровали или воруютъ, иначе бы всѣ они пѣшкомъ ходили.

— Я предпочитаю ходить пѣшкомъ,— сказалъ Франчиньель.

— Но, чучело ты неправдоподобное, ты самъ не понимаешь, что идешь наперекоръ всѣмъ законамъ детерминизма и утилитаризма!.. Логикѣ фактовъ ты противопоставляешь тиранію свободной личной воли... Начать съ того, что ты поступаешь вопреки собственныхъ интересовъ. Собственная выгода — прежде всего! Внѣ этого—все ложь...

Въ эту самую минуту мать-Розалія говорила Роменѣ: «Надо дѣлать для другихъ,—помимо этого нѣтъ добра, нѣтъ истиннаго счастья на землѣ».

— А затѣмъ,— продолжалъ донъ Руфъ, — ты просто сбиваешь съ толку общество... Куда пойдутъ деньги, отъ которыхъ ты отказываешься? Твоимъ дядямъ,—тому самому, который сейчасъ только назвалъ тебя у нотаріуса нищимъ, лаззарони, и клялся, что въ глаза тебя не знаетъ?... Предвидишь ли ты, какъ онъ воспользуется этими деньгами?—Онъ предастся полнѣйшей праздности, а съ нею разнузданности всѣхъ своихъ страстей, будетъ объѣдаться, напиваться пьянъ ежедневно, станетъ соблазнять дѣвушекъ, пожалуй подкупать избирателей, продѣлывать всѣ возможныя мерзости и въ концѣ концовъ околѣетъ отъ скуки. И все по твоей винѣ...

— Это ужь его дѣло,—невозмутимо отвѣтилъ Франчиньель и поклонился господину, прогуливавшемуся пѣшкомъ.

— Съ кѣмъ это ты раскланиваешься?—спросилъ донъ Руфъ.

— Съ банкиромъ, заплатившимъ мнѣ столько денегъ за вазу... Онъ, кажется, не узнаетъ меня... Съ нимъ развѣ посовѣтоваться?

— Совѣтуйся, если вѣришь ему; только и я пойду съ тобой и самъ все передамъ.

Кароццелла остановилась въ Вилла-Реале у калитки сада. Они дождались прихода банкира. Франчиньель напомнилъ о себѣ и представилъ дона Руфа. Натуралистъ пространно и подробно изложилъ все дѣло. Банкиръ терпѣливо выслушалъ до конца и сказалъ:

— Я нахожу, что вы оба правы. Само собою разумѣется, никто не осудитъ Франчиньеля за принятіе отцовскаго наслѣдства. Но едва ли одно отсутствіе порицанія со стороны общества можетъ удовлетворить человѣка, — для этого необходимо нѣчто большее, чѣмъ то, что требуется отъ насъ общественнымъ мнѣніемъ. Согласитесь, многоуважаемый донъ Руфъ, что никто и

никогда не удовлетворяется безусловно необходимымъ,—счастье дается только избыткомъ. Такъ вотъ такого рода честность и есть избытокъ по сравненію съ обязательнымъ. Не мѣшайте же этому юношѣ немножко пороскошествовать идеализмомъ.

«Славно!—подумалъ донъ Руфъ.—Даже банки заражены романтизмомъ!»

— А вы, мой юный другъ, — обратился банкиръ къ Франчискьелю,—не впадайте въ крайности. Получить деньги всегда хорошо, хотя бы потому, что ихъ можно давать нуждающимся. Вы хотите отказаться отъ отцовскаго имущества,—противъ этого я ничего говорить не стану; но отказываться отъ наслѣдства, оставшагося послѣ вашей матушки, вы не имѣете рѣшительно никакого основанія, а его тоже болѣе трехсотъ тысячъ франковъ, по счету дона Руфа, на который можно, кажется, вполнѣ положиться. Это все-таки хорошій кушъ для двадцатилѣтняго молодого человѣка.

— Такъ вы хотите, чтобы деньги его отца достались дядямъ... мерзавцамъ и ворамъ?—воскликнулъ донъ Руфъ.

— Что же, дурно нажитое пусть къ дурнымъ и идетъ,—отвѣчалъ банкиръ.

— Дяди и скажутъ, что ихъ племянникъ—идіотъ!

— О Сократѣ то же думали.

Франчискьель нашелъ, что банкиръ правъ, и донъ Руфъ сѣлъ въ кароццелу въ такомъ неистовствѣ, что началъ громить не только Эмиля Ожье и Октава Фелье, но добрался до самого Плутарха.

— Онъ... онъ всему злу корень! — кричалъ натуралистъ такъ громко, что прохожіе останавливались и вслушивались, любопытствуя узнать, за что этотъ пожилой господинъ такъ бранитъ красиваго юношу. Большинство мнѣній склонялось къ тому предположенію, что Франчискьель что-нибудь натворилъ и что папаша или дядюшка задаетъ ему головомойку. «Бѣдняжка!»—говорили женщины.

Въ концѣ улицы, между двумя ресторанами, донъ Руфъ, не переставшій всячески поносить Плутарха, увидалъ квестора и приказалъ кучеру остановиться. Квесторъ тоже остановилъ свою коляску и они обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Вы были правы сегодня утромъ, — міръ совсѣмъ не союзъ негодяевъ противъ честныхъ людей.

— Что же онъ такое?

— Союзъ мерзавцевъ противъ безумныхъ.

— А что же, по вашему мнѣнію, дѣлаютъ безумные мерзавцы?

— Объ этомъ я не подумалъ.

— То-то... А вѣдь таковъ-то и есть весь міръ.

Пока донъ Руфъ и квесторъ, загородивши своими колясками улицу, обмѣнивались пессимистскими мыслями, другіе экипажи принуждены были остановиться и скучиться. Произошла настоящая чепуха: лошади ржали, топали ногами, вертѣли хвостами; кучера ругались и стегали другъ друга бичами; пѣшеходы, сбитые на узкій тротуаръ, не могли перейти черезъ улицу; женщины визжали отъ страха; высыпавшая на балконы публика помирала со смѣху; жулики опоражнивали карманы; одинъ талантливый писатель очутился посреди улицы между двумя колясками и слышалъ разговоръ дона Руфа съ квесторомъ. Сумятоха длилась двадцать пять минутъ; бранились и кричали много, а съ мѣста не двигались.

«Таковы всегда послѣдствія пессимистскихъ идей, — подумалъ писатель.—Ничего иного онѣ не производятъ».

XII.

Второй экспериментъ.

Франчискьель настоялъ на своемъ. Семейный совѣтъ, при участіи дона Руфа, назначеннаго по его требованію опекуномъ, порѣшилъ, что деньги матери перейдутъ въ собственность молодого человѣка по достиженіи имъ совершеннолѣтія, а состояніе отца достанется дядямъ. Вопреки предсказаніямъ дона Руфа, дяди не сочли своего юнаго племянника идіотомъ,—напротивъ, они не находили словъ для его восхваленія. Мало того, служившій сыщикомъ при полиціи почувствовалъ угрызеніе совѣсти: отъ денегъ онъ не отказался, но за то отказался отъ этой службы и предался благочестію; къ тому же онъ боялся скоропостижной смерти и пускалъ себѣ кровь два раза въ годъ, весною и осенью. Впослѣдствіи онъ умеръ настоящимъ христіаниномъ, завѣщавши бѣднымъ все свое состояніе. Много ли изъ него досталось бѣднякамъ, я не знаю.

Франчискьель же купилъ маленькій домикъ на холмѣ, съ конюшнею и лугомъ для Чичиля, котораго онъ не захотѣлъ продать, и прекрасно сдѣлалъ. Къ этому домику можно было до-

браться только по очень крутой тропинкѣ; по ней погонщики ословъ отказывались возить сѣдоковъ. Поэтому донъ Руфъ никогда и не былъ у Франчискьеля; въ дѣлѣ передвиженія собственной особы онъ былъ совсѣмъ не натуралистомъ и крѣпко увѣрялъ въ томъ, что человѣку даны сгибающіяся ноги, очевидно, для того, чтобъ удобно было сидѣть. Поэтому онъ не бывалъ почти ни у кого изъ знакомыхъ и видался съ ними въ кофейной, гдѣ проводилъ по четыре часа каждый Божій день и аккуратно выпивалъ по стакану воды.

По водвореніи въ новомъ жилищѣ, жизнь Франчискьеля сложилась сама собой. Вставши рано, по старой привычкѣ, онъ отправлялся въ однихъ панталонахъ и босикомъ въ стойло Чичиля, велъ его на лужокъ и дружески чистилъ. Потомъ старые товарищи направлялись вмѣстѣ къ колодцу: Франчискьель умывался, Чичиль пилъ. Колодецъ былъ глубокъ, за то въ немъ была вода даже лѣтомъ; доставать ведромъ воду изъ такой глубины—вещь полезная для здоровья. Послѣ моціона друзья завтракали—одинъ травой, другой фруктами, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Неаполѣ; даже зимой есть апельсины. Затѣмъ Франчискьель одѣвался, садился верхомъ на неосѣдланнаго Чичиля и отправлялся въ городъ; Чичиль возвращался домой одинъ. Ровно въ два часа Франчискьель обѣдалъ въ трактирѣ и шелъ въ кофейную; тамъ уже засѣдалъ донъ Руфъ. Натуралистъ очень любилъ молодого человѣка и возлагалъ на него большія надежды. Самъ онъ былъ слишкомъ лѣнивъ и быть-можетъ нѣсколько старъ для того, чтобъ экспериментировать собственною особой, и потому очень доволенъ былъ имѣть подъ руками юношу, могущаго снабжать его человѣческими документами. Ради этого онъ постоянно побуждалъ молодого человѣка производить эксперименты. Надо сказать правду, Франчискьель былъ далеко не прочь удовлетворить желанія своего опекуна.

При всѣхъ хорошихъ и извѣстныхъ уже читателю качествахъ, Франчискьелю недоставало устойчивости,—онъ готовъ былъ вертѣться, куда вѣтеръ дуетъ: съ банкиромъ, человѣкомъ строгой честности, онъ увлекался добродѣтелью; еслибъ онъ познакомился съ докторомъ Шарфомъ, то сталъ бы возиться съ микроскопомъ и микробами, а съ аббатомъ Симплиціемъ сталъ бы каждое утро звонить въ колокольчикъ, помогая служить мессу. Но съ ними онъ знакомъ не былъ, видалъ только дона Руфа, восхищался его разсказами и мысленно грызъ яблочко искушенія. Подаренный

англичанином томъ Альфреда де-Мюссе былъ замѣненъ книжками, данными опекуномъ и учителемъ. Вначалѣ онѣ казались ему скучными, какъ въ былое время Маріанинѣ; потомъ, подобно ей же, вошелъ во вкусъ и Франчискьель. Чичиль былъ этимъ очень недоволенъ: за книжкою съ желтой обертной хозяинъ забывалъ стараго пріятеля; прекратились прогулки по крутымъ горнымъ тропинкамъ, игры и возня на мягкой, зеленой травѣ; даже щетка и скребница не каждый день дѣлали свое обычное дѣло. Какъ ни заигрывалъ съ нимъ осликъ, какъ ни ласкался къ нему, Франчискьель не отрывалъ глазъ отъ печатныхъ страницъ, перевертывая ихъ съ лихорадочною дрожью. Разъ даже, когда Чичиль попыталъ отвлечь его отъ чтенія и напомнить о себѣ, просунувши голову между его лицомъ и книжкой, Франчискьель оттолкнулъ пріятеля и ушелъ въ домъ. Чичиль не зналъ, что именно въ эту самую минуту авторъ введилъ читателя въ отдѣльный нумеръ ресторана, гдѣ должны были произойти разныя такія вещи... Франчискьель убѣжалъ, запершись въ своей комнатѣ и потомъ вышелъ изъ нея съ пылающимъ лицомъ.

— Учитель,—сказалъ онъ разъ дону Руфу,—мнѣ кажется, что наконецъ навертывается экспериментъ.

— Ага! Наконецъ-то... Разсказывай скорѣй.

Они были въ кофейной.

— Только не здѣсь... Пойдемте подъ портикъ Сенъ-Франсуа де-Поль.

— Съ чего же это ты взялъ, что я пойду въ такую даль?

— Всего пятьдесятъ шаговъ.

— Слѣдовательно, ровно сорокъ пять лишнихъ. Возьмемъ экипажъ.

— Насъ можетъ услыхать кучеръ... Ни за что въ мірѣ!

Франчискьель, вообще очень покладистый малый, былъ иногда непреодолимо упрямъ, какъ уже читателю извѣстно. Донъ Руфъ оказался вынужденнымъ пройти лишнихъ сорокъ пять шаговъ; но далѣе церкви не пошелъ и тамъ, сидя на скамейкѣ, выслушалъ повѣствованіе Франчискьеля.

— Сегодня утромъ верхомъ на Чичилѣ я спускался отъ себя. Вы у меня никогда не были и не знаете дороги,—крутая и не ровная, какъ подъемъ на Везувій. Чичиль былъ веселъ и скакалъ галопомъ. На другомъ ослѣ я бы не рѣшился спускаться вскачь, но мой Чичиль никогда не спотыкался подо мной и

не падалъ. Я былъ тоже въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Мы уже были болѣе чѣмъ на половинѣ спуска, вдругъ...

Въ эту минуту ударили въ колоколъ къ вечерни. Франчискьель смолкъ и набожно перекрестился; перекрестился и донъ Руфъ безсознательнымъ движеніемъ. Молчаніе длилось двадцать секундъ.

— Ну, что же вдругъ?—спросилъ донъ Руфъ.

— Вдругъ сверху раздался крикъ; я поднялъ голову и на террасѣ надъ длинной-предлинной стѣной увидалъ...

— Женщину?

— Да.

— Полную?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Это необходимо первымъ дѣломъ замѣтить. Что же ты сдѣлалъ?

— Чичиль скакалъ во весь опоръ, и такъ какъ на немъ не было ни узды, ни недоуздка, то я и не могъ его остановить. Я спрыгнулъ съ него, но уже поздно, — когда вернулся къ тому же мѣсту, женщины уже не было...

— Ну, и что же дальше?

— Ничего... Все.

— О, святая простота!—воскликнулъ донъ Руфъ, поднимая руки къ небу. — Ты встрѣчаешь женщину, съ перваго взгляда производишь на нее сильное впечатлѣніе.. Это ясно, такъ какъ она испугалась,—за тебя испугалась. И послѣ этого ты не идешь къ ней, не говоришь ей: «сударыня!...» О, еслибъ я былъ на твоемъ мѣстѣ!

Еслибы донъ Руфъ былъ на его мѣстѣ, то ровно ничего бы не произошло: стѣна была высока, а подъемъ слишкомъ крутъ для ногъ натуралиста.

На слѣдующій день Франчискьель въ тотъ же часъ прошелъ пѣшкомъ подъ террасой; Чичиль, очень удивленный такимъ новшествомъ, слѣдовалъ за нимъ, какъ собака. На террасѣ никого не было; только подъ нею валялась роза, вѣроятно упавшая сверху. Онъ сообщилъ объ этомъ дону Руфу.

— Ты счастливѣе, чѣмъ того заслуживаешь,—сказалъ наставникъ.—Теперь обратимся къ подробностямъ. Кто она? Что дѣлаетъ мужъ? Ознакомился ли ты съ планомъ дома? Достаточно ли тщательно осмотрѣлъ лѣстницу? Въ лѣстницѣ все дѣло,—отъ

нея все зависитъ. Человѣкъ, изучившій всѣ закоулки лѣстницы, можетъ считать побѣду обезпеченною.

Увы, Франчискьель не имѣлъ никакого понятія о лѣстницѣ, съ планомъ дома не ознакомился и не зналъ даже, замужемъ она или нѣтъ.

— Эхъ, ты дѣвчонка, дѣвчонка!—воскликнулъ донъ Руфъ.— Не смѣй мнѣ на глаза показываться, не разузнавши всего. Понимаешь?

Цѣлую недѣлю Франчискьель не показывался ему на глаза; опекунъ началъ безпокоиться и раскаиваться въ своей рѣзкости. Онъ сильно привязался къ ученику, котораго началъ развивать, и притомъ скучалъ, такъ какъ это развиваніе занимало у него ежедневно часа по два. Появленіе юноши очень обрадовало дона Руфа.

— Ну,—встрѣтилъ онъ его,—что новаго?

— Пойдемте къ Сенъ-Франсуа де-Поль.

— Пойдемъ лучше къ Сенъ-Фернандо,—это ближе.

Когда они сѣли въ церкви, донъ Руфъ спросилъ:

— Ну, разсказывай. Все обдѣлалъ?

— Все кончено,—грустно отвѣтилъ Франчискьель.

— Какъ кончено?... Поссорились? Успѣли уже?

— Мы ошиблись. Во-первыхъ, нѣтъ никакого мужа... Эта молодая женщина—дѣвушка...

— Ну, такъ что же?

— Честная дѣвушка...

— Тѣмъ лучше!

— Невинная, какъ новорожденный младенецъ...

— Слыхали мы эту музыку. Нынѣшнія дѣвушки—это ангелы, готовые моментально превратиться въ животныхъ; это продуктъ безумной литературы, дѣлающей ихъ идеаломъ невѣдѣнія, квинтъ-эссенціей стыдливости и скромности. Лирическія бредни въ настоящемъ, скачокъ въ неизвѣстное впереди... Дико, безсмысленно! Не то нужно для нашихъ дочерей. Показывайте имъ жизнь, какова она есть въ дѣйствительности, вводите ихъ какъ можно раньше въ реализмъ этой жизни, воспитывайте ихъ для насъ и для тѣхъ условій, въ которыхъ имъ предстоитъ жить,— тогда вы сдѣлаете похвальное дѣло!

Донъ Руфъ воодушевился и немного возвысилъ голосъ. Одна старушка обернулась, узнала его и кивнула головою съ лукавой улыбкой.

— Этого еще не доставало!—проворчалъ сквозь зубы донъ Руфъ.—Пойдетъ теперь благовѣстить, что видѣла меня въ церкви! Завтра же дойдетъ до ханжи Симплиція,—станетъ подтрунивать!..

Онъ тотчасъ же вышелъ изъ церкви и заставилъ Франчискьеля сѣсть въ экипажъ.

— Мы будемъ говорить по-французски, — сказалъ онъ. — Кучеръ не пойметъ.

До Музея нѣтъ возможности говорить отъ грома тысячи колесъ, снующихъ по Толедской улицѣ. Разговоръ возобновился лишь при подъемѣ въ гору, когда лошадь пошла шагомъ.

— Почему ты знаешь, что эта дѣвушка—ангелъ?—спросилъ донъ Руфъ.—Видѣлъ ты ее по крайней мѣрѣ? Какъ ее зовутъ?

— Терезиной.

— Полная, брюнетка, блондинка?

— Рыжая.

— Не болѣе пятнадцати лѣтъ, если она такъ невинна, какъ ты говоришь?

— Восемнадцать.

Франчискьель все навралъ, отъ слова до слова. Изъ-за того ли, чтобы лишить натуралиста возможности слѣдить за нимъ, изъ-за желанія ли скрыть отъ посторонняго образъ своей красавицы и одному любоваться имъ, не извѣстно. Мы же можемъ сказать всю правду. Проходя поутру мимо террасы, бывшій погонщикъ увидалъ опять незнакомку, побѣдившую его сердце, благодаря дону Руфу. Она сидѣла на парапетѣ и держала въ рукахъ книгу съ золоченымъ обрѣзомъ; на этотъ разъ Франчискьель разсмотрѣлъ хорошенькій смуглый профиль, волны черныхъ волосъ, падающихъ на плечи, нѣжную, тоненькую ручку. Лучъ солнца пробивался сквозь листву, игралъ на золоченьи переплета, скользилъ по блестящимъ волосамъ дѣвушки, яркою звѣздой горѣлъ надъ ея лбомъ. Франчискьель засмотрѣлся, затаивши дыханіе, боясь вздохомъ разогнать видѣніе. На землю его возвратилъ легкій толчокъ рогами: это коза сходила съ горы и приглашала его, по-своему, не загораживать ей дорогу. Въ то же время хозяинъ козы прошепталъ ему на ухо:

— Другъ, напрасно время тратишь,—не про тебя эта краля.

Франчискьель сильно покраснѣлъ, сконфуженный тѣмъ, что его застали врасплохъ; потомъ онъ пошелъ за хозяиномъ козы и догналъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается мостовая.

— Нельзя ли узнать, почему она не для меня?

— Потому, что ты былъ *ciuciare* (погонщикъ ословъ), — отвѣтилъ тотъ. — Ты слишкомъ долго держался за хвостъ осла. У тебя на рукахъ осталось пятно, и его не спрячешь никакими перчатками.

— Вы знаете эту особу?

— И да, и нѣтъ. Я никогда не говорилъ съ нею, но ихъ привратница покупаетъ у меня молоко. Нельзя же не поговорить немножко, пока я дою козъ. Домъ этотъ—полумонастырь; въ немъ монахини француженки содержатъ школу и пансіонъ; плата высокая—дукатовъ тысячу въ годъ. Вотъ ты и пойми, что отданныя сюда дѣвицы—*roba grossa* (дорогая дичь). Нашъ братъ, идя на рынокъ, къ такой не прицѣняется, а покупаетъ кролика.

— Стало-быть та, что тамъ сидѣла, изъ знатныхъ?—грустно спросилъ Франчискьель.

— *Cachpt!*—отвѣтилъ молочникъ непереводимымъ неаполитанскимъ восклицаніемъ.

— Не знаешь ли, по крайней мѣрѣ, какъ ее зовутъ, кто ея отецъ?

— Этого не знаю. Но если ты дашь мнѣ одинъ *mozzone* (окурокъ сигары), я узнаю завтра.

Франчискьель досталъ портмоне и вынулъ кредитный билетъ въ десять су. Его собесѣдникъ взялъ билетъ и снялъ шапку, говоря:

— Вашъ слуга, ваше сіятельство.

На слѣдующій день, въ ожиданіи козы, проходившей всегда въ одинъ и тотъ же часъ, Франчискьель сидѣлъ у своихъ дверей и пытался убить время чтеніемъ одной изъ книжекъ, данныхъ ему домомъ Руфомъ. Онъ не выдержалъ и трехъ страницъ и съ отвращеніемъ швырнулъ ее прочь. Чичиль, давно уже злобствовавшій на эти связки бумаги въ желтыхъ обертках, схватилъ книгу зубами и съ наслажденіемъ началъ ее грызть, трепать и топтать ногами. Наконецъ прошла коза, а за нею ея хозяинъ.

— Имени отца не знаютъ,—онъ не оставилъ своего адреса и записалъ дочь подъ вымышленнымъ именемъ; самъ бываетъ изрѣдка,—повидимому, скрывается. Предполагаютъ, что это какой-нибудь изъ бурбонскихъ принцевъ; во всякомъ случаѣ это человѣкъ очень знатный. А красавицу синьорину зовутъ Роменой.

Франчискьель опустилъ голову, счелъ свою мечту погибшею и въ тотъ же день пошелъ подѣлиться горемъ съ домомъ Руфомъ.

— Но почему же ты думаешь, что все кончено?—спросилъ натуралистъ, когда они съѣхали съ мостовой.

— Потому, что ея отецъ знатный баринъ, а я былъ погонщикомъ ословъ.

— Люди всѣ равны... Рожденіе—не достоинство, не... —Донъ Руфъ не договорилъ потому, что въ Батиньолѣ ему запретили произносить слово «добродѣтель», какъ выраженіе устарѣлое.

— Я никогда не буду имѣть возможности жениться на ней,— вздохнулъ Франчискьель.

— Жениться! Вотъ штуку выдумалъ... тебѣ жениться! Что это—опять припадокъ сентиментализма?... Monsieur Артуръ предложилъ руку и сердце mademoiselle Жюли, ихъ бракъ былъ счастливъ и у нихъ было много дѣтей... Жениться тебѣ, моему ученику, моему сыну по духу,—да ты съ ума сошелъ!...

Рѣчь шла объ *Ponti rotti* или *Ponti rossi* (сломанный мостъ или красный мостъ): это—нѣсколько уцѣлѣвшихъ арокъ римскаго водопровода, мѣсто мало посѣщаемое публикою. Франчискьель, увѣренный, что тутъ его никто не увидитъ, залился слезами.

— Что съ тобою?—спросилъ донъ Руфъ.

— Я былъ погонщикомъ ословъ... Мой отецъ... — Бѣдный малый не могъ договорить.

— Ну, ну, перестань, другъ мой! Надо быть разсудительнымъ. Ты былъ погонщикомъ, это ничего не значитъ,—нѣтъ позорнаго ремесла. Теперь у тебя есть состояніе,—по крайней мѣрѣ, такое, что можешь жить безъ нужды; ты могъ бы имѣть и втрое больше, еслибы не сдѣлалъ огромной глупости, отказавшись отъ отцовскаго капитала. Но оставимъ это. Что же касается твоего отца, то надо быть совершенно изуродованнымъ романтикомъ, чтобы думать, будто въ дѣйствительности безчестность отца можетъ въ наше время въ какомъ бы то ни было видѣ отразиться на сынѣ. Это чисто жидовскій взглядъ; а мнимая необходимость жертвами и героизмомъ возстановлять честность болѣе или менѣе опозореннаго имени встрѣчается только въ идеалистскихъ романахъ. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не бываетъ, и быть не можетъ, по той простой причинѣ, что нѣтъ именъ неопозоренныхъ. Всѣ эти жертвы выдуманы и поддерживались сумасшедшими, доведенными до безумія мистицизмомъ. Теперь же на эту штуку-ничего не поддѣнешь. Все повинуется великому принципу борьбы за существованіе. Не съѣшь ты меня, такъ я тебя

съѣмъ,—внѣ этого нѣтъ спасенія. Что же касается героизма, то со времени усовершенствованія артиллеріи о немъ нѣтъ помина даже на войнѣ. Несмотря на сдѣланную тобой глупость, у тебя все-таки есть настолько, чтобъ обѣдать каждый день и даже, если захочешь, можешь обѣдать вдвоемъ. Черезъ нѣсколько дней ты будешь совершеннолѣтнимъ и, по словамъ банкира, будешь получать пятнадцать тысячъ франковъ въ годъ. О чемъ же плакать? Передъ тобой лежитъ широкая дорога. Если же тебѣ гвоздемъ засѣла въ голову архибезумная идея непремѣнно жениться, то ты найдешь не одну, а сотню невѣстъ даже въ самыхъ лучшихъ домахъ, несмотря на свое прошлое и на прошлое твоей семьи. Да я бы самъ, напримѣръ, будь у меня дочь,—къ сожалѣнію, у меня нѣтъ дочери,—я бы самъ за честь для себя счелъ отдать ее за тебя.

Донъ Руфъ нѣсколько далеко зашелъ, принимая на себя такое обязательство; впрочемъ, всѣ натуралисты далеко заходятъ. Но на этотъ разъ не пришлось раскаиваться въ добрыхъ чувствахъ, подсказавшихъ ему эти неосторожныя слова. Франчискьель кинулся ему на шею на площади Кармелитовъ, полной народа, и горячо поцѣловалъ его. На это никто не обратилъ вниманія,—въ Неаполѣ очень часто обнимаются и цѣлуются при публикѣ, по крайней мѣрѣ мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами; женщины съ мужчинами никогда не цѣлуются, по крайней мѣрѣ, при публикѣ.

— Въ какомъ же теперь положеніи ваши дѣла?—спросилъ донъ Руфъ.—Что Терезина?

— Какая Терезина?

— Ты ужъ и имя забылъ?

— Ахъ, виноватъ... Я такъ разсѣянъ. Вы спрашиваете, какъ дѣла?—Пока никакъ,—я еще не говорилъ съ нею и видѣлъ всего одинъ разъ. Добраться до нея нѣтъ никакой возможности.

— Да она у кого живетъ?

— Живетъ она... Живетъ въ домѣ, который хорошо сторожатъ. Туда и чортъ не проберется. Просто ничего не подѣлаешь.

— Терраса-то, на которой ты ее видѣлъ, далеко отъ дома?

— Какъ отсюда до той бригантины на якорѣ.

— Метровъ сотня,—соображалъ донъ Руфъ.—А противъ террасы, по другую сторону дороги, что такое?

— Тамъ каменная стѣна и группа лимонныхъ деревьевъ.

— Стало-быть нѣчто вродѣ деревенскаго сада?... Постарайся туда пробраться.

— Если нужно, то постараюсь.

— Постараюсь, постараюсь... Не говори ты мнѣ такихъ глупостей!—возразилъ донъ Руфъ, хорошо знавшій счетъ и цѣну деньгамъ.—Дашь на водку привратнику или садовнику, такъ проберешься куда угодно. Если сами хозяева живутъ, познакомься съ ними; если собака есть, прикорми ее хлѣбомъ.

— Понялъ! — воскликнулъ Франчискьель и бросилъ вверхъ свою шляпу.

XIII.

Продолженіе эксперимента.

Судьба покровительствуетъ влюбленнымъ. Усадьба, находившаяся черезъ дорогу противъ монастырской стѣны съ террасою, представляла собою лугъ, заросшій деревьями и виноградникомъ, нѣчто вродѣ заднчалаго сада. Державшій ее въ арендѣ крестьянинъ приходилъ изрѣдка косить траву и обирать плоды. Онъ не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, когда Франчискьель попросилъ позволенія прогуливаться въ его саду, и добродушно отвѣтилъ:

— На здоровье.

Но, разобравши, что Франчискьель одѣтъ бариномъ, спросилъ, для чего ему это нужно.

— Чтобы ѣсть свѣжіе лимоны,—сказалъ Франчискьель.

— Въ такомъ случаѣ вы мнѣ будете платить пять су въ день.

— Я дамъ тебѣ десять.

Крестьянинъ пожалѣлъ, что не запросилъ двадцать. Торгъ былъ заключенъ и на слѣдующій день Франчискьель до подробности осмотрѣлъ усадьбу, заросшую лимонникомъ. Пробравшись сквозь чащу, онъ залѣзъ на стѣну и сразу понялъ неудобство такого обсерваціоннаго пункта. Правда, со стѣны, какъ на ладонѣ, видны были терраса, садъ, длинная аллея, ведущая во дворъ, часть монастырскаго двора и съ дюжину оконъ; но и съ другой стороны—съ террасы, изъ сада, аллеи, двора и оконъ—можно было и его видѣть. Онъ поспѣшно соскочилъ со стѣны и, не долго думая, началъ прокапывать отверстіе въ стѣнѣ; безъ

инструмента это было не легко. На счастью, крестьянинъ, арендовавшій усадьбу, оказался человѣкомъ любопытнымъ и ходилъ босикомъ, что дало ему возможность подкрасться незамѣченнымъ къ Франчискьелю.

— Э, синьоръ, что это вы дѣлаете?

— Дыру дѣлаю...

— Это стоитъ двадцать су въ день.

— Ладно, двадцать—такъ двадцать, только съ двумя условіями: во-первыхъ, ты вынешь вотъ этотъ камень изъ стѣны, а во-вторыхъ—носа своего показывать не будешь, пока я здѣсь.

Камень былъ вынутъ въ одну минуту и крестьянинъ, очень довольный нежданнымъ доходомъ, счелъ удобнымъ ни о чемъ не распрашивать.

Молодой человѣкъ, дающій по двадцати су въ день и расплачивающійся наличными, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ; по всей вѣроятности, все дѣло въ томъ, что нужно кого-нибудь подкараулить и подстрѣлить изъ-за ревности...

«Мое дѣло сторона,—подумалъ крестьянинъ,—и нечего въ чужіе счеты путаться».

Франчискьель остался очень доволенъ: черезъ отверстіе въ стѣнѣ онъ могъ все видѣть, самъ оставаясь незамѣченнымъ. До вечера онъ не отрывалъ глазъ отъ этого отверстія и не видалъ Ромены,—во весь день она не показывалась ни на террасѣ, ни въ саду. Но за то на другой день онъ могъ не только видѣть ее изъ своей похоронки, но и слышать ея голосъ. Рано утромъ она вышла въ садъ и съ книгой въ рукахъ сѣла на террасѣ. Скоро пришла монахиня и оторвала ее отъ чтенія.

— Что это за книга у тебя, Ромена?

— Житія святыхъ.

— Прекрасная книга... Только не слѣдуетъ ею увлекаться и зачитываться. Конечно, въ давноминувшія времена были и святые, и мученики, рисковавшіе и жертвовавшіе жизнью за вѣру, теперь же ни рисковать, ни жертвовать ничѣмъ не приходится,—правительство никого не преслѣдуетъ и самое большее—если поддразниваетъ изрѣдка. Кто вздумалъ бы нынче добиваться мученичества, тотъ напрасно потерялъ бы время, которое можно употребить съ большею пользою на настоящее дѣло. Посмотри, сколько камней въ этихъ клумбахъ, сколько сорной травы. Надо ихъ выбрать. Кромѣ того, пора сѣять длинную редиску. Пойдемъ-ка, Ромена!

Дѣвушка тотчасъ же положила книгу и принялась за работу. Какъ она была обворожительна, какъ мила и граціозна! Франчискьель не спускалъ съ нея глазъ, упиваясь звукомъ ея голоса. По временамъ ихъ раздѣляло разстояніе не болѣе десяти шаговъ. Такъ онъ день за день узналъ всѣ подробности ея интимной жизни, ея вкусы. Она любила красные цвѣты, любила втыкать ихъ въ свои черные, какъ ночь, волосы, много читала, что не нравилось матушкѣ-Розаліи. Разъ, болѣе веселая, чѣмъ обыкновенно, она побѣжала ей навстрѣчу и радостно сказала:

— Матушка, знаете, мнѣ сегодня минуло пятнадцать лѣтъ.

«А мнѣ двадцать одинъ... Какъ бы хорошо-то!...»—подумалъ Франчискьель и припомнилъ почти забытые стихи Мюссе. Только-что ушла Ромена, онъ побѣжалъ домой, разыскалъ давно заброшенную книжку и съ сладкимъ трепетомъ прочелъ:

«Une enfant de quinze ans, presque une jeune femme;
Rien n'est encor formé dans cet être charmant:
Le petit chérubin qui veille sur son ame
Doute s'il est son frère ou s'il est son amant;
Ses longs cheveux épars la couvrent tout entière,
La croi de son collier brille encor dans sa main,
Comme pour témoigner qu'elle a fait sa prière
Et qu'elle va la faire en s'éveillant demain!»

— О, это она!—вскричалъ влюбленный юноша.—Поэтъ ее видѣлъ!

Ромена въ самомъ дѣлѣ распускала по плечамъ свои длинные волосы и часто держала въ рукахъ крестикъ своихъ четокъ. Франчискьель прочелъ дальше:

«Quinze ans!... O Roméo, l'âge, de Juliette!
L'âge où vous vous aimez!...» и т. д.

Повторяя на память эти строфы, Франчискьель побѣжалъ въ городъ и, забывши пообѣдать, вскочилъ въ лодку у Санта Лучіа. Лодочникъ предложилъ ему свои услуги.

— Благодарю,—сказалъ молодой человѣкъ,—я поѣду одинъ.

Между тѣмъ донъ Руфъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ученикъ подолгу не является къ нему съ отчетомъ и, повидимому, не все разсказываетъ; да и то, что онъ говоритъ, очевидно, неправдоподобно. Какъ допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы малый въ двадцать одинъ годъ удовольствовался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ какимъ-то нѣмымъ созерцаніемъ издали? Что

же, у него вода, что ли, течетъ въ жилахъ? Прикащикъ модпаго магазина, о которомъ онъ слышалъ въ Битиньолѣ, велъ свои дѣла бойчѣе. Потомъ замѣчались явныя противорѣчія: разъ Франчискьель совсѣмъ сбился и вмѣсто Терезы сказалъ Ромена, потомъ поправился прежде, чѣмъ разслыхалъ донъ Руфъ:

— То-есть изъ Рима,—прибавилъ онъ краснѣя.

— Что такое?... Кто изъ Рима?

— Она, она...—пробормоталъ молодой человѣкъ.—Я, видите ли, не сказалъ вамъ... Она изъ Рима.

— Такъ стало-быть ея отецъ не принцъ бурбонскій?

— Нѣтъ, нѣтъ... Хозяинъ козы меня обманулъ.

Франчискьель совсѣмъ зарапортовался и самъ не зналъ, что говоритъ.

— Отецъ ея не бурбонскій принцъ и она римлянка... Да кто же она, наконецъ?

— Она... дочь кардинала!

Донъ Руфъ расхохотался до слезъ и успокоился. Папаша кардиналъ ничуть не показался ему невѣроятнымъ и даже не мало его утѣшилъ; но вслѣдъ затѣмъ Франчискьель, боясь еще проболтаться, цѣлую недѣлю глазъ не показывалъ.

По четвергамъ пансіонерки играли обыкновенно въ саду послѣ обѣда. Въ эти дни Франчискьель не отходилъ отъ своей обсерваторіи. Въ рѣзвыхъ играхъ проявилась вся грація, вся прелесть античной нимфы, съ которыми Ромена убѣгала отъ подругъ, пріостанавливалась, выжидала ихъ, увертывалась и опять опережала всѣхъ. Въ одинъ прекрасный, но несчастный день она не принимала участія въ играхъ подругъ, а прошла нѣсколько шаговъ съ какимъ-то господиномъ, который скоро запыхался и сѣлъ. Читатель узналъ дона Руфа. Чтобы не вскрикнуть, Франчискьель забилъ себѣ въ ротъ весь носовой платокъ. Молодая дѣвушка и старый натуралистъ сидѣли далеко, у самаго дома, — онъ ни за что въ мірѣ не дошелъ бы до террасы. Не было возможности разслышать ни одного слова изъ ихъ разговора, но нельзя было не видѣть самой возмутительной короткости: сидятъ рука въ ручку, нѣжно улыбаются другъ другу, онъ гладитъ рукой ея чудные волосы...

«Во всякомъ случаѣ онъ не старъ еще!—разсуждалъ самъ съ собою Франчискьель.—Лѣтъ пятьдесятъ, не болѣе... Зачѣмъ его принесло сюда?»

Наконецъ донъ Руфъ всталъ и Ромена подставила ему лобъ для поцѣлуя. У Франчискьели въ глазахъ потемнѣло. Бѣднята не выдержалъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ двери пансіона. На бѣгу онъ шарилъ въ карманахъ. Ножа не было,—такая досада!... У подъѣзда онъ встрѣтилъ дона Руфа, готоваго сѣсть въ карету, и, ставши между нимъ и дверцей, рѣзко спросилъ:

— Вы зачѣмъ сюда попали?

Донъ Руфъ покраснѣлъ: его застали въ монастырѣ; этого факта отрицать было невозможно,—карета стоитъ у подъѣзда, и самъ онъ едва успѣлъ переступить порогъ. Атеистъ былъ пойманъ и уличенъ въ явномъ противорѣчіи поступковъ съ тѣми идеями, которыя онъ такъ громогласно проповѣдуетъ. Этимъ достаточно объяснилось негодованіе Франчискьели.

— Что вы здѣсь дѣлали?—повторилъ молодой человѣкъ внѣ себя отъ бѣшенства.

— Садись со мной,—сказалъ сконфуженный натуралистъ.— Есть вещи, о которыхъ неудобно разговаривать на улицѣ.

Усаживаясь въ карету и опуская сторы, донъ Руфъ успѣлъ сочинить отвѣтъ:

— Я долженъ тебѣ сказать, что у меня была сестра, очень благочестивая женщина. Послѣ ея смерти на моихъ рукахъ осталась ея дочь. Умирая, сестра взяла съ меня клятву, что я отдамъ дѣвочку на воспитаніе въ монастырь, гдѣ она и должна постричься въ монахини. Ты меня знаешь, я вѣдь ни во что не вѣрю,—понимаешь?— рѣшительно ни во что... Ну, я и не хотѣлъ быть участникомъ этого мерзкаго дѣла; но, съ другой стороны, долженъ былъ исполнить данное слово. Умирающимъ готовъ обѣщать все, что имъ угодно, а потомъ вотъ и кусаешь локоть, да не достанешь. Такъ вотъ я и придумалъ такой выходъ: я отдалъ дѣвочку на воспитаніе монахинямъ француженкамъ; онѣ, конечно, тоже святоши отчаянныя, но по крайней мѣрѣ не настолько дикія изувѣрки, чтобы насильно постричь дѣвушку... Вотъ почему изрѣдка, очень изрѣдка, я заѣзжаю въ этотъ притонъ ханжества... Но отступить отъ своихъ убѣжденій, измѣнить своему знамени—никогда!

— Такъ она ваша племянница?—сказалъ Франчискьель, довольный и счастливый такимъ объясненіемъ.

— Да, да, племянница... Я ѣзжу къ племянницѣ. Только, смотри, молчокъ объ этомъ: это, видишь ли, семейный секретъ. Лучше поговоримъ о тебѣ: какъ твои дѣла съ Терезиной?

— Мои дѣла все въ одномъ положеніи.

— Ахъ, ты, дѣвчонка, дѣвчонка! До сихъ поръ не пробрался къ ней?..

— Она постоянно съ матушкою...

— А, и мать здѣсь?... Это любовница-то кардинала?

Франчискьелю стало безконечно совѣстно такъ легкомысленно компрометировать репутацію доброй и милой бургиньонки, не сдѣлавшей ему ничего дурного.

— Да у тебя, пріятель, всѣ козыри въ рукахъ, — продолжалъ донъ Руфъ: — незаконная дочь, преступная мать, отецъ — духовное лицо... Яблочко не можетъ далеко упасть отъ яблони! Ты мнѣ сообщаешь человѣческіе документы самаго первѣйшаго сорта. Все это я занесу въ свою книгу. Ну, а мамаша-то, ни на минутку не оставляющая дочку, все-таки не должна быть образцомъ строгости... Навѣрное, она водитъ ее по праздникамъ въ церковь.

— Очень можетъ быть, — сказалъ Франчискьель.

Онъ дѣйствительно припомнилъ, что по воскресеньямъ Ромена не показывалась въ саду въ обычный часъ. Въ домѣ была часовня и каждое утро приходилъ туда священникъ. Но по праздникамъ дѣвочекъ все-таки водили въ церковь, отчасти чтобы развлечь прогулкою, а затѣмъ послушать прекрасную музыку и хорошую проповѣдь. Франчискьель нашелъ, что донъ Руфъ можетъ дать иногда добрый совѣтъ, и въ слѣдующее же воскресенье зашелъ въ лавку цирюльника, находившуюся противъ воротъ пансіона. Ждать пришлось не долго. Дверь монастыря отворилась и изъ нея стали выходить ученицы по двѣ въ рядъ, сначала маленькія, сбоку шла монахиня-надзирательница, потомъ побольше, ранжированныя по росту; послѣдними шли Ромена съ другою воспитанницей, совсѣмъ ее не стоившею; матушка-Розалія заключала шествіе. Франчискьель сказалъ цирюльнику, что зайдетъ послѣ, и послѣдовалъ за пансіонерками шагахъ въ двадцати разстоянія. Идти пришлось довольно далеко по разнымъ переулкамъ и закоулкамъ; наконецъ они добрались до стараго Неаполя и вошли въ очень темную церковь, изукрашенную мраморомъ, позолотою и живописью, которой не было возможности разсмотрѣть. Всѣ опустились на колѣни на холодныя мраморныя плиты. Ромена скоро почувствовала, что на нее кто-то смотритъ сзади; у нея даже сердечко вдругъ ёкнуло и забилось тревожно, а молитва на умъ не шла. Чтобъ избавить-

ся отъ волненія, она попробовала смотрѣть на мадонну въ пурпуровомъ платьѣ, усѣянномъ золотыми звѣздами; но яркій блескъ свѣчей, зажженныхъ на алтарѣ, заставилъ ее опустить глаза. Вся охваченная какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ, она ничего такъ не желала, какъ скорѣйшаго окончанія молитвы. Наконецъ матушка поднялась, за нею ученицы и монахини. Вставая съ колѣнъ, Ромена невольно оглянулась, и ея взглядъ встрѣтилъ въ сумракѣ церкви два глаза, болѣе блестящіе и яркіе, чѣмъ всѣ свѣчи, горящія на алтарѣ. «Это—онъ», подсказало ей сердце.

Кто онъ? Почему она его узнала? Дѣвушка видѣла, какъ счастливый юноша несся разъ утромъ на своемъ осликѣ по изрытой, крутой тропинкѣ; она вскрикнула и уронила цвѣтокъ, испугавшись за красиваго молодого человѣка, обреченнаго на вѣрную гибель, по ея мнѣнію; потомъ побѣжала къ матушкѣ и попросила послать къ нему на помощь. Привратница съ старымъ садовникомъ, приходившимъ исполнять тяжелыя работы, тотчасъ же отправились и дошли до мощеныхъ улицъ; никто по сосѣдству не видалъ ни молодого человѣка, ни разбившагося его ослика.

— Тебѣ просто представилось,—сказала матушка Роменѣ.—Вотъ что значитъ задумываться и мечтать.

«Навѣрное бѣдняжка упалъ въ какой-нибудь ровъ,—подумала молодая дѣвушка,—и тамъ погибъ. Я увѣрена въ этомъ».

И съ тѣхъ поръ не разъ передъ ея глазами проносилась безумная скачка, паденіе, ровъ, а въ немъ опрокинутый, блѣдный трупъ красиваго юноши; особливо ночью тревожили ее страшные сны, и она вскакивала въ страхѣ. Матушкѣ она ничего не говорила,—та стала бы надъ нею смѣяться; но по утрамъ, сидя на террасѣ, она часто отрывалась отъ книги и опускала голову, видя у своихъ ногъ, на тѣнистой, изрытой тропинкѣ бѣшено скачущаго всадника въ то время, какъ онъ въ десяти шагахъ смотрѣлъ на нее изъ своей похоронки въ чащѣ дикаго лимонника. Вотъ почему она очень обрадовалась и сильно смутилась, узнавши его въ церкви. Извѣстный проповѣдникъ, щеголявшій красивыми руками и изящными манерами, взошелъ на каѳедру и краснорѣчиво заговорилъ противъ тѣхъ, кто не ходилъ въ церковь.

«Такъ онъ не умеръ... Какое счастье!—думала Ромена.—Но почему же я его не видала съ той поры? Почему онъ пришелъ сегодня въ эту церковь? Почему онъ не спускалъ съ меня глазъ, пока я стояла на колѣнихъ?»

Между тѣмъ проповѣдникъ продолжалъ:

«Горе тѣмъ, кто не посѣщаетъ храма Божія и святому краснорѣчію служителей алтарей предпочитаетъ смѣхъ философа, внушаемый дьяволомъ, или кривлянія комедіанта! Горе имъ,—ихъ ждутъ вѣчныя муки. Но не менѣе виновны и тѣ, кто слышитъ слово Божіе и приноситъ съ собою подъ эти святые своды свои мірскія заботы, страсти, волненія и суету житейскую... Этимъ нѣтъ оправданія невѣдѣніемъ,—они смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не исполняютъ!...»

«Кто онъ?—думала Ромена.—Онъ очень красивъ, одѣтъ прилично,—навѣрное, хорошаго рода. А глаза-то!... Я чувствую, какъ они блестятъ сзади меня. Онъ долженъ быть очень смѣлъ. Какъ онъ беззаботно скакалъ тогда; я бы обѣими руками ухватилась за гриву осла и замерла бы отъ страха, а онъ еще махалъ шляпой и весело кричалъ: «гопъ, гопъ!» Къ тому же онъ, очевидно, благочестивый молодой человѣкъ, иначе онъ не пришелъ бы въ церковь, или, какъ другіе нынѣшніе молодые люди, проболталъ бы всю обѣдню и пошелъ бы потомъ прогуливаться по Толедской улицѣ съ лорнетомъ въ глазу. А онъ стоитъ у колонны и не двигается даже,—слушаетъ проповѣдь. Только что онъ все на меня смотритъ? Тогда онъ меня видѣлъ, конечно; я вскрикнула, онъ слышалъ и поднялъ голову. Неужели обратилъ вниманіе, думалъ обо мнѣ?... Глупости какія приходятъ мнѣ въ голову! Станетъ онъ думать о дѣвчонкѣ, очень ему нужно... Что я такое для него?—Бѣдная сирота... Мама, святая женщина, на небѣ теперь. Папа почти не видаетъ меня; я очень люблю его, но совсѣмъ не знаю. Миссъ Бессъ далеко... Нѣтъ у меня никого въ мірѣ, кромѣ матушки-Розаліи... Господи, что же это такое! Я распланалась... А священникъ тамъ говоритъ проповѣдь... Что онъ говоритъ?»

Онъ говорилъ:

«Вы всѣ смотрите на меня и какъ будто не пророните ни одного моего слова. Но ваши глаза лгутъ,—ваши мысли далеко отсюда. Вы, свѣтскія женщины,—вы вспоминаете веселье прошлаго бала; вы, завистницы,—вы и теперь заняты пересудами и злословіемъ; вы, равнодушныя, платите долгъ приличію, ради него жертвуете получасомъ скуки... Иныя пришли отъ бездѣлья, другія—чтобы послушать мою рѣчь и потомъ критиковать ее, судить того, кто поставленъ ихъ судить... А вы, матери семействъ, зачѣмъ привели своихъ разряженныхъ и расфранчен-

ныхъ дочерей?—Чтобы выставить на посмотръ,—прельстить богачей, которые бы могли повести ихъ къ алтарю...»

Ораторъ слегка клеветалъ на своихъ слушательницъ; всѣ женщины были въ восторгѣ; онѣ охотно бѣгутъ туда, гдѣ ихъ не щадятъ. Къ тому же ни одна изъ нихъ не приняла на свой счетъ словъ проповѣдника,—совсѣмъ напротивъ: каждая посматривала на кого-нибудь изъ знакомыхъ и съ сдержанною улыбочкой говорила про себя: «Вотъ это ей не въ бровь, а прямо въ глазъ!»

«О, еслибы Господь, изгнавшій торговцевъ изъ храма, вдругъ появился теперь передъ алтаремъ и воскликнулъ громовымъ голосомъ: «Выйдите изъ моего дома, который вы оскверняете!» Вы всѣ, сколько васъ тутъ ни есть, бѣжали бы объятыя ужасомъ: и ты—модница-плясавица, и ты—пришедшая отъ скуки убить время, и ты—завистница, и ты—пересудница, и ты—мать, приведшая свою дочь какъ на торжище, и ты—грѣшница, помыслы которой даже здѣсь, въ домѣ Божіемъ, посвящены любовнику...»

При этихъ словахъ холеная рука оратора, которой онъ плавно проводилъ по толпѣ, случайно указала на Ромену. Внѣ себя она приподнялась и обернулась, чтобы выбѣжать вонъ; но опять встрѣтилась съ взоромъ Франчискьеля, на этотъ разъ нѣжнымъ, какъ ласка, и, чуть не теряя сознанія, опустилась на скамью.

XIV.

Экспериментъ усложняется.

На слѣдующій день Ромена вышла на террасу позднѣе обыкновеннаго; она казалась утомленною и больною. Съ нею была мать-Розалія. Онѣ сѣли на парапетъ спиною къ лимоннику.

— О чемъ ты хотѣла поговорить?—спросила матушка.

— Я хотѣла сказать вамъ, что рѣшилась сдѣлаться монахиней.

Франчиньель сдѣлалъ движеніе, отъ котораго зашелестили вѣтви лимоннаго дерева; ему припомнилась сказка, выдуманная домомъ Руфомъ и которой онъ безусловно повѣрилъ. Увы, эта пятнадцатилѣтняя дѣвушка, повѣстница Жюльеты, замѣтила вчера его взглядъ въ полутемной церкви и вздрогнула,—онъ видѣлъ это; потомъ ихъ глаза встрѣтились во второй разъ и ея взоръ блеснулъ для него сладкою надеждой... И вдругъ она обречена

сдѣлаться монахиней! Донъ Руфъ, связанный клятвою, не можетъ ничему помѣшать. Во всемъ этомъ видна воля судьбы; дѣвушка, сама того не зная, роковымъ образомъ исполняетъ предсмертную волю матери. Франчискьель вынужденъ былъ ухватиться за вѣтви дерева, чтобы не упасть,—ему казалось, что подъ нимъ земля качается. На шумъ вѣтвей обѣ женщины оглянулись.

— Это вѣтеръ,—сказала монахиня.

Ромена дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Пойдемте отсюда,—сказала она.—Эти деревья насъ слушаютъ.

— Опять фантазія,—улыбнулась мать-Розалія.—Пойдемъ, пожалуй.

Франчиньель не слыхалъ, что онѣ потомъ говорили, и очень жаль, что не слыхалъ,—ихъ разговоръ, навѣрное, пришелся бы ему по душѣ.

— Ты хочешь быть монахиней?—говорила матушка-Розалія.—Въ такомъ случаѣ намъ придется разстаться. Твой отецъ взялъ съ меня слово, что никто здѣсь не станетъ говорить тебѣ о монашествѣ. Если ты будешь настаивать на своемъ желаніи, я буду вынуждена предупредить его и онъ возьметъ тебя къ себѣ.

Ромена вздрогнула. Ее испугала мысль жить съ этимъ незнакомымъ человѣкомъ, котораго она очень любила только издали,—вблизи отъ него такъ противно пахло табакомъ.

— Къ тому же подобныя рѣшенія не принимаются такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего,—продолжала Розалія.—Объ этомъ надо крѣпко подумать, а ты еще слишкомъ молода. Хотя ты набожна, но я не вижу въ тебѣ никакихъ признаковъ склонности къ монашеству.

— Я постараюсь быть на васъ похожею,—сказала Ромена.

— На меня ты никогда не будешь похожа, моя милая дѣвочка!... Ты слишкомъ любишь чтеніе. Я, видишь ли, деревенщина, родилась и выросла въ старомъ, полуразвалившемся замкѣ. Скучища была тамъ непроходимая. Мой отецъ, бѣдный дворянинъ, ничему меня не училъ; единственнымъ развлеченіемъ для меня было ходить въ поле съ женщинами и жать съ ними вмѣстѣ или срѣзать виноградъ. Меня и грамотѣ-то едва выучили. Кромѣ замужества или монастыря для меня не было другой дороги. Два или три фратика шлялись къ намъ въ замокъ, вертѣлись вокругъ меня, такъ какъ я, говорятъ, была недурна.

— А вамъ ни одинъ не нравился?

— По правдѣ сказать, ни одинъ... Мужчины слишкомъ глупы. Къ тому же хороша бы я была барыня въ большой гостиной, занятая реверансами, гримасами, да позами, да дурацкой болтовней съ дураками... Я выбрала монастырь потому, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно дѣло дѣлать. А ты слишкомъ любишь книги. Я знавала такихъ монахинь, какъ ты; онѣ только и дѣлали, что на небо смотрѣли и пальцемъ о пальцъ не ударили. Всѣ онѣ попадали къ намъ не прямымъ путемъ, а окольными дорогами, продѣлавши сперва всякія сумасбродства,—любовь, тамъ...

Ромена покраснѣла до корней волосъ.

— Да и ты-то сама,—сказала мать-Розалія, отъ зоркаго взгляда которой ничто не укрывалось,—у тебя тоже есть что-то въ сердечкѣ, кто-то затронулъ его... Да? Вчера въ церкви я кое-что примѣтила. Ну, разскажи, въ чемъ дѣло,—я увѣрена, что нѣтъ ничего дурного.

Ромена разсказала все безъ малѣйшей утайки, начиная съ скачки на ослѣ и кончая взглядами, обмѣненными въ церкви. Исторія эта показалась бургиньонкѣ очень смѣшной и очень глупою, какъ, впрочемъ, всѣ исторіи этого рода. Но она не высказала этого своей воспитанницѣ и даже не засмѣялась, хорошо зная, что чѣмъ исторія глупѣе, тѣмъ она увлекательнѣе дѣйствуетъ на молодыхъ дѣвушекъ, и что рѣзкости въ этихъ случаяхъ только портятъ дѣло. Таково было мнѣніе матери-Розаліи, вслухъ же она высказала такое заключеніе:

— Изъ-за этого еще не стоитъ идти въ монастырь... Но и увлекаться нѣтъ никакихъ поводовъ, дитя. Ты совсѣмъ не знаешь этого юношу; пока ты знаешь только, что онъ не боится скакать на ослѣ, а этого не достаточно, чтобы быть хорошимъ мужемъ. Если онъ тебя видѣлъ въ то утро, тѣмъ лучше для него; не, повидимому, ты не произвела на него особенно сильнаго впечатлѣнія, хотя ты и хорошенькая, иначе онъ уже не разъ прошелъ бы подъ террасою въ то время, когда ты сидишь на ней. Слѣдовательно, въ церкви онъ былъ не для тебя. Единственное въ чемъ я тебя виню — это въ томъ, что ты вообразила, будто онъ съ тебя глазъ не спускаетъ. Это маленькое самообольщеніе я тебѣ извиняю и, надѣюсь, ты отъ него остережешься въ другой разъ. А затѣмъ поцѣлуй меня и пойдемъ полоть цвѣтники.

«Цѣлуются... Значитъ—сговорились!—подумалъ Франческель.—Рѣшено, она будетъ монахиней. Ахъ, если бы зналъ донъ Руфъ!»

Онъ хотѣлъ тотчасъ же бѣжать — все разсказать ему, но такъ рано натуралистъ не бывалъ въ кофейной, а его адреса Франчискьель не зналъ. Чтобы какъ-нибудь убить время и разсѣять тоску, онъ пошелъ въ церковь, въ которой видѣлъ Ромену, сѣлъ на то мѣсто, гдѣ она сидѣла наканунѣ, и задумался... Да такъ и просидѣлъ до вечера, до тѣхъ поръ, пока сторожъ не попросилъ его уйти, чтобы запереть церковь. Онъ остался очень доволенъ, что не могъ ничего сказать дону Руфу; тотъ былъ способенъ отправиться въ пансіонъ и надѣлать шума. Пошли бы объясненія и тогда...

«Тогда,—подумалъ Франчискьель,—все бы разузналось и открылось бы мое подсматриванье. Что я за несчастный! Я краснѣлъ отъ шпіонства моего отца, а самъ-то я что дѣлаю?... Положимъ, безъ дурныхъ намѣреній, не причиняя никому зла...»

Онъ легъ въ постель, но отъ стыда и горя не могъ заснуть до зари. Проснувшись, онъ почувствовалъ сильный голодъ и побѣжалъ въ садъ, гдѣ уже начинали поспѣвать яблоки. Наканунѣ онъ рѣшился не подходить къ отверстію въ стѣнѣ, но, позавтракавши, все-таки не выдержалъ и подошелъ посмотрѣть, только успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что слушать не станетъ. Онъ ничего не видалъ; Ромена въ этотъ день не выходила, на слѣдующій день—тоже, на слѣдующій—тоже. Не больна ли? Это было въ четвергъ. Франчискьель, очень встревоженный, цѣлый день не отходилъ отъ стѣны и не спускалъ глазъ съ монастыря. Послѣ обѣда Ромена, по обыкновенію, вышла въ садъ и весело играла съ подругами, но не доходила до террасы. Ужь не вообразила ли, что въ самомъ дѣлѣ ее слушаютъ лимонныя деревья?

Бѣдняга Франчискьель каждое воскресенье просиживалъ цѣлое утро въ лавкѣ цирюльника, находившейся противъ пансіона, прочитывалъ газету *Pungolo* такъ усердно и внимательно, какъ того могутъ желать только редакторы, досиживалъ до того времени, когда въ монастырѣ раздавался звонокъ къ обѣду, и уходилъ домой, отчаявшись увидать воспитанницъ. Онѣ на самомъ дѣлѣ перестали ходить въ церковь по праздникамъ. Бургиньонка имѣла свои причины не водить ихъ въ церковь; къ тому же, если говорить всю правду, она порядочно тамъ скучала,— ей просто невыносимо было сидѣть цѣлый часъ безъ всякаго дѣла, слушать сочиненныя и заученныя наизусть очень красивыя фразы, продекламированныя съ напускнымъ и заученнымъ жаромъ, съ красивыми жестами тщательно выхоленныхъ рукъ...

«Это ли слово Божіе?»—спрашивала она сама себя.

Нельзя было, однако же, держать дѣвочекъ въ заперти цѣлыми недѣлями; былъ, правда, садъ, но только все одинъ и тотъ же, свой садъ, а въ пятнадцать лѣтъ является желаніе посмотрѣть что-нибудь другое, новое.

Бургиньонка понимала это и разъ громко спросила Ромену:

— Ты часто гуляла съ миссъ Бессъ?

— По крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю.

— Ну, такъ и мы такъ будемъ дѣлать. Въ четвергъ отправимся за городъ.

Франчискьель слышалъ этотъ разговоръ и долго потомъ ломалъ себѣ голову, какъ бы пристроиться къ прогулкѣ, не будучи замѣченнымъ и узнаннымъ.

«Надо спросить дона Руфа».

— Я бы вотъ что сдѣлалъ,—сказалъ натуралистъ, которому только въ романахъ не нравились пріемы устарѣвшаго репертуара.—Ты очень дорожишь своими кудрями и усами?

— Я думаю только о Терезинѣ,—отвѣтилъ Франчискьель.

— Въ такомъ случаѣ остриги ты эти кудри и сбрей усы, потомъ поди къ шорнику и купи хорошенькое дамское сѣдло. Въ тотъ день, когда Терезина съ матерью собираются отправляться за городъ... Когда это, въ среду?...

— Да, въ среду.

— Такъ въ среду осѣдлай своего Чичиля, надѣнь свой старый костюмъ погонщика и предложи имъ свои услуги. Я заранѣе вижу, что произойдетъ. Дочка ѣдетъ на твоемъ ослѣ, оселъ пускается вскачь, ты за нимъ, мать не можетъ слѣдовать за вами и тогда...

— Понялъ!—воскликнулъ Франчискьель.

Въ слѣдующій четвергъ (а не въ среду, какъ умышленно ошибся юноша) на перекресткѣ, гдѣ кончается крутой спускъ съ горы, высокій малый, коротко остриженный, безъ усовъ и бороды, довольно красивый, но ровно ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ погонщиковъ ословъ, подошелъ къ ряду пансіонерокъ, шедшихъ подъ надзоромъ монахини, и обратился къ самой хорошенькой:

— Синьорина,—сказалъ онъ,—вотъ добрый осликъ (tchioutche),—не угодно ли прокатиться?

Въ ту же минуту примчалось во всю прыть десятка два дру-

гихъ ословъ и со всѣхъ сторонъ раздались громкіе голоса погонщиковъ:

— Со мной, со мной, синьорина! Въ Сентъ-Эльмъ! Въ Паузилиппу! Къ Камальдуламъ! Со мной, синьорина!... Пошелъ ты, куда лѣзешь? Капусту тебѣ возить, каналья! Тыква! Свиная морда! Я тебя!... А этого хочешь?... Со мной! Пожалуйте! Вотъ на этого, на этого!

Чичиль, въ восторгѣ отъ старой компаніи, выразилъ свою радость нѣсколькими прыжками «козломъ», дурно отрекомендовавшими его передъ дамами. Поэтому бургиньонка не позволила ѣхать на немъ никому изъ своихъ ученицъ, а взяла его для себя. Ромена ѣхала впереди всѣхъ, мать-Розалія позади, чтобы наблюдать за всей своей командой, растянувшейся болѣе чѣмъ на сто шаговъ. Бѣдняга Франчискьель!

Онъ все-таки надѣялся, что позднѣе представится случай приблизиться къ молодой дѣвушкѣ, когда они спустятся въ равнину или, еще удобнѣе, въ Камальдульскомъ лѣсу, гдѣ можно будетъ не идти другъ за другомъ въ одну линію. Но на вершинѣ Петрара, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за передними, Чичиль повернулъ вдругъ влѣво и пустился скакать во всю прыть. Почему и зачѣмъ? Кто же его знаетъ. Повернулъ ни съ того, ни съ сего, и проскакалъ не останавливаясь мимо малой и большой Флоріанды, мимо Бельведера и всѣхъ виллъ Вомеро, потомъ помчался по аллеѣ чьей-то частной дачи. Бѣжавшій за нимъ Франчискьель не могъ догнать его и чѣмъ громче кричалъ: «стой, стой!»—тѣмъ сильнѣе скакалъ оселъ; къ тому же его побуждалъ громкій смѣхъ бургиньонки. Давно этой милой особѣ не было такъ весело,—ей вспомнилось былое, деревенская жизнь. Между тѣмъ Чичиль проскакалъ аллею, потомъ тѣнистую рощицу и остановился въ бесѣдкѣ изъ винограда передъ столомъ, за которымъ пировало веселое общество молодыхъ людей и молодыхъ дамъ. Внезапное появленіе осла и монакини сначала всѣхъ перепугало, потомъ, когда дѣло объяснилось, испугъ смѣнился еще большимъ весельемъ. Волей-неволей пришлось выпить глотокъ вина съ молодежью. Наконецъ, пришелъ и Франчискьель. Бургиньонка сѣла въ сѣдло; только куда же ѣхать? Безъ нея воспитанницы, по всей вѣроятности, отложили прогулку и вернулись. Самое лучшее было тоже ѣхать прямо домой.

— Бѣдныя дѣти! — подумала вслухъ мать Розалія. — Какъ досадно, что разстроилась поѣздка.

XV.

Сто восьмое изданіе.

«А мнѣ такъ всѣхъ досаднѣе»,—подумалъ Франчискьель.

На самомъ дѣлѣ бѣднягa обстригъ свои длинные, вьющіеся волосы, сбрилъ усы, купилъ сѣдло, пробѣгалъ нѣсколько верстъ, взялъ голодную коняку, и въ результатѣ почти не видалъ ея. А какъ онъ ждалъ этой прогулки, какъ мечталъ,—мечталъ часъ или два пройти рядомъ съ ней, глядя не нее, разсказывая ей смѣшныя вещи, чтобы видѣть ея улыбку,—а потомъ,—почему знать?—быть-можетъ подать ей руку или подставить колѣно, когда она захочетъ сойти съ сѣдла. И что же? Ромена даже не взглянула на него... Бываютъ же неудачи въ жизни!

Буржиньонка не ошиблась: когда они возвратились, вся компанія была уже домa. Ученицы и сестры въ безпокойствѣ не отходили отъ оконъ и, какъ только увидали матушку, вопреки пансіонскаго правила, цѣлою толпой высыпали ей навстрѣчу за ворота.

— Наконецъ-то, наконецъ-то! А мы какъ за васъ боялись!

Это говорила Ромена, не обращая никакого вниманія на Франчискьеля.

— Вернулась, и слава Богу. Въ домъ, дѣтки, въ домъ!—скомандовала мать-Розалія.—А мнѣ нужно еще расплатиться съ этимъ милымъ малымъ.

Она назвала его милымъ малымъ! Могла бы, кажется, Ромена хоть теперь взглянуть на него. Увы, спѣша исполнить приказаніе матушки, она быстро скрылась за дверью, даже не оглянувшись на милаго малаго. Франчискьель получилъ деньги за поѣздку и, чтобы не выдать себя, долженъ былъ низкими поклонами благодарить матушку за ея щедрость.

Послѣ неудачной поѣздки юноша затосковалъ, пересталъ бывать въ городѣ, питался одними яблоками-падальцами и цѣлыми часами лежалъ на травѣ, щекоча морду Чичиля. Томясь бездѣльемъ и теряя много времени на поджиданіе звѣзды, которая упорно не появлялась, онъ сдѣлался настоящимъ мизантропомъ, что однако же не возвратило ему ни сна, ни аппетита, а лишь возбудило опять охоту къ чтенію. Въ одно прекрасное утро онъ направился въ городъ за книгами и встрѣтилъ дона Руфа выходящимъ изъ парохіальной тамъ, гдѣ кончается мостовая.

— Добраго утра, учитель!—привѣтствовалъ его юноша.

— А, очень радъ. А вѣдь я направлялся за тобой. Куда ты пропалъ?

«За тобой направлялся»—эти слова въ устахъ дона Руфа стоили милліона. Франчискьель бросился на шею натуралисту, и было за что, такъ какъ донъ Руфъ на самомъ дѣлѣ рѣшился было совершить настоящій подвигъ—пѣшкомъ подняться на гору и даже взялъ съ собою носильщика, чтобы тотъ подталкивалъ его сзади.

— Ты сильно перемѣнился, мой бѣдный мальчикъ!—проговорилъ онъ съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ. — Садись со мной въ каруцеллу и поговоримъ. У тебя должно быть много новенькаго... Во-первыхъ, ваша поѣздка съ Терезиной...

— Я уже не думаю о Терезинѣ.

— И прекрасно дѣлаешь, говоря по правдѣ. Любовь тебѣ не къ лицу,—ты слишкомъ наивенъ и впадаешь то въ трагедію, то въ лиризмъ. Женщины не стоятъ ни того горя, которое онѣ намъ причиняютъ, ни того труда, который мы на нихъ тратимъ. Одинъ отецъ церкви сказалъ, что хорошая женщина—такая же рѣдкость, какъ бѣлый воронъ. Правда, вѣдь, докторъ?

Эти послѣднія слова были обращены къ высокому, коренастому господину въ широкополой шляпѣ, стоявшему облокотившись на рѣшетку ботаническаго сада. Кучеръ придержалъ лошадей.

— Что́ правда ли?—спросилъ докторъ Шарфъ.

— Этотъ молодой человѣкъ, по имени Франчискьель, мой ученикъ. Я сейчасъ велъ съ нимъ бесѣду о женщинахъ и говорилъ, что онѣ коварны, какъ море. Что вы о нихъ думаете?

— Ничего не думаю. Въ наши лѣта поздно о нихъ думать. Если вы ихъ злословите, это ясное доказательство, что онѣ еще занимаютъ васъ и не перестали тревожить ваше воображеніе. Мнѣ жаль васъ, милѣйшій.

— Слѣдовательно, у васъ на этотъ счетъ нѣтъ никакого опредѣленнаго мнѣнія.

— Я придерживаюсь мнѣнія Дидро. Однажды фаталистъ Жакъ вступилъ съ своимъ учителемъ въ безконечный споръ о женщинахъ: одинъ увѣрялъ, что онѣ добры,—другой, что злы, и оба были правы; одинъ говорилъ, что онѣ глупы,—другой, что умны; одинъ настаивалъ, что онѣ скупы,—другой, что расточительны, и оба были правы; одинъ говорилъ—красивы, другой—безобразны; одинъ—болтливы, другой—скромны; одинъ—добродѣтельны,

другой—порочны; одинъ—малы ростомъ, другой—велики, и оба были правы.

Докторъ, по обыкновенію, говорилъ громко и хохоталъ на всю улицу. Хорошо, что мѣсто это не особенно бойкое и людное, а то собралась бы толпа.

Экипажъ тронулся и направился къ Марсову полю, гдѣ въ это время какой-то генералъ долженъ былъ проѣхать верхомъ передъ рядами солдатъ. Извѣстно, что кучера всѣхъ странъ очень любятъ этого рода зрѣлища.

— Счастливцы!—вздохнулъ Франчискьель, когда они проѣзжали мимо кладбища.

— Кто счастливцы?—спросилъ донъ Руфъ.

— Тѣ, что лежатъ здѣсь...

Это романтическое восклицаніе разсердило дона Руфа и онъ приказалъ кучеру повернуть назадъ. Проѣзжая мимо Ботаническаго сада, они опять повстрѣчали доктора Шарфа, только-что усѣвшагося въ большую карету.

— Эге... Поѣдемте-ка вмѣстѣ закусить!—крикнулъ онъ.—Въ моей колесницѣ хватитъ мѣста для троихъ.

Приглашеніе было принято и скоро они втроемъ сидѣли за столомъ въ одномъ трактирѣ, славящемся пельменями. Умиравшій съ голоду Франчискьель съѣлъ свою порцію съ большимъ аппетитомъ, и его настроеніе прояснилось. Затѣмъ слѣдовалъ кусокъ сочнаго жаркого съ золотистымъ, зарумянившимся картофелемъ. Послѣ третьяго стакана асприно самъ донъ Руфъ начиналъ высказывать правильныя идеи.

— Въ жизни все-таки много хорошаго,—сказалъ онъ доктору Шарфу.

— Особливо если есть занятія,—отвѣтилъ докторъ.—Нельзя ѣсть двадцать четыре часа въ сутки; надо въ саду работать или мушиныя ноги въ микроскопъ разсматривать. Приведите-ка этого молодого человѣка ко мнѣ въ больницу.

— Сейчасъ же, если хотите.

— Нѣтъ, завтра или послѣ завтра. Теперь вы слишкомъ веселы и я бы вамъ посовѣтовалъ отдохнуть послѣ обѣда.

Донъ Руфъ и Франчискьель не послѣдовали совѣту доктора и провели весь этотъ день довольно легкомысленно: ихъ видѣли въ Резинѣ, у подошвы Везувія, въ трактирчикѣ, гдѣ можно выпить настоящее лякрима-кристи. Вечеромъ они были въ кабачкѣ Фризи, въ Паузилиппѣ, куда позвали музыкантовъ; на другой

день утромъ проснулись на какой-то дачѣ, на которой до того времени никогда не бывали. Ни тотъ, ни другой не могъ сообразить, какъ они сюда попали. Донъ Руфъ проснулся первый съ сильнѣйшею головною болью. Открывши глаза, онъ увидалъ большую комнату, съ картинами на стѣнахъ, съ дверью, отворенною на террасу; вдали виднѣлась синеватая линія, похожая на вершину Капри. Натуралистъ лежалъ на диванѣ ногами къ двери; на другомъ диванѣ, головою къ двери, спалъ Франчискьель съ тросточкой въ зубахъ.

— Гдѣ мы, однако?—проговорилъ донъ Руфъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Франчискьель приподнялся, сѣлъ и тоже очень удивился.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, предварительно зѣвнувши во весь ротъ.

Учитель и ученикъ смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. У перваго глаза были мутные, лицо измятое, покрытое желтыми и красными пятнами. Юноша бодро вскочилъ на ноги и, увидавши тросточку, сказалъ:

— А, помню... Я игралъ на флейтѣ.

— Постой, надо сообразить все серьезно, по порядку. Въ два часа мы обѣдали съ докторомъ Шарфомъ, потомъ проводили его до больницы.

— Нѣтъ, не до больницы, а только до города.

— Такъ, вѣрно. Мы вышли изъ его экипажа и взяли извощика...

— И поѣхали въ Резину. Тамъ пили превосходное вино...

— И встрѣтили двухъ иностранокъ...

— Премилыхъ...

— Бесѣдовали съ ними о литературѣ...

— Онѣ оказались поклонницами натуралистической школы...

— Ну, а потомъ что?

— Вы пригласили ихъ ужинать...

— Правда... Припоминаю.

— Потомъ мы поѣхали въ Фризи въ двухъ экипажахъ: въ одномъ—мы вчетверомъ, въ другомъ—арфистъ и три скрипача. Дорогой вы вздремнули.

— Ну, это ты врешь.

— Вѣрно... Въ кабачкѣ мы ѣли макароны и еще что-то и пили шампанское. Дамы увѣряли, что оно изъ Асти...

— Этого я не помню...

— Вы спали. За другимъ столомъ сидѣло двое молодыхъ людей, прилично одѣтыхъ. Они заговорили съ дамами, потомъ всѣ четверо стали танцевать. Привезенные нами музыканты играли на скрипкахъ и на арфѣ... Мнѣ вдругъ стало очень жарко... Я сѣлъ на столъ, взялъ въ ротъ эту тросточку и сказалъ, что буду играть на флейтѣ.

— А я?

— Вы спали.

— А потомъ что было?

— Потомъ... Потомъ ничего не помню.

— Произведемъ осмотръ мѣстности,—сказалъ донъ Руфъ.

Черезъ террасу они сошли въ садъ и нигдѣ не встрѣтили ни души. Въ домѣ всѣ окна закрыты; вилла казалась необитаемою. Они дошли до берега моря. Въ маленькомъ заливчикѣ, защищенномъ скалами отъ вѣтра, была причалена шлюпка; въ ней спалъ старый лодочникъ.

— Эй, другъ,—крикнулъ донъ Руфъ,—скажи, пожалуйста, гдѣ мы?

— А, это вы, eccellenza?

— А ты развѣ меня знаешь?

— Еще бы не знать. Мы съ товарищемъ доставили васъ вчера сюда изъ Фризи... Крѣпко вы спите, да и тяжелы же!

— А кто тебѣ приказалъ насъ сюда доставить?

— Мой патронъ.

— Кто онъ такой?

— Онъ запретилъ вамъ спазывать.

— Что же онъ дѣлалъ въ Фризи?

— Ужиналъ съ пріятелемъ рядомъ съ вами, потомъ танцевалъ съ дамами. Потомъ, когда вы оба заснули и никто не зналъ, куда васъ дѣвать, онъ мнѣ сказалъ: «возьми этихъ пьяныхъ, положи въ свою лодку и отвези на виллу. Тамъ уложи ихъ спать, гдѣ имъ угодно». Ключи отъ дома у меня, а кроватей здѣсь на тридцать человѣкъ. Когда мы пріѣхали, вашъ молодой человѣкъ дошелъ на своихъ ногахъ до дивана и улегся, васъ же мы внесли и положили на другой диванъ. Вотъ и вся исторія.

— А дамы?

— Дамы... фю-фю-фю!—Лодочникъ махнулъ рукой.

— Можешь ты насъ доставить обратно въ Фризи?

— Мнѣ приказано доставить васъ, куда прикажете.

— Эхъ,—вскрикнулъ донъ Руфъ,—у меня часы пропали!

Часы нашлись; ихъ прибралъ, въ видахъ осторожности, слуга въ кабачкѣ. По счету, за ужинъ, котораго никто не ѣлъ, за музыку, за лодку, за экипажи, все еще ждавшіе у подъѣзда, и за *incomodo* (т. е. безпокойство) дону Руфу пришлось заплатить болѣе трехсотъ франковъ. Разорительны эти иностранки, особливо послѣдовательницы натуралистической школы!... У дона Руфа до слѣдующаго дня болѣла голова. Въ сущности онъ былъ кутилой только на словахъ, говорилъ очень много всякихъ глупостей и не дѣлалъ ихъ никогда, отчасти по разсчетливости, а въ особенности по своей крайней лѣни. Онъ лишь хвастался, щеголялъ порокомъ; ему нравилось озадачивать и скандализировать слушателей; онъ съ истиннымъ наслажденіемъ потиралъ руки, если ему удавалось въ кофейной заставить покраснѣть неаполитанцевъ, чего, надо признаться, совсѣмъ не легко добиться. Чрезмѣрная игривость воображенія, которую онъ называлъ своимъ темпераментомъ, сполна изливалась въ фразахъ; въ силу же своей врожденной честности онъ возводилъ свою платоническую безнравственность въ нѣкую нравственную систему и воображалъ, что способствуетъ возрожденію человѣчества, болтая всякій грязный и легкомысленный вздоръ. Онъ думалъ, что чѣмъ рѣзче и грязнѣе его разговоры, тѣмъ большее отвращеніе къ пороку они должны внушать молодымъ людямъ. Его успѣхъ не могъ подлежать никакому сомнѣнію,—въ кофейной молодежь окружала его толпою. Только она, эта молодежь, оставляла въ сторонѣ его нравственную систему, которую находила скучною, и упивалась его неприличными анекдотами. Что же касается Франчискьеля, то онъ такъ увлекся экскурсіей въ Резину и Фризи, что готовъ былъ повторять ее каждый день. Разъ, получивши отъ банкира тысячу франковъ, онъ встрѣтилъ ужинавшихъ съ ними иностранокъ. Одна оказалась нѣмкою, другая русскою; первая оказалась пессимисткою, вторая—нигилисткою. Съ такими дамами мудрено предвидѣть, до чего дойдешь. Франчискьель дошелъ до того, что велъ на слѣдующій день такой разговоръ съ домомъ Руфомъ:

— Что ты вчера дѣлалъ? Я цѣлый день не видалъ тебя.

— Взялъ у банкира тысячу франковъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— А потомъ?

— Потомъ занялся однимъ экспериментомъ.

— А тысяча-то франковъ?

— Отъ нихъ не осталось ни шелеха. За то!!...

При этомъ восклицаніи Франчискьель поднялъ глаза къ потолку съ такимъ выраженіемъ блаженства, что въ душѣ дона Руфа шевельнулось угрызеніе совѣсти. Помолчавши немного, онъ серьезно сказалъ:

— Ты называешь это экспериментомъ? Несчастный, ты глубоко ошибаешься относительно экспериментальнаго метода... Я краснѣю отъ глупости моего ученика.

— Вы учите, а я осуществляю только опыты.

— Да замолчишь ли ты, наконецъ! Опытъ есть наблюденіе, вызванное экспериментаторомъ съ цѣлью провѣрки... Экспериментаторъ—слѣдственный судья. Мы отыскиваемъ законы причинной связи соціальныхъ явленій, мы трудимся надъ рѣшеніемъ великой задачи, имѣющей цѣлью побѣду надъ природою, созданіе могущества удесятереннаго человѣка! Прочти Клода Бернара.

Франчискьель глаза вытаращилъ на дона Руфа, котораго онъ считалъ человѣкомъ непогрѣшимымъ, особливо съ нѣкоторыхъ поръ; онъ въ крайнемъ недоумѣніи ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какое отношеніе могутъ имѣть картины, которыми дразнили его воображеніе: теплица, рестораиъ, прачешная, уборная актрисы, сосѣдки, кухарки пяти этажей,—къ громкимъ словамъ, только-что высказаннымъ дономъ Руфомъ. Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что донъ Руфъ не шарлатанъ и не помѣшанный, слѣдовательно... должно же что-нибудь значить «отыскиваніе законовъ причинной связи соціальныхъ явленій...»

«Хоть убей, ничего не понимаю»,—думалъ Франчискьель.

Учитель продолжалъ:

— Ты никогда не дойдешь до истинно-плодотворныхъ и ясныхъ обобщеній, если не будешь производить опытовъ лично.

— Да я же лично,—началъ было Франчискьель.

— Лично... Что ты лично?—Кутилъ, вотъ что!... Тогда какъ необходимо изслѣдовать, такъ-сказать раскопать въ лазаретахъ, амфитеатрахъ и лабораторіяхъ смрадную почву, кишащую жизнью. Жизнь—это великолѣпный, блестящій салонъ, проникнуть въ который можно не иначе, какъ пройдя черезъ длинную, ужасную кухню... Читай Клода Бернара.

Въ это время онъ во снѣ и на яву бредилъ Клодомъ Бернаромъ.

— Я стану читать Клода Бернара,—покорно сказалъ Франчискьель.

— А пока мы завтра же пойдемъ въ лазаретъ. Насъ ждетъ докторъ Шарфъ,—мы обязаны сдѣлать ему визитъ.

На слѣдующій день они отправились въ госпиталь. Читателю уже давно извѣстно, что они тамъ видѣли: во-первыхъ, лѣстницу, потомъ доктора, аббата, помойницу, которую донъ Руфъ принялъ за свою дочь, вслѣдствіе чего натерпѣлся большого страха и сдѣлалъ маленькій переполохъ въ пансіонѣ. Донъ Руфъ черезчуръ поторопился. Еслибы, вмѣсто того, чтобы бѣжать стремглавъ съ лѣстницы и скакать въ пансіонъ, онъ потрудился бы распросить аббата Симплиція, то узналъ бы, что молодая дѣвушка, умершая оспой, была привезена изъ пріюта, находящагося тоже въ завѣдываніи монахинь-францужекъ. На счастье больныхъ, калѣкъ, сиротъ и безродныхъ, ихъ не мало въ Неаполѣ.

Визитъ въ госпиталь имѣлъ нѣсколько результатовъ: во-первыхъ, Франчискьель устыдился, что не могъ вынести запаха и вида трупа. Въ немъ сильно было развито чувство, почитаемое дурнымъ и именуемое гордостью. Быть-можетъ подъ его вліяніемъ онъ отказался отъ отцовскаго наслѣдства. Подъ его же вліяніемъ, будучи погонщикомъ, онъ мылъ руки, опрятно содержалъ Чичилія, старался опередить товарищей, когда приходилось ѣхать нѣсколькимъ вмѣстѣ, и хватался за ножъ, если кто-нибудь грозилъ ему палкой. Въ день прогулки пансіонеромъ его самолюбіе было многимъ оскорблено, всего же болѣе тѣмъ, что Ромена его не узнала. Когда донъ Руфъ бранилъ его, онъ смиренно опускалъ голову, потому что то былъ донъ Руфъ, но все-таки бывалъ этимъ очень недоволенъ. Вотъ почему онъ рѣшился возвратиться въ госпиталь и пріучить себя смотрѣть на трупы. Эта новая манія сблизила его съ докторомъ и съ аббатомъ; оба ему очень понравились. Между тѣмъ кутежъ съ двумя иностранками тяжелымъ гнетомъ залегъ ему на душу. Вначалѣ онъ имъ очень гордился; извѣстно, что можно гордиться всѣмъ на свѣтѣ, даже побѣдой, стоившей сто тысячъ человѣкъ. Онъ же потерялъ всего двадцать пятидесяти-франковыхъ билетовъ и еще два или три, оставшихся отъ прошедшаго мѣсяца, и ожидалъ самаго горячаго одобренія своего учителя. Вмѣсто того учитель разбранился и заговорилъ о Клодѣ Бернарѣ. Тогда въ Франчискьелѣ проснулись сомнѣнія и заговорилъ стыдъ.

«Должно-быть я глупость сдѣлалъ»,—говоритъ самъ себѣ молодой человѣкъ съ смутнымъ чувствомъ горечи.

Наконецъ онъ порѣшилъ спросить мнѣнія доктора Шарфе, который, будучи холостякомъ и считаясь вольнодумцемъ, не могъ отличаться строгостью взгляда на эту статью. Докторъ ему отвѣтилъ:

— Это просто-напросто мерзко!

Тогда Франчискьель впалъ въ мрачную тоску,—его мучило распаяніе; онъ рѣшился исповѣдаться у аббата и трепеталъ, ожидая страшнаго приговора. Но аббатъ кротко сказалъ ему:

— Это просто безумно. Постарайтесь, чтобъ урокъ послужилъ вамъ въ пользу.

Результатомъ того же визита въ госпиталь было еще то, что Ромена почувствовала вдругъ сильный приливъ любви къ отцу, котораго она совсѣмъ не знала и который въ этотъ день такъ нѣжно, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ ее въ голову.

— Что съ нимъ?—спросила она у матушки-Розаліи.

— Онъ думалъ, что ты больна.

— Бѣдный папа! На меня это произвело странное впечатлѣніе, точно будто я его сегодня въ первый разъ видѣла.

— Онъ очень тебя любитъ. Ты счастливица.

Монахиня вздохнула. Она рѣдко вспоминала свое прошлое и не любила вспоминать; ея отецъ не отличался нѣжностью, въ дѣтствѣ она не видала ласки. Впрочемъ, у нея мало и времени оставалось на возню съ своимъ прошлымъ,—она была слишкомъ занята настоящимъ дѣломъ.

— Вы никогда не плачете?—спросила Ромена разъ вечеромъ въ минуту интимности.

— Мнѣ некогда.

Молодой дѣвушкѣ необыкновенно захотѣлось повидать отца.

— Оставилъ онъ вамъ свой адресъ?

— Оставилъ,—отвѣтила матушка.

— Сдѣлаемте ему сюрпризъ, пойдемте къ нему. Вы ничего противъ этого не имѣете?

По правдѣ сказать, бургиньонка кое-что имѣла противъ этого посѣщенія. Вотъ еслибы донъ Руфъ былъ боленъ, или бы его постигло какое-нибудь несчастіе,—о, тогда другое дѣло! Но онъ былъ совершенно здоровъ и, повидимому, ни о чемъ не горѣвалъ. Зачѣмъ идти къ нему? Только напрасно терять дорогое время, отнимать его у другихъ—нуждающихся. Къ тому же онъ оди-

новій и, Богъ его знаетъ, какую жизнь ведетъ. Объ этомъ послѣднемъ соображеніи матушка умолчала и попытала выставить другія. Но всѣ ея доводы оказывались неубѣдительными и недостаточными, чтобъ осилить желаніе дочери повидаться съ отцомъ. Бургиньона нашлась вынужденною пока отложить визитъ и сказала просто:

— Посмотримъ... Тамъ видно будетъ.

Затѣмъ лично сдѣлала рекогносцировку къ непріятельской позиціи. Дверь ей отворила служанка Роза, охотно отвѣтила на всѣ вопросы монахини и многое наболтала, не ожидая никакихъ вопросовъ. По ея словамъ, конца и счета не было порокамъ барина: онъ курилъ съ утра до ночи и пилъ кофе, когда вздумается, безъ времени и порядка; накупалъ разной мебели и другихъ пустяковъ, съ которыхъ пыль стирать рукъ не хватаетъ. На это онъ тратитъ безумныя деньги, и для чего?—для того только, чтобы затирать о нихъ тряпки и мучить бѣдную Розу. Что же касается женщинъ, то никогда ни одной въ домѣ не бывало,—да не только женщинъ, но и мужчинъ.

— Въ которомъ часу его можно застать дома?

— Въ двѣнадцать, когда онъ встаетъ. Потомъ два часа, до обѣда, онъ читаетъ книжки и куритъ.

На другой день проснувшись, донъ Руфъ узналъ отъ Розы, что его спрашивала монахиня-француженка. Крайне встревоженный такимъ небывалымъ обстоятельствомъ, онъ наскоро одѣлся, наскоро выпилъ горячій кофе, второпяхъ закурилъ сигару не тѣмъ концомъ, вскочилъ въ первый попавшійся кабріолетъ, запряженный хромоногою лошадью, и поплелся къ пансіону, крича и ругаясь отъ нетерпѣнія. Въ то же время матушка-Розалія и Ромена прошли другою, ближайшею, дорогой, весело смѣясь отъ удовольствія, которое испытывали сами и которое разсчитывали доставить своимъ посѣщеніемъ.

— Патронъ вышелъ со двора,—встрѣтила ихъ Роза,—но онъ непремѣнно вернется къ обѣду

— Мы подождемъ.

Монахиня и молодая дѣвушка вошли въ гостиную, большую комнату, имѣющую видъ лавки антикварія: причудливые шкафчики, пузатыя шифоньерки, консоли всѣхъ временъ и стилей, старыя картины, венеціянскія зеркала, майоликы, прикрѣпленныя къ стѣнамъ, старый коверъ на столѣ empire, съ разставленными на немъ золочеными сфинксами, большой шкафъ временъ Людо-

вика XIII, множество статуэтокъ, этрусскихъ вазъ, древностей неаполитанскаго издѣлія, масса кубковъ, лампъ, стеклянной, бронзовой и глиняной посуды, поддѣланной подъ стиль помпейскихъ бездѣлушекъ,—все это наставлено, нагромождено какъ попало, безъ толка и порядка. Донъ Руфъ пріобрѣлъ въ Батиньолѣ страсть къ собиранію всякой рухляди.

— Фу-ухъ, какой безпорядокъ, пыль какая!—сказала бургиньонка, осмотрѣвшись.—Я сейчасъ все это приберу. Ромена, открой окно и ступай на балконъ... Сядь тамъ, дитя мое.

Ромена, озадаченная всей этой пестротой, ничего не успѣла разсмотрѣть; она открыла окно и прошла на балконъ, взявши съ кресла открытую книгу. Она сдѣлала это машинально, по привычкѣ, подобно тому, какъ миссъ Бессъ не могла видѣть лоскута печатной бумаги, будь то—объявленіе объ интендантскихъ поставкахъ, безъ того, чтобы не прочесть его отъ строки до строки. Въ амбразурѣ окна молодая дѣвушка увидѣла низенькій стулъ, захватила его съ собой и съ книгою въ рукахъ сѣла на балконѣ подъ навѣсомъ.

Тѣмъ временемъ бургиньонка спѣшно прятала въ шкафъ множество вещей, видъ которыхъ заставилъ ее удалить Ромену,—таковы были: Венера Каллипигія, маленькій сатиръ, обучающій музыкѣ Ахилла, коверъ съ изображеніемъ группы мужчинъ и женщинъ, слишкомъ легко одѣтыхъ, цѣлая куча помпейскихъ амулетовъ, нѣкоторыя картины на довольно игривые сюжеты, между прочимъ картина, изображающая драну прачекъ и женскіе документы, отшлепываемые вальками... Когда все было убрано и заперто на ключъ, бургиньонка обратилась къ Розѣ, смотрѣвшей на нее съ недоумѣніемъ:

— Теперь давай метлу, щетокъ, тряпокъ, ведро воды,—да поживѣе!

Озадаченная служанка повиновалась безпрекословно. Черезъ минуту пошла чистка, вытираніе и выбиваніе мебели; поднялась такая пыль столбомъ, что пришлось затворить дверь на балконъ, гдѣ сидѣла Ромена, и открыть два противуположныхъ окна. Ворвавшійся въ комнату сквозной вѣтеръ вихремъ вынесъ наружу облака пыли, точно клубы дыма изъ кратера. Мало-помалу грязь и пыль были удалены. Увлеченная примѣромъ, Роза усердно помогала энергичной гостьѣ. Окончивши эту самую трудную и непріятную часть работы, матушка-Розалія принялась разставлять все по-своему: пузатый комодъ—противъ затѣйли-

ной шифоньерки, диванъ—противъ оконъ, майолики, картины и статуэтки, которыя можно было выставить на-показъ,—по стѣнамъ, этажеркамъ и консолямъ... Лавка старьевщика превратилась въ изящный кабинетъ артиста.

Донъ Руфъ, до хрипоты накричавшись на извощика и его хромую лошадь, вышелъ изъ экипажа и, теряясь отъ нетерпѣнія, попытался дойти пѣшкомъ; но на первыхъ же ста шагахъ такъ усталъ, что едва держался на ногахъ и принужденъ былъ сѣсть среди улицы на лавочку торговца лимонадомъ. Къ нему тотчасъ же подошелъ чистильщикъ платья и предложилъ свои услуги. Очень услужливый народъ—неаполитанскіе уличные чистильщики платья; иногда они доводятъ свое усердіе до того, что невзначай обрызгиваютъ грязью прохожихъ изъ-за удовольствія потомъ почистить ихъ. Донъ Руфъ далъ ассигнацію въ двадцать су этому доброму человѣку, прося его размѣнять деньги и поскорѣе привести хорошій экипажъ. Прошелъ часъ, а добрый человѣкъ не возвращался,—вѣроятно, потому, что не нашелъ хорошаго экипажа или не успѣлъ размѣнять денегъ. Чтобъ успокоиться, донъ Руфъ выпилъ три стакана лимонада и рѣшился пуститься въ путь—увы!—опять пѣшкомъ. Послѣ нѣсколькихъ остановокъ для отдыха онъ добрался, наконецъ, до пансіона и узналъ, что его дочь съ матушкой-Розаліей вышли изъ дома. Это успокоило его волненіе, но не утишило злости.

Уютно расположившись на балконѣ, Ромена обвела глазами разстилавшійся у ея ногъ чудный видъ на городъ, его окрестности и безбрежное синее море, все залитое горячими лучами полуденнаго солнца, потомъ взглянула на книгу, которую держала въ рукахъ. Это была совсѣмъ новенькая книжка въ желтой оберткѣ, купленная Франчискьелемъ въ замѣну той, которую растрепалъ Чичиль въ минуту досады. На оберткѣ подъ заглавіемъ было напечатано: «Сто восьмое изданіе».

— Сто восьмое изданіе!—воскликнула Ромена.—Должно-быть превосходная книга.

И принялась читать.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ИСТОРІЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНОРУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА *).

II.

Борьба козаковъ съ поляками.

А) *Хмельнищина*. Дума о похищеніи королевской привилегіи. — Первая война Хмельницкаго. — Пѣсни о Желтоводской битвѣ. — Думы объ утѣсненіяхъ народа отъ іудеевъ, объ ихъ изгнаніи и о корсунской побѣдѣ. — Перебійносъ, народный богатырь возстанія 1648 года.

Въ существующихъ сборникахъ южнорусскихъ народныхъ произведеній находятся пѣсни и думы, относимыя къ событіямъ ранней борьбы козаковъ съ поляками до Богдана Хмельницкаго **), но многіе признаки сочиненности въ языкѣ этихъ произведеній, выдаваемыхъ за народныя, анахронизмы въ изложеніи историческихъ событій, сходные съ извѣстіями подложныхъ лѣтописныхъ сочиненій, и, наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что до сихъ поръ въ народѣ не отыскано не только этихъ думъ и пѣсенъ, но даже и яснаго слѣда, чтобъ онѣ когда-нибудь прежде существовали, — все это возбуждаетъ сомнѣніе въ ихъ подлинности, и мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящемъ сочиненіи не касаться ихъ вовсе, оставляя критическій разборъ ихъ другому изслѣдованію. Займемся только тѣмъ запасомъ, въ принадлежности котораго къ народному творчеству не является сомнѣній.

*) *Русская Мысль* 1880 г.

**) Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Сирнягѣ, подъ которымъ думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Наливайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трѣхъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстаній Павлюка, Остранина и Гуни, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрывочныя произведенія, выдаваемыя за народныя. Есть еще нѣсколько пѣсенъ объ эпохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о пилявскомъ дѣлѣ, пѣсня о взятіи Бендеръ и пѣсня о жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ основаній разсѣять сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Славная эпоха освобожденія части южнорусскаго народа при Богданѣ Хмельницкомъ оставила по себѣ послѣдовавшимъ вѣкамъ обильную сокровищницу произведеній исторической былевой поэзіи. Вѣроятно, этотъ запасъ былъ бы еще богаче, еслибы, даже относительно въ недавнее время, — тогда уже, какъ у насъ стали дорожить народными памятниками, — собираніе ихъ происходило съ бо́льшимъ участіемъ къ этому дѣлу и съ большею добросовѣстностію, чѣмъ это дѣлалось.

Изъ думъ и пѣсенъ, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, первая по времени излагаемаго событія есть дума о Хмельницкомъ и Барабашѣ, — дума, гдѣ разсказывается, какъ Богданъ Хмельницкій, напоивши до-пьяна Барабаша, назначеннаго отъ короля Владислава старшимъ надъ всѣми козаками, похитилъ у него королевскую привилегію и потомъ воспользовался ею, чтобы возбудить въ народѣ возстаніе.

Поступокъ этотъ отмѣченъ у всѣхъ малорусскихъ лѣтописцевъ съ особымъ вниманіемъ; онъ, какъ по всему видно, занималъ долго и народныя воспоминанія. О немъ ходили и до сихъ поръ ходятъ въ народѣ изустные разсказы; о немъ-то въ оное время сложилась дума, которая широко распространилась и долго слушалась изъ устъ кобзарей съ сочувствіемъ. Тонъ этой думы чрезвычайно простъ, но силенъ; нѣтъ въ ней поэтическаго увлеченія, нѣтъ сравненій и сопоставленій, за то разсказъ драматиченъ. У насъ два варіанта этой думы и одинъ другому, по смыслу, не противорѣчитъ. Первый напечатанъ въ Сборникѣ Максимовича, второй — въ Сборникѣ Метлинскаго. Послѣдній отличается отъ перваго отчасти амплификаціею, отчасти же и тѣмъ, что сохранилъ нѣкоторыя характеристическія черты, потерявшіяся въ первомъ, и ведетъ повѣствованіе далѣе, излагая въ сжатомъ видѣ начало народнаго возстанія и смерть Барабаша, чего въ варіантѣ Максимовича нѣтъ.

Дума начинается посольствомъ козаковъ къ королю Владиславу. Въ послѣдніе дни сдѣлалась тревога въ Украинѣ. Никто не могъ отважиться стать за христіанскую вѣру; отважились только Барабашъ, да Климъ бѣлоцерковскій (въ варіантѣ Метлинскаго онъ, вмѣсто Клима, названъ Клиша бѣлоцерковскій), да Хмельницкій [1]).

---

[1]) Изъ день-годины
Явъ сталась тревога на Украинѣ.
То нѣкто не може обобрати

Подъ именемъ Клима или Клиши, вѣроятно, надобно разумѣть или Нестеренка, который ѣздилъ тогда къ королю вмѣстѣ съ другими козацкими старшинами; или же Ильяша Карпиновича, котораго лѣтопись Самовидца смѣшиваетъ съ Барабашемъ, повѣствуя, что Хмельницкій сдѣлалъ съ Ильяшемъ то самое, что, по другимъ источникамъ и по свидѣтельству самой разбираемой нами думы, сдѣлалъ онъ съ Барабашемъ. Въ варіантѣ Метлинскаго, вмѣсто выраженія: сдѣлалась тревога въ Украинѣ,—говорится: начинались великія войны; и здѣсь быть-можетъ слѣдуетъ понимать намѣреніе Владислава начать войну съ Турціею, направивши на турецкіе предѣлы козаковъ,—намѣреніе, которое и открыло путь ко взрыву, происшедшему въ Украинѣ.

Три личности, обозначенныя въ думѣ, просятъ у короля универсаловъ. Король далъ ихъ въ руки Барабашу [2]), назначилъ его гетманомъ, Клима (иначе Клишу) сдѣлалъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, а Хмельницкаго войсковымъ писаремъ [3]). Барабашъ, взявши королевскія грамоты, держалъ ихъ въ секретѣ и не давалъ о нихъ знать козакамъ—по одному варіанту три года [4]), по другому полтора года, пока былъ гетманомъ [5]).

Далѣе: въ обоихъ варіантахъ драматически разсказывается похищеніе Хмельницкимъ у Барабаша королевскаго письма, и разсказывается согласно тому, какъ это событіе изложено въ лѣтописяхъ. Хмельницкій пригласилъ Барабаша быть у него кумомъ. Хмельницкій подпоилъ своего гостя и тогда говорилъ ему: дай мнѣ хоть прочитать королевскія грамоты [6]); или, какъ вы-

За вѣру христіанську одностойно стати.
Только обобрались Барабашъ да Хмельницькій
Да Климъ (Клиша) бѣлоцерковскій.

[2]) То король наверсалы писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ.

[3]) Будь ты, Барабашъ у городѣ Черкаському гетманомъ,
А ты Клиша въ Бѣлой-церкви полковничимъ,
А ты, Хмельницькій, у городѣ Чигиринѣ писаремъ войсковымъ.
(Метл., 386).

[4]) А Барабашъ листы якъ узявъ,
Три годы козакамъ знати не дававъ.
(Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

[5]) Не багато Барабашъ гетьманъ
Молодый гетмановавъ,
Только повтора года.
(Метл., 386).

[6]) Годѣ тобѣ, пане куме, листы королевськи держати:
Дай менѣ хоть прочитати!
(Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

разительнѣе въ варіантѣ Метлинскаго: «Нельзя ли нумъ Барабашъ, молодой гетманъ, нимъ вдвоемъ прочитать королевскія грамоты, дать козакамъ порядокъ, стать дружно за христіанскую вѣру» [7])? Влагаемое Хмельницкому варіантомъ Метлинскаго ближе къ правдѣ и потому, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы. Хмельницкій, ѣздившій къ королю вмѣстѣ съ Барабашемъ, конечно, уже прежде зналъ, что такое заключается въ королевской грамотѣ, и странно было для него просить Барабаша дать ему прочитать эту грамоту, какъ что-то ему невѣдомое и новое. Хмельницкій именно могъ убѣждать Барабаша вмѣстѣ съ нимъ воспользоваться ею для пользы козакамъ. «Эй, кумъ Хмельницкій!—отвѣчалъ Барабашъ,—зачѣмъ намъ вдвоемъ читать королевскую грамоту и давать козакамъ порядокъ? [8]). Вѣдь мы дани не даемъ, въ польскомъ войскѣ не служимъ. Не лучше ли намъ съ ляхами милостивыми панами жить мирно [9]), да водить съ ними хлѣбъ-соль [10]), чѣмъ идти натирать луга, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ [11])?» Хмельницкій, слыша такія рѣчи, подавалъ куму лучшіе напитки до тѣхъ поръ, пока Барабашъ не упился и не заснулъ, упавши на постель [12]). Тогда Хмельницкій беретъ у сонnаго: по варіанту Максимовича—одни только ключи [13]), а

---

[7]) Эй пане куме, пане Барабашу, гетьмане молодый,
Чи не могли бы мѣ съ тобою у-двохъ королевскихъ листовъ прочитати,
Козакамъ козацьки порядки подавати,
За вѣру христіанську одностойно стати? (Метл., 386).

[8]) Эй пане куме, пане Хмельницькій, пане писарю войськовый,
На-що намъ съ тобою королевськи листы читати,
На-що намъ козакамъ козацьки порядки давати? (Метл., ibid.)

[9]) Мы дачи не даемъ, у войсько польске не йдемъ;
Не лучше бъ намъ съ ляхами милостивыми панами мирно пробувати (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

[10]) Съ-упокоемъ хлѣбъ-соль на вѣкъ вѣчный уживати (Метл., 386).

[11]) А нѣжъ пойти луговъ потирати,
Своимъ тѣломъ комаровъ годовати (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

[12]) Тогдѣ-то Хмельницькій на кума свого Барабаша велике пересердіе мае,
Ще красчими напитками витае.
Оттогдѣ-то Барабашъ гетьманъ молодый
Якъ у кума свого Хмельницького дорогого напитку напився,
Такъ у ёго спать повалився (Метл.).
У Максимовича:
То Барабашъ якъ унився,
На ложко спати повалився.

[13]) Тогдѣ Хмельницькій ключи отбиравъ,
Чуру своего до города Черкасъ посылавъ (Макс., 66).

по варіанту Метлинскаго—еще, кромѣ ключей, перстень и платокъ [14]), и съ этими вещами посылаетъ своего чуру (или джуру) въ Черкасы къ панѣ Барабашевой за королевскими грамотами. Въ варіантѣ Максимовича описывается коротко, какъ чура отдалъ ей ключи и потребовалъ королевскія грамоты [15]), а въ варіантѣ Метлинскаго явленіе чуры излагается съ подробностями, впрочемъ мало видоизмѣняющими сущность. Барабашиха изображается въ думѣ женщиною счастливою; она поняла, что изъ этого выйдетъ дурное; она клянетъ охоту своего мужа гулять съ Хмельницкимъ, но она не противится его волѣ [16]), не хочетъ она своими руками творить того, что будетъ имѣть вредныя послѣдствія, только указываетъ чурѣ мѣсто, гдѣ хранятся требуемые документы [17]). Чура взялъ ихъ въ шкатулкѣ, зарытой въ землѣ подъ воротами, привезъ въ Чигиринъ и отдалъ Хмельницкому [18]).

---

[14]) Изъ правой руки изъ мизинцѣго пальця щиро-золотый перстень
знявъ,
Изъ лѣвои кишенѣ ключи выймавъ,
Изъ подъ пояса шовковый платокъ высмыкавъ.
— Эй слуго мой, повѣренный Хмельницького,
Велю я тобѣ добре дбати,
На доброго коня сѣдати,
До города Черкаського до панѣ Барабашевои прибувати,
Кралевськи листы до рукъ добре пріймати (Метл., 387).

[15]) — Панѣ Барабашовая! Твой панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы кралевськи подати (Максим., 66).

[16]) Эй не-зъ-горя-бѣды моему пану Барабашу
Схотѣлось на славной Украинѣ съ кумомъ своимъ Хмельницькимъ
велики бенкеты вчинати;
На-що имъ кралевськи листы читати?
Не лучше имъ съ ляхами мостивыми панами съ упокоемъ хлѣбъ-
сольуживати?
Теперъ нехай не зарѣкается Барабашъ гетьманъ молодый
На славной Украинѣ огнѣвъ да терновъ изгашати,
Тѣломъ своимъ панськимъ комары годовати,
Отъ пана кума свого Хмелницького (Метл., 398).

[17]) Не могу я тобѣ листы кралевськи до рукъ подати,
А велю я тобѣ до воротъ отхожати,
Кралевськи листы у шкатулѣ зъ землѣ выймати (Метл., 388).
Или:
Где-сь моему пановѣ лихомъ занудилось,
Що съ Хмелницькимъ гуляти схотѣлось!
Пойди въ глухомъ концѣ подъ воротьми
Листы королевськи въ шкатулѣ возьми! (Макс., 66).

[18]) Скорымъ часомъ, пилною годиною до воротъ отхожавъ,
Шкатулу зъ землѣ съ кралевськими листами выймавъ,
Самъ на доброго коня сѣдавъ,

Барабашъ, пробудившись, тихо съѣзжаетъ со двора Хмельницкаго и совѣтуется съ Кречовскимъ (который въ думѣ названъ старостою, а въ самомъ дѣлѣ былъ въ то время переяславскимъ полковникомъ), какъ бы найти способъ поймать Хмельницкаго и отдать ляхамъ [19]). По варіанту Максимовича дума на этомъ и кончается, сохраняя за собою значеніе думы исключительно объ отнятіи Хмельницкимъ у Барабаша королевской грамоты. Но варіантъ Метлинскаго присоединяетъ сюда возстаніе Хмельницкаго и расправу съ Барабашемъ. Хмельницкій совѣщается съ четырьмя полковниками [20]), въ которыхъ не трудно узнать четырехъ главныхъ дѣятелей возстанія, сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго: Максима Кривоноса, Мартина Пушкаря, Ивана Богуна и Матвѣя Гладкого (ошибочно переименованнаго въ думѣ въ Боруховича—имя гадяцкаго полковника, бывшаго уже послѣ Хмельницкаго, въ концѣ XVII вѣка). Хмельницкій возбуждаетъ козаковъ, приказываетъ имъ читать русскій «Отче нашъ», бить ляховъ, мѣшать кровь ихъ съ желтымъ пескомъ, не давать на поруганіе вѣры. Козаки исполняютъ повелѣніе: исполненіе выражается тѣми же словами, въ какихъ даетъ имъ приказъ Хмельницкій. Мѣсто это встрѣчается цѣликомъ въ другой думѣ, ко-

---

Скорымъ часомъ, пилною годиною до города Чигирина прибувавъ,
Свому пану Хмелницькому кралевськи листы до рукъ добре отдававъ (Метл., 388).

[19]) Да на старосту свого Кречовського кличе, добре покликае:
Эй старосто, каже, ты мій старосто Кречовський!
Коли-бъ ты добре дбавъ,
Кума мого Хмелницького живцемъ узявъ,
Ляхамъ мостивымъ панамъ до рукъ подавъ,
Щобъ насъ могли ляхи милостивѣ паны за бѣлозорбвъ почитати!
(Метл., 389).

Или:
Тогдѣ Барабашъ рано прочинае,
У карманы поглядае, ажъ ключѣвъ не мае!
Вонъ старосту Кречовського пробужае,
Двома конями тихо съ двора зъѣжае,
Думае-гадае:
Якъ пана Хмелницького до рукъ прибирати,
Ляхамъ отдати (Максим., 66).

[20]) Оттогдѣ-то припало ёму зъ правои руки,
Чотыри полковники:
Первый полковниче: Максиме Ольшанський,
Другій полковниче: Мартине Полтавський,
Третій полковниче: Иване Богуне,
А четвертый: Матвѣй Боруховичу (Метл., 389).

торую приведемъ ниже и которая относится только къ жидамъ. Кобзари здѣсь перепутали думы. Но далѣе въ думѣ слѣдуетъ казнь надъ Барабашемъ: она состоитъ въ связи съ разсказомъ о похищеніи королевской граматы, составляющимъ сущность содержанія думы. Барабашъ укоряетъ Хмельницкаго за его поступокъ и еще разъ, какъ бы въ видѣ совѣта, произноситъ тѣ же слова, которыя произносилъ прежде, когда отказывалъ Хмельницкому въ просьбѣ читать вмѣстѣ съ нимъ королевскую грамоту [21]). За это Хмельницкій обѣщаетъ (почти такими же выраженіями, которыя встрѣчались въ думѣ о Самойлѣ Кошкѣ) снять съ него голову [22]), а вслѣдъ за тѣмъ исполняетъ свою угрозу [23]). Дума, по варіанту Метлинскаго, оканчивается обращеніемъ козаковъ къ Хмельницкому съ желаніемъ, чтобъ козакамъ подъ его начальствомъ жилось хорошо, чтобъ они пили да гуляли и не давали бы никому на поруганіе православной вѣры [24]). За тѣмъ слѣдуетъ многолѣтіе всему народу и слушающимъ думу. Ясно, что послѣднее обращеніе къ Хмельницкому принадлежитъ первоначальной редакціи, такъ какъ Хмельницкій изображается еще живымъ.

Въ приведенной думѣ три дѣйствующихъ лица. Всѣ они представлены выпукло, типично и исторически вѣрно, сообразно своему времени. Барабашъ — живой типъ мелкой, узкосмотрящей,

---

[21]) Ой дуже, куме пане Хмельницький,
Пане писарю войсковый!
На щобъ тобѣ кралевськи листы у панѣ Барабашовои вызволяти,
На що тобѣ козацьки порядки козакамъ давати?
Не лучше-бъ тобѣ съ нами ляхами мостивними панами хлѣба-солѣ
съ уклономъ уживати (Метл., 390).

[22]) Якъ ты будешъ менѣ сими словами докорати,
Не зарѣкаюсь я тобѣ самому съ плечъ головку якъ галку зняти.
(ibid.)

[23]) Такъ гараздъ добре й учинивъ:
Куму свому Барабащевѣ гетьмановѣ молодому съ плечъ головку
якъ галку знявъ,
Жону его и дѣтей живцемъ забравъ,
Турському салтану въ подарункахъ одославъ.
Съ того часа Хмельницькій гетмановати ставъ (ibid.)

[24]) Оттогдѣ-то козаки, дѣти друзѣ молодцѣ, стиха словами промовляли:
Ой гетьмане Хмельницькій,
Батя нашъ Зиновѣ Богдане Чигиринській,
Дай Боже, щобъ мы за твоею головою пили да гуляли,
Вѣры своеи христіанськои у поругу вѣчными часы не подавали.
(ibid., 391).

эгоистической натуры, которая болѣе всего занята собственною безопасностью, часто не понимая того, что именно тамъ-то и нѣтъ безопасности, гдѣ она думаетъ найти ее. Для такой натуры ничего не значатъ ни горе ближнихъ, ни ихъ счастіе и свобода—священнѣйшія идеи, оживляющія добродѣтельнаго человѣка въ его общественной жизни. Не рѣдко такія натуры горько платятъ за свою слѣпоту и безсердечіе. Такихъ личностей вездѣ и всегда бываетъ много тамъ, гдѣ одинъ народъ подпадаетъ подъ матеріальное или духовное господство другого народа: изъ порабощенной и униженной массы выходятъ эти люди, отрѣзываются отъ соотечественниковъ и прилипаютъ къ поработителямъ; иные поступаютъ такъ ради эгоистическихъ видовъ, другіе просто по трусости. Это такіе люди, которыхъ въ обыкновенное спокойное время называютъ практическими, житейски-благоразумными людьми. Пока поработители сильны, они дѣйствительно выигрываютъ; если же угнетенная сторона поднимаетъ голову, то они первые дѣлаются жертвою своего прежняго малодушія. Въ XVII вѣкѣ въ Украинѣ и вообще въ Южной Руси такою личностью былъ ожирѣвшій и ошляхетнѣвшій козацкій или мѣщанскій урядникъ, цѣловавшій руки вельможнымъ панамъ, ползавшій у ихъ ногъ и содѣйствовавшій имъ къ утѣсненію своихъ русскихъ православныхъ земляковъ. Такимъ былъ Барабашъ: такимъ является онъ въ современныхъ историческихъ извѣстіяхъ, такимъ представляется онъ и въ приведенной думѣ. Жена его представляется въ думѣ умнѣе своего мужа; она способна усматривать опасность тамъ, гдѣ тотъ не видитъ, но она женщина своего времени: чуя и предвидя грядущую бѣду, она только заявляетъ объ этомъ, но не смѣетъ сопротивляться мужнину приказанію,—сама только не хочетъ быть участницею такого дѣла, въ гибельныхъ послѣдствіяхъ котораго увѣрена. Хмельницкій въ этой думѣ — человѣкъ умный, ловкій, хитрый, но преданный всею душою народному дѣлу, истинный вождь своего народа. Нельзя не обратить вниманія, что въ обоихъ извѣстныхъ намъ варіантахъ этой думы Хмельницкій нѣсколько различенъ: по одному варіанту—онъ уже давно знаетъ Барабаша, ему не нужно его испытывать; ему остается какимъ-нибудь хитрымъ способомъ похитить у него спрятанный важный для козаковъ документъ. По другому варіанту, напротивъ, Хмельницкій обращается къ Барабашу съ послѣднею попыткою склонить его къ служенію народному дѣлу и прибѣгаетъ къ хитрости только тогда, когда

эта его попытка разбивается о бездушный эгоизмъ его кума. Хмельницкій въ думѣ не отличается великодушіемъ: онъ не только убиваетъ Барабаша, но продаетъ въ рабство его жену и малолѣтныхъ дѣтей и за эту жестокость народная дума ни мало не порицаетъ его: такая жестокость была въ народныхъ нравахъ онаго времени. Самъ Барабашъ представленъ не только до крайности неисправимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чересчуръ опрометчивымъ: видя Хмельницкаго уже торжествующимъ, онъ и теперь не въ состояніи относиться къ нему иначе, какъ со своей прежней философіею; выше ея онъ нигдѣ и никогда стать не можетъ; онъ не умѣетъ даже и притвориться.

За этою характерною думою слѣдуетъ въ народной поэзіи рядъ пѣсенъ и думъ, относящихся къ первому году возстанія, какъ къ эпохѣ народнаго торжества. Изъ всего гетманствованія Хмельницкаго, продолжавшагося около девяти лѣтъ, только время отъ весны 1648-го до осени 1649 года было вполнѣ эпохою всенароднаго дѣла, и только это время было въ равной степени дорого всему южнорусскому народу, такъ какъ Зборовскій договоръ, состоявшійся въ августѣ 1649 г., начерталъ роковой рубежъ между козачествомъ и посполствомъ. Рубежъ этотъ впослѣдствіи былъ непроченъ и очень часто стирался, и самъ Хмельницкій, проведшій его, принужденъ былъ уступать напору народной волны; но южнорусскій народъ уже никогда послѣ того не доходилъ до такого единодушія, до такого напряженнаго воодушевленія, какъ въ непродолжительный періодъ отъ Желтоводской битвы до Зборовскаго мира; и потому-то лучшія пѣсни и думы о временахъ Хмельницкаго принадлежатъ преимущественно этому періоду. Отличительное качество этихъ пѣснопѣній—восторгъ и вмѣстѣ юморъ, расточаемый надъ побѣжденными поработителями, которымъ народъ припоминаетъ содѣянныя несправедливости. Рѣзко, при этомъ, выступаетъ на видъ игра словъ и риемъ, вообще свойственная южнорусскому способу поэтическаго выраженія. Въ пѣснѣ, въ которой главнымъ образомъ вспоминается Желтоводская битва—первая (а поэтому особенно дорогая народной памяти) побѣда козаковъ надъ поляками, мы встрѣчаемъ игру слова «хмѣль» съ прозвищемъ гетмана Хмельницкаго [25]). Сопоставленіе это, независимо отъ сходства, возбуждаемаго именемъ Хмельницкаго, само по себѣ въ народномъ

[25]) Чи не той-то хмель, хмель, що по тичинѣ вьється?
Гей то нашъ панъ Хмельницькій, що зъ ляхами бьється!

духѣ, такъ какъ въ малорусской пѣсенности вообще растеніе хмѣль — символъ удальства и отваги. Современники звали Богдана Хмельницкаго «хмелемъ» или (быть-можетъ) хмѣлемъ, и такая кличка была, вѣроятно, всеобщею, такъ что проѣзжавшій черезъ Украину арабъ Павелъ Алеппскій въ своихъ запискахъ иначе не называетъ славнаго козацкаго вождя, какъ «Ахмилъ», конечно, переиявши это названіе отъ тогдашнихъ малороссовъ. «Не ней, Хмельницкій, этой Желтой воды черезъ мѣру»,—обращается къ нему пѣсня, символически выражая этимъ мысль: «будь остороженъ, не отваживайся»! «Идетъ,—продолжаетъ та же пѣсня,—на тебя сорокъ тысячъ отборнаго ляшскаго войска!» — Сорокъ тысячъ — число символическое, означающее вообще на пѣсенномъ языкѣ мысль: много войска,—подобно тому, какъ встарину говорилось: «тьма» или «тьма темъ». «Я не боюсь ляховъ,—отвѣчаетъ Хмельницкій въ той же пѣснѣ,—я не тревожусь; знаю, что у меня не малая сила, да еще и орду веду за собою; а все это, враги ляхи, вамъ на бѣду»[26]! Пѣсня не вдается въ описаніе битвы, а одною чертою рисуетъ пораженіе ляховъ: сказавши, что не боится ляховъ, Хмельницкій ѣдетъ къ Желтому Броду, и не мало ляховъ лежитъ, погрузивши головы свои въ водѣ[27]. Затѣмъ изображается бѣгство враговъ и ихъ погибель съ намекомъ на потери ихъ богатствъ, выраженнымъ въ образѣ растерянныхъ ими шубъ[28]; дѣлается намекъ и на ихъ неудавшееся стремленіе водвориться навсегда въ Украинѣ: они строили тамъ себѣ домы, а теперь придется имъ бѣжать въ свою Польшу[29]. Пѣсня оканчивается словами: послѣ многихъ ляховъ плакали дѣти, остались вдовы[30].

---

[26]) „Ой не пій, Хмельницькій, дуже той Жовтои воды;
Иде ляховъ сорокъ тысячъ хорошои вроды“!
— А я ляховъ не боюся и гадки не маю:
За собою потугу великую знаю;
Да ще й орду за собою веду:
А все, вражи ляхи, на вашу бѣду!

[27]) Гей, поѣхавъ Хмельницький и къ Жовтому Броду:
Гей не одинъ ляхъ лежитъ головою въ воду!

[28]) Утѣкали ляхи, погубили шубы,
Не одинъ ляхъ лежитъ выщиривши зубы.

[29]) Становили ляхи на Вкраинѣ хаты:
Прійдеться ляшенькамъ у Польщу втѣкати.

[30]) Гей тамъ поля, поле, а по полю квѣтки,
Не по одномъ ляху заплакали дѣти;
Гей тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку гілля,
Не по одномъ ляху осталась вдовиця.

Какъ по мысли, такъ и по поэтическимъ образамъ и по юмористическому тону, пѣсня эта представляетъ нѣкоторое подобіе съ другою, относящеюся къ той же битвѣ Желтоводской пѣснею, теперь уже исчезнувшею. Мы списали эту пѣсню съ рукописи XVII вѣка, но, по неразборчивости почерка и по ветхости рукописи, не всѣ слова могли надлежащимъ образомъ прочитать. Безъ сомнѣнія, это произведеніе народнаго творчества также нѣкогда ходило въ народѣ. Здѣсь также сопоставляется прозвище гетмана Богдана Хмельницкаго съ символическимъ хмѣлемъ. «Хмѣль высыпался изъ мѣшка и надѣлалъ бѣды ляхамъ. Научилъ онъ ихъ уму-разуму, выбилъ изъ нихъ чертовскую спѣсь. Въ Желтую воду наложили для нихъ черезчуръ много хмѣльной травы: не устояли они на ногахъ, пустились бѣжать» [31]). Пѣсня обращается къ сыну коронаго гетмана Потоцкаго, Стефану, погибшему въ этой битвѣ: онъ хвалился прежде разорить Запорожье. «Что, гетманичъ бѣдняжка! Не попалъ на Запорожье, дороги не нашелъ въ Сидоровомъ оврагѣ!» [32]) Далѣе въ той же пѣснѣ козаки приглашаютъ ляховъ вести въ таборы молодцовъ козаковъ и отдавать имъ деньги за хутора, которые у нихъ паны отнимали [33]). «Уже теперь, ляхъ, не будешь отдавать козацкія хаты негодямъ, не будешь брать пересудовъ (пошлина за панскій судъ, несносная для козаковъ, всегда хотѣвшихъ судиться только своимъ собственнымъ судомъ), не будешь воевать козаковъ! Вамъ милѣе жиды разбойники, чѣмъ запорожцы молодцы! Вотъ крымскія овчины: снабдите ихъ (ляховъ) теперь тулупами. Вотъ что можетъ Хмельницкій! Помогай ему, Боже, бить этихъ куроѣдовъ (то-есть роскошно ядущихъ, такъ какъ

---

[31]) Высыпався хмель изъ мѣха
И наробивъ ляхамъ лиха,
Показавъ имъ розуму,
Выбернувъ дѣдчу думу;
До Жовтои водицѣ,
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на ногахъ стати,
Волили утѣкати.

[32]) Гетманичу небоже,
Не туди на Запорожье!
Не найшовъ гаразда шляху
У Сидоровѣмъ байраку.

[33]) Не утѣкай же, ляху,
Съ самого перестраху.
Вождай юнаковъ въ таборы,
Готуй деньги за хуторы.

куриное мясо считается въ народѣ праздничнымъ пущаньемъ) и не оставлять въ живыхъ и жидовъ. Уже они убѣгаютъ съ валовъ: боятся ружьевъ! Татарской похлебки лучше хотятъ, чѣмъ козацкой плети» [34]).

Въ лѣтописи Ерлича, современнаго Хмельницкому православнаго шляхтича въ Южной Руси, есть нѣсколько стихотвореній на южнорусскомъ языкѣ, по содержанію относящихся къ событіямъ эпохи Хмельницкаго. Нѣкоторыя—явно произведенія шляхетской стороны и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть включены въ рядъ народныхъ южнорусскихъ пѣснопѣній. Но два останавливаютъ наше вниманіе. Въ одномъ изображается торжество русскаго народа и прославляется Богданъ Хмельницкій [35]). Пѣснопѣніе это, какъ показываетъ его языкъ и складъ, могло быть сначала сложено бурсаками того времени; но, будучи по своему содержанію и духу сочувственно тогдашней народной массѣ, вѣроятно, оно было усвоено и пѣлось народомъ, и оттого-то Ерличъ помѣстилъ его въ своей лѣтописи. Второе, по своему

---

[34]) Южъ не будешъ ихъ хаты
Поганцямъ отдавати;
Не будешъ пересудовъ брати,
А нѣ ихъ воювати!
Милѣшъ вамъ жиды збойцѣ,
Нѣжъ запорожцѣ молодцѣ.
Отъ же маете крымчухи:
Дайте имъ теперъ кожухи.
Отъ-же Хмельницькій може,
Поможи ему, Боже,
Тыхъ курковѣдовъ бити
И жидовъ не живити.
Южъ утѣкають зъ валовъ,
Бояться самопаловъ.
Волять татарськои юки,
Нѣжъ козацькои пуки.

(Послѣдніе два стиха въ рукописи, бывшей въ нашемъ распоряженіи, искажены переписчикомъ; вѣроятно вмѣсто „татарськои юки“—слѣдуетъ читать: „татарськои юхи“, а вмѣсто „козацькои пуки“ — „козацькои пуги“).

[35]) Честь Богу, хвала, на вѣки слава войську днѣпровому!
Що съ Божой ласки загнали ляшки въ норту вислянску.
А родъ проклятый жидовській статый, чиста Украина!
А вѣра святая вцале (въ цѣлости) зостала: счастлива година!
И ты, Чигирине, мѣсто украинне, не меншую славу
Теперъ въ собѣ маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву
Зацного Богдана мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмелницького чигиринського давнѣго запорожця.

строю, болѣе народное, чѣмъ первое, очень сходно съ несомнѣнно-народными произведеніями той эпохи и не обличаетъ въ себѣ слѣдовъ единой авторской головы. Это настоящая народная пѣсня. Въ этой пѣснѣ, съ обычнымъ тому времени юморомъ, козаки отправляютъ къ татарамъ плѣнныхъ ляховъ, взятыхъ послѣ корсунскаго погрома. «Вотъ какъ гордость надѣлала бѣды коронному гетману Потоцкому! Да и тебѣ приключилась скорбь, польный гетманъ Калиновскій! Идите-ко, жолнѣры, смѣло идите на зимнія квартиры! Въ Бѣлгородѣ (Акерманѣ, въ ордѣ Бѣлогородской) будетъ вамъ помѣщеніе въ загонѣ! Пусть тѣмъ временемъ христіане ваши (подданные) подоляне поразведутъ куръ, а то у нихъ выносили и выловили ихъ ваши слуги. Вы же сидите у татаръ до смерти въ тяжелыхъ кандалахъ! Какъ мы отъ васъ терпѣли, такъ вы отъ насъ теперь потерпите!» [36])

По духу къ этому произведенію подходитъ первая половина стихотворенія, занесеннаго въ Лѣтопись Грабянки при описаніи Корсунской побѣды. Она гласитъ такъ: «Вотъ какъ пышно поѣхали въ Крымъ рыдваны. Это—Потоцкій и Калиновскій, польскіе гетманы съ своими совѣтниками. А возы съ сокровищами остались козакамъ, чтобъ имъ было чѣмъ поправить свою скудную рухлядь» [37]). Затѣмъ слѣдуетъ другая половина, ясно присочиненная бурсаками или дьячками и ни въ какомъ случаѣ не принадлежащая къ народной поэзіи.

Такимъ же духомъ насмѣшки надъ пораженными врагами проникнуты двѣ прекрасныя думы, относящіяся къ 1648 году: одна—о Корсунской битвѣ, другая—объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ южнорусскому народу іудеями, и о народномъ мщеніи надъ этими утѣснителями. Передъ нами по два варіанта обѣихъ думъ; варіанты первой напечатаны — одинъ въ Сборникѣ Максимовича 1849 года, другой—въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша. Изъ

---

[36]) Оттакъ пыха наробила лиха коронному Потоцькому,
Оттакъ була и тобѣ скрута польному Калиновському!
Оттакъ, жолнѣре, идѣте смѣло на зимовиско,
Въ Бѣлогородѣ у загородѣ майте становиско.
Нехай христіяне ваши подоляне поросплодуютъ куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ въ тяжкихъ кайданахъ до смерти сидѣте:
Якъ мы отъ васъ, такъ вы одъ насъ теперъ потерпѣте!

[37]) Поѣхали бучно до Крыму, рыдваны,
Съ совѣтниками обое польскіи гетманы,
А возы скарбовыи козакамъ зостали,
Абы съ нихъ худобу свою полатали.

варіантовъ второй думы напечатанъ одинъ у Кулиша, а другой не былъ еще нигдѣ напечатанъ и доставленъ былъ намъ въ рукописи Д. К. Морозомъ. Эти варіанты двухъ думъ иногда смѣшиваются между собою: части второй думы заходятъ въ первую, и наоборотъ; иное въ одномъ варіантѣ поставлено впереди, тогда какъ въ другомъ то же самое поставлено послѣ. Поэтому мы разсмотримъ эти двѣ думы вмѣстѣ по предметамъ, входящимъ въ ихъ содержаніе. Эти предметы слѣдующіе:

1) Угнетеніе народа отъ іудеевъ.
2) Начало возстанія.
3) Вареніе пива: образъ битвы и пораженіе поляковъ.
4) Взятіе въ плѣнъ Потоцкаго.
5) Бѣгство поляковъ.
6) Плачъ польскихъ женщинъ.
7) Бѣгство и плачъ іудеевъ.

Угнетеніе русскаго народа іудеями, бывшее до возстанія Хмельницкаго, изображено очень картинно во второй изъ разсматриваемыхъ думъ. Оно состояло: а) въ устроеніи шинковъ или «орандъ» при дорогахъ; б) во взятіи на откупъ рѣчныхъ угодій; в) въ собираніи мытъ съ проѣзжихъ; г) въ арендованіи церквей.

«Земле Польша, Украина подолька! (вѣроятно, земля подольная, равнина-подолье). Вотъ уже не годъ и не два прошло, какъ въ христіанской землѣ нѣтъ добра. Запечалилась, затруднилась бѣдная вдова: то не бѣдная вдова, то королевская земля» [38]). Такой приступъ дѣлаетъ дума о жидахъ, по варіанту, записанному Морозомъ.

У Кулиша это выражается такъ: «Отъ Кумейщины (отъ пораженія козаковъ подъ Кумейками) до Хмельнищины, отъ Хмельнищины до Бранщины (вѣроятно, эпоха забранія края къ Русскому государству) въ королевской землѣ не было добра» [39]). Намъ кажется, здѣсь варіантъ Мороза древнѣе, у Кулиша же

---

[38]) Земле Польша, Украино подолько!
Да вже не рокъ не два минає,
Якъ у хрисьтіянскій землѣ добра не має,
Якъ зажурилась да заклопоталась бѣдна вдова;
То не вдова—то кралевська земля! (вар. Мороза).

[39]) Якъ отъ Кумейщины да до Хмелнищины,
Якъ отъ Хмелнищины да до Бранщины,
Якъ отъ Бранщины да и до сего жъ дня
Якъ у землѣ кралевській да добра не було (вар. Кулиша).

старое начало передѣлалось позднѣе кобзарями, но во всякомъ случаѣ знакомыми съ главными чертами прошедшаго своей родины.

Постановка шинковъ или орандъ по дорогамъ изображается въ варіантѣ Кулиша такъ: «какъ жиды арендаторы взяли въ аренду всѣ дороги козацкія, то на одной мили заводили по три шинка, устроивали шинки на долинахъ, а на высокихъ курганахъ водружали большіе шесты»[40]). Въ варіантѣ Мороза объясняется, почему именно заведеніе шинковъ было стѣснительнымъ. «Жиды стали давать панамъ большой откупъ и заводили оранды одна отъ другой за милю. Идетъ украинскій козакъ мимо корчмы: жидъ выбѣгаетъ и хватаетъ за вихоръ украинскаго козака, да еще бьетъ его кулаками въ затылокъ. Козакъ-молодецъ,—говоритъ онъ,—чѣмъ буду я ляхамъ платить арендную плату, когда ты проходишь мимо корчмы и не заходишь туда? Да еще жидъ отнимаетъ у козака все оружіе, а козакъ величаетъ жида вельможнымъ паномъ. Тогда жидъ говоритъ своей жидовкѣ:—Хозяйка моя Рейза! Вотъ до какой чести дожилъ я въ Украинѣ: меня украинскій козакъ величаетъ вельможнымъ паномъ»[41]).

Въ варіантѣ Кулиша этотъ разговоръ жида съ своею женою ставится послѣ. Отбираніе жидомъ у козака оружія въ думѣ есть оставшаяся въ народѣ память о томъ, что, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, паны, предвидя скорую вспышку народнаго мщенія, дѣйствительно отбирали у своихъ подданныхъ южнорусовъ оружіе, и это исполнялось панскими подручниками—жидами.

---

[40]) Якъ жиды рандарѣ всѣ шляхи козацьки заорендовали,
Що на однѣй милѣ да по три шинки становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щоглы по высокихъ могилахъ (вар. Кул.).

[41]) Ще стали жиды великій откупъ давати,
Стали одинъ отъ одного на милю оранды становити.
Якъ иде украинській козакъ да и корчму минае,
А жидъ выбѣгае да украинського козака за чубъ хватае,
Да ще ёго двома кулаками по потылицѣ затинае.
— Козаче-левенче! А що я буду ляхамъ рату платити,
Що ты мимо корчмы идешъ да и корчму минаешъ?
Коло украинського козака всю зброю отбирае,
А на Украинѣ козакъ съ жидомъ похожае,
Ще ёго вельможнымъ паномъ называе.
А жидъ до жидовки словами промовляе:
Хозяйко моя Рейзя! Якои-то я на Украинѣ славы заживавъ,
Що мене украинській козакъ вельможнымъ паномъ назвавъ!

Арендованіе іудеями рѣкъ выражается по варіанту Мороза такъ: «одна рѣчка—Капрочка (?), другая—Гнилобережка (вѣроятно, Гнилой Тикачъ, или Гнилопятъ, впадающій въ Тетеревъ), третья рѣчка—Самарка за Днѣпромъ. Если пойдетъ человѣкъ къ водѣ для питья или ловить рыбу, то еще не добѣжитъ до рѣки, а ужь обѣщаетъ жиду самое лучшее изъ улова» [42]). По варіанту Кулиша это излагается съ бо́льшими подробностями: «Жиды взяли въ аренду на славной Украинѣ всѣ козацкія рѣки: на Самарѣ, на Саксанѣ (Саксаганѣ), на Гнилой, на Пробойной (?), на Кудескѣ (?). Если какой-нибудь козакъ, либо мужикъ, вздумаетъ половить рыбы, чтобы покормить жену свою съ дѣтьми, то долженъ идти за позволеніемъ не къ пану, а къ жиду и посулить ему часть улова. Идетъ козакъ мимо шинка, несетъ мушкетъ за плечами, хочетъ застрѣлить утку, а жидъ-арендаторъ посматриваетъ изъ окна и говоритъ своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася, что этотъ козакъ затѣваетъ? Что это онъ не войдетъ въ кабакъ, да не купитъ на денежку водки и не попроситъ меня, чтобъ я дозволилъ ему на рѣкѣ застрѣлить утку и покормить ею свою жену и дѣтей? Потомъ жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ поглядываетъ на жида съискоса, какъ медвѣдь, и называетъ жида милостивымъ паномъ.—Жидъ-арендаторъ,—говоритъ онъ,—милостивый панъ! Позволь мнѣ на рѣкѣ застрѣлить утку—накормить жену и дѣтей. Жидъ входитъ въ кабакъ и говоритъ потихоньку своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася! Быть мнѣ въ Бѣлой Церкви наставникомъ раввиномъ: козакъ назвалъ меня милостивымъ паномъ» [43]).

---

[42]) Щежъ и тымъ жиды не сконтентовали;
Ще рѣчки въ откупъ закупляли,—
Одна рѣчка Капрочка, другая рѣчка Гнилобережка,
А третья за Днѣпромъ Самарка.
Що ишовъ бы чоловѣкъ пити або рыбы ловити,
Да ще вонъ до рѣчки не добѣгае,
Уже вонъ жидовѣ за откупъ найкрасче обѣщае.

[43]) Ищежъ то жиды на томъ не перестали:
На славнѣй Украинѣ всѣ козацьки рѣки заряндовали,
Перва на Самарѣ, друга на Саксанѣ,
Третя на Гнилѣй, четверта на Пробойнѣй,
Пята—на рѣчцѣ Кудесцѣ.
Который бы козакъ альбо мужикъ исхотѣвъ рыбы вловити,
Жѣнку свою съ дѣтьми покормити,
То не иди до пана благословиться,

Собираніе жидами мыта въ Украинѣ, по варіанту Мороза, производится на мостахъ, построенныхъ черезъ большія рѣки. Жиды берутъ съ верхомъ ѣдущаго не два гроша, съ пѣшаго по грошу и даже у бѣднаго нищаго отбираютъ то, что тотъ выпросилъ: пшено и яйца [44]). По варіанту Кулиша: жиды взяли въ аренду торги и брали съ ѣдущаго возомъ ползлота, а съ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги же нищаго брали куръ и яйца и еще спрашивали (здѣсь дума передразниваетъ іудейскій выговоръ): нѣтъ ли еще, котикъ, чего-нибудь? [45]) Почти то же

А пойди до жида рандаря да поступи ёму часть отдати,
Щобъ позволивъ на рѣчцѣ рыбы вловити,
Жёнку свою съ дѣтьми покормити.
Тогдѣ-жъ то одинъ козакъ мимо кабакъ иде,
За плечима мушкетъ несе,
Хоче на рѣчцѣ утя вбити,
Жёнку свою съ дѣтьми покормити.
То жидъ рандарь у кватирку поглядае,
На жидовку свою стиха словами промовляе:
—„Эй жидовка моя Рася, що сей козакъ думае що вонъ у кабакъ не вступить,
За денежку горѣлки не купить,
Мене, жида-рандаря, не перепросить,
Щобъ позволивъ ёму на рѣчцѣ утя вбити,
Жёнку свою съ дѣтьми покормити?"
Тогдѣ-то жидъ-рандарь стиха подхождае,
Козака за пяты хватае;
То козакъ на жида-рандаря скоса якъ медвѣдь поглядае
Ище жида-рандаря милостивымъ паномъ узывае.
„Эй жиду, каже, жиду рандаре,
Милостивый пане,
Позволь менѣ на рѣчцѣ утя вбити,
Жёнку свою съ дѣтьми покормити"!
Тогдѣ жидъ-рандарь у кабакъ вхождае,
На жидовку свою стиха словами промовляе:
—„Эй жидовочко моя Рася!
Буть менѣ теперъ у Бѣлѣй Церквѣ наставнымъ равомъ:
Назвавъ мене козакъ милостивымъ паномъ!"
(*Кулишъ*: „Записки о Южн. Руси", т. I, стр. 59.)

[44]) Где була велика рѣчка—мосты въ откунъ забрали,
Отъ верхового по два шаги брали,
Отъ пѣшого по шагу, а отъ бѣдного старця,
Що вонъ выпросить, те отбирали: пшоно и яйця!

[45]) На славнѣй Украинѣ всѣ козацьки торги заорандовали,
Да брали мыто-промыто:
Отъ возового
По пов-золотого,
Отъ пѣшого пѣшенцѣ по три денежки мыта брали,
Отъ неборака старця

повторяется въ думѣ о Корсунской побѣдѣ, по варіанту Кулиша; тамъ поляки послѣ своего пораженія, понесеннаго отъ козаковъ, съ досадою упрекаютъ жидовъ: «Ахъ, вы, жиды, невѣрные сыны! Зачѣмъ произвели вы этотъ великій бунтъ, эту тревогу? Вы ставили на каждой милѣ по три корчмы, брали большія мыта: отъ ѣдущаго возомъ ползолотого, отъ пѣшаго по два гроша, да еще не пропускали и бѣднаго нищаго: и у него отбирали пшено и яйца? Теперь собирайте свои сокровища, да умилостивляйте Хмельницкаго» [46]).

Народныя преданія о жидовскихъ откупахъ и мытахъ, вошедшія въ думы, не всегда отличаются строгою точностью и вѣрностью въ подробностяхъ, какъ это можно видѣть изъ того, что названія рѣкъ, которыя брали въ откупъ іудеи, перепутаны. Не говоримъ уже о томъ, что количество мытнаго сбора въ одномъ варіантѣ не то, какое въ другомъ, такъ какъ оно въ разныхъ мѣстностяхъ могло быть не одинаково и на самомъ дѣлѣ. Сущность отъ этого не утрачивается. Ясно, что въ народной поэзіи отразилось впечатлѣніе тягости, лежавшей на жизни народа, память объ унизительномъ положеніи, въ какомъ находился южнорусскій человѣкъ подъ произволомъ зазнавшагося іудея.

Не лѣтописцы, которыхъ личностей нужно бываетъ доискиваться, чтобъ опредѣлить вѣрность ихъ взгляда, не акты, которыхъ подлинность и достовѣрность иногда бываетъ труднѣе доказать, чѣмъ имъ вѣрить,—самъ народъ, цѣлый народъ, устами нѣсколькихъ своихъ поколѣній, заявляетъ намъ и свидѣтель-

---

Брали куры да яйця,
Да ище пытае: „Ци нема, котикъ, сце цого?“
(*Кул.*, З. о Ю. Р., т. I, стр. 57.)

[46]) Тогдѣ ляхи чогось догадались,
На жидовъ нарѣкали:
Гей вы, жидове,
Поганськи синове!
На що-то вы великій бунтъ тревоги зрывали,
На милю по три корчмы становили,
Великіи мета брали:
Вôдъ возового
По пôв-золотого,
Вôдъ пѣшого по два гроши,
А ще не минали й сердешного старця—
Вôдбôрали пшоно да яйця!
А теперъ вы тыи скарбы сбѣрайте,
Да Хмелницького ѣднайте.
(*Кул.*, З. о Ю. Р., т. I, стр. 225.)

ствуетъ, что экономическія стѣсненія отъ іудеевъ были одною изъ главныхъ причинъ возстанія южнорусскаго народа,—возстанія, составившаго славнѣйшую страницу въ нашей исторіи.

Тотъ же народъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ сообщаетъ намъ еще и о другой, болѣе, повидимому, духовной причинѣ возстанія. По варіанту Кулиша говорится: «Жиды-арендаторы этимъ не удовольствовались: они взяли въ аренду всѣ козацкія церкви въ Украинѣ. Когда, случится, козаку или мужику Богъ дастъ дитя, то не ходи за благословеніемъ къ попу, а иди къ жиду-арендатору и положи ему *шестакъ*, чтобы позволилъ отворить церковь да окрестить ребенка. Когда какому-нибудь козаку или мужику дастъ Богъ сочетать бракомъ дитя свое, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а иди къ жиду-арендатору да положи ему битый талеръ, чтобы позволилъ отворить церковь да совершить бракосочетаніе» [47]).

Какъ ни особенно возмутительнымъ кажется для насъ теперь это оскорбленіе религіозной святыни, но по духу этой думы можно полагать, что и оно тяжелѣе и чувствительнѣе для народа отразилось болѣе въ смыслѣ экономическаго утѣсненія, чѣмъ собственно религіознаго, и отмѣтилось въ народной пѣсенности заурядъ съ другими утѣсненіями. Изъ двухъ варіантовъ думы о жидовскихъ утѣсненіяхъ только въ одномъ оно приводится и то не послѣ всѣхъ прочихъ, какъ бы можно было ожидать, признавая его самымъ невыносимымъ и унизительнымъ; напротивъ, послѣ описанія поруганій церкви слѣдуетъ фраза: «еще этимъ жиды не удовольствовались», а далѣе разсказывается, что жиды взяли въ аренду козацкія рѣки въ Украинѣ. Самый способъ извѣстія объ арендованіи церквей и церковныхъ требъ, гдѣ чита-

---

[47]) И ще жъ то жиды-рандарѣ на томъ не перестали:
На славнѣй Украинѣ всѣ козацьки церкви заорандовали.
Которому бъ козаку альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не иди до попа благословиться,
А иди до жида-рандаря,
Да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину охрестити.
И ще жъ то: которому-бъ-то козаку альбо мужику давъ Богъ дитину одружити,
То не иди до попа благословиться,
А пойди до жида рандаря,
Да положъ битый тарель, щобъ позволивъ церкву отчинити,
Тую дитину одружити.
(*Кул.*, З. о Ю. Р., т. I, стр. 57.)

телю бросаются въ глаза шестаки и битые талеры, показываетъ какъ будто, что здѣсь южнорусскому мужику всего чувствительнѣе было то, что жиды его обирали.

Касаясь начала возстанія, варіантъ Мороза восходитъ къ тому событію, когда Хмельницкій обращался къ польскому королю, котораго дума ошибочно титулуетъ императоромъ. Хмельницкій подалъ ему въ руки просьбу, называемую въ думѣ указомъ, а король послалъ въ Черкасы (къ Варабашу) свой указъ. Хмельницкій, чигиринскій житель, реестровый козакъ, войсковой писарь, досталъ этотъ указъ, вышелъ съ нимъ на рынокъ и сталъ кличъ кликать всему міру такимъ же способомъ, какой придается въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковнику Хвилоненку. Онъ созываетъ охотниковъ—пивоваровъ, винокуровъ, приглашаетъ ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ прогонить жидовъ и ляховъ изъ Украины, обѣщаетъ охотникамъ хоть три дня погулять по-козацки [48]). Въ послѣднихъ словахъ какъ будто слышится иронія надъ судьбою той громады народа, которая, по призыву Хмельницкаго, такъ горячо бросилась къ возстанію во имя обѣщаннаго всѣмъ козачества, а на самомъ дѣлѣ, какъ послѣдствія показали, большинство возставшихъ трудилось только для того, чтобъ одна часть изъ нихъ поступила въ привилегированное сословіе, остальныхъ же силою стали принуждать къ пребыванію въ мужичествѣ, оставивши имъ одно воспоминаніе, что и они какихъ-нибудь дни три были козаками. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ съ этимъ воспоминаніемъ соединилось и кое-что вещественное: дума вслѣдъ за тѣмъ поясняетъ намъ, что эти оборвыши, которыхъ Хмельницкій тащилъ къ себѣ въ войско изъ винокуренъ

[48]) Якъ то бувъ панъ Хмелницькій житель чигиринській,
Козакъ лейстровый, писарь войськовый,
Якъ вонъ сее зачувавъ то указъ писавъ,
Императору до рукъ подававъ;
А императоръ указъ писавъ,
Въ Черкасы до рукъ отдавъ.
А панъ Хмелницькій якъ того указу до рукъ доставъ,
На рынокъ выхожае, знамена выставляе,
Друзѣвъ пановъ молодцѣвъ на герецъ выкликае:
— „Друзѣ панове молодцѣ охотники винники броварники,
Годѣ вамъ по броварняхъ пива варити,
По винницяхъ горѣлокъ курити,
Годѣ вамъ по провальяхъ валятися!
Да идѣть вы жидовъ да ляховъ зъ Украины згонняти,
То будете вы собѣ мать хочъ на три днѣ хорошенько по козацьки погуляти“.

рень и враговъ, все-таки да поносили жидовскіе кармазины и, погулявши недолго по-козацки, успѣли-таки наполнить себѣ карманы серебряною монетой [49]).

Началомъ думы о Корсунской битвѣ и о плѣнѣ Потоцкаго, по обоимъ варіантамъ ея, служитъ символическій образъ варенія пива въ смыслѣ битвы козаковъ съ поляками. Хмельницкій взываетъ къ козакамъ: «Друзья молодцы, братья козаки запорожцы! Подумайте хорошенько, да постарайтесь: начинайте-ко варить пиво съ ляхами! Будетъ ляшскій солодъ, а козацкая вода,— будутъ ляшскія дрова, а козацкіе труды [50]). Въ варіантѣ другой думы, о жидовскихъ откупахъ, по списку Мороза, встрѣчаемъ подобный же символическій образъ, но только по отношенію къ нѣсколько позднѣйшему событію—къ битвѣ на рѣкѣ Случѣ [51]).

За этимъ аллегорическимъ воззваніемъ Хмельницкаго къ своимъ козакамъ въ обоихъ варіантахъ—какъ Максимовича, такъ и Кулиша—слѣдуетъ игривое изображеніе этого варенія пива: вся сила впечатлѣнія сосредоточивается на риѳмахъ, изъ которыхъ одна относится къ символическому образу варенія пива, а другая, соотвѣтствующая первой, къ пораженію ляховъ [52]). У Кулиша

---

[49]) Якъ почали молодцѣ жидовъ да ляховъ зъ Украины згоняти,
То въ кого не було и дранои невѣрнои кожушины,
То и той надѣвавъ жидовськи кармазины,
То вони собѣ хорошенько по козацьки погуляли,
Да ще по кишеняхъ срѣбнѣ гроши мали.

[50]) Ой обозветься панъ Хмелницькій
Отаманъ батько чигириньскій:
Гей друзѣ молодцѣ,
Братья козаки запорожцѣ!
Добре знайте (у Кулиша: дбайте),
Барзо гадайте,
И зъ ляхами пиво варити затирайте (у Кул. начинайте);
Лядській солодъ, козацька вода,
Лядськи дрова, козацьки труда.
(Макс., 67; *Кул.*, Зап. о Ю. Р. I. 223.)

[51]) Якъ почали жиды да ляхи
Съ паномъ Хмелницькимъ спалятися,
Щобъ по-поламъ пива наварити,
То вжежъ то бували лядськи дрова,
А Хмелницького вода,
Да бувъ жидовській ячмень,
А Хмелницького хмель.
То якъ вони на рѣчцѣ Случи пива наварили,
Тогдѣ Хмелницькому славу на вѣки сотворили.

[52]) Ой за тее пиво
Зробили козаки съ ляхами превеликое диво,

это все относится въ Корсунской битвѣ, происходившей между Корсуномъ и Стебловомъ [53]), а въ варіантѣ Максимовича видно, что дума эта воспѣваетъ не только Корсунскую, но и предшествовавшую ей Желтоводскую битву, и образъ варенія пива относится къ послѣдней, происходившей въ день Преполовенія, называемый по-малорусски правою середою [54]). Варіантъ Кулиша, описывая собственно только одну Корсунскую битву, говоритъ, что ляхи, догадавшись въ чемъ дѣло, пустились бѣжать, а козаки кричали на нихъ: «Ахъ вы ляхи, собачьи сыны! Что это вы не дожидаете, нашего пива не допиваете?!» [55]) Вслѣдъ за этимъ разсказывается, что козаки поймали Потоцкаго и привели, связавъ какъ барана, къ своему гетману Хмельницкому [56]). Въ варіантѣ Максимовича, напротивъ, за вареніемъ пива, которое относится, какъ выше было сказано, къ Желтоводской битвѣ, слѣдуетъ бѣгство поляковъ и жидовъ и плачъ побѣжденныхъ (о чемъ скажемъ подробно ниже), а потомъ уже Хмельницкій приказываетъ козакамъ перекопать рвомъ дорогу отъ села Ситни-

---

Ой за той-то пивный молотъ
Зробили козаки съ ляхами превеликій колотъ;
Ой за той-то пивный квасъ—
Не одного ляха козакъ якъ бы скурвого сына за чуба потрясъ. (Макс., 68).

[53]) Подъ Стебловомъ вони солодъ намочили;
Ще й пива не сварили,
А вже козаки съ ляхами барзо посварили;
За тую бражку
Счинили козаки съ ляхами велику драчку,
За той молотъ
Зробили ляхи съ козаками превеликій колотъ,
А за той незнать-якій квасъ
Не одного ляха козакъ якъ-бы скурвого сына за чуба стрясъ. (*Кул.*, З. о Ю. Р., I. 224).

[54]) Бо на праву середу
Заняли козаки ляховъ якъ-бы череду (Макс., 68).

[55]) Ляхи чогось догадали
Водъ козаковъ утѣкали,
А козаки на ляховъ нарѣкали:
Ой вы ляхове
Песьки сынове!
Чомъ вы не дожидаете,
Нашого пива не допиваете? (*Кул.*, 224).

[56]) Тогдѣ козаки ляховъ доганяли,
Пана Потоцького пойймали,
Якъ барана связали
Да передъ Хмелницького гетьмана примчали (*Кул.*, I, 224).

ковъ до города Корсуна и поймать Потоцкаго [57]),—черта, относящаяся къ корсунскому дѣлу, и притомъ черта исторически вѣрная, такъ какъ дѣйствительно важнѣйшій оборотъ, сдѣланный козаками въ этой битвѣ и давшій имъ побѣду, состоялъ въ томъ, что они успѣли въ-пору перекопать дорогу и вообще путь, по которому приходилось идти отступавшему передъ ними польскому войску.

Въ обоихъ варіантахъ за плѣненіемъ Потоцкаго слѣдуетъ насмѣшливое обращеніе къ нему козаковъ. У Кулиша оно полнѣе и живѣе. «Ахъ ты, панъ Потоцкій! Что это у тебя до сихъ поръ умъ бабій? Не умѣлъ ты проживать себѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ и шафраномъ; и теперь не съумѣешь ты воевать съ нами козаками да уплетать ржаную саламать съ тузлукомъ (по объясненію Кулиша, рыбный разсолъ). Велю-ко я тебя лучше отдать въ руки хану крымскому, чтобъ научили тебя крымскіе нагайцы жевать сырую кобылятину [58]).

Бѣгство разбитаго польскаго войска, по варіанту Максимовича, послѣ битвы, въ день Преполовенія, изображается снова такъ, что сила впечатлѣнія опирается на риемахъ, изъ которыхъ одна выражаетъ географическую мѣстность, чрезъ которую бѣжали поляки, а другая, соотвѣтствующая первой, признакъ трудности, сопровождавшей ихъ бѣгство [59]). Въ варіантѣ Кулиша

---

[57]) Гей обозветься панъ Хмельницькій
Отаманъ батько Чигириньскій:
Гей друзѣ молодцѣ,
Братья козаки запорожцѣ!
Добре знайте барзо гадайте,
Отъ села Ситниковъ до города Корсуна шляхъ канавою перекопайте,
Потоцького поймайте,
Менѣ въ руки подайте (Макс., 71).

[58]) Гей пане Потоцькій,
Чомъ у тебе й досѣ розумъ жіноцькій?
Не умѣвъ ты еси въ Каманцѣ Подольскомъ пробувати,
Печеного поросяти, куриць съ перцемъ да съ шапраномъ уживати,
И теперъ не съумѣешъ ты зъ нами козаками воевати,
И житнёй соломахи съ тузлукомъ уплѣтати,
Хиба велю тебе до рукъ хану крымському дати,
Щобъ научили тебе крымськи нагаи сирои кобылины жовати.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 225).

[59]) Во на праву середу
Заняли козаки ляховъ якъ-бы череду.
Ой которыхъ гнали до Прута—

такое же описаніе, относясь правильнѣе къ Корсунской битвѣ, съ подобными оборотами рѣчи изображаетъ болѣе бѣгущихъ іудеевъ, чѣмъ поляковъ [60]). Плачъ польскихъ женщинъ о своихъ погибшихъ въ бою мужьяхъ открывается сравненіемъ вдовства ихъ съ черною тучею, нависшею надъ Польшею [61]). Затѣмъ выступаютъ четыре плачущія польки: одна плачетъ о своемъ Грицѣ, поѣхавшемъ смотрѣть, какъ будетъ вариться козацкое пиво [62]), другая—о своемъ Янѣ, котораго козаки гдѣ-то связали какъ барана [63]), третья—о Кардашѣ, котораго козаки увели въ свой кошъ [64]), четвертая—о своемъ Якубѣ: «Ахъ, Якубъ, Якубъ,—говоритъ она по варіанту Максимовича,—тебя уже во вѣки не будетъ съ Желтой-Воды, съ быстраго Прута!» [65])—«Нѣтъ моего Якуба,—говоритъ она по варіанту Кулиша:—взяли его козаки

Була дорóженька барзо крута,
Которыхъ до Бузька (*Бузъ—городъ Таращ. уѣзда, уже нынѣ не существующій*)—

Була дорóженька барзо грузька,
А которыхъ до Хотина—
Тѣ бѣжучи полотѣли,
То кидали козаки ляхóвъ въ воду;
Къ чортовѣй матери на прохолоду (Макс., 68).

[60]) Жидове чого-сь догадались,
На рѣчку Случъ тѣкали.
Которыи тѣкали до рѣчки Случи,
Тѣ погубили чоботы й онучи.
А которыи до Прута,
То була вóдъ козакóвъ Хмельницького дорóженька барзо крута;
На рѣчцѣ Случи
Обломили мóстъ идучи,
Да потопили всѣ клейноты и всѣ ляцьки бубны;
Которыи бѣгли до рѣчки Росѣ,
Тѣ восталися голѣ й босѣ.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 228).

[61]) Ой не чорная хмара надъ Польщою встала,
Тожъ не одна ляшка удовою стала (Макс., 69).

[62]) Ой обóзветься перва панѣ ляшка: нема мого Гриця,
Где-сь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться (Макс., 68).

[63]) Ой обóзветься друга панѣ ляшка—нема мого пана Яна,
Где-сь извязали козаки якъ-бы барана.
(Макс., 68; *Кул.*, З. о Ю. Р. I. 228).

[64]) Озоветься друга панѣ ляшка: нема мого Кардаша!
Где-сь его Хмельницького козаки повели до свого коша (*Кул.*, 228).

[65]) Ой обóзветься третя панѣ ляшка: нема мого Якуба!
Ой Якубе, Якубе!
Где-сь тебе зъ Жовтои-воды зъ быстрои рѣчки Прута и до вѣку не буде! (Макс., 68).

Хмельницкаго и повѣсили на дубѣ» [66]). Такъ народъ издѣвается надъ горемъ семействъ своихъ пораженныхъ утѣснителей. Еще съ большимъ злорадствомъ тѣшится онъ надъ іудеями, придавая имъ черты растерянности и подлой трусости, постигшей ихъ при первомъ ударѣ послѣ прежняго, еще недавняго, нахальства. Въ думѣ о Корсунской побѣдѣ выводится разомъ нѣсколько іудеевъ съ выраженіями ужаса и горя. Одинъ, самъ не зная что ему дѣлать, хватается за бичъ, какъ будто думая защищаться такимъ слабымъ оружіемъ [67]); другой восклицаетъ, что ему уже не придется быть дома на шабашѣ [68]) (при этомъ дума передразниваетъ іудейскій говоръ); третій, Абрамъ, спѣшитъ собрать свой мелочной товаръ, иглы, кремни, курительныя трубки, все складываетъ въ коробочку и улепетываетъ отъ козаковъ [69]); четвертый съ своимъ товарищемъ смотритъ вдаль и видитъ выступающія изъ-за горы козацкія знамена [70]); пятый по этому поводу кричитъ: давайте скорѣе уходить въ Полонное [71]). Всѣхъ характеристичнѣе и забавнѣе одинъ, называемый въ варіантѣ Максимовича Юдкою, а у Кулиша Лейбою. Онъ съ горестью и ужасомъ обращается къ своей іудейской школѣ или синагогѣ и говоритъ: «Школа моя, школа каменная! Теперь тебя нельзя ни въ пазуху взять, ни въ карманъ спрятать! Придется тебя отдать на отхожее мѣсто козакамъ Хмельницкаго [72]).

---

[66]) Озоветься третя панѣ ляшка: нема мого пана Якуба.
Где-сь узяли Хмелницького козаки да либонь повѣсили ёго где-сь на дубѣ.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. І. 228.)

[67]) Обозветься первый жидъ Гичикъ,
Да й хапаеться за бичикъ.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. І. 226).

[68]) Обозветься другій жидъ Шлёма:
Ой я пакъ не буду на сабасъ дома!
(*Кул.*, З. о Ю. Р. І. 226).

[69]) Ой озоветься третій жидъ Оврамъ:
У мене не великій крамъ,
Шпильки, голки,
Кремѣньня, люльки,
Такъ я свій крамъ у коробочку склавъ
Да козакамъ пятами накивавъ!
(*Кул.*, З. о Ю. Р. І. 227).

[70]) Обозветься четвертый жидъ Давидко:
Ой брате Лейбо, ужежъ пакъ изъ-за горы козацьки коругвы видко!

[71]) Обозветься пятый жидъ Юдько:
Ой нумо до Полоннаго утѣкати прудко (ibid).

[72]) Тогдѣ жидъ Лейбо бѣжитъ,
Ажъ животъ дрожитъ,

Въ другой думѣ, о которой мы уже выше упоминали и которую г. Кулишъ озаглавилъ думою о жидовскихъ откупахъ, по двумъ ея варіантамъ: Кулиша и Морозa — іудеи рисуются еще полнѣе. Здѣсь описывается ихъ бѣгство и добываніе козаками Полоннаго, куда бѣглецы тогда укрылись. Проносится зловѣщая тревога. Іудеи-арендаторы собираются на свой сеймъ въ Бѣлую Церковь. «Что слышно въ славной Украинѣ?»—спрашиваютъ они другъ друга.—«Слышно»—говорятъ знающіе:—проявился тамъ у насъ гетманъ Хмельницкій!»—«Э, теперь отъ Бѣлой Церкви до славнаго Запорожья, не такъ какъ прежде было, вездѣ стоитъ наша жидовская сторожа!»—говорятъ самонадѣянные арендаторы-богачи, разумѣя, что іудеевъ теперь населилось много и они черезъ ихъ посредство могутъ узнать заранѣе обо всемъ, что затѣваютъ противъ нихъ русскіе. Но тутъ является нашъ знакомый бѣднякъ Абрамъ съ своимъ мелочнымъ товаромъ, которымъ, по замѣчанію думы, одурачивалъ онъ за Днѣпромъ козацкихъ женщинъ. Этотъ іудей лучше прочихъ знаетъ народъ въ Украинѣ и предупреждаетъ зазнавшихся арендаторовъ: «Ахъ вы жиды, жиды-арендаторы! Только повѣетъ вѣтеръ съ Низу (т. е. изъ Запорожья), вся ваша жидовская сторожа погибнетъ»[73]).

Якъ на школу поглянe,
Его сердце жидовське зовьяне:
„Эй школо-жъ моя, школо мурована!
Теперъ тебе нѣ въ пазуху взяти,
Нѣ въ кишеню сховати,
Але-жъ доведеться Хмелницького козакамъ — на срачъ на балаки покидати".

(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 227).

Или по варіанту Максимовича:

Ой школо-жъ моя школо!
Чи тебе продати,
Чи въ карманъ забрати?
А чи тому пану Хмелницькому
Отаману батьку Чигиринському
На срачъ подаровати? (Макс., 69).

[73]) Жиды-рандарѣ у Бѣлую-Церкву на сеймъ обирались,
Одинъ до одного стиха словами промовляли:
„Эй жиды вы, жиды-рандарѣ,
Шо теперъ у васъ на славнѣй Украинѣ слышно?"
— Слышенъ,—говорятъ,—теперъ у насъ гетманъ Хмелницькій!—
„Якъ отъ Бѣлой Церкви да до самого Запорожья
Не така стоитъ жидовська сторожа!"
Тогдѣ озоветься одинъ жидъ Овранъ;
У того бувъ не великій крамъ,
Только шпильки да голки,

Является Хмельницкій, во святой Божій день во вторникъ (на Духовой недѣлѣ) отправляетъ въ походы козаковъ истреблять жидовъ-арендаторовъ, не давать на поруганіе христіанской вѣры, не допускать жидовскаго шабаша [74]). Но жиды были догадливы: они бѣжали; Хмельницкій, прибывши въ Украину, не нашелъ тамъ уже ни одного іудея-арендатора [75]). Здѣсь дума, по варіанту Мороза, играя ріемами, изображаетъ, какъ іудеи бѣжали: одинъ хватаетъ доску, другой — ружье, третій — ось, четвертый — бичъ, тотъ — подгерстъ (палку, которою прикрѣпляютъ ниворень въ малорусскомъ возѣ), а иной просто дубину; между ними встрѣчаемъ и знакомаго намъ іудея — мелочного торгаша: это созданный народною изобрѣтательностію типъ, котораго признаки подмѣчены ею въ безчисленномъ множествѣ іудейскихъ личностей въ натурѣ; онъ является въ народныхъ пѣсняхъ въ разныхъ положеніяхъ и подъ разными именами: здѣсь онъ называется Хвайдышъ; онъ уже старикъ, но забылъ свою старость, когда пришлось спасаться отъ Хмельницкаго [76]). Іудеи

Що ходивъ по за Дніпро да дуривъ козацьки жёнки.
—„Эй жиды вы, жиды рандарё!
Якъ изъ низу тихій вётеръ повёне,
Вся ваша жидовська сторожа погине!“

[74]) Тогдё жъ-то якъ у святый божественный день у вовторокъ
Гетманъ Хмелницькій козаковъ до сходу сонця у походъ выправлявъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки вы, дёти друзё,
Прошу васъ, добре дбайте,
Отъ сна вставайте,
Руській отче нашъ читайте,
На славну Украину прибувайте,
Жидовъ рандарёвъ умень рубайте,
Кровъ ихъ жидовську у полё съ жовтымъ пёскомъ мёшайте,
Вёры своеи христіяньскои у поругу не подайте,
Жидовському шабашу не пользуйте.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 61).

[75]) Тогдё-то Хмелницькій на славну Украину прибувавъ,
Нё одного жида не застававъ (ibid.)

[76]) Которыи жиды шабашовали,
А которыи до города Польного утёкали,
— Вжежъ ты, рабине Мошку, бери на возъ дошку,
Ты, Срулю, бери порохъ да кулю,
А ты, Ицю, бери ручницю,
А ты, Гершку, бери подгерста,
А ты, Юсю, бери на поготовё осё,
А ты, Шмулю, бери дручья да двилю,
А ты, Ицекъ, бери бичикъ,

укрылись, по варіанту Кулиша, въ Полонномъ, по варіанту Мороза—въ Польномъ городѣ. Мѣстечко Полонное на Волыни было въ тотъ годъ дѣйствительно сценою истребленія іудеевъ, но такія сцены тогда происходили и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ; въ думѣ мѣстечко Полонное али Польный городъ, по сродству своего названія съ именемъ Польши, играетъ здѣсь роль идеальнаго города, означающаго вообще польскій край съ городами и мѣстечками, гдѣ запирались тогда бѣжавшіе изъ Украины іудеи и гдѣ козаки ихъ истребляли. Въ варіантѣ Мороза названіе Польный городъ ближе къ такому значенію. Хмельницкій, по словамъ думы, двинулся къ этому городу.

По варіанту Мороза, іудеи, запершись въ Польномъ городѣ, посылали одного изъ своей братіи, іудея Майорку, провѣдывать, далеко ли Хмельницкій, но жидъ Майорко сбился съ толку и самъ едва на третій день убѣжалъ все въ тотъ же Польный городъ [77]). По варіанту Кулиша, Хмельницкій, подступивши къ Полонному, посылаетъ въ городъ собственноручное письмо и требуетъ выдачи жидовъ-арендаторовъ, но осажденные отвѣчаютъ, что лучше всѣ погибнутъ, а жидовъ-арендаторовъ не выдадутъ [78]). Черта историческая того времени. Подобныя требованія выдачи

Да будемо коня погоняти,
Да будемо отъ пана Хмелницького до города Польного втѣкати.
А якъ бувъ собѣ жидъ старый Хвайдынъ,
Да мавъ собѣ крамъ: шпильки да голки,
А третѣ люльки,
То и той у клунки складавъ,
Да за ними пѣшки бѣжавъ;
Той старость свою утерявъ,
Отъ пана Хмелницького утѣкавъ!

[77]) А якъ у Польный городъ убралися.
То стали жида Майорку на подслухи высылати:
Чи ще-жъ то далеко панъ Хмелницькій зъ войскомъ пробуває?
А жидокъ Майорка съ глузду спавъ
Да ледвѣ и самъ вонъ третёго дня до города Польного припавъ.

[78]) До города Полонного прибувавъ,
Отъ своихъ рукъ листы писавъ,
У городъ Полонне подававъ,
А въ листахъ прописовавъ:
„Ой полоняне половинська громадо!
Коли-бъ вы добре дбали,
Жидовъ-рандарѣвъ менѣ до рукъ подали".
Тогдѣ-то полоняне ёму отписали:
„Пане гетьмане Хмелницькій!
Хоть будемъ одинъ на одному лягати,
А не можемъ тобѣ жидовъ рандарѣвъ до рукъ подати".

іудеевъ со стороны козаковъ въ тотъ роковой годъ бывали во многихъ мѣстахъ и отвѣты получались разные: бывали случаи, когда шляхта и мѣщане некрѣпко стояли за іудеевъ, но случалось и иначе. По словамъ думы, Хмельницкій, получивъ отказъ, въ другой разъ послалъ въ городъ письмо и грозилъ горожанамъ пушкою-сиротою, которая должна отворить для козаковъ желѣзныя ворота города [79]). Объ этой пушкѣ, кромѣ настоящей думы, сохранилось извѣстіе у историка козацкихъ войскъ Самуила Гроицкаго; описывая осаду Замостья Хмельницкимъ, онъ разсказываетъ, что козаки стращали осажденныхъ скорымъ привозомъ въ козацкій станъ пушки-сироты, представлявшейся орудіемъ огромнѣйшаго размѣра. Въ настоящей думѣ именно это фантастическое орудіе послужило Хмельницкому для овладѣнія Полоннымъ или Польнымъ городомъ. Когда козаки стали палить изъ пушки-сироты, іудеи завопили: «Полоняне! ахъ, еслибъ вы отбили ворота, что со стороны Польши, и выпустили насъ хоть бы въ однѣхъ рубахахъ! Жили бы мы себѣ за Вислою, да учили бы дѣтей своихъ добру, чтобъ они на козацкую Украину и съисподлобья никогда не посматривали» [80]). Здѣсь, какъ и въ другихъ пѣсняхъ, народъ начертываетъ какъ для іудеевъ, такъ и для поляковъ, границею рѣку Вислу; все пространство за этой

---

[79]) Отстоялъ то Хмельницкій у другій разъ листы писавъ,
У городъ Полонне подававъ:
„Эй полоняне, полонянська громадо!
Не хороша ваша рада!
Есть у мене одна пушка-сирота:
Отчиняться ваши залѣзнѣ широки ворота!“
(*Кул.*, З. о Ю Р. I. 62).

[80]) Тогдѣ-то у святый божественный день четвертокъ
Хмелницькій до сходу сонця устававъ,
Подъ городъ Поляное ближей прибувавъ,
Пушку Сироту упереду постановлявъ,
У городъ Полянго гостинця подававъ,
Тогдѣ-то жиды-рандарѣ
Горькимъ голосомъ заводали:
— „Эй полоняне полонянська громадо!
Коли-бъ вы добре дбали,
Отъ Польщи ворота отбивали,
Да насъ за Вислу рѣку хоч у однихъ сорочкахъ пускали!
То-бъ мы за рѣчкою Вислою пробували,
Да собѣ дѣтей дождали,
Да ихъ добрыми дѣлами научали,
Щобъ на козацьку Украину и кривымъ окомъ не поглядали“.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 63.)

рѣкою по направленію къ Руси онъ считаетъ своимъ, русскимъ достояніемъ. Не было въ Польномъ городѣ спасенія іудеямъ, какъ и въ дѣйствительности въ то время нигдѣ имъ не оказывали пощады козаки, распаленные не столько религіознымъ изувѣрствомъ, сколько духомъ справедливаго мщенія за крайнія нахальства и поруганія надъ русскимъ народомъ. Хмельницкій, взявши Полонное или иначе Польный городъ, далъ козакамъ три часа съ половиною времени погулять и поживиться на счетъ жидовъ-арендаторовъ [81]), а по варіанту Мороза—онъ жидами оралъ, жидовками бороновалъ, а маленькихъ жидовскихъ дѣтей лошадьми потоптали [82]). Тѣ іудеи, которымъ удалось убѣжать, проклинали своихъ богатыхъ единоземцевъ за то, что прежде брали на Украинѣ чрезмѣрные поборы по откупамъ и черезъ то вооружили козаковъ. «Вотъ,—говорили они,—еслибъ ты, Мошка, бралъ съ откупа понемногу, то мы бы себѣ въ Украинѣ проживали и насъ козаки величали бы вельможными панами» [83]). При этомъ является опять нашъ знакомецъ, тотъ іудей, который въ думѣ о Корсунской побѣдѣ—въ одномъ варіантѣ подъ именемъ Юдька, въ другомъ подъ именемъ Лейбы—плакалъ о грядущемъ поруганіи своей синагоги. И здѣсь онъ плачетъ о ней же, хотя называется Янкель и не употребляетъ слишкомъ рѣзкихъ названій предметовъ. «Не бывать намъ болѣе въ тебѣ, наша школа богомольница!—восклицаетъ этотъ іудей.—Нельзя намъ тебя ни продать и получить за тебя деньги, ни въ карманъ спрятать,—придется тебя въ Украинѣ покинуть, козаки тебя уничтожатъ, станутъ загонять въ тебя свиней неопрятныхъ» [84]).

---

[81]) Отътогдѣ-то козакамъ у городѣ Полоноѣ дана воля на три часа съ половиною:

„Пійте, гуляйте,
Коло жидовъ-рандарѣвъ собѣ здобу хорошу майте!“ (Ibid).

[82]) До города Польного прибувавъ,
Да старыми жидами оравъ,
А жидовками бороновавъ,
А которыи були малѣ дѣти, то вонъ ихъ кіньми поробивавъ!

[83]) Богдай ты, Мошку, счастьтя-долѣ не мавъ,
Якъ ты по-богату на Украинѣ откупу бравъ!
А якъ-бы ты, Мошку,
Да бравъ на Украинѣ откупу по-трошку,
Такъ мы-бъ на Украинѣ проживали,
И насъ бы козаки вельможными панами величали!

[84]) А якъ то бувъ жидъ Янкель,
То вонъ коло школы похожае,
Да по школѣ плаче.рыдае:

Въ думѣ, по варіанту Кулиша, козаки, взявши Полонное и овладѣвши достояніемъ іудеевъ, возвращаются въ свою Украину и тамъ дѣлятъ свою добычу тѣмъ же способомъ, о какомъ говорится въ думѣ о Самойлѣ Кошкѣ: одна часть поступила на церковь Покровскую въ Сѣчѣ и на Межигорскаго Спаса, другая пропивалась, а третья шла въ дѣлежъ между козаками. И не одинъ козакъ тогда просилъ Бога за пана Хмельницкаго, за то, что сносилъ на себѣ не одинъ жупанъ жидовскій [84]).

Варіантъ Мороза ведетъ повѣствованіе далѣе. Хмельницкій изъ Польнаго города направляется къ рѣкѣ Случи и еще разъ приказываетъ своимъ козакамъ рубить ляховъ и жидовъ, а притомъ приговаривать такъ: «Примѣчайте, ляхи: по ту сторону рѣки Случи—ваше, а по сю сторону—пана Хмельницкаго» [85]). Рѣка

„Школо наша, школо богомольнице!
Уже намъ у тобѣ не бувати,
И тебе не продавати,
И за тебе грошей не брати,
И у кишеню не ховати:
Треба тебе на Украинѣ покидати:
Да ще будуть тебе козаки уничтожати,
Да ще въ тебе будуть нескребенѣ санѣ загонять!“

[84]) Тогдѣ-то козаки въ городѣ Полоновѣ пили-гуляли,
Здобу хорошу собѣ коло жидовъ рандарѣвъ мали.
Обратно на славну Украину прибували;
Очертомъ сѣдали,
Срѣбло й злато на три части паювали:
Первую часть на Покровъ сѣчовую да на Спаса Межигорського отдали,
Другу часть на меду да на оковитій горѣлцѣ пропивали,
Третю часть между собою, козаками, паювали,
Тогдѣ-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмельницького Бога просивъ,
Що не одинъ жидовський жупанъ зносивъ.
(*Кул.*, З. о Ю. Р. I. 63).

[85]) То панъ Хмельницькій,
Житель чигиринський,
То вонъ ночей не досыпае,
Коло Случи рѣчки ляховъ и жидовъ догоняе,
Скоро догнавъ у вечерѣ пізно,
И тамъ стало дуже по улицяхъ тѣсно:
И тамъ до ихъ прибувае,
Ще й на козаковъ гукае,
Да ще й словами промовляе:
Друзѣ, панове молодцѣ! До Случи рѣчки прибувайте,
Жидовъ да ляховъ у пень рубайте
И до ихъ козацькими словами промовляйте:
Ото буде на той бокъ Случи ваше,
А по сей бокъ Случи буде пана Хмельницького и наше!

Случь при Хмельницкомъ сдѣлалась первымъ рубежомъ, отдѣлявшимъ козацкій край отъ Волыни, но постояннаго значенія границы русскаго народа отъ Польши никогда она не имѣла ни для всего этого народа, ни для самихъ козаковъ. Да и предѣлы собственно козацкой земли расширялись уже въ 1649 году, когда по перемирію, послѣдовавшему на короткое время въ началѣ этого года, границею поставлена была уже не Случь, а Горынь.

Затѣмъ въ варіантѣ Мороза, по поводу пораженія ляховъ и жидовъ на берегахъ Случи, повторяется тотъ же образъ варенія пива, который указанъ въ думѣ о Корсунской побѣдѣ. Наконецъ, варіантъ Мороза заключается тѣмъ рутиннымъ прославленіемъ героя думъ, которое составляетъ финалъ, удобоприменимый ко всякой почти козацкой думѣ [87]).

Вникая въ смыслъ содержанія и въ тонъ этихъ двухъ думъ въ ихъ варіантахъ, мы легко усмотримъ между ними такую связь, что обѣ онѣ окажутся не только истекающими изъ одного источника, какимъ было господствовавшее настроеніе народнаго духа, но даже до нѣкоторой степени какъ будто частями одного цѣлаго произведенія, и эти части, отъ времени до времени, то распадались, то смѣшивались снова: это приводитъ насъ къ такому предположенію, что великая, небывалая до тѣхъ поръ эпоха единодушнаго стремленія народа къ одной цѣли отразилась и въ народной поэзіи соотвѣтствующими признаками единенія, а пѣснопѣнія о событіяхъ того времени, слагавшіяся вслѣдъ за самыми событіями, еслибы всѣ сохранились до нашихъ дней, вѣроятно, безъ всякихъ литературныхъ натяжекъ съ нашей стороны, предстали бы передъ нами цѣльною народною поэмою.

Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что съ этими думами, по пріемамъ и тону, очень сходны пѣсни, относящіяся къ событіямъ той же эпохи. Читатели могли видѣть это по тѣмъ пѣснямъ, которыя уже приведены выше. То же представляетъ и пѣсня, очень замѣчательная и распространенная въ народѣ: это— пѣсня о Перебійносѣ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть лицо, извѣстное въ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ Максима

---

[87]) То хотя жъ то бувъ Хмельницькій
Житель чигиринський,
Козакъ лейстровый,
Писаръ войськовый,
Лыцарь добрый да й умеръ,—
А таки слава его козацька молодецька не умре не поляже!

Кривоноса: по источникамъ послѣдняго рода, это былъ изъ самыхъ рьяныхъ и задорныхъ героевъ народнаго возстанія. И въ народной пѣснѣ о Перебійносѣ къ его имени примыкаетъ вся дѣятельность козаковъ, и пѣсня эта можетъ быть названа пѣснею о народномъ возстаніи 1648 года вообще. Причина, почему Перебійносъ (иначе Максимъ Кривоносъ) сталъ до такой степени памятенъ и любезенъ народу, объясняется нѣсколькими данными, которыя о свойствахъ и характерѣ этого человѣка сообщаютъ намъ современныя ему письма и повѣствованія. Видно, что это былъ козакъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, а не въ такомъ, въ какомъ заявлялъ себя такъ-называемый реэстровый козакъ, который хотя и ополчался за дѣло всенародное и возбуждалъ народную толпу слѣдовать въ рядъ съ собою, но потомъ, особенно въ виду неудачъ, становился въ разрѣзъ съ желаніемъ распространить козачество на весь южнорусскій народъ въ смыслѣ всеобщаго уравненія сословій и полной для всѣхъ одинакой свободы. Войско Перебійноса или Кривоноса преимущественно состояло не изъ реэстровыхъ козаковъ, а изъ возставшихъ хлоповъ,—изъ тѣхъ, которымъ далеко не всѣмъ полагалось впослѣдствіи остаться въ козацкомъ званіи. Кривоносъ не ограничивался какими бы то ни было стародавними рубежами козацкаго жительства, а разносилъ возстаніе куда только могъ по южнорусской землѣ. Пойманные поляками его соратники подъ пытками показывали, что у нихъ у всѣхъ было желаніе разнести это возстаніе до самыхъ береговъ Вислы. Кривоносъ безжалостно истреблялъ шляхту и жидовъ-арендаторовъ вездѣ, гдѣ только заставалъ ихъ среди русскаго коренного населенія, разорялъ и до-тла сожигалъ панскіе дворы, экономіи, костёлы,—все, что только пахло прежнимъ утѣснительнымъ господствомъ ляховъ надъ Русью,—все, что противорѣчило всеобщему народному желанію не видѣть на Русской землѣ ни пана—властителя надъ народомъ, ни ксенза—представителя панской вѣры, ни жида — панскаго слуги и финансоваго агента пановъ,—никого, кромѣ свободнаго козака, независимаго, равнаго всѣмъ соотечественникамъ русскаго человѣка. Въ ту эпоху, по народному идеалу, не могло быть иного козака, кромѣ православнаго южнорусскаго обывателя, и съ другой стороны каждый православный южнорусскій обыватель имѣлъ невозбранимое право быть козакомъ, гдѣ бы онъ ни жилъ на древле-русской землѣ: въ чертѣ ли, въ данное время проведенной на договорной бумагѣ

для козацкихъ жилищъ, или же за этою чертой. За такимъ народнымъ идеаломъ шелъ Кривоносъ и не даромъ поляки ненавидѣли его болѣе всѣхъ другихъ козацкихъ предводителей. Іеремія Вишневецкій, величайшій противникъ окозаченія народа, былъ какъ бы личнымъ, непримиримымъ врагомъ Кривоноса. Самъ Хмельницкій, называвшій Кривоноса простакомъ, былъ имъ недоволенъ, такъ какъ Кривоносъ, подобно всей простонародной громадѣ, не хотѣлъ допускать никакихъ компромиссовъ, никакихъ перемирій съ ляхами, преслѣдовалъ одну цѣль — полное изгнаніе утѣснительныхъ элементовъ изъ среды южнорусскаго народа. Преслѣдовать эту цѣль наравнѣ съ Кривоносомъ прямо, неуклонно, гетману не дозволяло его польско-шляхетское воспитаніе. Въ началѣ возстанія, Хмельницкій, нуждаясь въ силахъ, потакалъ народному стремленію къ окозаченію, и въ это время онъ былъ дѣйствительно народнымъ вождемъ. Но слишкомъ скоро сталъ онъ показывать, что не можетъ понимать общественной организаціи иначе какъ въ сословномъ раздвоеніи козака отъ посполитаго человѣка, такъ что на перваго должны падать привилегіи воина, а на втораго — тягости мирнаго работника. Не всѣ въ его время изъ его полковниковъ думали такъ же; иные на первыхъ порахъ расходились во взглядахъ съ своимъ гетманомъ. Не видимъ никакихъ основаній не только утверждать, но даже подозрѣвать, чтобы кто-нибудь изъ тогдашнихъ второстепенныхъ предводителей возставшаго народа былъ способнѣе Хмельницкаго къ осуществленію народныхъ задачъ; но часто бываетъ, что иныя личности пользуются въ потомствѣ памятью и сочувствіемъ не по силѣ ихъ историческихъ достоинствъ, а по той духовной связи стремленій, какая въ свое время существовала между ними и народною громадою. Къ такимъ личностямъ принадлежалъ Кривоносъ, на языкѣ народныхъ пѣсенъ—Перебійносъ.

Пѣсня, о которой идетъ рѣчь, напечатана у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси» (стр. 27) и въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 329); извѣстна намъ она и по другимъ, записаннымъ нами отъ народа, варіантамъ. Пѣсня эта всегда начинается воззваніемъ или приглашеніемъ повѣдать и послушать о томъ, что произошло въ Украинѣ [86]). За этимъ слѣдуетъ извѣстіе, что за Дашевомъ (мѣстечко Кіевской губ., Лицовецкаго уѣзда), подъ Сорокою (въ другомъ варіантѣ подъ Сорочею могилою), пропало

[86]) Ой послухайте и повидайте
Що на Украинѣ повстало.

множество ляховъ [89]). Перебійносъ просить (вѣроятно, у Хмельницкаго) немного себѣ козаковъ—по одному варіанту семь сотъ [90]), по другому—немного, не означая числа [91]). Онъ рубитъ ляхамъ головы, а остальныхъ топитъ въ водѣ [92]). Разное число козаковъ у Перебійноса, по разнымъ варіантамъ пѣсни,—признакъ случайный, едва ли имѣющій историческое основаніе; народная фантазія произвольно хочетъ дать своему герою меньше воинской силы, чтобы тѣмъ болѣе поднять и возвысить его подвигъ, а можетъ-быть первоначально это въ пѣснѣ имѣло тотъ смыслъ, что у Перебійноса было немного настоящихъ козаковъ, уже прежде считавшихся въ этомъ званіи и присланныхъ ему гетманомъ. Но это не значитъ, что у Перебійноса было мало военной силы, такъ какъ отрядъ его безпрестанно наполнялся возставшими хлопами, которые отовсюду примыкали къ нему, добиваясь сдѣлаться козаками. Пѣсня отъ имени Перебійноса и его соратниковъ говоритъ ляхамъ, бросаемымъ въ воду: «цейте, ляхи, изъ грязныхъ лужъ воду, болотную воду, за то что пивали въ Украинѣ пива и вина хорошія» [93]). Это, очевидно, намекъ на бражничанье польскихъ пановъ въ южнорусской землѣ. Ихъ чрезмѣрная роскошь, самодурное мотовство, широкое гостепріимство для лицъ своего сословія — все это падало тягостію на подвластный имъ русскій народъ. Проснувшись отъ долговременнаго рабскаго усыпленія, этотъ народъ со злорадствомъ приноминаетъ своимъ прежнимъ утѣснителямъ ихъ свойства. Въ противоположность роскошной жизни пановъ, доведшей ихъ до того, что за давнее питье хорошихъ винъ пришлось имъ теперь захлебываться въ болотной водѣ, южнорусскій рабъ сопоставляетъ свою горькую жизнь, всегда проводимую въ скудости, исполненную лишеній, за то закаленную въ терпѣніи, и заставляетъ теперь пановъ удивляться: какъ это козакъ съ плохими средствами пропитанія можетъ ихъ одолѣвать.—Чѣмъ козакъ питается?—«Питается ко-

---

[89]) Що за Дашевомъ подъ Сорокою,
Множество ляховъ пропало.

[90]) Перебійносъ просить немного
Сѣмъ-сотъ козаковъ съ собою.

[91]) Трохи козаченьковъ съ собою.

[92]) Рубає мечемъ головы съ плечей,
А решту топить водою!

[93]) Ой ційте, ляхи, съ калюжи воды,
Воды болотныя,
А що пивали на той Украинѣ
Пива да вина сытныя.

зак рыбищем-щукою да саламатью на водѣ», говорятъ паны, которымъ пѣсня тутъ же придаетъ эпитетъ собачьихъ сыновъ.— Оттого-то,— продолжаетъ пѣсня,—козакъ и славенъ, что надѣлся саламати съ водою. Какъ станетъ съ ружьемъ, такъ сердце вянетъ (глядя на его жалкую фигуру), а ляхъ все-таки умираетъ отъ одного духа козацкаго [94]). Видишь ли ляхъ,—поется далѣе,— какъ панъ Хмельницкій поднялся вверхъ на желтомъ пескѣ (намекъ на Желтоводскую битву, первую побѣду Хмельницкаго)? Отъ насъ козаковъ, отъ насъ богатырей ни одинъ ляхъ не укрылся [95]) и за Вислою [96]). Видишь ли, ляхъ, какъ козакъ пляшетъ за тобою на ворономъ конѣ? Ты, ляхъ, испугавшись, упадешь съ коня, прикроешься землею [97]). Здѣсь пѣсня, очевидно, касается того паническаго страха, который овладѣлъ застигнутыми врасплохъ поляками, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду они, вмѣсто сокрушеннаго подъ Корсуномъ войска, едва могли выставить другое, но такое, которое на Пилявскомъ полѣ разбѣжалось при одномъ появленіи мстящаго врага. Уже по самую рѣку Случь не было въ Украинѣ ни одного поляка, ни одного іудея и пѣсня восклицаетъ: вотъ видишь, ляхъ, по Случь все наше, по Костяную могилу [98]). Есть ли гдѣ-нибудь такое урочище, которое носило бы названіе Костяной могилы—не знаемъ, но, кажется, здѣсь надобно разумѣть идеальную Костяную могилу, соединяющую въ себѣ представле-

---

[94]) Дивують паны пескій сыны
Що козакъ уживае!
Вживае козакъ щуку-рыбаху
Ще й соломаху зъ водою.
Ой по тимъ козакъ да дуже славенъ:
Наѣвся соломахи зъ водою,
Зъ мушкетомъ стане, аж сердце въяне,
А ляхъ отъ духу вмѣрае!

[95]) Ой бачишъ, ляше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтомъ пѣску подбився;
Одъ насъ козаковъ, одъ насъ юнаковъ
Нѣ одинъ ляшокъ не скрывся.

[96]) Семи (?) козаковъ добрыхъ юнаковъ
И за Вислою не скрывся.

(Г. Кулишъ толкуетъ, что подъ этими семью козаками разумѣлись какіе-нибудь герои эпохи Хмельницкаго, особенно любимые и отличаемые народомъ).

[97]) Ой бачишъ, ляше, якъ козакъ пляше
На воронѣмъ (въ другомъ варіантѣ: на сивомъ) коню за тобою!
Ты, ляше, злякнешъ и съ коня спаднешъ,
Самъ прикрыешся (въ другомъ варіантѣ: присыплешся) землею.

[98]) Ой бачишъ, ляше, да и по Случъ наше по Костяную могилу.

ніе о многихъ могилахъ, наполненныхъ костьми, и выражающую совокупность жертвъ, принесенныхъ за очищеніе южнорусской земли. Какъ не захотѣли,—продолжаетъ пѣсня, обращаясь къ врагамъ,—забунтовали и утеряли Украину [99]). Здѣсь намекъ на то упорство, съ какимъ паны сопротивлялись всему тому, что могло охранить народъ южнорусскій отъ ихъ произвола. Но для русскаго народа мало того, что «ляхи» потеряли Украину,—на этомъ одномъ народное возстаніе видимо не остановится. Пѣсня произноситъ такое рѣшеніе: нависли ляхи, нависли словно вороны на вишнѣ: не уступимъ мы Польшу ляхамъ, пока въ насъ жизни есть сила [100]). Но какую же это Польшу хочетъ народъ не уступать ляхамъ?—Конечно, ту Польшу, которая населена южнорусскимъ народомъ, сочувствующимъ возстанію Украины. Это та Польша, о которой говорилъ Хмельницкій пріѣзжавшему къ нему посломъ отъ Рѣчи Посполитой пану Адаму Киселю, выражаясь такими словами: «поможетъ мнѣ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, я не отступлюсь отъ ней: она вѣрная порука наша, чтобъ вы, усмиривши хлоповъ, не ударили на козаковъ. Будетъ съ меня Украины, Подоли, Волыни, довольно достатка въ княжествѣ нашемъ русскомъ, по Холмъ, по Львовъ, по Галичъ». Въ это время Хмельницкій выражался передъ панами вполнѣ искренно, безъ тѣхъ дипломатическихъ пріемовъ, которые употреблялъ въ другіе разы,—говорилъ то, что думалъ и чего желалъ весь народъ. Это самое желаніе и выразилось въ разбираемой нами народной пѣснѣ. Что русская земля названа въ пѣснѣ Подьшею, это естественно, такъ какъ она передъ тѣмъ принадлежала Польскому государству и слово Польша для южнорусскаго народа имѣло только географическое значеніе, а не означало тотъ панско-шляхетскій государственный организмъ, противъ котораго такъ усильно боролся русскій народъ. Козаки и окозаченные хлопы воевали не съ Польшею, а съ панами-ляхами. Выгнать ляховъ изъ Польши—не значило уничтожить Польшу: страна, населенная русскимъ народомъ и называвшаяся Польшею по ея зависимости отъ Польскаго государства, не перестала бы еще долго, по давней привычкѣ, называться Польшею. Далѣе

---

[99]) Якъ не схотѣли, забунтовали да й утеряли Украину.

[100]) Нависли ляхи, нависли
Якъ вороны на вишнѣ...
Не попустимо ляхамъ Польщи
Поки нашои жизности!

пѣсня заканчивается указаніемъ, что предѣломъ притязанія на изгнаніе ляховъ изъ Польши была рѣка Висла. Ну-те, козаки, теперь скачите, беритесь въ боки,—загнали мы ляховъ даже за Вислу: не возвратятся къ намъ никогда (по другому варіанту—не возвратятся и въ три года) [101]). За Вислою—другая Польша, настоящая ляхская Польша: до ней и до ея обитателей народу южнорусскому нѣтъ никакого дѣла, лишь бы тамошніе ляхи оставили его навсегда въ покоѣ. Сообразно съ этимъ народнымъ міровоззрѣніемъ Хмельницкій въ той же приведенной выше своей рѣчи къ Адаму Киселю и его товарищамъ говорилъ: «Дойду до Вислы, стану надъ нею и скажу живущимъ далеко за нею ляхамъ: сидите себѣ, ляхи, да молчите: вашу всю знать, всѣхъ вашихъ князей туда загоню, а если станутъ за Вислою кричать, я ихъ и тамъ найду!»

Такимъ образомъ въ этой превосходной пѣснѣ высказались всѣ завѣтныя желанія, вся политическая программа стремленій южнорусскаго народа въ его отношеніяхъ къ полякамъ.

Въ Сборникѣ Метлинскаго, кромѣ этой пѣсни, помѣщены еще двѣ пѣсни о Перебійносѣ, которыхъ содержаніе—битва съ ляхами и смерть Перебійноса. Къ сожалѣнію, пѣсни эти записаны въ Черноморской землѣ, въ сбитомъ и, кажется, даже искаженномъ видѣ. Онѣ смѣшиваются съ пѣснями о козакѣ Нечаѣ, да кромѣ того сюда подмѣшаны мѣста изъ извѣстныхъ намъ бытовыхъ пѣсенъ. Въ первой изъ этихъ пѣсенъ о Перебійносѣ, ляхи собираются убить Перебійноса, но онъ ихъ не боится и выступаетъ противъ нихъ—совершенно такъ же, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Битва Перебійноса съ ляхами происходитъ близъ Сорочей могилы и описывается такими же чертами, какъ битва Нечая съ ляхами въ пѣснѣ о послѣднемъ, которую мы приведемъ ниже. Во второй пѣснѣ о Перебійносѣ ляхи поймали джуру Перебійноса и стали ему крутить пальцы, допрашивая: чѣмъ можно убить Перебійноса? Джура, какъ видно, не вытерпѣлъ пытки и объявилъ врагамъ, что для этого надобно употребить въ дѣло серебряную пуговицу [102]).

---

[101]) Ну-же, козаки, ну-же у-скочім,
Поберемося въ-боки:
Загнали ляховъ геть ажъ за Вислу,
Не вернуться *николи!*
Или: — и въ три роки!

[102]) Ой догнали ляховъ вражихъ сыновъ да до рѣчки Жулины;
Ой уже ляхи вражи сыны джуру уловили.

У козаковъ было повѣрье, что между ними были *характерники*, то-есть люди, знавшіе таинственныя средства, охраняющія отъ непріятельскаго оружія; но вѣрилось также, что существуютъ средства противъ такихъ характерниковъ. Однимъ изъ такихъ средствъ считалась серебряная пуля, вмѣсто свинцовой, или серебряная пуговка, вложенная въ ружейный стволъ вмѣсто пули. Такимъ характерникомъ, очевидно, изображается и Перебійносъ. Пѣсня не говоритъ прямо, что онъ погибъ отъ невольной измѣны своего джуры, а даетъ только подразумѣвать, что именно такъ произошло. Пѣсня оканчивается разговоромъ Перебійноса съ своимъ джурою, какъ бы происходящимъ уже послѣ погибели Перебійноса и приводимымъ въ пѣснѣ какъ бы для смягченія вины джуры.—«Не захотѣлъ ты служить мнѣ,—говоритъ Перебійносъ,—будешь же ты ляхамъ стадо поить» (то-есть дурно ляхи тебѣ заплатятъ за измѣну). Джура отвѣчаетъ:—«Радъ бы я служить тебѣ, панъ Перебійносъ, да угнались мы черезчуръ за ляхами и пришлось погибать!»

Въ другой пѣснѣ, помѣщенной въ томъ же Сборникѣ, джура не попадается въ плѣнъ къ ляхамъ; говорится о смерти Перебійноса послѣ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго джурою, такъ что, повидимому, Перебійносъ погибаетъ отъ измѣны слуги своего. Сцена происходитъ близъ Сорочей могилы [103]).

Какъ ни искажены и не перебиты эти отрывки, но они показываютъ, что имя Перебійноса или Кривоноса было славно въ народной памяти, какъ имя любимаго народнаго богатыря.

Н. Костомаровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Ой стали джурѣ да й пальцѣ крутити.
—Скажи, джуро, скажи малый, да чимъ Перебійноса вбити!—
—„Ой водрѣжте або водорвѣте да срѣбного гудзя:
То чи не вбьете, або чи не скараете мого вѣрнаго друзя!“—
—Ой не схотѣвъ ты менѣ, хлопку, хлопковати:
Будешъ ты ляхамъ стадо наповати!—
—„Ой радъ бы я тобѣ, пане Перебійносе, хлопковати;
Да угнались мы далеко за ляхами: доведеться погибати.
(Метл., 403).

[103]) Ой поѣдьмо, малый джуро, да на Сорочу могилу,
Отвѣдаемъ, джуро малый, вражу лядську силу.
Не вспѣвъ козакъ Перебійносъ да до могилы доѣхати,
Якъ узявъ джуро, узявъ малый пистолѣ заряжати.
Ой не вспѣвъ козакъ Перебійносъ на могилу съѣздити,
Якъ узявъ джуро, да узявъ малый да зъ пистолѣвъ палити.
Ой теперъ же, ляхи, ой теперъ же, паны, вы славы зажили,
Що неживого Перебійноса подъ могилою положили.
(Метл., 401).

Пусть на пиръ, веселья полный,
Собрались друзья;
Пусть вино течетъ какъ волны,—
Не могу съ тоской безмолвной
Все разстаться я...

* *
*

Предо мной, какъ гость незваный,
Прошлое встаетъ...
Тяжко ноетъ сердца рана
И отъ каждаго стакана
Все тоска растетъ...

* *
*

Все ростетъ,—душа изныла
Отъ тоски нѣмой;
Гаснетъ духъ, слабѣетъ сила...
Неужель одна могила
Дастъ душѣ покой?!

П. Козловъ.

Отъ Москвы до Томска.

Пароходныя общества въ Нижнемъ.—Пароходъ «Фабрикантъ».—Пассажиры и 17 переселенцевъ.—Церкваты на Волгѣ.—Арестанты на баржѣ.—Торговля конвойныхъ офицеровъ на арестантской баржѣ.—Голый купецъ на пароходѣ.—Знаменитыя дачи Крыжановскаго и кн. Ливена.—Скопецъ Ивановъ.—Учитель нѣмецкаго языка изъ Риги.—Деревня въ пламени.—Пермь.—Высадка арестантовъ и политическихъ преступниковъ.—Пушечные заводы въ Мотовилихѣ.—Осмотръ арестантской баржи.—Екатеринбургъ.—Почтовый трактъ до Тюмени.—Внѣшность переселенцевъ.—Встрѣча съ экипажемъ сгорѣвшаго парохода «Роджерсъ».—Граница Европ. Россіи и Сибири.—Тюмень.—Кожевенный заводъ Колпагорова.—Жабинскій механическій заводъ Курбатова и Игнатовыхъ.—Ковровое производство.—Переселенцы въ Тюмени и необходимость учрежденія справочной конторы.—Раздача священныхъ книгъ арестантамъ на баржѣ.—Пароходство по Оби.—Поѣздка на пароходахъ «Нижегородецъ» и «А. Бѣлинченко» товарищества Курбатова и Игнатовыхъ.—Тобольскъ.—Переселенцы на пароходѣ.—Нужды переселенцевъ въ пути.—Экономическое ихъ состояніе.—Перечисленіе ихъ въ Томскую губернію.—Тормозы къ ихъ водворенію.—Переселенческія дѣла въ томской казенной палатѣ.

Дорога отъ Москвы до Томска такъ мало извѣстна москвичамъ, въ первый разъ отправляющимся туда, что невольно приходится распрашивать у каждаго, болѣе или менѣе знакомаго съ Сибирью, о пути, мѣстныхъ условіяхъ и т. д. По дорогѣ въ Пермь вы уже найдете много сибиряковъ, ѣдущихъ домой, но тѣмъ не менѣе указанія ихъ очень сбивчивы, да и каждый вноситъ въ свой разсказъ много личныхъ ощущеній, такъ что понятія о Сибири вы все-таки себѣ составить не можете.

Выѣхавъ 22 августа 1882 года изъ Москвы, я 23 числа началъ уже отыскивать себѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ пароходъ, отправляющійся въ Пермь. На станціи жел. дороги въ Нижнемъ всѣ пароходовладѣльцы имѣютъ отдѣленія своихъ конторъ, гдѣ продаются билеты по разнымъ направленіямъ Волги и Камы; купивъ билетъ на пристани, вы пользуетесь правомъ безплатнаго провоза багажа. Взять билетъ на жел. дорогѣ было бы рискованно, такъ какъ мнѣ хотѣлось побывать на ярмаркѣ, чтобы увидѣть ту знаменитую дѣятельность и жизнь, которыми такъ славится Макарьевская. Пріятно странствовать въ средѣ, которая тебя не знаетъ и не замѣчаетъ, видѣть эту разношерстную толпу людей всѣхъ націй и поколѣній, вѣчно ищущихъ счастія.

Пароходы отходятъ въ Пермь почти ежедневно, компаній пароходовладѣльцевъ нѣсколько, изъ нихъ однако товарищество пароходства Курбатова и Игнатовыхъ считается по Волгѣ—по баснословной дешевизнѣ и образцовымъ порядкамъ—однимъ изъ солиднѣйшихъ.

Главная побудительная причина, заставившая меня выбрать одинъ изъ пароходовъ этого товарищества, заключалась въ томъ, что пароходы эти везутъ на буксирѣ баржу съ арестантами. Интересъ къ этому товариществу еще больше увеличился, когда я узналъ, что на пароходѣ ѣдутъ переселенцы, съ которыми я давно хотѣлъ познакомиться; а такъ какъ поѣздка моя не была срочная, я и предпочелъ товарищество Курбатова и Игнатовыхъ всѣмъ остальнымъ. Плата за провозъ отъ Нижняго до Перми (разстояніе въ 1.404 вер.) въ I классѣ—8 руб., во II—6 руб. и въ III—2 руб. 60 коп. Единственный недостатокъ этого буксирно-пассажирскаго пароходства заключается въ медленности хода противъ пароходовъ другихъ товариществъ. Поѣздка длится 5 сутокъ и 15 час., между тѣмъ какъ пассажирскіе пароходы Любимова, Каменскихъ и другихъ дѣлаютъ это разстояніе въ 4 сутокъ съ небольшимъ.

25 августа, вечеромъ, я уже сидѣлъ съ нѣкоторыми пассажирами, съ которыми я успѣлъ познакомиться въ Нижнемъ, на набережной широкой Волги, дожидаясь парохода, который отходитъ всегда въ 2 часа ночи; такой поздній часъ отхода, странный съ перваго взгляда, вызванъ исключительно мѣстными условіями. Отчаливаніе парохода днемъ вызываетъ всегда у другихъ пароходовладѣльцевъ соревнованіе: желая доказать превосходство своихъ машинъ, они начинаютъ обгонять другъ друга, окончательнымъ результатомъ чего являлась, въ особенности при первомъ появленіи пароходства на Волгѣ, масса несчастій.

Вотъ эти печальныя послѣдствія заставили основателя этого товарищества Колчина отпускать свои пароходы въ такой часъ, когда всѣ могучія, но утомленныя силы волжскаго народа спятъ непробуднымъ сномъ.

Красноогненное солнце, при безоблачномъ небѣ, уже садилось. На пристани шла въ это время самая кипучая дѣятельность: одинъ тащилъ тюки, другой бралъ билеты, третій спѣшилъ захватить лучшее мѣстечко въ каютѣ и т. д. Намъ осталось до отхода парохода еще много времени, чтобы напиться чаю, закусить и поболтать въ компаніи, такъ какъ нигдѣ легче не составляется послѣдняя, какъ на пароходѣ, гдѣ всякій чрезвычайно легко и быстро знакомится.

— Неужели вы въ Сибирь?—сказала Александра Александровна, молодая, чрезвычайно граціозная женщина, одѣтая въ красную мантію, похожую на греческую тогу. Ее, какъ видно, удивили мое безпечность и веселое настроеніе духа; она какъ-то смотрѣла на меня съ сожалѣніемъ, боясь, конечно, это высказать.

— Чего-жъ страшнаго въ этомъ путешествіи?—удивленно спросилъ Василій Ивановичъ, мужъ этой граціозной и молоденькой женщины.

Боязнь и трепетъ предъ Сибирью, которые многіе питаютъ къ ней, лишены, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, смысла. Это объясняется только абсолютнымъ незнаніемъ Сибири и тѣми ложными свѣдѣніями, которыя вкоренены у насъ съ дѣтства.

Наговорившись до-сыта, всѣ разбрелись по разнымъ угламъ парохода подъ названіемъ «Фабрикантъ». Съ трудомъ удалось пробраться въ каюту, такъ какъ палуба была вся усѣяна спящими другъ возлѣ друга пассажирами.

26-го числа, съ восходомъ солнца, большая часть пассажировъ была уже на ногахъ. Всѣ стали осматривать другъ друга, не выглянетъ ли откуда знакомое лицо. Большая часть пассажировъ II класса состояла изъ купцовъ, возвращавшихся послѣ ярмарки домой. Между ними рѣзко выдѣлялась одна личность, въ которой, по старческому выраженію лица и тембру голоса, легко было узнать скопца. Долго поколившись на иконы, онъ поздоровался со всѣми, заговоривъ при этомъ какимъ-то дѣтскимъ, невойственнымъ этому возрасту, голосомъ. Кромѣ него выдѣлялся купецъ С. изъ Елабуги, ѣхавшій съ товарами обратно домой.

Я вышелъ на палубу. На мостикѣ капитанъ зорко слѣдилъ за ходомъ парохода, такъ какъ Волга въ этомъ мѣстѣ, начиная отъ Нижняго до впаденія въ нее Камы, имѣетъ наибольшее число перекатовъ. Мы приблизились къ перекату—Нижній Телячій бродъ, который въ настоящее время по искривленію фарватера имѣетъ трудный ходъ, а воды 8 четвертей. Пароходъ медленно сталъ приближаться къ нему. Матросъ, стоя на носу, сталъ выкрикивать протяжнымъ тономъ глубину воды по опускаемому шесту, и черезъ нѣсколько минутъ мы благополучно прошли его.

Палуба I и II класса, находящаяся на нѣкоторомъ возвышеніи, начала наполняться пассажирами, желавшими подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться оживленными берегами Волги. Пассажиры пока незнакомы, но впереди еще 5 сутокъ ѣзды. На разстояніи какихъ-нибудь 30 саж. отъ парохода видна была баржа на буксирѣ, наполненная 500 арестантами.

Между палубными пассажирами III класса, большая часть которыхъ принадлежала къ крестьянамъ, занимающимся отхожими промыслами, было 17 переселенцевъ изъ Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда, деревни Дешихова, ѣхавшихъ въ Бійскъ, Томской губерніи. Первая мысль о переселеніи зародилась у переселенцевъ по слѣдующему поводу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отправился въ Сибирь ихъ односельчанинъ для развѣдокъ; но вмѣсто того, чтобы вернуться, онъ выбралъ себѣ мѣсто въ 70 вер. отъ Бійска, построилъ зимою избушку, обзавелся скотиной, хлѣбомъ и зажилъ, какъ говорится, припѣваючи. Онъ не преминулъ извѣстить земляковъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовалъ приволье мѣстъ, гдѣ урожай бываетъ всегда сам 10, и съ десятины платится въ казну всего 50 коп. Письмо сильно подѣйствовало на крестьянъ, и прошлою весной партія въ 30 чел. отправилась туда, рас-

продавъ все, что было на-лицо. Надѣлъ земли у ѣхавшихъ переселенцевъ состоялъ изъ 1½ десят., а занять землю можно было за 25 верстъ отъ села за 20 руб. съ десятины.

— Бывало,—добавилъ Полухинъ, самый старшій изъ переселенцевъ,— заплатишь подати, аренду за землю и у тебя остается только одна солома,—ни денегъ, ни хлѣба.

Въ разговоръ вмѣшались пассажиры, ѣхавшіе обратно въ Пермь и Тюмень и встрѣтившіе очень много переселенцевъ по пути. Они увѣряли, что почти половина переселенцевъ возвращается назадъ нищими; сибиряки же, бывшіе на пароходѣ, увѣряли, что возвращаются только лѣнтяи, не любящіе трудиться и въ родномъ селѣ, что человѣкъ мало-мальски трудолюбивый всегда найдетъ въ Сибири вѣрный кусокъ хлѣба. Слова эти немного утѣшили переселенцевъ. Разговоръ зашелъ потомъ о сибирскомъ маслѣ, которое, по словамъ нѣкоторыхъ, продается по 40 коп. за пудъ и составляетъ необходимую ежедневную пищу всякаго крестьянина.

— Что касается насъ,— добавилъ Полухинъ,— то дай Богъ, чтобы намъ удавалось отвѣдать его хоть разъ въ годъ, и то если найдутся добрые люди, которые дадутъ разговѣться.

— А что побудило тебя ѣхать въ Сибирь въ такую позднюю пору?— обратился я къ Полухину съ вопросомъ.

— А это значитъ, что въ нашей волости, сказывали намъ, получился уже указъ, что Царь желаетъ распустить свою чернь,—ужь очень тѣсно стало ей. Еслибы дожидались до объявленія указа, то начальство бы намъ указало мѣсто, а теперь мы сами выберемъ себѣ любое, вотъ почему мы и поспѣшили.

«Фабрикантъ» подвигался все дальше и дальше, минуя массу однообразныхъ селъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ то тамъ, то сямъ на берегахъ этой рѣки.

Вотъ показались баканы Безводинскаго переката, на которомъ какой-то пароходъ стоялъ на мели. Здѣсь долженъ стоять шестрый баканъ, который показывалъ бы, что тутъ два хода, а между тѣмъ его нѣтъ. За этимъ долженъ слѣдить или начальникъ дистанціи, или инспекторъ судоходства. Пускаютъ сюда пароходы, не обращая никакого вниманія, на какой осадкѣ идетъ судно—мальче ли того, насколько находится воды на перекатѣ, или глубже; и вотъ почему пароходы и суда, проходя перекать, становятся на мель, тѣмъ портятъ самый фарватеръ и задерживаютъ ходъ другихъ судовъ, которыя могли бы свободно проходить, суди по своей осадкѣ. Отъ этого замедленія страдаютъ интересы владѣльцевъ судовъ, теряющихъ въ такихъ простояхъ дорогое время.

Незавидна участь пассажировъ, передъ глазами которыхъ проплылъ «Фабрикантъ» совершенно благополучно.

Затѣмъ пошли перекаты: Видницкій, Керженскій, Просѣцкій, Верхъ-Осельскій и Фоминскій.

Въ полдень стали мы приближаться къ Василь-Сурску. Баржа стала параллельно пароходу и тогда возможно было чрезъ рѣшетчатую ограду разглядѣть арестантовъ, помѣщавшихся на палубѣ. Видно было вдоль всей желѣзной рѣшетки, закрытой съ обѣихъ сторонъ подъемными полотняными занавѣсами, окрашенными масляною краской въ бурый цвѣтъ, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ и бокового дождя, множество дѣтей всякаго возраста, толпившихся у рѣшетки. Масса пассажировъ окружала у пристани сходни, съ любопытствомъ оглядывая арестантовъ; у многихъ видно было неподдѣльное сожалѣніе, а у иныхъ и слезы. Одни подавали имъ поданніе звонкою монетой, другіе пропихивали имъ яблоки чрезъ большія рѣшетчатыя отверстія желѣзной ограды. Нѣкоторыхъ ссыльныхъ садили въ Василь-Сурскѣ, а новыхъ подъ конвоемъ привели на баржу.

Вотъ появился солдатъ съ небольшой корзиной, покрытой рогожкою.

— Что это?—крикнулъ конвойный офицеръ.

— Раки,—отвѣтилъ солдатъ.

— Отнеси ихъ политическимъ ссыльнымъ.

Солдатъ, отнесшій ихъ, проскользнулъ по палубѣ и скрылся въ совершенно закрытой отъ глазъ пассажировъ каютѣ.

Желая узнать причину ссылки нѣкоторыхъ арестантовъ, находившихся на палубѣ, я обратился объ этомъ съ просьбой къ дежурному офицеру.

— У меня есть одинъ защитительный субъектъ; котораго я вамъ покажу: это—убійца, бѣжавшій съ Сахалина.

Онъ громко крикнулъ солдату:

— Приведи сюда Камалова!

Чрезъ нѣсколько минутъ послышался лязгъ цѣпей, арестанты на палубѣ отстранились и появилась высокая, худая фигура убійцы. Бросивъ на насъ испытующій взглядъ, онъ приподнялъ немного арестантскую шапку, безъ козырька, стараясь какъ можно меньше обнажать голову,—видно было, что бритая часть головы сильно стѣсняла его.

— Почему ты сосланъ?—спросилъ офицеръ.

— Убилъ купца Лапшина,—скороговоркой отвѣтилъ убійца.

— Разскажи намъ лучше, какъ ты удралъ съ Сахалина! — предложилъ ему слѣдующій вопросъ офицеръ.

— Послѣ убійства купца Лапшина,—хотя въ дѣйствительности не я его убилъ, а мой племянникъ,—я былъ сосланъ на Сахалинъ въ порть Дуэ, гдѣ занимался нагрузкой и разгрузкой на суда каменнаго угля. По субботамъ насъ водили въ баню. Уже смеркалось, когда насъ повели оттуда обратно въ казематъ. Мнѣ сильно загрустилось въ это время по родинѣ селѣ, и такъ какъ за нами не особенно слѣдили, то мнѣ и удалось улизнуть. Въ продолженіе вечера я бродилъ по берегу, досталъ себѣ нѣсколько брусьевъ, изъ которыхъ скололотилъ на скорую руку маленькій плотъ; проплывъ на немъ верстъ 60, достигъ берега, откуда и направился дальше на Благовѣщенскъ, Нерчинскъ и т. д. до родного села. Отъ

Сахалина до Благовѣщенска питался я пареньми, которые довольно вкусны. Не долго мнѣ однако удалось пробыть въ родномъ селѣ—всего два часа, такъ какъ родной братъ немедленно донесъ объ этомъ и я поплылъ обратно сюда, ваше благородіе.

Кромѣ Камалова мнѣ удалось поговорить немного съ хорошенькой румынкой, женой одного русскаго доктора, отравившею своего мужа, съ крестьянкой, убившею своего мужа, и нѣкоторыми другими. Все засуетилось на баржѣ въ это время, такъ какъ привели новыхъ арестантовъ, и я принужденъ былъ оставить баржу съ намѣреніемъ осмотрѣть ее лучше въ Перми.

Нагрузка яблокъ въ Васильсурскѣ длилась очень долго. По причинѣ урожайнаго года на яблоки, многіе изъ купцовъ скупали ихъ здѣсь для отправки въ Пермь, Тюмень и Сибирь. Цѣна фунта яблокъ въ Васильсурскѣ 2—3 коп., въ Перми 7—8 коп., а въ Томскѣ тѣ же яблоки 15—20 коп. Подобное быстрое повышеніе цѣнъ очень понятно, такъ какъ купцу удается привезти на мѣсто не болѣе половины,—остальныя портятся. Торгуютъ ими большею частію татары.

Дешевизна яблокъ, 80 коп. пудъ, побудила нѣкоторыхъ пассажировъ купить нѣсколько пудовъ и для арестантовъ. На долю каждаго досталось, вѣроятно, одно, много два яблока.

Вотъ прошли Козьмодемьянскъ, Чебоксары и приблизились къ Кусниковскому перекату, который на разстояніи 20 вер. ниже Мариинскаго посада мелокъ (воды 6 четвер., ходъ довольно трудный). Пассажиры, внимательно прислушиваясь, могутъ немедленно узнать близость переката,—пароходъ даетъ маленькіе толчки, а вода покрывается рябью. На перекатѣ находилось до 70 барокъ и 14 буксирныхъ пароходовъ. Странно, какимъ образомъ начальникъ дистанціи дозволилъ ставить суда такъ близко къ перекату,—они только мѣшали проходить другимъ судамъ. На этомъ перекатѣ пароходъ терся и хваталъ мели три раза. Капитанъ убавилъ ходъ машины до самаго тихаго, а когда пароходъ хваталъ мели, онъ давалъ полный ходъ, и пароходъ какъ будто перескакивалъ эти небольшія возвышенности дна.

27 августа, въ 11 часовъ утра, «Фабріанъ» приблизился къ Казани. Арестантская баржа, подошедшая къ городу, отдѣлилась отъ парохода и пристала къ отдѣльной пристани. Все закопошилось, началась тотчасъ же пересадка арестантовъ. Сплошная толпа, образовавшаяся вокругъ баржи, съ любопытствомъ слѣдила за арестантами разныхъ возрастовъ, стоявшими на баркѣ и выглядывавшими изъ большихъ отверстій желѣзной рѣшетки. Татары заговорили съ арестантами-татарами по-татарски, евреи—съ евреями по-еврейски; одни подавали деньги, другіе арбузы, третьи яблоки и т. д. Русскіе пассажиры очень мало принимали участія въ русскихъ арестантахъ, которые безучастно смотрѣли на окружающую ихъ толпу. Баржа начала нагружаться арбузами, которые въ Казани на

много дешевле, чѣмъ въ Нижнемъ, такъ какъ ихъ везутъ изъ Саратова и Астрахани. Конвойные солдаты носили по два арбуза и складывали ихъ на одну половину баржи. Казалось довольно страннымъ съ перваго взгляда, что арестантовъ кормятъ арбузами, такъ какъ арбузъ обходился во всякомъ случаѣ не дешевле 12 коп. На вопросъ, для кого эти арбузы, мнѣ отвѣтили, что «это для его благородія, конвойнаго офицера». Отвѣтъ однако меня не удовлетворилъ, такъ какъ цѣлая куча арбузовъ, около 500 штукъ, заняла почти половину палубы, такъ что пришлось вытѣснить арестантовъ на другую половину. По распросамъ оказалось, что конвойный офицеръ ведетъ торговлю между Нижнимъ и Пермью, скупая на пристаняхъ продукты для продажи ихъ въ Перми. Не думаю, чтобы было извѣстно г. Курбатову, что конвойные офицеры превращаются по дорогѣ въ продавцовъ, а арестантское помѣщеніе въ товарный складъ, такъ какъ на пароходахъ Курбатова и Игнатовыхъ строго-настрого воспрещена служащимъ какая бы то ни была торговля.

Прекрасная погода и полная жизнію дѣятельность на пристаняхъ Казани влекли каждаго пассажира на берегъ. Я вышелъ и завернулъ въ трактиръ, предъ окнами котораго разстилается Волга со множествомъ пароходовъ и баржъ. Едва только я успѣлъ съѣсть порцію ухи изъ свѣжихъ стерлядей, какъ первый сигнальный свистокъ объ отчаливаніи парохода былъ поданъ: я поспѣшилъ, но оказалось, что пароходъ простоялъ еще битый часъ, пока отчалилъ отъ берега.

Въ Казани сѣло нѣсколько новыхъ пассажировъ, между которыми выдѣлялись двѣ дѣвушки: одна изъ нихъ модистка изъ Перми, другая—генеральская дочь. Насколько первая была апатична, несмотря на всѣ свои прелести, настолько вторая отличалась живымъ темпераментомъ. Молодой юнкеръ, сильно ухаживавшій за генеральскою дочкой, проводилъ съ ней все время. Несмотря на пустоту разговоровъ, которые вращались только на танцахъ и сплетняхъ,—разговоръ веденъ былъ съ такой живостью и интересомъ, что всѣ сидѣвшіе въ каютѣ слѣдили за юною парочкой съ особеннымъ вниманіемъ. Веселое настроеніе духа сидѣвшихъ въ каютѣ увеличилось еще однимъ забавнымъ случаемъ, который немедленно пронесся по пароходу, вызывая при этомъ несмолкаемые взрывы хохота. На «Фабрикантѣ», равно какъ и на всѣхъ пароходахъ товар. Курбатова и Игнатовыхъ, есть отдѣльная каюта для купаній съ душемъ. Купецъ С., ѣхавшій въ Елабугу, по привычкѣ къ ежедневнымъ омовеніямъ, пожелалъ воспользоваться купальней на пароходѣ для очищенія какъ своего тѣла, такъ и совѣсти послѣ Макарьевской. Онъ получилъ разрѣшеніе отъ командира и влѣзъ въ каюту, въ которой и занялъ, по причинѣ своей тучности, больше половины пространства. Неловкимъ движеніемъ онъ задѣлъ во время купанья разложенное тутъ же на лавочкѣ платье, которое упало въ кадь со скипидаромъ, стоявшую подъ скамейкой. Видя свое безъисходное положеніе, онъ надѣлъ сапоги, стоявшіе въ сторонѣ отъ

платья, накинулъ на шею полотенце, вывѣшее въ купальнѣ, отворилъ дверь каюты, выходящую на палубу, и сталъ звать о помощи. «Господинъ командиръ, — крикнулъ матросъ, — пассажиръ хочетъ удавиться». Густая толпа палубныхъ пассажировъ съ капитаномъ во главѣ окружила каюту, чтобъ узнать причину появленія купца изъ полуотворенныхъ дверей каюты въ адамовомъ костюмѣ.

— Во что прикажете его одѣть, Андрей Фокичъ? — спросилъ матросъ. — Всѣ вещи его въ багажѣ.

— Дайте ему въ такомъ случаѣ матросское платье, — отвѣтилъ капитанъ.

Капитанъ парохода, г. Орловъ, человѣкъ дѣла и практики, служитъ уже 26 лѣтъ на Волгѣ и на своемъ дѣлѣ, какъ говорится, собаку съѣлъ, но не упускаетъ случая поухаживать за пассажирками; желая посѣтить ихъ, онъ приказалъ достать для купца матросское платье.

Купца, которому костюмъ этотъ подходилъ, по русской поселяницѣ, какъ коровѣ сѣдло, провели чрезъ палубу въ каюту. Нѣсколькимъ хохотъ пассажировъ, а главное язвительныя остроты простого класса на палубѣ сильно раздражали его. Съ лицомъ искаженнымъ злобою и глазами опущенными долу, прошелъ онъ по палубѣ, какъ будто сквозь строй, въ каюту, гдѣ и улегся на нару.

Вечеромъ часовъ въ 6 мы дошли до устья Камы, гдѣ она сливается съ Волгой (одно изъ очень красивыхъ мѣстъ въ Великомъ бассейнѣ) и прошли Лаишевъ. 28-го числа начали приближаться къ знаменитой дачѣ Крыжановскаго, надѣлавшей много шуму въ Россіи, и сосѣдней съ нею дачѣ кн. Дивена. Мѣстность эта одна изъ лучшихъ на берегахъ Камы. Вдали, въ чащѣ лѣса, виднѣлся домикъ съ зеленою крышей, въ которомъ отдыхалъ, вѣроятно, послѣ трудовъ праведныхъ Крыжановскій. Небольшая пристань на берегу съ маленькимъ пароходикомъ привлекла вниманіе многихъ пассажировъ. На пароходѣ ѣхалъ дядя владѣльца этой дачи, купившаго ее у Крыжановскаго за 260.000 р., по 50 руб. десятина; Крыжановскому же обошлась десятина въ 8 р. 20 к.

Двухъ или трехъ дней на пароходѣ вполнѣ достаточно для того, чтобы познакомиться со всѣми пассажирами. Меня особенно интересовалъ скопецъ Ивановъ изъ Тюмени, который кромѣ чая и соленыхъ огурцовъ съ хлѣбомъ ничего не ѣлъ, не входилъ сначалѣ ни въ какіе разговоры и мрачно глядѣлъ изъ угла каюты своими безжизненными глазами на окружающую толпу. Удобный случай для разговора представился, когда капитанъ спросилъ его прямо, въ присутствіи нѣкоторыхъ пассажировъ, къ какой сектѣ онъ принадлежитъ. «Я — рѣзанный», отвѣтилъ онъ. Мы заговорили съ нимъ тогда откровенно, и онъ разсказалъ всю свою біографію — гдѣ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ оскопленъ на 12 году своей жизни, наказанъ въ 1837 г. 28 ударами розогъ и отправленъ на поселеніе въ Сибирь. Въ Омскѣ онъ попалъ на казенную службу, дослужи-

ся до столоначальника, но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не получилъ никакого чина. Теперь онъ возвращается изъ Петербурга, куда поѣхалъ только за тѣмъ, чтобы поставить свѣчку надъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Средства выдалъ ему богатый купецъ изъ Тюмени, г. Давыдовскій, котораго онъ и сопровождалъ.

Въ разговорѣ о религіи онъ разсказалъ, какимъ образомъ Ивановъ, описывая расколъ, ересь, доказывая, что хлысты или скопцы желаютъ возвести на престолъ одного изъ своихъ, такъ какъ нелѣпость находится въ самомъ корнѣ, ибо отъ хлыстовъ не можетъ быть потомства. Появленіе Иванова въ публикѣ, гдѣ находились женщины, вызывало всегда натянутость, такъ какъ неловко было говорить о немъ, а между тѣмъ всякій зналъ о томъ, что онъ скопецъ. Насколько Ивановъ разстраивалъ веселое расположеніе духа прекраснаго пола, настолько возвращалось оно съ появленіемъ толстаго нѣмца изъ Риги, учителя нѣмецкаго языка, получившаго назначеніе въ Омскъ.

Онъ всю дорогу охалъ и стоналъ, жалуясь на неудобства путешествія и на лишенія, которымъ человѣкъ подвергаетъ себя, предпринимая путешествіе. Онъ ѣхалъ за троихъ и жаловался на отсутствіе аппетита, спалъ по цѣлымъ днямъ и былъ недоволенъ пароходными диванами, на которыхъ нельзя было выспаться. Очнувшись, онъ всегда вспоминалъ о своей матери, оставшейся въ Ригѣ, которую извѣщалъ по телеграфу изъ каждаго города о своемъ здоровьѣ, такъ какъ поѣздка nach Sibirien очень страшила ее. Съ особеннымъ наслажденіемъ мечталъ онъ о Перми,—такъ онъ рѣшилъ наконецъ отдохнуть, выспаться и съ свѣжими силами двинуться въ путь.

Въ 11 час. вечера мы прибыли въ Гольянъ. Пассажирамъ I и II класса приходилось сидѣть въ каютахъ, такъ какъ капитанъ не разрѣшилъ пассажирамъ выходить на мостикъ по причинѣ дождя и темноты ночи, дабы не мѣшать лоцману управлять пароходомъ. Однако, лишь только отчалили отъ Гольянъ, какъ зарево пожара освѣтило всю дорогу и выходъ пассажирамъ на мостикъ былъ разрѣшенъ; безчисленное множество красныхъ языковъ сливалось какъ будто съ облаками; цѣлая деревня, объятая пламенемъ, похожа была на бушующее огненное море, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сливалось съ облаками, точно смерчъ.

31 августа, въ 2 часа пополудни, мы достигли Перми. Всѣ на пароходѣ засуетились, укладывая свой багажъ и прощаясь другъ съ другомъ. Многіе изъ пассажировъ должны были уѣхать въ тотъ же день въ Екатеринбургъ, въ восемь часовъ вечера, въ томъ числѣ и переселенцы. Мнѣ пришлось только перенести свои вещи на вокзалъ желѣзной дороги, который находится тутъ же у пристани, шагахъ въ 40. Я рѣшился остаться двое сутокъ въ Перми, чтобъ осмотрѣть городъ и пушечные заводы въ Мотовилихѣ.

Городъ расположенъ на небольшой возвышенности и казался мнѣ, когда я былъ еще на пароходѣ, довольно эффектнымъ, но въ дѣйствительности

онъ далеко не оправдалъ этого предоставленія. Сдавъ свои вещи въ гостиницу, я поспѣшилъ на сосѣднюю пристань, куда причалила баржа, смотрѣть на высадку арестантовъ. Большая цѣпь вооруженныхъ солдатъ окружала пристань, гдѣ высадка уже началась. Первыми вышли политическіе преступники: семеро взрослыхъ (пять мужчинъ и двѣ женщины) и трое дѣтей. Нужно полагать, что они всѣ изъ Москвы, такъ какъ лица ихъ были знакомы, какъ будто я ихъ видалъ на московскихъ улицахъ, или въ Румянцевскомъ музеѣ. Одна изъ женщинъ—худая, желчная въ очкахъ, другая—молодая, симпатичная особа, въ лайковыхъ перчаткахъ, съ накинутымъ на плечи оренбургскимъ платкомъ изъ козьяго пуха, вела одною рукой маленькаго мальчика, а въ другой несла изящный зонтикъ. Съ гордою поступью и улыбкой на устахъ вышли женщины на берегъ. Что это была не настоящая улыбка, а напущенная, можно было заключить изъ того, что лицевыя мышцы часто вздрагивали. Толпа простого, сѣраго народа за это время все больше и больше прибывала. Образовавшуюся группу изъ политическихъ преступниковъ конвойный офицеръ просилъ выждать у расположеннаго на берегу тюковъ, пока не выведутъ всѣхъ остальныхъ арестантовъ. Я очень близко подошелъ къ арестантамъ, ставъ впереди цѣпи солдатъ, такъ что никто меня не замѣтилъ, и, вооруженный очками и хорошимъ бинокленъ, внимательно присматривался къ арестантамъ; но въ это время молодая, красивая женщина изъ политическихъ ссыльныхъ нагнулась къ конвойному офицеру, спросивъ, вѣроятно, кто я такой, ибо меня тотчасъ же удалили. Я сталъ позади цѣпи, въ толпѣ. Все время шла дѣятельная высадка арестантовъ, по окончаніи которой началась сортировка мужчинъ попарно, гуськомъ, а женщинъ съ дѣтьми усадили на поданныхъ дрогахъ. Политическимъ ссыльнымъ подали отдѣльныя дроги, но они отказались сѣсть и потребовали карету, которой не оказалось послѣ тщательныхъ розысковъ въ Перми. Вмѣсто кареты, отправленный за нею солдатъ привелъ двѣ узенькихъ линейки, употребляемыя повсемѣстно въ сибирскихъ городахъ, на которыхъ сѣли женщины съ дѣтьми, мужчины же отказались и стали въ строю вмѣстѣ съ арестантами впереди. Этотъ длинный поѣздъ, окруженный солдатами и сопровождаемый массою зѣвакъ, тронулся съ пристани по узенькому подъему, ведущему въ городъ.

Я уѣхалъ осматривать городъ. По внѣшнему виду онъ уже отличался отъ городовъ Европейской Россіи: улицы въ немъ не мощены, грязи по колѣна; на всемъ унылый видъ, наводящій какую-то щемящую грусть. Вмѣсто мостовыхъ проложены доски, по которымъ гуляютъ все-тѣже пермскіе жители. У вокзала, близъ Курбатовской пристани, расположились переселенцы съ своими котомками; какой-то околодочный переписалъ ихъ, записалъ и выдалъ имъ билетъ на проѣздъ въ Екатеринбургъ съ уступкой 50% противъ номинальной цѣны. Переселенцы остались очень довольны этой уступкой.

Осмотрѣвъ поверхностно городъ, я поспѣшилъ на пристань Мотовилиху, въ шестиверстномъ разстояніи отъ Перми, гдѣ находятся пермскіе пушечные заводы, славящіеся своимъ знаменитымъ паровымъ молотомъ. Поѣздъ отходитъ вечеромъ и снабженъ вагонами IV класса. Это, кажется, единственная русская вѣтвь, снабженная такими вагонами, которые ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ вагоновъ III класса всѣхъ желѣзныхъ дорогъ.—Въ конторѣ завода мнѣ выдали билетъ для осмотра и провожатаго. Площадь завода обширна; чтобъ ее обойти, нужно употребить по крайней мѣрѣ три часа. Особое вниманіе обращаютъ на себя три паровые молота, изъ коихъ самый интересный 50-тонный, наковальня котораго заключаетъ въ себѣ 40.000 пудовъ желѣза. Это самый большой молотъ въ мірѣ и каждый ударъ его отчетливо слышенъ въ Перми. Осмотрѣвъ всѣ выдающіяся постройки и разнаго рода устройства, какъ печи Сименса и Мартенса, а также и генераторы, мнѣ пришлось долго ждать обратнаго поѣзда въ Пермь, и я предпочелъ отправиться пѣшкомъ по чрезвычайно неудобной и тѣсной набережной.

На слѣдующій день баржа «Тюмень», привезшая арестантовъ, была вычищена для пріема новыхъ арестантовъ въ Нижній, такъ что мнѣ удалось осмотрѣть ее довольно. По типу и величинѣ она нисколько не отличается отъ парохода, лишена только машины. Арестанты помѣщаются исключительно на баржахъ, буксируемыхъ пароходами. Каждая баржа имѣетъ 255 фут. длины и 26 ширины. Внутри баржи устроены 4 арестантскія камеры, изъ коихъ первая имѣетъ 52 ф. дл. и отъ 16 до 24 ф. шир., остальныя же немного менѣе. Одна камера разсчитана на 202 челов., двѣ на 200 и одна на 100 чел. Свѣтъ проникаетъ въ камеру сквозь шесть оконцевъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ $^1/_4$ арш. въ выш. и $^1/_2$ арш. въ шир. Воздухъ вводится въ камеру посредствомъ трубы, оканчивающейся расширеннымъ и загнутымъ подъ прямымъ угломъ концомъ надъ крышей подпалубнаго пространства. Діаметръ трубы—1 футъ. Площадь палубы подъ тентомъ равняется 2.040 кв. ф. Для помѣщенія конвойнаго офицера, доктора, фельдшера и конвойной команды устроены каюты въ носовой части палубы. На каждой баржѣ устроены особыя каюты для лазаретовъ на 25 кроватей, съ полнымъ комплектомъ казеннаго бѣлья, по три перемѣны на каждую кровать. Для каждой кровати заведены и содержатся въ опрятности холщевые тюфяки и подушки, набитые сѣномъ. Кромѣ того въ лазаретахъ находятся ванны для больныхъ. Передъ каждаго рейса баржи окуриваются сѣрнистою кислотой. Одинъ докторъ полагается на три баржи. Пища во время сплава на баржахъ приготовляется на рекахъ и ежедневно состоитъ изъ двухъ блюдъ: а) на обѣдъ—капустная щи или картофельная похлебка съ мясомъ по $^1/_2$ ф. на человѣка и б) на ужинъ—кашица изъ крупы гречневой или ячменной, по $^1/_2$ фунта на чел., съ масломъ, по 6 зол. на каждаго, и кромѣ того два фунта печенаго хлѣба на каждаго арестанта.

2 сентября вечером выехали я в Екатеринбург по Уральской железной дороге. Наплыв пассажиров был так велик, что приём билетов окончился только в 8 час. 15 м. *), причиной чему, конечно, была Нижегородская ярмарка. Все вагоны были биткомъ набиты народомъ. В вагоне ехало несколько венгерцев, которые исключительно заняты торговлей с Сибирью. Они отправляются туда осенью, зимуют, а весною возвращаются назад. Главным образом проникают таким путем в Сибирь товары австрийские и варшавские. Путешествие совершают они пешком, неся с собой коробъ, наполненный всевозможными мелкими товарами, начиная с писчей бумаги и кончая дорогими шелковыми материями. Переночевывая с места на место, они разносят эти товары по городам и по селам.

Дорога по Уралу так незаметно поднимется в гору, что все представления наши об высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзия. Станции Чусовская, Бисер и Кушва не представляют собой ничего особеннаго из вагона железной дороги, и только Нижний Тагил, лежащий в долине, чрезвычайно эффектен. Весь заводъ точно на ладони и окруженъ небольшими горами. В 4 часа дня мы уже были в Екатеринбурге. От Екатеринбурга до Тюмени (разстояние в 306 верст) нам пришлось тащиться на лошадях.

Почтовый трактъ отданъ некоторому г. Михайлову, живущему в Петербурге. Плата за прогоны взимается по 4 коп. с лошади и версты, между тем как цена по всей Западной Сибири за версту 1½ коп. Монополия эта тем более странная, что г. Михайлов нанимает лошадей для проезжих у крестьян, живущих в этих селах и получающих от него все натурой, вследствие чего последние и находятся у него в неоплатном долгу **). За проходную телегу, т. е. такую, которая доходит прямо до Тюмени, г. Михайлов беретъ отдельно 12 руб. Телеги эти чрезвычайно неудобны, по причине большой тряски.

К переселенцам Рязанской губернии присоединились в Екатеринбурге еще некоторые из Тамбовской и Владимирской губерний и наняли пять одноконных подвод по 40 коп. с пуда. Весу со всеми их пожитками оказалось 135 пудов, так что им пришлось всего заплатить 54 руб., а нанимая особыя подводы у возчиков, которые требовали с них по 14 руб., им бы пришлось уплатить 70 руб. Самое интересное — это картина взвешиванья. Жаль, что я не записал все остроты.

Только что выехали я с поручиком Айдаровым из Екатеринбурга, как навстречу нам попались пять троек с политическими преступниками, которых везли в Петербургъ с какой-то железной точки из рудников. Они промелькнули так быстро, что разглядеть возможно было только жандармов, сидевших на облучке против преступников.

*) Тогда как поездъ долженъ былъ уйти въ 8 часовъ.

**) Кромѣ этого г. Михайловъ получилъ субсидію въ 200.000 руб.

На станцію Бѣлоярскую (вторая почтовая станція отъ Екатеринбурга) прибыли мы въ часъ ночи. Здѣсь встрѣтили мы экипажъ, пробиравшагося обратно въ Америку, парохода «Роджерсъ». Экипажъ отправился спасти несчастную «Жанету», но такъ какъ пароходъ «Роджерсъ» сгорѣлъ, то экипажъ оставался около семи мѣсяцевъ между чукчами, добрался до Якутска, откуда и слѣдуетъ теперь чрезъ Россію домой. Между командой экипажа находится только одинъ спасшійся отъ «Жанеты»; онъ отправился съ той партіей, которой удалось спастись, а другая погибла. Металлическіе гробы, назначенные для отправки останковъ, найденныхъ спустя нѣкоторое время на берегахъ Лены, на родину, въ Америку, находятся уже въ Екатеринбургѣ. Позднее время и плохой переводчикъ, котораго экипажъ возилъ съ собою, не дали возможности поговорить съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

Мы выѣхали со станціи очень поздно, при облачномъ небѣ, въ темную, безлунную ночь, подъ мелкимъ дождемъ. Едва успѣли отъѣхать какихъ-нибудь семь верстъ, какъ ямщикъ заснулъ, завезъ насъ въ канаву и чуть-чуть не опрокинулъ. Схвативъ его за поясъ, я далъ ему два пинка, что заставило его осадить лошадей, повернуть назадъ и одуматься немного, прибавивъ: «Нѣтъ, баринъ, бить теперича уже насъ нельзя. Эй, староста?...»

Изъ-подъ навѣса хижины, расположенной вблизи села, выглянулъ мужикъ, съ которымъ онъ началъ совѣтоваться, что съ нами дѣлать. Они порѣшили, что насъ слѣдуетъ везти обратно въ деревню и общимъ сходомъ рѣшить, какъ съ нами поступить. Дѣлать было нечего, пришлось только лежать въ повозкѣ и ждать страшнаго суда. Привезши насъ обратно въ деревню Бѣлоярскую, ямщикъ разбудилъ старосту, смотрителя и другихъ. Въ то время, какъ они совѣтовались, что съ нами дѣлать, я разузналъ, что въ селѣ главное лицо—приставъ. Разбудивъ его, я обратился къ нему съ просьбой о содѣйствіи, показавъ въ то же время свои документы и бумагу, выданную мнѣ отъ члена археологическаго общества, г. Павлинова, въ которой онъ проситъ содѣйствія по собиранію матеріаловъ для древне-русскаго искусства. Этого было достаточно, чтобы приставъ сдѣлалъ немедленно всѣ зависѣвшія отъ него распоряженія. Выскочившій жандармъ разогналъ сходъ, вмѣсто стараго ямщика намъ посадили самого хозяина, собственника лошадей, и вмѣсто двухъ лошадей, за прогоны которыхъ было заплачено, намъ дали до Тюмени по тройкѣ.

Деревни, попадающіяся по дорогѣ до Тюмени, очень большія, тянутся иногда на нѣсколько верстъ. Постройки по чистотѣ во многомъ отличаются отъ простыхъ крестьянскихъ избъ Европейской Россіи. Крестьяне живутъ гораздо лучше и зажиточнѣе.

Мы доѣхали до сибирской границы или черты, раздѣляющей Пермскую и Тобольскую губерніи, на 69 верстѣ отъ Тюмени, часамъ къ 9 утра. Скромный памятникъ изъ кирпича съ гербами двухъ смежныхъ губерній

управлять эту границу. Съ помощью ящика мнѣ удалось добраться до него и прочесть нѣкоторыя надписи. 6 сентября, въ 4 часа дня, мы пріѣхали въ Тюмень.

Тюмень (ворота Сибири) представляетъ собою важный пунктъ въ торговой, промышленной и заводской дѣятельности края. Какъ торговый городъ, стоящій на Турѣ, онъ привлекаетъ, въ особенности лѣтомъ, массу народу—какъ промышленниковъ, такъ и рабочихъ. Городъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ распредѣленія ссыльныхъ по Сибири. Сюда стекаются со всѣхъ концовъ Европейской Россіи недоимки русскаго общества, около 12.000 человѣкъ, откуда они препровождаются по Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби въ Томскъ. Ихъ возятъ исключительно на баржахъ, буксируемыхъ пароходами товарищества Курбатова и Игнатовыхъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Тюмени, мнѣ удалось осмотрѣть главный и самый большой по производительности заводъ Колмогорова, обработка кожъ котораго доходитъ до полутора милліона рублей въ годъ. Несмотря на такую производительность, заводчикъ не находитъ выгоднымъ обрабатывать сырыя произведенія машиннымъ способомъ,—вся работа ручная. Масса кожевенныхъ заводовъ, числомъ до 100, находящихся въ городѣ и расположенныхъ на Турѣ, дѣлаютъ пользованіе водой рѣки Туры абсолютно вреднымъ для жителей. Мытье такого громаднаго количества кожъ остается небезнаказаннымъ для тюменскихъ гражданъ, такъ какъ эпидемическія болѣзни, вродѣ холеры, тифа и многихъ другихъ никожныхъ болѣзней, обыкновенныя явленія въ Тюмени, а правительственное распоряженіе о снесеніи заводовъ и удаленіи ихъ изъ города остается пока только на бумагѣ.

Единственный заводъ въ городѣ, поставленный на европейскую ногу, это — такъ - называемый Жабынскій механическій заводъ Курбатова и Игнатовыхъ, гдѣ строятся исключительно пароходы, баржи и т. п. Несмотря на препятствія, съ которыми приходилось бороться основателю этой фирмы, покойному Колчину, дѣло, попавшее въ руки энергичныхъ и дѣльныхъ людей, не пропало даромъ, и фирмѣ этой предстоитъ въ недалекомъ времени блестящая будущность, не говоря уже о широко-развитой ею дѣятельности въ настоящее время. Товарищество пароходства Курбатова и Игнатовыхъ беретъ за провозъ товаровъ по рѣкамъ Западной Сибири почти вдвое дороже противъ всѣхъ остальныхъ пароходовладѣльцевъ, но тѣмъ не менѣе торговцы охотно ведутъ дѣла съ товариществомъ Курбатова и Игнатовыхъ, такъ какъ они считаютъ тогда свои товары какъ бы застрахованными. Товарищество это было первымъ піонеромъ по развитію пароходства на рѣкахъ Западной Сибири, изслѣдовавъ и очистивъ отъ карчей обширный бассейнъ Оби и всѣ его притоки; оно пользуется большимъ почетомъ и довѣріемъ въ Западной Сибири. Дѣло это съ каждымъ годомъ будетъ расширяться все больше и больше, такъ какъ сибирскія богатства, состоящія только изъ сырья и матеріальныхъ

богатствъ, нуждаются главнымъ образомъ въ перевозкѣ и удобныхъ путяхъ сообщенія. Ни одна изъ проектированныхъ сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ не можетъ мѣшать развитію пароходства по рѣкамъ Западной Сибири, — напротивъ, вызоветъ только усиленную дѣятельность послѣднихъ. Проведеніе вѣтви желѣзной дороги Екатеринбургъ - Тюмень въ нынѣшнемъ году или соединеніе двухъ великихъ бассейновъ Волги и Оби дастъ работу всѣмъ пароходовладѣльцамъ. Эта вѣтвь для Сибири важнѣе Сибирской желѣзной дороги, такъ какъ съ устройствомъ послѣдней еще неизвѣстно, какого рода товары въ состояніи будутъ дать ей возможность конкурировать съ путемъ водныхъ бассейновъ.

Въ Тюмени бросается въ глаза одно важное кустарное производство — ковровое. Тюменскіе ковры, которые уже въ настоящее время пріобрѣли себѣ извѣстность по всей Сибири и даже въ Европейской Россіи, ждутъ только энергичныхъ рукъ для распространенія ихъ не только въ предѣлахъ Россіи, но далеко за ея границы, ибо шерсть, которая массами отправляется изъ сибирскихъ степей, будучи обработана на нѣсть, дастъ несомнѣнный барышъ предпринимателямъ. Важный недостатокъ въ коврахъ—бросающееся сильно въ глаза отсутствіе рисунка; объясняется это потому, что производство находится въ рукахъ у кустарей.

Тюмень, составляя, какъ мы видѣли, важный центръ, чрезъ который проходитъ весь сибирскій трактъ, равно какъ арестанты и переселенцы, нуждается въ устройствѣ лазарета и хорошихъ лѣтнихъ бараковъ для поданія первой необходимой помощи заболѣвающимъ. Отсутствіе медицинской помощи чувствуется въ Тюмени на каждомъ шагу; а въ особенности тѣмъ бездомнымъ людомъ, который извѣстенъ подъ названіемъ бродягъ, рабочихъ и несчастныхъ переселенцевъ. Устройство конторы для справокъ переселенцамъ принесло бы громадную пользу послѣднимъ. Правительство должно принять нѣкоторыя мѣры къ упорядоченію переселеческаго движенія и съ этою цѣлью учредить въ Тюмени переселеческую контору, съ цѣлью оказать переселенцамъ посильную помощь въ снабженіи ихъ необходимыми свѣдѣніями, по отысканію годныхъ для поселенія земель, въ посредничествѣ между переселенцами, томской казенною палатой и алтайскимъ горнымъ правленіемъ, и въ оказаніи матеріальныхъ пособій въ случаѣ болѣзни и другихъ несчастій. Цѣль учрежденія конторы должна состоять въ выдачѣ обращающимся въ ней справокъ объ участкахъ земли, назначенной подъ поселенія, о цѣнахъ ея, качествахъ почвы, мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и объ удобнѣйшихъ маршрутахъ для движенія переселенцевъ.

По Уральской желѣзной дорогѣ прошло въ 1882 г. 7.025 чел. переселенцевъ, а по рѣкамъ Западной Сибири — 3.880 чел. Это противорѣчіе въ числахъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ переселенцевъ, распродавъ все имущество во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи, покупаютъ себѣ въ Тюменскомъ округѣ на пріисканныя деньги ло-

шадей и повозки и отправляются уже въ Томскую губернію на собственныхъ подводахъ. Всѣхъ же переселенцевъ, проѣздившихъ чрезъ Тюмень какъ водными бассейнами, такъ и на собственныхъ подводахъ, нужно считать, по словамъ сибирскихъ газетъ, до 40.000 человѣкъ. Второй путь переселенцевъ, ѣдущихъ изъ внутреннихъ губерній на собственныхъ подводахъ, чрезъ Уфу, Красноуфимскъ, Пермь, Камышловъ или Тюмень на Ишимъ въ Томскую губернію — самый убійственный для нихъ въ экономическомъ отношеніи. Дорожа своею лошадкой и нѣкоторыми пожитками, съ которыми имъ очень трудно разстаться, они тратятъ почти годъ на переѣздъ и пробираются вслѣдствіе этого почти всѣ въ Томскую губернію Христовымъ именемъ. Что есть возможность не дать крестьянину разориться, показываетъ примѣръ 260 переселенцевъ, проѣхавшихъ въ навигацію 1882 г. отъ Тюмени до Павлодара съ повозками, лошадьми и всѣми пожитками на баржѣ. Не дорогѣ они косили себѣ на пристаняхъ сѣно и добрались до мѣста лишь въ недѣлю слишкомъ, а на лошадяхъ они должны бы были употребить для этого нѣсколько мѣсяцевъ. Еслибы правительство приняло какія-нибудь мѣры для устройства особенной баржи исключительно для переселенцевъ, то этимъ оно способствовало бы не только скорѣйшему водворенію послѣднихъ, не давъ имъ въ то же время разориться, но сохранило бы здоровье и жизнь не одной тысячи людей. Даже и тѣ баржи, которыя теперь находятся въ Тюмени, могли бы съ пользой быть употреблены для перевозки переселенцевъ. Необходима только помощь со стороны правительства. Деревянная баржа устраивается для товаровъ длиною отъ 30—40 саж., шириной отъ 4—5 саж. Первая вмѣщаетъ въ себѣ 600 мѣстъ и 60 повозокъ, вторая—800 мѣстъ и 80 повозокъ и поднимаетъ отъ 40 до 60.000 пудовъ. Подобная баржа получаетъ за провозъ отъ Тюмени до Томска 6.000 руб.; цѣна эта даже немного велика. Пароходовладѣльцы возьмутся перевозить и до Барнаула, мѣста, куда направляются всѣ переселенцы; разница въ цѣнѣ не особенно велика. Необходимо знать мѣсяцемъ впередъ о количествѣ переселенцевъ, тогда заготовщики дровъ могутъ приготовить провизію на пристаняхъ. На провизію имъ достаточно 6—8 коп., такъ какъ арестантамъ отпускаютъ 10 коп. въ день и остается еще излишекъ. Провозъ ихъ продлится до Томска 11 дней; а если подобная баржа была бы устроена въ Волжскомъ бассейнѣ, то перевозка ихъ до Тюмени изъ внутреннихъ губерній длилась бы 15—16 дней. Слѣдовательно въ продолженіе одного мѣсяца можно было бы переселить неразоренныхъ крестьянъ со всѣмъ ихъ скарбомъ изъ самыхъ внутреннихъ и отдаленныхъ губерній Европейской Россіи въ Томскую губернію.

Пароходы товарищества Курбатова и Игнатовыхъ отходятъ отъ Тюмени въ Томскъ разъ въ недѣлю, а въ Семипалатинскъ разъ въ двѣ недѣли. Пассажировъ приходится дожидаться въ Тюмени иногда недѣлю и того больше. Пароходы бываютъ переполнены пассажирами, такъ что

трудно достать билеты. Билетъ I класса отъ Тюмени до Томска (разстояніе въ 2.190 верстъ) стоитъ 21 руб., II класса—14 руб. и III класса—6 руб.

10 сентября небольшой пароходъ «Нижегородецъ» началъ готовиться къ отплытію, чтобы довезти пассажировъ только до станціи Іевлева, такъ какъ здѣсь Тура мелководна, а у станціи Іевлева дожидается пассажировъ большой пароходъ.

У пристани, близъ дома И. И. Игнатова, гдѣ стоялъ готовившійся къ отплытію пароходъ «Нижегородецъ», собралась масса народа смотрѣть на пересадку арестантовъ на баржу. Пересадка окончилась часа въ три дня и на прощаніи началась раздача священныхъ книгъ, оставленныхъ четыре года тому назадъ въ числѣ 4.000 экземпляровъ Lansdell'омъ, членомъ англійскаго общества распространенія Священнаго Писанія. Завѣдуютъ раздачей И. И. Игнатовъ, полковникъ Виноградовъ, агентъ сибирскаго банка—Владиміровъ и англичанинъ Вардроперъ. Священныя книги раздаются на баржахъ каждому грамотному арестанту и ссыльнымъ, сосланнымъ на жительство въ Тюменскій округъ. Арестантамъ съ достаткомъ книги эти продаются за полцѣны. Завѣдующіе получили нѣсколько благодарственныхъ писемъ отъ арестантовъ за отпущенныя имъ книги. Среднимъ числомъ оказывается, что изъ ссылаемыхъ приблизительно $^1/_4$ часть грамотныхъ, женщинъ же менѣе $^1/_{20}$ части. Въ продолженіе послѣдняго лѣта на двухъ баржахъ не было ни одной грамотной женщины.

На пристани шла усиленная дѣятельность по перевозкѣ клади на готовившійся къ отъѣзду пароходъ. Женщины и мужчины съ различными припасами весело предлагали ихъ отъѣзжающимъ пассажирамъ. Тюмень, какъ портовый городъ, сильно развилъ классъ проститутокъ; онѣ-то главнымъ образомъ и торгуютъ на пристаняхъ.

— Эй, Ванюха!—крикнула торговка съ чувственными губами здоровенному парню, уходившему домой,—приходи-ка вечеркомъ посигарить.

— Чего вы, черти, собрались сюда!—крикнулъ голосъ, точно изъ подземелья, г. Смагина, управляющаго товариществомъ. Всѣ служащіе встрепенулись, услыхавъ этотъ знакомый имъ голосъ, похожій на раскатъ грома въ степи.

Я прошелся нѣсколько разъ по городу, осмотрѣлъ все то, что можно было увидѣть, и распрощался съ нѣкоторыми обывателями, съ которыми успѣлъ познакомиться за это время.

Общество въ Тюмени было тогда сильно взволновано скандаломъ, происшедшимъ въ клубѣ. Фактъ этотъ характеризуетъ особые нравы честолюбивыхъ тюменцевъ. Изъ числа членовъ клуба былъ исключенъ г. Б.... за то, что былъ обруганъ нѣкіимъ антрепренеромъ изъ Томска, грекомъ Анастопуло, и такъ какъ г. Б.... не подалъ заявленія въ клубъ о нанесенной ему обидѣ, то представители мѣстной интеллигенціи сочли и себя обиженными и исключили г. Б.... Этотъ фактъ сильно волновалъ тогда общественное мнѣніе и вездѣ трактовали о немъ.

Было поздно и пароходъ былъ уже готовъ, когда масса переселенцевъ прибыла на пристань; въ числѣ ихъ находились также и переселенцы, съ которыми мы ѣхали по Волгѣ до Екатеринбурга. «Нижегородецъ» былъ биткомъ набитъ народомъ. Къ 12 часамъ ночи все на пароходѣ спало, за исключеніемъ команды и капитана, приводившихъ все въ порядокъ, а въ 3 часа ночи мы снялись съ якоря.

Только 11 сентября утромъ пришлось разглядѣть эту разношерстную толпу пассажировъ, изъ которыхъ самыми выдающимися въ I классѣ были три китайца по фамиліи Ту-ченъ-юй, а по именамъ А-тенъ-дай, Шалан-дай и Тан-анъ-далай, всѣ изъ Маймачена. Это были торговцы чаемъ, которые впервые сами пріѣхали въ Нижній на ярмарку; ярмарка, какъ видно, не особенно удачна была для нихъ. Понять ихъ, хотя они говорили на какомъ-то ломанномъ русскомъ языкѣ, такъ-называемомъ маймаченскомъ нарѣчіи, было чрезвычайно трудно. Кромѣ нихъ ѣхала богатая золотопромышленница К. съ дочерью изъ Красноярска. Дочь, молодая дѣвушка съ крупными чертами лица, только-что окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ и съ тяжелымъ сердцемъ возвращалась обратно на родину. Было нѣсколько купцовъ изъ Иркутска и Енисейска, между которыми интереснѣйшій — почтосодержатель, еврей, изъ Иркутска. На палубѣ выдающеюся личностью по своему безконечному юмору былъ фельдшеръ, командированный изъ Петербурга въ Якутскъ и пьянствовавшій отъ Тюмени вплоть до Томска.

11 сентября, вечеромъ, прибыли мы въ Іевлево, гдѣ насъ дожидался пароходъ «А. Бѣленченко». Два часа длилась перевозка пассажировъ и вещей на пароходъ, который насъ довезъ до Томска.

Пробыть девять сутокъ на пароходѣ безъ развлеченій—дѣло почти немыслимое. Такъ называемая интеллигентная часть публики проводитъ время за картами, мнѣ же, какъ не играющему въ карты, большое удовольствіе доставляли книги и разговоры съ переселенцами. Книги я получалъ на пароходѣ; товарищество Курбатова и Игнатовыхъ выписываетъ ихъ на большую сумму для пароходовъ. Газеты же, несмотря на то, что на пароходѣ были *Новое Время, Голосъ* и т. д., я равнодушно читать не могъ, такъ какъ послѣдніе нумера были помѣчены 30-мъ августа. Мы веземъ эти новости дня въ Томскъ, жители котораго съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ. Противно стало, когда вспомнилъ, что въ Томскѣ мы отстанемъ уже на цѣлыхъ 20 дней жизни отъ столицы.

Разговоры съ переселенцами занимали у меня ежедневно нѣсколько часовъ. Сибиряки относятся къ нимъ иногда равнодушно, а иногда съ презрѣніемъ. Несмотря на насмѣшки пассажировъ, переселенцы были глубоко убѣждены въ томъ, что перемѣна мѣста принесетъ имъ несомнѣнную выгоду. Доказательство чрезвычайно очевидное представилось имъ уже въ Тюмени, гдѣ они за фунтъ бѣлаго хлѣба платили $1^1/_2$ коп.

Всѣ переселенцы, ѣхавшіе на пароходѣ, были съ достаткомъ, за исключеніемъ только одного отставнаго солдата съ семействомъ, что замѣтно было по одеждѣ и покупаемой имъ по дорогѣ провизіи. Всѣхъ пристаней до Томска девять, такъ что ежедневно попадается всего одна. Переселенцамъ казалось, что провизію легко будетъ доставать на всѣхъ пристаняхъ; но на дѣлѣ оказалось, что кромѣ Тобольска—главнаго мѣста, гдѣ пассажиры запасаются всѣмъ необходимымъ до Томска, и Нарыма, гдѣ можно было достать еще рыбу, ни на одной пристани нельзя купить даже хлѣба. Переселенцамъ приходилось поэтому плохо и послѣдніе пять дней до Томска они голодали.

12 числа, ровно въ 12 часовъ дня, мы подъѣхали къ Тобольску, гдѣ пароходъ останавливается на два часа. Времени было, слѣдовательно, достаточно, чтобъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности города, которыя заключаются въ памятникѣ Ермаку и сосланномъ колоколѣ. Поднявшись по широкому ущелью въ гору, я добрался до небольшого садика, гдѣ огороженъ желѣзною рѣшеткой памятникъ незабвенному завоевателю Сибири. Памятникъ состоитъ изъ сѣраго мрамора съ надписью: «Покорителю Сибири Ермаку, 1581 г.» (годъ смерти завоевателя — 1584-й) и воздвигнутъ въ 1839 году.

Въ небольшомъ разстояніи находится каѳедральный соборъ, гдѣ помѣщается небольшая колокольня. На ней, въ числѣ другихъ колоколовъ, находится и ссыльный колоколъ. На немъ высѣчена надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія, 1593 года присланъ изъ города Углича въ Сибирь, въ градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ часобитной; вѣсу въ немъ 19 пуд. 20 ф.». Колоколъ виситъ на одномъ ухѣ, такъ какъ другое отсѣчено.

Въ 2 часа дня отчалили мы отъ Тобольска, въ ясную и теплую погоду. Далѣе до Томска не оставалось нигдѣ большихъ остановокъ. На пароходѣ «А. Бѣленченко», на который мы пересѣли на станціи Іевлево, оказалось 122 переселенца:

Владимір.	губ.	дер. Нечаевки, Муромскаго	уѣзда	3
Воронеж.	»	села Турова, Нижнедѣвиц.	»	48
Вятской	»	» Кичма, Уржумск.	»	5
Курской	»	дер. Нижнія-Опочки, Старооск.	»	4
Рязанск.	»	с. Мажары, Сапожков.	»	11
		» Сапчакова	»	12
		» Делихова	»	17
Тамбовск.	г.	дер. Дубовки и Пчелиновки, Бѣлор. вол.		22
				122

Самое лучшее будетъ, если изложу факты, собранные мною на пароходѣ, безъ всякихъ прикрасъ, дабы всякій интересующійся вопросомъ о

переселеніи могъ себѣ составить ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Понятно само собой, что за достовѣрность сообщенныхъ мнѣ фактовъ я ручаться не могу.

Владимірская губ. Переселенцы этой губерніи двинулись на основаніи писемъ, полученныхъ ими отъ ходаковъ весной 1882 г., въ которыхъ они приглашаютъ ихъ пріѣхать.

«Ихъ Царь ссылаетъ въ ссылку сюда,—отвѣтилъ одинъ владимірецъ на насмѣшки одного пассажира надъ самоходами,—а здѣсь царствовать нужно».

Проѣздъ владимірцевъ обошелся:

Изъ	Владиміра	до	Нижняго	билетъ	1 р.	20 к.
»	Нижняго	»	Перми	»	2 »	60 »
»	Перми	»	Екатеринбурга		3 »	51 »
»	Екатеринб.	»	Тюмени		2 »	—
»	Тюмени	»	Томска		6 »	—
					15 р.	31 к.

Поѣздка до Томска длилась 25 сутокъ.

Воронежская губ. Воронежцы провѣдали о благодатномъ Сибирскомъ краѣ по слѣдующему поводу: 20 лѣтъ тому назадъ ходилъ въ Бійскій округъ ихъ односельчанинъ Абрамъ Лавтіоновичъ, которому за все это время пришлось побывать три раза дома. Разжившись въ Сибири, онъ уходитъ каждые два года на богомолье въ Кіевъ, а въ послѣднее лѣто онъ посѣтилъ даже Іерусалимъ. Въ прошломъ году онъ велѣлъ обмолотить два скирда хлѣба для раздачи своимъ родичамъ, прибывшимъ въ Бійскій округъ изъ с. Ключи.

Всѣ переселенцы, ѣдущіе теперь въ Сибирь, не повѣрили Абраму и послали двухъ солдатъ для развѣдокъ, такъ-называемыхъ ходаковъ, «не облыжно ли онъ говоритъ». Когда ходаки дали утвердительный отвѣтъ, тогда только они и поѣхали. Изъ переѣхавшихъ за послѣдній годъ 200 душъ вернулись только двѣ семьи, да и то по незнанію мѣстности, такъ какъ они держались студеной стороны, влѣво отъ Томска. Переселенцы ѣхавшіе на пароходѣ двинулись такъ поздно потому, что не успѣли продать земли до сихъ поръ; лѣтомъ продали и уѣхали. Изъ двора они выѣхали 18-го августа, а прибыли въ Томскъ 20 сентября.

Они показали бѣлый коровай хлѣба, купленный ими въ Тюмени по 3 коп. фунтъ, между тѣмъ какъ въ Воронежѣ такой хлѣбъ стоитъ 7—8 коп. Фунтъ ржаного хлѣба—4 коп., а въ Тюмени—1½ коп. ф.

Вятская губ. Оттуда ѣхало 5 человѣкъ. Дома они владѣли по 4 дес. на душу. Оттуда же выѣхало нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сибирь пять семействъ и направились въ Никольскую волость, Барнаульскаго уѣзда. По полученнымъ отъ нихъ письмамъ оказывается, что они платятъ тамъ 9 руб. податей, также какъ и дома, но горное управленіе отвело имъ совершенно даромъ земли, и это соблазнило ихъ къ переѣзду. Изъ пере-

селенецъ этой губерніи одинъ крестьянинъ Осинскаго уѣзда доѣхалъ до Перми и вернулся назадъ,—скука взяла.

Рязанская губ. Переселенцы этой губерніи двинулись въ маѣ 1882 г. въ числѣ 70 семействъ, изъ коихъ 40 семействъ должны были по домашнимъ обстоятельствамъ выѣхать позже тѣхъ, которыя уѣхали въ маѣ. Изъ нихъ за неимѣніемъ денегъ отсталъ Яковъ Марѣевъ въ Тюмени и пробылъ тамъ отъ 10-го мая по 10-ое сентября. Будучи плотникомъ, онъ работалъ на биржѣ до начала августа; въ это время подъѣхала одна семья, отставшая тоже за неимѣніемъ денегъ еще въ Перми, и онъ вмѣстѣ съ нею отправился на страду въ 120 вер. отъ Тюмени. Марѣевъ получалъ въ Тюмени 80 коп. въ день, а въ страдное время—по 3 р. 50 коп. съ десятины, чтобы скосить и связать хлѣбъ въ снопы. Въ Рязанской губерніи за такую же работу платятъ по 1 р. 50 к., да кромѣ того кормъ обходится дороже. Деньгами, заработанными за это время, они пробираются теперь въ Томскую губ. Изъ 70 семействъ застряло въ Перми еще одно семейство: Кузьма Пчелкинъ съ тремя взрослыми сыновьями, да три бабы. Дорожный мастеръ 3-го мая отвезъ ихъ на станцію Чусовую, гдѣ они достали себѣ работу. Пчелкинъ получилъ мѣсто будочника на станціи, а сыновья нанялись по 15 руб. въ мѣсяцъ мѣнять шпалы на полотнѣ жел. дор. По словамъ Пчелкина, харчи на Уралѣ чрезвычайно дороги; ржаная и пшеничная мука—какая-то прѣлая—1 руб. пуд. Въ сѣнокосъ они отправились въ Тюмень, гдѣ работали поденно по 50 коп. на хозяйскихъ харчахъ, а за такую же работу въ Рязанской губ. они получали по 30 коп. на своихъ харчахъ. Харчи обходятся, уже начиная съ Тюмени, въ полцѣны.

Изъ Рязанской губ. былъ Василій Мженьскій, дер. Ламина, все семейство котораго состоитъ изъ 20 душъ. На пароходѣ изъ этого семейства ѣхалъ отецъ съ шестью сыновьями. Всему семейству отведено двѣ десятины безъ одной восьмой, такъ что не только прохарчиться семьѣ, даже на квасъ ей не хватало, такъ какъ всей семьѣ необходимо было 40 четвер. хлѣба.

Переселенцы Рязанск. губ., которымъ приходилось ѣхать съ препятствіями, работая по дорогѣ для дальнѣйшей поѣздки, все-таки остались довольны, ибо, по ихъ словамъ, «здѣсь хоть сытъ, а въ Рязани — ни хлѣба, ни работы».

Вотъ образецъ письма, полученнаго переселенцами отъ одного односельчанина:

«Какъ попадете сюда, такъ не забудьте взять съ собою 2 гребня и гребенку; здѣсь такихъ нѣтъ. Какъ попадете, такъ лишнее изъ одежды, какъ-то: паневы и шушку, не покупайте, а здѣсь что нужно будетъ все купите.

«Если вы думаете ѣхать къ намъ, то мы совѣтуемъ ѣхать на пароходѣ съ Рязани до Перми, а отъ Перми до Тюмени хоть на машинѣ, а

то на лошадяхъ, отъ Тюмени до нашего города на пароходѣ; а если изъ дома и досюда поѣдете на коняхъ, то на Скопинъ, на Ряжскъ, потомъ на Моршу, на Керенскъ, на Ломовъ, на Мокшанъ, на Пензу, на Городище, на Кузнецкъ, на Сызрань. Тутъ вы Волгу переѣдете и прямо на Оренбургъ, потомъ на Орскъ, на Троицкъ, на Петропавловскъ, на Омскъ, на Чаны, на Юдинскую волость, потомъ на Ляминскую волость, потомъ на Каневу, на Травны, на Решеты, на Волчиху, потомъ прямо на Барнаулъ. Но если поѣдете на пароходѣ, то станетъ гораздо дешевле и пріѣдете скорѣй, въ самое рабочее время. Крупа гречишная 50 коп. пудъ. Нынче мука пшеничная 50 коп. пудъ. Письмо отъ Ив. Краснова изъ Барнаула».

Проѣздъ цѣлой семьи, состоявшей изъ 6 челов., изъ коихъ 4 взрослыхъ и двое дѣтей, обошелся въ 90 р. 79 к. Везли со собою багажу 6 пудовъ.

Отъ Рязани	до	Нижняго .	14 р.	69 к.
» Нижняго	»	Перми. . .	11 »	—
» Перми	»	Екатеринб.	17 »	60 »
» Екатеринб.	»	Тюмени. .	14 »	—
» Тюмени	»	Томска . .	13 »	50 »
			90 р.	79 к.

Тамбовская губ. Лѣтъ шесть тому назадъ выѣхало изъ Мажаръ и изъ Поселокъ около 200 семей. Тамбовцы получили отъ нихъ нѣсколько писемъ, вслѣдствіе чего отправили туда ходаковъ для развѣдокъ. Переселенцы этой губерніи разсказывали, что 100 душъ получили полный надѣлъ въ 3 десятины самой плохой земли. Они хотѣли освободиться и сдать ее кому-нибудь, но никто не хочетъ ее взять. Они подавали прошеніе объ этомъ пріѣхавшему сенатору, которое осталось безъ вниманія. Больше половины этой земли лежитъ не засѣянной, такъ какъ она не возвращаетъ и $^1/_3$ части сѣмянъ. Михайловъ разсказывалъ, что за двѣ четверти ржи по 8 мѣръ онъ скосилъ и связалъ 4 десят. ржи и 2 десят. проса. Тамбовцы встрѣтили по дорогѣ ходаковъ изъ Тамбовской же губ., пробиравшихся обратно въ Россію, несмотря на то, что мѣста, посѣщенныя ими, очень хороши, а возвращались обратно потому, что за приписку потребовали съ нихъ по 75 руб. Это обстоятельство сильно опечалило не только тамбовцевъ, но и всѣхъ переселенцевъ.

Переселенцы Тамбовской губ., Борисоглѣбскаго уѣз., были послѣдними переселенцами, встрѣченными мною уже въ Томскѣ. Они пріѣхали въ Томскъ недѣлей раньше на пароходахъ «Рейтернъ» и «Хрущовъ», принадлежащихъ товар. Курбатова и Игнатовыхъ. Ихъ было 197 человѣкъ разныхъ волостей одного и того же уѣзда. Выѣхали изъ дому 16 августа.

Побудительныя причины, чтобъ оставить родину, были слѣдующія: тесть Александра Данилова, сосланный въ 1875 г., написалъ домой, въ с. Бараново, письмо, въ 1880 г., что ему хорошо здѣсь живется, и при-

глашалъ пріѣхать. На это предложеніе уѣхалъ Александръ Даниловъ, отъ котораго получено письмо съ приглашеніемъ односельчанамъ. Въ 1881 году село Борисо-Глѣбово отправило тотчасъ послѣ этого (25 апрѣля 1881 г.) своихъ двухъ ходаковъ: Якова Мочалова и Савелья Маркова—въ Томскъ и 25 іюня того же года было уже получено отъ нихъ письмо, на основаніи котораго они и поѣхали.

Въ другой деревнѣ, Лопатиной, въ 1880 г. нѣкто Кирѣевъ поджегъ три мельницы и по количеству гвоздей, бывшихъ на прибитой къ сапогу подковѣ, его выслѣдили и поймали. Лишенный всѣхъ правъ состоянія и сосланный въ Сибирь, онъ написалъ письмо, въ которомъ описываетъ все свое положеніе, что завелъ 6 коровъ и 3 лошади. «Намъ дивно стало,—сказалъ Уваровъ:—ихъ нужно было сослать въ Россію, а не сюда. У насъ бы онъ померъ, а здѣсь онъ воскресъ; сюда его послали въ одной казенной рубашкѣ, а здѣсь онъ разживается».

Они двинулись изъ окрестныхъ селъ почти одновременно по разнымъ направленіямъ, встрѣтились въ Нижнемъ и сѣли на Курбатовскомъ пароходѣ до Перми, оттуда по желѣз. дор. въ Екатеринбургъ, а отсюда на обозѣ, состоявшемъ изъ 40 повозокъ, добрались до Тюмени.

Побудительными причинами къ переселенію въ экономическомъ отношеніи были: неурожаи, высокая арендная плата, тяжесть повинностей и невысокая заработная плата.

Въ селѣ Чаадаевѣ было удобной и неудобной земли по $2^3/_4$ десят. на душу, изъ лѣса былъ только маленькій кустарникъ, и то для метелъ, а податей съ души—9 руб.

Переселенцы изъ с. Борисо-Глѣбова владѣли надѣломъ отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ десят., а податей платили съ души отъ 7 р. 20 до 7. 40 к.

Одинъ переселенецъ былъ изъ с. Максы. Жилъ онъ на участкѣ въ 50 десят. величиной, принадлежавшемъ мировому судьѣ г. Ярцову. На этой землѣ живутъ всего три семьи; оброка съ нихъ не взимаютъ, а надѣла дать имъ не могутъ. Они платили только казенныя повинности 1 р. 30 к., а землю снимали у другихъ отъ 9—15 р. съ десят., да и то съ трудомъ. Удабриваютъ они землю навозомъ, подбираемымъ или послѣ базара, и везутъ за 10—15 верстъ; нѣкоторые покупаютъ его на постоялыхъ дворахъ по 40 коп. съ воза.

Константинъ Деминъ изъ дер. Варежъ посѣялъ для семьи, состоявшей изъ 6 душъ: 7 мѣръ ярицы, 3 мѣры льну, мѣшокъ гречихи, и все это оставилъ безъ вниманія, такъ какъ нечего было снимать. Племянникъ его засѣялъ 8 мѣръ ярицы, 8 мѣръ ячменю, 3 мѣры льну и мѣшокъ гречихи, и отъ снятаго хлѣба досталось для скотины на кормъ два воза — и только. Да и неудивительно, такъ какъ земля состоитъ изъ песка и каменныхъ горъ, покоса же и луговъ вовсе нѣтъ. Въ 1861 г. въ дер. Варежъ было 77 душъ, а теперь ихъ стало 130, между тѣмъ земля все одна,—ея не прибавилось.

По дорогѣ отъ Перми до Тюмени попадались этой партіи переселенцевъ нѣкоторые, возвращавшіеся обратно на родину. Двумъ не понравилось здѣшнее житье. Одно семейство Вятской губ. пробиралось обратно на родину изъ Минусинскаго округа только изъ-за одной лѣни, такъ какъ у нихъ все было. Въ Тюмени они встрѣтили переселенца изъ Черниговской губ., возвращавшагося обратно на родину изъ Бійскаго округа. Причина его возвращенія—смерть жены, послѣ которой осталось двое дѣтей, но ихъ не на кого было оставить, чтобы заняться работой, а жениться бы ему здѣсь не позволили, такъ какъ пришлось бы хлопотать о разрѣшеніи изъ дому.

Изъ тамбовцевъ было нѣсколько плотниковъ, которые получали въ Томскѣ по рублю въ сутки, а дома за эту же работу по 30 — 40 коп. Съ особеннымъ удовольствіемъ они вспоминали о своей поѣздкѣ изъ Тюмени въ Томскъ на пароходѣ «Хрущовъ». Капитанъ парохода Дмитрій Лукичъ разрѣшилъ имъ не только варить, но даже и печь; въ каютѣ онъ разрѣшилъ сидѣть дѣтямъ и женщинамъ, а взрослымъ переселенцамъ по причинѣ тѣсноты только грѣться.

Ѣзда на пароходѣ «А. Бѣленченко» длилась девять сутокъ; пароходъ останавливается только у пристаней: Іевлево, Тобольскъ, Демянскъ, Самаровское, Сургутъ, Тымское, Нарымъ и Колпашево для нагрузки дровъ. Капитанъ нанималъ на каждой пристани рабочихъ для нагрузки дровъ, договаривая ихъ по 50 коп. съ сажени. На одной изъ пристаней рабочіе заартачились и потребовали прибавку; явилась конкуренція со стороны переселенцевъ, которые взялись переносить по 30 коп.

Въ первые два дня ѣзды переселенцы кромѣ прѣснаго хлѣба ничего не ѣли. Отъ воды образовался у всѣхъ—какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей—поносъ. Познакомившись со мною, они начали меня упрашивать исходатайствовать имъ разрѣшеніе варить для себя картофель и кипятить воду. Я обратился съ просьбой къ маркитанту, завѣдующему пассажирской кухней (на пароходѣ двѣ кухни: одна для пассажировъ, другая для матросовъ), но онъ не дозволилъ имъ кипятить воду даже въ матросской кухнѣ. Помощникъ капитана, г. Матвѣевъ, съ чрезвычайно простымъ и добродушнымъ лицомъ, совѣтовалъ мнѣ обратиться къ капитану г. Анисимову, который вправѣ дозволить это переселенцамъ помимо маркитанта. Я обратился къ г. Анисимову съ этимъ предложеніемъ, прибавивъ, что если это не будетъ имъ разрѣшено, то мнѣ останется съ первой пристани телеграфировать объ этомъ пароходовладѣльцу И. И. Игнатову. Немедленно было приказано открыть матросскую кухню для переселенцевъ. Кухня эта пригодилась имъ не только для варки пищи, но и служила убѣжищемъ для дѣтей и взрослыхъ отъ холоднаго сѣвернаго климата. 14 сентября выпалъ уже порядочный снѣгъ. Переселенцы поочередно грѣли свои окоченѣвшіе члены въ маленькой, но очень теплой кухнѣ.

На всѣхъ пароходахъ принято за правило платить въ буфетъ 50 коп. съ бутылки вина, если она не куплена въ буфетѣ. Это называется «плата за пробку». На одной изъ пристаней переселенецъ купилъ для заболѣвшей жены водки на 10 коп. и, спрятавъ ее въ карманъ, вернулся на пароходъ. Это замѣтилъ одинъ изъ палубныхъ пассажировъ, который вытащилъ бутылку и отнесъ ее маркитанту. Бутылка съ водкой была, конечно, конфискована. Переселенцы, узнавъ о случившемся, пришли въ ярость, схватили этого пассажира и начали его бить. Несчастнаго едва вырвали изъ ихъ рукъ.

Арестантамъ на извѣстныхъ пристаняхъ закалывали быковъ и заготовляли всегда до прихода парохода свѣжую провизію. Тяжело было видѣть, какъ переселенцы гуляли вокругъ баржи, глядя на свѣже-испеченный хлѣбъ и дѣятельную работу по продовольствію баржи; у нихъ на послѣднихъ пристаняхъ не хватило хлѣба, а достать его негдѣ было. Запахъ свѣжаго вареного мяса отъ большого котла съ баржи сильно раздражалъ ихъ. Продовольствіе арестантамъ обходится правительству по 10 коп. съ человѣка въ день, и по дешевизнѣ мяса и хлѣба продовольствіе это превосходное. Мнѣ самому хотѣлось отвѣдать арестантскихъ блюдъ вродѣ щей съ свѣжимъ мясомъ или каши, такъ какъ для пассажировъ парохода провизія заготовляется въ Тюмени и Тобольскѣ. Пассажиры I класса начали упрашивать старосту-арестанта, завѣдующаго провизіей, на одной изъ пристаней, гдѣ закололи по обыкновенію для нихъ быка, объ уступкѣ имъ части этого мяса—филея; взамѣнъ этого пассажиры желали дать деньги или провизію, заготовленную для нихъ въ Тобольскѣ. Арестантъ дерзко отклонилъ это предложеніе.

20 сентября, въ 9 часовъ утра, мы достигли Томска. На слѣдующій день переселенцы привели съ собой новую партію, состоявшую изъ 197 человѣкъ Тамбовской губерніи, пріѣхавшую недѣлей раньше на пароходахъ «Рейтернъ» и «Хрущовъ».

Пріѣхавъ въ Томскъ, я узналъ, что всѣ дѣла по переселенческому вопросу находятся въ вѣдѣніи томской казенной палаты. Отправившись на слѣдующій день къ управляющему казенною палатой, М. А. Гилярову, я получилъ всѣ свѣдѣнія, которыя такъ необходимы были переселенцамъ.

Распредѣленіе участковъ земли всей Томской губерніи зависитъ отъ алтайскаго горнаго правленія и томской казенной палаты. Алтайское горное правленіе завѣдуетъ округами: Барнаульскимъ, Бійскимъ, Кузнецкимъ и частью Томскимъ и заключаетъ въ себѣ 40.000.000 десятинъ земли, изъ коихъ только 24.270.000 десятинъ заняты населеніемъ водворенныхъ бывшихъ приписныхъ подзаводскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ. Надѣлъ на 191.908 душъ крестьянъ горнаго округа составляетъ 7.264.787 десятинъ,—приходится среднимъ числомъ на душу около 38 дес. удобной земли; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ наибольшій надѣлъ простирается до 100 дес. на душу, а наименьшій до 10 десятинъ. Изъ 1.448 селеній

Алтайскаго округа 106 селеній имѣютъ душевой надѣлъ отъ 2 до 14 дес., а 811 селеній—до 55 дес. на душу.

Томская казенная палата завѣдуетъ остальною частью Томскаго округа и округами Каинскимъ и Маріинскимъ. Количество земли, входящей въ составъ томской казенной палаты, также около 40.000.000 десятинъ. Съ 1865-го по 1877 годъ причислено къ различнымъ округамъ Томской губерніи немного болѣе 35.000 человѣкъ, т. е. по 1.300 человѣкъ въ годъ. Казенная палата за 1880, 1881 и первую половину 1882 года насчитываетъ переселенцевъ, причисленныхъ въ Томскую губернію, только 3.218 ревизскихъ душъ, и неразрѣшенныхъ просьбъ о перечисленіи за это время было 210.

Для перечисленія переселенцевъ, прибывшихъ въ Томскую губернію по паспортамъ или безъ всякихъ видовъ, совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири входитъ предварительно въ сношеніе съ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями тѣхъ губерній, откуда прибыли переселенцы, о высылкѣ имъ на законномъ основаніи увольнительныхъ свидѣтельствъ, причемъ состоянія на переселенцѣ по прежнему обществу недоимки въ казенныхъ податяхъ и сборахъ зачисляются долгомъ на переселенцѣ, а прежнее общество освобождается отъ всякой за него отвѣтственности. Платежъ сихъ недоимокъ разсрочивается переселенцамъ на четыре года.

Причисленіе производится слѣдующимъ образомъ. Переселенецъ подаетъ въ казенную палату просьбу самъ, согласно 147 статьи Общаго Положенія о крестьянахъ 1861 года, съ приложеніемъ къ ней пріемнаго или увольнительнаго приговоровъ, и если причисляется въ Алтайскій горный округъ, то и разрѣшенія, или согласія алтайскаго правленія. Онъ получаетъ удовлетвореніе черезъ три дня, причемъ начисляется на него повинности отъ 5 руб. 98 коп. до 8 руб. 2 коп. включительно на каждую ревизскую душу; сюда входятъ какъ казенныя, такъ и частныя волостныя повинности. Вся сумма за каждую душу вносится полугодно волостнымъ правленіемъ въ казначейство.

Переселенцы стремятся въ Алтайскій округъ болѣе потому, что тамъ нѣтъ ссыльнаго элемента, такъ какъ законъ запрещаетъ селиться какъ ссыльнымъ, такъ и евреямъ въ Алтайскомъ округѣ; кромѣ того климатъ здѣсь теплѣе, почва лучше, а лѣсовъ очень много. Примѣромъ можетъ служить Бійская волость, гдѣ селенія переполнены переселенцами и два года уже какъ алтайское горное управленіе не заявляетъ согласія на перечисленіе въ эту волость, за недостаткомъ отмежеванныхъ къ этимъ селеніямъ земель, а между тѣмъ прибывающіе переселенцы направляются исключительно на земли, принадлежащія алтайскому горному управленію, и вотъ почему перечисленіе длится теперь долго. Алтайскому горному управленію слѣдовало бы прислать въ палату свѣдѣнія одинъ разъ навсегда о количествѣ могущихъ быть приписанными крестьянъ къ каждой

деревнѣ, ибо казенной палатѣ приходится всегда отсылать документы для справки объ изъявленіи согласія алтайскаго горнаго управленія. Всѣ волости прислали въ палату слѣдующее: «по неимѣнію плановъ и по неизмѣренію земли опредѣлить какъ количество земли, такъ и лѣса невозможно».

Кромѣ того важными тормозами къ скорѣйшему причисленію, дурно вліяющими на экономическое положеніе переселенцевъ, служатъ слѣдующія обстоятельства: 1) посылаются документы на согласіе алтайскаго горнаго правленія, которые лежатъ мѣсяцъ безъ движенія; 2) при перечисленіи крестьянъ-собственниковъ изъ великороссійскихъ губерній часто не обозначается въ свидѣтельствахъ волостныхъ старшинъ, что собственники эти платятъ въ настоящее время выкупъ, или уже уплатили; для этого посылается свидѣтельство въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для изъявленія или неизъявленія согласія и проходитъ мѣсяцъ, два, а иногда и шесть. Нужно было бы обязать волостныя правленія, чтобъ они до выдачи увольнительныхъ свидѣтельствъ и пріемныхъ приговоровъ представляли бы первое въ губернское присутствіе, а послѣднее въ алтайское горное правленіе, тогда причисленіе длилось бы три дня.

Укажу на очень характерный тормозъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный, чисто сибирскій, служащій помѣхой къ перечисленію, очевидцемъ котораго мнѣ пришлось быть.

Когда я просматривалъ нѣкоторыя переселенческія дѣла въ архивѣ томской казенной палаты, внесли при мнѣ 72 прошенія отъ переселенцевъ Смоленской волости о причисленіи ихъ въ эту волость. Всѣ прошенія были присланы въ казенную палату безъ гербовыхъ марокъ. Это оказывается очень доходною статьей для писаря и вообще волостного начальства. Получивъ обратно такія прошенія, они вторично берутъ съ несчастныхъ переселенцевъ деньги на марки, ссылаясь на предписанія казенной палаты. Подобныхъ прошеній казенная палата получаетъ ежегодно нѣсколько тысячъ.

Въ Томскѣ я узналъ, что переселенцы никогда не обращаются въ казенную палату. Большею частью они направляются къ своимъ знакомымъ, а кто и просто садится на первый попавшійся удобный участокъ и обзаводится хозяйствомъ. Интересныя дѣла хранятся въ томской казенной палатѣ. Вотъ нѣкоторыя.

Въ 1877 году, въ 12 верстахъ отъ деревни Рубиной, Маріинскаго округа, нашли заимку, состоявшую изъ 40 домовъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, которые проживали тамъ уже 20 лѣтъ. Они всѣ жили безъ документовъ и принимали раскольниковъ и бѣгло-каторжныхъ, скрывая ихъ въ лѣсахъ отъ мѣстныхъ властей, въ выстроенныхъ для этого особыхъ будкахъ, такъ-называемыхъ скитахъ. Когда ихъ накрыли, всѣ бѣглые разбѣжались.

Въ палатѣ хранится обширное дѣло за № 1300-мъ 1877 года—о 1.145 семействахъ крестьянъ, состоявшихъ изъ 3.350 душъ и поселявшихся въ Алтайскомъ горномъ округѣ безъ дозволенія и перечисленія установленнымъ порядкомъ. Казенная палата потребовала по почтовымъ росписканъ, хранившимся у переселенцевъ, увольнительныя свидѣтельства отъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Переселенцы, облюбовавъ себѣ участокъ, распоряжаются имъ какъ своей собственностью. Слѣдующее характерное дѣло служитъ хорошей иллюстраціей взгляда переселенцевъ на захваченные ими участки.

Въ дѣлахъ горнаго управленія по справкамъ оказалось, что въ казачьихъ поселкахъ: Терскомъ, Смоленскомъ и Ануйскомъ принято казаками на жительство по приговорамъ и безъ оныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, слѣдовавшихъ на Амуръ, 259 семействъ, а именно: въ Терскомъ 63, Смоленскомъ 38 и Ануйскомъ 158; всѣ эти крестьяне имѣютъ хлѣбопашество и сѣнокосы въ большомъ количествѣ въ пустолежащихъ мѣстахъ, принадлежащихъ кабинету Его Императорскаго Величества, а между тѣмъ казаки распоряжаются этими землями какъ своей собственностію, получая за нихъ оброкъ съ тѣхъ крестьянъ по 30 коп. за пашенную и сѣнокосную десятину, за выгонъ скота—съ лошади 15 коп., коровы 10 коп. и барана 2 коп., да кромѣ того при пріемѣ за приговоръ брали по 15 руб. съ семейства. Горное правленіе сдѣлало распоряженіе объ оставленіи за казаками тѣхъ только земель, кои были назначены имъ въ число шести-десятинной пропорціи и о воспрещеніи казакамъ распоряжаться землями, имъ не принадлежащими, а тѣмъ болѣе передавать ихъ въ арендное содержаніе. Приказано оставить до переселенія казаковъ опредѣленное по закону число десятинъ, а лишнія земли предоставить изъявляющимъ желаніе переселиться крестьянамъ за 6-рублевый оброкъ въ количествѣ 15 десятинъ на душу, съ прибавкой, если окажется возможнымъ, 1/3 въ запасъ.

Бываютъ случаи, что переселенцы-новоселы вытѣсняютъ старожиловъ. Вотъ примѣръ.

300 семействъ переселенцевъ изъ разныхъ великороссійскихъ губерній, которымъ правительство разрѣшило переселиться на Амуръ, попали по дорогѣ въ Бійскій округъ, Антоніевскую станицу, въ поселокъ Смоленскій, гдѣ поселились и платили казакамъ оброки, но податей казенныхъ не платили; на вопросъ: «почему вы податей не платите», они отвѣтили, «что мы платимъ казакамъ», но главное управленіе Западной Сибири представило проектъ оставить переселенцевъ на этихъ же мѣстахъ, а казакамъ отвесть земли изъ участковъ Алтайскаго горнаго округа. 25 семействъ остались въ станицѣ, а ихъ искали въ Амурской области и въ Воронежской губерніи.

По дѣламъ видно, что между переселенцами и старожилами происходятъ постоянные споры и раздоры.

Преимущество, которое отдаетъ правительство ссыльнымъ предъ переселенцами, сильно озлобляетъ послѣднихъ.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта 2 февраля 1882 года, опубликованнымъ въ указѣ 23 февраля того же года за № 2754, постановлено: дать ссыльнымъ десятилѣтнюю льготу въ слѣдующемъ порядкѣ: три года освобождаются они отъ всѣхъ казенныхъ податей и частныхъ сборовъ, въ послѣдующія же семь лѣтъ вносятъ половину подушной и оброчной подати. Другими словами: ссыльный вноситъ всего 2 рубля 64 коп., а крестьянинъ — 5 руб. 28 коп.; кромѣ того, ссыльный остается свободнымъ въ продолженіе десятилѣтняго періода отъ всѣхъ частныхъ и мірскихъ сборовъ, а переселенцамъ не даютъ этихъ льготъ, несмотря на то, что послѣдніе идутъ и ѣдутъ на свой счетъ, ссыльные же на счетъ казны, не возвращая ей израсходованныхъ ссуммъ. По 7 пункту, алтайское горное правленіе облагаетъ переселенца оброкомъ при переселеніи, взыскивая съ него 4 руб. 50 коп.; если же этотъ переселенецъ впослѣдствіи перейдетъ въ другую мѣстность или сословіе (мѣщане, купцы), то все-таки онъ долженъ (съ ручательствомъ какого-нибудь родственника) платить эти 4 руб. 50 коп. съ души въ годъ до новой ревизіи, или же, по соглашенію съ обществомъ, долженъ внести одновременно 50 руб. Это слѣдовало бы отмѣнить, ибо это выходитъ въ видѣ крѣпостничества.

Оклады денежнаго сбора высчитываются различно съ переселенцевъ, смотря по тому, перечисляются ли они въ Алтайскій горный округъ, или на казенныя земли:

Денежные сборы:

По волост. Алтайскаго горнаго округа — съ души.	Податей:	подушной	1 р.	39	к.
		оброчной въ казну	1 »	50	»
		оброчной въ доходъ кабинета Его Величества	4 »	50	»
		губернскихъ повинностей	— »	8	»
	Капиталовъ:	межевого	— »	3	»
		мірового	— »	5¾	»
		на содержаніе училищъ	— »	10	»
		частныхъ волостныхъ повинностей	— »	—	»
		продовольственнаго	— »	—	»
		Итого	8 р.	1¾	к.
По волостямъ, расположен. на казенныхъ земляхъ.	Податей:	подушной	1 р.	89	к.
		оброчной въ казну	3 »	25	»
		оброчной въ доходъ кабинета Его Величества	— »	—	»
		губернскихъ повинностей	— »	11½	»

По волостямъ, расположен. на казенныхъ земляхъ.	Капиталовъ:	межевого	—	р. 3	к.
		мірового	—	» —	»
		на содержаніе училищъ	—	» —	»
		частныхъ волостныхъ повинностей	—	» 55½	»
		продовольственнаго	—	» —	»
		Итого	5	р. 84	к.

Казенная палата отводитъ переселенцамъ: Марінскаго, Канскаго и частью Томскаго округовъ 15 десятинъ, 3 дес. для ссыльныхъ на водвореніе и 3 дес. на прибылыхъ. Алтайское горное управленіе не даетъ на прибылыхъ; въ мѣстахъ сгущенныхъ отъ наплыва переселенцевъ оно отводитъ 5 десят., но въ среднемъ оно отводитъ отъ 5 до 50 дес. и даже больше.

Получивъ всѣ эти подробныя свѣдѣнія, я попросилъ управляющаго казенною палатой М. А. Гилярова содѣйствовать пріѣхавшимъ переселенцамъ. М. А. Гиляровъ отвѣтилъ, что онъ отведетъ моимъ переселенцамъ совершенно пустые участки, никѣмъ еще не заселенные; а такъ какъ они составляютъ партію въ 319 человѣкъ, то могутъ основать новое село или деревню, гдѣ ни отъ кого не будутъ въ зависимости,—слѣдовательно, о пріемныхъ приговорахъ и рѣчи быть не можетъ. Переселенцы получили отъ г. управляющаго списокъ 20-ти самыхъ лучшихъ незаселенныхъ еще участковъ. Послѣ долгихъ преній рѣшено было разбиться на три партіи; каждая должна имѣть своего представителя (ходака), который долженъ отыскать самое лучшее мѣсто.

Ровно чрезъ три недѣли прибылъ обратно одинъ ходакъ изъ партіи тамбовцевъ, который нашелъ удобный участокъ между деревнями Барановой и Былиной, Никольской волости, при озерѣ Шмуконь. Въ спискѣ, выданномъ г. управляющимъ, этого участка не оказалось. Когда разсказали М. А. Гилярову объ этомъ, онъ обѣщалъ отправить на мѣсто землемѣра, чтобъ узнать, не принадлежитъ ли уже кому земля, такъ какъ земля въ Томской губерніи не размежевана, и если окажется, что участокъ свободенъ, то онъ его отведетъ имъ.

20 октября рѣка Томь стала и землемѣръ съ ходакомъ отправились на облюбованное переселенцами мѣсто, я же вернулся въ Москву.

И. Левитовъ.

Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху, предшествовавшую первому раздѣлу Польши.

(По оффиціальнымъ документамъ, изданнымъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.)

Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ. Есть счастливыя страны, въ которыхъ это, обратившееся въ пословицу, библейское изреченіе мало примѣнимо, въ иныхъ же оно и совсѣмъ смысла не имѣетъ. Такъ, въ Германіи масса нѣмцевъ—пророки, а въ Англіи только англичане и бываютъ пророками. Но за то къ намъ, русскимъ, изреченіе это примѣнимо до того безусловно, что какъ будто собственно для насъ и создано. И никто, можетъ-быть, во всемъ нашемъ обширномъ царствѣ не извѣдалъ этого такъ вполнѣ, какъ «Императорское Русское Историческое Общество». Сколько лѣтъ уже почтенное Общество это неутомимо расчищаетъ и обрабатываетъ вертоградъ россійской исторіи, а это трудъ нелегкій, если принять во вниманіе страшное обиліе камней, усѣивающихъ неблагодарную почву онаго вертограда и множество «независящихъ» обстоятельствъ, служащихъ препятствіемъ къ раціональному разведенію плодовыхъ деревьевъ на этой почвѣ. Несмотря на все это, Общество продолжаетъ свой трудъ такъ дѣятельно и цѣлесообразно, какъ удавалось и удается немногимъ учрежденіямъ на Руси. Съ препятствіями оно умѣетъ справляться отлично. Оставаясь совершенно въ границахъ «независящихъ обстоятельствъ», которыхъ (границъ) даже и не тщится переступать, оно тѣмъ не менѣе добросовѣстно и честно служитъ цѣлямъ именно исторіи, науки, а не какимъ-либо инымъ, не лицамъ и видамъ, ничего съ наукой общаго не имѣющимъ. Тенденціозность для него—terra incognita; оно ея не знаетъ и не хочетъ знать. Отчасти это обусловливается, конечно, самымъ существомъ задачи Общества, заключающейся не въ наслѣдованіи и освѣщеніи историческихъ явленій, а исключительно лишь въ собираніи матеріаловъ для историческихъ трудовъ. Кругъ его дѣятельности ограничивается архивами. Оно издаетъ дипломатическіе документы, мемуары, за-

писки, переписку различныхъ выдающихся дѣятелей государственной жизни, бумаги, хранящіяся въ государственныхъ или въ семейныхъ архивахъ, и т. п. матеріалы. Если смотрѣть съ общеевропейской точки зрѣнія, тутъ нѣтъ и мѣста для тенденціи. Но русскимъ читателямъ нѣтъ надобности говорить, какъ не только въ такомъ, лишь относительно ограниченномъ, кругѣ, но и въ гораздо болѣе тѣсныхъ сферахъ возможна самая узкая, самая недобросовѣстная тенденція. Историческое Общество, однако, умѣетъ избѣгать даже малѣйшей тѣни ея. Единственно, въ чемъ оно проявляетъ сознательный выборъ съ своей стороны, это то, что оно беретъ для своихъ изданій вещи, касающіяся одной лишь русской исторіи, но предварительную оцѣнку и подборъ матеріаловъ оно позволяетъ себѣ исключительно только по отношенію къ степени достовѣрности попадающихъ въ его руки документовъ. Какъ скоро подлинность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, Общество ихъ издаетъ, относясь вполнѣ объективно какъ къ историческимъ фактамъ, такъ и къ историческимъ лицамъ, все равно—русскіе они или иностранные. Оцѣнивать первые и одобрять, или порицать вторые оно предоставляетъ людямъ, посвятившимъ себя спеціальности историческихъ работъ, само же заготовляетъ только, sine ira et studio, матеріалы для этихъ работъ. И сколько такихъ матеріаловъ заготовлено имъ! Тридцать семь in-octavo большого формата томовъ, отъ тридцати пяти до сорока шести и семи листовъ въ каждомъ, представляютъ цѣлую библіотеку, изъ которой есть что позаимствовать и историкамъ, и обыкновеннымъ читателямъ, интересующимся отечественной исторіей. Внѣшній видъ этихъ изданій не оставляетъ желать ничего лучшаго: превосходная бумага, изящная печать, безукоризненная корректура, красивая обложка. Кромѣ того, къ каждому тому приложенъ алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ, на какихъ страницахъ и по какому случаю они упомянуты. Это представляетъ большое удобство для читателя и въ особенности для писателя, пользующагося матеріалами, которому, благодаря этому указателю, нѣтъ надобности дѣлать длинныя выписки и замѣтки,—стоитъ только подчеркнуть, что нужно, въ указателѣ. Относительно этихъ послѣднихъ, т. е. писателей, предупредительная внимательность издателей идетъ еще далѣе: въ предисловіи, въ которомъ дается краткое объясненіе того, какіе именно—къ какой исторической эпохѣ относящіеся, какого предмета касающіеся, откуда и отъ кого полученные—документы помѣщены въ данномъ томѣ; перечисляется обыкновенно и литература предмета, какъ у насъ, такъ и за границей. Словомъ сказать, еслибы было у него немного побольше свободы дѣйствій, еслибы не упомянутые выше камни и препятствія, Историческое Общество, при тщательности и добросовѣстности своихъ изданій, очень скоро помогло бы превратить пустыню россійской исторіи въ цвѣтущій, обильный цвѣтами и плодами, садъ. Но и теперь, несмотря на всѣ невыгодныя условія его дѣятельности, Общество все-

тами много сдѣлало и дѣлаетъ для русской исторіи. Въ числѣ изданныхъ имъ матеріаловъ есть весьма драгоцѣнные, при помощи которыхъ можетъ быть разсѣяна порядочная частица тумана, навѣваемаго старинной канцелярщиной, и донынѣ благополучно здравствующей (самой зловредной изъ всѣхъ), относительно дипломатическихъ тайнъ. Въ особенности посчастливилось Обществу съ эпохой царствованія императрицы Екатерины II. Ему удалось добыть и издать такъ много и такихъ разнообразныхъ документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, что изъ чтенія одного сырого матеріала, помимо всякой разработки, можно составить себѣ, à peu de chose près, вполнѣ ясное и отчетливое представленіе о такъ-называемомъ «золотомъ вѣкѣ Екатерины». И это чтеніе сырого матеріала отнюдь не утомительно и не скучно. Этотъ сырой матеріалъ и самъ по себѣ такъ интересенъ, что непремѣнно увлечетъ всякаго, мало-мальски развитаго, читателя. Что касается до писателя-историка, то ему тутъ представляется богатѣйшій источникъ свѣдѣній. Иностранцы этимъ источникомъ и пользуются. Напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ историковъ Германіи, Рейманнъ, постоянно ссылается на изданія нашего Историческаго Общества въ своихъ работахъ. То же дѣлаютъ и многіе другіе, а у насъ... кто у насъ пользуется этимъ богатымъ матеріаломъ? Въ публикѣ весьма многіе не знаютъ даже о самомъ существованіи Историческаго Общества. По крайней мѣрѣ намъ не разъ случалось встрѣчать людей весьма образованныхъ, которые не только никогда не видали ни одного изданія Общества, но и о немъ самомъ не имѣли ни малѣйшаго понятія... «Это какое такое Историческое Общество? Развѣ у насъ есть такое? Какъ странно, что о немъ ничего не слышно». Такіе вопросы и рѣчи намъ, къ величайшему изумленію, часто приходилось слышать отъ людей, повторяемъ, весьма образованныхъ и обыкновенно интересующихся всякими живыми вопросами. Журналистика наша тоже безучастно относится къ Обществу, которое въ особенности ежедневныя газеты игнорируютъ совершенно. Тогда какъ самыя ничтожныя произведенія беллетристики, о которыхъ, казалось бы, и сказать-то нечего, ибо они, по полнѣйшей безсодержательности своей, и сами ничего не говорятъ,—тогда какъ эти произведенія неизмѣнно удостоиваются пространныхъ отзывовъ въ литературныхъ обозрѣніяхъ газетъ, объ изданіяхъ Историческаго Общества въ нихъ не упоминается ни полусловомъ. А ужь конечно эти изданія болѣе заслуживаютъ вниманія пишущей и читающей публики, чѣмъ какіе-нибудь болѣе или менѣе невообразимые, пустопорожніе разсказы, о которыхъ фельетонисты-обозрѣватели только то и говорятъ на нѣсколькихъ столбцахъ, что они совсѣмъ лишены всякаго смысла и содержанія, что они ниже всякой критики и что на нихъ не стоитъ обращать никакого вниманія (что, впрочемъ, мимоходомъ сказать, громадное большинство публики дѣлаетъ и безъ приглашенія гг. критиковъ). И эти интересныя свѣдѣнія, смѣло выдаваемыя за критическіе этюды, повторяются чуть толь-

но не изъ фельетона въ фельетонъ, между-тѣмъ какъ серьезныя и дѣйствительно полезныя явленія научной литературы обходятся молчаніемъ. Въ особенности, какъ сказано, изданія Историческаго Общества игнорируются безусловно, точно ихъ совсѣмъ нѣтъ, или они издаются гдѣ-нибудь въ Китаѣ.

Чему это приписать? Отсутствію интереса въ публикѣ къ историческимъ произведеніямъ?—Едва ли. У насъ существуетъ сравнительно очень много періодическихъ изданій, посвященныхъ исключительно печатанію историческихъ матеріаловъ. *Русская Старина*, *Русскій Архивъ* и нѣкоторые другіе ничего иного не печатаютъ и почти то же дѣлаетъ *Историческій Вѣстникъ*. Независимо отъ этого, въ толстыхъ журналахъ довольно часто появляются историческія монографіи; наконецъ, историческія же сочиненія выходятъ и отдѣльными книгами. И все это находитъ читателей, всѣ эти изданія имѣютъ порядочное (для Россіи) количество подписчиковъ. Слѣдовательно, есть въ обществѣ и интересъ, и вкусъ къ литературнымъ произведеніямъ этого рода. А Историческому Обществу все-таки нѣтъ счастья въ Россіи: оно не пророкъ въ своемъ отечествѣ; и писатели, и читатели оставляютъ его какъ-то въ сторонѣ, хотя изданія его несомнѣнно заслуживаютъ иной участи.

Конечно, нельзя въ этомъ случаѣ винить одну публику, какъ читающую, такъ и пишущую. Доля вины падаетъ и на само Общество,—оно слишкомъ гордо, слишкомъ аристократически-недоступно держитъ себя. Напримѣръ, намъ никогда не случалось встрѣчать гдѣ-либо объявленіе о выходѣ «Сборниковъ» Общества. Эти «Сборники» выходятъ какъ-то келейно, втихомолку, точно будто они составляютъ домашнее дѣло членовъ Общества и издаются для собственнаго ихъ удовольствія. Весьма вѣроятно, что источникомъ этой чрезмѣрной сдержанности служитъ щепетильная деликатность Общества, не желающаго прибѣгать даже и къ тѣни рекламы своихъ изданій. Но намъ кажется, что такая щепетильность, если она существуетъ, совершенно неосновательна, ибо между шарлатанской рекламой и простымъ объявленіемъ о выходѣ въ свѣтъ извѣстной книги «дистанція огромнаго размѣра». Насколько первая противна въ литературѣ, настолько вторая такъ-сказать обязательна для каждаго издателя, хотя бы послѣдній представлялся цѣлымъ и такимъ почтеннымъ Обществомъ, какъ Русское Историческое. Публика отнюдь не обязана, да и не можетъ сама слѣдить за выпускомъ разныхъ книгъ и повременныхъ изданій и нигдѣ не слѣдитъ, въ особенности у насъ, гдѣ кругъ читателей такъ ограниченъ. Слѣдовательно всякій издатель и всякое издающее что-либо общество, разъ они поставили себѣ цѣлью служить интересамъ русской науки и русской литературы, должны позаботиться извѣстить читающую публику о выходѣ своихъ изданій. Иначе игнорированіе публики издателями непремѣнно будетъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ игнорированіе ихъ публикой. Это отсутствіе объявленій весьма невыгодно

вліяетъ на распространеніе изданій Общества, между прочимъ, и въ томъ еще отношеніи, что, благодаря ему, никто почти не знаетъ, до какой степени общедоступны «Сборники» по цѣнѣ. Не говоря о массѣ читающей публики, которая, какъ замѣчено уже, не только объ его «Сборникахъ», но и о самомъ Обществѣ понятія не имѣетъ, среди писателей-журналистовъ мало кому извѣстно, что самый объемистый, въ сорокъ семь листовъ, томъ стоитъ всего 3 рубля, а менѣе тридцати листовъ по объему 2 рубля. Можно съ увѣренностью сказать, что будь эта совершенно изъ ряда вонъ низкая цѣна общеизвѣстна, «Сборники» Общества пользовались бы относительно весьма значительнымъ распространеніемъ, а въ такомъ случаѣ и цѣли Общество достигало бы, разумѣется, полнѣе и лучше, чѣмъ теперь.

Какъ бы то ни было, публика ли читающая и пишущая, или само Общество болѣе виноваты въ этомъ, но фактъ тотъ, что въ высшей степени интересныя изданія Историческаго Общества остаются вполнѣ невѣдомыми для громаднаго большинства русскаго общества. А между тѣмъ въ числѣ «Сборниковъ» есть много такихъ, широкое распространеніе которыхъ было бы весьма желательно и даже—въ наше богатое быстро чередующимися событіями и кипучее дѣятельностію время—необходимо Мы живемъ въ одну изъ тѣхъ критическихъ эпохъ, которыя называются обыкновенно поворотными. Теперь—не у однихъ насъ, а и во всей почти Европѣ — окончательно сформировались и созрѣли плоды дѣятельности предшествовавшихъ эпохъ и поколѣній, сложилось и выросло то, что было ими брошено въ землю какъ сѣмя. Смотря по тому, какъ мы въ свою очередь направимъ свою дѣятельность, будетъ зависѣть вопросъ: соберемъ ли мы эти, взращенные дѣдами и отцами нашими, созрѣвшіе плоды и обратимъ ихъ на пользу себѣ и дѣтямъ нашимъ, или, наоборотъ, утратимъ все это и получимъ на свою долю лишь наказаніе и вредъ, допустивъ враговъ нашихъ сорвать и присвоить себѣ лучшіе плоды, а остальные растоптать ногами.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ нашихъ, профессоръ Мартенсъ, высказалъ въ прошломъ году*) мысль, что «при ближайшемъ и болѣе основательномъ изученіи взаимныхъ отношеній государствъ приходится убѣдиться въ томъ, что тамъ, гдѣ, кажется, господствуетъ произволъ, въ дѣйствительности управляетъ неумолимый законъ; тамъ, гдѣ, повидимому, была одна «счастливая случайность», въ самомъ дѣлѣ проявляется дѣйствіе того же неумолимаго закона; наконецъ, тамъ, гдѣ будто всѣ чудеса въ области внѣшней политики совершены одною находчивостію и смѣлостію государственнаго человѣка, на дѣлѣ мы видимъ прежде всего глубокое пониманіе этимъ государственнымъ человѣкомъ за-

*) *Вѣстникъ Европы*, май 1882 г., статья, „Пруссія и Россія при Екатеринѣ II“.

конныхъ стремленій народа и историческихъ задачъ національной его жизни». Отвлеченная отъ практической жизни, въ теоріи,—если смотрѣть на внѣшнюю политику единственно съ точки зрѣнія того, чѣмъ она должна бы быть,—мысль эта совершенно вѣрна. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ она далеко не часто оправдывается, иначе государства не погибали бы; а между тѣмъ исторія представляетъ множество примѣровъ конечной гибели не только государствъ, но и народовъ, которые даже совсѣмъ исчезаютъ съ лица земли. Ужь конечно они къ этому не стремились и не въ этомъ заключались задачи ихъ національной жизни. Очевидно, и у нихъ самихъ не хватило моральной силы осуществить свои законныя стремленія, да и управлявшіе ими государственные люди плохо, невѣрно поняли дѣйствительно національныя задачи. Или же—что не только часто, но большею частію случается—народы, увлеченные собственными успѣхами, утрачиваютъ чувство мѣры и расширяютъ свои стремленія гораздо дальше ихъ законныхъ предѣловъ, а государственные люди, понимая въ общемъ задачи національной жизни, въ частностяхъ ихъ осуществленія дѣлаютъ болѣе или менѣе грубыя и опасныя ошибки. Ошибки эти не бросаются сразу въ глаза; напротивъ, если онѣ сопровождаются временнымъ успѣхомъ, послѣдній, своимъ блескомъ, побуждаетъ современниковъ считать ихъ великими дѣяніями. Но всегда дѣятельная историческая Немезида не дремлетъ, и въ концѣ концовъ въ результатѣ такихъ ошибокъ получается не польза, а вредъ, которому подвергаются обыкновенно послѣдующія поколѣнія. Наконецъ, бываетъ нерѣдко, что законныя стремленія двухъ рядомъ живущихъ народовъ находятся въ радикальномъ противорѣчіи другъ съ другомъ, и вотъ тутъ-то личныя качества государственныхъ людей, ихъ твердость или податливость, ловкость или неумѣлость, геніальный умъ или посредственность и—главное—правильное или фальшивое пониманіе ими сути и границъ національныхъ задачъ и степень безкорыстнаго желанія ихъ способствовать осуществленію законныхъ стремленій народа играютъ огромную и рѣшающую роль. Даже частному человѣку нѣтъ ничего легче, какъ принять свои личныя симпатіи и антипатіи за выраженіе чувствъ, а свое тщеславіе и свою личность—за законныя стремленія и національныя задачи всего народа. Государственному же человѣку, то-есть человѣку облеченному властію, мудрено и уберечься отъ этого. Служа и будучи признаваемъ всѣми за высшаго представителя народа, онъ самымъ естественнымъ образомъ привыкаетъ смѣшивать свои личные вкусы и взгляды съ потребностями и желаніями народа и государства. Особенно честолюбіе, любовь къ власти и къ славѣ опасны въ государственныхъ людяхъ, потому что они тогда больше всего склонны зарываться дальше цѣли и легче всего теряютъ способность владѣть собою настолько, чтобы хладнокровно взвѣшивать и выбирать средства достиженія своихъ цѣлей. Да и народъ тогда легче увлекается и, ослѣпленный блескомъ славы, не видитъ, какъ

нецѣлесообразна погоня за ней. Въ такихъ случаяхъ степень власти руководящаго государственнаго человѣка представляетъ вопросъ крайней важности: велика эта власть, такъ какъ располагающее ею лице можетъ все предписать, все повелѣть народу, и блестящіе честолюбцы съ ихъ кажущимися великими подвигами могутъ сдѣлаться роковыми для народа.

Все это мы говоримъ, разумѣется, отнюдь не ради полемики съ почтеннымъ профессоромъ, который, впрочемъ, и самъ признаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что «направленіе внѣшней политики лишь при *нормальныхъ условіяхъ* не есть результатъ личныхъ увлеченій и мимолетнаго чувства»; что «внутреннія государственные порядки проявляютъ роковое вліяніе на направленіе внѣшней политики и международныя отношенія»; наконецъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ историкомъ Трейчке,—что «понять развитіе Прусскаго государства помимо его государей немыслимо». Какъ скоро признается, что существуетъ на свѣтѣ государство, вся исторія котораго обусловилась политикой его государей, то ясно, что не одни законныя стремленія народовъ и національныя задачи ихъ жизни вліяютъ на международное положеніе государствъ и народовъ, а и личныя свойства государственныхъ людей имѣютъ свою не малую долю вліянія. Итакъ, мы отнюдь не ради полемики упомянули о словахъ г. Мартенса, а единственно ради того, чтобы показать, какъ необходимо иногда народу провѣрять въ извѣстныя эпохи своей жизни, дѣйствительно ли тѣ успѣхи, которыми онъ восхищался и гордился въ свое время, были всецѣло результатомъ его собственныхъ законныхъ стремленій и правильно ли понимали при этомъ государственные люди его, народа, національныя задачи, или не вкралось ли нѣсколько существенныхъ ошибокъ въ ихъ дѣйствія, не подпали ли они чуждому вліянію и не исказили ли поэтому настоящія задачи, не направили ли на ложный путь законныя вначалѣ стремленія.

Послѣдній выпускъ «Сборника» Русскаго Историческаго Общества даетъ намъ какъ нельзя болѣе удобный случай заняться такою провѣркой по отношенію къ началу царствованія императрицы Екатерины II, именно къ знаменательной въ исторіи Россіи эпохѣ перваго раздѣла Польши. Дипломатическіе документы, вошедшіе въ сказанный «Сборникъ», относятся ко времени отъ 1767 до 1772 г. и состоятъ изъ переписки прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Сюда вошли депеши графа Сольмса къ Фридриху II, инструкціи и предписанія ему отъ короля, посредственныя—черезъ кабинетъ-министра Финкенштейна и министра иностранныхъ дѣлъ Гертцберга—и собственноручныя, а также и часть секретной переписки Фридриха съ Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россіей по первому раздѣлу Польши. Послѣднія письма до настоящаго времени хранились въ берлинскомъ секретномъ архивѣ, составляя часть той пагубной штуки, которая носитъ названіе дипломатической тайны. О, еслибъ императрица Екатерина II, сама ведшая такую дружескую и интимно-глубокомысленную пере-

писку съ Фридрихомъ II, знала содержаніе его писемъ къ Финкенштейну! Какъ, надо полагать, иначе направила бы она свою политику!:.. Но она этихъ писемъ не знала и видимо находилась въ томъ пріятномъ убѣжденіи, будто не Фридрихъ втайнѣ руководитъ ею, а она его подчиняетъ своему вліянію.

Въ «Сборникѣ», очевидно, помѣщена не вся переписка Фридриха съ своимъ министромъ. И по датамъ на письмахъ, и по содержанію ихъ видно, что лице или лица, доставившія эти документы Историческому Обществу, предварительно тщательно отобрали то, что можно уже въ настоящее время предать гласности и что еще нѣсколько десятковъ лѣтъ должно оставаться скрытымъ въ мрачномъ склепѣ дипломатической тайны. Но и то, что издано нынѣ, такъ характерно, что этого вполнѣ достаточно для правильнаго пониманія отношеній Пруссіи и Россіи того времени. Еще большія подробности, еще болѣе «откровенныя» письма прусскаго короля были бы уже излишними: лучшему разъясненію дѣла они не помогли бы,—оно и такъ ясно, какъ день,—а только раздражили бы, нанесли бы лишнюю рану сердцу русскаго читателя. Когда цѣною такой раны покупается опытъ, раскрывается истина, тогда ее перенесть и нужно, и не трудно; но когда истина и безъ того очевидна, а опытъ дается безъ особенной боли, тогда для чего же подвергаться болѣзненнымъ ощущеніямъ... Мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, кто дѣлалъ выборъ писемъ: тѣ ли, отъ кого наше Историческое Общество получило ихъ, или само это Общество? Но, кто бы ни сдѣлалъ, спасибо имъ за деликатность, которую они съумѣли такъ искусно сочетать съ правдивостью, повѣдавъ и истину русскому обществу, и въ то же время пощадивъ въ немъ чувство самолюбія...

Документы, вошедшіе въ «Сборникъ», съ которыми мы собираемся познакомить читателей, разъясняютъ главнымъ образомъ три вопроса: отношенія прусскаго правительства къ диссидентамъ въ Польшѣ, кому принадлежали первоначальный планъ раздѣла Польши и иниціатива самого дѣла, и отношенія Пруссіи къ войнѣ Россіи съ Турціей и къ измѣненію политической системы Австріи въ восточномъ вопросѣ.

Къ сожалѣнію, насчетъ этого послѣдняго вопроса «Сборникъ» представляетъ всего менѣе данныхъ. Правда, что и это немногое довольно знаменательно, но все же не такъ непреложно и непререкаемо, какъ насчетъ польскихъ дѣлъ. Тамъ для всякаго не посвященнаго читателя все постепенное развитіе дѣла представляется такъ ясно, будто передъ его глазами происходитъ, какъ въ панорамѣ, рядъ движущихся картинъ; здѣсь же коварство Фридриха II и двуличность его политики относительно Россіи только чувствуются, а не могутъ быть такъ-сказать осязаемы. Оно, впрочемъ, и понятно: въ перепискѣ съ своими послами при русскомъ дворѣ не было случая входить въ черезчуръ характерныя подробности насчетъ восточной политики Австріи и отношенія къ ней самой Пруссіи. Что же

насается до переписки съ Финкенштейномъ, то она, какъ сказано, касается спеціально переговоровъ съ русскимъ дворомъ о раздѣлѣ Польши. Вопросъ объ Австріи между тѣмъ не менѣе, если не болѣе еще интересенъ, и было бы очень желательно, чтобъ Историческое Общество похлопотало и въ Вѣнѣ насчетъ содержанія тамошнихъ государственныхъ архивовъ. Весьма вѣроятно, что вѣнское министерство иностранныхъ дѣлъ послѣдовало бы примѣру министерствъ прусскаго, французскаго и англійскаго и съ такою же любезностію, какъ они, предоставило бы въ распоряженіе Общества часть дипломатической переписки своихъ агентовъ. Мы думаемъ даже, что, по разнымъ причинамъ, оно съ особеннымъ удовольствіемъ подѣлилось бы именно тѣми документами, кои относятся къ сношеніямъ съ Пруссіей во времена Фридриха II и Екатерины II.

«Сборникъ» начинается съ депеши графа Сольмса королю, отъ 29 декабря 1766 года. Въ то время между русскимъ и прусскимъ дворами происходили совѣщанія насчетъ готовившихся мѣропріятій въ Польшѣ, по поводу такъ-называемаго въ исторіи «диссидентскаго дѣла», т. е. возстановленія некатоликовъ въ пользованіи всѣми гражданскими и политическими правами, которыхъ наэлектризованные фанатическимъ духовенствомъ поляки лишили ихъ, наконецъ, оффиціально. Безполезно вдаваться въ подробности насчетъ тогдашняго положенія Польши. Даже и краткій историческій очеркъ самого диссидентскаго дѣла—и тотъ намъ кажется не нуженъ, потому что все это, конечно, достаточно извѣстно читателямъ. Да и не въ томъ задача нашей статьи, чтобы выяснить *причины* погибели Рѣчи Посполитой, а въ томъ, чтобъ обрисовать въ точности роль каждой изъ трехъ державъ, раздѣлившихъ Польскую республику, задохнувшуюся среди сжимавшихъ ее, какъ въ тискахъ, могущественныхъ сосѣдей и заживо разложившуюся, благодаря именно неумѣнью опредѣлить границы закономѣрныхъ стремленій своихъ и плохому пониманію своихъ истинно національныхъ задачъ. Скажемъ только, что въ то время, къ которому относятся цитируемые документы, участь Польши была уже рѣшена въ принципѣ: она должна была подпасть чужому господству, и весь вопросъ состоялъ въ томъ, завладѣетъ ли ею одна какая-либо держава, или придется подвергнуть приговоренное исторіей и сосѣдями государство раздѣлу. Россія, еще не связанная роковымъ «общимъ дѣломъ» съ Пруссіей и не успѣвшая окончательно подпасть ея вліянію, не хотѣла раздѣла. Вѣрная традиціямъ Московскаго царства, она несомнѣнно стремилась отнять у Польши русскія земли и современемъ присоединить и всю Польшу. Но это присоединеніе никогда прежде (да едва ли и въ то время) не рисовалось въ воображеніи русскихъ государственныхъ людей ввидѣ насильственнаго, внезапнаго захвата, а ужь мысль о *раздѣлѣ* съ нѣмцами, съ пожертвованіемъ въ пользу послѣднихъ лучшихъ и исконныхъ польскихъ земель, конечно, никогда не представлялась русскому уму. Даже, по характеру и по свойствамъ своего генія сильно напоминающая Фрид-

риха II, Екатерина—и та въ началѣ своего царствованія не помышляла еще о раздѣлѣ Польши. Подобно своимъ предшественникамъ, она пользовалась религіозными распрями для поддержанія внутреннихъ раздоровъ у своихъ сосѣдей и сдѣлала себѣ изъ православія политическое орудіе. Покровительство православнымъ давало ей какъ нельзя болѣе удобный поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, какъ впослѣдствіи и Турціи; но это вмѣшательство имѣло покуда въ виду только утвердить незыблемо вліяніе Россіи въ Рѣчи Посполитой и навсегда связать ее съ Россіей—въ качествѣ вассала, пожалуй, но не въ качествѣ завоеванной и, слѣдовательно, всегда враждебной страны. De facto Польша и была уже вассаломъ Россіи: она ставила Польшѣ королей; ея войска безпрестанно входили въ страну и распоряжались тамъ по произволу; наконецъ, Россія гарантировала Польшѣ ея конституцію. Екатерина хотѣла только узаконить и оформить этотъ порядокъ вещей, принудивъ Польшу полунасильственно, полудобровольно заключить съ Россіей вѣчный наступательный и оборонительный союзъ, причемъ Россія обязывалась гарантировать безопасность и цѣлость Польши. Этой именно цѣли и должно было служить диссидентское дѣло, которое Екатерина старалась раздуть и разжечь, чтобъ имѣть предлогъ ввести въ Польшу значительное количество войскъ и, при помощи ихъ, заставить сеймъ принять всѣ ея предложенія, т. е. исполнить ея волю. Проектъ всего этого былъ уже составленъ и условленъ съ Фридрихомъ, который, по плану Екатерины, долженъ былъ помогать ей осуществить ея виды. Вотъ этотъ проектъ, вкратцѣ изложенный Сольмсомъ: «Соединить диссидентовъ въ конфедерацію, которая должна составиться въ двухъ различныхъ пунктахъ, а именно: въ городѣ Торнѣ для диссидентовъ собственно Польши и въ Слюдсковѣ для Литвы. Сопротивленіе это будетъ произведено подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, которыя одновременно съ разныхъ сторонъ вступятъ въ Польшу. Въ тотъ же самый день, когда конфедерація будетъ обнародована и когда войска перейдутъ границу, русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, представитъ польскому двору декларацію въ оправданіе предпринятаго диссидентами шага и въ доказательство предпринятаго императрицею шага взять ихъ подъ свое покровительство. Основаніемъ этому послужитъ признанное за государями Россіи, какъ за ближайшими сосѣдями Польши и поручившимися за ея конституцію, право входить во внутреннія дѣла республики. При этомъ будетъ замѣчено, что неоднократныя жалобы чиновъ, принесенныя ея величеству, нынѣ царствующей императрицѣ, во время послѣдняго междуцарствія, даютъ ей еще большее право войти теперь же въ разсмотрѣніе внутреннихъ неурядицъ въ этомъ государствѣ и принять въ дѣлахъ его прямое участіе».

Проектъ декларації тоже былъ уже составленъ. Въ немъ предположено было заявить, что ея величество, императрица Россіи, усматриваетъ зачатки разъединенія мнѣній и недовольства польскаго народа со времени

вступленія на престолъ нынѣ избраннаго короля (Станислава-Августа Понятовскаго, одного изъ бывшихъ любимцевъ и ставленника Екатерины), что она замѣчаетъ, особенно на послѣднемъ сеймѣ, какіе-то скрытые замыслы, пагубные для *свободы націи и ея конституціи*, и что, будучи разъ приглашена водворить спокойствіе и не переставая неусыпно заботиться о благополучіи республики, она вынужденной нашлась, при помощи вооруженной силы, предупредить зло и пресѣчь тѣ его послѣдствія, которыя ознаменовались уже какими-либо дѣяніями, возстановить въ своихъ правахъ каждое отдѣльное сословіе и такимъ образомъ обезпечить спокойствіе и согласіе всему государству. Для этой цѣли она требуетъ, чтобы поляки въ возможно скоромъ времени собрались на сеймъ для умиротворенія недовольныхъ. Она надѣется при этомъ, что они отнесутся къ этому дѣлу какъ истые патріоты и придутъ къ желанному рѣшенію. Все это Фридрихъ долженъ, предполагалось, не только одобрить, но и поддержать своимъ вліяніемъ. Вѣроятно, въ полной увѣренности, что онъ искреннѣйшимъ образомъ служитъ интересамъ и видамъ Россіи, графъ Никита Ивановичъ Панинъ (оберъ-гофмейстеръ и тогдашній министръ, большой поклонникъ Фридриха и Пруссіи, въ которыхъ усматривалъ противовѣсъ вліянію ненавидимыхъ имъ французовъ) поручаетъ Сольмсу просить прусскаго короля отъ имени русской императрицы сообщить эту декларацію прусскому министру въ Варшавѣ и приказать ему содѣйствовать русскому послу, когда тотъ представитъ декларацію польскимъ королю и министерству. Проситъ онъ также, чтобы Фридрихъ повелѣлъ и министру своему въ Данцигѣ убѣдить жителей принять участіе въ конфедераціи диссидентовъ, когда ихъ попросятъ объ этомъ, а также употребить съ тою же цѣлію свое вліяніе въ польской Пруссіи, гдѣ кредитъ Фридриха, благодаря массѣ нѣмцевъ, несравненно сильнѣе кредита русскаго двора. «Но,—нарочито прибавляетъ русскій министръ,— *чтобы вашъ министръ поддержалъ русскаго посла и протестовалъ бы тоже, только не въ столь сильныхъ выраженіяхъ, какія употребляетъ императрица и которыя ясно намекаютъ на поддержку требованія открытою силой, если оно не будетъ принято путемъ убѣжденій.* Она желаетъ только, чтобы ваше величество изволили открыто заявить, черезъ вашего министра, что вы, въ виду господствующихъ безпорядковъ и смутъ внутри Польши, не прекращающихся со времени послѣдняго междуцарствія, признаете, что для отстраненія этого зла необходимо принять какія-либо мѣры. Что вы считаете себя неудовлетвореннымъ тѣмъ, что, несмотря на представленія ваши, съ диссидентами было поступлено не такъ, какъ слѣдовало. Что вы поэтому одобряете рѣшеніе послѣднихъ составить изъ себя конфедерацію для того, чтобы возвратить себѣ права и прибѣгнуть къ покровительству императрицы Россіи. Что вы, *пребывая всегда съ нею въ полномъ согласіи, особенно по дѣламъ Польши*, вполнѣ сочувствуете дѣлу возстановленія диссидентовъ и въ силу союза съ нею считаете себя обя-

заннымъ заявить, *что всю отвѣтственность за послѣдствія рѣшеній, принятыхъ ея величествомъ, раздѣляете съ нею. Наконецъ, что вы*, для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти отъ болѣе продолжительныхъ внутреннихъ смутъ и отъ отказа дать диссидентамъ удовлетвореніе, *совѣтуете націи собраться на чрезвычайный сеймъ для всеобщаго замиренія всѣхъ членовъ республики*».

Обращать такія «просьбы» къ прусскому королю значило попросту диктовать ему не только образъ дѣйствій, но и способъ выраженій. А Фридрихъ II былъ не изъ тѣхъ, которые позволяютъ кому бы то ни было и что бы то ни было диктовать себѣ. Онъ отнюдь не желалъ подчиняться предписаніямъ Россіи,—напротивъ, самъ намѣревался предписывать ей, что она должна дѣлать. При изворотливости его геніальнаго ума и при его замѣчательной дипломатической ловкости, дѣлать это было ему не слишкомъ трудно, въ особенности благодаря той, по-истинѣ изумительной со стороны русскаго двора, обстановкѣ, при которой велись его дипломатическія сношенія съ Россіей. Эта обстановка была такова, что уже вслѣдствіе ея одной преобладающая и руководящая роль въ переговорахъ о чемъ бы то ни было принадлежала Пруссіи. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ всѣ сношенія и всѣ переговоры велъ или путемъ личной переписки съ Екатериной, или черезъ посредство своихъ посланниковъ. Русскіе послы были совсѣмъ отстранены отъ этихъ сношеній и черезъ ихъ руки не шли даже самыя простыя, незначащія бумажонки, такъ что, если не принимать во вниманіе декорума и репрезентаціи при разныхъ придворныхъ торжествахъ, станетъ совсѣмъ непонятнымъ, зачѣмъ этихъ посланниковъ держали въ Берлинѣ. Но что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что и съ Вѣною сношенія свои русскій дворъ велъ преимущественно черезъ прусскаго посла, а свой, русскій, и тамъ игралъ второстепенную, чисто подчиненную, роль. Естественно, что при такомъ удивительномъ положеніи его собственныхъ дипломатовъ ни одно движеніе русскаго двора, ни самомалѣйшее уклоненіе въ сторону его политики не могли укрыться отъ зоркаго глаза прусскаго короля. А онъ имѣлъ слишкомъ большой интересъ въ наблюденіи за русскимъ дворомъ, чтобы хоть на минуту выпустить его изъ вида, и былъ слишкомъ хитеръ и опытенъ, чтобы не пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ. Лестію и разными малозначущими и ничего ему не стоившими услугами онъ въ самомъ скоромъ времени съумѣлъ устроить дѣла такъ, что русскій дворъ сталъ самъ докладывать ему о каждомъ своемъ шагѣ и посылать копіи съ разныхъ документовъ, каковы, наприм., оффиціальныя письма, инструкціи посламъ и командующимъ генераламъ и т. п., въ особенности касающіяся польскихъ дѣлъ. Такъ, одновременно съ изложеніемъ проекта декларація, Панинъ посылаетъ Фридриху—все черезъ гр. Сольмса—и копію съ своего письма къ дядямъ короля польскаго, князьямъ Чарторыжскимъ, которыхъ,—объясняетъ онъ,—дружескія отношенія къ Россіи императрица непремѣнно

желаетъ поддержать, «такъ какъ они уже въ двухъ весьма важныхъ дѣлахъ выказали такое расположеніе къ Россіи, какого лучше и желать нельзя». Мотивировалось и, конечно, въ самомъ дѣлѣ дѣлалось это предварительное сообщеніе не только проектовъ оффиціальныхъ актовъ, но и копій частныхъ писемъ—съ тою цѣлію, «дабы не скрыть отъ его величества (Фридриха II) ничего, что только можетъ относиться къ этому дѣлу и что дворъ (русскій) предполагаетъ предпринять для успѣшнаго исхода его».

Между тѣмъ Фридрихъ «это дѣло» понималъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ Екатерина и Панинъ, и «исходъ его», который онъ твердо рѣшился сдѣлать «успѣшнымъ» по-своему, давно уже былъ предрѣшенъ въ его умѣ. *Содѣйствовать* Россіи онъ не отказывался,—напротивъ, готовъ былъ отъ всей души,—но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы *дѣйствіе* то происходило по плану, имъ, Фридрихомъ прусскимъ, а не Россіей предначертанному. Напримѣръ, въ его виды отнюдь не входило заключеніе вѣчнаго союза между Россіей и Польшей, съ русскою гарантіей, которая, еслибъ Россія серьезно рѣшилась соблюдать ее, сойдясь такъ или иначе съ Австріей, разъ и навсегда положила бы предѣлъ дальнѣйшему развитію Пруссіи. Не надо забывать, что антагонизмъ Пруссіи и ея королевскаго дома съ австрійскимъ домомъ тогда уже опредѣлился вполнѣ и что польскія владѣнія перерѣзывали прусскія, дѣлая ихъ черезполосными. Исторія прошлаго доказывала Фридриху, что притязанія Россіи и Австріи на Востокѣ непримиримы и что онѣ легко могли снова, какъ въ былыя времена, вмѣстѣ вести борьбу съ общимъ врагомъ—Турціей. Еслибы, при этомъ условіи, Россія, оставляя ее de jure независимой, успѣла фактически подчинить себѣ Польшу, о которой Австрія очень мало заботилась и на которую никогда не распространяла видовъ, покуда захваты сосѣдей не побудили и ее, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, оберечь свои интересы,—еслибы все это произошло, то Пруссія была бы приговорена безвозвратно. Конечно, товарищество Россіи съ Австріей не могло быть вѣчно. По самому существу вещей долженъ былъ наступить моментъ, когда онѣ изъ друзей превратятся во враговъ. Но этотъ моментъ долженъ былъ наступить въ отдаленномъ будущемъ, а до тѣхъ поръ Пруссія могла исчезнуть, или, по крайней мѣрѣ, истощиться совсѣмъ, подобно Польшѣ, задохнувшись между двумя чересчуръ могущественными сосѣдями. Бороться съ ними обоими ей было не подъ силу и даже невозможно прочно обезпечить свое будущее, внѣ опоры одного изъ нихъ. Австрія этой опорой ни въ какомъ случаѣ быть не могла, слѣдовательно ею должна была служить Россія. Она должна была, не выходя, повидимому, изъ круга своихъ національныхъ задачъ, преслѣдовать ихъ, однако же такимъ образомъ, чтобы, подъ видомъ удовлетворенія законныхъ стремленій русскаго народа, въ сущности получалось развитіе и упроченіе могущества прусскаго. Разъ успѣвъ морально овла-

дѣть русскимъ дворомъ, Фридрихъ затѣмъ уже до конца дней своихъ не выпускалъ изъ рукъ духовныхъ помочей, и, руководимая имъ, Россія хоть и пыталась и думала иногда дѣйствовать вполнѣ свободно, на дѣлѣ свято выполняла возложенную на нее обязанность служенія прусскимъ интересамъ. Система Фридриха относительно Россіи была столь же проста, какъ и остроумна. Она вся можетъ быть выражена тремя словами: *изолировать, стращать и долбить*. Ни одинъ испанецъ или турокъ, ни одинъ тигръ бенгальскій никогда не ревновали такъ своихъ женъ, какъ ревновалъ Фридрихъ Россію ко всякому государству, съ которымъ она выказывала малѣйшее расположеніе сблизиться. Не говоря уже объ Австріи, съ которою, какъ замѣчено выше, непосредственныя сношенія почти совсѣмъ прекратились, Фридрихъ аргусовскимъ окомъ слѣдилъ за сношеніями со всѣми другими государствами, не исключая даже такихъ, въ то время уже мелкихъ и безсильныхъ, какъ Данія, Швеція, Саксонія. Въ 1768 году замѣтилъ онъ, что между Лондономъ и Петербургомъ что-то часто стали ѣздить курьеры. Это ужь его обезпокоило и къ гр. Сольмсу немедленно полетѣло предписаніе разузнать въ точности и достовѣрно, что̀ можетъ обозначать это необычное передвиженіе курьеровъ. Лишнее прибавлять, что гр. Панинъ, согласно принятому обычаю, не скрылъ ничего отъ друга императрицы и союзника Россіи. Опасенія Фридриха оказались справедливыми: Англія предлагала Россіи союзъ. Разумѣется, онъ тотчасъ же сталъ этому поперекъ дороги, доказавъ русскому двору, какъ дважды два четыре, что онъ отъ этого союза ничего не выиграетъ, и самъ отказавшись наотрѣзъ участвовать въ немъ, что, какъ онъ очень хорошо зналъ, отвлечетъ отъ него и Россію. Самомнѣніе властолюбивой Екатерины, которая, вплоть до появленія Потемкина, рѣшительно никого изъ окружающихъ не допускала до вмѣшательства въ дѣла внѣшней политики, ни отъ кого ни указаній, ни совѣтовъ не принимала и поставляла свою гордость въ томъ, что она одна, собственной своей особой, управляетъ международными судьбами Россіи,—это самомнѣніе какъ нельзя болѣе облегчало задачу Фридриха заполучить въ свою исключительную пользу и союзъ, и довѣріе Россіи. Играя на слабой стрункѣ геніальной, но честолюбивой до слабости женщины, онъ очень скоро довелъ ее до убѣжденія, что ей нѣтъ ничего легче, какъ управлять судьбами не только Россіи, но и всей Европы, для чего стоитъ только оставаться въ тѣсномъ и неизмѣнномъ союзѣ съ нимъ, королемъ прусскимъ. Пруссія и Россія, Фридрихъ II и Екатерина II,—кто можетъ противустоять соединенію такой могучей силы непобѣдимыхъ войскъ и генія!? И на что имъ другіе союзники,—что они могутъ имъ дать? Бояться имъ некого и нечего, потому что всѣ вокругъ и безотносительно не страшны, по своему безсилію, а въ сравненіи съ могуществомъ соединенныхъ Пруссіи и Россіи и совсѣмъ ничтожны. Покуда онѣ дѣйствуютъ во всемъ заодно, онѣ будутъ повелѣвать міромъ... Извѣстно, что именно такъ смотрѣла на свои

международныя отношенія Екатерина, не замѣтившая, что если кто и управляетъ дѣлами ближайшихъ къ ней европейскихъ державъ, такъ не она, а Фридрихъ.

Презрительное отношеніе къ сосѣдямъ, когда дѣло шло о сближеніи и тѣмъ паче о союзѣ съ ними Россіи, смѣнялось безконечными опасеніями и чуть не трусостію, коль скоро Россія не все дѣлала такъ, какъ угодно было Фридриху. Тогда оказывалось, что въ каждомъ углу Европы Россію подстерегаетъ алчный врагъ, кующій противъ нея ковы, что она окружена величайшими опасностями, отъ которыхъ избавить ее могутъ только Фридрихъ да собственная ея уступчивость его желаніямъ. Петербургскому двору подавались самые дружелюбные и, повидимому, какъ бы искренніе совѣты держать ухо востро; составлялись для него цѣлые, весьма дѣльные планы военныхъ дѣйствій, на случай, еслибы грозящія опасности въ самомъ дѣлѣ разразились; сообщались якобы тайныя, а въ дѣйствительности, очевидно, нарочито для того составленныя донесенія прусскихъ пословъ, военныхъ агентовъ и даже простыхъ шпіоновъ; наконецъ, въ самой Пруссіи предпринимались усиленные наборы и комплектованіе войскъ. Словомъ сказать, пускались въ ходъ всѣ средства застращиванія, какія только можно придумать.

Мы увидимъ ниже, изъ депешъ, которыя будемъ цитировать, съ какой виртуозностью эта система примѣнялась по отношенію какъ къ польскимъ, такъ и восточнымъ дѣламъ. А тѣмъ временемъ, покуда русскій дворъ, болѣе или менѣе напуганный иногда просто намалеванными драконами, начиналъ колебаться въ рѣшеніи своемъ по тому или другому вопросу, Фридрихъ примѣнялъ другую часть своей системы—долбленіе. Самъ онъ, почта за почтой, въ каждой депешѣ, а его послы, по его формальному предписанію, день за днемъ, при каждомъ свиданіи съ императрицей или съ кѣмъ-либо изъ русскихъ государственныхъ людей повторяли одно и то же, въ томъ же порядкѣ изложенія, съ тѣми же аргументами, съ тою же группировкой ихъ. Даже теперь скучно читать это безконечное повтореніе одного и того же, и можно представить себѣ, до чего должно было это надоѣдать Фридриху, по характеру не особенно терпѣливому и всегда рѣшительному въ своихъ дѣйствіяхъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, писалъ и писалъ повторенія, нисколько не тяготясь этой скучнѣйшей изъ работъ и только посмѣиваясь втихомолку. Вотъ какъ онъ объясняетъ эту свою систему въ письмѣ къ Финкенштейну: «...Не хочу скрыть отъ васъ наблюденія, сдѣланнаго мною относительно способа веденія переговоровъ съ Россіей и подтвержденнаго опытомъ въ разныхъ случаяхъ. Чтобы имѣть съ ней успѣхъ, надо часто повторять ей однѣ и тѣ же вещи и не унывать, еслибъ она даже сначала и дѣлала нѣкоторыя затрудненія принять ихъ. Чѣмъ больше поютъ ей одну и ту же пѣсню, тѣмъ больше ея слухъ усвоиваетъ ее; въ концѣ концовъ не преминешь привести ее къ полнѣйшему согласію. Я льщу себя надеждой, что такъ будетъ и при

настоящихъ переговорахъ...» Этотъ лестный отзывъ о свойствахъ русскихъ политиковъ сдѣланъ Фридрихомъ, по поводу польскихъ дѣлъ, въ ноябрѣ 1771 года. Какъ извѣстно, факты не замедлили доказать, что онъ льстилъ себя надеждой не напрасно. Русскій слухъ привыкъ къ слову «раздѣлъ», усвоилъ себѣ пѣсню о немъ и «споръ славянъ между собой», давнишній споръ Москвы съ Варшавой о томъ, кто кого одолѣетъ, кому быть старшимъ и кому покориться другому,—этотъ споръ между родными братьями, въ которомъ дотолѣ не было и не должно бы быть до конца мѣста никому чужому, превратился въ русско-нѣмецкое «общее дѣло» и на цѣлый вѣкъ слишкомъ (на 110 лѣтъ) упрочилъ тяготѣніе прусскаго вліянія надъ Россіей...

А долго Фридрихъ пріучалъ русскій дворъ къ своей пѣснѣ, долго напѣвалъ ее на разные лады, куплетъ за куплетомъ, и не сразу выдалъ настоящую суть этой своей любимой, завѣтной пѣсенки. Получивъ вышеприведенные проекты организаціи диссидентскаго дѣла и декларація и копію съ письма Панина къ Чарторыжскимъ, Фридрихъ, вовсе, какъ сказано, не желавшій русско-польскаго союза и намѣревавшійся прежде всего себя обезпечить такимъ предварительнымъ договоромъ съ Россіей, который предоставлялъ бы ему въ будущемъ свободу дѣйствій въ Польшѣ,—Фридрихъ прибѣгъ къ первому изъ своихъ боевыхъ политическихъ коней, употреблявшихся имъ въ дипломатическихъ турнирахъ съ Екатериной,—къ застращиванію. Не отвѣчая ни единымъ словомъ на проекты, онъ заводитъ съ своимъ посломъ рѣчь объ угрожающемъ положеніи, будто бы принятомъ Австріей. «До сихъ поръ не имѣю отъ васъ донесеній, вотъ ужь двѣ почты,—пишетъ онъ Сольмсу съ небольшимъ черезъ три недѣли послѣ полученія проектовъ.—Такъ какъ въ это время я получилъ довольно интересныя свѣдѣнія какъ изъ Бреславля, такъ и изъ Вѣны, касающіяся военныхъ приготовленій, которыя дѣлаются австрійцами съ страннымъ усердіемъ и которыя заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, то я счелъ полезнымъ сообщить вамъ объ этомъ въ концѣ депеши и отправить эту послѣднюю съ нарочнымъ курьеромъ. Изъ прилагаемыхъ къ сему выписокъ вы увидите, въ чемъ дѣло и что дѣла относительно вѣнскаго двора принимаютъ такой оборотъ, какого нельзя было ожидать вначалѣ. Я хочу, чтобы вы сообщили эти выписки графу Панину и замѣтили бы ему отъ моего имени, что, судя по серьезному обороту этихъ дѣлъ, можно предвидѣть, что другія католическія державы соединятся съ Австріей во имя общей цѣли... Весьма возможно, что вѣнскій дворъ безъ особаго труда и въ короткое время соберетъ 80-тысячную армію въ Венгріи или Моравіи и что тогда мало-помалу дойдетъ до открытаго разрыва въ то время, какъ его вовсе не ожидаютъ. Вслѣдствіе этого я предупреждаю графа Панина, что если его дворъ введетъ въ предѣлы Польши пятнадцать тысячъ войска въ наступающемъ февралѣ мѣсяцѣ, то необходимо, чтобъ у границъ Польши былъ готовъ другой корпусъ, тысячъ

въ 50 или 60, для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, можно было противупоставить цѣлую армію. Я ожидаю изъ Вѣны болѣе точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ тамошняго двора, и если только они будутъ все въ томъ же духѣ, какъ до сихъ поръ, то я помолю всю кавалерію мою и произведу наборъ по армія, чтобъ имѣть ее въ полномъ составѣ. Такъ какъ, по всей вѣроятности, дѣло это кончится открытымъ разрывомъ, то *я ожидаю, что русскій дворъ заключитъ со мною договоръ, по которому обяжется вознаградить меня за потери, которыя я понесу отъ того, что приму участіе въ усмиреніи смутъ, возникшихъ изъ-за диссидентскаго дѣла.* Повторяю еще разъ, по моему мнѣнію дѣла эти очень серьезны, и такъ какъ русскіе непремѣнно хотятъ приложить къ дѣлу военную силу, то безъ открытаго разрыва не обойдется.

„Передайте все вышесказанное графу Панину секретно и такъ же секретно донесите мнѣ, какое впечатлѣніе произведетъ на него“.

Чтобы судить, насколько искренни были эти опасенія союза католическихъ державъ и 80-тысячнаго войска, будто бы могущаго быть выставленнымъ Австріей въ самое короткое время, стоитъ припомнить, что всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда русскій посланникъ Сальдернъ высказывалъ, по порученію Панина, такія же опасенія насчетъ враждебности Австріи и Франціи и предпочелъ составить, въ противовѣсъ имъ, союзъ изъ сѣверныхъ державъ,—Фридрихъ отнесся къ этому съ величайшимъ и, надо сказать, вполнѣ справедливымъ презрѣніемъ. Онъ сказалъ, что, при современномъ состояніи всѣхъ государствъ, Россіи и Пруссіи нѣтъ ни малѣйшей надобности въ другихъ союзникахъ, такъ какъ и Австрія и Франція, враждебность которыхъ дѣйствительно могла бы быть опасна, совершенно парализованы полнымъ разстройствомъ и истощеніемъ своихъ финансовъ, что онѣ обѣ нищія и ничего не въ состояніи сдѣлать при всемъ своемъ желаніи. Это дѣйствительно такъ и было, и положеніе нисколько не измѣнилось съ тѣхъ поръ, что русскому двору было хорошо извѣстно. Не болѣе искренности было и въ нѣсколько укоризненномъ замѣчаніи о томъ, что «русскіе непремѣнно хотятъ примѣнить къ дѣлу военную силу», ибо русскіе не въ первый разъ собирались ввести войско въ Польшу. Это всегда вызывало дипломатическое негодованіе и интриги, но до войны съ Россіей собственно изъ-за этого никто не доходилъ. Надо полагать, самъ Фридрихъ сообразилъ неловкость своихъ первыхъ доводовъ и въ тотъ же день отправилъ въ Петербургъ другую депешу, гдѣ снова стращаетъ Россію предстоящею войной, но уже не съ Австріей, а съ Портой, которую Франція и Австрія интригами стараются побудить заступиться за Польшу. Это уже былъ несомнѣнный фактъ, хотя Фридрихъ и передавалъ его не ввидѣ свѣдѣнія, полученнаго отъ своихъ агентовъ въ Константинополѣ, но, какъ и все вообще содержаніе депеши, ввидѣ личныхъ своихъ соображеній и догадокъ, не подкрѣпленныхъ понуда никакими фактическими данными. Для

чего ему понадобилась такая странная форма, легко сообразить, припомнивъ, что интриговала и подстрекала Порту въ то время одна Франція, дѣйствительно желавшая, но не имѣвшая возможности сама подать помощь Польшѣ. Австрію же Фридрихъ пристегнулъ къ этой интригѣ единственно для приданія вѣроятія своимъ напускнымъ опасеніямъ, по случаю ея возраженій, а также, конечно, и для поддержанія непріязненнаго настроенія Россіи относительно ея. На такое намѣреніе указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что, не ограничиваясь указаніемъ на ея будто бы грозныя вооруженія, Фридрихъ счелъ нужнымъ взвести еще на Австрію обвиненіе въ желаніи произвести революцію въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, несмотря даже на основательность высказанныхъ противъ Порты подозрѣній, русскій дворъ не сразу поддался маневрамъ Фридриха. Подобно ему, Екатерина вздумала разыграть маленькую комедію и сдѣлала видъ, будто не понимаетъ, къ чему клонятся всѣ эти внезапные страхи и совѣты вѣнчаннаго друга, при дворѣ котораго она выросла и воспитывалась. Панинъ отъ ея имени разсыпался передъ Сольмсомъ въ благодарностяхъ Фридриху за его расположеніе, заботливость и мудрые совѣты, но объявилъ, что не думаетъ, чтобъ императрица-королева (Марія-Терезія) рѣшилась объявить войну Россіи, зная, что, благодаря ихъ прочному союзу, это значитъ объявить ее вмѣстѣ и Пруссіи; онъ просилъ успокоиться насчетъ совершенно невозможной революціи въ Петербургѣ, которой Екатерина нисколько не опасается, ибо твердо знаетъ, что ея ни въ какомъ случаѣ не будетъ, и въ заключеніе выражалъ твердую рѣшимость продолжать дѣло заступничества за диссидентовъ, несмотря на неудовольствіе Австріи и хотя бы даже пришлось вести войну съ нею. Само собою разумѣется, что при этомъ удобномъ случаѣ не преминулъ наговорить множество красивыхъ и громкихъ фразъ о страданіяхъ диссидендовъ въ Польшѣ, о правѣ и обязанности русской императрицы заступиться за православныхъ, о религіозномъ долгѣ, умѣренности и безкорыстіи и т. под. Въ разсчеты Фридриха вовсе не входило обмѣниваться фразами. Самъ онъ разыгрывалъ комедію, и разыгрывалъ до того безцеремонно, что, читая его депеши, въ особенности собственноручныя, невольно начинаешь думать, что онъ ихъ писалъ не столько для графовъ Сольмса и Панина, сколько для потомства, съ цѣлью ввести его со временемъ въ заблужденіе насчетъ настоящей своей роли въ польскомъ вопросѣ, или если не для потомства, то по крайней мѣрѣ для государственныхъ людей и дворовъ, посторонихъ русскому. Но допускать Екатерину до подобнаго же образа дѣйствій относительно его и въ такомъ важномъ для него дѣлѣ, какъ польское, онъ вовсе не желалъ и на первыхъ же порахъ прекратилъ всякія попытки этого рода, — прекратилъ настолько рѣзко, насколько это допускается вообще въ дипломатической перепискѣ. Строго держась своей системы, онъ аккуратно въ каждой депешѣ повторяетъ угрозы австрійскими вооруженіями и даетъ какъ нель-

зя болѣе дѣльные совѣты насчетъ мѣръ, какія слѣдуетъ принять Россіи,—насчетъ количества, распредѣленія и маршрута войскъ, даже насчетъ плана возможной, въ его воображеніи, кампаніи, но въ то же время весьма недвусмысленно даетъ понять, что шутить съ собой не позволитъ и обойти себя льстивыми обѣщаніями, исполненіе которыхъ ничѣмъ не гарантировано, также не дастъ. У него съ Екатериной шли въ это время переговоры касательно степени «вознагражденія», которое каждый изъ нихъ намѣренъ получить, и переговоры эти сопровождались нѣкотораго рода пререканіями насчетъ количества и важности взаимно оказанныхъ услугъ. Тонъ депешъ Фридриха по этому поводу становится съ каждымъ разомъ все холоднѣе и даже высокомѣренъ. «Депешу вашу отъ 20 послѣдняго января,—писалъ онъ Сольмсу 5 февраля 1767 г.,—я получилъ. Изъ нея я вижу, какъ представляютъ себѣ русскіе министры предпріятіе въ Польшѣ для возстановленія правъ диссидендовъ. Въ отвѣтъ скажу, что сдѣланныя мною вамъ замѣчанія основаны на правѣ, а не на сравненіи» (Сольмсъ, передавая слова Панина, сравнивалъ положеніе диссидентовъ въ Польшѣ съ положеніемъ католиковъ въ Англіи и Голландіи и доказывалъ, что это совсѣмъ не одно и то же и что права диссидентовъ, какъ гарантированныя прежними законами, не могли быть уничтожены сеймомъ). «Всякое государство, монархическое ли или республиканское, имѣетъ право отмѣнять и издавать у себя законы. Польша воспользовалась этимъ правомъ. Она издала законъ, что диссиденты не должны занимать государственныхъ должностей, и отстранила ихъ отъ оныхъ. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ можетъ императрица Россіи вмѣшиваться во внутреннее дѣло Польши, по какому праву вмѣшивается она въ него, въ силу какой власти?— *Вотъ вопросы, на которые вамъ отвѣтятъ лишь плохими резонами. Вѣнскій дворъ въ этомъ именно поведеніи императрицы и усматриваетъ произволъ и покушеніе на свободу поляковъ.* Признаюсь вамъ, что когда начнешь просматривать Гуго Гроціуса, то нельзя не согласиться, что образъ дѣйствій императрицы Россіи трудно чѣмъ-нибудь оправдать и что дѣло тутъ совсѣмъ не въ твердости, а въ правѣ. Все же таки, какъ бы тамъ ни было, *я простираю свою любезность до того, что соглашаюсь содѣйствовать поступкамъ, которыхъ въ глубинѣ души своей не могу оправдать. Но, поступая такимъ образомъ, я требую, чтобъ это цѣнили.* Если я соглашаюсь на все это, то изъ желанія услужить, а не изъ слабости». Нѣсколько дней спустя, Фридрихъ говоритъ еще категоричнѣе: «Считаю нужнымъ сдѣлать вамъ (Сольмсу же) нѣкоторыя объясненія по поводу послѣдняго разговора вашего съ графомъ Панинымъ, о которомъ вы докладываете въ вашей послѣдней депешѣ.

«Прежде всего, когда вы хотите говорить о взаимныхъ услугахъ, то слѣдуетъ въ точности опредѣлить относительную цѣну тѣхъ и другихъ. Если русскіе очистили Пруссію, то должны помнить, что это было сдѣлано ими на основаніи трактата, заключеннаго мною еще съ покойнымъ им-

нераторомъ. Что они заплатили за поставки, сдѣланныя моими подданными въ ихъ склады, то этого никакъ нельзя поставить въ число услугъ, потому что существуетъ общее правило платить за то, что покупается. Что касается до почтовыхъ недоимокъ, то во всемъ мірѣ принято платить свои долги.

«Но если русскіе вздумаютъ когда-нибудь посчитать всѣ услуги, которыя я имъ оказалъ, то они увидятъ, что эти услуги гораздо болѣе важны, чѣмъ ихъ. Первая изъ нихъ—избраніе польскаго короля; вторая—отказъ съ моей стороны отъ законныхъ притязаній моихъ касательно польскихъ таможенъ,—отказъ, сдѣланный мною единственно изъ любезности къ русскому двору. Наибольшая же изъ всѣхъ моихъ услугъ русскому двору заключается въ томъ, что произошло по настоящему, диссидентскому, дѣлу въ Польшѣ, потому что, *повѣрьте, никто не смотритъ на это дѣло какъ на дѣло религіи, исключая, можетъ-быть, нѣсколькихъ епископовъ польскихъ. Что касается другихъ, то вся Европа открыто говоритъ, что императрица Россіи хочетъ поставить Польшу на одну ногу съ Курляндіей и дать ей такого короля, который управлялъ бы ею подъ ея руководствомъ и который не могъ бы предпринять ни одного шага безъ ея позволенія.* Это-то именно и возбуждаетъ ревность императрицы-королевы, изъ-за этого-то она и принимаетъ такое положеніе, чтобы воспрепятствовать этому дѣлу, если найдутся средства.

«*Истинный интересъ всѣхъ сосѣдей Польши, конечно, заключается въ томъ, чтобы форма правленія этою государства оставалась такою же, какъ теперь;* слѣдовательно, мнѣ, какъ и всѣмъ прочимъ, не можетъ быть выгодна никакая перемѣна въ этомъ отношеніи и кромѣ того союзъ мой съ Россіей только оборонительный. *Если же я, въ этомъ случаѣ, жертвую своими интересами Россіи, это заслуживаетъ величайшей благодарности съ ея стороны...* Я съ трехъ различныхъ сторонъ получаю свѣдѣнія о продолжающихся усиленныхъ вооруженіяхъ австрійцевъ и, несмотря на то, *все-таки обѣщаю заключить договоръ съ Россіей, такъ какъ, вводя войска въ Польшу, она дѣйствуетъ наступательно, а нашъ союзъ только оборонительный...*»

Невозможно яснѣе сказать кому-либо, что видятъ его игру насквозь, и если соглашаются быть въ ней сообщникомъ, то обманутой жертвой быть не желаютъ и за сообщничество требуютъ себѣ щедраго вознагражденія, по меньшей мѣрѣ, половины прибыли, si non—non. Не слѣдуетъ думать, однако, что Фридрихъ при этомъ оттягивалъ дѣло, удерживалъ Россію отъ рѣшительныхъ дѣйствій, или не помогалъ ей своими интригами въ Варшавѣ, въ польской Пруссіи и въ Данцигѣ. Ничуть. Онъ, напротивъ, Россію всѣми силами подталкивалъ впередъ, облегчая ей, какъ могъ, путь своими услугами. Особенно заботился онъ о достаточности ея военныхъ силъ и усерднѣйшимъ образомъ диктовалъ ей нужныя мѣропріятія. Разсчетъ его въ этомъ былъ столь же ясенъ, какъ и его рѣчи:

ему надо было только безповоротно впутать Россію въ дѣло, которое, разъ начавъ, нельзя было бросить, а тамъ ужъ свои выгоды онъ съумѣетъ извлечь самъ. Не захочетъ добровольно подѣлиться съ нимъ Россія, онъ вступитъ въ соглашеніе съ Австріей (съ которой онъ, не слѣдуя примѣру Екатерины, прекрасно продолжалъ quasi-дружескія сношенія) и съ нею, противъ Россіи, получитъ свое. Екатерина поняла, что съ Фридрихомъ, уклончивыми обѣщаніями, да мало опредѣленнымъ старымъ трактатомъ не отдѣлаешься, что съ нимъ надо вести дѣло на чистоту, и рѣшилась подчиниться его требованію и заключить новый договоръ. Разумѣется, она могла,—и Фридрихъ, на ея мѣстѣ, навѣрное такъ бы и поступилъ,—отложить на время задуманное дѣло и выждать болѣе для себя удобнаго момента. Положеніе Европы въ то время было таково, что этого момента очевидно не пришлось бы долго ждать, да и создать его было бы не особенно трудно для истинно ловкаго и дальновиднаго политика. Англія была уже въ то время всецѣло поглощена американскими дѣлами, Франція также занималась, главнымъ образомъ, ими же, да и была такъ истощена предшествовавшими войнами и еще болѣе—непомѣрнымъ мотовствомъ развращеннѣйшихъ двора и дворянства, все въ ней было такъ разстроено, такъ деморализовано, что отъ нея развѣ только интригъ можно было опасаться, а на энергическое дѣйствіе она не была способна. Испанія была наканунѣ разрыва съ Англіей и тоже безсильна. Этимъ государствамъ было не до польско-русскихъ дѣлъ: хотя они и поглядывали иной разъ въ ту сторону, но серьезнаго противодѣйствія отъ нихъ опасаться было нечего. Что касается до Пруссіи съ Австріей, то онѣ хотя и жили тогда въ мирѣ, но жили что называется sur le qui vive, всегда подозрительные другъ къ другу, всегда готовые другъ съ другомъ сцѣпиться. Правда, объ онѣ старательно избѣгали еще допустить Россію пріобрѣсти вліяніе на ихъ дѣла. Когда, при воцареніи Екатерины на престолъ, она предложила имъ свое посредничество для окончанія семилѣтней войны, онѣ—главнымъ образомъ Фридрихъ, что Екатеринѣ слѣдовало бы помнить—вступили въ непосредственные переговоры между собой и такъ быстро и тайно покончили все, что русскій дворъ узналъ объ этомъ только тогда, когда миръ былъ уже заключенъ. Но эта политика не могла продолжаться, и дѣйствительно не продолжалась, долго. Между соперничающими нѣмецкими державами было такъ много причинъ непримиримаго антагонизма, что онѣ роковымъ образомъ приходили въ столкновеніе на каждомъ шагу. Уже въ то время, къ которому относятся только-что приведенные, нѣсколько натянутые русско-прусскіе переговоры, между ними, т. е. между Австріей и Пруссіей, начинали возникать новыя существенныя недоразумѣнія. Назрѣвалъ вопросъ о баварскомъ наслѣдствѣ. Не прошло и года послѣ начала рокового диссидентскаго дѣла, какъ Фридрихъ сталъ хлопотать у русскаго двора объ этомъ наслѣдствѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ Пруссія и Австрія повели изъ-за него войну. Съ терпѣ-

ніемъ и выдержкой и притомъ—скажемъ, употребляя обще-принятое въ такихъ случаяхъ выраженіе—«дипломатическою ловкостью», которой Екатерина обладала въ весьма достаточной степени, она легко могла возбуждать несогласія между Австріей и Пруссіей, стравить ихъ и тогда распорядиться въ Польшѣ, какъ сама желала. Помѣшать ей было бы некому. И надо замѣтить, что она могла бы распорядиться, какъ мы говоримъ, безъ всякаго насилія, а съ добровольнаго согласія самихъ поляковъ. Въ Польшѣ и прежде, а въ то время въ особенности, не было недостатка въ людяхъ, которые видѣли, на какой гибельной дорогѣ находится ихъ отечество, какъ скоро-скоро должно оно подпасть чужеземному владычеству, если не измѣнятся внутреннія порядки въ немъ, и которые стремились всѣми силами уничтожить безграничное своеволіе шляхты, въ особенности же пагубное, ставшее источникомъ непрерывавшихся смутъ и глубочайшей деморализаціи liberum veto. Они хотѣли расширить и укрѣпить власть короля, сдѣлавъ корону наслѣдственной,—хотѣли, для болѣе успѣшной борьбы съ буйной шляхтой, расширить политическія права мѣщанства и освободить и поднять крестьянство. Раздавались даже, хотя и не многочисленные, голоса, требовавшіе надѣла крестьянъ землею. Это были лучшіе люди Польши и всѣ они были сторонниками Россіи, потому что сознавали (и высказывали), что только она одна достаточно могущественна, чтобъ утвердить порядокъ среди поляковъ, силою принудивъ ихъ къ повиновенію королевской власти, и защитить Польшу отъ алчныхъ вожделѣній нѣмцевъ. Поддержи Екатерина *эту* партію, помоги она искренно и добросовѣстно внутреннему упорядоченію Польши, она несомнѣнно, ко времени нѣмецкихъ распрей изъ-за баварскаго наслѣдства,—а при легкомъ содѣйствіи съ ея стороны эти распри могли бы принять размѣры пообширнѣе тѣхъ, какіе онѣ имѣли,—успѣла бы составить себѣ такое прочное положеніе въ Польшѣ, котораго никто не въ состояніи былъ бы поколебать. Со смертію же Станислава-Августа Понятовскаго безъ труда можно бы привести и къ персональной уніи между Россіей и Польшей, т. е. совершить именно то, къ чему оба государства издавна стремились, но что не могло совершиться безъ вреда для обоихъ, покуда то и другое сохраняли приблизительно равныя силы и слѣдовательно соперничали изъ-за преобладанія. Препятствій со стороны другихъ европейскихъ державъ Екатеринѣ нечего было бояться, ибо на *этомъ* пути въ началѣ ея дѣятельности препятствій и быть не могло. За исключеніемъ Пруссіи, вѣчныя смуты въ Польшѣ ни для кого не представляли выгоды и никто не стремился умышленно ихъ поддерживать; наоборотъ, всѣ искренно желали прекращенія ихъ, и если вся Европа обвиняла Екатерину въ жестокости, насиліи и въ безнравственной политикѣ, такъ именно за то, что она, изъ корыстныхъ цѣлей, не допускала Польшу до измѣненія своего политическаго внутренняго строя. Даже Австрія—и та не видала для себя никакого особеннаго интереса въ сохраненіи не только гибельнаго liberum veto, но даже и рес-

публики въ Польшѣ; что же касается до Франціи, то она именно старалась поддержать въ полякахъ стремленіе къ наслѣдственной монархіи. Она не могла оказать дѣятельной помощи, была истощена и безсильна, но престижъ и извѣстный авторитетъ въ Европѣ еще сохраняла вполнѣ и ея нравственная поддержка имѣла значеніе. Натурально Пруссія была весьма недовольна и Фридрихъ, безъ сомнѣнія, пустилъ бы въ ходъ всевозможныя интриги, чтобы помѣшать Екатеринѣ въ дѣлѣ упорядоченія Польши. Только при тогдашнемъ, еще шаткомъ и непрочномъ, положеніи самого этого государства Екатеринѣ не трудно было бы парализовать эти интриги, а ужь войны Фридрихъ ни въ какомъ случаѣ не объявилъ бы ей, имѣя въ виду, что тогда Австрія непремѣнно пристала бы къ Россіи. Разумѣется, всѣ онѣ: и Австрія, и Пруссія, и даже Франція разразились бы нотами негодованія и ужаса, когда впослѣдствіи—много лѣтъ спустя—дѣло окончилось бы уніей Россіи и Польши. Весьма вѣроятно, что первыя двѣ (допуская, что вторая, т. е. Пруссія, все еще сохранила бы свое могущество) попытались бы не только интригами, но и силой отнять у Россіи ея преимущество. Но имъ навѣрное такъ же не удалось бы оторвать Польшу отъ Россіи, какъ въ свое время не удалось Москвѣ разорвать унію Литвы съ Польшей. Да, наконецъ,—хотя въ то время этого, конечно, и нельзя еще было предвидѣть,—они и попытку-то эту едва ли въ состояніи были бы сдѣлать. Великая французская революція всѣмъ дала много иного дѣла,—каждому приходилось отстаивать свое собственное существованіе, а не покушаться на чужое,—каждому, кромѣ Россіи, которая стояла еще такъ-сказать «въ сторонѣ отъ большого свѣта», и не вмѣшайся сама въ дѣла Французской республики, не была бы затронута ею. И кто знаетъ, какъ сложились бы дѣла въ Европѣ и каковы были бы дальнѣйшія внѣшнія и внутреннія судьбы Россіи, если-бы сообщничество въ раздѣлѣ Польши и установившееся затѣмъ надолго тѣсное сближеніе съ Пруссіей и Австріей не обусловили этого вмѣшательства! Конечно, тогда не было бы славнаго 12-го года, но за то не было бы и рокового священнаго союза...

Можно съ полнѣйшей увѣренностью сказать, что будь Фридрихъ императоромъ Россіи, а не королемъ Пруссіи, или царствуй, вмѣсто Екатерины, истинно русскій душой и тѣломъ, геніальный Петръ I,—ни одинъ изъ нихъ никогда не усвоилъ бы себѣ чисто прусской и только прусскимъ интересамъ и соотвѣтствовавшей теоріи, будто «истинные интересы *всѣхъ* сосѣдей Польши *конечно* заключаются въ томъ, чтобы форма правленія этого государства оставалась такою же, какъ теперь». Оба эти мудрѣйшіе и дальновиднѣйшіе политики прошлаго столѣтія поняли бы, что если въ былыя времена, по отношенію къ Польшѣ огромной, сильной и агрессивной, жизненнымъ интересомъ тогда еще малой и слабой Россіи вполнѣ соотвѣтствовала внутренняя безурядица у ея воинственной сосѣдки, то теперь, когда роли перемѣнились, когда Польша дошла

до такого разложенія, что видимо не могла болѣе существовать самостоятельно и независимо, а Россія, наоборотъ, выросла и окрѣпла въ могучее государственное тѣло, — теперь интересы Россіи, по отношенію къ Польшѣ, стали совсѣмъ иными. Они поняли бы, что то, что прежде, для собственной безопасности, необходимо было гнуть и ломать, то теперь требовалось поддержать и исправить, иначе нельзя и извлечь изъ этого пользы. Они поняли бы, наконецъ, что разлагалась только государственная Польша и, какъ таковая, была обречена исторіей на погибель; но что Польша національная жива и, при твердомъ управленіи ею, жизнеспособна, и что *эта* Польша можетъ и должна служить интересамъ Россіи и всѣхъ прочихъ славянъ. Ужь конечно Петръ Великій ни при какихъ условіяхъ не пожертвовалъ бы половиной вѣковой цѣли законныхъ стремленій своего народа и національныхъ задачъ его жизни—славянскою Польшой—въ пользу нѣмецкихъ Пруссіи и Австріи! Это потому, что Петръ Великій всею душой, всѣми фибрами своего существа чувствовалъ и сознавалъ настоящія стремленія и настоящія задачи родного ему русскаго народа. Екатерина же... Екатерина II разсудила иначе.

Убѣдившись, что Фридриха убаюкать и обойти невозможно, она рѣшилась торговаться съ нимъ. На этотъ разъ ужь не Панинъ отъ ея имени, а она сама приняла графа Сольмса, съ которымъ и вступила лично въ объясненія насчетъ своихъ дѣлъ съ его повелителемъ. Для сохраненія достоинства она снова повторила ему все, что уже раньше было говорено Панинымъ, т. е. что отнюдь не вѣритъ въ серьезность воинственныхъ замысловъ Маріи-Терезіи, что при непремѣнномъ расположеніи къ ней короля Пруссіи она никого не боится и т. д. и т. д. Но въ концѣ концовъ объявила, что готова уступить его требованію. Передадимъ это словами самого Сольмса: «Ея императорское величество признаетъ также совершенно справедливымъ и необходимымъ требованіе вашего величества относительно вознагражденія, на случай, если, вслѣдствіе этого общаго участія въ диссидентскомъ дѣлѣ, пришлось бы вступить въ открытый разрывъ съ австрійскимъ дворомъ. *Такъ какъ она убѣждена, что ваше величество* какъ вслѣдствіе договора, заключеннаго вами съ ея императорскимъ величествомъ, такъ и вслѣдствіе смысла самого союза, основаннаго на цѣлости обоихъ государствъ, *не спросите ничего, что могло бы нанести ущербъ Россіи, также не потребуете, чтобы вознагражденіе было уплачено Россіей*, то она охотно соглашается предоставить вамъ самимъ *взыскать военныя издержки съ той непріятельской державы, которая своими поступками возбудитъ войну* и тѣмъ заставитъ васъ принять мѣры предосторожности. Когда подобная война возгорится, то ея императорское величество, съ своей стороны, ставитъ себѣ въ непремѣнное обязательство и даже въ долгъ чести не класть оружія до тѣхъ поръ, пока непріятель не выплатитъ требуемаго вашимъ величествомъ вознагражденія. Она ожидаетъ, когда вамъ,

государь, угодно будетъ высказаться по этому предмету совершенно опредѣленно и когда вы сообщите ей условія, на которыхъ вамъ угодно будетъ войти съ нею въ соглашеніе по этому предмету». Фридриху покуда только это и надо было. Съ очевидною радостью отвѣчалъ онъ на это слѣдующее: «Объясненіе по поводу вознагражденія, которымъ я необходимо долженъ обезпечить себя на случай военныхъ дѣйствій, не оставляетъ желать ничего лучшаго, и я съ удовольствіемъ вижу въ этомъ объясненіи какъ чувство справедливости со стороны императрицы Россіи, такъ и дружественное расположеніе ея ко мнѣ. Къ этому пункту мнѣ остается лишь прибавить одно слово, которое, впрочемъ, и само собою подразумѣвалось, а именно, *что расходы и заботы по вознагражденію никоимъ образомъ не ложатся на Россію*; этого бы я никогда не допустилъ, а потому можете совершенно успокоить съ этой стороны графа Панина». Въ другой депешѣ, посланной всего черезъ два дня послѣ предыдущей, Фридрихъ разъясняетъ: «Относительно вознагражденія, которое я прошу, чтобы русскій дворъ мнѣ гарантировалъ въ случаѣ, если покровительство наше польскимъ диссидентамъ доведетъ меня до разрыва съ австрійскимъ домомъ, то оно иначе и понимаемо быть не должно, какъ въ томъ смыслѣ, что *Россія гарантируетъ мнѣ его, но что я долженъ буду получить его съ той державы, которая своими дѣйствіями возбудитъ войну* и въ томъ только случаѣ, если военныя дѣйствія дѣйствительно произойдутъ. Гарантію же я понимаю въ томъ смыслѣ, что ея императорское величество до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока я не буду вознагражденъ непріятелемъ за военныя издержки».

«Держава, которая своими дѣйствіями возбудитъ войну», была, разумѣется, Польша, хотя ее и не называли еще. Да и зачѣмъ было называть? Достойные компаньоны—Екатерина и Фридрихъ, очевидно, и безъ словъ понимали другъ друга, и понимали такъ хорошо, что именно вслѣдствіе этого, конечно, медлили объясниться категоричнѣе. Какъ ни старались Екатерина и Панинъ заставить Фридриха опредѣлить въ точности, что именно онъ подразумѣваетъ подъ «вознагражденіемъ», въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ видѣ желаетъ его получить, хитрый король прусскій уклонялся отъ объясненій. Переписка самая дружеская продолжалась неутомимо. Сольмсъ съ графомъ Чернышевымъ, вице-президентомъ военной коллегіи, долго и обстоятельно изучали составленный частію по совѣтамъ, частію по прямымъ указаніямъ Фридриха планъ военныхъ дѣйствій. Все это сообщалось Фридриху, причемъ Сольмсъ извѣщалъ его, что всѣ мѣры принимаются согласно съ его совѣтами, которые приводятъ въ восторгъ ея величество, просившую передать королю ея глубочайшую признательность. Наконецъ, «диссидентское дѣло» началось и продолжалось, но Фридрихъ все еще молчалъ насчетъ своего «вознагражденія». Онъ прислалъ проектъ конвенціи съ Россіей, но и въ немъ говорилось объ этомъ предметѣ глухо, въ общихъ выраженіяхъ. Панинъ не выдержалъ,

наконецъ, и, при чтеніи ему Сольмсомъ проекта, спросилъ, но «и то слегка», какъ объясняетъ въ своемъ донесеніи Сольмсъ, какой же будетъ способъ вознагражденія за военные убытки. Въ отвѣтъ онъ получилъ, что *умѣренность* его величества (Фридриха) не дала ему даже возможности обдумать подробности этого еще столь отдаленнаго дѣла и что, сверхъ того, оно зависитъ еще отъ обстоятельствъ, которыя сложатся къ тому времени такъ или иначе, и отъ согласія ея императорскаго величества, императрицы Россіи. Панинъ не настаивалъ больше. И долго пришлось ему ждать прежде, чѣмъ услыхать изъ собственныхъ устъ посланника прусскаго короля, на что собственно мѣтитъ его государь. «Умѣренность» Фридриха ровно два года мѣшала ему обдумать это дѣло и заключить конвенцію, о которой онъ такъ хлопоталъ и такъ на ней настаивалъ. Что было причиной этой необыкновенной умѣренности?—Самая простая вещь: конвенція, по первоначальному плану, заключалась на случай войны съ Австріей, которая одна давала Фридриху право на полученіе таинственнаго «вознагражденія». Онъ съ самаго начала очень хорошо зналъ, что Австрія войны, въ строгомъ смыслѣ слова, вести не будетъ; но все же вѣроятно надѣялся, что она можетъ-быть сдѣлаетъ какое-нибудь движеніе, которое можно будетъ утилизировать для вмѣшательства. Однако, скоро ему пришлось убѣдиться, что и движенія такого не послѣдуетъ и, слѣдовательно, его конвенція окажется безполезной. Надо было искать иныхъ средствъ подойти къ завѣтной цѣли. Онъ ихъ и искалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выжидая, что сдѣлаетъ Порта, при которой у него были очень дѣльные и не лишенные вліянія агенты. Насколько онъ, черезъ посредство этихъ агентовъ, старался удержать Порту отъ войны съ Россіей и старался ли вообще, — хотя, разумѣется, и увѣрялъ въ этомъ русскій дворъ,—этого изъ переписки, представляемой «Сборникомъ», не видно. Но несомнѣнно, что онъ разсчитывалъ быть, въ случаѣ войны съ Турціей, болѣе чѣмъ когда-нибудь нужнымъ Россіи и тогда заставить ее принять болѣе выгодныя для него условія, чѣмъ, какъ онъ зналъ, она того желаетъ. А тѣмъ временемъ самъ онъ дѣятельно помогалъ Россіи все дальше и безповоротнѣй заходить въ Польшѣ, за всѣми дѣйствіями ея въ которой слѣдилъ и руководилъ ими неустанно. Русскихъ пословъ и прочихъ агентовъ, которые не вполнѣ раздѣляли его виды и пробовали хоть на шагъ отступить отъ своей печальной обязанности поддерживать анархію, онъ немедленно старался и, какъ всегда, успѣвалъ въ концѣ концовъ дискредитировать при русскомъ дворѣ, самый же этотъ дворъ постепенно пріучалъ къ мысли и къ самымъ этимъ словамъ: «раздѣлъ Польши», которыя ко времени заключенія конвенціи были уже и произнесены. Данныя, имѣющіяся во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ «Сборникѣ» Историческаго Общества мы приведемъ въ слѣдующей статьѣ.

В. К.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 годахъ. *И. Цвѣтаева,* профессора Императорскаго Московскаго университета. Москва. 1883 г. Изданіе *А. Л. Васильева.*

Какъ непріятно бываетъ, когда заглавіе не оправдываетъ содержанія и этимъ вводитъ читателя въ заблужденіе.

Книга г. Цвѣтаева: «Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 годахъ»— по своему заглавію должна привлечь не мало читателей. Кто не любитъ Италіи? Кто хоть минутами не уносится въ область этого «рая на землѣ»? Туда летитъ своими мечтами и человѣкъ никогда не заглядывавшій не только за границы Россійскаго государства, но даже и за черту породившаго его города; туда стремится и тотъ, кто не разъ видѣлъ безоблачное небо Италіи, кто вдыхалъ ея ароматный воздухъ, ради котораго Гоголь жалѣлъ, что весь, всѣмъ своимъ существомъ, не можетъ превратиться въ одинъ безконечно-большой носъ.

Вотъ почему книга съ такимъ общимъ заглавіемъ: «Путешествіе по Италіи»—должна привлечь много читателей. Ее равно пріобрѣтетъ и тотъ, кто сбирается въ путь подъ лазурное небо, и тотъ, кто намѣревается спокойно сидѣть на мѣстѣ годъ, два, а можетъ-быть и цѣлую жизнь. Одинъ—ради практическихъ свѣдѣній, нужныхъ туристу; другой, чтобы поразвлечься и хотя мыслями унестись вдаль.

И какъ же разочаруется и тотъ, и другой, купивши книгу г. Цвѣтаева! Г. Цвѣтаевъ, какъ оказывается, совершалъ свое путешествіе по Италіи съ спеціальною цѣлью — ради отысканія самнитскихъ надписей, сохранившихся кое-гдѣ на камняхъ, на древнихъ памятникахъ, и весь интересъ своей книги сосредоточиваетъ на этой спеціальности. Ею занимаетъ читателя, вовсе не разсчитывавшаго попасть въ археологическую компанію и разъѣзжать съ ней отъ однѣхъ раскопокъ къ другимъ, отъ одного спеціалиста археолога къ другому... При этомъ авторъ дорогою

разсказываетъ читателю біографіи разныхъ ученыхъ археологовъ и о томъ, какъ его любезно принимали и какъ были съ нимъ добры итальянскіе ученые.

Послѣднее, т. е. изъявленіе благодарности, было главною цѣлью книги г. Цвѣтаева. По крайней мѣрѣ такъ онъ самъ говоритъ въ своемъ заключеніи: «*Сказать благодарное и правдивое слово объ этихъ людяхъ на страницахъ родной литературы и было цѣлью предлагаемыхъ замѣтокъ и воспоминаній...*» (стр. 195).

Читатель, введенный въ заблужденіе общимъ заглавіемъ, разумѣется, будетъ непріятно удивленъ археологическимъ содержаніемъ книги. Онъ ждалъ совсѣмъ другого,— ждалъ легкаго, занимательнаго чтенія, ждалъ описанія природы, жизни, людей, а тутъ вдругъ—самнитскія надписи!

Читателю неспеціалисту дѣла нѣтъ до всѣхъ достоинствъ этой маленькой книжки, которая для человѣка, ѣдущаго въ Италію съ спеціально-археологическою цѣлью, правда, представляетъ почти единственную, ничѣмъ не замѣнимую на русскомъ языкѣ находку.

Очерки путешествія въ Гималаи. *Г-на и г-жи Верещагиныхъ.* Часть I: Сикким. Съ рисунками. С.-Пб. 1888 г.

«Путешествіе въ Гималаи» — маленькая, чрезвычайно пріятная для глазъ книжка. Въ ней помѣщено нѣсколько рисунковъ г. Верещагина, которые придаютъ изданію необыкновенно изящный видъ. Нѣкоторые изъ нихъ входятъ въ текстъ, другіе помѣщены въ видѣ отдѣльныхъ картинокъ; многіе не имѣютъ никакого отношенія къ внутреннему содержанію текста и являются только ради украшенія.

Текстъ содержитъ подробности перемѣщенія путешественниковъ съ мѣста на мѣсто, со всѣми встрѣчающимися по пути затрудненіями. О нравахъ туземцевъ, о растительномъ и животномъ царствѣ, которое должно представлять въ Гималайяхъ свой особый міръ, полный для европейца необыкновеннаго интереса, въ книгѣ не говорится ни слова. Вообще авторъ, какъ видно, мало заботится о читателѣ. На страницѣ 16, напримѣръ, онъ говоритъ: «Василій Васильевичъ говоритъ мнѣ...» Кто такой Василій Васильевичъ, о которомъ раньше ничего не упоминалось? Для успокоенія совѣсти читатель снова перелистываетъ прочтенныя страницы и окончательно убѣждается, что дѣйствительно не упоминалось. И только черезъ нѣсколько листковъ дальше узнаетъ, что Василій Васильевичъ—это г. Верещагинъ.

Но даже и трудности путешествій, на описаніи которыхъ сосредоточенъ весь интересъ текста, и онѣ представляются весьма мало занятными, тѣмъ болѣе, что конечнымъ результатомъ всего затруднительнаго пути были только охота г. Верещагина и мало интересная встрѣча съ королемъ въ Томлингѣ. Изъ разсказа о послѣдней мы узнаемъ, что г. Вере-

магинъ поменялся съ королемъ подарками: въ ожиданіи богатыхъ приношеній подарилъ королю ружье. Но оказалось, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ,—богатыхъ подарковъ ему не поднесли.

Авторъ г-жа Верещагина, во время своего путешествія, не разъ останавливаетъ вниманіе читателя на томъ, что она *первая* изъ европейскихъ женщинъ посѣтила восточныя Гималаи. Во всякомъ случаѣ это не заслуга. Какое удовлетвіе или кому какая польза отъ ея путешествія? Вѣримъ, что оно могло быть пріятно автору,—такъ это только до него и касается.

Книжка первоначально была написана на нѣмецкомъ языкѣ: русскій текстъ представляетъ уже переводъ весьма неисправный, подчасъ донельзя туманный и неправильный. Вотъ его образчики:

«Что за удивительное, къ сожалѣнію, совершенство высохшее, дерево стоитъ передъ нашимъ бенгало» (сохраняемъ знаки препинанія, какъ они стоятъ въ оригиналѣ) (стр. 145). «Василій Васильевичъ и не разсчитывалъ встрѣтить много *дичины*... такъ что заряды въ ружьѣ грозили *запалить*ъ» (стр. 27).

Воспоминаніе о Крымѣ. Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. *Кн. Е. Горчаковой.* Одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для городскихъ и народныхъ училищъ. Москва. 1888 года.

Всякій, хоть разъ побывавшій въ Крыму, съ удовольствіемъ хватается за книжку съ описаніемъ Крыма, такъ какъ разсчитываетъ при чтеніи снова пережить хорошія ощущенія, побродить воспоминаніями по знакомымъ мѣстамъ, полюбоваться южною природой съ тайною надеждой, что новый путешественникъ прибавитъ къ имѣющимся еще новыя впечатлѣнія, которыя, быть-можетъ, окажутся еще сильнѣй, еще осязательнѣй, еще глубже.

Кн. Е. Горчакова поѣхала въ Крымъ съ цѣлью лѣчиться. Ей велѣли ѣхать на Сакскія грязи, куда она и проѣхала изъ Севастополя на лошадяхъ. Покончивши съ ваннами, проѣхала въ Евпаторію, отуда перебралась въ Севастополь, познакомилась съ его окрестностями, сдѣлала нѣсколько прогулокъ по морю, затѣмъ на лошадяхъ проѣхалась по всему южному берегу Крыма, заглядывала по дорогѣ и въ Алупку, и въ Ялту, доѣхала до Артека, такъ прожила нѣсяцъ и оттуда дѣлала прогулки въ Гурзуфъ и другія ближайшія мѣстечки.

Весь интересъ своего путешествія авторъ основываетъ на описаніи природы—растительности, горъ, моря, заната солнца, восхода луны, на остановкахъ въ гостинницахъ, обѣдамъ, цѣнахъ за нумера и столъ. Въ первой главѣ: «Сакскія грязи»—довольно обстоятельно сообщаетъ, какъ берутся ванны... Вся книжка, вообще, весьма недурная съ литературной стороны, можетъ быть полезна для отправляющагося въ первый разъ въ Крымъ и въ особенности съ цѣлью лѣченья на Сакскихъ грязяхъ. Опи-

санія природы у автора выходятъ довольно вѣрны дѣйствительности и меньше дадутъ путешественнику непріятныхъ разочарованій, чѣмъ какія приходится испытывать, запасшись обстоятельнымъ, массивнымъ путеводителемъ по Крыму Нахимовой.

При чтеніи книги кн. Горчаковой не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ, что среди чудной природы не видно людей, какъ будто весь Крымъ — одна природа безъ человѣка. Для пробѣжавшаго всю книжку до конца кажется еще болѣе невѣроятнымъ сюрпризомъ сдѣланная на обертке надпись: «Одобрена... для городскихъ и народныхъ школъ». Съ какой же стороны могутъ быть интересны для учениковъ народныхъ школъ свѣдѣнія, напримѣръ, о Саксиныхъ грязяхъ, о тамошнихъ ваннахъ, какъ онѣ приготовляются, какъ ихъ принимаютъ?... Не менѣе неумѣстными и даже больше — невозможными для народной книжки находимъ и такія лирическія отступленія (которыхъ здѣсь обиліе), какъ, напримѣръ: «духъ Крыма окружалъ насъ, вѣялъ намъ въ лицо живительною прохладой, удалялъ отъ насъ суетныя мысли, скучныя мелочи нашей *искусственной* жизни и увлекалъ за собой въ тотъ чудный міръ природы, гдѣ всѣ равны... *Къ чему богатство, къ чему роскошь, къ чему блага цивилизаціи?*» (стр. 30).

Здѣсь должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, иначе не умѣемъ понять предназначенія книжки для народныхъ школъ.

Европейскіе писатели и мыслители. IX — *Петроній*. Изданіе *В. В. Чуйко*. С.-Пб. 1882 г.

До сихъ поръ издатель посвящалъ выпуски своей Библіотеки преимущественно французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ писателямъ... Данный же выпускъ онъ посвятилъ одному изъ древнихъ классиковъ—Петронію.

О мѣстѣ его рожденія, равно какъ и о годѣ, до сихъ поръ ученые не пришли къ окончательному соглашенію,—до сихъ поръ споры объ его біографическихъ подробностяхъ продолжаются.

Ему принадлежитъ сочиненіе, называемое: «Сатириконъ»—большой романъ, состоящій изъ нѣсколькихъ книгъ. Въ романѣ вольноотпущенный Энкольпій ведетъ разсказъ о своихъ похожденіяхъ, совершаемыхъ вмѣстѣ съ такимъ же вольноотпущеннымъ Аскилтомъ и мальчикомъ Гитономъ. Похожденія ихъ полны цинизма... Они доходятъ въ своемъ пресыщеніи разными удовольствіями до развращенія чувствъ...

Разсказъ ведется въ самой легкой, удобопонятной формѣ. Больше всего отводится мѣста описанію пира у одного разбогатѣвшаго вольноотпущеннаго Тримальхеона. Этотъ послѣдній не знаетъ никакихъ предѣловъ удовлетворенію своихъ эпикурейскихъ наклонностей. Въ немъ осмѣивается образецъ разбогатѣвшаго невѣжды, полнаго сознаніемъ своего пре-

восходства надъ всѣмъ окружающимъ. При изображеніи этого невѣжественнаго богача, авторъ не церемонится передъ читателемъ такими подробностями его разговора, которыя обычно вслухъ не произносятся. Для полнаго изображенія всей извращенности и распущенности нравовъ временъ Нерона, авторъ не скупился и на изображеніе разныхъ циничныхъ сценъ. Впрочемъ издатель многія изъ такихъ мѣстъ книги совершенно выбрасываетъ, замѣняя ихъ точками, также какъ и нѣкоторыя слова, неупотребительныя въ печати.

Тутъ есть много какъ бы отдѣльныхъ сценъ, разсказовъ, которые впослѣдствіи дали сюжетъ для произведеній многимъ изъ европейскихъ писателей. Таковъ разсказъ о Матронѣ Ефесской. Онъ послужилъ сюжетомъ для Лафонтена, Вольтера, Апулея... Въ этомъ разсказѣ представлена непрочность женской любви. Разсказывается, какъ одна небесной красоты женщина убивалась по смерти своего мужа. Съ горя не пила, не ѣла, рвала на головѣ волосы, все время проводила въ пещерѣ надъ могилой мужа... Ея стоны разъ ночью услыхалъ солдатъ. Онъ поблизости отъ могилы караулилъ повѣшенные трупы разбойниковъ. Солдатъ, увидавши такую красивую женщину, сталъ ее уговаривать—не печалиться..., предлагалъ ей своей похлебки. Она сперва не соглашалась, потомъ сдалась не только на похлебку, но и на любовь... Въ то время, когда солдатъ наслаждался въ пещерѣ съ своей возлюбленной, родные одного изъ повѣшенныхъ сняли его тѣло и похоронили. Солдата за эту оплошность должна была постигнуть смертная казнь. Но возлюбленная предложила лучше замѣнить украденный трупъ трупомъ своего покойнаго мужа: пусть лучше мертваго мужа повѣсятъ, чѣмъ живой будетъ казненъ... Этотъ разсказъ сдѣлался очень популяренъ, пришелся по вкусу всѣмъ мужьямъ, которые страдали отъ невѣрности своихъ женъ.

Но не однѣ женщины подвергаются насмѣшкамъ автора,—ихъ не избѣгаютъ и поэты, и судьи и др.

Нерѣдко между разговоровъ дѣйствующихъ лицъ проскальзываютъ философскія разсужденія, напоминающія по общему характеру философію Шопенгауэра о ничтожности жизни и всего живущаго, о ничтожествѣ человѣка на землѣ.

«Сатириконъ», по мнѣнію ученыхъ, дошелъ до насъ далеко не въ цѣльномъ видѣ,—въ немъ замѣтно много пропусковъ, сдѣланныхъ очень давно. Въ изданіи же г. Чуйко и противъ сохранившагося, какъ мы уже говорили, сдѣланы пропуски. Текстъ «Сатирикона» снабженъ примѣчаніями, поясняющими непонятныя для читателя выраженія, слова и цѣлыя мѣста.

Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ. Съ портретомъ Дарвина, гравированнымъ на сталн въ Лондонѣ. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1883 г.

Послѣ смерти англійскаго ученаго на русскомъ языкѣ появились двѣ книги, посвященныя его памяти: книга г. Тимирязева и г. Гіацинтова. Оба русскіе ученые оцѣнивали труды Дарвина, показывали, какъ велико его значеніе для науки, и рядомъ съ этимъ,—въ особенности г. Тимирязевъ,—старались оттѣнить колоссальную фигуру ученаго, выдающагося по своей натурѣ и по своему характеру.

Книжка: «Что сдѣлалъ Чарльзъ Дарвинъ для науки»—имѣетъ почти ту же цѣль, что и вышеназванныя. Но тамъ дѣлалась оцѣнка Дарвину русскими учеными, здѣсь оцѣниваютъ его европейскіе представители науки: Гексли, Гейки, Романесъ, Дайеръ. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ краткій популярный обзоръ того, что сдѣлано Дарвиномъ въ области его спеціальности. Такъ Романесъ говоритъ о трудахъ Дарвина въ психологіи и зоологіи, Дайеръ—въ ботаникѣ, Гейки—въ геологіи; Гексли говоритъ о немъ какъ о великомъ человѣкѣ; Романесъ прибавляетъ еще отдѣльную статью о жизни и характерѣ Дарвина.

Въ сдѣланной Дарвину оцѣнкѣ англійскіе ученые совершенно совпадаютъ съ нашими и въ особенности съ г. Тимирязевымъ, который видитъ въ Дарвинѣ не только великаго ученаго, но и великій, колоссальный характеръ. Для характеристики Дарвина они приводятъ его же слова, сказанныя нѣкогда объ его собственномъ учителѣ, профессорѣ Генсло, который имѣлъ на Дарвина-студента громадное вліяніе.

«Размышляя съ благодарностью и почтеніемъ о характерѣ этого человѣка, мы находимъ, что его нравственныя качества выступаютъ еще выше, чѣмъ самый его умъ, какъ оно и должно быть у дѣйствительно высокихъ личностей» (стр. 128).

Не дурное изданіе, прекрасный переводъ г. Лопатина и замѣчательно хорошій портретъ Дарвина будутъ, разумѣется, немало помогать быстрому ходу этой прекрасной книжки. Она играетъ роль вѣнка, положеннаго на могилу всемірнаго ученаго,—вѣнка, въ который не одинъ ученый старался вплесть и свой цвѣтокъ на память о дорогомъ учителѣ.

Русскія дѣтскія сказки, собранныя *Н. А. Аванасьевымъ*. Съ картинами *Н. Н. Каразина*. Изданіе „Сотрудникъ Школъ“ *А. К. Залѣсской и К°*. Москва. 1883 г.

Писатели дѣтскихъ книжекъ обыкновенно на всѣ лады пользуются русскими народными сказками, предлагая ихъ юнымъ читателямъ то подъ тѣмъ, то подъ другимъ соусомъ. Но au naturelle все-таки онѣ оказываются много лучше всякихъ передѣлокъ. Языкъ народный по своей простотѣ и лаконичности несравненно доступнѣе для дѣтей, чѣмъ языкъ литературный. Здѣсь ребенокъ непосредственно, какъ бы изъ устъ самого народа,

знакомится со многими народными выраженіями: «зыбка», «берды» и т. д.,—знакомится и съ музыкальностью народной рѣчи, сравняться съ которой плохія подражанія разныхъ писателей для дѣтей ни въ какомъ случаѣ не могутъ.

Что, напримѣръ, сравнится съ музыкою сказки: «Царевичъ Козленочекъ»? «Шли, шли — *солнце высоко, жилье далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ*» (стр. 39). Такая пѣвучесть языка, такая мелодія звучитъ въ очень многихъ изъ нашихъ народныхъ сказокъ. Сколько поэтическихъ картинъ рисуютъ эти сказки, — картинъ, вполнѣ доступныхъ воображенію даже для самаго ранняго возраста!

«Наконецъ обратилась она веретеномъ (говорится про Царевну—сѣру утицу). Царевичъ переломилъ веретено надвое, одинъ конецъ бросилъ впередъ, а другой назадъ, и говоритъ: «стань передо мной, красна дѣвица, а за мной—бѣлая береза!» Стала позади его бѣлая береза, а передъ нимъ явилась Марья Царевна во всей своей красѣ» (стр. 218).

Такими картинами и поэтическими образами переполнена вся сказочная народная литература. Здѣсь же выступаютъ передъ ребенкомъ и тѣ характерные образы народной поэзіи, которые служатъ отраженіемъ дѣйствительной народной жизни. Тутъ онъ узнаетъ и злую мачиху, которая такъ безпощадно, безсердечно относится къ падчерицѣ, всегда доброй, послушной, услужливой, знакомится и съ вѣчнымъ дуракомъ Иванушкой, счастье котораго за его простоту и доброту никогда не покидаетъ,—и съ образомъ смѣтливаго, продувного служиваго, котораго никто не продуритъ, а который всѣхъ проведетъ и самъ чистъ выйдетъ.

Сказки послѣдняго рода, разумѣется, могутъ имѣть только безнравственное вліяніе на юныхъ читателей или слушателей, какъ равно и сказка: «Охотникъ и жена», гдѣ поощряется домостроевское правило «хлестать жену плеткою» (стр. 192); или сказка: «Злая жена», гдѣ женщина, на манеръ древнихъ византійскихъ писателей, изображена такимъ невозможнымъ существомъ, отъ котораго даже черти бѣгутъ, куда попало. «Мужикъ спустилъ свою злую жену въ яму,—разсказывается въ сказкѣ,—и черезъ трое сутокъ пошелъ ее провѣдать. Опустилъ въ яму веревку, да и тащитъ оттуда. А за веревку-то ухватился чертенокъ: «Добрый человѣкъ! не бросай въ яму, пусти на свѣтъ; пришла къ намъ злая жена, всѣхъ-то перекусала, перещипала,— тошно намъ! Я тебѣ добромъ заплачу!» (стр. 73).

Разумѣется, такія сказки должны быть выброшены изъ сборника, предназначеннаго для дѣтей... Не можемъ похвалить также и помѣщеніе сказки: «Лиса-пустынница», гдѣ много славянскихъ выраженій,—иронія надъ ханжествомъ, совершенно недоступная пониманію ранняго дѣтскаго возраста.

Нельзя также остаться довольнымъ и самымъ размѣщеніемъ нѣкоторыхъ сказокъ. Сказки: «Лѣсной гнезъ» и «Теремокъ мышки» почти тож-

дественны по содержанію, а между тѣмъ ихъ поставили рядомъ одну за другою.

Въ сборникѣ помѣщены преимущественно коротенькія сказки и весьма несложныя, потому его можно рекомендовать для матерей и нянекъ, какъ источникъ разсказовъ, когда ихъ обступаютъ ребятишки лѣтъ 3, 4, 5 съ неотвязными приставаньями: «Разскажи, да разскажи».

Изданіе сборника сдѣлано весьма опрятно и даже пріятно для глазъ, еслибы только не рисунки г. Каразина... Жаль одно, что книга пущена очень дорого: *два рубля* (!), а сказокъ въ ней всего *89*.

Узорочная пестрядь. *Серпья Атавы* (С. Н. Терпигорева). Изданіе *Ф. Н. Плотникова*. 1883 г.

Почему книга названа «Узорочная пестрядь» и что общаго имѣетъ это названіе съ фельетонами, отрывками, разсказами и комедіей: «Сліяніе», составляющими содержаніе книги, это такъ и не разрѣшаетъ читатель, хотя бы самымъ усерднѣйшимъ образомъ прочелъ весь томъ съ начала до конца. Подъ страннымъ заглавіемъ авторъ на обложкѣ же помѣщаетъ выписку изъ *Экономическаго Вѣстника*, въ которой объясняется, что такое «узорочная пестрядь». «Это» предметъ производства хлѣбородной полосы Россіи. Мѣсто дѣйствія помѣщенныхъ разсказовъ — тоже хлѣбородная полоса Россіи — Тамбовская губернія, вотъ и общность содержанія съ заглавіемъ. На основаніи такой связи возможно было окрестить книгу «черноземомъ» или просто назвать: «Цвѣтная капуста», которая тоже есть одинъ изъ продуктовъ плодородной полосы Россіи.

Кромѣ фельетоновъ, здѣсь помѣщены всѣ сколько-нибудь цѣльные разсказы: «Красные Талы», «Рафаэль», «Семирамидины сады» и комедія «Сліяніе»—и всѣ касаются того же крѣпостного быта, которому г. Атава посвятилъ уже цѣлыхъ два тома подъ именемъ: «Оскудѣніе». Здѣсь опять выступаетъ тотъ же помѣщикъ-самодуръ, у котораго все ходитъ по струнке, который неукоснительно требуетъ подчиненія, если же оно нарушается, онъ немилосердно мытарится надъ провинившимися,—тотъ же самодуръ, который не знаетъ никакихъ преградъ своему желанію, своимъ прихотямъ. Когда его застигаетъ манифестъ о волѣ, это событіе ему оказывается уже не подъ силу — и онъ умираетъ. Уцѣлѣвшіе же послѣ манифеста начинаютъ фантазировать о сліяніи помѣщиковъ съ мужиками. Для этого устраиваютъ обѣды въ своемъ домѣ еще полномъ и богатомъ всякими запасами отъ недавнихъ блаженныхъ временъ. Ради желаннаго сліянія, на торжественный обѣдъ съ иллюминаціей и другими увеселеніями приглашаются не только мужики, но и бабы,—разумѣется, тѣ, которыя посмазливѣе. За обѣдомъ произносятся рѣчи, въ которыхъ много умилительныхъ словъ, но очень мало здраваго смысла. Дворянскіе подростки, наѣхавшіе на каникулы въ деревню, сливаются на праздникѣ

съ хорошенькими крестьянками, подчуя ихъ предварительно—по-новому—шампанскимъ и затѣмъ по-старому—удаляясь въ уединенныя бесѣдки... Все это уже старыя темы... Мы не хотимъ сказать, чтобъ онѣ не стоили вниманія, чтобъ о нихъ нечего было сказать... Нѣтъ, онѣ еще далеко не исчерпаны, о нихъ говорятъ и будутъ говорить. Онѣ стары у г. Атавы. Онъ уже много говорилъ о нихъ: на эту тему, почти съ тѣми же аксесуарами и подробностями, онъ написалъ свои первые два тома.

Данная книга—повтореніе тѣхъ же картинъ и въ той же отрывочной формѣ, за то безъ прежней новизны для читателя, какую имѣли разсказы «Оскудѣніе». Всѣ выведенные здѣсь крѣпостники съ ихъ антуражами уже извѣстны читателю по «Оскудѣнію».

«Рафаэль. Иванъ Степановичъ». Это самый цѣльный разсказъ изъ всѣхъ, вошедшихъ въ «Узорочную пестрядь». Разсказъ полонъ жизни, необыкновенно влечетъ къ себѣ читателя, какъ по совершенно новому типу крѣпостного художника, такъ и по милой фигуркѣ мальчика-разсказчика, болѣвшаго и страдавшаго за измученнаго и сгубленнаго талантливаго юношу. Крѣпостной Рафаэль хоть и дождался 19 февраля 1861 года, но для него, какъ навѣрно и для многихъ другихъ, воля уже запоздала. Онъ спился,—для него все уже было кончено.

Это единственный разсказъ, который убѣждаетъ читателя, что авторъ далеко не безъ таланта, въ чемъ крѣпко заставляютъ сомнѣваться почти всѣ остальныя вещи этой книги, въ особенности комедія... Она скорѣй напоминаетъ карикатуру на дьесу, балаганный фарсъ—по крайней утрировкѣ всѣхъ лицъ и разговоровъ на тему, уже развитую въ «Оскудѣніи».

Тутъ же пробуетъ авторъ заводить рѣчь о народѣ вольномъ, объ его жизни положеніи теперь... Но, кажется, это совсѣмъ не его emploi, не его статья... «Степная деревня, ея жизнь, печали и радости» представляютъ блѣдное пережевываніе давно извѣстныхъ фактовъ. Что для автора ново, то старо кажется уже для обычнаго читателя, къ тому же и не занятно. Хотя бы взять разсказъ о жизни молоканъ. Все, что авторъ сказалъ здѣсь объ этой любопытной сектѣ, такъ обще, такъ давно извѣстно, что онъ самъ выдаетъ себя окончательно новичкомъ въ этой средѣ,—видно, что онъ успѣлъ только заглянуть, удивился и пошелъ разсказывать...

О народѣ многіе писали, многіе пишутъ, но далеко не всѣхъ читаетъ публика... Послѣ разсказовъ Гл. Успенскаго она не въ силахъ читать фельетоны на тему о народѣ, народной грамотности, народныхъ учителяхъ, какіе разсказы г. Атавы. И что за философію разводитъ здѣсь авторъ!... Онъ возстаетъ противъ устройства оффиціальныхъ народныхъ сельскихъ школъ, противъ сельскихъ библіотекъ, противъ выписыванія въ эти библіотеки политическихъ газетъ. И не то, чтобы, увидавши плохо устроенную школу и библіотеку, онъ отрицалъ именно эти плохія, говорилъ бы за ихъ улучшеніе или переустройство,—нѣтъ, онъ

просто требуетъ ихъ отульнаго уничтоженія: «не надо, не надо!...» Ко всему этому надо прибавить безцеремонное повтореніе авторомъ своихъ разсужденій. Вотъ хотя бы о черничкахъ (такъ называются въ деревняхъ дѣвушки, не вышедшія замужъ, знающія грамотѣ и одѣвающіяся въ черное), два раза повторитъ одно и то же, чуть не слово въ слово въ статьѣ: «Степная деревня» (стр. 63) и въ другой: «На службѣ» (стр. 124).

Китай-городъ. Романъ *Петра Боборыкина*. Т. I и II. Изданіе товарищества *М. О. Вольфъ*. 1883 г.

Въ послѣднее время у насъ совершенно спуталось понятіе «романъ» и «повѣсть». Прежде хотя одно было несомнѣнно: стоитъ на книгѣ слово «романъ», значитъ непремѣнно будутъ два главныя лица, а остальныя явятся какъ необходимые аксесуары для полнаго представленія извѣстнаго времени, извѣстной жизни. Два главные героя уже ни въ какомъ случаѣ не смѣшаются въ представленіи читателя съ Селифаномъ или Петрушкой, какъ бы авторъ ни отводилъ послѣднимъ много мѣста. Сколько бы паръ рядомъ съ ними ни стояло, читатель хорошо съумѣетъ отличить главную парочку, которая служила автору фокусомъ и не смѣшивалась въ его воображеніи съ толпой хоровода. Совсѣмъ другое дѣло современный романъ, хотя бы «Китай-городъ»... Пусть бы авторъ отступалъ отъ прежняго опредѣленія, пусть бы нарушалъ древне принятыя правила,— не въ этомъ дѣло. Важно, чтобы на мѣсто стараго, разрушаемаго фундамента возводился иной, прочный... И что же съ этой стороны представляетъ современный романъ: «Китай-городъ»? Это—калейдоскопъ, довольно неискусно составленный, гдѣ стеклышки не складываются въ общую картину; при каждомъ поворотѣ выскакиваетъ по одному новому, причемъ старое прячется за нарочно для этого устроенную перегородку. Въ общемъ по своему плану романъ напоминаетъ старую народную сказку: «Пошла коза съ орѣхами, пошла коза съ каленными». Пошла и не воротилась. Ждали, ждали,—ея все нѣтъ. Послали за ней волка. Волкъ побѣжалъ и—пропалъ. Ждали, ждали—не дождались. За волкомъ послали медвѣдя... Онъ побѣгъ и—пропалъ, и т. д. цѣлая вереница звѣрей одинъ за другимъ пробѣжали и пропали, а потомъ ихъ всѣхъ заразъ пошли и передушили.

Вплоть до послѣднихъ главъ читатель встрѣчаетъ въ «Китай-городѣ» новыя лица, словно на Нижегородской ярмаркѣ. При такомъ обиліи лицъ нечего конечно и думать о цѣльности изображенія, о выдержкѣ характеровъ. Къ тому же цѣль и способъ изображенія ужасно смахиваютъ на карикатурные эскизы. Увидалъ лицо и тотчасъ набросалъ его карикатуру. Вотъ хоть бы на балу у Рогожиныхъ: изъ профессоровъ одинъ былъ очень толстый брюнетъ съ выдавшимся животомъ, молодой человѣкъ въ просторномъ фракѣ. Его черные глаза смотрѣли насмѣшли-

во. Въ эту минуту онъ запускалъ въ ротъ ложку съ зернистой икрой... «Что-съ, каковы кунчики-то? Всю губернію заставили у себя плясать... Мы вотъ закусимъ и въ ресторанчикъ въ томъ же заведеніи, спросимъ паровую стерлядку или дичинки!...» — говорилъ все тотъ же толстый... (т. II, стр. 135—136).

Вотъ и все о толстомъ профессорѣ,—онъ больше уже не встрѣтится, не будетъ играть никакой роли, какъ и цѣлая вереница, идущая насквозь вдоль романа. Даже и тѣ лица, которыхъ авторъ не прячетъ, не угоняетъ тотчасъ же за козой, а нѣтъ-нѣтъ да и покажетъ зрителю,— даже и тѣ не представляются читателю полными фигурами съ опредѣленнымъ очертаніемъ, яснымъ обликомъ. Хотя бы этотъ ученый Пирожковъ, недавно вернувшійся изъ ученой поѣздки за границу, который постоянно шмыгаетъ въ романѣ,—даже онъ не складывается у читателя въ цѣльную фигуру. Онъ—остатокъ дворянскаго рода, очутился въ родномъ городѣ Москвѣ съ цѣлью держать экзаменъ на магистра. Но, вмѣсто лабораторій, посѣщаетъ рестораны, трактиры, не брезгуетъ даже «сундучнымъ рядомъ», гдѣ выпиваетъ заразъ нѣсколько бутылокъ квасу, съѣдаетъ нѣсколько пироговъ, жареныхъ мозговъ, которые ему подаютъ на бумажкѣ... Надо замѣтить, что такой плотный завтракъ слѣдовалъ непосредственно за прекрасной закуской въ одномъ изъ недурныхъ московскихъ ресторановъ... Авторъ, какъ видно, желалъ въ этомъ ученомъ дворянинѣ изобразить жрущую Москву... Все время этотъ, по словамъ автора, ученый производитъ впечатлѣніе мямли, тихони, даже нѣсколько туповатаго человѣка. Вдругъ въ концѣ 2 тома, совершенно сюрпризомъ для читателя, Пирожковъ оказывается способнымъ шутить. На вечеринкѣ у своихъ знакомыхъ (изображеніе которой вышло у автора опять плохой карикатурой) онъ «искренно излился и *позадавилъ* всѣхъ своими *на видъ шутливыми, но внутренно горькими соображеніями...*» (стр. 245). Эта-то олицетворенная утроба, желудокъ на ножкахъ — *думаетъ* (?), шутитъ, забавляетъ!!... Читателю остается только безнадежно пожать плечами...

Нѣчто лубочное проглядываетъ въ описаніи каждаго лица. Боборыкинъ всегда былъ извѣстенъ какъ фотографъ; но на этотъ разъ онъ не можетъ похвалиться даже фотографическою вѣрностью передъ своимъ читателемъ. Читатель—москвичъ, разумѣется—можетъ по нѣкоторымъ намекамъ догадаться, кого изъ *своихъ друзей* осмѣиваетъ авторъ въ томъ или другомъ выведенномъ лицѣ. Но это только по намекамъ, по какой-нибудь бросающейся въ глаза внѣшности, а не по вѣрно угаданной и схваченной характерной чертѣ. Такъ, когда онъ говоритъ о профессорѣ, кушающемъ икру на балу у Рогожиныхъ, можно догадаться, о комъ идетъ рѣчь *только* по намеку, что профессоръ *толстъ* и носитъ *просторный* фракъ. Вотъ все, что есть общаго съ живымъ лицомъ, остальное—все пошлая, безцѣльная, безсмысленная выдумка, плодъ богатой фантазіи автора...

Основной умыселъ романа «Китай-Городъ» — показать, какъ нѣкогда аристократическая Москва сдѣлалась теперь добычею купечества. Оно держитъ въ рукахъ своихъ весь городъ. Здѣсь дворянство уже спѣло свою пѣсню. Въ Москвѣ теперь куда ни загляпнуть — вездѣ сидятъ купцы. Въ университетѣ диссертацію на магистра сдаетъ *купецъ*; въ Благородномъ собраніи на симфоническихъ вечерахъ — все занято купечествомъ; балы задаютъ купчихи. Фабрики — въ рукахъ у нихъ же. Купцы открываютъ и школы, и занимаютъ всѣ видныя мѣста. Въ рукахъ купцовъ — и литература, и искусство, — у нихъ и журналы, и газеты, и картинныя галлереи... Обѣднѣвшіе дворяне служатъ у этихъ же купцовъ прихлебателями, живутъ на ихъ счетъ, питаются около нихъ. Дочери генераловъ, дворянъ выходятъ за молодыхъ купчиковъ замужъ. А молодежь купеческая уже учится; дѣльные изъ ихъ среды воспитываются за границей, являются на все умѣлыми, могутъ на фабрикахъ замѣнить прежнихъ нѣмцевъ-директоровъ. Къ женскому же молодому поколѣнію въ купеческую среду успѣлъ проникнуть вольный духъ; онѣ успѣли нахвататься въ полномъ безпорядкѣ новыхъ идей и съ такимъ хаосомъ представляютъ изъ себя ни то, ни сё.

Для знакомства съ ними выпишемъ одну изъ подобныхъ сценъ.

Одна изъ многихъ героинь романа, Анна Серафимовна, пріѣхала къ своей тетушкѣ. Ее встрѣтила двоюродная сестра, дочь хозяйки, Любаша, которая по разницѣ лѣтъ звала Анну Серафимовну тётей.

«— Тетя!... Пора! — кричала Любаша, тиская Анну Серафимовну.

— Всего пять минутъ опоздала.

— Жрать смерть хочется! — сошкольничала Любаша на ухо, но такъ, что подруги ея слышали и разразились смѣхомъ.

— Ахъ, Люба! — вырвалось у Селезневой (Анна Сераф.). Она при постороннихъ церемонилась.

— Ну, ладно! — отозвалась Любаша. — Тетя, голубушка! шляпка-то у васъ — цѣлый овинъ. А лихо! Только я ни за что бы не надѣла. Пожалуйте, пожалуйте, родительница ужь переминается.

Она схватила Анну Серафимовну за плечи и больше потащила, чѣмъ повела въ залу.

— Брысь, брысь, реалисты-стрекулисты! — крикнула она на техниковъ, расталкивая ихъ. — Не пылить!...» (т. II, стр. 121)...

Можетъ-быть Любаша, какъ карикатура на извѣстное лицо, и напоминаетъ его. Но какой интересъ представляетъ романъ, гдѣ дѣйствующія лица изображаютъ карикатуру на живыхъ людей, будутъ ли они хороши или дурны? Какое дѣло до нихъ читателю? Ему интересны типы, отражающіе собой тотъ или другой моментъ жизни, общаго развитія, интересовъ... Но Боборыкину типы всегда были не по силамъ, какъ не подъ силу фотографу-копіисту созданіе художественнаго образа. Потому этого съ него и спрашивать нельзя.

При видѣ, какъ купечество забираетъ все въ свои руки, новое поколѣніе изъ дворянъ желаетъ съ помощію ума взять верхъ надъ буржуазіей. Но, чтобы достаточно окрѣпнуть для борьбы, оно пока само опирается на то же купечество и въ то же время усердно изучаетъ его пріемы и способъ дѣйствій, какъ тайный врагъ, намѣревающійся вскорѣ объявить войну. Представителемъ этого новаго молодого поколѣнія изъ дворянъ является Палтусовъ. Онъ сперва служилъ въ военной службѣ, ходилъ волонтеромъ въ сербскую и болгарскую войну. Вернувшись благополучно съ поля брани, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ и затѣмъ вошелъ въ компанію къ новымъ воротилламъ-дѣльцамъ, составилъ себѣ большое знакомство среди купечества, которое его уважало за дѣловитость и образованіе. Двѣ передовыя извѣстныя московскія купчихи влюбились въ него... Анна Серафимовна Селезнева, которая дала самолично отставку своему кутилѣ-мужу, сама завѣдывала всѣми дѣлами, управляла фабрикой, заводила школы, и Марья Орестовна Нѣтова, которая держала мужа въ черномъ тѣлѣ, брала у него деньги, сорила ими для своего удовольствія и, наконецъ, уѣхала за границу. Первая даже сама открылась въ любви Палтусову, но онъ ей не отвѣтилъ взаимностью. Вторая, уѣзжая за границу, поручила ему безконтрольно управленіе всѣмъ своимъ состояніемъ. Онъ относился къ ея деньгамъ честно. Но вдругъ представился случай купить домъ. Онъ купилъ, причемъ долженъ былъ затратить нѣсколько изъ ея денегъ... Съ ней *вдругъ* сдѣлался ракъ, и она *вдругъ* умерла, хотя извѣстно, что отъ рака вдругъ не умираютъ, и иногда онъ, обнаруживши на груди, можетъ длиться по нѣсколько лѣтъ... Но Нѣтова *вдругъ* умерла. Наслѣдникомъ у нея осталъ кутила-братъ. Схоронивъ сестру, онъ тотчасъ сталъ требовать деньги съ Палтусова. Всѣхъ денегъ на-лицо не оказалось. Палтусова арестовали. Селезнева, узнавши объ этомъ, тотчасъ поѣхала въ частный домъ, гдѣ содержался Палтусовъ, и предложила взять его на поруки. Но онъ не согласился.

«Онъ молча пожалъ ей руку.

Когда онъ заговорилъ, голосъ его дрогнулъ отъ искренняго чувства:

— Славная вы, Анна Серафимовна, я вамъ всегда это говорилъ (правда, ужь такъ часто говорилъ, что и читателю эта фраза надоѣла). Вы думали, быть-можетъ, что я такъ только чувствительными фразами отдѣлываюсь?... Спасибо.

— Скажите,—продолжала она въ большомъ смущеніи,—куда ѣхать, кому внести?

— Полноте, не нужно,—остановилъ онъ ее и выпустилъ ея руку.— Залогъ можно бы было найти. Я было и думалъ сначала, да разсудилъ, что не стоитъ...» (т. II, стр. 228).

Но не прошло и недѣли, какъ Пирожковъ, идя по бульвару, видѣлъ, какъ въ коляскѣ прокатилъ Палтусовъ съ Селезневой.

Въ этотъ день въ Московскомъ трактирѣ праздновали открытіе новой залы. Туда и направился, пляющійся изъ одного угла въ другой, ученый Пирожковъ...

На этомъ и кончается романъ.—Симпатія автора ясно лежитъ къ Селезневой—этой купчихѣ, сохранившей волжскій обликъ, и къ Пантусову. Есть еще въ романѣ болѣе молодая парочка, которой онъ столько же симпатизируетъ, но мы на ней уже не остановимся, чтобы не удлинннть черезчуръ рецензіи...

Въ общемъ романъ производитъ впечатлѣніе народной лубочной картинки, на которой изображена толпа. Много народу; у каждой фигуры и носъ, и глаза, но всѣ безъ выраженія. Всѣ для удобства художникъ смазалъ одной краской пошлости и благоутробія.

Что касается до слога, то пусть читатель насладится самъ вмѣстѣ съ нами.

«Да! кто *потще славнре*» (т. I, стр. 378).

«Ее *накренило* въ сторону» (говорится про героиню) (т. I, стр. 279).

«Вся небольшая площадь улыбалась, *точно ядреная купчиха*» (т. I, стр. 6).

«За то журналы и книги читали запоемъ, *точно варенье хлопали ложками*» (т. I, стр. 48).

«Брови, *какъ двѣ пышныхъ собольихъ кисти*» (т. I, стр. 83).

«Разноцвѣтные куполы Василія Блаженнаго *тѣшили глазъ, словно гирлянда намалеванная даровитымъ ребенкомъ (?!), разыгравшимся среди мрака и крови*» (?!) (т. I, стр. 66).

Изданіе романа принадлежитъ фирмѣ Вольфъ, хорошо извѣстной по своей аккуратности и любви къ изящному; но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ не можетъ стать рядомъ съ хорошими обычными изданіями Вольфа: бумага непозволительно сѣра и тонка, словно кисея, а романъ непомѣрно дорогъ: *три рубля 50 коп.*

Стихи и проза. *Г. И. Гуревичъ-Нечая.* Одесса. 1882 года.

Извѣстно, какого бы достоинства ни было произведеніе вашего знакомаго, а вы—Богъ знаетъ изъ-за какого чувства—непремѣнно окажете ему свое вниманіе, прочтете. Такимъ вниманіемъ непремѣнно должно пользоваться въ родномъ городѣ провинціальное изданіе, гдѣ всѣ если не состоятъ другъ съ другомъ въ родствѣ, то уже непремѣнно знакомы. Автора вышедшей въ провинціальномъ городкѣ книги непремѣнно знаютъ и книгу его непремѣнно прочтутъ. Провинціальное изданіе—это духовная пища провинціи, оно освящаетъ общій массовый уровень города.

«Стихи и проза»—вышли въ Одессѣ, составляютъ провинціальное чтеніе и, съ этой стороны, не могутъ быть безъинтересны для библіографа.

Кромѣ стиховъ въ книгѣ помѣщается 20 небольшихъ разсказовъ изъ быта помѣщиковъ, офицеровъ, крестьянъ... Всѣ они относятся ко времени крѣпостного права. Въ нѣкоторыхъ довольно правдиво передаются факты печальной дѣвичьей доли изъ того времени. Одинъ такой разсказъ: «Пріемышъ», названный повѣстью, даже недуренъ, читается съ интересомъ. Онъ представляетъ безхитростное развитіе современнаго факта, аналогичнаго тому, который выведенъ у Некрасова въ стихотвореніи: «Въ дорогѣ». Или еще разсказъ подъ именемъ: «Прошлое». Авторъ разсказываетъ, какъ барыня отдала приказъ, чтобы всѣ ея дворовые парни переженились, чтобы ни одного холостого не осталось, и при этомъ одного 18-ти лѣтняго парня велѣла женить на 32-лѣтней,—ну, разумѣется, и сгубила обоихъ. Парень не вынесъ, убилъ жену, и самъ пошелъ на каторгу.

Есть разсказы на мотивъ: «Новая женщина», гдѣ героиня приходитъ къ сознанію, что «жена—существо такое же разумное, какъ и мужъ, и потому равна своему мужу; она должна быть его другомъ», и т. д. (стр. 175). Увлеченная такими теоріями, она бросаетъ мужа, *хотя и любитъ его*,— и идетъ жить своимъ трудомъ.

На трудовой дорогѣ, разумѣется, розъ не набросано, и она—героиня—поэтому «поняла, что время для дѣятельности женщины еще не *наступило* (?), что само *общество еще не готово* къ тому; что поэтому женщинѣ необходимо *пока* (?) подчиниться другой волѣ, болѣе сильной, которая могла бы сохранять ее отъ этого самаго общества» (стр. 192).

Что за ерунду несетъ авторъ, выдавая ее за здравый смыслъ? О какомъ сверхъестественномъ подготовленіи общества говоритъ онъ? Какимъ же образомъ оно могло бы произойти безъ участія со стороны женщины, безъ ея жертвъ?

Такимъ же сумбурнымъ характеромъ отличаются и всѣ другія разсужденія автора, напримѣръ—о свободной любви и т. д.

Большинство разсказовъ почти безъ содержанія, представляетъ встрѣтившіяся автору сцены, которыя почему-то обратили на себя его вниманіе: напримѣръ, «На улицѣ въ Одессѣ» или: «Современная сцена...»

Мѣсто дѣйствія большинства разсказовъ—Малороссія. Авторъ, какъ малороссъ, часто заставляетъ дѣйствующихъ лицъ изъясняться на малороссійскомъ языкѣ, что, конечно, бываетъ не совсѣмъ пріятнымъ сюрпризомъ для читателя.

Что касается до стиховъ, то они крайне плохи,—ни музыки, ни поэзіи, ни даже сколько-нибудь интереснаго или забавнаго содержанія.

Всѣхъ музыкальнѣе оказывается первое стихотвореніе: «Бѣлинскій правъ»,—хотя по мысли и оно не выдерживаетъ критики.

«Бѣлинскій правъ: да, вдохновенье
Насъ озаряетъ на мгновенье.
Поэтъ не умствуетъ,—онъ пишетъ,

Онъ не работаетъ—творитъ!
Сегодня радость—онъ смѣется,
Завтра грусть—онъ слезы льетъ.
Да, правъ Бѣлинскій: гдѣ искусство,
Кто стихъ свой гладитъ и скоблитъ,
Въ немъ не ищите вы ужь чувства,
То не поэтъ къ вамъ говоритъ (стр. 1).

Авторъ, должно-быть, не знаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны черновыя рукописи Пушкина, никто не осмѣлится больше отрицать талантъ только потому, что авторъ требователенъ къ себѣ и обладаетъ терпѣніемъ... Оказывается, самъ Пушкинъ очень усердно трудился надъ своимъ стихомъ. А вотъ авторъ названной книги трудился мало, пользовался вдохновеніемъ, да еще безъ таланта, оттого и стихи у него плохи.

Грезы и пѣсни. Стихотворенія *Ив. Якунина*. 1871—1883 г. С.-Пб. 1883 г.

Такъ мало, такъ рѣдко появляется у насъ собраніе стихотвореній, что было бы непростительно пройти молчаніемъ недавно вышедшую книжку: «Грезы и пѣсни» г. Якунина.

Большинство изъ помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній, по словамъ самого автора, раньше печатались въ *Днѣ*, *Бесѣдѣ*, *Живописномъ Обозрѣніи* и даже въ журналѣ *Вѣкъ*.

Не представляя какого-нибудь особенно сильнаго, изъ ряда вонъ выходящаго таланта, г. Якунинъ иногда весьма недурно подражаетъ Некрасову, Пушкину, Лермонтову, Кольцову... Подражаніе чувствуется не только въ мысли, но и въ выраженіяхъ, словахъ:

Дозволь моею скромной лирой—

говоритъ «Пѣвецъ» королю—

Служить тебѣ, владыка мой!
Своими вѣщими устами
Я лжи и лести не пою—
И просвѣтлежными очами
Я въ даль грядущую смотрю... (стр. 47).

Кто же не вспомнитъ при чтеніи этихъ строкъ нѣкоторыя выраженія Пушкина изъ стихотворенія: «Пророкъ».

Или еще: Любилъ я родину безумною любовью!
И въ жертву ей готовъ былъ все принесть,
Спѣша омыть своей горячей кровью
Ея растоптанную честь (стр. 53).

Кому не замѣтно здѣсь подражаніе Лермонтову?

Въ мысляхъ не авторъ больше, чѣмъ съ названными поэтами, совпадаетъ съ Некрасовымъ.

Но несравненно удачнѣе, какъ по содержанію, такъ и по формѣ стиха, по его музыкѣ, выходятъ тѣ стихотворенія, гдѣ не видать подражанія. Сюда мы охотно относимъ: «Молодому поколѣнію», «Орелъ въ неволѣ», «Раскованный рабъ», «Сомнѣніе», «Сынъ монахини» и др.

Для знакомства съ ними, мы остановимся на послѣднемъ, какъ на довольно граціозной картинкѣ.

Авторъ смотритъ на стѣны засыпавшаго женскаго монастыря, гдѣ на вѣки схоронено много молодой, свѣжей, цвѣтущей жизни...

Весенняя ночь. Поетъ соловей. За каменными стѣнами монастыря тревожно спитъ молодая жизнь. И здѣсь бурлитъ въ ней кровь, и здѣсь ей нѣтъ покоя.

Въ душной кельѣ святая лампада горитъ,
Въ темный садъ отворилось окно;
Разметавшись въ постели черница лежитъ,—
Грѣшный сонъ ее мучитъ давно.

Ей снится, что она на балѣ... Неловко ей въ своей монашеской одеждѣ... Но вотъ одинъ... подходитъ изъ толпы и шепчетъ ей страстныя рѣчи:

Полюблю я тебя и отдамся я весь
Дивнымъ чарамъ твоей красоты...

Полная счастья и муки, сняла свой клобукъ, швырнула...

И разсыпались до полу двѣ косы
Ея темныя косы, какъ ночь...

И... она проснулась, полна стыда, испуга. Бросилась съ горячей любовью предъ иконой.

Но мѣшала ей пѣснь соловья—и душой
Она къ милому сну уносилась» (стр. 51).

Есть, впрочемъ, у автора и иныя темы, посѣщаютъ его и иныя, болѣе тяжелыя думы...

Е. Н.

Болѣзни воли. *Рибо* (Les maladies de la volonté. *Th. Ribot*. Paris, 1883).

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ,—говоритъ Рибо,—многіе писатели разрабатывали въ подробностяхъ нѣкоторыя части психологіи, руководствуясь принципомъ развитія, еволюціи. Французскій ученый находитъ полезнымъ подвергнуть эти вопросы изслѣдованію въ томъ же духѣ, но въ другой формѣ—разложенія (dissolution).

Вопросъ о волѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу наиболѣе трудныхъ и важныхъ. Рибо устраняетъ метафизическую сторону этого

вопроса. Проблемма о свободѣ можетъ быть формулирована такимъ образомъ: можно ли выйти изъ неразрывной связи причинъ и послѣдствій, чтобы положить абсолютное начало? Психологія, какъ опытная наука, остается въ сторонѣ отъ рѣшенія такой проблеммы.

Каждое состояніе сознанія имѣетъ стремленіе выразиться внѣшнимъ образомъ, движеніемъ, актомъ, которые являются, слѣдовательно, результатомъ. Новорожденный отличается чисто рефлективною дѣятельностію. Возникновеніе желанія указываетъ на переходъ отъ этого состоянія къ состоянію свободному. Физіологически, желанія не отличаются отъ рефлективныхъ движеній; психологически, они представляютъ иное явленіе, вслѣдствіе присутствія сознанія. Желаніе, внезапно пробудившись, стремится къ непосредственному удовлетворенію. Воспитаніе (въ широкомъ смыслѣ), опытъ, размышленіе видоизмѣняютъ и усложняютъ желаніе, лишая его рефлекторнаго характера.

Но какимъ образомъ идея можетъ произвести движеніе?—Рибо напоминаетъ, что наши воспріятія (свѣтовыя, осязательныя) предполагаютъ движеніе глаза и другихъ органовъ и частей тѣла. Даже абстрактные образы и идеи предполагаютъ существованіе анатомическаго субстрата и движенія въ немъ. Двигательные элементы (éléments moteurs) либо служатъ для того, чтобъ образовать опредѣленное состояніе сознанія, либо для того, чтобы, такъ-сказать, израсходовать это состояніе. Не идея, не сознаніе, а соотвѣтствующее ему физіологическое состояніе превращается въ актъ.

Съ этой точки зрѣнія Рибо распредѣляетъ идеи въ три большія группы. Въ первомъ случаѣ идеи «насъ трогаютъ», переходятъ въ движеніе со скоростію, почти равною скорости рефлексовъ. Во второмъ случаѣ,—и это особенно важная для Рибо группа идей,—движеніе происходитъ послѣ разсужденія, болѣе или менѣе продолжительнаго. Къ этому типу принадлежитъ большая часть нашихъ дѣйствій. Въ третьемъ случаѣ, наконецъ, при преобладаніи отвлеченныхъ идей, стремленіе къ движенію достигаетъ наименьшаго предѣла. Отвлеченныя идеи являются представленіями представленій, и по мѣрѣ возрастанія ряда отвлеченій сокращаются и элементы движенія. Извѣстно, что имѣть высокую отвлеченную идею добра совсѣмъ не значитъ дѣйствовать на основаніи этой идеи. Если люди посвящаютъ себя идеѣ, отличаются преданностію ей не на словахъ, а въ жизни, то лишь потому, что къ отвлеченной мысли неразрывно присоединились разнообразныя чувства.

Воля, опредѣляетъ Рибо, есть сознательный, болѣе или менѣе обдуманный актъ, въ виду простой или сложной, близкой или отдаленной цѣли. Она является не только двигательной, но и пріостанавливающею силой (une puissance d'arrêt).

Какъ объяснить происхожденіе этой силы, принимая отраженное движеніе (рефлексъ) за типъ и основаніе каждаго дѣйствія?

Рибо указываетъ на то, что рефлексы гораздо сильнѣе во время сна, чѣмъ въ состояніи бодрствованія. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Сѣченовъ, допускаютъ существованіе въ головномъ мозгу задерживающихъ центровъ, но расходятся въ опредѣленіи мѣстонахожденія этихъ центровъ и въ другихъ важныхъ подробностяхъ. Въ виду такого разногласія, Рибо пытается разрѣшить вопросъ самостоятельно. Во всякой добровольной остановкѣ,—говоритъ онъ,—надо различать механизмъ, ея производящій, и состояніе сознанія, ей сопутствующее. Въ случаяхъ, гдѣ физіологическій механизмъ остается неизвѣстнымъ, насъ кое-чему научаетъ чистая психологія (la psychologie pure). Возьмемъ банальный примѣръ: припадокъ гнѣва, остановленный волей. Чтобъ эта пріостановка могла произойти, необходимо прежде всего время. Если возбужденіе такъ сильно, что немедленно переходитъ въ дѣйствіе, то для воли нѣтъ мѣста. Въ противоположномъ случаѣ вызванное извѣстнымъ мотивомъ состояніе сознанія въ свою очередь вызываетъ другія состоянія сознанія. Если послѣднія противоположны первому, то происходитъ остановка дѣйствія. Слѣдуетъ, конечно, помнить, что нервная возбуждаемость у разныхъ людей различна.

Нѣкоторыя чувства являются не двигателями, а уничтожающими движеніе стимулами. Крайнимъ типомъ такихъ чувствъ должно признать страхъ, который на высшей степени своей силы совершенно парализуетъ человѣка. При болѣе слабомъ дѣйствіи страха представляется возможнымъ противодѣйствовать этому состоянію, и наоборотъ. Ребенокъ находится въ гнѣвѣ; слова и выраженіе лица взрослаго возбуждаютъ въ немъ боязнь, и второе состояніе сознанія нейтрализируетъ первое. Въ сложныхъ случаяхъ жизни человѣка происходитъ въ сущности то же самое. Иной разъ мы видимъ, какъ душевная буря укрощается нѣсколькими спокойными словами: это происходитъ потому, что такія слова вызываютъ массу яркихъ или полузабытыхъ воспоминаній и ощущеній, которыя въ совокупности образуютъ болѣе сильное теченіе, чѣмъ вызванный тою или другою причиной гнѣвъ.

Такимъ образомъ дѣятельность воли не есть простое превращеніе состоянія сознанія въ движеніе, не есть только власть пріостанавливать движеніе: она есть реактивная дѣятельность всего человѣка (elle est la réaction propre d'un individu). На этой мысли Рибо особенно настаиваетъ. Отличительнымъ признакомъ воли является *выборъ*, предпочтеніе одного дѣйствія другому. Но что такое выборъ? Практическое утвержденіе, исполняемое сужденіе. Съ физіологической точки зрѣнія нѣтъ различія между невольнымъ прищуреніемъ глаза и такимъ же сознательнымъ движеніемъ, чтобы подать условленный знакъ товарищу въ заговорѣ. Съ психологической точки зрѣнія ничто не различаетъ сужденія, то-есть теоретическаго утвержденія, отъ желанія. Выборъ является приспособленіемъ даннаго стремленія, данной идеи къ индивидууму. Человѣкъ, послѣ колеба-

нія, произведетъ то дѣйствіе, которое имѣетъ наибольшее сродство съ его природой, съ его воспитаніемъ, съ его предшествовавшимъ образомъ дѣйствій. Разсматриваемое какъ состояніе сознанія, желаніе (volition) есть не что иное какъ утвержденіе (или отрицаніе). Сужденіе выражаетъ надлежащее отношеніе между идеями, воля—между стремленіями. Первое есть роздыхъ для ума, вторая—шагъ на пути къ дѣйствію; одно есть пріобрѣтеніе, а другая—расходъ. Но желанія, въ смыслѣ состоянія сознанія, еще недостаточно для совершенія акта.

Итакъ, для Рибо послѣднее основаніе свободнаго выбора заключается въ «я», въ личномъ характерѣ человѣка, причемъ главную роль играетъ не интеллектуальная дѣятельность, а общій способъ чувствованія (manière générale de sentir), постоянный *тонъ организма*. Преобладаніе какого бы то ни было отдѣльнаго мотива не объясняетъ воли ни въ одномъ случаѣ, ибо каждый мотивъ, какъ бы онъ ни бросался въ глаза, составляетъ только незначительную часть въ общемъ строѣ мотивовъ, волненій и идей, которые воспитываютъ личный характеръ. Способность реагировать и затѣмъ привычка образуютъ волю, причемъ крайняя сложность жизни человѣка предохраняетъ его отъ автоматизма.

Воля отличается, слѣдовательно, тѣмъ, что она является законченнымъ состояніемъ и выражается въ дѣйствіи. Ея колебанія только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ результатомъ богатства идей, а болѣзни воли обусловливаются или недостаткомъ, или избыткомъ возбужденія. Рибо подвергаетъ анализу 1) ослабленіе воли вслѣдствіе первой изъ названныхъ причинъ, 2) вслѣдствіе избытка возбужденія, 3) въ виду важности явленія, разсматриваетъ отдѣльно ослабленіе добровольно направленнаго вниманія, 4) царство капризовъ, когда воля не можетъ установиться иначе, какъ случайно.

Не имѣя возможности передать содержанія этихъ интересныхъ главъ, изложимъ главные выводы, къ которымъ пришелъ Рибо.

Волею можно назвать совокупность условій, при которыхъ желаніе или хотѣніе (volition) переходитъ въ осуществленіе. По отношенію къ этому хотѣнію воля является причиною, хотя она сама есть произведеніе суммы явленій, отдѣльные элементы которой, какъ назыаетъ патологія, сильно колеблятся и разнообразятся. Хотѣніе замыкаетъ прогрессивную эволюцію, началомъ которой является простой рефлексъ. Въ теченіе всей жизни человѣка увеличивается и измѣняется отчасти запасъ наслѣдственныхъ особенностей и стремленій, а на эту-то основу опирается сознательная волевая дѣятельность. Для осуществленія воли необходима *послѣдовательная соподчиненность* (coordination hiérarchique) не только между рефлексами, но и между рефлексами и желаніями, между послѣдними и раціональными стремленіями. При болѣзняхъ воли эта іерархическая координація нарушается, и отдѣльное дѣйствіе, подъ вліяніемъ побужденія, становится неправильнымъ, независимымъ, анархическимъ.

Воля такимъ образомъ растетъ снизу, является возвышеніемъ первоначальныхъ элементовъ (elle est une sublimation des éléments inférieurs). Рибо сравниваетъ ее съ такъ-называемымъ въ архитектурѣ *ключомъ свода*, отъ котораго зависитъ не только прочность, но и самое существованіе свода, хотя этотъ камень въ свою очередь пріобрѣтаетъ такое значеніе лишь потому, что его поддерживаютъ и сжимаютъ другіе камни. Вслѣдствіе этого болѣзнь поражаетъ прежде всего высшія, наиболѣе сложныя проявленія воли, постепенно спускаясь къ менѣе сложнымъ и поражая, наконецъ, автоматическія движенія. Наиболѣе сложная и рѣдкая форма выраженія воли—добровольное вниманіе—чаще всего подвергается нарушеніямъ и колебаніямъ. Это явленіе подходитъ подъ общій біологическій законъ: тѣ отправленія, которыя родились послѣдними, первыми подвергаются вырожденію. Рибо доказывалъ это и въ своемъ предшествовавшемъ сочиненіи о болѣзняхъ памяти.

Отъ раздражаемости—физіологической формы закона косности, то-есть отъ реакціи на внѣшнія возбужденія, длинный рядъ развитія приводитъ насъ къ крѣпкой волѣ разумнаго человѣка, сознательно идущаго къ прекрасной, сложной и отдаленной цѣли. «Я хочу»,—говоритъ Рибо въ заключеніе своей превосходной работы,—подобно приговору присяжныхъ. Ему предшествовали слѣдствіе и болѣе или менѣе горячія пренія, но самый приговоръ—не причина, а результатъ. Такъ и «я хочу» констатируетъ душевное, законченное въ данный моментъ состояніе сознанія, но не производитъ его.

Небольшое по объему и многозначительное по содержанію сочиненіе Рибо уже возбудило вниманіе ученаго міра. Journal des Débats сообщаетъ, что въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ о ней далъ очень лестный отзывъ (засѣданіе 16 іюня н. с.) писатель противоположнаго направленія, г. Левекъ.

Современная физика. Историческіе и философскіе этюды. *Эрнеста Навилля* (**La physique moderne.** Études historiques et philosophiques. *Ernest Naville.* Paris, 1883).

Навилль говоритъ въ предисловіи, что происхожденіе современной физики и философскія заключенія, которыя можно логически вывесть изъ открытій этой науки, не подвергались до сихъ поръ тщательному изслѣдованію. Задачею вышеназванной книги и служитъ пополнить этотъ важный пробѣлъ.

Слово *физика* употреблялось въ разныхъ значеніяхъ. Греки обозначали этимъ именемъ все знаніе дѣйствительнаго міра, въ противоположность отвлеченнымъ идеямъ (логикѣ—наукѣ о законахъ мышленія, морали—наукѣ о правилахъ поведенія). Въ новѣйшее время физикѣ даютъ разныя опредѣленія. По Ламэ, она изучаетъ общія свойства тѣлъ и явленія, не влекущія за собою постоянныхъ измѣненій во внутреннемъ

составѣ этихъ тѣлъ. Знаменитый Робертъ Майеръ называетъ физикою науку объ инертномъ веществѣ. Къ послѣднему опредѣленію присоединяется Навилль: физика, говоритъ онъ, начинается съ появленіемъ вещества, а кончается съ возникновеніемъ жизни.

Современная физика представляетъ характерныя особенности въ научномъ, логическомъ и эстетическомъ отношеніи. Первая изъ научныхъ особенностей состоитъ въ признаніи *механической природы явленій*. Въ тѣлахъ нѣтъ ничего похожаго на наши чувства, на наши идеи. Когда раздаются звуки сонаты Моцарта, то происходятъ только размѣренныя колебанія воздуха. Эти колебанія, при помощи органа слуха, преобразуются въ музыкальное впечатлѣніе. Примите слушателя—останется только механическое явленіе движущихся воздушныхъ волнъ. Вторая научная особенность современной физики заключается въ признаніи *единства вещества*, третья—въ *превращеніи силъ*, четвертая—въ *сохраненіи энергіи*. Наконецъ, пятою научною особенностью современной физики служитъ *математическое объясненіе явленій*. Еслибы физика достигла конца своихъ усилій, то она свелась бы на совокупность алгебраическихъ формулъ, выражающихъ формы и движенія. Послѣдній признакъ есть неизбѣжное послѣдствіе перваго, то-есть признанія механической природы явленій. Наука теперь, слѣдовательно, возвращается къ тому положенію, которое высказывалъ, возвратясь отъ египтянъ и халдеевъ, Пиѳагоръ: *все есть число*.

Указанныя пять особенностей современной физики имѣютъ общимъ центромъ ученіе о косности вещества. Сопротивленіе тѣлъ въ пространствѣ даетъ намъ идею существованія опредѣленной формы. Основной признакъ тѣла заключается въ томъ, что оно занимаетъ извѣстное пространство, то-есть препятствуетъ движенію другого тѣла.

Косность, инерція,—продолжаетъ Навилль,—есть отрицаніе за матеріею всѣхъ свойствъ, кромѣ свойства (pouvoir) занимать это извѣстное пространство. Отсюда вытекаетъ 1) отсутствіе въ веществѣ какого бы то ни было психическаго начала (воли, наклонностей матеріи и т. д.); 2) невозможность для матеріи производить психическія явленія (ощущенія свѣта, тепла и т. п. являются результатомъ отношенія чувствительности организованныхъ существъ и физическихъ движеній); 3) отсутствіе въ матеріи силы видоизмѣнять собственное движеніе (при столкновеніи двухъ тѣлъ движеніе и того и другого измѣняется, но ни одно изъ нихъ не можетъ само по себѣ произвести это измѣненіе). Косность есть необходимое условіе приложенія математики къ изъясненію физическихъ явленій.

Читатели видятъ такимъ образомъ, что, по мнѣнію Навилля, между міромъ неорганическимъ и міромъ органическимъ лежитъ непроходимая пропасть. Для ея наполненія необходимо или отвергнуть законъ косности, или распространить его въ полной силѣ и на живыя вещества.

Навилль признаетъ современную физику *великою гипотезою на пути подтвержденія*. Ни существованіе эфира, ни сохраненіе міровой энергіи не принадлежатъ къ строго доказаннымъ предположеніямъ. Гельмгольцъ, напримѣръ, указываетъ на невозможность въ настоящее время опытнаго опредѣленія отношенія между силою солнечныхъ лучей и явленіями растительности. Инерція, наконецъ, это общее основаніе физическихъ объясненій, также лишь гипотеза, хотя и опирающаяся на многія доказательства*). На этой логической особенности, на этомъ положеніи, по которому физика является совокупностью до извѣстной степени подтвержденныхъ гипотезъ, а не законченнымъ и вполнѣ достовѣрнымъ знаніемъ, Навилль настаиваетъ съ особенною силою.

Переходя къ объясненію эстетическаго характера современной физики, французскій ученый замѣчаетъ, что самыя древнія физическія свѣдѣнія были переданы въ греческихъ поэмахъ. Но первоначальное единство науки и поэзіи впослѣдствіи нарушилось. Все, что исчислено, измѣрено, ограничено, становится прозою. Колумбъ, Магелланъ, Ливингстонъ, изслѣдователи альпійскихъ высотъ, изгоняя съ земной поверхности неизвѣстное, изгоняютъ поэзію.

Однако противоположность между наукой и поэзіей только относительная. Наука въ свою очередь раскрываетъ безконечность міра. Навилль утверждаетъ, что всѣ образы вещей (toutes les images des choses) безконечно отражаются въ пространствѣ, торжествуютъ надъ разрушительною силой времени**). Это фантастическое увѣреніе звучитъ странно на страницахъ книги Навилля. Неужели утраченная картина великаго художника или вдохновенная игра Паганини безсмертны въ навилдевскомъ смыслѣ этого слова?

Навилль справедливо замѣчаетъ, что великіе успѣхи въ наукахъ сопровождались развитіемъ эстетическаго чувства. Гумбольдтъ указываетъ на поэтическую возвышенность словъ, въ которыхъ Коперникъ излагалъ свое открытіе. Тиндаль говоритъ, что завоеванія и обобщенія современной науки представляютъ величайшую изъ поэмъ, когда-либо предложенныхъ уму и воображенію человѣка. Но,—прибавляетъ Навилль,—чувство прекраснаго въ области науки можетъ быть лишь увѣнчаніемъ работы мысли, исполненной подъ исключительнымъ руководствомъ опыта и разума.

Современный ходъ развитія науки устанавливаетъ все болѣе и болѣе тѣсныя отношенія между физикой и физіологіей съ одной стороны и между физіологіей и психологіей съ другой стороны. Явленія звука, теплоты,

---

*) Навилль говоритъ, что „законъ косности, не установленный наведеніемъ, не представляетъ и дедукціи *a priori*, подобной математической дедукціи“.

**) „Tout ce qui a été visible sur la terre dans un passé même lointain est visible maintenant pour telle étoile du ciel, et pour des êtres qu'on supposerait munis d'organes ou d'instruments suffisants“ (58—59). Предположеніе затруднительное.

свѣта, если ихъ разсматривать сразу и въ ихъ собственной природѣ и въ познаніи человѣка, предполагаютъ: 1) вещество въ движеніи, 2) присутствіе существа, способнаго чувствовать и воспринимать впечатлѣнія, 3) гармонію, по точнымъ законамъ, фактовъ матеріальныхъ и духовныхъ. Навилль считаетъ тожество тѣлесныхъ и душевныхъ явленій — невозможною гипотезой. Онъ признаетъ однако существованіе неразрывнаго параллелизма этихъ явленій и настаиваетъ на чрезвычайно важномъ значеніи гигіены. Наши наклонности,—говоритъ онъ,—опредѣляются состояніемъ нашихъ органовъ. Гигіена поэтому имѣетъ очевидное вліяніе на мораль. Съ другой стороны, добродѣтель (vertu) важна и съ физіологической точки зрѣнія.

Въ предѣлахъ доступныхъ наблюденію и опыту духъ выражается не иначе,—говоритъ Навилль,—какъ подъ условіемъ существованія нервной системы, ея функцій. Когда Декартъ утверждалъ, что онъ познаетъ себя, какъ существо духовное, не зная, имѣетъ ли онъ тѣло,—великій человѣкъ забывалъ, что ему случалось иногда испытывать усталость отъ умственной работы. Тѣло такимъ образомъ напоминало о себѣ въ области духа.

На этой почвѣ рождается столкновеніе между закономъ сохраненія силы и моралью, для которой нужна свобода, то-есть способность творить новое, а не превращать только одинъ видъ движенія въ другой. Нѣкоторые (Ренувье, наприм.) отвергаютъ всеобщность закона сохраненія энергіи, чтобъ этимъ спасти свободу. Навилль, не отрицая аргументаціи Ренувье, полагаетъ возможнымъ согласованіе принципа сохраненія энергіи и свободы. По его мнѣнію, для послѣдней не надо власти *творить силу*, а достаточно существованія элемента свободы *въ употребленіи данной силы*. Но для этого Навиллю приходится отрицать тожество силы и движенія. Существованіе планеты независимо отъ ея движенія,—говоритъ французскій мыслитель,—является причиною измѣненія въ движеніи другихъ планетъ. Тяготѣніе никакою гипотезою не можетъ быть сведено на предварительный толчокъ, на движеніе. Впрочемъ, для Навилля вопросъ сводится къ предположенію самопроизвольнаго появленія тѣла въ данной системѣ. Это тѣло измѣнило бы направленіе движенія другихъ свѣтилъ и само приняло бы опредѣленное движеніе подъ ихъ вліяніемъ. Только такому тѣлу не откуда взяться, прибавимъ мы.

Инстинктивная и умственная жизнь. *Жакинэ* (La vie instinctive et la vie de l'esprit. *Jacquinet.* Paris, 1883).

Авторъ этой книги заявляетъ, что человѣкъ, кромѣ инстинкта въ обыкновенномъ смыслѣ слова, существующаго и у животныхъ, обладаетъ двумя особыми инстинктами: нравственнымъ (l'instinct moral ou de l'âme) и интеллектуальнымъ (l'instinct intellectuel et de raison). Эти три «инстинк-

та» на разныхъ ступеняхъ развитія народа, какъ и у отдѣльныхъ людей, находятся между собою въ видоизмѣняющихся отношеніяхъ. Но органическій прогрессъ человѣка пріостановился, и, какъ кажется, окончательно; поэтому дальнѣйшему и непрерывному развитію подлежитъ лишь умъ, духъ, l'esprit (Жакинэ разумѣетъ здѣсь способность сознанія и пріобрѣтенія знаній). Инстинктъ даетъ узкія, но важныя истины; умъ расширяетъ и обосновываетъ эти истины, раскрываетъ другія, но нерѣдко вводитъ въ кругъ нашего убѣжденія ошибочныя утвержденія. Для устраненія послѣднихъ необходимо, чтобъ умственная (сознательная) жизнь опиралась на наши инстинкты, которые, благодаря этому, будутъ согласованы между собою въ интересахъ гармоническаго развитія человѣка. Теперь же голова находится, какъ извѣстно, въ большомъ разладѣ съ сердцемъ.

Жакинэ признаетъ, что у народовъ, находящихся на очень низкой ступени развитія, моральный инстинктъ существуетъ лишь въ зародышѣ, едва-едва обнаруживается. Въ такомъ же состояніи при тѣхъ же условіяхъ находится и разумъ. Съ историческимъ развитіемъ обнаруживаютъ свое вліяніе и особенности мѣстной природы. Такъ на сѣверѣ зимній холодъ заставляетъ любить домашній очагъ и содѣйствуетъ укрѣпленію семейной жизни; теплое южное солнце выводитъ человѣка на улицу, на площадь и особенно благопріятствуетъ общественной дѣятельности.

Указывая на великіе успѣхи въ области техники и промышленности въ XIX вѣкѣ, Жакинэ справедливо обращаетъ вниманіе на одну изъ главнѣйшихъ причинъ превосходства нашего столѣтія передъ предшествовавшими: на улучшеніе общественной организаціи, явившееся результатомъ усиленнаго развитія мысли во второй половинѣ XVIII вѣка. Авторъ не скрываетъ печальныхъ послѣдствій развитія благосостоянія, переходящаго въ богатство, если оно (какъ это часто бываетъ) не сопровождается усиленнымъ развитіемъ умственной и нравственной жизни. Если нищета, говоритъ онъ, превращаетъ человѣка въ грубое животное, то матеріальное благополучіе развращаетъ его. Еще Руссо сказалъ: «L'ennui d'être toujours à son aise est le pire».

Если исключить нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, кое-гдѣ разбросанныхъ на 280 страницахъ книги,— она не представляетъ почти никакого интереса.

Борьба противъ нищеты. *Ипполита Маза* (**La lutte centre la misère.** *Hippolyte Maze.* Paris, 1883).

Какъ извѣстно, французское общество и правительство обратили серьезное вниманіе на положеніе рабочихъ классовъ. Въ палату депутатовъ былъ представленъ между прочимъ законопроектъ объ устройствѣ кассъ для престарѣлыхъ работниковъ и объ обществахъ взаимной предусмотрительности (Caisse de retraites pour la vieillese. As-

sociations de prévoyance mutuelle). Авторъ книжки, заглавіе которой приведено выше, былъ докладчикомъ парламентской коммиссіи, обсуждавшей эти два законопроекта. Его небольшое сочиненіе, посвященное французскимъ учителямъ и учительницамъ, въ рукахъ которыхъ будущее дѣтей и, слѣдовательно, страны, заключаетъ въ себѣ основныя положенія и мотивировку доклада коммиссіи. Выработанные послѣднею законопроекты напечатаны, какъ приложеніе къ книжкѣ.

Два непримиримыхъ врага у цивилизаціи и свободы,—говоритъ Мазъ,—невѣжество и нищета. Авторъ признаетъ невозможнымъ совершенно изгнать съ лица земли нищету, которая является результатомъ пороковъ человѣка. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что должно отказаться отъ борьбы съ ужасающимъ зломъ. Одной благотворительности въ данномъ случаѣ не достаточно. Противъ ея исключительнаго примѣненія Мазъ протестуетъ и во имя человѣческаго достоинства, выдвигая на первое мѣсто высшій принципъ солидарности, взаимности.

Мазъ указываетъ на то, что еслибы раздѣлить поровну всю поземельную собственность Франціи, то на долю каждаго пришлось бы только около 57 франковъ годового дохода. Если раздѣлить такимъ же образомъ все имущество страны, то на одного француза достанется въ день по 78 сантимовъ. Мазъ поэтому рѣшительно отвергаетъ (онъ приводитъ, конечно, и другія основанія) тѣ теоріи, которыя полагаютъ возможнымъ осчастливить народъ сразу, безъ долгихъ усилій съ его стороны, путемъ государственнаго переворота. Сами рабочіе, по замѣчанію Маза, начинаютъ понимать это. Коммиссія, докладчикомъ которой былъ названный депутатъ, разослала къ значительному числу обществъ предусмотрительности, въ редакціи всѣхъ газетъ и т. д. вопросные пункты, и громадное большинство высказалось *противъ* обязательныхъ взносовъ въ страховыя кассы. Вслѣдствіе этого почтенный Мартенъ Надо, которому принадлежалъ починъ предложенія, взялъ его назадъ, присоединившись къ законопроекту коммиссіи, но сохранивши за собою свободу дѣйствій въ будущемъ.

Государство должно позаботиться объ участи рабочихъ классовъ. Но какимъ образомъ? Правительство,—отвѣчаетъ Мазъ,—обязано разъяснять дѣло и поощрять его осуществленіе, поддерживать рабочаго и давать ему гарантіи въ состоятельности кассъ и тому подобныхъ учрежденій. Въ теоріи все должно исходить отъ личности; предохранить рабочаго отъ пауперизма можетъ только рабочій, глубокомысленно произноситъ Жюль Симонъ. Но Мазъ хорошо понимаетъ, что въ дѣйствительной жизни это изреченіе является—и нерѣдко—бездушною фразой.

Одной изъ наиболѣе сильныхъ причинъ деморализаціи среди рабочихъ,—заявляетъ манифестъ комитета мюльхаузенской ассоціаціи для защиты національнаго труда, служитъ убѣжденіе, что они не могутъ ничего сберечь подъ старость. Во Франціи законодательство обратило вниманіе на

этотъ чрезвычайно важный вопросъ съ 1848 года и учредило кассу для престарѣлыхъ. Касса эта до сихъ поръ не имѣла успѣха, и Мазъ предлагаетъ рядъ измѣненій въ ея устройствѣ съ тѣмъ, чтобъ облегчить доступъ къ ней рабочимъ. Онъ требуетъ и пособія со стороны государства. Наряду съ этою кассой Мазъ ставитъ общества взаимной поддержки, которыя даютъ возможность труженику переживать безъ особыхъ затрудненій безработицу, болѣзнь и т. п. Почтенный депутатъ смотритъ на эти ассоціаціи какъ на *истинныя крѣпости для защиты соціальнаго мира*. Настаивая на свободѣ этихъ обществъ, Мазъ считаетъ необходимой такую ихъ организацію, чтобы рабочій могъ переходить изъ одного общества въ другое, не теряя своихъ взносовъ. Надзоръ за всѣми ассоціаціями подобнаго рода, по проекту Маза, поручается совѣту, въ которомъ должны участвовать представители правительства, сенаторы, депутаты и десять представителей обществъ взаимной помощи, по выбору отъ обществъ. Денежную помощь государство обязано оказать и этимъ благодѣтельнымъ ассоціаціямъ, членами которыхъ могутъ быть женщины и дѣти.

Общества подобнаго рода уже возникли во Франціи. Представители ихъ съѣзжаются отъ времени до времени въ разныхъ городахъ. На съѣздѣ въ Ліонѣ, гдѣ недавно праздновалась десятая годовщина мѣстнаго *общаго комитета*, объединившаго нѣсколько ассоціацій, предсѣдатель послѣдняго, г. Блетонъ, сказалъ слѣдующее: «Изъ каждаго нашего собранія мы выходимъ болѣе соединенными, чѣмъ прежде; мы все болѣе и болѣе проникаемся чувствомъ взаимнаго уваженія и добраго братства». Къ братству горячо обращается и Мазъ.

В. Гольцевъ.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

СВѢДѢНІЯ

ПО КНИЖНОМУ И МУЗЫКАЛЬНОМУ ДѢЛУ.

Изданія В. М. Лаврова.— Изданія коммиссіи печатанія грамотъ и договоровъ при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.—Контора Н. Н. Печковской (пріемъ объявленій и подписка на періодическія изданія).—Книжные магазины «Новаго Времени» (А. С. Суворина).—Книжный магазинъ В. Готье.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала „Русская Мысль“ продаются слѣдующія изданія

В. М. ЛАВРОВА:

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Москва. 1878 года. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли).

Томъ I-й. Москва. 1879 года. Цѣна 2 рубля.

„СНЫ НА ЯВУ“

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Л. И. ПАЛЬМИНА.

Изданіе 2-е. Москва. 1881 года. Цѣна 2 руб. 50 коп.

КОРОЛЬ ЛИРЪ

Трагедія В. Шекспира. Переводъ С. А. Юрьева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА,

переводъ В. М. Лаврова. 2 т. Москва. 1883 г. Цѣна 2 р. съ пересылкой.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

ОЧЕРКИ И «ОТРЫВКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ» Г. УСПЕНСКАГО.

Москва. 1883 г. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ изданія у книгопродавца Вольфа.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ **НОВЫХЪ** изданій **КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.**

1. Очеркъ дѣятельности Коммиссіи. Москва. 1877 г. Ц. 1 р.

2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ. 1887 г. Ц. 40 к.

3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва. 1879 г. Ц. 50 к.

4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва. 1878 г. Ц. 1 р.

5. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва. 1878 г. Ц. 2 р.

6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сост. М. Пуцилло. Москва. 1879 г. Ц. 75 к.

7. Обозрѣніе библіотеки того же Архива. Сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 30 к.

Его же Каталоги слѣдующихъ ея отдѣловъ:

8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.

9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.

10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.

11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.

12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.

13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.

14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.

15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.

16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И. Ѳ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.

17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

Н. ПЕЧКОВСКОЙ,

ВЪ МОСКВѢ.

Пріемъ подписки и объявленій во всѣ газеты и журналы въ Россіи и за границей по цѣнамъ редакцій. Контрагентъ объявленій на уличные столбы. Спеціальная агентура и прямыя сношенія съ важнѣйшими органами русской печати. Отдѣленіе конторы журнала *Русская Мысль*. На большіе заказы по объявленіямъ соотвѣтственная уступка. Единственный агентъ русскихъ и полицейскихъ вѣдомостей для заграничныхъ объявленій. Адресъ Н. Печковской: въ Москвѣ, домъ Петровскихъ торговыхъ линій, кварт. № 61.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Третьяковыхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Невскій проспектъ, д. Волжско-Камскаго Банка.

Продаются слѣдующія изданія:

Фабриціусъ. Кремль въ Москвѣ, очерки и картины прошлаго и настоящаго, съ рисунками и гравюрами, въ изящномъ переплетѣ. Ц. 10 рублей.

Фабриціусъ. Тоже большое изящное изданіе 40 рублей.

Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Изд. А. С. Суворина, вышло 24 вып., всѣхъ выпусковъ будетъ 25. Подписная цѣна 12 р., съ перес. 14 р., каждый выпускъ отдѣльно 60 коп., съ перес. 70 коп.

Гельвальдъ. Естественная исторія племенъ и народовъ, съ множествомъ иллюстрацій. Изд. А. С. Суворина, вышло 21 вып. Всѣхъ выпусковъ будетъ 35. Подписная цѣна 9 р., съ пересыл. 11 руб.;—выпускъ каждый отдѣльно 30 коп., съ пересыл. 40 коп.

Лейкнеръ. „Нашъ вѣкъ“. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, науки, искусства и промышленности, съ множествомъ портретовъ и рисунковъ. Изданіе А. С. Суворина. Подписная цѣна 15 руб., съ пересылкой 17 руб. Каждый вып. отдѣльно 35 коп., съ пересылкой 45 коп. Вышло 35 вып. Всѣхъ выпусковъ будетъ 50.

Державинъ. Сочиненія, т. 9-ый. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 3 р.

Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія, т. 5, ч. 2. Европейская Россія. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 5 р.

Тоже. Скандинавскія государства. Т. 5, ч. I, С.-Пб., 1881 г., ц. 3 р.

Подвысоцкій. Кефиръ (напитокъ изъ коровьяго молока), его исторія и приготовленіе. Кіевъ, 1883 г., ц. 50 к.

Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ г. Евпаторіи. С.-Пб., 1883 г., ц. 2 р.

Майгородовъ. Русскій толковый лѣсотоварный словарь. С.-Пб., 1883 г., ц. 1 р. 50 к.

Госпиталье. Электричество. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 3 р. 50 к.

Лейнингъ. Караси и щуки, юмористическіе разсказы. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 1 р. 50 к.

Шоре. Черный кардиналъ. Романъ. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 2 р.

Перобасинъ. Начальная аналитическая геометрія. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 1 р.

Петербургскія сказки мухи. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 1 р.

Частяковъ. Учебникъ физики съ 14 табл. чертежей. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 1 р. 50 к.

Комедіанти. Въ память столѣтія Крыма, съ политипажами. Москва, 1883 г., 10 книгъ, ц. 20 рублей.

Казанскій. Наша родная рѣчь. Руков. къ изученію русскаго и славянскаго языковъ. Москва, 1883 г., ц. 1 р. 25 к.

Карауловъ и Сосногоровъ. Путеводитель по Крыму, съ рисунками и картами. Одесса, 1883 г., ц. 2 р. 25 к. въ переп.

Тикноръ. Исторія испанской литературы, т. I. Москва, 1883 г., ц. 3 р.

Молоховецъ. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. 10-е изданіе, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 4 р.

Іогель. Между вѣчностью и минутой. Романъ въ 3 ч., Москва, ц. 2 р. 50 к.

Воспоминаніе крестьянина, съ предисловіемъ Титова. Москва, 1883 г., ц. 1 р.

Титовъ. Ростовъ великій. Путеводитель по Ростову, Яросл. губ. Москва, 1883 г., ц. 40 к.

Сахоцкій. Высшая алгебра, ч. I, рѣшеніе численныхъ уравненій. С.-Петербургъ, 1882 г., ц. 3 руб.

Краузъ. Наставленіе при лѣченіи карлсбадскими минеральными водами. Харьковъ, 1883 г., ц. 55 коп.

Манасеина. О письмѣ вообще, о зеркальномъ письмѣ въ частности и о роли обоихъ полушарій большаго мозга. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 1 р. 50 к.

По вопросу страховыхъ отъ огня обществъ. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 30 коп.

Ивановъ. Системы мѣръ. Москва, 1883 г., ц. 50 к.

Вейнбергъ. Сборникъ произведеній иностранныхъ поэтовъ для класснаго чтенія. С.-Петербургъ, 1882 г., ц. 1 р. 30 к.

Оппель. Чудеса древней страны пирамидъ. Картины древняго Египта, съ политипажами и рисунками. С.-Петербургъ, 1883 г., ц. 3 р. 50 к.

Хохолушка. „Югъ". Картины изъ исторіи прошлаго южныхъ славянъ. Послѣдній король Босніи. М. 1881 г., ц. 1 р.

Гг. иногородніе прилагаютъ на пересылку 10 коп. на рубль стоимости.

LIBRAIRIE FRANÇAISE DE W. G. GAUTIER. PONT DES MARÉCHAUX,

maison Torletsky, à Moscou.

Religion.—Droit et économie politique.

PHILOSOPHIE, MORALE.

Godin.—Mutualité nationale contre la misère: pétition et proposition de loi à la Chambre des députés. In-8. . . . . 1 r. 25

Guyot (Yves).—L'Organisation municipale de Paris et de Londres; présent et avenir. In-12. . . . . — r. 75

Mirabeau (le marquis de). — L'Ami des hommes ou Traité de la population. Avec preface et notice par M. Rouxel. In-8. . — r. —

Ribot (Th.).—Les Maladies de la volonté. In-12. . . . . 1 r. 25

Roche (Jules).—Le Budget des cultes, La séparation de l'église et de l'état et les congrégations. Le Concordat. Le Syllabus. In-12. . . . . 2 r. —

Histoire.—Géographie.

Brau de Saint-Pol Lias.—Perak et les Orangs-Bakèys; Voyage dans l'intérieur de la presqu'île Malaise. In-12. . . . . 2 r. —

Jacolliot (Louis).—Voyage au pays du hatschisch. In-12 . . . . 2 r. —

Le Mercier (E.).—Le Prévôt, dit de Beaumont, prisonnier d'état, détenu pendant vingt-deux ans et deux mois à la Bastille et dans différentes prisons pour avoir dénoncé le pacte de famine. In-8 . . . . . 3 r. —

Lescure (de).—Rivarol et la société française pendant la Révolution et l'émigration (1753—1801). Gr. in-8 . . . . . 4 r. —

Renan (Ernest).—Souvenirs d'enfance et de jeunesse. In-8. . . 3 r. 75

Roy (E.).—Les Colonies franques de Syrie aux XII-e et XIII-e siècles. In-8. . . . . 4 r. —

Steenackers (F. F.)—Les Télégraphes et les postes pendant la guerre de 1870—1871. In-12. . . . . 1 r. 75

Tourzel.—Mémoires de madame la duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France pendant les années 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1795, publiés par le duc Des Cars. 2 vol. in-8. . 7 r. 50

Littérature.

ROMANS, THÉATRE, POÉSIES.

Albalat (Antoine).—Un Adultère. Roman intime. In-12. . . . . 1 r. 75

Amic (Henri).—Plaisir d'amour. In-12. . . . . 1 r. 75

Augu (Henri).—Les Amours au sérail. 2 vol. in-12. . . . . 3 r. —
I. Les Voleurs de femmes.—II. Le Poison de l'Orientale.

Bersier (M-me Eug.).—André Tourel. In-12. . . . . 1 r. 75

Bouvier (Alexis).—Le Bel Alphonse, édition illustrée. In-4. . . 3 r. —

Daudet (Ernest).—La Carmélite. In-12 . . . . . 1 r. 75

Fournel (Victor).—Figures d'hier et d'aujourd'hui. In-12. . . . 1 r. 75

Grenet-Dancourt (E.).—Monologues comiques et dramatiques. In-12. 1 r. 75

Gresset.—Poésies choisies. Avec une notice bio-bibliographique par L. Derome. In-8. . . . . 5 r. —

Gréville (Henry).—Louis Breuil; histoire d'un pantouflard. In-12 . 1 r. 75

Gyp.—Ce que femme veut...? In-12. . . . . 1 r. 75

Hervilly (Ernest d').—Timbale d'histoires à la Parisienne. In-12 . 2 r. 50

Hippeau (C.)—Le Théâtre à Rome. Gr. in-8 . . . . . 2 r. 50

Léo (André).—L'Enfant des Rudere. In-12 . . . . . 1 r. 75
Maizeroy (René).—La Dernière croisade. Mœurs parisiennes. In-12. 1 r. 75
Mary (J.).—Le Roman d'une figurante. Étude de mœurs. In-12. 1 r. 75
Mouton (Eugène).—Fantaisies. In-12 . . . . . 1 r. 75
Nicolardot (Louis).—L'Impeccable Théophile Gautier et les sacrilèges romantiques. In-12 . . . . . 1 r. —
Noël (Edouard) et Edmond **Stoullig**.—Les Annales du théâtre et de la musique. 8-e année. 1882. In-12. . . . . 1 r. 75
Richepin (Jean).—Le Pavé. In-16 . . . . . 3 r. —
Rosières (Raoul).—Ponce-Pilate. (Vers.). In-12 . . . . . 1 r. 50
Rude (Maxime).—Documents masculins. Ces Messieurs d'après nature. In-12 . . . . . 1 r. 75
Sandeau (J.).—La Chasse au roman. In-32 avec 2 dessins . . . . 2 r. —
La 1-re édition est de 1848.
Scholl (Aurélien).—Les Nuits sanglantes. 2 vol. in-12 . . . . . 3 r. 50
Theuriet (André).—Michel Verneuil. In-12. . . . . 1 r. 75

Technologie.

SCIENCES MATHEMATIQUES ET NATURELLES.

Bert (Paul).—Revues scientifiques publiées par le journal „La République française". 5-e année. In-8 . . . . . 3 r. —
Bleunard (A.).—Le Mouvement et la matière. Lectures sur la physique et la chimie, mises à la portée de tout le monde. In-8. 2 r. 50
Sauvage (le D-r H. G.).—La Grande pêche (les poissons). In-12 cartonné 1 r. 75
Bibliothèque instructive.
Travaux publics (les) de la France, par MM. les ingénieurs des Ponts et chaussées Felix Lucas, Ed. Collignon, H. de Lagrené, Voisin-Bey, E. Allard. Ouvrage publié sous la direction de Léonce Reynaud. Livraisons 46 à 50. (Fin de l'ouvrage). In-folio. Chaque livraison . . . . . 6 r. —
Le commencement a paru en 1876.—L'ouvrage complet est divisé en 5 parties de 120 fr. chacune: I. Routes et ponts.—II. Chemins de fer.—III. Rivières et canaux.—IV. Ports de mer.—V. Phares et balises.

Beaux-Arts.

Catalogue des tableaux anciens et modernes, composant la collection de M. B. Narischkine, dont la vente aura lieu le jeudi 5 avril 1883. Accompagné de la liste des prix d'adjudication. In-4 avec grav. . . . . 25 r. —
Ducros (Emmanuel).—Une Cigale au Salon de 1883. Avec nombreux dessins en fac-similé, d'après les principales toiles exposées. 3-e année. In-8 . . . . . 1 r. 75
Dumas (F. G.)—Catalogue illustré du Salon (1883) contenant environ 300 reproductions d'après les dessins originaux des artistes. 5-e année. In-8 . . . . . 1 r. 75
Dumas (F. G.).—Livret illustré du Salon (1883), contenant environ 400 reproductions d'après les dessins originaux des artistes. Supplément au Catalogue illustré du Salon. Deuxième année. In-8. . . . . 1 r. 25
Dumas (F. G.).—Au Salon de 1883. In-folio. . . . . — r. 50
Forme en même temps le premier numéro du nouveau journal mensuel: *Paris illustré*.
Énault (Louis).—Paris-Salon, 1883. 4-e année. 2 volumes. In-8, avec 40 grav. en phototypie. . . . . 5 r. —
Huysmans (J. K.).—L'Art moderne. In-12. . . . . 1 r. 75

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1883.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій п., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

DUPLICATE.

DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	МАГИСТРЪ И ФРОСЯ (Ихъ первые шаги въ жизни). Повѣсть. Гл. I—IV.—**А. С. Шабельской**	1
II.	КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ. Гл. VII. *Окончаніе.*—**А. Я. Ефименко**	42
III.	«ДОШУТИЛАСЬ». Повѣсть. Гл. IX—XXI. *Окончаніе.*—**А. Алексѣевой**	67
IV.	ИСТОРІЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНОРУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА. II: Борьба козаковъ съ поляками. *Окончаніе.*—**Н. И. Костомарова**	107
V.	ВЪ НОВЫХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ ЧЕРНОГОРІИ. Ульцинъ.—**П. А. Ровинскаго**	144
VI.	ЗНАЧЕНІЕ ТЕАТРА, ЕГО УПАДОКЪ И НЕОБХОДИМОСТЬ ШКОЛЫ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.—**С. А. Юрьева**	171
VII.	СБИТЫЙ СЪ ТОЛКУ. Эксперименталный романъ Марка Монье. Гл. XVI—XXI. *Окончаніе.* Переводъ съ французскаго.—**Р.**	213
VIII.	А. Н. СѢРОВЪ. Біографическій очеркъ. Гл. I—II.—**В. Баскина**	265
IX.	ПОЭТУ. Стихотвореніе.—**Л. И. Пальмина**	296
X.	ПОЛИТИКА РОССІИ И ПРУССІИ ВЪ ЭПОХУ, ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ПЕРВОМУ РАЗДѢЛУ ПОЛЬШИ. (По оффиціальнымъ документамъ, изданнымъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.)—**В. К.**	1
XI.	СЪ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА.—**Э. Б. Майкеля**	24
XII.	НѢМЕЦКАЯ ДИНАСТІЯ ВЪ РУМЫНІИ	69
XIII.	БИБЛІОГРАФІЯ:	
	«В. А. Жуковскій и его произведенія». Сочин. *П. Загарина.* Издан. *Льва Поливанова.* Москва. 1883 года.—**Л.**	80

Стр.

«Соціальное равенство». *Маллока* («L'égalité sociale». W. H. Mallock. 1883).—«Рабочіе классы въ Европѣ». *Рене Лаволле* («Les classes ouvrières en Europe». Etudes sur leur situation materiélle et morale. René Lavollée. 2 v. Paris. 1882).— **В. А. Гольцева** 89

Приложеніе: БУРНОЕ ВРЕМЯ. Историческій романъ **Т. Т. Ежа.** Переводъ съ польскаго. . . . . 241—288

МАГИСТРЪ и ФРОСЯ.

Ихъ первые шаги въ жизни.

ПОВѢСТЬ.

БИБЛІОТЕКА СЕМЕННИКОВА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

Въ то время, когда маленькія государства южной Германіи старались переварить добровольный союзъ съ Пруссіей, отеческая любовь которой простиралась до того, что нѣкоторые государи въ случаѣ несогласія съ ней не смѣли назначать даже офицеровъ въ отрядъ, дежурившій у ихъ собственнаго кабинета,—они должны были назначаться изъ Берлина, гдѣ происходила безпрестанная муштровка войскъ,—вся Пруссія представляла страну, наполненную воинственными кликами, точно наканунѣ похода или на другой день послѣ побѣды. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Недавно только смолкли пушки въ Богеміи, а французскіе шовинисты съ горечью задавали себѣ вопросъ: когда они потерпѣли пораженіе—при Ватерло или подъ Садовой? Бисмаркъ начиналъ затмевать Наполеона III, и въ Берлинѣ не даромъ рисовали его съ громадною головой; весь онъ представлялъ одну каску, а изъ-за его плеча выглядывало лицо очень напоминавшее будущаго германскаго императора. Если парижскій властелинъ думалъ только объ укрѣпленіи своей династіи, то берлинскій — о возвеличеніи Пруссіи на счетъ закабаленной Германіи. Въ этомъ случаѣ онъ исполнялъ единственно божественную волю Провидѣнія, и потому побѣда витала надъ его головой.

Пруссаки выпили все пиво въ Богеміи, но она не унывала; она варила новое и радовалась, что его можно будетъ наконецъ влить въ новые мѣха,—конечно, если Венгрія вмѣстѣ съ Австрі-

ей не наступить на нее. А Венгрія имѣла много причинъ ненавидѣть славянское племя.

Вѣна еще носила трауръ по своимъ безславно погибшимъ сынамъ, и шумная жизнь ея была отравлена воспоминаніемъ о недавнемъ пораженіи; но Бейстъ предлагалъ реформу за реформой и народъ встрепенулся; онъ украсилъ вѣнками и засыпалъ розами могилу, гдѣ были погребены борцы за народныя права въ 1848 году,—теперь онъ получилъ ихъ. И когда сгорѣла дочь Альбрехта, среди народа ходили толки о томъ, что Богъ покаралъ принца за то, что онъ первый скомандовалъ стрѣлять въ ихъ представителей, собравшихся передъ дворцомъ.

Такъ вотъ въ такое-то именно время Петръ Ивановичъ и Евфросія Васильевна совершали свое путешествіе по Европѣ. Курьерскій поѣздъ примчалъ ихъ изъ Швейцаріи въ Вѣну, и въ дождливый, насмурный вечеръ маленькая каретка подвезла ихъ къ одной изъ лучшихъ гостиницъ на Грабенъ. Кучеръ соскочилъ съ козелъ, позвонилъ и отперъ дверцы.

— Brrr... verfluchtes Wetter! — пробормоталъ онъ, сливая воду съ широкихъ полей своей шляпы.

Въ это время цѣлая стая голодныхъ кельнеровъ устремилась внизъ по лѣстницѣ, готовая самымъ любезнымъ образомъ обобрать пріѣзжихъ. Петръ Ивановичъ, зная по опыту, какъ дорого обходится извощикъ, если съ нимъ расплачивается швейцаръ, подалъ возницѣ два флорина. Тотъ, порывшись въ портмоне, вынулъ оттуда цѣлую ленту маленькихъ запачканныхъ бумажонокъ.

— Что это?—спросилъ Соколовъ.

— Ochizig kreizer *),—отвѣтилъ извощикъ.

Къ нимъ подошелъ одинъ изъ кельнеровъ и, тыкая жирнымъ пальцемъ въ бумажки, обязательно пояснилъ, что теперь, послѣ войны, они имѣютъ «cupfergrapiere», ассигнаціи въ десять крейцеровъ. Петръ Ивановичъ съ видомъ отвращенія сжалъ въ рукѣ эти бумажонки. «Несчастная Австрія!—сказалъ онъ, оборачиваясь къ Фросѣ.—Она должна погибнуть, а славянскія племена отойти къ намъ!» И онъ, гордо поднявъ голову, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, точно побѣдитель.

Кельнеры, слѣдовавшіе за нимъ съ его маленькими чемоданами и саками, пересмѣивались: даже на нихъ отразилось возбужденіе, охватившее разбитый при Садовой народъ; они ин-

*) Въ Вѣнѣ простой народъ говоритъ *o* вмѣсто *a*.

стинктивно поняли Петра Ивановича и не хотѣли вторично никому покоряться. Одинъ изъ нихъ забѣжалъ впередъ и распахнулъ передъ Соколовымъ дверь роскошнаго помѣщенія.

Петръ Ивановичъ чуть не вскрикнулъ отъ удивленія, когда кельнеръ объявилъ ему цѣну. Ища подходящаго по своимъ средствамъ номера, они поднимались все выше и выше, съ каждою лѣстницей гордая осанка его исчезала и передъ дверью номера въ третьемъ этажѣ онъ сгорбился и едва переводилъ духъ отъ усталости. «О, эти проклятые австрійцы! — думалъ онъ.— Нѣтъ, они должны погибнуть!»

Когда кельнеръ удалился, Петръ Ивановичъ, обернувшись къ своей спутницѣ, сердито проговорилъ:

— Отвратительно, что васъ въ вашей гимназіи ничему не учатъ! Ты такъ выражаешься по-нѣмецки, что насъ тотчасъ вездѣ принимаютъ за русскихъ.

Фрося съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да вѣдь я ничего не говорила! Говорилъ ты одинъ.

— Ну, не теперь, такъ прежде, — замѣтилъ Петръ Ивановичъ:—это все равно.

Онъ бросилъ на столъ шляпу и бумажникъ, потомъ взялъ въ руки эти злополучные «achtzig kreizer» и, разсматривая ихъ, презрительно замѣтилъ:

— Австрія не спасетъ и Бейстъ отъ подобной дряни! Эти жалкіе австрійцы для того и созданы, чтобъ ихъ колотили.

Фрося вспомнила, что на какой-то станціи она видѣла карикатуру: Бейстъ только-что проснулся, съ широко раскрытыми глазами, съ всклокоченной головой; въ одной рукѣ онъ держалъ что-то, а другую высоко поднялъ со знаменемъ, на которомъ красовалось слово: «Reformen!» А надпись внизу гласила... Впрочемъ, надписи она не поняла.

Я не стану описывать наружность моихъ героевъ,—я оставлю это до болѣе удобнаго времени, потому что въ номерѣ стояла одна только свѣча, да и та на низенькомъ столикѣ, вслѣдствіе чего голова Фроси вытянулась на стѣнѣ, носъ и губы представляли подобіе консоля, а изогнутая спина Петра Ивановича напоминала верблюда. Онъ усердно возился съ саками. Всю дорогу отъ Montreux онъ былъ страшно не въ духѣ. «Что бы это значило?»—думала Фрося. Она смертельно устала и не чувствовала ни малѣйшей охоты нагибаться и возиться съ чѣмъ бы то ни было.

— Да помоги же! — проговорилъ Петръ Ивановичъ такимъ тономъ, что Фрося быстро вскочила и стала помогать ему.

— Фи! — брезгливо протянулъ онъ. — Я выпачкалъ обо что-то пальцы! Что это?

И онъ поднялъ вверхъ какую-то вещь.

— Это мой дождевой плащъ, — отвѣчала она поспѣшно. — Я должно-быть выпачкала его, когда выходила изъ кареты.

— Твой дождевой плащъ, — замѣтилъ Петръ Ивановичъ, — совершенно новая вещь! Нѣтъ, я начинаю думать, что аккуратность — не женское свойство.

Фрося молчала.

Этотъ плащъ была первая вещь, которую подарилъ ей Петръ Ивановичъ. Вѣдь они были всего два мѣсяца женаты. И Фрося невольно вспомнила, что, надѣвая ей плащъ, онъ имѣлъ такой торжествующій видъ, точно накидывалъ ей на плечи порфиру. Ей сдѣлалось неловко и она молчала.

— Ты сердишься? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Не знаю! — отвѣчала она.

— Но согласись со мной, что ты очень неаккуратна, — продолжалъ онъ: — я вѣчно долженъ былъ убирать за тобой. Развѣ это моя обязанность?

«Положительно онъ невыносимъ сегодня, — думала Фрося. — Что за мелочность! И что можетъ быть хуже — напоминать другъ другу о взаимныхъ обязанностяхъ по поводу разныхъ мелочей!» Главное, что ее разсердило, это — упрекъ, относящійся къ тому времени, когда она чувствовала себя такой счастливой и думала, что онъ испытываетъ то же самое, а между тѣмъ онъ сердился на нее и, если не дѣлалъ замѣчаній, то, быть-можетъ, только изъ вѣжливости.

Человѣку ужасно непріятно разочаровываться въ настоящемъ; но если тѣнь падаетъ на то прошлое, воспоминаніе о которомъ намъ особенно дорого, тогда это становится невыносимымъ.

Фрося испытывала недоумѣніе и какой-то еще не ясно сознанный страхъ передъ чѣмъ-то.

Петръ Ивановичъ молча ходилъ по комнатѣ, пока нельзя принесъ подносъ съ кофейникомъ.

— Я буду наливать кофе, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это моя обязанность, — отвѣчала Фрося.

— Ну, ну, ишь какая сердитая, — сказалъ онъ, улыбаясь.

сейчасъ, точно порохъ, вспыхнетъ! Вѣдь ты знаешь, я хочу тебя видѣть совершенствомъ.

— И потому стану тебя донимать мелочами, не правда ли?— отвѣчала она.

— Мелочи! — заговорилъ Петръ Ивановичъ.—Да вѣдь вся жизнь слагается изъ мелочей, и намъ, намъ бѣднымъ людямъ, нельзя забывать этого.

— Но я не хочу такой жизни!—съ жаромъ заговорила Фрося.— Я бывала бѣдна, очень бѣдна, но я этого не чувствовала. Мы съ братомъ не ссорились, а смѣялись надъ нашей бѣдностью.

— Не сравнивай меня, пожалуйста, со своимъ братомъ!— замѣтилъ онъ раздражительно.

Фрося откинулась на спинку дивана, а Петръ Ивановичъ молча пилъ свой кофе большими глотками. Потомъ онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

«Вотъ и исторія!»—думала она, глядя ему вслѣдъ.

У нея не было ни отца, ни матери; у нея былъ только братъ, котораго она страстно любила. Какъ могло случиться, что эти двое людей, которые были ей такъ дороги, ненавидѣли другъ друга? А между тѣмъ это былъ фактъ, который не составлялъ для нея тайны. Она уживалась съ нимъ, зная прекрасно, что именно она-то и была причиной дурныхъ отношеній между ними, и до сегодняшняго дня сознаніе это было единственнымъ темнымъ облакомъ на свѣтломъ горизонтѣ ея счастья; но въ ней жила увѣренность, что отношенія эти измѣнятся, какъ только они узнаютъ другъ друга, и онъ, ея братъ, убѣдится, что она счастлива. Конечно, пасмурная погода виновата въ томъ, что онъ не въ духѣ. Только зачѣмъ онъ на нее сердится! Она не можетъ платить ему тѣмъ же,—она не можетъ даже заставить себя сердиться на человѣка, котораго любитъ и которому вѣритъ.

Какая-то невѣроятная усталость чувствовалась ею во всемъ тѣлѣ. Они ѣхали двое сутокъ и эту послѣднюю ночь совсѣмъ не спали: было такъ холодно; имъ безпрестанно приходилось мѣнять вагоны, баварскіе кондуктора грубы и не поддаются даже на взятки.

Она подошла къ окну, открыла его, сѣла на широкій подоконникъ и стала смотрѣть внизъ. Посреди площади, противъ оконъ, возвышалась колонна; ея фантастическіе барельефы, освѣщенные мерцающимъ свѣтомъ фонарей, загадочно рисовались на

темномъ фонѣ ночи. На противоположной сторонѣ виднѣлись широкія окна кофейной, залитыя яркимъ свѣтомъ, и мокрая мостовая отражала ихъ въ себѣ, точно кофейная продолжалась на улицу или улица входила въ нее.

Съ тѣхъ поръ, какъ за молодою женщиной захлопнулась дверца вагона въ Петербургѣ, это былъ первый вечеръ, что она оставалась одна, обуреваемая какими-то смутными, неуловимыми, но все же непріятными чувствами. Сырость отъ падающаго дождя коснулась ея обонянія, и она вспомнила Петербургъ, своего брата, своихъ пріятелей съ такой поразительной ясностью, на какую способно только сердце, удаленное отъ близкихъ, дорогихъ людей. На мгновенье она совершенно забылась.

— Kann ich gnädige Frau alles weg nehmen! — раздался за ней голосъ.

Фрося обернулась. Передъ ней стоялъ кельнеръ. Ей надо было отвѣчать по-нѣмецки, и затрудненіе, съ какимъ она произнесла фразу, тотчасъ напомнило ей, что она чужая въ городѣ.

Петръ Ивановичъ не возвращался еще.

Фрося подошла къ дивану и въ изнеможеніи опустилась на него. Свѣтъ отъ фонарей, освѣщавшихъ колонну, рисовалъ на противоположной стѣнѣ узоры колеблющейся отъ вѣтра ажурной занавѣски: они то двигались, расплываясь, то замирали безъ движенія. Подобно имъ и мысли Фроси переходили съ предмета на предметъ, но, покорныя недавно пережитому счастью, онѣ безпрестанно рисовали ей картину путешествія изъ Петербурга на Женевское озеро. Неужели это она, Фрося, была такъ счастлива и видѣла такъ много прекраснаго? Неужели это она?

Вотъ передъ нею разстилаются необозримыя болотистыя равнины, покрытыя то льдомъ, то снѣгомъ. Сѣрый тусклый день окуталъ тонкіе остатки вырубленнаго лѣса и маленькія, черныя избы; онѣ уныло смотрятъ на проѣзжающихъ. Какое-то щемящее чувство непреодолимой тоски охватываетъ при видѣ этихъ печальныхъ равнинъ, точно туманъ, покрывающій ихъ, нависъ надъ всѣми вашими помыслами и заслонилъ всѣ ваши надежды; вы мало-помалу начинаете чувствовать себя безпомощною частицей этого неизмѣримаго болота. Неужели-жь вамъ никогда не вынырнуть изъ него?

Но вотъ природа постепенно мѣняется. Снѣга совсѣмъ нѣтъ. Весна даетъ себя чувствовать и въ крикѣ птицъ, и въ мягкой, нѣжной, чуть пробивающейся зелени, которая подобно мху лѣ-

нится по отлогостямъ холмовъ, обращенныхъ на югъ. Ландшафтъ безпрестанно мѣняется: вотъ долина, усѣянная избами, вотъ холмы, покрытые густымъ лѣсомъ, а вотъ и единственный въ то время тоннель въ Россіи, который сдѣланъ былъ на утѣху проѣзжающей публики; вотъ старый городъ съ узкими улицами: это—древняя столица Литвы; изъ вагона видна зубчатая верхушка Остробрамы.

Темнѣетъ. Входитъ чиновникъ и отбираетъ паспорты. Они подъѣхали къ Вержболову. Ихъ заперли въ вагонахъ и у дверей стали жандармы съ обнаженными шашками.

Что такое? Что случилось?—испуганно спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Кто-то бѣжалъ изъ Россіи, кого-то ищутъ.

Вошли жандармы и стали сурово спрашивать у каждаго его фамилію. Фрося замѣтила, что не только она, но многіе не сразу могли сказать свое имя. Жандармы удалились, и всѣ тревожно переглянулись. Со всѣхъ сторонъ слышатся вопросы: «Гдѣ онъ? Кто онъ? Нашли ли?... Нѣтъ, видно раньше проскользнулъ».

Какой-то господинъ, стоя у окна, вздохнулъ и перекрестился.

Конецъ роднымъ картинамъ!

Эйдкунены. Высокая темная зала со сводами. Петръ Ивановичъ ушелъ мѣнять деньги. Фрося была единственная женщина, переѣхавшая въ этотъ день границу. Она сидитъ одна. Противъ нея нѣмецкіе офицеры пьютъ пиво изъ большихъ высокихъ кружекъ.

Вдругъ раздалось: «Вивать, вивать!» Какого-то господина ведутъ подъ руки, множество кружекъ поднялось вверхъ, и пиво плещетъ черезъ ихъ края. Фрося съ любопытствомъ подходитъ ближе.

Виновникъ торжества былъ берлинскій студентъ, пріѣхавшій повидаться съ родными, и его за непрописку паспорта въ Петербургѣ задержали на границѣ. Онъ почти не говорилъ по-русски. «Verfluchtes Russband! Verfluchtes slavisches Land!»—кричалъ онъ, потрясая кулакомъ въ воздухѣ. «Hoch, hoch!—раздается со всѣхъ сторонъ.—Вивать, вивать!»

Одинъ изъ нихъ бросилъ кружку на полъ и при взрывѣ общаго восторга съ остервенѣніемъ сталъ топтать ее ногами. У Фроси мурашки забѣгали по спинѣ при видѣ этого нѣмецкаго ликованья.

Какъ жаль, что они переѣхали границу ночью! Ей думается, что потому-то не находитъ она въ душѣ своей отголоска

тѣхъ восторговъ, какимъ она предавалась въ Петербургѣ при одной только мысли о своей поѣздкѣ. Но сонъ насильно закрываетъ ей глаза.

«Кёнигсбергъ!»—прокричалъ кондукторъ. Фрося проснулась и всматривается въ этотъ первый чужой городъ, но, кромѣ станціи, ничего не видитъ. Еще очень рано, и густой туманъ повисъ надъ окрестностью. Дальше Фрося жадно смотритъ на прусскую землю: какъ она желта, глиниста и однообразна. Да почему пруссаки теперь такъ сильны, если у нихъ земля сѣрая, а природа жалкая и даже убогая? Этотъ вопросъ невольно возникъ въ ея душѣ; и, какъ бы въ отвѣтъ на него, раздается: «Виватъ, виватъ!» Съ ними ѣдетъ прусскій генералъ и кажется ей, что и желѣзная дорога, и станція, и даже сама Пруссія—все это создано для него. Какъ только длинная, остроносая фигура его показывалась на платформѣ, всѣ бѣжали и кричали: «Виватъ, виватъ!» Въ Крейцѣ его встрѣтилъ цѣлый полкъ драгунъ; окна дрожали отъ ихъ оглушительныхъ возгласовъ.

А вотъ и Берлинъ, который прежде, по выраженію Гейне, былъ только мѣстомъ для города; однако съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ началъ отливать свинцовыя голушки, а вся Европа съ напряженіемъ слѣдитъ, кто ими подавится, Берлинъ несомнѣнно сталъ городомъ. Интересно знать, подавится ли когда-нибудь Бисмаркъ и чѣмъ именно?

Они ночевали въ старой, узкой улицѣ противъ заброшеннаго монастыря. Въ гостиницѣ было такъ холодно, что только любовь могла согрѣть ихъ. Рано утромъ они спѣшатъ на дебаркадеръ, чтобъ ѣхать во Франкфуртъ.

О, чудное время! О, дивныя мѣста!... Фрося впивается глазами въ эти горы, въ эти развалины замковъ на горахъ. Никакая картина, никакое описаніе не можетъ дать понятія объ этихъ мѣстахъ. Съ одной стороны Рейнская долина, вся зеленая, цвѣтущая, гдѣ человѣческія жилища тонутъ въ роскошныхъ садахъ и виноградникахъ, безконечно тянется по правую сторону дороги и тамъ, далеко, сливается съ голубымъ горизонтомъ. Налѣво видъ безпрестанно мѣняется: вотъ городъ съ красивыми остроконечными крышами, а вотъ три горы и на вершинѣ каждой изъ нихъ развалины древнихъ замковъ.

Отсюда хищные бароны властвовали надъ народомъ. Спускаясь внизъ изъ своихъ замковъ, они наводили ужасъ на до-

лины. Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ, неумолимое время засыпало рвы, народъ засадилъ неприступныя горы виноградниками. Нѣмецкіе поэты воспѣли любовь и свободу въ самыхъ чудныхъ, сладкихъ стихахъ, а широкій полукафтанъ, длинныя кудри и черная шляпа съ перомъ обольщали не только Гретхенъ, но даже и баронессъ. Почему, однако, бритыя баронскія головы такъ страстно лѣзутъ подъ желѣзную шапку? Почему для нихъ громъ пушекъ пріятнѣе музыки Бетховена?—Это видъ развалинъ поддерживаетъ въ нихъ воинственный духъ... Нѣтъ, нѣтъ, нужно срыть ихъ до основанія, а то поэты начнутъ воспѣвать кривыя ноги кавалериста и статую Гёте придется одѣть въ военный мундиръ.

Розовыя, прозрачныя облака ходили въ этотъ день по небу. Какъ живо она помнитъ однѣ развалины, гдѣ солнце, ворвавшись въ полуразвалившуюся башню, освѣтило ихъ такимъ яркимъ заревомъ, что это былъ точно пожаръ безъ дыма и пламени. И эти горы, эти замки, эта роскошная Рейнская долина—все проносится, какъ дивный сонъ, подъ сладкій шепотъ любви.

Поѣздъ мчится, какъ стрѣла. Она до того жадно смотрѣла изъ окна вагона, что у нея голова закружилась отъ усталости. И теперь передъ ея умственнымъ взоромъ проносится еще разъ эта чудная картина.

Во Франкфуртѣ они ѣдутъ осматривать Жидовскую улицу. Вѣка столпились на ней и угрюмо смотрятъ съ узкихъ, потемнѣвшихъ зданій. Они тѣсно прижались другъ къ другу; здѣсь прятались такъ же тѣсно сомкнутые, вѣками гонимые сыны Израиля, безъ связи съ настоящимъ, съ проклятымъ прошедшимъ, одушевленные однимъ страстнымъ желаніемъ вырвать у будущаго право на существованіе. Думали ли они тогда, что потомки ихъ такъ тѣсно сомкнутся съ гонителями подъ однимъ непобѣдимымъ знаменемъ: «биржа, спекуляція?» А здѣсь все говоритъ о ихъ прежней жизни: все бѣдно, все печально! Вонъ на стѣнѣ одного дома въ видѣ барельефа изображена цапля: она склонила голову и приподняла одну изъ своихъ длинныхъ лапъ; никогда свѣтъ не видывалъ болѣе печальной птицы. Это умоляющій еврей передъ средневѣковымъ судилищемъ.

Этажи нависаютъ одинъ надъ другимъ. Она съ трепетнымъ недоумѣніемъ смотритъ на эту старину, и чудится ей, что эти хмурыя верхушки рухнутъ когда-нибудь и погребутъ подъ своими развалинами такихъ праздныхъ зѣвакъ, какъ они. Скорѣй, сно-

рей отеля,—туда, гдѣ новый городъ разбѣжался во всѣ стороны отъ старыхъ воротъ, которыя одиноко стоятъ теперь. Валы снесены и на мѣстѣ ихъ воздвигнуты прекрасныя зданія, а дикій, вѣчно юный, вѣчно зеленый виноградъ непроницаемою чашей прикрылъ эту сѣдую старую дверь.

Майнъ все такъ же покоится въ гранитныхъ берегахъ, все то же свѣтитъ солнце, но Франкфуртъ уже не тотъ—не вольный городъ свободной Германіи! Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились, они видѣли Пруссію: она предоставила бочку Данаидъ, куда старикъ Франкфуртъ, тряся головой, вмѣстѣ съ Германіей несъ свои сокровища.

За Франкфуртомъ природа разнообразна и капризна. Поѣздъ мчится. Жадные взоры путешественниковъ перебѣгаютъ съ одной стороны на другую. Картины быстро мѣняются; вдали—то справа, то слѣва—виднѣются горы.

Солнце садится.

— Рейнъ!—закричалъ кто-то и всѣ бросились къ окнамъ.

Съ одной стороны отвѣсная крутизна, а съ другой, внизу, далеко сверкающая полоска воды, освѣщенная пурпурными лучами заходящаго солнца.

Въ Базелѣ Рейнъ шумно катится въ каменныхъ берегахъ; онъ ежеминутно напоминаетъ о своей силѣ и быстротѣ; онъ боится, чтобъ его не прогнали изъ этого города, гдѣ каждая пядь земли цѣнится на вѣсъ золота и гдѣ дома, подобно вавилонской башнѣ, стремятся къ небу. Здѣсь давно произошло смѣшеніе языковъ, но ни одна башня не рухнула. За Базелемъ горы тѣснились со всѣхъ сторонъ; онѣ то какъ будто приближались, то убѣгали и точно громоздились одна на другую, «чтобъ увидать, какъ мы счастливы», говорилъ ей Петръ Ивановичъ.

Весь этотъ день Фрося находилась въ сильномъ возбужденіи; она ожидала чего-то удивительнаго и безпрестанно испытывала то сильную радость, то какой-то неизъяснимый страхъ.

Начались тоннели. Передъ послѣднимъ изъ нихъ въ вагонахъ зажгли огонь, и, когда поѣздъ вылетѣлъ изъ мрака насильственной ночи, она вскрикнула и закрыла глаза. Это было дѣйствительно грандіозное зрѣлище: они находились высоко надъ землей; къ югу вершины Савойскихъ горъ, покрытыя снѣгомъ, отливали всѣми цвѣтами радуги; внизу узкою полосой сверкало Женевское озеро; Dent du Midi, высоко поднявъ свою голову, вѣчно закутанную бѣлымъ покрываломъ, замыкалъ на востокѣ

сжатый горизонтъ; а на западѣ, гдѣ заходящее солнце разсыпало свои лучи по снѣжнымъ верхушкамъ, нельзя было ничего разсмотрѣть: тамъ стояли огненные столбы и мириады искръ вертѣлись и кружились въ нихъ.

Они медленно спускались внизъ и наконецъ поѣхали по берегу Женевскаго озера. Ночь сгущалась. Вершины горъ точно сомкнулись надъ ихъ головами. Когда поѣздъ останавливался и оглушительный стукъ колесъ смолкалъ, какіе-то неясные голоса неслись отовсюду: это было безконечное эхо звуковъ; имъ некуда было уйти и они, чаруя слухъ, нѣжно дрожали въ воздухѣ.

Представьте себѣ молодую, впечатлительную женщину, которая никогда не выѣзжала изъ Петербурга, которая ничего не видѣла, кромѣ кочковатыхъ равнинъ Новгородской губерніи, и вдругъ въ продолженіе четырехъ дней она переносится въ Швейцарію, изъ зимы въ лѣто, отъ убогой природы къ роскошнымъ картинамъ. Здѣсь, на берегу озера, которое точно сжато со всѣхъ сторонъ, она ощутила непреодолимый страхъ: эти горы задавили ее, и, не имѣя силъ справиться съ массой впечатлѣній, нахлынувшихъ на ея молодую душу, она почувствовала тоску. Ночью въ Montreux ей приснились родныя безконечныя равнины, а когда она подбѣжала къ окну и увидала Савойскія горы, то невольно отъ души воскликнула:

— Уѣдемъ, уѣдемъ отсюда!

Но они остались.

Черезъ три недѣли, когда она взошла на Гліонъ и горизонтъ раздвинулся передъ ея восхищеннымъ взоромъ, она поняла, что люди здѣсь, подобно птицамъ, должны были возлюбить свободу и скорѣй умереть, чѣмъ отдать ее.

Спустившись въ подземелье Шильонскаго замка, она могла убѣдиться, какъ чудно описалъ Байронъ видъ съ бойницъ на озеро,—эту воду, которая яркою полосой точно поднимается туда, къ западу, и сливается съ Юрою. Имя Байрона высоко вырѣзано на колоннѣ, у которой каменный полъ вытоптанъ были подъ ногами Бонивара; а выше имени Байрона красуется имя М...ма. Бѣдный М.!.. онъ подоставилъ деревянную лѣстницу и написалъ свое пустое имя выше имени Байрона. Онъ уподобился тому пауку, который орломъ былъ занесенъ на вершину горы. И не нужно порыва вѣтра, чтобы сдуть его,—тряпка его сниметъ!.. Путешественники хохотали, а провожатый увѣрялъ всѣхъ, что

это имя написалъ русскій. Неизвѣстно, былъ ли то русскій, но несомнѣнно, что то былъ малкій человѣкъ.

Два мѣсяца въ Montreux прошли какъ сладкій сонъ. Любовь и удивленіе Фроси къ Петру Ивановичу не только не уменьшились, но, напротивъ, еще болѣе усилились. Они были неразлучны. Онъ познакомилъ ее съ исторіей Швейцаріи; онъ такъ много говорилъ и ей такъ сладко было слушать его.

Когда они сѣли въ вагонъ, чтобъ ѣхать въ Вѣну, Петръ Ивановичъ торжественно произнесъ:

— Теперь праздникъ кончился, и мы примемся за работу.

Фрося не испугалась этихъ словъ: праздникъ ли, работа ли — все ей улыбалось вмѣстѣ съ нимъ, все должно было быть прекрасно. Она написала нѣсколько писемъ въ Петербургъ, гдѣ безсвязно описывала природу и на каждой страницѣ прибавляла: «Я счастлива, счастлива, счастлива!» Въ этотъ короткій промежутокъ времени они не успѣли задать другъ другу никакихъ серьезныхъ вопросъ: Онъ считалъ себя призваннымъ совершать великія дѣла, и она, конечно, не сомнѣвалась въ этомъ.

Въ Цюрихѣ, гдѣ они остановились на нѣсколько часовъ, былъ купленъ дождевой плащъ и возложенъ ей на плечи. Этотъ первый подарокъ роковымъ образомъ нарушилъ гармонію ея отношеній къ Петру Ивановичу.

Порывъ вѣтра вздулъ занавѣску, тѣни на стѣнѣ затрепетали, задвигались и приняли самыя фантастическія очертанія. Мысли Фроси закружились и потеряли всякую связь. Въ ушахъ ея поднялся шумъ и звонъ. Она въ горахъ. Громъ и молнія. Dent du Midi заначалъ своею верхушкой,—онъ силился сбросить съ себя сѣрое облако. Это не громъ гремитъ, а Петръ Ивановичъ ссорится съ ея братомъ. Вотъ молнія сверкнула передъ самыми ея глазами. Она съ усиліемъ открываетъ ихъ.

Петръ Ивановичъ нагнулся надъ ней съ лампой въ рукахъ.

— Ты бредила,—сказалъ онъ.

Фрося встала, но голова ея кружилась, и она повалилась на диванъ.

Петръ Ивановичъ засуетился и, сильно встревоженный, помогъ ей раздѣться. Она горѣла, какъ въ огнѣ, и едва могла держать прямо голову.

Призванный докторъ посмотрѣлъ ея горло и объявилъ, что это только маленькая простуда, что назавтра die gnädige Frau будетъ здорова и весела, какъ майскій день.

Майскій день проснулся пасмурнымъ и слезливымъ, когда послѣ трехъ часовъ появилось солнце и заглянуло въ комнату на третьемъ этажѣ, обитательница ея сидѣла задумавшись на диванѣ. Передъ нею лежала почтовая бумага, и она грызла перо. Она хотѣла написать брату что-нибудь такое, что бы навѣки успокоило его.

Но развѣ онъ имѣлъ причину безпокоиться?

Конечно.

II.

Теперь при свѣтѣ дня я постараюсь описать наружность Евфросіи Васильевны. Она была сильная блондинка съ роскошными свѣтлыми волосами, которые, увы, она всегда стригла и только теперь, по просьбѣ мужа, стала отпускать въ косу. У нея были большіе, выразительные глаза неопредѣленнаго цвѣта и черныя, почти сросшіяся, брови. Эти рѣзко очерченныя брови и легкая складка надъ переносицей составляли странный контрастъ съ почти дѣтскимъ очертаніемъ ея губъ и подбородка; но это же придавало особенную прелесть и измѣнчивость ея физіономіи. Когда она закрывала глаза, на ея лицо точно падала тѣнь отъ бровей и рѣсницъ, и въ гимназіи, гдѣ она воспитывалась, дѣти, умѣющія подмѣчать всѣ особенности, говорили въ такихъ случаяхъ, что ея лицо посыпалось пепломъ. Когда же она поднимала глаза, они очаровывали своимъ блескомъ и прелестью выраженія. Ростъ и сложеніе ея не возбуждали никакихъ споровъ и замѣчаній,—они вполнѣ гармонировали съ ея наружностью, съ ея походкой, легкой и граціозной.

Отца она лишилась очень рано; мать умерла, когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, и она осталась на попеченіи своего брата Пимена. Онъ былъ десятью годами старше ея и только-что кончилъ въ то время курсъ въ технологическомъ институтѣ. Послѣдніе три года своего ученья Фрося провела въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ.

Что это стоило ей брату, достаточно сказать, что года два послѣ ея выпуска онъ все еще выплачивалъ долги. Но ему никогда ни на минуту не пришлось пожалѣть объ этомъ: она оказалась прекрасной сестрой, нѣжной и любящей. Горячее чувство взаимной привязанности между этими двумя молодыми людьми воспитало въ нихъ готовность къ жертвамъ и чуткое отношеніе ко всѣмъ своимъ недостаткамъ. Каждый изъ нихъ старался не

оказаться ниже того высокаго уваженія, какое они чувствовали другъ къ другу.

Павелъ Васильевичъ былъ сосредоточенъ и молчаливъ. Трудовая жизнь рано наложила на него свою печать. Онъ не искалъ ни съ кѣмъ сближенія, никогда не старался проникнуть въ чужую душу, не напрашивался на довѣріе; онъ жилъ своей собственной жизнью, понять которую никого не зналъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка физически сильнаго, но не умнаго и даже грубоватаго. Когда онъ надѣвалъ свою рабочую кожанную куртку, его легко было принять за простого работника, и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ сестры своей: ее нельзя было смѣшать съ толпой. Легкая, гибкая, нѣсколько застѣнчивая, она съ первыхъ минутъ знакомства уже заставляла чувствовать присутствіе той женственной нѣжности и почти дѣтскаго довѣрія къ людямъ, которое такъ чаруетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ часто заставляетъ страдать обладательницъ этихъ свойствъ. Ее считали умной дѣвушкой, но наивной. Наивностью находили въ ней способность все идеализировать и самые обыкновенные поступки объяснять необыкновенными причинами, конечно, всегда хорошими. Въ ней жило какое-то безпокойное стремленіе къ совершенствованію и постоянное недовольство собою, вслѣдствіе чего всѣ, окружающіе ее, казались ей гораздо лучше, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Еще въ гимназіи, гдѣ она училась серьезно и старательно, она пріобрѣла фанатическую вѣру въ то, что образованіе ведетъ къ совершенству и что если наука сама по себѣ высока и священна, то всякій жрецъ науки стоитъ уже на извѣстной высотѣ и имѣетъ право на особенныя почести и уваженіе.

Въ то время еще не было высшихъ курсовъ, и дѣвушка не могла воочію убѣдиться, какъ мало величія у большинства официальныхъ представителей науки. Этой вѣры еще ничто не поколебало въ ней въ то время, когда она въ первый разъ встрѣтилась съ Петромъ Ивановичемъ. Это случилось въ одномъ домѣ, гдѣ она часто бывала, потому что сдружилась въ гимназіи съ дочерью хозяина. Еще до знакомства съ нимъ ей уже говорили о Петрѣ Ивановичѣ, какъ о человѣкѣ очень образованномъ. Онъ былъ магистръ, пріѣхавшій въ Петербургъ защищать докторскую диссертацію.

Въ ту пору, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, русское общество далеко не представляло тѣхъ рѣзкихъ разграниченій,

которымъ оно подверглось въ позднѣйшее время. Можно было встрѣтить людей уважающихъ другъ друга съ совершенно различными политическими мнѣніями. Съ положительностью можно сказать, что все тогдашнее общество, въ которомъ еще не умеръ пылъ первыхъ преобразованій, вѣрило въ свои силы, въ свою коллективную честность, въ свое презрѣніе къ нечистымъ способамъ наживы и подсиживанію другъ друга. Конечно, и тогда уже намѣчались тѣ характерныя черты, которыя потомъ раздѣлили общество на двѣ половины: одна—честная, трудолюбивая, проникнутая серьезною любовью къ обществу и его интересамъ, другая—развращенная, хищная, сильная своей многочисленностью, а главное—своей беззастѣнчивостью въ выборѣ средствъ для побѣды надъ противниками. Это роковое недоумѣніе образовало цѣлую пропасть, гдѣ тонетъ все, что дорого для каждаго культурнаго русскаго человѣка, глядя въ которую, чувствуешь невыразимый ужасъ и свое полное безсиліе засыпать эту пропасть, или перекинуть черезъ нее мостъ.

Фрося не имѣла еще ровно никакихъ установившихся убѣжденій. Для нея Петръ Ивановичъ явился жрецомъ науки, молодымъ, блестящимъ, красивымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что раньше, чѣмъ она его узнала близко, она уже смотрѣла на него съ благоговѣніемъ и страхомъ. Да и почему ему было и не быть тѣмъ Моисеемъ, который долженъ вести ее въ обѣтованную землю знаній и совершенствованія: она никогда не смотрѣла на жизнь какъ на арену только однихъ удовольствій и наслажденій.

Все способствовало къ укрѣпленію въ ней высокаго мнѣнія о Петрѣ Ивановичѣ. Въ домѣ, гдѣ она часто встрѣчала его, всѣ, начиная съ хозяина, были отъ него въ восторгѣ и считали чуть ли не геніемъ. Даже Пименъ нашелъ его умнымъ и пріятнымъ человѣкомъ. Нельзя было не поддаться этому общему настроенію, тѣмъ болѣе, что Петра Ивановича окружалъ ореолъ особенной таинственности. О немъ говорили какъ о человѣкѣ, который никогда не женится; онъ самъ о себѣ туманно выражался, что никогда не свяжетъ ни съ кѣмъ своей трудовой жизни. Ну, развѣ это не заманчиво для горячей женской головы? А воображеніе у Фроси было самое пылкое; она безпрестанно забѣгала впередъ во всѣхъ своихъ предположеніяхъ. Все таинственное и непонятное возбуждало въ ней какой-то священный трепетъ. Когда въ дѣтствѣ нянька разсказала ей о Страшномъ Су-

дѣ, то Богъ представлялся ей такимъ неумолимымъ и страшнымъ, что она почувствовала себя великой грѣшницей. Она боялась войти въ церковь,—ей все представлялось, что правосудіе небесное должно разразиться надъ ней; она горячо отмаливала всѣ свои грѣхи и преступленія. Въ двѣнадцать лѣтъ ее первый разъ повели смотрѣть восковыя фигуры. Вошедши въ залу, гдѣ помѣщались статуи, ей почудилось, что она вступила въ какой-то невѣдомый ей міръ, гдѣ всѣ эти люди живутъ своей собственной жизнью, таинственной и непонятной ей. Она долго не могла уснуть и когда заснула, то ей приснилось, что она сама стоитъ окаменѣлая въ нишѣ.

Вслѣдствіе этой особенности своего характера, она оцѣнивала людей и поступки ихъ съ чисто-субъективной, иногда чересчуръ идеализированной точки зрѣнія: она смотрѣла на все своими внутренними глазами. Сама склонная къ жертвамъ, чего только не воображала она, узнавъ, что Петръ Ивановичъ не можетъ ни на комъ жениться. То думала она, что онъ, защищая какое-нибудь любимое существо, убилъ врага своего и теперь подъ гнетомъ тайны не желаетъ связать свою жизнь съ другою; то онъ посвятилъ свою жизнь на служеніе обществу; то влюбился онъ въ науку до того, что не хочетъ связать себя съ женщиной. Сначала въ ея мысляхъ Петръ Ивановичъ всегда былъ одинъ, но потомъ мало-помалу, совершенно незамѣтно для самой себя, она уже не могла думать о немъ иначе, какъ въ связи со своей собственной особой. Малѣйшее облачко на челѣ его заставляло ее задумываться.

Когда онъ явился къ ней просить благословенія для защиты диссертаціи, она преисполнилась гордостью и хотѣла, во что бы то ни стало, идти съ нимъ вмѣстѣ, чтобы первой его поздравить, но Петръ Ивановичъ не позволилъ ей этого сдѣлать.

Она осталась и ждала его, какъ побѣдителя; но вечеромъ того же дня онъ явился блѣдный, взволнованный и началъ громить университетъ.

— Это ничтожная корпорація оффиціальныхъ юристовъ!— говорилъ онъ.—Вмѣсто того, чтобъ идти на встрѣчу человѣку съ живыми мыслями, она готова собственноручно задушить его!... Я могу перенести,—восклицалъ онъ,—всякое горе, всякій ударъ судьбы, если его мнѣ не причинили люди вслѣдствіе злобы и зависти, вслѣдствіе тупоголоваго невѣжества!... Вы видите передъ собой человѣка несчастнаго, но несчастнаго не отъ соб-

ственной слабости, а потому, что онъ дерзнулъ поднять завѣсу и освѣтить тотъ мракъ, откуда вышли всѣ эти корифеи, всѣ эти цѣнители. Думаете ли вы, Евфросія Васильевна, что можно быть сколько-нибудь выдающимся изъ ряда убогой дѣйствительности и что вамъ не усѣютъ путь терніями?—Никогда, никогда!

Ну, извольте остаться равнодушной къ подобнымъ словамъ и какъ не захотѣть раздѣлить судьбу этого великаго страдальца! Она готова была кинуться передъ нимъ на колѣна и плакать отъ умиленія. А онъ, видя, какое дѣйствіе производятъ слова его, продолжалъ:

— Но мы поборемся,—мы покажемъ, что мы такое! Мы поѣдемъ за границу и напишемъ вотъ эдакую книгу!

Онъ развелъ ладони рукъ вершка на четыре: книга обѣщала быть дѣйствительно объемистой.

— Пусть они закусятъ себѣ языки до крови, тупоголовые зоилы! Вы мнѣ вѣрите?—спросилъ онъ въ заключеніе.

Еще бы она ему не вѣрила, — ему, магистру, который изъ любви къ чему-то не хочетъ даже жениться! Да еслибъ онъ сказалъ, что захватитъ всѣхъ въ свою ладонь, она бы только пожелала сама попасть въ число тѣхъ жалкихъ песчинокъ.

Всю ночь послѣ его ухода она не могла сомкнуть глазъ: сознаніе, что онъ ѣдетъ за границу писать свою книгу, а она остается одна, убивало ее. И наконецъ, когда она совершенно измучилась отъ любви къ нему, онъ объявилъ, что женатъ и не можетъ назвать ее своей женой. Бѣдная дѣвочка! Извѣстіе это не испугало, но, напротивъ, обрадовало ее: она увидѣла, что отъ нея зависитъ облегчить ему бремя его тяжелой жизни, и почти со слезами на глазахъ умоляла его не отталкивать ея, позволить любить себя. И Петръ Ивановичъ позволилъ; но братъ... Ахъ, какой это былъ ужасный день! Они ушли въ кабинетъ, а она осталась въ столовой. Что они тамъ говорили, неизвѣстно, только Пименъ вышелъ блѣдный, съ трясущейся челюстью. Братъ и сестра нѣсколько минутъ молча стояли другъ противъ друга.

— Ну что? — спросила Фрося и голосъ ея дрожалъ, какъ натянутая струна.

— Онъ тебя не любитъ. Онъ отказывается отъ тебя,—промзнесъ Пименъ Васильевичъ.

Фрося протянула руки впередъ. Она хотѣла что-то сказать, зрачки ея расширились, губы поблѣднѣли и она, какъ подкошенный цвѣтокъ, повисла на его рукахъ.

Когда она открыла глаза, то увидала надъ собой испуганныя лица Пимена и Петра Ивановича. Братъ ея тотчасъ ушелъ, а онъ сталъ увѣрять, что съ нимъ обошлись грубо и дерзко, но что теперь онъ никому не отдастъ ея.

Пименъ не оправдывался. Онъ ничего не говорилъ. Она не знала, что произошло между ними, но видимо братъ боялся за нее и не довѣрялъ ему. Ее это ужасно огорчало. Она ни на секунду не раскаявалась, что рѣшилась на такую трудную жизнь, ей только хотѣлось навсегда успокоить брата; и именно теперь, когда Петръ Ивановичъ опять ушелъ куда-то, ни слова ей не сказавши, и когда она сама точно чего-то начинала бояться, ей хотѣлось успокоить брата. Какъ она его любила въ настоящую минуту! Она вынула недавно полученное письмо и поднесла его къ губамъ. Нѣтъ, письма его, какъ ни были они для нея дороги, очень мало удовлетворяли ее,—Пименъ не умѣлъ писать такъ, чтобы письмо отразило его всего. Въ этомъ отношеніи они были необыкновенно похожи другъ на друга: Фрося тоже не умѣла писать. Въ глубинѣ души ея жило что-то такое, чего она никакъ не могла вытащить наружу и передать бумагѣ.

Можетъ-быть этимъ нѣсколько объясняется ея чрезмѣрное восхищеніе Петромъ Ивановичемъ: тотъ говорилъ какъ соловей; нѣсколько писемъ, которыя онъ написалъ ей, представляли его во весь ростъ. Конечно, здѣсь нужно принимать не обыкновенную мѣру, а ту, которая существовала въ воображеніи одного и преданномъ сердцѣ другого.

Пробило четыре часа, когда Петръ Ивановичъ явился. Онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что она до сихъ поръ не обѣдала.

— Что ты дѣлала?—спросилъ онъ.

— Я хотѣла писать брату, но голова у меня трещитъ и я не въ состояніи написать ему такъ, чтобъ это письмо успокоило его окончательно на мой счетъ.

— Я думаю, ему нечего безпокоиться... Разъ ты рѣшилась со мною ѣхать, ты за себя никому не отвѣчаешь.

Онъ пожалъ плечами и отошелъ къ окну.

Фрося съ удивленіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ: о какой отвѣтственности говоритъ онъ? Она положила перо и, откинувшись на спинку кресла, не сводила глазъ съ его фигуры. Петръ Ивановичъ обернулся и поймалъ ея взглядъ:

— Каково тебѣ, Фрося?—спросилъ онъ.

— Мнѣ ничего. А ты, кажется, не въ духѣ?

— Я, дѣйствительно, не ѣмъ думаю,—отвѣчалъ онъ.

— Можно мнѣ узнать причину?

— Если хочешь или, лучше сказать, если можешь меня выслушать, я скажу тебѣ, такъ какъ это болѣе всего тебя касается.

У Фроси забилось сердце и она слегка поблѣднѣла.

Петръ Ивановичъ замѣтилъ это.

— Ты заранѣе пугаешься, моя милочка,—сказалъ онъ, проведя рукою по ея лбу.—Голова твоя такъ горяча, что мнѣ не слѣдовало бы говорить тебѣ объ этомъ сегодня.

— Ахъ, пѣть, пожалуйста, непремѣнно сегодня,—я не могу, не хочу ждать! Я такъ странно настроена. Я точно въ ожиданіи чего-то ужаснаго.

— Не безпокойся, ради Бога, не безпокойся! Все дѣло въ томъ, что я сейчасъ встрѣтилъ нѣсколькихъ моихъ знакомыхъ. У меня съ ними есть дѣла и они будутъ приходить ко мнѣ, а мнѣ не хотѣлось бы ставить тебя въ неловкое положеніе: имъ извѣстна моя печальная обстановка. Если ты будешь здѣсь, со мной, это неизбѣжно поведетъ къ разнымъ двусмысленностямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны тебя касаться.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросила она.

— Я думаю нанять для тебя въ какомъ-нибудь семействѣ комнату. Ты поживешь тамъ одна и потомъ мы опять поселимся вмѣстѣ. Ахъ, милочка, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ непріятно все это и съ какой гордостью я бы представилъ тебя всякому, какъ жену свою!

Этихъ словъ, сказанныхъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ, было достаточно, чтобы всѣ тревожныя ожиданія и опасенія мгновенно рушились. Она увидала, что представляется случай доказать Петру Ивановичу, что она можетъ стать выше всякихъ маленькихъ неудобствъ и что у нея хватитъ мужества перенести даже что-нибудь худшее.

— Ты напрасно такъ сильно безпокоишься о моей репутаціи, другъ мой! Я съумѣю такъ себя поставить, что твои товарищи должны будутъ держать себя въ моемъ присутствіи какъ въ присутствіи всякой благонравной женщины... Право, не стоитъ тратить деньги для того, чтобы гости твои не подумали обо мнѣ чего-нибудь оскорбительнаго. Ужъ если я рѣшилась раздѣлить съ тобою счастье и несчастье, ты напрасно хочешь оберегать меня, какъ неразумнаго ребенка. Право,— съ увлеченіе-

емъ продолжала она, — тѣ женщины, о которыхъ ты мнѣ разсказывалъ и которыя шли за своими мужьями и въ заточеніе, и на смерть, навѣрное отвернулись бы отъ той, которую могутъ смутить такіе пустяки. Я ничего не боюсь, увѣряю тебя. Не думай обо мнѣ дурно!

— О, голубушка, именно потому, что я высокаго о тебѣ мнѣнія, что я такъ сильно люблю тебя и уважаю, я не хочу подвергать тебя разнымъ случайностямъ. Ты такъ молода еще и такъ полна самоотверженности, что я не считаю себя въ правѣ причинять тебѣ огорченія. Твое положеніе очень трудное...

— Но если я не чувствую этой трудности?

— Скажи лучше, что умѣешь съ достоинствомъ переносить, а не сознавать его нельзя.

Фрося задумалась.

— Видишь,—начала она,—я какъ-то не могу понять, почему ты желаешь оградить меня отъ того, чего я совсѣмъ не боюсь? Почему ты хочешь, чтобъ я жила отдѣльно?... Тогда моя жизнь будетъ тяжелѣе теперешней. Самое дорогое для меня — это возможность всегда тебя видѣть и всегда говорить съ тобой. Я легко себѣ представляю, какъ странно я буду себя чувствовать, когда ты станешь приходить ко мнѣ урывками, и я не буду знать, радоваться ли твоему приходу или печалиться, что черезъ нѣсколько часовъ ты уйдешь. Нѣтъ, для меня послѣднее будетъ хуже перваго и потому лучше оставимъ говорить объ этомъ.

Она зажала ему ротъ рукою.

— Я никого и ничего не боюсь, потому что, по моему убѣжденію, я не дѣлаю ничего дурного.

И въ самомъ дѣлѣ, почему ей было не вѣрить, что Петръ Ивановичъ имѣлъ въ виду только одну ее? Она вполнѣ вѣрила ему и чувствовала, что можетъ многое принести ему въ жертву; но въ настоящемъ случаѣ она считала лишнимъ заставлять себя страдать,—кому отъ этого какая польза?... Она поняла и оцѣнила его деликатность,—поняла, какъ тяжело ему было сообщить ей, что имъ нужно разстаться. Но развѣ человѣкъ, такъ много учившійся и съ такими высокими стремленіями, можетъ бояться за себя? — Конечно, нѣтъ. Только такую ничтожную дѣвочку безъ всякихъ знаній можетъ возмущать несправедливость общественнаго мнѣнія. Но она желаетъ быть достойной его и тѣхъ высокихъ цѣлей, къ которымъ онъ стремится.

Она была не мало удивлена, когда Петръ Ивановичъ отвелъ ея руку отъ своихъ губъ и сказалъ:

— Дорогая моя, я вполнѣ тебя понимаю, но есть причины, о которыхъ ты позволишь мнѣ умолчать,—эти причины обязываютъ насъ на время разстаться.

И Фрося умолкла.

Вечеромъ они долго бродили по улицамъ Вѣны. Когда Фрося, по возвращеніи домой, принялась снова за письмо, то она почувствовала, что хотя голова ея освѣжилась послѣ прогулки на свѣжемъ воздухѣ, однако ей было труднѣе прежняго написать брату. Что за таинственныя причины? Почему ей нельзя узнать ихъ? Въ чемъ она можетъ помѣшать ему? Развѣ она не лозинка, укрывшаяся подъ тѣнью дуба?

Фрося сидѣла молча и думала.

Петръ Ивановичъ, ходившій по комнатѣ, вдругъ остановился противъ нея.

— Ты желаешь знать, зачѣмъ намъ нужно на время разстаться?

— Конечно, хочу,—проговорила она съ живостью.

— Здѣсь, въ Вѣнѣ, теперь жена моя. Я бы не желалъ дать ей поводъ уличить меня въ чемъ-нибудь. Ты понимаешь?...

Фрося ничего не поняла. Эта жена его представлялась ея воображенію какимъ-то миѳическимъ чудовищемъ, чѣмъ-то въ родѣ Минотавра. Съ ней нужно было открыто бороться, а никакъ не дѣлать ей уступокъ. Еслибъ она знала, что во всей Вѣнѣ нельзя было отыскать госпожи Соколовой и что Петръ Ивановичъ призвалъ на помощь ея имя, чтобы лучше обставить необходимость поселиться съ ней на разныхъ квартирахъ!...

На другой день онъ опять съ утра скрылся. Въ два часа онъ явился и объявилъ, что комната для нея отыскана. Они наскоро пообѣдали и отправились на ея новую квартиру въ Alsergasse.

Имъ отворила дверь молоденькая, красивая дѣвушка; но, увидавъ ихъ, она вдругъ ахнула, закрыла лицо передникомъ и убѣжала. На смѣну ей явилась женщина въ темномъ платьѣ. У нея были большіе черные глаза и блѣдное лицо. Она молча повела ихъ въ приготовленныя комнаты.

— Это сестра моя,—обратился къ ней Петръ Ивановичъ, когда они переступили порогъ большой комнаты, довольно опрятно меблированной; изъ этой комнаты вела дверь въ небольшую конурку безъ печи, носившую названіе кабинета.

Фрося, не приготовленная къ подобной рекомендаціи, вспыхнула и отвернулась.

Хозяйка отвѣтила что-то и упомянула фамилію «Святекъ».

Петръ Ивановичъ протянулъ Фросѣ руку, поклонился хозяйкѣ и, любезно улыбаясь, скрылся изъ комнаты.

Госпожа Творшекъ пошла провожать его.

Молодая дѣвушка, убѣжавшая при ихъ появленіи, влетѣла въ комнату, встала противъ Фроси, подбоченилась и торжественно проговорила:

— Вы совсѣмъ не похожи на своего брата! Aber gar keine Aenlichkeit!

Фрося покраснѣла до корней волосъ. Она закусила губы и слезы выступили на ея глазахъ.

III.

Петръ Ивановичъ съ юношескою поспѣшностью сбѣжалъ съ лѣстницы въ Alserstrasse, гдѣ осталась его подруга. У него было очень много дѣла и потому онъ могъ позволить себѣ избавиться отъ Фроси на нѣкоторое время,—не торчать же ему вѣчно при ней, да еще въ такомъ глупомъ положеніи, когда никто не можетъ зайти къ нему!

Онъ вспомнилъ, что не сообщилъ ей адреса своей квартиры; а о томъ, что онъ неожиданно отрекомендовалъ ее сестрой, онъ даже и не думалъ: развѣ иначе могло быть? Она по многому должна будетъ привыкать, если рѣшилась раздѣлить судьбу такого удивительнаго, но несчастнаго человѣка. Да, онъ считалъ себя гонимымъ судьбой: онъ могъ по справедливости воскликнуть: «Гдѣ тотъ домъ, въ которомъ я родился?»—и даже болѣе: «Гдѣ тѣ бронзовые амуры, которые поддерживали пологъ надъ моей колыбелью?»—и еще: «Гдѣ моя геніальность?» Но этого послѣдняго вопроса онъ не задавалъ себѣ,—онъ считалъ себя достаточно геніальнымъ.

Когда узнали, что у Ивана Петровича Соколова, предсѣдателя гражданской палаты въ большомъ губернскомъ городѣ, родился сынъ, Петръ Ивановичъ Соколовъ, всѣ поспѣшили въ тотъ же день поздравить дорогого, милаго, гостепріимнаго Ивана Петровича. Подчиненные явились въ полной формѣ. Купцы принесли данніи. Всѣ тяжущіяся стороны вздохнули и перекрестились: если онъ, не имѣя дѣтей, бралъ съ живого и съ мертваго,—что же

будетъ теперь? Гастрономы заранѣе смаковали обѣдъ на предстоящихъ крестинахъ. Крестить долженъ былъ самъ «ихъ превосходительство» губернаторъ съ женой богатаго откупщика.

Старый Соколовъ нѣсколько дней плакалъ отъ умиленія. Отъ перваго брака у него не было дѣтей, а теперь молодая, прекрасная Серафима поднесла ему наслѣдника. «Да какъ страдала, голубушка, какъ страдала!»—всхлипывая, разсказывалъ онъ болѣе важнымъ гостямъ и тутъ же развертывалъ бумагу и показывалъ дарственную запись женѣ на пять сотъ душъ.

Сынъ росъ. Уже съ двухъ лѣтъ онъ былъ геніемъ. Дивлюсь, право, откуда берется у насъ такъ много ординарныхъ и даже пошлыхъ людей, когда съ незапамятныхъ временъ въ каждой культурной русской семьѣ росло по генію, а иногда даже и по два! Можно безъ преувеличенія сказать, что какъ только стало извѣстно слово геній на Руси, ими можно было огородъ городить.

Итакъ, Петръ Ивановичъ росъ геніемъ. Въ три года онъ декламировалъ стихи «Муха»; въ семь лѣтъ онъ получилъ трехъ гувернеровъ, между которыми не было ни одного русскаго; въ восемь лѣтъ его повезли въ Москву показать столицу или, лучше, столицѣ показать его. Тамъ, указывая на памятникъ Минину и Пожарскому, отецъ воскликнулъ:

— Тебѣ тоже воздвигнутъ подобный памятникъ!

Сынъ былъ не прочь отъ этого, — онъ желалъ только, чтобъ его памятникъ былъ весь вылитъ изъ золота. И, должно-быть, отецъ принялъ это желаніе близко къ сердцу и задумалъ воздвигнуть ему на свой счетъ золотую статую, потому что взяточничество его достигло своего полнаго апогея. Стоны и мольбы раздавались ежедневно въ палатѣ, пока, въ одинъ прекрасный день, министръ, вслѣдствіе безчисленнаго множества доносовъ, не удалилъ его. Иванъ Петровичъ, получивъ это роковое извѣстіе, легъ на диванъ, да такъ и не всталъ съ него: онъ былъ тученъ и умеръ отъ удара.

Петру Ивановичу было тогда одиннадцать лѣтъ. Его мать, красивая и еще молодая женщина, завертѣлась въ вихрѣ удовольствій, помѣстила сына въ пансіонъ, а сама уѣхала въ Петербургъ, гдѣ безумно расточала награбленное богатство. Она была полной, безконтрольной попечительницей своего ребенка и такъ усердно опекла его, что послѣдніе годы въ гимназіи мальчикъ жилъ на правахъ репетитора въ пансіонѣ. Сознаніе того, что онъ геній, спасло Петра Ивановича отъ многихъ искушеній. Само-

любію его не было границъ, и онъ учился по ночамъ, чтобы быть первымъ. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ умѣньѣ декламировать и говорить; директоръ называлъ его «нашъ славный витія». Когда онъ узналъ о погибели всего своего достоянія, онъ плакалъ навзрыдъ и возненавидѣлъ мать. Онъ не пошелъ проститься съ нею, даже когда она передъ смертью умоляла его объ этомъ.

Онъ кончилъ гимназію съ первой золотой медалью. Ему ненавистенъ сталъ городъ, гдѣ нѣкогда его родители жили богато и гдѣ онъ остался одинокимъ, безпріютнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ уѣхалъ въ другой университетскій городъ и тамъ поступилъ на филологическій факультетъ. Въ это время онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своей геніальности и мнилъ сдѣлаться поэтомъ. Идеала у него никогда не было, потому что съ самаго юнаго возраста онъ привыкъ восхищаться собой и своими талантами.

Впослѣдствіи, уже на студенческой скамьѣ, онъ безъ малѣйшей борьбы и разочарованій достигъ увѣренности, что все, что бы онъ ни дѣлалъ, прекрасно и что, кромѣ того, онъ, какъ человѣкъ много потерявшій, имѣетъ болѣе другихъ правъ на завоеваніе себѣ самаго высокаго положенія въ свѣтѣ. Жизнь представлялась ему ареной борьбы не изъ-за идей, а только изъ-за личнаго удовлетворенія. Для него одинаково были велики и Вашингтонъ, и Наполеонъ; нѣтъ, Наполеонъ былъ выше, потому что онъ болѣе понималъ честолюбіе въ достиженіи чего-нибудь, чѣмъ въ отреченіи. Отрекаться онъ ни отъ чего никогда не желалъ; и слезы волненія, и стыдъ за самого себя, и стремленіе быть лучше никогда не посѣщали его. Онъ любилъ себя такимъ, каковъ онъ есть, и не сомнѣвался, что жизнь создана для людей подобныхъ ему. Онъ ненавидѣлъ тѣхъ смѣшныхъ субъектовъ, которые никакъ не умѣютъ вколотить себя въ извѣстныя рамки и вѣчно куда-то стремятся и чего-то ищутъ. Онъ всегда опредѣленно зналъ, что ему нужно и, имѣя иногда самыя маленькія побужденія, никогда не переставалъ считать себя большимъ человѣкомъ. Сказать, что центръ міра находился въ немъ самомъ, это—слишкомъ: въ груди его было мало простора, и его маленькое сердце билось своими собственными печалями и радостями. Міръ могъ волноваться, страдать, жить и умирать, а онъ бралъ только то изъ него, что было ему выгодно, что могло удовлетворить его тщеславіе. Онъ ненавидѣлъ мать за потерю состоя-

нія: она помѣшала ему еще въ гимназіи сдѣлаться знаменитымъ, онъ долженъ былъ работать, а работа, какъ извѣстно, убиваетъ геній. Онъ чувствовалъ себя способнымъ мстить ей даже за гробовой доской.

Когда въ пансіонѣ онъ писалъ стихъ къ именинамъ директора, услужливый учитель пѣнія перекладывалъ ихъ на музыку, и, слушая свое творчество, онъ чувствовалъ себя великимъ поэтомъ. Онъ не могъ запретить существовать Байрону и Пушкину, но онъ считалъ себя имъ равнымъ, и кто не восхищался его стихами, того онъ презиралъ. Всѣ восхищались его произведеніями, потому что въ пансіонѣ никто, кромѣ его, и писать не умѣлъ. Его маленькое «я» вѣчно въ немъ скакало, кукурекало и стремилось раздуться изъ лягушки въ вола; въ немъ вѣчно бился непризнанный геній. Что можетъ быть ужаснѣе этого?

Бѣда, если вы человѣкъ нервный, горячій, и вамъ дорого что-нибудь въ этомъ мірѣ: передъ подобными господами вы будете или тупо молчать, или отвѣчать невпопадъ, потому что они оглушительно прогорланятъ надъ самымъ вашимъ ухомъ о своихъ вожделѣніяхъ. И все-то имъ извѣстно, все они знаютъ, все взвѣсили и перечувствовали. Они безъ церемоніи доберутся до самаго больного мѣста въ душѣ вашей и станутъ теребить его своими холодными пальцами. Самая живая въ нихъ струнка—это поклоненіе силѣ, противъ которой нельзя возстать безъ самопожертвованія. Это люди, которые никогда не борются; но если побѣда одержана, они съ ловкостью клоуна могутъ вскочить въ колесницу и беззастѣнчиво направить ее по своему собственному усмотрѣнію. Ничего, что дверь, куда они стремятся, узка и низка,—они обрубаютъ верхъ и постромки и сдѣлаютъ это съ тѣмъ большею легкостью, что вѣдь не они провели ее черезъ всѣ трудности тернистаго пути. Самое сильное чувство, которое они могутъ проявить, это—злоба, которая родилась въ нихъ изъ источника самообожанія; эта злоба жестокая, неумолимая; ее все питаетъ и ничто не можетъ насытить, потому что не во власти человѣка дать другому то, чего въ немъ нѣтъ, влить душу въ пустое пространство, разогрѣть ледъ, зажечь искру Божію, гдѣ ничто не теплится. И всегда кто-нибудь долженъ за это отвѣчать, потому что ихъ маленькое «я» хочетъ быть великимъ, хочетъ силы, ищетъ поклоненій и не можетъ отрѣшиться отъ себя.

Находясь на филологическомъ факультетѣ и видя, что всѣ устремляются на юридическій и медицинскій, Петръ Ивановичъ

возмечталъ, что жертвуетъ собой для блага Россіи, и, конечно, она, эта Россія, должна ему воздать сторицею за всѣ его труды. Онъ носился съ филологіей и до того лѣзъ съ нею въ глаза одному своему товарищу, что тотъ возненавидѣлъ ее и сталъ заниматься медициной. Между тѣмъ самъ онъ сдѣлался филологомъ только изъ-за того, что получилъ стипендію. Петръ Ивановичъ былъ, кромѣ того, человѣкъ съ изящной внѣшностью; это изящество и было причиной его женитьбы.

На третьемъ курсѣ онъ давалъ уроки въ одномъ богатомъ, знатномъ домѣ, и дочь хозяевъ, засидѣвшаяся въ дѣвахъ барышня, обратила на него свои благосклонные взоры. Петръ Ивановичъ, по свойственной ему самонадѣянности, просмотрѣлъ самое главное, а именно, что Полина Ивановна считала его самымъ подходящимъ колпакомъ для избавленія себя отъ докучливой дѣвичьей жизни. Въ городѣ перестали восхищаться ею; хотя она была еще очень хороша, но она присмотрѣлась всѣмъ и не была замужемъ. А главное—она сгорала любовью къ одному важному сановнику, и ей нуженъ былъ мужъ, и этимъ мужемъ сталъ Петръ Ивановичъ. Совершилось все это безъ шума, почти безъ огласки, и ему предложили сдѣлаться сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Петръ Ивановичъ согласился, но съ тѣмъ, что онъ будетъ готовиться по юридическому факультету и выдержитъ впослѣдствіи экзаменъ.

Никто ему не воспрепятствовалъ достигать какой угодно ученой степени, ему только нельзя было оставаться студентомъ; конечно, о гражданскомъ подвигѣ пребывать на филологическомъ факультетѣ не было и помину,—ему представлялась болѣе блестящая перспектива.

Петръ Ивановичъ не былъ влюбленъ въ свою невѣсту. Замѣтивъ расположеніе къ себѣ Полины, онъ взвѣсилъ всѣ выгоды женитьбы на барышнѣ, которая хотя и была много старше его, но имѣла хорошую родню и большое состояніе; а главное—онъ былъ убѣжденъ, что ни одна женщина не можетъ остаться къ нему равнодушной, и дѣйствовалъ вполнѣ разсчетливо. Какъ ни была испорчена его невѣста, но когда послѣ вѣнца дверцы кареты захлопнулись за ними, сердце ея невольно забилось и неиспытанное ею чувство страсти и робости охватило ее, и если-бы Петръ Ивановичъ хотя на время вышелъ изъ состоянія самонаблюденія и не съ достоинствомъ и самонадѣянностью, а со страстью и самозабвеніемъ предъявилъ ей права мужа, мо-

жетъ-быть она-бъ не устояла, и сановникъ, если не навсегда, то на время могъ бы исчезнуть изъ ея помысловъ.

Ничего подобнаго не случилось. Полина, думавшая, что внушила ему серьезную страсть, поняла свою ошибку и возненавидѣла его съ первыхъ дней замужества, какъ человѣка протянувшаго черезъ нее руку къ ея состоянію и положенію въ свѣтѣ. Она сразу поставила его въ невозможное положеніе. Родители ея едва удостоивали его вниманіемъ. Товарищей своихъ онъ не рѣшался принимать иначе, какъ у себя въ кабинетѣ. Нечего перечислять тѣ маленькія непріятности изъ-за разныхъ мелочей, которымъ нѣтъ названій, но которыя тѣмъ несноснѣе, что ихъ нельзя ни предвидѣть, ни предотвратить; не вмѣстѣ взятыя онѣ безпрестанно напоминаютъ человѣку о его ложномъ положеніи. Петръ Ивановичъ силился держать себя съ достоинствомъ; онъ часто протягивалъ руку, и рука оставалась висѣть въ воздухѣ,—ее не пожимали; или небрежно приглашалъ обѣдать кого-нибудь и получалъ въ отвѣтъ насмѣшливую улыбку.

Цѣлый годъ прошелъ для него въ непрестанной борьбѣ безъ взрывовъ отчаянія и злобы. Это была не буря,—для бури не было достаточной глубины,—это было волненіе въ грязной лужѣ, неспособное подвинуть человѣка ни на что рѣшительное, сегодня ухватиться за эфемерное право супруга для того, чтобы завтра увидать его растоптаннымъ ногой чужого. Въ этой лужѣ нужно было или потонуть, или выйти заначканнымъ, но Петръ Ивановичъ все еще колебался. Онъ грозилъ, бѣсновался, плакалъ, просилъ прощенья и до того надоѣлъ женѣ, что она предложила ему деньги съ требованіемъ, чтобъ онъ немедленно уѣхалъ. Петръ Ивановичъ возмутился, но деньги все-таки взялъ и отправился въ другой университетскій городъ.

Тутъ онъ едва съ ума не сошелъ отъ отчаянія, но злоба противъ жены поддержала его. Это было второе несчастье въ его жизни. Ну, развѣ судьба была къ нему благосклонна?

Упорно работая надъ юридическими науками, онъ выщелъ побѣдителемъ изъ своего положенія. Экзаменъ держалъ онъ блистательно, а его кандидатскую диссертацію потомъ, немножечко добавивши и поправивши, засчитали за магистерскую и выбрали доцентомъ. Онъ читалъ лекціи не только за одного, но даже за двухъ профессоровъ, потому что въ русскихъ университетахъ каѳедры часто пустуютъ и послушный доцентъ, подобно тихому теленку, всегда можетъ сосать двухъ матерей.

Сначала все шло прекрасно. Умѣнье говорить гладко и хорошо привлекло въ его аудиторію толпу студентовъ, и въ это время своей популярности одну лекцію онъ началъ словами:

— Мнѣ дорога русская молодежь!

Цѣлый взрывъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на это заявленіе молодого доцента, и казалось, что его послѣдующіе шаги должны были уподобиться шествію тріумфатора; но аудиторія къ концу года стала замѣтно рѣдѣть,—поговаривали, что онъ совсѣмъ не готовится къ лекціямъ, что онъ выѣзжаетъ больше на фразахъ. Студенты раздѣлились на соколистовъ и антисоколистовъ; обращеніе Петра Ивановича съ ними радикально измѣнилось: онъ уже не начиналъ своихъ лекцій словами: «Мнѣ дорога русская молодежь»,—а когда разыгралась студенческая исторія вслѣдствіе тѣхъ вѣчныхъ недоразумѣній, которыя яркою полосой проходятъ черезъ исторію всѣхъ русскихъ университетовъ, Петръ Ивановичъ держалъ себя такъ двусмысленно, что возбудилъ противъ себя и студентовъ, и профессоровъ. Соколисты быстро превратились въ трехъ солистовъ, которые продолжали пѣть ему гимны и приводить на лекціи студентовъ первокурсниковъ, благо что всегда есть такіе, которые присматриваются и прислушиваются, пока рѣшатъ выбрать себѣ подходящій факультетъ. Петръ Ивановичъ чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Въ душу его стала закрадываться нелюбовь къ молодежи. Уязвленное самолюбіе не давало ему покоя.

Подъ вліяніемъ всего этого онъ задумалъ написать грандіозную диссертацію. Она должна была называться «основы государственности». Въ ней онъ силился доказать необходимость строжайшаго отношенія къ молодежи, и, дѣлая логическіе выводы изъ его посылокъ, можно было придти къ блистательному выводу, что молодежь слѣдуетъ держать чуть ли не въ желѣзныхъ клѣткахъ. Но вѣдь это была не юридическая диссертація?—Вѣрно; но развѣ Петръ Ивановичъ былъ простой юристъ?—Онъ былъ юристъ, подбитый классическимъ образованіемъ. Онъ говорилъ, что прошелъ основательно два факультета и потому могъ черпать свѣдѣнія для подтвержденія своихъ доводовъ изъ двухъ различныхъ міровъ. Не въ его характерѣ было рыться и копаться въ источникахъ,—онъ считалъ себя призваннымъ освѣтить сферу интересовъ болѣе близкихъ къ новѣйшему времени, сферу болѣе жизненную, затрогивающую самыя насущныя потребности общества и гдѣ болѣе пытливый и дальновидный умъ

могъ открыть комбинацію, долженствующія принесть въ будущемъ обновленіе. Если при началѣ своей профессорской дѣятельности онъ мечталъ быть кумиромъ молодежи, то теперь мысли его парили гораздо выше. Иногда онъ видѣлъ себя во главѣ людей, стоящихъ несравненно выше тѣхъ жалкихъ профессоровъ, которые дерзали игнорировать его. Диссертація его принадлежала всѣмъ факультетамъ; она должна была возвѣстить міру еще неслыханныя вещи; она могла сдѣлать переворотъ въ умахъ людей, власть имѣющихъ.

Одно только смущало его: гдѣ ему защищать свою диссертацію? Университетъ, пріютившій его, въ послѣднее время сталъ на него коситься: здѣсь не было надежды на успѣхъ, ему оставалось мало выбора. Онъ былъ въ двухъ провинціальныхъ святилищахъ науки, въ третій не хотѣлъ ѣхать,—тотъ находился въ его родномъ городѣ. Однако изъ этого роднаго города пришла ему помощь. Разоренное состояніе отца его попало въ конкурсъ и послѣ того, какъ уже многіе успѣли обогатиться имъ, два члена конкурса поссорились, вслѣдствіе чего нужно было вспомнить о наслѣдникѣ и прислать ему три тысячи, сохранившіяся отъ расхищенія. Петръ Ивановичъ, несказанно обрадованный, уѣхалъ въ Петербургъ защищать диссертацію.

Профессора петербургскаго юридическаго факультета пришли въ великое недоумѣніе, прочитавши этотъ удивительный трудъ. Многіе утверждали, что это даже не диссертація, а скорѣе журнальная статья съ претензіей на ученую подкладку. Голоса раздѣлились, и Петръ Ивановичъ былъ допущенъ къ защитѣ; но, взошедши на каѳедру, онъ выказалъ столько же наглости, сколько невѣжества. Профессора увидѣли, что это та бодливая корова, которая, къ счастью, не имѣетъ еще рогъ; но онъ подавалъ всѣ надежды пріобрѣсть ихъ, и если ужь суждено этому случиться, то пусть профессора не приложатъ къ этому рукъ своихъ. И ему не дали докторской степени.

Мы знаемъ, какъ принялъ это Петръ Ивановичъ и какъ эта неудача послужила только къ увеличенію въ душѣ Фроси благоговѣйнаго удивленія къ нему.

Но каковы были его отношенія къ Фросѣ и вообще къ женщинѣ? Онъ, подобно большинству мужчинъ, никогда серьезно не задумывался надъ другой половиной рода человѣческаго. Если онъ встрѣчалъ двухъ грязныхъ субъектовъ: мужчину и женщину, то послѣдняя возбуждала въ немъ гораздо больше отвращенія,

чѣмъ первый. Его взглядъ на женщинъ можно было формулировать приблизительно слѣдующими ходячими фразами: женщина должна смягчать, одушевлять, влiять на мужчину посредствомъ душевныхъ силъ. Какого рода эти душевныя силы, откуда она должна черпать ихъ, онъ никогда объ этомъ не думалъ; одно ему было ясно, что эти душевныя силы были что-то особое отъ ума и образованія, точно душа существуетъ сама по себѣ, и одной половинѣ рода человѣческаго суждено развить умъ и голову, а другой — душу. И мужчины всегда въ правѣ располагать этой женскою душой по своему произволу... Отдѣливъ душу отъ головы, ее трудно подвергнуть правильному, систематическому анализу, и въ опредѣленіи свойствъ ея каждый мужчина дѣлаетъ такія произвольныя умозаключенія, что можно прослѣдить душу въ коротенькихъ юнкахъ и обтянутыхъ трико ножкахъ канканерки и въ жизни самоотверженной матери семейства. Выходитъ на повѣрку, что по понятіямъ одного—есть душа, а по понятіямъ другого—совсѣмъ бездушіе, и такъ далѣе до безконечности; и что хотя въ принципѣ душа и признается чѣмъ-то болѣе высокимъ и прекраснымъ, но на практикѣ всѣ эти высшія свойства должны иногда подчиняться самой грубой физической силѣ, и надъ бѣдными женщинами издавна тяготѣетъ желѣзный законъ, по которому всѣ ихъ будто бы высокія свойства вполнѣ подчиняются силѣ лицемѣрнаго послушанія и самаго рабскаго страха передъ мужчинами. И душа мгновенно низводится въ прахъ, если женщина преступитъ хоть одну изъ безчисленнаго множества заповѣдей, начертанныхъ на скрижаляхъ завѣта, дарованныхъ ей сильными. Было бы странно думать, что существуютъ одинаковые законы и приличія для всѣхъ людей. Законъ — вещь крайне эластичная, и если одна половина людей пишетъ законы для другой, то тѣмъ несчастнымъ, для которыхъ они пишутся, приходится выносить на своей спинѣ не только свои, но и пороки пишущихъ.

Петръ Ивановичъ думалъ, что хорошо знаетъ женщинъ. Онъ дѣлилъ ихъ на четыре разряда: на свѣтскихъ, къ которымъ принадлежали двѣ ненавистныя ему тигрицы, мать и жена; второй разрядъ—провинціальныя кисейныя барышни, которыя вѣчно хихикаютъ, садятся по нѣсколько штукъ въ одно кресло и часто цѣлуютъ другъ друга за неимѣніемъ мужчинъ; третій разрядъ — нигилистки: этихъ онъ зналъ больше изъ романовъ; наконецъ, женщины полусвѣта, которыхъ онъ презиралъ,

потому что потерялъ состояніе, а его лично онѣ не могли оцѣнить.

Фрося съ перваго же знакомства озадачила и сбила его съ толку: она не подошла ни подъ одинъ изъ этихъ типовъ, и онъ передъ ней невольно задумался. Было что-то чарующее въ ея неподдѣльной простотѣ и той твердости, съ какой она отстаивала свои симпатіи. Сначала ему захотѣлось только узнать ее, а потомъ онъ почувствовалъ страстное желаніе овладѣть этой дѣвственной натурой, добиться любви ея. Хотя онъ чувствовалъ, что для этого ему слѣдуетъ держаться на извѣстной высотѣ, но развѣ онъ былъ не достаточно высокъ? Она отдавала ему только должное, и притомъ какая другая женщина подходила больше ея къ его несчастному положенію: она была молода, неопытна и способна на самоотверженную любовь. Петръ Ивановичъ это прекрасно чувствовалъ. Конечно, не будь онъ женатъ, сталъ бы онъ обращать вниманіе на женщинъ, подобныхъ Фросѣ! Для него были открыты двери болѣе фешенебельныхъ гостиныхъ, чѣмъ гостиная Пимена. Но онъ былъ женатъ, онъ жаждалъ болѣе человѣческихъ отношеній къ женщинѣ, онъ зналъ, гдѣ нужно искать такую, которая съумѣетъ пойти за нимъ, несмотря на его женитьбу, и нашелъ. Пимена, до послѣдняго столкновенія съ нимъ, онъ считалъ человѣкомъ ограниченнымъ и потому игнорировалъ его,—съ этой стороны онъ не боялся помѣхи,—и хотя Фрося представлялась ему женщиной, въ душѣ которой онъ могъ твердою рукой начертить всѣ свои взгляды и убѣжденія, онъ трусливо откладывалъ признаніе въ своей женитьбѣ. Сознательно увлекая ее, ему и въ голову не приходило, что онъ, какъ хищникъ, подстерегалъ дѣвочку, заранѣе зная, что сладость побѣды достанется только ему одному. Но вѣдь ему предстояла поѣздка за границу, слѣдовательно на время они спрячутся, а о дальнѣйшемъ что заботиться? Если какое сомнѣніе и закрадывалось ему въ душу, онъ эгоистично прогонялъ его, вооружаясь различными оправданіями. Вѣдь онъ столько лѣтъ велъ отшельническую жизнь, онъ такъ глубоко несчастливъ, и неужели ему отказаться отъ любви, которая сама стучится къ нему?

И между тѣмъ, какъ будущее представлялось Петру Ивановичу въ туманѣ и чувство къ Фросѣ носило на себѣ отпечатокъ слѣпой страсти и желанія во что бы то ни стало овладѣть ею, она была преисполнена горячей вѣры въ него. Шесть не-

дѣль, проведенныхъ имъ съ нею въ Швейцаріи, прошли, какъ для всѣхъ новобрачныхъ,—они не разставались. Онъ жалѣлъ, что средства не позволяютъ продлить съ нею путешествіе,—такъ много оно представляло ему заманчивости. А главное—она умѣла его слушать, и, когда онъ говорилъ ей, то чувствовалъ себя геніальнымъ и никогда въ жизни не встрѣчалъ онъ болѣе пламеннаго и восторженнаго слушателя.

Однако ему нужно было ѣхать въ Вѣну,—онъ имѣлъ туда рекомендательныя письма; потомъ ему нужно было приняться за работу, чтобы наказать юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Теперь онъ чувствовалъ ненависть не только къ Петербургскому, но и ко всѣмъ университетамъ Россійской имперіи. О, еслибъ его спросили, что съ ними дѣлать, онъ стеръ бы ихъ съ лица земли, а на мѣсто Петербургскаго университета поставилъ бы себѣ памятникъ. Онъ былъ несчастный человѣкъ! Еще не остыли первые порывы страсти, какъ онъ долженъ былъ приниматься за работу.

Въ Вѣнѣ онъ сталъ даже сердиться на Фросю: ему хотѣлось быть съ ней, но не хватало твердости признать открыто въ ней свою жену; между тѣмъ онъ убѣдился, что Фрося не такая женщина, съ которой можно поступать, какъ ему вздумается.

Повидавшись по рекомендательному письму съ однимъ изъ немаловажныхъ русскихъ людей въ Вѣнѣ, онъ встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу своихъ соотечественниковъ. Это была, по-истинѣ, компанія, созданная для Петра Ивановича. Тутъ былъ и литераторъ, несомнѣнно убѣжденный въ своей геніальности. Было здѣсь и нѣсколько русскихъ докторовъ, слушая которыхъ, не знаешь чему дивиться: ихъ невѣжеству или той наивной дерзости, съ какой они судили и рядили о томъ, что имъ было совершенно неизвѣстно. Ихъ присылали учиться медицинѣ, но вѣнскія «fäsche Mädeln» имѣли объ этомъ предметѣ свое собственное мнѣніе. Былъ тутъ и придурковатый русскій князь, что носился съ проектомъ объединенія всѣхъ славянскихъ земель и постоянно посѣщалъ сходки. Все это были люди геніальные, убѣжденные въ томъ, что трудъ есть удѣлъ людей посредственныхъ и бездарныхъ. Ихъ окружала свита, состоящая изъ братьевъ славянъ, которые подобострастно внимали имъ въ чаяніи разжиться хоть двадцатью флоринами.

Петру Ивановичу вся эта компанія особенно нравилась: на него здѣсь смотрѣли вверхъ, его слушали, ему аплодировали. Его

познакомили съ однимъ очень важнымъ сановникомъ, который удивлялся, зачѣмъ ему оставаться въ скромной роли доцента, когда его способностямъ можетъ открыться широкая дорога.

Петръ Ивановичъ тотчасъ почувствовалъ необходимость скрыть свои отношенія къ Фросѣ. За эти нѣсколько дней онъ пріобрѣлъ даже нѣкоторую небрежность относительно ея: такъ, онъ не только не навѣщалъ ея, но не послалъ даже своего адреса.

Однажды князь уговорилъ его идти на частный митингъ, куда должны были собраться славяне всѣхъ національностей. Здѣсь, на этомъ митингѣ, много толковали о томъ, что чехи должны завоевать себѣ права, что теперь самое подходящее для этого время, что пока еще политика реформъ Бейста не ослабѣла и Венгрія... и т. д., и т. д.

Послѣ нѣсколькихъ ораторовъ князь пространно говорилъ о сліяніи славянскихъ племенъ въ одно цѣлое. Петръ Ивановичъ воодушевился, вышелъ на каѳедру и произнесъ рѣчь. Онъ совѣтовалъ всѣмъ славянамъ принять одинъ языкъ—русскій, подобно тому, какъ одно время французскій языкъ былъ не только европейскимъ, но почти всемірнымъ. Онъ говорилъ увѣренно, громко и заслужилъ аплодисменты. Когда онъ сошелъ съ каѳедры, къ нему приблизился старичокъ съ сѣдой бородой и заговорилъ на ломанномъ русскомъ языкѣ:

— Вы намъ, молодой человѣкъ, предлагаете принять русскій языкъ и ссылаетесь на то, что одно время почти весь міръ говорилъ по-французски. Но Франція подарила міру великія идеи— и міръ заговорилъ ея языкомъ. А что же сдѣлала для насъ Россія? За что мы примемъ ея языкъ?

— Мы васъ объединили! — съ гордымъ достоинствомъ отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

Но старикъ заговорилъ что-то такое, что Петръ Ивановичъ возмутился и прекратилъ разговоръ.

Никто изъ его знакомыхъ не могъ сказать, кто былъ этотъ старикъ, и Петръ Ивановичъ рѣшилъ, что, вѣрно, «проклятый полякъ».

Это былъ какъ разъ пятый день, что онъ не былъ у Фроси. А что она?

IV.

Увы, она уже плакала. Слова молодой дѣвушки оскорбили ее. Какъ могъ онъ рѣшиться поставить ее въ такое двусмыслен-

нее положеніе? Развѣ могла она не покраснѣть, если ее, не предупредивши, отрекомендовали сестрой? Развѣ деликатно было оставить ее одну среди незнакомыхъ женщинъ? Она была разсержена, оскорблена и твердо рѣшила не позволять въ другое время производить надъ собой подобные безцеремонные эксперименты и не входить ни въ какія сношенія съ этой противной дѣвчонкой. Она заперлась и вплоть до самаго утра ничего не требовала и не позволяла никому войти въ свою комнату.

На другой день она только-что успѣла умыться и одѣться, къ ней постучались, и противная дѣвчонка, улыбающаяся и вся красная, внесла ей кофе.

— Тетки моей нѣтъ дома,—объявила она тотчасъ и, немного помолчавъ, спросила:—вы—барышня?

Фрося отвѣтила утвердительно.

— О, какъ вы мнѣ нравитесь!—воскликнула она на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ.—Какіе у васъ чудные волосы!

Она вдругъ подсѣла къ Фросѣ на диванъ и, заглядывая ей въ глаза, причемъ ея хорошенькое личико освѣтилось дѣтской довѣрчивой улыбкой, проговорила:

— Будьте моимъ другомъ!

Фрося нѣсколько отодвинулась и съ улыбкой смотрѣла на нее.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она.

— Мнѣ восемнадцать.

— И мнѣ восемнадцать!

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнула дѣвушка и, сжавъ Фросю въ объятіяхъ, наивно спросила:—У васъ есть geliebter *).

Вопросъ этотъ такъ смутилъ и озадачилъ Фросю, что она не нашлась что отвѣтить; а дѣвушка значительно промептала:

— У меня есть!

И тутъ же пояснила, что ея geliebter — двоюродный братъ-студентъ, Негг Сватекъ. Онъ ходитъ къ ея теткѣ и думаетъ, что та оставитъ ему все свое состояніе; но этого никогда не будетъ, потому что состояніе тетка отдастъ ея родному брату, Августу, а студенту достанется только семьсотъ гульденовъ, ей самой—тысяча и все, что находится въ домѣ.

— Все это будетъ мое,—сказала она, обводя глазами комнату,—и я буду такъ счастлива со своимъ Карломъ! Онъ меня любитъ.

---

*) Любезный.

Раздался звонекъ. Терезія,—такъ звали дѣвушку,—вскочила и бросилась въ переднюю. Фрося осталась одна. Она уже не думала, что та хотѣла оскорбить ее: повидимому, это былъ совершенно простосердечный ребенокъ. Петръ Ивановичъ не шелъ. Что ей было дѣлать? Она не боялась одиночества,—въ Петербургѣ она всегда была одна, такъ какъ братъ ея находился вѣчно на работѣ; но тамъ она имѣла книги, имѣла занятія, она знала, наконецъ, городъ, имѣла знакомыхъ подругъ; а здѣсь что она будетъ дѣлать? Она начала ходить изъ одной комнаты въ другую. Окна ея помѣщенія были обращены на югъ; въ двѣнадцать часовъ жара стала нестерпимой. Она завѣсила шторы и, стоя посреди комнаты, невольно задала себѣ вопросъ: «Неужели подобное одиночество долго продлится? Эта жена его, которая ничего не дала ему кромѣ страданій, съумѣла однако стать поперекъ ихъ взаимному благополучію; но зачѣмъ поддаваться ей, зачѣмъ?»

Постучалась хозяйка и спросила, желаетъ ли она кушать отдѣльно, или пойдетъ на ихъ половину.

Опять сюрпризъ, къ которому Фрося не была приготовлена. Значитъ онъ не придетъ за ней, чтобъ идти куда-нибудь вмѣстѣ обѣдать. Она колебалась, но изъ-за плеча тетушки выглядывало личико племянницы: она сложила руки и посылала ей умоляющій взглядъ; и Фрося рѣшила идти къ нимъ. За обѣдомъ она невольно наслаждалась той радостью, какую она доставляла Терезіи; это проглядывало во всѣхъ поступкахъ дѣвушки. Она быстро подала ей кресло, развернула ей салфетку и, хотя держала себя серьезно, но каріе глаза ея улыбались и она безпрестанно опускала подъ столъ руку и тротала колѣни Фроси.

Видно было, что эту дѣвушку не баловали: она получила меньше другихъ супу, самый дурной кусокъ мяса, а отъ послѣдняго блюда должна была встать, потому что не кончила заданнаго ей урока. Фросѣ стало ужасно неловко видѣть взрослую дѣвушку наказанной; она ѣла не поднимая глазъ и боясь взглянуть на Терезію, которая у стѣнка дошивала палевую лайковую перчатку. Когда Фрося кончила обѣдъ и уходила къ себѣ, Терезія только мелькомъ взглянула на нее, но ея выразительные каріе глаза сказали многое сердцу Фроси.

Вечеромъ, когда Терезія принесла ей опять кофе, Фрося, не зная, чѣмъ бы доказать дѣвушкѣ, что она ей сочувствуетъ, подарила ей голубую ленту. Подарила и даже испугалась своего

поступка, потому что Терезія пришла въ такой восторгъ, что подхватила ее на руки и, несмотря на сопротивленіе, протащила нѣсколько разъ по комнатѣ.

Весь вечеръ эта богемская дѣвушка не покидала ея мыслей. Она только недавно была привезена изъ своего роднаго края въ Вѣну: тамъ у нея умерла мать, о которой она не могла говорить безъ слезъ; тамъ былъ просторъ для нея, ласки и свобода, а здѣсь—эта суровая тетка, эта жизнь полная труда; здѣсь, несмотря на то, что она уже выросла и у нея есть женихъ, ее наказываютъ въ присутствіи посторонних лицъ.

На другой день Петръ Ивановичъ не приходилъ и не прислалъ даже своего адреса. Фрося начинала волноваться. Неужели это можетъ продолжаться долго? Вѣдь она такъ одинока, поставлена въ такое глупое положеніе... Быть въ совершенно чужомъ городѣ, безъ всякихъ занятій—вѣдь это равняется тюремному заключенію! Если онъ не идетъ, значитъ у него есть какіе-нибудь интересы, есть знакомства; а она сидитъ тутъ одна и вечеромъ ей даже не съ кѣмъ прогуляться.

На третій день съ самаго утра жара была невыносимая. Фрося, какъ только увидала Терезію, тотчасъ стала жаловаться на духоту. Терезія очень внимательно выслушала ее и куда-то исчезла. Черезъ полчаса она уже тащила маленькую жестяную ванну, а еще черезъ нѣсколько минутъ на собственной спинѣ внесла цѣлую путень *) воды. Фрося ахнула отъ удивленія и благодарности; но Терезія объявила, что она ежедневно должна таскать воду, а когда тетка моетъ бѣлье, то ей приходится разъ шесть спускаться внизъ и обратно, такъ что ночью у нея спина болитъ. Бѣдная дѣвочка! Она могла болѣть только ночью. Терезія не придавала ровно никакого значенія тому, что сдѣлала для иностранки, которая... ахъ! какъ ей нравится; она будетъ таскать ей воду каждый день и ей не нужно никакой за это платы. Нельзя было не тронуться этимъ наивнымъ проявленіемъ любви, и Фрося до глубины души была имъ тронута. Обѣ молодыя и нѣжныя, съ большой наклонностью къ самоотверженности, онѣ на порогѣ жизни уже столкнулись съ суровой дѣйствительностью, и это связало ихъ.

На четвертый день Фрося увидала, что Терезія надѣла шляпку и собиралась выйти.

---

*) Родъ ушата, которымъ въ Вѣнѣ носятъ воду изъ фонтана.

— Вы куда?—спросила она ее.

— Я за виномъ.

— И я съ вами,—проговорила Фрося.

— За виномъ?—воскликнула Терезія.

— За виномъ,—отвѣчала Фрося, надѣвая шляпку.

Терезія запрыгала отъ восторга.

— Всегда будете ходить со мной?—спросила она, когда онѣ очутились на улицѣ.

— Всегда, пока я живу у васъ,—отвѣчала Фрося.

— О-о,—воскликнула Терезія,—если мы замѣшкаемся въ городѣ, тетка не будетъ бранить меня,—я не могу очень скоро идти, потому что вы со мной. Правда, не могу?

— Конечно, не можете,—отвѣчала Фрося.

— Теперь,—продолжала Терезія,—я все буду смотрѣть на часы и ждать вечера.

Улица, на которой онѣ жили, находилась въ форштадтѣ. Имъ предстояло пройти гласисъ, который въ то время между Gothische Kirche и Mariahilfstrasse былъ совсѣмъ еще не застроенъ и почти не освѣщенъ. Вдали темной, безформенною массой возвышался городъ, а двойной рядъ фонарей на Ringstrasse, подобно огненной лентѣ, обвивалъ его. Терезія болтала безъ умолку; Фрося мало ее слушала,—она чувствовала безпокойное возбужденіе, точно она затерялась среди невѣдомой ей пустыни, гдѣ есть, однако, одна свѣтлая точка, одна путеводная звѣзда, но ей неизвѣстно было, гдѣ она; и эта точка былъ Петръ Ивановичъ. Гдѣ онъ? Почему онъ ее покинулъ? Она безпокойно всматривалась въ каждаго проходящаго мужчину: не онъ ли, не онъ ли? Какъ жаль, что она не могла разсмотрѣть тѣхъ, которые шли по ту сторону улицы. Нѣкоторые нагибались и нагло заглядывали ей въ лицо.

— Не смотрите по сторонамъ, и васъ никто не тронетъ,—замѣтила ей Терезія.

Она приняла сосредоточенный видъ простой крестьянской дѣвушки, которая отлично понимаетъ намѣреніе господъ-мужчинъ, но готова всегда отразить ихъ и, если понадобится, то даже и кулаками.

— Пойдемте на Грабенъ,—попросила ее Фрося.

На улицахъ была такая толкотня, что Терезія взяла ее подъ руку, чтобъ имъ не потерять другъ друга. Фрося, которая дома относилась покровительственно къ своей спутницѣ, теперь чувствовала, что находится подъ ея охраной. Терезія съ серьезнымъ

видомъ, съ корзинкой на рукѣ, безцеремонно расталкивала толпу; раза два она рѣзко огрызнулась на толкавшихъ ее мужчинъ, но никто не сказалъ ей ни одной любезности.

На Грабенъ онѣ пошли медленнѣе. Фрося увидала колонну, которая такъ поразила ее своей странной формой и безчисленнымъ множествомъ барельефовъ. Она засмотрѣлась на нее, когда Терезія толкнула ее локтемъ и, указывая глазами въ глубь ярко освѣщенной кофейной, произнесла:

— А вонъ и братъ вашъ!

Фрося вздрогнула.

Онѣ остановились и она изъ-за плеча Терезіи съ сильно бьющимся сердцемъ разсматривала общество, въ которомъ онъ находился.

Общество было не маленькое; между ними находилось нѣсколько женщинъ. Петръ Ивановичъ казался необыкновенно оживленнымъ; онъ разсказывалъ что-то съ особыми жестикуляціями, которыя были свойственны ему одному. На столѣ, у котораго они сидѣли, стояло множество бутылокъ.

— Хотите, я позову его къ вамъ?—обратилась къ ней Терезія.—Я войду и скажу: сестра ваша здѣсь.

— Уйдемте,—проговорила Фрося,—ради Бога, уйдемте! Насъ замѣтятъ...

Первая жгучая мысль, охватившая ее, была: отчего этимъ женщинамъ можно быть въ его обществѣ, а ей нельзя? Отчего она должна стоять въ сторонѣ отъ его интересовъ и его знакомыхъ? «Неужели только потому, что она не обвѣнчана съ нимъ?»

Рука ея, лежавшая на рукѣ Терезіи, дрожала, губы ея были сжаты. Онѣ миновали еще одну освѣщенную кофейную и углубились въ узкую темную улицу. Фросѣ казалось, что тамъ за ними остался свѣтъ и жизнь, остались ея права на радости, а она идетъ въ могилу,—идетъ туда, гдѣ ее ждетъ тоска и одиночество.

— Какъ онъ смѣетъ такъ поступать со мной?—воскликнула она по-русски.

Терезія оглянулась на нее.

— Что вы сказали?—спросила она и, не дождавшись отвѣта, прибавила:—Тетка съ самаго начала не вѣрила, что онъ братъ вашъ.

— А, не вѣрила?—повторила Фрося машинально.

— А я сейчасъ повѣрила.

— Вы сейчасъ повѣрили?—сказала Фрося и подумала: «хоть бы она замолчала!»

— Если-бъ онъ былъ вашъ geliebter,—продолжала невозмутимо Терезія,—онъ не кидалъ бы васъ одну, онъ бы вами гордился,—вы очень хорошенькая! Я всегда иду съ Карломъ подъ руку, и онъ такъ гордо выступаетъ.

Она подхватила Фросю и, поднявъ вверхъ свой маленькій носикъ, зашагала, представляя, какъ ходитъ съ ней ея Карлъ. Онѣ шли по гласису, и потому можно было себѣ позволить маленькую вольность. Фрося, хотя на сердцѣ ея скребли кошки, не могла не разсмѣяться.

Когда онѣ вернулись домой, тетушка замѣтила, что Fräulein совсѣмъ разбалуетъ ея племянницу; но сквозь ея неудовольствіе проглядывала явная радость: ей льстили хорошія отношенія иностранки къ ея племянницѣ.

Фрося, оставшись одна, бросилась на кровать, закинула вверхъ руки и предалась горькимъ думамъ:

Вотъ какую жизнь она сама себѣ избрала! Она шла наперекоръ желаніямъ брата: развѣ не говорилъ онъ ей, что она слишкомъ молода для такой трудной жизни? Какія трудности подразумѣвалъ онъ?... Она была очень неопытна въ подобныхъ вещахъ,—не знала, какимъ образомъ живутъ люди, судьба которыхъ не была настолько благопріятна, чтобы позволить имъ обойти три раза вокругъ аналоя... Неужели они обречены на вѣчную ложь, на вѣчно-скучное существованіе вдали отъ всѣхъ живыхъ интересовъ? Она не можетъ, она неспособна лгать,—всякая ложь будетъ медленно отравлять ее. Она способна взойти на башню и всему свѣту закричать: «Я—его любовница,—я, Евфросія Акимова, и горжусь тѣмъ, что люблю его,—люблю, несмотря на то, что онъ женатъ!» Отчего, если она не можетъ быть Соколова, не оставаться ей Акимовой? А то сдѣлаться ничѣмъ, ничѣмъ,—прозябать въ качествѣ никому ненужной сестры, съ которой онъ стыдится показаться людямъ!... Она хотѣла жить съ нимъ, знать его интересы, дѣлить съ нимъ его радости и горе. Какъ можетъ онъ быть веселъ въ то время, когда она—одна, одна, брошенная, никому ненужная? Развѣ она хуже тѣхъ женщинъ, которыя сидѣли съ нимъ тамъ, въ кофейной? Она лучше ихъ! Онъ говорилъ, что она лучше всѣхъ въ мірѣ. Неужели это тотъ крестъ, который ей придется нести всю жизнь? Нѣтъ, она его не хочетъ, не хочетъ такого креста: онъ

черезчуръ малъ и черезчуръ больно давитъ. Но не жена разлучила ихъ, — нѣтъ, онъ самъ ушелъ, потому что ему скучно съ ней, потому что онъ не желаетъ ввести ее въ общество; она это чувствуетъ, она не можетъ помириться съ этимъ. Какъ можно привыкнуть къ унизительной мысли, что два мѣсяца тому назадъ она была Акимова и куда бы она ни явилась въ сопровожденіи брата или Петра Ивановича, ее спокойно рекомендовали ея именемъ; а теперь избѣгаютъ ввести ее въ общество, теперь она—ничто! Но какое ей дѣло до того, что объ ней думаютъ,—какое ей дѣло? Пусть о ней говорятъ, что она безнравственна, но пусть она имѣетъ извѣстное имя. Она должна жить съ нимъ, а приходящіе къ нему могутъ думать о ней, что имъ угодно. Она не уронитъ себя никакимъ безтактнымъ поступкомъ. Да если онъ разъ рѣшился имѣть другую жену, онъ долженъ взять на себя долю неудобствъ, какими сопровождается подобная рѣшимость. Когда она думала о предстоящей ей жизни съ Петромъ Ивановичемъ, она никогда не воображала, что жизнь ея будетъ усѣяна розами; мысли ея о неудобствахъ предстоящаго ей пути принимали часто грозный характеръ: она приготовилась къ граду насмѣшекъ и оскорбленій; но все же она надѣялась открыто имѣть право укрываться на груди своего возлюбленнаго. Если же человѣкъ, которому она отдала свою жизнь, ставитъ ее въ ложное положеніе и даже, какъ ей казалось, избѣгаетъ показаться съ ней на улицѣ, то не значитъ ли это, что онъ стыдится своихъ отношеній къ ней?... Придя къ такому печальному выводу, она уткнулась лицомъ въ подушки и рыдала, рыдала горько и больно, пока не почувствовала полнаго изнеможенія и пока сонъ не овладѣлъ ею.

Наконецъ Петръ Ивановичъ явился. Онъ разсыпался въ тысячѣ извиненій, увѣрилъ ее, что прислалъ ей черезъ посыльнаго адресъ, но не знаетъ, почему она не получала его, говорилъ громко, двигался шумно, но, видя, что Фрося холодно принимаетъ его оправданія, онъ обиженно замѣтилъ:

— Ты вѣчно на меня за что-нибудь сердишься. Зайдешь къ тебѣ, чтобъ отдохнуть, освѣжиться, а встрѣчаешь только недовольныя мины!

Фросю это взорвало.

— Я никогда не обѣщала служить для тебя какимъ-то освѣжающимъ средствомъ. Если ты можешь цѣлый день дѣлить время занятій съ друзьями, то и освѣжаться можешь съ ними же!

— Это упрекъ?—спросилъ онъ.

Фрося подошла къ нему близко; глаза ея сверкали.

— Я желаю знать, — начала она, — почему ты пять дней оставлялъ меня совершенно одну въ незнакомомъ мнѣ городѣ? Чѣмъ я заслужила подобное обращеніе?

— Я былъ очень занятъ.

— Но вы имѣли время бесѣдовать въ кофейной съ вашими друзьями и знакомыми дамами.

— Ты ревнуешь?—проговорилъ онъ.—Ревнуетъ, ревнуетъ дѣвочка!—добавилъ онъ, улыбаясь, и протянулъ къ ней руки.

Но Фрося отстранила ихъ.

— Я не ревную,—отвѣчала она все такъ же запальчиво,—но я не хочу, чтобъ меня прятали! Я хочу считаться или женой вашей, или Акимовой,—слышите? Я не потерплю другихъ отношеній,—другія отношенія унижаютъ женщину!

Петръ Ивановичъ насильно привлекъ ее къ себѣ. Онъ соскучился; онъ скоро избавитъ себя отъ этихъ несносныхъ знакомствъ. Всѣ они—пошляки. Онъ поселится съ ней, и они заживутъ прекрасною жизнью,—такой, о которой она мечтаетъ. Она будетъ изучать языки,—вѣдь она, глупенькая, ни одного не знаетъ, какъ слѣдуетъ. Завтра онъ принесетъ ей нѣмецкіе лексиконы и договоритъ учителя.

Онъ такъ много говорилъ, что подъ конецъ Фрося даже почувствовала себя пристыженной: какъ могла она сомнѣваться въ немъ? Все это—отъ бездѣлья; еслибъ она была занята эти дни, она бы не замѣтила, какъ пролетѣло время. Онъ оставилъ ее совершенно успокоенной, несмотря на то, что въ этотъ разъ не было ничего сказано о его женѣ. Причина ея переселенія на другую квартиру канула въ вѣчность,—о ней не вспоминалось больше; это былъ точно подводный камень, который обѣ стороны, не сговариваясь, старались обойти.

А. Шабельская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ.

VII *).

Счастливый случай доставилъ въ наши руки рядъ документовъ, касающихся одной деревни и воспроизводящихъ ея исторію въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ. Мы хотимъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать читателю возможность окинуть однимъ бѣглымъ взглядомъ тотъ процессъ, какимъ развивалось сѣверное крестьянское землевладѣніе. Сжатое изложеніе исторіи этой деревни можетъ послужить вмѣсто резюме для нашего труда,—резюме не въ видѣ отвлеченныхъ положеній, а въ видѣ конкретныхъ фактовъ. Конечно, отдѣльный случай не можетъ охватить собой всѣхъ сторонъ предмета, но онъ довольно удачно передаетъ существеннѣйшія его черты.

Деревня, о которой пойдетъ рѣчь — Пожарище, Матигорской волости, верстахъ въ 5—6 отъ Холмогоръ. Окрестности Холмогоръ—одинъ изъ пунктовъ самаго стараго заселенія края; московское завоеваніе нашло тамъ богатыхъ и сильныхъ своеземцевъ, въ которыхъ крестьянство сливалось съ боярствомъ. До сихъ поръ, несмотря на всѣ перевороты, какимъ подвергался сѣверъ, по волостямъ около Холмогоръ крестьяне сохранили въ своемъ типѣ что-то гордое, независимое, обличающее кровь старинныхъ родовитыхъ вотчинниковъ. Надо думать, что крестьяне Комаровы, первоначальные владѣльцы Пожарища, принадлежали къ сильнымъ родамъ края, иначе они не могли бы раздобыть себѣ льготныя царскія грамоты, по которымъ мы и получили возможность составить представленіе о болѣе раннихъ судьбахъ деревни.

Принадлежа къ Матигорской волости, деревня Пожарище отступала отъ нея на довольно значительное разстояніе. Она стояла на крутомъ берегу Двины. Напоромъ вешнихъ водъ деревенскую землю валило въ рѣку, сдирало льдомъ и заносило пескомъ. Остальная земля деревни, лежавшая не на берегу, прилегала къ «мокредямъ» и оттого хлѣбъ часто позябалъ отъ холодныхъ туумановъ, поднимавшихся съ тѣхъ мокредей. Однимъ словомъ, съ этой стороны деревня Пожарище была самая типичная сѣверная деревня.

Комаровы усѣлись на мѣстѣ съ 1566 г., вѣроятно, просто по праву вольной займки. Грамотой царя Ивана Васильевича деревня дана была имъ на льготу на пять лѣтъ, а потомъ была положена въ сошное тягло: писецъ князь Василій Звенигородскій (1587 г.) написалъ ее въ «трехъ обежкахъ малыхъ». А между тѣмъ владѣльцы Пожарища успѣли прикупить пожню отъ Быстрокурской волости, «что прилегла къ той ихъ деревнѣ межу ихъ пожень»; за ними оказываются также и «старое ихъ владѣнье по ихъ крѣпостямъ», оброчныя тони на морскомъ берегу и лѣшіе путики. Во время междуцарствія пострадало и Пожарище: «польскіе и литовскіе люди и русскіе воры повоевали и животы и статки пограбили», а къ тому же волостные и посадскіе люди начали вырубать лѣса, которые защищали деревню отъ напора вешней воды и льда. «И отъ того ихъ насильства та ихъ деревня и досталь пустѣетъ и крестьяне имъ въ тое деревню называть не можно и самимъ имъ жити невозможно,—такъ жалуются Комаровы царю,—и платячи съ тое деревни всяніе доходы и службы и мірскіе разметы охудали и одолжали великими долги»*). Царь дозволяетъ Пожарищу со всѣми его прикупными угодьями отписаться отъ Матигорской и Быстрокурской волостей (послѣдняя тянула ихъ къ себѣ за купленную пожню) и «велѣлъ имъ быть особно отъ тѣхъ волостей»; крестьянамъ же тѣхъ волостей «въ тое ихъ деревню да и въ прикупную пожню и во всякія угодья въ сошное тягло по писцовымъ книгамъ и по ихъ волостнымъ веревнымъ вступаться никоими дѣлы и мірскою волостною ровностью и веревью ихъ земель тое деревни и прикупные пожни веревить не велѣли».

Такимъ образомъ по писцовымъ книгамъ Мирона Вельяминова Пожарище было записано особь-статьей. Былъ въ деревнѣ тогда

*) Грамота царя Михаила Ѳеодоровича 1615 г.

все-таки еще одинъ дворъ Васкинъ да Ондрюшкинъ Ивановыхъ, дѣтей Комарова—«пашни паханые.... середніе земли семь четвертей да худые земли четверть безъ третника, сѣна сорокъ копенъ, въ живущемъ полвыти и полполтрети выти» и т. д.

Въ половинѣ 17-го вѣка Комаровыхъ и ихъ деревню постигло новое бѣдствіе. Пришли разбоемъ гайдуки, поубивали десять человѣкъ Комаровскаго рода, «купчія и оброчныя и всякія старинныя письянныя крѣпости прадѣдовъ и дѣдовъ ихъ и животы и платье все пограбили и дворъ со всѣми хоромы и скотъ и хлѣбъ сожгли». «А послыша тотъ разбой и грабежъ и пожаръ и ихъ разоренье, что у нихъ вотчинные письменные крѣпости пограблены ябедники и горланы перекупкою изъ наддачи рыбные ловли и сѣнные покосы (оброчные) у нихъ отнимаютъ и убытчатъ ихъ напрасно и вотчины ихъ пустошатъ»,—такъ жаловались Комаровы,—Алексѣй Михайловичъ далъ имъ новую грамоту, подтверждающую ихъ права *). Хлопотали объ этой грамотѣ Комаровъ и племянникъ его Савинъ: надо думать, что деревня уже распалась на два двора.

Изъ жалобы Комаровыхъ на ябедниковъ и горлановъ и проч. замѣтно, что существовали неудовольствія между владѣльцами деревни и ихъ волостными сосѣдями. Оно и не могло быть иначе: волость не могла не коситься на Комаровыхъ за то, что они успѣли высвободиться изъ общаго тягла и такимъ образомъ занять относительно льготное положеніе. Но по актамъ не видно, чтобъ она предпринимала какія-нибудь открытыя наступательныя дѣйствія на своихъ счастливыхъ сосѣдей до начала 18-го вѣка,—вѣроятно, не разсчитывала на успѣхъ. Но съ началомъ 18-го вѣка, когда правительство заявило новый принципъ, «чтобы никто не былъ въ избылыхъ», Матигорская волость начала искъ противъ Комаровыхъ съ цѣлью привлечь ихъ въ общее тягло. Она жалуется, что «Комаровъ съ товарищами тое Пожарской деревни, которая приписана по писцовымъ книгамъ къ ихъ Матигорской волости, въ равенство не кладетъ и съ ними не равняется, подводъ не возитъ, службъ не служитъ и хочетъ быть отъ всего въ облегченіи». Поэтому проситъ, «чтобъ у нихъ Комаровъ съ товарищи ту Пожарскую деревню свервить въ правду и сверня приверстать съ ними челобитчики въ равенство и всякіе подати съ той деревни платить и службы служить и подводы

*) Грамота царя Алексѣя Михайловича 1665 г.

возить нынѣ и впредь по вся годы съ ними же челобитчики вийстѣ». Конечно, здѣсь говорится о податномъ, а не о земельномъ равенствѣ. Какъ ни объясняли Комаровы, что они не равняются съ Матигорской волостью, а платятъ подати и служатъ службы особь-статьей, въ силу жалованныхъ грамотъ, ничто не помогало,—времена были уже другія, неблагопріятныя особь-статьямъ. «По указу великаго государя велѣно земли и всякія угодья сверить, чтобъ никто ни въ чемъ въ-избыльцѣ не былъ... А прежніе ихъ великихъ государей грамоты нынѣшнимъ его великаго государя указамъ не примѣръ», объясняетъ судъ. По рѣшенію суда, Комарову съ товарищами велѣно быть «посполитно съ волостными, а не особнякомъ, и службы служить и доходы платить, считаясь по своимъ тягламъ» *).

Въ это время, то-есть въ началѣ XVIII вѣка, деревня Пожарище съ внутренней стороны представляла слѣдующій видъ. Дольщиковъ, сколько можно заключить по актамъ, было пятеро. Три доли остались въ рукахъ коренного рода Комаровыхъ. Четвертая доля принадлежала боярскому сыну Шешенину, которому она досталась отъ бабки, урожденной Комаровой, получившей землю отъ своего рода въ приданое. Пятая доля была во владѣніи посадскихъ людей Устюга Великаго, Королевыхъ, унаслѣдовавшихъ тоже черезъ бабку долю Савина, племянника Комаровыхъ (выше упомянуто, что Комаровъ и Савинъ хлопотали о царской грамотѣ). Вообще, можно сказать, что деревня Пожарище въ эти полтораста лѣтъ (съ половины XVI до начала XVIII в.) не раздробилась такъ, какъ дробились деревни менѣе зажиточныхъ владѣльцевъ: въ подобныхъ случаяхъ лишніе члены выдѣлялись съ денежнымъ обезпеченіемъ и уходили въ города или пріобрѣтали себѣ другія земли.

Изъ актовъ не видно точнаго отношенія долей всѣхъ деревенскихъ совладѣльцевъ. Замѣтно только, что четыре доли были полныя, съ участіемъ во всѣхъ орамыхъ и сѣнокосныхъ, коренныхъ и прикупныхъ земляхъ, въ поскотинахъ, рыбныхъ ловляхъ, въ лѣсахъ затульныхъ (защищающихъ деревню отъ вешнихъ водъ) и десятинныхъ, въ морскихъ тоняхъ и лѣшихъ путикахъ,—однимъ словомъ, во всемъ, что изстари потянло къ деревнѣ. Доля же боярскаго сына была неполная, лишь въ нѣкоторыхъ полихъ и пожняхъ (впредь съ участіемъ въ осталь-

*) Рѣшеніе архангельскаго ратушскаго правленія 1706 г.

ныхъ угодьяхъ), всего-на-все 17 веревн. саженъ, между тѣмъ какъ одинъ дворъ Комаровыхъ сидѣлъ на пятидесяти саженяхъ, другой—на двойномъ количествѣ. Вообще, разобраться въ ихъ владѣніи довольно трудно, съ одной стороны—вслѣдствіе отрывочности извѣстій, съ другой—вслѣдствіе того, что у нихъ была масса угодій или общихъ у всей деревни (кромѣ тѣхъ, которыя вообще никогда не дѣлились, какъ-то: лѣсовъ, тонь, путиковъ), или въ складствѣ у нѣкоторыхъ совладѣльцевъ. Угодій общихъ и въ складствѣ было у каждаго значительно больше, чѣмъ раздѣленныхъ: родственная связь печища еще чувствовалась слишкомъ живо.

То обстоятельство, что волость навязала-таки Комаровымъ общее тягло, видимо, сильно измѣнило ихъ положеніе. Владѣльцы Пожарища начинаютъ сбывать свои доли. Въ это время Баженины дѣятельно занимались пріобрѣтеніемъ земель, и они скупили доли Пожарищенской деревни. У насъ есть купчія, по которымъ Баженины пріобрѣли доли двухъ дворовъ Комаровыхъ, затѣмъ доли боярскаго сына и посадскихъ людей. Какъ перешла пятая доля, мы не знаемъ; но уже въ 1711 г. Баженинъ является владѣльцемъ всей деревни.

Пріобрѣтя Пожарище, Баженинъ тотчасъ же принимается за то, чтобы высвободить его изъ волостного тягла. Онъ начинаетъ хлопотать, чтобы платить по-старому, особо, «подобно тому, какъ плачу я съ вотчинной своей Вавчужской деревни и съ покупной Ухтъ-Островской особо-жь кромѣ волостныхъ крестьянъ..., а Матигорской волости соцкому и крестьянамъ съ тое Пожарищной деревни по тяглу въ общемъ платежѣ отказать и впредь, чтобы съ ними никакими платежами для ихъ излишнихъ волостныхъ расходовъ не быть». Такъ какъ Баженины были сильнѣе Комаровыхъ, а главное—сильны личнымъ благоволеніемъ царя, то судебный приговоръ и былъ отмѣненъ въ ихъ пользу.

Но когда умерли Баженины-кораблестроители, умеръ и Петръ Великій, волостной міръ опять началъ притягивать Пожарищенскую деревню, перешедшую къ наслѣдникамъ Баженинныхъ, въ общее тягло. Въ 1726 г. Баженины входятъ въ такую сдѣлку съ міромъ Матигорской волости: они даютъ обязательство платить съ Пожарищенской деревни съ пяти вервей, вѣчно и безспорно, все, что будетъ приходиться по мірскимъ разрубнымъ книгамъ, но съ своей стороны берутъ и отъ міра обязательство не спрашивать больше, чѣмъ съ пяти вервей, «и на ту землю съ ве-

ревкой не ходить и не вершить вѣчно-жь». Но въ 1748 г. еще новое поколѣніе Баженинныхъ опять даетъ обязательство въ міръ Матигорской волости платить «по мірскимъ разрубнымъ съ крестьянами врядъ» уже съ семи вервей (въ соотвѣтствіи съ настоящими размѣрами деревни, на которой разсѣвалось до 15 четвертей ячменя и ставилось до 3.000 кучъ сѣна), причемъ снова обязываютъ крестьянъ «съ веревкой не ходить». Взаимныя обязательства исполняются до 1779 г.; съ этого года Баженины отказываютъ платить волостные разрубы и начинается, по жалобѣ міра, дѣло, о которомъ мы говорили выше. Дѣло это кончилось въ пользу міра; а между тѣмъ подошли послѣдніе года XVIII стол.—эпоха общаго изгнанія купцовъ и посадскихъ людей изъ деревень.

Когда тяжба съ міромъ кончилась неблагопріятно для Баженинныхъ и они присуждены были къ уплатѣ всей накопившейся за ними значительной недоимки, то вмѣсто денегъ они отдали въ міръ часть Пожарищенской деревни. Остальная земля оставалась пока за Баженинными. Но такъ какъ имъ, въ качествѣ посадскихъ людей, нельзя уже было дольше держаться въ деревнѣ, то они стали продавать землю по кускамъ. Человѣка два-три мѣстныхъ богатыхъ крестьянъ скупили эти земли, а такъ какъ купчихъ нельзя было писать, то писали полюбовныя отступныя письма съ формальной явкой ихъ въ присутственномъ мѣстѣ. Часть полученной отъ Баженинныхъ земли міръ, по приказу начальства, роздалъ тогда же малоземельнымъ крестьянамъ, которые немедля продали свои надѣлы упомянутымъ скупщикамъ Баженинской земли. Но самое интересное то, что, наконецъ, міръ, «по общественному приговору», имъ же продалъ «въ вѣчное владѣніе» всю нерозданную еще часть Пожарищенской земли, которая должна бы была идти «въ надѣленіе скудныхъ крестьянъ».

Такимъ образомъ, Пожарищенская деревня, отошедшая въ девяностыхъ годахъ отъ Баженинныхъ, тотчасъ же очутилась въ рукахъ двухъ-трехъ богатыхъ крестьянъ, которые усѣлись въ ней въ качествѣ вотчинниковъ, обороняя ее отъ всякихъ притязаній. Но они могли уберечь ее лишь до 30-го года, когда міръ началъ настоятельно требовать ее для раздѣла по душамъ. Владѣльцы Пожарища жаловались въ судъ, ссылаясь на свои документы, но даже холмогорскій уѣздный судъ не нашелъ возможнымъ рѣшить дѣло въ ихъ пользу, такъ какъ документы, на

которые они сѣмались, были составлены послѣ межевой инструкціи *).

Тщетно обращались владѣльцы Пожарища отъ одной судебной инстанціи къ другой,—всюду получалось одно рѣшеніе: «раздѣлить на души».

Мы отряхнули пыль вѣковъ отъ найденныхъ нами хартій и изложили, въ назиданіе читателя, буде отыщется таковой, заключающіяся въ этихъ хартіяхъ правдивыя сказанія. Сказанія, конечно, правдивы; вмѣстѣ съ тѣмъ они и новы, такъ какъ вносятъ въ исторію русскаго крестьянскаго землевладѣнія новые факты, неизвѣстные до сихъ поръ наукѣ. И правдивы, и новы—все это такъ. Но ни то, ни другое—ни правдивость, ни новизна—сами по себѣ не оправдываютъ ихъ преподнесенія читателю въ видѣ журнальной статьи. Необходимы иныя raison d'être: необходимо, чтобъ эти правдивые и новые факты вносили что-нибудь дѣйствительно новое въ общественное сознаніе, помогая ему такъ или иначе въ его роковой борьбѣ съ проклятыми вопросами. Можетъ ли наша работа оказаться состоятельной, если къ ней приложить критеріумъ этого рода?

Вся внѣшность нашей работы, загроможденной мелочными фактическими подробностями, говоритъ противъ. Но мы все-таки надѣемся показать читателю, что работа эта, несмотря на видимое преобладаніе въ ней археологическаго интереса, далеко не такъ, какъ кажется, удалена отъ живыхъ интересовъ современности.

Вотъ уже больше двадцати лѣтъ, какъ наша поземельная община встала во главѣ цѣлой группы проклятыхъ вопросовъ изъ наиболѣе скребущихъ по душѣ современнаго русскаго человѣка. Поскольку настоящей правды, поскольку простой случайности было въ такой краеугольной постановкѣ вопроса объ общинѣ—рѣшать не беремся. Фактъ въ томъ, что община служила знаменемъ и лозунгомъ, что на ней сходились и расходились партіи, формировались направленія. Правда, знакомство съ общиной далеко не шло въ параллель съ сознаніемъ ея исключительно важнаго значенія; но кого винить въ томъ, что земля наша хоть и велика, но такъ необильна общественной энергіей?...

---

*) Дѣло холмогорскаго уѣзднаго суда 1833 г. по прошенію крестьянъ Ивана Водомѣрова, Осипа Якимова и вдовы Матрены Берденниковой о предоставленіи имъ въ потомственное владѣніе пожарищенской земли.

Мы имѣемъ смѣлость утверждать, что работа наша, несмотря на ея мелочность, должна внести нѣкоторое движеніе въ историческую разработку вопроса объ общинѣ. Разработка эта застоялась до невозможности. Съ трудомъ вѣришся, чтобы можно было такъ много говорить и, повидимому, такъ много интересоваться предметомъ и въ то же время такъ поразительно мало знать о немъ. Знакомство съ настоящимъ, правда, понемногу подвигается впередъ; но для прошлаго только переворачиваются время отъ времени давнымъ-давно собранные и извѣстные факты, причемъ не замѣчается никакого движенія ни въ ширину, въ смыслѣ захвата новаго матеріала, ни въ глубину, въ смыслѣ разработки стараго. А нужно ли доказывать, что только знакомство съ явленіемъ въ процессѣ его развитія можетъ дать о немъ настоящее понятіе? Могутъ указать на работу г. Соколовскаго: «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ»,—чего же еще, если есть цѣлая исторія предмета? Но въ томъ-то и бѣда, что это совсѣмъ не исторія сельской поземельной общины: тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе съ заглавіемъ. Мы отдаемъ все должное труду г. Соколовскаго,—труду, разсчитанному на потребности нашего интеллигентнаго общества и прекрасно ихъ удовлетворяющаго,—но тѣмъ не менѣе трудъ этотъ—совсѣмъ не исторія нашей сельской общины. Онъ посвященъ главнымъ образомъ выясненію тѣхъ экономическихъ и бытовыхъ условій, которыя такъ или иначе должны были вліять на форму землевладѣнія; собственно общинѣ посвящена незначительная часть работы, да и то въ понятіи общины для автора сливались разнообразныя формы соціальныхъ организацій, даже не однѣхъ только поземельныхъ. Впрочемъ, употребляя такъ неопредѣленно слово община, г. Соколовскій только продолжалъ традицію другихъ болѣе раннихъ изслѣдователей, которые всегда употребляли это слово въ самыхъ различныхъ, совершенно произвольныхъ, смыслахъ: если акты, относящіеся до того низшаго слоя древне-русскаго общества, который соотвѣтствуетъ современному крестьянству, давали намекъ или указаніе на какой-нибудь внѣсемейный союзъ, какого бы характера, содержанія и цѣлей онъ ни былъ,—все шло за общину. Да, оно и не мудрено. Нѣкто сказалъ по поводу труда г. Соколовскаго, что этотъ трудъ пораженъ органическимъ недостаткомъ, заключающимся въ томъ, что авторъ писалъ исторію предмета, существа котораго онъ не зналъ,—и нѣкто, конечно, правъ. Но это же самое замѣчаніе приложимо, и въ еще несравненно боль-

шей степени, ко всѣмъ другимъ попыткамъ—правда, только эпизодическимъ—разъяснить исторію русской общины.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ хаосѣ невыясненныхъ понятій и неустановившихся терминовъ, въ связи съ извѣстными благопріятствующими теченіями общественной мысли, возникъ и пустилъ крѣпкіе корни въ общественномъ сознаніи миѳъ объ исконности существующей формы поземельной общины. Мы говоримъ «миѳъ», такъ какъ эта исконность на самомъ дѣлѣ не имѣетъ за себя достаточныхъ научныхъ основаній, а лишь вѣру,—вѣру очень понятную, если принять во вниманіе всю совокупность условій, но все-таки вѣру, и ничего больше. Ниже мы займемся этой стороной дѣла поближе, здѣсь же скажемъ только, въ избѣжаніе недоразумѣній, что мы подвергаемъ сомнѣнію исконность лишь существующей формы поземельной общины, а никакъ не исконность общинности, общиннаго или коллективнаго принципа, нѣкогда полновластно заправлявшаго жизнью. Это двѣ совершенно различныя вещи, которыя никакъ не слѣдуетъ смѣшивать.

Въ какой просакъ попадали и попадаютъ изслѣдователи съ своей слѣпою вѣрой въ исконность существующей формы поземельной общины, видно на примѣрѣ сѣвера. Надо замѣтить, что сѣверъ издавна обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ, интересующихся народомъ вообще, общиной въ частности, да и понятно. На сѣверѣ община—преобладающая форма земельнаго владѣнія въ такой степени, что въ предѣлахъ Архангельской губерніи, можно сказать, нѣтъ личной земельной собственности; на сѣверѣ почти не было крѣпостного права, извратившаго народную душу,—на сѣверѣ, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство могло сохранить въ наибольшей чистотѣ исконныя формы своего быта. Профессора съ каѳедръ указывали на сѣверъ, который одинъ только сохранилъ въ неприкосновенности первобытную общинную организацію *); книжная наука черпала девять десятыхъ своихъ свѣдѣній объ исторіи общины изъ актовъ, относящихся до сѣвера. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изслѣдователь, приступая къ изученію общины въ той или другой сѣверной мѣстности, былъ предвзятъ и всецѣло убѣжденъ въ исконности и первобытности того явленія, которое онъ долженъ былъ изучать. А извѣстно, какъ легко наблюдаемое явленіе получаетъ свою окра-

*) Ст. *Лядова*: „Община Олонецкой губерніи" (*Отеч. Записки* 1874 г., № 2).

ску отъ того или другого угла зрѣнія наблюдателя. Оттого и община въ подобныхъ изслѣдованіяхъ являлась съ такими атрибутами, которые должны были несомнѣнно свидѣтельствовать о ея первобытности, о незапятнанности, съ какой она донесла свою архаическую чистоту до нашихъ дней. Такою является община Олонецкой губерніи въ изслѣдованіи г. Ляпина, такою же и община Архангельской губерніи въ изслѣдованіи г. Сергѣева *). Г. Сергѣевъ далъ даже схему того процесса, какимъ эта первобытная форма переходитъ въ другія болѣе поздніе формы. Всѣ эти выводы, эта одноцвѣтная окраска—одно большое заблужденіе, и ничего больше. Наша работа показываетъ, что сѣверная община, даже въ тотъ относительно короткій промежутокъ времени, который захватываетъ достовѣрная исторія (т. е. приблизительно съ XIV вѣка), пережила нѣсколько фазисовъ. Формулируемъ ихъ.

Началу достовѣрной исторіи застаетъ на сѣверѣ господство задружной формы какъ въ семьѣ, такъ и въ организаціи поземельной собственности. Въ *Отеч. Запискахъ* была помѣщена статья г. Краснопёрова: «Антошкина община». Статья эта—описаніе одной удивительно сохранившейся архаической задруги: съ трудомъ вѣрится, чтобы въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, кулачества и т. д. еще держались какимъ-то чудомъ эти обломки иныхъ, отжившихъ, соціальныхъ формацій. Г. Краснопёровъ называетъ описываемую имъ организацію общиной; но тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же произвольнымъ и въ высшей степени научно-неудобнымъ употребленіемъ терминовъ: это—не община, а задруга, семейная коммуна (Gaubkommunia, по западной терминологіи). Большая родовая семья въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, состоящая изъ многихъ простыхъ семей, живетъ въ нѣсколькихъ домахъ, группирующихся около одного центральнаго дома, служащаго сборнымъ мѣстомъ для всей коммуны: въ центральномъ домѣ сбираются для ѣды, для общихъ хозяйственныхъ занятій, для совѣщанія о дѣлахъ и, наконецъ, просто для развлеченія. Въ этомъ домѣ живетъ старшій, который дѣлается старшимъ, большею частью, въ силу естественнаго старшинства, иногда по выбору. Земля и хозяйственный инвентарь — общая собственность этой семейной коммуны; трудъ—общій, какъ обще и потребленіе. Коммуна уже сама заботится объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей ея членовъ. Вотъ главнѣйшія черты этой формы, — чер-

*) *Дѣло* 1880 года, № 4, ст. „Очерки общиннаго владѣнія въ Архангельской губерніи".

ты, въ которыхъ можно увидать сербскую задругу, какъ ее рисуютъ новославянскіе этнографы, современную Антоніину общину и наконецъ ту организацію, на которую указываютъ намъ сѣверные анты болѣе ранняго періода (стр. 14—16). Такимъ образомъ первый фазисъ организаціи земельнаго владѣнія на сѣверѣ, въ предѣлахъ достовѣрной исторіи, есть фазисъ коллективной собственности семейныхъ коммунъ. Кто не знакомъ съ цѣлымъ нашей работы, тотъ можетъ сказать, что мы допускаемъ то же самое смѣшеніе понятій, въ которомъ упрекаемъ другихъ, т. е. смѣшиваемъ семью съ общиной. Но это не такъ. Мы утверждаемъ, что на сѣверѣ, въ указанный нами періодъ, не было другой единицы поземельной организаціи, кромѣ печища, нераздѣльной собственности родовой семьи. Всѣ большіе территоріальные союзы, какъ-то: волости, погосты и т. д.—не были единицами поземельной организаціи, поземельными общинами. Мы не утверждаемъ, что таково было исконное или первобытное положеніе вещей, такъ какъ вообще избѣгаемъ всякихъ гадательныхъ утвержденій или отрицаній; утверждаемъ только, что таково оно было въ наслѣдуемой мѣстности и въ указанный періодъ. Печище заключало въ себѣ лишь воздѣланную землю, пахатную и сѣнокосную, обыкновенно съ нѣкоторыми промысловыми угодьями, варницами, морскими и рѣчными тонями, лѣсными путиками и т. п. Внѣ печищъ лежала незахваченная подъ эксплуатацію дикая земля, которая не входила въ районъ никакихъ общинъ, а была просто-напросто Божья. Впрочемъ, бояре уже въ новгородскій періодъ успѣли позахватить себѣ куски дикой земли, а позже московскіе государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Второй фазисъ въ исторіи поземельной организаціи на сѣверѣ—деревня съ долевымъ владѣніемъ. Печище, семейная коммуна, разложившись, образовала тотъ особый типъ, изъ котораго могла выработаться современная община, какъ при другихъ условіяхъ могла выработаться и индивидуальная земельная собственность. Дѣло въ томъ, что печище, дробясь и дѣлясь, все-таки продолжало смотрѣть на себя, со стороны поземельныхъ отношеній, какъ на цѣлое, до дѣленья—простое, послѣ дѣленья—сложное. Каждый участникъ дѣленья получалъ не опредѣленный кусокъ земли, который бы онъ могъ выдѣлить изъ цѣлаго, а лишь право на извѣстную долю въ каждомъ изъ лоскутовъ, полей и угодій, входящихъ въ деревню. Такимъ образомъ каждый

изъ крестьянскихъ (въ противоположность бобыльскимъ) дворовъ деревни представлялъ собою какую-нибудь дробь деревенской единицы. Дворъ былъ настоящимъ собственникомъ своей доли: могъ распоряжаться ею по произволу, лишь съ тѣми ограниченіями, какія проистекали изъ права выкупа, принадлежащаго родственникамъ и деревенскимъ совладѣльцамъ, складникамъ позже, также и изъ вмѣшательства государства, давившаго на тягловой міръ. Право отчужденія долей повело къ тому, что родовая схема деревни мало-помалу пропитывалась посторонними элементами, не имѣющими между собой кровныхъ связей. Но тѣмъ не менѣе патріархальная традиція деревни держалась: посторонніе, какъ и родственники, являлись представителями идеальныхъ долей деревенскаго цѣлаго. Если кто-нибудь изъ дольщиковъ находилъ, что владѣемый имъ участокъ не соотвѣтствуетъ его идеальной долѣ, онъ могъ требовать передѣла; такимъ образомъ деревенскіе дольщики время отъ времени передѣливались, переравнивались. Отсюда видно, что этотъ второй фазисъ организаціи земельной собственности на сѣверѣ—долевая деревня—заключалъ въ себѣ зародыши общиннаго владѣнія, также какъ и зародыши современнаго индивидуальнаго владѣнія. Сѣверная деревня развила послѣднюю сторону и перешла такимъ образомъ въ третій фазисъ—подворно-участковое владѣніе индивидуальнаго характера. Причинъ, въ силу которыхъ сѣверная деревня пошла на этотъ путь, нельзя свести къ чему-нибудь одному: тутъ участвовало и естественное ослабленіе родовыхъ традицій, и давленіе государства, и вторженіе въ деревню посторонняго, не крестьянскаго владѣнія, но главною причиной было размноженіе населенія и земельная тѣснота, зависящая отъ естественныхъ препятствій къ расширенію запашекъ.

Указанныхъ нами фазисовъ нельзя связать съ точно опредѣленными эпохами: въ разныхъ пунктахъ, при разныхъ условіяхъ они наступали разновременно. Такъ было и съ фазисомъ обособленнаго земельнаго владѣнія индивидуальнаго характера. Отдѣльные случаи такого владѣнія могли встрѣчаться и при господствѣ въ земельной организаціи печищной формы: всегда лицо могло выдѣлиться изъ родовой семьи, устраиваясь со своей семьей на обособленномъ участкѣ земли и клади такимъ образомъ основаніе новой деревни, новому печищу. Но и въ качествѣ правила эта форма земельнаго владѣнія появляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень рано, еще въ то время, когда долевая орга-

низація деревни была въ полномъ разцвѣтѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ волостяхъ около Холмогоръ она водворилась относительно очень давно,—преобладаніе ея въ этихъ мѣстностяхъ замѣтно по актамъ 17-го вѣка и даже раньше. Доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, любопытная книга Крестинина: «Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ» (1779 г.). Книга эта представляетъ собой исторію одного крестьянскаго рода (Вахониныхъ), извлеченную изъ документовъ, сохранившихся въ этомъ роду. Изъ нея видно, что даже во второй половинѣ 16-го вѣка можно было пріобрѣтать не доли деревень, а отдѣльные лоскуты деревенской земли—характерный признакъ разрушенія деревенской организаціи. Дальнѣйшее же изложеніе ясно свидѣтельствуетъ, что крестьяне, герои Крестининскаго повѣствованія, являются полными собственниками своихъ земельныхъ участковъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова. А между тѣмъ въ иныхъ мѣстностяхъ долевая деревня сохранилась даже до конца 18-го столѣтія, какъ показываютъ судебныя дѣла о деревенскихъ складникахъ. Но, вообще, надо полагать, что долевая деревня начала энергически разлагаться со второй половины 17-го вѣка: 18-й вѣкъ является фазисомъ господства на сѣверѣ личнаго землевладѣнія, хотя остатки долевого владѣнія еще сказываются кое въ чемъ, какъ, напримѣръ, въ раздѣленіи земель на статьи *).

Личное землевладѣніе привилось быстро,—корни его лежали въ прошломъ. Поземельная деревня рушилась, то-есть распалась на свои составные элементы. Порвалась сила тѣхъ нутъ, частью нравственныхъ, частью юридическихъ, которыя связывали ее въ одно цѣлое. Правда, и ранній деревенскій дольщикъ былъ собственникомъ своей доли; но его права наталкивались на стѣсняющія его права деревни. Только теперь онъ узналъ, что такое полная собственность. Права его находили себѣ признаніе и со стороны государства: оно не разъ дѣлало попытки ограничить въ свою пользу права крестьянъ на ихъ землю, но въ концѣ концовъ уступало и требовало только, чтобы соблюдаемы были извѣстныя формальныя условія при переходѣ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. Процессъ обезземеленія однихъ и скопленія земли въ рукахъ другихъ теперь быстро двинулся; повидимому, все шло къ насажденію того типа силь-

*) *Крестининъ*, стр. 38—40.

наго крестьянскаго хозяйства, держащагося на бобыляхъ, захребетникахъ и козакахъ, который составляетъ идеалъ нѣкоторыхъ русскихъ европейцевъ. Но вдругъ на сценѣ появляется deus ex machina въ видѣ правительства, измѣнившаго свои взгляды на крестьянское землевладѣніе, и все получаетъ иной видъ. Землевладѣніе нашего сѣвера вступаетъ въ свой четвертый и послѣдній общинный фазисъ.

Когда имѣешь передъ глазами отчетливую историческую перспективу явленія, забавно слышать, какъ изслѣдователи сѣверной общины увѣряютъ въ ея первобытномъ характерѣ. Тутъ заблужденіе очевидно. Но далеко не такъ очевидно оно, когда дѣло идетъ ибъ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины вообще. Мы выше выразились, что считаемъ эту исконность миѳомъ, который держится лишь вѣрой въ него. Наше сословное утвержденіе, особенно въ виду исключительной важности затрогиваемаго имъ предмета, можетъ показаться простой задорной фразой. На самомъ дѣлѣ оно есть плодъ долгихъ соображеній и мучительныхъ колебаній, въ которыхъ субъективный элементъ привычной вѣры болѣзненно боролся съ все возрастающимъ сомнѣніемъ, навязываемымъ фактами. Вотъ итоги нашихъ сомнѣній.

Та историческая перспектива въ развитіи формъ поземельной организаціи, которую мы установили для избраннаго нами района, едва ли можетъ быть поколеблена въ своихъ существенныхъ чертахъ: она покоится на многочисленныхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Но тутъ является вопросъ: районъ, избранный нами для изслѣдованія, т. е. крайній сѣверъ, бывшая Двинская земля, не представляетъ ли собой исключенія въ ряду другихъ областей Русской земли? Не выработалъ ли онъ подъ тяготѣніемъ какихъ-либо исключительныхъ условій исключительнаго жизненнаго склада, не имѣющаго ничего общаго съ общерусскимъ складомъ жизни?

Вопросъ этотъ задается не впервые. Онъ выдвинутъ былъ на сцену во время знаменитаго спора Бѣляева съ г. Чичеринымъ объ общинѣ. Такъ какъ спорящимъ сторонамъ по неволѣ приходилось ссылаться главнымъ образомъ на акты, относящіеся до Двинской земли,—за недостаткомъ актовъ изъ другихъ районовъ,—то естественно, что пришлось натолкнуться на этотъ вопросъ. Его выдвинулъ Бѣляевъ, когда былъ вынужденъ къ тому доводами г. Чичерина; но такъ какъ онъ не привелъ ни-

чего въ доказательство того, что Двинская земля есть исключеніе, то г. Чичеринъ легко отпарировалъ его возраженія. Было бы утомительно вдаваться въ подробности этого спора, да и незачѣмъ; мы полагаемъ, что самый этотъ вопросъ въ значительной степени праздный вопросъ. Каждый областной районъ, взятый въ свои территоріальныя, этнографическія, историко-политическія грани, конечно, есть исключеніе, если смотрѣть на него съ общерусской точки зрѣнія. Но что такое эта общерусская точка зрѣнія? Не страдала ли всегда наша историческая наука тѣмъ, что слишкомъ часто отожествляла общерусскую точку зрѣнія съ центрально-московской? Отчего Двинская земля должна быть какимъ-то сугубымъ исключеніемъ—рѣшительно не видно. Правда, она имѣетъ свои особенности, особенности рельефно выраженныя: по отношенію къ исторіи землевладѣнія, главнѣйшая, и очень типичная, ея особенность заключается въ сильномъ развитіи въ ней класса мелкихъ собственниковъ, своеземцевъ, позднѣйшихъ черносошныхъ государевыхъ крестьянъ *). Но и это ея отличіе количественнаго, а не качественнаго характера: новгородскія писцовыя книги показываютъ, что своеземцы были всюду, только чѣмъ ближе къ югу, къ центру, тѣмъ сильнѣе преобладалъ помѣстный и крупно-вотчинный характеръ землевладѣнія. Если же теперь обратиться прямо къ исторіи формъ поземельной организаціи, то, собственно говоря, даже не понадобится ставить и вопроса о томъ, составляла ли Двинская земля исключеніе. Писцовыя книги предупреждаютъ всякіе вопросы и сомнѣнія. Разсматривая писцовыя книги Двинской земли, рядомъ съ писцовыми книгами остальныхъ новгородскихъ областей, убѣдишься съ очевидностью, что имѣешь дѣло съ однимъ и тѣмъ же строемъ

*) Въ первой части нашей работы мы возражали тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ, которые полагаютъ, что своеземцы, или земцы, составляли какое-то особое сословіе съ военнымъ и замкнутымъ характеромъ и переносили свой особый характеръ даже на землю, которая стоитъ на какихъ-то особыхъ правахъ и не выходитъ изъ ихъ сословія. Ученые опирались на одинъ актъ въ новгородскихъ купчихъ („Юридическіе акты", № 71, XXIII), собственно на одно выраженіе этого акта: „А буде Тируну не до земли и помимо земца не продати". Мы дали выше свое толкованіе на это выраженіе. Послѣ того мы нашли въ нашемъ собраніи древнихъ актовъ несомнѣнное доказательство того, что „Тирунова земля" есть простая крестьянская земля, стоящая въ волостной верви съ остальной крестьянской землей, а не какая-нибудь особенная своеземческая, состоящая яко бы на особыхъ правахъ: нашъ актъ—того же самаго 15-го вѣка, а указаніе мѣста не позволяетъ сомнѣваться, что тутъ дѣло идетъ о той же землѣ, которая указывается въ напечатанныхъ актахъ.

поземельныхъ отношеній. Та же маленькая деревня съ однимъ, двумя или нѣсколькими дворами, составляющая очевидно центръ поземельной организаціи; та же волость или погостъ — территоріальный союзъ съ административнымъ характеромъ. Нигдѣ такихъ указаній на поземельную общину современнаго типа. Такимъ образомъ всякое предположеніе о томъ, что на новгородскомъ сѣверѣ господствовала поземельная община, въ извѣстномъ намъ современномъ смыслѣ слова, было бы не только произвольнымъ, но и прямо идущимъ въ разрѣзъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, не допускающимъ двусмысленныхъ толкованій.

Мы повторимъ, что на сѣверѣ не было поземельной общины, т. е. не было ея внѣ деревни. Конечно, деревня въ одинъ дворъ не могла быть общиной, развѣ въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ г. Красноперовъ назвалъ Антошкиной общиной найденную имъ семейную коммуну; но и въ деревнѣ въ два-три родственныхъ двора, образовавшихся изъ разложенія одного двора, какова бы ни была организація поземельныхъ отношеній между этими дворами, тоже странно и дико, съ современной точки зрѣнія, было бы прилагать названіе поземельной общины. Конечно, всякій ученый и не ученый, кто говоритъ объ исконной русской поземельной общинѣ, очень далекъ отъ того, чтобы представлять ее въ подобномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ внѣ этой мизерной деревни искать общины негдѣ.

Но не то ли же самое мы видимъ, когда перейдемъ и за границы Новгородской области, въ настоящій районъ Московскаго центра? Писцовыя книги и тутъ показываютъ, что единицей поземельной организаціи тоже служитъ деревня: волости или другія большія территоріальныя единицы уже по тому одному не могутъ быть сочтены за формы поземельной организаціи, что все это было сплошь разбито между помѣщиками и крупными вотчинниками. Деревня же въ XVI вѣкѣ, внѣ Новгородскаго района, представляла такой видъ. Въ Пермскомъ краѣ деревня въ большинствѣ случаевъ тоже въ одинъ дворъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, среднимъ числомъ, въ 3 двора, въ Суздальскомъ уѣздѣ — 4¹/₄ двора, въ Дмитровскомъ уѣздѣ — 5¹/₂ дворовъ, въ Рязанскомъ — больше 10 *). Но при сопоставленіи этихъ цифръ не напрашивается ли само собой предположеніе, что и эта деревня развилась пу-

*) *Соколовскій:* „Очеркъ исторіи сельской общины", стр. 55; *Пискаревъ:* „Древніе грамоты и акты Рязанскаго края".

темъ того же процесса, какимъ и деревня Новгородской области, т. е. путемъ разложенія двора, и только дальше успѣла уйти въ своемъ развитіи? Акты, которые и тутъ говорятъ о полу-деревнѣ, о трети, о жеребьи (т. е. $^1/_{16}$) и т. д., показываютъ, что и этой деревнѣ былъ свойственъ первоначальный долевой характеръ поземельной организаціи.

Не даетъ ли все это основаніе предполагать, что не извѣстная намъ поземельная община, а именно долевая деревня, которая развилась изъ разложившагося родового двора, была нѣкогда господствовавшимъ типомъ поземельной организаціи также и внѣ района Новгородской области? По крайней мѣрѣ гипотеза эта, какова бы она ни казалась на первый взглядъ, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ гипотезъ оправдывается историческими свидѣтельствами. Можетъ-быть большая разработка фактовъ, относящихся до центра, и опровергаетъ эту гипотезу; но для сѣвера едва ли что-нибудь можетъ быть измѣнено существенно. Кажется, уже пора если не сдать въ архивъ, то по крайней мѣрѣ подвергнуть тщательному историко-критическому анализу догматъ объ исконности и первобытности существующей формы поземельной общины. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ твердить объ этой исконности, когда на безчисленную массу фактовъ, безусловно отрицающихъ общину для болѣе ранняго періода, все трудолюбіе нашихъ ученыхъ могло открыть только два прямыхъ факта въ ея пользу—лишь отъ XVI-го и нѣсколько больше отъ XVII вѣка? Да и то часть этихъ фактовъ толкуется въ пользу общины по недоразумѣнію, а именно всѣ факты, гдѣ говорится о ровняніи, о ровности. Сѣверные акты показываютъ, что старинныя выраженія, повидимому, такія ясныя и несомнѣнныя, какъ «давно веревка для ровности не бывала» (то-есть не было верченія земли), «ровняться промежъ себя землями»—совсѣмъ не значитъ измѣрять землю для передѣла или вообще передѣливаться землей, а значитъ просто измѣрять землю для податного уравненія.

Современная община развилась изъ разложившейся долевой деревни, полагаемъ мы. Когда, подъ тяготѣніемъ какихъ условій?—По аналогіи съ сѣвероиъ, надо думать, что разложеніе хрупкой организаціи деревни шло по мѣрѣ усиленія того внутренняго давленія, которое вытекало изъ размноженія населенія и увеличивающагося размѣра поселеній: размноженіе населенія и расширеніе поселеній влекло за собой ослабленіе родовыхъ тради-

ній и вмѣстѣ съ тѣмъ массу практическихъ неудобствъ, которыя мы въ своемъ мѣстѣ (когда разсматривали процессъ разложенія сѣверной деревни) подвергли подробному анализу. Но для того, чтобы разложившаяся деревня перешла въ общину, существеннымъ условіемъ была правовая оторванность земледѣльца отъ земли.

Высказывая это послѣднее предположеніе, мы очень далеки однако отъ мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладѣнія была создана правительствомъ или помѣщиками. Не говоримъ уже объ апріорной несообразности этой мысли: противъ нея есть и несомнѣнныя историческія свидѣтельства. Вотъ одинъ изъ упомянутыхъ нами двухъ фактовъ отъ XVI вѣка, свидѣтельствующихъ объ общинѣ. По писцовой книгѣ Шелонской пятины 1500—1501 г., въ Ужинскомъ погостѣ, принадлежащемъ великому князю, 90 дворовъ рыболововъ высѣваютъ «въ сухія лѣта, коли вода мала, 27 коробовъ ржи, да они-жъ пашутъ у погоста на полѣ на водопойнѣ на пазбѣ 90 участковъ полосами, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, кошенныхъ полосами же, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участокъ по 30 копенъ» *). Есть ли какія-нибудь основанія предполагать, что общинное владѣніе здѣсь завелось въ силу какого-нибудь внѣшняго давленія?—Ни малѣйшихъ; напротивъ, все, что извѣстно объ организаціи народнаго труда на сѣверѣ, заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ совершенно самобытнымъ. Фактъ, приведенный выше, чрезвычайно любопытный. Прежде всего бросается въ глаза его исключительный характеръ. Посреди мелкихъ земледѣльческихъ деревень въ одинъ—три двора, сплошь покрывающихъ собою всю громадную область новгородскихъ пятинъ, мы наталкиваемся время отъ времени на относительно большія поселенія рыболововъ. Если теперь рыболовныя поселенія сѣвера сплошь перплетены разнообразными артельными организаціями, причемъ часто цѣлыя такія села, иногда очень большія, составляютъ сплошныя артели, то почти несомнѣнно, что каждое изъ рыболовныхъ поселеній новгородскихъ пятинъ также составляло между собой артельный союзъ. Вотъ одно изъ такихъ поселеній, ловя артельно рыбу, въ то же время пашетъ и коситъ на берегу, коли вода

*) У Соколовскій: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи", стр. 82.

мала», «коли вода борзо сойдетъ», т. е. прилагаетъ тѣ же артельныя начала и къ способу владѣнія землей. Но тутъ мы наталкиваемся на ту сторону предмета, на которую мы до сихъ поръ еще не имѣли случая указать. Всѣмъ, что мы говорили о поземельной деревенской организаціи, мы ничуть не отрицали существованія въ болѣе отдаленныя эпохи другихъ болѣе широкихъ поземельныхъ и иныхъ соціальныхъ организацій, остатки которыхъ мы видимъ до сихъ поръ въ козачьихъ общинахъ, въ артеляхъ и братствахъ. Эти соціальныя организаціи могли вліять на зарожденіе и развитіе настоящей общины, примѣръ чего мы и видимъ въ только-что приведенномъ фактѣ. Но несомнѣнные историческіе факты показываютъ, что главное русло того процесса, которымъ шло развитіе нашей общины, не тутъ, а именно въ деревнѣ съ ея долевымъ владѣніемъ.

Намъ выше не разъ уже случалось указывать на то, что долевая деревня заключала въ себѣ въ зародышѣ обѣ позднѣйшія формы землевладѣнія, какъ участковую, такъ и общинную. Какъ развилось изъ разложившейся долевой деревни участковое землевладѣніе, видно на примѣрѣ сѣвера. Теперь является вопросъ: какъ могло развиться изъ него землевладѣніе общинное? Можно указать на слѣдующія стороны долевой деревенской организаціи, какъ на тѣнія, изъ которыхъ могло вырости владѣніе общинное. Во-первыхъ, долевая деревня представляла собой одно поземельное цѣлое; во-вторыхъ, каждый дольщикъ былъ владѣльцемъ лишь идеальной доли этого поземельнаго цѣлаго, а не какого-либо опредѣленнаго земельнаго участка; въ-третьихъ, дольщики, при извѣстныхъ указанныхъ нами условіяхъ устраивали уравниваніе или передѣлъ своихъ земель. При наличности указанныхъ сторонъ, существовало только одно препятствіе для перехода долевой деревенской организаціи въ настоящую общинную: это—право собственности крестьянъ на ихъ землю. Пока крестьяне оставались собственниками своихъ долей, едва ли возможенъ былъ переходъ къ общинѣ, даже допуская существованіе всѣхъ остальныхъ благопріятствующихъ условій. Но разъ крестьяне были лишены права собственности, которое переходило въ постороннія руки,—переходъ отъ долевой организаціи къ общинной былъ вполнѣ естественнымъ. Долевая деревня сама собой обращалась въ общину современнаго типа. Указываемъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собой: нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать участіе въ этомъ переходѣ

какого-либо постороннаго вліянія или вмѣшательства со стороны помѣщиковъ или государства, — въ виду равенства повинностей крестьяне непремѣнно должны были сами поровнять землю.

Мы говорили о томъ, что деревня крестьянъ-собственниковъ, лишенныхъ государствомъ своихъ правъ на землю, должна была превратиться въ общину. Но въ Московскомъ государствѣ была масса порядчиковъ (половниковъ), которые садились на владѣльческую землю по временному договору. Какъ же было у нихъ? — Сохранились историческія свидѣтельства, указывающія, что половники сначала садились на доли деревень, т. е. что долевая деревня существовала и на владѣльческихъ земляхъ: на такихъ доляхъ, конечно, сидѣли и половники писцовыхъ книгъ. Но при увеличеніи размѣра деревень скоро должны были сказаться неудобства такой организаціи владѣнія, и даже скорѣе, чѣмъ въ деревняхъ крестьянъ-собственниковъ, такъ какъ тутъ не было той сильной скрѣпы и поддержки, какую давала деревнѣ послѣднихъ кровная связь. Такимъ образомъ переходъ отъ долевой организаціи деревни къ общинной и въ деревняхъ крестьянъ-порядчиковъ являлся также естественно необходимой дальнѣйшею ступенью процесса. Первоначальный договоръ на извѣстную долю деревни долженъ былъ смѣниться договоромъ на равное участіе въ пользованіи землями и угодьями поселенія. По крайней мѣрѣ такой характеръ отношеній заставляетъ предполагать второй изъ двухъ, открытыхъ нашими учеными, фактовъ объ общинѣ отъ XVI вѣка: «А землями и лугы и лѣсомъ верстатися крестьянамъ межъ себя самимъ поровну, а не черезъ землю, чтобъ въ крестьянѣхъ межъ себя спору и брани не было никоторыми дѣлы. А на пустые выти называть жильцовъ на льготу отъ отцовъ дѣтей, отъ дядь племянниковъ или кто небуди за волостной порядитца» *).

Мы очень далеки отъ мысли, что владѣльцы придумали общину и въ болѣе отдаленное время вводили ее насильно на своихъ земляхъ, какъ бы можно было, пожалуй, заключить и изъ только-что приведеннаго факта, если бъ онъ стоялъ особнякомъ. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владѣльцы принимали участіе въ ея поддержкѣ и распространеніи, такъ какъ общинная форма землевладѣнія вполнѣ совпадала съ ихъ выго-

*) *Бѣляевъ*: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ“ („Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей“, кн. II).

дами и удобствами. Напримѣръ, Забѣлинъ въ своей статьѣ: «Большой боярин въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ»—приводитъ распоряженіе владѣльца о передѣлѣ земель между крестьянами. Еще позднѣе правительство взяло на себя распространеніе общины.

Правительство, какъ мы видѣли, ввело общину не только въ Архангельской губ., но, вѣроятно, и на другихъ сѣверныхъ окраинахъ, гдѣ сохранились государственные крестьяне; оно же вводило ее и на южныхъ окраинахъ, какъ показываетъ хорошо извѣстный намъ примѣръ Харьковской губерніи.

Не рискуя попасть подъ упрекъ въ злоупотребленіи словомъ, можно сказать, что права собственности архангельскихъ крестьянъ на землю были ихъ исконными правами. Конечно, только часть этихъ правъ могла опереться на изстаринное владѣніе новгородскихъ земцевъ; остальная часть была позднѣйшаго происхожденія и болѣе смѣшаннаго въ юридическомъ смыслѣ характера. Но сила не въ происхожденіи и не въ характерѣ правъ, а въ томъ, что правительство, какъ московское, такъ и петербургское, всегда признавало ихъ за настоящія права собственности—и тогда, когда держалась долевая деревня, и тогда, когда владѣніе получило индивидуальный характеръ—и давало имъ свою санкцію. Акты отчужденія крестьянами своихъ земель всегда имѣли оффиціальное значеніе и позже обязательно закрѣплялись въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но правительство рѣшилось пройти къ утвержденію излюбленнаго имъ принципа по обломкамъ всѣхъ этихъ правъ и—прошло, хотя не безъ колебаній и временныхъ уклоненій. Насколько законными были всѣ эти права въ глазахъ самого правительства, видно изъ слѣдующаго: въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ у владѣльца хватало энергіи провести свои права черезъ всѣ бури налетавшихъ время отъ времени законовъ и указовъ, правительство въ концѣ концовъ само вставало на защиту этихъ правъ. Намъ извѣстенъ одинъ такой случай*), но можетъ-быть ихъ можно найти по губерніи и еще два-три. Выше мы изло-

*) Ненокотскій посадскій человѣкъ Кологріевъ владѣлъ землей по купчей, явленной у крѣпостныхъ дѣлъ въ 1763 г. Въ 1852 г., при обмежеваніи земель посада, губернское правленіе признало этотъ документъ законнымъ. Такимъ образомъ его земля ускользнула отъ передѣла, тогда какъ земли всѣхъ остальныхъ старыхъ собственниковъ были передѣлены (изъ дѣлъ ненокотской ратуши).

жили тотъ процессъ, какимъ государство лишило крестьянъ права собственности на землю и перевело ихъ изъ подворно-участковаго владѣнія къ общинному. Аналогичный примѣръ мы знаемъ и на югѣ—по Харьковской губерніи.

Эта южная окраина Московскаго государства, такъ называемая Слободская Украина, представлялась во многихъ отношеніяхъ не только не сходной, но и прямо противоположной той сѣверной его окраинѣ, которой посвящена наша работа. Но тутъ, какъ и тамъ, водворилось наслѣдственное землевладѣніе на правахъ собственности (такъ-называемое малорусское старозаимочное, по царскимъ грамотамъ козакамъ, и великорусское четвертное, по царскимъ же грамотамъ служилымъ людямъ). И здѣсь первый ударъ личному землевладѣнію нанесенъ былъ при императрицѣ Екатеринѣ II межевыми инструкціями. Но оно все-таки держалось, пока въ 1814 г. харьковскій генералъ-губернаторъ не предложилъ казенной палатѣ «въ видахъ бездоимочнаго взноса податей и чтобы дать средства къ пропитанію» «во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ (бывшихъ козачьихъ) всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ..., чтобъ казенные поселяне никакъ не смѣли ни продавать своихъ участковъ, ни закладывать, ниже какимъ бы то ни было образомъ переводить въ постороннія руки». Однако еще въ 1829 г. командированный сенаторъ, осмотрѣвъ лично многія волости губерніи, нашелъ «весьма неуравнительное владѣніе землями, причемъ одни крестьяне имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ, причемъ допускается уступка земель постороннимъ лицамъ». Сенаторъ настойчиво предлагалъ, чтобы казенная палата, «по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила бы предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями». Тогда казенная палата сдѣлала необходимое предписаніе, «чтобъ всюду земли были подѣлены по числу ревизскихъ душъ, поскольку на каждую уравнительно причитаться будетъ» *). Такія распоряженія повторялись до тѣхъ поръ, пока уравнительное владѣніе не водворилось наконецъ почти повсемѣстно. Однимъ словомъ, повторилась та же исторія, которую мы детально разсматривали на сѣверѣ. Такимъ образомъ общинное владѣніе у государственныхъ крестьянъ Харьковской губ. есть

*) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ интересной статьи г. Шиманова „Кіевская старина“ (кн. XI и XII журн. *Кіевская Старина*).

тение продлить позднейшего образования и административныхъ распоряженій. Не вправѣ ли мы спросить объ основательности той неутѣшительной картины, какую представляетъ современная община этой мѣстности? Вотъ главнѣйшія черты этой картины, какой она представляется по свѣдѣніямъ мѣстнаго земства: частые передѣлы не позволяютъ удобрять землю; запасныхъ участковъ для новыхъ членовъ нѣтъ; непривычные къ передѣламъ и вообще къ измѣренію земли; крестьяне не могутъ контролировать дѣлильщиковъ, которые, изъ корыстныхъ видовъ, допускаютъ злоупотребленія, обдѣляя неимущихъ и прирѣзывая земли состоятельнымъ; волостное начальство и горланы захватываетъ участки убылыхъ душъ и не выпускаютъ ихъ изъ своихъ рукъ *). Всѣ эти и подобныя явленія едва ли возможны тамъ, гдѣ община имѣетъ за собой исторію.

Трудно не признавать и не цѣнить всей той массы преимуществъ, какія имѣетъ общинная форма землевладѣнія передъ индивидуальной. Но въ то же время можно думать, что все громадное значеніе этихъ преимуществъ съ трудомъ окупаетъ тотъ вредъ, какой проистекаетъ отъ насилій надъ жизнью,—насилій, являющихся не результатомъ коллизіи, иногда неизбѣжной, внутреннихъ силъ соціальнаго организма, а результатомъ извнѣ идущаго произвольнаго усмотрѣнія. Форма землевладѣнія есть такая сторона народной жизни, которую нельзя затрогивать, не касаясь самыхъ интимныхъ глубинъ народной души, самой сути его правовыхъ и нравственныхъ идей. «Старая правда» рушится подъ ударами насилія; а гдѣ возьмутся тѣ зиждительныя силы, которыя создадутъ «новую правду», если это насиліе есть дѣйствительно грубое внѣшнее насиліе, камнемъ врывающееся въ органическій процессъ жизни? Глубокое потрясеніе основъ, выражающееся понижеміемъ въ народѣ уровня права и нравственности, неизбѣжно.

Но, если это справедливо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда произвольное усмотрѣніе ставитъ цѣлью ввести въ жизнь такую форму, какъ община,—форму, съ одной стороны имѣющую корни въ прошломъ, а съ другой стороны представляющую несомнѣнныя преимущества для настоящаго и будущаго,—то насколько справедливѣе все сказанное въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не имѣетъ за собой всѣхъ этихъ смягчающихъ условій?

*) Отвѣты и доклады лохвицкой уѣздной земской управы очередному уѣздному земскому собранію 25 мая 1892 г. стр. 168—70.

А между тѣмъ что же мы видимъ?—Передъ нами та же злосчастная Архангельская губернія, которой почему-то удалось сдѣлаться ареной безконечныхъ административныхъ мѣропріятій. Каждые два-три, много пять лѣтъ тамъ происходитъ смѣна администраторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ административныхъ принциповъ. Замѣчательно, что мѣстная администрація никогда не обходится безъ принциповъ, обязательно затрогивающихъ именно тѣ коренныя стороны народной жизни, которыя должны бы были быть, повидимому, наиболѣе оберегаемы отъ колебаній. Наприм., въ послѣдніе десятокъ-полтора лѣтъ можно было наблюдать переходъ отъ заботъ о водвореніи общественной разработки земли до заботъ о водвореніи наслѣдственнаго землевладѣнія включительно. Въ 1869 году губернаторъ Качаловъ разсылалъ циркуляры, въ которыхъ предлагалъ крестьянамъ дѣлать обществами росчисти лѣсовъ, заводить общественныя орудія и т. п. Послѣдніе же годы представляютъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ насажденію участковаго землевладѣнія. Совершенно ясный и давній законъ о лѣсныхъ росчистяхъ (именно указъ 15 декабря 1820 г.), предоставляющій эти росчисти въ сорокалѣтнее пользованіе расчистившаго ихъ крестьянина съ тѣмъ, чтобы потомъ онѣ поступали въ общество, начинаетъ толковаться такъ, что росчисти эти должны оставаться въ полную, наслѣдственную собственность владѣльца: такимъ образомъ земли, уже отошедшія къ общинамъ, снова возвращаются въ частное владѣніе. Право расчистокъ распространяется и на лицъ не крестьянскаго сословія, причемъ размѣры участковъ, вмѣсто крестьянскихъ 15 десятинъ, расширяются до 200 десятинъ на душу и т. д. *). Все это очевидныя стремленія къ водворенію снова того строя, съ которымъ правительство такъ энергически боролось всего какихъ-нибудь 50—100 лѣтъ тому назадъ. Неужели въ теченіе одного вѣка не достаточно одного такого грандіознаго эксперимента in anima vili и нужно снова бередить организмъ, въ которомъ только-что успѣлъ привиться ростокъ новой формы?

Ни для кого не тайна, что архангельская администрація въ своемъ сочувствіи къ участковому землевладѣнію не составляетъ какой-нибудь аномаліи въ общемъ теченіи административной жизни. И въ центральныхъ административныхъ сферахъ не разъ проявлялось желаніе содѣйствовать смѣнѣ общиннаго владѣнія

*) *Русскій Курьеръ* 1882 г., № 204; *Недѣля* 1882 г., №№ 29 и 30.

участковымъ. Такъ, наприм., когда составлялись владѣнныя записи въ малорусскихъ губерніяхъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, былъ негласный циркуляръ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, гр. Валуева, предписывавшій склонять государственныхъ крестьянъ-общинниковъ къ участковому владѣнію,—циркуляръ, вслѣдствіе котораго, дѣйствительно, крестьяне кое-гдѣ оставили общину. Конечно, это не единичный случай подобнаго вмѣшательства. Вотъ и теперь, когда по поводу переселеній разсылаются запросы губернаторамъ, въ числѣ вопросныхъ пунктовъ есть и вопросъ о лучшей формѣ землевладѣнія, которую слѣдуетъ предписать переселенцамъ.

Колебанія правительства въ сторону новаго радикальнаго вмѣшательства въ жизнь народа, въ организацію его землевладѣнія, находятъ себѣ много сторонниковъ и въ обществѣ. Въ средѣ нашихъ земствъ, часто очень благожелательно относящихся къ народу, то и дѣло раздаются голоса, взывающіе къ такому вмѣшательству и къ разрушенію общины. Нельзя не назвать этихъ стремленій, если даже они вытекаютъ и изъ совершенно чистаго источника, пагубно легкомысленными. Вѣдь такъ не трудно понять, какой смутой въ умахъ, какимъ расшатываніемъ правовыхъ представленій сопровождается такое вмѣшательство, если только допустить, что народная жизнь не есть пустота, которую можно по произволу наполнять какимъ угодно содержаніемъ. Только одной высшей, абсолютной правдой,—той правдой, которая олицетворялась въ крестьянской реформѣ,—можетъ быть оправдано подобное вмѣшательство: Тамъ же, гдѣ руководящимъ стимуломъ вмѣшательства является не такая высшая правда, а произвольное усмотрѣніе,—мнѣніе, какими бы аттрибутами вѣскости оно ни казалось окруженнымъ въ данную минуту,—касаться во имя его основъ народной жизни значитъ совершать нѣчто такое, за что исторія не замедлитъ потребовать расплаты.

А. Ефименко.

„ДОШУТИЛАСЬ".

(повѣсть.)

IX *).

Въ концертъ Марья Алексѣевна явилась, когда уже вся зала была полна. Котикова съ мужемъ ждали ее и закивали ей. Мефистофель-демонъ (странное сочетаніе, могущее имѣть мѣсто лишь въ головкѣ Марьи Алексѣевы) осклабился тоже, увидя ее. Она сразу ему понравилась, какъ никто, и онъ мечталъ уже объ интрижкѣ. Его уродливый носъ, висѣвшій надо ртомъ и двигавшійся, точно на пружинѣ, при каждомъ словѣ, а при улыбкѣ кривившійся на бокъ, не внушалъ ему серьезныхъ опасеній. Онъ считалъ себя молодцомъ-мужчиною, способнымъ заполонить всѣ женскія сердца.

Концертъ начался. Пѣлъ Б. съ капеллою русскую, грустную пѣсню. Его разбитый уже, но мягкій, задушевный голосъ, которымъ онъ владѣлъ мастерски, растрогалъ молодую женщину. Она опустила голову и перебирала вѣеръ, въ душѣ подпѣвая мотиву. Но, почувствовавъ себя неловко, она инстинктивно подняла глаза и встрѣтилась съ глазами мужа. Онъ стоялъ въ дверяхъ гостиной, среди другихъ слушателей, выглывшихъ изъ игорной, и впился въ нее глазами, точно собирался заглянуть въ ея душу. Его щеки казались осунувшимися, глаза впалыми. Ей стало жутко, но она пересилила себя и, перегнувшись черезъ Котикову къ Мефистофелю-демону, заговорила съ нимъ кокетливо. Но вскорѣ, пошептавшись съ Котиковою, помѣнялась съ нею мѣстами и, склонивъ близко головку къ сосѣду, улыбаясь, стала слушать его нашептыванья. Но она ничего

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

не слыхала: шумъ въ ушахъ и біеніе сердца мѣшали ей слышать и его слова, и слова пѣсни; звуки сами—и тѣ, сливаясь, болѣзненно отдавались въ ея душѣ. Она думала о томъ, прервать ли испытаніе, или продолжать.

Василій Николаевичъ чувствовалъ себя все хуже и хуже. Онъ боялся дурноты, обморока или удара. Кровь шумѣла у него въ ушахъ, приливала горячимъ потокомъ къ головѣ, затемняла глаза, заливала мозгъ, лишая его способности соображать, взвѣшивать.

«Нашла кѣмъ увлечься... Боже мой, да неужели я хуже этой рожи? Впрочемъ, чувство не разбираетъ,—это своего рода сумашествіе, болѣзнь. Можетъ-быть просто тянетъ страсть,—ну, онъ и кажется ей красавцемъ... Я не по ней, говоритъ она давно. Чѣмъ я лучше, что смѣю требовать ея любви? Не лучше, но мужъ, потому и имѣю право на нее, связанъ съ нею узами долга, клятвою... Ха-ха-ха! Точно онѣ понимаютъ значеніе, великую тайну обряда,—думалось ему.—Имъ платье подвѣнечное, бѣлые башмаки—вотъ для нихъ смыслъ вѣнчанья».

Когда первое отдѣленіе кончилось и она пошла съ уродомъ подъ руку по залѣ, нарочно проходя мимо мужа, онъ не выдержалъ и позвалъ ее, назвавъ «Марьей Алексѣевной».

Она извинилась и отошла къ нему въ уголъ.

— Поѣдемте,—промолвилъ онъ.

— Поѣзжайте, а я остаюсь. Я васъ не держу.

Она хотѣла отойти, но онъ схватилъ ее за руку, забывъ, что ихъ видятъ всѣ.

— Вы поѣдете,—я вамъ приказываю!

Ея пальцы хрустнули, она чуть не крикнула отъ боли, но любезно улыбалась, кланяясь кому-то.

— Оставьте меня,—вамъ до меня не должно быть дѣла. Я свободна, и вы свободны; я васъ не стѣсняю, не мѣшаю,—не мѣшайте и вы мнѣ,—съ улыбкою шептала она, будто любовно.

— Я вашъ мужъ,—я имѣю право... Вы поѣдете сейчасъ,—прошипѣлъ онъ, не сознавая сказаннаго.

— Вы забыли ваше благоразуміе,—на насъ глядятъ.

Она высвободила руку изъ его разомъ ослабѣвшихъ пальцевъ и отошла къ своему демону съ индюшечьимъ носомъ.

«Ни за что не уѣдетъ,—рѣшила она.—Именно теперь ни за что».

Всю вторую перемѣну она не спускала главъ съ двери, но мужъ не показывался.

«Слѣдитъ откуда-нибудь,—подумала она и еще больше стала заигрывать съ индюкомъ и хохотать до того громко, что Котикова остановила ее:

— Да будетъ вамъ бѣсноваться!

«Спится мнѣ младешенькѣ...»—пѣлъ пѣвецъ жалостливо, разставивъ руки и потрясая ими въ тактъ.

Марья Алексѣевна взглянула на его чисто-русскій овалъ лица, распущенные по плечамъ русые кудри, плохо гармонировавшіе съ бархатнымъ костюмомъ и брилліантовыми перстнями поверхъ перчатокъ, и вдругъ сдѣлала открытіе, поразившее ее. Пѣвецъ былъ похожъ на мужа. То же красивое лицо съ окладистой бородой, ростъ, сложеніе,—то же выраженіе самодовольства и увѣренности. Та разница только, что этотъ—блондинъ, а тотъ—брюнетъ. «А совсѣмъ бояринъ русскій, только кафтана не хватаетъ».

«Милый другъ по сѣничкамъ похаживаетъ,— выводилъ пѣвецъ.—Спи, спи, моя милая...»—закрывалъ онъ глаза, спуская голосъ до самыхъ тихихъ нотъ.

«Ахъ, и мой Вася такъ говоритъ мнѣ, голубчикъ, миленькій!»—думала Марья Алексѣевна, умиляясь на воображаемую въ углу фигуру мужа.

«Загонена, забранена, рано выдадена...»—подхватилъ хоръ и замиралъ, постепенно растягивая послѣднія слова.

Громъ рукоплесканій отвѣтилъ ему. Затопали, застучали стульями.

Марья Алексѣевна успокоилась. Чувствовалась потребность примиренья, душевнаго согласія, тишины. Разумъ яснѣлъ все болѣе и болѣе, колебанія насчетъ примиренья овладѣвали ею все сильнѣе.

Пѣвецъ удалился въ отведенную ему комнату выпить воды.

Красавецъ-органистъ кокетничалъ и игралъ чудными глазами на дамъ перваго ряда, переговариваясь съ басомъ и рисуясь профилемъ и зубами.

— Что онъ гримасничаетъ? Противно! — громко выговорила Марья Алексѣевна.

Котикова дернула ее за платье.

— Что вы кричите?

— А пусть слышитъ. Онъ—дуракъ, ничего больше.

Красавецъ плавно поворачивалъ голову, скользя бархатнымъ взглядомъ по ножкамъ дамъ перваго ряда, въ томъ числѣ и Марьи Алексѣевны. Она спрятала ноги.

— Ахъ, онъ такъ хорошъ, что ему простительно,—пропѣла Котикова, глядя на него въ лорнетъ, и выставила ноги.

Красавецъ благодарно повелъ на нее глазами и нагнулся надъ нотами, щеголяя волнистою гривой.

— Я положительно въ него влюбилась, — тянула Котикова, лукаво скосившись на своего мужа, вытиравшаго лобъ платкомъ. Онъ былъ красенъ, какъ его шелковый платокъ.

Марья Алексѣевна презрительно окинула ее глазами.

«Жалкая, пустая, глупая!... Тоже хочетъ мужа заставить ревновать. А она-то сама лучше?»

Появился пѣвецъ. Захлопали. Бойкій мальчикъ въ перчаткахъ, съ серебряною цѣпочкой на бархатной куртке, подалъ ему палочку. Раздалась прелюдія. Публика задвигалась, заволновалась; пронесся шепотъ...

— Ахъ, мое любимое, слушайте! Съ ума сойдете,—шепнула Козочкиной Котикова.

Марья Алексѣевна отставила губку и поморщилась.

«Поскорѣй бы кончалось».

Хоръ какъ-то дрогнулъ и замеръ, уставившись на пѣвца. Б. строго, съ достоинствомъ, повелъ глазами направо, налѣво, взглянулъ на публику. Котикова встряхнулась и задвигалась безпокойно. Многіе переглянулись и воззрились въ пѣвца съ улыбкою пріятнаго ожиданія.

X.

— «А изъ рощи, рощи темной...»—съ аккомпаниментомъ органа и капеллы пѣлъ Б. Аккорды звучно разносились по залѣ; резонансъ былъ чудесный. На улицѣ, подъ окнами, толпились мѣщане, солдаты, кухарки; извощики—и тѣ слушали, поднявъ кверху замороженныя лица и тихо шлепая рукавицами.

«Не течетъ рѣка обратно,..»—грустно-страстно, отчетливо звучало по комнатамъ.

Прислуга, поваръ въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ, ихъ жены—всѣ собралось слушать эту любимую пѣсню. Марья Алексѣевна, недовѣрчиво отнесшаяся къ словамъ Котиковой и начавшая слушать съ пренебреженіемъ и зѣвотою, затаила дыханіе. Она вспоминала, какъ мужъ говорилъ съ кѣмъ-то объ этой пѣснѣ и выразился такъ, что «эту глупую пѣсню пѣть только прачкамъ подъ стать, сидя у воротъ, щелкая сѣмечки въ сумеркахъ и и ожидая любезнаго съ гармоникою».

«Ну, да, конечно, отъ него и ждать другого нечего. Онъ и романовъ никогда не читаетъ, и не любитъ, когда она что-нибудь чувствительное играетъ, вродѣ: «La prière d'une vierge». Ему все Бетховена подавай, да серьезныя статьи, вродѣ: «Наука и женщина». Онъ и ее хотѣлъ пріучить читать серьезныя вещи—Дреппера, Дарвина, Бокля, Милля; но она отдѣлалась. Очень ей нужно знать, какъ тамъ другіе смотрятъ на все! У нея свой взглядъ. Авторъ книги: «Наука и женщины»—женщина и городитъ такую чушь, что кухня, мытье, машина скоро затрутся скелетами, черепами, трупами, научными изслѣдованіями, разными должностями... Вздоръ! Это значитъ и любить нужно перестать, потому что любовь присуща, главнымъ образомъ, женщинѣ, неразрывна съ нею. Это ея жизнь, душа, все... Пусть кто хочетъ наряжается въ панталоны и идетъ рѣзать людей, копаться въ ихъ кишкахъ (ее повело), а она всегда останется вѣрна себѣ. Вася это называетъ отсталостью... Пусть. Еще успѣетъ и начитаться, и впередъ уйти, а пока для нея одно нужно: любовь и ласка. Да и онъ-то самъ: «Дума, городъ, отвѣтственность, представитель, вліяніе»—вѣдь все это слова. А попробуй я серьезно охладѣть къ нему,—поглядѣла бы. Теперь-то и то ужь...»

«А изъ рощи, рощи...»—въ третій разъ, тихо, медленно, съ выраженіемъ серьезной строгости и вмѣстѣ таинственности, радостнаго забытья, неслось по залѣ.

Марья Алексѣевна точно на парусахъ плыла вслѣдъ за этими звуками. На душѣ ея совсѣмъ просвѣтлѣло, улеглось. Колебанія исчезли, сгладились, замѣнились твердою рѣшимостью. Внутри ея стало вдругъ тепло, тепло, словно туда проникли весенніе солнечные лучи. Воображеніе рисовало ей природу: птички щебечутъ въ зелени, соловей, лѣсъ, солнце, небо безпредѣльное, необозримыя пространства полей и луговъ... Весело, живо... И она съ Васею въ лодкѣ, поетъ: «А изъ рощи, рощи темной». Онъ слушаетъ, соглашается, что глубокій смыслъ скрытъ въ этой пѣснѣ, и гладитъ ее по головкѣ, называя ее «свѣтлою умницей». Щекамъ ея дѣлалось жарко, глаза неестественно щурились, мигали. Она забылась до того, что чуть не сложила на груди руки и не подняла глаза къ потолку.

Не успѣло это отдѣленіе окончиться, какъ она полетѣла въ игорную. «Гдѣ онъ?—Нѣтъ». Она въ буфетъ, въ столовую,—нигдѣ нѣтъ.

«Играетъ вѣрно на биллiардѣ внизу».

— Вы кого ищете, мужа?... Ушелъ давно,—раздалось около нея.

Мировой, шутъ гороховый!

— Что вы сдѣлали съ нимъ? Онъ на себя не похожъ. Охъ, барыня, берегите его,—грѣхъ будетъ.

Ея сердце ёкнуло.

«Ушелъ, ушелъ... Поставилъ-таки на своемъ».

У нея ноздри заходили, поднялись.

«Хоть бы предупредилъ,—такая небрежность! Тѣмъ лучше,—есть къ чему придраться. Чего ей жалѣть его, когда онъ ее не жалѣетъ! А она, дура, расчувствовалась. Никогда больше не поддастся глупому сердцу; надо слушаться холоднаго разсудка».

Она вернулась въ залу. Тамъ двигали стульями, слышался смѣхъ, шутки, споръ. Ей противна стала суета, никому ненужная возня. Куда спѣшатъ, чему радуются? Все—мишура, фальшь, напускное. «Жить спѣшатъ».

Она злобно оглянулась на стоявшую рядомъ пару.

«Отъ нечего дѣлать... Ахъ, какъ всѣ они противны!»

У нея начинала дрожать грудь. Чудовъ ей сдѣлался отвратителенъ. Она готова была обругать его. «Все изъ-за него!» Она прикрыла ухо вѣеромъ, чтобы не слышать говора, смѣха окружающихъ, шарканья ногъ по полу, шуршанья шлейфовъ. «О, какъ она ненавидѣла все и всѣхъ!»

Третье отдѣленіе она просидѣла какъ во снѣ, не понимая ничего. Въ ушахъ бились слова: «ушелъ, ушелъ»; въ головѣ былъ хаосъ.

«А если онъ спитъ, забылъ думать о ней, дѣла до нея нѣтъ?»

Она поминутно открывала часы; руки и ноги у нея холодѣли, въ вискахъ бились жилы. Музыкантъ-красавецъ казался ей уродомъ; взглядъ мальчика, стоявшаго ближе всѣхъ къ ней, крошечнаго, худенькаго, блѣденькаго, завитого, который возбуждалъ въ ней прежде жалость, теперь злилъ ее. Она насилу досидѣла до конца. Котикова пригласила ее ужинать, и она съ радостью согласилась.

XI.

Козочкинъ все время проходилъ по кабинету, то схватываясь за голову, то прикладывая руку къ сердцу, какъ-то странно замиравшему, такъ что по временамъ его совсѣмъ не слышно

было. Жена его разлюбила, обманываетъ, для него не оставалось сомнѣнія. Онъ наблюдалъ ее нарочно, и убѣдился въ этомъ. Онъ—жалкій, несчастный человѣкъ; ему немыслима жизнь безъ нея. Сегодня,—нѣтъ, сегодня онъ не владѣетъ собою, а завтра онъ объяснится, и если... Въ первый разъ за два года въ немъ шевельнулось сожалѣніе и раскаяніе въ женитьбѣ, въ невозможности вернуть прошлое, поправить ошибку. «Да, это была ужасная ошибка. Онъ думалъ, что знаетъ ее, считая только избалованною, наивной дѣвушкою. Онъ не зналъ, что она—пустая, легкомысленная женщина, безъ принциповъ, воли, разсудка и сердца. Не чувство въ ней, а распущенность, разнузданность страстей. Много было дѣвушекъ, а ни одну онъ не выбралъ. Всѣ онѣ хорошія матери, жены, подруги мужьямъ, а эта только и думаетъ быть ему любовницею. Да, вотъ слово!... И вмѣстѣ съ тѣмъ, со всѣми этими порочными наклонностями, недостатками, онъ любитъ ее и разлюбить, забыть не сможетъ. Любитъ еще сильнѣе въ эти мучительные дни. Разойтись, дать ей свободу?...» Онъ хрустнулъ пальцами. Глаза его, потемнѣвъ, безъ блеска, остановились на одной точкѣ.

«Захочетъ уйти, и такъ уйдетъ, если полюбитъ не шутя. Для такихъ нѣтъ ни долга, ни чести, нѣтъ обязанностей и понятія о нихъ; не нужно для нея и развода. Замужъ если захочетъ выйти второй разъ, — не легче будетъ отъ того, что онъ ее свяжетъ, не давъ развода... настоящаго: она возненавидитъ его, оставитъ память дурную,—разбираетъ она развѣ, что я человѣкъ, не скотъ, не собака, по-человѣчески чувствую и живу? Ей люди не нужны,—ей нужна фантазія; она живетъ фантазіей, а не дѣйствительностью! Ну, и пусть... Чего бы ни стоило, все отдастъ, развяжетъ ей руки на всѣ четыре стороны. А онъ-то самъ что же?... Онъ?—Ну, онъ смотрѣть будетъ на нихъ и любоваться, радоваться... Женится опять?—Нѣтъ. Одна ошибка служитъ урокомъ на всю жизнь. Она все взяла отъ него, унесла съ собой—и душу его, и сердце, кровь, помыслы... Ничего не осталось!... Одинъ умъ,—сухой, холодный умъ. Да, онъ—эгоистъ, и самонадѣянный эгоистъ; но вѣдь онъ любитъ ее больше себя, больше жизни. И все-таки какъ же отказаться отъ нея, какъ жить? Гдѣ взять для этого силы?»

Онъ сѣлъ, уронилъ на столъ голову и осталося недвижимъ. Онъ никогда не плакалъ. Но тутъ слезы прорвались наружу и катились по лицу, бородѣ, смачивая тонкое полотно рубашки.

Онъ—сильный, крѣпкій мущина—плакалъ, какъ дитя, безсильно вехлипывая и глотая соленыя слезы. Это были первыя и послѣднія слезы, слезы прощанья съ нею, отрѣшенья отъ нея, отъ прошлаго, счастливаго, чѣмъ жилъ, дышалъ, мыслилъ... Это было прощанье съ жизнью, со всѣмъ, что дорого, свято, во что вѣрилъ, во имя чего трудился.

XII.

Часы равнодушно тюкали; свѣчка, не шевеля пламенемъ, отбрасывала отблескъ на полъ, оставляя въ полумракѣ углы и его склоненную надъ столомъ здоровую, плечистую фигуру; сверчокъ смѣло трещалъ въ щели у двери, одинъ, въ отвѣтъ часамъ, нарушая тишину спавшаго дома. Изъ-за притворенной двери доносился храпъ и сопѣнье сладко спавшей горничной.

Василій Николаевичъ поднялся. Лицо его было мокро, но глаза сухи, тверды, непреклонны. Онъ ровнымъ, быстрымъ шагомъ подошелъ къ двери, заперся и, вынувъ листъ почтовой бумаги, сталъ писать своимъ красивымъ, крупнымъ, отчетливо-твердымъ почеркомъ, не останавливаясь, не подбирая словъ. Потомъ вложилъ листъ въ конвертъ, написалъ адресъ, отложилъ письмо въ сторону, выдвинулъ ящикъ. Движенья его были спокойны, лицо холодное, застывшее. Онъ взялъ револьверъ, оглядѣлъ зарядъ. «Завтра онъ узнаетъ, объяснится и... Уѣхать, похоронить себя?... Бросить все—службу, пользу?... Онъ—честный, онъ стоитъ высоко, на него надѣются, отъ него ждутъ многаго. Начать и не кончить, изъ малодушія не довести мечту до осуществленія... «Мечту»... Одна была мечта, и нѣтъ ея,—разбита въ прахъ, и осколковъ не осталось,—не жаль... Ни на что онъ не годенъ теперь. Пуля—вотъ исходъ самый вѣрный, благодарный... Успокоить и ее, и себя однимъ ударомъ».

Онъ поднялъ руку, но вдругъ встрепенулся,—ему почудился звонокъ... «Не приливъ крови,—нѣтъ».

Онъ мгновенно спряталъ револьверъ, накинулъ шубу, схватилъ шапку и, безъ калошъ, кинулся по лѣстницѣ на дворъ.

Звонокъ повторился. Кучеръ было выскочилъ, но онъ ему сказалъ, что самъ отворитъ. У калитки звучали голоса... мужской голосъ. У Василья Николаевича зашумѣло въ ушахъ. Онъ взялся за палку, придерживавшую калитку. Ему пришла мысль размозжить голову своему сопернику. «Засудятъ, сошлютъ, тамъ

медленная смерть въ кандалахъ... А если оправдаютъ, все едино—одинъ смыслъ, одинъ конецъ».

Эти несвоевременныя мысли, какъ вихрь, крутились у него въ мозгу, пока онъ похолодѣвшими руками отодвигалъ запоръ.

Марья Алексѣевна, блѣднѣе обыкновеннаго при голубомъ свѣтѣ мѣсяца, выплывшаго изъ-за застилавшей его тучки, въ бѣломъ платьѣ, откинутомъ со лба, съ чуть колеблющимися завитушками, стояла лицомъ къ Чудову, провожавшему ее. Мефистофель-демонъ, низко наклонясь надъ нею и держась обѣими руками за борты шубы, горячо говорилъ что-то. У Василья Николаевича подкосились ноги отъ этихъ словъ. Но жена не слышала изліяній индюка. Она даже не могла на него сердиться,—до того ея дума и помыслы были полны другимъ. Она заглядывала вверхъ на окна, думая тамъ увидѣть свѣтъ, признакъ того, что мужъ ее ждетъ, но все было темно въ окнахъ, и домъ казался погруженнымъ въ спокойный сонъ.

— Ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія,—шипѣлъ индюкъ, поводя кончикомъ носа.—Я вамъ клянусь—на край вселенной убѣгу, если прикажете. Завтра вы будете на вечерѣ? Пріѣзжайте, ради Бога, я вамъ долженъ передать важное... Жизнь и смерть будетъ зависѣть отъ этого.

Марьѣ Алексѣевнѣ было ужасно смѣшно отъ этихъ напыщенныхъ признаній.

«Что еслибъ онъ сталъ еще на колѣни и Вася увидѣлъ!—подумала она.—Вотъ былъ бы эффектъ. Ужъ тогда головой бы ручалась за драму».

Калитка съ шумомъ отворилась и передъ ними предсталъ Василій Николаевичъ, блѣдный, съ надвитою на глаза шапкой, съ трясущейся челюстью и распахнутою шубой на груди. Ноздри его были какъ-то втянуты внутрь. Онъ, казалось, не дышалъ и вотъ-вотъ кинется на нихъ. Ей даже показался въ рукавѣ шубы, въ сжатой рукѣ, револьверъ. Въ первую минуту она испугалась, но потомъ, совладѣвъ съ собой, юркнула въ калитку, шепнувъ уроду:

— Merci, à demain donc.

Мужъ и соперникъ стояли лицомъ къ лицу. Василій Николаевичъ чуть не кинулся душить этого наглеца. Чудовъ насмѣшливо приподнялъ шляпу-цилиндръ и откланялся съ ехидною улыбкой. Василій Николаевичъ обезумѣлъ отъ этой улыбки. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на Чудова, схватилъ его за шиворотъ шу-

бы. «Храбрый любовникъ» ужаснулся виду «ревниваго мужа»,— онъ думалъ, что ему тутъ «капутъ» на мѣстѣ, и заоралъ благимъ матомъ:

— Сторожъ!

На углу улицы показался мужикъ въ овчинномъ тулупѣ, закутанный башлыкомъ. Брякнула колотушка разъ, другой и—пошла писать трещотка, разнося успокоивающіе свои звуки по городу и водворяя тишину и порядокъ.

Василій Николаевичъ опомнился, ужаснулся своего поступка и вдругъ этотъ ужасъ заставилъ его сдѣлать новый ужасъ: онъ толкнулъ соперника своего мощною рукой, и тщедушный, безсильный, изжившійся, бойкій на словахъ и храбрый лишь въ дѣлахъ любви, Донъ-Жуанъ полетѣлъ носомъ въ снѣгъ и уперся въ него руками въ элегантныхъ шведскихъ перчаткахъ отъ Бонне. Ни слова, ни звука не было сказано между ними, но они поняли другъ друга безъ этого и оцѣнили по достоинству одинъ другого.

Храбрецъ вскочилъ на ноги и, опасаясь новаго нападенія отъ стоявшаго неподвижно «атлета» (какъ онъ обозвалъ Василья Николаевича), подобралъ полы шубы и зашагалъ, чуть не забывъ поднять цилиндръ, откатившійся далеко подъ горку.

«Sacrebleu! Однако, это опасная штучка,—тутъ и обжечься легко, — разсуждалъ онъ, стаскивая никуда негодныя, мокрыя перчатки. — Хорошо, что никого не было... Придется поскорѣй уѣхать изъ этого нецивилизованнаго городишки, гдѣ не умѣютъ уважать чувства достоинства постороннихъ людей».

Василій Николаевичъ, не шевелясь, глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ былъ радъ этой минутной вспышкѣ. «Если узнаютъ,—разскажутъ... Пусть, — думалъ онъ, — ему все равно: онъ исчезнетъ съ лица земли и не услышитъ, какъ будутъ трепать его имя грубые, ничего непонимающіе, люди. А она... она скоро перемѣнитъ это имя на другое. Его никто понять не въ состояніи, тѣмъ болѣе она. Да и онъ не разскажетъ, коли есть частица самолюбія,—за себя стыдно станетъ. Неужели, будь онъ холостякомъ, онъ бы былъ такимъ же пошлякомъ, не задумался бы разрушить счастье семьи ради минутнаго развлеченія, удовлетворенія животнаго инстинкта?—Нѣтъ и нѣтъ!»

— Гдѣ ты пропадаешь?... Тутъ обкрадутъ и никто не увидитъ! — крикнулъ онъ на сторожа и пошелъ отъ дома. Ему было жарко,—нуженъ былъ моціонъ, воздухъ, чтобъ отрезвиться.

Сторожъ отошелъ и подумалъ, что «неужто-жь это былъ воръ, что баринъ поколотилъ сейчасъ? Въ енотовой шубѣ,—мудрено что-то...» Колотушка опять застучала и тяжелые шаги прозвучали у дома, гдѣ въ опьяненіи раздѣвалась Марья Алексѣевна, ожидая съ стѣсненнымъ сердцемъ результата встрѣчи.

«La donna e mobile...»—мурлыкалъ Чудовъ, уже оправившійся отъ смущенія, всходя на ступени своей гостиницы и чувствуя себя опять героемъ, побѣдителемъ прекраснаго пола.

XII.

Козочкинъ подозвалъ извощика, сѣлъ и тотчасъ почувствовалъ ужасную слабость во всемъ тѣлѣ.

— Куда-съ?—освѣдомился извощикъ.

— Все равно, прямо,—буркнулъ онъ и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою.

Извощикъ покатилъ по шоссе, къ вокзалу. Сани раскатывались, ныряя въ ухабахъ. Козочкинъ тупо глядѣлъ на спину возницы, на ходъ пристяжной, съ коротко-подвязаннымъ хвостомъ, и толстыя, шершавыя ноги. Мѣсяцъ ясно выдѣлялся на темно-синемъ фонѣ морознаго неба и лучи его разсыпались милліонами жемчужинъ и брилліантовъ по снѣжной равнинѣ. Звѣзды водили хороводы, весело мигая на ѣхавшихъ. Извощикъ что-то заговорилъ, повернувъ лицо съ замерзшею бородой и краснымъ носомъ. На Козочкина пахнуло водкой и онъ уткнулся носомъ въ воротникъ.

«Вотъ направо кладбище. Завтра и его повезутъ сюда... Нѣтъ, послѣ-завтра, черезъ три дня. Счастливый извощикъ! у него жена-дура, семья,—онъ покоенъ; у бѣдняги все сгорѣло на дняхъ, и все-таки онъ—счастливый. Пьяница, цѣлый день на морозѣ, пріѣдетъ измерзшій, завалится спать съ трубкой и—счастливъ, не задается вопросами, сомнѣніями. А отъ трубки сѣно, на которомъ спитъ, вспыхнетъ и—пожаръ. Дотла сгоритъ опять, поставитъ новый срубъ и—опять счастливъ. А онъ... У него всего вдоволь и... умереть тянетъ. Странно; все—чушь, шиворотъ навыворотъ. Старуха слѣпая, что ходитъ къ нимъ на дворъ за хлѣбомъ, и та боится... А онъ радъ, ему не жалко жизни, ничего не жаль.

«А вѣдь жена будетъ плакать. Ей черное къ лицу... вдаль креповый; нищимъ милостыню будетъ раздавать, приговаривая: «помяните раба Божія Василія...»

Онъ усмѣхнулся и, захвативъ въ зубы кусокъ мѣха, рванулъ нѣсколько волосъ и плюнулъ.

— Эй, милые!—словно въ отвѣтъ на его размышленіе раздался счастливый голосъ возницы и онъ хлестнулъ залѣнившуюся пристяжную.—Сказываютъ, намеднись, тутъ волка видѣли,—продолжалъ онъ, неловко выговаривая захолодѣвшими губами.

Василій Николаевичъ промолчалъ и еще плотнѣе запахнулся въ шубу.

«Что ему волки?... Кабы стая цѣлая накинулась сейчасъ, только бы перекрестился,—не все ли одно, какой конецъ... А извощику страшно,—дѣти, жена-дура останется, сироты безъ поддержки...»

Ему припомнилось, какъ они съ женою разъ катались послѣ ссоры. Онъ ее обнялъ, а она спрятала личико въ его шубу. Она сказала тогда, что если они разойдутся, то имъ обоимъ не жить... Какъ скоро проходитъ все!... Все—ложь, слова, самообманъ, игра того же воображенія».

Вдали свистнулъ локомотивъ.

«Какой поѣздъ? — Да, почтовый... Вотъ исходъ, — чего же искать? Цѣль одна, а какъ и гдѣ—разницы нѣтъ. Обезобразить его, и не узнаетъ никто... Мигъ одинъ. А дѣла?—Не сданы, не въ порядкѣ, на немъ отвѣтственность. Что это ноги какъ щипетъ! Ахъ, да онъ безъ калошъ... И это хорошо,—простудится».

Онъ сталъ перебирать пальцами, чтобъ отогрѣться, но тотчасъ пересталъ опять и выставилъ ихъ изъ-подъ шубы.

«Что за вздоръ? На что нужно? Все равно, сейчасъ конецъ. Только доѣхать».

Окна вокзала, блестя издали, манили къ себѣ. Въ эту минуту тамъ зажигаютъ лампы, суетятся, вносятъ самоваръ, гремятъ чашками; на столѣ булки горячія. Тѣ же лица, тѣ же движенія, рѣчи, тотъ же скрипъ двери на платформу, мельканіе фигуръ съ фонарями, ключами...

«А жизнь-то самая—не то же ли однообразіе? Не тотъ же ли хаосъ—душевный міръ каждаго человѣка? У кого тамъ гладко, установлено разъ и не измѣняется ни при какихъ условіяхъ? У него перваго было гладко, вложено въ извѣстныя рамки,—гладко до этой минуты, и только эти два дня все перевернули на изнанку, спутали и разобраться нельзя, да и не нужно. Къ чему? Кому отъ того польза?

«Гдѣ это собака воетъ? Это меня она хоронитъ... Въ низу мордою—мертвецъ, къ верху—пожаръ. Сейчасъ, близко уже, два шага. Десятки жизней несутся сюда въ этихъ вагонахъ и увезутъ, раздавятъ своею тяжестью одну жизнь». Онъ вздрогнулъ. Голова была тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ощущалась какая-то странная пустота.

«Долговъ нѣтъ у него, жена—одна наслѣдница; онъ, какъ перстъ, одинъ,—она обезпечена. Судить станутъ и пусть,—они всѣ ему мелки, жалки съ своимъ счастьемъ, беззаботностью, мелкими будничными интересами. Онъ счастливъ, что развяжется съ ними, перестанетъ имѣть дѣло, не увидитъ ихъ больше,—ни удивленья ихъ, ни сожалѣнія, ни насмѣшекъ, ни холоднаго соболѣзнованія». Въ душѣ его было покойно и тихо, страшно тихо. Онъ взглянулъ на небо.

«Что тамъ ожидаетъ? Лучшее средство заставить себя вѣрить—рѣшиться умереть. Послѣднія минуты, сознаніе неизбѣжности столкновенія съ «этимъ» — приносятъ вѣру въ то, надъ чѣмъ тѣшился раньше въ другихъ.

«Трусливое, неблагодарное созданіе—человѣкъ! Гдѣ это они ѣдутъ? Сани стучатъ... Да, по мостику. Какъ хорошо, что у нихъ дѣтей нѣтъ. Никакихъ обязательствъ,—ничто не удерживаетъ. А обязательства службы?»

Онъ махнулъ рукой.

«Да, онъ еще по картамъ долженъ... Карточный долгъ — долгъ чести. Два рубля шестьдесятъ три копѣйки. Все пятно... Ахъ, вздоръ, все вздоръ! Одно не вздоръ—это «то» и «тамъ».

Онъ въ изнеможеніи откинулся на спинку саней и закрылъ глаза.

— Пріѣхали!—послышалось надъ нимъ.

Онъ очнулся. Они стояли у вокзала. Направо—стѣна извощичьихъ парныхъ саней, съ сидѣньемъ изъ сѣна въ мѣшкахъ толстаго холста; налѣво—крыльцо съ кишащими на немъ солдатами, служителями, извощиками. Въ дверяхъ застрялъ толстякъ-помѣщикъ съ чемоданомъ и подушкою, перетянутой ремнемъ. За нимъ, въ распахнутую дверь, видны прилавки, ящики, тюки... Несетъ махоркою, дегтемъ, сивухою, луномъ.

— Василій Николаевичъ!... Сколько лѣтъ, батюшка?—захрипѣлъ толстякъ.

«Сейчасъ подойдетъ, ухватится за край шубы и... конца не будетъ».

— Назадъ!... Скорѣе! — промолвилъ Безочинъ.

Возница подобралъ возжи, стегнулъ лошадей. Они помчались. Василій Николаевичъ глубже опустился въ сани и свѣсилъ голову на грудь.

Толстянъ спасъ его отъ смерти подъ вагонами. Надолго ли? Зачѣмъ? «Чтобъ умереть подъ пулей?... Не смѣшно ли?»

XIV.

«Куда же это онъ дѣвался? — думала Марья Алексѣевна, сидя на постели, обхвативъ руками колѣна и положивъ на нихъ подбородокъ. — Опять въ клубъ доигрывать, въ отместку мнѣ?»

Она приказала Дуняшѣ разбудить кучера и узнать, въ клубѣ ли баринъ? Пока Дуняша исполняла приказаніе, барыня ходила въ волненіи по комнатѣ, — ей время это казалось вѣчностью, — и успокоилась лишь тогда, когда хлопнула калитка.

Оказалось, что барина въ клубѣ нѣтъ. Марья Алексѣевна испугалась.

— Такъ гдѣ же онъ? — спросила она Дуняшу.

— Незнаю-съ, — отвѣтила та.

«Вотъ смѣхъ-то: то баринъ барыню ищетъ, то она его», — подумала Дуняша, съ слипавшимися глазами, и, завалившись, захрапѣла, какъ убитая.

Марья Алексѣевна провела мучительную ночь. Воображеніе ея разыгралось до-нельзя и рисовало ей мужа уже разбитымъ, искалѣченнымъ, съ оторванными ногами, руками, головою, перерѣзаннымъ туловищемъ. Она рвала на себѣ волосы, кляла себя, Чудова, Котикову, — «они были главною причиной несчастія», — со слезами кидалась передъ образами, прося небо возвратить ей Васю цѣлымъ, давала обѣты, клятвы исправиться, наложить на себя епитимію и говѣть два раза въ годъ, чтобы снять съ себя грѣхъ, наставить свѣчей на три рубля и т. д. И въ то же время обдумывала, какого повара позвать готовить, въ случаѣ чего, успѣютъ ли ей сшить въ два дня траурное платье, кого позвать. «Молодая, интересная вдовушка», — она себѣ не могла вообразить этого, — и тутъ же называла себя «подлою» за то, что такія мысли ей приходятъ въ голову въ такія минуты. Всю ночь она не сомкнула глазъ. Во всю жизнь не мучилась она такъ. Она то и дѣло взглядывала на часы. Пробило пять, шесть, начинало свѣтать. Марья Алексѣевна, разбитая безсонни-

цей и волненіемъ, физически и нравственно, упала лицомъ въ подушки и замерла. Слезы обильно текли, смачивая подушку. Въ семь часовъ, когда уже встала Дуняша и убирала комнаты, раздался слабый звонокъ на дворѣ. Марья Алексѣевна вскочила; кровь отлила отъ ея сердца къ головѣ. Она затаила дыханіе и, рискуя простудиться, высунулась въ форточку. Ей почудилось, что мужа привезли съ вокзала мертваго, изуродованнаго.

«Слава тебѣ, Господи, живъ, цѣлехонекъ! — перекрестилась она, узнавъ его шаги.—Но гдѣ же онъ могъ пропадать?» Опять враждебное чувство шевельнулось, дрогнули губки, надулись, въ глазахъ легло задорное выраженіе.

Она юркнула подъ одѣяло и притворилась спящей. Тяжелые шаги подвигались къ двери. Онъ вошелъ въ шубѣ, шапкѣ, медленно сбросилъ шубу на кушетку, шапку на полъ, нецачиваясь, подошелъ къ постели, взялъ графинъ и съ жадностью сталъ пить.

«Боже мой, да онъ пьянъ!»

Ужасная мысль прорѣзала ей мозгъ.

«Онъ былъ... Онъ былъ... Боже мой, Боже!» — чуть не закричала она, схватываясь руками за грудь и надавливая ее до боли. Василій Николаевичъ раздѣвался, съ трудомъ ворочая руками и сбрасывая на полъ вещи; потомъ грузно упалъ на постель, тяжело дыша. Отъ него сильно пахло виномъ. Глаза его отяжелѣли, покраснѣли, потускнѣли какъ-то, щеки втянулись внутрь; волосы въ безпорядкѣ падали на лицо; борода была всклокочена.

Марья Алексѣевна почувствовала отвращеніе, ужасъ, отчаяніе. Она долго пролежала, широко раскрывъ глаза и испуганно, безсмысленно глядя передъ собою на печку.

«Я убью себя, я убью себя, не переживу»,—твердила она мысленно.

— Гдѣ вы были, негодный человѣкъ?—вдругъ крикнула она и вскочила на постели.

— Отвѣчайте,—продолжала она, стиснувъ зубы, но, вспомнивъ, что Дуняша можетъ слышать, шепотомъ добавила:

— Мы—чужіе, я вамъ не жена... Я васъ не люблю, презираю!

Она остановилась, ожидая отвѣта; но онъ лежалъ, какъ пластъ, закинувъ одну руку подъ голову и свѣсивъ другую съ кровати. Лицо его было красно.

«О, эти руки,—какъ она любила ихъ цѣловать...

— Боже мой, Боже мой, я съума сойду!

Она схватилась за голову, сжала виски.

— Я другого люблю, знайте это, а васъ ненавижу!—громкимъ, трагическимъ шепотомъ промолвила она и, упавъ лицомъ на одѣяло, въ ноги постели, зарыдала.

«Все для нея кончено,—у нея нѣтъ больше мужа. Умереть осталось, умереть».

Василій Николаевичъ не двигался.

«Комедіантка, актриса!»—вертѣлось у него на языкѣ, но онъ не могъ имъ шевельнуть,—онъ прилипъ къ гортани. Въ головѣ путались, сплетались обрывки мыслей, воспоминаній, безъ конца, безъ начала... Мучительныя картины проносились... Въ ушахъ звучали слова:

«Король... уголъ... не любитъ... коньякъ... на-не... измѣнила... двойка... умереть... транспортъ... разлюбила...»

Въ груди тѣсно, давило что-то и грудь, и голову, и глаза, душило за горло.

Онъ заснулъ, громко храпя и открывъ ротъ.

Марья Алексѣевна вскочила и убѣжала въ кабинетъ. Онъ былъ ей противенъ. Тамъ она, какъ тигрица въ клѣткѣ, начала бѣгать изъ угла въ уголъ. То хваталась за голову и стонала: «Боже мой, Господи, Господи»,—то останавливалась и, вперивъ глаза на образъ, шептала: «Пошли мнѣ смерть, дай умереть, возьми меня!»

Она быстро выхватила ящикъ; глаза упали на револьверъ.

«Нѣтъ, ни за что. Можетъ есть надежда,—не все потеряно. Не можетъ быть, чтобъ онъ «тамъ» былъ. Вѣдь это она его завела, одна она, и все-таки... нѣтъ, она не проститъ... У нея не было дурныхъ намѣреній, она изъ любви, и такъ отплатить... О, Господи!»

Прежній, честный, высоко стоящій идеалъ, Вася, окруженный ореоломъ добродѣтели, исчезалъ въ туманѣ. Горечь, отчаяніе все ближе подступали къ горлу, просясь наружу слезами. Но слезъ не было больше и выдавить ихъ насильно она не могла.

«Господи, а давно-ль они были такъ счастливы? Завидовали имъ, ставили въ примѣръ...»

Она открыла средній ящикъ.

«Что это?—Письмо... его рука... на ея имя...»

Она рванула конвертъ.

«Маня, прощай, не поминай лихомъ. Я не хочу мѣшать тебѣ, я любилъ тебя больше жизни. Будь свободна, счастлива! В. К.».

Она выронила листокъ, схватилась за сердце.

«Отравился... Онъ былъ въ аптекѣ, за ядомъ...»

Она открыла ротъ, чтобы крикнуть, но опомнилась и стала размышлять.

«Давно бы умеръ тогда. Можетъ ядъ медленный, опіумъ, хлороформъ,—уснетъ и не проснется... Можетъ теперь ужъ я его убила, я, я!»

Она кинулась въ спальню, боясь подойти къ постели. Она думала тамъ найти одинъ холодный трупъ, а она мертвецовъ боялась до смерти.

«Дышетъ, какъ всегда. Что мнѣ въ голову пришло. Такъ гдѣ же онъ былъ? Письмо ничего не значитъ,—могъ раздумать. На вокзалѣ пили, а тамъ цѣлымъ обществомъ... Съ пьяныхъ глазъ все на умъ пойдетъ. Онъ рѣдко пьянѣетъ. Что онъ долженъ выпить, чтобы дойти до такого состоянія?...»

Она одѣлась и, убаюкивая себя разными соображеніями и догадками, стала ждать, пока онъ встанетъ. Болѣе всего ее утѣшала твердость Васиныхъ убѣжденій и взглядовъ.

XV.

Козочкинъ проснулся часовъ въ 12 съ ужасною головною болью. Виски точно клещами давило, на головѣ точно лежали нудовики; онъ едва волочилъ ноги отъ слабости и боли во всемъ тѣлѣ, говорилъ хрипло. Пришли изъ думы съ бумагами, но онъ отослалъ назадъ и, пославъ за сельтерскою водой, заперся въ кабинетѣ.

Марья Алексѣевна притихла и слушала у двери, но ничего не могла услыхать, и пугалась не на шутку, отходя съ сжимающимся сердцемъ.

Въ два часа пріѣхалъ старичокъ знакомый. Козочкинъ его не принялъ, но жена приняла, въ надеждѣ узнать что-нибудь о мужѣ. Дѣйствительно, съ первыхъ словъ, болтунъ заговорилъ о томъ, что былъ чрезвычайно удивленъ и озадаченъ вчера поведеніемъ уважаемаго Василья Николаевича: онъ явился поздно въ клубъ, часа въ 3—4, не раньше...

— Такъ онъ тамъ былъ?—крикнула она невольно съ заблиставшими отъ радости глазами.

— Да-съ, и мало того—усѣлся играть въ штоссъ съ извѣстнымъ шулеромъ Давыдовымъ...

«Такъ онъ шулеръ?—подумала она.—Скажите...»

— И проигралъ восемьсотъ рублей,—протянулъ съ ужасомъ болтунъ, прикладывая палецъ къ носу для усиленія впечатлѣнія.—Мало того-съ, выпилъ цѣлую бутылку коньяку, одинъ-съ... Вѣдь это что-съ?... Хоть бы вы наложили свое veto. Этакъ голова треснетъ. Немудрено, что онъ боленъ. Лучше бы вамъ денежки на наряды пригодились.

— Ахъ, Богъ съ ними, съ этими нарядами! — промолвила она томно и подумала:

«Ахъ, бѣдный попочка! Все изъ-за меня. Такъ вотъ онъ гдѣ былъ! Какъ же онъ меня любить послѣ этого!... Надо пожалѣть. Сегодня же вечеромъ объяснюсь, скажу Котиковой, что не поѣду въ клубъ».

Почему вечеромъ, а не утромъ, рѣшить не трудно: вечеромъ обстановка болѣе подходящая,—сумракъ располагаетъ къ объясненіямъ всякаго рода. Тогда сердце бываетъ мягче; дневной, холодный свѣтъ убиваетъ чувства и заставляетъ дѣйствовать разсудокъ. Вечерній полумракъ, напротивъ, волнуетъ воображеніе, поднимаетъ чувства. Тогда все кажется возможнѣе, розовѣе, достижимѣе.

Болтунъ выболтался и исчезъ, точно дѣло сдѣлалъ; но молодая женщина готова была его расцѣловать: онъ снялъ такую тяжесть съ ея души. «Но неужели это все отъ ревности? Такъ что же онъ молчитъ? Даже теперь сцены не сдѣлалъ никакой. Ужь тогда она просто не знаетъ, что и придумать, просто выбилась изъ силъ. А покориться участи, жить какъ кисель, тянуть день за днемъ—развѣ есть какая возможность? Умрешь со скуки».

Она стала надѣвать шляпу, напѣвая.

«А если онъ безъ нея тутъ?... Вздоръ, не станетъ, не объяснившись. Еслибъ задумалъ серьезно, то положилъ бы на столъ письмо. Да, вѣдь, она изорвала его». Она приблизилась къ двери. Мужъ ходилъ, шурша туфлями, по комнатѣ... Вотъ подошелъ къ двери, щелкнулъ ключомъ.

Марья Алексѣевна спряталась за другую дверь. Онъ прошелъ въ спальню, тяжело ступая и возя подошвами.

«За объясненіемъ, вѣрно. Ничего, пусть помучается еще немного».

Она вбѣжала въ кабинетъ, схватила револьверъ и, нарочно стукнувъ входною дверью, будто вошла только, отправилась въ спальню.

Увидя ее, мужъ хотѣлъ спросить, куда она идетъ, но сдержался и вышелъ. Она сунула револьверъ подъ матрацъ и перекрестилась.

— Спасенъ теперь... Пусть ищетъ.

Она, стуча каблуками, вышла изъ дому, напѣвая: «А изъ рощи, рощи темной...»

— Дуняша, я не приду до вечера!—крикнула она, хотя никакой Дуняши не было въ корридорѣ.

Мужъ бросился къ шубѣ и, натянувъ ее кое-какъ, просунулъ ноги въ туфляхъ въ калоши, нахлобучилъ шапку. Онъ рѣшился прослѣдить за нею и тогда уже рѣшиться на что-нибудь. Марья Алексѣевна чуть не бѣжала. Онъ слѣдовалъ въ отдаленьи. У него было отличное зрѣніе. Онъ видѣлъ, какъ она вошла въ гостиницу и исчезла.

Онъ схватился рукой за уголъ стѣны.

«Къ нему!—простоналъ онъ и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.—Проклятый!... Убить... Кого убить: его, ее?—Нѣтъ, себя».

Онъ дотащился до гостиницы. У него оставался еще лучъ надежды.

— Здѣсь Пузановъ остановился?—спросилъ онъ, разумѣя толстяка.

Онъ зналъ, что не здѣсь,—это былъ предлогъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А кто же стоитъ въ первомъ?

— Господинъ Чудовъ.

— А...

Онъ повернулся и сталъ спускаться съ лѣстницы.

— Ваша супруга здѣсь!—послышалось вслѣдъ.

Онъ чуть не ударилъ нахала, но отвѣтилъ:

— Знаю.

«Господи, лакеи—и тѣ знаютъ!—подумалъ онъ съ горечью и тоскою.—Маня, Маня, что ты сдѣлала съ собою, со мной? Позоръ! Чѣмъ смыть это пятно?—Смертью... До чего дожилъ. А все любовь».

Онъ засмѣялся. Нищій, проходившій мимо, посмотрѣлъ на него и, снявъ шапку, поклонился низко.

«Насмѣшникъ... Кому онъ кланяется, передъ кѣмъ шапку снялъ?—Передъ моимъ горемъ и... моими рогами...»

Злость душила его. Онъ бы съ радостью разорвалъ на части сердце.

«Истуканъ, — говорила она, — безчувственный, ничѣмъ не пройметь... Да, истуканъ, но только съ сердцемъ дурака, сумашедшею головой».

Онъ изумился, не найдя револьвера.

«Не запряталъ ли куда въ пьяномъ видѣ? Ну, да все равно послѣ,—не уйдетъ».

Онъ, какъ безжизненный, опустился бокомъ на диванъ и положилъ голову на его спинку. Все было откинуто въ сторону, все взвѣшено, обдумано и слово «смерть» кровавыми, роковыми буквами стояло вмѣсто надписи. Вопросъ заключался лишь въ томъ, насколько еще продолжить испытаніе, отложить конецъ. Онъ до того уже свыкся съ этою мыслью, что она ему удовольствіе доставляла, успокоивала его какъ-то, придавала бодрость. Ею все темное назади стиралось, сглаживалось, ею освѣщалось все впереди. «Гдѣ впереди?—Тамъ... Онъ знаетъ, гдѣ».

«Жизнь красна любовью; теперь онъ сознаетъ это, а прежде смѣялся. Это всегда такъ... до поры, до времени. Безъ нея и дѣло теряетъ цѣну. Безъ нея ни уваженія не нужно, ни пользы, ни значенія. Собственно она придаетъ всему силу и смыслъ. Ахъ, какъ поздно онъ понялъ это! Отчего не зналъ раньше? Умираютъ же другіе отъ любви... Да, но тѣ молодые, а онъ... «отжилъ», сказала она какъ-то. Да, отжилъ, доживаетъ, а она пусть начинаетъ сызнова».

Хлопнула дверь. Она! Вотъ она роковая минута крови, смерти, минута расплаты, разсчета за необдуманное прошлое.

Онъ собралъ послѣднія силы и потащился въ «ея» комнату. «Что-то тутъ будетъ послѣ его смерти?»

Марья Алексѣевна оглянулась и покраснѣла.

«Начинается».

— Куда вы ходили?—проронилъ онъ блѣдными, сухими губами, ясно и отчетливо.

— По дѣлу,—отвѣтила она, приглаживая волосы и слѣдя за нимъ въ зеркало.

Онъ глядѣлъ на нее съ злобной страстью.

— Знаю ваши дѣла,—знаю, гдѣ вы были... Въ гостинницѣ, въ номерѣ.

губила, она его убила, она полжизни, быть-можетъ, отняла, хотя и выздоровѣетъ онъ. Быть-можетъ, она душу его убила, все свѣтлое души. Чѣмъ исправить, пополнить, какъ вернуть, какъ сдѣлать, чтобы забылось?» Она мысленно, въ сотый разъ, испрашивала у него прощенья, молила жить, точно онъ могъ слышать. «Лучше бы онъ и вправду задушилъ ее тогда. Она этого стоила. Чѣмъ вздумала шутить... безбожная! Видно, что она-то не понимаетъ, какъ любятъ истинные, высоконравственные люди. Гдѣ ей дорости до него? Какъ былинкѣ до солнца... Дай ему выжить только, Господи, и она всю жизнь положитъ на то, чтобы, кромѣ счастья и покоя, онъ ничего не зналъ. Она отъ всего отречется ради него, измѣнитъ образъ жизни, привычки, взгляды,—она станетъ его эхомъ».

И она думала искренно: болѣзнь мужа, какъ прямое слѣдствіе ея поступка, потрясла ее глубоко, заставивъ серьезно остановиться на тѣхъ вопросахъ, о которыхъ прежде судила поверхностно, легко, съ насмѣшкой и недовѣріемъ относясь къ нимъ.

«Но если онъ умретъ, если умретъ! Она молода еще, хочется ей жить еще, жить съ нимъ, его любовью, и доказать ему, что и она способна давать что-либо другое, кромѣ несчастья, горя и болѣзней».

Это былъ день, въ который ожидали кризиса.

Марья Алексѣевна склонилась головой на подушку, рядомъ съ головою мужа; рука ея держала его руку; вдругъ она ощутила слабое пожатіе. Сердце стукнуло и затихло. Она подняла голову и встрѣтила взглядъ мужа—кроткій, благодарный.

— Маня, любишь?—прошепталъ онъ, слабо улыбаясь.

Она обхватила его руками, прильнула къ нему.

— Люблю, живу тобою, умру съ тобою,—прошептала она въ отвѣтъ.—Прости меня... Я хотѣла испытать...

— Ахъ, Маня, я думалъ, что умру,—такъ ты меня подкосила сразу. Милая, дорогая, ненаглядная моя кошечка!

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она выскользнула, припала лицомъ къ его ногамъ, поцѣловала и закричала въ истеричномъ припадкѣ, свалившись на бокъ и держась за горло руками. Ее душили спазмы,—дышать было нечѣмъ. Испуганный, слабый, онъ приподнялъ ее, привлекъ на грудь и старался влить воды въ ея стиснутые зубы.

Она билась, колотилась головой о стаканъ. Острая, щемящая боль сосала ей сердце, сжимало его тисками.

— Что ты, Богъ съ тобой!—твердилъ онъ, стараясь поцѣлуемъ заглушить ея крики.

— Я—гадкая. Ты не вѣришь мнѣ, презираешь!—твердила она сквозь рыданья.—Я наложу на себя руки.

— Вѣрю, люблю, еще больше люблю, обожаю!— лепеталъ онъ, насилу удерживая ее слабыми руками и покрывая жгучими поцѣлуями ея волосы, глаза, руки, шею.

Долго, долго не могъ онъ успокоить ее. Наконецъ, она стихла, взглянула на него... Ихъ губы слились... Они объяснились, кризисъ миновалъ благополучно, и давно не были они такъ счастливы, какъ въ этотъ вечеръ.

Онъ не скрылъ отъ нея объ эпизодѣ съ Чудовымъ, она нервно хохотала и дала ему клятву больше не шутить и не испытывать его страсть, подвергая его пыткамъ, доводящимъ до сумашедшаго дома, до больницы, до могилы. Прошлое вернулось во всей своей прелести и красотѣ, жизнь ихъ потекла прежнимъ мирнымъ, счастливымъ теченіемъ, и онъ удивлялся только, какъ у него хватило духу запятнать подобными грязными подозрѣніями свою чистую, безцѣнную жену, сокровище его души и сердца, звѣзду, освѣщавшую кроткимъ, яснымъ сіяніемъ его жизненный путь. Что же касается Мани, то любопытство, тщеславіе и жажда сильныхъ ощущеній были удовлетворены черезъ край.

XVII.

Прошло полгода. Зазеленѣла весна. Природа встрепенулась и весело набиралась свѣжихъ силъ. Наша героиня также пополнѣла, похорошѣла, посвѣжѣла и съ радостью встрѣчала лѣто. Ей надоѣлъ холодъ, захотѣлось лѣса съ самоваромъ, уединенныхъ прогулокъ съ мужемъ, поѣздокъ въ шарабанѣ за городъ. Она всю зиму выѣзжала, кружилась, но и это уже наскучило,— понадобилось разнообразіе, перемѣна впечатлѣній, удовольствій. Она давно уже забыла о катастрофѣ. Они жили дружно, не ссорясь, и молодая супруга уже начинала уставать тишиною, безъ бурь и грозъ, и придиралась то къ тому, то къ другому. Василій Николаевичъ снова сдѣлался прежнимъ невозмутимымъ, покойнымъ, серьезно-дѣловымъ человѣкомъ. Исчезли порывы и слѣды кровавой ссоры. Опять появились газета и моська, клубъ, карты и сигара.

Жену тяготило это и, чтобъ разогнать скуку, начинавшую овладѣвать ею, она придумывала всевозможныя занятія и увеселенія: наряжалась въ маски и пугала бабъ, копавшихъ гряды, сама копалась въ огородѣ, не разгибаясь, возилась съ курами, утками, поросятами; бѣгала на рынокъ съ корзинкою, въ платочкѣ, рисуясь этимъ передъ другими хозяйками въ шляпкахъ, съ кухарками по пятамъ. Мѣсила пироги, выучилась доить, съ недѣлю одна готовила въ кухнѣ и даже мыла полъ, ползая на колѣняхъ. Это ей доставляло удовольствіе, она гордилась собою. То вдругъ все бросала, хныкала, ругалась съ прислугою, приставала къ мужу; или, забравшись съ ногами на кушетку, углублялась въ книгу, махнувъ рукой на цыплятъ, кухню, огородъ, на все.

Настало лѣто. Запѣли соловьи, рожь наливалась, колосилась, волновалась, какъ море. Въ лугахъ косили сѣно, и запахъ его носился въ воздухѣ, вмѣстѣ съ запахомъ розъ и жасмина. Огородъ процвѣталъ, радуя сердце хозяйки. Въ парникахъ поспѣвали дыни, арбузы; въ саду наливались яблоки, вишни; кусты украшались вѣтками ягодъ. Всего было вдоволь въ саду Козочкиныхъ. Марья Аленсѣевна вставала съ солнцемъ, полола, собирала, поливала, варила, солила, ворошила сѣно. А по вечерамъ бѣгала взапуски съ моською, или тормошила мужа и тащила его въ бесѣдку изъ акацій. Тамъ было такъ хорошо цѣловаться,—даже кучеръ, работавшій подъ бокомъ, не могъ видѣть. Она страстно любила таинственность. Но Василій Николаевичъ мало сочувствовалъ ея восторгамъ. Онъ возился съ клумбами, цвѣтами, горшками, лейками и мочалками, пересаживая, высаживая, подвязывая, курилъ папиросу за папиросою; въ клубъ онъ не ходилъ, но зато ложился спать съ курами.

«А тутъ только-что мечтать время».

Словомъ, молодая женщина опять начинала находить, что жизнь ея неполна, и искала, чѣмъ бы ее наполнить.

XVIII.

Былъ чудный вечеръ—теплый, тихій. Солнце садилось, золотя небосклонъ. Міріады мошекъ кружились въ воздухѣ, предвѣщая хорошую погоду. Козочкины только отпили чай въ бесѣдкѣ, обтянутой холстомъ съ кумачевыми полосами. Въ бесѣдкѣ стояли корзинки съ растеніями, гнутый стальной диванчикъ. Дикій виноградъ обвивалъ столбы у входа, заслоняя рас-

тенія отъ припека. Изъ саду неслось благоуханіе. Соловей щелкалъ въ сосѣднемъ саду, на липѣ.

Марья Алексѣевна, въ бѣломъ капотѣ, съ подвитыми волосами, полулежала на диванчикѣ съ книгою. Послѣ жаркаго дня она чувствовала истому, лѣнь, слабость въ тѣлѣ. Она млѣла. Глаза, полузакрывшись, были устремлены на согнутую спину мужа, рѣзавшаго траву ножницами.

Она только-что прочла такую огненную сцену, такую сцену, что у нея самой кровь ключомъ закипѣла.

«Какъ онъ можетъ заниматься подобнымъ вздоромъ?—думалось ей о мужѣ.—Такой вечеръ, воздухъ нѣгою дышетъ, а тутъ... трава и ножницы».

Она подкралась къ нему и, навалившись на него сзади, запрокинула его голову и стала цѣловать. Отъ сильнаго движенія онъ упалъ и выронилъ ножницы.

— Ахъ, ну, что это? — съ сердцемъ выговорилъ онъ.—Не мѣшай, пожалуйста. Никогда не дастъ дѣломъ заняться.

Марья Алексѣевна покраснѣла.

— Тютичка, да вѣдь какую сцену я сейчасъ прочла, еслибы ты зналъ!

— Тебѣ бы только сцены... Налей-ка мнѣ лучше чаю, если не остылъ.

— Ну, да... А тебѣ цвѣты и ножницы, — надулась она и подумала:

«Не стоило и подходить, — избаловала ласкою. Ему цвѣты гораздо дороже меня».

Василій Николаевичъ кончилъ и принялся мести.

«Ну вотъ, такъ и знала... Ахъ, тоска!»

Она закрылась книгою, чтобы не видѣть. Черезъ четверть часа онъ вошелъ въ бесѣдку и, отдуваясь, сталъ отирать вспотѣвшій лобъ. Рукава его были запачканы землей и зеленью.

— Что же чай? Я просилъ налить.

— Ахъ, тютичка, виновата, забыла.

— Ахъ, какая ты! Ужь пора бы забыть романъ, помнить о болѣе существенномъ. До старости будешь въ облакахъ летать.

Онъ протянулъ руку къ чайнику, но она ударила его по рукѣ и налила сама.

«До старости, скажите!... Что-жь, я ужь начинаю старѣться, что ли?»

— Ты самъ знаешь, что я хорошая хозяйка и помню обе всемъ,—обидчиво вымолвила она.

— Ну, да, конечно. А все романъ прежде хлѣба и щей. Какъ бишь его... аббатъ-то этотъ — Каррей, Паррей — что Золя-то написалъ?

— Селлерей,—передразнила она. — Если я помѣшалась на романѣ, то ты на цвѣточныхъ и огородныхъ сѣменахъ.

— Я и говорю, — шутливо добавилъ онъ и хотѣлъ погладить ее.—Ахъ ты, смѣшная!

«Опять! Надо его заставить забыть это слово».

— Пожалуйста оставьте. Сами говорите, не любите нѣжностей,—отстранилась она.—Вотъ рубашку лучше ежедневно пачкать,—это показываетъ высшія стремленія... Для васъ жизнь въ птицахъ и цвѣтахъ заключается, а для меня—въ романѣ. Ну, и нечего, значитъ, говорить,—давно извѣстно и перезвѣстно.

— Ты бы лучше парникъ сходила полила,—перебилъ онъ, сморкаясь.—Засохло все.

Марья Алексѣевна вскочила и, бросивъ книгу на полъ, убѣжала въ садъ, въ свою бесѣдку. Она была раздражена, взбѣшена, уязвлена до глубины души.

«Она ли не примѣрная хозяйка—и ей напоминаютъ, надъ ней смѣются. Любитъ вязаться съ этимъ,—ну, и поливай самъ. Онять такой сталъ, какъ былъ. Ничего не помогло тогда. Видно ужь, горбатаго исправитъ одна могила. Вотъ возьметъ и утопится завтра, какъ купаться пойдетъ».

Стемнѣло. Въ кухнѣ зажегся огонь, мѣсяцъ всплылъ и озарилъ блестящимъ, серебристымъ сіяніемъ весь садъ, съ трепещущими тополями, усыпанными кирпичомъ дорожками, прудомъ; роса заиграла алмазами. Деревья, кусты принимали фантастичныя формы и обманывали зрѣніе. Пугало, стоявшее на огородѣ съ распростертыми руками, облаченное въ старый сюртукъ барина и старую лѣтнюю шляпу съ широкими полями, казалось великаномъ-чудищемъ. При сильномъ вѣтрѣ, рукава махали, какъ крылья, пугая воронъ и воробьевъ, собиравшихся на грядахъ съ горохомъ. Большой стогъ сѣна, стоявшій на углу, въ лощинкѣ, подъ которою проходила труба, для стока воды, казался скалою, или вулканомъ. Вдали палъ туманъ и заволокъ окрестность для глазъ. Въ полѣ гдѣ-то трещалъ коростель; отъ деревянной пристройки дома падала широкая тѣнь. Собака гремѣла цѣпью и кольцомъ по веревкѣ и жалобно визжала, просясь на волю.

Марья Алексѣевна, какъ привидѣніе, шагала по дорожкѣ, заложивъ руку за спину и приподнявъ платье. Ея серги сіяли при свѣтѣ мѣсяца, волосы казались золотыми. Она слушала, какъ пѣлъ соловей въ окнѣ сосѣдняго дома, и ждала, что мужъ придетъ къ ней погулять. Вотъ раздался скрипъ калошъ, лай носки,—это онъ шелъ. Она вихремъ понеслась къ нему, деспотично обвила его рукою свою шею, сама обняла за талію и прижалась головой къ его плечу, поглядывая на свои ножки въ лиловыхъ башмачкахъ съ бѣленькими пуговками. Она хотѣла, чтобъ онъ ихъ замѣтилъ.

Но мужъ не замѣчалъ и говорилъ объ огородѣ, коровѣ, сѣнѣ, дровахъ.

Она не слушала и улыбалась чему-то въ себѣ.

— Пойдемъ,—шепнула она, увлекая его.

— Куда?

— Туда.

Она указала на темную бесѣдку.

— Да нѣтъ же. Опять глупости?...—гримасничалъ онъ.

— Опять кривляться?—крикнула она.

— Да вѣдь прискучитъ одно и то же. Все одна пѣсня.

— Какая еще пѣсня?

— Какая?—«А изъ рощи, рощи...»

— Пѣснь любви—и несется... пѣсня нѣги, пѣсня страсти,—затянула она, откинувъ голову, и ущипнула его.

— Ахъ, да будетъ же! Я уйду. Ну, попробовали бы тебя пичкать однимъ сладкимъ, такъ навѣрное бы горькаго захотѣла. Какъ ты этого не возьмешь въ толкъ?

Она ничего не хотѣла брать въ толкъ.

— Ну, такъ завтра я отравлюсь,—буркнула она рѣшительно, обрывая цвѣтокъ шиповника и жуя его.

— И отлично сдѣлаешь... Пожалуйста!

— Ты думаешь, я шучу?

— О...

Этотъ тонъ снисходительной усмѣшки кололъ ее, какъ цѣлая коробка булавокъ. Она стояла, но тотчасъ, подпрыгнувъ, обняла его за шею и пригнула къ себѣ.

— Нѣтъ, попочка, я все шучу.

Она стала его цѣловать въ щеку, чуся-ее. Онъ стоялъ съ видомъ жертвы и морщился.

— Что-жъ ты меня не цѣлуешь? Цѣлуй, противный!..

Она подставила губки и вытянула ихъ. Онъ поцѣловалъ.

— Развѣ такъ?... Ишь, на воздухъ какъ-то.

Ему вдругъ пришло въ голову, какъ она его разъ спросила серьезно: что это значитъ: «онъ держалъ ее въ объятіяхъ»—и какъ онъ хохоталъ тогда до колик надъ ея наивностью.

Говоря все это, она вертѣла его голову, закрывъ руками уши, такъ что онъ пересталъ окончательно слышать.

— Да ты уши-то пусти. Ахъ, Боже мой, схватитъ за уши и держитъ! Думаетъ, очень пріятно; вѣдь я—не моська. Да и больно,—попробуй сама.

Онъ повторилъ эту операцію надъ нею.

— Ай!—пискнула она.—Съ ума сошелъ?... Сравнилъ меня съ собою. Никогда больше не подойду, слышите?

— Когда ты угомонишься, скажи пожалуйста, и человѣкомъ сдѣлаешься?

— А теперь я кто по-вашему?

— Теперь?... Теперь ты—фантазія ходячая.

Она улыбнулась. Это «поэтичное сравненіе» ей было лестно. Она опять уцѣпилась за него и склонила голову на его плечо. Чудная ночь располагала не къ ссорѣ, а къ миру, изліяніямъ.

— Милый, посмотри на меня!—томно промолвила она, спустя минуту, останавливая его.

— Смотрю.

— Хорошенькая я при мѣсяцѣ? Лучше, чѣмъ такъ?

— Ахъ, да перестань! Сама знаешь вѣдь,—что-жь спрашивать?

— Что знаешь? Я знаю, что ты охладѣлъ ко мнѣ.

— Ну, опять повтореніе стараго!—махнулъ онъ рукой.—Съ тобой и говорить нельзя.

— И не говори... А о коровахъ я не хочу говорить. Хочешь знать содержаніе «Аббата Мурэ?»

— Ну его къ Богу!

— Фу, чурбанъ, въ тебѣ и искры поэзіи нѣтъ. Убирайся!

— Сумашедшая,—промолвилъ онъ.—Ноги промочишь.

А Марья Алексѣевна гикала, скакала, чуть не кувыркалась по сѣну, прячась отъ моськи, и потомъ выскакивала, летѣла за ней по лугу, забывъ о лиловыхъ башмачкахъ. Ей необходимо было излить свое возбужденіе, найти исходъ «жизни», бившей въ ней ключомъ. Моська въ каррьеръ носилась по мокрой травѣ, поджавъ хвостъ, и, высунувъ языкъ, лаяла особеннымъ,

тонкимъ голоскомъ. Этимъ она выражала свой восторгъ. Запыхавшись, задохнувшись, молодая женщина подбѣжала къ мужу и, обхвативъ его сзади за талію, стала кружиться съ нимъ.

— Ахъ, Боже мой!—отбивался онъ съ отчаяніемъ и, оторвавъ ее отъ себя, оттолкнулъ такъ, что она чуть на ногахъ удержалась.

Она вспыхнула.

— Тебѣ бы Лукерью-кухарку въ жены надо, вотъ кого!—выпалила она со злости.—Такая же мямля, размазня...

Онъ зѣвнулъ.

— Спать пора,—вели давать кушать.

— Да нѣтъ же, погоди. Посмотри, какая ночь. «Что за ночь, за луна...»—запѣла она, страстно сжимая его руки.

— Вотъ я тебѣ моську оставлю, ты ей и распѣвай.

— Вася, я тебя безумно люблю,—безумно, безумно!

— Кушать, кушать... Послѣ разскажешь.

Она сверкнула глазами.

— Никогда больше не подойду!—топнула она.—Не стану я спать, нарочно пойду босикомъ по росѣ, простужусь и умру. Вотъ и знайте тогда.

Онъ скрылся за калиткой, и шаги его скоро раздались на лѣстницѣ.

Она сѣла у дерева, на скамью, и прислонилась къ нему затылкомъ. «Ни за что она не пойдетъ спать... вотъ на зло ему...»

«Аббатъ Мурэ... Альбина — какъ они наслаждались!... И она бы согласилась... Мигъ—и тамъ умереть... среди цвѣтовъ. Вотъ она — поэтическая смерть... Ахъ, какъ скучно имѣть такого мужа!... Что, еслибъ у нея былъ мужъ чеченецъ? Поцѣловалъ бы и потомъ въ грудь... кинжаломъ... Брр!... А прохладно становится...»

Она повела плечами.

«Ахъ, еслибъ опять повторить эту сцену!»

Она вспомнила его рыданія, страшное лицо, когда онъ кинулся на нее.

«Уфъ!...»

Она озябла и тихо пошла домой, размышляя.

Мужъ уже былъ въ постели и засыпалъ, но, при входѣ ея, открылъ глаза.

— Нагулялась?

— Нагулялась!—отрывисто ответила она.

«Капризница,—подумалъ онъ,—опять надулась. Пусть,—не буду обращать вниманія. Пройдетъ».

— Куда ты?—спросилъ онъ, видя, что она, раздѣвшись и распустивъ косу, уходила.

— Упиваться «Аббатомъ Мурэ!»—отчеканила она.

Василій Николаевичъ пожалъ плечами.

«Ахъ, несчастная, несчастная!... Нѣтъ, ужь ея теперь не передѣлаешь. Что-жь, пусть упивается. Только бы людьми не упивалась, а романами...»

Онъ обнялъ моську подъ одѣяломъ и заснулъ.

XIX.

Черезъ часъ, когда уже онъ спалъ сномъ праведныхъ и видѣлъ во снѣ клумбы и ножницы, онъ былъ внезапно разбуженъ. Въ ногахъ его стояла блѣдная Дуняша и дергала его за одѣяло. Постель жены была пуста.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ, и сердце его упало.

Предчувствіе подсказало недоброе.

— Барыня что-то кричитъ, не знаю...—пролепетала она.

Онъ накинулъ халатъ и бросился въ комнаты, забывъ о неприличіи костюма. Сонъ соскочилъ съ него сразу.

— Что ты, Маня?

Она лежала въ креслѣ, въ кабинетѣ, откинувъ голову, и то извивалась, то вытягивалась, сжимая судорожно кулаки. Мертвенная блѣдность осунувшагося лица, закатившіеся бѣлки глазъ, стаканъ съ осадкомъ чего-то бѣлаго на днѣ — все не оставляло сомнѣнія...

Василій Николаевичъ помертвѣлъ самъ и, приблизивъ къ себѣ ея лицо, прошепталъ:

— Что ты сдѣлала, говори...

Онъ схватилъ ея руку, холодную и блѣдную, сжималъ ее и глядѣлъ на нее полными ужаса зрачками.

— Прости... Не любишь... Умираю я... я... Ахъ, Боже!...— застонала она, корчаясь въ судорогахъ.

— Чѣмъ?—глухо простоналъ онъ и понюхалъ стаканъ.

— Мышьякомъ... Прости...

— Господи!

Онъ заломилъ руки, кинулся въ переднюю, гдѣ за дверью стояла Дуняша съ колотившимися отъ страха зубами.

— Доктора, доктора!... Извощика!—крикнулъ онъ.

Та опрометью кинулась внизъ, воя и причитая.

Онъ вернулся къ женѣ и схватилъ ее на руки, глядя на нее помутившимися глазами.

— Зачѣмъ?... И я съ тобою, и я,—вѣдь я люблю тебя... больше всего въ свѣтѣ...—лепеталъ онъ, прижимая ее къ себѣ.

Онъ былъ близокъ къ помѣшательству.

«Съ чего, какая причина?»—вертѣлось у него въ головѣ. Онъ, казалось, думалъ оживить ее объятіями, согрѣть дыханіемъ, вложить въ нее жизнь силою своего чувства, вдохнуть силы поцѣлуемъ.

Онъ ее зналъ всегда за отчаянную, но этого не могъ допустить. Она его съ перваго года всегда пугала, и онъ привыкъ на это смотрѣть какъ на шутку, глупость, капризъ. Онъ впился холодными губами въ ея губки и замеръ. «Что это?—она укусила?... Бредъ, галлюцинація?... Начало сумашествія?»

— А не больше цвѣтовъ и ножницъ?—вдругъ прозвучало у него надъ ухомъ, и ему стало горячо у щеки.

На него глядѣло смѣющееся личико съ коралловыми губками. Лукаво щурились глазки...

— Я шутила, попочка,—засмѣялась она:—это сахаръ (она указала на стаканъ), а это—пудра. Какъ ты не замѣтилъ? А очень испугался?... Ха-ха-ха!...

Она тряхнула головкой, и пудра посыпалась съ ея лица на его халатъ.

«Вотъ будетъ ласкать теперь, зацѣлуетъ», подумала она.

Онъ выпустилъ ее и сѣлъ на диванъ, закрывъ глаза рукою.

Она прыгнула къ нему на колѣни.

— Ты не сердишься?

Онъ всталъ, остранилъ ее и холодно проронилъ:

— Такъ не шутятъ... Такъ убиваютъ на смерть.

Она хотѣла засмѣяться, глядя на его мелькавшія изъ подъ халата ноги, но сдержалась и опустила голову.

«Вотъ и пошутила. Ахъ, дура!»

Пріѣхалъ докторъ. Василій Николаевичъ сказалъ, что у него лихорадка.

Докторъ прописалъ 20 гранъ хины и уѣхалъ съ пятирублевкою въ рукѣ. А Марья Алексѣевна лежала на диванѣ въ кабинетѣ и... плакала, ругая себя.

Мужъ три дня не говорилъ съ нею, но на третій, когда она увидѣла во снѣ что-то страшное и расплакалась, онъ сталъ ее успокоивать, и примиреніе состоялось.

XX.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Козочкины, Котиковы и нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ собрались въ лѣсъ прощаться съ лѣтомъ. Корзины, наполненныя яйцами, сыромъ, молокомъ, жареною говядиною съ огурцами, бутылками съ виномъ и чайными припасами, были разложены на коврѣ, на ровной полянкѣ, окруженной деревьями; разведенъ костеръ и поставленъ самоваръ. Пока все приводили въ порядокъ, общество разбрелось по лѣсу—кто за грибами, кто за ягодами. Козочкины собирали хворостъ и елки для костра. Елки трещали, вспыхивали краснымъ и синимъ пламенемъ, разбрасывали огненныя брызги. Марью Алексѣевну это ужасно занимало. Дымъ отгонялъ комаровъ и прямымъ столбомъ поднимался къ небу поверхъ деревьевъ, не разстилаясь по сторонамъ, такъ какъ было очень тихо. Солнце красноватымъ заревомъ освѣщало верхушки деревьевъ; начинало попахивать сыростью и свѣжестью ночи. Вдали слышались мычаніе коровъ, блеяніе козъ и овецъ,—гнали домой стадо. Бичъ пастуха и рожокъ подпаска гулко разносились по лѣсу и повторялись эхомъ... На противоположной сторонѣ лѣса начиналъ обрисовываться блѣдный ликъ мѣсяца. Всѣмъ было весело, болтали, смѣялись, пѣли пѣсни хоромъ. Голосокъ Марьи Алексѣевны, какъ серебро, выдѣлялся изъ хора и велъ его за собою. Она сидѣла противъ мужа и встрѣчалась съ нимъ глазами поминутно. Оба были счастливы.

Когда все было съѣдено, выпито, подгулявшая компанія стала собираться домой. Бутылки, въ знакъ памяти, были оставлены на деревьяхъ. Мѣсяцъ уже взошелъ и ярко свѣтилъ, падая на веселыя, румяныя лица, озаренныя широкою улыбкой счастья и беззаботности; поднявшійся вѣтерокъ развѣвалъ волосы, ленты шляпъ, мантильи. Всѣ высыпали на дорогу и рѣшили еще пройтись. Экипажи были отосланы на опушку, а сами господа, попарно, пошли въ глубь лѣса. Имъ не было ничего страшно. У всѣхъ были здоровыя палки, кулаки; вино имъ придало бодрость, энергію и увѣренность. Платья и башмаки были мокры, мантильи и пальто пропитались влагой, но они не помышляли о простудѣ. Те-

перь разговоръ былъ уже не общій, и шли всѣ не гурьбою, а отдѣльно, парами, подъ ручку, именно съ тѣмъ, съ кѣмъ хотѣлось быть въ эту минуту; разговоръ велся тихо. Котикова шла съ Петровымъ, ея мужъ велъ какую-то перезрѣлую дѣвицу, а Марья Алексѣевна прицѣпилась къ своему обожаемому кумиру, Васѣ. Повиснувъ на его рукѣ, она молчала и, изрѣдка взглядывая на него, глубоко вздыхала отъ полноты счастья. Ей хотѣлось жить, упиваться этими ночными звуками, пахучимъ лѣснымъ воздухомъ. Моську баринъ несъ подъ мышкой, и собачонка тоже, казалось, раздѣляла ихъ восхищеніе: томно жмурилась и зѣвала, поднимая языкъ къ нёбу. Марьѣ Алексѣевна пришла въ голову пьеса: «Бѣдовая бабушка» и куплетъ: «а коль дѣтей у насъ не будетъ, такъ мы собачекъ заведемъ». И она залилась веселымъ смѣхомъ. Она замедлила шагъ и отстала далеко отъ компаніи.

«Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, она, Вася и моська—это нераздѣльное тріо. Больше имъ никого не надо. И еслибъ они были втроемъ въ лѣсу, было бы еще лучше. Вотъ бы построить на этой полянкѣ избушку и жить. Она бы надѣла сарафанъ, доила коровъ, а онъ бы—рубашку кумачную и косилъ сѣно. Моська бы за лягушками гонялась. Чудо! А зимой занесетъ сугробами, волки воютъ, а они сидятъ на лежанкѣ, обнявшись, и моська посреди. Ахъ, блаженство!»

— Поцѣлуй меня,—протянула она, поднимаясь на цыпочки.

— Нельзя,—увидятъ.

— А, ну ихъ совсѣмъ. Пусть видятъ. Мы—мужъ и жена, имѣемъ законное право. Вѣдь я—твоя жена, понимаешь?... жена, жена!—трясла она его за плечи обѣими руками.

— Неприлично,—нѣтъ.

— Ну, такъ за кустъ пойдемъ,—тамъ не видно.

— Перестань, пожалуйста!

Онъ удвоилъ шагъ, поспѣвая за компаніей.

Она смолкла и больше ни слова не проронила. Стали разсаживаться.

— Я съ вами!—промолвила Марья Алексѣевна и вскочила въ экипажъ мирового, шутника.

Она хотѣла сперва съ Петровымъ сѣсть, но вспомнила о «катастрофѣ!»

— Ну, такъ вы, Василій Николаевичъ, ступайте ко мнѣ!—позвала ея мужа Котикова. Они исчезли подъ верхомъ пролетки.

Марья Алексѣевна закусила губу.

«Съ женою не прилично цѣловаться, а это прилично?... Хорошо, будемъ знать».

Она легла спать молча, не простившись, и весь другой день проходила съ сжатыми губами и опущенными глазами.

XXI.

Собравшись вечеромъ въ клубъ, Василій Николаевичъ хватился плаща и не нашелъ его. Марья Алексѣевна вошла въ кабинетъ и остановилась въ дверяхъ.

— Гдѣ мой плащъ, Маня?

— Не знаю, — пропустила она сквозь стиснутые зубы, а сама подумала: «поищи, поищи».

Кликнули Дуняшу.

— Гдѣ плащъ?

— Я не знаю-съ.

— Что-жь, его украли, что ли?

— Не знаю-съ... Онъ тутъ висѣлъ.

— Да самъ знаю, что тутъ висѣлъ... Найди!

Поиски остались тщетными. Василій Николаевичъ надѣлъ пальто и двинулся къ двери.

— Ну, прощай,—нагнулся онъ къ женѣ,—прикладывайся.

«Слишкомъ самонадѣянно», подумала она и не двинулась, заслоняя дверь руками.

— Вы не пойдете,—я васъ не пущу.

Онъ изумился.

— Это что значитъ?

— Я не хочу, чтобы вы шли. Сидите дома,—я же сижу.

— Тебѣ тоже никто не мѣшаетъ идти въ гости.

— Не хочу и... васъ не пущу.

— Да что за глупости?... Пусти, говорю.

Онъ старался отцѣпить ея руки отъ двери, но ея пальцы точно прилипли.

Онъ крякнулъ и, постоявъ надъ нею, пошелъ къ другой двери. Она однимъ прыжкомъ кинулась за нимъ и затворила дверь на ключъ, спрятавъ его въ карманъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Что, вотъ и безсиленъ передъ мною,—дразнила она, щелкая языкомъ и дѣлая злую гримасу.

— Да съ чего ты?

— Съ того...

Онъ поглядѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Твои прихоти мнѣ ужь начинаютъ надоѣдать.

Онъ положилъ шапку, раздѣлся и усѣлся набивать папиросы.

— Съ носомъ!—дразнила она, стоя опять у первой двери и злыми глазами слѣдя за нимъ.

— Успокойтесь,—скоро перестанете мною тяготиться!—продолжала она, раздражаясь его молчаніемъ и шуршаньемъ табаку по гильзамъ.

Она скрылась и, черезъ секунду, явилась съ его портретомъ въ рукѣ.

— Получите назадъ!... Отдавайте мой.

Она кинула его на столъ, такъ что стекло треснуло пополамъ, и сорвала свой со стѣны.

Онъ нисколько не удивлялся. Сцена съ портретомъ повторялась еженедѣльно, да и вспышки подобнаго рода были ему не вновѣ.

— Снимайте кольцо обручальное, отдавайте,—я вамъ не жена больше, знать васъ не хочу... Отдавайте!—стукнула она рукой по столу. Ей стало больно, и она обозлилась еще больше.

Василій Николаевичъ поблѣднѣлъ. Ему становилось не въ мочь. «Въ клубѣ всѣ ждутъ для партіи, а онъ—на-те!—шагу не смѣетъ сдѣлать, потому что супруга изволитъ капризничать и дурить надъ нимъ, вертѣть имъ какъ мальчишкой».

Марья Алексѣевна смолкла, но вдругъ коробка съ табакомъ и ватой полетѣла на полъ. Моська, спавшая на коврѣ, у кресла, взвизгнула и стала встряхиваться, облизываться, морщась отъ табаку. Василій Николаевичъ разсердился.

«Нѣтъ, ужь это выходитъ за предѣлы всякаго брагоразумія».

— Уйди, оставь меня въ покоѣ! — крикнулъ онъ. — Это глупо.

Марья Алексѣевна захихила, тихонько, ехидно.

— Тебѣ нравится бѣситься,—ну, и бѣсись въ спальнѣ, а сюда не показывайся, не трогай меня.

Ея губы передернулись.

— И уйду, не стану жить съ вами! А вы оставайтесь съ Котиковой, цѣлуйтесь...

Онъ обомлѣлъ.

— Отдавайте кольцо,—мы въ послѣдній разъ видимся.

— И убирайся, коли ты такая глупая. Чѣмъ вѣчно ссориться, лучше совсѣмъ не видѣться. Не умру безъ тебя.

— Ха-ха-ха!... Еще бы. А кто ревновалъ, ревѣлъ, какъ дуракъ? Не пожалѣйте своихъ словъ,—поздно будетъ.

«О, какъ она любила его, какъ хотѣлось кинуться цѣловать его руки, ноги!» Но она знала, что мучитъ его, сама мучилась, и это ей доставляло какое-то жгучее наслажденіе боли.

Онъ дрожащими руками отряхалъ съ сюртука табакъ, взялся за шапку, надѣлъ ее.

— Такъ вы уходите? Вамъ все равно?... Не увидите меня, предупреждаю. Уходите?... Вы меня не любите, значитъ?

Онъ поспѣшно повязывалъ шарфъ.

— Злодѣй, безсердечный!—глухо вымолвила она, хотя душа ея рвалась къ нему и твердила самыя нѣжныя слова любви.— Постылый!

— Знаю... Нечего повторять,—отвѣтилъ онъ, кладя папиросы въ портсигаръ.

— Ничего вы не знаете. Узнайте теперь, безъ шутокъ,— довольно шутить. Ненавистный, слышите?... Не-на-вистный!

— Ну, такъ убирайтесь отъ меня вонъ, къ тому, кто милъ!— крикнулъ онъ, обозлившись не на шутку.

Онъ схватилъ пальто и пошелъ къ двери.

Она сдѣлала движенье кинуться за нимъ.

— Вася!

Онъ не обернулся.

— Вася!—отчаянно-тоскливо повторила она съ рыданьемъ въ голосѣ.

Она обезумѣла. Въ глазахъ ея запрыгали круги, комната пошла кругомъ... Молоты били въ вискахъ, въ темени... Руки сжались, протянулись къ нему. «Сейчасъ, сейчасъ она упадетъ въ обморокъ».

— Вернись, вернись... Ну, такъ, прощай! Прощай!—протянула она съ какимъ-то изступленнымъ, дикимъ выраженіемъ.

Она дернула ящикъ стола. Василій Николаевичъ оглянулся. Что-то щелкнуло, блеснуло, раздался пронзительный, двойный крикъ, раздирающій душу.

Паденье чего-то... Глухой стукъ чего-то по ковру.

Онъ не успѣлъ добѣжать до нея, какъ она уже лежала на коврѣ, съ безсмысленно открытыми глазами. Страхъ, отчаяніе, ужасъ, недоумѣніе и раскаяніе отражались въ этихъ чудныхъ,

синихъ глазахъ, уже подернувшихся завѣсою смерти и могильнаго мрака.

Казалось, они спрашивали: «зачѣмъ, отчего, съ какою цѣлью?»

Струйка свѣжей, горячей крови бѣжала по виску, окрашивая золотистые, мягкіе волосики. Изъ поблѣднѣвшихъ, полуоткрытыхъ губъ вылетѣли чуть слышныя слова:

— Вася... Господи... Богъ наказалъ... Это была... шут...ка.

Она теряла сознаніе.

Съ глухимъ стономъ проклятья себѣ, всему свѣту, всей жизни, бросился къ нѣй несчастный мужъ и обхватилъ ее руками...

Вотъ и жажда драмы, жажда сильныхъ ощущеній.

Нервная, страстная, впечатлительная фантазёрка, жаждущая жизни, стала невольною самоубійцей. Не помышлая о смерти, она думала лишь возобновить интересную, разжигающую сцену прошлаго. Но, конечно, не думала о томъ, что револьверъ, разряженный наканунѣ, можетъ быть опять заряженъ, что этою новою шуткой она разобьетъ жизнь мужа, какъ разбила свою безпокойную, хорошенькую головку, свое мягкое, воспріимчивое, любящее, но больное, изуродованное ложнымъ направленіемъ, сердце.

Василій Николаевичъ остался живъ, но потерялъ разсудокъ. Знакомые жалѣютъ его, навѣщаютъ изрѣдка въ больницѣ душевно-больныхъ и, съ прискорбнымъ терпѣніемъ, выслушиваютъ въ сотый разъ исторію, давно извѣстную, возбудившую толки и волненіе, давно уже надоѣвшую всѣмъ и позабытую, сданную въ архивъ.

— Не вините, не судите ее строго,—обыкновенно оканчиваетъ онъ:—она не хотѣла вѣдь огорчить меня; она только шутила, моя милая шалунья-дѣвочка...

И страшно звучатъ эти слова сумашедшаго. И невольно прошибаетъ слеза, при видѣ этого изможденнаго душевною мукой, сѣдого, чуть живого человѣка; и невольно вспоминается всѣмъ здоровый, краснощекій, кудрявый красавецъ-брюнетъ, всѣми уважаемый и дѣльный работникъ на пользу общества.

А. Алексѣева.

ИСТОРІЯ КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПАМЯТНИКАХЪ ЮЖНОРУССКАГО НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА *).

II.

Борьба козаковъ съ поляками.

(Окончаніе.)

Збаражская осада.—Насмѣшки надъ поляками. — Дума о походѣ въ Молдавію. — Нечай, народный богатырь второй войны Хмельницкаго. — Берестечское пораженіе.—Дума о состояніи народа послѣ второй войны. — Татарское опустошеніе 1653 года и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.—Ропотъ на Хмельницкаго.—Дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Въ польскихъ историческихъ повѣствованіяхъ XVII вѣка разсказывается, что при осадѣ поляковъ подъ Збаражемъ, происходившей въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1649 года, русскіе отпускали насмѣшки надъ стѣсненными до крайности и терпѣвшими голодъ польскими панами. Образчики такихъ насмѣшекъ передаются тогдашними писателями въ польскихъ и латинскихъ переводахъ. Собственно нѣтъ у насъ никакой думы или пѣсни, о которой бы ясно и несомнѣнно можно было сказать, что она относится къ этой осадѣ непосредственно. Но слѣды воспоминанія объ этомъ событіи, намъ кажется, можно видѣть въ одной пѣснѣ, которая должна быть приспособленною къ этому событію передѣлкою обрядной весенней пѣсни. Въ южнорусскихъ веснянкахъ есть обычный мотивъ, что дѣвицы насмѣхаются надъ молодцами и изображаютъ ихъ въ комическомъ положеніи. Тѣмъ же веснянкамъ присущи припѣвы, повторяемые послѣ извѣстнаго количества стиховъ. Въ числѣ такихъ припѣвовъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ пѣсни, есть такой:

Выступцемъ
Тихо иду,
А вода по камѣню,
А вода по бѣлому
Ище тихше.

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Въ одномъ изъ варіантовъ этой пѣсни припѣвъ этотъ измѣняется такъ:

Выступцемъ,
Пане Вишневецькій,
Воеводо грецькій,
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!

(То-есть: мѣрнымъ ходомъ, панъ Вишневецкій, отважный воевода! пустись-ка въ плясъ по-нѣмецки!)

Далѣе слѣдуетъ пѣсня съ повтореніемъ такого припѣва послѣ каждыхъ двухъ стиховъ: изображается, какъ молодцы сидѣли подъ клѣтушкою и облупливали собакъ: они поломали свои ножи и тянули зубами собачьи шкуры [104]).

Полагаемъ, что эта пѣсня, по формѣ своей и по голосу несомнѣнно хороводная весенняя, была вначалѣ насмѣшкою надъ тѣми поляками, которые, будучи осаждены подъ Збаражемъ, дошли до такой степени голода, что ѣли собакъ, кошекъ, мышей, грызли зубами сапожную кожу. На это отношеніе нашей веснянки къ збаражской осадѣ 1649 года указываетъ имя воеводы Вишневецкаго, подъ которымъ легко узнать знаменитаго князя Іеремію—героя этой осады, свирѣпаго и лютаго врага русскаго на-

---

[104]) Ой що-то за хижка
Тамъ на вырбжку.
Выступцемъ,
Пане Вишневецькій
Воеводо грецькій
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!
Подъ тою хижкою
Паничи сидѣли
Выступцемъ и проч.
Паничи сидѣли,
Собакъ лупили,
Выступцемъ и проч.
Собакъ лупили,
Ножи поламали,
Выступцемъ и проч.
Ножи поламали,
Зубами тягали,
Выступцемъ,
Пане Вишневецькій,
Воеводо грецькій,
Да выведи танчикъ
По нѣмецьки!

рода и православной вѣры. Есть того времени извѣстіе, что во время збаражской осады былъ онъ раненъ въ ногу; и вотъ поэтому-то настоящая пѣсня приглашаетъ его пуститься въ плясъ по-нѣмецки.

Замѣтимъ между прочимъ, что козаки и поляки въ тѣ времена называли битву танцемъ въ переносномъ смыслѣ. Южнорусскіе люди, участвовавшіе въ войнѣ подъ Збаражемъ и издѣвавшіеся тамъ надъ стѣсненными врагами, сложили эту пѣсню, а возвратившись въ свои домы, передали ее своимъ семьямъ; и такъ эта пѣсня, переходя отъ бабушекъ ко внучкамъ, утратила, для послѣдующихъ поколѣній, свой первоначальный смыслъ и осталась до сихъ поръ простою веснянкою, но сохранивши нѣкоторыя черты, которыя и теперь еще могутъ указывать на ея происхожденіе. Иначе, какъ въ веснянку, пѣсню чисто дѣвичью, могло попасть имя воеводы Вишневецкаго съ приглашеніемъ пуститься въ плясъ по-нѣмецки, посреди какихъ-то молодцовъ, которымъ пришлось грызть зубами собачьи шкуры?

Зборовскій миръ, постановленный Хмельницкимъ съ польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ, не покончилъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшею, но еще создалъ новые поводы къ недоразумѣніямъ и кровопролитіямъ. Весь южнорусскій народъ единодушно поднялся за свою свободу, домогаясь всеобщаго уравненія подъ формою козачества, а по силѣ Зборовскаго договора получали желанную свободу только сорокъ тысячъ въ значеніи привилегированнаго сословія. Остальные во время войны считавшіе себя козаками обращались въ посполство или чернь, то-есть простонародіе, которому тогдашнія общественныя условія угрожали прежнимъ, быть-можетъ еще и болѣе тяжелымъ, порабощеніемъ. Изъ этого посполства люди, не мирившіеся съ своимъ положеніемъ, порывались въ козаки, то-есть на свободу. Дѣлаться свободнымъ въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ значило то же, что сдѣлаться козакомъ, иначе, по нашему способу выраженія, стать военнымъ человѣкомъ. Иного пути въ тѣ времена и быть не могло; вездѣ желавшіе сбросить съ себя какое бы ни было ярмо должны были браться за оружіе. Въ Украинѣ всякая война способствовала пріобрѣтенію свободы для извѣстнаго числа людей именно потому, что тогда удобнѣе было и льготнѣе людямъ изъ посполства вступать въ козачество, и существовавшимъ въ Украинѣ властямъ было тогда желательно увеличеніе числа военныхъ людей; а кто только вступалъ въ козаки, тотъ уже счи-

талъ себя вольнымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока неблагопріятныя условія не вернули его силою къ прежнему положенію. Оттого всякая внѣшняя война въ Украинѣ для многихъ была болѣе или менѣе популярнымъ дѣломъ. Такъ было и въ 1650 году, когда Хмельницкій двинулъ свои силы на Молданію. Грубые, драчливые инстинкты естественно господствовали издавна въ козачествѣ, какъ въ военномъ обществѣ, рядомъ съ другими болѣе высокими и нравственными побужденіями, а въ послѣднее время развивались при побратимствѣ съ татарами и высказались ярко въ этомъ походѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ намъ побужденія къ этому походу въ козацкой громадѣ малорусскій старинный повѣствователь, котораго правдивое сказаніе, дошедши до насъ, получило названіе «Лѣтописи Самовидца» (стр. 16). Посполитые люди увеличивали собою козацкія силы и шли въ походъ съ реэстровыми въ качествѣ охотнаго войска въ видахъ стать вольными людьми.

Объ этомъ-то походѣ сохранилась дума, извѣстная въ печати по двумъ варіантамъ: одинъ—въ Сборникѣ Максимовича (изд. 1849 года, стр. 71), другой — въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 391—395).

По своему духу, эта дума отклоняется отъ поэзіи всенародной къ поэзіи козацкой, принимая это слово въ смыслѣ близкомъ къ военно-сословному. Здѣсь не то, что въ прежнихъ думахъ и пѣсняхъ, гдѣ Хмельницкій является народнымъ заступникомъ, двигателемъ народныхъ потребностей для всѣхъ южнорусскихъ людей, вообще доступныхъ и дорогихъ,—здѣсь козаки идутъ за своимъ гетманомъ, сами не зная зачѣмъ идутъ; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не совѣтуется, а они слѣпо ему повинуются; одному Богу предоставляютъ они знать, зачѣмъ любимый предводитель ведетъ ихъ [105]). Недавняя слава слишкомъ, видно, ослѣпила ихъ, просвѣчиваетъ уже обычный въ исторіи примѣръ, когда толпа, недавно оживленная единодушнымъ порывомъ борьбы за свою свободу, сразу и легко становится способною попасть подъ деспо-

[105]) Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣвае;
Вóйсько козацькее у походъ выступае;
Тóлькó Богъ святый знае,
Що Хмелницькій думае-гадае,
Объ тóмъ не знали нѣ сотники,
Нѣ отаманы курѣнныи, нѣ полковники;
Тóлькó Богъ святый знае,
Що Хмелницькій думае-гадае (Макс.).

тизмъ того, кто руководилъ ею въ этой прошлой борьбѣ. По варіанту Метлинскаго приводится черта, намекающая на то, какого рода частные интересы могли тогда подвигать многихъ, которые тогда пошли за Хмельницкимъ въ Молдавію. «За нимъ козаки идутъ—какъ молодыя пчелы гудутъ; у иного нѣтъ ни сабли булатной, ни пищали семипядной: тотъ взваливаетъ на плечи дубину и поспѣшаетъ въ войско за гетманомъ Хмельницкимъ [106])». Здѣсь, конечно, надобно разумѣть такихъ, которые по силѣ Зборовскаго договора не вошли въ козацкое званіе и теперь спѣшили на войну, чтобъ инымъ путемъ, черезъ вступленіе въ охотное войско, снова сдѣлаться козаками. За самимъ Хмельницкимъ дума не знаетъ какого-нибудь нравственнаго побужденія къ этой войнѣ, а набрасываетъ на него тотъ поэтическій отсвѣтъ, какой въ сказкахъ и былинахъ дается древнимъ богатырямъ. У Хмельницкаго развернулась охота къ браннымъ подвигамъ; онъ вызываетъ на бой «Василія Молдавскаго» и заранѣе требуетъ отъ него уступокъ, если не захочетъ съ нимъ биться. Прибывши, по варіанту Максимовича, въ Хотинъ [107]), а по варіанту Метлинскаго—въ Сороку [108]), Хмельницкій посылаетъ къ Василію Молдавскому требовать, по первому варіанту, половину Волосчины [109]), а по другому—волошскихъ городовъ, либо же полумисковъ, наполнен-

---

[106]) А ще самъ зъ города Чигирина рушавъ.
За нимъ козаки йдуть,
Якъ ярая пчола гудуть,
Который козакъ не мае въ себе
Нѣ шаблѣ булатной,
Нѣ пищали семипъядной,
Той козакъ кій на плечи забирае
За гетьманомъ Хмелницькимъ у охотне войсько поспѣшае (Метл.).

[107]) Якъ до Днѣстра прибували,
Черезъ три перевозы переправу мали,
Самъ Хмелницькій напередъ рушавъ,
До Хотіи прибувавъ,
У старшого копитана на кватирѣ ставъ,
До Василя Молдавського листы посылавъ.

[108]) Подъ городомъ Сорокою шанцѣ копавъ,
У шанцяхъ курѣнемъ ставъ,
И ще отъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Василя Молдавського посылавъ.

[109]) Що ты со мною будешъ гадати?
Чи будешъ биться,
Чи будешъ мириться?
Чи на перемирье будешъ пріймати,
Чи славной Волосчины половину отдавати?

ныхъ червонцами [110]). По варіанту Максимовича, Василій Молдавскій посылаетъ просить помощи у польскаго короннаго гетмана Потоцкаго. Дума заставляетъ Василія Молдавскаго обращаться къ Потоцкому въ такомъ точно тонѣ, въ какомъ, въ другой думѣ, говорятъ съ этимъ самымъ Потоцкимъ козаки послѣ Корсунской побѣды. «Ахъ ты Потоцкій! Умъ у тебя-то бабій! Ты хлопочешь только о дорогихъ напиткахъ да о пирушкахъ. Зачѣмъ не удерживаешь Хмельницкаго? Вотъ уже началъ онъ орать конскими копытами землю молдавскую и поливать молдавскою кровью [111]). Но въ варіантѣ Метлинскаго Василь Молдавскій, прежде своего обращенія къ Потоцкому, отвѣчаетъ Хмельницкому отказомъ на богатырскіе запросы послѣдняго и притомъ дѣлаетъ замѣчаніе, „что приличнѣе было бы Хмельницкому, считая себя меньшимъ, покориться Василю Молдавскому, какъ старѣйшему [112]). Такой отвѣтъ раздражилъ Хмельницкаго; подступаетъ онъ къ городу Сорокѣ и говоритъ такую рѣчь: «О городъ, городъ Сорока! Не испугать тебѣ моихъ дѣтей козаковъ! Я покорю тебя, я возьму съ тебя немалыя сокровища, обогащу тѣмъ свою голытьбу, стану выдавать ей мѣсячное жалованье, каждому по битому та-

---

[110]) Чи будешъ со мною биться,
Чи мириться?
Чи городы свои волоськи уступати?
Чи червонцями полумиски сповняти?
Чи будешъ гетьмана Хмелницького благати?

[111]) Василій Молдавській тее зачувавъ,
До Потоцького листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
Гетьмане Потоцькій!
У тебе розумъ жѣноцькій!
Ты за дорогими напитками, бенкетами угаяешъ,
Чомъ ты Хмелницького не єднаешъ?
Уже почавъ вонъ землю кінськими копытами орати,
Кровью молдавською поливати.

[112]) Господарь волоській листы читае,
Назадъ отсылае,
И въ листахъ приписуе:
Пане гетмане Хмелницькій,
Батю Зиновъ Богдане Чигиринській!
Не буду я съ тобою нѣ биться
Нѣ мириться,
Нѣ городовъ тобѣ своихъ волоськихъ уступати,
Нѣ червонцями полумисковъ сповняти;
Не лучше бъ тобѣ покоритися меншому
Не нужли (нижли) менѣ тобѣ старшому!

леру» [113]). Видно, надежда на поживу была приманкой въ охотное войско неимущимъ; голь, какъ мы уже видѣли и прежде, отправлялась на войну какъ на промыселъ, чтобы тамъ добычею отъ непріятеля поправить скудное житіе свое. Въ предшествовавшій передъ тѣмъ годъ, 1649, южноруссы таки достаточно пожились грабежомъ панскаго и шляхетскаго достоянія (шарпаниною добръ панскихъ и шляхетскихъ), но очень многое изъ добытаго было скоро спущено съ рукъ московскимъ и волоскимъ купцамъ, устремившимся въ Украину покупать за безцѣнокъ вещи, которыхъ значенія цѣнить не умѣли продавцы. Кромѣ того былъ большой отливъ народонаселенія на войну въ 1649 году, и поэтому много пахатныхъ полей оставалось не обработанными: на слѣдующій годъ почувствовалась скудость и дороговизна хлѣба. Не мудрено, если условія тѣхъ лѣтъ дѣлали возможнымъ появленіе голи, бросившейся за поживою въ Молдавію, гдѣ Хмельницкій надѣлялъ ее на счетъ чужой земли. Вслѣдъ затѣмъ въ думѣ неподробно упоминается о сожженіи и разграбленіи Сочавы. Тогда, по разсказу думы, сочавцы, еще не повидавши въ глаза Хмельницкаго, убѣгаютъ въ Ясы, извѣщаютъ господаря о вторженіи козаковъ и грозятъ отдаться подъ власть иного властителя, если Василь не постоитъ за нихъ. Василь ѣдетъ изъ Ясъ въ Хотинъ и оттуда посылаетъ письмо къ Потоцкому [114]).

---

[113]) „Хмелницькій якъ сѣи слова зачувавъ,
Такъ вонъ самъ на доброго коня сѣдавъ,
Коло города Сороки поѣзжавъ,
На городъ Сороку поглядавъ,
И ще съ-тиха словами промовлявъ:
—Эй городе, городе Сороко!
Ще ты моимъ козакамъ дѣтямъ не заполоха.
Буду я тебе доставати,
Буду я зъ тебе великіи скарбы мати,
Свою голоту сповняти,
По битому тарелю на мѣсяць жалованья давати.—
Отъ-тогдѣ-то Хмелницькій якъ похвалився,
Такъ гаразды и учинивъ:
Городъ Сороку у недѣлю рано задобѣдья взявъ,
На рынку обѣдъ пообѣдавъ,
Къ полуднѣй годинѣ до города Сичавы припавъ,
Городъ Сичаву огнемъ запаливъ
И мечемъ сплюндровавъ.

[114]) Отъ-тогдѣ-то сочавцѣ гетьмана Хмелницького у-вочи не видали,
Усѣ до города Ясъ повтѣкали,
До Василя Молдавського съ-тиха словами промовляли:
Эй Василю Молдавській,

Обращеніе господаря къ Потоцкому въ варіантѣ Метлинскаго [115]) приводится образнѣе, чѣмъ въ варіантѣ Максимовича, который, должно-быть, есть позднѣйшее сокращеніе и въ немъ уже многія существенныя черты выпали изъ думы. Слѣдуетъ затѣмъ—въ томъ же варіантѣ Метлинскаго—отвѣтъ Хмельницкому отъ Потоцкаго, котораго дума называетъ «кролемъ» польскимъ (не беремся рѣшать—ошибка ли это, или же дается ему такой титулъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ южноруссы въ насмѣшку звали польскихъ пановъ корольками или королевенятами). Польскій коронный гетманъ вспоминаетъ, какъ Хмельницкій когда-то побѣдилъ его. Дума говоритъ о пятнадцати рыцаряхъ, высланныхъ къ Жолтой Водѣ, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Кромѣ того, въ думѣ сообщается, что трехъ сыновей Потоцкаго Хмельницкій, взявши въ плѣнъ, отдалъ въ неволю турецкому султану, наконецъ самого отца ихъ, Потоцкаго, продержалъ три дня прикованнымъ къ пушкѣ [116]). Здѣсь одинъ изъ многихъ образчиковъ того, какъ

Господарю нашъ волоський!
Чи будешъ за насъ одностойно стояти,
Будемъ тобѣ голдовати;
Колижъ не будешъ за насъ одностойно стояти,
Будемъ иншому пану голдовати.
Отъ-тогдѣ-то Василь Молдавський,
Господарь волоський,
Пару коней у колясу закладавъ,
До города Хотинѣ отъѣзжавъ,
У Хвилецького копитана станцѣю ставъ,
Тогдѣ-жъ-то отъ своихъ рукъ листы писавъ,
До Ивана Потоцького кроля польского посылавъ.

[115]) Щожъ то въ васъ гетьманъ русинъ
Хмелницький всю мою землю волоську обрушивъ,
Все мое поле копьемъ изъоравъ,
Усѣмъ моимъ волохамъ якъ галкамъ съ плечъ головки знявъ,
Где були въ полѣ стежки-дорбжки,
Молдавськими головками повымощовавъ;
Где були въ полѣ глыбоки долины,
Волоською кровію повыповнювавъ.

[116]) Оттогдѣ Иванъ Потоцький,
Кролю польский,
Листы читае, назадъ отсылае
А въ листахъ приписуе:
Эй Василю Молдавський
Господарю волоський,
Колижъ ты хотѣвъ на своѣй Украинѣ проживати,
Було-бъ тобѣ Хмелницького у-вѣчнѣ часы не займати,
Бо дався менѣ гетьманъ Хмелницький добре гаразъ знати:
У первѣй войнѣ

въ историческихъ пѣснопѣніяхъ искажаются дѣйствительныя событія, оставляя, однако, на себѣ слѣды правды. Гетманы польскіе отправили противъ Хмельницкаго отрядъ, который чуть не весь былъ истребленъ козаками при Жолтыхъ Водахъ: это въ думѣ выражается въ образѣ высылки пятнадцати рыцарей, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Сынъ короннаго гетмана Потоцкаго, Стефанъ, былъ убитъ въ Желтоводской битвѣ, а самъ гетманъ, отецъ его, взятъ въ плѣнъ подъ Корсуномъ и отданъ татарамъ. Вмѣсто одного сына въ думѣ явилось любимое сказочною поэзіей число три, а потомъ ихъ троихъ Хмельницкій отсылаетъ турецкому султану. На этихъ вымышленныхъ сыновей дума переноситъ—впрочемъ, въ измѣненномъ видѣ—то, что на самомъ дѣлѣ случилось со старымъ Потоцкимъ. О прикованіи Потоцкаго къ пушкѣ говорятъ и нѣкоторыя украинскія лѣтописи: фактъ сомнительный, хотя подобные пріемы практиковались въ козацкой жизни; но едва ли Хмельницкій, человѣкъ, получившій и образованіе и лоскъ, могъ позволить себѣ такую грубость.

Варіантъ Максимовича оканчивается сокращеннымъ воспоминаніемъ о подвигахъ Хмельницкаго и прославленіемъ его времени. «Тогда-то была честь и слава, тогда былъ и строй добрый въ войскѣ, не давали мы себя на посмѣяніе, а топтали ногами непріятеля» [117]). Это окончаніе быть-можетъ взято сюда изъ другой думы, или присоединено къ думѣ о молдавскомъ походѣ уже послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, когда воспоминанія о немъ были еще очень свѣжи и дороги въ противоположность съ тѣмъ общественнымъ разстройствомъ, какое наступило въ Украинѣ тотчасъ послѣ его смерти.

На Жовтѣй Водѣ
Пятьнадцять моихъ лыцарѣвъ стрѣчавъ,
Невеликій имъ отвѣтъ дававъ,
Всѣмъ якъ галкамъ съ плечъ головки поздôймавъ,
Трохъ сынôвъ моихъ живцемъ узявъ,
Турському салтану въ подарунку одôславъ
Мене Ивана Потоцького три днѣ на приковѣ край пушки державъ,
А нѣ пити менѣ нѣ ѣсти не дававъ.

[117]) То панъ Хмелницькій добре учинивъ
Польщу засмутивъ,
Волосчину побѣдивъ,
Гетьманщину звеселивъ.
Въ-той часъ була честь слава,
Вôиськовая справа.
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пôдъ ноги топтала.

Вторая война Хмельницкаго съ Польшею совсѣмъ иначе кончилась для козачества, чѣмъ первая. Козаки были жестоко поражены подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ и Хмельницкій принужденъ былъ заключить съ поляками бѣлоцерковскій миръ, по которому рубежи края, гдѣ допускалось существованіе козачества, ограничены были кіевскимъ воеводствомъ вмѣсто прежнихъ трехъ воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго. Такимъ образомъ, наперекоръ народному стремленію распространить козачество на всѣ южнорусскія земли, остававшіяся въ непосредственной власти панства и шляхетства, пришлось потерять и то, что уже по Зборовскому договору состояло во владѣніи козацкаго гетмана. Само собою разумѣется, новыя условія, какія возникали послѣ бѣлоцерковскаго мира, еще менѣе могли обѣщать спокойствія въ будущемъ, чѣмъ тѣ, которыми народъ былъ недоволенъ послѣ мира зборовскаго.

Вторая война не могла уже создать въ народѣ такихъ пѣсенъ, какія создала первая война,—пѣсенъ, въ которыхъ слышатся и восторгъ побѣды и поруганіе надъ побѣжденнымъ тираномъ. Въ пѣсняхъ этой эпохи отразилась поэзія пораженія. Народнымъ героемъ этой эпохи представляется Нечай, лицо, извѣстное въ исторіи подъ именемъ брацлавскаго полковника Данила Нечая. Пѣсни о пораженіи и смерти этого козацкаго вождя распространена повсюду въ западной части южнорусскаго края. Народъ любитъ эту личность. Давнія событія сбились между собою, смѣшались въ народной памяти и Нечай представляется какъ бы главнымъ богатыремъ въ бывшей когда-то борьбѣ съ ляхами. Въ мѣстахъ, гдѣ поются о Нечаѣ пѣсни, составились и различныя представленія объ этой личности: то онъ—верховный предводитель козаковъ противъ ляховъ, то онъ — соперникъ Хмельницкаго. Въ мѣстечкѣ Берестечкѣ, гдѣ сохранились вещественные памятники эпохи пораженія козаковъ, одни изъ мѣстныхъ обывателей на вопросъ: что означаютъ на ихъ поляхъ окопы и курганы, отвѣчали, что здѣсь когда-то бились козаки съ ляхами и у козаковъ былъ тогда главный богатырь Нечай, который здѣсь и погибъ. Другіе, тамъ же, разсказывали, что на ихъ поляхъ когда-то бились другъ противъ друга двое козацкихъ предводителей: одинъ—Нечай, другой—Хмельницкій.

Но какъ ни видоизмѣнились въ теченіе долгаго времени прежнія преданія о Нечаѣ, какъ ни исказилась въ современныхъ представленіяхъ историческая дѣйствительность, а все-таки несо-

мѣнно, что Нечай пѣсенъ и преданій есть Данило Нечай, брацлавскій полковникъ погибшій въ битвѣ съ поляками, происходившей въ февралѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Красномъ. Едва ли мы ошибемся, если въ лѣтописяхъ нашихъ отыщемъ причины, почему именно этотъ, а не другой какой-нибудь изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, сталъ пѣсеннымъ народнымъ героемъ этой эпохи второй войны козаковъ съ поляками. Въ 1650 году народъ сильно взволновался противъ исполненія Зборовскаго договора, по которому сокращалось число козаковъ сорока тысячами, а не входившіе въ составленный козацкій реэстръ предавались снова произволу пановъ. Нечай заступался за народъ, Нечай сталъ на челѣ недовольной громады, Нечай отважно заговорилъ съ гетманомъ и Хмельницкій, который вообще не любилъ себѣ противорѣчій и расправлялся рѣшительными способами со всякимъ, кто осмѣлится не слушать его повелѣній, долженъ былъ перенести эту оппозицію и даже, по возможности, мирволить народнымъ стремленіямъ. Понятно, что такого человѣка, какимъ былъ Нечай, народъ любилъ и передалъ свою любовь къ его имени грядущимъ своимъ поколѣніямъ. Вѣроятно, это и было причиною, почему имя это вошло въ народную поэзію. Въ пѣсняхъ, однако, удержалось воспоминаніе не о его энергическомъ заступничествѣ за народъ, а о его смерти въ бою за народное дѣло. Смерть—любимый мотивъ козацкихъ пѣсенъ; смерть завершаетъ подвиги и поприще героя и чтущіе его память невольно обращаются къ этому грустному, но торжественному и замѣчательнѣйшему моменту славной жизни богатыря.

Намъ извѣстно множество варіантовъ пѣсни о смерти Нечая. Пять ихъ (стр. 403, подъ литерами: а, б, в, г, д) напечатаны въ Сборникѣ Метлинскаго, два въ Сборникѣ Максимовича изд. 1834 г. (стр. 97—101), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Вацлава изъ Олеска (стр. 482), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ же пѣсенъ Жеготы Паули (стр. 145): оба послѣдніе соединены въ собраніи галицкихъ пѣсенъ, помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1863 г., ч. III, стр. 7); сверхъ того у насъ въ рукахъ было два писанныхъ варіанта, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ мною въ Волынской губерніи, другой г. Руданскимъ въ Подольской. Наконецъ, въ изданіи «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», напечатанныхъ въ 1874 году, гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, помѣщено 38 варіантовъ (конечно, со включеніемъ приведенныхъ

выше) этой пѣсни, показывающихъ, до какой степени популярно было воспѣваемое въ ней лицо.

Всѣ эти варіанты замѣчательно сходны между собою и различаются другъ отъ друга сравнительно большею или меньшею полнотою. Если мы сравнимъ содержаніе пѣсни съ извѣстіями о битвѣ и смерти брацлавскаго полковника у современныхъ ему дѣписателей, то смѣло можемъ сказать, что мало такихъ пѣсенъ, въ которыхъ бы отразилась до такой точности историческая дѣйствительность, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Во всѣхъ варіантахъ за Нечаемъ удерживается одинъ типъ, одинъ характеръ. Это—козакъ во всей полнотѣ козацкой натуры, отважный, разгульный, безпечный и безразсудный. Свойства эти общенародныя, а потому народъ ихъ легко извиняетъ и даже они возбуждаютъ къ герою болѣе сочувствія. Нечай на масленицѣ гуляетъ съ «кумасею», попиваетъ съ нею вино и не обращаетъ вниманія на предостереженія, которыя ему дѣлаются.

На него внезапно нападаютъ ляхи, онъ ихъ не боится, самонадѣянно пускается въ битву, совершаетъ чудеса храбрости и погибаетъ подъ наплывомъ огромнаго числа непріятелей.

Первый образъ въ этой пѣснѣ тотъ, что козаки обращаются къ Нечаю съ совѣтомъ, чтобъ онъ стерегся и убѣжалъ бы съ ними [118]). «Не бойтесь козаки,—отвѣчаетъ Нечай,—я поставилъ сторожу по всѣмъ путямъ» [119]). По другому варіанту онъ восклицаетъ: «какъ я могу убѣгать отсюда и топтать ногами свою козацкую славу! У меня есть Шпакъ, онъ молодецъ; онъ мнѣ даетъ знать когда нужно убѣгать» [120])! Этотъ Шпакъ есть то самое лицо, которое въ исторіи Веспасіяна Коховскаго, описывавшаго своего времени событія, значится подъ именемъ Шпаченка (сына Шпакова) сотника. Обстоятельство, что въ пѣснѣ сохранилось вѣрно собственное имя, имѣвшее второстепенное участіе въ сообщаемомъ пѣснею событіи, придаетъ въ нашихъ гла-

---

[118]) Ой изъ темного лѣсу изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай (или втѣкаймо) Нечаю!
(У Жеготы Паули первый стихъ такъ:
У Краснѣмъ при ставѣ зъ Зеленого гаю (географическая точность!)

[119]) Ой не бойтесь не бойтесь паны отаманы:
Я поставивъ стороженьку усѣма шляхами.

[120]) Якъ я маю козакъ Нечай зводсѣль утѣкати,
Славу свою козацькую подъ ноги топтати!
Ой е у мене Шпакъ, Шпакъ... Отъ-той добрый хлопець,
Отъ-той менѣ дае знати коли утѣкати!

захъ большую важность самому народному произведенію: сохранились такія черты, которыя могли только составлять принадлежность самой древней редакціи, слѣдовательно пѣсня мало подвергалась искаженіямъ въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ варіантахъ.

Далѣе въ пѣснѣ Шпакъ говоритъ, что онъ не успокоиваетъ его, Нечая, на счетъ опасностей, что во всякомъ случаѣ надобно ему быть наготовѣ — держать коня своего подъ сѣдломъ, а саблю подъ епанчою [121]), чтобъ можно было обороняться отъ ляховъ, когда тѣ явятся рубить Нечая. По галицкимъ варіантамъ Нечай посылаетъ молодца провѣдать о ляхахъ и молодецъ, сбѣгавши до Полоннаго, извѣщаетъ, что ляховъ идетъ сорокъ тысячъ безъ единаго [122]) (эпическое число). Здѣсь Полонное — идеальная мѣстность, какъ и въ думѣ о расправѣ съ жидами; иначе, еслибы разумѣть мѣстечко Волынской губерніи, носящее это названіе, то Нечаю не зачѣмъ было посылать туда гонца на провѣдки при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился.

Нечай не обращаетъ вниманія на угрожающія вѣсти. Онъ ставитъ въ городѣ караулъ, а самъ идетъ пить медъ-вино и ѣсть щуку-рыбу къ кумѣ [123]), называемой по одному варіанту Хмельницкою [124]), а по другому Ведельскою, по третьему кумой любасею, то-есть кумою любезною [125]). Вдругъ взглядываетъ онъ

---

[121]) А я тебе, мой Нечаю, не убезпечаю,
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свого звычаю.
Ой я тебе мой Нечаю неубезпечаю,
Держи свою шабелечку да подъ опанчею.
Коли прійдуть тебе ляхи, Нечаю, рубати,
Що бы ся мавъ, мой Нечаю, чимъ обороняти!

[122]) Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня вороного,
А побѣжи въ чисте поле—чи йде ляшковъ много?
Вертается малый хлопець ажъ изъ Полонного,
А йде ляшковъ сорокъ тысячъ только безъ одного.

[123]) Ой поставивъ Нечай козакъ да сторожу (въ др. вар. три сторожи) въ мѣстѣ,
А самъ пошовъ до кумоньки щуку-рыбу ѣсти (Метл. вар. подольскій).

[124]) Козакъ Нечай, козакъ Нечай на тее не дбае,
Да съ кумою, Хмелницькою, медъ-вино кругляе;
Ой поставивъ козакъ Нечай да сторожу въ мѣстѣ,
А самъ пошовъ до кумоньки щуки-рыбы ѣсти (Макс.).

[125]) Да съ кумою любасею медъ-вино кругляе.
(У Антон. и Драг., стр. 66: но съ кумою Ведельскою медъ-вино кружляе.)

въ оконную форточку и видитъ ляховъ: ихъ тамъ такъ много, какъ куръ на рынкѣ [126]).

По варіанту Метлинскаго, Нечаю приносятъ вѣсть, что поставленная имъ въ городѣ сторожа уже пропала [127]). Нечай приказываетъ сѣдлать коня и вмѣстѣ съ своимъ джурою выѣзжаетъ на битву [128]). Во всѣхъ варіантахъ битва изображается сходными чертами. Нечай рубитъ ляховъ какъ капусту [129]), кладетъ ихъ какъ снопы [130]) въ четыре ряда [131]), сбиваетъ съ коней какъ солому [132]), кровь течетъ рѣкою [133]); наконецъ, Нечаевъ конь уже

---

[126]) Якъ погляне козакъ Нечай у вôкно въ кватирку,
Ажъ тамъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ якъ курей по рынку (вар. волынс., Макс.)

или:

Подивиться козакъ Нечай въ горѣшню кватирку,
А вже ляхôвъ вражихъ сынôвъ повнѣсенько въ рынку.
(Чт. 1863 г., III, 8.)

[127]) Ой сѣвъ же да Нечаенко да щуки-рыбы ѣсти,
Охъ и прилетѣли до Нечаенка да не мудрыи вѣсти.
Охъ иже ты, Нечаенко, да медъ-вино кругляешъ,
А вже твоѣй стороженьки да на мѣсцѣ не мае.

[128]) Ой крикнувъ да Нечаенко да на джуру малого:
Сѣдлай, джуро, коня вороного, а пôдъ мене гнѣдого.
Ой подтягай, да малый хлопче, да попруги истуга:
Буде на ляхôвъ да на тихъ панôвъ велика потуга.

Или:

Сѣдлай собѣ вороного, менѣ буланого,
Да будемо выѣздити зъ мѣста головного.

[129]) Не вспѣвъ Нечай, не вспѣвъ козакъ на коника сѣсти,—
Якъ взявъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ на капусту сѣкти.
(Метл., вар. волынск.)

[130]) Проѣхався козакъ Нечай отъ башты до башты,
Дай ставъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ якъ снопики класти.

[131]) Обернувся козакъ Нечай отъ брямы до брямы,
Выклавъ ляшкôвъ вражихъ сынôвъ у чотыри лавы.
(По вар. Ант. и Драг., стр. 67.)

Или:

Переѣхавъ козакъ Нечай вôдъ брамы до брамы,
Сколотивъ лященьками якъ вовкъ вôвцями.
(Вар. подольск. Метл., Макс.)

[132]) Ой проѣхавъ козакъ Нечай отъ дому до дому:
Почавъ класти вражихъ ляхôвъ съ коней якъ солому.
(Вар. волынск., галицк.)

[133]) Повернувся козакъ Нечай на лѣвее плече,
А вже зъ ляхôвъ вражихъ сынôвъ кровъ рѣчками тече.
(Макс., волынск., подольск., галицк.)

Или:

А за нимъ же Нечаенкомъ кровавая рѣчка тече.
(Метл., 3.)

не можетъ выскочить изъ кучи ляшскихъ труповъ и козакъ приходитъ въ опасное положеніе отъ избытка собственной побѣды [134]). Черты эти составляютъ главные признаки пѣсни о пораженіи Нечая, но переносятся иногда и въ пѣсни о Перебійносѣ, Морозенкѣ, Саввѣ Чаломъ, такъ что могутъ съ перваго взгляда показаться типическими пѣсенными изображеніями битвы вообще; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, легко замѣтить, что въ пѣсняхъ о всѣхъ личностяхъ, кромѣ Нечая, черты эти являются случайно, и во многихъ варіантахъ пѣсенъ объ этихъ личностяхъ ихъ нѣтъ, тогда какъ онѣ неизбѣжны во всѣхъ варіантахъ пѣсни о пораженіи Нечая.

По варіанту Метлинскаго, Нечай, видя за собою множество враговъ, пытается бѣжать, а панъ Потоцкій пустился за нимъ въ погоню [135]); по всѣмъ другимъ варіантамъ, на самомъ мѣстѣ боя конь Нечаевъ споткнулся и въ это мгновеніе поймалъ его за чуприну, по однимъ варіантамъ, панъ Потоцкій [136]), по другимъ — панъ Калиновскій [137]), по третьимъ же — панъ Хмѣлевскій [138]), а по галицкимъ — какой-то неизвѣстный ляхъ, называемый въ пѣснѣ бранною кличкой [139]).

Или:

За нимъ рѣчка кровавая, що й конемъ не втече.
(ibid., 4.)

[134]) Повернувся козакъ Нечай на правую руку,—
Не выскочить Нечаевъ кôнь изъ ляцького трупу.
(Варіанты: галицкіе, волынскій, подольскій.)
Или:
Конь вороный самъ молодый да не выскочить зъ трупу.
(Метл., 3.)

[135]) Ой бросився козакъ Нечай зъ мѣста утѣкати,
За нимъ, за нимъ панъ Потоцькій да почавъ здоганяти.
Ой побігъ же да Нечай козакъ въ полѣ на долину,
Да исхвативъ панъ Потоцькій Нечая ззаду за чуприну.
(Метл., 405.)

[136]) Ой пôткнувся Нечаевъ кôнь на малу тычину,
Пойнявъ ёго панъ Потоцькій съ коня за чуприну.
(Вацл. изъ Олеск.)

[137]) Гей пôткнувся пôдъ Нечаемъ да кôнь на корыню,
Добравъ го съ Калиновськiй съ верха за чуприну.
(Žeg. Pauli, 144.)

[138]) Пôмавъ ёго панъ Хмѣлевськiй съ заду за чуприну.
(Вар. волынск.)

[139]) Пошпотався пôдъ Нечаемъ коникъ на купинку:
Зловивъ ляшокъ скурвый сынокъ ёго за чупринку.
(Чт. 1863, III. 8.)

Схватившій за чуприну Нечая ляхъ заговариваетъ съ нимъ съ издѣвками и сравниваетъ его съ хмѣлемъ [140]). Козакъ Нечай, находясь уже въ рукахъ враговъ, кричитъ своимъ козакамъ [141]), а по галицкому варіанту—своему брату [142]), чтобы передали поклонъ его женѣ: пусть выкупаетъ его, по крайней мѣрѣ его тѣло [143]); посылаетъ также поклонъ матери, несчастной женщинѣ [144]); будетъ она только плакать, да уже ничего не выплачетъ: надъ ея сыномъ вьется черный воронъ [145]).

Поляки не хотѣли брать ни серебра, ни золота за его тѣло [146]): они изрубили его и пускали по водѣ [147]). Осталась только голова Нечая и катается по рынку.

Тогда козаки стали думать, гдѣ имъ похоронить голову козака Нечая, и говорятъ они: похоронимъ ее, братцы, въ церкви Св. Варвары. Пріобрѣлъ ты себѣ, козакъ Нечай, великую славу! По другому варіанту, козаки хоронятъ его на могилѣ и садятъ надъ нимъ калину [148]). Это погребеніе головы Нечая встрѣчаемъ

---

[140]) А що теперъ, козакъ Нечай, що теперъ думаешъ,
Що зъ ляшками и съ панками вóйну починаешъ?
Чи не ты той хмель хмель, що по тычки вьешься?
Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляшками бьешься?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ граешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшкóвъ рубаешъ?
Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ киснешъ?
Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшенькóвъ тиснешъ?
Годѣ тобѣ, годѣ, хмелю, да по тыну виться;
Годѣ тобѣ, козакъ Нечай, вражій сыну, изъ ляшками биться!

[141]) Ой который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ:
Поклонѣться моѣй жѣнцѣ несчастнѣй невѣстѣ.
(У Жеготы).

[142]) Гей зобачивъ козакъ Нечай свого брата въ мѣстѣ:
Поклонися моѣй жѣнцѣ, а своѣй невѣсцѣ (Żeg. 144).

[143]) Мае вона, нехай бере срѣбла злота досыть,
Нехай мене выкупляе и остáнку просить.

[144]) Вы молодѣ козаченьки, чи не були въ мѣстѣ:
Поклонѣться матусеньцѣ несчастнѣй невѣстѣ.

[145]) Нехай вона плаче да вже не выплаче,
Бо надъ сыномъ надъ Нечаемъ чорный воронъ кряче.

[146]) Не хотѣли вражи ляхи срѣбла-злота брати,
А волѣли Нечаенка въ дрóбный макъ сѣкати.

[147]) Ой не дбали вражи ляхи на козацьку вроду
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду (Макс.).

[148]) Не за довгій довгій часъ за малу годинку,
Качается Нечаева головка по рынку.
Стали тогдѣ козаченьки думати-гадати:
Где козаченька Нечая голову сховати.
Поховаймо, паны братцѣ, въ церквѣ у Варвары.

только въ варіантѣ, записанномъ нами на Волыни, и въ другомъ, напечатанномъ у Метлинскаго. Въ другихъ нѣтъ о погребеніи, а въ одномъ изъ варіантовъ у Метлинскаго все тѣло убитаго Нечая козаки похоронили въ польскомъ костелѣ [149]). Это, быть-можетъ, позднѣйшее искаженіе. У Максимовича послѣ всего задаются Нечаю такіе вопросы: гдѣ его вороные кони, окованныя повозки, суконныя и шелковыя одежды? На эти вопросы слѣдуютъ такого рода отвѣты: его вороные кони у польнаго гетмана, его повозки завезены въ кусты верболоза подъ Берестечкомъ, а его одежды забрали и истребили ляхи. Но эти стихи собственно принадлежатъ къ другой пѣснѣ, къ пѣснѣ о Берестечскомъ пораженіи, и относятся не къ Нечаю, а къ Хмельницкому, имя котораго здѣсь замѣнилось Нечаемъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ вообще берестечское дѣло приписывается въ народномъ преданіи Нечаю, хотя дѣйствительнаго Нечая во время Берестечской битвы уже не было на свѣтѣ.

Пораженіемъ и смертью Нечая не ограничилась память объ этомъ козакѣ-богатырѣ въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества. Еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія привелось мнѣ увидѣть записанную неизвѣстнымъ любителемъ пѣсню о Нечаѣ совсѣмъ иного склада и пошиба, чѣмъ та, которая описываетъ его пораженіе и смерть въ Красномъ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ я самъ изъ устъ народа первую половину этой пѣсни, но не съ именемъ Нечая, а съ неопредѣленнымъ именемъ козака. Первая половина (именно та, которую слышалъ я въ народѣ) изображаетъ пріѣздъ козака къ своей возлюбленной, встрѣчу его дѣвицею, угощеніе и грусть дѣвицы, чувствующей, что козакъ пріѣхалъ съ нею прощаться передъ походомъ [150]). Вторая половина (которую я не слыхалъ, а толь-

---

Заживъ еси, козакъ Нечай, великон славы!

По варіанту, записан. въ Харьковской губ. (Антон. и Драгом., стр. 81).

Ой нуможъ мы премилее браття думати-гадати:
Где намъ сее тѣло Нечаево бѣло где намъ его поховати.
Гей зойдемось, премилее браття, на высоку могилу,
Да выкопаемъ, премилее браття, глыбокую яму,
Да посадимъ, премилее браття, червону калину,
Гей щобъ зайшла лыцарська слава на всю Украину!

[149]) Похоронили его тѣло у польскѣмъ костёлѣ,
А сами розбѣшлися козаченьки по своёй господѣ.
(Метл. 405.)

[150]) Ой по горамъ по долинамъ,
По козацькимъ украинамъ,

ко читалъ въ спискѣ) изображаетъ, какъ входятъ отецъ и мать этой дѣвицы, оказывающейся уже прямой невѣстою Нечая. Родители дѣвицы спрашиваютъ Нечая, когда имъ ждать его для вѣнчанія съ ихъ дочерью. Нечай загадочно говоритъ, что быть-можетъ его поджидаютъ къ себѣ волны и стелятъ ему бѣлую постель, и онъ ляжетъ на ней спать и станетъ поджидать къ себѣ милую, но она, чернооkая, не придетъ къ нему [151]). Слова Не-

Сивъ голубонько лѣтае,
Собѣ пароньки шукае,
Ой тожъ Нечай похожае,
Въ свистѣлочку выгравае,
Чи менѣ, каже, жениться,
Чи менѣ, каже, журиться?
Чи менѣ листы писати?
Будуть мене люди знати.
Напишу я дробнѣ листы
Да положу за пазуху,
Кониченька осѣдлаю,
Кониченька вороного,
Да подъ себе молодого.
Ѣде козакъ дорогою
Свѣтить мѣсяць добровою.
Ты, мѣсяцю, свѣти ясно,
Ты, коніку, бѣжи страшно!
Ой ставъ мѣсяць примеркати,
Ставъ коничокъ приставати,
До дворика привертати.
Выйшла съ двора миленькая,
Голубонька сивенькая;
Взяла коня за уздечку,
А милого за ручечку,
Повела коня въ ставницю,
А милого у свѣтлицю,
Дала коню вовса й сѣна,
А милому меду й вина,
Сама сѣла въ конець стола,
Сама сѣла задумала,
Карѣ очи зарюмала.
Чого, мила, задумала,
Карѣ очи зарюмала?
Чи жаль тобѣ вовса й сѣна,
Чи жаль тобѣ меду й вина?
Не жаль менѣ вовса й сѣна,
Не жаль менѣ меду й вина;
А жаль менѣ миленького
Голубонька сивенького.

[151]) Ой и выйшовъ старый батенько,
Ще й старая ненька...
Ой колижъ тебе, нашъ зятеньку,

чая о томъ, что его поджидаютъ волны, какъ намъ кажется, по своему смыслу состоятъ въ связи съ тѣмъ мѣстомъ въ пѣснѣ о смерти Нечая, гдѣ говорится, что ляхи рвали по кусочку его тѣло и бросали въ воду.

По стихосложенію обѣ половины отличны между собою и могли быть, отдѣльно каждая, самобытными пѣснями и притомъ козацко-бытовыми съ нарицательнымъ именемъ козака, замѣнившимся впослѣдствіи собственнымъ именемъ Нечая, потому что въ народномъ представленіи онъ сдѣлался идеаломъ козака. Это особенно возможно предположить относительно первой половины.

Въ томъ предположеніи, что имя Нечая, какъ идеала козацкой красоты, легко замѣнять могло нарицательное имя козака, подкрѣпляетъ насъ еще и то, что въ одной пѣснѣ соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ орла, не бывалъ ли онъ на Дунаѣ, не слыхалъ ли про Нечая? За тѣмъ говорится, что уже три дня и три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ убили Нечая [152]). Слѣдуетъ послѣ того варіантъ очень распространенной пѣсни о томъ, какъ убитый въ степи козакъ посылаетъ своего коня къ роднымъ извѣстить, что онъ женился, и при этомъ въ переносномъ смыслѣ вмѣсто новобрачной изображается могила. Въ галицкомъ варіантѣ безъ предисловія о соколѣ и орлѣ эта пѣсня прямо относится къ Нечаю [153]).

До домоньку ждати,
До домоньку ждати
Бѣлу постѣль стлати
Съ донькою вѣнчати.
Ой Богъ знае, святѣ знають
Да що починають,
Ой Богъ знае, може хвилѣ
Мене пôджидають...
Пôджидають Нечаенка
Постѣль стелють бѣлу,
А я ляжу на ихъ спати,
Пôджидати милу.
А я буду пôджидати,
Да й просплю до ночи,
Да й не прійдуть да до мене
Мои чорнѣ очи.

[152]) Соколъ зъ орломъ купаеться,
Соколъ въ орла пытаеться,
Чи бувъ, орле, на Дунаѣ,
Чи що чувавъ про Нечая,
А вже три днѣ, три недѣлѣ
Якъ Нечая въ войнѣ вбили.

[153]) А вже три днѣ, три недѣлѣ

Выше было замѣчено, что въ народныхъ воспоминаніяхъ о старинѣ битва подъ Берестечкомъ приписывается то Нечаю, то Хмельницкому, но имя Нечая усвоено болѣе Хмельницкаго. Въ пѣснѣ о Берестечской битвѣ нѣсколько лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню, произносили имя Нечая, и только одно лицо (послѣ нашего замѣчанія, что вмѣсто Нечая вѣроятно поютъ Хмельницкій), согласилось съ этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ дѣйствительно знало, что подъ Берестечкомъ воевалъ противъ поляковъ Хмельницкій [154]). Эту пѣсню слышалъ я не въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ въ самомъ Берестечкѣ. Нѣкоторые стихи этой пѣсни (въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, имя Нечая вставлено анахронизмомъ вмѣсто имени Хмельницкаго), встрѣчаются въ варіантахъ приведенной выше пѣсни о пораженіи и смерти Нечая въ Красномъ. Седьмой и восьмой стихи являются, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ стихами варіанта пѣсни о Нечаѣ, помѣщеннаго въ Сборникѣ Метлинскаго подъ зна-

---

Якъ Нечая въ войнѣ вбили
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився.
Не стой, коню, надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою.
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубравою,
Якъ прибѣжишъ до-домоньку,
Тамъ ударь ты копытами
Передъ нашими воротами;
Выйде отець—утѣшиться,
Выйде мати—засмутиться.
— Где-жъ ты, коню, подѣвъ Ивана,
Мого сына твого пана?—
— „Насъ ляшеньки догонили,
Твого сына съ собовъ взяли.
Но ты, мати, не журися,
Взявъ вонъ собѣ дружиноньку
Высокую могилоньку“ (Żeg. Pauli, I. 145).

[154]) Выступали козаченьки зъ высокои горы,
Попереду козакъ Нечай на воронѣмъ конѣ.
Ступай, коню, дорогою широко ногами!
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтои Воды:
Йде на тебе сорокъ тысячъ хорошои вроды.
Якъ ставъ джура, якъ ставъ малый коника сѣдлати—
Стали подъ тимъ кониченькомъ ножженьки дрожати.
Заговорить козакъ Нечай до коня словами:
Не доторкайсь, вражій коню, до землѣ ногами!
Чи не ты той хмель зеленый, що коло тычки вьешься?

комъ *б* [155]). Стихи одиннадцатый и двѣнадцатый сходны съ тридцать-девятымъ и сороковымъ перваго изъ варіантовъ, напечатанныхъ у Максимовича [156]), стихи пятнадцатый и восьмнадцатый похожи на стихи девятнадцый и двадцать-четвертый второго варіанта у Максимовича [157]). Ясно, что двѣ народныя пѣсни, относившіяся ко второй войнѣ Хмельницкаго противъ поляковъ: пѣсня о пораженіи и смерти Нечая въ Красномъ и пѣсня о несчастномъ для козаковъ сраженіи подъ Берестечкомъ—сбивались въ одну, и при этомъ имя Хмельницкаго замѣнялось, даже не-кстати, именемъ Нечая, именемъ болѣе любимымъ народомъ.

Есть основаніе отнести къ Берестечскому пораженію пѣсню, записанную на Волыни и самими пѣвцами относимую къ этому событію [158]). Пѣсня эта представляетъ черты, напоминающія об-

---

Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляхами бьешься?
Ой не я той хмель зеленый, по тычки не вьюся,
Ой не я той козакъ Нечай, зъ ляхами не бьюся.
А где-жъ твои, Нечаенку, вороныи конѣ?
У гетмана Потоцького стоять на пригонѣ!
А гдежъ твои, Нечаенку, кованыи возы?
Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы!
Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правдѣ бився.
Якъ припустивъ коня вороного—мѣстъ менѣ вломився!

[155]) Гей а выскочивъ козакъ Нечаенко самъ коника сѣдлати;
Гей пѣдъ конiченькомъ пѣдъ вороненькимъ стали ноженьки дрѣжати!

[156]) Чи не той-то хмель, хмель, що высоко вьеться!
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ ляшками бьеться?

[157]) Ой гдежъ твои, Нечаенку, кованыи возы?
Пѣдъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы.
Ой гдежъ твои, Нечаенку, вороныи конѣ?
У гетьмана у польного стоять на пригонѣ!
Ой гдѣжъ твои, Нечаенку, сукнѣ, блаватасы?
Гей посѣкли, порубали ляхи въ шабельтасы!
(Максим. Сб. изд. 1834, стр. 100.)

[158]) Кину перомъ, лыну орломъ, конемъ поверну,
А до свого отамана таки прибуду.
Чоломъ, чоломъ, нашъ гетьмане, чоломъ батьку нашъ!
А вже нашого товариства багацько не машъ!
Ой якъ же вы, паны молодцѣ, ой якъ вы ставали,
Що вы свое товариство на-вѣки втеряли?
Становились, нашъ гетьмане, плечемъ о-плече.
Ой якъ крикнуть вражи ляхи: у пень посѣчемъ!
Ой щожъ вы, паны молодцѣ, що за здобычъ мали?
Вели коня у нарядѣ, а ляхи отняли!
Зима прійшла—хлѣба нема: тожъ намъ не хвала!
Весна прійшла, лѣсъ розвила, всѣхъ насъ покрыла.

стоятельства того времени, когда, послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго козакамъ и возставшему съ ними народу, остатки сражавшихся подъ Берестечкомъ сходились съ своими полковниками къ Хмельницкому: по свидѣтельству польскихъ дневниковъ, это происходило въ Паволочи. Стихи девятый и десятый о какомъ-то конѣ—непонятны, относясь къ какому-то неизвѣстному для насъ обстоятельству. Что касается до двухъ послѣднихъ стиховъ этой пѣсни, то здѣсь выражается печальное состояніе Украины зимою послѣ несчастной второй войны Хмельницкаго противъ Польши, и потомъ поправленіе народнаго дѣла весною, когда вспыхнуло опять возстаніе.

Самый крупный памятникъ эпохи послѣ второй войны козаковъ съ поляками при Хмельницкомъ—дума о состояніи Украины послѣ Бѣлоцерковскаго договора и о возстаніи южнорусскаго народа въ 1652 году. Дума эта извѣстна намъ по двумъ варіантамъ: одинъ напечатанъ у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси», другой—въ Сборникѣ Максимовича въ изданіи 1849 года по списку, доставленному ему г. Мурзакевичемъ. Въ подробностяхъ есть въ этихъ варіантахъ отличія, но въ содержаніи и тонѣ—полное единство. Дума заключаетъ въ себѣ послѣдовательно слѣдующіе предметы:

а) Угнетеніе южнорусскаго народа отъ польскихъ жолнѣровъ, послѣдовавшее оттого, что Хмельницкій допустилъ въ Украинѣ квартировать польскимъ войскамъ.

б) Первое столкновеніе козаковъ съ ляхами въ корчмѣ.

в) Посланіе козаковъ къ Хмельницкому съ просьбою дозволить начать возстаніе и отвѣтъ Хмельницкаго.

г) Воззваніе Хмельницкаго и изгнаніе поляковъ.

Дума начинается вопросомъ: хорошо ли сдѣлалъ Хмельницкій, постановивши съ ляхами договоръ въ Бѣлой Церкви и дозволивши имъ вступить въ Украину [159]), по варіанту Максимовича, на четыре мѣсяца [160]).

Послѣ этого вопроса описывается народное отягощеніе. Хмель-

---

[159]) Ой чи гаразд чи добре нашъ панъ гетьманъ Хмелницькій учинивъ.
Що зъ ляхами мостивыми панами у Бѣлѣй Церкви замирився,
Да велѣвъ ляхамъ мостивымъ панамъ по козакахъ по мужикахъ стацѣю стояти (Кул. „Зап." I. 51).

[160]) Ой чи добре панъ Хмелницькій починавъ
Якъ зъ Берестецького року всѣхъ панóвъ-ляхóвъ на Украину на чотырѣ мѣсяцѣ высылавъ (Макс., 74).

ницкій допустилъ стацію. Этимъ именемъ назывался постой войска, но подъ понятіе о стаціи подводились всякія повинности и поборы, налагаемые съ народа въ пользу войска, квартировавшаго въ краѣ; говорилось не только стоять стаціею, но говорилось также давать стацію, брать стацію. Стація былъ предметъ въ высшей степени противный народу, тѣмъ болѣе, что польскіе жолнѣры, подъ предлогомъ стацій, совершали надъ жителями крайнія неистовства и нахальства, и оттого въ одномъ варіантѣ вмѣсто слова стація [161]) употреблено слово кривда [162]).

Обращеніе жолнѣровъ съ жителями подъ предлогомъ стаціи изображается такъ: когда наступилъ четвертый мѣсяцъ, паны-ляхи стали отбирать и у козаковъ и у мужиковъ ключи отъ кладовыхъ и сдѣлались хозяевами надъ козацкимъ и мужицкимъ достояніемъ [163]). Нахальство ихъ пошло далѣе: ляхъ отсылаетъ хозяина на конюшню, а самъ ложится съ его женою [164]). Бѣдный хозяинъ со двора черезъ окно видитъ, что творится у него въ домѣ, и съ горя идетъ, по варіанту Кулиша, въ кабакъ [165]), а по варіанту Максимовича—въ корчму [166]) пропивать послѣднюю бездѣлицу, какую удалось ему передъ тѣмъ пріобрѣсть. Но ляхъ и тамъ ему не даетъ покоя. Хочется ляху знать: что про него и про его братію говорятъ козаки и мужики [167]); ляхъ, словно

---

[161]) Да не велѣвъ великои стаціи вымышляти.

[162]) А нѣ козаку, а нѣ мужику жоднои кривды починати.

[163]) Стало на четвертый мѣсяць повертати,
Стали паны-ляхи способъ прибирати,
Отъ козацькихъ и отъ мужицькихъ комбръ ключи отбирати,
Надъ козацькимъ надъ мужицькимъ добромъ господарями знахожатись.

[164]) Хозяина на конюшню отсылае,
А самъ и зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.

[165]) То козакъ альбо мужикъ изъ конюшнѣ прихождае,
У кватирку поглядае,
Ажъ ляхъ мостивый панъ ище зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.

То вбпъ одинъ осьмакъ у карманѣ мае,
Пойде съ тоски да съ печалѣ въ кабакъ
Да й той прогуляе.

[166]) То вже не одинъ козакъ доброго клича и лучшои руки
Одинъ шостакъ розгадавъ,
Да й той къ катовѣй матерѣ въ корчмѣ прогулявъ.

[167]) То ляхъ мостивый панъ отъ сна уставае юлицею иде,
Казавъ бы якъ свиня нескребена по переду ухомъ веде,
Ище слухае, прислухае:
Чи не судить ёго где козакъ альбо мужикъ...

свинья, прикладываетъ свое ухо къ корчмѣ и подслушиваетъ [168]); и вѣроятно онъ услышалъ тогда что-то очень непріятное: вскочилъ ляхъ въ корчму и схватилъ козака за чубъ [169]); козакъ принимаетъ видъ смиренія, наливаетъ вина, какъ будто подноситъ ляху, вдругъ ударяетъ его стклянницею промежъ глазъ, хватаетъ въ свою очередь ляха за чубъ и прикасается дубиною къ его ребрамъ [170]). «Ахъ ляхи, вы ляхи, господа вы милостивые! Отобрали вы у насъ ключи и стали хозяевами у насъ въ домахъ; ужъ хоть бы вы не совались - то въ нашу бесѣду» [171]). Такъ, по варіанту Кулиша, говоритъ козакъ ляху; по варіанту же Максимовича, раздраженный козакъ припоминаетъ, въ тонѣ издѣвки, преступныя отношенія ляховъ къ женамъ козацкимъ [172]).

Дума живо переноситъ насъ въ условія изображаемаго времени. Выведенный изъ терпѣнія оскорбленіями, насиліями и поруганіями, русскій бѣжитъ въ корчму, но не за тѣмъ только, чтобъ тамъ залить свое горе: корчма — обычное мѣсто сходбищъ, а слѣдовательно удобное и для совѣщаній и мѣропріятій; понятно, что насильникамъ ляхамъ корчма кажется самымъ опаснымъ мѣстомъ и оттого-то какъ ни ругаются они надъ порабощеннымъ русскимъ народомъ, а боятся корчмы и шпіонятъ за толпою на-

---

[168]) То ляхъ до корчмы прихожае,
Якъ свиня ухо до корчмы прикладае.

[169]) А слухае ляхъ що козакъ про ляховъ розмовляе,
То ляхъ у корчму вбѣгае и козака за чубъ хватае.

[170]) То козакъ козацькій звычай знае,
То будто до ляха медомъ и оковитою горѣлкою принивае,
А тутъ ляха за чубъ хватае,
И склянницею межи очи морськае,
И келепомъ по ребрахъ торкае (Макс., 75).
Или:
То ему здается що ёго козакъ медомъ шклянкою, або горѣлки чаркою витае,
Ажъ ёго козакъ межи очи шклянкою шпагае.
(Кул. „Зап. о Южн. Руси“. I.)

[171]) Эй ляхи вы ляхи,
Мостивыи паны!
Хотяжъ вы отъ насъ ключи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями,
Хотяжъ бы вы на нашу кумпанію не нахождали!

[172]) Не лучше-бъ тобѣ, ляше, превражій сыну,
На Украинѣ съ козацькою жёнкою спати,
А нѣжъ у корчму вхождати?
Да вжежъ на Украинѣ не одна жёнка курку зготовала,
Тебе, ляха кручого сына, на нбчъ чекала.

рода, который тамъ собирается. Не удивительно, если и первое столкновеніе русскихъ съ своими утѣснителями происходитъ въ корчмѣ. Собравшись тамъ, русскіе совѣщаются, какъ имъ избавиться отъ враговъ ляховъ; тѣмъ временемъ ляхъ ихъ подслушиваетъ, вбѣгаетъ къ нимъ, и тутъ случайно полагается начало новому народному столкновенію. Вслѣдъ за этимъ приключеніемъ съ ляхомъ въ корчмѣ дума сообщаетъ, что козаки и мужики сходятся гдѣ-то между собою на совѣтъ и пишутъ къ Хмельницкому: «или вели намъ бѣжать подъ державу москаля, или позволь произвести великій мятежъ!» Но Хмельницкій не дозволяетъ имъ ни того, ни другого и только намекомъ даетъ имъ понять, что въ скоромъ будущемъ измѣнится порядокъ дѣлъ [173]). Такъ по варіанту Максимовича. И нельзя не видѣть, какъ вѣрно здѣсь напечатлѣлась въ народной поэзіи сущность дѣйствительности давняго времени. Мы знаемъ изъ историческихъ источниковъ, что нахальства польскихъ жолнѣровъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси вызвали отдѣльныя вспышки возстанія, кончившіяся истребленіемъ утѣснителей. Другіе южноруссы, не отваживаясь подвергать свою судьбу невѣрному исходу борьбы, предпочитали убраться заранѣе изъ родины въ южныя степи Московскаго государства, гдѣ такимъ образомъ положено было начало Слободской Украины. Хмельницкій не одобрялъ ни того, ни другого; нѣсколько храбрыхъ его сподвижниковъ въ первыхъ двухъ войнахъ съ Польшею, и въ числѣ ихъ миргородскій полковникъ Гладкій, были казнены смертію за потачку народнымъ волненіямъ. Хмельницкій считалъ долгомъ благоразумной политики до поры до времени, скрѣпя сердце, мирволить поработителямъ и вмѣстѣ съ ними укрощать преждевременныя народныя движенія.

---

[173]) То ужежъ то и козаки и мужики
У недѣлю рано Богу помоливши листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмелницького у Полоньне посылали.
Гей пане Хмелницькій
Отамане Чигиринській
Батьку козацькій!
Звели намъ подъ москалей утѣкати,
Або звели намъ зъ ляхами великій бунтъ зрывати.
То Хмелницькій листы читае,
До козаковъ словами промовляе:
Гей стойте дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю васъ нѣ подъ москаля тѣкати,
Нѣ зъ ляхами великого бунта зрывати.

Самъ народъ понималъ тогдашнее свое положеніе и, по варіанту Кулиша, бесѣда южнорусскаго народа съ козацкимъ гетманомъ представляется до нѣкоторой степени искреннею и сердечною. Дума сознаетъ опрометчивость козаковъ и сравниваетъ ихъ съ малыми дѣтьми за то, что они преждевременно стали собираться, затѣвать возстаніе и обращаться къ гетману съ просьбою одобрить ихъ предпріятіе [174]). Собственно козаки не просятъ у гетмана помогать возстанію, а только возносятъ болѣзненныя жалобы на свое горькое положеніе [175]). И Хмельницкій съ своей стороны не огорчаетъ ихъ прямымъ запрещеніемъ, а подаетъ дружелюбный совѣтъ подождать немного — до весны, до Свѣтлаго Воскресенія, когда, Богъ дастъ, придетъ весна и соберется во множествѣ вся голытьба [176]).

Окончаніе думы заключаетъ воззваніе Хмельницкаго, послѣдовавшее въ 1652 году, и вслѣдъ затѣмъ — народное возстаніе и изгнаніе ляховъ изъ Украины. Хмельницкій обращается, повидимому, къ запорожцамъ, такъ какъ приглашаетъ козаковъ прибывать въ Украину, слѣдовательно обращается къ тѣмъ, которые находятся не въ самой Украинѣ [177]). По варіанту Мак-

---

[174]) Тогдѣ козаки стали у радѣ якъ малыи дѣти,
Отъ своихъ рукъ листы писали,
До гетьмана Хмелницького посылали,
А въ листахъ приписовали.

[175]) Пане гетьмане Хмелницькій,
Батьку Зиновъ нашъ Читпринський!
За що ты на насъ такій гнѣвъ положивъ,
На що ты на насъ такій ясыръ паславъ?
Уже-жъ мы теперъ нѣ въ чому волѣ не маемъ;
Ляхи мстивыи паны отъ насъ ключи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями.

[176]) Эй козаки дѣти, друзѣ, небожата,
Подождѣте вы мало, трохи, не-багато,
Якъ отъ святои Покровы до Свѣтлого тридневного Воскресенія,
Якъ дасть Богъ що прійде весна красна,
Буде наша голота рясна.

[177]) Тогдѣ-то панъ Хмелницькій добре дбавъ,
Козакôвъ до схôдъ сонця въ походъ выпроважавъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки, дѣти друзѣ,
Прошу васъ, добре дбайте,
На славну Украину прибувайте,
Ляхôвъ мстивыхъ панôвъ у пень рубайте,
Кровъ ихъ лядську у полѣ съ жовтымъ пѣскомъ мѣшайте,
Вѣры святои христіянськои у поругу не подайте.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 54.)

симовича, самъ Хмельницкій пріѣзжаетъ къ козакамъ, выбираетъ по три и по четыре изъ куреня, потомъ слѣдуетъ приглашеніе браться за дубье да за оглобли и въ «ночку-четвертоньку» загонять ляховъ какъ кабановъ [178]). Это, по своему смыслу, могло относиться къ массѣ украинскихъ мужиковъ, которыхъ должны возбудить прибывшіе къ нимъ козаки. Выраженіе «ночка-четвертонька» не вполнѣ ясно, но можетъ быть здѣсь какой-то не досказанный намекъ на батогское дѣло, гдѣ въ іюнѣ 1652 года было истреблено огромное скопище вооруженныхъ поляковъ, собравшихся противъ южноруссовъ. На томъ полѣ, гдѣ тогда были истреблены поляки, есть урочище, называемое «Четвертонька».

Въ варіантѣ Максимовича словами воззванія Хмельницкаго выражается исполненіе козаками гетманскаго приказа [179]), а далѣе изображается въ комическомъ видѣ бѣгущій отъ народнаго мщенія ляхъ: онъ заползаетъ въ кустъ; мимо куста скачетъ козакъ и замѣчаетъ, что кустъ чего-то дрожитъ; отжирѣвшій ляхъ лежитъ тамъ и по своей толстотѣ представляетъ подобіе съ букомъ, въ какомъ бѣлье бучатъ; козакъ, завидя ляха, соскакиваетъ съ коня, хватаетъ ляха за чубъ и задѣваетъ его дубиною по ребрамъ. «О лучше-бъ мои глаза стали на затылкѣ,—говоритъ несчастный ляхъ,—чтобъ я могъ изъ-за рѣки Вислы глядѣть назадъ себя въ Украину» [180]). По варіанту Кулиша, здѣсь козакъ съ иронією припоминаетъ врагамъ ихъ волокитство за козацкими

---

[178]) То вжежъ Хмелницькій до козаковъ пріѣзжае,
Словами промовляе:
Гей нуте, дѣти по три по чотырѣ зъ куренѣвъ уставайте,
И до дрючковъ и до оглобель хватайте,
И ляховъ-пановъ у ночку-четвертоньку такъ якъ кабановъ загоняйте! (Макс. 76).

[179]) То уже-жъ изъ куренѣвъ по три по чотырѣ вставали,
До дрючковъ и до оглобель кватали,
И ляховъ-пановъ такъ якъ кабановъ у ночку-четвертеньку загоняли.

[180]) То уже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжитъ,
Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дрожитъ,
Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущѣ ляхъ якъ жлукто лежитъ.
То козакъ козацькій звычай знае
Изъ коня вставае,
И ляха за чубъ хватае,
И келепомъ по ребрамъ торкае,
То ляхъ до козака словами промовляе:
„Лучше-бъ, козурю, могли мои очи на потылицѣ стати,
Такъ бы я могъ изъ-за рѣки Вислы на Украину поглядати“.
(Макс., 77.)

женами, то-есть то, что изо всѣхъ оскорбленій должно было для сердца козака отзываться всего больнѣе [181]).

Варіантъ Кулиша ведетъ повѣствованіе далѣе и кончается характеристическимъ описаніемъ разговора козаковъ съ ляхами, которыхъ они бросаютъ въ рѣку Вислу. Враги, прежде нахальные и высокомѣрные, теперь становятся кроткими, покорными; они унижаются передъ козаками, называютъ ихъ родными братьями, умоляютъ ихъ пустить за Вислу хоть въ однѣхъ рубашкахъ. Козаки говорятъ имъ: когда-то надъ этой рѣкою козаковали наши дѣды и спрятали на днѣ этой рѣки большіе клады. Когда найдете эти клады и подѣлитесь съ нами, тогда мы будемъ съ вами жить какъ съ родными братьями. Ступайте: вамъ дорога одна—до самаго дна! [182]).

И въ этой думѣ, какъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, рѣка Висла назначается рубежомъ между Польшею и Русью. Козаки правый берегъ этой рѣки считаютъ какъ бы наслѣдствен-

---

[181]) То козакъ ляха за кущомъ знахождае,
Келепомъ межи плечи наганяе,
И стиха словами промовляе:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны.
Годѣ-жъ вамъ по закущами валяться,
Пора до нашихъ жѣнокъ на опочивокъ идти.
Уже наши жѣнки и подушки поперебивали,
Васъ, ляховъ, мостивыхъ пановъ, ожидали.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 55.)

[182]) Тогдѣ-то ляхи козаковъ родными братами узывали:
Ой козаки, роднѣ братцѣ,
Коли-бъ вы добре дбали,
Да насъ за Вислу рѣчву хоть у въ однихъ сорочкахъ пускали.
Оттогдѣ-то ляхамъ Богъ погодивъ,
На рѣчцѣ Вислѣ лѣдъ обломивъ;
Тогдѣ козаки ляховъ ратовали,
За натлы хватали,
Да ще й далѣ подъ лѣдъ подпихали,
И съ-тиха словами промовляли:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны!
Колись наши дѣды надъ сею рѣчкою козаковали,
Да въ сѣй рѣчцѣ скарбы поховали,
Якъ будете скарбы находити,
Будемъ зъ вами пополамъ дѣлити;
Тогдѣ будемъ зъ вами за роднаго брата жити.
Ступайте. Тутъ вамъ дорога одна
До самого дна.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 56.)

нымъ достояніемъ русскаго народа и сохраняютъ преданіе о томъ, что ихъ дѣды когда-то жили и были свободными (козаковали) на берегахъ Вислы. То было вѣковое, глубокоукоренившееся вѣрованіе.

Въ 1653 году происходила третья война Хмельницкаго съ поляками. Она началась по поводу молдавскихъ дѣлъ, въ которыя ввязался сынъ Хмельницкаго Тимоѳей, поддерживавшій своего тестя на молдавскомъ господарствѣ и погибшій отъ непріятельскаго оружія. За нимъ и самъ отецъ гетманъ принялъ участіе съ татарами, своими союзниками. Поляки были на противной сторонѣ. Осенью польскій король Янъ-Казимиръ со всѣми панами Рѣчи Посполитой былъ осажденъ козаками и татарами подъ Жванцемъ. Полякамъ тогда приходилось такъ же плохо, какъ подъ Зборовомъ въ 1649 году, но они спасли себя тѣмъ, что купили у хана унизительный для себя миръ, обязавшись платить ему ежегодную дань, а для козаковъ обѣщали возстановить силу Зборовскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали дозволеніе татарамъ въ продолженіе шести недѣль разорять южнорусскій край и уводить въ неволю плѣнниковъ. Это событіе, происходившее въ декабрѣ 1653 года, почти совпадаетъ съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству, и оба эти событія отразились въ народномъ воспоминаніи единою пѣснею; въ ней изображается прежде горе бѣдной Украины: некуда ей дѣться; орда потоптала конями малыхъ дѣтей, старыхъ людей изрубила, а взрослыхъ погнала въ полонъ [183]). Затѣмъ отъ лица украинца говорится, что служилъ онъ прежде пану католику, а теперь во вѣки не станетъ ему служить; служилъ онъ также и пану бусурману, но теперь станетъ служить восточному царю. Пѣсня оканчивается такою картиною: ляхъ ходитъ на рынкѣ, пожимаетъ саблю, но козакъ не боится ляха, не снимаетъ передъ нимъ шапки. Ляхъ берется за плеть, а козакъ за дубину: вотъ тутъ тебѣ, вражій сынъ, будетъ съ душой твоей разлука! [184]).

[183]) Зажурилась Украина, що нѣгде прожити:
Вытоптала орда кóньми маленькіи дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А молодыхъ середульшихъ у полонъ забрала.
Или:
Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти,
Гей вытоптала орда кóньми маленькіи дѣти,
Ой маленькихъ вытоптала, великихъ забрала,
Назадъ руки постягала, пóдъ хана погнала.

[184]) Ой служивъ же я служивъ пану католику,

Въ этомъ разореніи южнорусскаго края, совершенномъ въ 1653 году, а можетъ-быть вообще въ томъ дружелюбіи, съ какимъ гетманъ относился не разъ и къ крымскому хану и постоянно къ Оттоманской Портѣ, и находился въ дружескихъ связяхъ съ мусульманами—надобно искать источника нерасположенія къ нему въ народѣ, которое просвѣчивалось разомъ съ горячею любовью и уваженіемъ. По крайней мѣрѣ есть пѣсня, гдѣ имя Хмельницкаго произносится, какъ имя врага, а не защитника южнорусскаго народа. Такую пѣсню отыскалъ г. Кулишъ и помѣстилъ въ «Запискахъ о Южной Руси» (ч. 1, стр. 322) [185]). Другой варіантъ, очень похожій на предыдущій, былъ записанъ мною и напечатанъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мордовцева (стр. 185) [186]). Третій варіантъ, очень отличный отъ двухъ предыдущихъ, записанъ былъ покойнымъ Ав. Вас. Маркевичемъ и напечатанъ въ «Сборникѣ историческихъ пѣсенъ» Антоновича и Драгоманова (ч. 2, стр. 116) [187]). По всѣмъ тремъ варіантамъ про-

---

А теперъ ёму служити не буду до вѣку;
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперъ служити стану восточному царю.
Ходить ляшокъ по рыночку, шабельку стискае,
Козакъ ляха не боиться, шапки не снимае,
Ось ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:
Теперъ тобѣ, вражій сыну, съ душею розлука!
(Макс. изд. 1834 г. стр. 108; ср. Малор. и Червонор., Д. и П., стр. 47;—Сб. Антон. и Драг. I. 74, 234.)

[185]) Ой богдай Хмеля-Хмелницького
Перва куля не минула!
Що велѣвъ брати парубки й дѣвки
И молодѣ молодицѣ.
Парубки йдуть спѣваючи,
А дѣвчата рыдаючи,
А молодыи молодицѣ
Старого Хмеля проклинаючи:
Ой богдай Хмеля Хмельницького
Перва куля не минула!

[186]) Ой Хмеле, Хмельниченку
Учинивъ еси ясу,
И мѣжъ панами великую трусу!
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула,
Що велѣвъ ордѣ брати дѣвки й молодицѣ,
Парубки йдуть гукаючи, а дѣвчата спѣваючи,
А молодѣ молодицѣ старого Хмеля проклинаютъ:
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула!

[187]) Выйди, Василю, на могилу,
Поглянь, Василю, на Украину;
Що Хмелницького вóйсько йде,

относится проклятіе Хмельницкому: по второму изъ приведенныхъ варіантовъ за то, что велѣлъ ордѣ забирать въ полонъ дѣвокъ и молодыхъ женщинъ, а въ первомъ изъ этихъ варіантовъ хотя собственно не говорится, что Хмельницкій велѣлъ ихъ забирать именно ордѣ, но г. Кулишъ сообщаетъ, что Кондратъ Тарануха, проговорившій ему эту пѣсню, какъ отрывокъ какой-то большой, имъ уже позабытой, объяснилъ, что, по сохранившемуся народному преданію, Хмельницкій отдавалъ народъ въ ясыръ татарамъ и пѣсня эта однозначительна по своему смыслу съ такимъ преданіемъ. Въ третьемъ же варіантѣ, гдѣ нѣтъ помина объ ордѣ и о забираніи народа, проклятіе на Хмельницкаго исходитъ исключительно отъ однѣхъ вдовъ: изъ всего народа недовольны гетманомъ только женщины, оставшіяся вдовами послѣ своихъ мужей, сложившихъ головы въ продолжительной борьбѣ съ поляками.

Послѣднее произведеніе народнаго творчества объ эпохѣ Хмельницкаго—это дума о смерти гетмана, извѣстная въ двухъ варіантахъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Сборникахъ Максимовича (1834 г., стр. 44—47, и 1849 г., стр. 78—81), другой въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 395—399). Оба варіанта въ подробностяхъ изложенія довольно отличны, но единая основа показывается сразу.

«Занечалился сѣдой гетманъ Хмельницкій. Нѣтъ при немъ ни сотниковъ, ни полковниковъ. Приходитъ ему время умирать». Такъ начинается дума. Хмельницкій приказываетъ своему писарю Выговскому (передѣланному въ Луговскаго) писать универсальные листы, разсылать по полкамъ и сотнямъ и созывать на раду старшинъ [188]).

Що все парубочки да дѣвочки,
Да безчастныи удовички.
Парубочки йдуть—у дудочки граютъ,
А дѣвочки йдуть—пѣснѣ спѣваютъ,
А удовички йдуть—сильно ридаютъ,
Да Хмелницького проклинаютъ:
Богдай того Хмелницького перва куля не минула,
А другая устрелила,
У серденько уцѣлила!

[188]) Зажурилася Хмелницького сѣдая голова,
Що при ёму нѣ сотниковъ, нѣ полковниковъ нема.
Часъ приходить умѣрати,
Нѣкому порады дати.
Покликне вонъ на Ивана Луговського

По варіанту Метлинскаго мѣсто, гдѣ былъ сборъ созываемыхъ на раду, названо Загребельною могилой [189]). Проходили праздники одинъ за другимъ: прошла Пасха, прошли Вознесеніе, Духова Недѣля, дни Петра и Павла, Ильи Пророка,—козаки не увидали своего гетмана. И вотъ, собравшись на раду, порѣшили они идти въ Суботово, мѣстопребываніе Хмельницкаго. Онъ имъ (вѣроятно, еще прежде) хвалился устроить тамъ ярмарокъ на день Спаса Преображенія [190]).

Козаки пришли оттуда въ Суботово, увидали Хмельницкаго, воткнули въ землю свои копья, сняли съ себя шапки и отдавали низкій поклонъ своему гетману, спрашивая, что ему отъ нихъ нужно [191]). Хмельницкій объявляетъ, что онъ сталъ старъ, болѣзненъ, уже не въ силахъ гетманствовать и велитъ имъ учинить выборъ новаго гетмана изъ своей среды. Козаки отвѣчаютъ, что не хотятъ выбирать, а желаютъ, чтобъ онъ имъ указалъ [192]). Хмельницкій указалъ имъ на Выговскаго. Козаки за-

---

Писаря войськового:
Иванъ Луговській,
Писарь войськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы пиши:
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало порады давали (Макс.).

[189]) До Загребельной могилы прибували.

[190]) Хвалився панъ гетманъ Хмельницькій,
Батю Зиновъ Богдану Чигиринській,
У городѣ Суботовѣ
На Спаса Преображеніе ярмарокъ заклікати.

[191]) До города Суботова прибували,
Хмельницького стрѣчали,
Штыхы въ суходолъ встромляли,
Шлики съ себе скидали:
Хмельницькому низькій поклонъ отдали.
Пане гетьмане Хмельницькій,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринськый,
На що ты насъ потребуешъ?

[192]) Прошу васъ, добре дбайте,
Собѣ гетмана наставляйте!
Вже я часъ отъ часу хорѣю,
Междо вами гетьмановати не здолѣю,
То велю я вамъ междо собою козака на гетманство обѣрати,
Буде междо вами гетмановати,
Вамъ козацьки порядки давати.
Тогдѣ-то козаки съ-тиха словами промовляли:
Пане гетьмане Хмельницькій,
Батю Зиновъ нашъ Чигиринськый!

мѣтили, что этотъ человѣкъ живетъ близко съ ляхами, будетъ держаться ихъ стороны, а козаковъ начнетъ ставить ни во что [193]). Хмельницкій указалъ имъ на Павла Тетеренка. Но и того не захотѣли козаки. Хмельницкій спрашиваетъ, кого же хотятъ они? Козаки объявили, что желаютъ сына Хмельницкаго Юраска, названнаго въ думѣ по варіанту Метлинскаго Еврахомъ [194]).

Такимъ образомъ излагается это дѣло въ думѣ по варіанту Метлинскаго, который вообще позднѣйшей редакціи и отзывается черезчуръ уже простонароднымъ тономъ, сложившись уже въ то время, когда дума могла быть достояніемъ исключительно простонародія. Въ варіантѣ Максимовича чувствуется какъ-то болѣе старая редакція, проникнутая козацкимъ тономъ.

По варіанту Максимовича, Хмельницкій, еще не давая козакамъ приглашенія къ выбору гетмана, по своему усмотрѣнію прямо указываетъ сразу на четырехъ полковниковъ, годныхъ, по его мнѣнію, быть допущенными къ выбору: Антона Волочая Кіевскаго, Грицька Костыря Миргородскаго, Хвилона Чичая Кропивянскаго и Мартина Пушкаря Полтавскаго [195]). Кромѣ полтавскаго полковника, которымъ тогда дѣйствительно былъ Мартинъ Пушкарь, прозвища остальныхъ совсѣмъ не тѣ, какія носили извѣстные намъ

Не можемъ мы сами междо собою козаками гетьмана обобрати,
А жолаемъ отъ вашои милости послыхати.

[193]) Есть у менѣ Иванъ Луговській
Который у мене дванадцать лѣтъ за джуру пробувавъ,
Всѣ мои козацьки звычаи познавъ,
Буде междо вами козаками гетмановати,
Буде вамъ козацьки порядки давати.
Тогдѣ-то козаки стиха словами промовляли:
Пане гетьмане Хмельницькій
Батю Зиновъ нашъ Чигиринській,
Не хочемъ мы Ивана Луговського:
Иванъ Луговській близько ляховъ мостивыхъ пановъ живе,
Буде зъ ляхами мостивыми панами накладати,
Буде насъ козаковъ за-не-вощо мати.

[194]) Тогдѣ-то Хмельницькій стиха словами промовляе:
— „Эй козаки, дѣти, друзѣ!
Коли вы не хочете Ивана Луговського,
Есть у мене Павелъ Тетеренко“.
— Не хочемъ мы Павла Тетеренка,—
— „Дакъ скажѣть,—говорить,—кого вы жолаете?“
— Мы, кажуть, жолаемъ Евраха Хмельниченка (Метл.).

[195]) Коли хочете, панове, Антона Волочая кіевського,
Або Грицька Костыря миргородського,
Або Хвилона Чичая кропивянського,
Або Мартина Пушкаря полтавського.

полковники тѣхъ полковъ, о которыхъ въ думѣ упоминается. Но крещеныя имена ихъ были именно тѣ, что и здѣсь въ думѣ. Такъ кіевскимъ полковникомъ былъ Ждановичъ, по имени Антонъ, мирогородскимъ—Лѣсницкій, по имени Григорій, кропивянскимъ—Джеджалій, по имени Филонъ. Максимовичъ очень удачно объяснилъ, что въ думѣ удержаны не оффиціальныя, значащіяся во всѣмъ тогдашнимъ документамъ, а народныя прозвища этихъ лицъ, такъ какъ обыкновенно у малороссовъ мимо оффиціальнаго или документальнаго прозвища человѣку дается еще какая-нибудь народная, иначе—уличная, кличка и по такой кличкѣ человѣкъ бываетъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ по своему родовому документальному прозвищу. Козаки отвергаютъ всѣхъ четырехъ лицъ, предложенныхъ гетманомъ, и объявляютъ желаніе избрать его сына Юрася [196]). Хмельницкій представляетъ, что онъ еще молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ [197]).

Но козаки отвѣчаютъ, что будутъ держать около него старыхъ людей, которые будутъ его наставлять, сами обѣщаются оказывать ему уваженіе и вспоминать о своемъ батькѣ, старомъ гетманѣ [198]). Хмельницкій, услышавши это, очень обрадовался, кланялся сѣдою головою, проливалъ слезы. Вскорѣ потомъ,—говоритъ далѣе дума,—онъ заболѣлъ еще тяжелѣе, со всѣми прощался и отдалъ душу милосердому Богу [199]). По варіанту Метлинскаго, козаки кладутъ бунчукъ и булаву, возводятъ сына Хмельницкаго въ гетманское достоинство, налятъ изъ пищалей, поздравляютъ новаго гетмана [200]).

---

[196]) А хочемъ мы сына твоего Юруся молодого,
Козака лейстрового.

[197]) Вонъ, панове, молодцѣ, молодый розумъ мае,
Звычаѣвъ козацькихъ не знае.

[198]) Будемъ мы старыхъ людей биля ёго держати,
Будуть вони ёго научати,
Будемъ мы ёго добре поважати,
Тебе, батька нашого гетьмана, вспоминати (Макс.).

[199]) То Хмельницькій тее зачувавъ,
Великую радость мавъ,
Сѣдою головою поклонъ отдававъ,
Слёзы проливавъ.
Скоро пбсля того-ще й горшъ Хмельницькій занемогавъ,
Опрощенье со всѣми бравъ
Милосердому Богу душу отдавъ (Макс.).

[200]) ... Бунчукъ, булаву положили,
Еврася Хмельниченка на гетманство настановили.
Тогдѣ изъ рбзныхъ пищалъ погрбмали.
Хмельниченка гетьманомъ поздоровляли (Метл., 398).

По варіанту Метлинскаго, Хмельницкій посылаетъ своего сына на Ташлыкъ и приказываетъ ему: если онъ тамъ не будетъ долго гулять, то застанетъ отца въ живыхъ, а иначе—не застанетъ. «Еврась» долго гулялъ на рѣкѣ Ташлыкѣ и не засталъ отца въ живыхъ [201]). Въ своей основѣ это исторически вѣрно, по крайней мѣрѣ, Хмельницкій отправилъ сына на Ташлыкъ въ находившійся тамъ козацкій обозъ («Лѣтопись Самов.» изданія 1847 г., стр. 27.—«Лѣтопись Грабянки», стр. 152).

Погребеніе Хмельницкаго, по варіанту Метлинскаго, происходитъ гдѣ-то на высокой горѣ, въ Штомыномъ дворѣ, и сопровождается тѣми пріемами, какіе обыкновенно приводятся въ думахъ при описаніи козака умершаго въ степи [202]). Поэтичнѣе и правдивѣе оно изображено по варіанту Максимовича отрицательнымъ сравненіемъ тучъ и вѣтровъ съ козацкою скорбію объ умершемъ гетманѣ [203]).

По обоимъ варіантамъ дума, сообщивши о смерти и погребеніи Богдана Хмельницкаго, заглядываетъ въ дальнѣйшія страницы исторіи. По варіанту Метлинскаго, козаки почитали гетманомъ

---

[201]) Оттогдѣ Хмельницькій якъ благословеніе сыновѣ сдавъ
Такъ и въ домъ отправився и сказавъ ему:
Гледижъ, говоритъ, сыну мôй,
Якъ будешъ немного Ташлыкомъ рѣкою гулати,
На бубны, на цуромки выгравати,
Такъ будешъ отця живого заставати!
А якъ будешъ много Ташлыкомъ рѣкою гулати,
На бубны цуромки выгравати;
Такъ не будешъ отця живого заставати!
Тогдѣжъ Еврась, гетьманъ молодый,
Ташлыкомъ рѣкою довго гулявъ,
На бубны цуромки выгрававъ,
До дому пріѣзжавъ,
И отця живого не застававъ.

[202]) Тогдѣ-то велѣвъ у Штомыномъ дворѣ
На высокой горѣ
Гробъ копати.
Тогдѣжъ-то козаки штыханы суходôлъ копали,
Шынками землю выносили,
Хмельницького похоронили,
Изъ розныхъ пищаль подзвонили,
По Хмельницькому похоронъ счинили.

[203]) Не чорныи тучи ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушовали:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.
(Макс., изд. 1849 г., стр. 81.)

сына Богданова только до тѣхъ поръ, пока слышали надъ собою старую голову Хмельницкаго; но когда не стало послѣдняго, они сказали ему: не идетъ тебѣ гетмановать надъ нами козаками, а идетъ тебѣ наши козацкіе курѣни подметать [204]). По варіанту Максимовича, послѣ Хмельницкаго полтора года держалъ булаву «Луговскій», т. е. Выговскій, а потомъ сотники и полковники собравшись избрали гетманомъ Юруся Хмельниченка, и козаки произносили желаніе, чтобы далъ имъ Богъ жить при молодомъ гетманѣ, какъ жили при старомъ, вкушать отъ него хлѣбъ-соль, разорять города турецкіе, добывать рыцарской славы козацкому войску [205]).

И по тому и по другому варіанту, дума вѣрна здѣсь исторіи: варіантъ Метлинскаго касается болѣе ранняго, варіантъ Максимовича—нѣсколько болѣе поздняго времени. Дѣйствительно, козацкіе старшины, угождая старику Богдану, дали ему слово возвести на гетманское достоинство его сына, но тотчасъ послѣ кончины Богдана избрали Выговскаго, а въ 1569 году, когда Выговскій, отпавши отъ царя, соединился съ поляками, отступились отъ него и избрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Мы разсмотрѣли весь находившійся въ нашемъ распоряженіи запасъ памятниковъ народной пѣсенности, относящійся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Многое, безъ сомнѣнія, унесено потокомъ времени еще тогда, когда наука не оцѣнивала важности простонародныхъ поэтическихъ произведеній и никому не являлась охо-

---

[204]) ... Козаки поки старую голову Хмельницького зачували,
Поты и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитали;
А якъ не стали старои головы Хмельницькаго зачувати,
Не стали и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитати.
Эй Евросю Хмельниченку, гетьмане молодый!
Не подобало-бъ тобѣ надъ нами, козаками, гетьмановати,
А подобало-бъ тобѣ наши козацьки куренѣ подмѣтати.
(Метл., 399.)

[205]) Не багато Луговській гетьмановавъ,
Повтора года булаву державъ.
Скоро сотники, полковники прибували,
Юруся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.
„Дай Боже,—козаки промовляли,—
За гетьмана молодого
Жити якъ за старого
Хлѣба-солѣ ёго вживати,
Города турецьки плюндровати,
Славы лыцарьства козацькому войську доставати.
(Макс. 1849 г., стр. 81.)

та ихъ записывать и предавать печати. Но было бы слишкомъ самонадѣянно утверждать, что этнографія уже исчерпала всю народную сокровищницу въ этомъ отношеніи; вѣроятно, въ краѣ, населенномъ южноруссами, найдется не одинъ уголокъ, въ которомъ случайно собиратель народныхъ памятниковъ услышитъ неизвѣстную еще намъ какую-нибудь старинную пѣсню или думу о событіяхъ славной эпохи Хмельницкаго.

Н. Костомаровъ.

Въ новыхъ владѣніяхъ Черногоріи.

Ульцинъ (Dulcigno) *).

Отъ Бара до Доброй-воды.—Общій видъ.—Въ корчмѣ.—Община Мрковичей.—Видъ изъ-подъ горы Можура. — Встрѣча.—Наверху Можура.—Старый Ульцинъ.—Община Вратица.—Двѣ сироты.—Ульцинъ: положеніе города; улицы; неопрятность; дома—на славу.—Въ крѣпости.—Всюду разрушенье и упадокъ. — Какъ Ульцинъ взятъ турками и новые его жители арнауты дѣлаются моряками.—Торговый флотъ.—Постройка судовъ на палахъ.—Капитанъ Бедюли.—Корпоративный духъ ульцинянъ.—Общая характеристика ихъ.—Семейныя отношенія.—Школа.—Составъ населенія и цифровыя данныя.

Путь отъ Бара до Ульцина (6 пѣшихъ часовъ) представляетъ настоящую прогулку. Вы съ удивленіемъ любуетесь великолѣпіемъ картинъ и роскошью природы. Единственно, что напоминаетъ присутствіе человѣка на этой высотѣ, это — жалкая мазанка, служащая корчмой, въ которую едва можно пролѣзть; мечеть безъ минарета, похожа скорѣе на какой-то заброшенный магазинъ, и магометанское кладбище, не огороженное, заросшее бурьяномъ, на которомъ въ безпорядкѣ торчатъ надгробные камни. Кое-гдѣ вдали виднѣются бѣлые домики, ласкающіе глазъ своимъ свѣтлымъ видомъ и окружающею ихъ благодатью.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы перевести духъ послѣ подъема въ гору и дать отдыхъ ногамъ послѣ страшной турецкой мостовой, которая хуже всякой природной дороги. Мазанка оказывается состоящею изъ двухъ отдѣленій. Въ одномъ отдѣленіи собственно корчма, гдѣ на земляномъ полу постлана рогожка; въ углу, также на землѣ, очагъ; передняя стѣнка состоитъ изъ досокъ, которыя могутъ выдвигаться и задвигаться, а передъ нею помостъ въ одну доску, на которомъ разложенъ товаръ для продажи: спички зажигательныя, свертокъ табаку,

*) *Русская мысль*, кн. VII.

коробка съ мелкимъ сахаромъ желтаго цвѣта, графинъ съ ракіей и рядомъ съ нимъ нѣсколько маленькихъ стаканчиковъ; вверху, вродѣ украшенія, кусокъ бѣлаго, уже загрязненнаго, коленкора и пучки *опутъ* (узенькіе ремешки изъ бараньей невыдѣланной кожи для опанокъ). Хозяинъ-арнаутъ съ бритою головой, въ затасканной красной шапочкѣ, въ куртке и штанахъ домотканнаго бѣлаго сукна, плотно прилегающихъ къ тѣлу. Ему лѣтъ 40, но онъ смотритъ какъ-то старчески, изможденно. Въ другомъ отдѣленіи, совершенно темномъ, его жена, еще довольно моложавая, копошится около чего-то; въ дверяхъ показалась дѣвочка лѣтъ восьми, смуглая, съ сухимъ красивымъ личикомъ, карими глазами и каштановыми природными локонами, падающими на плечи; на ней нѣтъ ничего, кромѣ грязной рубашонки; за нее держится братишка лѣтъ двухъ.

По виду хозяина можно было бы принять за магометанина; но по семейной обстановкѣ видно, что нѣтъ: дѣйствительно, онъ оказывается католикомъ и прибылъ сюда откуда-то издалека, изъ Дибры или Уштюба.

— Какъ же вы попали сюда?—спрашиваю его.

— Да все у насъ не мирно было; пошли какія-то подати на войско,—берутъ и деньгами, и натурой; сына—уже взрослаго мальчика, такъ что скоро женить бы — убили; думаю: пойду, куда глаза глядятъ, да вотъ и пришелъ сюда, поселился въ Барѣ,—и хорошо мнѣ было первые два года, — привелъ жену съ дочкой, купилъ домишко и сталъ кое-какъ перебиваться. Вдругъ и тутъ стали брать на войско и меня самого гнали; а какъ я пойду, когда мнѣ домишко не на кого оставить! Я не пошелъ; меня *оплячкали*, а послѣ пришли черногорцы, стали рушить Баръ, пошла прахомъ и моя хижина. Съ тѣхъ поръ вотъ и живу здѣсь. И не знаю, чьи мы теперь: царскіе ли, княжевы ли, или цесаревы (австрійскіе).

Я ему объяснилъ; онъ выслушалъ, но не повѣрилъ.

— Ужь и не знаю, какъ это будетъ: магометане говорятъ, что опять турки возьмутъ насъ; попы говорятъ, что мы—цесаревы, а теперь конечно черногорскіе.

Видимо, что ему совершенно все равно, только бы оставили его въ покоѣ. Я напился воды, потомъ выпилъ ракіи и чернаго кофе, который оказался лучше, чѣмъ во многихъ городскихъ корчмахъ, и взялъ двѣ опуты, чтобы лучше укрѣпить опанки на ногахъ, заплатилъ за все 12 крейцеровъ и, собираясь въ путь, по-

дѣлился съ дѣтьми кое-чѣмъ изъ имѣвшейся провизіи и далъ нѣсколько крейцеровъ. Они скрылись къ матери, но черезъ минуту дѣвочка выбѣжала, обняла меня и потомъ обѣими ручонками стала гладить по лицу: таковъ восточный способъ выраженія благодарности.

Отсюда начинается община Мрковичей, состоящая изъ нѣсколькихъ селъ, разбросанныхъ по всему плато и въ боковыхъ долинахъ. Это—богатое и чрезвычайно сильное племя, до 3.000 душъ обоего пола, которое ведетъ свой родъ изъ Черногоріи, а теперь всѣ магометане. Они рѣзко отличаются отъ окружающаго населенія, особенно отъ арнаутъ, крупнымъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ, и въ то же время славятся юначествомъ. Большая часть ихъ переселилась изъ села Мрке въ Пиперахъ (недалеко отъ Подгорицы). Одинъ родъ цѣликомъ переселился изъ верхней Церницы: это были *граболянцы*, отъ которыхъ осталась и церковь ихъ Св. Петка, Граболянская: она стоитъ невредима и въ ней служатъ два раза въ годъ: 26 іюля—на *малую Петку* и 14 октября—на *большую*. Затѣмъ прибывали изъ разныхъ мѣстъ, но все черногорцы, и они этимъ гордятся. Магометанство приняли нѣкоторые такъ недавно, что многіе изъ живыхъ сами были христіанами.

Въ воспоминаніе этого они наканунѣ Рождества *налагаютъ баднякъ* (небольшое деревцо, которое сжигается на очагѣ, въ сопровожденіи извѣстныхъ обрядовъ: исключительная особенность православныхъ сербовъ) и покупаютъ на этотъ случай вина и ракіи, какъ для поливанія его, такъ и для угощенія посѣтителей изъ православныхъ. Они почитаютъ также день Св. Николая, а на Троицынъ день ходятъ на Румію съ процессій православныхъ, чтобы поклониться чудотворному кресту, который обыкновенно въ тотъ день выносятъ туда и который прежде находился въ ихъ рукахъ, когда они были еще христіанами (объ этомъ крестѣ мы скажемъ при концѣ).

Когда предполагалось провести границу Черногоріи между Барскимъ и Ульцинскимъ округами и турецкіе коммиссары въ смѣшанной разграничивающей коммиссіи хотѣли, сколько возможно, оттягать къ себѣ и съ этою цѣлью путали названія мѣстностей, Мрковичи всегда становились на сторону черногорцевъ и изобличали ложь турокъ.

Отъ Доброй-воды вплоть подъ Можуръ, верстъ 10, приходится идти все черезъ Мрковичи. Прямо на пути новое село Ку-

не съ мечетью на отдѣльномъ возвышеніи, а около въ долинахъ разбросаны дома. Нивы окружены лѣсомъ и всѣ почти подъ орошеніемъ. Отсюда еще одинъ спускъ и идете по увалами, по каменистой дорогѣ, но не утомляетесь, потому что глазъ вашъ всюду отдыхаетъ на роскошной зелени, обступающей васъ со всѣхъ сторонъ, и вдали виднѣющіяся горы съ темными, вдающимися въ нихъ, долинами всѣ покрыты зеленью и лѣсомъ, а у подошвы горъ виднѣются нѣсколько селъ. Равнина идетъ, постепенно спускаясь, такъ далеко, что исчезаетъ наконецъ въ туманѣ, какъ будто обрываясь, виднѣются только обступающія ее по бокамъ вершины горъ и надъ всею этою панорамой, представляющей хаотическое смѣшеніе горъ и наполненныхъ туманомъ углубленій, высится гигантскій конусъ Румія, окруженный цѣлою толпой низшихъ конусовъ. Какъ стражи стоятъ они около Румія и, чѣмъ дальше отъ нея, спускаются все ниже и ниже. Часть ихъ, въ видѣ отдѣльныхъ холмовъ, разметалась у подошвы главнаго конуса на равнинѣ, а другіе, составивъ неразрывную цѣпь, тянутся дальше по направленію къ Скадру, составляя одинъ хребетъ по срединѣ перешейка между моремъ и Скадарскимъ озеромъ: за нимъ лежитъ такъ-называемая Краина. Передъ нами поднимается Можуръ, который идетъ отъ моря поперекъ къ упомянутому хребту, а потомъ заворачиваетъ и идетъ параллельно ему; въ промежуткѣ между ними пробиваетъ себѣ путь рѣчка Мегуредъ или, правильнѣе, Медьюречъ (Междурѣчье) съ прелестной Шасскою долиной и впадаетъ въ Бояну у Св. Георгія. По ней и идетъ въ настоящее время черногорская граница.

Подъемъ на Можуръ со стороны Бара не трудный, потому что начинается съ высокой равнины. Какъ разъ при началѣ подъема навстрѣчу мнѣ идетъ цѣлый караванъ конныхъ и пѣшихъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ они въ бѣломъ: мужчины—въ извѣстномъ уже своемъ суконномъ костюмѣ; женщины—подъ покрываломъ, спускающимся до колѣнъ, и въ темныхъ широкихъ штанахъ вродѣ юпки; а у другихъ — длинныя рубашки и изъ-подъ нихъ только виднѣются узкія бѣлыя панталоны; на ногахъ опанки или башмаки съ заостренными носками. Лицо не закрыто ни у одной. У нѣкоторыхъ на шеѣ ожерелья изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ; елекъ (родъ корсета) также расшитъ золотомъ по красной шелковой матеріи и серебряный широкій поясъ съ массивною пряжкой, по срединѣ которой нѣсколько крупныхъ сердоликовъ. Другія одѣты просто.

— Селамаликъ!—говорю я имъ, предполагая, что они, какъ магометане, не захотятъ принять сербскаго привѣтствія, а можетъ-быть и не знаютъ по-сербски.

— Добра ти срѣтя, господине!—отчеканилъ одинъ изъ шедшихъ впереди, и начались обычные распросы: откуда и куда идешь, веселъ ли князь, здорово ли все въ Цетиньи, что новаго и т. под.,—совершенно какъ въ Черногоріи. Это и были старые черногорцы Мрнякичи, возвращавшіеся изъ Ульцина съ базара, а пустившійся со мной въ разговоръ былъ Юсуфъ-барьянтаръ, съ которымъ я уже прежде видѣлся въ Барѣ. При прощаньи онъ наказалъ мнѣ непремѣнно посѣтить его.

Наконецъ, мы на верху перевалили черезъ Можуръ, составляющій природную стѣну между Баромъ и Ульциномъ. Тутъ совершенно голо; груды известняка, нагроможденныя природой, смѣшиваются съ искуственными нагроможденіями, сдѣланными для защиты, между ними остатки соломы и сѣна, служившихъ логовищемъ, кругомъ разныя нечистоты, осколки разбитой посуды, обрывки одежды, сломанныя подковы, пустые патроны. Все показываетъ, что здѣсь еще недавно стоялъ военный лагерь. Это были турецкіе шанцы, которые виднѣются всюду на всемъ протяженіи Можура.

Подъ Можуромъ оканчивается сербскій элементъ и, перейдя его, вы вступаете уже въ область населенную одними арнаутами, гдѣ не услышите ни слова сербскаго.

Прежде, чѣмъ спуститься съ Можура на другую сторону, своротимъ съ дороги и пойдемъ по его хребту къ морю; тутъ гдѣ-то, говорятъ, былъ Старый Ульцинъ, но когда онъ былъ—не знаетъ ни народное преданіе, ни исторія.

Пройдя часъ по гребню, вы доходите до края его; подъ вами море и у самаго берега нѣсколько островковъ, собственно скалъ, оторвавшихся отъ материка, и на одномъ изъ нихъ разрушенная крѣпость. Мнѣ не привелось быть внутри ея, но по наружности она похожа на всѣ другія. Интереснѣе остатки какихъ-то построекъ на самомъ хребтѣ, какъ разъ противъ этой крѣпости. Остатки эти представляютъ только стѣны и основанія стѣнъ, по которымъ, однако, можно видѣть цѣлый планъ.

Спустившись внизъ, вы вступаете на обширную равнину, почти отвѣсно возвышающуюся надъ моремъ футовъ на 500. Здѣсь также есть слѣды построекъ, но уже болѣе близкаго къ намъ времени, о которыхъ осталось темное преданіе у народа. Го-

ворятъ, здѣсь копали и находили большія сокровища; а теперь на нѣкоторыхъ только мѣстахъ уцѣлѣло основаніе стѣнъ изъ тесаннаго камня съ известью и нѣсколько надгробныхъ плитъ. Это былъ монастырь. Кто произвелъ это разрушеніе и куда дѣвался весь матеріалъ? Варвары, разрушая, довольствуются тѣмъ, что уносятъ все цѣнное; камень имъ ненуженъ, какъ бы ни былъ отлично обдѣланъ. Слѣдовательно, это не дѣло варваровъ; а камни отсюда, по словамъ народа, всѣ отнесены на островъ и послужили для постройки крѣпости. Такими цивилизованными варварами были венеціянцы, которые, въ жадной погонѣ за богатствами, не щадили ни святыни, ни памятниковъ старины и рушили все, что могло служить ихъ практическимъ цѣлямъ. Они пощадили бы, конечно, монастырь, еслибъ онъ былъ католическій; и потому самый актъ разрушенія доказываетъ, что онъ былъ православный. Находящіеся близъ него ключи называются арнаутами—*Уйме-Дьюровичъ*, что въ переводѣ значитъ вода Дьюровича, и чѣмъ еще болѣе подтверждается пребываніе здѣсь сербовъ.

Итакъ, мы находимъ здѣсь слѣды пребыванія какого-то первобытнаго народа, можетъ-быть старыхъ иллировъ, затѣмъ—сербовъ, вытѣсненныхъ венеціянцами, а теперь на все это налегъ слой арнаутскій. Вся эта мѣстность, по народному сказанію, была когда-то покрыта густымъ лѣсомъ, въ которомъ водилось множество звѣрей всякаго рода: медвѣди, дикіе кабаны, олени и др., и на нихъ охотились знатные люди.

Часть лѣса сохраняется еще до настоящаго времени; но большая часть его истреблена и истребляется на дрова, которыя здѣсь же грузятся на морѣ и отвозятся въ безлѣсныя побережья Далмаціи и Италіи. Мѣстность внизу называется *Арате-барла*, что значитъ *бѣлыя нивы*: это дѣйствительно роскошныя поля, принадлежащія ближнему селу Круче; здѣсь же имѣютъ свои участки нѣкоторые и изъ Ульцина. Черезъ нихъ и черезъ село идетъ дорога, когда-то вымощенная камнемъ, и сходится съ дорогой, идущей изъ Бара, подъ первымъ спускомъ съ Мошура. Затѣмъ вы спускаетесь все ниже, переваливая черезъ косы, выбѣгающія отъ главнаго хребта и становящіяся поперекъ дороги. Мѣстами голый камень залегаетъ ровными плитами, которыя растреснулись на такіе правильные куски, что можно предположить тутъ участіе искусства человѣка; только громадность этихъ плитъ убѣждаетъ, что здѣсь работала не человѣческая рука, а стихійная сила.

Мѣстность эта не имѣетъ того величія, какъ въ окрестностяхъ Бара, но она не уступаетъ ей въ роскоши растительности и еще больше обработана. Она вся разбивается на мелкіе ландшафты, на которыхъ видна полная гармонія между природой и живущимъ среди нея человѣкомъ.

Другое село на пути—*Крюсе*, что значитъ «голова», потому что стоитъ во главѣ начинающейся отсюда долины, идущей вплоть до Ульцина. Немного далѣе эта же самая долина называется *Братиша*. Это собственно названіе находящагося здѣсь поселенія, растянувшагося вдоль на цѣлый часъ; текущая же внизу рѣчка не имѣетъ никакого названія. По бокамъ ея невысокія горы Мали-барсъ (Бѣлая гора) и Кодра (холмы), покрытыя мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, среди котораго весело выглядываютъ бѣлые дома, окруженные полями и садами. Оглянувшись назадъ на Можуръ, вы также видите сплошной лѣсъ и до половины его маслиновыя рощи, такъ что только самый верхъ его сѣрою полосой рисуется по голубому фону неба; а сама рѣчка то растекается и тонкою струей журчитъ по мелкому каменнику, то, искуственно схваченная въ одинъ каналъ, идетъ высоко по косогору и съ высоты двухъ или трехъ саженъ съ гуломъ падаетъ черезъ трубу на мельничныя колеса, а потомъ несется далѣе, чтобы напоить лугъ или ниву.

При концѣ долина расширяется и соединяется съ равниной, идущей къ Боянѣ и къ морю; Бѣлая-гора, идущая справа, также оканчивается и является безъ лѣса, совершенно оправдывая свое названіе; потому что тутъ во всей наготѣ является бѣлый известнякъ, расщепленный на множество скалъ и разваливающійся на куски, которые завалили прижавшуюся къ горѣ дорогу.

И тутъ нѣсколько на возвышеньи, на голомъ камнѣ, совершенно одиноко стоятъ двѣ церкви, какъ двѣ сироты: одна—старенькая, маленькая и низенькая настолько, что высокій человѣкъ можетъ достать рукой подъ крышу; стѣны сѣрыя, небѣленыя, даже не совсѣмъ прямыя; маленькія окошечки высоко, подъ самой крышей, да и въ тѣхъ стекла выбиты; кругомъ лежатъ каменныя глыбы, замѣняющія могильныя плиты, заросшія татарникомъ и низкимъ кустарникомъ илекса съ колючимъ листомъ (видъ дуба), и два маслиничныя деревца, будущая доходная статья: это—православная церковь; другая—новая, еще не совсѣмъ отдѣланная и сравнительно довольно большая—католическая, и въ ней съ одной стороны также выбиты стекла. Это все магометанскіе маль-

чишки въ послѣднее время нарочно выбили стекла каменьями. Выгнанныя далеко изъ города, ткнутыя среди голыхъ скалъ, на голый камень, несчастныя церкви и тутъ не могли найти мира,— и тутъ подверглись поруганію и разоренію. Можетъ-быть говорятъ только на мальчишекъ, а сдѣлали это взрослые. Магометанскій ли законъ виноватъ въ этомъ, или вообще таковы нравы и обычаи его адептовъ? Отчего этого нѣтъ теперь, когда вмѣсто турецкаго паши завѣдуетъ Ульциномъ черногорскій воевода? Законъ магометанскій не подвергся ни малѣйшему нарушенію, нравы и обычаи также не могли сразу измѣниться, но только азіятъ выброшенъ за бортъ и его мѣсто занялъ европеецъ, и порядки измѣнились.

Ульциняне и весь Ульцинскій округъ, населенный одними арнаутами, магометанами и католиками, когда-то пугали всякаго своимъ самоволіемъ, нетерпимостью, убійствами и разбоями, а съ тѣхъ поръ, какъ вступили черногорцы, не было ни одного случая ни сопротивленія закону и власти, ни какого-нибудь нарушенія порядка; тогда какъ около, только черезъ границу, продолжается прежній безпорядокъ, воровство, убійство и вообще полное отсутствіе личной безопасности. Какими средствами достигаетъ этого Черногорія, мы скажемъ послѣ, а теперь поспѣшимъ войти въ городъ. Мы опишемъ его сначала такимъ, какимъ былъ принятъ отъ турокъ, и послѣ дадимъ то, что измѣнилось при черногорцахъ.

Ульцинъ, какъ улитка въ раковинѣ, весь втянулся внутрь узкой, сквозной долины между моремъ и упомянутою выше равниной. Съ моря вы видите только его бухту съ однимъ рядомъ домовъ при краѣ ея подъ отвѣсными стѣнами, а большая часть домовъ скрывается за крѣпостью, которая стоитъ на высокой скалѣ, составляющей одинъ изъ краевъ бухты; тогда какъ на противуположномъ краю ея, на высокомъ, тоже скалистомъ мысу, стоитъ одиноко большое зданіе, *дворецъ* бывшаго вали скадарскаго Измаила-паши, который проводилъ здѣсь лѣто со своею красивой супругой мадьяркой. Вступая въ городъ съ дороги отъ Бара или Скадра, вы видите дома, разбросанные по низу и по горамъ съ обѣихъ сторонъ, перемѣшанные съ садами и потому совершенно скрывающіеся въ зелени, что̀ придаетъ городу совершенно сельскій видъ. Если идете отъ Скадра, то прежде всего минуете цыганскій кварталъ: это до десятка или болѣе домовъ, передъ которыми кругомъ грязь; около нихъ копошатся грязныя,

растрепанныя, въ лохмотьяхъ, женщины, и васъ обсыпаетъ толпа полунагихъ мальчишекъ съ назойливымъ требованіемъ подачки.

Затѣмъ вы видите съ одной стороны на возвышеніи большой красный домъ, постоянная квартира почетныхъ гостей, съ другой—мечеть съ минаретомъ; все пространство внизу занято кладбищемъ, на которомъ живописно рисуются нѣсколько надгробныхъ кіосковъ съ куполомъ и арками съ четырехъ сторонъ, а остальное—все стоячіе камни съ чалмами и фесами различныхъ формъ, смотря по тому, былъ ли умершій ходжа, хаджи (поклонникъ ко святымъ мѣстамъ), дервишъ или свѣтскій человѣкъ, и просто заостренные вверху надъ женщинами. Вступая внутрь города, вы прежде всего встрѣчаете цыганскія кузницы, двѣ корчмы, ханъ, двѣ-три мастерскія слесарей и котельщика, и наконецъ идетъ базаръ, состоящій изъ одной узкой улицы, по обѣ стороны которой лавки съ разнымъ товаромъ; кое-гдѣ между ними кофейная, цирюльня; одинъ сапожникъ, приготовляющій новую европейскую обувь, другой—изготовляющій единственно башмаки турецкіе и еще двое, занимающіеся только починкой старой обуви. По срединѣ улицы, не шире 2—3 саженъ, идетъ канавка для стока дождевой воды. Мостовая неровная, какъ во всѣхъ турецкихъ городахъ. По улицѣ снуютъ дѣти: мальчики—одни разносятъ кофе по лавкамъ, другіе несутъ какую-нибудь покупку; дѣвочки таскаютъ кувшины съ водой. У лавокъ покупщики и покупщицы. Въ базарный день передъ лавками прямо на улицѣ разсаживаются женщины изъ селъ съ своими произведеніями: зеленью разнаго сорта, табакомъ въ листахъ, сыромъ, молокомъ и т. п., и тогда положительно нужно протискиваться; а тутъ же того и смотри наступитъ на васъ лошадь, или хватитъ зубами мазга, нагруженная чѣмъ-нибудь.

При концѣ базара, по срединѣ улицы, водопроводъ, покрытый сводомъ, и тутъ вѣчно толпятся люди: одни берутъ воду, другіе моютъ бѣлье, третьи поятъ лошадей. Вода отсюда стекаетъ въ глубокій оврагъ, по одну сторону котораго находятся кофейная и пекарня, а по другую—мясная лавка и бойня. Послѣдняя просто лабазъ, открытый съ улицы, съ деревяннымъ поломъ, покатымъ къ оврагу: по немъ стекаетъ кровь и сваливаются внутренности. Текущая въ глубинѣ оврага вода не въ состояніи уносить эти отбросы, и потому они тамъ гніютъ, заражая воздухъ зловоніемъ. Стая собакъ, голодныхъ и изувѣченныхъ, стоитъ мирно въ ожиданіи добычи, или терзаетъ выброшенныя киш-

ки, а по временамъ поднимаетъ грызню между собою, если появится собака изъ чужой махалы (квартала). Вонь здѣсь такая, что, проходя мимо, нужно затаить дыханіе, но и тогда,—я говорю безъ преувеличенья,—нѣсколько разъ меня чуть не смутило отъ этой вони и отвратительнаго вида.

А между тѣмъ какъ разъ vis-à-vis съ этой клоакой, на разстояніи какихъ-нибудь пяти саженъ, стоятъ двѣ наиболѣе посѣщаемыя кофейни. Передъ одной изъ нихъ, подъ раскидистымъ тутовымъ деревомъ, устроенъ особый досчатый помостъ, на которомъ въ лѣтнее время посѣтители разсаживаются, поджавъ подъ себя ноги, и спокойно ведутъ бесѣду, попивая кофе и покуривая трубки на длинныхъ чубукахъ. Они такъ свыклись съ вонью, что не только не чувствуютъ ея, но она какъ будто служитъ приправой и дополненіемъ къ испытываемому ими удовольствію, которое они вкушаютъ, якобы, на вольномъ воздухѣ.

Проходя по узкимъ улицамъ, гдѣ идутъ жилые дома, нужно остерегаться, чтобы васъ не обдали нечистотами, такъ какъ въ каждомъ домѣ есть въ стѣнѣ отверстіе изъ отхожаго мѣста, черезъ которое нечистоты текутъ прямо по стѣнкѣ, и если вы не остережетесь издали, васъ какъ разъ окропятъ вонючими брызгами. Сообразивъ при этомъ, что улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе сажени въ ширину съ канавкой по срединѣ, вы поймете всю опасность прохожденія по нимъ.

Когда здѣсь работаютъ маслобойни, на которыхъ выжимается масло изъ оливокъ, то съ этихъ дворовъ спускается остающаяся послѣ того черная жидкость съ запахомъ сильно протухлаго деревяннаго масла, которая, соединяясь въ канавкахъ съ другими нечистотами изъ дворовъ, дополняетъ общее зараженіе воздуха. Добавьте къ этому міазмы отъ разбросанныхъ всюду по городу кладбищъ, которыя воняютъ разлагающимися трупами, потому что ихъ зарываютъ на глубину аршина и не болѣе полутора, такъ что даже зимой я ощущалъ вонь, проходя мимо свѣжихъ могилъ, и видѣлъ, какъ куры конаются въ нихъ, доставая оттуда червей, повидимому, выползающихъ изъ гніющаго трупа.

О благообразіи здѣсь конечно не можетъ быть и рѣчи, хотя и есть стремленіе къ тому.

Здѣсь, какъ и въ Барѣ, всѣ дома венеціянской постройки, передѣланные новыми ихъ хозяевами на свой ладъ. Двери въ улицу, иногда съ высокими крыльцами, задѣланы, также какъ и окна въ нижнихъ этажахъ, а окна вверху постоянно закрыты мел-

кою деревянною рѣшеткой. Поэтому дома смотрятъ какъ бы поворотившимися спиной къ людямъ. Но въ то же время снаружи домъ расписывается различными красками и украшается надписями. Одинъ богачъ, наприм., вздумалъ построить домъ на славу, и построилъ такой, что всякій имъ любуется. Домъ этотъ занимаетъ довольно высокое мѣсто; съ трехъ сторонъ выходитъ на улицу, а съ четвертой примыкаетъ къ саду; онъ въ два высокихъ этажа съ черепичною крышей; въ длину саженъ 15, а ширина не одинаковая. Узкая стѣна, выходящая на площадь, покрыта узорами, выведенными синей и красною краской, а по срединѣ ихъ красуется крупная надпись, гласящая: «*Машалла*!» (т. е. «да не сглазитъ никто»). Окна не со всѣхъ сторонъ и расположены безъ симметріи, высоко подъ навѣсомъ крыши и, конечно, заставлены рѣшеткой. Входъ, какъ обычно, черезъ дворъ, изъ котораго вы сначала входите въ темный подвалъ, а изъ него уже по дрянной деревянной лѣсенкѣ поднимаетесь въ жилое помѣщеніе, гдѣ прежде всего вступаете въ темный корридоръ, изъ котораго ведутъ двери въ различныя комнаты, расположенныя также безъ симметріи.

Скрывая, сколько возможно, свою семейную жизнь отъ глазъ свѣта, магометанинъ всю заботу полагаетъ на внутреннее устройство дома: тутъ у него во дворѣ всегда найдется нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ и цвѣтничокъ, въ которомъ непремѣнно есть кусты розъ, лѣтнихъ и зимнихъ, нарцисы и гіацинты; вдоль всей внутренней стѣны—крытая галлерея, гдѣ онъ любитъ проводить время въ кругу своихъ; тутъ же къ дому прилегаетъ цѣлый садъ, въ которомъ, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, нѣсколько маслинъ, различная зелень и овощи, а иногда посѣяна и кукуруза. Всякій магометанскій домъ имѣетъ при себѣ значительное количество земли сверхъ того, что имѣется внѣ города, въ полѣ.

Снаружи дома кажутся довольно большими, но внутри представляютъ тѣсныя клѣтки, приспособленныя именно къ магометанскому образу жизни, чтобы можно было только сидѣть, поджавши подъ себя ноги, и лежать. При всемъ томъ у нихъ нѣтъ никакой комнатной мебели, нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ, даже простора въ самой большой пріемной комнатѣ весьма мало. Кругомъ всей комнаты идутъ *миндеры*, помостъ вышиною отъ пола на четверть аршина и шириною въ аршинъ, покрытый шерстяными матрацами и коврами, съ продолговатыми подушками по стѣнѣ; подъ потолкомъ полки,

на которыхъ для украшенія размѣщена различная посуда; а со входа значительная часть занята перегородкой, за которой помѣщаются постели, подушки и т. п. вещи, требующіяся ночью и скрываемыя на день; а надъ нею нѣчто вродѣ галлереи, куда тоже сваливаются различныя вещи, чаще же всего не занято ничѣмъ, какъ будто въ театрѣ галлерея для зрителей; она сдѣлана единственно ради нижняго помѣщенія. А между тѣмъ на нее тратится не мало работы: она раздѣлена колоннами и арками съ рѣшетками вверху; и все это — рѣзное, иногда лакированное. Потолокъ изъ мелкихъ дощечекъ съ шести-восьмиугольникомъ по срединѣ, въ которомъ стороны къ центру постепенно съуживаются; и онъ также рѣзной и лакированный или раскрашенный разными красками.

Любятъ они очень, такъ-называемыя, *твошки*: это — выступы надъ нижнимъ этажомъ вродѣ балкона со множествомъ оконъ съ трехъ сторонъ, какъ въ фонарѣ. Одинъ устроилъ такимъ образомъ большую пріемную комнату, подперевъ ее съ двухъ угловъ деревянными столбами, которые своимъ необдѣланнымъ видомъ вмѣстѣ со стоящею на нихъ постройкой совершенно портятъ широкую террасу изъ массивныхъ каменныхъ плитъ, въ которую они упираются. Однажды лошадь, привязанная къ одному изъ столбовъ, испугавшись чего-то, рванулась и сдвинула его съ мѣста; еслибы не случилось тутъ людей, она вырвала бы его совсѣмъ, и все зданіе повалилось бы. Но паденье было предупреждено, столбъ вдвинули на его прежнее мѣсто и въ домѣ зажили по-старому.

Ни объ удобствѣ, ни о красотѣ здѣсь не имѣютъ никакого понятія, а чистота совершенно не входитъ и въ помыслы здѣшнихъ жителей. При этомъ не могу не вспомнить Сараева, гдѣ въ грязной обуви совѣстно пройти даже по двору, который чище, чѣмъ у здѣшнихъ людей въ комнатѣ; а войдите внутрь дома: ни пылинки нигдѣ; кругомъ все сіяетъ отъ чистоты; все тамъ приспособлено и умѣстно; войдя въ домъ, можно подумать, что находишься гдѣ-нибудь въ срединѣ Европы, у чистоплотнаго и экономнаго нѣмца.

Общій видъ города довольно веселый. Жилыхъ домовъ въ самомъ низу немного, большая же часть расположена съ обѣихъ сторонъ долины по горамъ, откуда всегда открывается прекрасный широкій видъ на море или на Бояну. Есть домики съ большими окнами и снаружи совсѣмъ похожіе на европейскіе, а въ

то же время вы встрѣчаете внизу и много развалинъ. Прежде городъ былъ расположенъ высоко по горамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ растительности и откуда видъ еще прелестнѣе и шире, но теперь тамъ все опустѣло. Близъ двухсотъ домовъ представляютъ изъ себя развалины, которыя постепенно разсыпаются, и только плющъ, устилая голыя стѣны своимъ густымъ зеленымъ покровомъ, скрываетъ ихъ безобразіе. Всюду, на самую высоту, была когда-то проведена вода, теперь же вы видите то уколнувшій фонтанъ, то глиняную трубу, по которой шла вода. Внутри *града* всѣ почти дома въ три и четыре этажа и сохранили вполнѣ свою прежнюю форму. Немногіе изъ нихъ заняты современными жителями, которые живутъ обыкновенно только въ одной части дома, оставляя другую часть пустою. Въ нѣкоторыя, видимо, турки никогда и не входили; въ нихъ остались изящные лѣпные карнизы и украшенные рѣзьбой порталы, высокія каменныя крыльца. Есть одно зданіе, которое когда-то представляло палаццо какого-нибудь духовнаго сановника, судя по надписи: I. H. S., и тутъ же была церковь. Здѣшній *градъ* былъ больше Барскаго и въ послѣднее время не подвергался разрушенію; онъ разрушался постепенно. Въ первый разъ онъ былъ разгромленъ турками, когда они приняли его изъ рукъ венеціянцевъ. Это было въ 1571 году. Городъ тогда сдался на капитуляцію и турки обѣщали выпустить гарнизонъ и жителей и дать послѣднимъ возможность унести свое имущество. Но едва только впустили турокъ, они зажгли со всѣхъ концовъ городъ и кинулись рѣзать гарнизонъ и жителей и грабить имущество. Изъ гарнизона, состоявшаго изъ итальянцевъ и французовъ, спаслись только 12 человѣкъ съ начальникомъ Сарра Мартиненго: они успѣли пробить себѣ дорогу, вскочить въ лодку и уплыть, а жители погибли всѣ до единаго; остались, можетъ-быть, только молодыя женщины и дѣти, которыя конечно обращены въ магометанство. Затѣмъ онъ подвергался бомбардированію раза два со стороны венеціянцевъ, которые пытались его воротить. Городъ, конечно, былъ потомъ возобновленъ новыми поселенцами, но внутри крѣпости большая часть домовъ лежитъ въ развалинахъ. Тамъ теперь есть цѣлыя улицы, представляющія изъ себя груды мусора и всякихъ нечистотъ, а по краямъ только куски стѣнъ. Турки возобновили одни укрѣпленія, устроивъ бойницы и бастіоны. Смотря на массу пустырей и развалинъ, приходишь къ заключенію, что въ первоначальномъ видѣ Ульцинъ никогда послѣ венеціянцевъ не возобновлялся. Но затѣмъ

видишь всюду слѣды позднѣйшаго опустошенія домовъ безъ всякаго поврежденія извнѣ. Народное преданіе приписываетъ это чумѣ, которая поморила всѣхъ, живущихъ на возвышенныхъ мѣстахъ, не коснувшись низа. Это объясненіе однако не имѣетъ никакого вѣроятія, потому что противно обычному явленію, такъ какъ болѣзнь всегда дѣйствуетъ сильнѣе въ мѣстахъ низкихъ, особенно если тамъ нѣтъ заботы о чистотѣ, какъ это и существуетъ во всѣхъ турецкихъ городахъ. Видимо, что городъ какъ упалъ, такъ и не поднимается на прежнюю высоту. Но и въ турецкій періодъ ульцинянъ постигъ кризисъ: упадокъ ихъ торговли, вслѣдствіе усиленія пароходства, такъ какъ все ихъ благосостояніе заключалось въ парусномъ флотѣ, который всюду долженъ былъ уступить преимуществу пара. Этому кризису подверглись всѣ приморскіе города на Адріатикѣ, особенно Бокка и южное Приморье. Въ Перастѣ (въ Боккѣ) чуть ли не половина домовъ стоитъ пустая, потому что перастяне жили исключительно мореплаваніемъ.

Какъ бы то ни было, при первомъ же осмотрѣ города вы замѣчаете, что онъ упадаетъ и въ немъ нѣтъ задатковъ жизни. Да и создавали ли что-нибудь турки? Способны ли они вдохнуть жизнь? Они всюду только рушатъ и убиваютъ жизнь, эксплуатируя только то, что досталось имъ въ наслѣдство отъ прежняго культурнаго народа. Здѣсь вполнѣ оправдывается турецкая поговорка, произносимая съ гордостью правовѣрнымъ: «Куда только ступилъ конь султана, тамъ и травы больше не растетъ».

Что сталось съ первыми поселенцами Ульцина по занятіи его турками, мы не знаемъ; но теперь здѣсь всѣ—арнауты, за исключеніемъ двоихъ или троихъ беговъ изъ Герцеговины. Когда и какъ произошло это заселеніе арнаутами, также неизвѣстно, и напрасно вы будете спрашивать о томъ мѣстныхъ жителей, для которыхъ исторія какъ будто не существуетъ. Кромѣ темныхъ догадокъ о своемъ происхожденіи изъ той или другой мѣстности Албаніи, они не имѣютъ никакихъ фамильныхъ преданій, многіе же въ своей наивности считаютъ себя туземцами испоконъ вѣка. При всемъ томъ, какъ бы по преданію отъ венеціянцевъ, и они дѣлаются моряками. Сначала, говорятъ, они были морскими разбойниками и опустошали берега Италіи и Далмаціи, грабя и унося съ собою награбленныя богатства и уводя плѣнниковъ и плѣнницъ, которыхъ оставляли у себя или продавали въ рабство. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ водахъ Средиземнаго моря по-

явились военные крейсеры, разбои кончились и изъ разбойниковъ образовались отличные моряки. Въ турецкомъ флотѣ они всегда считались лучшими капитанами, а нѣкоторые были и адмиралами флота. Собственный ихъ торговый флотъ одно время достигалъ значительной цифры—до 880 судовъ, по свидѣтельству Экара, до 1860 г. бывшаго французскимъ консуломъ въ Скадрѣ; а австрійскій консулъ Ганъ еще раньше его обращалъ вниманіе своего правительства на опасность для Австріи отъ постоянно возрастающей конкуренціи ульцинскаго флота. Опасность эта миновалась съ усиленіемъ пароходства, а усиленіе «Австрійскаго Лойда», пользующагося громадною казенною субсидіей и разными привилегіями, окончательно убило какъ ульцинское, такъ и все частное мореплаваніе Далмаціи, Бокки и Приморья. Ульцинскій флотъ страдалъ нѣсколько разъ то отъ греческихъ карсаровъ, во время войны грековъ за освобожденіе, то отъ собственнаго правительства, которое два раза жгло ихъ суда, а въ послѣднее время не выплачиваетъ имъ до полумилліона гульденовъ за оказанныя услуги во время войны. Было время, когда они плавали не только по всему Средиземному морю и Архипелагу, касаясь береговъ Азіи, Африки, Франціи и Испаніи, но бывали даже въ Англіи; многіе бывали въ Одессѣ и Таганрогѣ; но теперь они ограничиваются только близкими къ нимъ портами и занимаются доставкой товаровъ преимущественно для собственнаго города и Скадра. Въ настоящее время они имѣютъ до 120 судовъ большого размѣра и до 60 мелкихъ, которыя занимаются только каботажемъ. Такое уменьшеніе произошло отъ возрастающей съ каждымъ годомъ конкуренціи, а съ другой — отъ недостатка пристани. Представьте себѣ, что зимой, когда плаваніе пріостанавливается вслѣдствіе свирѣпствующихъ здѣсь бурь, они должны на все то время укрываться по чужимъ пристанямъ или съ трудомъ подниматься вверхъ по Боянѣ, тогда какъ возлѣ имѣютъ отличную природную бухту Вальданосъ (Val-di-nose). Черногорскому правительству предстоитъ непремѣнно устроить тамъ портъ или дождаться окончательнаго уничтоженія ульцинскаго флота, тѣмъ болѣе, что Турція при помощи Австріи можетъ устроить портъ въ Санджіованио-ди-Медуа, который находится недалеко отъ Бояны и въ одинаковомъ почти съ Ульциномъ разстояніи отъ Скадра.

Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ о постройкѣ судовъ и о способѣ управленія ими. Ульциняне сами строятъ свои су-

да и, по отзывамъ знатоковъ, суда ихъ постройки отличаются какъ хорошимъ ходомъ, такъ и прочностью. Объ этомъ можно судить и по ихъ столярамъ, которые нисколько не уступаютъ такъ-называемымъ *маранунамъ*, лучшимъ мастерамъ въ этихъ краяхъ, обыкновенно изъ Италіи. Къ сожалѣнію, лѣса по близости вовсе нѣтъ, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, какъ Мрковичи, откуда прежде получался лѣсъ, его становится мало, и они должны привозить его моремъ изъ-за Драча въ Мирдитахъ, гдѣ въ настоящее время турецкое правительство дѣлаетъ имъ большія затрудненія. Въ этомъ отношеніи Черногорія могла бы помочь дѣлу, доставляя лѣсъ съ своихъ горъ съ Морачи, сплавляя его тою же рѣкой, Скадарскимъ озеромъ и Бояной.

Чего ни коснись, все нужно еще устроить, а безъ того, конечно, ничего не будетъ, и Ульцинъ съ его маленькимъ флотомъ пропадетъ совсѣмъ. На 180 судовъ здѣсь хозяевъ гораздо больше, потому что всякое судно строится компаніей изъ трехъ-четырехъ человѣкъ и болѣе на паяхъ; но оно записывается на имя одного хозяина—капитана, хотя бы онъ имѣлъ только одинъ пай, а другіе—десять. Приходъ дѣлится по паямъ, а капитанъ сверхъ того получаетъ свое содержаніе, которое опредѣляется собраніемъ пайщиковъ. И ничего не дѣлается безъ обсужденія на собраніи, причемъ распредѣлены должности: кто завѣдуетъ кассой, кто постройкой, а одинъ—нѣчто вродѣ предсѣдателя компаніи. Такой способъ веденія дѣла обусловливается конечно прежде всего отсутствіемъ большихъ капиталовъ, поэтому въ нихъ участвуетъ много пайщиковъ изъ Скадра, Драча и другихъ торговыхъ городовъ Албаніи, есть и итальянцы. Но въ то же время тутъ имѣется въ виду и другое обстоятельство: это—облегченіе потери, если судно погибнетъ или пострадаетъ. Всѣ почти имѣютъ паи въ различныхъ судахъ съ тѣмъ разсчетомъ, что если потерпитъ на одномъ, то останется что-нибудь въ другомъ и третьемъ. И тѣмъ уравновѣшивается и вообще торговое счастье: убытокъ одного можетъ покрыться прибылью на другихъ. Сложилось даже повѣрье, что гдѣ больше паевъ, тамъ больше и счастья.

Есть тамъ капитанъ Беддюли—человѣкъ самый богатый въ Ульцинѣ: нѣтъ, кажется, судна, въ которомъ онъ не имѣлъ бы пая; а между тѣмъ въ своихъ собственныхъ онъ имѣетъ также пайщиковъ. О немъ стоитъ сказать, потому что онъ представляетъ въ своемъ родѣ типъ. Этотъ капитанъ нажилъ богатство чисто торговлей, знаніемъ морского и торговаго дѣла, и, какъ го-

ворятъ, необыкновеннымъ счастьемъ. Но онъ былъ чрезвычайно великодушенъ по отношенію къ своимъ служащимъ: всякому онъ давалъ денегъ для покупки товара, когда на суднѣ оставалось мѣсто, а не пользовался этимъ самъ, и всякій отъ него поживился. Это конечно привлекало къ нему лучшихъ людей, которые и служили ему вѣрой и правдой. Если кто терпѣлъ убытокъ, онъ не требовалъ возврата денегъ, покуда тотъ не поправитъ своихъ дѣлъ, а иногда и совсѣмъ прощалъ. У него былъ отецъ, человѣкъ чрезвычайно скупой и жившій крайне просто, поэтому онъ никогда не хотѣлъ быть дома и всю свою молодость провелъ въ морѣ; когда же отецъ умеръ, онъ воротился и тотчасъ же выстроилъ новый большой домъ, который наполнилъ всевозможными европейскими предметами и открылъ его для друзей и знакомыхъ. Ему за 40 лѣтъ и онъ имѣетъ сына, который вмѣсто него ходитъ капитаномъ въ море, а зиму всю проводитъ дома, гдѣ у него есть уже жена и ребенокъ.

Беддюли даетъ денегъ взаймы не только своимъ служащимъ, но и постороннимъ, причемъ избѣгаетъ всякихъ формальностей. Обмана въ этомъ случаѣ конечно никогда не бываетъ, потому что онъ даетъ только людямъ, которыхъ хорошо знаетъ. Но, пользуясь его добротой, являются къ нему иногда люди совершенно не заслуживающіе довѣрія и—обманываютъ. Тогда онъ объявляетъ, что такому-то никогда больше не повѣритъ ни на *бешлыкъ* (турецкая монета въ 50 крейцеровъ), а требовать по суду никогда не будетъ, потому что поставилъ себѣ задачей никогда не имѣть дѣла ни съ какимъ судомъ, и не имѣетъ. Одно время онъ самъ былъ членомъ суда; но, увидѣвши, какъ люди ссорятся между собой и безсовѣстно поступаютъ другъ противъ друга, вышелъ въ отставку. Онъ не отказывается только отъ одного суда—капитанскаго, который собирается для обсужденія дѣлъ, касающихся мореплаванія. Это—учрежденіе, которое вообще регулируетъ и контролируетъ жизнь и дѣятельность корпораціи капитановъ: оно блюдетъ интересы своей корпораціи и потому, заботясь о чести ея, отнимаетъ капитанство у всякаго, кто скомпрометируетъ себя за границей, и потому всѣ ульцинскіе капитаны пользуются тамъ полнымъ довѣріемъ; оно же изыскиваетъ средства помочь пострадавшему. Я былъ свидѣтелемъ одного дѣла, которое показало мнѣ, какъ они дорожатъ своею честью.

Одинъ капитанъ доставлялъ соль изъ Бара въ Ульцинъ. Черногорскій чиновникъ при соли нашелъ недостатокъ, въ которомъ,

какъ послѣ убѣдились, виноватъ былъ самъ, потому что просто не умѣлъ мѣрить дециналомъ. Капитаны не допустили этого дѣла до суда, не разсмотрѣвши его впередъ въ своемъ собраніи. И собраніе заявило воеводѣ такое рѣшеніе: за честность капитана они ручаются всѣ и потому съ его стороны обмана никакого быть не можетъ; честь капитана—честь ихъ всѣхъ, и они будутъ ее защищать передъ высшимъ судомъ и передъ княземъ; всѣ условія съ его стороны были соблюдены въ точности, тогда какъ со стороны чиновника сдѣлано много упущеній. Но они не хотятъ зла и чиновнику, котораго также считаютъ за честнаго человѣка; потому пусть воевода укажетъ имъ, что бы они могли сдѣлать въ облегченіе этому послѣднему. Со стороны воеводы также была вполнѣ признана справедливость капитана, который послѣ этого принялъ на себя половину недостатка въ облегченіе чиновнику, чтобы дѣло не шло въ судъ.

Не могу судить, насколько этотъ корпоративный духъ могъ подѣйствовать вообще на развитіе этихъ людей, знаю только, что въ средѣ ихъ никакъ не могъ развиться духъ узурпаторства; даже по отношенію къ христіанамъ съ ихъ стороны не допускалось тѣхъ злоупотребленій, которыя допускались въ другихъ мѣстахъ, наприм.—въ Барѣ и Скадрѣ. Извѣстно, что всѣ магометане дѣйствуютъ сообща чрезвычайно дружно; но въ этомъ всегда видно вліяніе ходжей и слѣпое послушаніе имъ, какъ уставщикамъ вѣры и закона. Здѣсь, напротивъ, ходжи не имѣютъ того значенія и ульциняне всегда дѣйствовали независимо отъ нихъ, вслѣдствіе рѣшеній своей собственной свѣтской корпораціи, которая всегда руководится практическими соображеніями, а не слѣпымъ фанатизмомъ. Духъ независимости всегда выражается однако у нихъ не отрицаніемъ власти султана, а только устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ ихъ внутреннія дѣла, которыя велись такъ, чтобы не было и повода имъ вмѣшиваться. Съ одной стороны постоянное плаваніе по морямъ, привычка не бояться ничего, кромѣ своихъ беговъ, моря и вѣтра, развили въ нихъ духъ свободы и независимости, которымъ вообще отличаются приморскіе жители; съ другой—необходимость искать средствъ къ жизни внѣ предѣловъ своего отечества сдѣлали ихъ космополитами, и имъ всегда было мало дѣла до того, что происходило въ Албаніи. Таковъ былъ Ульцинъ всегда, таковы были и другіе приморскіе города, когда были населены сербами и принадлежали Сербскому государству. Ульцинляне никогда не были

открытыми противниками власти; потому въ пятидесятыхъ годахъ, когда султанъ долженъ былъ послать пашу съ войскомъ, чтобы привести въ покорность беговъ Босніи и Герцеговины и то же самое было въ Скадрѣ и Барѣ,—Ульцина не коснулась эта военная экзекуція.

Во время послѣдней войны Турціи съ Черногоріей ульциняне помогали своему правительству судами, подвозя войска и различный провіантъ, и вмѣстѣ съ другими защищались противъ черногорцевъ; но большого воодушевленія въ нихъ не было, и какъ скоро они увидѣли, что всѣ шансы на сторонѣ черногорцевъ, они сдались и живутъ съ черногорцами весьма дружелюбно. Въ послѣдній разъ ульциняне сопротивлялись занятію ихъ города черногорцами единственно подъ давленіемъ турецкаго правительства и албанской лиги, которыя имъ грозили военною силой; но какъ скоро эти два рычага были сломаны, они приняли черногорцевъ, какъ старыхъ друзей. При приходѣ черногорскихъ войскъ для занятія Ульцина, жители его — женщины и дѣти—за городомъ преспокойно занимались подбираніемъ маслинъ, а въ самомъ городѣ всѣ лавки были отворены, и торговля шла обычнымъ порядкомъ, какъ будто не произошло никакой перемѣны. Купцы зазывали своихъ старыхъ знакомыхъ въ лавки и угощали кофе, дѣти наперерывъ таскали воду и предлагали папиросы. Съ перваго же шага установились добрыя отношенія, которыя съ тѣхъ поръ не нарушались ни однимъ происшествіемъ, и ни въ комъ не замѣтно даже тѣни сожалѣнія о прошломъ.

Сравнивая ульцинянъ съ другими магометанами, нельзя не признать ихъ болѣе развитыми. Въ этомъ отношеніи конечно имѣло вліяніе ихъ постепенное сношеніе съ другими европейскими народами и спеціально торговый характеръ. Правда, они жили чрезвычайно замкнуто и къ нимъ заглядывалъ рѣдкій европеецъ, боясь за личную безопасность. Въ этомъ случаѣ они охраняли свои торговые интересы, боясь конкуренціи; поэтому они не охотно допускали къ себѣ и католиковъ, торговцевъ изъ Скадра, съ которыми имѣли постоянныя дѣла и отъ которыхъ зависѣли, такъ какъ въ ихъ рукахъ находятся капиталы и торговля. Однажды они убили каваса англійскаго консула и тѣмъ еще больше поддержали славу о своей дикости. Но это было вызвано самимъ кавасомъ, который, покупая что-то у женщины, не хотѣлъ заплатить, что она требовала, обругалъ ее, прибилъ мальчика и ушелъ. Честь женщины и дѣтей для нихъ святыня, а по-

ступокъ каваса сверхъ того былъ преувеличенъ, тогда они пошли и убили, но, по ошибкѣ, другого каваса, а тотъ скрылся. Произшествіе это тогда надѣлало большого шуму, и многіе изъ ульцинянъ за то жестоко поплатились; но съ тѣхъ поръ и ульциняне стали еще болѣе бояться и не любить европейцевъ. Имъ крайне тяжело было терпѣть въ своей средѣ турецкихъ офицеровъ, потому что они вносили развратъ въ ихъ жизнь, какъ общественную, такъ и семейную. Тогда, говорятъ, женщины ихъ совершенно не показывались на улицы. А между тѣмъ при черногорцахъ они смѣло ходятъ по улицамъ и не боятся даже припоздать вечеромъ. Сколько разъ я видѣлъ, какъ женщины поздно вечеромъ моютъ бѣлье, причемъ имъ нѣтъ необходимости скрывать лицо, какъ днемъ.

Женщины, въ противуположность мужчинамъ, чрезвычайно фанатичны. Проходя по улицѣ, онѣ сверхъ покрывала закутываются въ тяжелые косматые плащи, вродѣ бурки съ капюшономъ, и, встрѣчаясь съ вами, поворачиваются задомъ и обращаются лицомъ къ стѣнѣ; дѣвочкамъ внушаютъ, что всякое прикосновеніе невѣрнаго оскверняетъ такъ, что послѣ нужно просить разрѣшеніе ходжи; поэтому онѣ, вертясь и ласкаясь около васъ, съ крикомъ и плачемъ убѣгаютъ прочь, если вы только покуситесь погладить по головѣ. Мальчикамъ матери обыкновенно навязываютъ различные амулеты, предохраняющіе ихъ отъ глаза и нечистаго духа, и по вступленіи черногорцевъ ихъ навязано больше обыкновеннаго. Если вы случайно увидите женщину безъ покрывала, во время перехода черезъ дворъ или черезъ улицу, что случается нерѣдко, она вскрикнетъ и припадетъ къ землѣ, какъ будто съ ней дѣйствительно сдѣлалось что-нибудь ужасное.

Время и привычка однако взяли свое, и подъ конецъ наши отношенія стали измѣняться къ лучшему. Отъ простого черногорца, если онъ говоритъ по-арнаутски, онѣ уже не бѣгутъ и не кроются, когда онъ входитъ въ домъ по надобности. Мнѣ также приводилось входить въ домъ въ качествѣ врача (за отсутствіемъ врача дѣйствительнаго), и женщины не крылись передо мной. Иногда онѣ явно посылали воеводѣ букеты цвѣтовъ и охотно исполняли порученіе изготовить какое-нибудь турецкое кушанье, какъ, наприм., сладкую питу (родъ торта), въ чемъ онѣ очень искусны.

Эти отношенія, надобно замѣтить, вполнѣ заслужены черногорцами—ихъ до высшей степени доходящимъ уваженіемъ мѣст-

ныхъ обычаевъ. Какъ неизмѣримо выше стоитъ въ этомъ отношеніи черногорецъ передъ австрійцами, нахальное поведеніе которыхъ мнѣ привелось видѣть въ Босніи послѣ оккупаціи!

Что бы мы ни говорили объ ульцинянахъ, какъ особенномъ типѣ, сложившемся подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ, такъ-сказать случайныхъ, обстоятельствъ,—какъ бы они ни были изолированы отъ остальныхъ арнаутъ, какова бы ни была разобщенность ихъ интересовъ, — въ типѣ ихъ оказывается ихъ національный характеръ; а національный индифферентизмъ, на который мы указали, какъ на результатъ ихъ странствованій по свѣту, составляетъ въ то же время національную черту всѣхъ арнаутъ.

Во время послѣдней войны Черногоріи съ Турціей, въ черногорскій лагерь не разъ приходили толпы арнаутъ съ ихъ главарями съ предложеніемъ своихъ услугъ. Представители племенъ шали и шоши еще до войны приходили къ черногорскому князю, чтобъ онъ помирилъ ихъ, и послѣ того были при мнѣ въ Цетиньи съ заявленіемъ, что они хотятъ быть его подданными и готовы помочь ему противъ хотъ и грудъ, или противъ гусиньскаго Алибега, и дѣйствительно бились на границѣ съ тѣми и другими.

Это становится естественнымъ, когда вникнешь ближе въ ихъ жизнь. Вся жизнь ихъ сосредоточивается въ племени, и между отдѣльными племенами нѣтъ связи, которая основывалась бы на сознаніи общей народности. Эта идея имъ совершенно чужда, и всѣ усилія создать ее со стороны пропагандистовъ Австріи, Италіи и турецкихъ чиновниковъ, которымъ она нужна была для ихъ собственныхъ цѣлей, оказались напрасными. Арнаутъ вообще легко поднять на оружіе: дайте только средства и укажите цѣль, на кого нужно ударить, а во имя чего биться—имъ все равно. Нужно только задѣть ихъ честь и юначество, и они готовы сейчасъ. Пользуясь этимъ, Турція и Австрія сильно возбудили ихъ противъ Черногоріи; но національной вражды противъ черногорцевъ они не имѣютъ нисколько,—имъ нужно показать только свое превосходство въ силѣ и юначествѣ. У нихъ даже нѣтъ собственнаго слова для понятія «народъ»; они говорятъ: *milet* или *popul*, заимствуя первое слово изъ турецкаго языка, а второе—изъ латинскаго. Да и весь языкъ ихъ и національность составляютъ такой конгломератъ, что трудно отдѣлить коренной элементъ отъ чужихъ примѣсей и наслоеній. Но если онъ сохранился до сихъ поръ, пройдя длинный рядъ столѣтій, сквозь столь-

ко разнообразныхъ культурныхъ вліяній и такихъ радикальныхъ переворотовъ, былъ свидѣтелемъ возникновенія и паденія двухъ великихъ имперій и нѣсколькихъ государствъ меньшаго значенія, то онъ долженъ задержаться и, отнынѣ начавъ свое развитіе, открыть новую эпоху въ своей темной до сихъ поръ исторіи.

Послѣ этой общей характеристики ульцинянъ, какъ національной единицы, мы должны приступить къ ихъ внутренней жизни, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ семейныя отношенія.

Замкнутость семейной жизни магометанъ не даетъ возможности постороннему временному наблюдателю узнать ихъ вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ. Но, говоря вообще, можно предполагать, что эти отношенія должны быть мягки и раціональны. Въ томъ убѣждаетъ насъ отсутствіе многоженства и чрезвычайно нѣжныя отношенія къ дѣтямъ. Заботливость матерей видна въ томъ, что дѣти ихъ всегда одѣты чисто, съ нѣкоторою даже изысканностью, и держатся свободно. Со стороны отцовъ мнѣ ни разу не случалось видѣть грубаго обращенія съ дѣтьми не только со своими, но и съ чужими; съ мальчиками они часто ходятъ на базаръ, водя ихъ, какъ помощниковъ своихъ; нерѣдко увидите, что отецъ ведетъ совсѣмъ маленькаго сына за руку, чтобы только доставить ему удовольствіе. Какъ ни много тамъ дѣтей, вы никогда почти не услышите дѣтскаго плача ни на улицѣ, ни въ домѣ. Это мнѣ особенно припоминается теперь, сидя въ Цетиньи, гдѣ я, не выходя изъ квартиры, каждый день съ утра до ночи принужденъ слушать со всѣхъ сторонъ, съ улицы и изъ ближнихъ домовъ, неумолкаемый ревъ дѣтей то отъ родительскихъ шлепковъ, то вслѣдствіе драки между собой, то отъ капризовъ.

Говорятъ,—и это можно видѣть по нѣкоторымъ внѣшнимъ фактамъ,—что у ульцинянъ въ семьѣ скорѣе мужъ подчиненъ женѣ, чѣмъ жена мужу. Супружеская вѣрность, по общимъ отзывамъ, нигдѣ не соблюдается такъ строго, какъ здѣсь, и скитанье моряковъ по свѣту не только не развращаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ, но, напротивъ, какъ будто еще усиливаетъ супружескія привязанности. Надобно замѣтить, что браки здѣсь рѣдко основываются на разсчетѣ; да никто и не можетъ разсчитывать помочь себѣ приданымъ жены и женинными связями, такъ какъ приданое это состоитъ только въ одеждѣ и другихъ домашнихъ предметахъ, а не въ деньгахъ или имѣньи другого рода, и отношенія всѣхъ между собою равны. Здѣсь смотрятъ только на тѣлесное

совершенство и на нравственныя качества дѣвушки, причемъ отчасти принимается въ соображеніе и семья, которая ее воспитала. Строгаго затворничества здѣсь нѣтъ, да и кромѣ того дѣвушки затворяются лѣтъ съ 14, какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда пора выходить замужъ. Мужчины также рано вступаютъ въ бракъ, и вы нерѣдко встрѣтите отца съ сыномъ, которыхъ скорѣе можно принять за братьевъ. Ульцинъ славится красотой своихъ женщинъ, поэтому есть пословица: «Призренскія яблоки, скадарскіе парни, ульцинскія дѣвушки»,—хотя, правду сказать, скадарскіе парни больше прельщаютъ своимъ франтовствомъ, чѣмъ истинною красотой; ульцинскій типъ у мужчинъ также весьма красивый.

Говоря, что здѣсь нѣтъ многоженства, мы не исключаемъ абсолютно его существованія: оно существуетъ по праву и по закону, но практикуется рѣдко. Есть, напримѣръ, одинъ дряхлый старикъ, о лѣтахъ котораго нечего и спрашивать, стоитъ только взглянуть на него: это—еле живой скелетъ, весь расшатавшійся не отъ какой-нибудь болѣзни, а отъ общаго разслабленія; у него не дѣйствуютъ уже ни руки, ни ноги, и потому онъ только сидитъ и лежитъ; а между тѣмъ два года назадъ, сверхъ двухъ имѣющихся женъ, онъ взялъ себѣ еще четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, чтобъ, какъ онъ самъ выражается, «подмолодиться около нея». Но это единственный примѣръ въ цѣломъ Ульцинѣ, и всякій его осуждаетъ.

Противъ строгаго затворничества женщинъ, какъ я замѣтилъ выше, говоритъ то, что онѣ безпрестанно ходятъ по улицамъ—то въ гости, то въ лавки для покупокъ. Въ домахъ также нѣтъ строгаго раздѣленія половъ. Сколько разъ намъ приводилось слушать черезъ затворенныя окна домашнее веселье, въ которомъ ясно можно было разобрать смѣшеніе женскихъ голосовъ съ мужскими въ развязномъ говорѣ, смѣхѣ и пѣніи. Можно было иногда подмѣтить, что тамъ идутъ какія-то общія игры, нѣчто вродѣ домашнихъ представленій, и пляска. О послѣдней можно судить по видѣнной мною пляскѣ дѣвочекъ. Это не простая, безыскусственная пляска дѣтей, а скорѣе танецъ баядерокъ со страстными тѣлодвиженіями и мимикой. Видно, что ихъ учатъ дома танцамъ и что эти танцы практикуются тамъ и взрослыми.

Первоначальное воспитаніе дѣтей совершается, конечно, дома, подъ непосредственнымъ вліяніемъ матери. Затѣмъ лѣтъ съ 7 или 8, а иногда и раньше, дѣти обоихъ половъ идутъ въ *мей-тепъ*, школу при мечети. Ученіе тамъ извѣстно: сидя на колѣ-

нахъ, ученикъ смотритъ на листокъ, по которому водитъ указкой ходжа или старшій изъ учениковъ, и повторяетъ за нимъ, покачиваясь впередъ и назадъ, каждую строчку или фразу множество разъ, пока не будетъ знать на память и не будетъ угадывать по начертанію. Всѣ кричатъ въ одно время. Не раньше, какъ послѣ года или двухъ, начинаютъ учиться чтенію, т. е. разбирать каждое слово и отдѣльные звуки, и это идетъ вмѣстѣ съ письмомъ. Большинство однако останавливается на первой ступени, дѣвочки же никогда ея не переходятъ, и тогда вся наука оканчивается заучиваніемъ молитвъ и мудрыхъ изреченій, въ чемъ заключается вся магометанская мораль, которая у мужчинъ со временемъ вывѣтривается отъ столкновенія съ людьми изъ другого міра, тогда какъ у женщинъ она остается на всю жизнь единымъ руководящимъ правиломъ. Въ три года мальчикъ можетъ научиться кое-какъ читать и писать по-турецки и немного понимать; но для усовершенствованія въ языкѣ они занимаются у ходжей отдѣльно. Иные остаются, чтобы приготовиться въ ходжи, причемъ, конечно, главную задачу составляетъ заучиваніе Корана наизусть. Если онъ можетъ на память читать и пѣть все, что требуется въ мечети, онъ дѣлается *хафизъ*, что значитъ ученый. Курсъ этотъ можетъ продолжаться 6—7 лѣтъ и болѣе. Иной приготовляется быть только *муэззиномъ*, назначеніе котораго нѣсколько разъ въ день кричать съ минарета извѣстное призваніе. Нѣкоторые дѣлаются ходжами, но не практикуютъ своихъ обязанностей, а пользуются только почетомъ ученаго, мудраго и знатока турецкаго языка. Послѣднее для нихъ имѣетъ значеніе, потому что, начиная съ Александріи, куда они ходятъ, по берегамъ Африки вездѣ употребляется турецкій языкъ. Практическимъ путемъ капитаны выучиваются кое-какъ говорить по-итальянски, но ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ ни читать, ни писать, между тѣмъ какъ вся корреспонденція и всѣ ихъ торговыя дѣловыя бумаги пишутся на итальянскомъ языкѣ, и потому они со всякой телеграммой, со всякимъ письмомъ, получаемымъ или отправляемымъ, обращаются къ кому-нибудь изъ католиковъ, у которыхъ обученіе итальянскому языку составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ въ школахъ Скадра. Для итальянскаго языка и православные посылаютъ своихъ дѣтей въ католическую школу; но магометанинъ этого не смѣетъ сдѣлать передъ своимъ ходжей.

Такимъ образомъ и ульцинянинъ, при всей своей развитости, пріобрѣтаемой путешествіями, остается въ сущности круглымъ

невѣждой, благодаря деспотическому вліянію вѣры и ея представителей, и такимъ останется долго, пока не сломится его предубѣжденіе блестящими успѣхами другой школы. Но гдѣ же эта школа? — Ея покуда нѣтъ. Черногорія должна основать такую школу именно въ Ульцинѣ, привировивъ ее вполнѣ къ мѣстнымъ потребностямъ и устранивъ всякій конфессіональный и строго національный характеръ.

Капитаны рано берутъ своихъ дѣтей въ море и такимъ образомъ доканчиваютъ ихъ воспитаніе и образованіе, приготовивъ изъ нихъ неустрашимыхъ и искусныхъ моряковъ и торговцевъ, что и составляетъ послѣднюю цѣль ульцинянина. Всякій капитанъ имѣетъ на своемъ суднѣ компасъ и карту; но послѣднюю они понимаютъ весьма слабо и держатъ, кажется, больше для вида.

Описывать обычаи и различные обряды ульцинянъ не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ они тѣ же самые, какъ и у остальныхъ арнаутъ, и описаны въ сочиненіяхъ Гана и Экара, которые долго жили между этимъ народомъ, а первый изъ нихъ занимался спеціально изученіемъ арнаутскаго языка и народа и его сочиненіе по справедливости считается классическимъ. Для меня же знакомство съ арнаутами служило только дополненіемъ къ изученію Черногоріи, въ составъ которой вошла часть ихъ. Среди этого чуждаго народа я былъ просто туристъ, которому доступны только внѣшнія проявленія народной жизни. Для пополненія я могу сообщить нѣсколько наблюденій, взятыхъ на улицѣ или почерпнутыхъ изъ моихъ личныхъ сношеній и столкновеній. Но прежде представлю нѣсколько данныхъ о составѣ ульцинскаго населенія.

Мы говорили до сихъ поръ объ арнаутскихъ магометанахъ, которые составляютъ здѣсь главную массу и господствующее населеніе, но есть здѣсь и арнауты-католики. Это все торговцы и ремесленники, недавно выселившіеся изъ Скадра, и между ними есть одинъ домъ, существующій около ста лѣтъ, изъ котораго всѣ были въ свое время морскими капитанами. Они не занимаютъ особеннаго квартала, но все-таки живутъ преимущественно въ одномъ концѣ, частью въ своихъ собственныхъ, частью въ наемныхъ домахъ. Съ кореннымъ здѣшнимъ населеніемъ ихъ вяжетъ только языкъ, тогда какъ вѣра не только раздѣляетъ ихъ, но и вызываетъ взаимный антагонизмъ. Даже по внѣшности и по характеру они представляютъ совершенно особенный типъ;

у нихъ другіе нравы и другія тенденціи. Они считаютъ себя здѣсь чѣмъ-то вродѣ столичныхъ жителей въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ и живутъ своею особенною жизнью, насколько то возможно среди господствующаго магометанскаго населенія. Какъ католики, они фанатичны менѣе всѣхъ другихъ католиковъ и ихъ религіозное чувство всегда покоряется практическимъ соображеніямъ.

Затѣмъ идутъ православные сербы изъ разныхъ мѣстъ, но больше всего изъ Кучъ. Они почти исключительно мастеровые и ремесленники, и только двое недавно открыли мелкую торговлю. Православный священникъ въ то же время ремесленникъ—*туфекджчія*, который починяетъ огнестрѣльное оружіе: это только и давало ему средства къ существованію и за то только его и терпѣли въ своемъ городѣ магометане. Онъ родомъ сербъ изъ Призрена, но жена его, хоть и сербка, и дѣти не знаютъ ни слова по-сербски, какъ арнауты. Православные не имѣютъ между собою тѣсной связи, какъ католики, вслѣдствіе того, что всѣ изъ различныхъ мѣстъ, притомъ весьма отдаленныхъ одно отъ другого. Не имѣя единства между собой, они держались всегда довольно близко къ магометанамъ, которые вообще относились бы къ нимъ хорошо, еслибы не подозрѣвали въ симпатіяхъ и сношеніяхъ съ Черногоріей. Какой смѣшанный типъ представляетъ это населеніе, можно судить по слѣдующему примѣру: спичанинъ поселяется здѣсь, бѣжавъ отъ преслѣдованія за что-то австрійскимъ правительствомъ; однажды онъ ходилъ въ Подгорицу, встрѣтилъ тамъ дѣвушку изъ Лѣшанской нахіи въ Черногоріи и женился на ней; у нихъ родилась дочь, которую выдали за прибывшаго въ Ульцинъ васоевича, и теперь имѣетъ дѣтей и эта пара. Всѣ они, однако, кромѣ семьи священника, учась по-арнаутски, вполнѣ сохраняютъ свой языкъ, на которомъ всегда разговариваютъ въ кругу своей семьи и своихъ людей.

Затѣмъ идутъ цыгане, старые жители Ульцина, поселенные въ особомъ кварталѣ и занимающіеся кузнечнымъ ремесломъ. Жены же ихъ, кромѣ занятія дома, прислуживаютъ въ магометанскихъ домахъ, а отчасти занимаются выманиваніемъ денегъ гаданьемъ и переносомъ свѣдѣній о невѣстахъ и о домашней жизни, что и вызываетъ иногда противъ нихъ эдиктъ, по которому имъ запрещается не только ходить по домамъ, но и показываться на улицу и на базаръ. Они всѣ магометане.

Есть, наконецъ, еще народность, которая сообщаетъ особенный характеръ здѣшнему мѣсту: это—негры, до 20 семействъ.

Они въ разное время вывезены ульциняпами еще дѣтьми съ береговъ Африки, купленные тамъ за деньги или просто схваченные; они находились сначала въ услуженіи, а потомъ сдѣлались свободными, пріобрѣли кое-какое состояніе, обзавелись семьями, добывъ себѣ супругъ, тоже негритянокъ, и живутъ въ своихъ домикахъ, на своей землѣ. Есть между ними люди довольно состоятельные и капитаны; одинъ имѣетъ собственное судно и пользуется общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ честный, умный и полезный общественникъ. Но природные ульциняне питаютъ къ нимъ все-таки нѣкоторое пренебреженіе и, когда отправлялась депутація къ князю, никакъ не согласились принять въ свою среду негра. «Какъ можно,—говорили они,—чтобъ онъ, бывшій нашъ рабъ, купленный за деньги, сталъ съ нами на одной доскѣ?»

П. Ровинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Значеніе театра, его упадокъ и необходимость школы сценическаго искусства.

Назначеніе поэзіи и искусствъ—предрасполагать душу человѣка къ воспріятію всего добраго, благороднаго, высокаго и наполнять всѣ его силы душевныя стремленіями къ высшимъ идеаламъ красоты и правды и къ осуществленію ихъ въ жизни. Поэзія и искусства освѣщаютъ свѣтомъ истины глубокія тайны силъ, строющихъ жизнь человѣчества,—тайны, сокрытыя подъ грубымъ покровомъ внѣшней случайности явленій обыденной дѣйствительности жизни,—и, расширяя кругозоръ для ума, умудряютъ нашъ разумъ. Если такова сила и таково значеніе поэзіи и искусствъ, взятыхъ порознь, то само по себѣ ясно, какое значеніе и какое могущественное вліяніе имѣетъ на насъ соединеніе ихъ въ художественномъ воспроизведеніи поэтическаго творенія на сценѣ,—воспроизведеніи, въ которомъ всѣ силы искусствъ и поэзіи сливаются въ одну общую творческую силу, неотразимо, обаятельно дѣйствующую на зрителей. Не даромъ посылаются человѣчеству великіе драматическіе поэты, поражающіе ужасомъ зло, смѣхомъ—порокъ и озаряющіе народное сознаніе свѣтомъ высшихъ идеаловъ. Со сцены говорятъ всему народу эти высокіе умы, эти лучшіе люди устами своихъ, если можно такъ выразиться, пророковъ, художниковъ-артистовъ. Художникъ-артистъ, являясь на сценѣ воплощеніемъ поэтической идеи, становится истолкователемъ ея, вдохновителемъ народа ко всему доброму и великому. Такъ высоко значеніе артиста. Когда на сценѣ раскрываются всѣ сокровища великаго произведенія, когда умною игрой артистовъ передаются всѣ мысли поэта въ ихъ истинномъ значеніи, тогда всѣ возбужденныя представленіемъ въ зрителѣ страстныя движенія чувствъ: ужаса, горя или

неудержимаго смѣха — охватываются серьезною, ясною мыслью и проникаются яркимъ свѣтомъ поэтической идеи цѣлаго и разрѣшаются высокимъ міросозерцаніемъ, которое усвоивается зрителемъ и становится его нравственнымъ достояніемъ, и онъ оставляетъ театръ, проникнувшись истиною, нравственно обогащеннымъ. Такъ художественныя исполненія великихъ поэтическихъ произведеній на сценѣ поднимаютъ нравственное сознаніе народа, расширяютъ его разумъ и облагораживаютъ чувства.

И самъ артистъ одѣвается ореоломъ своихъ творческихъ созданій, свѣтомъ идей, проводимыхъ имъ въ сознаніе народное, и дѣло его получаетъ въ глазахъ всѣхъ значеніе высокаго дѣла, служенія святому, ибо поэзія и искусства—святое въ жизни народа. Театръ, обладающій такою сценой, будучи великою воспитательною силой для народа, необходимо процвѣтаетъ и въ матеріальномъ отношеніи, ибо все великое и прекрасное неотразимо влечетъ къ себѣ и приковываетъ душу человѣка. Театральная зала бываетъ переполнена, когда на сценѣ даются и хорошо исполняются истинно великія произведенія.

Совсѣмъ иное въ противномъ случаѣ. Насколько сцена театра можетъ стать могущественною силой, поднимающею идеальное сознаніе народа,—силой, созидающею добрые нравы,—настолько же, и можетъ-быть въ большей степени, можетъ она содѣйствовать съуженію, приниженію народнаго міровоззрѣнія, отупленію народнаго разума, и стать развратительницей народа. Сцена губитъ нравственность, когда она вмѣсто того, чтобы срывать со лжи соблазнительные покровы, въ которые она маскируется въ жизни, только и дѣлаетъ, что одѣваетъ порокъ всею прелестью, доступною искусствамъ, забавляетъ зрителя, раздражая въ немъ плотскія страсти и часто, будто бы, поражаетъ смѣхомъ грязныя и мрачныя стороны жизни,—не только не призываетъ зрителя на борьбу съ ними, но манитъ его забыться въ мірѣ соблазнительныхъ, разнузданныхъ страстей.

Сцена отупляетъ, опошляетъ сознаніе, обкрадываетъ его сокровища, когда истину, которая должна царить на сценѣ, подмѣняетъ пошлою безсмысленною фотографіей только внѣшней стороны жизни и эту корку послѣдней выдаетъ за самую ея дѣйствительность. При такомъ репертуарѣ какое раздолье для писательской бездарности! Кто не въ силахъ подслушать пикантнаго происшествія, курьезнаго слова, подмѣтить того, что бросается ежедневно въ глаза! Въ такихъ фотографіяхъ жизни не-

чего и искать раскрытія внутреннихъ силъ, строющихъ ее, ея цѣлей и высокихъ идеаловъ; передъ зрителемъ только каррикатурно и грубо намалеванное кривлянiе, выдаваемое за душевныя движенія, да и тѣ нанизанныя безъ всякой внутренней логики, или—вздорное резонерство прямо изъ прописей. И такой маскарадъ называютъ часто реальнымъ изображеніемъ жизни только потому, что передразнивается имъ одна внѣшность обыденныхъ явленій. При такомъ репертуарѣ бѣда еще не въ томъ, что подобныя произведенія плодятся, какъ тараканы, а въ томъ, что ими затопляется сцена, что къ нимъ пріучается зритель, что онъ начинаетъ довольствоваться безсмысленнымъ смѣхомъ при какой-нибудь каррикатурной выходкѣ актера,—что опошляется вкусъ общества, убивается его способность понимать истинное и прекрасное и замолкаетъ разумъ.

Но репертуаръ, составленный преимущественно изъ такихъ пьесъ и годный только для наполненія праздной пустоты времени посѣтителей театра, по своей безсодержательности, наскучиваетъ наконецъ. Зала театра все болѣе и болѣе пустѣетъ и масса зрителей естественно ищетъ болѣе привлекательнаго раздраженія своимъ нервамъ и устремляется тѣсною толпой на зрѣлища порнографическаго содержанія, гдѣ уже окончательно заглушенъ разумъ и говорятъ только дикіе, безобразные инстинкты, для удовлетворенія которыхъ нужны только деньги. Послѣдствія ясны...

А бѣдный артистъ?... Упражняясь постоянно и исключительно въ пьесахъ такого репертуара, онъ становится рабомъ капризныхъ похотей толпы, которую обязанъ забавлять, и мало-помалу превращается въ безсмысленнаго гаера и шута. Что требуется отъ человѣка, чтобы при такомъ репертуарѣ быть годнымъ для сцены и имѣть даже успѣхъ?—Ни труда, ни ума, ни знанія не нужно,—достаточно небольшой дозы жара чувствъ для ролей драматическихъ или нѣкоторыхъ природныхъ недостатковъ, способныхъ смѣшить, а главное—умѣнье передразнивать. Но кто же не обладаетъ извѣстнымъ количествомъ жара чувствъ, или въ природѣ многихъ ли людей не найдется извѣстной стороны, способной возбуждать смѣхъ? А передразнивать?... Кто-жъ не можетъ передразнить хоть кого-нибудь? И много ли нужно наблюдательности и самой ординарной внимательности, чтобы развить въ себѣ это умѣнье? А для ролей въ порнографическихъ пьесахъ достаточно запастись порядочною долей наглости и немудрымъ умѣньемъ легкаго

нѣнья. Что-нь мудренаго, что при такихъ условіяхъ сцены разводится такое множество актеровъ, какое мы видимъ, и складывается дикое, невѣжественное отношеніе къ искусству сценическому,—такое, что приходится очень часто слышать, къ сожалѣнію, и отъ нѣкоторыхъ артистовъ: «актеру нечему учиться,—ему нужно одно только *мутро;* ему достаточно выиграться». И кѣмъ при такихъ условіяхъ наполняются безконечные ряды актеровъ какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ сценахъ?—Неудачниками въ жизни, которыхъ, ни къ чему дѣльному не пристроившаяся, праздность бросила на сцену,—людьми, хотя подъ-часъ и одаренными нѣкоторымъ чувствомъ или способностью возбуждать смѣхъ, но большею частью непонимающими своего искусства и потому малопомалу нисходящими на степень простыхъ потѣшателей публики.

При такихъ условіяхъ, говоря вообще, въ глазахъ большинства общества актеръ является какимъ-то особымъ существомъ, стоящимъ не у серьезнаго дѣла.

Такъ однако не думаютъ о другихъ служителяхъ прекраснаго, о живописцахъ, музыкантахъ, скульторахъ. Отчего же это?—Оттого, что каждому ясно, сколько усилій ума, упорнаго труда долженъ употребить живописецъ, скульторъ, музыкантъ, чтобъ овладѣть матеріаломъ, изъ котораго онъ творитъ. Но представители сценическаго искусства у насъ въ большинствѣ случаевъ сами не сознали и другихъ не заставили сознать, какую школу долженъ пройти, какую гигантскую работу долженъ совершить сценическій артистъ, чтобъ овладѣть своимъ матеріаломъ, своею собственною природой, и овладѣть ею до самоотреченія, до уничтоженія такъ-сказать ея индивидуальности,—какого развитія долженъ достигнуть его умъ, чтобъ ясно понимать глубины сердца человѣческаго и великихъ поэтическихъ произведеній, и какъ велико его дѣло. Артистъ сценическій поднимается до высоты творчества поэта, которому служитъ истолкователемъ. Онъ не рабъ послѣдняго, но творитъ съ нимъ параллельно. Только тогда, когда сценическій артистъ явится въ свѣтѣ идеи, имъ олицетворяемой, яснымъ, живымъ выразителемъ ея, служителемъ истиннаго и прекраснаго, возвысится онъ и въ глазахъ общества,—оно преклонится передъ нимъ. Кому не извѣстно, какъ восторженно относится къ великимъ артистамъ то самое общество, которое въ то же время тѣшится и гаерами!

Ни о чемъ подобномъ и ни о какомъ облагораживающемъ и нравственно возвышающемъ сознаніи народа и общества значеніи

театра нельзя и думать, если сцена будетъ постоянно, или большею частью, наполняться бездарными измышленіями досужаго, неглубокаго ума или льстить грязнымъ похотямъ толпы, а среда артистовъ наполняться полуневѣжественнымъ людомъ, способнымъ только тѣшить измельчавшій, огрубѣвшій и приниженный умъ.

Наша Императорская сцена, несмотря на нѣкоторые весьма немногіе таланты, служащіе исключеніями, быстро приближается къ такому печальному состоянію. Лучшія произведенія нашихъ писателей постепенно сходятъ со сцены, или если держатся на ней, то только благодаря послѣднимъ могиканамъ труппы. А произведенія западныхъ великихъ поэтовъ совсѣмъ уже вытѣснены со сцены. Доморощенная же бездарность силится сказать что-то въ своихъ quasi-драматическихъ произведеніяхъ и затопляетъ ими сцену, потому что по плечу они подавляющему большинству артистовъ, которыхъ весь талантъ ограничивается умѣньемъ, усвоеннымъ привычкою, передразнивать внѣшность говора и жестовъ нѣкоторыхъ типовъ, ежеминутно встрѣчающихся и на улицахъ, и въ домахъ. Такія пьесы не требуютъ особаго труда отъ артистовъ, поэтому и исполняются съ нѣкоторымъ ансамблемъ. Еще бы не съиграться въ такихъ пустякахъ, играя каждый день! Но это не можетъ наполнить безсодержательную пустоту репертуара и сцена пошлѣетъ. Публика скучаетъ въ театрѣ, зала его пустѣетъ, а Салонъ де-Варіете и т. п., гдѣ наглый соблазнъ гордо поднимаетъ свою позорную голову, переполняется публикой. Вкусъ и чувство общества извращаются, мысль тупѣетъ и нравы дичаютъ.

Одно правительство можетъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ поднять театръ на подобающую ему высоту; а если можетъ, то, слѣдовательно, и нравственно обязано это сдѣлать, ибо театръ — одно изъ могущественнѣйшихъ орудій для нравственнаго воспитанія общества и народа, для подъема ихъ духа. Оно должно это сдѣлать даже ради успѣшности его правительственныхъ предначертаній, ибо можно ли управлять, съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ, массою приниженныхъ духомъ, отупѣлыхъ и развращенныхъ людей!

Императорскій государственный театръ долженъ стать образцовымъ; его сцена должна давать образцовыя произведенія и привлекать къ себѣ лучшихъ, талантливѣйшихъ артистовъ, создать образцовѣйшую труппу. Ничего посредственнаго, неумѣлаго

не должно проникать на эту сцену. Каждый умный и любящій искусство и поэзію частный антрепренеръ непремѣнно стремится къ тому же; но, даже при хорошемъ капиталѣ, онъ связанъ опасеніемъ подорвать свои средства и даже разориться, а потому вынужденъ иногда противъ воли своей подчиняться прихотямъ публики, идущимъ въ разрѣзъ съ художественными цѣлями и требованіями. Но государственный театръ внѣ такихъ опасеній; они не должны существовать для него, его не могутъ пугать убытки (мы полагаемъ, что и убытковъ не будетъ, развѣ на первыхъ порахъ), ибо они сторицею вознаградятся въ другихъ направленіяхъ—нравственнымъ подъемомъ общественнаго духа.

Пусть рядомъ съ лучшими русскими произведеніями даются всѣ лучшія произведенія и старыхъ, и современныхъ намъ поэтовъ Запада. Если нѣкоторыя изъ нихъ не имѣются въ переводѣ, то пусть дирекція театровъ составитъ списокъ иностранныхъ непереведенныхъ пьесъ, которыя она желала бы поставить на русской сценѣ, и переводы ихъ предложитъ на конкуренцію, назначивъ за лучшія хорошія преміи. Нечего опасаться, прибавимъ мы для нѣкоторыхъ, что иностранный репертуаръ при сравнительно маломъ количествѣ образцовыхъ русскихъ пьесъ можетъ вредно повліять на оригинальность творчества нашихъ драматическихъ писателей. Во-первыхъ, надо имѣть очень невыгодное понятіе о русскихъ творческихъ силахъ, чтобъ опасаться, что ихъ оригинальность можетъ быть подавлена творчествомъ другихъ народовъ. Во-вторыхъ, надо совсѣмъ не знать общей исторіи развитія литературъ и даже собственной, чтобы бояться такого подавленія русской самобытности въ поэзіи. Только Амосы Амосовичи Тяпкины-Ляпкины доходятъ рѣшительно до всего собственнымъ умомъ; но міръ Божій такъ устроенъ, что каждый зажигаетъ свой огонь огнемъ другого.

Мы думаемъ, наоборотъ, что господство иностранной драматической литературы, хотя бы на половину въ репертуарѣ нашей сцены, подниметъ и возвыситъ требованія нашей публики, очиститъ вкусъ ея и тѣмъ заставитъ очнуться нашихъ писателей и возвысить ихъ помыслы и міровоззрѣнія, разбудитъ много спящихъ теперь сторонъ въ ихъ поэтическихъ силахъ, и даровитѣйшіе изъ нихъ, вмѣсто ничтожныхъ произведеній, которыми угощаютъ, обрадуютъ насъ истинно художественными произведеніями.

Но прежде, чѣмъ обновлять нашу сцену такими пьесами, необходимо приготовить для нихъ труппу. Отсюда вытекаетъ на-

стоятельная необходимость въ школѣ драматическаго искусства, хорошо организованной и построенной на ясно понятыхъ основаніяхъ дѣла,—школѣ, въ которой бы систематически преподавались всѣ элементы искусства, всесторонне развивались сценическія способности артиста. Безъ такой школы нельзя и думать о подъемѣ репертуара и безъ нея не обходится ни одинъ театръ, серьезно смотрящій на свое дѣло и понимающій свою задачу. Ни Théâtre Français во Франціи, ни одинъ Hoftheart въ Германіи не приметъ въ свою труппу ни одного артиста, который не прошелъ всего курса хорошей школы сценическаго искусства. Въ Италіи лучшіе артисты образуются въ школахъ Флоренціи и Рима.

Здѣсь мы почитаемъ не лишнимъ отвѣтить на нѣкоторыя предубѣжденія противъ школы сценическаго искусства, которыя намъ приходилось слышать какъ въ обществѣ, такъ, къ сожалѣнію, даже въ средѣ актеровъ. Высказываютъ опасенія, что систематическое образованіе и упражненія въ школѣ способны будто бы стѣснить и даже подавить оригинальность таланта артиста и свободный полетъ его генія и вдохновенія.

Думающихъ такимъ образомъ школа пугаетъ призракомъ педантизма и становится въ ихъ глазахъ какимъ-то пугаломъ, отъ котораго должно бѣжать все живое. Какъ будто всякое ученье непремѣнно—педантизмъ, какъ будто невѣжество и умственная слѣпота—необходимыя условія, необходимые аттрибуты художественнаго творчества, какъ будто Амосъ Амосовичъ Тяпкинъ-Ляпкинъ—идеалъ для сценическаго артиста?! Намъ кажется скорѣе, что за такимъ взглядомъ на искусство укрывается просто-напросто или крайнее невѣжество, или постыдная лѣнивая боязнь всякаго труда. Когда же живописецъ или скульпторъ боялись изучать анатомію человѣческаго тѣла или теоретическія сочиненія о пластическихъ искусствахъ? Когда же музыканты и композиторы опасались изучать генералъ-басъ? Можетъ ли живописецъ написать хоть одну руку, скульпторъ—вылѣпить какую-нибудь статую, не изучивъ строенія тѣла человѣческаго? Могутъ ли они создать что-нибудь, не изучивъ законовъ и условій ихъ искусствъ? Можетъ-ли композиторъ написать симфонію, не будучи знакомъ съ законами гармоніи? Развѣ могутъ непослушный, не гибкій, грубый голосъ и уста невѣжды передать поэтическое слово во всемъ значеніи его, со всѣми оттѣнками мысли, заключающейся въ немъ, во всей его красотѣ и т. д.? «Если,—говоритъ Эдуардъ Девріентъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи:

«Theaterschule»,— техническое образованіе таланта лишаетъ его творческія силы той широты и того размаха (Swungkraft), которые возможны для нихъ, если усвоеніе имъ вспомогательныхъ наукъ уничтожаетъ его оригинальность, то надо уничтожить всѣ спеціальныя школы, ибо для всѣхъ стремленій человѣческой дѣятельности можно опасаться того же».

Говорятъ, что школа не можетъ создать ни геніевъ, ни талантовъ, какъ будто назначеніе школы—творить ихъ. Не созиданіе геніевъ и талантовъ—назначеніе школы, а ея дѣло вести такія способности къ всестороннему развитію и возводить ихъ на высшую ступень, до которой онѣ могутъ подняться. Призваніе школы—и слабымъ силамъ подать руку помощи, не дать имъ исказиться, задохнуться и погибнуть подъ давленіемъ невѣжества и рутины. Намъ случалось видѣть, какъ весьма сложныя и сильныя роли, при старательномъ и умномъ изученіи ихъ, исполнялись и посредственными талантами несравненно лучше, чѣмъ тѣ же роли болѣе сильными, но не обладающими достаточнымъ образованіемъ и преисполненными вѣрою только въ себя и въ пріобрѣтенную ими рутину. Мы видѣли, какъ въ игрѣ первыхъ, не довѣрявшихъ своимъ силамъ, но умно слѣдившихъ за каждымъ своимъ шагомъ, выступалъ созданный поэтомъ типъ и раскрывался внутренній психическій складъ изображаемаго артистомъ лица, и какъ безбожно та же роль рвалась вторыми на части, искажалась и опошлялась. Толпа рукоплескала послѣднимъ за ихъ *нутро* (за которое часто принимается простая рутина), тѣшилась ихъ выходками, а вдумчивые, мыслящіе зрители скорбѣли.

Школа можетъ и должна дать и посредственнымъ талантамъ, при доброй ихъ волѣ и устойчивомъ трудѣ, возможность не только выполнить мастерски роли, которыя по ихъ силамъ, но и создавать роли, требующія гораздо большихъ способностей, настолько удовлетворительно, чтобы поэтическій образъ, созданный драматическимъ писателемъ, и идея его выступали передъ зрителемъ съ ясностію и яркостію, способною приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе. Кромѣ того школа хорошо организованная можетъ совершить и другое великое дѣло: часто родники богатыхъ творческихъ силъ могутъ быть, такъ сказать, завалены, какъ родники воды землею, наслоеніями, подавляющими дарованіе и зависящими отъ воспитанія, образа жизни, привычекъ и другихъ причинъ,—школа можетъ и должна снять эти наслоенія и дать просторъ творческимъ силамъ талантливаго артиста.

Мы знаемъ такія чудеса хорошей школы.

Произносились такія рѣчи даже иногда и присяжными артистами сцены: «Теоріи сценическаго искусства быть не можетъ». Такія слова въ устахъ не артиста означаютъ только непониманіе, незнаніе дѣла и не болѣе какъ звуки, безмысленно сопоставленные, на которые не стоитъ отвѣчать; но въ устахъ артиста они звучатъ дурно, получаютъ серьезное, не хорошее для него значеніе. Они выказываютъ просто, что такой артистъ никогда не думалъ о своемъ искусствѣ, никогда не помыслилъ о томъ, что дѣлалъ, а отдавался лѣниво случаю, куда кривая его ни вынесетъ. Приходило ли ему на мысль то, что такими словами онъ не только отрицаетъ свое искусство и самого себя, какъ артиста, но и все свое дѣло обращаетъ въ нѣчто неразумное, въ полнѣйшее ничтожество? Подумалъ бы онъ только: всѣ другія искусства—музыка, живопись, скульптура, поэзія—имѣютъ свои законы, свои теоріи, и вотъ почему-то одно сценическое искусство, слiянiе всѣхъ другихъ искусствъ, въ которомъ они проникаютъ другъ друга, взаимно другъ друга дополняютъ, выясняютъ и создаютъ новое, самостоятельное цѣлое, воплощающее полную ихъ гармонію,—оно одно не имѣетъ своихъ законовъ, своей теоріи. Возможно ли это? Когда же и какая гармонія не имѣла своихъ принциповъ и правилъ, какое гармоническое цѣлое лишено законовъ, обусловливающихъ гармонію его бытія?

Изъ такого безсмысленнаго отрицанія теоріи сценическаго искусства вытекаетъ и тотъ совѣтъ, который подаютъ актеры-рутинеры, довольные узенькою полоской, которую отвела имъ въ сценическомъ искусствѣ ихъ рутина, молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя сценической дѣятельности и прибѣгающимъ къ нимъ за наставленіемъ и совѣтами: «Сцена—единственная школа для сценическаго искусства и другой не можетъ быть. Играйте, играйте,—привыкайте къ сценѣ и выигрывайтесь». Подумаешь, идетъ рѣчь не о сценическомъ искусствѣ, а о какомъ-нибудь безсознательномъ дѣлѣ привычки, о какомъ-то акробатствѣ, ловкость въ которомъ и умѣнье пріобрѣтаются почти исключительно привычкой, дрессировкой подъ звуками ободряющаго гиканья и свиста бича, а въ настоящемъ случаѣ хлопанья рукъ и шиканья полуневѣжественнаго дрессировщика—толпы, собравшейся въ залу убить какъ-нибудь свое праздное время,—и подъ руководствомъ образцовъ игры артистовъ, выдрессированныхъ тою же толпой, тѣми же бичами и тѣми же гиканьями.

Оттого, что существуютъ такіе невѣжественные взгляды на теорію и практику драматическаго искусства, и падаетъ сцена, и оставляютъ ее истинно художественныя созданія драматической музы, а съ ними оставляетъ залу театра и интеллигентное общество. Эта зала или пустѣетъ, или наполняется публикой, удовлетворяющеюся вполнѣ и балаганомъ. Говоря это, мы очень хорошо понимаемъ высокое воспитательное значеніе сцены для артиста. Школа не выпускаетъ вполнѣ законченныхъ въ своемъ развитіи артистовъ и не можетъ ставить для себя такой задачи. Она только можетъ легче и скорѣе чѣмъ сцена разбудить дарованіе и должна нормировать его и дать ему всѣ средства для правильнаго, стройнаго развитія. Но если таланту сообщено до его публичной дѣятельности полное, систематически-методическое образованіе въ его спеціальности, то уже дальнѣйшее его развитіе практическою дѣятельностію на сценѣ будетъ совершаться безпрепятственно. Съ поступленіемъ на сцену наступитъ для сценическаго таланта высшій періодъ развитія, періодъ уже *самовоспитанія* и *самосовершенствованія* и укрѣпленія энергіи его творческихъ силъ въ борьбѣ сознаннаго имъ идеала и требованій массы, путемъ внутренняго и внѣшняго его опыта, въ которомъ яснѣе сознаются высшія задачи искусства и его собственныя силы.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ такіе взгляды на сценическое искусство, такіе совѣты—убійственны для посредственныхъ талантовъ, которыми, однако, и принуждена преимущественно наполняться наша сцена, ибо сильные таланты рѣдки; но жалки и послѣдніе, если они при началѣ своей дѣятельности будутъ руководствоваться такими взглядами и совѣтами.

Сколько времени и могучій талантъ, безъ теоріи и систематическаго, правильнаго сценическаго образованія, принужденъ употребить на блужданія по пути своего развитія, а время приноситъ упадокъ силъ и сѣдые волосы! Половину жизни своей истратитъ онъ,—ту лучшую половину ея, когда способности его полны свѣжести, молодой энергіи, чуткости и силъ на борьбу съ ошибками, заблужденіями, затрудненіями, которыя представятъ ему его природа и привычки, усвоенныя имъ съ дѣтства и его образомъ жизни,—борьбу неумѣлую, способную дурно направленными усиліями исказить то, что даровала ему природа, и подорвать его творческія силы. Останется ему только другая половина жизни. Въ результатѣ окажется, что въ тотъ моментъ, въ который артистъ уже достигаетъ полнаго, возможнаго для него совершен-

ства, время уже начинаетъ налагать свою печать и на его нравственныя и артистическія силы. Это отношеніе времени къ труду актера безъ руководства школы мы описываемъ почти словами знаменитаго учителя сценическаго искусства—Гутмана, опытнаго въ вопросѣ о трудностяхъ, которыя долженъ побороть артистъ, и о времени, которое онъ долженъ употребить на такую борьбу:

«Драматическое искусство,—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи: «Talent und Schule in der Darstellung dramatischer Kunst»,—труднѣйшее изъ всѣхъ искусствъ. Оно требуетъ дѣятельности и гармоническаго сочетанія дѣятельностей всѣхъ органовъ человѣка, физическихъ и психическихъ, тогда какъ каждое изъ другихъ искусствъ имѣетъ дѣло съ нѣкоторыми отдѣльными органами. И скульпторъ, и живописецъ могутъ и въ глубокой старости создать образъ юной Венеры, если зрѣніе ихъ не притупилось и руки не ослабѣли. Да и кто спроситъ ихъ объ ихъ лѣтахъ? А артистъ сценическій?... Какъ велико время для его полнаго всесторонняго творчества? Въ какой моментъ его жизни застанетъ его конецъ блужденій и борьбы съ затрудненіями на пути его развитія безъ школы? Будетъ ли онъ въ состояніи, останется ли для него достаточно времени, чтобы результаты, добытые долголѣтнимъ собственнымъ опытомъ,—результаты, которыхъ бы онъ достигъ въ школѣ въ короткій срокъ,—приложить къ дѣлу, когда достигнетъ конца своего совершенствованія? На это не можетъ быть ясно опредѣленнаго отвѣта. Время его жизни, въ продолженіе котораго сохранятся его физическія силы и средства, не стоитъ ни въ какомъ точномъ и опредѣленномъ отношеніи къ его артистическимъ блужденіямъ безъ школы. Будетъ ли онъ кромѣ того въ силахъ возстановить свой голосъ, силы своихъ легкихъ, неминуемо надорванныя ошибочными, безъ руководства, упражненіями?—Нѣтъ, или по крайней мѣрѣ въ рѣдкомъ случаѣ. А тѣлодвиженія?... Что толку въ томъ, что духъ бодръ еще, фантазія полна свѣжести, а вся мускульная сила и энергія не соотвѣтствуютъ ей?»

Приводилось намъ слышать указанія на Мочалова и Щепкина, какъ геніевъ, не прошедшихъ классическаго курса сценическаго искусства. Намъ казалось бы излишнимъ, послѣ всего сказаннаго, отвѣчать на такое наивное возраженіе; но такъ какъ оно имѣетъ вѣсъ въ глазахъ нѣкоторыхъ, то сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе. Дѣйствительно, Мочаловъ былъ величайшимъ изъ трагиче-

скихъ геніевъ, какихъ намъ приходилось видѣть, не исключая и Рашели. Могущество его вдохновенныхъ минутъ и цѣлыхъ сценъ, необычайная сила выраженій его лица, интонацій его восхитительнаго голоса и всей его мимики въ такія минуты и сцены невыразимы, неописуемы для того, кто не видалъ его. Но Мочаловъ не выдерживалъ вполнѣ типично почти ни одной роли въ продолженіе всей пьесы, исключая развѣ роли Мейнау въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», въ которой онъ оставался самимъ собой, Мочаловымъ, и своею игрой вполнѣ передѣлывалъ роль по-своему. О лицѣ, подобномъ тому, какое намъ далъ Мочаловъ въ Мейнау, и не думалъ, врядъ ли и могъ думать сентиментальный и ограниченный умъ Коцебу. Что былъ бы Мочаловъ, еслибъ онъ воспользовался всѣмъ опытомъ и знаніемъ, которымъ богато сценическое искусство? Онъ взошелъ бы на высшую точку той высоты, которая доступна для сценическаго искусства. Несмотря на тотъ недостатокъ игры Мочалова, о которомъ мы упомянули, онъ выработалъ для себя превосходную дикцію. Ясность, чистота, изящная простота его умной декламаціи были образцовыми; въ этомъ отношеніи онъ много потрудился, какъ мы знаемъ лично отъ него самого. Онъ не могъ даже слышать неяснаго, дурнаго чтенія прозы. Въ выработкѣ устной декламаціи вообще и въ частности въ чтеніи стиховъ былъ ему совѣтникомъ-руководителемъ извѣстный нашъ драматическій писатель—Шеховскій. Мы видѣли у Мочалова въ кипѣ его бумагъ двѣ или три объемистыхъ тетради записокъ Шеховскаго по этому предмету и разборовъ игры самого Мочалова. Гдѣ теперь эти тетради—не знаемъ. Нельзя не пожалѣть, если онѣ погибли. «Будьте геніями такими, какъ Мочаловъ, — скажемъ мы нашимъ артистамъ-возражателямъ, — и дайте намъ то, что давалъ Мочаловъ зрителямъ».

Щепкинъ, конечно, также былъ великій геній; но знаютъ ли возражатели противъ классическаго образованія артиста въ сценическомъ искусствѣ, какую школу этотъ геній *самостоятельно прошелъ* при своемъ большомъ, пытливомъ умѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ лучшихъ, образованнѣйшихъ умовъ его времени, которые его окружали съ любовію и почтеніемъ, при своей любви къ искусству и своемъ трудолюбіи? Всѣ рѣчи его объ игранныхъ имъ роляхъ и объ его искусствѣ обличали глубокое, тонкое, пріобрѣтенное долгимъ осмысливаніемъ дѣла, многостороннее знаніе сценическаго искусства; а объ умной сценической работѣ

его надъ самимъ собою, надъ своими природными средствами, мы не разъ слышали разсказы отъ высокодаровитаго артиста Шумскаго, ученика Щепкина, который самъ прошелъ великолѣпную школу сценическаго искусства подъ руководствомъ великаго маэстро. Мы слышали отъ Шумскаго, какъ учился Щепкинъ своему искусству и какъ училъ онъ другихъ.

Избавляетъ ли геній отъ систематическаго изученія искусства, можно видѣть на примѣрѣ великаго Тальмы, который, уже прославившись на сценѣ любительскихъ спектаклей въ Лондонѣ, поступилъ, уже будучи двадцати лѣтъ, въ Ecole de déclamation въ Парижѣ и только послѣ трехлѣтняго изученія сценическаго искусства въ ней выступилъ на сцену. Правда, геній, и не получивъ полнаго сценическаго образованія, можетъ иногда увлечь насъ великими сторонами своего творчества; и мы говоримъ указывающимъ на успѣхи геніевъ, не прошедшихъ должной школы: будьте геніями и дайте намъ то, что они въ состояніи дать, и мы простимъ ваши недостатки, но все-таки сожалѣя, что вы не достигли того, чего могли бы достичь, получивъ систематическое образованіе въ вашемъ искусствѣ.

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ слова великаго Гёте въ его «Wilhelm Meister Lehrsjahre» (Erster Theil. 2 Buch. 9 Capitel) и слова извѣстнаго знатока сцены и сценическаго искусства Эдуарда Девріента, въ его краткомъ проектѣ сценической школы: Ueber Theaterschule.

Гёте говоритъ: «Конечно, первое и послѣднее, начало и конецъ для актера—талантъ; но въ срединѣ между ними будетъ многаго недоставать, если образованіе въ искусствѣ не сдѣлало артиста такимъ, какимъ онъ долженъ быть. Это упущеніе можетъ получить даже большее значеніе для генія, чѣмъ для человѣка, одареннаго обыкновенными способностями, потому что первый можетъ быть легче направленъ на ложный путь и идти поэтому съ большей энергіей, чѣмъ второй», вслѣдствіе большей воспріимчивости и энергіи его силъ.

На возраженіе: «Для генія нѣтъ надобности въ школѣ,—геній силой своего творчества заставляетъ легко забывать о недостаткѣ правильности въ его игрѣ; недостатки и ошибки его часто неразлучны съ его преимуществами, они даже дополняютъ выдающуюся индивидуальность»,—Эдуардъ Девріентъ отвѣчаетъ такъ: «Такое возраженіе я почитаю крайне неосновательнымъ. Разсмотримъ его по отношенію къ одному изъ величайшихъ мими-

ческихъ геніевъ новѣйшаго времени, Людвигу Девріенту. Все богатство его полной жизни фантазіи никогда не заставляло забывать объ однообразіи его декламаціи и о недостаткахъ его тѣлесной выправки. Во всѣхъ роляхъ, требующихъ благородства формъ, ему ставились въ упрекъ эти недостатки, даже болѣе того: *онъ самъ сознавалъ это и мучился этимъ*. И можно ли повѣрить, что эти техническіе недостатки были необходимою принадлежностью его особности? Можно ли повѣрить, что этотъ геній, который каждымъ штрихомъ своимъ вѣрно схватывалъ жизнь, однимъ уже взглядомъ своимъ убѣждалъ,—долженъ былъ утратить свою свѣжую непосредственность, еслибы въ своей юности научился говорить стихи, измѣнять тонъ въ рѣчи и пріобрѣлъ бы твердость и благородство въ осанкѣ и движеніяхъ?

«Что касается утвержденія, что «недостатки генія и ошибки часто неразлучны съ его преимуществами и даже дополняютъ выдающуюся индивидуальность художника и его созданій», то предположимъ возможность, что въ другихъ искусствахъ личные недостатки художника сообщаютъ особаго рода пикантность его твореніямъ, въ драматическомъ искусствѣ они прямо вредятъ имъ. Личность актера никакъ не должна просвѣчивать въ его роляхъ, — она должна быть свободной отъ всѣхъ особностей, должна быть гибкой и способной приноравливаться внѣшнимъ образомъ ко всякимъ формамъ, какія только создаются внутреннею фантазіей. Въ томъ и задача актера, что онъ долженъ создавать свой художественный объектъ изъ своей собственной личности, что такимъ образомъ онъ въ одно и то же время и творецъ, и художественное произведеніе, и матеріалъ для послѣдняго; поэтому насущная необходимость для него — выработать въ своихъ тѣлесныхъ движеніяхъ опредѣленность, равномѣрность, выразительность и гибкость и во-время заручиться неограниченною властью надъ ними. Если театральная школа этого достигнетъ, сверхъ того расширитъ кругозоръ художника и сообщитъ ему высшую точку воззрѣнія, то этимъ она никоимъ образомъ не можетъ ни уничтожить таланта, ни изуродовать его,—*напротивъ того, сдѣлаетъ его здоровымъ, сильнымъ и свободнымъ;* очевидно, *что даже величайшій* геній не можетъ достигнуть высшей степени своего совершенства—одинъ, безъ помощи такого классическаго развитія».

II.

Предметы занятій учениковъ въ школѣ сценическаго искусства.

Мы имѣемъ въ виду школу, исключительно посвященную сценическому искусству, и предполагаемъ, что къ занятіямъ предметами, въ ней преподаваемыми, будутъ допускаться только молодые люди, получившіе достаточно хорошее общее образованіе, дѣлающее ихъ способными съ надлежащей ясностію и отчетливостью воспринимать и усвоивать себѣ преподаваемое въ школѣ и совершенствоваться путемъ чтеній и размышленій.

Въ такой школѣ должны быть преподаны всѣ элементы сценическаго искусства и развиты способности и средства, которыя даровала природа посвящающему себя сценическому искусству, такъ чтобъ онъ могъ впослѣдствіи достигнуть возможнаго для него совершенства въ послѣднемъ. Мы сказали «впослѣдствіи» потому, что ни одна школа, къ какой бы области наукъ и искусствъ ни относилось ея преподаваніе, не имѣетъ и не можетъ имѣть задачей выпустить законченныхъ маэстровъ, для которыхъ уже не стоитъ надобности въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи. Какъ университетъ не создаетъ вполнѣ ученаго, но сообщаетъ всѣ основанія, на которыхъ слушатель можетъ прочно строить далѣе развитіе своей учености, и нормируетъ ему путь этого развитія; какъ для техника и художника ихъ школы, сообщивъ своимъ ученикамъ въ систематической полнотѣ всѣ основныя знанія, на которыя должна опираться ихъ дальнѣйшая дѣятельность, предоставляютъ совершенствованіе ихъ практикѣ: такъ и сценическая школа должна имѣть цѣлью нормировать и развить всѣ способности ученика, по возможности (по выраженію Девріента) восполнить то, чего недостаетъ природнымъ дарованіямъ, сообщить всѣ необходимыя для сценическаго артиста свѣдѣнія, дать ему умѣнье справляться съ своимъ дѣломъ; дальнѣйшее же развитіе его совершитъ самостоятельная его практическая дѣятельность на сценѣ. Но только это сценическое образованіе въ школѣ должно быть полно, всесторонне и систематично. «Если театральная школа,—говоритъ Девріентъ въ своемъ сочиненіи: «Ueber Theaterschule»,—не сообщаетъ полнаго, всесторонняго и систематическаго сценическаго образованія, то она рѣшительно безполезна».

Какіе же элементы составляютъ содержаніе сценическаго искусства?

Было, есть и будетъ главнымъ и существеннымъ содержаніемъ всякой поэзіи и всякаго искусства, а слѣдовательно и искусства сценическаго, раскрытіе тайнъ внутренней жизни человѣка, тайнъ сердца человѣческаго.

Данное положеніе лица въ поэтическомъ произведеніи воздѣйствуетъ чрезъ посредство фантазіи на чувство артиста и возбуждаетъ его. Отдаваясь вполнѣ свободно исключительно только своему чувству, онъ сольется съ изображаемымъ имъ лицомъ въ общемъ только характерѣ этого чувства, но не въ индивидуальной его окраскѣ, не въ индивидуальномъ его выраженіи, ибо индивидуальность артиста, говоря вообще, отлична отъ индивидуальности представляемаго имъ лица. На этой стадіи онъ выражаетъ только самого себя, не живетъ жизнью своего объекта, онъ—плѣнникъ своего личнаго чувства, онъ еще не творитъ свободно, какъ артистъ. Его игра въ такомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого явленія безсознательной природы. Конечно, сильное искреннее чувство, такъ-называемое на жаргонѣ нашихъ артистовъ *нутро*, есть необходимѣйшій и самый основной элементъ въ игрѣ артиста, безъ котораго не можетъ быть правды въ ней; но съ однимъ нутромъ онъ не воспроизведетъ художественно ни одного лица на сценѣ, исключая развѣ того случая, когда съ его индивидуальностью вполнѣ совпадаетъ индивидуальность лица, созданнаго поэтомъ. Безъ послѣдняго условія, если артистъ случайно въ какой-нибудь моментъ своей игры совпадетъ съ изображаемымъ имъ лицомъ, то непремѣнно будетъ противорѣчить ему во всѣхъ другихъ моментахъ и лгать на поэта. Онъ будетъ какимъ-то лирикомъ на сценѣ, но не художникомъ-артистомъ.

Истинный художникъ артистъ не можетъ и не долженъ оставаться на стадіи сценическаго лиризма. Онъ на сценѣ не для того, чтобы выражать только самого себя, только свои собственныя чувства по поводу такихъ-то и такихъ положеній и словъ, созданныхъ поэтомъ, а для того, чтобы быть другимъ лицомъ, живущимъ по своей индивидуальности отрѣшенною отъ него, самостоятельною индивидуальною жизнью.

Поэтому первымъ дѣломъ артиста, первымъ актомъ его свободы будетъ мысленно выйти изъ себя, перенестись въ лицо, которое онъ намѣренъ изобразить на сценѣ,—понять характеръ этого лица, уразумѣть путемъ мышленія всѣ внутреннія пружины его дѣйствій, всѣ органическія связи его съ другими лица-

ми пьесы и съ цѣлымъ поэтическимъ произведеніемъ и дать себѣ отчетъ въ художественныхъ намѣреніяхъ поэта, выяснить себѣ олицетворяемую даннымъ характеромъ идею и отношенія ея къ идеѣ цѣлаго поэтическаго созданія. Сверхъ того артистъ долженъ будетъ воспроизвести въ своей фантазіи, такъ-называемую на языкѣ сценическаго искусства, маску характера во всѣхъ подробностяхъ индивидуальнаго быта изображаемаго лица.

Но какъ одно непосредственное чувство, такъ и одно умное пониманіе роли не дѣлаетъ еще артиста художникомъ. Какъ бы глубоко ни обдумалъ онъ свою роль, какъ бы ни была она ему ясна, если чувство его молчитъ или оно не согласуется съ его пониманіемъ роли, онъ вынужденъ будетъ *изобрѣтать* выраженія для чувствъ, подходящія къ его мысли, искуственно поддѣлываться подъ нее, а всякая поддѣлка непремѣнно обличитъ себя, оскорбитъ чувство правды въ зрителѣ и породитъ въ немъ или отвращеніе, или по крайней мѣрѣ не произведетъ никакого впечатлѣнія на него, оставитъ его холоднымъ.

Кромѣ того сильно чувствовать и умно размышлять, и понимать, и изобрѣтать соотвѣтствующія такому пониманію мимическія выраженія можетъ каждый человѣкъ, не обладая сценическими, артистическими способностями. Къ сожалѣнію, очень многіе не понимаютъ, или не хотятъ понять этого и, обладая нѣкоторымъ жаромъ чувствъ, по одному этому воображаютъ, что они рождены сценическими артистами, и за такую ошибку платятся всею жизнью.

Настоящее же сценическое дарованіе заключается въ способности инстинктивно выходить изъ разрозненности мысли, чувства и внѣшняго выраженія ихъ голосомъ и тѣлодвиженіями въ художественномъ ихъ *синтезѣ*. Разумѣется, такой синтезъ и для дарованія возможенъ только при условіи, когда всѣ внѣшнія средства артиста покорны внутренней творческой силѣ художественнаго инстинкта. Послѣднее достигается систематическимъ спеціальнымъ образованіемъ артиста, а слѣдовательно школою,— разумѣется, въ размѣрѣ возможностей, представляемыхъ природой его.

Эта синтезирующая творческая сила, живущая въ душѣ таланта, все характерное въ роли, открытое его мышленіемъ, все индивидуальное, сознанное имъ въ ней, передаетъ его чувству такъ, что артистъ начинаетъ жить индивидуальною жизнью изображаемой имъ поэтической личности, что въ его голосѣ, въ

интонаціяхъ его рѣчи и во всей его мимикѣ, безъ особыхъ усилій съ его стороны, ярко, характерно и полно, какъ въ зеркалѣ, отражается вся внутренняя жизнь созданнаго поэтомъ характера. И наоборотъ: въ силу той же творческой способности артиста, каждое инстинктивно возбужденное въ немъ на сценѣ чувство, несмотря ни на какую интенсивность послѣдняго, въ тотъ же моментъ дѣлается достояніемъ его сознательной, критической мысли, и онъ оцѣниваетъ каждый звукъ своего голоса, чувствуетъ и мысленно видитъ каждый свой жестъ. Эта творческая сила таланта обладаетъ тою чудотворною способностью, въ силу которой артистъ, при глубоко потрясенномъ чувствѣ, сохраняетъ спокойную ясность ума и сознательно переходитъ изъ чувства въ чувство, слѣдуя указаніямъ своей мысли,—тою чудотворною способностью, въ силу которой онъ, живя на сценѣ полнотою жизни изображаемаго характера, созерцаетъ его и мыслитъ объ немъ, какъ объ отдѣльномъ отъ себя объектѣ.

Сценическій талантъ, однимъ словомъ, обладаетъ какимъ-то особымъ, чуднымъ органомъ духа, который даетъ ему возможность въ одно и то же время, такъ сказать, и чувствовать и не чувствовать, и отдаваться всему пылу вдохновенія и спокойно разсуждать. Людей, одаренныхъ такимъ органомъ духа, мы выдѣляемъ изъ ряда прочихъ и называемъ собственно талантами и геніями, означая этими наименованіями различныя степени ихъ удивительной способности.

Мы сказали, что въ голосѣ, въ интонаціяхъ рѣчи артиста на сценѣ и въ его тѣлодвиженіяхъ должно, какъ въ зеркалѣ, отражаться все, что творится въ душѣ его, и въ самомъ дѣлѣ этою, такъ-сказать, *прозрачностью* всей внѣшности артиста на сценѣ отличается онъ отъ человѣка въ дѣйствительной жизни. Тогда какъ по интонаціямъ голоса послѣдняго и его тѣлодвиженіямъ почти никогда или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко и весьма неясно можно судить о томъ, что творится у него на сердцѣ и въ мысляхъ, въ интонаціяхъ голоса артиста на сценѣ и во всей его мимикѣ должны отражаться ясно всѣ его мысли, всѣ волненія его сердца, малѣйшая, такъ-сказать, рябь на поверхности его чувствъ. Во внѣшности артиста на сценѣ все должно быть опредѣленно, ясно и знаменательно. Но этого достигнуть не можетъ никакой геній, если голосъ его, мускульная сила и гибкость членовъ его тѣла остаются въ томъ ихъ необработанномъ состояніи (за крайне рѣдкими развѣ исключеніями), въ какомъ они даны ему приро-

дой, если голосовыя средства его не развиты, не увеличена удобоподвижность его мускуловъ, не пріобрѣтена гибкость членовъ его тѣла, и они не послушны ему, если не умѣетъ онъ ясно и осмысленно-правильно произносить слова и рѣчи, если не привыкъ онъ управлять и говорить своими тѣлодвиженіями. Поэтому первымъ дѣломъ артиста должно быть возможное для него развитіе его голосовыхъ средствъ и гибкости членовъ его тѣла, а затѣмъ, вторымъ дѣломъ, *устная декламація* и *красноречіе тѣлодвиженій* или *сценическая пластика*. Само собою разумѣется, что для пониманія артистомъ требованій его искусства, художественныхъ произведеній и ролей, выполняемыхъ имъ на сценѣ, умъ его долженъ быть изощренъ и обогащенъ всѣми необходимыми для того свѣдѣніями и должны быть развиты его эстетическое чувство и эстетическое пониманіе.

Сценическій талантъ, какъ и всякая способность, какъ бы ни была она велика по своей природѣ, для полнаго раскрытія всего богатства ея творческихъ силъ, требуетъ постепеннаго развитія и правильнаго нормированія ея совершенствующейся дѣятельности.

Поэтому для развивающихся артистическихъ силъ сценическаго таланта необходимы хорошо обдуманныя, постепенныя упражненія, восходящія отъ простѣйшихъ къ сложнымъ, подъ опытнымъ и умнымъ руководствомъ.

На основаніи всего предыдущаго предметы преподаванія въ школѣ распадаются на слѣдующіе части и отдѣлы съ ихъ раздробленіями:

Первая часть преподаванія въ школѣ.

I. *Общія основныя и приготовительныя для сценической техники занятія*:

1) Для укрѣпленія и развитія голосовыхъ средствъ—пѣніе и преимущественно solfegio. Кромѣ того пѣніемъ развивается чувство *ритма* и сознаніе модуляцій тоновъ, къ тому и другому пріучаются и слухъ и голосъ. Самымъ цѣлесообразнымъ дѣломъ для учениковъ школы признаетъ Эдуардъ Девріентъ пѣніе, изъ нѣсколькихъ голосовъ составленное, а слѣдовательно и хоровое. Въ такомъ пѣніи ученикъ пріучается соразмѣрять и согласовать свой голосъ съ голосомъ другого, что составляетъ одну изъ важнѣйшихъ необходимостей для артиста на сценѣ.

2) Для укрѣпленія силы мускуловъ и развитія необходимой для артиста гибкости членовъ его тѣла, ловкости, стройности и

гармоніи въ тѣлодвиженіяхъ—вообще гимнастика, фехтованіе и танцы (конечно, не балетные). Тѣлодвиженія должны быть старательно очищаемы отъ всего случайно привитаго имъ особенностями быта и образомъ жизни артиста.

II. *Устная декламація*:

1) *Правильное и отчетливое, ясное произношеніе* буквъ, словъ и рѣчи, свободное отъ провинціализмовъ. *Красота рѣчи*, обусловленная ясностью, свободой и легкостью произнесенія ея.

2) Модуляція звуковъ, состоящая въ возвышеніи и пониженіи голоса, въ *портаментѣ*, т. е. въ умѣньи удлинять звуки, задерживать ихъ на элементахъ рѣчи, не дѣлая ея тянущеюся и монотонною, въ *волюбилитетности*, т. е. въ умѣньи произносить рѣчи быстро, съ пониженіемъ голоса до шепота и съ усиленіемъ его до крика. Искусство говорить шепотомъ на сценѣ. Само собою разумѣется, легкость и непринужденность произнесенія рѣчи и ясность каждаго слова должны быть при всемъ томъ соблюдены.

3) *Процессъ передышекъ* при произнесеніи рѣчей и умѣнье управлять дыханіемъ.

4) *Логическій акцентъ* или логическое ударенія, передающее логическій смыслъ рѣчи.

5) *Символическій акцентъ* или образное ударенія, передающее отвлеченную мысль, составляющую содержаніе рѣчи, созерцанію слушателя въ образныхъ формахъ посредствомъ измѣненій тона, возбуждающихъ и чувство и фантазію.

6) *Ритмъ* въ произнесеніи рѣчи. Логическій акцентъ говоритъ отвлеченному мышленію, а символическій акцентъ возбуждаетъ наше поэтическое созерцаніе. Оба эти элементы въ произношеніи рѣчи, взятые отдѣльно, еще не составляютъ художественнаго цѣлаго. Соединеніе ихъ въ одно органическое цѣлое производитъ художественное впечатлѣніе, сообщающее чувству то настроеніе, которое обусловлено содержаніемъ рѣчи. Это органическое цѣлое образуется *ритмическимъ колебаніемъ* тоновъ при произношеніи рѣчей и ея частей и называется *ритмомъ* рѣчи. Ритмъ прозаической рѣчи и ритмъ поэтической рѣчи.

7) *Темпъ* есть мѣра быстроты ритмическихъ колебаній въ произнесеніи цѣлой рѣчи или частей ея. Эта мѣра обусловливается содержаніемъ произносимаго и называется *темпомъ* рѣчи. Если эта мѣра служитъ вѣрнымъ отображеніемъ содержанія и возбуждаетъ въ насъ соотвѣтствующее послѣднему чувство

и такъ гармонируетъ съ движеніями нашей души, что подъ ихъ вліяніемъ не замѣчаемъ того, что есть искуственнаго въ темпическомъ чередованіи звуковъ, то темпъ называется вѣрнымъ. Онъ непремѣнно становится такимъ, когда мѣра его служитъ выраженіемъ внутренняго одушевленія или, еще лучше, есть прямой результатъ вдохновенія, управляемаго яснымъ сознаніемъ и отливающагося въ художественно-отчетливой формѣ. Каждое поэтическое произведеніе, каждый характеръ, каждое душевное движеніе требуютъ своихъ темповъ.

8) *Законы произнесенія рѣчи:* эпической, лирической и драматической.

9) Для упражненія въ ритмѣ и темпѣ необходимо упражненіе подъ опытнымъ и умнымъ руководствомъ въ произнесеніи рѣчей подъ музыку съ условіемъ сохранять при этомъ естественную простоту разговорной рѣчи.

III. *Сценическая пластика.* Кромѣ голоса, сценическій артистъ долженъ овладѣть и другимъ матеріаломъ довольно упорнымъ, въ которомъ онъ воплощаетъ также свои художественныя созданія и посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ на зрителя,—своими тѣлодвиженіями. Артистъ долженъ такъ овладѣть имъ, чтобъ онъ сдѣлался вполнѣ его послушнымъ орудіемъ, чтобы въ продолженіе игры его, безъ всякихъ преднамѣренныхъ съ его стороны усилій, во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ, сами собою выражались состоянія его души и движенія его мысли, чтобы при всей характеристичности этихъ тѣлодвиженій они были изящны, и, даже въ случаѣ требованія ролью угловатости и уродливости, не были лишены нѣкоторой пріятности, не становились отвратительными. Возможность послѣдняго доказывается игрою великихъ художниковъ сцены, созданіями великихъ скульпторовъ: напримѣръ, статуя Фавна въ Ватиканѣ,—и великихъ живописцевъ, напримѣръ: бѣсноватый на картинѣ Рафаэля «Преображеніе Господне».

Сценическая пластика распадается на двѣ части:

А) Эстетическія движенія.

Б) Мимика.

А) Эстетическія движенія.

1) *Благородство, пріятность и красота жестовъ.*

2) *Умѣнье держать себя на сценѣ*: выходить на сцену, ходить по ней, уходить, стоять, сидѣть и т. д. и сообразовать

свои движенія съ положеніемъ и движеніями другихъ лицъ на сценѣ.

3). Символичность (знаменательность) тѣлодвиженій и жестовъ вообще. Ясность и чистота ихъ.

4) *Гармоническое согласованіе жестовъ между собою.*

5) *Согласованіе жестовъ съ ритмомъ и темпомъ пьесы и роли.*

NB. При изученіи этой части сценической пластики весьма важны упражненія въ танцеваніи минуета и въ мимическихъ характерныхъ танцахъ, народныхъ русскихъ, а изъ иностранныхъ преимущественно испанскихъ, а затѣмъ и итальянскихъ.

Б) Мимика.

Мимика есть искусство изображать характерныя особенности индивидуумовъ и ихъ душевныя состоянія въ выраженіяхъ лица и жестами.

1) *Мимика лица.* Конечно, всѣ внутреннія движенія души и впечатлѣнія, получаемыя извнѣ, должны инстинктивно и безъ участія воли человѣка отражаться въ выраженіяхъ лица (какъ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ), потому что все искуственное, вынужденное, *явно* преднамѣренное, особенно въ этомъ отношеніи, не только большею частію не производитъ впечатлѣнія, но весьма можетъ перейти въ каррикатуру; но тѣмъ не менѣе мы въ состояніи непринужденно, свободно подчинять своей волѣ нѣкоторые мускулы лица и производить въ нихъ движенія, сообщающія физіономіи извѣстную характерность и выраженія различныхъ душевныхъ состояній. Существуютъ прекрасныя сочиненія по этому предмету. Содержаніе этихъ сочиненій и вообще результаты, добытые естествоиспытателями, относящіеся къ этому предмету, должны быть преподаны посвятившимъ себя сценическому искусству. Кромѣ того существуютъ практическія средства возбуждать нѣкоторыя физіологическія явленія въ лицѣ, способныя служить выраженіемъ извѣстныхъ состояній души, — средства, извѣстныя опытнымъ сценическимъ артистамъ, какъ-то: слезы, блѣдность, краску въ лицѣ и т. д.

Изученіе этого предмета и практическія упражненія въ этомъ отношеніи, какъ и вся практическая сторона сценическаго искусства, должны, конечно, совершаться подъ руководствомъ опытнаго преподавателя-артиста.

2) *Жесты, какъ выразители антропологическихъ состояній человѣка*: a) относительно его лѣтъ, b) его темперамента, c) его народности. Во-вторыхъ, какъ выразителей его чувствующей души: a) состояніе сновидѣній, b) предчувствія, c) галлюцинацій, d) сумасшествія, e) умиранія, f) страстныхъ желаній и g) разныхъ другихъ душевныхъ эффектовъ.

Вторая часть преподаванія въ школѣ.

Устная декламація и сценическая пластика составляютъ первую элементарную часть преподаванія въ школѣ сценическаго искусства; вторую же, высшую, составляетъ художественное воспроизведеніе поэтическихъ характеровъ на сценѣ и цѣлыхъ драматическихъ произведеній.

I. Художественное воспроизведеніе драматическихъ характеровъ на сценѣ.

1) *Маска характера.* Дарованіе художника состоитъ не только въ способности мыслью и фантазіей воспроизвести въ своемъ созерцаніи, во всей жизненности, характеръ, созданный поэтомъ, но и дать его намъ на сценѣ во всей полнотѣ и опредѣленности чувственной дѣйствительности. Такимъ образомъ, прежде всего, въ лицѣ артиста *поэтическая личность должна явиться передъ нами, на сценѣ, въ ея внѣшнихъ характеристическихъ особенностяхъ.* Это составляетъ *маску характера.* При первомъ взглядѣ на артиста на сценѣ должна, по возможности, стать для насъ понятною прошедшая жизнь изображаемаго лица, все, что сдѣлало его такимъ, какимъ онъ есть: его національность, лѣта, соціальное положеніе, образъ жизни, даже пафосъ его настоящей жизни, насколько все это можетъ быть выражено въ одной внѣшности.

Сюда, разумѣется, относятся и гримировка, и костюмъ.

2) *Нѣмая мимическая игра.* Умѣнье слушать на сценѣ рѣчи другихъ лицъ, дѣйствующихъ въ пьесѣ, и, безъ словъ, одною мимикой выражать волнующія душу чувства. Весьма важно и потому необходимо упражняться въ разыгрываніи одною мимикою, безъ словъ, не только сцены, но, по возможности, и цѣлыя пьесы.

3) *Основной тонъ роли и этическій акцентъ.* Маска характера даетъ намъ чувственное изображеніе характера, уже сложившагося до начала драматическаго событія, составляющаго со-

держаніе драматическаго представленія; но характеръ въ своей полнотѣ раскрывается не въ неизмѣнныхъ чертахъ пластическаго образа, но въ цѣломъ развитіи его въ дѣйствіи. Его духовное содержаніе съ наибольшею опредѣленностью и ясностью выражается въ его рѣчахъ, въ его словахъ. Тонъ, съ которымъ произносится слово, проникаетъ въ нашу душу и обличаетъ характеръ чувства, съ которымъ оно произносится. Въ общемъ тонѣ всѣхъ произносимыхъ даннымъ лицомъ рѣчей открывается внутренній строй его индивидуальной жизни ярче и полнѣе, чѣмъ въ его физіономіи и тѣлодвиженіяхъ. Этотъ тонъ, обличающій душевный строй характера, называется *основнымъ тономъ характера*. Онъ и то, что называютъ маскою характера, сопровождаютъ послѣдній во всѣхъ фазахъ его развитія. Какъ особенность чертъ лица данной физіономіи сохраняется при всѣхъ аффектахъ души даннаго индивидуума, такъ и во всѣхъ измѣненіяхъ звуковъ голоса его, при всѣхъ душевныхъ его состояніяхъ—слышится тотъ же основной тонъ его характерной индивидуальности. Темпъ рѣчей, свойственный данному характеру, само собою разумѣется, подчиняется его основному тону и вообще опредѣляется имъ. Понятіе основного тона приложимо не къ однѣмъ рѣчамъ, а распространяется и на тѣлодвиженія, характеромъ которыхъ одна индивидуальность должна отличаться отъ другой. Иной тонъ рѣчей и тѣлодвиженій Орлеанской дѣвы въ трагедіи Шиллера, какъ бы ни была играна эта роль правдиво въ бытовомъ отношеніи, и иной—простой пастушки въ какой-нибудь пьесѣ, изображающей простонародную жизнь. Даже весьма близко стоящія по своей индивидуальности роли, какъ, напримѣръ, Францъ-Мооръ, Шиллера, и Ричардъ III, Шекспира, должны быть оттѣнены въ основныхъ тонахъ ихъ исполненія, ибо въ индивидуальностяхъ ихъ существуютъ, хотя и весьма тонкія, отличія другъ отъ друга. Найти соотвѣтственный изображаемому характеру тонъ и сохранить его во всѣхъ фазахъ развитія этого характера составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ артиста. Хотя успѣхъ въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ зависитъ отъ таланта, но большое значеніе для послѣдняго имѣютъ и относящіяся сюда упражненія подъ опытнымъ руководствомъ.

Изъ основного тона произнесенія рѣчей, отражающихъ въ себѣ духовный строй индивидуальности характера, какъ изъ своего основанія, возникаетъ болѣе глубокое проникновеніе въ индивидуальность до самаго глубокаго корня ея *въ этическомъ акцентѣ*.

Въ этическомъ же акцентѣ рѣчи раскрывается самая суть состоянія индивидуальнаго духа въ минуту произнесенія ея. Если основной тонъ произнесенія рѣчи характеризуетъ общій индивидуальный строй духа, то этическій акцентъ высказываетъ то глубокое духовное основаніе, изъ котораго истекаетъ этотъ индивидуальный строй его, выражающійся въ основномъ тонѣ. Этическимъ акцентомъ открываются самыя сокровенныя тайны внутреннихъ движеній духа изображаемаго лица, согласно съ характеромъ его индивидуальности и состояніемъ его духа въ *данный* моментъ. Этическій акцентъ, слѣдовательно, видоизмѣняется согласно съ настроеніями душевныхъ движеній характера, но всегда остается вѣренъ индивидуальности его и основному тону ея; и всѣ эти видоизмѣненія органически соединены другъ съ другомъ и вытекаютъ одинъ изъ другого. Понятіе этическаго акцента распространяется на всю мимику.

Для выясненія того, что разумѣется подъ этическимъ акцентомъ, постараемся объяснить слѣдующимъ:

Въ чемъ, напримѣръ, выразится этическій акцентъ въ 1-мъ монологѣ Гамлета въ трагедіи Шекспира? Общею чертой всего характера Гамлета служитъ его нерѣшительность, соединенная съ глубокимъ, сильно воспринимающимъ чувствомъ, но надъ которымъ преобладаетъ сила мышленія и критическая вдумчивость. Это должно сообщить основной тонъ всей игрѣ артиста въ этой роли, всѣмъ его рѣчамъ, всей его мимикѣ. Но этой нерѣшительности, на первый взглядъ, какъ бы коренной, прирожденной характеру Гамлета, служитъ источникомъ то, что Гамлетъ покланяется на землѣ только уму, его одного признаетъ законодателемъ и судьею правды и его только рѣшеніямъ подчиняетъ свою волю. И самые люди ему цѣнны только по степени ихъ умственной силы. Убивъ, наприм., случайно Полонія, онъ нисколько не жалѣетъ его и трупъ его, какъ бы съ презрѣніемъ, бросаетъ подъ лѣстницу, несмотря на то, что онъ—отецъ Офеліи. Полоній, недалекій умомъ, для Гамлета — презрѣнная ничтожность. Ставъ единственнымъ надъ собою судьею, онъ не приступитъ ни къ одному дѣлу, не спросясь, насколько оно право, и не начнетъ его, пока оно не оправдается передъ его умомъ вполнѣ, не станетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но критическая сила ума Гамлета велика: на каждомъ шагу возбуждаетъ она въ его головѣ вопросы, сомнѣнія, которые, ежеминутно охлаждаютъ пылъ движеній его души, подрываютъ его энергію, парализуютъ его дѣйствія. Даже въ

высшемъ напряженіи его гнѣва, когда онъ, увѣрившись въ злодѣйствѣ короля, идетъ къ матери въ минуту, когда душа полна мщеніемъ и негодованіемъ, и неожиданно встрѣчаетъ молящагося злодѣя,—когда, подъ напоромъ чувства, однимъ ударомъ шпаги совершилась бы казнь, умъ ему подсказалъ, что такая казнь неравномѣрна преступленію, и эта мысль останавливаетъ его руку и чувство не переходитъ въ дѣло. Совсѣмъ иное видимъ мы въ поступкѣ съ предателями, отвозившими его на убіеніе въ Англію. Безъ малѣйшаго колебанія, не удостоивъ своихъ стражей-спутниковъ ни малѣйшимъ обличеніемъ ихъ, послѣ котораго они бы, конечно, со страха раскаялись и выпустили его, гуманный и честный Гамлетъ, посредствомъ подлога въ документахъ, обманомъ отсылаетъ ихъ на вѣрную смерть и потомъ свободно, чуть не хвалясь, разсказываетъ о томъ. Все потому, что насиліе въ этомъ случаѣ такъ соразмѣрно съ преступленіемъ, что не могло возникнуть ни малѣйшаго возраженія или сомнѣнія. Въ такихъ случаяхъ Гамлетъ поступаетъ рѣшительно. Если съ одной стороны признаніе ума, мысли, единственнымъ законодателемъ и судьею правды служитъ источникомъ нерѣшительности Гамлета и паѳоса трагическаго его положенія, то изъ этого же признанія вытекаетъ другая, болѣе глубокая, сторона этого паѳоса. Гамлетъ—не только человѣкъ одаренный сильнымъ, глубокимъ умомъ, но широко и глубоко воспринимающею и чувствующею душой, въ которую живыми струями входитъ вся безконечность жизни міра,—душой, которая чувствуетъ присутствіе всюду міродержавной силы. Гамлетъ, ставящій разумъ единственнымъ царемъ правды, не могъ не признавать, что этому разуму противорѣчитъ Высшій Разумъ правленія міромъ, что тѣ же законы разума положены въ основу жизни, и пораженъ яснымъ сознаніемъ, что вся окружающая его жизнь противорѣчитъ этому богу жизни, этому разуму и правдѣ его. Сознаніе этого противорѣчія—источникъ второго, болѣе глубокаго паѳоса въ душѣ Гамлета. Такое сознаніе приводитъ въ смятеніе всѣ силы его духа и также съ своей стороны парализуетъ его дѣятельность, а затѣмъ и служитъ источникомъ глубокаго горя. Если артистъ выразитъ въ первомъ монологѣ Гамлета только одно горе о томъ, что мать его скоро забыла своего мужа, что терніемъ заглушены всѣ добрыя растенія въ саду жизни,—если изобразитъ онъ только одну печаль, одно проникнутое горемъ негодованіе,—онъ не дастъ намъ Гамлета. Нѣтъ, кромѣ горя, въ этомъ монологѣ артистъ въ тонѣ рѣчи и въ мимикѣ долженъ

выразить и негодованіе, и все смятеніе духа, и ужасъ при созерцаніи, что жизнь, вопреки разуму и правдѣ, вся покрыта нечестіемъ до извращенія и уничтоженія въ лицѣ его матери самыхъ священныхъ законовъ и чувствъ,—что на престолѣ возсѣдаетъ не доблесть, не благородство, а развратъ,—что все доброе заглушено, забыто и страшное смущеніе, такъ сказать, хаосъ въ душѣ, вслѣдствіе горькаго сознанія неразрѣшимости такого противорѣчія жизни. И это-то смятеніе духа и ужасъ, соединенные съ негодованіемъ и горемъ, то-есть самый пафосъ роли, выскажутся въ этическомъ акцентѣ монолога Гамлета и онъ будетъ служить ключомъ ко всей роли и началомъ ея. Понять это, разумѣется, легко, но выразить чрезвычайно трудно и возможно только для артистическаго вдохновенія. Другой примѣръ: какъ только *леди Макбетъ* (въ сценѣ 5-й акта I-го), по прочтеніи письма мужа, приняла уже твердое рѣшеніе осуществить послѣднее пророчество вѣдьмъ и сдѣлать мужа королемъ, слышитъ неожиданное для нея извѣстіе, что король къ вечеру прибудетъ въ ихъ замокъ,—она отвѣчаетъ вѣстнику словами:

Что-жь ты?
Съ ума сошелъ?... А господинъ?... Не съ нимъ?
Когда бы такъ, меня-бъ онъ извѣстилъ,
Чтобъ приготовиться могла.

Здѣсь этическій акцентъ долженъ идти гораздо далѣе непосредственнаго значенія этихъ словъ, потому что леди Макбетъ въ неожиданномъ извѣстіи о прибытіи короля, полученномъ тотчасъ за прочтеніемъ ею письма, увидѣла заботливость о ней ада, который отдаетъ ей въ руки ея жертву прежде, чѣмъ успѣла она обдумать свое злодѣйство. Она потрясена такою неожиданностью и со всей страстью души, которая еще *внутренно страшится* своего замысла, принимаетъ вѣсть какъ счастливый, но страшный еще для нея, призывъ къ осуществленію его, къ которому готовилась, призывая адскія силы, но въ минуту ихъ появленія чувствуетъ, что еще не совсѣмъ приготовила себя. Она смущена и въ то же время восхищена и потому говоритъ отрывисто. Это внутреннее состояніе духа, лежащее за словами ея рѣчи, и долженъ передать этическій акцентъ. Здѣсь—вполнѣ самостоятельное творчество артиста. По словамъ свидѣтелей, знаменитая артистка мистрисъ Сидонсъ потрясала этическимъ акцентомъ, произнося эти слова. При произнесеніи словъ, которыми встрѣчала Макбета:

Великій Гламисъ! Доблестный Кавдоръ,
. . . . . .
Письмо твое, объявъ меня восторгомъ,
Перенесло далеко за предѣлы
Слѣпой минуты настоящей!
Я будущее вижу!...—

зрителямъ, по словамъ мистрисъ Джамсонъ, чудилось присутствіе демона, а при словѣ: «я будущее вижу» — какъ бы загоралось зарево приближающагося ада. Такъ этическій акцентъ великой артистки въ этомъ мѣстѣ трагедіи раскрывалъ самую суть мрачнаго, властолюбиваго духа леди Макбетъ, распаленнаго страстью.

На смыслъ этическаго акцента въ приведенныхъ нами примѣрахъ можно указать артисту, но научить выполнять—нельзя; тѣмъ не менѣе не малое, повторяемъ, значеніе для молодого артиста имѣетъ и самое указаніе и критика исполненія.

Этическій акцентъ раскрываетъ передъ нами самую тайну человѣческой жизни и самыя глубины характеровъ и составляетъ величайшее и труднѣйшее дѣло въ сценическомъ искусствѣ. Здѣсь уже все зависитъ отъ одного таланта при хорошей выработкѣ въ артистѣ всѣхъ другихъ сторонъ сценическаго искусства. Для преподавателя остается только объясненіе дѣла и, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ случаяхъ, умѣнье направить талантъ; но это разъясненіе и направленіе вмѣстѣ съ критикою исполненія необходимы для начинающаго артиста.

4) *Идейное* изображеніе характеровъ. Мы употребляемъ слово *идейное* вмѣсто *идеальное*—во избѣжаніе недоразумѣнія, которое можетъ возникнуть вслѣдствіе привычки подъ послѣднимъ разумѣть *нравственно-совершенное*.

При осмысливаніи артистомъ характера лица, выведеннаго въ драмѣ или трагедіи, первымъ его долгомъ должно быть стараніе *понять* этотъ *характеръ* и уяснить себѣ его отношенія къ цѣлому поэтическому произведенію. Для этого артистъ долженъ дать себѣ отчетъ въ поэтической *идеѣ* послѣдняго, уразумѣть ее во всей полнотѣ и со всею ясностью, какъ принципъ, художественно организующій все поэтическое цѣлое. Чѣмъ яснѣе уразумѣетъ артистъ эту идею и глубже проникнетъ въ намѣреніе поэта, тѣмъ ярче и опредѣленнѣе выступятъ передъ его сознаніемъ и тѣ *идеи*, представителями которыхъ служатъ характеры, образующіе драму, а слѣдовательно и идея изучае-

маго артистомъ лица. Такое пониманіе характера роли мы называемъ *идейнымъ* пониманіемъ ея.

При такомъ пониманіи даннаго характера артистъ долженъ комбинировать въ своей игрѣ и всѣ индивидуальныя черты его такимъ образомъ, чтобы выдвинуть на первый планъ тѣ изъ нихъ, которыя служатъ яснымъ выраженіемъ представляемой характеромъ идеи. Такимъ образомъ созданное артистомъ лице перестаетъ быть случайнымъ явленіемъ, случайно выхваченнымъ изъ жизни, и становится поэтическимъ выраженіемъ принципа, воплотившагося въ индивидуальную форму, и служитъ къ выясненію идеи цѣлаго поэтическаго произведенія. Такое изображеніе поэтическаго лица на сценѣ будетъ *идейнымъ изображеніемъ характера*. Идейное пониманіе драматическихъ поэтическихъ произведеній и характеровъ, выведенныхъ въ нихъ, и идейное исполненіе ролей возводитъ сценическаго артиста на ту высоту искусства, на которой онъ становится истиннымъ истолкователемъ великихъ поэтовъ и высокимъ художникомъ. Развитіе такого пониманія въ ученикахъ школы и такого исполненія ими ролей должно быть одной изъ важнѣйшихъ задачъ при преподаваніи въ школѣ сценическаго искусства.

5) Выдержка характера и органическое развитіе послѣдняго въ продолженіе всей пьесы.

II. *Постановка цѣлыхъ пьесъ на сцену и выполненіе ихъ.*

Артистъ не для своей только роли на сценѣ, а для художественнаго исполненія цѣлаго поэтическаго произведенія. Цѣльность впечатлѣнія, производимаго послѣднимъ, есть высшая и главная цѣль сценическаго дѣла, которую долженъ имѣть артистъ въ виду. Въ достиженіи этой цѣли, хотя бы и съ ущербомъ своему тщеславному самолюбію, онъ долженъ полагать свою радость. Самоотверженіе въ этомъ смыслѣ—его главная добродѣтель. Онъ долженъ занимать въ художественной перспективѣ пьесы мѣсто, требуемое его ролью, и согласовать свою игру съ игрою другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ чтобы изъ игры всѣхъ артистовъ образовалось органически-объединенное, гармоническое цѣлое, проникнутое общимъ тономъ и одѣтое общимъ колоритомъ поэтическаго произведенія.

Если послѣднее не будетъ разыграно такимъ образомъ, то не произведетъ должнаго впечатлѣнія. Поэтому постановка и выполненіе на сценѣ драматическихъ произведеній распадается на слѣдующіе отдѣлы, которые должны войти въ составъ пре-

подаванія въ школѣ, чтобъ образовать вполнѣ знающаго свое дѣло и владѣющаго имъ сценическаго артиста:

1) Согласованіе игры одного артиста съ другимъ въ одной и той же пьесѣ.

2) Художественная и артистическая перспектива пьесы на сценѣ.

3) Темпъ и тонъ въ выполненіи пьесы на сценѣ, зависящіе отъ ея содержанія, ея характеровъ и поэтическаго колорита.

4) Постановка пьесъ и режиссированіе пьесъ.

III. *Предметы общаго образованія, которые должны быть преподаны въ школѣ*:

1) Свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, необходимыя для сознательнаго упражненія въ выработкѣ и развитіи голоса и для сознательныхъ упражненій въ эстетикѣ толодвиженій и мимикѣ.

2) Эстетика, преимущественно въ приложеніи къ сценическому искусству.

3) Всеобщая исторія со стороны быта различныхъ народовъ, характера историческихъ эпохъ. Изученіе характеровъ выдающихся историческихъ лицъ.

4) Исторія русской литературы и русская словесность.

5) Исторія литературы западныхъ народовъ.

6) Исторія драмы и театра.

7) Исторія костюмовъ.

8) Иностранные языки: обязательно для всѣхъ—французскій, нѣмецкій и только для желающихъ—англійскій и испанскій. Безъ знанія французскаго и особенно нѣмецкаго языковъ закрыты для артиста почти всѣ сокровища, добытыя человѣческою мыслію по эстетикѣ, теоріи сценическаго искусства и по художественной критикѣ великихъ драматическихъ произведеній. Англійскій же и испанскій языки желательны ради богатства драматической литературы на этихъ языкахъ.

9) Рисованіе, какъ практическое ознакомленіе съ красотою и характерностію выраженій лица, пластики положеній тѣла человѣческаго, драпировки одежды, картинности группъ и вообще какъ знаніе практически-полезное сценическому артисту во многихъ отношеніяхъ.

На основаніи этого перечня предметовъ, долженствующихъ составить курсъ преподаванія въ школѣ сценическаго искусства, и принимая по возможности отчетъ условія соотвѣтствія пред-

метовъ между собою и послѣдовательности при ихъ преподаваніи, составленъ слѣдующій планъ для распредѣленія предметовъ по курсамъ.

Планъ преподаванія въ школѣ сценическаго искусства.

Преподаваніе въ школѣ дѣлиться можетъ на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ двухъ классовъ. Одно отдѣленіе посвящается преимущественно изученію элементовъ сценическаго искусства, другое—изученію выполненія ролей и пьесъ на сценѣ. На курсъ каждаго класса посвящается годъ времени, слѣдовательно весь курсъ школы разсчитанъ на 4 года времени.

Занятія перваго курса.

I. *Педагогическая гимнастика*:

1) Собственно гимнастическія упражненія для укрѣпленія и развитія гибкости отдѣльныхъ частей тѣла.

2) Фехтованіе.

3) Танцы.

II. *Пѣніе*.

III. *Декламація*:

1) Чистота произношенія.

2) Красота произношенія. Значеніе въ произношеніи гласныхъ и согласныхъ.

3) Произнесеніе отрывковъ рѣчи.

4) Законы логическаго акцента.

IV. *Выработка тона въ декламаціи*:

1) Возвышеніе и пониженіе этого тона.

2) Портаментъ.

3) Волюбилитетность.

4) Правила передышекъ и управленіе дыханіемъ.

5) Символическій акцентъ.

V. *Эстетическая гимнастика*:

1) Благородство и красота тѣлодвиженій и позъ.

2) Знаменательность тѣлодвиженій. Жесты.

3) Значеніе движеній глазъ, рта и бровей въ мимикѣ лица и другія соображенія, относящіяся къ этой мимикѣ.

VI. *Эстетика*:

1) Общія основныя начала эстетики.

2) Приложеніе этихъ началъ къ разговорной рѣчи, позамъ и жестамъ.

3) Умѣнье изящно и знаменательно носить костюмы древнихъ.

VII. *Свѣдѣнія необходимыя для артиста изъ физіологіи и анатоміи.*

VIII. *Всеобщая исторія:*

1) Древняя русская исторія и древняя исторія другихъ народовъ, преимущественно грековъ и римлянъ, съ бытовой, народной стороны, характеръ древнихъ народовъ и древнихъ эпохъ жизни. Біографіи и характеры выдающихся историческихъ личностей въ эти эпохи.

2) Исторія драмы и театра древнихъ и среднихъ вѣковъ.

3) Исторія костюмовъ древнихъ.

IX. *Иностранные языки:*

1) французскій и 2) нѣмецкій—обязательно, 3) англійскій и 4) испанскій—для желающихъ.

X. *Рисованіе.*

Занятія второго курса.

I. *Декламація:*

1) Ритмъ въ произнесеніи рѣчей: a) ритмъ прозы, b) ритмъ стиховъ.

2) Темпъ въ произнесеніи рѣчей.

3) Произнесеніе рѣчи въ стихахъ, содержанія: a) дидактическаго, b) эпическаго, c) лирическаго. Произнесеніе монологовъ драматическихъ и просто разговорныхъ. d) Произнесеніе рѣчей въ прозѣ и стихахъ подъ музыку.

II. *Мимика:*

1) Согласованіе жестовъ между собою.

2) Мимика жестовъ.

3) Мимика лица.

4) Согласованіе мимики жестовъ и лица съ содержаніемъ рѣчи.

III. *Эстетика:*

1) Начала и законы художественнаго произведенія.

2) Отношеніе природы къ искусству и въ частности отношеніе законовъ эстетики къ сценическому искусству, какъ къ художественному воспроизведенію дѣйствительности.

IV. *Исторія:*

1) Исторія русская и другихъ народовъ среднихъ вѣковъ съ той же стороны, съ какой изучалась на первомъ курсѣ исторія древнихъ народовъ.

2) Исторія средневѣковой драмы и драмы XVII и XVIII вѣковъ.

3) Исторія средневѣковыхъ костюмовъ.

V. *Психологія* душевныхъ состояній, наклонностей и страстей, насколько это доступно наукѣ и наблюденіямъ.

VI. *Иностранные языки:*

1) Французскій, 2) нѣмецкій—обязательно и для желающихъ— 3) англійскій и 4) испанскій.

VII. *Танцы.*

VIII. *Музыка* и *пѣніе.*

IX. *Рисованіе.*

X. *Упражненія въ выполненіи одною мимикою сценъ и небольшихъ пьесъ*, которыхъ сюжетъ взятъ изъ окружающей насъ жизни.

XI. *Постановка живыхъ картинъ* по хорошимъ копіямъ или по крайней мѣрѣ гравюрамъ съ картинъ великихъ живописцевъ, которыми должна запастись школа. Этимъ развивается эстетическій вкусъ въ картинной пластикѣ жестовъ и къ изящной группировкѣ на сценѣ. Пластическая сторона сценическаго представленія есть не что иное, какъ рядъ смѣняющихъ другъ друга живыхъ картинъ.

Занятія третьяго курса.

I. *Мимика:*

1) Практическое изученіе жестовъ, характеризующихъ національности, бытъ и бытовыя привычки разныхъ состояній и классовъ разныхъ народовъ и по возможности въ разныя эпохи ихъ исторій.

2) Маска характера.

II. *Изученіе и выполненіе роли на сценѣ:*

1) Основной тонъ характера въ рѣчи и жестахъ.

2) Этическій акцентъ въ рѣчи и жестахъ.

3) Идейное выполненіе роли.

4) Развитіе въ сценическомъ выполненіи цѣлыхъ характеровъ. Выдержка характера въ этомъ выполненіи.

III. *Эстетика:*

1) Разборъ художественныхъ драматическихъ произведеній и характеровъ въ этихъ произведеніяхъ.

2) Обсужденіе художественной постановки разобранныхъ въ классѣ драматическихъ произведеній.

IV. *Психологія.*

V. *Исторія:*

1) Новѣйшіе вѣка.

2) Исторія литературы, преимущественно драмы и театра въ новые вѣка.

3) Исторія костюмовъ современныхъ народовъ; ихъ костюмы по сословіямъ.

VI. *Иностранные языки.*

VII. *Танцы.*

VIII. *Пѣніе.*

IX. *Выполненіе на сценѣ школы пьесъ* такъ-называемыхъ бытовыхъ, взятыхъ изъ окружающей насъ жизни, съ несложными характерами. Кромѣ русскихъ бытовыхъ небольшихъ пьесъ рекомендуемъ для учениковъ этого курса Энтермессы Сервантеса и Лопе де-Вега. Упражненіе прежде всего учениковъ въ пьесахъ, которыхъ сюжетъ взятъ изъ окружающей насъ жизни, необходимо для того, чтобы пріучить ихъ къ изящной простотѣ и изящной естественности въ игрѣ. И только тогда, когда молодой талантъ прочно встанетъ на почву простоты и естественности, слѣдуетъ давать ему выполнять сцены пьесъ съ характерами, для которыхъ необходимы болѣе сильныя и идеальныя выраженія и болѣе патетическіе тоны, и при этомъ строго наблюдать, чтобъ и въ идеальныхъ и патетическихъ характерахъ, состояніяхъ и положеніяхъ на сценѣ не терялась почва дѣйствительности. Въ упражненіяхъ въ игрѣ такихъ сценъ должна быть соблюдена по возможности строгая послѣдовательность.

Эдуардъ Девріентъ, высказывая ту же мысль, совѣтуетъ составить особый сборникъ сценъ для постепеннаго упражненія въ выраженіи драматическихъ состояній и положеній въ формахъ, свойственныхъ разнымъ національностямъ, и въ изображеніи различныхъ страстей. Сцены въ сборникѣ, кромѣ того, должны быть избраны такъ, чтобы давали возможность, упражняясь, для драмы, въ изображеніи страстей, переходить отъ болѣе слабыхъ къ болѣе сильнымъ и, для комедіи, отъ смѣшного до карикатурнаго. Также слѣдуетъ упражнять въ разыгрываніи такихъ сценъ, патетическаго характера и одною мимикой.

Занятія четвертаго курса.

I. *Выполненіе цѣлыхъ пьесъ на сценѣ:*

1) Согласованіе игры одного артиста съ игрою другихъ въ той же пьесѣ.

2) Артистическая и художественная перспектива на сценѣ.
3) Тонъ и колоритъ пьесы.
4) Постановка пьесъ на сценѣ.
5) Режиссированіе пьесъ.

II. *Упражненіе въ выполненіи цѣлыхъ пьесъ на сценѣ школы.*

III. *Эстетика:*

1) Разборъ художественныхъ драматическихъ произведеній.
2) Обсужденіе ихъ художественной постановки на сценѣ.

IV. *Исторія:*

1) Новые вѣка.
2) Исторія драмы и театра въ новые вѣка.

V. *Танцы.*
VI. *Музыка.*
VII. *Пѣніе.*

VIII. *Частое упражненіе въ разыгрываніи на сценѣ школы пьесъ* классическихъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Эдуардъ Девріентъ пріучалъ учениковъ къ импровизаціи небольшихъ пьесъ на школьной сценѣ.

IX. *Ежемѣсячное (два раза въ мѣсяцъ) публичное выполненіе пьесъ на сценахъ Императорскихъ театровъ.* Полагаемъ необходимымъ дѣломъ составлять изъ учениковъ четвертаго курса два раза въ мѣсяцъ спектакли на сценѣ Императорскаго театра во время, незанятое спектаклями самого театра. Почитаемъ это необходимымъ и полезнымъ, потому что:

1) участвуя въ этихъ спектакляхъ, ученики пріучаются къ публичной игрѣ и понимать свои отношенія къ публикѣ;
2) публика знакомится съ будущими артистами;
3) эти спектакли получаютъ значеніе публичнаго отчета самой школы въ ея дѣятельности и, кромѣ того,
4) они должны быть платными и приносить доходъ школѣ.

Пріемъ учениковъ въ школу сценическаго искуства.

Съ одной стороны изъ нашей программы преподаванія въ школѣ слѣдуетъ, что было бы желательно, чтобы тѣ, которые хотятъ воспользоваться этимъ преподаваніемъ, предварительно получили бы образованіе не ниже того, которое сообщается въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ безъ такого знанія, какое требуется испытаніемъ въ зрѣлости. Иначе и быть не можетъ. Сценическое искусство, требующее развитаго ума и пониманія вопро-

совъ, относящихся къ его дѣлу, немыслимаго безъ знаній, по крайней мѣрѣ, въ сказанныхъ размѣрахъ гимназическаго курса, не можетъ быть усвоено безъ послѣдняго. Школа сценическаго искусства также спеціализируетъ общее образованіе въ своемъ направленіи, какъ каждый факультетъ университета въ своемъ.

Заниматься же въ школѣ сообщеніемъ ученикамъ начальнаго образованія,—на что потребовалось бы не мало времени,—значило бы заниматься ей не своимъ дѣломъ, а чужимъ. Кромѣ того при такой задачѣ пришлось бы принимать въ школу учениками мальчиковъ и дѣвочекъ не старѣе тринадцати лѣтъ, а возможно ли въ такіе годы рѣшить вопросъ объ ихъ сценическихъ способностяхъ? Школа рисковала бы въ такомъ случаѣ воспитать изъ ста человѣкъ одного способнаго къ сценѣ на 99 неспособныхъ и, потративъ много денегъ и заботъ безполезно для своей спеціальности дѣла, превратилась бы скорѣе въ благотворительное воспитательное заведеніе, чѣмъ сдѣлалась бы школою сценическаго искусства.

Съ другой стороны, по нашему мнѣнію, лучше всего принимать въ школу молодыхъ людей, не исключая, конечно, и болѣе возрастныхъ, съ 16 или 17 лѣтъ мужчинъ и 15 или 16 лѣтъ женщинъ, не моложе. Мы почитаемъ этотъ возрастъ наилучшимъ для пріема въ школу, потому что тогда способности опредѣляются съ достаточной ясностью и въ юномъ существѣ еще не успѣли окрѣпнуть привычки и вкусы, несоотвѣтствующіе дальнѣйшимъ цѣлямъ преподаванія. Но такъ какъ окончаніе гимназическаго курса для мужчинъ въ 17 лѣтъ и для женщинъ въ 16 лѣтъ—почти невозможность, то достаточно для молодыхъ людей этого возраста знаній, пріобрѣтаемыхъ въ эти года въ гимназіяхъ, учредивъ при сценической школѣ особый курсъ для дополнительнаго общаго образованія и исключивъ изъ него тѣ предметы старшихъ классовъ гимназическаго курса, въ изученіи которыхъ не настоитъ настоятельной необходимости для сценическаго артиста, наприм. древніе языки и математику. Для аспирантовъ старшихъ лѣтъ почитаемъ знаніе предметовъ гимназическаго курса обязательнымъ, исключая изъ этой обязательности знаніе древнихъ языковъ, требуемое испытаніемъ на аттестатъ зрѣлости въ классическихъ гимназіяхъ.

Соотвѣтственно этому должны быть составлены особыя программы для испытанія въ знаніяхъ молодыхъ людей, вступающихъ въ школу и образовывавшихся въ гимназіяхъ.

Приведемъ въ подкрѣпленіе нашихъ словъ слова Эдуарда Девріента въ вышеупомянутомъ его сочиненіи: «Ueber Theaterschule».

Высказавъ, что принимать въ школу сценическаго искусства необходимо молодыхъ людей, мужчинъ никакъ не моложе 16 лѣтъ, а дѣвицъ не моложе 14 лѣтъ, Девріентъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ эти молодые люди при вступленіи въ школу уже обладали тѣмъ образованіемъ, соотвѣтственнымъ ихъ лѣтамъ, которое сообщается курсомъ высшихъ и лучшихъ среднеобразовательныхъ заведеній, и прибавляетъ:

Школа сценическаго искусства должна требовать съ полною строгостью такого образованія, независимо отъ неизбѣжной необходимости въ немъ для ученика школы по существу дѣла, также и для того, чтобы противодѣйствовать глупой иллюзіи (dem thörichten Wahne), что можно приступить къ изученію сценическаго искусства и даже поступать на сцену оставаясь невѣждою.

Принимать такихъ учениковъ, разумѣется, слѣдуетъ по испытаніи ихъ способностей къ сценическому искусству. Эдуардъ Девріентъ говоритъ, что такое испытаніе должно прежде всего относиться къ способности *подражать,* или лучше—способности становиться другимъ человѣкомъ по манерамъ и голосу и, вообще, мимикѣ. Для этого надо ученикамъ задавать небольшія въ этомъ смыслѣ задачи, не выходящія изъ круга видѣннаго ими. Затѣмъ ученикъ долженъ показать, насколько онъ способенъ выражать аффекты, посредствамъ рѣчи и мимики, даже такіе, которыхъ онъ самъ не переживалъ, то-есть обнаружить силу своего воображенія. Задачи изъ классическихъ поэтовъ выяснятъ дѣло скоро въ этомъ отношеніи. Конечно, отъ испытуемаго при этомъ требуется не полная удовлетворительность въ сценическомъ отношеніи, но только обнаруженіе признаковъ.

Мы полагаемъ, что для испытанія способностей желающихъ поступить въ школу лучше всего предлагать имъ нѣсколько пьесъ, избранныхъ завѣдующими преподаваніемъ въ школѣ, для того, чтобъ они съиграли ихъ на школьной сценѣ, разобравъ для себя роли сначала по своему желанію, потомъ по назначенію преподавателей. При этихъ представленіяхъ должно обращать вниманіе, конечно, не на умѣнье исполнителей, а на признаки, по которымъ можно судить о талантливости и характерѣ таланта каждаго изъ нихъ.

Въ наше время, когда почти уничтожилось предразсудочное предубѣжденіе противъ сцены, да и вообще, нельзя опасаться не-

достатковъ въ ученикахъ при сказанныхъ условіяхъ пріема ихъ въ школу. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только принять въ соображеніе, сколько молодыхъ людей, окончившихъ гимназическій курсъ, ежедневно упражняется въ сценическомъ искусствѣ въ любительскихъ спектакляхъ и какъ многіе изъ нихъ обнаруживаютъ дѣйствительную талантливость и серьезно желаютъ посвятить себя артистической дѣятельности,—стоитъ только принять въ разсчетъ, съ какою страстью они ищутъ учителей любимаго имъ искусства. Эта страстность такова, что не успѣетъ кто-нибудь, даже не имѣющій никакого нравственнаго на то права, объявить себя учителемъ сценическаго искусства, какъ къ нему тотчасъ же со всѣхъ сторонъ стекается множество учениковъ.

При такомъ условіи ученики школы не будутъ простыми школьниками, которыхъ нужно воспитывать; они могутъ и должны быть приходящими, и школа не принуждена будетъ тратить большія деньги на ихъ содержаніе и на воспитаніе съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ случаѣ крайней бѣдности кого-нибудь изъ нихъ, при явныхъ его успѣхахъ въ школѣ, послѣдняя можетъ оказывать нѣкоторую помощь деньгами, и эту небольшую трату нельзя считать непроизводительною.

Точно также, въ случаѣ крайне рѣдкомъ, если будетъ открытъ сильный сценическій талантъ въ человѣкѣ крайне бѣдномъ и совершенно необразованномъ, то дирекція Императорскихъ театровъ можетъ изъ суммъ театра, — но не школы, чтобы не подрывать ея спеціальныхъ средствъ,—отдѣлить небольшую сумму изъ своихъ тратъ для образованія этого таланта или въ гимназіи, или особо. Онъ заплатитъ театру опредѣленными годами службы его на сценѣ.

Преподаватели въ школѣ.

Вопросъ о преподавателяхъ представитъ, конечно, на первыхъ порахъ, нѣкоторыя затрудненія; но ни одно новое дѣло не можетъ сразу идти вполнѣ хорошо, какъ по маслу. Тѣмъ не менѣе никакъ не слѣдуетъ начинать его по частямъ, чтобы не затруднить той стройности преподаванія въ школѣ, которая необходима и которой труднѣе вырабатываться при неполнотѣ и нестройности самаго начала дѣла. Для преподаванія пѣнія, фехтованія, а также и предметовъ, относящихся къ теоретической и научной сторонѣ образованія сценическаго артиста, имѣются хорошіе преподаватели; что же касается практической стороны

дѣла: декламаціи, эстетики тѣлодвиженій, выполненія ролей и т. д., то преподаваніемъ этихъ предметовъ могутъ заняться наши немногіе лучшіе артисты, которые хотя и не прошли классическаго курса по своему предмету, но много самостоятельно поработали въ этомъ отношеніи и собственнымъ умнымъ опытомъ выработали ясное пониманіе искусства. Приведемъ въ примѣръ хотя московскаго артиста Самарина и петербургскаго Самойлова, которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть не только хорошими преподавателями въ школѣ, но и руководителями и для другихъ преподавателей по предметамъ, относящимся къ практикѣ искусства. Подъ руководствомъ такихъ учителей, даже учителя танцевъ, привыкшіе къ балетной мимикѣ, если будутъ приглашены для упражненія учениковъ въ выработкѣ изящныхъ тѣлодвиженій, поймутъ, чего отъ нихъ требуютъ, что идетъ дѣло не о балетномъ искусствѣ. Потомъ сами ученики школы, будучи, какъ мы предположили, достаточно образованными и умственно развитыми людьми, станутъ, занимаясь дѣломъ не рабски, механально, но получая въ школѣ ясное пониманіе всѣхъ требованій искусства, самостоятельно восполнять недостатки, какіе могутъ оказаться въ преподаваніи на первыхъ порахъ, и сглаживать противорѣчія между преподавателями разныхъ предметовъ,—противорѣчія, неминуемыя при началѣ школы.

Черезъ четыре года, если школа будетъ устроена съ перваго раза правильно, она дастъ и полезныхъ преподавателей.

Управленіе школою.

Управленіе школою должно состоять изъ 1) *директора* ея, 2) *совѣта* при директорѣ, составленнаго изъ преподавателей и помощника директора, 3) *помощника* директора, 4) *смотрителя* школы и 5) изъ *канцеляріи* директора, заведующей письменною частью.

1) *Директоръ*, завѣдуя всѣми дѣлами школы, долженъ быть и руководителемъ преподаванія въ школѣ. Поэтому онъ долженъ быть лицомъ литературно и эстетически образованнымъ, любящимъ сценическое искусство и засвидѣтельствовавшимъ эту любовь тѣмъ, что пріобрѣлъ ясное, всестороннее пониманіе его.

Мы настаиваемъ на этой всесторонности пониманія потому, что, при этомъ только условіи, директоръ будетъ въ состояніи успѣшно и правильно гармонировать преподаваніе предметовъ, въ чемъ

и состоитъ одна изъ главнѣйшихъ его обязанностей, и, центрируя все дѣло, не поведетъ его по какому-нибудь одностороннему направленію, не положитъ препятствія свободному и самостоятельному развитію искусства.

2) *Совѣтъ при директорѣ изъ преподавателей* собирается непремѣнно въ началѣ каждаго годичнаго учебнаго семестра, въ концѣ его и въ другіе сроки въ продолженіе семестра, какъ по предварительному распредѣленію этихъ послѣднихъ самимъ совѣтомъ, такъ и по приглашенію директора въ случаѣ возникновенія особыхъ вопросовъ и дѣлъ.

Совѣтъ собирается непремѣнно:

1. Въ началѣ учебнаго семестра: a) для обсужденія преподаванія въ предстоящемъ семестрѣ, b) для согласованія между собою преподаваній различныхъ предметовъ, причемъ c) каждый изъ преподавателей представляетъ на обсужденіе совѣта составленную имъ программу своихъ занятій съ учениками въ наступающемъ семестрѣ и d) для распредѣленія занятій съ учениками по днямъ и часамъ недѣли.

2. Въ концѣ года, послѣ экзаменовъ въ школѣ: a) для обсужденія успѣховъ учениковъ и b) тѣхъ недостатковъ и упущеній въ преподаваніи, которые оказались, и средствъ исправить эти недостатки и пополнить упущенія.

Рѣшающее, послѣднее слово во всякомъ обсуждаемомъ совѣтомъ дѣлѣ остается за директоромъ. Въ случаѣ отлучекъ или болѣзни директора, онъ избираетъ замѣстителемъ себя или помощника своего, или кого-нибудь изъ преподавателей.

3) *Помощникъ директора* въ то же время и кассиръ школы. На его обязанности лежитъ: a) исполненіе порученій директора, b) хозяйственная часть и c) расходованіе денегъ по ассигновкѣ директора.

4) *Смотритель* школы. На обязанности его лежитъ смотрѣніе за порядкомъ въ школѣ и чистотою въ ней.

5) *Канцелярія* директора, состоящая изъ письмоводителя и писца.

Стоимость преподаванія въ школѣ и управленіе ею.

По нашему мнѣнію, учебный семестръ долженъ продолжаться съ 1-го сентября по 1-е мая, полагая плату преподавателямъ за часовое преподаваніе въ недѣлю въ продолженіе всего се-

мастра по 200 рублей серебромъ и 7 часовъ (4 поутру и 3 вечеромъ) преподаванія въ каждый день, слѣдовательно 42 часа въ недѣлю, получимъ годичную стоимость преподаванія на одномъ курсѣ—8.400 рублей серебромъ, а на всѣхъ четырехъ курсахъ 33.600 руб. сер.

Полагая жалованье директору	3.000	р. с.
Помощнику директора.	2.000	» »
Смотрителю школы.	1.000	» »
Письмоводителю канцеляріи.	1.000	» »
Писцу.	700	» »
Стоимость управленія школою будетъ	7.700	» »

Соединяя эти 7.700 руб. съ 33.600 руб. сер., стоимость преподаванія въ школѣ и управленіе ею окажется въ 41.300 руб. сер.

Принимая въ разсчетъ, что воскресные спектакли, составляемые изъ учениковъ 4-го курса школы на сценѣ Императорскаго театра, будутъ даваться по 2 въ каждый мѣсяцъ съ начала сентября по май и будутъ платными, и полагая, что каждый спектакль дастъ сборъ хотя въ 500 рублей (а мы увѣрены, что больше), получимъ за 15 спектаклей (мы изъ 8 мѣсяцевъ исключили 1½ на великій постъ) 6.500 руб. сер.

По исключеніи этой суммы изъ 41.300 руб. сер., окажется, что стоимость школы, принимая въ разсчетъ только стоимость преподаванія и управленія, будетъ въ 34.800 руб. сер.

Въ первые же три года существованія школы, когда еще она не будетъ пользоваться ученическими спектаклями, стоимость школы будетъ дешевле 34.800 руб. сер., а именно:

въ первый годъ, когда преподаваніе будетъ только на первомъ курсѣ	16.100	р. с.
во второй годъ преподаванія на 2-хъ курсахъ.	25.100	» »
въ третій годъ преподаванія на 3-хъ курсахъ.	32.900	» »

Слѣдовательно преподаваніе въ школѣ и управленіе ея никоимъ образомъ не превышаетъ 34.800 руб. сер. Мы при этомъ разсчетѣ не касались стоимостей зданія школы, его ремонта, устройства школьной сцены съ ея принадлежностями, меблировки комнатъ, отопленія, освѣщенія, прислуги, потому что все

это зависитъ вполнѣ отъ тѣхъ размѣровъ, которые даны будутъ дѣлу.

Мы полагали, что въ этомъ отношеніи можетъ быть соблюдена большая экономія, если учредители школы ограничатся только необходимымъ, ведущимъ прямо къ цѣли школы, и будутъ избѣгать ненужной роскоши.

Но нашему мнѣнію школа должна быть безплатною.

С. Юрьевъ.

СБИТЫЙ СЪ ТОЛКУ.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ

МАРКА МОНЬЕ.

XVI *).

Возвращеніе Ромены.

Ромена принялась читать сто восьмое изданіе и плохо понимала прочитанное. Первыя фразы удивили ее. Что это за театръ *Варьете*, пустой въ девять часовъ вечера? Что такое оркестръ, балконъ, въ полсвѣта горящая люстра? Все это было для нея ново, неизвѣстно. Миссъ Бессъ не ходила въ театры потому, что была протестантка; матушка-Розалія ноги туда не накладывала потому, что была католичка; выходило такъ, что всѣ религіи запрещаютъ театры, слѣдовательно въ нихъ бываютъ только нечестивые. Она продолжала, однако же, читать, желая составить себѣ понятіе о томъ, что такое въ сущности театръ. Она уже узнала, что есть тамъ люстра, балконъ, кресла съ темнокрасною обивкой, занавѣсъ съ большимъ краснымъ пятномъ, утонувшимъ въ тѣни. Эта подробность привела ее въ большое недоумѣніе: какъ это пятно могло утонуть въ тѣни? Она продолжала читать, предполагая найти объясненіе дальше. Дальше говорилось о потушенной рампѣ, о пюпитрахъ музыкантовъ, о трехъ галлереяхъ и о ротондѣ плафона, въ которой голыя женщины и дѣти устремлялись къ небу, покрытому зеленью газовой копоти. Ея недоумѣніе удвоилось. Голые... Зачѣмъ же это они раздѣлись? Ей въ голову не могло придти, что дѣло идетъ о живописи на потолкѣ. Потомъ въ книгѣ говорилось о какихъ-то круглыхъ просвѣтахъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

обрамленныхъ золотомъ и биткомъ набитыхъ головами въ чепцахъ и фуражкахъ,—о женщинѣ, отворяющей ложи, суетящейся съ билетами, впускающей господина во фракѣ и тоненькую, стройную даму.

Ромена закрыла глаза и постаралась представить себѣ театръ; не получилось ровно никакого представленія. Отъ миссъ Бессъ она слыхала, что если встрѣчается въ книгѣ что-либо непонятное и спросить объясненія не у кого, то надо продолжать читать,—впослѣдствіи непремѣнно все выяснится. И такъ она продолжала. На второй страницѣ два молодыхъ человѣка разговариваютъ въ оркестрѣ и сожалѣютъ, что пришли слишкомъ рано,—пьеса еще не начиналась. Что такое пьеса, Ромена догадалась; она читала «Аталу» и «Эсфирь», знала даже отъ миссъ Бессъ, что ряженые люди декламируютъ стихи передъ публикой; разъ, желая нагляднѣе показать, какъ это дѣлается, воспитательница сняла очки, надѣла на плечи простыню и продекламировала монологъ изъ «Коріолана». На той же второй странице говорилось еще о ложахъ, о какой-то зеленой бумагѣ, о бенуарахъ, ушедшихъ въ полный мракъ...

«Des baignoires?—подумала она. — Что же это такое? Baignoire—купальня... Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго? Теперь и понятно, зачѣмъ раздѣлись женщины и дѣти...»

Съ каждой фразой росло ея удивленіе и, не въ обиду автору, росла и скука. Но миссъ Бессъ, желая заставить Ромену прочесть Вальтеръ-Скотовскія описанія, постоянно говорила, что никогда не слѣдуетъ находить книгу скучной, не дочитавши ее до конца. Ромена добросовѣстно исполняла наставленія учительницы и слѣдила за разговоромъ молодыхъ людей въ оркестрѣ. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста съ маленькими черными усиками... Она опять закрыла глаза и ей сейчасъ же припомнился Франчискьель. Она часто,—чаще, чѣмъ хотѣла,—вспоминала незнакомца, котораго видѣла всего два раза, на спускѣ съ горы и въ церкви.

«Нѣтъ, онъ тогда не для меня приходилъ,—подумала она и вздохнула.—Съ тѣхъ поръ я его не видала».

Между тѣмъ молодые люди въ оркестрѣ вели бесѣду о новинкѣ—*Венерѣ*, занимавшей весь Парижъ. «Полгода только и говорятъ о ней,—сказалъ одинъ. — Ахъ, mon cher! И музыка же! Вотъ собака-то!...» Кто собака? Какое соотношеніе между музыкой и собакой? Дальше рѣчь шла о новой звѣздѣ, называемой

Нана (странное названіе для звѣзды); она-то, повидимому, и есть новая Венера... Объ этой планетѣ ей говорила миссъ Бессъ, и Ромена поняла, наконецъ, что молодые люди говорятъ объ астрономіи. Еще немного далѣе ей понравилась фраза: «Церковная тишина, нарушаемая сдержаннымъ шепотомъ и хлопаньемъ дверей».

«Такъ именно и было»,—подумала дѣвушка и, закрывши глаза, почувствовала на себѣ жгучій взглядъ.

— Ахъ! Я просто сумашедшая и гадкая...

Она стала читать быстрѣе. Высокій молодой человѣкъ съ черными глазами и съ усиками былъ бы интересенъ, еслибы не противное имя—Фошери; другое имя лучше: Гекторъ,—за то самъ онъ казался ей глуповатымъ. Скоро она добралась до того мѣста, гдѣ Гекторъ хочетъ сказать любезность директору театра, Борденаву: «Вашъ театръ...»—началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ. Борденавъ спокойно остановилъ его такимъ словцомъ, которое ясно показывало, что директоръ любитъ точно опредѣленныя положенія, а въ выраженіяхъ стѣсняться не охотникъ: «Скажите лучше, моя...»

Дальше Ромена не дочитала. Донъ Руфъ, увидавши, что она читаетъ, выбѣжалъ на балконъ и вырвалъ книгу изъ рукъ.

— Несчастная!—вскричалъ онъ.—Что ты тутъ дѣлаешь?

Ахъ, донъ Руфъ, донъ Руфъ, гдѣ же ваши теоріи? Не вы ли на дняхъ говорили Франчискѣлю: «Не то нужно для нашихъ дочерей. Показывайте имъ жизнь, какова она есть въ дѣйствительности, вводите ихъ какъ можно раньше въ реализмъ этой жизни, воспитывайте ихъ для насъ и для тѣхъ условій, въ которыхъ имъ предстоитъ жить...» Теперь что вы скажете?... Что такъ говорили о другихъ дѣвушкахъ, а не о Роменѣ? Она почему исключеніе? Потому, что она ваша дочь?... Такихъ вопросовъ никто не задалъ дону Руфу; а онъ готовъ былъ самъ *задать* бургиньонкѣ и накинулся на нее со словами:

— Какъ! Вы даете ей читать такія книги?

— Что это за книга?—спросила манахиня.

— Я здѣсь взяла, на креслѣ,—сказала Ромена.

— Стало-быть, не я даю, а она нашла эту книгу у васъ въ комнатѣ...—Это было сказано такимъ тономъ, что дону Руфу пришлось опустить голову. Онъ промямлилъ какія-то жалкія слова, стараясь какъ-нибудь вывернуться изъ неудобнаго положенія, и, краснѣя, обратился къ дочери съ неловкимъ вопросомъ:

— До какого мѣста ты дочитала?

— До того, гдѣ директоръ говоритъ, что театръ—это его... я забыла, какъ онъ назвалъ свой театръ.

— Ну, все равно, все равно...

— Онъ сказалъ: моя... Ахъ, какъ это? Да... моя...—и, въ невинности своей, она повторила слово, вычитанное въ книгѣ.— Что это значитъ?

Донъ Руфъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ; все лицо ему избило въ пятны.

Что же, донъ Руфъ, вводите дочку-то скорѣе въ реализмъ дѣйствительной жизни!

— Я отвѣчу за васъ,—сказала Бургиньонка.—Никогда не произноси этого слова,—имъ называютъ неприличные дома.

— Понимаю,—проговорила Ромена.

Поняла она не совсѣмъ ясно, но объясненіемъ вполнѣ удовлетворилась. Послѣ этой вспышки наступило неловкое молчаніе. Чтобы завязать разговоръ, мать-Розалія обратилась къ дону Руфу:

— Посмотрите, какъ я прибрала эту комнату.

Донъ Руфъ одѣвался чисто, но не боялся ни пыли, ни грязи въ домѣ, какъ и подобаетъ истому неаполитанцу. Онъ замѣтилъ только, что кое-какія вещи исчезли.

— Я убрала ихъ сюда,—матушка-Розалія показала на шкафъ.—И хорошо бы было ихъ тамъ оставить.

Донъ Руфъ остался очень недоволенъ этимъ визитомъ, при которомъ ему пришлось разыграть довольно плачевную роль. Свою досаду онъ сорвалъ (про себя, конечно) тѣмъ, что нашелъ небезопаснымъ пребываніе дочери у бургиньонки. Дѣвочка проявляла излишнее любопытство и на свои вопросы получала отвѣты въ неудобныхъ выраженіяхъ. Монастырь отнюдь не представляетъ надежной охраны добродѣтели, особливо монастырь, изъ котораго можно выходить; настоящая охрана—это полнѣйшее невѣдѣніе. Несчастная дѣвочка умѣетъ читать; она неминуемо погибнетъ, если не принять своевременныхъ мѣръ, пока еще не поздно.

Вечеромъ донъ Руфъ встрѣтилъ въ кофейной сіяющаго отъ счастья Франчискьеля.

— Я ее видѣлъ,—тихо сообщилъ ему молодой человѣкъ.

— Которую? Нѣмку или русскую?

— Ну ихъ!... Я и думать забылъ объ этихъ мерзкихъ женщинахъ. Ее видѣлъ... Вы знаете...

— Терезину?

— Да, Терезину. Она шла по улицѣ съ своею матушкой и узнала меня... Оглянулась!

— Ну, и что же?

— Вся вспыхнула, потомъ оглянулась... Какъ вы полагаете, она это для меня оглянулась?

— Еще бы! Что же ты?

— Я... я ничего.

— Дальше-то что же было?

— Ничего не было... Все.

— Какъ все? И ты не пошелъ за нею, ничего не съумѣлъ передать ей... карточку съ нѣсколькими словами, наскоро написанными карандашомъ, кольцо, пустякъ, наконецъ, какой-нибудь, хотя бы цвѣтокъ? Нечего сказать, хорошъ... И это мой ученикъ!

— Я не посмѣлъ... Мнѣ даже въ голову не пришло.

— Слушай, въ томъ положеніи, въ какомъ сейчасъ ваши дѣла, надо идти на-проломъ. Она тебя любитъ,—это ясно,—и станетъ презирать, если ты окажешься мямлей..

— Что же нужно дѣлать?

— Смѣло забраться въ домъ. Твоя стѣна выше ихъ террасы, а какъ далеко онѣ другъ отъ друга?

— Метра на три, не больше.

— Купи лѣстницу и по ней перелѣзь въ садъ Терезины.

— Понимаю,—сказалъ Франчискьель.—А если ея мать поймаетъ?...

— Скажи ей: я экспериментирую.

На другой день раннимъ утромъ все было исполнено по указанію дона Руфа; непріятель пробрался въ крѣпость. Ромена видѣла изъ своего окна, какъ онъ сходилъ по лѣстницѣ, и ея сердце билось, билось... Она успокоилась лишь тогда, когда онъ ступилъ на землю; прошелъ страхъ за него, но она не перестала бояться,—почемъ знать,—быть-можетъ за себя. Она побѣжала къ матушкѣ и остановилась у ея двери.

«Если скажу, она его выгонитъ, и тогда конецъ... Если не скажу, какого же я тогда должна быть мнѣнія о самой себѣ? Что бы ни было, надо сказать...»

Она робко постучалась.

— Матушка, онъ тамъ... Знаете... тотъ, что въ церкви...

— И тотъ, что вчера...—сказала монахиня, отъ которой ничего не ускользало.

— Онъ по лѣстницѣ забрался въ садъ.

— Ты хорошо сдѣлала, что сказала мнѣ. Я съ нимъ поговорю...

— Матушка... не браните его...

— Будь покойна.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, Ромена спряталась за бѣлой занавѣской окна и стала смотрѣть въ садъ. Незнакомецъ началъ съ того, что снялъ лѣстницу, чтобъ ее не увидали снаружи; съ его стороны это было очень смѣло,—такимъ образомъ онъ лишилъ себя возможности бѣгства. Потомъ онъ спрятался въ высокомъ и густомъ кустѣ камелій. Монахиня сразу его тамъ замѣтила и подошла прямо. Онъ уже приготовился на первый ея вопросъ отвѣтить, по наставленію дона Руфа: «Я экспериментирую», но мать-Розалія поставила дѣло иначе и, не обинуясь, спросила:

— Что вамъ нужно отъ Ромены?

— Ничего... Я вовсе не къ ней, не для нея, — бормоталъ юноша. — Я пришелъ... пришелъ воровать! — выговорилъ онъ вдругъ бойко и поднимая голову.—Да, воровать; я—воръ. Прикажите меня арестовать.

Бургиньонка покатилась со смѣху; Франчискьель не могъ удержаться и тоже расхохотался. Ничего подобнаго Ромена не ожидала и не могла придти въ себя отъ удивленія.

— Ладно!—сказала монахиня.—Это доказываетъ, что вы—хорошій малый. Вы готовы скорѣе отправиться въ тюрьму, чѣмъ ее компрометировать. До сихъ поръ я думала, что къ подобной лжи прибѣгаютъ только въ романахъ. Воровать или не воровать, это мы послѣ разберемъ, а теперь пойдемъ-ка на террасу и поговоримъ серьезно. Вы оттуда перебрались сюда по лѣстницѣ?—начала мать-Розалія, когда они усѣлись на террасѣ.—Теперь я понимаю назначеніе этой дыры въ стѣнѣ, которая меня порядочно безпокоила. Вы подсматривали оттуда, молодой человѣкъ. Я не люблю этого, но не въ томъ дѣло. Разъ вы тутъ проскакали на ослѣ; потомъ васъ видѣли въ церкви; потомъ... та-та-та!... я узнаю васъ, несмотря на ваши усы, погонщикомъ ословъ, — вы провожали меня на прогулкѣ за городъ. Теперь я понимаю, почему вы были такъ не въ духѣ,—вамъ бы хотѣлось везти Ромену. Наконецъ, вчера мы васъ встрѣтили на улицѣ. Извольте разсказывать, кто вы такой?

Подъ неотразимымъ вліяніемъ этой простоты и откровенности, Франчискьель разсказалъ свою исторію съ нѣкоторыми, впро-

чемъ, умолчаніями; такъ, говоря о своемъ отцѣ, онъ называлъ его «состоявшимъ на службѣ Бурбоновъ» и при этомъ сильно краснѣлъ, къ чему собственно не могъ быть поводомъ самый фактъ службы при низвергнутой династіи.

«Онъ чего-то не договариваетъ», подумала бургиньонка.

За то онъ не скрылъ отъ нея подробностей трудовой жизни, полной лишеній, и говорилъ о Чичилѣ въ такихъ теплыхъ выраженіяхъ, которыя понравились матери-Розаліи; она любила животныхъ и не прочь была бы держать у себя нѣсколькихъ, если-бы забота о людяхъ не поглощала всего ея времени. Франчискьель ни словомъ не упомянулъ о донѣ Руфѣ, такъ какъ считалъ его дядей Ромены и боялся прямо поставленнаго вопроса: «Если вы такъ хорошо знакомы съ дядей, то почему не просите у него руки племянницы?»—что поставило бы его въ необходимость заговорить о вещахъ, казавшихся ему крайне запутанными, каковыми онѣ, впрочемъ, и были въ дѣйствительности. Умолчавши о донѣ Руфѣ, онъ не могъ уже разсказать о поѣздкѣ въ Фризи и о двухъ иностранкахъ. Помимо этихъ пропусковъ, его повѣствованіе было довольно точно.

— Вы достаточно богаты для двоихъ,—сказала бургиньонка.—Вы свободны и были бы, кажется, человѣкомъ подходящимъ; но чѣмъ же вы занимаетесь, что дѣлаете?

— Ничего не дѣлаю,—отвѣтилъ Франчискьель.

— Въ такомъ случаѣ и думать забудьте о Роменѣ. Для меня, видите ли, бездѣльный человѣкъ есть синонимъ бездѣльника, т. е. попросту негодяя. Итакъ, первымъ дѣломъ прикажите задѣлать эту дыру въ стѣнѣ и обѣщайте мнѣ не тратить времени понапрасну въ этомъ лимонникѣ. Затѣмъ ищите дѣла, полезнаго для другихъ. Когда найдете такое и я его одобрю, тогда можно будетъ поговорить о васъ и за васъ; а до тѣхъ поръ не извольте являться сюда ни ко мнѣ, ни къ ней. Я вамъ запрещаю и смотрѣть-то на нее. Рѣшено на этомъ?

— Рѣшено,—сказалъ молодой человѣкъ, вздыхая.—Только сдѣлайте для меня одно одолженіе. Если я найду какое-нибудь дѣло, Чичиль будетъ скучать безъ меня, онъ не любитъ даже, когда я читаю. У васъ есть пустая конюшня, я буду платить за его кормъ. Онъ можетъ вамъ пригодиться для поѣздокъ, для прогулокъ. Оставивши его у васъ, я, по крайней мѣрѣ, буду покоенъ, что его не станутъ бить.

— Славный малый ты... вотъ что!—воскликнула бургиньонка и расцѣловала его въ обѣ щеки.

Ромена видѣла это изъ окна и, сложивши свои маленькія ручки, проговорила:

— Господи, Боже мой, что же это такое!

— Теперь убирайся отсюда, — сказала монахиня молодому человѣку.—Только уже черезъ ворота,—лѣстницу я тебѣ пришлю.

— Оставьте у себя,—мнѣ она не понадобится.

— Что?—спросила Ромена, когда дверь затворилась за Франчискьелемъ.

— Можешь его любить сколько душѣ угодно, если это тебѣ нравится,—отвѣтила мать-Розалія.—Только безъ томныхъ взглядовъ въ потолки и безъ вздоховъ. Люби весело,—только то и хорошо, что весело.

Между тѣмъ донъ Руфъ встрѣтилъ въ кофейной одного фламандскаго художника, проживавшаго круглый годъ на Капри, живописнѣйшемъ изъ итальянскихъ острововъ. Зимой тамъ воздухъ мягкій, лѣтомъ нѣтъ духоты; неаполитанцы туда не ѣздятъ, бываютъ только иностранцы, по большей части художники; тамъ можно вести совершенно уединенную жизнь, между небомъ, моремъ и скалами, не могущими внушить дурныхъ помысловъ. Обыватели отличаются нравами золотого вѣка.

— Я и женился на капріоткѣ,—заключилъ разговоръ фламандскій художникъ.

Донъ Руфъ тотчасъ же рѣшился вырвать Ромену изъ-подъ гибельнаго вліянія монастыря и поселиться съ нею вдвоемъ на Капри.

«Въ сущности я ничего не потеряю,—разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Въ кофейной изо дня въ день все тѣ же лица, Франчискьель отстаетъ отъ меня, докторъ Шарфъ относится ко мнѣ какъ-то странно, не достаточно серьезно, аббатъ Симплицій — мистикъ... Надо пожертвовать собою для дочери. Тамъ, на Капри, я буду имѣть, по крайней мѣрѣ, возможность оградить ее отъ растлѣвающей городской среды; тамъ она не увидитъ ни театровъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни другихъ мѣстъ разврата; даже дома не услышитъ мерзкой болтовни кухарокъ. Я стану самъ учить ее мало-по-малу, безъ книгъ; я покажу ей свѣтъ такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, вылѣчу ее отъ романтическаго героизма, являющагося отрицаніемъ жизни. Она не будетъ такою, подобно другимъ женщинамъ, куклою,

сфабрикованною для забавы чувствительныхъ сердецъ и которою можетъ забавляться первый встрѣчный для собственнаго развлеченія. Я сдѣлаю изъ нея настоящую женщину, женщину-натуралистку.

Сильный такими доводами, донъ Руфъ отправился въ пансіонъ съ тѣмъ, чтобы говорить рѣшительно; несмотря на это, его рука немного дрожала, когда онъ взялся за веревку колокола. Очутившись же лицомъ къ лицу съ бургиньонкой, онъ совсѣмъ растерялся и, заикаясь и запинаясь, заговорилъ что-то очень безсвязное о родительской нѣжности, о желаніи ближе узнать дочь, провести съ нею хотя бы одинъ сезонъ... одинъ дачный сезонъ... Донъ Руфъ, всегда избѣгавшій причинять кому-либо неудовольствіе, заключилъ словами:

— Умоляю васъ,— отпустите со мною Ромену... на короткое время.

— Вы не хотите сказать, что желаете взять ее совсѣмъ... Имѣете полное право на это. Но надо такъ устроить, чтобъ она ѣхала съ вами не противъ своего желанія. Оставьте ее до завтра,—я ее уговорю.

Въ тотъ же вечеръ мать-Розалія имѣла длинный разговоръ съ молодою дѣвушкой, весело говорила ей о донѣ Руфѣ, о радостяхъ жизни съ любящимъ отцомъ, о прелестяхъ деревни, и столько разъ повторила: «Какая ты счастливица!»—что на слѣдующій день Ромена собиралась, какъ на прогулку. Только когда матушка поцѣловала ее въ послѣдній разъ и прошептала на ухо: «Ты вѣдь будешь мнѣ писать?»—она убѣжала въ свою комнату и вышла оттуда съ красными глазами и потомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не принялась ни за какую работу, палецъ объ палецъ не ударила, чего съ нею никогда не случалось.

Лодка, увозившая дона Руфа съ дочерью на Капри, повстрѣчала на рейдѣ прекрасную, совсѣмъ новенькую, паровую яхту, только-что пришедшую изъ Плимута. Ею командовалъ тотъ самый англичанинъ, который путешествовалъ съ Франчискьелемъ по Калабріи. Высадившись на молъ, онъ встрѣтилъ бывшаго погонщика ословъ и не узналъ его. Пять лѣтъ времени, усы, какъ у мушкатера, и костюмъ джентльмена совершенно измѣнили внѣшность молодого человѣка. Ему пришлось о себѣ напомнить.

— Вы перемѣнили занятіе?—спросилъ англичанинъ.

— Увы! У меня нѣтъ никакого занятія! — отвѣтилъ Франчискьель.

На самомъ дѣлѣ незнаніе за что приняться причиняло юношѣ большое горе. Онъ обращался за совѣтами къ доктору Шарфу и къ аббату Симплицію. Докторъ сказалъ:

— Изучайте анатомію.

— Изучайте богословіе,—отвѣтилъ аббатъ.

— Будьте медикомъ.

— Будьте священникомъ.

— Оставайтесь холостымъ,—совѣтовали оба.

Но Франчискьель, во-первыхъ, не хотѣлъ оставаться холостымъ; что же касается изученія медицины или богословія, то на это требовалось много времени, знаніе латинскаго и греческаго языковъ, курсъ гимназіи, курсъ лицея, экзамены и всякая чертовщина. Докторъ и аббатъ предложили давать ему уроки; но начинать приходилось все-таки съ склоненія слова *rosa*,—куда ни пойди, вездѣ одно и то же. Франчискьель доходилъ до настоящаго бѣшенства,—всѣ пути ему были закрыты. Его было прельстила адвокатура громкими словами о защитѣ вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ; но для того, чтобъ имѣть право ихъ защищать и самому говорить громкія слова, надо было опять-таки начать съ склоненія слова *rosa*. Оказывалось, что, не зная этихъ проклятыхъ склоненій, нельзя предпринять ничего добраго. Пуститься въ торговлю, открыть лавку или начать играть на биржѣ?... Но донъ Руфъ говоритъ, что это—посягательство на чужой карманъ. Франчискьель хотѣлъ приносить пользу другимъ, а не отъ нихъ извлекать пользу для себя; таково было желаніе матушки-Розаліи. Что же дѣлать? Что предпринять?

Такъ раздумывалъ и разсуждалъ про себя Франчискьель, проходя по гавани. Еслибъ онъ пришелъ пятью минутами ранѣе, то увидалъ бы Ромену передъ ея отъѣздомъ на Капри. Ромену онъ не засталъ, за то постоянная дума о ней вдохновила его, внушила добрую мысль. Всякій неаполитанскій простолюдинъ родится морякомъ, и Франчискьель во дни бѣдности провелъ не мало ночей на рыбной ловлѣ, выучился мастерски работать веслами, управляться съ рулемъ и парусомъ. Почему бы не сдѣлаться морякомъ,—морякомъ для пользы ближняго? На морѣ часто случаются несчастья, въ особенности въ узкихъ проливахъ между Капри и Минервой, между Исшіей и Процидой, между Процидой и Мизеной... Сколько гибнетъ судовъ! Сколько слезъ льется на другой день!...

— Куплю себя судно, найму шесть здоровыхъ гребцовъ и буду выходить въ море въ опасное время.

Эта идея пришла ему въ голову, когда онъ встрѣтилъ англичанина.

— А вы, милордъ, что подѣлываете? — спросилъ Франчискьель.

— Живу на морѣ. Вотъ купилъ новенькую яхту, въ ней уютныя каюты, книги, шахматы, хорошій столъ, великолѣпный погребъ и все, что нужно для счастья человѣка... А я скучаю.

— Я найду вамъ развлеченіе,—сказалъ Франчискьель и сообщилъ англичанину свой проектъ.

XVII.

Письма дѣвочки.

Капри. 7-го мая.

Милая, добрая матушка! Мы пріѣхали. Пять часовъ утра, папа спитъ, а я пишу вамъ. Уѣзжая вчера, я его видѣла въ бинокль,—вы знаете, кого... Онъ былъ въ гавани, и я подумала, что онъ пришелъ проводить меня. Переѣздъ былъ чудесный, только папа,—пресмѣшной онъ,—запрещалъ все время смотрѣть на пассажировъ, показывалъ на берега, на Везувій, разсказывалъ про изверженія. Онъ, очевидно, хочетъ научить меня, а самъ не подозрѣваетъ, что я все это знала еще у миссъ Бессъ. Я не сказала ему этого, боясь, что ему не понравится. Онъ превосходный человѣкъ, и мнѣ кажется, что мы славно заживемъ съ нимъ вдвоемъ. У Капри пароходъ остановился передъ массою скалъ; насъ встрѣтило множество лодокъ, предлагали ѣхать въ лазурный гротъ. Мнѣ очень хотѣлось, но папа не согласился, боясь пассажировъ. Онъ меня такъ стережетъ, что вамъ нечего за меня опасаться. На берегу насъ встрѣтила толпа дѣвочекъ и предложила розъ. Всѣ дѣвочки—хорошенькія, тоненькія, смуглыя, какъ мѣдныя монетки, съ пунцовыми губками и искрящимися глазками. Я пишу вамъ все, что приходитъ въ голову, какъ попало... Потомъ мы пришли въ село Капри. Папа потребовалъ экипажъ; на островѣ не оказалось ни одного и онъ остался очень недоволенъ; а я очень рада, — я давно мечтала о такой странѣ, гдѣ бы не было экипажей, какъ въ Венеціи. Здѣсь всѣ ѣздятъ на ослахъ; погонщиками—дѣвочки, и какъ онѣ бѣгаютъ и лазаютъ по горамъ, кабы видѣли, — пре-

лесть! Мнѣ непремѣнно хочется выучиться такъ же лазить. Село маленькое, и все здѣсь маленькое—улица, дома, даже растенія не высоки. Насъ ожидалъ живописецъ—старый, нечесаный, съ всклокоченной бородой, страшный-престрашный. Папа не позволилъ мнѣ сказать съ нимъ ни одного слова. Мы наняли домикъ, такой крошечный, что онъ легко бы весь помѣстился въ нашей часовнѣ. Въ немъ пять комнатъ, величиной каждая въ птичью клѣтку; потолки такъ низки, что папа, забывшись, всталъ и сплюснулъ на головѣ свой цилиндръ. Теперь онъ купилъ соломенную шляпу, которая къ нему очень идетъ. При домѣ есть терраса, какъ у насъ, вся заросшая вьющимися растеніями; она выходитъ на сѣверную сторону и расположена на обрывѣ. Справа—тропинка, пробитая въ скалѣ, а внизу—море, чудное, прелестное море, точно голубая вата,—такъ бы и повалялась на ней. Но какъ ни хорошо здѣсь, какъ ни весело, а надо было подумать объ обѣдѣ. Старая Роза,—вы знаете, прислуга папы,—ничего не приготовила, и намъ пришлось идти обѣдать въ гостиницу Тиверія. Мы поспѣли какъ разъ къ общему столу. Я такъ проголодалась, что тотчасъ же сѣла; но папа приказалъ мнѣ встать и въ наказаніе посадилъ за маленькій столъ, что однако же не помѣшало мнѣ слышать разговоры, которые велись за большимъ столомъ. Все время говорили о Тиверіи. Здѣсь, впрочемъ, только и слышишь это имя; жители называютъ его *Тимберіо* и такъ говорятъ о немъ, точно лично его знали. Все связано съ его именемъ: тутъ онъ вырылъ колодезь, тамъ построилъ цистерну, тамъ стѣну, тамъ проложилъ дорогу. Здѣсь есть гротъ Тиверія, въ которомъ онъ приносилъ жертвы,—пещера Тиверія, куда запирали узниковъ,—скала Тиверія, съ которой онъ бросалъ ихъ въ море, есть площадь Тиверія, вилла Тиверія, его замокъ, даже мы обѣдали въ отелѣ Тиверія. Папа казался очень взволнованнымъ,—онъ видимо боялся, какъ бы я не узнала, кто былъ Тиверій.

— Папа,—сказала я,—да вѣдь я отлично знаю, кто онъ былъ, и повторила ему все то, что мнѣ говорила о немъ миссъ Бессъ.

Папа разсердился и пробурчалъ:

— Слишкомъ многому учатъ маленькихъ дѣвчонокъ!

На сегодня довольно, однако. Уже половина седьмого, пора будить папу и завтракать. Я умираю отъ голода.

. . . . . .

Капри. 14-го мая.

... Онъ воображаетъ, что учитъ меня; а самъ, говоря по правдѣ, ничего не знаетъ. Я отношусь къ нему съ полнымъ уваженіемъ, какъ вы приказывали; но вамъ пишу все, что думаю. Такъ вотъ вамъ я скажу, что не онъ меня, а я его учу. Во-первыхъ, пріучаю вставать во-время: представьте, до сихъ поръ онъ вставалъ въ полдень. Теперь я стучусь въ его дверь, пока онъ не отопретъ, отпереть же онъ не можетъ, не одѣвшись. Тогда мы завтракаемъ козьимъ молокомъ; онъ наливаетъ въ него кофе. Я ничего не говорю на это,—нельзя же отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ отъ учить сразу. Послѣ завтрака въ шесть часовъ прогулка и непремѣнно пѣшкомъ. Прежде онъ иначе шага не дѣлалъ, какъ въ экипажѣ; теперь, дѣлать нечего, ходитъ, только часто останавливается. Надѣюсь, что привыкнетъ. Вчера мы взобрались на Анакапри по лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ,—536 ступеней. Папа останавливался отдохнуть всего только десять разъ. Анакапри настоящая пустыня. Проводникъ говорилъ, будто бы здѣсь тысячу двѣсти жителей, а мы и кошки не видали. Домики крошечные, низенькіе, съ низенькими дверями, въ которыя иначе нельзя пройти, какъ ползкомъ. Страшно становится отъ этой тишины, и къ тому же опять все полно воспоминаніями о Тиверіи; имъ пробита лѣстница въ известковыхъ скалахъ. На вершинѣ горы хорошее вино; по словамъ папы, лучшее на островѣ. Знаете ли, какъ его здѣсь называютъ?—Слезы Тиверія!

На обратномъ пути я выучила папу разпознавать растенія; повѣрите ли, недѣлю тому назадъ онъ только по плодамъ могъ различить лимонное дерево отъ фиговаго; теперь уже знаетъ почти всѣ встрѣчающіяся деревья и даже нѣкоторыя морскія растенія. Это, повидимому, занимаетъ его; онъ отличный ученикъ и я бы ему охотно поставила хорошіе баллы. Съ однимъ мнѣ будетъ много хлопотъ: это—съ исправленіемъ его нравственности. Представьте себѣ, дорогая матушка, онъ ни во что не вѣритъ! На дняхъ, напримѣръ, мы зашли въ церковь; намъ показали серебряный бюстъ святого, покровителя острова, и крестъ изъ кристалла и эмали, сохранившійся чудомъ. Разъ мавры сожгли церковь до основанія; уцѣлѣлъ только крестъ, и я къ нему прикладывалась. А папа увѣряетъ, что вся эта исторія выдумана. Почему онъ знаетъ, что она выдумана?... Въ соборѣ показываютъ еще гвоздь, вбитый въ колонну. Если кто-нибудь потеряетъ какую-нибудь вещь на островѣ, хотя бы цѣнную, черезъ нѣсколь-

ко дней онъ непремѣнно найдетъ ее висящею на гвоздѣ въ соборѣ. Ее приноситъ тотъ, кто найдетъ.

— Хочешь пари держать, что это вздоръ?—сказалъ папа.

— Держу пари,—отвѣтила я.

На другой день мы шли вдвоемъ по пустынной, каменистой тропинкѣ, и онъ бросилъ перчатки.

— Перчатки-то!—сказала я.—Онѣ не стоятъ того, чтобы ихъ приносить. Вотъ я вѣрю, такъ оставлю крестикъ,—въ немъ два бриллианта...

— А если не принесутъ?...

— Если не принесутъ, пусть пропадетъ.

Черезъ два дня мой крестикъ висѣлъ на гвоздѣ. Папа крѣпко задумался.

Не правда ли, хорошенькая исторійка?

. . . . . .

Капри. 17 мая.

... Онъ пересталъ говорить мнѣ непріятное о религіи и, кажется, самъ начинаетъ склоняться къ нашимъ убѣжденіямъ; но все еще продолжаетъ высказывать самые еретическіе взгляды на людей. Чтобы просвѣтить меня, онъ увѣряетъ, будто бы нѣтъ въ мірѣ ни одного честнаго человѣка, ни одной честной женщины. Тогда я ему указала на васъ, на нашихъ сестеръ, на миссъ Бессъ,—разсказала, что вы дѣлаете для другихъ, многое разсказала, хотя, конечно, далеко-далеко не все. Онъ возражалъ и высказалъ самыя мрачныя мысли.

— Я ничего не отрицаю,—сказалъ онъ,—и ничего не знаю. Но вглядись хорошенько во всѣ наипрекраснѣйшіе поступки и и ты вездѣ найдешь одну и ту же подкладку— самолюбіе. Ты говоришь о самоотверженности манахинь, у которыхъ ты жила; но все, что онѣ дѣлаютъ добраго, это для того, чтобы выказаться, заставить говорить о себѣ, или чтобы затмить другой орденъ, конкурирующій съ ними, или чтобы получить такое вліяніе, которымъ бы можно было злоупотреблять для своихъ выгодъ, или наконецъ,—почему знать?—быть-можетъ изъ-за личнаго удовольствія и, по меньшей мѣрѣ, ради царства небеснаго, такъ какъ, надѣлавши своихъ добрыхъ дѣлъ, онѣ начинаютъ считаться съ Богомъ, представляютъ ему счетъ, точно изъ лавочки: я, десять, сорокъ лѣтъ была добродѣтельна и самоотвержена, такъ позвольте получить вѣчное блаженство. Это про-

сто-напросто ростовщичество! Какъ ни прикидывай, а честныхъ людей нѣтъ.

Не бойтесь за меня, матушка,—такія разсужденія не собьютъ меня съ толку; будь они безусловно справедливы и вѣрны, я имъ все-таки не повѣрю. Много, должно-быть, зла надѣлали люди моему бѣдному папѣ.

Я сказала ему:

— Если вы во всемъ видите гадкія побужденія, такъ скажите, какъ же нужно поступать, чтобы быть по-настоящему честнымъ?

Онъ не зналъ, что отвѣтить. Удивительно, какъ мужчины не способны разсуждать здраво! Папа, напримѣръ, говоритъ о добрѣ и добродѣтели; слѣдовательно, онъ долженъ знать, что это такое, или, по крайней мѣрѣ, сознавать, чувствовать. Такъ нѣтъ же... Миссъ Бессъ навѣрное сказала бы, что у него нѣтъ идеала; вы бы сказали, что ему нечего дѣлать. Въ сущности это можетъ быть одно и то же.

Чтобы доказать мнѣ, какъ мерзки люди, онъ часто читаетъ въ газетахъ faits divers. Онъ ходитъ за газетами на пристань, какъ говорятъ здѣсь, къ приходу каждаго парохода. Я пользуюсь этимъ временемъ и сама отношу письма въ почтовый ящикъ; я мало довѣряю Розѣ, несмотря на всѣ ея достоинства,— она слишкомъ много болтаетъ, даже сама съ собою, когда поговорить не съ кѣмъ. Папа приноситъ: *Утренній Курьеръ*, *Pungolo*, *Piccolo* и др., но мнѣ не даетъ въ руки,—боится, какъ бы я не прочла фельетона, который, по его словамъ, способенъ погубить меня на всю жизнь. Признаюсь вамъ, иногда мнѣ до страсти хочется узнать, что это за фельетонъ такой. За то папа прочитываетъ вслухъ обо всѣхъ случаяхъ; все это одни ужасы: тамъ мужъ убилъ кинжаломъ жену, въ другомъ мѣстѣ жена отравила мужа, сынъ обокралъ отца, братъ поджегъ домъ сестры и... уже я не знаю, еще что.

— Вотъ каковъ родъ людской!—говоритъ папа.

Сегодня утромъ я ему отвѣтила:

— Папа, вѣдь живемъ же мы спокойно здѣсь на Капри вдвоемъ съ тобою и, кажется, до сихъ поръ не зарѣзали, не отравили, не обокрали ни другъ друга, ни сосѣдей, и домовъ не подожгли. Отчего же объ этомъ не публикуютъ въ газетахъ?

— Ахъ, дитя! Это ни для кого не интересно.

— Въ такомъ случаѣ что же интересно?

— Все необыкновенное.

— Поэтому выходитъ, что убійства, отравленія, кражи и и поджоги—все это происшествія необыкновенныя, а обыкновенно-то добрые люди живутъ тихо и честно, какъ мы съ тобой?

Онъ не нашелся, что возразить, и я очень довольна. Пишите мнѣ на почту «до востребованія» и скажите, нашелъ ли себѣ дѣло... вы знаете кто.

. . . . . .

Капри. 21 мая.

Благодарю васъ за милое письмо, дорогая моя матушка! Оно коротко,—вамъ некогда писать длинныя посланія,—но въ немногихъ словахъ вы мнѣ все сообщили. Вы его видѣли; ему двадцать два года, зовутъ его Франческо Бальди, а уменьшительнымъ именемъ—Франчискьель. Какое чудесное дѣло онъ избралъ для себя! Только мнѣ будетъ очень страшно всякій разъ, когда море будетъ неспокойно. Вы еще не сообщили ему, гдѣ я живу, а также имени папы, боясь, какъ бы онъ не поспѣшилъ и не испортилъ дѣла. Но вы совѣтуете мнѣ подготовлять отца; а потомъ пріѣдите сами и переговорите съ нимъ. Какая вы добрая, какая милая! Я пишу лишь нѣсколько строкъ, чтобы только поблагодарить васъ. Завтра буду писать подробно и сообщу кое-что.

. . . . . .

Капри. 23 мая.

... Мы только-что вернулись съ длинной прогулки и папа отдыхаетъ. Отправились мы рано утромъ съ тѣмъ, чтобы забраться на самый верхъ горы. Я—большая охотница лазить—никакъ не воображала, что подъемъ такъ труденъ. Папа велъ себя молодцомъ; правда, останавливался часто, но не потерялъ ни бодрости, ни терпѣнія. Во время остановокъ мы говорили. Я прямо и весело повела мою атаку.

— Папа,—сказала я,—мнѣ уже шестнадцать лѣтъ; я чувствую, что начинаю старѣться. Надо подумать о моемъ замужествѣ.

— *Ah, pazzarella!*... (Ахъ, ты шалунья.)

— Совсѣмъ не *pazzarella*,—я говорю очень серьезно. Надѣюсь, вы не хотите, чтобъ я осталась старой дѣвкой.

— До этого еще долго,—успѣемъ и подумать, и переговорить.

— А откладывать все-таки не слѣдуетъ. Кто пускается въ путь, тотъ долженъ заранѣе знать, куда идетъ, иначе собьет-

ся съ дороги. Вотъ мы теперь лѣзимъ по ужасной дорогѣ, а зачѣмъ?—затѣмъ, чтобы добраться до пустынника и отъ него полюбоваться необыкновенными видами. У насъ есть цѣль, а потому, какъ вамъ ни трудно, вы все-таки идете впередъ. И мнѣ нужно знать, куда идти: если—къ замужству, то слѣдуетъ идти по одной дорогѣ; если же оставаться дѣвушкой, въ такомъ случаѣ отпустите въ монастырь.

— Неужели же въ твои годы ты уже думаешь о замужствѣ?

— Всякій думаетъ лишь въ томъ возрастѣ, какой имѣетъ.

Онъ засмѣялся и пошелъ дальше. На ходу нельзя разговаривать, этимъ онъ и пользуется. Только-что я открою ротъ, онъ пускается въ путь и не отвѣчаетъ. Но, къ счастью, онъ скоро запыхался и мы опять остановились.

— Что же, папа, подумалъ ты?

— О чемъ?

— О моемъ замужствѣ.

— А ты все еще о немъ думаешь? Такъ я же тебѣ скажу, что еще никогда не было ни одного счастливаго брака.

— А вашъ?

Онъ нахмурилъ брови.

Очень странно это,—онъ хмуритъ брови всякій разъ, когда я заговариваю о моей матери. Замѣтивши, что я сдѣлала неловкость, я замолчала. При слѣдующей остановкѣ онъ заговорилъ самъ.

— Ужь не знакома ли ты съ какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ?

Говоря это, онъ смотрѣлъ настоящимъ звѣремъ, почему я и поспѣшила отвѣтить отрицательно. Вѣдь это правда, я незнакома съ г. Франчиньелемъ,—вы знакомы съ нимъ,—правда вѣдь? Вы же мнѣ сказали, что я могу его любить, я и люблю.

— То-то!—продолжалъ папа, видимо успокоенный.—Молодые люди всѣ никуда не годятся: одни—болваны, не лучше парикмахерскихъ восковыхъ болвановъ, другіе — педанты, отупѣлые отъ школьной сущи, большая же часть—негодяи, только и знающіе биржу и другія мерзкія мѣста...

Въ этомъ тонѣ онъ говорилъ по крайней мѣрѣ четверть часа. Такъ какъ Франчиньель не можетъ быть ни парикмахерскимъ болваномъ, ни педантомъ, ни негодяемъ, то я и пустилась въ путь, не дожидаясь окончанія его рѣчи. Мнѣ такъ было досадно на папу, что я сломала кончикъ зонтика о камни и ушла да-

леко впередъ. Папа сталъ кричать, чтобъ я остановилась и подождала его.

— Такъ вы хотите, чтобъ я оставалась дѣвушкой?—крикнула я ему сверху.—Тогда отвезите меня назадъ въ пансіонъ.

Онъ поднимался, тяжело вздыхая. Когда добрался до меня, то сѣлъ, или, вѣрнѣе, тяжело опустился на камни. Отдохнувши, онъ взялъ меня за руки и нѣжно сказалъ:

— Мы живемъ вмѣстѣ всего двѣ недѣли, и тебѣ уже такъ хочется меня покинуть!

Вы меня знаете, милая моя матушка, я не могу равнодушно слышать извѣстныхъ интонацій голоса. Я сѣла рядомъ съ нимъ, поцѣловала его щеку, несмотря на противный табачный запахъ отъ его бороды, и отвѣтила:

— Нѣтъ, папа, не хочу я васъ покидать; а для того, чтобъ этого не пришлось сдѣлать, надо меня отдать замужъ. Мнѣ очень хорошо съ вами здѣсь, на Капри; но не можемъ же мы прожить такъ цѣлый вѣкъ. Жизнь—не прогулка по горамъ. У васъ есть дѣла и вы не можете все ваше время тратить на то, чтобы смотрѣть за маленькою дѣвочкой или за взрослою дѣвушкой, за которую вы ежеминутно трепещете. Не станете же вы въ самомъ дѣлѣ отрицать, что постоянно боитесь, какъ бы кто меня не съѣлъ. Слѣдовательно, мнѣ нѣтъ другого выхода, какъ возвратиться въ пансіонъ и сдѣлаться монахиней. Если вамъ этого хочется, я готова...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!—перебилъ онъ меня, крѣпко сжимая мои руки.

Я предвидѣла это и продолжала, ласкаясь:

— Тогда какъ, выйди замужъ, я буду подъ надзоромъ другого, а жить мы будемъ всѣ втроемъ вмѣстѣ. У васъ будетъ въ одно и то же время и семья, и полная свобода; вы будете выѣзжать, курить, читать ваши газеты мирно и покойно, ни о чемъ не заботясь; я буду съ вами, но уже никакихъ тревогъ вамъ отъ меня не будетъ.

Онъ задумался и не сказалъ ни слова до нашего прихода къ пустыннику. Этотъ пустынникъ очень милый и привѣтливый старичокъ; онъ повелъ насъ на кладбище, все заросшее розами, и позволилъ мнѣ сорвать два цвѣтка. Посылаю вамъ лучшій изъ нихъ.

Матушка, дорогая моя! Пріѣзжайте скорѣе,—ничего, подобнаго здѣшнимъ видамъ, вы навѣрное нигдѣ не видали. Природа

начинаетъ дѣйствовать даже на папу; до сихъ поръ онъ восхищался ею только по своимъ книжкамъ. Теперь же, когда онъ увидалъ ее своими глазами, она сама сказалась въ немъ, непосредственно и просто. Онъ до того увлекся, что вдругъ воскликнулъ:

— Безбрачіе имѣетъ свою прелесть, и я охотно бы сдѣлался пустынникомъ.

Старичокъ-монахъ разсмѣялся.

— Вы не выдержите трехъ дней,—сказалъ онъ.—Одиночество и безбрачіе хороши для меня, живущаго въ облакахъ, а не для васъ, добрый человѣкъ, и не для этой милой дѣвушки. Къ этой жизни надо имѣть особое призваніе. Вы понятія не имѣете о томъ, какое опьяняющее дѣйствіе имѣютъ на человѣка тишина и чистый воздухъ этихъ высотъ. Отъ нихъ голова кружится, а эти обрывы манятъ васъ къ себѣ своею притягательною силой. Повѣрьте мнѣ, возвращайтесь въ Неаполь и постарайтесь полюбить людей; это—единственный способъ истинно любить Бога. Что же касается вашей дочки, то отдайте ее скорѣе замужъ.

Такой милый этотъ пустынникъ! Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ показывать все, что отсюда видно, называя горы и разсказывая связанныя съ ними исторіи.

Папа покойно усѣлся передъ кружкою вина, принесенною пустынникомъ, закурилъ сигару и машинально вынулъ изъ кармана газеты, которыхъ не успѣлъ прочесть поутру. Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу и вскочилъ съ мѣста.

— Что съ вами?—спросила я.

— А то, что я завтра ѣду въ Неаполь.

— Вотъ видите,—сказалъ старый монахъ,—вы пробыли не болѣе часа въ пустыни, и васъ уже зоветъ къ себѣ міръ.

XVIII.

Орденъ Итальянской Короны.

Почему дону Руфу понадобилось такъ неожиданно ѣхать въ Неаполь? Увы, можно быть натуралистомъ и все-таки имѣть свои маленькія слабости и не быть свободнымъ отъ мелкаго тщеславія. Года два или три тому назадъ докторъ Шарфъ получилъ коммандорскій крестъ королевскаго ордена Итальянской Короны. Насъ, конечно, не можетъ не радовать до нѣкоторой степени подобная честь, выпадающая на долю нашихъ друзей,

въ особенности же если мы сами не имѣемъ на нее претензіи. Тѣмъ не менѣе донъ Руфъ какъ-то невольно сдѣлалъ кислую гримасу, когда прочелъ въ газетѣ о пожалованіи доктору ордена. Это не помѣшало, однако же, дону Руфу сдѣлать визитъ старому пріятелю и разсыпаться въ поздравленіяхъ, настолько усердныхъ, что вновь пожалованный коммандоръ нашелъ нужнымъ принять наступательное положеніе.

— Милѣйшій мой,—сказалъ онъ дону Руфу,—вещи этого рода доставляютъ особенное удовольствіе лишь тѣмъ, кто ихъ не заслужилъ; и я смѣю думать, что вы были бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, еслибы вамъ дали крестикъ.

— Ахъ, полноте,—возразилъ донъ Руфъ, жеманясь, какъ старая дѣвка отъ предложенія выйти замужъ,—съ какой бы стати мнѣ его дали?

— Да хотя бы съ той стати, что у васъ его нѣтъ...

Докторъ, очень довольный такимъ поводомъ къ пожалованію ордена дону Руфу, такъ расхохотался, что стекла дрожали въ окнахъ. Въ тотъ же день онъ увидался съ министромъ, своимъ старинным пріятелемъ, и говорилъ съ нимъ о донѣ Руфѣ, какъ о человѣкѣ безобидномъ и довольно ничтожномъ, собирающемся написать книгу объ атавизмѣ. Министръ обѣщалъ дать ему крестъ. Дону Руфу это показалось не совсѣмъ ловкимъ.

— Какъ же это однако?... Вѣдь я же республиканецъ,— сказалъ онъ доктору.

— Экая важность! Король—тоже республиканецъ.

— Конечно, конечно, но все-таки... придется ѣхать, просить...

Чтобы пощадить гордость дона Руфа, было рѣшено, что онъ просто сдѣлаетъ визитъ министру, причемъ не будетъ рѣчи объ орденѣ. Визитъ онъ сдѣлалъ, поговорили о Клодѣ Бернарѣ, министръ взвѣсилъ просителя и нашелъ его крайне легковѣснымъ; но, будучи человѣкомъ покладистымъ, онъ проводилъ его любезнымъ пожатіемъ руки и знаменательными словами:

— Прошу на меня разсчитывать...

Донъ Руфъ долго разсчитывалъ, а креста все-таки не получилъ. Послѣ него къ министру явилось еще пятьдесятъ девять охотниковъ до орденовъ; всѣмъ имъ онъ говорилъ любезныя слова, всѣмъ жалъ руки и, уѣхавши въ Римъ, забылъ обо всѣхъ. Пождалъ, пождалъ донъ Руфъ и, наконецъ, пересталъ ждать. Но вдругъ въ поднебесной выси горъ острова Капри онъ про-

чель въ газетѣ, что министръ, успѣвшій со времени того визита пасть раза два или три, былъ опять министромъ и опять находился въ Неаполѣ въ отелѣ «Римъ». Извѣстно, что путешествующіе министры не останавливаются нигдѣ надолго, — слишкомъ много просятъ у нихъ орденовъ. Слѣдовательно надо было торопиться. Но въ настоящемъ случаѣ казусъ представлялся исключительнымъ: приходилось оставить Ромену одну на островѣ, по которому то и дѣло снуютъ заѣзжіе живописцы, быть-можетъ романтики! Съ другой стороны, не повидать министра — проститься, пожалуй, навсегда съ орденомъ Итальянской Короны, а ленточка-то—бѣлая съ краснымъ, титулъ—*cabaliero*!... Взять Ромену съ собою невозможно,—куда дѣвать ее, пока придется дожидаться въ пріемной министра? Во всякомъ случаѣ не разбойничій же притонъ Капри; принявши нѣкоторыя предосторожности, все-таки можно отъѣхать на короткое время. Итальянская Корона одержала верхъ надъ всѣми опасеніями, и донъ Руфъ уложилъ въ чемоданъ свѣжую сорочку, черную пару и бѣлый галстукъ. Чистя платье и тщательно складывая его, донъ Руфъ еще разъ повторилъ свои инструкціи Розѣ, смотрѣвшей на него съ величайшимъ недоумѣніемъ:

— Завтра я уѣзжаю рано, съ разсвѣтомъ, и вернусь только ночью. Безъ меня не смѣйте шагу дѣлать изъ дома—ни ты, ни Ромена. Если провизіи нѣтъ, сходи и купи сейчасъ. Будетъ кто-нибудь звонить, не смѣть отпирать ни подъ какимъ видомъ. Придутъ нищіе, гони ихъ прочь,—чего добраго, подъ видомъ-то нищаго какой-нибудь живописецъ... Отъ нихъ все станется, особенно отъ романтиковъ, или проще сказать—прохвостовъ... Вотъ револьверъ,— не бойся,— я разстрѣляю заряды въ окно, чтобы знали, что въ домѣ есть оружіе... Теперь ступай за провизіей, а завтра разбуди меня въ три часа утра.

Донъ Руфъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Роза тоже не спала, боясь пропустить назначенный часъ. Она понимала, что дѣло идетъ о чемъ-то ей неизвѣстномъ, но необыкновенно важномъ.

Въ концѣ мая солнце встаетъ рано и въ четыремъ часамъ донъ Руфъ уже былъ на пристани, гдѣ его ждала палубная лодка, нанятая наканунѣ. И какая лодка! О трехъ парусахъ, съ шестью гребцами, съ капитаномъ, съ бархатными подушками подъ пестрымъ тентомъ, съ флагомъ на кормѣ. Донъ Руфъ не хотѣлъ дожидаться парохода, приходившаго слишкомъ поздно въ

Неаполь; онъ отправлялся на Сорренто, откуда экипажъ долженъ былъ доставить его въ Кастеллямаре, а тамъ по желѣзной дорогѣ; лодка должна была дожидаться въ Сорренто и привезти его обратно на Капри. Такова была программа. Но, какъ на грѣхъ, вѣтеръ не шелохнулся и во весь путь пришлось идти на веслахъ. Донъ Руфъ опоздалъ къ поѣзду въ Кастеллямаре и хотѣлъ доѣхать до Неаполя въ экипажѣ, взятомъ въ Сорренто; измученныя лошади стали. Онъ нанялъ другой экипажъ, который сломался между *Torre del'Annuncada* и *Torre del Greco;* до этой станціи пришлось идти пѣшкомъ въ пыли выше колѣнъ,— въ пыли, которую ни разу не сметали съ 79 года, со времени знаменитаго изверженія Везувія, разрушившаго и засыпавшаго множество городовъ. Геологи до сихъ поръ находятъ въ ней пепелъ и пемзу, остатки того изверженія. Донъ Руфъ пріѣхалъ поздно въ отель «Римъ» и только издали видѣлъ, какъ министръ садился въ экипажъ, окруженный сплошною толпою просителей, протягивавшихъ ему вчетверо сложенные листы бумаги; онъ бралъ ихъ, совалъ во всѣ карманы; а когда сѣлъ въ коляску, то просьбы посыпались со всѣхъ сторонъ и завалили бѣднягу до колѣнъ. Наконецъ лошади понеслись во всю прыть. Донъ Руфъ, съ головы до ногъ покрытый пылью, протискался къ подъѣзду.

— Не знаете ли,—обратился онъ къ швейцару,—въ которомъ часу вернется его превосходительство?

— Его превосходительство не вернется,— отвѣтилъ швейцаръ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ лакеи людямъ покрытымъ пылью, а слѣдовательно пришедшимъ пѣшкомъ.—Его превосходительство уѣхали въ Римъ.

Донъ Руфъ обѣщалъ извощику пять франковъ на водку за то, чтобъ онъ привезъ его на станцію до отхода поѣзда. Извощикъ получилъ на водку пять франковъ, но до министра донъ Руфъ опять-таки не добрался. Станція была биткомъ набита щегольски одѣтыми нищими, изъ которыхъ никакъ не меньше сотни выклянчивали крестики. Поѣздъ тронулся. Донъ Руфъ положилъ на полъ чемоданъ и дорожный мѣшокъ, приставилъ руки къ губамъ въ видѣ рупора и выкрикнулъ во весь голосъ свое имя. Услыхавши его, министръ могъ припомнить свое обѣщаніе, раскаяться въ забывчивости, приказать остановить поѣздъ... или, по меньшей мѣрѣ, подойти къ окну и тоже крикнуть: «Донъ Руфъ, поздравляю васъ кавалеромъ ордена Итальянской Короны!»

Поѣздъ не остановился, министръ ничего не крикнулъ. Съ быстро-убѣгающимъ поѣздомъ исчезла надежда на полученіе ордена. Донъ Руфъ опустилъ руки, чтобы взять чемоданъ и дорожный мѣшокъ, но исчезли и они.

Не печалься, донъ Руфъ, не тужи,—въ карманѣ остались кошелекъ и бумажникъ. За нѣсколько су тебѣ вычистятъ платье, на станціи славный буфетъ; наконецъ, если у тебя много свободнаго времени, ты можешь подать жалобу полицейскому комиссару, который, само собою разумѣется, не найдетъ твоей пропажи. За то въ газетахъ всѣ прочтутъ твое имя—не въ рубрикѣ награжденныхъ орденами, а въ отдѣлѣ обокраденныхъ. Кромѣ того, ты можешь ѣхать съ первымъ поѣздомъ; въ Сорренто тебя ждетъ прекрасная палубная лодка съ бархатными подушками, къ вечеру ты будешь на Капри и обнимешь Ромену; она радостно обовьетъ руками твою шею, а это пріятнѣе и слаще цѣпи Аннунціаты и Золотого Руна... Такъ мило-успокоительно шепталъ на ухо обокраденному и обманутому въ своихъ ожиданіяхъ человѣку добрый геній, избавляющій неаполитанцевъ отъ долгихъ печалей. Прибавьте къ этому, что донъ Руфъ былъ страшно голоденъ и что въ такихъ случаяхъ даже плохой обѣдъ прогонитъ грустное настроеніе. По всѣмъ этимъ причинамъ нашъ пріятель пустился въ обратный путь не въ особенно дурномъ расположеніи духа и, благодаря, подувшему попутному вѣтерку, пріѣхалъ много ранѣе, чѣмъ его ожидали, вслѣдствіе чего произошла катастрофа.

Франчискьель съ своимъ англичанкомъ серьезно взялись за ремесло спасателей. Надо сказать правду, къ молодому человѣку очень шла соломенная шляпа, обтянутая широкою черною лентой съ золотыми буквами, изображающими слово *Сапфирина* (названіе яхты); цвѣтная рубашка и широкія панталоны придавали легкость и свободу движеніямъ. Въ двѣ недѣли онъ такъ привыкъ къ морю, будто выросъ на немъ. Каждый день, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ своему дѣлу, онъ бросался одѣтый въ море, ныряль до дна, проплывалъ подъ кораблемъ и взбирался на бортъ безъ лѣстницы; трудно было найти другого такого мастера-пловца и такого красавца. Его глаза искрились радостью; онъ зналъ, что дѣлаетъ все это для Ромены. Матушка-Разалія, къ которой онъ часто заходилъ, ласково сказала ему:

— Это хорошо, Франчискьель, я тобою довольна.

— А можно мнѣ ее повидать?

— Нѣтъ, еще нельзя.

— Я приказалъ задѣлать отверстіе въ стѣнѣ.

— Знаю.

— Матушка, пошлите ее въ садъ,—я отсюда, изъ-за драпировки, однимъ глазкомъ только взгляну...

— Ея нѣтъ здѣсь.

— Гдѣ же она?

— Этого я пока не скажу тебѣ.

— Ее взялъ дядя?

— У нея нѣтъ никакого дяди

— А этотъ господинъ, что былъ здѣсь, цѣловалъ ее?...

— Не безпокойся, мой добрый Франчискьель. Скажи, довѣряешь ты мнѣ?

— Вполнѣ, матушка.

— Такъ не волнуйся и имѣй терпѣніе. Тише ѣдешь, дальше будешь. Не старайся увидать ее, не торопись, не то, пожалуй, все испортишь. Положись на меня.

Франчискьель обѣщалъ во всемъ слушаться матушки, а на дона Руфа страшно разозлился. По какому праву являлся онъ въ монастырь, если Ромена не была его племянницей? Какъ смѣлъ цѣловать ее, если онъ ей не дядя? Во всемъ этомъ была какая-то тайна, сильно его тревожившая. Къ тому же припоминались гадкіе совѣты, которые давалъ натуралистъ, грязныя исторіи, которыя онъ такъ любилъ разсказывать, всѣ мерзости, цѣлымъ потокомъ изливавшіяся съ его губъ... И этими осквернеными губами онъ осмѣливался касаться чистаго чела Ромены! Такъ разсуждалъ Франчискьель, до пуританства экзальтированный чистотою настоящей любви. Донъ Руфъ, доводившій его своими наставленіями до разныхъ экспериментальныхъ глупостей, показался ему отвратительнымъ; идя въ порту, Франчискьель горько раскаивался въ томъ, что слушался такого учителя и даже восхищался имъ. Но тихая волна скоро успокоиваетъ, убаюкиваетъ, какъ добрая нянька. Подъ сумракомъ ночи, охваченный необъятнымъ просторомъ звѣзднаго неба, безмолвнымъ покоемъ и тихою качкою моря, Франчискьель, лежа на палубѣ яхты, забылъ о донѣ Руфѣ,—передъ нимъ понеслись другія мечты, встали иные образы: матушка-Разалія, съ нею Ромена, веселая тишь монастырскаго сада въ цвѣту, внутренность церкви, въ ней бѣлое платье, смуглая головка въ вѣнкѣ флёръ-д'оранжа, склонившаяся подъ благословляющею рукой аббата Симплиція...

Франчискьель полною грудью вдохнулъ свѣжій воздухъ ночи и, засыпая, прошепталъ:

— Матушка обѣщала,—надо на нее положиться...

Затѣмъ онъ сталъ ждать терпѣливо; но его терпѣнія хватило лишь на двое съ половиною сутокъ,—къ вечеру третьяго дня онъ въ волненіи ходилъ по палубѣ.

— Вы скучаете?—сказалъ ему англичанинъ.—Ничего не сдѣлаешь, когда море такъ спокойно. Ради развлеченія не предпутешествовать ли намъ? Вы бывали на Капри?

— Нѣтъ.

— Надо побывать. Я тамъ необыкновенно скучалъ; но Моррей приходитъ въ восторгъ отъ этого острова; на немъ былъ Гудсонъ Лоу. Меня только это и интересовало. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ французы напали на него врасплохъ. Онъ хорошо дрался и уступилъ послѣ почетной капитуляціи.

— Поѣдемте на Капри,—сказалъ Франчискьель.

На другой день рано утромъ затопили машину и противъ Сорренто увидали лодку съ пестрымъ тентомъ и съ флагомъ на кормѣ, на которой плылъ донъ Руфъ. Море было тихо и на лодку никто не обратилъ вниманія. Въ Капри англичанинъ не сошелъ на берегъ, пообѣдалъ на яхтѣ, за обѣдомъ выпилъ въ надлежащую мѣру, закурилъ длинную сигару и объявилъ, что его ничуть не интересуетъ островъ съ его ослами, босоногими и черномазыми дѣвчонками, съ двѣнадцатью дворцами Тиверія и со всѣмъ остальнымъ.

— Надоѣло все это. Я остаюсь на *Сапфиринѣ*. Если очень скучно станетъ, поѣду посмотрѣть скалу, на которую взобрался генералъ Ламаркъ. Онъ побилъ Гудсона Лоу, напавши на него неожиданно; не то островъ былъ бы нашъ, и были бы теперь на немъ заводы и парки.

Франчискьель вышелъ на берегъ одинъ и очень заинтересовался новостью представившейся ему картины. Все населеніе было на улицѣ; всѣ веселы, довольны малымъ, работаютъ, смѣются, поютъ и бесѣдуютъ, какъ дома. А дома такъ малы, что въ нихъ можно только спать ночью; днемъ же всѣ живутъ на воздухѣ, и кушанье готовятъ, и обѣдаютъ, даже спятъ, дѣлаютъ визиты, работаютъ и веселятся. На площадкѣ дѣвочки пляшутъ тарантеллу; у двери своего домика сидитъ священникъ и мирно покуриваетъ трубочку. Всѣ улыбаются Франчискьелю, киваютъ головой, привѣтствуютъ добрымъ словомъ, точно давнишъ-

него пріятеля. Ему невольно вспомнилось, какъ расписываетъ родъ людской нашъ натуралистъ.

«Вотъ бы куда привезти дона Руфа хотя на недѣльку,— подумалъ молодой человѣкъ.—Ему бы это полезно было».

Отъ дона Руфа мысли естественно перешли къ Роменѣ, и Франчискьелю захотѣлось быть одному. Онъ вышелъ изъ села, побрелъ пустынною тропинкой и скоро очутился между обрывомъ и стѣною. На стѣнѣ балкончикъ вродѣ клѣтки, на балкончикѣ... Юноша вскрикнулъ.

— Ромена!

Она подбѣжала къ перилamъ и нагнулась.

— Вы какими судьбами?—сказала она, смѣясь и преодолѣвая волненіе.—Идите сюда,—никого нѣтъ... Я одна.

Франчискьель хотѣлъ было залѣзть на стѣну.

— Нѣтъ, нѣтъ, проходите въ дверь... тамъ, дальше. Я сейчасъ отопру.

Роза спала въ кухнѣ, какъ убитая, послѣ тревожной ночи, проведенной ею по милости ордена Итальянской Короны. Донъ Руфъ въ то же время и по той же причинѣ не менѣе крѣпко спалъ въ вагонѣ между Неаполемъ и Кастелламмаре.

— Матушка позволила вамъ придти ко мнѣ?—спросила Ромена, отворяя дверь.

— Нѣтъ еще... Но...—пробормоталъ Франчискьель.

— Какъ нѣтъ?...

— Я попалъ сюда случайно, не зналъ...

— Стало-быть вы...

— Стало-быть... мнѣ уходить...

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, не переступивши даже порога дома; при этомъ у него былъ такой грустный видъ, что Ромена готова была расплакаться.

— Случайно... А почему знать, можетъ-быть такъ Богу угодно?—сказала она.—Вѣдь безъ Его воли ничего не дѣлается... Входите.

Она осторожно притворила дверь, чтобы не разбудить Розу, и провела своего милаго на балконъ, гдѣ было два свидѣтеля: ясное небо и море лазурное. Сначала ихъ разговоръ былъ отрывочный, потомъ понемногу наладился и пошелъ гладко. Тѣмъ временемъ Роза проснулась; проснулся и донъ Руфъ, изъ вагона перешелъ въ карету и поѣхалъ въ Сорренто. Роза навострила было уши, прислушиваясь къ какому-то шепоту, но дремота

одолѣла, и она опять уснула подъ тихій говоръ на террасѣ; донъ Руфъ тоже уснулъ подъ мягкій стукъ колесъ по пыльной дорогѣ. А о чемъ шелъ на террасѣ тихій говоръ влюбленныхъ?—Обо всемъ, кромѣ любви. О ней впрочемъ и надобности не было говорить: она свѣтилась въ глазахъ, сказывалась въ звукѣ ихъ голосовъ, носилась надъ ними и охватывала ихъ своимъ блестящимъ ореоломъ... Они говорили о морѣ, о скалахъ, о пустынникѣ, о Чичилѣ и пансіонѣ, о матушкѣ-Розаліи и миссъ Бессъ, о темной церкви и доиторѣ Шарфѣ, о прогулкѣ на ослахъ, объ аббатѣ Симплиціи, о яхтѣ Сапфиринѣ и о спасеніи гибнущихъ на морѣ, о Калабріи, объ Альфредѣ де-Мюссе, Вальтеръ-Скоттѣ, о житіяхъ святыхъ, о звѣздахъ... Они знакомились другъ съ другомъ; только ни тотъ, ни другая ни словомъ ни упомянули о донѣ Руфѣ: Ромена,—чтобы не омрачить перваго разговора, такъ какъ она предчувствовала, что съ этой именно стороны и ожидаютъ ихъ препятствія; Франчискьель—изъ скромности, изъ желанія не вспоминать нѣкоторыхъ наставленій своего учителя...

Между тѣмъ донъ Руфъ пересѣлъ изъ экипажа въ лодку и, благодаря попутному вѣтерку, вздувшему паруса, быстро подвигался къ Капри. Роза выспалась и стояла у дверей, поджидая, не пройдетъ ли какой-нибудь добрый человѣкъ, съ которымъ бы можно было душу отвести—поговорить. Первый подошедшій человѣкъ былъ самъ хозяинъ.

— Какъ,—накинулся онъ на нее сразу,—ты не въ домѣ?

— Во весь день шагу не дѣлала, ишь и теперь у дверей стою.

— Никого не было?

— Ни единой живой душеньки.

Донъ Руфъ прошелъ прямо на балконъ. Франчискьель говорилъ, Ромена смѣялась.

— Несчастный!—воскликнулъ натуралистъ.—Ты что здѣсь дѣлаешь?

Ошеломленный, Франчискьель, подъ вліяніемъ охватившихъ его мрачныхъ подозрѣній, рѣзко отвѣтилъ:

— Экспериментирую.

XIX.

Лазурный гротъ.

Что бы ни говорили, героевъ въ полномъ смыслѣ этого слова не существуетъ, а равно и героинь. Конечно, женщины, о

которыхъ миссъ Бессъ разсказывала Роменѣ, составляютъ настоящую гордость своего пола и своей націи, начиная съ пророчицы Деворы, воевавшей съ хананеями, угнетавшими избранный Богомъ народъ, и кончая Манонъ-Жанною Флипонъ, женою Ролана, безтрепетно взошедшею на эшафотъ; но всѣ онѣ, Дебора, мадамъ Роланъ и даже Юдифь, убившая Олоферна, несказанно бы струсили, еслибы во дни ихъ ранней юности папаша засталъ ихъ въ сумерки съ глазу на глазъ съ молодымъ человѣкомъ, пришедшимъ тайкомъ. Можно смѣло подержать пари, что при подобномъ казусѣ каждая изъ нихъ обратилась бы въ самое поспѣшное и ничуть не постыдное бѣгство. Такъ точно поступила и Ромена.

Оставшись одни, донъ Руфъ и Франчискьель молчали съ минуту; обоимъ было крайне неловко. Молодой человѣкъ стоялъ, прислонившись спиною къ колоннѣ балкона; взволнованный родитель ходилъ взадъ и впередъ, сочиняя фразы, достаточно сильныя для выраженія его негодованія. Онъ ожидалъ извиненій; но Франчискьель не думалъ извиняться и упорно молчалъ. Тогда донъ Руфъ заговорилъ, сдерживая голосъ до шепота, чтобы не быть услышаннымъ съ тропинки:

— Отвѣтишь ты мнѣ, наконецъ, или нѣтъ?

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— Зачѣмъ ты сюда попалъ?

— Сами-то вы сюда зачѣмъ попали?

— Я у себя дома.

— А я почему зналъ?

— Но эта дѣвушка...

— Что же это дѣвушка?... Вы знаете всю мою исторію съ этою дѣвушкой; я все вамъ разсказывалъ, только имя скрылъ. Я называлъ ее Терезиной.

— Какъ, Терезина—это...

— Это вотъ она. Вы же говорили мнѣ: иди на-проломъ! Вы посовѣтовали сдѣлать въ стѣнѣ дыру и подсматривать; вы сказали пойти за нею въ церковь, я и пошелъ; вы научили переодѣться погонщикомъословъ... По вашему же совѣту я купилъ лѣстницу и забрался въ пансіонъ. Еслибъ я васъ слушался во всемъ, она была бы не здѣсь, а давнымъ-давно у меня, и занимались бы мы съ нею натурализмомъ. На что же вы претендуете? Да и какое право имѣете на нее? Я видѣлъ разъ, какъ вы ее подѣловали въ пансіонѣ; я побѣжалъ къ воротамъ, чтобъ убить

васъ... Я ее любилъ. Вы мнѣ сказали, что она ваша племянница. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ объ одномъ: увидать ее, добиться ея любви и тогда просить у васъ ея руки. Вы все лгали: она не племянница вамъ. Что же она такое? Я не знаю, я теряюсь въ догадкахъ и задыхаюсь. Вы тайно увезли ее изъ пансіона и прячетесь съ ней здѣсь... Чего вы все прячетесь? Честные люди не прячутся... Не вы отъ меня, а я отъ васъ вправѣ требовать объясненія... Отвѣтите ли вы-то мнѣ, наконецъ, кто она, что она вамъ?...

Дону Руфу стоило сказать одно слово, чтобъ остановить Франчискьеля; онъ, однако же, не сказалъ этого слова. Все слышанное ошеломило его, подняло въ его головѣ цѣлый вихрь мыслей. Еслибъ онъ былъ въ состояніи ихъ отчетливо разъюмировать, онъ, несомнѣнно, сказалъ бы самъ себѣ:

«Я хотѣлъ воспользоваться Франчискьелемъ для произведенія двухъ опытовъ: одного—надъ взрослою женщиной, другого—надъ дѣвушкой-ребенкомъ... Благодаря моимъ вѣчнымъ прятаньямъ, вышло такъ, что женщина—была моя жена, Маріанина, а дѣвушка—моя дочь, Ромена».

Франчискьель повторилъ свой вопросъ еще настоятельнѣе, схвативши дона Руфа за руку.

Но отецъ упорно не выдавалъ секрета, причинившаго ему столько непріятностей; къ врожденной скрытности примѣшивалось еще нѣкоторое чувство стыда и боязнь показаться смѣшнымъ. Въ эту минуту появилась Ромена; она оправилась отъ страха и, слыша шумъ на балконѣ, поспѣшила на выручку своему другу, не переставшему неистово кричать:

— Она вамъ не племянница, кто же она, кто она? Вы ей что?...

— Онъ мой отецъ и я его дочь.

Франчискьель чуть не упалъ; донъ Руфъ закричалъ на Ромену во все горло:

— Убирайся вонъ!

Она опустила голову и скрылась. Наступила опять минута молчанія. Гнѣвъ молодого человѣка смѣнился раскаяніемъ въ своемъ гнусномъ подозрѣніи—въ томъ, что онъ оскорбилъ дона Руфа.

— Простите,—проговорилъ онъ тихо.—Но почему же вы давно не сказали?... Я не зналъ, что вы... что она здѣсь, пришелъ случайно, увидалъ ее на балконѣ.... Повѣрьте мнѣ, я не сказалъ ни одного слова, отъ котораго бы она могла покрас-

нѣть, не дотронулся до ея руки, клянусь вамъ въ томъ... Отдайте ее мнѣ, отдайте за меня!

— Нѣтъ!--отрѣзалъ донъ Руфъ, очень довольный тѣмъ, что опять его верхъ.

— Почему?

— Этого я вамъ объяснять не обязанъ. Извольте выйти вонъ!

Франчискьель пришелъ въ такое отчаяніе, что вскочилъ на перила балкона и хотѣлъ броситься внизъ, но донъ Руфъ схватилъ молодого человѣка и вытащилъ въ гостиную.

— Полно Франчискьель, брось ты свой романтизмъ! Изъза этого не стоитъ лишать себя жизни, мой бѣдный мальчикъ. Я все забуду, но обѣщай мнѣ уйти тою же дорогой, которою пришелъ, и спать ночь покойно. Завтра утромъ приходи на пристань,—я тамъ буду.

Онъ проводилъ его до подъѣзда, заперъ дверь на ключъ, задвинулъ засовъ и сталъ раздумывать—бранить Ромену или нѣтъ. Онъ очень скоро порѣшилъ не бранить, отчасти потому, что былъ сильно уставши, главнѣйше же вслѣдствіе убѣжденія въ ея полной невинности. Случись такое приключеніе съ другою дѣвушкой, онъ ни на минуту бы не усомнился въ томъ, что все произошло какъ въ его романахъ. Но Ромена была его дочерью. Гнѣвъ все-таки надо было на комъ-нибудь сорвать, и онъ позвалъ Розу. Но Роза заперлась въ своей комнатѣ и съ головою закуталась въ одѣяло, что она дѣлала всякій разъ, когда ожидала объясненія съ хозяиномъ. Не дозвавшись прислуги, донъ Руфъ выпилъ большой стаканъ воды и заснулъ, какъ только привалился къ подушкѣ, забылъ даже завести часы.

Услыхавши, что отецъ спитъ, Ромена надѣла маленькія туфельки и тихонько вышла на балконъ; ей почему-то казалось, что Франчискьель долженъ быть на тропинкѣ подъ обрывомъ. У нея въ рукахъ была старая корзина, въ которой въ оныя времена Маріанина находила сладкіе пирожки. На этотъ разъ, вмѣсто пирожковъ, въ ней лежали тетрадка бумаги и карандашъ. Луна серебрилась въ морѣ и яркимъ голубоватымъ свѣтомъ заливала балконъ. Ромена нагнулась черезъ перила, приложила палецъ къ губамъ и спустила корзину на длинномъ шнуркѣ. До самаго утра старая корзина въ наилучшемъ видѣ исправляла должность почтовой сумки.

Поутру донъ Руфъ проснулся и взглянулъ на часы; стрѣлки показывали двадцать минутъ третьяго. Донъ Руфъ перевернулся,

хотѣлъ было заснуть и не могъ. Тогда онъ сталъ раздумывать; на свѣжую голову всегда приходятъ добрыя мысли. Ему стало жаль Ромену.

«Неужели она любитъ этого Франчискьеля?— разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Чего добраго... Вчера, когда я вошелъ, она казалась очень счастливою; потомъ, когда мы заговорили крупно, она вбѣжала въ странномъ волненіи. «Онъ мой отецъ... я его дочь...» Гм... Ясно—романтическое опьяненіе, помраченіе здраваго смысла. Бѣдная дѣвочка! Придется причинить ей большое горе. Надо развлекать ее... Сегодня же повезу въ Лазурный гротъ.

Придя къ такому хорошему заключенію, онъ опять взглянулъ на часы; на нихъ по-прежнему было двадцать минутъ третьяго. Донъ Руфъ отдернулъ занавѣску окна и невольно закрылъ глаза отъ ослѣпившаго его свѣта; солнце было уже высоко, а въ домѣ полная тишина. Ромена, уснувшая на бѣлой зарѣ, была погружена въ сладкій сонъ; Роза лежала въ постели, чтобы, по возможности, отдалить предстоящее объясненіе. На этотъ разъ,—первый, кажется, въ жизни,—дону Руфу пришлось поднимать заспавшихся. Онъ казался довольнымъ и веселымъ, особенно ласково поздоровался съ Роменою, назвалъ ее на простонародномъ нарѣчіи *dormillône* и объявилъ, что повезетъ кататься въ парусной лодкѣ.

— Куда же мы поѣдемъ?—спросила Ромена.

— Въ Лазурный гротъ.

Разговоръ происходилъ на балконѣ; внизу на тропинкѣ стоялъ Франчискьель и не проронилъ ни одного словечка. Напрасно прождавши дона Руфа на пристани, онъ подумалъ, не случилось ли чего недобраго, встревожился и пришелъ узнать. Успокоенный слышаннымъ разговоромъ, онъ вернулся на пристань. Черезъ полчаса донъ Руфъ встрѣтилъ его тамъ и поздоровался очень любезно и мило, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Ну, юноша, каково провелъ ночь?

— Какъ нельзя лучше.

— И прекрасно. Очень радъ. Теперь мы можемъ поговорить по-дружески. Какъ ты однако странно одѣтъ; уже не во флотъ ли поступилъ?

Франчискьель передалъ о своихъ планахъ и показалъ стоящую на якорѣ яхту.

— Опять романтизмъ! Никогда ты отъ него, должно-быть, не отдѣлаешься, мой бѣдный мальчикъ!... Опасности бури, лордъ Байронъ и Корсаръ... Какъ старо все это! Брось лучше, живи обыденной жизнью, какъ всѣ добрые люди, попросту и логично. Мы живемъ въ такое время, когда никто не тонетъ.

— Почему вы не хотите отдать за меня Ромену?

— Во-первыхъ, вотъ по этому самому,—потому, что ты донкихотствуешь, потому что у тебя нѣтъ сознанія дѣйствительности въ ея реальномъ значеніи. Во-вторыхъ,—не сердись и не огорчайся, будемъ смотрѣть на вещи трезвымъ взглядомъ,—что ты такое, чтобы претендовать на руку моей дочери?

— Лаззарони, я это знаю... Но вамъ-то что? Вы же сами сто разъ говорили мнѣ, что люди всѣ равны...

— Конечно... въ теоріи. Но тутъ дѣло идетъ о моей дочери... и—чортъ возьми!—всякій вправѣ поддерживать свое достоинство...

— Но мнѣ кажется, что честный человѣкъ...

— Все это прекрасно и я совершенно согласенъ,—ты честный малый, я это знаю,—но этого мало: моя дочь можетъ выйти замужъ только за человѣка съ именемъ. Ну, а твое-то... Согласенъ и вполнѣ признаю, что не твоя вина; но поставь ты себя на мое мѣсто, пойми, что есть такія пятна...

— Не вы ли сами говорили, что миновало то время, когда эти пятна переходили съ отца на дѣтей, что это старый хламъ, затасканный романами и драмами?... Не вы ли показывали мнѣ на улицахъ Неаполя ряды экипажей со словами: «Всѣ катающіеся въ этихъ каретахъ и коляскахъ—дѣти воровъ?»

— Да... все это такъ, но вѣдь дѣло-то идетъ о моей дочери,—пойми ты, наконецъ.

— Вы же говорили: «Еслибъ у меня была дочь, я бы ее съ радостью за тебя отдалъ».

— Мало ли что говорится, мой милѣйшій!... На жизнь надо смотрѣть съ реалистической точки зрѣнія. Еще туда-сюда еслибы ты что-нибудь дѣлалъ...

— Да сами-то вы что дѣлаете?

— Я... я пишу книгу объ атавизмѣ...

— Такъ же, какъ я спасаю погибающихъ... Все дѣло стало за началомъ у насъ обоихъ.

— Наконецъ, я долженъ тебѣ признаться, что имѣю поводы сомнѣваться въ твоей нравственности.

— Это еще что такое?

— Да вотъ хотя бы въ отношеніи религіи...

— Да вы же мнѣ всегда проповѣдывали атеизмъ!

— Какъ ты не хочешь понять, что это совсѣмъ не то?... Вѣдь она мнѣ дочь... Къ тому же въ твоей жизни были просто скандально-безнравственные поступки.

— Какіе, смѣю спросить?

— А ужинъ въ Фризи?...

— Кто же меня туда завезъ?

— Тамъ эта нѣмка, эта московитка...

— Кто меня познакомилъ съ ними?

— Вотъ я тебѣ что скажу, мой милый: жизнь еще велика и кромѣ Ромены есть дѣвушки. Мы увидимся съ тобою въ Неаполѣ, въ кофейной, и я тебѣ дамъ кое-какіе добрые совѣты. Преодолѣй свое горе, воспользуйся имъ, какъ сюжетомъ для художественно-литературнаго произведенія, перестань изображать изъ себя страдальца, сдѣлайся экспериментаторомъ. Прощай, Франчискьель!

Донъ Руфъ отвернулся отъ молодого человѣка и направился домой очень довольный своею твердостью. На дорогѣ его повстрѣчалъ щеголеватый господинъ въ мундирѣ морского офицера: это былъ капитанъ парусной лодки, возившій его въ Сорренто.

— Патронъ, не пожелаете ли прокатиться?—спросилъ онъ, держа въ рукѣ расшитую галуномъ фуражку.

— Какъ же, какъ же... Сейчасъ ѣду въ Лазурный гротъ.

Черезъ полчаса донъ Руфъ возвратился на пристань съ Роменой, зорко осматриваясь, не притаился ли гдѣ Франчискьель. Потомъ они вошли въ лодку съ бархатными подушками и съ капитаномъ въ галунахъ. Море было тихо; лодка шла медленно на веслахъ и обогнула гряду мелкихъ камней, связанныхъ цементомъ; сквозь прозрачную воду виднѣлись обломки колоннъ. То были развалины бань Тиверія. Гребцы опустили весла. Маленькая, узкая лодочка вышла изъ отверстія, пробитаго въ скалѣ, и быстро приблизилась къ палубной лодкѣ.

— Пріѣхали,—сказалъ капитанъ.

— Гдѣ же гротъ?

— Вотъ отверстіе въ скалѣ. Наше судно въ него не пройдетъ. Надо пересѣсть въ эту лодочку.

— Я могу перевозить только по одиночкѣ,—прибавилъ лодочникъ,—такъ какъ при входѣ въ гротъ надо ложиться на дно лодки.

— Ахъ, чортъ возьми! — воскликнулъ донъ Руфъ въ виду необходимости разстаться на нѣсколько минутъ съ Роменою.

Случай былъ изъ ряда вонъ важный. Поѣзжай донъ Руфъ первымъ, онъ оставлялъ дочь во власти капитана, носившаго баки котлетами и фуражку въ галунахъ. Отпустить ее впередъ значило предоставить на произволъ незнакомаго лодочника. Донъ Руфъ подумывалъ было отказаться отъ осмотра знаменитаго грота; но тогда его могли бы счесть трусомъ, что во всякомъ случаѣ крайне непріятно. Лодочникъ былъ старъ и казался человѣкомъ честнымъ и смирнымъ. Донъ Руфъ крѣпко полагался на свое умѣнье распознавать людей съ перваго взгляда.

— Въ гротѣ никого нѣтъ?

— А кому же тамъ быть?

— Можно тамъ высадиться?

— Можно, signor eccellenza.

— Отвези синьорину, высади и сію же минуту возвращайся за мною.

Донъ Руфъ съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ за всею операціей и, когда лодка исчезла, пришелъ въ необыкновенное волненіе, смѣшившее гребцовъ. Что-то дѣлается въ этой чортовой трущобѣ?... Надо не быть натуралистомъ, чтобъ оставаться спокойнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ лодочка опять показалась; донъ Руфъ перевелъ духъ.

Въ эту минуту Ромена сидѣла рядомъ съ Франчискьелемъ. Съ правой стороны грота есть нѣчто въ родѣ дебаркадера, небольшая площадка, отъ которой идетъ вверхъ высѣченная въ скалѣ лѣстница, ведшая когда-то къ одной изъ двѣнадцати виллъ Тиверія. По ней сходилъ купаться въ гротъ Барбаросса. Теперь верхній ея выходъ заваленъ огромнымъ камнемъ. Франчискьель заплатилъ приличную сумму лодочнику, спрятался на этой лѣстницѣ и вышелъ на встрѣчу Ромены. Увидавши его, она вздрогнула.

— Вы боитесь...—сказалъ онъ.—Если сомнѣваетесь во мнѣ, то оставайтесь въ лодкѣ и возвращайтесь къ отцу. Если вѣрите, то давайте руку.

Она протянула свою маленькую ручку, и лодочникъ поѣхалъ за домомъ Руфомъ.

— Ромена, любите вы меня?
— Вы говорили съ отцомъ?
— Онъ не соглашается.
— Что же мнѣ дѣлать теперь?
— Скажите, Ромена, любите ли вы меня?
— Онъ когда-нибудь согласится...
— Вы не хотите мнѣ отвѣтить...
— Мы молоды,—можемъ ждать...
— Скажите только, любите ли?

Она замолчала; въ глазахъ Франчискьеля стояли слезы. Тогда она припомнила старую пѣсенку, которой ее убаюкивали малюткою, и тихо, грустно стала напѣвать:

Вспомни, другъ, былое время,
Когда меня ты покидалъ,
Когда разлуки тяжкой бремя
Въ слезахъ и стонахъ изливалъ...
Не плачь же, другъ, теперь разлука
Не будетъ больше насъ томить...

Франчискьель перебилъ ее и продолжалъ, импровизируя:

Но, другъ жестокій, что за мука
Такъ безнадежно мнѣ любить!..

Ромена въ свою очередь перебила его и чуть слышно добавила:

О, что за счастье такъ любить,
Какъ я тебя...

Тутъ только они какъ бы очнулись, взглянули другъ на друга, взглянули на чудный гротъ.

— Ромена, будешь ждать?—прошепталъ Франчискьель.
— Буду, Франчискьель.
— И никогда не будешь принадлежать другому?
— Никогда и никому.
— Кромѣ меня?
— Кромѣ... тебя!

Ея головка склонилась на плечо Франчискьеля. Его губы нѣжнымъ, чистымъ поцѣлуемъ прикоснулись къ ея лбу. Они были неизъяснимо счастливы.

Снаружи, съ моря, донесся голосъ лодочника (условленный сигналъ); онъ громко пѣлъ старую рыбацкую пѣсню:

Волна бѣжитъ,
Волна шумитъ.
Услышь, мой другъ, услышь меня...

Франчискьель исчезъ въ просѣченной въ скалѣ лѣстницѣ.

— Eccellenza,— крикнулъ лодочникъ дону Руфу,—ложитесь на дно.

— Да мнѣ стоитъ только пригнуться... Мы могли бы проѣхать втроемъ, съ дочерью.

— Берегитесь... Ложитесь скорѣе и руки спрячьте!

Лодочникъ ударилъ веслами, направилъ лодку въ отверстіе, затѣмъ легъ самъ и сталъ проталкиваться руками о стѣнки узкаго корридора, ведущаго въ гротъ. Очутившись въ гротѣ, донъ Руфъ первымъ дѣломъ осмотрѣлся во всѣ стороны, точно ища глазами спрятавшагося въ какой-нибудь щели разбойника. Этотъ осмотръ встревожилъ Ромену; она встала, чтобы заслонить входъ на лѣстницу.

— Какъ, все тутъ?—воскликнулъ донъ Руфъ недовольнымъ тономъ. Онъ не расположенъ былъ ни удивляться, ни восхищаться.

— Что это? Театральный фокусъ... Балетная декорація! Никакой естественности... Сама природа впадаетъ въ романтизмъ! Начать съ того, что это мало до мизерности. (Двадцать пять саженъ въ длину и болѣе десяти въ ширину. Донъ Руфъ былъ требователемъ.) И какой же это Лазурный гротъ? Оттѣнокъ совсѣмъ не голубой, а скорѣе зеленоватый. Игра рефракціи и просвѣчиванія, интересная развѣ только для физиковъ, а уже никакъ не для натуралистовъ. Это явное мошенничество со стороны писакъ, составляющихъ гиды для путешественниковъ... Ихъ просто подкупаютъ трактирщики и лодочники, чтобы заманивать довѣрчивую публику, а эта каналья привезъ насъ врозь, чтобы содрать двойную плату. Пойдемъ, Ромена! Мы отправимся вмѣстѣ, стоитъ только пригнуться пониже. Воображаю, какъ ты здѣсь скучала, ожидая меня, бѣдняжка...

— Ахъ, нѣтъ, папа. Здѣсь такъ хорошо... Всю жизнь не вышла бы отсюда...

Франчискьель слышалъ эти слова изъ своей засады, и въ его сердцѣ они отозвались слаще самой чудной музыки.

XX.

Катастрофа.

На обратномъ пути въ Неаполь яхта повстрѣчала лодку, на которой докторъ Шарфъ, сидя на кормѣ, распоряжался толпою

рыбакъ. Онъ упорно продолжалъ свои поиски за неизвѣстными ему морскими звѣрюгами.

— Не хотите ли прокатиться съ нами?—крикнулъ Франчискьель.

— А вы куда?

— Куда вамъ угодно, — отвѣтилъ англичанинъ, искавшій только развлеченія.

Докторъ взошелъ на яхту и въ теченіе трехъ часовъ смѣшилъ англичанина, очень довольнаго новымъ знакомствомъ. Франчискьель все время сидѣлъ въ сторонѣ, молча, ничего не видя и не слыша.

— Вотъ два дня такой,—сказалъ англичанинъ.—Поговорите съ нимъ, пожалуйста, и постарайтесь развеселить его.

Докторъ подошелъ къ молодому человѣку и, смѣясь, спросилъ:

— Что, другъ, задумался? Ужь не поранила ли сердечко какая-нибудь капріотка?

— Не смѣйтесь, докторъ,—мнѣ совсѣмъ не до шутокъ...

По мѣрѣ того, какъ Франчискьель все откровенно разсказывалъ, подвижная физіономія доктора Шарфа мѣняла выраженіе,—изъ веселой стала серьезною, изъ серьезной сердитою.

— Дрянь этотъ Руфъ!—вскричалъ онъ.—Прячетъ отъ насъ дочь, точно принимаетъ насъ за какихъ-то разбойниковъ. Къ тому же она ему и не дочь совсѣмъ; онъ и женатъ-то былъ незаконно, только въ церкви вѣнчанъ... Тоже одна изъ гадкихъ штукъ нашего друга Симплиція. Если вы увезете дѣвочку, онъ ничего не можетъ вамъ сдѣлать; съ своею страстью вѣчно таиться да прятаться онъ потерялъ всякія права на нее. По закону, она не что иное, какъ незаконная дочь. Умри онъ безъ завѣщанія, и она останется на мостовой безъ куска хлѣба. И этотъ шутъ еще отказываетъ вамъ, когда самъ вашего башмака не стоитъ... Экая скотина!

— Такъ я могу ее увезти?—сказалъ Франчискьель, въ восторгѣ отъ этой идеи.

— Конечно, можете, и по дѣломъ ему будетъ... Но дѣлать этого все-таки не слѣдуетъ,—прибавилъ докторъ, становясь опять серьезнымъ.—Какъ бы тамъ ни было, онъ отецъ ей, а она—честная, хорошая дѣвушка. Увезти ее было бы нечестно. Кто позволилъ бы себѣ все то дѣлать, чего не запрещаетъ законъ, тотъ былъ бы отъявленнѣйшимъ негодяемъ. Донъ Руфъ—шутъ,

дѣлаетъ гадости, — это его дѣло и до насъ не касается. Мы должны быть снисходительны къ людямъ и строги къ себѣ.

Странно это: у всякаго своя мораль и своя религія; у иныхъ нѣтъ никакой религіи, и тѣмъ не менѣе всегда и всѣ люди могутъ быть честными только по одной мѣркѣ, однимъ способомъ. Франчискьель посмотрѣлъ на это иначе и сталъ распрашивать о женитьбѣ дона Руфа. Докторъ передалъ всѣ подробности въ такомъ комическомъ видѣ, что молодой человѣкъ умиралъ со смѣху.

— Насилу-то вы его развеселили, — сказалъ англичанинъ, подходя къ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ Франчискьель былъ у аббата Симплиція и просилъ тайно обвѣнчать его съ Роменой. Аббатъ на-отрѣзъ отказался.

— Повѣнчали же вы дона Руфа...

— Я считаю это однимъ изъ самыхъ дурныхъ поступковъ въ моей жизни и послѣдствіемъ его были большія несчастія. На этотъ разъ я былъ бы еще болѣе виноватъ: я пошелъ бы противъ воли родителя и обманулъ бы его... Обманъ — худшій изъ грѣховъ.

— Но донъ Руфъ самъ виноватъ,—онъ самъ ведетъ себя, какъ...

— Не намъ его судить, не намъ и карать. Истинный христіанинъ прощаетъ людямъ и не долженъ прощать только себѣ.

— Это, однако, удивительно,—подумалъ вслухъ Франчискьель,—какъ разъ то же говоритъ докторъ Шарфъ.

— Докторъ Шарфъ протестантъ и богоотступникъ,—проговорилъ аббатъ, сильно морща носъ, что̀ его очень безобразило.

На слѣдующій день рано утромъ Франчискьель отправился къ матушкѣ-Розаліи.

— Милый мой,—сказала бургиньонка, выслушавши разсказъ молодого человѣка о томъ, что происходило на Капри,—ты напрасно поторопился; а твоя продѣлка въ Лазурномъ гротѣ мнѣ совсѣмъ не нравится. Я разбраню Ромену и строго запрещу что бы то ни было дѣлать безъ позволенія отца.

— Что же это такое, наконецъ? Вы всѣ противъ меня,—вы, матушка, и аббатъ, и докторъ.

— Я не знаю ни твоего доктора, ни твоего аббата, но знаю, что̀ прямой путь для честныхъ людей одинъ. Надо дѣйствовать на дона Руфа. Обѣщаю тебѣ сама поѣхать на Капри и поговорить съ нимъ по-своему. Меня онъ послушаетъ, ручаюсь за это.

Франчискьелю пришла въ голову мысль, показавшаяся ему блистательной,—отвезти на Капри въ яхтѣ англичанина не только мать-Розалію, но и доктора, и аббата. Направивши такимъ образомъ на непріятельскаго короля всѣ свои фигуры разомъ, онъ разсчитывалъ сдѣлать матъ въ три хода. Этимъ элементарнымъ пріемамъ стратегіи обучилъ его англичанинъ, каждый день побивавшій его въ шахматы. Спрошенные порознь, добрякъ Симплицій и милѣйшій докторъ охотно согласились прокатиться, не подозрѣвая, что имъ предстоитъ ѣхать вмѣстѣ. Франчискьель тотчасъ же написалъ объ этомъ Роменѣ, адресовавши письмо «до востребованія». Онъ зналъ, что Ромена получаетъ такимъ образомъ свою корреспонденцію потихоньку отъ дона Руфа, отправляясь за нею сама въ то время, когда онъ отдыхаетъ. На бѣду случилось, что донъ Руфъ ждалъ присылки денегъ и самъ пошелъ на почту справиться. У дона Руфа было прекрасное зрѣніе и, пока разбирали для него пакетъ подъ буквою С., онъ разсмотрѣлъ фамилію Скапонъ на трехъ конвертахъ; только адресованы они были не господину, а госпожѣ Скапонъ.

— На ваше имя ничего нѣтъ,—сказалъ завѣдующій отдѣленіемъ.

— А для моей дочери, г-жи Ромены Скапонъ?—небрежно спросилъ донъ Руфъ.—Она не такъ здорова и просила взять ея письма.

Завѣдующій почтовымъ бюро, не задумываясь, отдалъ три письма. Это было запрещено закономъ; но мало ли что закономъ запрещено и дѣлается въ простотѣ сердечной? Чужія письма читать запрещаетъ не одинъ только законъ, однако же донъ Руфъ преспокойно распечаталъ и прочелъ всѣ три.

На первомъ былъ штемпель Локля; оно заключалось въ пяти листахъ очень тонкой бумаги, непревышавшихъ вѣсомъ пятнадцати граммъ и исписанныхъ мельчайшимъ почеркомъ вдоль и поперекъ.

«Это должно быть отъ миссъ Бессъ,—проговорилъ про себя донъ Руфъ съ видомъ глубочайшаго презрѣнія.—Навѣрное какія-нибудь романтическія бредни.

Во второмъ конвертѣ была коротенькая записка, написанная крупнымъ, твердымъ почеркомъ.

«Милая моя Ромена, я тобою недовольна. На дняхъ пріѣду и побраню. Надо всегда и во всемъ повиноваться отцу,—помни это. Но все-таки я тебя крѣпко цѣлую и крѣпко люблю. Твоя мать-Розалія».

«Вотъ это такъ!—подумалъ донъ Руфъ. — Это я понимаю. Молодецъ эта бургиньонка!»

Онъ вложилъ записку въ конвертъ и тщательно его заклеилъ.

Третье письмо было отъ Франчискьеля. Изъ него донъ Руфъ узналъ много вещей довольно непріятныхъ: во-первыхъ, бывшій погонщикъословъ былъ «на ты» съ его дочерью, что показалось ему чудовищною дерзостью; во-вторыхъ, они видѣлись въ Лазурномъ гротѣ, что было совсѣмъ невѣроятно.

«Чистѣйшій вздоръ,—разсуждалъ донъ Руфъ,—никого тамъ не было; я осмотрѣлъ всѣ уголки, а глаза у меня хорошіе. Гдѣ же бы могъ спрятаться этотъ негодяй?... А, понимаю!...»

И донъ Руфъ хлопнулъ себя ладонью по лбу; онъ сообразилъ, что старый лодочникъ былъ не кто иной, какъ Франчискьель, переодѣтый и загримированный. «Какова подлость!...» Натуралистъ забылъ, что онъ въ своей жизни тоже переодѣвался и загримировывался по меньшей мѣрѣ два раза. «Къ тому же какой слогъ! Каждая строка такъ и дышетъ романтизмомъ...» Всего болѣе озаботилъ дона Руфа конецъ письма, гдѣ говорилось о скоромъ пріѣздѣ матушки, доктора и аббата: «Всѣ трое будутъ хлопотать за насъ, моя Ромена. Не теряй надежды».

«Это мы примемъ къ свѣдѣнію; они насъ здѣсь не застанутъ».

Обѣдъ прошелъ спокойно. Донъ Руфъ приготовилъ было рѣзкіе выговоры Роменѣ, но не сказалъ ни слова изъ опасенія, что она заплачетъ. Онъ ограничился нѣкоторыми намеками и вопросами.

— Скажи, пожалуйста, Ромена, не замѣтила ты, каковъ изъ себя лодочникъ, возившій насъ въ Лазурный гротъ?

— Не особенно красивый: взглядъ какой-то плутовской, носъ картошкой, беззубый ротъ, сѣдая борода колючками...

— Ты, кажется, внимательно его разсматривала!...

— О, все это съ перваго взгляда бросается въ глаза...

— А почему ты знаешь, что у него борода колючая?

— Да вѣдь это видно.

— Ужь не цѣловалась ли ты съ нимъ?

— Ну, ужь лучше цѣловаться со щеткою.

«Ловко она притворяется»—подумалъ донъ Руфъ.

Въ сущности же онъ не считалъ ее способною сдѣлать большой проступокъ. Будь это посторонняя дѣвушка,—о, тогда другое

дѣло,—донъ Руфъ заговорилъ бы иначе. Къ тому же романтическое письмо бывшаго погонщика показалось ему слишкомъ глупымъ и тѣмъ успокоило относительно капитальныхъ пунктовъ. Вставая изъ-за стола, донъ Руфъ хотѣлъ произвести эффектъ.

— Ты можешь не ходить сегодня за письмами. Я былъ на почтѣ и взялъ ихъ. Вотъ они.

Онъ подалъ дочери записку матушки-Розаліи и посланіе миссъ Бессъ... Никакого эффекта не вышло. Ромена не только не смутилась, а, напротивъ, была въ восторгѣ отъ того, что отецъ узналъ о ея перепискѣ и не разсердился,—ей очень непріятно было переписываться потихоньку. Она бросилась къ нему на шею, повторяя:

— Какой вы добрый, какой милый!...

Потомъ побѣжала въ свою комнату и по десяти разъ перечитывала письма. Полученное отъ миссъ Бессъ показалось ей слишкомъ короткимъ; выговоръ матушки опечалилъ ее, и она дала себѣ слово быть покорной и послушной дѣвочкой. Потомъ она задумалась о Лазурномъ гротѣ.

«Что же мы дурного сдѣлали?»—спрашивала она себя.

Въ тотъ же вечеръ Донъ Руфъ сказалъ ей повелительнымъ тономъ:

— Укладывайся,—завтра мы ѣдемъ въ Неаполь.

— А какъ же матушка?... Она пишетъ, что на дняхъ будетъ у насъ.

— Мы застанемъ ее до отъѣзда, и ты можешь написать ей сейчасъ же, чтобъ она не безпокоилась ѣхать сюда.

Ромена была рада вернуться въ Неаполь, гдѣ она будетъ ближе къ Франчискьелю; кромѣ того, она свято исполняла приказаніе матушки о повиновеніи. Покорность дочери удивила дона Руфа и онъ сталъ напѣвать изъ Риголетто:

La donna è mabile
Qual piuma al vento...

Онъ пошелъ укладывать свои вещи и заперся на ключъ.

Для чего нужна была такая предосторожность?—Для того, чтобы дочь не увидала какъ-нибудь его книгъ въ желтыхъ обертках, съ которыми онъ не разставался и которыя читалъ, ложась отдыхать днемъ и на сонъ грядущій послѣ ужина.—Донъ Руфъ не находилъ ровно ничего дурного въ этихъ двадцати двухъ томахъ in 18°, такъ какъ дурна лишь ложь, а въ этихъ произведеніяхъ вдохновеннаго ученаго и прозорливца была только правда,—вся

правда, самая настоящая. Донъ Руфъ находилъ, что молоденькія дѣвушки должны знать все, даже то, чего не знаютъ честныя женщины, доживя до сѣдыхъ волосъ. Ну, а отъ Ромены-то онъ все-таки считалъ болѣе удобнымъ прятать свою излюбленную беллетристику и запираться на ключъ, когда брался за это полезное чтеніе. Разъ онъ забылъ притворить дверь и такъ увлекся однимъ прелестнымъ мѣстомъ (это былъ разсказъ о томъ, какъ двое молодыхъ людей спаиваютъ своего дядю, чтобы стащить у него двадцать франковъ), что не слыхалъ, какъ вошла Ромена.

— Папа, вы, кажется, читаете очень интересную книгу.

Донъ Руфъ привскочилъ, быстро сунулъ книжку подъ одѣяло и чуть не крикнулъ на дочь:

— Ты зачѣмъ? Что нужно? Я ничего не читаю... Уйди, уйди сію минуту...

Вотъ почему донъ Руфъ тщательно заперъ дверь, принимаясь за укладку своихъ двадцати двухъ томовъ. Услыхавши возню и нетерпѣливые возгласы отца, Ромена постучалась и спросила:

— Не хотите ли, я помогу? Я живо все уложу вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и... нѣтъ!— кричалъ донъ Руфъ неистовымъ голосомъ.

На слѣдующій день довольно поздникъ утромъ донъ Руфъ, Ромена и Роза сошли на пристань, куда ихъ багажъ былъ доставленъ раньше. Оставался узелъ съ двадцатью двумя книгами, съ которыми натуралистъ не рѣшился разстаться и несъ собственноручно, несмотря на ихъ изрядную тяжесть.

— Папа, дайте я понесу. Вы устали,—сказала Ромена.

— Ни за что въ мірѣ!—вскричалъ донъ Руфъ, быстро удаляясь отъ дочери и перехватывая связку въ другую руку съ такимъ видомъ, будто въ ней лежали разрывные снаряды.

Тѣмъ временемъ Франчискьель былъ въ немаломъ затрудненіи. Докторъ и аббатъ обѣщали пріѣхать въ это утро на яхту и слѣдовательно должны были непремѣнно столкнуться. Франчискьель дождался священника и бургиньонку на берегу и перевезъ ихъ ранѣе прибытія доктора; надо было, по возможности, отдалить непріятную встрѣчу. Къ счастію, въ салонѣ яхты была богатая коллекція иллюстрированныхъ изданій. Близорукіе люди, за невозможностью любоваться природою, ни даже произведеніями искусства на извѣстномъ разстояніи, очень любятъ гравюры и фотографіи. Аббатъ почти легъ на столъ и водилъ но-

сомъ по огромнымъ in folio. Оставалось занять еще мать-Розалію, такъ какъ докторъ способенъ былъ отказаться отъ поѣздки, увидавши на бортѣ монахиню. Дѣло обошлось безъ хлопотъ,—бургиньонка скоро сама нашла себѣ дѣло. Она начала съ того, что осмотрѣла яхту и очень одобрила англійскую опрятность,—достоинство, которымъ не могутъ похвалиться неаполитанскія суда. Когда пріѣхалъ докторъ, она была въ кухнѣ и обстоятельно распрашивала повара-француза; потомъ прошла въ каюту Франчискьеля, настоящее чудо столярнаго искусства, съ лакированными раздвижными перегородками.

— Все это очень хорошо,—сказала мать-Розалія,—а теперь скажи-ка мнѣ, не оборваны ли пуговицы у твоихъ рубашекъ?

— Не знаю.

— Давай ихъ сюда, я пересмотрю.

Бургиньонка осмотрѣла бѣлье, сѣла у окна, вынула изъ кармана маленькій несессеръ и принялась пришивать пуговицы. Яхта, шедшая по вѣтру, слегка покачивалась; но монахиня не обращала на это вниманія. Въ окно виднѣлось голубое море, небольшія волны съ вспѣнивающимися гребнями, слышался ихъ веселый плескъ, и добрая матушка усердно работала, очень довольная, что нашла себѣ дѣло. Надъ нею, на палубѣ, раздавались шаги, говоръ и смѣхъ. Это докторъ Шарфъ ходилъ и разговаривалъ съ англичаниномъ.

Донъ Руфъ, Ромена и Роза пришли на пристань. Рѣшено было не дожидаться парохода и ѣхать въ лодкѣ знакомаго капитана въ фуражкѣ съ галунами.

— Патронъ,—счелъ онъ своимъ долгомъ предупредить дона Руфа,—вѣтерокъ свѣжѣетъ и разводитъ волну.

— А что?... Развѣ опасно?

— Со мною никогда не опасно, только попляшемъ немножко.

— Ну, что же, попляшемъ. Ты что скажешь, Ромена?—обратился онъ къ дочери.

— Очень рада.

— Батюшки вы мои!—вскричала Роза, смертельно боявшаяся моря.—Что же это вы дѣлаете? Вернитесь домой... Бога въ васъ, что ли, нѣтъ... въ этакую погоду лѣзть въ воду?

Волненіе замѣтно росло, но донъ Руфъ спѣшилъ уѣхать; далеко въ морѣ, въ сторонѣ Неаполя, онъ запримѣтилъ подозрительный пароходъ; на немъ могли пріѣхать и застать ихъ мать-Розалія, докторъ и аббатъ. Къ тому же его измучила связка книгъ,

которую онъ принесъ съ такими мученіями; каково же было бы тащить ее обратно, въ гору?

— Трусиха,—сказалъ донъ Руфъ,—тонутъ только въ романахъ Купера.

Они вошли въ лодку. Все шло благополучно, пока плыли на веслахъ; но какъ только подняли парусъ, лодка весело запрыгала по волнамъ. Ромена смѣялась, Роза призывала на помощь всѣхъ святыхъ, донъ Руфъ крѣпко прижималъ къ груди узелъ съ книгами и глоталъ что-то горьковатое, подступавшее ему къ горлу. Вѣтеръ все крѣпчалъ, все сильнѣе и сильнѣе подпрыгивала лодка, то ныряя между двумя волнами, то выскакивая на ихъ гребни. Роза кричала раздирающимъ голосомъ, Ромена покачивалась, убаюкиваемая мечтами, у дона Руфа въ глазахъ позеленѣло, онъ судорожно схватился за желудокъ... Узелъ съ книгами весьма пострадалъ...

— Назадъ... на Капри!—едва слышнымъ голосомъ проговорилъ измученный натуралистъ.

— Перемѣни галсъ!—скомандовалъ капитанъ.

Одинъ изъ матросовъ побѣжалъ отвязать шкотъ, на бѣду затянувшійся за кнехтъ, въ то время, какъ рулевой уже исполнилъ команду. Парусъ лихорадочно заполоскался, потомъ вздулся и склонился на ту сторону, на которой сидѣлъ донъ Руфъ. Лодка качнулась разъ, другой и легла на бокъ; всѣ попадали въ море.

XXI.

Конецъ двадцати двухъ томовъ.

Яхта неслась на всѣхъ парахъ къ лодкѣ. Франчискьель издали узналъ Ромену, увидалъ неловкій маневръ и, предчувствуя бѣду, бросился въ море. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже держалъ въ объятіяхъ молодую дѣвушку. Съ яхты спѣшно спускали шлюпку. Полумертвую отъ страха Розу спасъ одинъ изъ гребцовъ. Донъ Руфъ барахтался подъ парусомъ, по счастью не успѣвшимъ намокнуть и вздувшимся надъ нимъ пузыремъ. Но терять нельзя было ни минуты. Ромена была уже въ шлюпкѣ; Франчискьель въ нѣсколько взмаховъ достигъ паруса и разрѣзалъ его ножомъ. Донъ Руфъ терялъ сознаніе и уже выпустилъ изъ рукъ не только рею, за которую было ухватился, но и драгоцѣнный узелъ, медленно пошедшій ко дну. Мелкая ры-

бешка жадно накинулась на произведенія французской литературы и почувствовала себя очень скверно,—типографская краска заключаетъ въ себѣ ядъ, гибельный для мелкой твари.

Ромену перенесли въ каюту Франчискьеля; бургиньонка живо ее раздѣла, завернула въ одѣяло, уложила на кушетку и затопила каминъ, передъ которымъ развѣсила сушить мокрое платье.

— Гдѣ я?—спросила Ромена, приходя въ себя.

— Ты на постели Франчискьеля,—отвѣтила бургиньонка и расхохоталась. Она считала дурнымъ лишь то, что дурно по существу.

Ромена покраснѣла до корней волосъ. Отчего?—Не извѣстно. Невинна и наивна она была, какъ новорожденный младенецъ, и все-таки покраснѣла. Въ эту минуту снаружи кто-то повернулъ дверную ручку.

— Сюда нельзя,—сказала бургиньонка.

Франчискьель отошелъ прочь мокрый до костей и восхищенный до неземного восторга,—онъ догадался, что Ромена въ его каютѣ.

Дона Руфа съ большимъ трудомъ втащили на бортъ, раздѣли и положили на диванъ англичанина. Услыхавши суету, произведенную крушеніемъ лодки, аббатъ оторвался отъ книгъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ общихъ хлопотахъ. Докторъ былъ слишкомъ занятъ для того, чтобъ обращать на него вниманіе.

— Живо, друзья!—командовалъ докторъ Шарфъ.—Мокрыхъ полотенецъ и фланели! Растирайте его съ головы до ногъ; мы его спасемъ,—сердце еще бьется. Валяй его! Сильнѣй, сильнѣй растирай! Я буду нажимать ребра... Вотъ такъ..., вотъ такъ...

— А папа?—спросила вдругъ Ромена.

— Сейчасъ пойду узнаю.

Бургиньонка вышла изъ каюты и направилась въ помѣщеніе англичанина.

— Позвольте, mademoiselle,—крикнулъ докторъ.—Сюда нельзя,—здѣсь мужчина... совсѣмъ раздѣтый...

— Мнѣ что за дѣло.

— А въ такомъ случаѣ идите, добрая душа! На васъ, кажется, только платье противное, а сами-то вы человѣкъ хорошій. Растирайте всѣ... Кожа краснѣетъ, согрѣвается... Побѣда! Онъ вздохнулъ... Сильнѣе, аббатъ! Сильнѣе, мать! Сейчасъ

откроетъ глаза... Еще, еще... Такъ, такъ, аббатъ! Растирайте... Еще одно усиліе... Дышетъ, глаза открылъ. Молодецъ вы, матушка!... Теперь уходите. Мы его одѣнемъ.

Въ избыткѣ восторга отъ быстраго возвращенія къ жизни дона Руфа добрякъ Симплицій вздохнулъ, отирая лобъ.

— Слава Христу-Спасителю!... Ахъ, докторъ, еслибы вы не были протестантомъ...

— Съ чего же вы взяли, что я протестантъ? Никогда не думалъ быть протестантомъ. Я—атеистъ.

— Такъ что же вы давно не сказали?—воскликнулъ аббатъ, протягивая руку доктору.

Черезъ минуту онъ сообразилъ, что сморозилъ глупость; но слово — не воробей, его не поймаешь. Аббатъ крѣпко пожалъ руку доктора Шарфа. Есть полное основаніе предполагать, что съ этой минуты бывшіе враги сдѣлались искренними друзьями.

Бургиньонка вернулась къ каютѣ Франчискьеля. Дверь была заперта извнутри задвижкою.

— Нельзя, нельзя...—крикнула Ромена.

— Это я, мать-Розалія. Отопри же.

— Умоляю васъ, не входите.

— Я принесла тебѣ извѣстіе про здоровье отца.

— Скажите такъ, черезъ дверь.

— Если не отопрешь сію минуту, ничего не скажу.

Ромена робко отперла дверь, потомъ отбѣжала въ уголъ и присѣла спиною къ двери, скрестивши руки на груди, въ позѣ нимфы, застигнутой въ купальнѣ. По уходѣ матери-Розаліи, она встала и, Богъ знаетъ вслѣдствіе какой фантазіи, одѣлась въ платье Франчискьеля. Панталоны, немного подогнутыя внизу, были почти въ-пору, рубашка оказалась длинна и имѣла видъ пальто; но широкополая соломенная шляпа восхитительно шла къ распущеннымъ чернымъ волосамъ. Бургиньонка хотѣла было разсердиться и не могла,—такъ мила была Ромена. Она крѣпко ее поцѣловала со словами:

— Какъ это глупо!

Что касается Розы, о которой всѣ забыли, то она побѣдила сердце одного пожилого кочегара-англичанина, не понимавшаго ни слова по-итальянски. Старый морякъ снесъ ее внизъ къ машинѣ, гдѣ она высушилась въ одну минуту, высохши, почувствовала страшную жажду, попросила стаканъ воды и выпила его залпомъ. Вмѣсто воды кочегаръ подалъ ей стаканъ джина. Ро-

за не умерла отъ услужливости своего обожателя, а только уснула такъ крѣпко, что опомнилась лишь къ вечеру.

Донъ Руфъ хотя оправился, но былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Во-первыхъ, у него болѣла голова и его все еще тошнило, что, какъ извѣстно, никогда не располагаетъ къ веселости; во-вторыхъ, онъ лишился всего багажа и, главное, своихъ книгъ, стоившихъ 77 франковъ. Потеря не разорительная, но донъ Руфъ хорошо зналъ счетъ деньгамъ и не любилъ терять ихъ понапрасну. Въ особенности же его выводило изъ себя присутствіе монахини, доктора и аббата на яхтѣ, куда онъ самъ попалъ совсѣмъ вопреки желанія. Въ этой случайности онъ усматривалъ всѣ признаки заговора противъ него, въ которомъ участвовали и капитанъ лодки, и его гребцы. Вдругъ онъ сообразилъ, что Франчискьель долженъ быть тутъ же съ Роменою, тотчасъ потребовалъ дочь къ себѣ и до вечера заперся съ нею вдвоемъ.

Наконецъ, яхта стала на якорь, въ рейдѣ, и въ каюту вошли докторъ, аббатъ, бургиньонка и Франчискьель.

— Мы пріѣхали...

— Насилу-то... — сказалъ донъ Руфъ.—Надѣюсь, сейчасъ съѣдимъ на берегъ?

— Нѣтъ, мой милѣйшій, мы ужинаемъ на яхтѣ. Изъ-за васъ намъ пришлось сдѣлать порядочный обходъ. Теперь мы умираемъ съ голоду...

— Я не голоденъ,

— Въ такомъ случаѣ посмотрите, какъ мы будемъ ѣсть.

— Я хочу сію минуту съѣхать на берегъ.

— Какъ хотите. Только прежде, чѣмъ уѣзжать, не лишнее было бы поблагодарить Франчискьеля, спасшаго вамъ жизнь.

— Нѣсколько дней тому назадъ я помѣшалъ ему броситься съ балкона въ обрывъ... Мы—квитъ.

— Выйдите отсюда всѣ! — крикнулъ докторъ, выведенный изъ себя этою выходкой.

Всѣ вышли; донъ Руфъ растерялся и хотѣлъ послѣдовать за другими.

— Нѣтъ, вы-то останьтесь!—скомандовалъ докторъ.—Ромена вамъ не дочь, — понимаете? Вы ее даже не признали и не узаконили. По закону вы не имѣете на нее никакого права. А потому мы ее оставляемъ здѣсь; можете отправляться одни, ес-

ли угодно, а за нею попробуйте явиться съ жандармами. Тогда васъ попросятъ показать ваши документы. Гдѣ они у васъ?

Выйдя изъ каюты, Ромена приблизилась украдкою къ своему возлюбленному и нѣжно сказала:

— Благодарю тебя, Франчисьель.

Черезъ минуту докторъ вывелъ дона Руфа.

— Я его уговорилъ,—мы ужинаемъ вмѣстѣ. Онъ—милѣйшій и любезнѣйшій изъ людей.

— За столъ, господа, за столъ!—пригласилъ англичанинъ и усадилъ рядомъ съ собою съ одной стороны мать-Розалію, съ другой—Ромену.

Франчисьель поспѣшилъ сѣсть около Ромены. Донъ Руфъ очутился на другомъ концѣ стола между докторомъ и аббатомъ. Ужинали на палубѣ; поваръ-французъ былъ настоящій артистъ, а вино не итальянскаго издѣлія...

— Да здравствуетъ Франція!—сказалъ докторъ.

Бургиньонка подняла стаканъ, въ которомъ рубиномъ сверкало настоящее кло-вужо. Какъ донъ Руфъ ни хмурился, а и ему пришлось сознаться, что романтикъ лордъ Байронъ былъ правъ, сказавши:

The best of remedies is a beef—steak
Against sea—sickness...

Послѣ двухъ или трехъ стакановъ шато-икема онъ даже нагнулся къ уху добряка Симплиція и посвятилъ его въ нѣкоторыя особенности нравовъ улицы Шуазёль. Аббатъ не нашелъ въ этомъ ничего остроумнаго; но вечеръ былъ такъ восхитителенъ! Полная луна поднялась во всей красѣ и засыпала море серебромъ и бриллiантами; городскіе огни меркли въ ея сіяніи; свѣжій береговой вѣтерокъ доносилъ звуки музыки, пѣнья, ароматъ цвѣтущихъ акацій и лимонныхъ деревьевъ... Вино искрилось и пѣнилось въ бокалахъ... Искрились и глаза влюбленныхъ. Ахъ, какъ они любили другъ друга! Только донъ Руфъ оставался непреклоннымъ. Всѣмъ логическимъ доводамъ доктора, всѣмъ убѣжденіямъ аббата онъ противупоставлялъ пассивное и инертное сопротивленіе. Когда на помощь къ нимъ подошла мать-Розалія и, указывая глазами на юную парочку, тихо сказала:

— Жените ихъ...

Онъ всталъ, давая знать, что пора ѣхать, и коротко отвѣтилъ:

— Нельзя!

Это происходило 1 іюня 1882 года, въ день Святого Никодима. Съ тѣхъ поръ болѣе двухъ недѣль не было никакихъ извѣстій изъ Неаполя. За справками обратились къ доктору Шарфу, который, несмотря на массу дѣла, на все находитъ время. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ:

«21 іюня. — Донъ Руфъ и его дочь исчезли неизвѣстно куда. На другой день, послѣ ихъ невольнаго купанья въ морѣ, я отправился къ нимъ,—домъ запертъ, никого нѣтъ. Я говорилъ съ аббатомъ, но и онъ ничего не знаетъ, становится въ тупикъ,—на что, впрочемъ, не особенно многое и требуется. Я было хотѣлъ обратиться къ квестору и къ содѣйствію правительственнаго телеграфа, но потомъ раздумалъ, побоявшись огласки. Бѣдняга Франчискьель въ отчаніи. Этими днями были порядочныя бури, и онъ кидается въ море, какъ сумашедшій,—уже вытащилъ изъ воды съ дюжину рыбаковъ и, кромѣ того, одну знатную даму съ любовникомъ,—они хотѣли вмѣстѣ утопиться. Мужъ этой барыни бѣснуется со злости. Но событіе надѣлало шуму и на Франчискьеля смотрятъ какъ на героя. Его представили къ ордену Итальянской Короны въ петличку; онъ предпочелъ бы Ромену на шею. Я весьма опасаюсь, что съ своимъ спасаніемъ утопающихъ онъ когда-нибудь нырнетъ и не вынырнетъ...»

«30 іюня. — Франчискьель сталъ, повидимому, спокойнѣе. Онъ получилъ отъ министра любезное письмо, въ которомъ сообщается, что онъ можетъ получить орденъ Итальянской Короны, если желаетъ. Онъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать. Я спросилъ, очень ли ему хочется быть «кавалеромъ». Онъ отвѣтилъ (какъ я того и ожидалъ), что ему ничего, кромѣ Ромены, не нужно. Тогда нашъ аббатъ,—святой человѣкъ, но святой неаполитанскій, т. е. себѣ на умѣ! — смѣясь, объявилъ, что знаетъ, какъ отвѣтить, взялъ листъ бумаги, уткнулся въ него носомъ и черезъ четверть часа прочелъ намъ приблизительно слѣдующее:

«Ваше превосходительство! Вы очень милостивы, но я еще молодъ и могу подождать столь высокой награды, тогда какъ мой тесть, господинъ Руфъ Скапонъ, человѣкъ уже пожилой (*attempato*), подвергавшійся гоненію и заключенію въ тюрьмѣ при Бурбонахъ, давно, въ тиши кабинета, работаетъ надъ капитальнымъ научнымъ трудомъ объ атавизмѣ. Много лѣтъ уже этотъ достойный человѣкъ посвятилъ изученію естественной и соціальной исторіи, и правительство имѣло бы полное основаніе

вознаградить его за перенесенныя имъ гоненія и поощрить его рѣдкія достоинства и полезный трудъ. Принимаю смѣлость ходатайствовать передъ вашимъ превосходительствомъ о томъ, чтобы милость, которой вамъ угодно почтить меня, была оказана моему тестю. Въ случаѣ исполненія этой просьбы, я сочту себя награжденнымъ выше моихъ заслугъ...»

«Далѣе слѣдовали обычныя фразы и выраженія преданности королю, королевѣ, наслѣдному принцу и всей королевской фамиліи. Вы знаете, какъ я подъ-часъ умѣю смѣяться; но, какъ я смѣялся на этотъ разъ, вы едва ли можете себѣ представить. Аббатъ рѣшительно молодчина...»

«7 іюля.—Франчискьель получилъ великолѣпную депешу отъ министра. Король, королева, наслѣдный принцъ и вся королевская фамилія выразили глубокое сочувствіе не только героизму, но и прекраснымъ душевнымъ качествамъ, выказаннымъ молодымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого, третьяго дня подписанъ приказъ о пожалованіи ордена Франческо Бальди и его *illustrissime* тестю, синьору Руфу Скапону. Въ видѣ же особой милости сообщить ему о состоявшемся пожалованіи поручается самому Франчискьелю. Все это прекрасно, но мы до сихъ поръ еще не знаемъ, гдѣ искать *illustrissime* дона Руфа».

«20 іюля.—Наконецъ, мы напали на слѣдъ. Вчера вечеромъ я видѣлъ у книгопродавца Деткена, какъ запаковывали двадцать два тома in 18°, всѣ одного автора. Я предположилъ, что это для дона Руфа.

— Кому вы адресуете эту посылку? — спросилъ я книгопродавца.

— Одному иностранцу, живущему въ С..., въ округѣ Солерна.

— А какъ фамилія этого иностранца?

— Г. де-Сенъ-Меданъ.

Не знаю самъ почему, мнѣ показалось подозрительнымъ это имя. Къ счастью, я знаю въ С... одного швейцарца фабриканта, очень милаго человѣка. Завтра воскресенье, я поѣду къ нему съ Франчискьелемъ».

«21 іюля.—Я только-что вернулся изъ С... На мой вопросъ фабриканту, знаетъ ли онъ г. де-Сенъ-Медана, отвѣтъ былъ такой:

— Отлично знаю. Онъ—необыкновенный чудакъ. Разъ онъ явился ко мнѣ и спросилъ, нѣтъ ли у меня холостыхъ сыно-

вей. Я сказалъ, что нѣтъ, и онъ, повидимому, остался очень доволенъ. Тогда онъ попросилъ позволенія приходить иногда съ дочерью гулять въ моемъ саду. Дочка у него премиленькая и прежалкая; отецъ не позволяетъ ей взглянуть ни на одного мужчину, будь то погонщикъ ословъ или носильщикъ, самъ ни на минуту не выпускаетъ ее изъ вида, не позволяетъ ей ни читать, ни писать. Въ моемъ саду ему болѣе всего понравились высокія стѣны, которыми онъ обнесенъ еще въ старые годы изъ опасенія разбойниковъ. Бѣдная дѣвушка только здѣсь и бываетъ и не знаетъ другого развлеченія, какъ сидѣть тамъ на лавочкѣ и смотрѣть на ручей. Тѣмъ временемъ отецъ прогуливается со мной и страшно надоѣдаетъ разсказами самыхъ неинтересныхъ сальностей.

По этому портрету я узналъ дона Руфа. У воротъ сада раздались три удара въ колоколъ.

— Это онъ пришелъ,—сказалъ хозяинъ.—Онъ всегда такъ даетъ знать о своемъ приходѣ. — Если въ саду есть чужіе, то садовникъ не отпираетъ.

— Прикажите все-таки впустить его и оставьте насъ однихъ на минуту. А ты, Франчискьель, спрячься въ теплицу.

Самъ я зашелъ за кусты у ручья, гдѣ была скамейка. Ромена прошла прямо къ ней и вздрогнула, увидавши меня.

— Онъ въ теплицѣ, — шепнулъ я ей. — Не теряйте бодрости,—все устроится.

Потомъ обошелъ по травѣ, чтобы донъ Руфъ не услыхалъ моихъ шаговъ, и, подкравшись сзади, ударилъ его по плечу.

— А, здравствуйте, г. де-Сенъ-Меданъ!

Онъ весь затрясся и забормоталъ что-то совсѣмъ безсвязное.

— Успокойтесь, мой милѣйшій,— сказалъ я.— Никто вамъ никакого зла не сдѣлаетъ. Напротивъ, я пріѣхалъ сообщить вамъ пріятную новость. Вамъ пожалованъ орденъ Итальянской Короны.

— Я не люблю насмѣшекъ.

— Я и не думаю смѣяться,—даю въ томъ честное слово.

Я сдѣлалъ такое серьезное лицо, что онъ повѣрилъ.

— А кому я этимъ обязанъ?... Вамъ, конечно?

— Нѣтъ, Франчискьелю.

Я передалъ ему всю исторію и показалъ письмо министра.

— Такъ стало-быть я получаю орденъ лишь какъ тесть этого молодца?—спросилъ онъ.

— Да, какъ тесть кавалера Бальди.

— А если я напишу, что онъ мнѣ совсѣмъ не зять, а я ему не тесть?...

— Кавалеръ Бальди въ большой милости при дворѣ, и ваше письмо можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія.

— Что же мнѣ дѣлать?... Ромена!

— Она въ теплицѣ съ Франчискьелемъ.

— Ну... и пусть ихъ!... Пойдемте играть въ кегли.

Мы стали играть втроемъ съ подошедшимъ къ намъ хозяиномъ, не знающимъ, почему г. де-Сенъ-Меданъ зовутъ домомъ Руфомъ. Нашъ натуралистъ держалъ себя очень любезно, даже прилично, и выигралъ сряду пять партій. Вечеромъ самъ проводилъ насъ до станціи, пожалъ руку Франчискьелю и добродушно сказалъ:

— До свиданія, кавалеръ Бальди!

Въ сущности, онъ кажется очень доволенъ и счастливъ, хотя это счастье и омрачено нѣсколько тѣмъ, что до сихъ поръ не дошла до него посылка книгопродавца Деткена. По всей вѣроятности, она затерялась на почтѣ. Въ какія-то руки попали эти двадцать два тома in 18° въ желтыхъ оберткахъ? Очень можетъ быть, что мы когда-нибудь объ этомъ разскажемъ нашимъ читателямъ.

Р.

А. Н. Сѣровъ.

(Біографическій очеркъ.)

„Муза инкогнито бродитъ по земному шару и избираетъ себѣ любимцевъ въ тѣхъ рѣдкихъ существахъ, которыя въ изящномъ видятъ абсолютную цѣль человѣческаго бытія".

(„Письма Сѣрова". 1842 года.)

Кому неизвѣстенъ авторъ «Юдиѳи», «Рогнѣды» и «Вражьей силы»? А между тѣмъ много ли найдется такихъ, которые если не подробно знакомы съ біографіей этого замѣчательнаго таланта, то по крайней мѣрѣ знаютъ ее въ общихъ чертахъ? И не удивительно: до сихъ поръ у насъ не появилось ни одной обстоятельной біографіи Александра Николаевича Сѣрова. Правда, послѣ его смерти появлялись въ газетахъ разныя свѣдѣнія о его жизни; но, во-первыхъ, эти свѣдѣнія крайне неполны, отрывочны и составлены на скорую руку; во-вторыхъ, не вся читающая публика имѣетъ возможность прослѣдить *всѣ* органы, въ которыхъ были напечатаны эти краткія свѣдѣнія; въ-третьихъ, большею частью свѣдѣнія эти крайне невѣрны, — можно смѣло сказать, что многіе факты составляютъ плодъ досужей фантазіи; наконецъ, въ-четвертыхъ, за двѣнадцать слишкомъ лѣтъ времени, которое прошло съ момента его смерти, многое уже успѣло улетучиться изъ памяти. Въ видахъ этого, смѣемъ надѣяться, что нашъ очеркъ, какъ первый опытъ болѣе или менѣе полной біографіи, не будетъ лишенъ нѣкотораго интереса для читающей публики, желающей познакомиться съ жизнью и дѣятельностью нашего знаменитаго композитора.

Мѣсто, занимаемое А. Н. Сѣровымъ въ нашей музыкальной литературѣ, по мнѣнію всѣхъ критиковъ и цѣнителей отечествен-

наго искусства, кромѣ одного (но вѣдь извѣстно, что «одинъ въ полѣ не воинъ»),—безспорно первое послѣ Глинки и Даргомыжскаго. Но Александръ Николаевичъ, кромѣ того, что былъ первокласснымъ композиторомъ, былъ еще замѣчательнымъ музыкальнымъ критикомъ, и въ этомъ отношеніи, даже по мнѣнію того «одного», онъ не имѣетъ себѣ равныхъ и до сихъ поръ въ нашей музыкально-критической литературѣ. Что̀ еще болѣе достойно удивленія въ дѣятельности Сѣрова, какъ композитора и критика, это то, что ни по той, ни по другой дѣятельности онъ никогда не имѣлъ ни учителей, ни руководителей, а до всего дошелъ своими собственными трудами, перерабатывая въ горнилѣ своего разума всѣ почерпнутыя свѣдѣнія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ человѣческаго знанія. Жизнь его служитъ наглядным доказательствомъ извѣстной поговорки: «терпѣніе и трудъ все перетрутъ». И дѣйствительно, онъ многаго желалъ, много трудился и многаго достигъ.

Но прежде, чѣмъ начнемъ изложеніе фактовъ, позволимъ себѣ оговориться, что статью эту мы составили, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ самого Сѣрова къ В. В. и Д. В. Стасовымъ, г-жѣ Анастасьевой и другимъ,—писемъ, сообщенныхъ В. В. Стасовымъ и помѣщенныхъ въ *Русской Старинѣ* за 1875—78 гг. въ тт. XIII—XXII, кромѣ, разумѣется, разныхъ газетныхъ свѣдѣній и рецензій о его дѣятельности. Также позволимъ себѣ выразить нашу глубокую признательность и благодарность сестрѣ композитора, Олимпіадѣ Николаевнѣ Баниге, за сообщенныя ею воспоминанія и свѣдѣнія о покойномъ братѣ и за поправку неточностей, вкравшихся въ разныя «біографіи Сѣрова»; особенно много погрѣшностей было въ краткой «біографіи», помѣщенной въ *Нивѣ* за 1878 г., № 29.

Имя А. Н. Сѣрова извѣстно въ качествѣ музыкальнаго критика, еще болѣе—въ качествѣ композитора и автора трехъ названныхъ операъ; но оно, какъ намъ кажется, мало извѣстно какъ имя «человѣка»,—человѣка, выходящаго изъ ряда вонъ по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ,—человѣка, если можно такъ выразиться, влюбленнаго въ идею, пожертвовавшаго своею жизнью ради достиженія разъ поставленной себѣ задачи и цѣли,—словомъ, человѣка-мыслителя. Вотъ почему смѣемъ думать, что предлагаемый нами біографическій очеркъ, направленный, главнымъ образомъ, на обзоръ жизни и дѣятельности Сѣрова съ точки зрѣнія его «человѣческо-артистической» стороны, при всѣхъ своихъ

несомнѣнныхъ недостаткахъ, какъ «біографія» такого извѣстнаго дѣятеля, не покажется безъинтереснымъ нашимъ читателямъ.

Вся жизнь Александра Николаевича продолжалась 51 годъ. Если отбросить первыя тридцать лѣтъ, которыя онъ употребилъ на образованіе и приготовленіе себя къ общественной дѣятельности, то въ суммѣ останется двадцать одинъ годъ работы, какъ критической (10 лѣтъ), такъ и композиторской (11 лѣтъ). Конечно, такое дѣленіе будетъ только приблизительное, потому что рядомъ съ критическою дѣятельностью у него идетъ и композиторская. Сообразно этому, мы и раздѣлимъ всю его дѣятельность на три періода: 1) отъ 1820 до 1850 г.—періодъ образованія и приготовленія, 2) отъ 1850 до 1860 г. — періодъ литературно-критической дѣятельности и 3) отъ 1860 до 1871 г.—періодъ композиторскій и творческій.

I.

(1820—1850 г.).

Александръ Николаевичъ Сѣровъ родился въ Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домѣ своего дѣда по матери, 11 января 1820 года. Отецъ его, Николай Ивановичъ, родомъ изъ Москвы, былъ человѣкъ замѣчательныхъ способностей, тонкаго сатирическаго ума, серьезнаго образованія (оставилъ послѣ себя громадную библіотеку) и большихъ практическихъ знаній,—успѣвшій достичь замѣтнаго положенія въ обществѣ и высокихъ чиновъ по службѣ. Такъ, онъ занималъ значительную должность въ министерствѣ финансовъ при графѣ Канкринѣ. Будучи человѣкомъ прямаго, но крайне крутого характера, онъ не могъ и не хотѣлъ никому подчиняться. Это послужило одной изъ причинъ, почему Николай Ивановичъ оставилъ службу; другая причина заключалась въ томъ, что онъ былъ подверженъ хронической болѣзни сердца. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Николай Ивановичъ, выйдя въ отставку, сталъ заниматься адвокатурой.

Мать композитора, Анна Карловна, урожденная Габлицъ, была очень добрая и умная женщина. Всѣ, помнящіе ее, отзываются о ней какъ о женщинѣ съ большимъ тактомъ и съ горячимъ сердцемъ. Любимыми ея дѣтьми были: первенецъ Александръ, Софья, отличавшаяся большими умственными способностями, и самый младшій сынъ, Сергѣй; кромѣ этихъ дѣтей, у Сѣровыхъ еще было трое: Юрій, Елизавета и Олимпіада. Ни отецъ, ни

мать Александра Николаевича не только не были артистами, но даже не чувствовали особеннаго расположенія къ музыкѣ.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ чрезвычайно рано сталъ обнаруживать блестящія способности. Такъ, на четвертомъ году жизни онъ уже свободно читалъ книги. Артистическая его натура стала уже сказываться въ этомъ слишкомъ раннемъ возрастѣ: онъ до страсти любилъ драматическія представленія, чему особенно способствовало то обстоятельство, что его весьма рано стали брать въ театръ. Объ этомъ фактѣ Сѣровъ говоритъ между прочимъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о М. И. Глинкѣ», гдѣ онъ разсказываетъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него оперой «Жизнь за Царя»: «... Въ театръ,—пишетъ онъ,—меня стали брать съ моего трехлѣтняго возраста и весьма часто» (*Искусства* 1860 г., сентябрь, № 1). Учился онъ вообще всему весьма бойко и быстро. Пяти-шести лѣтъ Сѣровъ, пристрастившись къ естественной исторіи, прочелъ всего Бюффона. На седьмомъ году жизни онъ поступилъ въ пансіонъ г-жи Командеръ, гдѣ и пробылъ три года. Кромѣ чтенія книгъ, не только русскихъ, но и нѣмецкихъ и французскихъ, Сѣровъ въ это время особенно пріохотился къ рисованію; цѣлые дни, разсказываютъ, проводилъ онъ, рисуя звѣрей, птицъ, комнаты, садики и вообще окружавшіе его предметы. Судя по страсти, съ какой онъ предавался рисованію, всѣ предсказывали въ немъ будущаго знаменитаго живописца. Удивительно, что Сѣровъ, по словамъ супруги его, Валентины Семеновны, съ самаго ранняго дѣтства питалъ отвращеніе къ математическимъ наукамъ. Хотя родители Сѣрова обратили вниманіе и на музыкальное его образованіе, но будущій композиторъ такъ мало выказывалъ любви къ музыкѣ, что ничто не могло предвѣщать въ немъ знаменитости именно на этомъ поприщѣ. Онъ до того не любилъ играть, что его, по разсказамъ сестры, Олимпіады Николаевны, «силой заставляли садиться за рояль; рѣдкій урокъ музыки проходилъ безъ слезъ и причитаній». Первоначальные уроки игры на фортепіано стала ему давать извѣстная учительница музыки, Олимпіада Григорьевна Жебелева, на восьмомъ году его жизни. Благодаря замѣчательнымъ природнымъ способностямъ,—а не любви къ музыкѣ,—Сѣровъ дѣлалъ большіе успѣхи въ игрѣ, и уже на десятомъ году жизни игралъ сонаты съ аккомпаниментомъ скрипки или віолончели.

Въ 1830 году онъ поступилъ въ первую гимназію, гдѣ пробылъ до декабря 1835 года, когда онъ перешелъ въ Училище

Правовѣдѣнія и поступилъ сразу въ четвертый классъ. Только къ этому времени, или вѣрнѣе говоря—къ тринадцатилѣтнему его возрасту, въ немъ начинаетъ пробуждаться интересъ и любовь къ міру звуковъ; сильнымъ импульсомъ послужили игранныя имъ пьесы Моцарта, «Фрейшюцъ» Вебера и въ особенности «Робертъ» Мейербера, чудная музыка котораго не давала ему покоя. Съ этого времени онъ сталъ тщательно приготовлять уроки музыки и уже съ любовью относиться къ нимъ; но съ теоріей музыки никто его не знакомилъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Училищѣ Правовѣдѣнія обращалось особенно серьезное вниманіе на музыку; каждый ученикъ долженъ былъ играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Сѣровъ выбралъ, кромѣ фортепіанной игры, віолончель. Первымъ учителемъ игры на віолончели былъ нѣкій Кнехтъ, а впослѣдствіи его мѣсто заступилъ Карлъ Шубертъ, о которомъ Сѣровъ отзывался, впослѣдствіи, какъ о «высокомъ музыкантѣ» (письмо къ В. В. Стасову отъ 24 августа 1840 года). Шубертъ въ скоромъ времени пришелъ къ заключенію, что «въ отношеніи музыкальнаго смысла, выразительности и фразировки, Сѣровъ въ учителяхъ не нуждается», — столь велики были успѣхи, достигнутые юнымъ віолончелистомъ. Но чѣмъ болѣе учитель восторгался успѣхами ученика и чѣмъ большіе успѣхи ученикъ въ самомъ дѣлѣ оказывалъ въ игрѣ на віолончели, тѣмъ больше послѣдній приходилъ къ убѣжденію, что онъ «не родился быть виртуозомъ»; причина была чисто внѣшняя—физическій недостатокъ, состоявшій въ томъ, что пальцы были слишкомъ толсты и коротки.

Въ Училищѣ Правовѣдѣнія Сѣровъ пробылъ пять лѣтъ, и въ 1840 году, когда былъ первый выпускъ учениковъ, онъ окончилъ его съ медалью и вышелъ съ чиномъ IX класса. Въ этомъ же году, т. е. на двадцатомъ году его жизни, благодаря стараніямъ отца, непремѣнно желавшаго видѣть своего сына на юридическомъ поприщѣ и «карьеристомъ», что вполнѣ гармонировало съ его практическимъ взглядомъ на жизнь, Александръ Николаевичъ поступилъ на службу въ канцелярію правительствующаго сената по пятому (уголовному) департаменту и прослужилъ пять лѣтъ, до 1845 года, когда, по распоряженію министерства юстиціи, былъ перемѣщенъ въ Крымъ на должность товарища предсѣдателя симферопольской уголовной палаты. Здѣсь онъ пробылъ три года, послѣ чего вернулся въ Петербургъ въ 1848 году. Но отецъ, упорно преслѣдуя свою цѣль и не пред-

видя въ сынѣ не только будущей знаменитости на музыкальномъ поприщѣ, а просто считая занятія послѣдняго «пустымъ бездѣльемъ», выхлопоталъ Александру Николаевичу мѣсто на ту же должность, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ, во Псковѣ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, сильно безпокоившемъ отца композитора: это, именно, сближеніе Сѣрова съ нѣкоей Анастасьевой въ Крыму, которая до того завлекла молодого артиста, что не давала ему служить. Желая отвлечь его отъ вліянія пожилой кокетки (ей уже было около сорока лѣтъ), отецъ и хлопоталъ о мѣстѣ, которое было бы подальше отъ Крыма и отъ южной поэзіи... Нужно однако замѣтить, что эта Анастасьева имѣла весьма хорошее вліяніе на Сѣрова и въ особенности на его музыкальную карьеру. Тѣмъ не менѣе, повинуясь желанію отца, Сѣровъ немедленно отправился въ Псковъ, гдѣ и пробылъ два года, т. е. до 1850 года.

Такова его частная жизнь за разсматриваемый періодъ времени.

Но хронологическій перечень фактовъ изъ тридцатилѣтней жизни Сѣрова не даетъ еще никакихъ данныхъ для выводовъ о его характерѣ и способностяхъ, о цѣли и желаніяхъ, о взглядахъ и убѣжденіяхъ, объ умѣ и сердцѣ,—словомъ, о внутренней сторонѣ его жизни. Мы до сихъ поръ только видѣли, что онъ отлично учился и служилъ. Но служба и канцелярская работа, какъ легко замѣтить и понять, не были конечною цѣлью его существованія: подъ чиновничьимъ мундиромъ жили и крѣпли иныя стремленія и иныя цѣли; тутъ ключомъ била артистическая натура; мысли, роившіяся въ его головѣ, не давали ему покоя,—онѣ жаждали простора и свѣта. Если справедливо изреченіе древнихъ: «poëtae nascuntur, non fiunt»,—то намъ кажется, что подъ общее понятіе «poëtae» можно подвести и артистовъ, и композиторовъ въ особенности: жажду творческой дѣятельности, которая кипитъ въ нихъ, и силу таланта, потокомъ стремящуюся къ внѣшнему выраженію этой дѣятельности, ни подъ какимъ покровомъ не утаишь,—раньше или позже онѣ найдутъ себѣ исходъ и форму выраженія. Проявится ли онѣ въ образѣ статуи или картины, или же въ видѣ литературнаго произведенія и музыкальной пьесы, это — другой вопросъ; несомнѣнно только то, что не сегодня - завтра онѣ явятся въ свѣтъ и заявятъ міру о своемъ существованіи. Мало того, куда бы ни направляли эти способности, къ какой бы дѣятельности ихъ ни примѣняли, — естественный ихъ ходъ, такъ-сказать природный

даръ, всегда возьметъ верхъ надъ искуственно привитымъ направленіемъ. Въ исторіи жизни нашихъ выдающихся дѣятелей такихъ примѣровъ не мало. Припомнимъ хотя бы біографіи Ломоносова, Крылова, Шевченка, Лермонтова и другихъ, которыхъ прочили совсѣмъ не туда, гдѣ они впослѣдствіи заняли такое высокое и выдающееся положеніе.

А. Н. Сѣровъ принадлежитъ къ типу этихъ лицъ; жизнь и обстоятельства толкали его въ другую сторону, крайне противоположную той, куда стремилась его душа, его желанія и помыслы,—и нужно было не мало усилій употребить, чтобы, идя въ разрѣзъ съ требованіями обстоятельствъ, очистить дорогу для своей творческой силы и дѣятельности. Поэтому намъ кажется любопытнымъ прослѣдить, какъ постепенно развивалась въ немъ эта сила таланта, какими путями достигалась имъ цѣль, къ которой онъ стремился, и какихъ усилій, какой борьбы она ему стоила. На разные вопросы, которые могли бы быть предложены намъ по поводу Сѣрова, мы найдемъ отвѣты у самого же Сѣрова, т. е. въ его перепискѣ съ друзьями и въ особенности съ Владиміромъ Васильевичемъ Стасовымъ.

Разсматривая эту переписку, насъ поражаетъ въ Сѣровѣ одна черта,—черта, свойственная, впрочемъ, большинству великихъ талантовъ,—крайнее *недовольство собой*, являющееся, обыкновенно, прямымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, сомнѣнія въ своихъ силахъ, а съ другой стороны—строгаго отношенія къ себѣ, критическаго разбора своего «я», своихъ дѣйствій и мыслей, анализа своихъ способностей, стремленій, понятій и проч.,—словомъ, послѣдствіемъ того состоянія, когда человѣкъ какъ бы безсознательно предлагаетъ себѣ вопросы въ духѣ философа Монтэня: «Qui suis-je? Que sais-je?»—и, не находя въ себѣ прямого отвѣта на нихъ, старается чѣмъ-нибудь удовлетворить это недовольство, пріискиваетъ средства и возможность исправить себя, загладить эти недостатки, восполнить эти пробѣлы, найти болѣе прочную опору,—старается пересоздать и перевоспитать свое «я». И это мы видимъ у Сѣрова на каждомъ шагу. Убѣдиться не трудно,—стоитъ только припомнить его письма за этотъ періодъ времени. Вотъ что мы читаемъ въ нихъ:

«Иногда мнѣ приходитъ въ голову,—пишетъ онъ къ В. В. Стасову,—съ чего ты взялъ, что я могу быть композиторомъ? Иногда какой-то внутренній голосъ преубѣдительно мнѣ нашеп-

тываетъ, что во мнѣ довольно силъ быть всѣмъ, чѣмъ я пожелаю!... Еслибы мнѣ какое-нибудь благодѣтельное существо могло однимъ разомъ рѣшить эту задачу,—о, какъ былъ бы я ему обязанъ! Иногда мнѣ опять кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ никто въ мірѣ кромѣ меня самого не можетъ, и я изнываю въ тоскѣ» (20 ноября 1840 года).

Строго-критическій разборъ своего «я», о которомъ мы выше упомянули, рельефно выступаетъ въ письмѣ его, писанномъ за пять мѣсяцевъ до приведеннаго нами письма. Разсуждая о значеніи музыки, онъ приходитъ къ слѣдующему небезъинтересному заключенію:

«Я увѣренъ, что успѣхъ музыки никакъ не меньше подвигаетъ человѣчество, чѣмъ паровыя машины и желѣзныя дороги. Но, чтобы быть достойнымъ этой музы, надобно родиться съ музыкальнымъ призваніемъ, а если этого нѣтъ, manquer de vocation,—о, это ужасно!... *А мнѣ уже двадцать слишкомъ лѣтъ!* И еще nihil, omnino nihil!» (ничего, рѣшительно ничего) (12-го іюля 1840 года).

Или, если мы возьмемъ его письмо къ тому же г. Стасову, написанное черезъ мѣсяцъ, то и здѣсь найдемъ фразы, рисующія вполнѣ его недовольство собой, выражающія какое-то отчаяніе за себя, за свое призваніе, чувство непреодолимаго желанія и стремленія къ лучшему. Это «желаніе лучшаго» и есть слѣдствіе недовольства. Такъ, въ этомъ письмѣ мы находимъ:

«Я досадую на себя ужасно, что у меня слишкомъ мало энергіи. Была бы она,—было бы все! Я желаю только одного: произвесть много, создать что-нибудь такое, на что бы прежде всего я самъ могъ порадоваться, а тамъ — что будетъ, то будетъ. Поймутъ—хорошо, а не поймутъ—Богъ съ ними» (24 августа 1840 года).

Слова его: «на что бы я *самъ* могъ порадоваться»—ясно указываютъ, по нашему мнѣнію, на то душевное состояніе, въ которомъ находился въ то время Сѣровъ. Ему нужно самоуспокоеніе; онъ не только не ищетъ славы, но даже пренебрегаетъ мнѣніемъ тѣхъ, которые его «не поймутъ»; ему необходимо уничтожить это недовольство, это мучительное состояніе, не дающее ему покоя; средство онъ находитъ «въ желаніи» «произвесть много, создать». Но чтобы «произвесть, создать», да еще «много», нужны силы, нуженъ талантъ, а въ присутствіи ихъ въ себѣ онъ *сомнѣвается*; отсюда цѣлый рядъ новыхъ мученій: невыносимый

страхъ за будущность, незнаніе, въ чемъ найти спасеніе, неувѣренность въ возможности чего-либо достичь, — сомнѣнія въ своихъ силахъ и т. п. Позволимъ себѣ привести еще одинъ отрывокъ изъ того письма, въ которомъ это настроеніе ярко рисуется:

«Великихъ твореній я отъ себя не ожидаю, или по крайней мѣрѣ *сомнѣваюсь въ ихъ возможности для моихъ силъ*... Правда, при этомъ изученіи (онъ говоритъ о великихъ твореніяхъ) рождается un désir vague, indeterminé (темное, неопредѣленное желаніе) произвесть самому, но это какіе-то образы безъ лицъ, что-то мучительное! Мучительное и потому, что я не хочу, да и не могу уже быть превосходнымъ исполнителемъ чужого, а своего нѣтъ, *да и врядъ ли будетъ*!... Жалкое существованіе!...» (20-го февраля 1841 года).

Такого рода состояніе духа у такихъ натуръ, какова Сѣрова, не рѣдкость, и не разъ еще въ письмахъ его мы сталкиваемся съ нимъ. Танія мученія обыкновенно продолжаются довольно долго, что, впрочемъ, зависитъ отъ импульса, дающаго наконецъ извѣстное направленіе къ выходу изъ этого состоянія и къ свѣту; но пока этотъ импульсъ является, «существованіе» этихъ натуръ дѣйствительно «жалкое».

Такъ, перебирая его письма за 1842 годъ, мы видимъ, что это мучительно-сомнительное состояніе не только не успокоилось, но, напротивъ, все больше и больше возрастаетъ. Доказательствомъ можетъ служить письмо отъ 3 марта, въ которомъ, между прочимъ, находимъ:

«Пока онъ (отецъ) увидитъ настоящее мое значеніе, много воды утечетъ, а можетъ-быть ему и не суждено видѣть, или... *мнѣ не суждено быть чѣмъ-нибудь!*... О, сомнѣніе, сомнѣніе!... Неужели цѣлая жизнь моя такъ пройдетъ? Неужели никто никогда не скажетъ мнѣ: «Александръ, вотъ твоя дорога; теперь ужь—чуръ—не сбиваться!» Но нѣтъ, этого не будетъ: я тогда былъ бы слишкомъ счастливъ, а полнаго счастья, кажется, нѣтъ на землѣ».

И далѣе въ этомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Ты какъ-то все щадишь меня, ожидая,—не знаю, на какомъ основаніи,—чего-то бо́льшаго. А это большее что-то не является. Казалось бы, пора: Александръ Македонскій четырнадцати лѣтъ смирилъ Буцефала, а нѣкоторый тебѣ извѣстный Александръ, 22 лѣтъ, не можетъ хорошенько распознать, на какого коня онъ посаженъ и куда ѣдетъ... Горькая участь!... Иногда, какъ я

тебѣ уже тысячу разъ высказывалъ, *мнѣ* дѣйствительно *кажется, что во мнѣ много, очень много силъ*, что онѣ только еще не всѣ проснулись, что поприще моей дѣятельности ясно открыто предо мной, что впереди многое манитъ меня... *За то иногда я самъ себѣ жалокъ*, предо мною туманъ, а *въ душѣ горькое чувство нищеты*. Эта отчаянная альтернатива ясно отражается въ моихъ слабыхъ попыткахъ».

Эта «альтернатива» — сознаніе, съ одной стороны, возможности стать тѣмъ, чѣмъ желаешь, а съ другой стороны—мучительное сомнѣніе въ своихъ способностяхъ,—сомнѣніе, терзающее и щемящее его душу, — дѣйствительно «отчаянная». Ужь одно сопоставленіе себя съ Александромъ Македонскимъ, обуздавшимъ на четырнадцатомъ году Буцефала, ясно показываетъ, во-первыхъ, цѣль, къ которой стремился Сѣровъ, чѣмъ онъ желалъ стать,—быть чѣмъ-нибудь посредственнымъ для такихъ натуръ немыслимо: ему нужно создать нѣчто удивительное, выходящее изъ ряду вонъ; а во-вторыхъ — то безсильное состояніе, когда человѣкъ готовъ какъ бы мстить себѣ же, иронизируя и подсмѣиваясь надъ собой и своими дѣйствіями. Это саркастическое отношеніе къ себѣ ярче выступаетъ дальше въ томъ же письмѣ. Такъ, мы читаемъ:

«Ха-ха-ха!... Ей-богу, не могу удержаться отъ смѣху... Кто это такъ важничаетъ?» (Это письмо служитъ отвѣтомъ на письмо В. В. Стасова, въ которомъ послѣдній предлагаетъ ему написать оперу. Выше Сѣровъ высказывалъ свои требованія отъ либретто для оперы.)—«Человѣкъ, который не слыхалъ ни единой ноты своей,—человѣкъ, *который никогда не учился ни генералъ-басу, ни контрапункту*, который бродитъ на-пропалую, какъ слѣпецъ, по рвамъ и косогорамъ» и т. д.

Такія мысли роятся въ головѣ его очень и очень долгое время. Желаніе быть тѣмъ, чѣмъ онъ впослѣдствіи сдѣлался, нашло себѣ наконецъ исходъ въ познаніяхъ, неустанномъ трудѣ и въ критической обработкѣ всего добытаго. А чѣмъ онъ желалъ стать, видно изъ письма его къ тому же В. В. Стасову отъ 30 іюля 1843 г.:

«Ты не повѣришь, какъ меня радуетъ мысль, что и ты не отказываешься отъ идеи видѣть меня «*оперистомъ*». Постараюсь оправдать твои желанія хоть нѣсколько».

Еще недавно смѣявшійся надъ собой при мысли о композиторствѣ, онъ теперь серьезно начинаетъ подумывать объ этой

«идеей», съ которой мало-помалу свыкается; *она* становится его необходимой принадлежностью и постепенно охватываетъ все его существованіе, и онъ, въ концѣ концовъ, ей предается весь: для достиженія ея жертвуетъ всѣмъ; все свое время посвящаетъ ей,—словомъ, онъ весь сливается съ этой «идеей». Онъ работаетъ дни и ночи надъ разными «опытами», о которыхъ мы скажемъ ниже, и главное вниманіе обращаетъ на восполненіе въ музыкальномъ образованіи тѣхъ пробѣловъ, которые неминуемы при изученіи какого-либо предмета безъ всякой системы и метода, руководствуясь единственно своимъ чутьемъ и при полномъ отсутствіи руководителей. Убѣдившись въ недостаткѣ свѣдѣній въ теоріи музыки, гармоніи и контрапунктѣ, Сѣровъ всѣмъ пыломъ своей артистической натуры предается изученію этихъ предметовъ. Но то, что другимъ дается легко при помощи преподавателя и указаній, Сѣрову достается съ большими затрудненіями, потому что «до всего,—говоритъ онъ,—надо добираться самому тяжелымъ опытомъ» (16 ноября 1845 г.).

«Некому,—жалуется онъ въ этомъ письмѣ,—меня учить ни контрапункту, ни органу... Я надѣюсь скоро сдѣлать большіе успѣхи, хотя, къ сожалѣнію, никто не можетъ руководить меня».

Чтобы судить о томъ рвеніи, съ какимъ онъ занимался не только вышесказанными предметами, составляющими conditio sine qua non для композитора, но и такими предметами, которые входятъ въ районъ общеобразовательныхъ, или, вѣрнѣе, спеціальныхъ знаній,—стоитъ прочесть письмо его отъ 5 января 1846 г., въ которомъ онъ отвѣчаетъ В. В. Стасову по поводу выраженнаго послѣднимъ удивленія, что Сѣровъ сталъ заниматься «Феноменологіей» и «Логикой» Гегеля:

«Для чего?—Отвѣтъ простой: я не люблю упускать случая познакомиться съ какой угодно наукой, въ полной увѣренности, что если она мнѣ не принесетъ прямой пользы, то на сколько-нибудь расширитъ кругъ мышленія, а это ни въ какомъ случаѣ не вредно».

И далѣе онъ продолжаетъ на эту тему:

«Диллетантизмъ для меня смѣшонъ, если онъ избираетъ одинъ предметъ, безъ способности сдѣлать въ немъ что-нибудь, но имѣя въ виду. *постоянную цѣль* — приводить къ ней нити съ совершенно разныхъ, быть-можетъ очень далекихъ, сторонъ: это—несомнѣнно, когда въ головѣ есть способность дѣйствительная сводить всѣ эти нити *во едино*».

Если столь велика была его жажда образованія и знаній вообще, то не трудно себѣ представить, насколько онъ былъ преданъ *своимъ* предметамъ, избраннымъ и излюбленнымъ, т. е. изученію гармоніи и контрапункта. Указанія на это мы находимъ въ письмахъ его за 1847—48 г.:

«Все мое вниманіе, всѣ усилія сосредоточены на контрапунктѣ, который хочу завоевать во что бы то ни стало,—безъ этого вѣдь и шагу сдѣлать нельзя. Жаль только одно, что я лишился руководителя. За двѣ тысячи верстъ нельзя имѣть учителя, когда надзоръ его нуженъ тутъ каждый часъ...» (Дѣло въ томъ, что профессоръ контрапункта, г. Гунке, нынѣ состоящій библіотекаремъ при с.-петербургской консерваторіи, посылалъ ему время отъ времени разныя задачи и указанія къ ихъ рѣшеніямъ.) «*Жажда моя заниматься контрапунктомъ не знаетъ границъ*» (15 декабря 1847 г.).

Послѣднія слова—не фраза въ устахъ Сѣрова. Не разъ онъ подумывалъ бросить службу, чтобы спеціально посвятить все время изученію контрапункта. Такъ, въ письмѣ отъ 2 февраля 1848 г., онъ между прочимъ говоритъ:

«Нѣтъ, я ни за что не останусь больше въ нашемъ министерствѣ, а то—просто убійство!»

Дѣйствительно, положеніе ужасное: человѣкъ, который «готовъ забыть все на свѣтѣ, чтобы сидѣть и обдумывать контрапунктическія сочетанія» (18 января 1848 г.), для котораго «контрапунктъ такъ привлекателенъ, что онъ готовъ дни и ночи просиживать надъ нимъ, не вставая съ мѣста», который удивляется, «какъ могутъ люди называть эти занятія скучными и скучными» (1 апрѣля того же года),—заброшенъ судьбой за двѣ тысячи верстъ отъ источниковъ знанія, осужденъ заниматься *ради существованія* предметомъ, нисколько его не интересующимъ, и по всему этому лишенъ всякой возможности пользоваться чьими бы то ни было указаніями по избранному и дорогому его сердцу предмету!... Но такія натуры, какова Сѣрова, чувствуютъ въ себѣ силы превозмочь всѣ невзгоды, перенести всякія лишенія, претерпѣть всевозможныя неудачи ради достиженія «цѣли»; всякая преграда къ «ней» является новымъ импульсомъ къ болѣе энергической дѣятельности, а всякія препоны—ступенями, по которымъ онѣ взбираются на тронъ славы. То же мы видимъ у Сѣрова. Онъ нисколько не теряетъ надежды на достиженіе цѣли. «Богъ дастъ,—оканчиваетъ онъ вышеприведенное

письмо,—не все еще нотерино. Буду догонять всѣми силами то, что чуть-чуть отъ меня не ускользнуло».

Еще въ 1847 г. онъ хотѣлъ оставить службу, но два обстоятельства заставили его отречься отъ этой желанной мысли, а именно: вѣчный вопросъ—чѣмъ существовать. На отца, который не особенно благосклонно смотрѣлъ на «попытки» сына и на хладнокровное отношеніе послѣдняго къ службѣ, надѣяться нечего было, да къ тому же онъ былъ обремененъ большимъ семействомъ. Другое обстоятельство его еще болѣе безпокоило: это—боязнь превратить «музу»,—эту богиню, которую онъ мысленно лелѣялъ, составлявшую для него настоящее profession de foi,—въ источникъ кормленія, въ ремесло. Стать ремесленникомъ онъ боялся пуще всего.

«Писать музыку для денегъ,—разсуждаетъ онъ,—c'est toujours une bien triste chose: *кромѣ профанаціи*, огорченій и всего надоѣдательнаго *нельзя ничего ожидать*» (27 іюля 1847 г.).

Пришлось мириться съ обстоятельствами и снова приняться, скрѣпя сердце, за службу, чтобы быть хоть болѣе или менѣе обезпеченнымъ и такимъ образомъ имѣть возможность посвящать все остальное время, свободное отъ обязанностей по службѣ, избранному искусству. А работать приходилось много, что̀ видно изъ слѣдующаго мѣста переписки его съ В. В. Стасовымъ. Къ слову сказать, способъ его работъ аналогиченъ со способомъ занятій нашего знаменитаго историка Карамзина. Не припомню, гдѣ я это вычиталъ, что когда Карамзина однажды спросили: гдѣ онъ беретъ такой гладкій слогъ, — онъ отвѣтилъ: «въ печкѣ». Нѣчто подобное мы находимъ и у Сѣрова:

«Я ничѣмъ не доволенъ (онъ говоритъ о своихъ трудахъ и «попыткахъ»): завтра все брошу въ печь, что написалъ сегодня, и въ цѣлую недѣлю вырабатываю иногда только нѣсколько строкъ» (30 августа 1846 г.).

Этотъ способъ кристаллизаціи своихъ мыслей оставилъ свой глубокій слѣдъ; работая такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, онъ дошелъ до философіи: «познай самого себя»,—другими словами, онъ убѣдился въ томъ, *чего* ему недостаетъ въ композиторствѣ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія заключеніе, къ которому онъ пришелъ, спустя годъ:

«Разсматривая себя какъ можно строже, я убѣдился, что въ техникѣ композиторства мнѣ недостаетъ двухъ чрезвычайно важныхъ условій: 1) manier le contrepoint (владѣть контрапунктомъ),

о чемъ ты уже знаешь подробно, въ чемъ для меня трудность и какъ я стараюсь этому пособить, и 3) умѣть согласить чисто-музыкальную основу сочиняемой вещи съ поэтическимъ ея смысломъ, т. е. умѣть совладать съ техническимъ скелетомъ пьесы, le plier à volonté» (гнуть по волѣ) (12 іюня 1847 г.).

Дѣйствительно, онъ достигъ того, что ему нужно было: онъ восполнилъ эти два пробѣла, какъ мы увидимъ это въ третьей главѣ; но какъ?—Усидчивымъ трудомъ, работая безустанно надъ контрапунктическими сочетаніями, прочитывая все, что попадалось ему подъ руку по его спеціальности, критикуя и перерабатывая каждую мысль по-своему, анализируя каждую вещь и себя въ то же время самымъ добросовѣстнымъ образомъ и изводя нотную бумагу для выработки музыкальнаго стиля:

«Чтобы развязать себѣ руки,—говоритъ онъ,—надо писать бездну и притомъ *болѣе негоднаго, чѣмъ годнаго*» (13 августа 1846 г.).

Придя къ такому убѣжденію, онъ заключаетъ:

«Вотъ мой планъ: я буду трудиться постоянно надъ оперой, буду ею спѣшить au risque même d'en faire un avorton» (рискуя произвести выкидышъ) (тамъ же).

Теперь ужъ намъ понятно будетъ, почему Сѣровъ, не заявившій себя въ качествѣ композитора ни однимъ выдающимся произведеніемъ, вдругъ появился въ свѣтъ своей громадной пятиактной оперой—«Юдиѳью»; но прежде, чѣмъ онъ рѣшился на этотъ шагъ, онъ *двадцать* лѣтъ постоянно работалъ, не щадя ни своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, ни времени, ни средствъ—ради «цѣли». Поэтому намъ кажется особенно любопытнымъ заглянуть въ его мастерскую, посмотрѣть его приготовительные матеріалы,—тѣ матеріалы, изъ которыхъ онъ себѣ создалъ впослѣдствіи пьедесталъ безсмертія.

Въ разсматриваемомъ нами періодѣ его дѣятельность, изъ которой впослѣдствіи образовались двѣ самостоятельныя отрасли, критическая и композиторская,—что составитъ содержаніе двухъ послѣдующихъ главъ нашего очерка,—находилась, если можно такъ выразиться, въ эмбріональномъ состояніи: ни въ той, ни въ другой отрасли Сѣровъ въ разсматриваемое время не является цѣльнымъ, законченнымъ. Въ этомъ періодѣ обнаруживаются только зачатки и критической, и композиторской дѣятельности.

Что касается первой, то о ней, судя по письмамъ за это время, можно сказать весьма немного. Его особенно интересу-

ютъ классики: Моцартъ, Бахъ, Бетховенъ, Веберъ и др., которыхъ онъ изучаетъ со свойственнымъ ему рвеніемъ. Черта, которая съ особенною силой и яркостью выступаетъ въ его критической дѣятельности: это—крайнее непостоянство въ своихъ мнѣніяхъ. Будучи артистомъ, говоря словами Лира, «съ ногъ до головы», а слѣдовательно и дѣйствуя подъ вліяніемъ впечатлѣнія и минутнаго увлеченія, Сѣровъ такъ же часто мѣнялъ свои искреннія убѣжденія, какъ часто его артистическая натура увлекалась тою или другою стороной дѣла. Къ чести его слѣдуетъ отнести *искренность* убѣжденій; напускного, театральнаго въ немъ ничего не было; онъ всегда былъ увѣренъ въ томъ, что онъ говорилъ; хвалилъ ли онъ кого-нибудь или что-нибудь, или порицалъ, — онъ въ эту минуту глубоко вѣрилъ въ истинность своего слова и въ свою правоту. Для примѣра стоитъ прослѣдить его отношенія хотя бы къ знаменитому Мейерберу. Вотъ что онъ писалъ о немъ въ 1840 г.:

«Мнѣ кажется, что Мейерберу еще слишкомъ мало удивляются,—онъ чрезвычайно близокъ къ *идеалу*. Боже мой!... Что это («Гугеноты») за прелесть, что за мотивы, что за мастерская обработка!... *Несравненный* Мейерберъ!»

Или возьмемъ его мнѣніе о «Робертѣ»:

«Всѣ оттѣнки переданы Мейерберомъ неподражаемо... Просто *надо пасть предъ нимъ на колѣна*... Кажется, камень—и тотъ растаетъ при этихъ звукахъ» (20 февраля 1841 г.).

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о немъ, онъ спрашиваетъ:

«Кто изъ всѣхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, est *le favori de mon âme?*—Конечно, Мейерберъ» (17 марта 1841 г.).

«Для меня,—пишетъ онъ черезъ мѣсяцъ,—первый композиторъ все-таки Мейерберъ» (21 апрѣля того же года).

Казалось бы, что человѣкъ, относящійся съ такимъ благоговѣніемъ къ Мейерберу, творцу «Роберта», «Гугенотовъ», «Пророка» и «Африканки», котораго онъ иначе не называетъ, какъ «мой Мейерберъ», «несравненный Мейерберъ» и т. п. эпитетами,—казалось бы, что это заслуженное уваженіе и мнѣніе о немъ болѣе или менѣе прочны и основаны на незыблемыхъ началахъ; но нѣтъ, напрасно стали бы мы такъ думать: такія, крайне увлекающіяся, натуры не держатся однихъ взглядовъ, хотя бы и ими же выработанныхъ; они ихъ мѣняютъ, и очень даже часто, и чѣмъ больше они увлекаются, тѣмъ больше это отражается на ихъ мнѣніяхъ, и тѣмъ менѣе можно отъ нихъ

ожидать безпристрастнаго сужденія. Доказательство мы видимъ на Сѣровѣ въ его отношеніяхъ къ Мейерберу. Вотъ что онъ писалъ, пять лѣтъ спустя, о «своемъ Мейерберѣ»:

«Ты знаешь, какъ я смотрю теперь на этого *жида-шарлатана*... Въ «Гугенотахъ», гдѣ вся задача была историчность, Мейерберъ *не сгумѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ровно ничего*» (22 октября 1846 года). Или:

«Мейерберъ до-нельзя *бѣденъ идеями въ музыкальномъ смыслѣ*»... «Онъ арранжеръ чужого: *у него почти нѣтъ собственной своей музыкальной жилки*» (15 декабря 1847 года).

И этотъ отзывъ даетъ о Мейерберѣ тотъ самый Сѣровъ, который по поводу біографіи Мейербера, написанной Шиллингомъ («Lexicon der Tonkunst»), гдѣ первый упрекается въ заимствованіи мотива изъ какой-то сонаты для сцены искушенія («Робертъ», 3-е дѣйствіе), громилъ филиппиками ненавистниковъ Мейербера à la Цицеронъ: «pecora, non homines» (скоты, не люди). «Да что и говорить: нелѣпо и подло, вотъ и все тутъ!...» (20 февраля 1841 года).

Можно было бы привести еще много примѣровъ крайняго увлеченія Сѣрова то въ одну, то въ другую сторону, но намъ кажется, что приведенные факты достаточно убѣждаютъ въ правотѣ нашей мысли. Такія «увлеченія» были бы непростительны кому-нибудь другому, но не Сѣрову, артисту, мыслящему и живущему подъ вліяніемъ минуты и впечатлѣнія и руководящемуся симпатіями и антипатіями.

Если таково впечатлѣніе, которое производитъ его критическая дѣятельность, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о его композиторской дѣятельности. Напротивъ, здѣсь мы видимъ одно: желаніе выработать изъ себя композитора, желаніе преодолѣть всѣ трудности, встрѣчаемыя въ технической сторонѣ дѣла. Съ этою цѣлью онъ вырабатываетъ свой музыкальный стиль, пробуя различные роды композицій, или, говоря его словами, «дѣлая попытки». Такъ, мы встрѣчаемъ «попытки» и романсовъ, и оркестровыхъ вещей, и даже оперъ.

Къ самымъ первымъ его произведеніямъ относятся пьесы для віолончели и для голоса, о чемъ свидѣтельствуетъ его письмо отъ 21 апрѣля 1841 года, гдѣ мы между прочимъ читаемъ:

«Скоро пришлю тебѣ (В. В. Стасову) совершенно изготовленныя: «Cantique pour le violoncelle» (который, какъ *первѣйшій мой опытъ*, съ вашего позволенія, вамъ посвящается); по-

томъ еще маленькую балладу для голоса на слова Гёте: «Der Rattenfänger»; потомъ еще: «Une fantaisie en forme de valse pour violoncelle et piano».

Къ этому времени относится его «Майская ночь», пѣсня (на слова Гёте) въ голосахъ «canto и violoncello» (1 іюля 1841 г.).

Два года спустя онъ уже мечталъ объ оперѣ:

«Я горю нетерпѣніемъ сыскать молодчика, чтобы скропать мнѣ либретто для оперы въ трехъ актахъ, сюжетъ которой я недавно встрѣтилъ въ одномъ журналѣ. Мнѣ кажется, что если я начну надъ этимъ работать, то должно что-нибудь выйти порядочное, какъ слѣдуетъ. А то вѣдь, ей-богу, пора! Шутка ли, завтра мнѣ 24-й годъ» (10 января 1843 года).

И вотъ В. В. Стасовъ предлагаетъ ему, какъ хорошій сюжетъ для оперы, «Басурмана» Лажечникова; Сѣровъ забываетъ о задуманномъ и пишетъ слѣдующій отвѣтъ:

«Какъ мнѣ тебя благодарить за «Басурмана»! Мысль объ этой оперѣ уже совершенно слилась со всѣмъ моимъ существомъ, вошла въ жизнь мою и какъ будто для нея я себя готовилъ» (18 августа того же года).

Однако «Басурманъ» написанъ не былъ; причина понятна: автору недоставало теоретическихъ свѣдѣній; вмѣсто этого онъ берется за арранжировки классическихъ вещей, хотя мысль объ оперѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, его не оставляетъ. Въ письмѣ отъ 23 августа 1844 года мы находимъ слѣдующее свѣдѣніе о ходѣ его работъ:

«О, еслибы меня сподобилъ Богъ совершить, какъ слѣдуетъ, трудъ арранжировки этой мессы (вторая Бетховена), я уже могъ бы считать себя сдѣлавшимъ нѣчто!... Вмѣстѣ съ этимъ я трудился эти дни весьма прилежно и надъ «Idomeneo» Моцарта».

Не можемъ удержаться, чтобы не привести мнѣніе Сѣрова объ идеалѣ въ оперѣ. Въ письмѣ къ В. Р. Зотову, по поводу отказа послѣдняго сочинить для него либретто на текстъ «Виндзорскія кумушки» Шекспира (на этотъ сюжетъ ему также указалъ В. В. Стасовъ), онъ пишетъ:

«Шекспиръ можетъ быть выраженъ только такой музыкой, гдѣ *съ красотою формъ постоянно сливается истинность выраженія*, и именно *такая музыка* (до сихъ поръ существующая въ операхъ одного Моцарта) *мой идеалъ*» (17 сентября 1844 года).

Къ этому году относится знакомство Сѣрова съ А. С. Даргомыжскимъ. Когда послѣдній посѣтилъ Сѣрова и разсматривалъ его работы, то далъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «Видна неопытность, но талантъ несомнѣнный»,—и при уходѣ, на прощаньи, сказалъ ему по-французски: «Je vous conseille de travailler fortement» (октябрь того же года).

Совѣтъ компетентнѣйшаго судьи не только былъ принятъ Сѣровымъ, но и выполненъ со стараніемъ, достойнымъ Сѣрова: онъ съ удвоенной энергіей принимается за работу, не взирая ни на какія трудности и препятствія.

Въ письмахъ его за 1846 годъ находимъ указанія на романсовыя его «попытки». Такъ, онъ сообщаетъ:

«На прошедшей недѣлѣ я написалъ русскій романсъ на слова Тургенева: «Отрава горькая слезы послѣдней» *). Музыка вышла преплохенькая» (1 апрѣля).

Небезъинтересно заключеніе, къ которому онъ приходитъ по поводу послѣднихъ словъ,—заключеніе, показывающее, насколько ему дорога была его музыка:

«Это показываетъ или какую-то глупость моей натуры, или отсутствіе настоящаго... Тогда *къ чему мнѣ самое лучшее на землѣ счастье?*» (Тамъ же.)

Черезъ нѣсколько дней онъ опять говоритъ объ оперѣ «Мельничихѣ» въ такомъ духѣ:

«Ты видишь (онъ разсуждаетъ о томъ, какъ опера будетъ принята), что мысль о «Мельничихѣ» сильно меня занимаетъ опять» (4 апрѣля 1846 года).

Насколько онъ былъ тщеславенъ и самолюбивъ, съ какой недовѣрчивостью онъ относился къ своимъ «попыткамъ» и «опытамъ»,—ясно видно изъ его отвѣта на предложеніе В. В. Стасова выпустить въ свѣтъ его арранжировки:

«Моихъ арранжировокъ,—пишетъ онъ,—нельзя напечатать, какъ назначенныхъ только для нашего собственнаго употребленія... Я знаю, что и теперь мои арранжировки по всему отличаются отъ обыкновенныхъ арранжировокъ Черни и К°, но знаю также, что *до Листа еще далеко, далеко*!» (19 января 1847 года.)

Вездѣ и во всемъ онъ избираетъ себѣ идеалъ, къ которому онъ неутомимо стремится: такъ, въ оперѣ, какъ мы видѣли, идеаломъ его является Моцартъ, въ арранжировкахъ предъ его

*) Изъ поэмы „Андрей“, помѣщенной въ „*Отеч. Зап.*“, январь 1846 г.

глазами стоитъ другой корифей — Листъ, и покуда онъ — если не достигнетъ, то по крайней мѣрѣ не приблизится къ идеалу, не рѣшается выступить въ свѣтъ; только ужь когда онъ *самъ* сознаетъ, что его работа не заурядная, т. е. хотя болѣе или менѣе приближается къ идеалу, онъ рѣшается на что-нибудь. Такъ было съ арранжировкой увертюры Бетховена «Коріоланъ»; объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ:

«Увертюра Бетховена «Коріоланъ» арранжирована *à la Liszt* и ему посвящена» (16 августа 1847 года).

Листъ остался очень доволенъ этой работой, что̀ видно изъ его письма въ отвѣтъ Сѣрову, въ которомъ онъ «хвалитъ ее». Письмо это помѣщено В. В. Стасовымъ въ статьѣ: «Музыкальные автографы Императорской Публичной библіотеки» (*Отечеств. Записки*, декабрь 1856 года).

Однако и въ это время у него нѣтъ-нѣтъ и прорываются мысли, обнаруживающія тѣ же мучительныя сомнѣнія, съ которыми мы уже раньше познакомились; такъ, въ письмѣ еще отъ 25 августа этого же (1847) года, мы между прочимъ находимъ:

«На каждомъ шагу вижу въ себѣ только диллетантскія желанія, а не настоящую художническую дѣятельность. Быть-можетъ недостатокъ серьезнаго ученія тому причиной, а можетъ-быть и не то...»

И еще долгое время онъ не довѣряетъ себѣ и вслѣдствіе этого не рѣшается что-либо издать изъ своихъ многочисленныхъ трудовъ и работъ по композиціямъ. Для нашей цѣли нѣтъ надобности перечислять *всѣ* его арранжировки и «опыты» композиторскаго пера; тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ юношескихъ трудовъ растеряны. Для насъ важно только то, что онъ, несмотря на похвалы разныхъ компетентныхъ лицъ, все-таки не выпускаетъ ничего до тѣхъ поръ, пока самъ не находитъ, что его трудъ этого достоинъ. До этого же времени онъ занятъ самоприготовленіемъ къ такому труду, а пока выступаетъ въ качествѣ музыкальнаго критика, посвящая всѣ свои часы досуга толкованіямъ и распространеніямъ въ массѣ свѣдѣній о произведеніяхъ выдающихся музыкальныхъ дѣятелей, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Этотъ періодъ его общественной дѣятельности занимаетъ приблизительно около десяти лѣтъ; къ нему мы теперь и приступимъ, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о его curriculum vitae за это время.

II.

(1850—1860.)

Нѣтъ ничего печальнѣе того факта, когда художникъ, въ силу обстоятельствъ, становится «дѣловымъ» человѣкомъ, или, точнѣе говоря, чиновникомъ. Каждому изъ насъ вѣроятно приходилось встрѣчать въ обществѣ эти два типа, и при наблюденіи, вѣроятно, каждый замѣтилъ, что эти лица питаютъ другъ къ другу какую-то тайную непріязнь: художникъ видитъ въ неутомимыхъ трудахъ дѣлового человѣка какое-то непонятное стремленіе къ чему-то неопредѣленному, которое, по его мнѣнію, никакихъ усилій во всякомъ случаѣ не стоитъ; дѣловой человѣкъ, съ своей стороны, считаетъ всѣ возвышенныя стремленія художника какою-то несбыточной мечтой, какимъ-то витаніемъ въ эмпиреяхъ, если не совсѣмъ безплодною тратой времени, которая не дастъ никакого матеріальнаго результата и отъ которой «толку» нечего ожидать. Если таковы отношенія между этими двумя лицами, то нетрудно себѣ представить, какая борьба должна произойти въ душѣ артиста, силой обстоятельствъ вынужденнаго быть чиновникомъ. Именно на долю Сѣрова и выпала такая двойственность положенія: будучи артистомъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ, къ несчастію, долженъ былъ bon gré—mal gré сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ, съ опредѣленными занятіями и обязанностями, съ инструкціей, которой онъ долженъ былъ подчиняться, при работѣ, требовавшей отъ него опредѣленныхъ часовъ времени, при отчетности въ своихъ однообразныхъ дѣйствіяхъ, установленныхъ по извѣстнымъ правиламъ и формамъ, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собой извѣстнаго рода отвѣтственность,—словомъ, при всѣхъ тѣхъ аттрибутахъ, съ которыми неизбѣжно связана служба. Не удивительно, что художническая натура, требующая полнѣйшей свободы дѣйствія, отсутствія всякой отчетности и стѣсненій въ выборѣ формъ для внѣшнихъ выраженій своихъ мыслей и безграничнаго произвола и власти, не подчиненныхъ никакимъ правиламъ, а тѣмъ болѣе разъ навсегда установленнымъ по извѣстному шаблону,—не могла ужиться съ обязанностями чиновника; артистъ долженъ былъ покорить чиновника и свобода должна была взять верхъ надъ узкой, монотонной и стѣсненной формой.

Дѣйствительно, занятія по службѣ, какъ мы ужь это отчасти и замѣтили, Сѣрова не только не привлекали и не дались, но надоѣли ему, опротивѣли, и онъ рѣшился бросить службу: не

вытерпѣла его артистическая натура чиновничьяго гнета и канцелярскаго формализма; душа его жаждала широкой и свободной дѣятельности; онъ искалъ простора и арены дѣятельности для своей мыслящей головы. Несмотря на всѣ предстоявшія затрудненія относительно добыванія средствъ къ существованію, Александръ Николаевичъ рѣшился выйти въ отставку и лишиться такимъ образомъ и послѣдняго источника къ жизни, болѣе или менѣе обезпечивавшаго его, лишь бы заниматься «своимъ» дѣломъ и всецѣло предаться его служенію. Вообще нужно замѣтить, что разсматриваемый нами періодъ жизни Сѣрова относится къ самому печальному времени его жизни: разрывъ съ родителями, о которомъ скажемъ ниже, лишеніе мѣста на службѣ и связанное съ нимъ отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ (постоянныхъ, разумѣется) къ существованію, неопредѣленное положеніе въ обществѣ, неизвѣстность (для него лично) «береговъ», къ которымъ онъ стремился, постоянныя его душевныя терзанія, съ которыми мы уже отчасти познакомились, сомнѣнія за будущее, которое для него было еще вполнѣ неопредѣленно— все это вмѣстѣ сильно вліяло на его артистическую натуру и заставляло его побороть весьма много невзгодъ, переносить много непріятностей, пережить много горькихъ минутъ; но онъ героически стремился къ цѣли и не обращалъ вниманія, насколько это было въ человѣческихъ силахъ, на всѣ препятствія, мѣшавшія ему заниматься своимъ предметомъ. Мѣстомъ, наиболѣе выгоднымъ для занятій, оказался, конечно, Петербургъ, какъ музыкальный центръ и какъ пунктъ, гдѣ находились его родные и близкіе знакомые, каковы гг. Стасовы, Глинка, Даргомыжскій и другіе.

И вотъ въ 1850 году Сѣровъ пріѣзжаетъ изъ Пскова въ Петербургъ уже вышедшимъ въ отставку. Такого рода дѣйствія Александра Николаевича чрезвычайно не понравились отцу, который съ нимъ окончательно разошелся и даже запретилъ ему являться къ нему въ домъ. Характерна фраза, которую Николай Ивановичъ обыкновенно употреблялъ въ разговорахъ съ сыномъ: «живя такимъ образомъ (то-есть не на службѣ), ты умрешь на рогожкѣ гдѣ-нибудь возлѣ кабачка...» Вотъ до чего доходило ослѣпленіе отца относительно способностей сына! И это явленіе типичное: родители часто ослѣплены относительно способностей своихъ дѣтей,—они видятъ въ нихъ геніевъ и феноменовъ или же абсолютныхъ идіотовъ. Но Сѣровъ, чувствуя въ себѣ

громадныя духовныя силы, не могъ придавать слишкомъ большого значенія словамъ отца, фанатически убѣжденнаго въ вѣрности своихъ взглядовъ, и еще съ большей энергіей продолжалъ свое дѣло. Къ этому приблизительно времени относится начало его литературно-критической дѣятельности. Два года онъ провелъ въ крайней нищетѣ, работая то надъ статьями, которыя онъ приготовлялъ къ печати, то надъ своимъ «музыкальнымъ слогомъ». Но нужда, эта постоянная и неизмѣнная спутница всѣхъ почти выдающихся людей,—заставила его опять обратиться къ службѣ, какъ къ единственному, постоянному, мало-мальски обезпечивающему источнику въ матеріальномъ смыслѣ.

Вѣроятно, при стараніяхъ отца, онъ снова занялъ прежнюю должность въ Крыму, то-есть въ Симферополѣ. Здѣсь онъ пробылъ три года (1852 — 1855), откуда вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ Марьей Павловной Анастасьевой. Со времени послѣдняго пріѣзда вплоть до 1860 года Сѣровъ на службѣ не состоялъ. На эти пять лѣтъ выпадаетъ наибольшее количество его литературныхъ трудовъ. Только въ 1860 году Сѣровъ, при содѣйствіи министра почтъ и телеграфовъ, Ѳ. И. Прянишникова, нѣкогда служившаго вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, былъ помѣщенъ цензоромъ иностранныхъ газетъ и журналовъ при почтовомъ департаментѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ назначенъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій; въ этой должности онъ оставался до 1869 года, когда окончательно вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Любопытенъ эпизодъ, передаваемый Валентиной Семеновной Сѣровой, женой композитора, по поводу послѣдней его должности: когда Александръ Николаевичъ пожелалъ узнать, въ чемъ будутъ состоять «порученія», онъ получилъ лаконическій, но весьма характерный отвѣтъ: «пишите оперы». Съ послѣднимъ выходомъ въ отставку навсегда прекращается служебная карьера Сѣрова.

Между тѣмъ въ 1856 г. умеръ Николай Ивановичъ—скоропостижно, отъ разрыва сердца (28 октября). Это обстоятельство произвело на Александра Николаевича весьма сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ не получилъ прощенія отъ отца: Николай Ивановичъ такъ и умеръ въ убѣжденіи, что изъ старшаго сына «ничего путнаго не выйдетъ». Любопытныя подробности передаетъ объ этомъ фактѣ сестра композитора, Олимпіада Николаевна. Наканунѣ смерти отца Сѣровъ пришелъ просить позволенія у матери переночевать у нихъ, такъ какъ у него

въ квартирѣ (по Бассейной, въ д. Яхонтова) было весьма холодно и сыро. Дома никого не было, кромѣ Олимпіады Николаевны. Въ ожиданіи матери, которая была въ театрѣ съ дочерью, Софьей Николаевной (въ замужствѣ Дю-Туръ),—имѣвшей, къ слову сказать, весьма сильное вліяніе на своего брата, какъ нѣжно-любимая сестра и какъ человѣкъ одаренный отъ природы большими умственными способностями и музыкальнымъ талантомъ,—Сѣровъ задремалъ въ креслахъ. Утромъ дали знать изъ участка, что ночью поднятъ на улицѣ трупъ Николая Ивановича, котораго отправили въ пріемный покой, хотя при немъ находились визитныя карточки съ точнымъ обозначеніемъ адреса. Александръ Николаевичъ тотчасъ побѣжалъ въ участокъ, гдѣ и нашелъ мертваго отца. Онъ до того рыдалъ надъ гробомъ непримирившагося съ нимъ отца, что его насилу оторвали отъ его гроба. Онъ его искренно и горячо любилъ.

Каково было житье-бытье Сѣрова за эти десять лѣтъ, т. е. до 1860 г., каково было настроеніе духа его, чѣмъ онъ занимался, что онъ сдѣлалъ для себя и для искусства, и многіе другіе вопросы — найдутъ правдивый отвѣтъ въ его письмахъ къ Дм. Вас. Стасову, М. П. Анастасьевой и отчасти къ Владиміру Васильевичу Стасову.

Мы уже сказали, что за этотъ періодъ Сѣровъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими критически-литературными произведеніями; но не слѣдуетъ думать, что Александръ Николаевичъ, увлекшись своими громадными успѣхами на этомъ поприщѣ, совершенно забываетъ о своей музыкально-композиторской дѣятельности. Напротивъ, онъ много дѣлаетъ въ этой области и даже, какъ увидимъ ниже, рѣшается показать свѣту нѣкоторые свои труды, которые, по его мнѣнію, этого заслуживаютъ.

Первая статья, появившаяся въ свѣтъ, была, по словамъ В. В. Стасова, «Музыка и виртуозы», помѣщенная въ 1856 году въ *Библіотекѣ для чтенія*. Съ этой статьи начинается цѣлая плеяда музыкально-критическихъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — газетахъ и журналахъ. Такъ, онъ сотрудничалъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, *Пантеонѣ*, *Современникѣ*, *Сынѣ Отечества*, *Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ* и во многихъ другихъ изданіяхъ; позднѣе самъ издавалъ органъ—*Театръ и Музыка*. Съ какой осторожностью онъ выступаетъ на общественную дѣятельность, не вслѣдствіе незнанія предмета, а исключительно вслѣдствіе безгранич-

наго самолюбія и тщеславія,—качества, которыми Сѣровъ обладалъ въ высшей степени,—можно судить по слѣдующему факту: въ 1841 г. онъ между прочимъ писалъ къ В. В. Стасову: «A propos, у меня теперь въ головѣ довольно серьезный замыселъ—написать, можетъ-быть, публичную статью о Моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ» (28 сентября)». Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ къ Дм. В. Стасову отъ 14 янв. 1853 г.:

«Въ субботу я отправилъ къ тебѣ статью о «Донъ-Жуанѣ», страницъ въ 40 печатныхъ: это—первая статья; другая будетъ такая же, если не больше».

Итакъ, Сѣровъ *двѣнадцать* лѣтъ не рѣшался привести свой планъ въ исполненіе; только спустя 12 лѣтъ появилось въ свѣтъ (*Пантеонъ* за 1853 г.) то, что онъ задумалъ еще въ 1841 г. Чѣмъ инымъ можно себѣ объяснить это обстоятельство, какъ не самолюбіемъ и тщеславіемъ? Никакія мнѣнія и никакіе авторитеты въ глазахъ такихъ натуръ не играютъ роли; единственнымъ критеріемъ для оцѣнки своихъ дѣйствій является свое «я». Эта черта характера Сѣрова ярче выступаетъ впослѣдствіи; мы съ ней встрѣтимся ниже, при обзорѣ его композиторской дѣятельности.

Одновременно съ сотрудничествомъ въ разныхъ органахъ, Сѣровъ занимался и композиторствомъ. Такъ, къ этому времени относится его опера «Майская ночь» на сюжетъ Гоголя. Первая мысль о ней относится къ 1852 г., какъ видно изъ письма къ Дмитрію Васильевичу Стасову:

«Дорогой, «im freien Nachdenken», какъ говорятъ нѣмецкіе артисты, я много кое-чего придумалъ для оперы «Майской ночи»; надо написать объ этомъ моей либреттисткѣ» *) (27 октября 1852 г.).

Все письмо отъ 22 того же мѣсяца посвящено планамъ и подробностямъ о «Майской ночи». Что эта опера была почти вся окончена, видно изъ слѣдующаго письма отъ 28 января 1854 г.:

«Мнѣ кажется, что въ пафосѣ будетъ главный элементъ моей музыки. Сегодня я внутренно еще болѣе убѣдился, что совладаю съ какимъ бы то ни было трагическимъ сюжетомъ и incessamment примусь за дѣло (есть и сюжетецъ въ виду),—благо *«Майская ночь» въ этомъ году непремѣнно будетъ же на сценѣ»*.

---

*) Прасковья Михайловна Бакунина, въ Москвѣ.

Однако же она никогда поставлена не была. «Майская ночь» была имъ уничтожена, по разсказамъ Валентины Семеновны, благодаря недружелюбному отношенію къ этому произведенію со стороны В. В. Стасова. И въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть черты, свойственной нѣкоторымъ великимъ художникамъ: стоитъ только кому-нибудь не похвалить, или тѣмъ болѣе осудить ихъ твореніе, чтобъ оно опротивѣло имъ и предано было уничтоженію.

Недовольство собой—коренная черта его характера (на что мы обратили особенное вниманіе въ первой главѣ) — не оставляетъ его и въ этомъ періодѣ, несмотря на то, что онъ ужь обратилъ на себя вниманіе всего русскаго музыкальнаго міра и пользовался громаднымъ именемъ въ качествѣ музыкальнаго критика. Такъ, въ письмѣ къ В. В. Стасову отъ 14 іюля 1857 года мы слышимъ тѣ же жалобы на свое положеніе, какія выступили и тамъ:

«Вообще, какъ подумаю, скверно. На плечахъ малому сорокъ лѣтъ (шутка!!!), а что сдѣлано?... Неужели только и будетъ, что арранжировки да статеишки въ журналахъ?! А приходится рукой махнуть, потому что, не въ примѣръ прежняго, я самъ *начинаю терять вѣру во что-нибудь лучшее*».

Но эта «потеря вѣры» вскорѣ замѣняется полной увѣренностью, которая ужь больше его не покидаетъ никогда и которая все возрастаетъ и доходитъ до своего апогея:

«Меньше, чѣмъ когда-либо, — пишетъ онъ,—имѣю я право колебаться и сомнѣваться въ своемъ артистическомъ призваніи. Я доставилъ себѣ нѣкоторую извѣстность, составилъ себѣ имя музыкальными критиками, писательствомъ о музыкѣ; но главная задача моей жизни будетъ не въ этомъ, а въ творчествѣ музыкальномъ» (9 ноября 1860 года).

Если онъ раньше говорилъ: «... теперь вопросъ «быть или не быть» для меня рѣшенъ, теперь я на каждый день смотрю какъ на бѣлый листъ, на которомъ я непремѣнно долженъ что-нибудь написать» (18 мая 1841 года),—то только черезъ девятнадцать слишкомъ лѣтъ эти слова были приведены въ дѣло только съ этого времени онъ дѣйствительно «употребляетъ каждый день на должное», работая и не боясь за себя, потому что его внутренній голосъ, его «я», разрѣшилъ ему всѣ сомнѣнія, сказалъ ему, выражаясь его же словами: «Александръ, вотъ твоя дорога; чуръ—не сбиваться!» И онъ дѣйствительно не сбивался, какъ мы это ниже увидимъ; но пока онъ себѣ пріобрѣлъ популярность и извѣстность въ качествѣ критика.

Разобрать всѣ его критическія статьи намъ не позволяетъ объемъ нашего очерка, да такой трудъ нисколько не входитъ въ нашу задачу, а скорѣе составляетъ предметъ отдѣльнаго сочиненія съ спеціальнымъ музыкальнымъ содержаніемъ; перечислить же просто, когда, въ какомъ органѣ и подъ какимъ заглавіемъ была имъ написана та или другая статья—мы не беремся, потому что такой перечень кажется намъ слишкомъ сухимъ и едва ли интереснымъ для читателей. Поэтому считаемъ болѣе удобнымъ ограничиться нѣсколькими мнѣніями представителей нашей прессы о его критической дѣятельности, желающихъ же ближе познакомиться со статьями Сѣрова и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрить, насколько справедливо приведенное нами то или другое мнѣніе, отсылаемъ къ тѣмъ органамъ, гдѣ печатались его произведенія. Съ этою цѣлью прилагаемъ къ концу нашего очерка болѣе или менѣе подробный «Списокъ критическихъ статей А. Н. Сѣрова, составленный *имъ* самимъ лѣтомъ 1869 года» (съ подлинной рукописи), заимствованный нами изъ *Музыкальнаго Сезона* (1871 года, № 17), издававшагося г. Фаминцынымъ при сотрудничествѣ Сѣрова.

Но прежде позволимъ себѣ сказать два слова по поводу 1859 года, когда въ дѣятельности Александра Николаевича случились два обстоятельства, имѣвшія общественное значеніе.

Въ этомъ году Сѣровъ предпринимаетъ, какъ намъ кажется, неслыханное до него дѣло, а именно: чтеніе публичныхъ лекцій о музыкѣ и о значеніи въ этомъ отношеніи М. И. Глинки, а чрезъ годъ (т. е. въ 1860 году)—такія же лекціи о Рихардѣ Вагнерѣ. Къ сожалѣнію, публика не очень благосклонно отнеслась къ этимъ предпріятіямъ, какъ легко можно убѣдиться изъ письма его къ М. П. Анастасьевой отъ 7 апрѣля 1859 года. Это письмо для насъ особенно важно еще и потому, что оно намъ ярко рисуетъ картину его матеріальнаго благосостоянія,—картину, которая едва ли вѣроятна повидимому, а между тѣмъ она говоритъ о фактѣ, повторяющемся, къ сожалѣнію, почти съ каждымъ нашимъ выдающимся талантомъ. Позволимъ себѣ привести отрывокъ:

«Обстоятельства мои отвратительны! Съ половины курса (съ 9-й лекціи) слушателей только сорокъ человѣкъ! (Онъ читалъ свои лекціи въ университетскомъ залѣ.) Дохода ни гроша!!... Я статьями плачу за лампы на лекціяхъ!... Вотъ Петербургъ! *У меня буквально по цѣлымъ недѣлямъ трехъ копѣекъ не слу-*

чается!... На извощика беру иногда взаймы!... Иногда приходится хоть въ петлю».

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ живутъ наши первоклассные таланты! Дѣло доходило до того, что онъ серьезно подумывалъ искать счастья за границей. И какъ было не озлобляться, видя такое равнодушіе со стороны публики къ такому предмету,—и гдѣ?—въ Петербургѣ, центрѣ русскаго музыкальнаго міра, гдѣ на разныя бездѣлицы и глупости, лишь бы на нихъ была *мода*, сыпятся десятки тысячъ рублей,—въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только появиться бенефисной афишкѣ какой-нибудь бездарной французской актрисы, въ родѣ Дика-Пти, чтобы десятки тысячъ являлись по подпискѣ для поднесенія ей подарковъ въ видѣ поощренія ея таланта (?!) отъ поклонниковъ! (*Поклонницъ* обыкновенно у такихъ артистокъ не бываетъ.) Или припомните, читатель, что происходило въ лагерѣ нашихъ «европейцевъ» во время пребыванія наиэксцентричнѣйшей Сарры Бернаръ... Неудивительно, что это озлобленіе у Сѣрова доходило до такихъ размѣровъ; но за то вполнѣ достойна удивленія и уваженія цѣль, которую преслѣдовалъ онъ во время предполагавшагося пребыванія за границей; о ней мы узнаемъ изъ того же письма, т. е. отъ 7 апрѣля 1859 года:

«... Если ужь удастся мнѣ,—продолжаетъ онъ,—уѣхать въ концѣ мая,—кончено, рѣшено: Россія меня долго не увидитъ! Я улепетываю, чтобы, выйдя въ отставку, жить въ Германіи «корреспондентомъ русскихъ журналовъ», жить не въ анаѳемскомъ Петербургѣ, гдѣ со стороны любви къ искусству ничего никто знать не хочетъ... У Маркса буду заниматься фугами и прочимъ для того, чтобы получить въ Берлинскомъ университетѣ *дипломъ доктора музыки*».

Такого же приблизительно содержанія и письмо къ этой же Анастасьевой отъ 19 марта 1860 года:

«Начиная съ Пасхи я открываю небольшой курсъ (восемь лекцій) полупублично, т. е. по подпискѣ, собственно о *Вагнерѣ* (авось за то удастся сганашить копѣйку, а то совсѣмъ «обтрепался», хуже нищаго! Платья нѣтъ! Сапогъ нѣтъ! Срамота, о которой говорить совѣстно)».

Кстати замѣтимъ, что Сѣровъ души не чаялъ въ Вагнерѣ, о чемъ онъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ и доказалъ это на дѣлѣ, т. е. въ своихъ операхъ, гдѣ онъ является ярымъ послѣдователемъ его направленія. Стоитъ только припомнить его

письма о Вагнерѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, до чего Сѣровъ возноситъ его. Такъ, въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«Я только и брежу Вагнеромъ. Его играю, изучаю, о немъ читаю, говорю, пишу, проповѣдую. Я горжусь тѣмъ, что могу быть его апостоломъ въ Россіи, и апостольство это будетъ сильнѣе, когда я буду кричать изъ-за моря».

Или раньше онъ говорилъ о немъ же: «Какъ въ критика, я въ него просто влюбленъ» (13 августа 1853 года).

Еще рельефнѣе выступаютъ его отношенія къ Вагнеру, какъ къ композитору, въ слѣдующемъ письмѣ. По поводу «Фиделіо» Бетховена, говоря о второмъ дѣйствіи, онъ между прочимъ пишетъ М. П. Анастасьевой: «... онъ (т. е. Бетховенъ) въ своемъ родѣ *не хуже Вагнера* (?!), — это, ты знаешь, по моимъ понятіямъ, необыкновенная похвала» (27 іюня 1859 года).

Намъ думается, что и этихъ фактовъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ отношеніяхъ Сѣрова къ Вагнеру.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немного уклониться отъ нашей задачи, потому что Вагнеръ игралъ весьма важную роль, какъ мы ужь отчасти видѣли, въ творческой дѣятельности Сѣрова, какъ критической, такъ и композиторской.

Однако Александръ Николаевичъ за границу не уѣхалъ и въ скоромъ времени получилъ приглашеніе сотрудничать по «Энциклопедическому Словарю». Во главѣ этого предпріятія въ матеріальномъ отношеніи стоялъ А. А. Краевскій; вся музыкальная часть была отдана Сѣрову съ гонораромъ въ сто рублей за печатный листъ. По этому поводу онъ пишетъ къ М. П. Анастасьевой:

«Il faut faire un travail qui reste. А то я до шестидесяти лѣтъ только «собираться» буду сдѣлать что-нибудь путное по искусству» (19 марта 1860 года).

Итакъ, первое обстоятельство состояло въ публичномъ толкованіи произведеній Глинки и Вагнера. Второе обстоятельство заключалось въ томъ, что Сѣровъ рѣшился въ этомъ году (т. е. въ 1859-мъ) дебютировать предъ публикой въ качествѣ композитора. А именно: въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества былъ исполненъ его «Рождественскій гимнъ», — хоръ и терцетъ для однихъ женскихъ или дѣтскихъ голосовъ, въ совершенно духовномъ характерѣ, — написанный въ томъ же 1859 году. Пьеса имѣла большой успѣхъ и произвела сильное впечатлѣніе.

Обращаясь къ критической дѣятельности Александра Николаевича, невозможно, прежде всего, не проникнуться чувствомъ глубокаго уваженія къ нему, какъ къ человѣку, который *первый* своими публичными лекціями и статьями въ разныхъ органахъ печати обратилъ вниманіе публики на музыку, какъ на предметъ, достойный серьезной, научной критики. И эту честь приписываютъ ему всѣ безъ исключенія. Къ этому слѣдуетъ прибавить другое качество—талантливое, мастерское изложеніе предмета, обнаруживающее глубокое знаніе музыкальной литературы, основательное изученіе предмета, убѣдительный слогъ рѣчи и прекрасныя формы выраженія. И въ этомъ отношеніи всѣ критики его также соглашаются. Начнемъ съ тѣхъ, которые не особенно дружелюбно относятся къ нему, т. е. съ мнѣній гг. Стасова и Кюи.

«Критическія статьи этого періода (1850—1860 г.),—говоритъ В. В. Стасовъ,—блещутъ энергіей, остроуміемъ, ѣдкостью и полемическимъ задоромъ, привлекавшими массу и часто способствовавшими общему музыкальному развитію; онѣ всегда доказывали громадное знакомство съ музыкальной литературой и музыкальными созданіями, но *мало заключаютъ глубины* и игнорируютъ или не понимаютъ почти все созданное послѣ Бетховена» (*Русская Старина* 1875 г., т. XIII).

Почти такое же мнѣніе высказалъ Ц. А. Кюи:

«Онъ былъ одаренъ богаче *всѣхъ* нашихъ остальныхъ музыкальныхъ критиковъ: съ прекраснымъ образованіемъ, начитанностью, огромнымъ запасомъ свѣдѣній, большими музыкальными техническими способностями, онъ соединялъ много остроумія, ѣдкости; языкъ его былъ бойкій, живой, выраженія—очень мѣткія, изложеніе—ясное» (*Петербургскія Вѣдомости* 1871 года, № 41).

Однако, резюмируя результатъ, котораго достигъ Сѣровъ своей критическою дѣятельностью, г. Кюи находитъ, что онъ успѣха не имѣлъ,—и затѣмъ, доискиваясь причинъ неуспѣха, онъ приходитъ къ слѣдующему небезъинтересному заключенію:

«... неуспѣхъ надо искать въ «артистическомъ увлеченіи» Сѣрова, *въ отсутствіи твердыхъ музыкальныхъ мнѣній*, въ слишкомъ частомъ руководствѣ исключительно личными мнѣніями» (тамъ же).

Приблизительно въ такомъ же духѣ высказался и г. Незнакомецъ (г. Суворинъ), мнѣніе котораго (хотя онъ не спеціалистъ

по музыкѣ) заслуживаетъ вниманія по вѣрности взгляда. Онъ говоритъ слѣдующее:

«Ему недоставало настоящей выдержки и спокойнаго анализа. Будучи человѣкомъ чрезвычайно живымъ, подвижнымъ, нервнымъ, страстнымъ, онъ часто увлекался своей впечатлительностью, своей нервностью, и является не столько критикомъ, сколько горячимъ полемистомъ. Но то, что было недостаткомъ въ немъ, какъ въ критикѣ, явилось достоинствомъ, какъ въ оперномъ композиторѣ» (*Петерб. Вѣдом.* 1871 г., № 45).

Это мнѣніе намъ болѣе всего нравится, какъ по своей основѣ (критика требуетъ спокойнаго анализа), такъ и потому, что оно исходитъ отъ такого человѣка, который не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ какихъ *личныхъ* интересахъ къ Сѣрову: ихъ дѣятельности совершено различныя; слѣдовательно, ни о какихъ слабостяхъ человѣческой натуры, отъ которыхъ не въ силахъ отречься даже самые цивилизованные люди, здѣсь рѣчи быть не можетъ.

Если таково мнѣніе о Сѣровѣ, какъ о критикѣ, представителей «новаторской школы», то легко себѣ представить мнѣніе противниковъ ея. Приведемъ на выдержку два изъ нихъ, доказывающія то уваженіе, которымъ Сѣровъ такъ заслуженно долженъ пользоваться. Вотъ мнѣніе г. Столыпина:

«Критическую свою дѣятельность Сѣровъ началъ раньше композиторской, т. е. приблизительно съ 1852 года. До 1863 г. Сѣровъ совершаетъ четыре крупные подвига: 1) Критическими статьями и популярными лекціями въ университетскомъ залѣ онъ *первый* внушаетъ русскому образованному обществу сознательную необходимость и желаніе не только слушать, но и понимать музыку,—словомъ, первый въ Россіи установляетъ правильную, научную музыкальную критику и знакомитъ общество съ настоящимъ направленіемъ и положеніемъ искусства на Западѣ. 2) *Первый* (курсивъ вездѣ г. Столыпина) сознаетъ и выясняетъ значеніе Глинки и блестящимъ образомъ защищаетъ его противъ *космополитическихъ* посягательствъ мнимыхъ поклонниковъ «Руслана»,—посягательствъ, направленныхъ противъ пониманія Глинки, какъ новаго элемента въ искусствѣ,—элемента *народности*. 3) *Первый* достигаетъ такого глубокаго пониманія Бетховена, что наталкивается на открытіе монотематизма девятой симфоніи,—открытіе, которое одно ужъ можетъ выдвинуть человѣка изъ толпы. 4) Четвертый его подвигъ—«Юдиѳь» (Мнѣніе о ней

ниже приведемъ при обзорѣ его композиторской дѣятельности.) (*Всемірная Иллюстрація* 1871 г., № 128).

Къ этому же лагерю относится и Ростиславъ (Ѳ. Толстой), музыкальный рецензентъ *Голоса*:

«... Невозможно отрицать услугъ, оказанныхъ г. Сѣровымъ даже въ качествѣ музыкальнаго критика. Самая запальчивость тона и ѣдкая, жолчная діалектика, возбуждая любопытство читателей, не мало способствовали развитію кружка людей, интересующихся серьезными музыкальными вопросами» (*Голосъ* 1865 г., № 357).

Таковы въ общихъ чертахъ мнѣнія о Сѣровѣ, какъ о критикѣ. Если въ этомъ отношеніи почти *всѣ* сходятся во мнѣніи, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о мнѣніяхъ о немъ же, какъ о композиторѣ. Напротивъ, здѣсь мы видимъ полную рознь между критиками: одни воздаютъ ему должную честь и дань восхищенія, другіе же, въ особенности нѣкоторые представители «новаторской школы», такъ называемой «могучей кучки», отводятъ ему мѣсто, котораго онъ во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ. Впрочемъ, наша задача—не входить въ оцѣнку справедливости того или другого мнѣнія, не полемизировать съ тѣмъ или другимъ критикомъ, а констатировать факты, передать все, насколько это въ нашихъ силахъ, касающееся жизни и дѣятельности Сѣрова. Въ слѣдующей книгѣ перейдемъ къ фактамъ.

В. Баскинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Поэту.

Бой за идею кипитъ во вселенной,
Кроетъ арену туманъ.
Ты, барабанщикъ, поэтъ вдохновенный,
Бей въ барабанъ, въ барабанъ!
Пусть барабаны во вражіемъ станѣ
Громче, сильнѣй и грубѣй,
Знамя идеи трепещетъ въ туманѣ,—
Ближе туда, не робей!
Лагерь бойцовъ съ каждымъ мигомъ рѣдѣетъ,
Но не ослабни душой:
Горсточка если одна уцѣлѣетъ,—
Бей въ барабанъ и для той...
Если-жь падетъ остальная вся братья,—
Даже и трупы зови
Рокотомъ громкимъ вражды и проклятья,
Звуками теплой любви.
Пусть мы падемъ подъ мглою туманной,
Но, не дождавшись зари,
Самъ ты подъ собственный бой барабанный
Съ звукомъ послѣднимъ умри!...

Л. Пальминъ.

Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши.

(По оффиціальнымъ документамъ, изданнымъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ).

Въ предыдущей статьѣ *) мы сказали, что Фридрихъ II, овладѣвъ почти беззавѣтно умами Екатерины II и ея ближайшаго совѣтника и перваго министра, графа Никиты Ивановича Панина, тщательно старался не допускать ни малѣйшей тѣни чьего-либо посторонняго вліянія на нихъ, не только препятствуя союзу Россіи съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Пруссіи, но даже всѣми мѣрами стараясь удалить отъ дѣлъ тѣхъ изъ русскихъ дѣятелей, которые не желали служить прусскимъ цѣлямъ и отдѣляли интересы Россіи отъ интересовъ Пруссіи. Приведемъ нѣсколько весьма любопытныхъ инструкцій Фридриха своему петербургскому послу и депешъ этого послѣдняго, доказывающихъ эти факты съ несомнѣнной ясностію, равно какъ и то, до какой степени русскій дворъ поддавался этимъ маневрамъ.

По отношенію къ русскимъ дѣятелямъ, не поддававшимся вліянію Фридриха, въ высшей степени интересна борьба его съ бывшимъ Елизаветинскимъ канцлеромъ, гр. Бестужевымъ-Рюминымъ, котораго, послѣ тщетныхъ попытокъ свергнуть путемъ обыкновенныхъ дворскихъ интригъ, представилъ наконецъ Екатеринѣ государственнымъ измѣнникомъ (увѣдомленіе о существованіи заговора, въ которомъ будто бы участвуетъ Бестужевъ, и о послужившей поводомъ къ обвиненію перепискѣ его съ Маріей-Терезіей и съ кн. Кауницемъ прислано было изъ Берлина). Но такъ какъ эта борьба относится къ самому началу царствованія Екатерины и, ко времени возникновенія «диссидентскаго дѣла», давно уже успѣла окончиться полнымъ торжествомъ иностранныхъ враговъ нетерпѣвшаго Пруссію старика-графа, то мы на ней и не будемъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ маневрамъ противъ князя Николая Ва-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

сильевича Репнина, русскаго министра и экстраординарнаго посла въ Варшавѣ. Это былъ человѣкъ впечатлительный, вспыльчивый до крайности, крутой и рѣзкій въ обращеніи, съ замашками, нѣсколько напоминавшими азіятскаго деспота, не останавливающагося ни передъ какимъ насиліемъ, когда подчиненные не такъ, или не достаточно быстро творятъ его волю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ честнѣйшій человѣкъ и патріотъ въ полномъ смыслѣ слова, что Екатерина знала очень хорошо, такъ что взвести на него обвиненіе въ измѣнѣ не представлялось никакой возможности. Къ тому же онъ былъ роднымъ племянникомъ Панина и, слѣдовательно, имѣлъ при дворѣ такую протекцію, бороться съ которой было не только трудно, но и не безопасно въ собственныхъ интересахъ Фридриха, очень дорожившаго въ высшей степени полезнымъ для него поклонникомъ своимъ, Панинымъ. Между тѣмъ Репнинъ отнюдь не раздѣлялъ чувствъ своего дяди и въ дѣйствіяхъ своихъ въ Варшавѣ менѣе всего заботился о прусскихъ интересахъ. Облеченный почти неограниченною властью, опираясь на многочисленное войско, онъ деспотически распоряжался съ поляками и рѣзкостію своею раздражалъ ихъ до крайности. Но въ сущности онъ любилъ Польшу и искренно желалъ добра полякамъ, съ которыми часто и поступалъ такъ круто собственно потому, что они своимъ легкомыслiемъ и своей несговорчивостію мѣшали ему принести Польшѣ всю ту пользу, какую онъ хотѣлъ и какая справедливо казалась ему столь же необходимой для интересовъ Россіи. Въ особенности не раздѣлялъ онъ и русскаго мнѣнія, будто интересы эти непремѣнно требуютъ поддержанія анархіи и постоянныхъ смутъ въ Польшѣ. И умъ, и честное сердце, и личный опытъ одинаково убѣждали его, что на такой почвѣ нельзя построить ничего прочнаго, и онъ всѣми силами старался водворить порядокъ, гдѣ только могъ, а главное—помочь расширенію и упроченію королевской власти. Ему приходилось при этомъ дѣйствовать до извѣстной степени наперекоръ екатерининской инструкціи, которая предписывала именно слѣдовать прусской системѣ. Но такъ какъ полномочія его были очень широки, а прусская система явствовала скорѣе изъ духа, чѣмъ изъ буквы инструкціи, по обыкновенію преисполненной красивѣйшихъ фразъ о безкорыстіи, о желаніи блага, объ обезпеченіи свободы и т. п., то Репнинъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать согласно своимъ личнымъ убѣжденіямъ, не нарушая прямо долга повиновенія государынѣ. Это было ему тѣмъ легче, что, при всемъ своемъ поклоненіи Фридриху, Панинъ очень долго, просто до смѣшного для государственнаго человѣка, сохранялъ иллюзіи насчетъ его дѣйствительныхъ плановъ относительно Польши. Уже планъ раздѣла представленъ былъ Фридрихомъ Екатеринѣ, уже и самое слово «раздѣлъ» произнесено было между ними, а Панинъ все еще продолжалъ надѣяться, что король прусскій приметъ его проектъ «сѣвернаго союза» и станетъ добросовѣстно помогать упорядоченію польскихъ дѣлъ, съ цѣлію пріобрѣсти

въ Польшѣ союзницу: для себя—противъ Австріи, для Россіи—противъ Турціи. Его наивность въ этомъ отношеніи простиралась до того, что онъ черезъ Сольмса просилъ Фридриха «сдѣлаться другомъ польскаго короля и поддержать его на трудномъ пути своими разумными совѣтами». При этихъ воззрѣніяхъ Панинъ не могъ, разумѣется, находить ничего дурного въ политикѣ своего племянника и если въ чемъ-нибудь не одобрялъ его поступковъ, такъ только въ рѣзкости и деспотичности обращенія, которая раздражала и отталкивала отъ него самыхъ расположенныхъ къ Россіи поляковъ, а ужь никакъ не въ искреннихъ стремленіяхъ его честно помочь имъ выйти изъ пагубной сумятицы внутреннихъ отношеній. Сближеніе съ королемъ онъ находилъ не только полезнымъ, но и необходимымъ; дружбу съ Чарторыжскими тоже одобрялъ вполнѣ, потому что видѣлъ въ нихъ наиболѣе разумныхъ людей изъ всего польскаго магнатства и разсчитывалъ, что, поддерживая ихъ, Россія достигнетъ своихъ цѣлей съ выгодою и для себя и для Польши. Диссидентское дѣло онъ принималъ близко къ сердцу; но не потому, чтобы видѣлъ въ немъ, какъ Фридрихъ, предлогъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла и удобное средство въ концѣ деморализовать и безъ того погрязавшую въ деморализаціи страну, а потому, что въ немъ, по его мнѣнію, заинтересованы были честь Россіи и слава государыни, поручившейся диссидентамъ за возстановленіе ихъ правъ. Однимъ словомъ, онъ считалъ диссидентское дѣло временнымъ и чрезвычайно непріятнымъ эпизодомъ, который лучше всего было бы окончить въ желательномъ для Россіи смыслѣ путемъ уступокъ въ дѣлѣ измѣненія конституціи, сообразно съ завѣтными стремленіями Станислава Понятовскаго и его партіи. Согласно съ этимъ, Панинъ очень одобрительно смотрѣлъ на поддерживаемыя Репнинымъ попытки сосредоточить въ рукахъ королевской власти верховное управленіе финансами, военнымъ вѣдомствомъ и юстиціей и на образованіе постояннаго совѣта при немъ, первыхъ членовъ котораго Репнинъ долженъ былъ назначить вмѣстѣ съ королемъ. Онъ ничего не имѣлъ даже и противъ уничтоженія зловреднаго liberum veto и еслибъ ему предоставлена была свобода дѣйствій, оно бы и случилось непремѣнно.

Но свобода дѣйствій ему предоставлена не была. Фридрихъ II неусыпно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ всѣхъ прикосновенныхъ къ польскимъ дѣламъ лицъ и буквально бомбардировалъ какъ Екатерину, такъ и Панина жалобами на Репнина. Особенно не прощалъ онъ послѣднему недовѣрія и холодности къ Бенуа, прусскому министру въ Варшавѣ, который такимъ образомъ лишенъ былъ возможности своевременно, т. е. заранѣе, узнавать многое изъ совершавшагося въ Польшѣ. Лично на Репнина въ этомъ отношеніи нельзя было подѣйствовать, ибо онъ слишкомъ горькимъ опытомъ извѣдалъ, насколько можно довѣряться прусскимъ дипломатамъ, и былъ такъ сказать застрахованъ отъ вліянія съ этой стороны (это онъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ въ то время, когда

Фридрихъ провелъ и его и русскій дворъ притворной несговорчивостію на требованія Австріи, а самъ, между тѣмъ, путемъ секретныхъ непосредственныхъ переговоровъ заключилъ съ нею мирный договоръ, который и предложилъ уже готовымъ подписать ошеломленному Репнину). Оставаясь, слѣдовательно, привести русскій дворъ къ тому, чтобъ онъ удалилъ такого неудобнаго для Пруссіи человѣка, тѣмъ болѣе, что Репнинъ мало того, что самъ держался, насколько могъ, въ сторонѣ отъ Бенуа, но еще поощрялъ къ тому же и поляковъ, которые, напримѣръ, не пускали его на засѣданія совѣта и на частныя свои совѣщанія, гдѣ постоянно присутствовалъ Репнинъ, и вообще стали относиться къ нему не очень дружелюбно. Къ сожалѣнію, вспыльчивость и неумѣстная рѣшительность русскаго министра, побуждавшія его первымъ дѣломъ и часто безъ всякой нужды прибѣгать къ мѣрамъ насилія, давали Фридриху какъ нельзя болѣе удобные случаи дѣйствовать противъ него. Компанія началась почти тотчасъ же по прибытіи Репнина на мѣсто. Депеши, сюда относящіяся, тѣмъ болѣе интересны, что по нимъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить весь ходъ диссидентскаго дѣла и въ особенности того, какъ, при всей грубости внѣшнихъ формъ, въ сущности благонамѣренно было отношеніе русскихъ къ полякамъ и какъ неумолимо жестоко, безпощадно враждебно отношеніе Пруссіи. Въ виду этого мы наиболѣе характерныя депеши приведемъ почти цѣликомъ. Вотъ что писали Сольмсу, отъ имени короля, Финкенштейнъ и Герцбергъ (прусскіе министры—государственный и иностранныхъ дѣлъ) 13 августа 1767 г.:

«Изъ подробностей, которыхъ вы коснулись въ разговорѣ вашемъ съ графомъ Панинымъ, по поводу польскихъ дѣлъ, я вижу, что министръ этотъ начинаетъ сознавать всѣ трудности, которыя они могутъ причинить его двору. Сѣмена разъединенія легко было посѣять въ этомъ государствѣ,—они и привились тамъ какъ нельзя лучше; *но еще увидимъ, дастъ ли эта жатва желанные плоды.* Затрудненіе все болѣе и болѣе увеличивается. Броженіе умовъ все усиливается. Каждый только и думаетъ, что о своихъ интересахъ или о своей личной ненависти, такъ что кн. Репнинъ далекъ отъ того, что ожидалъ найдти въ конфедераціи, къ образованію которой онъ такъ былъ расположенъ... Гр. Панинъ, кажется, очень много разсчитываетъ на удачу своихъ проектовъ и на соединенныя усилія кн. Репнина и г. Бенуа. Какъ тотъ, такъ и другой, конечно, очень ревностны и дѣятельны, но если только русскій министръ полагаетъ успѣхъ дѣла въ соединенныхъ трудахъ этихъ лицъ, то *надо желать, чтобы кн. Репнинъ относился къ г. Бенуа съ нѣсколько большимъ довѣріемъ, чѣмъ теперь, и чтобъ онъ посвящалъ его немного болѣе въ тѣ мѣры, которыя онъ намѣренъ предпринимать.* Дѣла отъ этого могутъ только выиграть, потому что г. Бенуа очень хорошо знакомъ съ положеніемъ ихъ, вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ Польшѣ, и *можетъ быть очень полезенъ кн. Репнину своими совѣтами*

указаніями относительно того оборота, который слѣдуетъ придать дѣламъ и какъ за что слѣдуетъ взяться, чтобы хорошенько управлять умами, съ которыми тамъ приходится имѣть дѣло. Это—единственная причина, заставляющая меня желать, чтобы между нашими министрами существовало немножко побольше согласія, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, есть теперь. Затѣмъ мнѣ совершенно безразлично, кѣмъ изъ нихъ будетъ сдѣлано дѣло, лишь бы оно было сдѣлано...»

Мѣсяцъ спустя тѣ же лица снова пишутъ Сольмсу: «... Вы очень хорошо сдѣлаете, если будете продолжать, какъ и прежде, говорить съ гр. Панинымъ въ томъ же духѣ о польскихъ дѣлахъ, хотя при этомъ вамъ слѣдуетъ соблюдать нѣкоторыя предосторожности». (Въ первый разъ Сольмсъ черезчуръ прямо говорилъ о Репнинѣ, что, какъ видно изъ его донесенія, не совсѣмъ понравилось Панину.) «Несомнѣнно, какъ я и писалъ вамъ въ моихъ послѣднихъ депешахъ, что дѣла переживаютъ большой кризисъ. Неблагонамѣренные пользуются такимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы какъ можно болѣе вооружить польскій народъ противъ видовъ Россіи. Между прочимъ, они распустили слухъ, будто императрица хочетъ овладѣть Бѣлоруссіей. Хотя г. Бенуа и кн. Репнинъ стараются, какъ только могутъ, опровергнуть такіе спѣшные слухи, но тѣмъ не менѣе они на многихъ производятъ дурное впечатлѣніе; самъ нунцій и—тотъ выражаетъ по поводу ихъ нѣкоторое безпокойство. Насчетъ дѣйствія этихъ ложныхъ слуховъ» (не лишнее замѣтить, что молва того времени не кому иному, какъ прусскимъ же агентамъ, приписывала распусканіе этихъ слуховъ) «можно быть спокойнымъ, я знаю, потому что факты сами собой уничтожатъ ихъ. Но есть предметъ болѣе важный, котораго слѣдуетъ опасаться, если сеймъ будетъ ограниченъ, это—*чтобы дворъ не попытался воспользоваться этимъ временемъ, чтобы ввести какое-либо учрежденіе, могущее послужить основаніемъ будущаго величія Польши.* Мнѣ извѣстно, что уже издалека подготовляютъ кн. Репнина оказать помощь подобнаго рода планамъ, какъ бы въ благодарность за будущее содѣйствіе двора въ диссидентскомъ дѣлѣ, а что послѣ этого будетъ поднятъ вопросъ, уже возбужденный кн. Чарторыжскими, въ отвѣтѣ ихъ на письмо гр. Панина, въ началѣ этого года. Русскій дворъ настолько знакомъ съ дѣломъ, что не можетъ содѣйствовать ни въ малѣйшей степени расширенію и увеличенію верховной власти въ Польшѣ. Какъ бы ни выгодно было дѣло возстановленія противъ диссидентовъ, оно никогда не можетъ имѣть перевѣса надъ общимъ желаніемъ русскаго и сосѣднихъ дворовъ: *не дозволятъ никогда Польшѣ выходить изъ состоянія слабости и инертности, въ которомъ она находится теперь,* и я надѣюсь, что гр. Панинъ серьезно обдумаетъ этотъ предметъ и не допуститъ, чтобы голосъ двора въ пользу диссидентовъ былъ купленъ такою несоотвѣтственною цѣной, на что тамъ, кажется, разсчитываютъ при возстановленіи ихъ правъ». И затѣмъ, пять дней

спустя, снова настоятельно повторяется: «Вы недурно поступите, если дадите понять гр. Панину,—конечно, съ должными предосторожностями,—какъ намъ важно не поддаваться никакимъ нововведеніямъ въ формѣ правленія въ Польшѣ противъ нынѣ существующей. Было бы, безъ сомнѣнія, слишкомъ дорого покупать возстановленіе диссидентовъ подобною цѣной». Въ отвѣтъ на это Сольмсъ доноситъ, что «здѣсь (въ Петербургѣ) начинаютъ быть очень недовольны нерѣшительностію поляковъ. Частыя перемѣны въ образѣ мыслей вельможъ польскихъ даютъ полный поводъ сомнѣваться въ искренности ихъ обѣщаній императорскому двору». Это расположеніе русскаго двора, безъ сомнѣнія, порадовало Фридриха, но то, что слѣдовало далѣе, вѣроятно пришлось ему еще болѣе по вкусу, такъ какъ онъ увидалъ, что не одинъ кн. Репнинъ всегда готовъ на какое-нибудь, всюду создающее Россіи враговъ, насиліе, но и самъ благоразумный первый министръ россійскій, гр. Панинъ, не прочь подчасъ перещеголять племянника. «Графъ Панинъ,—продолжаетъ свое донесеніе Сольмсъ,—въ такомъ гнѣвѣ, что только и говоритъ о дѣйствіи войсками и о томъ, чтобы схватить нѣсколькихъ лицъ. Этой участи онъ хотѣлъ, въ послѣднее время, подвергнуть крановскаго епископа. Онъ находитъ, что имѣетъ право такъ поступить по декларации ея императорскаго величества, въ которой говорится, что она будетъ смотрѣть какъ на нарушителей общественнаго спокойствія на всѣхъ тѣхъ поляковъ, которые станутъ возставать противъ ея намѣреній, и что съ таковыми она поступитъ весьма строго. Такъ какъ возмутительное пастырское посланіе этого епископа служитъ явною уликой его сопротивленія, то онъ считаетъ себя вправѣ схватить его и посадить въ тюрьму. Не знаю, будетъ ли онъ настаивать на этомъ рѣшеніи, особенно послѣ того, какъ ему представили доводы, что подобное насиліе можетъ не привести къ его цѣли, что фанатики будутъ смотрѣть на епископа какъ на принявшаго мученическій вѣнецъ ради ихъ дѣла и что они выместятъ его участь на диссидентахъ и ожесточатся еще болѣе. Напротивъ того, еслибъ онъ могъ силой отстранить или привлечь подкупомъ эмиссаровъ, шляхтичей и мелкій людъ, находящійся на службѣ магнатовъ оппозиціи, онъ ихъ обезоружилъ бы, лишивъ магнатовъ оппозиціи ихъ приверженцевъ и оставивъ ихъ черезъ это въ бездѣйствіи. Кажется, нерѣшительность многихъ поляковъ происходитъ отъ внушеннаго имъ подозрѣнія, будто императрица вошла въ тайныя соглашенія съ польскимъ королемъ и что, добившись для диссидентовъ того, чего она требуетъ, она затѣмъ броситъ ихъ и предоставитъ мести двора. Вспыльчивость кн. Репнина, который, говорятъ, часто дурно обращается съ людьми, можетъ быть и служитъ причиной того, что онъ не можетъ разубѣдить ихъ въ противномъ. Но такъ какъ мы ожидаемъ сюда, въ скоромъ времени, четырехъ депутатовъ отъ конфедерації, то остается еще надежда черезъ ихъ посредство увѣрить друзей нашихъ въ настоящихъ намѣреніяхъ Россіи и тѣмъ убѣдить ихъ твердо держаться ея

партія. Несмотря на то, что дѣла идутъ не съ такою быстротой, какъ въ началѣ разсчитывали, тѣмъ не менѣе гр. Панинъ нисколько не сомнѣвается въ успѣхѣ и съ прежнею настойчивостью надѣется довести ихъ до конца. Онъ недавно еще говорилъ мнѣ, что русская императрица столько разъ и письменно и словесно поручалась за это дѣло, что, будучи связана своимъ словомъ, она отступить теперь не можетъ и что слѣдуетъ настойчиво идти впередъ. Самъ онъ увѣренъ въ успѣхѣ».

Донесеніе серьезное и такого свойства, что оно должно было взволновать Фридриха. Онъ былъ государь рѣшительный и смѣлый и совѣсть у него была чрезвычайно эластичная, никогда не вынуждавшая его останавливаться ни передъ какими насиліями или обманомъ, если они почему-либо казались ему необходимыми. Интересы и величіе Пруссіи— вотъ единственная цѣль, которая всегда была присуща его уму, единственный принципъ, которымъ онъ руководствовался. Если для этой цѣли и ради этого принципа нужно было совершить что-либо въ общепринятомъ смыслѣ безчестное или возмутительно-жестокое, онъ это совершалъ, не задумываясь. Но самодурства въ немъ не было и тѣни и прибѣгать къ насиліямъ безполезнымъ, или даже когда являлась хоть малѣйшая возможность обойдтись безъ нихъ, онъ не любилъ. Въ особенности никогда не позволялъ онъ себѣ насилія надъ отдѣльными личностями, которыхъ всегда предпочиталъ подкупать деньгами или лестью, смотря по обстоятельствамъ. Свойственная-таки, надо сознаться, большинству русскихъ людей склонность всегда первымъ дѣломъ пустить въ ходъ кулачную расправу, а потомъ ужъ разсудить, нужно ли это было, сильно не нравилась Фридриху и онъ обыкновенно старался воздерживать ихъ отъ нея. Когда онъ считалъ это нужнымъ и хотѣлъ, онъ умѣлъ, въ такихъ случаяхъ, говорить очень энергическимъ языкомъ не только съ Панинымъ, но и съ самой Екатериной. Во время избранія Понятовскаго, напримѣръ, когда тоже вздумали было съ самаго начала прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, Фридрихъ не стѣснился даже пригрозить, что откажется помогать Россіи, если будутъ неосмотрительными поступками доводить дѣло до крайности. Въ письмахъ къ Екатеринѣ (тоже частію изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ) онъ съ злой и весьма мало скрываемой ироніей настойчиво совѣтуетъ ей быть поумѣреннѣе, а послу своему предписываетъ въ то же время деликатно и дружески, но энергично удерживать русскій дворъ отъ слишкомъ крутыхъ мѣръ. Въ данномъ же случаѣ, т. е. узнавъ о замышляемыхъ Панинымъ произвольныхъ арестахъ и т. п., Фридрихъ, наоборотъ, не только не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отговорить его отъ этихъ неистовыхъ плановъ, но даже и виду не подалъ, что знаетъ о нихъ. Ни въ перепискѣ съ Екатериной, ни въ депешахъ, находящихся въ «Сборникѣ», изъ котораго мы заимствуемъ матеріалъ, нѣтъ и слѣда сдерживающихъ совѣтомъ Фридриха. Онъ преспокойно оставилъ русскій дворъ слѣдовать своему есте-

ственному влеченію и только два мѣсяца спустя, когда фактъ насилія уже совершился, удостоилъ обратить на него вниманіе. Мы поговоримъ сейчасъ о причинахъ такого необычнаго образа дѣйствій, да онѣ и сами сдѣлаются ясны, какъ Божій день, когда мы приведемъ депешу, относящуюся къ аресту епископовъ краковскаго и кіевскаго. Теперь же, чтобы не прерывать послѣдовательности изложенія, обратимся къ продолженію маневровъ противъ политики Репнина и его личности и «долбленія» насчетъ зловредности какихъ бы то ни было измѣненій во внутреннемъ строѣ Польши.

Въ теченіе осени Репнинъ, подъ вліяніемъ нарочитыхъ приказаній, показавшій было видъ сближенія съ Бенуа, снова вернулся къ своей прежней сдержанности относительно его и опять сталъ посвящать вопросамъ внутренняго строя Польши больше вниманія, чѣмъ это входило въ виды Фридриха. Между тѣмъ открылся сеймъ, первыя засѣданія котораго оказались весьма бурными. Поляки, наэлектризованные съ одной стороны религіознымъ фанатизмомъ своего духовенства, съ другой — темными слухами о намѣреніи русской императрицы уничтожить и конституцію и республику въ Польшѣ и сдѣлать въ ней Станислава Понятовскаго самодержавнымъ государемъ, въ благодарность за что первымъ актомъ самодержавія Понятовскаго должна быть уступка Россіи Бѣлоруссіи (такъ представляли имъ доброжелатели Россіи тѣ ничтожныя полумѣры, на стремленіе короля къ которымъ русская власть не отвѣчала еще положительнымъ отказомъ),—поляки волновались чрезвычайно и партія, враждебная «ставленнику царицы», росла съ каждымъ днемъ. Поднимался уже вопросъ о томъ, кѣмъ замѣнить Понятовскаго,—до того необходимость свергнуть его казалась большинству очевидной. Положеніе слишкомъ удобное для того, чтобы въ Берлинѣ не постарались его эксплуатировать. Вѣроятно, за это время много депешъ было отправлено къ гр. Сольмсу, но ихъ въ «Сборникѣ», изъ котораго мы заимствуемъ матеріалъ, не находится. Первая депеша, слѣдующая за вышеприведеннымъ донесеніемъ Сольмса, помѣчена 17 октября 1767 года. «Изъ депешъ моихъ, отправленныхъ вамъ нѣсколько недѣль тому назадъ,— значится въ ней,—вы знаете, что въ Варшавѣ говорятъ о проектѣ, составленномъ польскимъ королемъ для увеличенія его власти посредствомъ образованія съ этою цѣлью постояннаго совѣта при немъ. Подозрѣваютъ, что русскій посолъ оказываетъ въ нѣкоторой степени свое содѣйствіе въ этомъ дворѣ для того, чтобы склонить его ускорить рѣшеніе диссидентскаго дѣла. Сначала эти слухи были основаны лишь на однихъ предположеніяхъ, теперь же они, повидимому, становятся достовѣрными, и, судя по послѣднимъ письмамъ, полученнымъ изъ Варшавы, почти не подлежитъ сомнѣнію, что между королемъ и кн. Репнинымъ существуетъ какое-то соглашеніе насчетъ...» (пропускъ въ текстѣ: нѣсколько словъ не разобрано). «*Это-то именно и произвело волненіе*, обнаружившееся на первыхъ

засѣданіяхъ только что открывшагося сейма, и это служитъ причиной затрудненій, которыя русскій посолъ встрѣтилъ при назначеніи депутаціи для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла. Нація только потому и противится съ такою горячностію этой депутаціи, что боится, чтобъ она...» (опять пропускъ въ текстѣ). Въ то время, какъ эта депеша ѣхала въ Петербургъ, изъ Варшавы въ Берлинъ прибыла другая, извѣщавшая, что, по разнымъ причинамъ, кн. Репнинъ и самъ нашелъ неудобнымъ потворствовать видамъ польскаго короля и уже далъ слово г. Бенуа дѣйствовать съ нимъ согласно. Въ Берлинѣ этому очень обрадовались, однако пощадить кн. Репнина и избавить его отъ лишняго выговора не сочли нужнымъ,—совсѣмъ наоборотъ. «Я весьма доволенъ,—говорится въ новой депешѣ къ Сольмсу,—что этотъ опасный проектъ вполнѣ рушился, но все же это нисколько не должно мѣшать гр. Панину отправить русскому послу тѣ приказанія, о необходимости которыхъ я уже говорилъ ему черезъ ваше посредство. Если они будутъ лишними ему въ данномъ случаѣ, то пригодятся въ будущемъ». Предосторожность старинныхъ педагоговъ, наказывавшихъ учениковъ своихъ про запасъ, далеко не лишняя по отношенію къ кн. Репнину, еслибы только поручить ее кому-нибудь другому, а не гр. Панину. Не успѣлъ этотъ послѣдній услыхать минутное одобреніе дѣйствіямъ своего племянника, какъ уже Бенуа донесъ своему государю, что давно извѣстный ему въ проектѣ арестъ епископовъ состоялся. На этотъ разъ Фридрихъ удостоилъ обратить вниманіе на это обстоятельство. Онъ заговорилъ о немъ въ томъ тонѣ, который, какъ онъ зналъ, всегда производилъ впечатлѣніе на русскій дворъ и заставлялъ его—хоть и противъ воли иногда—подчиняться своему геніальному сосѣду. «Польскій сеймъ,—строго писалъ Фридрихъ,—становится со дня на день все болѣе и болѣе бурнымъ и я не предвижу, наконецъ, какой исходъ онъ можетъ имѣть. Мои послѣднія письма изъ Варшавы помѣчены 14-мъ числомъ и до этого дня, съ самаго своего открытія, сеймъ нисколько не подвинулся впередъ. Кн. Репнинъ дошелъ до такой крайности, которая вызоветъ крики негодованія и даже не преминетъ произвести сенсацію за границей. Я говорю о насильственномъ арестованіи епископовъ краковскаго и кіевскаго, извѣстіе о которомъ вы вѣроятно уже получили. Правда, что эти прелаты поджигали оппозиціонную партію и что первый изъ нихъ въ особенности явно нарушилъ обязательства, принятыя на радомскомъ актѣ, и такимъ образомъ сдѣлался виновнымъ противъ той самой конфедераціи, на которую самъ прежде согласился и которая теперь имѣетъ полное право наказать его за это, или, по крайней мѣрѣ, удалить, чтобы предупредить еще бо́льшія несчастія. Но къ какой бы уверткѣ ни прибѣгнули для оправданія этого насилія, я сомнѣваюсь, чтобъ его можно было чѣмъ-нибудь замаскировать, и этотъ случай усугубляетъ мое желаніе, чтобы все это поскорѣе кончилось. Князь своею неумѣстною вспыльчивостію

испортилъ дѣло съ самаго начала: вмѣсто того, чтобы стараться привлечь поляковъ на свою сторону мягкимъ обращеніемъ, какъ бы слѣдовало, онъ своею горячностью натолкнулъ и вооружилъ всѣхъ противъ себя. Но я и самъ сознаю, что зло уже совершено и что зашли слишкомъ далеко, чтобы можно было отступать. Все, чего я прошу въ столь критическихъ обстоятельствахъ, это чтобы не вздумали, по крайней мѣрѣ, ради возстановленія правъ диссидентовъ, согласиться на какую-либо перемѣну въ образѣ существующаго образа правленія. Для представленій, которыя вы должны сдѣлать по этому предмету, прошу васъ слѣдовать наставленіямъ, посланнымъ вамъ съ двумя послѣдними почтами».

Кто подумаетъ, читая эту депешу, что авторъ ея давнымъ-давно предвидѣлъ и конечно успѣлъ двадцать разъ обдумать событіе, о которомъ говоритъ? Не кажется ли, будто оно ошеломило его своей неожиданностію, будто оно даже и въ воображеніи никогда не представлялось ему возможнымъ? А между тѣмъ мы знаемъ, что Фридрихъ имѣлъ полную возможность не только предвидѣть, но и предотвратить его, еслибы хотѣлъ. Не ясно ли, что и это молчаніе въ началѣ, это необычное предоставленіе свободы дѣйствій Россіи и это притворное направленіе все имѣло одну и ту же цѣль: дать русскимъ государственнымъ людямъ надѣлать всякихъ необдуманныхъ и опасныхъ выходокъ, позволить имъ запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ и затѣмъ, представивъ имъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ это можетъ привести, страхомъ этихъ послѣдствій заставить ихъ безусловно подчиниться его, Фридриха, волѣ? По обыкновенію, неустанно практиковавшееся имъ «долбленіе» по вопросу о внутреннихъ порядкахъ въ Польшѣ на этотъ разъ если и не оставалось совершенно безуспѣшнымъ, то все же производило дѣйствіе не въ той полнотѣ, какъ бы хотѣлось Фридриху. Необходимо было найти предлогъ пустить въ ходъ другого боевого коня—застращиваніе, и онъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ воспользовался благопріятнымъ для того случаемъ. Своимъ нетерпѣніемъ и страстію къ насилію русскіе государственные дѣятели сами поставили Россію въ положеніе, которое не безъ основанія можно было назвать критическимъ, — странно было бы Фридриху не воспользоваться этимъ. Есть даже серьезныя основанія думать, что онъ и самъ былъ въ значительной степени причастенъ къ возникновенію тѣхъ событій, которыя сразу истощили крошечный запасъ терпѣнія Панина и Репнина и заставили перваго напасть на мысль, а второго—исполнить актъ насилія, долженствовавшій «вызвать крики негодованія и даже произвести сенсацію за границей». Какъ извѣстно, многіе польскіе историки свидѣтельствуютъ, что Пруссія поддерживала подъ рукою враждебныя русско-королевской партіи мелкія конфедераціи и мы увидимъ ниже, что о томъ же самомъ извѣщали въ то время русскій дворъ иностранныя державы, враждебно относившіяся къ Фридриху II и имѣвшія, поэтому, основаніе желать разрыва тѣсной дружбы съ нимъ Екатерины.

Она, разумѣется, этому не вѣрила; не вѣрили и покорно вторившіе императрицѣ русскіе государственные люди. Но если даже не принимать во вниманіе вообще справедливой пословицы, что нѣтъ дыма безъ огня, то ужь одно странно: двусмысленное поведеніе Фридриха, обнаруживаемое нынѣ опубликованною дипломатическою перепиской его съ послами, доказываетъ, что въ данномъ случаѣ слухи не были вполнѣ безосновательны. Къ такому образу дѣйствій его должно было побудить не одно только желаніе произвести моральное насиліе надъ русскимъ дворомъ. У него была и другая цѣль, о которой мы уже упоминали выше: ему выгодно и нужно было натравливать русскихъ и поляковъ другъ на друга, выгодно и нужно всегда, а въ такое время, когда возникло опасеніе, какъ бы Россія не вздумала уклониться съ пути, указаннаго ей прусскими интересами, и не пошла своей собственною дорогой,—въ такое время даже необходимо. Что поводъ къ такому опасенію существовалъ, это не подлежитъ сомнѣнію и донесенія Сольмса доказываютъ это съ полной очевидностію. Вотъ какъ онъ описываетъ свои наблюденія и свои разговоры съ Панинымъ насчетъ вопроса, всецѣло поглощавшаго вниманіе Фридриха, то-есть объ измѣненіяхъ въ формѣ правленія Польши: «Давнишнія, но частыя попытки польскаго двора добиться перемѣны, которая могла бы впослѣдствіи имѣть большое значеніе для Польши, тѣмъ болѣе не могли ускользнуть отъ замѣчательной проницательности вашего величества, что *вы наблюдаете за всѣмъ происходящимъ тамъ съ меньшимъ пристрастіемъ, чѣмъ это дѣлается въ Россіи*. Боязнь неуспѣха (диссидентскаго дѣла) дѣлаетъ то, что здѣсь хватаются съ жаромъ за всякія средства, обѣщающія успѣхъ, не давая себѣ труда обдумать ихъ предварительно. Это даетъ возможность польскому королю учрежденіемъ финансовыхъ коммиссій увеличивать свои доходы, а военныхъ—взять подъ свое вліяніе гвардейскіе полки, то-есть забрать себѣ такія преимущества, которыми не пользовались его предшественники. Новый проектъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, можетъ быть изъ числа такихъ, которые, будучи различны по внѣшности, въ сущности стремятся къ одной и той же цѣли — увеличенію власти короля. Я говорю о проектѣ учрежденія постояннаго совѣта при особѣ польскаго короля, который дѣйствовалъ бы въ промежуткахъ между сеймами,—проектѣ, безъ сомнѣнія, уже извѣстномъ вашему величеству». (Эта депеша написана гораздо раньше предыдущихъ трехъ.) «*Когда сюда пришло извѣстіе о немъ, я немедленно предостерегъ гр. Панина, стараясь вооружить гр. Панина противъ этого и внушить ему подозрѣніе.* Я представилъ ему, что чрезмѣрная предупредительность польскаго короля къ русскому двору и обѣщанія его оказать свое содѣйствіе всѣмъ видомъ послѣдняго должны казаться подозрительными со стороны такого государя, который еще не такъ давно своими дѣйствіями и своими собственными письмами къ русской императрицѣ заявлялъ въ отношеніи къ ней совершенно противуположныя

чувства. Я даже рѣшился высказать мои соображенія по поводу кн. Репнина, что лестное положеніе, въ которомъ онъ находится, видя, какъ самъ король унижается предъ нимъ, можетъ ослѣпить его и отвести ему глаза отъ скрытыхъ намѣреній короля, заставивъ его слишкомъ легко войти въ запутанныя дѣла, требующія хладнокровія и безпристрастія, чтобы судить о нихъ надлежащимъ образомъ... Мнѣ показалось, что, выслушавъ все за и противъ, гр. Панинъ остановился на томъ рѣшеніи, чтобъ ему присылали сюда всѣ проекты предложеній, которые будутъ поданы тамъ кн. Репнину. *Что касается въ частности проекта о постоянномъ совѣтѣ, онъ того мнѣнія, что проектъ этотъ исходитъ не отъ короля, а скорѣе отъ противной ему партіи, и что онъ стремится скорѣе къ ограниченію королевской власти, нежели къ расширенію ея.* Тѣмъ не менѣе онъ согласился со мною, что прежде, чѣмъ рѣшиться на него, надо его хорошенько обсудить. *Что касается кн. Репнина, онъ считаетъ его неспособнымъ впасть въ заблужденіе.* Онъ говоритъ, что, кромѣ долга службы, замѣшанная въ успѣхѣ переговоровъ честь его должна служить достаточною гарантіей въ томъ, что онъ не вступитъ на ложный путь, а по положенію, имъ занимаемому, на немъ лежитъ такая задача, въ которой стѣснять его въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли было бы неудобно. Мы, находясь вдали отъ него, не можемъ судить о каждыхъ отдѣльныхъ его мѣрахъ и должны вполнѣ вѣрить, что онъ не изберетъ другихъ средствъ, кромѣ самыхъ вѣрныхъ. Такъ какъ его разсужденіе въ отвлеченіи кажется вполнѣ вѣрнымъ, то я не настаивалъ болѣе на этомъ предметѣ и счелъ только необходимымъ настаивать на томъ, что не въ интересахъ вашего величества и Россіи благопріятствовать видамъ польскаго короля...» Принимая во вниманіе политическія цѣли Фридриха и его пятилѣтнюю привычку командовать не только поступками, но и мыслями и чувствами русскаго двора, нетрудно представить себѣ, какъ эти воззрѣнія вліятельнѣйшаго русскаго министра должны были раздражать его. Навѣрное онъ предпочелъ бы даже рѣшительный отпоръ своимъ планамъ, сознательное соперничество, открытую борьбу этой нерѣшительности, этой ужасной политикѣ полумѣръ, съ которой никогда нельзя разсчитать навѣрное, нельзя поручиться за завтрашній день. А Панинъ въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ своемъ выказывалъ именно эти нерѣшительность и полумѣрность. Съ одной стороны онъ съ непонятною наивностью поддавался Фридриху и былъ его покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою до того, что Сольмсъ имѣлъ возможность и право написать однажды такую, напримѣръ, совсѣмъ ужь дико звучащую, фразу: «*Сохраненіе величія Прусской монархіи составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ русской политики*». Эти, для всякаго смѣшныя, но для русскаго еще и возмущающія душу, слова были вовсе не въ шутку и не въ насмѣшку, а весьма серьезно сказаны Сольмсомъ именно о Панинѣ — по поводу одного изъ его проектовъ, направленныхъ

къ осуществленію его любимой идеи «сѣвернаго союза». Этотъ проектъ, какъ и всѣ ему подобные, отнюдь не удовлетворилъ ни Сольмса, ни тѣмъ менѣе самого Фридриха, но первый все же съ понятнымъ въ пруссакѣ восторгомъ говоритъ о немъ, что въ «немъ есть двѣ вещи, которыя должны сдѣлать его драгоцѣннымъ для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ постояннаго союза между вашимъ величествомъ и Россіей. Во-первыхъ, то, что первая идея этого министра, служившая основаніемъ всѣмъ его дальнѣйшимъ разсужденіямъ, состояла въ соблюденіи интересовъ вашего величества. Графъ не имѣлъ времени приготовиться къ предмету, который онъ взялся мнѣ выяснить, а потому это обстоятельство, кажется, можетъ служить доказательствомъ того, что сохраненіе величія Русской монархіи составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ русской политики. Во-вторыхъ... и т. д.». Но, будучи почти рабомъ Фридриха съ одной стороны, Панинъ съ другой стороны постоянно болѣе или менѣе противорѣчилъ его видамъ. Правда, это противорѣчіе ни къ чему не вело, потому что, во-первыхъ, Екатерина хотя и совѣтовалась съ нимъ обо всемъ, но поступала всегда по-своему; во-вторыхъ, и самъ онъ въ концѣ концовъ, наслушавшись вѣчныхъ повтореній одного и того же, приходилъ къ повиновенію Фридриху. Но случалось это большею частію лишь послѣ того, какъ какое-нибудь «случайное и непредвидѣнное» (для Панина) внѣшнее затрудненіе рѣзко напоминало ему, что обойтись безъ короля прусскаго никакъ невозможно. Поэтому понятно, что Фридриху нельзя было вполнѣ положиться на такого колеблющагося поклонника и что возня съ нимъ должна была казаться ему нестерпимой. Да и «затрудненія» могли не всегда оказаться подъ рукой въ должномъ количествѣ: создавать ихъ тоже бываетъ совсѣмъ не легко, тѣмъ болѣе, что все это требуетъ времени, а въ преклонные уже тогда годы Фридриха откладывать надолго исполненіе завѣтныхъ плановъ не приходилось. Еще относительно другихъ международныхъ отношеній своихъ Панинъ, равно какъ и Екатерина оказывались довольно удобоуправляемыми. Разъ они согласились было вступить въ союзъ съ Англіей, но Фридрихъ былъ противъ этого, и они ограничились торговымъ договоромъ. Въ другой разъ Панинъ совсѣмъ ужь собрался было оторвать отъ Австріи и втянуть въ свой «сѣверный союзъ» Саксонію, отлично подвелъ мины и нашелъ какъ нельзя болѣе подходящее орудіе въ лицѣ саксонскаго посланника графа Сакена, удивительнѣйшаго субъекта, который, будучи посланникомъ католической державы, открыто поощрялъ въ Польшѣ диссидентовъ къ сопротивленію политическимъ требованіямъ католическаго духовенства и заранѣе гордился мыслію, что онъ, графъ Сакенъ, будетъ тѣмъ славнымъ мужемъ, который «введетъ Саксонію въ новую систему». Панинъ ужь обѣщалъ ему испросить для него голубую ленту, готовилъ ему самый радушный пріемъ въ Петербургѣ,— словомъ, дѣло казалось настроено отличнѣйшимъ образомъ, оставалось только получить согласіе прусскаго короля. Но вмѣсто согласія послѣдовалъ

категорическій отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «...Скажите ему (Панину) непремѣнно, что я ставлю условіемъ sine qua non, чтобы Россія никоимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не заключала союза съ Саксоніей. Судя по опыту, я знаю, что мои интересы никогда не могутъ быть общими съ этимъ дворомъ, и потому ни за что не приму участія ни въ какомъ союзѣ, который Россія вздумаетъ заключить съ нимъ». Къ этому собственною рукой Фридриха приписано было: «Въ сторону саксонцевъ, или я съ этой же минуты буду считать нашъ союзъ (съ Россіей) недѣйствительнымъ». Этого было достаточно: саксонцевъ, какъ ненужную вещь, безпрекословно бросили въ сторону, и Панинъ никогда не выражалъ даже сожалѣнія о томъ. Но въ отношеніи польскихъ дѣлъ, т. е. тѣхъ, которыя именно составляли исходный пунктъ и центръ стремленій Фридриха, онъ выказывалъ далеко не такую абсолютную податливость. Тутъ не было ни одного вопроса, въ которомъ онъ, вполнѣ соглашаясь съ прусскимъ королемъ въ общемъ, не расходился бы съ нимъ въ подробностяхъ, и притомъ въ такихъ, которыя Фридрихъ считалъ весьма существенными. Относительно liberum veto онъ давно уже убѣдилъ русскаго министра, что его сохраненіе абсолютно необходимо для интересовъ Пруссіи и Россіи. Но было три второстепенныхъ пункта: образованіе постояннаго совѣта, уничтоженіе должностей великаго гетмана и главнаго казначея, съ замѣною ихъ военной и финансовой комиссіями, и причисленіе экономическихъ дѣлъ къ разряду такихъ, которыя могутъ рѣшаться только единодушнымъ постановленіемъ сейма,—и насчетъ этихъ трехъ пунктовъ и еще насчетъ Репнина Фридриху удалось сладить съ Панинымъ не иначе, какъ путемъ «затрудненій». Постояннымъ совѣтомъ онъ пожертвовалъ только послѣ минутнаго переполоха по случаю ареста епископовъ, да и то вѣроятно не поспѣшилъ бы такъ, еслибы зналъ заранѣе, какъ вполнѣ равнодушно отнесутся къ этому католическія державы, изъ которыхъ ни одна даже энергическаго протеста не прислала. Что же касается до остальнаго, то тутъ только опасность войны съ Турціей заставила его уступить. Даже въ началѣ 1768 года, т. е. уже наканунѣ войны (впрочемъ тогда еще не гровившей Россіи безповоротно), онъ все еще отстаивалъ для Россіи право хоть мало-мальски поддержать Польшу въ ея грустномъ положеніи. «Насчетъ возстановленія двухъ главныхъ должностей (гетмана и казначея),—доноситъ Сольмсъ Фридриху въ половинѣ января 1768 года,—графъ Панинъ высказалъ мнѣ надежду, что ваше величество не будете непремѣнно настаивать на этомъ, какъ на чемъ-либо безусловно необходимомъ, да что кромѣ того ему и времени не хватитъ, чтобы подготовить умы и дѣла къ новой перемѣнѣ. Онъ льститъ себя еще надеждой, что ваше величество, представивъ себѣ внутреннее состояніе Польской республики, замѣтите, что для интереса обоихъ дворовъ выгоднѣе раздѣлить власть по этимъ должностямъ между нѣсколькими членами комиссіи, чѣмъ, какъ было прежде, отдать ее въ руки немногихъ лицъ, ко-

торыя деспотически ею пользовались. Что такъ какъ Россія уже давно имѣетъ дѣло съ Польшей, то она имѣла случай вполнѣ убѣдиться, насколько власть великихъ гетмановъ могла быть опасной. Что не всѣ комиссары могутъ быть подкупаемы королемъ, что вліяніе дворовъ, имѣющихъ интересъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, можетъ быть сохранено при условіи равновѣсія между властію короля и властію государства. Что должность главнаго казначея по-истинѣ не представляетъ никакого интереса для сосѣднихъ государствъ, между тѣмъ для поляковъ было бы не малымъ облегченіемъ, если имъ позволятъ внести нѣкоторое улучшеніе въ ихъ финансовую систему, которая до сихъ поръ служила лишь къ обогащенію двухъ-трехъ лицъ. Что такъ какъ первоначальное устройство этихъ комиссій было недостаточно, то и задумали его исправить, и что теперь въ Варшавѣ разрабатывается новый планъ, по которому финансовая система должна быть гораздо лучше...»

Только человѣкъ ослѣпленный пристрастіемъ можетъ не видѣть, сколько въ этихъ словахъ Панина проглядываетъ добраго чувства къ полякамъ и сердечной печали о горькой необходимости изъ политическихъ видовъ дѣлить и умышленно развращать несчастную націю. Однихъ этихъ словъ достаточно было для Фридриха, чтобы понимать, что, несмотря на все его могучее и тираническое вліяніе, ему не удалось сбить съ толку сердце Панина и что онъ охотно предпочелъ бы иную политику относительно поляковъ, хотя, какъ истинно-русскій человѣкъ, и готовъ былъ ежеминутно угостить ихъ тумакомъ, если они не хотѣли понимать его. Однихъ этихъ словъ было достаточно, говоримъ, но у Панина прорывались не разъ и болѣе знаменательныя еще. Напримѣръ, онъ всѣми силами возставалъ противъ всякой мысли о завоеваніяхъ, допуская ихъ только со стороны Турціи, да и то лишь если крайность вынудитъ къ тому; что же касается собственно Польши, то онъ разъ высказалъ Сольмсу, что ему кажется ужаснымъ и низкимъ строить политику своего государства на несчастіи и гибели сосѣдняго. Однимъ словомъ, инстинктъ и сердце Панина возставали противъ прусской политики раздѣла, котораго онъ еще не подозрѣвалъ, но безсознательно предчувствовалъ. Положимъ, Фридрихъ не имѣлъ никакого основанія опасаться, чтобы сердечныя чувства когда-либо возымѣли хоть малѣйшее вліяніе на Екатерину и ея политику, но тутъ существовала для него другая опасность. Ея вполнѣ правильный, здравый политическій разсчетъ могъ заставить отдать, въ одинъ прекрасный день, предпочтеніе Панинской политикѣ сердца относительно поляковъ,—политикѣ, которая могла понемножку эмансипировать ее отъ прусской зависимости, особенно еслибъ осуществился многоосмѣянный, но вовсе не глупый,—напротивъ, очень умно и тонко составленный,—Панинскій же проектъ сѣвернаго союза, который могъ служить противовѣсомъ исключительному вліянію Фридриха. Наконецъ, независимо отъ политическаго разсчета, просто честолюбіе и тщеславіе могли внушить Екатеринѣ жела-

міе эмансипироваться отъ вліянія прусскаго короля. Невозможно отрицать, что въ эпоху, о которой мы говоримъ теперь, она уже и выказывала неоспоримые признаки такого честолюбиваго стремленія. Панинъ былъ очень откровенъ съ Сольмсомъ и могъ *говорить* ему многое, что думалъ только самъ лично; но *дѣлать* могъ только то, что приказывала, или, по крайней мѣрѣ, разрѣшала Екатерина, которая не дозволяла ему ни малѣйшей самостоятельности въ дѣлахъ внѣшней политики. Происходившее въ Польшѣ потому и волновало такъ Фридриха, что инициатива почти всего принадлежала самой императрицѣ. Такъ все, что касалось вопроса о реорганизаціи основныхъ законовъ, исходило отъ нея, между прочимъ и мысль объ учрежденіи постояннаго совѣта при королѣ польскомъ. Т. е. мысль-то, конечно, подана ей была извнѣ, и именно, кажется, Чарторыжскими, но она приняла ее такъ охотно, что сдѣлала ее почти своею и притомъ дала свое согласіе, даже не освѣдомившись, понравится ли эта идея королю прусскому. Это-то и составляло самое важное для него явленіе, что Екатерина переставала спрашивать предварительнаго совѣта Фридриха насчетъ своихъ дѣйствій, и не только переставала, но видимо старалась даже, по возможности, скрыть отъ него свои начинанія. Какъ ни велика была антипатія Рещина къ прусскому дипломату, но онъ, разумѣется, никогда не посмѣлъ бы устранять Бенуа отъ дѣлъ, еслибы на то не было согласія императрицы. Между тѣмъ его систематически устраняли, несмотря на категорическія настоянія Фридриха,—устраняли даже послѣ дипломатическаго эпизода, который мы сейчасъ разскажемъ и который имѣлъ, повидимому, рѣшающее значеніе по отношенію къ дальнѣйшему направленію польскихъ дѣлъ. Точно также Екатерина съ жаромъ ухватилась за мысль Панина о союзѣ съ Польшей и очень ревностно хлопотала о заключеніи союзнаго трактата, проектъ котораго набросала сама. Этотъ трактатъ, въ которомъ онъ справедливо видѣлъ первый камень будущаго соединенія Польши съ Россіей, безъ всякой тѣни раздѣла, особенно безпокоилъ Фридриха. Онъ энергически требовалъ, чтобъ этотъ трактатъ прежде своего заключенія былъ предъявленъ ему. «Гр. Панинъ,—писалъ онъ Сольмсу чрезъ своихъ министровъ,—долженъ особенно помнить, что, по секретной статьѣ нашего союзнаго договора, императрица и я взаимно обязались совѣтоваться другъ съ другомъ обо всемъ касающемся дѣлъ республики и средствъ для поддержанія ея конституціи. А потому я имѣю полное право надѣяться, что въ инструкціяхъ, которыя гр. Панинъ пошлетъ своему племяннику, послѣднему дано будетъ полномочіе откровенно и съ довѣріемъ сообщать г. Бенуа все, о чемъ онъ уговорится съ членами депутаціи. Мнѣ въ особенности важно имѣть, тотчасъ по его составленіи, проектъ договора, который онъ имѣетъ заключить, чтобъ я могъ самъ просмотрѣть его содержаніе и переговорить, въ случаѣ надобности, съ императрицей прежде, чѣмъ она дастъ свое одобреніе къ подписанію его. Безъ замедленія переговорите объ этомъ съ гр. Па-

нимъ, дабы онъ, если въ отправляемыхъ инструкціяхъ къ ни. Репнину объ этомъ не упоминается, могъ прибавить къ нимъ приказаніе передать г. Бенуа копію съ проектируемаго договора, тотчасъ по отправкѣ оригинала въ Москву, на разсмотрѣніе императрицы...» Вели политику одинъ Панинъ, такого рѣзкаго замѣчанія было бы вполнѣ достаточно, чтобы заставить его тотчасъ же смириться. Но съ Екатериной на это разсчитывать было нельзя. Разъ твердо укрѣпившись на престолѣ и извѣдавъ,—правда, благодаря Фридриху и подъ его руководствомъ,—свою силу во внѣшней политикѣ, въ дѣлѣ избранія Понятовскаго, она, по своему характеру, естественно должна была стремиться не только къ эмансипаціи, но и къ господству. Она была именно такая женщина, которая должна была ласкать мечту—въ свою очередь забрать когда-нибудь Фридриха въ свои руки. Не большой, но характерный для Екатерины случай показываетъ, что она чуть ли не вообразила, будто уже наступилъ моментъ потребовать этого наслажденія. При началѣ диссидентскаго дѣла у Фридриха происходили съ поляками какія-то пререканія насчетъ пограничныхъ дѣлъ. Исторія сама по себѣ не важная, но несносная своимъ постояннымъ повтореніемъ и тѣмъ, что она служила для Пруссіи предлогомъ прижимать поляковъ. Екатерина иногда заступалась за нихъ передъ Фридрихомъ. И между прочимъ, чувствуя желаніе оказать имъ милость послѣ избранія Понятовскаго, уговорила его отказаться отъ произвольно-назначенныхъ имъ пошлинъ въ Маріенвердерской таможнѣ. Когда дѣла въ Польшѣ запутались, волненіе оказалось сильнѣе, чѣмъ ожидали. Екатерина, основываясь на своемъ союзномъ договорѣ съ нимъ, который, надо сознаться, толковала гораздо шире, чѣмъ можно было, стала требовать, чтобы Фридрихъ двинулъ въ Польшу и свои войска. Разговаривая объ этомъ съ Сольмсомъ, она, между прочимъ, употребила выраженіе, что за помощь, оказанную ей теперь въ Польшѣ, она позволитъ Фридриху безпрепятственно распорядиться въ своихъ владѣніяхъ, какъ она сама пожелаетъ. Что именно она хотѣла сказать этимъ, трудно опредѣлить съ достовѣрностію, потому что депеши Сольмса съ отчетомъ объ этомъ разговорѣ въ «Сборникѣ» нѣтъ, а въ другихъ источникахъ эта мелочь, понятно, не упоминается и не могла бы быть упомянута. По всѣмъ вѣроятіямъ, слова императрицы относились именно къ таможеннымъ дѣламъ, потому что, сколько извѣстно, никакого иного вмѣшательства во внутреннія дѣла Пруссіи она себѣ никогда не позволяла, а въ то время, когда она употребила это неловкое выраженіе, къ этому не было и повода. Что бы тамъ ни было, но эти дѣйствительно неловкія слова породили цѣлый и притомъ, какъ сказано, весьма серьезный дипломатическій эпизодъ. Въ самомъ ли дѣлѣ выраженіе Екатерины переполнило мѣру терпѣнія Фридриха и заставило его выйти изъ границъ, какъ отъ лишней капли проливается черезъ край вода въ переполненномъ сосудѣ, просто ли онъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ напомнить своей союзницѣ, чтобъ она не очень за-

бывалась передъ нимъ,—только Фридрихъ, получивъ донесеніе Сольмса, взволновался чрезвычайно. Устранивъ на этотъ разъ министровъ, онъ самъ принялся писать своимъ посламъ и заговорилъ при этомъ такимъ тономъ, который рѣдко принималъ съ Россіей, особенно когда дѣло касалось лично императрицы, которой онъ старался льстить даже въ депешахъ къ Сольмсу, что, впрочемъ, и понятно, потому что послѣдній всегда показывалъ ихъ Панину, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ нарочито объяснялось, что онѣ для него одного. Итакъ, вотъ что говорилъ Фридрихъ: «Депешу вашу отъ 14 числа этого мѣсяца я получилъ исправно» (ея въ «Сборникѣ» нѣтъ). «Не замѣчаете ли вы и сами явныхъ противорѣчій, въ которыя впадаете? Съ одной стороны вы говорите, что императрица не желаетъ ни въ чемъ нарушать моихъ правъ, а съ другой, что она противится моимъ внутреннимъ распоряженіямъ. Вы говорите, что въ знакъ признательности за помощь, которую я могъ бы оказать ей въ Польшѣ, она дастъ мнѣ позволеніе устроить мои дѣла такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Еще разъ я никогда не потерплю, чтобъ иностранная держава, не имѣющая на то ни правъ, ни предлога, могла вмѣшаться въ дѣла моего государства. Скажу болѣе—этого никогда и не случится до конца моей жизни. А потому этимъ господамъ остается принять свои мѣры по поводу того, что я вамъ писалъ, потому что подобныхъ посягательствъ какой бы то ни было державы никто терпѣть не будетъ. Перейдемъ къ диссидентамъ. Я приказалъ предъявить въ Варшавѣ декларацію сообразно тому, какъ мы условились, но этимъ и ограничусь, потому что императрица сама писала въ прошломъ году, черезъ г. Сольдерна, что она не отнеслась бы равнодушно, еслибы мнѣ наскучили польскія дѣла. Въ послѣдній разъ гр. Панинъ объявилъ вамъ, что они довольны моей декларацією на варшавскомъ сеймѣ и что объ остальномъ Россія позаботится сама. Пусть же она и заботится и оставитъ меня въ покоѣ, потому что если я двину свои войска, то поляки примутся писать объ этомъ, а въ Петербургѣ, гдѣ часто бываютъ въ дурномъ расположеніи духа, найдутъ, что ужь я черезчуръ много... Эти сплетни и эта возня сдѣлаются мнѣ, наконецъ, невыносимы; да и кромѣ того я не имѣю ни малѣйшаго предлога вмѣшиваться въ польскія дѣла. Одна, другая демонстрація можетъ повести дѣло такъ далеко, что придется очутиться въ войнѣ съ половиной Европы, что конечно не согласовалось бы съ миролюбивой системой императрицы. Но на этомъ сеймѣ былъ возбужденъ еще вопросъ. Чарторыжскіе хотятъ настоять, чтобы рѣшенія сейма постановлялись постоянно большинствомъ голосовъ. Это значитъ — измѣнить до основанія форму правленія, что можетъ сдѣлаться весьма серьезнымъ, если только не обратятъ на это должнаго вниманія; между тѣмъ это главный предметъ, который насъ занимаетъ въ настоящее время. Эти поляки, которыхъ начали такъ превозносить въ Петербургѣ, бываютъ и отважны, и малодушны, и если только кто вздумаетъ поло-

житься на нихъ, то непремѣнно будетъ обманутъ ими. Поэтому слѣдуетъ соединиться и соединенными усиліями воспрепятствовать имъ измѣнить форму правленія. Вотъ это-то пусть и послужитъ вамъ инструкціей въ вашихъ переговорахъ». Въ тотъ же день въ Бенуа отправлена была депеша такого содержанія: «Сейчасъ получилъ депешу вашу отъ 22 числа. Относительно содержанія ея могу сказать вамъ — какъ для инструкцій на будущее время, такъ и для опредѣленія направленія въ настоящемъ, что вы очень хорошо поступаете, что противитесь продолжительности конфедераціи и всякому намѣренію произвести измѣненіе въ существующемъ образѣ правленія въ Польшѣ. Но такъ какъ я опасаюсь ссоры между Россіей и Польшей, въ которую мнѣ не хочется вмѣшиваться, то предписываю вамъ, чтобы вы въ совмѣстныхъ декларацiяхъ вашихъ съ русскимъ посломъ, по случаю сейма, собравшагося въ Польшѣ, съ своей стороны дѣлали одни лишь дружественныя представленія. Сообразуйтесь съ этимъ».

Всѣ эти приказанія посламъ отданы были лично Фридрихомъ и въ то же время назначенъ былъ состоять при посольствѣ въ Варшавѣ нѣкій прусскій дипломатъ Рексинъ, человѣкъ завѣдомо враждебный Россіи, который вдобавокъ имѣлъ поводъ лично ненавидѣть русскій дворъ, потому что, благодаря ему, лишился прекраснаго положенія. Онъ прежде (во время избранія въ Польшѣ короля) былъ посломъ въ Константинополѣ и—конечно, не безъ вѣдома, а всего вѣроятнѣе по приказанію Фридриха—велъ тамъ интриги противъ Россіи, но велъ такъ неловко, что это дошло до русскаго двора. На этотъ разъ Екатерина не могла не повѣрить, ибо услужливые друзья фактически доказали ей свои свѣдѣнія, и она, черезъ Панина и въ собственноручномъ письмѣ, жаловалась Фридриху на поведеніе его посла. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, неловкаго исполнителя сдѣлали козломъ отпущенія. Фридрихъ клятвенно увѣрилъ Екатерину, что если и были какія-нибудь интриги, то онъ о нихъ ничего не знаетъ, что Рексинъ велъ ихъ на собственный страхъ, и въ доказательство, не дожидаясь результатовъ назначеннаго слѣдствія, отставилъ Рексина отъ должности посла. Вотъ этого-то человѣка онъ послалъ теперь въ Польшу. Очевидно, снова требовался смѣлый дипломотъ, не боявшійся дѣйствовать «на собственный страхъ», на ловкость же его послѣ константинопольскаго опыта положиться было, вѣроятно, можно. Въ Россіи этимъ назначеніемъ были, разумѣется, очень недовольны и Панинъ съ большой горечью выговаривалъ за это Сольмсу, на что Фридрихъ однако не обратилъ особеннаго вниманія, хотя Панинъ говорилъ между прочимъ отъ имени императрицы.

Наружно этотъ эпизодъ, съ исторіей Рексина включительно, не повелъ ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ. Отношеніе прусскаго и русскаго дворовъ остались по-прежнему интимны, союзъ ихъ крѣпокъ и проченъ и даже монархи продолжали обмѣниваться дружескими письмами и

взаимными любезностями. Екатерина посылала Фридриху свой «Наказъ» въ нѣмецкомъ переводѣ, а онъ съ своей стороны разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ ей. Казалось, все шло какъ нельзя лучше. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ глубинѣ вещей, по крайней мѣрѣ для одного изъ союзниковъ, все перемѣнилось изъ конца въ конецъ. Мы убѣждены, что если поискать хорошенько въ секретномъ прусскомъ государственномъ архивѣ, въ перепискѣ короля Фридриха II съ министрами Финкенштейномъ или Герцбергомъ, то въ числѣ писемъ непремѣнно найдется pendant къ тому, которое приведено нами въ первой статьѣ нашей, — pendant приблизительно такого содержанія: «Не скрою отъ васъ, что опытъ привелъ меня къ убѣжденію, что съ русской императрицей надо держать ухо востро. Ее можно смирить только серьезными и опасными для нея затрудненіями. Поэтому, если мы желаемъ извлечь пользу изъ союза съ Россіей, намъ надо снова поставить ее въ такое положеніе, въ которомъ она ежеминутно чувствовала бы себя въ нашей власти и понимала, что нуждается въ насъ. Это я и постараюсь устроить въ возможно скорѣйшемъ времени». Очень можетъ быть, что мы ошибаемся, что серьезныя затрудненія, дѣйствительно послѣдовавшія для Россіи почти тотчасъ послѣ разсказаннаго эпизода, лишь случайно явились такъ кстати для Фридриха, который только съумѣлъ воспользоваться ими. Но надо сознаться, что этому довольно-таки трудно повѣрить и, какъ мы видѣли выше, никто въ Европѣ не вѣрилъ, за исключеніемъ, впрочемъ, русскихъ, если допустить, что они въ этомъ случаѣ говорили правду.

Однако надо быть справедливымъ ко всѣмъ и поэтому слѣдуетъ замѣтить, что Фридрихъ, если онъ повиненъ былъ въ созданіи затрудненій для Россіи, не сразу прибѣгъ къ этому крайнему средству, а сначала попробовалъ, и не разъ, не удастся ли ему по-прежнему закабалить русскій дворъ путемъ простыхъ угрозъ и дипломатическаго воздѣйствія. Онъ возобновилъ,—впрочемъ, почти и не прерывавшуюся,—систему долбящихъ повтореній и раза два посылалъ, подъ видомъ депешъ къ Сольмсу, ноты, представлявшія какъ бы нѣкотораго рода ультиматумъ. Напримѣръ, нижеслѣдующая положительно носитъ этотъ характеръ: «...такъ какъ я, на коронаціонномъ сеймѣ, вмѣстѣ съ русскимъ дворомъ, принялъ на себя обязательство формально и неограниченно покровительствовать конституціи республики и настоящему образу правленія въ ней, то этому двору слѣдовало бы, кажется, съ того момента, какъ состоялось наше совокупное обязательство, сообщать мнѣ свои планы, по предполагаемымъ имъ различнымъ переустройствамъ, и что ни малѣйшая перемѣна въ существующей администраціи не должна бы была проектироваться безъ вѣдома всѣхъ тѣхъ, кто поручился за ея неприкосновенность. Между тѣмъ этого нѣтъ. Я охотно уступаю русскому двору преимущество первенствующаго положенія въ устройствѣ этихъ политическихъ дѣлъ, но однако съ

тѣмъ, чтобъ отъ меня уже не требовали гарантіи, которую я иначе далъ бы, и чтобы графъ Панинъ честно выполнялъ условія, на которыхъ я оказываю эту любезность. А потому скажите, что я, на основаніи его положительнаго обѣщанія, разсчитываю, что кн. Репнинъ будетъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ г. Бенуа и станетъ сообщать ему все, о чемъ будетъ трактоваться на конференціяхъ, такъ что не будетъ сдѣлано ни одного такого постановленія, о которомъ я не былъ бы заранѣе во всей полнотѣ увѣдомленъ и которое я не одобрилъ бы. Особенно же я требую, чтобы въ основные законы ни подъ какимъ видомъ не вошло ничего такого, что могло бы цѣликомъ, или частію, хотя въ малѣйшей степени, измѣнить существующую форму правленія, и что важнѣе всего—чтобы, согласно недавнимъ увѣреніямъ гр. Панина, ни въ какомъ случаѣ не былъ допущенъ вопросъ о постоянномъ совѣтѣ, на который я никогда не соглашусь...» На словахъ русскій дворъ вполнѣ соглашался на всѣ эти требованія и даже старался выказывать такую же свирѣпую ненависть къ полякамъ, какою постоянно дышало каждое слово Фридриха. Панинъ даже оскорблялся, что его могли заподозрить въ потворствѣ такому изувѣрническому плану, какъ уничтоженіе этого палладіума русскихъ интересовъ—безнравственной польской конституціи, а Екатерина перестала демонстративно ласкать депутатовъ конфедераціи, еще продолжавшихъ пребывать при ея дворѣ. Но на дѣлѣ, подъ рукою, продолжалась прежняя политика и ничто не указывало, чтобъ ее намѣревались измѣнить. Вотъ тогда-то и явились непредвидѣнныя затрудненія, въ видѣ безчисленныхъ конфедерацій въ Польшѣ,—конфедерацій мелкихъ и въ отдѣльности взятыхъ ничтожныхъ, но сугубо опасныхъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ до крайности истомляли не особенно многочисленныя русскія войска, которыхъ подстерегали всюду; во-вторыхъ—тѣмъ, что эти постоянныя тревоги и лишенія до того раздражили русскихъ, что и солдаты и ихъ командиры стали совершать такія жестокости и насилія, которыя сдѣлали русское имя окончательно ненавистнымъ въ Польшѣ и въ самомъ дѣлѣ вызвали негодованіе всей Европы. Одинъ за однимъ, русскій дворъ уступилъ всѣ свои, отвергнутые Фридрихомъ, планы переустройства Польши, но... было уже поздно. Война съ Турціей, которой онъ старался во что бы то ни стало избѣжать, была близка и скоро разразилась. Кто подготовилъ эту войну, толкнувъ турокъ на защиту дѣла, которое ихъ столько же касалось, какъ и жителей луны, если таковые существуютъ? Историки говорятъ намъ, будто главною виновницей тутъ была Франція, а помощницей ея Австрія, Фридрихъ же прусскій будто бы заодно съ Россіей усиленно старался уладить дѣло миромъ. Не станемъ позволять себѣ сомнѣваться въ свидѣтельствѣ историковъ. Будемъ вѣрить ихъ сказаніямъ, покуда не явятся въ свѣтъ какіе-нибудь новые оффиціальные документы, напримѣръ—дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Блистательной Портѣ, изъ которой можетъ-быть окажется, что не однѣ Фран-

ція съ Австріей принимали участіе въ подстрекательствѣ турокъ. Посмотримъ лучше, каковъ былъ первый эффектъ турецкой войны на русско-прусско-польскія отношенія. О томъ, что никакого противорѣчія предначертаніямъ Фридриха со стороны русскаго двора не было болѣе и въ помнѣ, говорить нѣтъ надобности. Само собою разумѣется, политика полумѣръ, эта несчастная политика, которая никогда ничего не достигаетъ и никого не удовлетворяетъ, принесла свои обычные плоды. Вмѣсто того, чтобъ освободиться изъ-подъ его вліянія, Россія снова и на этотъ разъ безповоротно попала въ ловкія руки короля прусскаго. Но самъ этотъ король не замедлилъ показать, что если онъ не принадлежитъ къ числу людей, которые ждутъ, когда грянетъ громъ, чтобы перекреститься, за то умѣетъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ не ратовалъ больше противъ мысли о союзѣ Россіи съ Польшею. Напротивъ, съ полной симпатіи любезностію просматривалъ и одобрялъ проектъ торжественнаго трактата съ нею, самымъ безкорыстнымъ образомъ помогалъ Россіи выпутаться изъ тамошнихъ затрудненій и даже охотно взялся за попытку, оказавшуюся, впрочемъ, безуспѣшной, склонить Чарторыжскихъ содѣйствовать всѣмъ видамъ Россіи, вполнѣ отказавшись отъ своихъ собственныхъ. Но въ то же время не успѣли еще на русско-турецкой границѣ загрохотать пушки, какъ уже изъ Берлина прилетѣлъ въ Петербургъ пробный шаръ, получившій въ перепискѣ прусскаго короля съ своимъ посломъ названіе «проекта графа Линара». Что это за-проектъ и кто такой графъ Линаръ, скажетъ намъ слѣдующая собственноручная депеша Фридриха, помѣченная 2 февраля 1769 года: «Графъ Линаръ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы выдать замужъ свою дочь за графа Камеке. Это тотъ самый, который заключилъ клостеръ-севенскій миръ. Онъ большой политикъ и еще въ настоящее время управляетъ Европой изъ деревни, въ которую онъ удалился. Графъ Линаръ возымѣлъ довольно странную мысль соединить въ пользу Россіи интересы всѣхъ государей и разомъ дать дѣламъ Европы другой оборотъ. Онъ хочетъ, чтобы Россія предложила вѣнскому двору, за его содѣйствіе противъ турокъ, городъ Леопольдъ съ его окрестностями и землю Ципсъ (спишскую?), а намъ—польскую Пруссію съ Варміею и право покровительствовать Данцигу, а Россія, чтобы вознаградить себя за военныя издержки, захватила бы такую часть Польши, какую хочетъ, и что тогда всякая зависть между Австріей и Пруссіей прекратилась бы и онѣ наперерывъ другъ передъ другомъ помогали бы Россіи противъ турокъ. Этотъ планъ не лишенъ блеска, кажется соблазнителенъ, и я счелъ своимъ долгомъ сообщить его вамъ. Вы, знающій образъ мыслей гр. Панина, оставите все это втунѣ, или употребите въ дѣло, смотря по тому, какъ найдете нужнымъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что въ планѣ этомъ больше блеску, чѣмъ основательности».

Вотъ подъ какимъ флагомъ явился впервые точно формулированный проектъ раздѣла Польши и вотъ какимъ мило-простымъ тономъ не вѣ-

дающаго политики добряка-бюргера, невинно сообщающаго пріятелю разныя новости интимнаго характера, говоритъ о немъ король прусскій Фридрихъ II Великій,—этотъ король, много лѣтъ уже жившій одною мыслію, работавшій для одной цѣли: построить величіе своей возлюбленной родной Пруссіи на костяхъ и крови ненавистной славянской Польши, раздробивъ и уничтоживъ ее руками другой ненавистной славянки—Россіи...

В. К.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Съ Южнаго берега Крыма.

За малыми исключеніями, люди всегда имѣютъ случай спросить себя: «какое мнѣ до этого дѣло?» Предположимъ, что постановка такого вопроса имѣла бы всеобщее и господствующее вліяніе; она подняла бы насмѣхъ не только письменный трудъ, но даже всякій разговоръ, содержащій въ себѣ восхваленіе или хулу людей или нравовъ.

(*Дэвидъ Юмъ:* „Изслѣдованіе относительно началъ нравственности".)

Русскимъ читателямъ не откуда почерпать свѣдѣнія о Крымѣ. Ежегодный наплывъ туристовъ мало содѣйствуетъ ознакомленію нашей публики съ бытомъ этой мѣстности. Русскій путешественникъ ограничивается обыкновенно весьма бѣглымъ осмотромъ мѣстности. Въ большей части случаевъ онъ пріѣзжаетъ въ нашъ край съ увлекательно написанной, но не дающей полнаго понятія объ условіяхъ мѣстной жизни, книжкой Е. Маркова въ рукахъ, или съ «Путеводителемъ» г-жи Сосногоровой, который, разумѣется, содержитъ только необходимыя для туриста практическія указанія. Почерпнувъ изъ этихъ книгъ свѣдѣнія о полуостровѣ, осмотрѣвъ бахчисарайскій дворецъ и славныя развалины Севастополя, путешественникъ удѣляетъ нѣсколько времени и обзору Южнаго берега, ограничиваясь поѣздкою по южно-бережному шоссе, посѣщеніемъ садовъ Алупки и Гурзуфа и нѣсколькодневнымъ пребываніемъ въ веселой и шумной Ялтѣ, нашемъ сезонномъ пунктѣ; если туристъ изъ разряда людей болѣе предпріимчивыхъ, онъ еще совершитъ восхожденіе на Чатырдагъ. Результатомъ такихъ экскурсій являлись понынѣ только сообщенія въ газеты о дороговизнѣ жизни въ Крыму, или объ отсутствіи на Южномъ берегу удобствъ для купанья въ морѣ.

Оффиціальныя свѣдѣнія (если они и могутъ быть доступны частнымъ лицамъ), составляемыя самымъ безжизненнымъ образомъ, по господствующимъ шаблонамъ, не даютъ полнаго понятія о дремлющихъ силахъ нашего края и склонны освѣщать розовымъ свѣтомъ административнаго оптимизма даже обветшалые, не мирящіеся съ жизнью, порядки. Серьезныя

сочиненія о Крымѣ на русскомъ языкѣ принадлежатъ къ давно прошедшему времени; устарѣлые «Досуги крымскаго судьи» Сумарокова, или путешествіе Муравьева-Апостола, являющіеся нынѣ библіографическими рѣдкостями, замѣнены «Универсальнымъ описаніемъ Крыма» въ трехъ частяхъ, г. Кондараки, который публикуетъ еще о предстоящихъ десяти томахъ новаго, посвященнаго Крыму, изданія. Труды Палласа и нѣкоторыхъ, болѣе близкихъ по времени къ намъ, европейскихъ ученыхъ и путешественниковъ не принадлежатъ русской литературѣ и многіе изъ нихъ по своему спеціальному, научному оттѣнку, доступны только малой части публики. Даже въ предѣлахъ спеціально-научныхъ сочиненій, касающихся края, матеріалы, собранные нашими присяжными изслѣдователями старины, ожидаютъ опять появленія какого-либо нѣмецкаго ученаго, который, не выходя изъ своего кабинета, но пользуясь въ числѣ другихъ источниковъ и трудами русскихъ спеціалистовъ прошлаго времени (нынѣ и таковые стали рѣдкимъ явленіемъ), привелъ бы въ систему результаты отдѣльныхъ, разрозненныхъ по академическимъ изданіямъ или меморіямъ ученыхъ обществъ, изслѣдованій, какъ то сдѣлалъ въ пятидесятыхъ годахъ Нейманъ (Neumann), книга котораго объ эллинахъ въ Скиѳіи даетъ живую картину греческой цивилизаціи на нашихъ берегахъ Чернаго моря.

Со времени Пушкина даже русская муза забыла о существованіи береговъ Салгира и утесовъ Аюдага, откуда туристы нашего матеріальнаго вѣка подымаютъ вопль о недостаткахъ комфорта, предлагаемаго нѣмецкими курортами, о высокихъ цѣнахъ гостиницъ и извощичьихъ таксъ.

Не станемъ говорить объ интересѣ, возбуждаемомъ историческимъ прошлымъ края, которое такъ занимало русскихъ писателей о Крымѣ въ первой четверти нашего столѣтія, не закрывавшихъ однако глаза и на экономическія условія быта, насколько послѣднія выяснились въ ихъ время, полной непочатости, еще новаго тогда пріобрѣтенія. Забудемъ про то, что въ теченіе полувѣка нѣга южной природы полуострова не исторгла изъ русскаго сердца ни одного живого звука пѣсни, но литература наша молчитъ даже о матеріальныхъ богатствахъ Тавриды и о бытѣ обрабатывающихъ таковыя жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ распространялось редакціей одной изъ газетъ нѣчто вродѣ воззванія, приглашающаго русскихъ людей къ созданію общества, задачей котораго должно было стать содѣйствіе къ разработкѣ средствъ богатаго края. Хотя авторъ этого приглашенія и совершенно правъ въ своихъ взглядахъ на предстоящее великое значеніе для Россіи еще нетронутыхъ силъ щедро одаренной природою страны, но изъ его энтузіастическаго воззванія не ясно, какимъ образомъ предполагаемое имъ общество можетъ помочь задачѣ приближенія, ярко обрисованной имъ, свѣтлой будущности Крыма; не видно даже, должно ли это общество ограничиться учено-экономическимъ характеромъ, или дѣйствовать на практической почвѣ финансовыхъ предпрія-

тій. Богатый край дѣйствительно нуждается во всестороннемъ развитіи его силъ и во всѣхъ видахъ энергическаго содѣйствія къ тому. Для исполненія этой задачи наступило удобное время, такъ какъ Таврида связана желѣзнодорожнымъ путемъ съ центральными мѣстностями Россіи, а съ другими ея окраинами—съ сосѣднимъ Левантомъ и Европой—сносится сильно развившимся пароходнымъ сообщеніемъ.

Остается сожалѣть о томъ, что, въ виду наступившей уже практической возможности извлекать богатую пользу изъ принадлежащаго Россіи края, общество наше не имѣетъ понынѣ въ виду никакой программы для обработки средствъ этой страны. Такая программа могла бы быть выработана только на основаніи изученія мѣстныхъ богатствъ и условій ихъ извлеченія. Что она отсутствуетъ, доказываетъ, между прочимъ, и неясность помянутаго воззванія.

Мы никакъ не можемъ похвалиться тѣмъ, что за сто лѣтъ нашего обладанія Тавридой полно изучили ея природныя богатства, причемъ бросается въ глаза лицу знакомому съ этимъ вопросомъ и то, что, въ отношеніи къ научному ознакомленію съ краемъ, несравненно больше сдѣлано въ болѣе отдаленные отъ насъ годы, чѣмъ въ послѣднія десятилѣтія. При внимательномъ наблюденіи дѣла практическаго пользованія средствами страны, замѣчается также не только застой, а скорѣе регрессъ, даже относительно недалекаго прошлаго.

Изъ минеральныхъ богатствъ полуострова разрабатывается понынѣ одна соль, источники которой такъ обильны, что добываніе соли можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, принять гораздо большіе размѣры; въ его современномъ состояніи оно не соотвѣтствуетъ могущимъ даже теперь быть поставленнымъ требованіямъ отъ этого промысла. Не говоря уже о другихъ ископаемыхъ богатствахъ, существованіе минеральнаго топлива на полуостровѣ несомнѣнно доказано. Нельзя также сомнѣваться въ пользѣ физической обработки нѣкоторыхъ предметовъ нашего минеральнаго богатства. Къ пользованію этими средствами края не дѣлается ни одного серьезнаго шага. Горная часть Крыма обладаетъ сохранившимися еще, но совершенно безвыгодно истребляемыми лѣсами, невеликая площадь которыхъ составляетъ все-таки цѣнное сокровище въ широкой полосѣ степей южной Россіи. Въ житницѣ древней Греціи—Крыму—слабо развито нынѣ землепашество; садоводство и винодѣліе горной полосы, занятіе которыми составляло гордость нашихъ отцовъ, въ послѣднія десятилѣтія не оказываютъ никакого стремленія къ дальнѣйшему развитію, а напротивъ являютъ несомнѣнные признаки упадка; исчезло, процвѣтавшее до выселенія татаръ, овцеводство въ безводныхъ степяхъ сѣверной части полуострова; рыбный промыселъ, процвѣтавшій въ древнія греко-римскія времена, кормитъ нынѣ небольшое количество рукъ и мѣстами начинаетъ покидаться населеніемъ; торговля крымскихъ портовъ въ послѣдніе годы также не представляетъ утѣшительнаго оживленія; о

развитія заводской или фабричной промышленности и ремеслъ понынѣ вовсе нельзя даже упоминать.

Какъ бы равнодушно ни относилась русская публика къ судьбамъ Тавриды, все мною сказанное ей извѣстно. Статистическія цифры указываютъ на это печальное состояніе малонаселеннаго края, и жалобы на торговый и промышленный застой, на трудное положеніе всѣхъ видовъ обработки почвы—появляются и на газетныхъ столбцахъ, не указывая никакого исхода изъ современныхъ невыгодныхъ условій экономическаго быта страны.

Я не намѣренъ касаться въ этихъ замѣткахъ общаго состоянія полуострова и предлагаю читателямъ только, можетъ-быть не безъинтересныя для нихъ, указанія на нѣкоторыя явленія хозяйственной жизни наиболѣе знакомой мнѣ части страны, такъ-называемаго Южнаго берега.

Какъ извѣстно читателямъ, подъ названіемъ Южнаго берега Крыма подразумѣвается узкая полоса, простирающаяся отъ крайняго на западѣ пункта—Ласпи до Судакской долины, составляющей уже отдѣльный районъ. Вдоль всей этой береговой полосы горный хребетъ, прерываемый одною только Алуштинскою долиной, крутою стѣной обрывается къ морю, оставляя небольшую полосу болѣе отлогаго спуска между этою стѣной и берегомъ. Эта полоса, защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ горною стѣной, нагрѣваемая полуденнымъ солнцемъ и открытая теплымъ и влажнымъ вѣтрамъ съ моря, представляетъ для растительности положеніе нѣсколько сходное съ искуственно-создаваемыми условіями для шпалерной культуры. Оживленію пышной мѣстной растительности содѣйствуютъ еще обильныя, стекающія съ горъ воды, иногда принимающія характеръ горныхъ потоковъ, но также и выступающія безчисленно разсѣянными по всему берегу ключами. На менѣе крутыхъ обрывахъ горъ находятся довольно обширные лѣса, спускающіеся мѣстами къ самому морю, но вырубленные въ другихъ пунктахъ берега, гдѣ, пріютившееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, населеніе не пощадило таковыхъ. Исчезновенію многихъ лѣсовъ приписывается и замѣтное умаленіе прежняго обилія источниковъ. Берегъ обладаетъ довольно большимъ числомъ маленькихъ бухтъ, но не представляетъ ни одной природной гавани, удобной для большихъ судовъ, такъ какъ Ялтинскій рейдъ въ бурную погоду не считается безопасною стоянкою. Шоссейная дорога, подымаясь отъ Севастополя на невысокую точку горнаго хребта, входитъ чрезъ такъ-называемыя Байдарскія ворота въ полосу Южнаго берега и, оставляя въ сторонѣ крайніе его западные пункты, послѣ быстраго, извилистаго спуска заворачиваетъ къ востоку, далеко не доходя до моря. На дальнѣйшемъ своемъ пути шоссе это держится ближе къ первому, крутому, уступу хребта, чѣмъ къ болѣе отлогому и плодородному продолженію горнаго спуска къ морю. Только въ ближкомъ сосѣдствѣ Ялты шоссе это, идущее параллельно съ морскимъ берегомъ и на довольно большой

отъ него высотѣ, спускается къ морю и, образуя въ Ялтѣ морскую набережную, опять взбирается удобнымъ подъемомъ въ гору. Затѣмъ оно продолжаетъ держаться далеко отъ моря, прикасаясь къ нему опять около Алушты, откуда, поднявшись до половины Чатырдага и обогнувъ его, сворачиваетъ къ Симферополю. Такимъ образомъ такъ-называемое южно-бережное шоссе соединяетъ берегъ съ двумя главными городами Крыма—Севастополемъ и Симферополемъ; отъ Алушты строится новое шоссе до Судака и дастъ, по окончаніи своемъ, удобное сообщеніе весьма значительной полосѣ Южнаго берега, малоизвѣстной нынѣ, вслѣдствіе отсутствія дорогъ. Помянутое Севастополе-Симферопольское шоссе Южнаго берега не можетъ однако удовлетворить путевымъ потребностямъ болѣе обработанной части его, по которой оно проходитъ. Къ находящимся у моря селеніямъ и дачамъ берегового склона отъ этого шоссе спускаются неудобныя и часто опасныя дороги. Приходится дивиться выносливости лошадей, везущихъ по нимъ грузы и экипажи, зачастую однако замѣняемыхъ волами. Средствами удѣльнаго вѣдомства и богатыхъ частныхъ владѣльцевъ проложены въ немногихъ имѣніяхъ прекрасныя садовыя дороги, наприм. въ царскомъ имѣніи Ливадія, въ имѣніяхъ княжеской Воронцовской фамиліи и нѣкоторыхъ другихъ, но сообщеніе береговыхъ жителей между собою необходимою, параллельной съ верхнимъ шоссе, дорогою достигнуто только на весьма небольшомъ протяженіи, доставляя удобства только немногимъ имѣніямъ. На казенный счетъ было приступлено къ сооруженію еще третьяго шоссе, ведущаго отъ г. Ялты чрезъ помянутый горный хребетъ, такъ-называемый «Яйлой», и плодородныя долины сѣвернаго склона этого хребта,—къ Бахчисараю, для соединенія Южнаго берега прямою линіей сообщенія съ желѣзною дорогой. Такое шоссе, во многихъ отношеніяхъ, было бы желательно для насъ, жителей береговой полосы, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ постройка его, доведенная до высшей точки горъ и преодолѣвшая всѣ главныя трудности сооруженія, пріостановлена. Въ настоящее время можно изъ Ялты подняться только до вершины Яйлы, откуда открывается видъ на значительную часть Южнаго берега, прелестью своей могущій соперничать съ самыми прославленными видами міра. Однако на плоской вершинѣ Яйлы ничего нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ стадъ овецъ, а потому практической пользы эта, дорого стоившая, дорога въ ея неоконченномъ видѣ не приноситъ. Путешественники, чтобы сѣсть въ желѣзно-дорожный вагонъ, по-прежнему ѣдутъ изъ Ялты въ Симферополь или Севастополь, что увеличиваетъ разстояніе вдвое, а жители сѣвернаго склона Яйлы продолжаютъ пользоваться первобытными путями въ мѣстности, позволяющей безъ большихъ затратъ строить удобныя дороги, и лишены возможности снабжать Южный берегъ продуктами своихъ плодородныхъ долинъ. Пути сообщенія для Южнаго берега важны уже потому, что вся эта полоса, по своимъ условіямъ, не знаетъ хлѣбопашества и въ ней не процвѣтаетъ и скотовод-

ство, вслѣдствіе чего жители, для удовлетворенія первыхъ насущныхъ потребностей, должны прибѣгать къ привознымъ продуктамъ. Отсюда вытекаетъ дѣйствительная дороговизна жизни. Бездорожье, кромѣ того, еще обезцѣниваетъ земли и мѣшаетъ заведенію раціональнаго хозяйства, не дозволяя жителямъ дешево и удобно доставлять свои произведенія въ мѣста сбыта. Весьма нелегко нынѣ изъ многихъ мѣстностей добраться даже до Ялты, единственнаго пункта берега, откуда мыслимо дальнѣйшее отправленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ произведеній морскимъ путемъ. Мелкіе порты совершенно игнорируются нашими пароходными компаніями. Одна такая компанія ввела жителей Алушты, богатаго приморскаго мѣстечка и центра довольно обширнаго района винодѣлія, въ большой и совершенно напрасный расходъ. Алуштинская бухта доступна большимъ судамъ и служила портомъ во времена грековъ, генуэзцевъ и даже татаръ. Въ настоящее время въ нее заходятъ, за отсутствіемъ пристани, только маленькія фелюки отважныхъ малоазіятскихъ моряковъ, вытаскиваемыя, для выгрузки и нагрузки товара, на самый берегъ. Пароходная компанія обязалась содержать правильныя сообщенія другихъ черноморскихъ пунктовъ съ Алуштинскимъ портомъ, если жители выстроятъ удобную пристань. Жители мѣстечка, зажиточные татары, согласились на это и исполнили требуемое условіе; компанія же, обѣщавшая удобства морского сообщенія, лопнула, не выдержавъ конкуренціи съ монопольнымъ «русскимъ обществомъ пароходства и торговли», дающимъ, благодаря казенной субсидіи, баснословные барыши своимъ акціонерамъ. Это общество, пріобрѣтя пароходы ликвидированной компаніи, и не вспомнило о снабженномъ новою пристанью портѣ, такъ какъ нисколько не нуждается въ эксплуатаціи мелкихъ пунктовъ. Нынѣ эта пристань пришла въ разрушеніе, и хотя теперь появились новыя пароходныя предпріятія, но едва ли алуштинцы вторично рѣшатся подвергнуться риску новаго условія. Это было бы, можетъ-быть, въ смѣломъ характерѣ американцевъ, но никакъ не соотвѣтствуетъ робкой натурѣ, непривыкшаго къ рискованнымъ предпріятіямъ, татарина. При всѣхъ неудобствахъ морского пути, онъ исключительно кормитъ, въ буквальномъ смыслѣ, мѣстное населеніе, продовольствуя его хлѣбомъ. Въ прежнее—варварское, татарское—время на Южномъ берегу строились незатѣйливыя суда, и крымскіе татары, не хуже жителей Мало-Азіятскаго прибрежья, пускались на такихъ судахъ въ отважныя плаванія. Зная очень многихъ татаръ, я между ними встрѣтилъ только одного бывшаго моряка, почтеннаго старца, который разсказывалъ мнѣ о тѣхъ дняхъ, когда татары сами сооружали суда, нагружали ихъ произведеніями своей культуры и отправлялись въ порты Азовскаго моря, гдѣ сбывали свой товаръ за хлѣбъ, необходимый для ихъ продовольствія. Отъ осторожнаго татарина я не могъ добиться разъясненія причинъ, по которымъ этотъ промыселъ совершенно прекратился нынѣ у татаръ. Имѣю основанія полагать, что настоящее полное отсутствіе мореходства у этихъ примор-

сихъ жителей не коренится въ отвращеніи ихъ къ морскому дѣлу, а вызвано какими-либо прежними административными распоряженіями, затруднявшими мореплаваніе этому народу, руководясь вѣроятно при этомъ и опасеніями политическаго свойства, такъ какъ въ татарахъ администрація была всегда склонна усматривать непримиримыхъ враговъ русскаго владычества и обвиняла ихъ въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ единовѣрцами-турками, поддерживающими будто бы въ нихъ мусульманскій фанатизмъ. Въ настоящее время продовольствованіе хлѣбомъ населенія Южнаго берега породило здѣсь, извѣстное по цѣлой Россіи, явленіе паразитовъ-кулаковъ. Предприниматель, изъ татаръ же, закупаетъ хлѣбъ въ азовскихъ портахъ, грузитъ его на нанимаемые въ этихъ портахъ парусныя суда и занимается изъ своихъ складовъ или наглымъ ростовщичествомъ, отпуская хлѣбъ своимъ соплеменникамъ въ кредитъ, до будущаго урожая садовъ или табаку и принимая при этомъ уплату продуктами, или, въ стачкѣ со своими товарищами по занятію, устанавливаетъ произвольно высокія цѣны. «Что мѣшаетъ татарамъ соединяться вмѣстѣ для борьбы съ этими недобросовѣстными торговцами?»—спросятъ меня читатели.—Вліятельность этихъ лицъ въ средѣ забитаго и запуганнаго, хотя не бѣднаго, народа. Много пройдетъ времени, пока исчезнутъ условія, не позволяющія подняться духу населенія. Въ настоящую минуту оно готово видѣть во всѣхъ видахъ разбогатѣвшихъ кулаковъ, вышедшихъ изъ его среды, представителей своихъ интересовъ передъ враждебными, будто бы, татарскому элементу властями. Хитрые эксплуататоры охотно играютъ передъ русскими, не менѣе покланяющимися успѣху и богатству, чѣмъ татары, роль передовыхъ и развитыхъ дѣятелей, противодѣйствующихъ невѣжеству и предубѣжденіямъ толпы, а своихъ соплеменниковъ умѣютъ увѣрить въ своей привязанности къ самобытной старинѣ и въ силѣ своего заступничества за единовѣрцевъ. Дѣйствительно, на цѣломъ Таврическомъ полуостровѣ такіе типы съ одной стороны вліятельны между татарами, съ другой—умѣютъ дѣйствовать на земство и администрацію, искусно ловя рыбу въ мутной водѣ тщательно поддерживаемаго ими недоразумѣнія.

Отъ этого короткаго отступленія я возвращаюсь къ начатому мною описанію Южнаго берега. Одно изъ условій пышной растительности этой мѣстности — обиліе воды. Крымскіе татары знаютъ цѣну воды и у нихъ не пропадаетъ ни одна струя, которая можетъ быть употреблена на пользу мѣстной культуры. Изъ горныхъ потоковъ вода отводится каналами (арыками) иногда даже на протяженіе многихъ верстъ. Въ расчисткѣ и содержаніи этихъ каналовъ участвуютъ всѣ владѣльцы, пользующіеся поливкой изъ нихъ. Даже иногда не пропадаютъ мелкія струйки, бѣгущія изъ фонтановъ, и ниже таковыхъ видны посадки, по роду культуры указывающія на получаемое ими орошеніе. Отъ большихъ каналовъ идетъ цѣлая сѣть маленькихъ канавъ, которыми вода бережно

напускается на плантаціи или сады и съ религіозною добросовѣстностью, по минованіи необходимости поливки, передается сосѣднему владѣльцу. Не обходится дѣло безъ возникающихъ иногда споровъ, но я не даромъ употребилъ слово «религіозный» въ данномъ случаѣ. Татары смотрятъ на этотъ обычай водопользованія какъ на дѣло религіозной совѣсти и рѣшаютъ споры въ духѣ мусульманскаго исповѣданія, священная книга котораго запрещаетъ обижать единовѣрцевъ, а о водѣ, какъ о драгоцѣннѣйшемъ дарѣ Божіемъ, упоминаетъ на каждой страницѣ. Такъ бываетъ среди татарскаго населенія, рѣдко прибѣгающаго вообще къ посредничеству власти въ своихъ спорахъ, а въ этомъ случаѣ въ особенности; но много земли покупкою перешло въ другія руки и среди населенныхъ татарами мѣстъ живутъ также русскіе владѣльцы. Тѣ изъ нихъ, которые сами пользуются водой, поливающей много садовъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ, охотно подчиняются удобному для нихъ обычаю, но, разумѣется, въ случаяхъ возникающихъ недоразумѣній имъ приходится обращаться къ судебному разбору. Вотъ тутъ и является неудобство. Русскій законъ, признающій обычаи, регулирующіе пользованіе водой изъ оросительныхъ каналовъ на Кавказѣ, молчитъ о Крымѣ, и суды отказываютъ въ жалобахъ, основанныхъ не на доказанныхъ договорныхъ условіяхъ такого водопользованія, а на порядкахъ крымскаго мѣстнаго обычая. Если наши законы часто невыгодны въ этомъ отношеніи для мелкихъ русскихъ владѣльцевъ, изъ лицъ «власти не имущихъ», иногда тѣснимыхъ сосѣдями изъ татаръ, плотно держащимися другъ за друга, то крупные владѣльцы, съумѣвшіе, благодаря оплошности, а можетъ-быть и забитости населенія, владѣвшаго когда-то всѣми землями края, пріобрѣсть самые истоки воды, не признаютъ вовсе общаго водопользованія и, ссылаясь на смыслъ нашихъ законовъ, отводятъ воду отъ цѣлыхъ мѣстностей, руководясь только собственными потребностями, а иногда даже однимъ капризомъ, какъ въ томъ, извѣстномъ всѣмъ жителямъ Крыма, случаѣ, гдѣ обильная вода, поддерживавшая прежде садовую культуру обширнаго пространства татарскихъ владѣній, отведена владѣльцемъ большого имѣнія, который въ предѣлахъ этого имѣнія выпускаетъ эту воду прямо въ море. Легко представить себѣ чувство татарина, у котораго сохнетъ кормившій его садъ, при видѣ красиваго каскада, которымъ вода эта низвергается у морского берега съ крайняго уступа скалы. Вопросъ о пользованіи источниками орошенія въ Крыму давно уже разрабатывается законодательнымъ путемъ, но до сихъ поръ этотъ важный и безотлагательный вопросъ, такъ какъ отъ него зависитъ отвращеніе грозящей садамъ опасности обратиться въ пустыни,—вопросъ, который уже привлекъ просвѣщенное вниманіе правительства,—еще не рѣшенъ, и прежнія недоразумѣнія продолжаются, очевидно не способствуя сліянію татаръ съ русскимъ элементомъ въ краѣ. Что касается вліянія лѣсовъ на обиліе воды, то на Южномъ берегу нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, дѣйствительность таковаго. Много лѣтъ тому

назадъ выгорѣли лѣса на Яйлѣ, въ которыхъ зарождались источники, питавшіе такъ-называемое Магарачское урочище. Это урочище, раздѣленное на отдѣльные участки, украшенное дачами и хорошо разработанное, со времени лѣснаго пожара начало страдать отъ большого недостатка въ водѣ. Пожары лѣсовъ, по счастью останавливаемые свойствами пересѣченной скалистыми оврагами мѣстности, весьма часты, вслѣдствіе привычной безпечному характеру татаръ небрежности въ обращеніи съ огнемъ. Татары способны безъ всякой осторожности зажигать костры въ лѣсахъ такъ же беззаботно, какъ номадные ихъ предки разводили огни въ просторѣ степей. Неумѣлое пользованіе лѣсомъ и безсмысленное его истребленіе татариномъ можетъ-быть коренится тоже въ его пастушескихъ традиціяхъ, не пріучившихъ его цѣнить и уважать лѣсъ, въ которомъ непривольно пастись стадамъ. Несомнѣнно то, что вырубленные лѣса на Южномъ берегу служатъ единственнымъ пастбищемъ для одичало-бродящаго татарскаго скота и только строгія полицейскія мѣры удерживаютъ татарина отъ разведенія, наиболѣе вредныхъ для молодого лѣса, козъ, держать которыхъ въ горной части Крыма запрещено закономъ, охотно обходимымъ татариномъ. Вырубленный лѣсъ, молодые побѣги котораго обгрызаетъ скотъ, не растетъ вновь, но, стелясь мелкимъ кустарникомъ, съ годами и совсѣмъ исчезаетъ. Такимъ образомъ на вырубленныхъ мѣстахъ исчезаетъ всякая растительность. Достаточно огородить извѣстное пространство такого кустарника изгородью, препятствующей вторженію скота, чтобы получить современемъ хотя и не прямоствольный, но изрядный лѣсокъ. Сохраненію лѣсовъ на Южномъ берегу способствовало понынѣ мѣстами то, что нѣкоторые лѣса, оспариваемые у татаръ казною, взяты въ казенное управленіе; но за то татары дошли тамъ до такого положенія, что, нуждаясь въ топливѣ, вырубили свои чаиры, сѣнокосныя мѣста, снабжающія ихъ сѣномъ, необходимымъ для лошадей и скота, а трава выгораетъ здѣсь безъ защиты древесной тѣни. Нуждающійся въ лѣсѣ житель деревни нынѣ уже становится порубщикомъ въ чужихъ лѣсахъ, причемъ въ порубкахъ высказывается пока только характеръ вынужденныхъ крайнею необходимостью; но татаринъ, зная, что исполненіе приговоровъ за самовольныя порубки въ спорныхъ лѣсахъ отлагается до рѣшенія вопроса о принадлежности лѣсовъ, уже приступаетъ въ нихъ къ болѣе опустошительнымъ порубкамъ, въ надеждѣ на благопріятный исходъ дѣла. Если вопросъ объ этихъ лѣсахъ, въ подробности котораго не мѣсто вдаваться здѣсь, рѣшится возвращеніемъ лѣсовъ мѣстному населенію, крайне нуждающемуся въ лѣсѣ, то можно надѣяться, что горькій опытъ научитъ татаръ, какую печальную будущность они готовятъ своимъ потомкамъ безтолковымъ лѣсоистребленіемъ. Всего прискорбнѣй было бы, если возможностью рубить возвращенный лѣсъ воспользуются промышленники-кулаки, дѣлая изъ продажи его предметъ крупной и хищнической спекуляціи. Это весьма возможно у здѣшнихъ татаръ и грековъ,

потому что подобные промышленники руководятъ и дѣлами сельскихъ обществъ. Въ Таврической губерніи приняты правительственныя мѣры для огражденія лѣсовъ, ограничивающія даже права самого лѣсовладѣльца, но законы эти, покуда, остаются мертвою буквой, такъ какъ земство, на которое возложена обязанность блюсти за порядками лѣсопользованія, не имѣетъ средствъ и возможности ни контролировать владѣльцевъ, ни даже привести въ извѣстность самую площадь лѣсовъ. Главная причина, мѣшающая веденію правильнаго и бережливаго лѣсохозяйства, это, разумѣется, бездоходность таковаго въ настоящихъ условіяхъ. Даже казна по отношенію къ пользованію всѣми доходами лѣса стоитъ не много выше владѣльцевъ частныхъ имѣній. Я укажу на одинъ примѣръ: въ лѣсахъ Южнаго берега вовсе не существуетъ смолокуренія, а между тѣмъ хвойные лѣса изобилуютъ высокаго качества смолою. Нѣсколько смѣлыхъ предпринимателей разсчитали, что въ нѣкоторыхъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ находится значительное количество бурелома и погорѣлыхъ мѣстъ, и рѣшили воспользоваться гніющими пнями и стволами для извлеченія изъ нихъ продуктовъ сухой перегонки дерева. При выборѣ казеннаго лѣса ими руководило то обстоятельство, что въ казенныхъ лѣсахъ существуютъ хорошо устроенныя дороги. Они затѣяли построить въ казенныхъ лѣсахъ заводъ. Разсчитывая на высокую цѣнность нѣкоторыхъ продуктовъ, добываемыхъ при усовершенствованіи техники и спѣша перейти къ осуществленію предпріятія, чтобы не разстроилась ихъ компанія, эти лица рѣшились предложить казнѣ высокую цѣну какъ за гніющіе пни, такъ и за топливо, которое должны были покупать у казны, и соглашались на всѣ требованія, которыя казна поставила бы имъ для огражденія себя отъ ущерба со стороны промышленниковъ. Пространство, на которомъ промышленники хотѣли выговорить себѣ у казны исключительное право этого занятія, не было велико, и условіе это, также какъ и пятнадцатилѣтній срокъ, послѣ котораго всѣ сооруженія завода должны были перейти въ собственность казны, были существенно необходимы, по свойству предпріятія, для обезпеченія его выгодности, еще проблематической въ виду новизны дѣла въ краѣ. Предпринимателямъ было отказано только въ виду долговременности срока, дабы не допускать монополизаціи промысла. Большая часть этого срока нынѣ истекла, а новое и рискованное дѣло не состоялось. Въ частныхъ и общественныхъ лѣсахъ отсутствіе дорогъ дѣлаетъ невозможнымъ правильное пользованіе лѣсами; тамъ рубится только та часть, которая можетъ быть удобно вывозима, за то рубится вполнѣ варварскимъ образомъ, въ чемъ легко можетъ убѣдиться каждый туристъ, если совершитъ послѣ-обѣденную прогулку изъ Ялты къ живописному Аутинскому водопаду, по красивой дорогѣ, проложенной черезъ когда-то бывшій тамъ дремучій сосновый лѣсъ. Трудно повѣрить, что, еще богатый лѣсомъ, Южный берегъ получаетъ нерѣдко дровяное топливо изъ Анатоліи. Легкость подвоза

каменнаго угля изъ азовскихъ портовъ соблазнила нѣкоторыхъ ялтинскихъ промышленниковъ устроить склады каменнаго угля, но произвольность въ назначеніи цѣнъ и отсутствіе увѣренности въ достаточности запасовъ такихъ складовъ удерживаютъ жителей отъ того, чтобы приспособить печи къ отопкѣ этимъ, несомнѣнно болѣе дешевымъ, топливомъ, при правильныхъ условіяхъ его продажи. При богатствѣ строеваго и даже мачтоваго лѣса, весь матеріалъ для деревянныхъ сооруженій выписывается изъ Херсона, ведущаго обширную торговлю сплавляемымъ по Днѣпру лѣсомъ. Крымскій видъ сосны (pinus taurica) имѣетъ цѣнныя свойства; онъ отличается большимъ содержаніемъ смолы и такимъ сильнымъ, своеобразнымъ ароматомъ, что люди съ тонкимъ обоняніемъ, приплывая моремъ въ Крымъ, за много верстъ отъ Южнаго берега узнаютъ приближеніе къ нему по запаху сосновыхъ лѣсовъ. Видъ этотъ принято считать негоднымъ для плотничнаго дѣла, но для нѣкоторыхъ частей деревянныхъ построекъ выгода этого лѣса передъ привознымъ доказана. Кромѣ сосны, въ южно-бережныхъ лѣсахъ растутъ: дубъ, букъ, грабъ и ясень и многіе виды весьма цѣнныхъ для разныхъ подѣлокъ деревьевъ, какъ-то: дерево кизилевое, карагачъ и терпентинное, а ближе къ морскому берегу и дерево можжевеловое (juniperus excelsa). Такими деревьями вовсе не пользуются здѣсь, если не считать продаваемыхъ на Южномъ берегу туристамъ несокрушимыхъ палокъ изъ кизиля. Если крутая часть верхняго, перваго, уступа Яйлы содержитъ совершенно бездоходныя для мѣстности или грубо эксплуатируемыя лѣсныя богатства, то идущая къ морю, болѣе отлогая, часть склона составляетъ собственно полосу садовъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ лѣса подходятъ еще къ самому морю; на всемъ болѣе культивированномъ пространствѣ берега только небольшія группы лѣсовъ и мелко растущій кустарникъ свидѣтельствуютъ о бывшихъ здѣсь когда-то лѣсныхъ чащахъ, на исчезновеніе которыхъ неумѣстно роптать,—тамъ они замѣнены виноградниками, чаирами, садами и парками, изъ которыхъ одни представляютъ статьи дохода, другіе—прославленную красу Южнаго берега. Къ сожалѣнію, господствующій видъ цѣлаго пространства, особенно крайней, западной полосы его, довольно грустенъ: малое количество виноградниковъ, нѣсколько селеній, окруженныхъ чаирами, и дачъ, осѣненныхъ зеленью и пріютившихся у самаго моря, не скрашиваютъ пустыннаго вида, оголенной отъ лѣсной растительности мѣстности. Многія изъ этихъ дачъ, процвѣтавшія до войны 1853—56 годовъ, пришли въ совершенное запустѣніе и мѣстные остряки подбираютъ въ виршахъ, говорящихъ о быломъ ихъ блескѣ и объ окружающихъ ихъ, нынѣ одичалыхъ, садахъ, на слово «кипарисы»—плохую рифму: «крысы», обжорливый, заатлантическій видъ которыхъ, завезенный сюда въ благословенный нашъ край судами англійскаго флота, дѣйствительно безпрепятственно разгуливаетъ въ заброшенныхъ покояхъ развалившихся нынѣ, а когда-то красивыхъ, иногда даже

дворцеобразныхъ, виллъ. Только протяженіе отъ Алупки до Аю-Дага, верстъ на 30 съ небольшимъ, представляетъ почти не прерывающуюся полосу сплошно воздѣланнаго и застроеннаго изящными постройками пространства. На этомъ протяженіи лежатъ имѣнія: Алупка, Мисхоръ, Корещскія дачи, имѣнія Августѣйшей Фамиліи—Айтодоръ, Оріанда и Ливадія. Далѣе слѣдуетъ городъ Ялта съ прелестными дачами и очаровательными долинами, у краевъ которыхъ, на горномъ склонѣ, расположены живописныя, зажиточныя деревни. Далѣе, къ тому же протяженію густой культуры принадлежатъ имѣнія княгини Воронцовой—Массандра и Айданиль и между ними Магарачскія дачи, Гурзуфскій садъ и живописная деревня Гурзуфъ—крайній предѣлъ этой хорошо воздѣланной полосы, которая въ глазахъ туристовъ и представляетъ собственно красоту Южнаго берега. Я лично нахожу, что романтическій видъ скалъ за Кикинеизомъ, у подножія Чортовой лѣстницы, близъ Мухалатки и далѣе, по направленію къ Байдарскимъ воротамъ, воспѣтый Мицкевичемъ, гораздо болѣе говоритъ воображенію, по условіямъ природной живописности, но на вышеупомянутомъ пространствѣ, прельщающемъ нашихъ туристовъ, дѣйствительно достигнуто соединеніе пріятнаго съ полезнымъ, при преобладаніи перваго. Дворцы и дачи здѣсь чередуются съ хозяйственными постройками, между которыми не малую роль играютъ подвалы для вина; среди парковъ и садовъ съ акклиматизированными растеніями южныхъ странъ находятся веселые, чисто содержимые, виноградники, а мѣстами—оливковыя рощи. Весною это—царство розъ, лѣтомъ здѣсь цвѣтутъ роскошныя магноліи и даже зимою мѣстность эта не утрачиваетъ своего улыбающагося, южнаго характера, благодаря преобладанію вѣчно-зеленой растительности; здѣсь тѣ мѣста: «Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ» (Пушкинъ).

Подвигаясь далѣе къ востоку, мы видимъ опять большія полосы пустыннаго пространства, гдѣ, въ рѣдкихъ оазисахъ культуры, вполнѣ уже преобладаетъ полезное надъ пріятнымъ. Здѣсь гораздо менѣе красивыхъ дачъ, исключительно находящихся у самаго берега моря; кипарисы и лавры почти исчезаютъ, за то въ сосѣдствѣ моря продолжаются виноградники, а табачныя плантаціи господствуютъ вездѣ, гдѣ только существуетъ какая-либо возможность орошенія. Въ богатой виноградниками, обильной водою и усѣянной хуторами Алуштѣ можно легко сосчитать по пальцамъ всѣ существующіе кипарисы и такъ мало развитъ вкусъ къ изящному садоводству, что при всѣхъ усиліяхъ немыслимо собрать даже небольшой букетъ изъ садовыхъ цвѣтовъ, если не ограничиваться одними вульгарными—желтыми и непріятно пахнущими шапочками—бархатцами, которые разводятъ татары, любящіе ихъ не менѣе малороссовъ. Дальнѣйшая часть Южнаго берега—до Судака — находится въ еще болѣе первобытномъ состояніи, такъ какъ тамъ менѣе владѣльческихъ усадьбъ, а сады татаръ мало привлекательны видомъ.

Изъ видовъ почвенной культуры Южнаго берега самый значительный—по несомнѣнной его доходности и полезности для края, а также по затраченнымъ на него капиталамъ—разумѣется, винодѣліе. Культура эта могла бы развиться, по свойствамъ мѣстности, до баснословныхъ размѣровъ, еслибы не существовало къ тому трехъ препятствій: недостатка рукъ, отсутствія у большинства винодѣловъ значительныхъ оборотныхъ капиталовъ и, наконецъ, рутинныхъ пріемовъ самаго дѣла. Винодѣліе на Южномъ берегу возможно какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ размѣрахъ. Мѣстные поселяне владѣютъ достаточнымъ количествомъ втунѣ лежащей нынѣ, но вполнѣ пригодной для винодѣлія, земли. Это производство щедро вознаграждало бы ихъ личный трудъ, но, къ несчастію, для нихъ винодѣліе невозможно, вслѣдствіе запретовъ Корана. Они должны или запродавать другимъ винодѣламъ свой виноградъ, или сдавать имъ выдавленный сокъ еще до броженія. Встрѣчались попытки татаръ обходить религіозное запрещеніе—наймомъ русскаго винодѣла, но эта уловка доступна только богатымъ лицамъ и претила бы господствующей набожности населенія, не допускающаго «сдѣлокъ съ небомъ», какъ выражается Тартюфъ. Въ виду такого обстоятельства, за исключеніемъ очень немногочисленныхъ владѣльцевъ изъ русскихъ и давнишнихъ колонистовъ-грековъ, извлекающихъ доходъ изъ ограниченнаго пространства виноградниковъ, здѣсь вовсе не существуетъ мелкаго винодѣлія, а между тѣмъ такое количество лозъ, которое могло бы быть посажено и обработано собственными руками владѣющаго небольшимъ участкомъ земли семейства, съ нѣкоторымъ приспособленіемъ для винодѣлія, при снаровкѣ и тщательномъ уходѣ за виномъ, да еще въ соединеніи съ какою-либо другой культурой, въ свободное отъ работы по винодѣлію время, могло бы быть источникомъ полнаго благосостоянія такой семьи. Очень жаль, въ интересахъ края, что появленіе такихъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ составляетъ только pium desiderium и по многимъ причинамъ совершенно недостижимо. На Южномъ берегу нынѣ господствуетъ болѣе или менѣе крупное винодѣліе, съ соотвѣтственнымъ количествомъ виноградниковъ, помѣстительными и дорогими подвалами, постоянными рабочими виноградарями и кавистами, и эти хозяйства затрачиваютъ еще значительныя суммы на наемъ рабочихъ, для ежегодной перекопки виноградныхъ посадокъ, составляющей главную ежегодную затрату. Отсутствіе работниковъ, знакомыхъ съ усовершенствованными пріемами обработки виноградниковъ и хорошо обученныхъ винодѣлію, составляетъ большое зло для этого крупнаго вида хозяйства и обрекаетъ его на рутину. Существованіе казеннаго „Магарачскаго училища садоводства и винодѣлія“ весьма мало выручаетъ нашихъ хозяевъ, составившихъ себѣ, можетъ-быть и преувеличенное, мнѣніе о непригодности для практическаго дѣла питомцевъ, выпускаемыхъ этою школою. Здѣсь полагаютъ, что магарачскіе ученики ищутъ себѣ немедленно, по окончаніи курса, полубарскаго занятія управляющаго какимъ-либо имѣ-

ніемъ этой мѣстности, а на такія мѣста крупные хозяева охотнѣе приглашаютъ лицъ болѣе опытныхъ въ практическомъ веденіи хозяйства, хотя и менѣе обладающихъ спеціальною подготовкой. Средней руки хозяева, сами ведущіе дѣло, въ управляющихъ вовсе не нуждаются. По обще распространенному убѣжденію, эти молодые люди считаютъ какъ бы унизительнымъ для себя скромное положеніе подчиненнаго рабочаго-спеціалиста. Достаточно оплачиваемое и представляющее увлекательное и разумное занятіе, хотя и сопряженное съ физическою работой, положеніе это можетъ легко привести пріобрѣвшаго опытъ въ хозяйствѣ труженика къ болѣе обезпеченному мѣсту управляющаго крупнымъ винодѣліемъ или къ самостоятельному труду арендатора, а современемъ и собственника-винодѣла, чему примѣромъ служатъ многіе землевладѣльцы изъ скромныхъ рабочихъ-винодѣловъ, нѣмецкаго и французскаго происхожденія, выписанныхъ когда-то нашими помѣщиками. Предполагая даже вполнѣ невѣрнымъ распространенное, къ сожалѣнію, между нашими помѣщиками убѣжденіе въ томъ, что питомцы Магарача заражены такимъ взглядомъ неуваженія къ физическому труду, все-таки небольшое число лицъ, выпускаемыхъ казеннымъ училищемъ, изъ которыхъ еще многіе находятъ себѣ занятія въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, преимущественно на Кавказѣ, не устранило бы помянутаго мною недостатка въ интеллигентныхъ спеціальныхъ рабочихъ. Я позволю себѣ высказать здѣсь свое личное мнѣніе о дѣятельности казеннаго учрежденія въ Магарачѣ, вмѣстѣ съ казеннымъ же Никитскимъ садомъ предназначеннаго служить, кромѣ цѣли образованія практическихъ садоводовъ и винодѣловъ, еще и образцомъ для веденія правильныхъ и сообразныхъ съ усовершенствованіями науки и практики пріемовъ культуры. Въ старое время, говорятъ, эта послѣдняя цѣль достигалась. И понынѣ прекрасныя, давно посаженныя деревья рѣдкихъ породъ въ Никитскомъ саду, а также богатая систематизированная коллекція сортовъ магарачскаго виноградника—свидѣтельствуютъ о трудахъ прежнихъ устроителей этого дѣла. Въ послѣднія десятилѣтія учрежденіе это задалось мыслію само окупать по возможности издержки своего существованія, составляя такимъ образомъ значительную экономію для казны. Для разрѣшенія этой задачи, на первомъ планѣ поставлено винодѣліе, такъ какъ полезныя для края попытки извлеченія серьезнаго дохода изъ садовыхъ питомниковъ до сихъ поръ не увѣнчивались хорошимъ практическимъ результатомъ. Винодѣліе, поставленное на торговую ногу, пользующееся свѣдѣніями спеціалистовъ, служащихъ въ этомъ казенномъ заведеніи въ качествѣ преподавателей и практиковъ, располагающее также даровымъ и разумнымъ трудомъ учениковъ, обладающее кромѣ того прекрасными подвалами и образцовыми орудіями, составляетъ непріятную конкуренцію для владѣльцевъ, не имѣющихъ возможности достигать одинаково выгодныхъ результатовъ. Но не въ самой конкуренціи, весьма незначительной впрочемъ по количеству

продаваемаго вина, лежитъ, по моему мнѣнію, зло такой постановки дѣла. Мнѣ сдается, что этотъ коммерческій характеръ веденія дѣла отвлекаетъ полезное учрежденіе отъ первоначальной его задачи—служить образцомъ и разсадникомъ правильныхъ способовъ спеціальной культуры, и цѣль торговой конкуренціи необходимо втягиваетъ магарачское винодѣліе въ ту же рутину, которой оно должно бы противодѣйствовать примѣромъ,—въ рутину, мѣшающую усовершенствованію винодѣлія у частныхъ владѣльцевъ, поддерживаемую, разумѣется, установившимися неправильными условіями доходности и сбыта. Я могъ бы, въ подтвержденіе своего мнѣнія, привести многія имѣющіяся у меня данныя, но размѣръ моихъ замѣтокъ не позволяетъ мнѣ вдаваться въ подробности. Вѣроятность моего предположенія несомнѣнно будетъ признана читателемъ, если онъ вникнетъ въ значеніе такого заведенія и нѣсколько знакомъ съ условіями веденія торговыхъ дѣлъ. Упомяну здѣсь о двухъ обстоятельствахъ. На Южномъ берегу разведены почти всѣ извѣстные въ мірѣ сорта виноградныхъ лозъ, изъ числа которыхъ нѣкоторыя успѣли окончательно переродиться, причемъ, благодаря разности почвы, въ предѣлахъ самаго Южнаго берега перерожденіе это дало не вполнѣ одинаковые результаты. Какъ ни интересно такое явленіе, мы понынѣ, несмотря на существованіе здѣсь спеціальнаго заведенія, обладающаго всѣми средствами для научныхъ изслѣдованій, несмотря на возникновеніе въ городѣ Ялтѣ общества садоводовъ и винодѣловъ, въ которомъ принимаютъ участіе какъ лица обладающія научными свѣдѣніями, такъ и мѣстные хозяева-практики,—не имѣемъ ни приведенныхъ въ систему наблюденій надъ этими условіями перерожденія, ни химическаго анализа почвъ. Еще знаменательнѣе другое явленіе, а именно: если посѣтитель магарачскаго подвала пожелаетъ себѣ составить понятіе о вкусѣ и качествѣ вина, выдѣланнаго изъ того или другого сорта лозы, растущей въ самомъ Магарачскомъ казенномъ виноградникѣ, то и этого ему не удастся, такъ какъ за исключеніемъ двухъ или трехъ сортовъ дессертныхъ винъ всѣ остальные сорта, для удобства винной спекуляціи, въ Магарачскомъ подвалѣ выдѣлываются изъ смѣшенія разныхъ сортовъ винограда, чего до 1865 года, если не ошибаюсь, не дѣлалось. Такое смѣшеніе лозъ извинительно еще частному владѣльцу, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ продастъ вина маловыдержанныя, да къ тому же при такомъ способѣ его выдѣлки достигается возможность соединенія въ одну партію большого количества вина съ наименьшею затратою, послѣдствіемъ упрощенія производства; но Магарачскому заведенію, выпускающему свои вина уже хорошо выдержанными, такое, ведущее къ ухудшенію репутаціи нашихъ винъ, производство непозволительно, тѣмъ болѣе, что учрежденіе это—казенное, основанное съ цѣлью служить образцомъ винодѣльнаго хозяйства въ краѣ. При этихъ пріемахъ всегда страдаетъ качественная сторона и благодаря имъ наши винодѣлы не могутъ добиться опредѣленныхъ неизмѣнныхъ типовъ вина, мѣняю-

щагося по годамъ, что зависитъ отъ разницы урожая и степени зрѣлости, входящихъ въ составъ помянутыхъ смѣсей сортовъ. Этотъ обычай несомнѣнно приводитъ въ ухудшеніе наше винодѣльное хозяйство. Относительно виноградарства можно сказать, что для нашихъ хозяевъ остаются до сихъ поръ открытыми многіе вопросы, какъ, напримѣръ, выборъ мѣстъ и почвы подъ виноградники, способъ обрѣзки таковыхъ, наиболѣе выгодныя системы подпоръ виноградныхъ лозъ и многое другое. Всѣ подобные вопросы рѣшаются каждымъ хозяиномъ, какъ ему самому заблагоразсудится, чаще всего на основаніи заведенныхъ уже порядковъ, безъ всякаго сомнѣнія въ ихъ правильности. Что касается собственно винодѣлія и виноторговли, то въ нихъ рутина и неправильность условій даютъ себя чувствовать еще болѣе. Винодѣлы употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы пускаемыя ими въ продажу вина походили бы на французскія сорта, типа бордосскихъ, какъ наиболѣе распространенныхъ въ средѣ русской публики и предпочитаемыхъ ею. Чего не дѣлается для достиженія этой цѣли! Появленіе филоксеры *) пріостановило выписку лозъ, до перерожденія на крымской почвѣ дающихъ вино сходное съ французскими образцами; нынѣ цѣль эта достигается исключительно путемъ изготовленія смѣсей, между прочимъ, и съ болѣе слабыми винами другихъ мѣстностей, а иногда и подбавкою воды къ виноградному соку, во время броженія, такъ какъ наши вина слаще и крѣпче французскихъ. По поводу количества добываемаго у насъ вина я долженъ сказать, что на почвахъ и склонахъ, дающихъ хорошіе качественные результаты, урожай виноградниковъ мало обиленъ. Многіе изъ лучшихъ видовъ виноградной лозы не принадлежатъ къ плодовитымъ и владѣльцы разводятъ ихъ преимущественно для улучшенія качества смѣсей. Вообще количество получаемаго вина съ десятины на Южномъ берегу очень невелико, но условія почвы и климата, мѣшающія плодовитости виноградниковъ, способствуютъ густотѣ и сладости, а поэтому и качеству вина. Вино наше въ чистомъ его видѣ не можетъ быть, по его малому количеству, дешевымъ, а по природнымъ его качествамъ—легкимъ, что составляетъ пре-

*) Завозъ филоксеры на Южный берегъ вызванъ, по моему мнѣнію, желаніемъ винодѣловъ получать не переродившееся здѣсь, на мѣстной почвѣ, вино. Благодаря усиленной дѣятельности одного изъ здѣшнихъ винодѣловъ, лица близкаго къ администраціи, и энергіи той личности, на которую возложены были правительствомъ мѣры, необходимыя для спасенія крымскаго винодѣлія, можно надѣяться, что мы освобождены отъ дальнѣйшей опасности, уничтоживъ площадь зараженныхъ виноградниковъ и подвергнувъ тщательному наблюденію сосѣднія мѣста. Слѣдуетъ ожидать, что южно-русскія земства, которымъ переданъ нынѣ вопросъ о филоксерѣ, и управленіе Кавказскимъ краемъ будутъ продолжать строго и неуклонно дѣйствовать въ смыслѣ тѣхъ мѣръ, которыя хотя и были сопряжены съ немалыми издержками, но доказали свою полную дѣйствительность въ Крыму въ дѣлѣ пресѣченія дальнѣйшаго развитія этого бича винодѣлія.

пятствіе къ достиженію цѣли соперничества съ французскими винами. Въ виду увеличенія количества добываемаго сока, винодѣлы наши стремятся при выборѣ сортовъ лозы для насажденія виноградниковъ избирать тѣ, которые даютъ наиболѣе вина,—стремятся не къ улучшенію качества, а количества продукта; не служащія для сдабриванья помѣсей, лозы, при маломъ урожаѣ дающія высокія по вкусу вина, не разводятся совсѣмъ въ послѣднее время.

Въ виду маніи нашей производить сорта винъ французскаго типа, я воображаю себѣ, какъ бы разсмѣялся прирейнскій или венгерскій винодѣлъ, которому предложили бы изъ родныхъ его лозъ выдѣлывать бордоское или бургонское вино.

Хотя наши южно-бережныя вина и не могутъ пользоваться репутаціей издревле прославленныхъ типовъ французскихъ, рейнскихъ или венгерскихъ винъ, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ свои несомнѣнныя достоинства и вполнѣ характерныя и отличительныя природныя свойства, на уничтоженіи которыхъ нынѣ основанъ преобладающій характеръ нашего винодѣлія, обусловленный неправильными условіями нашего торговаго сбыта, о чемъ я и позволю себѣ сказать теперь нѣсколько словъ.

Южно-бережное вино изъ французскихъ бордоскихъ лозъ, переродившихся на мѣстной почвѣ, если оно хорошо выдержано и чисто отъ всякой примѣси, имѣетъ слѣдующія качества: оно по меньшей мѣрѣ на два процента богаче содержаніемъ алкоголя, чѣмъ французское, соотвѣтственное этому сорту лозъ. Этимъ гарантируется доставка его на всякій рынокъ и сохраненіе отъ порчи. Оно много гуще и маслянистѣе; красные виды гораздо темнѣе цвѣтомъ и имѣютъ нѣбольшую горечь, присущую и французскимъ натуральнымъ винамъ нѣкоторыхъ другихъ, не бордоскихъ, типовъ; бѣлые немного болѣе оцвѣчены. Вино это—какъ бѣлое, такъ въ особенности красное—отличается сильно ароматическимъ, иногда нѣсколько вяжущимъ букетомъ, къ которому скоро привыкаетъ потребитель и который несравненно нѣжнѣе вяжущаго вкуса, отличающаго кавказскія вина. Въ результатѣ—это не бордоскія вина, а совершенно отличный отъ нихъ сортъ, вполнѣ достойный уваженія цѣнителей. Вино изъ лозъ испанскихъ гораздо менѣе крѣпко, чѣмъ имѣющіеся въ продажѣ хорошіе привозные испанскіе сорта. Хотя мы знаемъ изъ испанскихъ винъ только сильно наспиртованныя, но вѣроятно наши вина слабѣе несмѣшанныхъ съ алкоголемъ испанскихъ, каковыми потребляются они на мѣстѣ производства. Тѣмъ не менѣе и крымскіе сорта изъ акклиматизированныхъ испанскихъ лозъ очень богаты алкоголемъ и даютъ довольно сходное на вкусъ съ испанскимъ и пріятное вино. Вино изъ токайскихъ лозъ хотя нѣсколько грубѣе оригинальнаго типа, но имѣетъ много общаго съ нимъ по отличительному букету и крѣпости. Къ сожалѣнію, высокое вино это не можетъ быть дешевымъ, такъ какъ требуетъ многолѣтняго ухода въ подвалѣ и особыхъ пріемовъ выдѣлки.

Мускатные и ликерные сорты всѣ, безъ исключенія, при хорошей выдѣлкѣ, превосходны, ароматичны, сладки и огненны и могутъ смѣло выдержать конкуренцію съ самыми прославленными привозными видами этихъ винъ. Немногіе посланные образцы ихъ обратили на себя особенное вниманіе на Вѣнской всемірной выставкѣ. Всѣ южно-бережныя вина могутъ выдержать долгій срокъ лежанія, не теряютъ вкуса съ годами, а положительно улучшаются. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ двадцатилѣтнія и даже болѣе старыя вина не были совершенною рѣдкостью въ Крыму. Надо сказать, что бѣлые сорта гораздо выше и пріятнѣе на вкусъ, чѣмъ красные, хотя торговля главнымъ образомъ требуетъ послѣднихъ. Во всѣхъ странахъ, выработавшихъ прославленные столѣтіями типы вина, существуютъ педантически-строгіе и до мелочей аккуратные пріемы винодѣлія. Еслибъ у насъ болѣе обращалось вниманія на технику производства, то многія наши вина стали бы разомъ на ряду съ хорошими, если не высшими заграничными сортами, отличаясь можетъ-быть нѣкоторою своеобразностью вкуса, чего нельзя было бы считать недостаткомъ; напротивъ, въ ихъ оригинальности привыкшіе къ нимъ потребители находили бы особенную прелесть и на подобіе девиза любителей венгерскаго вина, пожалуй, утверждали бы, что nullum vinum, nisi tauricum. Вспомнимъ, что привычный кавказецъ предпочитаетъ всѣмъ винамъ міра грубоватое кахетинское, отличающееся главнымъ образомъ своимъ страннымъ вкусомъ даже тогда, когда оно не воняетъ смазанными нефтью бурдюками. Знакомые съ нашими крымскими винами англичане, любители крѣпкихъ сортовъ, высоко цѣнятъ ихъ. Принцъ Вельскій, со своею свитой посѣтившій Южный берегъ и пробовавшій старыя, хорошо выдержанныя въ подвалахъ, не подмѣшанныя наши вина, каковыя существуютъ нынѣ только для собственнаго владѣльческаго потребленія въ подвалахъ богатыхъ имѣній, нашелъ ихъ весьма хорошими и партіи таковыхъ были посылаемы въ Англію къ его двору. Опыты отправки нашего вина въ Остъ-Индію, куда не могутъ доходить не испорченными вина французскія, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и посланное туда количество весьма хорошо разошлось. Къ сожалѣнію, такая отправка была случайнымъ явленіемъ: существуетъ цѣлый рядъ условій, мѣшающій организаціи этого выгоднаго сбыта. Лицо, распоряжавшееся доставкою изъ Крыма моремъ въ Петербургъ (до существованія желѣзной дороги къ Крыму) большой партіи крымскаго вина, въ первый разъ появившагося въ Петербургѣ этимъ путемъ, разсказывало мнѣ, какъ петербургскіе кависты не хотѣли вѣрить, что вино выдержало долгій морской путь безъ подбавки спирта, котораго однако не было влито въ бочки ни одной капли. Досадно, что это предпріятіе задавалось мыслію снабжать публику столовыми винами французскаго типа, т. е., на мой взглядъ, ухудшенными борьбою съ самою природою южно-бережныхъ винъ. До сихъ поръ, кажется, не сдѣлано ни одной серьезной попытки предложить публикѣ

вполнѣ типическіе, крѣпкіе и хорошо выдержанные наши сорта, несмотря на издержки болѣе тщательнаго производства и долговременный уходъ въ подвалахъ, могущіе быть болѣе дешевыми, чѣмъ даже худшія, по качеству, привозныя вина. Разумѣется, такое предпріятіе не могло бы разсчитывать на успѣхъ у публики, слишкомъ привычной къ ежедневному потребленію нѣжныхъ и легкихъ французскихъ столовыхъ винъ. Такая публика по-прежнему будетъ предпочитать продукты французскихъ виноградниковъ, а современемъ, въ виду дешевизны, можетъ-быть обратится къ легкимъ винамъ другихъ крымскихъ мѣстностей (долинъ Судакской, Альмы, Бельбека и другихъ), или Бесарабіи, когда винодѣлы этихъ районовъ научатся пріемамъ, необходимымъ для придаванія своимъ произведеніямъ прочности, обезпечивающей возможность далекой доставки ихъ, и перестанутъ сбывать свой продуктъ исключительно такимъ виноторговцамъ, которые нуждаются въ немъ, для разбавленія болѣе крѣпкихъ и дорогихъ винъ, или для еще менѣе добросовѣстныхъ спекуляцій, въ родѣ фабрикаціи вина, основанной на значительной подмѣси постороннихъ веществъ. Станемъ надѣяться, что въ близкомъ будущемъ сбудется патріотическое мое желаніе, чтобы потребленіе иностранныхъ столовыхъ винъ замѣнилось менѣе дорогими сходными произведеніями отечественныхъ винодѣловъ многихъ обширныхъ районовъ, получаемыми притомъ прямо изъ складовъ самихъ производителей, что, гарантируя публику отъ вредныхъ пріемовъ фальсификаціи, увеличило бы еще выгодность русскаго винодѣлія. Для южно-бережныхъ сортовъ открывается не менѣе хорошая перспектива. Они должны будутъ стремиться къ сохраненію въ возможной чистотѣ своихъ высокихъ природныхъ качествъ, при тщательной и аккуратной выдѣлкѣ самаго продукта, не соперничая съ винами столовыми, такъ какъ въ чистомъ, не подмѣшанномъ видѣ никогда не смогутъ вытѣснить произведенія болѣе плодовитыхъ мѣстностей, отличающіяся дешевизной и легкостью. Употребленіе столовыхъ винъ развито понынѣ только въ извѣстной части нашего общества, болѣе знакомой съ Европой и перенявшей европейскій складъ жизни и заграничныя привычки. Не говоря о простолюдинѣ, уже купцы средней руки, духовенство, даже лица чиновничьяго класса и небогатые помѣщики—непривычны къ ежедневному потребленію столоваго вина, и эти классы общества являются главными потребителями дешевыхъ крѣпкихъ видовъ, которыми снабжаютъ ихъ недобросовѣстные виноторговцы извѣстнаго разряда. Сколько расходится по нашимъ провинціямъ всевозможныхъ ярлыковъ лиссабонскаго вина, шестигривеннаго портвейна или хереса и мадеры не дороже рубля, приготовляемыхъ изъ подслащенной смѣси кизлярскаго вина съ водкою, а въ лучшемъ случаѣ доставляемыхъ изъ центровъ болѣе искусной заграничной фальсификаціи! Неужели, доступное по цѣнѣ, крѣпкое, натуральное вино, отличающееся пріятнымъ ароматомъ отъ этой возбуждающей тошноту смѣси, не вытѣснитъ съ

праздничнаго стола нашего средняго сословія эту отвратительную и часто не безвредную для здоровья бурду? Я полагаю противное. Я мнѣ случалось замѣчать, насколько южно-бережное вино приходится по вкусу нашихъ любителей хереса и мадеры, не избалованныхъ высокими качествами обычно потребляемыхъ ими винъ. Приведу въ подтвержденіе такого мнѣнія, на выдержку, два факта, доказывающіе, съ одной стороны, что наша публика легко пріучается къ южно-бережному вину, нѣсколько подходящему къ излюбленнымъ ею сортамъ; съ другой, что попытка нашихъ винодѣловъ снабжать подобныхъ потребителей крѣпкими винами могла бы имѣть очень хорошій успѣхъ при знаніи ими пріемовъ винодѣлія, дающихъ хорошія вина такого типа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ южно-бережныхъ винодѣловъ, обладающій весьма ограниченными средствами, съ двухъ или трехъ десятинъ своего виноградника умудрился получать доходы, которымъ, по значительности ихъ, могли вполнѣ завидовать сосѣди его, обладавшіе, вмѣсто миніатюрнаго погреба, подвалами настоящими, въ которыхъ выдерживалось много большее количество вина, чѣмъ могъ получить съ своего маленькаго имѣнія помянутый владѣлецъ. Онъ развелъ у себя только два сорта лозъ: одинъ былъ видъ мускатный, изъ котораго получается у насъ хорошее ликерное сладкое вино; оно, при тщательной выдѣлкѣ, выходило у него очень хорошимъ; наши винодѣлы напрасно пренебрегаютъ этимъ выгоднымъ производствомъ и практичность помянутаго владѣльца выказалась въ такомъ выборѣ лозы,—онъ сбывалъ свой продуктъ по очень дорогимъ цѣнамъ. Другой сортъ избралъ онъ тоже подходящій къ мѣстнымъ условіямъ—лозу «мадера». Для приготовленія вина изъ него, онъ прибѣгъ къ знакомымъ ему по наслышкѣ или изъ чтенія пріемамъ, практикуемымъ на мѣстѣ изготовленія оригинальнаго сорта; по неумѣлости его, получаемый напитокъ очень мало напоминалъ мадеру настоящую, но въ результатѣ онъ настолько понравился туристамъ, что предпріимчивый винодѣлъ продавалъ его небольшими количествами по очень выгодной цѣнѣ и никогда не могъ удовлетворить всѣхъ получаемыхъ заказовъ; въ это самое время сосѣдей его, изъ болѣе крупныхъ владѣльцевъ, вводили въ убытки притѣсненія скупщиковъ, держащихъ въ рукахъ дѣло нашего винодѣльнаго сбыта. Другой владѣлецъ, изъ людей весьма практическихъ, но смотрѣвшій на винодѣліе какъ на обузу, навязанную ему доставшимися ему по наслѣдству большими виноградниками, желая спастись отъ невыгодныхъ условій продажи на мѣстѣ своего вина, затѣялъ устроить сбытъ его въ нашемъ Поволжьѣ, детальной бутылочною продажей въ одномъ изъ большихъ городовъ. Онъ жаловался, что для достиженія своей цѣли, такъ какъ публика мало спрашивала столовыя вина, онъ былъ принужденъ передѣлать свое вино на хересъ, понравившійся потребителямъ. Лицамъ, знающимъ, насколько вывезеное имъ вино, само по себѣ очень хорошее, мало походило на этотъ сортъ, онъ

сообщилъ рецептъ своего приготовленія, давшій выгодный, въ смыслѣ торговомъ, результатъ, но совершенно не могущій быть принятымъ серьезными винодѣлами. Въ рецептъ этотъ, horribile dictu, входилъ даже спитой чай. Содрогаясь при одной мысли отвѣдать такого напитка, я все-таки указываю на вышеприведенные примѣры, подтверждающіе мое мнѣніе, что крѣпкія вина, которыя при усовершенствованіи выдѣлки могутъ быть вырабатываемы на Южномъ берегу, обходясь въ покупкѣ дешевле, чѣмъ хорошіе заграничные сорта, понравятся русскимъ потребителямъ. Вѣдь у большей части публики понынѣ слово «хересъ»—синонимъ виноградного вина, красное вино называется церковнымъ, а бѣлое столовое совершенно исключено изъ употребленія. Не думаю, чтобы въ анекдотѣ, приводимомъ въ весьма извѣстныхъ мемуарахъ Герцена, квартальному, безцеремонно выпившему «бычкомъ» цѣлый стаканъ дорогого рейнвейна, особенно понравился этотъ цѣнный нектаръ, хотя онъ и счелъ себя обязаннымъ, крякнувъ, похвалить его, болѣе изъ вѣжливости, словами: «отмѣнная мадера-съ!» Я нисколько не счелъ бы правильнымъ, чтобы наши винодѣлы занялись мыслію продавать свои вина подъ испанскими названіями и старались бы достигнуть непремѣннаго сходства вкуса своихъ произведеній съ этими образцами, какъ дѣлаютъ они теперь относительно французскихъ винъ, стараясь получать продукты сходные съ бордоскими сортами, хотя подражаніе болѣе однородному по природнымъ качествамъ винѣ было бы, вѣроятно, удачнѣе. Я полагалъ бы только, что пріемы, употребляемые за границей при выдѣлкѣ болѣе крѣпкихъ винъ, приблизили бы произведенія нашего южно-бережнаго винодѣлія по вкусамъ большинства публики, давая при этомъ возможность нашимъ винодѣламъ, пользуясь для этого выгодными климатическими и почвенными условіями нашими, создать мѣстные типы винъ, въ которыхъ выражались бы высокія качества природнаго продукта. Теперь я коснусь условій сбыта нашего винодѣлія. При всей выгодности этого дѣла, доходность его вообще подвержена сильнымъ колебаніямъ, какъ вслѣдствіе нападающихъ на виноградъ болѣзней, требующихъ еще и расходовъ со стороны винодѣла для противодѣйствія имъ, такъ и вслѣдствіе случающихся неурожаевъ, вызываемыхъ неблагопріятностью природныхъ явленій, бороться съ которыми не во власти человѣка. Въ исключительно дурные годы владѣлецъ можетъ не получить и половины вина, даваемаго годами средняго урожая, причемъ мѣстныя цѣны на вино не повышаются, такъ какъ цѣна вина устанавливается условіями весьма обширнаго рынка, причемъ даже повсемѣстный неурожай на русское вино можетъ не повліять на поднятіе этой цѣны, благодаря соперничеству дешевыхъ заграничныхъ сортовъ. Принимая во вниманіе большія единовременныя затраты капитала, сопряженныя съ винодѣліемъ, и крупные ежегодные расходы въ этомъ дѣлѣ, владѣлецъ можетъ серіей неблагопріятныхъ годовъ быть поставленъ въ очень затруднительное положеніе и тогда — полное отсут-

ствіе правильно-организованнаго кредита для этой отрасли хозяйства не дастъ возможности продолжать дѣло, не попадаясь въ руки разныхъ эксплуататоровъ. Онъ или обращается къ ростовщикамъ, или запродаетъ за безцѣнокъ будущій урожай спекулятору, разсчитывающему на минуты крайне стѣсненнаго положенія владѣльца. Въ такомъ состояніи находится нынѣ почти все наше винодѣліе и не исключительно вслѣдствіе неурожаевъ, а также отъ другихъ условій, затрудняющихъ полученіе доходовъ. Безденежность многихъ виноградарей заставляетъ ихъ часто, предъ наступленіемъ времени осеннихъ или весеннихъ работъ, продавать часть вина за ту цѣну, которую назначаютъ лица, занимающіяся покупкою винъ; а такъ какъ каждый годъ ухода за этимъ продуктомъ, въ подвалѣ, улучшаетъ его качества и возвышаетъ стоимость въ большой выгодѣ владѣльцевъ, имѣющихъ уже хорошо приспособленные подвалы, то легко себѣ представить, какіе убытки несутъ они, будучи поставлены въ необходимость продавать еще невыдержанное вино. Нѣсколько разъ возникалъ въ средѣ южно-бережныхъ владѣльцевъ вопросъ объ устройствѣ общества, которое могло бы спасти ихъ отъ такого положенія, принимая вина въ принадлежащіе обществу склады, обладающіе хорошими условіями для подвальнаго ухода, и выдавая владѣльцу вина хорошую сосуду до продажи представленнаго въ складъ продукта. О разрѣшеніи такого проекта хлопоталo мѣстное земство, но, несмотря на легкую устранимость недоразумѣній, тормозившихъ оффиціальную санкцію дѣла, вопросъ этотъ и въ настоящую минуту остался вопросомъ, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ причинъ, помѣшавшихъ его осуществленію. Средней руки виноградари по-прежнему запродаютъ невыгодными контрактами даже и будущіе урожаи и, при такой ихъ кабалѣ у скупщиковъ, трудно думать объ улучшеніи способовъ культуры и тщательной выдѣлкѣ вина. Если эти условія не измѣнятся, наше виноградарство обречено на прозябаніе въ настоящемъ его видѣ, или, еще вѣроятнѣе, даже на ухудшеніе. Уже теперь южно-бережное вино не только неизвѣстно внѣ Крыма въ неиспорченномъ видѣ, но даже на мѣстѣ трудно достать небольшое количество какого-либо хорошо выдержаннаго сорта, такъ какъ всѣ безъ исключенія продавцы нашихъ винъ, закупая еще не вызрѣвшій продуктъ у нашихъ виноградарей, разбавляютъ его болѣе дешевыми сортами другихъ мѣстностей. Прежде являвшіеся покупщики изъ отдаленныхъ русскихъ пунктовъ, хотя нуждавшіеся въ нашихъ винахъ для того только, чтобы сбывать ихъ подъ иностранными ярлыками, но которые тѣмъ не менѣе поддерживали запросъ именно на хорошіе сорта, перестали ѣздить къ намъ, не разсчитывая болѣе найти здѣсь выдержанныя и вызрѣвшія въ подвалахъ партіи, что избавляетъ обычныхъ нашихъ скупщиковъ отъ всякой конкуренціи. Не существуетъ даже какого-либо учрежденія, могущаго давать справки объ имѣющихся для продажи количествахъ вина у производителей. Въ центрѣ Южнаго берега, г. Ялтѣ, понынѣ нѣтъ даже коммиссіонерской конторы, могущей служить

посредникомъ между производителями, желающими освободиться отъ мѣстныхъ эксплуататоровъ и нуждающимися въ винахъ торговцами, которые нынѣ должны сами рисковать поѣздкою въ Крымъ, предвидя возможность не найти на мѣстѣ годнаго для нихъ товара. Такое опасеніе несомнѣнно играетъ немалую роль въ рѣдкомъ нынѣ и вполнѣ случайномъ появленіи покупщиковъ изъ отдаленныхъ мѣстъ.

Изъ сказаннаго видно, насколько недостатокъ оборотныхъ капиталовъ вредитъ дѣлу нашего винодѣлія, обрекая хозяевъ на зависимость отъ нѣсколькихъ монополистовъ-скупщиковъ; о пагубномъ вліяніи на дѣло рутины я также не стану болѣе говорить. Что касается третьей помѣхи развитію этой отрасли хозяйства—отсутствія рабочихъ рукъ, то въ настоящее время это обстоятельство не имѣетъ одинаковаго значенія съ двумя другими, болѣе серьезными, препятствіями, если понимать слова «рабочія руки» въ смыслѣ предложенія исключительно физическаго труда. Недостатокъ послѣдняго сказался бы, въ случаѣ расширенія винодѣлія, которое при вышеупомянутыхъ условіяхъ нынѣ немыслимо. Крымъ почти не зналъ крѣпостного труда, а Южный берегъ еще менѣе другихъ мѣстностей полуострова, куда въ старые года были переселяемы въ небольшомъ числѣ помѣщичьи крестьяне.

Во время сильнаго и энергическаго толчка, даннаго поднятію края инизем. М. С. Воронцовымъ, существовалъ въ Крыму дешевый трудъ степныхъ татаръ, искавшихъ работы на Южномъ берегу. Благодаря ихъ рукамъ была создана вся культура Южнаго берега, и если послѣ ухода татаръ и раздавались долгое время жалобы на недостатокъ рабочихъ, то нынѣ уже провѣдали про совпадающія съ вполнѣ зимнимъ временемъ въ болѣе сѣверныхъ краяхъ работы поздней осени и ранней весны на Южномъ берегу жители нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностей. Они охотно стекаются сюда для заработковъ и число ихъ, разумѣется, много возросло со времени открытія желѣзной дороги. Передъ послѣднею войной явились сюда въ большомъ числѣ, движимые, вѣроятно, голодомъ на родинѣ, анатолійскіе турки, очень дешево предлагавшіе свой трудъ, и въ это время были сдѣланы кое-какія попытки къ увеличенію площади виноградниковъ нѣкоторыми крупными владѣльцами. Несомнѣнно, что жалобы на отсутствіе рабочихъ слышны иногда и теперь, но причиною тому слѣдующее явленіе: зачастую винодѣлы, не имѣющіе денегъ, ждутъ хорошихъ цѣнъ за лежащія въ ихъ подвалахъ вина; при отсутствіи правильно-организованнаго, дешеваго кредита, они затрудняются своевременно приступать къ необходимой и весьма значительной застратѣ на перекопку виноградниковъ. Благопріятное время для такой работы уходитъ, а выгоднаго покупщика на вино—нѣтъ, какъ нѣтъ; тогда владѣльцы, чтобы не потерять дохода и не запустить виноградниковъ, потому что не перекапываемые виноградники хирѣютъ, рѣшаются или занимать деньги на трудныхъ условіяхъ, или дешево продавать свое вино, и начинаютъ

искать рабочихъ. Въ такомъ положеніи находятся весьма многіе, и единовременное требованіе большого числа рукъ, такъ какъ необходимо нанимать значительныя партіи рабочихъ, чтобы наверстать потерянное время, поднимаетъ цѣну рабочаго дня. Можетъ случиться при этомъ, что часть виноградниковъ такъ и останется неперекопанною, вслѣдствіе вызваннаго единовременнымъ запросомъ недостатка въ предложеніи труда; но такое явленіе будетъ, разумѣется, случайнымъ и можетъ быть избѣгнуто при нѣкоторой осмотрительности самихъ хозяевъ. Такіе пришлые рабочіе, незнакомые съ уходомъ за виноградниками, представляютъ изъ себя только хорошихъ землекоповъ, а людей, которымъ можно бы поручить другую работу въ виноградникахъ, сопряженную съ нѣкоторымъ пониманіемъ требованій этого хозяйства и спеціальною сноровкой, по-прежнему нѣтъ. Повторяю, что при настоящемъ грустномъ положеніи дѣла не возрастаетъ запросъ на чисто-матеріальную рабочую силу; за то послѣ ухода татаръ невозможно было бы, за недостаткомъ рукъ и для черной работы, такое возбужденіе дѣятельности, какъ извѣдалъ это край въ тѣ дни, когда князь М. С. Воронцовъ создалъ винодѣліе Южнаго берега. Лучшіе годы, въ смыслѣ предпріимчивости мѣстныхъ хозяевъ послѣднихъ десятилѣтій, не могутъ дать приблизительнаго понятія о томъ, что дѣлалось во время этого славнаго періода, и если количество виноградниковъ во многихъ имѣніяхъ въ послѣдніе годы понемногу возрастало, то надо принять во вниманіе и большое пространство совершенно заброшенныхъ и погибшихъ виноградныхъ плантацій стараго времени.

Выходъ изъ всѣхъ этихъ невыгодныхъ условій, препятствующихъ лучшей будущности винодѣлія, какъ видитъ читатель, весьма затруднителенъ. Первымъ шагомъ къ нему должно быть непремѣнно хотя нѣкоторое улучшеніе условій сбыта, на что существенно повліяло бы измѣненіе самаго характера винодѣлія; необходимо затѣмъ создать, не теряя времени, классъ спеціальныхъ рабочихъ въ виноградникахъ, трудъ которыхъ можетъ хорошо вознаграждаться; также существенно было бы возникновеніе болѣе мелкаго винодѣльнаго хозяйства, при которомъ только возможенъ будетъ у насъ тщательный уходъ за плантаціями и виномъ: на помощь такому хозяйству должна бы придти правильная организація кредита, чтобы въ трудныя минуты не отдавать небогатыхъ людей въ жертву крупныхъ предпринимателей-виноторговцевъ, даже изъ мѣстныхъ большихъ владѣльцевъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ менѣе опасны мелкіе кулаки. Существующее въ Ялтѣ общество взаимнаго кредита, выдавая ссуды мѣстнымъ владѣльцамъ, гарантированныя ихъ недвижимымъ имуществомъ, все-таки по своей программѣ не имѣетъ характера земельнаго банка, а потому такія ссуды обставлены обременительными и неудобными для заемщика условіями. Крупные земельные банки не признаютъ винодѣльнаго хозяйства и оцѣниваютъ виноградники не свыше ста рублей за десятину, въ нѣсколько разъ ниже покупной стоимости пустопорожней удобной земли;

между тѣмъ какъ первоначальное устройство даже незначительнаго винодѣлія, по здѣшнимъ условіямъ, обходится въ нѣсколько тысячъ, не считая постройки подвала, стоимость котораго зависитъ отъ его величины и удобства. Винодѣліе на десяти, или на двѣнадцати десятинахъ считается здѣсь уже крупнымъ и требуетъ большихъ издержекъ на устройство подвала. Преобладаніе большихъ имѣній обрекаетъ громадныя пространства земли на пустынность, при совершенномъ отсутствіи немыслимаго здѣсь мелкаго арендnаго хозяйства. Не считая дачъ въ окрестностяхъ Ялты, служащихъ исключительно предметомъ роскоши, а также и алуштинскихъ хуторовъ, площадь небольшихъ имѣній, на протяженіи всего Южнаго берега, очень незначительна. За исключеніемъ небольшого пространства, занятаго мелкими владѣніями, и земель, принадлежащихъ татарскому населенію прибрежныхъ деревень, вся винодѣльная и садовая полоса Южнаго берега, отъ Судака до крайняго пункта Ласпи, принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ, число которыхъ далеко не достигаетъ сотни. Въ лѣсной, верхней, части южно-бережнаго склона владѣльцами земли являются, вмѣстѣ съ сельскими обществами и казной, только князь Воронцовъ, графъ Мордвиновъ и немногіе другіе владѣльцы, имена которыхъ мало извѣстны внѣ Крыма. Только въ послѣднія десять лѣтъ какъ будто остановилось стремленіе крупныхъ владѣльцевъ расширять границы своихъ имѣній новыми пріобрѣтеніями, причемъ далеко не обрабатывается и двадцатая часть составляемыхъ такимъ образомъ латифундій.

Въ послѣднее время появились даже нѣкоторыя попытки продавать земли небольшими участками; понынѣ такія покупки служили исключительно цѣли устройства увеселительныхъ дачъ, а это едва ли можно считать началомъ появленія въ краѣ мелкаго хозяйства желаемаго образца. Несмотря на большое протяженіе необработанной земли, здѣсь весьма еще затруднительна покупка небольшого участка, примѣрно отъ десяти до пятнадцати десятинъ, вполнѣ достаточныхъ для устройства небольшого виноdѣлія, а при удобныхъ условіяхъ еще и садоваго хозяйства. Продаваемыя татарами земли состоятъ обычно изъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ, вслѣдствіе дробленія ихъ по наслѣдству. Пріобрѣтеніе ихъ неудобно и по многимъ другимъ причинамъ, о которыхъ долго было бы распространяться здѣсь, какъ-то: по существованію такъ-называемыхъ вакуфовъ, непродажныхъ мѣстъ, принадлежащихъ духовенству, отсутствію формальныхъ документовъ на недвижимую собственность и т. п. Владѣльцы большихъ имѣній, между которыми есть богатыя и громкія фамиліи, или не нуждаются въ продажѣ своихъ имѣній, или не продаютъ ихъ по частямъ. Къ цѣли образованія небольшихъ винодѣльныхъ и садовыхъ хозяйствъ послужитъ выходъ большихъ имѣній изъ однѣхъ рукъ путемъ наслѣдственнаго дробленія, или продажи ихъ нынѣшними владѣльцами спекуляторамъ, которые, оставивъ себѣ уже культивированныя части имѣній, охотно продадутъ остальное. Объединеніе нѣкоторыхъ немногихъ крупныхъ

собственниковъ и теперь уже грозитъ имѣніямъ ихъ близостію такой развязки и, вѣроятно, скоро появятся предложенія покупки земли незначительными количествами; но условія современнаго здѣшняго хозяйства не скоро привлекутъ сюда мелкіе капиталы и личный трудъ новаго склада будущихъ владѣльцевъ. Какъ я ни сожалѣю о томъ, что въ большихъ имѣніяхъ много лежитъ втунѣ земли, не знающей обработки, я вовсе не считаю полезнымъ для края исчезновеніе большихъ хозяйствъ, между прочимъ и потому, что винодѣліе и садоводство одинаково нуждаются для своего усовершенствованія въ большомъ, какъ и въ маломъ видѣ культуры, и считаю ненормальнымъ явленіемъ только тѣ имѣнія, которыя по своему пространству никогда не смогутъ быть обрабатываемы вполнѣ, при средствахъ ихъ владѣльцевъ.

Переходя къ плодоводству, я долженъ сказать, что состояніе его на Южномъ берегу еще печальнѣе, такъ какъ на него правительство, содѣйствовавшее оживленію крымскаго винодѣлія, обращало понынѣ меньшее вниманіе, а частная предпріимчивость почти ничего не сдѣлала. Русскіе землевладѣльцы здѣсь ограничились разведеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ фруктовыхъ садовъ для собственнаго потребленія. Въ Алушкѣ, напримѣръ, имѣніи Воронцовской фамиліи, стоившей много милліоновъ рублей, существуетъ самыхъ миніатюрныхъ размѣровъ фруктовый садъ. Большая часть сдѣланнаго понынѣ сводится къ тому, что почти на всѣхъ дачахъ посажено нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, да изъ Никитскаго сада можно получить въ весьма ограниченномъ размѣрѣ черенки заграничныхъ сортовъ; кое-гдѣ разведена шпалерная культура персиковъ, но и тутъ преобладаютъ виды, давно вытѣсненные за границей успѣхами этой отрасли плодоводства. При незначительности этихъ результатовъ, если не говорить о крупномъ и расширяющемся разведеніи столовыхъ сортовъ винограда, также относящемся къ плодовому хозяйству, но, по своимъ экстенсивнымъ пріемамъ, здѣсь не отдѣлимымъ отъ виноградной культуры вообще, можно смѣло сказать, что плодоводства въ частныхъ имѣніяхъ не существуетъ вовсе, даже какъ подспорья общему хозяйству. Обращаясь къ татарамъ, мы видимъ, что плодовые сады въ былое время составляли главный источникъ ихъ существованія. Посаженныя еще въ старыя времена громадныя орѣховыя деревья прокармливали цѣлыя семейства; на поливныхъ мѣстахъ разводились плантаціи фундуковъ, дающія здѣсь хорошіе доходы; сады татаръ и виноградники, разводимые, между прочимъ, съ цѣлью получать исключительно столовые сорта, даже чаиры,—утыканы различными фруктовыми деревьями неправильной посадки, такъ какъ всякая систематичность претитъ восточному характеру. Тутъ все въ перемежку; за то, чего нѣтъ? Грецкія орѣховыя деревья (juglans regia), миндальныя, каштановыя, персиковыя и абрикосовыя деревья, груши, яблони, сливы, черешни, мѣстная рябина, айва, мушмола (кажется, видъ mespilus, по-французски neflier), садовый кизилъ, любимая татарами, но не съѣ-

добная на вкусъ всякой другой націи, хурма (diospyros lotus) и много видовъ инжира (смоковницы)—все это толпится одно надъ другимъ и растетъ почти безъ всякаго ухода и присмотра, благодаря богатой природѣ. Въ такомъ же видѣ сады грековъ тамъ, гдѣ послѣдніе, тяготѣющіе къ рыболовству и торговлѣ, не бросили занятія своими садами и не продали таковыхъ. Разведенные сорта не доказываютъ разборчивости нашихъ садовладѣльцевъ-поселянъ. Сливы, перенки, абрикосы, пригодные развѣ для сушенія, которымъ здѣсь занимаются рѣдко, а никакъ не для ѣды въ сыромъ видѣ, хотя съ малымъ трудомъ могутъ быть замѣнены высшими сортами, также не нуждающимися здѣсь въ значительномъ уходѣ. Разводимыя южно-бережными татарами яблони и груши совсѣмъ ни на что не годятся, за исключеніемъ развѣ мѣстнаго сорта грушъ: «буздурганъ», удобнаго для сушенія. Относительно происхожденія этого названія существуетъ здѣсь два предположенія, изъ которыхъ я, лично, не вѣрю ни одному: одни говорятъ, что это исковерканное татарами французское названіе, «bon-chrétien» (съ лѣтнимъ сортомъ такого вида грушъ буздурганъ имѣетъ несомнѣнное сходство); по другимъ—это татарское произношеніе русской фамиліи Бороадинъ, такъ какъ содѣйствовавшее развитію мѣстнаго хозяйства лицо этой фамиліи, извѣстное какъ администраторъ и мѣстный землевладѣлецъ, распространяло будто бы этотъ хорошій сортъ плодовъ между татарами; хотя, нѣтъ сомнѣнія, что татаринъ почти не можетъ выговорить этого русскаго названія иначе, я все-таки считаю этотъ буздурганъ крымскимъ сортомъ, существовавшимъ и до прибытія въ край русскихъ. Очень трудно словами убѣдить татарина, что, разводя лучшіе виды плодовъ, онъ будетъ, при одинаковомъ расходѣ на разведеніе сада и немного большемъ трудѣ, получать съ сада лучшіе барыши. Дѣйствовать на этихъ уроженцевъ края можно исключительно примѣромъ. Види, что нѣкоторые сорты столоваго винограда хорошо окупаются у русскихъ хозяевъ, татаринъ охотно разводитъ ихъ въ своихъ виноградникахъ. Я утверждаю смѣло, что развитіе плодоводства у русскихъ хозяевъ, выгодное нынѣ вслѣдствіе существованія скораго сообщенія съ центральной Россіей, дало бы толчокъ и татарскимъ садамъ. Къ сожалѣнію, все, что не идетъ впередъ, способно легко пятиться назадъ. Татары нынѣ забросили свое садоводство для болѣе выгодной временно, но опасной въ будущемъ, культуры табаку. Въ настоящее время не замѣтно, чтобы татары увеличивали количество садовъ разведеніемъ новыхъ, а старые сады губятъ они неумѣренной поливкой, требуемой разводимымъ въ садахъ табакомъ, который кромѣ того истощаетъ самую почву. Увлекаясь большими выгодами этого продукта, татаринъ посвящаетъ ему всѣ силы и переставъ даже садить новыя деревья на смѣну одряхлѣвшихъ. Если отцы нынѣшняго поколѣнія еще главнымъ образомъ кормились садами, разведенными ихъ дѣдами, то уже внуки современныхъ намъ татаръ не получатъ такого наслѣдства отъ своихъ предковъ.

Если татары берутъ тяжкій грѣхъ на душу, уничтожая своимъ небреженіемъ завѣщанное прадѣдовское богатство, то нѣтъ оправданія и для насъ, русскихъ піонеровъ цивилизаціи этого края, пренебрегающихъ легкимъ и въ близкомъ будущемъ даже выгоднымъ видомъ культуры. Хотя разведеніе вообще яблонь и грушъ, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, успѣшнѣе идетъ въ долинахъ сѣвернаго склона Яйлы, по обильнымъ водою теченіямъ рѣчекъ, то на Южномъ берегу несомнѣнно давали бы хорошіе результаты нѣкоторые особенно нѣжные виды, страдающіе отъ болѣе холодныхъ зимъ остальной части полуострова. Нечего намъ ссылаться на примѣръ Франціи и Италіи, гдѣ въ полосѣ оливковыхъ плантацій мало распространены посадки яблонь и грушъ. Культура этихъ сѣверныхъ плодовъ распространена и въ средней Франціи, климатъ которой не влажнѣе и не холоднѣе южно-бережнаго. Дикая и пустая растительность Южнаго берега, не выжженная мистролемъ Прованса и сочнымъ своимъ характеромъ отличающая нашу мѣстность отъ лишенной тѣни Италіи, указываетъ на совершенно другія условія: масличныя деревья, хотя переносятъ самыя холодныя зимы наши, не считаютъ себя дома у насъ, давая плохіе урожаи маслинъ, что доказалъ опытъ немногихъ, существующихъ здѣсь, оливковыхъ плантацій. Помимо яблонь и грушъ, разведеніе которыхъ составляетъ понынѣ существенное богатство сѣверныхъ долинъ горнаго Крыма, много и другихъ видовъ плодовыхъ деревьевъ могутъ преуспѣвать на Южномъ берегу. Не требующія орошенія и рано цвѣтущія, миндальныя, абрикосовыя и персиковыя деревья здѣсь не боятся холодовъ и способны покрыть большія пространства нашего склона въ мѣстностяхъ, защищенныхъ отъ свирѣпствующихъ здѣсь, по временамъ, бурь. Эта культура была бы выгодна, такъ какъ посадки эти чрезъ немного лѣтъ начинаютъ давать обильные плоды. Быстро растущія, хотя не скоро приносящія доходъ, деревья грецкихъ орѣховъ скоро становятся здѣсь прекрасными декоративными деревьями, обѣщая будущему богатство своихъ плодовъ и цѣнной древесины. Я не упоминаю о красивыхъ гранатахъ и любимой южными жителями смоковницѣ, разведеніе которыхъ не представляетъ большихъ выгодъ и, придавая пейзажу характерный, южный колоритъ, можетъ соблазнить только любителей изящнаго садоводства.

Если плодоводство мало развито на Южномъ берегу, то эстетическое разведеніе садовъ вмѣстѣ съ цвѣтоводствомъ весьма распространено на извѣстномъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ берега. Я уже сказалъ, что мѣстность между Алупкою и Гурзуфомъ отличается веселымъ и обработаннымъ характеромъ. Въ этой-то мѣстности находятся волшебные сады Алупки, замѣчательный въ декоративномъ отношеніи Оріандскій садъ, восхитительный паркъ Ливадіи, небольшіе, но роскошные садики Ялтинскихъ дачъ, парки и цвѣтники Массандры, Никитскій садъ съ большими и прекрасными экземплярами рѣдкихъ хвойныхъ породъ и живо-

писныя группы деревьевъ Гурзуфа, освященныя воспоминаніями о Пушкинѣ. Внѣ этой дивной полосы существуютъ только небольшіе оазисы садовой культуры. Большинство владѣльческихъ усадьбъ ограничивается тѣнью, находимой подъ исполинскими орѣховыми деревьями, разведенными еще до поселенія здѣсь русскаго элемента, да еще кое-гдѣ, въ болѣе новое время, посаженными кипарисами. Въ Алуштѣ и далѣе до Судака и кипарисы нельзя насчитать десятками, а декоративныхъ садовъ почти вовсе не существуетъ. Издержки изящнаго садоводства, увеличивающія бездоходность южно-бережныхъ имѣній, напоминаютъ мнѣ выраженіе одного изъ извѣстныхъ лицъ времени Александра I-го: «la Crimée est une gueuse parfumée» (Таврица—раздушенная нищая). Сады и парки берега съ ихъ южнымъ характеромъ, возвышая прославленную природную живописность мѣстности, играютъ не малую роль въ привлеченіи туристовъ и новыхъ владѣльцевъ и должны имѣть высокое значеніе для будущности этого края, удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ населенія. Не отъ хлѣба единаго живъ будетъ человѣкъ, а глаголъ божества слышится и въ красотѣ природы. Впрочемъ нѣкоторые спеціальные виды цвѣточной культуры, считающіеся очень доходными въ южной Франціи, могли бы и здѣсь стать предметомъ матеріальной выгоды, такъ какъ легкій успѣхъ любительскаго цвѣтоводства, доводимаго иногда до широкихъ размѣровъ, указываетъ на возможность подобныхъ предпріятій. Получаемыя нами изъ-за границы эссенціи духовъ, необходимыя для нашего парфюмернаго производства, оплачиваются высокою пошлиной, и петербургскіе или московскіе парфюмеры, вѣроятно, охотно обращались бы съ заказами если не непосредственно къ нашимъ цвѣтоводамъ, что, по отдаленности разстояній, было бы невозможно, то къ могущимъ явиться въ нашей мѣстности предпринимателямъ не сложнаго и не требующаго большихъ затратъ приготовленія эссенцій.

Отъ душистой культуры цвѣтовъ и эстетическаго разведенія вѣчнозеленыхъ лавровъ и магнолій нѣсколько рѣзокъ переходъ къ весьма прозаической статьѣ—табаководству, ставшему матеріально выгоднѣйшимъ видомъ мѣстнаго хозяйства. Чтобы дать понятіе о доходности этого дѣла, достаточно сказать, что высшая арендная плата за десятину пригодной для разведенія табака поливной земли доходитъ до пятисотъ рублей въ годъ, а за такую сумму, до появленія табаководной горячки, на Южномъ берегу татаринъ продавалъ охотно не одну десятину поливной земли. Разумѣется, minimum арендной платы много ниже, а тамъ, гдѣ у татаръ-табаководовъ достаточно собственной, пригодной для этого дѣла, земли, они еще вовсе не являются съ арендными предложеніями и даже сами сдаютъ, превышающее ихъ средства обработки, количество поливныхъ мѣстъ за сравнительно небольшія, но выгодныя цѣны плантаторамъ изъ грековъ (по большей части, пріѣзжимъ). Недостатокъ умѣлыхъ наемныхъ рабочихъ на Южномъ берегу позволяетъ однимъ только поселянамъ-

татарамъ, или спеціалистамъ изъ грековъ, заниматься этимъ хозяйствомъ. Татарскій обычай враждебенъ привлеченію къ полевымъ работамъ женщинъ и дѣтей, которыя прежде появлялись въ садахъ только для сбора фруктовъ, считающагося вездѣ, гдѣ населеніе кормится плодоводствомъ, не трудомъ, а праздникомъ. Нынѣ татаринъ для нѣкоторыхъ кропотливыхъ и частыхъ, хотя не тяжелыхъ, работъ отправляетъ всю свою семью на табачныя плантаціи. Привыкшія уже ко всѣмъ пріемамъ руки женщинъ и дѣтей помогаютъ хозяину, пересаживаютъ разсаду, поливаютъ ее, полятъ траву, цапаютъ, обрываютъ листья и т. д. Пришлыхъ рабочихъ для такого дѣла у насъ не любятъ нанимать, а мѣстные татары зажиточны, сами табаководы и вообще хозяева и рѣдко нанимаются на какія бы то ни было работы, за исключеніемъ бездомныхъ лицъ, предпочитающихъ легкое занятіе сторожей, или обязанности домашней прислуги, особливо—кучеровъ. При отсутствіи удобныхъ для этого дѣла рабочихъ, табаководство правильно исключается изъ помѣщичьяго хозяйства, хотя помѣщики зачастую порываются заняться имъ. Южно-бережные табаководы вообще занимаютъ этою культурой столько земли, сколько они въ состояніи обработать собственными руками, и для этого соединяются иногда въ компаніи.

Грустно, что выгодности этой культуры препятствуетъ эксплуатація ея промышленниками. Агенты караимовъ, табачныхъ торговцевъ и фабрикантовъ, даютъ табаководамъ задатки, снабжаютъ ихъ сѣменами удобныхъ для торговли сортовъ и въ крутую пору нужды и дороговизны хлѣба скупаютъ у татаръ и грековъ будущій ихъ урожай табаку. При этомъ соблазнительная, довольно крупная цѣна за пудъ, хотя не соотвѣтствующая барышамъ фабрикантовъ и торговцевъ, не получается сполна производителями, благодаря стѣснительнымъ условіямъ относительно права браковки. Агенту представляется такими условіями возможность получить большую часть табаку за безцѣнокъ. Къ этому пріему присоединяется еще иногда легкость обвѣсить и обсчитать людей неграмотныхъ и притомъ весьма простодушныхъ, включая даже и грековъ. Слова Нестора о льстивости грековъ и распространенная репутація коммерческой смѣтки этой націи не оправдываются относительно анатолійцевъ, весьма безхитростнаго типа людей, къ которому принадлежитъ большинство табачныхъ плантаторовъ не изъ татаръ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда русскіе землевладѣльцы затѣваютъ разводить табакъ, они затрудняются пріисканіемъ удобнаго сбыта продукта, потому что агентамъ крупныхъ табачныхъ фирмъ выгоднѣе имѣть дѣло съ темнымъ народомъ. Несмотря на эксплуатацію промышленниковъ, въ настоящее время татаринъ смотритъ на табакъ какъ на своего главнаго кормилица, не думая о томъ, что, забросивъ плодоводство, онъ еще и истощилъ почву табакомъ, котораго нельзя производить много лѣтъ къ ряду на одномъ и томъ же мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ хозяйствѣ здѣшнемъ не получается никакого удоб-

ренія. Когда крупные табачные спекуляторы доведутъ въ Крыму дѣло до истощенія поливныхъ земель, что ускоряется высокою пошлиной на провозный табакъ, способствующей быстрому развитію табаководства, они нахинутся на дѣвственный еще кавказскій берегъ Чернаго моря, который по условіямъ почвы и климата способенъ производить табаки еще высшаго качества, чѣмъ наши южно-бережные. Кавказскій берегъ неудобенъ нынѣ, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и совершенной пустынности; но когда эти препятствія исчезнутъ, привыкшіе къ легкому и крупному заработку татары горько оплачутъ охватившее ихъ нынѣ увлеченіе.

Винодѣліемъ, плодоводствомъ и табаководствомъ исчерпаны всѣ виды почвенной культуры на Южномъ берегу. Огородничество развито въ малыхъ размѣрахъ, недостаточныхъ даже для мѣстнаго потребленія. На всемъ протяженіи южно-бережнаго шоссе буквально не сѣютъ и не жнутъ, такъ какъ мѣстное населеніе не производитъ зерновыхъ хлѣбовъ; оно оставило также культуру льна на поливныхъ мѣстахъ, которымъ еще занимаются татары сѣвернаго склона горъ, дающаго сравнительно плохіе сорта табаку и поэтому меньше охваченнаго табачною горячкою. Въ весьма умѣренномъ размѣрѣ существуютъ еще остатки хлѣбопашества на Южномъ берегу за Алуштою, гдѣ очень дикое еще населеніе кормится овцеводствомъ.

За исключеніемъ этой вышесказанной мѣстности Южнаго берега, овцеводство здѣсь не особенно развито, такъ какъ крутой склонъ горъ не представляетъ хорошихъ пастбищъ и овцы татаръ зимою только спускаются по этому склону, находя на Южномъ берегу теплую погоду, хотя и скудный кормъ, въ зимнее время, когда пастбища вершины Яйлы занесены снѣгомъ. Въ теплое время года ровная поверхность хребта Яйлы, на высотѣ четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, покрыта ароматической травой. Татары держатъ овецъ ради мяса и молока, изъ котораго приготовляютъ сыръ, а также ради тулуповъ, составляющихъ ихъ зимнее одѣяніе, и смушекъ. Всѣ татары носятъ шапки изъ смушекъ и многіе еще торгуютъ послѣдними на вывозъ. Табуны лошадей, пасущіеся также лѣтомъ на Яйлѣ, когда-то славились своими качествами. Это были малорослыя, но выносливыя лошади. Послѣ войны 1853—56 годовъ, роковаго времени для Крыма, такъ какъ за нимъ послѣдовало выселеніе татаръ, эта отрасль хозяйства упала. Нынѣ, благодаря тому, что татары перестали подборомъ производителей поддерживать старый типъ горной лошади, эта порода выродилась и обычная татарская лошадь на Южномъ берегу изображаетъ собою клячу самаго грустнаго свойства, годную только для несенія вьюковъ. Изъ прежнихъ внѣшнихъ признаковъ породы уцѣлѣла одна низкорослость, а изъ другихъ прославленныхъ когда-то качествъ—способность долго голодать и привычка къ горамъ. Экземпляры стараго типа—съ умными головками, маленькими копытами, съ рѣзвымъ и быстрымъ бѣгомъ—попадаются весьма рѣдко. Дер-

жащіе наемныхъ лошадей для туристовъ, ялтинскіе татары закупаютъ лошадей, приведенныхъ издалека, изъ степныхъ мѣстъ, и недостаточно привычныхъ къ горамъ, а при случаѣ, для любителей верховой ѣзды, пріобрѣтаютъ кабардинскихъ лошадей. Порода рогатаго скота у татаръ весьма мелкая и тоже отличается способностью карабкаться по горамъ и голодать, такъ какъ на Южномъ берегу нѣтъ хорошихъ пастбищъ. Скотъ этотъ, дико и вольно бродя по вырубленнымъ лѣсамъ, гдѣ не находитъ въ кустарникахъ, особенно зимой, достаточной пищи, искусно и болѣе ловко, чѣмъ любая коза, перепрыгиваетъ черезъ всякія—какъ низкія, такъ и высокія—изгороди и, находя себѣ лучшій кормъ въ огороженныхъ садахъ русскихъ владѣльцевъ, а часто и самихъ татаръ, производитъ въ садахъ довольно крупныя опустошенія. При такихъ условіяхъ скотъ этотъ сытно продовольствуетъ сильно расплодившихся и очень смѣлыхъ волковъ, но очень мало кормитъ своихъ хозяевъ. Татары однако держатъ не мало рогатаго скота, потому что содержаніе его рѣшительно ничего не стоитъ. За то, впряженные въ татарскія арбы (повозки), волы иногда ростомъ и объемомъ мало превосходятъ большую свинью, а рѣзвые акробаты-коровы буквально не даютъ болѣе двухъ стакановъ молока въ сутки. Русскіе владѣльцы здѣсь вовсе не занимаются скотоводствомъ и на всемъ Южномъ берегу существуетъ только одна ферма въ царскомъ имѣніи Ливадія, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крупный и прекрасный скотъ весь палъ отъ чумы, которой, кажется, менѣе боится выносливая татарская порода скота, легко отгуливающаяся отъ болѣзни, по техническому выраженію скотоводовъ. Нынѣ скотъ на ливадской фермѣ обновленъ; красивый видъ его и результаты ферменнаго хозяйства, обильные удои молока, дающаго прекрасный сыръ и масло, доказываютъ возможность веденія раціональнаго скотоводства на Южномъ берегу, сильно нуждающемся во всѣхъ продуктахъ такого хозяйства отъ мяса и до удобренія. Если южно-бережные татары не занимаются шелководствомъ, то надо сказать въ ихъ оправданіе, что это производство не привилось нигдѣ къ Крыму, несмотря на успѣхъ плантацій тутоваго дерева. Давно уже оставлены прежнія усилія правительства для поощренія этого дѣла. Пчеловодство, весьма небезвыгодное здѣсь, также очень мало во вкусахъ татаръ. О существованіи этихъ подспорій хозяйства въ русскихъ имѣніяхъ, разумѣется, нѣтъ и рѣчи.

Между мѣстными жителями Южнаго берега не развитъ ни одинъ видъ ремеслъ. Южно-бережный татаринъ, при всей своей зажиточности, живетъ дурно. Онъ не умѣетъ даже сплести хорошаго плетня, или выстроить себѣ сносную хату, имѣя подъ рукою прекрасный матеріалъ. Жилища его отличаются живописностью, лѣпясь по скаламъ, какъ птичьи гнѣзда, которыя представляютъ однако гораздо болѣе сложный и разумный видъ архитектуры въ примѣненіи къ птичьимъ потребностямъ. Хаты татаръ вполнѣ неудобны для житья; очаги, потребляющіе много топлива, горятъ

только при открытыхъ дверяхъ; окна извѣстны очень мало, а стеколъ не знаютъ. Плоскія земляныя крыши весьма красивы, когда въ байрачные дни собирается на нихъ пестро-разряженное по-праздничному женское населеніе деревень; но крыши эти во время дождя протекаютъ и вызываютъ на верхъ всѣхъ жителей хаты для того, чтобъ утаптывать разбухшую землю особенными нехитрыми катками. Въ защиту этихъ кровель можно сказать только одно: они мало боятся сильныхъ здѣсь иногда бурь осенняго и весенняго времени.

Татары употребляютъ исключительно одну чистую пшеничную муку, но ухитряются печь изъ нея очень дурные хлѣбы. Единственные хорошіе хлебопеки на Южномъ берегу—турки, занявшіеся этимъ ремесломъ въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Употребляемыя на Южномъ берегу татарскія неуклюжія мажары и арбы (виды мѣстныхъ телѣгъ) — деревянныя; сѣдла, уздечки, нагайки и всѣ предметы скорняжнаго и кожевеннаго производства, бо́льшая часть одежды и обуви получаются здѣсь отъ татаръ, живущихъ по другую сторону горъ, въ такъ называемой Богатырской волости и Бахчисараѣ. Здѣсь нѣтъ и гончарнаго производства, и каждый горшокъ или кувшинъ привозится изъ-за горъ. Жестянщики и кузнецы почти исключительно цыгане. Татарскія женщины Южнаго берега не прядутъ и не ткутъ, а занимаются развѣ только вышиваніемъ узорчатыхъ полотенецъ, употребляемыхъ татарами, и кисетовъ для табаку. Если между южно-бережными татарами теперь почти не встрѣчается рабочихъ въ садахъ и виноградникахъ у русскихъ владѣльцевъ, то татары, любя затѣвать разныя мелкія предпріятія торговаго свойства, охотно скупаютъ фрукты, главнымъ образомъ орѣхи, въ здѣшнихъ имѣніяхъ для отправки во внутрь Россіи, а также столовый виноградъ, сбываемый на мѣстѣ. Это удобно для владѣльцевъ, избавляемыхъ такимъ образомъ отъ заботъ по сбору этихъ урожаевъ, невыгодному при условіи найма рабочихъ. Еще промышляютъ татары доставкою топлива изъ лѣсовъ казенныхъ и общественныхъ, подвозомъ сѣна и разныхъ другихъ продуктовъ на своихъ скрыпучихъ мажарахъ, запряженныхъ миніатюрными волами, или еще первобытнѣе—на вьючныхъ лошадяхъ. Выручивши достаточно денегъ отъ такихъ промысловъ, татаринъ охотно открываетъ какую-либо лавочку-кофейню, или предпринимаетъ занятіе извознымъ дѣломъ, а если повезетъ ему счастіе, вступаетъ прямо въ ряды паразитовъ-эксплуататоровъ остального населенія. Обильный доходъ табачныхъ плантацій много содѣйствуетъ этому явленію. Скоро полудикій татаринъ переходитъ въ разрядъ «цивилизованныхъ», передовыхъ и вмѣсто полушубка зимой и куртки лѣтомъ надѣваетъ пиджакъ, сохраняя изъ отличительнаго татарскаго костюма иногда только широкія шаровары и во всякомъ случаѣ обязательную шапку изъ черныхъ смушекъ. Лѣнивая, малоподвижная жизнь легко обращаетъ его въ пьяницу; внесенная цивилизаціей водка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе даже небогатыхъ

татаръ, неумѣренно предающихся всякой охватившей ихъ страсти. Къ счастью, еще набожные ревнители Корана избѣгаютъ пьянства вообще, хотя болѣе вредная для здоровья водка не считается также строго воспрещенной, какъ вино, потому что о ней не могъ упоминать Коранъ. «Цивилизованные» очень падки до дорогого портера и многіе знаютъ вкусъ шампанскаго, увѣряя единовѣрцевъ, что это вовсе не виноградное вино, въ чемъ можетъ-быть они гораздо правѣе, нежели предполагаютъ сами, потому что здѣсь въ большомъ ходу подозрительныя марки этого вина. Любовь къ правдѣ заставляетъ меня сказать, что южно-бережный татаринъ зачастую не представляетъ качествъ идеальной честности и полнаго добродушія, маску которыхъ онъ надѣваетъ. Тамъ, гдѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ русскими, онъ скоро вовсе не оказывается такимъ добрякомъ, какимъ кажется по наружности. Прославленныя добродѣтели этого народа уцѣлѣли только въ той глуши, куда не проникла русская цивилизація. Здѣсь принято многими русскими «культурными людьми», по выраженію Щедрина, искать популярности у татаръ и притомъ свысока покровительствовать имъ. Весьма нетрудно пріобрѣсти расположеніе татарина, но не трудно только по наружности. Смѣясь втихомолку надъ русскою тароватостью и широкою натурой, онъ вовсе не прочь, что называется, погрѣть около нея руки. Присмотрѣвшись поближе къ такому, обласканному русскимъ магнатомъ, сыну природы, вы часто, за его фамильярнымъ добродушіемъ, усмотрите наглаго и развращеннаго попрошайку, или беззавѣтнаго плута. О недобросовѣстности нѣкоторыхъ содержателей извознаго промысла и многихъ торговцевъ изъ татаръ могутъ повѣдать всѣ бывавшіе на Южномъ берегу туристы. Эти вполнѣ цивилизованные уроженцы края часто становятся и вполнѣ беззастѣнчивыми негодяями, у которыхъ, несмотря на входящую въ ихъ привычки обидчивость, никакимъ упрекомъ вы не вызовите дѣйствительной краски стыда на лицѣ. «Что же это?— спроситъ меня читатель.—Неужели можетъ быть какой-либо прокъ въ ханжескомъ, склонномъ къ легкой наживѣ и паразитству и нравственно-развращенномъ населеніи?»—«Кто виноватъ въ этихъ грустныхъ явленіяхъ?»—также вопросомъ отвѣчу я.

Въ горахъ, гдѣ татаринъ еще вполнѣ изолированъ отъ вліянія русской цивилизаціи, онъ имѣетъ всѣ пороки дикаря, но также и всѣ его добродѣтели. Тамъ онъ умѣренъ въ своихъ требованіяхъ и трудолюбивъ, хотя продолжаетъ вести свое хозяйство тѣмъ несложнымъ путемъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ. Тамъ онъ такъ же строго придерживается составившагося у него кодекса нравственныхъ правилъ, какъ и религіозныхъ предписаній закона и обычаевъ своей страны. Хотя такой дикарь, вполнѣ имѣющій право на наше уваженіе, презрительно относится къ новому типу, зародившемуся на Южномъ берегу, но понятно однако, что нравы, чистота которыхъ основана на полной отчужденности отъ русскаго населенія, и первобытный складъ жизни и хо-

зяйства должны будутъ уступить новымъ условіямъ. Возьмите татарина изъ этой мѣстности: онъ пріѣзжаетъ на Южный берегъ на мажарѣ, сооруженной собственными руками; въ нее впряжены волы мѣстной породы и нагружена эта мажара продуктами горныхъ его долинъ. Отъ домотканной рубашки изъ собственнаго льна до кожаныхъ поставъ обуви, полушубка и овечьей шапки—на немъ нѣтъ ничего покупного, если не считать ножа за поясомъ, который тоже татарскаго издѣлія и купленъ въ Бахчисараѣ, центрѣ татарской же промышленности. Еще не такъ давно уроженецъ Южнаго берега Крыма мало отличался отъ своего горнаго собрата. «Что ты жалуешься на новое время?»—спрашивалъ я, негодующаго на новые порядки и со вздохами перебиравшаго свои молитвенныя четки, знакомаго старика изъ южно-бережныхъ татаръ.—Ты сравнительно бѣдный человѣкъ и земли у тебя мало, но вѣдь съ сада, огородничества, отъ перевозки товаровъ и другими промыслами ты выручаешь столько денегъ, что еслибы тебѣ въ молодости предсказали о возможности такого богатаго заработка, ты считалъ бы подобное пророчество несбыточнымъ, а цифру твоего нынѣшняго дохода вполнѣ баснословной».—«Это такъ,—отвѣтилъ онъ:—благодаря Бога, моя работа окупается хорошими барышами, но вѣдь въ прежнее время мнѣ и денегъ не было нужно: я почти ничего не покупалъ, а теперь долженъ платить большія деньги за хлѣбъ, прикупать сѣно, даже топливо; я плачу большіе налоги и мнѣ дорого стоитъ прокормить и одѣть себя и семью. Я съ большимъ трудомъ могу при этомъ свести концы съ концами». Спрашивается, что мы, русскіе цивилизаторы, сдѣлали для этого полудикаго народа, чтобъ облегчить ему рѣзкій переходъ отъ матеріальныхъ условій старой жизни къ новому экономическому существованію, перевернувшему весь его хозяйственный строй и отозвавшемуся потрясеніемъ даже нравственной почвы его? Что получаетъ татаринъ взамѣнъ хотя бы платимыхъ имъ земскихъ налоговъ, не пользуясь ни врачебною частью, въ помощь которой онъ не вѣритъ, ни средствами для народнаго образованія, такъ какъ онъ понынѣ почти ограничивается татарской грамотностью, изучаемой вмѣстѣ съ правилами вѣры въ существовавшихъ и прежде и содержимыхъ татарами понынѣ школахъ при мечетяхъ? Муштровки и дрессировки, которую получалъ онъ въ прежнія времена исключительно административной опеки, онъ не переноситъ: гдѣ могъ, онъ откупался отъ нея, гдѣ же не могъ, тамъ хитро обходилъ ее,—и понынѣ ставитъ главною задачей лицъ своего сельскаго управленія—ладить съ русскими властями такъ, чтобъ онѣ не вмѣшивались въ его бытъ. Достигая этой послѣдней цѣли, онъ все-таки продолжаетъ чувствовать себя нравственно приниженнымъ и еще недавно затѣвалъ сплошное бѣгство въ Турцію, покидая кормящую его землю и родной кровъ, несмотря на несомнѣнное матеріальное довольство; и эту страшную жертву приносилъ онъ безъ всякаго новаго серьезнаго повода, такъ какъ нельзя было назвать таковымъ введеніе общей воинской повинности, при ко-

торой татары были поставлены въ исключительное положеніе, легкость котораго они хорошо сознавали. Пусть мнѣ, мѣстному жителю, не говорятъ о мусульманскомъ фанатизмѣ крымскихъ татаръ и о турецкихъ эмиссарахъ. Это легкое и ходячее объясненіе изобрѣтено для удобствъ низшей мѣстной администраціи. Правительство наше, кажется, сознало несправедливость его и, помимо энергическихъ мѣръ, принятыхъ для прекращенія эмиграціи, назначило особую коммиссію для изслѣдованія условій мѣстнаго быта и причинъ крупно обнаружившагося неудовольствія татаръ. Коммиссія эта чуть ли не прекратила свои занятія, пришедши пока къ тому результату, что татарамъ жаловаться не на что. Какъ бы то ни было, одинъ взглядъ именно на южно-бережнаго татарина доказываетъ, что онъ призванъ къ лучшей, высшей будущности. Въ здѣшнемъ татаринѣ нельзя признать потомка азіятскихъ ордъ, родственнаго нашему казанскому или сибирскому татарину. Типъ его вполнѣ другой, вслѣдствіе помѣси греческой крови и вѣроятнаго смѣшенія съ остатками готѳовъ, мужественная порода которыхъ также обладала Крымомъ и удерживалась въ горахъ даже во время татарскаго владычества. Классически-строгія черты и гордое выраженіе лица, граціозная стройность греческаго атлета, соединенная съ признаками сѣверной породы, свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и зачастую также свѣтлыми волосами и глазами—ничего не имѣетъ общаго съ некрасивымъ, на европейскій взглядъ, лицомъ и коренастымъ сложеніемъ смугло-желтаго приволжскаго или иртышскаго татарина, отъ которыхъ здѣшній собратъ ихъ отличается и большею мягкостью своихъ обычаевъ и нравовъ. Это—впечатлительныя и нѣжныя натуры, которыя способны страдать не отъ одного только матеріальнаго гнета, а чувствуютъ всякій оттѣнокъ пренебреженія, и которыя, вслѣдствіе воспріимчивости къ добру и злу, такъ же легко можно развратить, какъ и возбудить въ нихъ живой энтузіазмъ ко всему доброму и хорошему; о дикомъ фанатизмѣ у нихъ нѣтъ и помину. Я не сомнѣваюсь нисколько въ высокихъ способностяхъ племенъ даже чистой монгольской расы, но настоящее принадлежитъ понынѣ кавказскому племени, цивилизація котораго болѣе доступна и симпатична породнившимся съ нимъ отраслямъ другихъ племенъ, такъ какъ физическое родство неразлучно и съ духовнымъ.

Въ этой статьѣ я перечислилъ всѣ виды полезныхъ хозяйственныхъ занятій, большинствомъ которыхъ, какъ оказывается, нашъ татаринъ не занимается. При этомъ я намѣренно упустилъ рыбный промыселъ, потому что онъ здѣсь фактически монополизированъ греческимъ населеніемъ. Настоящее положеніе и этого дѣла довольно печально. Промыселъ этотъ настолько мало выгоденъ, что греки занимаются имъ, кажется, только по унаслѣдованной традиціи. Трудно представить себѣ, насколько это занятіе, въ нынѣшнихъ его условіяхъ на Южномъ берегу, мало обезпечиваетъ добываніе насущнаго хлѣба. Между рыболовами здѣсь встрѣчают-

ся единственные пролетаріи края. Ловимая ими рыба исключительно потребляется въ свѣжемъ видѣ, вслѣдствіе чего промышленники эти имѣютъ самый ограниченный сбытъ своихъ улововъ только для мѣстнаго потребленія. Ни вяленія, ни соленія, ни копченія рыбы они здѣсь не предпринимаютъ, между тѣмъ какъ водящаяся у здѣшнихъ береговъ камса (рыбка, похожая на анчоуса), весьма вкусная въ соленомъ видѣ и дешевая по своему изумительному обилію, могла бы стать предметомъ вывоза. Высоко цѣнимая еще древними римлянами скумбрія (scumber, французское: maquereau) превосходитъ качествами скумбрію Средиземнаго моря, которую въ жестяныхъ коробкахъ посылаютъ намъ французы. Рыба эта здѣсь замѣчательно нѣжна вкусомъ и особенно хороша въ копченомъ видѣ, такъ что можетъ удовлетворить самого изысканнаго любителя тонкаго стола. Впрочемъ и здѣшніе рыболовы занимаются изготовленіемъ одного спеціальнаго предмета потребленія гастрономовъ: они вилятъ кефалью икру, любимую весьма многими на югѣ Россіи. Въ Константинополѣ этотъ продуктъ нашъ оплачивается почти на вѣсъ золота. По небольшому количеству добываемой изъ кефали икры, этотъ хищническій промыселъ, въ зародышѣ истребляющій рыбу, существенную для прокормленія прибрежнаго населенія, не способенъ къ большому развитію. Недавно начали на Южномъ берегу промышлять еще отправкою устрицъ, доходящихъ даже до Петербурга. Устрицы здѣсь—явленіе сравнительно новое: онѣ были разведены у здѣшнихъ береговъ по распоряженію князя М. С. Воронцова. Изъ рукъ мѣстнаго берегового населенія чуть было навсегда не исчезъ весьма выгодный промыселъ, связанный съ рыболовствомъ, но которымъ наши рыбаки не занимаются въ большомъ размѣрѣ, вслѣдствіе своей малочисленности, а отчасти и вслѣдствіе отсутствія предпріимчивости. Въ этомъ дѣлѣ хотя играютъ роль рыбачьи лодки, но также и ружья. Это—морская охота, весьма увлекательная съ точки зрѣнія спорта. Я говорю о боѣ дельфиновъ, большими стадами приплывающихъ къ берегу, которыхъ убиваютъ для извлеченія изъ нихъ жира. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ большія компаніи турокъ приплывали для этого промысла къ Южному берегу и вывозили отсюда ежегодно многія сотни тысячъ рублей, сбывая жиръ изъ Севастопольскаго, Ялтинскаго и Ѳеодосійскаго портовъ. Одна изъ этихъ компаній, въ 40 человѣкъ, обладавшая семидесятью паями, раздѣлила между пайщиками 300.000 руб. Топленіе жира производилось безъ соблюденія какихъ бы то ни было санитарныхъ предосторожностей, по всему пространству берега, даже вблизи приморскихъ деревень. Когда мѣстная администрація обратила вниманіе на зараженіе воздуха гніющими трупами дельфиновъ, правительственныя мѣры пріостановили продолженіе этого хищенія, у насъ передъ глазами, нашего богатства чужестранными промышленниками. Жаль, что мѣстное населеніе мало извлекаетъ выгоды изъ этого промысла, съ соблюденіемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ условій, предупреждающихъ зарож-

деніе миазмовъ и избѣгая отвратительнаго и вреднаго процесса жиротопленія въ сосѣдствѣ обитаемыхъ мѣстностей. Какъ я уже сказалъ, для будущаго значенія Южнаго берега важны не только непосредственныя матеріальныя выгоды его почвеннаго богатства, но играетъ также большую роль теплый его климатъ и красота природы, привлекающая туристовъ и заманивающая дачниковъ, число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Этимъ условіямъ мы обязаны тому осчастливившему Тавриду обстоятельству, что Августѣйшая Фамилія обратила высокое вниманіе на Южный берегъ, сдѣлавъ изъ него одну изъ своихъ любимыхъ резиденцій и тѣмъ самымъ уже могущественно содѣйствуя процвѣтанію прекраснаго края. Климатическія удобства дѣлаютъ Южный берегъ хорошимъ лѣчебнымъ пунктомъ, куда въ послѣднее время врачи изъ всѣхъ мѣстъ Россіи посылаютъ своихъ больныхъ. Судить о мѣстности въ климато-лѣчебномъ отношеніи — дѣло спеціалистовъ, но несомнѣнный фактъ поправленія здѣсь даже трудно-больныхъ можетъ быть подтвержденъ всѣми постоянными жителями Южнаго берега. Теплый климатъ, вліяніе моря и бальзамическій воздухъ представляютъ несомнѣнно выгодныя условія для излѣченія многихъ недуговъ. Помимо содѣйствія климата, паціентамъ предлагаются здѣсь еще спеціальные виды пользованія отъ болѣзней: лѣченіе кумысомъ, виноградомъ и морскія купанья. Быстро растущій городъ Ялта хотя представляетъ единственный портъ въ нашей полосѣ и служитъ средоточіемъ присутственныхъ мѣстъ и центромъ торговли, все-таки обязанъ своимъ процвѣтаніемъ лицамъ, имѣющимъ въ его окраинѣ дачи, а главнымъ образомъ пріѣзжающимъ на Южный берегъ туристамъ и больнымъ. Здѣсь находятся прекрасныя гостиницы, со всѣми приспособленіями европейскаго комфорта и, разумѣется, высокими цѣнами, на которыя жители обѣихъ столицъ и городовъ Кіева, Харькова и Одессы не имѣютъ серьезнаго права жаловаться, такъ какъ цѣны эти не выше, чѣмъ въ подобныхъ заведеніяхъ этихъ центральныхъ пунктовъ, а здѣсь жизненныя условія не дешевле, если не дороже даже петербургскихъ. Небогатые посѣтители Южнаго берега могутъ въ Ялтѣ, какъ и въ любомъ нѣмецкомъ курортѣ, найти помѣщенія дешевыя въ частныхъ домахъ и дачахъ, на болѣе продолжительные сроки, а въ меблированныхъ комнатахъ даже на короткое время. По желанію, тамъ снабдятъ пріѣзжихъ и не дорогимъ столомъ, если они сами не предпочтутъ посѣщать существующіе рестораны съ невысокими цѣнами. Въ виду того обстоятельства, что содержатели гостиницъ, квартиръ и вообще большинство ялтинскихъ промышленниковъ извлекаютъ выгоды только во время такъ-называемаго сезона, жалобы пріѣзжихъ на дороговизну въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ вполнѣ основательными. Болѣе правильны сѣтованія на то, что во время этого краткаго сезона все бываетъ до того переполнено, что некуда дѣваться пріѣзжимъ и за отсутствіемъ свободныхъ помѣщеній приходилось имъ ночевать въ купальняхъ, палаткахъ и на спаль-

яхъ набережной и бульвара, а бильярды сплошь да рядомъ обращались въ семейныя кровати. Увеличивающееся ежегодно число новыхъ построекъ вѣроятно скоро устранитъ это неудобство. Понынѣ единственное мѣсто развлеченія въ городѣ — клубъ, имѣющій при своемъ лѣтнемъ помѣщеніи тѣнистый и красивый садъ. Въ клубѣ этомъ, почти безъ всякихъ формальностей, открытъ доступъ для всѣхъ пріѣзжихъ и въ немъ устраиваются спектакли и семейные вечера. Легкость входа въ этотъ клубъ нѣсколько неправится извѣстному классу посѣтителей Южнаго берега, не находящему это мѣсто достаточно «комильфотнымъ» и устраивающему иногда отдѣльныя увеселенія въ гостиничныхъ залахъ. Помимо развлеченій, пріѣзжіе въ г. Ялтѣ находятъ и всѣ матеріальныя удобства, какъ-то: магазины, снабженные всѣми предметами необходимости и роскоши, отличные экипажи и порядочныхъ верховыхъ лошадей для экскурсій, а больные могутъ пользоваться совѣтами многихъ врачей, поселившихся здѣсь. Открытый, а потому неудобный для купальщиковъ, во время бурь, берегъ и каменистый грунтъ мѣшаютъ нѣсколько пользоваться морскими купаньями, но болѣе пригодныя для этой цѣли мѣста— Ѳеодосія или Евпаторія—страдаютъ недостаткомъ всякаго комфорта, а Евпаторія отвращаетъ пріѣзжихъ еще своимъ полнымъ отсутствіемъ тѣни и своими грустными солонцеватыми и степными окрестностями. Къ тому же въ Ялтѣ много заведеній для теплыхъ морскихъ ваннъ, считающихся особенно дѣйствительными. Настоящій разгаръ сезона, почему-то, начинается здѣсь съ половины августа и длится до половины октября, такъ что сезоннымъ гостямъ приходится переживать здѣсь время равноденственныхъ бурь, весьма непріятныхъ на открытомъ для морскихъ вѣтровъ берегу. Октябрь, а часто и ноябрь бываютъ здѣсь очень теплы; зима наша — вполнѣ зеленая и, переживъ нѣсколько недѣль болѣе холодной температуры, рѣдко доходящей до дѣйствительнаго мороза (во всякомъ случаѣ небольшого), мы вступаемъ въ періодъ прелестной и долговременной весны, иногда омрачаемой скоропреходящими бурями. Цвѣты не прерываются во всю зиму. Розы, такъ называемыя мѣсячныя, цвѣтутъ часто еще и въ декабрѣ; фіалки перестаютъ цвѣсть только лѣтомъ, во время жары, зимою же онѣ въ изобиліи; въ февралѣ зацвѣтаютъ миндальныя деревья, въ мартѣ — все остальное. Время отъ апрѣля до половины іюня превращаетъ Южный берегъ въ какое-то волшебное царство цвѣтовъ. Жаркое время падаетъ на іюль и августъ; въ остальное время вѣтеръ съ моря поддерживаетъ прохладу. Впрочемъ жара мало ощутительна въ густой тѣни крымскихъ садовъ. Въ настоящее время городъ исходатайствовалъ разрѣшеніе сбора съ пріѣзжихъ, для цѣли предоставленія разныхъ удобствъ этой же пріѣзжающей публикѣ. Такой сборъ, существующій въ сезонныхъ мѣстахъ за границей, разрѣшенъ у насъ только на пять лѣтъ. Можетъ-быть правительство имѣло въ виду сдѣлать опытъ удобства у насъ подобныхъ порядковъ; но кратковременный

срокъ разрѣшенія не позволяетъ приступить немедленно къ обширнымъ предпріятіямъ, не могущимъ быстро оплатиться, а потому едва ли осуществится мысль предполагавшагося казино, по примѣру подобныхъ устройствъ за границей, соединяющаго въ одномъ пунктѣ всѣ удобства и увеселенія, которыя не хуже любого нѣмецкаго «бада» могла бы предложить своимъ посѣтителямъ красивая и веселая Ялта.

Въ Ялтѣ, кромѣ административныхъ мѣстъ, существуетъ, какъ вездѣ, и городское самоуправленіе, и этотъ же городъ — центральный пунктъ мѣстнаго земства, включающаго въ себя и города Балаклаву и Севастополь съ ихъ районами. Въ виду исключительнаго положенія какъ города, такъ и мѣстнаго земства, здѣсь было бы можетъ-быть умѣстно поговорить о характерѣ дѣятельности этихъ учрежденій и отношеній ихъ къ предстоящимъ въ краѣ задачамъ, но это завело бы меня слишкомъ далеко, за предѣлы моего очерка, цѣль котораго — указать на нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся черты настоящаго положенія дѣлъ мѣстности. Я ограничусь тутъ только нѣсколькими короткими сообщеніями читателю. Несмотря на многое, уже сдѣланное новымъ еще въ Ялтѣ городскимъ управленіемъ, порядки города, имѣющаго претензію, отвлеченіемъ русскихъ гостей отъ заграничныхъ мѣстъ лѣченія и отдыха, соперничать съ водами Германіи и купаньями Бельгіи и Франціи, еще, разумѣется, далеко не совершенны. Желательно было бы, поэтому, привлечь къ дѣлу городского управленія энергическія и свѣжія силы. Нынѣ въ городской думѣ не даетъ себя достаточно чувствовать предпріимчивый элементъ. Въ составѣ гласныхъ преобладаютъ или мѣстные торговцы, изъ здѣшнихъ уроженцевъ, мало имѣющіе понятія о предстоящей задачѣ города, или владѣльцы дачъ, утлыя ладьи которыхъ, примѣняясь къ цвѣтистому стилю Павла Ивановича Чичикова, потерпѣвъ крушенія на житейскомъ морѣ, пристали въ тихую гавань идиллической жизни на Южномъ берегу. Всякое веденіе дѣла, сопряженное съ какою-либо энергіей, устрашаетъ безмятежныхъ искателей уединенія на лонѣ природы своимъ кажущимся рискомъ, а между тѣмъ голоса этого-то элемента рѣшаютъ всѣ дѣла, такъ какъ другой видъ гласныхъ безучастно относится къ возбуждаемымъ вопросамъ. Ролью своею въ городскомъ управленіи эти почтенные дачники обязаны нѣсколькимъ менѣе покойнымъ дѣятелямъ, примѣнившимъ употребляемый иногда въ медицинѣ, съ другою цѣлью, электрическій способъ возбужденія къ впавшему было въ старческій маразмъ честолюбію мѣстныхъ Филимоновъ и даже ихъ Бавкидъ. Еще помогло имъ мнѣніе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ о пользѣ участія въ городскомъ самоуправленіи этого quasi-аристократическаго элемента. Для проведенія этихъ лицъ на выборахъ, на избирателей, не раздѣлявшихъ высокаго мнѣнія о махровыхъ старыхъ піонахъ дачной флоры, потребовались исключительныя энергическія мѣры вліянія, о которыхъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, можетъ-быть, вспомянетъ какой-либо «Русскій Архивъ», какъ о

курьезѣ прошлаго времени. Можно надѣяться однако, что, даже при нѣкоторой растерянности нашихъ заправителей городскими дѣлами, сознанная уже жителями Ялты потребность приспособленія городскихъ условій къ требованіямъ дальнѣйшаго развитія интересующаго всю Россію пункта приведетъ рано или поздно къ удовлетворительному результату. Я позволяю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о двухъ задачахъ дѣятельности городского и земскаго управленія: объ организаціи врачебной помощи въ краѣ и о дѣлѣ образованія юношества. Къ крайнему моему прискорбію, совмѣстные труды городского и земскаго представительства представляютъ понынѣ мало утѣшительнаго.

Татарское населеніе почти не прибѣгаетъ къ врачебной помощи. Это, вѣроятно, не удивитъ читателя, знающаго, какъ не легко привить довѣріе къ результатамъ медицинской науки даже русскому простолюдину, съ которымъ врачъ можетъ объясняться на его родномъ языкѣ и предразсудки котораго понемногу разсѣиваетъ проникающее въ его среду образованіе. Что же можно ожидать отъ полудикаго народа безпечнаго и не предусмотрительнаго характера, взгляды котораго еще затемнены присущимъ его религіи фанатизмомъ? Къ тому же онъ не довѣряетъ администраціи, къ которой причисляетъ и земство, и не понимаетъ русской рѣчи, между тѣмъ какъ не только персоналъ нашихъ врачей, но и фельдшеровъ или не можетъ вовсе объясняться на мѣстномъ языкѣ, или владѣетъ имъ неудовлетворительно. Отсутствіе удобнаго сообщенія въ горныхъ мѣстностяхъ затрудняло бы земство явиться, повсемѣстно, съ медицинскою помощью, даже еслибы населеніе сознало ея благодѣянія. Современное отношеніе татаръ къ врачамъ довольно комично. Татаринъ охотно обращается къ нимъ, спрашиваетъ ихъ совѣта, принимаетъ иногда даже нѣкоторыя лѣкарства (напримѣръ—хину, въ противулихорадочныхъ свойствахъ которой онъ убѣдился), но одновременно обращается и къ своимъ знахарямъ, парализующимъ всю пользу лѣченія; измѣнить какія-либо условія жизни, враждебныя гигіенѣ, его нельзя заставить никакими средствами, даже тогда, когда это не сопряжено съ расходами. Такимъ образомъ, безъ всякаго явнаго противодѣйствія со стороны населенія дѣйствіямъ врачей, помощь ихъ оказывается вполнѣ иллюзорною. Видя въ медикахъ нѣчто приближающееся къ начальству, татаринъ иногда допускаетъ прививку оспы своимъ дѣтямъ, которую болѣе фанатичныя матери немедленно кидаются высасывать, чтобы помѣшать проникновенію яда невѣрныхъ въ организмъ ребенка. Въ случаяхъ поврежденій херургическихъ, населеніе довѣряетъ исключительно своимъ доморощеннымъ искусникамъ. Въ больницу татаринъ поступаетъ только по принужденію, въ болѣзняхъ заразнаго характера. При такомъ отношеніи къ врачамъ хитрящаго и въ этомъ дѣлѣ населенія, медицинская помощь не достигаетъ никакихъ серьезныхъ результатовъ въ жизни оріентала, избѣгающаго прямо высказываться противъ этого полезнаго дѣла. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, раз-

рѣшеніе вопроса зависитъ отъ распространенія въ средѣ поселянъ образованія, которое еще должно имѣть задачей содѣйствовать примиренію съ русскимъ культурнымъ элементомъ, компрометированнымъ—почти всегда презрительнымъ и суровымъ, а иногда даже безсердечнымъ обращеніемъ съ покорнымъ народомъ ближайшихъ къ нему властей былого времени. Существовавшая въ городѣ Ялтѣ небольшая земская больница достигала благотворной цѣли по отношенію лишь къ пришлому рабочему населенію; но такой видъ медицинской помощи, сосредоточенной въ одной Ялтѣ, въ своемъ ограниченномъ видѣ, возбуждалъ неудовольствіе плательщиковъ уѣзда, въ составъ котораго не входитъ одинъ Южный берегъ, а также и сѣверный склонъ горъ и города Балаклава и Севастополь. Городъ Ялта, съ своей стороны, не оказывалъ никакой денежной поддержки этой больницѣ и не зналъ никакихъ затратъ на лѣчебную часть, кромѣ содержанія городового врача и отпуска ста рублей въ годъ одной изъ мѣстныхъ акушерокъ. Въ виду несомнѣнной пользы больничнаго учрежденія, земство содержало его исключительно на свой счетъ, пока враждебное столкновеніе городского управленія съ земскимъ по вопросу предотвращенія грозившихъ намъ опасностей заразительной болѣзни не порѣшило вопроса въ смыслѣ желанія большинства земскихъ плательщиковъ. Земство постановило отпускать городу, какъ оно дѣлало уже въ пользу Севастополя, навѣстную сумму ежегодно на организацію больничной части, предполагая, что и этотъ городъ можетъ уже по своему разросшемуся бюджету найти недостающія средства для этого дѣла; само же земство рѣшило посвятить свои небольшія силы, главнымъ образомъ, на организацію медицинской помощи въ уѣздѣ. Противъ юридической правильности такой постановки вопроса трудно сказать что-либо, но, къ сожалѣнію, мѣра эта, заставши городъ врасплохъ, тяжело отозвалась на населеніи, прибѣгающемъ къ больничному пользованію. Въ дѣлѣ изысканія средствъ на какое-либо полезное предпріятіе городское наше управленіе, если можно такъ выразиться, слишкомъ увлекается принципомъ осторожности, не допускающимъ поспѣшности, и вотъ уже прошло болѣе двухъ лѣтъ, а ничего въ смыслѣ устройства правильной больницы не сдѣлано. Между тѣмъ медицинскія учрежденія въ уѣздѣ, при отсутствіи больницъ, оказались не вполнѣ достигающими цѣли, въ виду чего и земство изъявило готовность войти въ соглашеніе съ городомъ относительно открытія больницы въ городскихъ окрестностяхъ. Такое благое предположеніе понынѣ не состоялось и городъ теперь содержитъ только, совершенно недостаточное для потребностей мѣстности, больничное помѣщеніе для заразительныхъ больныхъ на одной изъ дачъ. Въ результатѣ является то, что рѣдкій трудно-больной имѣетъ вообще шансъ попасть въ больницу, такъ какъ губернская земская больница отстоитъ отъ Ялты на разстояніи почти ста верстъ.

При частомъ появленіи болѣзней заразнаго характера въ средѣ рабочаго, какъ пришлаго, такъ и мѣстнаго, населенія города и уѣзда, изъ такого положенія надо какъ можно скорѣе выйти какимъ-либо усиліемъ.

Что касается дѣла собственно народнаго образованія, то на него городъ не тратитъ ни одной копѣйки и находящаяся въ Ялтѣ, отлично-устроенная, народная школа содержится исключительно земствомъ, хотя въ ней обучаются несомнѣнно только дѣти горожанъ изъ ремесленнаго, преимущественно русскаго, населенія. Въ предѣлахъ уѣзда существуетъ еще нѣсколько школъ, содержимыхъ земствомъ, но онѣ удовлетворяютъ потребностямъ русскаго и греческаго населенія другихъ мѣстностей; на Южномъ же берегу ялтинская школа — единственная изъ содержимыхъ земствомъ, дающимъ еще вспомоществованіе устроенному на счетъ мѣстнаго греческаго общества училищу въ селеніи Аутка. Помимо этихъ школъ, еще и удѣльное вѣдомство содержитъ училище въ Ливадіи для дѣтей служащихъ и рабочихъ, а въ Алупкѣ существуетъ училище на иждивеніи владѣльца имѣнія. Въ первой нѣтъ вовсе татаръ, во второй же ихъ число весьма незначительно. На Южномъ берегу существуетъ, однако, не мало спеціально татарскихъ школъ, но земство понынѣ не принимаетъ никакого участія въ поддержкѣ ихъ, за исключеніемъ вспомоществованія, выдаваемаго одному изъ учителей русскаго языка, лицу татарскаго, хотя не мѣстнаго, происхожденія, извѣстному земству давно своею благотворною педагогическою дѣятельностью. Такимъ образомъ плательщики-татары не пользуются выгодами земской организаціи народныхъ школъ. Нѣкоторые дѣятели земства ссылаются на то, что состоящія непосредственно въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія школы эти лежатъ на попеченіи самого министерства и что земство затруднялось бы въ оказаніи имъ денежной помощи, такъ какъ ему неизвѣстны ихъ нужды, а вслѣдствіе изъятія ихъ даже изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ земство и черезъ своихъ представителей въ этихъ совѣтахъ не можетъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла собственно татарскаго народнаго образованія. Содѣйствіе города дѣлу просвѣщенія выражается матеріальною поддержкой двухъ прогимназій, изъ которыхъ одна, мужская, содержится главнымъ образомъ на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ содержаніи другой, женской, участвуетъ еще и земство. Въ виду неполноты курса прогимназій, было бы, разумѣется, желательно преобразованіе ихъ въ полныя гимназіи, но недостаточное число учениковъ въ мужской и составъ ученицъ въ женской прогимназіи служатъ тому препятствіемъ еще болѣе, чѣмъ недостаточность средствъ, отпускаемыхъ понынѣ разными вѣдомствами совмѣстно. Дѣвочки, принадлежащія главнымъ образомъ къ недостаточному классу, съ большими усиліями могутъ оканчивать курсъ даже прогимназіи. Невольно рождается мысль о томъ будущемъ, которое могли бы имѣть учебныя заведенія на Южномъ берегу, еслибъ они были поставлены на вполнѣ достаточную ногу и соединены съ полными гим-

сіонами. Въ Швейцаріи существуютъ учебныя заведенія въ лучшихъ по климату мѣстностяхъ, гдѣ воспитанники пользуются теплою зимой, здоровымъ, благорастворенным воздухомъ и гдѣ научныя занятія не подвергаютъ опасности здоровье болѣе слабыхъ дѣтей, физическое сложеніе которыхъ не вынесло бы сидячей работы въ спертыхъ городскихъ помѣщеніяхъ, или какъ, напримѣръ, у насъ, въ мѣстностяхъ суровой зимы, въ испорченномъ воздухѣ закупоренныхъ двойными рамами отъ морозовъ комнатъ. Хотя въ числѣ воспитанниковъ подобныхъ заграничныхъ пансіоновъ встрѣчаются и русскія дѣти, но здоровое для тѣла воспитаніе это, отчуждая ихъ отъ совершенно отличныхъ условій быта нашей родины, отучающее ихъ отъ родного языка и сопряженное съ практическими неудобствами, не приводитъ къ хорошему результату въ смыслѣ нравственномъ и не образуетъ изъ нихъ русскихъ въ душѣ гражданъ. Неужели бы родители слабогрудыхъ дѣтей, такъ часто становящихся жертвою преждевременной смерти, вывозящіе ихъ нынѣ за границу, не предпочли бы дать окрѣпнуть ихъ организму въ счастливой природѣ Южнаго берега до физической зрѣлости, когда взрослые уже юноши и дѣвицы могли бы безопаснѣе бороться съ трудностями суроваго климата? Этотъ берегъ нынѣ приближенъ къ другимъ пунктамъ Россіи быстрымъ паровымъ сообщеніемъ, а дѣти могли бы дышать круглый годъ здоровымъ воздухомъ, пользоваться благодѣяніями научнаго образованія, не отчуждаясь отъ родины, находясь подъ руководствомъ русскихъ наставниковъ и оставаясь въ предѣлахъ русской рѣчи и русскихъ интересовъ. Предпріимчивость частныхъ лицъ для такого устройства недостаточна, да и дѣло это не должно становиться предметомъ спекуляціи. Кромѣ того, дѣло это явится вполнѣ полезнымъ, если оно не будетъ разсчитывать на однихъ только дѣтей богатыхъ родителей, дорого оплачивающихъ нынѣ, неудобное даже въ практическомъ смыслѣ, воспитаніе дѣтей своихъ внѣ Россіи. Здѣсь необходимо исключительно обращеніе къ правительственной иниціативѣ. Если министерство народнаго просвѣщенія, дѣлая уже обширныя затраты на учебныя заведенія Таврическаго полуострова, затруднялось бы въ средствахъ для такого предпріятія, то мнѣ извѣстно, что Крымъ давно ходатайствуетъ объ устройствѣ военно-учебнаго заведенія, и я позволю себѣ тутъ высказать практическое предположеніе. Несомнѣнно, что упомянутая мною добрая цѣль превозможетъ стремленіе другихъ горовъ Крыма помѣстить въ своихъ стѣнахъ это училище. Соперничающіе нынѣ города согласятся въ пользу Ялты, какъ готовы были согласиться они, во время бывшаго ходатайства таврическихъ дворянъ, относительно устройства военно-учебнаго заведенія въ центральномъ Симферополѣ. Даже мурзы (татарскіе дворяне), особенно нуждающіеся въ существованіи въ Крыму корпуса для своихъ дѣтей, по своему традиціонному влеченію къ военной профессіи и затрудняющіеся понынѣ посылать своихъ, мало знающихъ русскій языкъ, дѣтей въ заведенія,

находящіяся далеко отъ родины, выразили бы свое сочувствіе этому дѣлу, хотя для нихъ удобнѣе другіе пункты, а на Южномъ берегу не существуетъ почти татарскаго дворянскаго элемента. Вмѣстѣ съ городами и дворянство и земство края будутъ готовы на матеріальныя пожертвованія, въ размѣрѣ мѣстныхъ силъ, для благодушнаго и патріотическаго предпріятія.

А высокое учрежденіе заведеній вѣдомства Императрицы Маріи? Не найдетъ ли оно возможнымъ спасеніе многихъ молодыхъ жизней отъ развитія опасныхъ и грозящихъ раннею смертію недуговъ? Небольшое отдѣленіе, въ которое посылались бы болѣзненныя воспитанницы институтовъ, можетъ-быть достигало бы этой цѣли—соединенія благъ воспитанія съ укрѣпленіемъ силъ юныхъ организмовъ и могло бы современемъ разростись до размѣровъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній этого, движимаго высоко-сострадательнымъ женскимъ чувствомъ, вѣдомства.

Я далеко не исчерпалъ всего, что хотѣлось бы мнѣ высказать по поводу края, котораго я не уроженецъ, но который сталъ близокъ моему сердцу за долгое время пребыванія въ немъ. Опасаюсь однако, чтобы размѣры моей статьи не утомили читателя. Если приведенныя мною данныя, въ его глазахъ, хоть нѣсколько подтвердили мое предположеніе о предстоящей Южному берегу розовой будущности и о существенномъ значеніи этого маленькаго уголка для Россіи, при условіи полнаго развитія богатыхъ его силъ, то я буду считать задачу своего очерка вполнѣ достигнутою.

Э. Майкель.

Нѣмецкая династія въ Румыніи.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ журналѣ Deutsche Rundschau (1883 г., мартъ, № 6) статья, заслуживающая, по нашему мнѣнію, серьезнаго вниманія; почему мы и считаемъ не безполезнымъ познакомить съ нею нашихъ читателей въ переводѣ, помѣщаемомъ ниже. Статья эта имѣетъ значеніе не потому только, что напечатана въ журналѣ, который служитъ выраженіемъ идей и политическихъ стремленій наиболѣе популярныхъ въ Германіи, особенно въ Пруссіи, но преимущественно потому, что, указывая на цѣль, вполнѣ гармонирующую съ политическими мѣропріятіями Германіи за послѣднее время, эта статья написана съ очевидно предвзятымъ намѣреніемъ содѣйствовать осуществленію этой цѣли, согласно съ видами правительственной политики,—что придаетъ статьѣ уже характеръ оффиціозный.

Цѣль эта—созданіе изъ Румыніи оплота противъ панславистскихъ стремленій Россіи,—слѣдовательно, обращеніе Румыніи въ послушное орудіе нѣмецкой политики, направленной къ тому, чтобъ отрѣзать Россію отъ сопле-менныхъ ей балканскихъ славянъ, подчинить послѣднихъ германскому вліянію, или, вѣрнѣе, отдать въ руки нѣмецкой эксплуатаціи и лишить русскихъ доступа къ Средиземному морю. Эта послѣдняя цѣль, само собой разумѣется, не высказана въ нижеприводимой статьѣ; но она, какъ нельзя болѣе, ясна изъ ея содержанія и изъ всѣхъ политическихъ актовъ Германіи и вполнѣ послушной ей Австріи и изъ всей политической нѣмецкой печати. Австрія захватила Боснію и Герцеговину, накинула свои сѣти на Сербію и тѣснитъ теперь Черногорію; Польша до Вислы заселяется нѣмцами. Нѣмецкая печать, оффиціозная и неоффиціозная, въ одинъ голосъ кричитъ о коварныхъ замыслахъ Россіи, о необходимости оградить славянъ балканскихъ отъ ея властолюбія, отрѣзать ихъ отъ Россіи; во всѣхъ органахъ періодической нѣмецкой прессы и въ многочисленныхъ брошюрахъ, распространяемыхъ въ тысячахъ экземпляровъ, обсуждаются планы войны съ Россіей; наконецъ, заключенъ тройственный союзъ между Австріей, Германіей и Италіей. Теперь Румыніи назначается роль оплота

противъ панславистскихъ стремленій Россіи, а ея королю изъ дома Гогенцоллерновъ—быть исполнителемъ этой задачи.

Въ этихъ видахъ авторъ приводимой ниже статьи не задумывается искажать факты, будучи весь поглощенъ одною задачей—увѣрить читателей въ нѣжной и безкорыстной заботливости нѣмцевъ о благѣ славянъ, о ихъ независимости, на которую посягаетъ Сѣверная имперія, въ заботливости о свободѣ и цѣлости Румыніи, угрожаемыхъ Россіей. Но какъ славяне, такъ и румыны знаютъ по опыту и не хуже нѣмцевъ понимаютъ, кто врагъ, кто другъ славянства и съ какой стороны грозитъ опасность славянамъ Балканскаго полуострова и румынамъ. Не понимать этого можетъ лишь тотъ, кто закроетъ глаза на только-что совершившіяся событія: захваты Австріи у всѣхъ на виду; причины неурядицы въ Сербіи ни для кого не секретъ; виновники этой неурядицы, какъ равно волненій въ Албаніи—слишкомъ извѣстны. И ужь, конечно, не нѣмецкому журналу (Deutsche Rundschau), издающемуся въ Берлинѣ, урекать Россію въ возвратѣ послѣ побѣдоносной войны придунайскаго клочка Бессарабіи, отнятаго у нея несчастною Крымскою войной. Въ замѣну этого клочка, возвратить который было дѣломъ чести, Россія дала Румыніи Добруджу, на которую Румынія не имѣла ровно никакихъ правъ. Клочокъ берега Дуная въ рукахъ Россіи полезнѣе для Румыніи, чѣмъ еслибъ онъ принадлежалъ ей самой; но дѣло-то въ томъ, что врагамъ Румыніи понятно значеніе этой ничтожной полосы земли въ рукахъ могущественной державы,—имъ онъ оказывается бѣльмомъ на глазу. Вотъ почему приводимая нами нѣмецкая статья такъ и поддразниваетъ имъ Румынію, прималчивая о томъ, какое количество чистокровныхъ румынъ находится подъ австрійскимъ господствомъ. Но румыны не забыли своей связи съ родичами и своихъ историческихъ правъ на Банатъ и Семиградіе и недавно осмѣлились вспомнить о нихъ во всеуслышаніе; на банкетѣ въ Яссахъ сенаторъ Градистіану въ рѣчи, обращенной къ королю Карлу Гогенцоллерну, сказалъ: «Въ коронѣ вашего величества недостаетъ трехъ перловъ: Баната, Буковины и Семиградія»—и выразилъ надежду, что не въ отдаленномъ будущемъ эти перлы возвратятся въ корону Румыніи.

Король Карлъ по происхожденію нѣмецъ; но онъ принцъ благороднаго и славнаго дома Гогенцоллерновъ; ему, быть-можетъ, судьба готовитъ великую будущность—стать родоначальникомъ румынскихъ Гогенцоллерновъ; вступая на престолъ только-что возрождавшагося государства, онъ сказалъ, что съ той минуты дѣлается румыномъ. Какъ государственный человѣкъ и какъ румынъ, онъ твердо знаетъ, что присоединеніе части Бессарабіи, принадлежащей Россіи, еслибы таковое и могло осуществиться, не придастъ блеска его королевской коронѣ, ничего ровно не дастъ его народу и было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно для юнаго, не окрѣпшаго государства. Иное значеніе могло бы имѣть присоединеніе къ нему Семиградія и Баната, какъ бы таковое ни было непріятно берлинскимъ поли-

тикамъ. Что касается до правъ, то они никакъ не меньше, чѣмъ права Пруссіи на Эльзасъ и Лотарингію, и во всякомъ случаѣ были бы подтверждены народнымъ голосованіемъ, еслибы до него дошло дѣло. Заботы румынскаго правительства объ укрѣпленіи своей границы съ Австріей ясно доказываютъ, что румынскій Гогенцоллернъ хорошо понимаетъ положеніе и интересы своего народа и что съ прямого пути не сбить его правительства никакимъ статьямъ нѣмецкихъ журналовъ.

Приводимая нами статья вся съ начала до конца наполнена самою безстѣнчивою ложью, какъ, впрочемъ, того и ожидать должно отъ оффиціозной статьи, преслѣдующей извѣстныя политическія цѣли. Авторъ статьи, или, по меньшей мѣрѣ, редакція такого журнала, какъ Rundschau, не могли не знать, что они выпускаютъ въ свѣтъ завѣдомую ложь, когда говорятъ о стремленіяхъ Россіи присвоить себѣ Молдавское и Валахское княжества, когда историческія данныя неотразимо доказываютъ, что въ теченіе всего XVIII вѣка она одна отстаивала ихъ независимость и не успѣла въ томъ лишь по милости противодѣйствія Пруссіи и Австріи, очень хорошо предвидѣвшей, въ какую сторону должны будутъ обратиться взоры возрожденной Румыніи и гдѣ окажется Румынія irredenta.

Мы не имѣемъ въ виду вступать въ полемику съ Rundschau и передаемъ нашимъ читателямъ статью, помѣщенную въ этомъ журналѣ, единственно для того, чтобы показать, до какой наглости доходитъ ложь нѣмецкой печати по отношенію къ Россіи, къ какимъ неблаговиднымъ пріемамъ прибѣгаютъ нѣмецкіе публицисты, когда заигрываютъ съ тщеславіемъ молодого народа и стараются увѣрить его, что не онъ обязанъ Россіи за свое освобожденіе отъ турецкаго господства, а что будто-бы Россія обязана Румыніи за избавленіе ея арміи отъ конечнаго пораженія въ послѣднюю войну. Такая ложь не заслуживала бы ни упоминанія, ни тѣмъ менѣе опроверженія, еслибы не была разсчитана на возбужденіе нелѣпой страсти къ милитаризму въ румынахъ, на восхваленіе многочисленности ихъ арміи, совершенно непосильной и едва ли нужной такому маленькому государству противъ его сосѣдей. Стотысячная румынская армія не въ состояніи защитить королевство ни отъ Россіи, ни отъ Австріи; она нужна нѣмцамъ,—чего они и не скрываютъ,—какъ авангардъ ихъ полчищъ противъ славянъ и, отчасти, какъ instrumentum regni противъ самихъ румынъ, еслибы дѣйствія правительства пошли наперекоръ желаніямъ и интересамъ народа, что̀ нѣмцы тщательно скрываютъ. Ясно, что румыны ни въ какомъ случаѣ не могутъ (географически) стать авангардомъ Германіи въ случаѣ столкновенія Россіи и славянства съ нѣмцами; слѣдовательно, сама собой очевидна роль, предназначаемая Австріи въ этой борьбѣ,—роль, не особенно почетная,—доставать нѣмцамъ каштаны изъ огня.

Допуская, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ въ дѣйствительности разразится эта столь упорно предвидимая и обсуждаемая нѣм-

цами борьба, въ которую они такъ усердно завлекаютъ мадьяръ и румынъ, нѣмцы германско-прусскіе ничѣмъ въ ней не рискуютъ и тщательно стараются предотвратить рискъ съ своей стороны, выдвигая впередъ разноплеменную Австрію и юную Румынію и оставляя за собой *честное маклерство*, когда дѣло дойдетъ до разборки, или же вступничество въ борьбу въ ту минуту, когда побѣдители и побѣжденные будутъ достаточно ослаблены. Что можетъ ожидать Румынію при исходѣ такой борьбы? Какъ бы побѣдоносно таковая ни окончилась для Россіи, румынамъ опасаться нечего; допуская всевозможный панславизмъ Россіи, провозглашаемый нѣмцами, въ силу этого самаго панславизма, т. е. идеи единства національностей, Румынія должна объединиться полученіемъ *всѣхъ* румынскихъ земель и, не будучи сама землею и націей славянской, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ войти въ составъ Россійской имперіи или иного славянскаго государства. Чѣмъ можетъ стать Румынія съ своею обособленною національностью?—Тѣмъ, чѣмъ стала Бельгія. Вотъ будущность новаго королевства съ Гогенцоллерномъ во главѣ и въ союзѣ съ Россіей въ случаѣ исхода борьбы, благопріятнаго для Россіи и славянства. Въ противномъ случаѣ, — при неблагопріятномъ исходѣ, — корона съ головы Гогенцоллерна легко можетъ быть снята и перевезена въ Вѣну для пополненія уже имѣющейся тамъ коллекціи коронъ, и не Семиградіе и Банатъ присоединятся къ Румыніи, а Молдавія и Валахія присоединятся къ нимъ для увеличенія разноплеменной и разноязычной имперіи Габсбургской. Какою бы лестью ни обольщали нѣмецкіе публицисты румынъ и славянъ, какую бы ложь и клевету ни взносили они на Россію, правда за себя говоритъ,—истинное положеніе дѣлъ достаточно ясно. Если суждено произойти «страшному столкновенію» между нѣмцами и славянами, то уже, конечно, не Россіей оно будетъ вызвано, и чѣмъ бы оно ни окончилось, несомнѣнно одно, что время примучиванія народовъ завоевателями проходитъ, или уже миновало. Историческое колесо повернулось и выдвинуло на міровую арену новые народы; эту арену открыла для нихъ Россія кровью своихъ сыновъ, и ни штыки, ни дипломатическіе обманы и ухищренія не столкнутъ ихъ съ широкаго поприща. Будущее принадлежитъ молодымъ силамъ, молодымъ народамъ.

Ред.

«Если когда-либо соперничеству между нѣмцами и славянами суждено разразиться страшнымъ столкновеніемъ, то мадьяры и румыны неизбѣжно станутъ въ этой борьбѣ передовымъ постомъ со стороны нѣмцевъ, не столько по связямъ ихъ съ нѣмецкою націей, сколько въ силу географическаго положенія Венгріи и Румыніи, вынуждающаго ихъ за-одно съ нѣмцами бороться за собственное существованіе, которому грозитъ славянство. Должно надѣяться, что столкновеніе между германскимъ и славянскимъ міромъ будетъ отсрочено еще на многіе годы, быть-можетъ

даже устранено навсегда, благодаря успѣхамъ цивилизаціи. Но, во всякомъ случаѣ, для Германіи въ данный моментъ интересно имѣть о нынѣшней Румыніи и постепенномъ ходѣ ея развитія болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ какія даютъ отрывочныя газетныя статьи, складывающіяся нерѣдко подъ вліяніемъ партій. Это тѣмъ болѣе важно, что въ ряду новыхъ государствъ, возникшихъ на востокѣ Европы, Румынія занимаетъ, безспорно, первенствующее положеніе, котораго она достигла подъ семнадцатилѣтнимъ главенствомъ и водительствомъ нѣмецкаго принца. До послѣдняго времени Румынія была удалена отъ западно-европейской культуры, представляя собою въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ театръ борьбы между четырьмя сильными сосѣдями (Польшей, Венгріей, Россіей и Турціей); въ своемъ внутреннемъ развитіи она постоянно встрѣчала помѣхи и задержки отчасти въ турецкомъ владычествѣ, отчасти же со стороны Россіи, интригами *подготовлявшей завоеваніе* Молдавіи и Валахіи.

Турція ставила своихъ чиновниковъ господарями этихъ двухъ княжествъ и по своему произволу свергала ихъ, по временамъ занимала войсками части княжествъ, оставшихся независимыми по письменнымъ трактатамъ, и для поддержки господарей держала при нихъ янычарскую гвардію.

Кайнарджійскій договоръ (1774 г.) далъ Россіи право заступничества за княжества. Изъ него Россія вывела совершенно своеобразное, не точно опредѣленное и тѣмъ болѣе стѣснительное на практикѣ право протектората, дававшее ей поводы къ періодическимъ занятіямъ Молдо-Валахіи, къ захватамъ въ свои руки управленія, къ постоянному вмѣшательству въ крупныя и мелкія дѣла княжествъ и приведшее, наконецъ, къ присоединенію къ Россіи принадлежащей Молдавіи провинціи Бессарабіи.

Удручающимъ гнетомъ тяготѣло надъ Румыніей съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе выражавшееся намѣреніе Россіи втихомолку, безъ борьбы, приготовить для Молдавіи и Валахіи, лежавшихъ на пути ея стремленій къ Западу, ту же участь, какой подверглась Бессарабія. Это намѣреніе русскихъ государственныхъ людей часто выражалось совсѣмъ недвусмысленно. «Je ne laisserai aux Moldau-Valaques que leurs yeux pour pleurer», злобно говорилъ генералъ графъ Кутузовъ въ 1810 году; въ 1848 году графъ Нессельроде замѣтилъ: «l'origine des Moldau-Valaques se perd dans la nuit des tempes», а въ 1853 году онъ же высказалъ угрозу: «le temps viendra, où ces Valaques insoumis, qui ont excité au plus haut point le mécontentement de S. M. l'empereur, payeront chérement leur déloyauté».

Во всякомъ случаѣ на положеніе Румыніи еще и въ настоящее время нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія высокоразвитаго Запада и въ сужденіяхъ о немъ примѣнять нашу мѣрку,—многое показалось бы въ немъ

незрѣлымъ, лишь затронутымъ началомъ развитія и невѣрно понятымъ. Какіе бы быстрые шаги ни дѣлалъ народъ на пути прогресса, онъ не въ силахъ наверстать въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ потерянное въ теченіе двухъ-вѣковой насильственной задержки. Но всякій, внимательно слѣдившій за Румыніей въ эти послѣднія двадцать пять лѣтъ, вынужденъ признать, что въ ней все радикально измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ ея судьбы находятся въ рукахъ государя изъ дома Гогенцоллерновъ.

Если сравнить положеніе Румыніи 1866 года, при вступленіи на престолъ принца Карла, съ положеніемъ въ 1880 году (годъ признанія ея независимости), то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что страна эта во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала рѣшительные и замѣтные шаги впередъ,— станетъ ясно, что стремленіе къ развитію, образованію и совершенствованію охватило всю политическую и экономическую жизнь народа и наложило на нее свою печать. Это выяснится съ особенною яркостью, когда мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ прошлое.

Двѣ разрозненныя страны, лишенныя всякой инициативы въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, низведенныя въ глазахъ цивилизованнаго міра до положенія турецкихъ провинцій, превратились, фактически и по международному признанію, въ одно независимое государство. Вмѣсто избираемыхъ князей, не только повиновавшихся приказаніямъ извнѣ, но превратившихся въ послушныя орудія чуждыхъ интересовъ, Румынія имѣетъ теперь высокочтимую династію, связанную родствомъ съ большинствомъ царственныхъ фамилій. Подчиненность деспотическимъ вліяніямъ Турціи и Россіи смѣнилась правомѣрными и равенственными отношеніями ко всѣмъ европейскимъ державамъ. Произволъ господарей, всевластно распоряжавшихся внутренними дѣлами страны, уступилъ мѣсто конституціонному, парламентскому образу правленія. Прежній судъ, бывшій лишь орудіемъ въ рукахъ князя, отмѣнявшаго по своему произволу рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ, смѣнился новыми судебными учрежденіями, совершенно изъятыми изъ-подъ вліянія правительства. Управленіе страною, находившееся въ полной зависимости отъ воли и своеволія чиновниковъ, упорядочено постоянно совершенствующимся законодательствомъ. Финансовое управленіе, едва удовлетворявшее самымъ примитивнымъ потребностямъ, приведено въ стройную систему, выработанную наукой и соотвѣтствующую всѣмъ нуждамъ новѣйшаго государственнаго механизма. Благодаря строгой опредѣленности государственныхъ расходовъ, Румынія получила возможность пережить тяжелое время послѣдней войны, не обременяя себя долгомъ, кромѣ выпуска ассигнацій на 26 милліоновъ франковъ, хотя пришлось возобновить и увеличить вооруженія и выстроить на счетъ государства сто километровъ желѣзной дороги (Маразешти—Фокшаны—Бузео). Не менѣе поразительные результаты достигнуты и въ частныхъ отрасляхъ управленія: такъ, напримѣръ, валовой доходъ отъ табачной монополіи возросъ съ 18½ до 25½ милл., тогда какъ расходъ

на сборы по этой статьѣ понизился съ 47 на 34% *). Того же результата можно ожидать отъ перехода въ казну желѣзныхъ дорогъ.

Къ слову о желѣзныхъ дорогахъ. 16 лѣтъ тому назадъ Румынія едва имѣла самонеобходимѣйшія грунтовыя дороги. Въ настоящее время 1.500 километровъ желѣзныхъ дорогъ связываютъ буковинскую границу съ Галацомъ и Брайловымъ на Дунаѣ; оттуда черезъ Букарештъ рельсовый путь доходитъ до Желѣзныхъ Воротъ, на западной границѣ (Верціорово—Орсова), со многими развѣтвленіями (Бутошаны—Яссы) къ русской границѣ; къ этой же линіи примыкаютъ вѣтви на Берладъ, Маразешки—Бузео, Плоэшти — Предіаль (семиградская граница), Букарештъ—Журжово (граница Болгаріи); кромѣ того палатами утверждена цѣлая сѣть новыхъ развѣтвленій и уже приступлено къ постройкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Протяженіе грунтовыхъ дорогъ увеличилось впятеро. Вслѣдствіе этого торговля и производительность страны возвысились въ такой мѣрѣ, что, несмотря на низкій таможенный тарифъ, пошлины даютъ казначейству 12 милл., вмѣсто прежнихъ 5 милл., а платежныя средства страны усилились настолько, что уже съ 1880 г. финансовое управленіе съ большею легкостью и правильностью получаетъ 120-милліонный сборъ, чѣмъ это дѣлалось въ 1866 г. при 60 милл. бюджетѣ. Дошедшія было до крайней натянусти отношенія между помѣщиками и крестьянами приведены въ порядокъ въ 1864 г. **), отмѣна же крѣпостного права совершилась еще въ 1855 году. Дѣло поземельнаго кредита улучшено 10 лѣтъ тому назадъ устройствомъ поземельно-кредитныхъ учрежденій по прусскому образцу, давшихъ возможность понизить невыносимый для недвижимой собственности размѣръ процентовъ съ 12 на 6.

Румынская армія состояла изъ двухъ полковъ для парадовъ; въ 1866 г. съ трудомъ сформированъ 8.000-ный корпусъ, едва снабженный самымъ необходимымъ вооруженіемъ. Въ настоящее время армія доведена до 100.000 человѣкъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, вооружена лучшимъ оружіемъ новѣйшихъ системъ, снабжена всѣмъ боевымъ матеріаломъ, прекрасно обучена, можетъ быть быстро сосредоточена и въ 1877 году въ Болгаріи блистательно выдержала первое испытаніе въ бою съ непріятелемъ. Политическая жизнь, ограниченная въ былое время мелкими, личными интригами господарей и бояръ, получила надлежащій просторъ черезъ сознаніе высшихъ государственныхъ соображеній, опредѣленныхъ цѣлей и правильно понятыхъ гражданскихъ обязанностей. Правда, въ борьбѣ партій все еще прорываются сочувствіе старымъ, побѣжденнымъ порядкамъ, поползновенія искать поддержки иноземной державы, чтобы съ ея содѣйствіемъ вліять на внутреннія дѣла, возникаютъ пререканія изъ-за часто-

*) 18½ милл.×47%=8.695.000 фр., 25½ милл.×34%=8.670.000 фр., слѣдовательно расходъ остался прежній, увеличился лишь доходъ на счетъ платежныхъ средствъ страны. *Прим. перев.*

**) Слѣд. ранѣе избранія Гогенцоллерна.

любія и личныхъ побужденій, проскальзываетъ порою забвеніе великихъ національныхъ задачъ въ виду затрудненій минуты. Но, вообще, представительство страны проникнуто сознаніемъ великаго призванія Румыніи—стать на юго-востокѣ Европы оплотомъ противъ завоевательныхъ и ославянивающихъ (slavisirungsgelüste) стремленій Россіи. Нельзя пройти молчаніемъ рѣзко проявляемаго румынами сознанія независимости въ такихъ дѣлахъ, какъ дунайскій вопросъ, въ которомъ они противустоятъ неправильнымъ притязаніямъ Австро-Венгріи. Румыны не хотятъ быть ни русскими, ни австрійскими, а независимыми. (А нѣмцамъ хочется ихъ сдѣлать прусскими!)

Не легко имъ было стать въ такое положеніе, не сразу достигли они его,—не разъ сбивались они на ложный путь, полный скорби. Румынскіе патріоты совершенно правильно признавали, что, для избавленія страны отъ турецкаго ига и отъ еще болѣе, пожалуй, удручающаго протектората Россіи и для достиженія независимости, необходимы двѣ вещи: соединеніе княжествъ Молдавіи и Валахіи въ одно цѣлое и установленіе наслѣдственной монархіи подъ главенствомъ одного изъ членовъ наиболѣе уважаемой въ Европѣ династіи. Возсоединеніе княжествъ совершилось фактически въ 1859 году, когда Молдавія и Валахія (вопреки Парижскаго трактата) избрали, вмѣсто двухъ господарей, одного государя въ лицѣ князя Александра-Іоанна Куза.

Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ достиженію независимости; второй — учрежденіе наслѣдственной монархіи — былъ на время отложенъ. Тѣмъ не менѣе князь Куза передъ своимъ избраніемъ вынужденъ былъ подписать обязательство (реверсъ), которымъ онъ самъ признавалъ свое правленіе лишь временнымъ, до избранія иностраннаго принца, и обѣщался всѣми силами стараться объ осуществленіи этого предположенія. Но едва успѣлъ полковникъ Куза превратиться въ князя Александра—Іоанна I, какъ онъ, повидимому, совершенно забылъ о торжественно данныхъ обѣщаніяхъ. Всѣ свои заботы онъ направилъ къ укрѣпленію собственнаго положенія, къ устраненію затрудненій, которыя могли возникнуть со стороны великихъ державъ Европы. Законныхъ наслѣдниковъ у него не было, а потому онъ сталъ подготовлять переходъ короны къ одному изъ своихъ незаконныхъ сыновей и съ этою цѣлью усыновилъ ихъ.

Князь Куза былъ человѣкъ очень умный, хотя не достаточно образованный и безхарактерный. У него не хватило государственной мудрости, чтобъ уразумѣть высоту своего призванія. На свое положеніе онъ смотрѣлъ какъ на дойную корову, дающую средства вести необузданную жизнь и интриги, къ которымъ имѣлъ особенную склонность, обусловленную, вѣроятно, его византійскимъ происхожденіемъ. Онъ смолоду не привыкъ къ серьзному труду и, конечно, не могъ находить въ немъ большого удовольствія, сдѣлавшись государемъ. Еще менѣе нравилось ему конституціонное ограниченіе его власти и онъ не замедлилъ устра-

нить его, такъ - называемымъ, статутомъ. Его правленіе весьма скоро превратилось въ безсовѣстную камарилью и хозяйничанье любовницъ, истощавшихъ средства страны, а при ихъ недостаткѣ вынуждавшихъ прибѣгать къ займамъ. Къ концу его правленія казначейство было буквально опустошено и чиновники не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ.

Замѣчательно вѣрное сужденіе о послѣднемъ національномъ князѣ Румыніи встрѣчается у Вебера въ его «Всеобщей исторіи». Вотъ что онъ говоритъ: «Александръ - Іоаннъ I, потомокъ незнатнаго боярскаго рода, возвысился и одержалъ верхъ надъ болѣе высокопоставленными соперниками благодаря счастью и уму. Но онъ былъ склоненъ къ самовластію и расточительности и своей семейною и домашнею жизнью подавалъ поводы къ скандалу. Какъ только представители сословій оказались не особенно предупредительными къ исполненію его желаній, то онъ отдѣлался отъ стѣсненій по примѣру своего доброжелателя Наполеона, принятаго имъ за образецъ, и посредствомъ плебисцита добился болѣе широкой власти. На основаніи этой власти началось господство произвола и деспотизма, а такъ какъ при этомъ своекорыстіе и безнравственность Александра навлекли на него общую ненависть и презрѣніе, то черезъ два года произошло въ Букарештѣ возстаніе, имѣвшее послѣдствіемъ изгнаніе Кузы».

Народъ вздохнулъ свободно, точно очнувшись послѣ тяжелаго кошмара, когда 11 (23) февраля 1866 г. разнеслась вѣсть объ удаленіи Александра и объ избраніи на престолъ Румыніи графа Фландрскаго подъ именемъ Филиппа I. Его отказъ произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Дембовицѣ. Однако же временное правительство 1866 года не потеряло бодрости. Несмотря на рядъ препятствій, возникшихъ на пути къ осуществленію его желаній, несмотря на возбужденное Россіей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сепаратистское возстаніе въ Яссахъ, на холодность и недоброжелательство, съ которыми были встрѣчены на парижской конференціи требованія румынскаго народа, — послѣ трехъ тяжелыхъ и тревожныхъ мѣсяцевъ временному правительству удалось убѣдить принца Карла Гогенцоллерна принять корону, предложенную ему на основаніи избирательнаго плебисцита, и придти на зовъ румынскаго народа.

Полный вѣры въ будущность Румыніи, одушевленный серьезнымъ желаніемъ взять твердою рукой судьбы довѣрившагося ему народа и вывести его изъ затрудненій, князь Карлъ торжественно вступилъ 10 (22) мая 1866 года въ свою будущую столицу, Букарештъ, изукрашенный флагами и вѣнками. Недруги страны были изумлены, поражены, тогда какъ румыны ликовали въ одушевленіи восторгомъ и надеждами. Явился мессія страны, и до сихъ поръ еще не забыты слова, обращенныя къ парламенту юнымъ княземъ, окидывающимъ собраніе гордымъ и кроткимъ взглядомъ. Въ этихъ короткихъ, но многознаменательныхъ словахъ выразилась цѣлая правительственная программа. «Вступая въ эту страну,—

говорилъ принцъ,—я дѣлаюсь румыномъ. Я сознаю великость лежащихъ на мнѣ обязанностей и надѣюсь ихъ выполнить. Моему новому отечеству я посвящаю открытое сердце, чистыя намѣренія, твердую волю служить добру, безграничную преданность и уваженіе къ законамъ, унаслѣдованныя мною отъ предковъ. Сегодня—гражданинъ, завтра, въ случаѣ нужды, я стану солдатомъ и отнынѣ буду дѣлить съ вами радостные и тяжелые дни. Вѣрьте мнѣ, какъ я вамъ вѣрю! Только Всемогущему Богу извѣстно, что предстоитъ въ будущемъ нашему отечеству. Будемъ неустанно исполнять наши обязанности, и Промыслъ Божій, направлявшій до сихъ поръ вашего избранника и устранявшій съ моего пути всѣ препятствія, не оставитъ вашего дѣла неоконченнымъ». Слова, сказанныя еще юнымъ тогда принцемъ, вполнѣ оправданы его дѣйствіями,—въ теченіе слишкомъ шестнадцати лѣтъ онъ ни на волосъ не отступилъ отъ нихъ.

Прошло много лѣтъ постоянной, упорной работы, не разъ возникала парламентская борьба, смѣнилось не одно министерство—прежде, чѣмъ въ послѣднюю русско-турецкую войну наступилъ день испытанія для народа и князя. Не легкая была задача вѣрно угадать надлежащій моментъ и воспользоваться имъ для доказательства своей силы и жизнеспособности. Неясное пониманіе положенія, ошибочный шагъ, недостатокъ энергіи въ свое время могли разрушить въ прахъ всѣ надежды и ожиданія.

Взглядомъ государственнаго человѣка съумѣлъ князь Карлъ найти людей способныхъ помочь ему разрѣшить трудную задачу. Съ своей стороны народъ выказалъ князю и его правительству полное довѣріе и неограниченную преданность. Только при этихъ условіяхъ возможно было въ тяжеломъ и критическомъ положеніи европейской политики не упустить изъ вида конечной цѣли и найти вѣрный путь къ ея достиженію.

При началѣ войны между Россіей и Турціей задача состояла въ томъ, чтобы Румынія не сдѣлалась театромъ столкновенія воюющихъ сторонъ и необходимо было предохранить страну отъ неизбѣжныхъ при этомъ опустошеній и неисчислимыхъ потерь. Во время войны нужно было оградить ея самостоятельность, дабы при заключеніи мира ея независимость была фактомъ существующимъ въ дѣйствительности, а не формально только. Ея освобожденіе изъ-подъ вассальной зависимости Турціи должно было явиться не подаркомъ Россіи, а результатомъ самодѣятельнаго развитія силъ, добытымъ борьбою, въ которой румынскій народъ доказалъ бы свою энергію; независимость должна была оказаться плодомъ, сорваннымъ патріотизмомъ и самопожертвованіемъ націи. Равнымъ образомъ, при совокупномъ дѣйствіи съ Россіей, необходимо было избѣжать всего того, что могло бы обобщить рѣзко различествовавшіе между собою интересы сѣверной державы и Румыніи и что могло лишить самостоятельнаго, обособленнаго значенія дѣйствія этой послѣдней. Необходимо было передъ страной и державами установить и постоянно поддерживать различіе между стремленіями Румыніи и панславистскими цѣлями Россіи.

Особенная трудность заключалась въ томъ, чтобы во время военныхъ дѣйствій, въ командованіи войсками, выказать индивидуальность Румыніи. Въ силу этого кн. Карлъ рѣшительно уклонился отъ подчиненія своей арміи русскому полководцу,—будь таковымъ самъ императоръ,—и въ теченіе всей войны ограждалъ самостоятельность военныхъ силъ Румыніи. Это было тѣмъ необходимѣе, что русскіе и румыны сражались изъ-за весьма различныхъ цѣлей: первые бились за велико-славянскую идею, а румыны—за свою независимость не только отъ турецкаго господства, но и отъ русскаго протектората. У всего міра свѣжо въ памяти, какъ была разрѣшена эта въ высшей степени мудреная задача. Исторія же выведетъ изъ единичныхъ фактовъ и установитъ, что князь Карлъ фонъ-Гогенцоллернъ и его министръ Іоаннъ Братіано въ теченіе всего критическаго періода — до войны, во время войны и по ея окончаніи—дали поразительныя доказательства ума, осторожности, твердости и патріотизма,—однимъ словомъ, высокихъ государственныхъ способностей. Кромѣ того князь Карлъ выказалъ блистательныя качества личной храбрости и таланта полководца, исполнившія его маленькую армію такимъ воодушевленіемъ и довѣріемъ, что она вызвала удивленіе всего міра.

По окончаніи же войны на румынскую армію и на подъемъ духа румынской націи тяжкимъ ударомъ обрушилась «русская благодарность»; въ изъявленіе признательности къ своему маленькому союзнику, спасшему русскую армію отъ окончательнаго уничтоженія ея неудачъ подъ Плевной, Сѣверная имперія отобрала у него клочокъ Бессарабіи, который послѣ Крымской войны она была вынуждена возвратить Молдавіи. Но единодушіе и энергія, съ какими румынскій народъ выступилъ противъ вѣроломства своего кичливаго и могущественнаго союзника и отстаивалъ, хотя безуспѣшно, свои права передъ европейскимъ ареопагомъ, возбудили во всѣхъ цивилизованныхъ націяхъ такое уваженіе и симпатіи, что этимъ понти окупается потеря провинціи. Несправедливость, выказанная въ этомъ случаѣ Россіей, не мало способствовала вящшему закрѣпленію и упроченію связи между княземъ и народомъ, уже установившейся на боевомъ полѣ.

Признаніе полной независимости Румыніи всѣми державами, ея возведеніе въ королевство и установленіе наслѣдственности престола въ династіи Гогенцоллерновъ были наградою націи и князю за неутомимость, труды и доблести. Но князю и народу предстоятъ еще впереди двѣ великія задачи: внутри страны—окончательное устройство и завершеніе государственнаго зданія, извнѣ—въ случаѣ необходимости—защита отъ внѣшняго врага. При исполненіи этой послѣдней задачи Румынія можетъ навѣрное разсчитывать на поддержку великаго германскаго народа, ибо, выступая на бой въ защиту отъ завоеванія Румыніи, этого передового поста противъ стремленій славянства охватить собою нѣмецкія земли,—Германія будетъ защищать самое себя».

(*Deut. Rudschau.*)

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Жуковскій и его произведенія. Сочиненіе *П. Заварина*. Изданіе *Льва Поливанова*. Москва. 1883 года.

Если правильное пониманіе поэтическихъ произведеній требуетъ освѣщенія ихъ біографіей автора, то въ такомъ освѣщеніи особенно нуждается поэзія Жуковскаго. Лирикъ по преимуществу, онъ можетъ показаться однообразнымъ, повторяющимся для читателя, незнакомаго съ разнообразными жизненными мотивами, отразившимися на произведеніяхъ поэта. Славный въ первую половину своей дѣятельности, забываемый впослѣдствіи, учитель, побѣжденный геніальнымъ ученикомъ, Жуковскій не можетъ занять строго опредѣленнаго мѣста въ ряду нашихъ писателей, пока біографъ не представитъ намъ ясный его образъ.

Жуковскій скончался въ 1852 году. Общество давно уже нуждалось въ біографіи «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», пѣвца «Моря» и насадителя лучшихъ цвѣтовъ чужеземной поэзіи на русской почвѣ. Тридцать лѣтъ никто не отвѣтилъ на эти нужды: у насъ не было ни одной біографіи Жуковскаго до столѣтняго юбилея его рожденія. Мы говоримъ—«ни одной»—потому, что трудъ г. Зейдлица, двѣнадцать лѣтъ назадъ вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ, въ отрывкахъ помѣщенный тогда же на русскомъ языкѣ въ спеціальномъ журналѣ и сдѣлавшійся, наконецъ, общедоступнымъ къ юбилею поэта,—имѣетъ прежде всего значеніе матеріала для біографіи. Почтенный авторъ, стоявшій въ дружескихъ отношеніяхъ къ поэту, передаетъ большею частью свои воспоминанія, не избѣгаетъ, правда, и критики; но это—критика друга, въ которой, можетъ-быть, увидятъ нѣкоторую односторонность, хотя всегда оставятъ за трудомъ г. Зейдлица неоцѣнимое достоинство правдиваго разсказа и драгоцѣннаго собранія фактическихъ данныхъ.

Первымъ біографическимъ опытомъ исторіи жизни Жуковскаго и его поэзіи является юбилейное изданіе г. Поливанова, вскорѣ повторенное съ дополненіями въ текстѣ. У насъ такъ мало произведеній такого рода, что не установилось еще точнаго пониманія, чѣмъ должна быть біографія по-

эта. Такъ въ вышедшемъ недавно прекрасномъ изданіи: «Альбомъ Пушкинской выставки», г. Венкштернъ назвалъ свой трудъ біографическимъ очеркомъ, представивъ единственно подборъ фактовъ семейной и общественной жизни Пушкина, правда искусный, но почти не связанный съ поэтическою дѣятельностью геніяльнаго писателя, у котораго жизнь и поэзія далеко не были одно и то же. Жизнь поэта, болѣе чѣмъ кого-либо, представляетъ смѣшеніе множества сложныхъ, разнообразныхъ и часто, повидимому, несовмѣстимыхъ элементовъ. Лицо, взявшее на себя трудъ изобразить такую жизнь, должно собрать массу этихъ элементовъ и—что всего важнѣе—указать ихъ взаимное отношеніе. Изображеніе одной внѣшней стороны жизни поэта, хотя бы и весьма добросовѣстное, весьма полное, но лишенное связи съ ходомъ жизни внутренней, не можетъ заслужить названія ни біографіи, ни даже біографическаго очерка. Но это полное, безпристрастное изображеніе фактовъ внѣшней жизни поэта, поскольку они открыты современною наукой, составляетъ необходимое требованіе біографіи, непремѣнно на ряду съ обозрѣніемъ всѣхъ по возможности литературныхъ трудовъ поэта, съ объясненіемъ ихъ фактическими данными и съ правильной ихъ оцѣнкой. Наконецъ, также необходимо указать состояніе общества, современнаго поэту, отношеніе послѣдняго къ этому обществу, историческое развитіе идей поэта и идей ему современныхъ, отвести ему мѣсто въ исторіи литературы и отечества. Удовлетворяя такимъ требованіямъ, пишущій можетъ дать ясный, законченный образъ поэта. Конечно, это задача весьма трудная, требующая усидчивой работы, разносторонних знаній, обширной литературной подготовки. До сихъ поръ мы имѣли одинъ блестящій образецъ такого труда—біографію Державина, написанную академикомъ Гротомъ.

Сочиненіе г. Загарина представляетъ опытъ въ такомъ же родѣ. Мы говоримъ—«опытъ», потому что для полной біографіи Жуковскаго далеко еще не приспѣло время, по сравнительно крайне ограниченному количеству матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ г. Загаринъ удачно совпалъ съ авторомъ біографіи Державина въ выборѣ правильнаго метода для своего сочиненія.

Авторъ вводитъ читателя не только въ тѣсный кругъ семейной и личной жизни поэта, но рисуетъ передъ нами картины жизни общественной и государственной, поскольку онѣ нужны для ясности образа Жуковскаго. Въ предисловіи онъ отводитъ поэту то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ исторіи умственной жизни нашего отечества, тѣсно связанной тогда съ жизнью всей Европы. Жуковскій,—говоритъ онъ,—«принадлежитъ той порѣ исторіи нашего отечества, да и всей Европы, когда за эпохой дѣйствія, ужаснувшей весь міръ своею силой и потоками крови, пролитой революціей и всемірнымъ завоевателемъ, наступила почти сорокалѣтняя пора интересовъ литературно-художественныхъ и господства философіи, этой «приготовительницы дѣлъ», по выраженію Фихте... Въ евро-

пейскихъ воззрѣніяхъ XVIII вѣка царилъ крайній дуализмъ. Мистицизмъ и піэтизмъ съ одной стороны, матеріализмъ—съ другой были естественными послѣдствіями этого дуализма. Возрастаніе Жуковскаго совпало съ новымъ движеніемъ въ области европейской философіи и поэзіи, но ближайшее знакомство съ его жизнью и произведеніями убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ былъ явленіемъ самобытнымъ. Напрасно станемъ мы объяснять міровоззрѣніе Жуковскаго какимъ-нибудь однимъ изъ теченій времени. То не метафизика деизма, не мистика масоновъ и не чистое воззрѣніе церкви, и однако же въ цѣльномъ и законченномъ міровоззрѣніи Жуковскаго мы найдемъ элементы всѣхъ этихъ теченій». Указавъ такимъ образомъ отношеніе Жуковскаго къ умственному движенію въ современномъ обществѣ, авторъ отводитъ далѣе ему мѣсто въ исторіи литературы: «Жуковскій явился на рубежѣ двухъ ея эпохъ: такъ-называемаго классицизма съ одной стороны и такъ-называемаго романтизма—съ другой». Авторъ допускаетъ, что «можно говорить о недостаткѣ широты воззрѣній Жуковскаго, можно упрекнуть его даже въ узкости ихъ; но никто не назоветъ ихъ эклектическими или шаткими. Одному этому поэту, съ такой своеобразной душой, можно было разрушить всякіе шаблоны предшествующихъ стихотворцевъ и научить поэтовъ новыхъ тому, чѣмъ должна быть поэзія. Предназначеніе его этимъ и завершилось». Такимъ образомъ авторъ считаетъ Жуковскаго родоначальникомъ новыхъ поэтовъ.

Біографія Жуковскаго дитяти изложена авторомъ кратко, преимущественно по воспоминаніямъ А. П. Зонтагъ и книгѣ г. Зейдлица. Затѣмъ авторъ долго останавливается на воспитаніи Жуковскаго въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Направленіе пансіонскихъ воспитателей было общимъ направленіемъ всей мыслящей Москвы. Это было масонство не исключительное, но примирительное между двумя господствовавшими тогда философскими теченіями, что несомнѣнно отражалось и на воспитанникахъ. Однако Жуковскій, при всей мягкости натуры, при всей склонности ко всему примиряющему, не подпалъ вполнѣ подъ господствующее направленіе, не сдѣлался масономъ. Но онъ вынесъ изъ пансіона свѣтлые образы гуманныхъ воспитателей, иногда повидимому слишкомъ наивныхъ, какимъ былъ, напримѣръ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, но всегда вѣрныхъ честнымъ правиламъ масонскаго Дружескаго Общества. Тайное ученіе не выносилось наружу осторожными воспитателями. Они старались высказываться въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ рѣчи къ воспитанникамъ Пр.-Антонскій говорилъ въ публичномъ собраніи: «Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи»; но какой религіи—объ этомъ онъ давалъ только нѣкоторые намеки отрицательнаго характера: «не фанатизмъ, не суевѣріе, не мрачная лжесвятость». Результатомъ по крайней мѣрѣ для Жуковскаго была совершенно своеобразная религія, которой онъ остался вѣренъ до конца жизни. Являлся ли онъ благоговѣйно на родину романтиковъ поклониться

главамъ романтизма, онъ уходилъ разочарованный, замѣтивъ крайне легкое ихъ нравственное содержаніе, какое, напримѣръ, онъ увидѣлъ въ Тикѣ. Бросила ли его судьба въ центръ борьбы двухъ замѣчательныхъ дѣятелей церкви русской, какими были Филаретъ и Павскій, онъ поспѣшилъ стать отъ нея въ сторонѣ, потому что мало зналъ дѣла церкви. Но онъ не сомнѣвался, что духъ умершей Марьи Андреевны Мойеръ присутствуетъ при кончинѣ ея сестры. Вѣра въ безсмертіе, при горячей поэтической фантазіи, развила въ Жуковскомъ наклонность къ мысли объ умершихъ, «отжившихъ тѣняхъ», кладбищахъ,—однимъ словомъ, къ тому, что г. Загаринъ назвалъ «некроманіей». Не совсѣмъ одинокимъ былъ поэтъ нашъ съ своимъ міровоззрѣніемъ. Онъ нашелъ себѣ кружокъ, гдѣ его понимали, ему сочувствовали. Это былъ кружокъ французскихъ и русскихъ дѣятелей, въ центрѣ котораго стояла графиня Разумовская. Гизо и его жена, братья Тургеневы были ближайшими ея друзьями. Графиня писала Жуковскому о смерти г-жи Гизо: «Я думала о васъ подлѣ этой умирающей, сіяющей безсмертіемъ, и пожалѣла о вашемъ отсутствіи: вашъ благородный геній нашелъ бы тутъ вдохновеніе, его достойное. Я не думала, чтобы можно было съ такимъ удовольствіемъ цѣловать мертвую. Мои губы не могли оторваться отъ нея... Постель ея была пустою лишь одну ночь... Мужъ ея можетъ тутъ спать: онъ еще услышитъ тутъ благословенія жены своей». Понятно, почему близокъ былъ къ этому кружку Жуковскій, писавшій г. Зейдлицу по поводу смерти Александры Андреевны Воейковой: «Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимомъ смерти». Г. Загаринъ вполнѣ правъ, высказавъ, что міровоззрѣніе Жуковскаго было не мистика масоновъ, не метафизика деизма и не чистое воззрѣніе церкви. Это былъ своеобразный, спиритуалистическій идеализмъ, это—міросозерцаніе романтическое, впрочемъ далеко не вполнѣ то, которое господствовало въ странѣ романтизма, отмѣченнаго авторомъ даже именемъ «такъ-называемаго».

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго вся проникнута этимъ міросозерцаніемъ, и ни одинъ посторонній звукъ не нарушаетъ цѣльной гармоніи его поэзіи. Эта поэзія обращаетъ на себя главное вниманіе автора. Онъ слѣдитъ въ хронологическомъ порядкѣ почти за всѣми поэтическими созданіями Жуковскаго, проникаетъ въ его поэтическія думы, въ таинственную лабораторію его духа. Мы отвыкли видѣть на страницахъ неучебной книги эстетическую оцѣнку поэтическихъ произведеній. На основаніи взгляда, что прежнія эстетическія теоріи отжили свой вѣкъ, а новыхъ мы не имѣемъ, всѣ какъ будто боялись приступить къ эстетической оцѣнкѣ. И странное дѣло: въ прелестномъ созданіи поэта никто какъ будто не находилъ ничего, кромѣ числа строкъ, спорныхъ годовъ появленія на свѣтъ, подправокъ автора или позднѣйшихъ издателей и тому подобныхъ мелочей, будто даже забыли, что такое поэзія. Г. Загаринъ не ограничился обзоромъ поэзіи Жуковскаго съ одной истори-

ческой точки зрѣнія, — онъ дѣлаетъ и эстетическую оцѣнку. Трудъ не только не лишній, но даже необходимый по отношенію къ Жуковскому, которому привелось уступить мѣсто Пушкину въ то именно время, когда его талантъ достигъ полной зрѣлости и блестящія произведенія его пера прошли почти незамѣченными современниками.

Лицо, взявшее на себя трудъ раскрыть намъ красоты музы Жуковскаго, указало, какими перлами поэзіи нашей мы до сихъ поръ пренебрегали. Г. Загаринъ разсмотрѣлъ далеко не всѣ произведенія Жуковскаго, но и тѣмъ, что сдѣлалъ, онъ оказалъ великую услугу забываемому поэту. Замѣчательное по гармоніи стиха и красотѣ изображенія, стихотвореніе «Море» едва ли было замѣчено многими. Авторъ даетъ ему еще новую окраску: «будучи символомъ души,—говоритъ онъ,—море въ стихотвореніи этомъ есть и символъ поэзіи, какъ ее понималъ Жуковскій. Небо является источникомъ красоты для моря и—какъ любящій живетъ одною жизнію съ тѣмъ, кого любитъ». Такое освѣщеніе, основанное на строгомъ, почти построчномъ разборѣ, придаетъ новое значеніе и новую красоту этому стихотворенію. Авторъ не пренебрегаетъ и стихотвореніями, на первый взглядъ незначительными. Такъ въ «Птичкѣ», написанной для дѣтей, онъ находитъ «подъ символомъ прелестной гостьи, украшающей своимъ присутствіемъ міръ и потомъ покидающей его», мотивъ былыхъ элегій Жуковскаго, всецѣло излившихся въ лаконическомъ его девизѣ:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,
Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
Но съ благодарностію: были».

Какъ въ «Птичкѣ» авторъ нашелъ дѣтскую элегію, такъ въ «Жаворонкѣ» — дѣтскую религіозную оду. Останавливается авторъ и на внѣшней сторонѣ стиха Жуковскаго. Въ гекзаметрѣ «Ундины» онъ нашелъ замѣчательное музыкальное дѣленіе нѣкоторыхъ стиховъ:

Ты смѣлый рыцарь,
Ты бодрый рыцарь.
Я силенъ, могучъ,
Я быстръ и гремучъ.
Не сердиты
Волны мои,
Но люби ты,
Какъ очи свои,
Молодую,
Рыцарь, жену,
Какъ живую
Люблю я волну...
И волшебный

Шепотъ,
Какъ ропотъ
Волны разлетѣвшейся въ брызги,
Умолкнулъ.

Вмѣстѣ съ указаніемъ красотъ видимъ и недостатки. Такъ послѣдніе авторъ замѣчаетъ въ стихотвореніи «Вечеръ». «Десятокъ строфъ перечисляютъ закатъ солнца за горою, наклоненную иву и луну съ ея трепетнымъ лучомъ. На изображеніе этой неизбѣжной обстановки истратилось все чувство поэта. Картина, уже много разъ видѣнная читателями, остается пустою. Луна свѣтитъ, но ей некого освѣтить, развѣ унылую фигуру, «склоненную задумчиво на пѣнистыя волны». Лиризмъ прерывается избитыми выраженіями: «сижу задумавшись, въ душѣ моей мечты», и т. д. Въ другомъ стихотвореніи поэтъ разсуждаетъ, ходитъ вокругъ чувства, его наполняющаго, не находя формы, въ которую могъ бы отлить это чувствованіе. Въ «Тоскѣ по миломъ» дѣвица повѣствуетъ языкомъ мѣрной прозы, а затѣмъ строитъ и умозаключеніе». Въ длинномъ посланіи «Къ Нинѣ» авторъ указываетъ «прозаическое изложеніе догматовъ любви». Такъ безпристрастно относится авторъ къ эстетическимъ достоинствамъ произведеній Жуковскаго. Не менѣе удачна критика историческая.

Авторъ старательно доискивается источниковъ, изъ которыхъ черпалъ поэтъ. Онъ подробно излагаетъ романъ Шписа «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», послужившій Жуковскому для Громобоя и Вадима. Сличеніе нѣмецкаго романа съ «Двѣнадцатью спящими дѣвами» нашего поэта убѣждаетъ, «какъ далекъ Жуковскій отъ нѣмецкаго романиста, какъ изъ непрерывной цѣпи сценъ, то ужасныхъ, то чувственныхъ и всегда грубыхъ, онъ сумѣлъ создать балладу, которая въ сравненіи съ оригиналомъ невольно поражаетъ насъ и простотою своего построенія, и изяществомъ языка, и мѣрою въ освѣщеніи выражаемаго, и выдержаннымъ тономъ, который сообщается всему разсказу нравственно-религіозною мыслію, положенною въ его основаніе». Для изображенія поэтъ пользовался пріемами Гёте и Шиллера. Сличая «Кассандру» съ балладой Шиллера того же имени, авторъ указываетъ источники Шиллера и объясняетъ уклоненія Жуковскаго даже въ мелочахъ. Въ этой балладѣ поэтъ «изобразилъ весь ужасъ страданія, происходящаго отъ неимѣнія никакихъ надеждъ». Въ «Людмилѣ» и «Ленорѣ» авторъ не ограничился указаніемъ на балладу Бюргера и сличеніемъ съ этимъ непосредственнымъ источникомъ, но онъ указываетъ и народныя сказанія, послужившія Бюргеру для его баллады, равно находитъ близость «Свѣтланы» съ малороссійскими и русскими сказками. Замѣчательно интересно сочиненіе «Войны мышей и лягушекъ» съ Гомеровой «Батрахоміомахіей», съ старинной поэмой Ролленгагена и даже съ русскими лубочными картинами. Въ «Плаваніи Карла Великаго» авторъ находитъ мѣткій народный русскій юморъ, который такъ удачно

оттѣняетъ балладу Уланда. Говоря объ «Агасферѣ», самостоятельной поэмѣ Жуковскаго, авторъ считаетъ долгомъ указать пять-шесть стиховъ, близкихъ съ Шубартомъ. Однимъ словомъ, онъ не упускаетъ изъ виду даже, повидимому, незначительныхъ мелочей, которыя въ совокупности весьма характерны и во многомъ освѣщаютъ какъ своеобразныя свойства таланта Жуковскаго, такъ и процессъ его творчества. Для цѣльности изображенія отношеній Жуковскаго къ поэтамъ чужеземнымъ, авторъ не ограничивается однимъ указаніемъ на заимствованіе, но даетъ и краткія характеристики иностранныхъ писателей въ связи съ ихъ біографіями, чѣмъ яснѣе очерчиваетъ направленіе музы нашего поэта.

Говоря объ отношеніяхъ Жуковскаго къ знаменитымъ преемникамъ его на поэтическомъ поприщѣ, авторъ касается болѣе ихъ личнаго характера и ихъ сношеній въ частной жизни. Жуковскій и Гоголь—таланты разнородные; но Пушкинъ, прямой преемникъ Жуковскаго, побудилъ автора провести нѣкоторую параллель между ученикомъ и учителемъ. Не находя въ Жуковскомъ таланта въ національномъ духѣ въ первую эпоху его дѣятельности, авторъ однако полагаетъ, что впослѣдствіи Жуковскій иногда не уступалъ Пушкину въ произведеніяхъ народнаго характера, и что во всякомъ случаѣ не шелъ за Пушкинымъ. Этотъ послѣдній, связанный уваженіемъ и дружбою съ своимъ учителемъ, всегда отдавалъ должную дань его высокому таланту: «намъ не мѣшаетъ подбирать то, что бросаютъ отъ Жуковскаго» — сказалъ онъ однажды; но онъ не избѣгъ нѣкотораго чувства соперничества, чего не замѣтно въ Жуковскомъ. Послѣдній являлся постояннымъ заступникомъ Пушкина во всѣхъ его многочисленныхъ бѣдахъ, по первому его зову: «Милый, помоги!» Гоголь познакомился съ Жуковскимъ въ пору своего душевнаго перелома, когда онъ, по собственному выраженію, «размахнулся въ своей книгѣ («Перепискѣ съ друзьями») такимъ Хлестаковымъ, что не имѣлъ духу заглянуть въ нее», и когда Жуковскій достигъ своего «тихаго счастія». Нечего и говорить, что ни Пушкинъ, ни Гоголь не имѣли той мягкости, «елейности» личнаго характера, того свѣтлаго взгляда на міръ, которые были всегда присущи Жуковскому. Безпокойный Пушкинъ и раздражительный Гоголь невольно уступаютъ передъ его величавымъ спокойствіемъ.

Всѣ факты свидѣтельствуютъ о поразительной чистотѣ свѣтлой личности Жуковскаго. Доброта его не имѣла предѣловъ. Бѣдные художники, музыканты, даже какой-то сербскій князь, всѣ искавшіе помощи, находили ее у жившаго въ Зимнемъ дворцѣ поэта; онъ тратилъ на нихъ половину своего годоваго дохода. Помочь готовъ онъ былъ всякому. Исторія не забудетъ, что при его содѣйствіи получилъ свободу Шевченко, что подъ его покровительствомъ выходилъ Кольцовъ на свою дорогу. Понятно, что сердце Жуковскаго болѣло еще болѣе за несчастіе людей близкихъ: Николай Тургеневъ многимъ обязанъ ходатайству своего друга,

Онъ весь дрожалъ и держался за столъ, боясь упасть.

Она глянула на него прямо, съ вызывающимъ выраженіемъ.

— Да, въ номерѣ.

Эта откровенность поразила его. Онъ ожидалъ смущенія, испуга, виноватаго вида.

— Въ какомъ номерѣ — знаю... Въ первомъ.

— Можетъ быть. Это васъ не касается.

Онъ схватилъ ея руку, сжалъ и, потомъ рванувъ, отбросилъ отъ себя.

— Будешь ты отвѣчать, негодная?

Онъ былъ страшенъ. Глаза налились кровью, дыханье со свистомъ вырывалось изъ груди. Она наслаждалась и въ то же время ей было жутко.

«Вотъ она трагедія!»

— Пожалуйста, не такъ страшно,—я не изъ пугливыхъ,— покривила она губами, стараясь выразить презрѣніе, хотя, на самомъ дѣлѣ, готова была разрыдаться отъ жалости къ нему.

«Ну, чего она не скажетъ прямо, что была у Котиковой?.. Нѣтъ, подождетъ немножко».

— И потомъ... что это за допросы? Вы не инквизиторъ, кажется.

Она отвернулась, чтобы не видѣть этихъ, полныхъ муки, глазъ, изможденнаго лица. Сердце ей твердило, что пора кончить, но любопытство удерживало.

— У кого ты была, у кого?—прохрипѣлъ онъ, дѣлая къ ней шагъ. Ему становилось страшно за себя.

Она окинула его гордымъ, величественнымъ взглядомъ, но сама отодвинулась отъ него къ кровати. Ее пугало его выраженіе свирѣпости, жестокости.

«А все-таки кончитъ тѣмъ, что свалится на колѣни и станетъ ноги цѣловать, какъ тогда».

— У любовника была, вотъ у кого!—прошипѣлъ онъ, поднимая кулаки.

— Вы съ ума сошли... Какъ вы смѣете меня оскорблять безъ повода? Вы видѣли, что ли?

Онъ захохоталъ дико, отрывисто, громко, закинувъ голову и схватившись за волосы. У нея холодъ побѣжалъ по спинѣ.

«Что съ нимъ?... Чего онъ смѣется?»

— Оскорбилъ... Примѣрная... Ха-ха-ха... Сама къ любовн... Ха-ха-ха... Коли не на глазахъ... Не видѣлъ,—сердце видѣло... Ха-ха-ха!... Оскорбилъ... Оно кровью истекло... по каплѣ...

Въ голосѣ его слышалось рыданье муки.

— А она утѣшаетъ... Добрая, милая, прелесть моя!... Ха-ха-ха... Я убью тебя! — вдругъ прохрипѣлъ онъ, кидаясь на нее. Его глаза точно выскочить собирались изъ орбитъ.

Марья Алексѣевна взвизгнула. Она не ожидала такого перехода. Этотъ крикъ отнялъ у него послѣдній разумъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя не человѣкомъ, а звѣремъ, со всѣми его кровожадными инстинктами. Марья Алексѣевна отскочила, приложивъ руки къ щекамъ. Но онъ кинулся на нее и принялся ее душить за горло, хрипя, задыхаясь и хохоча какъ безумный. Минута— и она была бы задушена... Выраженіе мольбы въ ея глазахъ спасло ее, вернуло ему разсудокъ. Онъ отскочилъ отъ нея, съ безумнымъ испугомъ въ глазахъ, и вдругъ, упавъ на колѣни, страшно зарыдалъ, сжимая ее руками и пряча лицо въ складкахъ ея платья.

Марья Алексѣевна, не помня себя, упала на кровать и недвижно глядѣла на него, на его трясущуюся спину, голову, ноги... У нея волосы становились дыбомъ, сердце перестало биться... Онъ былъ страшный, чужой для нея, новый, не прежній Вася, съ мягкимъ взглядомъ, ласковымъ голосомъ. Только теперь поняла она, что съ этимъ человѣкомъ нельзя шутить, играть комедію. Она чувствовала себя такою мелкою, ничтожною передъ нимъ,—виноватою, презрѣнною... Въ эту минуту только поняла она и оцѣнила всю силу его любви—и всю мелочность, эгоизмъ, безсердечность своей душонки. Она была гадка себѣ, не смѣла къ нему прикоснуться, и въ то же время чувствовала, что она уже не та, что между ними порвано что-то и что онъ дальше для нея, чѣмъ былъ прежде. Она его боялась, боялась этой любви, которой жаждала раньше. Но вѣдь она не желала «такого» проявленія этой страсти,—она ждала другого.

Въ ней точно оборвалось что и упало. «Что имъ говорить, о чемъ?... Они не поймутъ теперь одинъ другого».

Ей стало больно, тяжело, тоскливо. Она тихо высвободилась изъ его рукъ и промолвила:

— Пусти.

Онъ поднялъ голову. Въ глазахъ стояли слезы.

— Куда?

Голосъ опять тихій, мягкій, почти молящій.

Она отстранила его, отошла.

— Я тебѣ прощаю твое оскорбленье и твой порывъ, потому что ты не помнилъ. Я не заводила любовниковъ, — я чиста передъ тобою, какъ была, но...

— Ты разлюбила меня, ты его любишь?—простоналъ онъ.

— Я... я никого не люблю... Я была у Котиковой: она въ гостинницѣ у своей пріѣзжей знакомой; мы сговорились на вечеръ сегодня, и я раздумала, ходила сказать, но... Но и ты... оставь меня.

Она повернулась и пошла.

— Маня!—раздалось за ней.

Ея сердце дрогнуло, но она не оглянулась и заперлась въ угловой. Тамъ она сѣла на диванъ, закрылась руками и, прислонившись щекою къ спинкѣ, замерла такъ.

«Удушить, убить»—вертѣлось у нея въ мозгу, въ ушахъ, въ сердцѣ, которое своимъ учащеннымъ біеніемъ, казалось, тоже повторяло эти слова.

XVI.

— Барыня, вы тутъ?—окликнула ее Дуняша часа черезъ два, удивившись, что въ домѣ тишина и никто не спрашиваетъ обѣдать.

— Что тебѣ? Оставь меня въ покоѣ. Я занята,—отозвалась Марья Алексѣевна.

— Барыня, пожалуйте сюда. Съ барином что-то...

Марья Алексѣевна выскочила.

— Что, гдѣ?

— Я сейчасъ зашла въ спальню,—думала, вы тамъ,—спросить насчетъ обѣда. А баринъ тамъ на постели стонетъ и говоритъ что-то вслухъ. Я испугалась.

Марья Алексѣевна бросилась въ спальню. Мужъ лежалъ на постели ничкомъ, свѣсивъ ноги, и бредилъ отрывочно, неразборчиво. Онъ метался и горѣлъ. Испуганная Марья Алексѣевна послала за докторомъ, съ помощью Дуняши раздѣла мужа, не приходившаго въ себя, и уложила, накрывъ потеплѣе холодныя, какъ ледъ, ноги. Онъ все раскрывался и отбивался, когда она старалась спрятать подъ одѣяло его руки.

Пріѣхавшій докторъ нашелъ горячку и выразилъ опасеніе.

— Спасите его, спасите, я на васъ молиться буду!—вскричала въ отчаяньи Марья Алексѣевна, схватывая его руки и цѣлуя ихъ, не помня себя.

«Она была виновата. Умри онъ, это падетъ на ея совѣсть. Но если даже не это,—развѣ она въ силахъ потерять его, разстаться? Она живетъ имъ, въ немъ все ея счастье».

Разладъ, пропасть, отчужденность отодвинулись на задній планъ. «Теперь онъ ближе ей, дороже, чѣмъ когда-либо».

На другой день собрали консиліумъ, нашли сильнѣйшее разстройство всей нервной системы и подрывъ физическихъ силъ. Марья Алексѣевна чуть съ ума не сошла и, при всѣхъ, разразилась истерикою, начавъ биться головой объ стѣну. Насилу удалось ее успокоить. Но она была неутѣшна и кричала, что умретъ съ нимъ вмѣстѣ, проклянетъ ихъ, если они не спасутъ его. Тѣ, конечно, не обидѣлись, потому что нашли ее въ невмѣняемомъ состояніи.

Много дней и ночей провела она у постели мужа безъ сна, безъ пищи. Она осунулась, поблѣднѣла и, какъ тѣнь, неслышно, бродила по комнатѣ, то приготовляя ему питье, то поправляя подушку, то давая лѣкарство.

Василій Николаевичъ не приходилъ въ сознаніе и все бормоталъ непонятное. Но она одна понимала: онъ бредилъ ея измѣною, тѣмъ, что она разлюбила его, и все въ этомъ родѣ. За эти дни она сдѣлалась еще краше, женственнѣе. Глубокая, серьезная морщина появилась между бровями, глаза глядѣли строго и грустно. Она рѣшила умереть въ одинъ день съ нимъ и даже приготовила стаканъ съ мышьякомъ, что купила для отравы мышей. Но она надѣялась, что онъ выживетъ, потому что твердо вѣрила и горячо молилась. То прежнее все была комедія, игрушка; дѣйствительность, жизнь дала себя знать лишь въ эти нѣсколько дней убійственнаго, тревожнаго ожиданія участи.

Докторъ, два раза въ день навѣщавшій больного, удивлялся ея энергіи, неутомимости и совѣтовалъ беречься, но она только усмѣхалась иронически и горько.

«Глупый! Беречься... къ чему, для кого, для чего? Впрочемъ, вѣдь онъ не знаетъ, что они связаны на жизнь и на смерть. Ему потому и въ диковинку».

Она по цѣлымъ часамъ сидѣла у постели, подложивъ руку подъ голову мужа, не дыша и не спуская глазъ съ его исхудалаго, измѣненнаго болѣзнью, лица. «Дорогія черты!» Она не уставала любоваться ими, точно вдоволь хотѣла наглядѣться, изучить на память каждый изгибъ, каждую черту. «Она его по-

сумашествіе Батюшкова не давало покоя Жуковскому. Не мало молодыхъ жертвъ тяжелаго времени получило облегченіе черезъ заступничество поэта.

Уясняя міросозерцаніе Жуковскаго, авторъ неоднократно касается движенія его политическихъ убѣжденій. Въ 1833 году «горная философія» поэта привела его къ такимъ заключеніямъ: «Средство не оправдывается цѣлью: что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго блага... Работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жизнь; а паче всего блюди Божію правду». Такія убѣжденія не шли въ разрѣзъ съ политическимъ ученіемъ нѣкоторыхъ романтиковъ. Фохтъ также полагалъ, что «каждая нація и каждая часть свѣта должны поджидать другъ друга и приносить въ жертву всечеловѣческому союзу цѣлыя столѣтія кажущагося покоя или попятныя движенія... Ты долженъ относиться къ разумнымъ существамъ какъ къ самимъ для себя существующимъ, свободнымъ, самостоятельнымъ, отъ тебя не зависимымъ... Уважай ихъ свободу, прими съ любовію ихъ цѣли, подобно твоимъ собственнымъ. Вѣчная жизнь усвояется лишь пожертвованіемъ чувственнаго и его цѣлей закону высшему»—такъ выражаетъ философъ-романтикъ отношеніе человѣка къ Божіей правдѣ.

Подъ конецъ жизни Жуковскій сблизился съ Хомяковымъ и его славянофильскимъ кружкомъ. Общія положенія горной философіи перешли у него въ славянофильскую политическую систему. Онъ увлекся судьбой своего отечества. «Россія,—писалъ онъ тогда,—не будетъ Европа, не будетъ и Азія... Россіи нужно внутреннее не блистательное, но строго постоянное національное развитіе... Если Россія далеко отстала отъ Европы въ цивилизаціи, то въ такой же мѣрѣ сохранила вѣру въ святое... Призваніе Россіи есть возстановленіе церкви въ ея первобытной чистотѣ,—возстановленіе не мечомъ, не притѣсненіемъ, не ужасами нетерпимости, а великимъ примѣромъ вселюбящей вѣры... Россія—самобытный великій міръ, сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ вполнѣ устроенную громаду». Авторъ однако не видитъ въ усвоеніи славянофильскихъ идей отказа Жуковскаго отъ своего прошлаго. Онъ находитъ, что «многія мысли, которыя лелѣялись славянофилами, были гораздо прежде нихъ достояніемъ ума и сердца Жуковскаго. Это—вѣра въ сохранившееся въ русскомъ крестьянствѣ чувство собственнаго достоинства, которое онъ замѣтилъ во время путешествія своего по Россіи; это—глубокое убѣжденіе въ необходимости уничтоженія

крѣпостного права,--убѣжденіе, которое онъ пронесъ непоколебимо черезъ два царствованія и возрастилъ въ сердцѣ Августѣйшаго ученика своего; это—прозорливое и плодотворное сомнѣніе во всемогуществѣ учрежденій; это—признаніе неразрывности христіанской нравственности съ ученіемъ, служащимъ ея источникомъ, и такой же неразрывной связи философіи съ религіей. Съ другой стороны, Жуковскій не поддавался пасторали пережевывателей идей Руссо, которые безусловно возненавидѣли всѣ дары западнаго просвѣщенія».

Таковы были политическія убѣжденія Жуковскаго, положенныя имъ между прочимъ и въ основаніе наставленій Августѣйшему ученику своему. Авторъ беретъ также на себя трудъ разсмотрѣть педагогическія силы поэта. Весьма подробно разбирая планъ ученія Великаго князя, составленный Жуковскимъ, авторъ находитъ въ немъ «методическую народную школу въ курсѣ первомъ (отъ 8 до 13 лѣтняго возраста), а затѣмъ философскій факультетъ въ курсѣ третьемъ (отъ 18 до 20 лѣтъ) съ шестилѣтнимъ зыбкимъ интерваломъ въ срединѣ». Поэтому онъ не видитъ въ Жуковскомъ серьезнаго педагога и называетъ научныя свѣдѣнія, предложенныя въ планѣ, «гостинцами, разложенными на двѣ красивыя бомбоньерки». Жуковскій и самъ писалъ государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: «съ прискорбіемъ сознаюсь, что не чувствую себя на высотѣ этой идеи». Но авторъ отдаетъ должную дань любви Жуковскаго къ Августѣйшему воспитаннику и къ дѣлу обученія его—серьезному отношенію къ принятой на себя обязанности, о чемъ свидѣтельствуетъ и молчаніе музы поэта за время обученія и громадная переписка его по этому предмету. Императоръ и императрица, преподавателемъ при которой ранѣе былъ Жуковскій, оцѣнили по достоинству труды наставника, который нашелъ во дворцѣ жизнь тихую среди любящихъ его лицъ.

Приближенный ко Двору еще въ царствованіе Александра I, Жуковскій былъ близкимъ свидѣтелемъ важныхъ событій нашей исторіи въ теченіе двухъ царствованій. Авторъ такъ характеризуетъ положеніе общества и состояніе просвѣщенія въ выдающіеся моменты этихъ царствованій: «Въ послѣдніе годы царствованія Александра I,—говоритъ онъ,—зло чувствовалось и самимъ правительствомъ, но, къ сожалѣнію, недальновидно лѣчилось средствами ложными. Послѣдовалъ цѣлый рядъ дѣйствій со стороны лицъ, ложно понявшихъ нужды отечественнаго просвѣщенія... Гоненіе было направлено на университеты, а бѣда оказалась въ столичныхъ войскахъ. Зло полупросвѣщенія принято было за зло просвѣщенія. Лучшіе люди съ умомъ свѣтлымъ и сердцемъ чистымъ умѣли только плакать, безсильно простирая руки къ милосердію, при видѣ юныхъ жертвъ полупросвѣщенія, отвозя ихъ въ дома умалишенныхъ или провожая на казнь и въ далекую ссылку... Рядомъ самыхъ сердечныхъ, настоятельныхъ заступничествъ за молодыя жертвы тяжелаго времени Жуковскій явилъ себя истиннымъ другомъ молодости, ангеломъ-хранителемъ нашего бѣд-

наго юношества, лишеннаго и серьезной школы, и просвѣщеннаго руководительства».

Переходя затѣмъ къ положенію русскаго общества въ слѣдующее царствованіе, авторъ полагаетъ, что «велико было бремя честнаго Государя, который, по выраженію поэта, такъ зорко имъ оцѣненнаго,

«На рубежѣ Европы бодро сталъ».

«Исторія показала,—продолжаетъ авторъ,—какъ непривѣтлива жизнь въ той средѣ, гдѣ, за неимѣніемъ благъ истиннаго просвѣщенія, суровая необходимость замѣняетъ его путемъ кратчайшимъ—путемъ предписаннаго долга и безразличнаго повиновенія. Первымъ примѣромъ исполненія этого долга былъ самъ юный Императоръ, руководимый единственно голосомъ доблестнаго сердца».

Въ заключеніе нашего обзора книги г. Загарина не можемъ не указать массы фактовъ частной жизни Жуковскаго, собранныхъ авторомъ изъ множества обнародованныхъ матеріаловъ для біографіи поэта, причемъ, какъ мы уже указывали, рѣдкій фактъ оставленъ безъ освѣщенія. Тутъ видимъ отношеніе поэта къ семьѣ Буниныхъ и Протасовыхъ, исторію его любви и брака, его отношенія къ многочисленнымъ друзьямъ, по большей части виднымъ русскимъ дѣятелямъ того времени.

Мы хотѣли въ нашемъ отчетѣ указать читателямъ какъ методъ, избранный авторомъ для своего сочиненія, такъ существенныя части содержанія книги г. Загарина. Много интересныхъ подробностей читатели найдутъ въ этомъ трудѣ. Характерное впечатлѣніе, производимое этою книгой—цѣльность общаго. Нѣкоторая разрозненность и несоотвѣтственность частностей, какъ намъ кажется, происходитъ отъ недоконченности труда. Однѣ части сочиненія вполнѣ обработаны, другія—впрочемъ, меньшинство—разсмотрѣны недостаточно. Объясняется это иногда отсутствіемъ матеріаловъ, въ другихъ случаяхъ, можетъ-быть, спѣшностью юбилейной работы. Поэтому хотя правильностью метода, обиліемъ фактическихъ данныхъ и вѣрностью выводовъ книга г. Загарина и удовлетворяетъ условіямъ біографіи, но, требуя нѣкоторыхъ дополненій, можетъ пока служить лишь опытомъ біографіи.

Во второмъ изданіи мы уже замѣтили нѣкоторое пополненіе пробѣловъ перваго. Надѣемся, что г. Загаринъ не оставитъ своего труда безъ дальнѣйшаго усовершенствованія и современемъ, по мѣрѣ появленія новыхъ матеріаловъ, обогатитъ нашу литературу полною біографіей «дивнаго человѣка», какъ онъ называетъ Жуковскаго.

Л.

Соціальное равенство. *Маллока* (**L'égalité sociale.** *W. H. Mallock.* 1883).

Названное сочиненіе находится у насъ въ рукахъ во французскомъ переводѣ г. Салмона. Этотъ «этюдъ о наукѣ, которой намъ недостаетъ»,

заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Его авторъ уже пріобрѣлъ извѣстность книгою, посвященною вопросу: «какова цѣнность жизни, стоитъ ли жить?»

Маллокъ начинаетъ съ наброска сцены, ежедневно повторяющейся на главныхъ улицахъ большихъ провинціальныхъ городовъ Великобританіи. У крупнаго магазина остановился блестящій экипажъ, и сидящій въ немъ богачъ составляетъ предметъ почтенія и замѣчаній торговца и проходящихъ по улицѣ. Приведемъ на эту улицу,—говоритъ писатель,—англійскаго радикала и континентальнаго демократа. Они посмотрятъ на упомянутую сцену далеко не равнодушно. Они вмѣстѣ скажутъ, что видятъ въ происходящемъ множество несправедливостей и злоупотребленій, что такому порядку вещей необходимо положить предѣлъ. Но требованія демократа съ европейскаго материка идутъ дальше стремленій великобританскаго радикала: первый настаиваетъ на всеобщемъ и полномъ имущественномъ равенствѣ.

Къ перевороту въ этомъ смыслѣ,—утверждаетъ Маллокъ,—быстро двигается современный міръ, и многимъ уже виднѣется въ туманѣ будущаго исполинская соціальная катастрофа, неслыханная въ исторіи.

До нашей эпохи, сторонники прогресса требовали только политическихъ правъ и не мечтали даже о равенствѣ въ условіяхъ частной жизни. Немногіе философы-поэты создавали системы, гдѣ давался въ воображеніи полный просторъ идеѣ равенства во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь, наоборотъ, явною или скрытою цѣлью желаній и усилій такъ-называемой партіи прогресса является строгое, безпощадное проведеніе въ жизнь начала имущественнаго равенства, т. е. коренного измѣненія въ распредѣленіи собственности.

Это движеніе,—говоритъ Маллокъ,—растетъ въ Англіи, во всей Европѣ, въ Америкѣ. Но непосредственной опасности не существуетъ, переворотъ вовсе не можетъ еще быть признанъ неизбѣжнымъ, и поэтому можно и должно спокойно и внимательно взвѣсить всѣ обстоятельства, изучить современный порядокъ вещей и подтачивающее его движеніе. Надо,—замѣчаетъ англійскій писатель,—удалять эти чрезмѣрные страхи и чрезмѣрную увѣренность въ безопасности. Намъ необходима наука, которая освѣтила бы путь, проходимый человѣчествомъ, дала бы непоколебимое основаніе мнѣніямъ, которыя теперь такъ разнообразны и съ такою страстностью запрещаются и оспариваются. Отдѣльныя замѣчанія, вѣрныя соображенія высказывались нѣкоторыми писателями, но,—прибавляетъ Маллокъ,—именно, вслѣдствіе своей отрывочности и недоконченности, такія соображенія и замѣчанія не могли имѣть достаточно сильнаго и благотворнаго вліянія. Мы должны, наконецъ, убѣдиться,—продолжаетъ авторъ,—что старые аргументы консерваторовъ отжили свой вѣкъ, что противъ новаго теченія мысли слѣдуетъ выступать и съ новыми силами, съ новыми знаніями и доводами.

Маллокъ даетъ очеркъ принциповъ современной демократіи. Онъ оговаривается, что между демократами существуетъ большое разнообразіе, но это разнообразіе относится, по его мнѣнію, только къ практическому приложенію общихъ для всѣхъ демократовъ принциповъ, и поэтому вполнѣ возможно задаться вопросомъ: что именно общаго у Чамберлена съ Прудономъ и у Брайта съ Луизой Мишель?

Во-первыхъ, слѣдующее основное положеніе: совершенствованіе общества предполагаетъ соціальное равенство. Этимъ не хотятъ, конечно, утверждать, что совершенствованіе и равенство—одно и то же, потому что можетъ быть и равенство горькой нищеты. Демократы настаиваютъ лишь на томъ, что существующее неравенство есть злоупотребленіе и несовершенство, что при немъ немногочисленный классъ пользуется всѣми благами цивилизаціи, а большинство населенія не имѣетъ даже удовлетворительнаго хлѣба, одежды и жилища. Существующія въ этомъ отношеніи между демократами различія состоятъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли и въ большей или меньшей увѣренности, что цѣль эта можетъ быть вполнѣ достигнута.

Второе положеніе, общее всѣмъ демократамъ, заключается въ слѣдующемъ: неравенство не только не совершенство, съ теоретической точки зрѣнія, но и практически устранимое зло, главныя причины котораго состоятъ въ общественной организаціи.

Демократы,—говоритъ Маллокъ,—не рѣшаются утверждать, что желаемое ими равенство должно осуществиться на основаніи дознанныхъ законовъ развитія. Никогда и нигдѣ въ исторіи такого равенства не существовало. Но въ основѣ разсужденій демократовъ лежитъ мысль, что измѣненія въ учрежденіяхъ измѣняютъ строеніе общества,—иными словами, глубокое различіе между руководящими классами и руководимыми, между богатыми и бѣдными, производительными и непроизводительными,—нуждаются въ законахъ и государственныхъ формахъ, это различіе освящающихъ и укрѣпляющихъ. Отсюда слѣдуетъ, что большинство можетъ въ интересахъ равенства, то-есть своихъ собственныхъ, кореннымъ образомъ измѣнить законодательство и государственныя формы. Вся эта аргументація резюмируется въ слѣдующемъ силлогизмѣ: природа общества зависитъ отъ учрежденій; учрежденіе можно перемѣнить,—слѣдовательно, возможно перемѣнить природу общества.

Маллокъ утверждаетъ, что это умозаключеніе не основывается на историческомъ опытѣ и никогда и нигдѣ не было провѣрено опытнымъ путемъ. Такъ какъ равенство, къ которому стремятся демократы, есть прежде всего равенство имущественное, то существующій порядокъ вещей, съ ихъ точки зрѣнія, заключаетъ въ себѣ несправедливое отношеніе между производствомъ и распредѣленіемъ богатства. Несправедливость же эта обусловливается признаніемъ труда единственнымъ творцомъ имущества.

Это положеніе,—говоритъ Маллокъ,—и по историческимъ, и по логическимъ основаніямъ является краеугольнымъ камнемъ демократической теоріи. Критикой этого-то положенія,—прибавляетъ англійскій писатель,—и должно начинать и кончать опроверженіе демократическихъ воззрѣній.

Маллокъ пускается въ психологическія опроверженія того взгляда, по которому человѣкъ имѣетъ естественную потребность, влеченіе къ труду; но эти опроверженія не заключаютъ въ себѣ ничего выдающагося и грѣшатъ въ основаніи, потому что именно современная психо-физіологія неотразимо доказала, что трудъ есть требованіе здороваго организма, что правильная работа ведетъ къ совершенствованію человѣка, а праздность есть явленіе болѣзненное, влекущее за собою вырожденіе племени. Маллокъ пространно доказываетъ, что трудомъ руководятъ мотивы, что ничѣмъ не вызванная дѣятельность есть нелѣпость, какъ будто такую нелѣпость защищаютъ опровергаемые имъ демократы. Нѣтъ ничего новаго и въ утвержденіи Маллока, что мотивы человѣческой дѣятельности образуются подъ сложнымъ вліяніемъ характера человѣка и окружающихъ условій.

Англійскій мыслитель приступаетъ затѣмъ къ построенію «истинной» соціальной науки. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—желанія людей различны, ихъ способности также, то необходимо соотвѣтствующее разнообразіе во внѣшнихъ благахъ, которыя люди пріобрѣтаютъ. Еслибы дарованіе и самолюбіе вознаграждались въ одинаковой степени съ лѣностью и глупостью, то всѣ люди сдѣлались бы одинаково лѣнивыми и глупыми. Это совершенно справедливо; но только какое же ученіе опровергается такимъ доводомъ? Люди, утверждающіе, что трудъ творитъ богатство, нисколько не задѣты основательнымъ, хотя и безполезнымъ замѣчаніемъ, что лѣность, т. е. отсутствіе труда, никакого богатства не производитъ.

Справедливо вооружаясь противъ такого строя, гдѣ различіе въ индивидуальныхъ желаніяхъ и способностяхъ будетъ сглажено, гдѣ исчезнутъ Колумбы и Мильтоны,—Маллокъ указываетъ на то, что неравенство въ дарованіяхъ и стремленіяхъ людей обусловливается ихъ неравнымъ соціальнымъ положеніемъ. И эта мысль подлежитъ существенному ограниченію. Вопреки Маллоку, легко видѣть, что люди одинаковаго соціальнаго положенія обнаруживаютъ и совершенно различныя способности, и прямо противоположныя наклонности, и наоборотъ.

Наука, которой намъ недостаетъ,—говоритъ наконецъ Маллокъ въ пятой главѣ своего сочиненія,—есть наука о человѣческомъ характерѣ. На этотъ дѣйствительно важный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ давно уже указывали мыслители; но существованіе этого пробѣла объясняется чрезвычайною трудностью его наполненія. Посмотримъ, какія новыя данныя сообщитъ намъ Маллокъ.

Онъ основательно возстаетъ противъ Бокля и Герберта Спенсера, которые отрицаютъ значеніе великихъ людей, не придаютъ выдающимся

дарованіямъ отдѣльныхъ личностей никакого серьезнаго значенія. Критическія замѣчанія Маллока отличаются на этотъ разъ пылкостью и силою. И въ концѣ этихъ замѣчаній онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: всякій производительный трудъ, который превосходитъ необходимое удовлетвореніе насущныхъ потребностей, всегда мотивируется *желаніемъ соціальнаго неравенства* (The desire for social inequality). Другими словами, человѣкъ добивается во всѣхъ подобныхъ случаяхъ или богатства, или общественнаго возвышенія. А любовь не можетъ развѣ подвинуть человѣка на такой трудъ? Филантропъ, отдавшій все свое состояніе, всѣ силы своей души на устраненіе причинъ и послѣдствій соціальнаго неравенства, тоже, стало-быть, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ *желанія соціальнаго неравенства?*

Маллокъ самъ задаетъ себѣ сходные съ поставленными нами вопросами и отвѣчаетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ. Онъ не утверждаетъ, что *всякое* дѣйствіе человѣка внушается стремленіемъ къ неравенству, а только такія дѣйствія, которыя называются *производительнымъ трудомъ* (какъ будто воздвигнуть зданіе для безпріютныхъ дѣтей не есть, напримѣръ, производительный трудъ). Маллокъ перечисляетъ тѣ отрасли дѣятельности, гдѣ мотивъ неравенства не участвуетъ: это—наука, искусство, дѣла благотворительности, религіозная пропаганда. Устраняя послѣднюю, какъ не имѣющую ничего общаго съ производительнымъ трудомъ, въ экономическомъ смыслѣ слова, Маллокъ говоритъ, что и благотворительность имѣетъ въ виду уменьшеніе нищеты, а не увеличеніе богатства. Въ произведеніяхъ искусства, которыя являются дѣйствительно орудіями богатства, участвуютъ и другіе мотивы, помимо стремленія къ соціальному неравенству. Маллокъ сознается въ этомъ, хотя и отрицаетъ важность этого исключенія въ практическомъ отношеніи, ибо художники часто руководятся тщеславіемъ, погоней за богатствомъ и т. п. Наконецъ, въ области научнаго изслѣдованія, англійскій писатель признаетъ господство болѣе возвышенныхъ побужденій къ производительному труду. Истинный ученый отличается «простою жизнью, высокою мыслью». Маллокъ можетъ только оговориться такимъ образомъ: чисто научное открытіе вовсе не совпадаетъ съ производительнымъ трудомъ. Да; но это открытіе, какъ онъ и самъ признаетъ, можетъ произвести полный переворотъ въ техникѣ любого производства. Нельзя не согласиться съ другимъ замѣчаніемъ Маллока: къ чистому стремленію раскрыть истину въ жизни ученаго примѣшивается и то стремленіе, которое нашъ авторъ называетъ желаніемъ соціальнаго неравенства. Повсюду,—утверждаетъ Маллокъ,—это послѣднее желаніе не только не заключаетъ въ себѣ нечего унизительнаго, но, наоборотъ, является вполнѣ законнымъ и полезнымъ. Во всякомъ случаѣ однако между цѣлью стремленій ученаго или артиста, съ одной стороны, и цѣлью производительнаго труда (въ тѣсномъ смыслѣ слова) съ другой стороны, будетъ глубокое различіе: ученый и артистъ

ищутъ славы, а производительный трудъ—богатства. Затѣмъ на многихъ десяткахъ страницъ Маллокъ разсуждаетъ на тему извѣстнаго вольтеровскаго изреченія: «Le superflu—chose très nécessaire». Меньшинство, по его мнѣнію, творитъ богатство; неравенство въ соціальномъ положеніи обусловливаетъ цивилизацію, ея прогрессъ. Разстояніе между бѣдными и богатыми никогда не можетъ значительно сблизиться, и день этого сближенія, этого общественнаго уравненія былъ бы днемъ гибели для просвѣщенія и благосостоянія націи. Но счастье вовсе не находится въ прямой зависимости, въ полномъ соотвѣтствіи съ количествомъ имущества человѣка, и бѣдный нерѣдко счастливѣе богача, не зная тѣхъ тревогъ и горя, отъ которыхъ страдаютъ въ роскошныхъ дворцахъ, въ пышной обстановкѣ. Нищета прискорбна,—говоритъ Маллокъ,—но неравенство отнюдь не прискорбно. Зло заключается въ томъ, что у многихъ не удовлетворены насущныя потребности человѣческой природы, а не въ томъ, что всѣ иныя потребности удовлетворены у однихъ въ большей, у другихъ въ несравненно меньшей степени.

Книга Маллока, не составляющая, вопреки увѣренію автора, никакого переворота въ наукѣ, заслуживаетъ тѣмъ не менѣе внимательнаго прочтенія и заключаетъ въ себѣ, на ряду съ жесткими заявленіями и ошибочными взглядами, не мало справедливыхъ соображеній.

Рабочіе классы въ Европѣ. *Рене Лаволле* (Les classes ouvrières en Europe. Etudes sur leur situation matérielle et morale. *René Lavollée*. 2 v. Paris. 1882).

Въ обширномъ сочиненіи Рене Лаволле (французскаго консула) собраны и обработаны свѣдѣнія о положеніи рабочихъ классовъ въ Германіи, Голландіи, Скандинавскихъ государствахъ, Швейцаріи, Италіи, Бельгіи, Австро-Венгріи, Испаніи, Португаліи и Россіи. Нашему отечеству изъ 800 почти страницъ этого труда отведено только 40 страницъ.

Сочиненіе Лаволле служитъ новымъ доказательствомъ того глубокаго измѣненія, которое совершается въ общественномъ сознаніи европейскаго Запада и въ экономической наукѣ. Авторъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ соціалистическихъ утопій и въ то же время открыто высказывается и противъ теоріи laissez faire, laissez passer. Отношенія между предпринимателями и рабочими,—говоритъ онъ,—не могутъ быть предоставлены свободной игрѣ соперничества частныхъ интересовъ, и равнодушіе къ судьбѣ рабочихъ классовъ является преступнымъ и опаснымъ, потому что создаетъ благопріятныя условія для разрушительной пропаганды. Соціальный вопросъ,—утверждаетъ Лаволле,—со всѣхъ сторонъ тѣснитъ и волнуетъ насъ. Отъ него мы страдаемъ, отъ него, быть-можетъ, и погибаемъ.

Авторъ пользовался многочисленными источниками и представляетъ весьма интересную картину положенія рабочихъ классовъ въ названныхъ

странахъ. Въ главѣ, посвященной Германіи, Лаволле долго останавливается на теоріяхъ и практической дѣятельности нѣмецкихъ соціалистовъ.

Для русскаго читателя особый интересъ представляютъ главы, въ которыхъ говорится о рабочихъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, такъ какъ положеніе этихъ нашихъ сосѣдей извѣстно намъ едва ли не менѣе, чѣмъ положеніе Бразиліи или австралійскихъ колоній.

Приведемъ нѣсколько цифръ: Швеція есть страна по преимуществу земледѣльческая и лѣсная. Въ 1873 году изъ общаго числа 4.298.000 жителей на долю земледѣльческаго класса приходилось слишкомъ три милліона, а на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и т. д. работало только немногимъ болѣе 150.000 (собственно на фабрикахъ менѣе 50.000 ч.). Всѣхъ фабрикъ въ Швеціи считалось въ 1872 году 2.356, сумма производства которыхъ опредѣлялась въ 173 милліона франковъ. Въ 1871 году изъ 713.000 дѣтей школьнаго возраста лишь около 19.000, по разнымъ причинамъ, вовсе не обучались. Въ Норвегіи, въ 1865 году, земледѣліемъ жило 1.035.000 ч., фабричною, заводскою и ремесленною промышленностью—241.400 ч., остальными профессіями—407.500 ч. *) На фабрикахъ занималось менѣе 7.000 челов. въ 1850 году, болѣе 44.000 въ 1875 году (кромѣ того 14.000 на рудникахъ и малолѣтнихъ 20.000 городскихъ ремесленниковъ). Школъ существовало семь лѣтъ тому назадъ 6.396. Изъ 270.780 дѣтей, которыя должны были обучаться, не посѣщало школъ лишь 4.769. Данія приближается уже къ строю Германіи, Франціи и другихъ европейскихъ странъ съ сильно развитою обрабатывающею промышленностію.

Матеріалъ, которымъ пользовался Лаволле, не одинаковаго достоинства. Кромѣ того, многія статистическія данныя, приводимыя въ сочиненіи, нѣсколько устарѣли. Но въ общемъ это изслѣдованіе положенія рабочихъ классовъ представляетъ значительный интересъ.

В. Гольцевъ.

---

*) Общая сумма населенія поднялась въ 1877 г. до 1.925.000 ч.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1883.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій п., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

DUPLICATE.

DUPLICATE—

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. Некрологъ.	I
II.	МЫСЛИ НАДЪ ГРОБОМЪ ТУРГЕНЕВА. Стихотв.—**Л. Пальмина.**	IV
III.	ВЛАСЪ. Поэма, изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ, **Людвика Кондратовича.** Переводъ съ польскаго.—**Л. И. Пальмина.**	1
IV.	ЦАРСКІЙ КАБАКЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.—**И. И. Дитятина.**	34
V.	МАГИСТРЪ И ФРОСЯ (Ихъ первые шаги въ жизни). Повѣсть. Гл. V—X. *Окончаніе.*—**А. С. Шабельской.**	73
VI.	ВѢРА И ЗНАНІЕ.—**Л. Лопатина.**	127
VII.	А. Н. СѢРОВЪ. Біографическій очеркъ. Гл. III. *Окончаніе.*—**В. Баскина**	169
VIII.	КРЕСТЬЯНЕ ВЪ БАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ. Гл. III и IV. *Окончаніе.*—**С. С. Шашкова.**	189
IX.	О ВЛІЯНІИ ПРОГРЕССА НА БѢДНОСТЬ. Гл. I—V.—**Н. З.**	235
X.	СИБИРСКІЕ КОЛОНИЗАТОРЫ: I—**Изъ «золотой молодежи».**—**Мишлà**	294
XI.	ЖІАНЪ И ГАНСЪ. Повѣсть **Марка Монье.** Гл. I—IV. Переводъ съ французскаго.	305
XII.	ПОЛИТИКА РОССІИ И ПРУССІИ ВЪ ЭПОХУ, ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ПЕРВОМУ РАЗДѢЛУ ПОЛЬШИ. *Окончаніе.*—**В. К.**	1
XIII.	ВОПРОСЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ.—**В. С.**	23
XIV.	УКАЗАНІЯ НА БОГАТСТВА СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ РОССІИ.—**П. І. Черкасова.**	56
XV.	БИБЛІОГРАФІЯ:	
	«Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: Царица Прасковья». *М. И. Семевскаго.* С.-Пб. 1883 г.—«Кометы и падающія звѣзды». *С. П. Глазенапа.* 1883 г.—«Завоеваніе Ахалъ-теке». *А. Маслова.* С.-Пб. 1882 г.—«Совѣты русскимъ землевладѣльцамъ». *К. Дмитріева.* Тула. 1883 г.—«Записки о Восточной Румеліи». *В. В. Яшерова.* Москва. 1883 г.—«Большая Медвѣдица». Романъ *В. Крестовскаго.* С.-Пб. 1883 г.—«Караси и щуки». Юмористическіе разсказы *Н. А. Лейкина.* С.-Пб. 1883 г.—«Записки степняка». Очерки и разсказы *А. Эртеля.* С.-Пб. 1883 г.—«Стихотворенія» кн. *Д. Н. Цертелева.* С.-Пб. 1883 г.—**Е. Н.**	71

Стр.

«Бисмаркъ, Вагнеръ, Родбертусъ». *Морица Вирта* (Bismarck, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister» Moritz Wirth. Leipzig. 1883).—«Вліяніе природы на развитіе собственности». *Людвига Феликса* («Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums». Ludwig Felix. Leipzig 1883).—«Статистика новаго времени». *Кольба* («Statistik der Neuzeit». G. Fr. Kolb. 1883. I. Lieferung).—**В. А. Гольцева**. 90

Приложеніе: БУРНОЕ ВРЕМЯ. Историческій романъ Т. Т. Ена. Переводъ съ польскаго. . . . . 289—320

БИБЛІОТЕКА

ПОПРАВКА.

Въ августовской книжкѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ: «Театръ и школа сценическаго искусства»—вкрались двѣ важныя опечатки, которыя считаемъ необходимымъ исправить. На стр. 196, строка 14, напечатано:

„...что этому разуму противорѣчитъ Высшій Разумъ...“ Слѣдуетъ исправить такъ: „...что этому разуму *не* противорѣчитъ Высшій Разумъ“.

На послѣдней строкѣ страницы 206 напечатано:

„и образовавшихся въ гимназіяхъ“. Слѣдуетъ: „неполучившихъ образованія въ гимназіяхъ“.

ского института. На 16 году И. С. Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ и въ слѣдующемъ году (1835), послѣ смерти отца, перешелъ въ Петербургскій, изъ котораго въ 1837 году выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а еще черезъ годъ получилъ степень кандидата. Въ томъ же 1838 г. онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ слушалъ курсы знаменитыхъ въ то время профессоровъ Ранке, Ганса, Цумпта, Вердера. На литературное поприще Иванъ Сергѣевичъ выступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ не особенно удачными стихотворными произведеніями, которыя онъ

«Бисмаркъ, Вагнеръ, Родбертусъ». *Морица Вирта* (Bismarck, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister» Moritz Wirth. Leip-

БИБЛІОТЕКА
СЕМЕННИКОВА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Еще однимъ высокоталантливымъ писателемъ меньше,— 22 августа скончался нашъ дорогой русскому сердцу Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ вдали отъ родины, въ Буживалѣ, близъ Парижа.

Иванъ Сергѣевичъ родился въ г. Орлѣ 28 октября 1818 г. Отецъ его, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ полковникомъ Елисаветградскаго кирасирскаго полка, квартировавшаго въ Орлѣ. Тамъ онъ женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовитиновой, оставилъ службу и скончался въ 1835 г. Варвара Петровна скончалась въ 1850 году, доживши до глубокой старости. До 12-лѣтняго возраста Иванъ Сергѣевичъ росъ въ семьѣ, окруженный гувернерами - иностранцами; у него было два брата, одинъ старше, другой моложе его. Затѣмъ его отвезли въ Москву и отдали сперва въ частный пансіонъ, а потомъ передали на попеченіе директора Лазаревскаго института. На 16 году И. С. Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ и въ слѣдующемъ году (1835), послѣ смерти отца, перешелъ въ Петербургскій, изъ котораго въ 1837 году выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а еще черезъ годъ получилъ степень кандидата. Въ томъ же 1838 г. онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ слушалъ курсы знаменитыхъ въ то время профессоровъ Ранке, Ганса, Цумпта, Вердера. На литературное поприще Иванъ Сергѣевичъ выступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ не особенно удачными стихотворными произведеніями, которыя онъ

подписывалъ буквами Т. Л. Эти неудачи едва совсѣмъ не отвратили его отъ писательства; но, къ счастью, онъ скоро оставилъ юношеское увлеченіе стихотворною формой и вышелъ на свою настоящую дорогу, на которой съ первыхъ же шаговъ успѣлъ занять видное мѣсто повѣстями: «Андрей Колосовъ», «Три портрета», «Бреттеръ» и въ особенности своими чудными «Записками охотника», первый очеркъ которыхъ — «Хорь и Калинычъ» — былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ *Современника* 1847 года. Отдѣльнымъ изданіемъ «Записки охотника» вышли въ 1852 году съ одобренія предварительной цензуры; но вскорѣ книга была запрещена, и самъ авторъ подвергся крупнымъ непріятностямъ: его арестовали, продержали нѣкоторое время въ заключеніи при полиціи и выслали на житье въ Орловскую губернію. Поводомъ къ этому послужило его «Письмо о Гоголѣ», напечатанное въ № 32 *Московскихъ Вѣдомостей* 1852 г. «Письмо» это не представляетъ собственно ничего нецензурнаго; но за то «Записки охотника» явились настоящимъ яркимъ протестомъ противъ крѣпостного права, господствовавшаго тогда во всей своей силѣ. Въ нихъ впервые сказалась вся чуткость, вся жизненность, почти вдохновенность таланта Ивана Сергѣевича,—таланта, доходившаго до геніальности въ своей отзывчивости ко всѣмъ явленіямъ, идеаламъ и увлеченіямъ пережитой нами эпохи съ 1848 года до настоящаго времени.

Мы не станемъ здѣсь перечислять послѣдующихъ произведеній И. С. Тургенева,—ихъ всѣ знаютъ на память. Тѣмъ не менѣе не можемъ воздержаться и не упомянуть о «Рудинѣ», «Наканунѣ», «Отцахъ и дѣтяхъ» (февр. 1862 г. *Русск. Вѣстн.*), составившихъ настоящую эпоху, схватившихъ новый типъ въ самый моментъ его появленія. Всѣ послѣдующія его произведенія писаны за границею, куда И. С. Тургеневъ совсѣмъ переселился съ 1863 г. Въ этихъ произведеніяхъ уже чувствуется постепенное ослабленіе его

связи съ родиной, угасаніе его чуткости къ тому, что въ ней живетъ и чѣмъ живетъ она... Здѣсь не мѣсто для оцѣнки литературной дѣятельности И. С. Тургенева,—можно только одно сказать, что его смерть есть невознаградимая потеря для Россіи, и не для нея одной. Покойный Иванъ Сергѣевичъ давно уже занимаетъ почетнѣйшее мѣсто въ средѣ европейскихъ писателей; многія его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки; его имя пользуется въ чужихъ краяхъ большею извѣстностью, чѣмъ имя котораго-либо изъ современныхъ русскихъ писателей. Оно впрочемъ и понятно: его идеи были не исключительно русскими идеями, а общечеловѣческими, какъ и его идеалы, возвышавшіеся надъ всякими національными особенностями; въ его герояхъ, во всѣхъ изображенныхъ имъ лицахъ сквозь ихъ несомнѣнно чисто - русскіе характеры всегда видѣнъ былъ человѣкъ, — не тотъ «все-человѣкъ», о которомъ говорилъ Ѳ. М. Достоевскій, а тотъ, котораго разумѣли Шекспиръ, Шиллеръ, Гоголь, Викторъ Гюго и Тургеневъ.

Мысли надъ гробомъ Тургенева.

Гаснутъ яркія звѣзды одна за другой,
Что свѣтили такъ ясно когда-то.
Въ храмѣ музъ стало меньше лампадой одной,
Даль грядущаго тьмою объята.
Гаснутъ яркія звѣзды умчавшихся дней...
Ты сіялъ поколѣніямъ тоже
И угасъ. Мы стоимъ надъ могилой твоей.
Гдѣ же новыя звѣзды? О, Боже!
Гдѣ же ихъ ужь давно ожидаемый свѣтъ?
Область мысли подъ тьмой безъисходной.
Гаснутъ прежнія, гаснутъ, а новыхъ все нѣтъ...
Гдѣ-жь сіянье звѣзды путеводной?
Или дымная гарь современныхъ костровъ
Царство мысли свободной затмила,
И, при гаснущемъ блескѣ надъ прахомъ гробовъ,
Тщетно новаго ждемъ мы свѣтила?
Такъ прощай же! Ты жизненный путь совершилъ.
Мы твой прахъ окропляемъ слезою.
Труденъ, теменъ восходъ для грядущихъ свѣтилъ...
Тяжко свѣту ихъ биться со тьмою.

Л. Пальминъ.

ВЛАСЪ.

(поэма изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ.)

Людвика Кондратовича.

БИБЛІОТЕКА СЕМЕЖНИКОВА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный край Полѣсья, ты съ дѣтства мнѣ знакомъ,
Какъ будто изъ тумана мерцаешь ты въ быломъ!
Порой, какъ призракъ, видитъ задумчивый мой взоръ
Необозримыхъ окомъ твоихъ болотъ просторъ,
Твоихъ лѣсовъ угрюмыхъ дремучій темный кровъ,
Извилистыя рѣки межъ ивъ и тростниковъ,
Крылатыя дружины докучливыхъ слѣпней
И мотыльковъ зеленыхъ межъ листьевъ и вѣтвей,
И эту тишь лѣсную, что возмутитъ на мигъ
Порой полетъ аиста, да журавлиный крикъ,
Или въ рѣкѣ спокойной плеснувшая волна
Вслѣдъ за весломъ лѣнивымъ рыбачьяго челна.

Какую-то встрѣчаю я тайную красу
Въ пескахъ Полѣсья желтыхъ, и въ сумрачномъ лѣсу,
И въ хатахъ деревенскихъ, убогихъ и кривыхъ,
Въ церквахъ, соломой крытыхъ, среди погостовъ ихъ,
Что искривленныхъ елей кровъ темный осѣнилъ,
Гдѣ маленькая хатка надъ каждой изъ могилъ,
Гдѣ съ прахомъ старыхъ предковъ въ могилахъ здѣсь и тамъ
Потомковъ поздній пепелъ смѣшался пополамъ.

Окружена водою и чащею лѣсовъ,
Здѣсь жизнь людей все та же отъ глубины вѣковъ;
Обычаи отъ вѣка не измѣнялись здѣсь;

Тамъ въ комнаткѣ сосѣдней порою изъ окна
Красотка лѣтъ въ шестнадцать при отблескѣ видна
Въ льняномъ и бѣломъ платьѣ, а голубой корсетъ
Округлыхъ формъ рисуетъ весь дѣвственный разцвѣтъ;
Бѣжитъ коса по шейкѣ, упавши парой змѣй;
Надѣтъ платочекъ бѣлый на головѣ у ней;
На шеѣ мѣдный крестикъ блеститъ въ лучахъ огня,
Отъ искушеній сердце невинное храня.
Вотъ весь нарядъ дѣвичій,—не поразитъ онъ взоръ,
Но Богъ, который дивно далъ лиліи уборъ
И въ спѣющей калинѣ зажегъ румянца жаръ,—
По дѣвственному лику разсыпалъ больше чаръ,
Очамъ подъ черной бровью власть чудную онъ далъ,
Чтобы въ сердца глубоко огонь ихъ западалъ,
Задумчивостью томной слегка чело облекъ,
На щечкахъ загорѣвшихъ цвѣтъ пурпура зажегъ
И дивно распуститься велѣлъ въ краю лѣсномъ
Цвѣтку всѣхъ въ мірѣ краше—во образѣ людскомъ.

IV.

Вотъ отворились двери, и въ хату вся заразъ
Взошла толпа пришельцевъ. Узналъ ихъ старый Власъ—
Всѣхъ въ эту же минуту—и самъ имъ былъ знакомъ:
То все паны сосѣди, извѣстные кругомъ,
Помѣщики и лица различныхъ должностей
И шляхты засцянковой здѣсь нѣсколько людей.
«Зачѣмъ? Ужели ночью собрались господа
На волка или лося охотиться сюда?
Но волка въ это время нигдѣ и не сыскать,
Ни о какой облавѣ нельзя и помышлять...
На слѣдъ медвѣдя въ ульяхъ, быть-можетъ, кто попалъ?
Не лось ли по сосѣдству изъ чащи забѣжалъ?»
Такъ Власъ терялся въ мысляхъ насчетъ гостей своихъ
И, между прочимъ, думалъ, гдѣ спать положитъ ихъ.
Соображеній полный, взглянувъ на лавки, онъ
Пришельцамъ отдалъ въ поясъ почтительный поклонъ.
— «Здорово Власъ!»—изъ пановъ одинъ проговорилъ,
Сосѣдъ хотя и полный остаткомъ юныхъ силъ,
Но усъ его, когда-то чернѣвшій, былъ ужь сѣдъ.

Онъ былъ въ кафтанѣ польскомъ со сборками одѣтъ;
При немъ ружье и шпага была на кушакѣ,
Что кортикомъ зовется на мѣстномъ языкѣ,
Въ рукахъ же—дротикъ, будто онъ въ бой на вепря шелъ.
Старикъ пытливымъ взоромъ пришедшаго обвелъ,
Почтительно три раза отдавъ ему поклонъ,
Отвѣта пана ждалъ онъ, въ раздумье погруженъ.
— «Послушай,—тотъ промолвилъ,—ты знаешь здѣсь пути,
И ночью въ Чортовъ островъ насъ можешь провести?
Такъ проводи же, только не медля и сейчасъ!»
Тутъ, въ страшномъ изумленьи, взглянулъ на пана Власъ,
Какъ будто панъ не въ полномъ разсудкѣ говорилъ,
И крестъ, помимо воли, Власъ дважды сотворилъ.
— «Вести васъ въ Чортовъ островъ теперь, въ ночи, къ чему?
Тамъ ни волковъ, ни вепря не сыщемъ въ эту тьму...
Волковъ же въ этомъ мѣстѣ и вовсе нѣтъ; притомъ
Гдѣ есть, такъ это только при озерѣ Гниломъ,—
Я, слава Богу, знаю!»—
— «Тутъ рѣчь не про волковъ.
Съѣшь ужинъ, если только онъ у тебя готовъ,
Да поскорѣе въ островъ сейчасъ же проводи,
Да и ружье, пожалуй, на случай заряди!»—
Такъ Бальтазаръ Капота, дворецкій экономъ,
Вскричалъ и грозно объ столъ пристукнулъ кулакомъ.
То былъ старикъ плечистый, хоть ростомъ не большой:
Онъ несъ бочонокъ водки за мощною спиной,
При сумкѣ же, дичиной наполненной биткомъ,
Три окорока были, съ воловьимъ языкомъ.
Недоумѣнья полный, плечами Власъ пожалъ:
«Паны рехнулись, что ли?—въ умѣ онъ размышлялъ.—
Взялись Богъ вѣсть откуда, какъ громъ надъ головой.
Охота темной ночью... да это мнѣ впервой!...»
Тутъ онъ съ поклономъ робкимъ рѣшился имъ сказать:
— «Панамъ вельможнымъ развѣ нельзя тутъ ночевать?
Конечно, неудобно, да вамъ не въ первый разъ...
На лавкахъ и на сѣнѣ я размѣстилъ бы васъ,
А чуть забрежжетъ утро, я разбужу пановъ
И за ручьемъ Пановскимъ поищемъ мы волковъ,
А въ островѣ,—хоть палкой ихъ загоняй туда,—
Ни одного во вѣки не встрѣтишь никогда».

Схватилъ тутъ Власа шляхтичъ мускулистой рукой,
Съ усами по колѣни, высокій и сухой,
Въ ушатой шапкѣ, въ курткѣ бараньей; онъ ружьемъ
Три раза стукнулъ объ полъ, оперся и потомъ
Съ насмѣшкой, постоянно скользившей по устамъ,
Сказалъ:—«Ты старъ, голубчикъ, а глупъ не по лѣтамъ,
Облава да охота сидятъ въ башкѣ твоей...
Тутъ, братецъ, не до зайцевъ, а дѣло поважнѣй,—
Не вепрей, а похуже слѣдимъ мы здѣсь звѣрка,
Что съ буквы *к* начавшись, кончается на *к*,—
Дичину, что съ нагайкой и съ пиками летитъ,
Какъ вѣтеръ, а порою въ корчмѣ у васъ шумитъ...
Ну, все не догадался?... Что за простакъ ты, Власъ!»—
— «Стой, Валентинъ, и стѣны подслушать могуть насъ!—
Прервалъ другой и началъ вполголоса потомъ:—
Тутъ гребля, тамъ лѣсочикъ,—ну, видишь дѣло въ чемъ:
Они идутъ по греблѣ, а мы въ лѣсу сидимъ,
Шаговъ въ полсотнѣ пулю пошлемъ изъ чащи къ нимъ...
Межъ греблей же и лѣсомъ болото, знаешь, тамъ, —
Пока до насъ достигнутъ, сперва пойдутъ къ чертямъ.
Ну, вотъ, теперь ты понялъ? Поможешь намъ во всемъ?»
Отведши Власа, долго съ нимъ такъ шепталъ вдвоемъ.
Старикъ блѣднѣлъ и лобъ свой крестомъ лишь осѣнялъ.
Порой погромче возгласъ до прочихъ долеталъ,
И снова Власъ шептался, кивнувши головой:
— «Останутся сироты, а госпожа—вдовой...
Пожитки и имѣнье мы все въ лѣсу густомъ, —
Будь, панъ, спокоенъ въ этомъ,—схоронимъ и спасемъ...
А въ хатѣ у Василья, въ лѣсу, у ручейка,
И госпожа и дѣтки пріютъ найдутъ пока...
Самъ чортъ ихъ тамъ не сыщетъ... Тамъ безопасно жить.
А если дворъ пустуетъ, дворъ можно и спалить,—
Теперь война, извѣстно...» Власъ снова зашепталъ.
Тѣмъ временемъ изъ шляхты кто рюмку въ руки взялъ,
Кто изъ дорожной фляжки хлебнулъ глотокъ большой;
Тамъ запалили трубки, и разговоръ живой
У шляхты завязался о битвахъ и войнѣ,
А панъ тихонько съ Власомъ шептался въ сторонѣ
И наконецъ предъ паномъ сталъ на колѣни Власъ:
— «Соколикъ мой, паночку! Господь помилуй насъ!

Дай въ островѣ надежнѣй убѣжище найти!
Я-жь буду паче глаза дѣтей твоихъ блюсти;
А если я открою, гдѣ вы, тогда скорѣй
Да разразятся громы надъ головой моей!»
У пана со слезами Власъ ноги цѣловалъ;
Панъ, старика поднявши, въ объятьяхъ крѣпко сжалъ;
А шляхта, что стояла, кругомъ ихъ обступивъ,
Вся мужика спѣшила обнять наперерывъ
По-братски, съ теплымъ чувствомъ, и въ этотъ мигъ святой
Слилась слеза холопа съ шляхетскою слезой.
А въ тѣхъ слезахъ (ихъ шляхтичъ отъ вѣка не зналъ)
Святой зародышъ братства взаимнаго лежалъ.

V.

Но слезы лить не время,—уже пѣтухъ поетъ.
Всѣ обнялись по-братски другъ съ другомъ въ свой чередъ.
Власъ зарядилъ двустволку, баранью шапку взялъ,
Охотничій кафтанъ свой надѣлъ и подвязалъ
Къ нему барсучью торбу и, поклонясь панамъ,
Сказалъ:—«Въ часъ добрый, съ Богомъ, пора въ дорогу намъ!
Я черезъ лѣсъ кратчайшимъ васъ проведу путемъ.
Дорогой не курите, да говорить тишкомъ,
Чтобъ услѣдить за нами не могъ бы кто-нибудь.
Благослови насъ Боже, пошли намъ добрый путь!»
Такъ шапки скинувъ шляхта и осѣнясь крестомъ,
Пошла во слѣдъ за Власомъ въ безмолвіи ночномъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ужасная година съ надеждой пополамъ...
Огонь, и кровь, и слезы мѣшались здѣсь и тамъ;
Шли тучи войскъ на сѣверъ безсмѣнной чередой,
Двѣ половины міра сходились въ страшный бой.
Кроваво было поле, гдѣ сильныхъ бой сзывалъ,
Но слабый кровь и слезы горчѣе проливалъ.
Шелъ къ небу стонъ съ Полѣсья изъ избъ и деревень,—
Свершали тамъ злодѣйства солдаты каждый день:
Обидятъ старца нагло, избу его сожгутъ,
Скотину перерѣжутъ и далѣе уйдутъ.

Съ той стороны, съ другой ли — послѣдній рядовой
Безчинствовалъ, ничьею не сдержанный рукой.
Мелькнетъ козачья пика, или вестфальскій штыкъ,—
Навѣрно стонъ и слезы услышишь въ тотъ же мигъ.
Изъ дальнихъ деревенекъ, гдѣ жилъ убогій людъ,
Взывать о правосудьи—напрасенъ былъ бы трудъ...
И селянинъ деревья родныя проклиналъ,
Гдѣ стонъ и вопли горя шумъ лѣса заглушалъ.

II.

Все юное шляхетство объялъ мятежный пылъ;
Надѣясь, что возможно въ избыткѣ свѣжихъ силъ
Возстановить изъ праха, что въ немъ погребено,
Подъ знамена французовъ несло всю жизнь оно.
Не многіе остались въ родныхъ своихъ мѣстахъ.
Чья житница, сгорѣвши, разсыпалась во прахъ,
Кого сильнѣй и злѣе стегнулъ козачій бичь,
Тотъ въ лѣсъ бѣжалъ, чтобъ пулей враговъ своихъ настичь.
Лишь только дѣти Дона съ депешею порой
Поскачутъ мимо лѣса дорогою глухой, —
Какъ разъ изъ-за болота иль изъ колосьевъ нивъ
Просвищетъ пуля, въ сердце козачье угодивъ.
Порой же на бивакѣ, когда, передъ костромъ,
Воткнувши въ землю пики, отрядъ уснетъ кругомъ,
Шляхетская ватага, какъ туча комаровъ,
Богъ вѣсть откуда грянетъ врасплохъ на козаковъ,
Разсѣетъ ихъ въ отвагѣ воинственной своей,
Съ собой захватитъ мигомъ добычу и коней,
Оставивъ только трупы, гдѣ былъ жестокій бой,
И безъ слѣда исчезнетъ опять въ глуши лѣсной.

III.

Отъ гребли отдѣленный болотами и рвомъ,
Дремучій Чортовъ островъ, такъ названный кругомъ,
Всегда былъ грознымъ мѣстомъ проѣзжимъ козакамъ,
Когда по узкой греблѣ они тянулись тамъ;
Градъ выстрѣловъ оттуда ихъ осыпалъ, найдя
Для мѣткихъ пуль шляхетскихъ мишень въ лицѣ вождя;
Лишь первый выстрѣлъ—трупы ужь валятся кругомъ...

Бѣлина, старый чашникъ, той шайки былъ вождемъ;
Съ нимъ шли служить отчизнѣ паны окрестныхъ селъ:
Съ коморникомъ Шелигой хорунжій Вжосекъ шелъ,
Панъ мостовничій Курдешъ, подсудокъ Просця съ нимъ,
Съ Заблоцья, съ Заозерья, съ Замостья и своимъ
Достоинствомъ два пана извѣстные кругомъ:
Панъ Бальтазаръ Капота, Вжозовскій—экономъ.
Гдѣ-жь прячутся: въ болотѣ, въ деревьяхъ ли лѣсныхъ,
Имъ обо всемъ извѣстно и—никому про нихъ.
Отрядъ ли послабѣе, обозъ ли провезутъ,—
Какъ будто громъ изъ тучи, они ужь тутъ какъ тутъ.
И не устанутъ биться, не убѣгутъ назадъ,
Пока, забравъ добычу, не разобьютъ отрядъ.
Сегодня здѣсь, тамъ завтра,—дружина козаковъ,
Лѣсъ окруживши, тщетно для нихъ готовитъ ловъ;
Отряду половину придется потерять,
А шляхта гдѣ-то скрылась, чтобъ выскочить опять.
Кто пищу имъ, однако, и водку достаетъ?
Откуда шайка пули и пороху беретъ?
Откуда войскъ движенья извѣстны имъ вполнѣ?
Другъ тайный есть, навѣрно, у нихъ на сторонѣ.
Но кто, когда, откуда? Со множествомъ трудовъ
По деревнямъ искали, пытали у жидовъ,
Но тщетны всѣ старанья, и въ городъ донесли,
Что шайка вырастаетъ какъ будто изъ земли.

IV.

Гдѣ жены ихъ и дѣти? Гдѣ вещи и стада?
Дома ихъ опустѣли, въ нихъ жизни ни слѣда;
Чего огонь не тронулъ и не унесъ солдатъ,—
Закопано все въ землю, лѣса въ глуши хранятъ.
Но гдѣ и какъ? Все тщетно... Въ безмолвіи своемъ
Дремучій лѣсъ не выдастъ того, что скрыто въ немъ.
Гордясь довѣрьемъ шляхты и преданные ей,
Охотникъ ли, рыбакъ ли, въ упорности своей,
Пои, давай имъ денегъ, иль силою страши,—
Не выдадутъ, что скрыто у нихъ въ лѣсной глуши.
Среди непроходимыхъ и дебрей и болотъ,
Куда смѣльчакъ охотникъ одинъ лишь забредетъ,

Убогія избушки чернѣютъ тамъ и тутъ,
Въ нихъ панскія семейства нашли себѣ пріютъ.
Баюкая младенца, тамъ робкая жена
Молитву шлетъ за мужа, тревогою полна.
Убогая шляхтянка тамъ въ безпокойномъ снѣ
На жесткомъ сѣнѣ грезитъ о другѣ въ тишинѣ.
Крестьянинъ загрубѣлой, но любящей рукой
Шляхетскаго младенца баюкаетъ порой;
То иногда стругаетъ игрушку для него,
На время оторвавшись отъ плуга своего,
То утѣшаетъ пани съ радушіемъ своимъ:
«Не плачьте, панъ вернется и цѣлъ, и невредимъ.
Богъ милостивъ! Напрасно не портите очей.
Пошлетъ Господь и счастье взамѣнъ тяжелыхъ дней!»
Крестьянка же простая, какъ любящая мать,
Спѣшитъ скорѣй барчонка занять и приласкать,
Его балуетъ медомъ и ягодкой лѣсной,
Предъ нимъ же извиняясь:—«Не сладко, милый мой...
Барчатъ, извѣстно, холятъ и кормятъ сладко ихъ,
У насъ же, у убогихъ, и лакомствъ нѣтъ такихъ.
Бѣдняжка отощаетъ у насъ, простыхъ людей...
Ѣшь, панычъ, мой соколикъ, да выростай скорѣй!
Когда большой ты будешь, я, старая тогда,
Приду къ тебѣ, и, вспомнивъ про прежніе года,
Сухарикъ бѣлый смочишь ты въ дорогомъ винѣ
И дашь, припомнивъ няньку, полакомиться мнѣ...»
Такъ этотъ деревенскій, сермяжный, бѣдный людъ
Давалъ семействамъ панскимъ охрану и пріютъ.
День проводили въ хатѣ, когда-жъ сгущалась мгла,
Не безопасна кровля изгнанникамъ была:
Нежданно темной ночью могли напасть на нихъ,—
Огонь и лай собачій могли бы выдать ихъ.
Тогда въ лѣсу скрывались, или порой въ челнѣ
Переѣзжали рѣку въ вечерней тишинѣ,
И тамъ на стогѣ сѣна, или на мху сухомъ
Скитальцы отдыхали и забывались сномъ.
Крестьянинъ же стерегъ ихъ и не смыкалъ очей,
Отъ звѣря охраняя, или отъ злыхъ людей.
Порою, ночью темной, когда свободенъ путь,
Придетъ семью провѣдать изъ шляхты кто-нибудь,

Жену утѣшитъ въ горѣ, дѣтей благословитъ,
Слезу прольетъ украдкой и вновь къ своимъ спѣшитъ;
Съ крестьяниномъ же встрѣтясь порой лѣсномъ глухимъ,
Запасъ извѣстій новыхъ снесетъ друзьямъ своимъ.
Такъ мимо зоркой стражи, разставленной вокругъ,
Былъ неразрывно связанъ родныхъ сердечный кругъ,
И облегчалось горе взаимною слезой
Подъ кровомъ хлопской груди, подъ сѣнію лѣсной.

V.

Но свѣтлыя мгновенья бывали не всегда,—
Дни цѣлые, недѣли тянулись иногда,
И никакихъ скитальцы не знали бы вѣстей,
Когда-бъ не Власъ усердный со службою своей:
Къ шляхетскимъ семьямъ въ хаты ходилъ онъ каждый день
И навѣщалъ оттуда лѣсовъ дремучихъ сѣнь,
Кого зашитымъ въ шапкѣ обрадовавъ письмомъ,
Кому бутылку водки сыскавъ въ мѣшкѣ своемъ;
Тамъ табаку найдется большой картузъ однимъ,
А тутъ же хлѣбъ, и просо, и ветчина другимъ.
Власъ въ городѣ имъ порохъ и пули покупалъ,
А если и видали, что онъ въ лѣсахъ блуждалъ,
Такъ что-жь?—о подозрѣньяхъ не заходила рѣчь:
Лѣсникъ, извѣстно, долженъ участокъ свой стеречь.

VI.

Излишнихъ подозрѣній чтобы избѣгнуть, Власъ
Дочь молодую къ бандѣ въ лѣсъ посылалъ не разъ.
Питомица лѣсная, отважна и смѣла,
Свой лѣсъ родимый знала, въ глуши его взросла.
Богъ вѣсть куда, бывало, зайдетъ она порой,
Блуждая за грибами и ягодой лѣсной.
Но въ пущахъ недоступныхъ, далекихъ отъ жилья,
Ей всѣ деревья были старинные друзья.
И хоть зашла бы въ чащу, гдѣ ужъ не проползетъ,
Но къ дому путь по вѣтру, по солнышку найдетъ.
Хоть за сто верстъ готова плыть въ челнокѣ она,
Какъ мотылекъ порхаетъ среди болотъ безъ дна;
Не страшно ей съ медвѣдемъ сойтись въ лѣсу глухомъ,

На злого-жь человѣка готова хоть съ ножомъ.
Въ родномъ лѣсу ей было привольное житье.
Нося для шляхты письма, и пищу, и питье,
Гдѣ ей нельзя тропинки найти какой-нибудь,
Тамъ напрямикъ свершаетъ она отважный путь,
Черезъ густой орѣшникъ и заросли спѣшитъ
И пѣсенкою сердце въ дорогѣ веселитъ,
И, за спину взваливши съ припасами мѣшокъ,
То ягодку дорогой срываетъ, то цвѣтокъ.

VII.

Но нечего бояться волковъ и злыхъ людей,—
Дремучій лѣсъ и пѣсня опаснѣй и страшнѣй:
Они навѣютъ чары, они обворожатъ...
Поберегись, красотка, въ нихъ скрытъ волшебный ядъ!
По юное сердечко Оксанѣ не сберечь,
Самой ей сладко пѣсней дѣвичью грудь разжечь;
О соколѣ крылатомъ, что золотомъ горитъ,
О рыцарѣ, что храбро лихихъ татаръ громитъ.
Ту пѣсню, правда, пѣла старуха-бабка ей,
Татаръ уже не слышно съ давно забытыхъ дней;
Но юность легковѣрна и пылкостью полна,—
Перетолкуетъ пѣсню по-своему она,
И милый образъ встанетъ передъ ней въ воздушномъ снѣ
То въ соколиныхъ перьяхъ, то въ рыцарской бронѣ.
Съ тѣхъ поръ, какъ, ополчившись, паны вступили въ бой,
У молодой Оксаны есть милый соколъ свой;
Точь-вточь, какъ въ пѣснѣ, Яномъ зовется онъ притомъ,
На головѣ венгерка и сабелька при немъ;
Кровь съ молокомъ, красавецъ, глаза огнемъ горятъ,
Усы и брови черны, а молодецкій взглядъ,
Точь-вточь какъ будто въ пѣснѣ, чаруя, сердце жжетъ,
Точь-вточь какъ будто къ пѣснѣ, враговъ онъ храбро бьетъ.
Но въ настоящемъ Янѣ та разница, что онъ
Еще милѣй, чѣмъ въ пѣснѣ, и пламеннѣй влюбленъ.

VIII.

Рисуя милый образъ въ волшебныхъ грезахъ сна,
Не хлопцемъ деревенскимъ Оксана плѣнена.

Высокъ старинным родомъ ея избранникъ Янъ—
То близкій по сосѣдству очеретовскій панъ.
Пріѣхалъ статный, стройный, какъ богатырь въ бронѣ,
Точь-вточь какъ будто въ пѣснѣ, на ворономъ конѣ.
Въ окошко стукнулъ,—это случилось безъ отца,—
Къ-нему Оксана вышла и стала у крыльца;
Спросилъ, какъ можно въ островъ проѣхать межъ болотъ
И гдѣ панъ чашникъ битвы съ козачествомъ ведетъ...
Оксана указала ближайшій путь въ лѣса,
И вспыхнула румянцемъ стыдливая краса;
Онъ попросилъ напиться,—воды достала вмигъ
И рукавомъ закрыла пылающій свой ликъ.
Но трепетъ и волненье однако трудно скрыть...
Скакунъ заржалъ и тоже, какъ видно, проситъ пить,
Но ведра такъ велики, колодецъ же далекъ,
И юный рыцарь-соколъ ей не помочь не могъ,—
Съ коня спрыгнулъ на землю онъ легкою ногой
И слѣдомъ за Оксаной повелъ на водопой.
Тамъ общими трудами, волненія полны,
Ведро на верхъ втащили они изъ глубины.
Конь за троихъ напился, но очи молодца
Жаднѣе пили чары дѣвичьяго лица.
Но вотъ онъ, попрощавшись, пустился по пути,
Она-жь очей не въ силахъ отъ лѣса отвести.
Такъ потому-то, вѣрно, когда велитъ сходить
Отецъ ей въ чащу лѣса и шляхту навѣстить,
Она то ярко вспыхнетъ, то полотна блѣднѣй,
И, сбросивши одежду вседневную, скорѣй
Разрядится какъ въ церковь,—ребенокъ изъ ребятъ!—
И корольки надѣнетъ, и праздничный нарядъ;
Взойдя же въ чащу лѣса и волю давъ мечтамъ,
Своей любимой пѣсней зальется звонко тамъ.
О, сколько скрыто въ сердцѣ мечтаній золотыхъ!
Съ кѣмъ подѣлиться?... Пусть же хоть лѣсъ услышитъ ихъ...
А какъ на сердцѣ тяжко, когда узнаетъ вдругъ,
Что изъ лѣсу уѣхалъ ея сердечный другъ,
Что онъ въ объѣздъ назначенъ и въ ту минуту онъ
Захваченъ въ плѣнъ, быть-можетъ, иль пикою пронзенъ!...
Повѣсивши головку, домой она идетъ,
Изъ глазокъ льются слезы, тоска ей сердце жметъ.

И шумъ лѣсной не милъ ей, какъ утренней порой,
Одинъ лишь образочекъ Владычицы Святой
Ея мольбы и горе услышать могъ вполнѣ:
Зачѣмъ такъ сердце ноетъ, зачѣмъ такъ горько мнѣ?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ глуши пустынной лѣса горятъ костры въ ночи,
Дрожа, мигаютъ въ чащѣ ихъ красные лучи;
Надъ лѣсомъ, извиваясь, клубами дымъ бѣжитъ,
Что мигъ—то фантастичнѣй, что мигъ—мѣняя видъ,
Каскадомъ искры сыплетъ и въ сумракѣ ночномъ
То чуднымъ змѣемъ вьется, то огненнымъ орломъ,
Крыломъ дрожащимъ вѣетъ изъ царства темноты
И разсыпаетъ отблескъ на желтые листы,
По стеблямъ травъ мигаетъ, по мху и по кустамъ
И сонныхъ птичекъ въ чащѣ пугаетъ здѣсь и тамъ.
Пылаетъ съ трескомъ хворостъ, и ярко надъ костромъ
Съ вязанки новой искры возносятся столбомъ
И будто на пожарѣ, при заревѣ огней,
Чернѣютъ силуэты толпящихся людей.
То чашникова шляхта среди глуши лѣсной
Свои одежды сушитъ и варитъ ужинъ свой,
Въ бесѣдѣ отдается событіямъ дневнымъ.
Вино струится въ чарки, изъ трубокъ вьется дымъ.
Бѣлина, старый чашникъ, разлегшись подъ сосной,
Задумчиво на пламя глядитъ въ тоскѣ нѣмой;
По сморщеннымъ ланитамъ изъ неподвижныхъ глазъ
Сбѣгаютъ тихо слезы въ раздумья грустный часъ.
И мудрено-ль, что въ горе душой онъ погруженъ:
Вчера еще поутру узналъ отъ Власа онъ,
Что умерла внезапно любимая жена,
Что не при церкви даже схоронена она,
А гдѣ-то въ дикой чащѣ, среди пустынныхъ мѣстъ,—
Что тамъ надъ милымъ прахомъ одинъ сосновый крестъ,
Что ангела прекраснѣй въ гробу она была
И что съ мольбой о мужѣ и братьяхъ умерла.
Грудь мужа будто ножикъ пронзила эта вѣсть...
Но все литвинъ-спартанецъ способенъ перенесть,

Чтобъ только не ослабить отваги у друзей
Своей печали видомъ и горестью своей.
А каждому тамъ было, по-истинѣ сказать,
О чемъ поплакать вволю, о чемъ погоревать:
Тотъ впасть въ печаль и думы могъ о семьѣ больной,
Тотъ—о сгорѣвшемъ домѣ осеннею порой;
Но каждый между братьевъ своей печали гнетъ
На жертву общей цѣли, какъ на алтарь, несетъ,
Къ своей отчизнѣ милой всѣмъ сердцемъ обращенъ
И жертвами своими въ душѣ гордится онъ.
Охъ, впереди такъ много еще перенести!
Быть-можетъ и погибель ждетъ скоро на пути.
Валятся листья, осень, день каждый холоднѣй,
Военная добыча все рѣже и скуднѣй.
День ото дня труднѣе скрываться по лѣсамъ
И нужно къ регулярнымъ примкнуть уже войскамъ.
Межъ тѣмъ нужда и холодъ, да пули козаковъ
Грозятъ имъ всѣмъ, но каждый на все идти готовъ.
Закалены герои въ лишеніяхъ своихъ
И никого погибель не устрашитъ изъ нихъ.

II.

Прилегши на котомку усталой головой,
Панъ Курдешъ что-то тихо поетъ, а подъ сосной
На мокромъ мху поодаль панъ Валентинъ лежитъ,
Худой, но въ сажень ростомъ, и безмятежно спитъ;
Оленину панъ Вжосекъ на вертелѣ печетъ,
Подсудокъ Просця къ Богу мольбу усердно шлетъ,
Другіе чистятъ ружья, бесѣдуя кругомъ.
Всѣ веселы и бодры и всѣ полны огнемъ.
Панъ Бальтазаръ Капота всталъ, поначалъ главой,
Взялъ пѣнковую трубку, кисетъ табачный свой;
Набивши, головню онъ пылающую взялъ
И Курдешу со взглядомъ таинственнымъ сказалъ:
—«Остаться ли на свѣтѣ, или погибнуть намъ,—
Панъ мостовничій, это извѣстно небесамъ,
А я, какъ вы хотите, одинъ даю совѣтъ,
Что, взявши ружья въ руки, ужь ихъ бросать не слѣдъ!»—
—«Что до меня, отсюда удралъ бы я домой,

Да домъ-то, къ сожалѣнью, не существуетъ мой...
Какіе-то злодѣи подкралися тайкомъ
И,—чтобы чортъ побралъ ихъ,—спалили цѣлый домъ...
Но горю и невзгодѣ помочь съумѣю я:
Въ дому сестры въ Овруцкѣ съ дѣтьми жена моя,
Въ карманѣ есть деньжонки, рука моя сильна,—
Попробую, что дальше мнѣ принесетъ война...»
Такъ молвилъ Курдешъ:—«Ясно какъ на ладонѣ мнѣ,
Что насъ враги осилятъ, иль мы враговъ въ войнѣ.
Да, панъ Капота, если намъ счастье Богъ пошлетъ,
Польются къ намъ рѣкою и деньги и почетъ;
Когда-жь я буду взысканъ счастливою судьбой,
То ужь фольваркъ себѣ я отстрою не такой...
А если я подъ пулей козацкою паду,
Тогда квартиру лучше въ шести доскахъ найду...
Какъ будто бы по пальцамъ я все разсчелъ, повѣрь...
А знаешь, панъ Капота, не выпить ли теперь?»
—«Вотъ *bene dictum!*—Просця тутъ имъ проговорилъ
(Онъ часто по-латыни ввернуть словцо любилъ).—
И я готовъ помочь вамъ... Вѣдь правда же, что тотъ,
Кто въ Божью милость вѣритъ, во-вѣкъ не пропадетъ
На свѣтѣ понапрасну, отъ смерти же своей,
Друзья, *mortalis homo* не избѣжитъ, ей-ей!
Не лучше ли же въ-полѣ убитымъ пулей быть,
Чѣмъ протянуться дома, гдѣ будутъ бабы выть?
Не правда ли, *qui volet*, *qui nolet*— всѣ идемъ,
Забравши наши ружья, мы въ битву со врагомъ?
Вотъ, *gratia exempli,* всѣхъ мудрецовъ совѣтъ;
Панъ чашникъ такъ же мыслитъ!»—
—«Все правда, слова нѣтъ,—
Сказалъ Капота, чарку всю осушивъ до дна,—
Но только, видишь, скверность встрѣчается одна:
Отрѣзаны отъ войскъ мы, зима же на носу,
И перемремъ, пожалуй, мы съ голода въ лѣсу...
Когда придется выйти изъ этихъ дикихъ мѣстъ?
Пока проглянетъ солнце, роса намъ очи съѣстъ...
Вѣдь на зиму намъ корма никто тутъ не припасъ».—
—«А развѣ мало мяса оленьяго для насъ?—
Вскричалъ сердито Вжосекъ, тряхнувши головой
Передъ костромъ, гдѣ ужинъ приготовлялъ онъ свой.—

А что-жь, мы развѣ бабы? Избави Боже насъ,
Чтобы, имѣя пули и пороху запасъ,
Въ лѣсу обильномъ дичью да не найти ѣду!
Ужель съ огнивомъ мерзнуть на зимнемъ холоду?
Стыдися, панъ Капота!—
—«Такъ, такъ, ты правъ, мой панъ!—
Вскричалъ очеретовскій владѣлецъ, юный Янъ.—
Ни холодъ насъ, ни голодъ, повѣрьте, не убьетъ
Съ подобными друзьями, какихъ намъ Богъ даетъ.
Пожертвовать готовы намъ жизнью и душой
Охотникъ и рыбакъ нашъ, крестьянинъ нашъ простой...
Когда насталъ для шляхты тяжелый, трудный часъ,
Они рукою братской поддерживаютъ насъ,
Даютъ семействамъ нашимъ охрану и пріютъ,
Стада на пашню взяли, имѣнья берегутъ,
Рискуя, ходятъ въ городъ и покупаютъ тамъ
Припасы, порохъ, пули и все, что нужно намъ.
Панъ Вжосекъ, вѣдь, не правда-ль, не дуренъ ужинъ твой?
Панъ Валентинъ, вѣдь сладко вкушаешь ты покой?
Какъ пуля пана Просци была вчера мѣтка!
Какъ смачно панъ Капота дымилъ изъ чубука!
Панъ Курдешъ, чарку водки вѣдь славно пропустить?
За это долженъ хлопа за все благодарить!
Черезъ пикетъ козачій тайкомъ прокрался онъ,
Не побоялся смерти, или попасть въ полонъ,
Купилъ намъ все, что нужно, и поскорѣй спѣшитъ,
А дочери—ребенку безсильному—велитъ
Нести черезъ болота онъ тяжесть свыше силъ,
Чтобъ ты имѣлъ заряды, чтобъ кушалъ ты и пилъ...
По милости его ты пьешь чарку не одну,
А въ этотъ мигъ твою же голодную жену,
Быть-можетъ, хлѣбомъ кормитъ крестьянская рука,
И никогда измѣна подъ кровлей мужика
Тебѣ не угрожала, или семьѣ твоей.
Посмотримъ, какъ минуютъ невзгоды горькихъ дней,
Чѣмъ ты за все достойно вознаградишь народъ!»—
—«Иначе смотритъ каждый на вещи въ свой чередъ,
Но мы пристрастно судимъ порою объ иномъ,—
Замѣтилъ панъ Капота, бжозовскій экономъ:—
Панъ превозноситъ хлоповъ такъ сильно потому,

Что очень полюбилась дочь Власова ему...
Никто и не мѣшаетъ... Прекрасно... Ха-ха-ха!
Я съ молоду, признаться, самъ былъ не безъ грѣха...
Но если увѣрялъ бы меня хоть цѣлый свѣтъ,
А все-жь во мнѣ довѣрья къ холопскимъ чувствамъ нѣтъ!»
Янъ, вспыхнувъ, на Капоту взоръ гнѣвный обратилъ,
Но вдругъ орѣшникъ желтый надъ нимъ зашелестилъ,
И юноша, вскочивши съ пылающимъ лицомъ
И взявши пистолеты, лежавшіе при немъ,
Въ кусты юркнулъ поспѣшно подъ старою сосной,
И—будто не бывало—исчезъ во тьмѣ лѣсной.
Капота громкимъ смѣхомъ во слѣдъ захохоталъ:
—«Клянусь, онъ на свиданье къ красоткѣ убѣжалъ!
Панъ мостовничій, были такими вѣдь и мы!...
Не разъ, не сто... и счесть ли такихъ свиданій тьмы?...»

III.

—«Охъ, панычъ, милый панычъ!—въ прерывистыхъ словахъ
Оксана говорила, дрожа и вся въ слезахъ,—
Помилуй Матерь Божья! Господь да сохранитъ!
Какое-то несчастье навѣрно вамъ грозитъ.
Что день козачьи лодки мелькаютъ безъ числа...
Жидъ-арендаторъ часто къ намъ ходитъ изъ села
Гдѣ Кýрдешъ, гдѣ панъ чашникъ?—онъ спрашивалъ не-разъ,
Не рѣдко мимоходомъ помянетъ и про васъ,—
Какое за рѣкою названіе лѣсовъ
И сколько нынче сѣна тамъ набрано стоговъ.
Опасности не видитъ пока отецъ мой въ немъ,
Мнѣ-жь страшно, словно хочетъ нежданно грянуть громъ.
Жида подкупитъ дьяволъ за нѣсколько грошей...
Ахъ, панычъ, уходите изъ лѣса поскорѣй!»—
—«Оксана! зимній холодъ уже не за горой,
Въ дорогу наши кони готовы за рѣкой.
Совѣтуетъ намъ чашникъ, чтобъ ранѣе зимы
Съ войсками Шварценберга подъ Слуцкомъ стали мы.
Теперь же съ двѣ недѣли, иль съ мѣсяцъ, можетъ-быть,
Въ глуши лѣсовъ окрестныхъ осталось намъ пробыть.
Скажи отцу, чтобъ зорко за всѣмъ онъ примѣчалъ:
Куда пойдутъ козаки, гдѣ Эртель генералъ.

Узнавъ расположенье отрядовъ и полковъ,
Удобно можемъ выходъ найти мы изъ лѣсовъ».—
—«Легко сказать!—Оксана промолвила въ отвѣтъ.—
До слезъ другихъ вамъ, панычъ, заботы, видно, нѣтъ!...
Затѣете со смертью вы страшную игру,
А я безъ васъ, быть-можетъ, съ отчаянья умру...
Перенести-ль мнѣ это? И такъ ужь каждый часъ
Мнѣ все на умъ приходитъ, что нѣтъ на свѣтѣ васъ...
И до тѣхъ поръ тревожно вся ноетъ грудь моя,
Пока сама при встрѣчѣ васъ не увижу я.
А что-жь со мною будетъ, когда ни отъ кого
Объ васъ ужь не услышу я больше ничего?
Когда терзаться буду я мыслію одной,
Что ты упалъ, мой милый, подъ пулей роковой?
Когда и знать не буду въ отчаяньи моемъ:
Какъ объ тебѣ молиться—объ мертвомъ иль живомъ?
«Почаевская Дѣва Святая! какъ во мнѣ
Болитъ и ноетъ сердце, вся грудь моя въ огнѣ!
О, какъ ребенокъ малый, глупа я, Боже мой!
Вѣдь вы же здѣсь остаться не можете зимой!
Еще сегодня утромъ отецъ мнѣ говорилъ,
Что непріятель всюду козаковъ размѣстилъ,
Что здѣсь подъ каждой елью засады можно ждать,
Что могутъ васъ козаки въ ночи врасплохъ застать,
Что вамъ бы и отвага тогда не помогла,
Въ виду громадныхъ войскъ ихъ, громадныхъ безъ числа...
Отецъ Христомъ и Богомъ клянется, что для васъ
День каждый очень дорогъ и дорогъ каждый часъ,—
За мигъ нельзя ручаться,—что лучше до поры
Для хитрости по лѣсу вокругъ разжечь костры,
Самимъ же черезъ чащу, подальше отъ огней,
Сѣвъ на коней, пуститься въ дорогу поскорѣй.
Ступайте же!... Обѣдню отслужимъ мы за васъ...
И тамъ, и тамъ погибель грозитъ вамъ каждый часъ!...
О, бѣдная я, Боже!... Вся голова въ огнѣ...
Зачѣмъ, зачѣмъ вы сердце такъ истерзали мнѣ?
Безъ васъ и свѣтъ не милъ мнѣ... Зачѣмъ, о Боже мой,
Полна объ васъ, мой панычъ, я думою одной?...
А знаете, что, панычъ? Останьтесь съ нами тутъ,
Пріятели же ваши пускай одни уйдутъ...

Ближайшіе сосѣди—и тѣ не будутъ знать...
Пріютъ для всѣхъ безвѣстный мы можемъ вамъ сыскать.
Войну здѣсь проживете, найдете тутъ покой,
Весной же, Богъ поможетъ, вернетесь и домой!»—
Такъ молвила Оксана, волненія полна,
И руки цѣловала у милаго она.

IV.

— «Оксана дорогая, ты славы мнѣ милѣй,
Спокойствія дороже, дороже жизни всей!
Но у меня, Оксана, долгъ нерушимый есть,—
Меня къ моей дружинѣ приковываетъ честь.
О, сталъ бы я позорный измѣнникъ и злодѣй,
Когда передъ грозою оставилъ бы друзей!
Мы быть вождю покорны обязаны во всемъ,
Есть власть надъ всѣми нами: панъ чашникъ намъ вождемъ;
Священной цѣпью связанъ съ друзьями каждый братъ,
Остаться ли, уйти ли—пускай они рѣшатъ.
А здѣсь ли оставаться, идти ли дальше въ бой,—
Оксана дорогая, вездѣ, вездѣ я твой!
Не бойся, что коварно откроютъ нашъ пріютъ,
Иль силою открытой враги насъ разобьютъ...
Намъ не страшна темница, позоръ намъ не грозитъ,—
Нѣтъ, бой на жизнь и на смерть, бой страшный закипитъ!
А мы или пробьемся съ оружіемъ въ рукахъ,
Иль трупами средь боя всѣ вмѣстѣ ляжемъ въ прахъ.
Не дайте нашихъ труповъ на пищу для воронъ...
Скажи отцу, чтобъ въ память курганъ насыпалъ онъ.
Поставьте на вершинѣ большой дубовый крестъ,
Когда-жъ закинетъ случай ксендза близъ этихъ мѣстъ,
Пускай его на лодкѣ сюда перевезутъ,
И пусть онъ панихиду по насъ отслужитъ тутъ.
Что-жъ, милая, ты плачешь, дрожитъ рука твоя,—
Тебя я огорчаю, тебя пугаю я?
Знать самъ Господь солдату сулилъ удѣлъ такой!»—
— «Ахъ, замолчите, панычъ, соколикъ милый мой!—
Оксана отвѣчала.—О, сердце какъ щемитъ!
Ужель мнѣ пережить васъ? Господь да сохранитъ!
Живую закопаютъ пускай меня сперва,

Пусть у несчастной треснетъ отъ боли голова,
Пусть въ омутѣ глубокомъ я прежде утоплюсь,
Но жить безъ васъ на свѣтѣ я не хочу, клянусь!»—
И, трепетно рыдая, отчаянья полна,
Къ груди его припала безъ памяти она.
Ее онъ жарко обнялъ, и грустный этотъ часъ
Кипучія лобзанья въ нихъ вызвалъ первый разъ.

V.

Но чистый, добрый ангелъ Оксану охранялъ:
Осенній вѣтеръ тучи по небу разогналъ;
Вдругъ полный яркій мѣсяцъ имъ въ очи засвѣтилъ
И въ плачущей Оксанѣ сознанье пробудилъ.
Смирилъ воитель юный порывъ кипучій свой
И вспомнилъ, что къ оружью звалъ долгъ его святой.
Ужь слезы у Оксаны не льются изъ очей.
— «До утра!—онъ промолвилъ, сжавъ крѣпко руку ей.—
Молись! Что ни сулитъ намъ судьба въ грядущихъ дняхъ,
Богъ чистую молитву услышитъ въ небесахъ».
Тутъ Янъ пошелъ сквозь чащу, предъ блещущимъ костромъ.
Ужь половина шляхты уснула крѣпкимъ сномъ.
Въ обходъ пошли другіе; лишь чашникъ въ тишинѣ
Въ костеръ кидаетъ сучья при трепетномъ огнѣ,
На пламя грустно смотритъ, поникнувши челомъ,
И думою несется къ дѣтямъ въ родимый домъ,
И шлетъ привѣтъ прощальный страдающей души
Къ кресту, гдѣ спитъ въ могилѣ жена въ лѣсной глуши,
И, сдерживая слезы, что рвутся изъ очей,
Онъ въ думахъ дѣлитъ горе средь любящихъ друзей,
И у небесныхъ духовъ, что смотрятъ въ міръ земной,
Узнать онъ словно хочетъ сокрытый жребій свой...
Но, видно, не веселый нашелъ онъ приговоръ
Въ небесной тайной урнѣ,—не радостенъ былъ взоръ...
Ружье и пистолеты онъ осмотрѣлъ потомъ
И, завернувшись буркой, прилегъ передъ огнемъ.
Но старческія вѣжды не скоро сонъ смежитъ,—
Боль сердце разрываетъ и голова горитъ.
Ахъ, юношей и старцевъ не одинаковъ сонъ!
И Янъ прилегъ: улыбкой ликъ юный осѣненъ;

Онъ въ нѣгѣ развалился, мечты его горятъ,
Надъ нимъ любви и славы видѣнія парятъ.
Ихъ ждетъ одно и то же на-утро, но зачѣмъ
Тому могила снится, а этому Эдемъ?
Мысль одного гнѣздится въ могилахъ и гробахъ,
Другому міръ нашъ тѣсенъ,—онъ въ звѣздныхъ небесахъ!
А надъ главой обоихъ, когда огонь погасъ,
Одно и то же филинъ кричалъ въ полночный часъ.
Такимъ предвѣстьемъ мрачнымъ, зловѣщимъ крикнулъ онъ,
Что Бальтазаръ Капота очнулся и сквозь сонъ
Стрѣльнулъ куда-то влѣво, откуда слышалъ крикъ;
Но сычъ на ель другую вспорхнулъ и въ тотъ же мигъ
Вновь стонъ и дикій хохотъ раздались въ тишинѣ,
Капоту же подрало морозомъ по спинѣ,
И проворчалъ онъ:—«Скверно,—кричитъ передъ бѣдой!...
Уснуть, пожалуй, завтра придется подъ землей!...»
Тутъ взялъ онъ пистолеты, курки ихъ осмотрѣлъ,
Зѣвнулъ, перекрестился и... снова захрапѣлъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Недугъ лихой и лютый есть тяжкій Божій бичъ,
Когда угодно Богу имъ смертнаго постичь.
И мудреца, что мыслью въ просторъ небесъ парилъ,
И рыцаря, что царства отважно покорилъ,
Господь повергнетъ въ немощь и возвѣститъ надъ нимъ:
«Ты—тлѣнъ и прахъ, сынъ міра, передъ лицомъ Моимъ!»
Когда порой владыкѣ безъ силъ придется слечь
И немощно роняетъ перо онъ или мечъ,
Тѣснится къ изголовью толпа врачей вокругъ,
И каждаго волнуетъ лихой его недугъ,
И все, что есть въ природѣ-ль, въ наукѣ ли людской,
Что можетъ дать больному и помощь и покой,—
Все съ жаркимъ попеченьемъ разсыплютъ передъ нимъ,
Чтобъ изъ борьбы со смертью онъ вышелъ невредимъ.
Когда же на соломѣ, простертый на землѣ,
Томится сельскій Лазарь въ гниломъ своемъ углѣ,
Его не окружаютъ заботы и труды...
Запекшіяся губы попьютъ простой воды,

Да знахарки-старухи убогая рука
Простое зелье сваритъ изъ травъ для бѣдняка;
Всѣхъ тонкостей наука не станетъ изощрять,
Его не будутъ пищей отборной подкрѣплять,
А плачъ жены несчастной, рыдающей надъ нимъ,
Терзаетъ злѣе сердце ему бичомъ другимъ.
Такъ угасаетъ бѣдный и такъ идетъ къ концу,
Предавъ и духъ и тѣло небесному Отцу,
И даже въ жгучей мукѣ удерживаетъ стонъ,
Чтобы никто не думалъ, что очень боленъ онъ,
И, закаливши силы въ терпѣніи святомъ,
Ведетъ борьбу со смертію геройски и тайкомъ.

II.

Несчастный Власъ томится давно чахоткой злой,
Онъ свой недугъ хотѣлъ бы скрыть передъ самимъ собой;
Но слышитъ онъ, что смерти необорима власть,
Что съ каждымъ взрывомъ кашля теряетъ жизни часть...
Хотѣлъ бы встать съ постели, чтобъ шляхтичамъ помочь,
О ихъ врагахъ развѣдать, но... старику не вмочь.
Сильнѣе крѣпкой воли болѣзни тяжкій гнетъ...
И встать съ одра болѣзни онъ силы не даетъ.

III.

А какъ лѣснымъ скитальцамъ приходится горька
Въ дни горя и невзгоды отлучка старика!
Печальная Оксана хотя къ друзьямъ своимъ
Приходитъ ежедневно и носитъ пищу имъ,
Порой недоброй вѣстью встревожитъ ихъ она,
Но—ни свинца на пули, ни пороху зерна!
Лишь Власъ одинъ все это могъ шляхтѣ покупать...
Теперь онъ встать не въ силахъ, не можетъ разузнать,
Что дѣлается въ свѣтѣ, куда войска идутъ,
Какой пикетъ козачій разставленъ тамъ и тутъ.

IV.

Дружина пала духомъ: ей старика недугъ
Пришелся горекъ; плохо безъ Власовыхъ услугъ!
Тревоженъ чашникъ: вѣсти объ войскѣ никакой...

Хорунжій помышляетъ тайкомъ уйти домой,
Взоръ Яна тоже грустенъ и облакомъ одѣтъ,
Панъ Валентинъ тоскуетъ о томъ, что водки нѣтъ,
Капота же злорадно одно твердитъ панамъ:
—«Я говорилъ: холопу бѣда ввѣряться намъ!
Служилъ, пока наживы и заработка ждалъ,
Теперь же безъ оглядки, какъ волкъ, отъ насъ удралъ...
Ха-ха! я знаю Власа ужь многіе года.
Не даромъ плѣшь, не даромъ съ лопату борода!
Наслышался, что выгодъ не получить отъ насъ,—
Смѣкнулъ себѣ, размыслилъ и... измѣнилъ сейчасъ.
О, лишь узнаю вѣрно, то клятву вамъ даю:
Не пощажу я хама,—какъ пса его убью!»

V.

А Власъ какъ свѣчка гаснетъ, болѣя и скорбя,
И самъ же упрекаетъ въ бездѣйствіи себя;
Лишился силъ послѣднихъ, осунулся лицомъ.
Старуха варитъ зелье какое-то при немъ,
Слѣдитъ за жизнью старца она почти одна,—
Оксана вся въ заботы теперь погружена:
То шляхтѣ носитъ пищу, то ходитъ за отцомъ,
То хочется узнать ей о соколѣ своемъ...
Но только скорбь и горе любовь ей принесла,
Одно воображенье она лишь разожгла;
Лишь люди со своею обычной пустотой
Ея святое чуство покрыли клеветой;
Лишь въ воскресенье въ церкви, когда слеза на грудь
Падетъ у ней и сладко о миломъ ей вздохнуть,
Сосѣдки ту слезинку толкуютъ въ зло и грѣхъ,
Наморщатся старухи, а межъ товарокъ смѣхъ.

VI.

Всѣ Власовы сосѣди забыли о больномъ,
Лишь добрый арендаторъ къ нему заходитъ въ домъ,
По старой дружбѣ фляжку съ собою принесетъ
И спроситъ мимоходомъ: какой тутъ слухъ идетъ
О лѣсѣ и о шляхтѣ и о стрѣльбѣ ночной,—
Вѣдь подъ Майданомъ Старымъ вчера былъ, слышно, бой...

Вѣдь шляхтичи на-диво отчаянны въ бояхъ
И прячутся такъ ловко въ болотахъ и лѣсахъ...
Вѣдь вовсе ни почемъ имъ козацкія войска, —
И снова выпьетъ чарку, смотря на старика.
Но умный Власъ на-стражѣ и съ нимъ молчитъ всегда:
То, головой кивнувши, онъ подтвердитъ жида,
То, въ смыслѣ отрицанья, тряхнетъ онъ бородой:
— «А я почемъ же знаю, что тамъ въ глуши лѣсной?
Имъ лучше вѣдать, мнѣ же и дѣла вовсе нѣтъ.
Насколько миль тутъ пущи! Я вышелъ ужь изъ лѣтъ,
Чтобы тонуть въ болотахъ, бродить межъ старыхъ пней...
Я тамъ хожу, гдѣ ближе, гдѣ дичь найти вѣрнѣй.
Тамъ, дальше, гнѣздъ медвѣжьихъ не сыщешь по лѣсамъ,
А въ Чортовъ островъ ходитъ, какъ слышно, дьяволъ самъ!...
Сказать по правдѣ, чорта я съ роду не видалъ,
А лишь отъ старожиловъ кой-что объ немъ слыхалъ,
Что будто бы въ болотахъ чертей несмѣтный рой
И что жиды тонули тамъ съ фурами порой!»
Такъ отвѣчаетъ старый, а по сѣдымъ усамъ
И вѣра и насмѣшка играютъ пополамъ.

VII.

Тутъ хитрый жидъ отвѣтилъ: — «Пустая рѣчь твоя!
Подъ Дмитрія Святого былъ на базарѣ я
И отъ жидка тамъ слышалъ, — онъ никогда не лжетъ, —
Что въ лавкѣ тамъ и порохъ и пули Власъ беретъ,
Приходитъ очень часто и... забираетъ тьму...
А для чего такое количество ему?...
А для чего козацкій кафтанъ ты продавалъ
И фунтъ въ четыре злота табакъ тамъ покупалъ?
А старое вино ты не бралъ тамъ иногда?
Э, умный, не обманешь ты глупаго жида!
Да не пугайся, — я вѣдь шучу съ тобой, повѣрь!
Ну, выпьемъ, да серьезно поговоримъ теперь.
«Вѣдь, правда, всѣмъ снабжаешь ты шляхтичей своихъ?
А что за польза въ этомъ? Нѣтъ ни гроша у нихъ!
Спаленные дворы ихъ другіе заберутъ
И рано или поздно козаки ихъ побьютъ;
И такъ безъ насъ, конечно, ихъ переловятъ, братъ...

Теперь же обѣщаютъ за каждаго дукатъ...
А тамъ ихъ слишкомъ двадцать,—не шутка, милый мой...
Дукаты же раздѣлимъ мы пополамъ съ тобой...
Казаковъ хоть сейчасъ же могу я привести,
А ты имъ въ Чортовъ островъ покажешь какъ пройти...
Когда начнется стычка, мы тотъ же мигъ, вдвоемъ,
Дукаты наши взявши, изъ лѣса утечемъ...
Вотъ такъ шляхетской спѣси мы носъ утремъ съ тобой!
Не правда-ль, панъ милѣйшій, совѣтъ не дуренъ мой?...»

VIII.

Тутъ съ крикомъ, въ страшномъ гнѣвѣ, рванулся вдругъ старикъ,
Но разразился кашлемъ ужаснымъ въ тотъ же мигъ.
Онъ кашлялъ долго, тяжко, но вотъ, вздохнувъ вольнѣй,
Вскочилъ съ своей постели... Изъ сумрачныхъ очей
Блеснулъ огонь сквозь сѣтку налитыхъ кровью жилъ,
Жида рукою мощной онъ въ ярости схватилъ
И палкой, что у печки стояла въ сторонѣ,
Отвѣсилъ градъ ударовъ злодѣю по спинѣ.
Жидъ страшно обозлился, кричалъ и бился онъ,
Пока толчкомъ изъ двери не выкинутъ былъ онъ.
Со злостью и со страхомъ пустился онъ бѣгомъ:
—«Ай-ай!—кричалъ онъ громко,—я запалю твой домъ!
Тебя убить велю я!... Гвалтъ, гвалтъ! Скорѣй сюда!»
Но Власъ, утративъ силы, ужь не слыхалъ жида.
Когда пришла Оксана съ старухой наконецъ,
Лежалъ онъ неподвижный и блѣдный, какъ мертвецъ,
И еслибъ не ворочалъ зрачки такъ страшно онъ,
Когда-бъ съ дыханьемъ тяжкимъ не вырывался стонъ,
То можно было думать, что взрывъ послѣднихъ силъ
На вѣки искру жизни въ болящемъ угасилъ.
Его снесли на лавку, вкругъ взоромъ онъ блуждалъ
И наконецъ чуть слышно: «Іуда!»—прошепталъ.

IX.

Исполнилъ жидъ угрозу и черезъ часъ-другой
Гремѣлъ ужь конскій топотъ предъ самою избой.
Вкругъ зазвенѣли сабли, мелькнуло много пикъ,

И, потрясая стѣны, раздался грозный крикъ.
Тутъ кто-то громче вскрикнулъ, и въ тотъ же мигъ весь
домъ
Козаки обступили съ оружіемъ кругомъ;
Въ избу вбѣжалъ урядникъ, за нимъ же на крыльцѣ
Прокрался жидъ, хоть блѣдный, но съ наглостью въ лицѣ,
И, указавъ на лавку, смиренно онъ сказалъ:
—«Вотъ, ясный панъ, онъ самый!... Теперь и захворалъ?
А какъ съ людями драться, такъ онъ совсѣмъ здоровъ?...
Какъ съ шляхтой заговоры водить въ глуши лѣсовъ
И относить ей порохъ и пули и ножи—
Такъ онъ куда какъ ловокъ... О, Боже, накажи!»—
—«Власъ Прохоровъ—ты самый? Ну, отвѣчай, болванъ!»
Вскричалъ урядникъ, Власа рванувши за кафтанъ
И угрожая старцу свирѣпою рукой,
Стегнулъ его козацкой нагайкой ременной;
Еще руки желѣзной ударъ былъ занесенъ,
Какъ вдругъ козакъ воскликнулъ: —«Ужь умираетъ онъ!»
Власъ Прохоровъ однако еще не умиралъ,
Онъ вздрогнулъ, заметался, отъ боли задрожалъ
И, въ ослабѣвшей груди собравъ остатокъ силъ:
—«За что меня вы бьете?»—спокойно онъ спросилъ.
—«Не бойся, Власъ!»—отвѣтилъ тутъ съ кротостью козакъ,—
Но въ страшномъ преступленьи ты обвиненъ, бѣднякъ,
Что будто бы ты шляхтѣ давалъ надежный кровъ
И порохъ и оружье носилъ ей въ глушь лѣсовъ,
Что ты съ ней въ заговорѣ и знаешь, гдѣ притонъ...
А это—бунтъ, и страшно казнитъ тебя законъ,—
Тебя вѣдь разстрѣляютъ... Одно спасенье тутъ:
Открой сію-жь минуту бунтовщиковъ пріютъ,
А иначе... оковы и плети... знаешь самъ...»—
—«И безъ того я скоро предстану небесамъ,
А судъ Господній будетъ для грѣшника добрѣй,
Когда умру, присяги не измѣнивъ своей.
Крестомъ священнымъ клятву панамъ я далъ моимъ,
Что никогда на свѣтѣ не измѣню я имъ,
Что буду, какъ святыню, ихъ тайну я хранить...
Ужели-жь вы хотите мнѣ душу погубить?
Нѣтъ, жизнь мою безъ страха, охотно положу...
Гдѣ скрыта шляхта—знаю, но вамъ я не скажу!»—

—«А, что, ужь самъ сознался,—сознался, бунтовщикъ?
Возмитесь-ка по-свойски,—все выскажетъ старикъ!
Пускай подъ плетью скажетъ, не захотѣвъ добромъ,
Гдѣ спрятаны у шляхты шкатулки съ серебромъ!...
Велите же скорѣе стегать нагайкой, да!...
А какъ помретъ,—Богъ милуй,—не скажетъ ужь тогда!»—
Такъ на ухо тихонько жидъ козаку шепталъ.
—«Да замолчи ты, нехристь!—тотъ грозно закричалъ.—
Теперь пытать плетями? Вѣдь умираетъ онъ!
Вѣдь онъ не жидъ-собака, а какъ и мы крещенъ!...
Къ тому же присягалъ онъ, и видно изъ лица,
Что вѣренъ клятвѣ этой онъ будетъ до конца...
Знай, вѣрующій въ Бога крещеный человѣкъ,
Святую клятву давши, ей не измѣнитъ ввѣкъ!
Не во-время, проклятый, сюда привелъ ты насъ...
Вонъ убирайся въ сѣни,—онъ кончится сейчасъ!»

X.

Тутъ страшнымъ, тяжкимъ кашлемъ закашлялся больной.
Оксана подбѣжала и трепетной рукой
Приподняла больного... Вотъ онъ затихъ чуть-чуть;
Въ прерывистомъ дыханьи хрипитъ, слабѣя, грудь
Все тише съ каждымъ разомъ, а неподвижный взоръ,
Послѣдней искрой жизни свѣтившійся въ упоръ,
Тускнѣлъ; свинцовой мглою въ немъ покрывался свѣтъ,
И лишь уста шептали: «Нѣтъ, не скажу вамъ, нѣтъ!...»
Тутъ разстегнувъ чамарку, досталъ козакъ изъ ней
Свой шейный мѣдный крестикъ отъ кіевскихъ мощей
И тихо въ руки старцу онъ братскою рукой
Вложилъ его и молвилъ: «Дай Богъ душѣ покой!
Ты честенъ былъ и смерти прекрасной заслужилъ!»
Поклонъ тутъ въ ноги старцу онъ набожно свершилъ.
А тотъ священный крестикъ сжималъ еще рукой,
Вздохнулъ и... дочь узнала, что стала сиротой.
Въ отчаяньи упала усопшему къ ногамъ,
Съ рыданьями и воплемъ, и быстро къ небесамъ
Сливаясь полетѣли за духомъ старика
Стонъ дочери несчастной съ молитвой козака.
Оксана трупъ сжимаетъ въ отчаяньи своемъ,

Кладетъ на сердце руку, но жизни нѣтъ ужъ въ немъ.
Лобъ охладѣвшій старца цѣлуя, слезы льетъ.
Козакъ молитву кончилъ: «Господь васъ да спасетъ!
Миръ вамъ! Теперь прощайте!»—сказалъ и вышелъ вонъ
И даже не заплакалъ. Привыкъ, должно-быть, онъ
Къ видамъ смертей различныхъ... Вотъ, можетъ-быть, и самъ
Сегодня же умретъ онъ, лишь только по лѣсамъ
Дорогою обратной поѣдетъ изъ села,—
Какъ разъ засвищетъ пуля и выбьетъ изъ сѣдла.
Вѣдь мы же—христіане, всѣхъ ждетъ одинъ конецъ:
Душа пойдетъ на небо, и милостивъ Творецъ...

XI.

—«Не все, вельможный пане, испорчено пока!—
Жидъ говоритъ тихонько, отведши козака.
Замѣтилъ панъ дѣвчонку? Красотка не дурна...
Ведетъ съ однимъ изъ банды интрижку тамъ она...
Ужь я навѣрно знаю, жидокъ знакомый мой
Мнѣ разсказалъ, объ этомъ провѣдавъ стороной.
А этимъ можно славно воспользоваться намъ...
Въ лѣсъ побѣжитъ, навѣрно, она сказать панамъ,—
Предупредить, что случай такой-то и такой,—
Что господа козаки пришли большой толпой
И что отца не стало... Ну, словомъ, обо всемъ...
А я въ кусты запрячусь тѣмъ временемъ тайкомъ,
И только выйдетъ—слѣдомъ и я пойду за ней,
Какъ Богъ пошлетъ дорогу, между болотъ и пней.
Меня не примѣчая, такъ будетъ все идти,
А я мелкомъ деревья отмѣчу по пути.
Межь тѣмъ паны козаки, насъ подождавши тутъ,
Пусть издали, тихонько, за нами вслѣдъ пойдутъ;
Но только, ради Бога, пусть не кричатъ они...
А путь, ужь знайте, вѣренъ, гдѣ я замѣтилъ пни.
Какъ будто бы по ниткѣ, по тѣмъ значкамъ тогда
Дойдутъ паны козаки до самаго гнѣзда;
Тогда-жь по уговору заплатите мнѣ вы,
Панъ ясный, по червонцу съ шляхетской головы!
Головъ ихъ слишкомъ двадцать—однихъ простыхъ ребятъ,
За чашника же дайте еще одинъ дукатъ...

Нѣтъ, чашника, мой пане, сказать по правдѣ вамъ,
За тридцать злотовъ развѣ,—дешевле не продамъ...
Онъ самому мнѣ дорогъ: я хлопоталъ, ходилъ,
Потратилъ сколько водки, а Власъ меня побилъ...
А сколько натерпѣлся я страха по лѣсамъ?!
Не уступлю дешевле... Господь пусть видитъ самъ!»—
— «Ахъ, жидъ проклятый, вправду, ты, видно, не дуракъ
И съ насъ возьмешь дукаты!—захохоталъ козакъ.—
Пусть такъ, отродье ада, но Боже сохрани,
Чтобъ какъ не ускользнули изъ нашихъ рукъ они!
Тогда тебя въ минуту я пристрѣлю, какъ пса!...»—
— «Согласенъ, панъ, согласенъ!... Отправимся въ лѣса...
Запрячемся въ орѣшникъ,—она сейчасъ пойдетъ...
Когда-жь не угадалъ я, пусть Богъ меня убьетъ!»

XII.

Уже осенній вечеръ надъ островомъ виситъ,
Товарищей сзывая, панъ чашникъ въ рогъ трубитъ.
Разбросаны одежды, намокшія дождемъ,
Оружье безъ зарядовъ, забыли всѣ объ немъ:
Хотя не оставляютъ ихъ пищею дневной,
Но вѣсти о козакахъ съ недѣлю никакой.
— «Да, нужно къ войску ѣхать,—сомнѣнья больше нѣтъ!—
Воскликнулъ чашникъ.—Ѣхать намъ нечего домой.
Власъ, видно, измѣнилъ намъ... Ужь вѣетъ и зимой;
Что день, въ лѣсу труднѣе,—онъ облетѣлъ ужь весь.
Скорѣй, пока измѣна насъ не сгубила здѣсь!»—
— «Скорѣй, вполнѣ согласенъ!»—панъ Курдешъ повторилъ.
— «Скорѣй!»—хорунжій Вжосекъ за нимъ проговорилъ.
— «Скорѣй!»—вскричала шляхта.
Но въ этотъ мигъ въ кустахъ
Оксана вдругъ мелькнула. Зловѣщій лучъ въ глазахъ,
Идетъ стопой неровной, въ чертахъ ея лица
Отчаянье разлито и блѣдность мертвеца.
Безъ силы повалилась вдругъ чашнику къ ногамъ:
— «Паны, скорѣй скрывайтесь! Грозитъ погибель вамъ!
У насъ козаки были, они идутъ на васъ.
Отца ужь нѣтъ на свѣтѣ,—не болѣе какъ съ часъ
Скончался... Кто-жь схоронитъ несчастнаго отца?
Паны, скорѣй бѣгите!... О, горе безъ конца!»

XIII.

Едва сказала это, какъ по лѣсу вокругъ
Копыта загремѣли, раздались крики вдругъ,
Блеснули пики,—мигомъ, какъ громъ, отрядъ напалъ.
— «Я говорилъ—измѣна!—Капота закричалъ.—
Измѣна!—говорилъ я. Добра въ холопахъ нѣтъ!
Эй, гдѣ-жь пороховница? Эй, гдѣ-жь мой пистолетъ?»
Тутъ засвистали пули, загрохоталъ ихъ градъ.
Оружье шляхта ищетъ, бросаясь не впопадъ,
Но не набиты ружья, въ смятенье каждый впалъ.
Подъ пулею козацкой хоружій трупомъ палъ.
Свое ружье коморникъ набилъ, хотѣлъ стрѣльнуть,
Прицѣлился, но пика ему вонзилась въ грудь
Такъ сильно, что сломалось и древко пополамъ...
И застоналъ онъ, очи возведши къ небесамъ.
Тутъ Янъ Очеретовскій, неустрашимо смѣлъ,
Черезъ кустарникъ въ помощь бѣжать къ нему хотѣлъ,
Всей силой продирался, пока же прибѣжалъ,
Удара два—и трупомъ уже коморникъ палъ.
А въ эту же минуту, обвившись вкругъ змѣей,
Арканъ внезапно свиснулъ надъ юной головой,
И прежде, чѣмъ опасность Янъ смѣлый увидалъ,
Ужь былъ онъ крѣпко связанъ и на травѣ лежалъ.
Стоналъ отъ боли рядомъ, вдали отъ всѣхъ, одинъ,
Подъ конскими ногами измятый Валентинъ,
Другіе всѣ въ разбродѣ; вонъ въ дерево плечомъ
Упершійся Бѣлина нацѣлился ружьемъ;
Ужь двухъ козаковъ пулей онъ мѣткою свалилъ,
Но въ рукопашной схваткѣ ружье вдругъ уронилъ
И сломанною саблей, могучій какъ Сампсонъ,
Трехъ козаковъ плечистыхъ отважно рубитъ онъ,
На каждый изъ ударовъ отвѣтивши своимъ,
И, видно, упадетъ онъ, но не поддастся имъ.
Не отгадать козакамъ, кто вдругъ имъ помѣшалъ:
За чашниковъ въ резервѣ панъ Бальтазаръ стоялъ,
Въ орѣшникѣ скрываясь, и изъ вѣтвей кустовъ
Онъ изъ двустволки выстрѣлъ ужь сдѣлать былъ готовъ.
Ружье свое удобно уставивъ межъ вѣтвей,
Онъ цѣлился, куда бы могъ выстрѣлить вѣрнѣй,
И вдругъ навелъ не вправо, но влѣво выстрѣлъ свой,

Гдѣ бѣдная Оксана стояла подъ сосной.
Несчастная такъ сильно была поражена,
Что словно безъ сознанья глядѣла вкругъ она.
Не блѣдность, не румянецъ въ чертахъ ея лица,
Но тонъ зловѣщій, желтый, точь-вточь у мертвеца...
Когда-жъ, схвативши Яна, враги связали тамъ,
Лишь горькая усмѣшка скользнула по устамъ
У ней, но ни слезинки, не дрогнули черты...
Тутъ злобно панъ Канота ей вскрикнулъ:—«Это ты,
Ты привела козаковъ, проклятая змѣя!
Любуйся пане, Яне, избранница твоя
Исполнила задачу коварную свою!
Пусть я умру, но прежде измѣнницу убью...»
Сказалъ, спустилъ курки онъ и вразъ изъ двухъ стволовъ
Два выстрѣла мгновенно сверкнули изъ кустовъ,
И трупъ Оксаны павшей кровь мигомъ облила,
Изъ сердца брызнувъ струйкой и съ юнаго чела...
Но ничего не видѣлъ въ дыму пороховомъ
Панъ Бальтазаръ, укрывшись въ убѣжищѣ своемъ;
Когда же дымъ разсѣялся и трупъ онъ увидалъ:
— «Теперь отомщены мы!»—онъ чашнику вскричалъ,
Но не успѣлъ окончить, какъ мигомъ былъ пронзенъ
Козацкой пикой въ сердце и, замѣтавшись, онъ
Палъ на земь, испуская свирѣпый дикій крикъ
И, обливаясь кровью, скончался въ тотъ же мигъ.

Бой утихаетъ съ каждой минутою слабѣй,
И видя то убитыхъ, то связанныхъ вождей,
Упала духомъ шляхта, угаснула душой;
Кой-гдѣ раздастся выстрѣлъ по временамъ глухой,
Иль кто-нибудь застонетъ, и, оглашая лѣсъ,
Тѣ звуки вторитъ эхо, или болотный бѣсъ.
Вѣсь лѣсъ какъ будто стонетъ въ пустынной наготѣ,
Козацкое *ура* же сильнѣй, чѣмъ стоны тѣ.
По знаку есаула отрядъ донцовъ запѣлъ.
Рой вороновъ, закаркавъ, отвсюду налетѣлъ,
Какъ туча, надъ добычей любимою своей.

А топотъ лошадиный все тише и слабѣй,
Все глуше звуки пѣсни, смолкаетъ стонъ въ тиши,
Да старый дубъ листами послѣдними шумитъ,
Какъ будто бы молитву за души ихъ творитъ.

Спасибо, дубъ старинный! Молись, молись за нихъ!
Ксендзъ не придетъ въ пустыню святить могилы ихъ
И лишь псаломъ, быть-можетъ, споетъ небесный клиръ:
«*Во Бозѣ опочившимъ спасеніе и миръ!*»

ЭПИЛОГЪ.

Такъ Чортовъ островъ кровью шляхетской заалѣлъ.
Подпалъ неволѣ тяжкой, кто въ битвѣ уцѣлѣлъ.
А тѣхъ, чью грудь такъ пылко мечты и чувства жгли,
Однихъ зарыли въ землю, другихъ же въ плѣнъ свезли.
Но казни избѣжали всѣ, кто остался живъ,—
Всѣхъ царь велѣлъ простить, ихъ былое позабывъ.
Надъ прахомъ же почившихъ сѣнь дружную простеръ
Дубовъ и темныхъ сосенъ нависнувшій шатеръ.
Холопскій пепелъ съ панскимъ смѣшался за одно,
Румяная калина имъ вскормлена давно;
Тамъ на однѣхъ могилахъ мохъ сизый и цвѣты,
А на другихъ—крапивы угрюмые кусты.
Надъ островомъ же цѣлымъ, гдѣ дремлетъ темный боръ,
Старинное преданье витаетъ до сихъ поръ,
Чтобъ молодежи было о чемъ поговорить
На долгой вечеринкѣ, когда бесѣды нить
Ведется за работой, а дѣвушки не разъ
Поплачутъ объ Оксанѣ, и сонъ бѣжитъ отъ глазъ,
Ровнѣе будетъ пряжа, длиннѣе нитка въ ней,
И долгій зимній вечеръ проносится скорѣй.

Л. Пальминъ.

Царскій кабакъ Московскаго государства.

„... излишне доказывать ужасный вредъ, нанесенный народной жизни безграничнымъ увеличеніемъ кабаковъ. ... *Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ* болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ пропили всѣ принадлежности своего хозяйства".

(Москов. Вѣдомости 1883 г., № 98.)

Должно-быть мы еще разъ наканунѣ приготовленій къ величайшимъ реформамъ нашего времени, къ реформамъ... кабака. Не даромъ же столпъ всяческихъ основъ и краса нашей печати вдругъ снова поднялъ вопросъ о реформахъ этого учрежденія. Въ трехъ апрѣльскихъ нумерахъ подрядъ газета возилась съ кабакомъ, трактуя о его значеніи и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, и въ сельскомъ крестьянскомъ быту, притомъ какъ съ точки зрѣнія экономической, такъ и нравственной. Она забила въ набатъ и въ своихъ передовыхъ статьяхъ, и въ корреспонденціяхъ, и въ статьяхъ съ заглавіемъ; она снова требуетъ «реформы кабака» и устами самой маститой редакціи, и устами служителя алтаря, ведущаго съ народомъ религіозныя бесѣды, протоіерея Д. Богоявленскаго: «Отъ народа о кабакахъ»,—и, наконецъ, устами «бывшаго откупныхъ дѣлъ мастера» В. А. Кокорева. Весь этотъ походъ открылся въ газетѣ замѣткой—«Проектируемыя мѣры противъ пьянства». Изъ послѣдней замѣтки видно, что правительственная коммиссія, состоящая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и имѣющая цѣлью «всестороннюю разработку мѣръ по взысканіямъ за такія нарушенія питейнаго устава, которыя не сопряжены съ интересами казны», кончила свои занятія, выработавъ проектъ наказаній за указанные проступки противъ питейнаго устава.

Очевидно, что эта коммиссія, подобно другимъ, смѣнила собою по отношенію къ вопросамъ кабацкой реформы, вѣроятно,

всѣмъ еще памятныхъ «свѣдущихъ людей», въ дѣятельности которыхъ сначала извѣстную роль, а потомъ и исключительную, игралъ кабацкій вопросъ. Свѣдущимъ людямъ была поставлена нелегкая задача возведенія кабака въ такое учрежденіе, которое въ одно и то же время служило бы по возможности обильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ и чуть ли не источникомъ народной нравственности. Съ этой точки зрѣнія обсуждался кабацкій вопросъ и въ извѣстной части нашей печати; нѣкоторые органы ея пошли такъ далеко въ этомъ направленіи, что въ реформѣ кабака видѣли все и вся; заботы о ней они ставили на первый планъ въ ходѣ всей внутренней жизни государства: преобразуйте кабакъ и вы спасете отъ всѣхъ золъ и народъ, и государство. Ничего другаго не нужно: преобразованъ кабакъ,—преобразуется весь строй народной и государственной жизни... И закипѣла работа перьевъ охраняющихъ публицистовъ и мозговъ свѣдущихъ людей, изъ коихъ нѣкоторые стояли еще ближе «къ питейному дѣлу», чѣмъ теперь выступившій публицистъ г. Кокоревъ, «не имѣющій къ нему,—по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*,—никакого прикосновенія». Много было наговорено и много было написано по этому поводу. Но какъ неожиданно вопросъ всплылъ и поставленъ былъ *на такую* точку зрѣнія, такъ неожиданно, если не еще неожиданнѣе, онъ исчезъ... вмѣстѣ съ печальной памяти «свѣдущими людьми». Прошло полтора года. Министерская коммиссія «тихо и благородно» разрѣшила многосложный вопросъ, низведя его въ предѣлы очень нешироків. Все дѣло ограничилось, какъ видно изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, тѣмъ, что коммиссія проектировала мѣры къ обезпеченію извѣстнаго уровня нравственности въ лицѣ кабацкихъ сидѣльцевъ и ихъ хозяевъ—Колупаевыхъ съ Разуваевыми; ради этой цѣли имѣется въ виду не ограничиваться одними «одобрительными свидѣтельствами», но и требовать—какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ—залоговъ; устанавливается скала наказаній сидѣльцевъ и хозяевъ за нарушеніе постановленій питейнаго устава; далѣе—предполагается привлечь къ надзору за кабацкими дѣятелями, «независимо отъ акцизныхъ чиновниковъ и полиціи..., также лицъ по общественному выбору»,—гласныхъ въ городахъ, или особо выбранныхъ для этого лицъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, имѣется въ виду «предоставить мѣстнымъ жителямъ городовъ и селеній изыскивать *наиболѣе дѣйствительныя* мѣры къ уменьшенію пьян-

ства», которыя впрочемъ заранѣе заботливо сводятся къ двумъ «мѣрамъ»: учрежденію «обществъ» (вѣроятно, трезвости) и составленію приговоровъ о желаніи вовсе закрывать питейныя заведенія,—разумѣется, съ одобренія и разрѣшенія «начальства»*).

Вѣроятно, проектъ этотъ, пройдя надлежащія инстанціи, превратится въ законъ и кабацкій вопросъ разрѣшится если не «на вѣки нерушимо», то впредь.... до образованія новой комиссіи, если старая будетъ упразднена.

Значитъ, какъ и слѣдовало ожидать, все кончилось вполнѣ благополучно и всякіе охранители должны бы, казалось, отнынѣ мирно сидѣть «подъ смоковницами своими». Но это только казалось бы,—на то они и охранители. Вѣроятно, инстинктивно, нюхомъ чуя, что не все еще *прочно* установилось, что не сегодня-завтра опять могутъ на поверхность общественной жизни всплыть всякіе проклятые вопросы переустройства ея, этой жизни,—вопросы, такъ ненавистные охранителямъ, любящимъ миръ и тишину... гніенія,—они, эти охранители, уцѣпившись за проектъ комиссіи, снова поднимаютъ вопли о гибели отечества, благодаря кабаку, «подъ повсемѣстнымъ, непрестаннымъ, растлѣвающимъ дѣйствіемъ котораго не могли не расшататься и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянина». Кабакъ—корень всѣхъ золъ; онъ помѣшалъ «три главные устоя» экономической жизни нашего злополучнаго отечества: «народный кредитъ, сельское хозяйство и денежный курсъ». Смущаетесь?... Напрасно,—дѣло простое: «*исправленіе курсовъ* достигается только посредствомъ благоустройства сельскаго хозяйства»; а послѣднее «немыслимо безъ согласованія винокуренія съ интересами земли и безъ уничтоженія кабака»; съ послѣднимъ фактомъ—въ тѣсной связи и польза для крестьянскихъ «кредитовъ».

Трудно яснѣе поставить вопросъ: кабакъ—вотъ фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ нити общественно-государственной жизни; реформируй, замѣни «лавочкой» или «казенной винной лавкой»—и все, моргнуть не успѣешь, измѣнится и переродится:

*) Представители медицинскаго департамента предлагали, между прочимъ, запретить кабаки вблизи центровъ скопленія рабочаго люда и ограничить торговлю спиртными напитками въ мѣстахъ общественныхъ народныхъ гуляній". Но комиссія не приняла ни того, ни другого, ибо это повело бы „къ *существеннымъ измѣненіямъ* въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ: устройство распивочныхъ заведеній близъ фабрикъ не воспрещается"!! Убѣдительно, потому что ясно.

«семейный и общественный бытъ крестьянъ» окрѣпнетъ и очистится, «народный кредитъ» создастъ изъ ничего все; «рельское хозяйство» (помѣщиковъ) зацвѣтетъ аки кринъ; а желтенькая бумажка будетъ стоить ... даже больше рубля! И не нужны будутъ никакія ненавистныя реформы, всѣ эти «либеральныя» учрежденія, порядки: «казенныя винныя лавки» и «мелкія винокурни»—дадутъ отечеству искомое благополучіе.

Торопитесь же созданіемъ того и другого и тѣмъ удовлетворите «общее желаніе всей Руси» узрѣть, наконецъ, «картину, на которой видны обновленныя усадьбы, сооруженія мелкихъ *винокуренъ*, стада коровъ, пьющихъ *винокуренную* барду, поля съ массой удобренія, дѣтей съ горшкомъ молока и съ кускомъ хлѣба безъ примѣси шелухи и мякины, мясное варево на крестьянскомъ столѣ..., *у всѣхъ* веселыя лица, кромѣ огорченныхъ кабачниковъ»! А веселѣе всѣхъ, разумѣется, у хозяевъ «винокурень» и хозяевъ «лавокъ».... Вотъ какова могучая сила реформы кабака! Какіе порядки, включая и «правовой», гдѣ-нибудь и когда-нибудь дали что-либо подобное *)?

Впрочемъ, сердобольныхъ охранителей можно заподозрить, по ихъ писанью о кабацкой реформѣ, и въ стремленіи къ реформѣ,—вѣроятно, въ видѣ добавочной къ кабацкой, хотя нѣсколько иного свойства,—въ стремленіи слишкомъ ужъ прозрачно выглядывающемъ изъ-подъ сентиментальнаго соуса писаній о дѣлахъ кабацкихъ.

«Въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*»,—вопіетъ лишившійся, «вслѣдствіе превратностей фортуны», своихъ откупщицкихъ «стяжаній» **) г. Коковревъ,—разорились два милліона крестьянъ. «Удивляются,—восклицаетъ редакція, пріютившая на страницахъ своей газеты проектъ обновленія Руси обездоленнаго фортуной откупщика,—что снятіе крѣпостного ига не повело къ ожиданному улучшенію быта крестьянъ; но какое улучшеніе возможно, когда все доброе, что было въ освобожденіи, парализовано наложеннымъ на народъ болѣе тяжкимъ и общимъ, чѣмъ крѣпостное, губительнымъ кабацкимъ игомъ?» Велика, мы видѣли, сила кабака преобразованнаго, велика она и въ кабакѣ настоящемъ; зло, причиняемое имъ, даже и не вѣроподобно можно сказать,—зло, причиняемое въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*. Что же такое произошло приблизительно двадцать лѣтъ

*) Статья г. Коковрева: „Нужды и потребности". *Моск. Вѣд. 1883 г., № 98.*
**) Тамъ же, передовая статья.

назадъ?—Освобожденіе крестьянъ и уничтоженіе откуповъ. Благодаря-жь какому изъ этихъ двухъ событій два милліона спились? Сказать, что благодаря отмѣнѣ откуповъ,—такъ нѣтъ: въ статьѣ г. Кокорева мы встрѣчаемъ такія авторитетныя слова: «неоспоримая польза акцизной системы состоитъ въ томъ, что она освободила *продажу вина отъ монополіи откупа*». Ужь не въ отмѣнѣ ли менѣе тяжкаго, чѣмъ кабацкое, «крѣпостного ига»?... Но это ужь слишкомъ.

Бывшій откупщикъ предлагаетъ ввести полную свободу торговли спиртными напитками въ лавкахъ наравнѣ со всякими товарами и тѣмъ двинуть дѣло дальше по тому пути, на который оно поставлено отмѣной откуповъ и введеніемъ акцизной системы. Маститая же редакція снова приглашаетъ отечество вернуться хоть въ кабацкомъ дѣлѣ «домой»—къ «казенной питейной монополіи», къ системѣ «казенныхъ лавокъ съ ведерной и раздробительною продажей питей, расположенныхъ на значительномъ одна отъ другой разстояніи» и завѣдуемыхъ людьми выбранными и рекомендованными «при участіи лучшихъ земскихъ силъ».

Что-жь, насъ давно уже зовутъ «домой» изъ бѣговъ, да мы и ѣдемъ туда, если еще не пріѣхали, такъ-сказать, во многихъ отношеніяхъ,—отчего-жь не вернуться туда же и съ нашимъ кабакомъ и не построить его на старый ладъ,—патріархальный ладъ,—если этотъ ладъ обезпечивалъ когда-нибудь «и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянства». А когда мы жили «дома», ни мало не зараженные чумнымъ сосѣдомъ съ Запада; когда мы всецѣло были «самобытны», насколько это было возможно, пройдя «баню бытія» татарскаго; когда, слѣдовательно, все и вся творили мы, въ лицѣ нашихъ предковъ, изъ себя самихъ и ради насъ самихъ; когда, притомъ, всѣ мы были едины тѣломъ и духомъ; когда власть была едина и сильна; когда между нею и народомъ никакихъ средостѣній не было: тогда «казенная питейная монополія» царила въ лицѣ «кабака его великаго государя и царя московскаго». А обокъ съ казенною монополіей имѣло мѣсто, какъ увидимъ, нѣчто въ родѣ кокоревскихъ мелкихъ винокурень. А разъ и то и другое изъ основныхъ началъ предлагаемой системы уже существовало и притомъ въ тѣ времена древляго благочестія и исконнаго русскаго велелѣпія, къ которымъ такъ настойчиво стремятся возвратить наше безбожное и растлѣнное время,—было бы,

думается намъ, грѣхомъ не ознакомиться съ кабацкимъ дѣломъ этого времени. Вѣдь если такъ полезно обращаться къ исторіи прошлаго, въ видахъ возвращенія въ нѣдра онаго, по всяческимъ другимъ вопросамъ, то почему-жь не заглянуть въ него и по данному, имѣющему надъ всѣми остальными вопросами нашей внутренней жизни, по увѣренію «охранителей», такое доминирующее значеніе?

Это полезно и необходимо тѣмъ болѣе, что и тогда, два слишкомъ столѣтія назадъ, какъ теперь, заботились, и никакъ не менѣе энергично, и о томъ, чтобы «кабакъ царскій» или «продажное питье» доставляли возможно большій доходъ государству и наносили возможно меньше зла населенію вообще, волостному же сельскому въ частности.

I.

„Учинить заказъ всякимъ людемъ накрѣпко, чтобъ опричь *государевыхъ кабаковъ* на посадахъ и въ уѣздахъ... продажнаго питья ни у кого не было".

(Изъ наказа воеводамъ 1649 года.)

„... Къ царскаго кабака денежному сбору въ вѣрные головы и въ цѣловальники выбрать людей добрыхъ и пожиточныхъ".

(Оттуда же.)

Рано на Руси «питіе», этотъ источникъ ея «веселія», обратилось и въ источникъ казенныхъ доходовъ—сначала въ формѣ особаго сбора съ «питей» и продуктовъ, изъ которыхъ приготовлялись эти послѣднія, а потомъ въ формѣ того, что теперь называютъ «казенной питейной монополіей», а тогда называли «царскимъ кабакомъ», или, нѣсколько позже, «кружечнымъ дворомъ».

Мы займемся лишь послѣднею формой и познакомимъ читателя съ царскимъ кабакомъ и кружечнымъ дворомъ за время ихъ процвѣтанія въ періодъ Московскаго государства отъ второй половины XVI столѣтія, когда кабаки только-что появляются на Руси въ видѣ казеннаго государственнаго учрежденія, и до конца XVII столѣтія.

Питейная монополія государства, какъ и всякіе другіе доходы его, устанавливалась и развивалась вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственныхъ потребностей съ одной стороны и распространеніемъ «питья» съ другой. «Царскій кабакъ», какъ государственное учрежденіе въ смыслѣ финансоваго источника, по-

является вмѣстѣ съ возникновеніемъ Московскаго государства и развивается и усложняется вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ послѣдняго. Не нужно указывать на то, что если еще Владиміръ—«Красное Солнышко»—утверждалъ, что «Руси есть веселіе пити», то его потомки, цари московскіе, съ гораздо большимъ основаніемъ могли утверждать относительно своихъ «христіанъ православныхъ», что и имъ, хотя быть-можетъ не всегда, «веселіе» пити, но «зѣло за обычай» пити и пити много. А если и веселый князь Красное Солнышко извлекалъ изъ питія не одно веселье, но и кое-какіе доходы, то мрачные цари московскіе искали въ немъ «великіе и богатые прибыли», забравъ постепенно въ свои руки «питіе» во всѣхъ отношеніяхъ — и производство его, и продажу. Самый мрачный и благочестивый изъ нихъ — Иванъ Грозный — начинаетъ ставить по городамъ «корчемные дворы», которыми завѣдывали приказные царскіе люди. Кажется, послѣ покоренія Казани на Руси появляется первый «*кабакъ*» *), построенный въ Москвѣ, на Балчугѣ, исключительно для опричниковъ. Отсюда съ московской грязи (Балчугъ—по-татарски — грязь) кабакъ очень быстро распространяется, подъ именемъ «*царскаго* кабака», по всѣмъ селамъ и градамъ Московскаго государства, замѣнивъ собою корчмы **).

Всякое хмѣльное питье можно получать лишь въ царскомъ кабакѣ, т. е. въ государственномъ, такъ какъ производство этого питья и торговля имъ—исключительное право царя московскаго, какъ главы государства.

Завѣдываніе царскимъ кабакомъ по городамъ и уѣздамъ поручалось *царскимъ намѣстникамъ*, а потомъ—смѣнившимъ ихъ *царскимъ воеводамъ*. «Держати *намѣстнику кабакъ*, а на кабакѣ медъ, вино и пиво», говорится въ царскихъ грамотахъ послѣдней четверти XVI вѣка, данныхъ на имя намѣстниковъ царскихъ въ сѣверныхъ городахъ. Съ подробностями организаціи царскаго кабака въ широкомъ смыслѣ слова мы знакомимся по памятникамъ, дошедшимъ до насъ отъ XVII столѣтія, времени воеводскаго управленія городами и уѣздами Московскаго государства. Почти въ каждомъ «наказѣ», который получалъ воевода въ Москвѣ изъ царскаго Приказа, отъѣзжая на мѣсто своего назначенія, мы встрѣчаемся съ цѣлыми страницами, трактующими о томъ, какъ радѣть ему, воеводѣ, о «прибыли его

*) Татарское слово, означающее постоялый дворъ.

**) *Прыжовъ*: „Исторія кабаковъ въ Россіи", стр. 49 и 50.

великаго государя и царя», т. е. о государственныхъ доходахъ, причитающихся съ отданной въ завѣдываніе воеводы области. Вотъ на этихъ страницахъ и можно найти почти все, что касается «казенной питейной монополіи», или, говоря языкомъ того времени, царскаго кабака. Великая заботливость московскаго правительства выражалась въ отношеніи кабака на этихъ страницахъ воеводскаго наказа. Оно и понятно: «прибыли» съ царскаго кабака составляли чуть ли не важнѣйшую статью, важнѣйшій источникъ прибылей государства Московскаго вообще. Объ этомъ можно безошибочно заключить уже изъ одной указанной нами заботливости о правильномъ, бездоимочномъ и своевременномъ полученіи этихъ прибылей. На это указываетъ и масса статистическаго матеріала, въ видѣ всякаго рода книгъ и выписокъ изъ нихъ кабацкихъ сборовъ и всякихъ вообще государственныхъ доходовъ, дошедшаго до насъ отъ второй половины XVI и всего XVII столѣтія и хранящагося въ архивахъ *). Благодаря именно этому послѣднему обстоятельству, московское правительство и выработало ту организацію царскаго кабака, которая была, повторяемъ, не чѣмъ инымъ какъ именно «казенною питейною монополіей»; къ коей такъ вожделѣетъ глава литературныхъ охранителей и съ которой мы сейчасъ познакомимся.

Воевода царскій, представлявшій собою во ввѣренной ему области власть царя московскаго, вѣдать посадскіе и волостные кабаки непосредственно не могъ, а приказнымъ служилымъ людямъ, говоря нашимъ языкомъ — своимъ чиновникамъ, находившимся въ подчиненіи воеводы, московское правительство скоро перестало вѣрить. Оно обратилось и въ управленіи кабака къ излюбленному имъ началу,—началу, выработанному вѣковою общинно-мірскою жизнію русскаго народа: оно, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ мѣстнаго, областного управленія, обратилось къ

*) Въ XIII томѣ „Исторіи Россіи“ *Соловьева* приведена, въ видѣ иллюстраціи той же мысли, небольшая выпись изъ книгъ таможеннаго и кабацкаго и всякаго рода сборовъ города Устюга Великаго за 1670 годъ. Изъ этой выписи видно, что изъ всей суммы сборовъ съ этого города — около 10.000 руб. — кабацкіе составляютъ почти *половину*, а большую половину—таможенные сборы, кои не взимались въ Московскомъ государствѣ развѣ только съ воды да воздуха. А Устюгъ, по выраженію историка, „средній по богатству городъ“!

Въ 1620 году Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ объявили торговымъ людямъ, что „по грѣхамъ въ Московскомъ государствѣ во всемъ скудость... Кромѣ таможенныхъ пошлинъ *и кабацкихъ денегъ* государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“. *Прыжовъ*, стр. 127.

началу выборному. Оно заставило посадско-городскія и уѣздно-волостныя общины поставлять «къ его великаго государя кабацкому сбору» служилыхъ людей изъ собственной среды по выбору. Эти избранники общества, составляя цѣлую лѣстницу іерархическую, завѣдывали не только сборами, а и всѣмъ «питейнымъ дѣломъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ, вѣдая производство хмѣльныхъ питей, продажу ихъ въ кабакахъ, постройку этихъ послѣднихъ, какъ и самыхъ винокурень, медоварень и нивоварень, и, наконецъ, преслѣдованіе корчемства, т. е. тайной продажи «питья» помимо царскаго кабака. Эта іерархія выборныхъ служилыхъ людей царскаго кабака состояла изъ такъ называемаго «кабацкаго *) головы съ товарищи» и подчиненныхъ ему «цѣловальниковъ». Головы стояли въ извѣстныхъ подчиненныхъ отношеніяхъ—не всегда, впрочемъ, и не вездѣ—къ мѣстному воеводѣ или такъ-называемому «губному старостѣ», если этотъ послѣдній замѣнялъ собою перваго **).

Таможенный и кабацкій голова даннаго города выбирался обыкновенно изъ среды посадскаго населенія другого города; въ особенно важные по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ города, вродѣ, наприм., Архангельскаго городка съ Холмогорами, кабацкихъ головъ поставляло торгово-промышленное населеніе самой Москвы. Несомнѣнно, такой порядокъ выработался только впослѣдствіи, а сначала каждый посадъ поставлялъ голову къ царскому кабаку изъ собственной среды; къ нему правительство обратилось, очевидно, ради вѣрнѣйшаго обезпеченія «государевыхъ прибылей».

Въ 1646 году въ наказѣ мезенскому воеводѣ уже въ видѣ общаго правила приказывается «къ таможенному и къ *кабацкому сбору* головъ выбирать *изъ иныхъ городовъ*»; а изъ товарищей и цѣловальниковъ вездѣ выбирало изъ своей среды посадское или волостное населеніе той мѣстности, въ которой находился кабакъ: «велѣно быти *въ Чердыни* у нашего кабацкаго сбору головѣ *Усольцу* (т. е. жителю Соли Камскія), а съ нимъ *цѣловальникамъ Чердынцамъ* выборнымъ людемъ», говорится въ царской грамотѣ 1637 года; а изъ такой же грамоты 1635 го-

*) Кабацкіе головы были всегда вмѣстѣ и *таможенными*; то же надо замѣтить и относительно цѣловальниковъ. Мы вездѣ будемъ называть, для краткости, и тѣхъ и другихъ кабацкими.

**) *Губной староста*—выборный человѣкъ, которому поручались уголовныя дѣла извѣстной категоріи и который иногда заступалъ мѣсто воеводы.

да видно, что у *Соли* Камскія «кабацкаго сбору въ головахъ» былъ чердынецъ, котораго въ этомъ году смѣнилъ присланный изъ Перми выборный голова.

Обыкновенно воеводѣ, въ томъ общемъ наказѣ, который онъ получалъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, или въ спеціальномъ, изданномъ ad hoc, предписывалось выбирать «къ таможенному и кабацкому сбору *головъ изъ посадскихъ лучшихъ людей*, а *цѣловальниковъ* къ тѣмъ головамъ—изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей». Выборы головъ производились всѣми посадскими людьми и ихъ старостами, а цѣловальниковъ—и посадскими, и уѣздными вмѣстѣ, и ихъ старостами и земскими судейками, гдѣ таковые еще существовали. Въ такъ-называемыхъ дворцовыхъ селахъ, принадлежавшихъ лично царю и выдѣленныхъ относительно управленія изъ уѣзда въ особую административную единицу, и головы и цѣловальники избирались исключительно крестьянами и изъ собственной среды: такъ въ грамотѣ 1659 года на имя *прикащика*, вѣдавшаго дворцовое село Дуймово въ Суздальскомъ уѣздѣ, предписывается «къ таможенному и кружечнаго двора сбору выбрать въ вѣрные головы и цѣловальники *изъ крестьянъ*». Какъ производились самые выборы, насколько вмѣшивался въ нихъ воевода, губной староста или какой-нибудь городовой прикащикъ, въ случаѣ если послѣдніе замѣняли въ данной области перваго, мы не знаемъ; да процедура подобныхъ выборовъ никогда и не опредѣлялась закономъ или правительственнымъ распоряженіемъ,—въ этихъ распоряженіяхъ предписывалось лишь избирать къ кабацкому дѣлу «людей добрыхъ и *прожиточныхъ*», т. е. по возможности наиболѣе экономически состоятельныхъ,—такихъ, «которые бы *были вѣрны*, которымъ бы въ государевомъ кабацкомъ сборѣ *мочно* было *вѣрить*, а не воровъ и не бражниковъ»,—и притомъ стараться выбрать такихъ, которымъ бы это государево дѣло «было за обычай», то-есть людей болѣе или менѣе опытныхъ. Когда выборы произведены, воевода долженъ потребовать отъ посадскихъ и уѣздныхъ людей выборныя записи на имя каждаго избраннаго: «а какъ голову посадскіе и уѣздные люди цѣловальниковъ выберутъ,—говорится въ одномъ изъ царскихъ наказовъ воеводѣ 1646 года,—и ты-бъ на тѣхъ людей у посадскихъ... взялъ *выборы крѣпкіе*, мірскихъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ *за руками* (то-есть за подписями); а въ выборѣхъ (записяхъ) велѣлъ писаться посадскимъ и уѣзднымъ лутчимъ людемъ». Такимъ способомъ правительство московское га-

гарантировало *вѣрность* головъ и цѣловальниковъ, ихъ благонадежность; а «будетъ выберутъ,—прибавлялось въ наказахъ,—воровъ и худыхъ людей, и въ государевой казнѣ ихъ сбору учинитца недоборъ и тотъ недоборъ велимъ доправить вдвое на нихъ на посадскихъ и на уѣздныхъ людехъ, да имъ же отъ насъ (государя) быти въ великой опалѣ». Получивъ «выборы за руками», воевода долженъ былъ «тѣхъ голову и цѣловальниковъ велѣть въ церквѣ попу по *Чиновной книгѣ* привести къ *крестному цѣлованью* (отсюда—цѣловальникъ), *къ вѣрѣ* (отсюда—*вѣрный* голова) на томъ, что имъ сбирати на насъ (великаго государя) кабацкую прибыль съ великимъ радѣньемъ, *въ правду*». И головы и цѣловальники кабацкіе выбирались «погодно», то-есть стало-быть на одинъ годъ, что имѣло цѣлью съ одной стороны не дать слишкомъ нажиться людямъ недобросовѣстнымъ, а съ другой,—что, какъ увидимъ, имѣло мѣсто гораздо рѣже,—не разорить долгою службой дѣйствительно «вѣрныхъ» чиновъ и цѣловальниковъ, несшихъ государеву службу дѣйствительно «въ правду». Дѣло въ томъ, что всѣ эти выборные люди несли свою службу безвозмездно; для чего, между прочимъ, такъ и настаивала Москва, чтобы выбирались къ кабацкому сбору «животами прожиточные» люди.

При вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей новые головы и цѣловальники принимали отъ старыхъ весь кабацкій инвентарь—«питье и всякіе запасы», зданія, чаны, кубы, кади и т. п. по росписи и по оцѣнкѣ посадскихъ незазорныхъ людей, произведенной «въ правду, по крестному цѣлованью, что чего стоитъ»; при этомъ за оставшіеся отъ предшествовавшаго года «запасы кабацкіе, за вино, и за пиво, и за медъ пѣсной и за кислой, и за хмѣль, и за солодъ»—новые головы и цѣловальники должны уплатить старымъ по указанной оцѣнкѣ «изъ своего сбору, изъ перваго мѣсяца».

Всѣмъ доходамъ (съ продажи питей) и расходамъ (по винокуренію и вообще по содержанію кабака) головы и цѣловальники должны были вести особыя книги—«имянно, порознь (то-есть по статьямъ), помѣсячно». Вотъ для веденія этихъ-то книгъ головы и цѣловальники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безграмотные, и должны были имѣть при кабакахъ особый штатъ людей—«дьячковъ и подъячихъ», которые тоже должны были быть выборными: въ одной царской грамотѣ конца XVII вѣка на имя витскихъ посадскихъ людей—«*дьячкомъ* велѣно и впредь вы-

бирать *изъ мірскихъ людей*, по очередѣ добрыхъ»; въ другой грамотѣ того же времени на имя вятскаго воеводы велѣно на Вяткѣ и во всѣхъ пяти городахъ и въ волостяхъ... у кружечныхъ дворовъ у денежныхъ сборовъ... быть *подъячимъ* по мірскимъ выборамъ, а безъ мірскихъ выборовъ въ подъячихъ никому быть не велѣно»; и на этихъ излюбленныхъ людей выборы подавались воеводѣ тоже «за руками».

Въ какихъ же отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ выборнымъ людямъ царскаго кабака стоялъ мѣстный представитель московскаго, центральнаго правительства? Вотъ чѣмъ отвѣчаютъ намъ на этотъ вопросъ воеводскіе наказы: «и во всемъ надъ головою и цѣловальники и надъ дьячки *смотрѣлъ бы еси* (ты, воевода) *накрѣпко*, чтобъ они ни въ чемъ не воровали..., кабацкими деньгами не корыстовались и хитрости ни которые не чинили..., но всемъ бы государю искали прибыли»; другими словами, воеводѣ поручался за кабацкими дѣятелями надзоръ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Ему, воеводѣ, головы и цѣловальники обязаны были отчетностью не только по документамъ, но и реальною: сборныя кабацкія деньги и тѣмъ деньгамъ «книги» кабацкія служилые люди должны были «приносить воеводѣ въ съѣзжую избу, за ихъ руками, *по четверти* года»; здѣсь, въ съѣзжей избѣ, передъ воеводой учитывались головы и цѣловальники; воевода смотрѣлъ, «чтобъ въ расходъ лишняго не приписывали, а покупали-бъ кабацкіе запасы прямою цѣною, а въ винныхъ бы и въ пивныхъ варяхъ хитрости ихъ не было». Иногда всѣ кабацкіе сборы предписывалось приносить въ съѣзжую же избу. Воеводѣ получалъ даже право, замѣтивъ, что головы и цѣловальники государевой казной корыстуются, «чинить имъ наказанье, сыскавъ про то допряма», а наказавъ, онъ могъ ихъ и «отставить»; одинъ наказъ первой половины XVII столѣтія уполномочиваетъ даже воеводу вообще, если онъ замѣтитъ, что «люди худы и къ сбору не годятся», прогнать ихъ, предварительно «сосчитавъ», и требовать новыхъ выборовъ. Деньги, получаемыя въ кабакахъ за «питье», цѣловальники должны были опускать въ особые ящики, запечатанные печатью кабацкаго головы, который вынималъ ихъ оттуда каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ *).

Но не въ этомъ только выражались отношенія воеводы къ выборному кабацкому персоналу. Онъ долженъ былъ оказывать

*) Отсюда—требованіе платить за питье *мелкими* деньгами; вѣроятно, даже такъ, чтобы не было необходимости давать сдачи.

послѣднему всякое содѣйствіе при отправленіи имъ своей высокой государственной важности функціи: «и ты бы,—пишется въ одной грамотѣ конца XVII вѣка къ воеводѣ,—по сей нашей грамотѣ непремѣнно... въ кабацкомъ сборѣ чинилъ ему (кабацкому головѣ) *всякое вспоможенье*», которое, какъ видно изъ той же грамоты, выражалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы «на ослушниковъ и для выемки... корчемныхъ питей и иныхъ... кабацкихъ дѣлъ давать... стрѣльцовъ и пушкарей и разсыльщиковъ». Какъ это «вспоможенье» было важно для кабацкихъ головъ, видно изъ одной ихъ челобитной, въ которой они бьютъ царю челомъ на воеводу въ томъ, что онъ не даетъ имъ стрѣльцовъ и приставовъ, отъ чего «его государевой казнѣ чинитца недоборъ великій»: стрѣльцы эти и пристава нужны были кабаку для взысканія такъ-называемыхъ «напойныхъ» денегъ, то-есть долговъ. А эта нужда головъ и цѣловальниковъ, какъ увидимъ дальше, была больше чѣмъ настоятельною.

Дѣло не кончалось, однако, отчетностью только передъ воеводой, — головы кабацкіе должны были въ опредѣленные сроки пріѣзжать со своими книгами и сборами въ Москву; сроки эти— отъ мѣсячнаго до годичнаго, «какъ пригоже», устанавливались, несомнѣнно, смотря по разстоянію отъ Москвы тѣхъ городовъ, изъ которыхъ ѣхали головы. При этомъ, сплошь и къ ряду, Москва требовала, чтобы вмѣстѣ съ головой къ московскому отчету ѣхали не только цѣловальники, но и дьячки съ сборными записными тетрадями *).

Такъ было организовано кабацкое дѣло въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ продажа казенныхъ хмѣльныхъ питей. Но эти «питья» не только продавались, но и производились казной же, и производились, какъ уже было вскользь замѣчено, тѣми же кабацкими головами и цѣловальниками, которые и имѣли при каждомъ почти кабакѣ винокурню, пивоварню и проч.

Если царскіе кабаки и кружечные дворы XVII вѣка представляли собою не что иное какъ «казенныя лавки» нашихъ охранителей, то такъ-называемые погреба и поварни, состоявшіе при кабакахъ, были не чѣмъ инымъ какъ тѣми маленькими, мелкими винокурнями, къ коимъ такъ вожделѣетъ бывшій откупщикъ.

Голова при каждомъ кабакѣ курилъ вино и заготовлялъ пиво и медъ самъ или сдавалъ все это производство, какъ видно изъ

*) *Прыжовъ*, стр. 78.

различныхъ актовъ XVII столѣтія, особымъ «подрядчикамъ», которые обязывались выкурить и поставить въ кабакъ къ опредѣленному сроку опредѣленное количество вина.

Разъ на-лицо и «казенныя лавки», и «мелкія винокурни», должны быть на-лицо и тѣ явленія, которыя приписываются питейному строю, на этихъ двухъ началахъ основанному, т. е. 1) отсутствіе корчемства (благодаря одинаковымъ цѣнамъ вина); 2) потребленіе вина «въ мѣру средствъ и дѣйствительной надобности» *) и 3) наконецъ — та идиллія, которая такъ заманчиво нарисована г. Кокоревымъ и въ которой фигурируютъ и «обновленныя усадьбы», и херувимо-подобные ребятенки, уписывающіе вкусный хлѣбъ, и тучныя коровы, и т. д. Это непремѣнно должно было быть въ Московскомъ государствѣ, разъ все и вся зависитъ отъ извѣстной организаціи кабацкаго дѣла. Вѣдь это дѣло, мы видѣли, организовано на началахъ, кои, будучи положены въ основу кабака намъ современнаго, по увѣренію ихъ пропагандистовъ, переродятъ наше отечество. И какъ просто, стройно, почти изящно это дѣло организовали московскіе администраторы, если смотрѣть на него изъ прекраснаго далека и исключительно сквозь призму тѣхъ правительственныхъ грамотъ, наказовъ, памятей, съ коими мы ознакомили читателя. Лучшаго трудно и желать,—тутъ все: и «казенная монополія», и «лучшія земскія силы», коихъ современные сторонники монополіи еще только стремятся привлечь къ дѣлу.

И, несмотря на всю эту стройность и красоту организаціи, сочетанія правительственнаго начала съ земскимъ, дѣйствительная, жизненная сторона кабацкаго дѣла Московскаго государства ни сама по себѣ не представляла ничего заманчиваго, привлекательнаго, о возстановленіи чего слѣдовало бы ратовать въ наше время, ни тѣмъ болѣе не создавала вокругъ себя ничего подобнаго кокоревской картинкѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ этой жизненной сторонѣ дѣла, мы остановимся еще нѣсколько на самой организаціи кабака. Дѣло въ томъ, что московское правительство, очевидно вынужденное къ тому, очень скоро стало само то тамъ, то здѣсь разрушать стройность «кабацкаго дѣла», отступая отъ системы намъ уже знакомой: въ перемежку «съ вѣрной» системой выборныхъ головъ и цѣловальниковъ мы встрѣчаемся съ *откупами* и, если можно такъ выразиться, *жалованными кабаками*.

*) *Моск. Вѣдомости*, № 98, передовая статья.

Едва ли не съ самаго появленія «царскаго кабака» въ Московскомъ государствѣ, параллельно съ кабацкими выборными головами, имѣютъ мѣсто и *откупщики*. Нѣкоторыми наказами и грамотами воеводамъ прямо предоставляется отдавать царскіе кабаки на вѣру выборнымъ людямъ или на откупъ, «какъ пригоже» и *какъ государевой казнѣ прибыльнѣе*. Мы не можемъ, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, сказать категорически, въ *какой мѣрѣ* одна система преобладала надъ другой, но можно смѣло утверждать, что вѣрная система до половины XVII столѣтія преобладала; съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича преобладаетъ откупная, но въ концѣ столѣтія она уничтожается. Всѣ полтора столѣтія, нами взятыя, московское правительство колебалось между двумя системами. Откупная—куда выгоднѣе: получилъ деньги, даже впередъ, и спокоенъ; а тамъ откупщикъ выбирай ихъ съ кабака, какъ знаешь. Но было что-то, что заставляло Москву отказываться отъ этой системы: думать надо, что въ этомъ случаѣ она руководилась опасеніемъ, какъ бы, согласно съ указаніемъ челобитной посадскихъ города Дмитрова (1632 года), *населеніе* «для откупщиковъ продажъ и великаго ихъ насильства *въ конецъ не погибло*». Сплошь и къ ряду мы встрѣчаемся съ такими фактами, что одинъ годъ кабакъ на откупу, а другой—*на вѣрѣ* у выборныхъ людей. До насъ дошли кое-какія указанія о томъ, какъ сдавались царскіе кабаки на откупъ. Самая отдача на откупъ, вѣроятно съ торговъ, производилась въ Москвѣ, въ ея центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, приказахъ. Любой состоятельный человѣкъ могъ взять тотъ или другой областной кабакъ на откупъ. Но мы имѣемъ акты, изъ которыхъ видно, что правительство иногда стремилось привлечь къ откупу людей той мѣстности, въ которой лежалъ сдававшійся на откупъ кабакъ. Такъ, напримѣръ, во второй половинѣ XVII вѣка въ Суздалѣ сдавались кабаки на откупъ такимъ образомъ: воеводѣ велѣно было прокликать черезъ такъ-называемыхъ «бирючей» по улицамъ и базарамъ въ торговые дни приглашеніе желающихъ—посадскихъ и крестьянъ—взять кабаки на откупъ; если находились желающіе, то они должны были, записавшись въ мѣстной съѣзжей избѣ у воеводы и взявъ поручныя записи,—вѣроятно, въ ихъ «прожиточности»,—ѣхать въ Москвѣ *). Если же не находилось желающихъ, то воевода долженъ

*) *Прыжовъ*, стр. 73.

былъ велѣть земскимъ людямъ выбрать изъ своей среды правдиваго и пожиточнаго человѣка и поставить его къ сборамъ на кружечныхъ дворахъ.

Иногда кабаки сдавались на откупъ цѣлой общинѣ. Такъ въ первой половинѣ XVII столѣтія «староста и посадскіе во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто» города Дмитрова бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу велѣть отдать имъ, дмитровцамъ, «тотъ дмитровскій кабакъ въ откупъ не для прибыли», а чтобъ отъ грабежей откупщиковъ «въ конецъ не погибнуть». Они предлагали откупную сумму больше той, какую платилъ откупщикъ; когда въ Москвѣ откупщики «наддавать» отказались, царь, по докладу приказнаго дьяка, велѣлъ отдать кабакъ челобитчикамъ.

Есть много указаній на откупы крестьянскіе: кабакъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ торгомъ, мельницей и тому под. брала на откупъ крестьянская община: «*кабакъ* и торжокъ (т. е. пошлины съ продаваемаго на торгу) того же села *за крестьяны*», или «кабакъ на откупу тое-жъ *волости* за всѣми крестьяны», т. е. кабакъ откупала цѣлая волость. Вѣроятно, и во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянскія общины откупали кабаки, какъ и дмитровцы, не ради прибыли, а чтобы въ конецъ не погибнуть отъ грабителей-откупщиковъ. Откупщики общины, разумѣется, вѣдали кабакъ черезъ своихъ выборныхъ.

Къ хищничеству откупщиковъ прибавились «недоборы»; корчемство приняло огромные размѣры; откупщики, какъ и вѣрные кабацкіе головы, стали оказываться въ долгахъ и московское правительство ничего не выигрывало. Въ 1681 году по всему государству Московскому откупа кабацкіе были запрещены: кабаки повсюду велѣно отдавать «на вѣру» выборнымъ людямъ *). Но откупъ исчезъ лишь не надолго и какъ будто лишь ради того, чтобы болѣе полнымъ цвѣтомъ распуститься по градамъ и весямъ Россіи XVIII вѣка.

Не мало нарушалъ общій строй кабацкой системы Московскаго государства и еще одинъ видъ кабаковъ, кабаковъ *частныхъ лицъ*, кабаковъ жалованныхъ, какъ мы ихъ назвали. Еще въ XVI вѣкѣ, т. е. вмѣстѣ съ появленіемъ царскаго кабака, въ составъ боярскаго «кормленья» — вознагражденья за царскую службу—сталъ входить и этотъ кабакъ: царь жаловалъ своихъ бояръ, слугъ царскихъ, вмѣстѣ съ доходами съ суда, доходами

*) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 317.

таможенными и *кабацкими*. Городъ отдавался боярину съ тамгою (таможенныя пошлины) и «кабакомъ». Во второй половинѣ XVII вѣка оказались частные кабаки, принадлежавшіе не только боярамъ, но и дѣтямъ боярскимъ, дворянамъ, вообще лицамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей.

Но *въ сущности* ни откупные, ни жалованные въ кормленье кабаки отъ *основного начала* кабацкаго дѣла въ Московскомъ государствѣ не представляли ни малѣйшаго уклоненія; ни тѣ, ни другіе ни на іоту не уклонялись отъ начала казенной монополіи: и тѣ и другіе были кабаками *царскими*; измѣнялась лишь нѣсколько система завѣдыванія, управленія ими—вотъ и все.

Исключеніе изъ этого основного начала составляла привилегія извѣстныхъ классовъ населенія курить вино, варить пива и меды «про себя», т. е. на собственную потребу. Этимъ правомъ издавна пользовались монастыри, служилый классъ и высшій слой торгово-промышленнаго населенія. Въ нѣкоторыхъ воеводскихъ наказахъ въ видѣ общаго правила предписывалось «*лутчимъ людемъ* давать пиво варить и медъ ставить» для собственнаго потребленія на большіе церковные праздники и особенно семейные—крестины, свадьбы, именины; при этомъ иногда дозволялось «вино горячее» имъ курить «не отъ велика», т. е. понемногу, также дозволялось, а иногда приказывалось «вина горячаго и лутчимъ людямъ курить не давать» *). О выкуренномъ винѣ, пивѣ и медѣ «лучшіе люди» должны были заявлять воеводѣ и съ явки платить установленную пошлину. «А *середнимъ* и *молодчимъ* людемъ,—говорится въ одномъ наказѣ первой половины XVII вѣка,—пива варить и меду ставить (а тѣмъ болѣе вина курить) *отнюдь никому не давать*» **). Такъ-называемые «гости», этотъ высшій слой московскаго торгово-промышленнаго населенія, всегда, вмѣстѣ съ другими привилегіями своего званія, получали право винокуренія. Въ концѣ XVII столѣтія помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ служилымъ дозволялось курить вино у себя въ помѣстьяхъ, вотчинахъ, на своихъ дворахъ. Позволялось съ запасами вина своего куренія пріѣзжать на службу въ Москву,—разумѣется, съ усло-

*) Пиво и медъ курить лучшимъ людямъ по наказу 1646 года воеводѣ пензенскому дозволяется „не поведику, по чети или по двѣ“.

**) Въ наказѣ, приблизительно того же времени, *псковскому* воеводѣ позволяется „для ихъ нужи“ и *крестьянамъ* пиво варить и медъ ставить; это дозволяютъ имъ и въ другихъ уѣздахъ.

віемъ «явить» его и оплатить небольшимъ сборомъ. Иногда дозволялось какъ служилымъ людямъ, такъ и торговымъ курить вино и держать его «про себя» даже не оплачивая его никакими пошлинами.

Монастырямъ и соборнымъ попамъ и лицамъ духовнаго званія вообще запрещалось только кабаки держать и вообще продавать вино или другія хмѣльныя питья. Можно было бы привести массу указаній на то, какъ широко монастыри пользовались правомъ производства хмѣльнаго питья; но мы ограничимся лишь указаніемъ, что только въ концѣ XVII столѣтія патріаршею грамотой ко всему духовенству издается «крѣпкій заказъ» курить вино протопопамъ, попамъ, дьяконамъ и церковнымъ причетникамъ. Случалось, что монастыри имѣли и собственные кабаки, для продажи питей своего куренья, и не въ видѣ корчемства, о чемъ поведемъ рѣчь дальше, а съ разрѣшенія самого царя, даже того самаго Алексѣя Михайловича, который предписывалъ, напримѣръ, новгородскому воеводѣ «по сыску чинить наказаніе, буде монастыри учнутъ торговать виномъ». Такъ, знаменитый въ то время своею ярмаркой (теперь Нижегородская) Макарьевскій монастырь ставилъ во время этой ярмарки свои кабаки у волжскаго перевоза, которые конкурировали съ кабаками поволжскаго села Лыскова. Монахи жаловались царю на этихъ конкурентовъ, и царь велѣлъ лысковскіе кабаки снести, а монастырскіе оставить *).

Разумѣется, такого рода кабаки и право частнаго куренья вина и пива съ медомъ—уже нарушеніе «казенной питейной монополіи»; но за то развѣ такое право частныхъ лицъ не содѣйствовало, съ точки зрѣнія г. Кокорева, развитію «сельскаго хозяйства», новенькихъ усадебъ, сытости крестьянина и его скота? Вѣдь каждое помѣстье, каждая вотчина, каждый монастырь имѣютъ свою винокурню: отсюда—масса барды, ergo скотъ сытъ; а отсюда—обиліе молока и удобренія, ergo крестьяне (т. е., вѣроятно, *и крестьяне*; г. Кокоревъ въ сущности не объясняетъ, какимъ образомъ *дворянскія* винокурни будутъ утучнять *крестьянскій* скотъ) сыты, и въ концѣ концовъ—всеобщее благоденствіе, какъ и подобаетъ тому быть въ Московскомъ государствѣ, гдѣ, по увѣренію ненавистниковъ нашего злосчастнаго времени, все и вся благоденствовало.

Теперь взглянемъ на это кабацкое благоденствіе.

*) *Прыжовъ*, стр. 59.

II.

„... вамъ бы воеводамъ о томъ *порадѣть чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ*, чтобъ нашей казнѣ была прибыль".
(Изъ наказа воеводъ начала XVII столѣтія.)

„... а пашенные *крестьяне отъ* того *кабака* многіе одолжали и *обнищали*".
(Изъ воеводской челобитной того же времени.)

Еще въ началѣ XV столѣтія святитель православной церкви Кириллъ Бѣлозерскій писалъ можайскому удѣльному князю, умоляя его не заводить въ своей вотчинѣ корчмы, «занеже, господине,—говоритъ святитель,—то велика пагуба душамъ, крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ». Проходитъ почти полтораста лѣтъ—и другой пастырь церкви, митрополитъ новгородскій Ѳеодосій, по поводу открытыхъ въ Новгородѣ царскихъ кабаковъ вопіетъ къ царю Іоанну Грозному: «Бога ради, государь, потщися и помысли о твоей вотчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ? Въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ..., въ домехъ, и на путехъ, и торжищехъ убійства и грабленія великія..., прохода и проѣзда нѣтъ». Кабацкая казенная монополія вполнѣ развивается съ привлеченіемъ земскихъ силъ къ питейному дѣлу и... жалобы пастырей церкви на пьянство растутъ.

Могутъ возразить, что этимъ жалобамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять: быть-можетъ, онѣ порой представляли собой простыя риторическія преувеличенія. Не будемъ имъ особенно много вѣрить, хотя, напримѣръ, Грозный, должно-быть, новгородскому митрополиту повѣрилъ,—въ Новгородѣ кабаки царскіе исчезли (на время, разумѣется),—а обратимся къ показаніямъ болѣе достовѣрнымъ, ко всякаго рода царскимъ грамотамъ, достовѣрнымъ актамъ верховной власти Московскаго государства. И мы получимъ то же печальное свидѣтельство, что получили и отъ святителей церкви. Выписанный нами эпиграфъ, взятый именно изъ такого непреложнаго источника, уже заставляетъ предчувствовать характеръ показаній вообще.

Въ 1652 году имѣла мѣсто съ теперешней точки врѣнія важная реформа кабака. Ознакомьтесь съ ея характеромъ—и вы увидите, что она вызвана тѣми явленіями, на которыя указывали вышеназванные святители и на которыя мы слышимъ всеобщія жалобы въ настоящее время, исходя изъ которыхъ рату-

ютъ наши современные кабацкіе реформаторы,—огромными размѣрами народнаго пьянства и обнищаніемъ народа, которое и тогда, какъ теперь, тоже выводили чуть ли не изъ одного кабака. Чѣмъ же, какъ не этими явленіями, вызваны были такія, наприм., мѣры кабацкой реформы 1652 года: въ *кружечныхъ* дворахъ, смѣнившихъ отнынѣ кабаки, *не продавать вина больше чарки одному человѣку*; на самомъ дворѣ (кабакѣ) пить не позволять, т. е. продажа допускалась только *на вынос* (хлопочатъ теперь и объ этомъ); всѣ посты: Петровъ, Успенскій, Рождественскій и Великій—вино запрещается, «для постнаго времени», продавать вовсе, а также «и о Свѣтлой недѣлѣ»; запрещалось продавать его по постнымъ днямъ, средамъ и пятницамъ, и по воскресеньямъ даже; не допускалась продажа вина на кружечныхъ дворахъ лицамъ духовнаго званія; отнынѣ на этихъ дворахъ-кабакахъ предполагалось продавать лишь одно вино *). Всѣ эти мѣры изобрѣтены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по совѣту «съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, и съ окольничи, и со всѣми нашими думными людьми о *кабакахъ*». Такъ важенъ былъ этотъ вопросъ «о кабакахъ» въ глазахъ московскаго правительства.

Въ данномъ случаѣ правительство московское заботится о «кабакахъ», какъ разсадникахъ пьянства, безнравственности и всякихъ золъ въ этомъ родѣ. И оно имѣло повидимому всѣ основанія къ заботамъ,—со всѣхъ сторонъ неслись къ нему вопли о пьянствѣ: пьютъ служилые люди, пьетъ духовенство, пьютъ посадскіе, пьютъ уѣздные, волостные, крестьяне.

Въ 1623 году писали царю верхотурскіе воеводы, что «*служилые люди, стрѣльцы* и козаки на верхотурскомъ кабакѣ *многіе пропились*» и отъ государевой службы «многіе отбыли». Московское войско православное трудно было согнать съ кабака: «солдаты по вся дни собираются,—билъ челомъ въ Москву коломенскій кабацкій голова,—на государевомъ коломенскомъ кружечномъ дворѣ... и играютъ зернью и карты..., и какъ де онъ, голова, учнетъ ихъ съ государева кружечнаго двора разбивать... и они де его съ товарищи бранятъ и хотятъ бить, и съ кружечнаго двора нейдутъ, чинятся сильны». Дошло дѣло до того, что однажды въ Николинъ день, 6-го декабря, когда кружечный дворъ,

*) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 108; *Прыжовъ*, стр. 130; „Акты Истор.“, т. IV, № 74.

въ силу указаннаго нами закона 1652 года, былъ запертъ, тѣ же «солдаты» той же Коломны до того «чинились сильны», что «собрався на государевъ кружечный дворъ человѣкъ съ двѣстѣ и больши, учали... ломать подставы и питье кабацкое лить и цѣловальниковъ, волоча изъ избы, бить кольемъ и дубинами до смерти». Получилось что-то въ родѣ цѣлаго бунта кабацкаго: голова ударилъ въ набатъ; двое были убиты, имъ «пробили головы до мозгу, и руки и ноги переломали». Кабацкіе выборные люди «едва государеву казну отстояли»; кабакомъ въ концѣ концовъ солдаты вовсе завладѣли *). Воинству не уступали въ пьянствѣ и безобразіяхъ и мирные служилые люди, тоже часто чинившіеся сильны. Такъ, наприм., управляющій одного села помѣщика князя Репнина, появившись въ сосѣднемъ городкѣ Лухѣ съ невиннымъ намѣреніемъ поколотить тамошняго воеводу, ради чего его сопровождала толпа вооруженныхъ дубинами иослопами людей, и исполнивъ это свое благое намѣреніе, направился наградить себя и своихъ помощниковъ во царевъ кабакъ, который и разнесъ немедленно въ дребезги, разогнавъ стойщиковъ и цѣловальниковъ **). Но такимъ путемъ удовлетворять винную жажду могли служилые люди только тогда, когда «чинились сильны», а при обыкновенномъ порядкѣ вещей для этой цѣли приходилось и имъ прибѣгать къ обыкновеннымъ средствамъ—деньгамъ, а нѣтъ ихъ—къ животамъ, сирѣчь движимому имуществу, которое часто и пропивалось, что называется, до послѣдней нитки. Доходило дѣло до того, что въ кабакѣ не только оставляли зипуны, шапки, сапоги, рубахи, но даже *шейные кресты*, разъ они представляли какую-нибудь цѣнность. Такъ, отъ конца XVII столѣтія сохранился любопытный въ данномъ отношеніи актъ. Уфимскій воевода шлетъ къ игумену одного монастыря подъячаго съѣзжей избы и при немъ «память», въ которой предписываетъ этого подъячаго «держать до государева указу въ монастырѣ въ смиреньи на цѣпи и дать ему... епитимью и покамѣстъ онъ правильную заповѣдь не исправитъ, съ цѣпи не освобождать и велѣть повседневно быть у всякой божественной службы... во всякой кротости и цѣломудріи». За что же царскій служилый человѣкъ претерпѣваетъ это суровое «цѣпное» наказаніе?... Объ этомъ сообщаетъ намъ та же воеводская «память», изъ коей вид-

*) „Ак. Истор.“, т. IV, № 74. Указанія на подобнаго рода казусы сплошь и къ ряду встрѣчаются въ памятникахъ.

**) *Прыжовъ*, стр. 135.

но, что подъячій претерпѣваетъ «за его дуровство и *за поруганіе православные христіанскіе вѣры*», а поруганіе это онъ совершилъ «на кружечномъ дворѣ, снялъ съ себя *крестъ да закладывалъ въ пропой, на вино!*» А за такого рода «поруганіе православной вѣры», не покайся подъячій чистосердечно въ своемъ преступленіи, ему предстояла «по указу великаго государя» и по Уложенію,— какъ сообщаетъ тотъ же воевода игумену,— смертная казнь, такъ какъ «таковымъ ругателемъ», именно, «довелось чинить смертную казнь», заключаетъ благочестивый воевода. Увы, оказывается, ни православная христіанская вѣра не могла бороться съ соблазнами «казенной питейной монополіи», ни самая смертная казнь не могла удержать отъ прелестей царскаго кабака.

Не могли отъ нихъ воздержаться и люди, началами православной вѣры, казалось бы, наиболѣе всѣхъ другихъ проникнутые— служители алтаря, проповѣдники началъ этой вѣры. Обратитесь къ постановленіямъ Стоглаваго собора половины XVI столѣтія, загляните въ «поученія», перелистуйте записки иностранныхъ путешественниковъ, ознакомьтесь съ правительственными актами и грамотами—и васъ поразятъ тѣ опустошенія и раны, кои причиняли царскій кабакъ и кружечный дворъ Московскаго государства среди духовнаго воинства. Мы не будемъ здѣсь останавливаться подробно на явленіяхъ этого рода; ограничимся однимъ, двумя. Желающихъ отошлемъ къ книгѣ некоего Борисова: «Описаніе города Шуи»,—въ концѣ коей приложены подлинные акты; среди нихъ не мало свидѣтельствъ о самыхъ возмутительныхъ формахъ господства мѣстнаго кабака среди духовенства посадскаго. Въ 1666 году царь запрещаетъ являться кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ съ продажнымъ кабацкимъ питьемъ во время сборища богомольцевъ, въ дни большихъ праздниковъ, подъ стѣны знаменитаго хранителя древняго благочестія—Бѣлозерскаго монастыря, ибо соблазны кабака губятъ не только стекающихся на поклоненіе святынямъ богомольцевъ, но и самихъ обитателей монастыря: «и отъ того кабака бываетъ братьѣ безчинье и смута великая»,—говоритъ царская грамота. Нѣсколько позже новгородскій «преосвященный Корнилій», смущенный пьяною слабостью подчиненнаго ему низшаго духовенства, рѣшается принять такія мѣры противъ соблазновъ кабака: онъ приказываетъ своимъ «подъячимъ» ловить «въ Великомъ Новгородѣ *на кружечныхъ дворахъ* священниковъ и дьяконовъ и іеромонаховъ,

и монаховъ и старицъ» и приводить ихъ «въ митрополичъ розрядъ»; туда же рекомендуется приводить и тѣхъ, «которые изъ тѣхъ чиновъ (только-что перечисленныхъ) явятся въ рядѣхъ и по улицамъ пьяни». При этомъ преосвященный считаетъ нужнымъ угрожать исполнителямъ этого указа пеней въ случаѣ оплошнаго исполненія его, чтобы «на то смотря инымъ нецовадно было отпущать и потакать» пьяницамъ «тѣхъ чиновъ» *). Вспомнимъ, наконецъ, и общее постановленіе собора о кабакахъ, запрещающее лицамъ духовнаго званія ходить въ кабаки и кружечные дворы **).

Если такъ бушевалъ кабакъ среди охранителей и пастырей, каковы же должны были быть результаты его дѣятельности среди охраняемыхъ и пасомыхъ.

Въ тѣхъ же, упомянутыхъ нами, актахъ «Описанія г. Шуи» не мало указаній, даже прямо жалобъ, челобитій на то, какъ тотъ или другой посадскій человѣкъ «пьетъ на кабакѣ безобразно... и зернью и карты играетъ *и жену и дѣтей своихъ бьетъ и мучитъ не по закону*». Поборола, стало-быть, питейное начало «казенная питейная монополія». И это имѣетъ мѣсто, разумѣется, не въ одной Шуѣ, отъ которой случайно сохранились памятники. Со всѣхъ градовъ Руси несутся жалобы этого рода. Со всѣхъ же весей ея стономъ идутъ жалобы и заявленія, что «крестьяне многіе пашенные отъ того кабака пропилися, одолжали и обнищали», «въ конецъ погибли», «въ рознь разбрелися».

Массы пьютъ въ Московскомъ государствѣ много и неправильно, пьютъ именно такъ, какъ теперь они пьютъ: набѣгомъ, рѣдко, но мѣтко; пьютъ по большимъ праздникамъ, пьютъ на ярмаркахъ, богомольяхъ, престольныхъ праздникахъ.

Мы уже видѣли, правительство запрещаетъ кабацкіе наѣзды подъ Бѣлозерскій монастырь: тамъ за смутой великой среди братіи монастыря «у *питуховъ* (изъ богомольцевъ) *брани и бои* многіе отъ того кабака». Изъ-подъ Макарья съ ярмарки одна другую погоняютъ жалобы, что «отъ того кабацкаго питья, отъ пьяныхъ людей... большая обида», что «у кабака», подъ самымъ монастыремъ, «скоморохи съ медвѣди, пляски и всякіе бѣсовскіе игры чинятца». По свидѣтельству царской грамоты на имя владимірскаго воеводы, въ воеводство послѣдняго «въ Боголюбовѣ монастырѣ... въ день празднества Пресвятой Богородицы Боголюби-

*) „Акты историч.“, т. V, № 203.

**) Всѣ приведенные казусы—послѣ этого постановленія собора.

вой... съѣзжаются *всякихъ чиновъ* многіе люди по обѣщанію своему молиться, и изъ Володимера пріѣзжаютъ же къ тому монастырю кабацкіе головы и цѣловальники съ вѣномъ и со всякою питейною продажей, и *многіе отъ того пьяные* люди... во время святаго пѣнія чинятъ драки и бои великіе... и смертные убивства чинятъ и *тою питейною продажей* кабацкіе *головы многихъ богомольцевъ* приводятъ въ безчинство *и отъ Божія церкви и отъ святаго пѣнія отлучаютъ*». На то же самое указываетъ въ своей грамотѣ на имя настоятеля Боголюбскаго монастыря и святѣйшій московскій и вся Руси патріархъ.

Кабакъ «отлучаетъ отъ Божія церкви»! Онъ запустошаетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, святыя «чудотворныя мѣста». Земскіе старосты и крестьяне Устюжскаго уѣзда бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о такой великой напасти, причиненной имъ «его великаго государя» кабакомъ: есть у нихъ, на селѣ Приводинѣ, церковь «во имя Николы Угодника», а въ церкви этой стоитъ чудотворная икона того же Угодника. «На два Николина дня»—9 мая и 6 декабря—и «на Благовѣщеньевъ день» издавна въ сельскій храмъ этотъ, къ чудотворной иконѣ пріѣзжаютъ «помолитися многіе молебщики и тѣмъ молебщикамъ отъ чудотвориаго Николина образа милость и прощенье живетъ великое», что, понятно, привлекаетъ все больше и больше «молебщиковъ» благочестивыхъ. Но должно-быть врагъ рода человѣческаго не могъ примириться съ такимъ проявленіемъ московскаго благочестія и вздумалъ одолѣть его, избравъ для этого такое вѣрное средство, какъ все тотъ же «царевъ кабакъ». «Многіе молебщики» видимо собирались въ такомъ великомъ количествѣ, что радѣтели царскихъ кабацкихъ доходовъ, зная слабости къ прелестямъ питій даже и «молебщиковъ», не упускали случая появляться съ этими питьями на «чудотворное мѣсто», какъ выражаются челобитчики; въ результатѣ получилось слишкомъ знакомое явленіе: кабакъ, къ великой радости исконнаго врага человѣчества вообще, московскаго православнаго христіанства въ частности, побѣдилъ. Цѣловальники «ставились съ тѣмъ питьемъ *близко церкви*» и притомъ со всѣми спутниками кабака, со всей его *казенной* обстановкой—съ зернью, картами, скоморохами и всяческими сатанинскими играми», съ стрѣльцами, приставами, ярыгами. И пошелъ, на соблазнъ благочестивыхъ христіанъ, дымъ коромысломъ: «многіе пьяные люди приходятъ въ церковь съ шумомъ и крикомъ, и въ томъ ихъ крику пѣнья Бо-

жія не слышать. Царь государь,—вопіютъ православные челобитчики,—смилуйся, пожалуй, не вели цѣловальникамъ съ продажнымъ питьемъ пріѣзжать... *Чудотворное мѣсто пустѣетъ*!»*)

Царь смиловался, запретилъ пріѣзжать на чудотворное мѣсто съ кабакомъ. Другого отвѣта отъ царя въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, ждать было нельзя: могъ ли иначе поступить благочестивый царь московскій? Съ этой точки зрѣнія онъ не могъ, охраняя православіе земли Московской отъ всяческой порухи, не предпринимать и общихъ мѣръ. Онѣ, мы видѣли, и предпринимались, вродѣ, напримѣръ, мѣръ 1652 года. Принимала съ своей стороны мѣры и сама церковь въ лицѣ ея патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, обращавшихся къ народу съ увѣщаніями и поученіями о грѣховности пьянственнаго житія.

Но царскій кабакъ былъ силенъ не однѣми прелестями «питія», а и тѣмъ своимъ качествомъ, благодаря коему изъ него въ настоящее время стремятся сдѣлать «казенную монополію», а въ періодъ Московскаго государства онъ былъ царскимъ: онъ силенъ былъ тѣмъ, что былъ, какъ мы уже видѣли, главнѣйшимъ источникомъ доходовъ «его великаго государя». А какъ таковой, его немыслимо было повсюду преслѣдовать, закрывать; приходилось, какъ разъ наоборотъ, всюду поощрять его, развивать и тѣмъ «чинить прибыль государевой казнѣ». Вотъ почему и тогда, какъ теперь, Москва, преслѣдуя одною рукой кабаки, реформируя ихъ съ цѣлью сокращенія пьянства и разоренія народа, другою всячески, въ сущности, охраняла и лелѣяла ихъ. И реформировали-то ихъ въ то время ради одной только цѣли, чтобъ «чудотворныя мѣста не пустѣли», да «поругательные дѣла» не очень бы ужь плодились по лицу земли Московскаго государства. Разореніе народа не особенно смущало и безпокоило православную Москву.

Докладываютъ въ Москву воеводы, видимо въ отвѣтъ на требованіе, откуда «чинить прибыль государевымъ кабацкимъ доходамъ», что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали, обнищали; доходамъ кабацкимъ грозитъ огромный «недоборъ»; что, по ихъ мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобы вдосталь все не разорить; по крайней мѣрѣ, нужно бы «отъ кабацкаго питья унимать», но что безъ царскаго указу они «унимать не смѣютъ».

---

*) Изъ „Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ" архива мин. иностр. дѣлъ.

Ждутъ этого указа. Онъ не замедлилъ получиться, но съ отвѣтомъ для челобитчиковъ совсѣмъ неожиданнымъ: «и вы пишите къ намъ,—говорится отъ имени царя,—*не радѣя о нашемъ дѣлѣ*, что кабакъ хотите отставить... Прежъ васъ многіе на Верхотурьѣ воеводы бывали, а о томъ кабакѣ къ намъ не писывали..., и вы, дѣлая лѣностію своею и не хотя намъ служити, пишите къ намъ не дѣломъ». За этимъ выговоромъ слѣдуетъ такое предписаніе: «и вы-бъ велѣли учинить заказъ крѣпкій, *чтобъ на кабакѣ... не противалися...* и сами бы есте къ тому призирали почасту, *чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрати съ прибылью...*, чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, *чтобъ нашей казнѣ была прибыль*». Разрѣшить трудную дилемму, чтобъ въ одно и то же время на кабакѣ не пропивались и его доходы увеличивались, предоставлено было воеводамъ привлеченіемъ къ кабаку какихъ-то людей, кромѣ мѣстныхъ: «а *опричь тутошнихъ* служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ *пить на кабакѣ будетъ кому*» *). Другого отношенія къ дѣлу Москва знать не хотѣла. Она всегда нуждалась въ деньгахъ, кабакъ—одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ ихъ, значитъ—изъ него и приходилось черпать, и черпать возможно обильнѣе и энергичнѣе. Въ виду этого она иначе къ кабаку и не могла относиться, какъ съ постояннымъ требованіемъ присылать на Москву кабацкіе сборы безъ всякаго недобора, собирать ихъ *съ большимъ радѣніемъ*, собирать ихъ каждый годъ не только безъ недобора, но и по возможности *съ прибылью*. Объ этомъ, мы уже видѣли, должны были заботиться воеводы; въ этомъ, и только въ этомъ, должны были состоять всѣ заботы радѣтелей доходовъ царскаго кабака—кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ за нерадѣніе и недоборы кромѣ очень рѣдкихъ и очень уважительныхъ причинъ грозило лишеніе животовъ и наказаніе нещадное.

Съ Устюга Великаго пишетъ въ Москву кабацкій голова, что «его государевѣ казнѣ чинится недоборъ великій», потому что въ кабакѣ городскомъ и кабакахъ волостныхъ «передъ прошлымъ годомъ не изошло твоего государева вина въ полы (т. е. половины); *питуховъ не стало:* многіе люди оскудѣли и въ напойныхъ деньгахъ отъ прошлаго головы стоятъ на правежѣ». Этому челобитчику отвѣчали еще проще и въ извѣстной степени ко-

*) „Акты историч.“, т. III, № 122.

рече, безъ поученій: «пишешь воровски, хочешь воровать: велимъ доправить вдвое», т. е. взыскать изъ личнаго имущества сумму вдвое больше недобранной *). И обыкновенно угроза не оставалась пустою фразой,—доправляли. Если нельзя было взыскать недостающее изъ личнаго имущества головъ и цѣловальниковъ, обращались къ *общественному*, доправляли изъ собственности «міра» посадскаго или крестьянскаго: «и тѣ недоборы доправить *на мірскихъ людехъ*». А чтобъ, какъ говорится въ одномъ изъ царскихъ указовъ, «на то смотря инымъ неповадно было такихъ воровъ къ такимъ государевымъ дѣламъ выбирать», то, «порастрясши мірскіе животишки», Москва тѣмъ же мірскимъ людямъ грозила еще «учинить наказаніе безо всякой пощады»**).

Московское правительство, однако, не требовало отъ кабацкихъ головъ, обращаясь къ нимъ съ такими предписаніями, невозможнаго, оно не ставило ихъ въ совсѣмъ безвыходное положеніе; оно давало имъ всѣ *средства* къ исполненію своихъ требованій: разрѣшало дѣйствовать въ своей сферѣ «*безстрашно*», по выраженію одной грамоты, и совѣтовало «никакого себѣ *опасенія не держать*», собирая кабацкія государевы деньги; оно разрѣшало имъ отпускать въ долгъ вино «питухамъ» ***); оно, мы уже видѣли, предписывало своимъ воеводамъ всячески содѣйствовать кабацкимъ головамъ во всемъ и главнымъ образомъ въ сборѣ долговъ «напойныхъ денегъ».

Наконецъ московское правительство, въ видѣ особаго царскаго пожалованія, поощряло къ неупустительной кабацкой дѣятельности воеводъ и головъ похвалою въ примѣръ прочимъ и наградами: головамъ и цѣловальникамъ, въ случаѣ учиненія ими прибыли противъ прошлыхъ лѣтъ, «дарили какую-нибудь вещь,

*) „Приказныя дѣла стар. лѣтъ“ въ арх. мин. иностр. дѣлъ.

**) Если голова съ цѣловальниками или мірскіе люди оказывались несостоятельными или не хотѣли добровольно платиться своими „животами“, правительство пускало въ ходъ *правежъ*, средство тогда въ Московскомъ государствѣ примѣнявшееся къ дѣлу при взысканіяхъ. Правежъ состоялъ въ слѣдующемъ: должника ставили у Приказа (въ Москвѣ) или у Съѣзжей избы въ городахъ и били батогами по голымъ ногамъ по часу въ день; правежъ производился, пока продолжалось засѣданіе, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, а по другимъ—отъ восхода солнца до 10 или 11 час. утра. Такимъ образомъ „правили“, пока деньги не уплачивались самими должниками или кѣмъ-либо за нихъ. Предполагаютъ, что сначала несостоятельныхъ должниковъ „заправляли“ до смерти. Позже правежъ продолжался, кажется, не дольше мѣсяца. За помѣщиковъ стояли на правежѣ крестьяне (сначала холопи).

***) Изъ одной грамоты, встрѣченной нами въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, видно, что „на кабакахъ въ долги давать больше гривны не велѣно“.

сукно и т. п., смотря по человѣку» и, разумѣется, по прибыли, имъ ученной *).

Съ одной стороны угрожаемые, а съ другой поощряемые, служилые выборные люди по «казенной питейной монополіи» Московскаго государства и пускали въ ходъ, ради «государевой» и, разумѣется, своей прибыли, всяческія средства. Усердію ихъ не было предѣловъ. «Я, государь,—доносилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу одинъ изъ радѣтелей,—правилъ твои государевы доходы нещадно, *побивалъ на смерть*» (на правежѣ). Средство энергическое, но не всегда, разумѣется, вѣрное: вѣдь можно побить людей на смерть много, а получить мало,—все зависитъ отъ состоятельности побитыхъ.

Головы и цѣловальники обращались къ другимъ, менѣе трагическимъ, но болѣе вѣрнымъ средствамъ не только добрать, но и перебрать. Они старались обставить царскій кабакъ, во-первыхъ, по возможности соблазнительнѣе, увеличивая его, и такъ довольно могучую для московскаго человѣка, притягательную силу всяческими прелестями въ глазахъ питуховъ, начиная съ различныхъ невинныхъ забавъ, вродѣ гуслей, скомороховъ и т. п. игръ сатанинскихъ, переходя къ картамъ, зерни и заканчивая «непотребными женками»; во-вторыхъ, наровили кабацкими сѣтями опутать возможно большій районъ. Число кабаковъ на каждый городъ и уѣздъ опредѣлялось въ Москвѣ, и головы кабацкіе по своему усмотрѣнію открывать новыхъ, понятно, не могли; но такъ было по опредѣленію правительства и совсѣмъ иначе—въ дѣйствительности. Мы уже видѣли, какъ головы и цѣловальники старались не пропустить ни одного людного мѣста, ни одного сборища: они, памятуя вѣроятно совѣтъ царскихъ грамотъ—«*питуховъ отъ кабаковъ не отгонять*» **), усердно уловляли ихъ, привлекали, поспѣвая за ними съ своими «продажными питьями» на ярмаркахъ, богомольяхъ, чудотворныхъ мѣстахъ; мало того, по свидѣтельству одной челобитной посадскихъ лю-

*) У Прыжова (стр. 82 и 83) приведены интересные случаи такихъ наградъ. Такъ, наприм., ярославскій кабацкій голова Кучумовъ за прибыль въ 1.500 р., доставленную имъ въ теченіе года, получилъ серебряный вызолоченный ковшъ, украшенный орломъ и фигурами, изъ коихъ одна держитъ въ рукѣ книгу (кабацкихъ доходовъ?) съ надписью: „*тако вѣрую*“. Почти въ то же время получилъ чайный ковшъ и другой посадскій человѣкъ съ надписью: „за приборъ кружечнаго двора“ и съ изображеніемъ *пеликана, терзающаго грудь и кормящаго дѣтей своихъ*.

**) „Акты историч.“, т. IV, № 12.

дей и крестьянъ, головы раздавали вино и пиво на руки сторожамъ и рабочимъ, служащимъ при кабакахъ, а тѣ «то вино и пиво съ кабака по домамъ, которые коло кабака живутъ, разносятъ» *). Но и этихъ средствъ было мало,—пускались въ ходъ иныя, совсѣмъ уже другого порядка. Позволялось имъ въ кредитъ отпускать на гривну,—они отпускали на рубли, разсчитывая потомъ получить ихъ съ питуховъ «правежемъ великимъ» съ помощью воеводскихъ стрѣльцовъ и приставовъ; недовольствуясь такъ или иначе разрѣшеннымъ кредитомъ, они пускали въ ходъ и *закладъ:* «и въ долгъ *и подъ закладъ* въ томъ году *питье давали*», пишетъ одинъ кружечный голова, объясняя, почему тогда сборъ былъ больше **). Въ одной челобитной посадскихъ и уѣздныхъ людей Усольскаго уѣзда разсказываются такія вещи о дѣятельности кабацкихъ головъ, присланныхъ съ Москвы: «на должниковъ приклепываетъ на многихъ многіе деньги и кабацкимъ цѣловальникамъ на питуховъ многіе деньги приписывать велитъ»; мало того, изощрялся получать «по застойнымъ записямъ» съ должниковъ два раза однѣ и тѣ же деньги, а замѣтивъ деньги у пришедшаго въ кабакъ, какъ наивно разсказываютъ челобитчики, «*для прокладу не пить*, велитъ тѣхъ питуховъ ковать въ желѣзо..., въ тюрьму сажать..., на правежѣ бить на смерть», чтобъ вынудить ихъ оставить эти деньги въ кабакѣ. Такъ дѣйствовалъ «прошлый» голова, а «нынѣшній» перещеголялъ и прошлаго: этотъ уже прямо деретъ деньги «*великимъ грабежемъ* въ полтора и больше раза»; «онъ написываетъ многіе лишные деньги» даже на тѣхъ, которые «въ кабакахъ мало и. бывали»; а кто туда заглядываетъ, по слабости своей, почаще, выходитъ оттуда, что называется, голъ какъ соколъ: кто придетъ,—повѣствуютъ челобитчики,—«грошовую чарку выпить и того съ кабака не спущаютъ, а смѣчаютъ засколько его животовъ есть» и уже «спущаютъ» тогда, когда всѣ эти «животы» заберутъ. Вся эта дѣятельность царскаго кабака привела челобитчиковъ, по ихъ заявленію, въ

*) Изъ дѣлъ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ одной челобитной головъ, объясняющей недоборъ сравнительно съ прошлогодними головами, прямо говорится, что тѣ „питье продавали и въ уѣздахъ: на праздники и на ярмарки съ питьемъ ѣздили". *Прыжовъ*, стр. 81.

**) Намъ часто въ „Приказныхъ дѣлахъ" архива мин. иностр. дѣлъ попадались такъ-называемыя судныя дѣла, возникавшія по поводу этихъ кабацкихъ закладовъ, и замѣчательно, что приказы разбирали ихъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что заклады никогда не разрѣшались.

такое положеніе: «отъ кабацкихъ великихъ наклеповъ одолжали и осиротали» они «и головы своя въ кабалишка изработили и женишна и дѣтишка скитаютца промежъ дворы..., а промыслишка у насъ, сиротъ твоихъ, не стало: день стоишъ на правежѣ, а къ ночи въ тюрьму сажаютъ, а испупитися намъ, сиротамъ твоимъ, нечѣмъ» [1]).

Мы видѣли, что воеводамъ порученъ былъ надзоръ за дѣятельностью кабацкихъ головъ, между прочимъ и за тѣмъ, чтобъ тѣ «на питуховъ напойныхъ денегъ не приписывали». Но эти слуги его великаго государя, пріѣзжавшіе въ города покормиться за свои «службишки», надзирали больше въ интересахъ этого кормленья. Покойный Соловьевъ приводитъ по этому поводу слѣдующее показаніе одного цѣловальника, заимствуя его изъ архивныхъ дѣлъ: «будучи у сбору на кружечномъ дворѣ воеводамъ въ почесть для *царскаго величества* и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки... харчемъ и деньгами носили не по одно время»; и носили, разсказываетъ добродушно цѣловальникъ, «по волѣ, а не отъ какакихъ нападковъ» [2]). Ради полученія харчей пожирнѣе да пообильнѣе и денегъ побольше, воевода готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякія продѣлки головъ и цѣловальниковъ, съ которыхъ, порой, не прочь былъ содрать лишнее и всяческими «нападками», какъ свидѣтельствуютъ и тѣ царскія грамоты, кои, выражаясь мягко, рекомендуютъ «великаго государя казною (кабацкою) не корыстоваться», и тѣ челобитныя головъ и цѣловальниковъ, въ коихъ доказывается, что «учинились у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ» [3]), и, наконецъ, тѣ указы, коими «воеводамъ и приказнымъ людямъ кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ» повелѣвалось «въ сборахъ ни въ чемъ не вѣдать» [4]).

Въ виду всего этого можно повѣрить свидѣтельству терпѣвшихъ и вообще современниковъ, что кабакъ царскій дѣйствительно былъ бичомъ Московскаго государства, но онъ былъ и источникомъ доходовъ для него.

Что жалобы челобитчиковъ посадскихъ и крестьянъ и заявленія воеводъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ о разоренiяхъ, если не производимыхъ, то развиваемыхъ кабакомъ, не были иллюзіей, изо-

---

[1]) Изъ „Приказныхъ дѣлъ стар. лѣтъ“ архива мин. иностр. дѣлъ.
[2]) „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 110.
[3]) „Акты историч.“, т. V, № 10.
[4]) Тамъ же.

браженіемъ преувеличивающей фантазіи первыхъ и изобрѣтательной хитрости вторыхъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что московское правительство иногда должно было сдаваться передъ обстоятельствами и отступаться отъ своего руководящаго принципа кабацкой финансовой пошлины—«а недоборъ доправить вдвое». Доводы челобитчиковъ въ доказательство невозможности не только перебрать, но даже и добрать порой, были такъ вопіюще убѣдительны, что Москва сдавалась на эту убѣдительность и издавала рѣшеніе—съ такихъ головъ и цѣловальниковъ «недоборовъ не править». Но что же это были за случаи?

Всѣ, какіе намъ попадались въ архивныхъ дѣлахъ и печатныхъ памятникахъ, почти исключительно сводятся къ одному—«мірской скудости», которая происходила «отъ хлѣбныя дороговли» или «хлѣбнаго недороду», съ чѣмъ въ связи часто указывается и на «торжишка малые» у населенія, которое поставляло питуховъ царскому кабаку. Московское правительство и въ этихъ случаяхъ туго сдавалось, неохотно отказывалось отъ своихъ доходовъ, не скоро рѣшалось ихъ «изъ докладу выложить»; оно обыкновенно на особенно убѣдительныя и настойчивыя челобитныя головъ отвѣчало постановленіемъ произвести о челобитчикахъ «сыскъ», да и этимъ постановленіемъ не всегда отвѣчало на первую челобитную, на каковую обыкновенно отвѣчало, какъ мы видѣли, рѣшеніемъ: «недоборъ править на немъ головѣ» или на выборныхъ людяхъ—вдвое. Исчерпавъ только всѣ средства *), оно обращалось, какъ бы для очищенія совѣсти, къ сыску «про кабацкій недоборъ», не совершился ли онъ нерадѣньемъ головы съ цѣловальниками: «Не пили-ль они и не бражничали-ль..., кабацкими деньгами не корыстовались ли?» Поставивъ рядъ такихъ и подобныхъ вопросовъ, правительство приглашало отвѣтить на нихъ «весь посадъ и уѣздъ, архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ и дьяконовъ по священству, а посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей по государеву крестному цѣлованью»; и въ томъ случаѣ, когда такой повальный обыскъ давалъ въ

*) Мы наткнулись въ архивныхъ дѣлахъ на такой казусъ: Двинскій воевода доноситъ, что цѣловальникъ съ одного кабака сбѣжалъ, не внесши 40 слишкомъ рублей кабацкихъ денегъ, а получить ихъ съ крестьянъ, его выбравшихъ, нельзя, ибо „розбрелися въ рознь“. Изъ Москвы велятъ доправить деньги—„на женѣ и на дѣтяхъ“ цѣловальника, „а будетъ не можно—*на выборныхъ*“, которые „розбрелися“ уже!

результатѣ одинъ общій отвѣтъ, что за головой и цѣловальниками духовенство, посадскіе и крестьяне не знаютъ «никакого дурна», слѣдовалъ, по докладѣ всего дѣла царю, уже указанный нами отвѣтъ: недоборъ не доправлять *).

Головы иногда добивались отпущенія имъ недобора въ посадскихъ (городскихъ) кабакахъ, ссылаясь на общее «оскуданіе» населенія указаніемъ на очень любопытное обстоятельство: главными «питухами» въ посадскихъ кабакахъ были служилые люди, числомъ которыхъ обусловливались и кабацкіе государевы доходы. Намъ встрѣтилось нѣсколько кабацкихъ дѣлъ, въ коихъ недоборы объясняются, въ связи съ оскуданіемъ всего населенія, именно этимъ обстоятельствомъ. Такъ, вяземскій кабацкій голова доноситъ въ 1637 году, что у него въ этомъ году оказался, сравнительно съ прошлымъ, недоборъ по городскому кабаку потому, что въ прошломъ году «было въ Вязьмѣ многимъ всякимъ людямъ *осадное сидѣнье* и *потеря у нихъ въ тѣ поры была великая*; а въ нынѣшнемъ году изъ Вязьмы многіе люди посланы на государеву службу въ Одоевъ и *тѣ люди въ Вязьмѣ на кабаки и питухи были*». Въ томъ же году и въ Можайскѣ былъ недоборъ — потому, что никакихъ «прибылыхъ» людей въ городѣ не было, а «*служилыхъ* людей убыло»: посланы на государеву службу въ другіе города; «а которые въ Можайску люди небольшіе и тѣ отъ хлѣбные дорожали оскудали, и на кабакѣ было пить некому» **).

Чѣмъ ближе къ концу семнадцатаго столѣтія, тѣмъ случаи, такъ сказать, *прощаемаго* недобора кабацкаго чаще и чаще, хотя всякій разъ сопровождались длинною процедурой сыска, и кончилось тѣмъ, что издано было, какъ общее правило, постановленіе, что если «за вѣрными» кабацкими людьми «никакого дурна» не окажется, — недоборовъ съ нихъ не править уже въ силу того обстоятельства, что они стоятъ у дѣла *на вѣрѣ*, за крестнымъ цѣло-

*) Все дѣлопроизводство по такимъ сыскамъ достигало обыкновенно очень почтенныхъ размѣровъ еще прежде, чѣмъ попадало въ Москву; здѣсь, для доклада царю, въ приказахъ подбиралась къ каждому дѣлу куча дѣлъ *примѣрныхъ*, въ коихъ при таковыхъ же условіяхъ послѣдовало въ свое время отпущеніе недоборовъ цѣловальникамъ. Вотъ въ этихъ-то *примѣрныхъ* дѣлахъ и фигурируетъ вездѣ „хлѣбная дороговля“ и разоренье.

**) Изъ „Приказныхъ дѣлъ“ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ 1639 году кабацкій голова г. Устюга билъ челомъ, что у него недоборъ учинился потому, что „стрѣльцы и всякіе люди... держатъ у себя табакъ продажной безпрестани и *многіе люди кабацкаго питья не купятъ, а покупаютъ табакъ и напиваются имъ*“.

ваніемъ. Несомнѣнно, другого исхода и быть не могло: всѣ сыски вели къ одному концу—«дурна» никакого никогда за кабацкими дѣятелями не оказывалось; взыскивать недоборы на «выборныхъ», т. е. избирателяхъ, очевидно, стало рѣдко возможнымъ за ихъ оскуданіемъ. Приходилось *вѣрить* этимъ дѣятелямъ, которые чинили недоборъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, когда никакія уже средства ни къ чему не вели: взять было или не съ кого, или нечего. Мы видѣли, къ какимъ средствамъ прибѣгали головы и цѣловальники. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ эти выборныя *земскія* должности избирались люди съ самой беззастѣнчивою совѣстью, способные на все. Не даромъ же «цѣловальникъ» до нашего времени — времени уничтоженія откуповъ—былъ синонимомъ продувной шельмы. Это значеніе цѣловальникъ получилъ чуть не съ момента возникновенія царскаго кабака. Въ послѣдней четверти XVII вѣка въ средѣ московскихъ властей явилась даже мысль не приводить выборныхъ кабацкихъ дѣятелей къ крестному цѣлованью—въ видахъ охраненія святости этого послѣдняго: до того «изворовались» цѣловавшіе крестъ въ *вѣрной* службѣ. На соборѣ 1679 года московскій патріархъ предлагалъ съ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ на кабакахъ и кружечныхъ дворахъ не брать крестнаго цѣлованья, «къ вѣрѣ не приводить»; патріархъ всероссійской православной церкви, блюститель религіи и нравовъ Московскаго государства, до того извѣрился въ доброкачественность послѣднихъ, что въ этомъ частомъ цѣлованіи креста видѣлъ однѣ ложныя клятвы и великое «душевредство». Онъ предлагалъ ограничиться одной денежною пеней и угрозой добирать все недобранное ворами—головами и цѣловальниками—съ избирателей. На два года крестное цѣлованіе и было отмѣнено, но «воровство многое» ни на волосъ не уменьшилось, и присяга снова была возстановлена *): бояре не убѣдились доводами патріарха и думали, что «*безъ подкрѣпленія вѣры опасно*»; въ этомъ подкрѣпленіи они все-таки видѣли нѣкую узду на православныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ Московскаго государства.

Къ такому положенію вещей привела «казенная питейная монополія» Московскаго государства съ ея земскими представителями. Иначе и быть не могло: ея исключительною цѣлью была государственная «прибыль», ради обезпеченія коей только и

*) *Прыжовъ*, стр. 74.

привлекались земскіе органы. Что оставалось дѣлать этимъ послѣднимъ при всеобщемъ оскуданіи? — Или разориться самимъ, или разорять другихъ. Люди съ совѣстью, знавшіе цѣну клятвамъ передъ крестомъ, воячески старались избѣжать лестнаго довѣрія «міра» и Московскаго государства; его съ легкимъ сердцемъ принимали на себя люди, не обремененные тяжкимъ грузомъ совѣсти. Результатъ—какой-то бѣшеный кабацкій грабежъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну сторону кабацкаго строя Московскаго государства—развитіе *корчемства*.

Прожектеры современной «казенной питейной монополіи», какъ одинъ изъ солидныхъ доводовъ въ пользу своего «прожекта», выдвигаютъ положеніе, что «казенная монополія устраняетъ корчемство». Можетъ-быть это и такъ; можетъ-быть *они* и изобрѣли какія-либо усовершенствованія и махинаціи въ своей системѣ, имѣющія повести къ такому благому результату; но *Московское государство*, потратившее на изобрѣтеніе средствъ къ достиженію таковой цѣли не мало изобрѣтательности, силъ, денегъ и батоговъ, потратило все это напрасно: корчемство царило обокъ съ кабакомъ, нанося огромный ущербъ «прибылямъ» Московскаго государства, развращая и разоряя народъ. Другого результата и получиться не могло: ради «прибылей» въ царскомъ кабакѣ вино продавалось по такимъ высокимъ цѣнамъ, сравнительно съ его стоимостью, что соблазнъ корчемства былъ бодѣе чѣмъ великъ *).

Москва выбивалась изъ силъ въ борьбѣ съ корчемствомъ. Прежде всего при организаціи самого кабака были приняты мѣры противъ корчемства: во-первыхъ, на кабакахъ должны были вестись «книги», въ которыхъ точно записывалось, кому и для чего продано вино въ количествѣ ведра и больше, причемъ покупщику выдавалось удостовѣреніе («память») «на то вино... къ которому дни или на свадьбу или на крестины и на сколько дней... *для того, чтобы сверхъ того не купилъ кто корчемнаго питья*»; во-вторыхъ, головы и цѣловальники сами должны были слѣдить за корчемствомъ, для «выимки» котораго (захвата съ поличнымъ), мы видѣли, они имѣли право требовать отъ воеводъ вооруженную силу. Дальше, правительство изобрѣтало

*) „Какую выгоду получала казна отъ вина,—говоритъ покойный Соловьевъ,—видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю", въ раздробь же доходило *до двухъ* рублей. „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 109.

всевозможныя наказанія для корчемниковъ, начиная съ пени и кончая смертною казнью; притомъ наказаніямъ этимъ иногда подвергались какъ производители и продавцы корчемнаго вина, такъ и его потребители—«питухи». И тѣхъ и другихъ били рублемъ, били и дубьемъ. Кромѣ пени, «торговой казни» или ссылкѣ въ Сибирь предшествовало отобраніе имущества у корчемниковъ. У тайныхъ винокуровъ вино, запасы и вся посуда отбирались на государя; у служилыхъ людей, привозившихъ изъ уѣздовъ (изъ своихъ имѣній) вино въ Москву тайно, для продажи, отбирались «за ту вину» вотчины и помѣстья, которыя приказано было «роздавать въ роздачу челобитчикамъ», т. е. доносчикамъ. Если въ корчемствѣ попадались крестьяне, имъ предписывалось «сѣчь руки», а потомъ «ссылать въ Сибирь»; если корчемниками оказывались дворцовые крестьяне, торговые люди, у нихъ «дворы и животы» отбирались «на государя», а ихъ самихъ, послѣ «торговой казни», отправляли въ Сибирь. Даже «и тѣмъ людемъ быть въ наказаньѣ и въ ссылкѣ» полагалось, «кто съ неявленнымъ виномъ (къ себѣ) во дворъ пуститъ» *). И все-таки ничего не помогало. Корчемствомъ, чуть ли не главнымъ образомъ, занимались именно тѣ, кому было поручено наблюдать за нимъ. Какъ это ни странно, имъ часто промышляли тѣ самые кабацкіе головы и цѣловальники, коимъ поручены были царскіе кабаки. Мы не говоримъ уже о такомъ корчемномъ воровствѣ, какъ подмѣшиваніе воды въ вино или продажа его въ не указанное время **),—часто головы продавали вино помимо завѣдываемаго ими царскаго кабака; тѣ стрѣльцы и солдаты, съ вооруженною помощью которыхъ головы должны были производить корчемныя выимки, сплошь и къ ряду не только этимъ выимкамъ не содѣйствовали, а прямо противодѣйствовали имъ, защищая корчемниковъ и сами обращаясь въ нихъ. Мы уже видѣли, что они разносили кабаки и били цѣловальниковъ, когда эти кабаки были закрыты по закону 1652 года. Въ той же жалобѣ головы кабацкаго указывается, что «солдатскаго строя служилые люди приходятъ на кружечный дворъ и продаютъ вино изъ флягъ въ

*) „Доп. къ Акт. Истор.“, т. IV, № 62; т. V, № 40; т. III, № 18. Отъ 1645 г. до 1666 года.

**) Въ одномъ изъ указовъ царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ угрозой головамъ и цѣловальникамъ за торговлю виномъ въ дни запрещенные закономъ 1652 года отбирать дворы и животы и ссылать въ Сибирь; Сибирью же и отобраніемъ помѣстій грозятъ и воеводамъ, не усмотрѣвшимъ такого корчемства.

чарки явно», когда эти дворы заперты «въ запрещенные дни». Въ 1614 году бѣлозерскій кабацкій голова доносилъ въ Москву, что стрѣльцы занимаются корчемствомъ: «какъ пріѣхалъ на Бѣлоозеро стрѣлецкій голова Иванъ Ушаковъ и онъ далъ стрѣльцамъ волю въ городѣ держать продажное питье, и ему (кабацкому головѣ) *тѣ стрѣльцы чинятца сильны, вынимать* у себя того продажнаго *питья не даютъ*» [1]). У Соловьева разсказанъ случай столкновенія—въ концѣ XVII ст.—изъ-за корчемства стрѣльцовъ съ солдатами въ самой Москвѣ,—столкновенія, перешедшаго почти въ правильный вооруженный бой, въ которомъ на одной сторонѣ было 800 человѣкъ, на другой—1.300; стрѣльцы явились съ приказнымъ подъячимъ сдѣлать выимку корчемнаго питья у солдатъ Нѣмецкой слободы, и тѣ защищались вооруженно [2]). Въ центрѣ Москвы, обокъ съ царскимъ дворцомъ, въ самомъ Кремлѣ, въ томъ самомъ Приказѣ Земскомъ, который вѣдалъ главнымъ образомъ тогдашнюю полицію, корчемство было организовано на самыхъ широкихъ началахъ. Въ подметномъ письмѣ на имя царя разсказывалось, что въ земскомъ дворѣ собрались многіе воры изъ ссылокъ, бѣглые солдаты [3])... *торгуютъ виномъ* и табакомъ..., вино продаютъ въ чарки, въ ковши и въ склянницы и подъ заклады даютъ, а заклады принимаютъ таишные и розбойные и сами пьяныхъ грабятъ». Эти корчемники организовались въ правильныя артели, между членами коихъ и дѣлилась корчемная прибыль, которая съ вина и табаку, по словамъ автора письма, «сходитца на мѣсяцъ рублевъ по тысячѣ и больши». А Земскаго Приказа *«начальные люди* про то ихъ воровство право вѣдаютъ, да покрываютъ, потому что они и *съ ними во всемъ дѣлятца»* [4]). Начальные люди не одного Земскаго Приказа прикрывали корчемниковъ,—изъ того же самаго дѣянія извлекали выгоды начальные люди и другихъ приказовъ, какъ оказалось въ концѣ XVII вѣка. Если у правительства не было силъ бороться съ корчемствомъ въ самой Москвѣ, въ средоточіи всяческихъ властей, то что же происходило «въ городахъ», гдѣ все вѣдали, въ качествѣ представителей высшаго надзора, воеводы, получавшіе, какъ мы видѣли, солидные кормы съ каба-

---

[1]) „Акты Историч.“, т. III, № 44.

[2]) „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 222.

[3]) Эти бѣглые всякаго рода состояли главнымъ образомъ въ *мѣтельщикахъ*, счищавшихъ улицы во время царскихъ выходовъ.

[4]) *Прыжовъ*, стр. 91 и 92.

ковъ и заботившіеся по преимуществу объ этихъ «корняхъ»? О происходившемъ можно догадываться уже изъ того факта, что сплошь и къ ряду воеводы устранялись отъ завѣдыванья кабаковъ царскихъ и для этого изъ Москвы высылались особые люди, или, напримѣръ, изъ того, что правительство само заявляло о покровительствѣ воеводами корчемниковъ и грозило имъ въ случаѣ такого ихъ «для своей бездѣльной корысти» поведенія всякими карами. Воеводы шли даже и дальше простого покровительства корчемству: *они занималися имъ и сами;* на это есть указанія относительно сибирскихъ воеводъ, которые, имѣя право везти съ собою изъ Москвы опредѣленное количество питій на свой обиходъ, «возятъ съ собою,—какъ говоритъ царская грамота 1680 года,—многіе вина и меды... *для торговли*» *). Для производства этой торговли воеводы, подъ надзоромъ своихъ родственниковъ, устраивали открыто кабаки, на которыхъ торговля производилась, какъ и на царскихъ, съ закладомъ, боемъ, грабежомъ и т. д. **).

А какая масса труда и денегъ затрачивалась на борьбу съ корчемствомъ!

Итакъ, разоренный войнами и всякими поборами, народъ Московскаго государства еще пуще разорялся царскимъ кабакомъ. Само Московское государство, въ значительной степени жившее доходами съ питей, теряло солидную долю этихъ доходовъ благодаря такому разоренію народному и корчемству, которое опять-таки разоряло нашъ же народъ. Гдѣ же причина такого положенія?—Мы не беремся отвѣчать сами на этотъ вопросъ; ограничимся тѣмъ отвѣтомъ на него, который дали въ XVII столѣтіи лучшіе люди Московскаго государства, хотя, правда, и зараженные обаяніями уже и тогда, по мнѣнію москвичей, погибшаго Запада. Извѣстный Юрій Крыжаничъ, будучи уже въ Сибири, писалъ о пьянствѣ на Руси. По его словамъ, можно обойти весь свѣтъ широкій «и нигдѣ не найти такого мерзскаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко на Руси». И причину этого

---

*) „Акты Историч.“, т. V, № 51, II. Грамота предписываетъ верхотурскимъ воеводѣ и кабацкому головѣ отбирать у проѣзжающихъ въ Сибирь воеводъ такое *лишнее* вино и за упущенія въ этомъ случаѣ грозитъ воеводѣ опалой, а кабацкому головѣ „разореніемъ и казнью безо всякой пощады“. По этому уже можно судить, какъ развито было *воеводское корчемство.*

**) *Соловьевъ:* „Истор. Россіи“, т. IX, стр. 401.

страшнаго зла Московскаго государства, такъ поразившаго ученаго серба, онъ видитъ главнымъ образомъ въ «самоторжіи», царскомъ кабакѣ: «а тому причина есть корчемное самоторжіе или кабаки». И объясняетъ онъ это такъ: кромѣ царскаго кабака, вина нигдѣ достать нельзя и выпить его негдѣ, кромѣ того же кабака, который хуже свиного хлѣва и питье на которомъ, продаваемое по бѣсовски-дорогой цѣнѣ, хуже помой; да и эти *адскіе кабаки* не подъ руками у народа, почему люди, дорвавшись до питья, дѣлаются «жадны, безстыдны и почти бѣшены»: какую посудину ни подай, «они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ». Если,—говоритъ онъ,—иногда и варилось вино съ приказнаго позволенія дома, то въ этомъ позволеніи предписывалось выпить свареное «въ три или четыре дня», отсюда—и упиваются черезъ силу. «Всія злости и неподобія,—восклицаетъ Крыжаничъ въ заключеніе,—и грѣхоты, и тщеты постуды всего народа исходятъ изъ проклятаго корчемнаго самоторжія!» *) Ту же самую мысль поддерживалъ и знаменитый любимецъ царя Алексѣя Михайловича — Ординъ-Нащокинъ. Онъ также все зло видѣлъ въ царскомъ кабакѣ, въ замѣнъ котораго предлагалъ вольную продажу вина съ уплатой въ пользу казны извѣстнаго процента съ вырученной отъ продажи суммы. Онъ даже, будучи воеводой во Псковѣ, добился введенія своей системы въ этомъ городѣ, гдѣ она и примѣнялась въ теченіе... *двухъ лѣтъ*. Смѣнившій его Хованскій, великій радѣтель московскихъ порядковъ, истребилъ это «новшество», возстановивъ царскій кабакъ на откупу.

Оригинально объяснялъ авторъ неудавшейся реформы питейнаго дѣла привязанность Москвы къ царскому кабаку въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю: «На Москвѣ нерадятъ о государевыхъ дѣлахъ эй дурно. Царь, *думные дьяки* занимаются хитростями и *кружечными* дѣлами».

Предоставляемъ читателю рѣшить, взводилъ ли въ данномъ случаѣ пылкій новаторъ напраслину на царскихъ совѣтныхъ людей, или говорилъ правду.

Прошло больше двухъ сотъ лѣтъ, а кабацкій вопросъ остается все тѣмъ же вопросомъ, и рѣшить его наровятъ все такъ же. Неужели теорія итальянца Вико о круговращеніи въ исторіи примѣнима и къ россійскому кабаку? Прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ,

*) Мы цитировали Крыжанича по Прыжову, стр. 115 и 116.

и снова хотятъ вернуться вспять къ кабацкому «самоторжію», проклятому лучшими людьми Московскаго государства.

И теперь, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, хотятъ изъ кабака извлекать возможно больше на нужды государства, и теперь, какъ тогда, *только въ немъ самомъ*, въ его организаціи хотятъ видѣть альфу и омегу зла и добра народнаго.

Правда, недавно какія-то губернскія коммиссіи, большинство, указали, какъ на причину пьянства, на невѣжество народа и его экономическое положеніе. Но это, очевидно, зараженные «вѣяніями», плохіе «патріоты своего отечества»,—настоящіе же думаютъ чуть не обновить отечество возстановленіемъ чего-то вродѣ царскаго кабака Московскаго государства.

И. Дитятинъ.

24 апрѣля.

МАГИСТРЪ и ФРОСЯ.

Ихъ первые шаги въ жизни.

ПОВѢСТЬ.

V *).

На другой день,—это было воскресенье,—Петръ Ивановичъ не пришелъ и книгъ никакихъ не прислалъ. За то Терезія влетѣла, какъ вихрь, въ ея комнату и объявила, что сегодня они идутъ на славянскій балъ, и что ее, Фросю, вѣроятно, братъ поведетъ туда.

Фрося удивилась,—она ничего не слышала объ этомъ балѣ.

Терезія даже руками всплеснула.

— Сорокъ лѣтъ австрійское правительство запрещало славянамъ собираться вмѣстѣ. Тамъ будутъ славяне не только со всей Вѣны, но и изъ окрестныхъ городовъ. Это будетъ нашъ праздникъ! — воскликнула она. — Вы должны идти съ нами, вы должны услышать наши пѣсни! Вы увидите, какъ чехи будутъ танцевать «бесѣду». Тутъ она нагнулась къ уху Фроси и стала шептать:

— Ея тетенька, вѣдь, тоже богемка, но она скрываетъ это. Здѣсь многіе чехи отреклись отъ своихъ, но Августъ, братъ ея, говоритъ, что лучшіе работники въ Вѣнѣ—богемцы.

Явилась г-жа Творшекъ и въ свою очередь начала уговаривать Фросю идти съ ними; она увѣряла, что весь домъ пойдетъ и что ей даже опасно оставаться одной. Нельзя было не согласиться съ справедливостью ея доводовъ, она только не знала, какъ посмотритъ на это ея братъ.

— О, не безпокойтесь,—воскликнула г-жа Творшекъ,—мы сейчасъ пошлемъ Августа спросить объ этомъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

Господина Соколова не застали дома и Фрося рѣшилась уже идти безъ его согласія.

Ей никогда не случалось бывать на общественныхъ балахъ, но въ пансіонѣ и потомъ на вечеринкахъ у своихъ знакомыхъ она всегда танцевала съ большимъ увлеченіемъ. Теперь она невольно улыбалась, думая о томъ, что ея хозяйка, которую она не могла себѣ иначе представить, какъ въ кухонномъ передникѣ или за перчаточнымъ станкомъ, вдругъ вывезетъ ее на первый балъ. «Смѣшно будетъ». Но она не знала заграничной жизни. Тамъ даже дѣйствительно кухарки умѣютъ, если захотятъ, быть изящными и нарядными, а г-жа Творшекъ, въ своемъ лиловомъ шелковомъ платьѣ и кружевной шляпѣ, имѣла очень внушительный видъ. Терезія была, точно весенняя бабочка, вся свѣтлоголубая, воздушная. Фрося, увидавъ ихъ, почувствовала необходимость вынуть изъ сундука свои лучшіе наряды. Она разсердилась, надѣвая свое свѣтлосиреневое платье, отдѣланное бѣлыми лентами: оно оказалось и узко, и коротко. Зеркало отразило въ себѣ ея прекрасную грудь и плечи,—они были окружены теперь горячей кистью любви, которая есть лучшій художникъ,—но Фрося не умѣла собою любоваться. Она торопилась, раскраснѣлась, даже шея ея покрылась красными пятнами; но все же, когда она перевязала свои прекрасные, вьющіеся волосы черною лентой и вышла къ своимъ спутницамъ, Терезія всплеснула руками и поцѣловала ее. Г-жа Творшекъ посмотрѣла на двухъ молодыхъ дѣвушекъ торжествующимъ взглядомъ, который ясно говорилъ: «Какова дѣвушка, которую я поведу на балъ!» Гг. Карлъ и Августъ, оба завитые, раздушоные, въ свѣтленькихъ панталончикахъ и синенькихъ сюртучкахъ, поняли свою тетеньку и почтительно поклонились Фросѣ.

Они отправились пѣшкомъ, и долго же пришлось имъ идти—цѣлыхъ два часа! Августъ, ведшій Фросю, просилъ ее какъ можно крѣпче опираться на его руку, а Терезія для примѣра висѣла на рукѣ своего жениха. Бѣдная Фрося нѣсколько разъ садилась на тумбу и отказывалась идти дальше; но сегодня было воскресенье и мѣста въ общественныхъ каретахъ нельзя было достать ни за какія блага міра. Пришли они къ Швендеру всѣ сѣрые отъ пыли, измученные и красные.

Нижняя зала была уже биткомъ набита народомъ. Обязательный распорядитель, пробираясь въ толпѣ и безпрерывно извиняясь, провелъ ихъ къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ. Нѣсколько

мужчины тотчасъ встали и уступили свои мѣста на широкихъ каменныхъ ступеняхъ дамамъ. Вечеръ давно начался: пѣлись богемскія, моравскія и польскія пѣсни, а въ антрактахъ играла прекрасная музыка. Фрося съ наслажденіемъ отдалась обаянію того веселаго оживленія, которымъ были проникнуты всѣ, и среди нѣсколькихъ тысячъ славянъ въ первый разъ въ жизни она почувствовала наслажденіе исчезнуть въ толпѣ и раздѣлить съ ней всѣ ея радости и всѣ ея симпатіи.

Толпа вдругъ разступилась,—кто-то вошелъ; всѣ встали и раздалось оглушительное: «Слава, слава, слава!» Фрося тоже поднялась и кричала: «Слава, слава!» Г-жа Творшекъ, какъ истая онѣмеченная богемка, съ улыбкой снисхожденія посмотрѣла на нее, но она этого не замѣтила; ей хотѣлось знать, кого привѣтствуютъ. Это оказался Палацкій.

Опять кто-то вошелъ и опять раздалось: «Слава, слава», но уже не такъ оглушительно, какъ прежде. Пѣвцы запѣли слышанный ею отъ Терезіи чешскій патріотическій гимнъ: «Гдѣ домъ мой, гдѣ земля моя!» Одушевленіе охватило всѣхъ, со всѣхъ сторонъ слышалось подтягиваніе этому гимну, и Фрося вторила всѣмъ съ никогда неиспытаннымъ энтузіазмомъ. Какъ хорошо!

Но вотъ раздались два-три аккорда. Она вздрогнула и быстро вскочила на ноги. И понеслась пѣсня заунывная, грустная; она дышала безнадежностью необъятнаго пространства, точно что-то великое было погребено въ ней. Точно кто-то стоналъ въ ней и плакалъ. Это была пѣсня ея родины. Печальныя, снѣжныя равнины, тяжелая жизнь, безсильные порывы, тупое отчаяніе—все соединилось вмѣстѣ и вылилось въ тѣ звуки, которые заставляютъ дрожать русское сердце. Фрося была охвачена глубокимъ волненіемъ, слезы стояли въ глазахъ ея и родныя картины носились передъ ея отуманеннымъ взоромъ.

Но еще послѣдніе звуки не замерли, дрожали въ воздухѣ, а въ верхней залѣ уже раздавалась полька Штрауса: «Wein, Weib und Liebe!» Толпа хлынула туда и унесла съ собою Фросю. Взволнованная, съ незасохшими слезинками на рѣсницахъ, съ душой потрясенной грустными аккордами родной пѣсни, очутилась она совершенно одна среди возбужденныхъ красныхъ лицъ. Три молодыхъ человѣка подлетѣли къ ней просить ее на польку. Она, сконфуженная, оглядывалась подъ впечатлѣніемъ только-что слышанной русской пѣсни; она забыла нѣмецкую рѣчь,—это всегда

съ ней случалось, если воспоминанія родины овладѣвали ею. Произошла маленькая ссора. На выручку къ нимъ подошелъ какой-то господинъ съ почтенной наружностью и молодые люди отдались ему на судъ. Онъ взялъ Фросю подъ руку, вынулъ носовой платокъ и кинулъ жребій. Каждый кавалеръ послѣ тура польки возвращалъ Фросю подъ покровительство старика. Обращеніе его съ ней было исполнено такой граціозной предупредительности и чисто-отеческой заботливости, что Фрося склонна была думать, что стоитъ подъ руку съ какимъ-нибудь богемскимъ княземъ, или ужь по крайней мѣрѣ съ нѣмецкимъ барономъ.

Когда полька кончилась, онъ подъ руку съ ней прошелся нѣсколько разъ по залѣ.

— Вы англичанка?— спросилъ онъ ее, и когда узналъ, что она русская, то посмотрѣлъ на нее съ такимъ удивленіемъ, что Фрося невольно разсмѣялась.

Въ концѣ залы она увидѣла свою хозяйку, окруженную своими спутниками. Она имъ такъ обрадовалась, что даже захлопала въ ладоши. Г-жа Творшекъ искала ее, и всѣ они очень безпокоились. Тутъ покровитель Фроси съ одушевленіемъ разсказалъ, какъ молодые люди поспорили, кому танцевать съ ней, и какъ онъ помирилъ ихъ, причемъ иностранка вполнѣ отдалась на его судъ. Всѣ слушавшіе пришли въ восторгъ. Фрося, смутно понимавшая, что дѣло идетъ о ней, весело засмѣялась. Потребовали пива, и нѣсколько молодыхъ людей со старымъ джентльменомъ во главѣ выпили «брудершафтъ» и поклялись доставлять иностранкѣ самыхъ лучшихъ кавалеровъ и защищать ее, хотя никто не зналъ—отъ кого и отъ чего. Началась кадриль. Старикъ скомандовалъ привести распорядителя.

Явился молодой красавецъ-русинъ съ краснымъ бантомъ на рукавѣ, въ бѣлой сорочкѣ, вышитой заполочьемъ, въ широкихъ шароварахъ и лакированныхъ сапогахъ, точь-въ-точь какъ одѣваются малороссы.

— Малороссъ!—вскричала Фрося въ восторгѣ.

— Малороссъ,—отвѣчалъ тотъ и увелъ ее танцевать кадриль.

Русинъ восхищался праздникомъ, восхищался русскими. Фрося увидѣла, что это одинъ изъ тѣхъ добрыхъ славянъ, которые ненавидятъ нѣмцевъ и готовы признать надъ собой владычество Россіи.

— Вы хотите быть нашимъ подданнымъ?—спросила она.

Да, онъ желаетъ быть подданнымъ Россіи вообще и ея подданнымъ въ частности. Фрося благосклонно принимаетъ его подданство и обѣщаетъ самое широкое гостепріимство всѣмъ добрымъ славянамъ, которые предпочтутъ русскихъ этимъ противнымъ нѣмцамъ. Въ концѣ кадрили они оба до такой степени ненавидѣли нѣмцевъ, что готовы были тотчасъ вступить съ ними въ сраженіе.

Русинъ, согласно приказаніямъ ея защитниковъ, привелъ Фросю въ царство ея подданныхъ. Началось опять пивопитіе за ея здоровье. Фрося должна была пригубить одну изъ кружекъ, и эту кружку всѣ, перебивая другъ друга, распили. Всѣмъ было необыкновенно весело. Это было какое-то опьяняющее веселье.

На слѣдующую кадриль ей опять подвели красавца-распорядителя, находя, вѣроятно, что прекрасная иностранка можетъ танцевать только съ избранными.

Фрося была увѣрена, что новый ея кавалеръ-чехъ—тоже вѣрный ея подданный; и какъ же она удивилась, когда, въ отвѣтъ на ея покровительственныя заявленія сочувствія, добрый чехъ разразился потокомъ ругательствъ противъ Россіи. Фрося мгновенно почувствовала себя точно въ непріятельскомъ лагерѣ и къ концу кадрили должна была выслушать неопровержимыя доказательства того, что чехамъ незачѣмъ лѣзть къ народу, который при всемъ своемъ богатствѣ мретъ съ голоду. Патріотическое чувство Фроси было сильно возбуждено и она протестовала.

— Я былъ въ Россіи!—воскликнулъ чехъ:—я знаю, что у васъ не существуетъ средняго рабочаго класса. Какъ вы думаете, кто васъ окружаетъ?

— Князья, графы и бароны!—отвѣчала Фрося шутя.

— Васъ окружаютъ ткачи, шапочники, башмачники и столяры. Этотъ старый джентльменъ—ткачъ изъ Weringer Strasse, а молодые люди—подмастерья и работники. Попробуйте въ Россіи явиться куда-нибудь одной и окружить себя подобнымъ обществомъ.

Не знаю, было ли сильно въ Фросѣ демократическое чувство, но я съ достовѣрностью могу сообщить, что веселость ея не уменьшилась отъ того, что ее окружали ткачи и башмачники и что не всѣ добрые славяне желаютъ быть ея подданными.

На третью кадриль ей подвели русскаго князя. Этотъ послѣдній, какъ свойственно всѣмъ нашимъ соотечественникамъ, тот-

часъ сталъ распрашивать, кто она, и Фрося невольно пожалѣла, зачѣмъ ей не привели какого-нибудь сапожника,—тотъ, по крайней мѣрѣ, толковалъ бы о политикѣ, а ее оставилъ въ покоѣ. Она отвѣчала нехотя и въ первый разъ во весь вечеръ начала скучать. Князь разсказалъ ей, что онъ тотчасъ плясалъ съ богемской кухаркой, которая безпрестанно кидалась въ его объятія. Фросѣ оставалось только похвалить его за такой демократическій поступокъ. Онъ распространился, кромѣ того, о томъ, какъ онъ съ однимъ русскимъ пріятелемъ были выбраны въ распорядители, и прибавилъ, что она видитъ передъ собой истиннаго поклонника и защитника славянскаго элемента и что Россіи стоитъ только кивнуть пальцемъ, чтобы Чехія кинулась въ ея объятія,—должно-быть подобно той богемской кухаркѣ, которая постоянно кидалась въ объятія князя. Свѣтъ не видывалъ подобнаго сочетанія: русскій князь и—чешская кухарка! Европа должна была проникнуться благоговѣніемъ отъ столь невиданнаго зрѣлища и толкнуть демократическую чехію въ объятія царственной Россіи! Подъ конецъ онъ затянулъ пѣсню на тему, какое наслажденіе встрѣтить соотечественницу въ лицѣ таинственной незнакомки, отъ которой всѣ распорядители безъ ума.

Фрося несказанно была рада, когда кадриль кончилась. Она не пожелала идти съ княземъ внизъ познакомиться съ русскими и вернулась опять къ своимъ защитникамъ, гдѣ объявила, что не желаетъ больше танцевать съ русскими князьями. За этими словами послѣдовалъ взрывъ общаго восторга и Негг Августъ, вѣроятно вслѣдствіе убѣжденія въ несомнѣнныхъ демократическихъ чувствахъ Фроси, заявилъ со слезами на глазахъ, что она должна протанцевать съ нимъ «вальцекъ» *) и что если она не согласится, то онъ... Слезы помѣшали договорить, что̀ произойдетъ съ нимъ, бѣднымъ юношей. Госпожа Сватекъ имѣла торжествующій видъ,—она нѣкоторымъ образомъ вывезла Фросю въ свѣтъ и юноши, приходящіе отъ нея въ восторгъ, должны проникнуться немалымъ удивленіемъ къ ея особѣ.

Фросю уговорили танцевать совершенно незнакомый ей чешскій танецъ—«бесѣду», причемъ былъ брошенъ жребій всѣми присутствующими кавалерами, и счастье выпало на долю распорядителя, не желающаго быть подданнымъ Россіи. Остальная компанія возымѣла желаніе окружить танцующую пару; но пожилой

*) Вальсъ—по-чешски.

ткачъ изъ Weringer Strasse воспротивился этому самымъ настоятельнымъ образомъ и, ставъ позади танцующей пары, имѣлъ случай убѣдиться, что чехъ хотя и не желаетъ быть подданнымъ Россіи, но совершенно напрасно, потому что молодая русская могла бы повести его за собой куда угодно. Фросю смущалъ этотъ танецъ «бесѣда», гдѣ въ концѣ каждой фигуры музыка быстро играла, танцующіе плясали съ бѣшенымъ одушевленіемъ, причемъ объятія чеха были такъ близки и дыханіе его такъ горячо, что она невольно оглядывалась назадъ и каждый разъ встрѣчала ободряющій взглядъ стараго ткача, который говорилъ ей: «не смущайтесь, не смущайтесь, молодая дѣвица,—я за вами».

По окончаніи бесѣды ткачъ подалъ Фросѣ руку; молодой чехъ не посмѣлъ противиться и ушелъ внизъ, а старикъ, вернувшись на мѣсто, шепнулъ хозяйкѣ на ухо: «Die jungen sind ganz in sie verliebt!»

Началась мазурка. Фросѣ подвели только-что кончившаго курсъ доктора-поляка. Одинъ изъ молодыхъ людей вышелъ впередъ и произнесъ рѣчь. Фрося поняла только, что онъ приказывалъ поляку не бунтовать, покориться въ лицѣ прекрасной русской Россіи. Полякъ съ комичной покорностью преклонилъ передъ ней колѣно. Она величественно подала руку, и всѣ они цѣлою гурьбой отправились внизъ.

На эстрадѣ, окруженный мужчинами, стоялъ Петръ Ивановичъ въ черномъ фракѣ, съ краснымъ бантомъ, ясно обличавшимъ въ немъ распорядителя. Онъ весь вечеръ находился въ нижней залѣ, и до него смутно доходили отъ распорядителей слухи о какой-то русской красавицѣ. Теперь онъ съ кѣмъ-то серьезно разговаривалъ. Къ нему подошелъ князь и фамильярно хлопнулъ его по плечу. Въ это самое мгновеніе грянула музыка, и пары понеслись.

— Вы здѣсь разсуждаете о важныхъ матеріяхъ, — сказалъ онъ,—и не знаете, что одна изъ нашихъ соотечественницъ произвела революцію въ сердцахъ славянскихъ братьевъ.

— Гдѣ она?—поспѣшно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— А вонъ она несется въ первой парѣ.

«Какъ она неграціозно машетъ рукой,—думалъ князь про себя съ неподдѣльнымъ огорченіемъ,—совсѣмъ неграціозно».

Петръ Ивановичъ глянулъ и обомлѣлъ. Еслибы пары вдругъ понеслись передъ нимъ внизъ головами, еслибы потолокъ обру-

шился надъ его головой, и тогда-бъ онъ не былъ такъ пораженъ, какъ теперь. Въ первую минуту всѣ предметы точно закружились и запрыгали въ его глазахъ вмѣстѣ съ танцующими. Онъ напрягалъ зрѣніе, не смѣя вѣрить, она ли это, Фрося ли это, и убѣдился, что, дѣйствительно, это она. Онъ видалъ ее такой, сверкающей неподдѣльною веселостью и очаровательною простотой; но тогда никто не смотрѣлъ на нее, а теперь она—предметъ общаго вниманія; даже простенькое платье особенно выдѣляло ее изъ толпы. Мысль, что въ эту минуту всѣ спрашиваютъ о ней и восхищаются ею, сверкнула въ его умѣ, какъ молнія, и зажгла мучительное чувство ревности, доходящее до бѣшенства. Губы его дрожали, когда онъ говорилъ князю: это—моя родственница. Я совсѣмъ не зналъ, что она здѣсь.

Въ это время Фрося выдѣлывала какую-то замысловатую фигуру со своимъ кавалеромъ, который не уступалъ ей въ красотѣ и молодости и тоже обращалъ на себя вниманіе. Раздались позади ихъ легкія рукоплесканія; князь вторилъ имъ, а Петру Ивановичу хотѣлось разможжить голову этому поляку. Имъ овладѣло бѣшеное желаніе отнять Фросю у ея кавалера и отвести домой.

Съ этою цѣлью онъ сталъ пробираться среди толпы, что было не совсѣмъ легко сдѣлать, потому что толпа все тѣснѣе сдвигалась, а мѣсто для танцующихъ все болѣе и болѣе съуживалось. Протолкавшись кое-какъ, онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фроси наткнулся на г-жу Творшекъ, видъ которой немного отрезвилъ его. Она очень любезно пропустила его впередъ. Нетт Карлъ, знавшій Петра Ивановича и стоявшій возлѣ Фроси, шепнулъ ей:

— Вашъ братъ здѣсь.

Фрося обернулась и протянула ему руку. Глаза ея говорили: «Мнѣ очень весело, но я тебя не забыла». Она опять понеслась, а Петръ Ивановичъ стоялъ и соображалъ, что ему дѣлать. Онъ осмотрѣлъ молодыхъ людей, окружающихъ Фросю, и увидавъ, что между ними не было ни одного русскаго, рѣшилъ увести ее. Когда она вернулась на свое мѣсто, онъ сказалъ ей по-французски, что немедленно уходитъ и желаетъ ее проводить. Фрося охотно повиновалась,—она утомилась отъ танцевъ и рада была освѣжиться, особенно если съ нею пойдетъ Петръ Ивановичъ. Защитники ея воспротивились этому самымъ настоятельнымъ образомъ: Нетт Августъ объявилъ, что онъ умретъ, если она не

протанцуетъ съ нимъ «вальцекъ», а мазуристъ-полякъ наговорилъ цѣлую кучу чего-то такого, чего никто не понялъ; сюда же вмѣшались г-жа Творшекъ и старый ткачъ: они стали доказывать, что иностранка устала и что братъ имѣетъ полное право увести ее, особенно если она сама этого желаетъ.

Итакъ, Фрося съ Петромъ Ивановичемъ удалились. Когда оба распорядителя узнали, что ее увелъ какой-то братъ, то выразили положительное сомнѣніе, чтобъ это былъ братъ ея, на что г-жа Творшекъ и старый ткачъ сильно разсердились, а Негг Августъ разбилъ кружку и объявилъ, что никогда никого на свѣтѣ не любилъ такъ, какъ ее, и что онъ желалъ бы на ней жениться. Товарищи стали поддразнивать его и одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Такая принцесса не станетъ сама стряпать и мыть тебѣ рубашки.

На это Негг Августъ отвѣтилъ:

— Sie wird scho *) lernen! O, sie wird scho lernen!

Когда Петръ Ивановичъ вышелъ съ Фросей на свѣжій воздухъ послѣ душной бальной атмосферы, она не думала его допрашивать, отчего онъ былъ на балѣ и отчего не сказалъ ей объ этомъ. Она довѣрчиво оперлась на его руку и, выслушавъ исторію, какъ онъ нечаянно попалъ сюда, увѣряла, что ей потому было такъ весело, что онъ невидимо для нея присутствовалъ здѣсь.

Воздухъ былъ такъ упоительно свѣжъ, небо глубоко и звѣздно, луна скрылась и разсвѣтъ занимался уже на востокѣ. Петръ Ивановичъ, на котораго общественный приговоръ имѣлъ громадное вліяніе, съ гордостью сжималъ руку Фроси. Онъ любилъ ее, какъ никогда прежде, и съ восхищеніемъ думалъ, что она его, его безраздѣльно.

Въ этотъ вечеръ онъ увидалъ ее въ совершенно новомъ для себя свѣтѣ. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что эта робкая Фрося, чуждая всякаго тщеславія и, повидимому, не подозрѣвавшая о своей красотѣ, вдругъ привлечетъ на себя вниманіе такого многочисленнаго и разнообразнаго общества. Онъ менѣе всякаго простодушнаго ткача могъ понять, что прелесть ея заключалась не въ красотѣ,—ея въ строгомъ смыслѣ слова не было совсѣмъ,—но въ ея неподдѣльной простотѣ, въ отсутствіи гордаго сознанія

*) Богемцы простолюдины говорятъ вмѣсто schon—„scho“.

своего превосходства, въ умѣньи поддаваться общему настроенію, въ дѣтской довѣрчивости и той почти геніальной способности вдругъ, точно по какому-то вдохновенію, понять смыслъ народнаго увлеченія. Въ этотъ вечеръ, когда она опиралась на руку стараго ткача и танцевала съ подмастерьями, она ближе была къ народному празднику, чѣмъ многорѣчивый князь и Петръ Ивановичъ, и ей, не понимавшей славянскаго вопроса, всѣ охотно повѣряли свои симпатіи и антипатіи. Петръ Ивановичъ, увидавъ ее, почувствовалъ всю невыгоду своего положенія, какъ человѣка женатаго.

На дорогѣ у нихъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Я, милочка моя, никакъ не подозрѣвалъ, что ты умѣешь такъ хорошо танцевать, право. Гдѣ ты этому научилась?

— Я и сама не знаю. Сегодня я всѐ дѣлала точно по вдохновенію.

— Тебѣ, я думаю, надоѣли съ комплементами?

— Кажется, мнѣ никто не говорилъ никакихъ комплиментовъ,—я по крайней мѣрѣ не замѣтила,—но я отъ души веселилась. Я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь было такъ весело, какъ сегодня. А между тѣмъ я шла неохотно,—потому только, чтобы не остаться одной въ домѣ.

— Я жалѣю, что не видалъ тебя въ началѣ вечера,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— О, это было уморительное начало!—отвѣчала Фрося и подпрыгнула, вспоминая добродушное лицо стараго ткача.

Петръ Ивановичъ выспросилъ все до мельчайшихъ подробностей. Фрося изъявила желаніе ближе познакомиться съ этими добрыми славянами. Это желаніе показалось Петру Ивановичу очень опаснымъ, и теперь онъ еще болѣе желалъ удалить ее отъ постороннихъ взглядовъ. Его всю ночь мучила ревность. Опасности покуда еще не было; но опасность могла и можетъ быть, если она захочетъ воспользоваться всѣми своими свойствами.

Онъ упрекалъ себя, что все это время въ Вѣнѣ неглижировалъ ею, что въ головѣ ея могли помимо ея самой возникнуть разныя сравненія, разныя желанія и тому подобное. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ уѣхать съ нею куда-нибудь хоть на время. Князь пришелъ къ нему на помощь: онъ уѣзжалъ на двѣ недѣли въ Парижъ и предложилъ Петру Ивановичу занять его дачу въ Дорнбахѣ. Петръ Ивановичъ съ радостью согласился и тотчасъ побѣжалъ сообщить объ этомъ Фросѣ.

Фрося въ немногіе часы, остававшіеся до утра, заснула сномъ праведницы. Ей и въ голову не приходило, чтобы балъ этотъ имѣлъ какое-нибудь вліяніе на чувства къ ней Петра Ивановича.

VI.

Дорнбахъ — это прелестное подгородное имѣніе графа Шварценберга — находится верстахъ въ трехъ отъ Вѣны. Скоро, вѣроятно, городъ подойдетъ къ нему очень близко. Оно столько же уединенно, какъ и многолюдно. Въ праздникъ, когда вся рабочая Вѣна устремляется сюда по желѣзноконной дорогѣ, его парки и лѣса наполняются шумной праздничною толпой, и любители уединенія могутъ спрятаться только въ своихъ собственныхъ дачахъ. Даже палисадники передъ домами, окруженные прозрачными рѣшетками, становятся доступными если не для ногъ, то для взглядовъ любопытныхъ.

Одну изъ такихъ дачъ съ хорошенькимъ палисадникомъ, всю розовую, обвитую плющомъ и дикимъ виноградомъ, занялъ Петръ Ивановичъ съ Фросей. Первая недѣля пролетѣла необыкновенно быстро. Они иногда бродили по лѣсамъ до изнеможенія. Петръ Ивановичъ все больше говорилъ; они не захватили съ собой ни одной книги и только прочитывали *Петербургскія Вѣдомости*, получаемыя княземъ. Въ концѣ второй недѣли Петръ Ивановичъ сталъ задумываться, а Фрося тревожно спрашивала себя, какъ они вернутся въ Вѣну и какъ станутъ жить опять. Дорнбахъ терялъ для нея всякую прелесть вслѣдствіе той неопредѣленности, какая предстояла ей. Петръ Ивановичъ всячески избѣгалъ говорить объ этомъ предметѣ, и когда Фрося однажды замѣтила, что такъ жить скучно, онъ обрушился на нее цѣлымъ потокомъ фразъ.

— Это потому происходитъ,—восклицалъ онъ,—что въ тебѣ мало поэзіи! Ты не умѣешь отдаться всецѣло какому-нибудь чувству такъ, чтобъ оно заглушило въ тебѣ всѣ остальныя требованія. Ты никогда не поймешь наслажденія переѣзжать съ мѣста на мѣсто, черпать новыя впечатлѣнія, наблюдать новыя лица и новые обычаи.

— Но, другъ мой,—воскликнула Фрося,—развѣ мы что-нибудь наблюдаемъ? Развѣ мы къ чему-нибудь присматриваемся? Во все пребываніе наше здѣсь мы не сказали двухъ словъ ни съ однимъ нѣмцемъ, если не считать нашей кухарки. Ты чув-

ствуешь отвращеніе къ нѣмецкимъ газетамъ. До сихъ поръ я живу здѣсь, въ Вѣнѣ, какъ жила въ Петербургѣ; тѣ же *Петербургскія Вѣдомости*, но тамъ онѣ были отраженіемъ жизни, насъ окружающей, а здѣсь кругомъ меня кипитъ жизнь, которой я совсѣмъ не понимаю, къ которой я даже подойти не могу, потому что ты презираешь ее.

— И имѣю на это полное право... Я презираю нѣмцевъ и знать не хочу ихъ нѣмецкой жизни! У меня есть свои заботы, свои интересы и стремленія, меня наконецъ занимаетъ природа, я упиваюсь ея прелестями и счастливъ; а вы этого не понимаете, и это есть недостатокъ поэзіи въ человѣкѣ, недостатокъ непосредственной наблюдательности, отсутствіе способности почувствовать прелесть чего-нибудь. Этимъ страдаетъ вся наша теперешняя молодежь.

— А ты самъ, ты не принадлежишь къ теперешней молодежи?—спросила Фрося.

— Нѣтъ, ужь извините, пожалуйста,—я иначе воспитанъ. Я умѣю откликнуться на все прекрасное. Во мнѣ нѣтъ того тупого непониманія красоты, какимъ вы отличаетесь и даже гордитесь.

— Кого ты подразумѣваешь подъ этимъ «вы»?

— Я?... Кого я подразумѣваю?—началъ Петръ Ивановичъ протяжно.—Тебя, твоего братца...

Фрося нетерпѣливо повела плечами, а онъ продолжалъ:

— Твоихъ пріятельницъ. Я, видите, не знаю молодежи!... Да я ее изслѣдовалъ вдоль и поперекъ: я возился съ нею цѣлыхъ пять лѣтъ.

— И къ чему же ты пришелъ?—спросила Фрося серьезно. Она начинала раздражаться.

— Я пришелъ къ очень интересному выводу. Я дѣлю молодежь на два разряда: мы, то-есть я и подобные мнѣ, составляемъ, если можно такъ выразиться, начало положительное, а вы — отрицательное. Вы вѣдь отворачиваетесь отъ всего, что носитъ названіе чувства; вы не ищете объясненія тому, чего вы не понимаете,—вы просто попираете его ногами; по-вашему древность—хламъ, красота—игрушка праздныхъ людей, любовь—никому ненужная роскошь. Вы, однимъ словомъ, реалисты,—закончилъ онъ,—или нигилисты: это все равно!

Фрося смотрѣла на него широко открытыми глазами. То смутное чувство страха передъ чѣмъ-то, которое она впервые

почувствовала въ гостиницѣ на Грабенъ, теперь въ эти нѣсколько мгновеній выросло въ ней. Его тонъ оскорблялъ ее. Ей стало больно за себя, но особенно за своего брата: онъ ли не умѣетъ любить, онъ ли не готовъ на всѣ жертвы! Неужели восхищаться природой—это такое великое свойство, что кто его не имѣетъ можетъ возбуждать справедливое негодованіе въ другихъ? Да притомъ онъ совсѣмъ не знаетъ Пимена,—какъ же можетъ онъ съ такой увѣренностью судить о немъ, если даже она, сестра его, не можетъ ничего утверждать въ этомъ отношеніи?

И она поспѣшила высказать свою мысль Петру Ивановичу.

— Я не могу судить?!—воскликнулъ онъ тономъ непреоборимаго авторитета.—Это для тебя нужно знать человѣка цѣлый годъ, со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть и обнюхать его, а я рѣшаю по тѣмъ даннымъ, которыя сложились у меня въ умѣ, и я говорю, что братъ твой—реалистъ.

— Да что такое реализмъ, наконецъ? Объясни мнѣ, пожалуйста, какъ ты это понимаешь?

— Какъ я понимаю?... Я достаточно высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ. Это — извѣстное исканіе всюду и во всемъ полезности, это — желаніе все взвѣшивать, все мѣрить на аршинъ будто-бы общественной, а въ сущности—своей личной выгоды; это—сованье носа въ предметы всѣми уважаемые, отсутствіе образованнаго уваженія къ преданіямъ и извѣстнымъ традиціямъ, выработаннымъ цѣлыми поколѣніями. Вы даже Бога способны третировать en canaille.

Фрося вспыхнула.

Какое непонятное противорѣчіе составляло все то, о чемъ онъ говорилъ прежде, съ тѣмъ, что она сейчасъ отъ него слышала! Она живо вспомнила его мысли, которыя онъ высказывалъ о нѣкоторыхъ людяхъ; даже выраженія его врѣзались ей въ память и просились теперь на языкъ.

— Ты помнишь,—перебила она его,—что ты мнѣ говорилъ о Лютерѣ? Развѣ онъ не имѣлъ дерзости запустить руку, куда его предшественники не смѣли заглянуть, и произвелъ цѣлую революцію? Развѣ ты не говорилъ, что онъ отодралъ плѣсень, вѣками накопившуюся на католической религіи? А ты самъ, наконецъ, развѣ не хотѣлъ ты приподнять завѣсу и показать свѣту...

— Пожалуйста, пожалуйста,— остановилъ ее Петръ Ивановичъ рѣзко,—не сравнивай меня и Лютера съ русскими нигили-

стами! Прежде всего мы съ Лютеромъ—люди ученые, останавливаемся на серьезныхъ предметахъ, на такихъ предметахъ, отъ вѣрнаго пониманія которыхъ зависитъ благосостояніе государства; а вы, вы... копаетесь въ вашихъ личныхъ неудовлетвореніяхъ. Мы съ Лютеромъ подойдемъ къ чему-нибудь, вооруженные наукой; а вы, вы—голые люди, свободные отъ всякаго знанія, васъ мучитъ собственное неудовлетворенное самолюбьице, желаніе все попирать ногами, желаніе поставить свое «я» впереди всего! Вотъ хоть ты, напримѣръ: у тебя страсть копаться въ собственныхъ ощущеньицахъ; ей-богу, ты способна разрывать всякую навозную кучу. Ну, чего проще: я прихожу въ восторгъ отъ этихъ прелестныхъ горъ, отъ этого чуднаго воздуха, отъ того, что я весь могу отдаться наслажденію природой и любви къ тебѣ; тебя же точно червякъ какой-нибудь подтачиваетъ и вѣчно заставляетъ передъ всякимъ своимъ чувствіемъ поставить знакъ вопросительный и поломать надъ нимъ голову. Это ничего болѣе, какъ страсть къ резонерству, глупая страсть, ничѣмъ не объяснимая, такъ какъ у тебя никогда не найдется прямого отвѣта на вопросы, которые ты вѣчно задаешь себѣ; но это постоянное теребенье себя и другихъ доставляетъ немало неудобствъ людямъ, живущимъ съ тобой.

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сталъ ходить по комнатѣ.

— Мы вѣчно ссоримся изъ-за пустяковъ,—сказала Фрося, подавляя въ себѣ волненіе и стараясь быть хладнокровной.—Это всегда происходитъ между людьми, которые не хотятъ прямо высказываться другъ другу. Предпринимая эту поѣздку, ты, вѣроятно, хотѣлъ именно мнѣ доставить этимъ удовольствіе. Я жалѣю, что раньше не догадалась объ этомъ. Можетъ-быть, дѣйствительно, ты поэтичнѣе меня и можетъ-быть я со своей грубой натурой совсѣмъ не заслуживаю такихъ изящныхъ и дорогихъ наслажденій,—что же мнѣ дѣлать съ собой? Но вѣдь мы вернемся въ Вѣну: ты—мужчина, ты можешь найти себѣ и общество, и развлеченія, а я?... Мнѣ опять предстоитъ сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ и ждать твоего прихода. Ты отлично знаешь, чего я боюсь и почему не могу восхищаться природой...

Петръ Ивановичъ безнадежно махнулъ рукой. Поѣздка эта не принесла желанныхъ результатовъ,—онъ думалъ, что она вполнѣ успокоитъ Фросю. Но насколько простиралось его пониманіе Фросиной натуры, онъ почувствовалъ, что въ эту поѣздку

еще настоятельнѣе поставился вопросъ: какимъ образомъ обставить эту безпокойную натуру такъ, чтобъ она не останавливалась слишкомъ долго на его особѣ и вообще на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Притомъ послѣднія ея слова показали, какъ далеко способна эта дѣвочка проникать въ его собственныя мысли, и такъ какъ Петръ Ивановичъ всегда желалъ имѣть умственный перевѣсъ надъ ней, то его ужасно непріятно поразило это открытіе.

Имъ однако предстояло вернуться въ Вѣну, но какъ вернуться и какимъ образомъ повести жизнь?... Всѣ эти мысли невольно лѣзли ему въ голову, и весь слѣдующій за тѣмъ день прошелъ безъ всякихъ восторговъ съ обѣихъ сторонъ. Фрося все думала о послѣднемъ разговорѣ. Петръ Ивановичъ представился ей совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Почему онъ можетъ и думать, и говорить, и даже бранить всѣхъ и все, а другіе не смѣютъ никуда совать свой носъ, какъ онъ выражается? Неужели Пименъ настолько хуже его, что о немъ можно говорить только съ пренебреженіемъ,— этотъ дорогой, благородный Пименъ?! Какъ она его теперь любила! А онъ презрительно смелъ ихъ всѣхъ въ одну кучу,—развѣ это не обидно? Конечно, Петръ Ивановичъ—человѣкъ недюжинный, но полководецъ не долженъ презирать своихъ солдатъ, съ которыми идетъ наказать врага или защитить угнетенныхъ. Она готова была нести за нимъ оружіе и кинуться по его первому слову на врага; но если онъ съ презрѣніемъ отнесется къ ней, будетъ ли это справедливо?... Какимъ-то холодомъ повѣяло на нее отъ Петра Ивановича. Она думала, что стоитъ ниже его, но она никакъ не желала всегда оставаться такой; а между тѣмъ слова Петра Ивановича безапелляціонно причисляли ее къ какой-то точно низшей породѣ людей, которымъ никогда не достигнуть высоты, на которой онъ находился. Да и высота ли это наконецъ?—Нѣтъ, нѣтъ! Прочь сомнѣнія!... Если отнять эту увѣренность, что же останется ей?

На другой день имъ предстояло возвратиться въ Вѣну. За чаемъ она робко спросила Петра Ивановича, какъ устроится ихъ будущая жизнь.

Петръ Ивановичъ не сразу нашелся, что отвѣтить. Приходилось говорить прямо,—вилять не было никакой возможности. Его поэтической душѣ стало тѣсно въ грудной клѣткѣ, нёбо высохло и онъ, запинаясь, объявилъ ей, что жить вмѣстѣ имъ неприлично, что имъ нужно скрывать свои отношенія, а иначе

это дурно отзовется на его карьерѣ. Тутъ онъ распространился насчетъ разныхъ положеній, въ какихъ когда-либо находились различныя женщины, но Фрося первый разъ въ жизни совсѣмъ не слушала второй половины его разглагольствованій и, когда Петръ Ивановичъ хотѣлъ въ заключеніе своей рѣчи приласкать ее, отстранила его руку.

— Подожди,—сказала она,—я должна серьезно подумать объ этомъ. Я не была къ этому приготовлена.

И въ глазахъ ея сверкнуло что-то, еще невѣдомое для него.

Фрося надѣла шляпу и вышла изъ дому, не позволивъ Петру Ивановичу слѣдовать за собой. Онъ повалился на диванъ и думалъ, думалъ, но ничего не выдумалъ больше того, о чемъ тотчасъ сказалъ ей.

А она направилась въ паркъ.

Она шла быстро, никого не замѣчая. Ей встрѣчались цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ. Нѣкоторые останавливались, смотрѣли на нее и невольно думали, куда спѣшитъ въ такую пору эта одинокая, цвѣтущая женщина? Наконецъ, когда гуляющіе стали попадаться рѣже, Фрося свернула съ аллеи, углубилась въ чащу, гдѣ упала на траву и зарыдала.

Итакъ, все, что она смутно предчувствовала, стало для нея теперь дѣйствительностью: ее обманывали въ Вѣнѣ, ее привезли сюда, чтобъ оттянуть или позолотить горечь дѣйствительности, ее обрекаютъ на жизнь полную обмана и горечи. Для чего, для чего нужно прибѣгать къ этому, когда ихъ никто не преслѣдуетъ, когда они свободно отдались другъ другу? Для какого великаго дѣла, передъ которымъ она непремѣнно должна преклониться, нужна эта жертва?—Для того, что ему обѣщали мѣсто товарища прокурора, если онъ захочетъ, и только!

Боязнь общественной морали, боязнь того самаго общества, надъ которымъ онъ не разъ глумился, заставляетъ обречь ее на вѣчную ложь. Такъ вотъ къ чему привели ее надежды на жизнь съ нимъ, исполненную подвиговъ! Нѣтъ, нѣтъ, она не можетъ перенести этого! Всѣ лучшія силы души ея погибнутъ въ мучительномъ усиліи помириться съ постыдною ролью женщины, къ которой приходятъ тайкомъ и потомъ стыдятся показаться съ нею въ обществѣ. Она не дойдетъ до этого!

И, встряхнувъ волосами, она гордо подняла голову. Нѣтъ, нѣтъ!—твердила она и сжимала пальцы. Но глаза ея, устремленные въ даль съ сознаніемъ силы и рѣшимости, вдругъ точно

померкли. Какая-то отдаленная мысль, какое-то невыясненное сознаніе чего-то, подобно страшному призраку, стало подыматься изъ глубины души ея и наконецъ превратилось въ увѣренность. Да, здѣсь, въ тиши лѣса, одинокая, въ глубокой тоскѣ, она въ первый разъ сознала, что будетъ матерью и что задача ея жизни еще болѣе усложняется...

Когда она опять входила въ розовый домикъ, свѣчи уже были зажжены и Петръ Ивановичъ очень обрадовался, увидавъ ее; особенно пріятно поразило его выраженіе ея лица: ни тѣни суровости,—оно было мягко и кротко.

— Милый мой, — сказала Фрося, подходя къ Петру Ивановичу и кладя ему обѣ руки на плечи,—я не могу согласиться на подобную жизнь. Я прошу тебя серьезно подумать объ этомъ. Женщина, у которой есть хоть какое-нибудь самолюбіе, никогда не приметъ на себя такой унизительной роли. Представь, что я такое? Каждая самая простая работница, въ какихъ бы отношеніяхъ ни стояла она къ мужу, не теряетъ связи съ обществомъ, и ей есть названіе. Ты же меня обрекаешь на жизнь безъ имени!

— Фрося, ты съ ума сошла!... Что ты говоришь?—вскричалъ Петръ Ивановичъ.—Какъ тебѣ могутъ придти въ голову подобныя глупости? Вѣдь ты знаешь, что я не могу на тебѣ жениться, я не умышленно поставилъ тебя въ такое положеніе, и всѣ это знаютъ.

— Конечно, пусть всѣ это знаютъ. Но если мы будемъ жить вмѣстѣ, ты этимъ покажешь, что готовъ всегда защищать меня и самъ лично признаешь меня женой своей, дѣлая участницей всѣхъ твоихъ интересовъ.

— Но, голубушка, мое положеніе не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать. Я самъ отъ того глубоко страдаю. Мнѣ нельзя опять вернуться въ университетъ, да я и самъ не захочу, развѣ только въ крайнемъ случаѣ. Мнѣ предлагаютъ мѣсто при петербургскомъ окружномъ судѣ; я могу сдѣлать блестящую карьеру, но для этого моя репутація должна быть безупречна, ничто, ни одна былинка сомнительности не должна прилипнуть ко мнѣ!

— Такъ ты лучше вернись въ университетъ,—заговорила Фрося,—продолжай работать. Вѣдь ты хотѣлъ заниматься, хотѣлъ писать книгу. Зачѣмъ тебѣ мѣнять болѣе благородный трудъ на карьеру? Не ты ли говорилъ, что истинную свободу и истинное удовлетвореніе слѣдуетъ искать въ научныхъ заня-

тіяхъ? Ахъ,—сказала она, сжимая руки, и лицо ея освѣтилось какимъ-то кроткимъ свѣтомъ, вышедшимъ изъ глубины души ея,—быть-можетъ я—слабая, ничтожная женщина, требующая большой поддержки, но я этого прошу не для себя, а для нашего ребенка...

Наступила мучительная пауза, въ продолженіе которой Петръ Ивановичъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, а Фрося сидѣла, закрывъ лицо руками.

Первый разъ въ жизни онъ услышалъ отъ женщины, что она будетъ матерью его ребенка, но это извѣстіе, увы, не заставило его родительское сердце забиться отъ радости. Зачѣмъ этотъ ребенокъ? Онъ не желалъ его!... Что онъ будетъ дѣлать съ нимъ?... Въ немъ происходила сильная борьба отчаянія и жалости къ ней, и сквозь все это ясно пробивалось сознаніе, что если онъ теперь не успокоитъ ея, не приласкаетъ, она навсегда для него погибла.

Онъ подсѣлъ къ ней, положилъ ея голову къ себѣ на плечо и высушилъ ея слезы.

Было рѣшено, что они опять возвратятся въ Вѣну. Фрося поселится у своей прежней хозяйки и, если предположеніе ея о материнствѣ станетъ несомнѣнно, они переѣдутъ въ другой городъ и тамъ будутъ ждать... Петръ Ивановичъ не выговорилъ даже, кого они будутъ ждать: языкъ его точно прилипъ къ гортани. Бѣдный отецъ! Даже поэзія и Лютеръ не пришли къ нему на помощь.

VII.

Возвратясь въ Вѣну, Фрося застала свою комнату убранной къ ея пріѣзду; чья-то заботливая рука, какъ видно, тщательно стирала каждую пылинку, на столѣ красовался букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Терезія прыгала вокругъ нея и хлопала отъ радости въ ладоши.

Но что все это значило передъ ощущеніемъ той страшной пустоты, какая образовалась въ душѣ ея? Пьедесталъ, на которомъ стоялъ Петръ Ивановичъ, рушился въ эту поѣздку окончательно. И такъ скоро! Еще нѣтъ трехъ мѣсяцевъ, и уже цѣлая пропасть легла между ея прошлымъ и настоящимъ. Двѣ недѣли тому назадъ она, счастливая, веселая, собиралась ѣхать въ Дорнбахъ; она съ наслажденіемъ думала о томъ, что опять

они будутъ вмѣстѣ, опять повторится то счастливое время, какое они пережили въ Швейцаріи, и вдругъ тотъ, до котораго ей нужно было возвыситься, предсталъ передъ ней маленькимъ чиновникомъ съ тѣмъ почти дѣтскимъ испугомъ, какой изобразился на лицѣ его, когда она сказала ему, что будетъ матерью. Ужасъ охватывалъ ее при воспоминаніи объ этомъ; она никакъ не могла прогнать отъ себя этотъ жалкій, перепуганный образъ. Теперь всѣ его стремленія стали казаться ей ничтожными и призрачными. Неужели человѣкъ, честно идущій на борьбу за правое дѣло, можетъ бояться того, чего не испугалась она, дѣвочка? Нѣтъ, должно-быть и жизнь его будетъ такая же маленькая, какъ и онъ самъ.

И этотъ человѣкъ—отецъ ея ребенка! Но она сама его выбрала, сама! Теперь всѣ ея мечты о жизни съ нимъ, исполненной борьбы и стремленія къ совершенству, становились прошедшимъ, сладкимъ, но утраченнымъ сномъ. Навсегда утрачено то обаяніе его особы, которое было ей такъ дорого, которое согрѣвало ее, мирило ее съ ея ложнымъ положеніемъ. Она чувствовала невыразимую пустоту и холодъ вокругъ себя; даже состояніе борьбы и переходы отъ сомнѣнія къ вѣрѣ были гораздо отраднѣе. Первые дни по пріѣздѣ въ Вѣну она испытывала такое острое страданіе, что готова была кричать отъ боли. Неужели вся жизнь ея будетъ полна усилій подавить въ себѣ всякія стремленія, убить требованія, предъявляемыя природой, помириться съ отцомъ своего ребенка?

Какой ужасъ заключается въ сознаніи, что онъ трусъ! Боязнь общественной морали убила въ немъ проявленіе человѣческихъ инстинктовъ. Она не можетъ любить труса, никогда!

Письма ея въ Петербургъ сдѣлались сжаты и сухи; теперь она не повторяла на каждой страницѣ: «Я счастлива, счастлива, счастлива!» Какъ мучительно для нея было то, что она никакъ не могла оторвать своихъ помысловъ отъ своей теперешней обстановки и думать о чемъ-нибудь другомъ! Сознаніе этого несчастья точно стало поперекъ ея жизненнаго пути и захватило всѣ ея помыслы. Передъ ней лежали двѣ дороги: одна—съ нимъ, гдѣ она должна была ежеминутно чувствовать горечь разочарованія, ежеминутно сознавать, что человѣкъ, котораго она избрала, трусъ и имѣетъ мелкую душу; другой путь—это избавленіе отъ него, это возможность стряхнуть съ себя страданіе, и пусть оно только послужитъ ей очищеніемъ отъ всѣхъ ея недостатковъ,

пусть укрѣпитъ и закалитъ ее на жизнь, достойную названія человѣка... Но ея ребенокъ, ея несчастный ребенокъ!... Въ правѣ ли она отнять у него отца? Вѣдь она и безъ того ничего не можетъ дать ему... И опять—холодъ, опять пустота кругомъ, опять отчаяніе...

Часто, просыпаясь поутру, ей еще въ забытьи казалось, что кто-то умеръ недавно. Она старалась припомнить все свое знакомство съ Петромъ Ивановичемъ до мельчайшихъ подробностей, силилась увѣрить себя, что не все потеряно, что, можетъ-быть, онъ только не любитъ дѣтей, а во всемъ остальномъ онъ окажется достойнымъ любви ея; но ей это не удавалось: въ ней умерла вѣра въ него, умерла любовь, а то, что осталось въ душѣ, это — жалкія лохмотья, которыя не могутъ прикрывать наготы дѣйствительности.

Отношенія къ Петру Ивановичу совершенно измѣнились. Она не задавала ему никакихъ вопросовъ, и онъ не старался подняться въ глазахъ ея: онъ сдѣлался угрюмъ и молчаливъ; онъ почти уже не любилъ ея; его угнетала теперь лишь одна забота; онъ весь былъ поглощенъ желаніемъ избавиться отъ нежданнаго ребенка. Трудно маскировать свои отношенія къ такой женщинѣ, какъ Фрося, но еще труднѣе, если у нея будетъ ребенокъ; нужно во что бы то ни стало избавиться отъ него. Онъ силился увѣрить себя, что она виновата въ томъ, что онъ не желаетъ имѣть потомства; въ другомъ случаѣ онъ могъ проявить отеческую любовь, но съ ней, съ ней все трудно, и лучше разстаться совсѣмъ, чѣмъ имѣть ее съ ребенкомъ. Родившееся дитя не вырвешь у нея изъ рукъ,—онъ отлично понималъ это,— поэтому не слѣдуетъ допустить ему родиться. Какъ онъ раскаявался теперь, что заварилъ всю эту кашу! Ни съ одной женщиной въ мірѣ, думалъ онъ, не было бы у него столько хлопотъ, какъ съ этой дѣвчонкой, которая все взвѣшиваетъ, которая слова не проронитъ, чтобы не разобрать его до ниточки. Такъ ли онъ думалъ провести свое время за границей? Теперь придется застрять въ какомъ-нибудь городѣ, а потомъ, вернувшись въ Россію, имѣть дѣло съ такимъ братцемъ, какъ Пименъ Васильевичъ, который, несмотря на свой либерализмъ, укорялъ его въ томъ, что онъ завлекъ его сестру, и доказывалъ, что онъ обязанъ былъ при первомъ знакомствѣ объявить всѣмъ о своей женитьбѣ. Какъ онъ ненавидѣлъ этого Пимена Васильевича и какъ онъ ошибся въ сестрѣ его!...

Злость душила его, но нужно было дѣйствовать: каждая недѣля, каждый день приближалъ его къ роковой развязкѣ. Однако онъ принялъ твердое рѣшеніе и ничто не могло поколебать его. Онъ рѣшилъ поселиться вмѣстѣ съ ней у г-жи Творшекъ,—кстати тамъ еще есть одна комната, которая отдается,— и если ему удастся уговорить ее, они поѣдутъ въ другой городъ и отдѣлаются отъ этой непріятной исторіи.

Фрося ничуть не обрадовалась извѣстію, что Петръ Ивановичъ переѣзжаетъ къ ней. Она совершенно безучастно смотрѣла на возню, какая поднялась въ квартирѣ вслѣдствіе прибавленія новаго жильца. Терезія имѣла глубокомысленный видъ; обращеніе ея съ Фросей сдѣлалось почтительно, глаза, устремленные на нее, точно говорили: «Я знаю вашу тайну, но я съумѣю хранить и уважать ее!» И Фросѣ часто казалось, что не будь этой дѣвушки, положеніе ея было бы еще ужаснѣе. Петръ Ивановичъ продолжалъ называть ее сестрой своей. Онъ пригласилъ г. Карла давать ей уроки нѣмецкаго языка, а самъ часто запирался въ своей комнатѣ, но Фрося ежедневно слышала сѣтованіе его на то, что онъ не можетъ работать, не можетъ заниматься. Чаще всего онъ уходилъ изъ дому, причемъ попрежнему избѣгалъ брать ее съ собой.

Фрося занималась машинально, чтобы только убить время; но вскорѣ она возненавидѣла своего учителя. Произошло это слѣдующимъ образомъ:

Однажды она услыхала пронзительный крикъ Терезіи. Полагая, что съ ней случилось что-нибудь необыкновенное, она стремглавъ бросилась въ комнату г-жи Творшекъ. Картина, представившаяся ея глазамъ, заставила ее остановиться въ ужасѣ: Терезія, стоя на колѣнахъ, старалась отразить удары своего брата Августа, а Карлъ, прислонившись къ дверямъ, смотрѣлъ на эту сцену. Фрося, хотя мелькомъ взглянула на него, не могла потомъ забыть выраженіе его лица: это была покорность собаки, которую бьютъ. Г-жа Творшекъ съ поднятой вверхъ кухонной ложкой шипѣла. Неожиданное появленіе Фроси прервало эту отвратительную сцену. Августъ поблѣднѣлъ и бросился въ другую комнату: вѣдь она, эта иностранка, поразила когда-то его сердце. Терезія, пользуясь общимъ смятеніемъ, убѣжала вслѣдъ за Фросей.

Онѣ заперли двери, и Фрося съ сверкающими глазами объявила, что будетъ защищать ее и не дастъ въ обиду. Она была

исполнена негодованія и ужаса,—ей первый разъ въ жизни случилось видѣть, какъ бьютъ взрослаго человѣка, да еще такую прелестную дѣвушку. Онѣ сидѣли на диванѣ обнявшись и обѣ горько плакали. Какъ онѣ были обѣ несчастливы!

Терезія силилась убѣдить Фросю, что всему виной тетка, что дома никогда никто къ ней пальцемъ не притронулся: она была самая маленькая, и ее всѣ любили. О, какъ ее всѣ любили, еслибъ только она знала!... И дѣвушка захлебывалась отъ слезъ.

— Отчего же Карлъ не защищалъ васъ?

— Защищать!—вскричала она наивно:—развѣ онъ смѣетъ? Онъ боится потерять семьсотъ гульденовъ, обѣщанныхъ теткой.

Фросю больше всего возмущалъ Карлъ. Карлъ, этотъ ничтожный юноша, не смѣлъ защитить дѣвушку, которую любитъ, изъ боязни потерять семьсотъ гульденовъ! Это красивое, вѣчно улыбающееся лицо, эта привычка поддакивать всѣмъ и каждому были ей до крайности противны. Августъ—тотъ по крайней мѣрѣ былъ убѣжденъ, что тетка имѣетъ право учить его сестру; а Карлъ молчалъ и послѣ всякой непріятности совалъ ей въ руку леденецъ или пряникъ. Бѣдная дѣвушка вполнѣ удовлетворялась даже этимъ жалкимъ выраженіемъ участія. Любовь ея къ Фросѣ сдѣлалась восторженной послѣ этого происшествія.

Однажды Петръ Ивановичъ, указывая на уродливаго Карла глазами, проговорилъ:

— Вотъ какъ здѣсь учатъ! Этотъ молодой человѣкъ умѣетъ стенографировать по-гречески и по-латыни. Это не то, что наши классическія гимназіи!

— И прекрасно, что у насъ не то, — отвѣчала Фрося: — греческая и латинская стенографія убила человѣка въ этомъ юношѣ.

— Перестань!—неистово вскричалъ Петръ Ивановичъ.—Перестань,—я не могу переносить подобнаго невѣжества!

— Я всегда говорю, что думаю,—отвѣчала Фрося:—я имѣла случай наблюдать.

— Что же ты наблюдала? — спросилъ онъ. Въ голосѣ его слышалась насмѣшка и презрѣніе.

Фрося передала ему сцену съ Терезіей.

— Ну, такъ что-жь?—началъ Петръ Ивановичъ.—Все, что ты сейчасъ сообщила мнѣ, показываетъ только, что онъ понимаетъ силу обстоятельствъ и, не имѣя возможности управлять ими, не-

реноситъ ихъ съ твердостью, не теряетъ любви къ дѣвушкѣ. Героизмъ иногда заключается въ терпѣніи и покорности.

Послѣднюю фразу онъ выговорилъ особенно торжественно, потому что адресовалъ ее Фросѣ; но она этого не поняла.

— Вотъ ужасъ! — горячо воскликнула она: — неужели ты желаешь и для русскихъ юношей такого умѣнья переносить силу обстоятельствъ—видѣть, какъ любимую дѣвушку бьютъ, и молчать изъ боязни потерять семьсотъ гульденовъ?

— Да, желаю, — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ твердо. — Нашимъ юношамъ не мѣшаетъ отбросить лишнюю самонадѣянность и грубый эгоизмъ. А по-вашему сейчасъ возмутиться, разыграть сцену, закидать тетку каменьями, наговорить цѣлый коробъ разныхъ разностей, можетъ-быть составить по этому поводу сходку и выбрать предсѣдателя?...

Фрося молчала; онъ казался ей отвратительнымъ въ эту минуту. Петръ Ивановичъ продолжалъ:

— Вамъ нужно смириться,—всѣмъ вамъ нужно смириться!

— И достигнуть этого можно посредствомъ умѣнья стенографировать на древнихъ языкахъ?

— Непремѣнно; посредствомъ строго проведеннаго классическаго образованія,—отвѣчалъ онъ величественно.

— А я бы, — воскликнула Фрося,— скорѣй желала видѣть своего брата или сына простымъ дровосѣкомъ, чѣмъ классикомъ, подобнымъ этому Сватеку, который умѣетъ стенографировать на двухъ древнихъ языкахъ и виляетъ изъ-за денегъ передъ тетенькой. Какая тутъ нравственность? Такой юноша будетъ способенъ на всякую гадость; онъ продастъ все, что ему дорого, за мѣдный грошъ; такой юноша...

— Перестань, ради Бога перестань! — вскричалъ Петръ Ивановичъ, затыкая себѣ уши. — Твои разсужденія могутъ самаго покойнаго человѣка съ ума свести. Этакое невѣжество! Этакій нигилизмъ!

Онъ взялъ книгу и сдѣлалъ презрительный жестъ рукой, желая этимъ показать, что разговоръ конченъ.

Въ душѣ Фроси поднялась цѣлая буря противъ этого человѣка. О, сколько бы она могла наговорить ему,—ему, который очаровалъ ее напускнымъ благородствомъ своихъ стремленій,— ему, который струсилъ того, чего не испугался бы, быть-можетъ, простой поденщикъ.

Она встала и, хлопнувъ дверью, ушла въ свою комнату.

— Фурія!—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

Петръ Ивановичъ каждый день собирался приступить къ задуманному плану, но съ негодованіемъ замѣчалъ, что боится. Онъ почти пересталъ любить Фросю. Прежде она представлялась ему доброй, мягкой и покорной,—теперь, глядя иногда на ея красивыя черныя брови и складку, еще рѣзче обозначившуюся надъ переносицей, онъ бывалъ пораженъ ея сходствомъ съ Пименомъ; это обстоятельство увеличивало его нерѣшимость. Но времени нельзя было терять.

Онъ ежедневно жаловался, что не можетъ работать; Фрося не обращала на это никакого вниманія, и это его бѣсило до изступленія.

— Я погибаю,—воскликнулъ онъ однажды, бросая книги на полъ,—я положительно погибаю!

Фрося съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Ты будешь виновата,—заговорилъ онъ,—если я ничего за границей не сдѣлаю. Ты парализуешь мою энергію!

— Я тебя не просила переѣзжать сюда,—отвѣчала Фрося.—Живи себѣ отдѣльно; мнѣ теперь все равно.

— Конечно, вамъ теперь все равно, конечно! Разъ вы имѣете возможность удерживать меня при себѣ, вамъ не зачѣмъ заботиться о моей карьерѣ и о томъ, чтобъ я достигъ чего-нибудь. Я теперь закабаленный вами человѣкъ!

Фрося молчала: что могла она сказать на все это?

— Я не могу имѣть ребенка, слышите? — заговорилъ онъ злобно.—Я не хочу его! Вы должны меня отъ него избавить, иначе я погибну!

Фрося вскочила и съ испугомъ смотрѣла на него. Она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ, точно прикоснулась къ чему-то отвратительному, и, не имѣя силъ справиться съ охватившимъ ее волненіемъ, быстро отошла къ окну.

Въ ней бушевала глубокая ненависть къ этому человѣку, кровь стучала въ виски. Она безсознательно смотрѣла на противоположный домъ; окна, двери—все слилось въ неопредѣленную картину; она крѣпко ухватилась за подоконникъ. Какой обезображенной, скомканной ей показалась ея жизнь! Какое поруганіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ! Ребенокъ, для котораго она силилась помириться съ нимъ,—онъ не хочетъ этого ребенка. И какъ грубо, какъ ужасно!

Точно чья-то желѣзная рука сдавила ей горло и ей нечѣмъ было дышать. Она безумно повела глазами и распахнула окно. На одно мгновенье перспектива тотчасъ покончить съ собой, бросившись изъ окна, показалась ей безконечно привлекательной; еще секунда—и она, какъ снопъ, свалилась на полъ.

Когда она пришла въ себя послѣ продолжительнаго обморока, въ комнатѣ происходила суета невообразимая. Голова ея лежала на полу въ цѣлой лужѣ воды, руки ея держалъ какой-то незнакомый человѣкъ, а въ комнатѣ кто-то навзрыдъ плакалъ. Это была Терезія. Фрося попросила, чтобъ всѣ ушли и оставили ее одну.

Она очень медленно поправлялась и чувствовала себя разбитой, точно послѣ тяжелой болѣзни. Петръ Ивановичъ съ волненіемъ въ голосѣ разсказывалъ ей, какъ они долго не могли привесть ее въ чувство, какъ докторъ объявилъ, что, по всей вѣроятности, у нея лопнула артерія. Онъ просилъ ее простить ему, не помнить того, что произошло между ними. Фрося чувствовала полную апатію,—ей было все равно, что бы ни говорилъ этотъ человѣкъ. Одного желала она—спокойствія, полнаго спокойствія, а этого-то ей и не давали.

VIII.

Опять потекли дни за днями, однообразные, скучные, не принося съ собой никакой перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Петръ Ивановичъ былъ задумчивъ и подавленъ. Когда онъ увидалъ Фросю распростертой на полу, мысль, что быть-можетъ онъ убилъ ее, заставила его сердце забиться страхомъ и любовью, но это продолжалось не долго. По мѣрѣ ея выздоравливанія имъ по-прежнему овладѣло нежеланіе имѣть ребенка. Съ какой стороны ни разсматривалъ онъ свое положеніе, онъ думалъ, что ему нужно проститься съ надеждой сдѣлать блестящую карьеру,—отъ Фроси не отдѣлаешься, какъ отъ всякой другой женщины. За ней стоялъ братъ. Мысль его, безпрестанно вертясь около этого предмета, представляла ему Фросю виновницей всѣхъ его разбитыхъ надеждъ. Ему казалось непростительнымъ эгоизмомъ съ ея стороны не хотѣть пожертвовать ребенкомъ его будущему благополучію.

А Фрося? Материнство спасало ее отъ взрывовъ отчаянія и горя, но по временамъ ею овладѣвало такое страстное желаніе

ѣхать тотчасъ въ Петербургъ къ брату, что она едва могла справляться съ нимъ. Каждое письмо, получаемое ею съ своей далекой родины, заставляло ее на мгновеніе переживать всю горечь испытанныхъ разочарованій.

Теперь впервые, со всею впечатлительностью молодого, разбитаго сердца, она поняла, какая маленькая доля людей живетъ счастливо и какое ничтожное зернышко представляютъ ея страданія въ массѣ безконечно тяжелыхъ страданій людскихъ. Здѣсь, въ этомъ чуждомъ для нея городѣ, билась сильная, могучая жизнь, ничѣмъ не задерживаемая; она проявлялась и въ быстро растущихъ домахъ, и въ тѣхъ удобствахъ, какія невольно испытываетъ на себѣ всякій, и въ блѣдныхъ губахъ женщинъ, и съ мольбой устремленномъ взглядѣ нищаго. Какъ бы хотѣла она прислушаться къ этой жизни и потопить свое личное горе въ страданіяхъ массы. Къ несчастью, она стояла въ сторонѣ отъ всякой жизни, такъ одиноко, въ такой невозможности близко подойти къ ней, какъ можетъ только стоять женщина въ чужомъ городѣ и въ такомъ грустномъ положеніи.

Прошелъ августъ со своими знойными днями, когда не знаешь куда дѣться отъ жары, когда въ открытыя окна льется воздухъ подобно раскаленной лавѣ, и даже прохладныя ночи не могутъ остудить камня и желѣза. Ужасенъ городъ въ это время! Но вотъ наступила безконечная дивная южная осень. Мясники стали жаловаться, что очень мало продаютъ говядины. Вся Вѣна питалась фруктами. Цѣлыя горы сливъ, грушъ, яблокъ и винограда, рдѣя на солнцѣ и отливая золотомъ, возвышаются на базарахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Школяры отпущены на виноградный сборъ. Какое-то ликованіе чувствуется въ воздухѣ, точно всѣ вдругъ насытились и повеселѣли. Г-жа Творшекъ предпринимала безпрестанныя прогулки за городъ. Фрося присоединилась къ нимъ. Петръ Ивановичъ не препятствовалъ ей въ этомъ,—это избавляло его отъ обязанности сопровождать ее самому. И куда-бъ они ни отправились, вездѣ они встрѣчались со школьниками. Если это случалось на конкѣ, кондукторы спѣшили затормозить вагоны, чтобъ остановить ихъ, а встрѣчный поѣздъ, украшенный разноцвѣтными флагами, торжественно проходилъ мимо. Женщины махали платками, мужчины бросали вверхъ шапки, радостныя привѣтствія наполняли воздухъ, а представители молодого поколѣнія, увѣнчанные виноградными вѣтвями, ликующіе и счастливые, уносились дальше. Завтра

ихъ опять повезутъ куда-нибудь. Они—цвѣтъ и надежда общества: въ лицѣ ихъ оно привѣтствуетъ свою будущность. Фрося никогда не видала ничего подобнаго у себя на родинѣ. Послѣ каждой такой встрѣчи она чувствовала приливъ бодрости; она забывала свои страданія и въ такія минуты очень ловко умѣла отпарировать Петру Ивановичу, особенно если онъ начиналъ свои издѣвательства надъ русскою молодежью. Какъ онъ бывалъ несносенъ!

Наступилъ ноябрь, дождливый, пасмурный съ безконечными вечерами. Единственное развлеченіе для Фроси было блуждать съ Терезіей по освѣщеннымъ улицамъ столицы. Ея квартира, съ полинялой шерстяной обивкой на мебели, съ темными закопченными потолками, казалась ей нестерпимой душной клѣткой; въ ней все напоминало объ ея разбитыхъ мечтахъ, объ ея утраченномъ идеалѣ. Петръ Ивановичъ никогда не бралъ ее съ собой, да она и не просила его объ этомъ; она по большей части находилась въ апатичномъ состояніи, только тѣ вечера, которые Петръ Ивановичъ проводилъ дома, составляли для нея истинную пытку. Они сидѣли обыкновенно въ одной комнатѣ за однимъ столомъ, такъ какъ имѣли всего одну лампу, и Петръ Ивановичъ ни за что не хотѣлъ купить другую. Теперь, поселившись съ ней, онъ проявлялъ самую мелочную, самую позорную скупость. Фрося ходила въ порванныхъ ботинкахъ, чтобы не унижать себя просьбой купить ей другіе. Петръ Ивановичъ въ вечера, о которыхъ я говорю, находилъ особенное наслажденіе раздражать ее. Онъ начиналъ обыкновенно сравнивать себя съ нею и ея братомъ; при этомъ онъ приписывалъ имъ то, чего у нихъ никогда въ мысляхъ не бывало. Фрося старалась выдержать подобную атаку хладнокровно, но иногда она уходила въ темную комнату и тамъ ложилась. Петръ Ивановичъ слѣдовалъ за ней и подъ прикрытіемъ мрака доходилъ до пафоса въ самовосхваленіи, а Фрося съ ненавистью думала въ такія минуты: «Если ты будешь властелиномъ міра и мнѣ предложишь раздѣлить судьбу твою, я откажусь отъ подобнаго счастья». Самый его голосъ, звучный, гибкій, манера говорить убѣдительно и красиво—все это возбуждало въ ней отвращеніе и она часто дрожала отъ ненависти къ нему. Къ этому присоединилось еще безпокойство о братѣ. Цѣлыхъ три недѣли не получала она писемъ, а потомъ пришла изъ Петербурга маленькая записочка, въ которой Пименъ извѣщалъ ее, что вѣроятно онъ скоро пріѣдетъ въ Вѣну.

Фросю такъ испугало это извѣстіе, что она готова была убѣжать куда-нибудь изъ Вѣны. По какому-то необъяснимому чувству, она не рѣшилась сообщить объ этомъ Петру Ивановичу, и съ ужасомъ ждала пріѣзда брата. Какъ она предстанетъ предъ нимъ, что онъ скажетъ? Какое горе причинитъ ему ея несчастье! Всѣ эти мысли, не переставая, волновали ее, и вотъ однажды вошла Терезія и объявила, что какой-то бѣлокурый господинъ изъ Петербурга спрашиваетъ ее. Ей потребовалось не мало времени собраться съ духомъ и выйти въ гостиную. Ноги ея подкашивались; она опустилась въ кресло прежде, чѣмъ успѣла разсмотрѣть лицо пріѣзжаго.

Гость былъ дѣйствительно блондинъ, но страхъ Фроси скоро прошелъ: то не былъ ея братъ, а человѣкъ совершенно незнакомый.

— Извините, пожалуйста,—заговорилъ онъ быстро:—по вашему волненію я могу заключить, что вы не меня ожидали видѣть. Всему причиной мое неумѣнье выражаться хорошо по-нѣмецки. Я такъ разсѣянъ, что забылъ взять свои карточки и, поднимаясь къ вамъ на лѣстницу, вспомнилъ, что даже письма къ вамъ не захватилъ съ собою.

При этомъ онъ еще разъ пошарилъ въ карманахъ, точно все еще сомнѣваясь въ своей разсѣянности.

— Но вы извините мою безцеремонность: сегодня я непремѣнно долженъ писать Пимену Васильевичу; я не могъ отложить моего визита, такъ какъ мнѣ велѣно было тотчасъ явиться къ вамъ и отрапортовать ему, что я видѣлъ васъ совершенно здоровой.

Выговоривъ залпомъ всю эту тираду, гость перевелъ духъ и засмѣялся. Его каріе глаза смотрѣли просто и весело. Фрося, думавшая сначала, что не совсѣмъ было деликатно не предупредивъ, прямо ввалиться въ комнату и причинить ей столько тревогъ, теперь сама засмѣялась и пригласила его садиться.

— Мнѣ очень пріятно будетъ сообщить вашему брату, что вы совершенно здоровы,—сказалъ онъ.

— Но вы даже не спросили меня, здорова ли я?

— Я это вижу! Я, знаете, докторъ и могу положительно утверждать, что физически вы совершенно здоровы.

Фрося сдѣлала нетерпѣливое движеніе, а докторъ поспѣшно прибавилъ:

— Конечно, я этимъ не хотѣлъ сказать, что предполагаю въ васъ какой-нибудь нравственный недугъ. На столько еще наша

наука не шагнула, чтобы заглядывать въ душу человѣка.—И онъ опять засмѣялся.

«Какъ онъ много смѣется»,—подумала Фрося.

— А братъ мой здоровъ?—спросила она, желая перемѣнить разговоръ.

— Вашъ братъ,—отвѣчалъ онъ, глядя на нее,—былъ боленъ, но теперь онъ внѣ всякой опасности.

— Вы говорите: внѣ опасности,—развѣ была опасность?

— Онъ перенесъ тифъ.

— Это ужасно!—вскричала Фрося и откинулась на спинку кресла.—Мнѣ никто ничего не писалъ объ этомъ... Это ужасно!

— Вы тревожитесь, когда онъ совершенно здоровъ,—что же было бы, еслибъ вамъ написали о томъ, что онъ боленъ?

— Такъ вы говорите, что братъ мой перенесъ тифъ?—спросила она опять.

— Да, тифъ у него былъ порядочный, но онъ перенесъ его безъ всякихъ послѣдствій, а это самое главное. Я боялся одно время за его легкія и вслѣдствіе этого вамъ, по всей вѣроятности, написали, что онъ будетъ въ Вѣнѣ. Мы думали послать его въ Швейцарію.

— Значитъ, вы лѣчили Пимена?—спросила Фрося.

— Да, преимущественно я. Мы съ нимъ большіе пріятели.

Фрося протянула гостю руку. Тотъ крѣпко пожалъ ее и прибавилъ:

— Пименъ Васильевичъ просилъ передать вамъ, что онъ будетъ совершенно покоенъ, если вы въ случаѣ надобности обратитесь ко мнѣ за совѣтомъ или за помощью.

«На что онъ намекаетъ?»—подумала Фрося.

— Но, конечно,—продолжалъ докторъ,—пока вы совершенно здоровы, моя помощь вамъ не понадобится.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она.

— А теперь до свиданья, Евфросія Васильевна! — сказалъ онъ, вставая и ища шляпу.—Завтра я вамъ принесу письма. Но если желаніе прочесть ихъ въ васъ очень сильно, то я могу сдѣлать это и сегодня. Вотъ горе — всю жизнь искать шляпу! Не правда ли, дурной знакъ терять покрышку съ головы?... Такъ я сегодня принесу письма. До свиданья!

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Онъ было вышелъ, но опять вернулся.

— Софья Петровна блистательно выдержала экзаменъ изъ стенографіи и ей ужь обѣщали мѣсто.

— Видите, сколько вы знаете хорошихъ вещей и такъ быстро уходите. Посидите еще,—просила она.

— Завтра,—отвѣчалъ докторъ, —завтра мы съ вами потолкуемъ обо всемъ обстоятельно, а теперь до свиданія. Вѣдь я только сегодня пріѣхалъ въ Вѣну.

Онъ ушелъ, а Фрося продолжала сидѣть въ креслѣ. Чѣмъ-то безконечно дорогимъ и милымъ повѣяло на нее. Родина предстала предъ ней и точно укоризненно спрашивала: «что ты тутъ дѣлаешь? Тамъ женщины борятся, учатся, держатъ экзамены, а ты что? Молодыя силы души твоей тратятся на то только, чтобы помириться съ нимъ». Какой она жалкой и ничтожной казалась себѣ въ эту минуту, гдѣ были глаза ея! Какъ могла она увлечься подобнымъ человѣкомъ! «О, если я стряхну съ себя это иго,—думала она,—я никогда никому не отдамся. Я посвящу жизнь свою работѣ. Лучше переносить тяжелый трудъ, холодъ и голодъ, чѣмъ такое униженіе».

Пришелъ Петръ Ивановичъ. Ему еще въ передней сообщили о томъ, что кто-то былъ у нихъ. Когда Фрося отвѣчала на его вопросы, ей казалось, что она оскорбляетъ себя и тѣхъ—своихъ, и то, что ей было такъ дорого въ настоящую минуту.

— Надѣюсь, онъ не станетъ надоѣдать намъ своими визитами,—сказалъ Петръ Ивановичъ, высокомѣрно надувъ губы.

— Быть-можетъ онъ совсѣмъ не захочетъ бывать у насъ,—отвѣчала Фрося.

— Навѣрное знаю, что захочетъ, и если только дать поблажку, то сейчасъ же начнетъ просвѣщать васъ насчетъ вашего ужаснаго положенія.

— Какъ это возмутительно!—вскричала Фрося. — Меня совершенно незачѣмъ просвѣщать, — вы и такъ достаточно надъ этимъ поработали!

Она встала и ушла къ себѣ въ комнату.

Петръ Ивановичъ злился. «Еще недоставало, чтобъ сюда пріѣзжали разные пріятели братца!—думалъ онъ.—Знаю я, что это за народъ... Нужно его сразу отчалить такъ, чтобъ онъ не смѣлъ другой разъ явиться...» И Петръ Ивановичъ рѣшилъ весь день завтра не уходить изъ дому, чтобы не пропустить докторскаго визита.

Пробило двѣнадцать часовъ и раздался звонокъ. Петръ Ивановичъ такъ наэлектризовался предстоящимъ свиданіемъ, что даже вздрогнулъ.

— Никита Сергѣевичъ Гордѣевъ,—сказалъ докторъ, входя въ комнату, и быстро снявъ шляпу, сталъ вытирать потъ, собравшійся на лбу его крупными каплями.

«Вотъ мужицкое имя!»—подумалъ Петръ Ивановичъ и величественно протянулъ ему руку.

— Вамъ нужно сестру мою?—быстро спросилъ онъ.

Гордѣевъ вскинулъ на него глазами. Петръ Ивановичъ сконфузился, и сцена, вмѣсто величественной, вышла комичная. Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ чуть не въ припрыжку подскочилъ къ двери и крикнулъ:—Фрося!—такимъ неестественнымъ голосомъ, что Гордѣевъ едва не прыснулъ отъ смѣха, а вошедшая Фрося очень удивилась, увидавъ улыбающееся и нѣсколько саркастическое выраженіе лица доктора и сконфуженную фигуру Петра Ивановича.

— Вотъ я и явился,—сказалъ Гордѣевъ улыбаясь.—Я спѣшилъ вручить вамъ письма, навѣрное зная, что вы горите нетерпѣніемъ скорѣй прочесть, что вамъ пишутъ.

Фрося распечатала конвертъ и принялась сейчасъ же за чтеніе. Щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ.

— Фрося!—внушительно замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—ты можешь прочесть письма и послѣ. Не хорошо оставлять такимъ образомъ гостя.

Фрося подняла глаза, докторъ тоже взглянулъ на него, и оба они невольно улыбнулись.

— Я васъ попрошу, Евфросія Васильевна, читайте. Иначе, занимая меня съ письмомъ въ карманѣ, вы мысленно будете прогонять меня прочь, а я бы этого не желалъ.

— Конечно, вы правы,—сказала она и принялась снова за письмо.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ на окнѣ и хлопалъ тросточкой по сапогу. Онъ хотѣлъ уничтожить доктора своей неприступностью и величіемъ, но первая фраза, сорвавшаяся съ его языка, была такъ не кстати, такъ неумѣстна, что онъ именно ей приписывалъ будто бы нахальную манеру, съ какой докторъ держалъ себя. А докторъ между тѣмъ ходилъ по комнатѣ, обмахиваясь платкомъ, и на лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ легкой усталости и самаго невозмутимаго спокойствія.

— А, вотъ вы и кончили!—воскликнулъ онъ, останавливаясь и опускаясь въ кресло подлѣ Фроси.—Если что-либо требуетъ коментаріевъ, я къ вашимъ услугамъ. Право, Евфросія Васильевна, вы посмотрѣли бы теперь на Софью Петровну, сколько у нея дѣла! Осенью проектируется чтеніе публичныхъ лекцій, которыя прямо поведутъ въ университетъ.

— Но университета для нихъ не откроютъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Отчего же? Цюрихскій давно открытъ! Можно надѣяться, что со временемъ ихъ откроютъ много.

— Вы, конечно, принадлежите къ числу поборниковъ женскаго вопроса? — спросилъ Петръ Ивановичъ, насмѣшливо улыбаясь.

— А вы не принадлежите?

— Я понимаю этотъ вопросъ гораздо шире ходячихъ, грошевыхъ мнѣній о немъ. Я понимаю, что женскій вопросъ еще не разрѣшится тѣмъ, что женщинамъ позволятъ ходить въ университетъ и слушать лекціи; напротивъ, эта мѣра скорѣй оттянетъ женщинъ отъ того дѣла, къ которому онѣ призваны самой природой и на правильное исполненіе котораго должны быть прежде всего обращены всѣ ихъ нравственныя силы.

«О, Господи, какъ высокопарно!»—подумалъ докторъ и только-что открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить ему, какъ вниманіе его было привлечено Фросей.

Глаза ея сверкали, ноздри слегка вздрагивали. Она подошла къ Петру Ивановичу и твердымъ голосомъ спросила:

— Скажи, въ чемъ по-твоему разрѣшеніе женскаго вопроса и отъ чего университетъ можетъ на время отодвинуть женщину?

— Въ семьѣ и отъ семьи!—сказалъ Петръ Ивановичъ, не сморгнувъ, только легкая судорога скривила его ротъ.

Фрося нервно засмѣялась и вышла изъ комнаты.

Петръ Ивановичъ не ожидалъ подобной выходки. Онъ остался съ глазу на глазъ съ докторомъ. Этотъ послѣдній взялся за шляпу; лицо его уже не улыбалось.

— Вы пріѣхали сюда учиться? — спросилъ его Петръ Ивановичъ.

— Учиться,—отвѣчалъ онъ.

— Мы тоже постоянно заняты и потому не будемъ мѣшать другъ другу.

— Меня просилъ Пименъ Васильевичъ навѣщать его сестру. Если Евфросія Васильевна скажетъ, что не желаетъ видѣть меня, я долженъ буду повиноваться ея приказанію.

— Вашъ адресъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана карточку и, написавъ на ней адресъ, вышелъ изъ дому.

«Что-жь это такое?—думалъ онъ.—Дѣла идутъ, кажется, хуже, чѣмъ Пименъ думаетъ. Что онъ такое: ревнивый деспотъ, или подлецъ?... Называетъ ее сестрой, а между тѣмъ она беременна... Какъ мнѣ написать Пимену? Чортъ знаетъ, гдѣ у нея были глаза выбрать такую дубину! А сама, кажется, имѣетъ еще дѣтское сердце. Нечего дѣлать, буду ждать, что она мнѣ напишетъ.

Когда Петръ Ивановичъ вошелъ въ комнату Фроси, она лежала на диванѣ вытянувшись, съ полуоткрытыми глазами.

— Ты какъ смѣешь устраивать мнѣ скандалы?—закричилъ онъ.

Фрося ничего не отвѣчала.

— Я знаю,—продолжалъ Петръ Ивановичъ,—что вашъ братецъ прислалъ этого соглядатая для того, чтобы слѣдить за мной и доносить ему... Встаньте сейчасъ и напишите ему, чтобъ онъ не смѣлъ являться къ намъ! Я его не желаю видѣть,—слышите?—не желаю!

Фрося продолжала лежать. Его грубый голосъ дѣйствовалъ на нее подавляющимъ образомъ.

— Слышите, что я вамъ говорю,—заревѣлъ Петръ Ивановичъ,—или прикажите васъ поднять?

— Если вы не уйдете отсюда, я не встану съ мѣста и не напишу ничего,—отвѣтила Фрося твердо.

— Сволочь!—прошипѣлъ онъ и хлопнулъ дверью.

Фрося не вскрикнула и не заплакала,—она продолжала попрежнему лежать съ вытянутыми ногами. Ея сухіе глаза смотрѣли въ пространство, но внутреннія слезы, болѣе жгучія и горькія, текли въ ней; это были слезы, которыя уносятъ красоту и молодость; эти слезы оставляютъ кровавые слѣды и ничѣмъ потомъ ихъ не изгладишь.

Прошелъ часъ прежде, чѣмъ она могла встать и написать письмо. Когда она опять легла, вошелъ Петръ Ивановичъ.

— О, Господи!—простонала Фрося.—Неужели она должна подвергнуться униженію примириться съ нимъ?

Онъ сталъ у ея кровати на колѣна и началъ говорить жалобныя слова, которыя казались ей въ эту минуту ужаснѣе всякой брани. Вѣдь онъ знаетъ, что ея братъ ненавидитъ его, что онъ нарочно подослалъ этого доктора. Ну, положимъ, не подослалъ, а тотъ самъ пріѣхалъ учиться; но развѣ можно не предупредивши ворваться въ чужой домъ? Развѣ не могъ Пименъ сдѣлать это деликатнѣе? Онъ, Петръ Ивановичъ, знаетъ, что не можетъ ничего дать ей, Фросѣ, но онъ не переставалъ любить ее, а она его ненавидитъ; онъ это чувствуетъ, онъ не можетъ не сознавать этого. Онъ боится этого доктора,—боится потому, что она можетъ совсѣмъ отъ него отвернуться. Нехорошо, что она такая злопамятная и не желаетъ забыть того, чего онъ никогда болѣе не повторитъ ей.

— Прости меня, моя голубушка!—заключилъ онъ свои разглагольствованія.—Я такъ несчастливъ, что часто не помню самъ, что говорю. Хочешь, мы куда-нибудь уѣдемъ?

Фрося ничего не хотѣла. Самое сильное желаніе ея было не видѣть его никогда, а если это невозможно, то умереть.

Петръ Ивановичъ, однако, не успокоился. Этотъ Гордѣевъ не покидалъ его ни на минуту; онъ чувствовалъ къ нему такую же ненависть, какъ къ ея брату. Выйдетъ ли Фрося погулять, онъ видитъ его около нея; раздастся ли звонокъ, ему кажется, что докторъ пришелъ. Это не была ревность,—это былъ страхъ, обиженное самолюбіе, сознаніе, что Гордѣевъ принадлежитъ къ нимъ, этимъ Пименамъ, Фросямъ, Сонямъ, которые стали ему на дорогѣ съ своими особыми взглядами, съ своими требованіями, которыя онъ не можетъ и не хочетъ признать. И онъ рѣшилъ бѣжать отъ Гордѣева.

Когда Фрося узнала объ этомъ, она пришла въ ужасъ. Какъ! опять новый городъ, гдѣ она не будетъ даже знать, что есть человѣкъ, къ которому, въ случаѣ невыносимаго страданія, она можетъ обратиться. Она, какъ утопающая, хваталась теперь за Гордѣева и Терезію. Если ихъ не будетъ, она не можетъ жить. Жизнь съ Петромъ Ивановичемъ въ чужомъ городѣ казалась ей могилой.

Это не было только разочарованіе въ человѣкѣ,—нѣтъ, послѣдняя сцена показала, что онъ можетъ употребить противъ нея даже насиліе. Зачѣмъ онъ везетъ ее изъ Вѣны? Что онъ задумалъ? Она ему больше не вѣрила, она боялась его,—боялась его безсердечнаго отношенія къ себѣ и своему ребенку. Она угова-

ривала его остаться, ссылалась на свое положеніе, на то, что ей нужна будетъ помощь знакомыхъ женщинъ,—все напрасно; и даже чѣмъ больше она его убѣждала, тѣмъ непреклоннѣе стоялъ онъ на необходимости уѣхать, какъ онъ выражался, «изъ этого проклятаго города. Ему нужно работать, а вѣнская атмосфера мѣшаетъ ему».

Разговоръ этотъ могъ опять кончиться какой-нибудь грубой сценой и потому Фрося умолкла, но ею овладѣло отчаяніе. Она задыхалась въ его присутствіи; она видѣла, что не можетъ уже больше оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ. Нужно было предпринять что-нибудь, нужно было бѣжать, но какъ?... Она не смѣла сообщить ему, что желаетъ уѣхать, что не можетъ переносить его больше; она не могла заранѣе сказать, на что способенъ этотъ человѣкъ въ минуту гнѣва. Потомъ у нея не было ни гроша денегъ. Подъ вліяніемъ всего этого она рѣшилась повидаться съ Гордѣевымъ; ей нужно было опереться на кого-нибудь,—она была слишкомъ одинока.

Гордѣевъ, получивъ письмо, въ которомъ она его просила не приходить къ нимъ, не зналъ, что ему дѣлать. Онъ не любилъ мѣшаться въ чужія дѣла, особенно семейныя: «Кто ихъ тамъ разберетъ?»—думалъ онъ, но все же писать Пимену объ этомъ обстоятельствѣ не рѣшился. Онъ медлилъ. Слѣдующіе затѣмъ дни принесли ему столько хлопотъ, что онъ совсѣмъ забылъ о Фросѣ, когда, сидя за завтракомъ, получилъ отъ нея записку:

«Приходите въ 5 часовъ въ Volksgarten. Я буду ждать васъ въ храмѣ Тезея.—Фрося Акимова».

День былъ холодный и пасмурный. Онъ рѣшился идти раньше на свиданіе, чтобы не заставить ее ожидать себя и продрогнуть. Однако ему пришлось очень долго ходить взадъ и впередъ у храма,—такъ долго, что онъ начиналъ сердиться. «Должно-быть что-нибудь ее задержало»,—успокоивалъ онъ себя и ужь совсѣмъ было собрался уходить, какъ на поворотѣ въ алею, ведущую къ выходу, вдругъ увидалъ ее. Она шла тихо, видимо утомленная, и имѣла такой видъ, что Гордѣевъ поспѣшно приблизился къ ней и взялъ ее за руку. Фрося слегка отшатнулась,—она его не тотчасъ узнала. Потомъ лицо ея вспыхнуло и она устремила на него свои большіе глаза, лишенные блеска. У Гордѣева заныло сердце. Подобный взглядъ былъ ему очень, очень знакомъ. Такъ смотритъ больной на доктора передъ мучительной операціей. Во взглядѣ ея выражалась надежда, страхъ и

дѣтское довѣріе. Вѣдь онъ не растеребитъ ея душевной раны больше, чѣмъ слѣдуетъ; онъ пойметъ, какъ ей трудно было рѣшиться позвать его. Движимый братскимъ состраданіемъ, онъ бережно ее обнялъ и повелъ дальше. Они молча взошли въ средину храма; она слегка дрожала въ рукахъ его. Тусклый свѣтъ, падающій сверху, освѣщалъ колоссальную фигуру Тезея, которая застыла точно отъ холода, господствовавшаго здѣсь. Гордѣевъ снялъ пальто, разостлалъ его на мраморныхъ ступеняхъ и пригласилъ ее сѣсть. Садясь, она занашлялась.

— Вы кашляете,—сказалъ онъ съ участіемъ. — Это нехорошо. Ваша жизнь нужна теперь не однимъ вамъ, но и вашему ребенку.

— О, мой ребенокъ,—прошептала Фрося и, какъ дитя, припавъ къ нему на плечо, зарыдала.

Часовой, ходившій на площадкѣ и остановившійся было противъ входа, быстро отошелъ прочь и, нахмурясь, что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ.

Докторъ сжималъ ея руку, но ничего не говорилъ, ничѣмъ не утѣшалъ ея,—онъ зналъ, что слезы облегчатъ ее, что онѣ были лучше того состоянія, въ какомъ она находилась. Онъ далъ ей вволю наплакаться. Онъ снялъ съ нея шляпу и растегнулъ воротъ бурнуса. Черезъ нѣсколько минутъ Фрося подняла голову.

— Вы такъ добры ко мнѣ, а я такъ несчастна,—сказала она.

— Я это вижу,—отвѣчалъ онъ.

— Но я сама, сама во всемъ виновата.

— Полноте, не будемъ говорить о томъ, кто правъ, кто виноватъ. Лучше потолкуемте, что можно сдѣлать, чтобъ облегчить васъ. Ни призвать ли вашего брата?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно,—воскликнула Фрося,—не дѣлайте этого! Я не хочу заставлять другихъ страдать. Скажите, вы ничего ему не писали?

— Ничего,—отвѣчалъ докторъ.

— Знаете, мы ѣдемъ изъ Вѣны. Здѣсь я еще могу выносить эту жизнь, но тамъ, въ чужомъ городѣ... я не знаю, что со мной будетъ! Я такъ одинока, — сказала она и опять заплакала.

Гордѣеву было больно смотрѣть на эту страдающую женщину, еще почти ребенка.

— Уйдемте отсюда,—сказалъ онъ,—здѣсь очень холодно и сыро, а вы кашляете.

Онъ помогъ ей встать. Они вышли изъ сада и направились черезъ гласисъ.

— Куда вы ѣдете?—спросилъ докторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не знаю,—отвѣчала Фрося поспѣшно.—Я и знать объ этомъ не буду. — И она умолкла.

Они молча продолжали свой путь. У воротъ дома, гдѣ она жила, они остановились.

— Вы придете, если я позову васъ?—спросила его Фрося чуть слышно.

— Я прибѣгу на вашъ зовъ,—отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Помните, Евфросія Васильевна, что я считаю вашего брата лучшимъ изъ людей и онъ другъ мнѣ!

Фрося вздохнула. Она чувствовала невѣроятную усталость и такую острую боль въ спинѣ, что та заглушила въ ней на время всѣ душевныя муки. Гордѣевъ не посмѣлъ проводить ее до дверей квартиры. Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и они разстались.

IX.

Петръ Ивановичъ вернулся домой ровно въ 6 часовъ. Узнавъ, что Фроси нѣтъ и что она ушла куда-то совершенно одна, онъ пришелъ въ ярость. Для него не было никакого сомнѣнія въ томъ, что она видѣлась съ Гордѣевымъ раньше и ушла теперь на свиданіе съ нимъ. Самолюбіе его было оскорблено. Онъ считалъ себя поруганнымъ въ самыхъ святѣйшихъ своихъ чувствахъ. Можетъ ли онъ любить и уважать женщину, которая нарушила святость семейнаго очага?—Никогда! Между ними все кончено, все... Онъ ходилъ по комнатѣ и величественно разводилъ руками. Зритель со стороны могъ принять его за сумашедшаго. То онъ вдругъ останавливался посреди комнаты въ трагической позѣ, складывалъ на груди руки и укоризненно смотрѣлъ въ пространство, то дѣлалъ величественный знакъ по направленію къ двери и произносилъ почти вслухъ: «Вы можете возвратиться туда, откуда пришли,—я васъ больше не удерживаю». Да, онъ имѣетъ право сказать ей это, имѣетъ полное право. Она ругается надъ нимъ. Между ними все кончено, все, навсегда...

Пусть братецъ беретъ ее къ себѣ... Это плоды его воспитанія... И онъ шагалъ по комнатѣ. Онъ дышалъ свободно послѣ столькихъ мѣсяцевъ напряженнаго состоянія. Не онъ, а она порвала отношенія. Онъ—не мальчишка; у него есть принципы, нарушить которые онъ не позволитъ никогда никому!... Вдругъ какая-то мысль осѣнила его голову. Онъ зажегъ лампу, пріотворилъ дверь и позвалъ Терезію. Терезія вошла смущенная. Она не любила и боялась его.

— Куда ушла Freulen?—спросилъ онъ ее грозно.

— Не знаю,—отвѣчала она чуть слышно.

Петръ Ивановичъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Она испуганно попятилась назадъ.

— Nisht gut, — сказалъ онъ убѣдительно, — es ist sehr schlesht. — Голосъ его вибрировалъ.

Терезія, видѣвшая, какъ Фрося передавала записку комиссіонеру, покраснѣла до корней волосъ и готова была расплакаться. Петръ Ивановичъ торжествовалъ. Ему не нужно было никакихъ доказательствъ больше. Теперь онъ зналъ все.

— Идите, дитя, — сказалъ онъ протяжно и кротко, качая головой,—идите къ себѣ.

Терезія закрыла лицо передникомъ и уничтоженная бросилась вонъ изъ комнаты. Петръ Ивановичъ опять началъ ходить. Онъ испытывалъ даже нѣкоторое умиленіе, онъ думалъ: «я любилъ ее, но теперь долженъ разстаться, долженъ,—моя честь того требуетъ». Послышался слабый звонокъ, не дошедшій до его слуха, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла г-жа Творшекъ. Она имѣла чрезвычайно странный видъ.

Петръ Ивановичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Мнѣ вамъ нужно что-то сказать,—произнесла она тихо. Краска залила ея блѣдное лицо.

У Петра Ивановича мурашки заходили по спинѣ, въ головѣ его пошло все вихремъ, а г-жа Творшекъ переминалась съ ноги на ногу и видимо подыскивала слова для объясненія своего прихода.

— Нужно послать за докторомъ или за акушеркой,—выговорила она наконецъ.

Все запрыгало внутри Петра Ивановича, точно его окатили холодною водой.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ поспѣшно.

Г-жа Творшекъ отворила дверь въ переднюю и Петръ Ивановичъ увидѣлъ Фросю: она стояла прислонившись къ стѣнѣ;

лицо ея было искажено страданіемъ. Терезія одною рукой поддерживала ее, а въ другой держала свѣчу. Ея широко открытые глаза смотрѣли съ такимъ ужасомъ на Петра Ивановича, что тотъ засуетился какъ школьникъ и началъ кричать: «доктора, доктора». Призванный докторъ съ печальнымъ видомъ объявилъ, что начинаются преждевременные роды вслѣдствіе смерти ребенка. Петръ Ивановичъ тоже вытянулъ лицо и заплатилъ доктору больше, чѣмъ слѣдовало. Сознаніе, что ребенка не будетъ, придало ему бодрости и онъ очень усердно ухаживалъ за роженицей. Старая акушерка имѣла свое собственное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Она безпрестанно говорила доктору: «цѣлую вашу руку и слушаюсь», а матери шепнула на ухо, что ребенокъ живъ и что это такъ же вѣрно, какъ ея тридцатилѣтняя практика. И дѣйствительно, на вторыя сутки послышался слабый писк маленькаго созданьица. Петръ Ивановичъ, сидѣвшій въ смежной комнатѣ и съ жадностью прислушивавшійся къ тому, что происходило у Фроси, обомлѣлъ, услыхавъ этотъ жалкій голосокъ.

Итакъ, то, чего онъ ужасно боялся, свершилось: ребенокъ родился и былъ живъ. Онъ оперся головой на руку и чуть не скрежеталъ зубами; и въ то время, какъ торжествующая акушерка хлопотала около дѣвочки, стараясь какъ можно теплѣе укутать ее въ пуховую подушку, отецъ былъ въ отчаяніи; онъ готовъ былъ проклинать часъ, въ который зародился этотъ младенецъ,—онъ совсѣмъ не желалъ его, и къ тому же былъ такъ увѣренъ, что судьба сжалится надъ нимъ и ребенокъ родится мертвымъ. Вдругъ такое страшное разочарованіе!

Сначала Фрося ничего не чувствовала, кромѣ наслажденія избавиться отъ физическихъ мукъ. Въ первыя минуты послѣ родовъ ее не могло бы огорчить извѣстіе о смерти ребенка, но когда дѣвочку прибрали и положили къ ней на кровать и она, слегка приподнявшись, взглянула на это маленькое сморщенное личико, въ ней вдругъ загорѣлась такая страстная любовь къ ней, что она готова была жизнь свою отдать за это безпомощное созданіе.

Въ комнатѣ никого не было; всѣ, уставшіе послѣ безсонной ночи, розбрелись отдыхать. Петръ Ивановичъ не являлся. Фрося лежала и думала: «если онъ придетъ теперь, и, склонившись надъ ней, скажетъ хоть одно ласковое слово, хоть взглянетъ на свое слабое дитя, она проститъ ему многое». Но онъ не являлся. Фрося смотрѣла на дверь и ждала. Тамъ былъ

свѣтъ, она слышала его шаги, но онъ не входилъ... Въ эту минуту она желала быть женой простого поденщика,—и тотъ, вѣроятно, былъ бы человѣчнѣе относительно ея. Она нагнулась къ дѣвочкѣ: малютка высвободила свои ручонки; маленькіе ея пальчики были безобразно худы; она вытягивала ихъ и при этомъ личико ея выражало страданіе. Двѣ крупныя слезы скатились ей на лобикъ.

Вошелъ Петръ Ивановичъ. Онъ медленно, держа руки въ карманахъ, приблизился къ кровати и имѣлъ такой видъ, точно сейчасъ получилъ пощечину.

— Ну, вотъ, и родила!—сказалъ онъ протяжно.

Фрося съ испугомъ посмотрѣла на него. Это былъ точно не его голосъ. «Что съ нимъ?»

— Жалкое созданіе...—прибавилъ онъ.—Ты не привязывайся къ ней слишкомъ.

— Ахъ, ради Бога, уйди, уйди!—проговорила она быстро. Она чувствовала, что сердце ея сильно забилось и кровь прилила къ головѣ.

Ребенокъ сталъ теперь для нея еще дороже. Она подозвала къ себѣ акушерку.

— У меня будетъ молоко?—спросила она.

— Конечно. А если нѣтъ, я вамъ доставлю прекрасную кормилицу,—отвѣчала старушка.

Фрося откинулась на изголовье. Ее начинала тревожить мысль, «будетъ ли у нея молоко». Эта мысль не покидала ее ни на мгновенье; она бросала ее то въ жаръ, то въ холодъ. Прошло два дня, въ продолженіе которыхъ Фрося чуть ли не сто разъ предлагала акушеркѣ этотъ роковой вопросъ. Ребенокъ безпрестанно икалъ и плакалъ,—его заливали ромашкой. Всѣ надежды были возложены на третій день, но и этотъ третій день не принесъ ей никакого утѣшенія. Женщины, окружавшія ее, приняли торжественный, сосредоточенный видъ. Фрося читала на ихъ лицахъ смертный приговоръ своему ребенку. Она выслала всѣхъ изъ комнаты и велѣла позвать къ себѣ Петра Ивановича.

— Намъ нужно взять кормилицу,—проговорила она голосомъ, въ которомъ слышались мольба и страхъ.

— Я не имѣю возможности этого сдѣлать,—отвѣчалъ онъ.—У насъ маленькія средства и ты это прекрасно знаешь.

— Но ребенокъ умретъ, если его не покормить сегодня же.

— Для этого есть коровье молоко.

— Семимѣсячное дитя не вынесетъ искуственнаго кормленія. Акушерка говорила мнѣ объ этомъ.

— Не вынесетъ, такъ что-жь дѣлать?...— отвѣчалъ онъ и махнулъ рукой.

У Фроси потемнѣло въ глазахъ, въ головѣ поднялся звонъ какой-то, холодъ и жаръ быстро смѣнялись въ ея тѣлѣ и ей казалось, что она ежеминутно можетъ потерять сознаніе.

— Успокой меня!—обратилась она къ Петру Ивановичу и протянула къ нему руки.

— Я говорю тебѣ, что ничего не могу сдѣлать. Намъ жить нечѣмъ.

— На колѣняхъ умоляю! Ради всего святого, успокой меня,—я съ ума схожу!

Она приподнялась и хотѣла встать съ постели.

Акушерка, видѣвшая изъ другой комнаты всю эту сцену, вбѣжала и насильно уложила ее.

Фрося сдѣлала движеніе рукой, чтобы Петръ Ивановичъ удалился,—она не могла его видѣть. Ее пронизала мысль, что онъ хочетъ уморить голодомъ ея ребенка. Кровь стучала въ вискахъ. Она на мгновеніе забывалась и когда приходила въ себя, то напрасно силилась что-то вспомнить. Память измѣняла ей. Только что она начинала неясно припоминать себѣ, что ей нужно, какъ опять забывалась. Наконецъ она почти крикнула:

— Подайте мнѣ мое платье!

— Никто ее не понялъ.

— Подайте мнѣ платье!—уже шипѣла она съ сверкающими глазами. Она забыла всѣ нѣмецкія слова. Акушерка и г-жа Творшекъ метались по комнатѣ какъ угорѣлыя и не знали, что имъ дѣлать.

— Терезія, Терезія!—кричала Фрося.

И дѣвушка, которую чуть не привязывали въ сосѣдней комнатѣ, чтобъ она не торчала безпрестанно у больной, влетѣла въ комнату. Она съ участіемъ нагнулась къ Фросѣ; ея каріе глаза впились въ нее, точно она желала прочесть въ глубинѣ ея души, что ей нужно.

— Доктора Гордѣева, позовите мнѣ доктора Гордѣева!—говорила Фрося такимъ страшнымъ шепотомъ, отъ котораго у Терезіи волосы подымались на головѣ. Несчастная мать вся вылилась въ этой мольбѣ.

— Доктора Гордѣева,—повторила Терезія.—У Ритгофа докторъ Гордѣевъ,—позвать?

Фрося кивнула головой и, схвативъ руку дѣвушки, прильнула къ ней горячими губами.

Терезія бросилась изъ комнаты. Она бѣжала такъ быстро, какъ только позволяли ея молодыя ножки, и громко повторяла: «докторъ Гордѣевъ, докторъ Гордѣевъ». Она боялась забыть это имя. Она съ инстинктомъ любящей женщины поняла, что Фросѣ грозитъ опасность отъ Петра Ивановича. Какая это опасность, она не знала. Она стрѣлой летѣла позвать другого на помощь.

Послѣ ухода Терезіи Фрося не теряла ужь больше сознанія,—ее ни на минуту не покидала мысль, что Петръ Ивановичъ хочетъ уморить голодомъ дѣвочку, и ей нужно сообщить объ этомъ Гордѣеву. Тамъ, въ глубинѣ ея самой, точно что-то двигалось, переливалось и шумѣло. Это что-то безпрестанно подступало къ ней и хотѣло охватить ее со всѣхъ сторонъ. Она силится успокоить себя,—ей нужно защитить свою малютку. Она всматривается въ противоположную стѣну и страстно, съ мучительною поспѣшностью, начинаетъ считать клѣтки узоровъ: «разъ, два, три,—разъ, два, три,—разъ, два, три». Ей кажется, что этимъ она продлитъ время и помѣшаетъ этому чему-то охватить себя. Въ залѣ раздаются шаги Петра Ивановича, и по мѣрѣ того, какъ они удаляются, она чувствуетъ себя покойнѣе; но вотъ шаги его приближаются, ее охватываетъ бѣшеное желаніе вскочить съ постели и преградить ему путь, и она торопливо считаетъ: «разъ, два, три,—разъ, два, три». Ребенокъ пищитъ; она нагибается къ нему и шепчетъ слова любви и нѣжности. Она защититъ ее; ее не дадутъ въ обиду; если не она, то другіе спасутъ ее. Сердце, какъ молотъ, до боли стучитъ въ ея груди. Она опять наклоняется къ дѣвочкѣ, и на этотъ разъ ей уже кажется, что та сложила ручонки и безмолвно молитъ ее о защитѣ. «О, какъ мучительно-долго тянется время!»—думаетъ она и безумно поводитъ глазами.

Вдругъ раздается звонокъ. Она приподнялась. На порогѣ показался Петръ Ивановичъ. Это что-то мгновенно охватило ее, она вскочила съ постели, схватила стулъ и бросилась на него. Изъ другой двери вбѣжали Гордѣевъ и Терезія.

Когда ее привязали къ кровати, Гордѣевъ вышелъ и обвелъ глазами комнату. Петра Ивановича нигдѣ не было. Минуту спу-

стя, онъ увидалъ, что тотъ, скорчившись, прижался за диваномъ. Доктору такъ стало гадко, что онъ незамѣченнымъ хотѣлъ проскользнуть изъ комнаты, но Петръ Ивановичъ вылѣзъ, лицо его было блѣдно и нижняя челюсть тряслась.

— Куда вы уходите?—спросилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Не бойтесь,—отвѣтилъ Гордѣевъ,—теперь она ужь больше не встанетъ: вы ее убили!

Петръ Ивановичъ сѣлъ на диванъ. Лицо его искривилось судорогой. Онъ не могъ ничего сказать.

— Я иду телеграфировать Пимену Васильевичу, — сказалъ докторъ.

— Но вы не скажете ему,—безсвязно заговорилъ Петръ Ивановичъ,—тѣхъ жестокихъ словъ, что вы сейчасъ здѣсь говорили. Вѣдь вы ничѣмъ не можете доказать, ничѣмъ.

Изъ другой комнаты послышался прерывистый, горячечный бредъ Фроси. «Уморитъ голодомъ, убьетъ, убьетъ!»—твердила она. Петръ Ивановичъ опять задрожалъ.

— Спасите ее, докторъ, спасите,—говорилъ онъ и, схвативъ руку Гордѣева, прильнулъ къ ней губами.

Гордѣевъ выбѣжалъ изъ комнаты. Въ немъ бушевало чувство глубочайшаго презрѣнія къ этому человѣку. Онъ нѣсколько разъ вытеръ платкомъ руку, къ которой прикоснулись холодныя губы Петра Ивановича. Тотъ остался на диванѣ и вперилъ глаза въ свои бѣлые, красивые, длинные пальцы.

— Что дѣлать съ ребенкомъ?—спросила, подойдя къ нему, акушерка.

Петръ Ивановичъ вздрогнулъ, но не разслышалъ вопроса.

— Докторъ велѣлъ привесть кормилицу, — продолжала старуха.

На этотъ разъ Петръ Ивановичъ понялъ, что она говорила.

— Да, да, приведите, непремѣнно приведите!—отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Я самъ пойду съ вами.

— Ее нельзя оставить одну.

Петръ Ивановичъ замялся,—ему стыдно было сознаться, что онъ боится оставаться съ ней.

— Что у нея?—спросилъ онъ тихо, указывая глазами на дверь.

Старуха покачала головой и заплакала. Ей было дѣйствительно жаль этой молодой погибающей жизни.

— Und sie war so geduldig, —добавила она съ нѣжностью въ голосѣ.

Петръ Ивановичъ отвернулся. Теперь онъ рѣшился остаться.

Но когда старуха вышла, на него опять напалъ страхъ: изъ сосѣдней комнаты доносился голодный крикъ дѣвочки и слабый бредъ матери: «убьетъ, убьетъ»—шептала она.

Петръ Ивановичъ сѣлъ въ уголъ и зажалъ себѣ уши. Лицо его выражало безсильную борьбу съ самимъ собой.

Въ такомъ положеніи засталъ его Гордѣевъ.

Петръ Ивановичъ все время былъ мраченъ и задумчивъ. Самое осязательное чувство въ немъ была боязнь столкновенія съ Пименомъ. Всѣ въ домѣ были противъ него. Г-жа Творшекъ взяла ребенка на свое попеченіе и совершенно игнорировала Петра Ивановича.

Гордѣевъ сзывалъ консиліумы и распоряжался, какъ у себя дома. Петръ Ивановичъ не смѣлъ протестовать. Онъ все собирался переговорить съ нимъ, но страхъ мѣшалъ ему. Онъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ въ своей собственной квартирѣ. Никто не хотѣлъ брать отъ него даже денегъ. Гордѣевъ платилъ за все, и Петръ Ивановичъ покорялся. Онъ безпрестанно ловилъ себя на счетѣ дней, когда долженъ пріѣхать Пименъ Васильевичъ, и, по его соображеніямъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ нельзя было ждать его раньше недѣли. Къ этому времени она могла умереть и онъ успѣетъ объясниться съ Гордѣевымъ. Вдругъ въ этотъ же самый день Пименъ вошелъ въ его комнату. Петръ Ивановичъ подбѣжалъ къ нему и съ нервною поспѣшностью сталъ стягивать съ его плечъ пальто, самъ едва сознавая, что онъ дѣлаетъ.

— Ради Бога, Петръ Ивановичъ, у васъ такой страшный видъ, что съ ней?

Петръ Ивановичъ молчалъ.

— Умерла?—задыхаясь, тихо спросилъ Пименъ.

— Нѣтъ.

Пименъ сѣлъ. Онъ чувствовалъ, что хотя она жива, но теперешнее состояніе ея равняется смерти.

Они молча сидѣли нѣсколько минутъ другъ противъ друга.

— Гордѣевъ что говоритъ?—спросилъ Пименъ.

— Говоритъ: плохо.

— Я пойду къ ней. Я хочу ее видѣть. Гдѣ она лежитъ?

— Нѣтъ, не нужно, ради Бога не нужно!—торопливо заговорилъ Петръ Ивановичъ, ловя его руку и насильно усаживая его въ кресло.—Не ходите, докторъ запретилъ. Когда она видитъ кого-

нибудь, сейчасъ начинаетъ бредить, а это ей вредно. Она такъ страшно бредила и только недавно успокоилась.

Въ это время кормилица пронесла черезъ комнату ребенка. Пименъ вскользь взглянулъ на нее.

— Что было причиной ея болѣзни?—спросилъ онъ.

— Преждевременныя роды,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

Пименъ Васильевичъ поблѣднѣлъ.

— Я думалъ, вы знаете объ этомъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ, глядя на него съ недоумѣніемъ.

Пименъ Васильевичъ не зналъ даже о ея беременности,—Гордѣевъ телеграфировалъ ему только, что Фрося опасно больна. Онъ былъ такъ взволнованъ, что не рѣшался распрашивать дальше, боясь услышать что-нибудь ужасное.

— Хотите, я велю вамъ принесть дѣвочку?—спросилъ Петръ Ивановичъ и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ минуту онъ возвратился и заявилъ, что ребенокъ спитъ и они могутъ идти посмотрѣть на него.

Тамъ, сидя у колыбели ребенка, эти двое людей, ненавидѣвшіе другъ друга, мирно бесѣдовали. Пименъ искренно жалѣлъ, что его дурныя отношенія къ Петру Ивановичу быть-можетъ лишили сестру многихъ удобствъ. Ей Петръ Ивановичъ не позволялъ брать отъ него денегъ. Онъ казался убитымъ и растеряннымъ, и Петръ Ивановичъ, глядя на него, испытывалъ что-то вродѣ душевнаго удовлетворенія. Это былъ первый день, что онъ дышалъ свободно. Онъ больше не боялся Гордѣева,—онъ былъ увѣренъ, что тотъ, видя ихъ хорошія взаимныя отношенія и горе Пимена, не захочетъ еще больше огорчать его. И онъ не ошибся.

Вотъ что чувствовали эти двое людей, когда въ заключеніе протянули черезъ колыбель другъ другу руки въ знакъ примиренія.

Пименъ не могъ долѣе двухъ дней оставаться въ Вѣнѣ. Дѣла призывали его въ Петербургъ, и, уѣзжая, онъ оплакивалъ сестру свою какъ мертвую,—въ это время не было никакой надежды на ея выздоровленіе.

Пока Фрося лежала на смертномъ одрѣ, Петръ Ивановичъ суетился и хныкалъ. Онъ даже мечталъ о томъ, какъ будетъ убитъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ея смертью, и безсознательно радовался такому исходу. Пименъ беретъ ребенка себѣ и никогда не узнаетъ истины. А свѣтъ Божій такъ великъ! А совѣсть человѣческая такъ покладиста!

Но Фрося передышала всѣ сроки, назначаемые ей докторами для кончины, и наконецъ восторжествовала надъ смертью. Чего только не вынесетъ молодой женскій организмъ! Появилась надежда на ея выздоровленіе. Всѣ въ домѣ подняли головы, а Петръ Ивановичъ опустилъ свою долу. «Что-то будетъ?—думалъ онъ.—Какъ она встанетъ, съ какими мыслями и требованіями?»—И его сентиментальныя чувства смѣнились страхомъ; опять она стала ему грезиться съ поднятымъ стуломъ и онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ для него дней была получена телеграмма изъ Италіи: жена его умерла. Онъ съѣздилъ туда и вернулся въ Вѣну съ совершенно чистою совѣстью. Послѣ долгихъ колебаній и желанія даже скрываться нѣкоторое время, онъ рѣшилъ однако жениться на Фросѣ. Вѣдь, если Пименъ Васильевичъ захочетъ, чтобъ онъ обвѣнчался съ его сестрой, то отъ него никуда не уйдешь, такъ лучше самому зажать всѣмъ рты своей благородной рѣшимостью. Мысль о женитьбѣ была ему очень непріятна,—онъ не любилъ Фросю,—но теперь онъ былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что заставитъ ее повиноваться себѣ. Она должна будетъ выкинуть изъ головы всѣ свои бредни... На его рѣшеніе жениться имѣло вліяніе еще то обстоятельство, что Пименъ выразилъ желаніе подѣлиться съ сестрой своими средствами, а средства его обѣщали быть не маленькими. Конечно, Петръ Ивановичъ игнорировалъ послѣднее обстоятельство,—онъ черпалъ силы на этотъ подвигъ изъ болѣе благороднаго источника. Какъ бы то ни было, но, вернувшись въ Вѣну, онъ поражалъ всѣхъ своимъ нахальствомъ и требованіями.

Софья Байкова, пріѣхавшая ухаживать за Фросей по просьбѣ Пимена, чуть не вернулась обратно въ Петербургъ,—до того онъ былъ грубъ и неуступчивъ.

X.

Фрося открыла глаза точно послѣ долгаго томительнаго сна. Сонъ ея былъ дѣйствительно дологъ: онъ продолжался недель шесть. Въ теченіе этого времени она находилась между жизнью и смертью. Наконецъ, она сознательно открыла глаза. Взглядъ ея упалъ на противоположную стѣну, гдѣ рисовалась тѣнь отъ чьей-то наклоненной фигуры. Слабый свѣтъ разливался по комнатѣ. Она хотѣла что-то сказать, сдѣлала движеніе языкомъ и гу-

ами, но сама не слышала того, что говорила. Она машинально водила рукой по своему одѣялу и смотрѣла на освѣщенную стѣну, пока вѣки ея отяжелѣли и она опять заснула не тревожнымъ, мучительнымъ, но покойнымъ сномъ.

Проснулась она опять среди глубокаго мрака, царившаго въ комнатѣ. Теперь она испытывала величайшее наслажденіе сознавать и чувствовать себя. Она подняла руку, подержала ее въ воздухѣ и уронила потомъ какъ можно дольше въ сторону. Рука ея упала на что-то твердое, холодное, круглое. Фрося ощупала эту вещь со всѣхъ сторонъ и рѣшила, что это опрокинутая чашка; ей захотѣлось подвинуть ее и она такъ усердно это сдѣлала, что чашка полетѣла на полъ и разбилась, но Фрося не слышала стука разбитой посуды, за то особа, спавшая въ ея комнатѣ, проснулась и черезъ минуту въ комнатѣ опять разлился слабый свѣтъ. Къ кровати ея подошла женская фигура. Фрося всматривается и узнаетъ Соню. Она ее позвала по имени, но та спокойно продолжала поправлять одѣяло; тогда Фрося улучила свободную минуту, поймала ея руку и поднесла къ губамъ. Соня, обрадованная, нагнулась къ ней и что-то говорила, но Фрося опять ничего не слышала; она повела плечами и указала на свои уши. Фрося не была удивлена тѣмъ, что увидала около себя свою подругу. Все недавно прошедшее испарилось изъ ея памяти. Соня своимъ появленіемъ напомнила ей Пимена и Петербургъ. Ее занималъ вопросъ, почему она лежитъ и лишилась слуха. Когда Соня говорила, звуки ея голоса долетали до нея въ видѣ отдаленнаго безсвязнаго шума. Наконецъ Соня закрыла рукой ей глаза, показывая этимъ, что ей слѣдуетъ спать, и удалилась.

Фрося слегка дремала; она лѣниво подымала вѣки и наблюдала все происходящее въ комнатѣ. Неизвѣстно, много ли прошло времени, но въ комнату вошелъ какой-то господинъ и сталъ комически съ кѣмъ-то раскланиваться; она не видѣла другой фигуры, только на противоположной стѣнѣ вытягивались и изгибались двѣ тѣни. Онѣ напомнили ей пантомину, видѣнную ею когда-то давно, въ дѣтствѣ. Она тихо смѣялась.

Потомъ господинъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Это былъ Гордѣевъ, но Фрося не узнала его и рѣшила, что это должно-быть докторъ и что у него очень смѣшное лицо.

Ей безпрестанно хотѣлось говорить и она очень сердилась, что всѣ тотчасъ уходили и оставляли ее одну. Она отъ скуки

выдергивала нитки изъ своего пикейнаго одѣяла и царапала ногтемъ стѣну, а узоры на стѣнѣ подъ вліяніемъ ея пристальнаго взгляда принимали самыя фантастическія очертанія. Она видѣла и спину женщины, и хоботъ слона, и гигантскій безформенный цвѣтокъ. Физическое ея здоровье быстро возстановлялось; она много ѣла и часто порывалась встать, но голова ея была слаба и мало способна комбинировать то, что она видѣла вокругъ себя. Отдѣльныя явленія были для нея ясны, но она не могла послѣдовательно связать ихъ въ одно цѣлое и уловить нить тѣхъ смутныхъ отрывочныхъ воспоминаній, которыя вдругъ иногда подобно молніи прорѣзывали ея умъ и опять исчезали. Она безпрестанно спрашивала, почему не приходитъ Пименъ, и потомъ, когда начала слышать, ее очень удивило, что дѣвушка, прислуживавшая ей, не умѣетъ говорить по-русски.

Однажды она уснула и долго, долго спала. Вдругъ до ея слуха, сквозь смѣшанный шумъ, долетѣлъ сдержанный голосъ Сони, она открыла глаза и съ напряженіемъ стала прислушиваться. Разговоръ происходилъ въ ея комнатѣ за ширмами. Соня говорила:

— Уйдите, ради Бога, вѣдь вы знаете, что она еще очень слаба... Нужно остерегаться напоминать ей о прошломъ.

— Но теперь она спитъ. Я, кажется, имѣю больше другихъ правъ посмотрѣть на нее, — отвѣчалъ сердитый мужской голосъ.

При звукѣ этого голоса сердце Фроси затрепетало и изъ глубины души ея поднялась цѣлая толпа смутныхъ воспоминаній: развалины замковъ на горахъ, столбъ искристаго свѣта надъ Женевскимъ озеромъ, фантастическая колонна на Грабенѣ, чехи, музыка, храмъ Тезея, старушка-акушерка и наконецъ ребенокъ. Все это вихремъ пронеслось въ ея умѣ, она громко заплакала и отчаянно стала звать Терезію.

Опять наступилъ мракъ и опять явилась опасность за ея умственныя способности.

И вотъ, когда она вторично пришла въ себя, около нея никого не было, двери въ сосѣднюю комнату были отперты и тамъ возлѣ окна сидѣла женщина и кормила грудью ребенка. Фрося приподнялась на постели и напряженно смотрѣла на групу у окна. Она съ поразительной отчетливостью припомнила все прожитое ею съ Петромъ Ивановичемъ, и эти воспоминанія ужь больше не потрясли ее. Когда вошла Соня, она спокойно сказала:

— Подайте мнѣ моего ребенка.

Соня стремительно заперла двери и подошла къ ней.

— Подайте мнѣ моего ребенка,—повторила Фрося.

Когда, наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, ей положили дѣвочку на колѣни, она тихо заплакала и съ этой минуты установилась полная надежда на ея выздоровленіе.

Однако здоровье ея очень медленно возстановлялось. Она была задумчива и молчалива и вѣчно погружена въ самое себя, только одна Терезія умѣла вызвать улыбку на ея лицѣ. Гордѣевъ боялся, чтобъ она не впала въ меланхолію. При сильной физической слабости, въ ней видимо происходила какая-то борьба и ломка чего-то. Видно было, что она переживала трудное время. Всѣ съ напряженіемъ слѣдили за ней. На нее было больно смотрѣть. Ноги ей совсѣмъ не служили. Свѣтлые, вьющіеся волосы были сбриты во время болѣзни, заостренный носикъ рѣзко выдѣлялся на исхудаломъ лицѣ, глаза утратили свой блескъ и смотрѣли почти сурово, только пухлыя, дѣтски очерченныя губы выдавали ея крайнюю молодость.

— Соня,—сказала она однажды своей подругѣ,—если мои ноги откажутся служить мнѣ, я погибла.—И въ голосѣ ея слышалось отчаяніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ словъ, когда въ комнатѣ никого не было, Фрося встала съ постели и, держась за мебель, прошла черезъ всю комнату. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, лицо ея прояснялось и, дойдя до кресла, стоявшаго у самой двери, она опустилась въ него сіяющая и счастливая. Теперь она спасена. О, какъ она страдала все это время! Она боролась съ призраками прошедшаго, и эти призраки одолѣвали ее; была роковая связь между ними и ея несчастными ногами. Она чувствовала, что пока не начнетъ ходить, ей не стряхнуть съ себя прошлаго, а съ другой стороны это прошлое какъ будто парализовало ея ноги и ея способность владѣть ими. Она ежедневно то умирала, то воскресала духомъ.

Каждый разъ, когда никого не было въ комнатѣ, она пробовала ходить, и послѣ каждой неудачной попытки передъ нею возникалъ грозный вопросъ: неужели она не встанетъ? Неужели ей суждено лежать, окруженной страшными призраками своей разбитой молодости?... Но вотъ сегодня ей ноги повинуются. Она спасена. Чтобы снова убѣдиться въ этомъ, она встала и направилась къ кровати поперекъ комнаты; ноги не измѣнили ей,—она дошла до цѣли и опустилась въ кресло, благоговѣйно скрестивъ

руки. Бѣлыя оборки кисейнаго чепца окружали подобно сіянію ея личико. Глаза ея кротко свѣтились. Она могла думать теперь о себѣ безъ страха и смущенія. Призраки прожитаго страданія разсѣялись, а будущее слилось въ одинъ обѣтъ: никогда, никогда она никого не полюбитъ, никому не дастъ она власти надъ собой. Ея жизнь будетъ полна труда и самоотверженности. Такъ сидѣла она, проникнутая экстазомъ. Это былъ экстазъ молодой монахини, отрѣшившейся отъ всѣхъ земныхъ благъ и перенесшей много страданій. Силы ея съ этого времени стали быстро возстановляться и вскорѣ она настолько окрѣпла, что сама пожелала объясниться съ Петромъ Ивановичемъ.

Тотъ вошелъ къ ней самонадѣянно, безъ малѣйшей любви, съ однимъ желаніемъ поразить ее благородствомъ своего намѣренія. Но при видѣ этого нѣжно вспыхнувшаго личика, этихъ большихъ сѣрыхъ глазъ, гдѣ свѣтилось еще пережитое страданіе, онъ, совершенно неожиданно для самого себя, почувствовалъ, что пришелъ къ женщинѣ, которую онъ когда-то любилъ и отъ которой ему трудно оторваться. Вмѣсто приготовленной напыщенной тирады, онъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Фрося,—заговорилъ онъ,—тебя хотятъ оторвать отъ меня, тебя хотятъ вооружить противъ меня! Я знаю, мнѣ трудно было бы бороться съ твоими друзьями, еслибъ обстоятельства мои не измѣнились, еслибъ я не могъ сказать тебѣ: Фрося будь моей женой,—да, будь моей законной женой!

Фрося нѣсколько отодвинулась и смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я такъ и зналъ, что тебя это удивитъ; но это правда: жена умерла еще во время твоей болѣзни. Я не хотѣлъ говорить никому объ этомъ. Я ждалъ твоего выздоровленія,—я ждалъ, пока ты въ состояніи будешь разсуждать. Скажи, будешь моей женой?

— Нѣтъ,—отвѣчала она твердо.

Петръ Ивановичъ отшатнулся отъ нея и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Почему?—глухо спросилъ онъ.

— Потому, что я больше не люблю васъ,—отвѣчала она.

— Слушай, Фрося, — заговорилъ Петръ Ивановичъ, садясь ближе къ ней и стараясь не смотрѣть ей въ лицо:—всякое общество управляется извѣстными законами, безъ которыхъ немыслимы никакія человѣческія отношенія. Это чувство законности и не-

законности нашихъ поступковъ до такой степени вкореняется въ убѣжденія и совѣсть большинства людей, что иногда помимо воли управляетъ не только нашими поступками, но даже и чувствами.

Фрося сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Онъ такъ живо напомнилъ ей того Петра Ивановича, который мучилъ ее осенними вечерами.

— Я не скажу,—продолжалъ онъ,—чтобы всѣ законы были хороши: противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно возмущаться,—я хочу доказать тебѣ, совершенно неопытной въ жизни, смотрящей на нее сквозь идеальныя очки,—хочу доказать, что человѣку, который подобно мнѣ строго относится къ жизни, который проникнутъ уваженіемъ къ законности, трудно было отрѣшиться отъ всего того, что вкоренилось въ мои убѣжденія помимо меня самого. Нѣкоторыя правила,—сказалъ онъ торжественно,—я всосалъ съ молокомъ матери. Вотъ почему я не могъ не чувствовать неловкости въ положеніи непризнаннаго отца семейства. Но я всегда былъ проникнутъ уваженіемъ и любовью къ тебѣ. Это доказываетъ...

— Довольно, довольно!—заговорила Фрося, сжавъ виски и силясь не разрыдаться: каждое его слово причиняло ей страданіе.—Я не хочу ничего больше слышать о законности и незаконности чувствъ вашихъ. Вы бы могли избавить меня отъ подобныхъ разсужденій.

— Нѣтъ, не могу! Я долженъ объяснить свои поступки. Я долженъ попросить тебя забыть то ложное положеніе, въ которое я тебя невольно поставилъ. Мы оба страдали, и я быть-можетъ страдалъ больше тебя. Теперь, несмотря на то, что всѣ противъ меня, я пришелъ сказать тебѣ: будь моей женой. Я радъ, что это теперь въ моей власти.

— Но мнѣ этого не нужно, мнѣ ничего отъ васъ не нужно,—сказала она и встала съ мѣста.—Я совершенно сознательно шла съ вами на трудную жизнь. Я любила васъ. Мнѣ пріятно было пренебречь ради васъ тѣмъ чувствомъ законности, которое, какъ вы говорите, укореняется въ понятіи каждаго человѣка. Я могла все вынести кромѣ того, что вы заставили меня испытать. Я ничего отъ васъ не хочу, мнѣ ничего не нужно.

Ноги ея дрожали. Она не могла бѣжать отъ него. Она должна была его выслушать.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заговорилъ Петръ Ивановичъ,—ты не имѣешь права разсуждать такимъ образомъ. Въ тебѣ говоритъ жен-

ское легкомысліе. Ты не знаешь, какъ свѣтъ относится къ женщинамъ въ твоемъ положеніи. Лишая своего ребенка отца, ты воспитаешь врага себѣ, который никогда не проститъ твоего отказа выйти за меня замужъ.

— Оставьте, Петръ Ивановичъ,—вскричала Фрося,—вы ни въ чемъ меня не убѣдите. Мой ребенокъ никогда не станетъ врагомъ матери, которая сдѣлаетъ для него все, что въ ея власти. А если это случится когда-нибудь, у меня хватитъ силы отвернуться отъ нея такъ, какъ я отворачиваюсь теперь отъ васъ. Оставьте меня. Я сказала вамъ все, что могла сказать. Мнѣ больше нечего говорить вамъ. Уйдите, ради Бога,—я не могу васъ слушать.

Она встала и хотѣла уйти, но Петръ Ивановичъ схватилъ ее за руку и насильно усадилъ въ кресло. Въ немъ происходила страшная борьба любви, злобы, ненависти и отчаянія.

— Я не выпущу тебя такимъ образомъ,—говорилъ онъ задыхаясь,—ты должна меня выслушать. Ты—слабая женщина, ты можешь идти въ жизнь, опираясь на чью-нибудь руку, и я самый близкій къ тебѣ человѣкъ. Я—мужъ твой, я отецъ твоего ребенка. Я одинъ могу тебя вывести изъ того ложнаго положенія, въ какомъ ты находишься. Что ты значишь безъ меня? Дѣвушка съ ребенкомъ... Никто не станетъ разбирать нашихъ отношеній. Между тѣмъ я могу тебѣ доставить многое. Я получилъ мѣсто. Мнѣ предстоитъ блестящая карьера и ты, какъ жена моя, будешь пользоваться почетомъ и уваженіемъ. Неужели можно предпочесть жизнь темную безъ имени тому, что я тебѣ предлагаю? Ты не найдешь себѣ мужа, который могъ бы уважать тебя, потому что общество противъ тебя, оно ужь тебя заклеймило.

— Я не буду искать себѣ мужа, я не стану просить, какъ подаянія, уваженія отъ того общества, которое ужь заклеймило меня,—у меня найдутся друзья. Но если я даже останусь одна, если мнѣ придется просить милостыню, я не протяну вамъ руки. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Вѣдь вы не разувѣрите меня въ томъ, что вы трусъ, что боязнь общественной морали заглушила въ васъ всѣ человѣческія чувства. Зачѣмъ вы стараетесь запугать меня? Я васъ больше не люблю, а главное—я не могу ужь больше вѣрить тому, что вы говорите. Если я уступлю вамъ теперь, миръ между нами не долго продержится. Почемъ я знаю, какимъ вы будете общественнымъ дѣятелемъ? Мнѣ все это неизвѣстно. Вы могли проявить неслыханную жестокость даже от-

носительно вашего собственнаго ребенка. Ваше будущее для меня—потемки, но я отлично знаю, что рука, на которую вы мнѣ предлагаете опереться, можетъ наносить удары только слабымъ и беззащитнымъ. И я васъ презираю за это, презираю,—слышите?... Уйдите!—Она встала и ноги ея больше не дрожали.

Петръ Ивановичъ тоже всталъ и выпрямился. Лицо его поблѣднѣло и губы тряслись.

— Васъ, сударыня, окружаютъ люди, которые готовы утопить меня въ стаканѣ воды,—заговорилъ онъ.—Вы сами дѣвчонка съ превратными понятіями о жизни, а друзья ваши не имѣютъ никакого уваженія къ семьѣ и не понимаютъ ея святости,—они нигилисты! Я, какъ благородный человѣкъ, даю вамъ возможность выйти изъ вашего ложнаго положенія. Еслибы вы были честной матерью, вы бы думали теперь о своемъ ребенкѣ. Еслибы вы были хорошею христіанкой, вы бы постарались освятить нашъ союзъ. Но вамъ этого ничего не нужно. Думаете ли вы, что господинъ Гордѣевъ или кто другой не предпочтутъ вамъ честной дѣвушки? Вы горько ошибаетесь. Я исполнилъ свою обязанность; но ссли вамъ нравится, вы можете оставаться во мнѣніи свѣта развратницей. Я больше не приду къ вамъ!

— Терезія, Соня! — закричала Фрося, дрожа отъ ужаса и негодованія.

Петръ Ивановичъ выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ прибѣжалъ въ свой номеръ, кинулся на диванъ и зарыдалъ отъ ярости.

— Убить,—кричалъ онъ, потрясая кулакомъ въ воздухѣ,—убить, растерзать!...

Онъ не любилъ ее, но еслибы была сила, которая бы заставила ее выйти за него, онъ бы женился на ней, чтобы тиранить ее, чтобы медленно убивать ее. Но нѣтъ, нѣтъ такого закона. «О, будьте прокляты законы, не могущіе отдать ее мнѣ въ руки,—шипѣлъ онъ,—будьте прокляты!» Онъ задыхался въ своемъ номерѣ. Фрося стояла передъ нимъ, и не одна,—за нею былъ цѣлый сонмъ: братъ, Гордѣевъ, Соня, даже та плеяда лицъ молодыхъ, дурно одѣтыхъ, которыя осмѣлились когда-то не слушать его лекцій; всѣ они теперь точно столпились и смѣялись надъ нимъ. «Какова!... Она не протянетъ ему руки за милостыней, она, опозоренная въ глазахъ свѣта, отворачивается отъ него!... Она не знаетъ, какой онъ будетъ дѣятель... Ха-ка-ха!... Онъ покажетъ имъ, каковъ онъ будетъ. Ни одинъ Пименъ Васильевичъ не выйдетъ у него изъ суда оправданнымъ...»

Онъ жаждалъ сочувствія; ему нужно было вылиться передъ кѣмъ-нибудь, и вотъ онъ побѣжалъ къ своему пріятелю князю, кинулся къ нему на шею и опять зарыдалъ.

— Убить ихъ! — кричалъ онъ. — Нигилисты, скоты, изувѣрники!... Разнузданность, распущенность, беззаконіе!... Душить, душить ихъ всѣхъ, чтобъ ни одного не осталось!...

И, всхлипивая, съ проклятіями на устахъ, онъ разсказалъ князю исторію о дѣвушкѣ, которую онъ хотѣлъ вырвать изъ вертепа нигилистическаго разврата; онъ любилъ ее, и ее отняли, отняли, отняли!

— Семьи они не знаютъ, любовь имъ незнакома. Въ нихъ Бога нѣтъ, понимаете?—твердилъ онъ,—въ нихъ Бога нѣтъ!

— Horible, horible,—повторялъ князь, пораженный всей этой исторіей.

Петръ Ивановичъ продолжалъ:

— Я посвящу жизнь свою на преслѣдованіе этихъ людей,—они у меня все отняли, что я любилъ.

Князь, чтобы развлечь какъ-нибудь этого благороднаго страдальца, потащилъ его въ театръ.

Пименъ Васильевичъ не могъ пріѣхать за Фросей и потому ее и Соню провожалъ въ Петербургъ Гордѣевъ. На границѣ ихъ заарестовали и подвергли самому строжайшему обыску. Такой же точно обыскъ былъ произведенъ въ квартирѣ Пимена. Ни тамъ, ни здѣсь ничего не нашли. Что бы все это значило?... Пименъ и Гордѣевъ догадывались, но молчали,—они боялись огорчить молодую мать: маленькая, черноглазая дѣвочка очень напоминала ей своего отца.

Исторія моихъ героевъ только начинается. Когда-нибудь я разскажу о нихъ.

А. Шабельская.

ВѢРА и ЗНАНІЕ.

Наша статья есть продолженіе того, что въ прошломъ году было напечатано въ *Русской Мысли* подъ заглавіемъ «Опытное знаніе и философія», поэтому считаю необходимымъ предупредить читателя, что для полнаго ея пониманія необходимо знакомство съ первою моею статьею, ибо предлагаемая теперь есть только ея продолженіе и дальнѣйшее развитіе высказанныхъ въ ней мыслей. Въ моей прошлой статьѣ я разсматривалъ естественныя границы знанія эмпирическаго и философіи, на нихъ основанной. Выводъ былъ такой: *эмпирическая философія, вѣрная своимъ началамъ, ни въ какомъ смыслѣ не даетъ дѣйствительнаго знанія*; слѣдовательно, если наука должна быть тѣмъ, чѣмъ она была всегда въ глазахъ людей, ее искавшихъ и ей служившихъ, если она должна оставаться источникомъ и мѣриломъ истины, какъ этого хотятъ ея поклонники, *она не можетъ быть обоснована только эмпирически*. Какъ мы пришли къ такому выводу и что обозначаетъ этотъ терминъ—«эмпирическая философія»?

Подъ именемъ эмпирической философіи, какъ должны помнить читатели моей первой статьи, я разумѣю философію индуктивную, то-есть такую, которая отправляется отъ слѣдующихъ двухъ положеній: первое, человѣческому познанію доступны только явленія; второе, единственная основа достовѣрности, единственный методъ мышленія, доставляющій плодотворные результаты, есть *индукція*, отъ которой должна исходить и исходитъ всякая дѣйствительная наука и которая предшествуетъ всѣмъ дедуктивнымъ процессамъ, какъ опирающимся уже на нее. На это могутъ возразить, что оба эти утвержденія не связаны между собою внутреннею необходимостью, что можно принять эмпирическое начало

нашихъ познаній, не предполагая при этомъ, что единственный путь къ истинѣ есть непремѣнно индукція. И въ самомъ дѣлѣ въ послѣднемъ случаѣ возможны два взгляда, которые и встрѣчаются въ исторіи философіи. Во-первыхъ, можно утверждать, что точка отправленія для всѣхъ нашихъ выводовъ есть опытъ, не опредѣляя заранѣе логическихъ пріемовъ, которымъ должна слѣдовать мысль, его объясняющая. Во-вторыхъ, можно доказывать, что опытъ въ его грубой непосредственности—не только основаніе, но и предѣлъ подлиннаго знанія, что разумъ недостовѣренъ по существу, что всякія привнесенія разсудка къ даннымъ чувства только исключаютъ ихъ. Однако ни то, ни другое воззрѣніе нельзя назвать эмпирическою философіей. Первое, особенно если опытъ брать въ широкомъ смыслѣ всякаго непосреднаго вѣдѣнія, никакъ не ведетъ къ признанію познаваемости только явленій; требованіе непосредственнаго усмотрѣнія, какъ основы философской истины, отличаетъ не только философовъ-мистиковъ, какъ увидимъ далѣе, но и многихъ философовъ-раціоналистовъ. Ясное подтвержденіе мы находимъ въ Декартѣ, который утверждалъ всю свою философію на непосредственной очевидности факта мышленія и выводовъ, изъ него вытекающихъ, что, однако, не мѣшаетъ ему быть раціоналистомъ и метафизикомъ. Второе воззрѣніе есть отрицаніе всякой философіи, а поэтому и эмпирической. Это мистицизмъ совсѣмъ беззавѣтный, въ своей наивной формѣ существовавшій только у древнихъ. При немъ нѣтъ мѣста не только познанію, но и слову. Дѣло идетъ не о немъ, но и не о тѣхъ мыслителяхъ, которые, опираясь на непосредственно-очевидные факты сознанія, строятъ онтологическія теоріи. Мы говоримъ объ эмпирической философіи, въ ея противоположности къ философіи метафизической. Съ этой точки зрѣнія исключительное признаніе индукціи есть ея наиболѣе важная особенность. Таковъ дѣйствительно эмпиризмъ новѣйшій, съ чѣмъ не станутъ спорить его представители. Мы имѣемъ дѣло съ нимъ и поэтому я безразлично употребляю терминъ *эмпирическая* или *индуктивная* философія и, говоря объ *эмпиризмѣ*, разумѣю *индуктивизмъ*. Итакъ, общій ходъ мысли въ нашей первой статьѣ былъ слѣдующій:

Знаніе явленій предполагаетъ наблюденіе ихъ, а наблюденіе предполагаетъ воспріятіе. Воспринимать—значитъ слышать, видѣть, осязать и т. д., наприм. я *воспринимаю ощущая*; иными словами, воспринимать и ощущать—одно и то же. Но мною ощу-

щаются не вещи, какъ онѣ суть внѣ меня, а мои собственныя внутреннія состоянія: это—одинъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ тезисовъ эмпирической психологіи. Если такъ, ощущеніе мнѣ даетъ только меня самого; ощущая, я не выхожу изъ своего внутренняго міра.

Мои ощущенія во взаимныхъ отношеніяхъ между собою представляютъ нѣкоторыя постоянства совмѣстности и послѣдовательности. Мы замѣчаемъ эти постоянства: въ этомъ состоитъ индуктивное знаніе явленій; *всякое индуктивное обобщеніе утверждаетъ постоянство во внѣшнихъ отношеніяхъ между явленіями*. А явленіе есть ощущеніе; слѣдовательно, законы явленій суть законы ощущеній. Индуктивно мы знаемъ только законы ощущеній *и ничего болѣе*.

Говоря иначе, индуктивное обобщеніе не содержитъ и по своей несомнѣнной природѣ *не можетъ содержать* ничего, что не было бы дано въ воспріятіи. Оно лишь представляетъ въ *общей формѣ* то, что въ отдѣльныхъ явленіяхъ дано въ *единичной формѣ*. Различіе чувственнаго воспріятія и индуктивнаго знанія только въ *формѣ*, но никоимъ образомъ не въ содержаніи.

Изъ этого вытекаетъ первое слѣдствіе, что индуктивная философія должна отвергнуть бытіе внѣшняго матеріальнаго міра, независимаго отъ нашихъ ощущеній, потому что на какомъ основаніи можно было бы утверждать его? На томъ ли, что наши воспріятія должны имѣть какую-нибудь причину? Но что такое законъ причинности для эмпирической философіи?—Очевидно, такой же индуктивный законъ, какъ и всякій другой. Онъ, какъ и всѣ другіе, долженъ относиться къ *однимъ ощущеніямъ*. Причинность для эмпирика—это просто закономѣрность во всемъ, что имѣетъ мѣсто въ мірѣ явленій. Есть ли причинная связь законъ для вещей самихъ въ себѣ? Утверждать это, опираясь на опытъ, въ который вещи въ себѣ никогда не попадаютъ, было бы безсмысліемъ. Существуютъ ли наконецъ эти *вещи въ себѣ?* Ограничиваясь однимъ опытомъ, признать и это было бы не менѣе странно. Не только *утверждать* бытіе вещей въ себѣ, но даже предполагать его какъ нѣчто вѣроятное, нѣтъ возможности, если справедливо, что опытъ есть единственный судья вещей существующихъ, что онѣ существуютъ, и не существующихъ, что онѣ не существуютъ. *Итакъ, матеріальнаго міра нѣтъ*.

Существуютъ ли, по крайней мѣрѣ, подобныя намъ чувствующія существа? И на этотъ вопросъ отвѣтъ долженъ быть необхо-

димо отрицательный. Что такое отличныя отъ насъ сознающія существа?

Внѣшнія причины нашихъ воспріятій—ихъ жизни и дѣятельности; еслибы мы не воспринимали ихъ дѣйствій, мы не имѣли бы никакихъ поводовъ вѣрить въ ихъ бытіе. Утверждая его, мы отъ слѣдствія заключаемъ къ причинѣ; но имѣемъ ли мы на то право въ данномъ случаѣ? Для эмпирическаго ученія причинность есть субъективный законъ воспріятій и лишь какъ таковой можетъ входить въ доказательство индуктивнаго мышленія, а не объективный законъ сознающихъ центровъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Эти центры не содержатся и не обнимаются никакимъ высшимъ сознаніемъ, которое было бы намъ доступно непосредственно, слѣдовательно они никакъ не воспріятія. Изъ этихъ соображеній получается второй выводъ послѣдовательнаго эмпиризма: внѣ насъ *нѣтъ духа*, *какъ нѣтъ матеріи*, существуютъ *одни ощущенія*.

Но, даже не выходя изъ предѣловъ этого единоличнаго міра внутреннихъ грезъ, можно ли въ немъ путемъ индукціи отыскать законы, которые обладали бы дѣйствительною общностью, т. е. которые были бы законами въ подлинномъ смыслѣ этого слова и давали бы дѣйствительное знаніе хотя бы насъ самихъ?

Индуктивный законъ всегда есть возведеніе въ общее правило того, что наблюдалось въ формѣ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ. Итакъ, во всякомъ индуктивномъ обобщеніи непремѣнно заключается логическій скачокъ отъ прошлыхъ случаевъ ко всѣмъ будущимъ, что было съ неподражаемою ясностью указано еще Юмомъ. Поэтому самое большее, на что можетъ претендовать индуктивный законъ, это—весьма значительная вѣроятность повторенія утверждаемой въ законѣ связи явленій для каждаго случая, *взятаго въ отдѣльности*. Но онъ не имѣетъ совсѣмъ никакой вѣроятности, какъ не допускающее исключеній правило для безконечнаго ряда всѣхъ случаевъ въ безграничномъ пространствѣ и безконечномъ времени. А между тѣмъ только подъ этимъ послѣднимъ условіемъ онъ обладалъ бы дѣйствительною общностью. Слѣдовательно для индуктивной философіи *нѣтъ общихъ законовъ явленій* въ строгомъ значеніи слова.

Что же получили мы? Индуктивная философія, взятая въ своей истинной сущности, *отрицаетъ матерію;* итакъ, она есть *безусловный идеализмъ*. Она отрицаетъ объективный духовный міръ,—она есть *теоретическій эгоизмъ*; она отрицаетъ общее по-

знаніе даже феноменальнаго міра,—она есть *скептицизмъ*. Если соединить всѣ три особенности вмѣстѣ,—она имѣетъ самыя неоспоримыя права назваться *абсолютнымъ нигилизмомъ*.

Выводъ покажется страннымъ,—я знаю это,—и все-таки очень трудно противъ него спорить. Мы сдѣлали его не на основаніи случайныхъ эксцентрическихъ мнѣній слишкомъ ревностныхъ представителей школы: онъ вытекаетъ изъ самаго существа основоположеній эмпиризма; онъ есть простое и ясное примѣненіе двухъ не менѣе простыхъ и очевидныхъ правилъ логики: 1) частныя наблюденія и общій выводъ въ индуктивномъ процессѣ различаются только по количеству, а не по содержанію; 2) объемъ утверждаемаго во всѣхъ формулахъ частныхъ наблюденій даннаго факта, взятыхъ вмѣстѣ, менѣе, нежели объемъ утверждаемаго въ индуктивномъ *) заключеніи о немъ.

Что результатъ, къ которому мы пришли, не есть только выраженіе взглядовъ нѣкоторыхъ слишкомъ увлекающихся сторонниковъ эмпирической доктрины, это лучше всего доказывается тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ ни за что не согласится признать его, что они всегда уклонялись отъ него и останавливались въ то самое время, когда онъ, повидимому, былъ неизбѣженъ. Такая осторожность, конечно, есть несомнѣнный знакъ ихъ серьезности и здравомыслія, но не менѣе того и слабости ихъ философскихъ построеній. Плоха философія, спасеніе которой въ непослѣдовательности; безсильно міросозерцаніе, котораго единственная опора въ невѣрности собственнымъ началамъ!

И все-таки, лишь благодаря своей непослѣдовательности, позитивизмъ можетъ быть названъ популярною системой философіи въ наше время. Не нужно большой проницательности, чтобы понять, что философія, обращающая всю дѣйствительную жизнь въ безплодную сумятицу субъективныхъ призраковъ, невозможна, что позитивизмъ убилъ бы самъ себя, еслибъ открыто высказалъ все, что съ необходимостью заключается въ его основныхъ положеніяхъ, еслибъ онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ быть хочетъ, т. е. сознательнымъ и откровеннымъ эмпиризмомъ.

Тайна успѣха позитивной доктрины—въ ея неполнотѣ, въ ея недосказанности, въ невольной подтасовкѣ отвергаемыхъ ею метафизическихъ началъ тамъ, гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись**).

*) Само собою понятно, что я здѣсь разумѣю индукцію *научную*, а не *аристотелевскую*.

**) Поучительный примѣръ внутренней неустойчивости выводовъ, на кото-

Позитивисты не рѣшаются быть скептиками, а читающая публика мало задается вопросомъ, правы ли они въ своихъ колебаніяхъ. Если ихъ и упрекаютъ въ чемъ, то прямо въ противоположномъ недостаткѣ, въ излишествѣ скептицизма, въ неумѣренности отрицанія, тогда какъ въ этомъ отрицаніи—весь смыслъ, вся суть ихъ философіи. Выкинуть его—и отъ ихъ школы ничего не останется.

Позитивное ученіе можетъ сохранять физіономію реальнаго, твердаго, положительнаго міросозерцанія до тѣхъ поръ, пока внутренняя безсвязность и случайность его содержанія не станетъ явною для всѣхъ. Разъ совершится это, обаяніе позитивизма исчезнетъ навсегда. Его мѣсто займетъ или безповоротный скептицизмъ, или догматизмъ уже сознательный и смѣлый. Повторяемъ: непослѣдовательность была залогомъ успѣха позитивной философіи, но она же есть залогъ временности этого успѣха.

Если результатъ, къ которому мы пришли, вѣренъ, если эмпирическая философія равняется самому неограниченному отрицанію, если дѣйствительность въ ея рукахъ обращается въ пустую безсодержательную фикцію, — со всею роковою и непобѣдимою силой поднимается вопросъ: какъ же возможно дѣйствительное знаніе?

На него мыслимы только два отвѣта, какъ читатель могъ видѣть изъ предъидущей статьи. Первый изъ нихъ есть признаніе раціональной метафизики,—признаніе того, что существуетъ система истинъ *непытныхъ*, т. е. *не на индукціи* основанныхъ, имѣющихъ объективное, научное достоинство, т. е. существуетъ или по крайней мѣрѣ должна существовать метафизика, какъ знаніе подлинное и не подлежащее сомнѣнію,—знаніе, выражающее дѣйствительную природу вещей и дающее доказательство дѣйствительности опыта.

Но есть еще другой отвѣтъ и на немъ мы теперь должны внимательно остановиться; онъ указываетъ единственно возможное средство утверждать дѣйствительность знанія, не прибѣгая къ помощи раціональной метафизики. Онъ имѣетъ то общее съ эмпиризмомъ, что отрицаетъ всякія онтологическія теоріи, построен-

---

рую осуждаетъ себя чистый эмпиризмъ, стремящійся получить видъ прочнаго философскаго міровоззрѣнія, представляетъ сочиненіе Льюиса „О жизни и духѣ“, дѣльный, хотя можетъ-быть слишкомъ рѣзкій, разборъ котораго сдѣланъ г. Стадлинымъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

ныя отвлеченнымъ разумомъ, но онъ глубоко отличается отъ него, распространяя область нашихъ убѣжденій далеко за предѣлы феноменальнаго міра. Мы сначала изложимъ общій смыслъ этого отвѣта.

Правы скептики, когда утверждаютъ, что метафизика, какъ наука, невозможна, что всѣ усилія построить ее жалки по своей безуспѣшности. Но справедливо и то, что опытъ, предоставленный самому себѣ, ничего и не даетъ, кромѣ себя, т. е. кромѣ явленій нашего сознанія. Остается одинъ выходъ, чтобы спасти объективную достовѣрность познаній, и этотъ выходъ есть *вѣра*. Дѣйствительность нашему опыту даетъ она. Мы не имѣемъ никакихъ логическихъ доказательствъ существованія матеріальной природы, существованія объективнаго духовнаго міра, неизмѣнности наблюдаемыхъ законовъ явленій; но *мы вѣримъ* въ эти истины и тѣмъ должны удовлетвориться. Пускай досужіе умы изобрѣтаютъ и проповѣдуютъ свои сомнѣнія: они сами себя опровергаютъ тѣмъ, что не въ силахъ придать серьезнаго значенія своимъ выводамъ, и вѣрятъ по-прежнему, когда перестаютъ разсуждать. Гдѣ кончаются эмпирическія обобщенія, тамъ начинается область вѣрованій, и они должны служить намъ свѣточемъ въ образованіи прочнаго міросозерцанія.

На поставленный нами вопросъ существуютъ только эти два простые по содержанію отвѣта. Къ одному изъ нихъ непремѣнно присоединяется и отъ него исходитъ каждое онтологическое ученіе. Всякая метафизика есть или онтологія *разума*, или онтологія *вѣры*, или *раціонализмъ*, или *мистицизмъ*.

Послѣднее опредѣленіе философіи вѣры, какъ *мистицизма*, я считаю вполнѣ соотвѣтствующимъ ея сущности, несмотря на огромное разнообразіе формъ, въ которыхъ она проявляется, и несмотря на то, что многія изъ этихъ формъ готовы считать себя за все, что угодно, только не за мистицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ бываетъ мистицизмъ сознательный и прямой, бываетъ мистицизмъ скрытый и какъ бы не помнящій своего происхожденія; но ни тотъ, ни другой видъ его ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются: оба одинаково ссылаются на непобѣдимую очевидность непосредственнаго убѣжденія, какъ на достаточное оправданіе своихъ началъ.

Мы видѣли, что нынѣ господствующее позитивное міросозерцаніе далеко не есть эмпиризмъ въ его чистой и послѣдовательной формѣ. Изъ этого необходимо заключить, что въ немъ, ря-

домъ съ элементомъ эмпирическимъ, присутствуетъ элементъ онтологическій, что въ его предположеніяхъ заложена какая-то метафизика, хотя по возможности тщательно спрятанная. Какая же метафизика преобладаетъ въ наше время? Есть ли это метафизика разума или метафизика вѣры?

Что не метафизикѣ, раціонально построенной, принадлежитъ въ настоящее время господство, это слишкомъ очевидно. Ея никогда еще не отрицали такъ рѣшительно и такъ безповоротно. Между тѣмъ всякая теорія, чтобы быть умозрительною, должна облекаться въ умозрительныя формы, т. е. должна существовать какъ сознательно умозрительная теорія. Что не таковъ позитивизмъ, это не требуетъ доказательствъ. Слѣдовательно, остается одинъ возможный выводъ: въ позитивизмѣ существуютъ нѣкоторыя предположенія, обусловленныя началомъ вѣры, можетъ-быть невысказанныя и скрытыя, но не менѣе того дѣйствительныя и важныя для общаго характера школы.

Какія же это предположенія? Какой изъ видовъ философіи вѣры наиболѣе сроденъ позитивной доктринѣ? Въ прошлой статьѣ мнѣ уже приходилось говорить о той очевидной склонности, которую обнаруживаетъ позитивная школа, къ ученіямъ матеріализма. Если этого нельзя утверждать о всѣхъ представителяхъ позитивизма (напримѣръ, Милль, очевидно, менѣе другихъ раздѣляетъ эту наклонность), то съ полнымъ правомъ можно сказать о большинствѣ. Что же, возможно ли матеріализмъ признать за одинъ изъ многихъ видовъ философіи вѣры?

Этотъ вопросъ необходимо рѣшить прежде, чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію началъ всякой философіи вѣры безъ различія отдѣльныхъ направленій ея; иначе матеріалистическія предположенія будутъ постоянно мѣшать намъ и загораживать путь къ истинному пониманію нашей задачи, потому что именно матеріализмъ, высказанный или невысказанный, сознательный или безсознательный, откровенный или еще чаще скрывающійся за чуждыми ему представленіями, есть наиболѣе популярная форма метафизики въ наше время. Я постараюсь показать, что матеріализмъ есть одно изъ своеобразнѣйшихъ выраженій философіи вѣры, притомъ выраженіе чрезвычайно богатое неизцѣлимыми внутренними противорѣчіями *).

*) Мысль, что матеріалистическое міросозерцаніе опирается на вѣру, была высказана неоднократно; съ наибольшею ясностью и строгостью она раскрывается въ сочиненіяхъ В. С. Соловьева.

I.

Матеріализмъ не есть система умозрительная; онъ въ послѣднихъ своихъ основаніяхъ ссылается на непосредственное убѣжденіе или на очевидность чувства; иными словами, его подлинный принципъ есть *вѣра*, хотя принципъ не всегда высказанный,—вотъ что должны мы доказать.

Снова можно опасаться, что и это положеніе покажется парадоксальнымъ. Матеріализмъ и вѣра въ глазахъ большинства вещи несовмѣстимыя. Онъ такъ враждебенъ ко всякимъ проявленіямъ религіозныхъ началъ, онъ такъ далекъ отъ мистическаго тумана, и вдругъ его ставить на одну доску съ заурядnымъ мистицизмомъ! Такъ возразятъ многіе, и если имѣть въ виду несомнѣнныя различія философіи непосредственнаго откровенія, обыкновенно такъ называемой, отъ ученій матеріализма,—такому возраженію нельзя отказать въ правдоподобіи, и тѣмъ не менѣе я надѣюсь оправдать мой выводъ; я желалъ бы только, чтобы читатель не забывалъ результатовъ, къ которымъ привело насъ предшествующее изслѣдованіе:

1. Матеріализмъ никоимъ образомъ не есть продуктъ обобщеній индуктивнаго знанія; онъ есть ученіе метафизическое.

2. Всякая метафизика представляетъ произведеніе или разума, или вѣры,—она или умозрительна, или опирается на чувство.

Слѣдовательно весь вопросъ заключается въ томъ, можно ли матеріализмъ отнести къ числу теорій, построенныхъ путемъ чисто-спекулятивнымъ. Если нѣтъ, его принадлежность къ области вѣрованій не подлежитъ спору, потому что не существуетъ другихъ источниковъ человѣческаго познанія, кромѣ мышленія и чувства.

Разсматривая этотъ вопросъ, противники нашего мнѣнія прежде всего должны встрѣтиться съ слѣдующимъ затрудненіемъ, вытекающимъ изъ историческаго развитія идей матеріализма. Отъ Левкиппа и Демокрита до Молешотта и Бюхнера включительно ни одинъ матеріалистъ не пытался доказать основного положенія матеріалистической философіи, а именно существованія матеріи. Напротивъ всѣ они смотрѣли на него какъ на очевидную аксіому и ссылались на свидѣтельство чувствъ. Только изъ этого отвращенія къ онтологическимъ обоснованіямъ своей доктрины объясняется незаконная связь матеріализма съ эмпиризмомъ; лишь изъ него дѣлается понятною вражда матеріалистовъ ко всякой

метафизикѣ вообще, хотя ихъ собственное міросозерцаніе болѣе чѣмъ какое-нибудь другое имѣетъ метафизическій обликъ.

Итакъ, по крайней мѣрѣ въ своей исторіи, матеріализмъ является ученіемъ, основаннымъ на вѣрѣ въ объективность чувственныхъ воспріятій, на вѣрѣ въ то, что въ основѣ ощущеній лежитъ внѣшній субстратъ, обладающій нѣкоторыми опредѣленными аттрибутами, и что ему одному принадлежитъ истинная дѣйствительность. Въ томъ, что матеріализмъ не есть логически построенная система понятій, въ томъ, что онъ слишкомъ много предполагаетъ, слишкомъ мало доказывая, въ томъ, наконецъ, что онъ какъ бы исключаетъ себя изъ области философской критики, правила которой считаетъ для себя необязательными,—заключается его главный порокъ, но и главное препятствіе при его анализѣ, въ этомъ его сила надъ умами, но въ этомъ же его и внутренняя слабость.

Но можетъ-быть нелогичность построенія отдѣльныхъ системъ матеріализма есть личный недостатокъ ихъ творцовъ? Можетъ-быть Левкиппъ, Демокритъ, Эпикуръ, Лукрецій Каръ, Гассенди, Гоббесъ, Ламеттри, Гольбахъ, Фохтъ, Молешоттъ, Бюхнеръ, Кцольбе просто не имѣли достаточно сильныхъ философскихъ способностей, чтобы представить свои воззрѣнія иначе? Но такое предположеніе было бы только странно: въ числѣ названныхъ, безъ сомнѣнія, находятся мыслители замѣчательнаго остроумія и глубокомыслія и подозрѣвать ихъ въ безсиліи ума нѣтъ ровно никакихъ основаній. Конечно, всего скорѣе приходится думать, что здѣсь вина не людей, а философіи, которую они защищали.

Какъ бы то ни было, фактъ на-лицо: до сихъ поръ матеріализмъ не былъ умозрительнымъ ученіемъ. Можетъ ли онъ быть имъ? Но прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, нужно отвѣтить на другой: что мы называемъ матеріализмомъ? Какимъ идеямъ принадлежитъ это имя?

Изъ буквальнаго смысла слова ясно, что матеріализмъ есть міросозерцаніе, приписывающее истинное бытіе *одной матеріи*. Но однако самое это понятіе матеріи есть одно изъ наиболѣе шаткихъ въ философіи. Реальность матеріи утверждается въ доктринахъ самыхъ противоположныхъ и часто не имѣющихъ ничего общаго съ матеріализмомъ, а отъ этого зависитъ крайнее разнообразіе въ опредѣленіяхъ ея природы. Что общаго между матеріей Декарта и матеріей Лейбница, или между матеріей Платона и матеріей Лукреція Кара? А между тѣмъ каждый изъ нихъ при-

знавалъ по-своему ея бытіе. Еслибы кто-нибудь стремился понять матеріальный міръ подобно Лейбницу, какъ систему живыхъ монадъ, и сводилъ бы къ нимъ все существующее, онъ не былъ бы еще матеріалистомъ и никто не назвалъ бы его такъ. Слѣдовательно простое признаніе матеріи какой бы то ни было еще не составляетъ матеріализма; матеріализмъ есть нѣкоторое особое пониманіе матеріальнаго бытія. Какое же?

Я думаю, что наиболѣе соотвѣтствующая формула матеріализма есть слѣдующая: *въ основѣ міровой жизни и ея явленій во всемъ ихъ безконечномъ многообразіи лежитъ протяженная, непроницаемая, движущаяся по чисто механическимъ законамъ субстанція*. Я долженъ напомнить, что говорю здѣсь не о научныхъ теоріяхъ вещества и не объ идеалистическихъ его опредѣленіяхъ, которыхъ можно указать много особенно въ настоящее время и въ которыхъ то утверждается, что матерія есть явленіе абсолютно-неизвѣстной силы, то—что она есть движеніе, то—что она есть совокупность безтѣлесныхъ центровъ силъ и т. д.

Я стараюсь указать лишь такое опредѣленіе матеріи, которое выражало бы сущность матеріалистической философіи въ ея отличіи отъ другихъ направленій. *Матерія есть протяженно-непроницаемая и механически-движущаяся субстанція*—вотъ, по моему взгляду, наилучшее выраженіе основного тезиса матеріалистическаго міросозерцанія. При этомъ нужно прибавить, что для строгаго матеріализма ея природа этимъ *совершенно исчерпывается. Матерія есть только это*. Ея главные аттрибуты: непроницаемость, протяженность, движеніе—абсолютно раскрываютъ ея истинную сущность. Эти аттрибуты *объективно* принадлежатъ веществу,—въ этомъ различіе матеріализма отъ *идеалистическаго скептицизма*. Эти аттрибуты одни только ему и принадлежатъ; въ немъ нѣтъ никакого внутренняго, самостоятельно-дѣйствующаго, разумнаго, духовнаго начала,—этимъ матеріализмъ отличается отъ *гилозоизма* (ученіе о внутренно-живомъ веществѣ) древнихъ и новыхъ временъ. Такое воззрѣніе на міръ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ называть *механическимъ*. Итакъ, матеріализмъ есть *механическое міросозерцаніе*.

Въ этомъ пунктѣ могутъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія. Могутъ указать, что ни древніе атомисты, ни въ новое время Гоббесъ не дѣлали ударенія на непроницаемости, какъ первоначаль-

номъ свойствѣ вещества, и ограничивали понятіе тѣлесности опредѣленіями фигуры, величины и положенія. Съ другой стороны могутъ привести нѣкоторыхъ философовъ, именуемыхъ матеріалистами (наприм. Дидро), которые утверждали, что въ каждомъ атомѣ, рядомъ съ чисто-механическими свойствами и параллельно съ ними, существуютъ еще зачатки психической жизни. На такія возраженія нужно замѣтить, во-первыхъ, что геометрическое пониманіе вещества у древнихъ атомистовъ и у нѣкоторыхъ новыхъ мыслителей никогда не было доведено до конца въ виду непобѣдимыхъ затрудненій, съ нимъ соединенныхъ, и что идея о *силѣ сопротивленія* хотя и не высказывалась, но непремѣнно подразумѣвалась въ представленіи о *толчкѣ*; во-вторыхъ, что Дидро и мыслители ему подобные точно также выражаютъ свою теорію въ очень общемъ и несовершенномъ видѣ и что развитая во всей послѣдовательности, которая въ ней заключается, она должна обратиться въ дуализмъ, распространенный на всю природу, подобный которому видимъ въ системѣ Спинозы, слѣдовательно явиться отрицаніемъ матеріализма. Впрочемъ объ этомъ намъ еще придется говорить послѣ.

Теперь же считаю необходимымъ поставить на видъ, что я пишу не историческое изслѣдованіе, а разсматриваю различные типы умозрѣнія въ ихъ идеальныхъ формахъ, т. е. отвлеченно отъ историческихъ явленій, въ которыя эти типы воплощались. Я даю опредѣленія, которыя, по моему мнѣнію, соотвѣтствуютъ чистотѣ типовъ, и при анализѣ ихъ стараюсь не выходить изъ предѣловъ мною данной характеристики. Поэтому если кто-нибудь не вполнѣ согласенъ съ точностью избранныхъ мною названій, это не помѣшаетъ ему слѣдить за критическою оцѣнкой самыхъ типовъ, которые я обозначаю этими названіями.

Итакъ, можетъ ли матеріализмъ, понятый сообразно нашему опредѣленію, получить форму внутренно обоснованной и строго развитой умозрительной теоріи? Чтобы рѣшить это, необходимъ внимательный разборъ основоположеній матеріализма. Кромѣ того ясно, что если дѣло идетъ о понятіяхъ метафизическихъ и объ ихъ отвлеченной возможности, критика должна избрать *путь діалектическій*, т. е. произнести свое сужденіе, опираясь на ихъ всесторонній логическій анализъ. Умозрительная система, очевидно, требуетъ и умозрительной критики.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія прежде всего нужно помнить, что мы разсматриваемъ матеріализмъ исключи-

тельно только съ философской точки зрѣнія, какъ метафизическую теорію, иначе наше отношеніе къ нему можетъ показаться слишкомъ отрицательнымъ и потому несправедливымъ. На самомъ дѣлѣ мы нисколько не имѣемъ намѣренія отрицать весьма важныхъ заслугъ матеріализма въ научной сферѣ, говоря опредѣленнѣе—въ области *наукъ физическихъ*. Въ исторіи послѣднихъ матеріализмъ имѣлъ двоякое значеніе: онъ сосредоточилъ вниманіе мыслящихъ людей на внѣшней природѣ, такъ какъ ей одной приписывалъ дѣйствительность; употребляемый въ качествѣ гипотезы, онъ по самому характеру своихъ идей содѣйствовалъ введенію математической точности въ изученіе ея явленій. Правда, указанная польза прямо касается только естествовѣдѣнія, тѣмъ не менѣе она все-таки заставляетъ дать матеріализму почетное мѣсто среди другихъ явленій умственной жизни. Однако его полезность, какъ физической гипотезы, очень мало возвышаетъ его безотносительную философскую цѣну, и мы будемъ говорить только о ней, такъ какъ вообще я думаю, что одинъ изъ главныхъ источниковъ нерѣшительности и неполноты въ обыкновенныхъ критикахъ матеріализма заключается въ безразличномъ смѣшеніи его умозрительнаго и научнаго значенія, которыя на самомъ дѣлѣ имѣютъ очень немного общаго между собою. Кто желаетъ познакомиться съ его значеніемъ для отдѣльныхъ наукъ, тому можно рекомендовать превосходное и замѣчательно безпристрастное сочиненіе Ланге: «Исторія матеріализма».

Прежде чѣмъ перейти къ нашему анализу, мы остановимся на первыхъ и основныхъ понятіяхъ всякой метафизики и постараемся представить ихъ въ возможно простой и популярной, хотя по необходимости въ общей и отвлеченной формѣ:

Задача метафизики—въ познаніи дѣйствительно существующаго. Но что существуетъ и что можетъ существовать дѣйствительно? Чему мы приписываемъ дѣйствительность съ настоящимъ правомъ?—Тому, что *въ себѣ* носитъ начало своего бытія, ибо въ противномъ случаѣ никакой дѣйствительности не существовало бы и не могло бы существовать. Дѣйствительно сущее, чтобы быть таковымъ, должно въ себѣ содержать *возможность*, *силу*, *мощь* своего бытія, потому что иначе оно немыслимо. Итакъ, настоящая, подлинная дѣйствительность принадлежитъ только *самобытному*, только тому, что *отъ себя* и *чрезъ себя* существуетъ. Наоборотъ, то, что получаетъ существованіе въ чемъ-нибудь отъ себя отличномъ, *въ другомъ*, то и дѣйствительность

имѣетъ *условную*. Оно существуетъ, потому что произведено; а оно не было бы произведено, еслибы не было производящей причины.

Такимъ образомъ получаются два основныя понятія всякой метафизики, неразрывно между собою связанныя: идея бытія самобытнаго или *безусловнаго*, т. е. самостоятельнаго, *отъ себя* существующаго, въ себѣ, и только въ себѣ, имѣющаго начало,— и идея бытія *условнаго*, *относительнаго*, т. е. зависимаго и произведеннаго.

Очевидно, что *собственную* дѣйствительность имѣетъ только самобытно-существующее. Все условное и существуетъ только условно, пока лишь существуетъ *другое*, утверждающее его въ бытіи; оно не имѣетъ дѣйствительности своей, а только извнѣ привнесенную. Это—выводы, вытекающіе изъ природы разсматриваемыхъ понятій съ аналитическою необходимостью. Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ, что дѣйствительность не можетъ принадлежать однимъ только условнымъ или *относительнымъ* вещамъ. Относительно то, что не имѣетъ собственной дѣйствительности. Сказать, что существованіе принадлежитъ только относительному—значитъ утверждать, что дѣйствительность принадлежитъ тому, что дѣйствительности не имѣетъ, и въ такомъ сужденіи заключается прямо вербальное противорѣчіе. И отъ этого противорѣчія не спасаетъ даже предположеніе ряда условныхъ существованій, теряющагося въ безконечности. Въ такомъ рядѣ каждое существованіе, взятое отдѣльно, найдетъ себѣ объясненіе въ цѣли причинъ и слѣдствій, въ предшествующихъ и сопровождающихъ обстоятельствахъ, но за то бытіе самаго безконечнаго ряда отъ этого не сдѣлается понятнѣе: оно все-таки будетъ висѣть въ пустотѣ, не находя ни въ чемъ точки опоры; оно останется воплощеннымъ противорѣчіемъ, дѣйствительностью не имѣющею дѣйствительности, слѣдовательно мыслію не мыслимою. Эта истина со всею отчетливостью была усвоена еще Аристотелемъ въ его метафизикѣ, но съ наибольшею очевидностью она раскрыта въ системѣ Спинозы. Продолженіе ряда причинъ въ безконечности ничему не помогаетъ; natura naturata (природа произведенная) требуетъ naturae naturantis (природы производящей). Относительное требуетъ самобытнаго, какъ своей внутренней основы, какъ своего единственнаго объясненія. Пусть цѣпь причинъ не имѣетъ начала и конца; самая эта цѣпь была бы нелѣпымъ, себя уничтожающимъ призракомъ, еслибы въ ней не

проявлялась вѣчно живая дѣятельность внутренно-самобытнаго начала міра.

Самобытное на философскомъ языкѣ называется *абсолютнымъ*. Самый терминъ *абсолютное* происходитъ отъ латинскаго *absoluere*—разрѣшать, освобождать, заканчивать. Оно есть начало независимое отъ всего внѣшняго ему,—отъ всего, что не есть оно,—слѣдовательно оно безусловно-*свободно;* оно есть начало, завершонное въ себѣ, законченное,—слѣдовательно, оно содержитъ въ себѣ и отъ себя всю полноту своей дѣйствительности. Оно есть самое дѣйствительное изъ всего, что существуетъ.

Это послѣднее опредѣленіе также аналитически выводится изъ понятія объ *абсолютномъ*. Абсолютное есть то, что даетъ бытіе относительнымъ существамъ; что они имѣютъ какъ извнѣ данное, оно имѣетъ какъ *свое*. Если дѣйствительны условныя вещи, *тѣмъ болѣе дѣйствительно ихъ начало*; если міръ реаленъ относительно, его абсолютный принципъ реаленъ безусловно.

Итакъ, идея абсолютнаго есть первое понятіе всякой метафизики, являющееся вмѣстѣ съ самою ея задачею съ непобѣдимою неизбѣжностью. Оно представляетъ тотъ пунктъ, въ которомъ философія подаетъ руку религіи; въ то же время оно есть главный предметъ нападенія ея враговъ.

А между тѣмъ нѣтъ ни одной философской теоріи, въ которой идея абсолютнаго такъ или иначе не была бы утверждаема: это справедливо для догматиковъ всѣхъ оттѣнковъ и направленій, но это не менѣе вѣрно и для скептиковъ, хотя они рѣдко въ томъ сознаются. Въ самомъ дѣлѣ, какая главная мысль скептицизма?—Предположеніе, что явленія въ своей относительности не выражаютъ истины, которая скрывается за ними; другими словами—предположеніе, что такая истина *дѣйствительно существуетъ* за міромъ явленій. Отбросьте эту мысль—и для сомнѣнія въ достовѣрности нашихъ познаній не останется никакого содержанія. Вещь въ себѣ Канта, непознаваемое Герберта Спенсера и т. д. суть различныя формы представленія абсолютнаго.

Абсолютное, какъ послѣднее основаніе всякой жизни, есть безусловная реальность. Это убѣжденіе также раздѣляется всѣми направленіями метафизической философіи. Можно указать только одно изъ нихъ, повидимому представляющее исключеніе: я разумѣю нѣмецкую философію послѣ Канта, въ особенности фило-

софію Гегеля. Именно гегелизмъ, это наиболѣе оригинальное и наиболѣе характерное ученіе, выросшее на почвѣ Кантовой «критики чистаго разума», утверждаетъ реальность и конкретное существованіе только отдѣльныхъ условныхъ вещей, только частныхъ образованій въ потокѣ мірового бытія. Абсолютная основа мірового процесса въ философіи Гегеля есть отвлеченное всеобщее въ его противоположности индивидуальному, есть мыслимая *идея*, а не реальность,—абстрактный законъ жизни, а не самая жизнь. И Гегель не былъ одинокъ въ такомъ способѣ пониманія. Онъ только прямо, ясно и безоглядочно сказалъ то, къ чему уже приблизились его знаменитые предшественники—Фихте и Шеллингъ.

Это ученіе можетъ поразить своею странностью человѣка, мало знакомаго съ нѣмецкою школою. Мысль есть абсолютное! Продуктъ отвлекающаго разсудка, впервые явившійся въ размышляющемъ сознаніи, есть источникъ всего существующаго! Не значитъ ли это строить вселенную на своей собственной головѣ, какъ язвительно замѣтилъ Шопенгауэръ? А между тѣмъ есть одно особенное предположеніе, отъ котораго исходилъ и Гегель, и мыслители ему сродные по духу, и которое доказываетъ, что ихъ ученіе не до такой степени странно, какъ это можетъ показаться сначала. Это предположеніе можно назвать *универсализмомъ* и оно сводится къ слѣдующему убѣжденію: не предметная реальность, какъ привыкли думать, есть реальность истинная; абсолютная дѣйствительность принадлежитъ бытію идеальному, какъ таковому, *чистой мысли*, которая не *создается*, а только сознается, отражается нашимъ разумомъ. Всеобщее, законъ въ своей отвлеченности *безконечно реальны* своихъ частныхъ проявленій. Нельзя спорить, что въ этой теоріи замѣчаются многія несообразности и неясности, отъ нея неотдѣлимыя, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Гегель не только не склоненъ отрицать внутреннюю аткуальность абсолютнаго начала, но и внѣшнюю природу и исторію человѣчества съ безграничнымъ богатствомъ ими переживаемыхъ фазисовъ развитія обращаетъ во внѣшнее бытіе идеи, то-есть въ воплощенную аллегорію діалектически саморазвивающагося понятія. Мнимый противникъ дѣйствительности абсолютной основы перестаетъ быть имъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ.

Абсолютное само себя утверждаетъ въ бытіи; оно есть *causa sui* (причина самого себя), какъ говорилъ Спиноза; оно ничѣмъ

извнѣ не опредѣляется, поэтому оно *безконечно*. Въ самомъ дѣлѣ, все конечное предполагаетъ *границу*, *предѣлъ*,—предполагаетъ, потому что граница должна быть уже дана, чтобы конечное явилось конечнымъ. Но такимъ образомъ *осуществлённое ограниченіе есть условіе конечности*, слѣдовательно ничто конечное не безусловно; самое понятіе конечнаго бытія уничтожаетъ возможность его безусловности. Это настолько очевидно, что въ философіи *абсолютное* и *безконечное*, *относительное* и *конечное* обыкновенно разсматриваются какъ вполнѣ тождественныя выраженія.

Я указалъ съ возможною простотой и ясностью основныя опредѣленія абсолютнаго, насколько они вытекаютъ изъ понятія о немъ. Я взялъ самыя общія опредѣленія, которыя признаются болѣе или менѣе единогласно самыми противоположными школами философіи, въ которомъ догматизмъ сходится съ скептицизмомъ и реализмъ съ идеализмомъ, ибо то, что устанавливаетъ различія между этими направленіями, заключается уже въ подробностяхъ раскрытія основныхъ понятій. Но я намѣренно остановился на самыхъ общихъ признакахъ, потому что они по своей отвлеченности представляютъ наилучшее мѣрило при оцѣнкѣ всякой умозрительной теоріи.

Предполагается ли въ матеріализмѣ какое-нибудь абсолютное начало? Отвѣтъ, повидимому, не представляетъ трудностей; матеріализмъ утверждалъ нѣкоторый абсолютный принципъ вещей, и этотъ абсолютный принципъ есть безконечная матерія. Она есть первое по бытію, потому что все существующее естественно; она—основа всякой жизни, потому что все возникаетъ въ силу законовъ, ей присущихъ; она несомнѣнно реальна, потому что изъ нея состоитъ все реальное; наконецъ, она безгранична въ пространствѣ и времени, ибо не было момента, когда она не существовала, и не будетъ такого, нѣтъ такихъ отдаленныхъ пространствъ, въ которыхъ вещество совсѣмъ бы отсутствовало. Итакъ, матеріализмъ признаетъ нѣкоторое абсолютное бытіе, въ которомъ соединяются всѣ необходимыя опредѣленія абсолютнаго начала; можно подумать, что съ этой стороны матеріализмъ неуязвимъ. Но точно ли это такъ? Точно ли матеріалистическое пониманіе абсолютнаго не страдаетъ внутренними противорѣчіями?

Абсолютное есть безконечная матерія, или безконечная матерія безусловна по своей природѣ,—таковъ первый тезисъ мате-

ріализма. Но что такое матерія?—Субстанція протяженно-непроницаемая и движущаяся. Какія еще болѣе частныя свойства матеріальнаго вытекаютъ изъ этихъ общихъ признаковъ?—Прежде всего изъ нихъ слѣдуетъ, что каждая тѣлесная вещь должна обладать формою или фигурою, другими словами—занимать мѣсто въ пространствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ этимъ только условіемъ она можетъ явиться какъ опредѣленная протяженность, какъ дѣйствительная непроницаемость, и лишь при немъ мыслимо движеніе. Движеніе есть перемѣна мѣста. А можно ли мѣнять мѣсто, если его не имѣешь? Но *имѣть*, *занимать* мѣсто значитъ находиться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ пространствѣ и отсутствовать въ другомъ, слѣдовательно быть ограниченнымъ въ пространствѣ, т. е. имѣть опредѣленныя очертанія или форму. Далѣе, что такое непроницаемость?—Сила сопротивленія, недопускающая другое тѣло занимать мѣсто, занятое даннымъ тѣломъ. Говоря иначе, непроницаемость можетъ быть дѣйствительнымъ свойствомъ данной матеріальной вещи только въ томъ случаѣ, если подлѣ нея есть мѣсто ею незанятое, въ которомъ поэтому можетъ двигаться другое тѣло и вызвать въ ней актъ сопротивленія, то-есть *тѣло должно быть ограниченнымъ*, чтобы *быть непроницаемымъ*. Наконецъ, что означаетъ протяженность тѣлъ?—Ихъ существованіе въ пространствѣ и его трехъ измѣреніяхъ. Но эти три измѣренія могутъ принадлежать тѣлу не какъ длина вообще, ширина вообще, глубина вообще,—они должны явиться какою-нибудь длиною, какою-нибудь шириною, какою-нибудь глубиною, т. е. они должны получить опредѣленную величину. Итакъ, чтобы тѣло было протяженнымъ, оно должно быть ограниченнымъ.

Въ какомъ же смыслѣ движеніе, непроницаемость, протяженность могутъ относиться къ безконечному абсолютному? Эти свойства должны принадлежать ему, ибо безъ нихъ нѣтъ матеріальности. Но могутъ ли они опредѣлять его? Еще разъ вспомнимъ необходимое отношеніе абсолютнаго къ міру конечныхъ вещей, безусловнаго къ условному. Безконечное логически предшествуетъ конечному, ему одному присуща абсолютная реальность, какъ силѣ, все изъ себя изводящей. Поэтому аттрибуты безконечнаго должны принадлежать ему самому, какъ его безконечныя опредѣленія. Итакъ, весь вопросъ сводится къ слѣдующему: матеріальныя свойства могутъ ли быть перенесены на безконечное въ немъ самомъ, на безконечное какъ таковое?

Несообразность предпріятія обнаружится съ первыхъ шаговъ. Какъ, напримѣръ, безконечному можно приписать непроницаемость? *Для кого* оно непроницаемо? Предположить что-нибудь рядомъ съ нимъ—значитъ ограничить его. Можетъ ли поэтому оно проявлять непроницаемость какъ *дѣятельное свойство*?—Очевидно, нѣтъ; актъ сопротивленія требуетъ объекта, на который онъ былъ бы обращенъ. Можетъ ли ему принадлежать непроницаемость, какъ отвлеченная, хотя и неосуществимая возможность? Но это была бы возможность невозможнаго. Стало-быть непроницаемость есть свойство конечныхъ вещей, а не абсолютной основы *въ ней самой*.

Не выходитъ ли то же самое съ движеніемъ? Можетъ ли безконечное двигаться какъ таковое? Но движеніе есть перемѣна мѣста. Чтобы перемѣнить мѣсто, надо имѣть пространство около себя, т. е. быть ограниченнымъ въ пространствѣ. Итакъ, безконечный принципъ существующаго не можетъ имѣть пространственнаго движенія.

Если безконечному несвойственны движеніе и непроницаемость, оно тѣмъ самымъ теряетъ тѣлесную природу *). Но можетъ ли далѣе безконечное обладать протяженностью? Здѣсь отвѣтъ не въ такой степени очевиденъ, какъ въ предшествующихъ случаяхъ. И въ самомъ дѣлѣ мы знаемъ одного изъ образцовѣйшихъ метафизиковъ всѣхъ вѣковъ—Спинозу, который смотрѣлъ на протяженіе какъ на основной аттрибутъ безконечной субстанціи. Однако и въ этомъ пунктѣ поднимается очень много весьма важныхъ недоумѣній.

Правда, пространство, какъ общая единообразная форма, какъ чистая возможность тѣлесныхъ вещей, немыслимо ограниченнымъ,—всякое данное пространство предполагаетъ пространство рядомъ съ собой. Но, съ другой стороны, не менѣе очевидна та общая истина, что реально существующій, осуществленный, *законченный безконечный рядъ* есть понятіе, представляющее для ума неодолимыя трудности. Дѣйствительно, въ самой идеѣ ряда, какъ опредѣленной, завершонной совокупности единицъ, подразумѣвается возможность прибавленія новыхъ единицъ въ началѣ

*) Подобный нашему путь доказательства представляетъ въ одномъ изъ своихъ философскихъ писемъ А. С. Хомяковъ. Неприложимость вещественныхъ качествъ къ безконечному раскрыта имъ въ этомъ письмѣ съ замѣчательною силой и ясностью.

и въ концѣ его, слѣдовательно его конечность *). Поэтому, если *возможность возрастанія* ряда безконечна, каждый данный реальный рядъ ограниченъ, иначе онъ не былъ бы рядомъ. Безконечность рядовъ можетъ только *осуществляться*, а не *осуществиться*; это—безконечность не *in actu*, а *in potentia*, отрицательная, а не положительная, или, говоря языкомъ Гегеля, *ложная*, *дурная*, а не *истинная*. Все протяженное состоитъ изъ частей, слитыхъ или раздѣльныхъ, что безразлично въ изслѣдуемомъ вопросѣ. Все состоящее изъ частей отвлеченно можно разсматривать какъ рядъ. Поэтому никакая дѣйствительная протяженная вещь, никакая вещь, какъ реальное единство составляющихъ ее элементовъ, не должна быть безконечной. Абсолютное есть реальность безконечная,—слѣдовательно, оно не протяженно.

Впрочемъ это объясненіе можетъ-быть покажется слишкомъ абстрактнымъ и потому неубѣдительнымъ. Въ виду этого я остановлюсь на другомъ признакѣ всего матеріальнаго, который болѣе нагляденъ. Какъ бы мы ни опредѣляли сущность матеріи, будемъ ли мы видѣть въ ней чистую протяженность по примѣру Декарта и Спинозы, или найдемъ въ ней другія качества, опредѣлимъ ли мы ее какъ нѣчто сплошное и непрерывное, или раздѣленное пустымъ пространствомъ,—за ней неизмѣнно останется одно вполнѣ очевидное свойство: матерія есть субстанція *сложная*, что необходимо слѣдуетъ изъ ея протяженности; можно сказать болѣе: она—цѣлое, къ которому отдѣльныя вещи относятся какъ части, потому что она—самъ міръ. Мы можемъ мыслить вещества отвлеченно отъ матеріальной, видимой природы, но въ дѣйствительности они составляютъ одно. Вселенная—это реальность матеріи, и притомъ ея единственная реальность.

Этимъ вопросъ рѣшается: сложное цѣлое никогда не можетъ имѣть безусловной природы, ибо предполагаетъ существованіе частей, какъ свое условіе; сложное цѣлое никогда не опредѣляетъ себя къ дѣйствію, какъ самобытное, внутренно единое начало, потому что его дѣятельность есть совокупность актовъ его элементовъ; сложное цѣлое никогда не бываетъ производящею причиной своихъ частей, потому что первѣе ихъ, оно не имѣетъ никакого бытія. Итакъ, матерія есть просто сумма, аггрегатъ своихъ частей, и если въ ней есть какое-нибудь абсолютное, то оно,

*) На этой истинѣ извѣстный нѣмецкій философъ и экономистъ Дюрингъ основалъ свое ученіе объ ограниченности міра. На ней же опирается, несмотря на искуственность толкованій, первая антиномія Канта.

разумѣется, не можетъ быть отождествлено съ этимъ аггрегатомъ, а развѣ только съ отдѣльными единицами, изъ которыхъ онъ состоитъ. На этомъ выводѣ и приходится остановиться послѣдовательному матеріализму: нѣтъ безконечнаго абсолютнаго, существуетъ лишь *абсолютное конечное*, *атомъ*, *недѣлимая единица вещества*. Является результатъ прямо обратный тому, что утверждаютъ другія школы философіи: только конечное безусловно, а безконечное, т. е. вся совокупность атомовъ, вселенная, есть бытіе по самому своему существу условное. Матеріализмъ, логически развившій заключающіяся въ немъ начала, непремѣнно обращается въ *атомизмъ*.

Этотъ ходъ мысли совершенно неизбѣженъ, хотя онъ, можетъ-быть, не одинаково ясенъ для всѣхъ видовъ матеріализма. Такъ, если утверждаютъ, что матерія есть чистая протяженность безъ всякихъ другихъ аттрибутовъ, или что она представляетъ субстанцію, сплошную и непрерывную,—атомамъ, какъ отдѣленнымъ другъ отъ друга пустотой элементамъ вещества, нѣтъ мѣста, несмотря на необходимость ихъ съ точки зрѣнія общихъ предположеній матеріалистическаго міросозерцанія. Однако оба эти утвержденія еще никогда не были раскрыты въ понятныхъ формахъ и мало надежды, что подобная попытка когда-нибудь окажется успѣшной. Если ограничимся вторымъ (такъ какъ о первомъ намъ уже приходилось упоминать, когда рѣчь шла о геометрическомъ пониманіи матеріи), оно всегда должно останавливаться въ безсиліи передъ объясненіемъ движенія и разнообразія въ мірѣ. Если пространство сплошь и безъ малѣйшихъ промежутковъ наполнено веществомъ, какъ движеніе можетъ начаться? Если даже оно начнется, какъ отдѣльныя пространства будутъ различаться между собой тѣмъ, что въ нихъ содержится, когда всякое пространство совершенно одинаково наполнено матеріей, общая природа которой вездѣ одна? А въ такомъ случаѣ что же новаго можетъ внести въ нихъ движеніе? Такъ что и въ этихъ вопросахъ атомистическая теорія логичнѣе другихъ воззрѣній и матеріализмъ строго послѣдовательный долженъ признать пустое пространство рядомъ съ наполненнымъ.

Но если атомизмъ есть наиболѣе совершенная форма матеріалистической философіи, это не значитъ еще, чтобы въ немъ не было внутреннихъ недостатковъ и противорѣчій, какъ и въ другихъ ея формахъ. Наоборотъ, ея внутреннія противорѣчія выразились въ атомизмѣ съ особенною рѣзкостью и осязательностью.

Односторонность каждой доктрины становится явною лишь тогда, когда она высказана до конца *).

Въ атомизмѣ со всею отчетливостью опредѣлилось то, что лежитъ въ основаніи матеріализма вообще,—отрицаніе безконечнаго абсолютнаго. Но абсолютное есть первое понятіе всякой философіи, а безконечность есть его первоначальный и необходимо въ немъ мыслимый аттрибутъ. Отрицая его, атомизмъ противополагаетъ себя всѣмъ другимъ метафизическимъ теоріямъ и не къ своей выгодѣ. Проповѣдуемая имъ абсолютность конечнаго прежде всего вноситъ въ міръ абсолютный случай, какъ его окончательное объясненіе. Какъ это происходитъ, будетъ видно изъ слѣдующихъ замѣчаній.

Мы еще разъ должны вернуться къ идеѣ абсолютнаго. Что такое абсолютное по своему понятію?—Абсолютное есть причина самого себя, иначе безосновное (das Ungrunde Шеллинга), не предполагающее ничего раньше себя; оно есть начало всякаго бытія, всякой дѣйствительности, всякаго акта; поэтому оно—источникъ всѣхъ конкретныхъ опредѣленій существующаго; поэтому далѣе оно, во-первыхъ, основа собственныхъ проявленій, собственныхъ видовъ существованія, *собственной природы*. Его природа, какъ вся совокупность его реальности, является его собственнымъ произведеніемъ, ибо оно—*causa sui*. Оно есть возможность, мощь, сила собственной дѣйствительности.

Эти возраженія можетъ-быть покажутся отвлеченными, но общій смыслъ ихъ ясенъ. Подъ абсолютнымъ существомъ разумѣется такое, которое само себя опредѣляетъ къ бытію и отъ себя только зависитъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что абсолютное начало безгранично и безкачественно, потому что лежитъ въ основаніи всякаго качества, всякой границы и производитъ изъ себя всѣ формы своего существованія. Абсолютное въ первомъ моментѣ своего бытія (хотя *только* въ первомъ моментѣ), какъ чистая основа сущаго, предшествуетъ всѣмъ своимъ опредѣленіямъ, другими словами—есть бытіе безусловно неопредѣленное. Всякое опредѣленіе есть уже раскрытіе его первоначальнаго, безразличнаго, въ себѣ замкнутаго единства, и на-

*) Атомизмъ, какъ и матеріалистическую доктрину вообще, я буду разсматривать только въ его общихъ, метафизическихъ началахъ. Желающему ознакомиться съ его значеніемъ во всѣхъ областяхъ знанія можно указать замѣчательно талантливую книгу Н. Н. Страхова: „Міръ, какъ цѣлое“,—и упомянутое уже сочиненіе Ланге.

ходитъ въ немъ достаточную причину своего возникновенія. Такое представленіе о первомъ моментѣ абсолютнаго наблюдается одинаково въ развитыхъ философскихъ и религіозныхъ системахъ. Таково хаотическое, смѣшанное, но одухотворенное вещество гилозоистическихъ системъ древности и новаго времени; таково *единое* элейцевъ и неоплатониковъ или natura naturans Спинозы; таково абсолютное *я* Фихте, субъектъ-объектъ Шеллинга, первый моментъ абсолютной идеи Гегеля, воля Шопенгауэра. Я не буду говорить о многихъ другихъ примѣрахъ. Впослѣдствіи сдѣлается еще очевиднѣе, что всякая философія, которая ставила вопросъ о внутреннихъ моментахъ абсолютной жизни, никогда не обходилась безъ этого перваго момента, хотя указывался онъ, конечно, не всегда съ одинаковою ясностью. Это же понятіе такъ или иначе присутствуетъ во всѣхъ религіяхъ, идеальное содержаніе которыхъ получило достаточное развитіе. Таковъ, напримѣръ, Дао—китайцевъ, Брама—индійцевъ, Заруана-Акарана—персовъ и т. д.

Значеніе этой идеи просто: всякая опредѣленность бытія предполагаетъ, какъ свое условіе, начало опредѣляющее, безъ котораго оно было бы необъяснимо. Это опредѣляющее начало по самому своему существу стоитъ выше всякихъ данныхъ границъ и опредѣленій. Отсюда—нерасторжимая связь мыслей объ абсолютномъ съ признакомъ безграничности.

Эту истину нарушаетъ атомистическая философія и тѣмъ ставитъ себѣ неразрѣшимыя затрудненія. Постараемся усвоить ея точку зрѣнія во всей полнотѣ.

Атомы—единственная дѣйствительность; они *одни* существуютъ и внѣ ихъ, прежде нихъ ничего нѣтъ и не было. Безсмысленно говорить объ ихъ причинѣ, когда они сами всему причина; они все объясняютъ, но ихъ нечѣмъ объяснить. Однако является совершенно неустранимый вопросъ: отчего атомъ ограниченъ, откуда онъ имѣетъ свои опредѣленія? Отчего одинъ атомъ имѣетъ одну совокупность опредѣленій, другой—другую *)? Атомъ есть causa sui; слѣдовательно онъ долженъ быть *источникомъ*,

*) Для большей наглядности въ полной критикѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ атомизмъ древнихъ, исходившихъ изъ разнообразія формъ атомовъ. Новѣйшій атомизмъ обнаруживаетъ противоположную тенденцію къ однообразію ихъ опредѣленій. Очевидно однако же, что это различіе не представляетъ ничего существеннаго, и что если разнообразіе атомовъ по природѣ случайно, таково же должно быть и ихъ предполагаемое *однообразіе*.

внутреннею основой собственныхъ опредѣленій, долженъ *логически предшествовать имъ*. Но это совершенно немыслимо: въ атомѣ, какъ его понимаютъ матеріалисты, нѣтъ различныхъ моментовъ бытія, они ни въ какомъ смыслѣ не предшествуютъ своему ограниченію. Они суть недѣлимыя частицы вещества извѣстной формы, ранѣе этого они ничѣмъ не были, они не производятъ изнутри своихъ опредѣленій, они предполагаютъ ихъ, какъ единственное условіе своего бытія, какъ таковыхъ. Да и можетъ ли говорить о внутреннихъ актахъ постепеннаго раскрытія философія, для которой все дѣйствительное внѣшне и тѣлесно? Итакъ, откуда же взялись первоначальныя свойства атомовъ?—Ни откуда; они *даны*, они—фактъ, ни на что не сводимый. Они необъяснимы, и не въ томъ смыслѣ, что мы *не знаемъ* причинъ ихъ существованія, а въ томъ, что этихъ причинъ *нѣтъ вовсе*. Ихъ существованіе *безпричинно*. Ибо думать, что существуетъ таинственная и непознаваемая основа атомовъ или *внѣ* или *внутри* ихъ—значитъ признать, что не однимъ атомамъ присуща дѣйствительность, или что въ каждомъ атомѣ есть внутренняя неуловимая сторона жизни, которой принадлежитъ первенство бытія передъ его внѣшнею стороной. Но и то и другое предположеніе уничтожаютъ и матеріализмъ вообще, и атомизмъ въ частности—въ самомъ корнѣ.

Свойства атомовъ безпричинны, слѣдовательно они представляютъ *непостижимую случайность*. Ибо что же назвать *случайнымъ по самой природѣ*, какъ не то, что существуетъ совсѣмъ безъ всякихъ дѣйствительныхъ основаній? Свойства атома безусловно случайны, слѣдовательно и самъ онъ таковъ же. Это вѣрно объ атомѣ вообще; это должно быть вѣрно и о каждомъ отдѣльномъ атомѣ. Чтобы пояснить нашу мысль, возьмемъ, какъ примѣръ, величайшаго атомиста древности, система котораго есть наиболѣе простой и не смѣшанный типъ атомистической философіи. Демокритъ утверждалъ, что огонь состоитъ изъ круглыхъ и мелкихъ атомовъ. Еслибы мы спросили, отчего атомъ огня круглъ, откуда онъ получилъ свою круглоту и отчего другіе атомы имѣютъ иную форму,—отвѣтъ по духу системы существуетъ только одинъ: этому *нѣтъ причины*, это дано изначала, потому что атомъ отъ вѣка круглъ. И въ самомъ дѣлѣ въ атомахъ нѣтъ ничего кромѣ протяженности, фигуры, положенія и движенія, и изъ этихъ общихъ свойствъ, конечно, нельзя вывести, почему именно *этотъ* атомъ круглъ, а другой какой-нибудь, положимъ,

имѣетъ форму куба. И то и другое не носитъ въ себѣ никакой необходимости, слѣдовательно безусловно случайно.

И точно такъ же придется разсуждать о каждомъ атомѣ и о каждомъ ихъ свойствѣ. Что атомъ огня круглъ—это случайно; что такихъ атомовъ не одинъ, а много—случайно опять; что всѣ атомы (какъ предполагалъ Демокритъ) несутся внизъ—случайно не менѣе; что мелкіе несутся медленнѣе, а крупные быстрѣе—случайно также. Одинаково случайны отношенія атомовъ между собою. Отчего, напримѣръ, атомы движутся? Отчего къ протяженности, фигурѣ, положенію атомовъ прибавляется еще движеніе ихъ, когда одно изъ другого нисколько не вытекаетъ и атомы могли бы обладать всѣми этими свойствами, оставаясь неподвижными? Почему, наконецъ, атомы повинуются общимъ законамъ? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Эти качества *даны* или, лучше сказать, предположены—вотъ и все.

Такимъ образомъ низведеніе абсолютнаго до конечнаго жестоко мститъ за себя. Вселенная обращается въ безграничную бездну случайностей, которыя громоздятся другъ на друга. Между тѣмъ случайность представляетъ собою понятіе, имѣющее смыслъ въ обыденныхъ житейскихъ сужденіяхъ, въ которыхъ имъ обозначается все неожиданное и непредвидѣнное,—все, причина чего неизвѣстна. Но ему нѣтъ мѣста въ метафизической теоріи, заявляющей притязаніе на полное знаніе истинной природы вещей. Такъ оно есть колоссальная нелѣпость!

Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что міръ, состоящій изъ безчисленнаго множества такихъ случайныхъ вещей и свойствъ, немыслимъ совершенно. *По существу случайное, случайное въ себѣ*, есть то, что безусловно могло бы существовать совсѣмъ иначе. Приложимъ начало простой вѣроятности къ такому случайному міру. Каждый атомъ *могъ бы* существовать иначе въ безграничномъ множествѣ формъ. Слѣдовательно, даже въ каждомъ отдѣльномъ атомѣ данное соединеніе его свойствъ внутренно безконечное—мало вѣроятно. Что же сказать о цѣломъ мірѣ, который состоитъ изъ такихъ невѣроятныхъ вещей? Не будетъ ли и онъ внутренно безконечно невѣроятенъ, т. е. *невозможенъ*? Мы, конечно, не усомнились бы согласиться, еслибы дѣло шло о возможности перваго его возникновенія. Его существованіе уже данное представляетъ ли нѣчто болѣе мыслимое?

Итакъ, міръ, составленный изъ безусловныхъ атомовъ, невозможенъ; измѣнится ли положеніе вопроса, если мы отвергнемъ

недѣлимость отдѣльныхъ частицъ вещества, если мы признаемъ за субстанцію вселенной абсолютную матерію, безконечно дѣлимую? Такой міръ носитъ ли въ себѣ большую внутреннюю вѣроятность? Повидимому, главное затрудненіе въ немъ устранено: въ немъ не предполагается абсолютныхъ качественно-неизмѣнныхъ частей; каждое матеріальное образованіе, взятое отдѣльно, объясняется съ своими особенностями изъ причинъ, ему предшествовавшихъ. Но все-таки противорѣчіе этимъ не уничтожается, а только теряетъ наглядность и какъ бы отодвигается на задній планъ. Его источникъ—не въ качественной неизмѣнности, а въ безусловной природѣ атомовъ, въ *безусловности конечнаго*. Отъ этой послѣдней идеи безконечная дѣлимость матеріи никакъ не освобождаетъ. Всякая матерія—и дѣлимая, и не дѣлимая до безконечности—одинаково состоитъ изъ частей, слѣдовательно обусловлена ими. Итакъ, если матерія—бытіе абсолютное, на самомъ дѣлѣ, абсолютную природу имѣютъ ея части, она же есть только сумма ихъ. Мы уже видѣли, насколько неизбѣженъ этотъ выводъ. А если такъ, въ чемъ же поможетъ дѣлимость и измѣняемость вещества? Переставимъ вопросъ такъ: пускай каждый атомъ способенъ переживать перемѣны состояній, пускай начало этихъ перемѣнъ теряется въ безконечномъ прошломъ,—уничтожается ли этимъ случайность признаковъ атома? Мнѣ кажется, никакимъ образомъ: каждое его состояніе отдѣльно имѣетъ причину въ предшествующихъ состояніяхъ, но весь безконечный рядъ въ его индивидуальной особенности (насколько онъ есть нить состояній *именно этого атома*) такъ же случаенъ, какъ и неизмѣнныя свойства атомовъ Демокрита. То же самое разсужденіе прилагается ко всякой матеріалистической теоріи: живая индивидуальность каждаго явленія внутренно случайна, хотя и вызвана безконечнымъ рядомъ предшествующихъ причинъ, ибо самый этотъ рядъ по *существу случаенъ* въ своихъ конкретныхъ опредѣленіяхъ.

Отсюда, вѣроятно, объясняется, почему матеріализму такъ часто ставится въ упрекъ случайность въ немъ творенія, хотя онъ болѣе, чѣмъ всякая другая система, настаиваетъ на незыблемости законовъ природы, а также и то, почему эпикурейцы, единственные изъ философовъ, такъ легко возвели абсолютный произволъ въ уклоненіи падающихъ атомовъ въ принципъ созданія міра.

Но если даже не обращать вниманія на немыслимость абсолютнаго случая, логическія противорѣчія атомизма далеко еще

не исчерпаны. Вслѣдъ за невозможностью *бытія* атомовъ подымается немыслимость ихъ *взаимодѣйствія*, немыслимость не менѣе очевидная. Атомы суть безусловныя существа. Подъ безусловнымъ началомъ мы понимаемъ то, что дѣйствуетъ отъ себя, и *только* отъ себя. Какъ же атомы могутъ оказывать вліяніе другъ на друга? Отчего одинъ атомъ *сопротивляется* другому? Отчего каждый атомъ имѣетъ способность *занять мѣсто*, т. е. сдѣлать невозможнымъ пребываніе въ немъ всякаго другого тѣла? Почему бы ему, при его абсолютной природѣ, не оставаться въ чисто внутреннемъ бытіи, ни въ какихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ не проявляясь?

Противорѣчіе это слишкомъ явно и изъ него выходъ только одинъ—отрицаніе безусловности, а стало-быть и первобытности атома. Лейбницъ пытался найти другое рѣшеніе вопроса: онъ отрицалъ реальное взаимодѣйствіе субстанціальныхъ единицъ бытія—монадъ—и объяснялъ стройность мірозданія и съ Богомъ предустановленной гармоніи. Не ясно ли однако, что, признавъ участіе воли Божества въ судьбахъ міра, онъ отнялъ у своихъ монадъ дѣйствительную самобытность?

Но почему все это доказательство невозможности взаимодѣйствія атомовъ невольно представляется какъ будто схоластическимъ? Почему мысль о ихъ взаимодѣйствіи не только не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ затрудненій, но даже является неизбѣжною съ самымъ понятіемъ о нихъ? Причина этого—въ механической природѣ атома. Атомы протяженны, они движутся, и движутся въ одномъ пустомъ пространствѣ. Слѣдовательно, необходимо, чтобъ они сталкивались между собою, а слѣдовательно оказывали вліяніе одинъ на другой.

Итакъ, съ одной стороны, если мы имѣемъ въ виду ихъ абсолютную природу,—ихъ взаимодѣйствіе немыслимо. Но, съ другой, если мы сосредоточимъ вниманіе на ихъ свойствахъ, взаимное ихъ вліяніе дѣлается необходимымъ предположеніемъ. Какъ примирить это новое противорѣчіе? Какъ одно и то же возможно и невозможно въ одно и то же время? Разрѣшеніе заключается въ мысли, уже высказанной нами: матеріальныя свойства не могутъ быть опредѣленіями безусловнаго начала, ибо они *по существу относительны*. Этимъ самымъ мы переходимъ къ одному изъ существеннѣйшихъ и коренныхъ, по нашему мнѣнію, недостатковъ матеріализма. Этотъ недостатокъ—*всецѣлая условность механическихъ опредѣленій вещества*. Почему онъ такъ мало за-

мѣчается?—Потому, что въ нашихъ представленіяхъ о внѣшнихъ вещахъ мы не можемъ отдѣлаться отъ ихъ чувственныхъ качествъ, которыя вносятъ въ нихъ жизнь для насъ. Но мы должны отказаться отъ всѣхъ чувственныхъ образовъ, когда рѣчь идетъ о матеріальной дѣйствительности въ ней самой, мы должны отбросить все напоминающее ихъ, и тогда указанный мною недостатокъ станетъ передъ нами во всей своей очевидности.

Чтобъ объяснить, въ чемъ онъ состоитъ, мы начнемъ съ аналогіи. Еще въ XVIII вѣкѣ Гюсковичемъ было высказано предположеніе, что атомы не суть протяженныя тѣла опредѣленной фигуры, а математическія точки, центры силъ, дѣйствующихъ на другіе атомы, которые также только математическіе центры силъ; поэтому въ природѣ дѣйствительны только эти силы. Гюсковичъ не остался одинокимъ съ своею гипотезою,—его взглядъ до нашего времени раздѣляется очень многими.

И тѣмъ не менѣе онъ никогда не сдѣлался всеобщимъ убѣжденіемъ, несмотря на его видимую простоту и строгость. Для сознанія обыкновенныхъ людей всякій иной выводъ кажется гораздо правдоподобнѣе и достойнѣе вниманія. Почему это? Отчего логичность общаго построенія такъ мало помогаетъ этой теоріи?—Потому, что стоитъ только всмотрѣться въ нее, чтобъ увидать ея огромную внутреннюю несообразность.

Атомъ Гюсковича, взятый самъ въ себѣ, есть чисто идеальная точка, которая, какъ таковая, ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ прилежащихъ къ ней точекъ пустого пространства. Что даетъ ей преимущественную реальность, что дѣлаетъ и началомъ вещей, это *ея отношенія къ силамъ*. Но что такое сила? Для подобнаго воззрѣнія сила есть *способность дѣйствія одного атома на другой,—дѣйствія, которое является какъ движеніе этого другого атома;* или, высказывая то же самое въ иной формулѣ, которая однако имѣетъ совершенно одинаковый смыслъ, получимъ: *сила есть возможность движенія другого атома, обусловленная его отношеніемъ къ данному атому*, или, короче: сила есть *возможность чужого движенія,* потому что слова «способность» и «возможность» въ разсматриваемомъ случаѣ равнозначительны.

Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ два центра силъ *a* и *b*; пускай *a* притягиваетъ *b*. Что выражаетъ это слово *притягиваетъ?*—Только то, что *b* движется по направленію къ *a*. Что же будетъ означать, если мы скажемъ, что *a* обладаетъ *силою*

притяженія?—То, что при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ центры *b*, *c*, *d*... должны двигаться къ *a*, что съ *a* *связаны ихъ возможныя движенія*. Итакъ, въ чемъ состоитъ *присущая* *a* *сила притяженія?*—Она есть возможность движеній центровъ *b*, *c*, *d*... къ *a* и только стало-быть сила принадлежащая данному атому есть возможность движенія другого атома; въ силѣ выражается вліяніе даннаго атома на другой. Но что такое этотъ другой атомъ?—Такая же идеальная точка, какъ и первая, точно также отличающаяся отъ всѣхъ остальныхъ безконечно малыхъ частей пустого пространства только тѣмъ, что она есть центръ силъ, которыя движутъ другіе атомы, и такъ въ безконечность.

Но можетъ-быть, опредѣляя силу, какъ простую возможность движенія, мы не высказываемъ о ней всего? Можетъ-быть, помимо производимыхъ ею внѣшнихъ движеній, она имѣетъ еще собственную внутреннюю дѣйствительность? Можетъ-быть силы—это реальныя существа, которыя независимо отъ вызываемыхъ ими дѣйствій живутъ внутреннею полною жизнію? Ничто подобное, конечно, никогда не грезилось строгимъ послѣдователямъ этого математическаго пониманія міра. Сила—не *существо*, не *реальная вещь*, а только *свойство*, только *отвлеченная способность*, получающая дѣйствительность лишь въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Итакъ, назвавъ силу возможностью чужихъ движеній, мы сказали о ней все, и къ нашему опредѣленію нечего прибавить.

Но что же выходитъ? Атомъ есть центръ возможностей движенія другихъ атомовъ, и только это, и въ этомъ—вся его реальность, и этимъ лишь онъ отличается отъ точекъ пространства ненаполненнаго. До тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ въ виду отношенія атомовъ между собою, въ нихъ еще есть что-то говорящее нашей мысли; но картина совершенно измѣнится, когда мы зададимъ вопросъ: чѣмъ всѣ атомы въ своей совокупности, чѣмъ міръ отличается отъ пустоты? Пускай каждый атомъ есть математическій центръ силъ; но вѣдь, какъ точка, онъ ничѣмъ не отличается отъ точекъ, къ которымъ никакія силы отношенія не имѣютъ, и его силы суть только возможныя движенія такихъ же точекъ, какъ онъ самъ. Если онъ внутри себя есть лишь нуль пространства и ничего болѣе, онѣ такіе же нули, какъ и онъ. А прибавится ли реальности къ нулю оттого, что онъ находится въ нѣкоторомъ постоянномъ отношеніи къ другимъ нулямъ?

Во что же обратится вселенная при подобномъ воззрѣніи на нее?—Оказывается, что она состоитъ изъ безчисленнаго множества плавающихъ нулей и въ своемъ цѣломъ *ничѣмъ* не различается отъ пустого пространства. Другими словами, этотъ взглядъ, до конца проведенный, въ корнѣ упраздняетъ реальность матеріи, потому его и трудно такъ усвоить.

Въ чемъ же источникъ такой необходимости для разбираемой теоріи?—Въ признаваемой ею обсолютной условности природы атома. Атомъ не имѣетъ собственной дѣйствительности; онъ—только совокупность возможностей движенія другихъ атомовъ, которые также собственной дѣйствительности не имѣютъ. Слѣдовательно, *нѣтъ ничего дѣйствительнаго*. Каждый отдѣльный атомъ есть пустой призракъ; стало-быть призракъ—и тотъ міръ, который изъ нихъ созданъ. Все это замѣтить довольно легко, когда дѣло идетъ о столь абстрактной теоріи. Сила есть понятіе отвлеченное и въ разсматриваемомъ его употребленіи его условность очевидна. Но, повидимому, совсѣмъ иную идею о веществѣ даетъ обыкновенный матеріализмъ или та теорія, которую мы назвали *механическою*. Вещество *непроницаемо*, оно *наполняетъ* пустоту. Слово *наполняетъ*, повидимому, указываетъ на дѣйствительную независимость и безусловность бытія. Оно съ такою наглядностью и осязательностью говоритъ нашему чувству и воображенію, что намъ въ высшей степени трудно думать иначе. Но, повторяемъ, когда вопросъ поставленъ о веществѣ въ немъ самомъ, нужно прежде всего помнить, что всѣ чувственныя опредѣленія его субъективны и что поэтому каждый признакъ матеріальной дѣйствительности должно изслѣдовать только съ отвлеченно-логической точки зрѣнія. Итакъ, вопросъ, къ которому мы теперь должны перейти, есть слѣдующій: что такое *способность наполнять пространство* предъ судомъ отвлеченной логики?

Совершенно ясно, что *наполнять*—это только другое выраженіе для *непускать на свое мѣсто*. Наполнить—значитъ оказаться непроницаемымъ, или наполненіе есть осуществленіе непроницаемости. Такимъ образомъ непроницаемость есть первое свойство вещественнаго, которое лежитъ въ основаніи другихъ его свойствъ.

Но что такое *непроницаемость*? Не есть ли это *сила*, именно сила *исключающая*, отталкивающая, только возведенная въ безконечную степень? Если отвлечемъ ее отъ ея проявленій, не

есть ли она просто способность прекращать или видоизмѣнять въ данномъ мѣстѣ всякое движеніе, идущее извнѣ, т. е. чистая возможность прекращенія и видоизмѣненія чужого движенія? А что въ такомъ случаѣ представляетъ изъ себя каждое тѣло?—Говоря, можетъ-быть, не совсѣмъ обыкновеннымъ языкомъ, который вслѣдствіе этого однако ничего не теряетъ въ своей точности, оно есть часть пространства, въ наблюдаемый моментъ, имѣющая свойства не допускать въ своихъ предѣлахъ движеній другихъ тѣлъ, иными словами—съ которою связана возможность остановки и перемѣны чужихъ движеній *). Всмотримся хорошенько въ это понятіе. Мы видѣли главный недостатокъ теоріи Гюсковича: она страдаетъ тѣмъ, что превращаетъ каждый атомъ въ *возможность возможностей,* такъ что, проходя всю вселенную, мы нигдѣ не встрѣчаемъ дѣйствительныхъ вещей. Механическая теорія даетъ ли иное представленіе о тѣлѣ? Сила непроницаемости отличается ли чѣмъ-нибудь существеннымъ отъ дѣйствующихъ на разстояніи силъ теоріи Гюсковича?—Слишкомъ очевидно, что нѣтъ. Ихъ различіе—не въ природѣ, а въ способѣ проявленія; это тоже отталкивающая сила, но только дѣйствующая какъ безусловное исключеніе внѣшнихъ тѣлъ изъ данныхъ границъ или какъ совершенная остановка внѣшняго движенія въ данномъ мѣстѣ. Если атомъ Гюсковича есть сфера силъ, какъ возможностей чужого движенія, не менѣе того и атомъ механическій есть *также сфера, въ которой господствуетъ сила непроницаемости*, т. е. возможность прекращенія и иного направленія чужихъ движеній. Въ своемъ существѣ оба понятія слишкомъ явно совпадаютъ.

Но можетъ-быть мы ошибаемся, отождествляя силу непроницаемости *только* съ возможностью движеній? Можетъ-быть въ ней мыслится что-нибудь большее? Можетъ-быть механическая теорія предполагаетъ въ ней еще нѣкоторую собственную жизнь и дѣятельность помимо ея внѣшнихъ эффектовъ? (Дѣло пока идетъ, конечно, только о пониманіи вещества у строгихъ послѣдователей матеріализма, а не о дѣйствительной внутренней сущности тѣлъ.) Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы указать,

*) Для простоты пониманія я совсѣмъ не упоминаю о собственномъ движеніи, которое пріобрѣтаетъ тѣло, воспринимая дѣйствіе другихъ тѣлъ, тѣмъ болѣе, что это движеніе не есть прямое выраженіе *непроницаемости*, но послѣдствіе законовъ толчка. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что отъ этого движенія нисколько не измѣнилось бы общее опредѣленіе тѣла.

въ чемъ эта внутренняя жизнь состоитъ съ точки зрѣнія механической доктрины, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобную задачу можно было счастливо разрѣшить даже при самыхъ крайнихъ усиліяхъ ума. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ (совершенно гипотетически, разумѣется) безконечную пустоту, въ которой существуетъ всего только одинъ непроницаемый, въ механическомъ смыслѣ тѣлесный, атомъ. Удалимъ при этомъ отъ него всѣ чувственные признаки, которые могутъ какъ-нибудь къ нему примѣшаться, и затѣмъ спросимъ себя, чѣмъ пространство, занятое атомомъ, отличается отъ всѣхъ другихъ окружающихъ пространствъ, ничѣмъ не занятыхъ? Можно сколько угодно разбирать и перевертывать этотъ вопросъ, но я глубоко увѣренъ, что мы въ этомъ наполненномъ пространствѣ, помимо опредѣленій чисто геометрическихъ, т. е. протяженія и формы, не отыщемъ рѣшительно ничего, кромѣ отвлеченной возможности останавливать и видоизмѣнять при извѣстныхъ условіяхъ движенія въ другихъ тѣлахъ, еслибы таковыя существовали; другими словами, въ этой отвлеченной возможности—самая суть тѣлесности. Итакъ, мы должны признать, что между непроницаемымъ тѣломъ и динамическимъ атомомъ Гюсковича различіе—не въ природѣ, а только въ характерѣ проявленій.

А если ихъ природа одна, то и въ механической теоріи тѣло имѣетъ чисто-условную дѣйствительность. Въ опредѣленіе тѣла входятъ только два признака: *протяженность* и *возможность прекращенія движенія другихъ тѣлъ въ границахъ ими занятаго пространства*. Но протяженность есть свойство не однихъ тѣлъ, но и пространства ненаполненнаго. Слѣдовательно, какъ ни странно это, начало конструирующее специфическую природу тѣла есть *простая возможность*. Но возможность есть понятіе абстрактное; возможность внѣ своего осуществленія—ничто, отрицаніе бытія. Чтобы стать чѣмъ-нибудь, она должна получить дѣйствительность. Въ чемъ же получаетъ свою дѣйствительность тѣлесность матеріальной вещи?—Въ состояніяхъ движенія другихъ тѣлъ, ибо возможность перемѣнъ въ чужомъ движеніи ничто внѣ этого движенія; она только лишь *въ немъ* и для *него*. Но эти другія тѣла что такое?—Такія же абстрактныя возможности, какъ и первое. Въ тщетныхъ поискахъ за дѣйствительнымъ и живымъ, мы вездѣ наталкиваемся на абстракціи и попадаемъ въ тотъ же безвыходный кругъ, въ который уже завлекла насъ однажды динамическая теорія. Тѣла оказываются воз-

можностями возможностей, призраками призраковъ, и вещественный міръ, столь реальный и устойчивый съ перваго взгляда, вновь расплывается въ пустоту, когда къ нему прикоснулась философская критика. Мы начали—признавъ дѣйствительность всѣхъ механическихъ опредѣленій матеріи, а кончаемъ реальностью лишь того, что по существу нереально, т. е. одного абсолютно-пустого пространства.

И читатель могъ замѣтить, что этотъ роковой ходъ мысли опирается на очень простой истинѣ: что условно по существу, что получаетъ дѣйствительность только въ другомъ,—требуетъ, чтобы дѣйствительность этого другого *не была условною*; при невыполненіи этого требованія дѣйствительность условнаго логически немыслима.

Итакъ, коренной недостатокъ, дѣлающій невозможнымъ матеріализмъ какъ философію, есть всецѣлая условность всѣхъ опредѣленій вещества, механически понимаемаго. Но откуда происходитъ самая эта условность? Можетъ ли механическая теорія быть измѣнена такъ, чтобъ относительность всего матеріальнаго уничтожилась? Такая задача по существу неразрѣшима. Источникъ условности всего матеріальнаго заключается въ главномъ тезисѣ матеріализма, въ томъ предположеніи, что протяженность есть первое и основное свойство всего существующаго, что *пространство есть абсолютная форма всякаго бытія*. Въ этомъ—πρῶτα ψεῦδος всей системы.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое пространство по своей общей и непосредственно очевидной природѣ?—Взятое отвлеченно отъ содержагося въ немъ, оно есть *безразличная форма чистой внѣшности*. Все находящееся въ пространствѣ существуетъ какъ совмѣстное, какъ поставленное въ рядъ. Всякое свойство въ пространствѣ есть отношеніе вещей, лежащихъ *рядомъ*, слѣдовательно—*внѣшнее* отношеніе, всякое дѣйствіе—внѣшнее дѣйствіе, всякая сила—внѣшняя сила. Къ чему сводится измѣненіе пространственнаго бытія?—Оно есть или перемѣна мѣста въ цѣломъ или въ частяхъ, или перемѣна отношеній; но перемѣна отношеній въ пространствѣ предполагаетъ уже перемѣну мѣста въ комъ-нибудь изъ соотносящихся. Итакъ, всякое измѣненіе, всякая жизнь въ пространствѣ подразумѣваетъ движеніе и сливается съ нимъ. Въ пространствѣ нѣтъ ничего, кромѣ движеній, и слѣдовательно всякая сила въ немъ есть или возможность движенія, или само движеніе, уже произведенное. Именно такой взглядъ на силу уста-

новился въ современной физикѣ; и не очевидно ли, что никакія другія силы въ пространствѣ немыслимы? Но для возникновенія движенія необходимо, чтобы существовало реальное тѣло, которое движится. А это тѣло при ближайшемъ анализѣ оказывается связаннымъ съ даннымъ пространствомъ простою совокупностью возможностей движенія. Что же выходитъ? Движеніе тѣлъ есть движеніе возможностей движенія. Но это понятіе—безъ содержанія, мысль себя уничтожающая, величайшее противорѣчіе, котораго умъ не можетъ вынести.

Какъ же разрѣшится оно? Его смыслъ ясенъ: никакая возможность не можетъ существовать *какъ только возможность*. То, что способно произвести что-нибудь *внѣ себя* и *отъ себя отличное*, должно быть дѣйствительно какъ вещь, обладающая этою способностью. Помимо дѣйствительности во внѣшнемъ эффектѣ, въ движеніи, она должна имѣть собственную, внутреннюю дѣйствительность, какъ въ себѣ и для себя *живая сила*. Прежде чѣмъ выразиться и воплотиться въ пространствѣ, какъ осуществленная или не осуществленная еще возможность чужого движенія, она должна существовать, какъ внутренно самобытный центръ, который *предшествуетъ* пространству; *протяженность—не первоначальное* и *основное*, *а производное* и *вторичное свойство вещей*. Ясно, что матеріализмъ не удовлетворяетъ самаго перваго требованія метафизики—давать знаніе *дѣйствительности*, и потому несостоятеленъ, какъ метафизическая система.

Этотъ выводъ подтверждается историческимъ развитіемъ философскихъ идей.

Родоначальникъ новой философіи, Декартъ проповѣдывалъ крайній дуализмъ матеріи и духа; матерія въ его системѣ есть субстанція, основной аттрибутъ которой—протяженность. Но, предположивъ это, онъ сдѣлалъ шагъ далѣе: онъ совсѣмъ изгналъ понятіе силы изъ метафизики. Предшествовавшее разсужденіе показало уже намъ, какія важныя побужденія должны были склонить его къ этому. Онъ искалъ ясныхъ и твердыхъ опредѣленій вещей, и мы видѣли, какое неясное и противорѣчивое представленіе о силѣ вытекаетъ изъ механической теоріи. Онъ попытался отдѣлаться отъ него, но его опытъ не былъ удаченъ. Если матерія есть только протяженное бытіе, то вещество и пустота ничѣмъ между собою не различаются, а слѣдовательно вся матеріальная природа отождествляется съ безразличнымъ,

однообразнымъ пространствомъ. Декартъ мечталъ уничтожить понятіе пустого пространства, а на дѣлѣ всю тѣлесную дѣйствительность обратилъ въ пустоту. Движеніе, жизнь, индивидуальность матеріальныхъ образованій остаются въ его теоріи неразгаданными задачами. Этотъ результатъ съ наибольшею наглядностью выразился въ философіи Спинозы, вовсе отвергнувшаго индивидуальность вещей во имя единства протяженной сущности. Такой выводъ однако обличалъ самъ себя; явилась настоятельная потребность въ иномъ рѣшеніи вопроса, и его далъ Лейбницъ.

Для Декарта существо всего матеріальнаго заключается въ протяженіи; Лейбницъ центръ тяжести своего объясненія положилъ въ понятіи *индивидуальной силы*. Но въ силѣ необходимо приходится различать два момента существованія: въ своемъ внѣшнемъ проявленіи она есть источникъ движенія, сила сопротивленія, непроницаемость, инерція. Съ внутренней стороны, въ *самой себѣ*, она есть *стремленіе* направленное къ какой-нибудь цѣли, слѣдовательно связанное съ представленіемъ; она—живая дѣятельность, *душа*. Все существующее внутри себя имѣетъ психическую природу; не тѣлесное объясняетъ духовное, а наоборотъ дѣйствительныя субстанціи всѣхъ вещей суть недѣлимыя, не пространственныя начала—*монады*.

Если такъ, протяженность никоимъ образомъ не составляетъ перваго и всеобъемлющаго свойства дѣйствительно-сущаго. Всякая протяженность принадлежатъ явленію, потому что во вселенной нѣтъ ничего, кромѣ монадъ и ихъ явленій. Протяженная матерія есть только феноменъ; а поэтому *пространство* есть только порядокъ сосуществующихъ явленій, также какъ *время*—порядокъ ихъ послѣдовательности. Реально въ пространствѣ лишь внутреннее основаніе порядка явленій, но это основаніе постигается умомъ и не имѣетъ чувственной наглядности, такъ какъ чувственныя формы суть слѣдствія нашего смутнаго представленія вещей.

Таково воззрѣніе Лейбница; по своей отвлеченности оно можетъ показаться труднымъ для пониманія. Кромѣ того, Лейбницъ ввелъ въ свое ученіе много спеціальныхъ затрудненій, не связанныхъ необходимо съ его основоположеніями, и не раскрылъ своихъ взглядовъ съ достаточною полнотой, и въ этомъ—недостатокъ его философіи. Но онъ опредѣленно указалъ единственный исходъ изъ противорѣчій матеріализма, и въ этомъ — его безсмертная заслуга.

Матерія механической теоріи есть бытіе *абсолютно-внѣшнее*. Логическая противорѣчивость такого понятія несомнѣнна: внѣшнее внѣшне *чему-нибудь*, слѣдовательно *обращено къ нему*. Если внѣшность отдѣльно взятаго предмета еще можно было бы объяснить по отношеніямъ къ другимъ по существу внѣшнимъ же вещамъ, то этого нельзя сказать о внѣшнемъ бытіи *въ его совокупности*. Внѣшнее подразумѣваетъ внутреннее, какъ свою противоположность и какъ условіе своей внѣшности; *объектъ* предполагаетъ *субъектъ*; *природа* находитъ свое окончательное объясненіе въ *духѣ*. Итакъ, все внѣшнее *относительно*,—нѣтъ вещей *въ себѣ внѣшнихъ*. Сплошная, всеохватывающая условность—его первое неустранимое свойство. Она особенно рѣзка и поразительна сказывается въ нѣкоторыхъ специфическихъ трудностяхъ механическаго міросозерцанія, наприм. въ вопросѣ о безконечной дѣлимости матеріи. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, неоспоримо, что всякая сложность существуетъ только потому, что существуютъ элементы сложенія, слѣдовательно обусловлена ими по бытію; но, съ другой стороны, если мы приимѣнимъ это правило къ протяженной субстанціи, мы не найдемъ ея послѣднихъ элементовъ. Всякая часть протяженнаго сама окажется протяженною, т. е. состоящею изъ частей, каждый элементъ будетъ безъ конца распадаться на новые элементы, и это до тѣхъ поръ, пока мы не остановимся у математической точки, т. е. у простого отрицанія протяженія, изъ котораго никоимъ образомъ ничто протяженное путемъ сложенія не можетъ возникнуть. Съ одной стороны слѣдствіе требуетъ основанія, обусловленное своихъ условій; съ другой все протяженное и въ частяхъ и въ цѣломъ есть уже нѣкоторая совокупность частей, есть уже нѣчто *обусловленное, сложное*, и въ немъ не обрѣтается условій его условности. Въ этомъ противорѣчіи, можетъ-быть, лучшее доказательство совершенной относительности основного опредѣленія механическаго вещества—протяженности.

Безконечная дѣлимость вещества представляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ камней преткновенія матеріализма и системъ къ нему близкихъ и надъ этимъ вопросомъ не мало потрудилась философія. Большинство матеріалистовъ постарались разсѣчь гордіевъ узелъ, признавъ фактически недѣлимые атомы. Мы уже говорили, насколько они были строго послѣдовательны въ своемъ выводѣ,—помогли ли они однако своему дѣлу? Помимо указанныхъ

уже недостатковъ атомизма, помимо крайняго произвола, съ которымъ тѣла раздѣляются на дѣлимыя и недѣлимыя и утверждается абсолютное отсутствіе условій для дѣлимости послѣднихъ, дѣйствительно ли атомистическая теорія устраняетъ противорѣчіе безконечной дѣлимости? Она не устраняетъ его, а только закрываетъ. Фактически недѣлимый атомъ не перестаетъ быть сложнымъ тѣломъ; его недѣлимость *случайна*, какъ и все въ атомизмѣ. Атомы все-таки протяженны; они все-таки состоятъ изъ частей, хотя и слитыхъ въ одно сплошное цѣлое. Отсутствіе промежутковъ не означаетъ еще простоты, а слѣдовательно атомы не представляютъ послѣднихъ единицъ сложенія.

Поэтому единственно логичная и до конца строгая форма атомизма все же динамическій атомизмъ Гюсковича. Но мы уже знаемъ, къ чему онъ ведетъ: онъ есть признаніе реальности за однѣми математическими точками, за условными центрами условныхъ силъ; онъ уже совершенно явно обращаетъ міръ въ ничто и есть самоотрицаніе атомистической философіи.

Въ самомъ дѣлѣ для него очевиднѣе, чѣмъ для какой-нибудь другой теоріи, поставлена дилемма: или нѣтъ ничего дѣйствительнаго, или существуетъ нѣчто высшее механическихъ формъ и механическихъ опредѣленій бытія; или вселенная есть пустое и безсодержательное ничтожество, или относительныя качества существующаго выражаютъ только поверхность, только внѣшнюю являемость вещей, и подлинная дѣйствительность во всемъ истинно сущемъ принадлежитъ внутреннему, идеальному, умопостигаемому принципу, который по истинной природѣ своей, какъ таковой, не имѣетъ ничего общаго съ опредѣленіями протяженности, внѣшности, формы и непроницаемости.

Но эта же самая дилемма, какъ мы видѣли, сохраняетъ все свое значеніе и для механической доктрины. Итакъ, для философіи остается единственно возможный выходъ въ томъ предположеніи, о которомъ мы уже говорили: *пространство не есть абсолютная форма бытія въ немъ самомъ, и потому опредѣленія вещей, съ нимъ связанныя, не открываютъ ихъ внутренней истины.*

Такой выводъ есть ли простое отрицаніе дѣйствительности пространства? Признаются ли тѣмъ самымъ всѣ пространственныя опредѣленія вещей за чисто случайныя и субъективныя? По простому смыслу разсматриваемаго предположенія приходить къ такому заключенію нѣтъ основаній. Имъ утверждается толь-

ко производный, вторичный характеръ этихъ опредѣленій; въ нихъ высказывается, что пространство есть чистая форма внѣшней являемости, въ которой воспринимается внѣшнее дѣйствіе силы, т. е. такое ея дѣйствіе, которое направлено на субъектъ отъ нея отличный и по отношенію къ ней пассивный. Пока мы не можемъ излагать этой теоріи во всѣхъ ея подробностяхъ, а скажемъ только, что она очень далека отъ признанія (подобнаго тому, которое дѣлалъ Кантъ), что пространство есть абсолютно субъективная форма человѣческой чувственности, что поэтому природа вещей въ ней никакъ не отражается. Мы уже видѣли, что убѣжденіе въ производности пространственныхъ качествъ не помѣшало Лейбницу видѣть въ нихъ выраженіе внутренняго порядка дѣйствительности, хотя выраженіе чувственное и смутное. Взглядъ Канта невѣренъ уже потому, что явленіе, по непосредственному смыслу этого понятія, не есть бытіе реально отдѣльное отъ являемаго, фактъ отъ силы, въ немъ воплотившейся. Правда, всякій внѣшній актъ предполагаетъ дѣятельность двухъ факторовъ, извнѣ дѣйствующей силы и воспринимающаго субъекта, и слѣдовательно внѣшнее явленіе, какъ таковое, представляетъ результатъ не одной силы (дѣйствующаго *объекта*), но двухъ (*объекта* и *субъекта*); однако именно поэтому въ немъ конкретно присутствуютъ *обѣ силы*, и стало-быть оно такъ или иначе должно выражать свойства обѣихъ.

Мы все видимъ сквозь призму нашего духа, но то, *что* мы видимъ, не есть наша мечта, но сама дѣйствительность. Непосредственно мы знаемъ лишь одни воспріятія, но эти воспріятія—не пустыя грезы нашей души. Повторяю, впослѣдствіи намъ можетъ-быть удастся обставить эти выводы болѣе подробнымъ и потому болѣе яснымъ анализомъ, теперь же мы должны ограничиться только этими очень общими соображеніями. Впрочемъ они достаточны, чтобъ указать отличительные признаки міросозерцанія, къ которому они влекутъ и которое, въ противоположность механическому воззрѣнію обыкновеннаго матеріализма и матеріалистическому динамизму Гюсковича, можно назвать *идеальнымъ динамизмомъ*.

Главный тезисъ идеальнаго динамизма—отрицаніе абсолютнаго пространства: нѣтъ пространства, какъ абсолютно-первоначальной, безразличной среды, въ которой возникаютъ всѣ вещи, которая по бытію логически предшествуетъ имъ и условливаетъ ихъ. Напротивъ, утвержденіе такого пространства, какъ первой

реальности, есть одно изъ существеннѣйшихъ и, прибавимъ, одно изъ туманнѣйшихъ и труднѣйшихъ предположеній матеріализма. Поэтому и между матеріалистами являлись теоріи, пытавшіяся устранить его; но это достигалось лишь цѣною большихъ недоразумѣній. Мы знаемъ, какъ неудачна была попытка Декарта, совершеннаго матеріалиста въ ученіи о природѣ, отринуть бытіе пространства, какъ начала отдѣльнаго отъ матеріи. Для этого онъ долженъ былъ уничтожить всякое различіе между ними, признать тѣлесность всего протяженнаго, то-есть въ сущности превратить матерію въ пространство. Очевидно, поэтому, что кто желаетъ сохранить независимость первой, долженъ повѣрить въ реальность второго.

Часто приходится слышать, что въ матеріализмѣ, и въ немъ одномъ, спасеніе отъ дуализма, до сихъ поръ разрывавшаго философію. Говорящіе это не замѣчаютъ, что ихъ цѣлебное средство въ себѣ самомъ носитъ язву, которую стремится залѣчить; они не видятъ, что матеріализмъ по существу есть дуалистическое ученіе. Уже оставивъ въ сторонѣ тотъ несомнѣнный фактъ, что обыкновенный дуализмъ духа и матеріи опирается исключительно на механическомъ опредѣленіи послѣдней, что съ самымъ строгимъ матеріализмомъ неразрывно связанъ доведенный до крайнихъ послѣдствій дуализмъ явленія и сущности въ области психологической,—о чемъ намъ еще придется говорить далѣе,—достаточно разсмотрѣть отношеніе пространства и вещества въ матеріалистической философіи, чтобы понять справедливость нашего замѣчанія. Еще Демокритъ объявилъ, что начала всего существующаго суть *полное* и *пустое*, т. е. вещество и пустое пространство, и механическое міровоззрѣніе, насколько оно сохраняло отчетливость и внутреннюю сообразность, никогда не могло отказаться отъ этого убѣжденія.

А между тѣмъ развѣ оно не содержитъ дуализма въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова? Мы сказали выше, что для матеріалиста вещество есть абсолютный принципъ; но развѣ пространство не абсолютно такъ же, и не слѣдуетъ ли ему приписать безусловную природу съ еще большимъ правомъ, нежели матеріи? Въ самомъ дѣлѣ не есть ли оно несомнѣнное условіе бытія матеріи, какъ его среда, тогда какъ сказать наоборотъ невозможно? А въ такомъ случаѣ не являются ли для міра два безусловныхъ начала, т. е. не признается ли этимъ открытый и неразрѣшимый дуализмъ?

Этотъ дуализмъ въ предѣлахъ матеріалистическаго міросозерцанія не находитъ и не можетъ найти себѣ примиренія. Нѣтъ такого предположенія, которое его исключало бы, или по крайней мѣрѣ объясняло бы. Признаемъ ли мы, что и пространство и наполняющее его вещество происходятъ изъ одного общаго источника, суть явленія одной и той же сущности? Но тѣмъ самымъ заразъ утверждается условность и производность матеріи и пустоты, т. е. кореннымъ образомъ отвергается матеріализмъ. Понято ли пространство, какъ продуктъ матеріи? Это значитъ среду выводить изъ того, что существуетъ въ ней и благодаря ей, какъ бы существовали атомы, еслибы не была дана пустота, въ которой они разсѣяны? Остается только третья возможность: принято, что пространство есть основа матеріи, что оно есть единое абсолютное. Это предположеніе, повидимому, наиболѣе правдоподобно. Пространство въ механической теоріи неоспоримо является условіемъ всякаго внѣшняго бытія, но есть ли оно *основа реальности* вещества, слѣдовательно не только условіе *возможности*, но и причина *дѣйствительности* матеріальныхъ вещей? Есть ли она сила, производящая матерію? Еда ли кто-нибудь отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Пустое пространство и творческій актъ—понятія рѣшительно несовмѣстимыя. Итакъ, вещество и пустота должны существовать какъ двѣ независимыя, одна на другую не сводимыя реальности.

Независимыя,—а однако по своей сущности они въ высшей степени зависятъ другъ отъ друга. Что матерія всецѣло обусловлена пространствомъ, безъ котораго невозможно, это мы видѣли. Но что сказать о самомъ пространствѣ? Не есть ли и оно нѣчто обусловленное веществомъ если не реально, то по крайней мѣрѣ логически?

Въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ новое противорѣчіе, которое еще болѣе колеблетъ основанія матеріалистической философіи. Матеріализмъ вынужденъ приписать абсолютную реальность совершенно отрицательному понятію, которое получилось черезъ простое отвлеченіе всѣхъ положительныхъ признаковъ внѣшняго бытія.

Обстоятельное и подробное доказательство той истины, что пространство въ его противоположности веществу есть чисто отрицательное понятіе, можно найти въ превосходной книгѣ Страхова, о которой мы говорили выше. Мы ограничимся только самыми общими указаніями; его отрицательная природа очевидна

изъ всѣхъ его признаковъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно приписывается пространству? Оно безпредѣльно, безразлично и единообразно во всѣхъ своихъ частяхъ; оно равнодушно или абсолютно-пассивно по отношенію къ тому, что его наполняетъ. Внутренно оно характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ жизни и движенія. Всѣ эти признаки объединяются въ одномъ: въ отсутствіи всякой существенности; оно—*пустота*, отсутствіе бытія, *нереальное*. И этому-то нереальному приходится приписать абсолютную реальность! Во всей грубой наивности оказалась эта необходимость у Демокрита, который пустоту называетъ несуществующимъ и тѣмъ не менѣе усматриваетъ въ ней одно изъ абсолютныхъ началъ міра! Въ этой неизбѣжности признать несуществующее за существующее—величайшій судъ, который произноситъ матеріализмъ самъ себѣ.

Мы не будемъ останавливаться долго на тѣхъ послѣдователяхъ матеріализма, которые къ двумъ началамъ: матеріи и пустотѣ присоединяютъ еще третье — *силу*. Это представленіе о силѣ явилось послѣ открытія закона тяготѣнія Ньютономъ и имъ стремились объяснить взаимодѣйствіе всѣхъ частей вселенной. Но если вдумаемся въ это преобразованіе, мы увидимъ, что оно не только ничего не измѣняетъ въ предшествующихъ возраженіяхъ, но ставитъ всю систему въ противорѣчіе съ собою: вмѣсто сродной матеріализму двойственности вносится тройственность началъ; къ двумъ демокритовскимъ принципамъ: веществу и пустотѣ — прибавляется еще третій—*сила*. Кромѣ того, оно нарушаетъ основное положеніе всей системы, что все дѣйствительное матеріально, и сила понимается какъ нѣчто противоположное веществу, слѣдовательно невещественное; съ понятіемъ силы вносится мысль о дѣйствіи на разстояніи и взаимномъ вліяніи атомовъ, какъ бы далеко они ни отстояли. Но этого нельзя представить себѣ, если не признать, что для каждаго атома его тѣлесное присутствіе въ извѣстномъ мѣстѣ есть только частное проявленіе его бытія, что кромѣ того онъ невидимо существуетъ во всякомъ мѣстѣ вселенной; но въ такомъ случаѣ матеріальность дѣлается только явленіемъ, а не сущностью дѣйствительности, потомъ перестаетъ быть веществомъ, строго ограниченнымъ предѣлами пространства, имъ наполненнаго; оно превращается во что-то реальное, хотя и не вещественно, присущее каждой точкѣ міра. Подобное воззрѣніе на тѣлесную природу представляетъ уже слишкомъ явный переходъ къ идеализму.

Этимъ мы можемъ закончить умозрительную критику матеріалистической философіи. Она показала намъ, что съ точки зрѣнія отвлеченно-философской матеріализмъ падаетъ въ безсильной борьбѣ противъ своего главнаго недостатка—отсутствія въ немъ безусловнаго начала. Этотъ недостатокъ влечетъ его, во-первыхъ, къ дуализму; во-вторыхъ—къ признанію всецѣло относительныхъ опредѣленій вещей за ихъ окончательную природу; въ-третьихъ—къ пониманію бытія какъ чисто случайнаго по самому существу своему.

Л. Лопатинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Н. Сѣровъ.

(Біографическій очеркъ.)

III*).

(1860—1871.)

Извѣстное изреченіе древнихъ: «tempora mutantur et nos mutamur in illis»—невольно приходитъ на память, если сопоставить Сѣрова до 1860 г. съ Сѣровымъ послѣ этого времени. Всѣ черты характера, выплывавшія съ такою силой въ разсмотрѣнныхъ нами періодахъ, какъ-то: нерѣшительность, сомнѣнія, стремленія къ какимъ-то «невѣдомымъ берегамъ»,—словомъ, все, что мучило и терзало его до сихъ поръ, въ этомъ періодѣ уступаетъ мѣсто качествамъ противуположнымъ; здѣсь мы видимъ уже полную увѣренность въ себѣ, сознаніе своего «я», какъ нѣчто самостоятельное, самобытное; смѣлыми и твердыми шагами приближается онъ къ «цѣли», ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что все, совершаемое имъ, сдѣлано основательно, сознательно и какъ слѣдуетъ. Напрасно стали бы мы искать здѣсь тѣхъ выраженій, которыми такъ богата его переписка до этого періода; напротивъ, въ это время ярко выступаютъ самосознаніе и самоувѣренность. Какъ контрастъ съ предыдущими письмами, позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ его письма, относящагося къ этой эпохѣ дѣятельности. Вотъ что мы находимъ въ письмѣ къ М. П. Анастасьевой:

«Въ поощреніи я вовсе не нуждаюсь, зная, что свое дѣло *разумѣю получше другихъ и судей надо мной въ Россіи вовсе и нѣтъ*» (5 февраля 1861 г.).

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

Или нѣсколько позже онъ писалъ по поводу «Юдиѳи» той же М. П. Анастасьевой:

«А что все это (рѣчь идетъ о его «Майской ночи» и романсахъ) предъ моей нынѣшней партитурой?! И толкъ, и блескъ, и драматизмъ, и нѣга, и страстность, и святые восторги — все это, скажу безъ «ложной скромности»,—все это есть въ моей «Юдиѳи». «Юдиѳь» моя въ общемъ ни мало не серьезнѣе (т. е. не скучнѣе) «Роберта» или «Гугенотовъ», не говоря уже о «Тангейзерѣ» и «Лоэнгринѣ» (29 августа 1862 года).

Вотъ какимъ тономъ заговорилъ Сѣровъ. Причины намъ кажутся понятными, если принять во вниманіе *двадцать* лѣтъ его трудовъ надъ собой; за это время онъ обогатилъ себя громадными познаніями, пріобрѣлъ громкое имя и, убѣдившись, «на какомъ Пегасѣ и куда онъ ѣдетъ», съ сорокалѣтняго своего возраста окончательно предалъ себя служенію возлюбленной музы. Хотя онъ еще нѣкоторое время не оставляетъ и критической дѣятельности, но главное вниманіе обращаетъ на композиторскую.

Всѣ страхи, сомнѣнія и колебанія насчетъ «будущности» его оставили; не оставила его лишь одна спутница — непрошенная и крайне надоѣдливая гостья — бѣдность, нужда. Она его преслѣдуетъ чуть ли не до послѣднихъ дней его жизни и часто онъ жалуется на эти преслѣдованія. Вотъ что мы читаемъ:

«Затѣялся журналъ *Искусства*, отъ котораго я имѣлъ трудовой копѣйки въ мѣсяцъ болѣе двухсотъ рублей, но, увы, лопнулъ! И вотъ я опять на *нищенскомъ* положеніи тридцати «канареекъ» (жалованья), которыя я до гроша долженъ вручить матери, а у самого *нѣтъ и на извощика по двѣ, по три недѣли*» (5 февраля 1861 г.).

Или ниже въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«...Самое ремесло музыкальнаго критика и неразлучныя перебранки наскучили, надоѣли мнѣ до-нельзя. Хотѣлось бы писать только партитуры; но тутъ опять бѣда. Откуда же пекунію взять?»

Ужасно положеніе русскихъ талантовъ! Надо имѣть сѣровскія силы, чтобы выйти, какъ онъ, побѣдителемъ изъ этой крайней нужды, погубившей у насъ не одинъ талантъ. Но Сѣровъ, разъ онъ попалъ на настоящую дорогу, ужъ не отступаетъ назадъ и идетъ прогрессивно по этому пути. Мы уже знаемъ, что онъ дебютировалъ въ качествѣ композитора. Удачный дебютъ усиливаетъ его жажду дѣятельности, и онъ съ этого времени еже-

годно выпускаетъ въ свѣтъ свои произведенія, которыя болѣе и болѣе упрочиваютъ за нимъ имя композитора.

Такъ, въ 1860 году исполнялась его ораторія на латинскій текстъ «Отче нашъ», и уже въ 1861 году онъ приступилъ къ своей оперѣ «Юдиѳь». Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ его отъ 10 сентября 1861 года:

«Юдиѳь» несравненно лучше всего, что я до сихъ поръ написалъ; лучше и романсовъ («Полумаска», «Ангелъ», «Сонъ») *), лучше и прошлогоднихъ произведеній—«Рождественскаго гимна» и ораторіи на латинскій текстъ «Отче нашъ».

Къ этому времени относится и другой его трудъ, о которомъ онъ разсказываетъ такимъ образомъ въ письмѣ отъ того же числа и года:

«Работалъ на гауптвахтѣ (на которую онъ попалъ вслѣдствіе скандала, учиненнаго имъ въ залѣ дворянскаго собранія, на концертѣ Лазарева, и пріобрѣвшаго себѣ печальную извѣстность) много, хотя безъ фортепіано,—арранжировалъ на оркестръ малороссійскіе хоры, которые исполнялись въ концертѣ 27 апрѣля», устроенномъ въ память поэта Т. Г. Шевченка, и произвели сильное впечатлѣніе; авторъ былъ награжденъ многократными и единодушными вызовами и аплодисментами. Но одновременно съ этимъ онъ уже трудился надъ своей громадной пятиактной «Юдиѳью». Такъ какъ о ней самъ Сѣровъ даетъ очень много свѣдѣній, то, чтобы не повторяться, позволимъ себѣ привести его собственныя слова по поводу произведенія, выдвинувшаго его сразу на первый планъ. Вотъ какимъ образомъ онъ описываетъ происхожденіе этой оперы:

«Я началъ свою «Юдиѳь» только въ январѣ нынѣшняго года. *Мысль* писать оперу на этотъ сюжетъ явилась во мнѣ *вслѣдствіе итальянской драмы*, гдѣ такъ великолѣпна Ристори» (10 сентября 1861 года).

Онъ уже «въ прошломъ году замышлялъ совсѣмъ иную оперу: «Ундину» (тамъ же), какъ на его артистическую натуру произвела глубокое впечатлѣніе своей талантливой игрой Аделаида Ристори, дававшая въ то время свои представленія въ Петербургѣ,—и онъ бросаетъ «Ундину» и всецѣло предается «Юдиѳи», надъ которой онъ работалъ всего полтора года. Въ письмѣ его отъ 25 іюля 1862 года мы находимъ слѣдующее:

*) Къ крайнему сожалѣнію, мы не можемъ точно указать время появленія этихъ романсовъ.

«Юдиѳь» моя окончена. Я самъ себѣ либретто состряпалъ *) и при моей медлительности (?!) въ артистическихъ трудахъ написать все въ полтора года—подвигъ, право, невѣроятный».

И далѣе въ этомъ же письмѣ онъ продолжаетъ:

«Я долженъ буду пройти чрезъ бездны мытарствъ и страданій; но если преодолѣю, если опера пойдетъ на сцену, за ея дальнѣйшую судьбу я заранѣе совершенно спокоенъ: *упасть, сдѣлать фіаско она положительно не можетъ*».

Уже послѣднія слова цитированной фразы указываютъ на мнѣніе автора о своемъ произведеніи; но это мнѣніе еще ярче выступаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«Не могу же не видѣть, что моя опера нѣчто совсѣмъ самостоятельное, ни на какую другую на свѣтѣ не похожее» (29 августа 1862 г.).

Тутъ же говоритъ онъ и о направленіи оперы, именно:

«Тамъ (рѣчь идетъ о постановкѣ «Юдиѳи» за границей, въ Германіи, куда Сѣровъ надѣялся провести ее при помощи Франца Листа) привыкли уже къ «*Вагнеровскому*» направленію, которому я не могу же не слѣдовать».

Изъ этого письма мы получаемъ еще два свѣдѣнія, которыя весьма цѣнны для нашей задачи. Во-первыхъ, то, что Сѣрову не особенно долго пришлось возиться съ «мытарствами», которыхъ онъ такъ опасался. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, Сѣрову покровительствовалъ графъ Адлербергъ; объ этомъ фактѣ Сѣровъ говоритъ въ этомъ же письмѣ:

«Графъ Адлербергъ обѣщалъ взять мою «Юдиѳь» подъ свое покровительство».

Слѣдствіемъ было то, что «Юдиѳь» весьма скоро послѣ окончанія появилась на сценѣ. Во-вторыхъ, изъ этого же письма легко заключить, какъ относился Сѣровъ къ своему труду, какъ онъ не допускалъ и мысли о составленіи себѣ имени посредствомъ рекламъ, такъ часто практикуемыхъ у насъ, а еще болѣе за границей. По этому поводу онъ писалъ слѣдующее:

«Мнѣ всякія рекламы противны до-нельзя. Дѣло должно само за себя постоять и, надѣюсь, постоитъ».

Дѣйствительно, его надежды оправдались: «Юдиѳь» не только постояла за себя, но доставила автору громкое имя. Она была

*) Какъ видно изъ предисловія къ оперѣ „Юдиѳь", либретто ея было исправлено нашимъ поэтомъ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ, передѣлавшимъ во многихъ мѣстахъ текстъ, переложенный Сѣровымъ изъ итальянской драмы.

поставлена въ первый разъ 16 мая 1863 года съ г-жей Біанки (Юдиѳь) и Саріотти (пріобрѣвшимъ себѣ славу созданіемъ роли Олоферна) въ главныхъ роляхъ. Объ успѣхѣ оперы можно судить ужь по тому факту, что Александръ Николаевичъ удостоился Монаршаго вниманія и милости: онъ получилъ въ подарокъ брилліантовый перстень. Любопытно свѣдѣніе, сообщенное сестрой композитора, Олимпіадой Николаевной: онъ до того нуждался въ деньгахъ, что просилъ о замѣнѣ этого драгоцѣннаго подарка деньгами. Просьба его была удовлетворена и онъ получилъ взамѣнъ перстня 500 рублей. Эта опера давалась и продолжаетъ даваться и быть украшеніемъ репертуара всѣхъ нашихъ оперныхъ сценъ; только одна бѣлокаменная Москва недружелюбно приняла на первыхъ порахъ первое дѣтище Сѣрова; но здѣсь, можетъ-быть, причина заключалась въ исполнителяхъ, отъ которыхъ дѣйствительно многое требуется для этой оперы, такъ какъ однимъ *пѣніемъ* здѣсь мало возьмешь; тутъ требуется еще полная драматизма артистическая *игра*. А вѣдь извѣстно, какъ наши «пѣвцы» обращаютъ на нее вниманіе.

Вся пресса въ одинъ голосъ воздавала даровитому автору должную дань; всѣ единогласно привѣтствовали новое произведеніе Сѣрова, сразу выдвинувшее его.

«Юдиѳь»—разительный примѣръ тому, какъ человѣкъ одной лишь мыслительною силой и запасомъ теоретическихъ познаній въ состояніи творить «*крайне интересную* и даже оригинальную *новую музыку*» (Столыпинъ. *Всемірная Иллюстрація* 1871 г., №128).

«... оперы его, особенно «Юдиѳь» задуманы серьезно, въ нихъ не мало художническихъ задачъ, есть музыкальный интересъ, есть мѣстами *весьма удачная хорошая музыка*» (*** *Петербургскія Вѣдомости* 1871 г., № 41).

«Всѣ пишущіе о музыкѣ привѣтствовали появленіе «Юдиѳи», какъ замѣчательное явленіе, *чреватое*, такъ сказать, *будущностью*» (Ростиславъ. *Голосъ* 1865 г., № 311).

«Разбирая первую оперу Сѣрова (т. е. «Юдиѳь»), мы уже имѣли поводъ замѣтить, что онъ *замѣчательный мыслитель въ дѣлѣ композиціи*, глубоко обдумывающій и колоритъ, и характеръ сочиняемой имъ музыки. Притомъ же мы не упустили изъ вида *живописную, мастерскую его оркестровку*» (Ростиславъ. *Голосъ* 1865 г., № 335).

Приблизительно таковы всѣ отзывы о «Юдиѳи». Считаемъ небезъинтереснымъ привести и мнѣніе нашего извѣстнаго кри-

тика—Аполлона Григорьева, хотя онъ и не спеціалистъ, высказанное имъ автору «Юдиѳи»:

«Есть, братецъ, вещи, которыя сразу прошибаютъ».

Этотъ же критикъ, когда рѣчь зашла объ искусствѣ, сказалъ однажды у Достоевскихъ:

«Герценъ вретъ, что искусство въ наше время умерло. Хороша смерть искусству, когда пишутся такія вещи, какъ драмы Островскаго и какъ «Юдиѳь» Сѣрова» (25 іюля 1862 года).

Таковы отзывы о первой оперѣ нашего талантливаго композитора.

Далеко не единогласны отзывы о второй его оперѣ—«Рогнѣдѣ» (въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ), появившейся ровно чрезъ два года, т. е. въ 1865 году. Но пока авторъ работаетъ эти два года надъ «Рогнѣдою», доставившей ему бо́льшую извѣстность, чѣмъ «Юдиѳь», заглянемъ въ его частную жизнь за это время, тѣмъ болѣе, что это время ознаменовалось для Сѣрова двумя важными событіями. Александръ Николаевичъ въ 1864 г. женился на дѣвицѣ Валентинѣ Семеновнѣ Бергманъ. Отъ этого брака у Сѣрова было двое дѣтей: сынъ Валентинъ и дочь Александра; но послѣдняя вскорѣ умерла и нѣжный отецъ «долгое время не могъ вспоминать и говорить о ней безъ горькихъ слезъ». Сынъ же его унаслѣдовалъ отъ отца талантъ къ рисованію, весьма много обѣщающій въ будущемъ. Валентина Семеновна родилась въ 1846 году и вышла замужъ на 18 году жизни. Она обладаетъ композиторскимъ талантомъ и написала уже двѣ оперы: «Уріель Акоста», на сюжетъ трагедіи Гуцкова, и «Хайдѣвка», на сюжетъ извѣстной повѣсти нашего драматурга и беллетриста Алексѣя Антиповича Потѣхина, того же названія. Слыхавшіе оперу «Уріель Акоста» отзываются о ней какъ о произведеніи заслуживающемъ серьезнаго вниманія. Насколько намъ извѣстно, у насъ еще не было женщины-оперистки, и Валентина Семеновна является въ этомъ отношеніи первымъ примѣромъ оперной композиторши. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ музыкальныхъ кружкахъ поговариваютъ о скорой постановкѣ этихъ произведеній въ Большомъ театрѣ, куда теперь, какъ извѣстно, перенесена русская опера.

Другой фактъ, совершившійся въ это время и произведшій сильное, глубокое и неизгладимое впечатлѣніе на Сѣрова, былъ крайне противуположнаго свойства; если первый относится къ радостнымъ явленіямъ жизни, то второй—къ печальнымъ: 24 ян-

варя 1865 г. Александръ Николаевичъ потерялъ свою нѣжно и горячо любимую мать, умершую также, какъ и отецъ, скоропостижно. Мы уже видѣли, насколько Сѣровъ ее любилъ, изъ того факта, что онъ ей отдавалъ все свое жалованье «до гроша»; не трудно себѣ представить его отчаяніе, причиненное этою смертью. Анна Карловна (имя матери) въ послѣднее время своей жизни состояла начальницей богадѣльни у Калинкина моста; но жалованье ея было столь ничтожно, что ее не на что было похоронить; разумѣется, похоронилъ Сѣровъ на свои крохотныя средства.

Опера «Рогнѣда» была поставлена въ первый разъ 27 октября 1865 г., съ г-жей Бруни въ главной роли. Дирекція не поскупилась на постановку русской оперы и она ей обошлась около 30 тысячъ рублей. «Рогнѣда» была поставлена послѣ 28 репетицій. Явленіе у насъ довольно рѣдкое при безцеремонномъ отношеніи со стороны театральныхъ заправилъ къ искусству. Успѣхъ «Рогнѣда» имѣла громадный, о чемъ можно судить и по тому факту, что она до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара и даетъ вездѣ громадные сборы. Слова Ростислава по поводу этой оперы: «Какъ въ продолженіе 30 лѣтъ вели у насъ лѣтоисчисленіе (въ музыкальномъ мірѣ, разумѣется) съ «Жизнь за Царя», такъ отнынѣ будутъ вести его съ «Рогнѣды» (*Голосъ* 1865 г., № 311),—если и являются немного преувеличенными, то во всякомъ случаѣ имѣютъ за собой ту заслугу, что сопоставляютъ оба эти великія произведенія, и въ самомъ дѣлѣ какая оперная сцена, не ставящая оперъ: «Жизнь за царя», «Русалки» и «Рогнѣды»,—можетъ считаться національной, *русской?*

Любопытна судьба этого произведенія, не имѣющаго себѣ равнаго въ лѣтописяхъ нашей музыкальной литературы. Она обратила на себя Монаршее вниманіе. Объ этомъ Сѣровъ писалъ въ 1866 г. (11 января и 1 февраля) въ слѣдующемъ духѣ:

«Государь Императоръ 10 декабря, пріѣзди на сцену, велѣлъ позвать къ себѣ автора и говорилъ со мной очень любезно минутъ съ десять».

При этомъ ему на память конечно приходитъ нѣжное, любимое существо, котораго въ живыхъ ужъ больше не было, а именно: мать автора,—и онъ продолжаетъ:

«Не могу не вспомнить безъ слезъ о комъ-то, кому именно вниманіе Царской Фамиліи ко мнѣ было бы высокимъ, искреннимъ счастьемъ. Я говорю о мой бѣдной мамѣ, которой мы лишились скоропостижно, неожиданно, 24 января 1865 года».

Но царская милость этимъ не ограничилась; до чего она дошла, мы находимъ въ томъ же письмѣ:

«Сію минуту получилъ бумагу отъ своего министра, министра почтъ и телеграфовъ, Ивана Матвѣевича Толстого, съ приложеніемъ къ ней подлинной бумаги отъ министра Двора слѣдующаго содержанія»:

«Государь Императоръ, во вниманіе къ отличному таланту «и замѣчательнымъ музыкальнымъ произведеніямъ композитора «*Александра Сѣрова*, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: про«изводить ему въ пансіонъ по *тысячѣ* рублей въ годъ изъ Каби«нета Его Величества».

«Надо было,—поясняетъ Сѣровъ,—приравнять мой случай къ какому-нибудь примѣру поощренія писателей. Нашелся одинъ примѣръ: Гоголь получалъ изъ Кабинета по тысячѣ рублей въ годъ. Меня къ тому и пріурочили. Сосѣдство не обидное».

Это у насъ первый примѣръ поощренія композитора,—небывалое явленіе!

Однако нельзя сказать, чтобы Сѣровъ былъ вполнѣ доволенъ своей оперой; судя по крайней мѣрѣ по этому письму, невольно придешь къ такому заключенію. Вотъ что онъ говоритъ:

«Какъ художникъ, я еще недоволенъ ни «Юдиѳью», ни «Рогнѣдой», несмотря на *невѣроятный успѣхъ второй оперы*. Я знаю, что въ лѣтописяхъ русскаго искусства мнѣ ужь отведена весьма важная роль; еслибъ я умеръ хоть завтра, я кое-что уже сдѣлалъ».

Несмотря на восторженный пріемъ этой оперы публикой, на громадные сборы, которые она дѣлала, и на почести, выпавшія на долю автора послѣ каждаго представленія, представители прессы отнеслись къ ней далеко не одинаково. Да иначе и быть не можетъ: всякое великое твореніе вызываетъ различные толки и мнѣнія; въ особенности подверглась она нападкамъ со стороны «новаторской школы», которая,—нужно отдать ей справедливость,—не въ мѣру усердствовала въ своемъ порицаніи. Если она хоть «кое-что» признавала за авторомъ «Юдиѳи», то она и это «кое-что» отрицала въ авторѣ «Рогнѣды».

Вотъ какой отзывъ далъ о ней г***:

«Вообще все 2-е дѣйствіе—*анонсъ пошлаго и площаднаго*».

О дуэтѣ странника и Руальда г*** такъ говоритъ:

«Это *одинъ изъ самыхъ слабыхъ нумеровъ*, хотя написанъ съ огромными претензіями».

И далѣе:

«Въ «Рогнѣдѣ» каждый актъ слабѣе предыдущаго, такъ что въ 4-мъ дѣйствіи *мало о чемъ придется говорить, а о пятомъ можно и вовсе умолчать*».

И въ заключеніи приходитъ къ такому выводу:

«Въ «Рогнѣдѣ» Сѣровъ доказалъ свою *неспособность* къ музыкальной драмѣ... и въ инструментовкѣ нѣтъ тѣхъ художественныхъ тонкостей, того дѣйствительнаго изящества, которыми отличается «Юдиѳь». Сѣровъ—художникъ крайне свѣдущій, славный гармонистъ и инструментаторъ, но *творящій безъ творческихъ способностей*» (*Петербургскія Вѣдомости* 1865 г., № 292).

Чтобы покончить съ этимъ мнѣніемъ, какъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ отзывовъ, приведемъ слова г***, сказанныя послѣ смерти Сѣрова, нѣчто, такъ сказать, въ видѣ итога дѣятельности Александра Николаевича: «какъ композиторъ, Сѣровъ не подлежитъ сравненію съ Глинкой и Даргомыжскимъ и вовсе не имѣетъ ихъ значенія въ искусствѣ, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ разряду весьма видныхъ *второстепенныхъ нашихъ композиторовъ* (какъ Маршнеръ, Шпоръ у нѣмцевъ) и его оперы немало оживили русскую оперную сцену. При *бѣдности творчества*, при *грубости* музыкальныхъ мыслей (въ этой грубости Сѣровъ усматривалъ ширину кисти), при *тяжелой безсодержательности*, оперы его задуманы серьезно», и т. д.

Конечно, въ нашу задачу нисколько не входитъ полемизировать съ г*** по поводу оперъ Сѣрова; но въ видахъ того, что едва ли всякій изъ читающей публики знакомъ съ мнѣніями нѣмецкихъ критиковъ о своихъ композиторахъ (хотя нѣмцы вообще крайне пристрасны ко всему своему національному), мы позволимъ себѣ привесть мнѣніе нѣмца о нѣмцѣ, то-есть весьма пристрастное въ хорошую сторону,—съ тѣмъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ композиторѣ, съ которымъ г*** сопоставляетъ рядомъ и Сѣрова,—именно, приведемъ мнѣніе Шлютера о Маршнерѣ:

«Его оперы, интересныя для музыканта, *мрачныя* и *утомительныя* для пѣвцовъ, нашли *мало участія въ публикѣ*». И далѣе: «Истинно драматическаго дѣйствія мы не находимъ у Маршнера» и такъ далѣе («Обозрѣніе всеобщей исторіи музыки» Шлютера, стр. 184 и слѣд.).

Не правда ли, то же самое можно сказать и о Сѣровѣ? И его оперы также «утомительны для пѣвцовъ» и не находятъ «участія

въ публикѣ»?... Но наше дѣло, повторяемъ, излагать факты, а потому перейдемъ къ другимъ мнѣніямъ о Сѣровѣ.

Крайнюю противоположность взгляду г*** представляетъ мнѣніе Ростислава: насколько первый уничтожаетъ въ Сѣровѣ всякое значеніе, настолько второй, наоборотъ, возноситъ его до небесъ, и въ этомъ отношеніи, какъ мы ужь отчасти видѣли, ударяется въ другую крайность:

«... огромное преимущество «Рогнѣды» (предъ «Юдиѳью») заключается въ томъ, что здѣсь почти уже не замѣтно вагнеровскаго вліянія... Со 2-й картины 1-го дѣйствія положительно чувствуется, что подобную музыку могъ написать только русскій человѣкъ, и притомъ композиторъ, изучившій до тонкости всѣ тайны не только германскаго, но и универсальнаго механизма... «Рогнѣда» изобличаетъ въ авторѣ талантъ сильный, самобытный, отличающійся въ особенности энергіей и глубокимъ знаніемъ музыкальнаго дѣла» (*Голосъ* 1865 г., № 335).

«Финалъ 5-го акта,—говоритъ Ростиславъ въ противуположность г***,—*вѣнецъ всего произведенія*» (тамъ же, № 297).

Отстаивая Сѣрова отъ нападокъ «новаторовъ», тогдашній рецензентъ *Голоса* (Ростиславъ) продолжаетъ:

«Какое вамъ дѣло до личности г. Сѣрова? Ненавидьте его, сколько душѣ угодно, но не топчите въ грязь глубоко задуманное произведеніе, долженствующее сдѣлаться въ скоромъ времени драгоцѣннымъ достояніемъ всей Россіи» (тамъ же, № 320).

Да и самъ Сѣровъ не мало удивлялся перемѣнѣ отношеній къ нему «новаторовъ»; вотъ что онъ писалъ послѣ того, какъ «Рогнѣда» имѣла такой успѣхъ:

«Когда меня по музыкѣ никто въ Питерѣ еще не зналъ, Владиміръ Стасовъ распластывался предъ моимъ дарованіемъ и предъ каждой строкой моихъ полуребяческихъ попытокъ и никуда негодныхъ арранжировокъ. Теперь, когда меня знаютъ всѣ русскіе, слѣдящіе за музыкой, когда я уже гораздо больше чѣмъ извѣстность, В. С. окончательно отъ меня отвернулся, признавая во мнѣ не талантъ, а какую-то способность къ оркестру и къ ловкому шарлатанскому воспользованію удачными обстоятельствами» (1 февраля 1866 года).

Между второю и третьей его оперой прошелъ довольно значительный промежутокъ времени — около семи лѣтъ. Дѣло въ томъ, что авторъ двухъ названныхъ оперъ хотѣлъ создать произведеніе съ современнымъ содержаніемъ, непохожее ни на пер-

вое, основанное на библейскомъ сказаніи, ни на второе, отодвигающее насъ назадъ, ко временамъ нашего язычества; ему хотѣлось воспроизвесть въ музыкѣ нѣчто близкое намъ, современное, и притомъ чисто-русское, народное. Онъ уже обратилъ свое вниманіе на Гоголевскаго «Тараса Бульбу» и «даже написалъ нѣсколько сценъ», какъ сообщаетъ г. Фаминцынъ (*Музыкальный Сезонъ* 1871 г., № 17), но вскорѣ оставилъ эту работу, увлекшись «Кузнецомъ Вакулой» того же Гоголя, какъ прекраснымъ матеріаломъ для фантастическаго балета, который онъ хотѣлъ назвать «Ночь на Рождество». Въ томъ же году, то-есть въ 1866, уже написаны были: «Гречанники», «Гопакъ» и «Запорожская пляска», изъ которыхъ первыя двѣ вещи были исполнены оркестромъ въ Павловскѣ и въ Александринскомъ театрѣ; однако и это произведеніе не было доведено до конца. Къ этому году между прочимъ относится романсъ его, посвященный г. Кондратьеву: «Какъ небеса твой взоръ блеститъ», которымъ и заключается романсовая дѣятельность Сѣрова.

Только въ 1867 г. нашъ композиторъ остановился въ выборѣ своемъ на одномъ изъ извѣстныхъ произведеній А. Н. Островскаго—«Не такъ живи какъ хочется»; на этотъ сюжетъ указалъ ему критикъ Аполлонъ Григорьевъ. Мысль эта до того понравилась Сѣрову, что онъ тотчасъ же принялся за работу со свойственнымъ ему рвеніемъ. Вскорѣ первые три акта переложены были въ стихи и въ продолженіе *четырехъ мѣсяцевъ* (отъ мая до августа включительно) написана была музыка. Но желаніе передѣлать развязку драмы заставило его оставить на время эту работу.

Между тѣмъ онъ занялся изданіемъ новаго органа подъ названіемъ *Музыка и Театръ*. Напрасно увѣщевалъ его Ростиславъ не браться за это дѣло, указывая, что настоящее призваніе Сѣрова—композиція, а не критика; послѣдній остался непоколебимъ. «Нельзя,—отвѣчалъ ему Александръ Николаевичъ:—если я буду молчать по части критики музыкальной, то *ревуны* (то-есть новаторы) восторжествуютъ». Казалось бы, что имя Сѣрова, какъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ и автора двухъ оперъ, доставившихъ ему еще большую извѣстность, должно было привлечь вниманіе читающей публики и поддержать существованіе почти единственнаго органа, спеціально-посвященнаго музыкѣ; но случилось нѣчто невѣроятное: органъ просуществовалъ только до начала слѣдующаго 1868 г., когда онъ былъ закрытъ *за отсутствіемъ подписчиковъ*.

Разсматриваемое время было самымъ тяжелымъ въ жизни Сѣрова: отсутствіе средствъ къ существованію и полное равнодушіе со стороны публики къ его органу, съ одной стороны, а съ другой — нападки критики на него — сильно повліяли на его и безъ того изнуренное здоровье; съ нимъ стали дѣлаться нервные припадки. Благодаря ходатайству Великаго Князя Константина Николаевича предъ Государемъ Императоромъ, Сѣрову была ассигнована значительная сумма въ 1869 г. для совершенія поѣздки за границу. Онъ посѣтилъ Италію, Швейцарію, Баварію, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся съ Листомъ, и Парижъ. Мы говоримъ «въ послѣдній разъ» потому, что Сѣровъ хотя и былъ за границей еще разъ, а именно въ 1870 г., когда онъ былъ приглашенъ почетнымъ членомъ на юбилей Бетховена въ Вѣнѣ, но съ Листомъ ужь болѣе не встрѣчался. Всего онъ совершилъ четыре поѣзки за границу, изъ которыхъ первая относится къ 1858 году, когда онъ близко сошелся съ Листомъ. Имя его, какъ музыкальнаго критика, было извѣстно за границей еще въ 1857 году, когда онъ обратилъ на себя вниманіе музыкальнаго міра полемикой по поводу книги Улыбышева о Бетховенѣ, выразившейся въ цѣломъ рядѣ статей: въ *Berliner Musikzeitung* (одна статья) и въ *Neue Zeitschrift für Musik* (три статьи); послѣдняя въ свою очередь вызвала извѣстную статью Листа, помѣщенную также въ *Zeitschrift für Musik*, подъ названіемъ: «Kritik der Kritik: Ulibicheff und Seroff».

Здоровье его значительно поправилось и по пріѣздѣ въ Россію онъ снова принялся за свои труды. Въ описываемое время Патти стала входить въ славу и, разумѣется, Сѣровъ не могъ равнодушно отнестись къ ней, какъ къ музыкальной дивѣ, не имѣющей и до сихъ поръ себѣ равной,— и вотъ въ этомъ же году онъ написалъ для нея «Ave Maria», которое было исполнено ею тотчасъ послѣ его смерти въ одномъ концертѣ. По поводу этого произведенія мы находимъ рецензію въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* за 1871 г., № 33, гдѣ рецензентъ приходитъ къ такому резюмé:

«Это (Ave Maria)—вещь грандіозная по концепціи и по фактурѣ; особенно 1-я часть отличается возвышеннымъ стилемъ, но вообще стиль этотъ не строго католически-церковный и въ цѣломъ выступаетъ рельефнѣе кисть музыкальнаго художника-драматурга, чѣмъ композитора религіозной музыки; вторая часть— весьма колоратурна».

Но этимъ твореніемъ не ограничилась дань Сѣрова дарованію дивы: въ слѣдующемъ 1870 г. онъ написалъ для нея «Stabat mater» (для двухъ женскихъ голосовъ) и уже замышлялъ оперу на сюжетъ извѣстнаго романа Жоржъ-Зандъ «Consuelo», въ чисто-итальянскомъ стилѣ, въ которой Патти играла бы главную роль, но его вниманіе отвлекла неоконченная «Вражья сила» (драма Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется»).

Работа по либретто для нея не клеилась и онъ уже сталъ приходить въ отчаяніе; однако 4-й актъ былъ имъ оконченъ въ 1870 году, а пятый, послѣ пріѣзда изъ Вѣны, въ 1871 г. Болѣзнь сердца стала его мучить все чаще и чаще. Но люди «дѣла», какъ Сѣровъ, не обращаютъ вниманія на свои физическія силы; какъ только онъ чувствовалъ себя немного лучше, то тотчасъ же принимался за работу. Онъ уже составилъ себѣ планъ новой *комической оперы*, планъ балета, о которомъ просилъ его директоръ Императорскихъ театровъ, планъ большой драматической оперы «Гусситы», какъ вдругъ неумолимая смерть оторвала его отъ искусства навсегда. Онъ умеръ, какъ и родители его, внезапно, отъ разрыва сердца, 20 января 1871 г., спустя нѣсколько дней послѣ окончанія оперы «Вражья сила». Послѣднее дѣйствіе онъ не успѣлъ инструментовать и это было довершено г. Соловьевымъ, профессоромъ гармоніи въ С.-Петербургской консерваторіи.

Считаемъ небезъинтереснымъ напомнить читателямъ описаніе послѣднихъ минутъ жизни Сѣрова, принадлежащее перу г. Славинскаго. Послѣдній за нѣсколько часовъ до смерти композитора нашелъ его за книгой Наумана: «Die Tonkunst in der Culturgeschichte». Разсказавъ г. Славинскому о полученномъ приглашеніи сотрудничать въ *Augsburger Allgemeine Zeitung*, Сѣровъ сказалъ слѣдующее:

«Подумайте С., какъ много мнѣ дѣла, и какого, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше... До «Гусситовъ» — «Вакула», до «Вакулы» — «Вражья сила», а до постановки ея у меня должны быть готовы три статьи: въ *Вѣстникъ Европы* (о Берліозѣ), въ *Бесѣду* и въ *Музыкальный Сезонъ*... А «Девятая симфонія», а «Фригійская секунда...»

Кстати замѣтимъ, что послѣднею литературно-критическою статьей Сѣрова была статья (третья) о русской пѣснѣ (*Музыкальный Сезонъ* 1871 года, № 13). За обѣдомъ онъ шутилъ съ сыномъ, разсказывая ему разные анекдоты; послѣ обѣ-

да опять заговорилъ о книгѣ Наумана, но «тутъ лицо его внезапно вытянулось съ какою-то необыкновенной улыбкой, за этимъ быстро исказилось и тотчасъ приняло свое обыкновенное выраженіе; глаза были закрыты; ноги подкосились; онъ медленно, дугой, опустился на землю... Смерть постигла его отъ разрыва сердца; онъ умеръ моментально; предсмертной агоніи не было ни секунды...»

Такъ скончался боецъ за русское искусство, полный вдохновенія и плановъ о будущей дѣятельности, съ книгой въ рукахъ, подобно воину, сражающемуся за отечество.

«Смерть завидная!» — скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Незнакомцемъ.—«Далеко отъ васъ мысль о смерти, нѣтъ около васъ ни раздирающихъ сценъ, ни заплаканныхъ лицъ, старающихся улыбаться, чтобы не обезкуражить васъ; нѣтъ батареи аптечныхъ пузырьковъ, нѣтъ глубокомысленнаго лика ученаго эскулапа, провожающаго васъ на тотъ свѣтъ по всѣмъ правиламъ искусства; напротивъ, вы всѣ отдались любимымъ занятіямъ, интересному разговору, радужнымъ надеждамъ на будущее и вдругъ—хлопъ!—главная пружина въ человѣческомъ организмѣ оборвалась и механизмъ разомъ прекратилъ свои дѣйствія» (*Петербургскія Вѣдомости* 1871 г., № 45).

Но такова только его смерть физическая; его же произведенія живутъ и будутъ еще долго жить; имя Сѣрова остается безсмертнымъ въ исторіи нашей музыки; съ его именемъ связаны честь и слава нашей оперной сцены, подобно именамъ Глинки и Даргомыжскаго. Такія свѣтлыя личности, какъ А. Н. Сѣровъ, не умираютъ въ памяти людей. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Рихарда Вагнера къ г. Висковатому послѣ извѣстія о внезапной кончинѣ Сѣрова:

«Для меня Сѣровъ не умеръ; для меня онъ живетъ ясно и отчетливо... Чѣмъ онъ былъ, тѣмъ онъ остается и останется—однимъ изъ благороднѣйшихъ, высокихъ людей, какихъ можно себѣ представить. Его нѣжная душа, его чистое чувство, его свѣтлый, исполненный этихъ качествъ, умъ дѣлаютъ для меня дружбу, которую онъ искренно питалъ ко мнѣ, счастливѣйшимъ подаркомъ моей жизни» (*Музыкальный Сезонъ* 1871 г., № 17).

Но «пророкъ, говорятъ, въ своей странѣ не признанъ»; не такъ отнеслись къ нему соотечественники — наши цѣнители искусства. Даже послѣ его смерти, когда появилась «Вражья сила», инструментованная, какъ мы уже сказали, профессоромъ

Соловьевымъ, они не могли удержаться, чтобы не втоптать въ грязь посмертное произведеніе безсмертнаго композитора. Брань и ругань и тутъ посыпались на него, въ увѣренности, что ужь некому «говорить по части музыкальной критики», некому дать отпоръ «ревунамъ».

Для полноты нашего очерка позволимъ себѣ привесть два мнѣнія объ этой операѣ, какъ мы это дѣлали при обзорѣ его первыхъ произведеній; эти мнѣнія — также крайне противуположны: г*** и Ростислава.

Опера «Вражья сила» шла въ первый разъ на Маріинской сценѣ въ бенефисъ г. Направника, съ участіемъ г-жъ Леоновой, Лавровской, г. Саріотти и др. 19 апрѣля 1871 г. Послѣ постановки ея на сцену Ростиславъ написалъ въ *Голосъ* четыре фельетона о ней, а г*** только одинъ въ *Петербургскихъ Вѣд.* (№ 111). Вотъ резюмé послѣдняго:

«Драматическая музыка Сѣрова во «Вражьей силѣ» *ниже всякой критики;* она хуже драматической музыки г. Кашперова или г. Аѳанасьева. Мало того, что она *ничтожна и безыдейна*, *она* почти сплошь *представляетъ музыкальную чепуху*... Въ цѣломъ,—заканчиваетъ г***,—«Вражья сила» опера слабая и *замѣчательно-безобразная*... По безобразію своей драматической стороны «Вражья сила» дѣйствительно замѣчательная, подобно которой *нигдѣ и никогда не бывало* и—нужно думать—нигдѣ и никогда не будетъ».

Вотъ до чего можно дойти въ увлеченіи своими личными симпатіями и антипатіями! Не таково мнѣніе Ростислава (Ѳ. М. Толстой), который, несмотря на десятилѣтнюю полемику съ Сѣровымъ, судилъ болѣе спокойно о произведеніяхъ своего противника. Вотъ что мы находимъ у него между прочимъ по поводу «Вражьей силы»; говоря о первомъ дѣйствіи, въ противуположность г***, совѣтующему этотъ актъ совершенно пропустить и пріѣхать прямо ко второму, онъ говоритъ, что «тутъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ» (*Голосъ*, № 112).

Еще рельефнѣе выступаетъ контрастъ ихъ мнѣній по поводу типа Еремки. Въ то время, какъ г*** не признаетъ и тѣни талантливости въ созданіи въ музыкѣ этого живого лица, Ростиславъ говоритъ о немъ:

«Композиторъ ничего не могъ придумать лучшаго (въ созданіи типа Еремки, разумѣется) и болѣе своеобразнаго» (*Голосъ* 1871 г., № 119).

Мы, конечно, ограничиваемся самыми краткими и сжатыми цитатами, чтобы не утомить читателей слишкомъ длинными выписями, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли вполнѣ достаточно одного заключенія того или другаго мнѣнія.

«Поэтовъ кормятъ камнями», — сказалъ одинъ изъ величайшихъ умовъ нашего столѣтія, Гейнрихъ Гейне. Это великое изреченіе оправдалось у насъ на Сѣровѣ: при жизни, какъ мы это видѣли, онъ крайне нуждался, былъ лишенъ самаго необходимаго для существованія, не имѣлъ возможности съѣздить въ Павловскъ, чтобы послушать въ первый разъ исполнявшееся его сочиненіе, нуждался по временамъ въ трехъ копѣйкахъ на булку, по цѣлымъ недѣлямъ ходилъ въ рваныхъ сапогахъ,—и не нашлось ни одного благодѣтельнаго человѣка, ни одного благотворительнаго общества, которые поддержали бы этого замѣчательнаго художника-артиста въ нуждѣ; за то, когда онъ умеръ, всѣ стали сожалѣть о погибшемъ талантѣ, воздавать должную дань уваженія заслугамъ, оказаннымъ имъ нашему искусству и развитію его въ обществѣ, восхищаться его произведеніями, оцѣнивать ихъ по достоинству. Мало того, то самое Русское Музыкальное Общество, которое никакъ не хотѣло имѣть его своимъ директоромъ, послѣ его смерти какъ будто стало раскаяваться въ своихъ грѣхахъ и поспѣшило загладить свои проступки тѣмъ, что похоронило Сѣрова на свой счетъ. Онъ похороненъ невдалекѣ отъ Глинки и Даргомыжскаго въ Александро-Невской лаврѣ. По крайней мѣрѣ послѣ смерти отвели ему подобающее мѣсто на ряду съ нашими первыми композиторами.

Можно смѣло сказать, что еслибы Сѣровъ, при его любви къ искусству, при его постоянныхъ и неустанныхъ занятіяхъ своимъ дѣломъ, при томъ увлеченіи и страстности, съ которыми онъ работалъ надъ искусствомъ и для него, былъ въ матеріальномъ отношеніи болѣе обезпеченъ и не тратилъ бы столько времени на добываніе средствъ къ существованію, и не былъ бы вынужденъ жертвовать своей фантазіей и богатыми мыслями обыденной прозѣ, состоящей въ нахожденіи источниковъ къ ежедневному пропитанію, — словомъ, еслибы Сѣровъ находился въ лучшей жизненной обстановкѣ, отъ его ума, таланта и пера можно было бы ожидать еще очень многаго; онъ бы обогатилъ нашу музыкальную литературу еще многими произведеніями, которыя украшали бы наши сцены, а можетъ-быть и иностранныя.

«Гусситы», «Кузнецъ-Вакула» и «Комическій балетъ» уже роились въ его головѣ за часъ до смерти. Кто знаетъ, чѣмъ могъ бы онъ одарить насъ, еслибы преждевременная смерть не похитила его такъ рано?

Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ его смерти и за это время онъ все-таки остается незамѣненнымъ. И вѣроятно еще много лѣтъ пройдетъ и много воды утечетъ, пока у насъ народится другой Сѣровъ. Мы этимъ нисколько не желаемъ умалить достоинство и значеніе для нашего музыкальнаго искусства тѣхъ немногихъ композиторовъ, которыми наградила насъ судьба; мы только намекаемъ на то обстоятельство, что мы какъ-то не умѣемъ цѣнить, или по крайней мѣрѣ не по достоинству оцѣниваемъ нашихъ выдающихся дѣятелей и талантовъ. Нечего грѣха таить, мы дѣйствительно имѣемъ какую-то особенную склонность унижать, а нерѣдко и просто втоптать въ грязь все свое выдающееся. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ во многомъ виновата наша критика, представители которой усвоили себѣ весьма легкій и дешевый способъ оцѣнки, выражающійся въ ругани и брани, а нерѣдко еще вдобавокъ и въ неприличныхъ для литературнаго и печатнаго слова выраженіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода оцѣнка труда производитъ сильное впечатлѣніе и вліяніе, въ особенности на людей нервныхъ, какимъ былъ Сѣровъ.

Отсутствіе у насъ серьезной критики сильно сказывается въ особенности въ области театральной и музыкальной. Въ самомъ дѣлѣ, что мы находимъ въ ежедневно появляющихся рецензіяхъ? Бюллетень о состояніи театра: такой-то провалился, такую-то вызвали столько-то разъ, а такой-то былъ поднесенъ букетъ ея поклонниками и почитателями таланта; нерѣдко къ этому примѣшиваются свѣдѣнія о частной, домашней жизни, до которой никому никакого дѣла нѣтъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣла является то, что артисты не обращаютъ никакого вниманія на критику и ею нисколько не интересуются. То же самое отношеніе, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, существуетъ между критиками и авторами. Пусть появится какая-нибудь новая пьеса (драматическая или музыкальная, безразлично), автору ея предстоитъ вкусить всѣ сладости площадной брани.

Удивительнѣе всего то, что пусть, напримѣръ, умретъ этотъ самый авторъ или артистъ, и посыпятся диѳирамбы на разные лады, и откопаютъ всевозможныя хорошія стороны, и пойдутъ сожалѣть о погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ (если онъ молодой) та-

лантѣ, и начнутъ вычислять всѣ надежды и упованія, которыя возлагались на его дарованіе, и постараются загладить тѣ грѣхи его, которые всегда обнаруживались на «всенародныя очи» при его жизни,— словомъ, тогда наступаетъ какъ бы обратная дѣятельность рецензентовъ: всякая ругань чуть не обращается въ похвалу и всякое порицаніе въ достоинство. Въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдывается извѣстная поговорка: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ»: мы цѣнимъ достоинство нашихъ талантовъ, когда ихъ ужь нѣтъ въ живыхъ; пока же они существуютъ, кромѣ непріятностей и униженій имъ ожидать нечего ни отъ современныхъ критиковъ, ни отъ общества, въ большинствѣ случаевъ довольствующагося рецензіей и составляющаго себѣ понятіе о произведеніи или объ исполненіи по газетнымъ отзывамъ, но нисколько не интересующагося личностью автора или артиста, кромѣ, разумѣется, той стороны его жизни, которая общества вовсе не касается.

Да, жалко положеніе нашихъ даровитыхъ людей; большею частью они не доходятъ до полнаго разцвѣта, падая подъ гнетущимъ бременемъ нужды, не дающей имъ возможности всецѣло предаться избранному дѣлу, заставляя или отречься отъ предпринятаго, если у кого не хватаетъ сѣровскихъ силъ, чтобы бороться съ нуждою, или же продолжать стремиться къ цѣли, пока человѣческія силы въ состояніи устоять противъ подавляющаго вліянія нужды; въ первомъ случаѣ получаются «неудачники», во второмъ—преждевременно погибшія дарованія. И тѣ, и другія — плодъ того положенія, въ которое поставлены наши даровитые люди... Сѣровъ принадлежитъ ко второй категоріи,— онъ работалъ и трудился до послѣдней минуты своей жизни надъ искусствомъ, которому съ честью служилъ, и завоевалъ себѣ честь принадлежать къ семьѣ нашихъ первыхъ композиторовъ.

Переходя къ «списку критическихъ статей» А. Н. Сѣрова, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что число органовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ, равняется *двадцати восьми;* наибольшее количество статей выпадаетъ на долю русскихъ періодическихъ органовъ (22), наименьшее—нѣмецкихъ (только 2); остальные четыре органа—французскіе.

Списокъ критическихъ статей А. Н. Сѣрова, составленный имъ самимъ лѣтомъ 1869 года (съ подлинной рукописи). Наиболѣе замѣчательныя отмѣчены имъ самимъ **NB.**

1851 г. *Библіотека для чтенія* (въ началѣ года): „Музыка и виртуозы".
„ „ *Современникъ* (въ началѣ года и въ августѣ): Нѣсколько фельетоновъ объ оперѣ итальянской и русской.
1852 „ *Пантеонъ* (январь и лѣтніе мѣсяцы): „Спонтини"; три письма къ Улыбышеву о Моцартѣ и Бетховенѣ.
1853 „ *Пантеонъ* (лѣтніе мѣсяцы): „Моцартовъ Донъ-Жуанъ" (три статьи).
1854 „ *Москвитянинъ* (мартъ и апрѣль): Разборъ статей Ростислава о „Жизнь за Царя". **NB.** Первая полемика.
1855 „ *Пантеонъ*: Нѣсколько фельетонныхъ обзоровъ итальянской оперы.
1856 „ **NB.** *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ* (Рапапортъ): Вступительная статья: „Музыка и толки объ ней"; двѣнадцать статей о „Русалкѣ" Даргомыжскаго (**NB.** съ историческимъ обзоромъ русской оперы вообще); „Сѣверная Звѣзда" Мейербера; полемика съ Ростиславомъ; много фельетонныхъ статей; лекціи Глинки объ инструментовкѣ въ моей редакціи.
1857 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей во второй половинѣ года.
„ „ *Сынъ Отечества* (Старчевскій): Некрологъ Глинки; нѣсколько фельетоновъ о русской оперѣ.
„ „ *Московскія Вѣдомости* (апрѣль): Отзывъ о книгѣ Улыбышева противъ Бетховена.
„ „ Нѣмецкія статьи: *Berliner Musikzeitung* (одна статья) и *Leipziger Neue Zeitschrift für Musik* (три статьи). **NB.** Статья Листа: „Kritik der Kritik: Ulibicheff und Seroff".
„ „ Французская статья въ *Le Nord* противъ Фетиса: „Fétis et Michel Glinka".
1858 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей, въ томъ числѣ *первыя* объ операхъ Вагнера и объ Листѣ въ письмахъ изъ Дрездена и Веймара (первая поѣздка за границу съ кн. Юр. Голицинымъ). **NB.** Планъ перваго моего публичнаго курса.
„ „ *Иллюстрація* (Зотовъ): Нѣсколько мелкихъ статей.
1859 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей. Вторая поѣздка за границу.
„ „ *Русское Слово* (Кушелевъ-Безбородко): Опера и новѣйшее ея направленіе въ Германіи (двѣ или три большія статьи въ лѣтніе мѣсяцы).
1860 „ Много мелкихъ статей по музыкальной части для *Энциклопедическаго Словаря* (Краевскій, потомъ Лавровъ).
„ „ *Русскій Міръ* (августъ): Первая статья противъ статьи Владиміра Стасова въ *Русскомъ Вѣстникѣ*: „Многострадальная опера".
„ „ *Искусства* (осенніе мѣсяцы). **NB.** „Рихардъ Вагнеръ"; „Воспоминанія о М. И. Глинкѣ".
1861 „ *Библіотека для чтенія* (Писемскій) (февраль или мартъ): Статья противъ *Рубинштейна* и Русскаго Музыкальнаго Общества.
1862 „ (... „Юдиѳь" ...)
1863 „ *Якорь* (Аполлонъ Григорьевъ): „Нибелунговъ перстень" Вагнера и обзоръ предыдущихъ оперъ и всего вагнеровскаго значенія.
„ „ *Сѣверная Пчела* (Усовъ) (августъ): „Музыкальный Гумбольдъ" (т. е. Фетисъ).
1864 „ (... „Рогнѣда" ...) Третья поѣздка за границу. Весной, по случаю Бюлова, первая полемика противъ Кюи.

1864 г. *Эпоха* (статьи): Лекціи.
1865 „ *Русская Сцена* (Михно): Статьи.
1867 „ 1868 „ *Театръ и Музыка* (Сѣровъ, издательница В. С. Сѣрова): NB. „Руслан и русланисты“ (апрѣль).
„ „ *Современная Лѣтопись*: Статья о девятой симфоніи Бетховена.
„ „ *Москва*: Статья о русскихъ пѣсняхъ.
„ „ NB. *Journal de St. Pétersbourg* (октябрь): Письмо къ Вагнеру о „Лоэнгринѣ“.
„ „ *Новое Время*: Статья о „Лоэнгринѣ“.
1869 „ *Journal de St. Pétersbourg*: „Alexandre Dargomijsky“ (одна статья); „Rossini“ (двѣ статьи). NB. Первые отзывы о Балакиревѣ: „Hector Berlior“ (три статьи); четвертая поѣздка за границу.
„ „ *Chronique Musicale* (въ началѣ и концѣ года).
„ „ *Голосъ* (весною): О Промбергерѣ и Балакиревѣ: „Наши музыкальныя дѣла“.

1870 „ *Journal de St. Pétersbourg*: Нѣсколько фельетоновъ въ началѣ года.
„ „ *Monde Musicale*: Мелкія статьи.
„ „ *Голосъ*: Нѣсколько фельетоновъ въ концѣ года.
1869—1870 1870—1871 *Музыкальный Сезонъ* (четыре статьи): „Великое слово великаго художника“ (одна статья) и „Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки“ (три статьи).

В. Баскинъ.

Крестьяне въ Балтійскомъ краѣ.

III *).

Положеніемъ 1819 г. крестьяне признаны лично свободными, но безъ земли и безъ права выхода изъ губерніи, къ которой они приписаны. Съ тѣмъ вмѣстѣ были отмѣнены уже признанныя закономъ права крестьянина на наслѣдственное пользованіе землей и ограниченіе размѣровъ его повинностей обязательною нормою. Учреждены были общинные суды, но, подъ предсѣдательствомъ помѣщика, изъ 2-хъ дворянъ и 2 крестьянъ. Вотчинная полиція оставлена тоже за помѣщикомъ. Все это не только не улучшало, но даже значительно ухудшало положеніе латышей и эстовъ. «Собственно говоря, только тогда (въ 1816—1819 годахъ) балтійскіе помѣщики и покорили себѣ весь край», говоритъ одинъ балтійскій публицистъ. Упоеніе побѣдой доходило у нѣкоторыхъ до какого-то неистовства, до открытаго прославленія рабства, и въ 1848 году въ газетѣ *Innland* одинъ публицистъ писалъ: «Нѣмцы съ давнихъ поръ господствовали въ Остзейскомъ краѣ надъ служащимъ и работающимъ населеніемъ, отличнымъ отъ нихъ по происхожденію, нравамъ, одеждѣ и языку. Эта противоположность двухъ элементовъ населенія хотя и не была такъ рѣзка, какъ между чернокожими неграми и бѣлокожими плантаторами, но была несравненно болѣе нежели пропасть, отдѣляющая простой народъ отъ высшаго класса въ Германіи. Но подобно тому, какъ самый изящный цвѣтъ аристократической образованности распустился въ домахъ богатыхъ плантаторовъ Вестъ-Индіи, въ дворянскихъ родахъ Венгріи, въ англійской аристократіи, построенной на кельтическомъ населеніи

*) *Русская Мысль*, кн. III.

Ирландіи, такъ и въ Остзейскомъ краѣ все подлое и низкое образовало осадокъ въ подчиненномъ населеніи. Можетъ-быть положеніе господствующаго класса сопряжено съ опасностями, но господство—прекрасная вещь. Въ Греціи только потому и было такъ много благородства и духовнаго развитія, что нужда и трудъ оставались удѣломъ массы рабовъ, а самъ грекъ жилъ единственно для эстетическихъ упражненій своихъ способностей и для наслажденія созданіями своего творчества. Впрочемъ, большинство остзейцевъ изображаетъ свой край настоящимъ раемъ не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ, и даже многіе не остзейскіе нѣмцы держатся того же мнѣнія. Въ 1874 г., наприм., швейцарецъ Вурстенбергеръ писалъ, что необходимо поручить добросовѣстнымъ людямъ ознакомиться на мѣстѣ съ истиннымъ положеніемъ края: «Тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ узнали бы наконецъ, что нѣтъ правды въ истасканныхъ фразахъ о томъ, что будто бы съ латышами и эстами обращались какъ съ рабочимъ скотомъ, будто бы ихъ плотью и кровью кормились и насыщались нѣмцы, будто бы, наконецъ, ихъ преднамѣренно держали въ грубомъ невѣжествѣ. Узнали бы, наоборотъ, что по-истинѣ изумительно духовное и матеріальное преуспѣяніе сельскаго народонаселенія Остзейскихъ губерній, быстрое его обогащеніе, подъемъ благосостоянія во всѣхъ классахъ—хозяевъ, батраковъ и поденщиковъ, ихъ духовная даровитость, ихъ любовь къ порядку,—словомъ, все нынѣ замѣчаемое никакъ не позволяетъ предполагать въ прошедшемъ многолѣтняго и тяжелаго рабства (einer früheren Knechtschaft). Узнали бы, что эти крестьяне, по особенно благопріятной соціальной обстановкѣ, которою они теперь пользуются, стоятъ *выше всѣхъ европейскихъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ*, и что этимъ они обязаны исключительно попечительности о нихъ того самаго нѣмецкаго дворянства, которое то и дѣло подвергается въ газетахъ поношенію за мнимое употребленіе своей власти—латышамъ и эстамъ во зло. Всякій объѣхавшій Остзейскія провинціи, всмотрѣвшійся въ тамошній людъ и бывшій свидѣтелемъ многообразныхъ сношеній помѣщиковъ съ крестьянами, легко могъ удостовѣриться, что тамъ, повсемѣстно, издавна и по традиціи, держится въ помѣщичьемъ кругу духъ патріархальной заботливости о крестьянахъ. Этотъ духъ носили въ себѣ и развивали вокругъ себя (притомъ не съ недавняго времени) преимущественно балтійскія женщины... Изъ этихъ семейныхъ традицій, въ связи съ

счастливыми способностями, прирожденными балтійской вѣтви остзейскаго племени, и еще съ другими условіями, сложился духъ нравственнаго приличія и гуманности (anständiger, menschlicher Geist), находящій себѣ въ общественномъ мнѣніи балтійскаго дворянства постоянную поддержку. Этотъ духъ, очищенный духомъ христіанства и евангелія (особенно живымъ въ здѣшнихъ женщинахъ), сверхъ того самый характеръ главнаго мѣстнаго промысла, земледѣлія (тѣмъ именно и отличающагося отъ фабричной и заводской промышленности, что въ подъемѣ благосостоянія рабочихъ классовъ заключается надежнѣйшее условіе преуспѣянія высшихъ) — все это вмѣстѣ издревле взрастило ту патріархальность отношеній, которая и теперь обнаруживается повсемѣстно, то довольство и ту независимость крестьянъ, которыя также вездѣ проявляются, за исключеніемъ лишь мѣстностей обнищавшихъ и выродившихся благодаря тому, что въ нихъ ознаменовали свою дѣятельность православнорусскіе агитаторы». Посмотримъ же на этотъ рай.

Во всѣхъ Остзейскихъ губерніяхъ на 1.700 кв. миль приходится 1.750.000 жителей, по 1.032 на 1 кв. милю. Населеніе прибываетъ очень медленно, и поэтому, на основаніи приведенной цифры, можно считать приблизительно, что въ послѣднія 60 лѣтъ въ краѣ было около 1.500.000 ж. Изъ этого числа — 250.000 нѣмцевъ, помѣщиковъ, пасторовъ, чиновниковъ, ученыхъ, купцовъ, ремесленниковъ и т. д., вся же остальная масса—земледѣльцы эстонскаго и латышскаго племени. Въ 1868 г. считалось:

	Жителей.	Изъ нихъ занимающихся земледѣліемъ.	На фабрикахъ.
Въ Лифляндіи	925.275	800.000	8.400
» Курляндіи	593.856	480.000	269

Помѣщиковъ въ томъ же году было въ Лифляндіи 846, въ Курляндіи 1.315. Крестьяне, какъ и въ XVIII в., раздѣлялись на двѣ неравныя группы—хозяевъ и батраковъ, причемъ число хозяевъ постепенно уменьшалось. Гупель въ 1789 г. насчитывалъ въ Лифляндіи 40.000 крестьянскихъ дворовъ (Gesinde) и, сверхъ того, 900 хатъ такъ-называемыхъ лострейберовъ; въ 1854-мъ году коммиссія, приводившая въ исполненіе Положеніе 1849-го года, нашла крестьянскихъ дворовъ 38.962, а Юнгъ-Штиллингъ, въ 1868 г., насчиталъ ихъ не болѣе 35.699. Итакъ,

въ 79 лѣтъ, несмотря на естественную прибыль народонаселенія, число самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ сократилось на 4.301. Теперь приходится одинъ крестьянскій дворъ почти на 10 душъ; иначе, если предположить въ составѣ каждой крестьянской семьи, владѣющей землею по 3½ ревизскія души, то окажется, что почти двѣ трети сельскаго народонаселенія лишены всякаго участія въ пользованіи землею. Въ отчетѣ англійскаго консула въ Ригѣ въ Финляндіи значится еще 4.000 крестьянъ-собственниковъ, но мы увидимъ ниже, можно ли всѣхъ ихъ считать собственниками. Въ Курляндіи крестьянскихъ дворовъ было въ 1817 году 21.000, а въ 1861 г. только 13.000, да 730 казармъ для батраковъ. Въ послѣднемъ году всѣхъ дворовъ крестьянъ - собственниковъ въ Курляндіи было 63. Въ Эстляндіи на 300.000 сельскаго населенія считается менѣе 17.000 крестьянскихъ дворовъ.

Всего въ краѣ крестьянъ-хозяевъ около 70.000. Между ними есть люди очень зажиточные, даже богатые; одинъ, наприм., купилъ недавно въ Лифляндіи дворянское имѣніе въ 80.000 р. Нерѣдко сыновья крестьянъ поступаютъ въ гимназіи и даже въ университетъ. Изъ числа окончившихъ воспитаніе въ городскихъ училищахъ образуются большею частью волостные писаря, управляющіе имѣніями, канцелярскіе чиновники, учителя уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Всѣ эти лица примыкаютъ къ нѣмецкому населенію и составляютъ какъ бы переходъ отъ послѣдняго къ народу. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ обучаются и дѣти нѣмцевъ, управляющихъ имѣніями, прикащиковъ, ремесленниковъ и проч., отдающихъ своихъ дѣтей только на лѣто, въ теченіе котораго обученіе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; болѣе зажиточные крестьяне оставляютъ тоже дѣтей своихъ на лѣто въ школахъ. Остзейцы давно уже увидѣли, что безъ опоры хотя въ извѣстной части народа ихъ дѣло проиграно безвозвратно, и, не мѣшая развитію хозяевъ, этой мелкой шляхты, или, какъ выражаются балтійцы, diese bäuerliche kleine Elite, они стараются только онѣмечить ее.

Но вмѣстѣ съ цивилизующимъ процессомъ онѣмечиванія этого маленькаго отборнаго крестьянства идетъ, какъ мы видѣли, другой процессъ — постепенное уменьшеніе крестьянъ-хозяевъ и постепенное превращеніе значительной части ихъ въ батраковъ, составляющихъ главную массу населенія ихъ края, его рабочій скотъ, быдло, или *лопсъ*, по мѣстному названію. Болѣе милліона

этого лопса не имѣютъ ни кола, ни двора и ведутъ полукочевую жизнь, переходя отъ одного хозяина къ другому осенью въ Юрьевъ день. Въ будущемъ батраки грозятъ краю серьезными бѣдствіями, но остзейскіе крѣпостники убаюкиваютъ себя сладкою надеждой, что все обойдется благополучно, и доказываютъ раціональность батрачества.

Послѣ Положенія 1818 г. начали сильно развиваться въ краѣ помѣщичьи мызныя хозяйства. Крестьянинъ воздѣлывалъ данную ему новую землю, а помѣщикъ отбиралъ ее себѣ, и это продолжалось въ Лифляндіи до 1849 г., а въ Эстляндія до 1856 г., такъ какъ помѣщикъ имѣлъ право присоединить къ мызѣ $^1/_3$ крестьянскихъ земель. Встарину обезземеленные такимъ образомъ крестьяне имѣли возможность селиться на новыхъ мѣстахъ, въ XIX же вѣкѣ они превращались въ мызныхъ батраковъ. Даже въ 1849 г., когда правительство рѣшилось прекратить это обезземеленіе народа, лифляндское дворянство испросило дозволеніе еще разъ прирѣзать себѣ по 36 лофтелей полевой земли на каждый крестьянскій гакъ *). Лифляндская система исчисленія повинностей не съ площади, а съ капитала, представляемаго участкомъ на основаніи очень произвольной таксаціи, всегда давала помѣщику возможность урѣзывать крестьянскія земли, не лишаясь рабочихъ дней, т. е. не уменьшая числа крестьянскихъ гаковъ, съ которыхъ отбывалась барщина. Помѣщикъ всегда могъ совершить переоцѣнку крестьянскаго двора и перевесть его въ высшій разрядъ. Въ составъ крестьянскаго надѣла въ Лифляндіи входятъ, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, полевыя земли, находящіяся въ постоянной обработкѣ, луга и такъ называемый бушландъ (буквально—кустовая земля). Къ лугамъ причисляются и моховыя болота, на которыхъ накашивается съ 1.143 саж. не болѣе полувоза, или $7^1/_2$ пудовъ сѣна. У насъ подобныя угодья обыкновенно не отводились въ крестьянскій надѣлъ, а когда ихъ нельзя было изъ него выдѣлить, то шли въ придачу къ надѣлу, въ Лифляндіи же полагаются въ оцѣнку. Въ составѣ крестьянскихъ земель въ Лифляндіи бушландъ играетъ важную роль и занимаетъ вообще $^1/_3$ и даже болѣе надѣла; въ земляхъ же господ-

*) 36 лофштелей—около 11 десятинъ, а гакъ—участокъ земли, оцѣненный, для исчисленія причитающихся съ него рабочихъ дней, въ 80 талеровъ; гакъ бываетъ отъ 38 до 609 десятинъ. Слѣдовательно, давая упомянутое разрѣшеніе, правительство не могло имѣть даже приблизительнаго понятія о количествѣ уступаемой земли.

ских количество бушланда, относительно другихъ угодій, гораздо меньше. На ревизскую душу приходится въ Лифляндіи пашни и луговъ 2½ десятины, а вмѣстѣ съ бушландомъ 3½ д., между тѣмъ какъ у насъ, наприм. въ Псковской губ., которая по естественнымъ условіямъ ближе другихъ подходитъ къ Лифляндской, высшій надѣлъ по мѣстностямъ составляетъ 4½, 5, 5½ и 6 дес.

Прибалтійскій крестьянинъ, по закону, свободный арендаторъ, снимающій землю по контракту, на дѣлѣ же онъ—рабъ. Не говоря уже объ юридическомъ давленіи на него помѣщика, съ которымъ познакомимся ниже, мужикъ совершенно безпомощенъ въ экономическомъ отношеніи и чрезвычайно легко становится добычею землевладѣльца. Въ краѣ около 70.000 крестьянскихъ дворовъ, за владѣніе которыми конкурируютъ между собою нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ не только хозяевъ, но и батраковъ. Хозяйственныя строенія, большая часть скота и земледѣльческихъ орудій не принадлежатъ крестьянамъ, а прикрѣплены къ землѣ, составляя принадлежность самого участка; поэтому каждый безземельный крестьянинъ можетъ, не обладая даже капиталомъ, достаточнымъ для обзаведенія новымъ хозяйствомъ, сдѣлаться хозяиномъ, если предложитъ за участокъ высшую противъ другихъ плату. Эта усиленная конкуренція, очень выгодная для помѣщика, убійственна для крестьянина, такъ какъ сильно поднимаетъ арендную плату и постоянно гонитъ ее вверхъ. Между тѣмъ, какъ ни тяжки условія аренды, мужикъ по необходимости долженъ согласиться на нихъ, потому что изъ края онъ уйти не можетъ и никакихъ другихъ занятій, кромѣ земледѣлія, не знаетъ. Къ тому же каждый крестьянинъ страстно и часто вовсе неразсчетливо привязанъ къ насиженному имъ участку, къ распаханной имъ кустовой землѣ, къ дому, въ которомъ онъ долго прожилъ, и, пользуясь этою слабостью, помѣщикъ можетъ заставить его, подъ угрозою изгнанія, согласиться на самыя невыгодныя условія. Наконецъ крестьяне-хозяева и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ наслѣдники по хозяйству до послѣдняго времени не призывались къ рекрутскому жеребью, но, лишась усадьбы, переставъ быть хозяевами, они лишались этой важной льготы, которая тоже сильно вліяла на повышеніе арендной платы. Убійственность всѣхъ этихъ условій сознаютъ даже сами остзейцы и вотъ что, наприм., говоритъ о нихъ консерваторъ Нолькенъ, въ глазахъ котораго балтійское дворянство поставлено во главѣ об-

щества «Божіею милостію»: «Съемщикъ, при истеченіи срока заключеннаго имъ контракта, всякій разъ отдается въ жертву помѣщика, которому дана возможность произвольно возвышать арендную плату. Видя это, крестьянинъ перестаетъ дѣлать что-либо для поддержанія производительности земли и для ремонта строеній; ему не трудно понять, что никакой зачетъ произведенныхъ имъ улучшеній не обезпечитъ ему достаточнаго вознагражденія и что, даже въ случаѣ, если онъ не лишится немедленно плодовъ положеннаго имъ въ землю труда и капитала, онъ долженъ будетъ однако оплачивать ихъ помѣщику ввидѣ накидки на прежнюю арендную плату, а потомъ, въ концѣ концовъ, все-таки ихъ утратить. При свободной конкуренціи ничто не обезпечиваетъ ему и его наслѣдникамъ спокойнаго на будущее время пользованія его хозяйствомъ, а это уже само по себѣ великое зло. Мало того: чѣмъ больше онъ дѣлаетъ для своего хозяйства, тѣмъ должно быть для него несомнѣннѣе, что ему не устоять противъ другихъ конкурентовъ, ибо человѣкъ сторонній всегда заплатитъ за землю дороже того, кто самъ, такъ сказать, создавалъ ее въ потѣ своего лица. Помѣщикъ легко выдержитъ опустѣніе нѣсколькихъ, даже большей части, состоящихъ въ его имѣніи крестьянскихъ дворовъ: обладая достаточными на то средствами, онъ самъ примется за ихъ обработку; но съемщикъ (крестьянинъ) не можетъ обойтись безъ своего двора: онъ не въ состояніи прокормить своихъ лошадей и своего скота; онъ проживаетъ свой капиталъ и, въ скоромъ времени, долженъ обнищать. Поэтому онъ вынужденъ принять участокъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы ему оставалось необходимое въ обрѣзъ на поддержаніе его скуднаго существованія. Иногда онъ находитъ еще себѣ подспорье въ выручкахъ отъ промысловъ, не имѣющихъ ничего общаго съ доходомъ отъ земли, какъ-то: въ извозѣ, въ торговлѣ льномъ или лошадьми. Зная, что опустѣніе двора отнюдь не поставитъ помѣщика въ затрудненіе, онъ поэтому подчиняется необходимости, сверхъ ренты съ дохода отъ земли, платить еще и съ своего промысла, съ личныхъ своихъ способностей, лишь бы избавиться отъ опасности остаться безъ двора. Въ послѣднемъ случаѣ онъ неминуемо разоряется, тогда какъ въ первомъ, даже при подъемѣ арендной платы, все же представляется возможность этого избѣгнуть». Платя свыше доходности арендуемой земли, крестьянинъ между прочимъ покрываетъ этотъ излишекъ эксплуатаціей состоящихъ при немъ полукабальныхъ батраковъ.

«Арендаторъ,—пишетъ помѣщикъ Гринвальдъ,—выручаетъ свой оброкъ не съ земли, а старается извлечь его, сдавая по найму въ работу своихъ батраковъ; при этомъ онъ и самъ вмѣстѣ съ ними часто проводитъ все лѣто вдали отъ своего двора».

Положеніе 1819 г. допускало между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ; но на практикѣ они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались), обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Законъ требовалъ, чтобы словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ, но на практикѣ это требованіе не исполнялось: «Писаннаго контракта съ помѣщикомъ не было,—говоритъ въ своихъ интересныхъ запискахъ латышъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Индрика Страумита. — Тогда они не были въ модѣ и не употреблялись также и законы. Можетъ-быть они и существовали, но хранились гдѣ-нибудь очень далеко, а во всѣхъ случаяхъ руководствовались лишь преданіями и устными изреченіями der Gutsverwaltung. Взялъ полѣно и сострогалъ контрактъ; помѣщикъ одобритъ, возьметъ себѣ половину, а другую отдастъ тебѣ. Нарѣжутъ крестиковъ столько, что ты и счетъ потеряешь. Когда, наконецъ, сводились счеты и оказывались лишніе, переработанные дни, попросишь у помѣщика или у его управляющаго вознагражденія, а онъ отвѣтитъ: «Пусть они лучше зачтутся въ будущемъ году или полугодьѣ, или пусть остаются въ пользу будущаго хозяина, а ты иди внизъ, тамъ староста дастъ тебѣ шнапсу». Это уже была милость на милость. А если бывало разсердится, то или посадитъ къ тебѣ на выгонъ новаго хозяина, или выгонитъ изъ дому. Что вздумаетъ, то и сдѣлаетъ. Къ кому пойдешь жаловаться и съ чѣмъ пойдешь, когда контракта нѣтъ? Что предъявишь, когда судья (другой помѣщикъ) закричитъ на тебя: «покажи контрактъ!» Суды... Да мы и дороги не знали въ суды высшіе, а если когда и бывали тамъ, то ходили не по волѣ, а связанные и подъ конвоемъ. Идти въ судъ значило бы то же самое, что самому помѣщику жаловаться на помѣщика. Ужь лучше ложись тутъ же, на мѣстѣ. Получилъ пятнадцать (палокъ), заплатилъ пятнадцать коп. сер. *),

*) До 1845 г. въ Лифляндіи съ высѣченнаго взыскивались еще деньги *за розги!*

поцѣловалъ руку—и дѣло съ концомъ: впередъ будешь умнѣе, не станешь грубить... Вотъ тебѣ и всѣ суды со всѣми законами!»

По Положенію 1819 г. если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія, за дурное веденіе хозяйства, небреженіе о строеніяхъ, запущеніе полей, неисполненіе договоренныхъ повинностей, или по другимъ, закономъ признаваемымъ, причинамъ, и мірской судъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ, въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства, и въ то же время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая, впредь до рѣшенія высшей инстанціи, служила бы обезпеченіемъ исполненія приговора. Если же мірской судъ представитъ помѣщику возраженія на его требованія и послѣдній не уважитъ ихъ, то его требованіе все таки приводится въ исполненіе, а мірскому суду дозволяется войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того, какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха передаетъ дѣло въ уѣздный судъ. Такимъ образомъ помѣщикъ имѣлъ право всегда прогнать арендатора, послѣднему же предоставлялось жаловаться на него и непремѣнно *лично* вести дѣло въ приходскомъ и уѣздномъ судахъ, состоявшихъ изъ тѣхъ же помѣщиковъ. «Но и этого,—говоритъ Самаринъ,—было мало для огражденія помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такіе мудреные контракты, съ такими кляузными и многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности.' Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были покорны, но служило надежнымъ противъ нихъ орудіемъ на случай, еслибъ они вздумали зазнаться, или еслибы помѣщику понадобился для своихъ разсчетовъ или прихотей, или для вымещенія своего личнаго неудовольствія, благовидный предлогъ. Еще легче было прогнать батрака. Отпуская батрака, помѣщикъ выдавалъ ему письменную аттестацію, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣ-

шать ему пристроиться у другого хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ отъ него же долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестаціи — юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздержанъ и т. д.» Прогнанному фермеру не гдѣ было искать защиты; онъ обыкновенно разорялся и находилъ себѣ пріютъ нерѣдко только въ хлѣвѣ какого-нибудь крестьянина, какъ это разсказываетъ о своемъ семействѣ Страумитъ: «Хороша была и старая наша квартира, но эта куда лучше. Въ ней когда-то хозяинъ сберегалъ мякину, потомъ давно уже ее забросилъ, иногда только ночевали въ ней свиньи и хозяйская собака, да сами хозяева заходили въ ненастную погоду по своей надобности. Но, благодареніе весеннему вѣтру, онъ успѣлъ уже осушить что было понеприличнѣе и приготовилъ квартиру къ нашимъ услугамъ,—правда, безъ дверей, безъ фундамента, съ нѣсколькими охабками гнилой соломы, съ поломъ покрытымъ толстымъ слоемъ навозу разнаго рода, безъ печки, — словомъ, вродѣ итальянской гостиницы. Соръ и навозъ намъ пригодились на постель, хоть и не завидную, но все же лучше голой и мокрой земли. Поплакали, закусили черствымъ хлѣбомъ, напились какъ цыплята прямо изъ лужи, свалили навозъ въ одинъ уголъ, легли, прижавшись другъ къ другу въ кучку, покрылись, заснули и проспали всю ночь сномъ праведника. У матери отняли лошадь, на которой она ѣздила въ Ригу. Помѣщикъ взялъ ее къ себѣ на мызную конную мельницу; тамъ, цѣлый годъ, на этой лошади мололи, потомъ ее продали, а денегъ намъ не отдали...»

Послѣ отмѣны крѣпостного права девизомъ сельскихъ хазяевъ сдѣлалось изреченіе одного барона: «Es ist des Edelmanns baarer Gewinn, wenn ihm der Bauer schuldet» *). Опутавъ крестьянъ неоплатными долгами, помѣщикъ даромъ заставлялъ ихъ работать на себя, платя имъ въ годъ по 5 руб., батракамъ по 1 руб., а управляющему 15—20 руб. Онъ получалъ плоды своей земли, почти ничего не издерживая на веденіе хозяйства, и въ то же время присвоивалъ себѣ мірскія сбереженія, гдѣ они были, взыскивалъ съ крестьянъ казенныя недоимки, прощенныя манифестами; въ неурожайные годы, при отпускѣ крестьянамъ казеннаго хлѣба, часть его бралъ въ свои амбары и т. д.

Когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, были отмѣнены вакен-

*) Помѣщику чистый барышъ, когда мужикъ у него въ долгу.

бухи, помѣщикъ получилъ полную возможность увеличивать повинности, сколько хотѣлъ. Барщина была настоящею египетскою работою. «Ничто не даетъ,—говоритъ извѣстный знатокъ края,—такого яснаго понятія о тогдашней барщинѣ, какъ тѣ правила, которыя, послѣ уже волненій 1841 года, изданы были для ея облегченія и, въ то время, были прославлены какъ благодѣянія, свидѣтельствовавшія о великодушіи лифляндскихъ помѣщиковъ. Было, наприм., постановлено не считать рабочаго дня прогульнымъ и не числить его въ долгу на хозяинѣ крестьянскаго двора, если послѣдній выставилъ работника куда слѣдовало по наряду и если заданный урокъ не могъ быть исполненъ по обстоятельствамъ, отъ работника не зависѣвшимъ; слѣдовательно, прежде крестьяне отвѣчали и за всякое уклоненіе атмосферы отъ распоряженій вотчинной конторы, наприм.—за несвоевременный дождь, за паводокъ и т. д. Запрещено было наряжать подводы во время посѣва, жнитва и въ распутицу (прежде это дѣлалось), а денной путь ограниченъ былъ 35 верстами съ кладью и 40 верстами порожнякомъ. Опредѣлено было, что когда крестьянинъ, по распродажѣ его движимости на покрытіе его долговъ, присуждался къ отработкѣ остального взысканія въ пользу помѣщика, срокъ таковой отработки не долженъ былъ простираться долѣе года, причемъ помѣщикъ имѣлъ право наряжать на работу женатаго должника не болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а холостого ежедневно (прежде должникъ обращался въ безсрочную кабалу). Введено было новое правило, что работа на барщинѣ не должна была продолжаться болѣе 12 часовъ въ сутки въ продолженіе цѣлаго года. Стало-быть, въ лѣтнюю пору она могла длиться и долѣе, а все-таки это правило считалось льготою. Спрашивается: сколько же насчитывалось рабочихъ часовъ въ сутках въ прежнее время, до введенія этого благодѣтельнаго ограниченія? При нарядѣ на барщину въ дальнее мѣсто, за проходъ 20 верстъ велѣно было зачитывать день,—стало-быть, прежде зачета вовсе не дѣлалось или онъ дѣлался въ еще меньшемъ размѣрѣ. Запрещено было съ одного двора требовать на работу въ одинъ день болѣе половины работниковъ, по закону полагаемыхъ на этотъ дворъ (по величинѣ двора), не распространяя однако этого правила на работы полевыя и на уборку сѣна. Изъ этого видно, что прежде можно было производить сгономъ всѣ работы безъ исключенія». Индрикъ Страумитъ въ своихъ запискахъ даетъ слѣдующее описаніе тогдашней барщины:

«Въ то время, т.-е. около 1840 года, я былъ еще малъ, но все-таки въ такихъ лѣтахъ, что уже могъ присматриваться, прислушиваться и понимать. Я уже «пасъ стадо отца моего» и ясно видѣлъ, да и теперь помню все, что дѣлалось въ нашемъ домѣ.

«Я видѣлъ, какъ мой отецъ, который былъ крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, работалъ какъ волъ и ѣлъ какъ волъ—мякину. Зналъ и видѣлъ, что работники непремѣнно должны были по воскреснымъ днямъ являться къ восьми часамъ вечера для наряда на барщину. Тогда управляющій, или sub, или—sub-sub-управляющій давалъ приказъ, кому куда выходить на какую работу; при этомъ онъ—хоть и такой же мужикъ, какъ и всѣ, но уже не простой, а съ хворостиной въ рукѣ—всегда браковалъ орудія... Зналъ я, что глазастый магнатъ ломалъ сохи за то, что насошники коротки, и рубилъ бороны за то, что легки и малы,—зналъ, что онъ безошибочно узнавалъ работника и лошадь волостного засѣдателя, форминдера *), хозяина первой статьи **),—этихъ онъ обходилъ и не замѣчалъ, каковы у нихъ орудія; имъ и работа назначалась не тяжелая: пахать гдѣ полегче, или слоняться на мызѣ, перетаскивая всякую мелочь. Совсѣмъ иное бывало съ работниками, которыхъ высылали хозяева второй и третьей статьи: этихъ хворостина никогда не миновала при ревизіи орудій и за работою. Нечего дѣлать, поѣзжай домой за новыми орудіями. Справишь новыя—смотришь: на бороны еще приказываютъ навалить дерна (глыбы). Послѣ работы, къ субботѣ, лошаденки едва-едва ноги волочатъ, такъ что работники тащатъ ихъ домой за поводъ и проходятъ съ ними въ часъ не болѣе версты, да еще съ долгими роздыхами. Случалось, что и работниковъ браковали, особенно малорослыхъ, а такихъ въ то время являлось множество; даже можно было опасаться, что во всемъ краѣ народонаселеніе выродится и наплодятся карлики. Такихъ обыкновенно гоняли назадъ сви-

*) Форминдерами (Vormünder) называютъ въ Лифляндіи низшихъ церковнослужителей, избираемыхъ изъ крестьянъ въ помощь пастору. Они извѣщаютъ пастора обо всемъ происходящемъ въ приходѣ, приглашаютъ его для исполненія требъ, побуждаютъ прихожанъ къ отбыванію повинностей въ пользу пастора, прослушиваютъ (экзаменуютъ) дѣтей и сами совершаютъ крещеніе надъ новорожденными—по нуждѣ, что впрочемъ въ Лифляндіи случается довольно часто, когда пасторъ въ отлучкѣ, или когда ему некогда заниматься простыми крестьянами.

**) То-есть богатый, первостатейный хозяинъ.

ней пасти, разумѣется, хлестнувъ ихъ предварительно по спинѣ, хотя они со слезами завѣряли, что они высланы на работу хозяевами, такъ какъ они не дѣти и уже были на конфирмаціи.

«Слышалъ я, какъ работники, отправляясь на барщину, выпрашивали у матерей своихъ по другой рубашкѣ и, получивъ, надѣвали ее, приговаривая чуть ли не съ улыбкою: «ну, теперь не такъ больно будетъ, не такъ скоро проймета палка!» Видѣлъ, какъ работники плакали, отправляясь въ праздники на винокурни отбывать дневную и ночную работу—безъ хлѣба, съ однимъ картофелемъ. Они выпрашивали себѣ ради Бога браги; но имъ очень резонно отвѣчали: «а чѣмъ же мы будемъ быковъ и свиней поить?...» Положительно, иной разъ приходило въ голову, что лучше бы родиться безсловеснымъ.

«Видѣлъ я, какъ и работницы-дѣвушки плакали, отправляясь на мызу таскать огромные ушаты браги изъ винокурни въ хлѣва, и жаловались, что страшно трудно и тяжело. Видѣлъ, какъ, по приходѣ домой, онѣ смазывали свои плечи, испещренныя ссадинами и гнойными ранами. Видѣлъ и слышалъ, какъ дѣвушекъ таскала за косу и какъ отпускала имъ полновѣсныя оплеухи какая-нибудь коровница. Впрочемъ, иногда сама барыня или дочь ея снисходила до того, что удостоивала своеручно отщелкать по щекамъ или вытаскать за косу провинившуюся, а потомъ еще нажаловаться на нее мужу или папенькѣ, за что бѣдная получала еще прибавку звонкими оплеухами или березовою кашей. Слышалъ я, какъ дѣвушки, иногда по цѣлымъ ночамъ, выли въ лѣсу какъ волчицы, выкликая оттуда, по приказу, какую-нибудь заблудившуюся корову или теленка.

«Видѣлъ, какъ въ темные осенніе и зимніе вечера, въ слякоть, въ метель, женщины плелись на мызу молотить, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, съ мѣшечкомъ картофеля на спинѣ, съ цѣпомъ черезъ плечо. Придетъ въ мызный овинъ и не успѣетъ отдохнуть, перевить ребенка, сжевать краюшку черстваго хлѣба или закусить мерзлымъ картофелемъ, какъ уже слышитъ: «берись за работу,—семеро одного не ждутъ». Начиналась молотьба и продолжалась всю ночь. Не смѣй выходить изъ ряда.

«Ребенокъ плачетъ, а мать ходитъ по барскому хлѣбу и какъ будто не слышитъ голоса дитяти. Она гуляетъ съ цѣпомъ въ рукахъ, захлёбываясь слезами...

«Видѣлъ, какъ почти цѣлое лѣто, всѣ, кромѣ какой-нибудь дряхлой старухи, проживали на мызѣ, на барскихъ поляхъ. Тамъ

обрабатывалась пашня, убиралось сѣно, воздвигались зданія, вырубались лѣса, выжигались сѣчи (ляды), расчищались и выравнивались новые поля и луга, расширялись старые. Работамъ не было ни начала, ни конца,—онѣ шли колесомъ, безостановочно. Дома, на себя, крестьяне работали лишь въ продолженіе краткихъ паузъ мызныхъ работъ. Понятно, что поля крестьянъ не могли обрабатываться своевременно и какъ бы слѣдовало. Часто крестьянскіе дворы пустѣли и тогда эти участки обрабатывалъ помѣщикъ на себя, но, разумѣется, не своими средствами: онъ подраздѣлялъ эту добавочную работу между наличными хозяевами, а всѣ плоды и доходы поступали въ мызные амбары. А когда же удавалось мужику поработать на себя? — Право не знаю, но знаю, что не въ надлежащую пору.

«Сѣно частенько косили весною. Подобно тому, какъ раны на тѣлѣ, заживая, постепенно умаляются и сжимаются, такъ точно поля у крестьянъ заростали съ краевъ травою, а луга покрывались кустарникомъ. Ихъ убогія хаты кривились, перекашивались, боченились, присланивались одна къ другой своими обнаженными ребрами и наконецъ разваливались. Такъ и казалось, что пока хозяинъ съ работниками и работницами отбывалъ барщину, все хозяйство его страшно самовольничало и не слушалось дряхлой старухи. Бывало хозяинъ придетъ домой на пару дней и видитъ съ грустью: сѣно не скошено, рожь уже сыплется, яровое поспѣваетъ, овинъ стоитъ безъ крыши, полъ въ избѣ и фундаментъ изрыты свиньями, облизаны и обглоданы коровами, овцами и козами, печь заняла свинья съ поросятами,— и тошно станетъ хозяину глядѣть на такой безпорядокъ. Что дѣлать? Малодушный на все махнетъ рукой и скажетъ: «А ну, пусть ихъ гуляютъ! Пойду и я гулять въ корчму!»

Кромѣ хозяйственныхъ работъ на крестьянахъ лежала еще обязанность присутствовать при барскихъ охотахъ. «За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, — говоритъ Страумитъ,—къ исправленію ихъ должности сгонялись латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ, то и дѣло устраивались облавы, или такъ-называемыя *клапперъ-яхты*. Въ воскресенье въ мызной корчмѣ отдавался приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ, засвѣтло, въ такой-то деревнѣ, непремѣнно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ загонщиковъ на два дня кряду. Не-

чего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна-мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ иди самъ хозяинъ съ работницей или дѣвчонкой».

Рекрутчина, какъ мы уже упоминали, была однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ эксплуатаціи въ рукахъ помѣщика. «По закону, то-есть на бумагѣ,—говоритъ Страумитъ,—эта повинность отбывалась по жеребьевой системѣ, а на дѣлѣ все зависѣло отъ вотчиннаго или мызнаго управленія (Gutsverwaltung), то-есть отъ помѣщичьяго произвола, которому законъ же предоставлялъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ неограниченную власть и которому такъ-называемыя общественныя учрежденія, волостные старшины, волостные суды и т. п. служили безгласными и покорными орудіями. Этотъ произволъ, узаконенный въ лицѣ помѣщика и всякаго, кому онъ передавалъ свои права (арендатора и управляющаго), былъ тѣмъ ужаснѣе, что именно въ рекрутскихъ дѣлахъ онъ не только служилъ интересамъ, прихотямъ и страстямъ самого помѣщика, но сверхъ того безпрестанно возбуждался и приводился въ дѣйствіе домогательствами самихъ крестьянъ. Помѣщикъ освобождалъ отъ рекрутства тѣхъ, которые были ему нужны по его хозяйству, и, владѣя правомъ увольненія, располагалъ самымъ надежнымъ средствомъ закабаливать себѣ лучшихъ работниковъ въ услуженіе почти безвозмездное; при случаѣ, такъ какъ все отъ него зависѣло, онъ могъ также сдачею въ рекруты сбыть кого хотѣлъ изъ своей вотчины и этимъ средствомъ держалъ ее въ страхѣ. Съ своей стороны, крестьяне, всегда готовые на всякія жертвы для избавленія своихъ дѣтей и ближнихъ отъ военной службы, естественно обращались съ просьбами къ тому же всемогущему помѣщику и, конечно, въ подобныхъ случаяхъ льготы и изъятія всегда доставались зажиточнымъ, исправнымъ хозяевамъ и должностнымъ крестьянамъ, волостнымъ старшинамъ, засѣдателямъ, сотскимъ, отличавшимся покорностью и умѣвшимъ угождать вотчинному правленію. Такимъ образомъ въ средѣ волостныхъ обществъ образовывались цѣлые привилегированные классы, а вся тяжесть рекрутской повинности пала на бѣдняковъ, сиротъ, бобылей, вообще на тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ, въ которыхъ никто не нуждался,—словомъ, на быдло, lops. Вотъ какъ это дѣлалось. Во-первыхъ, помѣщикъ, или заступившій его мѣсто, имѣлъ право выбирать изъ своей волости себѣ въ услуженіе кучеровъ, конюховъ, садовниковъ, лѣсничихъ,

къ нимъ помощниковъ, работниковъ для корчмарей и т. д. Онъ набиралъ ихъ изъ молодыхъ людей, не достигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, и этимъ самымъ они освобождались отъ жеребья. Во-вторыхъ, крестьяне, отбывавшіе должности по волости, форминдеры, зажиточные хозяева, имѣли право, съ согласія помѣщика, брать себѣ въ помощники по своему хозяйству одного изъ своихъ сыновей. Разумѣется, они выбирали того, который первый достигалъ двадцатилѣтняго возраста и, по лѣтамъ, подлежалъ призыву. Эти помощники назывались намѣстниками хозяина, но они хозяйничали только для вида, а контрактъ или бирка (для учета повинностей) оставались у отца. Вся сила была въ томъ, чтобы попасть въ намѣстники, потому что съ этимъ сопряжено было увольненіе отъ жеребья. Въ-третьихъ, и бездѣтные хозяева могли также выпрашивать себѣ помощниковъ, для той же цѣли, и выбирать ихъ въ любомъ домѣ.

По Положенію 1819 г. личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они платились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи паспортъ выдавался не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія ландратской коллегіи, которая выдавала его только по свидѣтельству мірского суда за подписью помѣщика о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій. Въ предѣлахъ губерніи перечисленіе изъ одного мірского общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться. Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста по всей губерніи, но обязанъ былъ три года оставаться въ приходѣ, къ которому былъ приписанъ. Такъ было по закону, на практикѣ же крестьяне испытывали и другія стѣсненія личныхъ правъ. Такъ, наприм., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ совершеніе браковъ между ними допускалось не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось даже въ шестидесятыхъ годахъ. Кромѣ того, свобода брака стѣснялась еще въ другомъ отношеніи. «Если у хозяина была дочь, — говоритъ Страумитъ,—то ему ни за что бы не позволили взять въ помощники сына работника или бобыля: онъ долженъ былъ непремѣнно выбрать его изъ числа сыновей волостныхъ начальниковъ, форминдеровъ или хозяевъ первостатейныхъ. Это отъ того, что помощникъ предназначался въ преемники избравшему его хозяи-

ну, по смерти послѣдняго, или при жизни его, когда онъ по дряхлости сдѣлается неспособнымъ; при этомъ, принимая хозяйство, помощникъ получалъ и хозяйку, т. е. онъ долженъ былъ непремѣнно жениться на дочери своего патрона-хозяина, а сдѣлаться мужемъ хозяйской дочери — объ этомъ сынъ бобыля или работника не посмѣлъ бы и подумать. Это было бы противно заведенному нѣмцами порядку, несовмѣстно съ ихъ понятіями о благоустройствѣ, оскорбительно, почти безнравственно, какъ совокупленіе паршиваго волка съ овцою, какъ смѣшеніе дня съ ночью, свѣта съ тьмою (сами нѣмцы взяли на себя трудъ намъ это разъяснить); да и пасторъ не повѣнчалъ бы такого брака. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, огласить: работника и хозяйскую дочь? Не даромъ въ народѣ поется пѣсня: «Кто ворону меда дастъ? Кто работнику хозяйскую дочь? Клюй вороненокъ болотный мохъ, бери работникъ дочь работницы!»

Администрація и судъ относительно крестьянъ были предоставлены: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ, 2) старшинамъ, 3) общественному или мірскому суду, 4) вотчинному управленію, 5) приходскому суду, 6) уѣздному суду, 7) отдѣленію гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Мірскіе сходы играли самую жалкую роль. Они собирались не иначе, какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его предложеній, или съ его разрѣшенія. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности какъ нарушитель общественнаго порядка. Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде, какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ, которое въ случаѣ несогласія съ приговоромъ могло требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, могло и просто отмѣнить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ. Чтобы не тратить понапрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода. Мірскому обществу предоставлено было въ крайнихъ случаяхъ (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края чрезъ двухъ депутатовъ, избранныхъ непремѣнно изъ числа старшинъ и членовъ мірского суда, т. е. изъ должностныхъ лицъ, которыхъ, по закону, утверждалъ, а на практикѣ—назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ жаловаться крестьяне должны были увѣдомить вотчинное правленіе, хотя бы жалоба подавалась на него, и получить отъ него

письменное разрѣшеніе; въ случаѣ отказа можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ разрѣшенія, запрещено было принимать жалобы.

Мірской судъ состоялъ изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей, избираемыхъ слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ въ томъ же числѣ. Такимъ образомъ вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ избранныхъ обществомъ на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратой времени и не въ каждомъ обществѣ было столько людей, внушающихъ довѣріе, то обыкновенно предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ, и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ угодно было помѣщику или прикащику его. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду, равно какъ и временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависѣло отъ уѣзднаго суда. Мірской судъ составлялъ низшую инстанцію судебно-полицейскую и, въ то же время, заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірского суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества. Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по этимъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей—общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла цѣнностью до 5 р. и присуждалъ наказанія: палками до 30 ударовъ (мужчинамъ), розгами до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, аре-

томъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, причемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. По дѣламъ полицейскимъ мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, даже когда находилъ ихъ незаконными. Засѣданія мірского суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія.

Въ сущности все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ помѣщика или вотчиннаго управленія. Оно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Оно диктовало мірскому суду его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірского суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе, въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими инстанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ, оно перехватывало,—разумѣется, въ силу предоставленнаго ему права,—всю происходившую между ними переписку, принимало для передачи крестьянамъ бумаги, поступавшія сверху, какъ-то: приказы, объявленія и публикаціи; оно же, во многихъ случаяхъ, повѣряло исполнительныя донесенія, шедшія снизу, и употребляло, для своего такъ-называемаго посредничества, одного изъ членовъ мірского суда, какъ разсыльнаго, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ. Сверхъ того, вотчинное правленіе пользовалось очень широкой полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней, когда нужно было принять какія-либо особенныя мѣры для исполненія распоряженій мірского суда. Вотчинное правленіе имѣло широкое право арестовывать крестьянъ и отсылать ихъ къ суду. Оно давало крестьянамъ какъ на временныя отлучки, такъ и на выходъ изъ общества паспорты за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта даже изъ границъ своего прихода; крестьянина, нару-

шившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи. Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ), ему предоставлено было право домашняго наказанія двухсуточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мужчинамъ) и розгами въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господскаго дома или причинялъ помѣщику какой-нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую-либо вину. Самыя наказанія производились съ особенно внушительной обстановкой. «Посмотрите,—говоритъ Страумитъ,—стоитъ огромная великолѣпная кирка и противъ парадныхъ дверей или алтаря—позорный столбъ! Высокій, черный, съ двумя поставленными крестъ на крестъ пучками розогъ на кругловатой, головообразной верхушкѣ; большія кольца, цѣпи и двѣ дыры... Памятенъ и мнѣ этотъ столбъ, особенно по одной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ и въ-вѣкъ не забуду. На мызѣ Р. былъ крестьянинъ Янъ Кальнинъ. Въ 1841 году онъ захотѣлъ перейти въ православіе, но за это хотѣніе (въ то время оно называлось бунтомъ) ему выбрили голову и отправили въ Беверсгофъ. Тамъ его три раза прогоняли сквозь строй, но на поселеніе не сослали. Въ 1845 году онъ однако поставилъ на своемъ, то-есть присоединился къ православной церкви, и сказалъ другимъ, что теперь можно всѣмъ присоединяться, что теперь приказано священникамъ присоединять всѣхъ, и въ доказательство показалъ свой крестъ. За это (и за то, что къ этому прибавили нѣмцы) его посадили въ тюрьму въ Ригѣ. Потомъ разнеслась вѣсть, что въ такой-то день и въ такомъ-то мѣстѣ Яна Кальнина будутъ наказывать у позорнаго столба. Его привели, въ дырявомъ полушубкѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, подъ сильнымъ конвоемъ, за недѣлю до экзекуціи. Всѣ могли ходить смотрѣть на него, но строго запрещено было подавать ему милостыню деньгами или съѣстнымъ. Семь дней держали несчастнаго подъ стражей въ кирочной корчмѣ, стоящей на Московской столбовой дорогѣ. Къ воскресному дню, назначенному для исполненія приговора, сошлось и съѣхалось множество народу, даже изъ дальнихъ концовъ Лифляндіи и Курляндіи; кирка, корчма,

даже площадь у кирки были полны. День былъ холодный, морозный и ясный (въ исходѣ 1845-го или въ началѣ 1846 г.). Пасторовъ также съѣхалось много и произнесено было нѣсколько проповѣдей. Когда отошла служба и начали вызванивать, въ толпѣ пробѣжалъ шепотъ: ведутъ, ведутъ! Дѣйствительно подвели Кальнина къ столбу; какой-то господинъ прочиталъ приговоръ, котораго никто не разслышалъ и не понялъ, — слышали только, что за что-то Кальнинъ получитъ сейчасъ 90 ударовъ и на 7 лѣтъ сошлется. Изъ Риги приведенъ былъ палачъ; на немъ была красная рубашка; это былъ рослый и плотный мужчина съ звѣрскимъ лицомъ. Латыши ломали передъ нимъ шапки, бабы цѣловали у него руку. Можжевеловыя палки тоже были привезены изъ Риги. По прочтеніи приговора, осужденнаго раздѣли; въ однихъ штанахъ подвели къ столбу, на обѣ руки надѣли петли и подтянули... Описывать того, что было дальше, я не стану; мы всѣ плакали и не могли смотрѣть, а бывшіе при этомъ господа смотрѣли. Послѣ наказанія несчастнаго опять увели въ Ригу, оттуда погнали въ ссылку и черезъ 7 лѣтъ вернули назадъ въ ту же мызу, гдѣ онъ умеръ въ 1865 г.; жена его осталась въ рижской тюрьмѣ и тамъ умерла». Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, «похвальный обычай»,—eine löbliche Gewohnheit, какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ,— прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался.

Жалобы на вотчинное управленіе допускались только въ случаѣ превышенія власти и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; когда же это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ. Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время и не иначе, какъ по рѣшенію высшей инстанціи, лифляндскаго гофгерита. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ, такимъ же судебнымъ приговоромъ, быть лишенъ полицейскаго права невсегда, но помѣщикъ и въ этомъ случаѣ не терялъ вовсе этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который находился

совершенно въ рукахъ вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе того же правленія. Сверхъ всего этого оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства, по собственному своему выбору, нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ. При широкомъ правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ, наприм., распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ оно не отвѣчало. Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ управленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало, когда хотѣло, счеты и наличность, но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало.

За мірскимъ судомъ слѣдовали приходскій и уѣздный. Крестьяне имѣли представителей въ приходскомъ судѣ въ лицѣ трехъ засѣдателей, а въ уѣздномъ—въ лицѣ двухъ; всѣ они выбирались не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ низшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей приходскаго суда выбирали члены мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ; двухъ засѣдателей уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ приходскихъ судовъ. Затѣмъ весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій, кромѣ мірского суда: въ приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи гофгерихта предсѣдатель, резидующій ландратъ и ландраты, члены гофгерихта,—набирался изъ мѣстныхъ дворянъ, по выбору отъ дворянства, и во всѣхъ этихъ инстанціяхъ не было ни одного лица по назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства; секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ прихода. Должность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ. Секретарь уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ Дерптскомъ университетѣ; секретарь отдѣленія гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи.

Независимо отъ всѣхъ этихъ заставъ и преградъ, крестьянину запрещено было дѣйствовать черезъ повѣренныхъ и подавать письменныя просьбы. Онъ долженъ былъ самъ ѣхать въ судъ, но не иначе, какъ съ дозволенія вотчиннаго управленія. При этомъ ни одно изъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не подлежало прокурорскому надзору. По дѣламъ уголовнымъ крестьяне были подсудны общимъ судамъ, но и тутъ они были поставлены въ исключительное положеніе, къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась на языкѣ нѣмецкомъ, котораго, за очень рѣдкими исключеніями, крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались, при производствѣ слѣдствія, только въ нѣмецкомъ переводѣ слѣдователя. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышскій или эстскій, а затѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ, написанный по-нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами подлинность записаннаго, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова. Въ сороковыхъ годахъ пріѣзжавшій изъ Петербурга на ревизію чиновникъ Л. зашелъ въ рижскій острогъ. Тамъ одинъ изъ арестантовъ, какой-то русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его, со слезами и воплемъ, выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится. — «Какъ за что? Да развѣ ты не знаешь?» — «Не знаю» — и вторичный поклонъ въ ноги. Л. обратился къ сопровождавшему его прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось, что арестантъ, собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, Л. естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе и, намѣреваясь уличить его, вытребовалъ подлинное дѣло. — «Покажите мнѣ допросъ!» — Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ, писанной по-нѣмецки, и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Л. обратился къ арестанту съ вопросомъ: — «Ты понимаешь?» — «Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, — я вѣдь по-нѣмецки не смыслю». — «Зачѣмъ же вы читаете ему нѣмецкій переводъ? Дайте же подлинный допросъ!» — Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: — «Да это и есть подлинный». — «Какъ подлинный?! Вы называете подлиннымъ показаніе, записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?» — «Да вѣдь вамъ конечно не безъизвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы

наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ». — «Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по-нѣмецки и всѣ допросы?» — «Всѣ». — «Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по-нѣмецки не смыслитъ?» — «Даже и въ такихъ случаяхъ». — Это продолжается и до сихъ поръ.

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, положеніе прибалтійскихъ крестьянъ послѣ реформы 1819 г. значительно ухудшилось, о чемъ имѣются даже оффиціальныя признанія. Такъ въ 1841 г. балтійскій генералъ-губернаторъ Паленъ писалъ, что «жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдатчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель, принадлежавшихъ первымъ, ибо помѣщикъ, при опредѣленіи условій найма, ничѣмъ не ограниченъ; крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ». Въ 1845 г. товарищъ министра Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи доносилъ, что, «несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже, чѣмъ оно было въ 1804 году» (*Чтенія* 1865 г., кн. 4, стр. 189). «Въ хлѣбѣ,—говоритъ Страумитъ,— мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною *путрою*, изъ негодной или ячменной муки или крупы, съ приправой зимою — ложки мерзкой, прогорькшей сыворотки, а лѣтомъ съ подливкою козьяго молока и тоже не безъ сыворотки. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да, впрочемъ, это была не ѣда, а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижу, которую выливаетъ на дворъ русскій мужикъ, когда выполаскиваетъ квасную кадку. Такова была наша незабвенная путра, которая пріобрѣла такую громкую славу и намъ, латышамъ, пошла въ придачу къ фамиліи! А неугодно ли еще отвѣдать нашей насущной похлебки? Хоть одинъ пальчикъ обмокните въ эти выполоски и лизните языкомъ; не бойтесь, она же безъ соли. А, вамъ противно... А какъ же работники, отправляясь на барщину съ однимъ сухимъ хлѣбомъ, завидовали этому кушанью, которымъ лакомились сидѣвшіе дома? Правда впрочемъ и то, что послѣдніе завидовали хлѣбу работниковъ. Взгляните кстати и на хлѣбъ

нашъ. Право, это хлѣбъ, не обманъ! Конечно, на видъ и на вкусъ онъ походилъ не столько на хлѣбъ, сколько на торфяную кочку,—такъ и хрустѣлъ на зубахъ. Я ѣдалъ его, хотя и не досыта,—не давали, вотъ бѣда! Зимою все говорили: пусть остается хлѣбъ на сѣнокосную пору, а лѣтомъ была своя отговорка. А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Лифляндіи не было хлѣба. Хлѣба было достаточно, только, по милости владѣльцевъ, почти весь хлѣбъ шелъ не на пищу, а на питье. Хлѣба у насъ не было, а водкой—хоть пару поддавай. Водка въ то время и даже до недавнаго времени стоила въ Лифляндіи, на мызахъ, когда брали цѣлую бочку, 5 коп. сер. штофка, когда полбочки или четверть — 7½ коп. сер., а въ корчмахъ — 15 коп. сер. Водка гналась въ такомъ же количествѣ, какъ и прежде; хлѣба изводилось столько же; столько же откармливалось братой быковъ и свиней; по той же цѣнѣ продавалась водка, столько же отправлялось ея въ Ригу, а былъ голодъ. Хлѣбъ стоилъ тогда почти два рубля серебромъ пудъ. Неужели изъ фунта ржаной муки можно выгнать штофъ въ 65 градусовъ? Отправка водки почти всегда выпадала (не знаю почему) тоже во время крестьянскихъ посѣвовъ, покосовъ или уборки хлѣба, а чаще всего весною, во время Пасхи и разлива рѣкъ, въ самое безхлѣбье, когда лошаденки смотрѣли пугалами. На все это господа, арендаторы, управляющіе не смотрѣли. Имъ что за дѣло, что у мужика нѣтъ хлѣба, а у лошадей уши въ горизонтальномъ положеніи? Они радѣли объ общей пользѣ и удовольствіи, ставили жирное и дешевое мясо и дешевую водку. Извѣстно, что городъ Рига ведетъ огромную торговлю. Кораблей ежегодно приходитъ около 2.000, струговъ до 1.000, а плотамъ и лодкамъ счету нѣтъ. Сколько тутъ народу! Всѣ, разумѣется, разсчитывали на нашу дешевку. Всѣ спѣшили, всѣ торопились, перебивали другъ другу дорогу. Лифляндское, курляндское и эстляндское дворянство—въ каретахъ, за ними—стада жирныхъ быковъ, за быками—тучныя свиньи, за свиньями—возы съ кормомъ, постилкой, метлами для барскихъ лошадей и быковъ, а позади всѣхъ, по всѣмъ дорогамъ, спѣшитъ латышъ, литвинъ, курляндецъ, эстъ—тоже туда, куда и всѣ, на своей клячонкѣ, безъ хлѣба, а съ красной бочкой, въ скрыпучей телѣгѣ, мѣситъ грязь и глину, снѣгъ и песокъ. Мохнатая лошаденка работаетъ всѣмъ своимъ существомъ: ногами, грудью, машетъ головой то въ одну, то въ другую сторону, тычетъ мордой въ землю, ка-

рабкается, ползетъ впереди барской бочки, и, кажется, чѣмъ-то занята очень интереснымъ... Представьте же себѣ, какія чувства могъ питать латышъ къ дворянству, которое лишало его хлѣба и опаивало водкой... Я помню, какъ мой отецъ все чаще и чаще плакалъ. Сидѣлъ онъ задумчивый и грустный; часто бормоталъ про себя: «Нѣтъ болѣе житья,—что дѣлать? Ничего не придумаешь! Работаешь день и ночь, лѣто и зиму, а спроси: изъ-за чего?—изъ-за дурной мякины, какъ блудный сынъ! Иное дѣло, еслибы Господь наказывалъ неурожаями, градомъ, мокротой или засухой; но этого нельзя сказать, даже и подумать грѣшно! А все-таки долженъ умирать съ голоду. Живешь—хуже скота! Коптишься какъ окорокъ въ овинѣ; бьютъ тебя какъ собаку, безъ суда и расправы, да еще смѣются и говорятъ: иди жаловаться! Конечно, попробуй,—еще получишь... Ну, просто, хоть живой ложись въ гробъ!»

При такой нищетѣ у народа почти не было школъ, не было и надлежащаго религіознаго утѣшенія. И до сихъ поръ пасторъ, выбираемый исключительно помѣщиками и получающій до 3.000 руб. въ годъ, совершенно чуждъ народу, который называетъ его «церковнымъ баріномъ». Школьный учитель зависитъ отъ помѣщика и пастора. «Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ,—говоритъ Страумитъ,—была исключительно посвящена интересамъ земнымъ. Они были ни болѣе, ни менѣе какъ трубою дворянства. На каѳедрѣ—мѣдь звенящая, да еще дурно звѣнящая, и все на одинъ ладъ, да еще не въ тонъ. Задачи ихъ жизни—какъ бы только сократить расходы и увеличить доходы; всѣ помыслы и усилія къ тому были устремлены, какъ бы накопить побольше, какими бы то ни было средствами, и оставить по себѣ столько, чтобы сынъ могъ купить себѣ мызу. Поэтому семейные пасторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ воскресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва-едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой и ладонью, и щелчками и щипками,—разумѣется, чисто по-отечески. Своимъ духовнымъ дѣломъ пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ обязанности они сдавали своимъ помощникамъ, такъ-называе-

мымъ форминдерамъ, которыхъ наставили множество во всѣхъ деревняхъ. Эти форминдеры за нихъ крестили, принимали женщинъ съ сороковою молитвою, хоронили, совершали всякаго рода требы, кромѣ, однако, браковъ, и все это безвозмездно. Навѣщать больныхъ, ѣздить къ нимъ и напутствовать ихъ св. таинствомъ—это и теперь дѣлается рѣдко, а въ тѣ времена пасторы даже какъ будто и не знали, что это ихъ непремѣнная обязанность. Они считали и считаютъ, что попеченіе о больныхъ—исключительное дѣло доктора, а докторъ былъ того мнѣнія, что это по части пастора. Пока они между собой спорили и собирались размежеваться обязанностями, много поколѣній, много латышей и латышекъ умерло, не встрѣтивъ помощи ни отъ того, ни отъ другого. Ни тотъ, ни другой въ хату латыша не заглядывалъ. По части медицины обходились и должны были обходиться домашнимъ образомъ, требы исполняли форминдеры,—слѣдовательно, къ пастору незачѣмъ было и ходить. Доктора съ аптекой замѣнялъ проныра-жидъ. У него были всѣ лѣкарства: перецъ и лавровыя ягоды противъ поноса, имбирь противъ зубной боли и т. д.,—слѣдовательно, и къ доктору не зачѣмъ было ходить, да и не ходили; только разъ мать приносила къ нему ребенка оспу прививать. У насъ господствовали двѣ болѣзни: поносъ—отъ слишкомъ дурной и однообразной пищи и горловая—отъ слишкомъ дурныхъ помѣщеній. Помѣщики, пасторы и доктора единодушно признали перцовку и настойку на лавровыхъ ягодахъ за единственное средство противъ поноса, поэтому и не давали ровно ничего отъ этой болѣзни, и мы должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ корчмарю и жиду. Противъ второй болѣзни помѣщикъ отпускалъ намъ щедрою рукой изъ своего амбара, безъ счету и мѣры, хоть цѣлый возъ, *крысинаго помета*. Его нужно было мѣшать съ медомъ и ѣсть; но только меду не давали, а помета сколько угодно, хоть весь амбаръ вымети». Поборы пасторовъ за требы были разорительны, но и независимо отъ этихъ поборовъ пасторы не упускали случая поживиться около крестьянина. Вотъ что, наприм., тотъ же Страумитъ разсказываетъ о конфирмаціи: «Для пасторовъ конфирмаціи были очень выгодны. Какихъ-нибудь 200 или 300 молодыхъ людей, согнанныхъ вмѣстѣ, работали въ его пользу и на его удовольствіе, чистили дворъ, дорожки въ саду, возили навозъ; за недостаткомъ вилъ, руками собирали помет и валили въ телѣгу; дѣвушки стирали бѣлье, щипали перья и т. п. Ве-

черомъ приходилъ пасторъ и спрашивалъ по-одиночкѣ каждаго и каждую: «какая у тебя вѣра?» Но это продолжалось не долго,—ему становилось скучно и онъ уходилъ, сказавъ намъ на прощанье жалобнымъ голосомъ: «Милыя дѣти! я больше не могу говорить,—у меня болитъ голова». Правда, иногда, для разнообразія, онъ приносилъ магнитъ и показывалъ, какъ бѣгаетъ за нимъ стальная иголка. На конфирмацію собирали парней отъ 18 до 25 и дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Ночевать ходили всѣ вмѣстѣ въ корчму и спали въ одной залѣ. Шумъ, крикъ, щипаніе, визгъ, смѣхъ, плачъ, ругательства, брань и драки! Чистѣйшій Садомъ и Гоморра! Парни выбирали невѣстъ; дѣвушки высматривали жениховъ. Тутъ ревновали, сплетничали, ссорились, плакали, смѣялись, торжествовали, выкидывали разныя шутки,—разумѣется, самаго непристойнаго свойства. Много было между наличными и такихъ, которые уже успѣли вкусить запрещеннаго плода, и всѣмъ хотѣлось вкусить его поскорѣе. Парни сильно дрались изъ-за невѣстъ, дѣвушки злобно ругались изъ-за жениховъ. Приходили и изъ сосѣднихъ деревень парни, бывшіе уже на конфирмаціи».

Естественно, что отъ подобныхъ пасторовъ народъ толпами валилъ въ гернгутерство, пустившее въ краѣ свои корни еще въ XVIII вѣкѣ и чрезвычайно усилившееся въ 30-хъ годахъ. «Усердіе и ревность членовъ братства,—говоритъ Страумитъ,—въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить туда за 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраній и обществъ. При этомъ часто повторяли: «Мы глупы, необразованы, темны, мы не въ состояніи поучать словомъ, но взамѣнъ Господь далъ намъ другой даръ—это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли и нашихъ собраній».

Скоро подъ вліяніемъ пасторовъ гернгутеры подверглись гоненію: ихъ молитвенные дома закрывались, проповѣдники пре-

слѣдовались, протестантамъ запрещалось вступать въ ихъ общины. Въ то же время, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, въ Лифляндіи въ 1841 году насталъ страшный голодъ. Общественные магазины были пусты, народъ доходилъ до отчаянія. Одинъ русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: «Мы не забудемъ разсказа одного молодого медика, который возвратилъ къ жизни умирающаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше бы было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода». Въ народѣ пошелъ миѳъ о возможности переселенія въ какую-то теплую *эйскую* землю, и тысячи крестьянъ бросились въ Ригу. Они метались здѣсь во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у губернатора, у генералъ-губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ. Ихъ усмиряли, наказывали за незаконную отлучку и старались выпроводить по домамъ, предварительно обривъ имъ половину головы. Одна изъ крестьянскихъ партій забрела къ русскому епископу Иринарху, который, выслушавъ крестьянъ, объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касается и что онъ поставленъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія желающихъ къ той церкви, которой онъ служитъ. Въ заключеніе онъ присовѣтовалъ имъ идти домой, слушаться помѣщиковъ, далъ имъ хлѣба и нѣсколько денегъ. Вѣсть о такомъ пріемѣ у Иринарха быстро разнеслась въ народѣ и вскорѣ цѣлая толпа крестьянъ появилась у архіерейскихъ дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительно его призваніе — служить церкви. Слова епископа произвели на крестьянъ впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько времени они стали подавать ему письменныя прошенія, въ которыхъ «жалобы на помѣщиковъ и ходатайства о перечисленіи все-таки *составляли главный предметъ* (подлинныя слова Иринарха), но выражалось также и желаніе присоединиться къ церкви—*какъ предметъ придаточный*». Такого рода просьбъ съ 9 іюля по 2 августа Иринархъ принялъ до 30 отъ нѣсколькихъ тысячъ душъ и, по мѣрѣ поступленія, препровождалъ ихъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Такъ какъ архіерей говорилъ всѣмъ, что переселеніе—вовсе не его дѣло, то

крестьяне скоро начали просить только о присоединеніи къ православію, въ надеждѣ, что когда они будутъ «одной вѣры» съ Государемъ, то получатъ землю.

Помѣщики и пасторы забили тревогу; всюду слышалось страшное и вмѣстѣ столь выгодное въ извѣстныхъ случаяхъ для крѣпостниковъ слово *бунтъ* и предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, Гагенмейстеръ, писалъ: «Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія». За домами епископа и священниковъ учрежденъ надзоръ; всѣхъ крестьянъ, пробиравшихся къ нимъ, равно и возвращавшихся, немедленно хватали, какъ въ городѣ, такъ и въ цитадели, и отводили къ допросу въ губернское правленіе; крестьянъ приходившихъ изъ уѣздовъ задерживали у городскихъ воротъ; посылались даже за городъ полицейскіе съ военными командами, которымъ вмѣнялось въ обязанность останавливать «подозрительнымъ образомъ проходившихъ крестьянъ», обращать ихъ назадъ, буде окажется, что они шли въ городъ для ходатайства о переселеніи, а «упрямыхъ немедленно наказывать на мѣстѣ». Наконецъ епископъ былъ удаленъ изъ края и противъ крестьянъ двинули войска.

Бунта никакого не было и министерскій чиновникъ, командированный въ Лифляндію лѣтомъ 1841 г., писалъ: «Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ, въ скирдахъ, никѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ». Вообще, до начала сентября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Вессельгофъ, гдѣ, по донесенію, полученному генералъ-губернаторомъ, «толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ) наказать нѣсколько за-

чинщиковъ неповиновенія, несмотря на козачью команду изъ 20 человѣкъ». Но народъ былъ голоденъ, жаловался на помѣщиковъ, бредилъ о землѣ, упорно шелъ въ православіе, полиція и помѣщики искали и захватывали «зачинщиковъ», и крестьяне, наконецъ, начали показывать зубы. Вотъ нѣсколько случаевъ, по донесеніямъ мѣстныхъ властей:

«Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне, будто бы ссылаясь на наставленіе православнаго духовенства, вознамѣрились переселиться въ другія губерніи. Ордпунгсрихтеръ, получивъ 1 сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ ордпунгсрихтеръ встрѣтилъ толпу, вооруженную дубинами, которая спрашивала его, по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только исполнить волю Государя и переселиться въ другія губерніи? Ордпунгсрихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ, сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, обѣщая тамъ выслушать крестьянъ; когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою». Рапортъ оканчивается увѣдомленіемъ, что, выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ, «крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ водителей, отставной лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка солдатъ, и еще восемь человѣкъ».

Второй случай. Верроскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, извѣстный возмутитель, и толпа крестьянъ съ кольями преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго, но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный. «По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда, помѣстья Нейбеверсгофъ, Вилліамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель ордпунгсгерихта фонъ-Транзеге и коммиссаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммиссара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая на другой день была окружена крестьянами. Военная команда (10 человѣкъ солдатъ) вышла

безпрепятственно, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобы воспрепятствовать чиновникамъ удалиться, и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу».

Начались военносудные процессы. По рѣшеніямъ, утвержденнымъ генералъ-губернаторомъ, было приговорено *крестьянъ* къ наказанію: шпицрутенами—45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ—55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству)—8 человѣкъ, итого—108 человѣкъ. Изъ нихъ, сверхъ тѣлеснаго наказанія, приговорены: къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе—9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ ссылкѣ въ Сибирь—5, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты—4, къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ кантонисты—1; *отставныхъ нижнихъ чиновъ* приговорено: къ наказанію шпицрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ—1, черезъ 500 человѣкъ два раза—1, черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь—1, къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ—1, въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же срокъ—1, итого отставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ, наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ.

Но движеніе продолжалось еще нѣсколько лѣтъ и въ 1845 году крестьяне снова цѣлыми толпами валили въ Дерптъ для присоединенія къ православію. Переходъ въ послѣднее былъ объявленъ свободнымъ; но, чтобы присоединиться, мужикъ долженъ былъ получить билетъ отъ вотчинной конторы, которая сплошь и рядомъ наказывала поголовно всѣхъ желающихъ присоединиться и присоединившихся. «Вытребовали на мызу 20 человѣкъ присоединившихся,—разсказываетъ Страумитъ.—Управляющій спрашиваетъ: «Что для васъ лучше: здѣсь ли получить 40 палокъ, или въ приходскомъ судѣ 60?» Крестьяне спросили:—«Да въ чемъ же наша вина? Что мы сдѣлали?» Отвѣтъ:—«Я не знаю; но если вы не примете здѣсь 40 или въ приходскомъ судѣ 60 палокъ, то я не могу оставаться на мѣстѣ, вѣдь вы перекрестились?—«Да».—«Ну, такъ какъ же?»—Гмъ... Поразсудили и порѣшили на томъ, что лучше получить 40 палокъ на мѣстѣ, чѣмъ шляться, а то пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ; однако спросили еще:—«Тутъ ли конецъ наказанію, или будетъ продолженіе?» Отвѣтъ:—«Тутъ и конецъ».—«Ладно!» Одинъ говоритъ:—«Съ кого же начать?»—

«Пожалуй хоть съ меня».—Скидываетъ свои доспѣхи и становится, отогнавъ отъ себя тѣхъ, которые хотѣли поддержать его.—«Неужто сорока ударовъ не вытерплю?» Ему отсчитываютъ сорокъ ударовъ. Онъ крестится, одѣвается и говоритъ прочимъ:—«Ну, теперь, становитесь и вы, а я пойду тѣмъ временемъ покурю». Всѣмъ исполосовали спины и всѣ съ радостью пошли домой». Достовѣрность этихъ фактовъ подтверждается даже нѣмецкими свидѣтельствами. Въ газетѣ *Путевой Товарищъ*, издающейся въ Ригѣ для простого народа на латышскомъ языкѣ, въ № 10-мъ 1863 года помѣщена статья: «Два форминдера». Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ слѣдующее: «Онъ, орудуя своею властью, не скупился на тридцать (подразумѣвается розогъ), ибо памятовалъ слова Соломона: бичъ коню, остенъ ослу и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои сѣмена въ Божьей церкви; тогда нашлись и въ нашей волости люди, кричавшіе: «если ужь весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ православіе), чего же намъ-то ждать»,—особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда они, какъ бѣшеные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника, въ то время раздававшееся съ каѳедры. Въ самую горячую пору этого бѣсноватія онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости готовился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа батраковъ, записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ». Независимо отъ этихъ истязаній, перешедшихъ сгоняли съ дворовъ и превращали хозяевъ въ батраковъ. Эти гоненія вполнѣ достигли своей цѣли, и въ 1861—1864 гг. началось обратное движеніе изъ православія въ лютеранство... Изъ 180.000 православныхъ не менѣе половины перешло въ лютеранство.

Движеніе 1841—1845 гг. было сильно обострено голодомъ, противъ котораго помѣщики не принимали никакихъ мѣръ и толь-

ко послѣ экзекуцій было оказано народу казенное пособіе. «Но,—разсказываетъ Страумитъ,—хлѣбъ, отпущенный правительствомъ въ голодные годы, раздавался въ волостяхъ не по душамъ, и не по дворамъ, и не всѣмъ членамъ общества, а только нуждавшимся въ пособіи, а изъ числа нуждавшихся—опять-таки не всѣмъ, а только и исключительно тѣмъ хозяевамъ, которые своимъ личнымъ движимымъ имуществомъ могли обезпечить возвратъ какъ капитальнаго долга, такъ и процентовъ. Слѣдовательно, это былъ долгъ не общественный, а частный,—долгъ каждаго домохозяина порознь, а не цѣлой волости,—притомъ долгъ лежавшій не на землѣ, а обезпеченный движимостью. Мало того, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ мука, отпущенная на волость, даже и не сдавалась въ общественный магазинъ, а поступала прямо въ господскій амбаръ и оттуда на господскій винокуренный заводъ; тамъ изъ нея гнали водку, а помѣщикъ отъ себя раздавалъ хозяевамъ рожь зерномъ. Дѣло это, какъ и всѣ дѣла такъ-называемыя общественныя, было въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ оффиціалистовъ и арендаторовъ, а выборные отъ крестьянъ, призывавшіеся къ участію только для формы, не знали и не понимали, что творилось отъ ихъ имени, для нихъ и черезъ нихъ. Въ волости N. былъ такой случай, разсказанный мнѣ самими волостнымъ писаремъ и засѣдателями. Въ 1858 году откуда-то пришло отношеніе съ грознымъ запросомъ: отчего-де волость такая-то, которой въ голодный годъ выдано въ ссуду деньгами 1.000 руб., не уплачиваетъ не только капитала, но и процентовъ на эту ссуду? Стали рыться въ книгахъ, но не оказалось никакихъ слѣдовъ заимообразной ссуды. Пришелъ помѣщикъ, разыскивалъ и онъ въ своей конторѣ и также ничего не нашелъ. Тогда волостной судъ отвѣтилъ коротко и ясно, что-де волость такая-то никогда тысячи рублей въ ссуду не получала. Но сверху прислали улику: четко написанную росписку въ полученіи, скрѣпленную крестиками толковыхъ и разумныхъ засѣдателей. Потянули къ отвѣту засѣдателей: они ли ѣздили отъ волости, они ли подтянули кресты, они ли получили деньги? И опознали засѣдатели свои кресты: точно, они ѣздили по приказу арендатора; они же деньги получили, выдали квитанцію, привезли деньги и отдали тому же арендатору, по его же приказу; вотъ и все, а что было дальше, того они не вѣдаютъ и то не ихъ дѣло. Это одинъ изъ очень многихъ образчиковъ, по которымъ можно судить о томъ, что называется въ Лифляндіи общественнымъ (во-

лостнымъ) управленіемъ свободнаго сословія сельскихъ обывателей. Взысканіе розданнаго въ голодные годы хлѣба и процентовъ по этой ссудѣ производилось съ безпощадною строгостью особенно съ православныхъ крестьянъ. Снисхожденія не оказывалось, и, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, у него отбирались и продавались съ аукціона послѣдняя корова, послѣдняя коза, дѣти его отдавались въ заработки и т. д. Многіе были разорены въ конецъ, но долгъ съ процентами взысканъ если не со всѣхъ, то со многихъ».

IV.

Въ 1842 г., въ дополненіе къ лифляндскому Положенію 1819 г., были изданы «77 пунктовъ», а въ 1849 г.—«Уложеніе»; но эти законы, регулировавшіе барщину, въ существенныхъ своихъ чертахъ никогда не выполнялись. Они были дополнены Положеніями 1856 г. для Эстляндіи и 1860 г. для Лифляндіи, но и эти Положенія легко обходились помѣщиками, которые, имѣя къ своимъ услугамъ и судъ и полицію, пользовались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всѣ мѣстные законы, кромѣ крестьянскихъ Положеній, имѣются только на нѣмецкомъ языкѣ. Помѣщику въ дѣлѣ эксплуатаціи крестьянина много помогала по-прежнему присвоенная ему вотчинно-полицейская власть, замѣтно ограниченная только указомъ 1865 года. До этого времени баринъ имѣлъ право разъ въ недѣлю наказать мужика палками до 15 ударовъ въ Лифляндіи и до 18 въ Эстляндіи, въ которой, кромѣ того, онъ могъ приказать волостному суду дать мужику еще 40 розогъ. Наказанный могъ жаловаться на несправедливость, но въ случаѣ успѣха его жалобы помѣщикъ платилъ только небольшой штрафъ въ мірскую кассу; если же просьба мужика признавалась неосновательною, то онъ получалъ еще 60 ударовъ. Отъ этихъ наказаній не были избавлены ни женщины, ни дѣвушки. Послѣ «бунта» 1841 г. побои и истязанія крестьянъ значительно усилились сравнительно съ прежнимъ. «Казалось, что расплата за бунтъ никогда не кончится,—говоритъ Страумитъ.—О немъ безпрестанно напоминали и мстили за него, по мелочамъ, всѣмъ попадавшимся подъ руку, мужчинамъ и женщинамъ. Истязанія на поляхъ и мызахъ стали учащаться и палки, какъ будто, стали толще. Смотрите: управляющій приказываетъ старостѣ взять мужика за ноги, пропустить ихъ себѣ подъ мышки и держать

крѣпко, а самъ дубинкой работаетъ по заду сколько душѣ угодно. Я это видѣлъ самъ. Разскажу еще одну, послѣднюю этого рода сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того я поступилъ въ школу. Собирали на мызѣ картофель, впрягли нѣсколько четверокъ въ бороны и раздѣлились собиратели: за хорошими боронильщиками пошли хорошіе собиратели, а за плохими—плохіе. За послѣдними пошелъ и управляющій. Мужикъ (знаю и имя, и фамилію, и прозвище) былъ невзрачный и, также какъ и мы, вѣроисповѣданія православнаго. Управляющій хлыстнулъ его по спинѣ разъ, другой, третій... Насъ пронялъ страхъ. У боронильщика выступили слезы, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «вскачь я не могу гнать!» Это было все то же, что спичку поднести къ огню. Тутъ пошла такая тростниковая дробь, что я и счетъ потерялъ; съ перепугу, какъ слѣпая курица, хваталъ комки земли и камни и клалъ ихъ вмѣсто картофеля въ ведро; наложилъ полное ведро, сталъ сыпать. Смотрю, мужикъ не выдержалъ, вырвалъ камышовую трость съ желѣзнымъ набалдашникомъ изъ рукъ управляющаго и хотѣлъ переломить, но не осилилъ ее, только перегнулъ, впрочемъ такъ, что она стала негодна къ употребленію. Дѣло было около самой мызы, недалеко отъ большого дуба, на вершинѣ котораго виднѣлось аистово гнѣздо. Управляющій пошелъ на мызу, но тутъ попался въ воротахъ самъ помѣщикъ. Остановились, переговорили, подошли оба къ намъ. Помѣщикъ приказалъ остановить работу, подозвалъ къ себѣ солдата, ходившаго по билету, и приказалъ ему вырѣзать десять палокъ. Мы всѣ стояли безъ шапокъ, и солдатъ рѣзалъ безъ шапки. Помѣщикъ приказалъ провинившемуся мужику снять камзолъ, а другому держать его за воротъ рубашки обѣими руками, подъ самое горло. Солдатъ, ударивъ палкой разъ, бросалъ ее и бралъ новую, до тѣхъ поръ, пока перебралъ всѣ десять». Эти истязанія до того вошли въ помѣщичью привычку, что остзейскіе бары нерѣдко упражняются въ нихъ даже послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Вотъ, наприм., случай, разсказанный дерптскимъ корреспондентомъ *Недѣли* 1881 г. (№ 35). Ѣдетъ по дорогѣ билетный солдатъ съ возомъ; встрѣчный баринъ требуетъ, чтобъ онъ убирался для проѣзда его экипажа: «Прочь съ дороги!» Солдатъ свернулъ такъ, что барину свободно можно было проѣхать, но тому показалось недостаточно, и въ наказаніе онъ велѣлъ снять и положить къ себѣ дугу съ солдатской лошади. «Билетный просилъ, чтобы проѣзжающій хотя открылъ ему свое

имя и мѣстожительство, но и этого онъ не сдѣлалъ, а только сказалъ на ломаномъ эстонскомъ языкѣ: «Развѣ ты не знаешь, что я приходскій судья?! Если ты придешь за дугой, то получишь 80 розогъ». Солдатъ, оставленный безъ дуги, снялъ съ лошади сбрую и поѣхалъ верхомъ въ ближайшую деревню, чтобы раздобыться дугой; но въ это время у него украли съ воза часть лошадиной сбруи и пальто. Кое-какъ, безъ черезсѣдельника и вожжей, пріѣхалъ онъ домой и черезъ нѣсколько дней отправился разыскивать того барина, который отобралъ у него дугу. Но куда идти? Солдатъ зналъ только, что баринъ звалъ своего кучера Вильгельмомъ, а самъ именовался приходскимъ судьею. Наконецъ, какъ-то ему удалось узнать, что проѣзжій былъ г. фонъ-Ю., владѣлецъ Гроссъ-Улила. Солдатъ явился къ нему и спросилъ о своей дугѣ. «А!—воскликнулъ фонъ-Ю.,—такъ это ты тотъ, который не повиновался мнѣ на дорогѣ? Ну, такъ теперь получишь 80 розогъ, которыя я тебѣ обѣщалъ». При этихъ словахъ фонъ-Ю. нанесъ билетному нѣсколько ударовъ по головѣ и велѣлъ рабочимъ посадить его въ конюшню. Скоро пришли люди, которымъ фонъ-Ю. велѣлъ наказать солдата. Тотъ пробовалъ было возражать, говоря, что онъ—солдатъ и что если въ чемъ виноватъ, то его должны отправить въ орднунгсгерихтъ. «Я тебѣ сейчасъ покажу, гдѣ твой орднунгсгерихтъ!»—сказалъ фонъ-Ю. И солдата высѣкли. По окончаніи экзекуціи, фонъ-Ю. спросилъ: «Ну, что, почувствовалъ, гдѣ твой орднунгсгерихтъ? Убирайся!» Билетный изъ Гроссъ-Улила прямо отправился въ Дерптъ и подалъ жалобу въ орднунгсгерихтъ на фонъ-Ю., но орднунгсгерихтъ, несмотря на свидѣтельство уѣзднаго врача, не назначилъ никакого слѣдствія. «Сколько ты требуешь за эти насилія?»—спросилъ онъ солдата. На это солдатъ отвѣтилъ, что ничего не хочетъ требовать, а предоставляетъ взыскать суду.—«Если судъ присудитъ мнѣ еще 80 розогъ, и тогда я тоже долженъ быть доволенъ»,—прибавилъ онъ.—«Ну, коли ты ничего не требуешь, то убирайся домой и будь доволенъ».—Солдатъ просилъ сказать ему, въ какой судъ онъ долженъ подать жалобу на г. Ю.—«Обратись въ крейсгерихтъ»—отвѣтилъ орднунгсгерихтъ. Но и въ крейсгерихтѣ не приняли его жалобы. Тогда солдатъ подалъ жалобу губернатору, и теперь всѣ, кому извѣстно это дѣло, съ нетерпѣніемъ ждутъ его конца».

Положеніемъ 1866 года вотчинная власть ограничена, но только повидимому. Старшины и ихъ помощники подчинены, по

дѣламъ общественнаго управленія, приходскимъ судамъ (въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ) и уѣзднымъ судамъ (въ Курляндіи). Всѣ эти инстанціи, по организаціи ихъ и по установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находятся въ рукахъ дворянства. Жалобы на ихъ распоряженія приносятся губернатору, который, по обычаю, почти всегда назначается изъ мѣстныхъ дворянъ. По дѣламъ полицейскимъ старшины и ихъ помощники подчинены уѣздной полиціи, всѣ чины которой выбираются дворянствомъ изъ своей среды. За маловажные проступки по должности старшины, ихъ помощники и проч. могутъ быть подвергаемы штрафу до 5 руб. и аресту до семи дней по распоряженію начальственныхъ учрежденій, нижнихъ судебныхъ инстанцій, уѣздныхъ полицій и губернаторовъ. Прежняя единица вотчинной администраціи сохранена и новымъ Положеніемъ и каждое имѣніе составляетъ волость. Вотчинная полиція не только осталась по-прежнему въ предѣлахъ мызной земли, но ей предоставлено вмѣшиваться и въ крестьянское самоуправленіе. Ей предоставлено протестовать предъ начальствомъ обо всѣхъ постановленіяхъ волостного схода, которыя она считаетъ незаконными или вредными. Вслѣдствіе этого, для избѣжанія невыгодной для себя борьбы, сходы по-прежнему сообразаются съ указаніями вотчинной власти. По общественнымъ и казеннымъ дѣламъ вотчинной полиціи оставлено право надзора за волостнымъ правленіемъ. Волостной старшина имѣетъ надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія, задерживаетъ бродягъ и дезертировъ, но не препровождаетъ ихъ прямо отъ себя куда слѣдуетъ, а сдаетъ ихъ вотчинной полиціи соблюдавшимся доселѣ порядкомъ. Когда нѣтъ на-лицо волостного старшины, всѣ полицейскія права его переходятъ къ вотчинной полиціи; она охраняетъ и возстановляетъ порядокъ и безопасность и, вообще, принимаетъ всѣ необходимыя полицейскія мѣры.

И все въ краѣ идетъ по-прежнему. $^4/_5$ крестьянъ остаются безъ земли и ведутъ кочевую жизнь. Главныя работы какъ у помѣщиковъ, такъ и у болѣе крупныхъ арендаторовъ исполняются батраками, находящимися въ полной зависимости у хозяевъ. Батраки могли бы выгодно работать въ русскихъ губерніяхъ; но, чтобы получить отпускъ, каждый изъ нихъ, по Положеніямъ 1856 и 1860 годовъ, долженъ уплатить впередъ свой годовой окладъ и до 4 руб. на мірскія нужды, въ дѣйствительности же, благодаря волостнымъ судамъ, держащимъ сторону хозяевъ, эти пла-

тежи простираются до 16 руб. и батраки такимъ образомъ удерживаются отъ отхожихъ промысловъ. Въ Лифляндіи батракъ съ женою получаетъ въ годъ всего какихъ-нибудь 80 руб. на своихъ харчахъ и живетъ какъ нищій. «Батраки въ большихъ дворахъ,—говоритъ Ю—въ,—живутъ особо отъ хозяина въ одной изъ половинъ дома или хаты, и такъ какъ такихъ жильцовъ въ помѣщеніи бываетъ очень много, то само собою понятно, что чистота и нравственность не могутъ между ними процвѣтать. Батракъ обыкновенно женится не раньше 30 лѣтъ. Благодаря батрачеству, до сихъ поръ сохранился обычай языческихъ временъ—ночныя скитанія молодыхъ людей толпами около клѣтей, въ которыхъ спятъ дѣвушки. Эти весеннія скитанія иногда не обходятся безъ ожесточенныхъ дракъ и увѣчій... Совершеннаго упадка народной нравственности должно ожидать въ тѣхъ частяхъ Курляндіи, гдѣ во многихъ вотчинахъ уже вывелись крестьянскіе дворы и вмѣсто нихъ строятся теперь батрачьи дома, крайне неудобные для ихъ многочисленнаго населенія. Въ народѣ эти дома носятъ непопулярное названіе *казармъ*, которыя распространяются и въ Лифляндіи и въ Эстляндіи». Въ 1863 году курляндскій помѣщикъ фонъ-Боръ въ своей брошюрѣ по поводу батраковъ очень безтолково, но характерно говорилъ: «Ни одно государство, ни одна страна не свободны отъ пролетаріата; но народъ, которому позволено достигать какъ матеріальной, такъ и нравственной свободы, долженъ пользоваться и правомъ создавать пролетаріевъ». Положеніе крестьянъ-хозяевъ, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства, тоже становится все хуже и хуже. Контракты заключаются или на 2—3 года, съ неизмѣняющеюся платой, или на 6—12 лѣтъ, но въ такомъ случаѣ арендная плата прогрессивно увеличивается. Угодья, данныя къ арендному двору, помѣщикъ можетъ уменьшить; если же крестьянинъ не согласится, то долженъ оставить участокъ, получивъ небольшое вознагражденіе рублей въ 20—30. Онъ обязанъ безплатно дѣлать поправки въ своемъ дворѣ и по приказанію помѣщика изъ его лѣса возводить новыя постройки. Въ обязательствахъ арендатора участвуетъ и жена его. Арендаторъ не имѣетъ права входить ни въ какія торговыя предпріятія; онъ обязанъ не дѣлать долговъ и всѣ сдѣланные имъ вновь долги считаются недѣйствительными; въ случаѣ его смерти прежде всего удовлетворяются претензіи помѣщика. Помѣщикъ имѣетъ возможность взвалить на арендатора даже такія формальныя обязательства, о которыхъ тотъ ни-

когда и не думалъ. Въ одномъ, напримѣръ, контрактѣ (уже въ 60-хъ годахъ) послѣ обычныхъ трехъ крестовъ, поставленныхъ рукою писаря за неграмотнаго арендатора, было сказано: «Такъ какъ жена его, Анна, не явилась и черезъ мужа своего объявила, *что не подпишетъ условія, то за нее подписался ассессоръ* (дворянскій засѣдатель) *фонъ-Б****». Далѣе идетъ опись имущества, а въ заключеніи сказано: «*Такъ какъ ни арендаторъ, ни жена его не согласились подписаться, то за нихъ подписался ассессоръ фонъ-Б****». Вотъ вамъ и свободный договоръ! При этомъ арендныя цѣны возрастаютъ ужасно: Обирая арендатора, помѣщикъ во всякое время имѣетъ возможность прогнать его. Вотъ, напримѣръ, фермеръ Блау, который до 1857 года держалъ въ Позендорфской вотчинѣ дворъ Курашъ *). Въ этомъ году баронъ Вольфъ созвалъ всѣхъ своихъ хозяевъ лютеранскаго вѣроисповѣданія и предложилъ имъ пріобрѣсти въ собственность дворы, которыми они владѣли; православныхъ хозяевъ онъ не созывалъ и никакихъ предложеній имъ не дѣлалъ. Нашелся покупщикъ между лютеранами и на Курашскій дворъ. Помѣщикъ запродалъ его и потребовалъ отъ Блау, чтобъ онъ сошелъ съ мѣста. Блау сталъ просить помѣщика, чтобъ онъ ему, какъ хозяину, продалъ этотъ дворъ, но баронъ Вольфъ отвѣчалъ ему: «я русскимъ (всѣ православные въ Лифляндіи называются русскими) земли у себя не продаю». Блау долженъ былъ сойти съ насиженнаго мѣста. Былъ въ томъ же имѣніи другой праздный дворъ, Сау, совершенно выпаханный, издавна сдававшійся, но не находившій съемщиковъ; несмотря на частыя публикаціи въ церквахъ, всѣ обѣгали его, зная, что онъ разстроенъ и запущенъ. Блау обратился къ помѣщику съ просьбою продать ему хоть этотъ дворъ и получилъ такой же отказъ. Тогда Блау снялъ упомянутый дворъ въ оброчное содержаніе на 6 лѣтъ. Будучи отличнымъ хозяиномъ, онъ привелъ его въ совершенную исправность и значительно возвысилъ его цѣнность. Передъ истеченіемъ арендnаго срока Блау опять сталъ просить помѣщика продать ему этотъ дворъ, на который онъ потратилъ немало труда; но и эта просьба осталась неудовлетворенною. Помѣщикъ крѣпко стоялъ на своемъ и согласился только на возобновленіе контракта на новый шестилѣтній срокъ, возвысивъ, разумѣется, арендную плату. Это было въ 1863 году, а въ 1864-мъ баронъ Вольфъ сталъ пріискивать

*) Въ Лифляндіи каждый крестьянскій дворъ имѣетъ свое названіе.

на этотъ дворъ сторонннхъ покупщиковъ. Прослыша объ этомъ, Блау въ третій разъ вызвался купить его, но баронъ прогналъ его и въ августѣ запродалъ дворъ Сау другому хозяину—лютеранину. Оставалось только найти благовидный предлогъ къ удаленію Блау за какую-нибудь провинность, чтобъ имѣть основаніе не выдавать ему вознагражденія, на которое онъ имѣлъ бы право за нарушеніе контракта до истеченія арендпаго срока. Съ этою цѣлью баронъ Вольфъ распорядился перемѣромъ посѣва и оказалось, что Блау засѣялъ льномъ—вмѣсто разрѣшенныхъ ему по контракту и дополнительному условію 12-ти лофштелей—14½ лофштелей, слѣдовательно лишнихъ 2½ лофштеля, или $^{9}/_{10}$ десятинъ. На одномъ этомъ основаніи баронъ потребовалъ отъ Блау, чтобъ онъ, какъ нарушитель контракта, очистилъ дворъ. Блау отвѣчалъ ему: «О перепашкѣ я заводить спора не стану,—пусть будетъ по-вашему. Положимъ, я испортилъ землю усиленнымъ посѣвомъ; но какое вамъ до этого дѣло, когда я заявляю вамъ, что я у васъ покупаю весь дворъ за ту самую цѣну, за которую вы продаете его другому? Лучше же продайте его мнѣ, такъ какъ я его улучшилъ,—я вамъ платилъ за него оброкъ...» Баронъ и слушать его не сталъ, и Блау остался безъ земли и безъ вознагражденія. Глубоко обиженный, онъ вздумалъ поискать правды и подалъ жалобу архіерею и генералъ-губернатору. Ему указано было обратиться по порядку въ крейсгерихтъ. Тамъ, въ декабрѣ 1864 года, онъ подробно повторилъ свою жалобу и прямо заявилъ, что терпитъ на каждомъ шагу обиды за свое вѣроисповѣданіе и что одно это обстоятельство мѣшаетъ ему до сихъ поръ, по примѣру лютеранъ, сдѣлаться крестьяниномъ-собственникомъ. Судъ предупредилъ его, что изъ поданной имъ жалобы ничего благопріятнаго для него не выйдетъ, такъ какъ законъ ничѣмъ не ограничиваетъ помѣщика въ выборѣ покупщиковъ, но, по настоянію просителя, потребовалъ отъ помѣщика объясненія. Баронъ Вольфъ отвѣтилъ, что онъ никогда Блау за его вѣру не притѣснялъ, и привелъ въ доказательство, что онъ сдавалъ ему дворы въ оброчное содержаніе; но почему онъ не захотѣлъ продать Блау послѣдняго двора, бывшаго у него въ арендѣ, баронъ не объяснилъ да и не обязанъ былъ объяснять. Далѣе, баронъ конечно не преминулъ намекнуть, что поданная жалоба свидѣтельствовала о подстрекательствѣ и злонамѣренномъ натравливаніи со стороны и, переходя къ причинѣ удаленія Блау, указалъ на перепашку и на статью контракта. Въ заключеніе ба-

ронъ просилъ подвергнуть Блау строгой отвѣтственности за неосновательную жалобу. Судъ съ своей стороны тоже отвергъ ее, находя ее легкомысленною и противозаконною (frivol und rechtswidrig). Такъ нигдѣ и не добился правды Блау.

Барщина была запрещена еще въ 1868 г. «Но,—говоритъ балтійскій корреспондентъ *Порядка*,—17 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отбываніе барщины во всѣхъ ея видахъ запрещено закономъ, и 17 лѣтъ это продолженіе крѣпостного права угнетаетъ населеніе края. На сельско-хозяйственномъ конгрессѣ, происходившемъ въ Ригѣ въ февралѣ 1881 г., депутатами эстонскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ былъ возбужденъ вопросъ объ искорененіи барщины, подрывающей экономическое благосостояніе крестьянъ». Но и замѣна барщины оброкомъ тоже ведетъ къ разоренію мужика только другимъ путемъ. Помѣщикъ объявляетъ крестьянину-хозяину, что онъ отмѣняетъ барщину и требуетъ денежнаго оброка въ такомъ-то размѣрѣ; затѣмъ онъ спрашиваетъ у крестьянина, согласенъ ли онъ платить такой оброкъ? Крестьянинъ божится и клянется, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не успѣлъ приготовиться, и умоляетъ продержать его еще годъ или два на барщинѣ; но помѣщикъ мотаетъ головой и говоритъ: «Не могу, любезный, и не хочу,—барщина мнѣ надоѣла; это негодная, временная форма и, выводя ее въ своемъ имѣніи, я исполняю волю правительства. Рѣшайся, или долой съ усадьбы; охотниковъ до нея довольно и мѣсто не останется праздднымъ,—ко мнѣ ужь набиваются такой-то и такой-то». Оброчныя цѣны растутъ страшно. Въ 1860 году онѣ составляли 3—4 р., въ началѣ 70-хъ годовъ 8—12 р., а теперь уже 30 руб. за десятину. Крестьяне разоряются, входятъ въ долги и недоимки, а помѣщики продаютъ съ аукціона ихъ послѣдніе ножитки. Случается даже, что продаютъ людей. Въ 1881 г., по словамъ газеты *Baltiasc Vestnesics*, такая продажа состоялась въ Большомъ Ропѣ, какъ разсказываетъ корреспондентъ: «Во время праздника Св. Троицы я былъ въ Большомъ Ропѣ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго страшнаго происшествія. Передъ тѣсною церковью собралась большая толпа бывшихъ въ церкви, желавшая прослушать, по обыкновенію, свѣтскія объявленія, которыя читалъ мѣстный учитель. Я былъ также въ числѣ слушателей. Сначала я слушалъ не особенно внимательно, но внезапно всѣ были заинтересованы. Было объявлено, что въ числѣ прочихъ вещей будетъ продаваться «человѣкъ». Всѣ стали вы-

казывать крайнее удивленіе и тѣсниться къ тому мѣсту, гдѣ находились мірскія власти, такъ какъ каждому хотѣлось увидѣть публичную продажу человѣка, не имѣвшую мѣста въ Лифляндіи съ тѣхъ поръ, какъ было отмѣнено крѣпостное право. Вскорѣ вывели человѣка, предназначавшагося къ продажѣ. Это былъ старый отставной солдатъ. Его поставили на аукціонное мѣсто, и покупатели ходили кругомъ и осматривали его. Окружающіе бесѣдовали объ этомъ случаѣ. «Гдѣ же мечъ?—воскликнулъ кто-то изъ толпы.—Былъ бы только мечъ, такъ можно было бы по крайней мѣрѣ купить его для охраненія дома отъ воровъ, такъ какъ хозяевамъ не позволено держать ружья». Другой сказалъ: «Пусть повѣсятъ старику медали; тогда за него больше дадутъ». Такія и еще худшія шутки слышалъ я отъ людей. Нѣкоторые спрашивали, не введено ли уже опять крѣпостное право? Слушатели не могли себѣ объяснить этого дѣла, такъ какъ въ объявленіи было просто сказано, что будетъ продаваться человѣкъ, и ничего болѣе. Наконецъ, начался торгъ. «Одну мѣру ржи... Двѣ... Три... Четыре!» Покупатели не рѣшались давать больше, такъ какъ не знали, какимъ образомъ продается человѣкъ: совершенно ли въ наслѣдственное владѣніе, или же на опредѣленное время, или же только для работы». Когда эта корреспонденція была напечатана, въ *Рижской Газетѣ* появилась другая: «Можно сообщить подобный же случай, бывшій въ Курляндской губерніи. Въ одномъ казенномъ имѣніи, въ прошломъ году, былъ общиннымъ судомъ, выражаясь словами корреспондента, проданъ съ публичнаго торга мастеровой, каменщикъ по ремеслу. Корчмарь купилъ этого человѣка за 12 р. 77½ к. и такимъ образомъ дѣло было окончено къ общему удовольствію. Кромѣ этого человѣчка были еще назначены къ продажѣ за неуплату повинностей два человѣка, для которыхъ не нашлось, однако, покупателей. Этотъ проданный человѣкъ былъ отданъ въ работу за недоимки, такъ какъ онъ самъ не выказывалъ намѣренія искать добровольно службы, чтобы погасить тѣмъ свои долги. Вышеозначенная сумма представляла плату, полученную должникомъ отъ покупателя за опредѣленное время работы, и была употреблена судомъ на покрытіе недоимки». Корреспондентъ находитъ это вполнѣ нормальнымъ.

Не разъ заходила рѣчь о выкупѣ крестьянами ихъ земель. Съ 1804 по 1850 годъ въ Лифляндіи крестьянами куплено всего 35 земельныхъ участковъ, на 73.000 р. Но послѣ учрежденія

въ 1849 г. крестьянскаго банка выкупъ усилился; онъ простирался въ 1850—59 г. до 102.000 р. въ годъ, въ 1860—62 г. до 240.000 р. въ годъ, затѣмъ выкуплено земли:

въ 1863 г.	на 1.041.000 р.
» 1864 »	» 3.659.000 »
» 1865 »	» 1.172.000 »
» 1866 »	» 1.026.000 »

До 1868 года всего земель было пріобрѣтено крестьянами на 13½ милліоновъ рублей. Но условія этого выкупа были опредѣлены такія, что онъ сдѣлался только новымъ средствомъ разоренія крестьянъ. Вмѣсто предоставленія крестьянамъ-хозяевамъ права выкупать свои дворы въ полную собственность, дано было помѣщикамъ право пускать крестьянскіе дворы въ продажу, назначать за нихъ произвольную цѣну и, въ случаѣ отказа хозяевъ отъ пріобрѣтенія ихъ на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, продавать ихъ стороннимъ лицамъ. Земля выкупается большею частью въ долгъ и покупщикъ только платитъ помѣщику проценты, не имѣя возможности вполнѣ расквитаться съ нимъ. «Крестьяне, — говоритъ корреспондентъ *Порядка*,—покупающіе землю въ собственность, платятъ по 300 руб. за десятину и уплачиваютъ по 6½ и 7% за долги. Мало того, пріобрѣтеніе земли въ собственность не болѣе какъ злоупотребленіе этимъ словомъ, потому что земля все-таки остается въ нераздѣльномъ владѣніи помѣщика съ крестьяниномъ, такъ что за первымъ остается чуть ли не больше правъ на проданную землю, чѣмъ за ея фиктивнымъ собственникомъ. Устройство мельницъ, заводовъ, фабрикъ, торговыхъ и питейныхъ заведеній, даже булыжника и могущія когда-либо найтись въ землѣ минеральныя богатства, право охоты, рыбной ловли и т. д., и т. д.—остаются за помѣщикомъ».

Въ 60-хъ годахъ возникло предположеніе о водвореніи православныхъ батраковъ на казенныхъ земляхъ. Несмотря на то, что землею было надѣлено всего 2.000 чел., эта мѣра встрѣтила самое ожесточенное противодѣйствіе среди помѣщиковъ: интригамъ и инсинуаціямъ конца не было. *Голосъ*, наприм., они провозглашали «мятежною газетой, которая задалась цѣлью сѣять вражду между Государемъ и его подданными». *Крестовая Газета* 1866 г., № 281, говорила: «Архіепископъ (рижскій) Платонъ нашелъ себѣ союзниковъ въ министрѣ государственныхъ имуществъ и въ шефѣ государственныхъ имуществъ Балтійскаго

края, Шафрановѣ. Они хотятъ мызныя земли казенныхъ имѣній разбить на мелкіе участки и раздать ихъ батракамъ православнаго исповѣданія; такимъ образомъ новорусско-соціалистическое, или нигилистическое ученіе причинитъ новыя смуты между крестьянами, состоящими подъ нѣмецкою властью въ частныхъ имѣніяхъ Лифляндіи и Курляндіи».

Въ то время, какъ помѣщичьи мызы своимъ богатствомъ и благоустройствомъ напоминаютъ образцовыя хозяйства Англіи, крестьяне живутъ въ бѣднѣйшихъ хатахъ, безъ оконъ, безъ печныхъ трубъ, безъ пола, даже безъ замковъ, такъ какъ у нихъ украсть нечего. Многіе живутъ даже не въ избахъ, а въ овинахъ. Нищета, хлѣбъ съ мякиной, частыя голодовки—все это держитъ крестьянъ въ самомъ ненормальномъ состояніи и періодически доводитъ ихъ до волненій, какъ, наприм., выселеніе ихъ изъ края массами въ 1868 и 1869 годахъ. Между тѣмъ латыши и эсты уже перестали быть прежними полудикарями,—у нихъ есть свои школы, газеты, интеллигенція. Они сознаютъ свое критическое положеніе и стремятся выйти изъ него. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ двухъ очень популярныхъ въ краѣ пѣсенъ:

Изъ «*Пѣсни на Иванов день*»:

«Бѣдный ты, латышскій народецъ, терзаемый, мучимый! Тебѣ болѣе идетъ названіе народа-мученика, нежели латышскаго.

«Тебѣ остается проклясть, подобно Іову, день рожденія твоего племени. Несчастенъ, кого породила эта страна, кто уродился латышомъ!»

Изъ «*66 куплетовъ*»:

«Вплоть до нашихъ дней можно налагать на латыша ярмо, гнать и бить его. За него никто не заступался, пока великій Александръ I (да обрадуетъ Богъ душу его!) не даровалъ свободы, не установилъ законовъ.

«Но могли ли съ тѣхъ поръ латыши, какъ слѣдуетъ, возрасти въ довольствѣ? Нѣтъ, господа заботились только о томъ, чтобъ извлечь пользу для самихъ себя, какъ бы не утратить силы, не упустить власти.

«Они выдумали законы, ихъ представили Государю, восхваляя, какъ самые полезные. Но миръ и радость не могутъ процвѣтать тамъ, гдѣ волкъ становится пастухомъ надъ овцами; тотъ не умѣетъ дѣлать добро, кто желаетъ только терзать и пожирать...

«Легко перечислить большія мызы, на которомъ люди бѣдствуютъ въ развалившихся хатахъ, ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ

мякиной и ждутъ съ унынiемъ, когда ихъ опять погонятъ на барщину...

«Здѣсь нѣтъ для крестьянина мирнаго пристанища; онъ долженъ скитаться по міру, ибо его можно притѣснять даже болѣе прежняго и за пустяки согнать съ отцовскаго пепелища,—пускай идетъ на всѣ четыре стороны...

«Всякій трудолюбивый мужичокъ по мѣрѣ силъ своихъ работаетъ, чинитъ постройки, разводитъ сады, вспахиваетъ пустыри, рубитъ кусты, удобряетъ поля, чиститъ болота и луга, воздѣлываетъ крутые овраги.

«Но вотъ является землемѣръ съ цѣпью, сиѣряетъ лугъ и поле и съумѣетъ увеличить число талеровъ; онъ находитъ, что земля очень тучна. И крестьянину приходится платить двойную аренду за свои труды: они пожираются чужими людьми.

«Очень часто случается возобновлять контракты, и при этомъ баринъ не забываетъ ввести новые счеты: рубля на два всегда тутъ повысится талеръ.

«Если же не сдѣлаешь, чего отъ тебя требуютъ, то въ Юрьевъ день тебя прогонятъ со двора. Тяжело покинуть отцовское пепелище, но скверно и быть рабомъ барина...

«Мы, безсильные людишки-земледѣльцы, въ тяжкихъ своихъ страданiяхъ должны съ надеждою обращать свои взоры на Петербургъ, гдѣ живетъ нашъ защитникъ, великій избавитель народовъ».

Если дѣла и дальше пойдутъ такъ же, какъ шли они до сихъ поръ, то въ результатѣ получится милліонный безземельный и безправный *лопсъ*, немногочисленные, вполнѣ онѣмеченные крестьяне-хозяева и богатые помѣщики, которые и теперь уже мечтаютъ о политической германизаціи края. Въ журналѣ *Unsere Tage*, наприм., печатался цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ: «Призваніе Пруссіи на Востокѣ»—и въ нихъ глава VII открыто толковала «о будущности нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій подъ владычествомъ Пруссіи». Незавидный же подарокъ готовятъ Германіи балтійскіе фоны съ своими аграрными отношеніями, сильно напоминающими Ирландію; незавидную будущность они подготовляютъ для себя. Народное безземелье служитъ постоянною причиною волненій, для усмиренія которыхъ въ край вводились войска въ 1841, 1845, 1856, 1862, 1865, 1866 годахъ. Онѣмеченье крестьянъ-хозяевъ не поможетъ умиротворенію края, пока не будетъ устроенъ какъ слѣдуетъ милліонный пролетаріатъ.

С. Шашковъ.

О вліяніи прогресса на бѣдность.

Henry George: „Progress and Poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions and of increase of want with increase of wealth". Lond. 1882.

Настоящія статьи мы желали бы посвятить разсмотрѣнію интереснаго труда американскаго автора Генриха Джорджа, въ которомъ, не считая нѣкоторыхъ недостатковъ и отсутствія знакомства съ извѣстною частью экономической литературы, найдется много страницъ, преисполненныхъ душевной теплоты, искренности, живости и остроумія. Сверхъ того, не маловажную заслугу автора составляетъ и то, что онъ пришелъ совершенно самостоятельно ко всѣмъ своимъ выводамъ и сдѣлалъ полную оцѣнку различныхъ мнѣній экономистовъ о цѣнности и о богатствѣ, о рентѣ, о заработной платѣ и о процентѣ, о законѣ народонаселенія и о другихъ предметахъ. Въ своемъ изученіи экономической науки авторъ пользовался твореніями англійскихъ, американскихъ и французскихъ экономистовъ и только, къ сожалѣнію, не познакомился съ нѣмецкими, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія знанія нѣмецкаго языка. Правда, нѣкоторыя изъ заключеній и наблюденій Джорджа надъ общественною экономіей встрѣчаются уже у другихъ писателей, въ особенности у Родбертуса, котораго авторъ очевидно не читалъ. Но если взять въ соображеніе, что авторъ самъ принадлежалъ къ рабочему классу Сѣверной Америки и даже въ настоящее время, какъ онъ самъ заявляетъ о себѣ, состоитъ еще членомъ союза сопротивленія (trades union), то нельзя не удивляться, какъ много онъ продумалъ и сколь многому выучился при такой обстановкѣ, которая обыкновенно даетъ для занятій этого рода слишкомъ мало досуга. Относительно главнѣйшихъ достоинствъ и недостатковъ сочиненія Джорджа мы выскажемся, по мѣрѣ силъ

и вкратцѣ, въ главахъ VI и X нашихъ статей; что же касается изложенія содержанія книги автора, то ограничимся въ немъ только изображеніемъ наиболѣе характеристическихъ положеній, оставляя въ сторонѣ многочисленныя подробности и доказательства, приводимыя авторомъ въ ихъ подтвержденіе.

I.

Настоящее столѣтіе обозначилось чудеснымъ возрастаніемъ производящей богатство силы. Пользованіе паромъ и электричествомъ, введеніе усовершенствованныхъ процессовъ и сберегающихъ трудъ машинъ, большее подраздѣленіе и болѣе крупные размѣры производства, удивительное облегченіе обмѣна — въ громадное число разъ увеличили производительность труда. Въ началѣ этой чудесной эры было естественно ожидать, и ожидали, что изобрѣтенія, сберегающія трудъ, облегчатъ трудъ и улучшатъ положеніе рабочаго, что громадное увеличеніе производительной силы богатства сдѣлаетъ настоящую бѣдность дѣломъ прошлаго. Еслибы человѣкъ прошлаго столѣтія, Франклинъ или Пристлей, могъ увидѣть въ фантазіи будущаго паровое судно, занимающее мѣсто паруснаго, желѣзнодорожный вагонъ вмѣсто повозки, жатвенную машину вмѣсто серпа, молотилку вмѣсто цѣпа; еслибъ онъ могъ слышать стукъ машинъ, которыя обнаруживаютъ силу бо́льшую, нежели принадлежащая всѣмъ людямъ и рабочимъ животнымъ всего земнаго шара; еслибъ онъ могъ увидѣть лѣсное дерево, преобразованное въ оконченную мебель, въ двери, въ крыши, въ оконныя рамы, въ коробки и въ бочонки, къ которымъ едва только прикоснулась рука человѣка,—громадныя мастерскія, гдѣ сапоги и башмаки производятся въ нѣсколько минутъ съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ сколько башмачникъ положилъ бы на одну подошву,—фабрики, въ которыхъ подъ наблюденіемъ дѣвочки хлопокъ ткется скорѣе, чѣмъ сколько могла бы соткать его цѣлая сотня ткачей на своихъ ручныхъ станкахъ,—паровые молоты, образующіе громадные стержни и могучіе якоря,—деликатныя машины, дѣлающія карманные часы, алмазный буравъ, пробуравливающій цѣлыя скалы, и угольное масло, сберегающее китовый жиръ; еслибъ онъ могъ осуществить громадное сбереженіе труда, вытекающее изъ улучшеній и облегченій обмѣна и сношеній, причемъ овца, убитая въ Австраліи, съѣдается свѣжею въ Англіи, и приказъ, данный лондонскимъ банкиромъ

послѣ обѣда, испóлняется въ С. Франциско утромъ того же дня: еслибъ онъ все это могъ увидѣть, могъ ли бы онъ поиять изъ сотни тысячъ видѣнныхъ имъ улучшеній, чтó должно было бы заключитъ о спеціальномъ положеніи рода человѣческаго? Онъ увидѣлъ бы въ воображеніи вполнѣ ясно новыя силы, поднимающія общество надъ его основою, повышающія бѣдняка надъ нуждою, отнимающія у нищаго заботу о матеріальныхъ нуждахъ жизни; онъ увидѣлъ бы эти мускулы и нервы изъ стали дѣлающими жизнь бѣднаго рабочаго праздникомъ. И изъ этихъ щедрыхъ матеріальныхъ условій онъ увидѣлъ бы возрастаніе нравственнаго порядка, реализирующаго золотой вѣкъ, о которомъ всегда мечтало человѣчество. Все, что дурно, исчезло бы; все, что хорошо, осталось бы и упрочилось; раздоръ превратился бы въ гармонію.—Съ большею или меньшею ясностью или темнотою таковы именно были надежды и сновидѣнія, порожденныя улучшеніями, которыя даютъ этому чудесному столѣтію его преобладаніе надъ предшественниками. Они такъ глубоко проникли въ народный умъ, что радикально измѣнили теченія мысли, преобразовали вѣрованія и смѣстили наиболѣе основныя концепціи.

Въ настоящее время мы пришли въ столкновеніе съ фактами, въ которыхъ не можетъ быть обмана. Изъ всѣхъ частей цивилизованнаго міра являются жалобы на промышленное разстройство; все безчувственное, разслабляющее горе, острая, отупляющая тоска,—все, что для большой массы заключается въ словахъ «тяжелыя времена», мучитъ въ настоящее время міръ. Это состояніе вещей, общее государствамъ, широко различающимся по положенію, по политическимъ учрежденіямъ, по фискальной и финансовой системамъ, не можетъ быть отнесено на счетъ однѣхъ мѣстныхъ причинъ. Что у всего этого есть общая причина и что она состоитъ или въ томъ, что называется матеріальнымъ прогрессомъ, или въ чемъ-либо тѣсно съ нимъ связанномъ, это становится несомнѣннымъ выводомъ, когда оказывается, что явленія, которыя сводятся въ одно цѣлое, когда идетъ рѣчь о промышленномъ упадкѣ, представляютъ не что иное какъ интенсификацію тѣхъ явленій, которыя всегда сопровождаютъ матеріальный прогрессъ и которыя обнаруживаются съ бóльшею ясностью и силой, чѣмъ самый этотъ прогрессъ. Тамъ, гдѣ всего полнѣе осуществляются условія, къ которымъ всегда тяготѣетъ матеріальный прогрессъ,—иными словами, гдѣ наи-

болѣе густое населеніе, наибольшее богатство и наиболѣе развиты машинное производство и обмѣнъ, — тамъ встрѣчаемъ мы глубочайшую нищету, острѣйшую борьбу за существованіе, сильнѣйшую вынужденную праздность. Преимущественно въ старыхъ странахъ, въ которыхъ матеріальный прогрессъ достигъ высшихъ ступеней, широко разбросанная нищета встрѣчается среди величайшаго изобилія. Ступайте въ одну изъ новыхъ общинъ, гдѣ англо-саксонская энергія уже насадила расу прогресса, гдѣ машины и обмѣнъ еще грубы и недѣйствительны, гдѣ лучшій домъ есть хижина изъ бревенъ или шатеръ и гдѣ богатѣйшій человѣкъ принужденъ къ ежедневному труду,—и хотя вы тутъ найдете отсутствіе богатства, но не найдете и нищеты. Тутъ никто не живетъ въ полномъ довольствѣ, но каждый можетъ доставить себѣ существованіе, и ни одинъ способный и желающій работать не встрѣчаетъ препятствій къ тому въ недостаткѣ работы. Но какъ только подобная община осуществитъ тѣ условія, къ которымъ стремятся всѣ цивилизованныя общества, и поднимется по лѣстницѣ матеріальнаго прогресса; какъ только болѣе густое населеніе и болѣе тѣсная связь съ остальнымъ міромъ, а также бо́льшая утилизація сберегающихъ трудъ машинъ сдѣлаютъ возможною бо́льшую экономію въ производствѣ и обмѣнѣ и, вслѣдствіе этого, возрастетъ богатство, какъ количественно, такъ и въ пропорціи къ населенію, — то сейчасъ же бѣдность приметъ болѣе мрачный видъ. Иные достигаютъ болѣе легкой и лучшей жизни, а другіе находятъ труднымъ даже просто найти средства къ жизни. Съ локомотивами является «толкотня», благотворительныя учрежденія и тюрьмы являются столько же знаками «матеріальнаго прогресса», какъ и дорогіе дома, богатые магазины и великолѣпныя церкви. На улицахъ, освѣщенныхъ газомъ и охраняемыхъ полицейскими въ мундирахъ, ждутъ прохожихъ нищіе и въ тѣни коллегіи, книжнаго магазина и музея собираются наиболѣе ужасные гунны и вандалы, о которыхъ пророчествовалъ Маколэй. И какъ бы непріятнымъ ни показалось согласиться съ этимъ, по меньшей мѣрѣ сдѣлалось очевиднымъ, что громадное возрастаніе производительной силы, которое характеризуетъ настоящее столѣтіе и продолжаетъ идти по все ускоряющемуся уровню, не имѣетъ никакой тенденціи искоренить бѣдность или облегчить страданія тѣхъ, кто принужденъ мучиться. Оно только расширяетъ бездну между богатымъ и лазаремъ и дѣлаетъ болѣе интенсивною борьбу за существо-

ваніе. Ходъ изобрѣтеній одарилъ человѣчество силами, о которыхъ вѣкъ тому назадъ самое смѣлое воображеніе не могло и мечтать. Но на фабрикахъ, гдѣ сберегающія трудъ машины достигли наиболѣе удивительнаго развитія, работаютъ маленькія дѣти. Обѣтованная земля разлетается передъ нами подобно миражу. Плоды древа знанія, за которые мы хватаемся, превращаются въ содомскія яблоки, которыя крошатся отъ прикосновенія къ нимъ.

Новыя силы, хотя высшія по своей природѣ, дѣйствуютъ на соціальную фабрику не снизу, какъ долговременно ожидали и надѣялись, но ударяютъ по ней въ пунктѣ, промежуточномъ между верхушкою и срединою тѣла. Это все равно, какъ если-бы громадный клинъ былъ вбитъ не подъ общество, а сквозь общество. Тѣ, которые находятся выше пункта отдѣленія, возвышены, тѣ же, которые ниже, придавлены къ землѣ. Въ прогрессѣ новыхъ поселеній, сравнительно съ иными условіями старыхъ обществъ, можно видѣть съ ясностью, что матеріальный прогрессъ не только не облегчаетъ бѣдности, но самъ порождаетъ ее. Въ Соединенныхъ Штатахъ очевидно, что грязь и нищета, порождаемые ими пороки и преступленія возникаютъ вездѣ тамъ, гдѣ деревня доростаетъ до города и гдѣ ходъ развитія приноситъ выгоды улучшенныхъ способовъ производства и обмѣна. Именно въ старѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ пауперизмъ и нищета среди рабочихъ классовъ сдѣлались наиболѣе грустно-очевидны. Если въ С.-Франциско меньше скрытой нищеты, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, то развѣ это не потому, что С.-Франциско отстаетъ отъ Нью-Іорка по пути, по которому оба они стремятся? Когда С.-Франциско достигнетъ пункта, на которомъ стоитъ теперь Нью-Іоркъ, то кто же можетъ сомнѣваться, что и тамъ также станутъ встрѣчаться на улицахъ оборванныя и босыя дѣти? Эта ассоціація бѣдности и прогресса — великая загадка настоящаго. Это — центральный пунктъ, изъ котораго вытекаютъ индустріальныя, соціальныя и политическія затрудненія, которыя мучатъ міръ и съ которыми напрасно схватываются государственные люди, филантропы и воспитатели. Отсюда является облако, которое виситъ надъ будущимъ наиболѣе прогрессивныхъ и самоувѣренныхъ націй. Воспитывать людей, которые должны быть приговорены къ бѣдности, значитъ дѣлать ихъ упрямыми; строить политическія учрежденія на фундаментѣ поразительнѣйшаго соціальнаго

неравенства, при которыхъ люди теоретически равны, значитъ строить пирамиду внизъ верхушкой.

Причина, производящая бѣдность рабочихъ массъ среди возрастающаго богатства, очевидно, есть причина, обнаруживающаяся въ повсюду признанной тенденціи заработной платы къ извѣстному минимуму. На вопросъ, почему, вопреки возрастанію производительной силы, заработная плата стремится къ минимуму, который даетъ одно только простое существованіе, отвѣтъ ходячей политической экономіи тотъ, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ и суммою капитала, посвященнаго на употребленіе труда, и постоянно тяготѣетъ къ нижайшему уровню, по которому рабочіе соглашаются жить и воспроизводиться, такъ какъ возрастаніе въ числѣ рабочихъ стремится естественно слѣдовать всякому возрастанію капитала и даже догонять или перегонять его. Въ ходячей теоріи политической экономіи это ученіе признается безспорно господствующимъ. Оно носитъ подъ собою подпись весьма высокихъ именъ среди воздѣлывателей политической экономіи, и хотя на него дѣлались нападенія, они были вообще болѣе формальны, чѣмъ дѣйствительны (?). Оно допущено Боклемъ, какъ основа для обобщеній всеобщей исторіи; оно же излагается во всѣхъ, или почти во всѣхъ, большихъ университетахъ американскихъ и англійскихъ; оно же содержится въ учебникахъ, которые любятъ руководить массами въ правильномъ сужденіи о практическихъ дѣлахъ. Но какъ бы ни было глубоко вкоренившимся и широко признаннымъ это ученіе, по мнѣнію автора, оно не можетъ выдержать сравненія съ очевидными фактами. Какъ, можно спросить, возникло такое ученіе? Какъ произошло то, что оно было принято послѣдовательнымъ рядомъ экономистовъ со временъ Адама Смита до настоящихъ дней? Если разсмотрѣть поближе способъ разсужденія, которымъ поддерживается это ученіе о заработной платѣ въ ходячихъ трактатахъ, то можно сразу видѣть, что оно не есть индукція надъ наблюденными явленіями, а дедукція изъ предварительно принятой теоріи, что заработная плата извлекается изъ капитала. Въ дѣйствительности же, вопреки мнѣніямъ столькихъ авторитетовъ, заработная плата извлекается не изъ капитала, а изъ продукта труда, за который она заплачена. Что это есть нѣчто большее, нежели чисто формальное различіе, станетъ очевидно, если будетъ разсмотрѣно, что на различіи между этими двумя положеніями воздвигнуты всѣ ходячія теоріи объ

отношеніяхъ капитала и труда,—что изъ него выведены ученія, которыя, будучи считаемы аксіоматическими, связываютъ, направляютъ и извращаютъ способнѣйшіе умы въ спорѣ о наиболѣе современныхъ вопросахъ. На утвержденіи, что заработная плата извлекается прямо изъ капитала, а не изъ продукта труда, основано не только ученіе, что заработная плата зависитъ отъ отношенія между капиталомъ и трудомъ, но и то ученіе, что промышленность ограничена капиталомъ, что капиталъ долженъ быть накопленъ раньше, нежели употребленъ трудъ, и что трудъ не можетъ быть употребленъ прежде накопленія капитала,—ученіе, что всякое возрастаніе капитала даетъ или способно дать добавочное занятіе промышленности,—ученіе, что обращеніе оборотнаго капитала въ постоянный уменьшаетъ фондъ, назначенный на содержаніе труда,—ученіе, что больше рабочихъ можетъ быть употреблено по низкой, нежели по высокой платѣ,—ученіе, что капиталъ, примѣненный къ земледѣлію, даетъ занятія большему числу рабочихъ, чѣмъ примѣненный къ мануфактурамъ,—ученіе, по которому прибыль бываетъ высока или низка, смотря по тому, низка или высока заработная плата, или что она зависитъ отъ издержекъ производства рабочихъ. Еслибы было показано, что теорія о трудѣ, оплачиваемомъ и поддерживаемомъ изъ существующаго капитала, есть заблужденіе, и что, наоборотъ, содержаніе труда и платы за него даже временно не вытекаютъ изъ капитала, но прямо извлекаются изъ продукта работы,—то вся эта обширная надстройка останется безъ поддержки и должна упасть, такъ какъ вся она основана на предположеніи, которое было просто принято за доказанное, безъ малѣйшей попытки различить кажущееся отъ дѣйствительнаго.

Основная истина, которая никогда не должна быть упускаема изъ виду въ экономической аргументаціи, есть та, что общество въ своей наиболѣе развитой формѣ есть просто выработка изъ общества въ грубѣйшихъ началахъ и что начала очевидныя въ болѣе простыхъ отношеніяхъ людей только маскируются, а не отмѣняются болѣе запутанными отношеніями, вытекающими изъ раздѣленія труда и изъ употребленія болѣе сложныхъ орудій и способовъ производства. Паровая молотилка, мельница съ ея сложными машинами, совершающими многоразличныя движенія, есть то же, чѣмъ былъ каменный топоръ временъ доисторическихъ. И каждый человѣкъ, занятый при ней или вкидываніемъ дровъ въ печь, или пусканіемъ въ ходъ машины, или приспособленіемъ

камней, или наложеніемъ печатей на мѣшки, или содержаніемъ счетныхъ книгъ,—въ дѣйствительности посвящаетъ свой трудъ той же цѣли, какъ и доисторическій дикарь, когда онъ употреблялъ свой топоръ на приготовленіе зерна для человѣческой пищи. Если мы запомнимъ это крѣпко, если мы взглянемъ на производство какъ на цѣлое, какъ на кооперацію всѣхъ для удовлетворенія потребностей каждаго, то мы увидимъ, что вознагражденіе, которое получаетъ каждый за свои усилія, столь же вѣрно приходитъ къ нему отъ природы, какъ подобный же результатъ усилія доставался и первому человѣку. Когда дѣленіе труда вполнѣ установилось, то, вмѣсто того, чтобы каждый пытался удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ прямымъ обращеніемъ къ природѣ, одинъ ловитъ рыбу, другой охотится, третій собираетъ ягоды, четвертый рветъ плоды, пятый дѣлаетъ орудія, причемъ каждый изъ нихъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ обмѣнивается прямымъ продуктомъ своего труда на прямой продуктъ труда другихъ, дѣйствительно примѣняетъ свой трудъ къ производству употребляемыхъ имъ вещей, т. е. удовлетворяетъ свои потребности своими усиліями, иными словами—получаемое *производитъ самъ*. Теперь если мы прослѣдимъ эти принципы, довольно очевидные въ простомъ состояніи общества, чрезъ сложное состояніе, называемое цивилизованнымъ, то мы ясно увидимъ, что въ каждомъ случаѣ, въ которомъ трудъ обмѣнивается на товары, производство дѣйствительно предшествуетъ потребленію, плата есть заработокъ,—иными словами, плодъ труда, а не авансъ капитала,—и что рабочій, получающій свою плату въ деньгахъ, получаетъ въ дѣйствительности за то, что его трудъ образовалъ прибавку къ общественному богатству. Горнорабочій, который на глубинѣ 1.000 футовъ, въ сердцѣ Комстона, выкапываетъ серебряную руду, въ дѣйствительности, путемъ тысячи обмѣновъ, собираетъ жатву въ долинахъ; охотящійся за китомъ на арктическомъ ледяномъ полѣ, рвущій табачные листья въ Виргиніи, собирающій кофейныя ягоды въ Гондурасѣ, рѣжущій сахарный тростникъ на Гавайскихъ островахъ, собирающій хлопокъ въ Грузіи и ткущій его въ Манчестерѣ или въ Ловелѣ,—всѣ они подъ видомъ заработной платы получаютъ часть продукта своего собственнаго труда.

Что же именно слѣдуетъ понимать подъ заработною платой и подъ капиталомъ?—спрашиваетъ авторъ и приступаетъ къ отвѣту. Первому изъ этихъ словъ экономистами былъ придавъ до-

статочно опредѣленный смыслъ, но двусмысленности, которыя были связаны съ употребленіемъ второго, вызываютъ на детальное изысканіе. Употребляемое въ обыкновенной рѣчи слово «заработная плата» означаетъ вознагражденіе, получаемое нанятымъ индивидуумомъ за его службу; и мы говоримъ о человѣкѣ «работающемъ за плату» въ противоположность другому, который работаетъ «для самого себя». Употребленіе термина еще болѣе ограничивается обычаемъ примѣненія его только къ вознагражденію, уплачиваемому за ручной трудъ. Нѣтъ рѣчи о заработной платѣ профессіонистовъ, какови—управляющіе, клерки, но объ ихъ жалованьи, комиссіи, доходахъ. Но въ политической экономіи слово это имѣетъ болѣе широкій смыслъ и разумѣетъ всякую выручку за усилія, даже если она дается не патрономъ, въ виду того различія, какое существуетъ между выручкою съ труда, съ одной, и выручками съ капитала и съ земли, съ другой стороны. Золото, вымытое самостоятельнымъ золотоискателемъ, составляетъ столько же его заработную плату, какъ и деньги, платимыя нанятому горнорабочему за рытье угля хозяиномъ, и, какъ показываетъ Ад. Смитъ, высокая прибыль мелочныхъ торговцевъ представляетъ значительною частью заработную плату (?), служащую вознагражденіемъ за ихъ трудъ, а не за капиталъ. Труднѣе отдѣлить идею капитала отъ тѣхъ двусмысленностей, которыя съ нею смѣшаны, и установить научный смыслъ термина. Въ обыкновенной рѣчи всякій сортъ вещей, имѣющихъ цѣнность или приносящихъ доходъ, называется шаткимъ словомъ капитала, тогда какъ мнѣнія о капиталѣ экономистовъ разнятся въ такой степени, что терминъ этотъ врядъ ли можетъ быть имѣющимъ опредѣленный смыслъ. Авторъ приводитъ затѣмъ многочисленныя цитаты изъ экономическихъ сочиненій, англійскихъ и американскихъ, изъ которыхъ дѣлаетъ тотъ справедливый выводъ, что путаница и самоопроверженіе въ нихъ граничатъ съ невозможностью. Составляетъ лишь незначительную разницу,—продолжаетъ авторъ,—какое имя даемъ мы вещи, или только употребляемое имя мы всегда имѣемъ въ виду относительно однѣхъ и тѣхъ же вещей, а не другихъ. Но затрудненіе, возникающее въ экономической аргументаціи, отъ этихъ шаткихъ опредѣленій капитала состоитъ въ томъ, что только въ посылкахъ сужденія терминъ употребляется въ спеціальномъ смыслѣ, отведенномъ опредѣленію, тогда какъ въ практическихъ заключеніяхъ онъ всегда употребляется въ общемъ и опредѣлен-

номъ смыслѣ. Въ дѣйствительности понимаютъ достаточно хорошо, что такое капиталъ, пока не стали опредѣлять его, и, благодаря сложности его идеи, не расходятся въ разныя стороны въ своихъ опредѣленіяхъ. Обыкновенный смыслъ термина есть тотъ, что капиталъ есть богатство, посвященное производству бо́льшаго богатства. Ад. Смитъ правильно выражаетъ эту общую идею, говоря: «та часть имущества человѣка, отъ которой онъ ожидаетъ полученіе дохода, называется его капиталомъ». И капиталъ общества есть очевидно сумма подобныхъ индивидуальныхъ капиталовъ, или та часть соединеннаго имущества, отъ которой ожидается доставленіе бо́льшаго богатства. Затрудненія, сопровождающія употребленіе слова капиталъ, какъ точный терминъ, и которыя еще болѣе поразительно проявляются въ текущихъ политическихъ и соціальныхъ спорахъ, чѣмъ въ опредѣленіяхъ экономистовъ, вытекаютъ изъ двухъ фактовъ: во-первыхъ, что нѣкоторые классы вещей, обладаніе которыми для индивидуума въ точности соотвѣтствуетъ обладанію капиталомъ, не составляютъ собою части капитала общества; во-вторыхъ, что вещи одного и того же рода могутъ или не могутъ быть капиталомъ, соотвѣтственно предположенію, для котораго онѣ посвящены. Съ небольшимъ вниманіемъ къ этимъ пунктамъ не было бы нисколько затруднительно получить довольно ясную и твердую идею о томъ, что терминъ *капиталъ* собственно заключаетъ въ себѣ въ общемъ употребленіи такое понятіе, которое даетъ намъ возможность сказать, что̀ такое *капиталъ* и что̀ нѣтъ, и употреблять слово безъ двусмысленности или уклоненія отъ его смысла.

Земля, трудъ и капиталъ суть три фактора производства. Если припомнить, что капиталъ есть терминъ, употребляемый для противоположенія земли и труду, то мы сразу увидимъ, что ничто, надлежащимъ образомъ подведенное подъ одинъ изъ этихъ терминовъ, не можетъ быть собственно классифицировано, какъ капиталъ. Выраженіе «земля» необходимо включаетъ не только поверхность земли, какъ отличную отъ воды и воздуха, но и весь матеріальный міръ внѣ человѣка, такъ какъ только при помощи доступа къ землѣ человѣкъ можетъ придти въ соприкосновеніе съ природой или къ пользованію ею. Выраженіе «земля» обнимаетъ вкратцѣ всѣ естественные матеріалы, силы, угодья, и поэтому ничто свободно доставляемое природой не можетъ считаться капиталомъ. Плодородное поле, богатая жила руды, падающій по-

токъ, доставляющій силу, могутъ дать владѣльцу выгоды, соотвѣтствующія владѣнію капиталомъ; но считать эти вещи за капиталъ значило бы положить конецъ различію между землею и капиталомъ и, насколько они находятся въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи, сдѣлать и то и другое выраженія лишенными смысла. Терминъ «трудъ» подобнымъ же образомъ включаетъ всѣ человѣческія усилія, и поэтому человѣческія силы, какъ естественныя, такъ и пріобрѣтенныя, никогда, собственно говоря, не могутъ считаться капиталомъ. Въ общей рѣчи мы часто говоримъ о знаніяхъ человѣка, ловкости или промыслѣ, какъ образующихъ его капиталъ; но это, очевидно, метафорическое выраженіе, котораго нужно избѣгать въ аргументаціи, дорожащей точностью. Превосходство въ подобномъ качествѣ можетъ увеличить доходъ индивидуума, подобно капиталу, и возрастаніе знаній, ловкости и прилежанія въ обществѣ можетъ имѣть то же слѣдствіе въ увеличеніи его производства, какое было бы и отъ возрастанія капитала; но это возрастаніе было бы обязано возросшей силѣ труда, а не капитала. Увеличенная быстрота можетъ придать пушечному ядру то же дѣйствіе, какъ и увеличенный вѣсъ,—и все же вѣсъ есть одна вещь, а быстрота—другая. Итакъ, мы должны исключить изъ капитала всякую вещь, которая можетъ быть включена или въ «землю», или въ «трудъ». Если мы сдѣлаемъ такъ, то останутся только вещи, которыя ни земля, ни трудъ, но которыя произошли изъ соединенія этихъ двухъ факторовъ производства. Ничто не можетъ быть капиталомъ въ собственномъ смыслѣ, что не состоитъ въ такихъ вещахъ,—иными словами, что не богатство. Но именно изъ двусмысленности въ употребленіи этого исключительнаго термина «богатство» произошли многія двусмысленности, относящіяся къ терминѣ «капиталъ». Въ обыкновенномъ языкѣ слово «богатство» примѣняется ко всему, имѣющему мѣновую цѣнность. Но когда оно употребляется какъ терминъ политической экономіи, оно должно имѣть болѣе ограниченный и опредѣленный смыслъ, такъ какъ о многихъ вещахъ говорится, что онѣ—богатство, тогда какъ, если принять во вниманіе коллективное или общее богатство, ихъ вовсе нельзя принять за богатство. Подобныя вещи имѣютъ мѣновую цѣнность и обыкновенно зовутся богатствомъ, насколько онѣ представляютъ силу полученія богатства между индивидуумами или рядами индивидуумовъ; но онѣ не богатство въ самомъ дѣлѣ, такъ что ихъ увеличеніе или умень-

шеніе не дѣйствуетъ на сумму богатства. Таковы чеки, залоговыя бумаги, векселя, банковые билеты и другія сдѣлочныя бумаги для трансферта богатства. Таковы же рабы, цѣнность которыхъ просто представляетъ силу класса присвоивать себѣ заработки другого класса. Таковы земли и естественныя угодья, цѣнность которыхъ есть только результатъ признанія въ пользу отдѣльныхъ лицъ исключительнаго права распоряженія ими и которыя представляетъ только силу, данную собственникамъ требовать долю богатства, произведенную тѣми, кто пользуется имъ. Возрастаніе количества векселей, гипотечныхъ бумагъ, банковыхъ билетовъ не можетъ увеличивать богатство общины, которая включаетъ въ себѣ какъ тѣхъ, кто обѣщаетъ платить, такъ и тѣхъ, кто имѣетъ право получить. Обращеніе въ рабство извѣстной части населенія не могло бы также увеличить богатство народа, такъ какъ то, что выиграли бы рабовладѣльцы, то потеряли бы рабы. Возрастаніе цѣнности земли не представляетъ возрастанія цѣнности общаго богатства, ибо что землевладѣльцы выигрываютъ на высокихъ цѣнахъ, то теряютъ фермеры или покупатели. И все это относительное богатство, которое въ просторѣчіи и въ простомысліи, въ законодательствѣ и въ законѣ не отличается отъ дѣйствительнаго богатства, могло бы быть окончательно уничтожено при помощи нѣсколькихъ капель чернилъ и клочка бумаги. На основаніи повелѣній верховной власти долги могутъ быть отмѣняемы, рабы освобождаемы—безъ того, чтобы цѣнность совокупнаго богатства уменьшилась хоть на щепотку табаку, такъ какъ то, что нѣкоторые потеряютъ, другіе выиграютъ. Не могло быть ни разрушенія, ни увеличенія богатства въ обогащеніи Елисаветою Тюдоръ своихъ фаворитовъ-придворныхъ пожалованіемъ имъ монополій, или въ превращеніи русскихъ крестьянъ Борисомъ Годуновымъ въ рыночную собственность.

Только тѣ вещи могутъ считаться богатствомъ, производство которыхъ увеличиваетъ, а разрушеніе ихъ уничтожаетъ совокупное богатство. Если мы обратимъ вниманіе на то, что такое эти вещи и какова ихъ природа, мы безъ труда опредѣлимъ богатство. Когда мы говоримъ объ увеличеніи общественнаго богатства,—какъ еслибы мы говорили о возрастаніи богатства Англіи со времени вступленія на престолъ Викторіи, или что Калифорнія теперь болѣе богатая страна, чѣмъ пока она была территоріею Мексики,—мы не хотимъ сказать, что тамъ больше земли, или что тамъ больше народу, или что долги или подати,

уплачиваемые одними членами этого народа другимъ, увеличились; но мы понимаемъ, что тамъ произошло увеличеніе осязаемыхъ предметовъ, имѣющихъ дѣйствительную, а не относительную только цѣнность,—такихъ, какъ постройки, скотъ, орудія, машины, земледѣльческіе и минеральные продукты, мануфактурные товары, суда, вагоны, мебель и т. п. Возрастаніе подобныхъ вещей есть возрастаніе богатства, а ихъ уменьшеніе есть упадокъ богатства, и общество, имѣющее пропорціонально своему числу такихъ вещей наибольшее количество, есть наиболѣе богатое. Общій характеръ этихъ вещей тотъ, что онѣ состоятъ изъ естественныхъ матерій или продуктовъ, которые были пріурочены человѣческимъ трудомъ къ человѣческому потребленію, причемъ цѣнность ихъ зависитъ отъ количества труда, которое требуется среднимъ числомъ на производство вещей такого рода. Итакъ, богатство, какъ единственный терминъ, который можно употреблять въ политической экономіи, состоитъ изъ предметовъ природы, которые измѣнены человѣческими усиліями такъ, чтобы сдѣлать ихъ полезными для удовлетворенія человѣческихъ желаній. Иными словами, это есть трудъ, отпечатлѣнный на матеріи. Такъ какъ капиталъ есть богатство, посвященное извѣстной цѣли, то ничто не должно быть капиталомъ, что не подпадаетъ подъ это опредѣленіе богатства. Но хотя всякій капиталъ есть богатство, но не всякое богатство — капиталъ. Капиталъ есть только часть богатства,—именно та часть, которая посвящается на производство. Ошибки въ опредѣленіяхъ капитала встрѣчались не только у тѣхъ лицъ, которыя придаютъ форму общественному мнѣнію, руководятъ имъ, пишутъ законы въ парламентахъ, законодательныхъ коммиссіяхъ и на конгрессахъ и исполняютъ ихъ въ судахъ,—не только у тѣхъ авторовъ, которые обременяютъ прессу и затемняютъ сознаніе массою томовъ въ видѣ избитой политической экономіи, считаемыхъ за серьезныя книги игнорантами и за авторитетъ тѣми, кто не думаетъ самъ за себя. Даже такіе даровитые, классическіе авторы, какъ Адамъ Смитъ, не во всемъ правы въ своемъ опредѣленіи капитала. Адамъ Смитъ, напримѣръ, приходитъ къ заключенію, что нѣкоторыя личныя качества человѣка также составляютъ капиталъ, съ чѣмъ невозможно согласиться и что находится въ противорѣчіи съ собственнымъ его опредѣленіемъ капитала, какъ имущества, отъ котораго владѣлецъ ожидаетъ дохода. Эта ошибка, правда, была обойдена наиболѣе крупными послѣдователями Адама Смита, но

и они, въ свою очередь, расходятся въ нѣкоторыхъ частяхъ вопроса, такъ что, напримѣръ, опредѣленія Рикардо и М. Буллоха исключаютъ запасъ ювелира изъ капитала и, сверхъ того, вносятъ въ капиталъ съѣстные припасы и платье рабочаго, чего у Адама Смита не встрѣчается и что явно не можетъ быть названо капиталомъ, если слѣдуетъ проводить *какое-либо различіе между капиталистомъ и рабочимъ*. Вообще же они принимаютъ терминъ «капиталъ» въ томъ его общепринятомъ смыслѣ, что онъ есть часть богатства, которую ея собственники не предполагаютъ (да и не могутъ!) употребить на цѣли собственнаго удовольствія, а съ цѣлью полученія бо́льшаго богатства. Это единственный смыслъ, въ которомъ терминъ «капиталъ» выражаетъ твердую идею,—единственный смыслъ, въ которомъ можно отдѣлить его отъ богатства и поставить въ отношеніе съ трудомъ. Еслибы въ данное время дюжина умныхъ людей, которые ничего не читали по политической экономіи, представили бы *in situ* предметы дѣйствительнаго богатства, то сомнительно, различили ли бы они по отдѣльнымъ предметамъ, должны ли они принадлежать къ капиталу или нѣтъ. Деньги, которыя ихъ владѣлецъ держитъ при своемъ дѣлѣ или въ спекуляціи, были бы сочтены за капиталъ; деньги, отложенныя для хозяйства или для личныхъ расходовъ, не были бы сочтены за него. Часть жатвы фермера, содержимая для продажи или посѣва или на прокормленіе своимъ помощникамъ, въ видѣ платы рабочимъ, была бы признана капиталомъ, а то, что онъ держитъ на нужды семейства, не было бы признано за капиталъ. Лошади и возъ возничаго были бы приняты за капиталъ, но экипажъ, содержимый для удовольствія владѣльца, не былъ бы. Иной захотѣлъ бы посчитать за капиталъ фальшивые волосы на головѣ женщины, сигару во рту курящаго, или игрушку, которой играетъ дитя; но запасъ товаровъ у торговца волосами, у продавца табаку и у продавца игрушекъ былъ бы несомнѣнно и немедленно сочтенъ за капиталъ. Сюртукъ, который портной выставилъ на продажу, былъ бы признанъ капиталомъ, но не тотъ сюртукъ, который онъ сшилъ самому себѣ. Желѣзо въ рукахъ литейщика или торговца признавалось бы за капиталъ, но не то желѣзо, которое служило бы балластомъ въ увеселительной яхтѣ. Пища въ обладаніи содержателя отеля или ресторана была бы признана за капиталъ, но пища въ кострюлѣ домохозяйки или въ карзинкѣ рабочаго—нѣтъ. Мѣха кузнеца, ткацкіе станки на фабрикѣ были

бы капиталомъ, но не швейная машина женщины, которая работаетъ только на себя; строенія для найма или употребляемыя для дѣла или производительныхъ цѣлей были бы капиталомъ, но не домъ для себя. Короче, мы нашли бы, что теперь, какъ и во времена Ад. Смита, «та часть запаса человѣка есть капиталъ, отъ которой онъ ожидаетъ полученіе дохода».

Теперь, послѣ того, какъ мы отдѣлили такимъ образомъ богатство, которое есть капиталъ, отъ богатства, которое не есть капиталъ, мы взглянемъ на различіе между этими двумя классами вещей, и найдемъ его не въ характерѣ, качествахъ или окончательномъ назначеніи самихъ вещей, какъ напрасно дѣлались попытки утверждать; но автору кажется, что это различіе найдется въ томъ, состоятъ ли оба эти класса въ собственности потребителя или не состоятъ. Такіе предметы богатства, которые сами по себѣ, въ своемъ употребленіи или же въ своихъ продуктахъ (?) стоятъ передъ обмѣномъ, суть капиталъ; тѣ же предметы, которые находятся въ рукахъ у потребителя, не суть капиталъ. Поэтому, если мы опредѣлимъ капиталъ, какъ *богатство въ теченіи обмѣна*, разумѣя, что обмѣнъ включаетъ не только переходъ вещей изъ рукъ въ руки, *но также и преобразованія, происходящія, когда воспроизводительныя или преобразующія силы природы утилизированы для увеличенія богатства*, мы должны, по мнѣнію автора, обнять всѣ вещи, которыя идея капитала въ собственномъ смыслѣ включаетъ, и отбросить всѣ тѣ, какія она исключаетъ. Подъ это опредѣленіе, какъ кажется автору, подходятъ всѣ такія орудія, которыя суть дѣйствительный капиталъ, такъ какъ только отъ того, обмѣниваются или нѣтъ ихъ услуги или употребленіе, зависитъ, представляетъ ли орудіе капиталъ или только предметъ богатства. Такимъ образомъ богатства, помѣщенныя на сооруженіе желѣзной дороги, общественной телеграфной линіи, станціонныхъ каретъ, театра, отеля могутъ быть признаны помѣщенными въ теченіе обмѣна. Обмѣнъ совершается не вдругъ, а мало-помалу, съ неопредѣленнымъ числомъ людей. Наконецъ обмѣнъ приходитъ къ концу и «потребители» желѣзной дороги, телеграфовъ, дилижансовъ, театра или отеля *не собственники*, а только лица, которыя отъ времени до времени *пользуются* ими. То пониманіе *производства*, которое ограничиваетъ его только изготовленіемъ вещей, слишкомъ узко. Производство обнимаетъ не только производство вещей, но и доставленіе ихъ къ потребителю. Купецъ

или содержатель склада такимъ образомъ есть дѣйствительно *производитель*, какъ и мануфактуристъ и фермеръ, и его фондъ-капиталъ такъ же точно посвященъ производству, какъ и ихъ.

II.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій есть вмѣстѣ и хозяинъ и беретъ себѣ непосредственно въ вознагражденіе продуктъ своей работы, достаточно ясно, что заработная плата не извлекается изъ капитала, а составляетъ прямой результатъ труда. Если, напримѣръ, кто-нибудь посвящаетъ свой трудъ на собираніе птичьихъ яицъ или дикихъ ягодъ, то яйца и ягоды онъ получаетъ какъ заработную плату. Разумѣется, никто не станетъ утверждать, что въ настоящемъ случаѣ заработная плата извлечена изъ капитала. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого капитала. Такимъ же образомъ, если кто возьметъ кусокъ кожи и сошьетъ себѣ башмаки, эти башмаки будутъ его заработной платой. Очевидно, башмаки эти не были извлечены изъ капитала, принадлежащаго этому лицу или другому, но получили существованіе — благодаря труду, за который стали заработною платой; и, получая эту плату башмаками, какъ плату за свой трудъ, упомянутое лицо не дало капиталу уменьшить ее ни на одну йоту. Еще Ад. Смитъ (Chapt. VIII) сказалъ про такой же случай: «Продуктъ труда составляетъ естественное вознагражденіе или плату за трудъ. Въ этомъ первобытномъ состояніи вещей, которое предшествуетъ какъ аппропріаціи земли, такъ и накопленію капитала, весь продуктъ труда принадлежитъ рабочему. Онъ не имѣетъ ни ландлорда, ни хозяина, которые бы дѣлились съ нимъ». Еслибы великій шотландецъ взялъ это мѣсто за начальный пунктъ своей аргументаціи и продолжалъ бы смотрѣть на продуктъ труда какъ на естественную заработную плату рабочаго, а на ландлорда и хозяина — какъ на участниковъ въ полученіи ея, то заключенія его были бы совсѣмъ иныя, и нынѣшняя политическая экономія не стала бы содержать въ себѣ такой массы противорѣчій и абсурдовъ; но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за истиною, очевидною въ простыхъ способахъ производства, служащею ключомъ сквозь путаницу болѣе сложныхъ формъ, онъ признаетъ ее на одинъ моментъ, потомъ непосредственно покидаетъ ее и, утверждая, что «въ каждой части Европы двадцать рабочихъ служатъ на хозяина и только одинъ

независимъ»,—онъ снова начинаетъ изслѣдованіе съ той точки зрѣнія, съ которой хозяинъ разсматривается, какъ доставляющій изъ своего капитала заработную плату своимъ рабочимъ. Очевидно, что въ такомъ установленіи пропорціи самостоятельныхъ рабочихъ, какъ 1 къ 20, Адамъ Смитъ имѣлъ въ виду лишь механическіе роды промышленности; включая же сюда всѣхъ рабочихъ, пропорція тѣхъ, которые получали свой заработокъ безъ вмѣшательства патрона, должна была быть въ Европѣ за сто лѣтъ до нашихъ дней гораздо больше, чѣмъ эта. Не говоря о независимыхъ рабочихъ, которые въ каждой общинѣ существуютъ въ значительномъ числѣ, земледѣліе въ обширныхъ округахъ Европы со временъ Римской имперіи было отправляемо по системѣ половничества, при которой капиталистъ получаетъ свою выручку отъ рабочаго, а не рабочій отъ капиталиста. Во всякомъ случаѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ общій законъ заработной платы долженъ примѣняться столь же полно, какъ и въ Европѣ, вопреки прогрессу мануфактуръ, весьма большая часть народа до сихъ поръ остается самостоятельными хозяевами, причемъ пропорція рабочихъ, которые получаютъ свою плату отъ хозяевъ, должна быть сравнительно мала.

Поищемъ ключа, который уронилъ Ад. Смитъ, и, идя впередъ шагъ за шагомъ, взглянемъ, сохранится ли отношеніе фактовъ, очевидное въ простѣйшей формѣ производства, въ наиболѣе сложной. Даже въ простотѣ того «первобытнаго состоянія вещей», многіе примѣры котораго и теперь еще можно встрѣтить, гдѣ весь продуктъ принадлежитъ рабочему, встрѣчается сдѣлка, въ которой рабочій, хотя и трудясь на другое лицо или на капиталъ другого лица, получаетъ свою плату въ натурѣ,—иными словами, въ предметахъ, которые произвелъ его трудъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ самостоятельнаго рабочаго, совершенно ясно, что заработная плата дѣйствительно извлекается изъ продукта труда, а не изъ капитала. Если кто-либо нанимаетъ человѣка собирать яйца, рвать ягоды или шить башмаки, платя ему яйцами, ягодами или башмаками его собственнаго производства, то не можетъ быть вопроса, что источникъ заработной платы есть трудъ, за которой она платится. Этой формы придерживались аренды скота въ древней Ирландіи — sacr-and-dacr, которыя такъ ясно описаны г. Г. Мэномъ въ его «Древней исторіи учрежденій», какъ показывающія отношеніе между хозяиномъ и эксплуатируемымъ, причемъ заемщикъ скота превра-

щался въ крѣпостного или вассала господина, который такимъ образомъ эксплуатировалъ его. Это было на такихъ же условіяхъ, на какихъ Іаковъ работалъ на Лавана, и до настоящихъ дней, даже въ цивилизованныхъ странахъ, этотъ способъ занимать трудъ не рѣдокъ. Фермерство по системѣ долей, преобладающее въ значительныхъ размѣрахъ въ Южныхъ Штатахъ и Калифорніи, система половниковъ въ Европѣ, равно какъ и многіе случаи, въ которыхъ прикащики, управляющіе, солильщики оплачиваются въ процентахъ прибыли, — что̀ представляютъ они, какъ не занятіе труда за плату, которая состоитъ въ части его продукта? Ближайшій шагъ отъ простоты къ сложности состоитъ въ томъ, что заработная плата, хотя оцѣненная въ натурѣ, выплачивается какимъ-нибудь другимъ эквивалентомъ. Напримѣръ, на американскихъ китоловныхъ судахъ каждый участникъ имѣетъ право на извѣстную долю добычи, которая колеблется отъ $^1/_{16}$ до $^1/_{12}$ для капитана и отъ $^3/_{100}$ для каютнаго мальчика-слуги. Когда китоловное судно возвращается въ Нью-Бедфордъ или въ С.-Франциско, оно несетъ на своей палубѣ заработную плату своего экипажа, а также и прибыль своихъ собственниковъ и эквивалентъ, который вознаградитъ ихъ за все израсходованное въ пути. Точно также компанія, занимающаяся сборомъ яицъ морской птицы на Фаркаллонскихъ островахъ близъ С.-Франциско, могла бы нанимать для этого сбора людей за долю яицъ; но такъ какъ птицъ множество, онѣ смирны и столько-то яицъ можетъ быть собрано такимъ-то трудомъ, то компанія предпочитаетъ платить своимъ рабочимъ постоянную плату. По прошествіи сезона люди возвращаются и получаютъ условленную плату въ деньгахъ. Въ другомъ подобномъ случаѣ одинъ американецъ занимался ловлею тюленей въ Санъ-Буенавентура, ради ихъ сала и шкуръ, причемъ, беря съ собою для помощи въ экспедиціяхъ двухъ или трехъ китайцевъ, онъ имъ первоначально платилъ натурой; но такъ какъ китайцы особенно высоко цѣнятъ нѣкоторые органы тюленя, которые они сушатъ и превращаютъ въ порошокъ для лѣкарства, то они попросили его платить имъ этими частями тѣла тюленя.—Вообще фактъ состоитъ въ томъ, что рабочіе сами снабжаютъ себя собственными завтраками и платьемъ, въ которомъ они ходятъ работать, и дальнѣйшій фактъ—въ томъ, что капиталъ (въ смыслѣ, въ которомъ это слово употребляется въ отличіе отъ труда) въ исключительныхъ случаяхъ можетъ, но никогда не бываетъ при-

нуждетъ давать авансы труду — прежде, чѣмъ начнется дѣло. Точное время полученія рабочимъ платы за свою работу въ данномъ случаѣ несущественно; существенный пунктъ, однако, тотъ, что *время уплаты наступаетъ всегда послѣ совершенія труда*, и, слѣдовательно, не патронъ является кредиторомъ рабочаго, а рабочій патрона. Такъ какъ въ обмѣнѣ труда за плату патронъ всегда получаетъ капиталъ, созданный трудомъ, прежде чѣмъ уплатилъ изъ капитала плату, то въ какомъ же пунктѣ уменьшался его капиталъ даже временно? Возьмемъ, напримѣръ, мануфактуриста, который занятъ превращеніемъ сырья въ окончательные продукты: хлопка—въ матеріи, желѣза—въ товары, кожи—въ сапоги и тому подобное, и который оплачиваетъ рабочія «руки», какъ вообще бываетъ, разъ въ недѣлю. Сдѣлаемъ точный инвентарь его капитала въ *понедѣльникъ утромъ*, до начала работъ, и онъ будетъ состоять изъ построекъ, машинъ, сырья, денегъ на рукахъ и оконченныхъ продуктовъ въ запасѣ. Предположимъ, что, ради простоты, онъ никогда не продаетъ и не покупаетъ среди недѣли, и послѣ того, какъ работа остановилась и онъ заплатилъ рукамъ въ *субботу вечеромъ*, сдѣлаемъ новый инвентарь его капитала. Итогъ денегъ будетъ меньше, потому что часть ихъ была отдана въ видѣ заработной платы; сырого матеріала будетъ меньше, угля и проч., и особый вычетъ долженъ быть сдѣланъ изъ цѣнности строеній и машинъ за недѣльную ихъ работу и треніе. Но если онъ дѣлаетъ хорошо вознаграждаемое дѣло, что и должно быть на-лицо среднимъ числомъ, то итогъ готовыхъ продуктовъ окажется настолько больше, что возстановитъ всѣ остальные минусы и покажетъ въ суммѣ *возрастаніе капитала*. Итакъ, очевидно, что цѣнность, уплаченная имъ за «руки», не была взята изъ его капитала или изъ капитала другого лица. Она произошла не изъ капитала, а изъ цѣнности, созданной вновь самимъ трудомъ. Рабочій, трудящійся на хозяина, не долженъ получать своей платы раньше, чѣмъ онъ кончитъ свою работу, и въ этомъ онъ похожъ на вкладчика въ банкъ, который не можетъ взять изъ банка деньги, пока онъ не вложилъ ихъ туда. И какъ вкладчикъ, извлекая то, что онъ предварительно вложилъ, не уменьшаетъ тѣмъ капитала банка, точно такъ и рабочіе, получая плату, не уменьшаютъ капиталъ своего патрона или даже всего общества. Справедливо, что, получая плату, рабочіе получаютъ прошлое богатство въ той же формѣ, въ ка-

кой они произвели его, точно также какъ и вкладчикъ банка получаетъ назадъ не ту же монету или билеты, какіе онъ внесъ, но въ формѣ эквивалента.

Въ прежнее время въ Калифорніи, какъ вослѣдствіи и въ Австраліи, рабочій, нашедшій въ рѣкѣ поверхность съ запасомъ блестящихъ частичекъ, которыя медленный процессъ природы накопилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, собиралъ или вымывалъ свою «плату» (такъ называлась она) въ дѣйствительныхъ деньгахъ, такъ какъ монета была скудна, и золотой порошокъ шелъ въ обращеніе по вѣсу, такъ что по окончаніи дня онъ имѣлъ свою плату въ кожаномъ мѣшечкѣ въ карманѣ. Не можетъ быть спора, произошла ли эта плата изъ капитала или труда,—она была очевидно продуктомъ труда. Когда монета появилась въ большемъ количествѣ, ея большее удобство отвело золотому песку мѣсто товара. Если патронъ имѣлъ довольно монеты для уплаты за свои «руки», то, вмѣсто того, чтобы продавать песокъ въ ближайшій складъ и платить прибыль торговцу, онъ держалъ его при себѣ, пока его не собиралось столько, чтобы сдѣлать маленькое путешествіе и послать его съ экспрессомъ въ С.-Франциско, гдѣ, на монетномъ дворѣ, онъ можетъ превратить его въ монету безвозмездно. Но никто не былъ бы настолько недогадливъ, чтобы вообразить, что, накопляя такимъ образомъ золотой порошокъ и платя за «руки» монетой, онъ уменьшалъ свой капиталъ. Но авансы, на которые можно было работать безъ предварительнаго труда, были скоро истощены и добываніе золота вскорѣ приняло болѣе выработанный видъ. Пока участки приносили еще какой-нибудь доходъ, необходимо было рыть глубокія шахты, строить громадныя плотины, пробивать длинные туннели сквозь скалы, проводить воду на цѣлую милю съ горныхъ вершинъ и поперекъ глубокихъ долинъ и пускать въ ходъ дорогія машины. Эти приспособленія не могли быть построены безъ капитала. Иногда ихъ постройка требовала годовъ, въ теченіе которыхъ было невозможно разсчитывать ни на какую выручку, тогда какъ занимаемымъ людямъ приходилось платить каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ. Навѣрное могутъ сказать, что въ такихъ случаяхъ, если не въ другихъ, заработная плата должна исходить изъ капитала. Посмотримъ. Легкій анализъ покажетъ намъ, что и эти случаи, къ которымъ нужно причислить и другіе, напримѣръ: земледѣліе, гдѣ пахота и посѣвъ должны происходить за нѣсколько мѣсяцевъ до сбора жатвы, сооруженіе зданій, постройку су-

довъ, желѣзныхъ дорогъ и проч., и въ которыхъ заработная плата выдается прежде окончанія производства или продукта, — не требуютъ исключенія изъ очевиднаго правила, что плата выдается только по окончаніи продукта. Если кто-либо пойдетъ къ маклеру обмѣнять серебро на золото, онъ положитъ свое серебро, которое маклеръ сосчитаетъ, отложитъ въ сторону и вручитъ ему эквивалентъ въ золотѣ минусъ коммиссія. Далъ ли ему маклеръ какой-нибудь капиталъ?—Конечно, нѣтъ. Что маклеръ имѣлъ прежде въ золотѣ, то онъ имѣетъ теперь въ серебрѣ плюсъ его прибыль. И такъ какъ онъ получилъ серебро прежде, чѣмъ выдалъ золото, то съ его стороны не было ссуды капитала ни на одинъ моментъ. Вотъ эта-то операція маклера въ точности аналогична съ тою, которую дѣлаетъ капиталистъ, когда въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, онъ отдаетъ плату изъ капитала. Такъ какъ обнаруженіе труда предшествуетъ выдачѣ платы, и какъ проявленіе труда въ производствѣ включаетъ созданіе цѣнности, то патронъ получаетъ цѣнность прежде, нежели онъ ее выплачиваетъ,—онъ только мѣняетъ капиталъ одной формы на капиталъ другой. Такъ какъ созданіе цѣнности не должно зависѣть отъ окончанія продукта, занимая мѣсто на каждой ступени производства, какъ непосредственный результатъ примѣненія труда, то все равно, долго или не долго продолжается процессъ, въ которомъ трудъ затраченъ, послѣдній всегда увеличиваетъ капиталъ своимъ усиліемъ прежде, чѣмъ онъ беретъ отъ капитала свою заработную плату.

Возьмите молотъ кузнеца, пароходъ, зданіе, ножъ, книгу, наперстокъ леди или кусокъ хлѣба. Все это — готовые продукты. Но они не были произведены одною операціей или одною группой производителей. Въ случаѣ молотка, какъ и парохода послѣдній ударъ не больше, нежели первый, создаетъ окончательную цѣнность продукта,—созданіе цѣнности непрерывно и непосредственно вытекаетъ изъ трудового усилія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ ясностью совершается посредствомъ производства прибавка къ капиталу. Говоря короче, выдача заработной платы всегда обусловливается обнаруженіемъ труда; плата эта, все равно, какъ ни продолжителенъ процессъ производства, никогда не заключаетъ предварительной затраты капитала, никогда даже временно не уменьшаетъ этого послѣдняго. Построеніе судна можетъ продолжаться годъ, два и болѣе, но при этомъ созданіе цѣнности, котораго судно будетъ суммой, идетъ

день за днемъ, часъ за часомъ съ того времени, какъ заложенъ киль или когда очищена для него почва. Отдачею рабочимъ платы прежде окончанія постройки судна строитель не уменьшаетъ ни своего капитала, ни капитала всего общества, такъ какъ цѣнность по частямъ исполняемаго строенія судна становится на мѣсто цѣнности, выданной подъ видомъ заработной платы. Нѣтъ никакой предварительной затраты капитала въ выдачѣ платы рабочимъ, такъ какъ трудъ рабочихъ въ теченіе недѣли или мѣсяца создаетъ и отдаетъ строителю *болѣе капитала*, чѣмъ уплачено имъ въ концѣ недѣли или мѣсяца, какъ доказывается фактомъ, что еслибы строитель на какой-нибудь ступени постройки получилъ предложеніе продать неоконченное судно, *то ожидалъ бы прибыли*. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пролагается туннель или каналъ, нѣтъ никакой предварительной затраты капитала на заработную плату. Туннель или каналъ, по мѣрѣ проложенія ихъ и по мѣрѣ того, какъ расходуются деньги на прорѣзку ихъ, становятся капиталомъ, причемъ въ этотъ капиталъ входитъ цѣнность пороха, буравовъ, пищи и платья рабочихъ, какъ то доказываетъ фактъ, что капиталъ компаніи не измѣняется, потому что его форма постепенно замѣняется другою—формою туннеля или канала. Наоборотъ, весьма вѣроятно, что онъ возрастаетъ, какъ дѣло прогресса (?), такъ, какъ возросталъ бы среднимъ числомъ капиталъ, помѣщенный въ быстрѣйшей формѣ производства (а въ тихой формѣ производства онъ не возросталъ бы?).

И то же самое очевидно въ земледѣліи. Что созданіе цѣнности не происходитъ сразу лишь тогда, когда собирается жатва, но шагъ за шагомъ, въ теченіе всего процесса, который включаетъ въ себя и жатву, а также, что отдача платы рабочимъ не уменьшаетъ нисколько капитала фермера,—особенно осязательно тогда, когда земля продана или сдана въ аренду въ теченіе процесса обработки, когда вспаханное поле считается приносящимъ больше не паханнаго и засѣянное поле больше, чѣмъ вспаханное. Столь же осязательно это и тогда, когда жатва продолжается на кориѣ, какъ это бываетъ иногда, или когда фермеръ жнетъ хлѣбъ не самъ, а при помощи контракта съ владѣльцемъ машинъ. Также замѣтно это и по отношенію къ фруктовымъ садамъ, виноградникамъ, лошадямъ, рогатому скоту и овцамъ, которые возрастаютъ въ цѣнности по мѣрѣ приближенія къ своей полной зрѣлости. Отсюда видно, что трудъ произ-

ляется раньше, чѣмъ выдана заработная плата, или что *предварительная затрата капитала въ дѣйствительности выдается трудомъ отъ лица рабочихъ хозяину, а не отъ хозяина рабочимъ.* «Однако,—могутъ возразить автору,—въ тѣхъ случаяхъ, которые онъ разсматривалъ, капиталъ *требуется*». Конечно, авторъ не споритъ противъ этого, но онъ требуется не для того, чтобы сдѣлать авансъ труду, а для совсѣмъ другого назначенія. Когда заработная плата выдается натурой, если напримѣръ, кто-нибудь найметъ людей рубить дрова, обѣщая уплатить имъ частью дровъ, то очевидно, что не требуется никакого капитала на заработную плату. Даже и тогда, когда, въ видахъ взаимнаго удобства, исходя изъ того факта, что большое количество дровъ можетъ быть продано скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ то же количество по-мелочи, платящій денежную сумму вмѣсто дровъ будетъ нуждаться въ капиталѣ или нѣтъ, это зависитъ отъ того, будетъ ли онъ въ состояніи продать дрова раньше отдачи заработной платы, или не будетъ. Только когда онъ не можетъ сдѣлать подобнаго обмѣна или такого выгоднаго обмѣна, какого хочетъ, то, пока онъ не накопитъ извѣстнаго количества дровъ, онъ станетъ нуждаться въ капиталѣ. Даже и тогда онъ не нуждался бы въ немъ, еслибы совершилъ частный обмѣнъ, занимая деньги подъ дрова. Въ противномъ случаѣ хотя ему и нуженъ капиталъ, но не для выдачи заработной платы, а для накопленія большого запаса дровъ.

То же самое найдемъ мы во всякой отрасли промышленности. Капиталъ нигдѣ не откладывается въ сторону для отдачи заработной платы, если продуктъ труда, за который идетъ эта плата, мѣняется, какъ скоро произведенъ; капиталъ требуется только въ случаѣ накопленія этого продукта, или, что для отдѣльнаго лица то же самое, въ случаѣ помѣщенія его въ общее теченіе обмѣна, но безъ сбыта сразу, то-есть въ случаѣ продажи въ кредитъ. Но капиталъ требуемый такимъ образомъ не есть капиталъ для аванса труду или уплаты рабочимъ, такъ какъ онъ всюду представляется продуктомъ труда.

Если резюмировать вышесказанное, то можно придти къ такимъ заключеніямъ. Человѣкъ, трудящійся самъ на себя, получаетъ свою заработную плату въ вещахъ имъ производимыхъ, по мѣрѣ ихъ производства, мѣняя эту цѣнность на другую форму цѣнности, если продаетъ продуктъ. Человѣкъ, трудящійся на другого за условленную денежную плату, трудится по договору обмѣна,

слѣдовательно создаетъ свою заработную плату, расходуя свой трудъ, но получая ее исключительно въ опредѣленное время, въ опредѣленномъ размѣрѣ и въ различной формѣ. Совершая трудъ, онъ даетъ въ обмѣнъ предварительную затрату; когда онъ получаетъ свою плату, обмѣнъ законченъ. Въ теченіе времени зарабатыванія своей платы онъ даетъ впередъ капиталъ своему патрону, но не тогда, когда плата выдается до окончанія дѣла, въ такомъ случаѣ патронъ даетъ ему капиталъ впередъ. Немедленно ли перепродаетъ патронъ продуктъ, полученный имъ за выдачу заработной платы, или продержитъ его у себя, это не измѣняетъ характера сдѣлки, а касается только назначенія продукта, на какое употребитъ его послѣдній получатель, который, быть-можетъ, найдется въ другомъ концѣ свѣта и въ концѣ цѣлаго ряда обмѣновъ, считающихся сотнями.

Но въ умѣ читателя можетъ образоваться обидное противорѣчіе. Такъ какъ человѣкъ, ведущій плугъ, не можетъ ѣсть борозды, а также отчасти лишь построенная паровая машина не можетъ производить платья, которое носитъ машинистъ, то развѣ авторъ забылъ, что, говоря словами Милля, «народъ въ странѣ содержится и удовлетворяетъ своимъ нуждамъ не продуктомъ настоящаго труда, а прошлаго?» Или, употребляя языкъ популярнаго произведенія г. Фоусетта,—«не забылъ ли авторъ, что должно пройти много мѣсяцевъ между посѣвомъ хлѣба и временемъ, когда продуктъ этого посѣва превратится въ кусокъ хлѣба» *), и, слѣдовательно, очевидно, что рабочіе не могутъ жить тѣмъ, что можетъ, помогая имъ, произвести ихъ трудъ, но содержатся на то богатство, которое произведено ихъ трудомъ или трудомъ другихъ *предварительно*,—богатство, называемое капиталомъ» (Polit. Economy for Beginners, by M. G. Fawcett,

*) Любопытно, что то, чего, повидимому, не понимаетъ проф. Фоусеттъ, понималъ уже депутатъ отъ шляхетства Екатерининской коммиссіи Козельскій, который въ отвѣтъ на доводы консервативныхъ ораторовъ, что земледѣлецъ съ освобожденіемъ лишится помощи ихъ господина во время неурожая и другихъ несчастій, онъ утверждалъ, что помѣщики помогаютъ крестьянамъ ихъ же собственнымъ добромъ. „Мнѣ кажется,—писалъ онъ,—что помѣщикъ, сколько бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него же богатъ; и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго хлѣба, скота и всѣю ихъ пропитанія, такъ гдѣ же онъ... возметъ всего того, чѣмъ бы ему во время нужды, т. е. въ самомъ крайнемъ недостаткѣ, каждаго изъ крестьянъ своихъ снабдить; невозможное дѣло: отъ сего благодѣянія и владѣющій принцъ скоро откажется" („*Семевскій*: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II". *Отеч. Записки*" 1870 г., № 11, стр. 255).

Chap. III, p. 25).—Признаніе, сдѣланное въ этихъ цитатахъ, до того очевидно само собою, — что трудъ долженъ быть содержимъ капиталомъ, — что предположеніе это достаточно выставить на видъ, чтобы принудить къ признанію его,—проходитъ черезъ всю фабрику ходячей политической экономіи. И столь довѣрчиво раздѣляется мнѣніе о томъ, что трудъ содержится на счетъ капитала, что предположеніе: «народонаселеніе регулируетъ себя фондами, существующими для употребленія его, и слѣдовательно повсюду возрастаетъ или уменьшается съ возрастаніемъ или уменьшеніемъ капитала» (слова Рикардо, Chap. II),— разсматривается во всѣхъ главныхъ сочиненіяхъ какъ аксіома и въ свою очередь становится основою важныхъ заключеній. Но, будучи разрѣшены, эти предположенія окажутся не очевидными сами по себѣ, а абсурдами, такъ какъ они включаютъ идею, что трудъ не можетъ совершаться безъ того, чтобы продукты труда были сбережены,—иными словами, *ставя продуктъ впереди производителя*. И будучи разсмотрѣны внимательно, они покажутъ, что извлекаютъ свое кажущееся достоинство изъ путаницы мысли.

Авторъ уже указалъ на промахъ, прикрываемый ошибочнымъ опредѣленіемъ, поддерживающимъ то предположеніе, что такъ какъ пища, одежда и кровъ необходимы для производительнаго труда, то поэтому и промышленность ограничена капиталомъ. Сказать, что человѣкъ долженъ позавтракать прежде, чѣмъ идти работать, не значитъ сказать, что онъ не можетъ идти работать, пока капиталъ не угоститъ его завтракомъ, такъ какъ его завтракъ ведетъ свое начало не изъ богатства, отложеннаго впередъ для производства, а изъ богатства, отложеннаго на сторону для существованія — повсюду, гдѣ не ожидается дѣйствительный голодъ. И, какъ было сказано выше, пища, платье и проч., короче, всѣ предметы богатства—капиталъ лишь до тѣхъ поръ, пока они остаются въ рукахъ тѣхъ, которые предлагаютъ обмѣнять ихъ на другіе предметы или на производительныя услуги, и перестаютъ быть капиталомъ, когда переходятъ въ обладаніе тѣхъ, кто желаетъ потреблять ихъ, такъ какъ въ этой сдѣлкѣ они переходятъ изъ фонда богатства, содержимаго съ цѣлью удовлетворенія потребностей, независимо отъ того, будетъ ли потребленіе ихъ оказывать помощь производству богатства или нѣтъ. Если это различіе не проведено, то невозможно провести черту между богатствомъ, которое капиталъ, и богатствомъ,

которое не капиталъ, даже отсылаи проведеніе этого различія къ «уму обладателя», какъ совѣтуетъ Джонъ Стюартъ Милль, такъ какъ люди не ѣдятъ и не воздерживаются отъ ѣды, не носятъ платьевъ и не ходятъ голыми, смотря по тому, предполагаютъ ли они принять участіе въ производительномъ трудѣ или нѣтъ. Вы найдете одинаково пищу на столѣ рабочаго, который пойдетъ или не пойдетъ сегодня работать, смотря по обстоятельствамъ. Если содержаніе труда относится на счетъ различія между капиталомъ и не капиталомъ, то есть ли эта пища капиталъ или нѣтъ? Сказать, что это—капиталъ, невозможно ни самому рабочему, ни какому-либо изъ философовъ школы Рикардо-Милля. Не болѣе это можно сказать и тогда, когда пища эта вошла въ желудокъ; предполагая даже, что рабочій сначала не пошелъ на фабрику, а продолжаетъ изслѣдованіе, все же нельзя этого сказать до тѣхъ поръ, пока пища не перешла въ кровь и ткани. Во всякомъ случаѣ человѣкъ ѣстъ свой завтракъ исключительно самъ. Автору кажется, что предположеніе о содержаніи труда продуктомъ прошедшаго труда на основаніи анализа покажетъ, что оно истинно только въ томъ смыслѣ, что послѣобѣденная работа должна быть исполняема при помощи обѣденной ѣды, или, что если вы ѣдите зайца, онъ долженъ быть сжаренъ и приготовленъ *). А это, разумѣется, не тотъ смыслъ, въ которомъ предположеніе это употребляется для поддержки важнаго аргумента, опирающагося на него. Этотъ смыслъ заклю-

*) То же самое соображеніе высказывали мы въ статьѣ нашей „Родбертусъ Ягецовъ“ (*Юрид. Вѣстникъ* 1881 г., февраль) по поводу положенія Родбертуса, совершенно совпадающаго по смыслу съ положеніемъ Джорджа: „Совершенно справедливо, что всякій продуктъ, необходимый для производства, т. е. какъ орудія и матеріалы, такъ и предметы непосредственнаго потребленія, слѣдовательно также и капиталъ, когда рѣчь идетъ о капиталистическомъ хозяйствѣ, должны быть на-лицо передъ самымъ началомъ процесса производства. Вѣрное само по себѣ, это положеніе означаетъ однако не болѣе какъ то, что всякій предметъ долженъ быть готовъ прежде своего потребленія: машины и матеріалы—до начала производства, пища, одежда и жилище—прежде, чѣмъ онъ станетъ работать. Но спрашивается, кто же этого не зналъ заранѣе, и какимъ образомъ столь банальная вещь можетъ заключать въ себѣ ни болѣе, ни менѣе какъ объясненіе происхожденія дохода на капиталъ, въ качествѣ вознагражденія за своевременную поставку предметовъ, готовыхъ къ потребленію? Вѣдь необходимость для всякаго предмета быть готовымъ къ дѣлу есть простая необходимость природы, свойственная всякой человѣческой индустріи, все равно, прибѣгаетъ ли она къ помощи капиталиста, какъ въ Европѣ, или не прибѣгаетъ, какъ на островахъ Самоанскихъ“.

Н. З.

чается въ томъ, что занятіе, которое не тотчасъ оканчивается созданіемъ богатства, пригоднаго для существованія, не можетъ быть продолжаемо, если не существуетъ запаса жизненныхъ припасовъ, которые прокармливали бы рабочихъ въ теченіе процесса производства. Посмотримъ, правда ли это.

Каное, которое Робинзонъ Крузе сдѣлалъ съ такимъ безконечнымъ трудомъ и страданіями, было продуктомъ, въ которомъ его трудъ не могъ получить немедленной выручки. Но что необходимо, это — чтобы прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу, онъ накопилъ бы запасъ пищи, достаточный для содержанія его въ то время, какъ онъ рубитъ дерево, вырубаетъ изъ него каное и въ концѣ концовъ спускаетъ его на воду?—Нисколько. Было только необходимо, чтобъ онъ посвятилъ часть своего времени на доставленіе пищи, а другую—на постройку и спускъ каное. То, что вѣрно въ этомъ случаѣ, вѣрно во всѣхъ. И съ точки зрѣнія факта развѣ не вѣрно во всякомъ положеніи вещей, что потребленіе поддерживается современнымъ производствомъ? Передъ нами лицо, которое не дѣлаетъ никакого производительнаго дѣла ни головой, ни руками, но живетъ на богатство, оставленное ему отцомъ въ вѣрныхъ государственныхъ рентахъ. Дѣйствительно ли его средства существованія пришли къ нему изъ богатства, накопленнаго въ прошедшемъ, или изъ производительнаго труда, происходящаго вокругъ него? На его столѣ лежатъ недавно снесенныя яйца, масло, сбитое всего за нѣсколько дней, молоко, взятое у коровы сегодня утромъ, рыба, которая сутки назадъ плавала въ морѣ, мясо, которое мальчикъ мясника принесъ ко времени жаренія, свѣжія растенія изъ сада и плоды изъ оранжереи,—короче, почти ни одной вещи, которая не оставила лишь недавно руки производительнаго рабочаго, и ничего такого, что было бы произведено задолго до настоящаго времени, кромѣ, быть-можетъ, нѣсколькихъ бутылокъ стараго вина. То, что это лицо наслѣдовало отъ своего отца и на что, какъ говорится, оно живетъ,—въ дѣйствительности вовсе не богатство, а только власть распоряженія богатствомъ, произведеннымъ другими. И его существованіе извлекается именно изъ этого современнаго ему производства. Четыре квадратныхъ мили города Лондона содержатъ несомнѣнно больше богатства, нежели то же пространство земли въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ. А между тѣмъ еслибы въ Лондонѣ производительный трудъ совершенно прекратился, то по истеченіи нѣсколькихъ

часовъ народъ сталъ бы умирать подобно зараженнымъ овцамъ, и по истеченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ едва ли хоть одинъ остался бы живъ. Отсюда видно, что полное прекращеніе производительнаго труда было бы болѣе страшнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ голодъ въ осажденномъ городѣ. Это былъ бы не простой внѣшній окружной валъ, подобный тому, который Титъ обвелъ вокругъ Іерусалима, могущій предупредить постоянный ввозъ съѣстныхъ припасовъ, коими большой городъ живетъ,—нѣтъ, это было бы подобно валу, обведенному вокругъ всего человѣческаго хозяйства. Вообразите подобное прекращеніе труда въ одной только общинѣ, и вы увидите, насколько вѣрно то, что родъ человѣческій живетъ только тѣмъ, что кладетъ рукою въ ротъ; только ежедневно трудъ общины снабжаетъ ее ежедневнымъ хлѣбомъ. Подобно тому, какъ средства существованія рабочихъ, которые построили пирамиды, были извлечены не изъ предварительно-накопленнаго запаса, а изъ постоянно подвозимыхъ жатвъ Нижняго Египта,—подобно тому, какъ новѣйшее правительство, когда предпринимаетъ большое, многолѣтнее дѣло, не усвоиваетъ себѣ богатствъ уже произведенныхъ, а будущее богатство, которое берется у производителей въ формѣ налога, соотвѣтственно прогрессу дѣла,—подобно всему этому также и то, что средства существованія рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, которое не даетъ непосредственно жизненныхъ припасовъ, приходятъ изъ производства такихъ припасовъ, въ которыхъ заняты другіе взаимно. Ряды обмѣновъ, соединяющихъ производство и потребленіе, могутъ быть сравниваемы съ кривою трубкой изъ стекла, наполненною водой. Если сколько-нибудь воды влито съ одного конца трубки, то подобное же количество воды выльется изъ другого. Это не та же вода, но ея эквивалентъ. И точно также тѣ, которые дѣлаютъ дѣло производства, влагаютъ въ него столько же, сколько берутъ,—они получаютъ въ своихъ средствахъ существованія и заработной платы только продуктъ своего труда.

III.

Капиталъ, какъ было сказано выше, состоитъ изъ богатства для доставленія бо́льшаго богатства, какъ отличнаго отъ богатства, служащаго для прямого удовлетворенія потребностей, или для богатства въ теченіе обмѣна. Капиталъ поэтому увеличи-

ваетъ силу труда производить богатство: 1) приспособляя трудъ примѣнять себя на болѣе успѣшныхъ путяхъ, какъ, напримѣръ, въ конкѣ лопатой вмѣсто палки или въ движеніи судна углемъ въ печкѣ вмѣсто гребли веслами; 2) давая труду возможность избирать воспроизводительныя силы природы, напримѣръ—получать хлѣбъ при помощи посѣва (что дѣлалось и до капитала), а животныхъ—воспитывая ихъ (также); 3) допуская раздѣленіе труда, которое съ одной стороны увеличиваетъ успѣшность человѣческаго фактора—богатства—утилизаціей, пріобрѣтеніемъ ловкости и уменьшеніемъ праздности, а съ другой—взывая къ силѣ естественнаго фактора, во всемъ его самомъ высшемъ, пользуясь выгодами различій почвы, климата и мѣстоположенія, а также получая спеціальные роды богатства тамъ, гдѣ природа наиболѣе благопріятна ихъ производству. Капиталъ не доставляетъ матеріала, который перерабатывается трудомъ въ богатство; матеріалы поставляются природой и только при помощи труда и обмѣна пріобрѣтаютъ характеръ капитала. Капиталъ не доставляетъ предварительной заработной платы,—послѣдняя есть часть продукта самого рабочаго. Капиталъ, не поддерживая рабочаго, не ограничиваетъ и промышленности, но можетъ ограничивать форму промышленности, ограничивая употребленіе орудій и раздѣленіе труда. Безъ крупнаго капитала промышленность не могла бы принять многія спеціальныя формы, соприкасающіяся съ обмѣномъ. Очевидно, что, напримѣръ, въ такой странѣ, какъ Мексика или Тунисъ, болѣе широкое и болѣе общее употребленіе капитала могло бы сильно измѣнить формы промышленности и громадно увеличить ея производительность, и о подобныхъ странахъ часто говорится, что онѣ нуждаются въ капиталѣ для развитія своихъ рессурсовъ. Но нѣтъ ли чего-нибудь позади,—недостатка, включающаго недостатокъ капитала? Развѣ не злоупотребленія и хищничество правительства, не непрочность собственности, не невѣжество и предразсудки народа мѣшаютъ тамъ накопленію и употребленію капитала? Во всѣхъ этихъ вещахъ и заключается истинное ограниченіе, а не въ недостатнѣ капитала, который не употреблялся бы, еслибы даже былъ помѣщенъ здѣсь. Мы можемъ, безъ сомнѣнія, представить себѣ общину, въ которой недостатокъ капитала былъ бы единственнымъ препятствіемъ для увеличенія производительности труда, но не иначе, какъ вообразивъ себѣ такое соединеніе условій, которое встрѣчается крайне рѣдко, развѣ только въ видѣ исключенія. Община, у которой на-

питалъ былъ разрушенъ войною, пожарами или переворотами въ природѣ, и, быть-можетъ, община, состоящая изъ цивилизованнаго народа, только-что поселившаяся въ новой странѣ, кажутся автору единственными примѣрами. Но какъ быстро капиталъ, обыкновенно употребляемый, воспроизводится въ общинѣ, въ которой онъ былъ снесенъ войною, это было уже давно замѣчено, и точно также новая община быстро производитъ себѣ капиталъ. Если дурное правительство отнимаетъ у рабочаго его капиталъ, или несправедливые законы берутъ у производителя богатство, которымъ онъ сталъ бы поддерживать производство, и отдаютъ его тѣмъ, которые суть не что иное, какъ пенсіонеры промышленности, то дѣйствительное ограниченіе производительности труда лежитъ въ дурномъ управленіи, а не въ недостаткѣ капитала. Дайте локомотивъ бедуину-арабу или швейную машину женѣ плоскоголоваго индійца, вы этимъ не увеличите производительности ихъ труда. Дайте весь капиталъ Лондона индійцамъ апачамъ и сіу на покупку себѣ посѣвовъ и земледѣльческихъ орудій, капиталъ этотъ тотчасъ же перестанетъ быть капиталомъ, потому что они не съумѣютъ даже и употребить его. Въ царствованіе короля Георга IV нѣкоторые возвращавшіеся миссіонеры взяли съ собою изъ Новой-Зеландіи въ Англію вождя, по имени Гонги. Его благородный видъ и красивая татуировка привлекли большое вниманіе, и при возвращеніи къ своему народу онъ получилъ въ подарокъ отъ монарха и отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обществъ значительный запасъ земледѣльческихъ орудій и инструментовъ, а также сѣмянъ. Благодарный новозеландецъ употребилъ этотъ капиталъ на производство пищи, но это было сдѣлано способомъ, о которомъ его англійскіе покровители и не мечтали. Въ Сиднеѣ, на пути домой, онъ обмѣнялъ его на оружіе и на аммуницію, съ которыми, по возвращеніи домой, началъ войну противъ другого племени съ такимъ успѣхомъ, что на первомъ бранномъ полѣ 300 плѣнниковъ его были сжарены и съѣдены.

Точно также было бы ошибкою приписывать простые способы производства и обмѣна, встрѣчаемые въ новыхъ общинахъ, одному недостатку капитала. Эти способы, требующіе мало капитала, сами грубы и недостаточны, но вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ такихъ общинъ, такъ какъ онѣ совершенно довольствуются работою ручныхъ прядильныхъ и ткацкихъ станковъ, нежели большихъ машинъ, простымъ каное вмѣсто парохода, рабочею ло-

шадью вмѣсто желѣзной дороги. Вообще говоря, подобно тому, какъ въ ведро нельзя влить больше воды, чѣмъ оно вмѣщаетъ, точно также нельзя употреблять бо́льшаго богатства въ видѣ капитала, чѣмъ требуется механизмомъ производства, который при существующихъ условіяхъ — интеллигенціи, обычаевъ, безопасности, густоты народонаселенія—всего лучше подходитъ къ потребностямъ народа. Авторъ увѣренъ, что общимъ правиломъ это количество капитала будетъ всегда выдѣлено общественнымъ организмомъ, подобно тому, какъ и индивидуальный организмъ выдѣляетъ жиръ. Но еслибы даже количество капитала ограничивало производительность промышленности и такимъ образомъ устанавливало бы maximum, котораго заработная плата не должна была бы превосходить, то все же очевидно, что не отъ недостатка капитала происходитъ бѣдность массъ въ цивилизованныхъ странахъ. Ибо не только заработная плата нигдѣ не достигаетъ границъ, установленныхъ производительностію промышленности, но она относительно ниже, когда капиталъ наиболѣе изобиленъ. Орудія и машины во всѣхъ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ очевидно находятся въ излишествѣ (?), сравнительно съ ихъ употребленіемъ, и какой-нибудь протектъ вознаграждающаго занятія приноситъ больше, чѣмъ требовалось, капитала. Ведро не только полно, но переполнено, и это такъ очевидно, что не только игнорантами, но и людьми съ высокою экономической репутаціей промышленное разстройство приписывается обилію машинъ и накопленію капитала; и война, которая есть разрушеніе капитала, разсматривается какъ причина бойкой торговли и высокой заработной платы (tout comme chez nous): идея довольно странная,—такъ велико смѣшеніе мыслей въ подобныхъ вещахъ, поддерживаемое многими, которые думаютъ, что капиталъ занимаетъ трудъ и даетъ заработную плату. Но мы видѣли, что, вопреки ходячей теоріи, заработная плата не извлекается изъ капитала, а прямо происходитъ изъ продукта труда, за который заплачена. Но если это такъ, то ходячія теоріи относительно этого предмета невѣрны, и всѣ средства исцѣленія, предложенныя какъ экономистами, такъ и рабочими, которые видятъ облегченіе нищеты или въ увеличеніи капитала, или въ ограниченіи числа рабочихъ, или въ успѣшности ихъ труда, должны быть порицаемы. Если каждый рабочій, исполняя трудъ, дѣйствительно создаетъ фондъ, изъ котораго берется его заработная плата, то плата эта не можетъ быть уменьшаема отъ возрастанія числа

рабочихъ, а наоборотъ, по мѣрѣ возрастанія успѣшности труда, возрастаетъ и число рабочихъ, такъ что чѣмъ больше рабочихъ caeteris paribus, тѣмъ выше должна быть заработная плата.

IV.

Ходячая доктрина о происхожденіи и законѣ заработной платы нашла себѣ сильнѣйшую поддержку въ ученіи почти общепринятомъ, которому далъ имя Мальтусъ, что населеніе естественно стремится возрастать быстрѣе средствъ существованія. Эти два ученія, находясь въ тѣсной связи, образуютъ отвѣтъ на большую задачу, который даетъ ходячая политическая экономія. То обстоятельство, что теорія, опредѣляющая происхожденіе заработной платы изъ капитала и изъ отношенія между капиталомъ и числомъ рабочихъ, несмотря на всю очевидность своей неосновательности, нашла себѣ такое множество защитниковъ среди экономистовъ, имѣетъ причиною всеобще признаніе теоріи Мальтуса. Ходячая теорія заработной платы никогда не могла бы выдержать провѣрки, еслибъ ее не считали за очевидную истину, опиравшуюся на теорію Мальтуса. Даже Бокль, при всѣхъ своихъ блестящихъ способностяхъ, не задумался ни на минуту усвоить себѣ эту теорію сполна, признавъ, что заработная плата зависитъ отъ національнаго фонда, изъ котораго она выдается, и отъ числа рабочихъ, что, по его словамъ, составляетъ громадный шагъ въ наукѣ, сдѣланный Мальтусомъ по слѣдамъ Адама Смита. Сущность ученія Мальтуса состоитъ въ томъ, что населеніе стремится къ возрастанію быстрѣе, чѣмъ сила доставленія пищи, и будетъ ли это различіе установлено, какъ геометрическая прогрессія для населенія и ариѳметическая для средствъ существованія, по Мальтусу, — или какъ постоянное отношеніе для населенія и уменьшающееся отношеніе для средствъ существованія, по Миллю, — это совершенно все равно. Жизненный пунктъ, въ которомъ оба эти автора соглашаются, тотъ, что «существуетъ естественная тенденція и постоянное усиліе у народонаселенія размножаться сверхъ жизненныхъ средствъ». Мальтусово ученіе, имѣющее значеніе въ настоящее время, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ въ своей наименѣе вызывающей на возраженіе формѣ. Народонаселеніе, постоянно стремясь къ размноженію, должно, при отсутствіи препятствій, въ концѣ концовъ натолкнуться на предѣлы существованія, не какъ противъ постоянной преграды, а какъ противъ преграды эласти-

ческой, которая дѣлаетъ доставленіе средствъ къ жизни прогрессивно все болѣе и болѣе труднымъ. И такимъ образомъ тамъ, гдѣ воспроизведеніе имѣло время получить свою силу, и не стѣсняется благоразуміемъ, должна существовать степень недостатка, которая удержитъ населеніе въ границахъ существованія. Теорія эта, хотя въ дѣйствительности не болѣе отталкивающая для чувства, нежели та, которая возлагаетъ отвѣтственность за бѣдность и ея послѣдствія на неисповѣдимыя велѣнія Провидѣнія,— теорія эта, явно признавая порокъ и страданія за необходимыя послѣдствія естественнаго инстинкта, съ которымъ соединены самые чистѣйшіе и нѣжные аффекты, приходитъ въ грубое столкновеніе съ идеями, глубоко вкорененными въ человѣческой душѣ, и, какъ только была формально провозглашена, начала биться съ гордостью, въ ревности которой было больше показнаго, нежели логики. Но она тріумфально сопротивлялась ордаліямъ, и вопреки опроверженіямъ Годвина, указаніямъ Коббета и всему, что аргументы, сарказмы, насмѣшки и чувства могли направить противъ нея, она стоитъ въ настоящее время въ мірѣ мысли (?), которая поражаетъ даже изслѣдованія тѣхъ, кто желалъ не повѣрить ей. Причины ея тріумфа, источники ея силы не темны. Повидимому, прикрытая безспорной ариѳметической истиной, что постоянное возрастаніе населенія должно неизбѣжно превышать способность земли къ доставленію пищи и даже пространства для стоянія, Мальтусова теорія поддерживается аналогіями въ животномъ и растительномъ царствахъ, гдѣ жизнь всегда бьется отупительно противъ препятствій, задерживающихъ различные ихъ виды,—аналогіями, которымъ теченіе новѣйшей мысли, уравнивающей различія между различными формами жизни, давало все большее и большее значеніе; тому же, очевидно, содѣйствовали многіе очевидные факты, какъ, напримѣръ, преобладаніе бѣдности, порока и нищеты среди густыхъ населеній, общее дѣйствіе матеріальнаго прогресса въ увеличеніи населенія безъ облегченія пауперизма, быстрое возрастаніе числа людей въ новыхъ странахъ и очевидное запозданіе возрастанія въ болѣе густо населенныхъ странахъ, благодаря смертности среди классовъ, осужденныхъ нуждаться. Теорія Мальтуса доставила общій принципъ, объясняющій эти и сходные съ ними факты, и разъясняетъ ихъ способомъ, гармонирующимъ съ ученіемъ, что заработная плата извлекается изъ капитала, и со всѣми принципами, вытекающими изъ него.

Но великая причина тріумфа этой теоріи есть та, что, вмѣсто того, чтобъ угрожать какому-нибудь установившемуся праву или антагонизировать съ какимъ-нибудь могущественнымъ интересомъ, она въ высшей степени льстива и предупредительна къ классамъ, которые, управляя силою богатства, широко властвуютъ надъ мыслью. Въ то время, когда старые устои упали, дѣло шло о спасеніи спеціальныхъ привилегій, при помощи которыхъ немногіе монополизируютъ столь много хорошихъ вещей этого міра, провозглашая естественную причину нужды и нищеты, которыя, будучи приписаны политическимъ учрежденіямъ, обвинили бы всякое правительство, подъ какимъ они существуютъ. «Опытъ о народонаселеніи» былъ признаннымъ отвѣтомъ Уилліаму Годвину на его «Изслѣдованіе, относящееся до политической справедливости»,—произведеніе, подтверждающее начала человѣческаго равенства; и цѣлью «Опыта» было оправдать существующее неравенство, перелагая съ него отвѣтственность за человѣческія учрежденія на волю Создателя. Новаго не было въ этомъ ничего, такъ какъ Уалласъ около сорока лѣтъ назадъ уже выставилъ опасность чрезмѣрнаго размноженія, какъ отвѣтъ на требованіе справедливости въ пользу равнаго распредѣленія богатства; но обстоятельства времени были таковы, что сдѣлали ту же идею, выведенную въ публику Мальтусомъ, въ особенности благопріятною господствующимъ классамъ, въ которыхъ инстинктивный страхъ передъ всякимъ вопросомъ о существующемъ состояніи вещей былъ порожденъ взрывомъ французской революціи.

И въ настоящее время, какъ тогда, теорія Мальтуса парируетъ вопросъ о реформѣ и прикрываетъ себялюбіе отъ вопроса и сознанія противопоставленіемъ неизбѣжной необходимости. Она доставляетъ философію, на основаніи которой Dives, когда пируетъ, можетъ закрыть лицо Лазаря, который въ безсиліи отъ голода находится у его дверей,—философію, въ силу которой богатство можетъ застегивать свой карманъ, когда бѣдность проситъ милостыни, и богатый христіанинъ сгибается къ воскресенье вымаливать благъ у Всеотца безъ чувства отвѣтственности за грязную нищету, которая гніетъ на сосѣдней площади. Бѣдность, нужда и голодная смерть по этой теоріи не могутъ быть вмѣняемы ни индивидуальной жадности, ни соціальной несправедливости: онѣ составляютъ неизбѣжный результатъ всеобщихъ законовъ, съ которыми было бы столь же безнадежно, если не святотатственно бороться, какъ и съ за-

комомъ притяженія. Въ этомъ свѣтѣ тотъ, кто среди нуждъ накопилъ себѣ богатство, просто огородился въ маленькомъ оазисѣ противъ натисковъ песка, который въ противномъ случаѣ засыпалъ бы его. Онъ выигралъ для самого себя, но никому не нанесъ вреда. И даже еслибы богатый буквально послушался внушеній Христа и роздалъ бы все свое имѣніе бѣднымъ, то и тутъ не было бы ничего выиграно. Народонаселеніе возросло бы и стало бы снова давить на границы существованія или капитала, и произведенное равенство стало бы только равенствомъ всеобщей нищеты. И подобныя реформы, которыя вмѣшивались бы въ интересы могущественнаго класса, суть обезкураживающія и безнадежныя. Какъ нравственный законъ запрещаетъ всякій захватъ способовъ, которыми естественный законъ считается съ наличнымъ населеніемъ и оказываетъ препятствія тенденціи увеличить населеніе настолько, чтобы поверхность земли была усѣяна человѣческими существами, какъ сардинами, запакованными въ коробку, точно также ничто не можетъ быть сдѣлано дѣйствительно ни индивидуальными, ни комбинированными усиліями для искорененія бѣдности, кромѣ довѣрія къ дѣйствительности воспитанія и проповѣди о необходимости благоразумія. Теорія, которая, нанося ударъ привычкамъ мышленія бѣдныхъ классовъ, такъ оправдываетъ сребролюбіе богатыхъ и себялюбіе властителей, должна была быстро распространиться и пустить глубокіе корни. Такова и была судьба теоріи, изложенной Мальтусомъ. И въ послѣдніе годы теорія эта получила новую поддержку отъ быстрой перемѣны идей, относящихся къ происхожденію человѣка и къ генезису видовъ. Что Бокль былъ правъ, когда сказалъ, что провозглашеніе теоріи Мальтуса обозначило точку въ исторіи спекулятивной мысли, это, кажется автору, легко доказать; но прослѣдить ея вліяніе до высшихъ областей философіи (которой примѣромъ служитъ собственное произведеніе Бокля), хотя и было бы крайне интересно, повело бы автора за предѣлы нынѣшняго изслѣдованія. Но насколько рефлективна и насколько оригинальна эта поддержка, данная теоріи Мальтуса новою философіей развитія, въ настоящее время быстро распространяющейся во всѣхъ направленіяхъ, о томъ можетъ быть упомянуто въ какой-либо оцѣнкѣ источниковъ, изъ которыхъ эта теорія выводитъ въ настоящее время свою силу. Подобно тому, какъ въ политической экономіи поддержка, полученная изъ ученія о заработной платѣ и о рентѣ, въ комбинаціи съ теоріей Мальтуса,

достигла повышенія ея до значенія центральной истины, точно также и распространеніе подобныхъ идей на развитіе жизни во всѣхъ ея формахъ имѣло послѣдствіемъ предоставленіе ему высокаго и еще болѣе неприступнаго положенія. Агассизъ, который въ день своей смерти оставался сильнымъ оппонентомъ новой философіи, говорилъ о дарвинизмѣ, что онъ еще превзошелъ Мальтуса, а Дарвинъ самъ говоритъ, что борьба за существованіе есть «ученіе Мальтуса, примѣненное съ различною силою ко всему животному и растительному царствамъ». Такъ хорошо рекомендованная и, повидимому, доказанная и поддержанная теорія Мальтуса: ученіе, что бѣдность обязана своимъ существованіемъ давленію населенія на средства къ жизни, или, если придать ей другую форму, ученіе, что тенденція возрастанія числа рабочихъ должна всегда стремиться къ приведенію заработной платы къ минимуму, при помощи котораго рабочіе могутъ воспроизводиться,—въ настоящее время вообще принята (?), какъ безспорная истина, въ свѣтѣ которой должны быть объясняемы соціальныя явленія, совершенно какъ въ прежнія времена явленія сидерическаго неба объяснялись предположеніемъ неподвижности земли. Еслибъ имѣть въ виду одинъ только авторитетъ, то формально отрицать это ученіе требовало бы такой же смѣлости, какова была она у цвѣтного проповѣдника, который недавно воздвигъ крестовый походъ противъ мнѣнія, что земля движется вокругъ солнца, такъ какъ въ одной или въ другой формѣ теорія Мальтуса получила въ интеллектуальномъ мірѣ почти всеобщее признаніе, и въ лучшей, какъ и въ самой обыкновенной литературѣ можно видѣть собираніе ея жатвы во всѣхъ направленіяхъ. При всемъ томъ авторъ увѣренъ, что, опрокинувъ теорію происхожденія заработной платы изъ капитала, онъ подниметъ и этого Антея отъ земли.

Прежде всего факты, приводившіеся въ поддержку этой теоріи, не доказываютъ, а аналогіи не поддерживаютъ ея. Сверхъ того, есть факты, опровергающіе ее. Нѣтъ никакого свидѣтельства: ни въ опытѣ, ни въ аналогіи въ пользу предположенія, что у населенія есть тенденція возрастать быстрѣе средствъ къ жизни. Факты, приводимые для подтвержденія этого предположенія, показываютъ просто, что тамъ, гдѣ, благодаря рѣдкому населенію, какъ въ новыхъ странахъ, или неравному распредѣленію богатства, какъ среди бѣдныхъ классовъ старыхъ странъ, человѣческая жизнь занимается физическими необходимостями существованія,—тенденція къ воспроизведенію происходитъ по уровню, ко-

торый, не будь препятствій, чрезъ нѣсколько времени превысилъ бы жизненныя средства. Но не представляетъ правильнаго вывода изъ этого, что тенденція къ воспроизведенію должна показать себя съ тою же силой и тамъ, гдѣ поселеніе достаточно густо и богатство распредѣлено съ достаточнымъ равенствомъ, чтобы поднять всю общину надъ необходимостью посвящать всю свою энергію борьбѣ за одно только существованіе. Не можетъ быть также признано, что тенденція къ воспроизведенію, причиняя бѣдность, должна предупреждать существованіе такой общины, потому что ясно, что это значило бы признавать самый исходный пунктъ и аргументировать въ кругу. И даже еслибы было допущено, что стремленіе къ размноженію должно въ концѣ концовъ произвести бѣдность, но одному этому еще нельзя предсказывать о существующей бѣдности, что она обязана этой причинѣ, пока не будетъ показано, что нѣтъ другихъ причинъ къ объясненію ея,—вещь при нынѣшнемъ состояніи правительствъ, законовъ и обычаевъ положительно невозможная. Это обильно показано въ «Опытѣ о народонаселеніи». Онъ начинается съ предположенія, что населеніе стремится возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ жизненныя средства могутъ, самое большее, быть принуждены возрастать только въ ариѳметической прогрессіи,—предположеніе столь же цѣнное, какъ еслибъ изъ факта, что собака удвоила длину своего хвоста, потому что она прибавила столько-то фунтовъ къ вѣсу своего тѣла, признать геометрическую прогрессію за хвостомъ и ариѳметическую за вѣсомъ. И выводъ изъ предположенія совершенно тотъ же, какой Свифтъ въ сатирѣ довѣрилъ ученымъ предварительно лишеннаго собакъ острова, которые, сведя вмѣстѣ обѣ прогрессіи, могли вывести весьма поразительное послѣдствіе, что съ теченіемъ времени собака выросла до вѣса въ 50 фунтовъ, а хвостъ у нея увеличился свыше мили и съ крайнимъ трудомъ двигался, такъ что отсюда слѣдовала рекомендація «благоразумнаго препятствія»—бандажа, какъ единственнаго выбора сравнительно съ «положительнымъ препятствіемъ»—постоянными ампутаціями. Начавши съ такого абсурда, «Опытъ» заключаетъ въ себѣ продолжительный аргументъ въ пользу возложенія пошлины на ввозъ и уплаты преміи за вывозъ пшеницы,—идея, которая, спустя извѣстное время, была отослана въ числу освистанныхъ софизмовъ. И среди аргументаціи встрѣчаются мѣста, показывающія у почтеннаго джентльмена самую смѣшную неспособность къ логикѣ

мысли, какъ, напримѣръ, то, что еслибы заработная плата возросла съ 18 пенс. или 2 шилл. въ день до 5 шилл., то мясо необходимо возросло бы въ цѣнѣ съ 8 или 9 пенс. до 2 или 3 шилл. за фунтъ, и положеніе рабочаго класса осталось бы вслѣдствіе этого не улучшеннымъ,—утвержденіе, которому авторъ не знаетъ болѣе близкой параллели, какъ предположеніе, которое съ вѣсомъ представилъ одинъ наборщикъ, что когда одинъ знакомый ему писатель былъ 40 лѣтъ, онъ самъ былъ 20, и что поэтому писателю теперь должно быть 80 лѣтъ, потому что ему теперь 40. Это смѣшеніе мысли характеризуетъ не только отдѣльныя мѣста, но даже весь «Опытъ». Главная часть книги взята изъ того, что въ дѣйствительности представляетъ опроверженіе теоріи, предлагаемой самой книгой, такъ какъ обзоръ Мальтуса такъ-называемыхъ имъ «положительныхъ препятствій размноженію народонаселенія» есть просто иллюстрація того, что *результаты, приписываемые имъ перенаселенію, въ дѣйствительности произошли отъ другихъ причинъ*. Изъ числа всѣхъ цитируемыхъ авторомъ случаевъ, при помощи которыхъ онъ подвергаетъ своему обозрѣнію почти весь земной шаръ, изображая пороки и нищету въ ихъ возрастаніи, сокращающемъ срокъ человѣческой жизни и число браковъ,—*нѣтъ ни одного случая, въ которомъ пороки и нищета могли бы быть прослѣжены до дѣйствительнаго возрастанія въ числѣ ртовъ надъ возможностью прокормить ихъ;* но въ каждомъ случаѣ пороки и нищета вытекаютъ или изъ невѣжества и хищничества, или изъ дурного правленія, несправедливыхъ законовъ, или изъ разрушительной войны. Сверхъ того, Мальтусъ упустилъ изъ виду показать то, что было показано послѣ него. Онъ подвергаетъ разсмотрѣнію и переборкѣ земной шаръ совершенно напрасно для указанія хотя одного случая, въ которомъ бѣдность и нужда могли бы быть дѣйствительно отнесены на счетъ давленія на пищу возросшаго населенія. Каковы бы ни были возможныя опасности, содержащіяся въ силѣ размноженія людей, онѣ до сихъ поръ нигдѣ еще не проявлялись. А если и могло произойти что-нибудь такое, то оно никогда не было зломъ, печалившимъ человѣчество. Населеніе, всегда стремящееся превзойти границы средствъ существованія!... Какимъ же образомъ произошло то, что этотъ нашъ шаръ послѣ всѣхъ тѣхъ тысячъ, а какъ теперь думаютъ—и милліоновъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ люди были на землѣ, до сихъ поръ такъ рѣдко населенъ? Откуда взялось то, что такъ

много мѣстопребываній человѣческой жизни въ настоящее время опустошено, что нѣкогда обработанныя поля заросли джунглами и что дикіе звѣри лижутъ своихъ дѣтей тамъ, гдѣ прежде были дѣятельныя сѣдалища людей?

Фактъ составляетъ то, что, считая наши возросшіе милліоны, мы можемъ потерять изъ виду, что въ исторіи міра упадокъ населенія столь же общъ, какъ и возрастаніе. Вопросъ, больше ли совокупное населеніе земли въ настоящее время, чѣмъ въ какую-нибудь предыдущую эпоху—это не болѣе какъ спекуляція, имѣющая дѣло съ однѣми только догадками. Съ тѣхъ поръ, какъ Монтескьё въ началѣ прошлаго столѣтія утверждалъ, что населеніе земли съ христіанской эры сильно уменьшилось, мнѣніе направилось по другому пути. Но результаты новѣйшихъ изученій и изслѣдованій придаютъ большее довѣріе тому, что считалось преувеличенными отчетами древнихъ историковъ и путешественниковъ, и даютъ указанія болѣе густыхъ населеній и болѣе передовыхъ цивилизацій, чѣмъ какія подозрѣвались прежде, а также и высшей древности человѣческой расы. И основывая оцѣнки населенія на развитіи торговли, на движеніи впередъ искусствъ, на размѣрѣ городовъ, мы можемъ догадываться о густотѣ населенія, которую были способны поддерживать интенсивныя культуры,—характеристика древнихъ цивилизацій, въ особенности тамъ, гдѣ прибѣгали къ орошенію. Какъ можно видѣть изъ сильно обработанныхъ округовъ Китая, весьма большое населеніе съ простыми обычаями можетъ прекрасно существовать при незначительной торговлѣ и при гораздо болѣе низкой ступени тѣхъ искусствъ, которыми всего болѣе отличился новѣйшій прогрессъ. Несомнѣнно, Греція, Средиземные острова и Европейская Турція, быть-можетъ, Италія и, быть-можетъ, Испанія—содержали прежде бо́льшія населенія, чѣмъ въ настоящее время, и это можетъ быть столь же вѣрно относительно сѣверо-запада и частей центральной и восточной Европы. Америка также возросла въ населеніи въ теченіе того времени, когда мы ее знаемъ; но это возрастаніе не такъ велико, какъ обыкновенно полагаютъ, такъ какъ нѣкоторыя оцѣнки даютъ для одного Перу во время открытія большее населеніе, чѣмъ нынѣ существующее на всемъ континентѣ Южной Америки. И всѣ указанія говорятъ, что предъ завоеваніемъ населеніе Америки было въ состояніи уменьшенія. Сколько великихъ націй пробѣжали свою жизнь, сколько имперій возникло и погибло въ этомъ новомъ, но уже старомъ мірѣ, нашъ

можно только мечтать. Но обломки массивныхъ развалинъ все же свидѣтельствуютъ о значительной доинканской цивилизаціи; среди тропическихъ лѣсовъ Юкатана и Центральной Америки встрѣчаются остатки большихъ городовъ, забытыхъ раньше испанскаго завоеванія. Мексика, какъ нашелъ ее Кортецъ, являлась господствомъ варварства надъ высшимъ соціальнымъ развитіемъ (?), тогда какъ по большей части того, что теперь занято Соединенными Штатами, разбросаны холмы, доказывающіе относительно густое населеніе, а здѣсь и тамъ, какъ на Верхнемъ Озерѣ, мѣдные рудники являются слѣдами болѣе высокаго искусства, нежели то, какое было извѣстно индійцамъ, встрѣтившимся съ европейцами. Въ сѣверной Африкѣ существуетъ теперь только дробь населенія, существовавшаго въ древнія времена; одна Нильская долина содержала гораздо большее число населенія, чѣмъ теперь, тогда какъ югъ Сахары ничѣмъ не обнаруживаетъ возрастанія населенія въ историческія времена и сильнѣйше распространенное обезнаселеніе было несомнѣнно причинено торговлею рабами. Что касается Азіи, которая именно теперь содержитъ болѣе половины человѣческой расы, хотя она населена на половину менѣе, чѣмъ Европа, то относительно Индіи и Китая имѣются указанія, что въ нихъ прежде были болѣе широкія населенія, чѣмъ теперь, такъ какъ большая, воспитывавшая людей земля, изъ которой возникали рои, переходившіе по странѣ и посылавшіе крупныя волны народа въ Европу, должны были прежде являться гораздо болѣе населенными. Но наиболѣе замѣтная перемѣна произошла въ Малой Азіи, въ Сиріи, Вавилоніи, Персіи,—словомъ, въ томъ обширномъ округѣ, который служилъ завоеваніямъ Александра. Гдѣ были прежде великіе города и размножающееся населеніе, тамъ теперь грязныя деревни и голыя пустыни.

Нѣсколько странно, что, вопреки всѣмъ установленнымъ теоріямъ, никто не дотронулся и пальцемъ до постояннаго количества человѣческой жизни на землѣ (?). Оно лучше совпадало бы съ историческими фактами, чѣмъ теорія постояннаго стремленія превосходитъ средства существованія. Ясно, что населеніе въ однихъ мѣстахъ прибывало, въ другихъ убывало; центры его мѣнялись, возникали новыя націи и приходили въ упадокъ старыя; рѣдко населенные округи населялись, густо населенные пустѣли, но никто не показываетъ постояннаго возрастанія, или даже совокупнаго возрастанія отъ времени до времени. Въ срав-

ненія съ ея способностью поддерживать человѣческую жизнь, земля въ цѣломъ и до сихъ поръ населена очень рѣдко. Если вѣренъ мальтусовскій принципъ, что естественная тенденція населенія состоитъ въ превышеніи надъ средствами къ жизни, то почему нигдѣ въ древнихъ вѣрахъ и кодексахъ — ни у евреевъ, ни у египтянъ, ни у индусовъ, ни у китайцевъ — не встрѣчается никакихъ восхваленій практики благоразумныхъ ограниченій Мальтуса, но, наоборотъ, мудрость столѣтій и религій міра всегда считала за идеи гражданской и религіозной обязанности совсѣмъ противоположное тому, что проповѣдуетъ господствующая политическая экономія и что Анна Безантъ попробовала въ настоящее время популяризировать въ Англіи? Слѣдуетъ также вспомнить, что въ прежнія времена бывали такія общества, въ которыхъ община гарантировала каждому члену занятія и существованіе. Такъ, наприм., въ Спартѣ, въ Перу, въ Парагваѣ, повидимому, было полное отсутствіе знанія жестокихъ послѣдствій естественной тенденціи къ размноженію. Если стремленіе къ размноженію такъ сильно, какъ предполагаетъ Мальтусъ, то почему такъ часто искореняются семейства, которымъ нужда неизвѣстна? Какъ можно объяснить то, что, несмотря на всякія преміи подъ видомъ наслѣдственныхъ владѣній и титуловъ, аристократія, подобная англійской, теряетъ столько перовъ и палата перовъ можетъ сохраняться со столѣтія до столѣтія только при помощи новыхъ возведеній въ перство? Другой примѣръ представляютъ потомки Конфуція въ Китаѣ, которые существуютъ до сихъ поръ, пользуются особыми привилегіями и значеніемъ и въ дѣйствительности образуютъ единственную наслѣдственную аристократію. И что же, если допустить 25-лѣтнее удвоеніе населенія, то потомство Конфуція въ настоящее время, то-есть по прошествіи 2.151 года со смерти Конфуція, должно было бы достигнуть неизобразимой цифры въ милліоны, биллліоны, трилліоны и квадрилліоны, тогда какъ въ дѣйствительности число ихъ состоитъ всего изъ 21.000 челов. отъ одной пары въ 2.151 годъ. Это слишкомъ коротко для мальтусовскаго уровня. Впрочемъ, возрастаніе числа потомковъ не показываетъ возрастанія населенія. Смитъ и жена его имѣютъ сына и дочь, которые вступаютъ въ бракъ съ дочерью и сыномъ другихъ семействъ и каждый изъ нихъ имѣетъ по двое дѣтей. Смитъ и его жена имѣли бы такимъ образомъ четырехъ внуковъ; но въ одномъ поколѣніи число было бы не больше, чѣмъ въ другомъ, каждое

дитя имѣло бы по четыре прадѣда. И предполагая, что этотъ процессъ пошелъ бы дальше, линія нисходящихъ могла бы расшириться въ сотни, тысячи и милліоны; но въ каждомъ поколѣніи нисходящихъ было бы не больше индивидуумовъ, чѣмъ въ любомъ предварительномъ поколѣніи предковъ. Ткань поколѣній подобна холстинѣ или діагональнымъ нитямъ въ платьѣ. Начиная съ какого-нибудь пункта на верху, глазъ слѣдуетъ за линіями, которыя широко расходятся на груди; но, начиная съ какого-нибудь пункта груди, линіи расходятся тѣмъ же способомъ къ верху. Сколько дѣтей есть у человѣка — это вопросъ, но что онъ имѣетъ двухъ родителей, это вѣрно, и что эти послѣдніе также имѣютъ по двое родителей — это также вѣрно. Прослѣдите эту геометрическую прогрессію въ двухъ поколѣніяхъ, и вы увидите, что это приведетъ къ отрицанію «поразительныхъ послѣдствій» населенія, по Мальтусу, солнечныхъ системъ.

На основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Бёме и Вагнеромъ, въ Индіи приходится всего по 132 человѣка на квадратную милю, въ Китаѣ 119, тогда какъ въ Саксоніи 442, въ Бельгіи 441, въ Англіи 442, въ Нидерландахъ 291, въ Италіи 234, въ Японіи 233. Все населеніе земного шара они опредѣляютъ въ 1.377 милліоновъ, то-есть по 26,64 человѣка на квадратную милю. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, наприм., въ Китаѣ и Индіи существуютъ еще обширныя пространства необработанной земли и что они въ состояніи содержать еще гораздо большее населеніе въ высшей степени благосостоянія, потому что въ обѣихъ странахъ въ настоящее время трудъ принимается къ производству грубѣйшими и наиболѣе недѣйствительными способами, и въ обѣихъ странахъ громадные естественные рессурсы совершенно пренебрегаются. Это возникаетъ вовсе не изъ внутреннихъ недостатковъ народа, такъ какъ индусъ, какъ показала сравнительная филологія, нашей собственной крови, а Китай обладалъ высокою степенью цивилизаціи и началами наиболѣе важныхъ изобрѣтеній, когда наши предки бродили еще дикарями. Это возникаетъ изъ формы, принятой въ обѣихъ странахъ соціальною организаціей, которая сковывала производительную силу и грабила у промышленности ея заработки. Въ Индіи съ незапамятныхъ временъ рабочіе классы были угнетаемы вымогательствами и поставляемы притѣсненіями въ положеніе безпомощнаго и безнадежнаго вырожденія. За то слоны раджей блистали золотомъ и зонтиками, символизировавшими власть ихъ господъ,

въ то время, какъ плугъ райота былъ лишь острою палкой. Леди гарема раджей были одѣти въ муслинъ столь тонкій, что онъ заслужилъ себѣ названіе сотканнаго вѣтра, но орудія ремесленника были грубѣйшаго и бѣднѣйшаго сорта и торговля могла быть отправляема только украдкой. Не ясно ли, что нужда и голодная смерть въ Индіи были производимы тиранствомъ и отсутствіемъ безопасности, а не давленіемъ населенія на средства существованія, какъ угодно было, между прочимъ, утверждать Боклю?... Вотъ что говорилъ Уилліамъ Теннентъ, капланъ на службѣ Остъ-Индской компаніи въ 1796 году, за два года до выхода въ свѣтъ «Опыта о народонаселеніи» Мальтуса: «Если мы размыслимъ о великомъ плодородіи Индостана, то удивительно видѣть столь частые голоды. Очевидно, что они не принадлежатъ безплодію почвы или климату; зло должно быть прослѣжено до политической причины, и достаточно лишь немного проницательности, чтобъ открыть ее въ жадности и въ вымогательствахъ различныхъ правительствъ. Громадный стимулъ промышленности—безопасность—отсутствуетъ вполнѣ. Поэтому никто не станетъ сѣять больше хлѣба, чѣмъ сколько достаточно для него самого, и первый неурожай производитъ голодъ. — Могольское правительство никогда не доставляло полной безопасности князю, а еще менѣе его вассаламъ, не говоря о крестьянахъ, которымъ доставлялась наименьшая защита изъ всѣхъ. Это была непрерывная цѣпь насилій и возстаній, измѣны и наказанія, при которыхъ не могли процвѣтать ни промышленность, ни торговля, а земледѣліе принять видъ системы. Упадокъ послѣдняго далъ происхожденіе состоянію еще болѣе ужасному, такъ какъ анархія еще хуже, чѣмъ дурное правленіе. Какъ бы ни было отвратительно магометанское правительство, но европейскія націи не имѣли заслуги одержать надъ нимъ верхъ. Оно пало подъ тяжестью своей собственной испорченности и уже имѣло послѣдствіемъ разнообразную тиранію мелкихъ вождей, право которыхъ управлять состояло въ ихъ измѣнѣ государству и которыхъ вымогательства у крестьянъ были столь же безграничны, какъ ихъ жадность. Рента правительству была взимаема и, гдѣ управляютъ туземцы, продолжаетъ и въ настоящее время взиматься два раза въ годъ безпардонными бандитами, имѣющими видъ арміи, которая безстыдно разоряетъ и грабитъ всякую часть продукта, какая можетъ удовлетворить ея желанія или насытить ея жадность, посѣтивши несчастныхъ крестьянъ

въ деревняхъ и даже въ лѣсахъ. Всякая попытка крестьянъ защитить свою личность или собственность среди глиняныхъ стѣнъ своихъ деревень только призывала еще большую месть на этотъ полезный, но злосчастный народъ. Онъ тогда бывалъ окруженъ и аттакуемъ мушкетами и полевыми орудіями, пока сопротивленіе не прекращалось, причемъ оставшіеся въ живыхъ продавались, а ихъ жилища сожигались и сравнивались съ землею. Поэтому можно часто встрѣтить райотовъ, сбирающихъ разбросанные остатки того, что вчера еще было ихъ жилищемъ, если страхъ позволялъ имъ возвратиться; но чаще развалины курились послѣ второго визита этого рода, причемъ ни одно человѣческое существо не нарушало боязливой тишины разоренія. Это описаніе примѣняется не къ однимъ только магометанскимъ округамъ,— оно одинаково прилагается и къ округамъ, управляемымъ индусами» (*Tennant*: «Indian Recreations». Lond. 1804. I Sect. XXXIX). Къ этому безжалостному хищничеству, которое произвело бы нужду и голодъ даже и тамъ, гдѣ приходился бы только одинъ человѣкъ на квадратную милю, или даже въ саду рая, сопровождалось въ первую эру британскаго правленія въ Индіи столь же безжалостнымъ хищничествомъ, опирающимся на гораздо болѣе непреодолимую силу. Вотъ что говоритъ Маколэй въ своемъ «Опытѣ о лордѣ Клэйвѣ»: «Громадныя состоянія были быстро накоплены въ Калькуттѣ, тогда какъ милліоны человѣческихъ существъ были доведены до крайней нищеты. Они привыкли жить подъ тираніей, но не жили никогда подъ такою тираніей, какъ эта. Они нашли маленькій палецъ Компаніи тяжеле, чѣмъ поясницу Сураіа Довла... Тиранія эта скорѣе походила на правительство злого генія, чѣмъ на правительство человѣческихъ тирановъ. Иногда они покорялись въ терпѣливомъ ничтожествѣ. Иногда они бѣжали отъ бѣлаго человѣка, какъ ихъ отцы привыкли бѣгать отъ Магаратты, и паланкинъ англійскаго путешественника часто проносился чрезъ молчаливые деревни и города, которые пустѣли, получивъ извѣстіе о его приближеніи». Относительно ужасовъ, которыхъ Маколэй только коснулся, живое краснорѣчіе Бёрке бросаетъ болѣе сильный свѣтъ, показывая «цѣлые округи, отданные безграничной алчности худшихъ представителей человѣческаго рода съ разоренными до нищеты крестьянами и враждебно пытаемыми, чтобы принудить ихъ отдать имъ малое имущество, такъ что нѣкогда густо населенныя страны превратились въ пустыню».

Милліоны обитателей Индіи сгибали свои шеи подъ игомъ многихъ завоевателей, но хуже всего эта устойчивая, молотящая тяжесть англійскаго господства, — тяжесть, буквально выдавившая милліоны изъ существованія и, какъ показываютъ англійскіе авторы, неизбѣжно стремящаяся къ наиболѣе страшной и широко распространенной катастрофѣ. И это — несмотря на перемѣну англо-индійской политики въ XIX столѣтіи, на дарованіе индійцамъ правъ свободныхъ англійскихъ гражданъ, на распространеніе между ними образованія, желѣзныхъ дорогъ, способовъ орошенія и проч. Другіе завоеватели жили въ странѣ, и хотя были злы и тираны въ своемъ управленіи, но понимали народъ и были понимаемы народомъ; но въ настоящее время Индія подобна большому имѣнію, принадлежащему отсутствующему или чужеземцу-лорду. Въ высшей степени расточительное военное и гражданское управленіе поддерживается и ведется англичанами, которые смотрятъ на Индію какъ на мѣсто временнаго изгнанія; и громадная сумма, оцѣниваемая, по меньшей мѣрѣ, въ 20 милл. фун. стерл. въ годъ (взысканныхъ съ населенія, у котораго рабочіе во многихъ мѣстахъ довольны, когда получаютъ за работу $1^1/_2$—4 пенса въ день!), увозится изъ страны въ Англію, въ видѣ переводовъ, пенсіоновъ, долговъ индійскаго правительства, въ видѣ подати, которой нѣтъ возврата. Громадныя суммы, которыя были выпущены лавою на желѣзныя дороги, какъ показываютъ отчеты, были экономически непроизводительны; великія предпріятія по орошенію большею частію покончились дорого стоющими банкротствами. Въ обширной части Индіи англичане, въ своемъ желаніи создать классъ поземельныхъ собственниковъ, превратили землю въ абсолютную собственность сборщиковъ налоговъ, которые заставляютъ безжалостно платить ренту жителей. Въ другихъ частяхъ, гдѣ рента по-прежнему получается государствомъ, въ формѣ поземельнаго налога, обложенія столь высоки и налоги собираются такъ неотлагаемо, что принуждаютъ райотовъ, которые ведутъ большею частью скудную жизнь въ хорошій урожай, попадать въ когти денежныхъ ростовщиковъ, которые, если возможно, еще болѣе хищны, чѣмъ земиндары. На соль, предметъ первой необходимости повсюду, и особенно необходимый тамъ, гдѣ пища почти исключительно растительная, возложенъ налогъ около 12%, который прекращаетъ различное промышленное потребленіе соли и большія массы народа не могутъ имѣть ея вовсе ни для своихъ собствен-

ныхъ потребностей, ни для потребностей скота. Ниже англійскихъ чиновниковъ стоитъ цѣлая орда служащихъ уроженцевъ, которые угнетаютъ народъ и взяточничаютъ. Дѣйствіе англійскихъ законовъ, съ ихъ строгими правилами, въ глазахъ туземцевъ таинственное дѣйствіе, только вложило могучее орудіе въ руки грабителей изъ туземныхъ ростовщиковъ, у которыхъ должны занимать на крайне отяготительныхъ условіяхъ крестьяне, чтобы уплачивать налоги, и которымъ они принуждены давать обязательства съ непонятнымъ для нихъ смысломъ. «Мы не заботимся объ индусскомъ народѣ,—говоритъ Флоренція Найтингаль съ чѣмъ-то похожимъ на рыданія.—Самая печальная вещь, которую только можно видѣть на Востокѣ — и даже, пожалуй, въ мірѣ—это поселянинъ нашей восточной имперіи». И она показываетъ далѣе причины ужасныхъ голодовъ въ податяхъ, которыя отбираютъ у земледѣльцевъ всѣ средства обработки, и дѣйствительное рабство, къ которому приведены райоты, какъ «послѣдствіе нашихъ же законовъ»; какъ «производятся въ наиболѣе плодородной странѣ міра такія угнетенія, которыя порождаютъ смерть отъ голода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ то, что называется голодомъ, не существуетъ (*Nightingale*: «The people of India», XIX century, aug. 1878)? Мужчины и женщины не могутъ пріобрѣсти пищи, потому что не могутъ сберечь денегъ. Теперь у насъ обыкновенно говорятъ: мы принуждены обложить этотъ народъ еще больше». И она показываетъ, какъ даже въ пораженныхъ голодомъ округахъ хлѣбъ вывозится для уплаты налоговъ, и какъ вся Индія подчинена постоянному и истощительному давленію, которое въ связи съ громадными расходами правительства заставляетъ населеніе бѣднѣть съ года на годъ. Вывозъ изъ Индіи состоитъ почти исключительно изъ земледѣльческихъ продуктовъ и, какъ показываетъ г. Гиндманъ (XIX century, oct. 1878), не получается за нихъ никакой оборочной выручки; они представляютъ налогъ, переводы, дѣлаемые англичанами на Индію, или расходы англійской вѣтви индійскаго правительства. Профессоръ Фоусеттъ въ недавней статьѣ о займахъ, предположенныхъ для Индіи, призываетъ вниманіе къ такимъ суммамъ, какъ 1.200 фун. стерл. на пріѣздъ и проѣздъ члена совѣта генералъ-губернатора и 2.450 фун. стерл. на прибытіе и проѣздъ епископа калькутскаго и бомбейскаго. А въ остальномъ то, что уплачивается, представляетъ, большею частью, правительственные резервы, или товары комфорта и рос-

коши, потребляемые англійскими господами Индіи. Онъ показываетъ, что расходы правительства громадно возросли подъ императорскимъ правленіемъ, что безостановочное обложеніе столь несчастныхъ нищихъ, приводя къ тому, что массы въ большинствѣ сыты только въ половину, есть грабежъ у нихъ скудныхъ способовъ для обработки земли; что число быковъ уменьшилось и жалкія орудія обработки сданы ростовщикамъ, у которыхъ «мы, дѣловой народъ, вынуждаемъ земледѣльцевъ занимать по 12, 24 и 60%, строить и платить проценты по издержкамъ на обширныя общественныя дѣла, которыя никогда не приносили даже 5%». Далѣе Гиндманъ говоритъ: «Истина состоитъ въ томъ, что индусское общество было ужасно обѣднено подъ нашимъ управленіемъ, и въ томъ, что процессъ этотъ идетъ въ настоящее время по исключительно быстрому пути»,—утвержденіе, въ которомъ нельзя сомнѣваться въ виду фактовъ, представленныхъ не только писателями, подобными тѣмъ, на которыхъ были сдѣланы ссылки, но самими индійскими чиновниками Англіи. Даже самыя усилія, сдѣланныя правительствомъ для облегченія голода, при помощи повышеннаго обложенія податями, только интенсивировали и расширили дѣйствительную причину голода. Хотя отъ недавняго голода въ южной Индіи, согласно оцѣнкѣ, умерло около 6 милліоновъ людей (!!) и значительная часть тѣхъ, которые пережили голодъ, была въ дѣйствительности ограблена, но все же налоги не были сложены, и соляной налогъ, и безъ того уже запретительный для громадной массы пораженнаго бѣдностью народа, былъ повышенъ на 40%, совершенно подобно тому, какъ и послѣ ужаснаго бенгальскаго голода въ 1770 г. доходъ былъ въ дѣйствительности вырванъ изъ рукъ при помощи обложенія налогомъ уцѣлѣвшихъ и строго насильственнаго сбора.

Итакъ, въ Индіи нынѣшней, какъ и въ Индіи прошедшей только въ высшей степени поверхностный взглядъ можетъ приписать нужду и голодную смерть давленію народонаселенія на способность страны производить средства существованія. Если-бы земледѣльцы могли удержать свой маленькій капиталъ (?), еслибъ они могли быть освобождены отъ тягости, которая даже въ годы неголодные сводитъ громадную ихъ массу къ ступени жизни ниже той, какая считается необходимою для сипаевъ (туземные солдаты), даже и той, какую англійская гуманность даетъ даже заключеннымъ въ тюрьмахъ,—возрождающаяся промышленность, допускающая болѣе производительныя формы, не-

сомнѣнно была бы достаточна для сохраненія гораздо большаго населенія. Въ Индіи, по-прежнему, существуютъ большія пространства необработанной земли, громадные рессурсы нетронутыхъ минераловъ, и несомнѣнно, что населеніе Индіи не достигло ни разу среди историческихъ временъ дѣйствительной границы доставленія почвой пищи, или даже пункта, на которомъ эта сила начинаетъ уменьшаться, по мѣрѣ усиленнаго грабежа ея. Дѣйствительная причина индійской нужды была, какъ и есть, алчность человѣка, а не скупость природы.

Вѣрное объ Индіи вѣрно и объ Китаѣ. При густомъ населеніи въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая, крайняя бѣдность низшихъ классовъ должна быть приписана причинамъ сходнымъ съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Индіи, а не слишкомъ чрезмѣрному населенію, какъ то доказано фактами. Преобладаетъ небезопасность, производство подвергается большимъ неудобствамъ, торговля тѣсно скована. Тамъ, гдѣ правительство наслѣдуетъ повинности, обезпеченіе капитала всякаго рода можетъ быть куплено у мандарина; гдѣ долги человѣка имѣютъ большое отношеніе къ внутреннимъ сообщеніямъ, гдѣ джонка должна быть такъ построена, чтобы была неспособна къ морскому плаванію, гдѣ пиратство есть регулярная торговля и гдѣ разбойники часто маршируютъ полками,—бѣдность должна преобладать и недостатокъ жатвы сопровождаться голодомъ, все равно, какъ ни рѣдко населеніе (мѣстопребываніемъ послѣдняго голода въ Китаѣ не были наиболѣе густо заселенные округи). Что Китай способенъ къ поддержанію жизни гораздо большаго населенія, доказывается не только громаднымъ пространствомъ необработанной земли, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, но и громадными необработанными внутренними запасами минераловъ, существованіе которыхъ тамъ извѣстно. Китай, наприм., содержитъ въ себѣ огромнѣйшій и лучшій источникъ угля, до сихъ поръ гдѣлибо открытый. Насколько обработка этихъ угольныхъ копей стала бы способствовать существованію бо́льшаго населенія, можно себѣ представить легко. Уголь, правда, не пища, но производство его соотвѣтственно производству пищи, такъ какъ уголь не только можетъ мѣняться на пищу, если оно ведется во всѣхъ угольныхъ округахъ, но сила, освобождаемая его потребленіемъ, можетъ быть употребляема въ производствѣ пищи, или можетъ освободить трудъ для производства пищи. Итакъ, ни въ Индіи, ни въ Китаѣ нищета и голодная смерть не могутъ

возводиться къ давленію населенія на средства существованія. Не густое населеніе, а причины, мѣшающія и соціальной организаціи принять ея естественное развитіе и труду въ обезпеченіи его полнаго заработка—вотъ что держитъ милліоны именно на порогѣ голодной смерти и всякій разъ снова и снова вынуждаетъ милліоны снова переступать черезъ него. Что индусскій рабочій считаетъ себя счастливымъ, получая горсть риса, что китаецъ ѣстъ крысъ и собакъ—не болѣе одолжено давленію населенія на жизненныя средства, чѣмъ одолжено ему же то, что индійцы-копатели (diggers) живутъ на травяныхъ лугахъ, а туземцы, обитатели Австраліи, ѣдятъ червей, найденныхъ въ гниломъ деревѣ. Всѣмъ этимъ авторъ не желаетъ только утверждать то, что Индія или Китай при болѣе развитой цивилизаціи могли бы содержать и большее населеніе, но онъ не можетъ согласиться съ Мальтусомъ, что тенденція населенія къ превышенію средствъ къ жизни преслѣдуетъ даже высшую цивилизацію путемъ населенія, рождающагося для потребленія увеличившагося отъ цивилизаціи продукта. На это авторъ отвѣчаетъ: нигдѣ не существуетъ фактовъ, на которые указываетъ эта теорія, и что повсюду нужда и голодъ должны быть приписыемы не давленію населенія на жизненныя средства, а пороку и нищетѣ, которыя въ свою очередь возводятся не къ этой причинѣ, а къ воинственности, тираніи и притѣсненію.

Ирландія изъ всѣхъ европейскихъ странъ представляетъ примѣръ наибольшаго запаса излишняго населенія. Крайняя бѣдность крестьянъ и низкій уровень заработной платы здѣсь преобладаютъ. «Ирландскій голодъ», «ирландская эмиграція» постоянно упоминаются при демонстраціяхъ Мальтусовой теоріи, вырабатываясь на глазахъ цивилизованнаго міра. Авторъ сомнѣвается, можно ли найти болѣе поразительный случай силы предвзятой теоріи для ослѣпленія людей предъ дѣйствительнымъ отношеніемъ фактовъ. Истина въ томъ, и она лежитъ на поверхности, что Ирландія никогда еще не имѣла населенія, котораго естественныя силы страны, при существующихъ производительныхъ искусствахъ, не могли бы содержать въ полномъ благосостояніи. Въ періодъ своего величайшаго населенія (1840—45 г.) Ирландія содержала чуть-чуть сверхъ 8 милліоновъ народа, но значительная часть его старалась только-что прожить, обитая въ нищенскихъ хижинахъ, одѣваясь въ нищенское платье и питаясь только однимъ картофелемъ, какъ постоянною пищей. Когда

на картофель нападала болѣзнь, они умирали тысячами. Но была ли эта неспособность почвы прокормить столь большое населеніе, принужденное жить на нищенской ногѣ, и подвергать его голодной смерти при неурожаѣ одной только жатвы корней? Наоборотъ, это было то же нераскаянное хищничество, которое ограбило индусскаго райота отъ плодовъ его усилій и оставило его умирать среди изобилія природы. Нераскаянные бандиты изъ сборщиковъ налога не ходили по странѣ, грабя и пытая, но рабочій былъ такъ же дѣйствительно ограбленъ нераскаянною ордою ландлордовъ, среди которыхъ почва была раздѣлена въ ихъ абсолютное владѣніе, безъ вниманія къ правамъ тѣхъ, кто жилъ на ней. Разсмотрите условія производства, при которыхъ эти 8 милліоновъ старались жить, когда на картофель нападала болѣзнь. Это было то условіе, къ которому могутъ быть приложены слова, сказанныя Теннэнтомъ относительно Индіи: «громадный стимулъ промышленности, именно стимулъ безопасности, былъ у нихъ отнятъ». Обработка, большею частью, велась фермерами *at will* (по доброй волѣ, пока не прогонятъ), которые при той мучительной рентѣ, какую они должны были платить, не осмѣливались дѣлать улучшеній, что было бы сигналомъ къ повышенію ренты. Трудъ былъ такимъ образомъ примѣняемъ наиболѣе недостаточнымъ и опустошительнымъ образомъ и расточаемъ въ безполезной праздности, которая, при нѣкоторой увѣренности въ ея плодахъ, была бы приложена неотложно. Когда населеніе Ирландіи было наивысшее, она была страною вывозящею хлѣбъ. Даже въ теченіе голода хлѣбъ, масло, мясо и сыръ отправлялись въ вывозъ вдоль дорогъ, по обѣ стороны которыхъ лежали умирающіе съ голоду, и вдоль траншей, въ которыхъ мертвые были ограблены. За эти вывозы пищи или, по меньшей мѣрѣ, за большую часть ихъ не было никакого возмѣщенія. Насколько дѣло касалось ирландскаго народа, пища, такимъ образомъ вывозимая, могла бы быть также сожжена и брошена въ море, или никогда не произведена. Она не пошла въ обмѣнъ и въ качествѣ подати для уплаты ренты отсутствующимъ лордамъ.

М. Куллохъ въ 1838 году говоритъ въ примѣчаніи IV къ «Богатству народовъ»: «Удивительная густота народонаселенія въ Ирландіи есть непосредственная причина уничижительной нищеты и угнетеннаго состоянія громаднаго большинства народа. Не будетъ слишкомъ много, если сказать, что въ настоящее время въ Ирландіи не болѣе какъ половина населенія, при существую-

щихъ способахъ производства, неспособна на полное занятіе или на поддержаніе себя въ состояніи умѣреннаго благосостоянія». Такъ какъ въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось 8.175.124 челов., то въ 1838 г. можно положить около 8 милліоновъ. Такимъ образомъ, замѣняя отрицаніе М. Куллоха утвержденіемъ, Ирландія, на основаніи теоріи перенаселенія, поддерживала бы въ умѣренномъ состояніи потребностей немногимъ меньше 4 милліоновъ людей. Но въ началѣ предъидущаго столѣтія, когда Свифтъ писалъ свое «Скромное предложеніе», населеніе Ирландіи было около 2 милліоновъ. Такъ какъ ни средства, ни способы производства не подвинулись замѣтно въ Ирландіи въ теченіе этого интервала, а между тѣмъ уничижительная нищета и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1838 г. были приписаны перенаселенію, то въ Ирландіи въ 1727 г. должно было бы быть, согласно собственному допущенію Макъ-Куллоха, въ болѣе чѣмъ умѣренномъ состояніи благосостоянія, всего 2 милліона жителей. Но, вмѣсто этого, уничижительная нищета и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1727 г. были таковы, что Свифтъ съ горячей, рѣжущей ироніей предложилъ облегчить перенаселеніе воспитаніемъ вкуса къ жаренымъ дѣтямъ и ежегодно приносить на бойни, какъ деликатную пищу для богатыхъ, 100.000 ирландскихъ дѣтей. Затруднительно для того, кто просмотрѣлъ литературу ирландской нищеты, говорить въ приличныхъ выраженіяхъ о пріятной приписке ирландской нищеты и страданій перенаселенію, которую можно найти въ произведеніяхъ столь великаго ума, какъ Милль и Бокль. Авторъ не знаетъ ничего лучше разсчитаннаго на кипѣніе крови, какъ холодные отчеты объ убійственной, мучительной тираніи, которой былъ подверженъ ирландскій народъ и которой именно и слѣдуетъ приписывать ирландскій пауперизмъ и голодъ, а вовсе не какой-нибудь неспособности земли къ содержанію ея населенія. Могло ли перенаселеніе причинить пауперизмъ или голодную смерть—это есть открытый вопросъ; но пауперизмъ и голодная смерть Ирландіи могутъ быть не болѣе приписаны этой причинѣ, какъ и торговля рабами въ Африкѣ, или разрушеніе Іерусалима приписано неспособности средствъ существованія быть въ мирѣ съ воспроизведеніемъ населенія. Еслибъ Ирландія была отъ природы рощею банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, еслибы на ея берегахъ шли рядами запасы гуано о-ва Чинча и солнце низшихъ широтъ согрѣло бы ея сырую землю до болѣе изобиль-

ной жизни, то преобладающія въ ней соціальныя отношенія, попрежнему, повели бы впередъ нищету и голодную смерть. Не можетъ не существовать пауперизма и голода въ странѣ, гдѣ изъ земледѣльца выбивается мучительная рента, т. е. весь продуктъ его труда, за исключеніемъ достаточнаго количества, чтобы поддерживать жизнь въ урожайный годъ, гдѣ аренда безъ срока воспрещала улучшенія и удаляла всякую инціативу къ чему-либо, кромѣ въ высшей степени опустошительной и поражающей бѣдностью культуры; гдѣ фермеръ не смѣлъ накоплять капитала, еслибы даже могъ, изъ опасенія, что ландлордъ потребуетъ съ него ренту; гдѣ въ дѣйствительности онъ былъ униженнымъ рабомъ, который могъ иногда быть изгнанъ изъ своей несчастной глиняной хижины, бездомнымъ, безпріютнымъ бродягой, которому даже запрещено рвать естественные плоды земли и убить дикаго зайца для удовлетворенія своего голода. Все равно, насколько рѣдко населеніе, все равно, каковы естественные рессурсы, но пауперизмъ и голодная смерть суть естественныя послѣдствія въ странѣ, гдѣ производители богатства принуждены работать при условіяхъ, лишающихъ ихъ надеждъ, самоуваженія, энергіи, трудолюбія, гдѣ отсутствующіе ландлорды уносятъ вонъ безъ возвращенія четверть чистаго продукта почвы и гдѣ, кромѣ того, умирающая съ голоду промышленность должна содержать остающихся на мѣстѣ ландлордовъ, съ ихъ лошадьми и собаками, управляющими и спекулянтами, посредниками и судьями, чужую государственную церковь, оскорбляющую религіозныя вѣрованія, и армію полисменовъ и солдатъ для того, чтобы прекращать и разбивать всякую оппозицію несправедливой системы. Развѣ нечестіе взваливать на естественные законы такимъ образомъ созданную нищету не гораздо хуже атеизма?

V.

Аналогіи человѣческаго размноженія съ размноженіемъ животныхъ, употребляемыя отъ Мальтуса до нашихъ дней, какъ, наприм., съ размноженіемъ лосося, который, въ случаѣ отсутствія враговъ нѣсколько лѣтъ, можетъ наполнить своимъ приростомъ океанъ, съ размноженіемъ кролика, который, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, можетъ захватить цѣлый континентъ, затѣмъ съ размноженіемъ различныхъ другихъ животныхъ и растеній, которыя возрастаютъ съ безпримѣрною быстротой,—не доказы-

ваютъ ровно ничего. Изъ этого размноженія только одно и видно, что животныя, служащія въ пищу и инымъ потребностямъ человѣка, размножаются безконечно быстрѣе, нежели самъ человѣкъ, который рождаетъ двухъ-трехъ дѣтей тамъ, гдѣ какая-нибудь полёвка даетъ ихъ цѣлые десятки. Развѣ не составляетъ факта то, что всѣ вещи, доставляющія существованіе человѣку, имѣютъ способность размножаться громадно,—многія изъ нихъ въ тысячу разъ, а нѣкоторыя въ нѣсколько милліоновъ и даже билліоновъ,—тогда какъ онъ только удвоиваетъ свое число? И развѣ это не показываетъ, что человѣческія существа могутъ возрастать до полнаго объема своей воспроизводительной силы, хотя при этомъ возрастаніе ихъ никогда не превзойдетъ средствъ къ жизни? Это будетъ ясно, если вспомнить, что въ растительномъ и въ животномъ царствахъ каждый видъ, благодаря своей воспроизводительной силѣ, естественно и необходимо давитъ на условія, ограничивающія его будущее возрастаніе, такъ что эти условія нигдѣ не бываютъ прочны и окончательны. Никакой видъ не достигаетъ конечной границы почвы, воды, воздуха и солнечнаго свѣта; но дѣйствительная граница каждаго—въ существованіи другихъ видовъ, ихъ соперниковъ, враговъ и пищи. Такимъ образомъ условія, ограничивающія существованіе такихъ видовъ, которые доставляютъ существованіе человѣку, послѣдній можетъ расширить, и черезъ то воспроизводительная сила видовъ, удовлетворяющихъ его нуждамъ, вмѣсто того, чтобъ исчезнуть противъ своей прежней границы, выступитъ на его услуги въ мирѣ, который не можетъ соперничать съ его силами возрастанія. Если онъ бьетъ только соколовъ,—птицы, дающія ему пищу, будутъ возрастать въ числѣ; если онъ бьетъ лисицъ, то дикій кроликъ увеличится въ числѣ; пчела летитъ за піонеромъ, а органическія матеріи, которыя съ появленіемъ человѣка наполняютъ рѣки, кормятъ рыбу. Изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ есть единственное, которое можетъ заставить воспроизводительныя силы обнаружить болѣе силы, чѣмъ его собственныя, снабжающія его пищею. Животное, насѣкомое, птица, рыба—берутъ только то, что находятъ. Ихъ возрастаніе идетъ на счетъ ихъ пищи, когда они достигли существующихъ границъ пищи; пища ихъ должна возрасти прежде, чѣмъ они могутъ возрасти. Но, несходное со всѣми другими живыми существами, *размноженіе человѣка обусловливаетъ и размноженіе его пищи*. Еслибы въ Сѣверную Америку, вмѣсто

людей изъ Европы, привезли бы медвѣдей, то тамъ было бы не больше медвѣдей, чѣмъ во времена Колумба, и быть-можетъ меньше, такъ какъ для медвѣдей не возросли бы условія медвѣжьей жизни, благодаря одной только медвѣжьей иммиграціи, а скорѣе наступило бы противоположное. Но въ границахъ Соединенныхъ Штатовъ теперь имѣется 45 милліоновъ людей, гдѣ прежде было только нѣсколько сотъ тысячъ, и при этомъ теперь на этой территоріи гораздо больше пищи на человѣка 45-милліоннаго населенія, чѣмъ было прежде на человѣка изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Не *возрастаніе пищи* пришло раньше *возрастанія числа людей*, но именно *возрастаніе числа людей* привело за собою *увеличеніе количества пищи*. Пищи больше стало потому, что прибавилось больше людей. Въ этомъ лежитъ различіе между животнымъ и человѣкомъ. И соколъ и человѣкъ ѣдятъ цыплятъ, но чѣмъ *больше* соколовъ, тѣмъ *меньше* цыплятъ, тогда какъ чѣмъ *больше* людей, тѣмъ *больше* и цыплятъ. Помогая оплодотворенію икры лососей при благопріятныхъ условіяхъ, человѣкъ можетъ такъ увеличить ихъ число, что ихъ можетъ ѣсть большое число желающихъ, и какъ бы число это ни возросло, оно никогда не можетъ превзойти искуственной поставки лососины. Короче, тогда какъ во всемъ растительномъ и животномъ царствахъ границы существованія не зависятъ отъ существующей вещи, относительно человѣка границы существованія сливаются съ границами земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, зависящихъ отъ самого человѣка. А разъ это такъ, то аналогія, проводимая между низшими формами жизни и человѣкомъ, падаетъ. Если животныя и растенія оказываютъ давленіе на границы существованія, то человѣкъ не можетъ оказывать этого давленія, пока не достигнуты границы земного шара. Пятьдесятъ квадр. миль пространства доставятъ при нынѣшнемъ состояніи производительныхъ искусствъ средства къ жизни только нѣсколькимъ тысячамъ людей, но на пятидесяти квадр. миляхъ городъ Лондонъ помѣщаетъ и содержитъ около 3½ милліоновъ народу, и средства къ жизни растутъ по мѣрѣ роста населенія. Что касается собственно границы жизненныхъ средствъ, то Лондонъ можетъ дорости до населенія въ 100 милліоновъ или въ 500 милліоновъ или въ 1.000 милліоновъ, такъ какъ онъ привлекаетъ жизненныя средства со всѣхъ концовъ міра, и граница, которую ставитъ его росту въ населеніи предѣлъ жизненныхъ

средствъ, есть граница земного шара снабжать пищу для своихъ обитателей.

Спрашивается, далѣе, справедлива ли другая идея, отъ которой теорія Мальтуса получаетъ большую поддержку,—идея объ уменьшающейся производительности земли? По мнѣнію автора, необходимость этого только кажущаяся. Такъ какъ силы природы возникаютъ изъ неразрушимости матеріи и постоянства силы, то человѣкъ не можетъ ихъ истощить или уменьшить. Производство и потребленіе суть термины только относительные. Говоря абсолютно, человѣкъ не производитъ и не потребляетъ, такъ какъ не можетъ измѣнить вѣсъ вращающейся сферы ни на одинъ атомъ, не можетъ и уменьшить силъ ни на іоту. Все взятое изъ природы возвращается снова въ свой резервуаръ. Что земля можетъ содержать тысячу билліоновъ народа такъ же легко, какъ тысячу милліоновъ, необходимый выводъ изъ той ясной истины, что матерія вѣчна и что сила должна вѣчно продолжать дѣйствовать. Жизнь не беретъ другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя поддерживаютъ жизнь. Мы приходимъ въ матеріальный міръ, не принося ничего; мы ничего не беремъ съ собою и уходя изъ него. Матерія остается и сила такъ же продолжаетъ существовать. Ничто не уменьшается, ничто не ослабляется. И отсюда слѣдуетъ, что границей для народонаселенія земного шара можетъ быть только граница пространства. Относительно опасности, что родъ человѣческій когда-нибудь размножится до этихъ предѣловъ, можно замѣтить, что между человѣкомъ и животнымъ всегда есть разница, что человѣкъ—*единственное живущее существо, улучшающее свое положеніе, никогда имъ не удовлетворяясь*. Какъ только его животныя потребности удовлетворены, являются новыя нужды. Прежде всего ему требуется пища, какъ животному, но послѣднее дальше не пойдетъ, тогда какъ человѣкъ ставитъ первый шагъ на безконечную прогрессію, на которую никогда не ступитъ животное. Разъ удовлетворена потребность человѣка въ количествѣ, онъ ищетъ качества. Общія съ животными, потребности его расширяются. Не только голодъ, но и вкусъ ищетъ удовольствія въ пищѣ; въ платьѣ онъ ищетъ не только удобства, но и украшенія; грубый кровъ становится домомъ; безразличное половое влеченіе преобразовывается въ тонкія ощущенія, и жосткій и банальный запасъ животной любви дѣлается душистымъ цвѣткомъ въ формахъ изящной красоты. Переходя въ высшія области же-

ланія, глаза человѣка открываются и онъ желаетъ знать. Онъ посѣщаетъ пустыню и ледники полярнаго моря, но не для пищи; онъ не спитъ всю ночь, но только для того, чтобы слѣдить за круговращеніемъ вѣчныхъ звѣздъ. Онъ прибавляетъ трудъ къ труду, чтобъ удовлетворить голодъ, котораго никогда не ощущало никакое животное. Также и къ природѣ, къ себѣ самому, назадъ въ туманъ, покрывающій прошедшее, впередъ въ темноту—безпокойно обращается желаніе, тогда какъ животныя нуждаются только въ снѣ для удовлетворенія. Ниже вещей человѣкъ ищетъ законовъ; онъ хочетъ знать, какъ былъ скованъ земной шаръ и повѣшены звѣзды, и прослѣдить до ихъ источниковъ ручьи жизни. А потомъ, когда человѣкъ разовьетъ свою благородную натуру, тогда возникнетъ въ немъ стремленіе еще выше, страсть изъ страстей, надежда изъ надеждъ,—желаніе, чтобъ онъ, именно онъ, могъ въ чемъ-либо помочь сдѣлать жизнь лучше и ярче, поражая нужду, грѣхъ, печаль и срамъ. Онъ царитъ надъ животнымъ и обуздываетъ его. Онъ повертывается спиною къ празднествамъ и отказывается отъ мѣста съ властью; онъ оставляетъ другихъ накоплять богатство, поощрять свой тонкій вкусъ, выставлять себя на теплый лучъ солнца въ короткій день. Онъ работаетъ для тѣхъ, кого никогда не видалъ и никогда не увидитъ, для славы, или, быть-можетъ, для слабой справедливости, которая придетъ долго спустя послѣ того, какъ застучатъ комки земли объ его гробъ. Онъ работаетъ впереди, тамъ, гдѣ холодно, гдѣ мало любезностей отъ людей и гдѣ камни очень остры и терновникъ густъ. Среди насмѣшекъ настоящаго и шутокъ, которыя рѣжутъ, какъ ножи, онъ строитъ для будущаго; онъ пробиваетъ проходъ, который прогрессивное человѣчество можетъ впослѣдствіи раздвинуть въ большой путь.

Кромѣ положительныхъ и благоразумныхъ препятствій Мальтуса есть еще препятствіе—развитіе ума. Пропорція рожденій очевидно больше въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ борьба съ природой оставляетъ мало случаевъ для умственной жизни, и среди связанныхъ бѣдностью классовъ старыхъ странъ, которые и при богатствѣ лишены всѣхъ его выгодъ и сведены къ одному, только къ одному животному состоянію, чѣмъ это бываетъ у классовъ, которымъ возрастаніе богатства принесло независимость, досугъ, комфортъ и болѣе всего полную и разнообразную жизнь. Но какой бы путь ни былъ принятъ, аргументація, которою поддерживается теорія давленія народонаселенія на средства суще-

ствованія, является предположеніемъ недоказаннымъ. Факты ничего не говорятъ въ ея пользу, аналогіи также нѣтъ. Она есть чисто химера воображенія, подобная той, которая долго мѣшала людямъ признать шарообразность и движеніе земли. Фактъ состоитъ въ томъ, что законъ народонаселенія включаетъ такія же прекрасныя приспособленія, какія изслѣдованіе уже показало въ другихъ естественныхъ законахъ, и что мы не имѣемъ болѣе доказательствъ, что инстинктъ воспроизведенія, при естественномъ развитіи общества, стремится произвести нищету и пороки, какъ мы не имѣемъ доказательствъ для того предположенія, что сила притяженія броситъ луну на землю и землю на солнце, или для того, что сжатіе воды до 32° заморозитъ рѣки и озера до дна и такимъ образомъ нѣкоторыя страны станутъ необитаемы даже въ умѣренныя зимы.

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Милля, что только маленькое общество можетъ быть хорошо снабжено припасами въ данномъ состояніи цивилизаціи, а не большое, вслѣдствіе скупости природы и появленія все новыхъ и новыхъ ртовъ, даже при самомъ благопріятномъ для всего общества распредѣленіи собственности, съ одной стороны, и улучшеній культуры, съ другой. Авторъ утверждаетъ, что не скупость природы, а несправедливость общества есть причина нужды и нищеты, которыя господствующая теорія приписываетъ перенаселенію. Новые рты, которые увеличили населеніе, требуютъ не больше пищи, чѣмъ старые, такъ какъ руки, приносимыя ими съ собою, могутъ въ естественномъ порядкѣ вещей производить больше. Въ новомъ состояніи цивилизаціи большое число людей вообще можетъ быть снабжено припасами лучше, чѣмъ малое. Есть ли, напримѣръ, какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что Англія, увеличивая свое населеніе по 2% въ годъ, увеличивала свое богатство еще въ большей пропорціи? Развѣ не справедливо, что тогда какъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ удвоилось въ теченіе 29 лѣтъ, богатство ихъ удвоилось въ гораздо болѣе кратчайшій срокъ? Развѣ не вѣрно то, что при сходныхъ условіяхъ, т. е. среди общинъ сходнаго народа и на сходной ступени развитія, наиболѣе густо-населенная община есть также богатѣйшая? Развѣ болѣе густонаселенные восточные Штаты не богаче, пропорціонально населенію, западныхъ и южныхъ Штатовъ? Гдѣ увидите вы богатство, посвященное съ наибольшею расточительностью на непроизводительное потребленіе — дорогія постройки, тонкую мебель,

роскошные экипажи, статуи, живопись, сады для удовольствія и яхты?—Не тамъ, гдѣ населеніе рѣже, а скорѣе тамъ, гдѣ гуще. Гдѣ найдете вы въ болѣе широкихъ числахъ тѣхъ, которыхъ общее производство снабжаетъ безъ всякаго производительнаго труда съ ихъ стороны, людей дохода и элегантнаго досуга, полицейскихъ, адвокатовъ, арестантовъ, домашнихъ слугъ и пр.?—Не тамъ, гдѣ населеніе рѣже, а гдѣ гуще. Гдѣ капиталъ течетъ въ изобиліи и къ выгоднымъ помѣщеніямъ?—Опять-таки въ густонаселенныхъ странахъ. Вообще самыя богатыя страны не тѣ, въ которыхъ природа наиболѣе щедра, а тѣ, въ которыхъ трудъ наиболѣе дѣятеленъ,—не Мексика, а Массачузетсъ,—не Бразилія, а Англія. Что производство богатства въ отношеніи къ труду должно быть больше въ болѣе населенной странѣ, какъ Англія, чѣмъ въ новыхъ странахъ, гдѣ заработная плата и процентъ выше, это очевидно изъ факта, что здѣсь хотя и меньшая доля населенія занята производствомъ, но большій излишекъ свободенъ для удовлетворенія другихъ цѣлей, кромѣ физическихъ нуждъ. Въ новой же странѣ вся свободная сила общества посвящена производству; здѣсь не много людей не ведущихъ труда какого-либо производительнаго рода, ни одной женщины, избавленной отъ домашнихъ хлопотъ. Здѣсь нѣтъ пауперовъ или нищихъ, нѣтъ праздныхъ богачей, никакого класса, трудъ котораго былъ бы посвященъ управленію для удобства или по капризу богатыхъ, никакого чисто литературнаго или научнаго класса, никакого класса преступниковъ, которые живутъ добычей съ общества, никакого обширнаго класса, содержимаго, чтобъ охранять отъ нихъ общество. Но при всей силѣ общины, столь отдавшейся производству, не имѣетъ въ ней мѣста такое потребленіе богатства по отношенію ко всему населенію, какъ въ старыхъ странахъ, такъ какъ хотя въ новыхъ странахъ условія быта низшихъ классовъ лучше и нѣтъ никого, кто не могъ бы найти себѣ работу, но очень мало или никого, кто бы могъ жить въ роскоши или въ комфортѣ, какъ въ старыхъ странахъ. Это значитъ, что въ старыхъ странахъ потребленіе богатства по отношенію къ населенію больше, хотя пропорція труда, посвященнаго производству богатства, меньше, или что меньшее число рабочихъ производитъ болѣе богатства, такъ какъ богатство должно быть произведено прежде, чѣмъ оно потребляется.

Можетъ ли что-нибудь быть яснѣе, какъ то, что причина бѣдности, которая гнѣздится въ центрахъ цивилизаціи, не есть

слабость производительныхъ силъ? Въ странахъ, гдѣ бѣдность самая глубокая, производительная сила очевидно достаточно велика для того, чтобы порождать не только комфортъ, но и роскошь для самыхъ низшихъ классовъ. Промышленный параличъ, торговыя разстройства, которыя пробѣгаютъ чрезъ цивилизованный міръ въ настоящее время, очевидно вытекаютъ не изъ недостатка въ производительной силѣ.

Н. З.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сибирскіе колонизаторы.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы предлагаемъ читателямъ рядъ разсказовъ или, вѣрнѣе, очерковъ, которые будутъ всѣ посвящены описанію различныхъ типовъ ссыльнаго люда и дальнѣйшей судьбы ихъ въ ссылкѣ. Такъ какъ мы описываемъ только то, что непосредственно видали и наблюдали, то не наша вина, если вліяніе ссылки въ одномъ случаѣ окажется совершенно противоположнымъ, чѣмъ въ иномъ, т. е. если на однихъ ссылка оказываетъ благотворное вліяніе, вызывая въ человѣкѣ энергію, желаніе подняться хоть до уровня окружающихъ его свободныхъ людей, въ другихъ же оно окончательно добиваетъ и тотъ малый запасъ честности, искренности и энергіи, съ которымъ данный субъектъ прибылъ въ ссылку. Мы воздержимся отъ всякаго рода выводовъ и обобщеній, ограничившись скромною ролью быто-писателя.

I.

Изъ „золотой молодежи“.

Въ 187* году, въ И—ѣ, обращалъ на себя общее вниманіе такъ-называемаго «порядочнаго общества» одинъ недавно прибывшій изъ Петербурга молодой человѣкъ, Левъ Сергѣевичъ Бойцовъ. Это былъ высокій красавецъ-блондинъ, съ великолѣпными бакенбардами, съ которыми онъ какъ-то особенно умѣлъ обращаться, такъ что онѣ необыкновенно шли къ его молодцеватой, изящной фигурѣ и составляли не малый предметъ зависти для нашихъ мѣстныхъ львовъ, какъ военныхъ, такъ и штатскихъ. Прибылъ онъ изъ Петербурга по дѣламъ: обладая хорошими средствами, онъ, по его словамъ, совершенно случайно встрѣтился

съ однимъ изъ своихъ товарищей по корпусу, долго прожившимъ въ Восточной Сибири, въ качествѣ управляющаго пріисками одной выдающейся золотопромышленной компаніи. Въ дружескихъ бесѣдахъ, товарищъ его, разсказывая про сибирское житье-бытье, сѣтовалъ на недостатокъ предпріимчивости и иниціативы у мѣстныхъ капиталистовъ, привелъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ трудно въ Сибири привлечь капиталы къ новому дѣлу, несмотря на очевидную его выгоду, и, между прочимъ, разсказалъ, что онъ тщетно, несмотря на свои знакомства въ коммерческомъ мірѣ, старался устроить компанію для освѣщенія И—а, гдѣ оно до сихъ поръ находится въ самомъ печальномъ состояніи. По словамъ его, дѣло это представляетъ несомнѣнныя выгоды, и что онъ, еслибы не нездоровье его жены, лѣченіе которой требуетъ долговременнаго пребыванія за границей, непремѣнно постарался бы устроить компанію въ Петербургѣ. Мысль эта запала въ голову Льва Сергѣевича, человѣка въ это время свободнаго, такъ какъ онъ только-что вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика изъ одного изъ старѣйшихъ гвардейскихъ полковъ, именно съ цѣлью удобнѣе помѣстить свои средства въ какое-нибудь солидное предпріятіе. Къ тому же и новизна края сильно манила его, человѣка молодого, сильнаго, энергичнаго къ попыткѣ взять и—е дѣло на себя.

Пріѣхавъ въ И—ъ, онъ только одни сутки пробылъ въ лучшей тамошней гостиницѣ, употребивъ почти цѣлый день на розыски подходящей квартиры. Хлопоты его увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: въ центрѣ города, въ одной изъ улицъ, пересѣкающихъ главную улицу, такъ-называемую «Большую», неподалеку отъ нея, онъ нанялъ премиленькую квартиру изъ четырехъ комнатъ, съ кухнею внизу, съ конюшней и сараемъ на дворѣ.

Кое-какъ устроившись, прикупивъ мебели, нанявъ, по рекомендаціи хозяина гостиницы (поляка изъ сосланныхъ за повстаніе шестидесятыхъ годовъ), приличнаго лакея и получивъ изъ литографіи свои визитныя карточки, съ городскимъ адресомъ (это тогда была новость для И—а), на третій день поѣхалъ съ неизбѣжнымъ въ провинціи, а въ Сибири въ особенности, визитомъ къ выдающимся городскимъ обывателямъ. Началъ онъ съ генералъ-губернатора, къ которому явился, въ пріемный часъ, вмѣстѣ съ массой разныхъ представлявшихся или откланивавшихся офицеровъ и чиновниковъ, а также и частныхъ лицъ, имѣвшихъ какое-либо дѣло до главнаго начальника края. Представля-

ясь генералу, онъ тутъ же объяснилъ причину своего пріѣзда въ И—ъ и просилъ милостиваго содѣйствія его высокопревосходительства. Послѣдній принялъ его весьма ласково и помимо того, что обѣщалъ свою помощь въ такомъ важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, какъ городское освѣщеніе, тутъ же пригласилъ Льва Сергѣевича къ себѣ, «какъ-нибудь на дняхъ, вечеркомъ, пообстоятельнѣе потолковать объ этомъ дѣлѣ». То же, или почти то же, было съ Львомъ Сергѣевичемъ у губернатора, у членовъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири и другихъ мѣстныхъ административныхъ тузовъ. При одномъ изъ этихъ визитовъ онъ встрѣтился съ адъютантомъ генералъ-губернатора, ротмистромъ Чемякинымъ, котораго онъ зналъ, еще будучи на службѣ въ Петербургѣ, и по совѣту послѣдняго, знавшаго уже основательно нравы И—а, отложилъ визиты къ купечеству и золотопромышленникамъ до другого дня, съ тѣмъ, чтобы дѣлать ихъ вмѣстѣ съ Чемякинымъ: будучи со всѣми знакомъ, Чемякинъ, конечно, былъ для него дорогимъ человѣкомъ. Въ первый же послѣ своихъ визитовъ праздничный день, Левъ Сергѣевичъ, пріѣхавъ домой часовъ въ пять послѣ обѣда, имѣлъ удовольствіе увидѣть у себя на столѣ массу карточекъ: это означало, что всѣ тѣ, которые оставили карточки, этимъ самымъ заявляли о полномъ своемъ желаніи поддерживать знакомство съ Бойцовымъ. Согласно провинціальному этикету, это давало ему право пріѣхать уже запросто, вечеромъ, въ любой изъ этихъ домовъ.

Левъ Сергѣевичъ широко воспользовался этимъ правомъ: не прошло и двухъ недѣль со времени его пріѣзда, какъ онъ успѣлъ уже занять амплуа перваго льва, и не было званаго вечера, обѣда или загороднаго пикника безъ его дѣятельнаго участія. Лучше его никто изъ молодыхъ людей не танцевалъ; шансонетки и отрывки изъ оперетокъ, которыя онъ мастерски исполнялъ и по-русски и по французски, вызывали обыкновенно единогласное и даже бурное одобреніе. У своихъ новыхъ знакомыхъ, людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, онъ сталъ очень скоро «своимъ человѣкомъ» до того, что даже поваровъ училъ новымъ, какимъ-то необыкновенно пикантнымъ, кушаньямъ. Выражаясь фигурально, «звѣзда его взошла высоко» на и—мъ горизонтѣ. Барыни и барышни были отъ него въ восторгѣ. Отцы и матери были съ нимъ очень ласковы: «Онъ такой милый, такой веселый и въ то же время не вертопрахъ! Служа въ лучшемъ гвардейскомъ полку, кружась въ лучшемъ обществѣ Петербурга, онъ съумѣлъ

во-время остановиться и принялся за серьезное дѣло. Теперь такихъ рѣдко встрѣтишь». Словомъ, Левъ Сергѣевичъ сдѣлался баловнемъ общества. Одно только его нѣсколько огорчало, это «невозможность скоро переписываться съ Петербургомъ, гдѣ проживали его компаніоны по предпріятію; мало ли возникало вопросовъ при обсужденіи съ представителями города объ устройствѣ этого, въ высшей степени важнаго для города дѣла?» Обо всемъ «мало-мальски серьезномъ» ему приходилось писать въ Петербургъ, потому что онъ, «несмотря на полное довѣріе своихъ компаніоновъ, не хотѣлъ брать на себя нравственной отвѣтственности за какое-нибудь упущеніе въ контрактѣ, могущее повлечь, хотя бы и въ ничтожные, убытки компаніоновъ», а «почта такъ медленно ходитъ. Чтобы получить отвѣтъ на письмо, нужно, по крайней мѣрѣ, два съ половиной мѣсяца». При подробной разработкѣ проекта выясняется то одно, то другое обстоятельство, не предусмотрѣнное его товарищами. Такого рода объясненія слышали знакомые отъ Льва Сергѣевича, если кто-нибудь, вопреки деликатности, обращался къ нему съ наивнымъ вопросомъ:

— Ну, что, батенька, какъ у васъ съ нашей думой идетъ по освѣщенію-то? Ужь не тормозятъ ли?

— Что вы, что вы, да такихъ милыхъ людей, какъ ваши думскіе, нужно еще поискать! Они очень сочувственно относятся къ моему проекту, да видите ли какія возникаютъ затрудненія...— И Левъ Сергѣевичъ начиналъ свои жалобы на разстояніе и проч.

Жилъ онъ такимъ образомъ, что-то около года, совершенно открыто; вечера у него всѣ на-расхватъ. Что такое обѣдъ дома или въ гостиницѣ—онъ и понятія не имѣлъ, бывъ постоянно заваленъ приглашеніями, не исключая и губернаторскаго дома. Одѣвался безукоризненно, участвовалъ во всѣхъ пикникахъ и подпискахъ, не отставалъ ни въ чемъ отъ «порядочнаго общества». Иногда задавалъ у себя «холостыя» пирушки, однако не безъ женскаго персонала, доставать который онъ умѣлъ, по его словамъ, «со дна морского» и который онъ удивительно скоро культивировалъ. На такихъ пирушкахъ портеръ и шампанское, часто пополамъ съ «fine champagne», играли главенствующую роль и уничтожались въ весьма солидныхъ размѣрахъ. Постоянно участвуя съ Бойцовымъ въ пирушкахъ и попойкахъ, никому изъ собутыльниковъ его и въ голову не приходилъ вопросъ: «На какія же средства могъ онъ это продѣлывать?»—«Разъ человѣкъ заявилъ себя «порядочнымъ», какіе же тутъ вопросы!»

Надо тутъ отмѣтить одну характерную черту сибиряковъ состоятельныхъ: они чрезвычайно падки до пріѣзжихъ молодыхъ людей, и послѣднимъ очень не трудно добиться у нихъ кредита, и кредита не маленькаго; а только пріѣзжій «левъ» принятъ «порядочнымъ» обществомъ, то отказать ему въ небольшой суммѣ считается какъ-то «неловкимъ». Черту эту Левъ Сергѣевичъ подмѣтилъ очень скоро и эксплоатировалъ ее мастерски: встрѣтившись, напримѣръ, съ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей въ клубѣ, онъ небрежно, показывая видъ, что ему это не существенно важно, кидалъ на ходу, такъ-сказать, фразу:

— Не богатъ ли ты *сегодня* капиталомъ?

— А что, развѣ нужно?

— Нужно-то не особенно, да вдругъ придется за карты засѣсть, а у меня до послѣ-завтра всего-навсе рублей триста *свободныхъ*,—нужно, значитъ, маленькій резервъ...

— Сдѣлай милость, сколько?

— Пустяки, рублей сто-полтораста,—словомъ, перевернуться дня два-три...

— Есть о чемъ говорить! Черезъ три дня отдашь, черезъ мѣсяцъ,—мнѣ все равно. Получай!

Левъ Сергѣевичъ бралъ эти «пустяки» такъ, какъ онъ взялъ бы предложенную ему папиросу, не глядя опускалъ въ карманъ и, едва успѣвъ пробормотать что-то вродѣ «спасибо», уже заговаривалъ съ другимъ знакомымъ, на другую совершенно тему, напримѣръ о необходимости выписки въ Восточную Сибирь племенныхъ жеребцовъ и объ устройствѣ случныхъ конюшень и т. д. въ томъ же родѣ. Черезъ два-три дня онъ заѣзжалъ къ своему кредитору—такъ, навѣстить, поболтать кое о чемъ, и, уже прощаясь, вдругъ вспоминалъ:

— Вотъ, чортъ возьми, совершенно изъ памяти вонъ! Помнилъ, выѣзжая, что мнѣ нужно съ тобою по дѣлу поговорить, а забылъ! Вѣдь я твой должникъ,—смѣясь и доставая свой бумажникъ, говоритъ онъ,—получи-ка! Обрати вниманіе: «новенькія», только-что получилъ изъ банка переводъ,—и онъ отсчитывалъ не перегнутыми бумажками свой долгъ, не внимая увѣщаніямъ хозяина, что «это можно послѣ», «надъ нами, благодаря Бога, не капитъ», «авось еще свидимся» и т. д.

Но Левъ Сергѣевичъ былъ непреклоненъ и, несмотря на отговорки хозяина, всучалъ ему свой долгъ не позже обѣщаннаго срока. Такою аккуратностью онъ получилъ репутацію человѣка

со средствами, серьезнаго и дѣлового, и съ помощью ея вертѣлся какъ бѣлка въ колесѣ: чтобъ отдать во-время одному, онъ занимаетъ вдвое бо́льшую сумму у другого; чтобы заплатить послѣднему, онъ занималъ у третьяго, постепенно возвышая сумму займа, и къ концу своего пребыванія въ И — ѣ онъ, незамѣтно для своихъ многочисленныхъ кредиторовъ, задолжалъ болѣе десяти тысячъ рублей. Всякій изъ дававшихъ ему получалъ съ него уже нѣсколько разъ, всегда въ срокъ, и былъ убѣжденъ, что Бойцовъ долженъ только ему одному и что онъ всегда можетъ заплатить по первому требованію.

Долго бы еще продолжалъ онъ такъ жуировать, еслибы не случилось одно крайне прискорбное происшествіе. Пріятель его Чемякинъ, поцавшій изъ адъютантовъ генералъ-губернатора въ полицеймейстеры, должность весьма выгодную и почетную въ И — ѣ, получилъ для исполненія, чрезъ огорченнаго губернатора, изъ Петербурга бумагу, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее: «До свѣдѣнія подлежащаго начальства дошло, что лишенный нѣкоторыхъ правъ состоянія, за растрату казенныхъ суммъ, бывшій поручикъ N—скаго полка, лишенный чиновъ и орденовъ, Бойцовъ, сосланный по судебному приговору на житье въ И—ю губернію, вопреки судебному рѣшенію проживаетъ въ самомъ городѣ И—ѣ, причемъ выдаетъ себя за вышедшаго добровольно въ отставку офицера. Ставя на видъ вашему превосходительству подобное послабленіе ссыльнымъ, покорнѣйше прошу распорядиться немедленной высылкой Бойцова въ одинъ изъ окружныхъ городовъ ввѣренной вамъ губерніи или Забайкальской области и т. д....»

Велико было смущеніе интимныхъ друзей Льва Сергѣевича, ранѣе другихъ узнавшихъ непріятную истину, т. е. губернатора и полицеймейстера. Въ первую минуту они до того растерялись, что потеряли, что называется, голову, да и было отчего: полицеймейстеръ былъ его воспріемникомъ, такъ-сказать, въ губернскомъ бомондѣ, а губернаторъ, какъ слухи шли, собирался выдать за него свою племянницу, и вдругъ такой ударъ: ссыльный за растрату! Лишенный чиновъ и орденовъ!

Когда первое впечатлѣніе нѣсколько прошло, они порѣшили такъ: негласно предупредить Бойцова, чтобъ онъ, подъ предлогомъ какого-нибудь, внезапно представившагося, дѣла, уѣхалъ тотчасъ же за Байкалъ, а они уже постараются распустить по городу слухи о важности этого дѣла и о его неотложности, чѣмъ

и объяснятъ полную невозможность для Бойцова остаться нѣкоторое время въ городѣ для исполненія обычнаго этикета—дѣланія прощальныхъ визитовъ—и принесутъ за него его искреннія извиненія передъ многочисленными его друзьями.

Такимъ образомъ они думали избѣгнуть огласки хоть на первое время. Не прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ имъ обоимъ было невозможно, ибо происшествіе это, по справедливости, могло дать обильный матеріалъ для «зубоскальства и глупыхъ остротъ разныхъ шелопаевъ», какъ выражались эти почтенные администраторы. И дѣйствительно, положеніе ихъ было чрезвычайно комичное. Главные представители губернской полиціи очутились главными пособниками въ обманѣ цѣлаго города какимъ-то «проходимцемъ».

Вечеромъ того дня Чемякинъ разыскалъ гдѣ-то Льва Сергѣевича, улучилъ минутку и одинъ-на-одинъ передалъ ему вкратцѣ содержаніе непріятной бумаги, выразительно подчеркнувъ, что немедленный отъѣздъ его необходимъ, такъ какъ если этотъ фактъ огласится, то его превосходительство вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ болѣе формальному образу дѣйствій относительно Бойцова, что, вѣроятно, для него не желательно.

Тотъ на мгновенье смутился, но, быстро оправившись, проговорилъ:

— И чего такъ поторопились сообщить объ этомъ вамъ теперь? Дѣйствительно, меня осудили на житье къ вамъ, но мнѣ дали слово, и положительно обѣщали, высокопоставленныя особы, что не пройдетъ и года, какъ я получу полное прощеніе, и только потому я умолчалъ объ этой непріятности. Мнѣ и самому въ высшей степени важно избѣжать огласки, потому что родные мои и знакомые петербургскіе тоже ничего не знаютъ. Но когда же мнѣ поѣхать и куда?

— Генералъ думаетъ, что лучше бы всего вамъ направиться къ г. М—ву, на Каруу, — вы съ нимъ хороши. Кромѣ того его превосходительство далъ мнѣ для васъ письмо къ нему, да и предлогъ отличный: тамъ теперь кончаются сроки контрактамъ на поставку для ссыльныхъ и баталіона пищи и вещевого довольствія на огромную сумму, что-то около 400.000 руб. на годъ,—вотъ мы и распустимъ слухъ, что вы случайно узнали о имѣющихъ быть торгахъ на этотъ подрядъ и, какъ человѣкъ дѣловой (тутъ полицеймейстеръ вздохнулъ, — онъ вспомнилъ свои пятьсотъ рублей, съ недѣлю имъ данные взаймы

«дѣловому человѣку»), опасаясь пропустить срокъ, мгновенно собрались и поѣхали... Вы, съ своей стороны, будете если сюда писать, разсказывайте то же, а то согласитесь: положенье губернатора и мое—самое глупое!

— Такъ вы думаете, что самое лучшее это мнѣ уѣхать сейчасъ же, ночью?

— Да, да, конечно.

— Но, признаться, такъ скоро я тронуться съ мѣста не могу: у меня теперь въ карманѣ почти ничего нѣтъ,—проговорилъ Бойцовъ, сразу смѣкнувшій, что на прощанье вполнѣ возможно еще малую толику содрать съ попавшихъ въ яму администраторовъ.—Вѣдь на дорогу нужно по крайней мѣрѣ триста рублей, а у меня не наберется и двадцати пяти...

— Гм...—только и могъ произнесть нѣсколько оторопѣвшій Чемякинъ, думая про себя: «Что это за бестія? И гдѣ у меня глаза были, когда я его какъ дуракъ представлялъ въ «первыхъ домахъ» города, какъ стараго пріятеля и богача! Придется еще дать, только бы уѣхалъ». — Ну, какое же триста, тутъ всего сто, а полтораста за глаза хватитъ... А пріѣдете къ г. М—ву, жизнь ничего не будетъ стоить вамъ; пожалуй, и прощеніе скоро подоспѣетъ, вы и поправитесь...

— Да вы забываете, что у меня и этихъ полуторасотъ нѣтъ! Нельзя же, наконецъ пріѣхать,—положимъ, и къ хорошему знакомому,—безъ копѣйки въ карманѣ. Мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ? Рѣшительно менѣе трехсотъ нельзя и думать двигаться; завтра я постараюсь достать, а къ вечеру уѣду.

— Хотите, я вамъ за мебель дамъ триста, хоть сейчасъ? Вы и поѣзжайте теперь же,—думая хоть на этомъ вернуть сколько-нибудь, любезно предложилъ Чемякинъ.

— Голубчикъ мой, я ее давно уже утилизировалъ! Она принадлежитъ теперь Гейману; знаете портного-жида на Большой улицѣ? Уже съ мѣсяцъ, какъ я заложилъ ему ее.

— Тогда мы такъ сдѣлаемъ: вы поѣзжайте въ собраніе и ждите меня тамъ, а я поговорю съ губернаторомъ и явлюсь туда. Смотрите, ждите же меня и о разговорѣ нашемъ—ни гу-гу! Для васъ же это необходимо.

Чемякинъ скоро собралъ триста рублей: сто далъ губернаторъ, пятьдесятъ—онъ самъ и полтораста—голова, бывшій въ гостяхъ у губернатора, одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей Льва Сергѣевича, которому они также нашли необходимымъ сообщить

прискорбную новость. При этомъ выяснилось, что Левъ Сергѣевичъ ему долженъ три тысячи съ чѣмъ-то... Несмотря на это, онъ любезно предложилъ 150 руб., но съ условіемъ, чтобы Бойцовъ ночью же и уѣхалъ.

Левъ Сергѣевичъ, получивъ деньги и письмо къ М—ву, отъ души поблагодарилъ Чемякина, и провожаемый имъ и еще однимъ изъ клубныхъ завсегдатаевъ, въ ту же ночь уѣхалъ изъ И—ка, поручивъ покончить съ квартирой, человѣкомъ и мебелью тому же Чемякину. «А то, знаете, скандалъ можетъ обнаружиться, если я ночью стану будить хозяина да разсчитываться съ нимъ». Скрѣпя сердце, и этотъ разсчетъ принялъ на себя Чемякинъ. Только уѣзжай!

Благодаря хитрому плану и тайнѣ, которую свято хранили его изобрѣтатели, исторія эта долго не была извѣстна въ городѣ; получаемыя отъ Бойцова письма подтверждали слухъ о томъ, что онъ намѣренъ взять подрядъ на Карý и только кредиторы его нѣсколько скучали по Львѣ Сергѣевичѣ: «пора бы, молъ, и послать,—не богъ вѣсть какія деньги!» Но Бойцовъ и самъ пользовался малыми размѣрами долговъ, чтобы въ письмахъ оправдывать свою неаккуратность. «Все собираюсь самъ къ вамъ, добрѣйшій NN, да все дѣлишки держатъ, а по почтѣ пересылать такой пустякъ не стоитъ; вѣроятно, на дняхъ урвусь какъ-нибудь самъ къ вамъ» и проч.

Дальнѣйшая же судьба Бойцова была такова: исчезнувъ такъ внезапно изъ И—а, онъ очутился прямо на Карѣ, гдѣ въ то время завѣдующимъ ссыльно-каторжными былъ нѣкто полковникъ М—въ, описанный нами въ одномъ изъ прежнихъ разсказовъ *). Принятый, благодаря прежнему личному знакомству по И—у, а главное—письму губернатора, очень радушно, Левъ Сергѣевичъ очень скоро оріентировался въ новой, совершенно незнакомой ему сферѣ дѣятельности и, благодаря непрерывному, безпробудному пьянству М—ва, сдѣлался—не оффиціально, а фактически—завѣдующимъ каторжными. Здѣсь о его дѣятельности мы, къ сожалѣнію, имѣемъ два разнорѣчивыхъ показанія: одно, болѣе склоняющееся за него, говоритъ, что онъ былъ чуждъ тѣхъ мерзостей и воровства казеннаго имущества, которые такъ процвѣтали на Карѣ при директорѣ М—вѣ, и обвиняютъ Бойцова лишь

*) См. „Въ дали“, очерки вольной и невольной жизни, съ предисловіемъ С. В. Максимова, соч. М. П. Орфанова (Мишла). Москва. 1883 г. Разсказъ „Изъ дневника бывалаго человѣка“, стр. 341—348. *Ред.*

въ томъ, что онъ, зная все, живя вмѣстѣ съ М—мъ и имѣя хорошее чиновное знакомство въ И—ѣ, ни разу не протестовалъ противъ дѣйствій М—ва и не сообщалъ въ И—ъ о безобразіяхъ, творимыхъ послѣднимъ; другіе же къ этому съ увѣренностью добавляютъ, что онъ не только *все* зналъ, но и во *всемъ* участвовалъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ вѣчно пьянаго, но и вельми жаждущаго «пріобрѣсти» М—ва. Черезъ полтора года онъ исчезаетъ такъ же внезапно изъ Кары, какъ нѣкогда исчезъ изъ И—а; причиной, какъ передавали лица, бывшія въ то время на Карѣ, было ожиданіе ревизіи «управленія нерчинскими ссыльно-каторжными», въ которомъ онъ, несмотря на то, что самъ былъ сосланнымъ, игралъ главную роль, и кромѣ того у него съ М—мъ произошла, въ пьяномъ видѣ, ссора, дошедшая, какъ кажется, до потасовки.

Спустя годъ послѣ исчезновенія блестящаго гвардейца съ грязнаго, воровского горизонта каторги, гдѣ не считалось стыдомъ и грѣхомъ присвоивать послѣдній арестантскій грошъ, мы его встрѣтили невзначай опять, но въ совершенно иной обстановкѣ: плывя на пароходѣ по Шилкѣ съ Усть-Кары въ Стрѣтенскъ, мы были крайне удивлены, увидавъ на рубкѣ, въ шведской лайковой куртке, во флотской фуражкѣ, знакомую намъ, красивую, сильную фигуру Льва Сергѣевича Бойцова, отдающаго своимъ зычнымъ голосомъ команду матросамъ.

Изъ распросовъ въ буфетѣ оказалось, что Бойцовъ уже вторую навигацію служитъ въ Амурской пароходной К° и, прослуживъ первое лѣто помощникомъ капитана, теперь получилъ чинъ капитана и считается самымъ лихимъ, исполнительнымъ капитаномъ, получая весьма приличное содержаніе—около пяти тысячъ въ годъ!

Зная его еще по И — у, во времена его успѣховъ въ обществѣ, когда онъ задавалъ всей молодежи тонъ, и зная всю его исторію, мы было не хотѣли возобновлять знакомство, не желая отравлять своимъ видомъ настоящія, видимо счастливыя, минуты его жизни, но онъ самъ узналъ, тотчасъ же подошелъ и поздоровался безъ тѣни какого-нибудь смущенія. Уже вечерѣло, на рѣкѣ дѣлалось сыровато, и онъ, любезно пригласивъ къ себѣ въ капитанскую каюту, потребовалъ пуншу, за которымъ бесѣдуя, мы провели время до глубокой ночи. Онъ увѣрялъ меня, что теперь, трудясь съ утра до ночи, онъ чувствуетъ себя превосходно, и еслибы дѣйствительно пришло разрѣшеніе вернуться ему

на родину теперь, онъ все равно не разстался бы съ Сибирью. «Здѣсь у васъ люди живутъ,—понимаете ли?—люди, а не деревяшки, какъ у насъ въ Питерѣ. Здѣсь понимаютъ, что если человѣкъ и могъ въ жизни сдѣлать какую-нибудь неловкость, даже больше—пакость; то это еще не значитъ, что онъ обреченъ всю свою жизнь только и заниматься, что пакостями. Во время моего двухлѣтняго плаванія по Амуру я встрѣчалъ многихъ изъ и—нъ, которымъ я задолжалъ чортъ знаетъ сколько и которыхъ обманулъ самымъ безцеремоннымъ образомъ,—и что же вы думаете?—Не только упрека или напоминанія о долгѣ, но, могу васъ увѣрить, встрѣчалъ только искреннюю радость и поздравленіе, что наконецъ я солидно пристроился и не билъ баклуши. Тоже ни слова и о пресловутомъ моемъ проектѣ освѣщенія И—а, какъ будто ничего и не было! Это—люди».

Не знаю, можетъ-быть и пуншъ имѣлъ тутъ свое вліяніе, размягчивъ мое сердце, но я лично убѣжденъ въ искренности его исповѣди.

Еще годъ спустя я услыхалъ, что онъ женился на сибирячкѣ, дочери одного купца, простенькой, но очень хорошенькой дѣвушкѣ и живетъ совсѣмъ «по-хорошему».

Мишка.

ЖІАНЪ и ГАНСЪ.

ПОВѢСТЬ.

МАРКА МОНЬЕ.

I.

Я сталъ знать ихъ обоихъ назадъ тому лѣтъ сорокъ въ Швейцаріи, въ одномъ теперь забытомъ пансіонѣ, славившемся въ свое время тѣмъ, что въ него отдавали на исправленіе неисправимыхъ дѣтей всѣхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта, кромѣ тѣхъ, гдѣ управлялись съ ними домашними средствами. Посредствомъ самаго внимательнаго надзора, разумнаго воспитанія, соединенія въ обученіи пріятнаго съ полезнымъ (*utile dulci*, какъ значилось въ программѣ), директоръ брался исправить самыхъ избалованныхъ и испорченныхъ. Не его вина, если это не всегда ему удавалось. Меня, Жана Флера, родные отдали въ этотъ пансіонъ потому, что я былъ самымъ буйнымъ мальчишкой во всемъ городѣ; когда нельзя было подраться съ товарищами, я билъ школьныхъ надзирателей и, наконецъ, совсѣмъ отбился отъ рукъ. Меня исключили изъ школы. Отецъ хотѣлъ засадить меня въ смирительный домъ, но слезы матери умилостивили разгнѣваннаго родителя; вмѣсто исправительнаго дома меня помѣстили въ швейцарскій пансіонъ, гдѣ я довольно быстро забылъ то немногое, чему успѣлъ научиться въ родномъ городѣ изъ французскаго и латинскаго языковъ, и не выучился никакому другому; за то весьма преуспѣвалъ въ англійскомъ боксѣ подъ руководствомъ товарищей англичанъ, исправно подсаживавшихъ мнѣ фонари подъ глазами.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ меня, къ намъ въ пансіонъ привезли маленькаго итальянца, тоненькаго, стройнаго, съ чистымъ

античнымъ профилемъ, смуглаго какъ мѣдная монетка, съ большими жгучими глазами. Оставшись рано круглымъ сиротою, мальчикъ росъ у дяди священника въ какомъ-то городкѣ Базиликата. Дядя готовилъ ребенка къ духовному званію; но племянникъ предпочиталъ гитару церковному органу и разбойничьи сказки молитвеннику, о чемъ и заявлялъ откровенно своему опекуну и воспитателю. Въ ужасѣ отъ такой преждевременной испорченности племянника, священникъ поспѣшилъ отправить его со склоновъ Аппенинъ на альпійскіе склоны, по совѣту торговца четками, рекомендовавшаго швейцарское исправительно-учебное заведеніе. Кстати самъ онъ, этотъ торговецъ, ѣхалъ за своимъ товаромъ въ Женеву и взялся отвезти мальчика. Въ Женевѣ протестанты фабрикуютъ массы этихъ четокъ и отправляютъ ихъ въ Мельфи, Лагонегро, Метеру и другія мѣста, гдѣ ихъ раскупаютъ вѣрующіе католики въ полномъ убѣжденіи, что они изготовлены въ Римѣ и освѣщены самимъ папою. Такимъ образомъ маленькій Жанъ—или по-тосканскі Жіанъ—Берти сталъ моимъ школьнымъ товарищемъ. Ему было тринадцать лѣтъ, мнѣ шестнадцать—разница очень большая въ такомъ возрастѣ. Грустный, нелюдимый дичокъ, Жіанъ держался постоянно особнякомъ, перебирая четки и читая акаѳисты Мадонѣ, или наигрывая на гитарѣ; иногда онъ вынималъ изъ кармана волчокъ, заводилъ его и очень ловко перепускалъ изъ одной руки въ другую то черезъ спину, то черезъ грудь.

Разъ къ намъ въ пансіонъ явился длинный, худой молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я—бѣдный странствующій студентъ,—заявилъ онъ.

Во времена Лютера студенты нищенствовали, ничуть не стѣсняясь ложнымъ стыдомъ; новѣйшія времена уже не допускаютъ этого обычая, о чемъ я весьма сожалѣю. Много поэзіи и доблести было въ этой жизни, полной лишеній, въ этихъ странствованіяхъ бѣдняковъ, не имѣвшихъ ничего кромѣ жажды знанія, переходившихъ изъ университета въ университетъ, жившихъ со дня на день милостыней, иногда чистившихъ сапоги профессоровъ и такимъ образомъ снискивавшихъ себѣ хлѣбъ насущный и хлѣбъ духовный. Пришедшій къ намъ молодой человѣкъ былъ, кажется, послѣднимъ представителемъ этого,—повторяю, къ сожалѣнію,—исчезнувшаго типа. Его радушно приняли, дали помѣщеніе и столъ; онъ послѣднимъ воспользовался самымъ безцеремоннымъ образомъ,—бѣдняга, очевидно, наголодался. Несмотря на

свою выдающуюся челюсть, на плоскую голову, низкій лобъ и глаза безъ выраженія, онъ оказался человѣкомъ очень ученымъ, чуть ли не все знающимъ, даже французскій языкъ, старый по крайней мѣрѣ, такъ какъ къ новому онъ относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ, доказывая, что его изуродовали и убили Корнель и Паскаль. Его звали тоже Иваномъ, какъ Жіана и меня; только онъ выговаривалъ это имя на нѣмецкій ладъ: Гансъ и прибавлялъ къ нему прозвище Шлукеръ (*Schlucker* — значитъ прожора); у этого бѣдняка не было фамиліи, какъ я узналъ впослѣдствіи. Жіанъ съ перваго раза его возненавидѣлъ; замѣчу здѣсь кстати, что маленькій итальянецъ постоянно кого-нибудь ненавидѣлъ: въ данную минуту предметомъ ненависти былъ тудеско. Разъ утромъ, во время рекреаціи, Гансъ сказалъ Жіану:

— Дай мнѣ волчокъ.

Жіанъ не далъ, Гансъ хотѣлъ отнять, бросился на ребенка и, кажется, изувѣчилъ бы его, еслибы меня не случилось по близости. Я, само собою разумѣется, не пропустилъ такого удобнаго случая подраться. Гансъ былъ старше, больше и, несомнѣнно, сильнѣе меня, но съ англичанами я уже достаточно напрактиковался и не забылъ кое-какихъ чисто французскихъ пріемовъ. Дѣйствуя обоими способами, руками и ногами, англійскимъ боксомъ и тѣмъ, что въ Россіи называютъ московскимъ кисилемъ, я вышвырнулъ нѣмца за дверь. На этотъ разъ всѣ оказались на сторонѣ побѣдителя, даже директоръ, очень довольный тѣмъ, что я избавилъ его отъ Ганса.

Жіанъ кинулся мнѣ на шею, называлъ своимъ спасителемъ, освободителемъ, и клялся въ вѣчной преданности. Такъ какъ я не понималъ по-итальянски, то онъ въ нѣсколько недѣль выучился по-французски и высказалъ мнѣ все, что у него было на душѣ. Война тудескамъ, смерть тевтонамъ, унетателямъ Милана, Венеціи, Тироля и Тріеста! Вражда Жіана восходила до несчастнаго Конрадина, до Фридриха Барбароссы; маленькій итальянецъ уже тогда по-своему обдѣлывалъ исторію и призывалъ ее въ подкрѣпленіе своимъ симпатіямъ и антипатіямъ.

— О, Франція,—восклицалъ онъ, — Франція совсѣмъ иное дѣло! Это наша союзница, наша сестра, въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь! Роландъ и Готфридъ Бульонскій—наши общіе эпическіе герои. Великій Наполеонъ былъ итальянецъ! Жанъ, братъ мой, братъ по имени и по крови, я твой на жизнь и на смерть!

Эта восторженная преданность продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Къ несчастью, я имѣлъ въ то время слабость путаться въ чужія дѣла. У маленькаго самнита опекуномъ былъ дядя священникъ, котораго онъ терпѣть не могъ, не меньше нѣмцевъ.

— Онъ меня ограбилъ! — кричалъ Жіанъ.—Онъ раздѣлилъ съ моимъ отцомъ наслѣдство дѣда и теперь завладѣлъ даже моею частью... Священникъ не долженъ ничего имѣть,—онъ даетъ обѣтъ бѣдности... Мало этого, онъ присвоиваетъ себѣ какія-то права надъ моею совѣстью, грозитъ мнѣ адомъ, если я не стану вѣрить въ чудо святого Януарія... Наконецъ, распоряжается мною какъ своимъ сыномъ, запряталъ меня въ заключеніе къ гельветамъ, которыхъ колотили наши предки при Юліи Цезарѣ... Война и смерть чернымъ рясамъ!

Я доказывалъ Жіану всю неосновательность его гнѣва, объяснялъ, что хотя его дядя и священникъ, а все-таки человѣкъ и, какъ таковой, вправѣ кушать говядину и пить вино, что самъ я тоже въ пансіонѣ у швейцарцевъ, которыхъ и мои предки били при Мариньянѣ.

— Наше заключеніе, — добавилъ я, — очень сносно. Учатъ насъ, правда, немногому, но за то мы дышемъ здоровымъ воздухомъ прекрасной страны. Что же касается твоей совѣсти, другъ Жіанъ, то мнѣ она кажется нѣсколько даже излишне эмансипированной, несмотря на то, что ты еще по старой привычкѣ продолжаешь перебирать четки. Тебѣ грозятъ адомъ за то, что ты не вѣришь въ чудо святого Януарія; да тебѣ-то что до этого за дѣло, если ты не вѣришь въ адъ? Если же ты боишься ада, то не имѣешь никакого основанія не вѣрить и чуду св. Януарія. Одно изъ двухъ: или оно существуетъ, или это выдумка. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ въ него вѣрить, если оно существуетъ,—вѣря въ него, ты избавишься отъ ада; если оно выдумано, ты ровно ничего не теряешь. Такъ разсуждалъ знаменитый поэтъ Альфредъ де-Мюссе, котораго мы очень усердно читали въ школѣ, такъ какъ намъ запрещали его читать.

Жіанъ обозвалъ меня за это клерикаломъ. Мнѣ бы слѣдовало оставить его въ покоѣ, но нравъ у меня былъ буйный, мнѣ всегда хотѣлось всѣхъ убѣдить въ томъ, что я правъ, и, благодаря такому глупому упрямству, я нажилъ себѣ не мало враговъ и не убѣдилъ ни одного человѣка. Выступивши на защиту совсѣмъ неизвѣстнаго мнѣ священника, я этому священнику никакой пользы не принесъ и удовольствія не доставилъ; онъ даже

никогда не узналъ о моемъ заступничествѣ, а съ Жіаномъ я поссорился. Между нами начались рѣзкіе споры, доходившіе до драки, при которыхъ я, однако же, щадилъ товарища и билъ не сильно. Итальянецъ заявилъ, что французы хуже тудесковъ, и, обратясь опять къ исторіи (извѣстно, что въ исторіи можно найти все, что захочешь), онъ напомнилъ мнѣ о сицилійскихъ вечерняхъ и о вторженіи Бренна.

— Мы васъ еще разъ съумѣемъ выгнать изъ Капитолія!— сказалъ онъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Въ гусяхъ у васъ недостатка не будетъ,—отвѣтилъ я.

Тогда, чтобы меня окончательно поразить, онъ прочелъ итальянскій сонетъ XVII вѣка, въ которомъ говорится о галльскихъ стадахъ, сходящихъ съ Альпъ пить воду По, окрашенную кровью, и сдружился съ англичанами, нашими товарищами.

— Вотъ это нація!—восклицалъ онъ.—Гордая, практическая, сильная! На слово этихъ людей можно положиться, какъ на каменную гору. Когда они отдадутъ намъ Мальту,—а они непремѣнно отдадутъ, это благородная нація,—тогда они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ... послѣ насъ.

Мы разстались въ ссорѣ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ пансіонѣ. Шесть лѣтъ спустя я вошелъ разъ утромъ съ чемоданомъ въ рукахъ на желѣзно-дорожную станцію въ Балѣ... Въ то время мнѣ минуло двадцать пять лѣтъ, и я успѣлъ уже отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ недостатковъ юности, такъ, напримѣръ, я пересталъ кидаться на людей съ кулаками. Этимъ усовершенствованіемъ въ моемъ характерѣ я былъ обязанъ одному сосѣду, здоровенному малому, постоянно дразнившему меня черезъ заборъ. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, я перескочилъ заборъ съ сжатыми кулаками.

— Ты напалъ на меня, — сказалъ онъ,—я вынужденъ защищаться...

Затѣмъ выгналъ меня обратно, избилъ, какъ ему хотѣлось, и въ вознагражденіе за военные расходы отобралъ у меня часы и деньги. Звали этого сосѣда Криблеръ и былъ онъ соотечественникомъ Ганса. Я возненавидѣлъ Германію, гдѣ, по моему мнѣнію, никогда не было ни одного талантливаго человѣка, ни настоящаго философа, ни поэта, ни артиста. Чтобы вполнѣ удостовѣриться въ этомъ, я рѣшился изучить Германію на мѣстѣ, переѣхалъ черезъ Рейнъ въ Балѣ и на вокзалѣ встрѣтилъ высо-

каго молодого человѣка, бросившагося мнѣ тотчасъ же на шею. Это былъ Жіанъ.

— Мы съ тобою поссорились тогда,—сказалъ онъ.—Но вѣдь милые бранятся—только тѣшатся. Быть-можетъ мы и опять поругаемся и даже не разъ, но жить будемъ вмѣстѣ и душа въ душу. Надо тебѣ сказать, что теперь я ненавижу англичанъ: представь себѣ, они и не думаютъ отдавать намъ Мальту. Зато начинаю отдавать справедливость нѣмцамъ; я былъ о нихъ совершенно ошибочнаго мнѣнія. По возвращеніи моемъ изъ Швейцаріи, дядя помѣстилъ меня въ коллегію благочестивыхъ братьевъ (*Scolopi*) въ Абруццахъ. Тамъ я долго занимался подъ руководствомъ одного добраго, восторженнаго монаха, всю жизнь штудирующаго евангеліе отъ Іоанна. Онъ во что бы то ни стало хочетъ согласовать его съ крайне сложною системой одного нѣмецкаго философа, Гегеля... Замѣчательный мыслитель,—такой, что даже самъ не понималъ себя. А мой учитель его понялъ. Съ нимъ я прочелъ толстую книгу этого ученаго «Феноменологію», имѣющую много общаго съ философіей Апокалипсиса. Я изъ нея не понялъ ровно ни одного слова, но многое заучилъ, запомнилъ и могу потягаться въ метафизикѣ съ любымъ докторомъ Гейдельберга. Теперь я совершеннолѣтній, и дядя - священникъ былъ вынужденъ возвратить мнѣ состояніе отца; я получаю ренту въ двадцать дукатовъ (85 франковъ) въ мѣсяцъ. Съ меня довольно. Я прочелъ Гёте и Уланда и ищу Доротею. За этимъ, собственно, я и отправился путешествовать пѣшкомъ по Германіи. Вчера мнѣ сказали, что проѣздъ по желѣзной дорогѣ обойдется дешевле шаганія по грунтовымъ дорогамъ, я взялъ билетъ третьяго класса, такъ какъ нѣтъ ни четвертаго, ни пятаго, и вотъ пускаюсь въ путь. *Kommst du mit* (ѣдемъ вмѣстѣ)?

Дорогой отъ Бала до Гейдельберга онъ разсказалъ мнѣ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Въ Базиликатѣ, прочитавши Германа и Доротею, онъ влюбился въ одну красивую сосѣдку, работавшую въ виноградникѣ своего отца. Разъ вечеромъ, чтобъ испытать красавицу, онъ взялъ ружье, прицѣлился въ нее и спросилъ, что она предпочитаетъ: смерть или безчестье? Она не поняла, въ чемъ дѣло, и онъ выразилъ свою мысль яснѣе; тогда она призналась, что боится огнестрѣльнаго оружія больше всего въ мірѣ. «Увы!—подумалъ Жіанъ со вздохомъ,—это не Доротея!»

— Мнѣ было въ то время,—повѣствовалъ онъ,—лѣтъ семнадцать и страстно хотѣлось познакомиться съ Гёте. Добрый

монахъ, учившій меня по-нѣмецки, сказалъ, что поэтъ давно умеръ, что, впрочемъ, и при жизни онъ продѣлывалъ довольно злыя штучки съ любопытными. Такъ, когда нѣкій юноша явился изъ Гёттингена въ Веймаръ, чтобы лицезрѣть великаго мужа, олимпіецъ, бривщійся въ то время, молча сталъ къ нему спиною, потомъ обернулъ къ посѣтителю намыленное лицо и сказалъ: «Теперь вы меня видѣли съ обѣихъ сторонъ. Довольны?»

— Боже мой! Я бы и этимъ былъ вполнѣ доволенъ!—прибавилъ Жіанъ.

Въ коллегіи онъ прочелъ «Вертера» и въ это время познакомился съ однимъ синдикомъ, жену котораго звали Лукреціей. Пока мужъ засѣдалъ въ общинномъ домѣ, она принимала гостей, особенно же любезно молодыхъ людей. Жіанъ разсказалъ Лукреціи исторію Вертера и спросилъ, какого она о ней мнѣнія?—«И мужъ, и любовникъ—оба шуты гороховые,—отвѣтила она.—Знаете, что бы я сдѣлала на мѣстѣ Шарлоты? Спровадила бы ихъ обоихъ и нашла бы себѣ третьяго...»—«Истинной добродѣтели не найти нигдѣ, кромѣ Германіи»—подумалъ Жіанъ.

Прочитавши Уланда, онъ повѣрилъ ему на слово, что въ Германіи всѣ женщины добродѣтельны, даже трактирныя служанки, которыхъ при жизни и за гробомъ платонически любятъ студенты, что яблони тамъ безвозмездно предлагаютъ свою тѣнь и плоды усталымъ путникамъ, что бѣдняки безъ зависти смотрятъ на богатство, счастливые тѣмъ, что и для нихъ свѣтитъ солнце, что житницы тамъ полны, погреба прохладны, конюшни теплы, кухни чисты, горничныя скромны и богобоязненны... Юноша рѣшился сдѣлать визитъ Уланду въ Тюбингенѣ, а пока ахалъ и восхищался вишневникомъ въ цвѣту, росшимъ вдоль желѣзной дороги, и декламировалъ стихи Геббеля. Сидѣвшіе съ нами въ вагонѣ странствующіе музыканты растрогали его до слезъ. Когда мы остановились въ Гейдельбергѣ въ хорошенькой гостиницѣ около вокзала, онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «Какой чудный край!»

Но хорошенькая гостиница была намъ не по карману,—комната съ двумя кроватями стоила два флорина, болѣе двухъ франковъ—деньги огромныя. На слѣдующее утро мы наняли квартиру на большой улицѣ у одного торговца желѣзомъ, продававшаго также сыръ. Первый нашъ выходъ былъ въ замокъ, разрушенный войсками Людовика XIV. Во время моего пребыванія въ Гейдельбергѣ дождь шелъ каждый день вслѣдствіе того, что дулъ восточный вѣтеръ, какъ объяснилъ намъ торговецъ желѣзомъ и

сыромъ; здѣсь, позвидимому, никогда не бываетъ другого вѣтра. Прикрывшись зонтами, мы смотрѣли съ террасы замка на мокрый городъ и на долину Некара; вдругъ прояснилось, блеснулъ лучъ солнца и заигралъ серебристою лентой. Жіанъ догадался, что то былъ Рейнъ, и началъ декламировать стихи Беккера; я отвѣчалъ стихами Мюссе. Мы поспорили, чуть не поссорились. Это было глупо,—такъ же глупо, какъ выбранные нами стихи. Въ то время всѣ считали своею обязанностію спускаться въ погреба замка и дивиться на величайшую бочку въ свѣтѣ, вмѣщающую двѣсти восемдесятъ три тысячи бутылокъ вина. Это чудо намъ показывала красивая дѣвушка, напоминавшая портреты жены Гёте.

— Вотъ Доротея!—воскликнулъ Жіанъ.

— Вамъ что угодно?—спросила дѣвушка.

— Lass dein Herz dir es sagen und folg'ihm frei nur in allem (Пусть твое сердце тебѣ это скажетъ, ему ты и слѣдуй во всемъ),—повторилъ итальянецъ слова Германа.

Дѣвушка обвила рукой шею Жіана и сказала ему нѣсколько словъ на ухо. Онъ покраснѣлъ до ушей и убѣжалъ съ крикомъ: «Ахъ, она не Доротея!» Я далъ на водку,—въ то время тамъ на каждомъ шагу приходилось давать на водку,—и послѣдовалъ за пріятелемъ. Мы направились къ университету и я прослушалъ первую лекцію объ «Институціяхъ». Читались онѣ каждый день послѣ обѣда по три часа сряду. Я не понялъ ни полсловечка, несмотря на то, что уже кончилъ во Франціи юридическій курсъ. Жіанъ, напротивъ, понималъ все отлично, записывалъ лекціи и въ то же время рисовалъ въ своей тетрадкѣ женскіе профили съ толстыми косами, падающими на спину. Онъ записался на курсы исторіи, литературы и философіи и былъ занятъ часовъ по семи въ день. Профессоромъ исторіи былъ тогда почтенный старичокъ, никогда не договаривавшій фразы до конца; ужасная привычка, особливо при употребленіи нѣмецкаго языка, въ которомъ глаголъ почти всегда ставится на концѣ. Жіанъ понималъ даже этотъ жаргонъ, едва внятный самимъ нѣмцамъ, и тутъ же перекладывалъ каждую лекцію въ довольно звучныя итальянскія терцины. Когда ихъ накопилось не менѣе, чѣмъ въ «Божественной комедіи», онъ отнесъ ихъ старому профессору; оказалось, что этотъ ветеранъ науки былъ страстнымъ поклонникомъ Данта и читалъ его ежегодно отъ доски до доски передъ женской аудиторіей. Онъ встрѣтилъ Жіана словами:

— Вы латинскаго племени; весьма сожалѣю. Дантъ былъ германецъ по натурѣ. Латины плохо понимаютъ адъ, еще хуже чистилище и совсѣмъ не понимаютъ рая.

Это, впрочемъ, не помѣшало Жіану сдѣлаться большимъ пріятелемъ старичка-профессора, которому онъ сталъ давать уроки итальянскаго языка, не мало способствовавшіе ясному пониманію поэмы. Меня онъ училъ по-нѣмецки и я никогда не забуду нашего перваго урока.

— Для того, чтобы говорить по-нѣмецки,—объяснялъ онъ мнѣ,—или чтобы имѣть по крайней мѣрѣ видъ, что знаешь этотъ языкъ, совершенно достаточно двухъ словъ: *so* и *doch*. *So* можетъ выражать все, что угодно: удивленіе, согласіе, вопросъ, снисхожденіе, изъявленіе вѣжливости, съ удобствомъ употребляется для прерванія слишкомъ длинной рѣчи, для реплики, для ободренія собесѣдника, для удостовѣренія, что его поняли, можетъ служить выраженіемъ ласки и благодарности... *So* означаетъ: «Нижайше вамъ кланяюсь, государь мой! Вы человѣкъ очень знающій, сообщили мнѣ много интересныхъ свѣдѣній и я приношу вамъ за то мою искреннюю благодарность». *So* играетъ въ этомъ языкѣ роль наперсника и хора древнихъ трагедій. *Doch*—почти то же, что *so*, и иногда можетъ его замѣнять, тѣмъ не менѣе ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать. Въ немъ уже нѣтъ той мягкости, слышится болѣе рѣзкое удивленіе, нѣкоторое недовѣріе; имъ выражается сомнѣніе, иногда принимающее характеръ возраженія, спора и даже опроверженія, отнюдь впрочемъ не обиднаго. Съ этими двумя словами можно смѣло и не компрометируясь прожить всю жизнь въ Германіи; отвѣчай ими поочередно на все, что бы тебѣ ни говорили, и ты прослывешь человѣкомъ неразговорчивымъ, несообщительнымъ, но неглупымъ.

Вечеромъ мы, по обыкновенію, прогуливались по берегу Некара и доходили до деревенскаго трактира, въ которомъ толстая хозяйка, съ локонами въ видѣ подпрыгивающихъ штопоровъ, угощала насъ за десять су двумя кружками пива, яичницей, масломъ и сыромъ съ хлѣбомъ. Все бы это ничего, еслибы не хлѣбъ,—невообразимый хлѣбъ: съ виду—грецкая губка въ чернилахъ, на вкусъ—смѣсь крахмала съ грязью; студенты употребляли его единственно для вытиранія ножей. Но, благодаря прекрасному мѣстоположенію, трактирчикъ охотно посѣщался. Тамъ мы встрѣтили разъ вечеромъ одного *бурша* (*Bursch*—старый студентъ); онъ сидѣлъ за столомъ одинъ, ѣлъ, курилъ и читалъ, поочередно кладя

одною рукой кусокъ въ ротъ, другою поднося трубку, не спуская глазъ съ книги и прислушиваясь къ говору за сосѣдними столами. Жіанъ узналъ его: это былъ Гансъ. Мы возобновили знакомство; буршъ, повидимому, не помнилъ зла и охотно принялъ предложенную мною кружку пива.

— Вы, гвельфы, народъ легкомысленный, — сказалъ онъ намъ по-нѣмецки.—Научиться отъ васъ нечему; вы отстали отъ мірового движенія; во главѣ его стоитъ теперь Германія. Германская вѣра, германская идея, германская сила ведетъ народы впередъ. Эта вѣра, эта идея и сила заключаются въ революціи.

— *So*!—сказалъ я, чтобы показать, что понимаю.

— Вы перестали жить со времени Вольтера,—продолжалъ Гансъ.—Этотъ философъ былъ послѣдователемъ Канта, самъ того не подозрѣвая. Онъ былъ представителемъ критицизма, побивающаго съ одной стороны субстанціональный идеализмъ Картезіуса, который ни къ чему иному не могъ привести, какъ къ натуралистическому пантеизму Спинозы; съ другой стороны онъ побивалъ сентиментальный теизмъ Руссо, который не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ прибѣжищемъ невѣжества. Онъ приготовилъ Робеспьера—руку, головою которой былъ Кантъ, —Робеспьера, представителя воинствующей критики.

— *Doch*!—хотѣлъ я сказать, но меня перебилъ Жіанъ возгласомъ: *Richtig*, что означаетъ: совершенно правильно!

Употребленіе этого выраженія обусловливается уже извѣстнымъ знакомствомъ съ языкомъ. Начинающимъ я бы совѣтовалъ ограничиваться на первое время словами: *so* и *doch*.

— Richtig!—сказалъ Жіанъ Гансу.—Вы отлично поняли Вольтера,—лучше, чѣмъ онъ самъ себя понималъ. Не разъясните ли вы намъ теперь Гегеля.

— Гегель представляетъ собою эволюцію разума въ пространствѣ и во времени.

— Вотъ это уже не *richtig*, старый товарищъ, а совсѣмъ ошибочно,—возразилъ Жіанъ, сохраняя полную серьезность.

— Какъ ошибочно? Такъ по-вашему не эволюція?...

— Никакъ не эволюція, а круговращеніе, циркумволюція безконечнаго въ орбитѣ грядущаго. Этимъ обусловливается восхожденіе категорій, согласованіе дуализмовъ, соприсновеніе параллелей, всепоглощающее тождество, нисходящее иррадіаціей, разлагаемое анализомъ до первобытныхъ началъ, до клѣточки и

пузырька... Вотъ, мой почтеннѣйшій, философія Гегеля. Если не согласны, благоволите высказаться.

Гансъ нахлобучилъ шапку, застегнулъ пальто, засунулъ руки въ карманъ и погрузился въ соображенія. Онъ соображалъ ровно восемь дней и на девятый, догнавъ насъ въ то время, какъ мы шли на Кейзерштуль любоваться восходомъ солнца, сказалъ намъ, запыхавшись:

— Я понялъ... Вы полагаете, что клѣточка или пузырекъ, разсматриваемые какъ начало и въ то же время какъ слѣдствіе, и есть именно тотъ животно-растительный прототипъ, зародышъ той и другой жизни. Ваша теорія есть, такъ сказать, поглощеніе Гегеля Дарвиномъ.

— *Richtig!*—отвѣтилъ Жіанъ, даже не улыбнувшись.

— Вы себѣ представить не можете,—продолжалъ Гансъ,—какое вліяніе произвели на меня ваши слова. Я отказываюсь отъ эволюціонизма и отъ философіи и примусь за изученіе естественныхъ наукъ. Я начну съ медицины, чтобы доказать ея полную непригодность ни на что. Это еще даже и не наука. Вся суть въ томъ, чтобы найти прототипическій атомъ, и для этого я въ особенности займусь вивисекціей; но, къ сожалѣнію, она производится у насъ только надъ животными... Ахъ, еслибы можно было взрѣзать живого человѣка!

Съ этой минуты Жіанъ привязался къ Гансу, хотя и не предложилъ себя для желательнаго ему опыта вивисекціи. Они стали неразлучны. Едва вырвавшаяся на свободу молодежь всегда падка на смѣлыя идеи, т. е. въ сущности на общія мѣста, облеченныя въ задорную форму. Я высказалъ это Жіану, за что и былъ обозванъ *филистеромъ*. Между мной и Жіаномъ ежедневно возникали споры по поводу нѣмецкаго бурша; его вліяніе на юношу возбуждало мое безпокойство, обусловливаемое отчасти ревностью. Это чисто женское чувство надѣлало мнѣ не мало непріятностей въ жизни.

— Берегись!—повторялъ я итальянцу.—Посмотри только на его звѣроподобныя челюсти,—вѣдь страшно становится. Въ Швейцаріи онъ хотѣлъ отнять у тебя волчокъ, а теперь... ты вотъ вздумалъ было его мистифировать, а онъ сумѣлъ эксплуатировать мистификацію и вынялъ изъ нея научную теорію. Копѣйку за копѣйкой, идею за идеей онъ выжметъ изъ тебя все, что у тебя есть въ карманѣ и въ головѣ. Ты слышалъ, его задушевная мечта взрѣзать живого человѣка, такъ вотъ онъ тебя-то первато и взрѣжетъ.

Жіанъ только пожалъ плечами. Разъ утромъ онъ заявилъ мнѣ, что идетъ на рѣку топиться, и на мой вопросъ о причинѣ отвѣтилъ доводами, заимствованными изъ пессимистской философіи.

— Что такое человѣкъ?—сказалъ онъ.—Его знаніе равно невѣжеству, его величіе низко, сила ничтожна, наслажденія болѣзненны, причиняютъ одни страданія!

Это я уже читалъ у Шопенгауера, который въ свою очередь вычиталъ у Гераклита.

— Что такое жизнь?—продолжалъ Жіанъ.—Товаръ не стоящій выѣденнаго яйца,—погоня за кускомъ, изъ-за котораго всѣ грызутся,—смерть, только не обусловленная прекращеніемъ физіологическаго процесса...

— Опять шопенгауеровщина, заимствованная у древнихъ!

Я замѣтилъ Жіану, что идеи Ганса совсѣмъ не новы.

— Все это было въ ходу въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—сказалъ я. — Этимъ недугомъ страдалъ Рене, заразившись отъ Вертера; а Вертеръ заразился отъ Сенъ-Прё. Болѣзнь занесена изъ Англіи; только когда подобный *сплинъ* охватываетъ нѣмца, нѣмецъ не уходитъ въ лѣса, подобно Гераклиту и Тимону, и не станетъ питаться кореньями. На эту штуку его не надуешь! Напротивъ, онъ не разстанется ни съ однимъ кускомъ колбасы, ни съ одной кружкой пива, разсуждая весьма резонно, что хотя теорія и мрачна, за то древо жизни блещетъ зеленью и плодами. Вотъ почему въ нѣмечинѣ столько искреннихъ христіанъ, не задумываясь, идетъ на войну, столько атеистовъ ходитъ въ церковь, столько проповѣдниковъ воздержанія засѣдаетъ въ погребкахъ, столько отъявленныхъ пуританъ играетъ на биржѣ... Надо быть *гвельфомъ*, т. е., по-просту, шутомъ, чтобы возмущаться беззастѣнчивой веселостью нѣмца-пессимиста.

— Гансъ человѣкъ глубоко убѣжденный,—возразилъ Жіанъ.

— Что же онъ не идетъ топиться вмѣстѣ съ тобою?

— Потому что онъ апостолъ,—онъ обязанъ исполнять свою миссію. Безродный нищій, поднятый на улицѣ, воспитанный изъ милости, живущій по-нищенски, онъ хочетъ міръ перевернуть. Для этого онъ началъ съ того, что добивается знанія, лѣтъ двѣнадцать переходитъ изъ университета въ университетъ, и если-бы хотѣлъ, давно бы могъ быть докторомъ правъ, философіи или богословія; но у него не хватаетъ денегъ на напечатаніе диссертаціи, на покупку диплома. Онъ, впрочемъ, и учится не

изъ-за ученой степени, не изъ-за благъ земныхъ, а ради знанія и возможности пересоздать человѣчество. У васъ, у французовъ, головы набиты пробками; вамъ не понятны эти высшія стремленія, самоотреченіе ради чистой идеи. Гансъ умираетъ съ голоду...

— Ну, когда онъ бываетъ съ нами, тогда ему мудрено умереть съ голоду,—наѣдается на три дня, да еще на нашъ же счетъ...

— Да, на три дня, потому что не ѣлъ наканунѣ и не будетъ ѣсть завтра. Несчастный всю жизнь подвергался всякимъ преслѣдованіямъ: такъ, его выгнали изъ Тюбингена за необыкновенно громкій голосъ. Выходя разъ вечеромъ изъ кабачка, онъ пѣлъ во все горло. Въ то время пѣть на улицахъ дозволялось только хоромъ не менѣе какъ въ четыре голоса. Несмотря на всѣ его увѣренія, что онъ поетъ одинъ за четверыхъ, его удалили изъ Тюбингена и не впустили въ Берлинъ за то, что дорогою въ вагонѣ онъ разсуждалъ съ сосѣдомъ о соціологіи. Ему посовѣтовали не ѣздить въ Лейпцигъ, въ Іену, въ Гёттингенъ; даже здѣсь, въ Гейдельбергѣ, полиція зорко слѣдитъ за нимъ и только ищетъ случая засадить или выслать. Онъ просто мученикъ и геній.

— Ты что топиться-то нейдешь?

— Сейчасъ пойду.

— А Доротея?

— Я отказываюсь отъ поисковъ за нею. Да и что такое любовь?—Влеченіе другъ къ другу двухъ существъ до тѣхъ поръ, пока они не соединились, пока не послѣдовало измѣны съ той или другой стороны, или обоюднаго пресыщенія и взаимнаго отвращенія. Гансъ никогда въ жизни не любилъ.

— Едва ли это кого-нибудь опечалило. Топиться-то скоро пойдешь, юноша?

— Иду. Прощай, Жанъ!

— До свиданья, другъ!

Жіанъ ушелъ. Боясь, какъ бы онъ изъ самолюбія на самомъ дѣлѣ не бросился въ рѣку, я послѣдовалъ за нимъ издали, держась нѣсколько ниже его по теченію Некара... Жанъ исчезъ за группою деревьевъ (кажется, ивъ), растущихъ на самомъ берегу. Я вздрогнулъ, обернулся къ рѣкѣ и сталъ прислушиваться: ни паденья тѣла въ воду, ни всплеска не было слышно. Вмѣсто того сзади меня по дорогѣ раздался шелестъ женскаго платья;

я обернулся и увидѣлъ удаляющееся бѣлое платье. Жіанъ вышелъ изъ-за ивы и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— А, ты здѣсь, — сказалъ онъ, нисколько не удивившись моему присутствію. — Видѣлъ ее?

— Кого ее?

— Доротею... Она сидѣла на травѣ какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое я облюбовалъ, чтобъ утопиться, и ощипывала листочки маргаритки. Она сняла шляпку и вѣтеръ игралъ ея бѣлокурыми волосами, какъ облакомъ золотистаго пепла. — «Любитъ!» — вскричала она, обрывая послѣдній лепестокъ. Потомъ она встала и очутилась лицомъ къ лицу со мною. Я сказалъ ей: — «Вы спасли мнѣ жизнь и я отдаю ее вамъ, если хотите». Она убѣжала! но была замѣтно взволнована, — понимаешь? — сильно взволнована. А все, что начинается волненіемъ, ведетъ къ хорошему концу. Я нашелъ Доротею.

II.

Черезъ часъ мы обѣдали по обыкновенію въ *Рейхскронъ*, студенческомъ трактирчикѣ, выходящемъ окнами на рѣку. За тридцать два крейцера тамъ давали пресквернный, но сытный обѣдъ изъ семи блюдъ. Жіанъ торопливо поѣлъ и сказалъ мнѣ по-нѣмецки:

— Я сытъ. На-сегодня лекцію можно пропустить, — пойдемъ въ замокъ. Погода чудесная, какой уже давно не было. Доротея навѣрно тамъ.

Онъ пошелъ впередъ; при подъемѣ на гору я отсталъ отъ него, потерялъ изъ вида и присѣлъ на лавочкѣ террасы. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошла старуха съ молодой дѣвушкою въ бѣломъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, — та самая, которую я видѣлъ поутру на берегу Некара.

— *Ленхенъ*! — сказала старуха.

— *Мутръ*? — отозвалась хорошенькая дѣвушка.

Ленхенъ — уменьшительное имя Магдалины, *мутръ*, скороговоркой сказанное слово *Mutter* — мать.

— Я устала, Ленхенъ, хочу сѣсть.

— А мнѣ хочется поскорѣе осмотрѣть замокъ.

— Иди одна.

Ленхенъ ушла; я не послѣдовалъ за нею, — по нашимъ понятіямъ это было бы неловко, — и остался сидѣть рядомъ съ

мутрг, похожей на сову, одѣтой чучелой и болтливой, какъ мельница. Она сама заговорила со мной и въ одну минуту сообщила свою полную біографію, свои идеи и планы. Родилась она въ Боннѣ, замужъ вышла въ Вюртембергѣ; ея мужъ былъ шутъ гороховый и мечтатель,—вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать и деньги зарабатывать, все книжки читалъ! «Къ счастью, онъ скоро умеръ, оставивши всего одну дочь,—вонъ ту, что развалины осматриваетъ. Вся въ отца: все ей нужно знать, все видѣть. Сегодня утромъ бѣгала одна смотрѣть на рѣку, точно не видывала, какъ вода течетъ. Вылитый батюшка,—такая же полоумная! Хорошо, что я то не въ нихъ. Какъ онъ умеръ, такъ я сейчасъ же открыла трактирчикъ на дорогѣ между Штутгартомъ и Тюбингеномъ...» Она назвала и мѣстечко, гдѣ ея трактиръ, но я забылъ это названіе. Дѣла пошли бойко, она нажила деньжонокъ и рѣшилась оставить дѣла и удалиться на покой. На ея заведеніе находится хорошій покупатель на чистыя деньги. Остается не рѣшеннымъ вопросъ, гдѣ теперь поселиться.

— Надо хорошо устроиться,—продолжала она,—и устроить дочь... вонъ ту, что развалины осматриваетъ. Въ Гейдельбергѣ хорошо и жизнь дешева, но мало серьезныхъ людей, обыватели—мелкіе торговцы и ремесленники, все простой народъ; со стороны одни студенты—народъ слишкомъ молодой, или профессора—люди уже семейные. Есть, правда, одинъ приватъ-доцентъ, холостой и съ большими надеждами въ будущемъ, но за то и съ большой гордостью; мы для него слишкомъ мелки. Рѣшительно не стоитъ поселяться въ Гейдельбергѣ. По всей вѣроятности, мы уѣдемъ въ Боннъ, на мою родину. Пріятно вернуться богатой въ свои мѣста, откуда уѣхала бѣдною... Всѣ смотрятъ съ завистью...

Все это старуха, похожая на сову, отчитала мнѣ единымъ духомъ. Было ли что-нибудь исключительно характернаго, нѣмецкаго въ этой разжившейся мѣщанкѣ?—Не думаю: у себя на родинѣ я зналъ десятки точь-въ-точь такихъ; люди не вездѣ одинаковы, а людишки—вездѣ людишки. Вернулась Ленхенъ и, видя, что я разговариваю съ ея матерью, спросила, къ какой эпохѣ относится замокъ. Я съ полнѣйшею готовностью принялся выкладывать передъ нею мою свѣженькую эрудицію, только-что почерпнутую изъ путеводителей Іоанна и Бедекера. Съ первыхъ же словъ она остановила меня словами:

— Вы—французъ?... Говорите, пожалуйста, по-французски.

Пріятно, очень пріятно быть чичероне молодой, хорошенькой дѣвушки, въ особенности слушающей съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, съ какимъ слушала меня Ленхенъ. Мы встали, подошли ближе къ замку и такъ увлеклись, что осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ. Она распрашивала у меня имена палатиновъ, королей, греческихъ боговъ и великихъ мужей Іудеи, изваянныхъ на фасадахъ; къ счастью, я зналъ ихъ всѣ наизусть. Когда она увидала подъ главнымъ порталомъ четыре гранитныя колонны, вывезенныя изъ Ингельгейма, куда онѣ попали изъ Равенны, то, приблизившись ко мнѣ, какъ бы съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорила:

— Онѣ вѣдь видѣли римскихъ императоровъ, остготскихъ королей и Карла Великаго!

Въ музеѣ Кремберга она бросила презрительный взглядъ на маску Коцебу, снятую въ Мангеймѣ въ ту минуту, когда студентъ Зандъ убилъ кинжаломъ этого драматурга; потомъ, взглянувши на портретъ и волосы убійцы, сильно поблѣднѣла.

— Я понимаю васъ, — сказалъ я. — Коцебу былъ большой негодяй; но этимъ отнюдь не можетъ быть оправдано убійство.

— Мнѣ кажется, что мы будемъ съ вами друзьями,—отвѣтила она, протягивая мнѣ руку.

Мы проходили болѣе часа; она устала и присѣла на закраину высохшаго колодца. Въ эту минуту на самомъ верху замка появилась высокая, черная фигура. Я узналъ Жіана. Какъ могъ онъ туда забраться? Зачѣмъ? Вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я всюду искалъ ее, сначала въ замкѣ, потомъ въ Вольфсбруненѣ, потомъ по всему городу, наконецъ вернулся опять къ замку и забрался такъ высоко, какъ только могъ, въ надеждѣ гдѣ-нибудь увидать ее.

Замѣтивши насъ, онъ быстро сталъ спускаться, цѣпляясь, какъ истый горецъ, руками и ногами за пробоины, сдѣланныя ядрами, за выступы карнизовъ и обломки лѣстницъ. Ленхенъ въ страхѣ сжимала мою руку; я слышалъ, какъ билось ея сердечко. Сойдя на землю, Жіанъ подошелъ къ намъ и взглянулъ прямо въ глаза Ленхенъ однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, которыми итальянцы умѣютъ выразить все, что у нихъ на душѣ. Она не выдержала этого взгляда и убѣжала на террасу, гдѣ сидѣла ея мамаша. Жіанъ хотѣлъ бѣжать за ней; я придержалъ его, за что онъ сдѣлалъ мнѣ сцену, назвалъ измѣнникомъ, каковы, впрочемъ, всѣ французы искони вѣковъ, и упрекнулъ миромъ въ

Кампо-Форміо. Я въ это время разсуждалъ самъ съ собой и мысленно говорилъ себѣ:

«Эта молоденькая дѣвушна сразу сдѣлалась твоимъ товарищемъ, пріятелемъ, и не смогла выдержать одного взгляда Жіана. Чѣмъ объяснить такое быстрое возникновеніе этихъ, столь различныхъ чувствъ къ двумъ прохожимъ, которыхъ она прежде никогда не видала? Тамъ, на родинѣ, постоянно было то же самое, всѣ говорили мнѣ: «Я васъ очень люблю»,—и ни одна не сказала: «Я люблю васъ!»

Я вздохнулъ и успокоилъ Жіана, клятвенно завѣривъ его, что не думаю отбивать у него Ленхенъ и неповиненъ въ отдачѣ Венеціи австрійцамъ. Мы сдѣлали небольшой обходъ и вышли на террасу. Трактирщица сидѣла на томъ же мѣстѣ и дружески бесѣдовала съ Гансомъ; видно было, что они—старые знакомые. Студентъ былъ замѣтно недоволенъ нашимъ появленіемъ и поклонился съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: «Проходите-ка, други сердечные, своей дорогой,—я занятъ дѣловымъ разговоромъ». Въ интересахъ Жіана я подошелъ, однако же, къ нимъ и сказалъ:

— Я уже имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ этою дамой. Не соблаговолите ли меня ей представить.

Волей-неволей онъ вынужденъ былъ исполнить мое желаніе и нехотя пробормоталъ наши имена.

— А ваша дочка?—спросилъ я.

— Она пошла одѣваться къ балу.

— Гдѣ же сегодня балъ?

— Въ Музеѣ, разумѣется.

Мнѣ только это и нужно было. Этотъ музей есть въ сущности общественное собраніе, въ которое можно записываться въ качествѣ *Ehrenmitglied* (почетнаго члена) съ платою одного флорина въ мѣсяцъ; тамъ были журналы, книги, буфетъ, давались концерты и танцевальные вечера. Я и Жіанъ были почетными членами, — по карману было. Мы надѣли фраки, отправились туда и, въ ожиданіи танцевъ, съѣли по котлетѣ. Явился Гансъ, не бывшій членомъ, но имѣвшій способность всюду пролѣзать; на немъ было его обычное пальто,—другого одѣянія онъ и не имѣлъ. Усѣвшись за нашъ столъ, онъ съѣлъ три котлеты, три огромныхъ тарелки картофеля и цѣлый фунтъ сыра, запилъ все это шестью кружками пива и предложилъ Жіану сыграть въ шахматы на этотъ увѣсистый обѣдъ. Я присутство-

валъ при ихъ партіи и наблюдалъ характеръ игроковъ. Жіанъ горячо кидался на противника, рискуя своими фигурами; Гансъ, не торопясь, отбиралъ ихъ одну за другой, обдумывая каждый шагъ минутъ по десяти. Когда южанинъ былъ уже наполовину обобранъ, сѣверянинъ не спѣшилъ его покончить; съ раздражающею медленностью, защищая каждую пѣшку, онъ проводилъ ихъ въ фигуры, не рисковалъ ни однимъ ходомъ, могущимъ сократить мученье побѣжденнаго. Игра длилась два часа и, наконецъ-то наконецъ, послѣ долгаго обдумыванія, Гансъ рѣшился сдѣлать шахъ и матъ, причемъ поднялъ очки на лобъ и пять минутъ пристально смотрѣлъ на свою жертву, похихикивая, или, вѣрнѣе, квакча, какъ утка.

— Расплатись, пожалуйста,—сказалъ мнѣ Жіанъ и выбѣжалъ въ залу.

Я понялъ, что вошла Ленхенъ; онъ нарочно сѣлъ противъ двери, чтобы не пропустить ея появленія. Когда я расплатился и вошелъ въ залу, онъ уже танцевалъ съ ней. Какая прелестная парочка!... Они не отходили другъ отъ друга полтора часа, ихъ говоръ становился все тише и тише. Проходя мимо, я разслышалъ:

— Вамъ маргаритка сказала: *любитъ*... Кто любитъ?

— Можетъ-быть вы...

Гансъ сидѣлъ съ мамашей. У меня слухъ хорошій. Заботливая маменька предусмотрительно распрашивала про Жіана. Гансъ, ставившій правдивость выше всего на свѣтѣ, постарался сообщить о пріятелѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія.

— Онъ не получаетъ и сорока флориновъ въ мѣсяцъ,—говорилъ онъ.

— О такомъ стало-быть и думать нечего,—сказала мамаша.— Ленхенъ!—крикнула она, какъ только кончился вальсъ.

— Мутръ?

— Ѣдемъ сейчасъ домой.

Ленхенъ безпрекословно повиновалась, украдкой посматривая на Жіана, носившагося въ эмпиреяхъ. Онъ попросилъ у дамъ позволенье проводить ихъ до гостиницы.

— Насъ проводитъ г. Гансъ Шлукеръ, — сердито отвѣтила старуха.

Мы послѣдовали за ними издали, чтобъ узнать, въ какомъ окнѣ можно завтра увидать Ленхенъ. Онѣ вошли въ трактиръ

подъ вывѣскою Орла, близъ рынка; черезъ минуту свѣтъ показался въ двухъ окнахъ перваго этажа.

— Точно солнце освѣтило мое сердце,—сказалъ Жіанъ.

Гансъ возвращался и хотѣлъ проскользнуть мимо насъ незамѣченнымъ. Я остановилъ его.

— Вы меня представили этой почтенной дамѣ,—сказалъ я,—но не сообщили ея фамиліи.

— Госпожа Крейцеръ,—отвѣтилъ онъ съ своимъ противнымъ хихиканьемъ и скрылся.

«Странное имя!—подумалъ я.—Крейцеромъ называютъ мелкую мѣдную монетку стоимостью въ три съ половиной сантима. Вопросъ въ томъ, дороже ли стоитъ носящія это имя?

Когда я вернулся къ Жіану, онъ стоялъ передъ трактиромъ, не спуская глазъ съ окна и разсуждая вслухъ:

— Она опустила стору, раздѣвается, оправляетъ чистыя простыни, ложится, протягивается и... быть-можетъ думаетъ обо мнѣ. Вотъ свѣча потухла, она засыпаетъ...

Рано-поутру онъ побѣжалъ въ гостиницу Орла. Служанка, мывшая дверь, сообщила ему, что обѣ дамы уѣхали съ первымъ пароходомъ. Чтобъ удостовѣриться, онъ пошелъ посмотрѣть ихъ комнату. Постели еще не были прибраны и на одной изъ подушекъ лежалъ длинный, свѣтлый волосъ.

— Я убѣжалъ оттуда,—заговорилъ онъ, вернувшись въ нашу квартиру. — Мнѣ въ голову лѣзли самыя безумныя идеи... Я побѣжалъ къ Гансу узнать, куда онѣ уѣхали. Стучалъ, колотилъ кулаками въ дверь его логовища. Пусто. Его сосѣдка сказала, что онъ ушелъ рано утромъ съ мѣшкомъ на плечѣ...

— Пари держу, онъ съ ними уѣхалъ...

— Это съ какой стати?

— Съ такой, чтобы жениться на маменькѣ или на дочкѣ...

— Какой вздоръ! Онъ—апостолъ...

— Женщины любятъ такихъ...

Жіанъ объявилъ, что пуститъ себѣ пулю въ лобъ, если не увидитъ Ленхенъ. Я отвѣтилъ, что не вѣрю въ подобныя самоубійства. Онъ разсердился, я—тоже. Во весь обѣдъ мы не сказали другъ другу ни слова. Вечеромъ я ему напомнилъ, что онъ пріѣхалъ въ Германію не за тѣмъ только, чтобъ искать Доротею, не главнымъ образомъ чтобы побывать у Уланда.

— До Уланда мнѣ теперь!—огрызнулся онъ, отворачиваясь отъ меня.

— Теперь-то именно до него,—отвѣтилъ я.—Завтра начинаются вакаціи; мы отправимся въ Штутгартъ, а изъ Штутгарта въ Тюбингенъ, гдѣ профессорствуетъ твой поэтъ. Между этими двумя городами есть одно село, въ селѣ трактиръ, въ трактирѣ хозяйка, у хозяйки дочь, которую зовутъ Ленхенъ, а ея мамашу фрау Крейцеръ.

— Другъ, ты спасъ мнѣ жизнь!... Да здравствуетъ Франція!—крикнулъ Жіанъ во весь голосъ, приподнявъ меня и чуть не задушивъ въ объятіяхъ.

Мы пустились въ путь только на другой день, такъ какъ денегъ у насъ не было и за ними необходимо было съѣздить въ Франкфуртъ. Я не стану описывать путешествія, и не могу даже, потому что ничего не видалъ и никакихъ впечатлѣній не вынесъ. Жіанъ только и думалъ, только и говорилъ о Ленхенъ, приставалъ ко мнѣ и мѣшалъ смотрѣть даже такъ, какъ смотрятъ англійскіе туристы, сравнивая виды съ ихъ описаніемъ въ путеводителѣ Рихарда. Жіанъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и сиряталъ къ себѣ въ карманъ. Мнѣ хотѣлось побывать на музыкальномъ праздникѣ въ Гейльбронѣ, куда со всей Германіи собираются тысячи рабочихъ и, встрѣтившись въ первый разъ въ жизни, поютъ хоромъ кантикъ Лютера; меня увѣрялн, что нигдѣ въ мірѣ нельзя встрѣтить ничего подобнаго. Но Жіанъ не согласился остановиться въ Штутгартѣ, несмотря на мои убѣжденія, что, помимо множества любопытныхъ вещей, указанныхъ *гидомъ* Рихарда, котораго онъ мнѣ не отдалъ, въ этомъ городѣ есть два необыкновенныхъ чуда: самая красивая въ свѣтѣ принцесса и лучшія въ Европѣ арабскія лошади. Дѣлать нечего, пришлось наскоро пообѣдать и пуститься дальше, въ Тюбингенъ,—пѣшкомъ, разумѣется, чтобы не пропустить трактира, въ которомъ жила Ленхенъ. Жіанъ шелъ передомъ и въ - торопяхъ ошибся дорогой; торный колесный путь скоро превратился въ тропинку, исчезнувшую на сыромъ болотистомъ лугу. Ноги вязли выше щиколки въ этой трясинѣ. Выбравшись кое - какъ, мы наткнулись на другую тропинку, то исчезавшую въ виноградникахъ, то опять появлявшуюся на крутыхъ склонахъ горы. Быстро надвигались сумерки, за ними темная ночь, полилъ дождь. Послѣ часа мучительной ходьбы, усталые, промокшіе до костей, испачканные въ грязи по уши, мы добрались до большой дороги и вышли къ трактиру въ селѣ Дагерлохъ. Жіанъ смѣло вошелъ въ него съ веселымъ смѣхомъ, я проскользнулъ за нимъ,

крайне смущенный своимъ жалкимъ видомъ и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ долженъ былъ произвести. Мое смущеніе оказалось совершенно напраснымъ,—мы не произвели ровно никакого впечатлѣнія. Въ Швабіи никого ничѣмъ, кажется, не удивишь; здѣсь, какъ и вездѣ, насъ ожидали самыя предупредительныя услуги, обходящіяся изрядно дорого. Насъ встрѣтила толстая, краснощекая служанка. Жіанъ первымъ дѣломъ спросилъ, не фрау ли Крейцеръ хозяйка трактира. Дѣвушка засмѣялась, думая, что Жіанъ шутитъ, и не двигалась съ мѣста, ожидая приказаній. Она бы до сихъ поръ, пожалуй, стояла на томъ же мѣстѣ, еслибы Жіанъ, знавшій по-нѣмецки вдвое больше, чѣмъ я, не объяснилъ ей нашихъ желаній съ ясностью, достойною Лейбница.

— Прекрасная дѣвица,—сказалъ онъ,—вы видите, въ какомъ мы положеніи. Въ васъ, повидимому, оно не возбуждаетъ того состраданія, котораго достойно по своему существу. Прежде чѣмъ насъ подчивать, было бы не безполезно насъ высушить. Въ виду этого, дѣвица прекрасная, мы просимъ дать намъ комнату съ двумя кроватями и затопить въ ней каминъ. Сіе быть можетъ не по-сезону, но оправдывается исключительностью положенія и предпочтеніемъ, которое мы отдаемъ нарушенію обычая передъ простудою. Мы смирнехонько ляжемъ и развѣсимъ платье передъ каминомъ. Вотъ все, чѣмъ вы пока можете несказанно обязать двухъ измокшихъ путниковъ.

— *So!*—проговорила служанка, вполнѣ понявшая рѣчь моего пріятеля.

Черезъ полчаса она принесла намъ бутылку сельтерской воды и табакерку. Въ залѣ вокругъ длиннаго стола сидѣло человѣкъ двадцать, не говорившихъ ни слова и ни на что не смотрѣвшихъ; передъ каждымъ стояло по кружкѣ пива. Я было подумалъ, что попалъ на сходку заговорщиковъ; Жіанъ успокоилъ меня увѣреніемъ, что это собраніе мѣстныхъ нотаблей.

— Да что же они тутъ дѣлаютъ?

— Веселятся.

Послѣ долгаго молчанія одинъ изъ нотаблей поднялъ кружку въ уровень съ своими глазами, внимательно всмотрѣлся въ пиво, потомъ поднесъ къ губамъ и осушилъ въ два глотка съ короткою передышкою. Всѣ остальные проговорили: *Prosit!*—и сдѣлали то же. Наступило прежнее мрачное молчаніе.

— Здѣсь всегда такъ веселятся?—спросилъ я Жіана.

— Всегда. Къ чему имъ разговаривать? Во-первыхъ, не о чемъ, къ остроумію же они не чувствуютъ никакой склонности.

— Да; оно и мудрененько было бы, пожалуй.

— Тѣмъ не менѣе они очень довольны своимъ обществомъ и въ свласть попиваютъ любимый напитокъ. Послѣ десятой кружки начнутъ пѣть, а потомъ разойдутся и мирно лягутъ спать. Это—послѣдователи созерцательной философіи.

Такъ мы разсуждали, когда служанка принесла сельтерскую воду и табакерку. Жіанъ громко расхохотался и запустилъ въ носъ большую щепоть табаку; я выпилъ стаканъ воды. Я очень желалъ переночевать въ Дагерлохѣ, но Жіанъ этому рѣшительно воспротивился; ему хотѣлось скорѣе разыскать Ленхенъ. Въ ту минуту, какъ мы выходили, въ верхнемъ этажѣ открылось окно, и мнѣ послышался смѣхъ, похожій на мерзкое хихиканье Ганса. Я оглянулся, но въ ночной темнотѣ ничего не могъ разсмотрѣть. Жіанъ былъ уже далеко и ничего не подозрѣвалъ. Итакъ, мы пустились опять въ походъ, останавливаясь у каждаго трактирчика и кабачка и спрашивая, не знаетъ ли кто фрау Крейцеръ. Это имя возбуждало всеобщій смѣхъ. Только одинъ трактирщикъ разсердился, вообразивши, что мы надъ нимъ потѣшаемся; онъ былъ, впрочемъ, не швабъ, а бранденбуржецъ. Я падалъ отъ усталости, Жіанъ все еще храбрился, но тоже едва волочилъ ноги. При подъемѣ на одинъ пригорокъ, мы услыхали сзади себя стукъ тяжелыхъ колесъ, потомъ показалась почтовая карета. Жіанъ окликнулъ кондуктора, тотъ отвѣтилъ:

— Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

— Много у васъ народа въ каретѣ?

— Ни одного человѣка.

— Въ такомъ случаѣ мы сядемъ, — сказалъ Жіанъ, отворяя дверцу.

— Этого нельзя.

— Мы вамъ заплатимъ.

— И этого нельзя.

— Почтовыя кареты существуютъ для путешественниковъ; я—путешественникъ, а потому и сажусь.

— Сойдите.

— И не подумаю.

Кондукторъ разразился потокомъ выраженій, не находящихся ни въ одномъ словарѣ; Жіанъ отвѣчалъ на неаполитанскомъ жаргонѣ, послѣ цюрихскаго самомъ богатомъ въ словахъ того

же сорта, не считая впрочемъ русскаго языка, въ этомъ отношеніи богатѣйшаго въ мірѣ. Кондукторъ возвышалъ голосъ, Жіанъ кричалъ все громче; лошади испугались и понесли во всю прыть. Во тьмѣ и тишинѣ ночной между кондукторомъ на козлахъ и пассажиромъ въ каретѣ продолжался обмѣнъ обоюдно-непонятныхъ, но въ высшей степени азартныхъ фразъ,—настоящій философскій диспутъ. Такъ продолжалось до Эхтердингена, гдѣ конторщикъ разъяснилъ намъ, что кондукторамъ запрещено сажать пассажировъ на пути. Жіанъ извинился и спросилъ про трактиръ фрау Крейцеръ; ему отвѣтили, что о такомъ никто здѣсь не слыхивалъ. Тогда онъ согласился доѣхать до Тюбингена. Я заплатилъ за мѣста въ каретѣ и наконецъ-то добрался до постели.

На другой день утромъ мы были у подъѣзда Уланда. Жилище поэта расположено у подножія холма, противъ Некара; на первомъ планѣ дворъ въ видѣ террасы, за нимъ двухъэтажный домъ въ шесть оконъ и нѣчто въ родѣ амбара съ греческимъ фронтономъ; за домомъ чудесный садъ, идущій до вершины холма; налѣво пивная лавочка и высокая стѣна, изъ-за которой видны деревья; кругомъ улицы и дорожки, разбѣгающіяся по полугорью; передъ домомъ площадь, спускающаяся къ рѣкѣ. Тюбингенъ, подобно Гейдельбергу,—студенческій городъ; въ немъ также есть замокъ, погребъ, гигантская бочка, университетъ, профессора, филистеры, учителя фехтованія, табачныя лавочки, шапошники, изготовляющіе фантастическія фуражки, множество пивныхъ... Вообще, хорошенькій городокъ, въ которомъ не слишкомъ прихотливый человѣкъ можетъ жить, пожалуй, даже припѣвающи... нѣмецкія пѣсни.

— Уйдемъ, пожалуйста,—сказалъ я Жіану, когда мы остановились у дверей поэта.

Я всегда трусилъ входить къ знаменитостямъ.

— Уходить?... Это зачѣмъ?—спросилъ Жіанъ.

— Затѣмъ, что вотъ мы позвонимъ, намъ отопрутъ и спросятъ, кого нужно? Что же мы отвѣтимъ? Просто Уланда—невѣжливо; господина Уланда—какъ-то неловко выходитъ, пошловато... Мы неминуемо покажемся смѣшными... Уйдемъ лучше.

Жіанъ отвѣтилъ:

— Благодаря этой боязни показаться смѣшнымъ, французы оказываются глупѣйшимъ народомъ въ мірѣ.

И онъ смѣло позвонилъ. Дверь отворилась. Насъ встрѣтила служанка вопросомъ:

— Вамъ кого угодно?... Господина профессора?

У меня точно камень съ сердца свалился при этомъ вопросѣ. Славное заведеніе у нѣмцевъ—называть людей ихъ оффиціальными титулами! Правда, эти титулы низводятъ геніальныхъ людей до уровня всѣхъ дураковъ, носящихъ одно съ ними званіе, за то выводятъ добрыхъ людей изъ затрудненій, подобныхъ нашему. Уландъ въ Германіи—одинъ, тогда какъ профессорамъ счета нѣтъ.

— Да, мы бы желали видѣть господина профессора,—сказалъ я.

— Господина профессора нѣтъ дома. Они уѣхали въ Штутгартъ (служанка говорила о немъ во множественномъ числѣ) и не извѣстно, когда вернутся. Они будутъ очень огорчены тѣмъ, что вы ихъ не застали.

— Ты просто *jettatore!* (человѣкъ съ дурнымъ глазомъ,—глазящій),—сказалъ Жіанъ, направляя въ мою сторону коралловые рожки, которые онъ носилъ въ видѣ брелока. — По милости твоего глаза я не видалъ ни Ленхенъ, ни Уланда.

Я отвѣтилъ ему стихами:

Est-ce la joie au la douleur
Qui règne au monde? Uland opine
Que, si l'épine est sons la fleur,
C'est que la fleur est sur l'épine.

— Браво! — крикнулъ Жіанъ и среди улицы бросился мнѣ на шею.

Онъ очень легко падалъ духомъ, за то такъ же скоро и ободрялся. Обратно мы поѣхали въ почтовой каретѣ и не бранились не только съ кондукторомъ, но даже и между собою, что составляло въ нашей жизни большую рѣдкость. Проѣзжая мимо трактира въ Дагерлохѣ, Жіанъ увидалъ въ саду бѣлокурую головку, выскочилъ изъ кареты, заставилъ меня выйти и побѣжалъ въ садъ, гдѣ и нашелъ фрау Крейцеръ за столомъ съ Гансомъ, покуривавшимъ свою огромную трубку и попивавшимъ пиво изъ большущей кружки.

III.

Старуха убѣжала, точно испугалась нашего появленія. Гансъ встрѣтилъ насъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ и счелъ нужнымъ,

какъ бы въ свое извиненіе, не совсѣмъ точно передать нѣкоторыя событія; иногда лгутъ даже уроженцы Помераніи,—нигдѣ не безъ грѣха. Онъ увѣрялъ, что, узнавши о нашемъ отъѣздѣ, пустился слѣдомъ за нами, но задержался въ Гейльбронѣ, увлекшись музыкальнымъ праздникомъ, на которомъ присутствовалъ Уландъ.

— Великій поэтъ былъ со мною очень любезенъ,—повѣствовалъ онъ.—Мы роспили съ нимъ бутылку рюдесгеймера; онъ спѣлъ мнѣ одну изъ своихъ застольныхъ пѣсенъ, въ которой рифмуются *Wein* и *Schwein* (вино и свинья). Потомъ я зашелъ въ Дагерлохъ, гдѣ и встрѣтилъ этихъ дамъ...

— Мы тоже заходили, но этихъ дамъ не нашли.

— Вы не спросили о нихъ.

— Какъ пришли, такъ спросили... Вездѣ спрашивали фрау Крейцеръ и вездѣ надъ нами смѣялись,—сказалъ Жіанъ.

— Фрау Крейцеръ!—вскричалъ Гансъ и загоготалъ, какъ гусь.

— Вы же намъ сказали, что ее такъ завутъ.

— Ха-ха-ха!—смѣялся буршъ.—Я, вѣроятно, оговорился, принялъ одну моиету за другую. Ея фамилія фрау Пфенигъ, а совсѣмъ не Крейцеръ. Ха-ха-ха!...

Гансъ могъ, конечно, ошибиться, но могъ сказать и на-смѣхъ; послѣднее было даже правдоподобнѣе. Меня это бѣсило, а Жіанъ только и думалъ о Ленхенъ.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ бурша, зорко высматривая въ саду и по всѣмъ окнамъ дома.

Онъ примѣтилъ на самомъ верху, подъ князькомъ крыши, маленькое открытое окно съ голубою занавѣскою, развѣваемою вѣтромъ точно флагъ, побѣжалъ тотчасъ же въ трактиръ и въ нѣсколько прыжковъ очутился на верху передъ полуотворенною дверью. Онъ увидалъ тутъ то же, что видѣлъ Фаустъ въ гнѣздышкѣ Гретхенъ, до стараго кожанаго кресла включительно. Все было опрятно, уютно; бѣлыя занавѣски кровати кружили ему голову.

— Ахъ, если она войдетъ,—воскликнулъ онъ,—какъ я оправдаюсь въ томъ, что осмѣлился проникнуть въ это святилище! Что я скажу? Посмѣю ли даже говорить? Упасть къ ея ногамъ...

Онъ хотѣлъ бѣжать, но присѣлъ на кресло, отуманенный чарами, навѣянными чистою, дѣвственною обстановкою этого маленькаго рая. На всѣмъ лежалъ отпечатокъ личнаго характера

и прелести его обитательницы. Крошечное зеркальце свидѣтельствовало объ отсутствіи кокетства; отсутствіе бездѣлушекъ и ненужныхъ украшеній доказывало, что она будетъ хорошею хозяйкою, не гоняющеюся за пустяками, стоющими дорого. Окно было въ зелени,—это была единственная роскошь, которую позволяла себѣ молодая дѣвушка. На виду была только одна книга—библія Лютера, открытая на столикѣ у кровати,—очевидно, ея вечернее и утреннее чтеніе...

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошла фрау Пфенигъ.

— Это что еще такое?—вскричала она.—Вы сюда зачѣмъ залѣзли?

— Милостивая государыня, я пришелъ сюда...—заговорилъ Жіанъ, вставая и низко расклаиваясь съ истинно-итальянскою граціей, — я пришелъ просить у васъ руки вашей прелестной дочери.

— *Potz tausend!*—крикнула старуха (*potz tausend* — нѣчто вродѣ нашего: ахъ, чортъ возьми).—Это еще что за штуки? Да какъ же смѣли забраться въ мою спальную?

— Ваша спальная?!—бормоталъ Жіанъ съ жалкимъ, посрамленнымъ видомъ. Вмѣсто чуднаго гнѣздышка Ленхенъ, онъ попалъ въ логовище старой совы!

Въ ту же минуту очарованіе исчезло: стѣны и полъ показались грязными, занавѣски измятыми, отъ кресла пахло старыми подошвами, въ маленькое зеркальце отражался крючковатый профиль хищной птицы, библія Лютера—чтенье старой ханжи, окно выходитъ въ трактирный садишко, въ которомъ въ эту самую минуту Ленхенъ подавала двѣ кружки пива французскому студенту (т. е. мнѣ) и Жіану. Померанскій студентъ (т. е. Гансъ) шутя пускалъ клубы дыма въ хорошенькое личико Ленхенъ и выпивалъ одну изъ двухъ кружекъ. Увидавши это, Жіанъ выбѣжалъ изъ комнаты, гдѣ почтенная фрау Пфенигъ не безъ основанія соображала, что въ головѣ у итальянца не все обстоитъ благополучно. Онъ тѣмъ временемъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы и вбѣжалъ въ садъ. Ленхенъ уже не было; на столѣ стояли двѣ пустыя кружки.

— Такъ какъ вы безъ меня выпили,—сказалъ онъ,—то я самъ пойду за пивомъ.

Онъ опять вбѣжалъ въ трактиръ и кончилъ тѣмъ, что все-таки нашелъ Ленхенъ на заднемъ дворѣ; она кормила куръ.

Ему тотчасъ же вспомнилось, какъ Вертерова Шарлота угощала ребятишекъ; онъ умилился душой и протянулъ къ дѣвушкѣ обѣ руки. Его появленіе ничуть не удивило Ленхенъ; она всыпала пригоршни кукурузы въ протянутыя къ ней руки и сказала:

— Ну, помогайте.

Весело покормивши куръ, они заговорили:

— Такъ вы меня ждали?...—спросилъ Жіанъ.

— Я знала, что вы здѣсь, потому и понесла сама въ садъ...

— Мою кружку пива? Её другой выпилъ. *Sic vos non vobis...*

— ... *mellificatis*, *apes*,—закончила стихъ Ленхенъ.

— Вы знаете латынь?

— Что мнѣ нисколько не мѣшаетъ кормить куръ.

Удивленіе Жіана достигло крайнихъ предѣловъ, когда Ленхенъ обратилась къ нему съ словами:

— Пойдемте въ мою комнату. Тамъ удобнѣе разговаривать.

Въ Италіи этого не водится. Тѣмъ не менѣе онъ послѣдовалъ за молодою дѣвушкой и былъ окончательно пораженъ всѣмъ, что увидалъ тамъ. Драпировки обшиты широкимъ кружевомъ, этажерки завалены книгами, рояль, мольбертъ съ наброскомъ пейзажа. Жіанъ узналъ то мѣсто на берегу Некара, гдѣ они въ первый разъ встрѣтились.

— Это вы рисуете?—спросилъ онъ.

— И эти кружева я же плету,—отвѣтила она.

Открывши шкафъ, она указала на блюдо печенья и прибавила:

— И это я дѣлала.

Потомъ дѣвушка сѣла за рояль и восхитительно сыграла итальянскую баркароллу. Я самъ слышалъ изъ сада. Во всемъ этомъ была, конечно, своя доля тщеславія, но Ленхенъ все-таки была необыкновенно мила. Жіанъ почувствовалъ, что его глаза увлаживаются отъ этихъ родныхъ звуковъ, сыгранныхъ исключительно для него одного прелестными ручками. Онъ не замѣтилъ даже, что ручки эти слишкомъ красны, — онъ не въ состояніи уже былъ ничего замѣчать.

Увидавши его волненіе, она запѣла арію Шуберта на слова Гёте. Молодой человѣкъ совсѣмъ обезумѣлъ и, рыдая, упалъ къ ея ногамъ.

— Хотите быть моею... на всю жизнь, навсегда?

— Во-первыхъ, надо узнать хорошенько другъ друга.

Когда Жіанъ разсказалъ мнѣ эту сцену, я счелъ нужнымъ высказать ему нѣкоторыя соображенія, казавшіяся мнѣ очень разумными.

— Эта молодая особа, — говорилъ я, — одарена разнообразными талантами, и замѣчательно, конечно, что она смогла пріобрѣсти такія многостороннія знанія въ сельскомъ трактирѣ. Но изъ всего этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ты долженъ былъ на ней жениться.

— Я уже сдѣлалъ предложеніе ея матери...

— И мать отвѣтила: *Potz tausend*! У тебя нѣтъ за душою ни копѣйки и самъ ты ни къ чему не способенъ. Ленхенъ же, наоборотъ, помаленьку на все пригодна, что тоже мнѣ представляется не особенно удобнымъ; я никакъ не могу восхищаться сочетаніемъ синяго чулка съ крестьянскими котами, классиковъ съ сдобными пышками. Ко всему этому сообрази, что, кромѣ мертвыхъ языковъ, она знаетъ еще многое, чему не могла научиться безъ учителей, а учителя не всегда бываютъ старые. Она, правда, очень хорошенькая; но красота въ дѣлахъ любви вещь прекрасная, а въ супружеской жизни часто является большой помѣхой счастью. Руки у нея красныя...

— Бѣлыя, какъ алебастръ...

— Красныя, какъ вареные раки. Да всего лучше, посмотри самъ.

Въ это время Ленхенъ развѣшивала въ саду мокрыя скатерти; веревка была протянута высоко и изъ-за бѣлаго полотна мелькали ея руки цвѣта гомара.

— Краснота молодости!—воскликнулъ Жіанъ.

— Во всемъ, что она говорила тебѣ, я одобряю только одно: надо хорошенько узнать другъ друга.

— А я такъ именно въ этомъ-то и не нахожу никакого смысла. Вы, жители сѣвера, всѣ одинаковы,—у васъ кровь холодная. У насъ же увидалъ женщину на балконѣ, въ театрѣ или въ церкви, понравилась она, приглянулся ты ей и — она твоя на вѣкъ...

— Ну, а здѣсь, мой милѣйшій, молодая дѣвушка приводитъ тебя въ свою спальную, показываетъ кружева своей постели и потомъ говоритъ: «теперь мнѣ остается съ вами познакомиться». Въ сущности же и мужчины, и женщины вездѣ одинаковы; есть лишь нѣкоторая разница въ способахъ выражаться, въ манерахъ... Безъ этого изъ-за чего бы ты хотѣлъ отобрать у нѣмцевъ Венецію?

Пока мы такъ разговаривали, Гансъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ спиною къ открытому окну. Трактирщица, стоя рядомъ съ нимъ, жеманилась, гримасничала и заигрывала. Онъ невозмутимо курилъ трубку, положивши ноги на спинку стула. Мы съ Жіаномъ покончили тѣмъ, что поспорили, по обыкновенію; повертываясь ко мнѣ спиной, онъ объявилъ, что въ Америкѣ есть обезьяны, а въ Европѣ — французы. Это онъ опять по Шопенгауеру. Я ушелъ въ отведенную намъ комнату и сѣлъ у окна, какъ разъ надъ тѣмъ окномъ, у котораго трактирщица разговаривала съ Гансомъ.

— Такъ вы не хотите, чтобъ я отдала ее за этого итальянца?—спросила она.

— Трижды нѣтъ. Латинская порода мерзкая; эти люди женятся на недѣлю, а потомъ и сами сбѣгутъ, да еще и деньги унесутъ. Да вообще не отдавайте ее ни за него, ни за кого другого,—она еще слишкомъ молода. Замужъ надо выходить въ вашемъ возрастѣ...

— *Ach, lieber Gott!* (ахъ, милый Богъ! Нѣмцы называютъ Бога милымъ.) Вы просто шутите...

— Не думаю шутить. Вы еще очень аппетитная женщина. Къ тому же вамъ необходимъ въ домѣ мужчина. Еще такъ-сякъ въ Дагерлохѣ, гдѣ у васъ много прислуги; а переѣдите въ Боннъ вдвоемъ съ дочерью... Городъ студенческій...

— *Gott in Himmel!* (Богъ на небѣ!—такъ говорятъ нѣмцы вмѣсто нашего: Царь Небесный!) Вы меня пугаете.

— Чтобы не бояться, выходите замужъ, фрау Пфенигъ, или возьмите нахлѣбника...

— Отчего бы вамъ не жить съ нами, достойнѣйшій г. Шлукеръ?

— Я слишкомъ бѣденъ и не могу платить дорого.

— Можете ровно ничего не платить,—вы будете давать уроки Ленхенъ...

— Посмотримъ, подумаемъ.

Въ эту минуту въ садъ вошла толпа студентовъ, возвращавшихся изъ Тюбингена, распѣвая стихи Уланда:

Frau Wirthin, hat sie gut Bier und Wein?
Wo hat sie ihr schoenes Toechterlein?

(«Хозяйка, есть ли у васъ хорошее пиво и вино? Гдѣ ваша хорошенькая дочка?»)

— Вотъ она!—защебетала выбѣжавшая имъ навстрѣчу Ленхенъ.

Молодежь окружила ее шумною толпой, махала своими пестрыми фуражками и кричала:

— Ура, Ленхенъ! Ура! *Hoch*!

Одинъ изъ буршей надѣлъ ей на голову свой *pilus* (плоская шапочка), другой повязалъ черезъ плечо двухцвѣтную ленту, знакъ какого-то общества, и дѣвушка тутъ же была провозглашена *Fuchsin* (вступающею студенткою). Шапочка и лента къ ней очень шли; но это, кажется, не особенно радовало Жіана, слѣдившаго за всею сценой издали. Послѣ Ленхенъ была сдѣлана овація Гансу; одинъ старый буршъ узналъ его и громко назвалъ по имени, показывая товарищамъ. Ясно было, что нашъ пріятель Шлукеръ стяжалъ въ Тюбингенѣ громкую извѣстность своими столкновеніями съ полиціей, особливо же прославился квартетомъ, который онъ пѣлъ въ-одиночку, идя изъ кабачка. Принцесса, знаменитая красавица, очень смѣялась надъ этой выходкой, а старый король виртембергскій разсердился,—двойной успѣхъ, сдѣлавшійся легендарнымъ. Молодежь громко привѣтствовала Ганса и рѣшила устроить въ честь его *Commers*. Меня съ Жіаномъ пригласили въ качествѣ *hospites*. *Hospites*—я понялъ: это множественное число латинскаго слова, означающаго гость; но я не понималъ, что за исторія *Commers*.

— Я тоже не знаю, — сказалъ мнѣ Жіанъ, — но увѣренъ, что непремѣнно будутъ пить пиво.

Черезъ полчаса, употребленные на устройство подобающей обстановки, насъ ввели въ большую, низкую залу; по серединѣ стояли столы, расположенные подковой. За ними размѣстилось около сотни молодыхъ людей въ фуражкахъ и шапочкахъ, съ лентами черезъ плечо; фуражки и ленты были всѣхъ цвѣтовъ радуги, врозь взятыхъ и въ разныхъ сочетаніяхъ двухъ и трехъ цвѣтовъ; ими обозначались различныя общества, обыкновенно враждовавшія между собою и братавшіяся на этотъ вечеръ. На нѣкоторыхъ студентахъ были кокарды, большія фехтовальныя перчатки, венгерки съ шнурами, рапиры на поясѣ и ботфорты со шпорами; хотя всѣ молодые люди путешествовали пѣшкомъ, но со шпорами не разставались,—пріятно все-таки имѣть видъ кавалериста. Стѣны были изукрашены флагами и вышитыми знаменами; на столѣ безъ скатерти, кромѣ кружекъ, стояли серебряные кубки съ висящими на нихъ медалями и большіе рога, изъ которыхъ пьютъ круговую; не брезгливый народъ въ этой странѣ, къ тому же это демократично и, такъ-сказать, священ-

подѣйственно. Молодые студенты, носящіе названіе *фуксъ* (Fuchs—лисица) исполняли должность лакеевъ и прислуживали старшимъ, достигшимъ званія буршей. Наибольшей лисицѣ (Fuchs major) было, повидимому, много хлопотъ,—онъ распоряжался утощеніемъ. Гансъ предсѣдательствовалъ и священнодѣйствовалъ; началъ онъ съ того, что сказалъ очень серьезную рѣчь, въ которой отрекомендовалъ присутствующимъ меня и Жіана, послѣ чего, распорядившись общимъ воодушевленіемъ, скомандовалъ въ честь намъ двукратное ура. Воодушевленіе повиновалось командѣ и ура вышло настолько дружнымъ, что казалось выкрикнутымъ одною грудью, — удалось настолько хорошо, что студенты сами себѣ стали аплодировать.

Началась церемонія. Называя это пиршество церемоніей, я отнюдь не впадаю въ преувеличеніе,—оно было не только торжественно, но даже нѣсколько мрачно. Молодежь, пользующаяся каникулами и собравшаяся повеселиться, начала съ того, что затянула хоромъ латинскую пѣсню на погребальный мотивъ:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus:
Post jucundam juventutem,
Post malestam senectutem,
Nos habebit humus.

Пропѣли и — погрузились въ сосредоточенное, важное молчаніе, къ которому быть-можетъ предрасполагала сама зала. Въ ней мы были наканунѣ свидѣтелями молчаливаго веселья нотаблей Дагерлоха. Всѣ студенты курили большія фарфоровыя трубки, разрисованныя девизами и гербами, какъ рыцарскіе щиты, и набитыя ужаснѣйшимъ табакомъ, называемымъ канастеръ,

— Отъ латинскаго слова «*canistrum*»,—объяснилъ мнѣ сосѣдъ съ правой стороны.—Названъ такъ потому, что привозился изъ Америки въ плетеныхъ корзинкахъ.

— А вы увѣрены, что курите не корзины?—спросилъ я сосѣда. Онъ задумался.

Послѣ четырехъ или пяти кружекъ языки начали развязываться. Мой сосѣдъ слѣва, узнавши, что я французъ, разсказалъ мнѣ, какъ его отецъ былъ въ Парижѣ въ 1815 году, и передалъ подробности сраженія подъ Лейпцигомъ. Тамъ и сямъ завязались сепаратные разговоры; сквозь табачный дымъ до меня долетали отрывки фразъ, отдѣльныя слова, все ученыя, все мудреныя: детерминизмъ, субгастація, пареміологія, целидо-

графія, парадіастола, парадигма, парамбола... и чортъ ихъ знаетъ что еще,—я не могъ запомнить. Гансъ увеселялъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, боявшихся проронить хотя одно словечко, описаніемъ тѣла задохшейся молодой дѣвушки, которую онъ только-что видѣлъ въ Гейльброннѣ: окоченѣлость членовъ, искаженность лица, синеватая блѣдность холоднаго и влажнаго тѣла, особенно на лбу и шеѣ... Я пропускаю дальнѣйшее. Ленхенъ ко всему прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ; я понялъ, изъ какихъ источниковъ она почерпнула всѣ свои познанія. Между тѣмъ шла безумная выпивка; разговоры переходили въ споръ, тамъ и сямъ возвышались голоса, споръ превращался въ ссору; но всѣ эти юноши были серьезны и мрачны, какъ похоронные факельщики.

— Что въ васъ мнѣ особенно не нравится, — говорилъ мой сосѣдъ слѣва, опять обращаясь ко мнѣ,—это отсутствіе веселости въ характерѣ французовъ. Я хорошо знакомъ съ вашими писателями и, признаюсь, на меня нагоняютъ грусть даже тѣ, которые считаются у васъ самыми комическими, какъ Мольеръ и Поль-де-Кокъ. Истинная веселость только и существуетъ въ Германіи и обусловливается чистотою совѣсти. Посмотрите на эту залу: какъ весела, какъ одушевлена эта молодежь!

Я оглянулся и замѣтилъ, что три четверти этой молодежи были въ очкахъ. Мой сосѣдъ справа, не проронившій въ теченіе часа ни одного слова, должно-быть надумался и серьезно спросилъ меня:

— Почему вы сказали, что мы куримъ карзины? Я не понимаю.

Опорожнивши по дюжинѣ кружекъ, студенты запѣли подобно дагерлохскимъ нотаблямъ. Пѣли они хорошо, хоръ выходилъ стройнымъ, но что это были за пѣсни! Въ одной — «Добрый товарищъ»—рѣчь идетъ объ одномъ бѣдякѣ, умершемъ на войнѣ; въ другой—«Нашъ пріютъ» — разсказывается о томъ, какъ былъ выстроенъ бѣлый домикъ, но пришли какіе-то злые люди и разрушили его; третья—«Tempora mutantur» — посвящена мрачной мысли, что жизнь есть сонъ и жить не стоитъ,—припѣвъ: «Братья, должно умереть!» За этимъ пѣніемъ послѣдовало то, что собственно и есть *Commers*, опять нѣкоторая торжественная церемонія. Всѣ студенты поднялись съ мѣстъ, обнажили рапиры и запѣли религіозно-патріотическій гимнъ, послѣ чего предсѣдательствовавшій Гансъ пропѣлъ одинъ:

Еще пѣсня несется,—
Наша звучная пѣсня,—
Про знамя святое и мечъ!
О, воспрянь же душа! Развѣвайся же знамя!
По чужимъ головамъ мечъ гуляй на просторѣ...

При этихъ словахъ, на нѣмецкомъ языкѣ отнюдь не располагающихъ къ смѣху, студенты скрестили шпаги надъ столомъ и каждый изъ нихъ прокололъ фуражку собесѣдника, стоявшаго противъ него. Все это было продѣлано съ полнымъ благоговѣніемъ; молодые люди, обмѣнявшіеся этими ударами шпаги, нанесшими изъяны только ихъ шапкамъ, тѣмъ самымъ обоюдно обязывались вѣчною дружбой. Ленхенъ не имѣла права принимать участія въ церемоніи; она стояла у двери съ обнаженною шпагой въ рукѣ, съ студенческою шапочкой на головѣ, поднявши глаза къ потолку. Въ голубоватомъ туманѣ, наполнявшемъ залу, она напоминала мнѣ иную дѣву, вдохновенную Жану изъ нашей доброй Латорингіи, «*qu'Anglois brulèrent à Rouen*». Теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ войны, всѣ эти сцены возбуждаютъ во мнѣ или смѣхъ, или горькое чувство; но тогда... о, тогда,—я вынужденъ признаться,—въ этой массѣ бѣлокурыхъ головъ, возбужденныхъ пивомъ и дряннымъ табакомъ, въ особенности же сильными звуками строгой музыки, прекрасно спѣтою пѣснью, ея возвышеннымъ и благороднымъ смысломъ, представлявшимъ собою сочетаніе застольныхъ припѣвовъ съ выраженіемъ національнаго чувства, въ восторженномъ состояніи молоденькой дѣвушки я видѣлъ проявленіе серьезной силы, подчиняющей оргію обрядности, превращающей ее въ священнодѣйствіе, въ таинство.

Къ сожалѣнію, такого рода воодушевленія проходятъ быстро. При послѣднемъ возгласѣ, заканчивающемъ мрачныя пѣсни *Коммерша* (этотъ возгласъ опять-таки «ура»), одинъ буршъ, стоявшій около Ленхенъ... Надо замѣтить, что дѣвушка пользовалась полнымъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, иначе не называвшихъ ее, какъ *Fæulein*, mademoiselle — барышня; она же, съ своей стороны, однимъ взглядомъ умѣла сдерживать всякое слово или движенія, казавшіяся ей выходящими изъ рамокъ строгаго приличія, къ величайшему восхищенію Жіана... Итакъ, одинъ буршъ, стоявшій рядомъ съ ней, при возгласѣ «ура!» протянулъ было руку съ намѣреніемъ, кажется, обнять ее за талію и, чего добраго, поцѣловать пожалуй. Сильная рука схватила дерзкаго за

волосы и опрокинула на землю. Буршъ вскочилъ и въ бѣшенствѣ бросился на Жіана. Итальянецъ ловкимъ движеніемъ схватилъ нѣмца за руки и съ такою силой налегъ на него, что заставилъ опуститься на колѣни передъ Ленхенъ.

— Просите прощенья!—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что вся зала притихла.

Взоръ Жіана металъ искры, глаза налились кровью. Надо сказать правду, нѣмецъ держалъ себя молодцомъ: онъ былъ блѣденъ, на губахъ бѣлѣла пѣна, — очевидно, жестоко страдалъ отъ боли,—но не вскрикнулъ, не произнесъ ни слова. Всѣ остальные не двигались съ мѣста, точно замерли, ожидая развязки. Ленхенъ торжествовала и краснѣла. Черезъ минуту, немного длинноватую на мой взглядъ, она сказала Жіану:

— Оставьте... Я его прощаю.

Дѣло, однако же, не могло такъ кончиться; на слѣдующій день молодые люди дрались на шпагахъ.

IV.

Эта дуэль сдѣлала величайшую честь Гансу. Дрались рано утромъ въ сараѣ, выстроенномъ въ глубинѣ сада и служившемъ для танцевъ. Такія столкновенія здѣсь очень часты, а потому все необходимое для студенческой дуэли оказалось на-лицо и въ полной исправности, а именно: нашейники, нагрудники, набрюшники, перчатки, нарукавники, наколѣнники и всевозможныя подушки и подушечки. Жіанъ хохоталъ до слезъ, пока Гансъ снаряжалъ его на битву.

— Позвольте, однако, узнать, куда же онъ можетъ меня ткнуть своей шпагой, когда вы меня кругомъ запаковали въ вату?

— Здѣсь принято мѣтить только въ лицо, но глаза защищены козырькомъ фуражки.

— Странная дуэль!—удивлялся Жіанъ.

Онъ въ жизнь свою не бралъ въ руку шпаги, но разсчитывалъ показать себя молодцомъ и еще больше возвыситься въ глазахъ Ленхенъ. Результатъ вышелъ не совсѣмъ такой, какого онъ желалъ. Дуэль такъ же регламентирована, какъ пирушки: драться можно не болѣе двадцати пяти минутъ и бой прекращается при первой крови. Противники выпадали разъ или два и потомъ останавливались на минуту; секунданты обязаны парировать удары. Итальянецъ лѣзъ на противника, какъ изступлен-

ный, и такъ неосторожно открывался, что̀ ему можно было бы все лицо истыкать, не будь при немъ секундантомъ Гансъ, замѣчательный фехтовальщикъ, успѣвавшій отражать не только всѣ удары противника, но даже два или три раза отбить шпагу самого Жіана, которою онъ ему чуть глаза не повыкололъ. Установленныя двадцать пять минутъ прошли безъ пролитія крови; честь была удовлетворена, противники поцѣловались, и одинъ изъ присутствующихъ торжественно сказалъ Жіану:

— Благодарите великаго Шлукера,—безъ него вамъ бы раскроили черепъ.

Жіанъ поблагодарилъ великаго Шлукера, а молодежь сдѣлала ему новую овацію, предложивши утреннее пиво (Frühbier), и хотѣла увести съ собою въ Тюбингенъ. Ленхенъ сорвала лавровую вѣтку и приколола къ его фуражкѣ. Онъ былъ героемъ дуэли; всѣ его превозносили, даже молодая дѣвушка, и никто не выражалъ ни малѣйшей претензіи. Когда тюбингенцы ушли, я сказалъ Жіану, что и намъ пора назадъ въ Гейдельбергъ.

— Я остаюсь здѣсь,—крикнулъ онъ.

— Это зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы жениться на Ленхенъ.

— А средства у тебя гдѣ?

— У меня около пяти тысячъ дукатовъ (тысяча двадцать франковъ)—въ билетахъ неаполитанской ренты. Я ихъ продамъ. А пока возьми вотъ это, сбудь за что-нибудь въ Штутгартѣ и вышли мнѣ деньги.

Онъ снялъ перстни и цѣпочку отъ часовъ. Я уговорилъ его не продавать вещей и рѣшился не покидать его, опасаясь какихъ-нибудь дурачествъ съ его стороны. Переходы отъ печали и волненій къ веселости были у него очень быстры. Мы пошли прогуляться, и черезъ четверть часа онъ уже беззаботно болталъ и распѣвалъ вчерашнія пѣсни; только передаваемые имъ эти похоронные марши оживлялись, темпъ ускорялся, они теряли свой мрачный характеръ и звучали совсѣмъ по-иному. Потомъ онъ сталъ валяться по травѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ подъ тѣнью развѣсистой липы. Я вернулся одинъ съ намѣреніемъ разыскать Ленхенъ и поговорить съ нею очень серьезно. Въ саду я встрѣтилъ хозяйку съ Гансомъ, — они были положительно неразлучны,—и разслышалъ только конецъ ихъ дуэта:

— Такъ вы поѣдите съ нами въ Бонъ, уважаемый г. Шлукеръ?

— Поѣду, милѣйшая госпожа Пфенигъ.

Ленхенъ, сидя у окна, работала на прялкѣ и пѣла пѣсню Маргариты.

Я пристально посмотрѣлъ на нее, и она, кажется, почувствовала на себѣ мой взглядъ: во всякомъ случаѣ она вздрогнула, лицо приняло сердитое и стыдливое выраженіе Діаны, застигнутой во время купанья; она ушла въ глубину комнаты. Черезъ минуту она вышла однако въ садъ и, подойдя прямо ко мнѣ, спросила безъ предисловій:

— Зачѣмъ вы на меня смотрите?

Я уже собрался было сказать ей любезность, но она замѣтила это по моему лицу и съ легонькой улыбочной нѣсколько рѣзко остановила меня:

— Нельзя ли безъ комплиментовъ, господинъ французъ,—здѣсь они совсѣмъ ни къ чему. Я вижу, что вы за мною присматриваете, наблюдаете и не любите меня... Да, не любите и никогда не полюбите ни одной женщины. Вамъ помѣшаетъ ваше любопытство,—вы слишкомъ любопытны. Но у васъ честные глаза, вы мнѣ внушаете довѣріе. Сядемъ и поговоримъ.

Мы сѣли на скамейку, скрытую шпалерой.

— Вы хотите знать, что я такое,—начала она,—я скажу вамъ. Говорятъ, будто я похожа на отца. Онъ былъ простымъ работникомъ, страстно жаждалъ знанія и сдѣлался бы навѣрное ученымъ, еслибы не умеръ слишкомъ рано. Но работать цѣлый день руками и всѣ ночи головою слишкомъ утомительно,—онъ не выдержалъ и умеръ въ чахоткѣ. За нимъ отъ чахотки же померли всѣ мои братья и сестры. Этотъ святой человѣкъ многому успѣлъ научить меня по воскресеньямъ и оставилъ мнѣ въ наслѣдство свою жажду знанія и свои книги. Моя мать—честная женщина, надъ которою вы совсѣмъ напрасно насмѣхаетесь... Не отрицайте этого,—я тоже любопытна и тоже кое-что вижу... Она открыла трактиръ и повела дѣло удачно. Этотъ домъ она выстроила, собрала, такъ сказать, камень за камнемъ... Это вѣдь тоже поэзія въ своемъ родѣ, могу васъ въ томъ увѣрить. Вчера вечеромъ я о ней думала, когда студенты пѣли:

Этотъ бѣленькій домикъ построили мы...

— И я видѣлъ слезы на вашихъ глазахъ...

— И насмѣхались надо мною. Я все вижу; я даже замѣтила, что вамъ не нравятся мои красныя руки. Знаете ли, почему вы никогда не влюбитесь?

— Вы уже сказали мнѣ...

— Я сказала одну причину, другая должна польстить вамъ больше... потому, что вы излишне остроумны. Вы во всемъ выискиваете, надъ чѣмъ бы позабавиться, и находите, что красныя руки не идутъ къ золотистымъ волосамъ. Вы проводите вотъ этою тросточкой черту по песку и говорите: «по эту сторону поэзія, по эту — проза», и никакъ не хотите ихъ совмѣстимости и тождественности.

— Даже тождественности? Это любопытно!

— Вотъ видите, вы даже представить себѣ этого не можете. По-вашему, поэзія постоянно витаетъ гдѣ-то внѣ жизни, выше ея, и вы не подозрѣваете, что она въ самой жизни, что ею полно каждое наше дѣйствіе, самое обыденное, лишь бы въ немъ принимало участіе сердце. Вы не допускаете, чтобы молодая дѣвушка могла, подобно Карлу Великому, бесѣдовать съ своими руками, говорить имъ: «Вы были бы нѣжны и бѣлы, еслибъ я захотѣла,—стоило бы васъ оставить праздными, натирать вечеромъ косметиками и днемъ носить перчатки». — «Да, — отвѣтили бы руки;—но что бы сталось съ хозяйствомъ, съ чистотою? Служанки— плохія помощницы. Пришлось бы все дѣлать матери, а она уже довольно поработала, она устала... Еслибъ она берегла свои пальцы, не было бы у тебя ни фортепьяно, ни кружевъ, ни досуга и свободы». Вотъ пѣсня о красныхъ рукахъ; переложите ее въ звучные стихи и выйдетъ очень недурно.

— Конечно, переложена же въ стихи теорема о квадратѣ гипотенузы.

— Васъ и этимъ не убѣдишь... Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и надобности, разъ вамъ и такъ счастливо живется. Намъ же для того, чтобы быть счастливыми, необходимо любить свое дѣло, поэтизировать его. Горе въ томъ, что жизнь, даже занятая, слишкомъ длинна, когда жить приходится одиноко; остается слишкомъ много времени для думы, мысль утомляется, дремлетъ, переходитъ въ мечты... Вотъ почему тогда въ Гейдельбергѣ я, какъ маленькая дѣвочка, обрывала лепестки маргаритки на берегу Некара... Тогда-то я и увидала вашего друга, смуглаго красавца. Онъ явился въ такую минуту, что мнѣ представилось, будто я его полюбила...

— Слѣдовательно, вы его не любите?

— Да и нѣтъ. Я вамъ все выскажу откровенно. Танцуя съ нимъ вечеромъ, я думала, что принадлежу ему на всю жизнь.

Потомъ въ теченіе трехъ дней онъ не показывался; изъ этого я заключила, что онъ и не думаетъ обо мнѣ... При нашемъ дѣлѣ, я вижу здѣсь каждый день цѣлыя стаи перелетныхъ птицъ; многія изъ нихъ, проведя часъ-два подъ этою кровлей, начинали распѣвать мнѣ знакомую всѣмъ вамъ пѣсню. Послѣ перваго куплета онѣ улетали и слѣда отъ нихъ не оставалось. Когда вы проходили здѣсь вечеромъ въ дождь, насъ съ матерью не было дома. Вчера я увидала его вторично; но это было не въ добрый часъ... У меня бываютъ такіе несчастные дни, дни гордости... Надо вамъ сказать, что гордость—мой самый крупный недостатокъ. Меня избаловали... Мать во мнѣ души не чаетъ, въ селѣ я слыву фениксомъ. Сущность же заключается въ томъ, что я блистаю здѣсь потому, что кругомъ мракъ; повидимому, я знаю очень многое и въ этомъ отношеніи похожа на библіотеку моего отца, въ которой есть и латинскія книги, и даже еврейскія, но за то есть и множество пробѣловъ, не мало книгъ разрозненныхъ... Къ тому же у меня въ головѣ ничего не приведено въ порядокъ...

Я всегда относился къ женщинамъ крайне недовѣрчиво, и дурно дѣлалъ,—по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ ни разу меня не обманули. Теперь я доискивался причины, почему эта молодая дѣвушка съ перваго же слова пускается со мною въ такія наивныя откровенности; такихъ причинъ мнѣ представлялось тысячи. Она продолжала:

— Итакъ, вчера мнѣ захотѣлось понравиться вашему товарищу; я щегольнула передъ нимъ моими маленькими талантиками, моимъ голубымъ платьемъ, для него пошла прислуживать студентамъ, чего никогда не дѣлаю. Я видѣла его печальное лицо, когда на меня надѣли студенческую шапочку; его ревность доставляла мнѣ удовольствіе. Онъ кинулся защищать меня,—я была въ восторгѣ; мнѣ было бы очень обидно, еслибъ онъ не сталъ драться за меня. Все это очень дурно. Я продумала объ этомъ всю ночь, волновалась все утро, боясь, что его могутъ изуродовать какимъ-нибудь безобразнымъ шрамомъ на лицѣ... Я для него сорвала лавровую вѣтку и, не будь здѣсь такъ много народа, я бы ее приколола къ его шапкѣ, а не къ Гансовой... Сейчасъ, когда я пѣла пѣсню Маргариты, я о немъ думала, потому такъ и смутилась отъ вашего взгляда... И при всемъ этомъ я скажу вамъ, что не люблю его... Этотъ бракъ невозможенъ...

— Это надо обдумать, серьезно обсудить.

— Давайте обсудимъ,—сказала она, сильно волнуясь.—Вы мой другъ, мой единственный другъ,—она взяла мои руки,—обсудимъ вмѣстѣ,—я теряюсь. Скажите, возможно ли увлекаться человѣкомъ потому только, что у него великолѣпные черные глаза? Не глупо ли это, не подло ли? Что я о немъ знаю? Что онъ бѣденъ? Тѣмъ лучше,—я никогда не желала бы быть богатой. А что у него на душѣ? Я не смѣю заглянуть въ нее... Всѣ его впечатлѣнія представляются какими-то воспоминаніями; онъ говоритъ цитатами изъ книгъ, называетъ меня то Доротеей, то Шарлотой... Вѣдь намъ придется жизнь прожить. Что изъ этого выйдетъ? Подумалъ ли онъ объ этомъ? Подумалъ ли онъ, что для этого одной любви не достаточно, а нужно взаимное уваженіе, глубокое, длящееся до сѣдыхъ волосъ? Онъ и не понимаетъ этого, — онъ дитя. Спасите насъ другъ отъ друга: меня — отъ него, его — отъ меня... Почему я знаю,—быть-можетъ завтра же я стану презирать его; я уже теперь сознаю свое превосходство надъ нимъ... Я не желаю быть женою человѣка, стоящаго ниже меня. Я отдамся только сильному, побѣдителю.

Все это и многое другое, сказанное ею, показалось мнѣ очень хорошимъ и разумнымъ. Я замѣтилъ, какъ она, говоря это, перешла отъ французскаго къ нѣмецкому языку, что служитъ несомнѣннымъ признакомъ искренности.

— Я увѣренъ,—отвѣтилъ я,—что вы дѣвушка благоразумная и съ сердцемъ. Кромѣ того, мнѣ пріятно слышать отъ васъ такія смѣлыя и здравыя сужденія о любви и замужствѣ. Меня не пріучили къ этому дѣвушки того круга, въ которомъ я жилъ. Жіанъ, дѣйствительно, молодъ для васъ въ настоящее время; но молодость—такой недостатокъ, отъ котораго онъ быстро избавится... Да еще вопросъ, такъ ли это желательно. Если я повторю ему то, что вы теперь говорили, онъ такъ и вспыхнетъ, какъ порохъ. Онъ — южанинъ, житель страны солнца, влюбившійся въ луну, въ погонѣ за нею заѣхалъ сюда и воображаетъ, что луна у васъ подъ косою спрятана. Больше онъ ровно ни о чемъ не думаетъ. Какъ у большинства итальянцевъ, у него нѣтъ никакой религіи, никакого понятія о законахъ нравственности; философія для него мыльный пузырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ это человѣкъ безукоризненно нравственный, потому что вѣчно витаетъ въ облакахъ, совершенно не знаетъ людей и еще менѣе женщинъ, въ жизни своей не думалъ о завтрашнемъ днѣ. Въ общемъ онъ восторженный, въ высшей степени симпатичный

и милѣйшій малый. Чтобъ отклонить его отъ васъ, я вижу только одно средство—замѣнить одно увлеченіе другимъ, если позволите, брюнеткою вмѣсто блондинки. Въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, есть одна прехорошенькая...

— Нѣтъ!—вскричала Ленхенъ.

— Въ такомъ случаѣ надо придумать что-нибудь другое... попробовать увѣрить его, что вы влюблены... ну, хоть въ стараго Ганса.

Я думалъ разсмѣшить ее этимъ, но она сдѣлалась еще серьезнѣе.

— Это опасная игра,—сказала она,—въ нее рискуешь проиграть. У меня была пріятельница въ Плиннингенѣ; она попробовала этимъ способомъ отдѣлаться отъ одного обожателя, а можетъ-быть еще больше привлечь его къ себѣ, притворившись неравнодушною къ другому. Кончилось тѣмъ, что она вышла замужъ за этого другого, и теперь онъ пьянствуетъ и колотитъ ее каждый день.

— Что же, и вы боитесь привязаться къ старому Гансу?—спросилъ я смѣясь.

— А почему бы и нѣтъ?

— Онъ дуренъ, мѣшковатъ, неловокъ...

— Однако не дурно отражаетъ удары шпаги.

— Посмотрите на себя рядомъ съ нимъ въ зеркало...

— Нельзя же всю жизнь любоваться другъ на друга. Есть красоты, которыя можно видѣть только закрывши глаза.

— И заткнувши носъ,—Гансъ весь прокоптѣлъ отъ своей трубки.

— Я привыкла къ табачному дыму. Еслибы вы захотѣли разсмотрѣть въ немъ внутренняго человѣка, вы были бы поражены удивленіемъ. Я его хорошо знаю: живя въ Тюбингенѣ, онъ часто бывалъ у насъ. У него нѣтъ ни рода, ни племени; его ребенкомъ подняли на улицѣ, добрые люди отдали въ школу; тамъ онъ потерялъ глаза, сталъ близорукимъ отъ чтенія. До сихъ поръ,—а ему уже за тридцать,—онъ только и дѣлаетъ, что учится. Денегъ у него нѣтъ и не было, и онъ о нихъ не думаетъ. Чѣмъ онъ живетъ, никто не знаетъ; я знаю только, что разъ онъ не ѣлъ цѣлую недѣлю... Обувь ему ничего не стоитъ; онъ даетъ уроки санскритскаго языка сыну одного сапожника въ Мангеймѣ. Другой одежды, кромѣ той, что на немъ, я никогда не видала. Въ кабакѣ, въ трактирѣ никто не позволитъ себѣ подать ему

счетъ... «Нищій!»—говорите вы презрительно потому, что нищенство не въ вашихъ нравахъ... Да, нищій, какъ Гомеръ...

Она увлеклась и, чего добраго, готова была серьезно увлечься старымъ буршемъ. Чтобы перемѣнить разговоръ, я поставилъ вопросъ прямо:

— Что же сказать Жіану?

— Скажите, чтобы онъ... созрѣлъ. Я не хочу ни видѣть его, ни говорить съ нимъ; я могу не совладѣть съ собой, а этого не слѣдуетъ. Къ тому же мнѣ мать запретила слушать его объясненія и я обязана ей повиноваться. Она должна скоро придти за мной дѣлать прощальные визиты,—мы уѣзжаемъ совсѣмъ въ Боннъ, на ея родину. Скажите вашему другу, что я прошу его не приходить къ намъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ чего-нибудь для себя и для меня... Скажите, чтобы учился, работалъ, добивался и добился бы по крайней мѣрѣ... степени доктора философіи!

Въ эту минуту въ глубинѣ сада показалась фрау Пфенигъ въ желтой шляпкѣ и въ розовомъ платьѣ.

— Прощайте, мой лучшій другъ! — сказала Ленхенъ.—Пишите мнѣ, пишите о немъ...

Lebe wohl, lebe wohl, mein Freund!
Muss noch heute scheiden...

прибавила она взволнованнымъ голосомъ и очень серьезно поцѣловала меня. Я не имѣю претензіи придавать значеніе этому поцѣлую, а все-таки пріятно, очень пріятно поцѣловаться съ хорошенькою дѣвушкой. Я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи, когда пришелъ Жіанъ: въ какой формѣ передать ему результатъ моего разговора съ Ленхенъ такъ, чтобъ его не разозлить, или не огорчить и, наконецъ, не возбудить его подозрѣнія въ томъ, что я хочу его провести и одурачить; какъ втолковать влюбленному, да еще итальянцу, разсужденія такого страннаго характера: «Она тебя любитъ, но пока не хочетъ любить,—маменька запретила,—а потому проситъ тебя поскорѣе убираться вонъ. Она уѣзжаетъ въ Боннъ, увозитъ съ собой твоего пріятеля, Ганса; тебѣ же дозволяется явиться туда съ однимъ условіемъ, если сдѣлаешься докторомъ философіи, а то и глазъ не показывай».

Все это плохо вязалось одно съ другимъ. Къ моему крайнему изумленію Жіанъ весело расхохотался, когда я передалъ ему рѣшеніе Ленхенъ.

— Докторомъ философіи!—воскликнулъ онъ.—Только-то?... Да это плевое дѣло! Вернемся въ Гейдельбергъ.

Я заплатилъ по счету, въ который, къ слову сказать, былъ вписанъ *Frühbier* тюбингенцевъ; должно-быть я угощалъ, да потомъ забылъ. Жіанъ пошелъ проститься съ Гансомъ, вскрывавшимъ въ это время курицу, попивая и покуривая.

— Другъ, — сказалъ итальянецъ, — я счастливѣйшій изъ смертныхъ и этимъ обязанъ тебѣ; я никогда не забуду, что ты спасъ мнѣ жизнь. Ленхенъ дала мнѣ слово съ условіемъ, чтобы я получилъ степень доктора философіи. Я добьюсь ея въ три мѣсяца и возвращаюсь въ Гейдельбергъ писать диссертацію... Не укажешь ли мнѣ темы?

— Надо подумать, — отвѣтилъ Гансъ и, продумавши двадцать пять минутъ, прибавилъ:

— Я затрудняюсь между двумя крайне важными вопросами: одинъ, чисто философскій — *о трансубстанціи по отношенію къ метампсихозу*. Но для тебя это непосильно,—ты слишкомъ невѣжественъ. Другой вопросъ, филологическій, очень простой и интересный: *о склоненіяхъ именъ существительныхъ въ языкѣ «oïl» пикардскаго нарѣчія*.

— О склоненіяхъ—такъ о склоненіяхъ,—сказалъ Жіанъ.

Мы вышли. Гансъ открылъ окно и крикнулъ:

— Въ особенности обратите вниманіе на типы флекцій...

— Непремѣнно, – отвѣтилъ итальянецъ и подпрыгнулъ козелкомъ.

Возвращеніе было необыкновенно веселое,—мы школьничали, какъ мальчишки. Въ Штутгартѣ на площади мы встрѣтили слѣпого арфиста, брянчавшаго увертюру «Оберона». День былъ праздничный, ясный; разряженныя толпы выходили изъ церкви. Жіанъ взялъ арфу у слѣпого музыканта и, мастерски акомпанируя себѣ, запѣлъ арію своей родины. Собравшійся народъ съ удовольствіемъ слушалъ прекрасную музыку и мягкій, ласкающій голосъ юноши; подаянія сыпались обильно. Проѣзжала карета съ королевскимъ гербомъ и пріостановилась позади толпы. Жіанъ смѣло подошелъ къ ней и протянулъ шляпу.

— Кто вы?—спросила красавица принцесса, удивленно глядя на молодого человѣка.

— Пока странствующій музыкантъ, принцесса, а черезъ три мѣсяца буду докторомъ философіи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши *).

«Проектъ графа Линара», подъ каковымъ названіемъ представленъ былъ Фридрихомъ Великимъ впервые точно и прямо формулированный планъ раздѣла Польши, встрѣченъ былъ въ Петербургѣ очень холодно. Пользуясь маскированной формой, усвоенною самимъ Фридрихомъ, тамъ сдѣлали видъ, что едва замѣтили, какъ курьезную фантазію досужаго старика, не имѣющую никакого политическаго значенія и потому не заслуживающую вниманія. Сольмсъ, хорошо знавшій расположеніе Панина, предупреждалъ объ этомъ своего короля. «Судя по тому, какъ я понимаю образъ мыслей этого министра,—писалъ онъ,—прежде даже, чѣмъ поговорить съ Панинымъ, я почти сомнѣваюсь въ успѣхѣ проекта гр. Линара. Во-первыхъ, принципъ, на которомъ въ настоящее время основана политическая система Россіи, противенъ тому, чтобы входить съ Австріей въ такіе переговоры, которые могли бы подать поводъ предполагать нѣкоторое взаимное довѣріе, возстановленіе котораго не желали бы видѣть приверженцы новой системы. Здѣсь можетъ-быть недостаточно повѣрятъ искренности вѣнскаго двора и подумаютъ, что если ему представить этотъ проектъ, то онъ воспользуется имъ лишь для того, чтобы бросить тѣнь на всѣ предшествующіе поступки императрицы, давъ имъ видъ предвзятаго намѣренія разграбить Польшу. Сверхъ того существованіе этой республики въ самомъ дѣлѣ, кажется, близко сердцу здѣшняго двора; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ гр. Панинъ принялъ участіе въ дѣлахъ, онъ постоянно говоритъ объ этомъ одинаково. Онъ считаетъ Польшу государствомъ, способнымъ служить Россіи противъ Порты. И хотя, при настоящихъ обстоятельствахъ, на нее приходится смотрѣть скорѣе какъ на врага, онъ все же льститъ себя надеждой, что когда разсѣется весь этотъ хаосъ, ему удастся ввести ее въ систему своего двора. Въ этихъ видахъ онъ смотритъ также на дружбу республики какъ на вещь полез-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

ную и для вашего величества, которою вы могли бы воспользоваться при войнѣ съ Австріей. Конечно, соединеніемъ интересовъ противныхъ другъ другу государствъ этотъ проектъ обѣщаетъ скорое и прочное окончаніе всѣхъ недоразумѣній, однако я все же не знаю, можетъ ли это одно дать ему значеніе. Здѣсь принято за правило, что завоеванія принесли Россіи вредъ, и это мнѣніе, усвоенное стариками, внушается и молодымъ, для передачи ими потомству. Какъ ваше величество могли замѣтить во многихъ случаяхъ, честолюбіе настоящаго правительства стремится къ тому, чтобы внушить довѣріе къ слову Россіи и пріучить Европу вѣрить безкорыстности ея принциповъ. Оно мнитъ себя на пути къ упроченію этой репутаціи и, изъ боязни потерять ее, не захочетъ перемѣнить ни принциповъ, ни поведенія своихъ. Наконецъ, можетъ-быть еще вообразятъ, пожалуй, что предлагаемое средство вмѣсто того, чтобы разомъ вывести изъ всѣхъ затрудненій, повлечетъ за собою такія, которыя нельзя и предвидѣть, а этого-то именно болѣе всего хотятъ избѣгнуть. Судя по внѣшности, здѣсь думаютъ, что война съ турками будетъ непродолжительна, что твердость въ дѣйствіяхъ вашего величества удержитъ австрійцевъ отъ вмѣшательства въ нее, что послѣ ея окончанія польскія дѣла безъ труда устроятся и что Швеціи тогда почти нечего будетъ бояться. Императрица и ея министръ надѣются предаться затѣмъ своему любимому дѣлу, которое состоитъ въ томъ, чтобъ исключительно заняться внутренними дѣлами имперіи. Дайте себѣ трудъ, государь, припомнить слова гр. Панина, о которыхъ я въ свое время докладывалъ вамъ въ одномъ изъ донесеній. Это было послѣ окончанія послѣдняго конфедераціоннаго сейма въ Польшѣ. Онъ тогда думалъ, что этимъ все тамъ и кончится, и, разговаривая объ этомъ со мною, сказалъ мнѣ: теперь мы отдохнемъ и посмотримъ, что будутъ дѣлать другіе. Вотъ, государь, что я считалъ своей обязанностію, во исполненіе вашихъ приказаній, изложить передъ вами относительно проекта гр. Линара».

Еслибы все предыдущее не удостовѣряло насъ въ этомъ, одна эта депеша Сольмса показала бы съ достаточной ясностію, кто въ дѣйствительности былъ авторъ «проекта гр. Линара» и какъ мы были правы, говоря, что переписка Фридриха съ его послами очень часто предназначалась не столько для этихъ пословъ, сколько для дворовъ, при которыхъ они состояли, а подчасъ и для потомства. Личное мнѣніе Сольмса оказалось вполнѣ справедливо. Когда онъ, черезъ нѣсколько дней послѣ приведенной депеши, заговорилъ съ Панинымъ о проектѣ, по собственному его выраженію, «тщательно скрывъ отъ него настоящій источникъ, изъ котораго онъ это узналъ», то первое замѣчаніе Панина состояло въ томъ, что, по его мнѣнію, пріобрѣтеніе Спискаго староства несомнѣнно было бы очень удобно для Австріи, но онъ, Панинъ, не понимаетъ, какъ авторъ проекта могъ присоединить сюда и городъ Леопольдъ, который, находясь въ центрѣ Польши, слишкомъ далекъ отъ границъ Ав-

стріи и потому не можетъ быть удобенъ для нея. «Потомъ,—сообщаетъ Сольмсъ, — онъ замѣтилъ, что тремъ такимъ могущественнымъ державамъ (какъ Россія, Пруссія и Австрія) не стоитъ соединяться единственно для того, чтобы прогнать турокъ за Днѣстръ; что еслибы такой союзъ состоялся, то онъ долженъ бы былъ поставить себѣ цѣлію, по меньшей мѣрѣ, изгнаніе турокъ изъ Европы и изъ значительной части Азіи, что, по мнѣнію графа, совсѣмъ нетрудно сдѣлать». Эта ловкая диверсія въ сторону турокъ, хотя они, очевидно, лишь ради прозрачной маскировки прицѣплены были къ проекту, позволила Панину на нихъ однихъ сосредоточить все свое вниманіе, а поляковъ обойти, какъ бы почти не замѣтивши. Упирая на необходимость разрушенія Турецкой имперіи, Панинъ предложилъ, взамѣнъ Линаровскаго, свой проектъ союза трехъ державъ, цѣлію котораго должно было сдѣлаться именно изгнаніе турокъ. Характерно, что и въ этомъ фантастическомъ проектѣ, очевидно не серьезно предложенномъ, выразилось то же непониманіе настоящихъ національныхъ задачъ и жизненныхъ интересовъ Россіи, которое такъ долго тяготѣло надъ русскою политикой вообще и надъ ея восточною политикой въ частности. По мнѣнію Панина, высказанному имъ Сольмсу, главнымъ препятствіемъ къ образованію союза трехъ державъ служили зависть и соперничество берлинскаго и вѣнскаго дворовъ. Для устраненія этого соперничества необходимо прежде всего, чтобъ австрійскій домъ добровольно и искренно отрекся отъ всякихъ, нынѣ считаемыхъ имъ законными, притязаній на наслѣдство королевскаго и курфюрстскаго бранденбургскаго дома, чего можно легче и вѣрнѣе всего достигнуть, предоставивъ помянутому австрійскому дому—*завоевывать провинціи у Оттоманской имперіи*, изъ коихъ *Россія* и Пруссія должны *уступить ему столько, сколько онъ въ состояніи будетъ захватить съ помощію собственнаго оружія и оружія этихъ его двухъ союзниковъ*. Тогда австрійскій домъ найдетъ въ этихъ заевованіяхъ полное удовлетвореніе за потери, понесенныя имъ въ послѣднихъ войнахъ, и можетъ, въ замѣнъ того, забыть Силезію, а Фридрихъ II—упрочить ее за собой, взамѣнъ завоеванныхъ Австріею земель. «Берите у Турціи, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ, что хотите и сколько можете, а мы вамъ помогать станемъ»: вотъ та блистательная комбинація, которая первая представилась уму русскаго министра, когда ему понадобилось устранить всякій поводъ къ разногласію между нѣмецкими державами! Средство безспорно хорошее и цѣлесообразное: событія нашихъ дней какъ нельзя убѣдительнѣе доказываютъ, до какой степени правъ былъ гр. Панинъ, считая австрійскія завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ вѣрнѣйшимъ путемъ къ скрѣпленію союза между Пруссіей и Австріей. Но какъ могло такое средство придти въ голову русскому министру и возможное ли бы это было дѣло, еслибы тѣ, кто въ то время—да и въ послѣдующее—управляли судьбами Россіи, вѣрно понимали «законныя стремленія своего народа» и «на-

ціональныя задачи» своей страны?! Панинъ хоть и не серьезно предлагалъ свой проектъ союза, все же не въ насмѣшку и даже не въ шутку высказывалъ мысль о возможности предоставить добрую половину Балканскаго полуострова въ пользу Австріи. Не эта ли самая мысль легла въ основу знаменитаго «греческаго прожекта», нѣсколько лѣтъ спустя измышленнаго Потемкинымъ? Не ясно ли, что русскіе государственные люди руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ побужденіями минуты, личными симпатіями и антипатіями, увлекались блескомъ славы, громомъ побѣдъ, могуществомъ власти и т. п., но политики, имѣющей опредѣленную цѣль и построенной по опредѣленному плану, не вели и о національныхъ задачахъ и законныхъ стремленіяхъ народа понятіе имѣли весьма смутное, если имѣли его вообще? Особенно рельефно замѣтно это на политикѣ той эпохи и тѣхъ лицъ, которыя составляютъ предметъ настоящей статьи. Можно сказать, что Екатерина и Панинъ все время дѣлали какъ разъ обратное тому, чего сами хотѣли и что ставили себѣ цѣлію, или идеаломъ. Обоимъ видимо улыбалась мысль разгромить и стереть съ карты Европы Турецкую имперію и оба понимали, что сдѣлать это Россіи одной невозможно и что сообщество Австріи при этомъ необходимо. И какъ же они поступали въ этихъ видахъ? Мы увидимъ ниже, что они третировали Австрію съ едва объяснимыми высокомѣріемъ и враждебностію, надменно отталкивали каждую ея попытку къ сближенію и каждое ея движеніе, сдѣланное въ этомъ направленіи, головой выдавали ее Фридриху, хотя знали очень хорошо, что Фридрихъ непремѣнно станетъ тутъ поперекъ дороги и что австрійское правительство именно отъ него старалось скрыть эти свои движенія. Оба они,—а Панинъ даже до самой послѣдней минуты,—не хотѣли дѣлить Польшу и тѣмъ не менѣе раздѣлили ее. Оба желали заняться внутренними дѣлами государства, сознавали настоятельную необходимость этого — и все время вели войны, съ каждымъ годомъ все менѣе посвящая вниманія внутреннимъ дѣламъ и все болѣе разоряя и безъ того сильно истощенный народъ. Словомъ, нервоначальное желаніе ихъ было часто хорошо, но вспышки личнаго чувства и узко понимаемые ими интересы минуты всегда увлекали ихъ въ сторону и дѣлали орудіемъ въ рукахъ болѣе дальновидныхъ политиковъ. Имъ ли было, при этой стихійности дѣйствій, бороться съ Фридрихомъ Великимъ, съ этимъ человѣкомъ, который никогда не увлекался!... Интереснѣе всего, что они пытались иногда играть съ нимъ au plus fin, старались перехитрить его.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своего страннаго проекта Панинъ высказалъ, что въ случаѣ еслибъ его доля показалась королю прусскому недостаточной, то пожалуй можно было бы прибавить къ ней польскую Пруссію и епископство Вармію. Еслибы такъ устроилось, можно было бы безъ труда положить конецъ существованію Турецкой имперіи, которая, къ позору Европы, держалась въ ней такъ долго единственно бла-

годаря взаимной зависти христіанскихъ государствъ. А Константинополь съ тѣми округами, которые державы - союзницы рѣшились бы оставить при немъ, могъ бы быть обращенъ въ республику и, вмѣсто того, чтобы быть, какъ нынѣ, резиденціей султана-императора, сдѣлаться мѣстопребываніемъ республиканскаго правительства *). Даже пруссакъ Сольмсъ пораженъ былъ чрезмѣрнымъ безкорыстіемъ щедраго русскаго министра и замѣтилъ ему, что въ своемъ дѣлежѣ онъ забылъ оставить часть на долю своей имперіи. На это Панинъ отвѣчалъ, что Россія ничего не желаетъ для себя; нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстностей на отдаленныхъ границахъ—вотъ все, на что она въ крайнемъ случаѣ будетъ претендовать, а завоеваній ей не нужно,—у нея и безъ того больше земель, чѣмъ со сколькими она можетъ управиться. Всѣ эти рѣчи весьма понравились Сольмсу, который вывелъ изъ нихъ то заключеніе, что «въ этомъ государствѣ (т. е. въ Россіи) не господствуетъ духъ завоеванія, что дѣлаетъ союзъ съ нимъ предпочтительнымъ передъ союзомъ съ другими державами, интересы коихъ преимущественно требуютъ расширенія и увеличенія владѣній»; но можно себѣ представить, какъ хохоталъ Фридрихъ, читая его курьезное донесеніе... Послѣ этого перваго разговора о «проектѣ гр. Линара» не было больше рѣчи. Пруссаки о немъ не заговаривали, а русскіе и подавно не напоминали объ этомъ. За то на взаимныя отношенія ихъ онъ повидимому не остался безъ вліянія и на время поохладилъ рвеніе если не всего русскаго двора, то по крайней мѣрѣ Панина къ прусскимъ интересамъ. Около этого же времени стали опять доходить до него стороною слухи о маневрахъ прусскихъ агентовъ въ Польшѣ и объ интригахъ ихъ среди тамошнихъ конфедератовъ. На этотъ разъ Панинъ счелъ нужнымъ упомянуть объ этихъ слухахъ Сольмсу, разумѣется, увѣривъ его, что ни самъ онъ, ни императрица не довѣряютъ имъ нисколько, но однако же намекнулъ весьма ясно, что его государю легко было бы фактически доказать несправедливость этой клеветы, занявъ своими войсками польскую Пруссію, или княжество Познанское въ случаѣ, еслибы конфедераты приблизились къ прусской границѣ. Фридрихъ II n'entendoit pas de cette oreille-là, и даже Сольмсъ сдѣлалъ видъ, что отвѣчать на обвиненіе считаетъ ниже своего достоинства, а

*) Еще одна характерная подробность, которую нельзя не отмѣтить мимоходомъ: Екатерина, повидимому, очень любила республиканскую форму правленія.... у сосѣдей. Въ депешахъ Сольмса есть указаніе, что она желала одно время ввести республику въ Швеціи, о чемъ и дѣлала предложеніе Фридриху. Извѣстно, что она очень старательно оберегала республику въ Польшѣ и республиканскія начала у татаръ; наконецъ, Панинъ мечталъ учредить республику на Босфорѣ. Кажется, предоставь имъ судьба полную свободу дѣйствій, они вездѣ вокругъ Россіи поустроивали бы республики,—конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сама Россія, а также и Пруссія оставались монархіями, и, великодушно гарантируя сосѣдямъ ихъ свободныя учрежденія, пользовались на этомъ основаніи правомъ всегдашняго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла.

намека не понялъ (что, конечно, не помѣшало ему подробнѣйшимъ образомъ донести обо всемъ своему повелителю). Но недѣли черезъ двѣ-послѣ этихъ откровенныхъ сообщеній Панина Сольмсъ, по нарочитому приказу Фридриха и отъ его имени, сообщилъ ему въ свою очередь, притомъ для передачи самой императрицѣ, будто посланникъ его въ Парижѣ, бар. Гольцъ, извѣщаетъ его, что торговый трактатъ, о которомъ порядочно давно уже шли переговоры у Пруссіи съ Франціей, былъ лишь ширмой, за которой скрывались иныя цѣли. Именно гр. Шуазель забавлялъ его этими переговорами лишь для того, чтобы подъ прикрытіемъ торговаго трактата заключить политическій договоръ, по которому Пруссія обязывалась бы помогать Швеціи противъ Россіи, въ вознагражденіе за что Франція уступала ей польскую Пруссію. Къ этому сообщенію прибавлялось другое: будто Фридрихъ, возмущенный этими стараніями коварнаго француза поссорить его съ его лучшимъ и единственнымъ другомъ, императрицей всероссійской, приказалъ бар. Гольцу прервать рѣшительно всякіе переговоры, сказаться больнымъ и просить отпуска. На его мѣсто онъ, Фридрихъ, не назначитъ никого, а сдѣлаетъ своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ датскаго посланника, котораго рекомендуетъ для этой цѣли и русскому двору. Была ли хоть доля истины въ этомъ сообщеніи, или нѣтъ, вопросъ въ данномъ случаѣ безразличный, но оно несомнѣнно било разомъ въ три цѣли: во-первыхъ, оно подрывало значеніе упомянутыхъ опасныхъ для Фридриховой политики слуховъ (которые, нужно замѣтить, дошли до Панина именно изъ Франціи) и выставляло въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ самоотверженную дружбу Фридриха къ Россіи; во-вторыхъ, ловко поддерживало и безъ того существовавшую въ Петербургѣ боязнь, что Швеція, подстрекаемая Франціей, объявитъ войну Россіи, что, само собою разумѣется, дѣлало для этой послѣдней особенно необходимымъ тѣсный союзъ съ Пруссіей, которая одна могла въ этомъ случаѣ оказать ей дѣятельную помощь; въ-третьихъ, наконецъ, безъ назойливости, какъ бы невзначай, но внушительно инсинуировало русскому двору, что нужную ей часть Польши Пруссія и безъ него можетъ получить, такъ что онъ не очень полагался бы на свое исключительное могущество въ этомъ дѣлѣ. По отношенію къ первымъ двумъ пунктамъ Фридриху не трудно было достичь своей цѣли. Швеціи, какъ уже сказано, въ Петербургѣ и безъ того боялись и до того надоѣли этой боязнью Фридриху, что онъ самъ писалъ графу Сольмсу: «Не могу перестать удивляться тому вниманію, съ которымъ въ Россіи слѣдятъ за Швеціей. Ну, хорошо, допустимъ, что французская партія одержитъ тамъ верхъ, что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ Швеція въ состояніи когда-либо вести войну противъ Россіи, если я и Данія воспротивимся этому?...» Что касается до Франціи, то личное нерасположеніе къ ней Екатерины и Панина было такъ велико, что они готовы были подозрѣвать ее во всемъ дурномъ и охотно повѣрили бы самымъ невѣроятнымъ слухамъ, а въ

каковъ случай и невѣроятнаго ничего не было. Но по отношенію къ Польшѣ эффектъ далеко не соотвѣтствовалъ намѣренію. Какъ ни внушителенъ былъ намекъ, его въ Петербургѣ понять не захотѣли и, несмотря на неудовлетворительность—въ русскомъ смыслѣ—польскихъ дѣлъ, относились къ нимъ противъ обыкновенія сдержанно. Панинъ разсказывалъ Сольмсу о неистовствахъ конфедератовъ, высказывалъ неудовольствіе на дѣйствія короля и подозрѣнія свои, что имъ руководятъ Чарторыжскіе, но тутъ же прибавлялъ, что все это надо отложить до окончанія войны съ Турціей и тогда съ Польшей можно будетъ устроиться легко и хорошо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не двигалось и дѣло заключенія новаго союзнаго договора съ Пруссіей, о которомъ Фридрихъ опять сталъ было усиленно хлопотать. Война съ Турціей, которая въ началѣ велась вяло и не особенно счастливо со стороны Россіи, естественно внушила ему мысль, что такъ какъ онъ теперь болѣе нежели когда-либо нуженъ Россіи, то она согласится на всякія условія, и онъ, нѣсколько ранѣе проекта гр. Линара, прислалъ русскому двору проектъ союзнаго договора, одну изъ главныхъ частей котораго составляло вознагражденіе Фридриха насчетъ Польши. Съ этимъ договоромъ Панинъ возился почти годъ, откладывая объясненіе о немъ съ недѣли на недѣлю и со дня на день. Онъ вообще отличался необыкновенной медлительностію, на которую болѣе или менѣе сѣтовали и жаловались всѣ иностранные послы, но на этотъ разъ даже для него медлительность была необыкновенна. На время у него нашелся удобный предлогъ, которымъ онъ не преминулъ воспользоваться. Фридрихъ предположилъ включить въ договоръ новую статью, по которой Россія гарантировала бы ему неприкосновенность владѣній бранденбургскаго дома во Франконіи. Эта статья, будучи довольно серьезной, требовала, разумѣется, обсужденія въ совѣтѣ императрицы, и Панинъ такимъ образомъ могъ отговариваться этимъ совѣтомъ. Въ числѣ этихъ отговорокъ одна была чрезвычайно характеристична для частныхъ придворныхъ отношеній того времени. Именно Панинъ сообщалъ Сольмсу, что въ замедленіяхъ виноватъ главнымъ образомъ гр. Г. А. Орловъ, присутствіе котораго въ совѣтѣ чрезвычайно непріятно другимъ членамъ, такъ какъ онъ считаетъ себя въ правѣ говорить, что ему вздумается, и часто высказывать весьма смѣлыя мнѣнія, которыя другіе не могутъ позволить себѣ оспаривать иначе, какъ съ величайшей осторожностію. Подобныхъ отговорокъ Панинъ находилъ множество, но, наконецъ, и ихъ не хватило, и пришлось ограничиваться одними простыми извиненіями; а такъ какъ эти извиненія повторялись чуть не ежедневно, то натурально, что и они перестали удовлетворять тѣхъ, къ кому обращались. Фридрихъ терялъ всякое терпѣніе, и замѣчанія его по этому поводу, безъ которыхъ не обходится почти ни одна депеша въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, принимали часто довольно рѣзкій характеръ. «Полнѣйшее молчаніе, сохраняе-

мое вами и въ послѣдней депешѣ вашей,—писалъ онъ Сольмсу въ концѣ апрѣля 1769 г.,—насчетъ контръ-проекта о возобновленіи моего союза съ тѣмъ дворомъ, при которомъ вы состоите, крайне удивляетъ меня. Несмотря на обычную медлительность гр. Панина въ своихъ дѣйствіяхъ, я все же ничего не понимаю въ постоянныхъ отсрочкахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы не вручить вамъ этого контръ-проекта, и того старанія, съ которымъ онъ отклоняетъ разговоръ съ вами объ этомъ. Все это кажется мнѣ непостижимымъ послѣ тѣхъ обѣщаній, которыя императрица дала мнѣ въ собственноручномъ письмѣ своемъ, гдѣ увѣряла, что она желаетъ возможно скорѣе устроить это дѣло; а сообразивъ, что прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я велѣлъ вручить мой проектъ договора, не могу не подозрѣвать, что тутъ кроются какія-нибудь секретныя препятствія, которыя не позволяютъ гр. Панину вручить вамъ контръ-проектъ. Если еще будутъ откладывать это дѣло, я потеряю терпѣніе. Поэтому еще разъ приказываю вамъ, сдѣлайте все возможное, чтобы принудить гр. Панина положить конецъ всѣмъ этимъ отсрочкамъ...»

Панина, который, какъ неоднократно замѣчено уже, чувствовалъ къ Фридриху благоговѣйное поклоненіе,—Панина этотъ рѣзкій тонъ его идола приводилъ въ отчаяніе. Повидимому его огорчало болѣе всего то, что Фридрихъ какъ бы лично его, Панина, считалъ единственною причиной проволочекъ и его обвинялъ за нихъ. Онъ разсыпался въ почти страстныхъ увѣреніяхъ, что все это ничего не значитъ, что его величеству нечего безпокоиться, что союзъ съ нимъ составляетъ, внѣ всякого сомнѣнія, искреннѣйшее желаніе Россіи и будетъ заключенъ непремѣнно, что даже новая статья о гарантіи франконскихъ земель ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ этому, ибо и императрица, и все ея министерство рѣшили уже, что хотя гарантія эта и можетъ современемъ стать причиною серьезныхъ затрудненій, но что все-таки нельзя колебаться въ выборѣ между рискомъ отдаленной войны и потерей дружбы такой необходимой и полезной для императрицы и ея государства державы, какъ Пруссія, и вообще его величество не долженъ имѣть никакого сомнѣнія насчетъ возобновленія союза, но считалъ бы это дѣло окончательно сдѣланнымъ и ратифицированнымъ во всемъ, что касается всѣхъ статей прежняго договора. Вотъ тутъ-то именно и была закорючка: *«всѣ статьи прежняго договора...»* Что эти-то статьи будутъ возобновлены, подписаны и ратифицированы хоть завтра же, хоть сейчасъ, это Фридрихъ зналъ, какъ нельзя лучше; но его именно интересовали не прежнія, а новыя статьи,—тѣ статьи, которыя дали бы ему право и возможность потребовать отъ Россіи исполненія «проекта гр. Линара» въ его пользу. И Панинъ это зналъ, конечно, потому что и его, точно такъ же какъ и Екатерину, вѣроятно, — хотя ее и въ гораздо меньшей степени, — смущали эти самыя новыя статьи. Привычка къ дипломатической уклончивости, кото-

рую онъ считалъ весьма тонкой политикой, не позволяла ему высказаться яснѣе на этотъ счетъ, честность же не допускала до прямой лжи, и такимъ образомъ время проходило въ пустыхъ проволочкахъ, не приносившихъ ровно никакой пользы и, наоборотъ, до извѣстной степени приносившихъ вредъ,—тотъ самый вредъ, который всегда получается, когда въ политикѣ нѣтъ ни логики, ни послѣдовательности, или, выражаясь прямѣе, когда здравая политика совсѣмъ отсутствуетъ. Если требованія Фридриха казались чрезвычайными,—а они несомнѣнно такими и были,—если старались избѣжать необходимости удовлетворить ихъ вполнѣ, то для этого было одно средство: добрыя отношенія съ другими сосѣдями—если не со всѣми, то хоть съ нѣкоторыми—и формальный союзъ по крайней мѣрѣ съ одной державой въ Европѣ. Но разъ Россія стояла безусловно изолированной, разъ ее умудрились поставить въ такое положеніе, что въ какую бы сторону она ни оглянулась вокругъ себя, вездѣ она встрѣчала враговъ или недруговъ и только и свѣту въ окнѣ было для нея, что Фридрихъ съ своей Пруссіей, и это въ военное время, когда Россіи приходилось разорваться на содержаніе огромныхъ для той эпохи арміи и сражаться съ поляками, съ турками, съ татарами, да вдобавокъ еще неусыпно наблюдать за австрійцами и за шведами,—разъ дано такое положеніе, хитрить и лавировать съ единственнымъ союзникомъ не приходилось. Надо было дѣйствовать на чистоту, или если хитрить, такъ хитрить разумно, во всемъ и до конца: такъ же конспиративать съ другими, какъ дѣлалъ это Фридрихъ, такъ же создавать ему самому разныя затрудненія, которыя вынуждали бы его не ради однѣхъ будущихъ выгодъ, но и ради настоящихъ опасностей, волей-неволей дорожить Россіей, какъ единственной опорой своей. Но прежде и главнѣе всего не слѣдовало посвящать его во всѣ малѣйшія тайны своихъ дипломатическихъ сношеній, своихъ намѣреній и плановъ. Надо было сохранять извѣстный престижъ, имѣть, по крайней мѣрѣ, видъ самостоятельности и полной свободы дѣйствій. Вотъ тогда съ нимъ можно было бы торговаться, получить больше и заплатить меньше. Екатерина и Панинъ между тѣмъ дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. Они, такъ сказать, добровольно ставили себя въ положеніе людей, прижатыхъ къ стѣнѣ и несмѣющихъ шевельнуться ни вправо, ни влѣво, а Фридриху, напротивъ, облегчали каждый шагъ и старались обезпечить возможно большую свободу движеній. Онъ отъ нихъ все скрывалъ, а они съ нимъ откровенничали до смѣшного; онъ большею частію отвѣчалъ или молчаніемъ, или отказомъ на категорическія просьбы ихъ, они въ точности исполняли каждый его совѣтъ даже тогда, когда этотъ совѣтъ подавался имъ непрошеннымъ и съ очевидно корыстною цѣлью. Онъ тщательно устранялъ отъ нихъ даже отдѣльныхъ лицъ, вліяніе которыхъ могло хоть въ малѣйшей степени дѣйствовать не согласно съ его, Фридриха, желаніями; они ни на іоту не измѣняли своего отношенія къ нему даже и тогда, когда фактически

убѣждались въ его интригахъ, направленныхъ прямо къ вреду Россіи. И не то чтобы они политическаго разсчета ради дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ этихъ интригъ, нарочно закрывали глаза, чтобы не поссориться, чего добраго, съ единственнымъ союзникомъ своимъ,—нѣтъ, они въ самомъ дѣлѣ не видѣли и не понимали ихъ, не обращали на нихъ вниманія, потому что иначе, конечно, не стали бы тутъ же, по поводу тѣхъ затрудненій, въ которыя эти самыя интриги ставили ихъ и Россію, просить его помощи и его совѣтовъ и неизмѣнно исполнять эти послѣдніе, опять-таки какъ бы не замѣчая, что они ихъ болѣе запутываютъ. Повторяемъ, возможно ли было торговаться при этихъ условіяхъ? Не значило ли это вынуждать своего союзника къ усиленію тѣхъ интригъ, которыми онъ, опасаясь возраставшаго могущества Россіи, и безъ того старательно окружалъ Россію? Екатерина видимо сильно разсчитывала на это возраставшее могущество. Повидимому, она именно потому и медлила возобновленіемъ договора со включеніемъ въ него новыхъ условій, что ждала результатовъ предпринятой войны съ Турціей, чтобы потомъ, во всеоружіи побѣдъ и силы, самой предписать условія, какія ей угодно будетъ даровать. Побѣды нѣсколько медлили своимъ появленіемъ: начало кампаніи, веденной плохо и неумѣло, далеко не было блестяще. Но естественное самолюбіе Екатерины, точно также какъ и знаніе настоящихъ силъ Россіи не позволяли ей считать такой результатъ окончательнымъ. Она говорила и имѣла право говорить, что въ состояніи сдѣлать русская армія, что «покажетъ всему свѣту, что Россію оскорблять безнаказанно нельзя», а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала неимовѣрныя усилія къ продолженію кампаніи. Послѣдующее теченіе войны не замедлило доказать, что она была права, полагаясь на мощь Россіи, такъ что съ виду ея разсчетъ въ дѣлѣ договора съ Пруссіей можетъ казаться и вѣрнымъ, и политичнымъ. Только одно она забывала при этомъ, именно, что торжествующій побѣдитель, въ концѣ хотя и побѣдоносной, но трудной и дорого стоющей войны, которая порядкомъ истощила его силы, можетъ оказаться вынужденнымъ пожертвовать большею частью плодовъ своихъ побѣдъ, если, чтобы лишить его ихъ, передъ нимъ возстанутъ новые враги, относительно и слабые пожалуй, но имѣющіе то преимущество, что ихъ маленькія силы свѣжи и бодры, тогда какъ побѣдитель истощенъ. Фридрихъ этого существеннаго обстоятельства изъ виду не упускалъ, и чѣмъ больше русскій дворъ высказывалъ скрываемыхъ, но для него ясныхъ и понятныхъ поползновеній обойти его, тѣмъ дѣятельнѣе онъ подготовлялъ для будущаго такія обстоятельства, при которыхъ эти поползновенія не могли привести къ цѣли.

Дѣятельность эта сосредоточивалась, разумѣется, въ Варшавѣ и въ Вѣнѣ. Въ первой дѣла, которыя начали было поправляться, въ смыслѣ появленія нѣкоторыхъ признаковъ утомленія, если не умиротворенія, пошли опять очень плохо для русской партіи. Конфедераты дѣйствовали

съ удвоенной энергіей, и положеніе несчастнаго Понятовскаго, противъ котораго всѣ интриговали, на котораго всѣ нападали, становилось день ото дни хуже. Ставленникъ русской императрицы, онъ былъ за это ненавидимъ во всей странѣ, а тѣ немногіе, которые понимали, что плетью обуха не перешибешь и противъ рожна прать невозможно, и, понимая это, не обвиняли Понятовскаго и держали его сторону, какъ единственнаго человѣка, который все-таки могъ представить хоть какой-нибудь залогъ будущаго, — эти немногіе ничего не могли сдѣлать. И невозможность эта обусловливалась главнымъ образомъ неопредѣленностію требованій Россіи, полной неизвѣстностію, чего именно она хочетъ. Въ этомъ отношеніи «переписка», которой мы пользуемся, какъ матеріаломъ, свидѣтельствуетъ о замѣчательной непослѣдовательности и—скажемъ—странности русской политики. Даже Сольмсъ, котораго ужь никакъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ полякамъ вообще, ни въ дружескомъ расположеніи къ Понятовскому лично,—даже Сольмсъ нѣсколько разъ выражаетъ изумленіе и, правда, весьма сдержанное, но все же неодобреніе странному образу дѣйствій русскаго двора относительно польскаго короля, которымъ постоянно были недовольны, но которому въ то же время съ одной стороны не говорили, что именно онъ долженъ дѣлать, чтобы заслужить удовольствіе, съ другой—въ тѣ рѣдкіе разы, когда удостоивали объясниться, предъявляли требованія, рѣшительно ни съ чѣмъ несообразныя. Слѣдуя принятому нами правилу, мы приведемъ почти цѣликомъ относящіяся къ этому вопросу депеши Сольмса, тѣмъ болѣе, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ, какъ въ хорошемъ зеркалѣ, отражаются всѣ малѣйшія черты и изгибы русской политики, а также и личныхъ отношеній, такъ существенно вліявшихъ на нее:

«10 ноября 1769 г. Графъ Панинъ очень сожалѣетъ объ образѣ дѣйствій польскаго короля. *Ненависть многихъ лицъ въ Россіи къ графу Понятовскому и зависть, которую они питаютъ къ его случайному счастію* *), а тѣмъ болѣе расположеніе, которое многіе другіе имѣютъ къ саксонскому принцу, все это вмѣстѣ заставляетъ людей порицать поступки короля и выставлять его неблагодарнымъ и вѣроломнымъ въ отношеніи къ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, уже третій разъ случается, что онъ, выпросивъ у императрицы своими жалобами значительныя денежныя суммы, употребляетъ ихъ на поддержку предпріятій, направленныхъ прямо противъ интересовъ Россіи». (Предпрі-

*) Изъ другихъ депешъ того же Сольмса, помѣщенныхъ въ № 22 *Сборника Историческаго Общества* и относящихся къ эпохѣ отъ 1763 до 1767 г., видно, что завистниками Понятовскаго были, главнымъ образомъ, Орловы и ихъ партія, опасавшіеся повидимому (о чемъ и ходили слухи въ Европѣ), какъ бы Екатеринѣ не вздумалось подготовить разрѣшеніе польскаго вопроса, или, какъ тогда выражались, „умиротвореніе Польши“ путемъ брака своего съ Понятовскимъ.

ятія эти заключались главнымъ образомъ въ стараніяхъ закономъ отмѣнить liberum veto и усилить королевскую власть, то-есть въ томъ, что Россія прежде и притомъ неоднократно сама поощряла и только подъ усиленнымъ вліяніемъ Фридриха стала считать противнымъ своимъ интересамъ.) «Графъ Панинъ признается, что только мысль о новыхъ затрудненіяхъ, какія могутъ возникнуть для императрицы и ея сообщниковъ, даетъ ему силу противустоять всѣмъ этимъ частнымъ интригамъ и навѣтамъ и стараться успокоить духъ императрицы; но даже и онъ не въ состояніи будетъ, наконецъ, защищать такое плохое дѣло. Онъ только-что написалъ королю (польскому) два, прилагаемыя при семъ въ копіи, письма, которыя онъ далъ мнѣ для сообщенія ихъ вашему величеству. Изъ нихъ второе, написанное отъ его собственнаго имени, адресовано оберъ-камергеру, брату короля, котораго онъ считаетъ самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ изъ всего королевскаго семейства, съ просьбою показать это письмо королю, но одному, безъ свидѣтелей. Цѣль этихъ писемъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку подѣйствовать на умъ этого государя и открыть ему глаза на ту пропасть, въ которую онъ готовъ упасть. Что касается меня, если ваше величество позволите мнѣ высказать свое мнѣніе насчетъ этихъ писемъ, я нахожу, что они написаны очень сильно и способны произвести большое впечатлѣніе на его польское величество. *Но такъ какъ письма эти только угрожаютъ, а не говорятъ прямо этому государю, что именно отъ него требуется,* и такъ какъ, съ другой стороны, *гр. Панинъ настолько добръ, что огорчается промахами короля* и приписываетъ ихъ скорѣе недостатку разсудительности и слабости его къ дѣламъ, чѣмъ злонамѣренности души его, то я счелъ нужнымъ снова настоятельно посовѣтовать гр. Панину послать отъ своего имени кого-нибудь, кто представилъ бы польскому королю точную и вѣрную картину русскаго двора и въ то же время подалъ бы ему нѣсколько добрыхъ дружескихъ совѣтовъ. *Министръ* не отвергаетъ этого предложенія, какъ негоднаго, но *колеблется однако принять его. Онъ думаетъ*, что это будетъ безплодная *попытка, могущая скомпрометировать его* въ случаѣ неудачи. *Онъ проситъ*, по причинѣ, которую я уже изложилъ вамъ въ своемъ донесеніи, отъ 24 октября (этого донесенія въ *Сборникѣ* не имѣется), *чтобы ваше величество приняли на себя роль руководителя и друга польскаго короля.* Требуется отъ него слѣдующее: если по своей застѣнчивости, или вслѣдствіе увѣренности, что потеряетъ, какъ говоритъ, друзей и кредитъ въ своей странѣ, онъ не въ состояніи самъ вести дѣла своего государства, то чтобъ онъ, въ такомъ случаѣ, добровольно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ нихъ и съ полнымъ довѣріемъ подчинился бы руководству русскаго посла; пусть самъ не предпринимаетъ и не дѣлаетъ ничего, что можетъ препятствовать дѣйствіямъ посла, а предоставитъ этому послѣднему дѣлать его королевскимъ именемъ все, что онъ найдетъ

необходимымъ для возстановленія спокойствія въ Польшѣ и для сохраненія самого его на престолѣ. Но прежде всего онъ долженъ бросить своихъ дядей и всѣхъ ихъ приверженцевъ и отказаться принимать отъ нихъ какіе-либо совѣты, которые они вздумали бы ему давать».

Думаемъ, никто ни обвинитъ насъ ни въ пристрастіи, ни въ преувеличеніи, если мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что государственнаго человѣка болѣе *наивнаго*, чѣмъ какимъ является гр. Н. И. Панинъ въ этой депешѣ, мудрено и предоставить себѣ... Государю, присылавшему «проектъ гр. Линара», предлагать сдѣлаться другомъ и руководителемъ польскаго короля!.. Монарху, котораго со всѣхъ сторонъ уличали въ тайной поддержкѣ враждебныхъ Россіи партій въ Польшѣ и который самъ систематически интриговалъ и отстранялъ отъ дѣлъ всѣхъ русскихъ людей, пытавшихся дѣйствовать въ Варшавѣ, или вообще по отношенію къ полякамъ самостоятельно,—этому монарху (или послу его, что сводится на одно) разсказывать, что отъ польскаго короля требуется собственно одно: фактически отказаться даже и отъ призрака власти и безпрекословно повиноваться русскому послу, который будетъ управлять Польшей!... И это когда же?—Въ то время, когда русскій дворъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показалъ пріемомъ, сдѣланнымъ проекту гр. Линара, что раздѣла Польши онъ не желаетъ. Не значило ли это прямо говорить: я не хочу дѣлить, я хочу все себѣ забрать? Екатерина, положимъ, говорила совсѣмъ инымъ языкомъ, а такъ какъ всему свѣту извѣстно было, что она сама и единолично правитъ внѣшней политикой, то можетъ показаться, что панинская политика ничего не значила. Но вѣдь это представляется только съ виду, а въ дѣйствительности «править единолично» ничѣмъ и никогда нельзя. Это—утопія, которой можно только обольщать себя, а исполнить на дѣлѣ невозможно. Даже въ маленькомъ хозяйствѣ одной семьи самый самовластный хозяинъ только воображаетъ себѣ, будто онъ всегда распоряжается по-своему, а въ сущности неопредѣленно поддается вліянію окружающихъ людей и условій; насколько же труднѣе единоличное управленіе въ разнообразномъ и сложномъ дѣлѣ политики великой имперіи! Но допустивъ даже, что Екатерина II составляла единственное въ мірѣ исключеніе (хотя этого далеко не было), то и въ такомъ случаѣ неумѣстная откровенность Панина не могла не причинять вреда, потому что этою своею откровенностью министръ, можетъ-быть самъ того не подозрѣвая и навѣрное не желая, выдавалъ Фридриху тайныя цѣли русской политики. Конечно, Фридрихъ могъ и самъ о нихъ догадываться: цѣли были достаточно ясны, а средства достиженія недостаточно искусны, чтобы такой геніальный человѣкъ, какъ Фридрихъ, сохранялъ насчетъ ихъ иллюзіи. Но все же одно дѣло—догадываться, другое—знать и дѣйствовать навѣрняка. Притомъ помянутая откровенность не всегда была извѣстна Екатеринѣ, потому что иногда сообщались такія вещи, которыя очевидно даже и не могли быть

повторены ей. Такъ, доведенный до отчаянія дѣйствительно невыносимымъ положеніемъ, которое было ему создано, Понятовскій обратился съ письмомъ лично къ Екатеринѣ, разсчитывая, повидимому, въ память прежняго расположенія возбудить въ ней хоть каплю сочувствія и жалости къ себѣ. Онъ умолялъ ее высказать ему свои желанія, но высказать самой и такъ, чтобъ онъ и его народъ видѣли, что это дѣйствительно ея желанія, ея воля, а не произвольныя распоряженія разныхъ генераловъ и посланниковъ, дѣйствующихъ безъ ея вѣдома. Но разскажемъ объ этомъ опять-такими словами Сольмса: «16 марта 1770 г.... Я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество, что польскій король прислалъ письмо ея величеству императрицѣ Россіи. *Послѣ того я видѣлъ какъ самое письмо, такъ и отвѣтъ на него. Гр. Панинъ далъ мнѣ прочесть и то и другое, чѣмъ выказалъ большую любезность и довѣріе.* Король говоритъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ о несчастіяхъ своего отечества и о крайности, до которой доведенъ онъ самъ, такъ что долженъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Онъ приписываетъ всѣ эти бѣдствія долгому пребыванію войскъ въ его королевствѣ, постояннымъ переходамъ ихъ черезъ государство, постояннымъ реквизиціямъ съ крестьянъ провіанта, за который имъ почти никогда не платятъ, и, наконецъ, чрезвычайнымъ насиліямъ, учиняемымъ войсками. Въ заключеніе король пишетъ, что императрица должна, немедленно должна, послать приказанія своимъ генераламъ, дабы запретить имъ увеличивать еще всѣ эти бѣдствія народа. Послѣ этого вступленія король умоляетъ императрицу быть съ нимъ также искренней и высказать ему, чего она хочетъ, что бы онъ сдѣлалъ для общаго умиротворенія, и чего она требуетъ отъ его народа. Но онъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ она выразила свои желанія какимъ-нибудь такимъ образомъ, чтобы польскій народъ могъ быть совершенно увѣренъ, что желанія эти исходятъ именно и прямо отъ нея, и чтобы, вслѣдствіе этого, онъ могъ повѣрить имъ, не боясь, что его хотятъ обманывать несбыточными мечтами и ложными обѣщаніями, которыя не будутъ выполнены, какъ это случилось во время радомской конфедераціи, когда насиліями заставили народъ дѣйствовать противъ ея намѣреній, что внушило народу такое недовѣріе, которое онъ, король, не въ состояніи теперь уничтожить въ немъ. Письмо свое онъ оканчиваетъ совѣтомъ допустить къ посредничеству и къ гарантіи умиротворенія католическія державы, такъ какъ это—единственное средство возбудить въ народѣ довѣріе...»

Нужно замѣтить, что это письмо Понятовскаго было возвѣщено въ Петербургѣ гораздо раньше прибытія его туда. Фридрихъ, черезъ своихъ агентовъ, провѣдалъ о намѣреніи польскаго короля послать довѣренное лицо съ письмомъ къ самой императрицѣ еще прежде, чѣмъ этотъ посланный отправился въ путь, и заранѣе приказалъ Сольмсу предупредить Панина и бдительно слѣдить какъ за самимъ посланнымъ. Понятов-

сиаго, такъ и за тѣмъ, какъ его примутъ, что будутъ ему говорить и проч. Сольмсъ, который, какъ мы видѣли, въ совершенствѣ знакомъ былъ со всѣми отношеніями русскаго двора, конечно, не упустилъ случая, кромѣ Панина, предупредить и другихъ, кого слѣдовало, о готовящейся попыткѣ гр. Понятовскаго возобновить непосредственныя сношенія съ Екатериной, и тѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, приняли мѣры, чтобы заранѣе эту попытку дискредитировать. Времени для этого у нихъ было достаточно, да и въ помощи недостатка не было, ибо Фридрихъ съ своей стороны тоже подготовилъ почву, давъ понять Екатеринѣ, что будто Чарторыжскіе замышляютъ какъ-то обойти ее, настроивъ съ этою цѣлью Понятовскаго обратиться прямо къ ней. Совокупность всѣхъ этихъ усилій сдѣлала то, что когда несчастное письмо Понятовскаго пришло, наконецъ, Екатерина немедленно показала его Панину и ему же поручила составить отвѣтъ. А онъ исполнилъ это порученіе слѣдующимъ образомъ: «Императрица въ своемъ отвѣтѣ,—продолжаетъ вышеприведенное донесеніе Сольмсъ,—ограничивается только общими выраженіями. Она увѣряетъ его, что лучшаго ничего и не желаетъ, какъ свободы Польши, и говоритъ, что для этого вовсе не для чего обращаться къ содѣйствію какого-либо католическаго или иного двора, а совершенно достаточно соединенныхъ усилій Россіи и Польши; но случиться это можетъ лишь тогда, когда король перестанетъ слушать дурные совѣты, а будетъ слѣдовать лишь ея, императрицы, совѣтамъ и когда отдалитъ отъ себя тѣхъ людей, которые въ настоящихъ смутахъ видятъ для себя удобный случай удовлетворить своему честолюбію, будучи въ сущности самыми опасными врагами его, завидующими тому, что онъ носитъ корону. Гр. Панинъ твердо увѣренъ, будто онъ этимъ оборотомъ рѣчи указалъ королю на Чарторыжскихъ и что это убѣдитъ его разстаться съ ними. Я взялъ на себя смѣлость сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній и высказалъ ему, что если ужъ императрица была настолько снисходительна, что написала отвѣтъ польскому королю, то, мнѣ кажется, слѣдовало бы говорить съ нимъ въ менѣе туманныхъ выраженіяхъ и просто напомнить ему тѣ предложенія, которыя были сдѣланы по поводу измѣненій въ постановленіяхъ послѣдняго сейма, и посовѣтовать ему пригласить людей желающихъ добра своему отечеству присоединиться къ нему, дабы войти въ переговоры по этому предмету. *Онъ нашелъ, что это невозможно, что короля и его дядей отнюдь не слѣдуетъ поощрять въ мысли, будто существенная часть переговоровъ можетъ быть изъята изъ рукъ русскаго посла въ Варшавѣ, и что надо и на будущее время устранить всякую возможность королю входить въ непосредственную переписку съ императрицей.* На основаніи этихъ доводовъ ему и кажется, что отвѣтъ ея величества не долженъ былъ касаться самаго существа дѣла и переходить за предѣлы самыхъ обыкновенныхъ общихъ совѣтовъ».

Позволительно сомнѣваться, чтобы Екатерина, такъ гордившаяся своей безусловной самостоятельностію въ политикѣ, именно по той причинѣ сухо и уклончиво отвѣтила Понятовскому, какая, по его словамъ, руководила Панинымъ. Она-то ужь никакъ не могла въ непосредственномъ обращеніи къ ней предусмотрѣть нѣчто вредное для интересовъ русской политики и навѣрное не поблагодарила бы Панина, еслибъ узнала о его объясненіи Сольмсу. Съ другой стороны это объясненіе показываетъ, что, при всей своей несомнѣнной честности и при всемъ отвращеніи къ интригамъ, Панинъ не вполнѣ былъ чуждъ того мелочнаго самолюбія, которое часто заставляетъ самыхъ умныхъ людей дѣлать вовсе неумныя вещи единственно потому, что ихъ лично что-нибудь шокируетъ, а именно переписка Екатерины обставлена была такими условіями, которыя дѣйствительно могли шокировать Панина. Она не всегда дѣлилась съ нимъ получаемыми письмами. Случалось, что онъ даже и не зналъ о полученіи ихъ, особенно отъ Фридриха, письма котораго очень часто передавались Сольмсомъ лично самой императрицѣ. Вслѣдствіе этого иныя мнѣнія и распоряженія императрицы являлись для него сюрпризомъ, и весьма естественно, что такіе сюрпризы были ему непріятны. Но за то Фридриху были навѣрное чрезвычайно и пріятны, и удобны какъ это неполное довѣріе между русской императрицей и ея первымъ министромъ, такъ и въ значительной степени отъ того именно и происходившая неумѣстная откровенность обоихъ ихъ съ нимъ, Фридрихомъ,—откровенность, которой онъ пользовался такъ искусно. Онъ-то съ своей стороны вовсе не поддерживалъ добрые совѣты Сольмса менѣе туманно и болѣе искренне говорить съ Понятовскимъ и менѣе круто поступать съ поляками вообще. Напротивъ, когда тайные (для Россіи) переговоры съ Австріей убѣдили его, что съ этой стороны особенно сильныхъ препятствій въ дѣлахъ съ Польшей опасаться нечего, онъ старался разжигать неудовольствіе Екатерины и вызывать ее на такія дѣйствія, которыя окончательно губили русскую партію. Главными объектами его ненависти и интригъ были Чарторыжскіе, которые вначалѣ считались главами русской партіи и пользовались большимъ довѣріемъ Россіи. Впослѣдствіи, когда они отказались безусловно повиноваться всѣмъ приказаніямъ изъ Петербурга, это довѣріе значительно уменьшилось, а расположеніе и совсѣмъ пропало, но тѣмъ не менѣе ихъ и Панинъ, и сама Екатерина считали наиболѣе дѣльными людьми во всей Польшѣ и сношенія съ ними все-таки возобновлялись повременамъ. Къ величайшему, конечно, удовольствію Фридриха, къ нему обратились съ просьбою переговорить съ этими самыми Чарторыжскими, которыхъ онъ постоянно старался дискредитировать, и убѣдить ихъ дѣйствовать согласно съ желаніями Россіи. Онъ, разумѣется, охотно взялся за это и въ самомъ непродолжительномъ времени увѣдомилъ русскій дворъ, что Чарторыжскіе ничего не хотятъ слышать и что всякіе дальнѣйшіе разговоры съ ними совершенно безполезны, въ удостовѣре-

ніе чего прислалъ донесеніе своего министра въ Варшавѣ Бенуа, съ обстоятельнымъ изложеніемъ разговора, который онъ будто бы велъ съ обоими Чарторыжскими. Въ то же время, основательно считая почву достаточно подготовленной, Фридрихъ, сначала черезъ гр. Чернышева, проѣзжавшаго въ то время черезъ Берлинъ, потомъ и прямо черезъ Сольмса, преподалъ русскому двору одинъ изъ тѣхъ добрыхъ дружескихъ совѣтовъ, которыми онъ такъ часто награждалъ его. Совѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, что «такъ какъ все, что польскій король до сихъ поръ дѣлалъ, не можетъ быть отнесено ни къ кому другому, какъ къ его дядямъ Чарторыжскимъ, принципамъ коихъ онъ слѣпо слѣдовалъ, благодаря тому вліянію, которое они пріобрѣли надъ нимъ, то мнѣ кажется» (цитируемыя строки заимствованы нами изъ собственной депеши Фридриха къ Сольмсу), «что слѣдуетъ приняться за нихъ, чтобы дать имъ почувствовать справедливую месть и показать, что Россія держитъ въ рукахъ отличное средство заставить ихъ раскаяться. Ей стоитъ только воспользоваться различными представляющимися предлогами и ввести свои войска на ихъ земли, а необходимость доставки провіанта можетъ доставить къ тому весьма подходящій предлогъ». По обыкновенію, Паninъ сначала колебался исполнить этотъ «дружескій» совѣтъ, и Екатерина понудимому тоже безъ особеннаго восторга приняла его. Несмотря на свой холодный отвѣтъ Понятовскому, она очень милостиво приняла его посланнаго, который, благодаря усиленному покровительству давно уже жившаго въ Петербургѣ Репнина, имѣлъ даже случай нѣсколько разъ видѣть императрицу. Но, по обыкновенію же, это колебаніе длилось недолго. Гнѣвъ Екатерины легко возбуждался противъ тѣхъ, на комъ она могла безнаказанно сорвать его; для этого совершенно достаточно было простого извѣстія, что Чарторыжскіе имѣютъ дерзость говорить, что они отнюдь не желаютъ умышленно оскорблять Россію, или побуждать къ тому короля, и никогда этого не сдѣлаютъ, но и подчиниться безусловно волѣ русской императрицы тоже не могутъ и не желаютъ. А до ея слуха дошло нѣчто болѣе преступное, что дѣйствительно могло разсердить и менѣе склоннаго къ крутымъ мѣрамъ государя. Именно кн. Волхонскій, замѣнившій Репнина въ качествѣ посла въ Варшавѣ, утверждалъ, будто ему достовѣрно извѣстны тайныя и враждебныя Россіи сношенія Чарторыжскихъ и самого короля съ Франціей. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ въ рукахъ доказательство этого, и хотя доказательствъ этихъ не представилъ, а Бенуа съ своей стороны доносилъ Фридриху, что обвиненія Волхонскаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, несправедливы, такъ какъ ему, Бенуа, ничего подобнаго не извѣстно, но Екатерина и Паninъ этого, разумѣется, не знали,—Фридрихъ имъ подобныхъ вещей не сообщалъ,—и, вполнѣ вѣря на слово своему послу, не могли не раздѣлить нѣсколько разъ повтореннаго имъ мнѣнія Фридриха, что «съ этими людьми одними увѣщаніями ничего сдѣлать нельзя, а надо на дѣлѣ показать имъ свою власть».

Не далѣе какъ въ апрѣлѣ 1770 г. Сольмсъ доносилъ Фридриху: «Я не преминулъ сообщить гр. Панину совѣты, которые вашему величеству угодно было повторить ему въ депешѣ отъ 11 числа этого мѣсяца, по поводу Чарторыжскихъ, представивъ ему необходимость воспользоваться этими совѣтами, дабы этимъ путемъ прекратить смуты въ Польшѣ. Такъ какъ мнѣ показалось, что министръ былъ въ нерѣшимости дать мнѣ на это отвѣтъ, то я взялъ на себя смѣлость сказать ему, что ваше величество даете ему эти совѣты только потому, что, если онъ помнитъ, онъ самъ просилъ меня ходатайствовать передъ вами, государь, чтобъ вы высказали ваше мнѣніе по этому дѣлу. Но что если онъ находитъ ихъ неудобными, или имѣетъ наготовѣ другія средства для устройства дѣла, то я убѣжденъ, что ваше величество не будете недовольны, если онъ предпочтетъ свои; я просилъ его только сообщить мнѣ ихъ, въ такомъ случаѣ, для передачи вашему величеству. Тогда онъ съ нѣкоторою поспѣшностію прервалъ меня и сказалъ, что вполнѣ раздѣляетъ мысль вашего величества, что онъ уже вполнѣ рѣшился не руководствоваться ничѣмъ инымъ и что въ настоящее время уже приступлено къ ея осуществленію. Теперь, сказалъ онъ, уже посланъ отрядъ для военной экзекуціи въ имѣніе одного изъ приверженцевъ Чарторыжскихъ и, кромѣ того, новый отрядъ генерала Карра получилъ приказаніе расположиться квартирами въ имѣніи великаго канцлера. Такъ что я могу донести вашему величеству, что, какъ самъ онъ выразился, гр. Панинъ начинаетъ, наконецъ, дѣйствовать противъ этой фамиліи...»

И дѣйствительно начали «дѣйствовать противъ этой фамиліи», стали стараться «проучить» ее, какъ выразился Панинъ при другомъ разговорѣ своемъ съ Сольмсомъ. Имѣя въ виду, что, какъ уже неоднократно сказано, по разнымъ побужденіямъ и изъ различныхъ видовъ, ни Екатерина, ни Панинъ раздѣла Польши не желали,—чѣмъ, спрашивается, они руководствовались, предпринимая насильственныя дѣйствія противъ единственныхъ людей, на которыхъ еще можно было положиться болѣе или менѣе, съ которыми можно было такъ или иначе столковаться? Были ли у нихъ какіе-нибудь другіе вліятельные въ странѣ люди въ запасѣ, какой-нибудь опредѣленный планъ, неизмѣнно принятыя рѣшенія, которыми они твердо рѣшились слѣдовать, принявъ ихъ за руководящую нить своей дальнѣйшей политики? Если вѣрить Сольмсу,—а ему трудно не вѣрить, принимая во вниманіе, что во всемъ сложномъ и долго съ тончайшимъ искусствомъ веденномъ дѣлѣ раздѣла Польши онъ служилъ главнымъ орудіемъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ Фридриха, который съ своей стороны, въ значительной мѣрѣ благодаря дѣятельности своего умнаго посланника, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго шага, ни одного промаха,—если вѣрить Сольмсу, ничего похожаго на обдуманный планъ, на опредѣленныя цѣли не было. Не было даже твердой рѣшимости не уступать ни въ чемъ, чего они оффиціально требовали отъ поляковъ.

Напримѣръ, въ ноябрѣ 1769 года Панинъ говорилъ Сольмсу, что «одну изъ главныхъ причинъ недовольства католиковъ составляетъ право, предоставленное диссидентамъ имѣть своихъ собственныхъ депутатовъ на сеймѣ, и ему (Панину) кажется, что если этимъ будетъ достигнуто усмиреніе смутъ, такъ отъ этого права можно и отказаться, особенно еслибы диссиденты согласились сами заявить, что они готовы принести эту жертву для блага своего отечества. А въ замѣнъ, чтобы не даромъ сдѣлать эту уступку, можно бы потребовать, чтобы законъ о наказаніяхъ для тѣхъ, которые мѣняютъ вѣру, былъ бы уничтоженъ». На вопросъ Сольмса, можетъ ли онъ сообщить это своему государю, какъ мнѣніе ея величества императрицы Россіи, Панинъ отвѣтилъ утвердительно.

Понимая необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки несчастному, доведенному до остервененія и до одуренія, народу и будучи въ сущности готовымъ на нихъ, русскій дворъ считалъ однако почему-то несвоевременнымъ еще объявить объ этомъ конфедератамъ, или хотя бы одному королю польскому, а требовалъ отъ всѣхъ такъ-сказать сдачи на милость и немилость, поощряя и своего варшавскаго посла дѣйствовать въ этомъ самомъ духѣ. «Гр. Панинъ,—разсказываетъ Сольмсъ,—признаетъ фактъ» (на который жаловался Понятовскій, фактъ абсолютнаго молчанія относительно его, кн. Волхонскаго, упорно отказывавшагося объяснить ему какъ мотивы тѣхъ дѣйствій, которыя онъ ему предписывалъ, такъ и средства, какими предполагается достичь умиротворенія), «но продолжаетъ утверждать однако, что это молчаніе необходимо, потому что польскій король передастъ Чарторыжскимъ все, что бы ему ни сказали, а эти послѣдніе употребятъ это во зло и скомпрометируютъ Россію передъ конфедератами... Намѣреніе же посла—объявить публично и доказать фактами, которыхъ онъ однако не предъявилъ, что императрица совершенно покинула Чарторыжскихъ и что они не пользуются болѣе довѣріемъ императорскаго двора, который не желаетъ даже пользоваться ихъ услугами, чтобы сохранить свое вліяніе на дѣла Польши. Этимъ средствомъ онъ разсчитываетъ разбить ложныя мечты и заставить поляковъ поискать лучшихъ посредниковъ, помимо этой фамиліи, чтобы прекратить смуты, и тогда можно будетъ составить свою партію и довести дѣло до конференціи, а потомъ установить общее умиротвореніе. Я не могъ замѣтить,—продолжаетъ Сольмсъ,—изъ только-что изложенныхъ мною разсужденій гр. Панина, чтобы онъ теперь уже дѣйствительно зналъ лицъ, которыя должны будутъ составить ему новую русскую партію. Онъ только говоритъ, что въ націи, раздѣленной на двѣ партіи, не трудно будетъ составить и третью. Не могъ я также замѣтить, чтобъ у него былъ уже готовъ планъ для умиротворенія, и я склоненъ думать, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ онъ будетъ полагаться на событія и на обстоятельства». И это отсутствіе точнаго плана дѣйствій не составляло случайнаго явленія данной минуты, а было чѣмъ-то постояннымъ, потому что

полгода спустя Сольмсъ опять точно такъ же характеризуетъ русскую политику въ Польшѣ: «Продолжая разговоръ съ этимъ министромъ» (Паниным, по поводу экзекуціи въ имѣніяхъ Чарторыжскихъ) «о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, я старался узнать, не имѣетъ ли онъ кого-нибудь въ виду вмѣсто Чарторыжскихъ и не составилъ ли онъ поэтому какого-либо плана. Но, насколько я могъ замѣтить, плана у него никакого нѣтъ и онъ просто полагаетъ, что истощеніе средствъ заставитъ конфедератовъ положить, наконецъ, оружіе. Основываетъ онъ это предположеніе на томъ, что дрезденскій дворъ не въ состояніи болѣе ссужать ихъ деньгами. Онъ мнѣ дѣйствительно назвалъ нѣсколькихъ вельможъ, которые выказываютъ уже доброе расположеніе къ Россіи. Таковы гр. Мнишекъ, Потоцкіе, гр. Флемингъ и виленскій епископъ... Но всѣ они не хотятъ ничего предпринимать, пока не будутъ увѣрены, что имъ будетъ оказана поддержка. Съ другой же стороны русскій дворъ тоже не хочетъ рисковать своими деньгами, не зная заранѣе силы этой новой партіи; а потому обѣ стороны остаются пока при взаимномъ пожеланіи другъ другу хорошаго исхода изъ этихъ смутъ, но не дѣлаютъ никакихъ попытокъ высказаться открыто и не входятъ въ переговоры».

Однимъ словомъ, политика русскаго двора того времени, его планы и намѣренія были «темна вода во облацѣхъ», а въ мутной водѣ, какъ извѣстно, легче всего рыбу ловить, особенно когда у самой воды этой живетъ такой мастеръ рыболовства, какимъ былъ Фридрихъ. Когда онъ замѣтилъ, что состояніе мутныхъ волнъ и окружающей ихъ атмосферы находится какъ разъ въ положеніи особенно благопріятствующемъ для обильной ловли, онъ рѣшилъ, что пора отложить въ сторону удочки съ приманками и пора запустить большой неводъ. Подъ осень 1770 года онъ, воспользовавшись неосновательными стараніями русскаго двора заставить его вмѣшаться во внутреннія дѣла Швеціи (чего онъ дѣлать отнюдь не хотѣлъ и не сдѣлалъ), объявилъ, что посылаетъ туда брата своего, принца Генриха, который будто бы постарается уладить тамъ все, что требуется. При этомъ онъ писалъ Екатеринѣ, какъ близко будетъ принцъ отъ Петербурга, какъ интересуетъ его эта столица величайшей въ мірѣ государыни, какъ благоговѣетъ онъ передъ самой государыней и т. п. Само собой разумѣется, что въ отвѣтъ на это императрица не могла сдѣлать ничего иного, какъ пригласить принца посѣтить ея столицу и дворъ. Она такъ и поступила и тѣмъ исполнила тайное желаніе Фридриха, потому что настоящею цѣлью посольства брата его былъ именно Петербургъ, а никакъ не Стокгольмъ. Въ октябрѣ принцъ Генрихъ прибылъ ко двору Екатерины, а когда онъ уѣхалъ, императрица не колебалась больше относительно «проекта графа Линара»; она его приняла въ принципѣ, оставалось порѣшить только подробности. Пріемъ, оказанный принцу императрицей, былъ настолько блестящъ и дружественъ, что пріѣзжай самъ Фридрихъ, его не могли бы принять лучше. Екатерина умѣла оказы-

вать гостепріимство истинно царское и если, какъ императрица, поставляла свою гордость въ томъ, что одна, безъ совѣтниковъ и не допуская чьего-либо вліянія, управляетъ Россіей, то не менѣе тому гордилась, какъ женщина, своимъ искусствомъ, которымъ обладала въ высшей степени, обворожить всякаго, кого захочетъ, будь то мужчина или женщина, коронованное лицо или простой крестьянинъ, великій ученый или невѣжда. И она дѣйствительно обворожила принца Генриха прусскаго. Его письма проникнуты восторгомъ къ ней, къ ея красотѣ, ея уму, ея величію и премудрости,—словомъ, ко всему. Но, очаровываясь Екатериной, достойный братъ Фридриха не упускалъ изъ виду дѣла, ему порученнаго, и такъ же успѣшно очаровывалъ императрицу въ политическомъ отношеніи, какъ она его. Положеніе свое при дворѣ онъ устроилъ какъ нельзя цѣлесообразнѣй.

«Принцъ,—пишетъ по этому поводу Сольмсъ королю,—будетъ имѣть случай ежедневно видѣться съ императрицей и съ успѣхомъ подвинетъ дѣло несравненно лучше, нежели какой бы то ни было министръ. Для того же, чтобъ успѣхъ былъ вѣрнѣе, его высочество постарался устранить всѣ стѣсненія этикета въ сношеніяхъ своихъ съ императрицей. Съ этою цѣлью онъ приказалъ мнѣ распространять вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, что единственною цѣлью пребыванія его въ Россіи служитъ желаніе лично познакомиться съ ея величествомъ императрицей и желаніе возможно чаще имѣть съ ней конфиденціальные разговоры по поводу общихъ интересовъ Пруссіи и Россіи. Ея императорское величество была такъ довольна, узнавъ, что намѣреніе принца такъ совпадаетъ съ ея собственными желаніями, что отнеслась къ этому намѣренію какъ нельзя дружелюбнѣе и послѣ того, какъ удостоила лично высказать это мнѣ, поручила графу Орлову явиться къ его королевскому высочеству, чтобы выразить ему ея удовольствіе и передать ему, что она будетъ очень рада видѣть его каждый разъ, когда ему угодно будетъ сдѣлать ей удовольствіе посѣтить ее; что всякій день въ 11 часовъ утра и въ 6 вечера его высочество можетъ застать ее свободной отъ дѣлъ и готовой принять его. Вслѣдствіе этого принцъ сегодня вечеромъ отправится во дворецъ одинъ, безъ свиты... Ея величество изволила еще объявить мнѣ, что каждый разъ, какъ принцъ будетъ у нея, по приглашенію ли, или по собственному желанію, я могу сопровождать его до самыхъ внутреннихъ покоевъ, входъ въ которые разрѣшается лишь лицамъ, являющимся по государственнымъ дѣламъ, и что я могу всегда оставаться за ея столомъ... Всѣ здѣсь спѣшатъ выразить принцу чувства уваженія и расположенія. Слово пруссакъ пріобрѣтаетъ здѣсь съ его присутствіемъ новый блескъ, и нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это упрочитъ дружбу между обоими дворами и закрѣпитъ союзъ обоихъ народовъ». Надежды Сольмса оправдались. Пребываніе принца Генриха «закрѣпило союзъ обоихъ народовъ»,—союзъ, принесшій одному изъ нихъ прочную будущность, блескъ, величіе, могущество и славу, а другому...

Но, говоря о принцѣ Генрихѣ и объ его участіи въ дѣлахъ того времени, мы въ сущности забѣгаемъ впередъ, такъ какъ намъ остается еще разсказать объ участіи Фридриха въ дѣлѣ русско-турецкой войны и взаимныхъ отношеній Россіи и Австріи. Послѣднія въ особенности составляли одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ политики Россіи и Пруссіи, въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши, и нашъ очеркъ этой политики былъ бы далеко не полонъ, еслибы мы исключили изъ него эту важную часть вопроса. Сдѣлать это было бы тѣмъ непростительнѣе, что исторія русско-турецкаго мира и роль Пруссіи и Австріи въ этомъ дѣлѣ, какъ они являются въ перепискѣ съ Сольмсомъ и съ Финкенштейномъ, представляетъ точное подобіе того, чему сами мы были очевидцами пять лѣтъ тому назадъ, т. е., выражаясь точнѣе, эта исторія есть оригиналъ, съ котораго Берлинскій конгрессъ служилъ копіей, копіей превосходной, правда, сдѣланной съ такимъ совершенствомъ, что ее можно самое принять за оригиналъ, но тѣмъ не менѣе копіей. Единственная разница между ними та, что оригиналъ производился келейно, подъ покровомъ дипломатической тайны, а копія—публично, передъ лицомъ цѣлаго міра.

В. К.

Вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія въ земскихъ собраніяхъ.

Въ концѣ 1880 года земскія собранія, какъ извѣстно, были призваны къ обсужденію «возникшихъ по разнымъ губерніямъ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 года»—объ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Мѣра эта была вызвана тѣмъ соображеніемъ, что «для вполнѣ правильнаго обсужденія каждаго ходатайства объ измѣненіи отдѣльныхъ постановленій, поступившаго лишь изъ нѣсколькихъ губерній, необходимо собрать и изъ другихъ губерній отзывы по оному подлежащихъ учрежденій, т. е. какъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, такъ и мѣстныхъ земствъ».

Призывъ правительства былъ встрѣченъ со стороны земскихъ собраній съ полнымъ сочувствіемъ. Какъ въ 1870 году, когда земству предстояло высказаться по вопросу о замѣнѣ подушной подати, такъ и теперь, большинство земствъ энергически взялось за работу: во всѣхъ губерніяхъ, во всѣхъ уѣздахъ составлялись предположенія по возбужденному вопросу; комиссіи, бездѣятельность которыхъ обыкновенно вызываетъ столько жалобъ, на этотъ разъ проявляли оживленную дѣятельность; отдѣльныя лица,—представители всѣхъ общественныхъ классовъ, не исключая крестьянъ,—составляли записки, мнѣнія и проекты; словомъ, земство, вопреки увѣреніямъ *Руси*, отнеслось къ дѣлу вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно, по важности своей, заслуживаетъ, и въ результатѣ получилась обширная литература по вопросу о преобразованіи не только крестьянскаго, но и всего мѣстнаго управленія.

Заявленія и мнѣнія по этому предмету, исходящія отъ людей, близко знакомыхъ съ условіями и быта массы населенія, и дѣятельности существующихъ мѣстныхъ учрежденій, представляютъ большой интересъ. Правда, земскія работы, въ большинствѣ, носятъ отпечатокъ спѣшности; онѣ отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ не только въ отношеніи взглядовъ, но и въ отношеніи объема поставленной задачи, тѣмъ не менѣе въ

нихъ можно подмѣтить много общаго, можно выяснить, хотя и не всегда въ ясныхъ чертахъ, тѣ стремленія, которыми въ настоящее время проникнуто русское общество. Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ общими выводами, къ которымъ пришло земство по важному вопросу, составляющему въ настоящее время предметъ занятій особой комиссіи статсъ-секретаря М. С. Каханова и находящемуся, повидимому, наканунѣ своего разрѣшенія.

Недостатки земскихъ работъ по занимающему насъ вопросу, заключающіеся въ ихъ разрозненности, разнообразіи и спѣшности (вполнѣ выработанныхъ проектовъ почти совсѣмъ не имѣется), обусловливаются, главнымъ образомъ, тою постановкой, которая дана была этому дѣлу министерскимъ циркуляромъ. Этотъ послѣдній, прежде всего, требовалъ особенной спѣшности въ доставленіи отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы. Министръ указывалъ, что исполненіе этого важнаго дѣла «ожидается въ возможно скорѣйшемъ времени», и требовалъ, чтобы оно было обсуждено «во всякомъ случаѣ» въ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, даже «не ожидая постановленій тѣхъ уѣздныхъ собраній, которыя къ тому времени не будутъ получены». Такая спѣшность не могла не отозваться на трудахъ земскихъ управъ и комиссій: въ короткій срокъ, имъ предоставленный, онѣ могли представить только наброски, только основныя положенія, и не имѣли никакой возможности войти въ обсужденіе деталей, вслѣдствіе чего въ ихъ трудахъ осталось много невыясненнаго, недосказаннаго. На недостатокъ времени, имѣвшагося въ ихъ распоряженіи, жалуются многія земскія комиссіи. Нижегородская заявляетъ, что она «принуждена была воздержаться отъ детальной разработки предмета» частію вслѣдствіе недостатка времени. Московская «вполнѣ сознавала, что въ короткій срокъ она не въ состояніи выработать подробный и вполнѣ законченный проектъ переустройства нынѣшняго уѣзднаго управленія, и потому, не задаваясь мыслью исполнить работу непосильную, на которую требовалось и много времени, и много силъ, которыми она не располагала, ограничила свою задачу лишь выработкою тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ, по ея крайнему разумѣнію, должно быть построено положеніе объ уѣздномъ самоуправленіи». Другое затрудненіе заключалось въ неопредѣленности программы и предѣловъ предложенной земству задачи. На обсужденіе земствъ былъ переданъ «перечень возникшихъ до нынѣ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 г.», въ числѣ девяти, но въ то же время, «независимо отъ отзывовъ по вышеисчисленнымъ вопросамъ», имъ предоставлялось представить «соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя будутъ сочтены полезными для дѣла». Это дополненіе въ значительной степени расширяло задачу, но все-таки не давало возможности придти къ точному заключенію, какіе именно вопросы входятъ въ эти рамки и какіе выходятъ изъ

ихъ предѣловъ; поэтому земства отнеслись къ нему весьма различно. Одни, пользуясь имъ, коснулись вопросовъ экономическихъ—о податной системѣ, малоземельѣ, переселеніяхъ и проч. *); другія—возбудили вопросъ о преобразованіи всего строя мѣстнаго управленія, уѣзднаго и губернскаго; третьи, наконецъ, совсѣмъ не рѣшились идти дальше отвѣтовъ на поставленные министерствомъ вопросы, боясь, въ противномъ случаѣ, выйти изъ намѣченныхъ правительствомъ предѣловъ. Такъ пермская губернская управа, полагая, что, «по смыслу циркуляра министерства», заключенія земства требуются только по вопросамъ, касающимся мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и учрежденій волостныхъ и сельскихъ, высказываетъ «увѣренность», что «всѣ мнѣнія земства, высказанныя не въ предѣлахъ предположеній объ измѣненіяхъ помянутыхъ законовъ, будутъ, при разрѣшеніи стоящаго на очереди вопроса, игнорированы» **). Точно также, по словамъ коммиссіи калужскаго губернскаго собранія, «нѣкоторыя уѣздныя земства, высказавшіяся за существованіе крестьянскихъ учрежденій, не коснулись вопроса о полномъ ихъ преобразованіи только потому, что считали вопросъ этотъ выходящимъ изъ предѣловъ даннаго земству уполномочія». Московское уѣздное собраніе отклонило разсмотрѣніе доклада управы объ основаніяхъ общей реформы мѣстнаго управленія, согласившись съ мнѣніемъ одного изъ гласныхъ, что въ этомъ вопросѣ «лучше не досказать, чѣмъ пересказать». Съ такой же осторожностью отнеслась къ дѣлу коммиссія нижегородскаго губернскаго собранія. «Считая долгомъ» высказать, что, «по ея убѣжденію, никакія частныя измѣненія только въ крестьянскихъ учрежденіяхъ не могутъ внести въ дѣло крестьянскаго управленія существенныя улучшенія, которыя возможны лишь при полномъ переустройствѣ всѣхъ уѣздныхъ учрежденій», она «не позволила себѣ», однако, «входить въ обсужденіе какихъ бы то ни было предположеній въ этомъ смыслѣ», такъ какъ «разрѣшеніе послѣдней задачи выходитъ изъ предѣловъ дѣятельности земствъ, указанныхъ имъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, и не вызывается циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ».

Наоборотъ, другія земства, придя къ заключенію о нецѣлесообразности частныхъ исправленій, приступили къ выработкѣ проектовъ преобразованія всей системы мѣстнаго управленія. Нѣкоторыя уѣздныя собранія, исходя изъ такой точки зрѣнія, оставили министерскіе вопросы безъ разсмотрѣнія, другія—дали на нихъ отвѣтъ съ оговоркою, что измѣненія, ими предлагаемыя, проектируются лишь на время, только до введенія полнаго преобразованія. Такъ, наприм., изъ уѣздовъ Московской губерніи четыре дали только требуемые отвѣты; два, кромѣ этихъ отвѣ-

*) Сужденій земствъ по экономическимъ вопросамъ мы здѣсь касаться не будемъ, предполагая посвятить этому предмету особый очеркъ.

**) *Сборникъ Пермскаго Земства* 1882 года, кн. II. „Докладъ губ. упр.“, стр. 15.

товъ, представили болѣе или менѣе разработанные проекты преобразованій въ строѣ уѣзднаго управленія, въ связи съ крестьянскимъ самоуправленіемъ; наконецъ пять вовсе не касались «перечня вопросовъ» и представили въ болѣе или менѣе разработанной формѣ свои предположенія. Большинство губернскихъ земствъ, или, вѣрнѣе, управъ и комиссій, тоже взглянули на вопросъ шире и признали необходимымъ войти въ разсмотрѣніе организаціи не одного только крестьянскаго, а и всего мѣстнаго управленія. «Врядъ ли нужно говорить о томъ,—читаемъ мы въ докладѣ коммиссіи вологодскаго губернскаго земства,—что существующее уѣздное управленіе крайне неудовлетворительно, а потому очевидно, что и преобразовывать крестьянскія учрежденія, безъ преобразованія всего уѣзднаго управленія, немыслимо,—одно съ другимъ связаны тѣсно». По мнѣнію большинства тамбовской губернской коммиссіи, «частными поправками исправить дѣло невозможно». Коммиссія тверского земства «единогласно признала несостоятельность какихъ-либо частныхъ преобразованій въ сферѣ однихъ только крестьянскихъ учрежденій и необходимость, для успѣха дѣла, общаго преобразованія всего мѣстнаго управленія». Уфимская губернская управа «считаетъ всякія измѣненія въ составѣ и порядкѣ дѣйствій присутствій по крестьянскимъ дѣламъ полумѣрами, врядъ ли могущими принести существенную пользу. Самая основа, на которой стоятъ эти учрежденія, не вѣрна, а потому, для исправленія ошибки, необходимо взяться за корни». Коммиссія калужскаго земства находитъ, что «печальныя явленія уѣздной жизни обязываютъ земство прежде всего домогаться, чтобы новая организація крестьянскихъ учрежденій или ихъ измѣненія совершились бы единовременно съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія вообще и уѣздной полиціи въ особенности». Коммиссія казанскаго земства, «не отрицая совершенно цѣлесообразности частныхъ мѣръ, какъ переданныхъ на обсужденіе земскихъ учрежденій г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ и предлагаемыхъ отъ себя уѣздными земскими собраніями, не могла однако же не признать, что всѣ эти и подобныя имъ мѣры суть только палліативы, которые могутъ приносить извѣстную долю пользы лишь при примѣненіи ихъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ и не безусловно при всѣхъ дѣятеляхъ. Независимо такой частной, мѣстной, и стало-быть вполнѣ случайной пользы, такія мѣры не въ состояніи произвести общаго, органическаго улучшенія въ управленіи и бытѣ крестьянъ, а слѣдовательно и въ положеніи народнаго хозяйства вообще, такъ какъ причины, породившія общій упадокъ нравственнаго и экономическаго быта крестьянъ, лежатъ гораздо глубже мѣстныхъ только условій. Предстоящая реформа должна главнымъ образомъ имѣть въ виду эти основныя причины». Полтавская губернская управа, «признавая за каждымъ изъ поставленныхъ министерствомъ частныхъ вопросовъ второстепенное значеніе, не можетъ не отдать вопросу объ общей организаціи первенствующее значеніе». Херсонская приходитъ

къ убѣжденію «въ необходимости высказать правительству, что въ дѣлѣ устройства крестьянскихъ учрежденій палліативы ничего не помогутъ, что необходима всесторонняя серьезная работа по пересмотру всѣхъ тѣхъ установленій, касающихся крестьянства, которыя теперь оказываются неудовлетворительными и требуютъ новыхъ законодательныхъ коренныхъ реформъ». Тульская губернская управа, а съ нею и комиссія—высказываютъ, что «идею хорошаго крестьянскаго управленія чрезвычайно трудно отдѣлить отъ понятія о хорошемъ земскомъ самоуправленіи». Псковская губернская управа тоже высказывается за необходимость «коренного преобразованія не только однихъ крестьянскихъ учрежденій, но и всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющихъ къ нимъ отношенія».

Такимъ образомъ постановка, данная вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, оказалась не соотвѣтствующей ни дѣйствительному положенію вещей, ни желаніямъ земствъ. Нельзя не пожалѣть, что изъ ряда стоявшихъ на очереди вопросовъ, касающихся административной реформы, былъ выдѣленъ и переданъ на обсужденіе земства только частный вопросъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ. Правда, почти всѣ приведенныя въ «перечнѣ» предположенія возникли вслѣдствіе земскихъ ходатайствъ и, слѣдовательно, выдвинуты на очередь самими земствами; но кромѣ этихъ ходатайствъ въ портфеляхъ министерства, со времени введенія земскихъ учрежденій, накопилось множество другихъ заявленій, указывающихъ на необходимость пересмотра всѣхъ вообще мѣстныхъ учрежденій—и земскихъ, и полицейскихъ, и финансовыхъ и т. д. Да и само министерство въ то время признавало необходимость всеобъемлющей реформы: въ извѣстной рѣчи, обращенной къ редакторамъ петербургскихъ періодическихъ изданій, гр. Лорисъ-Меликовъ, указывая на намѣреніе правительства «дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстностей; привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшей доселѣ; дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ». Еслибы вопросъ былъ въ такомъ видѣ переданъ на разсмотрѣніе земствъ, эти послѣднія, конечно, доставили бы обильный матеріалъ для его разрѣшенія и болѣе цѣльныя соображенія, которыя въ значительной степени облегчили бы работы учрежденной впослѣдствіи «Кахановской» комиссіи... Между тѣмъ неясность и неопредѣленность вопроса вызвала, какъ мы уже указали, недоразумѣнія, доходившія иногда до того, что

раздавались голоса, предлагавшіе совершенно отказаться отъ представленія правительству требуемыхъ имъ заключеній. Такое предложеніе было сдѣлано саратовскому губернскому собранію гласнымъ В. Ѳ. Лятошинскимъ. Гласный находилъ, что «настоящій вопросъ выходитъ изъ круга дѣятельности земства, сосредоточенной исключительно на хозяйственныхъ распоряженіяхъ въ предѣлахъ губерніи, между тѣмъ какъ данный вопросъ—государственный. И хотя обращеніе правительства къ земству, у котораго оно впервые спрашиваетъ заключеніе по столь важному государственному вопросу, весьма отрадно, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Лятошинскаго, слѣдовало бы уклониться отъ отзыва, такъ какъ таковой могъ бы быть сообщенъ при убѣжденіи, что онъ принесетъ пользу, и при условіи, чтобы былъ высказанъ взглядъ вполнѣ правильный и соотвѣтствующій достоинству земства. Между тѣмъ сообщить такой именно отзывъ уже потому не представляется возможнымъ, что земству неизвѣстны самые предѣлы, въ которыхъ оно можетъ разсматривать данный вопросъ въ связи съ другими учрежденіями. При такихъ условіяхъ г. Лятошинскій, не ожидая пользы отъ заключенія земства, полагалъ бы отъ разсмотрѣнія настоящаго дѣла отстраниться» *).

Разсматривая земскіе труды по вопросу о преобразованіи мѣстнаго управленія, къ нимъ слѣдуетъ относиться такъ, какъ относятся къ нимъ сами земства: на нихъ надо смотрѣть какъ на работы подготовительныя, какъ на общіе очерки, нуждающіеся въ дальнѣйшей обработкѣ. Такимъ именно образомъ смотритъ на нихъ новгородская губернская управа. «Всѣ разсужденія и проекты земскихъ собраній, — говоритъ она, — очевидно, имѣютъ лишь характеръ подготовительной работы для того учрежденія, которому будетъ поручена окончательная разработка этого важнаго вопроса». При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ составлялись всѣ эти работы, поневолѣ должно было возникнуть опасеніе, что отзывы отдѣльныхъ земствъ, данные наскоро, по разнообразнымъ программамъ, могутъ послужить не къ выясненію вопроса, а напротивъ—къ невѣрному представленію о дѣйствительныхъ желаніяхъ страны. Вотъ почему многія земства, представляя правительству свои соображенія, признали необходимымъ высказаться и относительно тѣхъ способовъ окончательнаго разрѣшенія вопроса, которыми, по возможности, обезпечивался бы благопріятный исходъ дѣла, затрогивающаго самые жизненные интересы. По мнѣнію новгородской губернской земской управы, «масса разнообразныхъ земскихъ проектовъ, наполненныхъ деталями, можетъ только затруднить уясненіе общихъ началъ, принятыхъ земствомъ. При окончательной разработкѣ вопроса невозможно опредѣлить, какой именно проектъ наиболѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ и взглядамъ большинства населенія. Для этого невозможно ограничиться

*) „Журналы экстр. саратовскаго губерн. земск. собран. 6—12 іюня 1881 года“, стр. 19.

счетомъ земскихъ собраній, подавшихъ голосъ за тотъ или другой проектъ, коль скоро проекты эти касаются массы подробностей и, слѣдовательно, отличаются безконечнымъ разнообразіемъ. Невозможно также думать, чтобы правительство отдало предпочтеніе тѣмъ проектамъ, которые наиболѣе будутъ соотвѣтствовать вкусамъ лицъ, которымъ будетъ поручено разсмотрѣніе этихъ проектовъ». Управа съ своей стороны признаетъ нужнымъ, чтобы къ участію въ разсмотрѣніи проектовъ были приглашены мѣстные земскіе дѣятели, и чтобы печати была предоставлена возможно большая свобода для всесторонняго обсужденія этого вопроса, такъ какъ только такимъ путемъ всѣ вопросы получатъ надлежащее освѣщеніе [1]). То же пожеланіе высказывается и многими земскими собраніями. Такъ, по мнѣнію псковскаго губернскаго собранія, «важное значеніе реформы, вносящей коренныя измѣненія въ строй всего уѣзда, требуетъ особой осмотрительности и содѣйствія со стороны учрежденій и лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, извѣдавшихъ на себѣ всѣ неудобства существующихъ порядковъ и могущихъ изъ житейскаго опыта дать полезныя указанія» [2]). Курское губернское собраніе, съ своей стороны, постановило: «обратить вниманіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, что, по мнѣнію собранія, вслѣдствіе тѣсной связи крестьянскаго самоуправленія и земскаго, самая плодородность реформы крестьянскихъ учрежденій зависитъ отъ соотвѣтствующей реформы земскихъ учрежденій, и просить, чтобы при всѣхъ преобразованіяхъ по земскимъ и уѣздымъ учрежденіямъ г. министръ не обошелъ приглашеніемъ назначенныхъ губернскимъ собраніемъ лицъ, для совмѣстнаго обсужденія подлежащихъ вопросовъ, какъ это имѣло мѣсто при обсужденіи реформы 19 февраля 1861 г. и Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. — этихъ важнѣйшихъ законоположеній въ Бозѣ почившаго Вѣнценосца» [3]).

Бессарабское губернское собраніе, не успѣвшее разсмотрѣть вопросъ въ январьской сессіи 1881 года, за неполученіемъ отзывовъ отъ нѣсколькихъ уѣздныхъ собраній, постановило: «въ виду тѣхъ особенностей, которыя представляются въ Бессарабіи, гдѣ крестьянскихъ сословій никогда не было, гдѣ имѣются резешскія имѣнія, колоніи, и гдѣ часть губерніи, присоединенная по Берлинскому трактату, пользуется особыми учрежденіями, и въ виду того, что заключеніе губернскаго собранія можетъ запоздать,— поручить управѣ представить министерству внутреннихъ дѣлъ представленный ею собранію докладъ и просить о томъ, чтобы при разсмотрѣніи этого вопроса въ коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, участвовали бы и представители бессарабскаго земства» [4]).

---

[1]) „Докладъ очередному собранію 1881 г.“

[2]) „Доклады псковской губ. зем. управы и постановленія губ. зем. собр. въ XVII очер. съѣздѣ“, стр. 130.

[3]) *Земскій Ежегодникъ Курской губ.* за 1881 г., стр. 11.

[4]) *Вѣстникъ Бессарабскаго Земства* 1882 г., №№ 1—2, отд. III, стр. 246.

Приступая къ изложенію мнѣній земскихъ собраній, мы прежде всего остановимся на критической части ихъ работъ, на указаніяхъ ихъ относительно недостатковъ нынѣшнихъ мѣстныхъ учрежденій и причинъ, обусловливающихъ эти недостатки.

Современное положеніе мѣстнаго управленія.

I.

Большинство земствъ, оставаясь въ предѣлахъ, указанныхъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, обратило свое вниманіе исключительно на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ и только немногія вошли въ оцѣнку всего строя уѣзднаго управленія. Тѣмъ не менѣе, на основаніи земскихъ работъ, можно представить полную картину современнаго положенія этого управленія и его недостатковъ. По единогласному заявленію тѣхъ земствъ, которыя входили въ разсмотрѣніе этого вопроса, самый существенный порокъ нынѣшняго порядка заключается въ отсутствіи системы, единства и связи между учрежденіями, вѣдающими разныя отрасли управленія. Чуждыя другъ другу и по духу, и по составу, поставленныя внѣ прямой зависимости одно отъ другого, эти многочисленныя учрежденія дѣйствуютъ порознь, безъ общей руководящей программы, поневолѣ входя въ пререканія и столкновенія и тѣмъ задерживая правильный ходъ дѣла. «Разсматривая существующіе органы мѣстнаго управленія,—говоритъ образованная петербургскимъ губернскимъ собраніемъ коммиссія «объ изслѣдованіи условій, вредно вліяющихъ на экономическое положеніе С.-Петербургской губерніи»,—нельзя не убѣдиться, что въ учрежденіи ихъ не имѣется никакой руководящей системы мѣстнаго управленія; напротивъ, каждый органъ образованъ на совершенно самостоятельныхъ началахъ, и всѣ они не имѣютъ между собою ничего общаго; такимъ образомъ, учрежденія полицейскихъ управленій, исправниковъ, становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ основаны исключительно на бюрократическомъ началѣ, учрежденія крестьянскихъ присутствій, волостныхъ и сельскихъ управъ — основаны на сословномъ началѣ, учрежденія земскихъ собраній и управленій—на всесословномъ началѣ; всѣ эти учрежденія имѣютъ одну цѣль—благо населенія, и такъ какъ они дѣйствуютъ самостоятельно, то они должны или сталкиваться между собою въ своей дѣятельности, создавая вредный антагонизмъ между правительственными и общественными учрежденіями, или относиться совершенно равнодушно къ своимъ обязанностямъ. Мѣстное управленіе только тогда можетъ удовлетворять своей цѣли, когда оно основано на довѣріи къ населенію и когда оно имѣетъ въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть; при существующей же массѣ учрежденій въ уѣздахъ нѣтъ дѣйствительнаго органа правительственной власти, а также дѣйствительнаго самоуправленія» *).

*) „Докладъ коммиссіи“ (брошюра), стр. 20.

Ту же мысль высказываетъ и коммиссія воронежскаго губернскаго собранія. «Уѣздъ,—говоритъ она,—въ управленіи подчиненъ многоначалію, и это есть причина всеобщаго недовольства. Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь обвиняются: уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе—въ бездѣйствіи, полиція—въ самовольствѣ, земскія учрежденія—то въ бездѣйствіи, то въ неумѣлости. Обвиненія эти не несправедливы... Нынѣ въ уѣздѣ чувствуется недостатокъ власти, заботящейся объ условіяхъ, необходимыхъ для благосостоянія края, хотя есть земскія учрежденія; повсюду чувствуется недостатокъ той власти, которая ограждала бы личность и собственность, которая не допускала бы возможности преступнику легко укрываться отъ всякаго преслѣдованія, хотя есть полиція; повсюду видятся безпорядки и бездѣйствіе въ крестьянскомъ управленіи, хотя есть уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія». Причины всего этого заключаются, по мнѣнію коммиссіи, «главнымъ образомъ въ неудовлетворительной постановкѣ земскихъ учрежденій, полиціи и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; въ чрезмѣрномъ обремененіи обязанностями полиціи, въ перепутаніи между собою вѣдѣній различныхъ учрежденій, т. е. въ возложеніи обязанностей завѣдывать однимъ и тѣмъ же дѣломъ на различныя учрежденія, такъ что необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода этихъ дѣлъ требуется единодушное и согласное дѣйствіе различныхъ учрежденій, совершенно независимыхъ одно отъ другого, чего, однако, достигнуть трудно, какъ показалъ опытъ». Въ подтвержденіе своей мысли, коммиссія разсматриваетъ, «какъ распредѣляются заботы между различными органами уѣзднаго управленія объ удовлетвореніи самыхъ существенныхъ потребностей мѣстныхъ и общественныхъ»: по натуральной дорожной и подводной повинностямъ, по народному продовольствію, устройству селеній, народному здравію и народному образованію, — и приходитъ къ заключенію, что заботы эти «возложены на различныя, совершенно независимыя одно отъ другого учрежденія, причемъ одно и то же дѣло разчленяется и поручается различнымъ учрежденіямъ, съ разграниченіемъ вѣдѣній этихъ учрежденій, большею частью весьма неясными» *).

По мнѣнію симбирской «общей» коммиссіи, недостатки нынѣшней системы уѣзднаго управленія заключаются, съ одной стороны, «въ отсутствіи всякой связи между различными уѣздными учрежденіями и въ отсутствіи всякой солидарности въ ихъ дѣятельности», что «ведетъ на практикѣ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и пререканіямъ между представителями различныхъ уѣздныхъ властей»; съ другой — въ «ненормальномъ отношеніи органовъ уѣзднаго управленія къ органамъ волостного управленія: всѣ нынѣшнія уѣздныя власти состоятъ въ по-

*) „Журналы воронежскаго губ. зем. собр. 1881 г. Докладъ особой коммиссіи по вопросу о преобраз. мѣстн. по крестян. дѣламъ учрежд.“

ложеніи исключительно начальства въ отношеніи волостей, и наоборотъ—органы волостного управленія занимаютъ положеніе вполнѣ зависимое, исключительно подчиненное» *).

Указывая, вмѣстѣ съ другими, на тѣ же недостатки мѣстнаго управленія, новгородская губернская управа останавливается на крупной аномаліи его устройства, заключающейся въ томъ, что большинство населенія поставлено въ сторонѣ отъ меньшинства. «Большинство народонаселенія Россіи,—говоритъ она,—состоитъ изъ крестьянъ, а между тѣмъ вся сѣть мѣстнаго управленія пріурочена къ нуждамъ всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, для котораго существуютъ особыя сословныя учрежденія; такъ, напр., наши гражданскіе законы совершенно игнорируютъ обычное право крестьянъ. Такимъ образомъ законъ дѣлаетъ исключеніе для большинства, создавая общія учрежденія для меньшинства. Если подобная постановка дѣла имѣла смыслъ при существованіи крѣпостного права, то съ уничтоженіемъ его, когда крестьяне сдѣлались равноправными гражданами, является безусловная необходимость въ организаціи такихъ учрежденій, въ которыхъ находили бы удовлетвореніе интересы всѣхъ обывателей, безъ различія сословій. Другимъ, и притомъ самымъ существеннымъ, недостаткомъ нашего мѣстнаго управленія представляется полное отсутствіе солидарности, что особенно невыгодно отражается на учрежденіяхъ, вѣдающихъ дѣла крестьянства. Съ одной стороны имѣются чисто правительственныя учрежденія, а съ другой—общественныя, основанныя на выборномъ началѣ. Эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлятся на самостоятельныя группы, не имѣющія часто между собою ничего общаго. Земскія учрежденія, завѣдующія всѣми мѣстными нуждами, не имѣютъ почти ничего общаго съ учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ въ числѣ мѣстныхъ интересовъ самое видное мѣсто занимаютъ интересы большинства крестьянскаго населенія. Точно также земскія учрежденія совершенно отдѣлены отъ учрежденій административно-полицейскихъ, въ которыхъ сосредоточена вся исполнительная власть и безъ прямаго содѣйствія которыхъ земство не можетъ въ достаточной мѣрѣ проявлять свою дѣятельность и выполнять свои задачи. При такой ненормальной постановкѣ дѣла въ общественномъ сознаніи возникаетъ представленіе о правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, какъ о противоположныхъ элементахъ, и двѣ силы эти, имѣющія, по существу, однѣ и тѣ же задачи и цѣли, часто занимаются пререканіями, въ прямой ущербъ дѣлу». Учрежденіе разныхъ смѣшанныхъ присутствій и коммиссій, въ которыхъ объединяющимъ началомъ является предводитель дворянства, не достигло цѣли; при этомъ «вмѣшательство, или даже, можно сказать, руководящее значеніе предводительской власти, какъ элемента чисто сословнаго, въ учрежденіяхъ крестьянскихъ и земскихъ

*) „Труды", стр. 103.

безсословныхъ представляетъ совершенную аномалію, которая настолько ясна сама по себѣ, что едва ли нуждается въ доказательствахъ, если посмотрѣть на все дѣло съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, а не спеціально со стороны интересовъ одного сословія» *).

Такое положеніе дѣла не можетъ не имѣть крайне вредныхъ послѣдствій,—оно, говоря словами калужской губернской коммиссіи, производитъ «неурядицу, которая очень невыгодно отражается на дѣятельности всѣхъ уѣздныхъ учрежденій, что, конечно, крайне вредно вліяетъ на развитіе жизни народа и его благосостояніе». Происходящее отъ этого много-и разновластіе, вредныя стороны котораго усиливаются еще отсутствіемъ точнаго разграниченія предметовъ вѣдомства отдѣльныхъ учрежденій, ставитъ въ затрудненіе и всѣхъ тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ властью и самихъ представителей послѣдней. По словамъ коммиссіи рязанскаго губернскаго собранія, у насъ «властей много, а подчиненный одинъ—крестьянство. Трудно угодить одному господину, каково же угождать цѣлымъ десяткамъ, вполнѣ другъ отъ друга независимыхъ, господъ? И какъ разобрать, что можетъ и чего не можетъ такое-то начальство, когда его послушаться и когда, наоборотъ, оказать ему отказъ и сообщить высшему начальству о превышеніи власти со стороны такого-то? Вотъ на это-то исканіе *высшаго начальства*, способнаго разсудить дѣло, уходитъ у неграмотныхъ крестьянъ пропасть времени». «Лица, пожившія въ уѣздѣ,—говоритъ коммиссія далѣе,—могли бы привести высоко-трагическіе и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма комичные примѣры исканія начальства какою-нибудь неграмотною матерью многочисленнаго крестьянскаго семейства, состоящаго изъ малолѣтнихъ. Да что мудренаго, что у неграмотнаго крестьянина при этомъ закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ самъ не съумѣетъ объяснить послѣднему изъ начальствующихъ лицъ, къ которому обратится, чѣмъ онъ недоволенъ и чего добивается,—есть множество случаевъ, что и сами должностныя лица становятся, какъ говорится, въ тупикъ и не знаютъ, что и кому изъ нихъ подвѣдомственно» **).

«Неурядица» въ мѣстномъ управленіи, на которую жалуются многія земства и устраненіе которой представляется особенно желательнымъ, явилась естественнымъ послѣдствіемъ того хода, который имѣли реформы прошлаго царствованія. Послѣднія производились по частямъ; для каждаго новаго дѣла создавались новыя учрежденія, нагромождавшіяся безъ опредѣленнаго плана, безъ пріуроченія ихъ къ какой-либо общей системѣ. Система, существовавшая дотолѣ, разстроилась и не была замѣнена новою, отчего и получилось совмѣщеніе системъ, взаимно одна другую исключающихъ. «Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ нашей нынѣшней административно-общественной организаціи,—по мнѣнію коммиссіи самарскаго губерн-

*) „Докладъ очередному земск. собранію 1881 года".

**) „Журналы рязанск. губ. земск. собранія X чрезв. созыва въ маѣ 1881 года", стр. 157.

ского земства,—служить почти повсемѣстный антагонизмъ между органами правительственными и общественными. Несмотря на всю странность и неестественность такого рода отношеній между учрежденіями, которыя по закону должны преслѣдовать одну общую цѣль народнаго благосостоянія, это явленіе объясняется весьма просто историческимъ путемъ, которымъ возникли наши новыя общественныя учрежденія. Въ быстрой преобразовательной дѣятельности прошлаго царствованія новыя общественныя формы создавались совершенно независимо отъ всего остального государственнаго строя—продукта политическихъ и общественныхъ принциповъ, несовмѣстныхъ съ требованіями новой народной жизни. Понятно, что прямымъ послѣдствіемъ отсутствія живой органической связи между старыми и новыми учрежденіями этой связи не оказалось и въ ихъ практической дѣятельности» *). Калужская коммиссія указываетъ, что прежнія учрежденія, при введеніи новыхъ, не подверглись необходимымъ преобразованіямъ. «Основаніе настоящему строю мѣстнаго уѣзднаго управленія,—говоритъ она,—положено «учрежденіемъ о губерніяхъ», создавшимъ земскіе суды, преобразованные въ настоящія полицейскія управленія. Земскіе суды въ первоначальной ихъ организаціи сосредоточивали въ себѣ все уѣздное управленіе: на нихъ была возложена обязанность удовлетворять всѣ потребности уѣзднаго населенія, насколько эти потребности въ то время выяснились и были извѣстны. Суды эти сосредоточивали въ себѣ функцію судебную, собственно полицейскую, административную и наконецъ хозяйственную, или, другими словами, они держали въ рукахъ своихъ всю власть въ уѣздѣ. Несмотря на рядъ великихъ преобразованій, совершившихся въ прошлое царствованіе,—преобразованій, измѣнившихъ до основанія жизнь уѣзда и его потребности, полиція въ существѣ своемъ, по закону, по крайней мѣрѣ, осталась и до настоящаго времени съ тѣмъ же кругомъ административно-полицейской и хозяйственной власти, въ какомъ она за 100 лѣтъ тому назадъ была организована». Существующая неурядица «явилась послѣдствіемъ того, что настоящее мѣстное управленіе сложилось путемъ нѣсколькихъ одна за другою слѣдовавшихъ реформъ, при которыхъ созидаемыя вновь учрежденія въ большинствѣ случаевъ не согласовались съ учрежденіями, уже существующими, и эти послѣднія оставались безъ измѣненія, въ прямое противорѣчіе съ законами, вновь созидаемыми; такъ это съ очевидною ясностью видно изъ того, что въ сферѣ полицейскихъ обязанностей и до сихъ поръ содержится та хозяйственная дѣятельность, которая всецѣло передана въ руки земства» **). Все это вызвало ненормальность постановки вновь созданныхъ учрежденій. Такъ учрежденія земскія заняли положеніе, совершенно несоотвѣтствующее ихъ

*) „Постановленія XVII очер. самарскаго губернскаго земскаго собранія". стр. 878.

**) „Докладъ коммиссіи" (брошюра ненумеров.).

дѣйствительному значенію,—положеніе, въ значительной степени зависимое отъ администраціи. По словамъ воронежской комиссіи, земскія учрежденія, говоря о нихъ, какъ объ органахъ управленія, должны быть признаны безправными: дѣятельность ихъ связана другими учрежденіями и преимущественно полиціею. «Земскимъ учрежденіямъ приданъ характеръ хозяйственный; имъ предоставлено право установленія сборовъ и изданіе различнаго рода постановленій, право же осуществленія, т. е. непосредственнаго распоряженія къ понужденію и выполненію постановленій земскихъ учрежденій, предоставлено полиціи, облеченной административною властью: дѣятельность земскихъ учрежденій постольку будетъ имѣть существенное значеніе, поскольку полиція будетъ имѣть желаніе оказать имъ свое содѣйствіе». Не будучи снабжены необходимою властью, земскія учрежденія страдаютъ и другимъ недостаткомъ: они лишены необходимой связи съ крестьянскимъ населеніемъ, лишены вліянія на него и, въ свою очередь, не испытываютъ на себѣ его вліянія. «Земство,—говоритъ тульская губернская управа,—естественно должно стремиться къ упроченію крестьянскаго благосостоянія, такъ какъ крестьянство составляетъ главную численную и даже имущественную податную земскую силу; но крестьянское представительство въ земскихъ собраніяхъ такъ незначительно и поставлено во многихъ мѣстностяхъ въ такія условія, что не имѣетъ вліянія на рѣшенія собранія и потому остается безучастнымъ къ земскому дѣлу» *). Съ другой стороны, по словамъ кролевецкаго земства, «представители земства видятъ, какъ производятся незаконные сборы съ обывателей, какъ старшины, безъ разрѣшенія сходовъ, производятъ расходы, не записываютъ въ книги денежныхъ поступленій, оставляютъ безъ разбора въ волостныхъ судахъ по 1.000 дѣлъ, не записываютъ по книгамъ денегъ, взысканныхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и проч.,—все это видятъ и не могутъ устранить, потому что вся власть предоставлена уѣздному присутствію» **).

II.

Обособленіе сословнаго крестьянскаго управленія, въ эпоху освобожденія крестьянъ, было безусловно необходимо: въ то время не было учрежденій, которыя были бы въ состояніи принять это новое дѣло въ свое завѣдываніе, такъ какъ всѣ они были построены на принципѣ крѣпостного права. Но это обособленіе не принесло желанныхъ результатовъ: крестьянское самоуправленіе не упрочилось и, по свидѣтельству многихъ земствъ, находится въ крайне печальномъ положеніи. «Въ настоящее время,—говоритъ псковская уѣздная управа въ принятомъ собраніемъ докладѣ,—волостные сходы, при обсужденіи и рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ, пред-

*) „Докладъ чрезв. тульскому губ. зем. собранію", стр. 10.
**) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 12, стр. 173.

ставляютъ образецъ безпорядка, отсутствія законности и справедливости. Весьма часто дѣла разрѣшаются такъ или иначе не въ видахъ интересовъ населенія, а за водку. Голосъ порядочныхъ людей на сходѣ, являющихся въ меньшинствѣ, заглушается необузданною толпою людей, всегда жаждущихъ выпивки. Разные подряды на счетъ мірскихъ суммъ отдаются за высокую цѣну тому, кто болѣе поставитъ вина. На общественныя должности избираются тѣ изъ желающихъ, которые даютъ болѣе на водку. Дѣла разрѣшаются не большинствомъ голосовъ, а нѣсколькими горланистыми вожаками. Такой безобразный порядокъ на волостномъ сходѣ служитъ соблазномъ для всего крестьянскаго управленія и имъ легко проникается все. Отсюда проистекаетъ главная причина безотраднаго положенія крестьянскаго самоуправленія» *). Въ не лучшемъ положеніи находятся и сельскіе сходы. «Сначала, подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ,—говоритъ коммиссія орловскаго губернскаго собранія,—вновь образованныя установленія дѣйствовали болѣе или менѣе удовлетворительно, но теперь они до крайности извратились. Сельскіе сходы, за весьма рѣдкими исключеніями, удовлетворяютъ самымъ законнымъ требованіямъ своихъ сочленовъ не иначе, какъ при соблюденіи безнравственнаго обычая—угощенія водкою, получившаго повсемѣстное распространеніе. На этихъ сходахъ нерѣдки даже случаи явнаго нарушенія правъ отдѣльныхъ членовъ общества въ угоду лицамъ постороннимъ. Основанія общиннаго землевладѣнія и круговой поруки подрываются частными отступленіями, безъ всякой нужды, безъ всякаго разумнаго повода, и всего чаще это дѣлается въ обиду сиротамъ и убогимъ. О призрѣніи сихъ послѣднихъ давно забыли и думать, какъ будто это ни по старому обычаю, ни по закону никогда и не вмѣнялось обществу въ обязанность; а распоряженія схода относительно безпомощныхъ лицъ обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что у нихъ отбираютъ надѣлы и пускаютъ ихъ по-міру. Для осуществленія своего права въ кругу общинныхъ отношеній человѣку иногда приходится выдержать продолжительную и небезопасную борьбу противъ насилія сочленовъ и злоупотребленій ближайшихъ мѣстныхъ властей... По дѣламъ общественнаго благоустройства и хозяйства сельскіе сходы и старосты обнаруживаютъ полное равнодушіе и безпечность даже тогда, когда насущныя нужды общества не требовали бы ни труда, ни расходовъ, а лишь самаго простого и легко исполнимаго распоряженія» **).

Такими же приблизительно чертами рисуетъ современное положеніе крестьянскаго управленія подкоммиссіи Бессарабской губернской коммиссіи по еврейскому вопросу. «Правящая въ селѣ единица, сельскій сходъ,—

*) „Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губ. зем. собранія XVII очер. сессіи. Сводъ особыхъ предположеній уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губ.“, стр. 3.

**) „Докладъ коммиссіи“ (брошюра), стр. 24.

говоритъ она,—учрежденіе прекрасное по идеѣ. Казалось бы, кому и заботиться объ общемъ благѣ, какъ не сходу, не всѣмъ тѣмъ, чьи интересы и составляютъ это общее благо; но въ дѣйствительности, на дѣлѣ, сельскіе и волостные сходы представляютъ весьма неотрадную картину общественныхъ собраній, не имѣющихъ никакой самостоятельности и постоянно находящихся подъ вліяніемъ то кулаковъ изъ своего общества, то волостныхъ старшинъ и, въ особенности, писарей, то разныхъ другихъ должностныхъ и частныхъ лицъ. Обсужденіе дѣлъ на сходахъ производится мало-развитою толпою, которая очень часто должна быть сгоняема на сходку понудительными мѣрами и которая, трактуя о дѣлахъ, или шумитъ, не вынося никакого опредѣленнаго рѣшенія, или насильно подчиняется первому мнѣнію, идущему отъ лица, по ея мнѣнію, компетентнаго,—лишь бы оно избавило отъ скучной обязанности быть на сходѣ и дало возможность скорѣе заняться не терпящими отлагательства собственными дѣлами. И это еще въ лучшемъ случаѣ; нерѣдко же бываетъ, что когда сходки собрать нельзя, а между тѣмъ приговоръ требуется настоятельно, то писарь, по написаніи приговора, подписываетъ всѣхъ неграмотныхъ, часто мертвыхъ и находящихся въ отлучкѣ, выбирая имена ихъ и фамиліи изъ ревизскихъ сказокъ, а грамотные приглашаются къ подписи впослѣдствіи. Значительное число дѣлъ, возникающихъ въ судебныхъ учрежденіяхъ о составленіи подложныхъ приговоровъ, обусловливается именно такимъ положеніемъ дѣлъ. Но до судебнаго разбирательства доходитъ только самое ничтожное число подобнаго рода приговоровъ,—преимущественно тѣ, въ которыхъ дѣло касается интересовъ какого-либо посторонняго грамотнаго лица; большая же часть общественныхъ дѣлъ рѣшается именно такими фиктивными приговорами, вслѣдствіе чего и самый порядокъ рѣшенія дѣлъ на общихъ сходахъ является одною формальностью». При такомъ положеніи,—продолжаетъ подкоммиссія,—«сельская общественная единица не имѣетъ никакой самостоятельности. Стоящая надъ нею вторая инстанція сельскаго управленія — волостной сходъ и волостное правленіе—находится только въ наружной связи съ селомъ, въ сущности же учрежденіе стоитъ особнякомъ, не имѣя органической связи ни снизу, ни сверху. Волость для села является однимъ изъ цѣлаго ряда разнородныхъ начальствъ, которыя всѣ, такъ или иначе, наблюдаютъ за селомъ, но чужды ему. Близость волости чувствуется селомъ исключительно лишь въ періодъ сбора податей, когда старшины и засѣдатели, побуждаемые другою властью, побуждаютъ, въ свою очередь, село къ взносу платежей. Затѣмъ село и самая волость остаются въ своихъ хозяйственныхъ и, въ тѣсномъ смыслѣ слова, общественныхъ дѣлахъ безъ всякой связи съ уѣздомъ и губерніей и вмѣстѣ съ тѣмъ лишены собственнаго почина, а потому и не способны къ самодѣятельности» *).

*) *Вѣстникъ Бессарабскаго Земства* 1882 г., №№ 1—2, отд. III, стр. 175.

Органы крестьянскаго самоуправленія со временемъ потеряли тотъ характеръ, который первоначально приданъ былъ имъ Положеніемъ 19 февраля: изъ органовъ управленія хозяйственнаго они обратились теперь почти исключительно въ агентовъ общей полиціи, и эта перемѣна не могла не отразиться на ихъ дѣятельности. По свидѣтельству новозыбковскаго уѣзднаго земскаго собранія, «волостныя и сельскія крестьянскія учрежденія, поставленныя закономъ въ зависимость отъ полицейскихъ властей по уплатѣ разныхъ слѣдуемыхъ съ нихъ платежей, всю свою дѣятельность направляютъ на удовлетвореніе этихъ требованій, къ обязанностямъ же своимъ общественнымъ они относятся вполнѣ безразлично, почему волостное правленіе настоящаго его типа представляетъ сколокъ съ присутственнаго мѣста старыхъ временъ, со всѣми его дурными традиціями, массою безжизненной бумажной работы, проволочкою, канцелярскою тайною». Вслѣдствіе этого и неудовлетворительности волостного суда, «лишеннаго всякаго вліянія на исполненіе своихъ рѣшеній, въ большей части не исполняющихся», — «въ селахъ полный произволъ сельскихъ властей, богатыхъ крестьянъ, кулаковъ и т. п.» *). Сельскіе старосты, при новыхъ условіяхъ, перестали быть слугами міра и сдѣлались слугами полиціи. «Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами общества и, какъ уполномоченный сельскаго схода, слѣдить постоянно за интересами сельскаго общества», сельскій староста, по словамъ уфимской губернской управы, «въ настоящее время оказывается какимъ-то полицейскимъ агентомъ, лицомъ, подчиненнымъ всѣмъ чинамъ общей полиціи, исполняющимъ безпрекословно ихъ велѣнія и одновременно находящимся въ извѣстной зависимости отъ волостного старшины. Такая обязанность, при ничтожномъ вознагражденіи, до того фальшива и тяжела, что порядочные крестьяне всѣми средствами ея избѣгаютъ и она выпадаетъ на долю совершенно неспособныхъ и негодныхъ людей. Староста, между тѣмъ, по своимъ отношеніямъ къ полицейской власти, можетъ всегда найти средство, при малѣйшей снаровкѣ, причинить любому крестьянину всякаго рода непріятности. Неудивительно,—замѣчаетъ управа,—что, имѣя во главѣ полицейскаго агента, не пользующагося уваженіемъ и поставленнаго въ двусмысленное положеніе, общество лишено всякой самостоятельности, всякаго самоуваженія и что оно способно на тѣ безобразія, которыя столь часто проявляются; общность хозяйственныхъ интересовъ, долженствующая направлять и сдерживать общество, не въ силахъ побороть вліянія развращающаго начала, введеннаго въ сельское управленіе» **). Устоять противъ этихъ вліяній крестьянская община была не въ силахъ потому, что ей дана неправильная постановка: въ общинномъ управленіи были смѣшаны два рода задачъ—хо-

*) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 2, стр. 154.

**) *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* 1882 г., № 7, отд. II, стр. 25.

зяйственныя и административныя. «Сельское общество, по мысли крестьянскаго Положенія 19 февраля 1861 г. (ст. 40 Общ. Пол.), должно было представлять собою общину, т. е. хозяйственный союзъ крестьянъ, связанныхъ общимъ земельнымъ надѣломъ. Но въ послѣдующихъ статьяхъ того же законоположенія были допущены существенныя отступленія отъ этого начала въ пользу принципа однопомѣстности при образованіи сельскихъ обществъ. Въ настоящее время мы видимъ въ сѣверныхъ губерніяхъ какъ у государственныхъ, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ, за весьма малымъ исключеніемъ, полное несоотвѣтствіе или несовпаданіе этихъ трехъ понятій: общины, селенія и сельскаго общества. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ мы встрѣчаемъ селенія, состоящія изъ нѣсколькихъ общинъ и, въ силу принципа однопомѣстности, изъ такого же числа сельскихъ обществъ; часть нѣсколькихъ селеній по той же причинѣ входитъ въ составъ одного сельскаго общества, и, наконецъ, у государственныхъ крестьянъ хотя селеніе совпадаетъ съ общиною или представляетъ часть общины, но у нихъ сельское общество въ рѣдкихъ случаяхъ совпадаетъ съ селеніемъ, а по большей части нѣсколько селеній или нѣсколько общинъ составляютъ одно сельское общество». Указывая на эту сторону организаціи сельскаго общественнаго управленія и построеннаго на немъ волостного, новгородское губернское собраніе приходитъ къ заключенію, что «причиною отсутствія самодѣятельности въ сферѣ крестьянскаго самоуправленія, причиною осужденія органовъ этого управленія на степень низшихъ служебныхъ органовъ другихъ вѣдомствъ, является не одно только отсутствіе общественныхъ, сословно-крестьянскихъ интересовъ, не одна только передача всѣхъ общественныхъ интересовъ, а въ томъ числѣ и крестьянскихъ, въ вѣдѣніе земства, но между прочимъ и то, что сельское общественное управленіе, организованное по закону 19 февраля 1861 г., не было строго-послѣдовательно связано съ общиною, какъ хозяйственною единицею, а потому и не могло пріобрѣсти значеніе общинно-хозяйственнаго управленія» *).

Еще болѣе, чѣмъ сельское, поддалось извращенію управленіе волостное. Созданная искуственно, организація волостей, еще въ эпоху составленія Положенія о крестьянахъ, вызывала серьезныя опасенія. Еще въ то время указывалось, что волостныя правленія, подъ вліяніе которыхъ должны поступить многія общества, чуждыя другъ другу, составятъ только бюрократическую централизацію, крайне тягостную для крестьянъ и совершенно безполезную для мѣстной администраціи. Тутъ не будетъ и тѣни самоуправленія: волостныя правленія скоро обратятся въ особыя инстанціи, и волостной старшина будетъ отличаться отъ другого помѣщика только тѣмъ, что онъ будетъ угнетать крестьянъ, никогда не по-

*) Заключеніе новгородскаго губ. земск. собр. „Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1881 г.“, стр. 115.

могая имъ въ ихъ нуждахъ. Опасенія эти вполнѣ оправдались. По свидѣтельству многихъ земствъ, волостныя правленія обратились въ низшія административныя учрежденія, совершенно безполезныя для крестьянъ и только обременяющія ихъ крупными расходами. «По отсутствію почвы и органической связи съ населеніемъ, — говоритъ уфимская губернская управа,—учрежденія эти лишены самостоятельности и окончательно погублены возложеніемъ на нихъ общеполицейскихъ обязанностей». Волостное правленіе «обращено въ низшую чисто-полицейскую инстанцію, зараженную всѣми пороками, свойственными такого рода учрежденіямъ, и единолично управляемую полновластнымъ старшиной или писаремъ, смотря по тому, кто изъ нихъ умнѣе и изворотливѣе». На волостныя правленія возложена масса работы, исполненіе которой «мыслимо только при условіи отношенія къ дѣлу съ чисто формальной стороны, вполнѣ безучастно, порядкомъ, усвоеннымъ въ бюрократической средѣ. Волостной старшина, при такомъ положеніи дѣла, превратился въ чиновника, и волостной сходъ не можетъ имѣть никакого значенія» *). Волость въ настоящее время совершенно утратила характеръ органа сословнаго крестьянскаго управленія. Она, по мнѣнію таврической губернской управы, «не есть органическое соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, вытекающее изъ дѣйствительной потребности ихъ соединенія въ волостномъ сходѣ, а лишь административное, искуственное соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, часто не имѣющихъ никакихъ общественныхъ интересовъ; оттого для хозяйственныхъ дѣлъ крестьянъ не представляется надобности ни въ волости, ни въ ея волостномъ сходѣ». Волостное управленіе обходится крестьянскому населенію дорого: въ 1878 г. на губернію 105 т. руб.,—а между тѣмъ въ отношеніи завѣдыванія хозяйственными дѣлами волости оказывается совершенно безполезнымъ. «Разсматривая за нѣсколько лѣтъ вѣдомости мірскихъ расходовъ Таврической губерніи, оказывается, что ни въ одной русской волости нѣтъ волостныхъ сборовъ ни на предметы, относящіеся до хозяйственныхъ надобностей цѣлой волости, ни на предметы общественнаго призрѣнія. Всѣ подобнаго рода расходы пріурочены къ сельскому обществу. Такъ школы, фельдшера, оспопрививатели, содержаніе и ремонтъ церквей—все это относится къ сельскимъ, а не волостнымъ расходамъ, и къ заботамъ сельскаго, а не волостного схода» **).

Но, потерявъ значеніе органа крестьянскаго, волость все болѣе и болѣе обременялась дѣлами, чуждыми ея прямаго назначенія. «Съ одной стороны, — говоритъ коммиссія московскаго губернскаго земства, — по соображеніямъ чисто финансовымъ, въ видахъ сокращенія расходовъ по содержанію должностныхъ лицъ, границы волости стали понемногу рас-

*) Назв. *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* (тамъ же).

**) „Пренія и постанов. таврическаго губ. зем. собр. чрезв. сессіи, апрѣль 1881 г.“, стр. 40.

ширяться и съ уменьшеніемъ числа волостей въ уѣздѣ волость стала принимать такіе размѣры, которые все болѣе и болѣе отдаляли ее отъ той среды, которой она призвана была служить. Съ другой стороны, возникновеніе новыхъ потребностей, созданіе новыхъ учрежденій вызвали массу разнородныхъ дѣлъ, требовавшихъ исполнителей, и волостью, какъ учрежденіемъ уже существующимъ, воспользовались для того, чтобы возложить на нее дѣла, которыя собственно не входили въ кругъ ея прямыхъ обязанностей. Наконецъ и частные владѣльцы, не находя подъ руками такого учрежденія, которое бы имѣло своимъ назначеніемъ служить ихъ интересамъ, стали тянуть къ волости. Такимъ образомъ нынѣшняя крестьянская волость, сохраняя оффиціально характеръ сословный, въ дѣйствительности получила характеръ безсословный. Съ крестьянствомъ волость сохранила только одну связь — въ учрежденіи волостного крестьянскаго суда; во всемъ остальномъ связь эта рушилась и за волостью осталось развѣ только то, что она служитъ посредствующимъ звѣномъ между сельскимъ общественнымъ самоуправленіемъ и уѣздными учрежденіями хозяйственными и полицейскими». А между тѣмъ содержаніе 153 волостныхъ правленій обходится крестьянскому населенію губерніи въ 310 тыс. руб. въ годъ *).

Подвергаясь внѣшнимъ давленіямъ, и въ силу вещей измѣняя постепенно свой первоначальный характеръ, крестьянское общественное управленіе не могло получить правильнаго развитія, не могло упрочиться, какъ ожидали составители Положенія 19 февраля. Тѣ начала, которыя положены въ основаніе этого Положенія, по словамъ херсонской губернской управы, «заглохли и остаются неизвѣстными не только крестьянскимъ обществамъ, но и начальствующимъ въ волостяхъ лицамъ, и тѣ надежды, которыя возлагались на органы этого самоуправленія, не оправдались. Изъ всѣхъ правъ, дарованныхъ нашему крестьянскому сословію, и изъ всѣхъ обязанностей, вытекающихъ изъ этихъ правъ, крестьяне усвоили себѣ одно право, заучили одну обязанность — это своевременную уплату податей и земскихъ сборовъ. Въ эту же сторону была направлена и вся дѣятельность органовъ общественнаго ихъ управленія, и рвеніе этихъ органовъ было такъ велико въ этомъ, что подушная подать взыскивалась иногда даже съ тѣхъ лицъ, которыя платить ее не должны. Усвоивъ себѣ идею платежа повинностей и испытавъ на себѣ всевозможныя проявленія самоуправства, при исполненіи означенными органами этой операціи, крестьянинъ въ то же время остается безъ всякаго попеченія, безъ всякаго руководства; какъ на примѣръ этого, непремѣнный членъ александрійскаго уѣзднаго присутствія указываетъ на поразительный, но вполнѣ достовѣрный фактъ, что до сихъ поръ крестьяне бывшихъ военныхъ по-

*) „Докладъ (№ 34) коммиссіи по вопросу объ измѣненіи мѣстныхъ по крест. дѣл. учрежд.“ (брошюра), стр. 35.

селеній остаются въ невѣдѣніи своихъ правъ выкупа земли, отведенной имъ по владѣннымъ записямъ» *). Съ тѣмъ же фактомъ — невѣдѣніемъ крестьянами своихъ правъ—встрѣчаемся на противоположномъ концѣ Россіи — въ Петербургской губерніи. Непремѣнный членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія А. И. Бландовъ свидѣтельствуетъ, что, объѣзжая въ 1879 и 1880 годахъ волостныя правленія, онъ «могъ убѣдиться, что большинство населенія весьма смутно понимаетъ свои права и обязанности» **). Тульская губернская управа тоже утверждаетъ, что крестьяне, со времени освобожденія, не успѣли еще пріобрѣсти навыка къ самоуправленію: «Двадцать лѣтъ тому назадъ,— говоритъ она, — имъ (крестьянамъ) 19 февраля дана была желанная свобода, указаны были широкія формы самоуправленія и дарована была возможность выработать самимъ, съ помощью данныхъ имъ руководителей, формулы жизни, въ которыхъ могло бы удобно уложиться новое свободное существованіе. Вездѣ и во всемъ проявляющійся практическій смыслъ крестьянъ долженъ бы былъ выработать эти формы въ теченіе прошедшихъ двадцати лѣтъ, еслибы дарованная имъ свобода и учрежденія не подвергались постоянной ломкѣ и измѣненіямъ, которыя уменьшали размѣръ дарованной свободы и ставили крестьянъ въ новыя полу-крѣпостныя отношенія къ начальству, которое уже не могло имѣть къ крестьянамъ даже и тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя, въ лицѣ добрыхъ и справедливыхъ помѣщиковъ, нѣсколько умѣряли тяготы крѣпостной зависимости,—и потому двадцать лѣтъ пропали даромъ для гражданскаго воспитанія крестьянскаго сословія, которое, поживъ два-три года послѣ уничтоженія крѣпостного права въ чаду отъ дарованной свободы и не успѣвъ съ нею освоиться и твердо установить правила, которыхъ необходимо держаться свободному человѣку для того, чтобы хорошо и безбѣдно жить, снова подпало подъ гнетъ административнаго начальства, которому мало-по-малу подчинились и мировые посредники и всѣ выборныя крестьянскія власти, переставшія существовать для крестьянъ и начавшія исполнять безконечныя административныя приказанія начальства». При нынѣшнемъ многовластіи, вступиться за крестьянина, избавить его отъ всякихъ обидчиковъ некому, а «распорядки разные да приказанія и запреты идутъ, при полномъ безправіи и безпомощности крестьянскаго населенія, въ которомъ тяжкою трудовою жизнью и этимъ безправіемъ и беззащитностью даже чувство собственнаго человѣческаго достоинства уничтожается. Возвыситься достоинству крестьянина трудно, когда онъ видитъ, что выборные его старосты и старшины то и дѣло сидятъ въ холодныхъ за то только, что не выбиваютъ изъ него подати, и

*) Херсонское губ. земск. собр. XXIII сессіи. Прилож.

**) „Прилож. къ докладу коммиссіи для изслѣд. условій, вредно вліяющихъ на эконом. полож. С.-Пб. губ.“ (брошюра).

потому добросовѣстнаго и достойнаго человѣка трудно сдѣлалось уговорить въ старшины или старосты» *).

Съ иной точки зрѣнія смотритъ на дѣло симбирская «общая земская коммиссія». Указывая на «безпорядки и злоупотребленія» въ волостныхъ правленіяхъ, начавшіе развиваться безпрепятственно съ того времени, «когда волостныя правленія и все крестьянское сословіе остались безъ руководства, послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ», коммиссія усматриваетъ причину этого въ неспособности крестьянъ къ самоуправленію. «Двадцатилѣтній опытъ,—говоритъ она,—показалъ, что крестьянское сословіе не обладаетъ необходимыми элементами самоуправленія внѣ предѣловъ общиннаго быта, не можетъ выставить изъ своей среды достаточное число лицъ, способныхъ къ служебной дѣятельности, требующей самостоятельности. Безъ надлежащаго руководства должностныя лица крестьянскаго сословія весьма нерѣдко подпадаютъ подъ самыя дурныя вліянія и не могутъ поддерживать авторитетъ предоставленной имъ власти». Но, произнося такой рѣшительный приговоръ надъ способностью крестьянъ къ болѣе широкому самоуправленію, коммиссія, сама того не замѣчая, тутъ же его и опровергаетъ: изъ ея же словъ оказывается, что непригодность волостныхъ должностныхъ лицъ вызывается не чѣмъ инымъ, какъ тѣми условіями, въ которыя, независимо отъ нихъ, поставлена ихъ служебная дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ «главными причинами неудовлетворительности волостныхъ правленій», по мнѣнію коммиссіи, кромѣ уже указанной, являются: «зависимое и подчиненное отношеніе волостныхъ правленій къ представителямъ всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и право, предоставленное уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и уѣзднымъ исправникамъ подвергать волостныхъ старшинъ аресту, который считается въ глазахъ крестьянъ позорнымъ наказаніемъ». Такое подчиненное положеніе волостныхъ старшинъ, по свидѣтельству самой коммиссіи, «отнимаетъ у нихъ всякій нравственный авторитетъ въ средѣ населенія волости». Далѣе коммиссія указываетъ на «обремененіе волостныхъ правленій массой порученій отъ различныхъ вѣдомствъ по хозяйственной, административной, полицейской, финансовой и другимъ частямъ управленія, удовлетвореніе коихъ является не по средствамъ нынѣшнему составу волостныхъ правленій, которыя не имѣютъ ни времени, ни умственныхъ и образовательныхъ силъ для работъ, на нихъ возлагаемыхъ» **). Можно ли же, при такихъ условіяхъ, которыя, по свидѣтельству многихъ земствъ, вызываютъ уклоненіе отъ волостной службы лицъ «способныхъ и самостоятельныхъ», ссылаться на «опытъ», какъ «доказательство неспособности» цѣлаго сословія? Что волостные старшины «весьма нерѣдко подпадаютъ подъ самыя вредныя вліянія», это совершенно справедливо,

*) „Докладъ чрезвыч. тульскому губ. зем. собр.“ (брошюра), стр. 4.
**) „Труды“, стр. 86.

но этого факта недостаточно, чтобы на основаніи его строить тотъ выводъ, къ которому приходитъ коммиссія. Пусть припомнитъ она недавнее прошлое, когда всѣ учрежденія въ уѣздѣ состояли подъ предсѣдательствомъ избранниковъ того самаго сословія, способностей котораго къ административной дѣятельности коммиссія не отрицаетъ, и она должна будетъ сознаться, что и дворянскіе предводители, уѣздные судьи и проч., подобно нынѣшнимъ волостнымъ старшинамъ, «весьма нерѣдко подпадали подъ самыя вредныя вліянія», что въ тѣхъ учрежденіяхъ полновластно царилъ «секретарь», какъ въ нынѣшнихъ волостныхъ правленіяхъ царитъ «писарь». Обвинять, на основаніи этого факта, дворянство въ неспособности было бы совершенно несправедливо, тѣмъ болѣе, что то же сословіе, при новыхъ условіяхъ, при большей свободѣ, уже успѣло проявить способности, которыхъ дотолѣ оно не проявляло. Того же, мы убѣждены, можно ожидать и отъ крестьянства.

III.

Ближайшее завѣдываніе крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ было возложено на особыя учрежденія, имѣвшія цѣлью, съ одной стороны, устроить поземельныя отношенія крестьянъ, съ другой—«упрочить крестьянское управленіе на началахъ Положенія 19 февраля 1861 года въ такой степени, чтобъ управленіе сіе могло быть современемъ передано въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій административныхъ учрежденій». Въ теченіе двадцати лѣтъ составъ и организація учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ успѣли кореннымъ образомъ измѣниться: мировые посредники, учрежденные въ 1861 году, въ 1874 году замѣнены присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ. Однако, несмотря на продолжительность своего существованія и на измѣненіе организаціи, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не достигли второй изъ поставленныхъ имъ задачъ: крестьянское самоуправленіе подъ ихъ руководствомъ не упрочилось и не улучшилось. Обыкновенно въ ихъ дѣятельности усматриваютъ два момента: эпоха мировыхъ посредниковъ такъ-называемаго «перваго призыва», о которой обыкновенно вспоминаютъ съ уваженіемъ и благодарностью, и послѣдующее время, въ теченіе котораго дѣятельность учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ вызывала много жалобъ и нареканій. Въ измѣненіи личнаго состава мировыхъ посредниковъ очень часто видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка этого института. «Оглядываясь на прошлое, — говоритъ самарская губернская управа,—нельзя не придти къ заключенію, что въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, первые года отличаются отъ послѣдующихъ горячимъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ дѣлу лицъ, призванныхъ руководить имъ, истиннымъ пониманіемъ интересовъ населенія и быстрымъ ростомъ крестьянскаго самоуправленія. Мировые посредники перваго призыва пользовались гораздо большею самостоятельностью относительно администраціи, чѣмъ

посредники послѣдующихъ призывовъ, и пока администрація не наложила на ихъ дѣятельность свою тяжелую руку, они вкладывали въ дѣло всю свою душу и дѣло быстро шло впередъ; распутывались запутанныя отношенія, помѣщики и крестьяне приходили къ взаимнымъ соглашеніямъ; въ среду народа проникали здравыя понятія объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, и только-что нарождающееся самоуправленіе дѣлало твердые шаги на пути развитія. Но ужь со времени второго призыва начались иныя вліянія и администрація все болѣе и болѣе съуживала самостоятельность мировыхъ посредниковъ, доходя въ своихъ требованіяхъ до содѣйствія мировыхъ посредниковъ полиціи при выбиваніи податей. Такое низведеніе посредниковъ до уровня простыхъ исполнителей административныхъ велѣній не могло не отразиться на дѣлѣ. Люди гордые и самолюбивые,—люди, которымъ дорогъ былъ интересъ дѣла, отшатнулись отъ посредничества, когда увидѣли, что отъ нихъ требуютъ невозможнаго—соединенія общественнаго самоуправленія съ административной опекой. Тѣ же изъ нихъ, которые думали продолжать прежній характеръ дѣла, скоро убѣдились въ невозможности проведенія мѣръ, почему-либо неугодныхъ администраціи, опустили руки и изъ числа правъ и обязанностей мировыхъ посредниковъ обратили главное вниманіе на право полученія содержанія. Ихъ мѣста заняли, въ большинствѣ, люди другого характера, другихъ воззрѣній, для которыхъ путеводною звѣздой въ дѣлѣ устройства крестьянскаго самоуправленія служили циркуляры административной власти. Борьба сдѣлалась невозможною и идея самоуправленія, положенная въ основу крестьянскаго быта, все тушевалась и тушевалась предъ подавляющей властью опеки, нерѣдко переходившей въ полный произволъ» *).

Измѣненію личнаго состава мировыхъ посредниковъ придаютъ важное значеніе и составители Положенія 27 іюня 1874 года. «Въ личномъ составѣ и въ дѣятельности мировыхъ крестьянскихъ учрежденій мало-помалу произошла замѣтная перемѣна,—читаемъ мы въ «Соображеніяхъ», принятыхъ въ основаніе этого законоположенія. — Институтъ мировыхъ посредниковъ первоначально привлекъ къ себѣ лучшія силы общества, а потому и дѣятельность посредниковъ была въ первое время весьма успѣшна и заслужила общее одобреніе. Но впослѣдствіи лучшіе изъ первоначальныхъ дѣятелей вышли, по тѣмъ или другимъ причинамъ, изъ посредниковъ и замѣнены большею частью лицами, сравнительно гораздо слабѣйшими. Вслѣдствіе этого изо всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній начала обнаруживаться неудовлетворительность дѣятельности большинства мировыхъ посредниковъ».

Какъ ни важенъ, самъ по себѣ, личный составъ учрежденія, однако перемѣна его, при прочихъ равныхъ условіяхъ, не можетъ имѣть рѣши-

*) „Постановл. чрезвыч. самарскаго губ. зем. соб. 1881 года“ (мартъ), стр. 146.

тельнаго вліянія на ходъ послѣдняго. Поэтому значеніе, придаваемое факту выхода мировыхъ посредниковъ «перваго призыва», нельзя не признать преувеличеннымъ, тѣмъ болѣе, что фактъ этотъ совершился не внезапно, не въ силу какого-либо единовременнаго мѣропріятія. Какъ извѣстно, служба мировыхъ посредниковъ была безсрочна; одновременнаго обновленія этого института ни разу произведено не было, и были лица, которыя занимали должность мирового посредника въ теченіе всего періода ея существованія. Оставленіе первыми мировыми посредниками службы по крестьянскимъ учрежденіямъ совершалось постепенно и не могло имѣть такого рѣшительнаго вліянія, какое ему приписывается. Причины упадка какъ мирового института, такъ и крестьянскаго управленія были гораздо болѣе серьезны и общи. Указывая на происшедшій поворотъ въ отношеніяхъ общества къ мировымъ учрежденіямъ, коммиссія самарскаго губернскаго собранія говоритъ слѣдующее: «Въ обществѣ и прессѣ, относившихся вполнѣ сочувственно къ мировому институту, начинаетъ проявляться противоположное направленіе и измѣненное учрежденіе получаетъ подраздѣленіе на посредниковъ перваго и втораго призывовъ. Первымъ отдаются симпатіи и признательность общества, на долю вторыхъ остаются одни порицанія. Но было бы ошибочно причину такого поворота въ общественномъ настроеніи искать только въ томъ, что, за выбытіемъ посредниковъ перваго призыва, замѣстившія ихъ лица по своимъ нравственнымъ качествамъ не отвѣчали будто бы своему назначенію и тѣмъ уронили дѣятельность мирового института, бывшую дотолѣ полезною. По мнѣнію коммиссіи, усиливавшееся неудовольствіе общества противъ мировыхъ посредниковъ слѣдуетъ признавать за признакъ нароставшаго въ обществѣ сознанія о неудовлетворительности самыхъ началъ, положенныхъ въ основаніе устройства быта крестьянъ,—за единственно возможный для общества протестъ противъ несостоятельности экономическихъ и общественно-административныхъ порядковъ, созданныхъ Положеніемъ 19 февраля, а также противъ дѣйствій бюрократіи, для которой всегда ненавистны находящіяся близъ нея и отъ нея независящія учрежденія, и которая успѣла уже къ этому времени, если не путемъ закона, то фактически, посредствомъ разныхъ циркуляровъ, ослабить самостоятельность мирового института» *).

Самое измѣненіе состава мировыхъ посредниковъ вызывалось измѣненіемъ условій, въ которыя было поставлено дѣло. Одну изъ причинъ этого явленія таврическая губернская управа видитъ въ неправильной постановкѣ, данной крестьянскимъ учрежденіямъ: «они были введены особнякомъ, безъ связи съ остальнымъ административнымъ и полицейскимъ устройствомъ уѣзда. Такая обособленность сдѣлала ихъ безсиль-

*) „Докладъ коммиссіи по вопросамъ объ измѣн. нѣкотор. постанов. Положенія 27 іюля 1874 года. Постанов. XVII очер. самарскаго губерн. зем. соб.“, стр. 853.

ными къ борьбѣ съ подавляющимъ вліяніемъ прочно установившейся административной и полицейской власти. Вначалѣ эти власти, опасавшіяся, что введеніе въ дѣйствіе Положенія 19 февраля повлечетъ за собою волненіе крестьянъ и безпорядки, бороться съ которыми считали себя неподготовленными, устранились отъ этого, казавшагося имъ опаснымъ, дѣла и передали его всецѣло въ руки мировыхъ посредниковъ. Послѣдніе воспользовались даннымъ имъ просторомъ для обращенія своей дѣятельности на пользу крестьянъ, помѣщиковъ и государственныхъ интересовъ. Кому неизвѣстна плодотворная дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва! Она обусловливалась не только личными качествами этихъ почтенныхъ дѣятелей, но и—главнымъ образомъ—ихъ полною независимостью отъ всякаго административнаго и полицейскаго вліянія. Но чуть прошли первые годы, какъ та и другая власть съ особою энергіей стали возстановлять свое, временно ослабѣвшее, вліяніе на крестьянъ, въ чемъ и успѣли. По мѣрѣ усиленія административнаго вліянія, лучшіе люди стали покидать мѣста мировыхъ посредниковъ, уступая ихъ людямъ, не столько преданнымъ дѣлу. Вслѣдствіе этого мировыя учрежденія стали все болѣе и болѣе терять присущее имъ значеніе и дошли до того, что само правительство признало необходимымъ преобразовать ихъ, замѣнивъ мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами, а мировые съѣзды—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Но такъ какъ главная причина неудачи — преобладающее вліяніе мѣстной администраціи и полиціи—не была устранена, то и эти новыя учрежденія оказались столь же безплодными, какъ и прежнія» *).

Въ 1874 году мировые посредники и ихъ съѣзды уступили мѣсто новому учрежденію — присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, но дѣло отъ этого не выиграло. Новое учрежденіе очень скоро обнаружило тѣ же недостатки, какими страдало прежнее, вызвало тѣ же самыя жалобы. Въ самомъ дѣлѣ, описаніе дѣятельности нынѣшнихъ присутствій и ихъ непремѣнныхъ членовъ, изложенное въ приложеніяхъ къ циркуляру 1880 года, сильно напоминаетъ отзывы о дѣятельности мировыхъ посредниковъ, помѣщенные въ соображеніяхъ къ закону 27 іюля 1874 года.

«Большинство посредниковъ,—читаемъ мы въ послѣднемъ изъ названныхъ документовъ,—по отзыву губернаторовъ отличается равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ и бездѣйствіемъ. Многіе изъ нихъ въ теченіе цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка, а другіе ни одного раза не посѣтили волостей государственныхъ крестьянъ съ самаго времени передачи сихъ послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники живутъ безвыѣздно въ своихъ помѣстьяхъ, ограничиваясь или перепиской съ во-

*) „Пренія и постанов. таврическ. губ. зем. собр. чрезвыч. сессіи 1881 г.“, стр. 32.

лостными и сельскими начальниками, или вызовомъ ихъ къ себѣ... Общій, по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, недостатокъ большинства нынѣшнихъ посредниковъ — бездѣйствіе — отражается преимущественно на дѣлахъ крестьянскаго управленія, по коимъ обязанности ихъ имѣютъ болѣе нравственный, чѣмъ юридически опредѣленный характеръ».

А вотъ что говорится о нынѣшнихъ непремѣнныхъ членахъ: «Губернаторы подтверждаютъ недостаточную дѣятельность непремѣнныхъ членовъ. Поземельное дѣло требуетъ отъ нихъ очень мало времени, и ихъ дѣятельность ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ на засѣданія уѣздныхъ присутствій, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ, нерѣдко отстоящихъ на дальнемъ разстояніи отъ города. Отправленіе въ ихъ усадьбы имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и значительныхъ расходовъ. Крестьяне, прибывая въ городъ, не знаютъ, куда имъ обращаться по ихъ дѣламъ. Нерѣдко непремѣнныхъ членовъ нельзя найти и въ усадьбахъ, такъ какъ они часто, безъ всякаго разрѣшенія, уѣзжаютъ и вовсе изъ уѣзда и даже изъ губерніи». Дѣлопроизводство уѣзднаго присутствія «идетъ медленно и невполнѣ исправно».

Въ земской средѣ дѣятельность новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ встрѣчаетъ еще менѣе сочувствія, нежели дѣятельность мировыхъ посредниковъ,—большинство земствъ высказывается безусловно за ихъ упраздненіе и передачу подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ другимъ учрежденіямъ — существующимъ, или вновь проектируемымъ. Наиболѣе рѣзко противъ этого института высказываются гласные «отъ сельскихъ сословій» хорольскаго, Полтавской губерніи, уѣзднаго собранія. Ставя учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ въ вину то, въ чемъ въ дѣйствительности они не виноваты, — неокончаніе до сихъ поръ устройства поземельныхъ отношеній крестьянъ съ помѣщиками («мы видимъ половину крестьянъ еще временно-обязанныхъ, часть ихъ вовсе не имѣетъ надѣловъ и тщетно хлопочетъ о нихъ, часть до сихъ поръ на издѣльной повинности, т. е. это тѣ же крѣпостные»), хорольскіе гласные приходятъ къ заключенію, что «въ теченіе 20 лѣтъ крестьянскія учрежденія не исполнили главнаго своего назначенія, а это есть лучшее доказательство ихъ безполезности. Будучи безполезны, они еще вредны, внося путаницу въ общій порядокъ управленія чрезъ смѣшеніе властей» *). И вообще современное положеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ описывается въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; ихъ организація признается вполнѣ неудовлетворительной.

«Добытая посредствомъ кабинетной работы, безъ указаній людей дѣла и практики, мысль—составить учрежденіе по крестьянскимъ дѣламъ изъ

*) „Соображенія и заключ. уѣздн. земск. учр. Полтавской губ.“ и пр. (брошюра), стр. 52.

представителей всѣхъ, существующихъ въ уѣздѣ и губерніи, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, съ придачею къ нимъ, въ качествѣ главной рабочей силы, непремѣннаго члена, должна была,—говоритъ самарская коммиссія,—казаться мыслью самой счастливой. Понадобится ли проведеніе какого-либо спѣшнаго распоряженія и наблюденіе за его исполненіемъ,—представитель полиціи, исправникъ, въ числѣ членовъ присутствія. Понадобятся ли свѣдѣнія и указанія чисто хозяйственнаго свойства,—главный хозяинъ уѣзда, предсѣдатель земской управы, тоже въ числѣ членовъ присутствія. Встрѣтится ли надобность въ указаніяхъ юридическаго характера, для разрѣшенія правовыхъ вопросовъ,—представитель юстиціи, въ лицѣ почетнаго мироваго судьи, тоже въ числѣ членовъ присутствія. Но на практикѣ дѣятельность уѣзднаго присутствія, при такомъ его составѣ, даетъ далеко не благопріятные результаты...» «Неудачная организація уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—говоритъ далѣе коммиссія,—безвозмездное служеніе членовъ и отсутствіе закона о раздѣленіи между ними труда—служатъ причиною того, что, за недостаткомъ рабочихъ силъ, дѣло наблюденія за крестьянскимъ самоуправленіемъ перешло, по преимуществу, въ руки не установленнаго закономъ, но созданнаго въ силу необходимости, должностного лица—наемнаго дѣлопроизводителя» *). По отзыву уѣздныхъ земскихъ собраній Херсонской губерніи, нынѣшнія крестьянскія учрежденія по самому существу своему не удовлетворяютъ задачѣ, имъ поставленной. Составленныя изъ разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ никакого дѣйствительнаго жизненнаго отношенія къ крестьянству, къ его нуждамъ,—съ преобладающимъ, подавляющимъ вліяніемъ полиціи, спеціальные интересы которой совершенно противуположны интересамъ крестьянства, неподчиненныя контролю дѣйствующихъ выборныхъ собраній, учрежденія эти, при самомъ возникновеніи своемъ, не предвѣщали хорошихъ результатовъ. Семилѣтній опытъ подтвердилъ это. Благодаря своему составу—изъ лицъ, занятыхъ другими служебными обязанностями, присутствія могутъ вести дѣло только канцелярскимъ способомъ. «Разсматривая въ одно засѣданіе 100 и болѣе дѣлъ и имѣя передъ собою кипу мертвой бумаги, они поневолѣ относятся къ своему дѣлу вполнѣ бюрократически, т. е. отписываютъ и подписываютъ бумаги, самой же сути дѣла нѣтъ и быть не можетъ: оно погребено подъ грудой канцелярской переписки. Результатомъ такого мертваго отношенія является, что во многихъ мѣстахъ, какъ это удостовѣряетъ одесская уѣздная управа, по прошествіи болѣе 6 лѣтъ со дня учрежденія крестьянскаго присутствія, понятіе о его существованіи имѣютъ лишь только волостные старшины и писаря, да немногіе землевладѣльцы, большинство же населенія, для пользъ и нуждъ которыхъ присутствіе устроено, и незнаютъ о немъ ничего вовсе». Крестьянское управленіе, подъ руководствомъ присутствій,

*) „Постановл. XVII очер. самарскаго губ. зем. собр.“, стр. 857.

не только не улучшилось, но ухудшилось. Въ дѣлѣ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и порядкомъ въ обществахъ они даже не замѣнили мировыхъ посредниковъ, напротивъ того, они, невольнымъ образомъ, послужили причиной упадка тѣхъ зачатковъ законности и порядка, которые были водворены мировыми посредниками перваго призыва. Право дисциплинарныхъ взысканій съ волостныхъ старшинъ и старостъ, предоставленное одному только члену крестьянскаго присутствія—исправнику, дало ему преобладающее вліяніе, принизило выборныя сельскія власти и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣйствовало угнетающимъ образомъ на крестьянъ. Исправники, вооруженные особою властью относительно должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, какъ будто явились поставленными для преслѣдованія двухъ противоположныхъ цѣлей, одна другую исключающихъ. Радѣтели крестьянскихъ нуждъ и процвѣтанія, они, по спеціальному своему положенію, явились противниками этого процвѣтанія, вынуждены, какъ можно раньше, какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало, взыскивать всѣ повинности. Присутствіе, въ полномъ составѣ, представляетъ изъ себя «разнохарактерное начальство, но не то, что нужно крестьянамъ,—не руководящее, помогающее ихъ развитію» *).

При разнородности состава, при обремененіи каждаго изъ членовъ другими обязанностями, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ пользуются полною безотвѣтственностью. «Недѣятельность каждаго члена присутствія,—говоритъ воронежская губернская коммиссія,—находитъ оправданіе въ прямыхъ обязанностяхъ; поэтому дѣятельность присутствія покоится на доброй волѣ, желаніи, но не на обязанности, не на строгой отвѣтственности за недѣятельность. А такое учрежденіе мало полезно». Земство Вятской губерніи видитъ главный недостатокъ присутствій въ отсутствіи живой связи ихъ съ населеніемъ. По словамъ губернской управы, «относительно уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій всѣ уѣздныя земскія собранія высказались за неудовлетворительность ихъ въ настоящемъ ихъ положеніи, составѣ и компетенціи. Они не имѣютъ ничего общаго съ населеніемъ, находясь вдали отъ него, въ городѣ, не могутъ знать въ подробности его пользъ, нуждъ и средствъ, впадаютъ въ формализмъ, являются не только безполезными, но и непрактичными. Въ составъ ихъ входятъ лица только по праву занятія другихъ прямыхъ должностей, требующихъ именно всего ихъ вниманія и поставляющихъ имъ цѣли, не всегда согласныя съ дѣйствительными интересами крестьянскаго населенія. Между тѣмъ собственно крестьянскаго элемента въ составѣ ихъ нѣтъ; въ нихъ нѣтъ выборныхъ членовъ изъ крестьянъ, дѣлами которыхъ они завѣдуютъ, разсматриваютъ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ, поставляющихъ свои рѣшенія не по закону, а по обычаю» **).

*) „Докладъ херсонской губ. зем. упр.—Херсонское губ. зем. собр. XXIII сессіи". Прилож., стр. 73.

**) „Журналы вятскаго губ. земскаго собранія XV очер. сессіи (1881)", т. II, стр. 278.

Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ непригодность присутствій, коммиссія стародубскаго земства указываетъ еще на то, что они не обладаютъ качествомъ, необходимымъ для второй инстанціи самоуправленія. «Такая инстанція,—говоритъ коммиссія,—должна представлять гарантіи величайшаго безпристрастія и непоколебимѣйшаго чувства законности. Первое условіе — независимость трибунала, составляющаго вторую инстанцію самоуправленія; онъ долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобъ имѣть всю возможность оградить самоуправленіе. Второе условіе, чтобъ и самъ онъ былъ чуждъ элементовъ произвола и административнаго усмотрѣнія; вторая инстанція самоуправленія есть не начальство, но стражъ и блюститель закона. Присутствія этихъ условій не представляютъ. Условія независимости они не выполняютъ потому, что въ составъ ихъ входитъ уѣздный исправникъ, назначаемый и отрѣшаемый администраціей; условія законности—потому, что, по натурѣ своей, они учрежденіе административное; условія безпристрастія—потому, что стоятъ недостаточно высоко и далеко отъ мѣстныхъ столкновеній» *).

IV.

Совершившееся въ 1874 году преобразованіе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ нанесло послѣдній ударъ самостоятельности крестьянскаго самоуправленія, подчинивъ его органы безграничному почти вліянію полиціи. «До введенія новаго учрежденія,—говоритъ московская уѣздная управа,—крестьянское управленіе могло быть охраняемо «отъ всякихъ постороннихъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній»; оно знало одну власть—мирового посредника; теперь эта власть раздвоилась, будучи передана въ равной мѣрѣ независящимъ другъ отъ друга органамъ—присутствію и исправнику, причемъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣдняго. Присутствіе дѣйствуетъ коллегіально и потому, естественно, медленно; исправникъ дѣйствуетъ единолично и потому быстро. Присутствіе не можетъ оказать подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ защиты, не можетъ «охранить ихъ отъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній», потому что исправникъ не отвѣтственъ предъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не обязанъ давать ему отчета. Мало того, съ согласія губернатора, исправникъ можетъ примѣнить даже такую рѣшительную мѣру, какъ удаленіе должностного лица отъ должности, и коллегіальное присутствіе обязано подчиниться» **).

Вліяніе полиціи на крестьянское управленіе покоится, главнымъ образомъ, на предоставленномъ уѣзднымъ исправникамъ правѣ подвергать сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ дисциплинарнымъ взысканіямъ,—правѣ, которымъ, при желаніи, можно пользоваться въ размѣрахъ болѣе

*) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 12, стр. 24.
**) *Земство* 1881 г., № 49.

широкихъ, нежели установлено закономъ. По словамъ тираспольскаго земства, «исправники имѣютъ полную возможность злоупотреблять предоставленнымъ имъ правомъ. Не желая или не находя для себя удобнымъ приступать къ законнымъ мѣрамъ взысканія недоимокъ, исправники безусловно требуютъ отъ старшинъ, чтобы недоимки были уплачены; при неисполненіи этихъ требованій, не входя въ разборъ, насколько виноваты старшины, исправники подвергаютъ ихъ дисциплинарной отвѣтственности. Такимъ образомъ, тогда какъ исправное поступленіе сборовъ благодѣтельно отражается на исправникахъ благоволеніемъ начальства, вся тяжесть за неисправное поступленіе ложится на волостныхъ старшинъ. Кромѣ того, исправникъ, пользуясь дисциплинарною властью надъ старшинами, можетъ злоупотреблять ею въ томъ смыслѣ, что если ему неугоденъ какой-нибудь старшина, то путемъ постоянныхъ взысканій онъ можетъ довести старшину до того, что тотъ долженъ будетъ отказаться отъ должности» *). Притомъ, какъ замѣчаетъ михайловское, Рязанской губ., земское собраніе, крестьянскія должностныя лица подпали подъ вліяніе не одного исправника, а всѣхъ полицейскихъ чиновъ. «На практикѣ оказалось, что съ предоставленіемъ означенной власти явилось лишь болѣе злоупотребленій, такъ какъ волостные старшины и сельскіе старосты сдѣлались черезъ это подчиненными не однимъ исправникамъ, а всей вообще исполнительной полиціи, какъ-то: полицейскихъ надзирателей, становыхъ приставовъ и даже полицейскихъ урядниковъ, потому что исправникъ, въ дѣлѣ взысканія, дѣйствуетъ чрезъ этихъ чиновниковъ, а эти послѣдніе всю свою бездѣятельность могутъ сложить на вину старшинъ и въ отвѣтѣ передъ исправникомъ остается одинъ старшина или староста. Затѣмъ самъ исправникъ лично не можетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ безпристрастно, такъ какъ за всѣ получаемые отъ губернатора выговоры и замѣчанія за неуспѣхъ денежныхъ сборовъ, который явится послѣдствіемъ его собственной нераспорядительности, можетъ возложить всю вину на старшинъ и съ этою цѣлью подвергать ихъ произвольно различнымъ карамъ» **).

Возложенныя на полицію обязанности по взысканію податей оказываютъ, по отзывамъ земствъ, вредное вліяніе не только на ходъ крестьянскаго самоуправленія, но и на прямую дѣятельность самой полиціи и на крестьянское благосостояніе. Полиція,—говоритъ воронежская губернская коммиссія, — «законно отвлекаясь отъ дѣйствительныхъ своихъ обязанностей — охраненія безопасности лицъ и имуществъ, предупрежденія и пресѣченія преступленій, — исключительно занята ролью сборщика податей. А изъ этой, ей несвойственной, роли, которая тѣмъ не менѣе поставлена такъ, что успѣхъ поступленія податей, часто ни-

*) „Докладъ херсонской губ. зем. управы", стр. 71.

**) „Журн. рязанскаго губ. земск. собр. X чрезв. созыва (май 1881 г)", стр. 236.

сколько не зависящій отъ дѣятельности полиціи, ставится ей въ заслугу,— и вытекаетъ тотъ образъ ея дѣйствій, который даетъ право и основаніе обвинять ее въ самовольныхъ дѣйствіяхъ». По мнѣнію мензелинскаго уѣзднаго земскаго собранія, исправникъ, «какъ человѣкъ пришлый, зависящій отъ начальства и единственно старающійся ему угодить, не заинтересованъ въ благосостояніи крестьянъ и не думаетъ о послѣдствіяхъ мѣръ, принимаемыхъ имъ въ данную минуту; этимъ только и объясняется возможность такого факта, что раздаваемое земствомъ нуждающимся жителямъ пособіе на продовольствіе тутъ же взыскивается полиціей въ уплату податныхъ недоимокъ» *).

Съ другой стороны, по отзыву калужской коммиссіи, «тяжесть налоговъ, падающихъ на крестьянское сословіе, и обѣдненіе его, уже признанныя правительствомъ, обусловливаются какъ самыми размѣрами платежей, такъ и настоящею системой ихъ взиманія. «Уѣздный исправникъ, получая постоянныя напоминанія о безнедоимочномъ взысканіи разныхъ платежей, обязанъ въ точности исполнять предписанія своего начальства, не обращая иногда должнаго вниманія на положеніе недоимщиковъ и на причины, недоимки вызвавшія. Большую часть своего времени вся уѣздная полиція употребляетъ на взысканія податей въ ущербъ дѣятельности въ сферѣ своего прямого назначенія... (строка точекъ въ подлинникѣ). Полиція при настоящемъ взысканіи податей, вмѣсто того, чтобы быть защитникомъ населенія, по обязанностямъ своимъ, а очень часто и изъ желанія угодить своему начальству, притѣсняетъ это населеніе. Такими глазами, по крайней мѣрѣ, смотрятъ крестьяне на полицію. По незнанію законовъ, они въ продажѣ своего имущества и въ наказаніи должностныхъ лицъ видятъ незаконныя дѣйствія полиціи. Аресты должностныхъ выборныхъ лицъ въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для буяновъ-пьяницъ, воровъ и мошенниковъ, роняютъ достоинство этихъ должностныхъ лицъ и убиваютъ авторитетъ ихъ въ глазахъ народа. Наказанія эти и крайне отяготительные для старшинъ вызовы ихъ исправниками привели къ тому, что порядочные крестьяне отказываются наотрѣзъ отъ общественныхъ должностей, почему ихъ нерѣдко занимаютъ люди сомнительныхъ способностей и нравственности. При этомъ очень часто старшины и старосты подвергаются исправникомъ наказаніямъ не за бездѣйствіе ихъ, а единственно только за существованіе недоимки, которую общество не можетъ заплатить по бѣдности своей или временной несостоятельности. Такія наказанія, очевидно несправедливыя, роняютъ въ глазахъ народа достоинство полицейской власти и подрываютъ въ немъ къ ней уваженіе. Что народъ именно такъ понимаетъ эти наказанія, видно изъ того, что крестьяне очень часто принимаютъ на свой счетъ штрафы, на должностныхъ лицъ исправниками налагаемые». Вотъ почему почти всѣ уѣздныя

*) *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* 1882 г., № 7, стр. 17.

земства, — исключеніе составляютъ очень немногія, — высказываются за уничтоженіе дисциплинарной власти исправника и очень многія—за освобожденіе полиціи отъ фискальныхъ обязанностей.

Значеніе полиціи и вліяніе ея на крестьянское управленіе усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ стоитъ непосредственный начальникъ ея—губернаторъ. «Составъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія изъ большинства чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, даетъ,— по мнѣнію самарской комиссіи,—въ результѣ невозможность опредѣлить, гдѣ кончается губернаторская канцелярія и начинается губернское присутствіе, такъ что, по справедливости, послѣднее слѣдуетъ считать непосредственнымъ продолженіемъ первой; поэтому масса жалобъ, по которымъ губернаторская канцелярія могла бы и должна бы отвѣчать, передается въ губернское присутствіе. Нерѣдки случаи, когда предсѣдатель присутствія, какъ начальникъ полиціи, поступающія на его имя жалобы на сельскіе сходы, на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія—передаетъ для дознаній уѣдному исправнику. Такимъ образомъ, вмѣсто установленныхъ закономъ органовъ, чины полиціи производятъ изслѣдованіе, повѣряютъ документы волостного управленія и допрашиваютъ не только обвиняемыхъ — старшинъ или старостъ, но иногда и тѣхъ членовъ уѣздныхъ присутствій, которые производили уже мѣстное, по этимъ жалобамъ, дознаніе по порученію присутствій. Этимъ путемъ административно-полицейская власть изъ своего преобладающаго, по закону, значенія постепенно, шагъ за шагомъ, перешла къ опекѣ, а затѣмъ и къ полному произволу въ дѣлѣ крестьянскаго самоуправленія» *).

Организація полицейской власти, занимающей такое выдающееся, можно сказать господствующее, положеніе въ нынѣшнемъ строѣ мѣстнаго управленія, страдаетъ, по отзыву земства, серьезными недостатками. Приведемъ здѣсь мнѣніе смоленскаго губернскаго собранія. Указывая вмѣстѣ съ другими земствами на обремененіе полиціи заботами о взысканіи податей, собраніе отмѣчаетъ еще слѣдующія неудобства нынѣшняго ея устройства: «Полицейскіе станы часто распредѣлены неудобно для мѣстнаго населенія, а становыя квартиры нерѣдко устроены и не въ центрѣ становъ, и не тамъ, гдѣ нужна близость полиціи. Недавно учрежденная должность полицейскихъ урядниковъ, не представляя надежнаго обезпеченія для предупрежденія и пресѣченія преступленій, весьма вредно отзывается на бытѣ крестьянъ, часто подвергаемыхъ взысканіямъ вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдомъ-урядникомъ». Наконецъ, «вся тяжесть низшей полицейской службы падаетъ исключительно на однихъ крестьянъ, такъ какъ она отбывается натуральною повинностью: изъ среды крестьянъ назначаются сотскіе и десятскіе, исполняющіе приказанія и порученія полиціи и часто

*) „Постанов. XVII очер. собр.“, стр. 859.

вызываемые вдаль отъ ихъ мѣста жительства. Сверхъ того безпрестанный вызовъ сельскихъ старостъ къ исправникамъ, въ станы и въ волостныя правленія, а также употребленіе ихъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, внѣ предѣловъ ихъ обществъ, мѣшаютъ исполненію ими обязанностей по общественному крестьянскому управленію» *). Кромѣ этихъ частныхъ недостатковъ, въ самомъ существѣ полиціи и ея отношеніи къ уѣздному управленію лежитъ причина ненормальности ея положенія. «При настоящей организаціи мѣстной полиціи,— говоритъ новгородская губернская управа,—уѣздные исправники являются представителями совершенно особой правительственной власти, власти губернской администраціи, и при сліяніи полицейской власти съ должностью сборщиковъ податей дѣятельность мѣстной полиціи, въ дѣлѣ крестьянскаго управленія, выражается главнымъ образомъ въ преслѣдованіи интересовъ фиска. Оторванные отъ мѣстныхъ интересовъ, поставленные внѣ контроля общественнаго мнѣнія и находящіеся въ прямой зависимости лишь отъ далеко отстоящихъ губернскихъ властей, высшіе чины уѣздной полиціи не могутъ проникнуться сознаніемъ своей солидарности съ интересами разрозненныхъ и непричастныхъ къ нимъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Точно такъ же дѣятельность ихъ, освобожденная отъ близкаго общественнаго контроля, не можетъ отличаться желанною правильностью, такъ какъ дѣйствительный контроль немыслимъ со стороны далеко отстоящей губернской власти» **).

В. С.

---

*) *Земство* 1882 г., № 20.

**) „Доклады губ. собр. 21 марта 1881 г.“—„Сборн. постанов. земск. собранія Новгор. губ. за 1881 г.“

Указанія на богатства сѣверной полосы Россіи.

Въ разное время встрѣчались въ печати сочиненія ученыхъ путешественниковъ и литераторовъ о сѣверѣ Россіи; неоднократно посылались морскія, дорого стоющія, экспедиціи для изслѣдованія путей Ледовитымъ океаномъ и Карскимъ моремъ къ сибирскимъ рѣкамъ Ленѣ, Оби и Енисею. Первыя доставляли только поверхностныя и большею частію научныя свѣдѣнія; послѣднія ограничивались уже ранѣе извѣстными указаніями и о путяхъ давали отрицательные отзывы, вполнѣ подтверждали недоступность морскихъ сообщеній Европы съ Сибирью. Одни руководились цѣлями получать отъ правительства болѣе или менѣе значительныя вознагражденія, другія исполняли лишь служебныя обязанности и дорого оцѣнивали свои труды.

Частная предпріимчивость по изслѣдованію невѣдомыхъ странъ въ Европѣ существуетъ съ давнихъ временъ; она руководится любознательностью къ открытію новыхъ торговыхъ путей. Въ Россіи же эта предпріимчивость составляетъ величайшую рѣдкость.

Починъ этого дѣла мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ дѣятелѣ, сѣверянинѣ г. Сидоровѣ, который, по чувству патріотизма и любознательности, имѣя въ виду государственные и общественные интересы, посвятилъ лучшую пору жизни и большую часть трудомъ пріобрѣтенныхъ матеріальныхъ средствъ на изслѣдованіе и изученіе малоизвѣстныхъ сѣверныхъ окраинъ.

Слабый очеркъ нашъ не въ силахъ передать впечатлѣнія, производимаго дѣятельностію г. Сидорова. Время отъ времени еще въ шестидесятыхъ годахъ встрѣчались въ разныхъ изданіяхъ отрывочныя свѣдѣнія объ этой дѣятельности; потомъ въ 1870 году была издана г. Сидоровымъ особая книга: «Сѣверъ Россіи», въ которой болѣе подробно обращается вниманіе на положеніе сѣвера и разсматриваются богатства его природы. Начиная съ 1860 года г. Сидоровъ знакомитъ Россію и иноземцевъ съ произведеніями сѣверныхъ окраинъ по всѣмъ царствамъ природы, представляя таковые на всѣ открываемыя съ того времени выставки, какъ

въ самой Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ, и обогащая притомъ кабинеты разныхъ ученыхъ учрежденій, обществъ и музеевъ. Разнародность предметовъ и научныя свѣдѣнія показываютъ, какое вниманіе обращалось на всѣ встрѣчаемыя въ изслѣдованіяхъ обстоятельства.

Вышедшая въ 1882 году книга М. Сидорова: «Труды для ознакомленія съ сѣверомъ Россіи»,—напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и не предназначается для продажи. Поэтому, интересуясь сѣверными окраинами Россіи, позволяемъ себѣ въ краткомъ очеркѣ познакомить публику съ тѣми богатствами сѣвера, на которыя указываетъ г. Сидоровъ.

Дѣятельность г. Сидорова начинается съ сороковыхъ годовъ; золотопромышленныя дѣла могли бы ему доставить колоссальное состояніе, потому что на открытыхъ имъ пріискахъ добыто золота болѣе 2.000 пуд. Но, по разнымъ не зависящимъ отъ него причинамъ и особенной довѣрчивости къ нѣкоторымъ лицамъ, богатствами воспользовались другіе и на долю открывателя перепали весьма ограниченные проценты съ массою тяжебныхъ дѣлъ и милліонными штрафами. Съ ранней молодости г. Сидоровъ задался мыслію посвятить себя изученію малоизвѣстныхъ окраинъ Сибири. Онъ руководствовался общеполезными цѣлями и не щадилъ ни личнаго труда, ни своего состоянія для изслѣдованія края и проложенія путей сообщенія. Обращая вниманіе на положеніе сѣвера, г. Сидоровъ въ 1870 г. напечаталъ свой трудъ: «Сѣверъ Россіи». Въ свое время эта книга произвела большое впечатлѣніе. Вотъ отзывъ, напечатанный въ октябрьской книгѣ *Русской Старины* за 1870 годъ: «Книга эта принадлежитъ перу неутомимаго изслѣдователя сѣвера Россіи и энергическаго дѣятеля въ весьма важномъ вопросѣ развитія на отдаленной окраинѣ Россіи промысловъ и торговли. Настоящій трудъ не отличается ни систематичностью, ни тѣмъ болѣе мастерствомъ литературнаго изложенія, но въ замѣнъ представляетъ множество весьма важныхъ и крайне поучительныхъ фактовъ и свѣдѣній, частію доселѣ оставшихся малозамѣченными, частію совершенно новыхъ въ этнографіи сѣвера Россіи, въ образѣ промышленности его и торговли, въ изслѣдованіи русскаго законодательства по отношенію къ сѣверу нашего отечества, въ исторіи внутреннихъ и внѣшнихъ тамъ распорядковъ мѣстныхъ администраторовъ и проч. Вообще эта книга должна быть вѣдома каждому русскому, принимающему близко къ сердцу интересы своей родины на всемъ ея безпредѣльномъ пространствѣ и желающему ознакомиться съ тѣми способами, посредствомъ которыхъ, по мнѣнію г. Сидорова, можетъ водвориться благосостояніе и возвыситься значеніе русскаго человѣка на берегахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана,—значеніе, приниженное продажными и невѣжественными мѣстными администраторами».

Послѣ такого отзыва столь безпристрастнаго журнала наше слабое изложеніе будетъ менѣе рельефно, но, по крайней мѣрѣ, столько же достовѣрно, и потому переходимъ прямо къ фактамъ.

Книга М. Сидорова начинается съ описанія предметовъ, выставленныхъ г. Сидоровымъ на Россійскую художественно-промышленную выставку 1882 года въ Москвѣ. Образцы лѣсовъ: ель, кедръ, лиственица и сосна вѣковыхъ лѣсовъ Туруханскаго края, Енисейской губерніи, въ обрубкахъ разной длины и замѣчательной толщины: ель—14 д. 135 лѣтъ, кедръ—22 д. 185 л., лиственица—22 и 28 д. 185 и 485 л. и сосна—22 д. 210 лѣтъ. Означенные лѣса взяты изъ разныхъ мѣстъ лѣсной площади и по берегамъ значительныхъ рѣкъ, протекающихъ по Туруханскому краю: Енисею, Нижней Тунгузкѣ, Подкаменной или Средней Тунгузкѣ, Курейкѣ, Тазу и другимъ. Площадь изобильная лѣсами простирается, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на 88.540.000 десят. или 850.000 кв. верстъ. Народонаселеніе этого края, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, не превышаетъ 8.000 душъ разныхъ инородцевъ и въ томъ числѣ русскаго осѣдлаго 715 человѣкъ. По отзыву же мѣстныхъ губернаторовъ, Туруханскій край *безполезенъ и служитъ только обремененіемъ казны*. Пользуясь такого рода ложными донесеніями, въ министерство внутреннихъ дѣлъ являлись предприниматели Лавровскій и Кобычевъ взять у правительства весь Туруханскій край въ аренду, кусокъ хотя отдаленный, но вѣроятно лакомый,—пространство края равняется по величинѣ пяти главнымъ европейскимъ государствамъ.

Образцы графита съ разныхъ мѣсторожденій Туруханскаго края и тигли изъ этого графита, какъ предметъ столь важнаго минерала въ промышленности и отпускной заграничной торговлѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія и обсужденія, и потому считаю необходимымъ сообщить объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Предпріимчивость г. Сидорова по изслѣдованію сибирскихъ окраинъ начинается съ пятидесятыхъ годовъ, преимущественно по рѣкѣ Енисею и ея притокамъ. Рѣка эта протяженіемъ 1.800 верстъ требовала изученія какъ личнаго, такъ и служащихъ у него. Такого рода труды привели къ открытію вышесказанныхъ лѣсныхъ богатствъ и огромныхъ залежей *графита* по рѣкамъ Курейкѣ и Нижней Тунгузкѣ, впадающимъ въ р. Енисей. Залежи графита начинаются по берегамъ на поверхности, на широкомъ пространствѣ и значительной глубинѣ. По разсчету, количество графита составляетъ многіе милліоны пудовъ и до сихъ поръ мѣсторожденія остаются почти нетронутыми; между тѣмъ, суди по образцамъ, представляемымъ г. Сидоровымъ на всѣ россійскія и иностранныя выставки, качества графита, по анализамъ ученыхъ обществъ и химиковъ, не уступаютъ графитамъ кумберландскому и цейлонскому, до сихъ поръ пользующимся извѣстностію на всемъ земномъ шарѣ. Кумберландскія копи уже выработаны, а цейлонскія истощаются, и потому есть полное основаніе надѣяться, что очередь дойдетъ до Туруханскаго края, котораго благосостояніе во многомъ можетъ улучшиться и народонаселеніе увеличиться. Сообщеніе Сибири съ Европою Карскимъ моремъ и Ледови-

тымъ океаномъ осуществилось и первымъ піонеромъ явился тотъ же г. Сидоровъ.

Заботясь объ открытіи морского пути въ Европу изъ устьевъ Енисея и Оби и желая обратить на это вниманіе русскихъ и иностранцевъ, г. Сидоровъ, начиная съ 1860 года, знакомитъ съ богатствами сѣвера посредствомъ выставокъ; онъ не пропускалъ ни одной выставки, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и устраивалъ особые интересные отдѣлы всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые имъ представлялись. При этомъ онъ доказывалъ возможность прямого пути чрезъ Карское море и принималъ разныя мѣры. До открытія этого пути правительство, общество и ученый міръ смотрѣли на него какъ на мечтателя и фантазера, разоряющаго себя, и не только не оказали ему никакого содѣйствія, но администрація противодѣйствовала во всемъ, относящемся до сказанной цѣли. Г. Сидоровъ представлялъ на выставки не собственныя свои произведенія, а произведенія сѣверной природы, группируя ихъ такъ, чтобы доставить ясное понятіе о богатствѣ страны, и не останавливался ни предъ какими затратами по добыванію предметовъ и перевозкѣ изъ одного края обширной Россіи въ другой на разстояніи 10.000 верстъ. Кромѣ того онъ употреблялъ значительныя суммы на приличную обстановку выставокъ. Вотъ перечень выставокъ, на которыя доставлены г. Сидоровымъ произведенія сѣвера:

1) Въ 1860 году въ С.-Петербургѣ выставка произведеній сельскаго хозяйства.

2) Въ томъ же 1860 году въ Петербургѣ выставка мануфактурная. Сѣверный павильонъ г. Сидорова.

3) 1862 г. Лондонская всемірная выставка. На нее доставлены произведенія Туруханскаго и Архангельскаго краевъ: графитъ, каменный уголь, каменное масло, каменная и ключевая соль, янтарь, желѣзныя руды, мамонтовая и слоновая кость и издѣлія изъ нихъ, шкуры и кожи звѣрей и проч. Предметы съ рѣки Печоры Архангельской губерніи—два корабельныхъ груза лиственичныхъ лѣсовъ.

4) 1864 г. въ Москвѣ на выставку сельскихъ произведеній.

5) 1865 г. въ Штеттинъ на всеобщую выставку.

6) 1867 г. въ Парижъ на всемірную выставку образцы всѣхъ естественныхъ произведеній сѣвера Россіи, начиная отъ границъ Архангельской губерніи съ Норвегіею до Якутской области на протяженія 7.000 верстъ.

7) 1870 г. въ Петербургѣ на всероссійскую мануфактурную выставку въ особомъ павильонѣ.

8) 1872 г. въ Москвѣ на политехническую выставку въ память 200-лѣтія Петра Великаго.

9) 1873 г. въ Вѣнѣ на всемірную выставку.

10) 1874 г. въ Лондонъ на кожевенную выставку кожи оленей съ Новой Земли и Большеземельной тундры во всѣхъ видахъ: сырыя, обработанныя, окрашенныя и замша.

11) 1876 г. въ Филадельфію на всемірную выставку произведенія Туруханскаго края: рыбы сушеныя и соленыя, руды и минералы, образцы лѣсовъ и шишекъ (сѣмянъ), манекены сѣверныхъ инородцевъ, оленей и собакъ и ѣзда на нихъ въ упряжи и нартахъ на крайнемъ сѣверѣ.

12) 1876 г. въ Брюссель на гигіеническую выставку разные сорта питательныхъ веществъ изъ сушеныхъ, вяленыхъ и соленыхъ рыбъ съ Сѣвернаго моря и одежда самоѣдовъ, проживающихъ на Новой Землѣ и около нея на берегахъ Ледовитаго океана.

13) 1878 г. въ Парижъ на всемірную выставку образцы сѣверныхъ лѣсовъ, въ большихъ размѣрахъ, графита, нефти и проч.

14) 1879 г. въ Москву на антропологическую и энтографическую выставку, устроенную отъ Императорскаго Общества любителей естествознанія — коллекція бронзовыхъ древностей изъ кургановъ Минусинскаго края, каменныхъ вещей и проч.

и 15) 1882 г. въ Москву на художественно-промышленную выставку образцы лѣса и графита.

Произведенія сѣвера представлялись и на частныя выставки. Такъ, въ 1864 г. доставлено имъ въ даръ Императорскому Вольному Экономическому Обществу изъ Туруханскаго края собранные разные предметы по всѣмъ царствамъ природы въ 24 ящикахъ.

Въ томъ же 1864 г. представлено въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу глыба Туруханскаго графита вѣсомъ въ 16 пудовъ. Такой необыкновенной величины кусокъ графита весьма естественно обратилъ всеобщее вниманіе. Первоначальный вѣсъ его 35 пудовъ, но при перевозкѣ чрезъ Уралъ онъ разломился. Государь Наслѣдникъ настолько заинтересовался подаркомъ г. Сидорова, что эту глыбу поставилъ въ своемъ кабинетѣ какъ рѣдкость и, сочувственно относясь къ сѣверу Россіи, долго бесѣдовалъ съ Сидоровымъ.

Въ 1867 г. собраніе сибирскихъ предметовъ, предназначенныхъ на Парижскую выставку, предварительно было выставлено въ Петербургѣ въ квартирѣ г. Сидорова. Выставку эту посѣтили Высочайшія Особы и многія высокопоставленныя лица. Почетный предсѣдатель русскаго отдѣла Парижской выставки Его Высочество Николай Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій поручилъ передать все въ распоряженіе предсѣдателя отдѣла А. И. Бутовскаго, для составленія особаго павильона.

Въ 1876 году г. Сидоровъ познакомилъ публику въ Петербургѣ съ предметами сѣвера, предназначенными на Филадельфійскую выставку. Въ томъ же 1876 г. были выставлены въ Петербургѣ предметы, назначенные на Брюссельскую гигіеническую выставку.

Въ 1878 г. выставлены были предметы, доставленные на яхтѣ г. Сидорова «Утренняя Заря» съ устья Енисея, въ залѣ Общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, а также нѣкоторые образцы въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Послѣ того всѣ предметы съ Енисея переданы въ Таможенный музей, гдѣ и понынѣ сохраняются въ особомъ отдѣленіи и частію въ 23 витринахъ.

Почти всѣ естественныя произведенія сѣвера послѣ выставокъ подарены были г. Сидоровымъ въ русскія и иностранныя ученыя общества, музеи, народныя школы, гимназіи, университеты, академіи, и въ послѣднее время подарена имъ Сибирскому университету коллекція сибирскихъ древностей, пріобрѣтенная имъ отъ г. Знаменскаго.

Каждая выставка отличалась разнообразіемъ предметовъ; въ составъ каждой изъ нихъ вносилось что-либо новое, особенное, что доказываетъ вниманіе и усиленный трудъ почтеннаго экспонента. Поэтому нельзя оставить безъ вниманія, въ чемъ именно заключаются эти предметы. Обращая вниманіе на Лондонскую выставку, нужно присовокупить, что печорскій лѣсъ, появившійся въ Англіи, признанъ до того превосходнымъ, что англійское морское министерство тогда же пріобрѣло отъ гг. Сидорова и В. Латкина доставленную лиственицу изъ нѣсколькихъ грузовъ и приступило къ постройкѣ перваго броненоснаго фрегата «Каледонія». Въ отчетахъ о выставкѣ въ англійскихъ газетахъ печатались такого рода отзывы: «Россія опять насъ удивила. Въ 1851 г. она щеголяла издѣліями изъ малахита, великолѣпными дверями и столами, нынѣ же она поражаетъ огромными кусками графита. Г. Сидоровъ, выставитель этихъ кусковъ графита необыкновенной величины, есть счастливый владѣлецъ величайшей и обильнѣйшей графитной ломки на берегахъ Енисея въ Сибири».

На самомъ же дѣлѣ этими богатствами г. Сидоровъ вовсе не пользуется, не имѣя возможности производить перевозку ихъ въ Европу, несмотря на то, что дѣло это можетъ приносить болѣе 70% прибыли. До сихъ поръ весь вывозъ графита не превышалъ въ общей сложности 100 тысячъ пудовъ прежнимъ дорогимъ путемъ черезъ всю Россію.

Интересно прослѣдить о поступившихъ предметахъ на Парижскую выставку. Реэстръ настолько обширный, что необходимо обратиться къ самой книгѣ, а здѣсь укажемъ только кратко: 1) Фотографическіе виды Красноярска и золотыхъ промысловъ, съ показаніемъ разработки, и въ образцахъ самое золото, въ какомъ видѣ получается послѣ промывки. 2) Костяныя издѣлія въ токарномъ производствѣ изъ слоновой кости, которая добывается на сѣверѣ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ. По приведенному описанію ученаго Меддендорфа, за это время найдено и вывезено въ Россію и Европу до 20.000 мамонтовъ. 3) Шерстяныя издѣлія—перчатки и рукавицы, шапки съ околышами изъ гагачьихъ шеекъ. 4) Одежды, употребляемыя въ сѣверныхъ странахъ, преимущественно оленьи въ раз-

ныхъ видахъ. 5) Издѣлія изъ цѣнныхъ камней, добытыхъ близъ графитнаго пріиска на рѣкѣ Тунгузкѣ. 6) Графитъ финляндскій и сибирскій и разныя произведенія изъ него. 7) Горная смола съ р. Ухты, Печорскаго края, извѣстная со временъ Петра Великаго. 8) Соль каменная и выварочная; каменная взята съ устья р. Анабары, впадающей въ Ледовитое море, а выварочная съ береговъ Бѣлаго моря и нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ него. 9) Серебро въ рудѣ съ Медвѣжьяго острова, по добытѣ извѣстнаго съ первой половины XVIII вѣка. 10) Печорскій и туруханскій брусяно-точильный камень, добываемый въ значительномъ количествѣ для точилъ, брусьевъ и жернововъ. 11) Доманикъ или горный сланецъ съ р. Ухты, употребляемый мѣстными жителями для разныхъ крупныхъ и мелкихъ подѣлокъ. 12) Алебастръ. 13) Руды: желѣзная—озерная, болотная и магнитная—и мѣдныя съ береговъ Бѣлаго моря. 14) Горныя породы Новой Земли: каменный уголь, доманикъ, доказывающій присутствіе нефти, шерлы, хрусталь, сѣрный колчеданъ, охра, кварцъ, известь, слюдистый сланецъ, азбестъ, песчаникъ и другіе. 15) Образцы лѣсовъ печорскихъ и туруханскихъ, внушительныхъ размѣровъ по породамъ и произрастанію; лѣсъ, съ объясненіемъ качества, наслоенія и болѣзней и съ точными указаніями мѣстностей. 16) Продукты звѣринаго промысла: шкуры бѣлыхъ и черныхъ медвѣдей, волковъ, россомахъ, песцовъ, горностаевъ; изъ птицъ: шкурки лебедей и гусей, пухъ гагачій съ Новой Земли и гусиный; зубы моржей, жиръ акулій и тресковый въ разныхъ видахъ, клей изъ оленьихъ роговъ и клей осетровый съ Обскаго залива. Послѣдній добывается съ начала 1700 годовъ и составлялъ одну изъ вывозныхъ статей при Петрѣ Великомъ за границу. 17) *Раковины жемчужныя* съ Кандалажской губы Бѣлаго моря *и 36 жемчужинъ*. 18) Сырое волокно во множествѣ дикорастущей по р. Печоры травы на подобіе хлопчатой бумаги. 19) Коры древесныя и дикорастущія травы, употребляемыя для окрашиванія кожъ, шерсти, холста и пр. домашняго употребленія. 20) Корень марены, мохъ подъ названіемъ канарва, кормъ оленей зимній изъ мховъ. 21) Замѣчательные образцы корня ревеня, во множествѣ дикорастущаго по берегамъ Нижней Тунгузки. Корень этотъ, по испытанію членомъ медицинскаго совѣта г. Горяиновымъ, имѣетъ въ себѣ всѣ свойства китайскаго ревеня, только немного въ увеличительныхъ размѣрахъ; но какая разница въ цѣнѣ: за китайскій платится въ Россіи до 200 руб. пудъ, а тунгузскій обойдется только 10 рублей. 22) Образцы лиственичной губки, или нароста, вывозимой за границу изъ Мезенскаго уѣзда для употребленія въ медицинѣ. 23) Образцы углекислой извести или удвояющаго шпата, взятые съ Нижней Тунгузки и Кандалажской губы. Шпатъ подъ названіемъ «перелоя» употребляютъ всѣ инородцы отъ береговъ р. Таза до устья Лены, равно и мѣстные жители, какъ испытанное лѣкарство отъ гонореи и бѣлей. Произведенные опыты въ Петербургѣ оказались также удачными. 24) Значительный отдѣлъ кожъ оленьихъ и

сыромъ и выдѣланномъ видѣ, а также подъ видомъ замшей, употребляемыхъ для мѣстной одежды, съ описаніемъ качества по времени и свойству убитыхъ, какъ домашнихъ, такъ и лѣсныхъ дикихъ оленей, а также мѣха. 25) Изъ удобрительныхъ веществъ: порошокъ изъ оленьей кости— сырой, сушеный и сженый — бѣлый и черный; порошокъ изъ морской травы «туры», добываемый по берегамъ Бѣлаго моря, во время періодическаго отлива водъ, въ громадномъ количествѣ; на мѣстахъ, гдѣ сгнивала эта трава, выростала дикая рожь, годная въ пищу; въ Норвегіи идетъ на кормъ рогатаго скота; порошокъ графита, употребляемый для удобренія полей, даетъ лучшіе результаты, и хлѣбъ вызрѣваетъ ранѣе. 26) 15 предметовъ питательныхъ веществъ, употребляемыхъ на сѣверѣ: мохъ болотный, пихтовая древесная кора, рябиновые листья, солома, сосновая кора и праздничный хлѣбъ съ примѣсью ржаной муки. 27) Сыръ, приготовляемый въ г. Холмогорахъ, Архангельской губерніи, замѣчательный по своему свойству не подвергаться порчѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, и копченыя сельди съ р. Сосвы. 28) Сѣмена сѣверныхъ хвойныхъ деревьевъ шишками, въ банкахъ, коробкахъ и съ вѣтвями, взятыя изъ разныхъ мѣстностей въ 13 разнородныхъ образцахъ. 29) Скелеты моржей, тюленей, бѣлухъ, оленей, шкуры морскихъ и лѣсныхъ звѣрей и жиръ изъ нихъ. При обиліи сказанныхъ выше удобрительныхъ веществъ, какъ, напримѣръ, оленья кость, трава тура и порошокъ графита, инородцы и мѣстное населеніе сѣвера, по климатическимъ условіямъ, нуждаются въ привозномъ, дорогомъ и мало доступномъ хлѣбѣ. Подобныя коллекціи были представлены и на другія иностранныя выставки, а также и на россійскія, что можно видѣть въ подробности въ разбираемой книгѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сказанные предметы перевозились съ большими затрудненіями, какъ по отдаленности разстоянія, такъ и по отсутствію удобныхъ путей сообщенія, слѣдовательно перевозки сопряжены были съ громадными издержками.

Желая обратить вниманіе на богатства сѣвера и тѣмъ пробудить стремленіе въ русскихъ и иностранцахъ къ открытію морского пути къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея, г. Сидоровъ собиралъ сѣверныя произведенія по всѣмъ царствамъ природы и пріобрѣталъ замѣчательныя вещи отъ туземныхъ жителей. Несмотря на всевозможныя противодѣйствія со стороны администраціи, онъ постоянно старался осуществить свою мысль объ открытіи морского пути въ сибирскія рѣки. Наконецъ, Сидоровъ нашелъ русскаго шкипера Шваненберга, который на яхтѣ «Утренняя Заря», съ экипажемъ изъ 4 человѣкъ, съ грузомъ въ 2.000 пудовъ, состоящимъ изъ графита, лѣсныхъ образцовъ, разныхъ породъ рыбъ и другихъ предметовъ Туруханскаго края, выйдя изъ устья Енисея 9 августа, совершилъ плаваніе чрезъ Ледовитое и Карское моря и 19 ноября прибылъ въ Петербургъ. Фактъ историческій! Неустрашимый капитанъ на небольшомъ парусномъ суднѣ, построенномъ въ Енисейскѣ, съ неопытными

матросами переплываетъ Карское море, которое недавно считали непроходимымъ ледникомъ.

Позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ сообщенія Шваненберга, напечатаннаго въ трудахъ с.-петербургскаго отдѣленія Общества содѣйствія русскому торговому мореходству:

« М. К. Сидоровъ командировалъ меня въ Енисейскъ, куда я и прибылъ въ іюнѣ 1876 г. Хотя клиперъ «Сѣверное Сіяніе», предназначенный вначалѣ для этой цѣли, былъ почти готовъ, но безъ парусовъ, блоковъ, снастей, якорей и даже матросовъ. Енисейскій судостроитель, взявшись построить судно съ полнымъ оснащеніемъ и такелажемъ и получивши впередъ за все деньги,—не отыскалъ ничего и даже матросовъ. Хотя я имѣлъ мало надежды на пріобрѣтеніе хорошаго такелажа въ Сибири, но, вслѣдствіе разрѣшенія г. Сидорова не стѣсняться никакими расходами, я за дорогую цѣну нашелъ все необходимое и прибылъ на сказанномъ клиперѣ къ Енисейскому заливу. Для плаванія, за неимѣніемъ матросовъ, взяты простые рабочіе, которые и моря не видали. Нагрузивъ судно, я 6 октября пошелъ въ море; но противные вѣтры, бури и наступившіе морозы воспрепятствовали дальнейшему плаванію, такъ что я вынужденъ былъ возвратиться въ устье Енисея и судно оставить на зимовку у Малобреховскихъ острововъ, въ совершенно необитаемой мѣстности». (Опускаю разсказъ о претерпѣнныхъ мученіяхъ, трудностяхъ и разныхъ неудобствахъ на зимовкѣ.) «Съ открытіемъ навигаціи отъ необыкновеннаго возвышенія воды судно и часть груза погибли. На мое счастіе въ это время приплыла къ Толстому Носу изъ г. Енисейска баржа за полученіемъ сложеннаго Норденшельдомъ товара на зимовку. Товаръ отправленъ на пароходѣ, а баржу я купилъ за 1.300 рублей; поставивъ ее въ протокъ, принялся усиленными работами превращать въ морское судно, насколько было возможно. Работами занимались приплывшіе для рыбной ловли инородцы. Нагрузивъ на нашу маленькую яхту, названную «Утренняя Заря», остатки графита и лѣса съ погибшаго судна, къ сожалѣнію, я не могъ помѣстить полностію предпазначенный грузъ, а долженъ былъ оставить великолѣпные куски разныхъ деревъ и др. предметы. 31 іюля приплылъ въ устье Енисея, а 9 августа отправился въ дальнѣйшій путь».

Съ этимъ временемъ совпадающее открытіе морского пути къ устью Оби, предпринятое гг. Сибиряковымъ, Трапезниковымъ и графомъ Комаровскимъ, на снаряженныхъ ими пароходахъ, съ торговыми цѣлями, и наконецъ послѣднее ученое путешествіе академика Норденшельда укрѣпили увѣренность въ совершенной безопасности прохода судовъ между вѣчными льдами Ледовитаго океана и Карскаго моря. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ пароходное сообщеніе Европы съ Сибирью. Гг. Кнопъ, Сибиряковъ и Трапезниковъ на своихъ пароходахъ привозятъ европейскіе товары и вывозятъ, къ сожалѣнію, не всѣ тѣ продукты, на которые

указываетъ г. Сидоровъ, какъ на естественныя богатства сѣвера, а только такіе предметы, которые не представляютъ капитальныхъ затратъ на разработку и развитіе мѣстныхъ промысловъ; изъ южной полосы Сибири они исключительно вывозятъ хлѣбъ для заграничныхъ рынковъ. Побуждаемые быть-можетъ славою вновь установившихся торговыхъ сношеній водянымъ путемъ и какъ люди богатые, они могли бы принести существенную и неисчислимую пользу государству и народонаселенію отдаленнаго края, обративъ вниманіе на такіе предметы, въ которыхъ нуждается Европа. Напримѣръ, графитъ, вывозъ котораго можетъ потребовать многія сотни тысячъ пудовъ ежегодно, ждетъ предпринимателей и по сіе время. Если русскіе коммерсанты не желаютъ понять значенія этой вывозной статьи, то навѣрное воспользуются ею иностранцы.

Если путь Карскимъ моремъ нельзя еще считать получившимъ гражданственность по его иной годъ недоступности, то уже ворота указаны и за нѣкоторыми исключеніями доступъ существуетъ.

Продолжая разсмотрѣніе книги г. Сидорова, обращаемъ вниманіе на политехническую выставку въ Москвѣ, въ память двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго. Въ этой выставкѣ г. Сидоровъ принялъ горячее участіе, выставивъ все то, что по отношенію къ сѣверу касалось великаго государя, который любилъ Сѣверный край, часто его посѣщалъ и покровительствовалъ морскому судостроенію и внѣшней торговлѣ, подавая примѣръ личнаго участія въ вывозѣ русскихъ произведеній за границу. Изъ исторіи Петра Великаго взято нѣсколько эпизодовъ, касающихся Сѣвернаго края, и передано въ 10 картинахъ, заказанныхъ г. Сидоровымъ художникамъ. По поводу этихъ картинъ ректоръ Академіи Художествъ г. Іорданъ писалъ къ г. Сидорову, между прочимъ, слѣдующее: «Вы не можете оставаться хладнокровнымъ при открывающейся какой-либо выставкѣ, чтобы не украсить ее какими-либо почти живыми предметами на пользу нашего народа и отечества. Въ рисункахъ вы воскресите многихъ русскихъ дѣятелей, которые трудились вмѣстѣ съ великимъ преобразователемъ и проч.»

Не менѣе интересна переписка съ президентомъ выставки Г. Е. Щуровскимъ, съ предсѣдателями отдѣловъ и другими лицами какъ по отношенію выставки, такъ и по предмету китоловнаго промысла въ Ледовитомъ океанѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору выставленныхъ предметовъ, сообщимъ въ немногихъ словахъ мысль о поощреніи и развитіи этого промысла, въ совокупности съ промысломъ судостроенія. Во время посѣщенія Сѣвернаго края въ 1870 г. Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ предположено было учредить китоловную компанію. По подпискѣ собрана была очень незначительная сумма, и потому г. Сидоровъ въ особой запискѣ указывалъ средства, которыя могли бы служить преміей сѣвернымъ китоловамъ и мореходамъ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, сказано: «Для развитія китоловства и вооб-

ще мореходства назначается сумма совершенно недостаточная; разсчитывать на болѣе усиленное вспомоществованіе казны едва ли возможно. Если предполагается начало такому дѣлу, которое можетъ имѣть громадныя послѣдствія, то смѣю думать, что желательно отыскать источникъ, изъ котораго возможно было бы постоянно увеличивать китоловный промыселъ до желаемыхъ размѣровъ, и потому рѣшаюсь представить весьма удобный способъ къ постоянному поддержанію этого промысла. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ земляхъ, принадлежащихъ Кабинету Его Императорскаго Величества, находятся золотыя розсыпи по системамъ рѣкъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ рѣку Томь, а именно: Кондомы, Мрасы, Теби, Балыксы, Лебедя и другихъ, которыя съ давнихъ временъ разрабатывались средствами Кабинета. Мнѣ извѣстно, что между этими пріисками есть такіе, которые представляютъ болѣе выгодъ для разработки, чѣмъ всѣ остальные. Для разработки первыхъ пріисковъ я имѣю порученіе отъ первыхъ енисейскихъ золотопромышленниковъ составить компанію, которая обяжется платить сверхъ закономъ положенныхъ пошлинъ и сборовъ въ пользу казны и Кабинета еще добавочную попудную плату. Добавочная плата предполагается по 2.000 руб. съ пуда, которые предназначались бы употребить для китоловнаго промысла». Разсчитывая на хорошее содержаніе золота, г. Сидоровъ надѣется доставить для сказанной цѣли субсидію до 1.400.000 руб. въ два года и продолжать до выработки пріисковъ. Записка, какъ видно, оставлена была безъ вниманія; но указаніями г. Сидорова воспользовались Г. М. Асташевъ, банкиръ Гинцбургъ и П. И. Николаевъ въ 1879 году, взявъ въ аренду Кабинетскіе пріиски въ той мѣстности, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ; а потомъ тамъ же въ 1881 году г. Мальцову отдана золотосодержащая мѣстность до 200.000 десятинъ. Конечно, никакой попудной платы въ пользу китоловства и мореходства не осуществилось.

На политехнической выставкѣ 1872 г. предметы сѣвера, выставленные г. Сидоровымъ, распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ:

а) Историческій отдѣлъ: 12 картинъ изъ дѣяній Петра Великаго; литографическіе снимки, рисунки и нѣсколько портретовъ изъ рода Баженыхъ, первыхъ строителей русскихъ кораблей.

б) Морской отдѣлъ: модели разныхъ судовъ, плавающихъ на Печорѣ; 20 моделей болѣзни сосны—съ описаніемъ.

в) Геолого-минералогическій памятникъ Петру Великому изъ графита, графитныя глыбы и издѣлія изъ него; горная смола въ разныхъ видахъ; образцы горныхъ породъ съ Новой Земли.

г) Зоологическій отдѣлъ: скелеты бѣлухи, акулы, морского зайца и самое замѣчательное—скелетъ кита въ 17 саженъ, пойманнаго въ Кемскомъ уѣздѣ; китовое мясо, жиръ, кости и усъ; рыбы разныхъ породъ; клей, раковины и жемчугъ изъ Кандалажской губы; чучелы птицъ разныхъ породъ и звѣрей.

д) Ботаническій отдѣлъ: растенія лѣкарственныя, красильныя, окаменѣлыя, грибы и другія.

е) Лѣсной отдѣлъ отличается разнообразіемъ породъ, произрастаніемъ и издѣліями, на которыя какой лѣсъ употребляется.

Не менѣе Парижской выставки была обогащена сѣверными предметами Вѣнская выставка.

Какіе же результаты послѣдовали отъ выставокъ? Изъ приведенныхъ въ книгѣ г. Сидорова объясненій видно, что иностранцы съ бо́льшимъ вниманіемъ отнеслись къ сѣвернымъ богатствамъ, чѣмъ мы, русскіе: богатства создаются силою труда, а мы не пользуемся тѣмъ, что дано намъ природою. Что сдѣлано у насъ съ необъятными и непроходимыми лѣсами на сѣверѣ, насколько развилось китоловство въ сѣверныхъ моряхъ и гдѣ русскій, когда-то значительный, торговый флотъ? Англичане эксплоатируютъ и окончательно истребляютъ сѣверные лѣса; маленькая сосѣдняя страна Норвегія завладѣла русскимъ китоловствомъ; торговый нашъ флотъ сократился до нуля и всѣ грузы по привозу и вывозу перевозятся на иностранныхъ корабляхъ.

Кромѣ выставокъ, г. Сидоровымъ сдѣланъ вкладъ сѣверныхъ произведеній всѣмъ русскимъ обществамъ и многимъ иностраннымъ по тѣмъ предметамъ, какими тѣ общества руководствуются, также высшимъ, среднимъ и даже низшимъ учебнымъ учрежденіямъ и музеямъ, какъ видно изъ его книги. Такимъ образомъ предметы сѣверныхъ окраинъ Россіи, добытые г. Сидоровымъ 35-лѣтнимъ трудомъ, стоили, по представленнымъ въ Общество содѣйствія русскому торговому мореходству документамъ, 1.700.000 руб. Это цѣлое огромное состояніе! Подобныя государственыя и общественныя заслуги если достаточно не оцѣниваются современниками, то навѣрное будутъ оцѣнены потомствомъ.

Другая не менѣе важная дѣятельность г. Сидорова простирается на соревнованіе по образованію сѣвера. Въ 1853 году г. Сидоровъ пожертвовалъ первый свой доходъ отъ золотопромышленности 6.287 руб. на учрежденіе Сибирскаго университета, предложивъ при этомъ начальнику Иркутской губерніи открыть между золотопромышленниками подписку на этотъ предметъ, съ своей стороны жертвуя пудъ чистаго золота; но подписка, предложенная богатымъ золотопромышленникамъ, не удалась: первый богачъ того времени С. Г. Щеголевъ ограничилъ свое пожертвованіе однимъ рублемъ... Дальше идти нельзя! Однакожъ г. Сидоровъ, преслѣдуя свою высокую мысль и не встрѣтивъ сочувствія со стороны генералъ-губернатора Восточной Сибири, обратился съ своими проектами къ главному начальнику Западной Сибири, Дюгамелю, который, при посредствѣ тобольскаго губернатора Деспотъ-Зеновича, отнесся къ этому болѣе сочувственно, но, вслѣдствіе разныхъ канцелярскихъ формальностей и многочисленной переписки, о которыхъ не только грустно, но даже непріятно разсказывать, дѣло объ учрежденіи университета и пожертвованіяхъ г. Сидорова

извратилось и получило совершенно иное направленіе. Даже пріиски съ доходомъ, жертвуемымъ г. Сидоровымъ, были отобраты въ казну и сданы другимъ лицамъ на общемъ основаніи о золотопромышленности въ Сибири.

Г. Сидоровъ старался содѣйствовать и распространенію грамотности, особенно между инородцами. Въ Туруханскомъ округѣ при Троицкомъ монастырѣ г. Сидоровъ учреждаетъ безплатную школу, жертвуя деньги и учебныя пособія, для учащихся устраиваетъ даже квартиры и даетъ пищу и одежду, обезпечивъ монастырь на десять лѣтъ. Изъ переписки съ духовными и административными лицами и комитетомъ грамотности видно, что участіе г. Сидорова по народному образованію простиралось въ Енисейскѣ, Красноярскѣ, Минусинскѣ и другихъ городахъ, также въ Западной Сибири и Архангельской губерніи: гдѣ доставлялись денежныя средства на покупку домовъ и прочія надобности, гдѣ учебныя пособія—въ совокупности на довольно значительныя суммы.

Заканчивая свою статью, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать извлеченіе изъ заключенія книги: «Труды для ознакомленія съ сѣвероМъ Россіи».

Первыя произведенія сѣвера г. Сидоровъ представилъ на выставку въ 1860 году; въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ онъ одинъ являлся экспонентомъ произведеній сѣвера и надѣется, что черезъ полвѣка будутъ участвовать сотни экспонентовъ по сѣверу. Обращая вниманіе на Московскую художественно-промышленную выставку и удивляясь великолѣпію и чистотѣ отдѣлки выставленныхъ на ней предметовъ, онъ замѣчаетъ, что на ней не было произведеній нашего Сѣвернаго моря и предметовъ скотоводства съ обширнѣйшихъ луговъ сѣвера, а также морскихъ картъ, видовъ, пристанищъ и портовъ сѣвера. Далѣе г. Сидоровъ говоритъ: «если мы на всѣ естественныя произведенія сѣвера не будемъ обращать вниманія или препятствовать ихъ разработкѣ, какъ это дѣлается донынѣ, то скоро дождемся того, что сѣверъ будетъ пользоваться не только всѣми мануфактурными и фабричными товарами изъ-за границы, но даже мясо, овощи, соль, хлѣбъ, рыбу и молочные продукты будетъ получать изъ Америки». При этомъ г. Сидоровъ сообщаетъ, какъ усовершенствованы и удешевлены пути сообщенія въ Америкѣ. Между тѣмъ у насъ на сѣверѣ по материку, между городами Онегою, Кемью, Колою, Мезенью и Печорою, не только не существуетъ никакихъ дорогъ, но даже нѣтъ пѣшеходныхъ тропъ, хотя разстояніе между Онегою и Кемью всего 250 верстъ. Провозъ съ рѣки Двины до рѣки Печоры по одной Архангельской губерніи стоитъ 2 рубля съ пуда, и такъ далѣе. Г. Сидоровъ горько сѣтуетъ на тѣхъ администраторовъ, которые распоряжаются народнымъ трудомъ. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія у насъ существовало министерство коммерціи, на сѣверѣ строились ежегодно сотни кораблей для собственныхъ русскихъ мореходовъ и частію продавались иностранцамъ. Въ одномъ Архангельскѣ существовало до 40 русскихъ конторъ, и тамошнее купечество имѣло свои конторы не толь-

ко въ Европѣ, но даже въ Америкѣ. Въ концѣ книги г. Сидоровъ, резюмируя правительственныя дѣйствія, дѣлаетъ такой выводъ:

«При такихъ порядкахъ русскій народъ дойдетъ до того, что со всѣми своими естественными богатствами, съ громаднѣйшими на сѣверѣ пустынными землями, которыя, несмотря на 40-лѣтнія ходатайства, не отдаются заявителямъ для добычи изъ нихъ минераловъ и металловъ, какъ доказываетъ изданная въ 1881 году книга «Сѣверъ Россіи»,— будетъ бѣднѣйшимъ народомъ въ мірѣ».

Дѣйствительно, какъ ни велики естественныя богатства Россіи на всемъ ея пространствѣ, совершенно несправедливо обращать вниманіе только на одну центральную часть государства и въ то же время совершенно игнорировать и препятствовать дѣятельности немногихъ предпринимателей для разработки сѣверныхъ произведеній.

Въ послѣднее время дѣятельность г. Сидорова сосредоточивалась въ Обществахъ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности и торговаго мореходства, въ которыхъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ. Всѣ его доклады относились къ вопросамъ какъ о благосостояніи, такъ и указаніяхъ водныхъ путей къ сѣвернымъ окраинамъ Сибири. Изъ переписки съ г. Норденшельдомъ можно видѣть, какими дорогими свѣдѣніями пользовался знаменитый путешественникъ и какъ сердечно выражалъ свою признательность. Г. Норденшельдъ въ отношеніяхъ своихъ съ г. Сидоровымъ называлъ его не иначе, какъ своимъ коллегой.

На промышленную выставку 1862 г. съ научною цѣлію онъ доставилъ высокаго качества лѣса и графитъ Туруханскаго края и въ то же время былъ полезнымъ экспертомъ лѣсного отдѣла.

Несмотря на свои многолѣтніе умственные и физическіе труды и почтенныя лѣта, въ половинѣ нынѣшняго года онъ предпринялъ путешествіе въ сѣверную часть Финляндіи, находился на открытіи полярной станціи для наблюденія сѣвернаго сіянія и, побывавъ въ Лапландіи, возвратился въ Петербургъ съ больными ногами; но его не покидаетъ мысль, пока имѣются силы и какъ возстановится здоровье, нынѣ же побывать на дальнемъ Кавказѣ, куда призываетъ его любознательность и куда уже не разъ ѣздилъ прежде. Весьма любопытно извлеченіе изъ письма г. Сидорова къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ Финляндіи:

«Возвратясь изъ Лапландіи, долгомъ считаю сообщить вамъ о моей туда поѣздкѣ.

«Изъ Вильманстранда я отправился на пароходѣ въ Іосису, затѣмъ черезъ Нурмисъ, Каяну, Ристіярви въ Хюрюсальми. Оттуда черезъ Пуалонго на Улеаборгъ, Кеми, Келистроскъ, Соданкюлю и Рованонъ на Ивалоіоки. Прибывъ туда, я на Культала былъ принятъ завѣдывающимъ горнымъ дѣломъ г. Тигерштедтомъ весьма любезно. Онъ показывалъ мнѣ работы и вообще весь ходъ дѣла; онъ оставилъ во мнѣ самое утѣши-

тельное впечатлѣніе, какъ ваши молодые люди трудятся и усердно работаютъ, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ каждому дѣлу.

«Я пришелъ къ убѣжденію согласно съ мнѣніемъ вашимъ и г. Тигерштедта, что золото слѣдуетъ искать въ болотахъ. Дала же золото, мнѣ кажется, Масельга, служащая водораздѣломъ рѣкъ, текущихъ къ сѣверу и югу, и только въ полученіи воды для промывокъ будетъ затрудненіе—въ поднятіи ея на верхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на днѣ рѣки Ивалоіеки есть золото, но отводъ русла рѣки если возможенъ, то требуетъ огромныхъ затратъ. Съ рѣкою Таною, хотя она и много шире Ивало, легче справиться, потому что она имѣетъ удобные берега, а Ивало—самые ничтожные, и потому если получится отъ норвежскаго правительства дозволеніе, вслѣдствіе просьбы, мною туда поданной, то съ дозволенія вашего желалъ бы сдѣлать большую развѣдку рѣки Таны. Что же касается до Лососей, то съ мѣстными жителями можно уладить черезъ г. Лендемана; если золото найдено будетъ выгодное для добычи, можно платить имъ ежегодно, съ общаго согласія, опредѣленную сумму, чтобъ они были довольны и сами помогали дѣлу. Обратно я поѣхалъ изъ Николайштадта на лапландскую гору Петрольови; здѣсь вашъ знаменитый профессоръ г. Лонстремъ учреждаетъ станцію надъ происхожденіемъ *сѣвернаго сіянія*. Наблюденія будутъ производиться въ будущую зиму.

«Мы прибыли на гору въ полночь $^{1}/_{13}$ іюля и при незаходящемъ солнцѣ провозглашали тосты за отсутствующаго г. Лонстрема и достойныхъ его помощниковъ, дѣлающихъ большія услуги своими трудами всѣмъ націямъ всего міра, и за всѣхъ просвѣщенныхъ покровителей начатаго дѣла. Тосты провозглашались передъ каждымъ стаканомъ чаю, привезеннаго мной изъ сибирскаго города Туруханска.

«Къ сожалѣнію, г. Лонстрема въ это время на Петрольови не было, но я познакомился со всѣми его помощниками, которые оказали мнѣ полное вниманіе и любезность и предоставили также осмотрѣть всѣ привезенные аппараты. Изъ нашихъ русскихъ былъ только я одинъ и многіе изъ иностранныхъ ученыхъ.

«Все время путешествія продолжалось теплое и пріятное, дождей не было. Урожаи сѣвернѣе г. Кеми отличные и много лѣсныхъ ягодъ.

«Въ Гельсингфорсъ заѣхать не могъ по случаю заболѣвшихъ ногъ отъ дальнихъ пѣшеходныхъ путешествій и только что возвратился въ Петербургъ, гдѣ надѣюсь скоро поправиться и снова совершить путешествіе на Кавказъ въ надеждѣ походить по кавказскимъ горамъ и взобраться сначала на Эльборусъ, а потомъ на Араратъ, гдѣ надѣюсь увидѣть отысканный турками Ноевъ ковчегъ».

П. Черкасовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: **Царица Прасковья.** 1664—1723. *М. И. Семевскій.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками, С.-Пб. 1883 г.

Данные очерки написаны авторомъ еще въ 1861 году. Онъ помѣщалъ ихъ въ журналѣ *Время*, издававшемся тогда М. М. и Ѳ. М. Достоевскими.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе открылось много новаго матеріала по русской исторіи, благодаря которому, время и лица, составляющія предметъ очерковъ, получаютъ большее освѣщеніе и рельефность. Воспользовавшись имъ, г. Семевскій дополнилъ свои очерки и издалъ отдѣльною книгой.

«Царица Прасковья», какъ и всѣ работы г. М. И. Семевскаго, представляетъ собраніе въ высшей степени любопытныхъ данныхъ; несмотря на отсутствіе полной законченности въ обработкѣ труда, книга полна интереса, читается съ одинаковымъ вниманіемъ съ начала до конца.

Царица Прасковья—это одно изъ лицъ, о которыхъ обыкновенно не говорятъ въ элементарныхъ курсахъ исторіи, но которое тѣмъ не менѣе многое освѣщаетъ, прекрасно знакомитъ съ общимъ духомъ и характеромъ современной ему эпохи.

«Царица Прасковья» была изъ рода бояръ Салтыковыхъ. По желанію царевны Софьи, она была выбрана въ жены къ малоумному царю Ивану Алексѣевичу, въ надеждѣ, что отъ нея родится сынъ, который отстранитъ отъ престола ненавистнаго и опаснаго Софьѣ Петра. Но надежды царевны не сбылись,—у царской четы не родилось ни одного сына; за то Богъ не обидѣлъ ее дочерьми. Правда, нѣкоторыя рано умерли, но три выросли, вышли замужъ и пережили старуху-мать: Екатерина Ивановна, Анна Ивановна и Прасковья Ивановна. Средней изъ нихъ, нелюбимицѣ матери, впослѣдствіи пришлось занять всероссійскій престолъ. Она въ исторіи извѣстна подъ именемъ императрицы Анны Іоанновны, жены гер-

цога Курляндскаго Фридриха, который довольно рано умеръ и оставилъ ее молодою вдовой.

Старшая, Екатерина Ивановна, была любимицей матери. Мать называла ее не иначе, какъ «свѣтъ мой Катюшка». Чтобы дольше не разставаться съ своей любимицей, мать выдала ее замужъ позже второй дочери, выдала по желанію Петра, за Леопольда Мекленбургскаго. У нея родилась дочь, извѣстная въ исторіи царица Анна Леопольдовна, которая была замужемъ за Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ. Отъ нихъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ... Слѣдовательно, царица Прасковья является родоначальницей того большого числа кратковременныхъ царей и царицъ, какіе сидѣли на русскомъ престолѣ во время малолѣтства дочери Петра I, императрицы Елизаветы, которая и смѣняетъ этихъ полунѣмецкихъ царей.

Съ представленіемъ о царствованіи Анны Іоанновны обычно связывается воспоминаніе о карлахъ и карлицахъ, какими были переполнены хоромы царицы, а также о разныхъ шутовствахъ, шутовскихъ процессіяхъ, до которыхъ она была охотница. Невольно при ея имени возстаетъ загнанная, обиженная, оскорбленная и превращенная въ шута фигура нашего перваго русскаго ученаго Тредьяковскаго, который «вмѣнилъ» себя поэтомъ.

Послѣ ближайшаго знакомства съ жизнью и обстановкой, какія сопровождали дѣтство Анны Іоанновны, съ образомъ жизни ея матери, невольно снимается съ этой царицы большая доля вины за ея дѣла и дѣянія. Любовь къ карламъ, разнымъ уродамъ и юродивымъ она должна была пріобрѣсти еще въ дѣтствѣ. Ея мать постоянно окружала себя именно такимъ штатомъ, который, впрочемъ, она прятала въ разные чуланы, когда ждала къ себѣ Петра. Петръ не любилъ юродивыхъ и всякихъ нищихъ, для которыхъ домъ царицы Прасковьи былъ убѣжищемъ.

Но онъ и самъ не прочь былъ отъ разныхъ шутовскихъ процессій, смѣшныхъ фарсовъ. Такъ, извѣстно, на свадьбѣ Анны Іоанновны съ герцогомъ Курляндскимъ за обѣденный столъ, по приказу Петра, были принесены громаднѣйшіе пироги «четвертей въ пять». «Когда прочее кушанье было снято, государь вскрылъ пироги, и, ко всеобщему восторгу и изумленію, изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минуэтъ» (стр. 51). Страсть Петра къ разнымъ шутовскимъ процессіямъ давно хорошо извѣстна. Онъ и въ нихъ былъ изобрѣтательнѣе своихъ послѣдователей, рабски повторявшихъ его выдумки. Изъ данныхъ очерковъ г. Семевскаго видно, что Петръ устраивалъ и шутовскія свадьбы, которыми прославилась впослѣдствіи Анна Іоанновна. Такъ послѣ свадьбы своей племянницы съ Курляндскимъ герцогомъ Петръ устроилъ свадьбу карла съ карлицей. Для этого въ качествѣ провожатыхъ собралъ около сотни разныхъ уродцевъ, которыми тогда еще изобилова-

ли боярскія хоромы, а также и палаты царицы Прасковьи... Молодыхъ послѣ свадебнаго торжества велѣлъ положить на ночь въ своей опочивальнѣ.

Эта шутка была потомъ оплачена жизнью того и другого урода. Молодая умерла въ страшныхъ мукахъ во время родовъ, а молодой—отъ разврата, въ какой впалъ по смерти супруги.

Послѣ всего этого дворъ и образъ жизни Анны Іоанновны является только печальнымъ отголоскомъ того прошлаго, среди котораго она воспитывалась...

Царица Прасковья по всѣмъ своимъ привычкамъ и воспитанію принадлежала старинѣ. Но какъ женщина умная, понимавшая, что вся ея сила счастья или несчастья лежала въ Петрѣ, она подлаживалась къ нему, къ его симпатіямъ. И, благодаря такого рода дипломатіи, она пользовалась до конца симпатіей Петра Великаго. Случалось, къ ней обращалась за посредничествомъ любимая жена Петра, Екатерина I, съ которой она дружилась и переписывалась.

Вся жизнь и нравственные интересы этой женщины были поглощены монастырями, церквами, милостыней, всякой благотворительностью. Но рядомъ съ этимъ душеспасительнымъ дѣломъ хранилась въ старой царицѣ и та черствость, то звѣрство, которымъ отличались въ древней Руси всѣ власти предержащія. Эту сторону въ характерѣ царицы Прасковьи удается г. Семевскому довольно рельефно выставить и освѣтить съ помощью найденныхъ бумагъ, касающихся дѣла ея стряпчаго Деревина.

Деревинъ былъ золъ на Юшкова, любимца царицы Прасковьи. Вдругъ случай далъ ему возможность найти на дворѣ оброненное Юшковымъ цифирное письмо царицы къ Юшкову.

Извѣстно, какъ въ царствованіе Петра I было во всей силѣ дѣйствіе Тайной Канцеляріи со всѣми ея застѣночными инструментами. Извѣстно, какъ указы Петра поощряли всякіе доносы и какъ грозили наказаніемъ за скрытіе какихъ-нибудь вредящихъ государству или вообще подозрительныхъ тайнъ. И вотъ Деревинъ, въ отмщеніе Юшкову, рѣшается представить найденное письмо въ Тайную Канцелярію. Слухи объ его намѣреніи дошли до Юшкова. Послѣдній, опираясь на такую сильную руку, какъ царица Прасковья, далъ приказъ схватить Деревина, думая пытками и угрозами заставить его выдать письмо. Деревинъ, не смущаясь пытками, крѣпко стоялъ на томъ, что не находилъ никакого письма царицы. Строгость, съ какой къ нему относились, еще болѣе убѣждала его, что найденное письмо, должно-быть, важный обвинительный документъ противъ лютаго врага, и потому упорнѣе стоялъ на своемъ. Юшковъ, боясь, что замучитъ до смерти, наконецъ отпустилъ Деревина на волю. Выпущенный, онъ тотчасъ представилъ письмо въ Тайную Канцелярію. По наговору Юшкова, что Деревинъ, будучи стряпчимъ царицы, обокралъ ее,—Деревинъ былъ посаженъ въ тюрьму съ прочими арестантами.

Услыхавъ, что у Деревина находится цифирное письмо, царица Прасковья, тогда уже больная, согбенная и настолько болѣзненная, что не въ силахъ была ходить сама, отдала приказъ, чтобы несли ее по тюремнымъ казематамъ, что ей пришло желаніе одѣлить арестантовъ милостыней. И дѣйствительно, очутившись въ казематѣ, она раздавала милостыню направо и налѣво и всѣхъ при этомъ спрашивала, гдѣ находится арестантъ Деревинъ. Ей указывали на дальніе казематы... Но вотъ наконецъ и Деревинъ. Вмѣсто милостыни, на этого арестанта посыпались собственноручные царскіе удары палкою по лицу, по головѣ и вообще по чемъ попало. Царица хотѣла такимъ способомъ заставить вернуть найденное Деревинымъ ея собственноручное письмо. Но, какъ мы знаемъ, письмо было уже передано членамъ Тайной Канцеляріи. Что же могъ ей вернуть Деревинъ? Но настойчивая старуха не вѣрила его словамъ и не унималась; она не ослабѣвала въ изобрѣтеніи разныхъ муръ для своего бывшаго стряпчаго. Вдругъ ей пришла мысль жечь лицо и волосы Деревина. Но когда и это не достигало желанныхъ результатовъ, тогда царица отдала приказъ своей фрейлинѣ: «Сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой». Водка мигомъ была принесена. Тогда она приказала лить на голову арестанта. «Водка или лучше сказать спиртъ потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ, и разъѣдалъ ее страшно... «Зажигай!»—крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту. «Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки; но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревина, и голова вспыхнула, какъ порохъ!» (стр. 151). Но здѣсь еще не конецъ всѣмъ мукамъ арестанта. Царица выказала царское мужество и жестокость. Когда кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ былъ потушенъ огонь, зажженный на несчастномъ, царица пожела осмотрѣть «копчонаго стряпчаго». «Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли, лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло, глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обожженъ, и только сквозь раздутыя черныя губы слышались стоны». Царица еще болѣе разгнѣвалась, «и ручка монархини, и крѣпкая трость вновь загуляли по ли...; но, нѣтъ, то не было уже лицо: въ громадной язвѣ не было даже и подобія образа человѣческаго» (стр. 151).

Когда бы кончила и, вообще, кончила ли бы царица издѣваться надъ своей жертвой, не добившись результа, трудно сказать; но теперь ее прервалъ и остановилъ своимъ появленіемъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій. Онъ отнялъ у царицы ея жертву, а самое ее выпроводилъ изъ каземата, — правда, и то не безъ хитрости: Ягужинскій обѣщалъ царицѣ, что на другой день пришлетъ къ ней Деревина.

Судя по тому звѣрству, съ какимъ преслѣдовала царица этого человѣка за удержаніе ея письма, дѣйствительно можно было подумать, что

письмо содержитъ какую-нибудь государственную тайну, обнаруженіе которой могло обрушить гнѣвъ царя на самое царицу Прасковью, но это только такъ казалось. На самомъ же дѣлѣ, надо думать, письмо касалось только личныхъ интимныхъ отношеній царицы къ Юшкову. Мы говоримъ: «надо думать», такъ какъ содержаніе письма до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: оно не найдено среди бумагъ, касающихся дѣла Деревина.

Въ описанномъ эпизодѣ выступаетъ типичный и характерный фактъ стараго времени. Царица Прасковья—на видъ чуть не святая, чуть не монахиня—всѣ силы употребляетъ, чтобы сохранить за собой образъ милостивой, благочестивой. Всѣ житейскія интимныя дѣла она творитъ втихомолку и обставляетъ ихъ такой осторожностью, что даже переписку съ любимымъ человѣкомъ ведетъ шифромъ. Какъ тигрица нападаетъ она на похитителя, который можетъ раскрыть ея тайныя любовныя отношенія... Старина любила снаружи—для виду—быть чистой, блестѣть на глазахъ другихъ, какъ брилліантъ, но въ сущности творила гораздо больше пакостей подъ разными покровами, скрывающими ее отъ постороннихъ взоровъ.

Хотя царица Прасковья не играла какой-нибудь политической роли, но она весьма интересна, какъ массовый типъ Петровскаго времени, который «лучше всего,—какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Семевскій въ своемъ предисловіи,—можетъ служить для нагляднаго изображенія общественной жизни въ извѣстный, пережитый обществомъ, моментъ» (стр. 6).

Въ концѣ книги, въ видѣ приложенія, помѣщена: «Переписка царицы Прасковьи» и «Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны».

Кометы и падающія звѣзды. *С. П. Глазенапа.* 1883 г.

Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ цѣль своей книжки: «Мы избрали задачу изложить *научно*, но въ то же время и *общедоступно* все то, что извѣстно о кометахъ. т. е. *о ихъ* природѣ, *о ихъ* движеніяхъ; далѣе мы изложимъ все, что извѣстно о падающихъ звѣздахъ, и, наконецъ, займемся вопросомъ, который, собственно говоря, и послужилъ поводомъ къ напечатанію настоящей книги: это—вопросъ о возможной и вѣроятной встрѣчѣ земли съ кометою и о послѣдствіяхъ подобной встрѣчи» (стр. 3).

Итакъ, авторъ намѣренъ *научно* и вмѣстѣ съ тѣмъ *общедоступно* познакомить средняго. читателя съ міромъ кометъ и падающихъ звѣздъ и затѣмъ разсѣять ложный суевѣрный страхъ насчетъ гибельныхъ послѣдствій столкновенія земли съ кометою.

Научное и вмѣстѣ *общедоступное* изложеніе, по нашему мнѣнію, несоединимы; послѣднее въ особенности должно быть затруднительно (изложить общедоступно) для спеціалиста,—онъ незамѣтно для себя забрасаетъ читателя учеными, непонятными терминами.

Данная книжка служитъ этому прекраснымъ подтвержденіемъ. Здѣсь читатель то и дѣло встрѣчаетъ такія страшныя слова, какъ *радіусъ*

векторъ, *перигей*, *восходящій узелъ*, *узловое разстояніе*, *ось параболы*, *эксцентрицитетъ*...

Тутъ, кромѣ страшныхъ словъ, запугивающихъ пониманіе обычнаго читателя, встрѣчаются и цѣлыя фразы такого же свойства. Здѣсь встрѣчается множество математическихъ формулъ съ разными кубами, квадратами и иными математическими премудростями.

Ну-ка, пускай прочтетъ читатель, разсчитывавшій на общедоступное изложеніе, и уразумѣетъ хотя бы слѣдующую фразу: «По закону Кеплера мы должны имѣть: $(5,2)^3 : 1^2 = (4332,6)^2 : (365,3)^2$» (стр. 17).

Здѣсь же онъ встрѣтитъ краткую, сухую и совсѣмъ безъинтересную для него исторію ряда появлявшихся кометъ: имя ученаго, наблюдавшаго комету, время ея появленія въ первый, во второй разъ и т. д.

Спеціальная и весьма полезная цѣль автора—разсѣять страхи насчетъ гибельныхъ послѣдствій столкновенія земли съ какою-нибудь кометою достигается послѣдней (22-ю) главою. Намъ кажется, что авторъ могъ бы безъ всякихъ ученыхъ, запугивающихъ читателя, терминовъ ограничиться лишь одною послѣдней главой, только нѣсколько распространивъ ее.

Знакомя съ кометами, авторъ описываетъ ихъ составныя части: ядро, атмосферу, хвостъ. Послѣдніе иногда бываютъ поразительной величины: по словамъ автора: «хвостъ иногда бываетъ гораздо больше средняго разстоянія земли отъ солнца» (стр. 12). Форма хвоста тоже бываетъ весьма разнообразна; авторъ для наглядности прикладываетъ нѣсколько рисунковъ съ ихъ изображеніями. Любопытно его сообщеніе объ образованіи этихъ хвостовъ:

«Хвосты кометъ, подобно дыму идущаго локомотива, состоятъ изъ вещества, постоянно отдѣляющагося отъ кометы; это вещество разсѣевается въ небесномъ пространствѣ по строго опредѣленнымъ механическимъ законамъ» (стр. 89).

Вещество это настолько разряженное, что мы не замѣтимъ, если земля войдетъ въ хвостъ кометы, что случалось не разъ. Слѣдовательно не разъ земля уже сталкивалась съ кометою, однако до сихъ поръ не было никакихъ гибельныхъ послѣдствій. Оторванныя частицы вещества кометы при соприкосновеніи съ земною атмосферой разгорячались и падали на землю въ видѣ такъ-называемыхъ падающихъ звѣздъ.

Въ заключеніе авторъ такими словами разсѣеваетъ опасенія читателя: «Нѣтъ никакихъ основаній,—говоритъ онъ,—ожидать катастрофы отъ столкновенія земли съ кометою или ея хвостомъ. Мало того: *послѣдствія абсолютно незамѣтны для жизни*» (стр. 171).

Завоеваніе Ахалъ-теке. Очерки послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881). *А. Маслова*. С.-Пб. 1882. Изданіе Суворина.

Небольшая книжка, привлекающая вниманіе читателей главнымъ образомъ именемъ Скобелева. Впрочемъ, этому герою, всеобщему любимцу,

здѣсь отводится немного мѣста. Видно, что авторъ зналъ Скобелева хорошо и ему казалось, что всѣ такъ же знали и знаютъ генерала, какъ онъ, потому онъ и не беретъ на себя труда познакомить съ нимъ читателя, какъ съ новымъ, неизвѣстнымъ лицомъ. Г. Масловъ отмѣчаетъ только главныя, характерныя черты Скобелева, какъ полководца: напримѣръ, способность предугадывать и предусматривать впередъ; умѣнье опираться на нравственный подъемъ духа солдатъ. Скобелевъ, разсчитывая на извѣстный штурмъ или аттаку, всегда предварительно устраивалъ удачный взрывъ непріятельскаго укрѣпленія и съ повеселѣвшими и бодрыми солдатами принимался увѣренно за важное, опасное дѣло, которое должно было кончить кампанію или дать ей иное болѣе счастливое направленіе. Скобелевъ требовалъ, чтобы солдатики не утомлялись; онъ самъ никогда не зналъ усталости и не хотѣлъ ея знать въ солдатѣ. Онъ признавалъ только мертвыхъ, а не усталыхъ, какъ выражается г. Масловъ. За то этотъ же Скобелевъ умѣлъ и благодарить солдатъ, умѣлъ ихъ награждать, чувствовать и цѣнить солдатскую службу. Ну, и, разумѣется, солдатъ любилъ Скобелева.

Большая часть очерковъ посвящена описанію аттакъ, нападеній, движенію отрядовъ. Война велась съ такими дикими народами, какъ текинцы, потому въ этой кампаніи многое могло удаваться не вслѣдствіе преобладанія силы, а иногда, просто, благодаря ловкости, умѣнью. Самъ Скобелевъ выражался, что «Азію слѣдуетъ бить не только по имуществу и по загривку, но и по воображенію» (стр. 174).

Текинцы, какъ и вообще всѣ дикіе народы, суевѣрны и способны поддаваться сверхъестественному страху, который удалось Скобелеву нагнать на нихъ своими внезапными, храбрыми нападеніями.

Впрочемъ, собственно о характерѣ текинцевъ авторъ говоритъ немного, слова два упоминаетъ о текинскихъ женщинахъ и то больше объ ихъ украшеніяхъ, головныхъ уборахъ. Въ женитьбѣ текинцы слѣдуютъ характерной персидской пословицѣ: «когда женишься, то бери красивую женщину, такъ какъ если она окажется лишенною всѣхъ душевныхъ качествъ, то красота все-таки останется» (стр. 194). Собственно эти немногія строки, посвященныя нравамъ побѣжденныхъ, и составляютъ суть интереса для обычнаго читателя; остальная же, и притомъ большая, часть книги предназначена для людей военныхъ и вообще любителей походовъ. Замѣтимъ кстати, что общая часть книги, предназначенная для обычнаго читателя,—какъ, впрочемъ, и вся книга,—написана очень сухо.

Совѣты русскимъ землевладѣльцамъ изъ 20-ти лѣтней практики агронома *К. Дмитріева*. Тула. 1883 г.

Авторъ, землевладѣлецъ, задался весьма благою цѣлью—подѣлиться своей практической опытностью, накопленною въ теченіе 20 лѣтъ.

Онъ видитъ, какъ со времени паденія крѣпостного права съ каждымъ годомъ ухудшается крестьянское хозяйство даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ самая плодородная полоса въ Россіи—степь, гдѣ черноземъ. Указывая на это обстоятельство, онъ вслѣдъ за г. Кавелинымъ повторяетъ: «Гибель хозяйства крестьянскаго есть также и гибель для большихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, есть гибель для всего государства. Ему—государству—грозитъ полное разореніе, полная гибель. Надо помочь во-время, надо предупредить приближающуюся грозу,—предупредить, пока есть время... Сдѣлать это должны и могутъ землевладѣльцы сосѣдніе съ крестьянами, *но никакъ не правительство*, для котораго,—по словамъ автора,—рѣшительно не по силамъ обезпечить чуть не цѣлую Россію выгонами, зимнимъ кормомъ для скота и образцовыми при каждой деревнѣ хозяйствами, потому что у правительства нѣтъ достаточнаго количества земель для обученія крестьянъ улучшеннымъ способамъ веденія полевого хозяйства и для отдѣльныхъ запашекъ въ пособіе нуждающимся въ зимнихъ и лѣтнихъ кормахъ» (стр. 7).

Землевладѣльцы же должны улучшеніями и нововведеніями въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ убѣдить крестьянина наглядно въ необходимости измѣненія стараго способа веденія хозяйства. По личному 20-лѣтнему опыту автора выходитъ, что все благо и вся суть спасенія крестьянскаго благосостоянія заключаются не въ количествѣ земли, даже не въ введеніи въ почву разныхъ солей, какъ требуетъ г. Шараповъ, а въ весьма простомъ способѣ: гдѣ существуетъ перемѣнное хозяйство, тамъ ввести трехпольное, гдѣ существуетъ трехпольное—ввести четырехпольное.

Послѣдняя форма веденія хозяйства всегда оставляетъ свободный клочокъ земли для корма скота, для его пастбища. А отсутствіе скота вслѣдствіе неимѣнія для него корма и есть главная причина крестьянскихъ бѣдствій.

Хотя авторъ имѣетъ за собою 20-лѣтнюю опытность, хотя все, что онъ ни говоритъ, есть результатъ длинныхъ наблюденій и даже подробнаго изученія хозяйства не только какой-нибудь одной мѣстности, а всего обширнаго нашего отечества, тѣмъ не менѣе никакого луча надежды не засвѣтилось, даже хотя бы ради самообмана, по выслушаніи его совѣтовъ. Впрочемъ, онъ не поставилъ на нихъ точку... Сдѣлайте пока это,—говоритъ онъ,—а тамъ видно, что будетъ... Да и самъ онъ, кажется, мало убѣжденъ, что сказанное имъ поможетъ.

Разумѣется, лучше хоть что-нибудь поправить, чѣмъ стоять сложа руки и въ ужасѣ ждать, какъ разразится гроза и промочитъ до нитки, до кожи, до костей.

Мы не можемъ только никакъ согласиться съ авторомъ, чтобы слѣдовало отстранить правительство отъ участія въ такомъ благомъ и близкомъ ему дѣлѣ, какъ благосостояніе его государства, забота о чемъ есть его прямая и непосредственная задача.

Записки о Восточной Румеліи (южной Болгаріи). *В. В. Яшерова*, бывшаго командира 9-ой харманлійской дружины восточно-румелійской милиціи. Москва. 1883 г.

На Балканскомъ полуостровѣ, какъ извѣстно, послѣ войны за независимость славянъ образовались двѣ Болгаріи: сѣверная Болгарія—Болгарское княжество и южная Болгарія—Восточная Румелія.

Въ послѣдней, гдѣ главнѣйшими городами считаются: Пловдинъ, Сливно, Бургасъ, Татаръ-Базарджикъ, Казанлыкъ и Харманли,—автору пришлось дѣйствовать въ качествѣ командира во время кирджалійскаго возстанія. Послѣднее было въ февралѣ 1880 года. Когда возстаніе было усмирено, авторъ названной брошюры вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ былъ арестованъ по приказанію генерала Стрекера. Авторъ подробно разсказываетъ объ арестѣ, о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя были возведены на него и его подчиненныхъ,—о томъ, какъ была назначена комиссія для разслѣдованія его дѣла и какъ комиссія оправдала его, и генералъ Стрекеръ настоялъ на его удаленіи со службы и т. д. Вся эта исторія имѣетъ личный характеръ, и потому крайне мало интересна читателю. Для него несравненно любопытнѣе первая половина брошюры, гдѣ авторъ знакомитъ съ климатомъ, почвою, богатствомъ Восточной Румелія и нравами ея жителей.

По его словамъ, земля въ южной Болгаріи замѣчательно плодородна; дома баснословно дешевы. Авторъ говоритъ, что «можно пріобрѣсти дома, приносящіе 30—60 полуимперіаловъ годового дохода, за 50—100 полуимперіаловъ» (стр. 19). Вообще Восточная Румелія представляетъ благопріятное поле для всякихъ предпріятій. Авторъ весьма удивляется, отчего русскіе такъ мало пользуются дешевизной тамошней земли и удобствами общественной жизни (тамъ, наприм., печать пользуется полною свободой) (стр. 85), мало селятся въ Восточной Румеліи, между тѣмъ какъ нѣмцы не пропускаютъ удобнаго случая и пріобрѣтаютъ тамъ и земли, и дома.

Для ознакомленія съ этой молодой страной и съѣздить было бы туда недорого. Вся поѣздка, съ жизнью тамъ и обратною дорогой, должна обойтись не больше 200 рублей. Ѣхать можно изъ Одессы черезъ Константинополь, или же черезъ Яссы, Унгены, черезъ Румынію.

Разсказъ автора о семейномъ бытѣ болгаръ весьма любопытенъ. Онъ очень хвалитъ трудолюбіе болгарскихъ женщинъ. Говоритъ, что вся тяжесть труда лежитъ обычно на нихъ. Мужъ тамъ—владыка; онъ «палецъ о палецъ не ударитъ въ домѣ и только больше покуриваетъ свой табакъ или тянетъ кофе въ ближайшемъ дукенѣ» (кофейной) (стр. 27).

Большая Медвѣдица. Романъ въ пяти частяхъ. *В. Крестовскаго* (псевдонимъ). Два тома. Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное авторомъ. С.-Пб. Изданіе Суворина. 1883 года.

«Большая Медвѣдица»—одинъ изъ выдающихся романовъ талантливаго В. Крестовскаго. Въ свое время этотъ романъ надѣлалъ много шума. Онъ задѣвалъ самые живые вопросы: крѣпостное право, народное образованіе, дѣятельность женщинъ и т. д. Авторъ смотрѣлъ на жизнь бодро, съ полною вѣрой въ будущее, требовалъ отъ всѣхъ честнаго труда, справедливости,—труда *для всѣхъ* и справедливости *для всѣхъ*,—звалъ молодое поколѣніе на работу, указывалъ путь. Екатерина, въ крестьянской паневѣ, толкующая мальчику объ явившейся кометѣ, вырисовывалась при ночной мглѣ, освѣщенная свѣтомъ деревенскаго фонаря, какъ путеводная звѣзда, служащая отвѣтомъ на вопросъ: «что дѣлать?»—Идти работать, принести свѣтъ просвѣщенія въ темныя, душныя деревенскія избы. Катерина являлась той передовой, новой женщиной, за которою должна была идти молодежь.

Какъ это было давно!... Какъ съ тѣхъ поръ мы много пережили!... И пережили больше неудачъ... Но тѣмъ не менѣе путь Катерины и теперь остается несомнѣнно вѣрнымъ и желаннымъ путемъ. Наша молодежь и теперь идетъ охотно на указанную дорогу, съ тою же жаждой добра, пользы, съ тою же искренностью, какъ шла Катерина, но... безъ прежней вѣры. Молодежь идетъ, отказываясь отъ личнаго счастья, отъ всѣхъ радостей молодой жизни, зарываетъ себя заживо въ какомъ-нибудь мертвомъ захолустьѣ. Жертва приносится не даромъ, хотя результатъ объявится и не скоро. Его увидитъ и почувствуетъ всякій, когда многомилліонное народонаселеніе Россіи «маленькими» трудами такихъ стойкихъ и крѣпкихъ труженицъ вдругъ окажется грамотнымъ.

В. Крестовскій (псевдонимъ) писалъ много, писалъ долго. Въ будущемъ году, какъ говорятъ, минетъ 35 лѣтъ съ начала его литературной дѣятельности... Оглядываясь на протяженіе тридцати пяти лѣтъ, мы замѣчаемъ въ авторѣ, въ его убѣжденіяхъ и стремленіяхъ такую же стойкость, какъ въ его героинѣ романа «Большая Медвѣдица». Онъ всѣ 35 лѣтъ неукоснительно шелъ къ одной цѣли—общаго блага, возставалъ противъ эгоистическихъ личныхъ стремленій, хотѣлъ для всѣхъ свободы и счастья, жизнь находилъ въ этомъ стремленіи, въ трудѣ *для всѣхъ*.

Крестовскій несомнѣнно не только талантливый писатель, успѣвшій занять почетное мѣсто между нашими извѣстными романистами, онъ *честный* писатель,—писатель, который 35 лѣтъ держалъ одно знамя и остался ему вѣренъ и теперь... Приближающееся тридцатипятилѣтіе, навѣрно, дастъ обществу удобный случай выразить Крестовскому (псевдонимъ) свою признательность и уваженіе за его честное служеніе и искреннее пожеланіе еще долго-долго и съ прежней энергіей продолжать свой честный путь.

Караси и щуки. Юмористическіе разсказы. *Н. А. Лейкина.* С.-Пб. 1883 года.

Еще прошлый годъ говорили мы о писаніяхъ г. Лейкина по поводу его книги: «Теплые ребята». Мы замѣтили тогда, что у автора всѣ «эскизы, наброски выходятъ не дурны: каждый изъ нихъ кажется какъ бы началомъ повѣсти, гдѣ намѣчаются довольно типично абрисы дѣйствующихъ лицъ съ ихъ обстановкой, положеніемъ».

Къ несчастью, мы не можемъ того же сказать о данныхъ разсказахъ. Вся книга представляетъ рядъ отдѣльныхъ, скучнѣйшихъ, томительныхъ разговоровъ, не имѣющихъ ни начала, ни конца,—разговоровъ, гдѣ авторъ старается потѣшить публику какими-нибудь забористыми словцами или же искуственнымъ коверканьемъ родного языка вродѣ того, какъ его коверкаютъ нѣмцы или армяне.

Правда, въ данномъ сборникѣ авторъ много разнообразнѣе по выбору мѣстъ и лицъ, чѣмъ въ «Теплыхъ ребятахъ». Здѣсь онъ выводитъ не однихъ купцовъ и мѣщанъ,—здѣсь у него и мужики, и фотографы, и трактирщики, и чиновники, гуляющіе по Литейной, и разныя француженки изъ Риги, Каролины, Амаліи, и опытныя по бульварной части модистки, и совсѣмъ невинныя дѣвочки и т. д. Мѣсто дѣйствія выбирается самое разнообразное; случается, авторъ заводитъ съ собой читателя во Владикавказъ, Рыбинскъ, въ Кимры и т. д. Но вездѣ г. Лейкинъ выступаетъ съ своей неимовѣрной любовью къ словечкамъ, которыя, по его мнѣнію, должны смѣшить,—повсюду выступаетъ передъ читателемъ съ своей стереотипной улыбкой, на которую мы указывали еще въ прошлый разъ, говоря о «Теплыхъ ребятахъ».

Но мы должны сознаться, что читателю совсѣмъ не весело и не смѣшно отъ тѣхъ словечекъ, которыми разсчитываетъ позабавить его заботливый авторъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ типичныхъ разговоровъ, долженствующихъ смѣшить.

Разговариваютъ два гробовщика и уже давно немилосердно ругаются.

«— А ты видѣлъ?—подбоченился пиджакъ.

— Само собой видѣлъ. Кабы не видалъ, такъ не говорилъ бы. Гляжу, мишурная кисть густой позолоты на бурнусѣ. Ну, думаю, опускалъ кого-нибудь изъ богатыхъ покойниковъ въ могилу, незамѣтнымъ манеромъ кисть отъ гроба оторвалъ и—женѣ на бурнусъ. Знаемъ мы васъ *уличныхъ клеевъ*!

— Да знаешь ли ты, дерево стоеросовое, что за эту кисть изъ магазина Петрова и Медвѣдева 15 рублевъ мнѣ отдѣльно отъ бурнуса въ счетъ поставили?

— Ничего не обозначаетъ. Пятнадцать рублевъ поставили, а все-таки она сначала на гробѣ покрасовалась, а потомъ къ твоей женѣ на бурнусъ попала. Принесли къ тебѣ кисть на бурнусъ, а ты ее на гробъ, а потомъ опять женѣ на бурнусъ. Зачѣмъ покойника баловать? Опу-

стишь въ могилу — что четыре кисти, что три — все единственно также въ землѣ сгніютъ. А изъ-за политической экономіи отчего не погрѣшить?

— Мы на обухѣ рожь не молотимъ. Это вотъ ты такъ молотишь. Какихъ коней ты подъ трауръ ставишь? Съ какой живодерни?

— Мы съ живодерни не ставимъ. У насъ конь—огонь.

— Не этотъ ли конь-огонь у тебя на углу Разстанной улицы легъ, когда ты на Волково кладбище полковника Аграмантова везъ?

— Тутъ изъ-за гололедицы конь упалъ и себѣ ногу сломалъ. Ничего не подѣлаешь.

— Знаемъ мы эту гололедицу! По полтиннику на конѣ вздумалъ экономить.

— Стану я у полковника полтинники экономить, коли я четыреста рублей за его похороны взялъ!

— Какихъ это четыреста рублей? Маленькихъ?

— Нѣтъ, большихъ...» и т. д.

Въ такомъ духѣ, вѣдь, можно продолжать безъ конца,—только кому интересенъ такой площадной разговоръ, кому смѣшно при его чтеніи, кто позабавится имъ?...

Конечно, авторъ предназначалъ ихъ для замоскворѣцкой публики, для Ножовой линіи... Не думаемъ, чтобъ и для нихъ эти разсказы пришлись по вкусу,—и замоскворѣцкая публика, и публика Ножовой линіи тоже двигается впередъ въ своихъ вкусахъ...

И неужели г. Лейкинъ такъ и размѣняется весь на такія пошлости и не стоющія вниманія мелочи?...

Жаль!...

Записки степняка. Очерки и разсказы *А. Эртеля*. Два тома. С.-Пб. Изданіе О. И. Бакста. 1883 г.

Съ разсказами г. Эртеля читатели, разумѣется, сколько-нибудь да знакомы. Всѣ разсказы, за исключеніемъ перваго и послѣдняго («Мое знакомство съ Батуринымъ» и «Аддіо»), которые прибавлены для округленія «Записокъ степняка»,—помѣщались въ *Вѣстникѣ Европы*.

Но какая разница читать понемногу: въ мѣсяцъ по разсказу, или вдругъ всѣ заразъ: одинъ, два, три... разомъ оба тома! Миражъ и обманъ тутъ разомъ исчезаютъ. Тѣ недостатки, которые при чтеніи «понемножку» не ощущались, при изданіи отдѣльною книгой выступаютъ неимовѣрно подавляющими; то, что́ при чтеніи «на разстояніи» могло даже казаться пріятнымъ, при поднесеніи въ изобиліи иногда обращается въ убійственно-тоскливое, странно-безцѣльное повтореніе.

Вотъ именно это самое ощущаетъ читатель, принявшись за разсказы г. Эртеля, изданные въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Записки степняка». Издать свои разсказы отдѣльною книгой—непростительная ошиб-

на со стороны г. Эртеля, въ чемъ неминуемо онъ долженъ будетъ и самъ вскорѣ убѣдиться.

Какъ припомнитъ читатель, отличительная особенность г. Эртеля—это любовь къ природѣ. Онъ то и дѣло говоритъ о небѣ, о тучахъ, о «прохладномъ и ясномъ воздухѣ», о «смѣющемся лучѣ, прихотливо перебѣгающемъ по деревьямъ, нагоняя улыбку на угрюмые великаны лѣсовъ» (т. II, стр. 41); о солнцѣ, которое съ «убійственной жгучестью» палитъ землю; о кустахъ сирени, о ржаномъ полѣ, которое «то замирало въ какой-то чуткой дремотѣ и неподвижно нѣжилось въ голубомъ воздухѣ», то и т. д. (т. I, стр. 187); о пѣтухахъ, которые «*будили* свѣжій *крѣпкій* воздухъ» (т. I, стр. 159); о щебетаньи малиновки и т. д. и т. д. Читатель можетъ-быть съ удовольствіемъ встрѣчалъ мѣстами это любовное описаніе природы, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время ея какъ бы не существовало для нашихъ любимыхъ писателей. Природа какъ бы уходила изъ-подъ ихъ наблюденій; они не замѣчали ея. Вотъ что говоритъ насчетъ этого «любованья» природой нашъ лучшій писатель по части бытовой жизни, очутившись весной на Кавказѣ: «О краскахъ, о цвѣтахъ, о линіяхъ мы тамъ, на сѣверѣ, забыли, давно забыли, точно ничего, кромѣ урядниковъ, и нѣтъ на свѣтѣ. А здѣсь вотъ цвѣты! Ахъ, какіе прелестные, и я могу на нихъ смотрѣть! Просто видѣть и любоваться и хранить хорошее впечатлѣніе! Этого давно-давно не случалось со мной, нескончаемо давно. Даже не помню, сколько времени я не видѣлъ ни цвѣтовъ, ни воды, ни неба, хотя ходилъ и между цвѣтами, и подъ небомъ, и у воды. *Гнела какая-то каменная тоска*» (*Отеч. Зап.* 1883 г., іюнь, стр. 543).

Вотъ почему не замѣчаютъ природы, не могутъ любоваться ею наши лучшіе писатели. Г. Эртель, напротивъ, и замѣчаетъ, и любуется. Этого мало: онъ даже прямо совѣтуетъ читателю (вѣдь, вкусы и требованія бываютъ разные) просто безъ всякой мысли смотрѣть на красоты природы, чувствовать, упиваться ими и гнать отъ себя «иныя» мысли. Онъ довольно ясно высказываетъ это въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ извѣстное состояніе природы вдругъ какъ-то напоминаетъ ему о современной жизни, о злобахъ дня (правда, это случилось съ нимъ, кажется, одинъ разъ). «Намъ, современникамъ,—говоритъ онъ,—приходится *лишь* констатировать и, заручившись *каменнымъ* сердцемъ, *съ одинаковымъ хладнокровіемъ обнять пакость*, возникающую и безъ жалости убитую морозомъ полезность» (т. II, стр. 42). Въ первомъ томѣ онъ гораздо опредѣленнѣе и яснѣе даетъ совѣтъ читателю: «Не отравляйте красоты. *Отрѣшитесь отъ мысли, ѣдко разъѣдающей душу. Раскройте эту душу одной только мирной красотѣ*» (стр. 196).

Вотъ именно этого-то *только* и не могутъ сдѣлать наши лучшіе современные писатели, потому-то они не чувствуютъ ни воды, ни цвѣтовъ, ни воздуха, хотя и ходятъ «между цвѣтами, и подъ небомъ, и у воды».

Но вкусы бываютъ разные, и мы о вкусахъ не споримъ. Мы сказали: весьма возможно, что читатель съ удовольствіемъ, хотя бы для-ради разнообразія, встрѣтитъ описаніе природы въ разсказахъ г. Эртеля, еслибы только не занимали они большой половины вниманія автора, еслибы не поглощали и его самого, и его разсказъ... Обычно каждый разсказъ г. Эртеля и начинается, и оканчивается «любованьемъ» природой. «Любованью», описательной сторонѣ авторъ отдаетъ предпочтеніе передъ самымъ разсказомъ.

Для образчика возьмемъ первый разсказъ изъ II тома: «Криворожье». Беремъ 2-й томъ потому, что тутъ все же хоть одинъ-два отрывка болѣе приближаются къ формѣ разсказа, чѣмъ всѣ помѣщенные въ первомъ томѣ, за исключеніемъ развѣ «Серафимъ Ежиковъ».

«Стояла засуха. Недѣли три, какъ уже не было дождя,—начинается описаніе въ разсказѣ «Криворожье».—Солнце съ убійственной жгучестью палило землю; на знойномъ небѣ цѣлыми днями не показывалось ни одного облачка. Въ раскаленномъ воздухѣ» и т. д. и т. д. Мы уже не будемъ выписывать,—пусть читатель самъ подбираетъ разныя слова насчетъ воздуха. Покончивъ съ солнцемъ и воздухомъ, авторъ останавливаетъ свой взоръ на полѣ, описываетъ рожь; потомъ съ «плавной медлительностью» переводитъ глаза на стадо,—описываетъ стадо, коровъ, овецъ, пастуха... Потомъ такъ же любовно описываетъ пыль, какъ она вьется около его экипажа; потомъ опять возвращается къ жарѣ, къ воздуху, описываетъ попавшуюся деревню, собакъ, встрѣтившіеся кабаки... Затѣмъ вдругъ вспоминаетъ, что онъ ѣдетъ не одинъ,—съ нимъ въ экипажѣ сидитъ нѣкій Семенъ Андреевичъ. И авторъ изъявляетъ желаніе познакомить съ Семеномъ Андреевичемъ своего долготерпѣливаго читателя. Но, какъ истый художникъ-эстетикъ, сперва онъ знакомитъ съ подбородкомъ своего компаніона,—опять описываетъ... Затѣмъ передаетъ монологъ Семена Андреевича, какъ онъ всю дорогу ругалъ нѣмцевъ, восторгался русской народностью, славянскими племенами... Разумѣется, читатель не можетъ не замѣтить, что весь этотъ монологъ произносится единственно для него. Но вотъ наконецъ пріѣхали въ Криворожье — цѣль разсказа. Авторъ и Семенъ Андреевичъ пошли на мельницу... Слѣдуетъ описаніе мельника, мельничихи и повѣствованіе о томъ (впрочемъ, повѣствованіе въ лицахъ), какъ мельникъ надулъ Семена Андреевича. Тутъ же въ лицахъ изображается сцена, какъ въ присутствіи пріѣхавшихъ гостей происходитъ потасовка «за святыя» между мельничихой и ея работницей. И разсказъ опять кончается описаніемъ торжественной тишины полей, озаренныхъ пожаромъ» (т. I, стр. 39).

Только-что вы покончили съ полями, «озаренными пожаромъ», только-что встрѣтили въ заглавіи слѣдующаго разсказа названіе: «Жолтиковъ» и думаете: «ну, вотъ, слава Богу, теперь будетъ рѣчь о людяхъ, теперь ужь больше не будетъ восхищенія воздухомъ, небомъ, водой,—

слава Богу», — какъ вдругъ, къ величайшей тоскѣ читателя, авторъ снова затягиваетъ свою любимую пѣсню, которая уже успѣла несносно надоѣсть и опротивѣть читателю. «Случалось ли вамъ, господа,—начинается названный разсказъ,—быть въ лѣсу въ пору ранней весны?» Читатель въ страхѣ: неужели опять природа, небо, воздухъ?... «Все напоминаетъ еще о суровомъ зимнемъ царствѣ,—продолжаетъ авторъ,—несмотря на ваше смущеніе. — Глазъ проникаетъ далеко въ глубь лѣса. Карявыя деревья»... (т. II, стр. 40). И такъ безъ конца буквально до одуренія терпѣливаго читателя. И дѣйствительно—на диво терпѣливаго, такъ какъ все это описаніе не имѣетъ уже никакого отношенія къ самому разсказу... Наговорившись о красотахъ природы до собственнаго пресыщенія, авторъ наконецъ почувствовалъ, что неловко же въ самомъ дѣлѣ такъ немилосердно злоупотреблять вниманіемъ къ пустопорожнимъ словамъ, потому оговаривается въ концѣ своего «любованья», на этотъ разъ растянувшагося на цѣлыхъ 4 страницы: «Простите, — говоритъ онъ, — и *перейдемте къ дѣлу*» (т. II, стр. 43).

Но такое сознаніе приходитъ къ автору только на второмъ томѣ, и то очень не надолго. Онъ сейчасъ же снова забывается и безъ всякихъ извиненій и на этотъ разъ безъ всякаго милосердія описываетъ ту же степь, то же небо... А что дѣлаетъ онъ съ читателемъ въ первомъ томѣ, просто до ужаса! Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, при началѣ разсказа, вздумалъ пересчитывать, что онъ любитъ въ природѣ...

«Люблю необозримую степную гладь, занесенную сугробами, мутное, низкое небо и т. д. и т. д.

«Люблю весенній лепетъ тѣнистой рощи, заботливый гамъ грачей и т. д. и т. д.

«Люблю теплыя, долгія зори и т. д.

«И жаркое лѣто люблю я. Люблю, когда подъ знойнымъ іюльскимъ вѣтеркомъ...» (т. I, стр. 129).

Послѣ этого невольно скажешь: «Боже! зачѣмъ такъ много любитъ авторъ? А ужь если любитъ, къ чему же всѣмъ-то объ этомъ разсказывать? Во-первыхъ, это не скромно, а во-вторыхъ—какое дѣло читателю до того, что авторъ любитъ и зиму, и лѣто, и всѣ времена года?... Къ тому же, вѣдь, вмѣсто обѣщанныхъ «Очерковъ и разсказовъ», отъ этого получаются одни знаки восклицанія... Или вдругъ, изображая тишину, ему приходитъ фантазія (и, надо замѣтить, ужасно неделикатная) пересчитывать *все*, чего нѣтъ, но *что* бы *могло* нарушить тишину. «Не прощебечетъ малиновка,—начинаетъ онъ,—не зальется страстнымъ *треньканьемъ* перепелъ, не разсыпится жаворонокъ серебристыми трелями...» и т. д. и т. д. (т. I, стр. 130). Вѣдь, при подобномъ способѣ описанія можно написать не 2, а цѣлыхъ 20 томовъ, лишь бы только не смущаться навѣваемою на читателя убійственной тоской. Мы увѣрены, что любой любитель природы возненавидитъ послѣ этого навсегда описаніе

ея красотъ, если осилить хотя половину перваго тома «Записокъ степняка».

И зачѣмъ было г. Эртелю издавать свои разсказы отдѣльною книгой? При чтеніи ихъ «на разстояніи» природа вовсе не дѣлалась той bête noire, которая заслонила здѣсь и жизнь, и людей, и ту дѣйствительную красоту природы, которой любуется всякій, вырываясь изъ-подъ гнета «каменной тоски».

Въ «Запискахъ степняка» природа является bête noire, которая замѣняетъ для автора нравственный идеалъ. Послѣдній совсѣмъ отсутствуетъ у г. Эртеля, а безъ нравственнаго идеала, какъ вѣрно говоритъ въ своихъ статьяхъ г. Красносельскій (*От. Зап.* май, іюнь), не стоитъ писать, а тѣмъ болѣе издавать свои отрывки отдѣльными книгами.

Все это мы высказываемъ не безъ искренняго сожалѣнія. Г. Эртель—человѣкъ молодой, только что выступающій на литературное поприще; онъ еще можетъ дать въ будущемъ то, чего не даетъ теперь, такъ какъ отрицать въ немъ извѣстную долю таланта нельзя, — вотъ поэтому-то мы и не можемъ не пожалѣть: къ чему было издавать свои разсказы отдѣльною книгой?

Издавши, онъ далъ возможность подмѣтить, даже не особенно внимательному читателю, пустоту содержанія своихъ разсказовъ,—подмѣтить настолько, что даже эти самыя описанія, которыми такъ упивается авторъ и которыя такъ музыкально звучатъ для уха, оказываются пустымъ звукомъ безъ смысла. Читаете одинъ разсказъ — все воздухъ, небо, жаркій лучъ; читаете другой—опять небо, воздухъ, жаркій лучъ... Вы охотно бы бросили книгу, но вы — рецензентъ и потому читайте!... Чтобы не такъ было скучно, вы стараетесь рисовать воображеніемъ всѣ встрѣчающіяся описанія. И вотъ во время такого упражненія приходите въ полнѣйшій ужасъ: вмѣсто картинъ природы вы видите въ книгѣ одинъ пустой наборъ словъ, нанизанный для-ради красоты слога. Если не вѣрите, продѣлайте надъ собой этотъ опытъ. Ну, вотъ и рисуйте своимъ воображеніемъ: «возвышенность *пламенѣла*» (т. I, стр. 160), «роща задрожала *свѣжею* дрожью» (тамъ же); «*жидко* заблеяли овцы» (тамъ же); «прозрачный, *жидкій* воздухъ». «При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка *запахъ увяданія* усиливается, тогда всѣмъ кажется, что въ прохладномъ воздухѣ вмѣстѣ съ тихимъ и *ласковымъ* вѣяньемъ вѣтра проносятся какія-то *изумительно тонкія* наркотическія струйки» (т. I, стр. 129). «Въ кустахъ сирени *точно ножницы въ проворныхъ рукахъ артиста парикмахера стрекотала какая-то птичка*» (т. I, стр. 192). Звѣзды сіяютъ «*робко и трепетно*», съ какой-то «*торжественной ясностью*» (т. I, стр. 121). «*Пахло водою и какой-то пріятною затхлостью*» (тамъ же).

Будетъ, довольно... Послѣ приведенныхъ мѣстъ не трудно убѣдиться, что любовь г. Эртеля къ природѣ сводится на любовь къ звукамъ, къ красивому набору словъ.

Нельзя не замѣтить, что г. Эртель сильно подражаетъ не только въ описаніи неба, полей, но даже въ формѣ, во внѣшней сторонѣ своихъ Жазовъ, И. С. Тургеневу. Тургеневъ написалъ «Записки охотника», ртель — «Записки степняка». Тургеневъ ѣздитъ на охоту, встрѣчаетъ по дорогѣ различные типы,—и степнякъ, соскучившись сидѣть въ одиночествѣ на своемъ хуторѣ, ѣздитъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ сосѣдей и по дорогѣ встрѣчаетъ то «пріятную затхлость», то «торжественную ясность» сіянія звѣздъ.

Тургеневъ любитъ природу. Со всѣми деталями воспроизводитъ онъ остановившую его вниманіе картину; онъ дѣлится своимъ наслажденіемъ съ читателемъ, давая и ему возможность испытать нѣчто подобное. Но, несмотря на свое положеніе охотника, для котораго природа имѣетъ исключительный преобладающій интересъ, Тургеневъ никогда ей не отдаетъ предпочтеніе предъ человѣкомъ. Его «Записки охотника» вводятъ читателя въ до тѣхъ поръ неизвѣстный, закрытый для него міръ—жизнь мужика. Каждый разсказъ въ «Запискахъ охотника» знакомитъ съ новымъ типомъ.

У г. Эртеля, какъ мы сказали, природа преобладаетъ надъ человѣкомъ. Человѣкъ если и говоритъ передъ читателемъ, то только затѣмъ, чтобы передъ нимъ отрекомендоваться. Читатель не застаетъ его врасплохъ среди обычныхъ занятій. Авторъ не вводитъ читателя въ его жизнь, а поступаетъ совершенно обратно: онъ бер[illegible] за ручку своего героя и выводитъ на эстраду, пріодѣвши на-показъ и вложивши ему въ уста только одни рекомендательныя рѣчи. Потому разговоръ героевъ г. Эртеля въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ центра и можетъ безконечно тянуться и въ ту, и въ другую сторону, какъ тянется описаніе природы. Потому ни одинъ отрывокъ въ «Запискахъ степняка», за исключеніемъ «Офицерши» и «Жолтикова», не представляетъ чего-нибудь цѣннаго, законченнаго, достойнаго хотя бы названія разсказа. Вѣрнѣй было бы назвать содержаніе этихъ двухъ томовъ—фельетонныя корреспонденціи...

Въ большинствѣ случаевъ авторъ придерживается крайне непохвальныхъ привычекъ: наприм., онъ не разъ подслушиваетъ за своими знакомыми (въ разсказахъ: «Липяги», «Иностранецъ Липатка»), саркастически улыбается надъ увлеченіями Лебедкина («Липяги») и т. д. Во всякомъ случаѣ увлеченія Лебедкина искренни; они несравненно жизненнѣе упоеній воздухомъ, гдѣ «затхлый ароматъ увяданія» соединяется съ «крѣпительной свѣжестью воскресающей природы» (т. II, стр. 41).

Читая эти безконечныя упоенія разными затхлостями, намъ не разъ приходило въ голову: а что, еслибъ авторъ выкинулъ многорѣчивыя описанія природы и своихъ ощущеній, его два солидныхъ тома непремѣнно должны бы были похудѣть до тощей брошюры... И едва ли бы отъ такого сокращенія что потерялъ читатель, тѣмъ болѣе, что авторъ и въ своихъ описаніяхъ, и въ ощущеніяхъ нерѣдко повторяется... «Вы чувствуете,—

говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ «Жолтиковъ»,—какъ *въ груди* вашей, сладостно стѣсняя дыханіе, *ширится что-то* невыразимо хорошее...» И это «что-то» опять встрѣчаетъ читатель и въ разсказѣ «Аддіо»: «И я чувствую,—говоритъ г. Эртель,—какъ *что-то* странное *ширится* и растетъ во мнѣ и съ тоскующей болью щемитъ сердце» (стр. 280).

Охотно повторяемъ за г. Красносельскимъ: нѣтъ, нѣтъ, безъ нравственнаго идеала писать не слѣдуетъ, какъ бы хороши звуки ни выходили изъ подъ-пера, а тѣмъ болѣе издавать музыку пустыхъ звуковъ отдѣльными книгами... Еще въ журналѣ при нашей современной бѣдности какъ-нибудь сойдетъ и звукъ за дѣло, и мысль,—ну, а цѣлая книга пустыхъ звуковъ не можетъ не разсѣять заблужденія...

Стихотворенія *кн. Д. Н. Цертелева.* С.-Пб. 1883 года.

«Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной...

говоритъ Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Муза», указывая на разницу мотивовъ своей и Пушкинской пѣсни... Предметы пѣснопѣній и самое отношеніе обоихъ поэтовъ къ жизни, какъ извѣстно, были крайне противоположны. Каждый былъ сыномъ своего времени. Поэзія Некрасова смѣнила безмятежную, чудно-музыкальную пѣсню Пушкина и породила себѣ послѣдователей, образовала цѣлую школу. Между послѣдователями выступаютъ и намѣчаются въ настоящее время уже не дюжинные таланты, какъ, напримѣръ, молодой многообѣщающій талантъ Надсона.

Хотя школа Некрасова и сдѣлалась преобладающей, но и теперь еще нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ прозвучитъ, раздастся далекій отголосокъ Пушкинской поэзіи. Запоздалымъ кажется онъ, неожиданнымъ, поражаетъ слухъ, какъ соловьиная пѣсня въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Такимъ отголоскомъ Пушкинской поэзіи, его стиха, является книжка кн. Д. Н. Цертелева: «Стихотворенія».

Кромѣ переводныхъ изъ Шиллера, Гёте, Гейне, Уланда, почти всѣ оригинальныя стихотворенія посвящены любви, описанію природы. Авторъ обычно или ждетъ любви, или ею наслаждается, или уже разочаровался, разбилъ свой кумиръ и тоскуетъ въ опустѣломъ храмѣ... Со стороны музыкальности почти всѣ стихи не дурны: въ нихъ слышится мелодія, а порой и гармонія Пушкинскаго стиха.

Весь день съ пылающихъ небесъ
Метало солнце огненныя стрѣлы,
Въ его сіяньи замеръ лѣсъ
И міръ лежалъ недвижный, онѣмѣлый.

* * *

А тучи шли со всѣхъ сторонъ,
Росли, тѣснились мрачною толпою,

Весь лѣсъ казался окруженъ
Ихъ сѣрою ползущею стѣною.

* * *

Сейчасъ, казалось, грянетъ громъ
Какъ дикій звѣрь, застонетъ вихрь могучій;
Крутя, ломая все кругомъ,
Онъ вдаль умчитъ разорванныя тучи и т. д. (стр. 3—4).

Все стихотвореніе до конца музыкально, хотя въ немъ говорится только о грозѣ, что ее ждали и не дождались. Но, касаясь любви, авторъ нерѣдко уносится къ философіи Гартмана, къ норванѣ: все—миражъ, самое лучшее на землѣ — вѣчный покой; жизнь, какъ смотритъ на нее Лермонтовъ, дѣйствительно не больше, какъ шутка.

Забыли мы, увлекшись чудною мечтой,
Что всѣ волшебныя видѣнья,
Какъ призраки кругомъ, встававшіе толпой,
Лишь мысли нашей отраженье:

* * *

Она ясна—и ясно все; взгрустнется вдругъ,
И все, что̀ блещетъ красотою,
Любовью кроткой, нѣгой полно—все вокругъ
Исполнится тоской, враждою... (стр. 8).

Углубляясь въ такія пессимистскія мысли, авторъ жалѣетъ тѣхъ,

... кто видитъ ясно
Стремленьямъ всѣмъ одинъ исходъ,
Кто цѣли дней искалъ напрасно
И ничего отъ нихъ не ждетъ... (стр. 10).

Съ теченіемъ времени этотъ мрачный взглядъ уступаетъ мѣсто болѣе спокойному: авторъ находитъ утѣшеніе въ надеждѣ на жизнь послѣ смерти.

Когда все то, что̀ миновало,
Проходитъ въ памяти моей,
Гляжу я, грустный и усталый,
На сны моихъ минувшихъ дней.

* * *

Въ это время ему шепчутъ тѣни:
Пока неси земное бремя
И не спѣши къ мірамъ инымъ,
Живи!—когда наступитъ время,
Мы за тобою прилетимъ.

* * *

Все то, что̀ здѣсь тебя плѣняло,
Что̀ видѣлъ ты въ неясныхъ снахъ,

Есть только первое начало
Того, что зрѣетъ въ тѣхъ мірахъ... (стр. 70—71).

Естественно, что, успокоившись на такомъ міровоззрѣніи, авторъ мало цѣны придаетъ дѣйствительной окружающей жизни. Она нехороша,—въ ней все ложь.

Коварство, обманъ и развратъ
Отъ имени вѣчнаго Бога—
Безумье и злоба царятъ;

* * *

Во имя небесъ и прощенья
На плахахъ звенятъ топоры;
Во имя любви и смиренья
Трещатъ и пылаютъ костры.

* * *

Отъ имени братской свободы
Жрецы ея цѣпи куютъ,
Какъ стадо, за ними народы
На злѣйшее рабство идутъ...

Онъ все это видитъ, сознаетъ; но бороться считаетъ напраснымъ, потому что найти въ мірѣ то, чего желаешь, нельзя... Это его послѣднее слово.

Но, случается, и онъ поддается обаянію простой жизненной поэзіи Некрасова, —правда, то бываетъ рѣдко,—и рисуетъ картинки, и говоритъ про любовь такъ же просто, какъ говорилъ Некрасовъ. Таково его прекрасное стихотвореніе:

Ты помнишь ли утро, мы ѣхали рядомъ,
Не весело лошади шли,
Молчали мы оба и пристальнымъ взглядомъ
Чего-то искали вдали?... и т. д. (стр. 56).

Треть книги занята стихами на тему индійской поэзіи, поэзіи Египта... Съ внѣшней стороны и они не дурны, зато далеки и чужды намъ по своему содержанію.

Е. Н.

Бисмаркъ, Вагнеръ, Родбертусъ. *Морица Вирта* **(Bismarck, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister.** *Moritz Wirth.* **Leipzig, 1883).**

Къ этой любопытной книгѣ присоединенъ очеркъ Макса Шиппеля: «Современная нищета и избытокъ въ населеніи». О послѣднемъ скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе.

Политика, искусство и народное хозяйство,—говоритъ Виртъ,—находятся между собою въ тѣсной связи. Бисмаркъ, Рихардъ Вагнеръ и Родбер-

тусъ являются въ этихъ областяхъ величайшими представителями германскаго народнаго генія.

Желѣзный канцлеръ, по мнѣнію Вирта, играетъ въ исторіи нѣмецкой національности такую же роль, какую игралъ Цезарь въ исторіи Рима. Защита предѣловъ Гогенцоллернской имперіи является началомъ дѣятельности князя Бисмарка, подобно тому, какъ защита (наступательная) границъ Римскаго государства составила первую задачу побѣдителя галловъ. Но достанетъ ли у германскаго народа матеріальныхъ и духовныхъ средствъ для того, чтобы сохранить за собою современное положеніе среди европейскихъ народовъ и обезпечить *самобытную* нѣмецкую культуру? Какова будущность европейскихъ народовъ вообще?

Римъ погибъ, благодаря неправильной постановкѣ хозяйственнаго строя. Та же участь можетъ грозить и современному Риму, т. е. Германіи. Необходимо поэтому опредѣлить, каково народно-хозяйственное будущее нѣмецкой имперіи? Естественно, что за отвѣтомъ слѣдуетъ обратиться къ германской экономической наукѣ.

Морицъ Виртъ беретъ сочиненія Рошера, сборникъ Шёнберга и книгу Адольфа Вагнера, чтобы получить этотъ отвѣтъ. Про Шёнберга Шмоллеръ основательно замѣтилъ, что это руководство, въ составленіи котораго принимали участіе многіе выдающіеся ученые, представляетъ собою національную экономію Рау, съ улучшенными подробностями. Между Рау и Рошеромъ нѣтъ принципіальнаго разногласія, и поэтому должно познакомиться со взглядами этого главнѣйшаго изъ живущихъ представителей экономической науки въ Германіи.

Рошеръ съ гордостью заявляетъ (въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im deutschen Reich, 1882, 1 Heft.), что на его сочиненія съ одинаковымъ удовольствіемъ и основательностью ссылаются и сторонники свободной торговли, и защитники покровительственной системы. Виртъ рѣзко вооружается противъ этой безпринципности въ практическихъ вопросахъ, и вооружается отчасти по недоразумѣнію. Рошеръ правъ, утверждая, что *наука* имѣетъ дѣло съ существующимъ, а не съ тѣмъ, что *должно* быть. Но нѣмецкій экономистъ вздумалъ перенести этотъ же взглядъ и въ область хозяйственной *политики* (искусства), гдѣ, по его мнѣнію, вѣчно господствуетъ относительная истина, и это послѣднее утвержденіе, въ такой постановкѣ, дѣйствительно не выдерживаетъ критики. Если Рошеръ правъ,—замѣчаетъ Морицъ Виртъ,—то нѣмецкая политическая экономія находится еще въ зачаточномъ состояніи, и изъ этого состоянія необходимо какъ можно скорѣе выйти.

Что касается до Адольфа Вагнера, который вмѣстѣ съ Нассе задумалъ новую передѣлку политической экономіи Рау, то Виртъ останавливается передъ этимъ изданіемъ (вышли, какъ извѣстно, только два тома, написанные Вагнеромъ) въ справедливомъ недоумѣніи. Вагнеръ, по указа-

нію Шмоллера, консервативенъ и склоненъ къ государственному соціализму, а Нассе, «политически свободный консерваторъ, въ народно-хозяйственномъ отношеніи совсѣмъ либералъ». Какимъ же образомъ два названные ученые могутъ писать общее сочиненіе, развивать общія идеи, цѣльную систему?

Главные представители нѣмецкой экономической науки не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленный Морицомъ Виртовъ вопросъ. Нужно новое ученіе о народномъ хозяйствѣ и пробужденіе бодраго историческаго сознанія. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи могучій толчокъ данъ Родбертусомъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ его воззрѣній, Виртъ долго останавливается на значеніи Рихарда Вагнера, который является, по мнѣнію автора, творцомъ истинно-нѣмецкой музыки. Мы пропускаемъ эти страницы книги. Въ нихъ заключается краткій обзоръ историческаго развитія музыки (оперы преимущественно) и горячо защищаются музыкальныя идеи Вагнера. Виртъ заключаетъ главу, посвященную характеристикѣ геніальнаго композитора, новымъ его сближеніемъ съ княземъ Бисмаркомъ. Они, въ различныхъ областяхъ дѣятельности, имѣютъ общую цѣль: защиту нѣмецкой самобытности (des deutschen Wesens) противъ иноземнаго. Искусство для народа, по отношенію къ его практической дѣятельности, является, физіологически говоря, отдыхомъ отъ труда и для новаго труда. Поэтому чрезвычайно важно знать, каково искусство у даннаго народа, соотвѣтствуетъ ли оно наклонностямъ и дарованіямъ народа, ибо въ случаѣ отрицательнаго отвѣта національныя силы не только не получатъ укрѣпленія и развитія, но и будутъ тратиться безплодно. Съ другой стороны, художественный отдѣлъ возможетъ лишь при существованіи правильной постановки національнаго труда. Въ противоположномъ случаѣ искусство оказалось бы утонченнымъ выраженіемъ извѣстной эгоистической фразы: послѣ насъ хоть потопъ.

Никто такъ хорошо не понялъ, по мнѣнію Морица Вирта, всего значенія совершающагося соціальнаго переворота, какъ Родбертусъ (род. въ 1805 г., умеръ въ 1875 г.).

Авторъ книги превозноситъ этого ученаго за употребленіе, въ качествѣ главнаго научнаго пріема, аналогіи. Принимая развитіе органическаго міра съ клѣточки до человѣка, въ смыслѣ дарвиновскаго эволюціонизма, Родбертусъ, вслѣдствіе невозможности пользоваться въ наукѣ объ обществѣ индукціей, замѣняетъ ее аналогіей съ развитіемъ растеній и животныхъ. Но, замѣтимъ мы, аналогія никогда не можетъ быть поставлена, какъ методъ, на одинаковое мѣсто съ индукціей и дедукціей. Она была и останется хорошимъ вспомогательнымъ пріемомъ, пользованіе которымъ должно быть особенно осмотрительно, ибо comparaison n'est pas raison.

Клѣточкою въ исторіи человѣчества является семья. То, что говоритъ Родбертутъ о развитіи семьи, о національной экономіи классической древ-

ности и т. д., заслуживаетъ большаго вниманія. На русскомъ языкѣ существуютъ два выпуска сочиненія Родбертуса: «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности». Ярославль, 1881 г. (переводъ подъ редакціей проф. Тарасова). Затѣмъ о Родбертусѣ была обстоятельная статья въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, о немъ говоритъ г. Чичеринъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, и къ этому переводу и статьямъ мы отсылаемъ читателя, незнакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ.

Морицъ Виртъ сознается, что Родбертусу не удалось создать новаго ученія о народномъ хозяйствѣ, что онъ лишь намѣтилъ его въ главныхъ чертахъ. Родбертусъ полагаетъ, что наше время служитъ переходомъ къ новой эпохѣ, къ такому государственному строю, когда земля и орудія производства перейдутъ въ руки общества, когда частная собственность получитъ такой же смертельный ударъ, какой получило рабство. Родбертусъ указываетъ на мѣры, посредствомъ которыхъ можно сократить переходное время и облегчить страданія, неразлучно связанныя съ разрушеніемъ стараго и созиданіемъ новаго. Столѣтіе,—говоритъ Родбертусъ,—понадобится для того, чтобы разрѣшить соціальный вопросъ.

Гдѣ же сила, которая можетъ взять на себя руководительство этимъ великимъ историческимъ движеніемъ? Родбертусъ, а за нимъ и Виртъ—видятъ эту силу въ цезаризмѣ. Сходная задача,—говоритъ первый,—была разрѣшена въ Римѣ императорскою диктатурой, отъ Цезаря до Каракаллы, когда званіе римскаго гражданина распространилось на всѣхъ подданныхъ имперіи. Но можно надѣяться на то, что все большее и большее число людей будетъ возставать противъ подобнаго воззванія къ цезаризму. Безконечно лучше,—во всѣхъ отношеніяхъ лучше,—если соціальный вопросъ станетъ получать разрѣшеніе не отъ Каракаллы, а отъ укрѣпившагося чувства справедливости въ людяхъ, отъ развитія личныхъ добродѣтелей и разумныхъ общественныхъ стремленій. Правда, говорятъ, что цезаризмъ не долженъ быть произволомъ, что онъ обязанъ слѣдовать по тому пути, который указываетъ ему новая экономическая наука, что общество, наконецъ, будетъ всѣми силами способствовать великому призванію цезаризма. Но тогда зачѣмъ же нуженъ послѣдній? Цезаризмъ тѣмъ и отличается, что стремится удовлетворить потребностямъ массы вопреки обществу и, главнымъ образомъ, въ собственныхъ интересахъ. Онъ требуетъ поддержки со стороны этой массы въ борьбѣ противъ политической свободы, обѣщая за это улучшеніе экономическаго положенія низшихъ слоевъ населенія.

Само собой разумѣется, что, по мнѣнію Вирта, на долю именно нѣмецкаго народа, именно Гогенцоллернской династіи выпадаетъ честь совершить міровой соціальный переворотъ.

Мы опускаемъ соображенія Вирта о томъ, что міровоззрѣніе Рихарда Вагнера, по скольку оно выразилось въ «Парсивалѣ» и другихъ его произведеніяхъ, должно быть исправлено въ направленіи идей Родбертуса;

но не можемъ не обратить вниманія на вѣрное (хотя, разумѣется, не новое) указаніе на современное положеніе семьи. Семья эта, основная клѣточка общественнаго организма,—какъ любятъ ее называть многіе,—почти не существуетъ въ настоящее время. Теперь дѣти и женщины принимаютъ все большее и большее участіе въ тяжкихъ работахъ на фабрикахъ и заводахъ, и семья становится роскошью, доступной только зажиточнымъ классамъ. Замѣтимъ, что въ этихъ классахъ семья разрушается по другимъ причинамъ. Нормаленъ ли общественный строй, въ которомъ могутъ происходить, почти какъ заурядныя, слѣдующія явленія: въ Ольдгамѣ (Англія), 1 августа нынѣшняго года, женщина выставила на продажу, на рынкѣ, двухъ своихъ дѣтей, сына и дочь. Мальчика купила бездѣтная дама за двадцать копѣекъ (6 пенсовъ), дѣвочку никто не пріобрѣлъ. А несчастная мать говорила: «Мужъ мой умеръ, и я не могу прокормить ее,—возьмите ее хоть за одинъ пенни» *).

Въ очеркѣ Макса Шиппеля, о которомъ мы упомянули въ началѣ замѣтки, заключаются весьма интересныя данныя о развитіи различныхъ отраслей промышленности. Авторъ доказываетъ цифрами, какъ усилилась производительность труда и въ добывающей и въ обрабатывающей промышленности. Въ 1821 году населеніе, занятое въ Англіи земледѣліемъ, равнялось 1.713.289 чел. Черезъ 50 лѣтъ оно сократилось до 1.657.138 чел., количество обрабатываемой земли увеличилось на 20%, а размѣры производства въ еще большемъ отношеніи. Машины представляли собою ручныхъ силъ въ Англіи (съ Ирландіей) въ 1792 году 10 милліоновъ, а въ 1871 году—1.000 милліоновъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно усиливаются промышленные кризисы, и масса рабочихъ остается на нѣкоторое время буквально безъ куска хлѣба. Въ Великобританіи съ 1770 по 1815 годъ былъ 41 хорошій и 5 плохихъ годовъ, съ 1822 по 1860 г.—хорошихъ 20, плохихъ 19, съ 1861 по 1879 г.—хорошихъ 7, плохихъ 12. А между тѣмъ средняя заработная плата во многихъ отрасляхъ производства понижалась. Такъ на ткацкихъ фабрикахъ она съ 14 шиллинговъ (въ недѣлю) въ 1816 году упала до 11 въ промежутокъ времени отъ 1834 до 1844 года. Пятая часть рабочаго населенія современной Англіи живетъ общественною милостыней. Необходимо, чтобы доходъ рабочаго возрасталъ съ возрастаніемъ національной производительности, и государство должно вмѣшаться съ этою цѣлью въ народно-хозяйственныя отношенія. Оно обязано это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ цивилизаціи и самихъ владѣющихъ классовъ.

Къ книгѣ Вирта приложенъ портретъ Родбертуса.

---

*) Мы беремъ это извѣстіе изъ *Русскихъ Вѣд.*, № 221.

Вліяніе природы на развитіе собственности. *Лудвига Феликса* (**Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums.** *Ludwig Felix.* Leipzig. 1883).

Лудвигъ Феликсъ задумалъ написать обширное сочиненіе: «Исторію развитія собственности». За первымъ томомъ должны слѣдовать части, посвященныя вліянію на развитіе собственности, религіи, нравовъ, государственной власти, и т. д.

Значеніе собственности понятно всякому. Нѣкоторые писатели (Lewis H. Morgan: «Ancient Society», 1877) утверждаютъ даже, что началомъ своимъ цивилизація обязана страстному стремленію къ собственности, которое преодолѣло другія страсти. Феликсъ замѣчаетъ: если способность къ труду, прилежаніе, самообладаніе, бережливость, умѣренность являются добродѣтелями въ особенности тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ имущество, то благородное благожелательство, поощреніе искусствъ и наукъ, спокойная увѣренность составляютъ отличительные признаки людей, которые обладаютъ уже имуществомъ. Въ интересахъ жизненнаго ритма человѣчества (Rhythmus des Lebens der Menschheit), говоритъ нѣмецкій писатель, необходимо поэтому, чтобы рядомъ съ имущими существовали стремящіеся къ пріобрѣтенію имущества.

Собственность—и, слѣдовательно, понятіе о ней—подвергалась и подвергается историческому развитію. И теперь существуютъ еще племена, лишенныя этого понятія (многіе австралійскіе народцы). Первоначальною собственностію были движимыя вещи, предметы необходимости; земля становится предметомъ собственности значительно позднѣе.

Низкая степень умственнаго развитія такъ-наз. естественныхъ (дикихъ) народовъ (Naturvölker) обусловливала медленное развитіе собственности. Неспособность считать вела къ тому, что стремленіе владѣть предметами было ограниченно. Трудно было настойчиво добиваться двѣнадцати, напримѣръ, вещей, когда дикарь не могъ счесть болѣе пяти и не имѣлъ, слѣдовательно, возможности ясно и отчетливо отличить одиннадцать отъ двѣнадцати. Точно то же происходитъ и вслѣдствіе первоначальной неспособности точно измѣрять время, цѣнить продолжительность труда. Для дикаря счастье заключалось въ сытомъ бездѣйствіи и работа была для него страданіемъ. Поэтому-то латинское laboro значило и работаю, и страдаю. То же обозначалось въ древне-нѣмецкомъ языкѣ словомъ Arbeit, и т. д. Готтентота можетъ побудить къ труду только сильный голодъ. Многіе полинезійцы проводятъ жизнь почти въ безусловной праздности. На островѣ Суматрѣ батасы предаются полному бездѣйствію, заставляя работать женщинъ, и т. п. Если присоединить къ этому свойству отсутствіе нравственнаго развитія, твердыхъ представленій о справедливомъ, непредусмотрительность, то хаотическое состояніе хозяйства дикихъ и полудикихъ народовъ станетъ совершенно понятно. У такихъ народовъ нѣтъ собственности.

Феликсъ дѣлаетъ довольно обстоятельный очеркъ естественныхъ условій различныхъ частей свѣта и приходитъ къ лишенному всякой оригинальности заключенію, что природа, климатъ и т. п. вліяютъ на человѣка вообще и на его хозяйство въ частности. Но природныя особенности человѣка, наслѣдственно передаваемыя, имѣютъ еще большее вліяніе,—говоритъ Феликсъ въ заключеніе слѣдующей главы,—на развитіе собственности. Такъ какъ все мѣняется, все растетъ или умаляется на землѣ, то и *цѣнность* предметовъ собственности, по мнѣнію автора, является относительною, чисто идеальнымъ мѣриломъ.

Книга Феликса свидѣтельствуетъ объ его начитанности, но толку въ ней очень немного.

Статистика новаго времени. *Кольба* (**Statistik der Neuzeit.** *G. Fr. Kolb.* 1883. I. Lieferung).

Въ первомъ выпускѣ новаго труда Кольба заключаются статистическія данныя о Германіи, Австро-Венгріи и Франціи.

Населеніе Германіи равнялось въ 1880 году (съ Эльзасомъ и Лотарингіей)—45.234.061 (въ 1875 г.—42.727.360). Изъ этого числа протестантовъ 62.39%, католиковъ 36.18%, остальные принадлежатъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ 1881 году изъ 151.331 рекрутъ не прошли начальной школы только 2.332 (1.51%). Въ Германіи существовало (въ 1880 году) 390 гимназій и 20 университетовъ, изъ которыхъ (въ 1882 г.) въ Берлинскомъ университетѣ было 3.900 студентовъ, въ Лейпцигѣ — 3.111, въ Мюнхенѣ — 2.017, въ Бреславлѣ—1.532, въ остальныхъ менѣе. Періодическихъ изданій въ 1881 г. выходило въ Германіи 4.398.

Населеніе Австро-Венгріи (1881) опредѣляется въ 37.839.392 ч. По вѣроисповѣданіямъ оно представляетъ большое разнообразіе, не говоря уже о племенномъ составѣ.

Въ десяти австро-венгерскихъ университетахъ въ 1880—81 году находилось 10.201 студ. Народныхъ школъ было 15.479 въ Цислейтаніи и 15.824 въ Трансслейтаніи. Повременныхъ изданій въ первой половинѣ имперіи выходило 1.121, во второй—558.

Населеніе Французской республики (послѣ насильственнаго отторженія Эльзаса-Лотарингіи, гдѣ въ 1880 г. было 1.566.670 жителей) пріостановилось въ своемъ развитіи и равнялось (1881) 37.672.048 ч. (громадное большинство католическаго вѣроисповѣданія). Въ 1876 году было 71.547 начальныхъ школъ, въ томъ числѣ 9.352 безплатныхъ. Страна употребляетъ напряженныя усилія, чтобъ исправить въ этомъ отношеніи упущенія и ошибки. Въ 1827 году изъ ста рекрутъ умѣло читать только 42, а въ 1879 году—85. Въ 1880 году цифра начальныхъ школъ поднялась до 73.764, въ томъ числѣ свѣтскихъ 53.800 (учителей—45.153, учительницъ—25.263). Въ 19.964 школахъ духовенства трудн-

лось 10.029 учителей и 39.125 учительницъ. Дѣтей въ нихъ было 1.804.653 (въ свѣтскихъ—3.144.938). Повременная печать къ 1881 году имѣла 2.968 изданій (въ томъ числѣ въ одномъ Парижѣ 1.316). Республиканскія изданія расходились ежедневно въ 1.486.015 экземплярахъ, консервативныя и реакціонныя въ 476.705 экз.

Мы приведемъ теперь нѣсколько цифръ другого рода, которыя могутъ привести въ ужасъ каждаго размышляющаго человѣка.

Германская армія, на военномъ положеніи, равняется 1.456.677 солд. и 35.427 офиц. Содержаніе арміи стоило въ 1872 году — 266.784.722 марки (кромѣ того особыя издержки—68.222.110); черезъ десять лѣтъ войско поглотило уже 342.211.631 м. (не считая единовременно затраченныхъ 51.435.733). Расходы на флотъ колебались между 11.373.558 и 39.051.913 марками. Всѣ же расходы имперіи въ 1881—82 году равнялись 593.352.400. Читатель видитъ, какое *«культурное»* значеніе имѣетъ Гогенцоллернская монархія. Тяжкая рука милитаризма давитъ и другія государства, которымъ приходится вооружаться съ головы до ногъ въ виду превратившейся въ казарму Германіи. Франція принуждена расходовать на армію и флотъ болѣе 800.000.000 франковъ. Эта несчастная страна, благодаря развратному произволу второй имперіи, испытала тяжкія потери и горькія униженія. Кольбъ вычисляетъ денежныя потери Франціи въ войну 1870—71 гг., съ ея послѣдствіями, въ 14.456 милліоновъ франковъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что давно уже осуществлена,—и прекращенія ея не предвидится,—самая нелѣпая и возмутительная изъ утопій: масса населенія бѣднѣетъ, голодаетъ, вырождается въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, а послѣдніе гроши, добываемые народомъ, расточаются на приготовленіе къ исполинскому истребленію людей, во имя національныхъ интересовъ и государственныхъ основъ. Еслибы только въ теченіе десяти лѣтъ тѣ безумныя суммы, которыя идутъ теперь на дисциплинированье «пушечнаго мяса», были употребляемы на народное образованіе, еслибы милліоны людей, въ цвѣтѣ лѣтъ, вмѣсто того, чтобы маршировать, прицѣливаться и скакать, занялись въ этотъ же промежутокъ времени честнымъ и производительнымъ трудомъ,—Европа испытала бы благотворнѣйшій переворотъ. Но именно предположеніе объ изгнаніи безумія милитаризма и составляетъ въ настоящее время величайшее безуміе.

В. Гольцевъ.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

3 2044 015 516 735

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
OCT 3 1 1983
7975511
CANCELLED
OCT 24 1983

DNOF 10-21

WIDENER
DEC 23 1983
CANCELLED

STALL-STUDY
CHARGE